

К 2000-ЛЕТИЮ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Православная
Энциклопедия

XI

Рождество Христово.
Икона. XII в. (мон-ръ вми, Екатерины на Синае)

ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Под редакцией
Патриарха Московского и всея Руси
Кирилла

Том XL
ЛАНГТОН — ЛИВАН

Церковно-научный центр
«ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Наблюдательный совет по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Председатель совета —
Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

Варсонофий,
Митрополит Санкт-Петербургский
и Ладожский,
Управляющий делами МП РПЦ
С. Б. Иванов,
Руководитель Администрации
Президента РФ
С. В. Лавров,
Министр иностранных дел РФ
Д. В. Ливанов,
Министр образования
и науки РФ
В. Р. Мединский,
Министр культуры РФ

С. Е. Нарышкин,
Председатель
Государственной Думы
Федерального Собрания РФ,
Председатель
Общественного совета
Н. А. Никифоров,
Министр связи и массовых
коммуникаций РФ
Павел,
Митрополит
Минский и Заславский,
Патриарший Экзарх
всея Белоруссии

С. Э. Приходько,
Заместитель Председателя
Правительства РФ
С. С. Собянин,
Мэр Москвы, Председатель
Попечительского совета
В. Е. Фортков,
Президент
Российской академии наук
Ювеналий,
Митрополит
Крутицкий и Коломенский
С. Л. Кравец,
ответственный секретарь

Попечительский совет по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Председатель совета —
Сергей Семенович Собянин, Мэр Москвы

А. И. Акимов,
Председатель
правления
«Газпромбанка»
(Акционерное общество)
В. А. Асирян,
Генеральный директор
фирмы «Теплоремонт»
Д. А. Барченков,
Председатель
Совета директоров холдинга
«Шёлковский»
В. Ф. Вексельберг,
Председатель Совета директоров
группы компаний
«Ренова»
А. Ю. Воробьёв,
Губернатор Московской области

А. Н. Гурбенко,
Заместитель Мэра Москвы
в Правительстве Москвы по вопросам
региональной безопасности
и информационной политики
Г. О. Греф,
Президент ОАО «Сбербанк России»
О. В. Дерипаска,
Председатель
Наблюдательного совета
компании «Базовый Элемент»
М. В. Ковтун,
Губернатор Мурманской области
Г. В. Солдатенков,
Президент-Председатель
правления ОАО «Банк Москвы»
Н. И. Меркушкин,
Губернатор Самарской области

Г. С. Полтавченко,
Губернатор
Санкт-Петербурга
М. В. Сеславинский,
Руководитель
Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
В. П. Шанцев,
Губернатор
Нижегородской области
Ю. Е. Шеляпин,
Президент ЗАО «Эко-Тепло»
В. В. Черников,
Руководитель департамента
национальной политики,
межрегиональных связей и туризма
Правительства Москвы,
ответственный секретарь

Ассоциация благотворителей при Попечительском совете по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

А. К. Галенко,
Генеральный директор
ООО «Стрибог»
В. Н. Коромысличенко,
Генеральный директор
ЗАО «Эмпауэр»
С. М. Линович,
Президент ООО «Учебная книга»

А. Н. Палазник,
Председатель правления
Группы компаний РТ
В. Н. Токарев,
Заместитель
Генерального директора
по производству
ЗАО Фирма «ЭПО»

В. И. Тюхтин,
Президент Группы компаний «Вита»
А. И. Хромотов,
Генеральный директор
ООО «ДИТАРС»
О. Ю. Ярцева,
Генеральный директор
ООО «К. Л. Т. и К°»

Общественный совет по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Председатель совета —

Сергей Евгеньевич Нарышкин, Председатель Государственной Думы Федерального Собрания РФ

П. П. Александров-Деркаченко,
Председатель Московского общества
истории и древностей Российских

Н. И. Булаев,

Член Комитета
Совета Федерации ФС РФ
по науке, образованию и культуре

С. С. Говорухин,

Председатель Комитета
Государственной Думы
Федерального Собрания РФ
по культуре

А. Н. Дегтярёв,

О. Б. Добродеев,

Генеральный директор ВГТРК

А. Д. Жуков,

Первый заместитель Председателя
Государственной Думы
Федерального Собрания РФ

В. И. Кожин,

Помощник
Президента РФ

А. В. Логинов,

Заместитель руководителя
Аппарата Правительства РФ

С. В. Михайлов,

Генеральный директор ИТАР—ТАСС

Ю. С. Осипов,

Действительный член Российской
академии наук

А. Е. Петров,

Начальник Аналитического управления
Аппарата Государственной Думы
Федерального Собрания РФ,
ответственный секретарь

Российского исторического общества

В. М. Платонов,

Депутат Московской городской Думы

С. А. Попов,

Первый заместитель
руководителя фракции

«Единая Россия»,

член Комитета Государственной Думы
по обороне

Ю. М. Соломин,

Художественный руководитель
Академического

Малого театра

А. В. Торкунов,

Ректор

Московского

государственного института
международных отношений
МИД РФ

А. П. Торшин,

Статс-секретарь,
заместитель Председателя
ОАО «Банк России»

М. Е. Швыдкой,

Специальный представитель
Президента РФ

по международному

культурному

сотрудничеству

П. В. Хорошилов,

Ответственный секретарь

При подготовке тома научно-информационную поддержку ЦНЦ «Православная энциклопедия» оказали:

Московская Православная Духовная Академия, Санкт-Петербургская Православная Духовная Академия, Московский государственный университет, Институт российской истории РАН, Институт всеобщей истории РАН, Институт славяноведения РАН, Институт востоковедения РАН, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Российский православный университет св. Иоанна Богослова, Свято-Троицкая Джорданвиллская Духовная Семинария РПЦЗ, Латвийская Православная Церковь, Троице-Сергиева лавра, Киево-Печерская лавра, Оптиная пустынь, Церковно-археологический кабинет МДА, Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, Издательский Совет РПЦ, Государственный архив Российской Федерации, Библиотека РАН, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы, Научная библиотека Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Российская государственная библиотека, Российская национальная библиотека, Научная библиотека Государственного музея искусства народов Востока, Филиал научной библиотеки Российской Академии Художеств, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», Государственный исторический музей, Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль», Государственный музей истории религии, Государственный Русский музей, Государственная Третьяковская галерея, Государственный Эрмитаж, Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Муромский историко-художественный музей, Национальный центр рукописей Грузии, Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва, Комитет по связям с религиозными организациями Правительства Москвы, Московский государственный университет печати.

При подготовке тома оказали содействие в предоставлении иллюстраций — Н. Р. Жабер, Я. Э. Зеленина, М. В. Зубова, священник Игорь Палкин, архимандрит Иоанн (Сичевский), Н. И. Комашко, иеромонах Леонид (Конев), Л. Л. Полушкина, иерей Роман Заяц, А. Л. Хосроев.

Церковно-научный совет по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Председатель совета —
Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

З. Д. Абашидзе, глава
представительства ЦНЦ
«Православная энциклопедия»
в Грузии
Амвросий, архиеп. Петергофский,
ректор Санкт-Петербургских
Духовных Академии
и Семинарии
Антоний, митр.
Бориспольский и Броварской,
управляющий делами
Украинской Православной Церкви
С. С. Аревшатян, директор
Института древних рукописей
«Матенадаран»
имени Месропа Маштоца
Арсений, митр. Истринский,
Председатель
Научно-редакционного совета
по изданию
Православной энциклопедии
А. Н. Артизов, директор
Федерального архивного агентства
Афанасий, митр. Киринский,
Александрийский Патриархат,
Кипрская Православная Церковь
Владимир Воробьев, прот., ректор
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета,
глава Свято-Тихоновского
представительства
ЦНЦ «Православная энциклопедия»
Е. Ю. Гагарина, директор
Государственного
историко-культурного
музея-заповедника
«Московский Кремль»
Георгий, митр.
Нижегородский и Арзамасский,
глава Нижегородского
представительства
ЦНЦ «Православная энциклопедия»

Герман, митр.
Волгоградский и Камышинский,
глава Волгоградского
представительства
ЦНЦ «Православная энциклопедия»
В. А. Гусев, директор ФГУК
«Государственный Русский музей»
Евгений, архиеп. Верецкий,
ректор Московских Духовных
Академии и Семинарии,
Председатель
Учебного комитета Московского
Патриархата
Иларион, митр. Волоколамский,
Председатель Отдела внешних
церковных связей
Московского Патриархата
Иоанн, митр.
Белгородский и Старооскольский,
Председатель
Миссионерского отдела
Московского Патриархата
С. П. Карпов, Президент
исторического факультета
Московского государственного
университета
Климент, митр.
Калужский и Боровский,
Председатель
Издательского совета
Русской Православной Церкви
А. К. Левыкин, директор
Государственного исторического музея
А. П. Либеровский, директор
Исторического архивного бюро,
Православная Церковь
в Америке
А. В. Лихоманов, директор ФГБУ
«Российская национальная
библиотека»
Макарий, митр. Кенийский,
Александрийский Патриархат

С. В. Мироненко, директор
Государственного архива РФ
Михаил Наджим, прот.,
Антиохийский Патриархат
А. В. Назаренко, председатель
Научного совета РАН
«Роль религий в истории»
Пантелеимон, митр. Оулуский,
Православная автономная Церковь
в Финляндии
М. Б. Пиотровский, директор
Государственного Эрмитажа
Г. В. Попов, директор
Центрального музея
древнерусской культуры и искусства
имени Андрея Рублёва
В. А. Садовничий, ректор
Московского государственного
университета
Г. Ф. Статис, профессор
Афинского университета
В. Стойковски, ректор
Университета
святых Кирилла и Мефодия в Скопье
Тихон, митр.
Новосибирский и Бердский,
глава Новосибирского
представительства
ЦНЦ «Православная энциклопедия»
Тихон, еп. Егорьевский,
ректор Сретенской Духовной
Семинарии
В. В. Фёдоров, президент
Российской государственной
библиотеки
В. С. Христофоров, начальник
Управления регистрации
и архивных фондов ФСБ России
А. О. Чубарьян, директор
Института всеобщей истории РАН
С. Л. Кравец, ответственный
секретарь

Представительства и координаторы Церковно-научного центра
«ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Армянское (С. С. Аревшатян, академик), Белорусское (Г. Н. Шейкин), Болгарское (игум. Филипп (Васильцев)),
Волгоградское (А. В. Дубаков, канд. ист. наук), Грузинское (З. Д. Абашидзе, канд. ист. наук), Костромское (Н. А. Зонтиков, канд. ист. наук),
Македонское (Велимир Стойковски), Нижегородское (А. И. Стариченков), Новосибирское (прот. Борис Пивоваров, магистр богословия),
ПСТГУ, Римское, Санкт-Петербургское (А. И. Алексеев, канд. ист. наук), Свято-Троицкая Духовная Семинария РПЦЗ (диака. Андрей Царев),
Сербское (прот. Виталий Тарасьев)

Научно-редакционный совет по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Председатель совета — **Арсений, митрополит Истринский**
Заместитель Председателя совета — **С. Л. Кравец**

игум. Андроник (Трубачёв), канд.
богословия (редакция Истории Русской
Православной Церкви)
прот. Валентин Асмус, магистр
богословия (редакция Восточных
христианских Церквей)
Л. А. Беляев, д-р ист. наук
(редакция Церковного искусства
и археологии)
прот. Владимир Воробьёв
(редакция Истории Русской Православной
Церкви)
прот. Леонид Грилихес
(редакция Священного Писания)
прот. Олег Давыденков, д-р богословия
(редакция Восточных христианских
Церквей)
игум. Дамаскин (Орловский)
(редакция Истории Русской Православной
Церкви)
О. В. Дмитриева, д-р ист. наук
(редакция Протестантизма)

М. С. Иванов, д-р богословия
(редакция Богословия)
А. Т. Казарян, д-р философии
(редакция Богословия)
Н. В. Квливидзе, канд. искусствоведения
(редакция Церковного искусства
и археологии)
прот. Максим Козлов, канд. богословия
(редакция Истории Русской
Православной Церкви)
Ю. А. Лабынцев, д-р филол. наук
(редакция Поместных Православных
Церквей)
И. Е. Лозовая, канд.
искусствоведения
(редакция Церковной музыки)
архим. Макарий (Веретенников),
д-р церковной истории (редакция
Истории Русской Православной Церкви)
А. В. Назаренко, д-р ист. наук
(редакция Истории Русской Православной
Церкви)

архим. Платон (Игумнов), магистр
богословия (редакция Богословия)
прот. Сергей Правдолюбов, магистр
богословия (редакция Литургики)
Н. В. Синицына, д-р ист. наук
(редакция Истории Русской Православной
Церкви)
К. Е. Скурат, д-р церковной истории
(редакция Поместных Православных
Церквей)
А. А. Турилов, канд. ист. наук
(редакция Истории Русской Православной
Церкви)
Б. Н. Флоря, чл.-кор. РАН
(редакция Истории Русской Православной
Церкви)
прот. Владислав Цыпин,
д-р церковной истории
(редакция Истории Русской Православной
Церкви и редакция Церковного права)
прот. Владимир Шмалый,
канд. богословия (редакция Богословия)

Церковно-научный центр
«ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Руководитель — **С. Л. Кравец**

Научные редакции:
Богословия,
Церковного права
и патрологии

Л. В. Литвинова, Е. В. Барский,
свящ. Дмитрий Артёмкин,
М. В. Никифоров, Е. А. Пилипенко,
Д. В. Смирнов

Выпускающая
редакция:

Л. В. Барбашова (ответственный секретарь)
Т. Д. Волоховская, Е. В. Никитина, Ю. М. Развязкина,
Е. К. Солоухина, А. Н. Фомичёва
И. В. Кузнецова, Т. А. Колесникова, Н. В. Кузнецова,
А. А. Сурина (группа компьютерного набора
и верстки)
Т. М. Чернышёва (картограф)
Л. М. Бахарева, Т. В. Евстегнеева, Н. К. Егорова,
А. Е. Доброхотова, О. Н. Никитина
(корректорская группа)
И. П. Кашникова, Д. П. Сафронова, О. В. Хабарова
(группа транскрипции)
мон. Елена (Хиловская), А. Л. Мелешко,
В. С. Назарова, О. В. Руколь
(справочно-библиографическая группа)
С. Г. Мереминский, Е. Г. Волоховская, А. А. Грезнева,
Е. В. Гуцина, Ю. В. Иванова, Т. С. Павлова,
А. В. Русанов (группа информации и проверки)
В. Н. Шишкова, Н. Н. Ларина, А. Г. Перкина
(информационно-библиотечная группа)
А. С. Зверев, М. И. Ачкасова, Ю. М. Бычкова,
А. Ю. Горчакова, А. М. Кузьмин, Л. Б. Максимова,
Т. Ю. Облицова, Ю. А. Романова (группа подбора
иллюстраций и фототека)
О. В. Мелихова, В. В. Растворова (электронная
версия)
свящ. Павел Конотопов, А. В. Кузнецов
(служба компьютерного и технического обеспечения)
Н. В. Колобина (производственно-полиграфическая
служба)

Священного Писания

К. В. Неклюдов, М. Г. Калинин, А. Е. Петров

Литургики

А. А. Ткаченко, Е. Е. Макаров

Церковной музыки

С. И. Никитин

Церковного искусства
и археологии

Э. В. Шевченко, С. П. Заиграйкина,
А. А. Климова, М. А. Маханько, Е. В. Орлова

Агиографии Восточных
христианских Церквей

О. В. Лосева, О. Н. Афиногенова,
А. Н. Крюкова

Истории Русской
Православной Церкви

Е. В. Кравец, М. В. Печников, В. Г. Пидгайко,
Е. В. Романенко, Д. Б. Кочетов,
А. А. Лыманов, Д. Н. Никитин,
М. Э. Михайлов, В. А. Шишкова

Восточных
христианских Церквей

И. Н. Попов, Л. В. Луховицкий, С. А. Моисеева

Поместных
Православных Церквей

Н. Н. Крашенинникова, В. С. Мухин,
М. М. Розинская

Латинская

Н. И. Алтухова, А. А. Королёв, В. В. Тюшагин,
Е. А. Заболотный

Протестантизма
и религиоведения

И. Р. Леоненкова, А. М. Соснина

Страноведения

В. М. Хусаинов

Административная группа: **Е. Б. Братухина, О. Л. Данова, Е. Б. Колубин, С. Н. Кузина, А. В. Милованова, Т. П. Соколова, А. Б. Тимошенко,**
Е. Е. Тимошенко
Пресс-группа: **А. М. Лотменцев, О. В. Владимирцев, А. С. Хоняк**

ЛАНГТОН [англ. Langton] Стефан (ок. 1150, Лангтон-бай-Рабби, графство Линкольншир — 9.07.1228, Слиндон, ныне графство Зап. Суссекс), англ. церковный деятель, кард. (с 1206), архиеп. Кентерберийский (с 1207), католич. богослов, экзегет. О происхождении Л. и его жизни до возведения в достоинство кардинала сохранились немногочисленные сведения. Он был сыном небогатого рыцаря из графства Линкольншир Генриха Лангтона. Его брат (вероятно, старший) Вальтер († 1234) также был рыцарем и ок. 1211–1218 гг. участвовал в *крестовых походах* против *альбигойцев*. Младший брат Симон († 1248) избрал духовную карьеру и учился во Франции. Начальное образование Л., по-видимому, получил в школе при кафедральном соборе Линкольна. К кон. XII в. Линкольн стал одним из главных центров учености в Англии, но о предшествующем периоде истории школы там почти ничего не известно. Возможно, еще в Линкольне Л. познакомился с известными англ. церковными писателями *Гиральдом Камбрийским* (ок. 1146–1223) и Радульфом Чёрным († после 1199), а также с Гальфридом Плантагенетом, незаконным сыном англ. кор. Генриха II (1154–1189), вполн. архиепископом Йоркским (1189–1212), однако прямых доказательств этому нет (*Vincent N. Stephen Langton, Archbishop of Canterbury // Étienne Langton. 2010. P. 71–73*).

Считается, что ок. 1165–1170 гг. Л. отправился учиться в Париж. Достоверно неизвестно, кто были его наставники, но сочинения Л. обнаруживают значительное сходство с трудами *Петра Кантора* († 1197) и богословов, по определению М. Грабманна, т. н. библейско-

моральной школы (*Grabmann M. Geschichte der scholastischen Methode. Freiburg i. Br., 1911. Bd. 2. S. 476–501*). Существует предположение, что Л. мог учиться у *Петра Коместора* († ок. 1178). После завершения обучения Л. стал преподавать богословие в Париже (с кон. 70-х или нач. 80-х гг. XII в.) и в качестве пребенды получил одну из парижских церквей, хотя и неясно, какую именно (*Quinto. 1994. P. 33–35*). К 1200 г. Л. либо благодаря знакомству с архиеп. Гальфридом Йоркским, либо по протекции папы Римского *Иннокентия III* (1198–1216), который тоже учился в Париже, стал каноником кафедрального собора в Йорке. Встречающееся в лит-ре утверждение, что Л. был ректором Сорбонны, ошибочно.

Среди учеников Л. были буд. англ. прелаты Генрих из Сандфорда, еп. Рочестера (1227–1235), Александр из Стейнсби, еп. Ковентри и Личфилда (1224–1238), Ричард Пур, еп. Чичестера (1215–1217), Солсбери (1217–1228) и Дарема (1229–1237), Томас из Марлборо, аббат Ившема (1229–1236). Возможно, у Л. также учились Андерс Сунесен, архиеп. Лунда (1201–1224), и Бернард II, архиеп. Сантьяго-де-Компостела (1224–1237). Учеником Л. был и магистр Гварин, один из осужденных в 1210 г. еретиков-амальрикан (см. ст. *Амальрик Бенский*). По свидетельству Цезария Гейстербахского, среди парижских богословов, участвовавших в выявлении этой ереси, был и некий «магистр Стефан», к-рого традиционно отождествляют с Л. (*Thijssen J. M. M. H. Master Amalric and the Amalricans: Inquisitorial Procedure and the Suppression of Heresy at the University of Paris // Speculum. Camb., 1996.*

Vol. 71. P. 55–57). По-видимому, уже в парижский период Л. стал известен как проповедник. От современников он получил прозвище *Громовой Язык* (лат. *Lingua Tonante*), основанное, вероятно, на созвучии с его родовым прозвищем (*Roberts. 1968*).

В 1206 г. папа Иннокентий III вызвал Л. в Рим и возвел его в достоинство кардинала-пресвитера с титулярным рим. храмом Сан-Кризогоно. О причинах возвышения Л. достоверно неизвестно. Папа Иннокентий III учился в Париже до сер. 80-х гг. XII в. и несомненно знал Л., но встречающиеся в лит-ре утверждения об их личной дружбе не имеют подтверждений в источниках. Возможно, Л. в Риме преподавал в школе, основанной Иннокентием III при базилике Сан-Джованни-ин-Латерано. Согласно др. гипотезе, получение Л. достоинства кардинала было частью плана по его возведению на кафедру Кентербери, оставшуюся вакантной после смерти архиеп. Губерта Вальтера (13 июля 1205). Выборы его преемника происходили в обстановке ожесточенного противостояния различных партий, избранные кандидатуры неск. раз отклонялись после апелляций в Рим. В кон. 1206 г. прибывшая к Папскому престолу небольшая делегация кентерберийских монахов по прямой рекомендации папы Иннокентия III избрала архиепископом Л. Его кандидатура вызвала резкое неприятие со стороны англ. кор. Иоанна Безземельного (1199–1216). В письме папе Римскому он указывал, что Л. неизвестен в Англии и слишком долго жил во владениях врага — франц. кор. *Филиппа II Августа* (1180–1223). Однако Иннокентий III отказался принять эти

возражения и 17 июня 1207 г. совершил в Витербо епископскую хиротонию Л. В ответ кор. Иоанн Безземельный запретил Л. въезд в Англию и объявил изменником каждого, кто признавал его архиепископом. Репрессиям подверглась семья Л.: отец вынужден был бежать в Шотландию, где скончался, брат Вальтер, вероятно, тогда же отправился на континент.

Пребывая в изгнании, Л., по-видимому, стремился подражать своему предшественнику на Кентерберийской кафедре католич. св. Фоме Бекету, которого глубоко почитал. В частности, как и Фома Бекет, Л. некоторое время жил в цистерцианском аббатстве Понтињи в Бургундии. О деятельности Л. в этот период сохранились лишь отрывочные сведения. В окт. 1209 г. в Мелёне он рукоположил Гуго из Уэльса во епископа Лондонского, в 1210 г. участвовал в улаживании конфликта между горожанами и епископом г. Камбре (Сев. Франция), в 1211 г. в парижском мон-ре Сен-Виктор присутствовал на похоронах влиятельного англ. барона Вильгельма де Бриуза, также жившего в изгнании из-за разногласий с англ. королем. Ок. 1210–1213 гг. Л. вместе с др. парижским богословом англ. происхождения, кард. Робером де Курсоном († 1219), совершил поездку по Фландрии, проповедуя против ростовщичества.

Из-за отказа принять Л. папа Иннокентий III наложил на Англию *интердикт* (24 марта 1208), а затем отлучил от Церкви кор. Иоанна Безземельного (нояб. 1209). Осенью 1213 г. англ. король, столкнувшись с оппозицией части баронов и опасаясь вторжения в Англию франц. кор. Филиппа II Августа, которому папа Римский формально передал права на англ. престол, пошел на уступки. В нач. 1213 г. его представители, прибывшие в Рим, приняли все условия папы. Англ. король согласился принять Л. и др. изгнанных священнослужителей, выплатить им компенсацию, передать Л. владения Кентерберийской кафедры, к-рые он самовольно удерживал. Иоанн Безземельный признал себя вассалом папы Римского и обязался выплачивать ежегодную подать в 1000 марок серебром. После того как король в присутствии папского представителя субдиака Пандульфа принял все условия (13 мая 1213), Л. смог при-

Стефан Лангтон,
архиеп. Кентерберийский.
Витраж в зале капитула
в кафедральном соборе
в г. Кентербери. XX в.

быть в Англию (9 июля). 20 июля в Уинчестере он снял отлучение с кор. Иоанна Безземельного.

Положение Л. как примаса Английской Церкви осложнялось присутствием в стране папского легата (с сент. 1213) кард. Никколо де Романиса, контролировавшего большинство назначений на епископские кафедры. Так, в 1215 г. Л. пытался добиться избрания своего брата Симона (получившего к тому времени пре-

Подписание
кор. Иоанном Безземельным
Великой хартии вольностей.
Скульптура. 70–90-е гг. XIX в.
(музей Чертси, Великобритания)

бенды в капитулах Лондона и Йорка) архиепископом Йоркским, но его кандидатуру отклонил папа Римский.

Окончившийся провалом поход Иоанна Безземельного против кор.

Филиппа II Августа (февр.—сент. 1214) вызвал серьезный политический кризис в Англии. Большинство англ. баронов выступили с протестом против нового повышения налогов и потребовали от короля уступок. После короткого военного конфликта Иоанну Безземельному пришлось принять их условия; был подписан документ, получивший название Великая хартия вольностей (15 июня 1215). Роль Л. в этом конфликте не вполне ясна; вероятнее всего, он пытался стать посредником между королем и мятежными баронами. Чрезвычайно дискуссионным остается вопрос о влиянии архиепископа на создание положений Великой хартии вольностей. Ряд ее формулировок обнаруживает явные параллели с содержащимися в сочинениях Л. идеями, в т. ч. о праве подданных на сопротивление тирании монарха. Однако сходные формулировки встречаются и у др. богословов и юристов кон. XII — нач. XIII в. Согласно хронисту 1-й пол. XIII в. Роджеру де Вендоверу, именно Л. обнаружил в кентерберийских архивах и представил баронам коронационную грамоту кор. Генриха I (1100), ставшую образцом для Великой хартии вольностей и ее основой (Roger de Wendover. 1841–1844. Vol. 3. P. 263–266, 293–294). Но текстологический анализ свидетельствует, что составители Великой хартии вольностей использовали не кентерберийскую, а лондонскую версию грамоты Генриха I (Holt. 1992. P. 223–226, 406–411). Сопоставление окончательного текста Великой хартии вольностей и ее предварительных вариантов («Баронские статьи» и «Неизвестная грамота») свидетельствует в пользу того, что Л. принял активное участие лишь в заключительной стадии переговоров. Вероятно, именно по его инициативе к Великой хартии вольностей была добавлена 1-я статья, гарантировавшая свободу и привилегии Английской Церкви, включая право свободного выбора епископов и аббатов (Carpenter. 2011).

Подписание Великой хартии вольностей не завершило политический кризис. Не доверяя королю, Л. отказался передать ему стратегически важный Рочестерский замок и (вопреки приказу папы, который был издан еще до подписания Великой хартии вольностей) подвергнуть отлучению мятежных баронов. Этот

отказ дал повод сторонникам короля Пьеру де Рошу, еп. Уинчестера (1205–1238), и папскому посланнику Пандульфу (с 1215 епископ Нориджа) объявить об отстранении Л. от обязанностей архиепископа. Л. отправился в Рим, однако из-за запрета на служение оказался там практически в полной изоляции и не принял участие в *Латеранском IV Соборе* (11–30 нояб. 1215). Возможно, уже в нач. 1216 г. он был формально восстановлен в правах архиепископа, но лишь весной 1218 г. получил от папы Римского *Гонория III* (1216–1227) разрешение вернуться в Англию. О его деятельности в период 2-го изгнания практически ничего не известно; существуют косвенные свидетельства, что он некоторое время преподавал в Париже.

В Англии после смерти кор. Иоанна Безземельного (19 окт. 1216) трон наследовал его малолетний сын Генрих III (1216–1272), регентом при нем стал Вильгельм Маршал, гр. Пембрука († 1219); заметными фигурами в политической жизни были также юстициарий Губерт де Бург († 1243), Пьер де Рош, еп. Уинчестера, и папский легат кард. Гуала Биккьери († 1227). По-видимому, возвращение Л. в Англию было связано с болезнью гр. Вильгельма Маршала, также в это время завершились легатские полномочия кард. Г. Биккьери (осенью 1218 его сменил на этом посту Пандульф, еп. Нориджский). В первые годы после возвращения в Англию Л. играл второстепенную роль в гос. управлении, занимаясь гл. обр. церковными делами. В 1219 г. он входил в комиссию по расследованию посмертных чудес Гуго, еп. Линкольна († 1200; 18 февр. 1220 канонизирован папой *Гонорием III*). Много внимания Л. уделял подготовке празднования юбилея мученической смерти Фомы Бекета, назначенного (в соответствии с ветхозаветным толкованием понятия «юбилей») на 7 июля 1220 г. В связи с этим была сооружена новая гробница Фомы Бекета и расширен архиепископский дворец в Кентерберии. В том же году (17 мая) Л. повторно короновал Генриха III в Вестминстерском аббатстве (его 1-ю коронацию из-за вторжения в страну французского принца Людовика (впосл. кор. Людовик VIII) и изгнания архиепископа Кентерберийского совершил в Глостере 28 окт. 1216 кард. Г. Биккьери в со-

служении нескольких английских епископов).

Осенью 1220 г. Л., взяв с собой частицу мощей Фомы Бекета, отправился в Рим и смог добиться от папы прекращения легатских полномочий еп. Пандульфа. Папа также обещал Л., что при его жизни в Англию больше не будет назначаться легатами иностранные прелаты. Вместе с тем Л. не смог получить разрешение на возвращение в Англию своего брата Симона, ранее состоявшего на службе у франц. короля и поддерживавшего права на англ. престол франц. принца Людовика.

Летом 1221 г. вернувшись в Англию, Л. впервые стал действовать как полноправный примас Английской Церкви. В апр. 1222 г. на Соборе церковной провинции Кентерберии, собравшемся в аббатстве Осни (ныне в черте Оксфорда), был принят наиболее полный на тот момент в Англии свод постановлений по различным вопросам церковной дисциплины (ок. 80 статей — *Councils and Synods*. 1964. P. 100–154). Решения этого Собора были призваны дополнить и адаптировать к английским условиям постановления IV Латеранского Собора. Они легли в основу ряда отдельных епископских постановлений и оказали заметное влияние на развитие *канонического права* в средневек. Англии.

В 1223–1224 гг. Л. выступал как союзник юстициария Губерта де Бурга в борьбе против влиятельной партии франц. баронов, выходцев из Пуату и др. континентальных владений Плантагенетов. В февр. 1225 г. по инициативе Л. кор. Генрих III повторно опубликовал и подтвердил Великую хартию вольностей. В 1227 г. Л. наконец добился разрешения вернуться в Англию для своего брата Симона, который был назначен архидиаконом Кентерберии. Вскоре после этого Л. отошел от активного участия в гос. делах, что было, вероятно, связано с ухудшившимся здоровьем и нараставшими трениями между ним и кор. Генрихом III (*Cazel*. 1964). Л. скончался вскоре после праздника перенесения мощей католич. св. Фомы Бекета (7 июля). Похоронен в соборе Кентерберии, в капелле арх. Михаила, в юго-зап. части нефа (перестроена в сер. XV в.).

Сочинения. Л. был одним из наиболее плодотворных католич. экзегетов

и проповедников своего времени, однако корпус его сочинений и их текстологическая традиция остаются недостаточно изученными (см.: *Sharpe*. 1997), датировка большинства сочинений также весьма приблизительна. По-видимому, большинство произведений (кроме части проповедей) было написано в годы преподавания в Париже (ок. 1180–1206), однако во время 2 продолжительных периодов изгнания из Англии (1207–1213, 1215–1218) Л., вероятно, их дополнил и отредактировал.

Большую часть наследия Л. составляют библейские комментарии (их перечень и список рукописей см.: *Sharpe*. 1997). Их можно разделить на 2 группы: комментарии на текст Свящ. Писания и комментарии «второго порядка» — толкования авторитетных библейских комментариев. К 1-й группе относятся комментарии (во мн. случаях в 2 версиях — на букв. текст и моральную сторону содержания) на все книги ВЗ, за исключением Книги Иова и, возможно, Псалтири; на Деяния св. апостолов и на Соборные послания. Во 2-й группе — 2 версии глосс на «Схоластическую историю» Петра Коместора и комментарий на толкование Посланий ап. Павла в «*Magna glossatura*» Петра Ломбардского (*Quinto*. 1994. P. 32–36). Первая версия глосс на «Схоластическую историю» (сохр. в 4 списках) была завершена к 1176 г. (т. е. вскоре после появления сочинения Петра Коместора, к-рое было написано между 1168 и 1173) и стала одной из первых работ Л. По-видимому, она представляет собой запись его лекций (*reportatio*). Вторую, более подробную версию (сохр. в 3 копиях) Л. написал в 1193 г. Встречающееся в исследовательской лит-ре утверждение, что 1-я версия представляет собой букв. комментарий, а 2-я — моральный, ошибочно: в жанровом отношении они одинаковы (*Clark*. 2005).

Исследователи предполагают, что комментарии Л. служили базовым инструментом библейских штудий в западноевроп. схоластике вплоть до создания в сер. XIII в. «Постилл» (*Postillae*) Гуго Сен-Шерского. Опубликована лишь незначительная часть этого обширного корпуса, гл. обр. во фрагментах (см.: *Schönberger, Hrsg.* 2011).

Важным вкладом Л. в изучение Библии часто называют разработ-

ку деления Свящ. Писания на главы, ставшего в дальнейшем общепринятым (не только в католич., но и в правосл. традиции). Однако новейшие исследования свидетельствуют, что эта разбивка на главы в действительности была создана в англ. мон-ре Сент-Олбанс при аббате Симоне (1167–1183). Тем не менее широкое распространение этот вариант библейского текста получил благодаря Л. и др. выходцам из Британии, преподававшим богословие в Париже в нач. XIII в.: Роберу де Курсону и Томасу Галлу († 1246) (*Saenger P. The Anglo-Hebraic Origins of the Modern Chapter Division of the Latin Bible // La fractura historiográfica: Las investigaciones de Edad Media y Renacimiento desde el tercer milenio. Salamanca, 2008. P. 177–202*).

Л. часто приписывается авторство перечня евр. имен и названий из Библии с указанием их значения. Известны 3 версии этого глоссария, наиболее распространенная (традиционно обозначается по 1-й фразе: *Aaz apprehendens*) сохранилась примерно в 900 списках. В ранней рукописи (1-я пол. XIII в.; Montpellier. Bibl. de la Faculté de Médecine. 341) ее автором назван Л. При составлении глоссария была использована «Книга толкования еврейских имен» Иеронима Стридонского, дополненная на основании др. источников (включая *Glossa ordinaria* и сочинения Андрея Сен-Викторского). В глоссарии имена и названия из всех библейских книг упорядочены в едином алфавитном порядке, а не по отдельным книгам, как у Иеронима. Согласно исследованию Дж. Мурано, нет надежных аргументов в пользу авторства Л., хотя оно не исключено (*Murano G. Chi ha scritto le Interpretationes Hebraicorum Nominum? // Étienne Langton. 2010. P. 353–371*).

Л. принадлежит краткий комментарий на «Сентенции» Петра Ломбардского (наиболее ранний известный комментарий на это сочинение). Он сохранился в единственной рукописи (Near. VII. C. 14. Fol. 86–99v), где не указан автор, но сочинение надежно атрибутируется Л. на основании данных в тексте (изд.: *Landgraf. 1952*). Комментарий отличается самостоятельностью суждений: Л. нередко полемизирует не только с Петром Ломбардским, но и с др. авторитетными богословами,

в т. ч. с блж. Августином (*Quinto. 2011. Vol. 2. P. 1217–1218*).

Наиболее значительным богословским сочинением Л. являются «Богословские вопросы» (*Quaestiones theologiae*) – анализ спорных мест Свящ. Писания или богословских проблем, вероятно основанный на его педагогической практике. Сочинение сохранилось в 10 рукописях XIII–XIV вв., каждая из которых представляет собой фактически самостоятельную версию текста, что затрудняет его изучение. Опубликованы лишь кн. 1 (*Quinto, Bierniak. 2014*) и многочисленные выдержки из этого сочинения (обзор см.: *Schönberger, Hrsg. 2011. S. 3615–3616*). «Богословские вопросы» Л. оказали заметное влияние на схоластическую теологию 1-й пол. XIII в. Их использовали Робер де Курсон в своей «Сумме» (ок. 1208) и Годфрид из Пуатье в «Богословских вопросах» (ок. 1213), влияние этого произведения заметно также в сочинениях Александра Неккама († 1217), Гвидо Оршельского († ок. 1230), Вильгельма Осерского, Гуго Сен-Шерского († 1263), Роланда Кремонского († 1259). Наряду с «Богословскими вопросами» известны записи лекций (*reportationes*) Л. (3 рукописи: Paris. lat. 14526; Erlangen. Universitätsbibl.-Hauptbibl. 260; Uppsala. Universitetsbibliothek. C. 290), сохранившийся в 2 списках (Paris. lat. 393 и 14526) сборник из 86 богословских дистинкций (*distinctiones*; см.: *Quinto. 1994. P. 56–76, 91–167*) и богословская сумма «*De hiis quae dicuntur de Deo*» (частично опубл.: *Ebbesen, Mortensen. 1985. P. 37–164*). Заметное место в сочинении Л. отведено политике и праву: проблеме справедливой войны, праву подданных на сопротивление тирану, суду и наказаниям и др. (*Baldwin. 2008*).

Вопросам морального богословия посвящена «*Summa de diversis*» (др. название – «*Summa de vitiis et virtutibus*»). Известны ок. 15 списков, существенно различающихся между собой (опубл. фрагмент: *Quinto. 1996. P. 302–303*). Возможно, Л. принадлежит также небольшой трактат «Спор грехов и добродетелей», сохранившийся в единственной рукописи (изд.: *Idem. 2005*).

Приписываемые Л. в нек-рых рукописях богословская сумма «*Breves dies homines*» и флорилегий «*Abicege*», вероятно, ему не принадлежат (*Idem. 1994. P. 56–76*).

Из стихотворных сочинений Л. несомненно является автором кратких (7 строф) «Поучений клирикам» (*Documenta clericorum*; изд.: *Powicke. 1928*) и собрания гимнов в честь Пресв. Богородицы – «Псалтири Марии» (150 строф; известны ок. 15 рукописей; изд.: *Dreves G. M. Psalteria rhythmica: Gereimte Psalterien des Mittelalters. Lpz., 1900. Vol. 1. P. 153–171. (АНМА; 35)*). Дискуссионным остается вопрос о принадлежности Л. секвенции «*Veni Sancte Spiritus*», впоследствии вошедшей в католическое богослужение праздника Пятидесятницы (*Quinto. 1994. P. 39–41*).

Л. был чрезвычайно плодовитым проповедником. Корпус его проповедей насчитывает ок. 300 текстов, с учетом различных вариантов – до 500. Издана лишь незначительная их часть (ок. 10; см.: *Ibid. P. 31–32*). Для проповедей Л. характерен живой стиль, частое использование примеров (*exempla*) не только из Свящ. Писания, но и из недавней истории, совр. политических событий, повседневной жизни. Все сохранившиеся проповеди Л. написаны на латыни, хотя, вероятно, перед преимущественно светской аудиторией Л. проповедовал на народных языках: на старофранцузском, возможно, также и на среднеанглийском. Не решен вопрос об авторстве Л. необычной для нач. XIII в. проповеди, в которой для рассуждений о символике Пресв. Богородицы использована популярная любовная песенка на старофранц. языке о «красавице Алис» (*Hunt. 1983*).

Сохранилось значительное число грамот, изданных Л. как архиепископом Кентерберийским, но из обширной переписки – ок. 10 писем (*Acta Stephani Langton. 1950*).

Л. приписывается авторство 2 исторических сочинений: жизнеописания англ. кор. Ричарда Львиное Сердце (1189–1199), отрывки из которого приводит хронист XV в. Генри Найтон, а также фрагментов несохранившихся «Деяний Магомета» (*Quinto. 1994. P. 41*). Однако принадлежность обоих сочинений Л. вызывает сомнения у исследователей.

Значение и влияние. Современники чрезвычайно высоко оценивали Л. как богослова и преподавателя и как церковного деятеля. Во время конфликта с кор. Иоанном Безземельным поэты Матвей из Риво и Генрих Авранский посвятили

Л. хвалебные поэмы, сравнивая его с католич. св. Фомой Бекетом и называя «ангельским мужем» (*Wilmart A. Les Mélanges de Matthieu, préchantre de Rievaulx au début du XIIIe siècle // RBen. 1940. T. 52. P. 57–58; The Shorter Latin Poems of Master Henry of Avranches Relating to England / Ed. J. C. Russell, J. P. Heironimus. Camb. (Mass.), 1935. P. 54*). Сходное сравнение встречается и у Гиральда Камбийского, который даже утверждал, что Л. сознательно надеялся в противостоянии с королем стяжать мученический венец (*Geraldus Cambrensis Opera. L., 1861. Vol. 1. P. 401–407*). Хронист Альберик из Труа-Фонтена (сер. XIII в.) называл Л. «известнейшим доктором богословом» (*nominatissimus doctor theologus*), упоминал его многочисленные экзегетические труды (*MGH. SS. T. 23. P. 886, 922*). Анонимный анналист из англ. цистерцианского мон-ря Уэйверли (XIII в.) утверждал, что Л. был непревзойденным богословом своего времени (*Annales monastici / Ed. H. Luard. L., 1865. Vol. 2. P. 304*). Роджер де Вендовер († 1236), историк из английского мон-ря Сент-Олбанс, приводит рассказ о том, что в 1232 г. Генрих из Сандфорда, еп. Рочестерский (вероятно, учившийся у Л. в Париже), видел, как из чистилища в рай были отпущены души кор. Ричарда Львиное Сердце, Л. и одного из его капелланов (*Roger de Wendover. 1841–1844. Vol. 4. P. 234*). Хронист Матвей Парижский († 1259) составил жизнеписание Л., от которого сохранились лишь 2 фрагмента (изд.: *Lieberman. 1879. S. 318–329*; см. также: *Bolton. 2004*). Л. представлен благочестивым священнослужителем и выдающимся богословом и проповедником, обратившим ко Христу множество людей. Матвей Парижский называл Л. «святым мужем» и рассказал об исцелении им одержимого в Тоскане (*in quadam civitate... cui nomen Thusicano*). Возможно, сочинение Матвея Парижского было написано в расчете на канонизацию Л., однако др. свидетельств его почитания не сохранилось.

В позднее средневековье интерес к фигуре Л. уменьшился. Большинство его сочинений, насколько можно судить, практически не переписывали и не читали после XIV в. В Англии авторы тюдоровской эпохи (Р. Холиншед, Дж. Бейл и др.) негативно оценивали Л., представляя

его «предателем» и агентом папы Римского, стремившегося поработить Англию. Этот образ нашел отражение и в пьесе Шекспира «Король Иоанн» (ок. 1596). Д. Юм в «Истории Англии» (1754–1761) представил избрание Л. архиепископом Кентерберийским как проявление амбиций Рима, но вместе с тем впервые отметил его участие в составлении Великой хартии вольностей как заслугу Л. Эту идею развили др. авторы викторианской эпохи (в т. ч. Дж. Р. Грин в получившей широкую известность «Краткой истории английского народа», 1875). Под их влиянием Л. стал считаться главным и едва ли не единственным автором Великой хартии вольностей, защитником традиц. вольностей и свобод англичан от королевской тирании. В наиболее радикальной форме этот образ был выведен в популярном в свое время историческом романе М. Ф. Таппера «Стефан Лангтон» (1858), отличавшемся крайне вольным обращением с источниками (в нем Л. не только убежденный англ. патриот и активный борец против тирании кор. Иоанна Безземельного, но и предшественник Мартина Лютера, противостоявший амбициям и моральному разложению Рима). По-настоящему научный подход к оценке личности и деятельности Л. стал возможен после того, как в 20–30-х гг. XX в. англ. историк Ф. М. Поуик и его ученица Б. Смолли вместе с американским медиевистом пресв. Дж. Лейкомбом начали изучение богословских и экзегетических сочинений Л., до того практически полностью обойденных вниманием исследователей. В кон. XX — нач. XXI в. благодаря работам Дж. Болдуина, С. Эббесена, Р. Квинто и др. Л. рассматривается как важный и оригинальный представитель лат. схоластики рубежа XII и XIII вв., сыгравший заметную роль в развитии не только богословия, но и политических и правовых теорий средних веков.

Соч.: *Landgraf A. M., Hrgs. Der Sentenzenkommentar des Kardinals Stephan Langton. Münster, 1952; Saltman A., ed. Commentary on the Book of Chronicles. Ramat-Gan, 1978; Roberts P. B., ed. Selected Sermons of Stephen Langton. Toronto, 1980; eadem. Master Stephen Langton preaches to the People and Clergy: Sermon Texts from 12th-Cent. Paris // Traditio. N. Y., 1980. Vol. 36. P. 237–268; Ebbesen S., Mortensen L. B. A Partial Edition of Stephen Langton's Summa and Quaestiones with parallels from Andrew Sunesen's Hexaemeron // CIMAGL. 1985. Vol. 49. P. 25–244; Bataillon L. J.*

Il commento di Stefano Langton al libro di Giona // *Medioevo: Riv. di Storia della Filosofia Medievale. Padova, 2003. Vol. 28. P. 251–272; Bejczy I. P. Two questions of Stephen Lanton on the cardinal virtues // Ibid. 2006. Vol. 31. P. 299–335; Bieniak M. A Critical Edition of Stephen Langton's († 1228) theological question «De persona» // CIMAGL. 2006. Vol. 77. P. 85–109; Quinto R., Bieniak M., eds. Stephen Langton Quaestiones theologiae: Liber I. Oxf., 2014. Библиогр.: *Schöngberger R., Hrgs. Repertorium edierter Texte des Mittelalters aus dem Bereich der Philosophie und angrenzender Gebiete. B., 2011². S. 3614–3619.**

Ист.: *Roger de Wendover. Chronica, sive Flores Historiarum / Ed. H. O. Coxe. L., 1841–1844. 5 vol.; Matthaeus Parisiensis. Chronica Majora / Ed. H. R. Luard. L., 1874–1883. 7 vol.; Liebermann F. Ungedruckte anglo-normannische Geschichtsquellen. Strassburg, 1879; Acta Stephani Langton Cantuariensis Archiepiscopi, A. D. 1207–1228 / Ed. K. Major. Oxf., 1950; Councils and Synods with other Documents Relating to the English Church / Ed. F. M. Powicke, C. R. Cheney. Oxf., 1964. Vol. 2. Pt. 1; The Letters of Pope Innocent III (1198–1216) Concerning England and Wales / Ed. C. R. Cheney, M. G. Cheney. Oxf., 1967; The Letters and Charters of Cardinal Guala Bicchieri, Papal Legate in England, 1216–1218 / Ed. N. Vincent. Woodbridge, 1996.*

Лит.: *Maurice C. E. Stephen Langton. L., 1872; Powicke F. M. Stephen Langton. Oxf., 1928; Dulong M. Etienne Langton, versificateur // Mélanges Mandonnet. P., 1930. T. 2. P. 183–190; Lacombe G., Smalley B. Studies on the Commentaries of Cardinal Stephen Langton // AHDLMA. 1930. T. 5. P. 15–182; Landgraf A. M. Zur Chronologie der Werke Stephan Langtons // RTAM. 1931. T. 3. P. 67–71; Smalley B. Stephen Langton and the Four Senses of Scripture // Speculum. Camb., 1931. Vol. 6. P. 60–76; eadem. Exempla in the Commentaries of Stephen Langton // BJRL. 1933. Vol. 17. N 1. P. 121–129; eadem. The Study of the Bible in the Middle Ages. Oxf., 1984³; Glorieux P. Répertoire des maîtres en théologie de Paris au XIIIe siècle. P., 1933. T. 1. P. 238–260; Major K. The «Familia» of Archbp. Stephen Langton // EHR. 1933. Vol. 48. N 192. P. 529–553; Antl L. An Introduction to the «Quaestiones Theologicae» of Stephen Langton // Franciscan Studies. N. S. St. Bonaventure (N. Y.), 1952. Vol. 12. P. 151–175; Vaux Saint-Cyr B. C., de. Les deux commentaires d'Étienne Langton sur Isaïe // RSPHTh. 1955. T. 39. P. 228–236; Schneyer J. B. Eine Sermoesliste des Kardinals Stephen Langton, Erzbischofs von Canterbury // RTAM. 1962. T. 29. P. 159–205; Cazel F. A. The last Years of Stephen Langton // EHR. 1964. Vol. 79. N 313. P. 673–697; Roberts P. B. Stephanus de Lingua-Tonante: Studies in the Sermons of Stephen Langton. Toronto, 1968; eadem. Stephen Langton and St. Catherine of Alexandria: A Paris Master's Sermon on the Patron Saint of Scholars // Manuscripta. St. Louis, 1976. Vol. 20. N 2. P. 96–104; eadem. Stephan Langton's «Sermo de virginibus» // Women of the Medieval World: Essays in Honour of J. H. Mundy / Ed. J. Kirshner, S. F. Wemple. Oxf., 1985. P. 103–118; eadem. Archbp. Stephen Langton and His Preaching on Thomas Becket in 1220 // De ore Domini: Preacher and the Word in the Middle Ages / Ed. T. L. Amos e. a. Kalamazoo, 1989. P. 75–92; Baldwin J. W. Masters, Princes and Merchants: The Social Views of Peter the Chanter and his Circle. Princeton, 1970. 2 vol.; idem. Master Stephen Langton, Future Archbishop of Canter-*

bury: The Paris Schools and Magna Carta // EHR. 2008. Vol. 123. N 503. P. 811–846; *D'Esneval A. Images de la vie universitaire parisienne dans l'œuvre d'Étienne Langton* (vers 1150–1228) // Bull. de la société de l'histoire de Paris. P., 1976/1977. T. 103/104. P. 35–48; *Hunt T. De la chanson au sermon: «Bele Aalis» et «Sur la rive de la mer»* // Romania. P., 1983. T. 104. P. 433–456; *Dahan G. Exégèse et polémique dans les Commentaires de la Genèse d'Étienne Langton* // Les Juifs au regard de l'histoire: Mélanges en l'honneur de B. Blumenkranz. P., 1985. P. 129–148; *Ebbesen S. The Semantics of the Trinity According to Stephen Langton and Andrew Sunesen* // Gilbert de Poitiers et ses contemporains: Aux origines de la «logica modernorum» / Éd. J. Jolivet, A. de Libera. Napoli, 1987. P. 401–436; *Holt J. C. Magna Carta*. Camb., 1992; *Buc P. L'ambiguïté du livre: Prince, pouvoir et peuple dans les commentaires de la Bible au Moyen Âge*. P., 1994; *Quinto R. «Doctor Nominatissimus»: Stefano Langton († 1228) e la tradizione delle sue opere*. Aschendorff, Münster, 1994; *idem. Il codice 434 di Douai, Stefano Langton e Nicola di Tournai* // Sacris erudiri. Turnhout, 1996. Vol. 36. P. 233–261; *idem. The Conflictus uitiorum et uirtutum attributed to Stephen Langton* // Virtue and Ethics in the 12th Cent. / Ed. I. P. Bejczy, R. G. Newhauser. Leiden; Boston, 2005. P. 197–268; *idem. Stefano Langton e la teologia dei maestri secolari di Parigi tra XII e XIII sec.* // Archa Verbi: Yb. for the Study of Medieval Theology. Münster, 2008. Vol. 5. P. 122–142; *idem. Dalla discussione in aula alla «Summa quaestionum theologiae» di Stefano Langton: Testi sul timore di Dio dal ms. Paris, BnF lat. 14526 ed Erlangen, Universitätsbibliothek-Hauptbibliothek, 260* // RSF. 2009. Vol. 64. P. 363–398; *idem. Stephen Langton* // EMPh. 2011. Vol. 2. P. 1215–1219; *D'Avray D. L. «Magna Carta»: Its Background in Stephen Langton's Academic Biblical Exegesis and its Episcopal Reception* // Studi medievali. Ser. 3. Spoleto, 1997. Vol. 38. P. 423–438; *Sharpe R. A Handlist of the Latin Writers of Great Britain and Ireland before 1540*. Turnhout, 1997. [Vol. 1]. P. 624–632; *Luscombe D. E. Stephan Langton* // TRE. 2001. Bd. 32. S. 157–160; *Bolton B. Pastor bonus: Matthew Paris's Life of Stephen Langton, Archbishop of Canterbury (1207–1228)* // Dutch Review of Church History. Leiden, 2004. Vol. 84. P. 57–70; *Holds-worth C. Stephen Langton* // ODNB. 2004. Vol. 52. P. 516–521; *Clark M. J. The Commentaries on Peter Comestor's «Historia scholastica» of Stephen Langton, Pseudo-Langton, and Hugh of St.-Cher* // Sacris erudiri. 2005. Vol. 44. P. 301–446; *idem. Le cours d'Étienne Langton sur l'Histoire scolastique de Pierre le Mangeur: Le fruit d'une tradition unifiée* // Pierre le Mangeur on Pierre de Troyes, maître du XIIe siècle / Ed. G. Dahan. Turnhout, 2013. P. 243–266; *Nielsen L. O. Three Questions on the Old Law and the Gospel Precepts by Stephen Langton* // CIMAGL. 2008. Vol. 78. P. 3–36; *Valente L. Logique et théologie: Les écoles parisiennes entre 1150 et 1220*. P., 2008; *Baumann D. Stephen Langton: Erzbischof von Canterbury im England der Magna Carta (1207–1228)*. Leiden; L., 2009; *Étienne Langton: Prédicateur, bibliste, théologien* / Éd. L.-J. Bataillon e. a. Turnhout, 2010; *Carpenter D. A. Archbishop Langton and Magna Carta: His Contribution, His Doubts and His Hypocrisy* // EHR. 2011. Vol. 126. N 522. P. 1041–1065.

С. Г. Мереминский

ЛАНДЕВЕННÉК [франц. Landévennec; бретон. Landevenneg], католич. бенедиктинский мон-рь в устье р. Он, на зап. побережье Бретани (деп. Финистер, Франция).

Основание монастыря предположительно относится к рубежу V и VI вв. Об этом событии повествуется в Житии св. Винвалоз, составленном мон. Урдистеном во 2-й пол. IX в. Согласно Житию, родители святого, принадлежавшие к бриттской знати, переселились из Британии в Арморик (Бретань). Монашеская жизнь Винвалоз началась под рук. наставника Будока на о-ве Лаврея, у сев. побережья Арморики (ныне о-в Лавре в архипелаге Бреа, деп. Кот-д'Армор). Юный монах прославился аскетическими подвигами и даром чудотворений. Вместе с 11 др. монахами, к-рым Будок велел сопровождать его, Винвалоз направился на зап. берег Арморики и поселился на небольшом о-ве Топепигия, или Топопегия (вероятно, о-в Тибиди в Брестской бухте). Через 3 года из-за трудных условий жизни монахи покинули остров и поселились на противоположном берегу залива, где был основан Л. Молва о суровых подвигах Винвалоз и его учеников достигла Градлона (Граллона), могущественного правителя Корнубии (обл. Корнуай, Юго-Зап. Бретань), к-рый щедро одарил мон-рь.

Название мон-ря в ранних источниках передается как Landeuinnoch или Landeuennoch (в грамоте 818 г.), Lanteuennoc (в грамотах № 36 и № 45 из монастырского картулярия) и др. Оно означает «обитель твоего Виннока» и происходит от древнебретон. lan(n) (церковное поселение) и уменьшительно-ласкательной формы имени Винвалоз (Lan-To-Winnoc — *Loth J. Les noms des saints bretons*. P., 1910. P. 53–54; *Morvannou*. 1974. P. 28–29; *Morice*. 2007. T. 1. P. 359–361). По предположению М. Симона, основателя Л. звали Валоз, а форма Винвалоз, утвердившаяся в агиографии, была его прозвищем, означавшим «светлый (святой, праведный) Валоз» (guinn-uual-oe).

Агиограф Урдистен не привел почти никаких данных о том, когда жил Винвалоз. Он связывал переселение родителей святого в Арморик с упадком нравственности среди бриттов, вторжением англов и саксов и др. событиями V в., описанными *Гильдой* в соч. «О погибели Британии» (VI в.). Бретон. ис-

торик А. де Ла Бордери предложил датировать основание Л. 485 г. (*La Borderie*. 1898–1914. T. 1. P. 316–319, 325–326). Несмотря на слабость аргументов Ла Бордери, эта датировка получила признание в лит-ре. Однако др. исследователи подвергали сомнению достоверность сведений, изложенных в Житии, и даже существование св. Винвалоз (напр.: *Latouche*. 1911. P. 25–39; ср.: *Idem*. 1959. P. 2–3). Высказывалось мнение, что Винвалоз был современником св. Колумбана, поэтому основание Л. относится к кон. VI в. (*Merdrignac*. 1988. P. 32–33).

Археологические раскопки в Л. подтвердили гипотезу об основании мон-ря в кон. V в. или в VI в. В Житии св. Винвалоз упоминается монашеское кладбище, к-рое именовалось «У святых мощей» (quod dicunt Reliquias sanctorum — *Vita S. Winwaloei*. 1888. P. 246). Одно из погребений на этом кладбище после исследования радиоуглеродным методом было датировано между сер. V и сер. VI в. Однако самые ранние постройки, найденные археологами, относятся к VII в., а каменное строительство в мон-ре началось не ранее сер. VIII в. Возможно, на месте средневекового мон-ря первоначально был монашеский ораторий (капелла) и кладбище, а жилые и хозяйственные постройки находились в др. месте. В Житии св. Винвалоз приведено предание о перенесении мон-ря на новое место: там, где святой основал обитель, время остановилось для монахов; они не могли умереть, каждый день их посещали ангелы. Устав от бесконечной старости, монахи уговорили Винвалоз перенести келью на другое место, не обладавшее чудесными свойствами (*Ibid.* P. 241–244; см.: *Bardel, Pérennec*. 2004. P. 121–122, 134–135; *Idem*. 2006. P. 24–25; *Morice*. 2007. T. 1. P. 362–364; T. 2. P. 586).

Об истории Л. до эпохи *Каролингов* сведений почти нет. В средневек. перечне аббатов преемником св. Винвалоз назван св. Гвенаэль (Венхаэл), но другие настоятели, упомянутые в этом списке, жили в IX в. Агиографы Урдистен и Урмонок представляли св. Винвалоз и его современников как аскетов и отшельников, соблюдавших строгое воздержание и прославившихся удивительными подвигами. Эти сведения были призваны доказать, что монахи Л. даже до принятия

бenedиктинского устава вели достойный образ жизни и следовали наставлениям св. отцов. По свидетельству Урдистена, насельники Л. соблюдали строгий монашеский устав (*lex sive regula*), связанный с влиянием ирл. монашества. Во время пребывания в обители Будока Винваллоэ решил отправиться в Ирландию, где проповедовал св. *Патрикий* (Патрик), которого он глубоко почитал. Однако Патрикий явился ему в видении и убедил его остаться в Арморике, повиноваться наставнику и жить в соответствии с примером, который подал ему святой (*habes et nostri, quam vidisti et audisti, normam — Vita S. Winwaloei*. 1888. P. 205–206). В др. месте Урдистен назвал Винваллоэ учеником Патрикия (*Ibid*. P. 190). Согласно грамоте 818 г., монахи Л. действительно соблюдали ирл. обычаи, но не вполне ясно, насколько их описание в сочинении Урдистена соответствовало действительности, т. к. агиограф опирался гл. обр. на аскетические произведения прп. Иоанна Кассиана. Высказывалось мнение, что Винваллоэ можно отождествить с «блаженным старцем Вандилоком», упомянутым в трактате о происхождении ирл. монастырского богослужения. Вандилок, как и св. Колумбан, был послан св. *Комгаллом* в Галлию, чтобы проповедовать христианство; он совершал богослужение суточного круга в соответствии с ирл. традицией (*Ratio de cursu qui fuerunt eius auctores // ССМ. Т. 1. P. 89–90; см.: Merdrignac*. 1988. P. 21–25).

Эпоха Каролингов. Самое раннее упоминание о Л. содержится в грамоте имп. *Людовика Благочестивого*

(814–840), текст к-рой был включен Урдистеном в Житие св. Винваллоэ. По свидетельству агиографа, аббат Матмонок получил эту грамоту в 818 г. в Призьяке (совр. деп. Мор-

биан), куда он прибыл для встречи с императором. Грамота адресована епископам и всему бретон. духовенству. В ней сообщается, что Матмонок рассказал императору о жизни монахов и о том, что они соблюдали обычаи, заимствованные у ирландцев (*cognoscentes quomodo ab Scotis sive de conversatione sive de tonsione capitum acceperissent*). Император выразил желание, чтобы монахи соблюдали обычаи Вселенской Церкви и жили «по чину всей святой апостольской Римской Церкви». Ради укрепления единства с Римской Церковью он повелел им принять Устав св. Бенедикта (см. ст. *Венедикт Нурсийский*) и форму тонзуры, которая была распространена в империи Каролингов. Новый устав следовало ввести также в др. мон-рях, подчинявшихся Л. (*Vita S. Winwaloei*. 1888. P. 226–227).

Встреча Людовика Благочестивого и Матмонока состоялась во время успешного похода императора против бретон. мятежника Морвана. Учитывая непрочность контроля франков над Бретанью, император стремился продемонстрировать свою власть и заручиться поддержкой церковных иерархов (*Smith*. 1992. P. 70–73; *Morice*. 2007. Т. 1. P. 397–401, 414–420). В 816 г. он даровал привилегии аббатству Сен-Меэн (см. в ст. *Иудикаэль*). Указания, данные им Матмоноку, соответствовали постановлениям Ахенских синодов 816–817 гг., направленным на унификацию норм монашеской жизни по бенедиктинскому уставу. При этом бретон. мон-ри в отличие от франк. обителей не были обязаны императору налогами и служениями (см. разд. «Монастырская реформа» в ст. *Каролинги*). В правление Людовика Благочестивого Устав св.

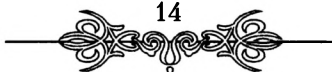
Церковь
аббатства Ландевеннек.
XI–XII вв.

Бенедикта был принят в др. мон-рях Бретани, прежде всего в Редоне, основанном в 832 г. св. *Конвойном*. Вскоре примеру Редона последовали др. обители Вост. Бретани, прежде всего Леон (близ совр. Динана). По-видимому, в зап. регионах Бретани распространение бенедиктинского ус-

тава было связано с влиянием Л. (см.: *Morice*. 2007. Т. 1. P. 428–439; *Deuffic*. 2008. P. 106–111).

Сочинения монастырских агиографов, рукописи из скриптория и данные археологических раскопок свидетельствуют о том, что принятие Устава св. Бенедикта оказало глубокое влияние на жизнь в Л. В монастырском богослужении использовались книги рим. обряда, в т. ч. одна из версий *Григория Сакраментария* и франкские лекционарии. В Л. совершалось поминовение св. Бенедикта (2 раза в год), вполн. в монастырский календарь были включены бенедиктинские праздники освящения «великой церкви» в *Ключи*, дни памяти ключийских аббатов *Майоля* и *Одилона* (*Duine F. Inventaire liturgique de l'hagiographie bretonne*. P., 1922. P. 51–53; *Deuffic*. 2008. P. 112). Монастырские агиографы подчеркивали, что принятие бенедиктинского устава не привело к разрыву с древними традициями ирл. монашества, но лишь позволило скорректировать их, чтобы жить в соответствии с обычаями Вселенской Церкви, не требовавшими от монахов чрезмерно суровой аскезы. Эти представления согласуются с идеями св. *Бенедикта Анианского*, к-рый подчеркивал, что Устав св. Бенедикта вобрал в себя все ранние монашеские правила (*Benedicti Anianensis Concordia Regularum: Textus / Ed. P. Bonnerue. Turnhout, 1999. P. 3. (CCSL; 168A); см.: Merdrignac*. 2005. P. 323–324).

В IX в. Л. стал крупнейшим духовным и культурным центром Зап. Бретани. К этому времени относится создание цикла лит. произведений о св. Винваллоэ. По велению аббата Аэлама мон. Климент составил алфавитный гимн в честь Винваллоэ, в котором содержатся указания на основные вехи жизненного пути святого (гимн датируется по упоминанию бретон. правителя Саломона (857–874)). Сохранились также 2 анонимных гимна — для вечерни и утрени в дни памяти св. Винваллоэ (изд.: *Morice*. 2007. Т. 2. P. 524–531; см.: *Poulin*. 2009. P. 401–405). Между 860 и 884 гг. мон. Урдистен (вполн. аббат Л.) составил пространное прозиметрическое Житие св. Винваллоэ в 3 книгах (VHL, N 8957–8958), возможно с использованием более раннего Жития, текст которого не сохранился. В 1-й книге повествуется о жизни Винваллоэ до основания Л.,

во 2-й — о деяниях святого как аббата основанного им мон-ря. Эти книги написаны прозой, но в них содержатся стихотворные вставки. В 3-й книге, метрической, пересказывается содержание 2 прозаических книг (см.: *Poulin*. 2009. P. 406–428). К Житию приложена гомилия, разделенная на 12 литургических чтений для ноктурн в дни памяти св. Винвалозэ (BHL, N 8959; см.: *Poulin*. 2009. P. 428–430). Житие Винвалозэ отличается вычурным, намеренно усложненным риторическим слогом; изложение прерывается нравоучительными отступлениями, в текст включено множество библейских цитат и аллюзий (см.: *Morice*. 2007. Т. 1. P. 159–184). Напротив, в гомилии, адресованной мирянам, повествование о жизни святого отличается простотой и лаконичностью. Композиция агиографического корпуса мон. Урдистена, в к-рый вошли прозаическое Житие (*opus geminatum*) и гомилия для народа, по-видимому, сложилась с учетом таких произведений, как прозаическое и стихотворное Жития св. Кутберта, составленные *Бедой Достопочтенным* (BHL, N 2020–2021), и «двойное» Житие св. Виллиброрда с гомилией, написанное *Алжуином* (BHL, N 8935–8939), а также, вероятно, Мученичество св. Дионисия, созданное аббатом Хильдуином в 30-х гг. IX в. и состоявшее из прозаической и стихотворной частей (BHL, N 2172).

Урдистен составил также краткое Житие св. Винвалозэ (BHL, N 8960), посвященное Иоанну, еп. Ареццо (868–900), к-рый был близок к имп. *Карлу Лысому* в последние годы его жизни и неоднократно выполнял поручения папы Римского *Иоанна VIII* и его преемников. Урдистен, ставший аббатом Л., попытался заручиться поддержкой еп. Иоанна, к-рый пользовался влиянием при имп. дворе, и послал ему реликвии св. Винвалозэ. Основу краткого Жития составляют заимствования из пространного Жития и гомилии (см.: *Poulin*. 2009. P. 430–436).

В 884 г. мон. Урмонок, ученик Урдистена, по просьбе еп. Хинворета составил Житие св. Павла Аврелиана, которого почитали как основателя Леонской епископской кафедры (BHL, N 6586). Несмотря на то что Урмонок стремился подражать творчеству учителя, его произведение отличается большей простотой стиля и композиции (в прозаический

текст 2 книг Жития включены всего 2 стихотворных фрагмента). «Барочный» стиль Урдистена и Урмонока сложился под влиянием не столько каролингских авторов, сколько писателей эпохи античности (Вергилий) и поздней античности (Гильда) (*Kerlouégan F. Approche stylistique du latin de la «Vita Pauli Aureliani» // Landévennec*. 1986. P. 207–217). В XI в. мон. Виталий из Флэри, переработавший Житие Павла Аврелиана, упрекал Урмонока за напыщенное многословие. По мнению франц. агиографа, из-за «бретонской болтливости» автора его сочинение было невозможно читать (*ActaSS. Mart. T. 2. P. 112; см.: Poulin*. 2009. P. 268–290).

Анализ трудов Урдистена и Урмонока показывает, что в кон. IX в. в Л. существовала крупная б-ка. Среди авторов, сочинения к-рых он использовал, Урдистен называл блж. Августина, Кассиодора, Исидора Севильского, свт. Григория I Великого, Иоанна Златоуста и «аббата Пимена» (см. ст. *Apophthegmata Patrum*); он ссылался также на произведения Амвросия Медиоланского, Василия Великого и Гильды. Др. христианские авторы, труды к-рых были известны Урдистену, — Альдхельм Малмсберийский, Иоанн Кассиан, Павел Орозий, Сульпиций Север, поэты Седулий и Ювенк, а также, вероятно, блж. Иероним и Евгений II Толетский (см. ст. *Евгений III*). Из произведений античных авторов агиограф читал гл. обр. поэмы Вергилия. Урмонок был знаком также с «Психомахией» Пруденция, письмами блж. Иеронима и «Утешением философии» Боэция. В Л. хранились тексты монашеских Уставов Бенедикта и, возможно, Колумбана, из агиографических произведений — «Деяния Сильвестра», а также Житие св. Бригиты, составленное ирл. автором Когитозом (Урдистен мог использовать и др. ирл. сочинения, прежде всего Житие св. Колумбы, написанное Адомнаном, и Житие св. Патрикия, автором которого был Мурху мокку Махтени). По-видимому, Урдистен был знаком со 2-й редакцией Жития св. Самсона (BHL, N 7481, 7483), составленной в 50-х или 60-х гг. IX в. в Доле (ныне Доль-де-Бретань); в распоряжении Урмонока находилась ранняя редакция Жития св. Самсона (BHL, N 7478–7479). Агиографы из Л. почти не использовали

труды каролингских авторов, за исключением «Проповедей на важнейшие праздники» Рабана Мавра (PL. 110. Col. 9–134; см.: *Morice*. 2007. Т. 1. P. 185–211; *Deuffic*. 2008. P. 126–127).

К более позднему времени относятся агиографические сказания о легендарных учениках Винвалозэ, основателях бретонских мон-рей, напр. Житие св. Этбина (Идиунета), включенное в картулярий Л. (BHL, N 2621; см.: *Morice*. 2007. Т. 1. P. 108–121; *Poulin*. 2009. P. 452–453), и др. Предположительно в Л. было

Миниатюра из Евангелия Харкнесса (N. Y. Public Lib. 115). Кон. IX — нач. X в.

составлено Житие св. Эрвея (*Ibid*. P. 457–458), однако сохранившиеся Жития св. Гвенаэля, по преданию 2-го аббата Л., были созданы за пределами Бретани (*Morice*. 2007. Т. 1. P. 121–144; *Poulin*. 2009. P. 382–395). С Л. могло быть связано происхождение литургических текстов в честь св. Винвалозэ, к-рые использовались в позднее средневековье (гимнография — АНМА. Т. 18. P. 262–263; чтения из Леонского бревиария 1516 г. — *Morice*. 2007. Т. 2. P. 557–559).

В IX–X вв. в Л. действовал скрипторий, возможно крупнейший в Бретани. Трудно установить, какие рукописи «ландевеннекского круга» были созданы в Л., а какие — в менее значительных скрипториях, писцы которых подражали монастырским книжникам. Уже в 1-й пол. X в. в связи с нападениями викингов монастырская б-ка была вывезена в королевство зап. франков и в Англию, где некоторые манускрипты оказались в распоряжении кор. Этельстана (924/5–939). Поэтому рукописи, происхождение которых связывают

с Л., хранятся в книжных собраниях различных стран. Среди иллюминированных рукописей, созданных в Л., выделяются Евангелие Харкнесса (NY Publ. Lib. 115, кон. IX — нач. X в.) и Оксфордское Евангелие, подаренное еп. Леофриком (1046–1072) кафедральному собору в Эксетере (Bodl. Auct. D. 2. 16, рубеж IX и X вв. или 1-я пол. X в.). Скорее всего в Л. было выполнено также Евангелие, в посл. хранившееся в аббатстве Сен-Жильда-де-Рюис (Troyes. Médiathèque. 970, 909 г.). Место создания др. бретон. манускриптов (Lond. Brit. Lib. Egerton. 609, IX в., из Тура; Bern. Burgerbibl. 85, 2-я пол. IX в., из аббатства Флэри; Boulogne. Bibl. municipale. 8, 2-я пол. IX в.) трудно установить. Особенность Евангелий «ландевеннского круга» — антропоморфные изображения евангелистов (с телами людей и головами животных); в декорации рукописей совмещаются мотивы, заимствованные из каролингского и ирл. искусства. В Л. хранилась рукопись сокращенной версии «Liber Officialis» Амалария Мецского, выполненная в 952 г. по заказу диака. Амадея, вероятно, в этом мон-ре (Cantabr. Corp. Christ. 192; сохр. глоссы на древнебретон. яз.; см.: *Dumville D. N. Breton and English Manuscripts of Amalarius's «Liber Officialis»* // *Mélanges F. Kerlouégan*. P. 1994. P. 205–214). Из Л. происходит фрагмент рукописи с календарем и пасхалией (Copenh. Kong. Bibl. Thott 239, 1-я пол. X в.). Таблицы евангельских чтений, календарь и литургическое толкование Амалария свидетельствуют о том, что богослужение в Л. совершалось по книгам, принятым во всей империи Каролингов. В таблицах и календаре указаны дни памяти св. Винвалоз: 3 марта (погребение святого), 28 апр. (перенесение его мощей) и 13 мая (освящение монастырской церкви в его честь). На рубеже X и XI вв. в Л. был создан сборник агиографических сказаний о Винвалозе, в к-рый вошли сочинения Урдистена и гимны (Paris. lat. 5610A; см.: *Poulin*. 2009. P. 406–407). Фрагмент текста в Евангелии Харкнесса снабжен бретон. нотацией, происхождение к-рой связано с ранней франк. нотацией сер. IX в. Образцы этой нотации сохранились также в миссале из Сен-Вуге, возможно созданном в Л. (Quimper. Archives départementales du Finistère. 4J 96, XI в.; см.: *Huglo M. Le domaine de la notation bretonne* // *Acta Mu-*

sicologica. 1963. Vol. 35. N 2/3. P. 57–59) (о рукописях из Л. см.: *Morey, Rand, Kraeling*. 1931; *Deuffic J.-L. Les manuscrits de Landévennec* // *L'abbaye de Landévennec*. 1985. P. 259–279; *Idem. La production manuscrite des scriptoria bretons (VIIIe–XIe siècles)* // *Landévennec*. 1986. P. 289–321; *Huglo M. Les Évangiles de Landévennec* // *Ibid.* P. 245–252; *Lemoine*. 1994; *Idem*. 2004).

В эпоху Каролингов в Л. велись строительные работы, в результате к-рых сложился архитектурный ансамбль мон-ря, соответствовавший бенедиктинскому «канону». До этого времени обитель, по-видимому, не имела четкой планировки (к VII–VIII вв. относятся следы неск. зданий, обнесенных оградой; по территории мон-ря протекал ручей). В кон. VIII или в нач. IX в. была возведена небольшая 3-нефная церковь с прямоугольной апсидой, позднее — мощная крепостная стена (толщина 2,4–2,8 м). Вход в церковь был за пределами огражденной территории монастыря, закрытой для мирян. Во 2-й пол. IX в. к зап. стене церкви пристроили 3-частный нартекс; алтарную часть храма фланкировали 2 капеллы, которые открывались в боковые нефы. К югу от церкви находился прямоугольный клуатр с галереей по периметру, вдоль его юж. и вост. сторон были размещены корпуса с dormitorioм, рефекторием и др. помещениями, обязательными для бенедиктинских мон-рей (с запада клуатр был огражден стеной). К юж. стене монастырской церкви примыкало просторное помещение, к-рое соединялось с капеллой, находившейся на месте древнего ора- тория. По-видимому, капелла была построена на месте захоронения св. Винвалоз. В гомилии Урдистена упоминается о перенесении мощей святого из «малой церкви» в большой храм, где они в посл. хранились (*de minori in ecclesiam qua nunc ossa eius continentur maiorem*). При раскопках обнаружены следы гробницы Винвалоз, находившейся за алтарем главной монастырской церкви (о зданиях каролингского мон-ря см.: *Morice*. 2007. T. 1. P. 370–394).

К кон. IX — нач. X в. относятся самые ранние сохранившиеся грамоты о пожертвованиях в пользу мон-ря. В грамоте № 24 из монастырского картулярия говорится о покупке неким Хепвоу церкви «Sanctus», которую он в посл. подарил монашеской

общине Л. Свидетелями сделки выступили Гурмаэлон, гр. Корнуая, Хуарветен, «епископ св. Коурентина», и настоятели крупнейших монастырей — Бенедикт, преемник Урдистена во главе Л., и Урвоэт, «аббат св. Тутгуала» (глава мон-ря Локтюд) (*Cartulaire*. 1886. P. 560–562; см.: *Latouche*. 1911. P. 65–68).

Возведение в нач. IX в. крепостной стены вокруг мон-ря свидетельствует о том, что монахи опасались нападения с моря. Урдистен восхвалял древнего правителя Градлона, якобы изгнавшего норманнов из Бретани (*Vita S. Winwaloei*. 1888. P. 228), а Урмонок описывал чудо св. Павла Аврелиана, защитившего от норманнов основанную им церковь (*Vita S. Pauli episcopi Leonensis... auctore Wormonoco* / *Ed. F. Plaine* // *AnBoll*. 1882. T. 1. P. 254). Нападения викингов на Бретань участились после смерти правителя Алана Великого (ок. 890–907). Власть перешла к гр. Гурмаэлону, к-рый не смог организовать оборону страны и погиб в бою с норманнами. В 913 или 914 г. викинги напали на Л. Монахи своевременно покинули обитель, забрав святыни и ценности, однако норманны сожгли постройки и осквернили монастырское кладбище. При раскопках были найдены останки, к-рые викинги выкопали из могил, сожгли и завалили камнями из разрушенных зданий (*Bardel, Pérennec*. 2004. P. 142).

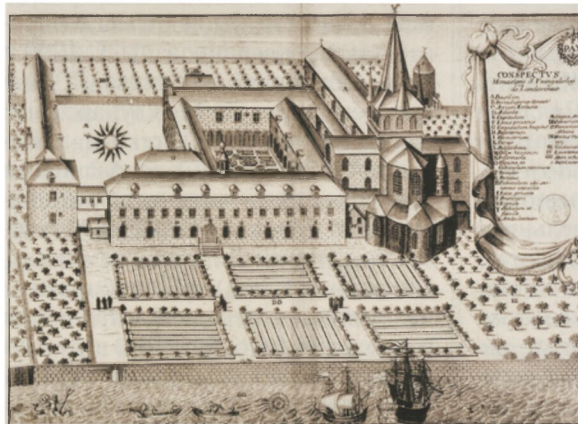
Насельники Л. во главе с аббатом Бенедиктом бежали в королевство западных франков и остановились в крепости Монтрёй (деп. Па-де-Кале), где была основана новая обитель, названная в честь св. Винвалоз (Сен-Валлуа). По-видимому, благодаря странствиям монахов Л. почитание св. Винвалоз получило распространение в долине Луары (*Oheix*. 1906. P. 143–145; *Latouche*. 1959. P. 14–21; *Guillot*. 1982. P. 283–285). Согласно грамоте аббата Рамерика, датированной 1000 г., в Монтрёй прибыло множество бретон. монахов, клириков и мирян под рук. еп. Климента и аббата Бенедикта, которые привезли мощи св. Винвалоз. Они собирались отправиться в Англию, но Хельгауд, гр. Понтъё († 926), убедил их остаться и предоставил им средства на устройство мон-ря (*Rodière*. 1901. P. 408–409). Насельники Л. не оставляли надежду на возвращение в Бретань. Мон. Иоанн отправился в Англию,

где при дворе кор. Этельстана жил внук Алана Великого Алан Кривобородый (в 938–952 герцог Бретани). Монах пытался убедить Этельстана и его подданных, англосаксов и скандинавов, оказать помощь Алану, чтобы он освободил Бретань от норманнов. Благодаря усилиям Иоанна Алан получил необходимую поддержку и в 936–937 гг. изгнал норманнов с большей части бретон. земель. Захватив их последнюю крепость, г. Нант, Алан пригласил монахов вернуться в Л. и назначил Иоанна аббатом мон-ря в благодарность за оказанные им услуги. По-видимому, не все монахи Л. вернулись в Бретань, т. к. большая часть мощей св. Винвалозэ и др. реликвии, в т. ч. казула и альба святого, остались в Монтрее (эти святые были утрачены в 1793; см.: *Oheix*. 1906. P. 146–152).

Монахи восстановили разрушенные здания обители и стали собирать свидетельства своих прав на земельные владения, утраченные во время господства норманнов (см.: *Davies W. Les chartes du Cartulaire de Landévennec // Landévennec*. 1986. P. 85–95). Между 944 и 952 гг. герц. Алан Кривобородый сделал щедрое пожертвование: мон-рь св. Медарда с владениями и др. церкви в Нанте и окрестностях города, а также о-в Бат-Венран (*Bath Uenran*; ныне коммуна Батс-сюр-Мер, деп. Атлантическая Луара), где велась добыча соли (*Cartulaire*. 1886. P. 562–564; см.: *Latouche*. 1959. P. 21–26). Впосл. Л. пользовался покровительством графов Корнуая и др. представителей бретон. знати.

Средние века и Новое время. В сер. XI в., при аббате Элисуке, был составлен картулярий Л. (*Quimper. Bibl. municip.* 16), самый ранний в Бретани. Кроме сказаний о св. Винвалозэ (сочинения Урдистена и гимны) и св. Этбине в него вошли грамоты, по большей части подложные (мн. документы основаны на Житии Винвалозэ и представляют собой дополнения к нему; в них упом. легендарный правитель Градлон и содержатся вымышленные сведения об истории Бретани в раннее средневековье). Наряду с подобными текстами в картулярии сохранились подлинные грамоты кон. IX – XI в. (см. ст. *Картулярии*). Вероятно, одновременно с составлением картулярия в Л. началось строительство монастырской церкви, завершённое

на рубеже XI и XII вв. Стены нового храма были заложены вокруг церкви эпохи Каролингов, помещённой внутри хора. Скромную романскую церковь Л. (длина 50 м), несмотря на существенные отличия, принято сопоставлять с коллегиальной церковью в Локтюди и с храмом аббатства Сен-Жильда-де-Рюис

Аббатство Ландевеннек.
Гравюра из серии
«*Monasticon Gallicanicum*».
XVII в.

(XI–XII вв.). Удлиненная основная часть церкви (3 нефа из 6 травей) имела деревянные перекрытия. Над пересечением нефа с узким трансептом возвышалась прямоугольная световая башня (известна по рисункам XVII в.). Хор церкви был окружен деамбулаторием с 3 капеллами. С юга к церкви примыкал клуатр, размеры к-рого уменьшились вдвое после строительства зап. крыла, где размещались покои аббата. Во 2-й пол. XI в. аббат Юстин основал приорат Нотр-Дам-де-Камфрут с приютом для паломников и нищих (в совр. сел. Опиталь-Камфрут, деп. Финистер). По-видимому, в XII в. были основаны приораты св. Идиунета в Шатолене, св. Филиберта в Ланверне (ныне Плонеур-Ланверн), св. Винвалозэ (Сен-Геноле) в Батс-сюр-Мер и др. дочерние обители.

В XII в. Л. оказался на периферии культурной и религиозной жизни Бретани. В этот период ведущим бенедиктинским мон-рем Запа. Бретани стало аббатство Кемперле, выходцами из которого были аббаты Л. Элимарий (упом. в 1128), Риваллон I (упом. в 1163) и Риваллон II († 1233). К XIII в. относится конфликт насельников Л. с епископом Кемпера, претендовавшим на юрисдикцию над мон-рем. В соответствии с договором, заключенным в 1236 г., епископ получил право ежегодно проводить визитацию монастыря и утверждать аббата, избранного общиной; во время вдовства

Кемперской кафедры аббат Л. созывал диоцезальный синод (*Cartulaire de l'Église de Quimper // Bull. de la commission diocésaine d'architecture et d'archéologie / Diocèse de Quimper et de Léon*. 1902. T. 2. P. 164–167. N 49). В XIII–XIV вв. аббатство, подвергавшееся угрозе нападения пиратов, было окружено валом и рвом. В 80-х гг. XIV в. англичане, конфликтовавшие с герцогом Бретани из-за контроля над

замком Брест, разорили монастырские владения. Насельники Л. выражали недовольство тем, что право назначать аббатов

перешло к Римской курии, к-рая не считалась с пожеланиями монахов. Так, аббат Гийом де Партене (1380/81–1399) принадлежал к ордену августинцев; аббату Жаку де Вильбланшу (1443–1490) при назначении было всего 20 лет, но он способствовал укреплению материального положения Л. Аббат Жан дю Вьё-Шастель (1496–1522) восстановил и украсил монастырскую церковь, приораты и резиденцию настоятеля в Кемпере. После его кончины в Л. был введен режим королевской *комменды*, к-рый отрицательно сказался на жизни в мон-ре и вызывал сопротивление насельников. Аббатами нередко становились секулярные клирики, совмещавшие неск. должностей, в т. ч. каноники кемперского соборного капитула. При аббате Пьере Ларгане (1577–1608) управление монастырскими владениями было поручено членам дворянского семейства де Месгуэ, а владения богатого приората Сен-Геноле в Батс-сюр-Мер с XV в. контролировали представители рода де Кергю. В 90-х гг. XVI в. владения аббатства подвергались нападениям отрядов *Католической лиги* и англичан, которые выступали на стороне гугенотов.

Ко времени назначения аббата Жана Бриана (1608–1630), архидиакона кемперского капитула, в Л. жили всего 2 монаха. Новый аббат попытался «реформировать» мон-рь, т. е. восстановить дисциплину и укрепить соблюдение уставных норм.

Он пригласил в Л. монахов из бенедиктинской Бретонской конгрегации (Société de Bretagne), основанной в 1604 г., но вскоре между ними возник конфликт из-за распределения монастырских доходов. В 1636 г. по инициативе аббата Пьера Тангюи (1630–1665) Л. был включен в конгрегацию св. Мавра (см. ст. *Мавристы*). Под рук. мон. Робера Плуве был возведен новый клуатр; мон. Ноэль Марс составил труд по истории аббатства (1648; Paris. fr. 22358), а мон. Луи Ле Пеллетье (1663–1733) — этимологический словарь бретон. языка (*Le Pelletier L. Dictionnaire de la langue bretonne*. P., 1752). В этот период насельники контролировали 8 приоратов, а также 8 приходов и ряд капелл в еп-стве Кемпер. Мон-рю принадлежала капелла Нотр-Дам-дю-Фольгоэ, известная в Бретани как место паломничества.

Включение Л. в конгрегацию св. Мавра не сопровождалось отменной комменды, положение монашеской общины оставалось тяжелым. В XVII–XVIII вв. в Л. было от 4 до 8 монахов. Кемперский еп. Туссен Конен де Сен-Люк (аббат Л. в 1780–1790) получил разрешение короля объединить должность аббата, присоединившую значительный доход, с небогатой епископской кафедрой, намереваясь вполн. добиться упразднения мон-ря. В мае 1790 г. в Л. жили 4 монаха во главе с приором Пьером Ле Муаном; доход аббатства, включая приораты Сен-Геноле, Камфрут, Конкарно, Ланверн, Сен-Пьер-дю-Парк и Шатолен, составлял 16 060 ливров. По-видимому, тогда же аббатство было закрыто в соответствии с декретами об отмене монашеских обетов и о роспуске религ. общин (февр. 1790). В 1792 г. монастырские здания были проданы и вполн. разрушены; нек-рые предметы убранства были переданы в приходскую церковь в Л., часть архитектурных деталей вывезли в г. Брест.

2-я пол. XIX — нач. XXI в. В 1878 г. бенедиктинцы из аббатства Сент-Мари-де-ла-Пьер-ки-Вир основали монашескую общину в Кербенеа близ Л. В 1903 г. в соответствии с антиклерикальным Законом об ассоциациях монахи были высланы из Франции, но в 1922 г. они вернулись в Кербенеа и в 1950 г. выкупили землю, на к-рой находились руины Л. Под рук. аббата Луи Феликса Кольо (1945–1970) поблизости началось

строительство зданий нового мон-ря (церковь освящена в 1965). В 1981 г. был основан дочерний мон-рь Морн-Сен-Бенуа в Республике Гаити. Аббатство Л. входит в бенедиктинскую конгрегацию Субиако-Кассино. С 2007 г. мон-рь возглавляет аббат Жан Мишель Гримо.

В 1978 г. начались археологические раскопки средневек. мон-ря; руины аббатства были отреставрированы и законсервированы. С 1990 г. действует музей аббатства Л. При мон-ре существует Международный центр изучения кельтского монашества (CIRDoMoC), основанный в 1986 г. бретон. учеными по инициативе мон. Марка Симона, специалиста по истории Л. В день памяти св. Винвалоэ (1 мая) в Л. собираются паломники, совершается процессия и проходит богослужение в руинах средневек. монастырской церкви. Ист.: Cartulaire de Landévennec / Éd. R. F. Le Men, É. Ernault // *Mélanges historiques: Choix de documents*. P., 1886. T. 5. P. 533–600; Cartulaire de l'abbaye de Landévenec / Éd. A. de La Borderie. Rennes, 1888; Vita S. Winwaloei, primi abbatis Landevenecensis, auctore *Wurdestino* / Ed. C. De Smedt // *AnBoll*. 1888. T. 7. P. 167–264; *Fawtier R.* Une rédaction inédite de la vie de St. Guénolé // *MARHist*. 1912. T. 32. P. 27–44.

Лит.: *Levot P.* Notice sur Landévennec et son abbaye. Brest etc., 1858; *Rodière R.* Les Corps saints de Montreuil. P.; Montreuil-sur-Mer, 1901; *La Borderie A., de.* Histoire de Bretagne. Rennes, 1898–1914². 6 t.; *Oheix A.* Les reliques bretonnes de Montreuil-sur-Mer // *Bull. archéol. de l'Association bretonne*. St.-Brieuc, 1906. T. 24. P. 139–173; *Latouche R.* Mélanges d'histoire de Cornouaille (V^e–XIe siècle). P., 1911; *idem.* L'Abbaye de Landevenec et la Cornouaille aux IXe et Xe siècles // *Le Moyen Âge*. 1959. T. 65. N 1/2. P. 1–26; *Abgrall J.-M., Peyron P.* Notices sur les paroisses de l'évêché de Quimper et de Léon // *Bull. diocésain d'histoire et d'archéologie*. Quimper, 1917. T. 17. P. 129–142, 161–170, 193–203, 225–236; *Besse J.-M.* Abbayes et prieurés de l'ancienne France. Ligugé; P., 1920. T. 8: Province ecclésiastique de Tours. P. 270–271; *Morey C. R., Rand E. K., Kraeling C. H.* The Gospel Book of Landevennec (the Harkness Gospels) in the New York Public Library. Camb. (Mass.), 1931; *Guiriec H.* Autour du Cartulaire de Landévennec // *Bull. de la Soc. archéol. du Finistère*. Quimper, 1939. T. 66. P. 3–26; *Le Jollec J.* Guénolé, le saint de Landévennec: Vie, œuvre, culte. Quimper, 1952; *Raison du Cleuziou J.* Landévennec et les destinées de la Cornouaille // *Bull. et mémoires de la Soc. d'émulation des Côtes-du-Nord*. St.-Brieuc, 1965. T. 93. P. 7–26; *idem.* La fondation de Landévennec // *Ibid.* 1985. T. 114. P. 3–15; *Morvannou F.* Guénolé et Guénaël // *Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest*. Rennes, 1974. T. 81. N 1. P. 25–42; *Simon M.* Histoire de Landévennec: Aux origines // *Chronique de Landévennec*. N. S. Rennes, 1981. N 28. P. 129–135; *idem.* La légende dorée de St. Guénolé: Écrite vers l'an 800 à Landévennec par le moine Clément // *Ibid.* 1985. N 42. P. 1–32; *idem.* Les hagiographes de Landévennec au IXe siècle,

témoins de leur temps // Bretagne et pays celtiques: Langues, histoire, civilisation: Mélanges offerts à la mémoire de L. Fleuriot (1923–1987). St.-Brieuc; Rennes, 1992. P. 181–192; *idem.* La Borderie, St. Guénolé et Landévennec // *Bull. et mémoires de la Soc. archéol. et hist. d'Ille-et-Vilaine*. Rennes, 2002. Vol. 106. P. 65–74; *idem.* Landevennec // *Celtic Culture: A Historical Encyclopedia*. St. Barbara, 2006. Vol. 3. P. 1091–1094; *Guillotel H.* L'exode du clergé breton devant les invasions scandinaves // *Mémoires de la Soc. d'histoire et d'archéologie de Bretagne*. Rennes, 1982. T. 59. P. 269–315; *Bardel A. et al.* L'abbaye médiévale de Landévennec // *Archéologia*. P., 1984. N 192. P. 76–84; *Chédeville A., Guillotel H.* La Bretagne des saints et des rois (V^e–Xe siècle). Rennes, 1984; L'abbaye de Landévennec, de saint Guénolé à nos jours / Éd. M. Simon. Rennes, 1985; Landévennec: Aux origines de la Bretagne. Daoulas, 1985; Landévennec et le monachisme breton dans le Haut Moyen Âge: Actes du Colloque du XVe centenaire de l'abbaye de Landévennec, 25–27 avr. 1985. Daoulas, 1986; *Merdrignac B.* Folklore and Hagiography: A Semiotic Approach to the Legend of the Immortals of Landévennec // *Cambridge Medieval Celtic Studies*. 1987. Vol. 13. P. 73–86; *idem.* St. Guénolé et les monachismes insulaire et continental au haut Moyen Âge // *Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest*. 1988. Vol. 95. N 1. P. 15–40; *idem.* Écriture sainte et réécriture de l'hagiographie bénédictine bretonne à Landévennec // *Écrire son histoire: Les communautés régulières face à leur passé* / Éd. N. Bouter. St.-Étienne, 2005. P. 317–325; *Smith J. M. H.* Oral and Written: Saints, Miracles, and Relics in Brittany, c. 850–1250 // *Speculum*. 1990. Vol. 65. N 2. P. 309–343; *eadem.* Province and Empire: Brittany and the Carolingians. Camb., 1992; *Bardel A.* L'abbaye Saint-Gwénolé de Landévennec // *Archéologie médiévale*. 1991. Vol. 21. P. 51–101; *eadem.* Les premiers Bretons à Landévennec, VIe–IXe siècle // Les premiers Bretons d'Armorique / Éd. P.-R. Giot et al. Rennes, 2002. P. 129–133; *Cassard J.-C.* En marge des incursions vikings // *Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest*. 1991. T. 98. N 3. P. 261–272; *idem.* La mise en texte du passé par les hagiographes de Landévennec au IXe siècle // *Bull. de la Soc. archéol. du Finistère*. 1993. T. 122. P. 361–386; *Lemoine L.* Le scriptorium de Landévennec et les représentations de St. Marc // *Mélanges F. Kerlouégan* / Éd. D. Conso et al. P., 1994. P. 363–380; *idem.* Autour du scriptorium de Landévennec // *Corona Monastica: Moines bretons de Landévennec: Histoire et mémoire celtiques: Mélanges offerts au père M. Simon* / Éd. L. Lemoine, B. Merdrignac. Rennes, 2004. P. 155–164; *Poulin J.-C.* Le dossier de saint Guénolé de Landévennec (Province de Bretagne) // *Francia*. Sigmaringen, 1996. Bd. 23. S. 167–205; *idem.* L'hagiographie bretonne du Haut Moyen Âge: Répertoire raisonné. Ostfildern, 2009; *Hamon M.* Vies de saints bretons et Règles monastiques: Étude de l'introd. de la Règle de St. Benoît dans les monastères armoricains d'après l'hagiographie bénédictine du haut Moyen Âge. Rennes, 1998; *Deshayes A.* Anciennes possessions de l'abbaye de Landévennec // *Bull. de la Soc. archéol. du Finistère*. 2000. Vol. 129. P. 379–385; *Garavaglia C.* Un monastère breton nell'alto medioevo: L'abbazia di San Guenole a Landevennec: Diss. Mil., 2001; *Quaghebeur J.* La Cornouaille du IXe au XIIe siècle: Mémoire, pouvoirs, noblesse. Rennes; Quimper, 2002²; *Bardel A., Pérennec R.* Les Vikings à Landévennec // *Les Vikings en France*. [Dijon],

2002. P. 50–59; *idem*. Abbaye de Landévennec: Évolution du contexte funéraire depuis le haut Moyen Âge // Inhumations et édifices religieux au Moyen Âge entre Loire et Seine / Éd. A. Alduc-Le Bagousse. Caën, 2004. P. 121–158; *idem*. Le site archéol. de l'abbaye de Landévennec: Caractéristiques, méthodes d'exploitation, résultats // Bull. et mémoires de la Soc. archéol. et hist. d'Ille-et-Vilaine. 2005. T. 109. P. 33–62; *idem*. Les cuisines et le réfectoire de l'abbaye de Landévennec (Finistère) // Production alimentaire et lieux de consommation dans les établissements religieux au Moyen Âge et à l'époque moderne / Éd. B. Clavel. Amiens, 2006. P. 23–46; *Garavaglia C., Morice Y.* Clôture et ouverture: Landévennec et l'ouverture de la Bretagne au domaine culturel carolingien // Corona Monastica: Moines bretons de Landévennec: Histoire et mémoire celtiques. Rennes, 2004. P. 23–39; *Morice Y.* Vivre et écrire l'espace à Landévennec au IXe siècle // Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest. 2004. T. 111. N 1. P. 7–23; *idem*. L'abbaye de Landévennec des origines au XIe siècle à travers la production hagiographique de son scriptorium: Culture monastique et idéologies dans la Bretagne du Haut Moyen Âge: Diss. Rennes, 2007. 2 t.; *Deuffic J.-L.* Le «monachisme breton» continental: Ses origines et son intégration au modèle carolingien // *Idem*. La Bretagne carolingienne: Entre influences insulaires et continentales. St.-Denis, 2008. P. 77–141.

А. А. Королёв

ЛАНДОН [лат. Lando] († 914), папа Римский (июль или нояб. 913 – март 914). Сведений о Л. почти не сохранилось. Это объясняется малочисленностью источников, в которых сообщается о событиях в Риме в нач. X в. Контроль над городом и папскими владениями принадлежал

Ландон, папа Римский.

Гравюра из кн.:

Platina B. *Historial de vitis pontificum romanorum. Coloniae, 1626. P. 140 (РГБ)*

аристократической партии во главе с консулом и сенатором Феофилактом. Вероятно, Л. был ставленником Феофилакта и не мог проводить самостоятельную политику.

Согласно *Liber Pontificalis*, Л. был сыном некоего Таина из обл. Сабина. Сведения о длительности его пон-

тификата противоречивы. По свидетельству *Флодоарда Реймского*, он занимал Папский престол 6 месяцев 10 дней; в перечне Римских понтификов из аббатства *Фарфа* говорится о 6 месяцах 26 днях, в перечне из аббатства *Монте-Кассино* — о 6 месяцах 25 днях, а в Хронике Бенедикта из мон-ря св. Андрея на горе Соратте — о 6 месяцах. В *Liber Pontificalis* продолжительность понтификата Л. исчисляется 4 месяцами 22 днями. Известно о документе из Равенны, датированном годом понтификата Л., 5 февр. 2-го индикта, т. е. 5 февр. 914 г. (*Jaffé. RPR. T. 1. P. 448*). Возведение на Папский престол *Иоанна X*, преемника Л., состоялось в кон. марта — нач. апр. 914 г.

В грамоте 1431 г. упоминается о пожаловании Л. епископской кафедре Сабини. Согласно грамоте, в память об отце, уроженце Весковио (*ubi memorat eius patrem Tranum praeclarissimum Foronovanum*), Л. предоставил средства на восстановление собора Спасителя в Весковио (в черте совр. Торри-ин-Сабина, пров. Риети), разоренного сарацинами (см.: *Italia Pontificia* / Ed. P. F. Kehr. В., 1907. Vol. 2. P. 73).

Ист.: LP. T. 2. P. XVI, LXIX, 239; *Floodoardus. De Christi triumphis apud Italiam. XII 7 // PL. 135. Col. 831*; *Il Chronicon Farfense di Gregorio di Catino* / Ed. U. Balzani. R., 1903. Vol. 1. P. 97; *Il Chronicon di Benedetto, monaco di S. Andrea del Soratte* / Ed. G. Zucchetti. R., 1920. P. 156.

Лит.: *Fedele P. Ricerche per la storia di Roma e del papato nel sec. X // ARSRSP. 1910. Vol. 33. P. 197–201*; *Mann H. K. The Lives of the Popes in the Early Middle Ages. L., 1910. Vol. 4. P. 147–148*; *Zimmermann H. Landon // Dictionnaire hist. de la papauté* / Ed. Ph. Levillain. P., 1994. P. 995; *Longo U. Landone // Enciclopedia dei Papi. R., 2000. Vol. 2. P. 64–65.*

А. А. Королёв

ЛАНДРАДА [лат. Landrada] († ок. 700, Билзен или Винтерсховен, совр. пров. Лимбург, Бельгия), св. (пам. зап. 8 июля). Самые ранние источники сведений о Л. — сказания/обретения и о перенесении мощей и о чудесах святой (BHL, N 4703–4705), составленные в 80-х гг. X в. Херигером, аббатом мон-ря Лоб. Эти тексты входят в цикл агиографических произведений, посвященных св. Ландоальду. Житие, основанное на рассказах жителей Винтерсховена, было создано на рубеже XI и XII вв. Теодорихом (Тьерри), аббатом монастыря Синт-Трёйден († 1107) (BHL, N 4711–4712). О Л. упоминается в неск. литаниях; самая ранняя, из аббатства св. Петра в Генте, датирует-

ся XI в. В сер. XV в. было составлено Житие св. Л. на средненидерландском языке — «*Legende van de Heilige Landrada*» (рпк.: Brugge. Grootseminarie. 383). Т. о., все известные к наст. времени источники, содержащие сведения о Л., были созданы не ранее чем через 200 лет после ее смерти.

Теодорих утверждал, что Л. была родственницей Пипина I, сына Карломана, и св. *Арнульфа*, еп. г. Метгис (ныне Мец). Ее родителями могли быть Ансегизил и св. Бегга Анденская, дочь Пипина I. Однако в Житии сообщается, что Л. была единственным ребенком в семье, тогда как у Ансегизила и Бегги был еще по крайней мере сын — Пипин II Геристальский. Трудно сопоставить возраст Бегги и Л., поскольку известны только даты их смерти (Бегга ум. в 693). Возможно, агиограф перепутал Л. с жившей столетием позже дочерью *Карла Мартелла*.

Согласно Житию, в детстве Л. отличалась от сверстниц: играла и развлечениям с подругами она предпочитала созерцание звездного неба в одиночестве. Вопреки воле родителей она отказалась от замужества и, покинув родительский дом, удалилась в лес, где построила небольшое жилище; там она выращивала овощи и кормила ими бедняков и паломников, иногда останавливавшихся у нее на ночлег. Однажды Л. было видение: 3 ангела спустились с небес и принесли с собой крест (согласно Житию на средненидерланд. языке, на камне остался отпечаток от креста), а глас с небес сообщил, что Иисус Христос послал этот знак Л., Своей невесте, как символ Его любви. На этом месте святая построила часовню, посвященную Пресв. Деве Марии, а затем основала жен. обитель Белисия, вполн. известную как Мюнстербилзен (на территории совр. г. Билзен). Л. стала ее 1-й настоятельницей. Археологические исследования, проведенные в 2010 г., подтвердили, что мон-рь был основан в VII в. (*Archeologische evaluatie en waardering van de abdij-site van Munsterbilzen (Bilzen, provincie Limburg)*. [S. l.], 2010. Deel 1: Tekst. Rapport 2010–4. S. 18).

Согласно Житию, при Л. монастырь процветал. По легенде, однажды в обители остановился на ночь кор. *Карл Великий*, к-рый был влюблен в монахиню, св. Амальбергу из Темсе. Во время ужина ему сообщили,

что в монастырь забрался медведь. Услышав об этом, все слуги короля и монахи разбежались, осталась только Л., смиренно ожидавшая смерти. Она перекрестила прут и дала его Карлу, и тот легко одолел зверя этим оружием. Победив медведя, Карл одолел и собственное порочное влечение к св. Амальберге, за что Л. наградила его прозвищем Великий (ActaSS. Jul. T. 5. P. 624). В 690 г., почувствовав приближение смерти, Л. попросила привести к ней ее духовного наставника св. Ламберта, еп. Моза-Траектского (Маастрихтского), однако умерла и была похоронена до того, как он прибыл.

В 977 г. мощи Л., св. Винцианы и св. Ландоальда были обреты при вскрытии захоронений в Винтерсховене монахами из аббатства св. Бавона в Генге и перенесены в этот мон-рь (память этого события отмечается 8 марта). Тот факт, что мощи святой, умершей в Мюнстербилзене, покоились в 20 км от этого места, в Винтерсховене, Херигер объяснял следующим образом: когда св. Ламберт направлялся в Мюнстербилзен, чтобы исповедовать святую перед смертью, Л. явилась ему и попросила похоронить ее в Винтерсховене. Прибыв в мон-рь, св. Ламберт 3 дня уговаривал насельниц и местных жителей разрешить ему похоронить святую согласно ее воле, и, когда он все-таки открыл могилу, она оказалась пустой. Св. Ламберт отправился в Винтерсховен и обнаружил тело Л. в саркофаге, крышка от которого осталась в Мюнстербилзене (ActaSS. Sept. T. 5. P. 770–771, 796–798, 810–811). Создание самых ранних текстов, посвященных Л., связано с обретением ее мощей, поэтому исследователи полагают, что культ святой был создан, чтобы оправдать почитание саркофага и камня с отпечатком креста (Mulder-Bakker. 2002. P. 38–39). Достоверность сведений о Л., изложенных в Житиях, была подвергнута сомнению еще в кон. XIX – нач. XX в. (см.: Balau. 1903. P. 139).

Л. изображается в простой одежде, иногда пастушеской, с ягненокм в руках или у ног. Известны изображения святой за строительством часовни или наблюдающей за ангелами, спускающими с небес крест. Л. почитается как посредница между молящимися и Небесным Женихом, Иисусом Христом.

Ист.: ActaSS. Jul. T. 2. P. 619–629; Sept. T. 5. P. 770–798; MGH. SS. T. 15. Pars 2. S. 604–605. Лит.: Balau S. Les sources de l'histoire de Liège au Moyen Âge. Brux., 1903. P. 139–140, 308; Van der Essen L. Étude critique et littéraire sur les «Vita» des saints mérovingiens de l'ancienne Belgique. P.; Louvain, 1907. Vol. 1. P. 173–177; Stracke D. A. Oyer de Vita Landradae // Ons geestelijk Erf. 1933. N 7. P. 423–434; Vanheusden R. Het kruis van de H. Landrada te Munsterbilzen // Het Oude Land van Loon. 1953. T. 8. P. 12–20; Weerd H., van de. Munnsterbilzen en Wintershoven: Kanttekeningen rond de wording der twee abdijen // Limburg. 1955. T. 34. P. 151–155; D'Haenens A. Landrada // BiblSS. 1966. Vol. 7. Col. 1099; Hap C. Legendes van de HH. Bavo, Livinus, Landoaldus, Landrada, Pharaïldis en Macarius, in het Middel-nederlands bewerkt door Olivier de Langhe, prior van de Sint-Baafsabdij te Gent: Diss. Leuven, 1969; Delcroix K., Partoens G. Sint-Landoald en zijn gezellen: Leven, overbrengingen, verheffingen en wonderen. Leuven, 1997; Eycken J. M., van der. «Wachten op de prins...»: Negen eeuwen adellijk damesstift Munsterbilzen. Bilzen, 2000. P. 15–21; Mulder-Bakker A. B. Saints without a Past: Sacred Places and Intercessory Power in Saints' Lives from the Low Countries // The Invention of Saintliness / Ed. A. B. Mulder-Bakker. L.; N. Y., 2002. P. 38–57.

С. А. Яцык

ЛАНСКАЯ ШКОЛА, католич. богословская школа периода ранней схоластики, сформировавшаяся в г. Лан (Франция) в кон. XI – нач. XII в.; основателем и наиболее значимым представителем Л. ш. был Ансельм Ланский († 1117).

История Л. ш. Традиционно считается, что епископская кафедра в Лане была учреждена св. Ремигием (ок. 438–533), еп. Реймским, в кон. V – нач. VI в. В период Каролингского возрождения (VIII–IX вв.) город стал одним из главных политических и религ. центров Франкского королевства. В это время при кафедральном соборе существовала школа, подчиненная местным епископам, основной задачей которой являлась подготовка клириков. Магистрами школы была собрана богатая б-ка, в которую входили как лат. переводы философских и лит. произведений античности, так и сочинения мн. зап. и нек-рых вост. отцов Церкви. Вслед начавшегося в сер. IX в. периода политической нестабильности в Лане школа пришла в упадок, однако ее б-ка уцелела и была доступна Ансельму Ланскому (подробнее см.: Contreni. 1972; Idem. 1978).

О раннем периоде жизни Ансельма Ланского не сохранилось почти никаких сведений; дата и место его рождения точно неизвестны (анализ основных сведений см.: Giraud. 2010. P. 35–69). Исследователи относят

его рождение к нач. 50-х гг. XI в.; они опираются на свидетельства, согласно которым Ансельм скончался в преклонном возрасте, однако едва ли прожил более 70 лет, т. к., согласно замечанию в одном из сочинений Роберта де Курсона († 1219), мать Ансельма пережила его (см.: Lefèvre. 1895. P. 1–2; Giraud. 2010. P. 37). Встречающаяся в лит-ре гипотеза о том, что Ансельм родился в Париже, не находит подтверждений; ныне считается, что он был уроженцем Лана, косвенные указания на это обнаруживаются в сочинении Петра Кантора († 1197) «Сокращенное слово» (см.: Petr. Cant. Verb. I 45) и в др. источниках (ср.: Giraud. 2010. P. 37–39). Вероятно, Ансельм получил образование в школе при кафедральном соборе Лана, причем в значительной мере благодаря самостоятельным занятиям в б-ке школы, т. к. нет сведений о деятельности в Лане крупных магистров теологии, к-рые могли бы руководить его богословским образованием. Ансельм мог также обучаться в Реймсе, т. к. этот город являлся центром архиеп-ства, к которому относился Ланский диоцез, и в нем существовала известная школа при кафедральном соборе (подробнее см.: Williams. 1954); до сер. 70-х гг. XI в. учебным процессом в ней руководил Бруно Картузианец († 1101). Предположение о том, что Ансельм Ланский был учеником Ансельма, архиеп. Кентерберийского (1093–1109), основывается на встречающемся в одной рукописи комментариев Ансельма Ланского на Евангелие от Матфея упоминании о том, что этот комментарий был составлен им на основании трудов Ансельма Кентерберийского, «его учителя» (см.: Bibliothèque municipale d'Alençon. Ms. 26. Fol. 91r). В наст. время установлено, что это упоминание является вставкой позднейшего происхождения; в оригинальной рубрике рукописи упоминания об Ансельме Кентерберийском нет. Поскольку др. свидетельства о личных связях между Ансельмом Кентерберийским и Ансельмом Ланским отсутствуют, версия об «ученичестве» признаётся в совр. науке вымыслом (см.: Giraud. 2014. P. 240–241; ср.: Williams. 1954. P. 669). Нек-рыми исследователями была предложена гипотеза о том, что Ансельм обучался у теолога и проповедника Манегольда из Лаутенбаха († после 1103), однако бесспорные подтверждения

этой гипотезы в источниках отсутствуют и она основывается лишь на выявлении смысловых параллелей и зависимостей между их взглядами (анализ см.: *Giraud*. 2010. P. 42–47).

Точное время начала деятельности Ансельма Ланского в качестве магистра в кафедральной школе Лана неизвестно. Вероятно, это произошло в 80–90-х гг. XI в., при еп. Элинанде (на кафедре в 1052–1096); в датированных 1095 г. актах этого епископа встречается 1-е известное ныне документальное упоминание об Ансельме как о канцлере кафедрального собора Лана (*Ansellus, Sancte Marie cancellarius*; в офиц. документах имя Ансельм почти всегда дается в форме *Ansellus*, к-рую исследователи считают изначальной и более точной; см.: *Dufour-Malbezin*. 2001. P. 119. N 43; ср.: *Giraud*. 2010. P. 36). Отношения Ансельма с 3 последующими Ланскими епископами, Ангераном (1096–1104), Вальдриком (1106–1112) и Бартоломеем (1113–1151), складывались хорошо и его церковная карьера была успешной; при еп. Ангеране он был деканом (*decanus*) соборного капитула (см.: *Dufour-Malbezin*. 2001. P. 125. N 52), а при еп. Бартоломее в 1114 г. стал архидиаконом (см.: *Ibid.* P. 140–143. N 65–67). Последний раз имя Ансельма как архидиакона встречается в актах в 1116 г., незадолго до засвидетельствованной в хрониках даты его кончины в сер. 1117 г. (*Ibid.* P. 148–154. N 74–79; подробнее см.: *Giraud*. 2010. P. 51–69).

В епископских актах нет прямых упоминаний о преподавательской деятельности Ансельма, поэтому все сведения о ней заимствуются из сообщений его современников и последующих теологов, а также из хроник, эпитафий и др. косвенных источников. Согласно выводам совр. исследователей, на рубеже XI и XII вв. школа Ансельма из церковного института для подготовки клириков диоцеза превратилась в полноценную богословскую школу, т. е. в сообщество учеников, собиравшихся из разных городов и даже из других гос-в. Многие из них впосл. возвращались на родину, становились учителями, проповедниками или епископами; при этом в собственной преподавательской и богословской деятельности они развивали идеи, воспринятые ими во время ученичества в Лане. Постоянным сотрудником Ансельма в преподавании был его брат

Радульф Ланский († ок. 1133), занимавшийся как свободными науками (см. ст. *Artes liberales*), так и богословской экзегетикой. Уже в 90-х гг. XI в. Ансельм пользовался «славой» (*fama*) как талантливый магистр и непревзойденный экзегет Свящ. Писания, вследствие чего число съезжавшихся в Лан слушателей было весьма значительным и со временем только увеличивалось. В одной из дополненных последующими хронистами версий «Хроники» Сигеберта из Жамблу († 1112) «расцвет» Ансельма, именуемого «учителем учителей» (*doctor doctorum*), датирован 1101 г.; хронист отмечает, что Ансельм «при жизни обучил многих и после смерти многих привел к блаженству, наставляя своими писаниями» (*Sigeberti Gemblacensis Chronographiae Auctarium Affligemense / Ed. P. Gorissen. Brux., 1952. P. 119; ср.: MGH. SS. T. 6. P. 400*). По подсчетам исследователей, всего на основании прямых упоминаний в источниках известны ок. 20 имен учеников Ансельма Ланского из франц., англ., итал. и герм. земель; в лит-ре XII в. также встречаются общие упоминания о посещавших Лан клириках и магистрах, к-рые впосл. излагали и защищали учение Л. ш. в европ. городах и монастырях, нередко ссылаясь на лекции Ансельма и пересказывая услышанные ими лично от него мнения (см.: *Giraud*. 2010. P. 146–149; ср. также: *Landgraf*. 1973. P. 74–78).

Вероятно, одним из первых по времени учеников Ансельма франц. происхождения был *Вильгельм из Шампо* († 1121/22), ставший впосл. авторитетным и широко известным теологом. Продолжительность его пребывания в Лане определить невозможно, однако оно должно быть датировано до 1100 г., т. к. приблизительно в это время Вильгельм начал преподавать в Париже в школе при кафедральном соборе. Вслед того что мн. свидетельства о мнениях Ансельма Ланского и его сентенции содержатся в богословской лит-ре, восходящей к Парижской школе Вильгельма и к основанной им же Сен-Викторской школе (см. ст. *Сен-Виктор в Париже*), в исследованиях кон. XIX — 1-й пол. XX в. встречались утверждения, что Л. ш. и Парижская школа Вильгельма были в организационном и мировоззренческом отношении единой школой (см., напр.: *Weisweiler*. 1933. P. 245), одна-

ко в совр. науке это мнение не имеет широкой поддержки. Хотя Вильгельм воспринял у Ансельма ряд методологических и богословских принципов, идейная самостоятельность Вильгельма не позволяет говорить о нем как о представителе Л. ш. в строгом смысле; вместе с тем он является одним из наиболее важных посредников, обеспечивших рецепцию учения Л. ш. теологами XII в. (см.: *Giraud*. 2010. P. 112–115).

Наиболее подробным, однако вместе с тем крайне субъективным и имеющим явные следы личной неприязни к Ансельму Ланскому и его верным последователям является представленное в соч. «История моих бедствий» (*Historia calamitatum*) свидетельство Петра *Абеляра* (1079–1142) о предпринятой им попытке пройти курс обучения в Л. ш. Петр Абеляр решил послушать лекции Ансельма Ланского вскоре после конфликта с Вильгельмом из Шампо в Париже; его пребывание в Лане может быть датировано примерно 1113 г. Посетив неск. лекций Ансельма, Петр Абеляр пришел к выводу, что его слава как теолога является незаслуженной. Он сравнивает Ансельма с евангельской бесплодной смоковницей (ср.: Мф 21. 19), с тенью от старого дуба, с огнем, к-рый производит дым, а не свет; признавая способность Ансельма вызывать восхищение у слушателей яркой риторикой и убедительным изложением традиц. святоотеческой экзегезы, Абеляр отрицает наличие у него способности решать богословские затруднения и называет его рассуждения «жалкими по смыслу и пустыми по мысли» (*Abaelardus. Hist. calamit. 3*). После того как Петр Абеляр высказал свое критическое отношение к методу Ансельма в кругу его учеников, те предложили ему самому показать, каким образом следует толковать Свящ. Писание. Петр Абеляр согласился и начал читать лекции по *Иезекиилю пророка книге*, к-рые, по его утверждению, пользовались значительным успехом; он также составлял письменные глоссы к этой книге (не сохр.). Однако лекции Петра Абеляра продолжались недолго, т. к. вскоре Ансельм запретил ему выступать в собственном «месте учительства» (*locus magisterii*), сославшись на то, что Петр Абеляр не имеет необходимого опыта библейской экзегезы и может высказать ложные мнения, за которые

Ансельм не желал нести ответственности ни как его учитель, ни как руководитель школы, предоставивший ему место для преподавания (Ibid. 4). Вскоре после этого запрета Петр Абеляр покинул Лан. Несмотря на субъективный характер повествования Петра Абеляра, оно содержит ряд важных сведений о методе преподавания Ансельма и о характере Л. ш.: 1) основной формой обучения были «лекции», или «чтения», книг Свящ. Писания (*lectio divinorum librorum*) с поясняющими их глоссами магистра; 2) Ансельм был сторонником сопоставительного обобщения традиционных святоотеческих толкований и не поощрял разработку оригинальных толкований с использованием философского и диалектического методов; 3) письменные глоссы, составленные Ансельмом или по его поручению учениками, распространялись под именем Ансельма, подкреплялись его авторитетом и воспринимались как общее учение Л. ш.; т. о., Петр Абеляр подтверждает, что Ансельм с учениками вел работу по составлению глосс к Библии (ср.: *Giraud*. 2010. P. 108–111; см. также: *Bertola*. 1960). Прямое влияние метода и учения Л. ш. на Петра Абеляра едва ли было значительным, однако в своей последующей богословской деятельности Петр Абеляр неявно пытался выработать альтернативу экзегетическому богословию Л. ш., подвергая сомнению допустимость обоснования богословских истин с помощью опосредующего обобщения авторитетных мнений отцов Церкви и предлагая в качестве альтернативы логико-диалектическую субъективную экзегетику.

К числу др. франц. теологов, посещавших лекции Ансельма Ланского, принадлежит *Гильберт Порретанский* (ок. 1076–1154). Из замечания в одной из рукописей следует, что он представил Ансельму для оценки и исправления составленные им глоссы к Псалтири, однако др. сведений об обстоятельствах и о продолжительности его пребывания в Лане нет (*Giraud*. 2010. P. 111–112). У Ансельма учился также уроженец Лана Гуго Амьенский († 1164), впол. ставший архиепископом Руанским и принимавший участие в церковных процессах 40-х гг. XII в. против Гильберта Порретанского как его обвинитель и судья. К числу противников новых идей в области теологии принадлежали еще 2 франц. ученика Ансельма: Матвей Альбанский († 1135), впол. ставший видным церковным дипломатом и возведенный в кардинальское достоинство, и Альберик Реймский († 1141), к-рый после смерти Ансельма преподавал в Реймсе и был одним из убежденных сторонников *Бернарда Клервоского* в полемике с Петром Абеляром и Гильбертом Порретанским (см.: Ibid. P. 138–141).

Известны ученики Ансельма, бывшие выходцами из англо-нормандских земель и впол. ставшие прелатами: Вильгельм де Корбейль, архиеп. Кентерберийский (1123–1136); Александр, еп. Линкольнский (1123–1148); Нигел, еп. Илийский (1133–1169); Роберт, еп. Херефордский (1131–1148) и др. (подробнее см.: Ibid. P. 115–132). К кругу англо-нормандских учеников Ансельма принадлежал также Гильберт, ставший впол. епископом Лондонским (1128–1134); он известен под прозвищем Универсал (*Universalis*), т. е. Всеобъемлющий, которое получил вслед. того, что занимался не только философией и теологией, но и церковным правом. В наст. время считается, что Гильберт, верно следовавший учению Л. ш., после смерти Ансельма продолжал работу над составлением глосс к Библии, однако уже не в Лане, а в Осере, где он был членом соборного капитула до сер. 20-х гг. XII в. (см.: Ibid. P. 130–131; подробнее о Гильберте см.: *Smalley*. 1935–1936; *Andrée*. 2005. P. 37–45).

Об итал. учениках Ансельма сохранилось мало сведений. Одним из них был Ландульф, автор автобиографического соч. «Миланская история» (*Historia Mediolanensis*), в котором он упоминает, что учился в Лане вместе с 2 друзьями, впол. занимавшими Миланскую архиепископскую кафедру, — Ольриком да Корте (1120–1126) и Ансельмом делла Пустерлой (1126–1135). О др. итал. ученике Ансельма, уроженце Новары Лотульфе, известно из повествования Петра Абеляра, к-рый относит его к числу своих завистников и противников, отмечая, что он был одним из наиболее преданных и близких последователей Ансельма (см.: *Giraud*. 2010. P. 132–136). Почти ничего не известно и об учениках Ансельма из герм. земель. Исследователями было обнаружено прямое упоминание лишь о Гуго Метелле (ок. 1080 — ок. 1150), уроженце

Туля; краткий рассказ об Ансельме встречается в одном из сочинений Идунга, монаха аббатства Прюффен близ Регенсбурга, однако невозможно установить, посещал ли он Лан (подробнее см.: Ibid. P. 144–146).

Важным свидетельством того, что учение Ансельма Ланского и его последователей воспринималось как учение единой Л. ш., является полемика, инициатором к-рой стал влиятельный монах и теолог *Руперт Дойцский* († 1129), заявивший в созданном ок. 1116 г. соч. «О воле Божией» (*De voluntate Dei*; текст см.: PL. 170. Col. 437–454), что некоторые мнения, распространяемые последователями Ансельма Ланского и Вильгельма из Шампо как устное учение магистров, являются ошибочными и граничат с ересью (подробнее об обстоятельствах полемики см.: *Silvestre*. 1961; *Idem*. 1968; *Giraud*. 2010. P. 162–175). Руперт приводил 2 таких мнения, связанных с темой *предопределения* Божия: 1) Бог хочет, чтобы возникло зло (*malum fieri vult*); 2) воля Божия заключалась в том, чтобы Адам пал (см.: *Rupert. Tut.* De volunt. Dei. 2). Не вступая в прямую полемику с Рупертом, Ансельм Ланский отправил краткое письмо Герибранду († 1128), аббату монастыря Сен-Лоран в Льеже, насельником которого был Руперт; это письмо является единственным сохранившимся документом из переписки Ансельма (текст опубл.: *Lottin*. 1959. P. 175–177). Вероятно, аббат ранее сообщал Ансельму о возникших в Льеже спорах, поскольку в первых строках письма Ансельм советует не увлекаться «спорами о словах» и искать истинный смысл богословского учения, который он отождествляет со «смыслом отцов Церкви» (*sensus patrum*). Поясняя, каким образом может быть познан этот смысл, Ансельм делает программное заявление и фактически кратко выражает основной богословский метод Л. ш.: «Мнения (*sententiae*) всех католических учителей являются различными, но не являются противоречащими (*diversae, sed non adversae*), поэтому они сходятся в единое согласие (*convenientia*), тогда как в словах могут звучать как бы некие противоречия и споры» (Ibid. P. 176). Поясняя, каким образом следует согласовывать 2 утверждения, к-рые одинаково могут быть подкреплены свидетельст-

вами Свящ. Писания и отцов Церкви,— «Бог не хочет, чтобы возникло зло» и «Бог хочет, чтобы совершалось все то, что совершается»,— Ансельм указывает, что без воли, желания и действия Бога не может совершиться ничего, поэтому и зло в своем бытии зависит от воли Бога, однако Бог «не хочет», чтобы оно возникло, т. е. не «одобряет» его, а, напротив, «ненавидит, запрещает и осуждает» (Ibidem). Относительно 2-го приводимого Рупертом мнения Ансельм, следуя учению блж. Августина, замечал, что Бог может действовать на волю людей и склонять ее к добру или к злу, не отнимая у них свободы решения; поскольку воля Божия заключалась в том, чтобы оставившая послушание Ему человеческая воля впала в грех и погибла, допустимо говорить, что Бог «по Своей справедливости желал покинуть отрекшегося от Него человека», т. е. желал гибели Адама (Ibidem). Вероятно, церковные власти Льежа поддержали позицию Ансельма в дискуссии с Рупертом, т. к. в нач. 1117 г. Руперт был вынужден удалиться из Льежа и поселился в мон-ре Михельсберг в Зигбурге. Здесь им было создано соч. «О всемогуществе Божиим» (De omnipotentia Dei; текст см.: PL. 170. Col. 453–478), в к-ром Руперт, используя изречения, заимствованные из ранних сочинений блж. Августина, пытался доказать неправомочность ссылок Ансельма на «смысл отцов», т. е. фактически на позднее учение блж. Августина, и продемонстрировать общую ошибочность высказываний Ансельма. В завершеном ок. 1127–1128 гг. апологетическом соч. «О некоторых главах правила святого Бенедикта» (Super quaedam capitula regulae divi Benedicti; текст см.: Ibid. Col. 477–538) Руперт отмечает, что в то время он не мог по своему авторитету сравниться с «двумя светилами всей Франции» и «великими учителями», последователи к-рых считали их слова «как будто ангельскими глаголами с неба». Поскольку борьба с «заблуждениями» Вильгельма и Ансельма затруднялась тем, что «первый являлся епископом, а второй, хоть и не был епископом, имел авторитет выше любого епископа», Руперт в 1117 г. решил лично отправиться в Лан и «вступить в сражение в виде диспута» с Ансельмом. Однако в тот самый момент, когда Руперт въезжал в го-

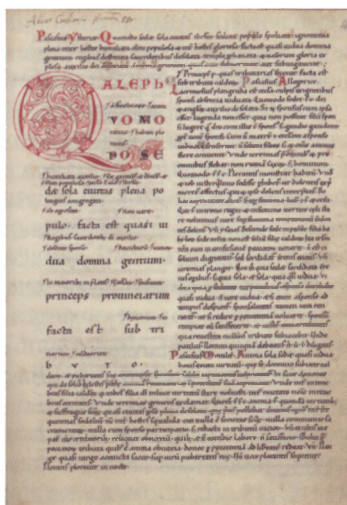
родские ворота, Ансельм скончался; Руперт увидел в этом знамение свыше, свидетельствующее о собственной правоте (см.: Ibid. Col. 482–483). После смерти Ансельма публичная дискуссия заглохла, однако Руперт до конца жизни оставался убежденным в своей правоте и критиковал оппонентов в сочинениях. В свидетельствах Руперта о дискуссиях с Ансельмом постоянно подчеркивается, что ученики Ансельма выступали единым фронтом в защиту мнения учителя; как это обстоятельство, так и письменная реакция Ансельма на критику свидетельствуют о том, что в нач. XII в. Л. ш. была не просто школой в Лане, как предполагали нек-рые совр. ученые, т. е. исключительно образовательным институтом (изложение этой т. зр. см.: Flint. 1976), но представляла собой богословское направление, объединявшее теологов, имевших общие убеждения и готовых отстаивать их в дискуссиях с др. теологами.

На основании свидетельств мн. средневек. авторов исследователи заключают, что главным предметом преподавания и смысловым центром всех богословских занятий в Л. ш. была библейская экзегеза, т. е. чтение Свящ. Писания и его толкование в глоссах. В одном из библиотечных каталогов, датированных кон. XII в., говорится: «Ансельм Ланский, схоластик, используя новый род истолкования, объяснил Писание обоих Заветов на основе творений отцов в межстрочных и маргинальных глоссах» (см.: Smith. 2009. P. 20). «Новшество» Ансельма заключалось в том, что вместо традиц. формы комментирования определенных библейских отрывков он предложил форму «глоссы», т. е. сравнительно краткого сплошного комментария к библейскому тексту, в рамках которого состоящие из неск. слов пояснения семантического характера помещались между строками библейского текста и образовывали «межстрочную глоссу» (glossa interlinearis), а более пространные комментарии богословского характера помещались на полях рукописи как «маргинальная глосса» (glossa marginalis); т. о., толкование как бы соединялось с библейским текстом и продолжало его. По большей части комментарии глосс были цитатами или переработанными отрывками из сочинений зап. отцов Церкви, начиная с блж. Иеронима Стри-

донского и заканчивая Бедой Достопочтенным; в качестве дополнительного источника часто использовались экзегетические сочинения каролингской эпохи, в т. ч. произведения Алкуина, Рабана Мавра, Иоанна Скота Эриугены, Пасхазия Радберта и др.; наконец, нек-рые комментарии принадлежали авторам глосс, однако их число в сравнении с авторитетными суждениями было невелико. В средние века Ансельма Ланского нередко считали автором всех глосс, вошедших в состав *Glossa ordinaria* — глоссы ко всей Библии, текст к-рой окончательно сложился во 2-й пол. XII в., с этого времени распространялся по Европе во множестве рукописей и часто использовался в качестве основного пособия при изучении Свящ. Писания в богословских школах и ун-тах. В действительности Ансельм был лишь инициатором работы по составлению глосс к Библии и скончался задолго до ее завершения. Согласно замечанию Петра Кантора, Ансельм Ланский поставил перед собой задачу «создать полную глоссу ко всему Священному Писанию» (perfecte glosare omnem sacram paginam), однако из-за множества адм. и преподавательских забот он смог выполнить только незначительную часть этой задачи (см.: Smalley. 1937. P. 400). Вероятно, в процессе создания глосс к работе над ними привлекались и ученики, занимавшиеся в Л. ш.; в посл. на основании озвученных во время лекций глосс магистра, его письменных замечаний и комментариев, а также глосс учеников и решенных магистром вопросов относительно того или иного сложного места Свящ. Писания Ансельмом или его помощниками составлялась «официальная» школьная глосса к той или иной библейской книге. Эти глоссы Л. ш. стали наиболее ранними разделами *Glossa ordinaria*.

Несмотря на значительное число исследований, посвященных *Glossa ordinaria*, многие вопросы, связанные с происхождением ее составных частей и их отношением к др. средневек. библейским комментариям, остаются нерешенными (общий обзор проблематики см.: Smith. 2009; ср. также: Andrée. 2005. P. 7–35). К нач. XXI в. ученым удалось подготовить критические издания лишь 2 разделов *Glossa ordinaria*: глоссы к Книге Песни Песней Соломона (см.: Glossa

Ordinaria. Pars 22: In Canticum Cantorum / Ed. M. Dove. Turnholti, 1997. (CCCM; 170.22)) и 1-й ч. глоссы к Книге Плач Иеремии (см.: *Andrée*. 2005); наиболее надежным источником для других разделов является 1-е печатное издание *Glossa ordinaria*, подготовленное А. Рушем в кон. XV в. ([*Biblia latina cum glossa ordinaria*]. [Strassburg, 1480–1481]; Turnhout, 1992^r. 4 vol.), которое, однако, основывается на поздних рукописях и содержит значительное число неточностей. Авторство глосс к различным библейским книгам, вошедших в состав *Glossa ordinaria*, в одних случаях является спорным, в других — не может быть достоверно установлено. Вместе с тем можно говорить о сложившемся к наст. времени научном консенсусе: не претендуя на окончательное суждение, к-рое будет возможно лишь после анализа всей рукописной традиции *Glossa ordinaria* и подготовки соответствующих критических изданий, исследователи, опираясь преимущественно на внешние свидетельства (ссылки у средневеков. авторов, заглавия и рубрики в рукописях, сообщения современников и т. п.), считают, что значительная часть глосс, включенных в состав *Glossa ordinaria*, была составлена 3 представителями Л. ш.: Ансельмом Ланским, его братом Радульфом и Гильбертом Универсалом. Ансельма считают автором глосс: 1) к Псалтири и к Посланиям ап. Павла; в посл. глоссы Ансельма к этим библейским книгам нередко обозначались как «*Parva glosatura*» (Малые глоссы) с целью отличить их от глосс к этим же книгам Гильберта Порретанского, к-рые были известны как «*Media glosatura*» (Средние глоссы), и глосс *Петра Ломбардского*, названных «*Magna glosatura*» (Большие глоссы); в строгом смысле лишь глоссы Ансельма являются частью *Glossa ordinaria*, хотя при преподавании в средневек. ун-тах использовались и др. глоссы; 2) к Евангелию от Иоанна; в глоссе широко используются комментарии Алкуина и Иоанна Скота Эриугены, хранившиеся в б-ке Лана; 3) к Евангелию от Луки (возможно, вместе с братом). Радульфу приписывается авторство глосс к Евангелию от Матфея; Гильберт Универсал считается автором глосс к Пятикнижью Моисея, а также к нек-рым историческим и к большинству прощеских книг ВЗ. Вероятно, в Лане

Glossa ordinaria
на Книгу Плач Иеремии.
Рукопись. 1-я пол. XII в.
(Kassel, Universitätsbibliothek.
Ms. theol. 6. Fol. 46r)

возникли также нек-рые глоссы, относительно авторства которых нет убедительных свидетельств: к Книге Иова, к Книге Песни Песней Соломона и к Откровению Иоанна Богослова; проч. глоссы имеют более позднее происхождение, однако в работе над ними могли тем или иным образом принимать участие представители Л. ш. (см.: *Smith*. 2009. P. 32–33; ср. также: *Stirnemann*. 1994; пример более критичного подхода, в рамках которого отвергается непосредственное составление Ансельмом глосс из *Glossa ordinaria*, см.: *Andrée*. 2011. P. 217–229). Начатая в рамках Л. ш. экзегетическая работа над *Glossa ordinaria* оказала определяющее влияние на развитие средневек. библейской экзегетики и способствовала сохранению в новых формах классических библейских интерпретаций, предложенных отцами Церкви.

Тесно связанной с библейской экзегетикой является вторая основная форма богословской работы в Л. ш., нашедшая письменное отражение в сборниках сентенций. Вероятно, при возникновении в процессе экзегетических лекций к.-л. затруднительного богословского вопроса, обусловленного либо неясностью библейского языка, либо кажущимися противоречиями библейских текстов или соответствующих авторитетных толкований, магистр подробно рассматривал необходимую тему и высказывал подкрепленное авторитетами суждение — «сентенцию». Это могло быть как сформулированное

им самим мнение, так и авторитетное суждение древнего автора, согласованное с другими суждениями в процессе «соотнесения мнений» (*collatio sententiarum*), т. е. объяснения того общего вероучительного смысла, о к-ром Ансельм Ланский говорил в письме аббату Герибранду (ср.: *Giraud*. 2010. P. 185–193). Записи сентенций циркулировали среди студентов и объединялись в сборники; нередко при этом они систематизировались по наиболее привычной и очевидной форме — в соответствии с последовательностью изложения церковного вероучения в Символе веры. Т. о., из отдельных сентенций складывались своды и суммы, которые в той или иной мере отражали учение школы по дискуссионным богословским проблемам, однако при этом являлись не офици. выражением учения школы, а лишь частными «коллекциями» (ср.: *Flint*. 1976. P. 95–96). Исследователи полагают, что первоначально в Л. ш. эти сборники сентенций не просматривались и не авторизовывались магистром, поэтому в рукописях они обычно представлены как анонимные сочинения, однако для каждой сентенции обычно указывается имя ее автора. Вместе с тем уже *Гуго Сен-Викторский* стал использовать записи учеников в работе над собственными сочинениями; к сер. XII в. «Сентенции» становятся популярным видом богословской лит-ры. Т. о., возникшая в Л. ш. форма передачи богословских знаний не только вызвала появление значительного числа богословских памятников, но и оказала важное влияние на общий схоластический метод богословской работы, фактически определив его 2 составные части — разрозненные вопросы и систематизируемые сентенции. При этом сборники сентенций Л. ш. отличаются от позднейших классических схоластических сборников вопросов и сумм тем, что в них отсутствуют логические и философские доказательства; все рассуждения ведутся исключительно с опорой на авторитетные суждения церковной традиции. Возможно, именно эта характерная черта богословского метода Л. ш. стала причиной критического отношения к нему со стороны Петра Абеляра, сторонника рациональной философской теологии (ср.: *Andrée*. 2005. P. 16).

Вслед свойственной Л. ш. тенденции во всех вопросах опираться на

учение Свящ. Писания и сочинения отцов Церкви она воспринималась современниками и последующими теологами XII в. как оплот католич. традиционализма и консерватизма; лишь отдельные представители радикальной монашеской партии, такие как Руперт Дойцский и *Герхох Райхерсбергский* († 1169), отвергавшие в целом необходимость обсуждения спорных богословских вопросов в школах, высказывали осторожную критику в адрес Ансельма Ланского и его учеников. Вопрос о том, продолжала ли существовать Л. ш. как центр богословского образования в Лане после смерти Ансельма Ланского, остается дискуссионным. Косвенные свидетельства позволяют предполагать, что Радульф преподавал в Лане до своей кончины, однако ни по талантам, ни по авторитету он не мог сравниться с братом (подробнее см.: *Giraud*. 2010. P. 406–423). Ок. 1130 г. в Лан прибыл Гвальтер из Мортани († 1174), впоследствии ставший епископом Ланским; с его именем связано начало нового периода богословского образования в Лане. Хотя Гвальтер мог воспринять в Лане нек-рые идеи Ансельма Ланского, он был самостоятельным теологом, по убеждениям близким к представителям *Шартрской школы*. Т. о., к нач. 30-х гг. Лан перестал быть идейным центром Л. ш. Однако в это же время важным средством распространения идей Л. ш. и поддержания ее авторитета стали сборники сентенций. Вероятно, вскоре после смерти Ансельма ученики начали переписывать подборки его изречений, к-рые пользовались популярностью у монахов и с их помощью распространялись по мн. европ. гос-вам. Отраженные в этих сборниках «мнения Ансельма» еще долго являлись образцом церковного богословия и противопоставлялись новым идеям в теологии, преимущественно связанным со школами Петра Абеляра и Гильберта Порретанского. Хотя оба эти теолога учились у Ансельма, в период споров вокруг их неортодоксальных мнений большинство учеников Ансельма присоединились к их противникам, а ссылки на мнения Ансельма использовались в процессах против них как доказательство их неправомыслия. Через собрании сентенций Л. ш. сохраняла идейное влияние на схоластическую теологию до кон. XII в., когда место разрозненных сентенций заняли

строгие по структуре богословские суммы: «О таинствах христианской веры» (*De sacramentis christianae fidei*) Гуго Сен-Викторского, «Сентенции» (*Sententiae*) Петра Ломбардского († 1160), а также «Сумма сентенций» (*Summa sententiarum*), автором к-рой считается Отто († 1146/47), еп. Луккский; составители этих сумм опирались при работе над ними как на общий богословский метод «согласования сентенций», так и на нек-рые частные мнения Ансельма Ланского и Л. ш. (подробнее см.: *Giraud*. 2010. P. 438–492).

Богословские памятники Л. ш. Лит. источники, к-рые используются исследователями для выделения характерных черт богословского учения Л. ш., разделяются на 2 основные группы: 1) сочинения Ансельма Ланского; 2) сборники сентенций, содержащие изложение мнений Ансельма Ланского и отражающие общее учение Л. ш. Важными дополнительными источниками являются глоссы, входящие в состав *Glossa ordinaria*, однако их использование затруднено тем, что они имеют компилятивный характер и намеренно созданы с целью представить общепринятые мнения церковных авторитетов, а не оригинальные мнения представителей Л. ш.

Сочинения Ансельма Ланского. В «Патрологии» (PL) Ж. П. Миня (1800–1875) под именем Ансельма Ланского были опубликованы 3 библейских комментария: на Книгу Песни Песней; на Евангелие от Матфея; на Откровение Иоанна Богослова, а также его подлинное письмо аббату Герибранду, к-рому присоединены как продолжение неск. сентенций (см.: PL. 162. Col. 1169–1592). Дискуссия о правомерности атрибуции Ансельму этих сочинений, а также о др. его возможных произведениях, начавшаяся в кон. XIX в., до наст. времени во мн. случаях не привела к общепризнанным результатам; ее промежуточные итоги представлены в статье С. Жиро (*Giraud*. 2014. P. 252–287). Всего известны 6 библейских комментариев (некоторые — в различных версиях), относительно к-рых выдвигались предположения об авторстве Ансельма.

I. Комментарий на Псалтирь. Ансельму Ланскому приписывается авторство комментария, опубликованного в PL под названием «Толкование на Псалтирь» (*Explanatio in Psalmos* // PL. 116. Col. 191–696)

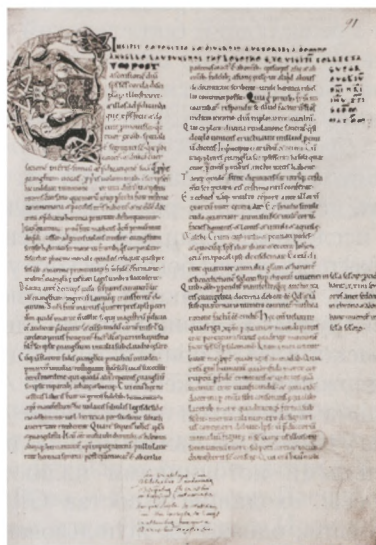
и известного также под инципитом «*Hymni vocantur singuli*». В PL это сочинение было помещено под именем *Гаймона* († 853), еп. г. Хальберштадт, в числе ошибочно приписанных ему произведений *Гаймона Осерского* († ок. 865/6), экзегета периода Каролингского возрождения; однако в действительности комментарий не принадлежит ни одному из этих авторов, т. к. в нем встречается упоминание о событиях кон. XI — нач. XII в. В нач. XX в. в качестве возможного автора комментария назывался пресв. Гаймон из Хирзау († ок. 1107), однако эта версия была отвергнута после того, как А. Вильмар атрибуировал комментарий Ансельму Ланскому на основании обнаруженной им в ватиканской рукописи комментария (*Vat. Reg. lat.* 295) рубрики: «Начинаются глоссы магистра Ансельма архидиакона на Псалтирь» (см.: *Wilmart*. 1936). Атрибуция была поддержана А. М. Ландграфом, однако против нее решительно выступил О. Лоттен, который, сопоставив представленные в комментарии объяснения отдельных мест из Псалтири с толкованиями тех же мест в сборниках сентенций Л. ш., не обнаружил ни текстовых совпадений, ни доктринальной близости (см.: *Lottin*. 1959. P. 170–175). Против атрибуции комментария Ансельму выступал также Д. ван ден Эйнде, который датировал текст 30-ми гг. XII в. (см.: *Eynde*. 1954); в поддержку атрибуции — В. Флинт, указавшая на ряд параллелей между глоссой к Псалтири в составе *Glossa ordinaria*, в отношении к-рой признаётся авторство Ансельма, и комментарием «*Hymni vocantur singuli*» (см.: *Flint*. 1971). Жиро указывает, что ни рукописная традиция (Ансельм назван автором лишь в одной из неск. известных полных или фрагментарных рукописей комментария), ни внешний анализ языка и литературного стиля комментария (в которых прослеживаются как особенности, свойственные произведениям глоссаторов, так и нек-рые черты, характерные для монашеской экзегезы) не позволяют вынести окончательное суждение об авторстве; до полного анализа текста комментария и сопоставления его с другими сочинениями Ансельма, а также с принадлежащими ему глоссами в составе *Glossa ordinaria*, произведение не может быть однозначно атрибуировано Ансельму и должно

быть отнесено к разряду сомнительных (см.: *Giraud*. 2014. P. 262–266).

II. Комментарии на Книгу Песни Песней Соломона. Существуют 3 различные комментария, авторство которых в рукописной традиции приписывается Ансельму Ланскому; соответствующие рукописи были впервые выделены и описаны Ж. Леклерком (см.: *Leclercq*. 1949). В PL под заглавием «Толкование на Книгу Песни Песней» (*Enarrationes in Cantica Canticorum* // PL. 162. Col. 1187–1228) был опубликован текст, известный также по инципиту «In initiis librorum» (обозначается индексом E); в рукописях он атрибутируется как Ансельму, так и его брату Радульфу. 2-й комментарий с инципитом «Salomon rex Spiritu» (обозначается индексом A; сохр. в единственной ркп. Paris. lat. 568, где атрибутирован Ансельму с формулировкой: «...глоссы... согласно магистру Ансельму») и 3-й комментарий с инципитом «In hoc libro» (обозначается индексом B; в рукописях атрибутируется «магистру Ансельму») остаются неопубликованными (их общий обзор и публикацию прологов см.: *Giraud*. 2009). По мнению Леклерка, B зависит от A и является его сокращенной переработкой, тогда как E представляет собой самостоятельное произведение, наиболее богатое по содержанию и совершенное по форме из всех 3 комментариев. Новый сопоставительный анализ комментариев был предпринят М. Дов при подготовке критического издания глоссы к Книге Песни Песней Соломона из *Glossa ordinaria*; согласно ее заключению, E зависит как от A, так и от B (в большей мере), а также имеет значительное число параллелей (ок. 120 мест) с текстом *Glossa ordinaria*. На этом основании Дов предположила, что E представляет собой обобщающий свод ранних глосс Ансельма Ланского (A и B) и позднейшего текста *Glossa ordinaria*, сделанный Радульфом Ланским (см.: *Dove*. 1997. P. 35–36). Т. о., все 3 комментария в той или иной мере восходят к глоссам Ансельма и вслед этого могут считаться его подлинными сочинениями, однако отделить в них первоначальное содержание от последующих переработок и точно установить их взаимное соотношение невозможно (ср.: *Giraud*. 2014. P. 271–272).

III. Комментарии на Евангелие от Матфея. В рукописях и в исследо-

вательской лит-ре Ансельму Ланскому атрибуировались 4 различных комментария на Евангелие от Матфея. Наиболее известным и широко представленным в рукописях является комментарий с инципитом «Dominus ac redemptor noster» (обозначается индексом B), опубликованный в PL под заглавием «Толко-

Ансельм Ланский.
«Толкование на Евангелие от Матфея».
Рукопись. Сер. XII в.
(Alençon, Bibliothèque municipale.
Ms. 26. Fol. 91r)

вание на Евангелие от Матфея» (*Enarrationes in Evangelium Matthaei* // PL. 162. Col. 1227–1500). В рукописях автором этого текста называется как Ансельм Ланский, так и Годфрид Бабион († 1158); первоначально публиковался под именем Ансельма Кентерберийского и др. авторов, однако ошибочность этих атрибуций была установлена уже в XIX в. Др. 3 комментария, сохранившиеся в одной или неск. рукописях, остаются неопубликованными; 1-й известен под инципитом «Cum post ascensionem» (сохр. в ркп. Bibliothèque municipale d'Alençon. Ms. 26; обозначается индексом A), 2-й — под инципитом «Nomen libri evangelium» (обозначается индексом V), 3-й — под инципитом «Evangelium graece latine bonum nuntium» (обозначается индексом P). Вопрос соотношения и об атрибуции 4 версий комментария неоднократно обсуждался учеными в XX в., однако не получил к.л. общепринятого решения (различные версии см.: *Lottin*. 1959. P. 153–169; *Eynde*. 1959; *Smalley*. 1978; графическое представление версий в виде стемм см.: *Giraud*.

2014. P. 278–280). Наиболее убедительной на сегодняшний день представляется гипотеза А. Баллентайна (*Ballentyne*. 1989), согласно к-рой в основе A, B и комментария, вошедшего в состав *Glossa ordinaria*, лежит значительно переработанный текст комментария на Евангелие от Матфея Рабана Мавра. Вероятно, комментарий A является наиболее ранним по времени возникновения и либо был действительно составлен Ансельмом Ланским, либо является сокращением его несохранившегося комментария, к к-рому восходят все 4 известные ныне комментария. Поскольку B вторичен по отношению к A, он, вероятнее всего, является позднейшей переработкой комментария Ансельма, сделанной Годфридом Бабионом; этот вывод подтверждается практикой цитирования комментариев в средневек. лит-ре, где A цитируется как комментарий Ансельма, а B — как комментарий Годфрида. Комментарии V и P зависят от комментариев A и B, однако не повторяют их и содержат оригинальный материал; это позволяет предполагать, что они возникли в кругу Л. ш., однако едва ли были сочинениями Ансельма; возможно, они восходят к записям его лекций учениками. Т. о., существует по меньшей мере один комментарий на Евангелие от Матфея (A), к-рый с большой долей вероятности может быть признан подлинным сочинением Ансельма Ланского, однако комментарий, опубликованный в PL (B), его сочинением не является (ср.: *Giraud*. 2014. P. 280–282).

IV. Комментарий на Евангелие от Иоанна. Хотя Ансельм Ланский традиционно считается составителем глоссы на Евангелие от Иоанна, вошедшей в состав *Glossa ordinaria*, о существовании принадлежащего ему отдельного комментария на Евангелие от Иоанна средневек. источники не сообщают. В XX в. было выдвинуто предположение, что Ансельм является автором комментария в виде традиц. глоссы, содержащей последовательные объяснения выделяемых отрывков евангельского текста, к-рая известна под инципитом «Verbum substantiale» (*Glunz*. 1933. P. 322–328; ср.: *Giraud*. 2014. P. 282). Гипотезу об авторстве Ансельма поддержал А. Андре, подготовивший критическое издание текста (*Anselmi Laudunensis Glosae super Iohannem* / Ed. A. André. Turnhout,

2014. (СССМ; 267)). Андре продемонстрировал, что комментарий «*Verbum substantiale*» является одним из непосредственных источников соответствующего раздела *Glossa ordinaria* и содержит явные черты идейного влияния богословия Л. ш. (подробное обоснование см.: *Ibid.* P. XVI–CVI; см. также: *André*. 2011). Хотя из 14 рукописей прямая атрибуция комментария Ансельму встречается лишь в 2, причем в обоих случаях сделана позднейшей рукой, внутренние свидетельства текста говорят по меньшей мере в пользу атрибуции комментария кругу Л. ш.; авторство Ансельма является весьма вероятным, однако не может быть строго доказано.

V. Комментарий на Послания ап. Павла. Основываясь на признании Ансельма Ланского автором глосс к Посланиям ап. Павла, включенных в состав *Glossa ordinaria*, Х. Г. Глунц предположил, что Ансельм составил также отдельный комментарий к Посланиям (см.: *Glunz*. 1933. P. 204–205). Глунц атрибуировал Ансельму комментарий, опубликованный в PL (см.: *Commentaria in Epistolas divi Pauli* // PL. 181. Col. 591–1692) под именем Гервея из Бур-Дьё († 1150), основываясь на нек-рых параллелях между этим комментарием и межстрочной глоссой из *Glossa ordinaria*. На отсутствие к.-л. весомых подтверждений этой гипотезы в рукописной традиции и в средневек. источниках впервые указал Ландграф. В наст. время комментарий признаётся подлинным сочинением Гервея; гипотеза об авторстве Ансельма отвергнута (ср.: *Giraud*. 2014. P. 282–283).

VI. Комментарии на Откровение Иоанна Богослова. В рукописях Ансельму Ланскому приписываются неск. разных комментариев на Откровение Иоанна Богослова (перечень см.: RVMA. N 1361–1371); их происхождение и соотношение не были предметом специального исследования, в силу чего вопрос об их подлинности не может быть решен (см.: *Giraud*. 2014. P. 283–285). Авторитетный исследователь средневековых толкований на Откровение Иоанна Богослова Г. Лобришон полагал, что опубликованный в PL под именем Ансельма комментарий (*Enarrationes in Apocalypsin* // PL. 162. Col. 1499–1586), известный также под инципитом «*Deus et Dominus Pater*», является неподлинным, по-

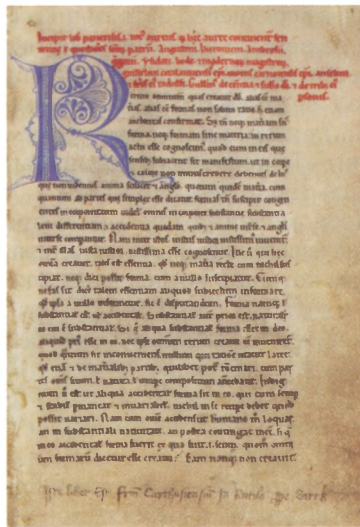
скольку средневек. авторы при ссылках на него не упоминали об авторстве Ансельма. Подлинным он предлагал считать др. неопубликованный комментарий, имеющий инципит «*Johannes apostolos in Patmos insula*» (см.: *Lobrichon*. 2003).

Неск. мелких отрывков и проповедей экзегетического характера, автором которых в отдельных рукописях и каталогах называется «магистр Ансельм», не могут быть с уверенностью атрибуированы Ансельму Ланскому (см.: *Giraud*. 2014. P. 285–287). Т. о., несмотря на значительное число лит. памятников, связываемых с именем Ансельма Ланского, число произведений, в отношении к-рых его авторство можно считать установленным с высокой долей вероятности, невелико; опубликованными подлинными сочинениями являются лишь комментарии на Книгу Песни Песней Соломона и, возможно, комментарий на Евангелие от Иоанна. При этом все сочинения Ансельма Ланского, к-рые могут считаться подлинными, имеют экзегетический и компилятивный характер и не содержат систематического рассмотрения и изложения богословского учения. Оригинальные богословские идеи Л. ш. могут быть выделены в них лишь путем последовательного соотнесения их содержания с учением, представленным в сборниках сентенций, к-рые являются не сочинениями самого Ансельма Ланского, а составленными его учениками и последователями компиляциями.

Сборники сентенций Л. ш. Рукописная традиция сентенций Л. ш. крайне сложна и запутанна. Как показали исследования XX в., одни и те же мысли Ансельма Ланского представлены в разных по происхождению и структуре памятниках; они встречаются как под его именем, так и с ошибочной атрибуцией др. авторам; компиляторы нередко перерабатывали текст сентенций, сокращая или дополняя его. Серьезным недостатком сборников сентенций как источника сведений о богословии Л. ш. является то, что все они анонимны; во мн. случаях невозможно точно установить ни время их составления, ни собственную богословскую позицию их авторов, к-рая могла оказывать влияние на отбор и представление сентенций. Наиболее полная подборка извлеченных из средневек. сборников сен-

тенций Ансельма Ланского была подготовлена в сер. XX в. Лоттеном, к-рый обобщил достижения предшествующих исследований и представил близкий к критическому текст для мн. сентенций; всего он опубликовал с уверенной или предположительной атрибуцией Ансельму Ланскому и его брату Радульфу 531 сентенцию (см.: *Lottin*. 1959). Лоттен корректно выделил в качестве наиболее раннего и полного собрания сентенций Л. ш. памятник, известный под названием «*Liber pancrisis*» (дословно — «Всецело золотая книга»). Однако вместо подготовки полного критического издания этого памятника по 3 известным полным рукописям Лоттен опубликовал лишь входящие в него сентенции Ансельма Ланского, опустив сентенции проч. авторов и расположив все опубликованные им сентенции не в том порядке, в каком они представлены в источниках, а в «систематической» последовательности, обусловленной его методологическими установками. Основная идея Лоттена заключалась в том, что сентенции Ансельма Ланского являются извлечениями из его несохранившихся комментариев к библейским книгам. В наст. время такой подход к собраниям сентенций отвергнут; собрания рассматриваются как самостоятельные или взаимосвязанные произведения, составители которых руководствовались стремлением путем подбора авторитетных мнений представить богословское учение по основным вероучительным вопросам либо по отдельным разделам церковного учения. Высказывания и рассуждения Ансельма Ланского, вероятно, входящие к записям его лекций учениками, в этих собраниях приводятся вместе с мнениями других авторитетных церковных писателей и богословов; нельзя исключать, что многие из этих мнений цитировались Ансельмом во время лекций, поскольку в них были удачно выражены те богословские взгляды, к-рые он разделял (*Giraud*. 2014. P. 288).

I. «*Liber pancrisis*». Собрание сохранилось в 3 рукописях, имеющих ряд второстепенных отличий в составе сентенций и способе обозначения их авторов, однако совпадающих в основном содержании; наиболее ранняя рукопись (Lond. Brit. Lib. Harl. 3098) датируется 70-ми гг. XII в. (см.: *Giraud*. 2010. P. 193–197;

«Liber pancrisis».

Рукопись. 2-я пол. XII в.

(Lond. Brit. Lib. Harl. 3098. Fol. 1r)

полный конкорданс сентенций по 3 рукописям и указатель предполагаемых источников см.: Ibid. P. 503–557). В заглавии собрания обозначены авторы большинства сентенций, разделенные на 2 группы: «святые отцы» (блж. Августин, блж. Иероним, свт. Григорий I Великий, Исидор Севильский, Беда Достопочтенный) и «новые учителя» (еп. Вильгельм из Шампо, еп. Иво Шартрский, Ансельм Ланский и его брат Радульф). Всего в 3 рукописях насчитывается 375 уникальных сентенций; из них Ансельму Ланскому прямо атрибуированы 74 сентенции, Радульфу — 3 сентенции (для сравнения: блж. Августину атрибуированы 143 сентенции, из которых 105 являются бесспорно подлинными; Вильгельму из Шампо — 45 сентенций; Ансельм является вторым после блж. Августина автором по общему числу сентенций). Как свидетельствуют текстологические исследования Жиро, «Liber pancrisis» в нынешнем состоянии является не оригинальным сочинением некоего ученика Ансельма Ланского или представителя Л. ш., а достаточно ранней (1-я пол. XII в.) компиляцией, в которой были объединены по меньшей мере 2 источника — собрание сентенций Л. ш. и собрание сентенций Вильгельма из Шампо. При этом многие сентенции Ансельма Ланского, включенные в «Liber pancrisis», встречаются также в более поздних средневековых флорилегиях, распространявшихся преимущественно в монашеской среде. В этих флорилегиях приводятся также отсутствующие в «Liber pancrisis» сентенции, вероятно, заимствованные из др. ранних сводов сентенций Л. ш., не сохранившихся до наст. времени (подробный анализ см.: Ibid. P. 203–240; ср. также: Giraud, Mews. 2006). Несмотря на то что «Liber pancrisis» не является полным и исчерпывающим собранием сентенций Л. ш., ее составитель проявил значительное искусство в отборе сентенций и включил в состав сборника высказывания Ансельма Ланского по большинству фундаментальных богословских вопросов, что позволяет использовать «Liber pancrisis» в качестве основы для воссоздания богословского учения Л. ш., при необходимости дополняя ее содержанием сентенцийми из др. собраний.

В сентенциях Л. ш. из «Liber pancrisis» преимущественно затрагива-

ются темы отношения Бога к творению и в особенности к человеку, грехопадения и спасения, христианской жизни в Церкви и церковных таинств (общий обзор см.: Giraud. 2010. P. 241–326). В области учения о Боге Ансельм Ланский, развивая учение блж. Августина, выделял тройственную волю Бога: 1) «волю сущности» (*voluntas essentiae*), т. е. порядок, согласно которому Бог распределяет в мире добро и зло; 2) действующую волю, которая содействует человеческой воле и воздействует на нее; воля святых следует этой воле и почти всегда совпадает с ней, а воля злых совпадает с ней постольку, поскольку Бог позволяет сбываться их стремлениям, однако в самом содержании этих стремлений расходится с волей Бога; 3) повелевающую волю, т. е. заповедь Божия, которую человек обязан исполнять (см.: Lottin. 1959. P. 32–33. N 31; Giraud. 2010. N 196; здесь и далее ссылки на «Liber pancrisis» даются с указанием страницы и номера сентенции по изданию Лоттена, а также общего порядкового номера сентенции в «Liber pancrisis» согласно конкордансу Жиро). Ансельм соглашался с утверждением, что никто не может противостоять воле Бога, но отмечал, что воля Божия относительно человека всегда исполняется при содействии человеческой воли, в т. ч. и в случае грешников (Lottin. 1959. P. 34. N 32; Giraud. 2010. N 197). Рассматривая учение о творении человека, Ансельм подчеркивал, что Бог сотворил человека «одним словом или волей», без ангела

или некоего иного посредника. Наделение человека образом Божиим Ансельм предлагал понимать как дарование ему разума (*rationalis*) и мудрости (*sapiens*); подобие человека Богу Ансельм видел в человеческой душе, которая отображает единство Бога. Как Бог наполняет все, однако не делится и не изменяется от внешнего воздействия, так и душа невидимо властвует над телом, будучи единой и неделимой (Lottin. 1959. P. 30. N 29; Giraud. 2010. N 144; ср. также: Lottin. 1959. P. 122. N 165). Говоря о состоянии человека до грехопадения, Ансельм настаивал на том, что пребывание в раю следует понимать буквально, а не аллегорически. Согласно Ансельму, и до грехопадения тело Адама было животным (*animale*), а значит, смертным; однако человек был «страстным и смертным по возможности (*potestate*), но не актуально (*actu*), бесстрастным и бессмертным также по возможности, но не актуально» (Ibid. P. 36. N 38; Giraud. 2010. N 69). Утраченная в грехопадении возможность обрести актуальное телесное бессмертие возвратится человеку при всеобщем воскресении, когда он не только перейдет от смерти к бессмертию, но и в целом преодолет смертность, став бессмертным по природе (Lottin. 1959. P. 37. N 41; Giraud. 2010. N 67).

Весьма подробно в «Liber pancrisis» рассматривается тема сотериологии. В соответствии с рассуждением Ансельма, Бог создал ангелов и людей, чтобы они созерцали Его славу и хвалили Его, однако после грехопадения этот божественный замысел оказался нарушен. По внушению диавола человек проявил непослушание Богу и в соответствии со справедливым судом Божиим стал из смертного (*mortalis*) мертвым (*mortuus*), оказался подчинен власти диавола и лишился возможности возвратиться к Богу по собственной воле. По Своей благодати Бог решил спасти человека, принимая во внимание в качестве смягчающего обстоятельства то, что человек пал хотя и добровольно, но под воздействием внешнего искушения от диавола. При этом, поскольку в случае самого диавола внешнего искушения не было, его спасение не предусмотрено божественным замыслом. Обсуждая возможные пути спасения человека, Ансельм отмечал, что Бог мог бы Своей властью

спасти человека и отнять у диавола власть над ним, однако такое спасение было бы лишь внешним и не соответствовало бы справедливости Бога. Поскольку сам человек не мог противостоять диаволу, спасение совершил «Бог в человеке», т. е. воплотившийся Бог. Используя «благой обман», Иисус Христос, будучи Богом, предстал перед диаволом как человек; поскольку диавол несправедливо искушал и подверг смерти невинного, он лишился власти над всеми людьми. Проявив как человек свободное послушание и свободное сопротивление диаволу, Христос получил дар невинности для всех людей и победил являющуюся наказанием за вину смерть (см.: *Lottin*. 1959. P. 50–51. N 54; *Giraud*. 2010. N 132; ср. также аналогичную сентенцию Радульфа: *Lottin*. 1959. P. 185–186. N 232; *Giraud*. 2010. N 133). Т. о., отличительной особенностью сотериологии Ансельма Ланского является отсутствие в ней представления о необходимости для человека приносить удовлетворение за грех Богу, которое было характерно для его современника Ансельма Кентерберийского и многих последующих теологов (см. в ст. *Искушение*). Для Ансельма Ланского, в значительной мере следовавшего учению свт. Григория Великого, спасение — это прежде всего избавление от власти диавола, а Бог — не столько строгий Судья, сколько благий Помощник человека (ср.: *Giraud*. 2010. P. 261–266). Представление о спасении как о врачевании падшей природы человека еще более отчетливо выражено в сентенции Радульфа Ланского, который связывал необходимость Боговоплощения с тем, что лишь Бог свободен от греха, а потому лишь Он был способен «соединенного (сунитум) с Ним Человека укрепить таким образом, чтобы Тот никоим образом не мог более быть побежден грехом» (*Lottin*. 1959. P. 185. N 231; *Giraud*. 2010. N 131). Значительная часть сентенций «*Liber pancrisis*» посвящена вопросам эсхатологии, в особенности темам воскресения плоти и последнего суда (*Giraud*. 2010. N 308–326). Этот суд Ансельм воспринимал в исторической перспективе, как продолжение начавшегося после первого пришествия Иисуса Христа отделения грешников от праведников. Согласно Ансельму, во время последнего суда не будут

повторно судиться ни святые, к-рые уже пребывают с Богом, ни осужденные Церковью и отлученные от церковного общения грешники, к-рые уже обречены на погибель; суд будет совершаться лишь над теми, чья участь еще не определена Церковью, хотя уже известна Богу (*Lottin*. 1959. P. 79. N 92; *Giraud*. 2010. N 323).

Большое внимание Ансельм уделял учению о церковных таинствах. Рассматривая вопрос о действительности Иоаннова крещения, он проводил четкое различие между «таинством воды» (*sacramentum aque*), т. е. внешним крещальным актом, и «реальностью таинства» (*res sacramenti*), т. е. «очищением от грехов» (см. ст. *Крещение*). Реальность таинства невозможно получить без веры, однако, если человек не веровал в момент крещения, но уверовал позднее, он получает реальность таинства в силу возникшей у него веры и не нуждается в повторном совершении внешнего акта крещения (*Lottin*. 1959. P. 49–50. N 52; *Giraud*. 2010. N 80). Ансельм настаивал на важности таинств *Конфирмации* и *Покаяния*, отмечая, что в таинстве Крещения подается лишь отпущение грехов, поэтому далее христианину надлежит «быть укрепленным даром Святого Духа для совершения добрых дел», а в случае впадения в грехи необходимо приносить покаяние в них; т. о., сознательно отказывающиеся от Конфирмации и Покаяния не могут спастись (*Lottin*. 1959. P. 54–55. N 60; *Giraud*. 2010. N 103). В учении о *Евхаристии* Ансельм подчеркивал, что под обоими видами одинаково истинно преподаются реальные Тело и Кровь Христовы, поэтому принимающий только Хлеб или только Вино принимает всего Христа. Согласно Ансельму, ученики во время Тайной Вечери приобщались не смертного, но нетленного и бессмертного Тела Христова; это же Тело принимают верующие во время Евхаристии (*Lottin*. 1959. P. 55–56. N 62; *Giraud*. 2010. N 152). Пресвитеры сразу после крещения должны приобщать неспособных принять Хлеб младенцев Вино, поскольку «принятие Тела Господня необходимо для вечной жизни» (*Lottin*. 1959. P. 55. N 61; *Giraud*. 2010. N 104).

Мн. сентенции в «*Liber pancrisis*» посвящены решению нравственных вопросов (ср.: *Giraud*. 2010. P. 303–317). Так, Ансельм предлагал рас-

суждение о соотношении любви к Богу и любви к ближнему, замечая, что бескорыстная любовь к Богу является наиболее совершенной, однако она «питается» и «возрастает» благодаря деятельной любви к ближним и не может существовать без такой любви (*Lottin*. 1959. P. 61–62. N 71; *Giraud*. 2010. N 201). Важное значение Ансельм придавал намерению (*intentio*), с которым человек совершает поступки; он утверждал, что «совершаемое не по доброму намерению есть зло для совершающего это независимо от того, совершает ли он доброе дело или злое» (*Lottin*. 1959. P. 61. N 70; *Giraud*. 2010. N 331). В целом этическая позиция Ансельма далека от ригоризма, свойственного мн. представителям монашеского богословия XII в.; осуждая в сентенциях грехи, Ансельм вместе с тем утверждал, что даже впадение в грех не должно лишать человека стремления к добродетели, поскольку грех и добродетель могут сосуществовать в душе и постоянно сражаются в ней: «Когда человек любит Бога и любит добродетель, он может впасть в некое преступление по привычке к греху или по немощи плоти, но, если он будет стыдиться того, что он совершил, стыд будет молиться, если будет творить милостыню, надеясь, что Бог освободит его [от греха], он сохранит корень любви и не перестанет быть праведным» (*Lottin*. 1959. P. 59. N 68; *Giraud*. 2010. N 329).

II. Прочие сборники. В отличие от «*Liber pancrisis*» и непосредственно связанных с этим памятником по содержанию и форме др. средневеков. флорилегиев и собраний отдельных сентенций (публикацию примера одного из таких собраний и анализ его содержания см.: *Giraud*. 2012), в тематически упорядоченных сборниках сентенций, к-рые при их исследовании и публикации в XIX–XX вв. объявлялись отражающими зрелое учение Л. ш., отсутствуют прямые указания на принадлежность тех или иных сентенций Ансельму Ланскому. Деление на сентенции в этих сборниках замещается делением на завершающие смысловые блоки — «вопросы», предполагающие общую методологическую структуру представления материала: 1) формулировка темы; 2) приведение авторитетного места из Свящ. Писания; 3) приведение внешне не согласующихся с ним др. отрывков из Свящ.

Писания или авторитетных мнений; 4) решение вопроса, объяснение кажущихся противоречий и опровержение ошибочных мнений с помощью авторитетных суждений. К наст. времени можно считать установленным, что сборники такого рода являются позднейшими компиляциями, в которых оригинальные сентенции Ансельма Ланского, посвященные истолкованию определенного места Свящ. Писания либо раскрытию частной богословской темы, инкорпорировались в последовательное и систематическое изложение основных положений вероучения, принимая постепенно вид упорядоченных схоластических сумм. Нельзя с уверенностью утверждать, существовала ли сама форма богословского исследования в виде рассмотренного полемически заостренных вопросов в Л. ш., или же она является отражением более поздней парижской схоластической практики и оказалась лишь внешне применена к строившимся по гармонизирующим принципам сентенциям Ансельма Ланского. Поскольку до наст. времени среди исследователей нет согласия в вопросе о происхождении и соотношении ряда собраний сентенций (предположительную стемму основных собраний см.: *Giraud*. 2010. P. 393), общие характеристики сборников могут быть выявлены на примере неск. наиболее показательных памятников, прямая или косвенная связь к-рых с учением Л. ш. была убедительно доказана в исследованиях (подробнее о корпусе собраний сентенций в целом см.: *Weisweiler*. 1936; *Silvain*. 1948; *Lottin*. 1959; *Otto*. 1963; *Maas*. 1995; *Giraud*. 2010. P. 339–398).

1. Сборник «Сентенции Ансельма» (*Sententiae Anselmi*; инципит: «Principium et causa»). Сочинение было впервые полностью опубликовано Ф. Блимецридером (см.: *Bliemetzrieder*. 1919. S. 47–153); оно является самым пространным из всех тематических сводов сентенций и наиболее широко представлено в рукописной традиции, к-рая, однако, слабо отражена в изданиях, не учитывая многие важные рукописи и их отношение друг к другу (см.: *Giraud*. 2010. P. 367–368). С т. зр. богословского содержания собрание разделяется на несколько смысловых частей: 1) краткое изложение учения о свойствах Бога и о сотворении мира; 2) подробное рассмот-

рение истории грехопадения начиная с падения диавола и заканчивая анализом природы и последствий первородного греха; 3) описание состояния человека до явления в мир Спасителя, в рамках которого представляется учение о законе в целом, нравственных заповедях, прощательствах, вере, любви, и т. п.; 4) заключительный пространный раздел о браке и связанных с ним вопросах, к-рый отсутствует в ряде рукописей и мн. исследователями признаётся позднейшим добавлением, в основе которого, однако, лежат подлинные сентенции Л. ш. Очевидна тематическая неполнота сочинения: в нем нет разделов об искуплении, о таинствах; заключительные части в лит. отношении менее отделаны, чем начальные, что может свидетельствовать о незавершенном характере сборника (ср.: *Ibid*. P. 375–378). «Сентенции Ансельма» тесно связаны с неск. другими, менее известными собраниями сентенций: согласно Г. Вайсвайлеру (см.: *Weisweiler*. 1961), этот свод вообрал в себя материал собрания с инципитом «Deus non habet» (о нем см.: *Giraud*. 2010. P. 358–363) и повлиял на собрания с инципитами «Dues est sine» (см.: *Ibid*. P. 354–358) и «Prima rerum origo» (см.: *Weisweiler*. 1941).

2. Сборник «Сентенции по Священному Писанию» (*Sententiae divinae paginae*; инципит: «De sententiis divinae»). Сочинение было издано Блимецридером (см.: *Bliemetzrieder*. 1919. S. 3–46) вместе со сб. «Сентенции Ансельма», однако сравнительный анализ текстов свидетельствует о том, что эти сборники были составлены разными авторами, использовавшими ряд общих источников, среди к-рых центральное место занимали подлинные сентенции Ансельма Ланского. Для «Сентенций по Священному Писанию» характерно значительное внимание к вопросам теоретического богословия, а также достаточно простая и прозрачная структура отдельных вопросов, организованных в строгом систематическом порядке. Сборник открывается рассуждением о «невыразимой сущности» (*ineffabilis essentia*) Бога, которая «вся сущностью (*essentialiter*) пребывает в единичных творениях», т. е. своим незримым действием содержит весь мир (*Ibid*. S. 3–4). Эта божественная сущность, согласно автору сборника, «по способу единства» (*unita*) пребывает в «плоти Хрис-

та», поскольку только в Нем божество и плоть соединены в едином Лице (*Ibid*. S. 5). При этом во всех людях образом божественной сущности является душа, делающая человека единой личностью (*Ibidem*). После этой общей преамбулы следует изложение учения о единстве и троичности Бога; упоминаются и др. свойства Бога, в т. ч. благодать, простота, всемогущество. По преизбытку Своей благодати Бог творит мир из ничего; учение о творении из предсуществующей материи отвергается (*Ibid*. S. 10–11). Достаточно подробно автор сборника останавливается на учении о творении ангелов и падении нек-рых из них, а также рассматривает творение человека и свойства его первоначальной природы; в этих вопросах он точно следует сентенциям Ансельма Ланского и общепринятому церковному учению. В контексте рассуждения о грехопадении человека рассматриваются вопросы о природе воли и присущем ей свободном решении, а также о соотношении благодати и заслуги, предведения и предопределения (см.: *Ibid*. S. 27–32). Первородный грех в сборнике интерпретируется как «грех, переданный по рождению» (*peccatum traditum ex origine*), т. е. наследуемый каждым человеком от родителей; грех передается через тело и оскверняет душу, подаваемую человеку Богом, сразу же после ее соединения с телом (*Ibid*. S. 32–34). В области учения о Боговоплощении и об искуплении автор сборника повторяет общую линию рассуждений Ансельма Ланского, дополнительно пересказывая некоторые святоотеческие мнения. Хотя автор заявляет о намерении рассмотреть все таинства Церкви, сборник завершается пространным рассуждением о таинстве Крещения и кратким упоминанием о Конфирмации; разделы о Евхаристии и др. таинствах, а также изложение учения о последнем суде и воскресении отсутствуют (ср.: *Giraud*. 2010. P. 378–387).

3. Сборник «Аррасские сентенции» («*Sententiae Atrebatenses*»; инципит: «*Divina essentia teste*»). Это собрание сентенций сохранилось в одной рукописи из 6-ки Арраса; оно было опубликовано Лоттенем, однако лишь частично (см.: *Lottin*. 1938; *Idem*. 1959. P. 400–440). Первоначально Лоттен считал, что «*Sententiae Atrebatenses*» являются наи-

более ранним из собраний сентенций Л. ш., однако он отказался от этого мнения после обстоятельного исследования Вайсвайлера, продемонстрировавшего, что «Аррасские сентенции» представляют собой талантливую авторскую обработку «Сентенций Ансельма» с добавлением материала из др. сборников сентенций (см.: *Weisweiler*. 1941). «Аррасские сентенции» служат важным дополнением к 2 предшествующим сборникам, поскольку в них целиком представлен пространный раздел о таинствах, в вопросах к-рого последовательно рассматриваются Покаяние, Крещение, Конфирмация, «Таинство Тела Господня», т. е. Евхаристия (см.: *Lottin*. 1959. P. 425–434). В настоящее время этот сборник считают одной из наиболее поздних попыток представить законченный свод богословия Л. ш. (ср.: *Giraud*. 2010. P. 341–348, 393).

Лит.: *Lefèvre G.* De Anselmo Laudunensi Scholastico (1050–1117). Mediolani Aulercorum, 1895; *Bliemetzrieder F. P.* Anselms von Laon Systematische Sentenzen. Münster, 1919; *idem.* Autour de l'oeuvre théologique d'Anselme de Laon // RTAM. 1929. T. 1. P. 435–483; *Weisweiler H.* L'École d'Anselme de Laon et de Guillaume de Champeaux: Nouveaux documents // Ibid. 1932. T. 4. P. 237–269, 371–391; *idem.* Le recueil des sentences «Deus de cuius principio et fine tacetur» et son remaniement // Ibid. 1933. T. 5. P. 245–274; *idem.* Das Schrifttum der Schule Anselms von Laon und Wilhelms von Champeaux in deutschen Bibliotheken: Ein Beitrag zur Geschichte der Verbreitung der ältesten scholastischen Schule in deutschen Landen. Münster, 1936; *idem.* Die ältesten scholastischen Gesamtdarstellungen der Theologie: Ein Beitrag zur Chronologie der Sentenzenwerke der Schule Anselms von Laon und Wilhelms von Champeaux // Scholastik. 1941. Bd. 16. S. 231–254, 351–368; *idem.* Die Arbeitsweise der sogenannten Sententiae Anselmi: Ein Beitrag zum Entstehen der systematischen Werke der Theologie // Ibid. 1959. Bd. 34. S. 190–232; *idem.* Die Klagenfurter Sentenzen «Deus est sine principio», die erste Vorlesung aus der Schule Anselms von Laon: Zum Werden der früh-scholastischen Lehre von Schöpfung und Fall, Erlösung und christlicher Moraltheologie // Ibid. 1961. Bd. 36. S. 512–549; 1962. Bd. 37. S. 45–84; *Glunz H. H.* History of the Vulgate in England: From Alcuin to Roger Bacon. Camb., 1933; *Smalley B.* Gilbertus Universalis, Bishop of London (1128–34), and the Problem of the «Glossa ordinaria» // RTAM. 1935. T. 7. P. 235–262; 1936. T. 8. P. 24–60; *eadem.* La Glossa Ordinaria: Quelques pré-décesseurs d'Anselme de Laon // Ibid. 1937. T. 9. P. 365–400; *eadem.* The Study of the Bible in the Middle Ages. Oxf., 1952; *eadem.* Some Gospel Commentaries of the Early 12th Century // RTAM. 1978. T. 45. P. 147–180; *Landgraf A. M.* Werke aus dem Bereich der Summa Sententiarum und Anselms von Laon // Divus Thomas. Ser. 3. Freiburg, 1936. Bd. 14. S. 209–220; *idem.* Introduction à l'histoire de la littérature théologique de la scolastique naissante / Ed. A.-M. Landry; trad. L. B. Geiger. Montréal; P., 1973. P. 67–77; *Wilmart A.* Un commentaire des

Psaumes restitué à Anselme de Laon // RTAM. 1936. T. 8. P. 325–344; *Lottin O.* Aux origines de l'école théologique d'Anselme de Laon // Ibid. 1938. T. 10. P. 101–122; *idem.* Quatre Sommes théologiques fragmentaires de l'école d'Anselme de Laon // Mélanges Auguste Pelzer / Ed. L. Noël. Louvain, 1947. P. 81–107; *idem.* Psychologie et morale aux XIIe et XIIIe siècles. Gembloux, 1959. T. 5: Problèmes d'histoire littéraire: L'école d'Anselme de Laon et de Guillaume de Champeaux; *Silvain R.* La tradition des sentences d'Anselme de Laon // AHDLM. 1948. T. 16. P. 1–52; *Leclercq J.* Le commentaire du Cantique des Cantiques attribué à Anselme de Laon // RTAM. 1949. T. 16. P. 29–39; *Eynde D., van den.* Literary Note on the Earliest Scholastic «Commentarii in Psalmos» // Franciscan Studies. 1954. Vol. 14. P. 121–154; *idem.* Autour des «Enarrations in Evangelium S. Matthaei» attribuées à Geoffroi Babion // RTAM. 1959. T. 26. P. 50–84; *Williams J. R.* The Cathedral School of Rheims in the 11th Century // Speculum. 1954. Vol. 29. N. 4. P. 661–677; *Häring N. M.* The Sententiae Magistri A. (Vat. Ms. Lat. 4361) and the School of Laon // Mediaeval Studies. Toronto, 1955. Vol. 17. P. 1–45; *Cloes H.* La systématisation théologique pendant la première moitié du XIIe siècle // EThL. 1958. Vol. 34. P. 277–329; *Bertola E.* Le critique di Abelardo ad Anselmo di Laon ed a Guglielmo di Champeaux // Rivista di Filosofia Neo-Scholastica. Mil., 1960. Vol. 52. N. 5. P. 495–522; *Silvestre H.* À propos de la lettre d'Anselme de Laon à Héribrand de Saint-Laurent // RTAM. 1961. T. 28. P. 5–25; *idem.* Notes sur la controverse de Rupert de Saint-Laurent avec Anselme de Laon et Guillaume de Champeaux // Saint-Laurent de Liège: Église, abbaye et hôpital militaire: Mille ans d'histoire. Liège, 1968. P. 63–80; *Otto S.* Die Schule des Anselms von Laon // *Idem.* Die Funktion des Bildbegriffes in der Theologie des 12. Jh. Münster, 1963. S. 24–69; *Flint V. I. J.* Some Notes on the Early 12th Century Commentaries on the Psalms // RTAM. 1971. T. 38. P. 80–88; *eadem.* The «School of Laon»: A Reconsideration // Ibid. 1976. T. 43. P. 89–110; *Contreni J. J.* The Formation of Laon's Cathedral Library in the 9th Century // Studi medievali. Ser. 3. 1972. Vol. 13. P. 919–939; *idem.* The Cathedral School of Laon from 850 to 930: Its Manuscripts and Masters. Münch., 1978; *Merlette B.* Écoles et bibliothèques, à Laon, du déclin de l'antiquité au développement de l'université // Actes du 95e Congrès national des sociétés savantes, Reims, 1970 (Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610). P., 1975. T. 1. P. 21–53; *Colish M. L.* Another Look at the School of Laon // AHDLM. 1986. T. 53. P. 7–22; *Ballentyne A.* A Reassessment of the Exposition on the Gospel according to St. Matthew in Manuscript Alençon 26 // RTAM. 1989. T. 56. P. 19–57; *Stirnermann P.* Où ont été fabriqués les livres de la glose ordinaire dans la première moitié du XIIe siècle? // Le XIIe siècle: Mutations et renouveau en France dans la dans la première moitié du XIIe siècle / Ed. F. Gasparri. P., 1994. P. 257–301; *Maas P.* The Liber Sententiarum Magistri A: Its Place amidst the Sentences Collections of the First Half of the 12th Century: Diss. Nijmegen, 1995; *Dove M.* Introduction // Glossa Ordinaria. Pars 22: In Canticum Cantorum / Ed. M. Dove. Turnholti, 1997. P. 1–70; *Dufour-Malbezin A., ed.* Actes des évêques de Laon: Des origines à 1151. P., 2001; *Lobrichon G.* Conserver, réformer, transformer le monde?: Les manipulations de l'Apocalypse au Moyen Âge central // *Idem.* La Bible au Moyen Âge. P., 2003. P. 109–128; *Andrée A., ed.*

Gilbertus Universalis. Glossa ordinaria in Lamentationes Ieremie prophete: Prothemata et Liber 1. Stockholm, 2005; *idem.* Anselm of Laon Unveiled: The «Glossa Super Iohannem» and the Origins of the «Glossa Ordinaria» on the Bible // Mediaeval Studies. 2011. Vol. 73. P. 217–260; *Giraud C., Mews C. J.* Le «Liber pancrisis»: Un florilège des Pères et des maîtres modernes du XIIe siècle // Archivum latinitatis Medii Aevi: Bull. du Cange. Gen., 2006. T. 64. P. 145–191; *Giraud C.* «Lectiones magistri Anselmi»: Les commentaires d'Anselme de Laon sur le Cantique des cantiques // The Multiple Meaning of Scripture: The Role of Exegesis in Early-Christian and Medieval Culture / Ed. I. van 't Spijker. Leiden, 2009. P. 177–201; *idem.* Per verba magistri: Anselme de Laon et son école au XIIe siècle. Turnhout, 2010; *idem.* Théologie et pédagogie au XIIe siècle: Les sentences d'Anselme de Laon et de son école dans le manuscrit Paris, BNF, n. a. l. 181 // AHDLM. 2012. T. 79. P. 193–287; *idem.* Anselme de Laon // Histoire littéraire de la France / Publ. par l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres. P., 2014. T. 43(2). P. 239–291; *Smith L.* Glossa Ordinaria: The Making of a Medieval Bible Commentary. Leiden; Boston, 2009.

Д. В. Смирнов

ЛАНТБЕРТ [лат. Lantpertus, Lambertus; нем. Lantpert, Lantbert, Lambert] († 19.09.957), св. (пам. зап. 18 сент.), еп. Фрайзинга (Германия) в 937–957 гг. По всей видимости, Л. род. в кон. IX в. в Баварии; о его жизни до рукоположения в сан епископа достоверно неизвестно. Возможно, он получил образование в соборной школе Фрайзинга, после чего был назначен клириком кафедрального собора. В 937 г. Л. стал преемником Вольфрама, еп. Фрайзинга (926/7–937). В том же году скончался герц. Баварии Арнульф I, к-рый пользовался земельными богатствами Церкви и часто прибегал к конфискации ее владений; власть перешла к его сыну Эберхарду. В 938 г. на территории герц-ства вторгся герм. кор. *Оттон I* (936–973; император с 962), к-рый разгромил войска Эберхарда, установил контроль над Баварией и передал ее брату герц. Арнульфа Бертольду, лишив последнего права утверждать епископов и аббатов и возвратив Церкви часть ее владений. Согласно грамоте от 29 мая 940 г., по просьбе Л. кор. *Оттон I* передал диоцезу Фрайзинг аббатство св. Кастула в г. Мосбург (ныне Мосбург-ан-дер-Изар, Бавария) (MGH. Dipl. Imp. T. 1. P. 116–117). Известно также об участии Л. в работе имперского синода в Аугсбурге (авг. 952). Со времени пребывания Л. на кафедре диоцез Фрайзинг становится частью складывавшейся при Оттоне I системы имперской Церкви, в рамках которой

епископства наделялись землями и получали широкие привилегии, а от прелатов требовалось выполнение вассальных обязанностей. Во время восстания 953–954 гг., которое было организовано сыном кор. Оттона I Людольфом, Л. и другие епископы Баварии, относившиеся к королю как к «покровителю Церкви», остались ему верны. В авг. 955 г. кор. Оттону I удалось разгромить кочевников-венгров на р. Лех (близ Аугсбурга), после чего прекратились их набеги на территорию диоцеза. С этой победой связана поздняя легенда, согласно к-рой накануне битвы по молитвам Л. собор Фрайзинга был скрыт от врагов в густом тумане и благодаря этому избежал разорения.

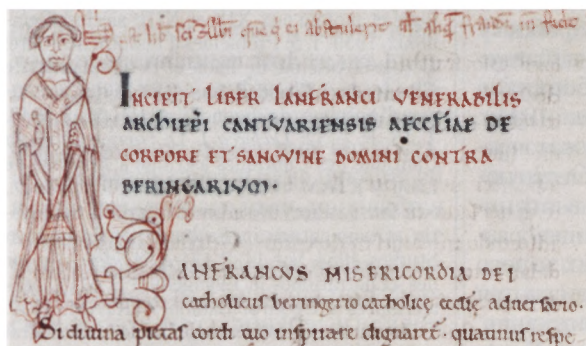
Л. был похоронен в кафедральном соборе. В местном календаре, датированном XI в., под 19 сент. Л. упомянут как умерший епископ; лишь позднее в календаре еп-ства Фрайзинг он стал именоваться святым (*Der karolingische Reichskalender und seine Überlieferung bis ins 12. Jh.* / Hrsg. A. Borst. Hannover, 2001. Bd. 2. S. 1308. (MGH. Mem.; 2/2)). В 1350 г. были обретены мощи Л.; к XV в. почитание святого распространилось на всю территорию Баварии, однако его Житие так и не было составлено. Самые ранние изображения Л. датируются XII в.; с XV в. у его ног часто изображается агнец (нем. Lamm), что является аллюзией на имя святого. В наст. время мощи Л. находятся в крипте кафедрального собора Пресв. Девы Марии и св. Корбиняна во Фрайзинге. Память Л. празднуется на территории архиеп-ства Мюнхен и Фрайзинг 18 сент. Ист.: MGH. Dipl. Reg. Imp. T. 1. P. 116–117. Лит.: Fischer J. Der hl. Lantbert, Bischof von Freising (937–957) und seine Zeit. Münch., 1957; idem. Lantbert von Freising: Der Bischof und Heilige. Münch., 1959; Van Doren R. Lantbert // BiblSS. Vol. 7. Col. 1077–1078; Weitlauff M. Lantbert // NDBiogr. 1982. Bd. 13. S. 621; Sauser E. Lantbert // BBKL. 2000. Bd. 17. Sp. 825–826.

Е. А. Заболотный

ЛАНФРА́НК [лат. Lanfrancus; англ. Lanfranc] (ок. 1010, Павия, Италия — 28.05.1089, Кентерберн, Англия), нормандский и англ. церковный деятель, богослов; архиеп. Кентерберийский (с 1070).

Жизнь и деятельность. Источники. Основным собранием сведений о жизни и деятельности Л. и единственным документом, содержащим

данные об обстоятельствах его жизни до поступления в мон-рь Бек, является подробное жизнеописание, составленное в мон-ре Бек в 30–40-х гг. XII в. (*Vita Lanfranci* // PL. 150. Col.

в город, однако, не захотев, подобно отцу, становиться городским служащим, вскоре отправился в Нормандию. Согласно 2-й версии, Л. после обучения свободным искусствам и светскому праву в Павии успешно выступал в качестве адвоката в город-

Ланфранк.
Миниатюра из рукописи
соч. «О Теле и Крови Господа».
Нач. XII в.
(Bodl. 569. Fol. 1r)

29–58; критическое изд. с указанием источников: Gibson. 1993. P. 667–715). При работе над жизнеописанием автор опирался на устное предание, на сочинения и эпистолярное наследие Л., а также на ряд предшествующих источников историко-хронографического и агиографического характера, содержащих свидетельства о Л. (их перечень см.: Ibid. P. 664–666; подробный обзор и анализ всех источников: Eadem. 1978. P. 195–226). В результате соотнесения содержания жизнеописания с др. источниками исследователи пришли к заключению, что памятник, несмотря на присущую ему риторическую и агиографическую форму, отличается достаточно высокой фактической достоверностью, что позволяет в определенных границах считать соответствующими действительности и те сообщаемые в нем сведения о Л., которые не могут быть верифицированы с помощью привлечения дополнительных источников.

Происхождение, образование, начало монашеской жизни. Л. происходил из состоятельной ломбардской семьи; согласно жизнеописанию, его отец Арибальд принадлежал к числу тех, кто «надзирали за соблюдением прав и законов» в Павии, т. е. был юристом и входил в круг высших городских служащих (см.: Eadem. 1993. P. 668; ср.: Cowdrey. 2003. P. 5). В источниках встречаются 2 различные версии относительно образования и раннего периода жизни Л. Согласно 1-й версии, его отец скончался, когда Л. был еще ребенком; вскоре после этого Л. покинул Павию и обучался свободным искусствам (см. *Artes liberales*) в др. городах Италии (где именно — неизвестно); он ненадолго вернулся

ском суде и пользовался значительным авторитетом среди местных юри-

стов. Исследователи считают 2-ю версию более поздней и менее достоверной, т. к. в сочинениях и письмах Л. не обнаруживаются следов глубокого изучения им ломбардского права; его познания в светском праве не выходят за пределы базовой осведомленности, к-рой обладал получивший школьное образование человек (см.: Cowdrey. 2003. P. 5–8).

Точная дата начала поездки Л. во Францию неизвестна. В жизнеописании сообщается, что он с группой друзей и учеников навсегда покинул Павию, переправился через Альпы и направился «в пределы Галлии» в правление франц. кор. Генриха I (1031–1060) и Вильгельма II, герц. Нормандии (1035–1087), который впоследствии стал англ. кор. Вильгельмом I Завоевателем (1066–1087); т. о., странствия Л. по франц. и нормандским землям могут быть приблизительно датированы 2-й пол. 30-х — нач. 40-х гг. XI в. (см.: Gibson. 1993. P. 668). Возможно, во время поездки по Франции Л. побывал в Туре и в Шартре, к-рые славились мон-рями и школами; в течение некоторого времени он жил и преподавал свободные искусства в г. Авранш в Н. Нормандии; не исключено, что он посещал также находившийся близ этого города мон-рь Мон-Сен-Мишель. Др. подробности о жизни Л. в Нормандии до возникновения у него намерения стать монахом и приезда в мон-рь Бек неизвестны (ср.: Cowdrey. 2003. P. 9–10).

Л. в монастырях Бек (1042–1063) и Сент-Этьен (1063–1070). Содержащиеся в жизнеописании Л. сведения о его обращении к монашеской жизни повторяют нек-рые распространенные агиографические шаблоны, вслед. чего среди исследо-

вателей нет единства в вопросе о том, насколько эти сведения соответствуют действительным событиям (ср.: *Ibid.* P. 11–12). Согласно автору жизнеописания, Л. начал тяготиться суетными знаниями, мирской славой и почитанием от учеников; он принял решение поселиться в отдаленной монашеской обители, где бы о нем никто ничего не знал. Отправившись с неизвестными целями в Руан, бывший в то время одним из важнейших городов Нормандии, Л. около р. Риль был схвачен разбойниками, ограблен и оставлен связанным в лесу. В жизнеописании приводится молитва, с к-рой Л. обратился к Богу; в ней Л. с горечью отмечал, что он, изучив всю мирскую науку, не научился тому, как надлежит молиться Богу. Прося избавить его от неминуемой смерти, Л. обещал посвятить себя исправлению собственной жизни и наставлению других в служении Богу. Утром Л. нашли местные жители; в ответ на просьбу Л. указать наиболее простой из близлежащих мон-рей, они посоветовали ему направиться в мон-рь Бек, незадолго до этого основанный аббатом Эрлуином († 1078). Прибыв в мон-рь, Л. встретил аббата Эрлуина, который собственными руками строил хлев для скота. Придя в восхищение от простоты и строгости жизни в мон-ре, Л. решил остаться в нем; после надлежащих испытаний и наставлений в монашеском уставе он был принят в число братии (см.: *Gibson.* 1993. P. 669–670). Точная дата прибытия Л. в мон-рь Бек не установлена, однако на основании дальнейших событий его жизни исследователи предлагают в качестве наиболее вероятной приблизительной даты 1042 г. (см.: *Cowdrey.* 2003. P. 12). В сохранившемся средневеком. порядковом списке всех монахов, приносивших обеты (*professio*) в мон-ре Бек, имя Л. стоит на 35-м месте (*Porée A. A. Histoire de l'abbaye du Bec. Evreux,* 1901. T. 2. P. 629).

Первоначально в мон-ре Бек Л. с согласия аббата Эрлуина посвятил себя созерцательной жизни; он упражнялся в покое (*quies*) и молчании, в чтении Свящ. Писания, в одиноких молитвенных размышлениях и постоянно участвовал в общих монастырских богослужениях, стремясь научиться богомыслию, смирению и послушанию. Так, согласно жизнеописанию, во время богослужений Л., не желая обидеть негра-

мотного приора мон-ря и показать свое превосходство, соглашался с его ошибочными замечаниями относительно ударений в лат. словах (см.: *Gibson.* 1993. P. 671–672). Однако после 3 лет монашеской жизни Л. желал удалиться из ставшего богатым и многолюдным мон-ря; как говорится в жизнеописании, его замысел был открыт «в сонном видении» аббату Эрлуину, к-рый убедил Л. остаться и в 1045 г. назначил приором мон-ря (см.: *Ibid.* P. 672–675; ср.: *Cowdrey.* 2003. P. 13–15). С этого времени деятельность Л. в мон-ре Бек стала более насыщенной и разнообразной: он осуществлял общий надзор за порядком монастырской жизни, отвечал за связи мон-ря со знатными лицами и с благотворителями, преподавал в монастырской школе свободные искусства детям и юношам, готовившимся к принятию монашества, и читал лекции по Свящ. Писанию для братии мон-ря.

В 50-х гг. XI в. слава Л. как преподавателя распространилась по всей Франции и по др. европ. гос-вам; мн. дети аристократов и молодые клирики специально приезжали в Бек, чтобы послушать его лекции. Важным свидетельством о преподавательской деятельности Л. является адресованное ему письмо папы Римского *Николая II* (1059–1061), к-рое датировано 1059 г. (текст см.: *Southern.* 1990. P. 32–33). В письме Николай II упоминает о дошедших до него слухах, что Л. преимущественно занят наставлением монахов в Свящ. Писании (*divina pagina*), однако, несмотря на это, он сообщает о направлении в Бек для обучения у Л. неск. папских и имп. капелланов и просит научить их диалектике и риторике, в к-рых Л. нет равных. Т. о., известность Л. как преподавателя была столь велика, что к нему присылали учеников даже из Рима; при этом сам он предпочитал не преподавание тривиума (грамматики, диалектики и риторики), а чтение лекций по Свящ. Писанию. Вероятно, наиболее часто Л. рассматривал на лекциях Псалтирь и Послания ап. Павла; на это указывают сохранившиеся краткие отрывки из комментария Л. к Псалтири и полный комментарий в виде глоссы к Посланиям ап. Павла. Сходное по содержанию письмо отправил Л. в нач. 60-х гг. XI в. папа Римский *Александр II* (1061–1073), к-рый, посылая к нему для обучения своего племянника, отмечал, что Л. «напол-

нен даром двойкой премудрости», т. е. обладает талантом преподавателя и в светских науках, и в теологии (текст письма см.: PL. 146. Col. 1353). Согласно свидетельству отдельных источников, к-рое не все ученые принимают в качестве достоверного, папа Римский Александр II, как и Л., являвшийся уроженцем Ломбардии, сам был учеником Л. в сер. 50-х гг. XI в. (см.: *Gibson.* 1993. P. 697; ср.: *Eadem.* 1978. P. 109–111; *Cowdrey.* 2003. P. 22–24). В число известных богословов и церковных деятелей, в разные годы обучавшихся у Л. в мон-ре Бек, входят: еп. *Иво Шартрский* (ок. 1040–1115); Гундульф, еп. Рочестерский (1076/77–1108); Томас, архиеп. Йоркский (1070–1100); Гильберт Криспин (1045/46–1117), аббат Вестминстера; теолог Гвитмунд († ок. 1095), вполсл. ставший епископом Аверсы, и др. (см.: *Cowdrey.* 2003. P. 21–22). В 1060 г. в мон-рь Бек вступил *Ансельм* (1033–1109; с 1093 — архиепископ Кентерберийский), к-рый в течение неск. лет учился у Л., в 1063 г. стал его преемником на посту приора, вполсл. высоко оценивал наставления Л. как в области наук, так и в сфере монашеской жизни и относился к нему с признательностью и уважением. Сохранились 16 писем Ансельма Л., относящиеся к периоду после 1070 г. (см.: *Anselm.* Ep. 1, 14, 23, 25, 27, 32, 39, 49, 57, 66, 72, 77, 89–90, 103, 124; см. также сопроводительное письмо к «Монологиону»: *Idem.* Monolog. Epistola ad Lanfrancum), однако в наст. время известно лишь 1 письмо Л. Ансельму (см.: *Anselm.* Ep. 30 = *Lanfrancus.* Ep. 43 // PL. 150. Col. 539–540; подробнее об отношениях Л. и Ансельма см.: *Southern.* 1990. P. 14–66).

Внешняя деятельность Л. как приора монастыря Бек и авторитетного теолога предполагала взаимодействие как с высшей духовной властью в лице Римских пап и членов папской курии, так и с высшей светской властью, к-рая в Нормандии в этот период была сосредоточена в руках герц. Вильгельма. По некоторым свидетельствам, первоначально отношения между Л. и герцогом складывались сложно, однако уже к 1059 г. Л. стал одним из ближайших советников герц. Вильгельма и выступал в качестве его доверенного лица во мн. церковных переговорах, в т. ч. в Риме. В письме Л. папы Римского *Николая II* с одобрением упоминается о том, что герц. Вильгельм во

Ланфранк.
Гравюра. XVI–XVII вв.

всем следует мудрым советам Л. (см.: *Southern*. 1990. P. 32–33). Действительное участие Л. в управлении Нормандией в 50–60-х гг. XI в. едва ли было значительным; есть основания полагать, что он принимал участие в некоторых провинциальных Соборах, регулярно встречался с герц. Вильгельмом и давал ему советы в области управления монастырями и в сфере церковных реформ, однако в собственно гос. дела Л. не вмешивался. Вместе с тем, преданно защищая интересы герцога в Нормандии и в Риме, Л. смог заручиться его уважением и доверием (см.: *Cowdrey*. 2003. P. 29–37).

С кон. 40-х гг. XI в. имя Л. было хорошо известно в Риме. Поскольку Л. отстаивал духовные и имущественные интересы нормандских мон-рей и был сторонником строгой монашеской дисциплины, у него сложились доверительные отношения с папой Римским Львом IX (1049–1054), к-рый был одним из наиболее активных инициаторов церковных реформ в XI в., считал монашество важнейшей силой, способной оживить и исправить церковную жизнь, проводил многочисленные общецерковные и провинциальные Соборы с целью принятия канонических постановлений, направленных против разного рода злоупотреблений в католич. Церкви. В источниках засвидетельствовано продолжавшееся ок. полугодия пребывание Л. в свите Льва IX. Л. присоединился к спутникам папы, совершавшего поездку по Франции, вскоре после Реймского Собора (окт. 1049; хотя в лит-ре встречаются утверждения, что Л. присутствовал на Соборе, документальных подтверждений этого нет). В нояб. 1049 г. он был участником совершённого папой Львом IX освящения соборного храма в Ремирмоне, после чего сопровождал его на пути в Италию. Весной 1050 г. Л. принимал участие в Римском Соборе, а осенью того же года — в Верчелльском Соборе, после чего вернулся в мон-рь Бек. Хотя основным предметом обсуждения на Соборах были церковные реформы, их участники затрагивали и богословские вопросы, при рассмотрении к-рых Л. зарекомендовал себя как талантливый теолог и полемист (подробнее об отношениях Л. с папами Римскими в 50–60-х гг. XI в. см.: *Ibid*. P. 38–45).

Во время 1-го пребывания в Риме Л. оказался впервые вовлечен в спо-

ры по поводу евхаристического богословия Беренгария (ок. 1000–1088; см. ст. *Беренгар Турский*; подробный историко-богословский анализ дискуссии Л. и Беренгария см.: *Montclos*. 1971; ср. также: *Gibson*. 1978. P. 63–97; *Montclos*. 1993). Осенью 1049 г. Беренгарий отправил Л. письмо, в котором сообщал о дошедших до него слухах о том, что Л. не разделяет его учения о Евхаристии и считает неверными высказывания Иоанна Скота Эриугены (ок. 810–877), которые Беренгарий приводил для подкрепления своих мнений (в действительности автором приводимых Беренгарием высказываний был не Иоанн Скот Эриугена, а монах и теолог IX в. *Ратрамн* из Корби). Беренгарий упрекал Л. в следовании будто бы ошибочным мнениям *Пасхазия Радберта* († ок. 865), призывал Л. не подвергать сомнению учение отцов Церкви, защитником к-рого он считал себя; при этом в целом он обращался к нему как к другу и единомышленнику (текст письма см.: *Huygens*. 1967. P. 456). Л., вероятно, одним из первых узнал об учении Беренгария, к-рый начал высказывать отличающиеся от общепринятых мнения относительно Евхаристии ок. 1047 г.; Л. мог выступать против отдельных тезисов Беренгария во время лекций в мон-ре Бек, однако свидетельств о более широкой полемике Л. с Беренгарием в 1047–1049 гг. нет (ср.: *Cowdrey*. 2003. P. 38–39, 60–61). Как следует из позднейшего свидетельства самого Л., когда письмо Беренгария было доставлено в мон-рь Бек, он находился в поездке с папой Римским Львом IX, вслед. чего узнал о письме лишь позднее. Однако содержание письма стало известно неким

нормандским клириком, к-рые, превратно истолковав его текст, заподозрили Л. в тайном согласии с Беренгарием и отправили письмо для разбирательства в Рим (см.: *Lanfranc*. De corp. et sang. Domini. 4). Письмо стало предметом обсуждения на Римском Соборе 1050 г., где Л. смог убедительно продемонстрировать собственную непричастность к заблуждениям Беренгария, которого Собор осудил без его личного присутствия. Впосл. Л. подчеркивал, что на Соборе он доказал верность церковному учению «не путем умозаключений, но путем ссылок на незыблемые церковные авторитеты», т. е. на изречения отцов Церкви (см.: *Ibidem*). Против учения Беренгария Л. выступал также на Верчелльском Соборе; хотя Беренгарий был вызван на Собор для дачи объяснений, он не смог приехать, т. к. был в это время помещен под арест по распоряжению франц. кор. Генриха I. Собор не издал постановлений относительно самого Беренгария, однако объявил еретическим и подлежащим сожжению сочинение Иоанна Скота Эриугены (т. е. *Ратрамна*), на к-рое ссылался Беренгарий. Л. не принимал заметного участия в выработке решений Собора, однако целиком поддержал их (см.: *Ibidem*; ср.: *Cowdrey*. 2003. P. 61–62). Освободившись из заключения осенью 1050 г., Беренгарий обратился за поддержкой к герц. Вильгельму и со свитой герцога прибыл в Брион. Здесь по распоряжению герц. Вильгельма состоялось публичное обсуждение нормандскими теологами и католическими клириками учения Беренгария в его присутствии; в обсуждении принимал участие и вернувшийся из Италии Л. Участники обсуждения поддержали решения Верчелльского Собора и объявили несостоятельными ссылки Беренгария на учение отцов Церкви; по итогам обсуждения проповедь мнений Беренгария в Нормандии оказалась под запретом. О прямой дискуссии между Беренгарием и Л. во время обсуждения свидетельств нет; впосл. Беренгарий утверждал, что Л. ни разу не отважился вести с ним спор лицом к лицу. Вероятно, Л. не принимал непосредственного участия в последующих церковных Соборах, к-рые рассматривали учение Беренгария и в ходе к-рых были выработаны опровергавшие его взгляды формулировки евхаристического богословия

католич. Церкви, хотя есть сторонники гипотезы о том, что он присутствовал на Римском Соборе 1059 г. (см.: *Cowdrey*. 2003. P. 42, 62–63). Однако, даже если Л. не был в Риме лично, он активно поддерживал деятельность основного римского противника Беренгария, кард. *Гумберта* († 1061), и одобрил выработанное кардиналом изложение католич. евхаристического учения в духе крайнего реализма (текст см.: *Denzinger*. Enchiridion. 1976. P. 227. N 690), с которым Беренгарий был вынужден согласиться на Римском Соборе 1059 г. (см.: *Lanfranc*. De corp. et sang. Domini. 2; см. также ст. *Евхаристия*). После смерти кард. Гумберта и появления трактата Беренгария «Записка против Собора» (*Scriptum contra synodum*; полностью не сохр., однако обширные цитаты присутствуют в сочинении Л.), в к-ром тот вернулся к прежним мнениям, Л. счел своей обязанностью выступить с письменной апологией церковных решений и изложить истинное католич. учение о Евхаристии. С этой целью в сер. 60-х гг. XI в. им было написано соч. «О Теле и Крови Господа» (*De corpore et sanguine Domini*), с т. зр. формы являющееся адресованным Беренгарию открытым письмом (см.: *Cowdrey*. 2003. P. 64–65). Составленное Беренгарием полемическое «Ответное сочинение против Ланфранка» (*Beringerius Turonensis. Rescriptum contra Lanfrannum* / Ed. R. V. C. Huygens. Turnholti, 1988. 2 vol. (CCCM; 84, 84A)) является единственным сохранившимся последовательным изложением его евхаристического богословия; оно представлено в единственной рукописи, вероятно восходящей к черновику Беренгария. Совр. исследователи считают, что Беренгарий не завершил сочинение и не стал обнародовать его; нет никаких свидетельств того, что Л. знал о его существовании и содержании (см.: *Cowdrey*. 2003. P. 65). В 1072 г. по просьбе папы Римского Александра II Л. отправил экземпляр соч. «О Теле и Крови Господа» в Рим, однако было ли оно получено — неизвестно, т. к. нет прямых подтверждений использования сочинения Л. во время рассмотрения дела Беренгария Латеранским Собором 1079 г. (см.: *Ibid*. P. 66–67). Под давлением участников Собора Беренгарий вновь отрёкся от своих мнений и исповедал католич. учение; считая отречение

неискренним, Л. в переписке косвенно выражал неудовольствие чрезмерной мягкостью папы Римского *Григория VII* (1073–1085) и участников Собора, не пожелавших отлучить Беренгария и всех его единомышленников от Церкви (см.: *Lanfranc*. Ep. 33 // PL. 150. Col. 532–533; Ep. 50 // *Ibid*. Col. 543–545; ср.: *Cowdrey*. 2003. P. 66–67).

В 1063 г., исполняя просьбу герц. Вильгельма, Л. покинул мон-рь Бек и стал аббатом учрежденного в 1059 г. мон-ря Сент-Этьен в Кане. Поскольку этот город наравне с Руаном был постоянной резиденцией герц. Вильгельма, назначение свидетельствовало прежде всего о желании герцога, чтобы Л. находился рядом с ним и поддерживал советами его начинания, в т. ч. формировавшийся у герцога с нач. 60-х гг. XI в. замысел завоевания Англии. В мон-ре Сент-Этьен Л. проявил себя как талантливый администратор: при нем было начато сооружение главного монастырского храма и многочисленных служебных построек; в 1068 г. он добился от папы Римского Александра II экземпции мон-ря из юрисдикции местного епископа и его непосредственного подчинения Папскому престолу. По-видимому, к кон. 60-х гг. Л. стал пользоваться известностью и уважением в широких кругах населения Нормандии; так, после смерти Маурилия, архиеп. Руанского (1055–1067), клир и народ города желали, чтобы его преемником стал Л., однако герц. Вильгельм, вероятно уже в это время планировавший назначить Л. на главную кафедру Англии, предпочел, чтобы архиепископом Руанским стал Иоанн (1067–1079), ранее занимавший кафедру Авранша (1060–1067). По поручению герцога Л. в 1067 г. успешно провел в Риме переговоры с папой Римским Александром II и получил для архиеп. Иоанна папское дозволение на смену кафедры и архиепископский *паллий* (см.: *Cowdrey*. 2003. P. 37–38).

Л. на архиепископской кафедре Кентерберри (1070–1089). В первые годы после завоевания Англии и коронации в дек. 1066 г. кор. Вильгельм I был вынужден вести крайне осторожную церковную политику и опирался преимущественно на прежнюю англосакс. церковную иерархию, стремясь завоевать ее расположение благосклонным отношением, а также дарованием привилегий, земель и имущества. Отноше-

ние кор. Вильгельма к предшественнику Л. на Кентерберрийской кафедре архиеп. Стиганду (1052–1070), к-рый был в большей степени богатым землевладельцем и опытным гос. деятелем, чем церковным прелатом, и мало интересовался религ. вопросами, первоначально было уважительным и доброжелательным. Прибегая к советам и посредничеству архиеп. Стиганда в гос. делах, король вместе с тем намеренно противопоставлял ему в качестве духовного авторитета Эалдред (1060–1069), архиеп. Йоркского, который возглавил коронацию короля и его супруги. В 1070 г. кор. Вильгельм I, заручившись поддержкой папы Римского Александра II, при участии папских легатов сместил с кафедры архиеп. Стиганда, который был обвинен в 3 церковных преступлениях: 1) незаконном владении помимо принадлежавшего ему архиеп-ства Кентерберрийского также еп-ством Уинчестер; 2) самовольном присвоении паллия, принадлежавшего его предшественнику (согласно каноническим нормам, каждый прелат должен был лично получать паллий от папы Римского); 3) принятии паллия от антипапы *Бенедикта X* († после 1073). Вскоре после низложения архиеп. Стиганда кор. Вильгельм I предложил Л. стать новым архиепископом; сначала тот твердо отказывался, однако после вмешательства папы Александра II, направившего в Нормандию легатов для переговоров с ним, согласился и в авг. 1070 г. прибыл в Англию. 29 авг. 1070 г. в Кентерберри состоялась церемония торжественного рукоположения и возведения на кафедру, на церемонии присутствовали кор. Вильгельм I и все англ. епископы (см.: *Ibid*. P. 78–86). Осенью 1071 г. Л. посетил Рим и был с почетом принят папой Александром II, к-рый помимо обычного архиепископского паллия подарил ему свой личный паллий, наделил его всей полнотой власти в англ. Церкви и специально указал, что все законные решения Л. должны приниматься королем и англ. Церковью как решения самого Римского папы.

Своей основной задачей в первые годы пребывания на кафедре Л. считал восстановление внешнего первенствующего положения Кентерберрийского архиеп-ства в англ. католич. Церкви. Л. последовательно и неуклонно добивался признания англ. королем и папой Римским духовной

и адм. зависимости от архиепископа Кентерберийского всех англ. епископов, в т. ч. и архиепископа Йоркского, к-рый также претендовал на первенство чести и власти в англ. Церкви. Внешним поводом для постановки вопроса о первенстве стало избрание в 1070 г. архиепископом Йоркским Томаса из Байё, который был нормандцем по происхождению, до назначения служил придворным капелланом и пользовался расположением кор. Вильгельма I. Л. потребовал, чтобы перед возведением на кафедру архиеп. Томас как от собственного имени, так и от лица своих будущих преемников представил письменное обещание полного повиновения во всех церковных вопросах архиепископу Кентерберийскому и принес соответствующую присягу. Архиеп. Томас, сославшись на отсутствие подобной традиции в Англии, отказался удовлетворить требования Л. и обратился с жалобой к кор. Вильгельму, к-рый сперва посчитал претензии Л. чрезмерными, однако затем согласился с его доводами и принудил архиеп. Томаса к повиновению. Хотя архиеп. Томас дал обещание полного подчинения Л., общий вопрос об адм. отношении Кентерберийской и Йоркской кафедр не был решен (см.: *Ibid.* P. 90–93). С т. зр. церковного права к 1070 г. Кентербери и Йорк формально являлись не зависящими друг от друга и равными по статусу церковными провинциями. Однако при этом архиепископу Кентерберийскому были подчинены 14 епископов, а архиепископу Йоркскому — только епископ Даремский, в силу чего Йоркские архиепископы считали, что Кентерберийские архиепископы пользуются неправомерным преимуществом, и заявляли права как минимум на 3 дополнительных диоцеза — Дорчестер (после 1072 — Линкольн), Вустер и Личфилд. Во время поездки в Рим осенью 1071 г. архиеп. Томас обратился к папе Александру II с просьбой решить вопросы о первенстве и о разделе диоцезов; в качестве авторитета он ссылаясь на папу Римского свт. Григория I Великого (ок. 590–604), который в одном из посланий заявлял, что англ. церковные провинции должны быть равными по статусу и первенство должно определяться исключительно первенством хиротонии соответствующих предстоятелей (см.: *Greg. Magn. Reg. epist.* XI 39 // MGH. Ep.

Vol. 2. P. 311–313). Возражая на этот довод, Л. заявил, что свт. Григорий рассуждал о кафедрах Йорка и Лондона, а не Йорка и Кентербери; согласно Л., кафедра Кентербери со временем законно получила особый статус высшей кафедры Англии. Вероятно, из опасения испортить отношения с кор. Вильгельмом I папа Римский Александр II не захотел выносить окончательное решение и указал, что спор должен быть решен путем исследований существовавших прежде традиций прелатами Англии в присутствии короля. Соответствующие собрания состоялись в рамках заседаний королевского совета и королевского суда в Уинчестере (8 апр. 1072) и в Виндзоре (27 мая 1072). Для защиты своей позиции Л. представил исторические свидетельства о примате Кентерберийских архиепископов, подтверждавшие, что эти архиепископы рукополагали епископов и судили клириков во всех диоцезах Англии, в т. ч. в Йорке и в 3 спорных диоцезах. Помимо этого он предложил подборку «привилегий и писаний» (*privilegia atque scripta*) Римских пап, начиная со свт. Григория Великого и заканчивая Львом IX. Согласно предположению Г. Бёмера, это были ставшие впоследствии широко известными 9 документов, которые уже в XII в. при рассмотрении в Риме были признаны поддельными. Бёмер считал, что инициатором изготовления этой подделки был Л., нуждавшийся в дополнительных аргументах для защиты своей позиции (см.: *Böhmer.* 1902); в XX в. эти фальсифицированные документы иногда упоминались в лит-ре как «подделки Ланфранка». Однако современные исследователи не склонны отождествлять «привилегии и писания», упоминаемые в письме Л. папе Римскому Александру II, с 9 поддельными документами, поскольку список Римских пап в письме Л. не полностью совпадает с именами Римских пап, к-рым приписаны документы; кроме того, в случае наличия у Л. фальсифицированных документов ему не требовалось бы подбирать дополнительные аргументы и свидетельства, поскольку эти документы однозначно свидетельствуют о примате Кентерберийского архиепископа. Т. о., поддельные документы, вероятнее всего, не сыграли серьезной роли в споре Л. с архиеп. Томасом; возможно, они были составлены неизвестными ли-

цами уже после завершения этого спора как дополнительные «гарантии» неизбежности примата Кентерберийского архиепископа. Поскольку позиция архиеп. Томаса выглядела более слабой, кор. Вильгельм, уверенный в том, что для единства гос-ва необходимо наличие в нем единой высшей церковной власти, убедил архиеп. Томаса подчиниться Л. и повторно принести обещание послушания ему; при этом от принесения клятвы и распространения обещания на своих преемников архиеп. Томас был освобожден. Такое компромиссное решение удовлетворило всех участников спора, однако вопрос о первенстве впосл. неоднократно поднимался в средневековой англ. Церкви (см.: *Cowdrey.* 2003. P. 94–103). Л. сообщил об итогах собрания в Виндзоре папе Александру II в пространном письме, где выразил свою т. зр. на весь ход спора (см.: *Lanfranc.* Ep. 4 // *The Letters of Lanfranc.* 1979. P. 48–57); формального ответа и одобрения решения из Рима он не получил, однако фактически Римские папы признавали его предстоятелем англ. Церкви и соответствующим образом обращались к нему в офиц. посланиях.

В общем управлении англ. Церковью Л. был умеренным реформатором; он разделял и постепенно претворял в жизнь те идеи *григорианской реформы*, которые касались упорядочения церковной жизни и искоренения злоупотреблений, однако с настороженностью относился к теократическим притязаниям Римских пап и предпочитал опираться не на папскую, а на королевскую власть. Л. уклонялся от настойчивых требований папы Римского Григория VII посетить Рим с офиц. визитом *ad limina*, предполагавшим отчет местного епископа перед Римским папой о положении дел во вверенной его управлению церковной провинции. В 1082 г. Григорий VII даже угрожал ему приостановлением епископских полномочий (*suspensio*), однако Л. чувствовал себя уверенно под защитой кор. Вильгельма и с вежливостью и почтением отвергал все попытки Папского престола более активно влиять на церковную жизнь Англии. Во время церковно-политического кризиса в континентальной Европе, вызванного борьбой за власть между папой Римским Григорием VII и имп. Генрихом IV (1084–1106), Л. придержи-

вался строгого нейтралитета. Сохранились 3 адресованных Л. письма антипапы Климента III (текст писем и комментарий см.: *Liebertmann*. 1901), который был незаконно избран папой по указанию имп. Генриха IV и с 1084 г. до сер. 90-х гг. XI в. находился в Риме, ведя борьбу с папами Римскими Григорием VII, *Виктором III* (1086–1087) и *Урбаном II* (1088–1099). О реакции Л. на призывы Климента III признать его власть в католич. Церкви, посетить Рим и выплатить ему полагающийся папский налог известно из письма Л. одному из римских сторонников Климента III. Не отвергая прямо притязаний Климента III и замечая, что победа имп. Генриха IV и его последующие действия едва ли были бы возможны без помощи Божией, Л. вместе с тем отказывался принять в Англии легатов Климента III. Уклоняясь от суждения о том, кто из претендентов является законным папой Римским, Л. отмечал, что определить это можно будет лишь по прошествии необходимого времени, когда выяснится, насколько правомерны притязания каждого из них, и станет ясно, кто из них принял полную католич. Церкви (см.: *Lanfranc*. Ep. 59 // PL. 150. Col. 548–549; подробнее см.: *Cowdrey*. 2003. P. 202–205). Т. о., Л. намеренно дистанцировал англ. Церковь от Рима и его политики, считая достаточным поддержание лишь формальных церковно-канонических связей с Папским престолом.

Л. не был сторонником регулярных архиепископских визитаций и большую часть времени проводил в пределах Кентерберийского архиепископства и при королевском дворе. После 1072 г. Л. лишь единственный раз покидал пределы Англии: в 1077 г. он совершил недолгую поездку в Нормандию, посетив мон-ри Сент-Этьен и Бек. В 70–80-х гг. XI в. Л. регулярно созывал Соборы англ. Церкви, к-рые по своему общему направлению продолжали реформаторские тенденции, заложенные Соборами, прошедшими под руководством папских легатов еще до прибытия Л. в Англию. В большинстве случаев на Соборах присутствовал кор. Вильгельм, к-рый поддерживал их решения своим авторитетом и следил за соответствием принимаемых канонов светскому законодательству и общим принципам гос. религ. политики. Наиболее представ-

ительными по числу участников и значимыми с т. зр. принятых на них канонов являются Соборы в Уинчестере (1072, 1076), Виндзоре (1072), Лондоне (1075, 1077, 1078), Глостере (1080, 1085). Помимо принятия канонов Соборы являлись также высшей судебной инстанцией англ. Церкви; на них выносились решения по делам, затрагивавшим интересы неск. епископов, аббатов или диоцезов и требовавшим прямого вмешательства короля и архиепископа. По содержанию каноны проходивших при Л. англ. Соборов близки к канонам др. европ. Соборов, проводивших церковные реформы XI в.; преимущественно в них затрагиваются нарушения церковной дисциплины и разного рода злоупотребления и предлагаются меры борьбы с негативными явлениями церковной жизни (тексты сохранившихся канонов см.: *Councils and Synods*. 1981. P. 591–634). Поскольку в нач. 70-х гг. XI в. среди англ. духовенства оставалось значительное число противников нормандского завоевания, каноны Собора осуждали любые разговоры против короля и предписывали всем членам англ. Церкви регулярно совершать особые молитвы о короле. В области церковной дисциплины наиболее строгому осуждению подвергалась симония. Каноны порицали такие церковные злоупотребления, как присвоение клириками приходов без согласия епископа, самовольное оставление прихода и избрание для служения др. прихода, служение монашествующих вне мон-рей и переходы монахов из одного мон-ря в другой без серьезных причин. В вопросе о *целибате* канон Собора в Уинчестере (1076) является более мягким, чем аналогичные каноны европ. Соборов этого времени. Хотя всем клирикам было предписано безбрачие и епископам дозволено рукополагать лишь безбрачных кандидатов, тем приходским священникам, которые уже состояли в браке на момент принятия канона, было разрешено продолжать служение без отказа от семейной жизни. Каноны подтверждали церковную юрисдикцию в вопросах брака и требовали от мирян обращения к священникам как для заключения брака, так и во всех случаях брачных споров и преступлений (см.: *Cowdrey*. 2003. P. 125–128). Право епископов судить мирян в том случае, если их преступления попадали в юрис-

дикцию церковного суда (т. е. имели религ. или моральный характер), было подтверждено изданным по настоянию Л. особым указом кор. Вильгельма. В документе были четко определены основные принципы взаимодействия светской и церковной судебных властей на уровне общины (сотни; англ. *hundred*) как единицы территориального деления Англии и разграничены сферы их компетенции (подробнее см.: *Morris*. 1967). С целью усиления епископского контроля над церковной жизнью и активизации взаимодействия клириков разных уровней Л. поощрял регулярное проведение Соборов и совещаний духовенства в диоцезах. Для развития адм. структуры англ. Церкви большое значение имело восстановление и укрепление института архидиаконов, к-рые в этот период преимущественно отвечали за досудебное расследование дел клириков и подготовку кандидатов для принятия священного сана (см.: *Cowdrey*. 2003. P. 129–143).

Л. не предпринимал серьезных попыток распространить архиепископскую власть за пределы Англии на не подчиненные кор. Вильгельму I гос-ва и княжества, хотя и считал, что законной областью его юрисдикции являются все Британские о-ва. Наиболее тесные отношения Л. поддерживал с ирл. Церковью: по просьбе ирл. короля Л. рукоположил в Кентербери двух епископов Дублина, Патрика (1074–1084) и Доната (1085–1095); он состоял в переписке с нек-рыми ирл. епископами и отвечал на их церковно-канонические вопросы, однако в дела повседневного управления ирл. Церковью не вмешивался. Шотландия, согласно договоренности между Л. и архиеп. Томасом, была отнесена к Йоркской провинции и находилась в юрисдикции местных архиепископов, рукополагавших шотл. епископов. Сведений о к.-л. офици. контактах или конфликтах Л. с епископами или клириками Уэльса нет; дискуссии о юрисдикции в Уэльсе обострились лишь при преемнике Л. Ансельме Кентерберийском (см.: *Ibid*. P. 144–148).

Важнейшим приоритетом в области управления собственным Кентерберийским диоцезом Л. считал возвращение архиепископству всех когда-либо принадлежавших ему земельных владений. Напр., ради приобретения ранее отчужденных

владений в графстве Кент Л. вступил в судебный спор с Одоном, гр. Кентским и еп. Байё, который был родственником кор. Вильгельма I; в 1072 г. на судебном заседании в Пенненден-Хит спор был решен в пользу Л. Постепенное возвращение земель и др. церковных владений продолжалось до поземельной переписи 1085–1086 гг. (*Domesday Survey*), закрепившей сложившиеся к этому времени имущественные права землевладельцев. Л. заботился об обновлении и о сооружении храмов на принадлежавших диоцезу землях, а также о поддержании монашеских общин (подробнее см.: *Ibid.* P. 109–117). Постоянным помощником Л. в решении повседневных вопросов управления диоцезом с 70-х гг. XI в. был Гундульф, еп. Рочестерский, который ранее был монахом мон-ря Бек и исполнял обязанности приора, когда Л. был аббатом мон-ря Сент-Этьен. Даже став архиепископом, Л. отчасти оставался верен избранному им идеалу монашеской жизни. По должности он считался аббатом общины монахов-бенедиктинцев, к-рая ко времени его прибытия в Кентерберри была малочисленной и плохо организованной. Превратив номинальное звание в реальную обязанность, Л. создал в Кентерберри крупный бенедиктинский мон-рь по образцу существовавших в Нормандии. Он восстановил поврежденный пожаром 1067 г. кафедральный храм (Кентерберрийский собор), который с 1077 г. стал вновь использоваться для богослужений. Л. распорядился перестроить и расширить монашеские кельи, построить новый комплекс монастырских зданий, включив в него в качестве одного из строений архиепископский дворец (см.: *Ibid.* P. 104–107). Хотя повседневное управление мон-рем, число насельников к-рого достигало 60 чел., осуществлял приор, приглашенный Л. из мон-ря Бек, Л. проявлял внимание ко всем нуждам монахов и составил для них литургический и дисциплинарный устав, известный под названием «Монашеские установления». При участии Л. т. н. кафедральные мон-ри организовывались и в др. диоцезах; к концу его жизни действовали 9 таких мон-рей, к-рые фактически заместили в соответствующих диоцезах соборные капитулы секулярных клириков (см.: *Ibid.* P. 149–163).

В сфере церковно-гос. отношений Л. проводил осторожную и дальню-

видную политику: он выступал за тесное взаимодействие клириков с гос. властью и богатыми землевладельцами Англии, однако при любой удобной возможности укреплял имущественное положение Церкви и отстаивал свободу Церкви в рамках ее законной юрисдикции. Л. пользовался доверием кор. Вильгельма, к-рый нередко поручал ему вести от королевского имени судебные процессы или разбирать споры представителей англ. знати. Особую роль Л. сыграл в подавлении т. н. Мятежа трех графов (1075), который был поднят против кор. Вильгельма под предводительством Вальтеофа, гр. Нортумбрии, Ральфа, гр. Вост. Англии, и Роджера, гр. Херефорда. Получив известие о мятеже, Л. незамедлительно уведомил о нем кор. Вильгельма, находившегося в Нормандии. Л. лично возглавил борьбу с мятежниками; он отлучил их от Церкви, призвал к сопротивлению мятежу народ и дворян Англии, распорядился об укреплении верных королю замков и осуществлял общую координацию войсковой операции против мятежников. В письмах гр. Роджеру Л. убеждал его раскаяться в преступных замыслах и примириться с королем; он предлагал лично быть посредником в их переговорах. Хотя после разгрома его сторонников Роджер был готов к переговорам, Л. не удалось спасти его от гнева короля: несмотря на ходатайства Л. о милосердии, вернувшийся в Англию кор. Вильгельм приговорил Роджера к пожизненному заключению и к лишению всех владений. Еще менее успешными были попытки Л. защитить раскаявшегося гр. Вальтеофа: по совету Л. он отправился в Нормандию, чтобы лично умолять кор. Вильгельма о прощении, однако после возвращения вместе с королем в Англию он был казнен. Судьба мятежников свидетельствует о том, что влияние Л. на кор. Вильгельма в гос. вопросах было ограниченным и не могло изменить общей политики короля и его представлений о надлежащих методах гос. управления (см.: *Ibid.* P. 185–196). После кончины кор. Вильгельма I Л., исполнив данное королем обещание, поддержал его сына кор. Вильгельма II Рыжего (1087–1100); Л. способствовал его скорейшей коронации и встал на сторону нового короля во время мятежа, поднятого в 1088 г. Одоном, гр. Кентским и еп. Байё. Вслед благо-

творного влияния Л. в первые годы правления кор. Вильгельм II заботился о защите интересов англ. Церкви, средних землевладельцев и англосакского населения; лишь после кончины Л. правление кор. Вильгельма II стало приобретать ярко выраженный деспотический характер, а отношения между королевской властью и архиепископским престолом оказались безнадежно испорчены (см.: *Ibid.* P. 217–219).

В кон. мая 1089 г. Л. заболел лихорадкой и вскоре скончался; его смерть была неожиданной, однако он успел принять последнее причастие и оставить необходимые распоряжения относительно управления архиеп-ством в переходный период. Л. был погребен в Кентерберрийском соборе; в наст. время точное место его захоронения неизвестно, однако условное место обозначено памятной плитой. В лит-ре XIV–XIX вв. встречаются случаи употребления по отношению к Л. титулов «блаженный» и «святой», однако сведений о его литургическом почитании в средневек. Англии нет. В Кентерберри существовал обычай в день кончины Л. совершать торжественную заупокойную мессу (*requiem*), а не мессу ему как святому. После извлечения из могилы и осквернения останков Л. в период англ. Реформации их предполагаемые сохранившиеся частицы, точное происхождение к-рых установить невозможно, почитались в Италии. Так, в ц. Санта-Мария-Ассунта (Джезуити) в Венеции находилась часть главы Л., перед которой в XVI–XVIII вв. совершалась месса Л. как святому; еще одна частица почиталась в Павии (см.: *Gordini*. 1966. Col. 1105). В новом Римском Матриологе, утвержденном в 2001 г. папой Римским *Иоанном Павлом II* (1978–2005), имя Л. помещено под 28 мая с титулом «блаженный» (*beato*) и кратким комментарием, в к-ром отражены основные этапы его служения католич. Церкви (см.: *Martirologio Romano: Riformato a norma dei decreti del Concilio ecumenico Vaticano II e promulgato da Papa Giovanni Paolo II*. Vat., 2004. P. 430).

Сочинения и богословские взгляды. Считая своим важнейшим и первоочередным долгом практическое служение Церкви сначала в качестве монаха и учителя, а затем в качестве церковного администратора, Л. не проявлял заметного интереса к теоретическому богословию и к систе-

матической лит. работе. Лит. и богословское наследие Л. является точным отражением тех задач, с которыми он сталкивался в церковной деятельности. Комментарий, из ко-

Ланфранк с Беренгарием Турским.
XVIII в. Неизвестный художник
(собрание мон-ря Бек)

торых целиком сохранилась лишь лаконичная глосса к Посланиям ап. Павла, отражали содержание лекций Л. по предметам тривиума и по Свящ. Писанию; в целом они имели служебный и вспомогательный характер. Единственное в строгом смысле богословское сочинение Л. «О Теле и Крови Господа» сравнительно невелико по объему и малооригинально по содержанию. Во многом это объясняется тем, что именно богословскую оригинальность, т. е. стремление вводить в богословие новые понятия и идеи, Л. считал корнем заблуждений Беренгария, с к-рым вел полемику. В области богословия Л. был убежденным консерватором и традиционалистом; выступая решительно против тенденции проверять учение Церкви путем логических и диалектических умозаключений, Л. считал задачей теолога исключительно изложение и разъяснение тех патристических интерпретаций Свящ. Писания и богословских концепций, к-рые прошли рецепцию в Церкви и стали частью церковного Предания.

Собрание сочинений Л. было впервые издано в XVII в. Л. д'Ашерри (Орега omnia. P., 1648); издание д'Ашерри легло в основу 2 изданий XIX в., в к-рых были использованы некоторые дополнительные рукописи и материалы: Дж. А. Джайлза (Орега quae supersunt omnia. Oxf.; P., 1844. 2 vol.) и Ж. П. Миня (PL. 150. Col. 101–640).

В XX–XXI вв. были подготовлены критические издания с параллельным англ. переводом писем Л. (The Letters. 1979) и соч. «Монашеские установления» (The Monastic Constitutions. 2002).

«Комментарий на Послания апостола Павла». Краткий комментарий к Посланиям ап. Павла был составлен Л. в 50–60-х гг. XI в., во время чтения лекций по Свящ. Писанию в монастыре Бек. Из писем Ансельма Кентерберийского известно, что, уже став архиепископом, Л. попросил Ансельма прислать из Бека в Кентерберии рукопись Посланий с комментарием (см.: *Anselm*. Ep. 66); согласно заключению исследователей, речь шла именно о собственном комментарии Л. В XI в. «Комментарий...» Л. пользовался значительной популярностью; он сохранился более чем в 10 рукописях (подробное исследование рукописной традиции см.: *Collins*. 2007. P. 35–73; ср. также: *Gibson*. *Lanfranc's Commentary*. 1971. P. 87–95). В большинстве рукописей текст «Комментария...» представлен в виде глоссы, т. е. сопровождает полный текст Посланий и размещается частично на полях, частично между строками. Перед каждым из Посланий помещено краткое предисловие с обзором содержания. Нередко переписчики совмещали текст Л. с цитатами из др. комментариев, атрибулируемых блж. Августину, свт. Амвросию, архиеп. Медиоланскому, и др. отцам Церкви; при публикации текста в XVII в. д'Ашерри использовал утраченную ныне рукопись именно такого типа. В PL подготовленный д'Ашерри текст был переиздан под заглавием «Комментарии на все Послания апостола Павла» (*In omnes Pauli Epistolae Commentarii* // PL. 150. Col. 101–406) без существенных изменений. Поскольку в имеющихся изданиях текст глосс Л. смешан с глоссами отцов Церкви (часть которых могла быть извлечена из их сочинений самим Л., а часть была добавлена позднее), для установления точного первоначального текста комментария Л. требуется критическое соотнесение всех имеющихся рукописей, до наст. времени в полной мере не осуществленное (предварительные выводы о соотношении рукописей см.: *Collins*. 2007. P. 72–73). В качестве основных источников при составлении глосс Л. использовал: 1) сочинения блж. Августина; за исключением «Толкования на По-

слание к Галатам» (CPL, N 282), Л. цитировал их не по оригинальным текстам, а по средневек. флорилегию, т. н. Лионскому сборнику (*Collectaneum*); 2) комментарий *Амброзиастера* «Толкование на 13 Посланий ап. Павла» (CPL, N 184); 3) лат. перевод комментария на малые Послания ап. Павла *Феодора*, еп. Мопсуестийского (CPG, N 3845); 4) лат. переработку «Комментария на Послание к Евреям» (GPG, N 4440) свт. *Иоанна Златоуста* (см.: *Gibson*. *Lanfranc's Commentary*. 1971. P. 95–102). Три последних комментария, к-рые в средние века нередко объединялись в один корпус, Л. считал комментарием свт. Амвросия Медиоланского и цитировал под его именем.

О первоначальном учебном назначении «Комментария...» свидетельствуют предлагаемые Л. парафразы текста Посланий, целью к-рых является демонстрация логической последовательности и взаимосвязи рассуждений ап. Павла с помощью схематизации их в строгой силлогической форме. Напр., разбирая отрывок из Послания к Римлянам (Рим 6. 20–22), Л. предлагал следующую схему рассуждений: «Апостол приводит основание, почему им надлежит служить праведности. Ведь человек по необходимости служит либо праведности, либо греху. Причем, когда человек служит греху, праведность отсутствует. А значит, человек приобретает плод, которого сам стыдится, что нельзя признать надлежащим. Поэтому надлежит служить праведности» (см.: PL. 150. Col. 125; др. примеры см.: *Collins*. 2007. P. 81–83, 104–105). Однако Л. осознавал и опасность использования диалектики (т. е. логики) при экзегезе библейских текстов. Комментируя выражение ап. Павла «не в премудрости слова» (1 Кор 1. 17), Л. отождествлял ложную мирскую «мудрость» с неразумным использованием диалектики и приводил пример ошибочного диалектического рассуждения о предметах веры: «Бог — бессмертен; Христос — Бог; следовательно, Христос — бессмертен. А если Христос бессмертен, значит, Он не мог умереть» (см.: PL. 150. Col. 157). Истинное знание о боготкровенных истинах, согласно Л., человек не может приобрести собственными рациональными усилиями, но должен получать от учителя; в «Комментарии...» ап. Павел предстает как идеал такого учителя.

Учитель в понимании Л. всегда является выразителем церковной традиции и служит для ученика образцом в рассуждениях, в вере и в жизни (см.: *Collins*. 2007. P. 98–101).

Богословское содержание «Комментария...» в значительной мере определяется используемыми Л. источниками. Вопросы теоретического богословия Л. касается лишь настолько, насколько они присутствуют в тех авторитетных мнениях отцов Церкви, на к-рые он опирался. Основной акцент Л. предпочитал делать не на характерном для Посланий богословии оправдания, искупления и спасения, а на пастырских наставлениях Посланий и на их нравоучительном содержании. Наиболее наглядно экзегетический метод Л. представлен в комментарии на Послание к Римлянам. Следуя логике изложения вероучительного материала у ап. Павла, Л. подчеркивал определяющее значение обетования Божия и намерения Бога осуществить спасение человека, выделяя и поясняя те отрывки Послания, в к-рых говорится об условиях и обстоятельствах осуществления дела спасения. Поскольку обетование Божие первоначально было дано евреям, находившимся под властью ветхозаветного Закона, Л. интерпретировал Закон как необходимый этап в реализации Божественного плана спасения. Л. сглаживал характерное для ап. Павла противопоставление Закона и веры, отмечая, что ап. Павел осуждает не следование Закону в целом, но лишь плотское понимание Закона, следствиями к-рого стали отказ иудеев от веры и неприятие ими спасительного искупления, совершённого Иисусом Христом. Желание Л. свести все критические высказывания ап. Павла в отношении Закона к осуждению внешних форм иудейского благочестия демонстрирует неоднократное использование им термина «соблюдение плотских предписаний» (*carnales observationes*), к-рый он предлагает в качестве поясняющего синонима к таким выражениям ап. Павла, как «дела закона» (Рим 3. 20), «ветхая буква» (Рим 7. 6), «закон праведности» (Рим 9. 31) и т. п. Однако эти же предписания, если они «поняты духовно», согласно Л., являются путем к истинной праведности, которая в то же время недостижима без веры во Христа (см.: *Collins*. 2007. P. 120–129). Высказывания ап. Павла о невоз-

можности для человека исполнить Закон (см.: Рим 8. 3–8) Л., опираясь на переработанные им высказывания блж. Августина, интерпретировал как имеющие не абсолютный, а относительный смысл: «Не человек не может, но плотские помышления не могут. Не природа не может, но порочность не может. Точно так же можно сказать: хромота не покоряется прямому хождению, да и не может. Нога может, а хромота не может» (см.: PL. 150. Col. 130). Т. о., поврежденная природа человека не могла исполнить Закон, однако восстановленная после пришествия в мир Иисуса Христа природа может и должна совершать необходимые для приобретения праведности дела. Опираясь на такое представление о Законе, Л. интерпретировал слова ап. Павла о спасении верой как указание на возможность спасения до Закона и вне Закона, а не как отрицание необходимости добрых дел и праведности для спасения: «Когда апостол говорит, что человек спасается посредством веры без дел (*per fidem sine operibus*), он говорит это не в том смысле, что следует презирать дела праведности, после того как заповедана и принята вера, но таким образом он указывает, что человек мог бы оправдаться верой, даже если бы этой вере не предшествовали дела закона» (PL. 150. Col. 117; ср.: *Aug. De fide et oper.* 14). О сильной зависимости толкований Л. от его источников свидетельствует различная по тональности оценка Закона в комментарии на Послание к Римлянам и в комментарии на Послание к Галатам. Поскольку во 2-м комментарии Л. опирался на полный текст блж. Августина и на комментарий Феодора Мопсуестийского, он повторял содержащиеся в них негативные оценки Закона как инструмента, к-рый показывает человеку его грех, но не может освободить человека от греха; постоянной темой комментария становится учение о необходимости для спасения прямого воздействия на человека благодати Божией. Типичное августинское учение о непреодолимом воздействии на человека благодати, осуществляющей его спасение, встречается и в комментарии к др. Посланиям; напр., рассматривая отрывок из Послания к Ефессянам (Еф 2. 8–10), Л. писал: «Бог создал нас, чтобы мы веровали в Иисуса Христа и чтобы мы совершали добрые дела,

которые Он предназначил для нас посредством Своей благодати» (PL. 150. Col. 292; подробнее см.: *Collins*. 2007. P. 157–175; общий обзор содержания см. также: *Cowdrey*. 2003. P. 50–59).

«О Теле и Крови Господа». Поскольку сочинение было создано как адресованное Беренгарию письмо, в большинстве рукописей оно встречается без заглавия, а в изданиях публиковалось под разными условными названиями; в наст. время наиболее часто употребляется краткое название «О Теле и Крови Господа» (*De corpore et sanguine Domini* // PL. 150. Col. 407–442; критическое изд. отсутствует; исправления к изд. в PL см.: *Montclos*. 1971. P. 540–545; полный англ. пер.: *Lanfranc of Canterbury. On the Body and Blood of the Lord. Guilmund of Aversa. On the Truth of the Body and Blood of Christ in the Eucharist* / Transl. M. G. Vaillancourt. Wash., 2009. P. 27–87). В совр. изданиях сочинение разделяется на 23 главы. В нек-рых рукописях во 2-й гл. помещен текст исповедания, оглашенного Беренгарием на Латеранском Соборе 1079 г. (см.: PL. 150. Col. 411), однако нет оснований считать, что Л. возвращался к работе над сочинением после его завершения ок. 1063 г., вслед чего раздел с исповеданием, вероятно, является позднейшей интерполяцией переписчиков. В сочинении выделяются следующие смысловые разделы: 1) вводное обращение Л. к Беренгарию, содержащее упреки в непослушании Церкви, клятвопреступлении и распространении еретических заблуждений среди несведущих и простых людей (*Lanfranc. De corp. et sang. Domini*. 1); 2) историко-богословское рассмотрение предложенной Беренгарием интерпретации событий, связанных с осуждением его учения; Л. выступает с апологией действий кард. Гумберта и решений церковных Соборов, а также сообщает о собственной роли в деле Беренгария и в его осуждении (*Ibid.* 2–5); 3) содержательное рассмотрение основных положений учения Беренгария и разбор предлагаемых им авторитетных высказываний отцов Церкви (*Ibid.* 6–17); 4) изложение истинного учения о Евхаристии, для обоснования которого Л. приводит подборку цитат из сочинений блж. Августина и отцов Церкви (*Ibid.* 18–21). Завершается сочинение общим рассуждением о приро-

де Церкви и необходимости следовать церковному авторитету (Ibid. 22–23).

Представленное в соч. «О Телѣ и Крови Господа» евхаристическое богословие Л. является разновидностью евхаристического реализма; при этом используемые Л. понятия и выражения отличаются от формулировок составленного кард. Гумбертом исповедания и отражают его собственную попытку предложить обобщающий синтез церковного учения (обзор учения Л. см.: Gibson. 1978. P. 81–91; Montclos. 1971. P. 346–391; Idem. 1993. P. 308–310, 323–324; Vaillancourt. 2009. P. 4–11). Идейным центром всех заблуждений Беренгария Л. считал учение о том, что евхаристические Хлеб и Вино после освящения на алтаре сохраняют собственную сущность и являются видимым «таинством» (sacramentum), т. е. видимыми таинственными знаками, указывающими на «реальность таинства» (res sacramenti), т. е. на невидимо и «мысленно» присутствующие и принимаемые верующими Тело и Кровь Христовы (см.: Ibid. 10). Поскольку рассуждения Беренгария о «таинстве» и «реальности таинства» основывались на учении блж. Августина о соотношении вещи и знака, Л. не мог просто отвергнуть их, но был вынужден формулировать собственные утверждения с учетом этих понятий, к-рые после споров вокруг учения Беренгария стали неотъемлемым элементом католич. учения о таинствах. Выступая против учения Беренгария о духовном присутствии Иисуса Христа в Евхаристии, Л. формулировал учение о реальном присутствии Иисуса Христа и реальном изменении сущности Хлеба и Вина: «Мы веруем, что земные субстанции (substantias), которые на престоле Господнем божественно освящаются при совершаемом священником таинстве (mysterium), невыразимо, непостижимо и чудесно под действием высшей силы превращаются в сущность Господнего Тела (converti in essentiam Dominici corporis), однако при этом сохраняются виды этих самых [телесных] вещей и некоторые другие качества» (Ibid. 18). Т. о., по сущности евхаристические Тело и Кровь — это «то самое Тело Господне, Которое существует на небесах одесную Отца, бессмертное, неповрежденное, целое» (Ibidem). Поскольку термин

«пресуществление» в этот период еще не был выработан лат. богословами, Л. использовал для указания на реальное изменение сущности Хлеба и Вина ряд синонимичных понятий: «превращение» (converti, conversio), «изменение» (mutari, commutari, materialis mutatio), «переход» (transire), «становление» (fieri) и т. п. (см.: Vaillancourt. 2009. P. 7). В центральном для учения Беренгария вопросе о соотношении Тела (Плоти) Христа, появляющегося на алтаре после освящения Св. Даров, и Тела Христа, пребывающего на небесах, Л. проявлял заметную осторожность и неуверенность; он не был готов ни полностью отождествить, ни полностью разделить их, ограничиваясь утверждением об их «единосущии» и предостерегая от попыток рационально исследовать эту проблему (см.: Ibid. 21). Вместе с тем он использовал заимствованное у Беренгария представление о «таинстве» и «реальности таинства» для некого уточнения собственной позиции. Согласно Л., присутствующим на алтаре «таинством», т. е. видимым знаком невидимой реальности, является Плоть (caro) Христа, которая тождественна по сущности пребывающему на небесах Телу Христа, однако отличается от этого Тела тем, что видимо существует в единстве с «видами» и «качествами» Хлеба и Вина. Т. о., и «таинством» (знаком) и «реальностью таинства» (обозначаемым) для Л. являются одни и те же Тело и Кровь Христовы в разных модусах существования: видимом, как сущностно измененные Хлеб и Вино, и невидимом, как пребывающие на небесах видимые и осозаемые прославленные Тело и Кровь, приобщение к к-рым верующих является сверхчувственным и невидимым, однако вместе с тем реальным в силу постулируемого единосущия (см.: Ibid. 14). Дальнейших уточнений относительно способа сосуществования в Св. Дарах невидимой сущности и материальных видов (качеств) Л. не предлагает; в силу общего недоверия к философскому методу он в отличие от нек-рых др. противников Беренгария не использовал классическое аристотелевское учение о соотношении субстанции и акциденций, хотя по смыслу его рассуждения близки к этому учению и в силу этого согласуются с последующим католич. евхаристическим богословием.

«Монашеские установления». Сочинение было создано Л. для монахов-бенедиктинцев мон-ря при Кентерберийском соборе и открывается сопроводительным письмом приору этого мон-ря Генриху. В наиболее древних рукописях текст не имеет заглавия, в позднейших рукописях и изданиях встречаются заглавия «Декреты» (Decreta), «Обычаи» (Consuetudines), «Установления» (Constitutiones) и др. В совр. лит-ре сочинение обычно упоминается под условным названием «Монашеские установления» (Constitutiones; текст см.: PL. 150. Col. 443–516; критическое изд.: The Monastic Constitutions. 2002). По структуре «Монашеские установления» делятся на 2 части. Первая часть имеет преимущественно литургический характер и содержит краткие указания относительно организации богослужений и молитвенной жизни монастыря. Литургическая часть «Монашеских установлений» сложна и запутана по структуре; мн. указания являются неполными и предполагают знакомство читателя с общими принципами бенедиктинского монашеского богослужения. Распорядок дня монахов и чин богослужений прежде всего определялись временем года и делились на зимний (с 1 окт. до конца Великого поста) и летний (с конца Светлой недели до 1 окт.); дополнительные изменения в него вносились в зависимости от дней недели, постов, праздников и т. п. (попытку обобщения и схематического представления см.: Ibid. P. XX–XXV). Вторая часть представляет собой собственно устав монастырской жизни. Описываются обязанности аббата, приора и лиц, ответственных за различные монастырские служения; определяются основные нормы поведения монахов в мон-ре и назначаются наказания за их нарушение; устанавливаются правила воспитания и обучения детей и юношей, приема в мон-рь послушников, ухода за болящими и погребения умерших. Л. поддерживал традицию принесения в мон-ри младенцев, к-рых взращивали монахи, с детства готовя их к монашеской жизни. Дисциплинарные меры, предлагаемые в уставе Л., весьма строги: поощряется донесение аббату и приору о нарушении кем-либо из братии уставных требований; допускается и предписывается использование по отношению к провинившимся

Ланфранк.
Витраж ц. св. Дунстана
в Кентерберри, Англия.
XX в.

телесных наказаний. По мнению исследователей, при составлении «Монашеских установлений» Л. опирался на обычаи мон-ря Бек, а также на устав мон-ря Клюни (см. также ст. *Клюнийская конгрегация*) Сам Л. утверждал, что он взял в качестве образца «обычаи наиболее авторитетных обителей» (см.: Ibid. P. 2); точное определение использованных им источников затруднено тем, что известные ныне версии бекских и клюнийских монашеских уставов по времени создания являются более поздними, чем устав Л., поэтому сопоставление с ними способно лишь выявить параллели, но не решить вопрос о происхождении конкретных правил и рекомендаций (см.: Ibid. P. XXXIX–LXII).

Письма. Сохранилось значительное число писем Л. (текст см.: PL. 150. Col. 515–552; критическое изд.: The Letters. 1979), большая часть к-рых относится к периоду его пребывания на Кентерберийской кафедре. Поскольку при публикации писем издатели следовали в их расположении разным принципам, по-разному датировали отдельные письма, а также добавляли или удаляли некоторые письма в зависимости от их предполагаемой подлинности или неподлинности, существуют 3 несопадающие системы нумерации писем: 1) д'Ашери и PL (60 писем, 3 дополнительных письма в PL); 2) Джайлза (67 писем); 3) критического издания (61 письмо; конкорданс всех 3 систем нумерации см.: The Letters. 1979. P. XIII–XVI). Тематика писем Л. преимущественно связана с его церковной деятельностью; письма являются важным источником сведений о состоянии англ. Церкви в первые десятилетия после нормандского завоевания Англии (анализ содержания см.: Zingg. 2012). Л. проявляет себя в письмах как чуткий пастырь и талантливый интерпретатор предшествующей традиции, способный находить гармоничные и убедительные решения для сложных адм., канонических и нравственно-аскетических вопросов церковной жизни. Лишь 2 письма имеют доктринальное содержание. В 1-м из них Л. подчеркивает необходимость для спасения участия в Евхаристии, обращая внимание на то, что приобщение Телу и Крови Христовым должно быть не только телесным, но и духовным. По словам Л., христианин должен принимать

Евхаристию не одними устами (ore), но прежде всего «сердечной любовью и [духовным] наслаждением»; должен любить то и с чистой совестью наслаждаться тем, «что Христос ради нашего спасения принял плоть, пострадал, воскрес и вознесся»; должен идти по Его следам и приобщаться Его страданиям, «насколько позволяет это человеческая немощь и насколько дарует божественная благодать» (Lanfranc. Ep. 30 // PL. 150. Col. 532–533). Во 2-м письме Л. отвергает и осуждает мнение Беренгария о том, что в сочинениях свт. Илария, еп. Пиктавийского, встречаются еретические высказывания. Согласно Л., Иларий не учил о том, что Иисус Христос на Кресте не испытывал физических страданий, но говорил лишь о том, что «восприятый человек чувствовал тяжесть страдания и силу мучений, а восприятый его Бог — не чувствовал» (см.: Idem. 55 // Ibid. Col. 543–545).

Фрагменты и заметки; несохранившиеся и неподлинные сочинения. В средневек. источниках упоминается о том, что Л. комментировал в мон-ре Бек наряду с Посланиями ап. Павла также Псалтирь. В XX в. в одной из глосс к Псалтири, вероятно восходящей к ученикам Иво Шартрского, были обнаружены 2 кратких фрагмента, подписанные именем Л., к-рые относятся к Пс 13. 3 и Пс 17. 30 (текст и комментарий см.: Smalley. 1937. P. 374–375). Хотя это может служить подтверждением предположения о том, что Л. составил полную глоссу к Псалтири,

впосл. утраченную, нельзя исключать и того, что он делал лишь вспомогательные заметки к отдельным местам Псалтири, к-рые были частично скопированы его учениками или переписчиками. Источники подтверждают как практику учеников записывать отдельные мнения Л., так и привычку самого Л. оставлять заметки на полях тех сочинений, к-рыми он пользовался во время учебных занятий. В различных рукописях сохранились атрибулируемые Л. отрывки, относящиеся к классическим и патристическим текстам: 1) 4 глоссы к местам из сочинений Присциана и Цицерона (см.: Hunt. 1943; ср.: Gibson. 1978. P. 239); 2) заметки на полях соч. «О граде Божием» блж. Августина и соч. «Толкование на Книгу Иова, или Нравственные толкования» свт. Григория Великого (см.: Gibson. Lanfranc's Notes. 1971); 3) заметки к соч. «Собеседования» прп. Иоанна Кассиана Римлянина (см.: PL. 150. Col. 443–444). Во всех случаях речь идет лишь об отрывочных и о весьма кратких заметках, а не о полных глоссах или комментариях. В средневек. библиотечных каталогах упоминаются сочинения «О диалектике» и «Вопросы Ланфранка», однако никаких др. следов их существования обнаружено не было (Gibson. 1978. P. 241). Опубликованные в PL под именем Л. сочинения «О тайне исповеди» (De celandi confessione // PL. 150. Col. 625–632) и «Слово, или Сентенции» (Sermo sive Sententiae // Ibid. Col. 637–640) являются неподлинными, как и ряд др. сочинений и отрывков, атрибулируемых Л. в отдельных рукописях и изданиях (перечень см.: Gibson. 1978. P. 241–244).

Канонический свод «Собрание Ланфранка» (Collectio Lanfranci). Свод является средневек. сокращенной и переработанной версией Лжеисидоровых декреталий и разделяется на 2 части: в 1-й части содержится значительно сокращенная версия подлинных и фальсифицированных папских декреталий, начиная с Климента, еп. Римского (I — нач. II в.), и заканчивая папой Римским Григорием II (715–731); во 2-й части представлены почти без сокращений каноны и постановления Вселенских и Поместных Соборов, начиная со Вселенского I Собора (325) и заканчивая II Севильским Собором (619). Где именно возник свод и кем был составлен — неиз-

вестно. Наиболее ранняя рукопись, датируемая XI в. (Cantabr. S. Trin. V. 16. 34), содержит замечание от имени Л., в к-ром утверждается, что Л. повелел изготовить копию канонического свода, хранившегося в мон-ре Бек, и доставить ее в Англию. Этот первоначальный экземпляр находился в Кентерберийском соборе; с него были сделаны списки, предложенные Л. англ. епископам для использования в качестве канонического руководства. На полях рукописи присутствуют многочисленные пометки; нек-рые исследователи выдвигали гипотезу, что их автором является Л., и пытались обосновать это наличием смысловых параллелей между пометками и ссылками на соответствующие каноны в письмах Л. Однако эта связь прослеживается не всегда; она может иметь внешний характер и объясняться общностью канонического источника. Т. о., хотя не подлежит сомнению, что Л. в Англии использовал «Собрание Ланфранка», нет веских оснований считать, что он был составителем или комментатором свода (подробнее о памятнике см.: *Kéry L. Canonical Collections of the Early Middle Ages (ca. 400–1140)*. Wash., 1999. P. 239–244; *Álvarez de las Asturias*. 2008; ср.: *Cowdrey*. 2003. P. 138–143).

Соч.: PL. 150. Col. 101–640; *The Letters of Lanfranc, Archbishop of Canterbury* / Ed., transl. V. H. Clover, M. T. Gibson. Oxf., 1979; *The Monastic Constitutions of Lanfranc* / Ed., transl. D. Knowles, Chr. N. L. Brooke. Oxf., 2002. Ист.: *Councils and Synods: With Other Documents Relating to the English Church*. Oxf., 1981. Vol. 1: 871–1204. Pt. 2: 1066–1204; *Gibson M., ed. Vita Lanfranci* // *Lanfranco di Pavia e l'Europa*. 1993. P. 659–715. Лит.: *Böhmer H. Kirche und Staat in England und in der Normandie im XI. und XII. Jh.: Eine hist. Studie*. Lpz., 1899; *idem. Die Fälschungen Erzbischof Lanfranks von Canterbury*. Lpz., 1902; *Liebermann F. Lanfranc and the Antipope* // *EHR*. 1901. Vol. 16. P. 328–332; *MacDonald A. J. Lanfranc: A Study of His Life, Work and Writing*. Oxf., 1926; *Smalley B. La Glossa Ordinaria: Quelques prédécesseurs d'Anselme de Laon* // *RTAM*. 1937. T. 9. P. 365–400; *Hunt R. W. Studies on Priscian in the 11th and 12th Centuries* // *Mediaeval and Renaissance Studies*. L., 1943. Vol. 1. P. 194–231; *Gordini G. D. Lanfranco* // *BibISS*. 1966. Vol. 7. Col. 1101–1106; *Huygens R. B. C. Textes latins du XIe au XIIe siècle* // *Studi Medievali*. Ser. 3. 1967. Vol. 8. P. 451–503; *Morris C. William I and the Church Courts* // *EHR*. 1967. Vol. 82. P. 449–463; *Gibson M. T. Lanfranc's Commentary on the Pauline Epistles* // *JThSt*. N. S. 1971. Vol. 22. N. 1. P. 86–112; *eadem. Lanfranc's Notes on Patristic Texts* // *Ibid.* N. 2. P. 435–450; *eadem. Lanfranc of Bec*. Oxf., 1978; *Montclos J., de. Lanfranc et Bérenger. La controverse eucharistique du XIe siècle*. Louvain, 1971; *idem. Lanfranc et Bérenger: Les*

origines de la doctrine de la Transsubstantiation // *Lanfranco di Pavia e l'Europa*. 1993. P. 297–326; *Southern R. W. St. Anselm: A Portrait in a Landscape*. Camb., 1990; *Reinhardt K. Lanfranc von Bec* // *BBKL*. 1992. Bd. 4. Sp. 1074–1076 [Bibliogr.]; *Lanfranco di Pavia e l'Europa del sec. XI: Nel IX centenario della morte (1089–1989): Atti del Conv. Intern. di Studi (Pavia, Almo Collegio Borromeo, 21–24 settembre 1989)* / Ed. G. D'Onofrio. Padova, 1993; *Holopainen T. J. Dialectic and Theology in the 11th Century*. Leiden, 1996; *Cowdrey H. E. J. Lanfranc: Scholar, Monk, and Archbishop*. Oxf., 2003; *Collins A. Teacher in Faith and Virtue: Lanfranc of Bec's Commentary on St. Paul*. Leiden; Boston, 2007; *Gazeau V. Lanfranc (Lanfrancus)* // *Eadem. Normannia monastica*. Caen, 2007. T. 2: *Prosopographie des abbés bénédictins (X^e–XIIe siècle)*. P. 38–41; *Álvarez de las Asturias N. La «Collectio Lanfranci»: Origine e influenza di una collezione della Chiesa anglo-normanna*. Mil., 2008; *Vaillancourt M. G. Introduction* // *Lanfranc of Canterbury. On the Body and Blood of the Lord*. *Guitmund of Aversa. On the Truth of the Body and Blood of Christ in the Eucharist* / Transl. M. G. Vaillancourt. Wash., 2009. P. 3–25; *Zingg R. Die Briefsammlungen der Erzbischöfe von Canterbury, 1070–1170: Kommunikation und Argumentation im Zeitalter der Investiturkonflikte*. Köln, 2012.

Д. В. Смирнов

ЛАОДИКИЙ, мч. Ираклийский — см. в ст. *Гликерия*, мц. Ираклийская (пам. 13 мая).

ЛАОДИКИЙСКИЙ СОБОР (сер. IV в.), поместный Собор епископов рим. пров. Фригия Пакатияна. Собор в *Лаодикии* Фригийской (руины города находятся в 10 км от совр. г. Денизли, Турция) известен тем, что в каноническом корпусе правосл. Церкви содержатся 60 правил, приписываемых этому Собору. Точное время проведения Л. С. не установлено. В древних канонических сборниках Л. С. упоминается после Антиохийского Собора 341 г. (см. *Антиохийские Соборы*) и до *Вселенского II Собора* 381 г. (*Hefele, Leclercq. Hist. des Conciles*. 1907. Col. 989–990). В частности, на этом месте каноны Л. С. указываются во 2-м прав. *Вселенского VI Собора* в перечне «священных правил» предшествовавших Соборов. Комментатор канонов *Матфей Властарь*, ссылаясь на это правило в *«Алфавитной синтагме»*, ставит Л. С. между Антиохийским Собором и *Сардикийским Собором* (ок. 343) (*Ράλλης, Ποτλής. Σύνοταγμα*. Т. 6. Σ. 315). Вместе с тем, как замечает архиеп. Петр (Л'Юилье), картина общего состояния церковной дисциплины, нашедшая отражение в правилах Л. С., больше соответствует 2-й пол. IV в. (*Петр (Л'Юилье)*. 2005. С. 339). О Л. С. сохранилось упоми-

нение в «Толковании на Послание ап. Павла к Колоссянам» *Феодорита*, еп. Кирского († ок. 457) (*Theodoret*. In Col. 2. 18; 3. 17), в связи с вопросом о чрезмерном почитании ангелов (см.: Кол 2. 18). Вероятно, еп. Феодорит, сообщая, что Л. С. «законом воспретил молиться (προσεύχεσθαι) ангелам» (*Theodoret*. In Col. 2. 18), имел в виду 35-е прав. этого Собора: «Не подобает христианам оставлять церковь Божию и отходить, и ангелов именовать, и творити собрания» (ср.: *Никодим [Милад], еп. Правила*. Т. 2. С. 105).

Сборник правил Л. С. имеет компилятивный характер. По первым словам правила можно разделить на 2 группы: первые 19 начинаются словами «περὶ τοῦ...» (о том, что...), остальные — «ὅτι οὐ δεῖ...» (о том, что не следует...) или «ὅτι δεῖ...» (о том, что следует...) (*Atann*. 1924. Col. 2611; *Петр (Л'Юилье)*. 2005. С. 339). Кроме того, в сборнике встречаются правила, идентичные или близкие по содержанию, напр. 10-е («Не должно церковным, без разбора, совокупляти детей своих брачным союзом с еретиками») и 31-е («Не подобает со всяким еретиком заключати брачный союз, или отдавати таковым сынов или дочерей, но паче брати от них, аще обещаются христианами быти»), а также 9-е («На кладбища всяких еретиков, или в так именуемые у них мученические места, да не будет позволено церковным ходити для молитвы...») и 34-е («Всякому христианину не подобает оставляти мучеников Христовых, и отходити к лжемученикам, которые, то есть, у еретиков находятся, или сами еретиками были...»). Близки по содержанию правила 22 («Не должно низшему служителю церковному орать носити, ни двери оставляти») и 43 («Не подобает слугам церковным и на малое время оставляти двери, дабы в молитвословии упражняться»). Наиболее вероятным объяснением наличия дублей в сборнике канонов Л. С. является предположение о его составном характере. Подобная ситуация была характерна для периода становления *канонического права* правосл. Церкви Востока. Компиляцией, напр., является сборник канонов, приписываемых Карфагенскому Собору 419 г.: в действительности в сборник вошли каноны большого числа *Карфагенских Соборов* III–VI вв. Не исключено, что подобным образом

и правила Л. С. являются обобщением фригийского церковного законодательства (*Петр (ЛЮилье)*. 2005. С. 339). Вместе с тем в отличие от Карфагенских Соборов сведений о др. Соборах в Лаодикии не сохранилось.

Каноны Л. С. охватывают широкий круг тем, среди к-рых преобладает тема взаимоотношения правосл. христиан с инакововерящими. Правила 6, 31–34, 37–39 содержат запреты ехаристического, молитвенного и даже бытового общения с иноверцами (иудеями и язычниками), еретиками и раскольниками. 7-е и 8-е правила посвящены присоединению к Церкви крещенных в еретических или раскольнических общинах. 7-е правило предусматривает присоединение через *Миропомазание* (впосл. 2-й чин *присоединения к Православию*) новациан, фотиниан, тетрадитов (четыредесятников), а 8-е правило предписывает перекрещивать (впосл. 1-й чин присоединения к Православию) монтанистов, названных фригами, т. к. именно во Фригии эта ересь получила особенно широкое распространение.

Ряд правил посвящен таким темам, как порядок богослужения (16–19, 22, 23, 25, 49, 51, 58, 59), подготовка к таинству *Крещения* и его совершение (45–48), поставление клириков (3, 5, 12, 13), церковное управление (40, 57), церковная дисциплина (20, 21, 26–29, 41–44, 56), христ. мораль (24, 30, 36, 53–55).

Последнее, 60-е прав. Л. С. содержит перечень книг ВЗ и НЗ, к-рые «читать подобает» (ср.: Ап. 85, Карф. 33 (24), Афан. 2 и др.; см. в ст. *Канон библиейский*). Список ветхозаветных книг не включает Книгу Неемии из числа канонических и включает признанные неканоническими Вторую книгу Ездры, Послание Иеремии, Книгу прор. Варуха. В списке новозаветных книг отсутствует Откровение ап. Иоанна Богослова.

Лит.: *Boudinhon A.* Note sur le concile de Laodicée // *Comptes rendus du Congrès scientifique intern. des catholiques*. P., 1888. Vol. 2. P. 420–427; *Hefele, Leclercq.* Hist. des Conciles. 1907. T. 1. Pt. 2. P. 989–1028; *Amann E.* Laodicée (Concil de) // *DTC*. 1924. T. 8. Col. 2611–2615; *Петр (ЛЮилье)*, архиеп. Правила первых четырех Вселенских Соборов. М., 2005. С. 338–340; *Цытин Вл., прот.* Каноническое право. М., 2009. С. 174–175.

Прот. Владислав Цытин

ЛАОДИКИЙЦАМ ПОСЛАНИЕ, раннехрист. апокриф, приписываемый ап. Павлу. Послание, отправленное ап. Павлом лаодикийской хрис-

тианской общине, упоминается в Кол 4. 16: «Когда это послание прочтано будет у вас, то распорядитесь, чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви; а то, которое из Лаодикии, прочитайте и вы». Текст апокрифа известен только на латыни. Несмотря на то что блж. Иероним, еп. Стридонский, уже в IV в. утверждал, что Л. п. отвергается всеми (*Hieron. De vir. illustr. 5*), апокриф сохранился в ряде рукописей *Вульгаты*, датируемых VI–XV вв. (*Lightfoot*. 1874. P. 282–286).

В источниках практически нет сведений о времени и об обстоятельствах написания Л. п. Тертуллиан со-

Руины Лаодикии
(совр. Турция).
Фотография.
Нач. XXI в.

общает, что еретики-маркиониты рассматривали как Л. п. Послание ап. Павла к Ефесянам и что сам Маркион принял такой перенос наименования (*Tertull. Adv. Marcion. V 11. 13* (в рус. пер.: 11. 12); 17. 1); судя по всему, в маркионовском тексте Л. п. не было указания адресата, как и в случае Еф 1. 1 в ряде рукописей (Ф⁴⁶, К*, В*). В *Муратори каноне* после перечисления Павловых Посланий Л. п. наряду с апокрифическим «Посланием к Александрийцам» отвергаются как неподлинные и написанные «от имени Павла для секты Маркиона» (*Fertur etiam ad Laudencenses alia ad alexandrinos Pauli nomine fincte ad heresem marcionis et alia plura quae in chatholicam ecclesiam recepi non potest* — *Can. Murat. II 63–66*).

Указание Тертуллиана косвенно подтверждает свт. Епифаний Кипрский (*Eph. Adv. haer. [Panarion]. XLII 9. 4; 12. 3*), который приводит схолию из послания, идентифицированного Маркионом как Л. п.: «...один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас» (*Ibid. 11. 8; 12. 3*). Из этого он заклю-

чает, что у Маркиона были «части так называемого послания к Лаодикийцам» и ересиарх намеренно добавил его в свой канонический список как 11-е Послание Павла, проигнорировав тот факт, что те же слова можно найти в Послании к Ефесянам (*Ibid. 9. 4; 13. 1–8; ср.: Еф 4. 5–6*). Епифаний не уточняет при этом, нужно ли понимать Послание к Ефесянам как Л. п., или в маркионовском каноне помимо Послания к Ефесянам было еще и отдельное Л. п.

Филастрий, еп. Бриксийский, в толковании Послания к Евреям вскользь упоминает Л. п. (*Filastr. Divers. haer. 79*). (Др. упоминания Л. п. в древних источниках перечислены в работе *Pink*. 1925, дополнительной информации о возникнове-

нии Л. п. они не содержат; из всего множества свидетельств о тексте важными представляются: *Ps.-Aug. De divinis scrip-*

turis sive Speculum // CSEL. Vol. 12. P. 516 (датируется V–VI вв.), где приводится 4-й стих из лат. Л. п., и *Greg. Magn. Moral. XXXV 20. 48.*)

Обзор рукописной традиции и патристических свидетельств о Л. п. представлен в ряде работ: *Anger*. 1843; *Lightfoot*. 1874; *Zahn*. 1892; *Bardenhewer*. 1902; *Goodspeed*. 1904; *Jacquier*. 1911; *Vouaux*. 1913; *Harnack*. 1923. S. 235–236; *Idem*. 1905. S. 2–3; *Berger S.* Histoire de la Vulgate pendant les premiers siècles du Moyen Âge. N. Y., 1958. P. 341–342; *Moraldi*. 1971; *Erbetta*. 1981; *Mackay*. 1986; *Hall*. 2003. Лат. текст Л. п. содержат мн. библейские рукописи, и, видимо, он был широко распространен на Западе. Существовал также ряд переводов на европ. языки (*Anger*. 1843; *Lightfoot*. 1879. P. 297–299; окситанская версия НЗ (т. н. Лионский НЗ), известная в кругах *альбигойцев* (см. также *катары*; ср.: *Harris M. R.* The Occitan Epistle to the Laodiceans: Toward an Editions of Ms. PA 36 // *Miscellanea di Studi Romanzi offerta a G. G. Queirazza. Alessandria*, 1988. Vol. 1. P. 428–426); чеш., старонем. переводы, в ранних англ. переводах Библии (XIV–XV вв.)). Вопрос о су-

ществования слав. перевода не имеет окончательного решения (*Santos Otero A., de. Die handschriftliche Überlieferung der altslavischen Apokryphen. В.; N. Y., 1978. Bd. 1. S. 147–148; слав. пер. мог бы свидетельствовать о том, что Л. п. было распространено и на визант. Востоке*). Рукописных свидетельств греч. текста не найдено, хотя поздние греч. источники упоминают Л. п., что позволяет допустить знакомство с таким посланием на Востоке (ср.: *Pink. 1925*).

Невозможно описать ни содержание, ни особенности богословия Л. п. Компилятор, судя по всему, составил текст из высказываний ап. Павла общего характера из др. его Посланий, чтобы т. о. закрыть, как ему казалось, имеющуюся лауну в *Corpus Paulinum*. Импульсом для этой работы стали слова из Кол 4. 16, в которых апостол призывает прочитать в колосской общине также Л. п. Апостол скорее всего ссылается на свое Послание, к-рое не вошло в каноническое собрание Посланий. Некий компилятор, неплохо знавший Писание, но богословски не очень образованный, решил эту проблему, составив текст Л. п.

Датировка послания затруднена, она зависит от решения вопроса об идентификации данного апокрифа с тем, к-рый упоминается в каноне Муратори, а это в свою очередь связано также с проблемой маркионитского происхождения дошедшего текста Л. п. В научной лит-ре рассматривается 2 варианта решения проблемы: в каноне Муратори под названием Л. п. упоминается переименованное т. о. Послание к Ефессянам (такова уже позиция Тертуллиана) либо, если отказаться от тезиса о существовании неск. апокрифических посланий к Лаодикийцам, в каноне Муратори действительно говорится об отдельном Л. п., к-рое сохранилось на латыни. По мнению В. Шнеемельхера, 1-й вариант решения проблемы нельзя принять, т. к. Послание к Ефессянам в каноне Муратори также упоминается, а 2-й вариант не менее проблематичен, т. к. в известном лат. тексте Л. п. нет ничего, что указывало бы на его маркионитский характер, к-рый в свете сказанного о каноне Муратори можно было бы ожидать (*Schneemelcher. 1989. S. 43*).

Тезис о маркионитском происхождении Л. п. впервые сформулировал А. фон Гарнак (*Harnack. 1924. S. 149*).

В пользу своего тезиса он выдвинул следующие аргументы: во-первых, Л. п. начинается «монументальными» для идеологии Маркиона (*Ibid. S. 141*) словами из Послания к Галатам (1. 1), расположенными в самом начале маркионитского «Апостолика»; во-вторых, Гарнак видит влияние идей Маркиона в ряде особенностей лат. текста Л. п.: в использовании в отличие от оригинального текста Фил 1. 3 (*gratias ago deo meo*) в 3-м стихе Л. п. сочетание *gratias ago Christo*; в употреблении понятий *veritas evangelii* и *vita aeterna* (дважды — стихи 5, 10); в добавлении *quod a me praedicatur* (ст. 4) и нек-рых др. По мнению Гарнака, автором Л. п. был ученик Маркиона, он опубликовал текст Л. п. между 160 и 190 гг. по-гречески и на латыни после того, как Послание к Ефессянам вернули его прежнее название и наименование Л. п. вновь стало свободным. В той же группе учеников Маркиона были написаны и маркионитские аргументы к Павловым Посланиям.

Гипотеза о маркионитском характере прологов к Павловым Посланиям, как и гипотеза об *антимаркионитских прологах* к Евангелиям, была подвергнута обоснованной критике (*Regul J. Die antimarkionitischen Evangelienprologe. Freiburg, 1969*). Рим. община вряд ли могла неосознанно принять в свой канон маркионовские прологи, как предполагал Гарнак (*Schneemelcher. 1989. S. 43*). По мнению Шнеемельхера, аргументы Гарнака не доказывают окончательно маркионитское происхождение Л. п. — составитель предложил текст-компиляцию и не воспользовался тем, что мог более развернуто представить свою богословскую т. зр. (*Ibid. S. 42–43*). В итоге аргументы Гарнака в пользу маркионитского происхождения Л. п. не были признаны убедительными.

В сер. XX в. Квиспел (*Quispel. 1950/1951*) попытался актуализировать гипотезу Гарнака. По его мнению, начало Л. п. (= Гал 1. 1) не противоречит принятой в античности практике создания псевдоэпиграфических писем: в первых словах лит. подделок указывается (часто косвенно), кого именно составитель собирает имитировать. Начало Л. п., т. о., должно было дать понять читателю, что данное послание принадлежит ап. Павлу, к-рый, по убеждению Маркиона, решающие пункты

своего богословия выразил именно в Послании к Галатам. Эта позиция также не получила в научной лит-ре широкого распространения, т. к., согласно ее критикам, Л. п. не является примером особого риторического мастерства.

В целом в лит-ре доминирует мнение, что маркионитское происхождение лат. Л. п. недоказуемо. Скорее Л. п. — это неумелая подделка, протая компиляция (в основном из текстов Посланий ап. Павла к Филиппийцам и к Галатам) с целью создать и включить в *Corpus Paulinum* упомянутое в Кол 4. 16 «послание лаодикийцам» (*Eadie. 1861. P. XXIV; Jülicher. 1904. P. 544; James. 1924. P. 478; Blackman. 1948. P. 61–62; Collins. 1988. P. 150; Idem. 2010. P. 31; Cosgrove. 1990. P. 500; Schneemelcher. 1989. S. 44; Watson. 2000. P. 790; Kee. 2005. P. 358; Wilson. 2005. P. 15, 59, 65, 309; Meeks, Fitzgerald. 2007. P. 142*). Идентично ли упомянутое в каноне Муратори Л. п. этому апокрифу — вопрос, также не имеющий окончательного ответа. По этой причине отпадает возможность точной датировки: временем составления может быть период между II и IV вв. (*Schneemelcher. 1989. S. 42; Lieu. 2015. P. 271*). При этом ряд исследователей все-таки видят в Л. п. произведение, продуманное композиционно (*Kelhoffer. 2000. P. 150–151; Burnet. 2002; Sellev. 1994; Idem. 1998; Holloway. 1998; Idem. 2001. P. 9–11; Quispel. 1950/1951; Obolensky. 1948. P. 39, 47; Pink. 1925. P. 192; Blackman. 1948. P. 62; Ehrman. 2003. P. 165; Idem. 2003. P. XIII, 213–215*).

Одна из последних попыток изучения Л. п. в рамках данной перспективы была предпринята Ф. Тайтом (*Tite. 2012; Idem. 2013*), к-рый, применяя эпистолярный анализ, также делает вывод о наличии в Л. п. продуманной структуры (композиция послания усиливает нравственное наставление верующим не отступать от «истинного Евангелия» и не уклоняться в др. конкурирующие христ. учения) и относит его ко II в., когда активно разрабатывалась Павлова традиция, создававшая в лице апостола «культурного героя». Ап. Павел понимается как основатель христианства, как авторитетная фигура, с которой следующие поколения могут связать свою социальную идентичность и которая позволяет оспорить авторитет других лидеров, борющихся за нормативный статус.

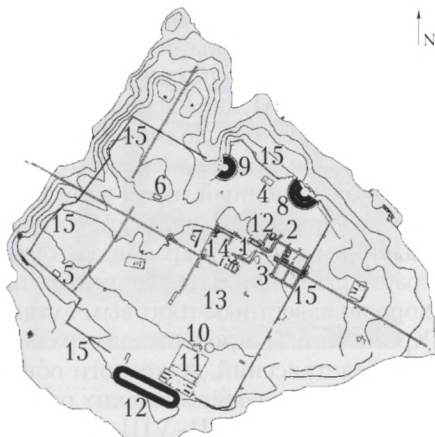
Несколько особняком в историографии стоит гипотеза М. Э. Буамара (*Boismard. L'enigme. 1999*). Он указал на то, что все предложенные ранее попытки идентифицировать упоминаемое в источниках Л. п. с Посланием к Ефессянам не дают ответа на вопрос, почему издатель Посланий ап. Павла в 80-х гг. I в. не включил в это собрание Л. п., которое он несомненно должен был знать, а предложил свою реконструкцию греческого текста Л. п. на основании текста Послания к Колоссянам. По его убеждению, издатель собрания Посланий ап. Павла не забыл Л. п., но соединил его с Посланием к Колоссянам (*Boismard. La lettre. 1999*; ср. уже: *Lindemann. 1983*). В обоих Посланиях речь шла о сходных вопросах, и компилятор, исполняя пожелание ап. Павла, сформулированное им в Кол 4. 16, объединил оба текста так, чтобы читатели могли прочитать оба Послания. (Подобные гипотезы, отвергающие лит. целостность Павловых текстов, существуют и для др. Посланий — см., напр., в ст. *Коринфянам послания*.) Буамар выделяет в тексте Л. п. типично Павлову лексику и темы его богословия, указывает на многочисленные параллели с др. Посланиями апостола, особенно с Посланиями к Галатам и к Римлянам (о проблеме аутентичности см. в ст. *Колоссянам послание*). Датировка Л. п. в таком случае соотносится со временем создания Посланий к Филиппийцам и к Филимону, написанных Павлом из уз. При этом учитывается, что конфликт апостола с иудеохристианами, желавшими сохранить обрезание и пищевые предписания, еще продолжался (Кол 2. 8, 11, 20–23). С учетом того что эти проблемы рассматриваются в Посланиях к Галатам и к Римлянам, Л. п. не могло быть написано значительно позднее этих текстов. Буамар считает, что Л. п. было составлено в кесарийской темнице, а не в Риме.

Лит.: *Anger R. Über den Laodicenerbrief. Eine biblisch-kritische Untersuchung. Lpz., 1843*; *Eadie J. A Commentary on the Greek Text of the Epistle of Paul to the Ephesians. N. Y., 1861²*; *Lightfoot J. B. St. Paul's Epistles to the Colossians and to Philemon. L., 1879. P. 274–300*; *Zahn Th. Geschichte des Neutestamentlichen Kanons. Lpz., 1892. Bd. 2*; *Bardenhewer O. Geschichte der altkirchlichen Literatur. Freiburg i. Br., 1902. Bd. 1. S. 459–462*; *Goodspeed E. J. A Toledo Manuscript of Laodiceans // JBL. 1904. Vol. 23. N 1. P. 76–78*; *idem. The Madrid MS. of Laodiceans // AJTh. 1904. Vol. 8. N 3. P. 536–538*; *Jülicher A. An Introd. to the NT /*

*Trans. J. P. Ward. L., 1904; Harnack A., von. Apocrypha IV: Die apokryphen Briefe des Paulus an die Laodicener und Korinther. Bonn, 1905, 1931²; idem. Der apokryphe Brief des Apostels Paulus an die Laodicener, eine Marcionitische Fälschung aus der 2. Hälfte des 2. Jh. // SPAW. Jg. 1923. S. 234–245; idem. Marcion: Das Evangelium vom fremden Gott. Lpz., 1924²; Jacquier E. Le NT dans l'église chrétienne. 1911. Vol. 1. P. 345–351; Vouaux L. Les Actes de Paul et ses lettres apocryphes: Introd., texts, traduction et comment. P., 1913. P. 315–326; James M. R. The NT Apocrypha. Oxf., 1924. Berkeley, 2004²; Pink K. Die pseudopaulinischen Briefe II // Biblica. R., 1925. Vol. 6. P. 179–192; Knox J. Marcion and the NT. Chicago, 1942; Blackman E. C. Marcion and His Influence. L., 1948; Obolensky D. The Bogomils: A Study in Balkan Neo-Manichaeism. Camb., 1948; Quispel G. De Brief van de Laodicensen — een Marcionitische vervalsing // Nederlands Theologisch Tijdschrift. S.-Gravenhage, 1950/1951. Vol. 5. P. 43–46 (англ. пер.: The Epistle to the Laodiceans: A Marcionite Forgery // *Idem. Gnostica, Judaica, Catholica: Coll. Essays / Ed. J. van Oort. Leiden, 2008. P. 689–693*); *Moraldi L. Apocri del NT. Torino, 1971. Vol. 2. P. 1720–1723; Erbetta M. La Lettera ai Laodicensi (160–190?) // Gli Apocri del NT. Mil., 1981². Vol. 3. P. 63–67; Lindemann A. Der Kolosserbrief. Zürich, 1983; Mackay Th. W. Content and Style in Two Pseudo-Pauline Epistles: 3 Corinthians and the Epistle to the Laodiceans // Apocryphal Writings and the Latter-Day Saints / Ed. C. W. Griggs. Provo; Salt Lake City, 1986. P. 215–240; Collins R. F. Letters That Paul did not Write: The Epistle to the Hebrews and The Pauline Pseudepigrapha. Wilmington, 1988; *idem. Introduction to the NT. N. Y., 2010²*; *Schneemelcher W. Der Laodicenerbrief // Neutestamentliche Apokryphen in deutscher Übersetzung / Hrsg. E. Hennecke, W. Schneemelcher. Tüb., 1989². Bd. 2. S. 41–44; Cosgrove Ch. H. Laodiceans, Epistle to the // Mercer Dictionary of the Bible / Ed. E. Watson. Macon, 1990. P. 500; Backus I. Renaissance Attitudes to NT Apocryphal Writings: J. Lefevre d'Étaples and His Epigones // Renaissance Quarterly. N. Y., 1998. Vol. 51. N 4. P. 1169–1198; *eadem. Historical Method and Confessional Identity in the Era of the Reformation (1378–1615). Leiden; Boston, 2003. P. 276–286; Sellev Ph. «Laodiceans» and the Philippians: Fragments Hypothesis // HarvTR. 1994. Vol. 87. N 1. P. 17–28; *idem. «Laodiceans» and Philippians Revisited: A Response to P. Holloway // Ibid. 1998. Vol. 91. N 3. P. 327–330; Holloway P. A. The Apocryphal «Epistle to the Laodiceans» and the Partitioning of Philippians // Ibid. P. 321–325; *idem. Consolation in Philippians: Philos. Sources and Rhetorical Strategy. Camb.; N. Y., 2001; Boismard M.-É. L'enigme de La lettre aux Éphésiens. P., 1999; idem. La lettre de St. Paul aux Laodiceens. P., 1999; idem. Paul's Letter to the Laodiceans // The Pauline Canon / Ed. S. E. Porter. Leiden; Boston, 2004. P. 45–57; Kelhoffer J. A. Miracle and Mission: The Authentication of Missionaries and their Message in the Longer Ending of Mark. Tüb., 2000; Watson D. F. Laodiceans, Letter to the // Eerdmans Dictionary of the Bible / Ed. D. N. Freedman. Grand Rapids, 2000. P. 790; Norelli E. La Lettre aux Laodiciens: Essai d'interprétation // Archivum Bobiense. 2001. Vol. 23. P. 45–92; Burnet R. Pourquoi avoir écrit l'insipide épître aux Laodiciens? // NTS. 2002. Vol. 48. N 1. P. 132–141; Ehrman B. D. Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew.******

Oxf.; N. Y., 2003; *idem. Lost Scriptures: Books that Did Not Make it into the NT. Oxf.; N. Y., 2003. P. 165; Hall Th. N. Aelfric and the Epistle to the Laodiceans // Apocryphal Texts and Traditions in Anglo-Saxon England / Ed. K. Powell, D. Scragg. Camb., 2003. P. 65–84; Kee H. C. The Beginnings of Christianity: An Introd. to the NT. N. Y., 2005; Wilson R. McL. A Critical and Exegetical Comment. on Colossians and Philemon. L.; N. Y., 2005; Meeks W. A., Fitzgerald J. T., ed. The Writings of Paul: Annot. Texts, Reception and Criticism. N. Y., 2007²; Tite Ph. L. The Apocryphal Epistle to the Laodiceans: An Epistolary and Rhetorical Analysis. Leiden; Boston, 2012; *idem. Dusting off a Pseudo-Historical Letter: Re-Thinking the Epistolary Aspects of the Apocryphal Epistle to the Laodiceans // Paul and Pseudepigraphy. Leiden; Boston, 2013. P. 289–318; Lieu J. Marcion and the Making of a Heretic: God and Scripture in the Second Cent. Camb., 2015.**

ЛАОДИКИЙЯ на Лике [греч. Λαοδικεία ἐπὶ Λύκῳ], античный и визант. город в области Фригия (или Кария; юго-запад М. Азии); ныне городище в 10 км к северу от совр. г. Денизли (Турция); древняя митрополия Константинопольской Православной Церкви. Л. находилась на холме между долинами рек Асоп и Капр, притоков р. Лик, к-рая впадает в р. Меандр (ныне Б. Мендерес). Поселение образовалось в ходе греч. колонизации М. Азии в начале эпохи эллинизма; первоначально город носил названия Диосполь (город Зевса), а также Роас (*Plin. Sen. Natur. hist. V 105*). В сер. III в. до Р. X. поселение было перестроено царем Антиохом II (261–246 до Р. X.) из династии Селевкидов и названо именем его жены Лаодики. Л. занимала выгодное географическое положение посередине широкой долины Лика, по к-рой проходили основные дороги, связывавшие зап. берег М. Азии, регион Эфеса и Смирны, с Памфилией. Это был кратчайший путь на восток, в Киликию и Сирию. Л. находилась в пограничном районе Юго-Зап. Фригии, к-рый античные писатели (Птолемей, Филострат) время от времени причисляли к области Кария. Наряду с греками Антиох переселил во Фригию 2 тыс. семей евреев, к-рые вполсл. составляли в городе значительную часть жителей. Иудейская община обладала большими финансовыми средствами. По сведениям Цицерона, рим. проконсул Луций Валерий Флакк конфисковал у иудеев Л. 20 литр золота, собранного для ежегодного подношения в Иерусалимский храм (*Cicero. Flac. 28–68*). По надписям известно, что в Л. почитались Зевс Лаодикийский (ско-

План древней Лаодикии

1. Центральная Агора
2. «Лаодикийская» базилика
3. Центральная церковь
4. Северная базилика
5. Юго-западная базилика
6. Северо-западная базилика
7. Здание «С»
8. Северный театр
9. Западный театр
10. Булевертий
11. Форум
12. Стадион
13. Нимфей Септимия Севера
14. Нимфей Каракаллы
15. Городские стены ранневизантийской эпохи

этих городов — Триполис. Помимо этого Л. уже к сер. I в. до Р. Х. стала центром союза из 25 городов окружающего региона. В городе существовали группа философов-скептиков (Антиох, Фейодас, ученики Энесидема — *Diog. Laert.* IX. 116) и знаменитая школа медиков. В сер. I в. до Р. Х. главный представитель местного влиятельного рода ритор Зенон выступал с речами, призывая граждан защищать город и страну

ные части районов долины Меандра, зап. берега М. Азии и о-ва Хиос; восстанавливали разрушенное с помощью средств, выделенных Октавианом Августом (*Strabo. Geogr.* XII 8.18; *Guidoboni.* 1994. P. 174–177). В 47 г., вероятно в связи с сильным извержением вулкана на Санторине, произошла крупная серия землетрясений, в которых вместе с Л. пострадали Иераполь, Смирна, Эфес, Милет и несколько островов Эгейского м. Поддержку жителям оказывал имп. *Клавдий I* (*Ioann. Malal. Chron.* P. 246; *Georg. Sync. Chron.*

Центральная площадь древней Лаодикии.
Нимфей имп. Септимия Севера

P. 405). Сильнейшим землетрясением в 60 г. по Р. Х. были разрушены Л., Иераполь и Колоссы;

от парфян, наступавших тогда в М. Азии. Потомки Зенона были царями зависимых от Рима царств в I в. до Р. Х.— I в. по Р. Х.: Ликаонии, Киликии, Боспора, Колхиды и Армении.

В рим. эпоху, между кон. I в. до Р. Х. и сер. III в. по Р. Х., Л. была полностью застроена новыми общественными и жилыми зданиями. Город имел 2 главные площади: центральную агору и юж. форум, на котором находилось здание городского совета — булевертий. Действовали 2 больших театра, стадион, не менее 3 крупных комплексов терм, неск. храмов. Вода подавалась по акведуку из горного массива Салбак (ныне Бабадаг, 10 км южнее города). Распределение воды в городе было организовано через Водную башню в южной части города и несколько больших нимфеев в центральной. Крупнейший нимфей был построен при имп. *Септимии Севере* (193–211); возведение еще одного, посвященного имп. *Каракалле*, было приурочено к его визиту в город в 215 г.

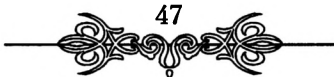
В Л. неоднократно происходили сильные землетрясения. По письменным источникам известны лишь некоторые, однако их частота и разрушительные последствия скорее всего существенно сдерживали развитие города. Ок. 27 г. до Р. Х. Л. пострадала в результате сильного толчка, повредившего значитель-

вскоре все 3 города были восстановлены без внешней помощи (*Tac. Ann.* XIV 27.1; *Euseb. Chron.* I 21–22; *Oros. Hist. adv. pag.* VII 7; *Georg. Sync. Chron.* P. 410).

Христианская община в Л. возникла в апостольский век, вероятно, уже в нач. 60-х гг. I в. по Р. Х. До нас не дошли сведения о том, бывал ли ап. Павел в Л. В Деяниях св. апостолов неоднократно упоминается, что апостол проходил через Фригию и Галатию (*Деян.* 16. 6; 18. 23; 19. 1); он мог останавливаться в Л. как в крупнейшем городе Юж. Фригии. Известно, что у ап. Павла были знакомые, друзья и ученики, жившие в Л. Свое *Колоссянам послание* ап. Павел просил читать и в соседних общинах Л. и Иераполя (*Кол.* 2. 1–2) и сообщал, что отправил в Л. отдельное послание (*Кол.* 4. 16; см. также *Лаодикийцам послание*). В Послании к Колоссянам фигурирует ап. *Енафрас*, вероятно, выходец из Л. или Иераполя, сопровождавший ап. Павла и беспокоившийся о судьбе родных для него городов и их жителей (*Кол.* 4. 12–13). Кто были первые предстоятели христианской общины в Л., неизвестно. Предания древней Церкви сохранили имя ап. *Архиппа* (пам. 19 февр., 22 нояб., 4 янв.), ученика ап. Павла. Апостол упоминает его и просит передать, чтобы тот исполнил служение, которое принял во имя Господа (*Кол.* 4. 17; *Флм.* 1. 2). Ап. Архипп пострадал

рее всего неизв. эллинизированное фригийское божество), Асклепий, Аполлон; существовал также рим. имп. культ.

В 188 г. до Р. Х., после разгрома царства Востока римлянами в битве при Магнесии, Л. вместе с обширными окрестными землями вошла в состав Пергамского царства, союзника Рима. В 133 г. до Р. Х. вместе со всеми владениями Пергама Л. перешла под управление Рима в составе пров. Асия на правах свободного полиса. Город пострадал во время 1-й Митридатовой войны в нач. I в. до Р. Х., но вскоре был восстановлен. В рим. эпоху Л. превратилась в один из наиболее населенных и важных торгово-ремесленных центров М. Азии. Особенно здесь была развита торговля черной шерстью, т. к. окрестные горные склоны и плато Фригии были удобны для развития овцеводства. Л. чеканила собственные монеты. Город развивался в тесном соседстве с 2 ближайшими к нему полисами: Иераполем (ныне Памуккале, 10 км севернее Л.) и Колоссами (ныне городище близ г. Хоназ; 17 км восточнее Л.; см. ст. *Хоны*); иногда использовалось общее наименование

при имп. Нероне в Колоссах; он был исколот ножами за то, что отказался участвовать в празднике в честь Артемиды. Древнее церковное предание о св. Архиппе как о епископе Л. зафиксировано в «Апостольских постановлениях» (IV–V вв.; Const. Ap. 7. 46). Св. Павел упомянул также, что в Л. находилась домашняя община ап. *Нимфана* (Кол 4. 15; пам. 28 февр.), вероятно, человека, принявшего крещение вместе со своей семьей и на какое-то время также ставшего главой христиан Л. Лаодикийская община упоминается в числе 7 Церквей Азии, к к-рым обращено Откровение ап. Иоанна Богослова (Откр 1. 11, 3. 14–22).

Сведения о дальнейшей истории христ. Л. отрывочны. В сер. 60-х гг. II в. в городе среди малоазийских христиан происходили ожесточенные споры о времени празднования Пасхи. Среди тех, кто собирались в Л. и вели дискуссии, были святители *Аполлинарий* Иерапольский и *Мелитон* Сардский (*Euseb. Hist. eccl. IV 26*). Ок. 166 г. был казнен епископ Л. св. *Сагарис* (пам. 6 окт.; его фригийское имя указывает на вероятное место его рождения). Сведения о его мученичестве историк Евсевий Памфил почерпнул из трудов свт. Мелитона Сардского. В нач. IV в. могилу св. Сагариса в Л. почитали христиане (*Euseb. Hist. eccl. V 24. 5*). О еп. Сисинии известно только из Жития сщмч. *Артемона* (пам. 12 и 13 апр., 24 марта, 8 окт.), пострадавшего в гонение имп. Диоклетиана в нач. IV в. В Житии рассказывается о том, что христиане в Л. во главе с Сисинием ночью подожгли храм Артемиды, за что легат Патрикий собирался арестовать их, но внезапно заболел и был исцелен по молитвам еп. Сисиния (достоверность этих сведений остается невыясненной). При Диоклетиане пострадали также мученики Трофим и Фал из Л. (пам. 16 марта).

В ходе адм. реформы имп. Диоклетиана на рубеже III и IV вв. из вост. части пров. Асия была образована пров. Фригия Пакатиана и Л. стала ее митрополией. Повторяя принципы гражданской иерархии, церковная кафедра Л. в IV–V вв. приобрела статус митрополии и первенство среди остальных кафедр провинции (в V в. их было до 25). В нач. V в. город обнесли оборонительными стенами, в периметр к-рых была

включена приблизительно половина городской территории рим. эпохи. Очередное сильное землетрясение в 494 г. (*Marcell. Comit. Chron. P. 94; Zach. Rhet. Hist. eccl. VII 2*) нанесло городу столь большой урон, что, как установлено археологами, в Л. была навсегда утрачена часть важнейших общественных зданий, в т. ч. большие центральные термы, комплекс центральной агоры, нимфей Септимия Севера и некоторые христ. церкви. Высокий статус митрополии Л. подтверждается проведением здесь в сер. IV в. поместного *Лаодикийского Собора*. Еп. Л. Нуне-

Храм «А»

хий участвовал в заседаниях I Вселенского Собора в Никее в 325 г. О жизни христиан Л. в IV в. известно из послания свт. Афанасия Великого, к-рый упоминает, что арианец Кекропий из Л. по решению имп. Констанция II был переведен в Никомидию и стал там епископом (вероятно, в 40-х гг. IV в.). Был ли Кекропий до этого епископом Л., неясно. Митр. Аристоник из Л. участвовал в III Вселенском Соборе в Эфесе в 431 г. и поддержал правосл. партию свт. Кирилла Александрийского и Мемнона Эфесского. Митр. Нунехий известен благодаря участию в Эфесском («Разбойничьем») Соборе в 449 г.; также его подпись стоит под актами IV Вселенского Собора в Халкидоне в 451 г. и под «Эникликлином» имп. Льва I в 458 г. Митр. Иоанн из Л. участвовал в V Вселенском Соборе в К-поле в 553 г.

История Л. после VI в. в наст. время не поддается убедительной реконструкции. Археологические раскопки, которые активно ведутся на месте города в последние годы, пока не зафиксировали к.-л. существенной строительной активности в Л. после VII в. На территории города не найдено монет, выпущенных позже правления визант. имп.

Фоки (602–610). Предполагается, что древняя Л. была полностью или почти полностью покинута жителями в VII–VIII вв. Расположенный в районе речных долин, легкодоступный для врагов и сравнительно слабо защищенный город в это время неоднократно подвергался нападениям персов и арабов, которые грабили М. Азию, передвигаясь по хорошо известным торговым путям. Кроме того, Л. продолжала страдать от землетрясений. Археологи обнаружили следы сейсмических разрушений построек VII–VIII вв., к-рые уже не были восстановлены. В XII–

XIII вв. Л. несколько раз упоминается в источниках как военная крепость. Скорее всего в это время среди византийцев ее название употреблялось уже

для обозначения цитадели, расположенной в 10 км южнее Л., из которой позднее вырос совр. г. Денизли. Так, в 1119 г. Л. была отвоевана ви-

зантийским имп. Иоанном II Комнином у сельджуков. При имп. Мануиле I (1143–1180) крепость ремонтировалась. В 1206–1230 гг. она входила в состав владений визант. магната Мануила Маврозома, но позднее окончательно перешла во владение сельджукских мусульм. правителей.

Однако по византийским источникам известно, что церковная митрополия Л. продолжала существовать без значительных перерывов до сер. XV в. Большинство упомянутых в них иерархов, вероятно, постоянно проживали в К-поле и были титулярными митрополитами Л. О присутствии их в Л. в средние века ничего не известно.

Памятники христианской архитектуры. В Л. раскрыто археологами ок. 10 христианских храмов различной конструкции и назначения. Все они были выстроены в течение довольно короткого периода, V–VI вв., и использовались преимущественно лишь до VII в. Посвящения храмов неизвестны.

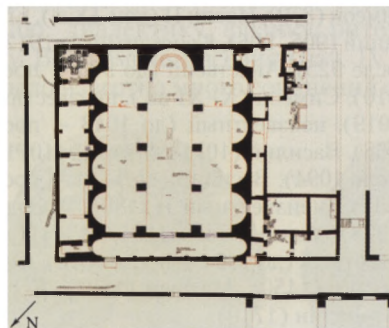
«*Лаодикийская*» базилика была раскрыта в 2010 г. Это наиболее роскошный и лучше других сохранившийся христианский храм Л. Вероятно, он служил кафедраль-

Руины
«лаодикийской» базилики

ным собором (общие размеры комплекса 40,85×37,5 м; размеры наоса 29,6×34,5 м). Трехнефная базилика была ориентирована на юго-восток. Вост. стена имела прямую форму, так что апсиды снаружи не были видны, и это характерная черта малоазийской ранневизант. архитектуры. Храм имел весьма необычную форму. Боковые апсиды (пастофории) имели прямоугольную форму. Кроме того, основной наос по бокам был оформлен еще 2 рядами апсид (полукруглых ниш) по 4 с каждой стороны (в сев. и юж. стенах наоса). Др. пара подобных ниш оформляла боковые стенки нартекса. Нефы разделялись 2 рядами массивных столбов, по 5 в каждом ряду. Столбы достигали в высоту 5 м и служили опорой для арочных перекрытий, поддерживавших клересторий и деревянную крышу храма. Алтарная часть отделялась от наоса парапетом; в центре находилась вима прямоугольной формы (5,6×8 м). От алтарной преграды сохранились лишь небольшие осколки мраморных плит с орнаментами. В центральной апсиде размещался 3-ступенчатый синтрон. В центре наоса, отдельно от алтаря, был расположен амвон, также приподнятый на подиум. По остаткам напольной мозаичной надписи удалось определить, что амвон ремонтировали в 492 г. Баптистерий находился в помещении в сев.-вост. части комплекса (5,5×5,5 м) и соединялся с алтарным пространством через дверь. При этом наряду с купелью в баптистерии была выстроена апсида, обращенная на юго-запад, в сторону главного алтаря храма. Подобным образом с юга к храму также примыкала часовня, апсида которой была обращена на северо-восток. Пол центрального нефа был покрыт мрамором в технике *opus sectile*. В боковых нефях и нишах

сохранились фрагменты напольной мозаики в основном с растительным и геометрическим орнаментом. В 1-й нише с юж. стороны сохранилась надпись с именем протодиака. По-

План
«лаодикийской» базилики

ликарпа; во 2-й, соседней с ней, нише — надпись с именем диак. Александра, которые, вероятно, вносили средства в создание мозаик. На остатках стен базилики есть также

Основание
Северной базилики

неск. фрагментов фресковой живописи, содержащей архитектурные композиции и растительный орнамент. Весь комплекс окружали многочисленные подсобные и хоз. помещения. Обращает на себя внимание сходство планов «лаодикийской» базилики и здания «С» с апсидой в центре города.

Центральная церковь. Находится к югу от главной городской агоры. Вероятно, это древнейший известный ныне христианский храм в Л. Церковь была образована в кон. IV — нач. V в. в результате перестройки части помещений богатого рим. частного дома (17×20,1 м). К средней части дома с юго-востока была пристроена подковообразная апсида; были переделаны входы в помещение. Выстроенная т. о. церковь в общих чертах соответствовала плану 3-нефной базилики, хотя единого наоса ее нефы не образовывали. Боковые нефы соединялись с центральным только через двери. В сер.—2-й пол. VI в. был перестроен нартекс храма. В нем появились 2 не-

большие часовни с апсидами, которые, вероятно, были посвящены разным святым. Также были расширены подсобные помещения с юга и севера от храма, назначение которых остается неясным.

В различных районах города раскрыты неск. базилик, приходских храмов Л., от к-рых остались лишь некоторые части фундаментов, позволяющие реконструировать планы зданий.

Северная базилика (26×47,6 м) раскрыта в 2011 г. Это 3-нефный 3-апсидный храм, ориентированный на юго-восток; построен после землетрясения 494 г. в сев. части площади, к-рая до IV в. предположительно служила теменосом храмов Зевса и Афины. Сооружение имело довольно стандартные для М. Азии формы. Вост. стена снаружи прямая; полукружия апсид на ней не выявлены. Стену украшали только 2 небольшие ниши, делившие

фасад стены на 3 части. Исследователи отмечают сравнительно низ-

кое качество каменной кладки из известняка-травертина; отделка храма также оставалась до-

вольно скромной, т. к. в ней, по-видимому, не использовался мрамор. Баптистерий при базилике не обнаружен.

Юго-западная базилика (34,3×21,4 м). Трехнефный одноапсидный храм с атриумом, вероятно, объединявший общину нескольких кварталов города и построенный в V в. Найденные мозаичные тессеры указывают на то, что его пол или конха апсиды были украшены мозаикой.

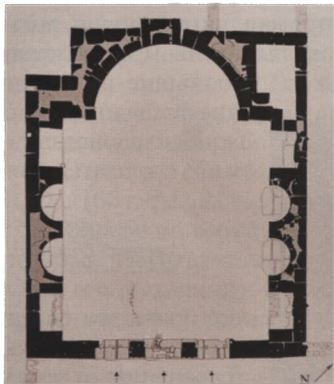
Северо-западная базилика (20,33×43,34 м) — 3-нефный и 3-апсидный храм с атриумом. В вост. стене выделяется только центральная апсида, к-рая с внешней стороны имеет 3-гранную форму. Базилика была богато украшена мраморными деталями и орнаментом. Найденные фрагменты декора типичны для V в., однако некоторые из них, в т. ч. украшения фриза архитрава, соответствуют стилю II в. и могли быть использованы в базилике как сполнии.

Раскрыты также 2 храмовых сооружения в форме тетраконха. Первый был выстроен, вероятно, в V в.

Он расположен на вост. окраине города, за пределами стен. Снаружи стены здания образовывали форму ротонды, однако внутреннее помещение выглядело в плане как октагон с 4 апсидами по всем сторонам (его размеры 15×15 м). Вторая постройка, диаметром 9 м, находилась в центральной части города. Она была богато украшена; стены в интерьере облицованы мрамором. Возможно, здесь находился баптистерий еще не раскрытого храма.

Здание «С» с апсидой. Расположено к юго-западу от нимфея Каракаллы в центре города, на небольшом холме; в основном напоминает христ. базилику, но обладает рядом необычных черт. Главная большая апсида здания ориентирована на северо-запад. Внешние стены, сло-

План здания «С» с апсидой

женные из известняка и мрамора, образуют прямоугольное в плане сооружение (16,6×19,5 м). Однако внутри в прямоугольник вписано сложное помещение. Помимо главной апсиды его образуют 8 боковых ниш, расположенных в 2 ряда по боковым стенам. В каждом ряду 1-я и 4-я ниши имеют квадратную, а 2-я и 3-я — полукруглую форму. С юго-востока в помещении вели 3 входа; боковых дверей у здания не было. По найденным деталям декора предполагают, что здание было построено в эпоху династии Северов (1-я треть III в.) и, вероятно, использовалось как храм имп. культа (калиба). Позднее оно было переосвящено в христ. церковь; при этом ориентация здания не менялась. Храм был заброшен после землетрясения 494 г.

Известные архиереи Л.: ап. Архипп (сер. I в.), ап. Нимфан (сер. I в.), свт. Сагарис (ум. ок. 166), Сисиний (?; нач. IV в.), Евгений (нач. IV в.), Нунехий (325), Аристоник (431), Нунехий (до

449 — после 458), Иоанн I (553), неизвестный (VII в.), Тиверий (681), Евстафий (787), неизвестный (816), Симеон Новопатрский (низложен в 861), Феодор (с 861), Никон (?; после 858–867, 877–886), Сисиний (870), Павел (879), Симеон (879), Иоанн II (кон. IX в.), Епифаний (905–906), Константин (до 912 — после 925), Анастасий (до 970 — после 1010), Симеон (X–XI вв.), неизвестный (1019), неизвестный (до 1043 — после 1058), Василий (1071), Михаил (1071 — после 1094), Василий (до 1144 — после 1157), неизвестный (1186), Феодор (1228), неизвестный (1343–1344), неизвестный (до 1364 — после 1370), Феофилакт (1450), Матфей (1591), Косма Ватопедин (1710).

Лит.: *Le Quien*. OC. T. 1. Col. 791–798; *Hamilton W. J. Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia*. L., 1842. Vol. 1. P. 509–515; *Ramsay W. M. Cities and Bishopricks of Phrygia*. Oxf., 1895–1897. Vol. 1. Pt. 1; *Pauly, Wissowa*. Bd. 8. Sp. 722–724; *Buckler W. H., Calder W. M. Monuments and Documents from Phrygia and Caria*. Manchester, 1939; *Johnson S. E. Laodicea and Its Neighbors // The Biblical Archeologist*. Atlanta, 1950. Vol. 13. N 1. P. 1–18; *Magie D. Roman Rule in Asia Minor*. Princeton, 1950. 2 vol.; *Laodicée du Lycos: Le nymphée, campagnes 1961–1963 / Ed. J. Des Gagniers et al.* Québec, 1969; *Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the XIth through the XVth Cent.* Berkeley, 1971; *Belke K., Mersich N. Phrygien und Pisidien*. W., 1990; *Fedalto. Hierarchia*. Vol. 1. P. 150–151; *Guidoboni E. Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean Area up to the Xth Cent.* R., 1994; *Die Inschriften von Laodikeia am Lykos / Hrsg. Th. Corsten*. Bonn, 1997. Bd. 1; *Laodicea di Frigia / Ed. G. Traversari*. R., 2000. Vol. 1; *Padova, 2004*. Vol. 2 / Ed. G. Bejor et al.; *Ricerche archeologiche turche nella Valle del Lykos / Ed. F. D'Andria, F. Silvestrelli*. Galatina, 2000; *Arthur P. Byzantine and Turkish Hierapolis (Pamukkale)*. Istanbul, 2006; *Simsek C. Laodikeia: Ad Lycum*. Istanbul, 2007; *idem. The Churches of the Sacred City Laodikeia*. Denizli, 2015.

И. Н. Попов

ЛАОДИКІЯ (Сирийская, Приморская) [ныне Латакия; греч. Λαοδικεία ἐπὶ τῆς Θάλαττης; лат. Laodicea; араб. اللاذقية; город на побережье Сирии, древняя митрополия *Антиохийской Православной Церкви*. В бронзовом веке (III–II тыс. до Р. Х.) в 12 км к северу от позднейшей Л. существовал крупный финикийский порт. Л. основана ок. 300 г. до Р. Х. царем Селевком I на месте финикийского поселения Рамита; названа в честь матери Селевка Лаодики. В эллинистическую и рим. эпоху Л. имела статус свободного полиса и играла важную роль в социально-экономическом развитии Сирии, лишь немногим уступая *Антиохии*. Здесь процветало льняное производство,

Тетрапилон в Лаодикии.
183 г. Фотография.
Нач. XXI в.

к-рое достигло пика развития в III–IV вв. по Р. Х. (*Strabo. Geogr. XVI; Plin. Sen. Natur. hist. 5. 79*). В III — нач. I в. до Р. Х. город входил в состав царства Востока династии Селевкидов. В 195 г., во время гражданской войны, Л. выступила на стороне имп. Септимия Севера и была разграблена войсками его противника Песценния Нигера. После победы Септимия Л. на краткое время была объявлена митрополией рим. Сирии. Мятежная Антиохия была лишена статуса полиса и переведена под адм. контроль Л. В совр. Латакии сохранились остатки колоннад главных улиц древнего города, тетрапилон эпохи рим. имп. Септимия Севера (нач. III в.). В период адм. реформы имп. Диоклетиана, на рубеже III и IV вв., Л. вошла в состав пров. Сирия Первая, объединив ближайшие окрестности Антиохии. В 387 г., когда в Антиохии поднялось восстание, имп. Феодосий I объявил, что в наказание антиохийцам сделает Л. столицей Сирии Первой, подобно тому как поступил Септимий Север. Однако волнения вскоре завершились, и эта имп. угроза не была воплощена (*Theodoret. Hist. eccl. V 20*).

В рим. эпоху в Л. сложилась значительная христ. община, которая повлияла на развитие церковной жизни на Востоке Римской империи. Согласно преданию древней Церкви, 1-м епископом был ап. Лукий (Луций), один из учеников ап. Павла, упомянутый в Рим 16. 21. Древнейшие сведения о нем как о епископе Л. сохранились в «Синописе», который приписывается смчч. *Дорофею* Тирскому. Почитание св. Лукия сохранялось в средние века в Византии; он упоминается в К-польском синаксаре под

22 апр. (X–XII вв.; SynCP. Col. 621–622). О епископах Л. сер. III — нач. IV в. известно из «Церковной истории» Евсевия Памфила. В нач. 50-х гг. III в. еп. Л. Филимидр наряду с *Оригеном* был в числе адресатов послания «О раскаянии» еп. Александрии свт. *Дионисия Великого* (*Euseb. Hist. eccl. VI 46*). Преемниками Филимидра были Илиодор и Сократ (*Ibid. VII 5, 32*). Довольно многочисленными подробностями известны о жизни 2 следующих епископов Л.— мч. Евсевия (см. ст. *Гай, Фавст, Евсевий, Херимон, Луций, Петр, Павел* (пам. 4 окт.)) и свт. *Анатолія*, происходивших из Александрии. Ок. 259 г. Евсевий был диаконом Александрийской Церкви и сопровождал свт. Дионисия Александрийского в ссылках и заключении. Не будучи сам арестован, он тайно кормил и лечил узников христиан (*Ibid. VII 11. 24*). Согласно тексту *Евсевия* Памфила, и Евсевий и Анатолий получили известность своей ученостью и риторическими талантами в Александрии. Анатолий даже занимал пост председателя городской курии (или по крайней мере был ее членом). Оба они оказались вовлечены в события гражданской войны в Александрии в 261–262 гг. в ходе длительной серии мждоусобных войн эпохи кризиса Римской империи. В городе поднял мятеж Мусий Эмилиан, а присланные против него имп. Галлиеном в Египет войска осаждали городскую крепость Брухий. При этом Анатолий оказался среди запертых в крепости, а Евсевий — в занятой рим. войсками части города. Переписываясь друг с другом, они вскоре сумели организовать спасение большого числа людей из крепости. Анатолий уговорил мятежный совет выпустить из крепости тех, кто бесполезны для осады, а Евсевий добился от римлян прощения для всех освобожденных таким образом (*Ibid. VII 32*). После завершения военных действий оба христианина, видимо, решили оставить свой город. Евсевий переселился в Л., а Анатолий — в Кесарию Палестинскую. Евсевий занял кафедру Л. и прославился своим благочестием; он также состоял в переписке со свт. Дионисием Александрийским. После низложения еп. *Павла Самосатского* на Антиохийском Соборе в 268 г. (см. *Антиохийские Соборы*) община Самосаты уговорила Евсевия поселиться в этом

городе (*Ibidem*). На кафедре Л. его сменил свт. Анатолий, переехавший из Кесарии. Он был широко образованным ученым. Евсевий сообщает, что Анатолий знал в совершенстве арифметику, астрономию, геометрию, диалектику, физику, риторику. Во времена Евсевия (нач. IV в.) было известно много сочинений свт.

поскольку гос. власть в то время благоволила к проарианским течениям. В кон. 50-х гг. еп. Георгий выступал против течения крайних ариан, аномеев, и сблизился с партией омиусиан во главе с еп. *Василием* Анкирским. В это же время в Л. существовала и партия сторонников Никейского Символа веры, ее возглавляли также выходцы из Александрии отец и сын Аполлинарии. Пресв. *Аполли-*

*Имп. Каракалла.
Динарий, отчеканенный
в Лаодикии Сирийской.
Аверс, реверс. 200 г.*

Анатолія. Все они утрачены, кроме фрагментов трактатов «Введение в арифметику» и «О Пасхе»; последний цитировал Евсевий. Спустя некоторое время свт. Анатолий вернулся в Александрию, где возглавил школу перипатетиков (*Ibidem*). Преемник Анатолия еп. Стефан также славился познаниями в философии и в др. науках, однако с началом великого гонения имп. Диоклетяна ок. 303 г. отрекся от веры, за что Евсевий называет его лицемером и трусом (*Ibidem*). Следующий за ним свт. *Феодот* был известен своим искусством врача. Он сумел сохранить общину во времена гонений и стал участником *Вселенского I Собора* в Никее в 325 г. К еп. Феодоту обращено одно из сохранившихся писем равноап. имп. *Константина*, написанное вскоре после Собора (*Athanas. Alex. De decret. Nic. Syn. 42; Gelas. Cyclic. Hist. eccl. III. App. 2; PG. 85. Col. 1357*).

В кон. 30-х — 50-х гг. IV в. кафедру Л. возглавлял еп. *Георгий*, родом из Александрии. Он был среди учеников Ария и уже в 20-х гг. свт. Александр Александрийский лишил его сана пресвитера, но во время епископства Георгий играл роль одного из лидеров господствовавшей в этот период в Восточной Церкви проарианской партии. В 341 г. он участвовал в Антиохийском Соборе. Еп. Георгий не присутствовал на *Сардикийском Соборе* ок. 343 г., однако сторонники Никейского Символа веры объявили о его низложении в числе др. наиболее известных сторонников арианства (*Sozom. Hist. eccl. III 12*). Георгий сохранил за собой кафедру,

нарий-старший был главой богословской школы в Л., которая впервые попыталась исследовать вопросы христологии, однако результатом ее деятельности стала ересь *аполлинарианства* (*Theodoret. Hist. eccl. V 4*). *Аполлинарий*-младший также был известен своей ученостью. Ок. 346 г. он встретился со свт. *Афанасием I Великим*, проезжавшим через Л., и с этого времени стал сторонником никейского богословия (*Sozom. Hist. eccl. VI 25*). В ходе затяжного конфликта между еп. Георгием и Аполлинариями еп. Георгий еще в 40-х гг. IV в. отлучил от Церкви их обоих за то, что они слушали гимны Дионису в исполнении ретора-язычника Елифания. Впрочем, после раскаяния они были помилованы (*Socr. Schol. Hist. eccl. II 46; Sozom. Hist. eccl. VI 25*).

Преемником еп. Георгия стал свт. *Пелагий*, к-рый был рукоположен еп. Акакием Кесарийским и в первые годы своего епископства примкнул к партии омиусиан. В 363 г. он участвовал в Антиохийском Соборе, на котором было объявлено о восстановлении Никейского Символа веры, который трактовался в терминах омиусианства (*Socr. Schol. Hist. eccl. III 25; Sozom. Hist. eccl. VI 4*). Ок. 365 г. стараниями арианина еп. Евдоксия К-польского Пелагий был изгнан с кафедры наряду с неск. др. епископами-омиусианами (*Theodoret. Hist. eccl. IV 13*). Неясно, кто из партии евдоксиан занимал кафедру Л. с этого времени до нач. 80-х гг. IV в. Пелагий, вероятно уже после низложения и изгнания из Л., участвовал в Соборе омиусиан в *Туане* Каппадокийской (*Sozom. Hist. eccl. VI 12*). Одновременно в Л. с нач. 60-х гг. IV в. большим влиянием

пользовался Аполлинарий (младший), который, по сведениям некоторых источников, также был епископом Л. (*Rufin. Hist. eccl. II 20; Theodoret. Hist. eccl. V 4; Карташев. Соборы. С. 189; Спасский. 1895. С. 27*). Попытки Аполлинария распространять учение аполлинарианства потерпели неудачу. Его посольство в составе неск. монахов прибыло на Александрийский Собор в 362 г., но свт. Афанасий отверг предложенную ими версию христологии, хотя к самому Аполлинарию по-прежнему относился дружески, вероятно видя в нем союзника в борьбе против ариан (*Athanas. Alex. Ad Antioch. 7–9*). Аполлинарий не оспаривал прав еп. Пелагия на кафедру Л. После начала правления имп. Феодосия I в 379 г., когда имп. двор вернулся к исповеданию никейского православия, свт. Пелагий получил возможность вернуться на кафедру Л. В 381 г. он участвовал во II Вселенском Соборе в К-поле, на к-ром, в частности, подверглось осуждению и аполлинарианство. При этом на Соборе вопрос о возможном низложении Аполлинария с епископской кафедры не обсуждался. Неясно также, какое положение в Л. занимал Аполлинарий после возвращения Пелагия; о конфликте между Аполлинарием и Пелагием ничего не известно. Преемником свт. Пелагия на рубеже IV и V вв. был еп. Елпидий. Он долгое время был приближенным архиеп. Мелетия Антиохийского, воспитывался им и был известен подвижническим образом жизни (*Theodoret. Hist. eccl. V 27*). В 404 г. еп. Елпидий, прибыв в К-поль на Собор, созданный против свт. Иоанна Златоуста, выступал перед имп. Аркадием и пытался убедить его оставить свт. Иоанна на К-польском престоле (*Pallad. Dial. de vita Ioan. Chrysost. P. 53–54, 127*). Позднее свт. Иоанн отправил еп. Елпидию неск. писем из ссылки (*Ioan. Chrysost. Ep. 12, 129*).

О церковной истории Л. в V–VI вв. сведений значительно меньше. Кафедра Л. была возведена в ранг автокефальной митрополии Антиохийской Церкви в 459 г.; в иерархии автокефальных митрополий она заняла 3-е место (*Honigmann. 1951. P. 35–38*). Еп. Макарий в 431 г. участвовал в III Вселенском Соборе в Эфесе, где был в составе партии вост. епископов во главе с архиеп. Иоанном I Антиохийским, к-рые выступали против осуждения Нестория. В 451 г. еп.

Макарий присутствовал на IV Вселенском Соборе в Халкидоне и подписал соборные определения. Еп. Максим известен лишь по подписи под «Энциклионом» византийского имп. Льва I, к-рый был опубликован в 458 г.

С нач. VI в. община Л. была охвачена спорами между партиями православных и монофизитов. Еп. Никий проявил себя как горячий сторонник лидеров монофизитства еп. Филоксена Иерапольского и Севира из Созополя; Никий неоднократно упоминается в их переписке. В 511 г. он участвовал в Сидонском Соборе, на к-ром партия монофизитов составила большинство. В 512 г. Никий присутствовал при хиротонии Севира в патриархии Антиохии. Одно из писем Севира было обращено к Никию (*The Sixth Book of the Select Letters of Severus, Patriarch of Antioch, in the Syriac Version of Athanasius of Nisibis / Ed. E. W. Brooks. L., 1902. Vol. 1/1. P. 42s (38s.)*). В нем Севир обсуждал с адресатом судьбу неких жителей Минидоса и Угарита, поселений в окрестностях Л., где находились общины халкидонитов. Преемником Никия был еп. Константин, имевший прежде титул *magister militiae*, также монофизит. Время начала его епископства неизвестно; дата 510 г., к-рая содержится в хронике Марцеллина Комита, неверна (*Marcell. Comit. Chron. AD 510*). В 519 г., после офиц. перехода Византии к поддержке халкидонского вероисповедания, Константин был низложен, покинул Л., некоторое время жил в Александрии, где сохранялось влияние монофизитов. Он неск. десятилетий был одним из предводителей монофизитства на Востоке. О Константине как об известном лидере еретиков упоминал Римский папа Вигилий в письме имп. Юстиниану I в 540 г. (*PL. 69. Col. 23*). В неск. сир. рукописях Константину приписывается сохранившийся фрагмент письма настоятелю мон-ря Марку из Исаврии. Константин также был, вероятно, основным составителем списка церковных канонов, к-рые были одобрены Собором партии монофизитов в Александрии в 535 г. (*Honigmann. 1951. P. 36–38*). Он неоднократно посещал К-поль, выступал на диспутах при дворе имп. Юстиниана, защищая монофизитство. Он умер в 553 г. в момент, когда император требовал от него подписаться под документами V Вселен-

ского Собора (*Mich. Syr. Chron. T. 2. P. 249; T. 4. P. 312*). В заседаниях V Вселенского Собора в К-поле в 553 г. участвовал правосл. еп. Л. Стефан. В 50-х — нач. 60-х гг. VI в. был известен монах-монофизит Дометий, к-рый, возможно, получил титул епископа Л. после смерти Константина. Дометий прежде был настоятелем мон-ря Иоанна Псалта близ Л. и, видимо, продолжал жить в мон-ре, имея титул епископа (*Honigmann. 1951. P. 178*). О православных епископах Л. после 553 г. нет сведений на протяжении нескольких столетий. Правосл. кафедра пережила период возрождения в кон. IX — XII в., когда в Л. и во всей Сев. Сирии усилилось визант. влияние. Однако имена епископов Л. этого периода известны в основном лишь по найденным археологами принадлежавшим им печатям (*Fedalto. Hierarchia. Vol. 2. P. 704*).

29 нояб. 528 г. в Л., впервые в истории города (одновременно с Антиохией и Селевкийей Пиерией), произошло землетрясение. Была разрушена половина города и погибло 7,5 тыс. чел. По сообщению хрониста Иоанна Малаль, пострадали в основном иудейские кварталы, в то время как все христианские храмы остались целы (*Ioan. Malal. Chron. P. 442–443*). Последствием этого бедствия, несмотря на выделение средств на восстановление правительством имп. Юстиниана, стало падение экономического и торгового значения города. В сер. VI в. адм. устройство Сев. Сирии вновь претерпело изменения, когда имп. Юстинианом I из части приморских земель провинций Сирия Первая и Сирия Вторая была образована пров. Феодориада. Л. стала ее центром, в нее также вошли города Габала, Палт и Баланея. Феодориада просуществовала до VII в.; на развитии структуры Антиохийской Церкви эта реформа не отразилась.

Средние века. В ходе араб. завоеваний VII в. Л. была захвачена Убайдой ибн ас-Самитом аль-Ансари в 638 г. после осады и штурма цитадели. Христ. население бежало, но получило разрешение вернуться и сохранить нек-рые из храмов. Античный храм, в ранневизант. эпоху ставший церковью, был обращен в мечеть. В 719 г. византийцы с моря атаковали Л., сожгли ее и увели в плен жителей. Халиф Умар II принял меры к восстановлению города и выкупу пленных. Этноконфессио-

нальный состав населения Л. оставался смешанным. Так, именно из Л., по свидетельству византийского хрониста Феофана Исповедника (нач. IX в.), происходил прорицатель-иудей, подтолкнувший халифа Язида II в 721 г. к антихрист. гонениям (*Theoph. Chron.* P. 401–402).

Л. редко фигурирует в источниках эпохи халифата. В сер. X в., после окончательной дезинтеграции халифата Аббасидов, город вместе со всей Сев. Сирией оказался под властью династии Хамданидов. В 970 г., в период т. н. византийской реконкисты, Л. была захвачена византийцами. На короткое время Л. оказалась важным форпостом ромеев в глубине мусульм. мира, базой для морских нападений на окрестности Триполи. Ок. 980 г. правитель города Кармарук успешно отразил вторжение в антиохийскую область фатимидских берберов, но во время следующего нападения на город он попал в плен, был увезен в Египет и казнен. Военные кампании визант. имп. *Василия II Болгаробойцы* в 995 и 1000–1001 гг. отодвинули византийско-мусульм. границу на юг от Л., к отрогам Сев. Ливана и среднему течению р. Оронт.

В округе Л. оставалось многочисленное мусульм. население, которое в 993 г. подняло восстание. Визант. дук Антиохии Михаил Вурца подавил его и переселил пленных мятежников вглубь византийских земель. Свидетельства сер. XI в. подтверждают мусульм. присутствие в Л. и напряженные отношения между приверженцами 2 религий. Мусульмане имели своего кади и мечеть, но призывы к мусульм. молитве христиане старались заглушать ударами в била. Христ. население Л. в визант. период оставалось арабоязычным. Характерно, что егип. христиане, бежавшие в Византию в 1014 г. от гонений халифа аль-Хакима, селились преимущественно в районах Антиохии и Л., в комфортной для них араб. языковой среде.

В ходе завоевания тюрками-сельджуками Анатолии визант. владения в Сев. Сирии также были захвачены мусульманами. Видимо, вскоре после падения визант. власти в Антиохии в кон. 1084 г. Л. оказалась сначала под властью араб. эмиров Шейзара из клана Бану Мункыз, затем под управлением Сельджукидов. Во время 1-го крестового похода, в период, когда византийцы

и крестоносцы действовали как союзники, Л. в авг. 1097 г. была разграблена при атаке визант. флота, затем была занята войском одного из вождей крестоносцев, Раймунда де Сен-Жиля, и снова была захвачена византийцами в 1101 г. Правитель Антиохии Танкред после долгой осады овладел Л. в 1103 г. Борьба франков и византийцев за Л. продолжалась с переменным успехом до 1108 г., когда город был окончательно включен в состав *Антиохийского княжества* крестоносцев. Союзники Антиохии генуэзцы и пизанцы получили право образовать в Л. свои автономные торговые кварталы. В 1136 и 1164 гг. Л. подвергалась нападениям сир. мусульманских владетелей. В 1188 г. войско Салах-ад-Дина взяло город после тяжелой осады и разграбило его. В Л. был оставлен сильный гарнизон, к-рый отразил атаки крестоносцев в 1191, 1197 и 1204–1205 гг. Портовые сооружения города были разрушены мусульманами для предотвращения высадки франков с кораблей. В 1223 г. войско Айюбидов, опасаясь, что не сможет сдержать натиск крестоносцев 5-го крестового похода, уничтожило все укрепления Л., чтобы не позволить противнику закрепиться в городе.

В 1261 г. антиохийский кн. Боэмунд VI, воспользовавшись тем, что силы мусульман были отвлечены на борьбу с монголами, захватил Л. при помощи ордена госпитальеров, к-рые получили во владение половину города и окрестностей. В порту были воздвигнуты новые стены и башни. По мирному договору, заключенному Антиохией с султаном Бейбарсом в 1275 г., крестоносцы удержали Л. за собой в обмен на уплату ежегодной дани в 20 тыс. динаров. В 1287 г. укрепления Л. серьезно пострадали от землетрясения, чем воспользовался мамлюкский султан Калавун. 20 апр. 1287 г. под натиском мамлюков город пал. В составе Мамлюкского султаната Л. стала центром ниябы, адм. единицы в составе пров. Триполи, позднее — пров. Хама. В 1366 г. порт был на короткое время захвачен флотом кипрского кор. Петра Лузиньяна и разграблен.

В XI–XIV вв. Л. была одним из важнейших портов Вост. Средиземноморья, центром вывоза хлопка и дорогих тканей. Однако разрушение Антиохии в 1268 г. и последовавшее

за этим смещение торговых путей, а также обмеление гавани из-за накопления аллювиальных отложений привели к упадку Л. Точная площадь средневековой застройки Л. неизвестна, но ее население в X–XII вв., по косвенным данным, достигало 10–15 тыс. чел. (*Большаков*. 2001. С. 110, 122, 137). Описания Л. оставили многие средневековые путешественники и географы — Ибн Бутлан (1049), аль-Идриси (1154), Якут (1226), Шамс ад-Дин ад-Димашки (1300), Абу-ль-Фида (ум. в 1331), Ибн Баттута (1332). Все они упоминали старинные здания города, портовые сооружения и гавани, защищенные от нападения вражеских кораблей натяжной цепью, отмечали многолюдность города и присутствие христиан в нем. Среди араб. рукописей *Екатерины вмц. монастыря на Синае* хранится Лекционарий 1279 г., написанный в Л. (*Sin. Ag.* 123). Путешественники XIV в. описывали мон-рь Дейр-эль-Фарас, получивший свое имя от маяка, который стоял у входа в гавань с античных времен. Данные о местонахождении мон-ря не совпадают у разных авторов. Так, Ибн Баттута писал о том, что Дейр-эль-Фарас, к-рый он называет «величайшим из монастырей Сирии и Египта», расположен вне города (*Le Strange*. 1890. P. 491). Путешественники сообщали, что мон-рь был центром ежегодного паломничества христиан и мусульман.

Османская эпоха. В 1516 г. в ходе завоевательной кампании османского султана Селима I Л. перешла под власть Османской империи. При новых правителях Л. входила в состав ливы Джабала эялета Триполи; регион славился своим хлопком, оливками и виноградом. В XVIII в. большим влиянием в регионе пользовался клан аль-Азм, доминировавший в среде сир. элиты и распространивший свою власть на Л. Однако после мятежа 1730 г., с к-рым аль-Азмы не смогли справиться, город был изъят османским правительством из их ведения. Из-за обмеления порта Л. уже в то время большие корабли были вынуждены бросать якорь в открытом море и доставлять товар на берег в лодках. Однако до XIX в. Л. оставалась важным транспортным узлом вост. побережья Средиземного м., 3-м по объемам товарооборота портом после Бейрута и Триполи. В 1835 г. порт посетило более 100 кораблей.

В Л. сохранялся один из архиепископских престолов Антиохийской Православной Церкви. Исторические сочинения патриарха Макария III аз-Заима († 1672) и другие источники сохранили имена неск. митрополитов города. В частности, в 1681 г. Антиохийский патриарх Неофит ас-Сакизи, проиграв борь-

*Вид храма Вахка в Лаодикии.
Рисунок из кн.: Texier Ch.
Byzantine architecture:
illustrated by a series
of the earliest Christian edifices
in the East.
L., 1864*

бу за престол своему сопернику Кириллу V аз-Заиму, отказался от претензий на власть и получил в кормление епархию Л., к-рой управлял до своей смерти в 1685 г. Рус. путешественник В. Г. Григорович-Барский, посетивший Л. в 1726 г., писал, что в городе есть 4 церкви относительно недавней постройки (Пешеходца *Василия Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова...* путешествие к св. местам. СПб., 1800⁵. С. 366).

Османская генеральная перепись населения 80-х гг. XIX в. зафиксировала в санджаке Латакия 110 тыс. мусульман (к их числу тур. статистика относилась и алавитов, населявших сельскую округу Л.), свыше 5 тыс. православных и ок. 1,5 тыс. маронитов (*Karpat K. Ottoman Population, 1830–1914. Madison, 1985. P. 128–129*). Христ. источники кон. XIX — нач. XX в. приводят данные о значительно более многочисленном православном населении Латакии (от 4 до 9 тыс.) и Лаодикийской епархии в целом (22,6 тыс. чел., 24 храма и 27 священников в 1908). По данным на 1913 г., в Латакии насчитывалось 4 тыс. православных (при 20 тыс. мусульманах и 150 маронитах), было 5 ветхих церквей, 2 школы ИППО, 2 католических и 3 протестант. учебных заведения.

XX — нач. XXI в. После поражения Османской империи в первой мировой войне в 1918 г. сиро-ливанское побережье, согласно договоренностям стран Антанты, перешло под

контроль Франции. В 1919 и 1923 гг. в районе Латакии происходили антифранц. волнения. В 1920 г. Лига Наций передала Франции мандат на управление всей Сирией и внутренние районы этой страны были оккупированы французскими войсками. Новая администрация рассматривала Сирию как конгломерат разрозненных общин, каждая из к-рых требовала особого режима управления.

*Вид храма Вахка в Лаодикии.
Рисунок из кн.: Texier Ch.
Byzantine architecture:
illustrated by a series
of the earliest Christian edifices
in the East.
L., 1864*

На подмандатной территории было создано несколько карликовых квазигос-в, в т. ч. гос-во алавитов (см. в ст. *Шиизм*), которое сформировалось вокруг Латакии. Мусульманское окружение считало алавитов, одну из радикальных шиитских сект, еретиками. Французские власти мотивировали образование алавитской государственности необходимостью создать условия для свободного развития этой общины, прежде подвергавшейся угнетению со стороны суннитской верхушки Сирии. Французы всячески поощряли формирование особой алавитской идентичности. В то же время в пределах алавитского государства оказались значительные суннитское и правосл. меньшинства, стремившиеся к воссоединению с остальной Сирией. Политическое оформление гос-ва алавитов шло с авг. 1920 по янв. 1925 г.; в 1936 г. оно было включено в состав Сирии, в 1939 г. снова выделено в автономную область и окончательно объединено с Сирией в 1942 г.

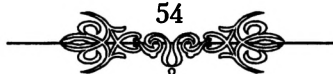
После провозглашения независимости Сирии в 1946 г. область алавитов была полностью интегрирована в общесир. политическое пространство. Антифеодальные настроения алавитского крестьянства и стремление преодолеть свою этноконфессиональную маргинальность предопределили поддержку алавитами партии Баас и ее программы, содержащей мн. социалистические и светские националистические элементы. Алавиты-баасисты составили значительную долю офицерского корпуса

Сирии и в результате военных переворотов 1963 и 1966 гг. встали во главе Сирийского гос-ва. Это обеспечило региону Л. привилегированный статус. Кроме того, утрата Сирией Александреттского санджака в 1938 г. сделала Л. единственным крупным портом страны. Начиная с 1950 г. предпринимались масштабные работы по углублению и расширению гавани Л., строительству портовых сооружений. В 1967 г. порт Л. посетил свыше 1500 кораблей. Шоссейная и железная дороги, связавшие побережье с Халебом (Алеппо), сделали Л. морскими воротами всей Сев. Сирии. Население города быстро росло: 68 тыс. — в 1960 г., 126 тыс. — в 1970 г., 554 тыс. — в нач. XXI в.

В гражданской войне, начавшейся в Сирии в 2011 г., регион Л., населенный преимущественно алавитами и отчасти христианами, в целом сохраняет лояльность правительству Б. Асада. Однако в зонах расселения суннитов, большей частью в туркоманских селах к северу от Латакии, неоднократно происходили боевые столкновения.

Епископы Л.: св. Лукий (Луций; сер. I в.), Филимидр (50-е гг. III в.), Илиодор (кон. 50-х гг. III в.), Сократ (нач. 60-х гг. III в.), Евсевий (ок. 262–268), свт. Анатолий (268 — ок. 282), Стефан (80-е гг. III в. — ок. 303), свт. Феодот (после 303 — 20-е гг. IV в.), Георгий (до 340 — после 359), свт. Пелагий (360 — 80-е гг. IV в.), Аполлинарий (?; до 362–390), Елпидий (до 394 — после 415), Макарий (до 431 — после 451), Максим (упом. в 458), Никий (упом. в 511–512), Константин (до 519; монофизит), Стефан (553), Дометий (553–563/4; яковит), Константин (818–845; яковит), Нико (886–912), Феодор (ок. 890?), Симеон (886–912), Иосиф (IX–X вв.), Феодор (X–XI вв.), Илия (X–XI вв.), неизвестный (1089), Иосиф (XII в.), Василий (до 1147 — после 1157), Павел Ахкар (1961; Мелькитская Церковь), Юханна Мансур (с 1979 по наст. время).

Лит.: *Le Quien*. OC. T. 2. Col. 789–796; *Le Strange G. Palestine under the Moslems*. L., 1890. P. 490–491; *Спасский А. А.* Историческая судьба сочинений Аполлинария Лаодикийского. Серг. П., 1895; *он же.* История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов. Серг. П., 1914²; *Pauly, Wissowa*. Bd. 8. Sp. 713–718; СИППО. 1898. Т. 7. С. 334–335; 1908. Т. 19. С. 322; 1912. Т. 23. С. 116; 1913. Т. 24. С. 319; *Eutyh. Annales*. Pars 2. P. 161, 175, 207 (рус. пер.: *Розен В. Р., ред.* Император Василий Болгаробойца: Извлеч. из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883. С. 16–17, 30, 154); *Devreisse R. Le patriarchat d'Antioche depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe*. P., 1945. P. 168–169; *Honigmann E. Evêques et*

évêchés monophysites d'Asie antérieure au VIe siècle. Louvain, 1951; *Elisseeff N.* Al-Ladhi-kiyya // *EI*. Vol. 5. P. 589–593; *Fedalto*. Hierarchia. T. 2. P. 703–705; *Guidoboni E.* Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean Area up to the Xth Cent. R., 1994. P. 323–325; *Болотов*. Лекции; *Большаков О. Г.* Средневеков. город Ближ. Востока. М., 2001; *Courad L.* Ibn Butlan in «Bilad al-Sham»: The Career of a Travelling Christian Physician // *Syrian Christians under Islam: The First Thousand Years*. Leiden, 2001. P. 150–151; *Butcher K.* Roman Syria and the Near East. L., 2003; *Панченко К. А.* Митрополиты и епархии Правосл. Антиохийской Церкви в описании Патр. Макария III аз-За'има (1665 г.) // *ВЦИ*. 2012. № 1/2(25/26). С. 137.

К. А. Панченко, И. Н. Попов

ЛАОНИК ХАЛКОКОНДИЛ [греч. Λαόνικος Χαλκοκο(ν)δύλης] (ок. 1430, Афины — после 1464), визант. историк. Л. Х. род. в аристократической семье, при крещении получил имя Николай. Отец Л. Х. Георгий Халкокондил (PLP, N 30510) был родственником вдовы афинского герца. Антонио I Ачкаюоли и после его гибели попытался добиться от османского султана Мурада II помощи в борьбе с др. претендентами на власть в герц-стве, однако потерпел поражение, и его семья была изгнана в Мистру. В 1446 г. Георгий участвовал в окончившихся неудачей переговорах деспота Пелопоннеса Константина (впосл. имп. *Константин XI Палеолог*) с вторгшимся на Пелопоннес султаном Мурадом (*Chalcocond. Hist.* T. 2. P. 113–114). Первое упоминание о Л. Х. — дневниковая заметка итал. гуманиста Кириака из Анконы от июля/авг. 1447 г. По его словам, Л. Х. был юным одаренным учеником Георгия Гемиста *Плифона*, равно сведущим в лат. и греч. словесности. Кириак называет Л. Х. Николаем, следов., перемена имени, связанная с желанием Л. Х. носить более архаичное имя, произошла позже. О близости Л. Х. с Плифоном свидетельствует и принадлежавшая Плифону рукопись «Истории» Геродота (Laurent. Plut. 70.06. Fol. 340v), в к-рой содержится написанная рукой Л. Х. похвала античному историку (*Akişik. 2013.* P. 8–10, 58–60; *Kaldellis. 2014.* P. 45–48; 259–262). Дальнейшая биография Л. Х. реконструируется предположительно. Среди адресатов *Апостолиса Михаила* встречается Лаоник, к-рый может быть отождествлен с Л. Х. (*Darkó. 1927;* *Akişik. 2013.* P. 10–20). О корреспонденте Л. Х. известно, что тот жил на Крите и был священником (возмож-

но, униатским); он мог быть издателем поэмы «Баторахомиомахия», опубликованной в 1486 г. в Венеции («Лаоник, критянин и первосвященник Ханьи»: *Legrand. Bibl. hell.* XVe–XVIe. T. 1. P. 6–7). Дата и место смерти Л. Х. неизвестны.

В единственном известном сочинении Л. Х. «История» (Ἀποδείξεις ἱστοριῶν, дословно — «Результаты исследований») в 10 книгах описаны события с 1298 по 1463/64 г. «История» представляет собой уникальный сплав античной и зарождавшейся османской историографических традиций с идеями поздневизант. и итал. гуманистов. Решающее влияние на мировоззрение Л. Х. оказал его учитель Плифон. В русле его философии находится взгляд Л. Х. на греч. нацию вне христ. религии и имперского прошлого и представление о континуитете греч. культуры от античности до падения Византии. Вопреки визант. традиции Л. Х. называет византийцев эллинами (термин, как правило применявшийся к язычникам), а не ромеями/римлянами. Он прилагает последнее обозначение к жителям Свящ. Римской империи и утверждает, что «цари греков» присвоили себе титул «царей Рима» (*Chalcocond. Hist.* T. 1. P. 4). При этом основной темой «Истории» стало не падение Византийской, а возвышение Османской империи. В отличие от др. историков Л. Х. уделяет сравнительно мало внимания непосредственному захвату К-поля, поскольку не был его свидетелем и для реконструкции событий пользовался рассказами очевидцев. Рассуждая о причинах превращения турок-османов из диких кочевников во властителей Европы, Л. Х. отказался от традиционного для византийцев провиденциалистского видения истории. По его убеждениям, падение визант. державы — не проявление Божия гнева, обрушившегося на византийцев после заключения преступной Флорентийской унии (*Nikoloudis. 1992*), и не веление судьбы. Поражение греков — заслуга османов, воинской доблестью доказавших свое право занять их место на исторической сцене (*Harris. 2003*).

Л. Х. порвал с византийской антиислам. полемической традицией и попытался взглянуть на ислам вне христ. парадигмы, не как на догматическое заблуждение или ересь, а как на самостоятельное культур-

ное явление. Он описывал «законодательство» Мухаммада как сторонний наблюдатель, но владел множеством деталей: упоминал запрет на употребление алкоголя, ограничения в пище, правила погребения. При этом он не выносил отрицательных суждений ни о практике многоженства, ни о том, что мусульмане называют Христа всего лишь «апостолом Божиим, родившимся от ангела Гавриила и Марии... неким героем, большим чем человек» (*Chalcocond. Hist.* T. 1. P. 114–115; *Akişik. 2013.* P. 151–162).

«История» написана с уважением к обычаям др. народов. Взяв за образец «Историю» Геродота (*Markopoulou. 2000*), Л. Х. наполнил свое произведение многочисленными отступлениями этногеографического характера, касающимися в т. ч. народов и стран вне Средиземноморского региона (Германия, Англия, Венгрия, Золотая Орда, Монголия), представив панораму Европы в XV в. Часть экскурсии, посвященного скифам и их потомкам, рассказывает о Руси (Сарматии) и живущих рядом народах (пермяках, пруссах, чехах, поляках, литовцах, жителей Молдавии) (*Chalcocond. Hist.* T. 1. P. 122–126). Л. Х. описывает происхождение, язык, быт и религию русских, называет основные города, проводя различие между формой правления в Московском, Тверском и др. княжествах и в Новгородской республике (*Dittmen. 1962;* *Idem. (Ditten). 1968*).

Основная идейная линия (возвышение варварства и закат эллинизма) сочинения, структура повествования (многочисленные экскурсии), образность (Мехмед II похож на царя персов Ксеркса) и манера работы с историческим материалом свидетельствуют об ориентации на Геродота. Язык и стиль (староаттические элементы, лаконичность высказывания) представляют собой подражание Фукидиду. Среди других античных авторов, сочинениями к-рых пользовался Л. Х., — Диодор Сицилийский, Плутарх и Птолемей. Вопрос о влиянии на Л. Х. визант. историка *Никифора Григоры* (XIV в.) остается открытым (*Kaldellis. The Greek Sources. 2012*). Основную массу сведений Л. Х. почерпнул из устных сообщений информантов и народной традиции, в т. ч. итальянской и турецкой. В пассаже, посвященном финансовой системе

османского гос-ва, он прямо говорит о том, что получил сведения от служащих финансовых ведомств (*Chalcocond. Hist.* Т. 2. P. 210; *Vryonis*. 1976).

Повествование «Истории» обрывается на событиях начала турецко-венецианской войны зимой 1463/64 г. Возможно, «История» не была дописана. Традиционно считается, что Л. Х. работал над текстом до 1490 г., поскольку в нем есть сообщения о событиях 80-х гг. XV в. (*Darkó*. 1923). Сторонники др. гипотезы отвергают такую интерпретацию этих фрагментов, относя их к 60-м гг. XV в., и предлагают датировать завершение работы над «Историей» 1469–1470 гг. (*Wurm, Gamillscheg*. 1992. S. 213–217). Согласно Э. Калделлису, Л. Х. начал работу в 50-х гг. XV в., а завершил между 1464 и 1468 гг. (*Kaldellis. The Date*. 2012). В посл. авторский текст «Истории» дополнялся, интерполяциями считаются пассажи в кн. 9, посвященные истории Трапезунда. Они были внесены в текст в К-поле в кон. 60-х – нач. 70-х гг. XV в. вскоре после его создания. Автором этих текстов мог быть занимавший видное место при дворе султана греч. ученый *Георгий Амируци* или *Димитрий Ангел*, переписчик наиболее ранней рукописи «Истории» (*Paris. gr.* 1780 – *Idem. The Interpolations*. 2012).

Если датировка Калделиса верна, вопрос о связи «Истории» Л. Х. с сочинением его старшего современника Михаила *Критовула*, также писавшего о последних годах существования Византийской империи, должен быть решен таким образом, что именно Критовул был знаком с трудом Л. Х. и использовал его в своей работе, а не наоборот (*Idem. The Date*. 2012. P. 133–134). При этом произведение Критовула было мало известно, а «Историю» Л. Х. активно копировали (сохр. более 30 рукописей: *Wurm*. 1995), и с ней были знакомы как западные (Франческо Сансовино), так и вост. историки. Лат. перевод был опубликован в 1556 г., французский – в 1577 г., editio princeps греч. текста – в 1615 г. В 1-й пол. XVII в. с лат. перевода был выполнен остающийся неопубликованным частичный перевод на османский турецкий (*Akişik*. 2013. P. 3). Особое внимание на труд Л. Х. обращали критские интеллектуалы. Во 2-й пол. XVI в. критский ученый

А. Калосинас присовокупил к копии «Истории» (Монах. gr. 150) краткое малодостоверное жизнеописание Л. Х. (*Hopf Ch. Chroniques gréco-romanés: Inédites ou peu connues*. В., 1873. P. 244–245).

Соч.: *Chalcocond. Hist.*; Визант. историки о падении К-поля в 1453 г. / Ред.: Я. Н. Любарский, Т. И. Соболев. СПб., 2006. С. 110–124; *Laonikos Chalkokondyles. The Histories / Transl. A. Kaldellis. Camb. (Mass.); L., 2014. 2 vol. (DOML); 33–34).*

Лит.: PLP, N 30512; *Miller W. The Last Athenian Historian: Laonikos Chalkokondyles // JHS. 1922. Vol. 42. N 1. P. 36–49; Darkó J. Zum Leben des Laonikos Chalkondyles // BZ. 1923. Bd. 24. N. 1. S. 29–39; idem. Neue Beiträge zur Biographie des Laonikos Chalkokondyles // Ibid. 1927. Bd. 27. S. 276–285; Веселаго Е. Б. Известия Лаоника Халкокондила об албанцах // ВВ. 1956. Т. 10(35). С. 133–160; она же. Историческое соч. Лаоника Халкокондила: (Опыт лит. харак-ки) // Там же. 1957. Т. 12(37). С. 203–217; она же. Еще раз о Лаонике Халкокондиле и его ист. труде // Там же. 1958. Т. 14(39). С. 190–199; она же. К вопросу об обществ.-полит. взглядах и мировоззрении визант. историка XV в. Лаоника Халкокондила // ВМУ: Ист. 1960. Вып. 1. С. 43–49; *Треку В.* К вопросу о биографии и ист. труде Лаоника Халкокондила // ВВ. 1958. Т. 13(38). С. 198–210; *Bastau Ş.* Die türkischen Quellen des Laonikos Chalkondylas // Akten des XI. intern. Byzantinistenkongresses / Hrsg. F. Dölger, H.-G. Beck. Münch., 1960. S. 35–42; *Диттен Г.* Известия Лаоника Халкокондила о России // ВВ. 1962. Т. 21(46). С. 51–94; *idem. (Ditten H.)* Spanien und die Spanier im Spiegel der Geschichtsschreibung des byzantinischen Historikers Laonikos Chalkokondyles // Helikon. Messina, 1963. Vol. 3. P. 170–195; *idem. Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles' Nachrichten über die Länder und Völker an den europäischen Küsten des Schwarzen Meeres // Klio. Lpz., 1965. Bd. 43/45. S. 185–246; idem. Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles' Deutschland-Exkurs // ByzF. 1966. Bd. 1. S. 49–75; idem. Der Russland-Exkurs des Laonikos Chalkokondyles. В., 1968; *Vryonis S.* Laonikos Chalkokondyles and the Ottoman Budget // IJMES. Camb., 1976. Vol. 7. N 3. P. 423–432; *Nicoloudis N.* Laonikos Chalkokondyles on the Council of Florence // ВФ. 1992. Т. 3. №. 132–134; *idem. Observations on the Possible Sources of Laonikos Chalkokondyles' Demonstrations of Histories // Вуζαντινά. 1994. Т. 17. №. 75–82; Wurm H., Gamillscheg E. Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles // JÖB. 1992. Bd. 42. S. 213–219; *Wurm H.* Die Handschriftliche Überlieferung der Ἀποδείξεις ἱστοριῶν des Laonikos Chalkokondyles // Ibid. 1995. Bd. 45. S. 223–232; *Markopoulos A.* Das Bild des Anderen bei Laonikos Chalkokondyles und das Vorbild Herodot // Ibid. 2000. Bd. 50. S. 205–216; *Harris J. P.* Laonikos Chalkokondyles and the Rise of the Ottoman Turks // BMGS. 2003. Vol. 27. N 1. P. 153–170; *Бибиков М. В.* Византинороссика: Свод визант. свидетельств о Руси. М., 2004. С. 319–321; *Kaldellis A.* The Date of Laonikos Chalkokondyles' Histories // GRBS. 2012. Vol. 52. N 1. P. 111–136; *idem. The Interpolations in the Histories of Laonikos Chalkokondyles // Ibid. N 2. P. 259–283; idem. The Greek Sources of Laonikos Chalkokondyles' Histories // Ibid. N 4. P. 738–765; idem. A New Herodotos: Laonikos Chalkokondyles on the Otto-****

man Empire, the Fall of Byzantium, and the Emergence of the West. Wash., 2014; *Akişik A.* Self and Other in the Renaissance: Laonikos Chalkokondyles and Late Byzantine Intellectuals: Diss. Camb. (Mass.), 2013.

Л. В. Луховицкий

ЛАОС [Лаосская Народно-Демократическая Республика; ЛНДР], гос-во в Юго-Вост. Азии. Расположено в центре п-ова Индокитай. Выхода к морю не имеет. На западе граничит с *Таиландом*, на севере – с *Китаем* и *Мьянмой*, на востоке – с *Вьетнамом*, на юге – с *Камбоджей*. Территория – 236,8 тыс. кв. км. Столица – Вьентьян (946 тыс. чел., 2014). Крупные города (тыс. чел., 2014): Саваннакхет (офиц. Кейсон-Фомвихан; ок. 120), Паксе (ок. 90), Луангпхабанг (ок. 50). Официальный язык – лаосский. Административно-территориальное деление: 16 провинций и столичный город центрального подчинения Вьентьян. Л. – член ООН (1955), Движения неприсоединения (1955), МВФ (1961), МБРР (1961), АСЕАН (1997), ВТО (2013). **География.** Значительную часть территории Л. составляют горные районы. Возвышенный, изрезанный речными долинами рельеф снижается к югу, где расположены плато и аллювиальные долины. Основная водная артерия – Меконг. Климат субэкваториальный муссонный. На его условия оказывают влияние сезонная смена ветров и особенности рельефа. Различаются жаркий влажный (май–окт.) и прохладный сухой (нояб.–апр.) сезоны. Средняя температура января от 15°C на севере (в горах бывают заморозки) до 23°C на юге. Летом температура воздуха повсеместно высокая (в июле 28–30°C). Годовое количество осадков от 1300–1700 мм на равнинах, до 3700 мм в горах. Неравномерность выпадения и распределения осадков, частые засухи и наводнения обуславливают зависимость земледелия от ирригации и мелиорации. Л. находится в зоне тропических муссонных лесов, в горных и нек-рых равнинных районах распространены вечнозеленые широколиственные муссонные леса. В ряде районов имеются сухие муссонные леса и саванны.

Население Л., по офиц. данным на 2014 г., составляло ок. 6,8 млн чел. (по оценочным данным на 2015 – 6,9 млн чел.). Этнический состав: лао – 55%, кхмоу – 11, хмонг – 8, вьетнамцы и др. – 26%. Согласно

го собрания (возглавляет председатель, состоит из 7 членов, включая президента и вице-президента). Исполнительная власть принадлежит правительству во главе с премьер-министром. Члены правительства назначаются президентом и утверждают парламент. Правительство подотчетно Национальному собранию. В Л. существует однопартийная политическая система. Правящая партия — Народно-революционная партия Лаоса.

Религия. По переписи 2005 г. и различным оценкам, 67% населения исповедуют буддизм. Ок. 2% — христиане (гл. обр. католики и протестанты), ок. 30% — приверженцы традиц. верований. Представители др. религий (ислам, даосизм и др.) немногочисленны.

Православие представлено в Л. в основном постоянно проживающими в стране иностранцами. Число местных жителей, принявших Православие, незначительно. Правосл. храмов нет, богослужения и требы совершаются в частных домах. Духовное окормление правосл. общины Л. осуществляет представитель РПЦ в Таиланде.

Католицизм. Действуют 4 апостолических викарриата Римско-католич. Церкви: Вьентьян, Саваннакхет, Луангпхабанг и Паксе. По данным на 2014 г., численность католиков (в большинстве этнических вьетнамцев) составляет ок. 45 тыс. чел.

Протестантские церкви, деноминации и секты. Крупнейшей протестант. орг-цией является Лаосская Евангелическая Церковь (76 общин, 16 тыс. чел.). Среди др. протестант. деноминаций в Л. действуют *Плимутские братья* (90 общин, свыше 13 тыс. чел.), *адвентисты седьмого дня* (АСД; 2 общины, ок. 300 чел.) и др. Точная численность последователей различных протестант. церквей неизвестна: по нек-рым оценкам, она составляет до 100 тыс. чел.

Ислам в Л. распространен в основном среди иностранцев, постоянно проживающих в стране, его исповедуют ок. 400 чел.

Буддизм тхеравады исповедует большинство населения Л., при этом значительная часть является буддистами лишь номинально, совершая традиц. обряды и придерживаясь нек-рых моральных принципов и обычаев буддизма. На территории Л. буддизм появился в I тыс. по Р. Х., стал господствующим религ. учением с сер. XIV в. Наибольшего подъема достиг в XVII в. К кон. XIX в. оказался в кризисе. Его возрождение началось с приходом франц. колонизаторов, считавших, что буддизм — залог мира и политической стабильности. К сер. XX в. он приобрел особое влияние в стране под покровительством короля. По 1-й Конституции Л. 1947 г. буддизм получил статус офиц. религии. С образованием ЛНДР фактически отделен от гос-ва, однако социализация буддийской общины (сангхи) усилилась, а ее роль в обществе возросла. В наст. время сангха, известная под названием Лаосская буддийская ассоциация (ЛБА), объединяет всех буддийских монахов страны; их численность составляет от 15 до 22 тыс. чел. ЛБА входит в состав Фронта национального строительства Лаоса (ФНСЛ), имеет своих представителей во всех отделениях и в ЦК ФНСЛ. Помимо культурно-религ. миссии сангха выполняет просветительскую, здравоохранительную и миротворческую функции. К нач. XXI в. насчитывалось 86 буддийских школ, в т. ч. 63 начальные, 21 неполная средняя и 2 полные средние, в к-рых обучались ок. 7 тыс. монахов и послушников.

Новые религиозные движения представлены *Бахаи религией*, получившей в Л. офиц. регистрацию. Численность ее последователей составляет ок. 8,5 тыс. чел.

Традиционные верования. Анимизм распространен среди племен алак, брао, маконг и др.

Религиозное законодательство. В основе политики правящей партии и правительства ЛНДР в отношении религии лежат сформулированные на съезде Народно-революционной партии Лаоса в 1972 г. положения, такие как уважение свободы совести и вероисповедания; уважение прав верующих на отправление культа и прав священнослужителей заниматься кульгово-религ. деятельностью; неприкосновенность всех культовых сооружений; обязанность всех верующих и священнослужителей

оценочным данным на 2015 г., среднегодовой прирост населения составил 1,55%; рождаемость — 24,25 чел. на 1 тыс. жителей, смертность — 7,63 на 1 тыс. жителей; показатель фертильности — 2,82 ребенка на 1 женщину; детская смертность — 52,97 на 1 тыс. новорожденных; средняя продолжительность жизни — 63,88 года (мужчины — 61,88, женщины — 65,95). В возрастной структуре населения доля детей до 14 лет составляет 34,1%; лиц в возрасте от 15 до 64 лет — 62,1; лиц старше 64 лет — 3,8%. Средняя плотность населения — 28,73 чел. на кв. км. Городское население составляет 38,6%.

Государственное устройство. Л. — унитарное гос-во. Конституция принята 13–15 авг. 1991 г. (действует в редакции от 6 мая 2003). Форма правления — смешанная республика. Глава гос-ва — президент, избираемый $\frac{2}{3}$ голосов депутатов парламента сроком на 5 лет. Президент назначает и освобождает от должности премьер-министра и членов правительства (с согласия Национального собрания). Высший орган законодательной власти — однопалатный парламент (Национальное собрание). Состоит из 115 депутатов, избираемых всеобщим прямым тайным голосованием на 5 лет. Сессии Национального собрания созываются дважды в год. В период между сессиями парламента функции законодательного органа исполняет Постоянный комитет Национально-

вносить вклад в дело служения нации и соблюдать законы народной власти. В действующей Конституции ЛНДР зафиксирована свобода совести, все граждане страны независимо от пола, социального статуса, образования, вероисповедания и этнической принадлежности равны перед законом (ст. 35), имеют право исповедовать или не исповедовать религ. учения (ст. 43). «Государство уважает и защищает любые законные действия буддистов и представителей остальных вероисповеданий, поощряет и привлекает участие буддийских монахов, послушников и служителей других вероисповеданий в проектах, которые благотворны для страны и для народа» (ст. 9). Конституция запрещает любые действия, ведущие к розни и расколу общества на религ. основе. Вопросы религии и деятельность религ. орг-ций курирует ФНСЛ, роль которого закреплена постановлением правительства от 5 июля 2002 г. № 92 «О контроле и защите религиозной деятельности в ЛНДР».

Данное постановление, принятое под давлением зап. стран и правозащитных орг-ций, легализует ряд ранее преследовавшихся видов религ. деятельности и обеспечивает защиту основных прав верующих, в т. ч. право на пропаганду религ. учений, на проведение молитвенных собраний, строительство религ. сооружений, а также на поддержание контактов и получение помощи от единоверцев из-за рубежа. Представители всех конфессий в свою очередь обязаны уважать конституцию и законы ЛНДР, а их объединения должны зарегистрироваться в ЦК ЛНДР.

Реальная практика правоприменения в сфере религии свидетельствует о случаях отхода от данных принципов. Органам власти на местах даны значительные полномочия, что при отсутствии контроля и низком уровне образования местных администраторов нередко приводит к злоупотреблениям и нарушениям законодательства. По-прежнему правом совершать религ. обряды пользуются лишь представители официально признанных и зарегистрированных религий: буддизма, католицизма, ислама, бахаизма и 2 протестант. деноминаций — евангелистов и адвентистов седьмого дня. Проповедники и верующие др. протестант. церквей и сект подвергаются преследованиям.

История. Следы обитания человека на территории Л. отмечаются со времен палеолита и подтверждают, что она входила в ареал хоабиньской и донгшонской культур. В неолитический период жители долины среднего Меконга переходят к рисоводству. Самые древние мегалитические памятники в стране, созданные ее австронезийскими первонасельниками, находятся в сев.-вост. провинциях Хуапхан и Сиангкхуанг. Примерно с VII в. до Р. Х. начинаются регулярные миграции на п-ов Индокитай тайских народов, к к-рым относятся и лао. Этот процесс продолжался до XIII в. по Р. Х., и его результатом стало т. н. вертикальное расселение этнических групп. Народности мен, мяо и яо, именующиеся лаосунг (лаосцы горных вершин), обосновались на высотах 1000–1500 м над уровнем моря; представители мон-кхмерской языковой семьи — лаотенг, или лаосцы горных склонов, обитают на средних высотах — 700–1000 м, лалум (лаосцы долин), составляя более 2/3 совр. населения страны, занимают низинные местности.

Ранние государственные образования. С VIII в. по Р. Х. известно первое на территории совр. Л. гос. образование — королевство Вентан (др. название — Полу; иногда ассоциируют с кхмерским гос-вом Ченла, известным с VI в. по Р. Х.), к-рое позже вошло в состав Кхмерской империи (Камбуджадеша). В сер. VIII в. в среднем Меконге, в районе совр. г. Луангпхабанг, зафиксировано гос. образование Суа, которое, как и близлежащие территории, вплоть до XIV в. входило в зону военно-политического контроля сиамского гос-ва Сукхотхай. Ряд восточнолаосских княжеств той эпохи подвергались нападениям со стороны вьет. гос-ва Дайвьет.

Средневековая история. В XIV в. старший сын правителя Суа принц Фангум (Фа Нгум) объединил под своей властью земли по обе стороны среднего течения Меконга в единое гос-во Лансанг, существовавшее с 1353 по 1707 г. на значительной территории совр. Л. и части Сев. Таиланда. Фангум (правил Лансангом в 1353 — ок. 1371) активно поддерживал проникновение буддизма тхеравады на подвластные ему земли из Кхмерской империи, где был обретен палладиум Л. — статуя Будды Пхабанг; приглашали монахов,

распространяли тексты канона *Трипитака*. В XV в. в Лансанге не была достигнута необходимая для создания единого гос-ва степень централизации и господствующими оставались вассально-данныческие отношения периферии с центром. Стабилизация и усиление центральной власти отмечены с нач. XVI в., когда при монархах Висунарате (ок. 1500–1520) и Потисарате (1520 — ок. 1548) стремительно вырос авторитет буддизма, были изданы указы о запрете поклонения индуистским богествам и духам анимистического пантеона. К середине века лаосцы овладели речными долинами в районе среднего течения Меконга, которые стали единым целым в хозяйственном и политическом отношениях. Окрепла социально-этническая общность этих районов и усилилось их культурно-идеологическое единство. В 1563 г. столица была перенесена во Вьентьян. Во 2-й пол. XVI в. Лансанг отразил вторжения войск из соседних стран. В нач. XVII в. наступило время затяжных междоусобных войн, к-рое при победившем в них кор. Сулиньавонгсе (1637 — ок. 1694) сменилось периодом наивысшего развития: был проведен ряд реформ, направленных на централизацию гос-ва и укрепление монархической власти, включая установление верховной собственности короля на землю; велась активная торговля с соседями (экспортировали золото, ткани, бензойную смолу, мед); развивалась культура. На период правления Сулиньавонгсы приходится установление первых контактов с европейцами и ознакомление местных жителей с христ. учением. В 1641 г. купец Нидерландской Ост-Индской компании Г. ван Вейстхофф, пытаясь открыть новый торговый путь по р. Меконг, проник в гос-во Лансанг, где был благосклонно принят при королевском дворе во Вьентьяне. После смерти Сулиньавонгсы в результате борьбы за престол произошел раскол гос-ва Лансанг на 3 лаосских королевства (в 1707 — Луангпхабанг и Вьентьян, от последнего в 1713 отделилось гос-во Тямпак), сохранивших до прихода франц. колонизаторов формальную независимость, но фактически находившихся в сфере влияния Сиам.

Эпоха французского владычества. Расположенные в центре Индокитайского п-ова, на пересечении дорог из Юго-Вост. Азии в осталь-

ные регионы Азии, а также граничившие с Мьянмой (Бирмой), Китаем, Вьетнамом, Камбоджей и Таиландом, ослабленные и разобщенные лаосские гос-ва оказались втянутыми в сферу политических и экономических интересов не только соседних, но и заморских держав. В кон. XIX в. территория совр. Л. как удобный географический и стратегический район привлекла внимание Франции и в 1893 г. стала частью ее колониальных владений, а в 1898–1899 гг. протекторат Французский Лаос на особых правах вошел в состав Индокитайского союза, включавшего также Вьетнам и Камбоджу. В 1904 г. на королевский трон Л. был посажен принц Сисавангвонг (Сисаванг Вонг; 25 марта 1904 — 29 окт. 1959) из лояльной к французам луангпхабангской династии. Главой правительства стал сводный брат Сисавангвонга принц Пхетсалат (Пхетсарат Ратанавонгса), к-рый ведал, в частности, назначением всех лаосских управленческих кадров. Т. о., местная администрация страны в основном заполнялась представителями его клана. Франц. управление в колониальном Л. сохранялось в период японской оккупации в годы второй мировой войны и действовало до 1954 г. В 30–40-х гг. XX в. в Л. ускорился процесс формирования новых слоев общества — интеллигенции, мелкой буржуазии, бюрократии, а также наемных рабочих, занятых на шахтах, плантациях, строительстве дорог. Общенациональную борьбу с франц. колониализмом и национально-освободительное движение народов Вьетнама и Камбоджи возглавило руководство Компартии Индокитая (КПИК). После того как японцы в марте 1945 г. ликвидировали франц. колониальную администрацию, а вскоре и сами были изгнаны из Л., было создано Временное правительство, к-рое 12 окт. 1945 г. провозгласило независимость страны, дав ей название Патхет Лао (Страна Лао). Кор. Сисавангвонг, отказавшийся признать временную конституцию и Временное правительство, был низложен, но монархия официально сохранялась.

Весной 1946 г. началось вторичное завоевание Францией территории Л., что явилось прологом индокитайской войны 1946–1954 гг. Колонизаторам удалось подавить сопротивление местного населения, восстановить 23 апр. 1946 г. на престо-

ле Сисавангвонга и заключить ряд соглашений с королевским правительством Л., согласно к-рым страна получила внутреннюю автономию в рамках Французского союза, конституцию и основы парламентского строя при наличии многопартийной системы. Временное правительство Патхет Лао эмигрировало в Таиланд (Сиам), оставив в лесных и горных районах партизанские группы орг-ции Лао Итсал, одним из руководителей к-рой был принц Суфанувонг (Супханувонг), младший единокровный брат Пхетсалата. Командиром 1-го отряда, ставшего прообразом Национально-освободительной армии Л., был Кейсон Фомвихан (13 дек. 1920 — 21 нояб. 1992). К сер. 1950 г. на востоке Л. появляются крупные районы на границе с Вьетнамом, подконтрольные национально-освободительным силам. Здесь формируются Фронт свободного Л. и правительство сопротивления, возглавляемые Суфанувонгом. К кон. 1953 г. Фронт свободного Л. взял под свой контроль значительную часть территории Сев. и Центр. Л. Не имея возможности остановить освободительное движение, правительство Франции 22 окт. 1953 г. признало Л. независимым государством. Военно-политическое поражение колониальной Франции стало окончательно очевидным после битвы при Дьенбьенфу (Сев. Вьетнам), закончившейся 7 мая 1954 г. капитуляцией франц. войск перед Вьетнамской народной армией. В результате Женевских соглашений 1954 г. было заключено перемирие, с территории Л. выведены как вьетнамские, так и франц. войска и установлено разграничение сил, но бывшие колонизаторы сохранили 2 военные базы и оставили в стране ок. 1,5 тыс. офицеров и унтер-офицеров для обучения королевской армии.

Период независимости. В первые годы независимости наблюдалось неустойчивое равновесие правящих сил — королевского правительства и Патхет Лао. После 1954 г. наметилась консолидация левого движения в Л. На базе лаосской секции КПИК оформляется Народная партия Лаоса (впосл. переименованная в Народно-революционную партию Лаоса (НРПЛ)); в 1956 г. под ее руководством был создан Нео Лао Хаксат — Патриотический фронт Лаоса (ПФЛ). В 1957 г. председатель ЦК

ПФЛ принц Суфанувонг и его единокровный брат премьер-министр королевского правительства принц Суванна Фума (Суванна Пхума) подписали Совместное коммюнике и Заключительную декларацию, где было зафиксировано решение о создании правительства национального единства. Коалиционное правительство просуществовало лишь 3 года, и после переворота 1960 г. в стране произошел раскол на 3 политические силы (левые (ПФЛ), нейтраллисты во главе с Суванной Фумой и правая группировка). Каждая из них контролировала определенную территорию и враждовала с остальными, продолжались боевые действия. Время от времени достигались перемирия, образовывались коалиционные правительства, либо свергаемые в ходе очередного путча, либо раскальвающиеся. В этот период состоялся ряд Женевских конференций с участием 14 гос-в, также велись переговоры в Париже и в Сиангкхуанге, на к-рых попытались добиться мирного урегулирования в Л., но создаваемые в стране коалиционные правительства были недолговечными, а открытое вмешательство США и войск сайгонского режима лишь усугубляли ситуацию. Резкое обострение военного противоборства произошло в 1969 г. В сражениях против войск Патхет Лао, особенно в зоне прохождения «тропы Хо Ши Мина», на стороне правительственных войск участвовали тайландские наемники и подразделения сайгонской армии, к-рые вели боевые действия при активной поддержке амер. авиации и артиллерии. В общей сложности за 1964–1971 гг. на подконтрольные ПФЛ районы Л. американцы сбросили ок. 3 млн тонн бомб. Тем не менее радикализирующийся ПФЛ добивался все новых успехов. В 1973 г., когда он контролировал основную часть страны, а под властью королевского правительства оставались лишь Вьентьян и прибрежная полоса Меконга, было достигнуто Вьентьянское соглашение, по к-рому прекращались любые военные действия, включая американские бомбардировки Л., был запрещен ввоз в страну иностранного военного снаряжения и ввод персонала, нейтрализованы Вьентьян и Луангпхабанг. Были сформированы Временное правительство национального единства (ВПНЕ) во главе с Суванной

Фумой и Национальный политический коалиционный совет (НПКС), председателем к-рого стал Суфанувонг. Началась работа по формированию местных органов власти и подготовка выборов в парламент. В окт.—нояб. 1975 г., уже после победы Вьетнама во 2-й индокитайской войне (кон. 50-х XX в.— 1975), когда страну покинул амер. военный персонал и были распущены проамер. «войска специального назначения», прошли всеобщие выборы, где победили представители ПФЛ. Из подполья вышла НРПЛ и провела Национальный конгресс народных представителей, в котором участвовали 264 делегата. 2 дек. 1975 г. конгресс упразднил монархию и провозгласил ЛНДР. Была принята отставка ВПНЕ и НПКС и образовано Верховное народное собрание (ВНС) в составе 44 депутатов. Президентом ЛНДР и председателем ВНС стал Суфанувонг, премьер-министром нового правительства был назначен генсек НРПЛ Кейсон Фомвихан. Бывш. глава правительства Суванна Фума получил почетный, но не влияющий на принятие политических решений пост советника премьер-министра. Были утверждены гос. герб, флаг и гимн ЛНДР, принята Декларация с изложением основных целей и задач нового лаосского гос-ва.

Эпоха ЛНДР. После установления республиканского строя начался период восстановления народного хозяйства, перестройки действующих архаичных социальных институтов и отношений, особенно в аграрной и национальной сферах, вовлечения широких слоев населения в общегос. деятельность. К осени 1976 г. были прекращены вооруженные выступления и преодолены последствия организованной Таиландом экономической блокады ЛНДР. Создавались органы новой власти, реконструировалась система юстиции и финансов. Была принята программа социалистического переустройства общества, связанная с развитием государственного и кооперативного секторов. Была проведена национализация природных ресурсов, энергетического и дорожного хозяйства, значительной части промышленных и торговых предприятий, банковского сектора; установлен строгий государственный контроль; начался переход к массовому кооперированию крестьян. В ходе

реализации этой программы проявилось стремление властей к неоправданно быстрому форсированным темпам преобразований, к введению принудительных форм объединения крестьян, запретов и ограничений на различные формы частного предпринимательства. Низкие закупочные цены на рис, обременительный сельскохозяйственный налог и принудительные изъятия у крестьян части урожая привели к возникновению в кон. 70-х — нач. 80-х гг. XX в. острого социально-экономического и политического кризиса, который проявился в виде резкого спада производства в промышленности и в сельском хозяйстве, в массовом сопротивлении крестьян политике коллективизации и в росте эмиграции и числа беженцев. В 1982 г. состоялся III съезд НРПЛ, на к-ром был провозглашен отказ от политики директивного форсирования темпов социально-экономических преобразований, переход к комплексу поэтапных мер, рассчитанных на вывод страны из состояния отсталости, и положено начало качественно новой политике гос-ва, направленной на стимулирование и активизацию экономической деятельности всех слоев населения. Большинство прежних кооперативных хозяйств были распущены, стали создаваться новые формы объединения крестьян в сфере промысловой и снабженческой кооперации, в т. ч. и путем предоставления им кредитной и экономической помощи; была модернизирована структура хозяйственно-управленческого аппарата. Благодаря принятым мерам наметился рост промышленного производства, улучшилось товарное снабжение городов, снизилась эмиграция и безработица.

В февр. 1979 г. состоялся II съезд ПФЛ, где он был переименован в ФНСЛ. В его состав вошли патристически настроенные профсоюзы, молодежная и женская орг-ции, представители буддийской общины; были поставлены задачи мобилизации крестьянства на путь кооперирования, воспитания молодежи в соответствии с идеологическими установками НРПЛ, обеспечения равноправия женщин, укрепления национального единства всех народностей и этнических групп. В сент. 1987 г. состоялся II съезд ФНСЛ. Были внесены изменения в его устав, состав ЦК ФНСЛ был расширен и обновлен более чем наполовину. Была обо-

значена роль Фронта как координатора деятельности всех массовых орг-ций страны, проводника курса партии и правительства среди всех слоев населения республики. Особое внимание стали уделять межнациональным отношениям. Во 2-й пол. 80-х гг. XX в. наметился переход к радикальным рыночным реформам, включающим либерализацию экономики и формирование рыночной модели развития. Была создана либеральная законодательная система, и в 1994 г. пакетом важнейших законодательных актов были введены либеральные формы управления хозяйством, социальных и земельных отношений, гражданских прав, внешнеторговых связей, взимания налогов, создания и функционирования коммерческих банков и проч. Все эти изменения привели к заметному улучшению экономики страны, росту национального благосостояния, улучшению платежного баланса и уменьшению зависимости от иностранной помощи. В 1997 г. Л. вступил в АСЕАН, что также способствовало дальнейшим позитивным сдвигам в экономическом и социальном развитии. К кон. XX в. экономический рост стабилизировался на уровне 7–8% в год, в 10 раз снизился индекс роста потребительских цен, вдвое (со 135 до 270 долл. США) вырос среднегодовой доход на душу населения.

В стране сохраняется политическая и социальная стабильность при наличии однопартийной системы и коммунистической идеологии. Регулярно проходят съезды НРПЛ и ФНСЛ, на к-рых подтверждается приверженность социалистическому пути развития. Обеспечена мирная преемственность в передаче власти. Первых лидеров ЛНДР сменили в 1992 г. Кхамтай Сипхандон (род. 8 фев. 1924) как генсек НРПЛ (1992–2006) и Нухак Пхумсаван (9 апр. 1910 — 9 сент. 2008) как президент страны (1992–1998). В 1998 г. Кхамтай Сипхандон, сохраняя должность генсека НРПЛ, стал одновременно президентом страны, а с 2006 г. посты генерального секретаря НРПЛ и Президента ЛНДР занимает Тюммали Сайнясон (род. 6 марта 1936). Новый импульс экономическим преобразованиям придал состоявшийся в марте 2006 г. VIII съезд НРПЛ, к-рый обобщил результаты 20-летнего социалистического развития страны и подтвердил курс на фор-

мирование народно-демократического режима. Были подтверждены 6 базовых принципов: защита социалистической идеологии; утверждение ведущей роли НРПЛ как единственной политической партии; поддержка принципа демократического централизма; утверждение народно-демократической диктатуры; неприятие политического плюрализма; полный отказ от многопартийной системы.

Н. А. Толмачёв

История христианства. Первые свидетельства проникновения христианства на территорию совр. Л. относятся к сер. XVII в. В 1642 г. пьемонтский миссионер-иезуит Джованни Мария Лериа, как и незадолго до него голл. купец Г. ван Вейстхофф, плывя из Камбоджи по р. Меконг, достиг юж. территорий гос-ва Лансанг, где провел 5 лет без видимых результатов обращения местного населения в христианство. Лериа покинул страну в дек. 1647 г., отправившись сухопутным путем в Дайвьет (ныне Вьетнам). Отчет о его путешествии, впервые опубликованный в 1663 г. на итальянском языке, а через 3 года — на французском, стал первым в Европе сравнительно подробным письменным свидетельством о существовании государства Лансанг. При всем интересе к буддизму Лериа обвинил буддийских монахов в том, что они препятствовали свободно вести проповедь и упорствовали в нежелании принять христианскую истину. Первый апостолический викарий Сиам (ныне Таиланд) Луи Лано (1669 или 1673–1696) обратил в христианство расположенную в этой стране лаосскую деревню. Вдохновенный успехом, он составил миссиологический документ «Инструкции для миссионеров в Лаосе» и направил туда неск. проповедников. Однако Сиамская революция 1688 г. прервала прозелитическую деятельность в Л., о к-рой вплоть до сер. XIX в. практически ничего не известно. В 1858 г. апостолический викарий Римской курии в Камбодже Жан Клод Миш (1850–1864; в 1864–1869 администратор) поручил 2 членам Парижского общества заграничных миссий проповедовать в Л. Затем миссионерская деятельность велась под рук. апостолического викария Вост. Сиам Жана Луи Вея (1875–1909), к-рый также направил в Л. неск. членов Парижского об-ва

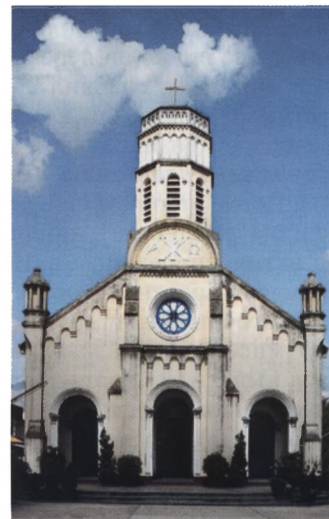

Католическая ц. Св. Сердца Иисуса Христа во Вьентьяне. 1928 г.

заграничных миссий. Однако до вхождения лаосских гос-в во франц. колониальную империю в 1893 г. католич. проповедь приносила лишь незначительные результаты. По инициативе Ж. Л. Вея 4 мая 1899 г. папским декретом образован Лаосский апостолический викариат, охвативший Л. и Вост. Сиам, где насчитывалось ок. 8 тыс. католиков и 2 тыс. катехуменов (оглашенных). Ввиду большого авторитета буддизма и традиц. верований, а также тяжелых природно-климатических условий для проповедников обращения были немногочисленны, в основном среди равнинных лао, проживавших в долине р. Меконг и в определенных пограничных с соседними странами провинциях. Среди городского населения католиками были преимущественно вьетнамцы. Лишь в 1929 г. католич. миссионерам удалось проникнуть вглубь страны — в сев. районы Л., вокруг священного г. Луангпхабанг.

С 50-х гг. XX в. в связи с неудовлетворительными результатами проповеди среди лао католич. миссия все больше обращается к горным этническим меньшинствам, представители к-рых в 1970 г. составляли 21% от общего числа католиков в Л., а их катехумены — вплоть до 80% от общего числа новообращенных в стране. Иностранцы составляли значительную часть католич. населения Л.: вьетнамцы — 15%, китайцы — 1,2, французы — 1, амер. филиппинцы — 0,2%. Всего католиков в 1970 г. насчитывалось ок. 41,48 тыс. чел. В 1963 г. представитель народа лао был впервые посвящен в католич. священники, в 1974 г. др. коренной лаосец впервые возведен в сан епископа (вспомогательного епископа Вьентьяна).

К 1975 г. в Л. действовали 4 существующих и поныне апостолических викариата: Вьентьян (1938), Саваннакхет (основан в 1950 как апостолическая префектура в г. Тхаххэк; с 1958 апостолический викариат в г. Тхаххэк; в 1963 переименован в викариат в г. Саваннакхет), Луанг-

Католическая ц. св. Терезы в Саваннакхете. XX в.

пхабанг (1963), Паксе (1967). Первый из перечисленных был самый большой по количеству верующих, они составляли половину всех католиков страны. При коммунистическом режиме иностранные миссионеры были вынуждены покинуть страну, а христиане стали подвергаться преследованию. Особенно жестокие гонения на католич. общины были в викариате Луангпхабанг, к-рый с 1975 г. ввиду офиц. запрета на постоянное пребывание здесь викария управляется апостолическим администратором из г. Вьентьян. Церковное имущество викариата было конфисковано, из 3 существовавших здесь церквей одна была разрушена, другая преобразована в полицейский участок, а 3-я используется как жилое помещение. В наст. время апостолическому администратору разрешено посещать только 2 из 6 сев. провинций Л.

Первым протестантом-проповедником, посетившим Л., был пресвитерианец Дэниел Макгиллвей (1828–1911), к-рый из сиамского г. Чиангмай совершил несколько поездок в Л. между 1872 и 1898 гг. В 1902 г. анабаптист. орг-ция «Швейцарские братья» начала под рук. Габриэля Контесса (14 июня 1878 — 8 июня 1908) миссионерскую работу в юж.

районах Л. Они полностью перевели Библию на лаосский язык (первые опубл. в 1932). В Сев. Л. протестантская миссия начала работу в 1929 г., когда в Луангпхабанг прибыл член Христианского и миссионерского альянса Дж. Э. Рофф (1 февр. 1905 — 14 сент. 2000). Он проповедовал в Л. вплоть до изгнания иностранных миссионеров в 1975 г.; за это время он перевел НЗ на лаосский язык, снабдил его перекрестными ссылками, глоссарием и словарем незнакомых и труднопереводимых терминов (опубл. в 1973). После второй мировой войны усилия протестант. проповедников активизировались; в 1957 г. при участии Христианского и миссионерского альянса и других протестант. миссий организована крупнейшая ныне в Л. протестантская орг-ция — Лаосская евангелическая церковь (ЛЕЦ), к-рая с 1967 г. стала членом Христианской конференции Азии. Появление в 1957 г. др. значимой протестант. деноминации в Л.— АСД — связано с деятельностью Р. Холла. К 1961 г. он и его последователи организовали церковь с 44 прихожанами, преимущественно из числа представителей народа мяо. К 1974 г. существовало 2 общины АСД с 87 членами.

С 1975 г. протестант. орг-ции понесли серьезный урон в связи с запретом иностранной миссионерской деятельности и гонениями на христиан. Мн. протестанты Л. принадлежали (и принадлежат) к этническим меньшинствам (кхмоу, хмонг, мяо, яо и проч.) и были обращены в результате деятельности иностранных миссионеров, в т. ч. из США, что вызывало дополнительные подозрения у офиц. властей страны. Протестанты активно проповедовали и занимались социальной работой среди многочисленных беженцев как в самом Л., так и за его пределами.

С сер. 80-х гг. XX в. власти Л. стали снова признавать христианство как религиозное учение, условия для прозелитической и общественной деятельности христ. Церквей улучшились. Католиков насчитывалось ок. 30 тыс. чел., протестантов — ок. 15 тыс. чел. В 2000-х гг. укрепилось положение католич. общины в апостолическом викариате Луангпхабанг: в 2003 г. им было разрешено приобрести в городе землю для строительства резиденции еписко-

Католическая церковь
в г. Тхакхэк. XX в.

па, а в 2005 г. в Банпонгванге впервые с 1975 г. был освящен новый католич. храм. Протестанты, в т. ч. АСД, интегрируются в общество через проведение социальных программ, включая организацию классов по изучению англ. языка. В 2000 г. был опубликован новый перевод Библии на лаосский язык, понятный для носителей всех его диалектов; в 2002 г. по инициативе орг-ции «Объединенные библейские общества» и ЛЕЦ специальный комитет из 7 экспертов перепроверил и подготовил перевод Библии в новой редакции, вышедший в свет в 2011 г.

Согласно офиц. переписи 2005 г., в Л. общее количество христиан составляло 84 750 чел. (примерно поровну протестантов и католиков). Тем не менее данные цифры считаются заниженными, т. к. мн. жители Л. скрывают свои истинные религиозные убеждения. По данным ФНСЛ, в наст. время количество жителей Л., исповедующих различные христ. конфессии, составляет порядка 150 тыс. чел.

Несмотря на проведенные в 90-х гг. XX в.— 2000-х гг. реформы, в т. ч. по защите прав верующих, притеснения христиан со стороны гос-ва и общества полностью не прекратились. Были зарегистрированы случаи, когда власти лишали исповедующих христианство крестьян урожая, несколько протестантских пасторов были арестованы. Применение суровых мер против христиан усилилось с апр. 2011 г., когда представители народности хмонг, часть к-рой исповедует протестантизм, провели акцию протеста, жестко подавленную властями. Отмечались случаи разгона молитвенных собраний христиан, конфискации религ. лит-ры, ограничения прав верующих на образование.

Возникают конфликты между представителями автохтонных религий и нетрадиц. для данной местности конфессий, причем к последним относятся с предубеждением не только власти, но и местное население. Имеют место случаи принуждения представителей христ. конфессий участвовать в традиц. церемониях буддистского и анимистского характера, а отказ интерпретируется как попытка «внесения раскола в общество». Зафиксированы и др. многочисленные случаи нарушения прав верующих.

Начало офиц. присутствию РПЦ в Л. было положено в 2001 г., когда по результатам 1-го офиц. архипастырского визита в Таиланд митр. Смоленского и Калининградского *Кирилла (Гундяева)*; ныне Патриарх Московский и всея Руси) было образовано Представительство РПЦ в Таиланде, руководителем к-рого был назначен игум. Олег (Черепанин; ныне архимандрит) с благословением духовно окормлять правосл. паству также в Л. и Камбодже (направлен в 1999, официально назначен в 2001).

В сент. 2011 г. группа прихожан правосл. храма в г. Паттая (Пхаттая; в Таиланде) во главе с лаосским студентом С.-Петербургской ДС Тонгхамом (Антонием) Пхияксаявонгом побывала в Л. для проведения ряда миссионерских встреч в дальних деревнях. Для местных жителей были произнесены проповеди на лаосском языке, исполнены некоторые правосл. богослужебные песнопения, прозвучал рассказ об иконопочитании. В окт. 2013 г. архим. Олег провел встречу с руководством ФНСЛ по поводу гос. регистрации РПЦ в Л., приобретения в церковную собственность участка земли и строительства правосл. храма во Вьентьяне. Однако офиц. власти Л. занимают очень жесткую позицию по вопросу допуска в страну новых деноминаций, и прогресс в переговорах по поводу регистрации РПЦ в наст. время отсутствует.

В. К. П.

Лит.: *Le Boulanger P.* Histoire du Laos français. P., 1931; Laos: Its People, its Society, its Culture. New Haven, 1960; Religion and Legitimation of Power in Thailand, Laos, and Burma. Chambersburg, 1978; *Dommen A. J.* Laos. Boulder, 1985; *Stuart-Fox M.* Laos. L., 1986; *idem.* A History of Laos. Camb., 1997; *idem.* Historical Dictionary of Laos. Scarecrow Press, 2008³; *Deuwe J.* Le Laos, 1945–1949. Montpellier, [1993]; Лаос: Справ. М., 1994; *Hours B.* Essai d'anthropologie politique sur de Laos con-

temporain: Marché, socialisme et génies. P., 1997; Laos: Culture and Society / Ed. G. Evans. Chiang Mai, 1999; Laos and Cambodia. L., 2000; Evans G. A Short History of Laos: The Land in Between. Crows Nest, 2002; *idem*. The Last Century of Lao Royalty: A Documentary History. Chiang Mai, 2009; *Иоанесян С. И.* Лаос в XX в.: (Экон. развитие). М., 2003; *Pholsena V.* Post-war Laos: The Politics of Culture. Singapore, 2006; *Tappe O.* Geschichte, Nationsbildung und Legitimationspolitik in Laos: Untersuchungen zur laotischen nationalen Historiographie und Ikonographie. B.; Münster, 2008; *Holt J.* Spirits of the Place: Buddhism and Lao Religious Culture. Honolulu, 2009; *Морев Л. Н.* Христианство и буддизм в Лаосе // Восток: Афро-азиатские об-ва: История и современность. М., 2010. № 1. С. 39–48; *Райков Ю. А.* Лаос в системе междунар. отношений Азиатско-Тихоокеанского региона в нач. XXI в. М., 2010; *Jacobs S.* The Universe Unraveling. Ithaca, 2012; *Иванов В. В.* Гражданская война в Лаосе 1959–1975 гг.: Военно-полит. аспекты. Комсомольск-на-Амуре, 2013.

ЛАО-ЦЗЫ [кит. — «престарелый мудрец/престарелый младенец/старик-младенец/учитель Лао»], древнекит. философ, основоположник *даосизма* (наряду с Хуан-ди). Сведения о Л.-ц. малочисленны и недостоверны, часть совр. ученых считает личность Л.-ц. легендарной. Синологи, к-рые характеризуют Л.-ц. как историческую личность, основываясь на текстологическом анализе, полагают, что он жил не раньше IV–III вв. до Р. Х. Идеи Л.-ц. оказали влияние на развитие не только даосизма, но и всей китайской философии.

Наиболее ранние сведения о Л.-ц. содержатся в гл. «Тянься» («Поднебесная») трактата «Чжуан-цзы» и гл. «Жизнеописание Лао-цзы» в «Исторических записках» Сыма Цяня (II–I вв. до Р. Х.). Согласно им, Л.-ц. звали Ли Эр, Лао Дань или Ли Боян. Он род. в кон. VII в. до Р. Х. в дер. Цюйжэнь волости Ли уезда Ку царства Чу (ныне пров. Хэнань), был хранителем б-ки в царстве Чжоу. Там состоялась его встреча с *Конфуцием*, который был младше его. Конфуций почтительно беседовал с ним и был восхищен мудростью и знаниями Л.-ц. Затем Л.-ц. ушел со службы и поселился в уединении. В конце жизни, разочаровавшись в возможности реализации своего учения в Китае, на буйволе белой масти Л.-ц. отправился на Запад. Был задержан на пограничной заставе ее начальником Инь Си (Гуань Инь-цзы) и по его просьбе написал трактат из 2 частей «*Дао дэ цзин*», в к-ром изложил свое учение.

В эпоху правления династии Хань (206 г. до Р. Х. — 220 г. по Р. Х.) личность Л.-ц. была мифологизирована. Он был объявлен воплощением Дао, существовавшим прежде Неба и Земли. С этого времени складывается традиция почитания его под именем Лао-цзюнь («престарелый государь»). Согласно ей, Л.-ц. неоднократно воплощался на Земле как мудрый наставник государей, в т. ч. и «Желтого императора» Хуан-ди. В 165 г. имп. Хуан-ди (132–168) приказал совершить жертвоприношение на родине Л.-ц. — в уезде Ку, а год спустя — во дворце.

Во II в. возникло учение «Чжэньи [дао]» («[Путь] Истинного единства»), основанное Чжан Даолином (Чжан Лин, жил между 34 и 156). Считалось, что Л.-ц. (Лао-цзюнь) явил ему откровение и назначил его своим наместником на Земле с титулом «Небесный наставник» (тяньши), к-рый передается по наследству в роде Чжан. Школа существует до наст. времени.

В эпоху проникновения буддизма в Китай (первые века по Р. Х.) распространилась доктрина «просвещения варваров» (хуа ху). Считается, что она возникла в буддийской среде с целью придания буддизму кит. происхождения. Существует неск. ее версий: согласно одной из них, Л.-ц. проповедовал свое учение Будде, к-рый видоизменил его, согласно другой — Л.-ц. был отцом Будды. По мере распространения и развития буддизма в Китае доктрина была в значительной степени забыта. В рамках концепции «Трех учений» (сань цзяо) конфуцианство, даосизм и буддизм имеют равную мировоззренческую ценность и дополняют друг друга.

В эпоху Шести династий (229–589) Л.-ц. наряду с Изначальным Небесным владыкой (Юань-ши тянь-цзунь) и Небесным владыкой чудесной драгоценности (Линбао тянь-цзунь) стал почитаться как божество из «Триады чистых» (сань цин).

В средние века Л.-ц. приписывалось авторство значительного числа канонических текстов Даосского канона («Дао цзан»). В эпоху Тан (618–907) почитание Л.-ц. приобрело особый размах: он был объявлен предком императоров правящей династии по фамилии Ли, по всему Китаю возводились святилища, где совершали жертвоприношения в его

честь, ему присваивали различные титулы и звания.

Ист.: Дао-Дэ цзин: Книга о Пути жизни / Сост., пер. с кит.: В. В. Малевич. М., 2010. Лит.: *Ян Хиншун.* Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.; Л., 1950; *Лукьянов А. Е.* Первый философ Китая: Фрагменты филос. автобиографии Лао цзы // ВМУ: Филос. 1989. № 5. С. 43–54; *он же.* Лао-цзы: (Философия раннего даосизма). М., 1991; *он же.* Лао-цзы и Конфуций: Философия Дао. М., 2000; *Кычанов Е. И.* Тангутский апокриф о встрече Конфуция и Лао-цзы // 19-я Научн. конф. по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. СПб., 1997. С. 82–84; *Kalinke V.* Studien zu Laozi, Daodejing. Lpz., 2000–2011. 3 Bde; *Кобзев А. И.* Лао-цзы и Будда — совпадение двух в одном? или «раздвоение единого»? // ОГК НК, 39. М., 2009. С. 221–225; *Суровцева М. Е.* Лев Толстой и философия Лао-Цзы // Вестн. Центра междунар. образования МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2010. № 1. С. 85–90; *Го Сяо-ли.* Мир трансцендентный и мир действительный: сравн. анализ культурного мышления через призму произведений Достоевского, Конфуция и Лао-цзы // ВФ. 2013. № 3. С. 103–113.

М. В. Анашина

ЛАПИД КОРНЕЛИЙ [лат. Cornelius a Lapide] (18.12.1567, Бохолт (совр. пров. Лимбург, Бельгия) — 12.03.1637, Рим), ученый-иезуит, экзегет. Полное имя Л. К. — Корнелис

Лapid Корнелий.
Гравюра из кн.:
Namy A. Galerie illustrée
e de la Compagnie de Jésus.
P., 1893

Корнелиссен ван ден Стен. Лат. форма его фамилии представляет собой перевод оригинальной голл. фамилии Van den Steen (букв. — «от камня»). Первоначальное образование Л. К. получил в иезуитском коллегииуме в Маастрихте (совр. Нидерланды), потом обучался в коллегииуме «Трех увенчанных» в Кёльне, где 15 марта 1584 г. получил степень магистра свободных искусств. После этого продолжил образование

в ун-те в Лувене (Лёвене), где занимался теологией. В 1592 г. вступил в орден иезуитов. Новициат проходил в Турне, однако на следующий год был вновь направлен в Лувен для завершения образования. В 1595 г. был рукоположен во пресвитера, в 1596 г. возглавил кафедру Свящ. Писания в Лувенском ун-те, с 1616 г. — в Римском коллегииуме. Современник и друг Л. К., Иоганн Берхманс отмечал его природную скромность, простоту и склонность к уединению.

Все произведения Л. К. представляют собой комментарии к Библии, за исключением Книги Иова и Псалтири, и основаны на его лекциях, прочитанных в Риме. Издавались по частям с 1614 до 1645 г. Наиболее значительным среди них является комментарий «На все послания божественного Павла» (*In omnes Divi Pauli epistolas*), изданный в Антверпене в 1614 г. Работу над ним Л. К. начал еще в Лувене. Второе значительное произведение — комментарий на «Пятикнижие Моисея» (*In Pentateuchum Moysis*) — издано в Антверпене в 1616 г. Л. К. сохранял тесные связи со своей родиной — Испанскими Нидерландами, поэтому все его произведения издавались в Антверпене. Комментарии Л. К. изобилуют цитатами из произведений св. отцов, позднейших средневеков. экзегетов, в к-рых он ищет опору для своего толкования. При этом Л. К. старается не высказываться открыто по животрепещущим теологическим вопросам, поднятым Реформацией (оправдание верой, авторитет Свящ. Писания и церковного Предания), предпочитая раскрывать темы, представленные в святоотеческой традиции. Как и все теологи его времени, Л. К. преимущественно использует букв. метод толкования, но в силу интереса к раннехрист. и средневеков. экзегезе обращается и к аллегорическому, анагогическому и тропологическому методам, наиболее наглядно представленным в комментарии на Песнь Песней. Особую живость его комментариям придает обращение к мистическим размышлениям над библейским текстом. Тем не менее в его сочинениях проповедник нередко берет вверх над ученым-экзегетом. Именно практическая направленность комментариев Л. К. сделала их довольно популярным чтением среди клира и благочестивых мирян католич. Церкви, так

что они многократно переиздавались целиком и по частям в XVII — 1-й пол. XIX в.

Комментарии Л. К. широко использовались восточнослав. писателями кон. XVII — нач. XVIII в., его сочинения встречаются в б-ках Антония (Радивиловского), Стефана (Яворского), Иоанна (Максимовича), еп. Тобольского. В б-ке свт. Димитрия Ростовского числится 10 комментариев Л. К.; ссылки на них встречаются во всех значимых сочинениях Ростовского митрополита: в проповедях, «Розыске о раскольнической брынской вере», особенно много их в «Келейном летописце». Следует отметить, что к комментариям Л. К. большинство проповедников обращались прежде всего в прикладных целях, используя их в качестве собраний цитат из творений отцов Церкви. Впервые частичный перевод «Комментария на Книгу пророка Даниила» Л. К. на рус. язык был выполнен, вероятно, в 1754 г. Григорием Кондаковым (РГАДА. Ф. 196. № 1656).

С практическими целями делались переводы отдельных пассажей произведений Л. К. в экзегетических сборниках (тезаурусах). Подобный тезаурус в 4 томах был выпущен Ж. А. Барбьером в Париже в 1856 г., в заглавии указано, что он предназначен как для проповедников общин, так и для благочестивых мирян. Др. тезаурус, в 10 томах, был выпущен в Парме Ф. М. Фабером на итал. языке в 1869–1870 гг.

Современные исследователи отмечают в качестве недостатка метода Л. К. его приверженность к использованию апокрифических сказаний при истолковании текста Свящ. Писания (*The Cambridge History*. 1963. P. 216). Значительная часть комментариев Л. К. была использована Ж. П. Минем для составления полного курса экзегезы Свящ. Писания (*Migne*. 1837–1840). Именно это издание способствовало росту популярности Л. К. как представителя консервативной католич. экзегезы среди рус. библеистов кон. XIX — нач. XX в., широко использовавших его труды в апологетических целях в полемике с представителями либерально-критического метода.

Изд.: *Commentaria in Scripturam Sacram Cornelii a Lapide...* / Ed. A. Crampon. P. 1857–1867. 21 vol.; *Commentaria in omnes Sancti Pauli Epistolas...* R. P. Cornelio *Corneli a Lapide* / Ed. A. Padovani. Taurini. 1928–1930².

Лит.: *Migne J. P. Scripturae Sacrae cursus completus*. P. 1837–1840. Vol. 5–20; *Backer Aug., de, Backer Al., de, Sommervegel C. Bibliothèque des écrivains de la compagnie de Jésus, ou Notices bibliographiques*. Brux.; P., 1893. T. 4. Col. 1511–1526; *Heinrici G. Cornelius a Lapide* // *PRE*. Bd. 4. S. 289–291; *Smet S., de. Lapide (Cornelius a Lapide)* // *DSAMDH*. T. 9. Col. 253–257; *Koren H. De inspiratione Sacrae Scripturae secundum doctrinam Cornelii a Lapide*. Wash., 1942; *Boss G. Rechtfertigungslehre in den Bibelkommentaren des Cornelius a Lapide*. Münster, 1962; *The Cambridge History of the Bible* / Ed. S. L. Greenslade. Camb., 1963. Vol. 3. P. 216–217; *Vorgrimler H. «Das Binden und Lesen» in der Exegese nach dem Tridentinum* // *ZKTh*. 1963. Bd. 85. N 4. S. 460–477; *Bertrand P. R. The Church Imagery in the Commentaries of Cornelius a Lapide: A Comparative Study of Post-tridentine Ecclesiology*. P., 1966; *Федотова М. А. О двух источниках укр. проповедей Димитрия Ростовского: (Фома Младзьяновский и Корнелий а Лاپиде)* // *ТОДРЛ*. 1993. Т. 48. С. 343–350; *Brogi Bercoff G. The «Letopisec» of Dimitrij Tuptalo, the Metropolitan of Rostov, in the Context of Western European Culture* // *Ricerche slavistiche*. R., 1993. Vol. 39/40. P. 293–364; *Dominguez F. Cornelius a Lapide* // *LTK*. 1994³. Bd. 2. Sp. 1313; *Taheny T. T. Lapide, Cornelius a* // *NCE*. Vol. 8. P. 332–333.

Д. В. Зайцев

ЛАРГ, мч. Аквилейский — см. ст. *Иларий и Татиан*, мученики (пам. зап. 16 марта).

ЛАРГВІСИ [груз. ლარგვისი], муж. мон-рь во имя вмч. Феодора Тирона (VI–XVIII вв.) Никозско-Цхинвальской епархии Грузинской Православной Церкви (ГПЦ). В наст. время резиденция правящего архиерея. Расположен в одноименном селении у слияния рек Ксани и Чурта, в 20 км к северу от г. Ахалгори, в исторической пров. Грузии Шида-Картли.

История. По сведению хроники «Памятник эриставов» (1405–1410), кафоликон Л. был построен в VI в. и вскоре превратился в религ. и адм. центр Цхрадзмисхеви, области в верхнем течении р. Ксани. Во главе Л. стоял мамахалиси (груз. — «отец дома»), представитель царской власти и, вероятно, настоятель Л. Ему подчинялись сакдрисшвилни (груз. — «дети храма»), члены привилегированного сословия местной общины, связанные с хозяйством Л., вассалы храма. В мон-ре были устроены усыпальницы аристократов, их владения находились поблизости от церкви. В VI в. в Л. поселился Ростом Бибулири, родоначальник ксанских эриставов (один из крупнейших феодальных домов Грузии). За военное предводительство Цхрадзмисхеви Ростом получил усыпальницу

в Л. «на правой стороне алтаря перед святым престолом... и дом для пребывания [своего] среди сакдрисшвилни, а в Цхрадзма — вотчину, бывшую во владении цихистава (правителя крепости. — *Авт.*)», а также резиденцию в Квенипневи, в 3 км к югу от Л. Согласно правовым нормам того времени, «чьей могиле подобает наивысшая почесть, тому и принадлежит по праву церковь» и «весь ее приход». Ростом стал владельцем Цхрадзмисхеви, «построил город в Ларгвиси, завершил [постройку] церкви и украсил [ее] всем [необходимым]» (Памятник эриставов. 1954. С. 345–346; То же. 1979. С. 22–23). Ростом и его потомки именовались Квенипневели или Квенипневели-Ларгвели. Вскоре эти родовые имена стали личными именами рода Квенипневели.

В кон. XIII в. Цхрадзмисхеви выделилось в самостоятельное эриставство. Цхрадзмисхевские (ксанские) эриставы особо пеклись о семейной усыпальнице в Л.: Ширд, супруга эристава Шалвы (I) (1290–1318), «увеличила достоинство монастыря этого», пожертвовала золотую и серебряную утварь, оправила иконы, добавила к иконе Пресв. Богородицы частицы св. мощей и «всякие украшения» (Памятник эриставов. 1954. С. 348; То же. 1979. С. 25); их сын эристав Ларгвели (II) (1318–1320) украсил большую икону вмч. Феодора, также «создал» икону Спасителя «в свой рост и оправил ее»

Христос и самарянка.
Миниатюра из Цветной Триоди
из мон-ря Ларгвиси. XV в.
(ИЦРГ. А 25. Л. 86 об.)

ограду мон-ря, «колокольни, большие и прекрасные», подмыла основание кафоликона (Памятник эриставов. 1954. С. 349, 355; То же. 1979. С. 6, 32). Эристав Квенипневели (I) (1344–1373) заново отстроил ограду и колокольню и «всеми украшениями украсил церковь. И собрал священников и монахов и почитал их больше, [чем] все первые и последующие эриставы». Также он выстроил маслобойню, установил 17 агап (поминальных дней — очевидно, членов своего рода) и пожертвовал 9 виноградников, а также крестьян «на услужение церкви» (Памятник эриставов. 1954. С. 352; То же. 1979. С. 29). Его брат и преемник эристав Иоанн (I) (1373–1390) построил за 3 года «верхнюю церковь», пристроил притвор и колокольню, украсил стены церкви росписью (Памятник эриставов. 1954. С. 355;

Монастырь Ларгвиси

То же. 1979. С. 32). Сын Иоанна эристав Виршел (III) (1390–1422) «построил из камня на извести церковь святого Николая» (Памятник эриставов. 1954. С. 356; Там же. 1979. С. 33). Местные феодалы щедро жертвовали поместья вместе с крестьянами.

В «Памятнике эриставов» сохранились сведения о прот. Иоанне Бандас-дзе. В 20-х гг. XIV в. он сопровождал Пипу Квенипневели, сына эристава Шалвы (I), к египетскому султану для ведения пе-

реговоров о возвращении груз. монахам «ключей иерусалимских», т. е. храма Гроба Господня. Дипломатическая миссия завершилась успешно, и прот. Иоанн был посвящен в сан модзгварт-модзгвари (благочинного) груз. мон-рей Иерусалима (подробнее см. в ст. *Крестовый монастырь*) (Памятник эриставов. 1954. С. 350; То же. 1979. С. 27).

Л. являлся одним из мощных культурных очагов средневековой Грузии. Здесь изучали грамоту, каллиграфию, изготовление пергамента и книг, живопись, архитектуру, а также «дела мирские»; в Л. создавали оригинальные сочинения (в т. ч. исторические, напр. «Памятник эриставов»), иллюминировали рукописи. Во 2-й пол. XIV — нач. XV в. в Л. работали 3 книжника: Георгий Табаури, Авгарь (Авгароз) Бандас-дзе и его сын Григорий (Григол) Бандас-дзе (*Жордания*. 1902. Т. 2. С. 93–94; Памятник эриставов. 1954. С. 316–321; *Менабде*. Очаги. 1962. Т. 1. С. 220–221).

С сер. XIV в. в Ксанском ущелье, как и по всей Грузии, шли междоусобицы и распространялись эпидемии (*Жордания*. 1902. Т. 2. С. 93–94). Л. сильно пострадал во время 6-го похода Тамерлана (Тимур-Ленга) на Грузию (1400). Нашествие монголов и мор унесли много человеческих жизней в Л. В нач. XV в. была восстановлена разрушенная церковь, а в 20–30-х гг. Григол Бандас-дзе пристроил притвор, расписал интерьер церкви, пожертвовал 2 кадилъницы и лампы, возобновил иконы, оковал их, нашел книги Параклитик, Апостол, Авгарь (апокрифическое сочинение — переписка царя Авгаря с Христом), Гулани; возвел колокольню, построил дом для постояльцев, марани (погреб) на 20 кувшинов, скотный двор и амбар (*Хаханов*. 1898. С. 52–53).

В 1460 г. царь Грузии Георгий VIII (1446–1466) закрепил Л. за эриставом Шалвой (II) Квенипневели и его потомками (Там же. С. 49). К 1470 г. Шалва (II) обновил мон-рь, что подробно описано в его дарственной грамоте Л.: «...сперва дал разрисовать заднюю сторону сводов главной церкви святого Теодоре и воздвиг крест на вратах алтаря, полного иконами с мощами. [Заказал] переписать псалмы и книги пророков в одну новую книгу, [положил] одно большое блюдо серебряное, [дал] оправить книги

(Памятник эриставов. 1954. С. 349; То же. 1979. С. 26); эристав Виршел (II) (1320–1335) преподнес Л. «превосходный» Синасарь (Памятник эриставов. 1954. С. 352; То же. 1979. С. 29). Ксанские эриставы активно участвовали в строительной деятельности и организации хозяйственной жизни Л. В XIV в. р. Ксани дважды выходила из берегов, смыв

метафрасов; положил одеяние для облачения. Построил церковь Крестителя, заказал ее разрисовать и украсил иконами, книгами и одеянием полностью без недостатка. Оградил оградой и устроил трапезу (алтарь.— *Авт.*), и воздвиг киворий, и покрыл тесаным [камнем]. Построил погреба с навесами и снабдил карасами (кувшинами для хранения вина.— *Авт.*). Обил двери башни и ограды. Построил над воротами ограды часовню, перекрыл тесаным камнем и положил наверху крест медный, построил амбары и поставил под ними карас» (ПГП. 1965. Т. 2. С. 140; Груз. док-ты IX–XV вв. 1982. С. 191). Шалва (II) Квенипневели пожертвовал Л. села Ахалубани, Иврети (в ущелье р. Меджуда) и Эредай (совр. Эреда, близ г. Ахалгори) с принадлежащими им виноградниками, подтвердил право на владение с. Куртай (совр. Курта, муниципалитет Ахалгори) и др. селениями, к-рые «монастырю были пожертвованы нашими дедами и [их] потомками» (ПГП. 1965. Т. 2. С. 140–141; Груз. док-ты IX–XV вв. 1982. С. 192). Шалва (II) издал юридический акт, к-рый определял меру наказания за совершённые на территории Л. преступления: стычки, кровопролитие, блуд, воровство, оскорбление священников, стариц и монахинь (ПГП. 1965. Т. 2. С. 141–142; Груз. док-ты IX–XV вв. 1982. С. 193). Упоминание стариц и монахинь может говорить о том, что на территории мон-ря действовал ксенон, где они ухаживали за немощными и убогими.

О настоятелях мон-ря в XIV–XV вв. известно мало. В приписке (нач. XV в.) к Параклитуку упомянут настоятель Феодор (*Хаханов*. 1898. С. 53). В 1470 г. эристав Шалва (II) «определил» настоятелем Л. Георгия (Журули) (ПГП. 1965. Т. 2. С. 143; Груз. док-ты IX–XV вв. 1982. С. 194). В грамоте 1460 г., выданной царем Георгием VIII иером. Георгию, род Журули был назван «побережником» Цхрадзмисхеви, «сыном и владетелем» мон-ря и крепости Л. (Груз. ист. док-ты. 2014. Т. 3. С. 115). В ц. во имя вмч. Георгия в с. Цирколи сохранилась поминальная надпись Журули, к-рого отождествляют с настоятелем Л. Георгием (*Гунашвили*. 2005. С. 112–114). Возможно, с. Цирколи также находилось во владении Л. Настоятель Георгий (Журули) упомянут

И Никейский Собор.
Миниатюра из Цветной Триодии
из мон-ря Ларгвисси. XV в.
(НЦРГ. А 25. Л. 146 об.)

в поминальной записи Гергетского синодика (*Шарашидзе*. 1954. С. 280). Перед ним стоит имя настоятеля Шио (Ломисдзе) — вероятно, его предшественника в Л. Согласно источникам XIV — нач. XV в. («Памятник эриставов», «Документ поступлений Самтависской паствы»), Л. в это время находился в юрисдикции самтавнели — епископа Самтависского.

В кон. XVI — нач. XVII в. резиденция ксанских эриставов была перенесена из Квенипневели в Ахалгори, а усыпальница — из Л. в мон-рь *Икорта*. О судьбе Л. на протяжении XVI–XVII вв. почти ничего не известно. В сер. XVI в. эристав Иесе (I) пожертвовал Л. общину Куртай и с. Цихиа (у истоков р. Чурта, к северу от с. Велиса) (*Такашвили*. Древности. 1910. Т. 3. С. 562–563), а его сын и преемник Квенипневели (II) (1607–1614) в 1607 г. вернул храму Цветную Триодь, к-рая была утрачена вслед. нападения хевсуров на Ксанское эриставство в 1545 г. Из духовных лиц того времени упоминается свящ. Захария из Л. (*Жордания*. Хроники. 1897. Т. 2. С. 20).

В нач. XVIII в. настоятелем мон-ря был Гавриил: из купчих грамот, приписанных к Ларгвисскому Четвероевангелию, известно, что он приобрел сельскохозяйственные угодья для Л. (*Джанашвили*. 1900. С. 4). Его современником был эристав Шанше (1720–1741, 1747–1753); между 1721–1741 гг. он воздвиг в Л. крепость, пожертвовал храму икону вмч. Георгия (1732), заказал оклад для иконы вмч. Феодора Тирона (1750) (*Жордания*. Хроники. 1967.

Т. 3. С. 208–209), вернул мон-рю утраченные земли (*Джанашвили*. 1900. С. 4). Л. жертвовали и вассалы эриставов: в 1738 г. назири (дворецкий) ксанского эристава Гиорги Гундисшвили выкупил у татар Ларгвисский Параклитик и возвратил храму, а местумре (смотритель за столом) Китеса подарил церкви т. наз. крест вмч. Георгия (очевидно, крест с изображением святого) (*Хаханов*. 1898. С. 51). В 1723 г. из-за нашествия турок на Вост. Грузию в Л. были спрятаны сокровища патриаршего кафедрального собора *Светицховели*: венец, 3 иконы, в т. ч. *Анчийский Спас*, 6 саккосов, книги и гуджары (*Жордания*. Хроники. 1967. Т. 3. С. 89–90).

Набеги турок, иранцев и лезгин в 30–40-х гг. XVIII в. привели мон-рь в упадок (*Вахушти Багратиони*. 1973. С. 359); в посл. обрушился главный храм. В 1759 г. ксанский эристав Давид (III) (1753–1774) и его мать Кетеван при деятельном участии настоятеля Л. архим. Германа, подвизавшегося в Л. с детства, предприняли постройку новой ц. во имя вмч. Феодора на старом фундаменте; Давид (III) также пожертвовал новой церкви икону Пресв. Богородицы, написанную неким Иоанном (*Brosset*. 1851. P. 74–75), и обно-

Исцеление слепого.
Миниатюра из Цветной Триодии
из мон-ря Ларгвисси. XV в.
(НЦРГ. А 25. Л. 120 об.)

вил Ларгвисское Четвероевангелие (*Джанашвили*. 1900. № 173. С. 4). За «великие труды» по строительству архим. Герману было пожаловано право иметь усыпальницу в юж. приделе ц. вмч. Феодора, посвященном св. Иоанну Предтече. Последующих настоятелей хоронили у сев.

столбов храма вмч. Феодора (*Хаханов*. 1891. С. 27). Давид (III) пожертвовал новой ц. во имя вмч. Феодора крест вмч. Георгия (*Хаханов*. 1898. С. 51). В приписке от 1764 г. к пергаменной рукописи перечислена утварь Л.: 60 книг, 60 чеканных икон и Четвероевангелий в чеканных переплетах, 12 облачений, митра, 3 серебряные чаши и 3 диска, 3 серебряные лампы, 2 золотые крышки. Ответственность за них лежала на протоиерее, к-рый служил в ц. во имя вмч. Феодора (Там же).

В 1777 г. было упразднено Ксанское эриставство; княжеские земли отошли наследнику престола царевичу Георгию (впосл. царь Картли-Кахети Георгий XII). Приказом от 1778 г. он подтвердил иммунитет Л., запретил придворным отчуждать от монастыря принадлежавшие ему в бывш. эриставстве земли и крестьян; из 5 лососей, выловленных в р. Ксани, одного жертвовали мон-рю (ПГП. 1965. Т. 2. С. 447–448). Сохранились Четвероевангелия, преподнесенные царевичем Л. (*Хаханов*. 1898. С. 51). Бывш. владельцы также не оставили попечения о мон-ре. В 1781 г. кнг. Мариам Эристави подарила Л. Цветную Триодь, пропавшую из мон-ря и долгое время считавшуюся утраченной (*Жордания*. Хроники. 1967. Т. 3. С. 370).

В грузинских источниках 2-й пол. XVIII в. Л. именуется как ставропигиальный мон-рь, настоятель имел сан архимандрита («Список разоренных монастырей Картли и Кахети», 1770; грамота Давида (III) архим. Герману, 1761; надпись на иконе Божией Матери, 1762 — *Мачарадзе*. 1988. С. 551; *Хаханов*. 1891. С. 27; *Brosset*. 1851. P. 74–75), однако неизвестно, когда и при каких обстоятельствах Л. перешел в прямую юрисдикцию католиков-патриархов Вост. Грузии.

Последним настоятелем Л. был архим. Пафнутий (Хозиашвили). По сведению П. И. Иоселиани, в 1802 г. он был также возведен в сан архимандрита мон-ря Тири (*Иоселиани*. 1936. С. 149). Во время антиросийского восстания груз. горцев 1804 г. архим. Пафнутий был отправлен российскими военными властями для переговоров с восставшими. Горцы приняли пророссийски настроенного архимандрита враждебно и взяли в плен. Царевич Парнаоз, один из руководителей восстания, освободил его, но держал при себе

(АКавАК. 1868. Т. 2. С. 326, 331). Эта история легла в основу его автобиографического соч. «Описание страстей архимандрита Ларгвиси Пафнутия» (НЦРГ. S 1821). После подавления восстания архим. Пафнутий служил послом мегрельского кн. Григола Дадиани (1770–1804) в России, за успешную миссию был хиротонисан — получил сан архиепископа и управляет Моквской епархией Абхазского (Западногрузинского) Католикосата. В 1811 г. вместе с кнг. Ниной Дадиани переехал в Москву (*Иоселиани*. 1936. С. 149). После упразднения автокефалии ГПЦ (1811) Л. был преобразован в приходскую церковь (АКавАК. 1870. Т. 4. С. 165).

Имущество Л. постепенно расхищалось, особенно во 2-й пол. XIX в. А. С. *Хаханов*, посетивший Л. в нач. 90-х гг. XIX в., отмечал, что некогда богатый Л. «сохранил... одни жалкие остатки... некоторые

Монастырь Ларгвиси.
Фотография. XIX в.

из вещей погибли весьма недавно». Он указал, что не осталось ни одного памятника, восходящего к кон. XV или к нач. XVI в., «древнейшее пергаментное Евангелие еще и ныне хранится в Ларгвисском монастыре, но священник почему-то скрывал его от нас... виденный Броссе в 1848 г. крест св. Георгия с большою надписью о Давиде (III) в Ларгвиси ныне уже не оказывается» (*Хаханов*. 1898. С. 51–52).

Церковь во имя вмч. Феодора обветшала и значительно пострадала в ходе антирелиг. кампании нач. 20-х гг. XX в.: окна в барабане были разбиты, черепичное перекрытие проломлено (*Бочоридзе*. 2011. С. 84). В 1923 г. Л. был разграблен, бесследно исчезли 2 иконы вмч. Феодора Тирона и икона святых Петра и Павла (Там же. С. 354). Медное блюдо с надписью эристава Шалвы Квенипневели и украшения с иконы

вмч. Феодора перенесли в Цхинвальский музей (Там же. С. 84, 110), а закопанный в земле архив мон-ря (книги, документы) сгнил (Там же. С. 84, 252). В 1975 г. Специальным научно-предпринимательским объединением охраны памятников Грузии были проведены реставрационные работы в ц. во имя вмч. Феодора (архит. Г. Николаишвили). В 1989 г. храм был передан Церкви, возобновилось богослужение. В 2006 г. Л. был присвоен статус Национального памятника Грузии.

Настоятели монастыря: Феодор (нач. XV в.), Шио (Ломисдзе; очевидно, до 1470), Георгий (Журули; с 1470), Гавриил (нач. XVIII в.), Герман (сер. XVIII в.), Пафнутий (Хозиашвили; кон. XVIII — нач. XIX в.).

Г. Четишвили

Архитектурный ансамбль окружен с востока р. Ксани, с юга — р. Чурта, с севера к нему прилегает крутой лесистый хребет. Рельеф определил многостороннюю планировку ансамбля. Здания выстроены из рваного камня, местами использованы резной ка-

мень и кирпич. Главный вход в Л. находится с юж. стороны, дополнительный — с запада. Комплекс напоминает оборонительный ансамбль: он

окружен крепостной стеной и состоит из 2 разделенных внутренней стеной дворов. Верхний двор, где находились жилые здания, был лучше защищен, с сев. стороны обнесен стеной, подобной крепостной; в ней прорезана дверь, соединяющая верхний двор с нижним (украшена со стороны нижнего двора: над проемом глубоко вырезан Голгофский крест).

Ансамбль Л. составляют ц. во имя вмч. Феодора Тирона, стены, башни, цитадель и жилые здания, с запада и юга от церкви находятся руины монастырских строений. В сев., меньшей части ансамбля сохранились главная башня и жилые строения. Цитадель, предположительно жилище эриставов, находится на самом высоком месте комплекса перпендикулярно ограде, на пересечении сев. и зап. стен. Двор с ц. вмч. Феодора сравнительно большой.

Исследования на монастырской территории не проводились, что затрудняет изучение первоначальной планировки зданий Л.

Церковь во имя вч. Феодора Тирона в «Памятнике эриставов» упоминается как «верхняя» (Памятник эриставов. 1954. С. 355). Возмож-

но, это указывает на ее локализацию в верхнем дворе (т. о., нижний двор, где стоит церковь, изначально был верхним, а двор продолжался вниз) либо на то, что ниже ее находилась ц. во имя св. Иоанна Предтечи.

Храм центрально-купольный (20×12 м). Совр. здание представляет собой простое, вписанное в прямоугульник строение с продолговатыми пропорциями и не имеет врат, стои и придела, упомянутых в источниках. В интерьере алтарь и боковые помещения заканчиваются апсидами. Средняя апсида наиболее глубокая, имеет 3 полукруглые ниши, расположенные с равномерными интервалами. Ниши вписаны в прямоугольную раму. Жертвенник и диаконник соединяются с зальным и алтарным пространствами арочными дверями; оба боковых помещения имеют по 2 этажа. Верхние этажи предположительно служили потайными сокровищницами. Дверь, ведущая к ним, труднодоступна и незаметна. Если в др. церквях двери потайных помещений выходят в зальное пространство, то в кафоликоне Л. оба тайника имеют один вход, в юго-вост. углу потолка жертвенника; юж. и сев. тайники соединяются широким переходом, расположенным в толще стены. Переход достаточно высок, чтобы пройти не согнувшись. Бойницы, устроенные во внешних стенах комнат, свидетельствуют о том, что тайники использовались также в оборонительных целях.

Интерьер являет собой единое пространство. Алтарь отделен от зала 2-ступенчатым возвышением и не имеет вимы (солеи). Купол опирается на алтарные выступы и два 8-гранных столба с зап. стороны. На перемычных парусах от подкупольного пространства к барабану купола использованы рельефные тропы. Данный архитектурный элемент вновь стал использоваться в XVI–XVIII вв. в ко-

*Интерьер кафоликона
мон-ря Ларгвиси.
Фотография. Нач. XXI в.*

локольнях, трапезных и в притворах, если ранее имел конструктивное назначение, то позднее носил более декоративную функцию, как в кафоликоне Л. Боковые рукава короткие, одного размера. Зап. рукав сообщается с боковыми нефами посредством пары высоких арок. Нефы разделены на 2 участка с разным перекрытием, выложены кирпичом. Все арки интерьера, также кирпичные, имеют стрельчатую форму.

Входы в церковь — с запада (в центре стены) и юга (зап. часть стены). Пол каменный, стены оштукатурены. Благодаря высоте 10-гранного барабана церкви, почти равного высоте основной части здания, создается впечатление вытянутых ввысь пропорций. Фасады церкви просты. Декор ограничивается обрамлением окон и дверей. Храм выстроен из бутового камня и кирпича, в углах карнизов, окнах и дверях использованы тесаные камни. Двухступенчатый цоколь выложен большим резным камнем.

Церковь хорошо освещена. Форма 10 окон купола традиционна; формы других окон (в рукавах и нефах) различны, окна на фасадах миндалевидной формы. На восточной стороне — 3 окна; в отличие от боковых окон, обрамленных в виде четырехугольника резным камнем, средний наличник повторяет миндалевидную форму оконного проема. Отличается и орнаментальный мотив — боковые окна очерчены растительным декором в один ряд, среднее украшено двойной каймой наличника с геометрическим рисунком. Над средним окном изображен рельефный резной крест с 3-листными завершениями рукавов. Ма-

лые кресты высечены над боковыми окнами.

Зап. фасад украшен практически так же; крест здесь изображен над дверью, каменная облицовка боковых окон не имеет орнамента. Полукруглая дверь обрамлена рельефным валом и орнаментом с рисунком цепи. С обеих сторон орнаментальный мотив внизу завершают вписанные в круги изображения 6-лепестковых цветов с трилистниками в сердцевине. Выше арки, к югу, высечены рука зодчего и орудия труда — угольник и молот. Дверной декор имеет сходство с украшением кож. двери, только орнаментированная кайма шире. Окна юж. фасада облицованы тесаным камнем. Тесаными квадратами выложены и барабан купола.

К востоку, западу и югу от церкви сооружена платформа. Возможно, в какой-то ее части находилась гробница ксанских эриставов.

Другие строения. Крепостная стена мон-ря укреплена контрфорсами и неравномерна по высоте, что вызвано неоднородным рельефом местности. Наибольшие ширину и высоту она имеет с запада, в этой части на уровне 2-го яруса расположены бойницы, со стороны двора к ним ведет широкая ступень, т. н. тропа воинов. В ключевых для

*Рождество Христово.
Миниатюра из Четвероевангелия
из мон-ря Ларгвиси. 1-я пол. XIII в.
(ИЦРГ. А 26. Л. 24)*

обороны местах возведены башни. В самой низкой точке комплекса близ слияния рек находится квадратная в плане башня-ворота; ее внешний фасад однороден с клад-

кой стены. По мнению прав. *Евфимия Такашвили*, над 2-м этажом башни была надстроена колокольня; по мнению П. П. Закараи, она могла размещаться над 3-м этажом (*Закарая*. 1956. С. 59; Он же. 1973. С. 113).

Цитадель, построенная из сланцевого камня в сев.-зап. части комплекса, с внешней стороны примыкает к крепостной стене. Ее юж. фасад, выходящий во двор, является продолжением ограды. С внешней стороны башня имеет квадратную форму, центральное пространство ее интерьера — форму равнобедренного креста; угловые комнаты — различные формы и размеры. Сохранились 3 этажа с карманами для балок межэтажных перекрытий. Юго-зап. комната 2-го этажа, по-видимому, предназначалась для знати; она крупнее остальных и имеет зальное перекрытие — уступчато-венчатый купол, т. н. гвиргвини. Широкие в интерьере 4-угольные окна сужаются к внешней стороне и превращаются в узкие бойницы. Их расположение, кажущееся бессистемным на фасаде, в интерьере свидетельствует о хорошо продуманном распределении.

В сев.-вост. части внутренней крепости находится одноэтажное жилое строение продолговатой формы, к которому примыкает небольшая цилиндрическая башня. Снаружи крепостных стен, к юго-западу от центральных врат, у слияния рек, возведена квадратная башня, от которой сохранились 2 этажа. Очевидно, она имела функцию защиты врат и дозорное назначение.

Святыни. Единственный ряд деревянного *иконостаса* (не сохр.) был представлен 4 большими иконами с погрудным изображением святых, написанными одной рукой. Справа от царских врат были помещены иконы Спасителя и св. Иоанна Предтечи, слева — Пресв. Богородицы с Младенцем и св. ап. Иоанна Богослова. Под фигурой Богоматери — пространная надпись, выполненная нухури, в к-рой упоминались дата создания иконы (1762) и имена ктиторов (по инициативе архимандрита Л. эристав Давид (III) и его мать Кетеван пожертвовали этот образ во спасение души сына эристава Шалвы) и иконописца Иоанна (*Евфимий Такашвили*. 1915. С. 89–91. Ил. 36–39). Царские врата украшала меньшая икона Спасителя

(XIX в.) с выполненной мхедрули ктиторовской надписью, указывающей имя жертвователя — Тamar Амилахвари (Там же. С. 91–92).

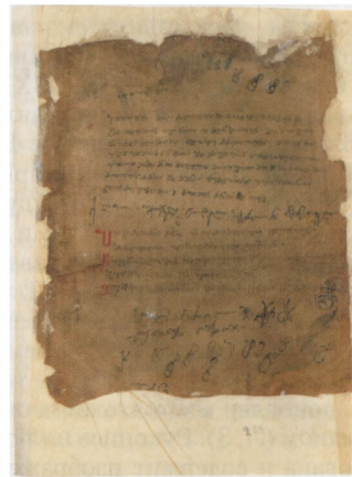
Иконы живописные (не сохр.). Главная икона Л. — вмч. Феодора Тирона — была создана в 1750 г. Святой мученик представлен во весь рост; образ имеет чеканный оклад. Двухстрочная надпись на нухури упоминает эристава эриставов Шанше (*Хаханов*. 1898. С. 50; *Евфимий Такашвили*. 1915. С. 94–96. Ил. 42). Большая икона вмч. Феодора на коне, в серебряном с чернью окладе, украшена камнями и относится к позднему средневековью (*Евфимий Такашвили*. 1915. С. 96. Ил. 43). Икона с погрудным изображением вмч. Георгия (1732), среднего размера, в серебропозлащенном окладе, украшена жемчугом и драгоценными камнями. Трехстрочная надпись на мхедрули упоминает эристава эриставов Шанше с сыном и дочерью (*Хаханов*. 1898. С. 51; *Евфимий Такашвили*. 1915. С. 94. Ил. 41). Икона с погрудным изображением Пресв. Богородицы (кон. XVIII в.), в серебропозлащенном окладе, имеет надпись на асомтавури, в которой упоминается златоваятель Шалва (Там же. С. 96. Ил. 44).

Иконы чеканные (не сохр.). Большая серебропозлащенная икона вмч. Феодора Тирона (позднее средневековье) была перенесена в Л. из Садзегури, известна как икона семейства Кобаури. В иконе хранился перст вмч. Феодора (*Евфимий Такашвили*. 1915. С. 92–94. Ил. 40). Серебряная икона-складень (позднее средневековье) представляет собой триптих-мошевик, на задней части створок помещены образы апостолов Петра и Павла, в центральной части изображен крест и заключены 22 частицы мошей, над крестом — образы святых, чьи мощи находились в иконе (Там же. С. 96. Ил. 45). Икона с погрудным изображением Пресв. Богородицы с Младенцем, выполненная в высоком рельефе, была пожертвована Л. кн. Торнике Эриставом в 1853 г. (Там же. С. 96, 98).

Кресты. Серебряный выносной крест был создан на средства местумре Китеса в 1738 г. (*Хаханов*. 1898. С. 51; *Евфимий Такашвили*. 1915. С. 98). Деревянный выносной крест с образами святых на серебропозлащенных пластинах датируется XVIII в. (Там же. С. 98). Серебропозлащенный крест с надписью

на мхедрули был заказан царевичем Георгием (впосл. царь Картли-Кахети Георгий XII) в 1781 г. (Там же. С. 100). Серебряный выносной крест с 4 камнями имеет на оборотной стороне надпись на мхедрули, в к-рой сказано, что крест был создан Габриелом Бериашвили и Соси Шавердашвили на средства ц. во имя вмч. Георгия в Сакорети в 1855 г. (Там же. С. 98). Серебряный выносной крест (предположительно XIX в.), пожертвованный семейством Гавазели, украшен 2 рубинами. Ниже, на сфере, имеется надпись на мхедрули, в ней говорится о том, что крест был создан по заказу семейств Бутхузи и Качиури усилиями мон. Васикашвили (*Хаханов*. 1898. С. 50; *Евфимий Такашвили*. 1915. С. 99).

Рукописи и книги. Наиболее древняя рукопись из коллекции Л. — пергаменный Параклитик XII в. (НЦРГ.

Параклитик
из мон-ря Ларгвиси. XII в.
(НЦРГ. А 576. Л. 228)

А 576) (23,5×17,5 см), выполненный нухури. Заглавные буквы и заголовки выведены киноварью, текст позднее был поновлен предположительно Григолом, сыном Авгароза (Авгаря) Бандас-дзе (Л. 3). В одной из приписок упоминается ксанский эристав Шалва (Л. 228) (Описание груз. рукописей. 2004. Т. 2. Вып. 2. С. 192–201).

Пергаменные Четвероевангелия НЦРГ. Н 497 и 498 относятся к XII–XIII вв., они исполнены нухури в 2 столбца. Четвероевангелие НЦРГ. Н 497 (25,8×21 см) оформлено заставками, заглавные буквы и начала выведены киноварью. Сохранилось изображение св. евангелиста Марка (Л. 25 об.). В рукописи упоминаются ксанский эристав Виршел

*Жены-мироносицы
и св. Иосиф Аримафейский
у Гроба Господня.
Миниатюра из Цветной Триоды
из мон-ря Ларгвиси. XV в.
(НЦРГ. А 25. Л. 37 об.)*

(Л. 26), настоятель мон-ря Гавриил (Л. 25 об.), Бежан (Л. 23) и Георгий (Журули) (Л. 25 об.) (Описание грузинских рукописей. 1948. Т. 5. С. 241). Четвероевангелие НЦРГ. Н 498 (24×17,5 см) имеет тисненый коричневый переплет. В приписках упоминаются эристав Шанше и его супруга Анаханум (Л. 3, 238), чеканщик Георгий и его супруга Ништхатун (Л. 2 об.) и др. лица (Л. 3, 83 об., 84) (Описание груз. рукописей. 1948. Т. 5. С. 240–242).

Примечательно Четвероевангелие НЦРГ. А 26 (1-я пол. XIII в.) (23,5×17,5 см) в кожаном переплете, написанное нусхури. Заголовки выполнены золотыми чернилами на красном фоне. Рукопись оформлена арочными обрамлениями и заставками; большие инициалы в началах абзацев выведены золотыми чернилами. Согласно памятной записи (Л. 533), переписано Николозом Катарацидзе, представителем известного рода каллиграфов, служивших при царском дворе во 2-й пол. XII — 1-й пол. XIII в. Заказчиком являлся Элмелик, крупный феодал Квемо-Картли, современник царицы св. Тамары. Элмелик, его супруга Дофи и их сыновья Георгий и Дадун (XIII в.) упомянуты в завещаниях-приписках рукописи (Л. 20). Из Квемо-Картли Четвероевангелие было вывезено в Л. (время и причины неизв.). В XVIII в. текст был поновлен настоятелем мон-ря Германом (Л. 3). Рукопись иллюминирована и содержит изображения евангелистов Марка (Л. 153) и Луки (Л. 246), а также композиции праздников: Благовещения (Л. 23), Рождества Христова (Л. 24), Входа Господня в Иерусалим (Л. 382), Сшествия Св. Духа на апостолов (Л. 383). В конце Четвероевангелия помещен синодик, в котором упоминаются ксанские эриставы и их родственники с XIV в.: Шалва (I), Виршел (II), Иоанн (I), супруга ксанского эристава Мнатоби, дядя эристава Георгий, супруга ксанского эристава Гванца, супруга ксанского эристава и дочь царя царей Давида Гулшар, Амилахори, Амиреджиби. В конце помещена памятная запись: «Да упокоит Господь души всех Квенипневских усопших — старых и новых, женщин и мужчин». В завещаниях-приписках рукописи упомянуты и др. исторические лица, связанные с Ксанским ущельем: свящ. Аарон (1794) (Л. 150), свящ.

Захария (XIX в.) (Л. 152). К Четвероевангелию прилагаются юридические документы: книги подношений и купли, содержащие значимые для истории Л. сведения. Книга подношений (Л. 380) создана эриставом эриставов Шанше, Иасе Куларасом, Ревазом и Иоанном, к-рые вернули Л. дарованные ему в древности и позже утраченные земли. В книге купли (Л. 151–152), составленной Мамакой Пурцеладзе в 1718 г., рассказывается о земле, к-рую некий Заридзе с сыновьями Бери и Гоги продали Л. в лице настоятеля Гавриила. В др. книге купли (Л. 21), составленной Вахушти, речь идет о землях, проданных настоятелю Гавриилу братьями Шермадином, Иеремией и Элизбаром (Описание груз. рукописей. 1973. Т. 1. Ч. 1. С. 88–91).

Пергаменное Четвероевангелие НЦРГ. Н 496 (XIII в.) (25,5×20 см) написано в 2 столбца, заголовки выполнены золотыми и зелеными чернилами, начала — киноварью. В текст включены миниатюры с изображениями евангелистов: Матфея (Л. 3 об.), Иоанна (Л. 12 об.), Марка (Л. 43 об.), Луки (Л. 76 об.). Упоминаются имена миниатюриста Мате (Матфея) (Л. 4) и исторических лиц Ксанского ущелья (Л. 3) (Хаханов. 1898. С. 52; Кубанешвили. Хрестоматия. 1946. Т. 1. С. 12; Описание груз. рукописей. 1948. Т. 5. С. 239–241; Мачавариани. 1965. С. 102, 104, 106; Она же. 1973. С. 242; Она же. 1975. С. 17).

В тексте пергаменного Параклитика НЦРГ. А 575 (очевидно, XIV в.)

(23,5×33,5 см) различаются 4 руки: 1-я — переписчика Авгароза (Авгаря) Бандас-дзе (1348–1365) (Л. 154 об., 155, 186); 2-я и 4-я трудноразличимы; 3-й рукой исполнены листы 174 об. — 186, их переписчиком является Георгий Табаури (XIV в.) (Л. 187). Текст (в нек-рых местах — листы целиком) был поновлен Давидом (Л. 10, 114, 171–181, 182–185 об., 207 об.). Рукопись украшена расписными арками. В завещаниях-приписках упоминаются члены семейства переписчика Авгароза (Л. 155). Также в Параклитике находилась приписка сына Авгароза Григола, содержащая важные исторические сведения (Brosset. 1851. Vol. 3. P. 77–78; Жордания. Хроники. 1897. Т. 2. С. 204–205; Джавахишвили. 1949. Ч. 2. С. 52, 53, 59, 115, 307; Памятник эриставов. 1954. С. 317–321; Беридзе. 1967. С. 14–16; Описание груз. рукописей. 2004. Т. 2. С. 175–180).

Пергаменное Четвероевангелие НЦРГ. А 2122 и А 2125 (XIV в.) (28,4×19 см), представлявшее вначале единую рукопись, написано нусхури Георгием Табаури (Л. 76) и украшено миниатюрами (Л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3, 42 об., 43), выполненными Авгарозом Бандас-дзе (Л. 2 об.). В приписках рукописи также упоминаются исторические лица Ксанского ущелья: эристав Виршел (XIV в.) и его мать Мнатоби (Л. 41 об.), тетка Рипсима (Л. 78 об., 117 об.), свящ. Георгий (Л. 118) и др. (Л. 43, 43 об.) (Описание груз. рукописей. 1986. Т. 2. Ч. 2. С. 75–76, 79).

В Л. также был создан важный исторический источник — «Памятник эриставов», переписанный Авгарозом Бандас-дзе в 1348–1400 гг. (ОР СПб ФИВ РАН) (26×20 см). Сохранились 10 срединных листов текста и изображение муж. фигуры во весь рост — предположительно заказчика документа ксанского эристава Виршела (III) (Л. 9 об.) (Brosset. 1851. С. 372–384; Жордания. Хроники. 1897. Т. 2. С. 1–19; Памятник эриставов. 1954. С. 307–372).

Цветная Триодь (НЦРГ. А 25, XV в.) (26,6×20,2 см) переписана нусхури, заголовки исполнены киноварью, выделены заставка и заглавные буквы. Триодь иллюминирована 7 миниатюрами: «Уверение ап. Фомы» (Л. 18 об.), «Жены-мироносицы и св. Иосиф Аримафейский у Гроба Господня» (Л. 37 об.), «Исцеление расслабленного» (Л. 59 об.), «Христос

и самарянка» (Л. 86 об.), «Исцеление слепого» (Л. 120 об.), «Вознесение Господне» (Л. 134 об.) и «I Никейский Собор» (Л. 146). Сюжеты имеют пояснительные приписки. В завещании упоминаются переписчик Барнаба (Варнава) (Л. 18, 120 об.), заказчик рукописи ксанский эристав Шалва (II) (Л. 1, 18,

Исцеление расслабленного.
Миниатюра из Цветной Триодии
из мон-ря Ларгвисис. XV в.
(НЦРГ. А25. Л. 59 об.)

19, 38, 87, 121, 134 об.), др. жители Ксанского ущелья эристав Шанше (Л. 134), эристав Давид (Л. 59 об., 134 об.), диак. Иоанн (XVIII–XIX вв.) (Л. 120) и др. (Л. 37, 59, 59 об., 87, 134, 146, 175) (Описание груз. рукописей. 1973. Т. 1. Ч. 1. С. 86–88; *Квициани*. 1991. С. 47–52).

С Л. также связано несколько печатных Четвероевангелий: в серебряном чеканном окладе, изданное в Москве царевичем Бакаром в 1739 г.; напечатанное в Москве без переплета; в серебряном чеканном окладе, заказанное царевичем Георгием (впосл. царь Картли-Кахети Георгий XII) и изданное в России в 1781 г., с надписью на мхедрули с обратной стороны (*Евфимий Такашвили*. 1915. С. 100, 103).

Утварь Л. известна по описанию прав. Евфимия Такашвили, утрачена. В мон-ре находились ковчег (XVII–XVIII вв.), в к-ром покоились мощи вмч. Феодора Тирона, украшенный 4 драгоценными камнями, а также ларец для мощей с 5 драгоценными камнями (*Евфимий Такашвили*. 1915. С. 104).

Кроме того, в Л. имелись серебряная чаша (очевидно, 70-е гг. XV в.) с надписью на нусхури, в к-рой упоминается эристав Шалва (II); сереб-

ряный потир с надписью на мхедрули (1720); серебряные потир, дискос и копие, пожертвованные эриставом Георгием и его супругой Тамар, с надписью на мхедрули; серебряная лампада с надписью на мхедрули; серебряная чаша, пожертвованная Сосиком Тусишвили, с надписью на мхедрули (все – XIX в.); 2 медные чаши с надписями на мхедрули (XIX в.), в одной упоминается Тамаз Химшиашвили; пожертвованная в Л. серебряная пряжка (1678–1680) с надписью на мхедрули, в к-рой упоминаются сын царя Вахтанга I царевич Леван (Шах Кули-хан) и его почившая супруга Тута, дочь гурийского князя (Там же. 1915. С. 102–104).

С. Меладзе

Ист.: *Vaxusti Bagrationi*. Description géographique de la Géorgie, par le Tsarévitch Wakhoucht / Publ. M. Brosset. St.-Pb., 1842; *он же*. Описание царства Грузинского. Тб., 1941 (на груз. яз.); *он же*. История царства Грузинского. Тб., 1973. (КЛ; Т. 4); *Brosset M.* Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie. St.-Pb., 1851; *idem*. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie. St.-Pb., 1851. Vol. 3. P. 73–88; *Бакрадзе Д.* Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре. СПб., 1878; *Хаканов А.* Гуджары. Кутаиси, 1891 (на груз. яз.); *он же*. Экспедиции на Кавказе 1892, 1893 и 1895 гг. // МАК. 1898. Т. 7. С. 1–68; Древности Грузии / Сост.: Е. Такашвили. Тифлис, 1899. Т. 1; 1910. Т. 3 (на груз. яз.); *Джанашвили М.* Исторические и библиографические письма // Иверия. Тифлис, 1900. № 173. 10 авг. С. 3–4; № 174. 11 авг. С. 4 (на груз. яз.); Описание рукописей Церк. музея Карталино-Кахетинского духовенства / Сост.: Ф. Жордания. Тифлис, 1902. Т. 2; *Евфимий Такашвили, прав.* Археологические экскурсии, разыскания и заметки. Тифлис, 1915. Т. 5. С. 77–104; *Кубанешвили*. Хрестоматия. 1946. Т. 1; Описание груз. рукописей Гос. музея Грузии: Колл. Н / Сост.: Л. Мепаришвили, А. Барамидзе. Тб., 1948. Т. 5 (на груз. яз.); Памятники эриставов / Сост.: Ш. Месхия // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тб., 1954. Т. 30. С. 305–374 (на груз. яз.); То же / Сост.: С. Какабадзе. Тб., 1979; *Шарашидзе К.* Материалы по истории Грузии (XV–XVIII вв.) // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тб., 1954. № 30 (на груз. яз.); Хроника Ксанских эриставов нач. XV в. / Сост.: С. Какабадзе // Письменные памятники Востока: Ежег. 1968. М., 1970. С. 103–126; Описание груз. рукописей Церк. музея: Колл. А. / Сост.: Е. Метревели, Т. Брегадзе, М. Кавтария и др. Тб., 1973. Т. 1. Ч. 1; 1986. Т. 2. Ч. 1 (на груз. яз.); Грузинские док-ты IX–XV вв. в собр. ЛОИВ АН СССР / Пер., коммент.: С. Какабадзе. М., 1982; Описание груз. рукописей: Колл. А. / Сост.: Т. Брегадзе и др., ред.: Е. Метревели. Тб., 2004. Т. 1. Вып. 2 (на груз. яз.); Грузинские ист. документы. Тб., 2014. Т. 3 / Сост.: Т. Енукидзе, Д. Клдидашвили, М. Сургуладзе (на груз. яз.). Лит.: *Джанашвили М.* Известия груз. летописей и историков о Сев. Кавказе и России // СМОМПК. 1897. Вып. 22. С. 1–206; *Иоселиани П.* Жизнь Георгия Тринадцатого. Тб., 1936 (на груз. яз.); *Джавახишвили И.* Цель истории, источники и методы, раньше и теперь. Тб., 1949. Т. 3. Ч. 1: Грузинская письменность, наука и палеография (на груз. яз.); *Закарая П.* Архитектурный ансамбль Ларгвисис // Моамбе (Вестник) / Гос. музей Грузии. Тб., 1956. Вып. 19В. С. 47–83 (на груз. яз.); *он же*. Древние города и крепости Грузии. Тб., 1973. С. 111–115 (на груз. яз.); *он же*. Центрально-купольная архитектура Грузии. Тб., 1981. Т. 3: XIII–XVIII вв. С. 271–281 (на груз. яз.); *он же*. История груз. крепостей с ранних эпох по XVIII в. Тб., 2002. С. 292–300 (на груз. яз.); *Мачавариани Е. К.* вопросу о датировке одного груз. Четвероглава // Палеографические разыскания. Тб., 1965. Вып. 1. С. 95–108 (на груз. яз.); *она же*. Художественные особенности письма мхедрули по груз. рукописи (XI–XII) // Мравалтави (Многоглав). Тб., 1973. Вып. 2/3. С. 66–73 (на груз. яз.); *она же*. К вопросу о распределении труда между переписчиком и художником во время создания худож. композиции рукописной книги // Там же. 1975. Вып. 4. С. 15–34 (на груз. яз.); *Беридзе В.* Мастера древнегруз. искусства. Тб., 1967 (на груз. яз.); *он же*. Грузинская церк. архитектура XVI–XVIII вв. Тб., 1994. С. 101–107 (на груз. яз.); *Макалатия С.* Ксанское ущелье. Тб., 1968. С. 78–89 (на груз. яз.); *Мелисашвили Р., Цинцадзе В.* Архитектура нагорной части ист. провинции Грузии – Шида Картли. Тб., 1975. С. 140–146; *Мачарадзе В.* Материалы по истории русско-груз. отношений 2-й пол. XVIII в. Тб., 1988. Ч. 3. Вып. 1; *Гвасалия Д.* Историческая география Вост. Грузии. Тб., 1991; *Квициани Н.* Ларгвисская Триодь // Литература и искусство. Тб., 1991. Вып. 6. С. 108–141 (на груз. яз.); *Гутнов Ф.* Ксанские и арагинские эриставы // Дарьял. Владикавказ, 2001. № 3; *Гунашвили В.* Политическая история Ксанского эриставства. Тб., 2005 (на груз. яз.); Шида Картли / Сост.: Ц. Дадиянидзе. Тб., 2008. Т. 4. С. 104–111 (на груз. яз.); *Бочоридзе Г.* Церкви, мон-ри и древности Картли. Тб., 2011 (на груз. яз.).

ЛАРИСА (Вариса), мц. (пам. 26 марта) – см. ст. *Готские мученики*.

ЛАРИССКАЯ И ТИРНАВСКАЯ МИТРОПОЛИЯ

Ἱερά Μητρόπολις Λαρίσης καὶ Τυρνάβου), епархия Элладской Православной Церкви, кафедра находится в г. Лариса (визант. Ларисса), кафедральный собор освящен во имя свт. Ахиллия Ларисского (1794). Ларисса являлась крупнейшим городом исторической обл. Фессалия. Когда во время адм. реформы имп. Диоклетиана на рубеже III и IV вв. из состава рим. пров. Македония была выделена пров. Фессалия, Ларисса стала гражданской, а впоследствии и церковной митрополией, Ларисскому архиерею были подчинены все епископы Фессалии. Первым епископом Ларисским был свт. *Ахиллий*, участвовавший во *Вселенском I Соборе* в Никее (325). Он

проповедовал Христа среди язычников и, согласно Житию, 35 лет занимал Ларисскую кафедру (т. е. с 295). На акрополе Лариссы над могилой свт. Ахиллия была построена в VI в. 3-нефная базилика. Под ее полом были обнаружены раннехрист. сводчатые склепы с фресками. В нартексе сохранились фрагменты мозаичного пола. Военно-политическое значение города возросло после того, как имп. Юстиниан I обнес его стенами. Фессалия являлась частью диоцеза Иллирик, который находился под церковной юрисдикцией Рима. Ок. 732/3 г. она вошла в состав К-польского Патриархата. В средневизант. период Ларисса нек-рое время являлась главным городом фемы Эллада.

В 901 (918?) г. гарнизоном Лариссы командовал мч. *Николай Новый Вуненский*. Он вместе с отрядом был вынужден покинуть город, к-рый был захвачен арабами (или болгарами царя Симеона). Впосл. Николай подвизался в горах близ совр. Тирнавоса и в ущелье Вунени близ Кардицы. Мч. Николай является одним из наиболее чтимых святых в Фессалии. В 986 г. болг. царь Самуил захватил город и увез на Преспу мощи свт. Ахиллия Ларисского.

На акрополе к востоку от базилики свт. Ахиллия археологи обнаружили фундаменты церкви XI–XII вв., построенной на месте раннехрист. здания. Сначала это был однонефный храм, а затем его увеличили за счет пристроенной галереи.

После 4-го крестового похода кор. Фессалоники Бонифаций Монферратский передал Лариссу ломбардцам, в городе был поставлен лат. архиепископ. С XIII в. сохранились остатки здания лат. церкви (Франкекклия). Вскоре Ларисса была присоединена к Эпирскому деспотату, и в 1212/13 г. греч. митр. Лефкады из рода Калоспитов был возведен на Ларисскую кафедру. При имп. Андронике II Палеологе Ларисская митрополия в списке митрополий переместилась с 34-го места на 41-е, ей подчинялось 25 епископий (*Darrouzès. Notitia. P. 396. N 17*).

Еще до 1318 г. Ларисса перестала быть резиденцией митрополита, к-рая находилась то в Трикке (ныне Трикала), то в др. местах Фессалии. В 1318 г. свт. *Киприан* Ларисский получил разрешение у К-польского

патриарха временно поселиться во вдовствующей Харменской епископии, а затем переместился в Трикку. Местопребывание Ларисских митрополитов вне Лариссы продолжалось в течение неск. столетий. В сер. XIV в. Фессалия вошла в состав Сербского царства. В 1393 г. Ларисса была захвачена турками и окончательно завоевана ими в 1423 г.

О достоинствах архиереев, занимавших Ларисскую кафедру в XIV–

Базилика
свт. Ахиллия Ларисского
в Лариссе. VI в.

XVI вв., можно судить по прозвищам, данным им папской: свт. Киприана именовали Чудотворцем, церковного писателя Антония — Новым Богословом и Исповедником, Дионисия — Милостивым, Марка — Молчальником и т. д. (*Григориулоу. 1966. S. 132*). Неустанную деятель-

Ковчег с частицей мощей
свт. Ахиллия Ларисского
в соборе свт. Ахиллия
в Лариссе

ность на благо поработенного народа вел свт. *Виссарион* (1520–1541). Он выкупал пленных, строил мосты и дороги, организовывал общины греков, нашедших убежище в горах. Ларисские митрополиты покровительствовали созданию мон-рей в Фессалии. В нач. XVI в. митр. Дионисий вместе с иером. Никанором Анапавсом отстроил мон-рь свт. Николая Чудотворца (*Анапавса*). Свт. Виссарион основал в 1515–1522 гг.

(или в 1527) мон-рь *Дусику* и помогал *Метеорским монастырям*. Его дело продолжил его племянник Ларисский митр. Неофит. Организатором антитур. восстаний 1600–1601 и 1611 гг. был Ларисский митр. *Дионисий Скилософ*.

Во время османского владычества число подчиненных Ларисскому митрополиту епископий сократилось. Согласно Синтагматию Иерусалимского патриарха Хрисанфа (1715), их осталось 8 (Димитриадская, Стагийская, Лицкая и Аграфская, Скиафская и Скопелская, Гардикийская, Радовис-

дийская, Лидорикская, Фавмакская и Зитунийская), а в 1881 г., когда Фессалия была освобождена от тур. ига, — 5 (Фавмакская, Триккская, Стагийская, Гардикийская, Платамонская епископии (до 1881 подчинялась Фессалоникийскому митрополиту)). В 1896 г. Ларисская митрополия стала епископией, часть Фарсалской епархии была подчинена Ларисскому епископу, а часть Алмирской епархии — Димитриадскому. В 1899 (1900) г. Платамонская епископия была присоединена к Ларисской. Еп. Арсений (Афентулис) вел активную поли-

тическую деятельность, направленную против Э. Венизелоса, поэтому в 1917 г. он был вынужден покинуть кафедру и

провел неск. лет в ссылке. В 1922 г. епископии Элладской Православной Церкви были возведены в ранг митрополий, в 1923 г. владыка Арсений вернулся на свою кафедру.

Митрополиты Димитрий (1956–1959) и Иаков (1960–1968) рукоположили большое число иереев, чтобы обеспечить приходы священниками. В 1965 г. был освящен новый кафедральный собор свт. Ахиллия. В 1977 г. митрополия получи-

ла совр. название. При митр. Серафиме в Ларису были возвращены мощи свт. Ахиллия и в митрополии велось активное храмоостроительство.

В 2014 г. в Л. и Т. м. действовали 118 приходских храмов, 43 пареклисиона, 145 экзоклисионов, 32 кладбищенские церкви, 3 муж. монастыря (Комнинион, или Успения Пресв. Богородицы, и вмч. Димитрия Солунского, новомучеников Лесбосских Рафаила, Николая и Ирины близ Пирьетоса, прп. Никодима Святогорца близ Пирьетоса) и 3 жен. мон-ря (Преображения Господня близ Рапсани, Пресв. Богородицы Гликофилусы близ Рапсани, Благовещения Пресв. Богородицы и св. Ириней близ Пирьетоса).

В епархии созданы благотворительные орг-ции «Сбор пожертвованных братолюбия и взаимопомощи» и «Хлеб насущный» (столовые для бедных), приют для девочек, дом престарелых «Панагия Армениотисса», донорский центр, школа визант. музыки «Святой Ахиллий», центр поддержки семьи, катехизаторские школы, церковный радиоканал, б-ка в митрополичьей резиденции. В годы экономического кризиса был открыт пункт раздачи продуктов и одежды нуждающимся и пункт оказания бесплатной медицинской помощи.

Епископы Ларисские: свт. Ахиллий (295 — ок. 330); Александр (упом. в 343).

Митрополиты Ларисские: Василий (упом. в 431); Вигилиний (до 449 — после 458); Прокл (?—531); Стефан (531); Ахиллий (535—?); Иоанн (упом. в 592 и 597); Константин (упом. в 865); Евфимий (упом. в 870); Василий (упом. в 879); Иоанн (?—886; впол. митрополит Синадский); Иаков (кон. IX или нач. X в.); Филипп (при К-польском патриархе Николае I Мистике — 901—907 и 912—925); Стилиан (упом. в 997); Стефан (нач. XI в.); Лев (упом. в 1032); Василий (упом. в 1084 и 1092); Георгий (упом. в 1107); Георгий (не позднее 1144 — после 1157); Иоанн (упом. в 1166); Василий (2-я пол. XII в.); Калоспит (1212/13 — после 1222; ранее митрополит Левкадский); Фома (упом. в 1264); Никандр (упом. в 1280 и 1285); свт. Киприан (1318—1332/33); Антоний (1333 — после 1363); Нил (упом. в 1367 и 1372/73); Иоасаф (1387—1401); Симеон (упом. в 1393/94); Галактион (XV в.); Неофит (упом. в 1486); Феодосий (упом. ок. 1490); Виссарий (ок. 1490—1499; ранее епископ Димитриадский); Дионисий (?—1510); свт. Марк (1510—1520; ранее епископ Трикский); свт. Висса-

рион (1520—1541; ранее епископ Стагийский); Неофит (1541—1565; племянник предыдущего); Феофан (упом. в 1569); Иеремиа Транос (ок. 1568 или 1570—1572; впол. патриарх К-польский Иеремиа II); Даниил (1573—1575 или 1581); Димитрий (1575—1578); Иоасаф (1581 — кон. 1592 — нач. 1593); Неофит (упом. в 1584?); Пахомий (?); Дионисий Скилосиф (кон. 1592 — нач. 1593—1601); Феона (1601—1603); Леонтий (1604—1609); Тимофей (1609—1616); Григорий (ранее 1619—1645/46); Паисий (1645/46—1652; ранее митрополит Эфесский, впол. патриарх К-польский); Дионисий Вардалис (1652—1662; впол. патриарх К-польский Дионисий III); Дионисий Серогланис (1662—1671; впол. патриарх К-польский Дионисий IV); Иаков (1672 или 1674—1679; впол. патриарх К-польский); Анфим (1679); Макарий (1680—1687/88); Парфений (1687/88—1713?); Дионисий (1688—1700); Мелетий (1702 или 1721); Парфений (упом. в 1707); Гавриил (1721 или 1722—1732); Иаков (1732—1749); Мелетий (1750—1768; впол. патриарх К-польский); Макарий (1768); Мелетий (ранее 1788 или 1792); Дионисий Каллиархис (1792—1803; впол. митрополит Эфесский); Рафаил (1803—1804); Порфирий (1808?); Гавриил Кангас (1806—1811); Поликарп Бификукис (1811—1818); Кирилл Вогасарис (1819—1820); Поликарп (1820—1821); Феодосий (1821); Мелетий (1832—1835); Анфим (1835—1837); Анания (1837—1853); Стефан (1860—1870); Иоаким (Крусулидис; 1870—1875; впол. патриарх К-польский Иоаким IV); Неофит (Петридис; 1875—1896).

Епископы Ларисские и Платамонские: Амвросий (Кассарас; 1899—1910; ранее епископ Платамонский); Арсений (Афендулис; 1914—1917).

Митрополиты Ларисские и Платамонские: Арсений (Афендулис; 1923—1934); Дорофей (Коттарас; 1935—1956; впол. архиеп. Афинский Дорофей III); Димитрий (Феодосис; 1956—1959); Иаков (Схизас; 1960—1968); Феолог (Пасхалидис; 1968—1974); Серафим (Орфанос; 1974—1977).

Митрополиты Ларисские и Тирнавские: Серафим (Орфанос; 1977—1989); Димитрий (Бекьярис; 1989—1991; впол. митрополит Гумениский, Аксиупольский и Поликастрский); Дамаский (Папахристу; митрополит Фтистидский, местоблюститель в 1991—1994); Игнатий (Лаппас; с 1994 по наст. время).

Лит.: Γρηγόριος Τ. Ἁ. Λαρίσης καὶ Πλαταμόνος, Μιτροπολίς // ΟΗΕ. 1966. Т. 8. С. 124—132; Koder J., Hild F. Hellas und Thessalia. Wien, 1976. S. 198—199. (ТИБ; 1); Darrouzès. Notitiae. P. 216, 265, 268, 272, 284, 291, 304, 326, 343, 349, 363, 375, 381, 388, 396, 407, 413, 417, 419, 421. N 2, 5—21; Fedalto. Hierarchia. P. 458—460; Kfahdan] A. Larissa // ODB.

Vol. 2. P. 1180; Δίπτυχα. 2014. Σ. 625—633; www.imlarris.gr [офици. сайт Л. Т. М.].

О. В. Л.

ЛА́РЫ [лат. lares], в рим. мифологии и религии защитные божества коллективов и их земель. Рим. авторы в описании соединяли Л. с др. защитными божествами — Пена-тами, в результате чего Л. нередко ошибочно воспринимались лишь как домашние боги, хотя существовало неск. видов Л. и функции многих из них были шире. Согласно археологическим данным и лит. традиции, поклонение Л. занимало одну из центральных позиций в рим. религии. Точное время начала распространения культа Л. неизвестно. У этрусков были похожие культы: возможно, сам термин имеет этрусское происхождение. По др. данным, культ Л. был частью культа мертвых. Культ Л. сохранялся до V в. по Р. Х., несмотря на распространение христианства и на запрет нехрист. практик. Число видов Л. неизвестно, поскольку их функции пересекались и нередко были изменения наименований. Собственно, домашние Л. (lares familiares; возможно, идентичны lares domestici, lares privati и lares patrii) считались покровителями и защитниками семей, домашнего очага. Они были связаны с деревьями и рощами в усадьбе. Римляне верили, что Л. следят за соблюдением традиц. норм во взаимоотношениях членов семьи (глава фамилии — pater familias, был верховным жрецом культа Л.) и наказывают нарушителей. Рабы искали защиты от жестоких хозяев у алтарей Л. и активно участвовали в их культе. Л. поклонялись на протяжении всей жизни, они были божественными свидетелями рождения, детства, взросления (обряд инициации), брака и смерти. Во время обряда инициации, когда по достижении 15 лет подросток принимал белоснежное одеяние, символизирующее его переход во взрослую жизнь (toga virilis), он посвящал Л. свой детский защитный амулет (bulla). Когда невеста впервые входила в дом своего буд. мужа, она должна была пожертвовать Л. монеты (как домашним, так и компитальным Л.). Во время заключения брака римляне подносили Л. ладан и венки из цветов. После смерти члена семьи родственники в конце траура приносили жертву Л. Самым

распространенным подношением Л. была гирлянда из цветов. Для поклонения Л. в домах устанавливали специальные алтари — ларарии (lararium). Вид алтаря зависел от богатства и статуса семьи. В большинстве домов он представлял собой нишу в стене, куда помещалась небольшая статуэтка Л. Богатые семьи устанавливали мраморный алтарь на подиуме, напоминающий храм в миниатюре. Л. почитались на всех семейных праздниках; во время еды статуэтку Л. ставили в центр стола. Л. призывали для защиты в молитвах и ритуалах в течение всего года, особенно в ключевые дни месяца: в 1-й день (Календы, Kalendae или Calendae), в середине (Иды, Idus), а также в 9-й день до Ид (ноны, Nonae). Л. считали защитниками в путешествиях по рим. дорогам (lares viales), в плавании по морю (lares permarini), а также на войне (lares militares).

Важным местом поклонения Л. помимо рим. домов были перекрестки, где проходили границы сельскохозяйственных угодий или домашних хозяйств. Здесь сооружали святилища в честь компитальных, соседских, Л. (lares compitales или lares compitalicii), которых считали покровителями земель, их плодородия и добрососедских отношений. Главы семей помещали на святилища различные куклы (символ свободных членов семьи) и шерстяные шары (символ рабов). В честь компитальных Л. в дек., в период зимнего солнцестояния, проводили крупные празднования, компиталии. Точная дата празднования определялась ежегодно. Праздники сопровождались соревнованиями, общей трапезой и плясками. В компиталиях принимали участие как свободные люди, так и рабы. Культ компитальных Л. обслуживался коллегиями плебеев и рабов. Император Август (31 г. до Р. Х. — 14 г. по Р. Х.) в 12 г. до Р. Х. провел реформу культа Л. С этого времени в каждом квартале Рима существовали коллегии плебеев, рабов и вольноотпущенников (в домах и домашних хозяйствах культ осуществлялся прежним способом до времени полного господства христианства). Поскольку император Август соединил этот культ с культом своего гения, появилось новое наименование Л. (lares Augusti). Семейных и компитальных Л. было принято изображать юношами (обычно

парой) в собачьих шкурах с собачьей, т. е. подчеркивая их защитные функции. Особенно многочисленны такие изображения на стенах древних Помпей, а также небольшие бронзовые статуэтки Л. Рим. гражданская община в целом тоже имела своих Л. В качестве Л. всего Римского государства выступали легендарные основатели Ромул и Рем. В этом случае верховным жрецом культа был Великий понтифик (Pontifex Maximus).

Лит.: Latte K. Römische Religionsgeschichte. Münch., 1960; Dumézil G. La religion romaine archaïque. P., 1966; Johnston S. I. Religions of the Ancient World: a Guide. Camb., 2004; Littleton S. Gods, Goddesses, and Mythology. Tarrytown (N. Y.), 2005. Vol. 6; Seemann O. Mythologie der Griechen und Römer. Paderborn, 2012.

А. А. Захарова

ЛАС КАСАС [испан. Las Casas] Бартоломе де (1484 (по др. данным, 1474), Севилья — 31.07 (по др. данным, 17 или 18.07). 1566, Мадрид), монах ордена *доминиканцев*, испан.

Бартоломе де Лас Касас.

Худож. К. Брумиди.

Рисована в Капитолия (США).

Ок. 1876 г.

гуманист, общественный деятель. Происходил из знатного севильского рода; его отец, Педро де Лас Касас, занимался торговлей и был участником 2-го путешествия Христофора Колумба в Америку (1493). Л. К. окончил Саламанкский университет. В 1502 г. как помощник миссионера прибыл на о-в Эспаньола (ныне Гаити), где унаследовал от отца энкомьенду (земельное владение с местным зависимым населением). В 1506 г. вернулся в Европу; в 1507 г. в Риме был рукоположен во пресвитера. Вскоре вновь уехал на о-в Эспаньола и стал

1-м священником, который служил свою 1-ю мессу в Нов. Свете (в 1510). В кон. 1511 г. сильное впечатление на Л. К. произвела проповедь монаха-доминиканца Антонио де Монте-синоса, резко осуждавшего жестокое обращение испанцев с индейцами. В 1512 г. Л. К. отправился капелланом с отрядом испан. конкистадора Диего Веласкеса на Кубу, там получил еще одну энкомьенду, но вскоре, потрясенный зверствами конкистадоров, пережил духовный кризис, отказался от владения и примкнул к доминиканцам, выступившим в защиту прав индейцев. Сначала, не ставя под сомнение право Испании на завоевание Нов. Света на основании папского дара, Л. К. пытался найти способы облегчить участь индейцев путем изменения методов колонизации. В 1515 г. он вернулся в Испанию, чтобы привлечь внимание правительства к жестокостям и злоупотреблениям, допущенным испанцами в ходе завоевания (конкисты), и добился поддержки сначала у регента кард. Франсиско Хименеса де Сиснероса, а затем и у молодого испан. кор. Карла I (буд. император Карл V), заинтересованных в установлении жесткого контроля над конкистадорами. Уже в 1-м подготовленном по этому вопросу сочинении (мемориале) «Четырнадцать предложений» (1516) Л. К. требовал прекращения войны, отмены системы энкомьенд, возвращения свободы индейцам и совместной мирной колонизации земель испан. крестьянами и индейцами, организованными в общины. Король пожаловал Л. К. почетное, но не предполагавшее конкретных полномочий звание «защитник индейцев» (protector de indios); позже его называли «апостолом индейцев». Попытка неопытного в адм. делах Л. К. провести в Кумане (Венесуэла) «мирную колонизацию», организовав поселения свободных индейцев, занимавшихся земледелием, закончилась провалом: индейцы сожгли поселение, перебив большую часть спутников Л. К. Возможно, эта неудача повлияла на его решение стать монахом: в 1522 г. он вступил в орден доминиканцев. На несколько лет он отошел от общественных дел и, живя в мон-ре, в 1527 г. начал работу над монументальной историей открытия и завоевания Индии; писал ее с перерывами в течение 35 лет.

С сер. 30-х гг. XVI в. Л. К. вновь пытался осуществить проект «мирной

Титульный лист
кн.: Las Casas B., de.
*Brevisima relación de la destrucción
de las Indias. Sevilla, 1552*

колонизации» в Вера-Пас в Гватемале и достиг на еще не освоенной испанцами территории значительных успехов. После очередной неудачи в 1540 г. вновь уехал в Испанию. В этот период Л. К. установил прочные связи с испан. гуманистами, в т. ч. с последователями Эразма Роттердамского. Взгляды Л. К. к этому времени стали более радикальными: в 1542 г. он составил мемориал «Шестнадцать предложений по реформированию Индий» (*Los dieciséis remedios para la reformatión de las Indias*), в к-ром исходил из естественного права людей и народов и резко критиковал имперскую политику, отрицая универсальность земной власти монарха и папы. В дек. 1542 г. он закончил работу над соч. «Кратчайшее сообщение о разрушении Индий» (*Brevisima relación de la destrucción de las Indias*; 1-е изд. — 1552). В нем Л. К. конспективно изложил историю конкисты, для большей убедительности прибегая к публицистическим приемам. Противопоставляя 2 антагонистических мира, испанцев и индейцев, автор подчеркивал, что все, что совершили испанцы в Нов. Свете, не имеет ничего общего с провозглашенной ими целью христианизации и является преступлением против «естественного, божественного и человеческого законов». Напротив, именно индейцы, по Л. К., отличаются «природным христианством», они по-евангельски чисты, богобоязненны и выступают эталоном подлинной человечности. Соответственно конкиста у Л. К. предстает не подвигом во имя веры, а страшным побоищем, в к-ром индейцы уподоблялись преследуемому христианину, а конкистадоры — римлянам-язычникам. Художественно-историографический синкретизм «Кратчайшего сообщения...», предполагавший стилистические преувеличения, во многом способствовал пропагандистской эффективности и популярности этого сочинения; оно оказало большое влияние на участников комиссий правоведов и теологов, созданных имп. Карлом V в Вальядолиде и Барселоне в 1542 г. По предложению комиссий император в том же году обнародовал «Новые законы» (*Leyes Nuevas*), запрещавшие обращение индейцев в рабство и ограничивавшие практику энкомьенд. С этой победой сторонников Л. К. было связано возведение его

на епископскую кафедру обл. Чьяпас (ныне диоцез Сан-Кристовальде-Лас-Касас) в Мексике, куда он прибыл в 1545 г. Л. К. пытался заставить испанцев выполнять «Новые законы» и продолжить эксперимент по «мирной колонизации» Нов. Света, но, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением, в 1547 г. в очередной раз вернулся в Испанию; по нек-рым данным, в 1550 г. он отказался от кафедры.

В борьбе за права индейцев его главным противником стал богослов и знаток античности Хуан Хинес де Сепульведа. Он исходил из идеи неполноценности индейцев и опирался в своих размышлениях на нек-рые идеи Аристотеля. В ходе публичных дискуссий с Сепульведой (Вальядолид, 1550–1551) Л. К. одержал убедительную победу, причем в поисках аргументов он пришел к пониманию исторической обусловленности этики и религии. Отвечая на предъявленные индейцам обвинения в антропофагии и человеческих жертвоприношениях, Л. К. находил примеры этих явлений и у европ. народов; он показал их культовый смысл и с религ. позиций открыл новую перспективу осмысления единства и стадильности человеческой культуры. Мн. положения, высказанные на диспуте, Л. К. более подробно разработал в «Апологетической истории Индий» (*Apologética historia de las Indias*). Главным трудом жизни Л. К. стала «История Индий» (*Historia de las Indias*) в 3 книгах, написанная в полемике с апологетами конкисты и прежде всего

с главным ее хронистом Г. Фернандесом де Овьедо-и-Вальдесом. Фундаментальный исторический труд Л. К. охватывал события от открытия Нов. Света до 1520 г.; автор собирался продолжить повествование, но не осуществил свой замысел. «История Индий» содержит ценнейшие сведения о материальной культуре, быте и нравах коренного населения ряда стран Центр. и Юж. Америки, кроме того, это важнейший источник сведений по истории открытия Америки Колумбом (дневник 1-го путешествия Колумба сохр. только в пересказе Л. К.). Колумб изображен в «Истории Индий» божественным избранником, и его роль всячески идеализируется. По мнению Л. К., Америка — это дар Бога человечеству, прообраз буд. идеального христианства. Конкиста же предстает в «Истории Индий» как история уничтожения испанцами «земного рая» и преступлений против законов Всевышнего. Л. К. полагал, что индейцы имеют полное право восстать против испанцев, поскольку их вожди никогда не являлись вассалами испан. короны.

Последние годы Л. К. провел в вальядолидском мон-ре Сан-Грегорио, к-рому завещал все свои рукописи. В конце жизни мыслитель отказался от мн. заблуждений молодости, когда, напр., стремясь освободить индейцев от угнетения, он допускал рабство негров; уже в 3-й книге «Истории Индий» он распространил на африкан. невольников действие «естественного закона». В завещании (1564) Л. К. предрекал гибель Испании в наказание за совершённые ею преступления. Возможно, его настроение было связано с ересью «тысячелетнего христианства Америки» вальядолидского доминиканца Франсиско де Санта-Круса: проповедник предрекал гибель погрязшего в грехах христианства Ст. Света и его возрождение в Америке. Незадолго до смерти Л. К. вручил испан. кор. Филиппу II трактаты «О богатствах Перу» (*Los tesoros del Perú*) и «Двадцать сомнений» (*Doce dudas*), в которых подчеркивал необходимость восстановления независимости индейцев и возвращения им земель и богатств.

Общественная деятельность и творчество Л. К. оказали заметное воздействие на современников и потомков. Несмотря на то что почти все основные произведения Л. К. были

опубликованы лишь в кон. XIX — нач. XX в., в рукописях они были известны мн. его современникам, особенно в среде гуманистически настроенного монашества Испании и Испанской Америки. Л. К. наиболее полно и ярко выразил настроения религиозно-гуманистических кругов в вопросе о судьбах индейцев. Творчество Л. К. имело резонанс во мн. странах Зап. Европы (прежде всего в Нидерландах, восставших против Испании), где критика жестокости испан. конкистадоров в Нов. Свете широко использовалась политическими противниками Испании и стала одной из составляющих «Черной легенды».

Соч.: *Obras completas*. Madrid, 1988–1998. 14 vol.; История Индий. Л., 1968; Голос Лас-Касаса / Пер.: Е. А. Мельнева // Лат. Америка. М., 1975. № 1. С. 134–152 [перевод отрывков «Кратчайшего сообщения о разрушении Индий»].
Лит.: *Giménez Fernández M.* Bartolomé de las Casas. Sevilla, 1953–1960. 2 vol.; *Hanke L., Giménez Fernández M.* Bartolomé de las Casas, 1474–1566: Bibliografía crítica y cuerpo de materiales. Santiago de Chile, 1954; *Menéndez Pidal R.* El padre Las Casas, su doble personalidad. Madrid, 1963; Бартоломе де Лас Касас: К истории завоевания Америки / Отв. ред.: И. П. Григулевич. М., 1966; *Bataillon M.* Études sur Bartolomé de las Casas. P., [1966]; *Losada A.* Fray Bartolomé de las Casas a la luz de la moderna crítica histórica. Madrid, 1970; *Friede J.* Bartolomé de las Casas (1474–1566): Inicios de las luchas contra la opresión en América: Biografía conmemorativa del V centenario del natalicio del gran protector de indios. Bogotá, 1974; *Queralto Moreno R. J.* El pensamiento filosófico-político de Bartolomé de las Casas. Sevilla, 1976; *André-Vincent Ph. I.* Bartolomé de las Casas, prophète du Nouveau Monde. P., 1980; *Pérez Fernández I.* Inventario documentado de los escritos de fray Bartolomé de las Casas / Revisado por H. Rand Parish. Bayamón (Puerto Rico), 1981; *idem.* Cronología documentada de los viajes, estancias y actuaciones de fray Bartolomé de las Casas. Bayamón (Puerto Rico), 1984; *Земсков В. Б.* Творчество Бартоломе де Лас Касаса // История лит-р Лат. Америки. М., 1985. Т. 1. С. 174–196; *Мень А., свящ.* «Отцы» Лат. Америки // Три каравеллы на горизонте. М., 1991. С. 116–129; *Rand Parish H., Weidman H. E.* Las Casas en México: Historia y obra desconocidas. México, 1992; *Gutiérrez G.* En busca de los pobres de Jesucristo: El pensamiento de Bartolomé de las Casas. Salamanca, 1993; *Beuchot M.* Bartolomé de las Casas: (1484–1566). Madrid, 1995; *Frades E.* El uso de la Biblia en los escritos de fray Bartolomé de las Casas. Caracas, 1997; *Andión Herrero M. A.* Los indigenismos en la «Historia de las Indias» de Bartolomé de las Casas. Madrid, 2004; *Vickers P. S.* Bartolomé de las Casas: Great Prophet of the Americas. N. Y., 2006; *Castro D.* Another Face of Empire: Bartolomé de las Casas, Indigenous Rights and Ecclesiastical Imperialism. Durham; L., 2007; *Iglesias Ortega L.* Bartolomé de las Casas: Cuarenta y cuatro años infinitos. Sevilla, 2007; *Lavallé B.* Bartolomé de las Casas: Entre l'épée et la croix. P., 2007; *Álvarez-Cienfuegos Fidalgo J.* La cuestión del indio: Barto-

lomé de las Casas frente a Ginés de Sepúlveda: La polémica de Valladolid de 1550. México etc., 2010; *Zorrilla V.* El estado de naturaleza en Bartolomé de las Casas. Pamplona, 2010; *Cárdenas Bunsen J. A.* Escritura y derecho canónico en la obra de fray Bartolomé de las Casas. Madrid; Fr./M., 2011; *Valdivia Giménez R.* Llamado a la misión pacífica: La dimensión religiosa de la libertad en Bartolomé de las Casas. Madrid; Sevilla, 2011; *idem.* Bartolomé de las Casas. Madrid, 2012; *Clayton L. A.* Bartolomé de las Casas: A Biography. Camb. (N. Y.), 2012; *Beuchot M.* Filosofía y política en Bartolomé de las Casas. Salamanca, 2013; *Spuch R.* Bartolomé de las Casas: A la búsqueda de su verdadero rostro. Madrid, 2014; *Hernández B.* Bartolomé de las Casas. [Barcelona], 2015.

В. А. Ведюшкин

ЛА-САЛЕТТ [франц. La Salette; полное название — Ла-Салетт-Фаллаво; франц. La Salette-Fallavaux], селение на юго-востоке Франции (деп. Изер), центр паломничества, почитается в католич. Церкви как место явления Богоматери. 19 сент. 1846 г., в субботу, ок. 15 ч. на расстоянии чуть менее 5 км от Л., в горной местности на высоте ок. 1800 м, не-

Церковь Пресв. Девы Марии в Ла-Салетт. 1865 г.

Рима указания от префекта рим. Конгрегации обрядов кард. Л. Ламбускини, 19 сент. 1851 г., в 5-ю годовщину явления

грамотные 14-летняя Мелани Кальва (1831–1904) и 11-летний Максим Жиро (1835–1875), помогавшие родственникам с выпасом скота, узрели Пресв. Деву Марию, Которая сидела на камне у русла высохшего ручья и, прикрывая ладонями лицо, плакала. Когда дети оправились от испуга, Пресв. Дева заговорила с ними, рассказав, сколько страданий доставляет Ей отступничество людей от Бога. Она объяснила, что мн. людские бедствия являются следствием безверия, и предсказала грядущие беды, к-рые могут постигнуть мир, если люди не откажутся от жизни во грехе. Ее слова об искреннем покаении и о возвращении к исполнению христ. заповедей дети должны были передать всем людям мира. Кроме того, каждый из подростков получил особый «секрет». Девочке было разрешено раскрыть свой «секрет» после 1858 г. Вечером того же

дня дети рассказали о случившемся родственникам и на следующий день, в воскресенье, — священнику. Место явления Пресв. Девы Марии быстро стало объектом массового паломничества католиков.

Признание. В связи с большим общественно-церковным резонансом, к-рый получил рассказ детей о явлении им Пресв. Девы Марии, Филибер де Брюйар, еп. Гренобля (1826–1852), назначил специальную комиссию из 16 священнослужителей-экспертов для проведения расследования; комиссия пришла к выводу о подлинности явления. Несмотря на это, Лионский архиеп. кард. Луи Жак Морис де Бональд (1839–1870), которому подчинялся епископ Гренобля, отнесся скептически к изучаемому событию. В нач. июля 1851 г. по совету еп. Ф. де Брюйара Жиро и Кальва письменно изложили содержание доверенных им «секретов». 18 июля эти рукописи в конверте, скрепленном печатью епископа с подписями свидетелей, были доставлены папе Римскому Пию IX. Получив из

Пресв. Девы Марии, еп. Ф. де Брюйар подписал декрет, подтверждавший подлинность события. В нояб. того же года декрет был обнародован: почитание явления Богоматери в Л. и совершение туда паломничества получили офиц. разрешение.

25 мая 1852 г. на территории возле места явления Пресв. Девы Марии было начато строительство храма (закончено в 1865; в 1879 храм получил статус базилики). 1 мая 1852 г. еп. Ф. де Брюйар основал конгрегацию миссионеров Пресв. Девы Марии из Л. Первыми членами конгрегации стали несколько местных диоцезальных священников, принесших обеты 2 февр. 1858 г. Конгрегация, изначально существовавшая как орг-ция диоцезального права, 27 мая 1879 г. по решению папы Римского Льва XIII была подчинена непосредственно Папскому престолу (окончательно утверждена

14 мая 1890; в наст. время насчитывает ок. 1 тыс. чел., действует более чем в 20 странах — An. Pont. 2013. P. 1438).

Согласно папскому декрету от 3 сент. 1852 г., паломникам в Л. ежегодно предоставляется полная индульгенция. В том же году бреве папы Римского Пия IX на территории еп-ства Гренобль было дозволено отмечать 19 сент. или в ближайшее за этим числом воскресенье годовщину явления Пресв. Девы Марии со служением торжественной мессы и с пением вечерни в Ее честь.

Послания Пресвятой Девы Марии. В адресованном к самым широким слоям простого народа послании Пресв. Богородицы, переданном через узревших Ее детей, предсказывались грядущие несчастья и беды, к-рые станут наказанием за такие грехи, как работа в воскресный день, богохульство, пьянство. Что стало с «секретами», переданными по отдельности детям и отправленными для ознакомления папе Римскому, до недавнего времени оставалось неизвестно. О содержании «секрета» Жиро существовало лишь косвенное упоминание: так, в 1868 г. Парижский архиеп. Жорж Дарбуа опрашивал его и скептически отнеся к показаниям юноши, в т. ч. и к словам, что архиепископа ждет расстрел. Однако 24 мая 1871 г. архиеп. Ж. Дарбуа был расстрелян по приказу Парижской коммуны.

Кальва, как и было ей поручено, после 1858 г. постаралась сделать содержание своего «секрета» общеизвестным. К этому времени она покинула Францию и с 1855 г. находилась в кармелитском мон-ре в Дарлингтоне (Англия). Однако англ. католические власти не дали ей разрешения обнародовать «секрет». В 1860 г. папа Римский Пий IX освободил Кальва от принесенных ею обетов, она вернулась во Францию, но со временем была вынуждена уехать в Италию. 3 дек. 1878 г. ее принял папа Римский Лев XIII. В следующем году в Лечче с разрешения еп. Сальваторе Луиджи Дзола был опубликован полный текст ее «секрета», в к-ром предсказывались события ближайшего времени и грядущий упадок церковной жизни, но также было обещано утешение тем, кто останутся верными Христовой Церкви. В этом «секрете» говорилось, что мн. священники по причине пагубной жизни, пренебрежи-

тельного и богохульного исполнения св. таинств, из-за любви к деньгам, почестям и удовольствиям погубят себя; грехи людей, посвященных Богу, воззовут к отмщению, и это возмездие ждет их; предел Божия долготерпения близок, человеческое общество стоит на пороге катастрофы; мн. священнослужители и монашествующие отрекнутся от истинной веры, в их числе окажутся и епископы; в 1864 г. (дата создания 1-го Интернационала (Международного товарищества рабочих).— Авт.) демоны вырвутся из преисподней, шаг за шагом уничтожая христианскую веру и ослепляя людей своим учением; пагубные книги заполонят мир, и повсюду распространится небрежность во всем, что касается служения Богу; будет провозглашаться другое «евангелие», противоречащее Евангелию Иисуса Христа, и отрицаться существование рая и ада; Церковь окажется в состоянии кризиса, истинная вера будет забыта, и каждый захочет руководствоваться своим пониманием миссии, которая ему предназначена, и пожелает быть выше себе подобных, в монашеские ордены придут люди, преданные греху; любовь к телесным похотям распространится по всей земле; страны Европы будут объята войной, и кровь потечет по улицам; в католич. странах забудут о Евангелии Иисуса Христа и праведники будут много страдать; на земле распространятся фальшь и лицемерие, люди будут думать только о развлечениях, позволяя себе всевозможные грехи, но дети Церкви, дети истинной веры, возрастут в Божией любви и добродетелях, в то время как Рим утратит веру и станет столицей антихриста. Тем не менее апостолы последних времен будут проповедовать, как в первые века христианства, и люди доброй воли уверуют в Бога, и мн. души укрепятся.

Несмотря на офиц. разрешение на публикацию «секрета» Кальва, мн. представители католич. духовенства, в т. ч. ряд епископов, отказывались признавать его подлинность, принимая, однако, подлинность явления Пресв. Девы Марии и общее послание Кальва и Жиро. Сомнения в аутентичности опубликованного в 1879 г. текста и его соответствии тексту 1851 г., отправленному папе Римскому, основывались на том, что по прошествии почти 30 лет после записи «секрета» и в связи со

сложностями личной жизни женщины и из-за непростых взаимоотношений в церковной среде не было уверенности в подлинности передачи послания.

События первой мировой войны привели к усилению эсхатологических настроений в католич. Церкви и спровоцировали новый виток интереса к ла-салеттским пророчествам, в связи с чем 21 дек. 1915 г. был принят декрет Конгрегации Sanctum Officium, посвященный интерпретациям «ла-салеттской тайны» и строгой запрещающий ее толкования и дискуссии на эту тему под страхом церковных прещений в отношении как клира, так и мирян (AAS. 1915. Vol. 7. P. 594). Запрет на обсуждение «секрета» Кальва никак не повлиял на почитание явления Пресв. Девы Марии в Л. и на паломническую практику, превратившую Л. в один из центров духовной жизни католич. Церкви.

6 мая 1996 г. в связи с предстоящей 150-й годовщиной явления Пресв. Девы Марии в Л. папа Римский *Иоанн Павел II* в специальном послании Луи Жану Дюфо, еп. Гренобля, отметил, что «слова Марии из Ла-Салетт благодаря своей простоте и остроте сохраняют подлинную актуальность в мире, по-прежнему страдающем от бедствий войны и голода, а также от многих несчастий, являющихся знамениями, а нередко и последствиями людского греха». В окт. 1999 г. работавший над докт. диссертацией пресв. М. Кортвилль случайно обнаружил в архиве Конгрегации вероучения считавшиеся утраченными подлинники «секретов», составленные в рукописном виде в июле 1851 г. и отправленные папе Римскому Пию IX. В «секрете» Жиро говорилось, что Франция распространит свои пагубные идеи повсюду и сама почти потеряет веру; одна большая не католическая страна в Европе обратится к истинной вере, но, прежде чем это случится, грядут страшные беды в мире и в Церкви; потом наступит недолгий мир перед началом ужасного потрясения; все это произойдет в кон. XX в. «Секрет» Кальва оказался короче опубликованного в 1879 г. варианта, сохранил те же пророчества, но с меньшим количеством подробностей и был не столь эмоционально написан.

Ист.: Giraud M. Ma profession de foi sur l'apparition de Notre-Dame de La Salette. P., 1866; Calvat M. L'apparition de la Très-Sainte Vierge

sur la montagne de La Salette, le 19 sept. 1846, publiée... avec permission de l'ordinaire. Lecce, 1879; *Stern J.* La Salette: Documents authentiques. P., 1980–1991. 3 t.; *Jean-Paul II, pape.* Lettre à Mgr. Louis Dufaux, évêque de Grenoble, à l'occasion du 150e anniversaire de l'apparition de la Sainte Vierge Marie de La Salette. Vat., 1996; *Corteville M., Laurentin R.* Découverte du secret de La Salette: Un an après la révélation du troisième secret de Fatima: Au-delà des polémiques, la vérité sur l'apparition et ses voyants. P., 2002.

Лит.: Histoire de Notre-Dame de La Salette, d'après les documents authentiques. Brux.; Louvain, 1854²; *Jaouen J.* La Grâce de La Salette au regard de l'Église. P., 1964; *Gouin P.* Sœur Marie de la Croix: Bergère de La Salette, née Mélanie Calvat, tertiaire de St. Dominique, victime de Jésus. Beaupréau, 1970; *Stern J.* Maximin et Mélanie: Les bergers de La Salette. Corps, 1987; *idem.* L'évêque de Grenoble qui approuva La Salette: Philibert de Bruillard, 1765–1860. Strasbourg, 2010; *Barbero G.* La Vergine a La Salette: Storia dell'apparizione. Mil., 1996; La Salette: Apocalypse, pèlerinage et littérature (1856–1996). Grenoble, 2000; *Bourgeois R.* Le fait de La Salette, 1846. Grenoble, 2006.

А. Г. Крысов

ЛАСКАНИЕ МАРИИ — см. в ст. *Рождество Пресвятой Богородицы* (разд. «Иконография»).

ЛАСКАРИС [греч. Λάσκαρις] Константин (1433/34, К-поль — после 15.08.1501, Мессина), греч. ученый-филолог. В кон. 40-х — нач. 50-х гг. XV в. учился у византийского филолога *Иоанна Аргиропула*. Стал свидетелем захвата К-поля в мае 1453 г. и, по собственному признанию, был взят в плен турками (*Κωνσταντίνου Λασκάρειος*. 1910. Σ. 80). Освободившись, нек-рое время жил в г. Феры в Фессалии, позже — на Родосе и Крите. Преподавал в 1458–1465 гг. греческий язык в Милане при дворе герц. Франческо I Сфорцы, затем во Флоренции (PG. 161. Col. 818B) и Неаполе при покровительстве кор. Фердинанда I. В 1466 г. переехал в Мессину, где вскоре был назначен профессором в школу при мон-ре Сантиссимо-Сальваторе, организованную архимандритом монастыря кард. *Виссароном*. Среди учеников Л.— итал. гуманисты П. Бембо и Дж. Валла. Переписка К. (PG. 161. Col. 913–916, 953–964) — важный источник по истории греческой диаспоры в Италии после падения К-поля. Л. умер во время эпидемии чумы и был похоронен в кармелитской церкви в Мессине.

В 1476 г. в Милане вышло самое известное сочинение Л.— «Краткое изложение о 8 частях речи» (Ἐπιτομή τῶν ὀκτῶ τοῦ λόγου μερῶν; факсимильное изд.— Амстердам, 1966), 1-я

в истории печатная книга на греч. языке. Эта грамматика была написана в период пребывания Л. в Милане для его ученицы Ипполиты Сфорцы. Грамматика быстро завоевала популярность, в 1480 г. была переведена на латынь, в посл. неоднократно дополнялась и переиздавалась в типографии Альда Мануция в Венеции (1495, 1502, 1512, 1521). Вскоре она заменила в качестве основного пособия для изучения греч. языка грамматику *Мануила Хрисолора*. Во 2-й кн. «Утопии» (1516) Т. Мор упоминает Л., говоря, что у жителей Утопии из всех пособий по греческому есть лишь грамматика Л., а учебника *Γαζуса Феодора* — нет. Ок. 1490 г. было опубликовано дополнение к грамматике — «Вступление к 3-й книге об имени и глаголе». Также Л. является автором соч. «О синтаксисе глагола согласно древним» (Περὶ τῆς τῶν ῥημάτων συντάξεως κατὰ τοὺς παλαιούς (Anecdota graeca. 1828) и произведений разных жанров: кратких биографий греч. писателей калабрийского (PG. 161. Col. 923–938) и сицилийского происхождения (Ibid. Col. 915–924; 1-я публикация — Мессина, 1499); рассуждений о сочинениях Квинта Смирнского (Ibid. Col. 941–950); перечня визант. императоров, начиная с Василия I Македонянина (Ibid. Col. 965–968); квантитативных эпиграмм (Ibid. Col. 967–970); всемирной компилятивной хроники от Адама до падения Трапезунда и захвата Пелопоннеса турками (*Κωνσταντίνου Λασκάρειος*. 1910); парафраза «Галиевтики» Оппиана (*Cariou*. 2015); работ по риторике (Matrit. 4620. Fol. 130–144). Л. принадлежит собрание 489 греч. эпиграмм, в основном восходящее к поэтической коллекции *Максима Плануда*, сохраним к сочинениям *Иоанна Цеца* и *Диогена Лаэртского* (Matrit. 4562. Fol. 101–136; *Maltomini*. 2011). Л. коллекционировал рукописи античных и визант. авторов: известны 150 кодексов, либо частично или полностью переписанных его рукой, либо содержащих его пометы (*Martinez-Manzano*. 1998. P. 32–45; *Eadem*. 2000). Книги, принадлежавшие Л., в основном хранятся в Национальной б-ке Испании в Мадриде (*Fernández Pomar*. 1966). Соч.: Anecdota graeca / Ed. L. Bachmann. Lpz., 1828. Vol. 2. P. 287–304; PG. 161. Col. 907–970; *Κωνσταντίνου Λασκάρειος* Ἀνέκδοτος σύνουσις ἱστοριῶν / Εκδ. Σ. Π. Λάμπρος. Ἀθήναι, 1910. Лит.: PLP, N 14540; *Legrand*. Bibl. hell. XV–XVIe. T. 1. P. LXXI–LXXXVII, 1–5, 15–16, 26–

29; *Rosalía A., de.* La vita di Costantino Lascaris // Archivio storico Siciliano. Ser. 3. Palermo, 1957/1958. Vol. 9. P. 21–70; *Fernández Pomar J. M.* La colección de Uceda y los manuscritos griegos de Constantino Láscaris // Emerita. Madrid, 1966. Vol. 34. P. 211–288; *Förstel C.* Les grammaires grecques du XVme siècle: Étude sur les ouvrages de Manuel Chrysoloras, Théodore Gaza et Constant Lascaris // Positions des thèses de l'École nationale des chartes. P., 1992. P. 105–110; *Martinez-Manzano T.* Konstantinos Laskaris: Humanist, Philologe, Lehrer, Kopist. Hamburg, 1994; *eadem.* Constantino Láscaris, semblanza de un humanista bizantino. Salamanca; Madrid, 1998; *eadem.* Un nuevo manuscrito de Constantino Láscaris en la Bibliotheca Universitaria de Gotinga // Erytheia. Madrid, 2000. [T.] 21. P. 131–136; *Ceresa M.* Lascaris, Costantino // DBI. 2004. Vol. 63; *Ciccolella F.* Donati graeci: Learning Greek in the Renaissance. Leiden, 2008. P. 121–124; *Maltomini F.* Nouvelles recherches sur les Sylloges mineures d'épigrammes grecques // RPhLHA. 2011. T. 85. N 2. P. 295–318; *Cohen-Shkallí A.* De Byzance à Messine: Les «Vitae Siculorum» de Constantin Lascaris, leur genèse et leur tradition // RHT. N. S. 2014. T. 9. P. 79–116; *Cariou M.* Constantin Lascaris et les Halieutiques d'Opie de Cilicie: Du brouillon à l'édition // Ibid. 2015. T. 10. P. 25–48.

Л. В. Луховицкий

ЛАСЛО I СВЯТОЙ — см. *Владислав I*.

ЛАСУРИАШИ, мон-рь — см. в ст. *Цагерско-Лентехская епархия* Гruzинской Православной Церкви.

ЛАТВИЙСКАЯ ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ [латв. Latvijas Evaņģeliski Luteriskā Baznīca], крупнейшая протестант. Церковь Латвии, одна из наиболее консервативных лютеран. церквей Европы.

История. Лютеранство в Латвии до XIX в. Начало Реформации на территории совр. Латвии связано с деятельностью Андреаса Кнѣпкена (ок. 1468–1539), принадлежавшего к кружку И. Бугенхагена при лат. школе в Трептове (Померания; ныне Тшебятув, Польша). Поселившись в Риге в 1517 г., Кнѣпкен в 1519–1521 гг. посетил Трептов и Виттенберг, а после возвращения в Ригу 22 июня 1522 г. в ц. св. Петра провел успешный публичный диспут с католиками. В сент. 1522 г. в Риге начал проповедь радикальных реформационных идей сторонник А. Карлштадта Сильвестр Тегетмайер (ум. в 1552). 23 окт. 1522 г. Рижский магистрат назначил Кнѣпкена архидиаконом ц. св. Петра, тем самым нарушив полномочия капитула Домского собора, к-рый в соответствии с каноническим порядком ведал та-

*Домский собор в Риге.
XIII – нач. XV в.,
перестроен в кон. XVI в.*

кими назначениями. 30 нояб. 1522 г. Тегетмайер был назначен проповедником в ц. св. Иакова. Т. о. 2 прихода в Риге стали лютеранскими, что и считается началом Реформации в Латвии. М. Лютер в авг. 1523 г. отправил советам городов, принявших Реформацию — Риги, Ревеля (ныне Таллин) и Дерпта (ныне Тарту), — приветственные письма. В июле 1524 г. эти города заключили союз для защиты Реформации. В марте 1524 г. в Риге Братство черноголовых — объединение проживавших в городе иностранных купцов инициировало иконоборческое движение; подверглись разорению церкви св. Петра и св. Иакова, но вскоре умеренные реформаторы остановили действия радикалов.

Когда в 1525 г. Тевтонский орден в Пруссии был распущен, Ливонский орден и его великий магистр Вальтер фон Плеттенберг остались единственными носителями политической власти в Балтийском регионе. В том же году ландтаг Ливонии в Вольмаре (ныне Валмиера) утвердил соглашение вассалов Ливонского ордена с орденом и епископами об изгнании из Ливонии проповедников наиболее радикальных толков Реформации, в частности Мельхиора Гофмана (1495–1543). 21 сент. Плеттенберг получил от сословий Ливонии верховную власть над страной и гарантировал свободу лютеран. проповеди. В 1526 г. архиепископ Риги признал власть Плеттенберга как светского правителя, обеспечив католикам легальный статус религ. меньшинства. В 1527 г. Городской совет Риги пригласил д-ра Иоганна Брисмана, ученика Лютера, на должность проповедника кафедрального собора и поручил ему контролировать содержание проповедей, т. е. функции суперинтенданта. В 1529 г. Брисман и Кнэпкен составили лютеран. литургию на нем. языке (*Kurze Ordnung des Kirchengdienstes*, 1530). После отъезда Брисмана в Германию в 1530 г. Городской совет Риги передал его функции мирянину И. Ломюллеру, назвав его должность «суперинтендант по духовным делам», затем назначил ему 3 помощников, а в янв. 1532 г. этот коллегиальный назначаемый орган получил название «консистерия» (в Германии 1-я консистория была учреждена лишь в 1542 в Виттенберге). Власть Рижской консистории постепенно распространилась

на всю Ливонию. В 1554 г. ландтаг в Вольмаре провозгласил свободу вероисповедания для лютеран по всей Ливонии. В 1555 г. представитель великого магистра Генриха фон Галена подписал Аугсбургский мир. К тому времени большинство населения приняло лютеранство, и только епископат и руководители ордена сохраняли верность католичеству.

Основная масса латыш. крестьянства отнеслась к событиям Реформации пассивно. Источники упоминают о 1-й лютеранской литургии на латыш. языке ок. 1560 г., однако текст ее не сохранился. Первый в Латвии случай сожжения «ведьмы» зафиксирован в Гробине в 1559 г., а в 1577–1590 гг. в Риге и ее окрестностях были преданы огню 12 «колдунов». Согласно Виленскому договору от 28 нояб. 1561 г., последний магистр Ливонского ордена Готхард Кетлер (1517–1587) стал герцогом Курляндским и Земгальским и признал сюзеренитет кор. Польши Сигизмунда II Августа. Всем жителям была гарантирована свобода вероисповедания. Ливонский орден был формально упразднен 5 марта 1562 г. В 1565 г. во всей Курляндии было лишь 3 лютеранских прихода и 6 часовен. Кетлер, став лютеранином, в февр. 1567 г. представил курляндскому ландтагу в Риге план создания 70 приходов со школами и с домами призрения, для реализации своих намерений он предложил ввести постоянный церковный налог (*kirchenkogn* — «церковное зерно»). Суперинтендантом был назначен Александр Эйнхорн, к-рый составил закон об управлении лютеран. церковью, утвержденный Кетлером 18 сент. 1570 г. и действовавший до 1832 г. Тогда же Кетлер рас-

порядился перевести важнейшие для богослужения тексты на латышский язык. К 1600 г. были построены 70 запланированных церквей и еще 38 дополнительно. По Закону 1570 г. Церковью и ее имуществом управляли совместно курляндское дворянство и герцог. В 1570 г. Кетлер превратил все владения, полученные дворянами Курляндии и Земгалии от ордена, в аллоды, т. е. в частную собственность, что ослабило лютеран. церковную дисциплину: на частных землях стали возводить домовые церкви, клир для к-рых назначали сами помещики, а не герцог; визитации превратились в формальность и порой прекращались совсем. После присоединения к Речи Посполитой по Кронеборгскому договору 10 апр. 1585 г. кор. Стефан Баторий потребовал от магистрата Риги, чтобы одна из рижских церквей (ц. св. Иакова) была возвращена католикам. К концу польского владычества католич. приходов в границах совр. Латвии стало больше, чем лютеранских.

В 1600 г. Швеция развернула военные действия против Речи Посполитой. Рига сдалась 15 сент. 1621 г. В 1626 г. шведы одержали решающую победу при Валльгофе и захватили всю Лифляндию. По Альмаркскому перемирию 1629 г. Швеция получила Ригу и большую часть Видземе — до р. Айвиексте. Кор. Густав Адольф уже в 1621 г. объявил консисторию Риги высшим органом управления лютеран. церковью в швед. Лифляндии (куда вошли как латыш., так и эст. земли). В 1622 г. он назначил Германа Самсона, настоятеля ц. св. Петра в Риге, суперинтендантом «всей Ливонии к северу от Даугавы». Самсон совершил ординацию ок. 70 пасторов. Его действия постоянно и резко критиковал генерал-губернатор Ливонии Юхан Шютте. Он утверждал, что Самсон назначает на должности немцев, не знавших ни латыш., ни эст. языка. Усилиями Шютте был составлен альтернативный план устройства лютеран. церкви в швед. Лифляндии, к-рый 13 авг. 1634 г. утвердила кор. Кристина. Верховная консистория состояла из председателя и суперинтенданта; обоих назначал швед. король или по его поручению генерал-губернатор. Кроме того, в ее состав входили 6 ассессоров: 3 клирика и 3 мирянина. Верховная консистория находилась в Дерпте

и заседала ежегодно в июне или в июле или по мере необходимости. Верховной консистории подчинялись «низшие» консистории, в частности в Риге, Вендене (ныне Цесис) и Кокенгаузене (ныне Кокнесе), ведавшие церковными делами в прилежавших областях. Существовали городские консистории, подчинявшиеся только светским властям и ведавшие хозяйственной сто-

Евангелическо-лютеранская ц. св. Яна в г. Лимбажи. 1680 г.

роной жизни приходов. После этой реформы литургии стали служить намного чаще: не раз в месяц, а раз в неделю. В 1644 г. были установлены дни постов, обязательной исповеди и общей молитвы. Шведы учредили в Риге гимназию, а в 1632 г. основали в Дерпте ун-т. В 1660 г. уже вся Ливония перешла под власть Швеции.

За 1660–1710 гг. балт. лютеранство приобрело нек-рые черты, более характерные для скандинавской, чем для нем. традиции. В 1664 г. суперинтендант И. Г. Гезелиус заявил на синоде о необходимости полного перевода Библии на латышский язык. Перевод выполнил немецкий пастор Иоганн Эрнст Глюк (1652–1705) из Мариенбурга (ныне Алуксне). НЗ был впервые издан в Риге в 1685 г., ВЗ — в 1689 г. В Риге были открыты школы для латышских детей в Яновском и Гертрудинском приходах, а также в предместьях Торнякалнсе, Ильгюциемсе, Агенскалнсе. Всего во 2-й пол. XVII в. действовали 8 школ, где учили грамоте, Закону Божию и церковному пению. В 1687 г. генерал-губернатор на ланд-

таге предложил каждому приходу выделить участок земли *кистеру* для постройки школы (решение было принято и вступило в силу в 1694). В правление Карла XI, 19 марта 1667 г., был издан закон, запрещавший гражданам Швеции принадлежать к к.-л. др. Церкви, кроме лютеранской. В 1668 г. король учредил должность «верховный хранитель церкви Ливонии». В 1675 г. был издан ордонанс о пасторских привилегиях. Если до 1675 г. единственным вероучительным стандартом было Аугсбургское исповедание 1530 г., то теперь в качестве такового была утверждена вся «Книга согласия», содержащая и «Формулу согласия» 1577 г., со значительно более детально разработанной догматикой. 3 сент. 1686 г. был утвержден новый закон об устройстве Церкви. Король стал «верховным епископом» церкви, архиепископ Упсальский ему подчинялся. Закон предусматривал подробную и жесткую регламентацию богослужений, обязательную катехизацию, исповедь и причастие не реже, чем раз в год, а также систему штрафов и наказаний за такие проступки, как пьянство, колдовство и участие в языческих обрядах (штрафы, наказание плетью, поражение в правах и др.). В 1693 г. этот закон вступил в силу и в Лифляндии. В 1694 г. «низовые» консистории, подчиненные Генеральной консистории в Дерпте, были упразднены. После распространения пиетизма на территории Лифляндии швед. власти с 1706 г. запретили своим подданным обучаться в Галле и др. пиетистских ун-тах Германии.

После заключения Ништадтского мира (30 авг. 1721) и вхождения герцогств Лифляндского и Курляндского в состав Российской империи остался в силе шведский церковный Закон 1686 г., кроме пункта о швед. короле как о главе церкви. В Лифляндии пиетистов стали назначать на вакантные пасторские должности, а в 1736 г. пиетист Я. Б. Фишер получил должность генерал-суперинтенданта Ливонии. В сер. XVIII в. Лифляндия стала одним из главных очагов гернгутерства. Однако в Курляндии суперинтендант сумел надолго обеспечить господство сторонников ортодоксального направления. В 1785 г. российское правительство, введя «Городовое положение», осуществило реформу городского самоуправления Риги, обеспечив участие

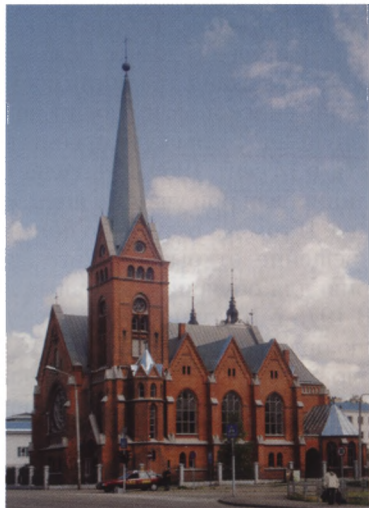

Пастор Г. Ф. Стендер Старший. Гравюра. 1753 г.

в нем не только немцев, но и латышей и русских. После отречения Петра Бирона, последнего герцога Курляндского, 17 марта 1795 г. Курляндское герц-ство стало Курляндской губ. Российской империи. Во 2-й пол. XVIII в. было издано ок. 120 книг на латышском языке; почти все они были написаны нем. пасторами. В 1763 г. в Митаве (ныне Елгава) издан 1-й латыш. календарь. Готхард Фридрих Стендер Старший (1714–1796), пастор прихода Сунаксте (ныне в Яунелгавском крае), написал сам и перевел на латышский неск. книг для немецких пасторов, изучавших латыш. язык, составил латыш. грамматику (1761, позже переиздавалась), а в 1789 г. — немецко-латыш. словарь в 2 частях. Лифляндский публицист Г. Меркель в кн. «Латыши» (1797) призывал царское правительство вмешаться в отношения нем. помещиков с латыш. крестьянами и отменить крепостное право. Однако в правление Павла I привилегии немцев, отмененные Екатериной II, были частично восстановлены.

XIX в. 28 дек. 1832 г. имп. Николай I утвердил закон об организации лютеран. церкви в Российской Империи. Вся территория империи, кроме Финляндии и Царства Польского, была разделена на 8 консисториальных округов, 6 из которых располагались в остзейских провинциях, а 3 из этих 6 охватывали территорию совр. Латвии: Лифляндия (113 приходов), Курляндия (120 приходов, но часть из них в совр. Литве и Белоруссии) и Рига (11 приходов). В кон. 30-х гг. XIX в. среди крестьян остзейских провинций распростра-

нился слух, будто российское правительство предлагает им в случае перехода в Православие бесплатные земельные наделы в Херсонской губ., но что помещики это

Евангелическо-лютеранская
ц. Мартина Лютера
в Даугавпилсе. 1893 г.
Архит. В. Нейман

скрывают. 30 марта 1842 г. имп. Николай I утвердил «22 статьи» в ответ на недовольство крестьян. Однако после неурожая 1844 г. весной 1845 г. в Риге группа гернгутеров во главе с Дависом Баложу начала новое движение за переход в Православие. К нач. 1847 г. в Лифляндии перешли в Православие ок. 74 тыс. чел. (в Курляндии таких случаев не было). Не получив обещанной земли, мн. перешедшие в Православие латыши пожелали вернуться в лютеранство, но до 1905 г. такое действие рассматривалось как «отпадение от Православия» и каралось как уголовное преступление. Подвергались преследованиям не только они, но и пасторы, допускавшие их к причастию. 22 июля 1874 г. Александр II отправил Вениамину (Карелину), еп. Рижскому и Митавскому, распоряжение полностью прекратить преследование лютеран, принявших Православие и желавших вернуться в лютеран. церковь. Однако светские власти подобного распоряжения не получили, и в 1884–1894 гг. из 353 лютеран. пасторов, служивших тогда в остзейских провинциях, 178 привлекались к ответственности за нарушение закона о прозелитизме. Манифест 17 апр. 1905 г. позволил т. н. обращенным или их потомкам вернуться в лютеранство. Латыши, дей-

ствительно переселившиеся из Латвии на свободные земли в Сибири, обычно сохраняли верность лютеранству. Так, Тобольский лютеран. приход в 1907 г. состоял из 6 тыс. чел., в т. ч. 2,4 тыс. латышей. Омский лютеран. приход в 1908 г. насчитывал 7 тыс. чел., в т. ч. 1 тыс. латышей.

XX в. К началу века доля латышей среди лютеран. пасторов составляла всего ок. 1/5, а пасторы-немцы часто плохо владели латыш. языком. Так, в 1902 г. в Мариенбурге барон Е. Э. Фитингоф, несмотря на возражения приходского совета, назначил пастором немца Вальтера, плохо говорившего по-латышски. Прихожане стали бойкотировать церковь, посылать Вальтеру и Фитингофу угрожающие письма, а осенью дело дошло до поджогов имущества барона и здания церкви. Поскольку в Лифляндии и Курляндии (но не в Латгалии) в условиях хуторского расселения церковь была единственным местом, где могли собраться жители, там вели свою агитацию и социал-демократы. В революционные дни 1905–1907 гг., особенно в мае 1905 г., во мн. приходах были т. н. церковные демонстрации, после к-рых по ходатайству пасторов и баронов консистория временно закрывала церкви. 18 нояб. 1918 г. была провозглашена независимость Латвии и Закон 1832 г. утратил силу. Декретом от 23 сент. 1919 г. правительство Латвии упразднило зависимость и все обязательства Церкви и отдельных ее приходов от сословных дворянских органов. 26 сент. 1919 г. правительство возродило Консисторию Лифляндии и Курляндии, в к-рой латыши должны были быть представлены 2 клириками и 2 мирянами, немцы — одним клириком и одним мирянином. Однако уже 1 окт. 1920 г. правительство упразднило консисторию и передало ее функции консистории г. Риги. В 1920 г. были созваны синоды Лифляндии и Курляндии. В то время в Латвии было 194 латыш. и 20 нем. приходов. 4–7 апр. 1921 г. в Риге состоялся 1-й совместный синод 2 исторических провинций. В условиях межнациональной напряженности латыш. большинство отказало нем. меньшинству в автономии, а немцы в знак протеста покинули синод. В конфликт вмешалось Правительство Латвии, и 5 янв. 1922 г. распоряжением МВД был созван синод из 6 латышей и 3 немцев, его пред-

седателем назначен Карлис Ирбе (1861–1934), ранее возглавлявший общину в московском соборе св. Петра и временную Латышскую консисторию в Москве. Апрельский синод 1921 г. избрал его председателем Организационной комиссии, а 21 февр. 1922 г. синод избрал Ирбе президентом, а Петера Гаральда Пельхау (1870–1945) — вице-президентом Верховной консистории. Ирбе был также избран епископом Евангелическо-лютеранской Церкви Латвии, а Пельхау — епископом для ее нем. конгрегаций. Оба епископа были ординированы 16 июля 1922 г. при участии архиеп. Швеции Ларса Улофа Йонатана (Натана) *Сёдерблома*. Конституция Латвии 1922 г. провозгласила принцип отделения Церкви от гос-ва и от школы, однако признала роль лютеранства в духовной жизни страны. Для обучения пасторов 4 февр. 1920 г. был открыт теологический фак-т. 24 апр. 1923 г. правительство, руководствуясь намерением примирить всех латышей, лютеран и католиков, невзирая на протесты лютеран, передало католикам рижский кафедральный собор св. Иакова, бывший с 1620 г. резиденцией генерального суперинтенданта Лютеранской Церкви Ливонии (он поныне остается католическим).

28 нояб. 1928 г. был принят Закон о статусе Л. е.-л. Ц. Примирительная по отношению к немцам политика Ирбе была непопулярна в стране, он подвергался постоянным нападениям латыш. националистов и 10 нояб. 1931 г. ушел в отставку. Отдельная епархия для нем. приходов была упразднена, и в 1932 г. Л. е.-л. Ц. возглавил архиеп. Теодор Гринбергс. В 1934 г. в Латвии было 262 латыш. и 49 нем. приходов. После установления диктатуры К. Улманиса 20 сент. 1934 г. был принят закон, резко увеличивавший права архиепископа и консистории в ущерб правам синода и сокративший автономию приходов. 21 дек. Гринбергс назначил новый президиум Высшего церковного совета, в котором нем. приходы представительства не имели. Однако, когда правительство Улманиса отменило школьную автономию для национальных меньшинств, церковь сохраняла ее для немцев в своей системе образования до 1939 г. По статистическим данным 1935 г., 56% населения Латвии (1 094 787 чел.) были лютеранами, из них 93% — латыши,

6% — немцы. В 1939 г. 85% немцев откликнулись на призыв Германии репатрироваться из Балтийских гос-в и ок. 50 тыс. чел. покинули Латвию.

После вхождения Латвии в состав СССР вся церковная собственность была конфискована. 22 авг. 1940 г.

*Евангелическо-лютеранская
ц. св. Матфея
в г. Скулте. 1757 г.*

было запрещено издание религ. литературы. Если в нач. 1940 г. в Латвии было 280 пасторов, то к июню 1941 г. их осталось 166; за год количество конгрегаций сократилось со 311 до 281. Мн. пасторы и прихожане стали жертвами репрессий и депортаций, в т. ч. самой масштабной депортации, осуществленной в ночь на 14 июня 1941 г., когда во внутренние области СССР было отправлено 14 693 чел., в т. ч. ок. 500 преподавателей религ. дисциплин и 2453 студента. После взятия Риги немцами 1 июля 1941 г. Латвия была включена в Рейхскомисариат Остланд под упр. Генриха Лозе. В 1-й год оккупации немцы сняли все религ. ограничения советского периода, однако 19 июня 1942 г. Лозе издал декрет, согласно которому религ. организации, занимавшиеся чем-либо помимо чисто религ. деятельности, подлежали закрытию. Власти заявили о своем праве смещать и назначать членов консисторий, утверждать или не утверждать пасторов в должности. В 1943 г. был закрыт теологический фак-т. Во время своего отступления немцы вывезли в Германию архиеп. Т. Гринбергса, 134 пастора бежали или были депортированы в Германию, 14 — оказались в Швеции, 96 — остались в Латвии.

13 окт. 1944 г. Ригу заняли советские войска. К кон. 1945 г. в Латвии оставались 66 пасторов (10 были высланы советскими властями, 4 отбы-

вали срок в тюрьме, 10 умерли, 6 пропали без вести). Бежавшие из Латвии в эмиграции начали создавать Евангелическую Церковь Латвии за рубежом. В 1945 г. Гринбергс возглавил латыш. церковь в амер. зоне оккупации Германии, пробст Эдгар Бергс — в брит. зоне, О. Сакарнис — в Швеции. В США латыш. приходы в 1955 г. образовали «Федерацию латышских евангелическо-лютеранских церквей в Америке», которая в 1975 г. была преобразована в Церковь.

Гринбергс, покидая в 1944 г. Ригу, передал свои обязанности по управлению церковью Карлису Ирбе.

*Евангелическо-лютеранская
ц. св. Мартина
близ Риги. 1852 г., 1888 г.
Архит. И. Д. Фелско*

В февр. 1946 г. Ирбе был арестован и выслан в Караганду, и лютеране Латвии остались без руководства. 14 марта 1948 г. латыш. лютеранам разрешили собрать в Риге 9-й Генеральный синод (2200 делегатов). Синод избрал Высший церковный совет, одобрил новый устав и избрал архиепископом лояльного к советской власти Густава Турса. В докладе синоду Турс заявил о существовании в Латвии 322 лютеран. приходов, в большинстве из которых не было пасторов. В 1954 г. возобновилось печатание церковной литературы, а после амнистии 1955 г. из ссылки вернулись многие пасторы, но и в 1956 г. их число не превышало 120 чел. В 1957 г. службы регулярно проводили в 270 церквах (из них 15 — в Риге). В 1959 г., по данным лютеран. церкви, ее прихожанами были 600 тыс. чел.. В 1962 г. в 250 приходах служили 110 клириков (пасторов, диаконов и алтарников). Подготовка служителей ве-

лась на вечерних курсах при консистории в Риге. Турс возглавлял церковь до 23 марта 1968 г. и добровольно ушел в отставку в возрасте 77 лет. Его преемник Петер Клеперис скончался месяц спустя, и 23 февр. 1969 г. архиепископом был избран Янис Матулис. Синод высказал пожелание вернуться к сканд. традиции ординирования епископов, имеющих непрерывную апостольскую преемственность, и 14 сент. 1969 г. Матулис был ординирован при участии швед. епископа. В том же году было получено разрешение открыть в Риге семинарию для обучения духовных лиц.

В 1975 г. Матулис провел пасторскую ординацию 6 женщин, что вызвало крайне негативную реакцию клира. В 1986–1989 гг. архиепископом Л. е.-л. Ц. был Эрик Местерс (1926–2009); по данным на 1987 г., в 202 приходах служили 84 пастора. В 1989 г. верующие требовали запретить в служении тех, кто могли активно сотрудничать с КГБ или КПСС; проверить обвинения было сложно, и Местерс вынужден был уйти в отставку; архиепископом был избран Карлис Гайлитис (1936–1992). Поскольку Л. е.-л. Ц. была самой многочисленной лютеран. церковью в СССР, нек-рые латыш. пасторы приняли активное участие в возрождении лютеранства (особенно немецкого) в пределах России, Украины и Казахстана; в частности, пастор Гаральд Калниньш (1911–1997) был 1-м архиепископом Евангелическо-лютеранской церкви в России в 1988–1994 гг. В 1990–1991 гг. пасторы Л. е.-л. Ц. принимали активное участие в деятельности Народного фронта Латвии и в событиях, к-рые привели к восстановлению независимости страны. Архиеп. К. Гайлитис сочетал политический либерализм с религиозным и был решительным сторонником ординации женщин, лично проведя неск. ординаций. Это вызвало многочисленные протесты верующих. Нек-рые общины пригрозили выйти из церкви в случае, если преемник Гайлитиса продолжит подобные ординации. Л. е.-л. Ц. принимала участие в переговорах либеральных лютеран. церквей с англикан. Церковью, к-рые привели к заключению соглашения в Порво (1992); в документе отрицалось наличие существенных различий между англиканством и лютеранством. Однако Л. е.-л. Ц. присоединилась к соглашению лишь в ка-

честве церкви-наблюдателя. 22 нояб. 1992 г. Гайлитис погиб в автокатастрофе. 29 авг. 1993 г. был ординирован ныне действующий архиеп. Янис Ванагс. Пасторская ординация женщин была прекращена, в Устав Л. е.-л. Ц. был внесен соответствующий запрет. Руководство церкви занимает резко отрицательную позицию в отношении пасторской ординации лиц нетрадиционной ориентации и венчания однополых пар. Пастор, демонстративно заявивший в 2002 г. о своей гомосексуальной ориентации, был уволен и лишен сана. В 1997 г. для подготовки священников в Риге было открыто специальное учебное заведение — Академия Лютера. В наст. время Л. е.-л. Ц. является одной из немногих лютеран. церквей в Европе, в к-рой увеличивается количество верующих. Она поддерживает деловые и дружественные отношения с Латвийской Православной Церковью МП. Деятельность Л. е.-л. Ц. направлена на смягчение напряженности в отношениях между латыш. и рус. населением Латвии, для чего нек-рые пасторы (Александр Бите, Юрис Рубенис) проповедуют и на рус. языке.

Структура. В 1932–2006 г. Л. е.-л. Ц. представляла собой единую епархию, однако в нояб. 2006 г. была разделена на Рижскую, Лиепайскую и Даугавпилскую; Рижскую епархию возглавляет архиепископ, Лиепайскую и Даугавпилскую — подчиненные ему епископы. Л. е.-л. Ц. состоит во Всемирной лютеранской федерации с 1963 г., имеет единство кафедры и алтаря с Лютеранской Церковью Миссури-Синод.

Лит.: *Арбузов Л. А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии / Пер. с нем.: В. Бук. СПб., 1912. М., 2009; *Adamovičs L.* Dzimtenes baznīcas vēsture [= Church History of the Homeland]. Soest, 1947²; История Латвийской ССР. Рига, 1952–1955. 3 т.; *Simon G.* Konstantin Petrovič Pobedonoscev und die Kirchenpolitik des Heiligen Synod, 1880–1905. Gött., 1969; *Duin E. Ch.* Lutheranism under the Tsars and the Soviets. Ann Arbor, 1975. 2 vol.; *Kristbergs F. T.* Differentiation and Identity: Towards an Understanding of Ethnic Ministry. Diss. / Princeton Theol. Seminary. Princeton, 1996; *Чернер Г.* «Хорошего держитесь»: Церкви и религ. объединения в Российской державе, Советском Союзе и независимых гос-вах, возникших после его распада / Пер. с нем.: Ю. А. Голубкин. Х., 1998; *Кирило О.* Лютеране в России, XVI–XX вв. М., 2002; *Блейре Д., Бутулис И., Зунда А.* История Латвии, XX век. Рига, 2005; Балтийский путь к свободе: опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте / Сост. Я. Шкапарс. Рига, 2006; 2011.gada tautas skaitšanas galīgie rezultāti. Rīga, 2012.

С. А. Исаяев

ЛАТВИЙСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ (ЛПЦ), самоуправляемая Церковь в Латвии в составе Московского Патриархата. Самостоятельность предоставлена патриархом Тихоном 19 июля 1921 г. и восстановлена 22 дек. 1992 г. в соответствии с томосом патриарха Московского и всея Руси *Алексия II*. Ка-

Кафедральный собор
Рождества Христова в Риге.
1884 г.

федральный город — Рига. Кафедральный храм — собор Рождества Христова в Риге. Предстоятель — митрополит Рижский и всея Латвии *Александр (Кудряшов)*; с 23 июля 1989 епископ, с 25 февр. 1994 архиепископ, с 25 февр. 2002 митрополит). ЛПЦ включает 2 епархии (*Рижская и Латвийская*, Даугавпилско-Резекненская) и 1 викариат (Елгавское в составе Рижской епархии), делится на 6 благочиний: Рижское, Даугавпилское, Мадонское, Лиепайское, Резекненское, Валмиерское. На авг. 2015 г. на территории ЛПЦ было 125 приходов (в 19 богослужения велись полностью или частично на латыш. яз.), 4 монастыря (мужской и 3 женских); служат 85 священников, 22 диакона.

История (историю Православия в Латвии до 1920 см. в статьях *Латвия и Рижская и Латвийская епархия*). В февр. и авг. 1920 г. в Латвийской Республике состоялись собрания духовенства и представителей правосл. приходов Латвии, на которых было принято решение об актуальности создания самоуправляемой Церкви. Предстоятелем ЛПЦ избрали архиеп. Пензенского и Саранского смцч. *Иоанна (Поммера)*. Избранный на собрании Синод ЛПЦ МВД Латвии 20 нояб. 1920 г. официально признало руководящим органом управления ЛПЦ. 19 июля

1921 г. патриарх Тихон даровал ЛПЦ самоуправляемость и самостоятельность в делах церковно-хозяйственных, церковно-адм., школьно-просветительских и церковно-гражданских.

В 1920 г. в Латвии проживали 138 803 правосл. верующих (8,7% населения страны). В ходе военных действий первой мировой войны 12 правосл. храмов были полностью разрушены, многие серьезно пострадали. Часть церквей не действовала из-за нехватки священнослужителей. Весной 1920 г. в Латвии было ок. 70 приходов, к нач. 1921 г. открылось еще 50 приходов, а к 1923 г. зарегистрировано 130 приходов. 19 июля 1921 г., за 5 дней до прибытия в Ригу архиеп. *Иоанна*, правительство офи-

Смцч. Иоанн (Поммер),
архиеп. Рижский и всея Латвии.
Фотография. 1917 г.

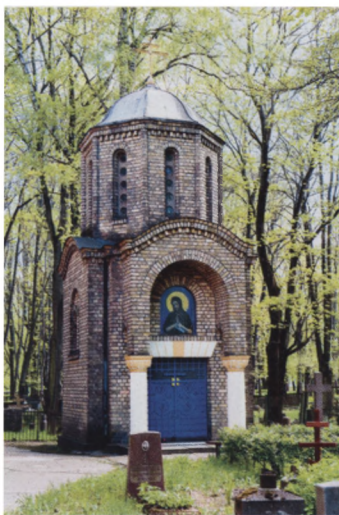
циально передало резиденцию правосл. архиерея — *рижский во имя прп. Алексия, человека Божия, мужской монастырь* — Римско-католической Церкви. Протестуя против отнятия у ЛПЦ монастыря, архиеп. Иоанн поселился в подвале кафедрального собора Рождества Христова, к-рый Правительство Латвии объявило гос. собственностью, переданной Церкви лишь в пользование. В первые годы существования Латвийской Республики ЛПЦ, по сообщениям архиеп. Иоанна, подвергалась гонению. Несмотря на настойчивые требования правительства последовать примеру *Естонской Православной Церкви*, которая в нарушение церковных канонов в 1923 г. перешла в юрисдикцию К-польского Патриархата, архиеп. Иоанн оставался верным Матери-Церкви. В связи с такой позицией

предстоятеля ЛПЦ власти вплоть до 1926 г. не признавали за ней прав юридического лица и притесняли православных: в этот период у ЛПЦ были отняты нек-рые храмы, здания ДС и ДУ, значительные участки церковной земли, в Риге была уничтожена привокзальная часовня во имя св. Александра Невского. Отнятие у ЛПЦ храмов аргументировалось тем, что они во времена Российской империи были построены за гос. счет, поэтому на основании советско-латвийского мирного договора 1920 г. являются не церковной, а гос. собственностью. Как отметил в речи на Вселатвийском Соборе ЛПЦ 30 окт. 1923 г. архиеп. Иоанн, положение Церкви «характеризует полнейшая нищета, а также ненависть и злоба, которыми окружена Латвийская Православная Церковь».

Во 2-й пол. 20-х — 1-й пол. 30-х гг. XX в. духовное и материальное положение ЛПЦ стабилизировалось. Благодаря тому что архиеп. Иоанн в 1925 г. был избран депутатом 2-го сейма, а затем последовательно избирался депутатом 3-го и 4-го сеймов, голос в защиту правосл. Церкви постоянно звучал с высшей законодательной трибуны страны. 8 окт. 1926 г. правительство утвердило «Правила о положении Православной Церкви», в соответствии с которыми ЛПЦ получила права юридического лица. С 1925/26 бюджетного года правительство стало выделять ЛПЦ гос. дотации (22,5 тыс. латов в год), что позволило расходовать средства на проведение неотложных ремонтных работ. Всего в 1921–1930 гг. были сооружены более 10 храмов, неск. церквей были восстановлены. Размерами и особенностями архитектуры выделялись церкви в г. Яунлатгале (ныне Пыталово Псковской обл.) и в с. Шкилбене. В Риге было завершено строительство храма Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, начатое еще до первой мировой войны. Благодаря процессу реэвакуации из Советского Союза церковного имущества ЛПЦ удалось частично решить проблему нехватки колоколов и утвари. 1 дек. 1926 г. возобновила работу Рижская ДС.

В 1925 г. в Латвии проживали 167 538 православных, действовали 137 приходов. В сер. 30-х гг. число приходов увеличилось до 152: среди них 76 русских, 74 латыш-

ских, немецких и эстонских, общее число православных составило ок. 174,38 тыс. чел. (57,6 тыс. латышей, 103 438 русских, 8,52 тыс. белорусов, 1,13 тыс. эстонцев, 587 немцев и 3105 представителей др. нацио-

Часовня
св. Иоанна Предтечи (1936)
на Покровском кладбище в Риге,
место погребения
сщмч. Иоанна (Поммера)

нальностей). Из 124 священнослужителей 79 были русскими, 45 — латышами.

В ночь на 12 окт. 1934 г. архиеп. Иоанн принял мученическую кончину. Преступление осталось нераскрытым, несмотря на долгое следствие. Еще при жизни архиеп. Иоанн говорил о необходимости поставления еще одного епископа в Латвии, отмечая, что, «если не сделаем мы, это сделают другие», но ввиду сложных обстоятельств того времени это не было сделано, и Латвийская Церковь осиротела, оставшись без епископа. После убийства архиепископа давление латв. правительства на ЛПЦ с целью перехода ее в юрисдикцию К-польского Патриархата резко усилилось. Не была исполнена воля архиеп. Иоанна о погребении его в кафедральном соборе, местом упокоения владыки стало рижское Покровское кладбище.

Заместитель патриаршего местоблюстителя митр. *Сергий (Страгородский)*; вполн. патриарх Московский и всея Руси) возложил временное управление ЛПЦ на митр. Виленского и Литовского *Елевферия (Богоявленского)*. Однако МИД Латвии отказал митрополиту во въезде в страну, а Синод ЛПЦ, действуя под давлением МВД, не признал его ка-

нонических прав. После мученической кончины архиеп. Иоанна состав Синода был практически полностью обновлен, и новый Синод в авг. 1935 г. обратился к патриарху К-польскому *Фотию II* с просьбой принять ЛПЦ в свою юрисдикцию, 11 нояб. попросил даровать Латвийской Церкви автономию по образцу Эстонской Церкви. Томосом от 4 февр. 1936 г. уже новый патриарх К-польский *Вениамин I* даровал ЛПЦ «автономию в ее внутреннем правлении и ведении дел». Согласно тому же, Церковь стала называться Православная Латвийская митрополия. Поскольку переход ЛПЦ в юрисдикцию К-поля был сделан без канонического отпущения из РПЦ, Синод Русской Церкви не признал законность данного акта. Накануне выборов главы ЛПЦ по распоряжению МВД был изменен ее устав: все важные вопросы церковной жизни — выборы епископов, учреждение новых епархий и вик-ств и др. — должны были решаться лишь с согласия органов гос. власти. 10 марта 1936 г. на Вселатвийском церковном Соборе главой ЛПЦ был избран прот. Август Петерсон (пострижен в рясофор и наречен Августином), который 29 марта был хиротонисан в Риге во епископа Рижского и всея Латвии с возведением в сан митрополита. Его хиротонию совершили архиереи к-польской юрисдикции во главе с митр. Фиатирским Германом (Стринопулосом). Для упрочения автономного статуса ЛПЦ было принято решение образовать 2 викариатства — *Елгавское* и *Ерсикское* (с 1939 *Мадонское викариатство*). 27 сент. 1936 г. Иаков (Карп) был хиротонисан в Риге во епископа Елгавского, а 17 июля 1938 г. Александр (Витолс) хиротонисан в Даугавпилсе во епископа Ерсикского (позднее епископ Мадонский). Инициатива образования викариатств также исходила от латв. правительства.

На Вселатвийском церковном Соборе, созванном в июле 1936 г., переизбрали Синод, а также внесли изменения в устав: ограничивалось приходское самоуправление, причт прихода назначался, перемещался или увольнялся только предстоятелем ЛПЦ и Синодом.

В авг. 1936 г. Синод ЛПЦ принял решение упразднить ДС и на ее основе открыть Православный богословский ин-т. Несмотря на то что большинство правосл. мирян и свя-

щенников Латвии были русскоязычными, по распоряжению митр. Августина преподавание в ин-те осуществлялось на латыш. языке, а преподаватели, не знавшие его, были уволены.

Митр. Августин требовал перевести богослужение во всех латв. храмах на латыш. язык, а при храмах, у к-рых были только рус. приходы, открывать и латышские. В большинстве латв. приходов служба совершалась на церковнослав. языке, поэтому нововведения митрополита вызвали открытое недовольство как мирян, так и духовенства, особенно в латгальских приходах, в которых большинство верующих не понимали латыш. языка. Т. н. языковая реформа митр. Августина провалилась. Даже приходские священнослужители, свободно владевшие латыш. языком, понимали, что такими мерами можно лишь оттолкнуть часть прихожан от храмов, поэтому продолжали служить на церковнославянском.

Еще одной акцией митр. Августина, вызвавшей повсеместный протест прихожан, была попытка перевести ЛПЦ на новый календарный стиль. Об этом было объявлено в дек. 1936 г. Протестуя против этого нововведения, прихожане не посещали храмы в праздничные дни по н. с. Уже в дек. 1936 г. представители латгальского духовенства попросили митрополита пересмотреть свое решение о переходе Церкви на новый календарь. Митр. Августин попытался снять с себя ответственность за принятие непопулярного решения и в то же время заявил, что «если на местах невозможно провести это решение в жизнь», то он «со своей стороны не будет возражать против отмечания праздников и по старому, и по новому стилю». В 1937 г. единого порядка не было, каждый настоятель сам решал, подстраиваясь под настроения прихожан, какому календарю следовать. К 1938 г. во всех храмах Видземе и частично Курземе богослужения совершали на латыш. языке и по григорианскому календарю (коренное население этих мест не знало рус. яз.).

В нач. 1937 г. политуправление МВД отмечало, что среди православных латвийцев усилилась оппозиция власти митр. Августина, каждое его распоряжение сопровождалось критикой, также среди православных были разговоры о том, что истинным руководителем ЛПЦ яв-

лялся не митр. Августин, а начальник Управления духовных дел МВД Э. Диминьш, митрополит только выполнял его распоряжения. В 1939 г. предполагалось созвать очередной церковный Собор. Однако митр. Августин, почувствовав непрочность своих позиций, на заседании Синода 20 апр. 1939 г. предложил отложить созыв Собора и продлить срок полномочий действовавшего Синода. Синод согласился с его мнением и изменил статью Устава ЛПЦ; периодичность созыва Собора увели-

*Сергий (Воскресенский),
митр. Виленский и Литовский,
экзарх Латвии и Эстонии.
Фотография. 40-е гг. XX в.*

чилась с 3 до 5 лет, а полномочия Синода продлились еще на 2 года.

После установления в июне 1940 г. в Латвии советской власти начались репрессии против представителей ЛПЦ. Церковь потеряла почти $\frac{1}{8}$ причта. Была запрещена церковная деятельность вне церковных стен, были развернуты кампании против религии и священников в СМИ. Уже летом 1940 г. было запрещено преподавание Закона Божия в школах. У Церкви была национализирована вся собственность, а на духовенство накладывались непомерные налоги.

В дек. 1940 г. в Ригу прибыл архиеп. Дмитровский *Сергий (Воскресенский)*, который стал полномочным представителем Московского Патриархата в Прибалтике после смерти 31 дек. 1940 г. митр. Виленского и Литовского Елевферия (Богоявленского). Указами Московской Патриархии 24 февр. 1941 г. архиеп. Сергий был назначен митрополитом Виленским и Литовским, экзархом Латвии и Эстонии, 24 марта того же

года был учрежден *Экзархат Латвии и Эстонии*, в состав к-рого вошли Латвийская и Эстонская епархии. 28 марта митр. Августин в Богоявленском кафедральном соборе Москвы принес публичное покаяние и был принят в литургическое общение. 11 апр. того же года он подписал протокол последнего заседания Синода, передал все дела Экзаршему управлению и ушел на покой. Ему оставили возможность служить в рижском кафедральном соборе Рождества Христова и управлять несколькими приходами. Окормление латв. приходов митр. Сергий поручил еп. Мадонскому Александру (Витолсу), местом его пребывания стала Рига, кафедрой — рижская Вознесенская латыш. церковь. Т. о., существование ЛПЦ было прервано; статус самостоятельности ЛПЦ, канонично дарованный патриархом Тихоном, упразднен.

В годы Великой Отечественной войны территория Латвии входила в состав Экзархата Латвии и Эстонии, которым управлял митр. Сергий. Экзархат был перерегистрирован нем. оккупационными властями 20 авг. 1942 г. как Православный Экзархат Литвы, Латвии и Эстонии. В годы нем. оккупации Экзаршим управлением была организована активная миссионерская деятельность на территории Остланда и сев.-зап. районов России, в т. ч. работа *Псковской миссии*, основу к-рой составляло духовенство Латвии. Погибший 29 апр. 1944 г. экзарх митр. Сергий (Воскресенский) всегда почитался в правосл. Церкви, место его упокоения на рижском Покровском кладбище бережно сохраняется верующими. После вхождения советских войск в Прибалтику, осенью 1944 г., Экзархат прекратил свое фактическое существование. По окончании войны правосл. приходы на территории Латвии были в юрисдикции Московского Патриархата и управлялись архиереями с титулом «Рижский и Латвийский» (см. ст. *Рижская и Латвийская епархия*).

Верховный Совет Латвийской ССР 4 мая 1990 г. принял Декларацию о восстановлении независимости Латвийской Республики, 21 авг. 1991 г.— Конституционный закон о гос. статусе, в к-ром было объявлено о фактическом восстановлении гос. независимости Латвии. В этой связи остро встал вопрос о правовом статусе правосл. Церкви и ее праве

на недвижимое имущество, принадлежавшее ЛПЦ до 1940 г. 2 июля 1992 г. министр юстиции приостановил передачу собственности ЛПЦ до того, как будет восстановлен ее статус и будет доказана ее правопреемственность на собственность.

5 июля 1991 г. ЛПЦ был официально передан рижский кафедральный собор Рождества Христова, в котором сразу же начались восстановительные работы. 11 авг. 1992 г. Синод РПЦ принял решение о восстановле-

*Рака с мощами
сщмч. Иоанна (Поммера),
архиеп. Рижского и всея Латвии,
в кафедральном соборе Риги*

нии названия ЛПЦ и даровании ей статуса самоуправляемой самостоятельной Церкви. Правящему архипастырю был возвращен титул «Рижский и всея Латвии». 22 дек. того же года патриарх Московский и всея Руси Алексей II подписал томос, к-рым, «подтверждая решение святителя Тихона, Патриарха Всероссийского, № 1026 от 6/19 июля 1921 года о даровании Православной Церкви в Латвии самостоятельности в делах церковно-хозяйственных, церковно-административных, школьно-просветительских и церковно-гражданских», предоставил ЛПЦ самостоятельность в административных, хозяйственных, образовательных вопросах, сохранив при этом ЛПЦ в канонической юрисдикции Московского Патриархата. Т. о., патриарх Алексей II подтвердил, что совр. Православная Церковь в Латвии является правопреемницей ЛПЦ до второй мировой войны. 29 дек. 1992 г. в рижском Свято-Троицком соборе состоялся Епархиальный съезд, ко-

торый стал 1-м Собором ЛПЦ. Был оглашен томос патриарха Алексея II о самостоятельности Церкви. На Соборе был принят Устав (за его основу был взят Устав 1936 г.), к-рый 30 дек. был зарегистрирован в латв. Мин-ве юстиции. Согласно Уставу ЛПЦ, полнота канонической власти сосредоточена в руках предстоятеля, служение которого является пожизненным. Ему принадлежит решающий голос во всех вопросах церковной жизни. Для решения важнейших вопросов жизни ЛПЦ предстоятель может созвать церковный Собор, на к-ром председательствует. Членами Собора являются архипастыри ЛПЦ, представители клира, монашествующих и мирян. Собор избирает Синод, состоящий из 6 священников, в промежутках между Соборами Синод является совещательным органом при предстоятеле. Правящий архипастырь и архиереи ЛПЦ состоят членами Синода по должности. При Синоде работают канцелярия и ряд отделов: богослужебный, миссионерский, образования и катехизации, издательский, социального служения, межконфессиональный, иконописно-архитектурный, юридический, паломнический, а также пресс-служба и служба протокола.

Первым предстоятелем возрожденной ЛПЦ стал еп. Александр (Кудряшов). 19 авг. 2006 г. был хиротонисан викарный еп. Даугавпилсский Александр (Матренин). 12 марта 2013 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл утвердил решение о преобразовании *Даугавпилсского викариата* в отдельную Даугавпилско-Резекненскую епархию, выделенную из состава Рижской. Предстоятелем новообразованной епархии стал еп. Александр (Матренин) с титулом «Даугавпилсский и Резекненский».

19 марта 2014 г. Синод РПЦ утвердил состоявшееся на Синоде ЛПЦ 11 окт. 2013 г. избрание клирика Рижской епархии игум. Иоанна (Сичевского) епископом Елгавским, викарием Рижской епархии. Т. о. было восстановлено Елгавское викариатство в составе Рижской епархии.

На основании Закона Латвийской Республики «О возвращении собственности религиозным организациям» ЛПЦ была возвращена вся собственность, принадлежавшая ей до июня 1940 г. 7 сент. 1995 г. сеймом Латвии был принят (26 сент. об-

народован) Закон «О религиозных организациях», цель к-рого — гарантировать жителям Латвии право на свободу в области религии.

С 1991 г. было построено или восстановлено 35 правосл. храмов. С нач. 90-х гг. XX в. правосл. богослу-

*Храм-памятник
св. Александра Невского
в Даугавпилсе. 2002 г.*

жения стали регулярно совершать в больницах, в домах престарелых, в воинских частях и местах заключения, была восстановлена Никольская ц. в Рижской центральной тюрьме, открыты еще несколько храмов в местах заключения. В 1993 г., спустя более чем полвека после закрытия, было принято решение о восстановлении Рижской ДС. Ректором ДС

*Церковь прав. Симеона Богоприимца
и прор. Анны в Елгаве.
1774–1780 гг.*

стал правящий архипастырь (в 2015 состоялся 18-й выпуск). В 1996 г. были внесены поправки в Закон «О религиозных организациях», согласно которым уроки «Христиан-

ского учения» в общеобразовательных школах финансировались из гос. бюджета. В 1998 г. был принят новый закон об образовании, позволивший учащимся общеобразовательных школ по выбору изучать «Христианское учение» или «Этику» или оба предмета одновременно. В 2001 г. при Синоде ЛПЦ был создан Отдел образования и катехизации. В 2004 г. Мин-во образования Латвии приняло решение, что по желанию родителей в 3 классах начальной школы будут изучать «Христианское учение» или «Этику» как обычный предмет. ЛПЦ при Рижской ДС были организованы 3-месячные курсы для учителей — преподавателей курса «Христианское учение». С 2005 г. эти курсы стали регулярными, в настоящее время в школах Латвии работают ок. 50 правосл. учителей, преподающих курс «Христианского учения».

С 1997 г. выходит офиц. печатный орган ЛПЦ — газ. «Виноградная лоза». Издаются календари на латыш. и рус. языках, газ. «Православная жизнь» Даугавпилско-Резекненской епархии, книги и брошюры на церковнослав., латыш. и рус. языках. В 2015 г. к 170-летию правосл. богослужения на латыш. языке были изданы 8 книг на латыш. языке, в т. ч. полный молитвослов и катехизис. С 2001 г. в Даугавпилсе работает студия документальных фильмов ЛПЦ.

Восстановлены традиции ежегодных крестных ходов: с 17 авг. 1998 г. из Риги в Спасо-Преображенскую пуст. с иконой Божией Матери «Достойно есть»; с 21 сент. 2000 г. (в праздник Рождества Пресв. Богородицы) — из г. Зилупе к св. источнику в Ополи. 24 сент. 2001 г. Собор ЛПЦ с благословения патриарха Алексия II и Синода РПЦ принял решение о прославлении сщмч. Иоанна, архиеп. Рижского, в лике местночтимых святых, 14 июля 2003 г. состоялось обретение св. нетленных мощей сщмч. Иоанна. Вскоре почитание сщмч. Иоанна стало общецерковным.

21–23 июня 2004 г. в Ригу была привезена чудотворная *Тихвинская икона Божией Матери*. Это торжество собрало свыше 200 тыс. чел. и вызвало всеобщий духовный подъем, христиане всех конфессий стремились поклониться святыне. 28–29 дек. того же года в Ригу были привезены мощи св. преподобномучениц вел. кнг. Елисаветы Феодоровны и инокини Варвары, 29 сент.—

Якобштадтская икона Божией Матери в ц. Св. Духа Екабпилского муж. монастыря

3 окт. 2007 г.— мощи св. блгв. вел. кн. Александра Ярославича Невского, 24–28 окт. 2008 г.— мощи св. ап. Андрея Первозванного. За эти дни кафедральный собор, в котором находились святыни, посетили более 150 тыс. чел. В 2008 г. был создан список утраченной во время первой мировой войны *Якобштадтской иконы Божией Матери* и освящен в Москве в кремлевской Ризоположен-

Екабпилский в честь Сошествия Св. Духа на апостолов муж. мон-рь. Фотография. 2015 г.

ской ц. патриархом Алексием II. Он говорил о том, что вскоре состоится всеобщее прославление этой святыни. В Ризоположенском храме сразу после освящения совершилось чудо мироточения и кровотоочения от новоосвященного образа в присутствии множества людей. 19 июля Якобштадтская икона была внесена в рижский кафедральный собор Рождества Христова, а 25–26 июля перенесена в *Екабпилский в честь Сошествия Св. Духа на апостолов монастырь*. В наст. время чудотвор-

ный Якобштадтский образ является чтимой святыней ЛПЦ, привлекающей многочисленных паломников. На икону возложен драгоценный оклад, изготовленный на все-народные пожертвования.

27–29 мая 2006 г. Латвию впервые посетил Первосвятитель РПЦ патриарх Алексей II.

16 февр. 2015 г. на очередном Соборе ЛПЦ особое внимание было уделено проблемам духовно-нравственного воспитания и работе с молодежью.

По информации латв. Мин-ва юстиции, на 2014 г. в Латвии насчитывалось ок. 370 тыс. православных. В большинстве приходов ЛПЦ богослужения совершаются на церковнослав. языке. Латыш. приходы имеют устойчивую тенденцию к росту количества прихожан, в т. ч. и за счет молодежи.

Церковно-общественные, образовательные и воспитательные организации. ЛПЦ уделяет значительное внимание вопросам духовного просвещения и воспитания. Помимо возрожденной в 1993 г. Рижской ДС при храмах действуют воскресные школы. Работает Рижская православная школа св. равноапостольных Кирилла и Мефодия. В 1992 г. было создано об-во милосердия и духовного просвещения «Нива Духовная» во имя св. прп. *Сергия Радонежского*. С 2007 г. ведет работу Православное об-во по работе с детьми и молодежью «Родник». Оно ор-

ганизовывает детские лагеря, воскресные школы, работает с дошкольниками. Отдел образования и

катехизации ЛПЦ проводит курсы повышения квалификации преподавателей «Христианского учения» и курсы катехизаторов. С 2002 г. в Риге проходит ежегодная Международная правосл. педагогическая конференция «Церковь, семья и школа».

На территории Латвийской Республики действуют межконфессиональные организации: Об-во для поддержки семьи «Baltā Zvaigzne» (Белая Звезда) (2009) и Объединение христианских медиков Латвии (2010). Обе организации созданы

по благословию митр. Рижского и всея Латвии Александра и подержаны главами Римско-католической и Евангелическо-лютеранской Церквей Латвии.

Монастыри. Действующие: рижский Сергиев во имя Св. Троицы мон-рь (женский, в Риге, в 1892 образована община, 31 дек. 1901 обращена в мон-рь), екапиллский в честь Сошествия Св. Духа на апостолов мон-рь (мужской, в Екапиллсе, основан в 70-х гг. XVII в., упразднен в 1817, восстановлен в 1993), Преображенская пуст. (женская, в пос. Валгунде Елгавского края, основана в 1895 при рижском Сергиевом мон-ре), илукстский в честь Рождества Пресв. Богородицы жен. мон-рь (в г. Илуксте, основан в 1839 как мужской третьеклассный, 1 янв. 1881 преобразован в женский, закрыт в 1953, возрожден в 2014).

Упраздненные: рижский во имя прп. Алексия, человека Божия, монастырь (мужской, в Риге, основан в 1896, в 1921 сеймом ЛПЦ монастырский комплекс передан католич. Церкви).

Арх.: ЛГИА. Ф. 1370. Оп. 1. Д. 43, 75, 272, 2346, 2347; Ф. 3235. Оп. 1/22. Д. 688.

Ист.: *Latvijas Pareizticīgās Baznīcas Satversmes Statūti*. Rīga, 1924; *Latvijas Pareizticīgās Baznīcas Statūti*. Rīga, 1936.

Лит.: Православие в Латвии: Ист. очерки / Сост. А. Поммер. Rīga, 1931; *Zariņš J. Pareizticīgās Baznīcas un tās mantas tiesiskais stāvoklis Latvijā*. Rīga, 1939; *Плюханов Б. В.* РСХД в Латвии и Эстонии: Мат-лы к истории Рус. студ. христ. движения. [П.], 1993; *Тихомиров Н., прот.* Исторический путь Православия в Латвии // Правосл. церк. календарь на 1994 г. Рига, 1993; *он же.* Константинопольский Патриархат: история, современность, перспективы // Там же, на 2002 г. Рига, 2001. С. 90–94; Православие в Латвии: Ист. очерки: Сб. ст. Рига, 1993–2011. Вып. 1–9; *Černejs A., protopresbiters.* *Latvijas Pareizticīgā Baznīca*, Rīga, 1996; *Гаврилин А. В.* Очерки истории Рижской епархии. Рига, 1999; *он же.* Под покровом Тихвинской иконы: Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб., 2009; *Дёмина Н. Д.* Рижский Свято-Троице-Сергиев жен. мон-рь. Рига, 1999; *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. М., 1999; *он же.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002; *Феофан (Пожидаев), игум.* Священномученик Иоанн, архиеп. Рижский. Рига, 2004; Латвийская Православная Церковь, 1988–2008 гг. Рига, 2009; Православие в Эстонии: Исслед. и док-ты: В 2 т. М., 2010; Православие в Балтии: Науч.-аналитич. ж. Рига, 2013–2014. № 1/2(10/11); *Гарклавс С., прот.* Под сенью Тихвинской иконы. М., 2014².

А. В. Гаврилин

ЛАТВИЯ [латыш. *Latvija*; Латвийская Республика], государство в Вост. Европе. Граничит на севере с *Эстонией*, на востоке с *Россией*, на

юго-востоке с *Беларусью*, на юге с *Литвой*. Омывается водами Балтийского м. и его Рижского зал. Территория — 64 589 кв. км. Столица — Рига (698,1 тыс. чел.; данные везде на 2015). Крупные города: Даугавпилс

*Рига.
Фотография.
Нач. XXI в.*

(96,8 тыс. чел.), Лиепая (78,8 тыс. чел.), Елгава (62 тыс. чел.), Юрмала (57,7 тыс. чел.), Вентспилс (40,3 тыс. чел.). Офиц. язык — латышский. Включает 5 историко-культурных областей (Курземе, Земгале, Селия, Латгале, Видземе). Административно-территориальное деление: 110 краев (*novads*) и 9 городов республиканского подчинения. Л. — член ООН (1991), ОБСЕ (1991), МВФ (1992), МБРР (1992), Совета гос-в Балтийского м. (1992), СЕ (1995), ВТО (1999), ЕС (2004), НАТО (2004). **География.** Л. расположена в сев.-зап. части Восточно-Европейской равнины. Протяженность береговой линии ок. 500 км. Берега преимущественно низменные, с песчаными пляжами и дюнами, изрезаны слабо, глубоко в сушу вдается только Рижский зал., отделенный от открытого моря Курземским п-овом и о-вами Моонзундского архипелага. Для рельефа характерно чередование плоских или волнистых низменностей и холмистых возвышенностей. Вдоль побережья Балтийского м. протягивается низменность шириной 2–3 км (местами до 50 км). В зап. части Л. расположена Курземская возвышенность (высота до 182 м), разделенная долиной р. Вента на Западно-Курземскую и Восточно-Курземскую. Характерны древние ледниковые долины, по самой глубокой из них протекает р. Абава. Центральная часть страны расположена на Видземской возвышенности (высота до 311 м, гора Гайзинькалнс — высшая точка Л.); на востоке находится Латгальская возвышенность (до 289 м). Для них типичен моренно- и камово-хол-

мистый рельеф с глубокими речными долинами и озерными котловинами. Между Курземской и Видземской возвышенностями расположена Среднелатвийская низменность с многочисленными моренными холмами, на севере — Северо-Латвийская низменность (высота 40–60 м), между Видземской и Лат-

гальской возвышенностями протягивается Восточно-Латвийская низменность, средняя часть которой занята плоской

заболоченной Лубанской низиной. Климат умеренный, переходный от морского к континентальному. Преобладают зап. ветры. Средняя температура в июле 16–18°C, в янв. от –2°C на побережье Балтийского м. и до –7°C в вост. части. Осадков выпадает 500–800 мм в год, 70% из них — в теплый период. Самый солнечный и сухой месяц — май. Л. имеет развитую речную сеть (777 рек длиной более 10 км, общая протяженность 38 тыс. км). Все реки относятся к бассейну Балтийского м. Крупнейшие из них — Даугава, Лиелупе, Вента, Гауя. Наиболее крупные озера — Лубанас, Разнас, Буртниеку, Усмас, Лиепаяс.

Население Л. составляет ок. 1,977 млн чел. (по оценочным данным Центрального статистического бюро Л. на 1 сент. 2015). Большинство — латыши (61,17%), русские — 26,25%, белорусы — 3,48, украинцы — 2,29, поляки — 2,2, литовцы — 1,28%, представители других национальностей (евреи, цыгане, немцы, эстонцы, ливы и др.) немногочисленны. По данным на 2015 г., темпы сокращения населения составили 1,06%. Рождаемость — 9,79 на 1 тыс. чел., смертность — 13,6 на 1 тыс. чел. Показатель фертильности — 1,5 ребенка приходится на 1 женщину. Детская смертность — 5,36 на 1 тыс. новорожденных. Средняя продолжительность жизни — 74,23 (мужчины — 69,62, женщины — 79,07). В возрастной структуре: дети до 14 лет — 14,86%; лица от 15 до 64 лет — 66,16; лица старше 64 лет — 18,98%. Городское население составляет 67,4%.

Государственное устройство. Л. — унитарное государство. В 1991 г. восстановлена конституция, принятая 15 февр. 1922 г. (в наст. время действует с рядом поправок; последние приняты 19 июня 2014). Форма правления — многопартийная парламентская республика. Глава государства — президент, избираемый парламентом на 4 года (с правом одного переизбрания). Президентом республики может быть избран полноправный гражданин Л., не имеющий двойного гражданства, достигший 40 лет. Президент представляет государство в международных отношениях, назначает и принимает дипломатических представителей, руководит Вооруженными силами (в случае войны назначает главнокомандующего), объявляет войну по постановлению сейма и др. При этом президент не несет политической ответственности, к-рая возлагается на главу правительства или соответствующего министра при контрасигнации последними всех распоряжений президента (за исключением актов о роспуске сейма и о предложении кандидатуры на пост главы правительства). Высший орган законодательной власти — однопалатный парламент (сейм). Состоит из 100 депутатов, избираемых по пропорциональной системе (по партийным спискам) на 4 года. Согласно конституции, сейм может сместить пре-

зидента до истечения срока его полномочий и избрать нового. Президент вправе инициировать роспуск парламента и вынести эту инициативу на всенародное голосование (если президента поддержат менее половины голосовавших, то он считается смещенным, и сейм избирает на оставшийся до выборов срок нового президента). Высший орган исполнительной власти — кабинет министров, утверждаемый сеймом по предложению главы правительства — президента министров, кандидатура к-рого вносится президентом гос-ва и утверждается сеймом. Каждый новый состав кабинета должен получить вотум доверия парламента.

Религия. 36% населения Л. — протестанты, ок. 20% — католики, 18,6% — православные, 3,5% — старообрядцы. Представители других конфессий малочисленны. Ок. 20% жителей Л. не причисляют себя ни к какой религ. группе. Всего, по данным на 2011 г., в Л. было зарегистрировано 36 конфессий и религиозных орг-ций.

Православие. Действуют 125 приходов *Латвийской Православной Церкви*. На 2015 г. насчитывалось ок. 370 тыс. православных.

Старообрядчество. Старообрядцев в Л., по разным оценкам, от 50 до 70 тыс. чел., в основном они входят в беспоповские общины *поморского согласия*.

Римско-католическая Церковь представлена архиепископством-митрополией Рига (епископства-суффраганы: Елгава, Лиепая, Резекне-Аглона). По данным 2015 г., насчитывается 266 приходов, в к-рых служат 162 священника. Численность католиков составляет 407 тыс. чел. Католицизм гл. обр. распространен среди жителей Латгале, а также суйтов — небольшой (ок. 3 тыс. чел.) этнической группы Алсунгского края в Курземе.

Протестантские церкви, деноминации и секты. В нач. XXI в. крупнейшей протестант. орг-цией в Л. является *Латвийская евангелическо-лютеранская Церковь* (719 тыс. чел., 294 общины). Среди др. протестант. деноминаций: *баптисты* (ок. 6,7 тыс. чел., 94 общины), *пятидесятники* (ок. 3,3 тыс. чел., 52 общины), неопятидесятники (церковь «Новое Поколение», ок. 3 тыс. чел., 18 общин), *адвентисты* седьмого дня (ок. 4,1 тыс. чел., 51 община), христиане-евангелисты (ок. 3,2 тыс. чел., 13 общин) и др. Общая численность протестантов — ок. 740 тыс. чел.

Нехалкидонские восточные Церкви. Действует община Российской и Ново-Нахичеванской епархии *Армянской Апостольской Церкви*. На нач. XXI в. в Л. насчитывалось ок. 2,7 тыс. армян.

Иудаизм. По офиц. данным на 2013 г., зарегистрировано 11 иудейских общин (327 иудеев).

Ислам. На 2013 г. зарегистрировано 17 мусульм. общин (преимущественно сунниты).

Религиозное законодательство. По Конституции Л. (гл. VIII, ст. 99), «каждый имеет право на свободу мысли, совести и вероисповедания. Церковь отделена от государства». В 1995 г. принят закон «О религиозных организациях» (действует с изменениями 1996, 1998, 2000 гг.), цель которого «гарантировать жителям Латвии право на свободу в области религии, которое включает в себя право определять свое отношение к религии, индивидуально или вместе с другими обращаться к какой-либо религии или не обращаться ни к одной из них, свободно менять свои религиозные или иные убеждения, осуществлять религиозную деятельность, а также выражать свои религиозные убеждения, соблюдая действующие законодательные акты» (ст. 2, п. 1–2). Согласно отдельным нормам действующего законодательства и сложившейся практике, гос-во признаёт статус «традиционных конфессий» за Евангелическо-лютеранской Церковью, Римско-католической Церковью, Латвийской Православной Церковью, за общинами старообрядцев, баптистов, адвентистов седьмого дня, методистов и иудеев. Они имеют право регистрации браков наравне с органами ЗАГСа. Первым 5 из указанных конфессий разрешено преподавание христ. вероучения в начальных классах общеобразовательных школ, педагогов рекомендует руководство этих конфессий и аттестует Мин-во образования и науки Л. (Закон «О религиозных организациях», ст. 6, п. 3). 8 нояб. 2000 г. был заключен конкордат между Л. и Св. Престолом Римско-католической Церкви (вступил в силу с 25 окт. 2002).

13 нояб. 2008 г. сейм Латвии принял Закон «О Латвийской Православной Церкви», закрепляющий юридические основы деятельности ЛПЦ на территории Латвии (вступил в силу в дек. 2008). Закон называет своей целью способствование развитию открытого, правового и гармоничного общества, а также определение общих для ЛПЦ и Латвийского гос-ва задач в социальной, правовой и культурной сферах. Закон признаёт ЛПЦ традиц. Церковью для Латвии, длительное время пребывающей на значительной территории страны, отмечает

вклад ЛПЦ в различные сферы жизни гос-ва. Закон закрепляет за ЛПЦ право интерпретировать Свящ. Писание, формулировать и проповедовать свою доктрину, формировать свою внутреннюю жизнь, соблюдая каноны, в т. ч. организационную структуру. Закон определяет, что правящий архипастырь своим указом назначает духовенство на места служения, переводит и увольняет клириков с места служения, что решения ЛПЦ по каноническим вопросам не подлежат обжалованию в гос. институтах. Отдельные положения закона направлены на защиту тайны исповеди и тайны пастырских бесед, закрепляют право ЛПЦ на регистрацию браков и предоставляют право военнослужащим Вооруженных сил Латвийской Республики на духовное окормление со стороны ЛПЦ, в т. ч. на участие в богослужениях. Закон касается и более частных моментов. Он отмечает особый статус мероприятий, связанных с Преображенской жен. пуст. *рижского Сергиева во имя Св. Троицы женского монастыря*, именуемой в законе «Валгундской святыней», а именно: Латвийское гос-во гарантирует ЛПЦ сотрудничество в организации ежегодного традиц. крестного хода, устраиваемого на праздник Преображения Господня. В переходных положениях закона предусмотрено также рассмотрение Кабинетом министров Латвийской Республики вопроса об охране памятника культуры «Валгундская святыня» и обеспечение соответствующего финансирования.

В дек. 2008 г. также вступил в силу Закон «О Евангелическо-лютеранской Церкви».

История. С древнейших времен до XVI в. Древнейшие памятники человеческой деятельности на территории Л. относятся к IX тыс. до Р. Х. В эпоху неолита (до II тыс. до Р. Х.) известны 10 стоянок. Со 2-й пол. II тыс. до Р. Х. благодаря совершенствованию орудий из камня и кости (топоры, мотыги) развивались скотоводство и земледелие. Установился торговый обмен с соседними землями вплоть до Валдайской возвышенности, Карелии и Финляндии (ввозили предметы из сланца, шифера, бронзы). В эпоху раннего железа, в первые века по Р. Х., начались добыча железа из местных болотных руд и производство железных орудий труда. Основными занятиями

являлись подсечно-огневое земледелие и скотоводство. Важное значение сохраняли пушная охота и бортничество. Развивались ремесла: кузнечное, оружейное, ювелирное, гончарное, ткачество льняных и шерстяных тканей, обработка кожи (изготавливали одежду и обувь) и дерева.

О ранних религ. представлениях, заключавшихся в обожевлении сил природы, известно по археологическим памятникам каменного века. Тогда же сложились представления о потустороннем мире и бессмертной душе. В погребениях найдены орудия труда, оружие, предметы обихода. На зарождение анимистических и тотемистических представлений и культа предков в период неолита указывают находки на поселениях и в захоронениях фигурок людей и животных, амулетов из кости, рога, камня, янтаря, имевшего сакральное значение. В первые века по Р. Х. становится характерным орнамент из кружков, прямых и косых крестиков, отождествляемых с поклонением Солнцу и Луне; распространяется орнамент со знаком мандра, олицетворяющего постоянное обновление и вечность жизни.

Этническая принадлежность древнейшего населения точно не установлена. Предки совр. прибалтийских финнов и балтов появились в регионе соответственно во 2-й пол. III тыс. до Р. Х. (культура гребенчатой керамики) и в 1-й пол. — сер. II тыс. до Р. Х. (культура боевых ладьевидных топоров и керамики со шнуровым орнаментом). Формирование известных по средневековым письменным источникам этноплеменных объединений куршей, латгалов, земгалов, селов (все в основе — балты), ливов (прибалт. финнов) завершилось к V в. по Р. Х. Позже из них сформировались древние народности.

В V–VIII вв. в связи с социальной дифференциацией выделилась верхушка общества (знать), состоявшая из глав и старейшин родов и племенных объединений, на службе у к-рых находились военные дружины. Этот процесс отразился на погребальном инвентаре: появились серебряные и позолоченные украшения, короткие лезвийные мечи из Порейнья и с Готланда. Знать селилась в хорошо укрепленных городищах, защищавших от нападений врага сельское население, жившее в окрестных местах. Увеличение воен-

ной опасности усиливало важность укрепленного городища как центра сельской округи, способствовало созданию отдельных территориально-адм. образований.

В нач. II тыс. активно развивались ремесла: использовался гончарный круг, совершенствовалось производство оружия, ювелирных изделий (в т. ч. украшений, инкрустируемых серебряными пластинами), началось изготовление ткани из шерсти специально разводимых тонкорунных овец и т. д. На рубеже I и II тыс. Даугава стала районом транзитной торговли между Русью, Зап. и Сев. Европой, в к-рую включились и местные жители. В XII в. в Европу с территории совр. Л. экспортировались зерно, рыба, продукты бортничества, меха и др. На берегах Даугавы возникли центры ремесел и международной торговли (городища Даугмале, Айзкраукле и др.).

В кон. I тыс. земли куршей (совр. Западная Л.), ливов и латгалов (по Даугаве) стали объектом торговой и военной экспансии викингов. В XI в., согласно летописным источникам, Даугава попала в сферу интересов Древнерусского гос-ва. К 60-м гг. XI в. в даннической зависимости от Полоцкого княжества оказались земли латгалов и ливов по Даугаве, а также земгалов (освободились в нач. XII в.). С нач. XII в. дань Новгороду платили латгалы, проживавшие на территории совр. Сев. Л. Источники называют данниками Руси также и куршей.

Связи с Зап. Европой и Русью оказали большое влияние на развитие социально-дифференцированного общества. В нач. II тыс. на территории совр. Л. образовались административно-территориальные объединения, которые в дальнейшем превратились в феодальные республики (у куршей и курземских ливов) или раннефеодальные монархии (у ливов по Зап. Двине и Гауе, у земгалов, селов и латгалов): на рубеже XII и XIII вв. сложились латгальские протогос. образования в областях Талава (Толова) и Адзеле; к кон. XII в. на Зап. Двине возникли княжества Ерсика (Герцике) и Кокнесе (Кукнойс) — данники Полоцка. В этот период сформировался пантеон языческих богов, среди к-рых главенствовал Перконс (бог грома и молнии; см. ст. *Перун*). Проникновение христианства началось в XI в. Хронист *Адам Бременский* под 1076 г.

упоминает католич. церковь на побережье Курземе, к-рую соорудили дат. купцы для своих нужд. Однако степень влияния католичества в среде местных куршей и ливов неизвестна. Князья Ерсика и Кокнесе и их окружение были православными. Судя по археологическим данным (находки языческого святилища на городище Асоте и погребения по языческим обрядам в могильниках Ерсика и Кокнесе), христианство здесь сосуществовало с язычеством. В Ерсике и, вероятно, в Кокнесе в нач. XIII в. были правосл. церкви. О знакомстве местного населения с Православием («русской верой») свидетельствуют находки нательных крестиков, медальонов с изображением св. Георгия, энколпионов. Они встречаются в основном на землях латгалов и даугавских ливов — в ареале древнерус. влияния, в основном в женских погребениях в составе ожерелья. Им могло придаваться сакральное значение, так же как и символам языческого культа. Большинство крестиков производилось местными мастерами, к-рые заимствовали форму изделия, но оформление отвечало местным художественным канонам.

Православная Церковь не проводила обязательного крещения народов, находившихся в политической (даннической) зависимости от Полоцкого княжества. В 1184 г. в Полоцк за разрешением начать миссионерскую деятельность в низовьях Даугавы прибыл буд. католич. еп. Мейнард. Князь дал такое разрешение, что объяснялось как отсутствием в то время епископа на Полоцкой кафедре, так и желанием найти союзника в лице Бременского епископа против наступавших на полоцкие владения на Даугаве язычников-литовцев. Деятельность Мейнарда послужила началом крестоносного завоевания территории совр. Л. — Ливонии (по имени 1-го покоренного народа — ливов; затем название было распространено на все земли, захваченные крестоносцами на территории совр. Л. и Эстонии). В 1186 г. было официально учреждено католич. Икшкильское (Ливонское) епископство «в Рутении», т. е. на Руси. Утверждение власти католич. Церкви на землях ливов и латгалов произошло при епископе *Альберте I* (1199—1229). В 1201 г. на месте старого торгово-ремесленного центра ливов, у впадения р. Ридзене (Рига)

в Даугаву, была основана Рига — главный опорный пункт власти крестоносцев в регионе. Туда была перенесена епископская кафедра, а еп-ство с 1209 г. получило название Рижского. В 1202 г. по инициативе Альберта был создан военно-рыцарский орден *меченосцев*.

Призывая к крестовым походам против местного населения, католич. Церковь заявляла о предоставлении защиты от неверных всем христианам, но православных считала схизматиками и врагами. В ходе завоевания были разрушены православные церкви (в 1208 — в Кокнесе, в 1209 — в Ерсике), а местная знать приняла католичество и признала себя вассалом Рижского епископа. К 1215 г. прекратили сопротивление сев. латгалы областей Талава и Адзеле. В 1216 г. со смертью полоцкого кн. Владимира прекратилась борьба Полоцка за потерянные владения по Даугаве. С началом завоевания, сопровождавшегося обязательным обращением жителей региона в католичество, правосл. миссионеры активизировали проповедническую деятельность. В нач. XIII в. Православие приняли данники Новгорода — сев. латгалы области Ймера, а затем области Талава, к-рые относились к православному как к союзникам в борьбе с крестоносцами.

К кон. XIII в. территория совр. Л. окончательно оказалась под властью католич. Церкви и нем. феодалов. В границах совр. Л. и Эстонии сложился конгломерат феодально-духовных гос-в, просуществовавший до 1561 г.: Рижское архиеп-ство (до 1255 еп-ство), гос-во *Ливонского ордена* (с 1237 преемник ордена меченосцев), Семигальское (Земгальское; упразднено в 1251) и Курляндское (Курземское) еп-ства. Духовным главой Ливонии был архиепископ Рижский. Все местные народы стали паствой Рижского диоцеза. Однако в религ. лексике латыш. языка значительная часть терминов имеет древнерус. или церковнослав. происхождение (напр., *baznīca* (божница), *grēks* (грех), *gavēt* (говеть), *kristis* (крест) и др.). С ними сосуществовали появившиеся позже в латыш. язык в небольшом количестве христ. термины из нем. языка. Сохранение правосл. лексики обусловлено тем, что богослужение в католич. церкви велось на латыни, а затем на немецком — языках, непонятных или плохо понятных для коренного населения.

В ходе завоевания сложились 2 формы землевладения — ленное и доменное (с центрами в епископских и орденских замках). Число нем. ленников постоянно росло. Их права регламентировались рыцарским правом, составлявшимся в XIV–XV вв. по образцу «Саксонского зеркала». В результате расширения привилегий в XV в. нем. ленные владения фактически стали частной собственностью, местная знать, подчинившаяся завоевателям, — мелкими ленниками, т. н. лейманами, владевшими землей по праву, отличавшемуся от права немецких ленников. Они несли военную и пограничную службу, в XV–XVI вв. выполняли вспомогательные обязанности в походах (ремонтировали оружие, доспехи и т. д.).

В XIII–XIV вв. большинство местного населения оказалось на положении феодально-зависимого крестьянства, обязанного помимо обычных феодальных повинностей отрабатывать «кровавую десятину» — участвовать в военных походах. С кон. XIII в. основной формой эксплуатации стала барщина. По мере расширения барской запашки наделы крестьян сокращались, в XV в. кроме крестьян-хозяев появились безлошадные («одноногие») и безземельные (бобыли) крестьяне. Поселения деревенского типа сменялись малыми деревнями и хуторами, принадлежавшими одному феодальному владению и объединенными вместо сельской общины в пагаст или вакку (у ливов). Крестьяне находились в полной правовой зависимости от феодала.

В XVI в. сложилась единая латыш. народность, объединившая этнически близких латгалов, селов, земгалов. Единый латыш. язык развивался на основе языка древних латгалов. Медленнее ассимилировались курши (куршский яз. в Курземе сохранился еще в XIX в., на Куршской косе — даже в XX в.), а также финноязычные ливы, язык к-рых использовался до кон. XX в.

В XIV–XVI вв. города Ливонии стали важными центрами ремесла и торговли. Членами Ганзы являлись Рига, Венден (ныне Цесис), Газенпот (ныне Айзпуте), Гольдинген (ныне Кулдига), Кокенгузен (др. название — Кокенгаузен; ныне Кокнесе), Вольмар (ныне Валмиера), Валк (ныне Валка), Лемзаль (ныне Лимбажи), Виндава (ныне Вентспилс).

Вся экономическая и политическая власть в городах находилась в руках нем. знати — патрициата, который имел пожизненное представительство в городском совете. Большую часть населения городов составляли немцы, к-рые занимали ведущие позиции в ремесле и торговле. Коренные жители представляли социально бесправные слои городского населения, которые занимались непрестижными работами. Не позднее нач. XV в. появились их профессиональные объединения-братства: носильщиков, разносчиков соли, лигеров (в основном работали с грузами в портах) и др. Члены братств могли быть вполне зажиточными, но в отличие от немцев не имели права владеть недвижимостью в городе.

Несмотря на заключенные между Рижским архиеп-ством и Ливонским орденом договоры (в 1210 о разделе совместно завоеванных в Прибалтике земель в отношении 2 к 1 и в 1260 о разделе Курляндии в отношении 1 к 2), борьба за политическую гегемонию в регионе между ними продолжалась с нек-рыми перерывами до начала *Ливонской войны* (1558–1583). В течение XV в. происходило усиление Ливонского ордена. Однако попытка магистра Вальтера фон Плеттенберга (1494–1535) создать единое гос-во в Ливонии не увенчалась успехом. Противостояние наносило ущерб экономике региона, приводило к общеполитическому ослаблению ливонских гос-в. С 1419 г. созывались ландтаги — собрания представителей дворянства, делегатов от городов и духовенства ливонских гос-в, целью к-рых было достижение внутреннего мира в Ливонии и решение общих для региона экономических и политических вопросов.

В эпоху существования феодально-духовных гос-в Православие сохранялось среди численно незначительного древнерус. населения городов: в средневек. Риге известен рус. торгово-ремесленный квартал (двор), где останавливались приезжавшие сюда торговать купцы. Предположительно правосл. рус. купеческая церковь в Риге существовала уже в 1-й трети XIII в., хотя 1-е письменное упоминание о ц. свт. Николая Чудотворца относится к 1299 г. Правосл. («русское») кладбище в Риге упоминается под 1394 г. В XIII–XVI вв. Никольский приход относился к Полоцкой епархии. Правосл. храм и приход просуществовали вплоть до

1548 г., когда после пожара и разграбления церковь закрыли. Возможно, домовые правосл. храмы существовали и в др. городах Ливонии (Венден, Вольмар), где по крайней мере в XIII в. источники упоминают рус. жителей. Богослужения и необходимые церковные требы могли совершать приезжавшие вместе с купцами священники.

С нач. 20-х гг. XVI в. на территории совр. Л. начало распространяться лютеранство, особенно в Риге и др. городах. Реформация сопровождалась погромами католич. церквей и мон-рей. Пострадали также и правосл. церкви. В лютеранство перешли нек-рые члены Ливонского ордена и нек-рые ливонские феодалы. В 1525 г., чтобы предотвратить начало религиозной войны, Плеттенберг провозгласил свободу вероисповедания, к-рая была закреплена решением ландтага в Вольмаре в 1554 г. (О Реформации в Л. см. подробнее ст. *Латвийская евангелиско-лютеранская Церковь*.)

Сер. XVI–XVII в. Ливонская война привела к ликвидации ливонских феодально-духовных гос-в. В 1559 г. Курляндский епископ продал свои владения Дании. В 1561 г. магистр Ливонского ордена, архиепископ и представители ливонских сословий присягнули на верность польскому королю и вел. кн. Литовскому *Сигизмунду II Августу*. В 1562 г. свои владения ему передал и последний Рижский архиепископ. Последний магистр Ливонского ордена Готхард *Кетлер* (1561–1587) стал 1-м герцогом Курляндского (Курляндско-Семигальского) герц-ства, находившегося в вассальной зависимости от польской короны, а также (недолгое время) являлся губернатором Задвинского герц-ства (территория современной правобережной Л. и Юж. Эстонии), в государственно-правовом отношении подчинявшегося *Литовскому великому княжеству*. Под властью Речи Посполитой в Задвинском герц-стве было учреждено католическое Ливонское еп-ство. В 1583 г. в Риге была основана иезуитская коллегия. В 1585–1589 гг. в городе, где оставалось большое число лютеран, произошли «календарные беспорядки», поводом для к-рых послужило введение григорианского календаря.

В результате польско-швед. войны 1600–1629 гг. Рига и Задвинское герц-ство перешли под власть Шве-

ции, образовав пров. Лифляндия. Основной христ. конфессией стало лютеранство. Ливонское еп-ство было ликвидировано, католицизм сохранил ведущие позиции в оставшейся в составе Речи Посполитой Латгалии (Инфлянты). В 1-й пол. XVII в. на швед. и польск. территориях были проведены ревизии земельных владений. За счет выявленных бесхозных или samozахваченных земель была увеличена часть королевского земельного фонда. Хотя во всей бывш. Ливонии сохранилось многочисленное нем. землевладение, за счет раздачи территорий из гос. фондов создавалось крупное частное швед. и польск. землевладение.

В Курляндском герц-стве в правление герц. Якоба Кетлера (с 1642; фактически участвовал в управлении гос-вом с нач. 30-х гг. XVII в.) стало быстро развиваться судостроение и сопутствующие ему отрасли. Герцог проводил политику протекционизма, старался не конфликтовать с помещиками, привилегии которых поддерживали польские короли. К сер. XVII в. герц-ство стало заметным участником европ. политики и имело колонии в Центр. Америке (о-в Тобаго) и Зап. Африке (о-в св. Андрея; ныне Джеймс в устье р. Гамбия).

В сер. XVII в. территория совр. Л. подверглась разорению во время русско-польской (1654–1667), русско-швед. (1656–1658) и Северной (1655–1660) войн. Особенно пострадало Курляндское герц-ство, которое так и не смогло вернуться к довоенному уровню развития. По Кардискому миру со Швецией (1661) и по Андрусовскому перемирию с Речью Посполитой (1667) Россия отказалась от всех территориальных претензий в Прибалтике. Оливский мир (1660) оставил без изменения владения Речи Посполитой и Швеции в Прибалтике. Швеция отказалась от претензий на Курляндское герц-ство.

На территории Речи Посполитой заметно ухудшилось положение крестьянства. В 1599 г. в Риге юрист Д. Хильхен составил проект кодекса, согласно которому законодательно оформлялось крепостное право: крестьянин вместе с семьей становился крепостным помещика, на земле к-рого он жил не менее 3 лет (беглых крестьян разыскивали в течение 10 лет). С 1600 по 1630 г. проект кодекса действовал в качестве

временного закона (но так и не был утвержден). После перехода Лифляндии к Швеции кор. Густав II Адольф издал в 1632 г. закон, гарантировавший крестьянам право собственности на домашних животных, орудия труда и предметы быта, а также разрешавший жаловаться на феодала в земский (ландгерихт) и надворный (гофгерихт) суды. Однако в изданных в 1668 г. т. н. Полицейских правилах было записано, что все крестьяне, жившие на землях помещиков, стали лично зависимыми и потеряли право свободного передвижения. Курляндские дворяне еще в 1617 г. получили право распоряжаться своими крестьянами вплоть до применения смертной казни («Курляндский статут»), хотя герцогские крестьяне в отличие от помещичьих имели право на владение и наследование собственности.

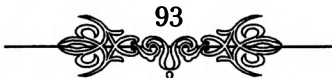
Массовые раздачи гос. земель в Лифляндии (основной житницы Швеции) и разрушение крестьянских хозяйств в 40–70-х гг. XVII в. привели к сокращению поступлений в швед. казну. В результате начатой Карлом XI (1681) редукции земель в Лифляндии гос-ву было возвращено $\frac{5}{6}$ всех имений. Бывш. владельцев объявили арендаторами гос. имений. По размерам и качеству посевных площадей были выделены 4 категории крестьянских хозяйств, для которых установлены фиксированные размеры барщины и оброка; крестьянам разрешалось продавать излишки продуктов. Изданный в 1696 г. «Регламент экономии» определял взаимоотношения между дворянами и крестьянами; расширялись наследственные права крестьян как держателей участков; под надзор суда ставились «домашние наказания». В 1697 г., после восшествия на престол, Карл XII, рассчитывавший заручиться поддержкой нем. дворянства, приостановил реформы, значительная часть земель в Лифляндии была возвращена из казны бывш. владельцам. Это изменило отношение местного дворянства к швед. короне.

XVIII в. В 1710 г., после занятия Риги рус. войсками в ходе Северной войны 1700–1721 гг. и прекращения военных действий на территории совр. Л., лифляндское дворянство признало власть Российской империи на условиях сохранения прежних прав и привилегий (т. н.

Аккордные пункты). Ништадтский мирный договор 1721 г. закрепил переход к России Лифляндии, к-рая вместе с Эстляндией образовала т. н. Остзейскую автономию. Управление остзейскими (прибалтийскими) губерниями осуществлялось через Мин-во внутренних дел. Представителями высшей власти в автономии были генерал-губернатор (генерал-губернаторство упразднено в 1876) и в каждой губернии — гражданские губернаторы. Высшую внутреннюю власть осуществляли рыцарские ландтаги (формально собирались с разрешения генерал-губернатора в каждой губернии) и ландраты (в перерывах между ландтагами). Решения ландтагов, касавшиеся недворянских сословий, утверждались генерал-губернаторами.

В 1710 г. состоялось бракосочетание племянницы *Петра I Алексеевича* *Анны Иоанновны* с курляндским герц. Фридрихом Вильгельмом Кетлером (умер в 1711). Хотя Анна Иоанновна в 1712–1730 гг. жила в Митаве (ныне Елгава), офиц. главой герцогства был дядя Фридриха Вильгельма герц. Фердинанд. По настоянию России в 1737 г. герцогом стал Э. И. Бирон (1737–1741, 1763–1769). В 1741–1758 гг. герцогский трон был свободен, в 1758–1763 гг. герцогом был сын польск. кор. Августа III Карл, в 1769–1795 гг. правил Петр Бирон. После 3-го раздела Польши и отречения Бирона от герцогства в 1795 г. Курляндия в качестве губернии вошла в состав России.

На фоне ослабления гос-ва усиливались позиции дворянства. Помещики бесконтрольно эксплуатировали крестьян, особенно в отдаленных в аренду герцогских поместьях. В 1711 г. в Лифляндии началась реституция земель, т. е. возвращение имений их прежним владельцам. По ее результатам в распоряжении имперской казны осталось ок. 25% земель, часть же оказавшихся без хозяев земель передавалась помещикам для увеличения мызной запашки. Восстановление хозяйства сопровождалось ростом барщины и натурального оброка. Помещики получили полное право распоряжаться жизнью и имуществом крестьян. В 1726 г. был отменен закон о получении беглыми свободы после 2 лет жизни в Риге. Крестьянам запрещалось торговать на рынке. Сами помещики стремились монополизировать торговлю

сельскохозяйственными продуктами на внутреннем рынке, вызвав этим недовольство городов. Для повышения доходов помещики начали создавать в имениях крепостную мануфактуру. В сер. XVIII в. по экономическому развитию Лифляндия достигла уровня довоенного времени. Однако сохранение крепостного права мешало введению агротехнических новшеств и развитию товарного земледелия. С обоснованием необходимости отмены крепостного права выступили прибалт. просветители (И. Г. Эйзен в 1764; Г. Меркель в 1796). В 1765–1784 гг. в Лифляндии прошли крестьянские волнения, переросшие в 1771, 1784, 1802 гг. в восстания, которые были подавлены войсками. Имперское правительство, обеспокоенное разорением крестьянских хозяйств и усилением сопротивления масс, заставило помещиков принять меры, сохранявшие крестьянские хозяйства (сокращение и фиксация размеров барщины и оброка, разрешение крестьянам продажи избытков продуктов на рынке, ограничение бесконтрольного распоряжения личностью крепостного и др.). В 1783–1786 гг. на Лифляндию была распространена общегос. система административного и судебного управления, поставившая под контроль правительства высшее управление автономией и судебную власть над крестьянами. Введена общероссийская система управления городами, бюргерские права на основании имущественного ценза стали предоставляться лицам нем., рус. и латыш. происхождения. С 1797 г. на латыш. крестьян распространена рекрутская повинность.

По 1-му разделу Речи Посполитой (1772) в состав Российской империи вошла Латгалия, к-рая была включена в состав Псковской, с 1802 г. — Витебской губ. Польск. и нем. помещики сохранили внутреннее дворянское самоуправление, право частной собственности на земельные владения и исключительные права на пользование угодьями, лесами, на строительство мельниц, владение корчмами (торговали продуктами собственного винокурения) и др. По порядку наследования в Латгалии крестьянское хозяйство делилось между всеми сыновьями, соответственно постоянно сокращались наделы, при этом увеличивались барщина, налоги, различные повинности. В 1795 г. по 3-му разделу Речи Посполитой

Курляндское герц-ство было включено в состав Российской империи и преобразовано в Курляндскую губ.

Распространение лютеранства и соперничество между конфессиями способствовали развитию латыш. письменности (на основе готического алфавита). Первая богослужебная книга с текстом на латыш. языке (также на нижненемецком и эстонском) напечатана в Германии в 1525 г. (не сохр.). В 30–40-х гг. XVI в. издавались по-латышски тексты богослужений и песнопений, печатали списки членов братств; в Риге была открыта 1-я школа для латышей. В 1585 г. на латыш. языке издан католический, в 1586 г. — лютеран. катехизисы. Первые школы при церквях в Риге известны с XIV в. Для нем. населения Риги в городе были открыты 1-я гимназия (1631) и Карлов лицей (1675); в 1687 г. кор. Карл XI приказал открывать школы для крестьян. В Лифляндии свящ. И. Э. Глюк создал сеть приходских школ и школу по подготовке латыш. учителей, перевел Библию Лютера на латыш. язык (1694). В кон. XVII в. в Риге кроме немецких было 8 латыш. приходских школ с обучением на нем. языке. Школы для низших сословий также с нем. языком обучения, в т. ч. и для обучения ремесленным специальностям, открывались в годы правления герц. Якоба в Курляндии. В 1775 г. в Митаве основана Academia Petrina — учебное заведение с 4 фак-тами, предназначенное для нем. населения. С кон. XVIII в. большой вклад в распространение грамотности среди крестьян внесли немецкие просветители — пасторы Г. Ф. Стендер Старший (1714–1796) и А. И. Стендер Младший (1744–1819). Были написаны азбука для латышей и др. книги. В 1804 г. пастор К. Хардер составил учебник по арифметике. Недостаток школ и учителей для крестьян восполнялся домашним обучением. В XVIII в. большинство латыш. крестьян, особенно на территории Лифляндии, умели читать и писать.

Православие в XVII–XVIII вв. Несмотря на сохранение в Риге в кон. XVI–XVII в. небольшого числа православных (включая приезжавших рус. купцов), постоянной правосл. церкви в городе не было. Богослужение проводили прибывавшие вместе с рус. купцами правосл. священники в походных храмах. Сгоревшая в 1548 г. правосл. ц. свт. Ни-

Церковь
Усекновения главы св. Иоанна Предтечи
в сел. Бродайжи. Сер. XVIII в.

колая Чудотворца не была восстановлена, 2 колокола, подсвечники, иконы были переданы лютеран. ц. св. Иоанна. После заключения Брестской унии (1596) и перехода Полоцкой епархии к униатам оставшиеся правосл. верующие оказались вне к.-л. епархии. Здание Никольского храма не было передано униатам, несмотря на их просьбы к властям Риги. Последний раз оно упоминается в источниках в 1-й четв. XVII в.

В городах Латгалии на территории Речи Посполитой в XVII–XVIII вв. (до 1772) возводили униат. храмы. После перехода Латгалии под власть Российской империи здесь стали создаваться правосл. приходы, которые до 1803 г. были в составе Могилёвской епархии (см. *Могилёвская и Мстиславская епархия*).

С присоединением к Российской империи в Лифляндии возросло количество православных за счет рус. военных, чиновников, купцов и мастеровых. Новые правосл. приходы образовывались в основном в городах или же в местах постоянной дислокации воинских частей. С 12 марта 1725 г. лифляндские правосл. приходы были официально причислены к Псковской епархии и подчинялись Конторе духовных дел (учреждена в 1727; с 1750 Рижское духовное правление Псковской епархии).

В Курляндском герц-стве 1-й правосл. храм вмч. Георгия был возведен в 1660 г. в Гольмофской (Русской) слободе (с 1670 Якобштадт; ныне Екабпилс). Прихожанами были жившие здесь рус. плотгоны, лоцманы и грузчики. В 1670–1675 гг. на том же месте построен храм в честь Сошествия Св. Духа (последний раз восстановлен после пожара и освящен в 1888) при *екабпилском в честь Сошествия Св. Духа муж-*

ском монастыре. В 1774 г. была возведена каменная ц. свт. Николая, а в 1783 г. построена униат. Покровская ц. (с 1839 православная).

В Митаве 1-й правосл. храм в честь Преображения Господня был оборудован в 1710–1711 гг. (с 1797 католич. часовня) в герцогском замке в соответствии с брачным договором между Фридрихом Вильгельмом и Анной Иоанновной, в котором по настоянию Петра I специально оговаривалось строительство в герцогском замке домового храма для Анны Иоанновны и ее рус. окружения. При Анне Иоанновне в городе построили ц. во имя святых Симеона и Анны (освящена в 1726, новое здание построено в 1750, в 1774–1780 по проекту Б. Ф. Растрелли возведен каменный храм), число прихожан храма достигало 275 чел. После восшествия Анны Иоанновны на российский престол (1730) число православных в Митаве сократилось, бóльшую часть общины составляли находившиеся здесь офицеры и солдаты российской армии.

XIX — нач. XX в. В 1804 г. изданы «Положения о лифляндских крестьянах», запретившие продавать крестьян без земли. Крестьян объявляли подданными Российского гос-ва, поделили в зависимости от размеров хозяйства и качества земли на категории, к-рые определили их права, размеры и характер повинностей в пользу помещика. В годы наполеоновских войн франц. армия разорила Курляндию и Земгалию, однако попытки взять Динабург (ныне Даугавпилс) и Ригу были отбиты рус. войсками при участии латыш. крестьян и горожан. По реформе 1817 г. в Курляндии и 1819 г. в Лифляндии крепостные крестьяне получили личную свободу, но не имели земли и были ограничены в праве передвижения и оставались под полным контролем помещиков. После окончания переходного периода (в 1832–1833) крестьян объявили арендаторами своих наделов и разрешили свободу передвижения в пределах Прибалтийского края. В качестве платы за аренду земли сохранялись отработки (барщина). Несколько легче было положение в гос. имениях, где крестьяне получили больше свободы в отношении хозяйственной деятельности. Отмена отработок, переход на денежную арендную плату, право выкупа крестьянами земли были закрепле-

ны Законами 1860 г. (для Лифляндии) и 1863 г. (для Курляндии). Расширение возможностей крестьян для включения в рыночные отношения ускорило имущественное рас-

*Церковь арх. Михаила
в сел. Гравери.
1836 г.*

слоение в их среде и привело к росту числа сельских наемных рабочих. Сохранение помещичьего землевладения, отсутствие свободного земельного рынка приводили к нехватке земли для крестьянских хозяйств. Одной из форм решения земельного вопроса стало переселение крестьян в др. регионы Российской империи в 40–60-х гг. XIX в., особенно после получения ими паспортов в 1860 и 1863 гг. Тогда же начался уход латышей на заработки в Россию. В Латгалии крепостное право было отменено только в 1861 г.

В 70–80-х гг. XIX в. ускорился процесс продажи помещиками наделов в собственность крестьянам. С развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве усилилось расслоение в крестьянской среде, увеличивалась численность сельскохозяйственного пролетариата

*Церковь Св. Троицы
в сел. Гольшево.
1891 г.*

та (к кон. XIX в. — половина всего сельского населения). Освобождение крестьян ускорило развитие капиталистического промышленного производства. В Риге и др. городах

создавались крупные предприятия с использованием паровых машин. Развивались машиностроение, деревообработка, различные отрасли легкой промышленности, судостроение. Рига, Либава (ныне Лиена), Виндава превратились в крупные порты. Развитию промышленности способствовало

строительство железных дорог — к 1877 г. их общая протяженность была более 700 км. В кон. XIX в. в городах Л. действовали ок. 400 промышлен-

ленных предприятий, на к-рых числилось более 60 тыс. рабочих.

В кон. 60-х — 80-х гг. XIX в. на прибалт. губернии были распространены общероссийские реформы (военная, городская, административная), в основном ликвидировавшие основы Остзейской автономии. Власть от нем. дворянства перешла к рус. бюрократии. В адм. сфере нем. язык был заменен русским. Латыш. язык отчасти разрешалось использовать только в волостных судах.

В XIX в. получили развитие все сферы латыш. национальной культуры. После отмены крепостного права начали создаваться волостные школы с преподаванием на латыш. языке, к-рые содержались обычно на средства помещиков. Для подготовки учителей крестьянских школ были открыты учительские семинарии (в Лифляндии в 1839; в Курляндии в 1841). Однако добиться открытия неполных средних и средних школ с латыш. языком обучения не удалось. Продолжилось

формирование национальной интеллигенции (учителя, чиновники, позже врачи, юристы, инженеры и др.). С нач. XIX в.

появились латыш. офицеры (их число значительно увеличилось с открытием в 60-х гг. XIX в. юнкерских школ). Росло число латыш. учеников в средних учебных заведениях.

Сложившееся в 60–80-х гг. XIX в. движение латышских интеллигентов (младолатыши), выступавшее за национальное возрождение, равные права латышей на владение землей, на хозяйственную и профессиональную деятельность, на образование на родном языке и др., способствовало сохранению и развитию латыш. письменной культуры в условиях гос. политики русификации.

Кафедральный собор
св. блгв. князей Бориса и Глеба
в Даугавпилсе. 1905 г.

В кон. 80-х — 90-х гг. XIX в. в связи с поддержкой рабочего движения демократически настроенной интеллигенцией оформилось движение «Новое течение» (*Jauņa strāva*), членами к-рого были поэт Ян Райнис, а также основатели Латышской социал-демократической рабочей партии (1904) П. И. Стучка, Ф. А. Розинь, Я. Э. Янсон-Браун и др.

Экономический кризис 1900–1903 гг. привел к обострению социальных и национальных проблем. В ходе революции 1905–1907 гг. в Лифляндии и Курляндии неоднократно имели место вооруженные столкновения отрядов крестьян и рабочих с силами самообороны помещиков и правительственными войсками. В авг.—нояб. 1905 г. в обеих губерниях было введено военное положение, отмененное только в кон. 1908 г. После обнародования Манифеста 17 окт. 1905 г. образовались 4 партии буржуазно-демократической направленности, выступавшие за создание национальной автономии в составе Российской империи, за ограничение прав нем. меньшинства в регионе, за свободное развитие капиталистических отношений.

После начала первой мировой войны и вторжения герм. войск в Курляндию (апр. 1915) во внутренние районы Российской империи были

эвакуированы крупнейшие предприятия вместе с инженерно-техническим составом и кадровыми рабочими. Из Курляндии и Лифляндии в соседние губернии выехала почти треть всего населения этих территорий. Активное участие в боях с герм. армией приняли созданные летом 1915 г. национальные воинские подразделения (латыш. стрелки), в которых со временем прочные позиции заняли большевики. После Февральской революции 1917 г. съезды латыш. общественности в 3 исторических землях — в Видземе (Лифляндии), Курземе (Курляндии) и Латгале (Латгалии) избрали делегатов на Вселатвийское собрание народного представительства (ВСНП). На съезде в Валке 18 нояб. 1917 г. ВСНП избрало Временный национальный совет (ВНС), взявший курс на создание самостоятельной Латвийской Республики. С весны 1918 г. ВНС работал в Риге в координации с подпольным Демократическим блоком, объединявшим все национально ориентированные партии, кроме большевиков, которые с кон. апр. 1917 г. вели работу по созданию советской республики. 16–18 дек. 1917 г. в Валмиере была провозглашена Латвийская Советская Республика, однако к февр. 1918 г. большая часть территории совр. Л. была оккупирована герм. войсками.

Е. Л. Назарова

Православие в XIX — нач. XX в.

В 1800 г. на территории совр. Л. насчитывалось 18 правосл. храмов, подчинявшихся Рижскому духовному правлению, прихожанами к-рых были 16 290 чел., из них 7111 чел. в Риге. В последующие годы число православных постоянно увеличивалось гл. обр. за счет прибывавших переселенцев из внутренних регионов России. До 40-х гг. XIX в. среди новообращенных жителей прибалт. губерний были в основном солдаты, решившие во время службы в армии переменить вероисповедание. Курляндские приходы до 1836 г. относились к Полоцкой и Витебской епархии (см. ст. *Полоцкая и Глубокская епархия*). Кроме существовавших ранее правосл. церквей в Якобштадте в 1834 г. начала действовать ц. свт. Николая в Либаве.

13 июня 1836 г. было образовано *Рижское викариатство* Псковской и Лифляндской епархии, которому подчинялись правосл. приходы Курляндской и Лифляндской губерний

(16 приходов и 12 332 прихожан). Основной своей задачей 1-й викарный еп. *Иринарх (Попов)* считал постепенное обращение в Православие старообрядцев, что не всегда соответствовало политике светских властей, требовавших от него более решительных действий. В 1836 г. по решению рижского генерал-губернатора М. И. Палена в Риге был образован единоверческий приход, его членами к 1843 г. были уже 208 перешедших в единоверие бывш. староверов.

К 1841 г. в Рижском викариате насчитывалось 24 храма, 9 из них находились в Риге. В июне 1841 г. в Прибалтике прошли многочисленные крестьянские выступления, вызванные неурожаем и голодом. Крестьяне требовали переселить их на лучшие земли и в большом количестве подавали прошения о переходе в Православие, что было обусловлено сочувственным отношением к ним еп. Иринарха. По требованию остзейского дворянства Синод 5 окт. 1841 г. снял еп. Иринарха с Рижской кафедры. Все прошения латышей и эстонцев о переходе в Православие объявлялись незаконными, а рижскому правосл. духовенству было запрещено перекрещивать крестьян Лифляндской губ.

Сменивший еп. Иринарха на Рижской кафедре еп. *Филарет (Гумилевский)* ввел обязательное знание для священников местного языка (в зависимости от места службы). К 1847 г. все священники Рижского викариата могли совершать требы и полное дневное богослужение на языке прихожан. В 1839 г. в мест. Иллукст (ныне г. Илуксте) основан мон-рь в честь Рождества Пресв. Богородицы (см. *Илукстский в честь Рождества Пресв. Богородицы женский монастырь*).

В 1845 г. в Православие перешли члены Рижской гернгутерской общины (101 чел. с семьями) во главе с Д. Баложу (Баллодом). Во время засухи и неурожаев в 1845–1848 гг. в связи с отсутствием к.-л. помощи от лютеран-помещиков в Православие перешли 62 898 латыш. крестьян, в основном в Лифляндии. В Курляндии крестьянам изначально было запрещено подавать «прошения о перекрещивании».

На 1849 г. в Лифляндии (с учетом эст. части) насчитывалось 67 правосл. храмов, из к-рых 49 находились в сельской местности. В 15 приходах работали школы. 11 февр.

1846 г. в Риге открылось 5-классное (с 10-летним сроком обучения) ДУ для 30 воспитанников (из них 10 чел. из латышских и 10 из эст. правосл. семей обучались за гос. средства). В 1850 г. уч-ще было преобразовано в ДС, где как специальные дисциплины изучали латыш. и эст. языки; для бесплатного обучения детей из неимущих семей коренных жителей выделялось 120 казенных стипендий.

25 февр. 1850 г. вик-ство было преобразовано в Рижское еп-ство (см. ст. *Рижская и Латвийская епархия*), в юрисдикцию к-рого вошла также Эстляндская губ. Влияние РПЦ постоянно росло: в 1860 г. в епархии было 117 приходов и 2 монастыря. Число православных в Лифляндии составляло 164 230 чел., в Курляндии — 16 923 чел., кроме того, в епархии насчитывалось 1736 тыс. единоверцев. Действовали 28 правосл. приходских школ. Однако серьезную оппозицию Православию составляло лютеранство, поддерживаемое прибалтийско-нем. помещиками. Последние применяли по отношению к правосл. крестьянам экономические и политические санкции: ухудшали условия аренды земли, заставляли работать в имениях пасторов, платили подати на содержание лютеран. приходских школ, запрещали хоронить на лютеран. кладбищах и т. п. В результате такой политики большинство православных в регионе составляли работники или батраки, к-рые находились в крайне бедственном положении и не могли оказать материальную помощь храмам и причту. Уже в 50-х гг. XIX в. появился слой т. н. уклоняющихся: формально перейдя в Православие, они дома не посещали ни правосл., ни лютеран. (запрещенных для православных) богослужений. В их среде распространялась религ. индифферентность, или же, официально считаясь православными, они по сути оставались лютеранами.

Согласно указу от 12 апр. 1865 г., в Прибалтике отменялось обязательное крещение и воспитание в Православии детей, рожденных от конфессионально смешанных браков. По утвержденному имп. Александром II правилу от 1869 г. желающие перейти в Православие в Рижской епархии должны были давать предварительную подписку о том, что «не ожидают от присоединения никаких материальных видов перед

лютеранами». Указом от 22 июля 1874 г. прекращались все судебные дела о преследовании пасторов в Лифляндии за совершение треб для «уклоняющихся». Впредь такие дела могли возбуждаться лишь с разрешения министра внутренних дел.

Для поддержки Православия в Прибалтике в 1864 г. были утверждены «Правила об организации православных братств», позволившие привлечь к помощи Церкви широкие круги правосл. общественности. В 60–70-х гг. XIX в. число православных на территории совр. Л. постоянно росло (в среднем на 250–600 чел. в год).

В 80-х гг. XIX в. обер-прокурор Синода К. П. *Победоносцев* сформулировал положения церковной политики в прибалт. губерниях, согласно к-рым укрепление позиций РПЦ в Прибалтике должно было способствовать объединению региона со всем гос-вом и ослаблению лютеранства, идеологической опоры прибалтийско-нем. дворянства. Основными проводниками подобной политики стали курляндский и лифляндский губернаторы, под надзором которых принимались меры к улучшению церковного попечительства и организации школьного дела, к помощи правосл. духовенству в воздействии на «уклоняющихся» от Православия.

В 80–90-х гг. XIX в. в епархии началось массовое строительство правосл. церквей. Из-за отказа помещиков добровольно продавать землю под правосл. храмы местная администрация стала изымать ее в принудительном порядке по фиксированной цене. За 10 лет число правосл. храмов увеличилось почти на треть. В этот период в Риге были основаны *рижский во имя прп. Алексия, человека Божия, мужской монастырь* и Свято-Троицкая жен. община (с 31 дек. 1901 *рижский Сергиев во имя Св. Троицы женский монастырь* со Спасо-Преображенской пуст.). К 1895 г. православных в крае насчитывалось 241 948 чел., в 189 приходах служили 228 священников, 39 диаконов и 370 псаломщиков. Однако среди местного населения распространение Православия адм. путем вызвало реакцию отторжения, сопровождавшуюся ростом оппозиционных настроений по отношению к правительству и Церкви; правосл. латышей стали воспринимать как «русских».

Латгальские православные приходы в 1803–1833 гг. относились к Могилевской и Витебской (см. *Могилевская и Мстиславская епархия*), в 1833–1920 гг. — к Полоцкой епархии (см. *Полоцкая и Глубокская епархия*). Сохранившиеся здесь униат. приходы (в Динабурге, Розиттене (ныне Резекне) и др.) после 1839 г. были обращены в православные. В 1859 г. в правосл. приходах 3 латгальских уездов Витебской губ. было не более 461 прихожанина из коренных жителей. С 1864 г. в Латгалии проводилась политика по сокращению польск. влияния в Северо-Западном крае, в рамках к-рой латиницу заменили кириллицей и расширили сферы применения на письме местных языков вместо польского.

3 сент. 1893 г. епископом Полоцким и Витебским стал Александр (Закис), 1-й латыш на епископской кафедре. На латгальские правосл. приходы он подбирал священников, владевших латыш. или латгальским языком. По его инициативе в Витебской ДС были учреждены специальные стипендии для правосл. латышей. 24 окт. 1893 г. в витебском Воскресенском соборе еп. Александр впервые совершил литургию архиерейским чином на латыш. языке. В мае 1895 г. он посетил все латыш. приходы Полоцко-Витебской епархии, совершая во всех храмах богослужения на латыш. языке.

С 1897 г. Рижскую епархию возглавил еп. *Агафангел (Преображенский)*, возведенный 6 мая 1904 г. в сан архиепископа. По его инициативе 20 сент. — 6 окт. 1905 г. состоялся Рижский епархиальный Собор в Прибалтике, участники которого рассмотрели возможность введения митрополии по национальному признаку на 2 вик-ства или же выделения 2 вик-ств в составе 1 митрополии, а также предложение изменить учебные программы приходских школ с учетом этнических особенностей региона и др. вопросы. Большинство постановлений Собора не были утверждены Синодом.

Во время революции 1905–1907 гг. архиеп. Агафангел выступал против жестоких расправ с восставшими, по его инициативе был объявлен сбор пожертвований в пользу семей, пострадавших от беспорядков. Правосл. священнослужители неоднократно пытались успокоить взбунтовавшуюся толпу (напр., марциенский

свящ. Петр Гринвальд и др.), не пускали карателей на территории своих приходов (напр., вецсалацкий свящ. Карп Грундулис и др.), предотвращали расстрелы невинных, становясь в строй расстреливаемых крестьян.

После издания Манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апр. 1905) от Православия отказались только 3 тыс. чел., хотя в антиправосл. кругах прогнозиро-

Церковь
св. блгв. кн. Александра Невского
в сел. Стамериена. 1904 г.

вали отход от Православия не менее 50 тыс. чел. Численно небольшой, но постоянный переход местного населения из лютеранства в Православие сохранялся и в последующие годы. Накануне первой мировой войны в Рижской епархии насчитывалось 49 латыш. и более 10 смешанных русско-латыш. приходов.

С началом первой мировой войны правосл. приходы взяли на себя заботу о семьях тех, кто были призваны на фронт, оказывали материальную помощь эвакуированным и беженцам, а также раненым солдатам. С наступлением герм. войск в Курляндии большинство прихожан покинули родные места. В июле 1915 г. в ходе общей эвакуации учреждений из Лифляндской губ. были вывезены наиболее ценные утварь, иконы, колокола, документы и книги из церковных архивов и б-к; были эвакуированы Рижская ДС, все высшее духовенство епархии и насельники мон-рей. После архиерейской службы в Риге (3 июля 1915) еп. Рижский и Митавский Иоанн (Смирнов) в сопровождении большой группы духовенства отбыл в Юрьев (Тарту).

В авг. 1917 г. по просьбе депутатов от Рижского еп-ства на Всероссийском Поместном Соборе патриарх свт. Тихон и Синод разрешили

предоставить управление епархией архиерею латыш. или эст. происхождения. 31 дек. 1917 г. эстонца сщмч. Платона (Кульбуша) хиротонисали в викарного еп. Ревельского, затем ему было передано управление всей Рижской епархией.

А. В. Гаврилин

1918–1940 гг. После заключения перемирия с Германией 18 нояб. 1918 г. была провозглашена Латвийская демократическая Республика (ЛР). Главой Народного совета избран Я. Чаксте, главой Временного правительства — К. Улманис. В ходе наступления из России красных латыш. стрелков 17 дек. 1918 г. в г. Валке было объявлено о восстановлении советской власти, а 13 янв. 1919 г., после занятия ими Риги (3 янв.), была провозглашена Советская Латвийская Республика. Борьба за власть между большевиками и национально-демократическими силами на большей части Л. продолжалась до лета 1919 г. Красная Армия советской Л. включала части латыш. стрелков и рабочей гвардии. На стороне ЛР выступали создаваемые части национальной армии, герм. войска, оставленные в Л. по решению Антанты, и отряды «ландесвера» в основном из прибалт. немцев. Правительство Улманиса, находясь в Лиепаве и контролируя небольшую территорию в Курземе, начало раздачу земли крестьянам и проведение др. социальных реформ. Советское правительство Стучки пошло по пути полной национализации всех промышленных и ремесленных предприятий, торговли, медицинских учреждений и т. п., а также создания сельскохозяйственных коммун, жестко подавляя сопротивление крестьян, желавших получить землю в собственность. Многие латыш. стрелки после установления советской власти считали свою миссию выполненной и разошлись по домам, что было воспринято как дезертирство, каравшееся революционным трибуналом. Это также настраивало население против советской власти.

16 апр. 1919 г. в результате военного переворота в Лиепаве Улманис был смещен, а власть перешла к прогерм. правительству А. Ниедры. 22 мая 1919 г. герм. войска, опередив части национальной армии, заняли Ригу, советское правительство эвакуировалось в Латгалию. Наступление герм. армии к северу от Риги было

остановлено 19–22 июня 1919 г. верными Улманису частями, отрядами добровольцев и эст. армией. 26 июня 1919 г. в Ригу вернулось правительство Улманиса. Попытки герм. частей отбить Ригу не увенчались успехом. По Версальскому мирному договору (28 июня 1919) Германия обязалась вывести войска с территории Л. В Латгалии военные действия продолжались до заключения латвийско-советского мирного договора 11 авг. 1920 г., согласно которому РСФСР признала независимость ЛР. В 1920–1921 гг. новое гос-во признали большинство стран.

15 февр. 1922 г. была принята Конституция, провозгласившая ЛР демократической парламентской республикой, объединявшей все исторические земли: Видземе, Курземе, Земгале (с Селией), Латгале. Парламент, избранный по многопартийным спискам на основе всеобщего избирательного права, начал работу 7 нояб. 1922 г. Первым президентом стал Чаксте. Его преемниками были Г. Земгалс (1927–1930), А. Квиесис (1930–1936) и К. Улманис (1936–1940). В 20-х гг. XX в. была проведена аграрная реформа. Создан гос. земельный фонд, включавший все пустовавшие земли, а также земли помещиков и церкви, к-рым оставили по 50 га земли. Участки (от 10 до 22 га) выделили безземельным крестьянам и всем лицам, имевшим на это право. В течение 20-х гг. XX в. удалось восстановить и превысить довоенный уровень развития во всех отраслях сельского хозяйства. Промышленность к 1930 г. была восстановлена в объеме 67% от довоенного уровня. Сложности в экономике были связаны как с потерями военных лет, так и с сокращением рынка сбыта. Промышленность ориентировалась на развитие внутреннего рынка и на обслуживание железнодорожного транзита через Л. Крупнейшие предприятия тяжелой промышленности из-за последствий войны не подлежали восстановлению. Место крупных предприятий заняли мастерские с общим числом 8,5 тыс. рабочих в 1932 г. (против 25,5 тыс. в 1914). Успешнее шло восстановление предприятий, работавших на местном сырье и имевших спрос на внутреннем рынке: производство минеральных удобрений, строительных материалов, торфа, стекла, бумаги, текстильной продукции и т. д. В 1936 г. начала работать 1-я элект-

ростанция на Даугаве (Кегумская ГЭС). Население Л. в 1920 г. составило 1,6 млн чел. (2,5 млн чел. в 1914), а к 1930 г. благодаря естественному приросту и возвращению беженцев увеличилось до 1,9 млн чел. В 1930 г. свыше 26,6% населения составляли национальные меньшинства (более 200 тыс. русских, ок. 95 тыс. евреев, ок. 70 тыс. немцев, ок. 60 тыс. поляков и т. д.).

Мировой экономический кризис кон. 20-х — нач. 30-х гг. XX в. обусловил падение производства, рост инфляции и безработицы, разорение мелких производителей. Правительство усилило меры по гос. регулированию цен на сельскохозяйственную продукцию, ввело ограничения на объемы производства, на экспорт и импорт продуктов и т. д. С ростом социальной напряженности в Л. возросло число забастовок и усилились крайне радикальные, националистические и профашистские настроения в обществе. В условиях экономического кризиса обострилась внутривластная ситуация: в 1922–1934 гг. сменилось 18 кабинетов министров. 15 мая 1934 г. премьер-министр Улманис при поддержке армии и айзсаргов (отрядов самообороны, созданных в 1918) совершил гос. переворот и ввел военное положение. Распустив парламент и сформировав новый кабинет министров, Улманис стал единоличным правителем, в 1936 г. занял пост президента. Все политические партии были запрещены, введена предварительная цензура печати, прошли массовые аресты коммунистов и социал-демократов. Идеология режима основывалась на 3 составляющих: единстве нации, власти вождя, национализме. Латыш. буржуазия получила преимущества во владении промышленными и торговыми предприятиями. Режим имел широкую поддержку в народных массах, т. к. в результате мер по гос. регулированию хозяйства и начавшегося экономического подъема в Европе возросли объемы производства, сократилась безработица, повысилось материальное благосостояние населения.

12 сент. 1934 г. Л. подписала с Литвой и Эстонией договор о дружбе и сотрудничестве (т. н. Балтийская Антанта). После начала второй мировой войны Л. 5 окт. 1939 г. заключила договор о взаимопомощи с СССР, согласно к-рому создава-

лись советские базы на побережье Курземе. СССР обещал не вмешиваться во внутренние дела страны и вывести войска после окончания войны. Л. обязалась не заключать военных союзов с другими странами. 7–8 дек. 1939 г. на 10-й конференции министров иностранных дел стран Балтийской Антанты орг-ция была преобразована в военно-оборонительный союз. СССР расценил их действия как нарушение договоров о взаимопомощи. 16 июня 1940 г., обвинив Л. во враждебных действиях, СССР ультимативно потребовал от Улманиса назначить дружественное ему правительство и допустить на территорию страны советские войска. Улманис был вынужден принять ультиматум. 17 июня 1940 г. начался ввод советских войск, 20 июня назначен новый кабинет министров во главе с А. М. Кирхенштейном. 14–15 июля 1940 г. состоялись выборы в парламент, на которых был представлен лишь блок «Союз трудового народа», а в голосовании участвовали также советские военнослужащие, не являвшиеся гражданами Л. 21 июля Улманис ушел в отставку. Его и др. государственных деятелей депортировали во внутренние регионы СССР. 21 июля 1940 г. сейм, большинство в к-ром имели коммунисты, объявил о восстановлении советской власти и обратился к Правительству СССР с просьбой принять Л. в состав СССР. 5 авг. 1940 г. Л. вошла в СССР на правах союзной республики. Главой Верховного Совета Латвийской Советской Социалистической Республики стал Кирхенштейн, председателем правительства — В. Т. Лацис.

1940–1991 гг. После вступления Л. в СССР были преобразованы органы власти всех уровней; распущена орг-ция айзсаргов; интернирован офицерский корпус латв. армии. Офицеры, отказавшиеся вступить в Советскую Армию, были репрессированы. Проведена национализация промышленности, финансов и т. д. По Закону от 29 июля 1940 г. земля переходила крестьянам в бесплатное и бессрочное пользование; ликвидировались земельные хозяйства размером свыше 30 га, излишки передавались безземельным и малоземельным крестьянам. Несмотря на оживление промышленного производства, увеличение зарплаты, ликвидации задолженности крестьян по налогам и выкупным плате-

жам, методы проведения реформ вызвали недовольство в широких слоях населения. В результате проведения денежной реформы и установления общесоюзных цен сократились доходы всех социальных слоев. Обязательные поставки сельскохозяйственной продукции по размерам часто превосходили возможности крестьянских хозяйств, а оплачивались по минимальным ценам. У мн. жителей вызывала недовольство агрессивная антирелиг. политика новой власти. В ответ на рост недовольства начались репрессии. До начала Великой Отечественной войны были репрессированы (расстреляны или высланы) ок. 34 тыс. чел. (из них свыше 15 тыс. чел. в ночь на 14 июня 1941).

В ходе войны 1 июля 1941 г. герм. армия заняла Ригу, а к 8 июля оккупировала всю территорию Л. Вместе с Литвой, Эстонией и Белоруссией Л. административно входила в состав герм. имперского комиссариата Остланд. Немецкие оккупационные власти создали на территории Л. подконтрольные им органы местного самоуправления (т. н. генерал-дирекции), ответственные за поставки населениям продуктов, за мобилизацию и т. п. На добровольной основе были сформированы полицейские батальоны из бывш. айзсаргов и членов профашистской партии «Перконкрустс», истреблявшие коммунистов, евреев и др. В созданных на территории Л. концлагерях (Саласпилс, Бикерниеки) уничтожали военнопленных и мирных жителей из разных стран Европы. С окт. 1941 г. полицейские батальоны отправляли на Восточный фронт. На работы в Германию и Вост. Пруссию было выслано ок. 40 тыс. чел. В февр. 1943 г. сформирован Латышский добровольческий легион СС (ок. 30 тыс. чел.). Легионеры воевали на Восточном фронте, в т. ч. против Латышской стрелковой дивизии в составе Советской Армии (сформирована в июле 1941). По мере отступления гитлеровцев увеличивалось число уклонистов от мобилизации в легион и дезертиров. После занятия советскими войсками Риги (13 окт. 1944) легионеры вместе с германскими войсками отступили в Курземе, где продолжали сопротивление до 7 мая 1945 г. С лета 1941 г. в Л. действовало антифашистское подполье. С весны 1942 г. создавалось партизанское движение под руководством

ЦК Коммунистической партии Л. (КПЛ). С 1943 г. в Риге подпольно действовал Латвийский центральный совет, объединявший сторонников независимой Л. из представителей интеллигенции и бывш. офицеров. Серьезного сопротивления они организовать не сумели. В 1944 г. нек-рые члены совета были схвачены гестапо. Вступление в Л. Красной Армии приветствовала лишь часть населения, многие из опасения возобновления репрессий эмигрировали в страны Зап. Европы. Вооруженное сопротивление противников советской власти («лесных братьев», до 20 тыс. чел.), особенно активное в 1945–1946 гг., продолжалось до кон. 40-х гг. XX в.

После войны началась кампания по борьбе с классовыми врагами, коллаборационистами и националистами. Массовые высылки происходили в 1946 и 1949 гг. С 1947 г. в Л. проходила сплошная коллективизация, имевшая насильственный характер и сопровождавшаяся борьбой с зажиточным крестьянством. Всего в вост. районы СССР было выслано свыше 41 тыс. чел. Коллективизация, высокие налоги, планирование и администрирование сельского хозяйства без учета его традиц. специализации и почвенноклиматических особенностей пагубно сказались на его развитии. Довоенный уровень по общему объему валовой продукции в сельском хозяйстве был достигнут только в 60–70-х гг. XX в. С 50-х гг. XX в., после восстановления довоенных предприятий, был принят курс на форсированную индустриализацию. Предприятия основных отраслей промышленности (тяжелой, точной, машиностроительной, электротехнической, химической) предназначались для обеспечения общесоюзных потребностей и развивались в большей мере на привозном сырье. В 1957–1965 гг. произошел наибольший подъем легкой и др. отраслей промышленности, в значительной мере ориентированных на республиканское потребление. С сер. 70-х гг. недостаток капиталовложений в модернизацию производства привел к стагнации практически во всех отраслях промышленности (кроме текстильной). Перемены в структуре хозяйства Л. привели к изменению социального и национального состава населения (к нач. 90-х гг. численность населения составила

свыше 2,6 млн чел.; городское — свыше 70%). При этом основной приток населения происходил за счет переселенцев из др. регионов СССР, численность латышей едва достигала 50% от общего числа жителей, а в ряде городов составляла меньше 50%. При этом проводилась политика широкого внедрения рус. языка во все сферы жизни. Требования некоторых деятелей КПЛ и латыш. интеллигенции учитывать национальные особенности рассматривались как проявления национализма и пресекались. В этот период в обществе сложились 2 общины — латышская и русскоязычная, в культурном отношении все более отдалявшиеся друг от друга. Недовольство латышей вызывали ограничения контактов с родственниками за границей, расположение на территории Л. войск Прибалтийского военного окр. Росло число жителей, плохо владевших латыш. языком и мало знакомых с местной культурой.

С началом перестройки в СССР в Л. оформились движения, требовавшие предоставления суверенитета, отстаивавшие национальную самобытность латышей и т. д. (напр., Латвийский Народный фронт и радикально-националистическое Движение за национальную независимость Латвии, ДННЛ). В основном за счет латыш. части усилилось реформаторское движение в КПЛ, позже оформившееся как Социал-демократическая партия. За сохранение социалистического строя и СССР выступал Интерфронт (с 1989), объединивший значительную часть партийных функционеров высшего и среднего звена, а также представителей высшего командования Прибалтийского военного окр. и Балтийского флота. 6 окт. 1988 г. Верховный совет ЛССР принял решение о придании латышскому языку статуса государственного, 28 июля 1989 г. — Декларацию о гос. суверенитете Л., а 4 мая 1990 г. — Декларацию о восстановлении независимости Латвийской Республики, в поддержку которой на референдуме 3 марта 1991 г. высказалось ок. 74% населения. 24 авг. 1991 г. независимость Л. признала РСФСР, 6 сент. 1991 г. — СССР.

Кон. XX — нач. XXI в. С нек-рыми корректировками была восстановлена Конституция 1922 г., согласно которой Л. объявлялась парламентской республикой. Парламент (сейм), со-

званный в 1993 г., получил 5-й номер — как продолжение парламентов довоенной республики. Первым президентом восстановленной республики стал Г. Улманис (1993–1999); затем этот пост занимали: В. Вике-Фрейберга (1999–2007), В. Затлерс (2007–2011), А. Берзиньш (2011–2015), Р. Вейонис (с 2015). 16 янв. 1998 г. вместе с др. странами Балтии Л. подписала Хартию партнерства с США. В 2004 г. вступила в НАТО.

Переход от плановой к рыночной экономике привел к гиперинфляции, резкому повышению цен и ухудшению жизненного уровня значительной части населения. В 90-х гг. XX в. проведена приватизация предприятий торговли и сферы услуг, промышленных, а также сельскохозяйственных предприятий. Жилой фонд в городах и сельской местности, существовавший к июню 1940 г., был возвращен бывш. хозяевам и их потомкам. В связи с ростом цен на сырье и энергоресурсы, изменением рынков сырья и сбыта к нач. XXI в. доля промышленности в ВВП сократилась почти в 2 раза, доля сельского хозяйства (включая лесное и рыболовство) — почти в 4 раза, а доля услуг увеличилась более чем в 2 раза. Основные торговым партнером Л. с 90-х гг. стали страны ЕС (61% экспорта и 53% импорта в 2001). В 2004 г. Л. вступила в ЕС. Проведенные в связи с требованиями ЕС экономические реформы привели к значительному росту безработицы (в среднем по стране 7–9%) и рабочей миграции в Великобританию, Ирландию и другие европ. страны (в 2010, по разным данным, от 35 до 80 тыс. чел.). Рабочая миграция и отъезд в Европу на учебу привели к постоянному сокращению населения Л. (особенно в Латгале), причем многие из уехавших остаются в Европе, натурализуются и постепенно теряют латышскую идентичность. За постсоветский период население Л. сократилось почти на 500 тыс. Этот процесс продолжается. К сокращению населения привела также эмиграция русских и евреев.

После провозглашения независимости, согласно постановлению от 15 окт. 1991 г., права граждан Л. получили только те, кто жили в стране в июне 1940 г., и их потомки (ок. 2/3 населения Л.). Среди неграждан (ок. 700 тыс. чел.), не имеющих избирательного права, оказались гл. обр. представители нетитульных на-

ций. Закон о гражданстве 1994 г., значительно затруднявший возможность натурализации, вызвал протесты России и ряда международных правозащитных орг-ций. В последующие годы в закон были внесены поправки, облегчавшие порядок натурализации. С 1998 г. гражданство получали все лица, родившиеся в Л. после 21 авг. 1991 г. На 1 янв. 2015 г. количество неграждан составляло ок. 242 тыс. чел., или 12,2% всего населения. Помимо сохранения статуса неграждан недовольство и массовые протесты русскоговорящих жителей (на 2011 рус. яз. считали родным 33,8% населения) вызывает сокращение преподавания предметов на родном языке в рус. школах, а также уменьшение их числа. В 2012 г. по инициативе молодежного движения «Единая Латвия» был проведен референдум о придании рус. языку статуса 2-го государственного, однако ок. 75% участников (включая часть этнических русских) проголосовали против этого. Общественная консолидация малых наций в стране происходит гл. обр. на основе их культурно-образовательных инициатив и вне программ национальной политики гос-ва.

Е. Л. Назарова

Православие в XX — нач. XXI в.

К 1920 г. в Л. проживали 138 803 православных (8,7% населения страны), действовали ок. 70 приходов. К нач. 1921 г. еще 50 приходов возобновили свою деятельность, в 1923 г. зарегистрировано 130 приходов.

В февр. и авг. 1920 г. на собраниях представителей правосл. приходов на территории Л. провозглашено создание Латвийской Православной Церкви (ЛПЦ), главой которой избран архиеп. Пензенский и Саранский смчч. *Иоанн (Поммер)*. Патриарх Тихон благословил Иоанна на служение в Л. и 19 июля 1921 г. даровал ЛПЦ самостоятельность в делах церковно-хозяйственных, церковно-адм., школьно-просветительских и церковно-гражданских, сохранив ее иерархическую связь с РПЦ.

В 1925 г. в Л. насчитывалось 167 538 православных, действовали 137 приходов. К сер. 30-х гг. XX в. их число увеличилось до 152 (ок. 174,38 тыс. православных). Из 124 священнослужителей 79 были русскими, 45 — латышами.

После убийства в ночь на 12 окт. 1934 г. архиеп. Иоанна усилилось давление гос-ва на ЛПЦ с целью пе-

рехода ее в юрисдикцию К-польского Патриархата. В февр. 1936 г. патриархом К-польским *Вениамином I* без канонического отпуска из РПЦ ЛПЦ была преобразована в Латвийскую митрополию К-польского Патриархата. Было образовано 2 новых вик-ства: *Елгавское викарлатство* (1936) и *Ерсикское* (1938, с 1939 *Мадонское викарлатство*).

После установления в Л. советской власти, 24 марта 1941 г., указом Московской Патриархии учрежден *Экзархат Латвии и Эстонии*, в состав которого вошли Латвийская и Эстонская епархии. 28 марта 1941 г. митр. *Августин (Петерсон)* в Богоявленском кафедральном соборе Москвы принес публичное покаяние в расколе и ушел на покой. После оккупации Л. германскими войсками митр. Августин попыткам восстановить ЛПЦ в юрисдикции К-польского Патриархата, однако не был поддержан ни православным клиром, ни оккупационными властями. 15 июня 1942 г. экзарх Л. и Эстонии митр. *Сергий (Воскресенский)* запретил Августина в священнослужении. 28 февр. 1943 г. во епископа Рижского был хиротонисан *Иоанн (Гарклавс)*. В годы немецкой оккупации Экзаршее управление организовало активную миссионерскую деятельность на территории Остланда и сев.-зап. районов России, в т. ч. работу *Псковской миссии*, основу которой составляло духовенство Л. После убийства митр. Сергия (29 апр. 1944) и эвакуации епископов осенью 1944 г. Экзархат прекратил свое фактическое существование.

В лагерях и зонах оккупации США, Великобритании и Франции было зарегистрировано свыше 150 тыс. выходцев из Л. Большинство из них (55%) находилось в амер. зоне оккупации. 20 окт. 1946 г. митр. Августин и еп. Иоанн (с 31 авг. 1945 находился в лагерях для перемещенных лиц на территории Германии) подписали в Фелльбахе (близ Штутгарта) соглашение о создании ЛПЦ в эмиграции во главе с митр. Августином. Однако фактически в связи с нахождением митрополита в санатории на лечении главой ЛПЦ в эмиграции являлся еп. Иоанн. В нач. 1948 г. латв. духовенство обслуживало 18 постоянных лагерных приходов, а также отдельные группы православных, к-рые не имели возможности зарегистрировать приходы в своих лагерях (общее число

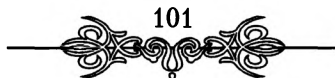
прихожан 2,8 тыс. чел.). После отъезда в 1948–1949 гг. из Германии в США еп. Иоанна и большинства латв. священников ЛПЦ в эмиграции фактически прекратила свое существование. Официально это произошло 20 янв. 1955 г., когда митр. Августин передал духовное окормление паствы ЛПЦ в эмиграции архиеп. Берлинскому и Германскому (РПЦЗ) Александру (в миру Андрей Ловчий). Большинство латв. священников, переехавших в США, вошло в состав клира Северо-Американской митрополии (с 1970 Православная Церковь в Америке).

По окончании войны правосл. приходы на территории Л. находились в юрисдикции Московского Патриархата и управлялись архиереями с титулом «Рижский и Латвийский» (см. ст. *Рижская и Латвийская епархия*). С июля 1945 по авг. 1947 г. Рижской епархией временно управлял архиеп. *Корнилий (Попов)*.

Во время второй мировой войны на территории Л. были полностью разрушены 16 правосл. храмов. Кроме того, 10 храмов были переведены в ведение Псковской епархии. В 1945 г. в епархии были зарегистрированы 138 храмов и 2 жен. монаш. — рижский Сергиев во имя Св. Троицы и илукстский в честь Рождества Пресв. Богородицы. Практически все латв. храмы нуждались в ремонтных работах, однако в тяжелейших условиях послевоенного времени и атеистического режима приходы не могли своими силами восстановить здания церквей.

После второй мировой войны снова начались гонения на духовенство. Во 2-й пол. 40-х — нач. 50-х гг. XX в. были репрессированы более половины всех священнослужителей (64 из 120), оставшихся на свободе не хватало, чтобы окормлять все приходы: в 1948 г. в 136 церквях Рижской епархии служили лишь 80 священников. Было запрещено преподавание Закона Божия в школах, закрыты все воскресные школы, приходские б-ки, национализированы церковные постройки, земля приходов и др. В 1953 г. был закрыт илукстский жен. монаш. р-рь Рождества Пресв. Богородицы.

В 1947–1951 гг. Рижскую епархию возглавил правосл. писатель и богослов митр. *Вениамин (Федченков)*. В 1950 г. в рижском Сергиевом монастыре прошел съезд духовенства и мирян, посвященный 100-летию

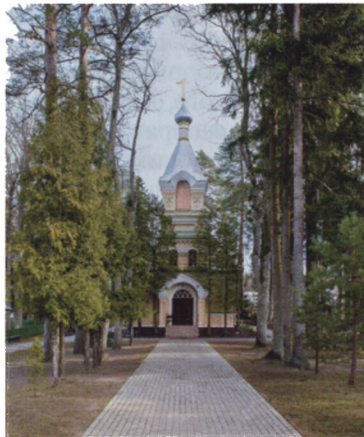

образования Рижской епархии. Архиеп. Филарету (Лебедеву), к-рый возглавлял кафедру в 1951–1958 гг., удалось добиться выделения Патриархией дополнительных дотаций на ремонт ок. 20 храмов. Владыка Филарет ввел практику проведения в рождественские дни в рижском кафедральном Христорождественском соборе т. н. Вифлеемских вечеров, на которые приглашали священников, певчих, мирян.

Во 2-й пол. 50-х гг. XX в. в результате повышения налогового бремени и страховой стоимости церковных зданий число религ. общин и действующих храмов сократилось. Экономические санкции наиболее болезненно восприняло сельское духовенство: их приходы не были столь многолюдными и материально обеспеченными, как городские. Так, если в 1955 г. в Л. было 123 правосл. прихода (59 русских, 32 латышских и 32 латышско-русских), то к 1964 г. осталось только 97 (59 русских, 13 латышских и 25 смешанных). Были снесены 2 храма — Александро-Невский собор в Даугавпилсе и Свято-Никольская ц. в Резекне.

В апр. 1959 г. была разрушена Свято-Николаевская часовня рижского Сергиева мон-ря. 20 мая 1959 г. принято постановление Совета министров ЛССР «О ликвидации монастырей, находящихся на территории Латвийской ССР», в соответствии с к-рым предполагалось в течение 1960 г. закрыть все мон-ри, всех трудоспособных насельниц в обязательном порядке устроить на работу, а нетрудоспособных поместить в дома инвалидов. После протестов по случаю закрытия 4 марта 1961 г. рижского кафедрального собора власти, опасаясь новых акций, приостановили выполнение решения о закрытии рижского Сергиева мон-ря. Тем не менее до 1964 г., когда кампания по закрытию мон-рей была свернута, мон-рь находился на полулегальном положении: запрещалось принимать новых послушниц, оставшиеся инокини, боясь в любой момент лишиться крова, старались не покидать стены обители.

В сер. 60-х гг. XX в. в Рижской епархии действовали 90 храмов и мон-рь. Особое значение в этот период получила Спасо-Преображенская пуст. (в Валгунде близ Елгавы), ставшая в 70-х гг. одним из духовных центров СССР. Несмотря на ослабление гонений на Церковь в 70–80-х гг. XX в.,

Спасо-Преображенская пустынь
в Валгунде близ Елгавы.
Фотография. 10-е гг. XXI в.

по-прежнему была запрещена любая религ. деятельность за пределами храма, не было возможности издать религ. лит-ру, не хватало священнослужителей. В 1988 г. в Рижской епархии насчитывалось 90 действующих храмов, 58 священников и 9 диаконов окормляли паству. С кон. 80-х гг. активная антирелиг. пропаганда прекратилась, священнослужителям разрешили выступать в СМИ, проводить богословские конференции и т. д. С 1978 г. в Мин-ве культуры Латвийской ССР совместно с ВНИИ реставрации были предприняты неск. экспедиций, в результате к-рых были выявлены и отчасти опубликованы памятники древнерус. искусства XVI–XX вв., включая произведения старообрядческих мастерских на территории Л. (Киселев. 1985; Красилин. 1985; Красилин, Данченко. 1994).

После смерти митр. Леониды (Полякова) 27 окт. 1990 г. управляющим Рижской епархией назначен еп. Александр (Кудряшов; с 1994 архиепископ, с 2002 митрополит). 11 авг. 1992 г. Синод РПЦ принял решение о восстановлении самостоятельности ЛПЦ. Правящему архипастырю был возвращен титул «Рижский и всея Латвии». 22 дек. 1992 г. патриарх Московский и всея Руси Алексей II подписал томос, которым подтвердил решение патриарха Тихона от 6/19 июля 1921 г. о даровании ЛПЦ самостоятельности при сохранении ее в канонической юрисдикции Московского Патриархата. Т. о., патриарх Алексей II признал, что совр. ЛПЦ является правопреемницей существовавшей до второй мировой войны Православной Церкви в Латвии. На основании закона «О воз-

врате собственности религиозным организациям» ЛПЦ была возвращена вся собственность, принадлежавшая ей до 1940 г. 24 сент. 2001 г. Собор ЛПЦ с благословения патриарха Алексея II и Синода РПЦ принял решение о прославлении сщмч. Иоанна (Поммера), архиеп. Рижского, в лике местночтимых святых. 27–29 мая 2006 г. впервые Л. посетил патриарх Московский и всея Руси Алексей II (подробнее об истории ЛПЦ см. ст. *Латвийская Православная Церковь*).

А. В. Гаврилин

Старообрядчество. Согласно «Дегуцкому летописцу», старообрядцы появились в герц-стве Курляндском в 1659 г., в дер. Лигинишки (ныне в черте Даугавпилса), в 1660 г. здесь был построен храм «древлеправославного христианства». Источники называют и 1-го настоятеля храма — свящ. Терентия. Рукоположенный до раскола Терентий не признал богослужебной реформы и бежал вместе с сыном Афанасием в 1677 г. (по др. данным, в 1676) в герц-ство Курляндское. В 1699 г. свящ. Терентий освятил 2-й старообрядческий храм в Курляндии в дер. Балтруки (близ Алыкшты, ныне Илуксте), способствовал созданию моленной в дер. Володино (близ Динабурга) — старейшей из ныне существующих в Л. Вторая волна переселения старообрядцев связана с реформами Петра I Алексеевича. На латв. землях, как и на северо-западе России, первоначально получило распространение беспоповское федосеевское согласие (см. *Федосеевцы*).

К сер. XVII в. в Л. существовали правосл. центры, часть к-рых остались приверженцами «старой веры». На левом берегу Даугавы существовала населенная выходцами из России слобода (Гольмгофская), жители которой обслуживали провозку товаров по 50-километровому порожистому участку реки. После церковного раскола население слободы быстро росло, в 1670 г. герц. Якоб Кетлер даровал поселению статус города (Якобштадт) с правом принимать выходцев из Русского гос-ва, которым предоставлялись 6-летний налоговый иммунитет и др. льготы. Старообрядцы активно поселялись в находившейся во владениях Швеции Риге, где к XIX в. уже постоянно проживали рус. купцы и их работники. Особенно много сторонников «старой веры» обосновалось

в вост. части Л. — Латгалии, входившей в Речь Посполиту. На территории Л., входившей на рубеже XVII и XVIII вв. в состав разных гос-в, положение старообрядцев было благоприятным. После присоединения в 1710 г. Риги и исторической обл. Видземе к Российской империи на протяжении более столетия староверы практически не испытывали давления ни царских чиновников, ни правосл. духовенства. Присоединение Латгалии (1772) и Курземе (1795) к Российской империи первоначально вызвало отток старообрядцев в Польшу и Пруссию, в посл. многие вернулись обратно. Согласно переписи населения 1780 г., в Латгалии проживали 3982 старовера. Во 2-й пол. XVIII — нач. XIX в. число старообрядцев в Л. росло, чему способствовала в т. ч. мягкая политика гос-ва по отношению к ним при имп. *Екатерине II Алексеевне*. Наряду с земледелием старообрядцы занимались рыболовством, извозом, отхожими промыслами, сплавом леса, а в городах выполняли строительные работы и вели торговлю. В результате в сельской местности складывалась прослойка зажиточных крестьян, а в городах — купцов.

Многое сделал для распространения беспоповства на территории Л. в 1-й пол. XVIII в. Федор Никифорович Саманский († ок. 1771 или 1794). В «Дегуцком летописце» сообщается об устройстве моленной по благословию «саманского духовного отца» Федора Никифоровича в 1735 г. «близ местечка Езерос в Курляндии» (Дегуцкий летописец. С. 80). При его участии был сооружен храм в Курляндии, в дер. Войтишки. Появление в Риге беспоповской моленной и при ней богадельни (см. *Рижская Гребеншиковская старообрядческая община* (РГСО)), отмеченное в «Дегуцком летописце» под 1760 г., также связывают с Саманским. В Риге была устроена 2-я моленная — Пушковская, названная по фамилии основателя ее купца (заново отстроена в 1814 после пожара в 1812). В 1809 г. купец К. Панин устроил 3-ю моленную. Все 3 рижских храма управлялись согласно «Правилам», разработанным на московском *Преображенском кладбище* и утвержденным 13 авг. 1813 г. в РГСО («Рижской богоугодной больнице и храме Рождества Христова и Успения Богородицы»). На основе данного документа были составле-

ны «Правила для управления богадельни, больницы, сиротского отделения и школы рижского старообрядческого общества» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 195 (1827 г.). Ед. хр. 38), к-рые де-

Федор Никифорович Саманский.
Портрет («подобие лица»)
1-я пол. XIX в. (собрание РГСО)

тельно регламентировали все стороны жизни рижского старообрядчества. В Риге при главном храме («большая каменная моленная») имелись богадельня, больница, приют для сирот, школа, иконописная мастерская. В 1829 г. в богадельне жили 244 чел.

В 30-х гг. XIX в., в правление имп. *Николая I Павловича*, начался новый этап притеснения старообрядцев. В Риге были закрыты приют и школа, с 1834 г. старообрядцам запрещалось вести метрические книги, с 1847 г. — вступать в купеческие гильдии, моленные печатавали и разоряли. Сохранилась одна беспоповская моленная в Риге благодаря решительным действиям старообрядцев, не пустивших на ее территорию войска во главе с генерал-губернатором. В городе также действовала моленная поповцев при фарфоровой фабрике С. Т. Кузнецова (см. ст. *Кузнецовы*), где работали до 500 чел., гл. обр. из Московской, Рязанской и близлежащих областей России. Несмотря на разорение легальных моленных и переход некоторых купцов и землевладельцев в *единоверие*, прочные позиции в экономике позволили старообрядцам в Л. пережить репрессии 30–50-х гг. XIX в. Введение молитвы за царя, признание невенчанных браков, смягчение запретов в отношениях с внешним миром постепенно способствовали переходу отдельных федосеевских общин к *поморцам*.

В 1863 г. Ригу посетил Н. С. *Лесков*, много внимания уделивший РГСО:

«Рижская община... сохранила до сих пор свое отдельное хозяйственное самоуправление, имеет благолепную молельню с четырьмя «духовными отцами», хором обученных крюковому пению певчих, больницею, домом для призрения дряхлых и общественной подгородной мызю Грizenберг. Но открыто существовавшую до 1829 года школу рижская община утратила. С этого времени она и обходится только секретными школами, устроенными в частных домах и существующими под великим страхом и великою данью у местной полиции» (*Лесков*. 1996. С. 386–387). В 60-х гг. XIX в. попечители РГСО, особенно купцы Г. С. Ломоносов и З. Л. Беляев, вели активную работу по восстановлению легальной старообрядческой школы. Зимой 1862 г. рижские староверы подготовили проект учреждения при Гребеншиковском заведении сиротского дома на 50 детей с уч-щем, собрали на него деньги и подали прошение лифляндскому гражданскому губернатору. Разрешение на открытие уч-ща было получено только в 1873 г. До этого времени в Риге действовала тайная старообрядческая школа, к-рую опекали Ломоносов и Беляев.

После издания в 1905 г. Манифеста «Об удкреплении начал веротерпимости» положение старообрядцев в Российской империи коренным образом изменилось: начались легализация общин, восстановление и строительство храмов, созывались соборы и съезды. На 1-м Всероссийском соборе старообрядцев-поморцев в Москве (1909) латв. делегацию возглавил преподаватель Гребеншиковского уч-ща А. И. Волович и буд. председатель РГСО И. У. *Ваконья*. Особое внимание в нач. XX в. латв. старообрядцы уделяли развитию образования. В 1906–1909 гг. в Курляндии было открыто 8 старообрядческих школ, к 1911 г. их насчитывалось 17, в мест. Иллукуст работала учительская семинария. В июле 1911 г. в Двинске (ныне Даугавпилс) прошел 1-й Всероссийский съезд старообрядческих поморских учителей и учителей, в работе к-рого участвовали видные представители латвийских староверов (Волович, Ваконья, Л. Мурников, Т. Макаров, И. Карпушенко, С. Воробьев, Г. Романов, С. Кириллов). В 1900 г. при РГСО было создано Общество по воспитанию бедных детей, в 1901 г.

в Режице (ныне Резекне) открылась богадельня, в 1907 г. в Двинске Кириллов и Романов учредили Двинское старообрядческое братство, в 1908 г. основано Взаимно-вспомогательное, благотворительное и просветительское об-во старообрядцев в Риге, преобразованное затем в Старообрядческое об-во Латвии. В городах создавали просветительские орг-ции, б-ки, читальни, вечерние курсы для взрослых и т. д.

Первая мировая война и образование независимого Латвийского гос-ва поставили старообрядчество в новые условия. В нояб. 1920 г. в Режице был созван 1-й Вселатвийский съезд старообрядцев, на котором избрали Центральный комитет по делам старообрядцев в Л. (председатель Ф. Павлов) и приняли «Наказ старообрядческим общинам», определивший основные принципы деятельности общин. В 1920 г. в Л. числилось 82 239 старообрядцев и 76 общин. В нач. 20-х гг. XX в. большинство общин находилось в тяжелом экономическом положении, в это время впервые в истории гос-во стало оказывать старообрядчеству (наряду с др. исповеданиями) финансовую помощь, нек-рые приходы и общества получили земельные наделы из гос. фонда. В 20-х гг. XX в. старообрядцы участвовали в выборах в парламент и органы местного само-

вать на роль центрального органа старообрядчества в Л., однако большинство общин не поддержали кирилловцев.

Бедушим старообрядческим центром в Л. была РГСО, к-рая поддерживала тесные связи с беспоповскими общинами в Прибалтийских странах, в Польше и Германии. В Риге начали издавать «Старообрядческий

ниматься благотворительностью, иметь школы, больницы, типографии. Были ликвидированы старообрядческие об-ва, подготовка церковнослужителей прекратилась. Мн. деятели старообрядчества были репрессированы. В июне 1941 г. был арестован и расстрелян Каллистратов, в ссылке погиб председатель совета РГСО В. Г. Кудрячёв, Заволо-

*Моленная
Успения Пресв. Богородицы
Гребеницковской
старообрядческой общины
в Риге. Фотография.
Нач. XXI в.*

ко провел в заключении и ссылке ок. 18 лет. На 1 янв. 1962 г. в Л. действовали 13 старообрядче-

ских общин, зарегистрированных в 1945–1949 гг. На протяжении советского периода РГСО оставалась крупнейшей и наиболее влиятельной в мире орг-цией беспоповцев. В документах Совета по делам религий отмечалось, что в праздники в храме РГСО собирается до тысячи чел. (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. Т. 2. Д. 290. Ч. 1. Л. 1). Совместно с Высшим старообрядческим советом в Литве, московской поморской и московской Преображенской общинами она издавала «Старообрядческий церковный календарь». Конец 80-х гг. XX в. ознаменовался активизацией старообрядческих организаций. В февр. 1989 г. состоялся съезд старообрядцев Л., на котором был создан Центральный совет Древлеправославной поморской церкви (ДПЦ) Л. (до 2002 председателем являлся настоятель И. И. Миролобов). По решению съезда в окт. 1989 г. было открыто 1-е в СССР старообрядческое ДУ с 2-летним сроком обучения. Кроме латв. староверов в нем обучались старообрядцы из Москвы, Ленинграда, Белоруссии и Литвы. В 1991 г. начался выпуск ежеквартального ж. «Златоструй».

церковный календарь», ж. «Наставник». На съезде наставников и начетчиков в 1922 г. была создана духовная комиссия, одной из задач к-рой было объединение поморцев и федосеевцев в Л. Староверы Л. много внимания уделяли развитию образования: организовывали курсы, составляли программы и учебные пособия, создавали воскресные и вечерние школы. Развитие просвещения среди старообряд-

*Совет
Рижской Гребеницковской
старообрядческой общины.
1938 г.*

цев Л. в кон. 20-х – 30-х гг. XX в. связано с именем И. Н. Заволоко, археографа, просветителя и педагога, руководителя Круж-

ка ревнителей русской старины, редактора ж. «Родная старина».

После гос. переворота 15 мая 1934 г. сейм, политические партии и общественные орг-ции, в т. ч. старообрядческие руководящие органы, были распущены. В февр. 1935 г. был подписан закон о старообрядческих общинах.

В 1940 г. в Л. была установлена советская власть, церковное имущество подверглось национализации, религ. общины лишились права за-

управления Л. В сейм избирались М. А. Каллистратов (депутат сейма 4-го созыва), Кириллов, И. Ф. Юпатов, Г. С. Елисеев. В ходе выборов в 1-й сейм в старообрядческой среде появились разногласия, к-рые в дальнейшем привели к разделению на правых во главе с Кирилловыми и левых во главе с Каллистратовым. На 9-м съезде старообрядцев произошел раскол, и Кириллов создал Совет старообрядческих соборов и съездов Латвии (1929), к-рый стал претендо-

ка ревнителей русской старины, редактора ж. «Родная старина».

моленные в дер. Войтишки Даугавпилсского края (1996), в Прейли (1996), в Дагде (1999), в Илуксте (1999), в пос. Калнциемс Елгавского края (2000). В кон. XX — нач. XXI в. в РГСО имели место конфликты, затронувшие все старообрядчество Л. В сер. 90-х гг. XX в. недовольство прихожан вызвали действия председателя совета общины А. Каратаева (занимал пост с 1988), к-рый развернул предпринимательскую деятельность, нанеся ущерб РГСО. В февр. 1995 г. был избран новый состав совета РГСО, восстановлен Устав 1908 г. Вскоре раскол возник в Центральном совете ДПЦ Л., он был преодолен к сент. 2001 г. Новое противостояние в РГСО было связано с инициативой старшего настоятеля Миролюбова ввести священство и иерархию. Предложение широко обсуждалось в РГСО, на совещании духовных центров ДПЦ в С.-Петербурге 7 июля 2002 г., на предсоборном совещании ДПЦ Л. в Екабпилсе 11 авг. 2003 г. и было отвергнуто. Миролюбов с небольшим числом последователей оставил ДПЦ и принял священнический сан в РПЦ (с 2015 протоиерей).

В наст. время идет активное возрождение старообрядческих сельских общин в Л. (ок. 70). Активизировалась научная, издательская и учебно-просветительская работа, действуют уч-ще и иконописная мастерская, развивается искусство пения и вышивания. С 2012 г. проводится конкурс исследовательских работ им. И. Н. Заволоко. При Резекненской кладбищенской общине создан Музей старообрядчества (2009).

Е. А. Агеева

Римско-католическая Церковь в Л. в XVIII — нач. XXI в. В XVIII в. католич. Церковь и польск. духовенство сохраняли традиционно сильные позиции на территории Латгалии. В это время наиболее значимыми духовными центрами католицизма стали Аглона и Пасиене, где с кон. XVII в. существовали доминиканские мон-ри. Кроме того, на территории совр. Л. действовали *иезуиты*, к-рые, соперничая с *доминиканцами*, стремились занять ведущее экономическое и идеологическое положение. Еще в XVIII в. они вели борьбу с остатками языческих верований (вырубали священные рощи, препятствовали погребению по языческому обряду и проч.). В 1761 г. в Пасиене, в 1780 г.

Кафедральный католич. собор св. Иакова в Риге. XIII–XV вв.

в Аглоне (освящен в 1800) были построены каменные храмы, сохранившиеся до наст. времени и являющиеся значимыми для католиков региональными центрами паломничества.

После перехода Латгалии к России (1772) католич. ордены лишились судебной власти над своими крестьянами. После подавления восстания Т. Костюшко (1794) на территории совр. Л. были запрещены строительство новых католич. храмов и реставрация старых. Указом от 28 апр. 1798 г. *Павел I Петрович* определил структуру католич. Церкви в Российской империи, в результате приходы Латгалии и Лифляндии перешли в подчинение Могилёвской архиепархии. В 1795 г. в состав Российской империи вошла также Курляндия, в которой проживало значительное количество греко-католиков. Полоцкая архиепархия оказалась единственной сохранившейся греко-католич. епархией, которой не коснулась ликвидация греко-католических структур, проведенная Екатериной II. В нач. XIX в. на территории Курляндской губ. существовал Курляндский деканат, состоявший из 5 приходов. В 1820 г. из Российской империи были изгнаны иезуиты; земли ордена вместе с крестьянами отошли гос-ву. В 1827 г. была образована Белорусская греко-католич. епархия, в ее состав вошли греко-католич. приходы Курляндии.

С 30-х гг. XIX в. отношении Российской империи к католич. Церкви

на территории совр. Л. обусловливалось тем, что католич. духовенство, как правило, поддерживало антироссийские настроения польско-литов. дворянства. После Польского восстания 1830–1831 гг. католич. мон-рь в Пасиене был закрыт. По указу 1839 г. владельцы церковных имений должны были нести уголовную ответственность за жестокое обращение с крестьянами, а в 1843 г. все земли и крестьяне, принадлежавшие католич. Церкви, стали гос. собственностью. После реорганизации католич. епархий в 1847 г. все католич. приходы латинского обряда на территории совр. Л. перешли в подчинение Могилёвской архиепархии. В 40-х гг. XIX в. имущество мон-ря в Аглоне было изъято в казну; братия изгнана из обители; монастырский храм переведен в статус епархиального; в жилом корпусе мон-ря была устроена тюрьма для католических клириков и монашествующих. В 1865 г. в Л. было запрещено католич. образование и употребление лат. алфавита в латгальском языке. С 1865 по 1904 г. из-за нехватки католич. богослужбной лит-ры мн. книги тайно печатались в Пруссии и нелегально ввозились через Тильзит. Католич. священников обучали в С.-Петербургской ДС.

Провозглашенная в 1918 г. гос. независимость Л. дала возможность восстановить Рижское католическое еп-ство, территория к-рого совпадала с границами новообразованного государства. Католицизм являлся 2-й по численности (после протестантизма) христ. конфессией в новом гос-ве: по офиц. данным, 18,49% населения Л. были католиками. Первым епископом Рижским был назначен гр. Э. А. В. О'Рурк, представитель аристократической семьи ирл. происхождения, долгое время проживавшей в Польше. Вскоре руководством ЛР было достигнуто соглашение с Папским престолом о том, что епископами в Л. могли быть только латыши. 14 апр. 1920 г. епископом Рижским назначен латыш А. Спринговичс. 30 мая 1922 г. был подписан конкордат между Папским престолом и ЛР. Этому решению способствовал состоявшийся в 1920 г. визит в Л. апостолического нунция А. Д. Акилле Ратти (вполн. папа *Пий XI*).

25 окт. 1923 г., согласно условиям конкордата, декретом «*Quint diocesis Rigensis*» Рижское еп-ство

получила статус архиеп-ства; Спринговичс назначен архиепископом. Государство передало католич. Церкви кафедральный собор (бывш. лютеран. ц. св. Иакова в Риге) и недвижимость, необходимую для функционирования структур архиеп-ства. В 1924 г. часть территорий Рижского еп-ства отошла апостольской администрации Эстонии. Архиеп. А. Спринговичс основал семинарию в Аглоне, к-рая в 1924 г. была переведена в Ригу, а в 1928 г. преобразована в Высшую школу католич. богословия.

8 мая 1937 г. буллой «*Plurimum sane*» папа Пий XI провозгласил Рижское архиеп-ство митрополией. Тогда же было образовано Лиепайское еп-ство. К 1940 г. в католич. Рижском архиепископстве-митрополии насчитывалось ок. 200 приходов, разделенных на 15 деканатов. В Рижском еп-стве было 166 священников, в Лиепайском — 40. Почти четверть населения страны исповедовали католицизм. До 1940 г. действовали неск. муж. монашеских орденов и конгрегаций — мариане, капуцины, а также монахини конгрегации Сестер Бедного Младенца Иисуса из Австрии (организовали в 1928 среднюю школу для девочек в Яунаглоне), конгрегации Св. Креста и конгрегации Святейшего Сердца Иисуса. Выходило неск. католич. газет и журналов на латгальском языке («*Latgolas Vords*», «*Katbu Dzeive*» и др.).

После присоединения Л. к СССР в 1940 г. католич. учреждения и издания были закрыты. Было конфисковано все имущество приходов, мн. священники и верующие подверглись репрессиям и ссылке. В период нем. оккупации мн. католич. учреждения возобновили свою деятельность. Фак-т католич. богословия вышел из состава Латвийского ун-та и стал отдельным церковным учебным заведением. Но преследование католиков продолжилось и при нем. оккупационных властях.

В послевоенный период католич. Церковь наряду с др. конфессиями подвергалась жесткому давлению со стороны советских властей: из компетенции Церкви были изъяты школы, запрещено преподавание теологии в ун-тах, прекращена работа католич. печатных изданий, большая часть храмов была закрыта, мон-ри упразднены, значительная часть церковного имущества конфискована. За 1944–1958 гг. репрес-

сиям подверглись более 60 представителей латыш. католич. духовенства, при этом поводом для ареста нередко служило неразглашение тайны исповеди. В 1950 г. закрыта Рижская семинария.

В 1947 г. архиеп. А. Спринговичс рукоположил 2 епископов — Петра Стродса и Казимира Дульбинскиса;

Церковь св. Марии Магдалины в Риге. XIII–XIX вв., 1939 г. Фотография. 2010 г.

последний в 1949 г. был осужден на 10 лет, в 1954 г. был вновь арестован после досрочного освобождения и до 1989 г. был отстранен властями от служения в храме.

После смерти И. В. Сталина ситуация несколько улучшилась: в 1956 г. из заключения и ссылки вернулись 27 священников, была вновь открыта Рижская ДС. В 1958 г. умер архиеп. А. Спринговичс, после чего Рижскую кафедру занимали апостольские администраторы: Стродс (1958–1960) и Ю. Вайводс (1964–1990). Вайводсу была поручена также пастырская опека католиков всех советских республик, кроме Литвы. В 1983 г. Вайводс был возведен в сан кардинала-священника. В 1972 г. Рижская семинария получила статус межреспубликанской, а в 80-х гг. было снято ограничение на количество поступающих.

В 1991 г. католич. Церковь независимой Л. восстановила дипломатические отношения с Папским престолом, прерванные в 1948 г. 8 мая 1991 г. на Рижскую кафедру был на-

значен архиеп. Янис Пуятс (хиротонисан 1 июня 1991; с 1998 кардинал; объявлен на консистории в 2001). В окт. 2000 г. Папский престол и Республика Латвия определили юридический статус католич. Церкви в стране и 8 нояб. 2000 г. подписали конкордат, регулирующий отношения Церкви и гос-ва. В документе провозглашались независимость Церкви от гос-ва, право католич. Церкви создавать собственные СМИ, регистрировать объединения верующих, осуществлять пастырскую опеку заключенных, пациентов и персонала медицинских учреждений и военнослужащих. Помимо прочего гос-во взяло на себя обязательства по возвращению собственности, конфискованной советским правительством. В 2002 г. договор был ратифицирован.

Апостольский визит в Л. папы Иоанна Павла II, состоявшийся 8–10 сент. 1993 г., способствовал развитию католич. структур в стране. Понтифик восстановил почитание св. Мейнарда в кафедральном соборе св. Иакова в Риге, встретился с президентом Г. Улманисом, участвовал в экуменическом богослужении и др. мероприятиях.

В 1995 г. были образованы Резекне-Аглонское и Елгавское еп-ства, в 1997 г. — Конференция католических епископов Л., которая является членом Совета епископских конференций Европы и Комиссии епископской конференции ЕС (см. *Епископские конференции*). В 2002 г. были образованы суд Рижского архиепископа и межъепархиальный суд, одновременно с адм. структурами в постсоветской Л. развивались учреждения по подготовке местного католич. духовенства. 23 нояб. 1999 г. Рижская Высшая ДС была ассоциирована с теологическим фак-том папского Латеранского ун-та. 22 нояб. 2001 г. Мин-во народного образования Л. признало юридический статус Высшей католической ДС и Рижского Теологического ин-та в качестве ассоциативных членов папского Латеранского ун-та.

В 2000 г. начал процесс канонизации Болеслава Слосканса (католич. епископ-латыш, подвергшийся суровым репрессиям со стороны как советских, так и немецко-оккупационных властей). 20 дек. 2000 г. папа Иоанн Павел II подписал декрет о признании его заслуг перед католич. Церковью. В 2013 г. в Л. состоялись

Церковь
в честь Скорбящей Богоматери
в Риге. 1765 г.

торжества по случаю 120-летней годовщины со дня рождения Слосканса; 14 авг. в санктуарии Матери Божией в Аглоне епископ Резекне-Аглонский Я. Булис совершил богослужение крестного пути в память о Слоскансе; 3 окт. в Риге была открыта мемориальная доска в честь мучеников и исповедников гонимой Церкви, а также в их честь названа одна из улиц столицы.

В наст. время на территории Л. действуют ряд монашеских орденов (*кармелиты*, доминиканцы, иезуиты, капуцины, паулины), муж. и жен. конгрегаций (мариане, кармелитки Младенца Иисуса и др.) и секулярных ин-тов. В 2004 г. Конференция католич. епископов Л. подтвердила юридический статус благотворительной орг-ции «Каритас Латвии» (существует с 1990; см. «*Caritas Internationalis*»). В Риге действует Фонд еп. Б. Слосканса. Выходят печатные издания: «*Katoļu Vēstnesis*» («Вестник Католической Церкви») и «Вестник Католической Церкви» (на рус. яз.); выпускаются ежегодники: «Католический календарь» и «*Terra Mariana*» («Земля девы Марии») — научный теологический журнал по материалам ежегодной богословской конференции в Риге.

А. А. Паламарчук, М. М. Фатеев

Протестантизм в Л. в XVIII–XXI вв. (подробно о лютеранстве в Л. см. *Латвийская евангелическо-лютеранская Церковь*). В конце шведского владычества, на рубеже XVII и XVIII вв., власти попытались превратить Ливонию в исключительно

лютеран. страну. Ливонские суперинтенданты не только преследовали немногочисленных последователей *кальвинизма*, но и старались предотвратить проникновение в лютеран. проповеди кальвинистских взглядов (особенно кальвинист. понимания Причастия и учения о двойном безусловном Предопределении). После того как рус. войска заняли Ригу, Петр I в 1711 г. возложил на консисторию Риги управление лютеран. приходами присоединяемых остзейских провинций. После Ништадтского мира 1721 г. сохраняло силу швед. церковное законодательство, за исключением положения о швед. короле как о главе лютеран. Церкви. К кальвинистам русские власти относились терпимо: 2 авг. 1722 г. им было выдано разрешение на строительство церкви в Риге (построена в 1733). Небольшая нем. община при данной церкви действовала вплоть до репатриации в Германию в 1939 г. Однако кальвинизм в классических его вариантах (*реформатство*, *пресвитерианство*) ни в прошлом, ни в наст. время не получил заметного распространения в Л.

В XVIII–XIX вв. Л. стала одним из главных очагов распространения гернгутерства (религ. течение последователей моравских братьев; см. *Чешские братья*). В 1729–1730 гг. в Лифляндии действовали гернгутеры К. Давид и Т. Фидлер. В 1736 г. епископ гернгутеров гр. Н. Л. фон Цинцендорф прибыл в Вольмар, где в имении вдовы ген. Л. Н. Алларта под названием Вольмарсхоф (ныне Валмиермуйжа Буртниецкого края), а также в соседних имениях Гемауэртхоф (ныне Мурмуйжа Елгавского края), Буртник (ныне Буртниеки), Зварте (ныне Буртниецкого края) организовал главный в Л. центр гернгутерства. В 1737 г. в Вольмарсхофе была основана латыш. учительская семинария. Там прошли обучение буд. деятели латыш. братских общин Петерис Шкестерс и Петерис Кисис. 19 апр. 1742 г. в Вольмаре была основана 1-я латышская гернгутерская община, в том же году были организованы общины в Гросс-Роппе (ныне Страупе Паргауйского края), Либаве и Марценхофе (ныне Марсены Приекульского края). В 40-х гг. XVIII в. в латв. части Лифляндии было уже ок. 3 тыс. членов общин гернгутеров.

Мн. лютеран. пасторы изначально относились к гернгутерству благо-

склонно, рассматривая его как крайнее проявление лютеран. пиетизма. Однако наличие у гернгутеров особой орг-ции и практики отдельного от лютеран Причастия подрывали авторитет лютеран. учения. По настоянию генеральной консистории губернатор Лифляндии гр. П. П. Ласси назначил комиссию для расследования деятельности гернгутеров, работа к-рой была приостановлена 3 нояб. 1742 г. Указом имп. Елизаветы Петровны от 16 апр. 1743 г. все гернгутерские общины были распущены, учительская семинария закрыта, вероучительная лит-ра конфискована. Екатерина II Манифестом от 22 июля 1763 г., гарантировавшим нем. поселенцам свободу вероисповедания, а также Указом от 11 февр. 1764 г. разрешила гернгутерам Лифляндии «свободно отправлять свою веру и принимать присягу по своим обычаям», отменив елизаветинский Указ 1743 г. Но противостояние лютеран. пасторов гернгутерству препятствовало возобновлению их деятельности до 1770 г., когда центром движения вновь стал Вольмар, а также Венден и Роннебург (ныне Рауна).

«Золотой век гернгутерства» в Лифляндии приходился на 1817–1834 гг.: Манифест Александра I от 27 окт. 1817 г. легализовал «братские церкви» гернгутеров, их члены были приравнены в правах к жителям поселения *Сарепта* на Волге, южнее Царицына (основано в 1765, гернгутерским было до 1892, ныне лютеран. приход и исторический музей в черте Волгограда). В 1818 г. учрежденному гернгутерами «Моравскому синоду» подчинялись 144 конгрегации, расположенные гл. обр. на территории совр. Л., общей численностью 31 тыс. чел.; в 30-х гг. XIX в. их численность достигла максимума — 70 тыс. чел. Однако Николай I в 1831 г. наложил на деятельность гернгутеров ряд ограничений, способствовавших спаду движения и их возвращению в лютеран. приходы или воссоединению с Православием.

На основании Закона от 28 дек. 1832 г. лютеран. приходы на территории совр. Л. стали частью Евангелическо-лютеранской Церкви в России (см. в ст. *Евангелическо-лютеранская Церковь в России, Украине, Казахстане и Средней Азии*). Приходы объединялись в пробства во главе с пробстами, а пробства — в консисториальные округа, к-рых

в пределах Латвии было 3: Рижский, Курляндский и Лифляндский. Этот порядок существовал до 1917 г. После провозглашения независимости Л. в 1918 г. ее лютеран. приходы в 1922 г. образовали Латвийскую евангелическо-лютеранскую Церковь, к-рая остается крупнейшим протестант. религ. объединением страны.

С кон. XVIII в. в Риге постоянно увеличивалось число брит. моряков. В 1830 г. здесь официально образована община *Англиканской Церкви*, для к-рой в 1853–1859 гг. была построена ц. св. Искупителя на набережной р. Даугава. В период восстановления советской власти в Л., в 1940–1941 гг., здание церкви было передано лютеран. приходу; в послевоенное время пустовало; в 70-х гг. XX в. передано Рижскому политехническому ун-ту, после проведенной в это время реставрации служило в качестве культурного центра. В 1992 г. церковь была возвращена небольшому англиканскому приходу в Риге.

В авг. 1860 г. неск. латышей совершили поездку в Мемель (ныне Клайпеда, Литва) и там 2 сент. приняли от нем. баптистов «водное крещение по вере», положив начало распространению баптизма в Л. Союз латвийских баптистов, образованный в 1875 г., существует как Союз баптистских общин Л. во главе с еп. Петерисом Спрогисом (с 2010). Он объединяет ок. 7 тыс. прихожан.

В мае 1896 г. в Риге возникла первая в Л. община адвентистов седьмого дня. В 30-х гг. XX в. их численность достигла примерно 3 тыс. чел., гл. обр. в г. Резекне. В советское время (до 1985) им отказывали в регистрации. По состоянию на 2015 г. имеется ок. 50 общин адвентистов общей численностью ок. 4 тыс. чел.

В 1921 г. в Риге возникли небольшой методистский приход и церковь. В 1948 г. деятельность *методистов* в Л. была запрещена и возобновилась только в 1993 г.

В июне 1926 г. латв. лютеранин Янис Гревиньш, ставший пятидесятником в США, начал проповедь на родине. Первое объединение пятидесятников Л. было зарегистрировано 26 июля 1927 г. под названием Латышско-Американское миссионерское об-во. В 1930 г. Гревиньш был выслан из страны. В наст. время пятидесятники составляют значительное по численности протестант. религ. объединение Л. (по раз-

ным оценкам, от 3 до 10 тыс. чел.). Данная деноминация имеет 2 структуры, одна из к-рых — Латвийский центр пятидесятнических церквей, к-рый с 1998 г. возглавляет еп. Николай Гриб,— считается преимущественно русской, 2-я — Союз пятидесятников Л. во главе с еп. Янисом Озолинкевичем — преимущественно латышской. К неопятидесятникам обычно причисляют последователей А. С. Ледяева, основателя и старшего пастора церкви «Новое Поколение», которая окончательно отделилась от баптистов в 2005 г. Численность приверженцев «Нового Поколения» в Л., по разным оценкам, от 3 до 7 тыс. чел.

С. А. Исаяев

Армянская Апостольская Церковь (ААЦ). Постоянная арм. община существует в Л. с 50-х гг. XX в. Согласно переписи, в 1959 г. здесь

Храм
во имя св. Григория Просветителя
Армянской Апостольской Церкви.
2009 г.

проживали 1060 армян, к 1989 г. их количество увеличилось до 3069 чел. В 1988 г. создано Латвийское армянское об-во. В 1990 г. в центре Риги установлен привезенный из Армении хачкар, посвященный памяти геноцида армян 1915–1917 гг. В 1993 г. в Риге была зарегистрирована община Российской и Ново-Нахичеванской епархии Армянской Апостольской Церкви. В 1996 г. в Риге началось строительство ц. св. Григория Просветителя (Сурб-Григор-Лусаворич), завершенное в 2009 г. 30 июня 2011 г. церковь была освящена Верховным Патриархом и Ка-

толикосом всех армян *Гарегином II* в ходе его пастырского визита в Л. С 2006 г. настоятелем церкви является свящ. Хосров Степанян, к-рый также осуществляет духовное окормление арм. общин в Литве и Эстонии. В рижской церкви проходят выездные собрания арм. общин Балтии.

В Л. действуют: Армянский культурный центр; прицерковная воскресная школа, церковный молодежный союз «Арагат»; выходит в эфир радиопередача «Аревик» на арм. языке (с 1988), издается газ. «Арагат» на русском языке (1-й выпуск — в 1991, регулярно каждый месяц — с 2002). На нач. 2015 г. в Л. насчитывалось 2765 армян.

Иудаизм появился на территории совр. Л. вместе с первыми евр. поселенцами во 2-й пол. XVI в. В то же время есть фрагментарные свидетельства пребывания с кон. XIII в. евреев-иудеев в пределах совр. Л., несмотря на наложенный в 1306 г. офиц. запрет селиться евреям на территории Ливонского гос-ва. После его распада в Курляндском герц-стве и Лифляндии был введен запрет евреям заниматься торговлей и откупом налогов и пошлин, однако он не всегда соблюдался: заинтересованные в увеличении доходов в гос. казну курляндские герцоги стремились привлечь состоятельные евр. семьи и разрешали им проживать в герцогстве на правах «иностранцев». Иным было положение евреев в Пильгене (ныне Пилтене), где они получили право постоянного проживания и занятия торговлей и ремеслами, а также организации 1-й на территории Курляндии общины (1571). С 1708 г. в Пильгене существовала синагога, с 1710 г. действовала евр. кладбище в Митаве, с 1751 г. открыта синагога в Газенпоте. Земский сейм в 1782 г. предоставил евреям право пребывания в герц-стве Курляндском. В Латгалии иудейская община начала формироваться во 2-й пол. XVII в. из бежавших от погромов евреев с территории Речи Посполитой. Большинство из них проживали в сельской местности, а также в городах Крейцбург (ныне Курстпилс), Динабург, Краслава (ныне Краслава). После присоединения к Российской империи Курляндия и Лифляндия не входили в черту постоянной евр. оседлости. В Латгалии, вошедшей в черту оседлости, число евреев постоянно росло. По имп. Указу от 14 марта 1799 г.

евреи Курляндии получили возможность постоянного проживания и доступа в торгово-промышленные условия. Однако это касалось только тех, кто находились в губернии до издания указа. Положение 1835 г. разрешало прописавшимся во время последней ревизии евреям Курляндской и Лифляндской губерний постоянно проживать здесь и заниматься торговлей, ремеслами и свободными профессиями, как и проч. жителям, но непрописавшихся должны были выселить в черту оседлости, переселение в указанные губернии евреев из других областей запрещалось. Тем не менее закон нарушался: в течение всего XIX в. местные иудейские общины пополнялись гл. обр. за счет притока евреев из черты оседлости. В 1893 г. нелегально поселившиеся в Лифляндской и Курляндской губерниях евреи получили разрешение остаться в этих местах. По переписи 1897 г., численность иудеев в т. н. латвийских уездах Лифляндской губ. (Рижский, Венденский и Вольмарский) составляла ок. 25,5 тыс. чел., или 4% населения; в Курляндии — ок. 51 тыс. чел., или 7,6% всего населения; в Латгалии — ок. 64,2 тыс. чел., или ок. 12,7% населения т. н. латгальских уездов Витебской губ. (Двинский, Режицкий и Люцинский). Всего в 1897 г. на территории совр. Л. проживали ок. 121,7 тыс. евреев; в 1914 г. — ок. 190 тыс.

С образованием ЛР в 1918 г. всем национальным меньшинствам были гарантированы политические права и право на национально-культурную автономию. С этого времени действовали различные евр. религ. орг-ции и партии. В кон. 20-х—30-х гг. XX в. началось движение по переселению евреев (в основном молодежи в Палестину). По данным на 1935 г., численность евр. населения в Л. составляла ок. 93,5 тыс. чел. Крупнейшими в Л. были в это время общины в Риге (ок. 44 тыс. чел.), Даугавпилсе (более 11 тыс. чел.) и Лиепе (ок. 7,3 тыс.). В большинстве городов действовали синагоги. С установлением диктатуры К. Улманиса в 1934 г. и после включения Л. в СССР в 1940 г. евр. культурная автономия на территории Л. была ликвидирована. По окончании второй мировой войны от довоенной латв. евр. общины осталось ок. 14 тыс. чел. В Л. стали переселяться евреи из др. регионов СССР. По офиц. переписи 1959 г.,

здесь проживали 36,6 тыс. евреев, из них ок. 10 тыс. — уроженцы Л., остальные — выходцы из др. районов СССР. С кон. 80-х гг. XX в. в Л. начала возрождаться евр. общественная жизнь: восстановили свою деятельность евр. общины во мн. латв. городах; в 1989 г. открыта первая в СССР евр. школа, начали издаваться евр. газеты и журналы, возникли различные евр. общественные и культурные орг-ции. С 90-х гг. XX в. наблюдается массовая эмиграция евреев из Л.: если в 1989 г. здесь проживали 22,9 тыс. евреев, то в 2000 г. — ок. 10 тыс. Лишь незначительное их число исповедует иудаизм: по официальным данным на 2013 г., зарегистрированы 11 иудейских общин (327 иудеев).

Ислам начал распространяться на территории совр. Л. со 2-й четв. XIX в. По переписи 1897 г., число мусульман составляло здесь ок. 1,67 тыс. чел., подавляющее большинство из них — волжские татары, призванные в российские армейские части и расквартированные в крупных городах остзейских губерний. Кроме того, здесь размещали османских военнопленных во время Крымской войны 1853—1856 гг. и русско-тур. войны 1877—1878 гг. В 1902 г. была образована официально признанная Российским гос-вом мусульманская община во главе с имамом Ибрагимом Давидовым. По оценочным данным, до начала первой мировой войны в общине состояло ок. 1 тыс. чел.; действовало мусульм. кладбище. Во время первой мировой войны большинство мусульман либо покинули территорию совр. Л., либо были переселены правительством в др. районы Российской империи. В 20-х гг. XX в. возобновила деятельность мусульм. община в Риге, во главе которой вплоть до 1940 г. находился имам Шакир Хуснетдинов. Община была малочисленной: в 1935 г. только 66 чел. исповедовали ислам. После второй мировой войны в Л. переселялись жители традиционно мусульм. республик СССР (большей частью татары, а также башкиры, казахи, узбеки, азербайджанцы, чеченцы, ингуши и проч.). К 1989 г. в Л. проживали ок. 4,8 тыс. татар. С либерализацией общественной жизни в 1990—2000-х гг. было основано несколько мусульм. общин и религ. организаций, а также национальных культурных об-в. С 2011 г. действует Исламский культурный центр Л.

На 2013 г. зарегистрировано 17 мусульм. общин, преимущественно суннитов.

В. К. П.

Арх.: РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 339, 418; Эстонский ист. архив (Тарту). Ф. 291. Оп. 8. Д. 1871; РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 987. Л. 2 об.; Д. 1004. Л. 188—191; РГИА. Ф. 1284. Оп. 195 (1827 г.). Ед. хр. 38; ЛГИА. Ф. 1. Оп. 10. Д. 136; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. Т. 2. Д. 290. Ч. 1. Л. 1.

Лит.: *Волович А. И.* Древлеправославие и первые старообр. храмы в Прибалтике // *Родная старина*. Рига, 1927. Пробный номер. С. 10—13; *Православие в Латвии: Ист. очерки / Сост.: А. Поммер. Rīga, 1931; Заволоко И. Н.* О старообрядцах г. Риги. Рига, 1933; *он же.* История Церкви Христовой. Рига, 1937; *Дорошенко В. В.* Очерки аграрной истории Латвии в XVI в. Рига, 1960; *Музуревич Э. С.* Вост. Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965; *Очерки экон. истории Латвии (1900—1917) / Ред.: Я. П. Крастынь. Рига, 1968; Экон. связи Прибалтики с Россией: Сб. ст. / Отв. ред.: А. К. Бирон. Рига, 1968; Dzintars J. Neredzamā fronte. Rīga, 1970; Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: кон. XIV — нач. XVI вв. М., 1975; *Назарова Е. Л.* «Ливонские Правды» как ист. источник // *ДГСССР*. 1979. М., 1980. С. 5—218; *она же.* История лейманов в Ливонии. М., 1990; *Balevics Z. Katoļu baznīca Latvijā, Rīga, 1981; Kuselevs H. A.* Рукописные и печатные книги латвийских собор. // *Худож. наследие: Хранение, исслед., реставрация: Сб. ст. М., 1985.* Вып. 10. С. 194—204; *Красилин М. М.* Обследование пам-в изобразит. искусства на терр. Латвийской ССР (древнерус. живопись и ее традиции в XVII—XX вв. // *Там же.* С. 205—220; *National Movements in the Baltic Countries during the 19th Century: The 7th Conf. on Baltic Studies in Scandinavia. Stockh., 1985; Заварина А. А.* Русское население Вост. Латвии во 2-й пол. XIX — нач. XX в. Рига, 1986; *Soņņevs M., Jansons-Saiņa A. Kaspars Biezbārdis: Sabiedriskās domas un kultūras vēsture. Rīga, 1986; Tautas izglītība un pedagogiskā doma Latvijā līdz 1900. gadam. Rīga, 1987; Из истории латвш. книги / Ред.: А. Апинис. Рига, 1988; *Eglīte O. Enas purva. Rīga, 1989; Hlebowicz A. Kościół odrodzony: Katolicyzm w państwie sowieckim, 1944—1992. Gdańsk, 1993; Данченко Е. А., Красилин М. М.* Мат-лы к словарю иконописцев XVII—XX вв. (по данным обследований церк. и др. коллекций 1973—1993 гг.). М., 1994; *Лесков Н. С.* О раскольниках г. Риги, преимущественно по отношению к школам // *Он же.* ПСС. М., 1996. Т. 3. С. 384—459; *он же.* Иродова работа: рус. картины, наблюдения, опыты и заметки: Ист.-публиц. очерки по Прибалтийскому вопросу, 1882—1885 / Вступ. ст., сост.: А. Н. Дмитриев. СПб., 2010; *Православие в Латвии: Ист. очерки: Сб. ст. Рига, 1993—2011.* Вып. 1—9; *Krišjānis Valdemārs un «Pēterburgas Avīzes»: Rākstu krājums / Sast. K. Lūsis, G. Simanis. Rīga, 1997; Ковальчук С. Н.* «Взыскуя истину...»: Из истории религ., филос. и общественно-полит. мысли в Латвии. Рига, 1998; *Malahovska L.* Latvijas transporta vēsture. Rīga, 1998; *Гаврилин А. В.* Очерки истории Рижской епархии: XIX в. Рига, 1999; *он же.* Под покровом Тихвинской иконы: Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб., 2009; *Памяти Заволоко И. Н.: Сб. ст. и мат-лов, посвящ. 100-летию И. Н. Заволоко. Рига, 1999; Россия и Балтия / Отв. ред.: А. О. Чубарьян. М., 2000—[2015].* Вып. 1—[7]; *Latvija 19. gadsimtā:**

Vēstures apceres. Rīga, 2000; 20. gadsimta Latvijas vēsture / Atb. red. V. Bērziņš. Rīga, 2000. Т. 1: Latvija no gadsimta sakuma līdz neatkarības. Rīga, 2001; Latvijas senākā vēsture: 9 g. t. pr. Kr.—1200 g. Rīga, 2001; *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь: Кон. XII в.—1270 г.: Тексты, пер., коммент. М., 2002; Русские в Латвии: [Сб.]. Рига, 2002. Вып. 3: Из истории и культуры староверия; *Lapiņa M.* Latvijas kultūras vēsture: XX gs. 40.—80. g. Rīga, 2002; *Зимова З. Н.* Старообрядцы Екабпилса. Рига, 2003; *Кузнецова Т.* Латышский крестьянский союз (1917–1934): Знакомый незнакомец. Даугавпилс, 2003; Baltijas valstis starp Vāciju un PSRS (1920–1934) / Sast. J. Keruss. Rīga, 2003; *Šteimans J.* Latgale, 1939–1959. Rēzekne, 2003; *Degučiņ metraštis: Chronografas, arba Kuršo ir Lietuvos metraštis* [= Деружий летописец]. Vilnius, 2004; *Барановский В. С., Потащенко Г. В.* Староверие Балтии и Польши: Кр. ист. и биограф. слов. Вильнюс, 2005; *Бутулис И. и др.* История Латвии: XX в. Рига, 2005; *Мальцев А. И.* Старообрядческие беспоповские соглашения в XVIII — нач. XIX в. Новосиb., 2006; *Mazākumtautības Latvijā: Vēsture un tagadne* / Sast. L. Dribins. Rīga, 2007; *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль, 1940–1953. М., 2008; *Никонов В. В.* Староверие в Латгалии. Резекне, 2008; *Тяньберг Т.* Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956): Исслед. и док-ты. Тарту, 2008. М., 2010; *Чапенко А. А.* История стран Балтии (Эстония, Латвия, Литва) в первый период независимости и годы Второй мировой войны. Мурманск, 2008; Иконопись Латвии XX–XXI вв.: Кат. выст. Рига, 2009; Интеллигенция в многонациональной империи: Русские, латыши, немцы: XIX — нач. XX в. / Ред.: А. В. Гаврилин. М., 2009; *Симоныя Р. Х.* Россия и страны Балтии: Две модели постсоветского развития. М., 2009; *Zelče V.* Latviešu avižniecība: Laikraksti savā laikmetā un sabiedrībā, 1822–1865. Rīga, 2009; Рижский старообр. сб. Рига, 2011. 2 вып.; *Рыжакова С. И.* Этнокультурные представления об основах латыш. идентичности: Ист. контекст, взаимосвязи, совр. аспекты: Сер. XIX — XXI вв. М., 2011; Православие в Балтии: Науч.-аналит. ж. Рига, 2013–[2014]. № 1(10)–[2(11)]; *Гарклавс С., прот.* Под сенью Тихвинской иконы. М., 2014².

Церковная архитектура. Известно, что в нач. XIII в. правосл. храмы были по крайней мере в 2 местах Л.— в Ерсике и Кокнесе, однако найденный в наст. время археологический материал не позволяет судить о типах находившихся там церковных построек. Долгое время в латышской части территории Ливонии (Лифляндия) был только один правосл. храм — во имя свт. Николая Чудотворца в Риге. Он был построен ок. 1229 г., когда в городе появилась колония (двор) купцов с древнерусских земель. Его функционирование зависело от политических отношений между Ливонией и Др. Русью (позднее Великого Московского княжества) — если торговля между ними прерывалась, храм прекращал действовать. После пожара 1548 г. церковь не была восстановле-

Церковь
во имя апостолов Петра и Павла
в Риге. 1781–1786 гг.

на. В 1616 г. здание храма еще существовало, однако после занятия в 1621 г. Риги шведами больше не упоминается в исторических источниках.

В XVIII в. территория Л. вошла в состав Российской империи, однако в XVIII в. Православие было пока лишь вероисповеданием рус. населения, поэтому новые правосл. приходы образовывались в городах или в местах постоянной дислокации войск. Церкви, построенные в 1-й пол. XVIII в., не сохранились. Деревянные храмы часто страдали

Собор
в честь Успения Пресв. Богородицы
в г. Лудзе. 1843–1845 гг.

от пожаров, постепенно ветшали и в XIX в. почти все были разобраны. Каменные храмы духовенство многократно перестраивало, ремонтировало, стараясь придать по-

стройкам «православный» вид, поэтому православные храмы, построенные в стиле барокко, почти все изменили внешний облик (Свято-Алексиевская ц. в Риге, ныне католическая ц. св. Марии Магдалины, 1751, архит. Н. Васильев; Свято-Николаевская ц. в Лаудери Зилупского края, ок. 1760; ц. св. Иоанна Предтечи в Бродайжи Лудзенского края, сер. XVIII в.; ц. святых Симеона и Анны в Елгаве, 1774–1780, архит. Б. Ф. Растрелли, расширена и перестроена в 1890–1892 архит. Н. М. Чагиным, и др. церкви).

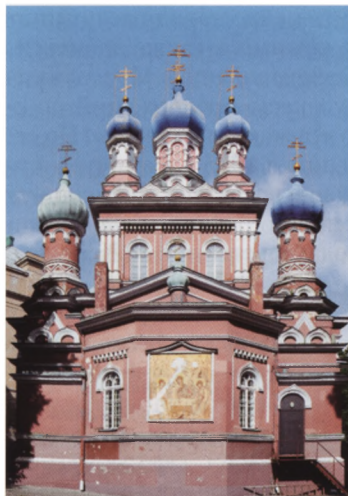
В эпоху классицизма строились храмы традиционной формы: кораблем (Благовещенская ц. в Риге, 1814–1818, архит. Т. Г. Шульц), имеющие в плане равноконечный крест (Петропавловский собор в Риге, 1781–1786, архитекторы С. Х. Зегфон-Лауренберг, К. Хаберланд) или квадрат (ц. свт. Николая Чудотворца в Шкельтова Аглонского края, 1836). Появляются также центрические церкви (напр., блгв. кн. Александра Невского в Риге, 1820–1825, архит. Х. Ф. Брейткрейц).

В 30–40-х гг. XIX в. получил распространение т. н. николаевский классицизм (Успенский собор в Лудзе, 1843–1845). Поиск новых архитектурных форм по времени совпадает с радикальными изменениями в положении Православия на территории Л. В 40-х гг. XIX в. более 100 тыс. латыш. и эст. крестьян Лифляндской губ. присоединились к правосл. Церкви, в результате чего начинается развитие латыш. варианта правосл. культуры. Первыми храмами в латыш. сельских приходах были внесиленные деревянные постройки, которые не сохранились до наст. времени. В 60–70-х гг. XIX в. были попытки разработать свой, региональный тип правосл. храма, используя привычный для местного населения образ лютеранской церкви (напр., ц. св. Иоанна Крестителя в Ляудоне Мадонского края, 1863–1864; ц. св. Марии Магдалины в Адеркаши Огрского края, 1874, и др.). Появились храмы в формах эклектики, в т. ч. в рус. стиле (ц. Рождества Пресв. Богородицы в Резекне, 1840–1846, архитекторы Л. И. Шарлемань и Д. И. Висконти), который оставался ведущим и во 2-й пол. XIX в.: ц. в честь Вознесения Господня (1867), ц. Св. Троицы в Алуksне (1894–1895), Троице-Задвинская ц. в Риге (1892–1895, архитекторы Я. Ф. Бауманис,

Б. М. Эппингер, В. И. Лунский), ц. блгв. кн. Александра Невского в Стамериене Гулбенского края (1902–1904), ц. арх. Михаила и Небесных Сил бесплотных в Риге (1894–1895, архит. А. Н. Эдельсон), Петропавловская ц. в Кемери (в черте Юрмалы, 1892–1893, архит. Лунский, и др.). Вариации в рамках русского стиля продолжались в архитектуре возводимых на территории Л. правосл. храмов вплоть до первой мировой войны. Примером византийского стиля являются кафедральный Христорождественский собор в Риге (1876–1884), ц. в честь Покрова Пресв. Богородицы (1879, обе — архит. Р. А. Пфлуг (Христорождественский собор — в соавторстве с архит. Чагиным)), 5-главый Свято-Духовский собор в Екабпилсском в честь *Сошествия Св. Духа на апостолов мужском монастыре* (1885–1888). Близок к визант. стилю был «кирпичный стиль», напоминавший храмы Зап. Европы эпохи романтики, или «кирпичной готики», напр. в облике рижской ц. во имя Всех святых (1869–1884, архит. Бауманис).

В период первой мировой войны строительство правосл. храмов было прервано. Оно продолжилось лишь с сер. 20-х гг. XX в., когда нормализовались отношения ЛПЦ с неза-

Церковь
в честь Св. Троицы в Риге.
1892–1895 гг.

шились своих храмов в результате проведения гос. границы; кроме того, до сер. 20-х гг. XX в. 28 храмов отняло у ЛПЦ гос-во). Во-вторых, строить деревянные храмы было дешевле, чем каменные, а ЛПЦ постоянно испытывала материальные трудности. В-третьих, деревянным церквям придавалось особое значение. Латв. архитекторы, напр. синодальный архит. В. М. Шервинский, зная о массовом разрушении храмов в СССР, пытались придать своим постройкам черты древнерус. деревянного зодчества, надеясь тем самым сохранить для будущих поколений формы древней

Церковь
Рождества Пресв. Богородицы
в г. Резекне.
1840–1846 гг.

архитектуры. В результате большинство построенных в 20–30-х гг. XX в. правосл. храмов имеют рациональную планировку и повторяют «дух» ар-

хитектуры средневековых Владимира, Пскова, Вел. Новгорода, т. е. имеют черты ретроспективизма (церкви архит. Шервинского: свт. Николая Чудотворца в Гриве (Даугавпилс, 1922–1924), Вознесенская в Буртниеки (1928), свт. Николая Чудотворца в Вайнёде (1929), Успения Пресв. Богородицы в Шкильбени (1929), Георгиевская в пос. Роговка Резекненского р-на (ок. 1930, ныне территория этнографического музея Риги).

всисмым Латвийским гос-вом и стабилизировалось материальное и духовное положение ЛПЦ. В результате активности приходов к 1940 г. каждый 7-й храм ЛПЦ был освящен заново, т. е. или построен, или капитально перестроен. В 20–30-х гг. XX в. возводились в основном деревянные церкви. Во-первых, необходимо было восстановить довоенную численность церквей (во время войны были уничтожены 12 правосл. храмов, мн. латгальские приходы ли-

В годы коммунистического режима храмы не строили. С восстановлением в 1991 г. независимого Латвийского гос-ва возобновляется и традиция возведения храмов, однако строительство правосл. церквей на территории Л. носило эпизодический характер. Строящиеся в Л. совр. правосл. храмы, напр. ц. Новомучеников и исповедников Российских (с 2008, в микрорайоне Балдераи-Даугавгрива (Рига), скорее воспроизводят традиц. формы правосл. зодчества, нежели следуют региональным особенностям развития храмовой архитектуры Л.

Лит.: Гаврилин А. Очерки истории Рижской епархии, XIX в. Рига, 1999; Gaurinins A. Latvijas pareizticīgo dievnamu būvētūres pamatposmi // Man jau un tev tikai [piecdesmit]. Rīga, 2003. S. 11–25.

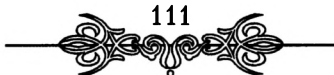
А. В. Гаврилин

ЛАТЕРА́НСКИЕ СОГЛАШЕ́-

НИЯ

 [лат. Pacta Lateranensia; итал. Patti Lateranensi], общее наименование документов, подписанных 11 февр. 1929 г. в Латеранском дворце в Риме от имени папы Римского *Пия XI* гос. секретарем Папского престола кард. Пьетро Гаспарри и от имени кор. Виктора Эммануила III председателем Совета министров Итальянского королевства Бенито Муссолини. Л. с. урегулировали «римский вопрос», т. е. претензии Папского престола к Итальянскому гос-ву, связанные с захватом итальянскими войсками в 1870 г. Рима и упразднением Папского гос-ва; было создано суверенное гос-во-город *Ватикан*, определено правовое положение католич. Церкви в Италии. В состав Л. с. вошли трактат с 4 приложениями (план территории Ватикана, планы зданий с правом экстерриториальности, планы зданий с гарантией неприкосновенности, финансовая конвенция) и конкордат между Папским престолом и Итальянским королевством. Вступили в силу после ратификации итал. парламентом (27 мая 1929) и обмена ратификационными грамотами в Апостольском дворце в Ватикане 7 июня 1929 г.

После ликвидации Папской области в процессе создания единого Итальянского королевства (Рисорджименто) и объявления Рима его столицей (3 февр. 1871) 13 мая 1871 г. итал. парламент принял Закон о гарантиях, закреплявший за папой Римским статус священной и неприкосновенной фигуры, но

ограничивавший его владения Ватиканским и Латеранским дворцами, базиликой св. Петра в Риме и загородной резиденцией *Кастель-Гандольфо*. В качестве компенсации за утраченные земли Папской области Итальянское королевство обязывалось ежегодно выплачивать Папскому престолу ренту в размере 3 млн

репить международные позиции нового режима, а также добиться поддержки итальянцев Муссолини выдвинул неск. предложений по решению «римского вопроса». По его поручению в 1925 г. министр юстиции А. Рокко возглавил специальную комиссию по реформе итал. религ. законодательства, а с 1926 г. начались тайные предварительные переговоры с Папским престолом о возможном

Участники церемонии подписания Латеранских соглашений. Фотография. 12 февр. 1929 г.

225 тыс. лир. Однако в ответ на Закон о гарантиях 15 мая 1871 г. папа Римский *Пий IX* издал энциклику «*Ubi pos*», где заявил о непризнании нового Итальянского гос-ва, т. к. оно узурпировало законно принадлежавшие Папскому престолу в качестве Патримония св. Петра Папскую область и Рим, и объявил себя «узником Ватикана», отказываясь покидать территорию Ватиканского дворца. В 1872 г. Папский престол официально отказался от получения ренты, установленной Законом о гарантиях. Политики папы Пия IX в отношении Итальянского королевства в целом придерживались и его преемники — папы Римские *Лев XIII*

урегулировании «римского вопроса». 6 авг. 1926 г. состоялась 1-я встреча между представителем итал. правительства Д. Бароне и сотрудником гос. секретариата Папского престола адвокатом Ф. Пачелли (старший брат буд. папы Римского *Пия XII*). В качестве условий для решения «римского вопроса» Пачелли обозначил восстановление под суверенитетом Римского папы Папского государства независимо от размеров его территории, а также одновременное заключение конкордата между Папским престолом и Италией. В ходе последующих встреч между Бароне и Пачелли (авг.—сент. 1926) были оговорены отдельные детали реализации этих условий, однако встречи не имели статуса переговоров. Лишь 4 окт. Бароне получил от итал. правительства офиц. разрешение на проведение пред-

Б. Муссолини, Ф. Пачелли, кард. П. Гаспарри, пресв. Ф. Боргоньини Дука. Фотография. 7 июня 1929 г.

(1878–1903), *Пий X* (1903–1914) и *Бенедикт XV* (1914–1922); Папский престол воздерживался от к.-л. офиц. отношений с Итальянским гос-вом.

Приход к власти в 1922 г. Муссолини и установление в Италии фашистского режима способствовали изменению в сфере государственно-церковных отношений. С целью ук-

варительных переговоров по «римскому вопросу», а 6 окт. аналогичное разрешение от Папского престола получил Пачелли. 24 окт. кард. П. Гаспарри направил Пачелли письмо, содержавшее перечень минимальных требований к буд. соглашению, в т. ч. обеспечение неприкосновенности и абсолютной собственности на территорию, находившуюся под реальной властью Папского престола, признание положений договора др. гос-вами, имев-

шими дипломатические отношения с Папским престолом и Италией, а также заключение соглашения, к-рое должно было стать основой для итал. законодательства о религии. В этом же письме кард. П. Гаспарри ответил Бароне на присланную записку, где предлагались 2 варианта решения «римского вопроса»: предоставление территориального суверенитета Папскому престолу или предоставление личного суверенитета папе Римскому с указанием на предпочтительность 1-го варианта «как более ясного и поэтому отвечающего цели» (*Martini*. 1963. Р. 95).

К кон. нояб. 1926 г. был выработан 1-й вариант текста трактата, содержавшего 16 статей. Ст. 1 подтверждала ст. 1 т. н. Альбертинского статута от 4 марта 1848 г. (Конституция Сардинского королевства, с 1861 распространяемая на все Итальянское королевство), по к-рой католицизм провозглашался единственной гос. религией в Италии. Для свободы и независимости папы Римского при осуществлении им духовной власти признавался территориальный суверенитет Папского гос-ва, границы которого обозначались Ватиканом, Латеранским дворцом и виллой Дория-Памфили близ Ватиканского холма. «Римский вопрос» считался решенным и иностранные державы приглашались принять участие в подписании соглашения. В 1-м варианте не содержалось положения о признании Итальянского королевства со стороны Папского престола, а предоставление территориального суверенитета Папскому гос-ву объявлялось «уступкой» Папскому престолу со стороны Италии, что вызвало неприятие у папы Римского Пия XI.

В кон. 1926 г. главным условием продолжения переговоров папа Пий XI обозначил не только подписание трактата, но и заключение конкордата между Папским престолом и Итальянским королевством, который должен был регулировать деятельность католич. Церкви и ее орг-ций в Италии. В февр. 1927 г. Бароне и Пачелли закончили работу над составлением текста проекта конкордата. Изначально Пачелли внес в текст положения, по к-рым гос-во гарантировало католич. Церкви «свободное отправление ее духовной власти и церковной юрисдикции, свободную администрацию и ведение своих дел и управление своим имуществом согласно божественным законам и ка-

ноническому праву» (*Salvatorelli, Mira. 1952. P. 435*): за Римским папой признавалась полнота законодательной, исполнительной и судебной власти на территории Папского гос-ва; Итальянское гос-во гарантировало преподавание католич. вероучения во всех учебных заведениях на всех ступенях образования; церковные учебные заведения начального, среднего и высшего образования приравнялись к государственным; церковный брак признавался имеющим равную гражданскому браку юридическую силу. Однако Бароне переработал текст проекта конкордата, удалив положения о признании тройной гос. власти за папой Римским; религ. воспитание было ограничено преподаванием катехизиса в начальной школе, удален пункт о признании равенства гос. и церковных учебных заведений, признание юридической силы за церковным браком предполагалось лишь последующим внесением изменений в итал. законодательство. В то же время Бароне оставил в тексте положения о свободе сообщений Папского престола с католич. миром, об освобождении католич. клириков от военной службы, о признании гражданскими властями главных церковных праздников выходными днями; дозволялась деятельность светских католич. организаций, входивших в состав «*Католического действия*» (*Azione Cattolica*), при условии, что эта деятельность не будет носить политический характер. Итал. правительство гарантировало внесение изменений в законодательство о религии.

В ходе переговоров остро встал вопрос о молодежных католич. организациях, входивших в состав «Католического действия», т. к. в условиях усиления фашистской диктатуры деятельность любых образовательных и спортивных орг-ций, не связанных с Национальной фашистской партией, была сильно ограничена. Еще 3 дек. 1926 г. Бароне предупредил Муссолини, что ход переговоров может оказаться под угрозой, если не будут учтены требования папы Пия XI, касавшиеся свободы деятельности молодежных католич. орг-ций. Однако 9 апр. 1928 г. был издан королевский декрет, запрещавший все молодежные орг-ции, кроме юношеских фашистских движений «Балилла» и «Авангардисты». 17 апр. папа Пий XI направил Пачел-

ли письмо, в к-ром поручил подготовить заявление о прекращении переговоров по «римскому вопросу». Угроза прекращения переговоров заставила Муссолини издать 14 мая 1928 г. циркуляр префектам королевства, где разъяснялось, что нормы декрета относились только к тем молодежным орг-циям полувоенного характера, к-рые противостояли «Балилле».

Новый проект текста конкордата был выработан к кон. марта 1928 г., в него удалось включить неск. новых положений, благоприятных для Папского престола, таких как отказ гос-ва от права требовать отставки епископов по политическим причинам и не вошедшая в окончательный текст конкордата статья об удалении из епископской присяги политических обязательств. Летом 1928 г. в новые варианты трактата и конкордата вносили исправления и изменения. Наибольшие трудности по-прежнему вызывали вопросы о границах территории Папского гос-ва и о религ. образовании в школах. 1 июня 1928 г. папа Пий XI в письме к Пачелли указал на необходимость религ. воспитания не только в начальной, но и в средней школе, однако в представленном 20 авг. проекте конкордата пункт об этом вновь отсутствовал, и 1 сент. кард. П. Гаспарри сообщил Пачелли о недовольстве папы, поскольку «его требования (столь разумные и скромные) в отношении... религиозного обучения в средней школе не были приняты во внимание» (*Scoppola. 1971. P. 137*). В авг. 1928 г. папа Римский Пий XI выразил согласие на высказанное Муссолини еще в янв. того же года предложение об ограничении суверенитета Папского гос-ва территорией Ватикана, в то время как вилла Дория-Памфили стала бы территорией, зависимой от Ватикана, но без суверенитета. 7 сент. 1928 г. кард. П. Гаспарри в письме к папе Пию XI выразил надежду, что данная уступка поможет добиться от итал. правительства принятия др. требований Папского престола (*Martini. 1963. P. 99*). Однако сохранявшаяся в тексте трактата формула «Италия уступает...» вызвала большое недовольство папы. 7 сент. Бароне сообщил Муссолини о том, что папа принял все предложения итал. правительства, кроме пунктов о церковном браке и религ. обучении.

22 нояб. кор. Виктор Эммануил III письменно уполномочил Муссоли-

ни начать офиц. переговоры между Итальянским гос-вом и Папским престолом, а 25 нояб. офиц. полномочия были выданы папой Пием XI кард. П. Гаспарри. После смерти Бароне (4 янв. 1929) Муссолини лично проводил переговоры с Пачелли, и до 9 февр. они разработали 7 редакций трактата и конкордата. Хотя в сер. янв. в текст конкордата был внесен пункт о введении религ. обучения в начальных, средних и высших учебных заведениях, 31 янв. Муссолини добился ограничения религ. обучения в начальной и средней школах, согласившись в то же время с требованиями папы о признании за церковным браком той же юридической силы, что и за гражданским. Относительно территориального вопроса был достигнут компромисс: суверенитетом наделялась только территория Ватиканского холма, а остальные 12 зданий в Риме и папская летняя резиденция в Кастель-Гандольфо получали статус экстерриториальности; упоминание о вилле Дория-Памфили в итоговых проектах было удалено. Также формула «Италия уступает...» была заменена формулой «Италия признает...». 7 февр. 1929 г. кард. П. Гаспарри официально объявил аккредитованным при Папском престоле дипломатам, что переговоры по «римскому вопросу» ведутся и близки к завершению. 11 февр. в Латеранском дворце итоговые тексты Л. с. были подписаны кард. П. Гаспарри и Муссолини; на церемонии присутствовали секретарь Конгрегации по чрезвычайным церковным делам пресв. Ф. Боргоньини Дука, его заместитель пресв. Дж. Пиццардо, Пачелли, министр юстиции Рокко и секретарь Министерства иностранных дел Д. Гранди.

Основными документами в составе Л. с. были трактат и конкордат. Главным значением трактата явилось решение «римского вопроса» путем создания нового Папского гос-ва под наименованием «Город Ватикан» (итал. *Città del Vaticano*), к-рое Италия признавала суверенным, независимым и нейтральным гос-вом под юрисдикцией Папского престола (ст. 3); в свою очередь Папский престол признавал Итальянское королевство под властью Савойской династии и Рим в качестве столицы этого гос-ва (ст. 26). Трактат подтверждал положение Альбертинского статута о статусе католицизма

как гос. религии в Италии (ст. 1); Папский престол признавался самостоятельным в международных отношениях (ст. 2), а также в сношениях с религ. орг-циями и об-вами на территории Италии (ст. 5); для обеспечения свободы сообщений трактат предусматривал создание телеграфных, телефонных и почтовых служб и сооружение железнодорожной станции на территории Ватикана (ст. 6). Римский папа признавался персоной священной и неприкосновенной, покушение на его жизнь или оскорбление приравнивалось к покушению на жизнь или оскорблению короля (ст. 8). Подданными Ватикана считались те, чье место жительства находилось на его территории. Лица, меняющие свое место жительства и поселяющиеся за пределами гос-ва Ватикан, автоматически становились подданными Итальянского королевства, при условии, что они не имеют иного гражданства или подданства (ст. 9), за исключением кардиналов курии, живущих в Риме, к-рые, даже если живут за пределами Ватикана, сохраняют его подданство, пользуясь правами и привилегиями принцев крови (ст. 21). Согласно ст. 12, стороны устанавливали дипломатические отношения и обменивались представителями на уровне послов. Послом Италии при Папском престоле был назначен один из высших фашистских функционеров Ч. М. де Векки, граф ди Валь Чисмон, папским нунцием в Риме — пресв. Ф. Боргоньини Дука, в связи с этим рукоположенный во епископа. Итальянское гос-во гарантировало Папскому престолу свободу дипломатических отношений со странами, включая те, с к-рыми у Италии не было дипломатических отношений. Папский престол выражал желание остаться в стороне от любых межгос. объединений, не быть замешанным в к.-л. конфликтах между державами, не участвовать ни в каких международных конгрессах, за исключением тех случаев, когда страны, находящиеся в конфликте, обратятся к нему с просьбой о посредничестве. Т. о., гос-во-город Ватикан объявлялся гос-вом постоянно нейтральным (ст. 24). Трактат отменял Закон о гарантиях от 13 мая 1871 г. и все остальные акты, противоречащие заключенному трактату (ст. 26).

Большая часть положений трактата касалась территориальных вопросов. Территория нового гос-ва со-

ставляла 44 га, и папа Пий XI объяснял это желанием показать, что «наместником Иисуса Христа движет не земная жадность, а только сознание того, меньше чего невозможно требовать; ибо некоторый территориальный суверенитет есть условие, всеми признаваемое, необходимое для всякого настоящего суверенитета с юридической точки зрения, а следовательно, нужен некоторый минимум территории, достаточной для опоры этого суверенитета» (*Montesquiou-Fezensac*. 1936. P. 14). Помимо этого, приложениями 2 и 3 определялся статус 20 комплексов зданий за пределами Ватикана (папские базилики Рима и примыкающие к ним строения, дворцы (палаццо) ряда конгрегаций Римской курии, здания папских ун-тов, папская резиденция в Кастель-Гандольфо и др.), среди к-рых 12 комплексов получали право экстерриториальности, не могли быть изъяты и освобождались от налогов, а остальные 8 освобождались от возможности изъятия и налогообложения без права экстерриториальности. К трактату также прилагались: чертеж, определяющий границы гос-ва-города Ватикан; чертежи зданий, получающих право экстерриториальности; чертежи зданий, освобожденных от налогообложения; финансовая конвенция. Согласно финансовой конвенции, Италия обязывалась выплатить Папскому престолу 750 млн итал. лир и выдать 5% облигаций на сумму в 1 млрд лир (итоговая сумма тех средств, к-рые должны были выплачиваться ежегодно по Закону о гарантиях, но не принимались Папским престолом).

Конкордат определил положение Римско-католической Церкви в Италии, ее права и привилегии, отношения с итал. законодательством и т. д. Первая группа статей (статьи 1–2) частично повторяла и дополняла статьи трактата, касавшиеся статуса Римского папы, гос. статуса католицизма, свободного и независимого осуществления Папским престолом духовной власти, самостоятельной юрисдикции в церковных вопросах, свободы сообщений Папского престола (среди прочего было упразднено право «*placetum regium*», т. е. обязательное согласие светской власти на публикацию указов, писем, булл и др. документов Папского престола). Итал. правительство обещало запрещать все то, что противоречи-

ло священному характеру Рима как местонахождения Римского папы и центра католич. мира.

Следующая группа статей (статьи 3–10) определяла привилегии католич. духовенства. Клирики, монахи и семинаристы освобождались от воинской повинности, за исключением случаев всеобщей мобилизации, когда их могли призвать в качестве военных капелланов или направить в санитарные части (ст. 3). Клирики могли поступать на гос. службу с согласия правящего епископа, но не могли занимать к.-л. должностей, предполагавших работу с населением, если были подвержены церковным санкциям (ст. 5). Гарантировалась тайна исповеди, т. е. невозможность допроса клирика о сведениях, полученных им во время совершения таинства Покаяния (ст. 7). В случае совершения преступления клириком королевский прокурор должен был сообщать об этом правящему епископу (ординарию) и действовать по соглашению с ним. В случае ареста служителя церкви с ним должны были обращаться в соответствии с его саном, а в случае осуждения — направлять в места отбытия наказания, отдельные от мирян (ст. 8). Культовые здания наделялись иммунитетом, т. е. не могли быть реквизированы или заняты, а представители итальянской власти могли входить в них только с согласия церковной власти (статьи 9–10).

Ст. 11 объявляла выходными днями воскресенья и великие церковные праздники (первый день года, Богоявление, поминовение св. Иосифа Обручника, Вознесение, праздник Тела Господня, поминовение св. апостолов Петра и Павла, Успение Пресв. Девы Марии, праздники Всех святых, Непорочного зачатия, Рождество). В эти дни за праздничной мессой предписывалось возносить молитвы о короле Италии и благоденствии Итальянского государства (ст. 12). Статьи 13–15 определяли порядок назначения священников в вооруженные силы Итальянского гос-ва. Группа статей (16–18) предусматривала изменение границ диоцезов в соответствии с гос. границами Италии и границами областей. Никакая часть территории, находящейся под властью короля Италии, не должна быть подчинена епископам другого гос-ва, и ни один диоцез Итальянского королевства не может

включать территории, к-рые бы принадлежали др. гос-ву.

Значительная группа статей (статьи 19–26, 29–33) затрагивала вопросы реорганизации церковного законодательства. Ст. 24 отменяла права «*ehequatur*» (т. е. контроль гос-ва над управлением церковным имуществом и замещением церковных должностей) и «*placetum regium*», сохранявшиеся за гос-вом по Закону о гарантиях, однако Папский престол должен был согласовывать избранные кандидатуры с итал. правительством. Епископы должны были приносить присягу на верность итал. правительству по формуле: «Перед лицом Бога и Святым Евангелием я клянусь и обещаю быть верным Итальянскому государству и уважать (а также заставить мою паству уважать) короля и правительство, созданное согласно конституционным законам государства. Я клянусь и обещаю также не участвовать ни в каких союзах, могущих нанести вред Итальянскому государству и общественному порядку, а также не позволю принять в них участие своему клиру. Заботясь о благе и интересах государства, я приложу все усилия, чтобы избежать любых действий, способных повредить указанным интересам» (ст. 20). Разрешением противоречий между церковной и светской властями по кандидатурам на замещение низших бенефициев должны были заниматься комиссии, составленные из 2 представителей гос-ва и 2 представителей Папского престола. Церковные должности не могли занимать лица, не имеющие итал. подданства. Итал. правительство обязывалось также пересмотреть законодательство в тех пунктах, где оно касалось религ. вопросов, приведя его в соответствие с положениями, включенными в Л. с. Приходы и монашеские конгрегации получали статус юридических лиц, при этом здания, находящиеся во владении монашеских конгрегаций, освобождались от налогов.

В вопросе о церковном браке Папский престол добился признания его правового статуса, равного гражданскому браку. Согласно ст. 34, после совершения церемонии бракосочетания священник должен был зачитать молодоженам положения итал. законодательства о браке, разъяснив им юридические последствия бракосочетания, и в течение 5 дней сообщить о состоявшемся бракосочета-

нии гражданским властям. Вопрос об аннулировании брака должен был рассматриваться церковными властями, что крайне затрудняло процедуру развода.

Проблемам религ. образования посвящены статьи 35–40. Преподавание христ. вероучения объявлялось «основой и увенчанием народного образования». Предполагалось, что Папским престолом и Итальянским гос-вом совместно будут выработаны программы начального и среднего религ. образования. В церковных школах устанавливался обязательный гос. экзамен, и выпускники этих школ уравнивались в правах с выпускниками гос. школ (ст. 35). Руководители гос. (фашистских) молодежных орг-ций («Балилла» и «Авангардисты») должны были составлять свое расписание так, чтобы не препятствовать молодым людям по воскресным и праздничным дням «исполнять их религиозный долг» (ст. 37). Католич. учебные заведения зависели только от Папского престола (ст. 39), их дипломы признавались Итальянским гос-вом (ст. 40). Ст. 43 конкордата признавала орг-ции «Католического действия» и разрешала их деятельность при условии, что она не будет иметь политический характер.

Избранный 20 апр. 1929 г. новый парламент, фактически состоявший только из членов Национальной фашистской партии, 10 мая приступил к обсуждению Л. с., а также законопроектов о применении норм конкордата, относящихся к браку, о церковных орг-циях и гражданском управлении наследством, предназначенным для культовых целей, и о «дозволенных культурах» (*culti ammessi*), т. е. деятельности некаатолич. религ. общин. 14 мая Л. с. были ратифицированы палатой депутатов, а 27 мая — сенатом. В память о заключении Л. с. по распоряжению Муссолини от площади св. Петра была проложена Виа-делла-Кончилиационе.

После падения фашистского режима Муссолини и упразднения монархии была принята Конституция Итальянской Республики (22 дек. 1947), в к-рой провозглашались равноправие граждан без различия религ. убеждений и свобода деятельности всех религ. конфессий, но в то же время оговаривалось сохранение юридической силы за Л. с. (часть 2 ст. 7). Принятый в дек. 1970 г. Закон

о разводе (т. н. Закон Фортуна-Базлини) вызвал протест Папского престола, указавшего на его противоречие со ст. 34 конкордата, однако проведенный 12 мая 1974 г. референдум сохранил данный закон в силе. 18 февр. 1984 г. председатель Совета министров Италии Б. Кракси и гос. секретарь Папского престола кард. Агостино Казароли подписали Соглашение об изменении Л. с., согласно к-рому Римско-католическая Церковь в Италии отказывалась от статуса католицизма как единственной гос. религии, что было связано с принципом религ. свободы, утвержденным декларацией «*Dignitatis humanae*» Ватиканского II Собора. Была подтверждена независимость Римско-католической Церкви от гос-ва, Папскому престолу было предоставлено право назначать епископов (ординариев) на кафедры и др. церковные должности в Италии без к.-л. уведомлений итал. правительства о кандидатурах; была отменена присяга, установленная ст. 20 конкордата. Доходы Римско-католической Церкви, не связанные с религ. служением, лишались налогового иммунитета, отменялось ее гос. финансирование. Ст. 8 Соглашения вносила изменения в положения о браке: гос-во гарантировало юридическое признание брака, заключенного в католич. Церкви, при условии, что он был заключен в соответствии с действующим гражданским законодательством; требование церковного аннулирования брака для развода было удалено. Уроки католич. катехизиса в гос. школах более не являлись обязательными, но сохранялись как факультативные занятия по выбору учащихся и их родителей. 20 мая 1985 г. был принят закон, вносивший изменения в Л. с. в том, что касалось взимания религ. налога: было установлено взимание с граждан 0,8% подоходного налога, к-рые по желанию налогоплательщика могли быть перечислены католич. Церкви, др. религ. общинам или направлены в благотворительные фонды. 3 июня 1985 г., после ратификации итал. парламентом и обмена ратификационными грамотами между Папским престолом и итал. правительством, поправки в Л. с. вступили в силу.

Ист.: AAS. 1929. Vol. 21. P. 209–295.
Лит.: Martire E. La conciliazione. R., 1929?; Devoghel E. La question romaine sous Pie XI et Mussolini. P., 1930; Di Lauro P. La conciliazione italo-vaticana giudicata all'estero. R., 1933; Montesquiou-Fezensac P., de. Rapports de la papauté

avec royaume d'Italie depuis 1870: Le traité de Lateran. P., 1936; *Binchy D. A. Church and State in Fascist Italy.* Oxf., 1941; *Biggini C. A. Storia inedita della Conciliazione.* [Mil.], 1942; *Del Giudice V. La Questione romana e i rapporti tra Stato e Chiesa fino alla Conciliazione.* R., 1947; *Salvatorelli L., Mira G. Storia del fascismo: L'Italia dal 1919 al 1945.* R., 1952; *Pacelli F. Diario della Conciliazione.* Vat., 1959; *Tripodi N. I Patti Lateranensi e il Fascismo.* Bologna, 1959; *Marchesi F. M. Il Concordato italiano dell' 11 febr. 1929.* Naples, 1960; *Martini A. Studi sulla questione romana e la conciliazione.* R., 1963; *Scoppola P. La chiesa e il fascismo: Documenti e interpretazioni.* Bari, 1971; *Dalla Torre G. La riforma della legislazione ecclesiastica: Testi e documenti.* Bologna, 1985; *Токарева Е. С. Фашизм, Церковь и католич. движение в Италии.* М., 1999.

Е. С. Токарева

ЛАТЕРАНСКИЙ КОМПЛЕКС, ансамбль церковных построек в Риме, принадлежит Ватикану и пользуется правом экстерриториальности в соответствии с *Латеранскими соглашениями* 1929 г. Состоит из базилики Сан-Джованни-ин-Латерано (итал. San Giovanni in Laterano), баптистерия Сан-Джованни-ин-Фонте (Латеранский баптистерий, San Giovanni in Fonte), Латеранского дворца и здания, возведенного для размещения Свящ. лестницы и капеллы Санкта-Санкторум. Базилика Л. к.— одна из 4 папских базилик Рима, древнейшая христианская церковь на территории Зап. Европы. В позднеантичных источниках упоминается под названиями Латеранская базилика (basilica Lateranensis), Константинова базилика (basilica Constantiniana), базилика Спасителя (basilica Salvatoris). Первое название отражает местоположение здания в районе Латерана, второе указывает на основателя — имп. Константина, последнее — на первоначальное посвящение базилики Иисусу Христу. Совр. посвящение св. Иоанну Предтече возникло не ранее X в. По-видимому, базилика была основана имп. Константином как дар (ex voto) Христу за победу над Максенцием в битве у Мульвийского моста в 312 г. Наиболее вероятное время сооружения — между 312 и 324 гг. Возможно, освящение произошло 9 нояб. 318 г. Сведения о том, что базилика Л. к. была построена в понтификат еп. Сильвестра (314–335), впервые встречаются в Liber Pontificalis в VI в., сведения об освящении в нояб. — в описании Латеранской базилики 1153–1154 гг.

Здание нач. IV в. представляло собой колоссальную 5-нефную бази-

лику (длина 100 м, ширина 55 м). Центральный неф (высота 27 м) от боковых отделял ряд красных гранитных колонн, по 19 с каждой стороны. В верхних частях стен (в клеристории) были устроены большие окна с арочными завершениями. Боковые нефы (высота внутренних не-

Фасад базилики Сан-Джованни-ин-Латерано

фов 15 м, внешних 9 м) между собой были разделены колоннами зеленого фессалийского мрамора (по 21 с каждой стороны, частично сохр. при перестройке базилики в XVII в., оформляют ниши центрального нефа со скульптурами апостолов). Все опоры центрального и боковых нефов взяты из античных построек (сполии), в то время как базы и капители для колонн боковых нефов выполнены заново. Центральный неф был значительно выше и шире боковых, имел деревянное стропильное перекрытие. С западной стороны (базилика была ориентирована по оси «восток—запад», традиционно для раннехристианских церквей) он оканчивался полукруглой апсидой; внешние нефы на западе име-

к Порта-Азинария (совр. Порта-Сан-Джованни). По мнению историков, возведение базилики заняло не больше 4–6 лет,

поскольку она была меньше базилики ап. Петра в Ватикане.

Верхние части стен базилики, возможно, уже в V в. украшали мозаики со сценами из ВЗ и НЗ. В главной апсиде также находилась мозаика, видимо изначально нефигуративная: растительный орнамент на золотом фоне. В 428–430 гг., при папе Целестине I, вместо орнамента появилось сюжетное изображение. Его описания не сохранились; предполагают, что это мог быть один из вариантов Теофании, характерной для декорации ранних церквей. В центре могли быть помещены большой, инкрустированный драгоценными камнями крест, образ Христа в медальоне и фигуры апостолов или образ Христа в рост с предстоящими апостолами Петром и Павлом. Весь мозаичный декор V в. был утрачен в кон. XIII в., во время предпринятой по инициативе

Вид на центральную апсиду базилики Сан-Джованни-ин-Латерано

папы Николая IV (1288–1292) реконструкции зоны пресбитерия, когда древняя апсида была полностью перестроена и появи-

ли небольшие помещения (боковые капеллы типа пастофориев, их первоначальное назначение неизвестно). Стены были облицованы разноцветным камнем, пол выложен

явился поперечный трансепт. Единственный фрагмент мозаики V в. из апсиды базилики (медальон с оплечным образом Христа Пантократора) был включен художниками Я. Тор-

рити и Я. да Камерино в мозаику 1291 г. (в XIX в. древний фрагмент утрачен). Эта композиция представляла собой крест в центре, над ним — образ Христа, по сторонам — Деисус (справа предстоят: Богоматерь, папа Николай IV, св. Франциск Ассизский, апостолы Петр и Павел, слева — св. Иоанн Предтеча, св. Антоний Падуанский, ап. Иоанн Богослов и ап. Андрей). На кресте в месте пересечения ветвей был представлен медальон со сценой «Крещение». Основание креста покоилось на холме, из-под которого вытекали 4 райские реки. К их водам припадали олени и агнцы. Совр. мозаика в апсиде выполнена в 1883–1886 гг. по заказу папы Льва XIII.

Согласно сведениям из Liber Pontificalis, имп. Константин I сделал в Л. к. много драгоценных вкладов. В частности, 7 серебряных престолов (где они размещались, не указано) с 3 подсвечниками на каждом из них, а также 169 серебряных подсвечников для освещения разных помещений базилики. Кроме того, им был заказан т. н. fastigium — специальная конструкция, поставленная на границе центрального пространства базилики и ее алтаря. Она представляла собой подобие триумфальной арки. На постаменте были установлены 4 яшмовые колонны, на которых лежал треугольный фронтон. На стороне фронтона, обращенной в центральный неф, были помещены 13 фигур в натуральную величину: Иисус Христос и предстоящие Ему апостолы с коронами в руках. С внутренней стороны, направленной к алтарю, — Христос и 4 поклоняющихся ему ангела с копьями. Вся конструкция была сделана из серебра, фигуры на фронтоне покрыты позолотой. Предположительно (гипотеза высказана Б. Бренком), изображение Христа с 12 апостолами на фастигиуме повлияло на популярность этого сюжета в раннехрист. искусстве (IV — 1-я пол. V в.), где сцена «Христос с апостолами» была широко распространена в живописи, скульптуре и мелкой пластике. Фастигиум имп. Константина был утрачен в 410 г., во время разграбления Рима вестготами, в 432–440 гг. имп. Валентиниан III пожертвовал базилике новый (L.P. Vol. 1. P. 233).

В 896 г. храм был сильно поврежден при землетрясении, восстановлен в 904–911 гг., при папе Сергии III.

Центральный неф базилики Сан-Джованни-ин-Латерано

Выход в глубине левого нефа базилики ведет в ее внутренний двор (клуатр) — самый обширный в Риме (36×36 м), окруженный мраморными двоянными колоннами различной формы. Сооружен в 1222–1232 гг. мастерами рим. семьи каменщиков Вассаллетто. Авторы не использовали элементы античных зданий, а создали убранство (колонны, капители, карнизы, интарсии) по собственному проекту, вдохновляясь античными образцами, трансформи-

Клуатр базилики Сан-Джованни-ин-Латерано

рованными во вкусе готики (напр., капители с изображениями фантастических зверей). Во дворе находятся скульптурные, мозаичные и архитектурные фрагменты старой базилики, археологические материалы, надгробные плиты и мемориальные надписи (в т. ч. статуя имп. Константина IV в.). От скульптурного убранства 2-й пол. XIII в. в базилике и ее внутреннем дворе сохранились надгробия кардиналов и папского нотариуса Р. Аннибальди (ум. в 1289), к-рое приписывается скульптору Арнольфо ди Камбио. Оно состоит из 2 частей (статуи усопшего и фриза с изображением кортежа) и послужило прототипом мн. рим. надгробий периода готики.

На ближайшей от входа в базилику правой пилястре размещен фрагмент фрески «Бонифаций VIII объявляет Юбилейный год» (ок. 1297), приписываемой Джотто. Первоначально роспись располагалась в Лоджии Благословения и при ее перестройке в XV в. была перенесена каноником базилики Ф. Орсини во внутренний двор, в 1786 г. — в интерьер базилики.

Несколько стихийных бедствий (пожары 1308, 1361), постигших храм в XIV в., совпали с «Авиньонским пленением пап», во время которого убранству базилики уделялось мало внимания. После пожара 1361 г. папа Урбан V (1362–1370) поручил восстановление храма сиенскому архит. Дж. ди Стефано, от работы которого сохранился монументальный киворий над главным алтарем (1367–1370). Многочисленные ремонты и переделки XV–XVI вв. включали создание в 1421–1425 гг. мастерами семьи Космати мраморного пола и незавершенной росписи правого нефа Дж. да Фабриано и Пизанелло (ок. 1421), которая извест-

на по рисунку Ф. Борромини. В 1586 г. по проекту Д. Фонтаны был сооружен новый фасад сев. трансепта с просторным

портиком и Лоджией Благословения. О внешнем облике базилики Л. к. XIV–XVI вв. и деталях ее архитектуры можно судить по воспроизведе-

ниям в памятниках монументальной живописи, по рисункам, планам и картам.

В XVII в. базилику дважды основательно перестраивали: при папе Клименте VIII (1592–1605) по проекту архит. Дж. делла Порта и при Иннокентии X (1644–1655) по проекту архит. Борромини. В результате этих перестроек базилика обрела совр. вид. Интерьер до его реконструкции, предпринятой Борромини в 1646–1650 гг., запечатлен на фреске худож. Ф. Гальярди (ок. 1640–1650) в рим. ц. Сан-Мартино-аи-Монти, а также на рисунках самого архитектора (хранятся в музее Альбертина, Вена). Борромини оставил прежний план 5-нефной базилики, внешние

и внутренние стены ее центрального и боковых нефов, но изменил форму устоев и их декор. 12 столбов, по 6 на каждой стороне, несут стены центрального нефа базилики, каждый столб фланкируют 2 коринфские пилястры колоссального размера, поднимающиеся до потолка через ярус окон (клеристорий). Арки между столбами соответствуют ярусу эмпоров (арок) на столбах, к-рые украшены рельефной скульптурой, так же как промежутки между окнами. Новые арочные проемы между нефами усиливали впечатление единства внутреннего пространства, а колоссальная высота пилястр — величие его размеров. В нижнем ярусе каждого столба установлены статуи апостолов. Цветовое решение центрального нефа строится на сочетании каменных элементов белого, серого и черного цветов, гармонирует с золочеными архитектурными деталями и зелеными колоннами; такие же колонны (по 21) отделяли сев. и юж. внутренние нефы. По соотношению и градации пространства, ритма, артикуляции цвета, света и тени в центральном и боковых неффах архитектура Борромини в базилике Л. к. является одним из высочайших достижений рим. барокко (*Corpus basilicarum Christianarum Romae*. 1977. P. 18). В 30-х гг. XVIII в. архит. А. Галилеи перестроил зап. фасад базилики, конструкция и декор к-рого уже не включали ничего из построек IV и XIII вв.

В XVIII–XIX вв. продолжались перестройка нек-рых частей базилики и активное украшение ее интерьера. Были устроены новые капеллы: в 1732–1735 гг. по проекту Галилеи сооружена капелла Санта-Андреа-Корсини, в 1830–1850 гг. по проекту К. Раймонди — капелла Торлония в стиле позднего неоклассицизма. В 1876–1886 гг. была разобрана старая апсида и возведены совр. алтарь и апсида по проекту архитекторов Ф. и В. Веспиньяни.

Баптистерий Л. к. (Сан-Джованни-ин-Фонте) — самая ранняя из сохранившихся самостоятельная постройка, предназначенная для совершения таинства Крещения (в наст. время соединена с базиликой переходом), — основана имп. Константином I в непосредственной близости (50 м к северо-западу) от базилики. Точная дата строительства неизвестна. Он упоминается в *Liber Pontificalis* среди построек, возведенных

Латеранский баптистерий

в период епископата Сильвестра I, предположительно представлял собой центрическое сооружение и имел круглый план. Фундамент ротондального здания (диаметр 19,20 м, толщина стен 1,7 м) обнаружен во время археологических раскопок 20–60-х гг. XX в. Для украшения крещальни из егип. каменоломен были доставлены порфиновые колонны (ныне служат опорами кивория), изготовлены неск. золотых и серебряных статуй. Скульптурные изображения Агнца Божия, Иисуса Христа и св. Иоанна Крестителя в человеческий рост, а также 7 оленей, служивших водометами, располагались по краю крещального бассейна (купели). Октагональный план существующего здания, вероятно, относится ко времени перестройки баптистерия при папе Римском Сиксте III (432–440).

С юго-вост. стороны баптистерию предшествует прямоугольный нартекс (притвор) с 2 полуциркульными

нишами с вост. и зап. сторон, также времени Сикста III. Их конхи украшали мозаики V в. Декор восточной сохранился, а западной утрачен в 1757 г., но поддается реконструкции по описаниям (Онофрио Панвинио, ок. 1560; Ланфери, 1540) и графическим зарисовкам (А. Джаконио,

кон. XVI в.). Темно-синий фон мозаик в вост. конхе покрыт растительным орнаментальным декором в виде спиралей аканфа (распространенный в раннюю эпоху мотив). В верхней ее части помещена раскрытая раковина. Ее внешний край ограничен декоративной лентой; на внутреннем крае находятся изображения Агнца Божия и 4 голубей по сторонам от Него; к ее внешней стороне подвешены 6 золотых инкрустированных камнями крестов. Девять золотых крестов изображены на синем фоне в нижней части конхи. В зап. нише были изображения стоявших и опирающихся на посохи юных пастырей, рядом с ними — тельцов, овец, возможно, птиц. Очевидно, в верхней зоне был представлен такой же, как в вост. нише, декоративный мотив раковины. Стены нартекса и крещальни покрывали мраморные инкрустации в технике *opus sectile* (фрагменты сохр. в вост. части нартекса).

В период епископата Илария (461–468) к Латеранскому баптистерию были пристроены 3 боковые капеллы (оратории): Св. Креста (не сохр., разрушена в 1588), св. Иоанна Крестителя, ап. Иоанна Богослова. Капелла Св. Креста примыкала к баптистерию Л. к. с сев. стороны, она представляла собой небольшое крестообразное в плане сооружение с 4 угловыми многогранными компартиментом. План капеллы связан с ее назначением: со времени папы Илария она служила местом хранения Креста Господня — реликвии, до этого находившейся в базилике Санта-Кроче-ин-Джерузалемме. На основании рисунков худож. Дж. да Сангалло (нач.

Мозаика в конхе Латеранского баптистерия. 432–440 гг.

XVI в.) и гравюр худож. А. Лафрери (1568) можно составить представление о первоначальном убранстве капеллы Св.

Креста. Ее купол и люнеты стен украшали фигуративные мозаики, стены были облицованы мрамором в технике *opus sectile*, а цилиндрические своды рукавов креста покрыты орнаментальным стукковым декором. На ребрах свода находились фигуры 4 ангелов, к-рые несли на

поднятых руках медальон, возможно с изображением креста. Мраморный декор стен был разделен на 3 регистра, на верхних панелях были выложены орнаменты с мотивом креста.

Капелла Сан-Джованни-Баттиста (San Giovanni Battista), посвящен-

Мученики
Анастасий, Астерий, Телий и Павлиниан.
Мозаика в капелле Сан-Венанцио.
642–649 гг.

ная св. Иоанну Предтече, расположена с зап. стороны от баптистерия Л. к. Так же как капелла Св. Креста, в плане она представляет равноконечный крест. Ее первоначальный декор полностью утрачен в 1727 г., во время реконструкции, проведенной по заказу монсеньора Микеланджело Маттеи. Мозаики свода известны по описаниям Панвинио 1570 г. и гравюрам, выполненным Дж. Чампини в кон. XVII в. В центре свода, в венце, сплетенном из растений, находился образ Агнца Божия, по ребрам свода тянулись декоративные ленты, внутри к-рых были представлены павлины с раскрытыми хвостами, стоящие на сферах, установленных в свою очередь на возвышениях. Орнаментальные полосы делили поверхность свода на сегменты разной формы, в них находились изображения растений и птиц. В люнетах на стенах, по сторонам окон, были изображены евангелисты в рост, надписи с их именами, крылатые апокалиптические персонажи (лев, телец, орел, человек). Это первый известный в истории христ. искусства пример совмещения изображений евангелистов с их именами и символами.

Прямоугольная в плане капелла Сан-Джованни-Эванджеллиста (San Giovanni Evangelista), посвященная ап. Иоанну Богослову, единственная сохранила первоначальную мозаичную декорацию свода V в. На золотом

фоне в центре помещен образ апокалиптического Агнца. Он заключен в раму-венюк, сплетенный из растений и плодов, символизирующих 4 времени года. Вертикальные и диагональные полосы орнамента делят свод на 8 сегментов; визуально они служат опорами для центрального медальона. В каждом сегменте свода помещено изображение пары птиц (утки, попугаи, голуби, куропатки) по сторонам наполненных фруктами высоких ваз. В люнете сев.-вост. стены, по сторонам окон, на золотом фоне представлены изящные витые канделябры. Все элементы мозаичного декора капеллы (медальон с символическим образом Христа, ленты с растительным орнаментом, изображения фруктов, птиц) имели широкое распространение в позднеантичном и раннехрист. искусстве; они находят параллели в произведениях монументальной живописи (росписи катакомб, мозаики) и пластики IV–V вв.

Капелла Сан-Венанцио (San Venanzio), посвященная сщмч. Венанцию, была возведена в понтификат Иоанна IV (640–642), закончена и украшена при папе Феодоре (642–649). Посвящение капеллы еписко-

Латеранский дворец
и Лоджия Благословенный

пу Далмации связано с происхождением Иоанна из этого региона и перенесением им реликвий 2 святых, сщмч. Венанция Далматинского и сщмч. Домния, еп. Салоны, в Рим. Мозаики VII в. (частично отреставрированы) находятся на преддверной арке и в апсиде. Иконографическая тема декора восходит к теофаническим видениям и сцене «Вознесение». В конхе в окружении цветных облаков на золотом фоне — образы благословляющего Христа Пантократора и 2 архангелов (все представлены погрудно), ниже —

ростовые фигуры Божией Матери (в центре, в позе Оранты), апостолов Петра и Павла, св. Иоанна Крестителя и ап. Иоанна Богослова, епископов Венанция и Домния, донаторов папы Иоанна IV (справа, с Евангелием в покровенных руках) и папы Феодора (слева, с моделью храма в руках). На триумфальной арке фронтально в рост изображены святые, особо чтимые в Далмации и Истрии: справа — еп. Мавр, диак. Септимий, мученики Антиохиан и Гаиан, слева — мученики Анастасий, Астерий, Телий и Павлиниан. Сверху над ними — 2 священных града — Иерусалим и Вифлеем, символы евангелистов в виде крылатых существ. Эти иконографические темы традиционно встречаются в рим. мозаиках начиная с V в. (базилика Санта-Пуденциана, 402–417, и Санта-Мария-Маджоре, 432–440).

Латеранский папский дворец (патриархат), с IV до нач. XIV в. служивший резиденцией Римских пап и являвшийся местом проведения Латеранских Соборов, был разобран в 1585 г. Вместо него в 1589 г. архит. Фонтана построил дворец по образцу рим. Палаццо-Фарнезе (ныне в нем расположен филиал Исторического музея Ватикана). Некоторые части старого дворца были включены в отдельно стоящее здание, возведенное по заказу папы Сикста V, объ-

единившее Священную лестницу и капеллу римских епископов Санта-Санкторум (Sancta Sanctorum — Святая святых); также в нем расположены ораторий св. Силь-

вестра (San Silvestro in Palatio), ораторий Сантиссимо-Сакраменто-аль-Латерано (Santissimo Sacramento al Laterano) и фрагмент триклиния папы Льва III (Triclinium Leoninum).

Ведущую в капеллу Санта-Санкторум парадную лестницу старого дворца из 28 мраморных ступеней в позднее средневековье легенда отождествила с привезенной в Рим ок. 326 г. равноап. Еленой лестницей из дворца Понтия Пилата, по к-рой, согласно преданию, Спаситель поднимался на суд прокуратора в Страстную пятницу. Она получила

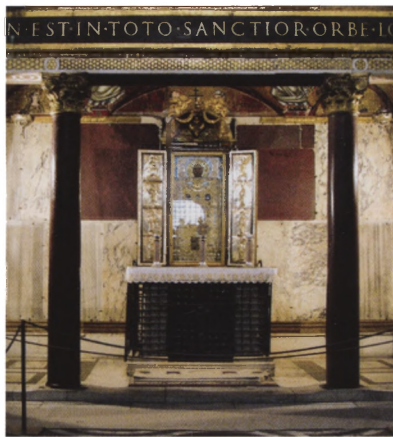
название Священная лестница (Scala Santa или *Scalae Pilati*). Вплоть до времени пребывания на престоле папы Сикста V лестница и капелла Свякта-Санкторум были расположены недалеко друг от друга, но существовали как самостоятельные сооружения. Значительность реликвии исключала возможность ее разбора при перестройке здания. В 1586 г. было принято решение сместить ее, приблизив к капелле, для чего архит. Фонтана разработал проект 2-этажного здания с лоджией на 1-м этаже. Архитектура здания перекликается с обликом Лоджии Благословений Латеранской базилики, построенной тем же зодчим. К Священной лестнице были добавлены 4 боковые (по 2 с каждой стороны), поднявшись по к-рым, можно было попасть в коридор, соединяющий все 5 подъемов,

Священная лестница

куда выходили и окна капеллы Свякта-Санкторум. На стенах и сводах над 5 лестницами коллектив художников под рук. Ч. Неббиа и Дж. Гуерры в 1588 г. изобразил сцены ВЗ и НЗ, отобранные, согласно указаниям Тридентского Собора, по принципу «библии для народа».

Капелла Свякта-Санкторум в средние века была частной папской молельней, в эпоху Возрождения эта роль перешла к Сикстинской капелле в Ватикане. Изначально капелла была посвящена св. Лаврентию (*San Lorenzo in Palatio*) и лишь в IX в. получила совр. название. Первоначально она находилась на верхнем этаже папского дворца. Первые упоминания капеллы как хранилища реликвий относятся ко времени понтификата Пелагия II (579–590). Известно, что папа Лев III (795–810) возвел здесь кипарисовый алтарь (находится под совр. алтарем), замененный при Ни-

Алтарь капеллы Свякта-Санкторум

колае III (1277–1280), освятившем обновленную капеллу 4 июня 1278 или 1279 г. Квадратное в плане помещение капеллы перекрыто крестовым сводом, опирающимся на 4 угловые колонны с композитивными капителями. Стены на высоту 4 м облицованы полихромным камнем,

Икона Спасителя (Нерукотворный образ) в капелле Свякта-Санкторум

наборный каменный пол выполнен в мастерской Космати (1278). Алтарная часть, перекрытая полуциркульным сводом, отделена от основного помещения колоннами. Алтарь, окруженный массивной решеткой и пилястрами, происходящими из античных сооружений, содержит христ. реликвии, многие из к-рых

относятся к периоду до разделения Западной и Восточной Церквей. Во время реконструкции 1905 г. хранившиеся в капелле реликварии, раки, покровы и т. п., среди к-рых выделяется золотой крест со сценами жизни Спасителя (27×18 см), выполненными из смальты, времен Пасхалия I (817–824), были перемещены в музей Ватикана, а святыни, переложенные в новые реликварии из золоченого серебра, были возвращены на место 13 сент. 1907 г.

Над алтарем капеллы находится икона Спасителя на престоле (также известна как Нерукотворный образ Спасителя), выполненная темперой на тканевой основе, наклеенной на ореховую доску (142×70 см), ныне — под многослойной записью. Согласно преданиям, образ может происходить из Иерусалима (написан ап. Лукой и завершен ангелом) или из К-поля времени Льва Исавра (VIII в.). В действительности он создан в Риме при папе Иларию и впервые упоминается в *Liber Pontificalis* в жизнеописании папы Стефана II (752–757), в 752 г. несшего образ на плечах, когда процессия двигалась к базилике Свякта-Мария-Маджоре с молитвой об избавлении Рима от вторжения лангобардов. В том же источнике, в жизнеописании папы Льва IV (847–855), образ назван просто *sancta icona*. Первое обновление иконы было проведено при Иоанне X (914–928) — на ее обороте был написан крест. Вероятно, уже при Иннокентии III первоначальное изображение стало нечитаемым, образ был полностью закрыт серебряным окладом, поверх лика размещена шелковая пелена с фронтальным изображением лика Спасителя, сохранившаяся до настоящего времени. Почитание образа привело к появлению многочисленных реплик.

На своде алтарной части капеллы расположена мозаика кон. XIII в. с изображением Христа Пантократора в медальоне на золотом фоне, окруженного 4 ангелами, в lunетах — мозаичные изображения святых Николая, Лаврентия, Стефана, Агнии, Петра, Павла. Недавние реставрация и расчистка мозаик позволили оценить их стиль, отражающий классицизирующую тенденцию римской изобразительной традиции при Николае III Орсини. Последние реставрации открыли цикл фресок XIII в., украшающих верх капеллы,

создание к-рых ошибочно приписывалось Чимабуэ.

Апсиды триклиния папы Льва III — единственная сохранившаяся часть старого папского дворца. Ее украшает мозаика, созданная, вероятно, в 798 г. (или до апр. 799). Апсида была отреставрирована в 1625 г., а в 1743 г. мозаика была перенесена в специально устроенную нишу. В ее конхе — композиция «Иисус Христос отсылает апостолов на проповедь». На арке по сторонам представлены 2 группы: справа — сидящий на троне ап. Петр, протягивающий архиепископскую мантию (паллий) папе Льву и стяг (лабарум) Карлу Великому (в тот момент еще королю, а не императору); слева — Иисус Христос, дарующий лабарум имп. Константину и мантию ап. Петру, фигура к-рого, по предположению Р. Краутхаймера (*Krautheimer*, 1980), появилась во время реставрации 1625 г. вместо существовавшего ранее на этом месте образа папы Сильвестра. Изображение имп. Константина на этой мозаике должно было напомнить Карлу Великому о роли императора как защитника и покровителя Церкви.

Новый этап в изучении истории Л. к. составили активные археологические работы 1934–1938 гг. Археолог Э. Йози проводил раскопки главного нефа базилики, не затрагивая остатки прежних построек на этом месте (*Castra Equitum Singularium*), тогда же была обнаружена древнейшая солея базилики. Следующие раскопки проходили под рук. Краутхаймера и С. Корбетта в 1957–1958 гг.

Лит.: *Айналов Д. В.* Мозаики IV и V вв.: Исслед. в области иконографии и стиля древнехрист. искусства. СПб., 1895; *Wilpert*. *Mosaiken*. Bd. 1, 4; *Corpus basilicarum Christianarum Romae* / Ed. R. Krautheimer e. a. Vat.; N. Y., 1977. Vol. 5. P. 1–92; *Oakeshott W.* *Mozaici Rima: Od III do IV veka*. Beograd, 1977. S. 66–67, 139–142; *Krautheimer R.* *Rome: Profile of a City*. Princeton, 1980. P. 115–116; *Matthiae G.* *Pittura romana del Medioevo*. R., 1987². Vol. 1: Sec. IV–X; 1988². Vol. 2; *Roca De Amicis A.* *L'opera di Borromini in S. Giovanni in Laterano: Gli anni della fabbrica (1646–1659)*. R., 1995; *Donadono L.* *La Scala Santa a S. Giovanni in Laterano*. R., 2000; *Negro A.* *La decorazione clementina di S. Giovanni in Laterano* // *Papa Albani e le arti a Urbino e a Roma, 1700–1721* / A cura di G. Cucco. Venezia, 2001. P. 99–109; *Luciani R.* *San Giovanni in Laterano*. R., 2004; *Brandenburg H.* *Ancient Churches of Rome from the 4th to the 7th Cent.: The Dawn of Christian Architecture in the West*. Turnhout, 2005; *Brandt O.* *The Lateran Baptistery and the Diffusion of Octagonal Baptisteries from Rome to Constantinople* // *Frühes Christentum zwi-*

schen Rom und Konstantinopel: *Acta Congressus Intern. XIV Archaeologiae Christianae* / Ed. R. Harreither. W.; Vat., 2006. P. 221–227; *La Pittura Medievale a Roma, 312–1431*. Mil.; Atlante, 2006. Vol. 1: Suburbio, Vaticano, Rione Monti / A cura di M. Andaloro; *Hegener N.* *Baptisterium der Lateransbasilika* (S. Giovanni in Fonte) // *Rom: Meisterwerke der Baukunst von der Antike bis heute: FS f. E. Kieven* / Hrsg. Ch. Strunck. Petersberg, 2007. S. 117–122; *Brenk B.* *The Apse, the Image, and the Icon: An Historical Perspective of the Apse as a Space for Images*. Weisbaden, 2010. P. 21, 550–552.

С. П. Заиграйкина, Ю. В. Иванова

ЛАТЕРАНСКИЙ СОБОР 649 г., Собор зап. епископов, состоявшийся в Риме и осудивший *моноэнергизм и монофелитство*.

Источники. Акты Л. С. представлены рядом греч. и лат. манускриптов. Старейшая греч. рукопись (Vat. gr. 1455), содержащая полный текст актов и ставшая основной для критического издания Р. Ридингера, датируется 1299 г. Помимо актов она включает 11 послесоборных посланий папы св. *Мартина I* (CPG, N 9405–9415; *Mansi*. T. 10. Col. 789–849), а также дифелитский флорилегий (*Florilegium dyotheleticum*), впервые опубликованный Ридингером (ACO II. Vol. 1. P. 425–436). К ней восходят 5 рукописей XV–XVII вв. Старейшая латинская рукопись (Vodl. Laud. lat. 199), содержащая полный текст актов, датируется 820–840 гг.

Дополнительные сведения о Л. С. имеются в биографических источниках, касающихся его главных участников: в «Житии папы Мартина» из «*Liber pontificalis*» (LP. T. 1. P. 336–340), в записях собеседований прп. *Максима Исповедника* времени его ссылки — «Изложение прения» и «Диспут в Визии» (CPG, N 7735, 7736; рус. пер.: *Максим Исповедник, прп.* Полемика с оригенизмом и моноэнергизмом. СПб., 2007. С. 159–198) и др. О Л. С. сообщают позднейшие хроники: «Хронография» прп. Феофана Исповедника, «Хроника» Михаила Сирийца, копт. «Хроника» еп. Иоанна Никиуского и др. Критический обзор источников VII–XII вв., относящихся к Л. С., приведен в монографии П. Конте (*Conte*. 1989. P. 168–403; см. также: *Winkelmann*. 2001. S. 45–184).

Приоритет греческого текста соборных актов и вопрос об «историчности» Л. С. Примечательной чертой Л. С. является его двуязычие: акты сохранились в 2 древних версиях (греч. и лат.), и папа св. Мар-

тин подписал обе как подлинные. В самих актах двуязычие объясняется тем, что появившиеся на 2-м деянии греч. монахи просили перевести акты на греч. язык «до последней черты во всей точности» (ACO II. Vol. 1. P. 54–55). Однако в богословском отношении Л. С. «был полностью под греческим руководством» (*Caspar*. 1932. S. 120). Греч. происхождения была основная соборная документация, как и аргументы для опровержения монофелитства. Лат. текст изобилует терминами, заимствованными из греч. языка; правила 10–11 напрямую зависят от «Диспута с Пирром» прп. Максима Исповедника (*Maximus Conf. Disp.* Руг.); 27 цитат из обширного флорилегия, зачитанного на 5-м деянии, дословно повторяют «Духовный и догматический томос» прп. Максима (*Idem*. Opusc. 15), его терминология звучит в речах папы св. Мартина (*Caspar*. 1933. S. 558–559; *Pierres*. 1940. P. 12–27, 30–51; *Murphy, Sherwood*. 1974. P. 178).

Однако высказанное Э. Каспаром суждение, что акты Л. С. являются «стенографическими протоколами его заседаний» (*Caspar*. 1933. S. 554), предполагающее первенство лат. языка, на котором заседания проходили (за исключением зачитанных на Л. С. греч. документов), оставалось «классическим» (*Conte*. 1989. P. 39) вплоть до 1967 г., когда к подготовке их критического издания приступил Ридингер. Сопоставив обе версии актов с привлечением др. источников, он пришел к выводу, что первоначальным языком актов практически в полном объеме является греческий (*Riedinger*. *Aus den Akten*. 1976), а лат. текст представляет собой перевод с греч. оригинала, осуществленный лицами, для которых лат. язык не был родным. Ридингер, в частности, отметил ряд языковых отклонений лат. текста от нормы (*Idem*. 1985) и сделал вывод, что лат. версия актов была создана монахами из окружения прп. Максима Исповедника, много лет жившими на западе и в достаточной степени овладевшими латынью. Поскольку лат. послания африкан. Соборов, зачитанные на 2-м деянии, отмечены теми же языковыми особенностями, а кроме того, при их составлении должны были использоваться сочинения, хранившиеся в рим. рукописном собрании VII в., Ридингер пришел к заключению об их

«подложности». По его мнению, они так же переводились с греч. оригинала непосредственно перед открытием Л. С. (Conte. 1989. P. 42). Ридингер акцентировал проблему «историчности» Л. С., к-рый, с его т. зр., правильнее считать «Собором византийцев», т. е. греч. монахов (Riedinger. Grammatiker-Gelehrsamkeit. 1976. S. 57), или «творением» прп. Максима Исповедника (Idem. 1985). Заранее подготовленные акты были зачитаны перед епископами на 5 заседаниях в окт. 649 г. Акты Л. С. представляют собой «произведение теологической пропаганды» (АСО II. Vol. 1. P. XVIII), «чисто литературное произведение», «утонченную фальсификацию», создающую «иллюзию реальности» (Riedinger. 1982. S. 118–121). Единственным, хотя и весьма весомым по последствиям, вкладом папы св. Мартина была поставленная им в конце актов подпись (Idem. 1980. S. 59). Несмотря на присутствие в основной греч. рукописи 11 послесоборных посланий, Ридингер воздержался от их публикации, полагая их произведением тех же монахов, поскольку в доступных источниках они представлены только по-гречески (АСО II. Vol. 1. P. X).

Откликнувшись на осуществленное Ридингером издание актов Л. С. рецензенты отметили неадекватность его филологической аргументации и признали за его гипотезой достоинство «научного открытия». Тем не менее они указывали и на необходимость согласования его выводов с более широким историческим контекстом (Grillmeier. 1985; Winkelmann. 1986). Важным шагом в этом направлении стала монография Конте (Conte. 1989), к-рый несколько смягчил радикальность суждений Ридингера относительно «историчности» Собора. При сравнении обеих языковых версий он указал на признаки некоторой «спонтанности» хода заседаний, к-рые действительно прошли в том порядке и с теми действующими лицами, как это отражено в актах. Можно говорить о «редакционно-теоретическом» первенстве греч. текста, но и о «рабочем» первенстве лат. текста, повлиявшего в свою очередь на окончательную редакцию греч. актов. Кроме того, Конте привел аргументы в пользу реальности послесоборного послания папы св. Мартина императору и его отправки адресату (Ibid. P. 135). Он также указал, что вопрос о «подложности» писем

африкан. епископов можно будет считать решенным только после изучения широкого круга лат. источников, чтобы определить, во-первых, не являются ли их языковые особенности общими для латыни того времени, а во-вторых, не могли ли документы ватиканского собрания VII в. быть доступными и за пределами Рима (Ibid. P. 150). Наконец, он отметил, что написание «окончательной» истории Л. С. является задачей будущего и требует «комплексного междисциплинарного труда» (Ibid. P. 155).

Историческая ситуация. Л. С. является ключевым событием начала 2-го этапа моноэнергистских и монофелитских споров, к-рый наступил после смерти имп. Ираклия в 641 г. (см. в ст. *Вселенский VI Собор*). Собор состоялся на следующий год после публикации имп. Константином II «Типоса» (648), запрещающего всякие споры о действиях и волях Христа, спустя 5 месяцев после кончины папы Теодора I и через 3 месяца после интронизации папы св. Мартина I. По такой хронологии он предстает деянием папы св. Мартина и непосредственной реакцией на «Типос». Однако его предыстория восходит к папе Гонорию I (625–638), который в переписке с Сергием, патриархом К-польским, склонился на сторону монофелитства (Caspar. 1932. S. 93–94).

Уже предшественник папы Теодора, папа Иоанн IV (640–642), осудил изданный от лица имп. Ираклия «Эктесис» (638), утверждавший учение об одной воле Христа. Но для победы над монофелитством простого суждения *ex cathedra* было недостаточно — следовало дать убедительный богословский ответ на аргументацию его адептов (Economou. 2007. P. 115). Середина VII в. была отмечена крайним упадком богословской и общей образованности зап. духовенства. Избрание папы Теодора, палестинского грека по происхождению, знаменовало оживление интеллектуальной атмосферы Рима. Теодор вскоре после интронизации выступил против монофелитства, что видно из адресованного ему послания архиеп. Сергия Кипрского от 643 г., зачитанного на 2-м деянии Л. С. (АСО II. Vol. 1. P. 60–65). При этом папа хорошо ориентировался в тонкостях вост. богословия и привлек в качестве сотрудника прп. Максима Исповедника,

который прибыл в Рим из Африки в 646 г. с группой сопровождавших его монахов. Только достаточно долгое их сотрудничество может объяснить тщательность составления актов Л. С. с привлечением большого количества святоотеческих сочинений, преимущественно греческих (Riedinger. 1992. P. 149, 153).

Вероятно, папа Теодор и прп. Максим вели письменные переговоры об организации Собора против монофелитов еще во время пребывания прп. Максима в Африке (Idem. 1980. S. 43). В 645 г. в Карфагене состоялся публичный диспут прп. Максима с экс-патриархом К-поля монофелитом Пирром, ставший своего рода «генеральной репетицией» Л. С. (Economou. 2007. P. 139). Следствием диспута было покаяние Пирра; в 646 или 647 г. он прибыл в Рим и был принят в общение папой Теодором (LP. T. 1. P. 332). Под воздействием того же диспута в Африке прошли неск. Соборов, к-рые осудили «Эктесис» и направили послания К-польскому патриарху Павлу II с увещанием отречься от монофелитства, а также имп. Константу II и папе Теодору с просьбой оказать воздействие на Павла (историчность этих посланий была подвергнута критике Ридингером). Отказ Павла осудить «Эктесис» сделал очевидным его приверженность монофелитству, а в 648 г. был издан «примирительный» «Типос», на основании к-рого папе было предложено заключить союз с К-полем. Это не оставляло др. альтернативы, кроме проведения Собора (Economou. 2007. P. 116). Еще до Л. С. Рим посетил посланник императора Григорий с «приношением св. Петру» и повелением признать «Типос». О его встрече с папой ничего не сообщается — возможно, он прибыл уже после смерти Теодора (Conte. 1989. P. 111). Но он нанес визит прп. Максиму и беседовал с ним о «Типосе» (Беневиц, Шуфрин. 2007. С. 163–166), из чего можно заключить, что в К-поле ясно представляли степень влияния прп. Максима в Риме (Беневиц. 2014. С. 161).

Л. С. должен был стать Собором папы Теодора, но тот умер еще в процессе его подготовки, и обстоятельства требовали незамедлительно найти ему достойную замену (Riedinger. 1992. P. 150). Скорее всего по настоянию прп. Максима (Economou. 2007. P. 129) преемником Теодора был избран Мартин, диакон из Тудера (ны-

не Тоди, Умбрия), бывш. рим. апокрисиарий в К-поле, преданный православию и выделявшийся образованностью среди рим. духовенства. Его интронизация состоялась без имп. одобрения, которое могло быть получено только при признании «Типоса». Папа Мартин возглавил Л. С., в основном подготовленный при его предшественнике трудами прп. Максима и его сподвижников. Уже во время соборных заседаний в Рим прибыл новый экзарх Равенны Олимпий с поручением арестовать папу Мартина. В «Liber pontificalis» сообщается, что Олимпий даже пытался убить папу Мартина, но явная помощь папе свыше отвратила его от этого намерения (LP. Т. 1. Р. 336–337). Олимпий отказался исполнить порученную ему миссию и восстал против императора, на неск. лет (649–652) взяв под свой контроль имп. Италию. Военная экспансия арабов и прямая угроза К-полю некоторое время не позволяли подавить этот мятеж, равно как и перейти к решительным действиям в отношении папы, остававшегося с т. зр. имперской администрации лишь «бывшим апокрисиарием».

Состав, структура и характер Л. С. Благодаря большой подготовительной работе все части соборного процесса были детально прописаны, так что не предполагалось никакой неожиданности и произвола, импровизированных речей и дебатов (Riedinger. 1992. S. 150). В заседаниях Собора принимали участие 106 епископов. По составу это лишь несколько расширенный поместный Собор. Кроме палестинца *Стефана*, еп. Дорского, на нем были представлены епископы Италии, Сицилии, Сардинии, Корсики и Африки. Из анализа подписей участников заключают, что при их отборе предпочтение отдавалось епископам восточного происхождения либо тем, кто были не чужды греч. образованности (Conte. 1989. Р. 142; Ekonomou. 2007. Р. 131). Самыми активными участниками являлись папа св. Мартин, Максим, еп. Аквилейский, и Деуседит, еп. Каралы (ныне Кальяри, Сардиния). Значительно реже вступали с краткими репликами преимущественно процедурного характера Мавр, еп. Чезены (представитель отсутствующего архиепископа Равенны), Бенедикт, еп. Аяччо (Корсика), Сергий, еп. Темезы (Калабрия), Леонтий, еп. Неаполя. Ос-

тальные участники никак себя не проявили, и только неск. раз были произнесены речи от лица всех епископов, предваряемые словами: «Святой Собор сказал». Наибольший объем актов (до 60%) приходился на чтение документов и различного рода нотариальных формул (Murphy, Sherwood. 1974. Р. 178), поэтому видное место на Соборе занимали оглашавшие их нотариусы: Феофилакт, «начальник нотариев апостольского престола», и 4 его помощника.

Собор носил характер «чисто доктринальный, с полным подчинением этому дисциплинарного аспекта» (Conte. 1989. Р. 116). Рассматриваемый на нем круг вопросов очень ограничен: два действия и две воли Христа соответственно двум Его совершенным природам в неотделимой от этого сотеариологической перспективе. Богословская аргументация предельно традиционна: надлежало показать, что монофелитство и моноэнергизм являются новым и чуждым Церкви учением, для чего требовалось установить церковное Предание во всем объеме (учение отцов Церкви и 5 Вселенских Соборов), а также тщательно сравнить его с положениями еретиков, древних и новых. Это определило широкое использование флорилегиев (что вообще было свойственно всей антимонофелитской полемике).

Собор именуется в актах «святым и апостольским». Прямым основанием для этого было апостольское происхождение создавшей его Римской кафедры, но такое наименование отражало и стремление организаторов придать Собору вселенский авторитет (Беневич. 2014. С. 166). Это стремление проявляется и в ряде др. подробностей. На Соборе неоднократно подчеркивалась полная законность его созыва: епископы собрались «канонично, в силу апостольского авторитета» (καὶ κανονικῶς, ἐξ αὐθεντίας ἀποστολικῆς) и «по властному повелению» (κατὰ κέλευσιν ἔγκριτον) папы (Conte. 1989. Р. 129–130). Не раз отмечались проистекающие из слов Христа ап. Петру (Мф 16. 18–19) первенствующее положение Римского престола и его особый авторитет (АСО II. Vol. 1. Р. 52–53, 60–61 и др.). При этом монофелитство папы Гонория обходилось молчанием. Второе деяние, на к-ром появились Стефан, еп. Дорский, «первенствующий член Собора при Иерусалимской патриар-

шей кафедре», и делегация греч. игуменов и монахов, а также было зачитано письмо Сергия, архиеп. Кипра, помимо прочего имело целью показать, что Собор выходит за рамки поместного римского, приобретая черты вселенского (Economou. 2007. Р. 133). Большое внимание было уделено правильной процедуре принятия решений, что противопоставляется монофелитским Соборам, носившим характер не только «нечестивый и еретический», но и «неканонический» (Conte. 1989. Р. 131). Л. С., приводя постановления всех предшествовавших Вселенских Соборов, полагал себя их законным продолжением, утверждая свое «духовное согласие» и «общение Духа» с ними (АСО II. Vol. 1. Р. 410–411). Заключительное определение, продолжающее давнюю традицию обращения, и «Окружное послание», обращенное ко «всей полноте Церкви», также подразумевали универсальность и общеобязательность соборных решений. Многочисленными декларациями невинности Ираклия и Константа II Л. С. подчеркивал лояльность империи, но его заявка на вселенский авторитет без выполнения полагавшегося необходимым условия созыва Вселенского Собора – санкции императора, сама по себе была вызовом К-полю, не говоря уже о прямом противлении имп. указу («Типосу»). Каспар называет его «боевым Собором» (Casper. 1932. S. 123).

Ход Л. С. Собор открылся 5 окт. 649 г. в Латеранской базилике Рима под председательством папы св. Мартина. Всего состоялось 5 заседаний, которые в лат. тексте актов именуется не «деяниями» (acta), а «секретариями» (secretarii), – либо по названию примыкавших к Латеранской базилике помещений, где проходили соборные заседания (Hefele, Leclercq. Hist. de Conciles. P. 439. N 7; Ekonomou. 2007. Р. 141. N 7), либо, как полагает Ридингер (АСО II. Т. 1. Р. XXII), ссылаясь на собрание греко-лат. параллелей юридических терминов поздней античности «Hermeneumata Pseudodositheana Leidensia» (Corpus Glossariorum Latinorum. Lpz., 1892. Vol. 3. P. 336), особенно в значении соборного или «судебного» заседания (secretarium = δικαστήριον). В греч. тексте каждое «деяние» (πράξις) предваряется его «предметом» (ὄψθεσις), т. е. кратким изложением содержания.

1-е деяние (5 окт.; CPG, N 9398; Secretarium I // АСО II. Vol. 1. P. 2–29). При открытии Собора Феофилакт (по греч. актам — «святой Собор») предоставил слово папе св. Мартину, к-рый в пространной вступительной речи (АСО II. Vol. 1. P. 10–20) изложил историю дела. Он напомнил, что «18 лет назад» патриарх Александрийский *Кир* опубликовал 9 «глав» (согласительный документ с монофизитами-феодосианами), где провозгласил одно действие Христа, а патриарх Сергей К-польский от имени имп. Ираклия издал «Эктесис» с утверждением одной воли. Их учение противоречило Свящ. Писанию, св. отцам и Халкидонскому Собору, учащим о двух волях и двух действиях Христа, и приводило к признанию в Нем одной природы. Затем выступили преемники Сергея — Пирр и Павел. Пирр угрозами и лестью увлек в нечестие мн. епископов и, хотя, прибыв в Рим, принес покаянное письмо, позже возвратился к ереси. За это он был низложен, как и Павел, утвердивший «Эктесис» и составивший сочинения «против правых догматов святой Божией Церкви». По примеру Сергея он убедил имп. Константа II издать «Типос», к-рый запретом говорит о волях и действиях Христа лишает Его всякого действия и воли и, как следствие, отнимает у Него всякую природу. Павел даже запретил рим. апокрисиариям совершать в К-поле богослужения и воздвиг гонения на православных. В Рим поступали многочисленные жалобы с просьбой использовать апостольский авторитет, дабы положить конец лжеучению, но обращенные к ересеархам увещания предшественников папы св. Мартина не возымели действия. Это и явилось причиной созыва настоящего Собора, который должен был обсудить новое учение. Затем по просьбе представителей Мавра, архиеп. Равенны, зачитали его письмо (Ibid. P. 22–25), где он объяснял невозможность прибытия на Собор, но просил причислить его к присутствующим и подтверждал признание двух действий и двух воль Христа и осуждение «Эктесиса» и «Типоса». Максим Аквилейский, указав, что отрицание двух воль и действий приводит к отрицанию различия двух природ Христа и отвержению Халкидонского Собора, предложил зачитать сочинения упомянутых ересеархов, назначив публичных обви-

нителей, ответственных за расследование их дела. Это в кратких репликах поддержали Деуседит, еп. Каралы, и «святой Собор» (Ibid. P. 26–29).

2-е деяние (8 окт.; CPG, N 9399; Secretarium II // АСО II. Vol. 1. P. 31–109). По просьбе Стефана Дорского его ввели в собрание и огласили его докладную записку (АСО II. Vol. 1. P. 38–47). В ней сообщалось, что Феодор Фаранский, Кир, Сергей, Пирр и Павел «возобновили догматы еретиков Аполлинария и Севира» и внесли смятение в Церковь. Свт. Софроний Иерусалимский, учитывая апостольский авторитет Римской кафедры, взял со Стефана клятвенное обещание «на святой Голгофе» приложить все усилия к тому, чтобы добиться содействия Рима для осуждения их ереси, что тот и постарался исполнить. Учение об одной воле Христа распространилось по всему Востоку; Стефан, еп. Яффы, с нарушением канонов овладел Иерусалимской кафедрой, принуждая епископов принимать это учение. Стефан Дорский писал об этом папе Теодору, к-рый в ответ назначил его своим представителем в Палестине с поручением изложить неисправных епископов. Некоторые из них по требованию Стефана письменно обещали присоединиться к правосл. вере; их прошения он представил папе св. Мартину. Теперь от лица «всех православных священников и мирян Востока» он просит осудить лжеучение. Затем в собрание была допущена делегация греч. игуменов и монахов, подавших докладную записку (Ibid. P. 50–57), в к-рой говорилось, что те, кто учат об одном действии и одной воле Христа, отвергают Халкидонский Собор и повторяют учения *Севира* Антиохийского и *Аполлинария* Лаодикийского (младшего), *Нестория* и *Феодора* Мопсуестийского, разрушавших «таинство Христа» либо слиянием, либо разделением двух Его природ. Епископов побуждали анафематствовать ересеархов, а также «Типос» и соборно утвердить учение о двух действиях и двух волях Христа. Прошение заканчивалось ходатайством о выполнении греч. перевода актов Собора. Среди 36 подписей на 34-м и 35-м местах стоят имена прп. Максима Исповедника и его ученика Анастасия. Поскольку сочтено было необходимым объединить все обвинения против монофелитов, из архивов извлекли

и зачитали послание Сергия, архиеп. Кипрского, папе Теодору от 643 г. (Ibid. P. 60–65) и 4 послания африкан. епископов: папе Теодору от «первенствующих членов» Соборов Нумидии, Бизацены и Мавритании (Ibid. P. 66–71), имп. Константу II от Собора Бизацены (Ibid. P. 74–77), патриарху Павлу II от Собора Проконсульской Африки (Ibid. P. 80–93) и послание папе Теодору от Виктора, еп. Карфагена (Ibid. P. 98–103). В заключение заседания папа св. Мартин заметил, что, хотя выдвинутых обвинений уже достаточно, порядок требует выслушать и собственные слова обвиняемых.

3-е деяние (17 окт.; CPG, N 9400; Secretarium III // АСО II. Vol. 1. P. 111–175). На этом заседании приступили к чтению монофелитских текстов. Начали с 11 фрагментов 2 сочинений еп. Феодора Фаранского, к-рые папа подверг детальной критике, отметив, что нек-рые выражения Феодора дают повод обвинять его в *арианстве*, *докетизме*, *манicheйстве* и *аполлинарианстве* (АСО II. Vol. 1. P. 120–131). Далее по предложению Бенедикта, епископа Аяччо, зачитали 7-ю из 9 «глав» Кира Александрийского и послание Сергия К-польского Киру (Ibid. P. 132–139). Поскольку Кир ссылался на послание Гаю «святого Дионисия» (Ареопагита), принесли книгу его творений и прочитали соответствующий фрагмент (Ibid. P. 140–141), причем выяснилось, что его слова были искажены еретиками: он говорил о «новом (καίνῃ) богомужном действии» Христа, а они приписали ему учение об «одном (μία) действии». Чтобы показать, что Кир и Сергей повторяют учение монофизитов, заслушали ряд мест из писаний последователя Севира Антиохийского диака. Фемистия Александрийского (главы *агноитов*) с исповеданием «одного богомужного действия» Христа (Ibid. P. 144–147). Папа отметил абсурдность понимания термина «богомужное действие» в значении «одного действия», поскольку Христос при совершении действий Божественных и человеческих обнаруживал и единство, производя их поочередно и в тесном единении (τῆ κατ' ἐπαλλαγῆν πρόβολῆ καὶ συμφύτα, per alternam ostensionem sive conglomerationem), и различие, сохраняя их природные свойства. Затем зачитали «Эктесис» (Ibid. P. 156–163), фрагменты Соборов, прошедших

в К-поле в 638 и 639 гг. при патриархах Сергии и Пирре (Ibid. P. 164–171) и письмо Кира Сергию, содержащее одобрение «Эктесиса» (Ibid. P. 172–173), после чего папа закончил заседание кратким замечанием, что эти документы вполне обнаруживают ересь их составителей.

4-е деяние (19 окт.; CPG, N 9401; Secretarium IV // ACO II. Vol. 1. P. 111–175). Продолжилось чтение текстов монофелитов. В большой речи при открытии заседания (ACO II. Vol. 1. P. 182–193) папа св. Мартин резюмировал выслушанные ранее свидетельства. Он отметил противоречивость позиции ересей, которые сначала ревностно учили об одном действии Христа, а затем в «Эктесисе» запретили использовать это выражение, фактически анафематствовав самих себя. Он указал также, что необходимо прежде вынесения приговора для сравнения прочитать касающиеся этого вопроса изречения св. отцов и учение 5 Вселенских Соборов. Бенедикт, еп. Аяччо, попросил добавить к обвиняемым Павла К-польского. Тогда по настоянию «всех епископов» зачитали послание Павла папе Теодору (Ibid. P. 196–205) и составленный им «Типос» (Ibid. P. 208–211), после чего «святой Собор» сказал, что, хотя «Типос» преследовал благую цель (унять раздоры), но дурно исполнил ее, смешав правосл. и неправосл. учения и вступив в противоречие со св. отцами. Далее заслушали исповедания веры Вселенских Соборов (Ibid. P. 218–235): *Никейский Символ веры*, *Никео-Константинопольский Символ веры*, 12 анафематизмов свт. Кирилла Александрийского (названные в лат. тексте актов «символом 200 отцов в Эфесе»), Халкидонский орос и 14 анафематизмов *Вселенского V Собора*. Завершилось заседание пространной речью Максима Аквилайского (Ibid. P. 234–245), к-рый заявил, что учение Кира, Сергия, Пирра и Павла имплицитно осуждено в анафемах против *Ария*, *Аполлинария*, *Феодора Мопсуестийского* и *Нестория*, также учивших об одной воле и об одном действии Христа. Они приходят к отрицанию во Христе совершенных божества и человечества и отвержению Халкидонского Собора, и хотя ссылаются на слова «Томоса» папы св. *Льва I Великого*: «Та и другая природа (μορφή, natura) действует в общении с другой так, как ей свойственно», но при-

дают им произвольное и ложное значение, поскольку эти слова указывают на два природных действия Христа в их «неслитном и нераздельном единстве».

5-е деяние (31 окт.; CPG, N 9402; Secretarium V // ACO II. Vol. 1. P. 247–403). Самое пространное деяние, отмеченное особенно продуманной «архитектурой» (Conte. 1989. P. 64), в богословском отношении является «центром тяжести» Л. С. При его открытии папа св. Мартин объявил о готовности представить святоотеческие сочинения, но прежде по предложению Леонтия, еп. Неаполя, зачитали постановление V Вселенского Собора (3-е деяние) о необходимости следовать учению Вселенских Соборов и св. отцов с перечислением 12 избранных отцов. Далее перешли к чтению обширного святоотеческого флорилегия (ACO II. Vol. 1. P. 258–315), включающего цитаты свт. *Амвросия* Медиоланского, блж. *Августина*, свт. *Василия Великого*, свт. *Амфилохия* Иконийского, свт. *Григория* Нисского, свт. *Григория Богослова*, свт. Кирилла Александрийского, свт. Льва Великого, свт. *Афанасия I Великого*, свт. *Иоанна Златоуста*, *Феофила I* Александрийского, свт. *Епифания Кипрского*, *Севериана* Габальского, свт. *Илария* Пиктавийского, «*Ареопагитик*», Псевдо-Иустина, Псевдо-Кирилла Иерусалимского, свт. *Ефрема* Антиохийского, *Иоанна Скифопольского* и свт. *Анастасия I Синаита*, патриарха Антиохийского. Флорилегий разделен на неск. тематических частей. В первых 2 отделах, озаглавленных «О природных действиях» (34 цитаты) и «О природных волях» (10 цитат), показано, что для св. отцов тождество природы или сущности предполагает тождество действия и воли, а различие природ — различие действий и воли; воля является «сопутствующей» (σύνδρομος) по отношению к природе. Следующий отдел, «О природных волях Христа Бога нашего» (44 цитаты), показывает, что св. отцы признавали наличие во Христе воли Божественной и воли человеческой; как человек, Он добровольно принимал на Себя страдания, повинувшись воле Божией. Последний отдел флорилегия, «О природных действиях Христа Бога нашего» (35 цитат), показывает веру св. отцов в два Его природных действия. «Святой Собор» резюмировал это чтение указанием на то, что

из него хорошо видно противоречие Кира, Сергия, Пирра и Павла св. отцам, недвусмысленно учившим о двух волях и двух действиях так же, как они учили о двух природах. Собор заявил о своем полном согласии со св. отцами и Вселенскими Соборами и провозгласил осуждение тем, кто не принимают всего «проповеданного и определенного» ими. В этом комментарии Собора дается синтез диэнергетической и дифелитской христологии св. отцов через обзор методологических направлений их аргументации: «Не только определительно (δριστικῶς, definitive), но и догматически (δογματικῶς, dogmatice)», с применением Свящ. Писания, силлогизмов и естественных законов (γραφικῶς, συλλογιστικῶς, φυσικῶς, secundum scripturas, syllogistic, naturaliter), «аподиктические, полемические и с помощью примеров (ἀποδεικτικῶς, ἀγωνιστικῶς, παραδειγματικῶς, demonstrative, agonistic, per exempla), а проще говоря, посредством всякого способа и разумного довода, каковые законно и мужественно сплетая в защиту воплотившегося Слова и сражаясь с противостоящими им еретиками», св. отцы «исповедали и другим передали, дабы исповедовали [две] воли и [два] действия Того же Самого и единого Христа, провозгласив их посредством числа и имен, местоимений, тождества, различия, качества, свойства, силы, а проще говоря, посредством всякого разумного довода и положения, коими у них могло быть непременно и всячески доказано их (воли и природ.— Ф. Ю.) истинное подтверждение и удостоверение». И далее каждый из упомянутых «способов» доказательства иллюстрируется соответствующей святоотеческой цитатой (Ibid. P. 316–319). По замечанию Конте, рассуждение такой философской ясности и богословской глубины не могло принадлежать кому-либо иному в «латинском» Риме сер. VII в., как только прп. Максиму Исповеднику (Conte. 1989. P. 65).

Зачитанная затем подборка еретических текстов (ACO II. Vol. 1. P. 320–335) разделяется на 2 части. Первая часть: тексты «еретиков, сливающих [природы]» — арианского епископа Александрии *Лукия*, Аполлинария и его ученика *Полемона*, Севира Антиохийского, монофизитского патриарха Александрии *Феодосия I*, Фемистия, монофизита-феодосианина

Коллута и Юлиана Галикарнасского (33 цитаты). Вторая часть: тексты «еретиков, разделяющих [природы]», — Феодора Мопсуестийского, Нестория, несториан Павла и Феодула и из т. н. письма *Ивы* Эдесского (9 цитат). Если для первых монофелитство и моноэнергизм были прямым следствием их монофизитской христологии, для несториан тождество действий и воля являлось одним из способов выражения внешнего единства Христа. После этого чтения папа св. Мартин отметил согласие древних еретиков с новшествами Кира, Сергия, Пирра и Павла, показывая это 5 ясными и лаконичными сопоставлениями фрагментов сочинений тех и других по главным аргументам монофелитов. По словам папы, «зачинщики новшества» (ἔξαρχοι τῆς καινοτομίας, auctores novitatis) заслуживают тех же анафем, что и древние еретики, но они зашли дальше последних, поскольку к смущению верных утверждают, будто на их стороне св. отцы и Халкидонский Собор (Ibid. P. 336–343). После этого высказался Максим Аквилейский с доказательствами того, что учение о двух волях и действиях Христа соответствует учению св. отцов и является единственно истинным. Деуседит, еп. Каралы, остановился на творениях свт. Кирилла Александрийского, показывая, что тот был противником монофелитства; он отметил, что отцы настоящего Собора — «преемники» (διάδοχοι, successores) св. отцов. Папа св. Мартин сделал акцент на том, что полнота двух природ Христа является необходимым условием спасения человека: при восприятии Богом Словом человеческой природы были сохранены и свойственные ей воля и действие, так что в каждой из двух Своих природ Христос обладает волей и действием (θελητικὸς καὶ ἐνεργητικὸς, voluntarius atque operarius; ср.: *Maximus Conf.* Opusc. 9; *Idem.* Disp. Pyr. // PG. 91. Col. 128, 289, 320). Л. С. завершился провозглашением исповедания веры и определением в 20 правилах, к-рые охватывают богословское учение Л. С.

Исповедание веры (символ) Л. С. (ACO II. Vol. 1. P. 364–367) повторяет Халкидонский орос с добавлением, относящимся к главному для Л. С. вопросу: «...и подобно тому, как [исповедуем мы] две Его природы, [исповедуем мы] и две согласно природе воли, Божественную и челове-

ческую, и два природных действия, Божественное и человеческое, для совершенного и полного удостоверения, что совершенным по природе Богом и истинно совершенным человеком кроме одного лишь греха является Тот же Самый и единый Господь наш и Бог Иисус Христос, как волящий и совершающий Божески и вместе человечески (θέλων τε καὶ ἐνεργῶν θεϊκῶς ἅμα καὶ ἀνθρώπικῶς, volens et operans divine et humane) наше спасение».

Далее следуют 20 правил Л. С. (Ibid. P. 368–389), или, по греч. тексту, «Определение в главах» (Ὅρος κεφαλαίων). Собственно богословие Л. С. заключено в правилах 1–16, начиная с триадологии (прав. 1), учения о Воплощении и мариологии (правила 2–4) с дальнейшим акцентом на полноте и сохранности двух природ Христа и их свойств (правила 5–9). Наконец, утверждаются дифелитство и диэнергизм (правила 10–11); отвергаются монофелитство и моноэнергизм (прав. 12); указывается на недопустимость ставить учение об одной воле и одном действии в один ряд с православным, очевидно, подразумевая «примирительные» опыты «Эктесиса» и «Типоса» (правила 13–14); дается правосл. толкование выражения «богомужное действие» (прав. 15) и отвергается монофелитский аргумент, что две воли Христа якобы вносят разделение в «таинство домостроительства» (прав. 16).

Правила 1–11 имеют общее начало: «Если кто не исповедует по святым отцам в собственном смысле и истинно...» и общее заключение: «...да будет осужден». Подлежат осуждению те, кто не признают: «1. ...Отца, Сына и Святого Духа, Троицу в единиче и единичу в Троице, то есть одного Бога в трех Ипостасях единосущных и равных по славе, одно и то же у Трех божество, природу, сущность, силу, господство, царство, власть, волю, действие, владычество несотворенное, безначальное, беспредельное, неизменное, созидательное для сущего, промышленное и содержащее...»

2. ...что Один из Святой, Единосущной и достойной поклонения Троицы, Бог Слово, сошел с небес, и воплотился от Духа Святого и Марии Пресвятой Приснодевы, и вочеловечился, был распят плотью ради нас и нашего спасения, добровольно пострадал, был погребен и воскрес

в третий день, взшел на небеса и сидит одесную Отца, снова придет с Отеческой Его славой, вместе с плотью, разумно одушевленной, которую Он воспринял, чтобы судить живых и мертвых...

3. ...Богородицей Святую Приснодеву Пречистую Марию, как в собственном смысле и истинно родившую Самого рожденного от Бога Отца прежде всех веков Бога Слова, в конце веков бессеменно зачавшую Его от Святого Духа и без истления родившую, причем Ее девство и после рождения осталось невредимым...

4. ...что есть два рождения Того же Самого и единого Господа нашего и Бога Иисуса Христа, одно — прежде веков, от Бога Отца бестелесно и вечно, другое — от Святой Приснодевы Марии по плоти в конце веков, и что Тот же Самый и единый Господь наш и Бог Иисус Христос единосущен Богу и Отцу по божеству и единосущен Деве и Матери по человечеству, и что Тот же Самый «подлежит страданию по плоти, бесстрастный по божеству, описуемый по телу, неописуемый по Духу, и Тот же Самый — сотворенный и несотворенный, земной и небесный, видимый и умопостигаемый, вмещаемый и не вмещаемый, чтобы Тем же Самым, всецелым человеком и Богом, воссоздан был всецелый человек, падший под грех» (*Greg. Nazianz.* Ep. 101. 14–15)...

5. ...что выражение «одна природа Бога Слова воплощенная» посредством термина «воплощенная» указывает на нашу сущность, совершенно и полностью, только без греха...

6. ...что из двух природ, божества и человечества, и в двух природах, божестве и человечестве, соединенных по ипостаси неслитно и нераздельно, имеет бытие Тот же Самый и единый Господь наш и Бог Иисус Христос...

7. ...что различие по сущности природ, из которых имеет бытие единый и единственный Христос, после их невыразимого единения сохраняется неслитно и нераздельно...

8. ...что единение по составлению или по ипостаси природ, из которых имеет бытие единый и единственный Христос, познается в Нем нераздельно и неслитно...

9. ...что природные свойства божества Христа и Его человечества сохраняются в Нем полностью и не умаляясь, к истинному удостоверению

нию, что Тот же Самый есть совершенный Бог и совершенный человек по природе...

10. ...двух волей у Того же Самого и единого Христа Бога, тесно (συμφύως, coherenter) соединенных, Божественной и человеческой, поскольку по каждой Своей природе Тот же Самый обладает по природе волей (βελητικὸς κατὰ φύσιν, voluntarius naturaliter) к нашему спасению...

11. ...двух действий у Того же Самого и единого Христа Бога, тесно соединенных, Божественного и человеческого, поскольку по каждой Своей природе Тот же Самый обладает по природе действием (ἐνεργητικὸς κατὰ φύσιν, operatur naturaliter) к нашему спасению».

Правила 12–16 имеют др. общее начало: «Если кто, согласно проклятым еретикам...» и то же заключение: «...да будет осужден». Осуждаются все, кто:

«12. ...исповедуют одну природу, или одну волю, или одно действие и божества и человечества Христа, Бога нашего, к опровержению исповедания святых отцов и упразднению домостроительства нашего Спасителя...

13. ...к сущности (οὐσιωδῶς, substantialiter) сохраняемому у Христа Бога в единении и святыми отцами благочестиво проповедуемому двум волям и двум действиям, Божественному и человеческому, добавляют повеление, чтобы вместе с ними (двумя волями и действиями.— Ф. Ю.) исповедовали против их (отцов.— Ф. Ю.) учения одну волю и одно действие...

14. ...вместе с одной волей и одним действием, нечестиво проповедуемыми у Христа Бога этими еретиками, отрицают и отвергают также две воли и два действия, Божественное и человеческое, природно (φυσικῶς, naturaliter) сохраняемые у Христа Бога в единении и святыми отцами православно проповедуемые...

15. ...«богомужное действие» безрассудно понимают как одно, а не исповедуют его согласно святым отцам двойным, то есть Божественным и человеческим, или что выражение «новое» при этом [слове] «богомужное» обозначает одно действие, а не обнаруживает чудного и необычайного единения того и другого (действия)...

16. ...при отрицании у Христа Бога сущности сохраняющихся в единении

и святыми отцами благочестиво проповедуемых двух волей и двух действий, Божественного и человеческого, против них (отцов) безрассудно приписывают таинству домостроительства раздор и разделение, и поэтому евангельские и апостольские изречения о Самом Спасителе по сущности относят не к одному и тому же лицу, то есть «Самому Господу нашему и Богу Иисусу Христу», как говорит прославленный Кирилл [Александрийский], для удостоверения того, что «Тот же Самый есть Бог по природе и истинно человек».

Правила 17–20 определяют лежавшее в основе соборных рассуждений должное отношение к Свящ. Преданию, к-рое обладает безусловным авторитетом и принимается во всей полноте, откуда вытекает полное отвержение учений еретиков. Правило 17 осуждает всякого, кто «не исповедует... все переданное и проповеданное святой Божией кафолической и апостольской Церковью, как самими святыми отцами, так и признанными пятью Вселенскими Соборами до единой черты на словах и в мысли». Пространное 18-е прав. осуждает тех, кто «не отвергают и не анафематствуют душой и устами всех злоименных еретиков, которых отвергает и анафематствует со всеми их писаниями до единой черты святая Божия кафолическая и апостольская Церковь, или, что то же самое, пять святых Вселенских Соборов и все единомышленные одобренные святые отцы Церкви». Перечисляются еретики: *Савеллий*, *Арий*, *Евномий*, *Македоний*, *Аполлинарий* и его ученик *Полемон*, монофизиты (*Евтихий*, *Диоскор*, *Тимофей II Элур*, *Семир*, *Феодосий*, *Коллут*), *Павел Самосатский*, несториане (*Феодор Мопсуестийский*, *Несторий*, *Феодул*), *Ориген* и оригенисты (*Дидим Слепец* и *Евагрий Понтийский*), «или, проще говоря, все другие осужденные и отвергнутые кафолической Церковью еретики». К ним добавляются «единомышленные» им монофелиты: *Феодор Фаранский*, *Кир Александрийский*, *Сергий К-польский*, «его преемники» *Пирр* и *Павел*, а также «Эктесис» и «Типос», равно как и все их последователи. Наложённые ими на православных прещения объявляются ничтожными. Прав. 19 осуждает тех, кто, принимая еретические мнения, объявляют их тождественными учению

отцов и Вселенских Соборов «к обману простодушных и допущению своего скверного зловерия». Прав. 20 объявляет, что всякий, кто «дерзостно измышляет новшества и другую веру» и в той или иной форме действует против «святоотеческих и соборных проповеданий» Церкви, если пребудет до конца нераскаянным, — подлежит осуждению «на веки вечные».

Правила заканчиваются «христологически-эклезиологическим гимном» (Conte. 1989. P. 64), провозглашающим, что постановлениями Л. С. «плевелы» ереси сожжены «огнем канонического приговора, вынесенного апостольским авторитетом», а «пшеница» правой веры собрана в «житницу» (Мф 13. 30), т. е. в Церковь, свободную от «еретического новшества», и утверждаемую Христом, Которому воздается словословие «с Отцом и Святым Духом». Акты были заключены подписями папы св. Мартина и 105 епископов. Несколько позже к ним присоединились Иоанн, еп. Медиолана, и Маллиодор, еп. Тортоны (оба относились к Ломбардскому королевству), а также Иустин (Юстиниан), еп. Каралы (преемник Деуседита).

Последствия Л. С., его значение и статус. Организаторы Л. С. имели намерение как можно шире распространить его постановления. «Окружное послание» (CPG, N 9403; ACO II. Vol. 1. P. 404–421) обращено «ко всем епископам, пресвитерам, диаконам, игуменам монастырей, подвизающимся монахам и всей благочестивой полноте кафолической Церкви» и увещает письменно подтвердить учение отцов и анафематствовать новых ересархов, «нечестивый «Эктесис» и нечестивейший «Типос»» и их сторонников. В обоснование авторитетности Л. С. подчеркивается, что он достиг своих постановлений с опорой на авторитет Свящ. Предания, в точности принятого от предшествующих отцов и Соборов, при скрупулезном изучении святоотеческих текстов и тщательном сравнении их с писаниями еретиков, дабы всем показать «отличие света от тьмы, то есть святоотеческой истины от еретического злочестия» (ACO II. Vol. 1. P. 410–411).

Вместе с актами было направлено послание имп. Константу II (CPG, N 9405; Mansi. T. 10. Col. 789–798). Его извещали об осуждении новой

ереси, вся ответственность за «Типос» возлагалась на патриарха Павла; высказывались прошение издать указы против еретиков к славе Церкви и целости гос-ва и пожелание процветания и побед над варварами. В Риме понимали, что, несмотря на предельно корректную форму письма, мало надежд, что оно будет принято адресатом благосклонно. Поэтому папа обратился с частным посланием к Аманду, еп. Моза-Траекта (ныне Маастрихт) (CPG, N 9404; ACO II. Vol. 1. P. 422–424), в к-ром настойчиво просил того провести во франкском королевстве Австрия Соборы для осуждения монофелитства и ходатайствовать перед кор. Сигибертом III о направлении в Рим делегации франкских епископов, которые затем вместе с посланием папы отправились бы к императору для вручения ему постановлений франк. Соборов и Л. С. Однако нет свидетельств тому, что эти просьбы имели результат (Murphy, Sherwood. 1974. P. 182). Особое послание было направлено Карфагенской Церкви (CPG, N 9406; Mansi. T. 10. Col. 787–794). Папа св. Мартин стремился донести решения Л. С. и до вост. областей. Неск. греч. монахов, живших в Риме, были делегированы с письмом к Иоанну, еп. Филладельфии, папскому викарию в Палестине, дабы доставить ему соборные акты (CPG, N 9407; Mansi. T. 10. Col. 805–814). Еще 8 посланий были адресованы вост. епископам, игуменам и имп. чиновнику в Палестине Петру (CPG, N 9408–9415; Mansi. T. 10. Col. 815–850). О результатах этой миссии также ничего не известно; вероятно, ее выполнению воспрепятствовали араб. нашествия (Caspar. 1932. S. 124).

Четыре года спустя (653), через год после смерти Олимпия, под предлогом гос. измены папа св. Мартин и прп. Максим Исповедник были арестованы. Арест, ссылка и кончина главных действующих лиц Л. С. делала неизбежным созыв VI Вселенского Собора. Однако Л. С. сыграл важную роль в поддержке православных и подготовил окончательную победу над монофелитством, а его догматические формулировки по нек-рым оценкам даже превосходят «по ясности и силе» решения VI Вселенского Собора (Murphy, Sherwood. 1974. P. 181). Последний обходит Л. С. молчанием как нелегальный с т. зр. имп. права (Caspar. 1932.

S. 135), но он сохранял учительный авторитет для Римской Церкви, что видно из послания папы св. Агафона и Собора рим. епископов имп. *Константину IV* (680; CPG, N 9418), где в подтверждение учения о двух волях и двух действиях Христа говорится, что «это правило чистого, кафолического и апостольского исповедания» провозгласил «святой Собор, бывший при апостольской памяти папе Мартине» (Epistula Agathonis et Synodi ad Constantinum IV // ACO II. Vol. 2. T. 1. P. 130–131; рус. пер.: ДВС. Т. 4. С. 58).

На Востоке влияние Л. С. и его поддержка православию определялись, прежде всего, стойкостью прп. Максима Исповедника и его учеников. Прп. Максим в ссылке имел копию актов Л. С. Он не только пользовался ими для опровержения монофелитства, но и защищал перед своими оппонентами авторитет Л. С., ставил его в один ряд с 5 Вселенскими Соборами (*Maximus Conf.* Opusc. 11 // PG. 91. Col. 137) и продолжал именовать «святым апостольским» (*Idem.* Acta in primo exilio // PG. 90. Col. 153). На возражение оппонентов, что без имп. санкции «Римский Собор» не имел силы, прп. Максим отвечал: значение Соборов определяется не фактом созыва их императорами, но тем, была ли исповедана на них правая вера, и отсылал к каноническому требованию регулярно созыва поместных Соборов, которое не предполагало специального имп. указа (Ibid. Col. 145–148; ср.: 1 Всел. 5; 4 Всел. 19; Антиох. 20). Т. о., по мнению прп. Максима и его сподвижников, Л. С. был созван в соответствии с канонами поместного Собора и имел авторитет Вселенского Собора, так что его постановления являются нормативными для всего христ. мира (ср.: *Беневич.* 2014. С. 167–168).

Ист.: CPG, N 9398–9415; Mansi. T. 10. Col. 789–1188; ACO II. Vol. 1; LP. T. 1. P. 331–340; Jaffe. RPR. 1885. T. 1. P. 228–234.

Лит.: Hefele C. J., von Conciliengeschichte. Freiburg i. Br., 1856. Bd. 3. S. 189–206; 1877². S. 212–229 (= Hefele, Leclercq. Hist. des Conciles. T. 3/1. P. 434–451); Caspar E. Die Lateransynode von 649 // ZKG. Bd. 51. S. 75–137; *idem.* Geschichte des Papsttums: Von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Tüb., 1933. Bd. 2. S. 553–586; *Pierres J.* Sanctus Maximus Confessor: Princeps Apologetarum Synodi Lateranensis Anni 649. R., 1940; *Bertolini O.* Roma di fronte a Bisanzio e ai Longobardi. Bologna, 1941. P. 337–353; *Murphy F. X., Sherwood P.* Constantinople II et III. P., 1974. P. 174–188; *Riedinger R.* Aus den Akten der Lateransynode von 649 // BZ. 1976. Bd. 69. S. 17–38;

idem. Grammatiker-Gelehrsamkeit in den Akten der Lateran-Synode von 649 // JÖB. 1976. Bd. 25. S. 57–61; *idem.* Zwei Briefe aus den Akten der Lateransynode von 649 // Ibid. 1980. Bd. 29. S. 37–59; *idem.* Die Lateransynode von 649 und Maximus der Bekenner // Maximus Confessor: Actes du Symp. sur Maxime le Confesseur, Fribourg, 2–5 sept. 1980 / Ed. F. Heinzer, C. Schönborn. Fribourg (Suisse), 1982. S. 111–121. (Paradosis; 27); *idem.* Papst Martin I. und Papst Leo I. in den Akten der Lateran-Synode von 649 // JÖB. 1983. Bd. 33. S. 87–88; *idem.* Die Lateranrakten von 649, ein Werk der Byzantiner um Maximus Homologes // Византизм. 1985. Т. 13. N 1. С. 517–534; *idem.* In welcher Richtung wurden die Akten der Lateransynode von 649 übersetzt, und in welcher Schrift war der lateinische Text dieser Akten geschrieben // Martino I papa (649–653) e il suo tempo: Atti del XXVIII Conv. storico intern., Todi, 13–16 ottobre 1991. Spoleto, 1992. P. 149–164; *idem.* Die lateinischen Übersetzungen der Epistula encyclica Papst Martins I. (CPG 9404) und der Epistula synodica des Sophronios von Jerusalem (CPG 7635) // Filologia mediolatina. Spoleto, 1994. T. 1. P. 45–69; *idem.* Wer hat den Brief Papst Martins I. an Amandus verfasst? // Ibid. 1996. T. 3. P. 95–104; *idem.* Kleine Schriften zu den Konzilakten des 7. Jh. Turnhout, 1998; *Sansterre J.-M.* Les moines grecs et orientaux à Rome aux époques byzantine et carolingienne (milieu du VI^s. — fin du IX^s.). Brux., 1983. 2 t.; *idem.* Actes du synode de Latran // Byz. 1985. Vol. 55. N 2. P. 596–597; *Grillmeier A. R.* Riedinger (Hrsg.), ACO Ser. II, Vol. I, Conc. Lateranense (B., 1984); [Rezension] // Theologie und Philosophie. Freiburg, 1985. Bd. 60. S. 289–293; *Winkelmann F.* Neue Erkenntnisse über die sog. Synodus Lateranensis (a. 649) // Klio. Lpz., 1986. Bd. 68. S. 629–632; *idem.* Der monenergetisch-monotheletische Streit. Fr./M. etc., 2001. (Berliner Byzantinistische Studien; 6); *Conte P.* Il Sinodo Lateranense dell' ottobre 649: La nuova edizione degli atti a cura di R. Riedinger: Rassegna critica di fonti dei secoli VII–XII. Vat., 1989; *Ларусе Ж.-К.* Прп. Максим Исповедник — посредник между Востоком и Западом / Пер.: О. А. Николаева. М., 2004. С. 162–245; *Беневич Г. И., Шуфрин А. М.* Дело Максима // *Максим Исповедник, прп. Полемика с оригенизмом и моноэнергизмом.* СПб., 2007. С. 13–153; *Економай А. J.* Byzantine Rome and the Greek Popes: Eastern Influences on Rome and the Papacy from Gregory the Great to Zacharias, A. D. 590–752. Lanham, 2007. P. 113–157; *Беневич Г. И.* Богословско-полемические сочинения прп. Максима Исповедника и его полемика против моноэнергизма и монофелитства // *Максим Исповедник, прп. Богословско-полемические сочинения* (Opuscula Theologica et Polemica). СПб., 2014. С. 11–298.

Иером. Феодор (Юлаев)

ЛАТЕРАНСКИЙ I СОБОР (18–27 марта или нач. апр. 1123), Собор Римско-католической Церкви, в католич. традиции признается IX вселенским Собором; созван папой Римским *Каллистом II* (1119–1124). В период между сер. VII в. и «Авиньонским пленением пап» в нач. XIV в. известно более чем о 80 Соборах, проходивших под председательством

вом пап Римских в *Латеранском комплексе* в Риме (см.: *Aubert*. 2008). С IX в. участники Соборов заседали в особом зале, т. н. триклинии Льва III, примыкавшем к Латеранской базилике. Большое распространение практика проведения Соборов в Риме получила во 2-й пол. XI — 1-й пол. XII в. в связи с движением за реформирование католич. Церкви (см. *Григорианская реформа*) и со спором об *инвеституре*. Вместе с тем по причине частых в этот период схизм в католич. Церкви (см. ст. *Антипана*) Римские папы нередко оказывались изгнаны из Рима и вынуждены были проводить церковные Соборы в Сев. Италии и во Франции. Совр. исследователи отмечают, что Л. С. по представительности и влиянию на жизнь Церкви принципиально не отличался от др. Соборов этого периода, проходивших под председательством пап Римских: Пьяченческого (март 1095), Клермонского (нояб. 1095), Латеранского (апр. 1099), Тулузского (июль 1119), Реймского (окт. 1119) и др. (*Duggan*. 2008. P. 319–320; см. также: *Gresser*. 2006). В источниках XII в. Л. С. назывался «всеобщим Собором» (*consilium generale*), однако в средние века так могло обозначаться любое крупное собрание духовенства под председательством Римского понтифика или даже без его участия (*Larson*. 2007).

Поводом к созыву Л. С. стало достижение компромисса между папой Римским Каллистом II и имп. Генрихом V (1111–1125) в споре об инвеституре, оформленного *Вормским конкордатом* (23 сент. 1122). Однако подготовка Л. С. началась еще до подписания этого документа: Каллист II в письме Бальдериху, архиеп. Дольскому (1107–1130), от 25 июня 1122 г. объявлял о проведении в следующем году в 3-е воскресенье Великого поста (18 марта 1123) в Риме «всеобщего Собора» с участием «архиепископов, епископов, аббатов и благочестивых мужей» для обсуждения различных важных нужд Церкви (*pro magnis et diversis Ecclesiae negotiis* — PL. 163. Col. 1249). Приглашения на Собор рассылались вместе с копиями 2 грамот, составивших Вормский конкордат, — папской (*Calixtinum*) и императорской (*Heinricianum*) (*Stroll*. 2004. P. 415–416); на самом Соборе его участники утвердили текст Вормского конкордата.

Акты Л. С. не сохранились, его состав участников и ход можно реконструировать лишь приблизительно, на основании информации из посланий папы Каллиста II и неск. совр. Собору текстов исторического содержания. Из участников Л. С. рассказы о нем приводят *Сугерий*, аббат Сен-Дени († 1151), в «Жизни короля Людовика Толстого» (*Sugerus*. 1964. P. 214–215), генуэзский консул Каффаро († 1166) в «Генуэзских анналах» (*Annali genovesi*. 1890. P. 18–20) и, по-видимому, Ландульф Младший († ок. 1136) в «Миланской истории» (*Landulfi de S. Paulo Historia*. 1868. P. 42–43; нек-рые исследователи считают, что Ландульф описывал не I Латеранский, а др. Собор, состоявшийся в Риме в кон. 1123 или нач. 1124). Сведения о Л. С. имеются также в жизнеописании папы Каллиста II в *Liber Pontificalis* (известны 2 версии, написанные кард. Пандульфом в 30-х гг. XII в. и кард. Бозоном во 2-й пол. XII в.: LP. Vol. 2. P. 322–326, 376–379), в «Хронике монастыря Монте-Кассино» Петра Диакона (*Die Chronik von Montecassino*. 1980. P. 542–543), в «Беневентской хронике» Фалькона (*Falcone di Benevento*. 1998. P. 72), в «Истории королей англов», приписываемой Симеону Даремскому (*Symeonis Monachi Opera*. 1885. Vol. 2. P. 269–272), и в «Книжце о степенях даров Святого Духа» Герхоха Райхерсбергского (*Gerhohi praepositi Reichersbergensis*. 1897. P. 280).

18 марта 1123 г., в воскресенье, состоялось торжественное открытие Л. С. Вероятно, на следующий день участники собрались на 1-ю сессию, а 27 марта — на 2-е заседание, на к-ром были провозглашены каноны и, возможно, объявлено о закрытии Собора. Согласно др. т. зр., работа Собора продолжилась до нач. апр., но к 6 апр. она была несомненно завершена. Важным событием Л. С. стала церемония освящения нового центрального алтаря в базилике св. Петра (25 марта 1123). Он был сооружен поверх прежнего алтаря времени еп. (папы) Римского *Сильвестра I* (314–335), перестроенного при свт. *Григории I Великом* (590–604). Возможно, тем самым Каллист II стремился представить себя «новым Сильвестром», а Вормский конкордат — новым *Константиновым даром* (*Stroll*. 2004. P. 410–415).

Данные об участниках Л. С. в источниках противоречивы. Фалькон

не приводит числа участников, но пишет, что на Собор съехались «почти все» архиепископы, епископы и аббаты, как из Италии, так и из остальной Европы (*ultramontanos omnes fere episcopos, et archiepiscopos, et abbates, et totius... Italiae Ecclesiarum pastores* — *Falcone di Benevento*. 1998. P. 72). Согласно Сугерию, в Л. С. приняли участие более 300 епископов, согласно анналам цистерцианского мона-ря Фоссанова в Центр. Италии — ок. 500. По утверждению кард. Пандульфа, участниками Л. С. были 997 епископов и аббатов, но исследователи считают это число завышенным, полагая, что на Собор приехали ок. 200 прелатов (*Foreville*. Latran. 1965). На основании имеющихся источников известно об участии в Л. С. не менее 32 кардиналов, значительного числа прелатов из Италии и Франции (в т. ч. архиепископов Градо, Равенны, Капуи, Салерно, Сипонто, Палермо, Бари, Неаполя, Вьены, Нарбона, Санса, Бордо). Присутствовали также церковные иерархи с Пиренейского п-ова (в их числе архиепископ Тарагоны) и нем. земель (архиепископ Гамбурга и Бремена, епископы Бамберга и Аугсбурга). Англ. прелаты не смогли принять участие в Соборе, т. к. своевременно не получили на это разрешения от кор. Генриха I (1100–1135). Архиепископы Кентерберри и Йорка прибыли в Рим уже после завершения Л. С. (CCCOGD. 2013. Vol. 2. Pars 1. P. 76–77).

История текста постановлений Л. С. сложна и недостаточно изучена. В большинстве средневеков. рукописей имеются значительные расхождения не только в тексте канонов, но и в их количестве и порядке (*Hamilton, Brett*. 2013). Ситуация осложняется тем обстоятельством, что мн. постановления Л. С. повторяли каноны более ранних Соборов эпохи григорианской реформы и в особенности понтификата Каллиста II. В ранние печатные собрания постановлений церковных Соборов (Ж. Мерлена, П. Краббе, С. Биния) каноны Л. С. не вошли, они считались утраченными. Впервые их опубликовал кард. Цезарь *Бароний* в 12-м т. «Церковных анналов» (1607). Вариант канонов, включенный в офиц. издание (т. н. *Editio Romana*) «Вселенские Соборы католической Церкви» (*Concilia Generalia Ecclesiae Catholicae* / Ed. A. Carafa e. a. R., 1612. T. 4. P. 16–17), основан на рукописи,

содержавшей, вероятно, позднейшие интерполяции. Уточненный текст канонов Л. С. был подготовлен К. Леонарди в сер. «*Concilium oecumenicum decreta*» (COD. P. 190–194); воспроизведен также в новом издании (CCCOGD. 2013. P. 89–94); аутентичными признаются 17 канонов, а не 22, как ранее.

Значительная часть канонов, признаваемых современными исследователями аутентичными, была посвящена вопросам церковной дисциплины: осуждалась *симония* (канон 1); запрещалось занимать должности препозита, архипресвитера или декана лицам, не имеющим пресвитерского рукоположения, а должность архидиакона — не имеющим диаконского рукоположения (канон 6; оба канона дословно повторяют постановление Тулузского Собора 1119 г.); во епископа разрешалось рукополагать только канонически избранных кандидатов (канон 2); запрещались сожителство клириков с женами или наложницами (канон 7) и браки между кровными родственниками (канон 9). Ряд постановлений регулировал отношения светской и духовной властей, прежде всего вопрос об инвеституре. В 8-м каноне со ссылкой на постановление папы *Стефана II (III)* (из *Лжеисидоровых декреталий*) содержался запрет светским лицам распоряжаться церковным имуществом. Отдельные каноны регулировали вопросы церковной собственности: запрещались изъятие светскими лицами пожертвований, сделанных церквам, обложение податями приходских церквей и использование храмов в качестве укреплений (канон 12). Отдельным каноном (канон 5) осуждалась деятельность низложенного в апр. 1121 г. антипапы *Григория VIII* (назван по своему родовому прозвищу Бурдин), все совершённые им рукоположения объявлялись незаконными.

Заметное место в постановлениях Л. С. занимают меры по укреплению власти епископа в диоцезе: архидиаконы, архипресвитеры, препозиты и деканы могли назначать заместителей (викариев), поручать им пастырскую деятельность (*сига апапаст*) и передавать церковные пребенды лишь с разрешения епископа (канон 4); указ епископа об отлучении от Церкви человека, находящегося в его юрисдикции, должен был соблюдаться др. епископом или

аббатом (канон 2). Особые каноны были посвящены охране имущества крестоносцев, отправившихся на Св. землю или в Испанию (канон 10), поддержке движения «*Божий мир*» (канон 15) и отлучению от Церкви фальшивомонетчиков (канон 13).

Некоторые постановления Л. С. касались локальных вопросов: отлучения от Церкви лиц, к-рые облагали новыми дорожными пошлинами направлявшихся в Рим паломников или торговцев (канон 14); регулирования раздела имущества после смерти *porticani* — вероятно, жителей «города Льва» (*civitas Leonina*), ограниченного стеной папы Льва IV, или мелких торговцев и клириков-проводников, проживавших вдоль портика рим. базилики св. Петра и обслуживавших паломников в Рим (канон 11); неприкосновенности папских владений в г. Беневенто (*Beneventatam civitatem*; канон 17).

Неясна аутентичность канонов, накладывавших ограничения на пастырскую деятельность монахов и аббатов (канон 16) и закреплявших исключительно за епископами право назначения приходских священников (канон 18).

Из источников известно, что на Л. С. обсуждались и др. вопросы. Был подтвержден статус кафедры Гамбурга и Бремена как митрополии всей Скандинавии, в знак чего архиеп. Адальберон (1123–1148) получил от папы Каллиста II паллий; как суффраган архиепископа Гамбургского и Бременского был рукоположен Сивард, еп. Уппсалы (1123–1130 или 1133). Вероятно, этим решением Каллист II стремился укрепить дружеские отношения с имп. Генрихом V, ставленником к-рого был архиеп. Адальберон. По прошению др. приближенного императора, Ульриха, еп. Констанцкого (1111–1127), была совершена канонизация одного из его предшественников на кафедре, еп. *Конрада* (934–975).

Л. С. стал местом разрешения нескольких споров о церковной юрисдикции. Так, для рассмотрения тяжбы между епископами Генуи и Пизы о юрисдикции над Корсикой была образована (возможно, уже после формального завершения Собора) комиссия из 24 архиепископов и епископов. Также на Соборе рассматривались претензии архиепископов Равенны на юрисдикцию над Феррарой, тяжбы между епископа-

ми Сиены и Арrezzo; а также аббатами мон-рей Св. Креста и св. Макария в Бордо (*Foreville. Latran. 1965. P. 51–53*).

Постановления Л. С. получили распространение в различных частях Европы благодаря состоявшимся в последующие годы провинциальным Соборам: в Вестминстере (1125, 1127), Бурже, Шартре, Клермоне, Бове, во Вьене, в Безансоне (все — в 1125), Руане (1126), Нанте (1127), Аррасе и Труа (оба — 1128), Шалоне и Париже (оба — 1129), Барселоне (1126) и Паленсии (1129). Однако ни в одном случае речь не шла о точном воспроизведении канонов Л. С. в полном объеме, скорее имела место адаптация основных соборных решений к местным условиям (*Duggan. 2008. P. 327*). 14 канонов Л. С. имеют параллели в тексте «Декрета» *Грациана*, однако во всех случаях они приводятся не как решения Л. С., а как постановления папы Римского Каллиста II или (в 4 случаях) папы Урбана II. Учитывая, что многие из канонов Л. С. представляли собой повторения более ранних соборных постановлений, возможно, Грациан использовал каноны др. Соборов.

Нет свидетельств, что первоначально Л. С. по своему статусу был выше др. Соборов этого времени. В источниках XIII в. «первым Латеранским Собором» чаще всего называли Собор 1179 г., по совр. нумерации — *Латеранский III Собор* (*Chenev. 1973*). Лишь во 2-й пол. XVI в. в связи со спорами о статусе *Тридентского Собора* (1545–1563) и его решений ряд католических исследователей и полемистов обратились к истории Соборов и начали составлять их ретроспективные перечни. Первые Л. С. как IX вселенский Собор католич. Церкви обозначил французский эрудит Арно де Понтак, еп. Базаса († 1605), в составленном им списке Соборов в соч. «Хронография» (Р., 1567). Его перечень получил известность, был догматически обоснован и введен в католич. историографию благодаря сочинениям иезуитов Р. *Беллармина* и А. *Поссевино*. В соответствии с решениями Тридентского Собора в 1595 г. в Риме была создана Конгрегация по изданию актов Соборов (*Congregatio super editione conciliorum generalium*), силами которой в 1608–1612 гг. увидело свет собрание материалов Соборов (в т. ч.

и Л. С.), признаваемых вселенскими Соборами Римско-католической Церкви.

Ист.: *Mansi*. Т. 21. Col. 278–304; *Landulfi de S. Paulo Historia Mediolanensis* // MGH. SS. 1868. Т. 20. P. 17–49; *Symeonis Monachi Opera omnia* / Ed. Th. Arnold. L., 1882–1885. 2 vol.; *Annali genovesi de Caffaro e de' suoi continuatori* (sec. XII–XIII) / A cura di L. T. Belgrano. R., 1890. Vol. 1; *Bullaire du Pape Calixte II* / Publ. U. Robert. P., 1891. 2 vol.; *Gerhohi praepositi Reichersbergensis Libellus de ordine donorum S. Spiritus* // MGH. Lib. 1897. Т. 3. P. 273–304; LP. Vol. 2. P. 322–326, 376–379; *Sugerus. Vie de Louis VI le Gros* / Publ. H. Waquet. P., 1964; COD. P. 190–194; *Die Chronik von Montecassino* / Hrsg. H. Hoffmann. Hannover, 1980. (MGH. SS; 34); *Falcone di Benevento*. *Chronicon Beneventanum: Città e feudi nell'Italia dei Normanni* / A cura di E. D'Angelo. Firenze, 1998; CCCOGLD. 2013. Vol. 2. Pars 1. P. 73–94. Лит.: *Maurer M. Pabst Calixt II*. Münch., 1886–1889. 2 Bde; *Robert U. Histoire du Pape Calixte II*. P., 1891; *Hefele, Leclercq. Hist. des Conciles*. Т. 5. Pars 1. P. 630–644; *Vernet F. Latran (1er concile œcumenique du)* // DTC. Vol. 8. Col. 2628–2637; *Foreville R. Latran I, II, III et Latran IV*. P., 1965; *eadem*. *Procédure et débats dans les conciles médiévaux du Latran (1123–1215)* // RSChIt. 1965. Vol. 19. P. 21–37; *Cheney C. R. The Numbering of the Lateran Councils of 1179 and 1215* // *Idem*. *Medieval Texts and Studies*. Oxf., 1973. P. 203–208; *Brett M. The Canons of the First Lateran Council in English Manuscripts* // *Proc. of the VI Intern. Congr. of Medieval Canon Law* / Ed. S. Kuttner, K. Pennington. Vat., 1985. P. 13–28; *Sieben H. J. Late-ransynoden* // TRE. 1990. Bd. 20. S. 481–489; *Storia dei Concili Ecumenici*. Brescia, 1990; *Stroll M. Calixtus II (1119–1124): A Pope Born to Rule*. Leiden; N. Y., 2004; *Gresser G. Die Synoden und Konzilien in der Zeit des Reformpapsttums in Deutschland und Italien von Leo IX. bis Calixt II.: 1049–1123*. Paderborn, 2006; *Larson A. A. Early Stages of Gratian's Decretum and the Second Lateran Council: A Reconsideration* // *Bull. of Medieval Canon Law*. N. S. R., 2007. Vol. 27. P. 21–56; *Aubert R. Latran (conciles du)* // DHGE. 2008. Т. 30. Col. 880–920; *Duggan A. J. Conciliar Law 1123–1215: The Legislation of the Four Lateran Councils* // *The History of Medieval Canon Law in the Classical Period, 1140–1234* / Ed. W. Hartmann, K. Pennington. Wash., 2008. P. 318–366; *Hamilton L. I., Brett M. New Evidence for the Canons of the First Lateran Council* // *Bull. of Medieval Canon Law*. N. S. 2013. Vol. 30. P. 1–20.

С. Г. Мереминский

ЛАТЕРАНСКИЙ II СОБОР (2–8 или 12 апр. 1139), Собор Римско-католической Церкви, в католич. традиции признаётся X вселенским Собором; созван папой Римским *Иннокентием II* (1130–1143). Поводом к созыву Л. С. стало завершение церковной схизмы после смерти антипапы *Анаклета II* (1130–1138) и отречения его преемника антипапы *Виктора IV* (март 1138). Вскоре после этого папа *Иннокентий II* направил легатов в различные части Европы с приглашениями на Собор, назначенный на 4-е воскресенье Вели-

кого поста следующего года (2 апр. 1139). Сохранились сведения, что папские легаты прибыли в Англию (*Chronicles of the Reigns of Stephen, Henry II, and Richard I* / Ed. R. Howlett. L., 1886. Vol. 3. P. 176) и на Пиренейский п-ов (*Historia Compostellana* // PL. 170. Col. 1236).

Акты Л. С. не сохранились, состав участников Собора и его ход лишь приблизительно реконструируются на основании информации из посланий папы *Иннокентия II*, католич. св. *Бернарда Клервоского* и неск. современных Собору текстов исторического содержания. Из участников Л. С. краткое известие о нем приводит лишь *Петр*, аббат мон-ря святых *Андрея и Григория на Целийском холме в Риме* (*Mansi*. Т. 22. Col. 541–546). Достаточно подробный рассказ о Л. С. в «Хронике аббатства *Мориньи*», вероятно, содержит вымышленные подробности, в т. ч. речь *Иннокентия II* на Соборе (*La chronique de Morigny*. 1912. P. 71–74). Сведения о Л. С. приводятся в жизнеописании папы *Иннокентия II в Liber Pontificalis*, составленном кард. *Бозоном* во 2-й пол. XII в. (LP. Vol. 2. P. 379–385), в «Беневентской хронике» *Фалькона* (*Falcone di Benevento*. 1998. P. 214), в «Церковной истории» *Ордерика Виталиа* (*The Ecclesiastical History*. 1978. P. 529–531), в «Хронике» *Оттона Фрайзингского* (*Ottonis episcopi Frisingensis Chronica*. 1912. P. 347), в «Сен-Бертенской хронике» (*Mansi*. Т. 22. Col. 539–542), в «Книжице о степенях даров Святого Духа» *Герхоха Райхерсбергского* (*Gerhohi praepositi Reichersbergensis*. 1897. P. 290–291) и в др.

Насколько можно судить по сохранившимся источникам, торжественное открытие Л. С. состоялось в воскресенье (2 апр. 1139). На следующий день прошло 1-е заседание; 2-я сессия собралась, вероятно, 8 апр. Точная дата завершения Л. С. неизвестна, принято считать, что он закончился к 12 апр. (*Schmale*. 1999. Sp. 1740). Согласно «Мелькским анналам» (MGH. SS. Т. 9. P. 503), в Л. С. участвовало более 500 епископов и аббатов, согласно «Гёттвайгским анналам» — более 600 (*Ibid*. P. 602), *Оттон Фрайзингский* писал о 1000 епископов (*Ottonis episcopi Frisingensis Chronica*. 1912. P. 347). Совр. исследователи называют эти оценки завышенными, полагая, что в Л. С. приняло участие не более 400 прелатов (*Duggan*. 2008. P. 329), среди

них идентифицированы 12 патриархов и архиепископов, 36 епископов, 82 настоятеля мон-рей (*Schmale*. 1999. Sp. 1740). По-видимому, большинство участников составляли прелаты из Италии, Франции, с германских земель, Пиренейского п-ова. В отличие от *Латеранского I Собора* (1123) в работе Л. С. приняла участие англ. делегация, в составе к-рой находились новизбранный архиеп. *Кентерберийский Теобальд* (1138–1161), 3 или 4 др. епископа и неск. аббатов. На Л. С. присутствовал лат. патриарх *Антиохийский Ральф де Донфрон* (1135–1140). Это 1-й известный случай, когда прелат с Востока принимал участие в западно-европ. Соборах в XII в. Вероятно, *Ральф де Донфрон* прибыл в Рим еще перед открытием Л. С., надеясь заручиться поддержкой папы Римского в конфликте с кн. *Раймундом* (1136–1149) и жителями *Антиохии* (*Hamilton B. Ralph of Domfront, Patriarch of Antioch (1135–1140)* // *Nottingham Medieval Studies*. 1984. Vol. 28. P. 1–21). Возможно, среди участников Л. С. был *Роберт де Краон*, магистр ордена тамплиеров (1136/37–1149).

История текста канонов Л. С. недостаточно изучена. В ранние печатные собрания соборных постановлений (*Ж. Мерлена*, *П. Краббе*, *С. Биния*) каноны Л. С. не вошли, поскольку считались утраченными. Впервые они были опубликованы кард. *Цезарем Баронием* в 12-м т. «Церковных анналов» (1607) на основании 2 рукописей, хранившихся в Ватиканской б-ке. Вариант канонов, напечатанный в офиц. издании (т. н. Editio Romana) «Вселенские Соборы католической Церкви» (*Concilia Generalia Ecclesiae Catholicae* / Ed. A. Sarafa e. a. R., 1612. Т. 4. P. 21–23), основан на тех же рукописях, а также на манускрипте из собрания *Антонио Агустина-и-Альбанеля* (1517–1586), архиеп. *Таррагонского*. В 60-х гг. XX в. был обнаружен список канонов Л. С. в рукописи *Madrid, Biblioteca Nacional, 7127* (XII в., рукопись создана, вероятно, в Риме), близкий к опубликованному в *Editio Romana* (*Leonardi*. 1963). По состоянию на 2014 г. выявлено ок. 20 рукописей канонов Л. С. (*Pennington*. 2014. P. 684; также см.: *De Palo*. 1981).

Из 30 канонов Л. С. значительная часть дословно или по содержанию повторяет постановления предшествующих Соборов понтификата

Иннокентия II: в Клермоне (нояб. 1130), Реймсе (окт. 1131) и Пизе (кон. мая—июнь 1135), а также др. Соборов 2-й пол. XI — нач. XII в. (Duggan. 2008. P. 329). Однако во мн. случаях каноны Л. С. содержат более подробные и конкретные указания по сравнению с предшествующими постановлениями. Так, Л. С. не просто в очередной раз осудил *симонию* и предписал лишать церковных должностей всех лиц, незаконно их получивших (канон 1), но и конкретизировал, какие именно должности и действия подпадают под запрет: тот, кто получил за деньги пребенду либо пост приора или декана или к.-л. другой, подлежал смещению и поражению в правах (*infamia*). Такое же наказание полагалось продавцу и посреднику в случае торговли миром или освященным елеем (канон 2). Запрещалось взимать плату за освящение церквей или алтарей, погребение (каноны 2 и 24). Все, кто сознательно вступали в общение с отлученными от Церкви, сами подлежали отлучению (канон 3).

Большая группа канонов Л. С. касалась укрепления *целибата* католич. духовенства. На женатых клириков и монахов должны были налагаться канонические прещения до принесения ими покаяния; миряне не имели права участвовать в службах, совершаемых женатыми священниками (канон 7). Запрещалось наследование церковных должностей (канон 16); сыновья священнослужителей могли занимать церковные посты только в монашествах или общинах регулярных каноников (канон 21). Монахиням, принесшим обеты, запрещалось выходить замуж (канон 8). Монахи и монахини не имели права вместе петь в церковном хоре (канон 27). Осуждались жен. монашеские общины, жившие не по признанным католич. Церковью древним уставам прп. *Венедикта Нурсийского*, свт. *Василия Великого* или блж. *Августина* (канон 26). Был подтвержден запрет на браки между родственниками (канон 17).

Всем клирикам предписывалось следить за *тонзурой* и носить соответствующее сану одеяние (канон 4). Запрещалось назначать на должности архидиаконов и деканов юношей, не прошедших рукоположения в сан диакона или пресвитера (канон 10). Монахам и регулярным каноникам запрещалось изучать в корыстных

целях светское право и медицину (канон 9). Предписывалось совершать выборы на вакантные епископские кафедры в срок не более 3 месяцев; в выборах епископа обязательно должны были принимать участие не только члены капитула, но и монахи (*religiosos viros*) (канон 28).

Важное место в решениях Л. С. занимали разные аспекты отношений католич. Церкви со светскими властями. Под угрозой отлучения от Церкви запрещалось разграбление имущества умерших священнослужителей (канон 5). Миряне не имели права получать церковную десятину; владеющие на правах патронажа частными церквами должны были передать их епископам под угрозой церковного отлучения; держателям бенефициев запрещалось назначать вместо себя заместителей (викариев), т. к. каждый храм должен был иметь своего священника (канон 10); миряне не могли назначать на церковные должности или распоряжаться имуществом Церкви (канон 25). Особому осуждению подвергались миряне, к-рые принесли мнимое покаяние, но не прекратили грешить (канон 22).

Л. С. принял ряд важных решений, касающихся противодействия насилию и произволу, в духе движения «*Божий мир*». Подтверждался запрет на боевые действия в Рождество (от начала *Адвента* до октавы праздника Богоявления, 13 янв.), на Пасху (от начала *Великого поста* до *Антипасхи*) и в течение года с заката среды до восхода понедельника (канон 12). Подчеркивалась неприкосновенность всех священнослужителей, а также паломников, купцов и крестьян (канон 11). Любой человек, поднявший руку на священнослужителя, подлежал немедленному отлучению от Церкви, которое мог снять только папа Римский (канон 15). Осуждались рыцарские турниры (канон 14), запрещалось использование луков и арбалетов против христиан (канон 29). Особым канонем осуждались поджигатели; им предписывалось покаяние в виде участия в течение года в крестовом походе в Иерусалим или Испанию (канон 18); наказывать поджигателей могли представители светской власти после консультации с архиереями (канон 20). Нераскаявшиеся поджигатели, как и погибшие на турнирах, не имели права на христ. погребение. Если епископ нарушал это постановление, то его

на год отстраняли от кафедры. Осуждались ростовщики: они не только подлежали поражению в правах, но и в случае отказа от покаяния не имели права на христ. погребение (канон 13).

Рассматривался на Л. С. и вопрос борьбы с ересью. Канонем 23 как еретики осуждались все те, кто отрицали Евхаристию, таинства Крещения, Священства, Брака и др. На светские власти возлагалась обязанность наказывать еретиков и всех, кто их поддерживали. Этот канон дословно повторял постановление Тулузского Собора (1119), направленное против проповедника Петра из Бржи и его сторонников (т. н. петробрусиане; см. ст. *Катары*). На Л. С. осуждению подверглось учение *Арнольда Брешианского*, критиковавшего богатство католич. духовенства. По ходатайству Манфреда, еп. Брешии (1132–1153), Арнольд был осужден на изгнание из Италии (*Schmitz-Esser R. Arnold of Brescia in Exile: Apr. 1139 to Dec. 1143: His Role as a Reformer, Reviewed // Exile in the Middle Ages: Selected Proc. from the Intern. Medieval Congr., Univ. of Leeds, 8–11 July 2002 / Ed. L. Napran, E. van Houts. Turnhout, 2004. P. 213–231*).

Заключительный, 30-й канон объявлял недействительными все рукоположения, совершённые Пьетро Пьерлеони (антипапой Анаклетом II) и др. «схизматиками и еретиками». По сообщению Фалькона, на Соборе папа Иннокентий II объявил об отлучении от Церкви кор. Сицилии Рожера II (1130–1154), поддерживавшего Анаклета II, и всех его сторонников (*Falcone di Benevento. 1998. P. 214*). Согласно хронике аббата Морины, в речи на открытии Л. С. Иннокентий II выдвинул обвинения против кардиналов — бывших сторонников Анаклета II (с к-рыми папа ранее примирился и вступил в общение) и публично лишил их знаков достоинства: посохов, палиев и перстней (*La chronique de Morigny. 1912. P. 74*). Более вероятно, однако, что это могло иметь место лишь в конце работы Собора, 12 апр. (*Schmale. 1999. Sp. 1140*). Иннокентий II ранее обещал сохранить за примирившимися с ним сторонниками Анаклета II все их должности и имущество, что вызвало возмущение католич. св. Бернарда Клервоского, сыгравшего важную роль в прекращении схизмы. Уже после

Собора он в послании Иннокентия II в резкой форме осудил его действия (*S. Bernardi Opera* / Ed. J. Leclercq, C. H. Talbot, H. M. Rochais. R., 1977. Vol. 8. P. 73).

Как и на др. Соборах этого времени, на Л. С. были рассмотрены споры о церковной юрисдикции и имуществе, в т. ч. тяжбы между аббатами Сен-Бертен и *Клюни* и дела о владениях мон-ря святых Андрея и Григория в Риме. Ульгер, еп. Анже (1125–1148), представил Собору иск Матильды († 1167), дочери англ. кор. Генриха I (1100–1135) и жены Гальфрида Плантагенета, гр. Анжу (1129–1151). Она обвиняла своего двоюродного брата Стефана (король Англии в 1135–1154) в незаконном захвате англ. престола. Однако папа Иннокентий II, ранее уже признавший Стефана законным монархом, отказался рассматривать претензии Матильды (*John of Salisbury. Historia pontificalis* / Ed., transl. M. Chibnall. Oxf., 1986. P. 84–85; *Letters and Charters of Gilbert Foliot* / Ed. A. Morey, C. Brooke. Camb., 1965. P. 65–66). На Л. С. состоялась торжественная канонизация Стурмия (Стурма), аббата мон-ря Фульда († 779) (*Innocentius II, papa. Epistolae et privilegia. 392 // PL. 179. Col. 450; Jaffé. RPR. N 8007*).

По-видимому, Л. С. рассмотрел также нек-рые вопросы, касавшиеся церковных дел на Ближ. Востоке: спор между лат. патриархами Иерусалима и Антиохии о юрисдикции над Тиром, отношения с армянами, яковитами и маронитами (*Foreville. Latran. 1965. P. 79–83; также см.: Hiestand R. The Papacy and the Second Crusade // The Second Crusade: Scope and Consequences* / Ed. J. Phillips, M. Hoch. Manchester, 2001. P. 33–34). Встречающееся в лит-ре утверждение (впервые — в сер. XVI в. у итал. историка О. Панвинио), что Л. С. принял постановление, определявшее порядок выборов папы Римского исключительно кардиналами, не соответствует действительности.

Л. С. получил неоднозначную оценку современников. Нормандский хронист Ордерик Виталий и Герхох Райхерсбергский скептически оценивали его итоги, отмечая, что большинство соборных постановлений не выполнялось на практике. *Грациан* включил в «Декрет» (вероятно, уже после завершения основной части работы) материал 18 из 30 канон Л. С. Вместе с тем, как и в слу-

чае с I Латеранским Собором, *Грациан* практически везде указал в качестве источника не Л. С., а папу Иннокентия II. К. Пеннингтон, ссылаясь на традицию переподтверждать решения предыдущих Соборов, полагает, что *Грациан* использовал текстуально близкие постановления др. Собора, проведенного папой Иннокентием II (см.: *Pennington. 2014. P. 682–688*). Канон 29 (о запрете использования луков и арбалетов) вошел в состав *Декреталий Григория IX* (1234) (*Liber Extra. V 15. 1*; неверно атрибутирован папе Иннокентию III; см.: *Duggan. 2008. P. 332*).

В источниках XII в. Л. С., как и др. Соборы того времени, назывался «всеобщим Собором» (*consilium generale*) — в средние века так могло обозначаться любое крупное собрание духовенства под председательством папы Римского или даже без его участия (*Larson. 2007*). В XIII в. «вторым Латеранским Собором» чаще всего назывался Собор 1215 г., т. е. *Латеранский IV Собор* (*Cheney. 1973*). Особый статус Л. С., как и ряду др. Соборов XII–XIII вв., католич. богословы и канонисты стали приписывать лишь в раннее Новое время. В изданной в 1477 г. «Сумме теологии» католич. св. Антонио Пьероцци, архиеп. Флоренции († 1459), приведен перечень 48 «всеобщих Соборов», где среди прочих был назван и Л. С. Практика составления ретроспективных перечней вселенских Соборов получила распространение во 2-й пол. XVI в. в связи со спорами о статусе *Тридентского Собора* (1545–1563) и его решений. Впервые обозначил Л. С. как X вселенский Собор католич. Церкви франц. эрудит Арно де Понтак, еп. Базаса († 1605), в составленном им списке Соборов в соч. «Хронография» (Р., 1567). Трудом созданной в 1595 г. в Риме Конгрегации по изданию актов Соборов (*Congregatio super editione conciliorum generalium*) в 1608–1612 гг. было опубликовано собрание материалов Соборов (в т. ч. и Л. С.), признаваемых Римско-католической Церковью вселенскими (т. н. *Editio Romana*). *Ист.: Mansi. T. 21. Col. 523–546; PL. 179. Col. 21–674; Jaffé. RPR. T. 1. P. 878–889; LP. Vol. 2. P. 379–385; Gerhohi praepositi Reichersbergensis Libellus de ordine donorum S. Spiritus // MGH. Lib. 1897. T. 3. P. 273–304; La chronique de Morigny (1095–1152) / Ed. L. Mirot. P., 1912. P. 71–74; Ottonis episcopi Frisingensis Chronica sive Historia de duabus civitatibus VII 23 // MGH. Script. Ser. Germ. 1912. T. 45. P. 347; COD. P. 190–194; The Ecclesiastical History of *Orderic Vitalis* / Ed. M. Chibnall. Oxf., 1978.*

T. 6. P. 529–531; *Falcone di Benevento. Chronicon Beneventanum: Città e feudi nell'Italia dei Normanni* / A cura di E. D'Angelo. Firenze, 1998. P. 214; CCCOGD. 2013. Vol. 2. Pars 1. P. 95–114.

*Лит.: Hefele, Leclercq. Hist. des Conciles. T. 5. Pars 1. P. 721–738; Vermet F. Latran (IIe concile œcumenique du) // DTC. Vol. 8. Col. 2637–2644; Leonardi C. Per la tradizione dei concili di Ardera, lateranensi I–II, e Tolosa // BISI. 1963. Vol. 75. P. 57–70; Foreville R. Latran I, II, III et Latran IV. P., 1965; eadem. Procédure et débats dans les conciles médiévaux du Latran (1123–1215) // RSChIt. 1965. Vol. 19. P. 21–37; eadem. Le problème de l'union des Églises dans la perspective des conciles du Latran // L'Année canonique. P., 1968. T. 12. P. 11–29; Cheney C. R. The Numbering of the Lateran Councils of 1179 and 1215 // *Idem. Medieval Texts and Studies. Oxf., 1973. P. 203–208; De Palo M. Per la tradizione manoscritta del II Concilio Lateranense (1139) // Annali dell'Università di Lecce: Facoltà di lettere e filosofia. 1981. Vol. 7/10. P. 331–336; Sieben H. J. Lateransynoden // TRE. 1990. Bd. 20. S. 481–489; Schmale F.-J. Laterankonzil, 2. // LexMA. 1999. Bd. 5. Sp. 1740–1741; Larson A. A. Early Stages of Gratian's Decretum and the Second Lateran Council: A Reconsideration // *Bull. of Medieval Canon Law. N. S. R., 2007. Vol. 27. P. 21–56; Duggan A. J. Conciliar Law 1123–1215: The Legislation of the Four Lateran Councils // The History of Medieval Canon Law in the Classical Period, 1140–1234 / Ed. W. Hartmann, K. Pennington. Wash., 2008. P. 318–366; Pennington K. The Biography of Gratian, the Father of Canon Law // *Villanova Law Review. 2014. Vol. 4. P. 679–706.****

С. Г. Мереминский

ЛАТЕРАНСКИЙ III СОБОР (март 1179), Собор Римско-католической Церкви, в католич. традиции признается XI вселенским Собором; созван папой Римским *Александром III* (1159–1181). Поводом к созыву Л. С. стало завершение длительной схизмы в католической Церкви, когда Александру III последовательно противостояли антипапы *Виктор IV* (V) (1159–1164), *Пасхалий III* (1164–1168) и *Каллист III* (1168–1178), поддержку к-рым оказывал имп. *Фридрих I Барбаросса* (1155–1190). После 5-го похода императора в Италию, закончившегося его поражением от войск Ломбардской лиги в битве при Леньяно (29 мая 1176), Фридрих Барбаросса начал переговоры с папой Александром III и его союзниками. Заключив мир в Венеции (июль 1177), Фридрих Барбаросса признал Александра III законным папой Римским и прекратил оказывать поддержку *Каллисту III*. Герм. епископы отказались от паллиев, полученных от «имперских антипап». В марте 1178 г. папа Александр III при поддержке имп. войск вступил в Рим, 29 авг.

того же года Каллист III отрекся от Папского престола. Вскоре после этого Александр III направил в европ. страны легатов с приглашениями на Собор, намеченный на 1-е воскресенье Великого поста следующего года (18 февр. 1179). Сохранились папские послания, датированные 21 сент. 1178 г. и адресованные прелатам Тосканы, Венгрии и архиеп-ства Бурж (PL. 200. Col. 1184–1185).

Акты Л. С. не сохранились; ход Собора можно реконструировать лишь приблизительно на основе имеющихся источников. Присутствовавший на Соборе Вильгельм, архиеп. Тирский (1175–1186), включил краткое сообщение о Л. С. в свою «Хронику» (*Willelmi Tyrensis Chronicon*. 1986. P. 997–998). «По просьбе святых отцов», принимавших участие в Соборе, он также составил акты и список участников Л. С. Копия этого труда находилась в архиве Тирского архиеп-ства (до наст. времени не сохр.). Клирик Вальтер Ман († 1209/10), один из представителей на Соборе англ. кор. Генриха II (1154–1189), включил воспоминания о Л. С. в соч. «О забавах придворных» (*Walter Map*. 1983). О Соборе упоминается в хрониках Альберта из Штаде (MGH. SS. T. 16. P. 348–349), Арнольда Любекского (MGH. SS. T. 21. P. 132), Роджера из Ховедена (*Gesta regis Henrici secundi*. 1867. P. 222–238; *Chronica magistri Rogeri de Houedene*. 1869. P. 173–189), Гервасия Кентерберийского (*Gervase of Canterbury*. 1879. P. 278–292), Вильгельма Ньюбургского (*William of Newburgh*. 1884. P. 206–223), Радольфа из Дицето (*Radulfi de Diceto*. 1876. P. 430), Матвея Парижского (*Matthaei Parisiensis*. 1866. P. 411–414), в трактате Петра Кантора «Сокращенное слово» (PL. 205. Col. 158, 235) и др.

Существует предположение, что литургические церемонии, сопровождавшие Л. С., нашли отражение в «Ordo Romanus qualiter concilium agatur» из рим. понтификала XII в. (*Andrieu M. Le Pontifical Romain au Moyen-Âge*. Vat., 1938. P. 255–260. (ST; 86); также см.: *Foreville*. 1965. P. 195–199). Согласно этому чину, торжественное открытие Собора включало особые молитвы, чтение Евангелия, пение гимна «Veni Creator Spiritus». Председательствующий епископ лично читал проповедь либо поручал это др. клирику. Сохранился текст проповеди, произ-

несенной на открытии Л. С. Ее основные темы — восхваление Рима (сравнивается с «городом солнца» из Ис 19. 18) и примат папы Римского, прежде всего над патриархами Антиохии, Александрии, «Византия» и Иерусалима. Только папа Римский «имеет власть созывать всеобщий Собор (*concilium uniuersale colligere*), издавать новые каноны и отменять старые» (*Morin*. 1928). Долгое время считалось, что автором этой проповеди был известный декретист Руфин, еп. Ассиизи († ок. 1190), однако в наст. время эта т. зр. опровергнута (*Deutinger R. The Decretist Rufinus: A Well-known Person? // Bull. of Medieval Canon Law*. N. S. R., 1999. Vol. 23. P. 10–15).

Торжественное открытие Л. С. состоялось, вероятно, 4 марта 1179 г. (3-е воскресенье Великого поста); 3 сессии Собора прошли 5, 7 (или 14) и 19 (или 22) марта. В ходе заключительной сессии были приняты каноны, в значительной части, по-видимому, подготовленные еще до Собора опытными юристами из окружения папы Александра III. Во время 2-й сессии в кардинальское достоинство были возведены Вильгельм Шампанский, архиеп. Реймса (1176–1202), и Генрих де Марси, аббат Клерво († 1189).

Данные о количестве епископов, присутствовавших на Л. С., в источниках разнятся (от 280 до 600 чел.). Сохранились 2 неполных перечня участников Собора (*Mansi*. T. 22. Col. 213–217, 458–468), возможно, основанные на записях архиеп. Вильгельма Тирского; в общей сложности в них названо ок. 300 прелатов — патриархов, архиепископов и епископов. Абсолютное большинство участников Л. С. представляли Италию, 36 епископов — Францию, 19 — страны Пиренейского п-ова, 17 — герм. земли, 7 — Англию, 6 — Ирландию, по 1 — Шотландию, Скандинавию, Венгрию. С Ближ. Востока на Л. С. прибыли лат. архиепископы Вильгельм Тирский и Ираклий Кесарийский (ок. 1175–1180, патриарх Иерусалимский в 1180–1190/91), епископы Акры, Триполи, Севастии, Вифлеема и Габалы (совр. Джебла, Сирия), а также представитель патриарха Иерусалимского Петр, приор храма Гроба Господня. На Соборе присутствовало значительное число настоятелей мон-рей, клириков и мирян. В лит-ре встречается утверждение, что среди участников Л. С.

был представитель визант. имп. *Мануила I Комнина* (1143–1180) Нектарий, архимандрит греч. мон-ря св. Николая в Казоле близ г. Отранто в Апулии (*Foreville*. 1968. P. 19–21; *Успенский Ф. И. История Визант. империи*. М., 1997. Т. 3. С. 189; *Aubert*. 2008. Col. 909). Это предположение основано на изложенной в «Церковных анналах» кард. Цезаря Барония интерпретации 2 писем некоего Георгия, митр. Керкирского, настоятелю мон-ря св. Николая в Казоле Нектарию (см.: *Mansi*. T. 22. Col. 237–238). В действительности эти письма датируются XIII в. и принадлежат перу митр. Керкирского *Георгия Вардана* († после 1237 или 1238). Речь в них идет о переговорах с католиками игум. Николая (Нектария) Отрантского в 1232 г. (*Васильевский В. Г. Обновление болг. патриаршества при царе Иоанне Асене II в 1235 г. // ЖМНП*. 1885. Ч. 238. Апр. С. 224–233; также см.: *Турилов А. А., Ломидзе Е. М. Неизвестный памятник греко-лат. полемики XIII в. в болг. рукописи XIV в.: (Отрывки сочинения Иоанна Грассо о собеседовании Николая-Нектария Отрантского с римским папой) // Византийские очерки*. М., 1996. С. 245–257). Т. о., нет свидетельств участия в Л. С. православных.

На Л. С. были приняты 27 канонов (в нек-рых рукописях указаны 28, т. к. последний канон иногда бывает представлен как 2 самостоятельных). Часть канонов повторяла решения предшествующих Соборов, прежде всего *Латеранского II Собора* (апр. 1139), Реймского Собора (1148) и созванного Александром III в начале понтификата Турского Собора (1163). В связи с большим числом рукописей (более 50) история текста канонов Л. С. изучена не до конца. Порядок канонов в различных списках существенно варьируется; по-видимому, офиц. текста постановлений не существовало или во всяком случае наряду с ним бытовали и другие версии, составленные участниками Собора (*Summerlin*. 2014). Впервые каноны Л. С. опубликовал нидерланд. историк-францисканец П. Краббе, использовавший несохранившуюся рукопись (*Secundus tomus conciliorum omnium tam generalium quam particularium. Coloniae Agrippinae, 1551*). Версия канонов, опубликованная в офиц. издании (т. н. *Editio Romana*) «Вселенские Соборы католической Цер-

кви» (Concilia Generalia Ecclesiae Catholicae / Ed. A. Carafa e. a. R., 1612. Т. 4), послужила основой для большинства последующих публикаций. Критическое издание канонов Л. С. подготовил в 1952 г. нем. историк В. Герольд в диссертации, к-рая осталась неопубликованной (краткие выводы см.: *Kuttner*. 1957). Этот текст положен в основу новейшего издания канонов Л. С. (CCCOGD. 2013. P. 127–147).

Важнейшие постановления Л. С. относились к занятию церковных должностей, в т. ч. к выборам папы Римского (канон 1). Чтобы предотвратить новые схизмы, устанавливалось правило, по которому для избрания нового папы требовалось $\frac{2}{3}$ голосов всех выборщиков-кардиналов (а не только кардиналов-епископов, как это было в декрете папы Николая II (1059)). С некоторыми изменениями это постановление служит основой выборов папы Римского до наст. времени. Нарушители этого порядка подлежали отлучению от Церкви. Выборы на др. епископские кафедры должны были совершаться «большой и более здоровой частью» (*maior et sanior pars*; в нек-рых рукописях — *maior et senior pars*, т. е. «большой и старшей частью») клира. Канон 3 устанавливал требования к кандидатам на церковные должности: зрелый возраст (не менее 30 лет для епископа, 25 лет — для любого др. поста, связанного с пастырскими обязанностями), серьезный характер (*magnum gravitas*) и образование (*scientia litterarum*), в т. ч. знание лат. языка. Кандидаты в епископы должны были быть законнорожденными. Всем назначенным лицам в срок, определенный канонами, надлежало принять рукоположение в сан, соответствующий их должности; архидиаконы должны быть рукоположены в сан диакона, а деканы — в сан пресвитера. В случае если епископ совершал рукоположение пресвитера или диакона, не предоставляя бенефиция (*sine certo titulo*), он обязан был содержать тех, кто не имели иных источников существования, за собственный счет (канон 5). Запрещалась практика обещать бенефиций до того, как он станет вакантным по причине смерти держателя (канон 8). Епископы, а если они не сделают, то соборные каноники, должны были совершить назначение или провести выборы на вакантный пост

в течение 6 месяцев, иначе они теряли это право.

Ряд постановлений Л. С. был посвящен упорядочиванию жизни католич. духовенства в русле идей *григорианской реформы*. Настаивая на соблюдении *целибата*, Л. С. запрещал клирикам сожительствовать с женщинами под угрозой лишения бенефициев. Виновные в содомии клирики подлежали *извержению из сана* или покаянию в мон-ре, миряне — отлучению от Церкви. Клирикам запрещалось без необходимости посещать жен. обители (канон 11). Священнослужителям и монашествующим запрещалось заниматься оказанием юридических услуг (в качестве адвокатов, прокуроров и т. п.) светским правителям в светских судах; в таких судах клирики могли выступать только как защитники интересов своих церквей, а также как представители бедных (канон 12). Приходским священникам предписывалось постоянно жить при своих церквях, запрещалось одновременное держание неск. бенефициев (канон 13). Запрещалось отчуждение церковного имущества и назначение за деньги на должности сельских деканов (канон 15).

Рядом постановлений утверждались новые принципы церковного управления. Решения «большой и более здоровой части» (*maior et sanior pars*) капитула должны были исполняться независимо от возражений меньшинства или «дурных обычаев», противоречивших разуму или нормам канонического права (*nec ratione iuvantur nec sacris congruunt institutis*) (канон 16). При соборах, а также при других храмах и мон-рях надлежало организовать бесплатные школы для клириков и «бедных школяров» (*scholares pauperes*). Главе школы (магистру) предписывалось выделить особую пребенду. Запрещалось брать плату за разрешение на преподавание (*licentia docendi*) или препятствовать достойным кандидатам, имеющим такое разрешение, вести преподавательскую деятельность (канон 18). Общины прокаженных могли иметь собственные храмы и содержать клириков, если это не ущемляло прав приходского священника. Такие общины освобождались от уплаты десятины со своих садов и пастбищ со стадами (канон 23).

Заметное место в постановлениях Л. С. занимали меры, направленные

против злоупотреблений со стороны высшего клира. Чтобы ограничить траты приходских священников и монашеских обителей, устанавливалось, что во время визитаций в свите архиепископа не должно быть больше 40–50 лошадей, кардинала — 20–25, епископа — 20–30, архидиакона — 5–7, декана — 2 лошадей. Прелатам запрещалось иметь при себе охотничьих собак и птиц, требовать устройства пышных пиров, облагать подчиненное духовенство сборами и податями (канон 4). Повторялся запрет взимать плату за назначения на церковные должности, за совершение церковных таинств и обряда погребения (канон 7). Мон-ри не имели права требовать плату с желавших стать монахами (канон 10). Вместе с тем осуждались привилегии *тамплиеров*, госпитальеров (см. *Мальтийский орден*) и др. орденов, ущемлявшие права епископов. Подтверждалось, что все назначения в диоцезе должны совершаться с согласия епископа (канон 9). Осуждались злоупотребления светским патронатом над церквями (каноны 14, 17). Провозглашались освобождение клириков от светских податей, их иммунитет перед светским судом, запрет на получение десятины мирянами, к-рые не имели также права распоряжаться церковными должностями и бенефициями (каноны 14, 19). Нарушителям этих постановлений грозили отлучение от Церкви и отказ в христ. погребении. Вместе с тем прелатам запрещалось злоупотреблять полномочиями: отлучать от Церкви или отстранять от должности без канонического предупреждения; им следовало уважать право осужденных на апелляцию к вышестоящей инстанции; вместе с тем предписывалось не злоупотреблять правом апелляции (канон 6).

Большая группа постановлений Л. С. посвящена светским социальным и политическим вопросам. Вслед за II Латеранским Собором запрещались рыцарские турниры (канон 20), подтверждались «Божие перемирие» — запрет на боевые действия на Рождество (от начала *Адвента* до октавы праздника Богоявления, 13 янв.), на Пасху (от начала *Великого поста* до *Антипасхи*) и в течение года с заката среды до восхода понедельника (канон 21) — и неприкосновенность служителей Церкви, *конверсов* (братьев-мирян), паломников, купцов и крестьян; сеньорам

без санкции государя запрещалось собирать новые подати, увеличивать их размер (канон 22), осуждалось ростовщичество (канон 25). Церковному отлучению и конфискации имущества подлежали христиане, служившие на мусульм. кораблях; запрещалась продажа мусульманам (сарацинам) оружия или материалов для его изготовления (канон 24). Христианам запрещалось поступать в услужение к евреям или мусульманам; уточнялось, что свидетельство христиан на суде должно быть всегда весомее свидетельства иудея. Однако евреям, принявшим христианство, гарантировалась сохранность имущества, а светским властям надлежало обеспечить соблюдение их наследственных прав в евр. общинах (канон 26). Заключительный, 27-й канон Собора направлен против южнофранц. еретиков: *катаров*, *патаренов*, публиканов и др. Еретики и их защитники подлежали анафеме. Собор обратился с призывом к светским властям заняться искоренением ереси; всем участникам войны против еретиков, как и крестоносцам, было обещано покровительство Церкви. Также осуждались наемные солдаты и разбойники, разорявшие церкви и мон-ри и причинявшие урон мирным жителям. Это решение Л. С. стало 1-м известным примером объявления крестового похода против внутренних, а не внешних врагов.

Все рукоположения и назначения, совершённые антипапами Виктором IV (V), Пасхалием III и Каллистом III, объявлялись недействительными (канон 2). Однако папа Александр III не стал применять к схизматикам столь же суровые меры, как это сделал Иннокентий II на II Латеранском Соборе применительно к лицам, рукоположенным антипапой Анаклетом II. Нем. епископы, покаявшись и присягнув Александру III, сохранили свои кафедры. Все архиепископы получили паллии, за исключением Бертольда Бременского (1178–1179), который, как выяснилось, не был рукоположен в сан пресвитера; его отстранили от должности.

Как сообщает Вальтер Мап, на Собор прибыли представители *вальденсов*, надеявшиеся получить у папы Римского одобрение и поддержку своей проповеднической деятельности. Папа Александр III не осудил их как еретиков, но по причине их

невежества в богословских вопросах поставил их общины под контроль местных церковных властей.

Как и др. католич. Соборы XI–XII вв., Л. С. стал местом рассмотрения ряда церковных тяжб, хотя в большинстве случаев неясно, где именно проходили слушания: на общем заседании Собора или в Римской курии.

Важным событием стало рассмотрение на Л. С. христологического учения парижского богослова *Петра Ломбардского* († 1160), утверждавшего вслед за *Гильбертом Порретанским* и Петром *Абеляром*, что человеческая природа Христа была всего лишь «одеванием» (*habitus*), в к-рое облеклось Слово. Это утверждение его критики объявили нигилианизмом — учением о том, что Иисус Христос по Своей человеческой природе был «ничто», а Его сущностное бытие заключало в себе только Божественность. Учение Петра Ломбардского рассматривалось еще на Турском Соборе (1163), который не вынес определенного суждения по этому поводу. Еще в 1170 г. папа Римский Александр III критиковал Петра Ломбардского в письме Вильгельму Шампанскому, архиеп. Санса (1169–1176, с 1176 архиепископ Реймса), а перед Л. С. поручил богослову Иоанну Корнуоллскому († ок. 1198), бывш. ученику Петра Ломбардского, изучить этот вопрос. Иоанн, изложивший аргументы против Петра Ломбардского в трактате «Евлогий» (*Eulogium*; PL. 199. Col. 1043–1086; см.: *Haring N. M. The «Eulogium ad Alexandrum Papam tertium» of John of Cornwall // Mediaeval Studies. 1951. Vol. 13. P. 253–300*), рекомендовал Собору осудить его учение. Папа Александр III поддержал это решение. Однако присутствовавший на Соборе др. ученик Петра Ломбардского, Адам, еп. Сент-Асафа (1175–1181), убедил неск. епископов и кардиналов выступить с ходатайством в защиту Петра Ломбардского; в итоге формальное осуждение не состоялось. Наиболее подробно обстоятельства дела описал Вальтер Сен-Викторский в трактате «Против четырех французских лабиринтов» (*Gualterus de Sancto Victore. 1952. P. 246–249*). Позднее *Латеранский IV Собор* (1215) одобрил учение Петра Ломбардского.

Постановления Л. С. оказали заметное влияние на развитие канонического права Римско-католичес-

кой Церкви; они нашли отражение в решениях ряда провинциальных Соборов: в Руане (1190), Монпелье (1195), Вестминстере (1200) и в соборных постановлениях, принятых под влиянием таких епископов-реформаторов, как Эд де Сюлли, еп. Парижский (1197–1208), и Стефан *Лантон*, архиеп. Кентерберийский (1207–1228), а также продвигались папскими легатами Робером де Курсоном (Соборы в Париже (1213), Руане (февр. 1214), Бордо (июнь 1214)) и Петром Беневентским (Собор в Монпелье (январь 1215)) (*Duggan. 2008. P. 339–340*). Большая часть канонов Л. С. была утверждена на IV Латеранском Соборе. Но основным каналом рецепции декретов Л. С. стали многочисленные компендиумы по каноническому праву, создававшиеся в кон. XII в. Исследователи насчитывают более 20 подобных сборников, в к-рые полностью вошли каноны Л. С. (*Duggan. 2012. P. 411–416*). Особое место среди них занимает созданный в Англии «*Appendix Concilii Lateranensis*», сыгравший важную роль в развитии *декретального права*. Все каноны Л. С. полностью либо частично вошли в состав «*Compilatio prima*» Бернарда Павийского (1190/91), а затем *Декреталий Григория IX* (1234) и оставались частью действующего права Римско-католической Церкви до издания *Codex juris canonici* (1917). Текст канонов Л. С. был включен в нек-рые исторические сочинения: «Деяния короля Генриха I» и «Хроника» Роджера из Ховедена, «Хроника» Гервасия Кентерберийского, «Английскую историю» Вильгельма Ньюбургского. Соборные постановления нашли отражение в сочинениях богословов кон. XII — нач. XIII в.: *Петра Кантора*, *Алана Лилльского*, Петра из Пуатье и др.

Вероятно, уже современники рассматривали Л. С. как собрание, превосходящее по своему масштабу и значению предшествующие Соборы XI–XII вв. В источниках XIII в. он назывался «первым Латеранским Собором», а «вторым Латеранским Собором» считался Собор 1215 г. (по совр. нумерации — IV Латеранский Собор) (*Cheney. 1973*). Однако особый статус Л. С., как и ряду др. Соборов католической Церкви XII–XIII вв., католич. богословы и канонисты стали приписывать лишь в раннее Новое время. Как вселенский Собор католич. Церкви рас-

смагивали Л. С. католич. св. Антонино Пьероцци, архиеп. Флоренции († 1459), в соч. «Сумма теологии» (изд. в 1477) и кард. Доменико Джакобацци († 1528) в «Трактате о Соборе» (изд. в 1538). Во 2-й пол. XVI в. в связи со спорами о статусе *Триденского Собора* (1545–1563) и его решений широкое распространение получила практика составления ретроспективных перечней Соборов. Франц. эрудит Арно де Понтак, еп. Базаса († 1605), в составленном им списке Соборов в соч. «Хронография» (Р., 1567) впервые обозначил Л. С. как XI вселенский Собор католич. Церкви. В 1595 г. в Риме была образована Конгрегация по изданию актов Соборов (*Congregatio super editione conciliorum generalium*), силами которой в 1608–1612 гг. было опубликовано собрание материалов Соборов (в т. ч. и Л. С.), признаваемых вселенскими Соборами Римско-католической Церкви (т. н. *Editio Romana*).

Ист.: *Mansi*. Т. 22. Col. 210–248; PL. 200. Col. 1184–1185; *Jaffé*. RPR. Т. 2. P. 339–341; *Albertus Stadensis*. *Annales* // MGH. SS. Т. 16. P. 348–349; *Arnoldus Lubecensis*. *Chronica Sclavorum* // MGH. SS. Т. 21. P. 132; *Matthaei Parisiensis*... *Historia Anglorum, sive... Historia minor* / Ed. F. Madden. L., 1866. Vol. 1. P. 411–414; *Gesta regis Henrici secundi Benedicti abbatis* / Ed. W. Stubbs. L., 1867. Vol. 1. P. 222–238; *Chronica magistri Rogeri de Houedene* / Ed. W. Stubbs. L., 1869. Vol. 2. P. 173–189; *Radulfi de Diceto decani Londoniensis Opera historica* / Ed. W. Stubbs. L., 1876. Vol. 1. P. 430; *Gervase of Canterbury*. *The Historical Works* / Ed. W. Stubbs. L., 1879. Vol. 1. P. 278–292; *William of Newburgh*. *Historia rerum Anglicarum* / Ed. R. G. Howlett // *Chronicles of the Reigns of Stephen, Henry II, and Richard I*. L., 1884. Vol. 1. P. 206–223; LP. Т. 2. P. 397–446; *Morin G.* *Le discours d'ouverture du concile général de Latran (1179) et l'œuvre littéraire de maître Rufin, évêque d'Assise* // *Atti della Pontificia academia romana di archeologia*. Ser. 3. *Memorie*. R., 1928. Т. 2. P. 113–133; *Gualterius de Sancto Victore*. *Contra quattuor Labyrinthos Franciae* / Ed. P. Glorieux // *AHDLMA*. 1952. Т. 19. P. 187–335; COD. P. 211–225; *Walter Map*. *De nugis curialium: Courtiers' Trifles* / Ed. M. R. James e. a. Oxf., 1983; *Willelmi Tyrensis archiepiscopi Chronicon* / Ed. R. B. C. Huygens. Turnhout, 1986. 2 vol. (CCCM; 63–63A); CCCOGD. 2013. Vol. 2. Pars 1. P. 115–148.

Лит.: *Hefele, Leclercq*. *Hist. des Conciles*. Т. 5. Pars 2. P. 1086–1112; *Vernet F.* *Latran (IIIe concile œcuménique du)* // *DTC*. Vol. 8. Col. 2644–2652; *Kuttner S.* *Concerning the Canons of the Third Lateran Council* // *Traditio*. N. Y., 1957. Vol. 13. P. 505–506; *Foreville R.* *Latran I, II, III et Latran IV*, P., 1965; *eadem*. *Le Problème de l'union des Églises dans la perspective des conciles du Latran* // *L'Année canonique*. P., 1968. Т. 12. P. 11–29; *Cheney C. R.* *The Numbering of the Lateran Councils of 1179 and 1215* // *Idem*. *Medieval Texts and Studies*. Oxf., 1973. P. 203–208; *Le IIIe concile de Latran (1179): Sa place dans l'histoire* / Dir. J. Longère. P., 1982; *Ap-*

pelt H. *Das Papstwahlordnung des III. Laterankonzils (1179)* // *Ecclesia peregrinans: J. Lenzenweger zum 70. Geburtstag*. W., 1986. P. 95–102; *Sieben H. J.* *Lateransynoden* // *TRE*. 1990. Bd. 20. S. 481–489; *Schmale F.-J.* *Laterankonzil, 3* // *LexMA*. Bd. 5. Sp. 1741–1742; *Aubert R.* *Latran (conciles du)* // *DHGE*. 2008. Т. 30. Col. 909–910; *Duggan A.* *Conciliar Law 1123–1215: The Legislation of the Four Lateran Councils* // *The History of Medieval Canon Law in the Classical Period, 1140–1234* / Ed. W. Hartmann, K. Pennington. Wash., 2008. P. 318–366; *eadem*. *Master of the Decretals: A Reassessment of Alexander III's Contribution to Canon Law* // *Pope Alexander III (1159–81): The Art of Survival* / Ed. P. D. Clarke, A. J. Duggan. Farnham, 2012. P. 365–418; *Engl R., Larson A.* *Ein unbeachtetes Zeugnis zum dritten Laterankonzil: Bernardo Maragones Annales Pisani* // *ZSRG.K*. 2011. Bd. 97. S. 357–368; *Blumenthal U.-R.* *Das Dritte Laterankonzil, seine Beschlüsse und die Rechtspraxis* // *Die Ordnung der Kommunikation und die Kommunikation der Ordnungen* / Hrsg. C. Andenna e. a. Stuttgart., 2013. Bd. 2. *Zentralität: Papsttum und Orden im Europa des 12. und 13. Jh.* S. 37–49; *Summerlin D.* *The Reception and Authority of Conciliar Canons in the Later-Twelfth Cent.: Alexander III's 1179 Lateran Canons and Their Manuscript Context* // *ZSRG.K*. 2014. Bd. 100. S. 112–131.

С. Г. Мереминский

ЛАТЕРАНСКИЙ IV СОБОР (11–30 нояб. 1215), Собор Римско-католической Церкви, в католич. традиции признаётся XII вселенским Собором; созван папой Римским *Иннокентием III* (1198–1216).

Подготовка Л. С. Папа Иннокентий III объявил о намерении созвать «всеобщий Собор в соответствии с прежним обычаем святых отцов» (*generale concilium juxta priscam sanctorum patrum consuetudinem*) в булле «*Vineam Domini Sabaoth*», опубликованной 19 апр. 1213 г. (PL. 216. Col. 823–827). Непосредственным поводом для созыва Собора могло стать успешное для папы Римского разрешение конфликта с кор. Англии Иоанном Безземельным (1199–1216). В нач. 1213 г. англ. послы в Риме согласились принять условия Иннокентия III, а король признал себя вассалом папы Римского. Однако, по мнению большинства исследователей, Иннокентий III намеревался созвать Собор еще с начала своего понтификата.

Согласно регистрам папской канцелярии, экземпляры буллы «*Vineam Domini Sabaoth*» были разосланы архиепископам, епископам и настоятелям мон-рей в Зап. и Центр. Европе, Иерусалимском королевстве, Латинской империи (как лат., так и греч. прелатам) и на о-ве Кипр, а также армянам (с 1198 они состояли в унии с Папским престолом; см. *Армянская*

Апостольская Церковь) и *маронитам*. Впервые приглашения на Собор получили также мн. светские правители, в т. ч. почти все европ. монархи (кроме Иоанна Безземельного, отлученного от Церкви), руководители монашеских и духовно-рыцарских орденов. Основными задачами Собора провозглашались организация крестового похода для освобождения Св. земли и реформирование Церкви (*ad recuperationem videlicet terrae sanctae ac reformationem universalis Ecclesiae*). Открытие Собора должно было состояться спустя 2 с половиной года после издания буллы – 1 нояб. 1215 г. Т. о., Иннокентий III нарушил сложившуюся в XI–XII вв. традицию созывать Соборы в Риме в период 40-дневного поста или на Пасху. В Римской курии началась подготовка проектов соборных постановлений (*Baldwin*. 1961).

Участники Л. С. Согласно краткому офиц. меморандуму, который, вероятно, распространялся среди участников и был включен во мн. хроники XIII в., на Л. С. прибыли 412 епископов, в т. ч. 71 примас и архиепископ (*primates et metropolitani*; см.: *Pixton*. 1995. P. 224–225). Среди участников Собора были лат. патриархи К-поля и Иерусалима (см. ст. *Латинские Патриархаты*). Антиохийский патриарх Петр Иврейский (1209–1217) из-за болезни не смог прибыть в Рим, его представлял епископ Тортозы (*misit pro se vicarium, Antheradensem episcopum*). В Соборе участвовал представитель правосл. (мелькитского) патриарха Александрии Николая I (1209/10 – ок. 1235 или 1243), стремившегося установить контакты с католиками; им был не названный по имени диакон, брат патриарха. Согласно меморандуму, на заседаниях Собора присутствовали более 800 настоятелей монастырей, представители императоров Свящ. Римской и Латинской империй, королей Франции, Англии, Венгрии, Сицилии, Иерусалимского королевства, Кипра, Арагона и др. Современные исследователи оценивают общее число участников Собора примерно в 1200 чел. (*Aubert*. 2008).

Подробный перечень присутствовавших на Соборе епископов, основанный, вероятно, на несохранившемся регистре корреспонденции за 18-й год понтификата Иннокентия III, был обнаружен в нач. XX в. А. Люшером (*Luchaire*. 1905; см.

также: Werner. 1906). Большинство епископов представляли Италию, однако в целом география участников Л. С. была значительно шире, чем у всех католич. Соборов XII в., а также позднейших Соборов вплоть до нач. XV в. Из Франции прибыли 67 прелатов, с Пиренейского п-ова — 26, с герм. земель — 21. Сравнительно небольшое представительство нем. прелатов объяснялось сложной политической ситуацией в Германии, где продолжалась борьба имп. Оттона IV из династии Вельфов (1209–1215) с королем Сицилии Фридрихом II Штауфеном (1197–1212; король Германии в 1212–1250; император в 1220–1250). С Британских о-вов прибыли 11 прелатов из Англии и Уэльса (включая архиепископов Кентерберри и Йорка), 4 — из Шотландии, 17 — из Ирландии (в т. ч. архиепископы Арма, Дублина, Кашела и Туама). Польщу представляли Гнезненский архиеп. Хенрик Кетлич (1199–1219) и 4 епископа, Венгерское королевство — архиепископы Эстергома, Калочи и Сплита и 8 епископов. По одному прелату прибыли из Чехии (Ондржей, еп. Пражский (1215–1224)) и Дании (вероятно, Андерс Сунесен, архиеп. Лундский (1201–1224)). В Соборе также участвовали представители новых миссионерских епархий в Балтийском регионе — Рижский еп. Альберт I (1209–1229) и еп. Эстляндии Теодорих (1211–1219). Из Палестины прибыли лат. патриарх Иерусалимский Рауль де Меренкур (1214–1225), архиепископ Тира, епископы Севастии и Вифлеема, а также маронитский патриарх Иеремия (1199–1230). По сообщению цистерцианского хрониста Альберика из Труа-Фонтена (сер. XIII в.), достоверность к-рого сомнительна, в Л. С. участвовал некий Иона из Суз, патриарх «сирийский» (Surianogum), якобы способствовавший распространению на Ближ. Востоке лат. богослужения (MGH. SS. T. 23. P. 886). С Кипра, находившегося с 1192 г. под властью франц. династии Лузиньянов, прибыли лат. епископы Никосии и Фамагусты. Более многочисленной была делегация прелатов Латинской империи, включавшая архиепископов Ираклии Фракийской, Фессалоники, Патр, Нов. Патр, Коринфа, Фив, Митилины и Афин, а также еще 8 епископов. Практически все они были выходцами из Зап. Европы. Об участии в Соборе греч.

епископов, в т. ч. признавших юрисдикцию лат. К-польского патриарха, надежных сведений нет (Andrea. 2005. P. 111–112). По-видимому, на Соборе не было и представителей Армянской Церкви.

Работа Л. С. Акты Собора не сохранились. Подробные сведения о ходе Собора содержатся в письме неизвестного нем. клирика (т. н. Гиссенский аноним; ркп.: Giessen. Universitätsbibl. 1105; см.: Kuttner, García y García. 1964), написанном в марте 1216 г. в Риме. Автор, участвовавший в Л. С., описал все 3 его сессии, обсуждение различных вопросов в промежутках между заседаниями, сопровождавшие работу Собора церемонии. Др. достаточно подробный рассказ о Л. С. содержится в «Хронике» сицилийского нотариуса Рикардо из Сан-Джермано, также очевидца Собора (Ryccardi de Sancto Germano notarii Chronica. 1938). Более краткие известия о Л. С., нередко основанные на офиц. меморандуме, включены во многие исторические сочинения XIII в.

Открытие Собора состоялось 11 ноября. На рассвете папа Иннокентий III совершил мессу в Латеранской базилике в присутствии высших прелатов, затем в храм были допущены др. представители духовенства и миряне. Все источники свидетельствуют о необычайном скоплении людей; некоторые авторы, хотя и не присутствовавшие на Л. С., утверждали, что из-за давки погибли неск. прелатов (Kuttner, García y García. 1964. P. 130–131). Папа Иннокентий III и кардиналы пропели гимн «Veni Creator Spiritus», после чего понтифик прочитал коллекту «Actiones nostras, quae sumus, Domine» и проповедь на евангельский стих «Очень желал Я есть с вами сию пасху» (Лк 22. 15; текст проповеди см.: PL. 217. Col. 673–680). Опираясь на этимологию евр. слова «пасха» («переход»), Иннокентий III говорил о «материальной» (поход для освобождения Св. земли от неверных), «духовной» (переход из греховного состояния к добродетели для реформирования Церкви) и «вечной» (переход от земной жизни к небесной славе) Пасхе. Затем Иерусалимский патриарх описал бедствия христиан в Палестине, а епископ Агда призвал окончательно искоренить ересь альбигойцев.

По сообщению Гиссенского анонима, на следующий день в Латеранском дворце рассматривался вопрос

о замещении К-польской Патриаршей кафедры, вакантной после смерти Томмазо Морозини (1204–1211) (см.: Kuttner, García y García. 1964. P. 124). После длительной дискуссии (multumque diuque sermo uertebatur) Иннокентий III утвердил избрание патриархом Гевасия, архиеп. Ираклии Фракийской. 13 нояб. в присутствии понтифика были изучены притязания архиепископа Толедо на статус примаса Испании (Пиренейского п-ова), против чего выступили архиепископы Сантьяго-де-Компостела, Браги, Нарбоны и епископ Вика, представлявший архиепископа Таррагоны (Ibid. P. 124, 136–138). В последующие дни шли переговоры о судьбе гр. Раймона (Раймунда) VI Тулузского (1194–1222), обвиненного в пособничестве еретикам-альбигойцам и лишившегося владений во время крестовых походов. Согласно вердикту Иннокентия III, вероятно объявленному уже на заключительной сессии Л. С. (30 нояб.), большинство бывш. владений Раймона VI получил лидер крестоносцев гр. Симон де Монфор († 1218). С Раймона VI были сняты обвинения в ереси; он получил ежегодную пенсию в 400 марок, а его сын Раймон VII (1197–1249) сохранил права на маркизат Прованс. В воскресенье (15 нояб.) состоялось торжественное освящение ц. Санта-Мария-ин-Трастевере, перестроенной еще в 30-х гг. XII в., при папе Иннокентии II. Гиссенский аноним красочно описал это событие, в т. ч. многолюдную процессию (Ibid. P. 125, 144–146). 18 нояб. в базилике св. Петра состоялись торжества по случаю католич. праздника освящения церковью апостолов Петра и Павла.

На 2-й сессии Л. С. (20 нояб.) рассматривался спор между имп. Оттоном IV и его противником Фридрихом II, к-рого большинство нем. князей в 1212 г. избрали королем Германии. Интересы Фридриха представляли Берард, архиеп. Палермо (1213–1252), и Вильгельм VI, маркиз Монферрата († 1226); интересы Оттона IV, с нояб. 1210 г. отлученного от Церкви за клятвopреступление, — миланские послы. В зачитанном перед Собором письме Оттон IV раскаивался в совершённых им прегрешениях и обещал, что в дальнейшем будет подчиняться папе Римскому. Иннокентий III склонялся на сторону Фридриха II, но из-за ссоры между миланцами и маркизом

Монферрата покинул заседание, оставив вопрос нерешенным.

Заключительная сессия Л. С. началась с утренней папской мессы в Латеранской базилике. После богослужения понтифик огласил Символ веры (включен в постановления Собора как 1-й канон) и осудил еретические учения *Иоахима Флорского* и *Амальрика Бенского* (канон 2). Эти постановления были поддержаны всеми присутствовавшими. Вероятно, Иннокентий III произнес также проповедь, но ее текст не сохранился (Ibid. P. 154). После этого обсуждались меры по организации крестового похода в Палестину. В связи с этим Иннокентий III обнародовал важные политические решения. Он объявил об отлучении от Церкви англ. баронов, восставших против кор. Иоанна Безземельного, к-рый признал себя вассалом папы и принес обет участвовать в крестовом походе на Св. землю. В то же время папа не стал снимать отлучение с Оттона IV и поддержал совершённое нем. князьями избрание кор. Фридриха II Штауфена. Затем Иннокентий III огласил подготовленные ранее 68 постановлений, к-рые были одобрены без обсуждения. В заключение вынесли частицу Св. Креста, привезенную из К-поля. Иннокентий III пропел гимн «Te Deum», произнес коллекту «Omnipotens sempiterna Deus» и, благословив присутствующих Св. Крестом, объявил о завершении Собора.

Постановления Собора включают 70 канонов, которые по объему и широте затрагиваемых вопросов намного превосходят решения католич. Соборов XI–XII вв. Совр. исследователи считают, что автором канона был сам Иннокентий III; об этом упоминали и нек-рые авторы XIII в. (см.: Duggan. 2008. P. 343–344).

Канон 1 с пространным изложением догматов Символа веры основан гл. обр. на идеях парижских богословов XII в., в особенности Петра Кантора († 1197), у к-рого буд. понтифик учился в 70-х гг. XII в. (Baldwin. 1997; Mews, Monagle. 2010). В этом каноне впервые в истории богословия было сформулировано и провозглашено учение о Церкви как о евхаристическом единстве верных и использовано понятие «пресуществление» (transsubstantiatio) применительно к Телу и Крови Христовым (подробнее см. ст. *Евхаристия*). Каноном 2 осуждался трактат Иоахима Флор-

ского о Троице, направленный против тринитарного учения *Петра Ломбардского* († 1160). Однако сам Иоахим Флорский избежал осуждения, т. к. некогда передал сочинение на рассмотрение в Римскую курию и неоднократно подтверждал свою приверженность учению католич. Церкви. Учение Петра Ломбардского было признано офиц. католич. доктриной. Тем же каноном осуждалось учение Амальрика Бенского, но содержание доктрины не раскрывалось. Канон 3 посвящен общим мерам по противодействию ереси. Отлучению от Церкви и анафеме подлежали все выступавшие против католич. вероучения, изложенного в предшествующих канонах. Светским властям предписывалось принимать меры против еретиков. Те, кто сражались против еретиков, пользовались теми же привилегиями, что и крестоносцы. Епископы, виновные в потворстве еретикам, подлежали смещению со своих кафедр. Этот канон в дальнейшем стал одним из юридических оснований *инквизиции*.

В канонах Л. С. затрагивались взаимоотношения с Православными Церквями. Строго осуждалась распространенная «среди греков» практика «очищения» (букв. — «омоления») алтарей, на к-рых служили по лат. обряду, и перекрещивания тех, кто были крещены католиками (канон 4). Провозглашался примат папы Римского как главы Вселенской Церкви, устанавливался иерархический порядок вост. Патриархатов: К-польский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Патриархи были обязаны присягнуть папе Римскому и получить от него *паллий* (канон 5).

Л. С. ввел или подтвердил меры, направленные на поддержание церковной дисциплины. На уровне церковных провинций и диоцезов следовало ежегодно созывать Соборы (канон 6). В юрисдикцию епископов было передано рассмотрение дел о преступлениях каноников (ранее такие дела решал капитул) (канон 7). Устанавливались процессуальные нормы расследования в случае обвинений католич. прелатов в уголовных преступлениях, влекущих за собой извержение из сана, и канонических нарушениях, получивших широкую огласку и послуживших соблазном пастве (канон 8). Для городов и областей с многона-

циональным населением допускалось назначение епископских викариев, к-рые могли осуществлять пастьоральную деятельность и проповедовать на разных языках (канон 9).

Ряд важных решений касался монашества. Всем орденам предписывалось по образцу *цистерцианцев* иметь генеральный капитул, созываемый раз в 3 года. Руководство орденов должно было организовывать регулярные визитации обителей и следить за поддержанием дисциплины (канон 12). Запрещалось создание новых монашеских орденов (канон 13). Несколько постановлений были посвящены урегулированию отношений между монахами и епископами (каноны 57–58, 60–61). В частности, аббатам запрещалось узурпировать права епископов: рассматривать дела, касающиеся брака, накладывать епитимью, издавать индальгенции (канон 60).

С целью реформирования Церкви предполагалось принять меры по активизации проповеднической и образовательной деятельности. Развивая постановление *Латеранского III Собора* (1179), Л. С. предписывал иметь учителей не только при каждом кафедральном соборе, но и при любой церкви, располагающей достаточными средствами. При архиепископских кафедрах следовало иметь теолога, магистра богословия, который бы наставлял пресвитеров и др. в Свящ. Писании (канон 11). Епископам предписывалось назначать помощников и заместителей, которые бы могли проповедовать и принимать исповедь (канон 10).

В борьбе против злоупотреблений среди духовенства Л. С. в основном повторял и уточнял постановления предшествующих Соборов начиная со времени *григорианской реформы* (каноны 14–17). Среди новых для католич. традиции предписаний — запрет клирикам на любые занятия, связанные с кровопролитием. Клирики не имели права выступать как писцы или секретари в судах, выносивших приговоры, связанные с пролитием крови, а также участвовать в боевых действиях и заниматься хирургией; принимать участие в *ордалиях* или благословлять их (канон 18). Это решение способствовало постепенному исчезновению ордалий из светского законодательства европ. стран. Подтверждались и дополнялись более ранние постановления против *симонии* (каноны 63–66).

Ряд канонов Л. С. был посвящен богослужебной практике и совершению таинств. Священникам следовало поддерживать в порядке храмы, литургические облачения и сосуды; запрещалось использовать церкви для хранения мирского имущества (канон 19). Особое внимание уделялось надлежащему (под замком) хранению *мира* и *гостей*, дабы защитить их от случайного осквернения и предостеречь их похищение и использование в колдовских ритуалах (канон 20). Всем верующим предписывалось не менее раза в год (на Пасху) исповедоваться и причащаться; священники были обязаны соблюдать тайну исповеди (канон 21). Врачам надлежало напоминать тяжелобольным о необходимости принести покаяние перед смертью (канон 22).

В регулировании избрания и назначения на церковные должности Л. С. в значительной мере основывался на постановлениях предшествующих Соборов, особенно III Латеранского Собора, включая запреты на вмешательство светских властей в выборы, держание одним лицом неск. бенефициев одновременно, наследование церковных должностей и др. (каноны 23–32).

Значительным новшеством стало включение в постановления Л. С. канонов, описывавших процедурные аспекты деятельности церковных судов (каноны 8, 35–42). В частности, запрещалось апеллировать к вышестоящей инстанции без достаточных оснований (канон 35). Следовало составлять письменные протоколы и хранить их в церковных судах (канон 38). Клирики не должны были под предлогом церковного иммунитета распространять церковную юрисдикцию в ущемление светского правосудия (канон 42).

В отношениях со светскими властями Собор запрещал принуждать клириков приносить присягу мирянам без должных оснований (канон 43). Светские государи не должны были узурпировать права Церкви (канон 44). Патрон-мирянин, который убивал священника или причинял ему увечье, терял право патроната; его потомки вплоть до 4-го колена не могли вступать в капитулы каноников и занимать руководящие должности в монашеских общинах без *диспенсации* (канон 45). Клириков нельзя было принуждать к уплате светских податей; за это

грозило церковное отлучение (канон 46). Вместе с тем запрещалось отлучать человека от Церкви без предварительного предупреждения и без достаточных оснований (канон 47), а также накладывать или снимать отлучение за деньги (канон 49).

В области регулирования брака Л. С. отчасти смягчил ранее существовавший запрет на брак между родственниками до 7-й степени родства, который было трудно соблюдать на практике. Отныне запрещались лишь браки между лицами, состоявшими в 4-й степени родства, т. е. имевшими общих прапрадеда или прапрабабку (канон 50). Осуждались тайные браки, дети от которых объявлялись незаконнорожденными. О браках необходимо было объявлять заранее, чтобы все заинтересованные лица имели возможность сообщить об имеющихся препятствиях (канон 51).

Ряд канонов Л. С. касался мер по упорядочиванию уплаты церковной десятины. Лицам, передававшим земельные владения нехристианам, чтобы не платить с них десятину, предписывалось ее платить под угрозой наказания (канон 53). Уплата десятины объявлялась приоритетной по сравнению со светскими налогами и податями (канон 54). Цистерцианцы и др. привилегированные монашеские ордены были обязаны платить десятину с земель, к-рые приобретут в будущем, если эти земли были обложены десятиной (канон 55). Запрещались любые соглашения, ущемлявшие права приходских священников на получение десятины (канон 56).

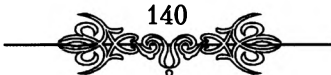
Заключительные каноны были связаны с отношениями между христианами и иноверцами. Евреям запрещалось предоставлять христианам займы под чрезмерно высокие проценты (канон 67). Евреи и мусульмане были обязаны носить особую одежду, им запрещалось появляться в общественных местах во время христ. постов и на Пасху, высмеивать христ. обряды (канон 68). Евреи не имели права занимать публичные должности (канон 69). Священникам предписывалось искоренять соблюдение евреями, принявшими христианство, прежних обрядов (канон 70).

В качестве приложения к постановлениям Л. С. в большинстве источников приводится посвященная организации крестового похода бул-

ла «Ad liberandam», часто обозначаемая как канон 71. В окончательной форме булла была опубликована лишь 14 дек. 1215 г. Участники крестового похода должны были собраться в Бриндизи и Мессине к 1 июня 1217 г. Им было обещано покровительство Церкви, ряд привилегий получали все, кто будут содействовать организации похода. Для финансирования экспедиции устанавливался 3-летний налог в размере 5% со всего церковного имущества; папа Римский и кардиналы обязались передать 10% своих доходов.

Значение Собора. Л. С., крупнейший Собор средневековья, имел принципиальное значение для регулирования церковного права и церковной жизни всей Европы. Решения Л. С. оказали глубокое влияние на различные стороны жизни католики. мира. Практически сразу они были включены в сборники *декретального права*: в составленный ок. 1216 г. в Болонье свод «*Complatio IV*», затем — в *Декреталии Григория IX*. Тогда же каноны стали использовать в преподавании канонического права в школах и ун-тах; каноны Л. С. нашли широкое отражение в руководствах для проповедников. К кон. 10-х гг. XIII в. аппараты глосс на каноны Л. С. составили *Иоанн Тевтон*, Винцентий Испанский, Дамас Венгерский, анонимные авторы сборников «*Casus Parisiensis*» и «*Casus Fuldenses*» (*Dugan*. 2008. P. 353–354).

Значение канонов Л. С. выходило за рамки юридических штудий. В последующие годы ряд Соборов в отдельных провинциях и диоцезах способствовал внедрению решений Л. С. в церковную жизнь большинства стран Европы. В Англии широкое распространение получили постановления Собора, созванного в Солсбери (между 1217 и 1219) еп. Ричардом Пуром (епископ Солсберийский в 1217–1228; епископ Даремский в 1229–1237), а также Собора церковной пров. Кентерберии, созданного архиеп. Стефаном *Лантоном* в аббатстве Озни близ Оксфорда (апр. 1222). В постановлениях Соборов содержалось прямое требование епископам обнаруживать каноны Л. С. в своих диоцезах и способствовать их претворению в жизнь. Подобным образом решения Л. С. стали обязательными во Франции, на герм. землях и на Пиренейском п-ове, в меньшей степени — в Вен-

герском королевстве и Польше (обзор провинциальных Соборов см.: *Duggan*. 2008. P. 355–366). Наибольшее значение имели постановления о регулярной исповеди и причащении, поддержании в порядке храмов, правилах избрания на церковные должности, об укреплении авторитета епископов, упорядочивании церковного судопроизводства, а также изложение католич. вероучения. Однако более радикальные и конкретные постановления Л. С., напр. централизация монашеских орденов, были реализованы не полностью или остались нереализованными (см. об этом на примере Германии: *Pixton*. 1995).

Экстраординарный масштаб Л. С. сознавали как современники, так и историки и юристы позднего средневековья. В постановлениях *Констанцского Собора* (1414–1418) Л. С. наряду с *Лионским II Собором* (1274) и *Вьенским Собором* (1311–1312) приравнивался к Вселенским Соборам Древней Церкви (*sancta osto* в католич. традиции). В «Хронике» Андрея Регенбургского (XV в.) Л. С. был назван IX вселенским Собором католич. Церкви. Такой же статус ему приписывали католич. св. Антонино Пьероцци, архиеп. Флоренции († 1459), в соч. «Сумма теологии» (изд. в 1477) и кард. Доменико Джакобаци († 1528) в «Трактате о Соборе» (изд. в 1538). Особенно широкое распространение практика составления ретроспективных перечней вселенских Соборов католич. Церкви получила у католич. исследователей и полемистов во 2-й пол. XVI в. в связи со спорами о статусе *Триентского Собора* (1545–1563) и его решений. Впервые Л. С. как XII вселенский Собор католич. Церкви обозначил франц. эрудит Арно де Понтак, еп. Базаса († 1605), в соч. «Хронография» (Р., 1567). В 1595 г. в Риме была образована Конгрегация по изданию актов Соборов (*Congregatio super editione conciliorum generalium*), усилиями к-рой в 1608–1612 гг. было опубликовано собрание материалов Соборов (в т. ч. и Л. С.), признаваемых Римско-католической Церковью вселенскими (т. н. *Editio Romana*).

Ист.: *Mansi*. T. 22. Col. 953–1086; PL. 216. Col. 823–832; *Constitutiones Concilii quarti Lateranensis una cum commentariis glossatorum* / Ed. A. García y García. Vat., 1981; *Conciliorum Oecumenicorum Generaliumque Decreta*. Turnhout, 2013. T. 2. Pars 1 / Ed. A. García y García et al. P. 115–148; *Pothast*. RPR. T. 1. N 5004–

5009; *Albericus monachus Trifontium*. Chronicon // MGH. SS. T. 23. P. 903–904; *Annales Melroenses* // Ibid. T. 27. P. 438; *Burchardus Urspergensis*. Chronicon // MGH. Scr. Rer. Germ. T. 16. P. 101–108, 111–112; *La chanson de la Croisade contre les Albigeois* / Éd. P. Meyer. P., 1875–1879. 2 t.; *Chronica regia Coloniensis* // MGH. Scr. Rer. Germ. T. 18. P. 237; *Chronicon S. Martini Turonensis* // MGH. SS. T. 26. P. 466–467; *Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani, Historia Anglorum, sive Historia minor* / Ed. F. Madden. L., 1886. Vol. 1. P. 414–417; Vol. 2. P. 161, 167–169; *Luchaire A. Un document retrouvé* // J. des savants. N. S. P., 1905. T. 3. P. 557–567; *Werner J. Nachlese aus Zürcher Handschriften*. I: Die Teilnehmerliste des Laterankonzils von Jahr 1215 // NA. 1906. Bd. 31. S. 577–592; *Ryccardi de Sancto Germano notarii Chronica* / Ed. C. A. Garufi. Bologna, 1938; *Kuttner S., García y García A. A New Eyewitness Account of the Fourth Lateran Council* // *Traditio*. 1964. Vol. 20. P. 115–178. Лит.: *Hefele, Leclercq*. Hist. des Conciles. T. 5. Pt. 2. P. 1316–1398; *Vernet F. Latran (VIe concile oecuménique du)* // DTC. T. 8. Col. 2652–2667; *Riviera J. F. Personajes hispanos asistentes en 1215 al IV concilio de Letrán* // *Hispania Sacra*. Madrid, 1951. T. 4. P. 335–355; *Baldwin J. W. The Intellectual Preparation for the Canon of 1215 against Ordeals* // *Speculum*. Camb. (Mass.), 1961. Vol. 36. P. 613–636; *idem*. Paris et Rome en 1215: Les réformes du IVe concile de Latran // J. des savants. 1997. N 1. P. 99–124; *Maccarrone M. Il IV concilio Lateranense* // *Divinitas*. R., 1961. Vol. 5. N 2. P. 270–298; *Foreville R. Latran I, II, III et Latran IV*. P., 1965; *eadem*. Le problème de l'union des Églises dans la perspective des conciles du Latran // *L'Année canonique*. P., 1968. T. 12. P. 11–29; *Cheney C. R. The Numbering of the Lateran Councils of 1179 and 1215* // *Idem*. *Medieval Texts and Studies*. Oxf., 1973. P. 203–208; *Inkamp W. Sermo ultimus quem fecit Dominus Innocentius papa tertius in Lateranensi Concilio generali* // RQS. 1975. Bd. 70. S. 149–179; *Bériou N. Autour de Latran IV (1215): La naissance de la confession moderne et sa diffusion* // *Pratiques de la confession: 15 études d'histoire*. P., 1983. P. 73–93; *Sieben H. J. Lateransynoden* // TRE. 1990. Bd. 20. S. 481–489; *Maleczek W. Laterankonzil*. 4. // *LexMA*. Bd. 5. Col. 1742–1744; *Fraher R. M. IV Lateran's Revolution in Criminal Procedure: The Birth of «Inquisitio», the End of Ordeals and Innocent III's Vision of Ecclesiastical Politics* // *Studia in Honorem Eminentissimi Card. A. M. Stickler*. R., 1992. P. 97–111; *Pixton P. B. The German Episcopacy and the Implementation of the Decrees of the Fourth Lateran Council, 1216–1245: Watchmen on the Tower*. Leiden, 1995; *Robb F. The Fourth Lateran Council's Definition of Trinitarian Orthodoxy* // *JEcclH*. 1997. Vol. 48. P. 22–43; *Melloni A. «Vineam Domini» – 10 April 1213: New Efforts and Traditional Topoi: Summoning Lateran IV* // *Pope Innocent III and His World* / Ed. J. C. Moore. Aldershot, 1999. P. 63–73; *Tanner N. P. Pastoral Care: The Fourth Lateran Council of 1215* // *A History of Pastoral Care* / Ed. G. R. Evans. L., 2000. P. 112–125; *García y García A. Las constituciones del concilio IV Lateranense de 1215* // *Innocenzo III: Urbs et orbs*. R., 2003. Vol. 1. P. 200–224; *Andrea A. J. Innocent III and the Byzantine Rite, 1198–1216* // *Urbs Capta: The Fourth Crusade and Its Consequences* / Ed. A. E. Laiou. P., 2005. P. 111–122; *Aubert R. Latran (conciles du)* // *DHGE*. 2008. T. 30. Col. 909–910; *Duggan A. Conciliar Law 1123–1215: The Legislation of the Four Lateran Councils* //

The History of Medieval Canon Law in the Classical Period, 1140–1234 / Ed. W. Hartmann, K. Pennington. Wash., 2008. P. 318–366; *Mews C., Monagle C. Peter Lombard, Joachim of Fiore, and the Fourth Lateran Council* // *Medioevo*. Padova, 2010. Vol. 35. P. 81–122.

С. Г. Мереминский

ЛАТЕРАНСКИЙ V СОБОР (3 мая 1512 – 16 марта 1517), Собор Римско-католической Церкви, в католич. традиции признаётся XVIII вселенским Собором; созван папой Римским Юлием II (1503–1513); последний Собор накануне церковного раскола, вызванного Реформацией и отделением протестантских церквей. Предыдущий *Ферраро-Флорентийский Собор* (1438–1445), провозгласивший унию Западной и Восточной Церквей, проходил параллельно с не признанным официально католич. Церковью *Базельским Собором* (1431–1449), участники к-рого пытались утвердить верховенство Соборов над властью Римского понтифика (см. *Соборное движение*). Л. С. должен был упрочить папскую власть, принять меры по осуществлению давно назревших преобразований католич. Церкви; одной из главных задач Собора стало противодействие папства усилению независимости местных церковных властей и давлению европ. монархов, к-рые вступили в конфликт из-за передела итал. территорий (Итальянские войны, 1494–1559). Политическое противостояние папы Римского и могущественных светских государей, ставшее одной из причин созыва Л. С., продолжалось примерно с XII в. Это была борьба за верховенство как в светских делах, на к-рые Папский престол влиял через систему вассальных отношений, а также благодаря своему авторитету, так и непосредственно в католич. Церкви, поскольку светские власти европ. стран постоянно вмешивались в церковные дела и, в частности, притязали на участие в распределении церковных бенефициев. Вместе с тем во 2-й пол. XV в. в Италии и за ее пределами среди мирян, монашества и духовенства в целом возникали инициативы, направленные на обновление церковной жизни (см. ст. *Контрреформация*). Так, в дек. 1511 г. испан. епископы на Соборе в Бургосе призвали к искоренению злоупотреблений и созыву вселенских Соборов раз в 5 лет. В 1513 г., во время заседаний Л. С., 2 монаха-камальдула — Томмазо Джустиниани и Винченцо

Кверини — передали папе Римскому *Льву X* (1513–1521) «Книжицу» (*Libellus*) с предложениями, касавшимися преобразований в католической Церкви и религ. просвещения, в частности перевода Евангелий на народные языки.

Предыстория созыва Л. С. На *Констанцском Соборе* (1414–1418), покончившем со *схизмой в католической Церкви*, было принято решение о регулярном, не реже чем раз в 10 лет, созыве вселенских Соборов католич. Церкви, но это постановление не выполнялось. Избранный в 1503 г. папа Римский Юлий II дал обещание в течение 2 лет созвать вселенский Собор, а также не вступать в военные действия, не получив согласия $\frac{2}{3}$ коллегии кардиналов. Однако на практике правление Юлия II было ознаменовано непрерывными войнами за церковные владения на севере Апеннинского п-ова; в ходе военного противостояния состав политических коалиций периодически менялся. В Италии противниками папы являлись герц-ство Феррарское и Венецианская республика, к-рая захватила некоторые земли, формально находившиеся под патронатом папы Римского, и ущемляла права Папского престола при раздаче бенефициев и в судебной практике.

Непосредственно предшествовавшие созыву Л. С. войны начались с создания в 1508 г. Камбрейской лиги, объединившей папу Римского Юлия II, франц. кор. Людовика XII, испан. кор. *Фердинанда V (II)* и имп. *Максимилиана I*. Деятельность лиги была направлена против расширения венецианских владений на континенте (террафермы). Поражение Венецианской республики при Аньяделло в мае 1509 г. привело к утрате ею значительной части террафермы и к усилению влияния Франции на Апеннинском п-ове, что определило резкий антифранц. поворот в политике папы.

Католич. Церковь во Франции со времен «Авиньонского пленения пап» пользовалась значительной автономией. В 1438 г. на ассамблее франц. духовенства в Бурже кор. Карлом VII была принята *Буржская Прагматическая санкция*, одобрявшая некоторые решения Базельского Собора, прежде всего приоритет церковных Соборов над властью папы Римского, и утвердившая независимость галликанской Церкви (см. *Галликанизм*),

в частности фактическое право французского короля назначать епископов в своих владениях. Папский престол не признавал законности Буржской Прагматической санкции; кроме того, папа Юлий II вынашивал планы избавить Италию от нашествия «варваров»-французов: ведя успешные военные действия, франц. короли претендовали на Неаполитанское королевство и герц-ство Миланское. Поэтому в 1510 г. в составе лиги произошли изменения: папа вступил в союз с Венецией, а Франция стала главным противником. В ответ кор. Людовик XII созвал в сент. 1510 г. в Туре Собор франц. духовенства, к-рый поддержал монарха в противостоянии папе Римскому и призвал к проведению вселенского Собора. В окт. 5 кардиналов покинули Рим и присоединились к участникам Турского Собора.

В янв. 1511 г. папа Юлий II лично отправился в действующую армию, однако папско-венецианские войска потерпели неск. крупных поражений. В мае французы во главе с перешедшим на их сторону кондотьером Дж. Дж. Тривульцио взяли Болонью, важнейший город в папских владениях. Тогда же несколько кардиналов, недовольных отказами Юлия II провести Собор для обсуждения необходимых церковных преобразований и поддержанных франц. кор. Людовиком XII и имп. Максимилианом I, объявили о созыве независимого от папы Собора в Пизе (см. *Пизанские Соборы*). Среди поддержавших созыв Пизанского Собора, как и среди тех, кто в посл. стали его участниками, преобладали сторонники идей концилиаризма: папе Римскому надлежало подчиняться решениям Собора католич. Церкви, а Собор имел право низлагать недостойного папу за определенные грехи или заблуждения. Вернувшись в Рим, папа Юлий II срочно принял ответные меры: еще до начала заседаний Пизанского Собора он в подписанной 18 июля и обнародованной 25 июля 1511 г. булле «*Sacrosanctae Romanae Ecclesiae*» объявил о созыве Л. С. (изд.: *Bulla monitorii et declarationis in cursu priuationis et aliarum penarum contra prelatos Gallicae nationis hic expressos: Qui interueniunt in Pisano conciliabulo cum scismaticis*. [R.], [1511]; *Bullarium Magnum Romanum*. 1860. Т. 5. P. 499–509; *Mansi*. Т. 32. Col. 681–690). Л. С. должен был начать работу 19 апр. 1512 г.

в базилике Сан-Джованни-ин-Латерано. Папа заявил, что еще в начале понтификата намеревался созвать представительный Собор, но прежде хотел добиться мира между христ. государями и восстановить авторитет Церкви, чем и объяснял свое участие в войнах. Также Юлий II указал на неуместность созыва Пизанского Собора; в булле содержались угрозы применить церковное отлучение ко всем духовным и светским лицам, а также к городам, которые поддержат выступление Пизанского Собора против папской власти.

Пизанский Собор открылся 1 нояб. 1511 г.; на нем присутствовали 4 кардинала и еще от 2 имелась уверенность; в работе Собора приняли участие ок. 20 епископов, почти все из Франции, а также ряд итал. и франц. богословов (*La Brosse*. 1965. P. 64). Папа Юлий II наложил *интердикт* на Пизу и на Флоренцию, в подчинении к-рой находился Пизанский диоцез, низложил враждебных кардиналов и подверг церковному отлучению всех участников Пизанского «сборища» (*conciliabulum*), которым из-за враждебности местных жителей пришлось переехать сначала в занятый французами Милан (до июня 1512), затем в Асти, потом в Лион. Участники Пизанского Собора поддержали одно из главных требований Соборного движения — реформу «во главе и в членах» (*in capite et in membris*), связанную с призывом к моральному обновлению как папства, так и коллегии кардиналов, из числа к-рых обычно избирали понтифика; выразили готовность утвердить главенство Собора над папой Римским и в конце концов объявили Юлия II низложенным. Однако эти постановления не имели серьезных последствий, т. к. франц. армия, фактически выиграв битву при Равенне 11 апр. 1512 г., вслед. больших потерь и наступления швейцар. наемников, призванных папой Римским, была вынуждена покинуть Италию; к кон. 1512 г. малочисленный и «французский» по составу участников Пизанский Собор прекратил работу (подробнее о Соборе см.: *Le Concile Gallican de Pise-Milan: Documents florentins, 1510–1512 / Éd. A. Renaudet*. P., 1922; *Hefele, Leclercq*. *Hist. des Conciles*. Т. 8. Pt. 1. P. 323–335).

Ход Л. С. и его решения. Из-за сражения при Равенне открытие Л. С. было перенесено. На торжест-

венном заседании 3 мая 1512 г., открывшем работу Собора, присутствовали ок. 100 епископов и представителей высшего католич. духовенства (преимущественно из Италии и Испании), в т. ч. 15 кардиналов, лат. патриархи Александрии и Антиохии, 10 архиепископов, 56 епископов, а также представители светских властей. Почти на каждую сессию прибывали новые послы государей из разных частей Европы. Всего в 12 сессиях Л. С. приняли участие более 400 епископов, почти $\frac{2}{3}$ из них были итальянцы (список участников см.: *Minnich*. 1974. Р. 181–197). 21 февр. 1513 г., после 5-й сессии, скончался папа Юлий II, остальные заседания Л. С. проходили при новом понтифике Льве X.

Каждая сессия открывалась торжественной речью. На открытии Л. С. выступил генеральный настоятель ордена августинцев Эджилио да Витербо. Он указал на недостатки церковной организации и призвал к реформе Церкви, сопроводив свое выступление получившими известность словами: «Святые должны исправлять людей, а не люди святые» (*Homines per sacra immutari fas est, non sacra per homines*). Решения Л. С. были оформлены папскими буллами; с 7-й сессии подготовкой соборных документов занимались 3 комиссии (каждая состояла из 8 епископов, 8 кардиналов и 2 генеральных настоятелей монашеских орденов). Проекты декретов обсуждались на общих заседаниях.

На 1-й сессии под председательством папы Римского Юлия II, к-рая открылась 10 мая 1512 г., обсуждали задачи Л. С.: положить конец расколу в Римской курии, начать преобразования в католич. Церкви, установить мир среди христ. государей и организовать борьбу с турками. Были назначены должностные лица (нотариусы, юристы и др.), обеспечивавшие работу Собора. Неск. первых сессий были посвящены рассмотрению деятельности Пизанского Собора. На 2-й сессии (17 мая) с речью выступил генеральный магистр ордена доминиканцев *Казтан*. Он назвал папскую власть единственной законной властью в Церкви, представляющей на земле небесную власть Иисуса Христа, и заявил о не легитимности любого Собора, созванного без воли папы Римского. На этой же сессии было зачитано сообщение о союзе папы с англ. кор.

Генрихом VIII. На 3-й сессии (3 дек.) Маттеус Ланг фон Велленбург, еп. Гурка, от имени императора объявил об осуждении всех постановлений Турского и Пизанского Соборов. Папа наложил интердикт на Французское королевство (за исключением сохранявшего автономию герц-ства Бретань) и, в частности, предписал перенести важнейшую финансовую ярмарку из Лиона, куда переместились участники Пизанского Собора, в Женеву. На 4-й сессии (10 дек.) обсуждались меры, направленные против Буржской Прагматической санкции: Собору было зачитано адресованное папе Римскому *Пио II* письмо франц. кор. Людовика XI от 27 нояб. 1461 г. об отмене санкции. Л. С. призвал всех сторонников Прагматической санкции явиться для отчета в течение 60 дней. Пятая сессия Л. С. (16 февр. 1513) проходила во время тяжелой болезни папы Римского Юлия II, к-рый, однако, отправил Собору письмо о необходимости создать комиссии для подготовки преобразований в Церкви и для отмены Прагматической санкции. Вероятно, в предчувствии близкой кончины папа предложил Л. С. повторно принять направленную против симонии буллу «*Cum tam divino*», уже обнаруженную в янв. 1505 г. Декретом «*Si summus regum orifex*» папские выборы, если они сопровождались подкупом, объявлялись недействительными, а виновные должны были подвергнуться отлучению от Церкви.

На 6-й сессии (27 апр. 1513) председательствовал уже новый папа Лев X. На этом заседании епископ Модруша (совр. Хорватия) произнес речь о необходимости противостоять туркам. Была утверждена булла о предоставлении охранной грамоты всем, кто направляются на Л. С. (франц. прелаты в оправдание неявки ссылались на то, что некоторые местные правители не пропускали их в Рим). К началу 7-й сессии (17 июня 1513) 2 из участвовавших в работе Пизанского Собора кардинала — Бернардино Лопес де Карвахаль-и-Санде и Федерико ди Сансеверино — объявили об отречении от схизмы. В облачении простых священников они публично покались и изъявили покорность принять любое решение; им было возвращено кардинальское достоинство, но не прежние титулы. К этому времени

франц. кор. Людовик XII, чья армия потерпела тяжелое поражение от швейцар. пехоты в битве при Новаре (6 июня 1513), был вынужден осудить церковную схизму, причиной к-рой послужил созыв Собора в Пизе, и признать решения Л. С. На 8-й сессии, открывшейся 19 дек. 1513 г., было прочитано письмо французского монарха, в к-ром говорилось, что он отрывается от Пизанского Собора, переместившегося к тому времени в Лион, и обещает распутить его в течение месяца. На этой же сессии был принят вероучительный декрет «*Apostolici regiminis sollicitudo*», направленный против утверждений о том, что все люди обладают общей душой, и о смертности разумной души, присущей индивиду, а также о возможности сосуществования 2 различных истин, к-рые познаются с помощью философии и веры. Подобное учение, считавшееся проявлением аверроизма, проповедовал профессор Падуанского ун-та Пьеро Помпонати, который, впрочем, издал свое соч. «*Tractatus de immortalitate animae*» (Трактат о бессмертии души) только в 1516 г.; его труды подвергались критике со стороны католич. Церкви, но преследований ему удалось избежать. Декрет запрещал священнослужителям после университетского курса грамматики и диалектики более 5 лет заниматься изучением философии и поэзии, не посвящая себя одновременно богословию или каноническому праву, чтобы «излечить и очистить себя от вредного влияния поэзии и философии» (*infectas philosophiae et poesiae radices*). На этой же сессии были утверждены документы об установлении мира между христ. государями, о приглашении на Собор представителей секты *чешских братьев*, а также об искоренении злоупотреблений со стороны чиновников Римской курии. Рассматривались жалобы на вмешательство парламента Прованса в распределение церковных бенефициев; представителям парламента надлежало явиться на Собор.

На 9-й сессии (5 мая 1514) был поднят вопрос о неявке французских епископов для обсуждения отмены Буржской Прагматической санкции. Представитель короля Франции гуманист Клод де Сейсель, еп. Марселя, ознакомил Собор с документом, согласно которому 5 французских епископов — участников Пизанского

Собора — прибыли в обл. Дофине, но не смогли получить охранные грамоты от правителя Милана Массимилиано Сфорцы и правителя Генуи Оттавиано Фрегозо. Не имея возможности приехать в Рим, епископы составили акт о своем отречении от решений «раскольнического» Пизанского Собора и о подчинении законному Л. С. Папа освободил их от церковных наказаний и распорядился, чтобы все направлявшиеся на Л. С. в Рим получили право свободного проезда.

Следующим был утвержден декрет о преобразованиях в Римской курии и др. реформах. Документ содержал требования к клирикам, избираемым на вакантные епископские кафедры и должности в монастырях; таковыми могли быть проверенные люди, «верные изучению наук» (*litterarum*); аббатом мог стать мужчина не моложе 22 лет, епископом — не моложе 30 лет. Эти назначения запрещалось совершать по чьему-либо настоянию или поручению (*per commendam*). Запрещалось лишать прелатов должности без предварительного расследования и без предоставления им возможности защититься от обвинений. Был осужден и запрещен (хотя и с оговорками) обычай *комменды*; тем, кто уже получили бенефиции на условиях комменды, предписывалось делиться доходами с монахами и клириками. Запрещалось иметь более 2 бенефициев одновременно, «если речь не идет о важных и неотложных причинах или о весьма сведущих лицах согласно общему праву». Тем же, у кого бенефициев больше, в обязанность вменялось в течение 2 лет довести их количество до 4 под угрозой лишения всех бенефициев и пребенд. В особом разделе оговаривались правила жизни и поведения кардиналов. Им предписывалось заботиться о бедных и сиротах, содержать близкое окружение не за счет церковных владений, лично посещать титулярные храмы не реже раза в год или назначать для этого заместителей. Подробные предписания касались питания, одежды, похорон кардиналов.

В разделе, посвященном реформам, говорилось о необходимости обучать юношество не только грамматике, риторике и т. д., но и религ. предметам, приобщать молодежь к частому посещению церковных служб и проповедей. Особые меры преду-

сматривались против богохульников, распутников и виновных в симонии. Клириков и священников, обличенных в богохульстве трижды, следовало лишать всех бенефициев без права их возвращения. Знатные миряне за богохульство присуждались к выплате штрафа в 25 или 50 дукатов, в 3-й раз — к лишению статуса; простолюдином полагалось тюремное заключение, при неоднократном нарушении — каторжные работы. Светские судьи, не принявшие соответствующих мер в отношении преступников, должны были подвергнуться таким же наказаниям, как и они; поощрением за строгое исполнение положений декрета служили индульгенция на 10 лет и $\frac{1}{3}$ суммы наложенного на богохульника штрафа. Такое же вознаграждение полагалось тем, кто донесет на богохульника. Если клирик не совершал церковную службу в течение более полугода, папа наказывал его лишением доходов, которые шли на нужды паствы, а в дальнейшем и полным отрешением виновника от должности.

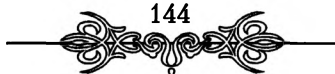
Светским государям, «будь то император, короли, королевы, [руководство] республик или другие власти», запрещалось посягать на церковное имущество; со ссылкой на распоряжения предшествовавших понтификов был подтвержден запрет взимать налоги с клириков и любыми способами посягать на имущество духовных лиц даже с их согласия; за это полагались церковное отлучение или интердикт. Здесь же перечислялись наказания за занятия магией, колдовством, гаданием и вызыванием демонов: клирикам грозило лишение бенефициев и должностей, мирянам — отлучение от Церкви и др. меры, «предусмотренные гражданским и каноническим правом». Подобным преследованиям должны были подвергаться еретики и отступники от католич. веры.

На 10-й сессии (4 мая 1515) были утверждены 4 декрета: о ломбардах; об изъятиях (экземпциях) из подчинения церковным властям; о цензуре и о неявке франц. прелатов на Собор. Буллой «*Inter multiplices*» была узаконена практика взимания процентов от кредитов, к-рые выдавали ломбарды, учрежденные благотворительными орг-циями (*monti di pietà*). Ломбарды взимали с бедняков небольшой процент (ок. 2%) на покрытие текущих расходов, а не

ради получения прибыли. Инициатором этой практики был проповедник францисканец блж. Бернардино да Фельтре (1439–1494), но др. церковные деятели, в т. ч. Каэтан, выступали против взимания процентов. Под угрозой церковного отлучения Собор запретил осуждать такие займы, если кредитные учреждения действовали с одобрения Папского престола и тратили полученные средства только на покрытие издержек. Впрочем, в булле давалась рекомендация, чтобы основатели подобных учреждений выделяли средства для оплаты труда их служащих полностью или хотя бы наполовину, т. е. чтобы займы были бесплатными.

Декрет «*Regimini Universalis Ecclesiae*» поручал судьям и другим ответственным инстанциям строго наказывать за проступки и вызывающее поведение каноников, пользующихся изъятиями (экземпциями) и привилегиями Папского престола. Епископам предписывалось выносить таким лицам предупреждения путем издания указов, к-рые следовало вывешивать на дверях местных церквей, а в случае неповиновения проводить расследования. О результатах нужно было докладывать в Рим и, если там будет принято соответствующее решение, продолжать процесс даже с применением пыток. В декрете также оговаривалось, кто из церковных нотариусов и членов кардинальской свиты подпадал под действие привилегий; подтверждалась обязанность епископов раз в год посещать жен. мон-ри, подчиненные непосредственно Папскому престолу; часть споров о бенефициях изымалась из юрисдикции Римской курии. Представителям светской власти и знатым лицам запрещалось вмешиваться в распределение церковных бенефициев, феодов, десятины, вести судебные тяжбы в отношении духовных лиц и т. п. действия. Епископам предписывалось регулярно отчитываться о своей деятельности, созывать провинциальные Соборы не реже чем раз в 3 года.

Декрет о цензуре «*Inter sollicitudines*» начинался с признания пользы книгопечатания: оно позволяло с небольшими затратами произвестись множество книг и содействовало изучению наук, с помощью к-рых можно было наставлять верующих и обращать к истинной вере неверных. Однако, отмечалось в декрете, публикуются и книги, в т. ч. переве-

денные с разных языков, в к-рых содержатся заблуждения, противоречащие христ. вере и порочащие достойных лиц, вслед. чего Л. С. приказывал впредь печатать книги только с разрешения местных епископов (в Риме — магистра папского дворца) и «инквизитора еретического нечестия». Наказанием за нарушение объявлялось изъятие и сожжение книг, штраф в 100 дукатов в пользу строительства базилики св. Петра и др. меры.

Последним, 4-м декретом был окончательно установлен срок явки на Л. С. франц. прелатов (1 окт.) для обсуждения отмены Буржской Прагматической санкции. Представитель франц. короля передал от их имени жалобу, что, несмотря на распоряжение папы Римского, политические противники франц. монарха не разрешают прелатам проехать через их владения; на эту жалобу Лев X ответил, что есть возможность прибыть в Рим морским путем через Геную.

Перед началом 11-й сессии (19 дек. 1515) был одобрен примирительный договор папы Римского с королем Франции, известный как *Болонский конкордат* (окончательно подписан 18 авг. 1516). Кор. Людовик XII скончался 1 янв. 1515 г., а в сент. его преемник кор. Франциск I нанес швейцарцам в борьбе за Милан сокрушительное поражение, что вынудило папу провести личные переговоры с королем в Болонье 11–15 дек. 1515 г. На этой встрече обсуждался вопрос и о Прагматической санкции, к-рую папа отказывался признать, поэтому формально она была отменена, но при этом понтифик признал право короля предлагать кандидатов почти на все епископские кафедры в своих владениях. Современники сочли, что Болонский конкордат был уступкой папе, и Парижский парламент сначала отказался его регистрировать (без этого договор не имел юридической силы). Л. С. утвердил болонские решения, изложенные в 2 папских буллах: в «*Primitiva illa ecclesia*» были приведены статьи нового договора; булла «*Pastor aeternus*» упразднила Прагматическую санкцию, закрепила главенство папы Римского в католич. Церкви и осудила решения Базельского и Пизанского Соборов. Этой же буллой было закреплено исключительное право папы созывать и распускать вселенские Соборы католич. Церкви. Епископы голосовали за нее по-

именно, вставая и произнося «*placet*» (лат. «угодно»).

На 11-й сессии представители патриарха ливанских маронитов Шимуна аль-Хадаси изъявили от его имени готовность заключить унию с Римом. Тогда же были утверждены декреты «*Supernae maiestatis praesidio*» и «*Dum intra mentis arcana*», к-рые урегулировали взаимоотношения между епископами и монашескими орденами. Епископы жаловались, что, получив значительные привилегии, ордены стали слишком независимы и утратили внутреннюю дисциплину, и требовали поставить ордены под контроль, а нек-рые даже выступали с предложением распустить их. Благодаря присутствовавшим на Л. С. и пользовавшимся большим авторитетом генеральным настоятелям доминиканцев Каэтана и августинцев Эджидио да Витербо до этого дело не дошло. Монашествующие в свою очередь обвиняли епископов в обмирщении и утверждали, что именно ордены играют основную роль в наставлении народа. Декрет «*Munus praedicationis*» регламентировал деятельность проповедников: запрещалось включать в тексты проповедей пророчества о конце света, о приходе антихриста, выдавать их за полученное откровение, а также обличать поведение церковного начальства; епископам, генеральным настоятелям монашеских орденов, главам конгрегаций клириков предписывалось следить за благочестием и компетентностью проповедников; местные священники должны были экзаменовать исповедников. Епископам в случае бездействия орденских властей было разрешено вмешиваться в дела монахов; монахи не могли снимать церковное отлучение, наложенное епископом; только епископ или его викарий имел право освящать орденские церкви, рукополагать в сан; в монахах разрешалось звонить в колокола в Страстную субботу только после того, как прозвонят колокола в соборной церкви; монашествующим было запрещено венчать прихожан без разрешения приходского священника и совершать большинство таинств. Налагаемые соборными декретами ограничения сопровождалась, однако, рядом оговорок об их снятии в случае согласия епископа или др. местного ординария.

На последней, 12-й сессии (16 марта 1517) присутствовали папа Лев X

и 110 католич. прелатов, в т. ч. 18 кардиналов. За неск. дней до этой сессии, 13 марта, в верхней капелле папского дворца заседала конгрегация, принявшая решения о завершении Собора и о повестке дня последней сессии. Перед этим возник спор между Пьетро Уррьесом, еп. Сиракузским, являвшимся представителем испанского короля на Л. С., и Аквилейским патриархом Марино Гримани о том, кто из них должен занимать более почетное место. Присутствовавшие на конгрегации кардиналы приняли решение, что участники будут рассаживаться в произвольном порядке, по мере того как они заполнят капеллу. На 12-й сессии были подтверждены принятые еще папами *Гонорием III* (1216–1227) и *Бонифацием VIII* (1294–1303) постановления о запрете подвергать разграблению дворцы кардиналов во время выборов папы: таков был обычай рим. толпы, нападавшей, несмотря на наличие вооруженной охраны, на жилище кандидата в понтифики при первых слухах, в т. ч. и ложных, о том, что этот кардинал избран на Папский престол. В конституции «*Constitutum iuxta verbum prophetae*», которую зачитал патриарх Марино Гримани, папа подвел итоги Л. С. Среди результатов Собора были названы установление мира между христианскими государствами, преодоление раскола в Римской курии и в Церкви, преобразования в курии и упразднение Буржской Прагматической санкции. Этой же конституцией объявлялся сбор налогов для крестового похода против турок. Затем большинством голосов было принято решение о завершении Л. С., несмотря на то что некоторые его участники полагали, что соборные заседания следует продолжить.

Итоги. Л. С. длился 5 лет. Через неск. месяцев после его завершения выступление Мартина *Лютера* положило начало Реформации. Расколы и смуты в католич. Церкви бывали и раньше, проводились и преобразования, но на этот раз ожидавшие католич. мир потрясения были как никогда тяжелыми. На Л. С. удалось утвердить первенство папы Римского в Церкви и преодолеть угрозы со стороны конциляризма (позднее они уже не возникали). Примирение с франц. королем и урегулирование отношений с католич. Церковью во Франции были достигнуты путем существенных уступок, реформы же

внутри церковной орг-ции оказались непоследовательными и не привели к существенным результатам. Кроме того, на Л. С. отсутствовали большинство неитальянских епископов, так что его статус как вселенского подвергался сомнению. Обновлением католич. Церкви занимался уже *Триденский Собор* (1545–1563) во время успешного развития Реформации и распространения протестантизма в странах Сев. Европы. Ист.: Concilium Sanctum Lateranense novissimum sub Julio II et Leone X celebratum / Ed. A. de Monte. R., 1521; *Mansi*. T. 32. Col. 649–1002; COD. 1973. P. 593–655.

Лит.: *Marzi D.* La questione della riforma del calendario nel quinto concilio lateranense (1512–1517). Firenze, 1896; *Hefele, Leclercq.* Hist. des Conciles. T. 8. Pt. 1. P. 239–565; *La Brosse O., de.* Le Pape et le Concile: La comparaison de leurs pouvoirs à la veille de la Réforme. P., 1965; *Minnich N. H.* Concepts of Reform Proposed at the Fifth Lateran Council // АНPont. 1969. Vol. 7. P. 163–251; *idem.* The Participants at the Fifth Lateran Council // Ibid. 1974. Vol. 12. P. 157–206; *idem.* Paride de Grassi's Diary of the Fifth Lateran Council // АНС. 1982. Vol. 14. N 2. P. 370–460; *idem.* Fifth Lateran Council (1512–1517): Studies of Its Memberships, Diplomacy and Proposals for Reform. Aldershot, 1993; *idem.* The Reform Proposal (1513) of Stefano Taleazzi for the Fifth Lateran Council (1512–1517) // АНС. 1995/1996. Vol. 27/28. N 2. P. 543–570; *idem.* The Last Two Councils of the Catholic Reformation: The Influence of Lateran V on Trent // Early Modern Catholicism: Essays in Honour of J. W. O'Malley, S. J. / Ed. K. M. Comerford, H. M. Pabel. Toronto, 2001. P. 3–25; *idem.* Julius II and Leo X as Presidents of the Fifth Lateran Council (1512–1517) // La papauté à la Renaissance: XLVIe Colloque Intern. d'études humanistes, Tours, 30 Juin – 4 Juillet, 2003 / Éd. F. Alazard, F. La Brasca. P., 2007. P. 153–166; *Minnich N. H., Pfeiffer H. W.* Two Woodcuts of Lateran V // АНPont. 1970. Vol. 8. P. 179–214; *idem.* De Grassi's «conciliabulum» at Lateran V: The De Grassi's Woodcut of Lateran V Re-Examined // Ibid. 1981. Vol. 19. P. 147–172; *Oakley F.* Conciliarism at the Fifth Lateran Council? // Church History. 1972. Vol. 41. N 4. P. 452–463; *Bilaniuk P. B. T.* Fifth Lateran Council (1512–1517) and the Eastern Churches. Toronto, 1975; *Latran V et Trente* / Éd. O. de La Brosse e. a. P., 1975. Vol. 1; *Dykman M.* Le cinquième Concile de Latran d'après le Diaire de Paris de Grassi // АНС. 1982. Vol. 14. N 2. P. 271–369; *Venard M.* Il Concilio Lateranense V e il Tridentino // Storia dei Concili Ecumenici / A cura di G. Alberigo. Brescia, 1990. P. 321–368; *Constant E. A.* A Reinterpretation of the Fifth Lateran Council Decree «Apostolici regiminis» (1513) // The Sixteenth Century J. Kirksville (Missouri), 2002. Vol. 33. N 2. P. 353–379; *Morerod Ch.* Le discours de Cajetan au Ve concile de Latran // Revue Thomiste. P., 2005. T. 105. N 4. P. 595–638.

М. А. Юсим

ЛАТИМЕР [англ. Latimer] Хью (ок. 1490–1492, Теркастон, близ Лестера — 16.10.1555, Оксфорд), один из лидеров англ. Реформации, теолог и проповедник; еп. Вустерский (1535–1539). Род. в семье зажиточ-

Х. Латимер.
Портрет. XVI в.

(Национальная картинная галерея,
Лондон)

ного йомена. С 1506 г. учился в Кларкколледже (Кембриджский ун-т). После получения степени магистра искусств (1514) приступил к изучению теологии. Рукоположен в Линкольншире (точная дата неизв.). В 1522 г. Л. стал одним из 12 священников, получивших от ун-та право проповедовать в любой части Англии. В 1524 г. получил степень бакалавра теологии. Проповедуя, приобрел популярность не только в Кембридже, но и за его пределами как приверженец ортодоксального католицизма и противник лютеранства, в частности выступил с критикой работы Ф. Меланхтона «*Loci communes*». (В 1535 Меланхтон, получив приглашение Генриха VIII приехать в Англию для оказания содействия в устройстве церковных дел, направил туда своего ближайшего сподвижника А. Алезуза, к-рому Л. покровительствовал, организуя чтение лекций по теологии в Кембриджском ун-те и участие в публичной полемике 1537 г. с еп. Лондонским Дж. Стоксли о количестве таинств.)

В 20-х гг. XVI в. при Кембриджском ун-те было образовано сообщество англ. последователей М. Лютера, к-рое современники называли «маленькая Германия». Церковь св. Эдуарда в Кембридже и таверна «Белая лошадь» стали местами сбора студентов и преподавателей, интересовавшихся лютеранством; среди них были Т. Кранмер, Р. Барнс, У. Тиндейл, М. Ковердейл, М. Паркер, в посл. ставшие активными деятелями англ. Реформации. Сильное влияние на формирование протес-

тант. взглядов Л. оказал Т. Билни, духовный лидер этой группы. Л. и Билни стали друзьями, особенно сблизила их совместная благотворительная деятельность среди заключенных и в приютах для сирот и вдов.

Отношение правительства к лютеран. идеям в кон. 10-х — нач. 20-х гг. XVI в. было резко отрицательным. Оно проявилось в трактате Генриха VIII в защиту 7 таинств (*Assertio Septem Sacramentorum, adversus Martinum Lutherum*, 1521), в королевской прокламации, изданной в ответ на сообщение епископа Линкольнского о большом количестве еретиков в епархии, предписывающей светским чиновникам оказывать представителям церковной власти на местах содействие в розыскании и наказании лиц, «зараженных» лютеран. учениями (1521); в переговорах с Францией Генрих VIII поставил одним из главных условий союза с ней борьбу против турок и «адской секты лютеран» (1525). Последователи лютеранства, к к-рым в этот период уже можно отнести и Л., подвергались серьезной опасности. В 1525 г. Л. ответил отказом на предложение епископа Илийского выступить с проповедью против лютеранства, аргументируя свою позицию тем, что работы Лютера запрещены в Англии и невозможно осудить учение, не ознакомившись с ним. Это привело к столкновению с церковными властями — Л. и Барнс держали ответ перед кард. Т. Уолси. В полемике с приближенными к кардиналу теологами Дж. Кейпоном и Т. Маршаллом Л. высказывал критические замечания о католич. Церкви, о том, что десятина потеряла свой сакральный характер и воспринимается как вид ренты; доход священников настолько низкий, что, по словам Л., нет возможности не то что книги купить — прохожему воды дать напиться. После этой встречи Л. был ограничен в праве проповедовать на всей территории Англии.

В 1527 г. соратники Л. — Билни, Т. Гарретт и др. — были обвинены в ереси за непочтительные высказывания против папской власти и духовенства, обладавшего богатствами, под угрозой казни они публично покаялись и отреклись от своих воззрений. Кард. Т. Уолси постарался придать этому событию особую торжественность: он появился в парадном облачении, у Распятия сло-

жили неск. экземпляров НЗ на англ. языке в переводе Тиндейла, рядом стояли еретики в «покаянных одеждах». Еретики отреклись, книги были сожжены, Лондонский еп. Дж. Фишер произнес речь с осуждением и опровержением взглядов Лютера (Hall. 1965. P. 735; Holinshed's Chronicles. 1807. Vol. 3. P. 722).

Отношение короля к Реформации и лютеранству изменилось в ходе конфликта с Римом, начавшегося в связи с его бракоразводным процессом с Екатериной Арагонской. Папа Климент VII отказался признать брак с Екатериной недействительным. Генрих VIII, руководствуясь политическими, династическими и личными соображениями, начал активно собирать доказательства незаконности своего брака.

В дек. 1529 г. Л. выступил в ц. св. Эдуарда с 2 проповедями, получившими название «Sermons on the Card» и стал популярен среди прихожан. Сравнение трактовок заповедей с игрой в карты или кости было вызывающим, упоминание случаев и бытовых подробностей из собственной жизни, сатирические высказывания об известных людях — все это отличалось от традиц. манеры произнесения проповедей, вызвало бурную полемику в Кембридже, и даже кор. Генрих VIII заинтересовался проповедником-реформатором.

Предположительно Т. Кромвель рекомендовал Л. королю после знакомства с ним в 1525 г., во время инцидента с Уолси. Благодаря покровительству Кромвеля Л. удалось некоторое время избежать преследований за ересь. Возможно, о Л. королю сообщил придворный врач У. Баттс. Л. завоевал королевскую милость, выступив в защиту позиции Генриха в деле о разводе, однако достоверных свидетельств о содержании этих выступлений нет; тем не менее в числе кембриджских богословов, в 1530 г. составивших и подписавших изложение о соответствии тексту Библии доказательств короля о незаконности его брака с Екатериной, значится имя Л.

После того как Л. проповедовал в присутствии короля во время Великого поста в 1530 г., он получил приход в Глостершире, а через год в качестве награды — владение Уэст-Кингстон в Уилтшире и переехал туда из Кембриджа. Расположение короля и дальнейшее сближение Л. с лидерами реформационного дви-

жения в Англии — Кромвелем и Кранмером — не уберегло его от обвинения в ереси в 1532 г. Формальным поводом послужила проповедническая деятельность Л. на территории епархии без разрешения епископа. Лондонский еп. Дж. Стоксли настоял на том, чтобы Л. прибыл в город и предстал перед Верхней палатой конвокации. На следствии Л. высказался против догмата о существовании чистилища и необходимости поклонения святым, за что был заключен в тюрьму. Позиции Л. существенно укрепились после того, как Кранмер стал главой англ. духовенства — архиепископом Кентерберийским (1533). Росту популярности Л. способствовало его участие в теологическом диспуте с известным католич. проповедником У. Хаббердином (Бристоль, 1533).

Определяющим событием в развитии Реформации в Англии стало принятие парламентом *Акта о супрематии* (Act of Supremacy, 1534), согласно к-рому король становился главой Церкви и собственником ее земельных владений. Л. получил от Кранмера специальное разрешение проповедовать в Кентербери и при дворе, а с 1535 г. возглавил Вустерскую епархию. В марте 1536 г. вместе с Кранмером и Н. Шакстоном допрашивал еретиков по поручению короля и во время беседы с Генрихом VIII обратил его внимание на нужды бедных (Sermons and Remains. 1844. Vol. 1. P. 93); бедственное положение крестьян способствовало росту волнений в Линкольншире и Йоркшире.

В 1536 г. была созвана конвокация с целью обсуждения и принятия 1-го англикан. вероучительного документа. На открытии конвокации Л. выступил с проповедью, осуждавшей догмат о чистилище и почитание икон, как не соответствующие Слову Божию. Проповедь была произнесена на латинском языке, вполсл. переведена на английский и многократно переиздавалась. Л. принимал активное участие в дебатах, представляя вместе с Т. Гудричем, еп. Илийским, Н. Шакстоном, еп. Солсберийским, Э. Фоксом, еп. Херефордским, Дж. Хилзи, еп. Рочестерским, У. Барлоу, еп. Сент-Дейвидским, группу последовательных сторонников церковных реформ, возглавляемую Кранмером. В ходе ожесточенных споров были выработаны основные положения «Десяти ста-

тей», но Л. был недоволен результатом. В одной из проповедей он говорил: «Это какая-то смесь и всякая всячина; я не могу даже сказать, что это такое: отчасти папизм, отчасти истинная религия, смешанные между собою...», назвав то, что они сделали, «месивом из Евангелия» (Ibid. P. 32, 218–220). В отличие от нек-рых реформаторов Л. защищал практику совершения исповеди, т. к. считал, что ее отмена может нанести серьезный ущерб морали и нравам общества. Документ, составленный с учетом мнений протестантов и католиков, не устроил ни одну из сторон. Тем не менее появление в Англии 1-го протестант. «символа веры» имело большое значение для дальнейшего развития Реформации.

Реформационные настроения в этот период были распространены в ун-тах и в столице, однако кампания 1538 г. против реликвий проводилась и в возглавляемых протестант. епископами епархиях. Самыми активными борцами с реликвиями стали Л. и Хилзи. Кранмер, одобряя их активность, сам не был столь деятельным и, будучи человеком гораздо более осторожным и дальновидным, больше следил за изменением политики Генриха VIII. В кон. 30-х — нач. 40-х гг. король и его окружение отступили на католич. позиции. В нояб. 1538 г. Л. принял участие в деле Дж. Ламберта, к-рый отрицал реальность присутствия Тела Христа в таинстве Евхаристии. Несмотря на уговоры Кранмера и Л. не настаивать на своих убеждениях, Ламберт обратился к королю как к главе Церкви, был осужден и 22 нояб. публично сожжен, как упорствовавший еретик. Еще более очевидным свидетельством отступления правительства от реформационных воззрений стало издание Генрихом VIII «Шести статей» (Объявление об обязанностях и Божественном установлении епископов и пресвитеров; A Declaration Made of the Functions and Divine Institution of Bishops and Priests), этот статут протестанты назвали «плеткой о 6 концах». В период его подготовки Кранмер в течение 3 дней пытался доказать членам парламента неправомочность положений этого документа и уступил только после непосредственного вмешательства короля; Л., не согласившись с положениями статута, был вынужден отказаться от епископской кафедры и был опять

взят под стражу. Большинство исследователей полагают, что благодаря ходатайству Кранмера Л. был освобожден уже в 1540 г., но другие считают, что он пребывал в заключении до конца правления Генриха VIII (1547).

После казни Кромвеля в июле 1540 г. Л. потерял самого влиятельного защитника при дворе и вынужден был оставаться в тени до восшествия на престол принца Эдуарда, сына Генриха VIII и его 3-й жены Джейн Сеймур, к-рый, согласно завещанию отца, стал королем Эдуардом VI. Его правление было недолгим, но очень продуктивным в деле продвижения Реформации: в эти годы была издана «Книга общих молитв» (1549, 2-я ред. в 1552); в Англию были приглашены видные деятели Реформации: М. Буцер, Я. Лаский, П. Мартур; велась активная переписка с Меланктоном, Ж. Кальвином, Г. Буллингером; был утвержден новый вероисповедный документ — *Сорок две статьи*. Л. совместно с Кранмером и Н. Ридли принял участие в составлении «Книги гомилий» (1547).

18 янв. 1548 г. у собора св. Павла после «8 лет тишины» Л. выступил с «Проповедью о плуге» (*Homily about Plough*). В ней он назвал диавола «самым усердным епископом и прелатом во всей Англии», к-рый «никогда не покидает своей епархии» и является «наиспособнейшим проповедником во всем королевстве». И везде, где бы он ни поселился, «где бы ни проходил его плуг, там выносятся книги — и вносятся свечи, убираются Библии — и достаются четки... отменяются предания Божии и Его святое Слово» (*Sermons and Remains*. 1844. Vol. 1. P. 70, 71, 262). В проповедях Л. уделяет все больше внимания социальному протесту. Летом 1549 г., когда Англию охватил самый крупный в XVI в. крестьянский мятеж под предводительством Роберта Кета, Л. поддержал восставших и не раз выступал с проповедями о пороках века, о «чудовищном и зловещем голоде, чинимом человеком». «Все богатства скапливаются в руках немногих. Вы имеете слишком много, гораздо более, чем необходимо» (*Ibid.* P. 264–265). Поддержка восставших лидером реформационных преобразований была более чем своевременна, т. к. в нек-рых районах восстание приняло религиозный, как правило

прокатолич. характер: высказывались требования заменить новую литургию старой мессой; восстановить «Шесть статей» и аббатства. Позиция Л., отличавшаяся от официальной, позволила ему завоевать еще большую популярность в народе. В 1549 г. палата общин ходатайствовала перед королем о возвращении Л. епископской кафедры Вустера, но он решил только проповедовать, отказавшись от церковной карьеры. Л. писал, что он произносит 2 проповеди каждое воскресенье и каждый день, зимой и летом, поднимается ранним утром, чтобы готовиться к этим проповедям (*Ibid.* P. 320). Тем не менее он принимал участие в работе церковных комиссий: по реформированию церковного права (1549–1550), по рассмотрению ереси анабаптистов (1551), по изданию «Книги общих молитв».

В связи со смертью Эдуарда VI и с приходом к власти католички Марии Тюдор (1553–1558) в Англии была восстановлена католич. Церковь и началось преследование протестантов. Л., один из признанных лидеров Реформации и самый яркий ее проповедник, 4 сент. 1553 г. получил сообщение об аресте. Известие было сообщено Л. за неск. часов до прибытия стражников, однако он не воспользовался возможностью избежать заключения и наказания, решив, что должен вести себя в соответствии со своими проповедями. 13 сент. Л. предстал перед судом и был препровожден в Тауэр. В марте 1554 г. он, еп. Н. Ридли и архиеп. Т. Кранмер были переведены в Оксфорд для участия в диспуте с теологами из 2 ун-тов, затем они были помещены в тюрьму Бокардо в Оксфорде, где должны были ждать суда по обвинению в ереси. Суд проходил при непосредственном участии еп. Лондонского Э. Боннера и еп. Уинчестерского С. Гардинера, последовательных защитников католицизма. 16 окт. 1555 г. Л. был публично сожжен вместе с еп. Н. Ридли. По легенде, в тот момент, когда начал разгораться костер, Л., чтобы поддержать Ридли, произнес: «Не стоит беспокоиться, мастер Ридли, сегодня мы зажгли такую свечу в Англии, которая, Божией милостью, никогда не угаснет». Еще при жизни Л. было издано неск. сборников его проповедей (в 1548, 1549, 1550); после смерти Л. сборники, содержавшие 27 проповедей, издавались в 1562, 1571, 1572,

1584, 1596, 1635 гг. и пользовались неизменной популярностью.

Ист.: Holinshed's Chronicles of England, Scotland, and Ireland. L., 1807–1808. 6 vol.; *Hall E. Chronicle: Containing the History of England During the Reign of Henry IV and the Succeeding Monarchs to the End of the Reign of Henry VIII*. N. Y., 1965.

Соч.: *Sermons and Remains of Hugh Latimer, Sometime Bishop of Worchester, Martyr 1555* / Ed. G. I. Corrie. Camb., 1844–1845. 2 vol.; *The Sermons* / Ed. A. Pollard. Manchester, 2000.

Лит.: *Demaus R. Hugh Latimer: A Biography*. L., 1904; *Darby H. S. Hugh Latimer*. L., 1953; *Chester A. G. Hugh Latimer, Apostle to the English*. N. Y., 1978; *Stuart C. H. Latimer, Apostle to the English*. Grand Rapids (Mich.), 1986; *Loades D. The Oxford Martyrs*. Bangor, 1992; *Shagan E. H. Popular Politics and the English Reformation*. Camb., 2004.

Н. А. Смирнова

ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРИЯ [лат. Imperium Romaniae; империя Романии], гос-во, существовавшее на части территории *Византийской империи* в 1204–1261 гг.; было основано участниками 4-го *крестового похода* после захвата ими *Константинополя* в апр. 1204 г. Современники называли ее империей Романии или К-польской империей; название Л. и утвердилось в совр. научной традиции. Как юридическое основание образования Л. и крестоносцы использовали договор о разделе Византии (т. н. договор *Partitio Romaniae*), заключенный предводителями крестового похода в К-поле после 12 апр. и ранее 9 мая 1204 г. По этому договору избранный император получал в непосредственное управление часть К-поля и еще четверть всех земель империи, к-рые в тот момент еще предстояло завоевать. Оставшиеся $\frac{3}{4}$ земель Византии должны были быть разделены между венецианцами и др. участниками похода пополам. 9 мая 1204 г. коллегия выборщиков, в к-рую входили 6 венецианцев и 6 представителей остальных отрядов крестоносцев, избрала императором не предводителя крестового похода маркиза *Бонифация Монферратского*, а гр. Фландрии и Эно (Теннегау) *Балдуина I*. 16 мая он был возведен на трон в соборе Св. Софии при соблюдении как византийских, так и зап. обычаев церемониала.

Л. и претендовала на суверенитет над всеми вассальными территориями, захваченными крестоносцами. Прилегающая к К-полю Вост. Фракия, сразу перешедшая под контроль завоевателей, была разделена на 3 удела — императора Л. и., венецианцев и остальных крестоносцев.

Затем комиссия, работавшая до сер. сент. 1204 г., распределяла на феоды остальные визант. земли. Императору отходили владения в М. Азии вплоть до Синопа и Бафры, побережье Мраморного и Эгейского морей до о-ва Кос, крупные острова *Проконнис*, *Самофракия*, *Лемнос*, *Скирос*, *Хиос* (см. ст. *Хиосская митрополия*), *Лесбос*, *Самос* (см. ст. *Самоса и Карии митрополия*), *Кос*, *Тинос*. Венецианцы получали Грецию к западу от хребта Пинд, Ионические о-ва, Зап. Пелопоннес от Патр до Модона, часть *Эвбеи*, *Андрос*, *Эгину* и *Саламин*. Венеция пользовалась всеми правами беспошлинной торговли на территории Л. и. и на ее вассальных территориях, контролировала торговлю и работу основных портов Л. и., включая К-поль. Главой венецианской администрации являлся подеста, опиравшийся на совет венецианских нобилей. Он обладал правом накладывать вето на решения императора, но полностью подчинялся властям Венеции и действовал по их инструкциям. Венецианцы, получившие феоды на территории Л. и. и являвшиеся тем самым вассалами императора, должны были нести обычные сеньориальные повинности, включая военную службу. Бонифаций Монферратский получал владения в М. Азии и Крит, к-рые еще предстояло завоевать, но быстро обменял малоазийские территории на Фессалонику и приле-

зантийского (кесарь, протовестиарий, протостратор, мегадука и др.), так и западноевропейского (сенешаль, маршал, коннетабль, баюл и др.) происхождения. Визант. обычаи сохранялись и в церемониале, и в инсигниях, и в делопроизводстве Л. и.

Стены Константинополя в районе Влахерн. XII–XIV вв.

Однако прежняя визант. знать была первоначально отстранена от управления гос-вом. К-поль лежал в руинах после пожаров и разграблений; значительная часть населения покинула его. Город обезлюдел, а для его охраны сил было явно недостаточно. Среди разноплеменных крестоносцев (французов, фламандцев, немцев, ломбардцев, венецианцев) и их предводителей разгорались конфликты.

Почти сразу же Л. и. столкнулась с сильным сопротивлением греч. населения, к-рое возглавили местные архонты, и соседнего Болгарского царства, во главе к-рого стоял *Калоян*. В нач. 1205 г. греки подняли восстание в Дидимотихе (Фракия; ныне

на *Генрих* Фландрский стал регентом, а с 1206 г., когда было получено достоверное известие о смерти Балдуина I,— императором. Он изменил политику по отношению к местному греч. населению, пытаясь привлечь его на свою сторону различными уступками, в т. ч. в отношениях с Римско-католической Церковью. Он включил греч. архонтов в состав нового гос-

подствующего слоя, предложил визант. чиновничеству различные должности в управлении Л. и. Напр., принесший присягу Л. и. византийский архонт

Феодор Врана стал управлять Дидимотихой и Адрианополем. Со смертью Калояна в окт. 1207 г. Л. и. получила временную передышку. В борьбе с др. соперником — *Никейской империей* в М. Азии Л. и. опиралась на союз с *Трапезундской империей* в 1206–1212 гг., затем на союз с ослабленной после смерти Калояна Болгарией; военная помощь из Зап. Европы была крайне незначительной. На северо-западе М. Азии после временных успехов Генриха I и его победы над никейским имп. *Феодором I Ласкарем* на р. Риндак в 1211 г. экспансия латинян была остановлена. В 1213 г. Л. и. заключила договор с Никейской империей, закрепивший за латинянами только район побережий Мраморного и Эгейского морей от Никомидии до Адрамиттия. Более успешным было продвижение крестоносцев в Греции, где возник ряд сеньорий, признававших сюзеренитет Л. и. и составивших ядро *Латинской Романии*: Фессалоникийское королевство, Морейское княжество династии Виллардуэнов, Афинское герц-ство, основанное бургундцем Оттоном де ла Рошем, сеньория Салоны, маркизат Водоницы и др. Всем этим гос-вам пришлось вести длительные войны с *Тирским княжеством* на западе Балкан, а затем и с Никейской империей.

Земли, принадлежавшие ранее визант. архонтам, частично подвергались конфискации, частично передавались во владение тех же архонтов, становившихся вассалами лат.

Вступление крестоносцев в Константинополь. 1204 г. Худож. Э. Делакруа. (Лувер, Париж)

гавшие к ней земли Фессалии и Македонии (завоевал их позднее; см. ст. *Фессалоникийское королевство*), а Крит отдал венецианцам в обмен на Пелопоннес и солидное денежное вознаграждение.

Иерархическая структура Л. и. сочтала в себе высокие титулы как ви-

лояном в битве у Адрианополя. Сам император попал в плен и затем скончался в болг. темнице. 4 сент. 1207 г. в битве с болгарами в Родопях погиб 1-й король Фессалоники Бонифаций Монферратский. В результате почти сразу же Л. и. оказалась на пороге гибели. Брат Балдуи-

сеньоров. Земельные владения православ. епархий и мон-рей также частично конфисковывались или передавались под управление структурам Римско-католической Церкви. Вся территория Л. и делилась на феоды рыцарей, доход каждого феода исчислялся в 300 анжуйских лир (от 1000 до 1300 визант. перперов) в год.

Башня крестоносцев у пропилеев в Афинском акрополе. Разбрана в 1874 г. Фотография. XIX в.

Крупные сеньоры должны были получить столько феодалов, сколько рыцарей-вассалов у них было. Власть в Л. и носила четко выраженный иерархический характер зап. образца, с институтами оммажа и инвеституры. В экономике Л. и преобладали консервативные, отсталые формы феодальных отношений, для которых было характерно усиление личной зависимости крестьян, господство барщины, натурального оброка, упадок экономики провинциальных городов и повсеместное строительство крепостей-бургов для защиты территории и управления доменами. Несколько благоприятнее развива-

низшего слоя феодальной знати Л. и, что позволяло добиться нек-рой стабилизации социальных отношений и положения гос-ва. Генрих показал себя хорошим политиком и полководцем, сумел преодолеть распри в среде знати, стремился смягчать уният. порядки, казался лояльным к своим греческим подданным, стяжав у них даже именование «нового Ареса». Визант. историк *Георгий Акрополит* так писал о нем:

«Упомянутый Ерис, хотя и был родом франк, однако доброжелательно относился к ромеям и ко-

ренным жителям Константинополя и многих сделал своими приближенными, других же определил воинами, а с простым народом обходился, как со своим собственным» (*Георгий Акрополит*. История. 2005. Гл. 16. С. 59–60). В 1216 г. Генрих неожиданно скончался, не дожив и до 40 лет, и после его смерти в едва стабилизировавшейся Л. и начался упадок.

В 1216 г. бароны избрали императором зятя Генриха (мужа его сестры Иоланды) Петра (Пьера) де Куртене, но в 1217 г. тот был пленен греч. правителем Эпира Феодором Ангелом Комнином Дукой и скончался в эпирской тюрьме. Иоланда до смерти в 1219 г. правила, опираясь на совет баронов. Избранный в 1220 г. им-

Крепость Хлемуци, Греция. 1220 г. Фотография. 2008 г.

лась экономика областей, подчиненных Венеции и вовлеченных в ее торговые связи. Постепенно наметилась тенденция к усилению роли К-поля в товарообмене между 2 торговыми зонами — Эгейды и Причерноморья, в основном под контролем венецианцев. При Генрихе наметилась тенденция к включению греч. архонтов и архонтопулов в состав

престол занял его брат Роберт, слабый и развратный правитель, после его смерти в 1228 г. императором стал его малолетний брат *Балдуин II*, соправителем которого сеньоры избрали опытного воина, бывш. иерусалимского кор. Иоанна Бриенния (Жана де Бриенния), провозгласив его соимператором. После смерти Бриенния (1236 или 1237) повзрос-

левший Балдуин II неоднократно отправлялся на Запад и много лет провел там в тщетных поисках защиты от никейских императоров и др. противников Л. и., борющихся за отвоевание земель Византийской империи.

Развитие визант. «реконкисты» привело к тому, что эпирский правитель Феодор Ангел Комнин Дука овладел всей Фессалией, Охридом и др. городами Македонии, а в 1224 г. захватил Фессалоникийское королевство и провозгласил себя императором ромеев. В 1224 г. его соперник никейский имп. *Иоанн III Дука Ватац* разгромил войска Л. и. в битве при Пиманионе и изгнал латинян почти со всех земель М. Азии, за исключением Никомидии и ее округи. Др. соперником Л. и. оставался Болгария, царь которой Иоанн II Асень разгромил и пленил Феодора Ангела в битве при Клокотнице в 1230 г. и быстро захватил все земли Фракии и Юж. Македонии вплоть до Адрианополя. В ходе военных кампаний 1242–1246 гг. эти земли перешли под власть никейского императора. В 1259 г. в битве при Пелагонии никейские войска разгромили союзную армию Эпирского царства и морейского кн. Гийома Виллардуэна, вассала императора Л. и. Никейцы получили возможность наступать с суши на К-поль, и лишь помощь венецианского флота и отрядов лат. наемников позволяла латинянам еще нек-рое время удерживать город. Когда в июле 1261 г. венецианский флот отплыл в Чёрное м. к о-ву Дафнусий, подошедший к К-полю отряд под командованием никейского военачальника Алексея Стратигопула без боя взял город через открытые для него местными жителями ворота. Л. и. пала. Латиняне и венецианцы в панике бежали из города. Стратигопул разрешил выпустить их из города и позволил им отплыть на венецианских судах. Последний император Л. и. Балдуин II стал ее 1-м титулярным императором, лишенным своих владений. Титул императоров Л. и. в изгнании сохранялся за потомками рода Куртене и князей Ахайи до 1383 г.

В 1204 г. капитул каноников Св. Софии, состоявший из венецианцев, избрал патриархом К-польским представителя знатного венецианского рода Томмазо *Морозини*. Римский папа *Иннокентий III*, несмотря на неканонический характер выбо-

ров, к-рый вызвал его недовольство, в марте 1205 г. утвердил их, признал возникший т. о. лат. К-польский Патриархат. Тем не менее в посл. папа настойчиво стремился расширить пре-

Основание ц. св. Франциска в Гларентце, Греция. XIII в.

рогативы Римской курии в его управлении и в избрании последующих патриархов. К-польский Патриархат в годы существования Л. и. был полностью подчинен папам и находился в юрисдикции Римско-католической Церкви. Т. о., в Л. и. возникла ситуация фактической церковной унии. Уния не провозглашалась к.-л. офиц. соглашениями Западной и Восточной Церквей, но навязывалась на практике правосл. местному населению со стороны католич. правящего меньшинства, к-рое считало необходимым насаждать свои церковные порядки по праву завоевателей.

Иерархическая структура кафедр Патриархата по сравнению с прежними традициями визант. Константинопольской Православной Церкви не претерпела существенных изменений. Папа разрешал назначать епископов в Л. и. из греков и сохранять нек-рые греч. обряды в Церкви, но при условии признания духовенством и паствой папского примата. Греч. духовенство Л. и. обратилось к Иннокентию III с просьбой создать параллельно с лат. Патриархатом и греч. Патриархат в К-поле под эгидой папы, но получило отказ. Епископы из латинян вошли в состав высшей иерархии Л. и. и при распределении земель получали от

4 до 8 рыцарских феодалов, а затем еще более расширили свои владения. Положение осложнялось тем, что часть бывш. земель византийской К-польской Православной Церкви была присвоена светскими сеньорами. За эти земли шла борьба, и, чтобы

сгладить конфликт, имп. Генрих I уступил духовенству $\frac{1}{15}$ земель и доходов Л. и. вне К-поля. Нередко конфликты происходили между венецианскими и франц. клириками, между греками и латинянами. Греч. духовенство настаивало на сохранении правосл. обрядов, отрицало celibat и отказывалось платить десятину, акростих, исполнять ангарии (барщинные повинности в пользу лат. сеньоров), выставлять со своих владений воинов для охраны границ и т. д.

Патриарх Томмазо Морозини пытался запрещать богослужение в сто-

Церковь Св. Софии в Андравице, Греция. XIII в.

лице по правосл. обряду, когда греч. священники отказывались помянуть его имя на литургии, конфликтовал с венецианским подеста, оспаривая владение венецианцами чудотворной иконой Божией Матери «Одигитрия», с франц. клиром, присваивал значительные суммы из казны собора Св. Со-

Герб Флориса де Эно, кн. Ахейского, и его жены Изабеллы де Виллардуэн на капители собора Св. Софии в Андравице, Греция. Кон. XIII в.

фии. Все это обостряло религ. ситуацию и застав-

ляло папу и имп. Генриха I вмешиваться, защищая греков и лат. клириков от чрезмерных притязаний патриарха. Папы старались проводить свою политику в Л. и. также при помощи легатов. Для того чтобы добиться признания греч. духовенством унии, папские легаты проводили в 1204–1214 гг. переговоры и диспуты с греками. Важнейшую роль в переговорах с греч. стороны играл митр. Эфесский Николай Месарит. После того как в 1208 г. в Никее был избран новый правосл. патриарх К-польский Михаил IV Авториан, не признававший унии и папской юрисдикции, переговоры зашли в тупик, а высокомерное поведение папского легата кард. Пелагия в 1214 г. только обострило ситуацию. В 1222 г. папским постановлением католич. епископату Л. и. было разрешено освобождать от наказания латинян за их карательные действия по отношению к греч. клирикам, не оказывавшим должного почтения и повиновения Римско-католической Церкви.

Постепенно высший клир латинского К-польского Патриархата был заменен католическими прелатами, но часть епископов и приходское священство оставались преимущественно греческими, но вынуждены

были признавать власть Римской курии. Несогласные с этим клирики переселились в основном на земли Никейской импе-

рии, Эпирского гос-ва и на др. греч. территории и тем самым переходили под омофор правосл. К-польского патриарха с резиденцией в Никее. В К-поле был произведен своеобразный раздел храмов между католиками и православными. Из 300 городских церквей ок. 250 было сохранено за греч. клиром, 7 перешло венецианцам, ок. 30 — французам, 2 храма (Богородицы во Влахернах и арх. Михаила в Сосфении) стали императорскими, и в них утвердился клир фламанд. происхождения. Нек-рые храмы находились в совместном использовании как православных, так и католиков, и служба в них, как, напр., в соборе Св. Софии, совершалась поочередно. Ряд монастырей

и церквей Л. и. перешли под контроль европ. монашеских орденов, цистерцианцев, францисканцев и доминиканцев, а также духовно-рыцарских орденов. Папа Иннокентий III подтвердил привилегии Св. Горы *Афон*, но из афонских обителей лишь *Иверский монастырь* (Ивирон) на некоторое время признал власть папы.

В период существования Л. и. городское строительство в К-поле почти прекратилось. Город опустел, его стены с трудом и лишь частично ремонтировались. Лишь немногие храмы отстраивались или возводились на месте прежних. Напр., была построена доминиканская ц. святых Павла и Марии во Влахернах (1233). Из-за скудости финансов кор. Балдуин II был вынужден даже продать венецианцам позолоченную крышу к-польского дворца. Единственной фресковой росписью, которая достоверно относится к эпохе Л. и. в К-поле, являются фрески 50-х гг. XIII в. в капелле св. Франциска Ассизского в Календерхане-джами с наиболее ранними изображениями сцен из жизни этого католич. святого, созданными вскоре после его канонизации в 1228 г.

Мн. святыни, реликвии, сокровища, рукописи К-поля и др. земель Л. и. были разграблены, уничтожены или перевезены в Зап. Европу. Но искусство книжной миниатюры в этот период еще сохранялось в К-поле, о чем свидетельствуют немногие сохранившиеся иллюминированные рукописи той поры. Новым явлением для греч. земель стало творчество в К-поле и Фессалонике трубадуров, пришедших в свите вождей крестоносцев — Раймбауга де Вакейраса, Элиаса Кайреля, Гийома де Салоника. Постепенно завоеватели Л. и. начинали усваивать греч. язык, приобщаться к эллинской культуре, т. о. зарождались черты синкретического стиля в искусстве, к-рый впитывал в себя как западноевропейские, так и визант. элементы. Они не получили развития в самой Л. и., но более явственно обозначились в различных регионах Латинской Романии.

Императоры Л. и.: Балдуин I Фландрский (1204–1205); Генрих I Фландрский (1206–1216); Петр (Пьер) де Куртене (1217); Иоланда (1217–1219); Роберт де Куртене (1221–1228); Балдуин II (1228–1273; с 1261 в изгнании), Иоанн Бриенский (соимператор, 1231–1236/37).

Ист.: *Georgii Acropolitae Historia // Georgii Acropolitae Opera / Ed. A. Heisenberg, P. Wirth. Stuttg., 1978. Vol. 1* (рус. пер.: *Георгий Акрополит. История / Под ред. П. И. Жаворонкова. СПб., 2005*); *The Chronicle of Morea / Ed. J. Schmitt. L., 1904. Groningen, 1967*.

Лит.: *Ducange Ch. Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français. P., 1657*; *Медовиков П. Е. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще. М., 1849*; *Longnon J. L'Empire Latin de Constantinople et la Principauté de Morée. P., 1949*; *Janin. Les églises et les monastères. 1969*; *Невбрухξ В. Les institutions de l'empire latin de Constantinople (1204–1261) // Βυζαντινά. 1974. Т. 6. Σ. 85–154*; *idem. Régesses des empereurs Latins de Constantinople (1204–1261/72) // Ibid. 1988. Т. 7. Σ. 7–191*; *Oikonomides N. La décomposition de l'Empire Byzantin à la veille de 1204 et les origines de l'Empire de Nicée: à propos de la «Partitio Romaniae» // XVe Congr. Intern. d'Études Byzantines: Rapports et co-rapports. Athènes, 1976* (repr.: *Oikonomides N. Byzantium from the 9th Cent. to the 4th Crusade. Ashgate, 1992. N XX. P. 3–28*); *Wolff R. L. Studies in the Latin Empire of Constantinople. L., 1976*; *Carile A. Per una storia dell'Impero latino di Costantinopoli: 1204–1261. Bologna, 1978*; *Frazee A. The Catholic Church in Constantinople, 1204–1453 // BalkSt. 1978. Vol. 19. P. 33–49*; *Данчева-Василева А. България и Латинската империя, 1204–1261. София, 1985*; *ODB. Vol. 2. P. 1183–1185*; *Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000*; *Jacoby D. Byzantium, Latin Romania and the Mediterranean. Aldershot; Burlington, 2001*; *Quarta Crociata: Venezia, Bisanzio, Impero Latino / A cura G. Ortalli, G. Ravagnani, P. Schreiner. Venezia, 2006*; *Мейендорф И., прот. Христианский Восток и возвышение папства: Церковь в 1075–1453 гг. М., 2010. С. 286–305*; *Острогорский Г. А. История Византийского государства. М., 2011. С. 509–546*; *Shawcross T. The Chronicle of Morea: Historiography in Crusader Greece. Oxf., 2015.*

С. П. Карпов

ЛАТИНСКАЯ РОМАНИЯ, совокупность гос-в и владений кон. XII–XVIII в., возникших в регионах Греции, Эгейского м., Черноморских проливов и в Причерноморье, от Ионических о-вов до устья Дона, на части территории *Византийской империи* в основном в результате 4-го *крестового похода* (1202–1204), а также в ходе последующей экспансии «латинян» — западноевроп. гос-в, морских республик, купечества и рыцарства. Формирование Л. Р. началось с захвата норманнским кор. Сицилии Вильгельмом II принадлежавших Византии Ионических о-вов (Кефалиния, Закинф и Итака; см. статью *Кефалинийская митрополия, Закинфская митрополия*) в 1185 г. и *Кипра* англ. кор. *Ричардом I Львиное Сердце* в 1191 г. В 1194 г. Ионические о-ва перешли под власть итал. рода Орсини, а Кипр в 1192 г. был продан бывш. кор. Иерусалима Ги де Лузиньяну,

основателю Кипрского королевства. После захвата *Константинополя* крестоносцами в апр. 1204 г. завоевание визант. территорий стало осуществляться планомерно на основании договора крестоносцев о разделе Византии (*Partitio Romaniae*). Крупнейшими государствами Л. Р. были: *Латинская империя* (1204–1261), *Фессалоникийское королевство* (1204–1224, официально королевство с 1209), Ахейское княжество на Пелопоннесе (1205–1432), Афинская сеньория (1205–1456, с 1260 герц-ство; см. ст. *Афины*), Кипрское королевство династии Лузиньянов (1192–1489), владения рыцарского духовного ордена госпитальеров на Родосе, о-вах Додеканес и в Галикарнасе (ныне Бодрум; 1306–1522). Владениями *Венеции* стали: часть кварталов К-поля, острова Крит (1206–1669), Корфу (1207–1214, 1386–1797; см. ст. *Керкирская, Паксийская и Заморских островов митрополия*), порты Корон и Модон (1207–1500), крепости Навплий (1389–1540), Аргос (1394–1463), *Навакт* (Лепанто; 1407–1499), *Монемвасия* (1464–1540), *Эвбея* (Негропонт; 1209–1470), Кипр (1489–1571). Входившие в состав Л. Р. Юж. Балканы представляли собой различные «франкские» и греч. владения. Ряд бывш. визант. территорий перешел под власть отдельных семейств венецианского патрициата. Так, династией Санудо было основано герц-ство Архипелага (1207–1566), включавшее Кикладские о-ва, владения рода Гизи на о-вах Спорады, а также на Тиносе и Миконосе (1207–1390), владения рода Веньеров на Китире (1207–1363), рода Навагайозо на Лемносе (1207–1279). На Ионических о-вах и в *Эпире* правила неаполитанская династия Токко (1357–1449).

К Л. Р. относят также итал. торговые фактории, возникшие благодаря договорам *Генуи* и Венеции с местными правителями. Генуэзцами были основаны крупные фактории: *Пера* в Галате близ К-поля (1267–1453), *Каффа* в *Крыму* (ныне Феодосия, 60-е гг. XIII в.—1475), сеть поселений на побережье Крыма (генуэзская Газария) и на всех берегах Чёрного и Азовского морей, включая *Трапезунд* (ныне Трабзон) и *Тану* (ныне Азов). В ходе торговой и военной экспансии генуэзцы захватили также о-в Хиос и г. Фокею (ныне Фоча; 1346–1566), г. *Фамазу* на Кипре (1384–1464). Генуэз-

ская семья Гаттилузио правила греческими островами Лесбос (1355–1462), Тасос (1427–1462), Лемнос (1453–1462), Имброс (1409–1456; см. ст. *Имбросская и Тенедосская митрополия*). Венеция и после падения Латинской империи в 1261 г. сохранила ряд кварталов в К-поле, а затем основала фактории в Трапезунде (1319–1461) и Тане (1332–1475).

Подчинение различных территорий лат. завоевателям было сопряжено с национальным и религ. угнетением, с появлением новых, нередко тяжелых форм личной зависимости, порождало сопротивление населения. На территории Л. Р. укореняются серваж и феодальные формы крестьянской зависимости. Венецианская и генуэзская колонизация в факториях на «чужой» территории (Золотой Орды, Трапезундской империи, затем Османской империи) носила в основном торговый характер. Повсеместно в Л. Р. среди населения распространялась уния правосл. и Римско-католических Церквей, утверждался примат Римских пап и устанавливался в разных формах контроль над местным духовенством, поощрялась деятельность францисканского, доминиканского и иных католич. монашеских орденов.

В течение XIII в. территории Л. Р. были постепенно отвоеваны возрожденной Византийской империей династии Палеологов. В XV–XVI вв. почти все территории, еще принадлежавшие Л. Р. (кроме Крита и Корфу), были захвачены Османской империей.

В Л. Р. складывался синкретический тип культур, вобравший в себя разные компоненты местных традиций, а также привнесенные завоевателями и колонистами эстетические каноны и культурные обычаи. Этот процесс сближения христ. культур Зап. и Вост. Европы был прерван османскими завоеваниями. Значение Л. Р. заключается и в том, что она служила мостом передачи образцов античной и визант. культуры на Запад, создавая условия для развития итал. *Ренессанса*. Именно с территории Л. Р. греч. рукописи, произведения искусства, различные предметы художественного творчества были перевезены во мн. города и центры Зап. Европы. Пребывание западноевропейцев на территории Л. Р. способствовало росту интереса к греч. культуре и языку, к истори-

ческим и археологическим памятникам греч. Востока на Западе.

Лит.: *Miller W.* The Latins in the Levant. L., 1908; *Thiriet F.* La Romanie Venitienne au Moyen Age. P., 1959; *Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963; *Fedalto G.* La Chiesa Latina in Oriente. Verona, 1973–1978. 3 vol.; *Jacoby D.* Société et demographie à Byzance et en Romanie Latine. L., 1975; *Balard M.* La Romanie Genoise: XIIe – début du XVe s.). R., 1978. 2 t.; *Pistarino G.* I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988; *Lock P.* The Franks in the Aegean, 1204–1500. L.; N. Y., 1995; *Карпов С. П.* Латинская Романия. СПб., 2000.

С. П. Карпов

ЛАТИНСКИЕ ПАТРИАРХАТЫ, архиеп-ства лат. обряда Римско-католической Церкви, главы которых наделены почетным титулом патриарха (в наст. время действующими являются Л. П. Венеции, Иерусалима, Лиссабона и Гоа), а также но-

Въезд в Венецию патриарха Антонио Коррера. Нач. XVIII в.
Худож. М. Мариески (частное собрание)

минальные кафедры, предстоятели которых имели в католич. Церкви лат. обряда титулование патриарха (напр., вакантный с 1963 престол патриарха Зап. Индий). Ряд Л. П. был основан в результате *крестовых походов*, когда кафедры патриархов Вост. Церквей были заняты лат. епископами, однако после изгнания крестоносцев с Востока Л. П. К-поля, Александрии и Антиохии продолжали существовать в качестве титулярных кафедр (упразднены в 1964). По действующему Кодексу канонического права 1983 г. (см. *Codex iuris canonici*) титул патриарха в католич. Церкви является «почетной прерогативой» и «не предполагает никакой власти управления, если только в отношении некоторых лиц не явствует иного по апостольской привилегии или в силу одобренного обычая» (СІС. 438).

Длительное время титул патриарха Запада (Patriarcha Occidentis) входил в титулатуру папы Римско-

го, однако употреблялся крайне редко. Так, он не был упомянут на *Латеранском IV Соборе* (1215) и *Ферраро-Флорентийском Соборе* (1438–1445) в связи с признанием вост. патриархами главенства папы Римского. С 2006 г. титул патриарха Запада отсутствует в списке папских титулов в папском ежегоднике «*Annuario Pontificio*», а его удаление было официально объяснено юридической неясностью данного титула и невозможностью его использования в совр. условиях.

В средние века предпринимались попытки придать реальное значение титулу патриарха в Зап. Церкви. Так, в *Лжеисидоровых декреталиях* (IX в.) в разд. «De episcopis et primatibus et patriarchis eorumque ministris» описаны патриархи и примасы, полномочия к-рых должны были быть противопоставлены неограниченной власти архиепископов над простыми епископами (PL. 130).

Col. 73–76). Кроме того, на статус патриархов оказало влияние представление о верховенстве папы Римского над гла-

вами Вост. Церквей: они рассматривались как иерархи, подчиненные папе Римскому, но превосходящие по статусу глав митрополий.

Древнейшим из Л. П. являлся патриархат *Аквилеи*, предстоятели которого претендовали на преемство от ап. Марка. Титул патриарха, усвоенный епископом Аквилеи в сер. VI в. в ходе противостояния с Римом в споре о «Трех Главах», сохранился и после перенесения кафедры в *Градо* (568), причем в нач. VII в. противостояние между Римом и Византией привело к возникновению Л. П. как в Аквилее (существовал до 1751), так и в Градо. С XII в. патриархи Градо постоянно проживали в Венеции, куда 8 окт. 1451 г. папа Римский *Николай V* буллой «Regis aeterni» перенес кафедру (подробнее см. в статьях *Аквилея, Градо, Венеция*).

Как правило, титул патриарха использовался для повышения статуса предстоятеля к.-л. кафедры среди

др. церковных и светских правителей региона; статус главы Л. П. был близок к статусу примаса. С этим связаны неудавшиеся планы *Адальберта*, архиеп. Гамбургского и Бременского (1043–1072), по созданию «Северного Патриархата» из 12 еп-ств в ходе борьбы за влияние в Дании и Норвегии. Подобное использование термина могло исходить и от папской власти: в 1232 г. папа Римский *Григорий IX* именовал архиепископа Буржа патриархом Аквитании, поддерживая его в противоборстве с архиепископом Бордо за церковное главенство в регионе.

А. В. Русанов

Латинский Патриархат Иерусалима (лат. Patriarchatus Hierosolymitanus Latinorum), первый в числе учрежденных на Востоке Л. П., был основан в результате 1-го крестового похода (1096–1099; см. ст. *Крестовые походы*); его юрисдикция распространялась на территорию *Иерусалимского королевства*. Согласно зап. источникам, во время взятия Иерусалима (1099) Патриарший престол был вакантным, т. к. правосл. Иерусалимский патриарх Симеон II в 90-х гг. XI в. покинул город по причине смут, вызванных соперничеством династии *Фатимидов* с сельджуками военачальниками за власть над Палестиной, и поселился на о-ве Кипр, где умер в июле 1099 г.; однако скорее всего Симеон скончался в 1106 г. в К-поле (*Runciman*. 1951. P. 78; *Richard*. 1985. P. 233–234). В авг. 1099 г. на Патриарший престол был избран пресв. Арнульф Малькорн де Шок, пользовавшийся поддержкой герц. Роберта III Нормандского, войско к-рого он сопровождал во время похода, а также правителя Иерусалима *Готфрида Бульонского* (1099–1100); известно, что Арнульф поддерживал стремление Готфрида, принявшего титул «защитник Гроба Господня» (*advocatus Sancti Sepulchri*), создать на завоеванной территории гос-во, подчинявшееся светскому правителю. Хотя *Гвиберт Ножанский* сообщает, что Арнульф был возведен в сан патриарха (*Guibert de Nogent*. «Gesta Dei per Francos» et cinq autres textes / Ed. R. Huygens. Turnhout, 1996. P. 290–291. (СССМ; 127А)), согласно хронике Фульхерия Шартрского, избрание Арнульфа к этому времени еще не было утверждено папой Римским (*Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana*. I 33 / Hrsg. H. Hagenmeyer. Hdlb., 1913. S. 333).

Вскоре архиеп. Пизы *Даиберт*, который после смерти одного из руководителей похода, Адемара, еп. Ле-Пюи (1 авг. 1098), был назначен папским легатом на Св. земле, обвинил Арнульфа в симонии и признал выборы патриарха незаконными. В дек. 1099 г. в Иерусалиме состоялся Собор, на к-ром под давлением гр. *Боэмунда Тарентского* и гр. Эдессы Балдуина Бульонского (буд. кор. *Балдуин I*) Даиберт был избран патриархом.

В 1100 г., после смерти Готфрида Бульонского, в Иерусалимском королевстве обострились дискуссии о юридическом статусе нового гос-ва. Даиберт, фактически управлявший Иерусалимом, был сторонником теократического гос-ва с вассальной зависимостью от папы Римского, но он не пользовался поддержкой со стороны духовенства и баронов. После провозглашения королем Балдуина Бульонского Даиберт был вынужден короновать его, т. о. отказавшись от идеи создания на Св. земле духовного гос-ва. Патриарх заставил христиан вост. обрядов покинуть Иерусалим; их права были восстановлены лишь после вмешательства кор. Балдуина I. После избрания правосл. Иерусалимского патриарха Иоанна VIII (1106/07) и его переезда на территорию Византийской империи К-поль на долгие годы стал местом пребывания правосл. патриархов Иерусалимских в изгнании. Другие правосл. архиереи были заменены лат. прелатами, а храмы *Иерусалимской Православной Церкви*, в т. ч. храм Гроба Господня, перешли под контроль Римско-католической Церкви. Известно, однако, о существовании общины греч. клириков, служивших в храме Гроба Господня, а также о неск. правосл. архиереях, в обязанности которых, по всей видимости, входило руководство клириками и мирянами византийского обряда, жившими на территории лат. Иерусалимского Патриархата; с целью соблюдения норм канонического права в титулатуре этих архиереев отсутствовало название соответствующего лат. еп-ства (*Richard*. 1985. P. 235).

В 1099–1187 гг. лат. Патриаршему престолу подчинялись 3 суффрагана: еп-ства Лидда (ныне Лод, Израиль) и Рамла (кафедра основана в 1099), Вифлеем (с 1108) и Хеврон (с 1168). В 1135–1187 гг. диоцез Акра был подчинен архиеп-ству Тир (ос-

новано в 1128). Тирскому архиеп-ству подчинялись также диоцезы Сидон (ныне Сайда, Ливан; захвачен в 1110, еп-ство образовано не позднее 1133), Берит (ныне Бейрут, Ливан), епископ для к-рого был назначен в 1112 г., однако посвящен лишь в 1133 г., и Панаеда (ныне Банияс, Голанские высоты; см. *Кесария Филиттова*), находившаяся под контролем крестоносцев в 1140–1164 гг. В 1101 г., после захвата *Кесарии Приморской* войсками кор. Балдуина I, в городе была учреждена архиепископская кафедра, которой подчинялся один суффраган — еп-ство Севастия (ныне Сабастия, Западный берег р. Иордан; кафедра основана в 1129). В 1103–1128 гг. в соответствии с решением папы Римского *Пасхалия II* (1099–1118) территория Галилеи находилась в юрисдикции архиепископа г. Вефсан (ныне Бейт-Шеан, Израиль); затем ею стал управлять архиепископ Назарета, в подчинении которому находилось еп-ство Тивериада (ныне Тиверия, Израиль), основанное ок. 1144 г. С 1168 г. Трансиордания подчинялась в церковном отношении архиеп-ству Керак (ныне Эль-Карак, Иордания). До 1187 г. патриарх и проч. епископы фактически назначались королем, хотя каноническое избрание формально сохранялось и соборные капитулы могли обратиться к папе с просьбой рассмотреть законность избрания патриарха. В целом отношения между правителями Иерусалимского королевства и патриархами были мирными, однако периоды патриаршества Даиберта и Стефана из Ла-Ферте (1128–1130), стремившихся к независимости от королей, были отмечены конфликтами со светской властью.

Под властью крестоносцев в Иерусалиме велось активное храмовое строительство (подробнее см. ст. *Иерусалим*). В лат. Иерусалимском Патриархате несли служение как секулярные клирики, так и члены различных монашеских орденов; роль последних постепенно возрастала. В 1114 г. каноники храма Гроба Господня приняли *Августина устав*; из каноников-августинцев состояли также капитулы базилики Рождества Христова в Вифлееме, ц. Благовещения Пресв. Богородицы в Назарете и ц. праотца Авраама на месте пещеры *Махмела* в Хевроне, где были погребены Авраам, Исаак и Иаков. Кроме того, августинцам принадле-

жали ц. Девы Марии на Сионе, или ц. Св. Сиона, ц. Вознесения на Елеоне и Купол скалы («храм Господень», *Templum Domini*). В XII в. были основаны несколько бенедиктинских, цистерцианских и премонстрантских мон-рей. После окончания 1-го крестового похода на территории Иерусалимского Патриархата действовали духовно-рыцарские ордены иоаннитов (см. *Мальтийский орден*) и *тамплиеров*, конгрегации *гоститалитов*, к-рые занимались опекой больных, паломников и неимущих. В 1187 г. султан *Салах-ад-Дин* (1174–1193), основатель династии *Айюбидов*, разгромил крестоносное войско при Хаттине и захватил большую часть Иерусалимского королевства, включая Иерусалим. Лат. население получило возможность покинуть город за выкуп; патриарший дворец был разрушен. Тем не менее в результате 3-го крестового похода (1189–1192) христианам удалось вернуть часть территорий, в т. ч. Акру (ныне Акко, Израиль; 1191), к-рая стала столицей т. н. Второго Иерусалимского королевства. В Акру был перенесен Патриарший престол; с 1262 г. лат. патриархи Иерусалима являлись по должности епископами Акры. Патриаршему престолу подчинялись 3 диоцеза: Лидда и Рамла, Вифлеем, Хеврон; их правящие епископы постоянно проживали в Акре (за исключением епископа Вифлеема, пребывавшего в 1229–1244 в своем кафедральном городе, который в этот период контролировался христианами). В юрисдикции Тирского архиепископа находились еп-ства Акра (до 1262), Сидон и Берит. Архиепископ Кесарии Приморской пребывал на территории своего диоцеза до разрушения города войсками мамлюкского султана Бейбарса I (1260–1277) в 1265 г. В Акре жил и архиепископ Назарета, имевший возможность вернуться в свой диоцез в 1229–1263 гг., когда был восстановлен контроль крестоносцев над городом; находившаяся в юрисдикции архиепископа Назарета кафедра Тивериады оставалась вакантной вплоть до временного перехода Галилеи под власть крестоносцев (1241). Кафедры Керака и Севастии оставались вакантными, хотя в XIII в. папы назначали на них титулярных епископов.

В янв. 1229 г. имп. Свящ. Римской империи *Фридрих II Штауфен* (1220–1250), руководивший 6-м крес-

Патриаршая базилика
Сан-Лоренцо-фуори-ле-Мура
в Риме

товым походом (1228–1229), и султан аль-Камиль (1218–1238) заключили договор сроком на 10 лет, в соответствии с которым под контроль крестоносцев переходили весь Иерусалим, кроме Храмовой горы, а также Вифлеем, Назарет, Лидда и сеньории Торона и Сидона, однако христианам запрещалось восстанавливать стены Иерусалима, а мусульмане продолжали владеть Храмовой горой. Лат. патриарх Геральд Лозаннский (1225–1239) не только отказался переселяться в Иерусалим, но и наложил на город *интердикт*, под страхом отлучения запретив кому-либо сопровождать Фридриха II. В последующие годы Иерусалим несколько раз переходил из рук в руки; в авг. 1244 г. город был взят хорезмийца-

Монастырь
Успения Пресв. Богородицы
лат. Иерусалимского
Патриархата.
1910 г.

ми, к-рые заключили договор с егип. султаном ас-Салихом Айюбом (1240–1249), что означало окончательную потерю христианами власти над городом. После неудачи 8-го крестового похода (1270) Иерусалимское королевство, ослабленное внутренними конфликтами, вступило в последний период своего существования, который завершился взятием Акры мамлюками в 1291 г. В 1295–

1847 гг. лат. Иерусалимский Патриархат был номинальным, а титулярные лат. патриархи Иерусалима проживали в Риме; в 1374 г. патриаршей базиликой стала ц. Сан-Лоренцо-фуори-ле-Мура. Попечение о св. местах в Палестине было поручено ордену *францисканцев*, деятельность к-рого была разрешена егип. султанами. В 1342 г. папа *Климент VI* (1342–1352) буллами «*Gratias agimus*» и «*Nuper carissimae*» объявил о создании кустодии Св. земли. Кустодия являлась провинцией ордена францисканцев, а ее глава, юрисдикция к-рого распространялась на весь Ближ. Восток, был наделен полномочиями апостольского делегата и викария.

Латинский Иерусалимский Патриархат был восстановлен буллой «*Nulla celebrior*» папы Римского *Пия IX* от 23 июля 1847 г. в результате дипломатических контактов между Османской империей, контролировавшей Иерусалим, и Францией. Патриархом стал Джузеппе Валерга (1847–1872), основавший 12 приходов и семинарию в Бейт-Джале; в сев.-зап. части Старого города был построен сокафедральный собор Пресв. Имени Иисусова в неоготическом стиле.

В настоящее время латинскому патриарху Иерусалима подчиняются приходы латинского обряда на территории Израиля, Палестинской автономии, Иордании и Кипра. В Назарете расположена резиденция территориального вика-

рия, к-рый окормляет общину арабов-католиков; общиной евреев-католиков управляет персональный викарий. Резиденции

др. викариев находятся в Аммане (викариат Иордании) и Никосии (викариат Кипра). В 2008 г., после ухода в отставку 1-го лат. Иерусалимского патриарха араб. происхождения Мишеля Саббаха (1987–2008), его преемником стал Фуад Туаль. В 2012 г. в лат. Иерусалимском Патриархате насчитывалось 66 приходов; общее число верующих — 161 тыс. чел.

Е. А. Заболотный

Латинский Патриархат Антиохии (лат. Patriarchatus Antiochenus Latinorum) был создан после взятия Антиохии войсками Боэмунда Тарентского (1098; см. также ст. *Антиохийское княжество*). Первоначально крестоносцы признавали власть правосл. Антиохийского патриарха Иоанна IV Оксита как над греками, так и над латинянами, однако его положение было шатким: большое влияние имел еп. Альбары Петр Нарбонский; кроме того, мн. католич. епископы были рукоположены лат. патриархом Иерусалима. После обострения отношений с Византией в 1100 г. патриарх Иоанн покинул Антиохию, на его место был избран Бернард из Валанса, еп. Артахский († 1135). Он сместил большинство местных епископов, создал новую структуру Антиохийского Патриархата; количество диоцезов сократилось при увеличении их территорий; в посл. были учреждены новые еп-ства — в нач. XII в. их насчитывалось 5, к 30-м гг. XII в. — ок. 14. Так, ок. 1099 г. возникло лат. архиеп-ство Эдесса. В 1108 г. по Девольскому договору между антиохийским кн. Боэмундом I Тарентским и визант. имп. Алексеем I Комнином формально была восстановлена власть правосл. патриарха Антиохии, хотя реальных последствий это соглашение не имело. По мере завоеваний обострялись споры между Л. П. Иерусалима и Антиохии о подчинении новых диоцезов, напрямую связанные с политическими разногласиями крестоносцев. По решению Папского престола к лат. Патриархату Антиохии было присоединено еп-ство Триполи (основано в 1110), тогда как Тир, Берит, Сидон и Акра отошли лат. патриарху Иерусалима. Лат. патриарх Антиохии играл заметную роль как в международных отношениях на Ближ. Востоке, так и в непосредственном адм. управлении. К кон. XII в. территория Патриархата расширилась за счет о-ва Кипр. В ходе противостояния Раймонда Рубенида с Боэмундом IV последний, также находясь в конфликте с Папским престолом, в 1206 г. изгнал лат. патриарха, поставив на его место правосл. иерарха, но после примирения с папой Римским в 1209 г. кафедрой Антиохии вновь занял лат. патриарх. После взятия Антиохии мамлюками в 1268 г. патриарх Опицо деи Фьески бежал в Рим. С этого времени лат. Патриархат Антиохии стал номинальным;

резиденция титулярных лат. патриархов Антиохии находилась в Риме, в базилике Санта-Мария-Маджоре. С 1953 г. престол лат. патриарха Антиохии оставался вакантным, в янв. 1964 г. папой Римским Павлом VI титул был упразднен.

Латинский Патриархат Константинополя (лат. Patriarchatus Constantinopolitanus Latinorum) был основан после взятия К-поля войсками крестоносцев (1204) и основания *Латинской империи* в К-поле. В связи с избранием императором Балдуина I венецианцам, не получившим светской власти, была предоставлена возможность избрать из своего клира патриарха на К-польский престол. Им стал субдиак. Томмазо Морозини († 1211), на тот момент отсутствовавший в городе. В послании от 21 янв. 1205 г. папа Римский *Иннокентий III* не признал каноничность этих выборов, но т. к. Морозини на них не присутствовал, папа не считал нужным осуждать его и подтвердил его титул. С 5 по 27 марта папа последовательно рукополагал Морозини во диакона, священника и епископа, даровав ему 30 марта *паллий*. Кроме того, ему были предоставлены особые привилегии, напр. право помазания королей. Папа существенно ограничил полномочия К-польского капитула, состоявшего исключительно из венецианцев, в избрании патриарха. В посл. большинство патриархов непосредственно назначались папами, хотя и являлись венецианцами. Также папа Иннокентий III добился возможности назначения в капитул не являвшихся венецианцами каноников (нередко из числа легатов), что, однако, лишь немного ограничило стремление Венецианской республики иметь собственную систему церковного управления, связанную со светской и с церковной (патриарх Градо) администрациями. При этом низшая иерархия лат. К-польского Патриархата почти не претерпела изменений. На протяжении первых лет после завоевания не прекращались споры между «франкской» и венецианской партиями о разделе приходов и подчинении патриарху. Из-за этого преемник Морозини был избран лишь на IV Латеранском Соборе (1215), когда папа Иннокентий III утвердил «франкского» кандидата Гервасия (впрочем, также венецианца по происхождению). Тогда же было установлено первенство лат. Пат-

риархата К-поля перед др. Л. П. Споры между 2 партиями возобновились после смерти Гервасия (1219). Новый патриарх Матфей (1221), назначенный папой, продолжил политику притеснения «франкских» клириков. В 1225 г. власть лат. патриарха К-поля была укреплена: папа Римский *Гонорий III* установил, что лишь особое папское распоряжение может отлучить его от Церкви или лишить титула. После смерти Матфея (1226) нарушилась монополия венецианцев на титул патриарха: изначально он был предложен Жану Альгрелю, но после его отказа Патриарший престол занимали Симон Тирский (происхождение неизв.) и Никколо ди Кастро Арквато. Оба пытались проводить самостоятельную политику при поддержке папства. В 1253 г. патриархом был назначен венецианец Панталеоне Джустиниани. В условиях опасности для существования Латинской империи папа Римский был вынужден т. о. усилить консолидацию с Венецианской республикой. После восстановления Византийской империи Джустиниани бежал в Кандию (ныне Ираклио, о-в Крит), а затем его резиденция располагалась на Эвбее и в Венеции. Последующие патриархи жили в Венеции и Риме. В результате Ферраро-Флорентийской унии произошло объединение правосл. и лат. Патриархатов К-поля. Первое время после смерти патриарха Григория III Маммы лат. патриархами К-поля были принявшие унию правосл. иерархи — бывш. Киевский митр. *Исидор*, затем бывш. митр. *Виссарийон* Никейский. После основания в 1742 г. апостольского викариата К-поля (с 1990 апостольский викариат Стамбула) лат. Патриархат К-поля стал титулярным; с 1948 г. он оставался вакантным до упразднения папой Павлом VI в янв. 1964 г.

Латинский Патриархат Александрии (лат. Patriarchatus Alexandrinus Latinorum) был титулярным с момента основания в 1-й четв. XIII в. Вероятно, его учреждение было связано с желанием дополнить уже существовавшие лат. аналоги вост. Патриархатов. Самое раннее упоминание о лат. патриархе Афанасии относится к 1219 г., но постоянным титул стал с 1310 г., когда он был дарован папой Римским *Климентом V* доминиканцу Эгидию из Феррары, ранее занимавшему Патриарший престол Градо. Кафедрой лат. пат-

риарха Александрии в Риме являлась базилика Сан-Паоло-фуори-ле-Мура. С 1954 г. титул был вакантным, в янв. 1964 г. папа Павел VI упразднил его.

Патриархат Западных Индий (лат. Patriarchatus Indiarum Occidentalium; испан. Patriarcado de las Indias Occidentales). 26 июля 1513 г. арагонский кор. Фердинанд II отправил папе Римскому *Льву X* прошение о присвоении королевскому капеллану еп. Хуану Родригесу де Фонсеке, возглавлявшему Совет Индий, титула патриарха открытых и завоеванных земель, однако о дальнейшей судьбе этого прошения ничего не известно. Почетный титул был учрежден 11 мая 1524 г. папой Римским *Климентом VII*. Предположительно 1-м лат. патриархом Западных Индий стал Антонио де Рохас Манрике, архиеп. Гранады.

В 1560 г. испан. кор. Филипп II отправил папе Римскому *Пио IV* прошение о наделении лат. патриарха Западных Индий юрисдикцией, однако эта инициатива не получила поддержки Папского престола. Регулярно титул стал присваиваться с 1602 г., когда были оставлены попытки придать ему реальную силу. 10 марта 1762 г. бреве папы Римского *Климента XIII* титул патриарха Западных Индий был объединен с должностью Генерального военного викария (Vicariato General Castense) Испанского королевства. После смерти в 1963 г. Леопольдо Эйхо-и-Гарая, еп. Мадрида и Алькала, титул не присваивался.

Лиссабонский Патриархат (лат. Patriarchatus Lisbonensis; португ. Patriarcado de Lisboa). К нач. XVIII в. королевская капелла оказывала большое влияние на религ. жизнь Португалии. Особое значение она имела также для португ. кор. Жуана V, который в 1709 г. создал при ней ка-

питул, а в 1710 г. добился от папы Римского *Климента XI* присвоения статуса коллегиальной церкви (булла «Apostolatus ministerio»). 7 нояб. 1716 г. папа Климент XI разделил диоцез Лиссабона между архиепископом и патриархом, резиденция к-рого находилась при Королевской капелле во дворце Рибейра (Santa Igreja Patriarcal). Буллой «Gregis dominici cura» от 3 янв. 1718 г. понтифик подтвердил титул патриарха за капелланом Томашом ди Алмейдой, к-рому 3 окт. того же года был дарован сан архиепископа. Поддержка папой Климентом XI инициатив кор. Жуана V связывалась в первую очередь с активным участием Португалии в антиосманской коалиции. Однако 13 дек. 1740 г. буллой папы Римского *Бенедикта XIV* «Salvatoris nostri Mater» Лиссабонское архиеп-ство было объединено с Патриархатом; почетный титул патриарха сохраняется за архиепископом Лиссабона.

Патриархат Восточных Индий (лат. Patriarchatus Indiarum Orientalium; португ. Patriarcado das Índias Orientais). С 1572 г. архиепископ Гоа обладал титулом примаса Востока. После португ. революции 1832–1834 гг. и введения антиклерикального законодательства обострилось противостояние между португ. правительством и Папским престолом, что привело к изданию папой Римским Григорием XVI буллы «Multa graeclare» (24 апр. 1838), в соответствии с к-рой из юрисдикции архиепископа Гоа, находившегося под португ. королевским патронатом, были изъяты диоцезы Кочин, Кранганур и Майлапур; управление ими поручалось апостольским викариям, назначенным Римом. Т. о., архиепископство Гоа было ограничено португ. колониями в Индии, но местное португ. духовенство отказалось подчиниться булле. Длительный конфликт, известный как «Гоанская схизма», был урегулирован только к 1886 г., когда

издал буллу «Humanae Salutis Auctor», по к-рой архиепископу Гоа был присвоен титул патриарха при сохранении патроната. В 1961 г. территория Португальской Индии вошла

Собор вмц. Екатерины
лат. Патриархата
Восточных Индий в Гоа

в состав Индии, что привело к выходу из-под управления патриарха большинства диоцезов. В 1975 г. Патриархат потерял статус архиеп-ства, т. к. из юрисдикции патриарха были изъяты диоцезы Макао в Китае и Дили на Вост. Тиморе. 25 нояб. 2006 г. папа Римский Бенедикт XVI (см. *Ратцингер Й.*) вернул статус архиепископства кафедре Гоа; под ее управление был передан диоцез Синдхурдур.

Лит.: Hotzelt M. Kirchengeschichte Palästinas im Zeitalter der Kreuzzüge, 1099–1291. Köln, 1940; Wolff R. L. The Organization of the Latin Patriarchate of Constantinople, 1204–1261: Social and Administrative Consequences of the Latin Conquest // Traditio. 1948. Vol. 6. P. 33–60; idem. Politics in the Latin Patriarchate of Constantinople, 1204–1261 // DOP. 1954. Vol. 8. P. 227–303; Kane T. The Jurisdiction of the Patriarchs of the Major Sees in Antiquity and in the Middle Ages. Wash., 1949; Runciman S. A History of the Crusades. Camb., 1951. Vol. 1; он же (Рансимен С.). Вост. схизма: Византийская теократия. М., 1998; Médebielle P. Le patriarchat latin de Jérusalem. Jérus., 1962; idem. Le Diocèse patriarcal latin de Jérusalem. Jérus., 1963; Ruiz García F. Patriarcado de Indias y Vicariato General Castrense // Revista Española de Derecho Canónico. 1967. Vol. 23. N 65. P. 449–471; Mayer H.-E. Bistümer, Klöster und Stifte im Königreich Jerusalem. Stuttg., 1977; idem. Die Kreuzfahrerherrschaft Montréal (Šöbak): Jordanien im 12. Jh. Wiesbaden, 1990; Frazee A. The Catholic Church in Constantinople, 1204–1453 // BalkSt. 1978. Vol. 19. P. 33–49; Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States: The Secular Church. L., 1980; idem. The Growth of the Latin Church of Antioch and the Recruitment of its Clergy // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean: Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. Louvain, 2006. P. 171–184; idem. Jerusalem, Latin Patriarchate of // The Crusades: An Encycl. / Ed. A. V. Murray. S. Barbara etc., 2006. Vol. 2.

Монастырь
Сан-Висенте-де-Фора
Лиссабонского Патриархата.
1582–1627 гг.

между Португальской империей и Папским престолом был заключен конкордат. 1 сент. того же года папа Римский *Лев XIII*

P. 673–677; *Heyer F.* Kirchengeschichte des Heiligen Landes. Stuttg., 1984; *Richard J.* The Establishment of the Latin Church // A History of the Crusades / Ed. K. Setton. Madison: L., 1985. Vol. 5. P. 233–250; *Pringle D.* The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem: A Corpus. Camb., 1993–1998. 2 vol.; *Jotischky A.* The Perfection of Solitude: Hermits and Monks in the Crusader States. Univ. Park (Pa), 1995; *Asbridge Th. S.* The Creation of the Principality of Antioch, 1098–1130. Woodbridge, 2000; *Sampaio Dias Barbosa D.* Patriarcado // Dicionário de história religiosa de Portugal. Lisboa, 2000. Vol. 3. P. 393–395; *Nedungatt G.* Der Patriarch in der katholischen Kirche // Patriarchale und synodale Strukturen in den katholischen Ostkirchen. Münster, 2001. S. 83–122; *Pahlitzsch J.* Graeci und Suriani im Palästina der Kreuzfahrerzeit: Beitr. u. Quellen z. Geschichte des griechisch-orthodoxen Patriarchats von Jerusalem. B., 2001; *Kirstein K.-P.* Die lateinischen Patriarchen von Jerusalem: Von dem Eroberung der Heiligen Stadt durch die Kreuzfahrer 1099 bis zum Ende der Kreuzfahrerstaaten 1291. B., 2002; *Maloney G. A.* Jerusalem, Patriarchate of // NCE. Vol. 7. P. 775–776; Os Patriarcas de Lisboa / Ed. C. A. Moreira Azevedo. Lisboa, 2009.

Е. А. Заболотный, А. В. Русанов

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК [лат. lingua Latina] принадлежит к латино-фалисской подгруппе итальянской группы индоевроп. семьи языков. Название происходит от племени латинов (Latini), населявших обл. Лаций (ныне Лацио) в Центр. Италии. Будучи первоначально языком г. Альба Лонга, который в IX–VII вв. до Р. Х. являлся столицей Латинского союза городов, и ограниченной области вокруг него, Л. я. в ходе исторического развития вытеснил др. языки Др. Италии, а с увеличением территории Римского государства распространился по всему Средиземноморью, став основным языком в зап. части региона; в Вост. Средиземноморье он делил сферы влияния с греч. языком. После падения Зап. Римской империи (476) Л. я. оставался в употреблении в Зап. Европе гл. обр. как язык христ. текстов, научных трактатов и офиц. документов, из его разговорных форм постепенно стали формироваться романские языки. В раннее Новое время Л. я. уступил место новым европ. языкам.

История Л. я. делится на 4 основных периода: архаической, классической, средневековой и новой латыни. В рамках данной периодизации предлагается более детальное членение: 1) архаическая латынь (до I в. до Р. Х.); 2) классический Л. я.: «золотая» (нач. I в. до Р. Х. — I в. по Р. Х.) и «серебряная» (I–II вв. по Р. Х.), поздняя (III–VII вв.) и параллельно существовавшая народная латынь;

появление христ. латыни; 3) средневек. Л. я.: эпоха т. н. варварской (или меровингской) латыни (VII–VIII вв.), *Каролингское возрождение* (кон. VIII — кон. IX в.) и поздний период (X–XIV вв.); 4) новая латынь: Л. я. гуманистов, а также латынь, использовавшаяся в Новое и Новейшее время. Начало периодизации Л. я. было положено *Исидором Севильским* († 636), к-рый в соч. «Этимологии, или Начала» писал о 4 стадиях его развития: древнего (prisca), собственно латинского (latina), римского (romana) и смешанного (mixta) языков (*Isid. Hisp. Etymol.* IX 1. 6–7); в XIX в. В. З. Тейффель обосновал деление классического Л. я. на периоды «золотой» и «серебряной» латыни (*Teuffel.* 1870).

Архаическая латынь. На рубеже II и I тыс. до Р. Х. италики, к-рые подразделялись на сикуло-латино-фалисков и осков, начали заселять Апеннинский п-ов. Длительное время исследователи, пытавшиеся объяснить различия между латино-фалисской (более ранней) и оскско-умбрской языковыми подгруппами,

Стела с двусторонней этрусской надписью. III–II вв. до Р. Х. (Национальный археологический музей Умбри, Перуджа)

придерживались теории о 2 волнах переселений (см.: *Модестов В. И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. СПб., 1902–1904. Ч. 1–2), однако в сер. XX в. М. Паллотино доказал, что италики проникали в Италию постепенно, а не в результате массовых переселений (*Pallotino M.* Le origini storiche dei popoli italici // Relazioni del X Congresso intern. di scienze storiche. Firenze, 1955. Vol. 2. P. 3–60).

К итальянским языкам помимо латинского, фалисского, оскского и умбрского относят также сабинский, пелигнский, вестинский, марруцинский, вольсский, южнопиценский, эквийский, марсийский, сикульский языки. С ними сближают венецкий язык, распространенный на северо-востоке; иногда его относят к иллирийским языкам, равно как и язык япигов и мессапов, живших на восточном побережье Италии. В VIII в. до Р. Х. на юж. побережье Апеннинского п-ова и на о-ве Сицилия начали возникать греч. колонии, совокупность к-рых называлась Вел. Грецией.

В это же время к северо-западу от Лация начинается подъем цивилизации этрусков (тусков, тирренов), язык к-рых, не принадлежащий к индоевроп. семье языков, до сих пор остается малопонятным. В наст. время отсутствует единое мнение о происхождении этрусков, исследователи рассматривают версии о миграции с Востока или об их автохтонном происхождении. К V в. до Р. Х. галлы, язык к-рых относился к кельт. группе, заселили Сев. Италию (обл. Цизальпинская Галлия). После разрушения Рима (390) галльские племена пытались захватить Лаций, однако, потерпев неудачу, остались в долине р. По. (подробнее см. статьи *Древний Рим, Италия*).

Т. о., первоначально Л. я. был распространен на небольшой территории и окружен множеством др. языков, оказавших влияние на его лексический состав (напр., топонимы «Рим» (Roma) и «Тибр» (Tiberis) заимствованы из этрусского яз.). Так, столкновение с более богатой культурой Вел. Греции помимо проч. последствий привело к 1-й волне массовых заимствований лексики из греч. языка (при этом греч. яз. на юге Италии не поддавался романизации). К III в. до Р. Х. римляне захватили всю территорию Апеннинского п-ова к югу от Цизальпинской Галлии; лишь к сер. I в. до Р. Х. эти земли были полностью романизированы. Постепенно Л. я. вытеснил др. языки Италии; в отличие от исчезнувших к I в. до Р. Х. итальянских языков, носители к-рых легко усваивали латынь, этрусский язык существовал вплоть до II в. по Р. Х. В III–II вв. до Р. Х., после Пунических войн и вторжения в Македонию, под контроль римлян перешли Испания, Нарбонская Галлия, Сев. Аф-

рика, Иллирик, Македония и Греция, что способствовало распространению Л. я. на этих территориях.

Сохранились эпиграфические памятники, созданные в период архаической латыни, в т. ч. надписи: из Сатрика (ныне Ле-Феррьер, Лацио; кон. VI — нач. V в. до Р. X.), на стеле Римского форума под плитой из черного мрамора (т. н. *lapis niger*, нач. (?) VI в. до Р. X.), на урне из Цере (ныне Черветери, Лацио), датированная ок. VII в. до Р. X. (некоторые исследователи считают ее созданной на фалиском языке), Пренестинская фибула (VI в. до Р. X.). Хорошо сохранились памятники III — нач. II в. до Р. X., из которых наиболее известны эпитафии Сципионов и постановление сената

Т. н. *черный камень (lapis niger)*.
VI в. до Р. X.
(Римский форум)

о вакханалиях. Др. известные тексты этого периода (фрагменты из гимнов салиев и арвальских братьев, «Законы XII таблиц») сохранились в составе более поздних источников.

Народы Др. Италии использовали неск. алфавитных систем, которые происходили от западногреч. алфавитов, исторически связанных с финик. письменностью; среди значимых для Л. я. особенностей — использование X для обозначения ks, а H — для обозначения h. По-видимому, лат. алфавит не произошел напрямую от алфавита кампанских греков, а испытал влияние этрусского. Надпись на Римском форуме воспроизводит порядок обозначения заднеязычного звука, характерный для этрусского языка: K (каппа) перед «а» и согласными; C, образовавшаяся из Г (гаммы), перед «е» и «i»; Q (коппа) перед «о» и «u». Со временем K уступила место C, сохранившись только перед «а» и в сокращениях. Q в сочетании с V стала

Буква	Название	Произношение		
		классическое	средневековое	церковное (римское)
A a	а	a	a	a
B b	бе	b	b	b
C c	це	k	k, c	k, tʃ
D d	де	d	d	d
E e	э	e	e	e
F f	эф	f	f	f
G g	ге	g	g	g, dʒ
H h	ха	h	h	h
I i (J j)	и (йот)	i (j)	i (j)	i (j)
K k	ка	k	k	k
L l	эль	l	l	l
M m	эм	m	m	m
N n	эн	n	n	n
O o	о	o	o	o
P p	пе	p	p	p
Q q	ку	kʷ	kv	kw
R r	эр	r	r	r
S s	эс	s	s, z	s, z
T t	те	t	t	t
V v (U u)	ве	v, u	v, u	v, u
X x	икс	ks	ks	ks
Y y	ипсилон	ū	ū	i
Z z	зета	z	z	dz

использоваться для обозначения лабиовелярного kʷ. Спурию Карвилию Руге (2-я пол. III в. до Р. X.) приписывают создание буквы G для различения звонкого заднеязычного; при этом C продолжали использовать в этом качестве в сокращениях имен Гай и Гней: C. — Gaius, Сп. — Gnaeus. G заняла в алфавите место вышедшей из употребления Z; позднее Z и Y стали использовать в греч. за-

и I служат для обозначения гласных звуков и соответствующих им неслоговых звуков (систематическое различие букв V и U, а также I и J было введено лишь в XVI в. по Р. X.).

Т. о., к концу периода архаической латыни сложился классический состав лат. алфавита: A B C D E F G H I K L M N O P Q R S T V X. Многие надписи, сохранившие особенности архаической фонетики (дифтонги не монофтонгизированы, еще не произошла редукция в некоторых позициях, интервокальное s не подверглось ротацизму), служат ценным источником для изучения процессов фонетического развития; некоторые памятники, однако, имеют следы намеченной архаизации.

Датой начала рим. лит-ры традиционно считается 240 г. до Р. X., когда поэт греч. происхождения Ливий Андроник поставил в Риме 1-ю трагедию. Важнейшими дошедшими до наст. времени лит. памятниками III–II вв. до Р. X. являются произведения комедиографов Плавта и Теренция; хуже сохранились поэтические сочинения Энния, Невия, Пакувия, Акция, Луцилия, Цецилия Стация и прозаика Катона Старшего. Произведения авторов II в. до Р. X., а также деятельность кружка Публия Корнелия Сципиона Африканского (184/5–129 гг. до Р. X.), культивировавшего идеал лат. языковой

Постановление сената о вакханалиях.
186 г. до Р. X.
(Художественно-исторический музей, Вена)

имствованиях. В Л. я., как и в этрусском, щелевой f, отличавшийся от греч. придыхательного ϕh, обозначался с помощью диграфа FH, к-рый позднее был упрощен до F. Буквы V

нормы (*latinitas*), свидетельствуют о процессах нормализации фонетики, морфологии и синтаксиса Л. я. к концу этого периода.

Классический Л. я. Началом периода классической латыни (ок. 83–81 гг. до Р. Х.) считается время лит. деятельности Марка Туллия Цицерона (106–43 гг. до Р. Х.), произведения к-рого наряду с сочинениями Гая Юлия Цезаря (100–44 гг. до Р. Х.) стали основным образцом классической литературы на Л. я. Термин «классическая латынь» основан не на лингвистической, а на литературоведческой классификации, в рамках к-рой выделялись т. н. классические авторы (*scriptores classici*), служащие образцом языка и стиля. С т. зр. лингвистики в данный период окончательно сформировалась структура Л. я., к-рая в значительной степени оставалась неизменной вплоть до падения Зап. Римской империи, став образцом для последующих эпох. Подобная нормализация была возможна благодаря сознательной работе Цицерона и др. рим. писателей, к-рые отличали лит. язык образованной части общества (*sermo urbanus, bona consuetudo, viri eloquentis oratio, bona latinitas*) как от простонародного языка (*vox rustica et agrestis, sermo plebeius, vulgaris, cotidianus*), так и от архаической латыни. Ограничение возможностей изменения лит. языка в этот период некоторые исследователи называют «смертью живого языка» (*Leonhardt. 2009*), хотя данный термин является условным.

Постепенно изменилось отношение к заимствованиям (*verba peregrina*): несмотря на рост влияния

Триумфальная арка имп. Тита в Риме с почитательной надписью на аттике. 81 г. по Р. Х.

в формирование философской терминологии на латыни). В то же время в среде рим. граждан, получивших образование у греч. учителей, формируется диглоссия. Образовательная система служила поддержанию языковой нормы, а судопроизводство и адм. аппарат способствовали распространению Л. я. на подконтрольных римлянам территориях; при этом восточные эллинизированные провинции не поддались романизации.

1) Фонетика. В классическом Л. я. различаются краткие и длинные гласные (дифтонги всегда длинные, закрытые слоги считаются долгими по положению, гласный перед гласным сокращается, долгота имеет смылоразличительное значение), система стихосложения квантитативная. Вопрос о характере ударения в классическую эпоху до сих пор не получил окончательного решения. Согласно тональной теории, ударение в Л. я. заключалось в повы-

Фрагмент лат. надписи. 10 г. по Р. Х. (Национальный музей, Рим)

греч. языка в области культуры и образования, носители Л. я. прилагали усилия к созданию неологизмов в противовес заимствованиям (в частности, Цицерон внес вклад

в шении тона на ударном гласном звуке, т. е. являлось музыкальным; оно было унаследовано от индоевропейского, к-рое отличается произвольным положением в слове. Л. я. лишь отвел для ударения определенную позицию в слове (*Juret. 1938; Meillet, Vendryès. 1948; Niedermann. 1945; Тронский. 1953*).

Исследователи, придерживающиеся этой т. зр., опираются как на данные лат. стихосложения, так и на работы рим. ученых (*Diomedis Artis Grammaticae libri III // Grammatici Latini / Rec H. Keilius. Lipsiae, 1857. Vol. 1. P. 431; Donati Ars Grammaticae // Ibid. 1864. Vol. 4. P. 371*). В основе динамической теории лежит классическое учение о постепенном переносе динамического ударения с 1-й позиции к концу слова (подробнее см.: *Белов. 2009*).

2) Морфология. Л. я. имеет флективный строй и является преимущественно синтетическим языком. Имена существительное и прилагательное обладают следующими грамматическими категориями: род – мужской (*masculinum*), женский (*femininum*) и средний (*neutrum*); число – единственное (*singularis*) и множественное (*pluralis*) (свидетельством существования в прошлом двойственного числа (*dualis*) являются слова «*duo*», «*ambo*» и «*octo*»); падеж – именительный (*nominativus*), родительный (*genetivus*), дательный (*dativus*), винительный (*accusativus*), отложительный (*ablativus*) и звательный (*vocativus*). Система склонения состоит из 5 склонений для имен существительных (3 из них – также и для прилагательных) и отдельного местоименного склонения.

Глагол имеет 2 числа, 3 лица и 2 залога (действительный (*activum*) и страдательный (*passivum*); следами медиального залога (*medium*) являются отложительные глаголы (*verba deponentia*)) и 3 наклонения (изъявительное (*indicativus*), повелительное (*imperativus*), сослагательное (*conjunctivus*); желательное наклонение (*optativus*), имевшееся в архаической латыни, сохр. в некоторых формах сослагательного наклонения). Времена разделены на систему инфекта, выражающую незавершенность во времени, – настоящее время (*praesens*), имперфект (*imperfectum*) и будущее первое (*futurum I*) и на систему перфекта (завершенность во времени) – перфект (*perfectum*), плюсквамперфект (*plusquamperfectum*) и будущее второе (*futurum II*). Глаголы в Л. я. делятся на 4 спряжения и имеют 3 основы (инфекта, перфекта и супина); именными формами глагола являются 6 инфинитивов, 3 причастия, 2 супина, герундий и герундив.

Существуют также 2 описательных спряжения. Нек-рые глагольные формы и степени сравнения прилагательных свидетельствуют о развитии аналитизма.

3) Синтаксис. Управление в простом предложении является по преимуществу падежным (при этом каждый падеж обладает большим числом функций); порядок слов свободный, однако предпочтительным является следующий порядок: подлежащее — дополнение — сказуемое. В нек-рых типах придаточных предложений обязательно употребление сослагательного наклонения в соответствии с правилом согласования времен (*consecutio temporum*). При информационных глаголах используются инфинитивные обороты *accusativus cum infinitivo* и *nominativus cum infinitivo*.

«Золотая» латынь. Термин «золотая» латынь (или «классический латинский язык» в узком смысле) используется для обозначения Л. я. периода наивысшего расцвета рим. культуры; его условные хронологические рамки: от рождения Цицерона (106 г. до Р. Х.) до смерти Овидия (17 или 18 г. по Р. Х.). Несмотря на разнообразные социально-политические потрясения и переход от республики к империи при *Августе Октавиане* (30 г. до Р. Х.— 14 г. по Р. Х.), с лингвистической т. зр. дан-

рует синтаксическую норму прежде всего в употреблении придаточных предложений, в правилах согласования времен и наклонений и использовании инфинитивных конструкций.

Период «серебряной» латыни выделяется на основании литературоведческого анализа и охватывает I–II вв. по Р. Х. Основные изменения в Л. я. относятся к особенностям стилистики и фигур речи; ряду авторов приписывают маньеризм и сравнивают их творчество с культурой барокко. Среди отличительных черт писателей данного периода исследователи отмечают использование архаизмов, поэтизмов, сложных метафор и других тропов, в некоторых случаях приводящих к афористичности высказываний в прозе и к затемнению смысла в поэтических произведениях. Упадок ораторского искусства подробно обсуждается в диалоге Тацита «Об ораторах» (*Dialogus de oratoribus*). Классическая реакция на стилистические эксперименты эпохи имп. *Нерона* (54–68 г. по Р. Х.) представлена в трактате Квинтилиана «12 книг риторических наставлений» (*Institutionis oratoriae libri XII*). Растет доля греч. слов, что было связано с развитием торговли и миграциями в Римской империи; в рим. обществе появляются люди, для к-рых Л. я. не является родным. В эпоху «серебряной» латыни постепенно увеличивается разрыв между лит. языком и народной латынью. Важнейшие авторы I в. по Р. Х.: Сенека, Плиний Старший, Плиний Младший, Петроний, Квинтилиан, Тацит, Лукан, Валерий Флакк, Стаций, Силий Италик, Марциал, Ювенал, Персий.

Нек-рые исследователи считают верхней границей данного периода правление имп. *Траяна* (98–117) как время максимального расширения границ Римской империи; иногда в качестве этой границы указывают период правления имп. *Марка Аврелия* (161–180, соправитель со 147). Особенностью латыни II в. является архаизирующая тенденция, основоположником которой был рим. грамматик и риторик Марк Корнелий Фронтон; по всей видимости, эту тенденцию следует считать ответом на аттицизм эпохи «2-й софистики». К периоду «серебряной» латыни относится деятельность писателей Авла Геллия, Апулея и Све-

тония, юристов Публия Ювенция Цельса, Сальвия Юлиана, Секста Помпония, Волузия Мециана, Гая, Цервидия Сцевола, Эмилия Папиниана, Домиция Ульпиана и Юлия Павла, грамматиков Квинта Теренция Скавра, Велия Лонга, Сульпиция Аполлинария, Эмилия Аспера, Геления Акрона и Порфириона.

Во II в. появляется лат. христ. литература, представленная сочинениями первых апологетов *раннехристианских* — рим. адвоката *Минуция Феликса*, к-рый является автором диалога «Октавий» (*Octavius*), и *Тертуллиана* (ок. 160–220). Минуций Феликс, особенности стиля к-рого исследователи связывают с реакцией на творчество последователей Марка Корнелия Фронтона, сознательно ориентировался на языческую риторическую традицию и заимствовал часть материала из трактата Цицерона «О природе богов» (*De natura deorum*). Тертуллиан, напротив, разрабатывал новый язык для христ. богословия, хотя за основу своего апологетического соч. «К язычникам» (*Ad nationes*, 197) он взял книгу Варрона «Божественные древности» (*Antiquitates rerum divinarum*). Тертуллиан был 1-м автором, цитировавшим библейский текст на Л. я. Первое упоминание о старолат. переводе (*Vetus Latina*, *Vetus Italica*, *Italica*, *Itala*) Писания датируется 180 г. (подробнее см. ст. *Библия*).

Народная латынь. Термин используется для обозначения устной формы нелит. Л. я., к-рая имела ряд особенностей по сравнению с классической формой; античные авторы называют ее языком народа (*sermo vulgaris*), повседневным (*cotidianus*) и плебейским (*plebeius*). Хотя письменных памятников народной латыни не существует, исследователи выделяют ее черты в эпиграфических источниках (прежде всего в Помпейских надписях), лит. произведениях определенных жанров (комедиях, сатирах, письмах, трактатах, лишенных риторической обработки, трудах грамматиков, а также в глоссах и схолиях). Особую важность с т. зр. реконструкции народной латыни представляет соч. «Пир Тримальхиона», входящее в состав «Сатирикона» Петрония и передающее (возможно, в преувеличенном виде, с целью усиления контраста с лит. Л. я.) речь полубразованных вольноотпущенников.

Сестерций имп. Веспасиана.
69–79 гг. по Р. Х.

ный период представлял собой единое целое. Важнейшие прозаики эпохи «золотой» латыни: Юлий Цезарь, Марк Теренций Варрон, Корнелий Непот, Саллюстий, Тит Ливий, Витрувий; значительный вклад в развитие рим. поэзии внесли *Лукреций Тит Кар*, *Вергилий*, *Катулл*, *Гораций*, *Проперций*, *Тибулл*, *Овидий*. Мн. произведения периода «золотой» латыни стали образцами для лит. творчества последующих эпох. Проза Цицерона и Юлия Цезаря фикси-

В народной латыни происходят постепенная утрата муз. ударения и количественного различия между гласными, переход к противопоставлению открытых и закрытых гласных, развитие силового ударения, слияние дифтонгов (в нек-рых случаях возможно и обратное развитие), переход «i» и «e» в положении зияния во фрикативный j, появление протетических гласных, развитие фрикативных j и v (из w, а также из интервокального h), утрата придыхательного h, бетацизм, ассимиляция *rs > ss*, *ks > s*, переход *tl* в *cl*, выпадение *p*, отпадение конечного *m*, палатализация «с», «g» и «t» перед переднеязычными, озвончение интервокальных глухих и др.

На уровне морфологии наблюдается исчезновение ряда нерегулярных или редких форм, развитие аналитических форм страдательного залога, перфекта и буд. времени, переход глаголов в др. спряжение; постепенное исчезновение среднего рода, ошибки в роде и основе существительных III склонения, исчезновение IV и V склонений, развитие аналитических степеней сравнения, постепенное сокращение падежных форм.

В народной латыни использовался и сохранялся пласт слов, отличных от лит. языка. Происходит также изменение значений слов, активное словообразование; предпочтение отдается дериватам (прежде всего деминутивным существительным, фреквентативным и префиксальным глаголам), образуются составные предлоги. В народном Л. я. имеется большое число заимствований из греч. языка, италийских и галльских диалектов, а также из гот. языка; в более позднюю эпоху — из евр. языка.

На уровне синтаксиса простого предложения наблюдаются переход от падежного к предложному управлению и связанное с этим изменение функций падежей и их конструкций, частое использование местоимений (вплоть до возникновения артикля) и развитие двойного отрицания. В сложных предложениях преобладают сочинительные и паратактические конструкции, происходит изменение структуры условного периода. Преобладают союзы, не требующие сослагательного наклонения в придаточном предложении; придаточное дополнительное используется вместо инфинитивного оборота.

Раннехрист. погребальная стела Лицинии Амиаты с надписью на греч. и лат. языках. Нач. III в. (Термы Диоклетиана, Рим)

Именно на основе народной латыни сформировались романские языки, материал к-рых часто привлекается для реконструкции форм разговорного Л. я., не сохранившегося в письменных источниках. Существование диалектов народной латыни нередко ставится под сомнение по причине ее единообразия в сохранившихся памятниках, к-рое, однако, может объясняться унифицирующим влиянием лат. письменности. В пользу наличия диалектов свидетельствуют и сообщения античных авторов о различиях в речи выходцев из провинций; совр. исследователи объясняют эти различия влиянием местного субстрата (см.: *Devoto*. 1968).

Поздний Л. я. Конец династии Северов (235), большинство представителей к-рой были убиты в результате заговоров, ознаменовал вступление Римской империи в период серьезного социально-политического кризиса, вызванного резким ростом влияния армии на политическую жизнь. Между 235 и 284 гг. императоры провозглашались армией и полностью от нее зависели. Поддержка армии, однако, не обеспечивала удержание власти; по этой при-

чине «солдатские императоры» были вынуждены заниматься постоянной борьбой со своими конкурентами. Кульминацией кризиса стало появление на территории Римской империи сепаратистских образований (Галльская империя и Пальмирское царство). Данные территории вернулись под власть Рима при имп. *Аврелиане* (270–275), а окончательно восстановиться систему управления и добиться политической стабильности удалось лишь имп. *Диоклетиану* (284–305), положившему начало системе домината.

По мнению М. фон Альбрехта, период поздней латыни следует разделить на 2 этапа — эпоху средней (от имп. *Адриана* (117–138) до имп. Дио-

Блж. Иероним Стридонский. Ок. 1357 г. Мастер Теодорик (Национальная галерея, Прага)

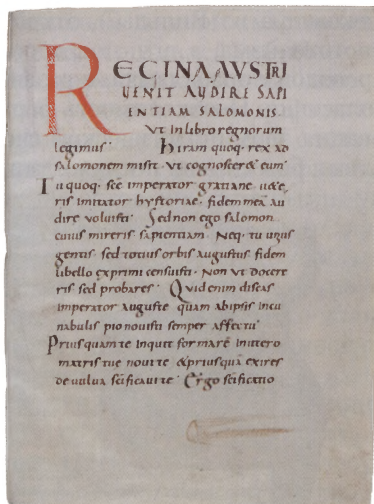
клеттиана) и поздней (от св. равноап. имп. *Константина* (306–337) до св. имп. *Юстиниана I* (527–565)) империи, — границей между к-рыми является разрыв лит. традиции, вызванный кризисом III в. (число произведений языческих авторов на Л. я., написанных в это время, крайне незначительно) (*Альбрехт*. 2003–2005. Т. 3). Верхняя граница поздней латыни определяется в лит-ре по-разному; одна из предлагаемых да-

Фрагмент саркофага с лат. надписью. III в. (кафедральный собор Палермо)

тировок — время перевода Библии на Л. я., выполненного блж. Иеронимом Стридонским по на-

стоянию папы Римского св. *Дамаса I* (366–384) (см. *Вульгата*; *Vulgata* — простая, общая, обыкновенная). С политической т. зр. этой границей является падение Зап. Римской импе-

Страница трактата «О вере»
св. Амвросия Медиоланского.
IX в.

(*St. Gallen. Schifsbibl. Sang. 95. Fol. 5.*)

рии (476), с литературоведческой — смерть *Боэция* (524 или 526); лингвисты считают окончанием этого периода рубеж VIII и IX вв., когда носители протороманских языков (*rustica Romana lingua*) перестали понимать классическую латынь.

Постепенная утрата Римом центрального значения в жизни империи и увеличение роли провинций и региональных центров привели к тому, что Л. я. окончательно приобрел надрегиональный статус, к-рый поддерживала развитая и единообразная образовательная система. Усилия императоров Диоклетиана и Константина вновь повышают значение латыни как гос. языка; возникает необходимость в переводах греч. лит-ры на Л. я. После разделения Римской империи на вост. и зап. части при имп. *Феодосии I Великом* (395) роль греч. языка на Западе резко упала вплоть до эпохи Возрождения. Несмотря на критическое отношение ряда исследователей к Л. я. этой эпохи, поздняя античность стала временем нового расцвета лат. словесности, представителями к-рого являлись блж. Иероним, блж. *Августин*, *Пруденций*, *Клавдиан*, *Аммиан Марцеллин*, *Авзоний*, *Рутилий Намациан*, *Симмах*, *Макробий*, *Марциан Капелла*. Лат. грамматики *Элий Донат*, *Харисий*, *Диомед*, *Сервий*, *Фульгенций* и *Присциан* создали в этот

период как классическую грамматику Л. я., осмыслив весь предшествующий языковой материал, так и канон классических авторов; обширная юридическая традиция на латыни, отразившаяся в Кодексе имп. *Феодосия II* (408–450) и «Своде гражданского права» (*Codex Iuris Civilis*) имп. Юстиниана, оказала большое влияние на законодательство позднейших европ. гос-в.

Христианская латынь. По мере христианизации образованных слоев рим. общества латынь, использовавшаяся христ. авторами, приблизилась к классической норме. *Арнобий Старший* († ок. 330), язык к-рого нельзя отнести к народному Л. я., в трактате «Против язычников» (*Adversus nationes*, или *Adversus gentes*) нередко отступал от этой нормы, однако язык и стиль сочинений, составленных крупнейшими церковными писателями III–V вв. (напр., сщмч. *Киприаном* Карфагенским, *Новацианом*, *Лактанцием*, *Иларием* Пиктавийским, *Амвросием* Медиоланским), отличаются изысканностью и утонченностью. Пруденций своим творчеством значительно расширил жанровое разнообразие христ. поэзии на Л. я. Творчество *Викторина Мариа* († между 382 и 386) является примером переноса античной ученой традиции на христ. почву. а также создания лат. эквивалентов греч. философских терминов. Развитие философии на Л. я. способствовал *Боэций*, к-рый перевел основные логические трактаты *Аристотеля* и составил неск. комментариев на его произведения, а также на «Введение» *Порфирия* и «Топику» *Цицерона*; огромное значение на развитие логического учения *Аристотеля* в рамках лат. культуры оказало традиционно атрибутируемое *Боэцию* соч. «Об утешении философией» в 5 книгах (*De consolatione Philosophiae*), ставшее одним из наиболее популярных средневек. философских произведений. Сохранению античного наследия способствовала деятельность *Кассиодора* († ок. 580), основавшего в своем имении в Скилакии (ныне Скуиллаче, Калабрия) т. н. Вивариев мон-рь (*monasterium Vivariense*), или Виварий (*Vivarium*); обитель являлась христ. школой для монахов, к-рые посвящали время изучению богословия, а также светских наук. Участие насельников в переписывании древних манускриптов обеспечило сохранность

произведений античных и христ. писателей. Впосл. именно мон-ри, в т. ч. *Санкт-Галлен*, *Боббио*, *Люксай*, *Корби*, *Корвей*, *Фульда*, стали центрами лат. образованности. *Исидор Севильский* в соч. «Этимологии» систематизировал сведения по всем отраслям знания, известным в период поздней античности, опираясь при этом на лат. лингвистический материал.

При этом ряд сочинений христ. авторов, в т. ч. «Паломничество» *Эггериха*, обычно датируемое кон. IV в., являются лучшими источниками для реконструкции народной латыни. Неклассические черты (гебраизмы, грецизмы, вульгаризмы, значительное число неологизмов, преимущественно предложное управление, употребление аналитических форм и др.) характерны для перевода Вульгаты блж. Иеронимом, к-рый, будучи учеником рим. грамматика *Донат*а, в совершенстве владел и классическим Л. я. Даже в ряде произведений блж. *Августина* (гл. обр. в записях устных проповедей), к-рый являлся преподавателем грамматики и риторики, наблюдаются многочисленные и систематические отступления от классической нормы: изъяснительное наклонение вместо сослагательного, смешение имперфекта и плюсквамперфекта, нарушение правил согласования времен.

Для обозначения указанной традиции в лит-ре обычно используется термин «христианская латынь» (*Schrijnen*. 1932; *Mohrmann*. 1958–1977), однако нек-рые исследователи отвергают его, т. к. большинство неклассических черт христ. лит-ры в фонетике, морфологии и синтаксисе в значительной степени соответствуют общим процессам в позднем Л. я. (исключением являются лишь изменения в лексике, в т. ч. заимствования, новообразования).

Средневековая латынь. По-видимому, варварские нашествия не являлись, как утверждали гуманисты, основным экстралингвистическим фактором для латыни в средние века, т. к. языки варварских народов имели достаточно ограниченное влияние на Л. я. Так, была заимствована гл. обр. лексика, связанная с военным делом; вероятно является усиление именно в данный период экспираторного ударения и дифтонгизация. Политический распад и возрастание центробежных тенденций усилили имевшиеся в Л. я. диалектальные тенденции, одновременно

повысив роль латыни в качестве средства международного общения, а также языка Зап. Церкви. Кризис образовательной системы в «темные века» (VII–VIII вв.) привел к утрате языковой нормы, поддерживавшейся практически неизменной с начала классической эпохи; в это же время происходит полный отказ от Л. я. в Византийской империи.

Народная латынь, освобожденная от сдерживающего воздействия лит. языка, к-рый ранее сохранялся благодаря школам рим. администрации, положила начало романским языкам. Резкое падение уровня образованности привело к росту влияния народной латыни на лит. произведения; появляется буква *w*; возможна взаимозамена «i» и «y»; «k» используется вместо «c»; вслед за изменившимся произношением путаются «ti» и «ci», «rh» и «f»; слившиеся дифтонги «ae», «oe» передаются через «e», но возможно и обратное написание (гиперкоррекция), так же и в случае с придыханием *h*; встречаются геминация согласных и др. ошибки. Разрыв между Л. я. образованной части общества и большинства населения становится непреодолимым. Благодаря усилиям миссионеров латынь распространилась в Германии, а также на территориях, никогда не входивших в состав Римской империи (в Ирландии, затем в странах Центр. и Вост. Европы, Скандинавии и Балтии). На фоне развития новых язы-

тании благодаря деятельности святых *Беды Достопочтенного*, *Гильды*, *Альдхельма* и *Колумбана*. Язык мн. авторов, в т. ч. *Иордана* и *Псевдо-Фредегария*, испытал влияние народной латыни; в этот период в Л. я. появилось значительное число заимствований из герм. и кельт. языков.

В основе Каролингского возрождения (кон. VIII — кон. IX в.) лежал интерес к дохрист. и раннехрист. наследию Древнего Рима, ставший возможным благодаря деятельности сподвижников имп. *Карла Великого* (800–814), к-рые составляли придворный кружок ученых, или «придворную академию» в Ахене. Центрами просветительской деятельности были также б-ка с сочинениями древних авторов и придворная школа (*schola palatina*); ее руководителем стал англосакс. богослов и поэт *Алкуин*, к-рый разработал программу обучения, включавшую изучение Л. я. Столкнувшись с проблемой плохого знания клириками латыни, имп. Карл Великий в послании «О попечении над образованием» (*Karoli Epistola de litteris // MGH. Capit. T. 1. P. 78–79*) увещал духовенство изучать словесность, без чего невозможно понимать Свящ. Писание; согласно капитулярию «Всеобщее увещание» (*Admonitio generalis // Ibid. 53–61*), епископы и аббаты были обязаны открывать при монастырях и кафедральных соборах школы для клириков и мирян. Наиболее значительными авторами Каролингского возрождения являются *Эйнгарт*, *Ангильбер*, *Па-*

матик, к-рые пришли на смену дошедшим со времен античности сочинениям *Доната* и *Присциана* (наиболее значительными средневековыми грамматиками были «*Graecismus*» *Эберхарда* из *Бетюна* и «*Doctrinale*» *Александра* из *Вильдьё*), открытие аристотелизма, в т. ч. посредством переводов с араб. языка, и развитие схоластики. Необходимость формирования терминологической системы зап. богословия послужила при-

Страница из Библии.
1259 г.
(*Matrit. 229. Fol. 9*).

Аворий
со сценами из жизни
Пресв. Богородицы
и Иисуса Христа.
Ок. 1072 г.
(*Епархиальный музей,
Салерно*)

ков возникает двуязычие, отличное, однако, от античной диглоссии.

В период варварской, или мерovingской, латыни (VI–VIII вв.) постепенно исчезают следы позднеантичной образованности, еще присутствовавшей в произведениях *Сидония Аполлинария*, *Эннодия* Павийского, *Венанция Фортуната* и *Исидора Севильского*. Влияние античной культуры на христ. Л. я. сохраняется в Бри-

вел Диакон, *Теодульф Орлеанский*, *Иоанн Скот Эриугена*, *Рабан Мавр*, *Седулий Скот*, *Ноткер Заика*. К данному периоду примыкает также эпоха династии герм. императоров *Оттонов*; крупным писателем этого времени была канонисса монастыря *Гандерсхайм Гросвита* († ок. 975).

Важнейшими событиями позднего периода стали возникновение ун-тов и закрепление за латынью статуса интернационального языка образования и науки, создание новых грам-

чиной активного словообразования. Основные авторы: *Петр Абеляр*, *Вильгельм Тирский*, *Альберт Великий*, *Фома Аквинский*, *Фома Кемтский*, *Иоанн Дунс Скот*, *Роджер Бэкон*, *Лулли Раймунд*, *Иоанн (Жан) Буридан*, *Уильям Оккам*. Англ. историк *Гиральд Камбрийский* в соч. «Сокровище Церкви» (*Gemma ecclesiastica*) приводит примеры грубых ошибок в употреблении Л. я. клириками.

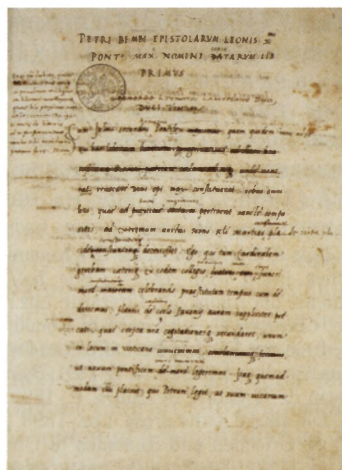
В фонетике средневеков. латыни также происходят окончательная утрата тонического ударения и переход на акцентированный ритмизованный стих; в морфологии — смешение склонений и спряжений (хотя сохраняются все 5 склонений и 4 спряжения), устранение нерегулярных форм и образование новых по аналогии с регулярными, изменение основ, сложности с определением рода имени существительного, развитие аналитических форм, широкое употребление вспомогательных глаголов; в синтаксисе простого предложения — нарушение классического порядка слов и появление др. ритма речи,

определяемого новыми стилистическими и жанровыми установками, изменение функций падежей и распространение предложного управления, активное использование местоимений (с постепенным формированием личного местоимения 3-го лица и артиклей), обилие сочинительных союзов, новые возможности употребления инфинитива при глаголах; в синтаксисе сложного предложения — замена инфинитивных оборотов придаточными, употребление союзов и времен, нехарактерное для классического Л. я., и др.

Распространение латыни на обширных территориях в сочетании с отсутствием централизованной системы образования и единого языкового стандарта привело к влиянию местных языков на региональные варианты Л. я. Как свидетельствует *Эразм Роттердамский* в диалоге «О правильном произношении латинской и греческой речи» (*De recta Latini Graecique sermonis pronuntiatione*), выходцы из разных стран часто не понимали друг друга. Лексика Л. я. значительно расширилась за счет активного словообразования, словари средневека латыни превосходят по объему словари классической эпохи в неск. раз. Уникальные формы слов, встречающиеся у некоторых авторов, и особенности употребления терминов значительно усложняют понимание текстов данного периода.

Новая латынь. Итал. гуманист Франческо *Петрарка* (1304–1374), к-рый стремился приблизить стиль своих произведений к языку Цицерона и др. античных авторов, одним из первых указал на «варварский» характер средневека Л. я. Призыв использовать в богословии язык позднеантичных отцов Церкви содержится в произведениях Лоренцо *Валлы* (1407–1457). В трактате «О красотах латинского языка» (*De elegantia linguae latinae libri VII*, ок. 1440) он противопоставил классическую латынь, возведенную в образец, языку схоластов. О способности к филологическому анализу высокого уровня свидетельствует «Речь о подложном и вымышленном даре Константина» (1440), в к-рой Валла доказал ошибочность принятой в то время датировки *Константинова дара* (IV в.) и подверг критике позднейшую форму предания об имп. Константине Великом, использовавшуюся Римскими папами для обо-

Письмо
Петро Бембо папе Льву X.
1-я пол. XVI в.
(*Vat. lat. 3364. Fol. 1r*).

снования своих политических притязаний. Одно из изданий сочинения *Валлы* было подготовлено в 1517 г. нем. гуманистом Ульрихом фон *Гуттеном* (1488–1523), к-рый был соавтором сатиры «Письма темных людей» (*Epistolae obscurorum virorum*, 1515–1517), критиковавшей язык и ученость схоластов.

Стремясь вернуться к античным первоисточникам, гуманисты занимались «очищением» Л. я., которое включало строгое соблюдение правил орфографии, нормализацию грамматики и словаря, попытки вос-

Глава о начертании буквы «Е»
из кн.: *Fanti S., de
Theorica et pratica...
de modo scribendi. Venezia, 1514*

становления классического произношения (в т. ч. со стороны *Эрама Роттердамского*) и особое внимание к стилю. Была проведена работа по поиску и публикации текстов классических авторов, а также по рефор-

мированию методов преподавания, в которую большой вклад внесли «Собеседования» (*Colloquia*) *Эрама*. На основе каролингского минускула был создан гуманистический минускул, сменивший готическое письмо и ставший основой для совр. шрифтов. Значительный вклад в приближение Л. я. к классическому идеалу также внесли *Колуччо Салютати*, *Леонардо Бруни*, *Поджо Браччолини*, *Леон Баттиста Альберти*, папа Римский *Пий II* (*Энеа Сильвио Пикколомини*), *Джованни Понтано*, *Марсилио Фичино*, *Антонио де Небриха*, *Анджело Полициано*, *Йоганн Рейхлин*, *Конрад Целтис*, *Джованни Пико della Мирандола*, *Анри Этьен*, *Гийом Бюде*, *Томас Мор*, *Хуан Луис Вивес* и др. Возросший благодаря гуманистам интерес к классическому Л. я. сохранился у эрудитов кон. XVI–XVII в.: *Ю. Ц. Скалигера*, *Р. Этьена*, *М. А. Мюре*, *А. Этьена*, *Ю. Липсия*, *И. де Казобона*, *Ф. Бэкона*, *К. де Сомеза*, *Г. И. Фосса*, *Я. А. Коменского* и др.

Формирование в эпоху *Реформации* особого типа школ с углубленным изучением лат. и греч. языков связано с деятельностью *Филиппа Меланхтона*; эти школы станут основой сформировавшегося в XVIII в. классического гимназического образования, к-рое получило распространение во мн. странах Европы. С реформационной школой конкурировали иезуитские коллегии. Наличие коллегий ордена *иезуитов* в Вост. Европе способствовало активному изучению Л. я. в Малороссии; важной была также роль православных *Харьковской* и *Киево-Могилянской* коллегий (позднее *Киево-Могилянская академия*). В XVIII в. ряд выходцев из юго-зап. областей стали преподавателями *Славяно-греко-латинской академии*, где ориентация на изучение Л. я. была связана с деятельностью игум. *Палладия (Роговского)* и митр. *Стефана (Яворского)*. После проведенной *Петром I* церковной реформы архиеп. *Феофан (Прокопович)* разработал правила для духовных уч-щ семинарского типа, к-рые в соответствии с «*Духовным регламентом*» были созданы во мн. городах России. Хотя латынь и др. древние языки должны были изучаться во всех 8 классах, фактически преподавался только Л. я., оставшийся языком обучения в духовных академиях и семинариях вплоть до 40-х гг. XIX в.

Представители европ. науки кон. XVI – 1-й пол. XIX в. (П. Гассенди, Р. Декарт, И. Кеплер, Х. Гюйгенс, Г. В. Лейбниц, И. Ньютон, Д. Бернулли, Л. Эйлер, М. В. Ломоносов, Л. Гальвани, К. Ф. Гаусс) писали труды на латыни. Л. я. стал основой биномиальной номенклатуры биологических видов, созданной К. Линнеем; лат. и греч. корни служат универсальным источником для образования научных терминов. Однако уже с кон. XVII–XVIII в. Л. я. начинает терять свое значение. В 1687 г. Х. Томазиус впервые начал читать университетские лекции по праву на нем. языке. Последним международным договором на Л. я. является заключенный в 1738 г. Венский мир. В 1853 г. в Московском ун-те перестали читать курс анатомии на латыни.

Современное состояние Л. я. Благодаря развитию филологической науки к нач. XX в. появились основные пособия по Л. я., составленные Э. Х. Бергером, Ф. Г. Гандом, К. Ф. Негельсбахом, Р. Клоцем, Г. А. Менге, И. Т. Кребсом, Л. Дёдерлейном, К. Майсснером и другими классиками нем. школы, оказавшей большое влияние на традиции изучения Л. я. в России. Исследователи этого времени предприняли попытку заменить средневек. (немецкую) и церковную (итальянскую) традиции произношения реконструированным классическим произношением.

В XX в., особенно после литургической реформы *Ватиканского II Собора* (1962–1965), предоставившего территориальной церковной власти возможность рассмотреть вопрос о расширении использования национальных языков в богослужении (хотя латынь остается офиц. яз. Папского престола), сфера регулярного употребления Л. я. фактически сузилась до классической филологии, биологии (прежде всего ботаники), медицины и юриспруденции. Свидетельством обратной, хотя и не столь сильной тенденции было возникшее в сер. XX в. международное движение за распространение латыни, примером к-рого являются регулярные конгрессы, а также СМИ на Л. я. Попытку усилить роль Л. я. в жизни Римско-католической Церкви предпринял папа Бенедикт XVI (2005–2013; см. *Ратцингер*). В 2007 г. *motu proprio* «*Summorum Pontificum*» он упростил возможность совершения богослужения на Л. я. по рим. Миссалу, обнародованному папой

Павлом V (1605–1621) и переизданному папой *Иоанном XXIII* (1958–1963), в качестве экстраординарной формы рим. обряда. Ординарная форма мессы (см. ст. *Novus ordo*) совершается по Миссалу папы *Павла VI* (1963–1978) как на национальных языках, так и на латыни. Лит.: *Diez F.* Die Grammatik der romanischen Sprachen. Bonn, 1836–1877⁴. 3 Bde; *Teuffel W.* Geschichte der römischen Literatur. Lpz., 1870. 3 Bde; *Crittwell C.* A History of Roman Literature from the Earliest Period to the Death of Marcus Aurelius. L., 1877. N. Y., 1891; *Bonnet M.* Le Latin de Grégoire de Tours. P., 1890; *Norden E.* Die antike Kunstprosa. Lpz., 1898. 2 Bde; *Rohlf G.* Griechen und Romanen in Unteritalien. Gen., 1924; *Schrijnen J.* Charakteristik des altchristlichen Latin. Nijmegen, 1932; *Juret A.-C.* La phonétique latine. P., 1938²; *Niedermann M.* Précis de phonétique historique du latin. P., 1945²; *Соболевский С. И.* Грамматика лат. языка. М., 1947–1948. 2 ч.; *Meillet A., Vendryès J.* Traité de grammaire comparée des langues classiques. P., 1948²; *Althelm F.* Geschichte der lateinischen Sprache: Von den Anfängen bis z. Beginn der Literatur. Fr./M., 1951; *Сергиевский М. В.* Введение в романское языкознание. М., 1952; *Тронский И. М.* Очерки из истории лат. яз. М.; Л., 1953; *он же.* Историческая грамматика лат. яз. М., 1960; *Mohrmann C.* Études sur le latin des Chrétiens. R., 1958–1977. 4 t.; *Гурьева М. С.* Народная латынь. М., 1959; *Берков П. Н.* Русские новолат. и греч. поэты XVII–XX вв. // *Annuaire de l'Inst. de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves.* Brux., 1968. T. 18. P. 13–54; *Devoto G.* Geschichte der Sprache Roms. Hdlb., 1968; *Дрбоглав Д. А.* Учебное пособие по средневек. латыни. М., 1993; *Okenfuss M.* The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia. Leiden; N. Y.; Köln, 1995; *Medieval Latin: An Introduction and Bibliogr. Guide / Ed. F. Mantello, A. Rigg.* Wash., 1996; *Stolz P.* Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters. Münch., 1996–2004. 5 Bde; *Дынищikov А. Н., Лопатина М. Г.* Народная латынь. М., 1998; *Колотовкин Н. И.* Учебник лат. яз. для высш. духовных учеб. заведений. Серг. П., 2000. М., 2002; *Либуркин Д. Л.* Русская новолат. поэзия: Мат-лы к истории, XVII – 1-я пол. XVIII в. М., 2000; *Альбрехт М., фон.* История римской литературы / Пер. с нем.: А. И. Любжин. М., 2003–2005. 3 т.; *Малеин А. И.* Латинский церк. язык // БВ. 2003. Т. 3. № 3. С. 194–223; *Любжин А. И.* Римская лит-ра в России XVIII – нач. XX в. М., 2007; *он же.* История рус. школы: В 3 т. М., 2014. Т. 1: Русская школа XVIII ст. Кн. 1–2; *Clackson J., Horrocks G.* The Blackwell History of the Latin Language. Malden; Oxf.; Victoria, 2007; *Солопов А. И.* Начала лат. стилистики. М., 2008; *Белов А. М.* Латинское ударение: Проблемы реконструкции. М., 2009; *Leonhardt J.* Latein: Geschichte einer Weltsprache. Münch., 2009; *Солопов А. И., Антонец Е. В.* Латинский язык: Учебник и практикум. М., 2015³.

А. Е. Беликов

ЛАТИТУДИНАРИИ [англ. *latitudinarians* от *latitude* – широта], группа англ. теологов сер. XVII – нач. XVIII в., выступавших за объединение всех течений протестантизма в рамках офиц. Церкви Анг-

лии и считавших различия во взглядах на литургическую практику, церковное устройство и др. вопросах вероучения малозначимыми. Истоки латитудинаризма связываются, как правило, с кружком интеллектуалов, собиравшихся в 30-х гг. XVII в. в усадьбе Л. Кэри, виконта Фолкленда, в Грейт-Тью в Оксфордшире, а также с деятельностью группы кембриджских платоников в 40-х гг. XVII в. (на последних иногда ретроспективно распространялось название «латитудинарии»). Термин *latitude-men* возник как уничижительное название группы теологов в кон. 50-х – нач. 60-х гг. XVII в. Современники, использовавшие его, по-видимому, т. о. пытались обвинить теологов в лицемерии, политическом оппортунизме и симпатиях к арминиянству. Впервые термин зафиксирован в анонимном апологетическом трактате «*A Brief Account of the New Sect of Latitude-Men*» («Краткий отчет о новой секте латитудинариев») (1662), возможно написанном С. Патриком, еп. Илийским (1626–1707).

К числу наиболее видных Л. относятся Патрика, Дж. Тиллотсона (1630–1694), Э. Стиллингфлита (1635–1699), Дж. Уилкинса (1614–1672), Дж. Гланвила (1636–1680), Э. Фаулера (1632–1714), Г. Бернета (1643–1715). Многие из них начали службу в Церкви Англии еще в 50-х гг. XVII в., однако даже в тот период не были особенно ревностными сторонниками пуританизма. После Реставрации 1662 г. Л. безоговорочно приняли новый *Акт о единообразии*, восстановивший офиц. статус «Книги общих молитв» 1549 г. и *Тридцати девяти статей*, и позднее они не раз декларировали свою приверженность «установленной законом» Церкви Англии и отвергали всякие обвинения в отступлении от англикан. ортодоксии, понимаемой ими в историческом смысле.

Л. были сторонниками естественной теологии и последователями кембриджских платоников. Основной их взглядов было представление о «разумности» (*reason*) и об «истинности» (*truth*, или *verity*) христ. учения. Впрочем, их позиция отличалась известной неопределенностью: ни одно из произведений не содержит ясной формулировки понятия истинности. Причину этого следует видеть в критическом отношении к «узости» мнений, к-рой

Л. противопоставляли «широту» (latitude) взглядов. Последняя понималась ими двояко: с одной стороны — как развитие концепции адиафоры, предусматривавшей разделение положений вероучения на несомненные фундаментальные и «неважные», допускавшие различные трактовки, с другой — как разграничение частного мнения и публичной деятельности с подписанием офиц. документов. Такой подход, с их т. зр., должен был способствовать объединению в рамках Церкви Англии представителей различных христ. течений (прежде всего арминиан и кальвинистов) без достижения едва ли возможного теологического компромисса между ними. Впрочем, их веротерпимость не распространялась на католиков, атеистов и наиболее радикальных диссентеров, к-рые преследовались по закону. Безразличие Л. к доктринальным вопросам, литургической практике и проч., а также их склонность к «умеренности» (moderation) были связаны с тем, что важнейшей составляющей религии они считали этическую сторону христианства. Вслед за кембриджскими платониками Л. критиковали моральный релятивизм, провозглашенный в частности Т. Гоббсом и Б. Спинозой, полагая, что понятия о добре и зле абсолютны, а потому именно они должны относиться к фундаментальным общепризнанным основам религии. Рационализм Л. также определил их отношение к новым идеалам науки и натурфилософии, сформировавшимся в ходе научной революции. Л. не только рассматривали экспериментальную науку как наиболее надежный путь для объяснения мира, но и пытались применить подобный «научный» подход в своих этических рассуждениях.

С самого начала их деятельности Л. подверглись активной критике, особенно со стороны пуритан, отвергавших идеи веротерпимости и религ. умеренности. После Реставрации, впрочем, взгляды Л. получили достаточно широкое распространение среди духовенства Церкви Англии, так что отдельные исследователи даже склонны считать Л. выразителями мнений большинства англикан. священников последних десятилетий XVII в. Тем не менее, несмотря на достаточно высокое положение, которое занимали мн. Л. в церковной иерархии (так, напр., Тиллотсон в 1691–1694 был архи-

епископом Кентерберийским), их взгляды не стали частью офиц. англикан. учения, в т. ч. и из-за несогласия значительной части епископата. В то же время терпимость и индифферентность мн. доктринальных вопросов были популярны среди англиканского духовенства последующих эпох, а само слово «латитудинарии» стало применяться более широко, для характеристики сторонников подобных взглядов. Во 2-й пол. XIX в. эти взгляды легли в основу идеологии т. н. *Широкой церкви* — течения в англиканстве, представители к-рого, как и Л. в XVII в., призывали к объединению протестантов различных направлений в рамках Церкви Англии.

Ист.: *Patrick S.* A Brief Account of the New Sect of Latitude-Men. L., 1662; *Burnet G.* A Modest and Free Conference Betwixt a Conformist and Non-Conformist About the Present Distempers in Scotland. [Edinb.], 1669; *idem.* Bishop Burnet's History of His Own Time. Oxf., 1823; *Fowler E.* The Principles and Practices of Certain Moderate Divines of the Church of England. L., 1670; *Glanvill J.* Essays on Several Important Subjects in Philosophy and Religion. L., 1676.

Лит.: *Spurr J.* «Latitudinarianism» and the Restoration Church // *CHJ.* 1988. Vol. 31. N 1. P. 61–82; *Griffin M. I. J.* Latitudinarianism in the 17th-Century Church of England / Ed. L. Freedman. Leiden; N. Y., 1992; *Spellman W. M.* The Latitudinarians and the Church of England, 1660–1700. L.; Athens (Ga), 1993; *Müller P.* Latitudinarianism and Didacticism in 18th-Century Literature: Moral Theology in Fielding, Sterne and Goldsmith. Fr./M.; N. Y., 2009.

В. А. Таубер

ЛАТКОВ Александр Афанасиевич (1859 или 1863, Москва — 24.06.1949, Загорск (ныне Сергиев Посад) (?)), архит., реставратор; работал в Москве и Подмоскowie. Окончил архитектурное отделение Московского уч-ща живописи, ваяния и зодчества с большой серебряной медалью (за проект классической гимназии). В 1883 г. получил звание классного художника архитектуры. В 1892 г. работал архитектором С.-Петербургского об-ва страхования от огня имущества, пожизненных доходов и денежных капиталов. В 1901 г. избран секретарем МАО, с 1914 г. член-корреспондент МАО.

Творческую карьеру начал в Москве с перестройки теплого придела во имя свт. Иоанна Златоуста ц. Покрова в Братцево (1887) и с сооружения часовни «Проща» Спасо-Андроникова мон-ря на месте, где, по преданию, прп. Сергий Радонежский простился с прп. Андроником

Московским, отправляясь в Н. Новгород (совр. ул. Сергия Радонежского, 25). Возведенное в 1889–1890 гг. на средства купца В. А. Александрова здание было построено на месте обветшавшей к тому времени старой деревянной часовни. Обе постройки демонстрируют стилистику, характерную для Л. на протяжении всей его творческой биографии. Они выполнены из нештукатуренного кирпича, что было обычно для «кирпичного стиля», популярного в рус. эклектике прежде всего в 80–90-х гг. XIX в., а также ассоциировалось с церковной архитектурой Москвы XVI в., начиная с собора Покрова на Рву (св. Василия Блаженного), и Ярославля XVII в., ставших прототипами почти для всех храмовых сооружений Л. Чертежи придела (РГАДА. Ф. 54. Оп. 144. Д. 2. Л. 2) были одобрены МАО как соответствующие архитектуре храма XVII в. Придел завершен 3 ярусами кокошников вокруг центральной главы и декорирован полуколонками и ширинками, с востока завершен 3 апсидами. От древней архитектуры его отличает декор более мелкого масштаба и большие размеры окон. Фасад часовни также прорезан 3 большими полуциркульными проемами, соответствующими 3 пряслам, которые завершены килевидными кокошниками-киотами и луковичными главками на барабанах. Основной объем венчает невысокий 8-гранный шатер с аналогичной главкой.

В 90-х гг. XIX в. Л. стал архитектором Троице-Сергиевой лавры и занимал эту должность до 1915 г. Первой его постройкой в Сергиевском посаде (ныне г. Сергиев Посад) стал 3-этажный странноприимный дом лавры (1892), возведенный к 500-летию кончины прп. Сергия Радонежского, со сдержанным декором в «кирпичном стиле». В 1893–1896 гг. к западу от лавры Л. выстроил комплекс больницы-богадельни для братии, живописно расположенный на участке с неровным рельефом местности. Он включает главное здание, соединенное с мон-рем переходным, или мастеровым, корпусом, длиной 147 м, 2-этажный корпус для инфекционных больных и ограду больничной территории. Главное здание богадельни (ныне семинарский корпус МДА) являлось огромным для своего времени (ок. 77×17 м); оно повторяет рельеф холма, на котором

расположено: имеет 3 этажа с запада и 4 — с востока. Представляет собой симметричный объем с центральным ризалитом и боковыми крыльями. Юж. крыло занимала больница, северное — богадельня, на верхних этажах центральной части расположена двусветная ц. во имя прп. Иоанна Лествичника. Кубический одноглавый храм с единственной апсидой представляет собой самостоятельный объем, выступающий из плоскости вост. фасада. Поперечная ось здания выделена на зап. фасаде завершающей его композицией из 5 главок и шатровым крыльцом. Для декора постройки характерны мотивы рус. зодчества XVII в. (аркатура, кокошники, висячие гирьки, архивольты с перехватами). Иконостас для ц. прп. Иоанна Лествичника спроектировал Л., роспись выполнил иконописец Н. М. Сафонов (1901, утрачена). Под храмом размещались аптека и ц. во имя великомучениц Варвары, Анастасии и Акилины (1901). С постройкой больницы-богадельни старцы и немощные иноки лавры получили удобное и спроектированное с учетом последних новшеств в больничном строительстве жилье, которое давало возможность посещать богослужения, не покидая здание. В длинном переходном корпусе (1895–1896) располагались монастырские службы, типография и мастерские. Здание стоит над оврагом и в зависимости от его глубины имеет разную этажность (1–3 этажа). Композиционным центром постройки стали ворота с башнями в восточной части, построенные в духе средневек. крепостных сооружений. Больничный комплекс с запада

В связи с тем что все сооружения благодаря тщательному надзору и разумным указаниям Л. «устроены в лучшем виде прочно и сравнительно недорого», в 1896 г. он был пред-

Колокольня
Гефсиманского Черниговского скита.
1895–1900 гг.
Фотография. 2012 г.

ставлен Духовным собором лавры к присвоению звания потомственного почетного гражданина. Строительная деятельность Л. в значительной степени сформировала облик лаврской округи и Сергиевского посада, в застройке которого видное место занял русский «кирпичный стиль». В Сергиевском посаде Л. возвел каменные торговые ряды (1902–1903), завершенные башенками с шатрами, которые оформили с востока Красногорскую пл., 2-этажную кузницу для Конного двора (1895–1896), со скромным декором, напоминающим странноприимный дом лавры, и 2 нетипичных по своей архитектуре для Л. 4-этажных

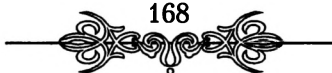
от лавры и странноприимный дом с юго-востока связала кирпичная ограда с 8-гранными шатровыми башенками (1898), охватывающая и монастырский Пафнутьев сад.

Комплекс
больницы-богадельни
в Троице-Сергиевой лавре.
1893–1896 гг.
Фотография. 10-е гг. XXI в.

доходных дома на Переславской ул., по заказу лавры в стилистике модерна и неоклассицизма (1911–1916). На территории лавры Л. построил книжную палатку близ св. ворот (1895). В кон. XIX в. один из критиков назвал ее «неуместным придатком» к воротам монастыря,

однако к достоинствам архитектурного метода Л. на примере этой постройки можно отнести тактичную работу с уже сформировавшейся средой — умелое сочетание малых и больших объемов (Успенский собор и надкладезная часовня, трапезная и Михеевская ц., колокольня и ц. в честь Смоленской иконы Божией Матери) (Холодкова. 2011). На территории лавры Л. также возвел новую ограду вокруг кладбища при Смоленской ц. (1898) и надстроил 3-й этаж над Варваринским корпусом (1906–1907).

Л. много работал на подведомственных Троице-Сергиевой лавре территориях. В 1893 г. построил гостиницу и, возможно, ограду (ок. 1900) Спасо-Вифанского мон-ря. При устройстве нового отделения Гефсиманского в честь Черниговской иконы Божией Матери скита Л. выстроил кирпичную ограду с 8-гранными шатровыми башнями (1894–1895), в 1897–1898 гг. — ограду, а также ворота и колокольню (утрачены) старой части. Наиболее внушительным строением новой части Гефсиманского скита является высокая, 5-ярусная надвратная колокольня (1895–1900) с 2 боковыми пристройками (где были освящены церкви во имя свт. Николая Чудотворца и равноапостольных Константина и Елены). Тип многоярусных колоколен, ярусы которых сужаются в высоту и богато декорированы в формах узорочья, был особенно характерен для Л. Объемно-пространственное их решение восходило к ярославскому зодчеству XVII в. Шатровое завершение центрального башенного объема с кокошниками в основании, со слухами на гранях и с луковичной главкой воспроизводит архитектуру колоколен ярославских церквей XVII в., таких, как церкви прор. Илии и свт. Иоанна Златоуста в Коровниках. С основной вертикалью постройки соотносятся сложные декоративные завершения симметричных церквей в пристройках. Кирпичный декор составляют колонки, арочки, ширинки, килевидные кокошники. Благодаря общему стилистическому решению и нарядному кирпичному узорочью со вставками из белого камня колокольня составляет единый архитектурный ансамбль с храмом Черниговской иконы Божией Матери архит. Н. В. Султанова. Аналогичную колокольню Гефсиманского скита 3-частную пирамидальную ком-

позицию с 2 шатровыми палатками по бокам имеет колокольня *Смоленской иконы Божией Матери Зосимовой пустыни*. Нельзя исключать, что Л. принимал участие и в создании др. монастырских построек, в т. ч. Смоленского собора (1894–1900), церквей Всех святых и прп. Сергия Радонежского, а также утраченной ныне надкладезной часовни.

Вариант 3-частной надвратной колокольни реализован Л. в Параклитовой пуст. (1896–1898): 3 квадратных в плане красно-кирпичных яруса завершены небольшим шатром, частично скрытым аттиком с кокошниками в основании; к нижнему ярусу примыкают одноэтажные жилые пристройки. Колокольня отличается от предыдущих приземистостью и упрощенным суховатым декором.

В русле визант. стиля Л. спроектировал 4-престольную ц. прп. Сергия Радонежского при благотворительных попечительских учреждениях им. митр. Сергия (Ляпидевского) у Московской заставы в Туле (1895–1898) и Никольский собор

*Надвратная колокольня
Параклитовой пуст. 1896–1898 гг.
Фотография. 2014 г.*

Хотьковского в честь Покрова Пресв. Богородицы монастыря, также отличающиеся открытой красно-кирпичной кладкой. Одноглавая Сергиевская ц. имеет план в виде лат. креста, к основному 2-ярусному объему примыкают боковые ризалиты с крыльцами, с запада — трапезная в 2 оси и небольшой притвор, увенчанный также одной шлемовидной главой. Такой же главкой завершена развитая алтарная часть. Никольский собор был заложен по инициативе игум. Филареты (Меркурьевой) в 1899 г. на месте разобранной

*Никольский собор Хотьковского
в честь Покрова Пресв. Богородицы
мон-ря. 1899–1904 гг.
Фотография. 2014 г.*

Никольской ц. Главный алтарь, боковые приделы во имя апостолов Петра и Павла и в честь Воскресения Господня были освящены 26–27 сент. 1904 г. Пятиглавый 4-столпный безапсидный монументальный собор стал архитектурной доминантой мон-ря и его окрестностей. Он принадлежит к центрическому крестово-купольному типу, восходящему к ранневизантийской архитектуре. Над его основным объемом возвышается несущий центральную главу световой барабан. Боковые главы понижены и завершают угловые компартименты между ризалитами. На фасадах выделены ризали-

*Церковь
Нерукотворного образа
Спасителя при приюте
им. И. А. Лямина в Москве.
1902–1903 гг.
Фотография. 1910 г.*

ты с 2 ярусами окон и большой полукруглой закомарой. В декоре Никольского собора (как и Сергиевской ц.) главенствует мотив колончатой аркатуры с использованием филенок и ленточного руста. Богатое убранство интерьера включало отделку из искусственного и натурального цветного мрамора, беломрамор-

ные иконостасы с бронзовыми позолоченными деталями. В 1911 г. артель под руководством братьев Сафоновых выполнила стенопись. Церковным и архитектурным сообществом постройка была принята благосклонно, собор характеризовали как «выдающийся» по архитектуре, отмечали его грандиозность; по словам архим. Троице-Сергиевой лавры Товии, храм «великолепием своим превзошел всякие ожидания». Собор был закрыт в 1932 г. (интерьер не сохр.), возвращен Церкви в 1990 г., отреставрирован и вновь освящен 11 окт. 2012 г. Помимо собора Л. построил в Покровском мон-ре новый настоятельский корпус, келейный корпус (1900) и просфорную.

В Москве Л. возвел ризницу собора Иоанновского мон-ря (1895), жилой корпус и трапезную (1898–1908, не сохр.), домовую ц. Нерукотворного образа Спасителя при приюте им. И. А. Лямина на Б. Ордынке, 24 (1902–1903, однокупольный храм, декорированный полуколонками и наличниками с разорванными фронтонами, не сохр.), реконструировал церковь св. Алексия, человека Божия, в Алексиевском мон-ре (1899, перестройка притвора и хор, создание ризницы и иконостаса), свт. Климента в Замоскворечье (1899–1900, реставрация) и Покрова Пресв. Богородицы в Красном Селе (1902–1904, капитальный ремонт с устройством приделов, архитектор сохранил классицистический стиль храма), перестроил часовню Знаменского монастыря (не сохр.), построил в 90-х гг. XX в. дом причта ц. Св.

Троицы в Листах (ул. Сретенка, 27–29) и доходный дом по Трубной ул., 22. В последней по

времени постройке Л.— 3-этажном на подвале надвратном корпусе подворья Троице-Сергиевой лавры в Москве (1913–1915) — впервые для зодчего элементы московско-ярославского стиля сочетаются с новой системой декора и деталями, выполненными в неорус. стиле (здание перестроено).

Ныне на территории Москвы находится 4-ярусная красно-кирпичная колокольня Казанского Головинского мон-ря (1911–1913), завершенная невысоким шатром с главкой и покрытая ковровым кирпичным декором. Остальные постройки монастыря утрачены преимущественно в 70-х гг. XX в. Среди них также спроектированные Л. больничный корпус с ц. мц. Акилины (перестройка, 1898), трапезная (1898–1908), 2-этажный келейный корпус (проект 1904 г.).

Л. работал в Московской губ. — построил 2-этажную Крестовоздвиженскую церковь-школу при Мишеронском стекольном заводе товарищества стеклянных заводов «Братья Н. и И. Костерева» (1900–1902, перестроена) и деревянную одношатровую 3-частную Покровскую ц. в дер. Барвиха (1910–1911, не сохр., воссоздана на другом участке в 1996–2002), многоярусные надвратные колокольни в духе XVII в. для ц. Св. Троицы в с. Чашниково Московского у. (1895) и Покровской ц. в с. Кудиново Богородского у. (1900–1901), трапезную, ризницу и сторожку ц. Св. Троицы в с. Троицком Звенигородского у. (1894–1895), Васильевский корпус Крестовоздвиженского Иерусалимского мон-ря в с. Лукине (1898), дом уч-ща для мальчиков при часовне в дер. Рязанцы Дмитровского у. (1898).

В 1900–1904 гг. по проекту Л. была возведена Успенская ц. Князь-Владимирского мон-ря в с. Филимонки Подольского у. Единый объем здания включает храм с 2 симметричными одноярусными приделами и трапезную. Центральный 2-ярусный четверик церкви выделялся по высоте и завершался компактным пятиглавием (ныне утрачено). С зап. стороны к зданию примыкало 3-частное помещение с папертью и лестницей на хоры, с востока — 3 граненые апсиды. В оформлении фасадов доминируют мотивы арок и кронштейнов.

Крупнейший храмовый проект Л. — собор во имя блгв. кн. Александра Невского на Миусской пл. в Москве — остался неосуществленным. Собор планировался грандиозным по размеру, круглым в плане, с обходной галереей, завершенным огромной луковичной главой. Однако проект, одобренный Московской духовной консисторией и Строительным отд-нием губернского ко-

митета, не был принят Синодом из-за технического несовершенства. Храм был возведен акад. А. Н. Померанцевым. Была отвергнута и др. крупная работа Л. — Никольские торговые ряды в Москве, проектирование к-рых было передано Л. Н. Кекушеву, хотя Л. разработал 3 варианта проекта.

Л., как правило, проектировал постройки в русском стиле с мотивами ярославского и московского узора сер. XVII в., с обилием мелких декоративных архитектурных форм и с богатой орнаментикой (московско-ярославский, или романовский). Этот стиль зодчества, восходящий к начальной эпохе династии Романовых, применялся им не только для церковных зданий, но и для сооружений гражданского назначения (лавки, торговые ряды). Вместе с тем Л. использовал в качестве образцов для своих храмовых проектов идеи ведущих архитекторов-современников. Избрав для проекта Александро-Невского собора на Миусской пл. тип центрического храма с огромным высоким куполом, архитектор продолжал поиск решений, намеченных в проектах и осуществленных в постройках таких зодчих, как Р. Р. Марфельд (храм Христа Спасителя в Борках, 1891–1894) и В. А. Косьяков (ц. Богоявления на Гутуевском о-ве в С.-Петербурге, 1892–1899). Наследие Л. как архитектора оценивалось неоднозначно. Критику вызывали как выбор места для построек (мн. здания закрыли или исказили исторический вид на Троице-Сергиеву лавру), так и характерное для стиля Л. сочетание упрощенных архитектурных объемов с суховатым и графичным декором. Несмотря на спорную оценку, очевидным является значение работ Л. в создании современного ансамбля Троице-Сергиевой лавры, Сергиева Посада и его окрестностей.

После Октябрьской революции Л. занимался реставрацией и не создал значительных построек. В 1918 г. он участвовал в реставрационных работах в Московском Кремле, в 20-х гг. XX в. в составе различных комиссий осуществлял техническое проектирование зданий Троице-Сергиевой лавры во время создания музея.

Лит.: Балдин В. И. Загорск: История города и его планировки. М., 1981; Филимонов К. А. Черниговский скит: История архит. ансамбля. Серг. П., [1995]; Рогачёв А. В. Московские

зодчие 2-й пол. XIX — нач. XX в.: Биогр. справ. М., 1997. Т. 2. С. 8–9; ЗМВЭМН. 1998. С. 156–157; Памятники архитектуры Московской обл. / Общ. ред.: Е. Н. Подьяпольская. М., 1999. Вып. 2, 3; *Вайнтрауб Л. Р., Картова М. Г., Скопин В. В.* Храмы Северо-западного округа и Зеленограда. М., 2000. С. 144–153, 174–175. (Святые правосл. Москвы); СПАМИР: Владимирская обл. М., 2004. Ч. 1. С. 585–594; *Савельев Ю. Р.* «Византийский стиль» в архитектуре России: (2-я пол. XIX в. — нач. XX в.). СПб., 2005. С. 182, 220; *Холодкова Н. В.* Архитектор Троице-Сергиевой лавры А. Латков // Маковец: Газ. Серг. П., 2011. № 18(43). С. 3.

Прот. Александр Берташ,
А. А. Климова

ЛАТОМУ (Латмос), мон-рь — см. в ст. *Осиос Давид*, мон-рь в Фессалонике.

ЛАТРОС [Латмос; греч. Λάτρος, Λάτρος], название крупного монастырского центра в византийскую эпоху (VII–XV вв.) и территории Юго-Зап. М. Азии (историческая обл. Кария,

*Храм Афины
в Ираклии на Латросе.
II в. до Р. Х. — I в. по Р. Х.*

ныне Турция). В античный период эта местность на берегу залива Эгейского м., а также горный массив у сев.-вост. берега (его наиболее высокая вершина гора Пентадактилос, Пятипала; тур. Бешпармак; высота 1353 м) были известны под названием Латмос. В средние века название трансформировалось в Л. В этот период в результате заиливания дна в зап. части залива от речных наносов Меандра (тур. Б. Мендерес) весь залив постепенно превратился в соленое озеро (тур. название Бафа).

В древнегреч. мифологии Латмос считался местом, где скрывался Эндимион, супруг Селены (*Pausan. Descript. V 1. 5*). Скалистый горный массив с пещерами был заселен со времен неолита (VI тыс. до Р. Х.), здесь сохранился ряд наскальных рисунков этой эпохи. Карийский г. Лат-

мос на вост. оконечности залива известен с V в. до Р. Х., когда он входил в Делийскую лигу полисов. В IV в. город был перенесен на 1 км западнее, перестроен по гипподамовой системе и переименован в Ираклию (Гераклею) на Латмосе, к-рая в эллинистическую и рим. эпохи была значительным морским портом. От античности здесь сохранились остатки театра, храмов Афины и Эндимиона, терм, крепостных стен и ряда др. построек. После того как залив естественным путем превратился в озеро, морские коммуникации были прерваны и городская жизнь в Ираклии постепенно пришла в упадок. В наст. время на месте города расположена дер. Капыкыры.

В ранневизант. эпоху существовала епископская кафедра Ираклии, подчиненная Кариийской митрополии. Она известна с 431 г., когда еп. Афтонет участвовал в III Вселенском Соборе в Эфесе, по 879 г., когда среди участников Константинопольского Собора упомянут еп. Григорий (*Fedalto. Hierarchia. Vol. 1. P. 198*). Позднее мон-ри Л. подчинялись соседней епископской кафедре Милета.

Местом развития монашеских общин в визант. эпоху стали берега и острова озера Л., а также массив скалистых гор к северу и востоку от Ираклии. Большинство мон-рей Л. следовали необщезительным уставам и именовались лаврами. Согласно местному преданию, которое известно из Жития св. Павла Латрского (2-я пол. X в.), монашеские общины на Л. появились после того, как сюда переселилась группа монахов со св. горы Синай, спасавшихся от арабов-мусульман (*Vita*). В 787 г. игум. Исидор Латрский участвовал в VII Вселенском Соборе в Никее и поставил подпись под его актами (*Mansi. T. 13. P. 434*). Упоминание об Исидоре является наиболее ранним достоверным свидетельством существования сообщества мон-рей Л. При византийском имп. Михаиле II (820–829) некий мон. Афанасий из Л. пришел в К-поль и жил в пещере в районе Петра в течение 22 лет (*Delehaye. 1892. P. 43*). Древнейшей среди обителей считалась лавра Келливарон (τὸν Κελλιβάρον). Ее настоятель до кон. XI в. обычно занимал должность прота Л.; затем это право перешло к настоятелям лавры Стилу. Однако система управления мон-рями Л. и их взаимодействие

всегда оставались сложными. Объем власти прота в делах различных мон-рей неизвестен. Кроме того, права лавры Келливарон на первенство неоднократно оспаривались другими мон-рями. К-польская Патриархия неоднократно вмешивалась в дела мон-рей, тем самым расширяя свои права юрисдикции в делах Л. При этом формально мон-ри входили в состав епархии Милета и в ряде вопросов подчинялись местным епископам. В сер. XIII в. мон-рь Кехионисмени на Л. упоминается как

Крепостная стена
цитадели
Ираклии на Латмосе.
XII в.

метохий Иоанна Богослова апостола монастыря на Патмосе, т. е. эта влиятельная монашеская община также обладала на Л. некими привилегиями. Вероятно, в разное время адм. устройство Л. менялось, но здесь так и не сложилось стройной системы объединения мон-рей во главе с протом, подобной Афону.

Наиболее подробно источники позволяют реконструировать историю мон-ря Стилу, к-рый был основан св. Павлом Латрским в 1-й пол. X в. Когда он пришел на Л., здесь существовало 3 мон-ря: Келливарон, Спасителя и Кария (Κάρια). Св. Павел стал послушником в мон-ре Кария, где игуменом был основатель этой обители Петр. После смерти Петра Павел поселился в отдельной пещере. Спустя краткое время Афанасий, игумен мон-ря Спасителя, предложил Павлу поселиться на скале и вести жизнь столпника. Вокруг св. Павла сложилась новая община, и он стал ее настоятелем (20–30-е гг. X в.); за мон-рем закрепилось название лавра Стилу (τὸ Ἰστόλου — «у столпа»). Здесь были выстроены ц. арх. Михаила, а затем соборный храм Пресв. Богородицы. После долгих лет подвижничества св. Павел умер 15 сент. 955 г. и был похоронен в одной из часовен мон-ря, для этой це-

ли перестроенной из цистерны для воды. Согласно Житию св. Павла, перед кончиной он создал всю братию и продиктовал сборник правил монашеской жизни, оформленный как завещание св. Павла (*Delehaye. 1892. P. 159–161; Byzantine Monastic Foundation Documents. 2000. P. 135–142*).

Уникальные сведения о дальнейшей истории Л. дает фрагментарно сохранившийся архив лавры Стилу (*Mikloschich, Müller. Vol. 4. P. 290–239; Janin. Grands centres. P. 441–454*). Он представляет собой 16 документов, переписанных в один кодекс (*Vat. Urb. gr. 80*), а также оригиналы 2 грамот в ар-

хиве Патмоса. Их анализ, а также учет др. источников позволяют реконструировать ок. 40 различных утраченных гра-

мот, имп. и патриарших указов и др. документов, хранившихся в Стилу и др. мон-рях Л. Большой частью эти документы касаются заключения имущественных сделок и управления земельной собственностью монастырей. Однако среди них были грамота имп. Романа I Лакапина 941 г. о пожаловании мон-рю одной номисмы серебра (*RegImp, N 620; Janin. Grands centres. P. 442*), письма имп. Константина VII Багрянородного ок. 945–955 гг. с просьбами к монахам молиться о победе византийцев в походах на Восток (*Delehaye. 1892. P. 72–73, 150; Janin. Grands centres. P. 442*).

В рукописи Paris. gr. 590 сохранился список имен 21 игумена лавры Стилу с 955 г. по 20-е гг. XIII в. (*Janin. Grands centres. P. 234–236*). Дополнительной информацией мы располагаем лишь в тех случаях, когда обитель так или иначе вступала в контакты с центральными властями К-польской Церкви и империи, — об этом сохранялись сведения в документах имп. и патриаршего дворов. Преемником св. Павла был игум. Симеон, который упоминается в Житии св. Павла. Он ездил в К-поль утверждать в Патриархии устав монастыря. Большую роль в становлении мон-ря сыграл 4-й игум. Гавриил,

к-рый упоминается в документах 985–987 гг. Будучи крупным местным землевладельцем, он принял монашество и передал мон-рю большую часть своих земель, создав т. о. ядро монастырского домена Стилу, впосл. имевшее значение для повышения статуса этой обители.

Тем не менее в XI в. первенство на Л. сохранялось за мон-рем Келливарон. В 1049 г. патриарх Михаил I Кируларий отправил на Л. своего кувуклисия Константина для инспекции мон-рей и разбора спорного дела о разделе территорий между лаврами Келливарон и Пресв. Богородицы Лампониу (τοῦ Λαυλονίου; RegPatr, N 857a). Последняя образовалась в X в., вероятно, в результате разделения общины Келливарон, владения обоих мон-рей не были четко разграничены. Константин принимал игумен мон-ря Келливарон Мефодий, здесь же присутствовал игумен Стилу Николай, но исход дела неясен; мон-рь Лампониу позднее не упоминается. В 1075–1087 гг. игуменом Стилу был прп. Христул Латрин, к-рого К-польский патриарх Косма I назначил протом Л., тем самым изменив традицию первенства мон-ря Келливарон. Через 3 года после вступления в должность Христул был обвинен в ереси и более 10 лет вел тяжбы с К-польской Патриархией и рядом иерархов, отстаивая как свою невиновность, так и права мон-рей Л. на автономию, против прямого подчинения Патриархии. После ряда судебных процессов в К-поле Христул был вынужден уйти со своего поста и удалиться в мон-рь св. Иоанна Богослова на Патмосе (*Mikloschich, Müller. Vol. 6. P. 18*).

В XII–XIII вв. слава лавры Стилу уже намного превосходила известность мон-ря Келливарон. В 1222 г. патриарх Мануил I попытался упорядочить систему управления Л. Своим распоряжением он подтвердил статус игумена Стилу Павла как прота Л., но при этом объявил о необходимости после смерти Павла возратить права протата мон-рю Келливарон, поскольку эти права принадлежали ему издревле (*Mikloschich, Müller. Vol. 4. P. 295–298; RegPatr, N 1231; Janin. Grands centres. P. 450*). Это решение говорит о некоем обострении соперничества среди крупнейших мон-рей Л., однако скорее всего это распоряжение не было реализовано. Уже в 1225 г. новый пат-

риарх Герман II, а затем и никейский имп. Иоанн III Дука Ватац (1221–1254) подтвердили автономный статус мон-ря Стилу и титул архимандрита для его настоятеля. Т. о., в споре за первенство лавра Стилу одержала верх (*Mikloschich, Müller. Vol. 4. P. 298–300; Vol. 6. P. 429–430; RegImp, N 1712; RegPatr, N 1237, 1294–1295;*

Лавра Келливарон
на Латросе

Janin. Grands centres. P. 451). Тем не менее в это время Келливарон оставался действующим культурным центром. Известны неск. рукописей XIII в. из этого мон-ря. Рукопись Sinait. gr. 274 была переписана здесь в 1236 г. иером. Неофитом, доместиком (видимо, управляющим имуществом) мон-ря. Др. рукописи содержат пометы о принадлежности к монастырской б-ке: Angel. 21 и 70, Vat. gr. 446 и 448 (*Janin. Grands centres. P. 230–231*).

В кон. XIII в. начинается упадок Л. Основной причиной запустения стало растущее давление со стороны кочевников-тюрок, к-рые уже в кон. XI в. грабили Л. и впосл. неоднократно совершали набеги на эту местность. Большинство из исследованных археологами мон-рей Л. имели оборонительные стены, пригодные для военных нужд. Ок. 1282 г. по решению имп. Михаила VIII общину мон-ря Келливарон, состоявшую в то время лишь из 9 монахов, переселили в К-поль, в мон-рь св. Димитрия. Слияние мон-рей при этом не предполагалось, и монахи из Келливарона жили в К-поле на особых правах, но вскоре мон-рь на Л. превратился в метохий столичной обители св. Димитрия. Тем самым Келливарон окончательно потерял первенство на Л. В кон. XIII — нач. XIV в. местность Л. перешла под контроль Румского султаната и др. гос-в тюрок-сельджуков. Однако под властью мусульман жизнь мон-рей Л. продолжалась еще значительное вре-

мя. Последнее упоминание о лавре Стилу в визант. источниках относится к 1360 г. (*Janin. Grands centres. P. 453; Miklosich, Müller. Vol. 1. P. 391–397*).

Всего по письменным источникам известны не менее 20 мон-рей Л. От большинства сохранились лишь 1–2 упоминания. Таковы мон-ри Спасителя, Кария (оба основаны до нач. X в.; последний раз упом. в 1049), св. Георгия (1056), Лампониу (987, 1049), Неа-Мо-

ни (1216), Скиру, Мирсион (оба основаны в 1216). Кроме них в грамоте патриарха Мануила I 1222 г. указаны мона-

стыри арх. Михаила Асомату (Ἀσομάτου), Иринунтон (Ἰρηνούντων), Дисикю (Δυσικόβ), Иерас (Ἰέρως), ап. Иоанна Богослова, Киссон (Κισσών), Фалакру-Вуну (Φαλακροῦ Βουνού).

Большинство остатков скальных пещер и построек Л. были подробно исследованы нем. археологами в нач. XX в., но, как правило, эти объекты не удается идентифицировать с мон-рями, известными по письменным источникам. Уверенно локализованы лишь нек-рые.

Лавра Стилу была расположена у совр. мест. Арабавлы, к северо-западу от горы Пентадактилос; она была обследована нем. археологами в 1905 г. Центр ее ансамбля — высокая гранитная скала, к-рую использовали для столпничества. Важнейшей частью мон-ря является пещера св. Павла, в которой можно увидеть остатки визант. фресковой росписи, созданной, вероятно, в XI–XII вв. В нач. XX в. на стенах помещения исследователи различали сцены «Введение Богородицы во храм», «Благовещение», «Рождество», «Богоявление», «Крещение», «Преображение». Центром композиции росписей было изображение Пресв. Богородицы с Младенцем на троне, слева от Них был изображен св. Павел. Была видна также сцена «Погребение св. Павла», тесно связанная по композиции с Житием святого. В правой ее части был изображен монах с подписанным именем Гавриил. В 985–987 гг. по источникам известен такой ктитор мон-ря. Подписаны так-

же имена священников Космы и Фотина, участников церемонии (*Janin. Grands centres. P. 238–239*).

Лавра Келливарон находилась у совр. мест. Едилер, к востоку от совр. дер. Капыкыры. Комплекс был разделен на 2 части (небольшая крепость с часовней и оборонительными помещениями и обширная территория, на которой хаотично располагались многочисленные отдельные кельи монахов). К югу от крепости находилась церковь, одноапсидная, продолговатая в плане. В мон-ре обследованы 24 небольших высеченных в скалах или построенных из камней помещения различных планов; крайне сложно определить, какие из них предназначались для литургических и бытовых целей. В одном из помещений сохранились фрески XIII в., посвященные жизни Христа (*Ibid. P. 231–232*).

Мон-рь Дио-Вуни (Δίο Βουνοί — «два холма») также упоминается лишь однажды в связи с тем, что в 1230/31 г. сюда удалился, приняв постриг, известный византийский церковный ученый *Никифор Влемид*. Однако, по косвенным сведениям, этот комплекс удалось отождествить с развалинами мон-ря на о-ве Икиздже (Икибер), рядом с сев. берегом оз. Л., западнее Капыкыры. На 2 расположенных рядом островах

находились византийская крепость и мон-рь. В центре обнесенной стенами территории находился храм. Его план соответствовал типу вписанного креста; одноапсидный, с небольшим нартексом. Сохранившаяся надпись указывала, что храм был посвящен Богородице Пантанассе, а особенности шрифта надписи соответствовали сер. XIII в.

Мон-рь Богородицы Кехионисмени (Κεχιονισμένη, или Хионисмени, Χιονισμένη — Снежная) предположительно находился на юго-зап. берегу оз. Л., ближе к Милету, нежели

к Ираклии. Время возникновения и запустения обители неизвестно. Неск. актов XIII в. из архива мон-ря св. Иоанна Богослова на Патмосе позволяют реконструировать дета-

ли истории мон-ря в этом столетии. Согласно этим документам, в 1214 г. мон-рь получил в дар 6 земельных участков в округе, в долине Асиссос (*Miklosich, Müller. Vol. 6. P. 166–174*). В 1246 г. мон-рь перешел в собственность севаста Георгия Монохитраса, приближенного никейских императоров, к-рый полностью перестроил монастырский храм (даты проведения этих работ неопределены). Между 1246 и 1258 гг. статус и владения мон-ря подтверждались неск. имп. актами (RegImp, N 1786, 1818, 1849, 1854). Тем не менее, согласно документам, именно в это время положение мон-ря суще-

Монастырь Дио-Вуни
на оз. Латмос
(Бафа)

ственно изменилось. Он был выведен из феодального подчинения Монохитрасу и переведен в ведение епархии Милета.

Монохитрас сохранял статус патрона и участвовал в повседневных делах мон-ря (видимо, распоряжаясь частью доходов обители), но уже не как собственник. В 1259 г. визант. имп. Михаил VIII Палеолог издал хрисовул Патмосскому мон-рю, где мон-рь Кехионисмени упоминается уже как метохий Патмоса, причем передачу его во владение Патмоса утвердил еще никейский имп. Иоанн III Дука Ватац. Очевидно, в эту эпоху община мон-ря была довольно зажиточна и права владения мон-рем на различных усло-

виях делили сразу несколько феодальных светских и церковных собственников.

Мон-рь св. Апостолов не упоминается в рукописных источниках, но известен по надписи нач. X в., помещенной в высеченном в скале монастырском храме в память об украшении его фрес-

Крещение.
Роспись грота № 6
на Латмосе. XII в.

ками, которые были написаны неким Иоанном (*Janin. Grands centres. P. 222*). Еще один крупный мон-рь с неизвестным названием находил-

ся на островке рядом с Ираклией. Он занимал хорошо укрепленную стенами территорию 115 м в длину и 75 м в ширину. В ее центре находилась церковь бесстолпного типа с куполом. Трапезное помещение того же комплекса имело Т-образный план, подобно постройкам на Св. Горе Афон. Значительные монастырские ансамбли описаны также на о-ве Кахвехисар и в небольшой долине Эгридере (к северо-западу от Ираклии). Подробности их истории неизвестны. Фресковые росписи исследованы в некоторых гротах. В гроте № 6, расположенном к востоку от Ираклии, сохранились остатки фресок XII в. со сценами «Рождество», «Крещение», «Распятие» и «Сошествие во ад» и изображения святых Афанасия Великого и Иоанна Милостивого. Соседний грот № 7 был украшен образом Пантократора, который по стилистическим особенностям датируется между VII и IX вв. Большинство росписей Л., исследованных археологами и искусствоведами в XX в., в наст. время утрачены.

Лит.: *Delehaye H. Vita S. Pauli Iunioris in monte Latro (cum interpretatione latina I. Siron-di S. I.) // AnBoll. 1892. Vol. 11. P. 5–74, 136–182; Панченко Б. А. Крестьянская собственность в Византии: Земледельческий Закон и монастырские документы // ИРАИК. 1904. Т. 9. С. 142–145; Wiegand T. Milet: Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen. B., 1913. Bd. 3. H. 1: Der Latmos; Pauly, Wissowa. Bd. 8. Sp. 431–432; Вокотопулос Π. Α. Λάτρος // ΕΕΒΣ. 1966/1967. Т. 35. С. 69–106; Restle M. Die byzantinische Wandmalerei in Kleinasien. Reklingshausen, 1967. Bd. 1. S. 78–81; Bd. 3. Pl. 542–551; Schiemenz G. Die Malereien der Paulus-Hohle auf dem Latmos // Pantheon. Münch., 1971. Bd. 29. S. 46–53; *Janin. Grands centres. P. 216–240, 441–454; ODB. Vol. 2.**

P. 1188–1189; BMFD. 2000. Vol. 1. P. 135–142; Akurgal E. Ancient Civilizations and Ruins of Turkey. Istanbul, 2007¹⁰. P. 240–241.

И. Н. Попов

ЛАТЫШЕВ Василий Васильевич (29.07.1855, с. Диево Бежецкого у. Тверской губ.— 2.05.1921, Петроград), рус. ученый, филолог-классик, историк, византист, эпиграфист. Академик С.-Петербургской АН (с 1893), член-корреспондент Прусской АН (с 1891), член Германского археологического ин-та; почетный член СПбДА (с 1909), Казанского, Юрьевского ун-тов, Московского археологического об-ва, Русского археологического ин-та в К-поле и мн. др. научных учреждений и общественных орг-ций. Выходец из мещан, Л. рано лишился отца и рос в доме своего деда по матери в Калязине. В 1863 г. был взят на воспитание крестным отцом, дядей по материнской линии чиновником И. С. Талызиным; в 1864 г. вместе с семьей Талызиных переехал в Гродно по месту нового назначения воспитателя. Учился в Гродненской гимназии. В 1872 г., как отличник и стипендиат Виленского учебного округа, поступил в С.-Петербургский историко-филологический ин-т, к-рый окончил в 1876 г. Главным учителем Л. в ин-те в областях антиковедения и эпиграфики стал проф. Ф. Ф. Соколов. Среди преподавателей Л. были А. К. Наук, Л. А. Миллер, И. В. Помяловский, А. О. Ионин, Н. А. Астафьев, Е. Е. Замысловский, Н. П. Некрасов, А. Д. Галахов. По окончании ин-та Л. работал преподавателем древних языков в гимназии в Вильне (1876–1880). В 1880–1882 гг. был отправлен в командировку в Грецию для исследования эпиграфических памятников. Используя полученный опыт, в 1882–1883 гг. путешествовал по юж. регионам России, собирая сведения о сохранившихся местных эпиграфических памятниках. Результатом этих экспедиций стало издание в 1885 г. 1-го тома свода античных надписей Причерноморья, который стал открытием в этой области для российской исторической науки. Л. впервые в России представил систематическое издание нового вида источников, причем оно было посвящено региону, в то время еще сравнительно мало известному мировой науке.

В 1882 г. Л. с семьей переехал в С.-Петербург; с 1883 г. преподавал греч. словесность в С.-Петербургском

историко-филологическом ин-те, с 1884 г. приват-доцент С.-Петербургского ун-та, преподаватель Высших женских курсов; с 1887 г. заведующий гимназией при С.-Петербургском историко-филологическом ин-те; с 1903 по 1918 г. директор этого ин-та. С 1890 г. на гос. службе. До 1893 г. был помощником попечителя Казанского учебного округа. С 1893 г. директор департамента Мин-ва народного просвещения, с 1898 г. член Совета мин-ва. С окт. 1918 г. до своей кончины Л. временно исполнял обязанности председателя Российского *Палестинского православного общества*. Будучи уже признанным специалистом по эпиграфике, последние десятилетия жизни Л. посвятил изучению визант. агиографии, издал переводы неск. десятков Житий святых, преимущественно связанных с историей Православия в Палестине и Сирии, исследования по отдельным аспектам истории почитания святых в Византии и Причерноморье.

Соч.: О некоторых эолических и дорических календарях: Эпиграфич. исслед. СПб., 1883; *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Petropoli, 1885–1890. 2 vol.; *Inscriptiones graecae in oris Bospoti Cimmerii et Chersonesi Tauricae per annos 1881–1888 repertae*. Petropoli, 1890; *Scythica et Caucasica e veteribus scriptoribus graecis et latinis et cum versione rossica*. Petropoli, 1893–1900. Vol. 1. Fasc. 1–3; 1904–1906. Vol. 2. Fasc. 1–2; Этюды по визант. эпиграфике // ВВ. 1894. Т. 1. С. 657–672; 1895. Т. 2. С. 184–188; 1899. Т. 6. С. 337–369; Заметки к христ. надписям из Крыма // ЗапОИД. 1897. Т. 20. С. 149–162; 1898. Т. 21. С. 225–254; Жития святых епископов Херсонских: Исслед. и тексты. СПб., 1906; Сборник палестинской и сир. агиологии. СПб., 1907–1913. 2 вып.; Заметки к агиол. текстам // ИОРЯС. 1908. Т. 13. Кн. 2. С. 133–140; Кн. 3. С. 1–17; Мат-лы для истории архиепископии Синайской горы. СПб., 1909. (ППС; Вып. 58); РОНТИКА: Изборник науч. и крит. статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греч. колоний на побережьях Черного м. СПб., 1909; Две речи Феодора Дафнопата. СПб., 1910. (ППС; Вып. 59. № 1); К истории христианства на Кавказе: Греч. надписи из Ново-Афонского мон-ря // Сб. археол. статей, поднесенный гр. А. А. Бобринскому. СПб., 1911. С. 169–198; Страдание св. славного вмч. Георгия, приписываемое Феодору Дафнопату. СПб., 1911. (ППС; Вып. 59. № 2); *Menologii anonymi Byzantini saec. X quae supersunt*. Petropoli, 1911. Fasc. 1: *Menses Februarium et Martium continens*; 1912. Fasc. 2: *Menses Junium, Lulium, Augustum*; О житиях прп. Давида Солунского // ЗапОИД. 1912. Т. 30. С. 217–251; Житие св. епископов Херсонских в грузинской Минее // ИИАК. 1913. Вып. 49. С. 75–83; Четьи-минеи Иоанна Ксифилина: (Предв. сообщ.) // ИИАН. Сер. 6. 1913. Т. 7. № 4. С. 231–240; Визант. «царская» минея. Пг., 1915; Мученичество св. и славные вмч. Фотины Самарянки и чад

и сестер ее, с нею пострадавших // Палестинский патерик. СПб., 1914. Вып. 21; Неизд. греч. агиогр. тексты. СПб., 1914; Житие прп. Феодора Студита в Мюнхенской ркп. № 467 // ВВ. 1915. Т. 21. Вып. 3/4. С. 222–304; О житиях св. вмч. Евсигния // ЖМНП. Н. с. 1915. Ч. 55. Февр. С. 65–91; *Ad Nicetae David Paphlagonis laudationes ss. Apostolorum* // ИИАН. Сер. 6. 1916. Т. 10. № 16. С. 1505–1522; *Мефодия, патриарха К-польского*, Житие прп. Феодана Исповедника: По моск. ркп. № 159. Пг., 1918. (ЗапИФО; Т. 13. № 4); Новые христ. греч. надписи из Крыма // ИТУАК. 1918. № 54. С. 33–46; Критические заметки к письмам Феодора Дафнопата // ИИАН. Сер. 6. 1920. Т. 14. С. 393–398; Очерк греч. древностей. СПб., 1997. 2 ч. Лит.: Биограф. словарь профессоров и преподавателей имп. С.-Петербургского ун-та за истекшую 3-ю четв. века его существования: 1869–1894. СПб., 1896. Т. 1. С. 371–380; Альманах современных рус. гос. деятелей. СПб., 1897. Т. 2. С. 963–964; В. В. Латышев: Кр. очерк 25-летней лит. деятельности его, 1878–1903. СПб., 1903; В. В. Латышев: К 30-летию его учено-лит. деятельности // Гермес. СПб., 1908. Т. 3. № 17. С. 454–456; Список трудов В. В. Латышева, сост. по поводу 30-летия его учено-лит. деятельности, 1878–1908. СПб., 1908; *Афанасьев Н. И.* Современники: Альбом биографий. СПб., 1909. Т. 1. С. 154–156; Мат-лы для биограф. словаря действ. членов Имп. АН. Пг., 1915. Ч. 1. С. 413–428; Биограф. словарь лиц, окончивших курс Петроградского историко-филол. ин-та // Под ред. В. В. Латышева. Пг., 1917. Ч. 1. С. 91–107; *Жебелев С. А.* В. В. Латышев (29 июля 1855 – 2 мая 1921) // ВВ. 1926. Т. 24. С. 105–110; *Успенский Ф. И.* Памяти акад. В. В. Латышева // Изв. АН СССР. Сер. 6. 1926. Т. 20. № 9. С. 577–584; *Ельницкий Л.* Памяти акад. В. В. Латышева // ВДИ. 1946. № 4. С. 166–167; Мат-лы к списку трудов акад. В. В. Латышева // Там же. С. 167–169; *Шкляев Н. П.* Выдающийся рус. эпиграфист акад. В. В. Латышев // УЗ Казан. ун-та. 1952. Т. 112. Кн. 5: История. С. 117–151; Значение работ акад. В. В. Латышева для изучения античной истории // ВДИ. 1955. № 4. С. 3–9; *Томенев А. И.* В. В. Латышев и история Херсонеса // Сов. арх. 1958. Вып. 28. С. 15–32; *Удальцова З. В.* Византиноведение в СССР после Великой Октябрьской социалистической революции: 1917–1934 // ВВ. 1964. Т. 25. С. 29–30; *она же.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969. С. 9, 38–39, 127, 139; *Курбатов Г. Л.* История Византии: Историография. Л., 1975. С. 120, 141; *Fonkič B. L., Poljakov F. B.* Schicksale der byzantinischen Philologie in Russland im 20. Jh. // La Filologia Medievale e Umanistica Graeca e Latina nel Sec. XX: Atti del Congresso Intern. R., 1993. Vol. 2. P. 780–781, 788, 795; *Тункина И. В.* В. В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по мат-лам рукописного наследия) // Рукописное наследие рус. византинистов в архивах С.-Петербурга // Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1999. С. 172–288.

И. Н. Попов

LAUDES — см. ст. *Оффиций*.

ЛАФОНТЕН-ДОЗОНЬ Жаклин [франц. Lafontaine-Dosogne Jacqueline] (23.11.1928, Брен-л'Аллё, Бельгия — 21.05.1995, Брюссель), исследователь визант. и восточнохрист. искусства, представитель иконографич-

ческого метода исследования. Л.-Д. окончила Свободный ун-т Брюсселя (Université libre de Bruxelles), в котором изучала классические языки, историю искусства и археологию, была ученицей Ш. Дельвуа. В 1958 г. принимала участие в работе семинара А. Грабара в Высшей практической школе в Париже (Ecole Pratique des Hautes Études), где представила доклад о фресках храма Фортуны Вирилис в Риме, переработанный и изданный в 1959 г. в виде монографии (Peintures médiévales dans le temple dit de la Fortune Virile à Rome). Тема иконографии Богородичных сюжетов в средневек. искусстве, затронутая в этой работе, была раскрыта Л.-Д. в диссертации (1961) и в кн. «Иконография детства Богородицы в искусстве Византии и Запада» (Iconographie de l'enfance de la Vierge dans l'Empire byzantin et en Occident), вышедшей в Брюсселе в 1964–1965 гг. и переизданной с дополнениями в 1992 г. К этой теме она возвращалась в течение всей жизни. Значение этого труда Л.-Д. сопоставимо, как писала Н. Тьерри, с известной работой Г. Милле (Millet G. Recherches sur l'iconographie de l'Évangile aux XIVe, XVe et XVIe siècles d'après les monuments de Mistra, de la Macédoine et du Mont Athos. P., 1916). С момента издания книги Л.-Д. были открыты новые памятники и уточнены сведения, приводимые в монографии, но эта работа остается базовым исследованием по теме житийного цикла Пресв. Богородицы в визант. искусстве (Thierry N. [Рец. на:] Lafontaine-Dosogne J. Iconographie de la Vierge dans l'Empire byzantin et en Occident // REB. 1965. Т. 23. N 1. P. 288–290).

В 1958–1966 гг. Л.-Д. работала в Бельгийском национальном фонде содействия научным исследованиям; в 1960–1962 гг. сотрудничала в Центре византиноведческих исследований Дамбартон-Окс (США). С 1967 по 1972 г. являлась научным сотрудником Королевского ин-та культурного наследия (L'Institut royal du Patrimoine artistique). В кон. 50-х — нач. 60-х гг. XX в. путешествовала по территориям, некогда занятым Византийской империей, и странам, находившимся в период средневековья в орбите визант. влияния. Результатом научной экспедиции в район Антиохии (ныне Антакья, Турция) в 1965 г. стала работа «Археологические маршруты Антиохии: Исследование о мон-ре прп. Симеона Столпника Младшего на Дивной горе и об иконографии святого» (Itinéraires archéologiques dans la région d'Antioche: Recherches sur le monastère et sur l'iconographie de S. Syméon Stylite le Jeune), написанная совместно с Б. Оргелем, к-рая помимо детального исследования мон-ря на Дивной горе, иконографии прп. Симеона Столпника Младшего, содержит список археологических памятников близ Антиохии.

Ряд статей Л.-Д. посвящен отдельным визант. регионам (Каппадокия, Грузия и др.). В 1987 г. издана кн. «История искусства Византии и христианского Востока» (Histoire de l'art byzantin et chrétien d'Orient. Walter Ch. [Рец. на:] Lafontaine-Dosogne J. Histoire de l'art byzantin et chrétien d'Orient // REB. 1989. Т. 47. P. 317; Залеская В. Н. [Рец. на:] Lafontaine-Dosogne J. Histoire de l'art byzantin. Louvain, 1987 // ВВ. 1991. Т. 52(77). С. 293–296), основанная на более ранней работе, выполненной совместно с В. Фольбахом для сер. «Propyläen Kunstgeschichte» (Byzanz und der christliche Osten).

Л.-Д. была одним из организаторов и главным редактором каталога выставки «Сияние Византии» (Splendeur de Byzance) в Королевских музеях искусства и истории в Брюсселе (1982).

Л.-Д. проявляла интерес к разным аспектам визант. искусства, в частности к проблеме взаимосвязи визант. и средневек. зап. искусства. В работах об искусстве долины Рейна и Мозеля VIII–XIII вв. Л.-Д. делала акцент на византийском влиянии, в одном случае выделяя фигуру принцессы Теофано, племянницы византийского имп. Иоанна Цимисхия (969–976) и супруги имп. Свящ. Римской империи Оттона II (973–983), в другом — говоря о «вкладе» крестоносцев, принесших на герм. земли предметы визант. искусства, к-рые сыграли важную роль в художественной культуре Запада.

В 1972–1993 гг. Л.-Д. возглавляла секцию христ. искусства при Королевских музеях искусства и истории в Брюсселе; в 1971–1994 гг. преподавала в Католическом ун-те в Лувен-ла-Нев (с 1989 профессор), после 1994 г. читала там лекции в качестве приглашенного профессора; с 1967 г. являлась членом-корреспондентом, с 1968 г. — действительным

членом Бельгийской Королевской академии археологии, где занимала различные должности: с 1969 г. — секретаря отдела публикаций (с 1978 руководила изданием «Revue belge d'archéologie et d'histoire de l'art» (Бельгийский журнал по археологии и истории искусства)), в 1981–1983 гг. — вице-президента, в 1983–1985 гг. — президента академии.

Библиогр.: Bibliographie de Jacqueline Dosogne-Lafontaine // Bull. des Musées Royaux d'Arte et d'Histoire. Brux., 1994. Т. 65. P. 13–20. Соч.: Christianisme byzantin et archéologie chrétienne. XXIII // École pratique des hautes études: Sect. des sciences religieuses: Annuaire 1959–1960. P., 1958. P. 89–93; Peintures médiévales dans le temple dit de la Fortune Virile à Rome. Brux.; R., 1959; Byzanz und der christliche Osten / W. F. Volbach. B., 1968; Iconographie de l'enfance de la Vierge dans l'Empire byzantin et en Occident. Brux., 1964–1965. 2 t.; 1992; Itinéraires archéologiques dans la région d'Antioche: Rech. sur le monastère et sur l'iconographie de S. Syméon Stylite le Jeune / B. Orgels. Brux., 1967; Росписи церкви, называемой Чемлекчи Килисе, и проблема присутствия армян в Каппадокии / Пер.: Т. И. Прилуцкая // Византия: Южные славяне и Др. Русь. Зап. Европа. Искусство и культура: Сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С. 78–93; Исследования по декоративным программам средневек. церквей Грузии в связи с визант. монументальной живописью // II Междунар. симпозиум по груз. искусству. Тб., 1977; L'évolution du programme décoratif des églises de 1071 à 1261 // Actes du XVe Congrès intern. d'études byzantines: Rapports et co-rapports. Athènes, 1979. Vol. 1. P. 285–329; Monumental Painting // Alpago Novello A. Art and Architecture in Medieval Georgia. Louvain-la-Neuve, 1980. P. 85–135; Remarques sur le programme décoratif de St. Sophie a Trebizonde // Bbl. 1981. Vol. 7. P. 379–391; Splendeur de Byzance. Brux., 1982; L'illustration de la première partie de l'hymne Akathiste et sa relation avec les mosaïques de la Kariye Djami // Byz. 1984. Vol. 54. P. 648–702; Pour une problématique de la peinture d'église byzantine à l'époque iconoclaste // DOP. 1987. Vol. 41. P. 321–337; Byzance et les croisades: Objets d'art byzantin importés en Belgique et leur influence // The Latin Empire: Some Contributions. Hernen, 1990. P. 83–91; Histoire de l'art byzantin et chrétien d'Orient. Louvain-la-Neuve, 1987, 1995²; Iconographie comparée du cycle de l'Enfance de la Vierge à Byzance et en Occident, de la fin du IXe au début du XIIIe siècle // Cah. Civ. Med. 1989. Vol. 32. P. 291–303; The Art of Byzantium and its Relation to Germany in the time of the Empress Theophano // The Empress Theophano: Byzantium and the West at the Turn of the First Millennium. Camb., 1995. P. 211–230; L'influence artistique byzantine dans la région Meuse-Rhin du VIIe au XIIIe siècle // Byzantine East, Latin West: Art Hist. Studies in Honor of K. Weitzmann. Princeton, 1995. P. 181–192; Les thèmes iconographiques profanes dans la peinture monumentale byzantine du VIe au XVe siècle // Arte profana e arte sacra a Bisanzio. R., 1995. P. 189–220; Dufrenne S. Jacqueline Lafontaine-Dosogne (1928–1995) // Cah. Civ. Med. 1996. Vol. 39. Jan.-Juin. P. 178–179; Le Monastère du Sinai Creuset de culture chrétienne (X^e–XIIIe siècle) // East and West in the Crusader

States: Context – Contacts – Confrontations: Acta of the congress held at Hernen Castle in May 1993. Leuven, 1996. P. 103–129; Le rappresentazioni della vita della Vergine e dell'infanzia di Cristo nelle sculture e nei mosaici di San Marco // San Marco: Aspetti storici ed agiografici. Venezia, 1996. P. 343–369.

Лит.: *Donceel-Voite P.* Jacqueline Lafontaine, épouse Dosogne (23 novembre 1928 – 21 mai 1995) // *Revue des archéologues et d'historiens d'art de Louvain*. Brux., 1995. Vol. 28. P. 131–134; *Colaert M.* Jacqueline Lafontaine-Dosogne (1928–1995) // *Revue belge d'archéologie et d'histoire de l'art*. Brux., 1995. Vol. 64. P. 3–10; *Daniels M.* Lafontaine-Dosogne, Jacqueline // *Dictionary of Art Historians: A Biogr. Dictionary* // www.dictionarofarthistorians.org [Электр. ресурс].

С. Н. Татарченко

ЛАХИШ [евр. לַחִישׁ, в синодальном переводе Лакис], библейский город в Др. Израиле, в 44 км юго-западнее Иерусалима. Идентифицирован с совр. Тель-Лахиш (араб. Телль-эд-Дувайр), где в наст. время расположен археологический парк национального значения (в 30 км к юго-востоку от Ашкелона и в 23 км

к западу от Хеврона (Эль-Халиль)). Исследования Л. ознаменовали начало нового этапа в библеистике и археологической науке в сер. – 2-й пол. XX в.

Расположение на караванном пути с юга средиземноморского побережья в Иудейские горы способствовало раннему расцвету Л. В ВЗ город упоминается довольно часто. Царь Л. Яфий – один из 5 аморейских царей, выступивших против Иисуса Навина, разбитых у Гаваона и казненных в Македе (Нав 10. 3–5, 21–26). Израильтяне разрушили Л. до основания (ср.: Нав 10. 31–35); ок. 1220 г. до Р. Х. он вошел в удел колена Иуды (Нав 15. 39), но оставался в руинах до X в. до Р. Х., когда, заново отстроенный, сгорел в результате завоевательного похода фараона Шешонка I (ок. 925 г. до Р. Х.).

Сын Соломона, Роваам, укрепил Л. (2 Пар 11. 9); при Асе (911–870

или 908–867) и Иосафате (872/69–849/8) были возведены новые стены. Царь Амасия (ок. 800–783 или 796–767) бежал от заговорщиков из Иерусалима в Л., но был здесь убит (4 Цар 14. 19; 2 Пар 25. 27). При Озии Л. был разрушен, видимо, землетрясением, но царь Езекия усилил укрепления и, очевидно, пытался построить в Л. крупную систему водоснабжения.

Ассир. царь Синаххериб осадил и сжег Л. (701 г. до Р. Х.), угнав жителей в плен (2 Пар 32. 9). С этого момента Л. надолго стал ассир. крепостью в Иудее (сюда Езекия послал сообщение о готовности покориться Ассирии (4 Цар 18. 14–17; 19. 8); отсюда Синаххериб отправил войска для осады Иерусалима (4 Цар 18. 17)). После распада ассир. державы городские стены Л. отстроили, но город так и не сумел достичь прежнего расцвета.

Л. наряду с Азекой (Иер 34. 7) оставался последним городом, сопротивлявшимся вавилонской армии, осадившей Иерусалим, но в ито-

*Осада и захват Лахиша.
Рельеф из дворца Синаххериба
в Ниневии.
VIII в. до Р. Х.
(Британский музей, Лондон)*

ге оба города были разрушены Навуходоносором II (588–586 гг. до Р. Х.), а жители Л. угнаны в Вавилонское царство. После возвращения иудеев из Вавилонии Л. снова был заселен (Неем 11. 30), его стены с воротами отстроены, восстановлены ров и система водоснабжения; на месте дворца-цитадели был воздвигнут дворец персид. наместника (ок. 450 г. до Р. Х.).

Л. хорошо известен также по внебиблейским источникам. Он упомянут в *Амарнских письмах* XIV в. до Р. Х. (EA, N 328, 329, 330–332; послание Ябни-илу и Зимриды, правителей Л., к фараону с заверением в преданности; донос на Зимриду с обвинением его в переходе на сторону племени хапиру; сообщение правителя Иерусалима фараону, что жители Л., *Гезера* и *Аскалона* снабжают хапиру продовольствием).

Археология. Еще в XIX в. на рельефах Ниневии (Куюнджик) было найдено изображение сцен осады Л. ассир. армией. Открытием стало обна-

ружение т. н. «Лахишских писем» – серии остраконов с черновиками или копиями переписки между осажденными городами Израиля.

Телль-эд-Дувайр (идентифицирован как Л. в 1929 У. *Олбрайтом*) расположен в 40 км к юго-западу от Иерусалима, в предгорьях Шефелы, вблизи главной дороги от приморской равнины к холмам Хеврона. Площадь основания телля ок. 37 кв. км; почти прямоугольная вершина – более 22 кв. км. Холм обеспечивался водой из колодцев (один из них, в сев.-вост. углу города, был изучен) и был неприступным со всех сторон, кроме юго-зап. угла, где находились мощные ворота.

Раскопки Тель-Лахиша (Дж. Л. Старки, О. Тафнелл, Дж. Л. Хардинг, 1932–1938; Й. Ахарони, 1966–1968; Д. Усишкин, 1973–1981) стали ключевыми для археологии Сиро-Палестинского региона III–I тыс. до Р. Х. После гибели Старки (1938) работу над отчетом продолжила Тафнелл, опубликовавшая его в 1958 г. Особенно важны для изучения Л. раскопки Усишкина, сочетавшего горизонтальные расчистки для изучения архитектурных сооружений с вертикальными стратиграфическими разрезами, уделявшего особое внимание смене форм керамики, сохранившего значительные части слоев для буд. контрольных раскопок и введшего ряд технических новинок (экранирующие тенты над раскопами, выкладка краев раскопок мешками с песком и др.), которые широко применяются в археологии Ближ. Востока. На телле выделены 7 уровней обживания и слои 5 пожаров, уничтоживших город: ок. 1200, ок. 1130, ок. 925, в 701 и 588/6 гг. до Р. Х.

В 2013 г. в Л. начала работу 4-я экспедиция под рук. Й. Гарфинкеля, М. Хазеля и М. Клигбайля.

Поселения вблизи Л. относятся к эпохе керамического неолита (5500–4500 гг. до Р. Х.) и энеолита (4500–3300 гг. до Р. Х.). С периода раннего бронзового века (3300–3000 гг. до Р. Х.) жизнь на месте буд. телля уже существовала, а в III тыс. до Р. Х. здесь вырос крупный город. При раскопках обнаружен некрополь и мощные земляные укрепления с валом и со рвом периода средней бронзы (ок. 1700 г. до Р. Х.) и следы укрепленного ханаанского храма, а в склепах – захоронения, содержавшие изящные керамичес-

кие изделия, оружие, украшения и амулеты (среди находок — бронзовое лезвие кинжала XVII в. до Р. Х. с 4 древнеханаанскими буквами).

В XV–XIII вв. до Р. Х. город испытал влияние материальной культуры Египта. В слоях этого времени наряду с местной керамикой появляются предметы импорта из Микен и с Кипра, егип. амулеты периода правления фараонов Тутмоса III и Аменхотепа III, статуэтки и украшения из слоновой кости.

Расцвет Л. пришелся на XIII–XII вв. до Р. Х. (эпоха Ханаана, уровень VII); был изучен храм этого периода, построенный в сев.-зап. углу холма вне города. После короткого перерыва, вызванного разрушением, город восстановили. Новый уровень (VI) относят к концу эпохи Ханаана, когда Л. находился под контролем Египта: на вершине холма был построен еще один храм, в егип. стиле, и городские ворота, где найден картуш фараона Рамзеса III (1182–1151 или 1190–1159 гг. до Р. Х.). Л. уровня VI погиб под натиском эгейских народов (в т. ч. филистимлян) не ранее 1130 г. до Р. Х. (наиболее поздняя предлагаемая дата: 1175–1160 гг. до Р. Х.), после чего Тель-Лахиш оставался незаселенным приблизительно 200 лет.

В X в., в эпоху Единого царства, Л. был вновь заселен — вероятно, израильтянами. Этот уровень (V) мало

Руины дворца-цитадели
в Лахеше.
Ок. сер. IX в. до Р. Х.

изучен, но следующий (IV), связанный с эпохой царей Асы (911–870 или 908–867) или Иосафата (870/69–849/8), предстает уже как типичный царский город Иудеи — с 2 мощными стенами (одна в середине склона, на каменном основании, сырцовая) и гласисом между ними, массивными воротами из 6 камер и большим дворцом-цитаделью на высокой платформе в центре холма.

В правление иудейского царя Езекии (ок. 729/15–687 гг. до Р. Х., уровень III) население Л. увеличилось,

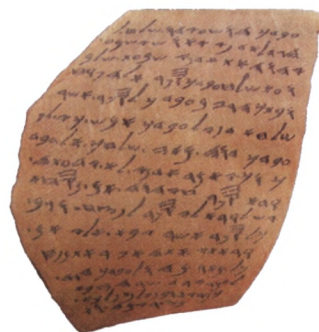
а дворец, стены и ворота города расширяются. В пластах изучены остатки городских ворот, относящихся к самым крупным (24,5×25 м) для своего времени; стены города казематного типа (ширина 6 м) и дворца-цитадели (VIII в. до Р. Х.) в центре, также самого крупного (76×36×12 м) из известных. Найден кувшин конца этого периода, на ручке выдавлено клеймо с именем Гдалия (видимо, Годолия, сын Ахикама). В этом уровне собрано много ручек сосудов со штампом «ламельех» («принадлежит царю»), с названием города (в Л. обычно «Хеврон») и изображением скарабея или солнечного диска с крыльями. Присоединение Езекии к антиассир. коалиции против царя Синахериба (705/4–681) имело следствием разрушение Л. (701) наряду с 46 (по счету Синахериба) др. городами.

Следы осады и штурма (осадные и защитные насыпи, ядра для пращей, пластины от панцирей, наконечники стрел и т. п.) археологически изучены и соответствуют изображениям на огромных (общая длина 26,85 м, сохранность ок. 18,85 м) рельефах со сценами штурма Л. и расправы над его населением, установленных в честь этой победы в зале дворца в Ниневии (открыты в 1847–1851; в наст. время в *Британском музее*). На рельефах представлены ассир. всадники, колесничие и пехота; в центре находится осажденный город; ассирийцы, несущие добычу и конвоирующие пленен-

ных иудеев; Синахериб, взвизгивающий на Л., сидя на троне, на фоне своего шатра, колесниц и лагеря. Штурм показан со множеством деталей: в центре, напротив ворот, — осадные машины, справа — главный осадный вал, на котором еще 6 машин. Огромная конструкция, возможно дворец-цитадель, видна поверх ворот; на стенах города — воины-иудеи.

Окончательно уничтожен Л. при вторжении вавилонского царя Навуходоносора в 90–80-х гг. VI в. до Р. Х. (ворота перестроили в 598 и 586). Интересный эпизод из истории вторжения отражают «Лахиш-

ские письма», найденные под слоем разрушения (уровень II) в одной из комнат ворот (1935, работы Старки). Это 18 остраконов с надписями чернилами (все — по-древнееврейски), отражающие обмен военной информацией между Хошаяху, командиром гарнизона в одном из городов между Иерусалимом и Л., и Яушем,

Остракон 3 из Лахиша.
80-е гг. VI в.

руководившим из Л. войсками юго-зап. округа Иудеи. Хошаяху оправдывается, что разгласил содержание секретных писем из Иерусалима, обращаясь к Яушу с выражением покорности («раб твой [только] пес...» (ср.: 4 Цар 8. 13)). В документах сообщается о пророке, речи которого вредят войскам, и о том, что «военачальник Коньяху [Каббирьяху? Яхбирьяху?], сын Элнатана, отправился в Египет...». Возможно, это прор. Урия, сын Шемаии из Кириаф-Иарима (ср.: Иер 26. 20–23), бежавший в Египет, где он был настигнут, доставлен к царю Иоакиму и убит. Иногда в нем видят прор. Иеремию (ср.: Иер 34. 6–7). Драматически звучит послание Хошаяху к Яушу с сообщением, что в его городе ждут сигнальных огней из Л., т. к. Азеку уже не видно. «Лахишские письма» написаны развитым палеоевр. курсивом, язык по стилю близок к языку книг Царств и прор. Иеремии, но в нем встречаются слова, отсутствующие в др. источниках.

Кроме «Лахишских писем» богатый эпиграфический материал уровня II представляют: др. остраконы; граффити на сосудах (определяют тип вина и год правления: «в четвертом», «в девятом»); подвесные печати; гирьки и др.

Последние слои Л. содержат материалы VI–I вв. до Р. Х.: вернувшись из вавилонского плена, иудеи (Неем 11. 30) застроили платформу разрушенного дворца-цитадели жилыми домами, но в персидскую

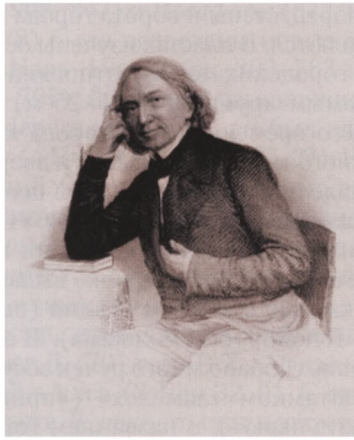

и эллинистическую эпохи Л. постепенно пришел в упадок.

Лит.: *Bliss F. A Mound of Many Cities; or Tell El Hesi Excavated. L., 1898²; Obermann J. Archaic Inscriptions from Lachish: A Non-Phoenician System of the North Semitic Alphabet. Baltimore, 1938; Torczyner H. Lachish I. L., 1938; Tuffnel O. Lachish II. L., 1940; eadem. Lachish III. L., 1953; eadem. Lachish IV. L., 1958; Barnett R. D. The Siege of Lachish // IEJ. 1958. Vol. 8. P. 161–164; Aharoni Y. Investigations at Lachish: The Sanctuary and the Residency (Lachish V). Tel Aviv, 1975; Ussishkin D. Excavations at Tel Lachish, 1973–1977: Prelim. rep. Tel Aviv, 1978; idem. Conquest of Lachish by Sennacherib. Tel Aviv, 1982; idem. Excavations at Tel Lachish, 1978–1983: Second Prelim. rep. Tel Aviv, 1983; idem. The Renewed Archaeological Excavations at Lachish (1973–1994). Tel Aviv, 2004. 5 vol.; idem. Sennacherib's Campaign to Philistia and Judah: Ekron, Lachish, and Jerusalem // Essays on Ancient Israel in its Near Eastern Context. A Tribute to N. Na'aman. Winona Lake (Ind.), 2006. P. 339–357; Arlene M. Rosen, Environmental Change and Settlement at Tel Lachish Israel // BASOR. 1986. Vol. 263. P. 55–60; Lawrence T. Geraty, Archaeology and the Bible at Hezekiah's Lachish // AUSS. 1987. Vol. 25. N 1. P. 27–37; Fantalkin A. Manfred Redating Lachish Level 1: Identifying Achaemenid Imperial Policy at the Southern Frontier of the Fifth Satrapy // Judah and the Judeans in the Persian Period: FS Oeming. Winona Lake (Ind.), 2006. P. 167–197; Magrill P. Researcher's Guide to the Lachish Coll. in the British Museum. L., 2006; Matthews V. H. OT Parallels: Laws and Stories from the Ancient Near East. Mahwah (N. J.), 2006³; Fischer E. Ägyptische und ägyptisierende Elfenbeine aus Megiddo und Lachisch: Inschriftenfunde, Flaschen, Löf-fel. Münster, 2007; Gillmann N. Quelques remarques additionnelles sur le siege de Lachish // Ugarit-Forsch. / Ed. D. Manfred. Neukirchen-Vluyn; Münster, 2010. Bd. 41. S. 243–262; Bridge E. J. Polite Language in the Lachish Letters // VT. 2010. Vol. 60. N 4. P. 518–534; Zukerman A. A Re-Analysis of the Iron Age IIA Cult Place at Lachish // ANES. 2012. Vol. 49. P. 24–60; Garfinkel Y. An Ending and a Beginning: Why We're Leaving Qeiyafa and Going to Lachish // BAR. 2013. Vol. 39. N 6. P. 44–51.*

Л. А. Беляев

ЛАХМАН [нем. Lachmann] Карл Конрад Фридрих Вильгельм (4.03.1793, Брауншвайг — 13.03.1851, Берлин), нем. филолог-классик. Изучал филологию в Лейпцигском и Гёттингенском ун-тах. С янв. 1818 г. профессор филологии в Кёнигсбергском ун-те. В 1825–1851 гг. профессор филологии в Берлинском ун-те. За основу реконструкций древних текстов Л. одним из первых взял генеалогический метод анализа рукописной традиции: установление зависимости между различными рукописными традициями и составление предполагаемого первоначального текста исследуемого произведения. Он подготовил критические комментированные издания Секста Проперция (1816), Катулла (1829),

К. Лакман.

Гравюра. 2-я пол. XIX в.

(Университетская б-ка, Берлин)

Тибулла (1829), а также нем. средневековых произведений. Составил комментарий к трактату Лукреция «О природе вещей» (1850). В 1837 г. Л. предложил гипотезу о соединении под названием «Илиада» 16 изначально независимых поэм, основываясь на том, что к этому выводу приведет анализ источников поэмы Гомера.

Л. осуществил критическое издание греч. текста НЗ, основанное на строгих научных принципах (Editio minor 1831; Editio maior 1842–1850). Оно стало поворотным событием в истории критики Свящ. Писания НЗ, т. к. Л. отказался от прежней практики внесения в издаваемый греч. общепринятый текст (Textus receptus) отдельных исправлений (как делали др. издатели — И. А. Бенгель, И. З. Землер, И. Я. Грисбах) и впервые попытался решить задачу реконструкции, используя ранние рукописи того текста, к-рый был распространен в Церкви до кон. IV в. Издание опирается на точно формулированные принципы критики, к-рые позволяли выделить наиболее ранние варианты рукописей, связанных генеалогически; их надежность подтверждали независимые друг от друга группы свидетелей текста.

Л. — автор работ по истории возникновения синоптических Евангелий. В статье, опубликованной в 1830 г., он критикуя теорию Грисбаха, согласно к-рой евангелист Марк использовал Евангелия от Матфея и от Луки, пришел к выводу о невозможности какой-то прямой лит. зависимости между текстами первых 3 канонических Евангелий. В дальнейшем (1835) он исследовал сходство и различие в последовательно-

сти изложения материалов в синоптических Евангелиях и заключил, что их легче объяснить, если предположить, что все они использовали один (устный или письменный) источник; последовательность изложения евангельских событий лучше других сохранил евангелист Марк. Вывод о приоритете Евангелия от Марка стал одним из фундаментов распространенного в XX в. варианта решения синоптической проблемы — теории 2 источников, которыми были Евангелие от Марка (или близкий к каноническому тексту его вариант) и «источник логий», гипотетически реконструируемый из общего для евангелистов Матфея и Луки материала (см. в ст. *Евангелие*).

Соч.: *Rechenschaft über seine Ausgabe des NT // Theologische Studien und Kritiken. Lpz., 1830. Bd. 3. S. 817–845; Idem // Idem. Kleinere Schriften. B., 1876. Bd. 2. S. 250–272; De ordine narrationum in evangelii synoptici // Theol. Stud. u. Kritiken. 1835. Bd. 8. S. 570–590; Idem // Idem. Novum Testamentum Graece et Latine. B., 1850. Bd. 2. P. XIII–XXV; Novum Testamentum Graece et Latine / Hrsg. Ph. Buttmann. B., 1842–1850. 2 Bde.*

Лит.: *Hertz M. Karl Lachmann: Eine Biographie. B., 1851; Butler B. C. Originality of St. Matthew: Critique of the Two-Document Hypothesis. Camb., 1951; Farmer W. R. The Lachmann Fallacy // NTS. 1967/1968. Vol. 14. N 3. P. 441–443; Sparks I. A. Lachmann K. // TRE. Bd. 20. S. 368–370.*

ЛАХМИДЫ [араб. *بنو لخم*], доислам. династия из араб. племени лахм, в IV–VI вв. правившая в буферном протогос-ве, которое защищало границы державы *Сасанидов* от вторжений кочевников из *Аравии*. Столицей Л. был г. *Хира*, один из центров распространения христианства среди арабов. Арабо-мусульм. традиция приписывала племени лахм южноараб. (кахтанидское) происхождение, возможно без достаточных оснований, поскольку в древнейшей эпиграфике оно не упоминается. Хотя наименование Л. закрепилось в научной лит-ре, правильнее называть эту династию Насридами (*بنو نصر*) — по одному из знатных родов племени лахм, к которому принадлежали все ее представители.

Имру аль-Кайс — «царь всех арабов». Кочевые племена, обитавшие на северо-востоке Аравийского п-ова, в течение мн. столетий испытывали влияние великих цивилизаций — месопотамской, эллинистической, иранской, однако источники сообщают о них лишь от случая к случаю, и поэтому датировать возвышение

Л. точнее, чем первыми веками по Р. Х., не представляется возможным. Согласно араб. генеалогическому преданию, принадлежавший к Насридам Джазима аль-Абраш враждовал с царицей Пальмиры по прозвищу аз-Забба (الزبابا) и был ею коварно убит. Эту царицу принято отождествлять с *Зенобийей* (266/7–272), против чего возражал Дж. С. Тримингем (*Trimingham*. 1979. P. 155). Джазиму наследовал его племянник Амр ибн Ади, якобы зарубивший царицу мечом, чтобы отомстить за гибель дяди. Амру приписывают основание лахмидской столицы Хиры на границе Сирийской пустыни и правого края поймы Евфрата, недалеко от древнего Вавилона. Надпись сасанидского шаха Нарсе (293–302) упоминает Амра в числе его вассалов. Общеизвестно, что автором гробничной надписи, обнаруженной в Немаре (Эн-Намаре; в 120 км к юго-востоку от Дамаска, близ границы Сирии с Иорданией) и ныне хранящейся в Лувре, был сын Амра Имру аль-Кайс, о к-ром др. источники хранят молчание, за исключением скудных упоминаний в араб. родословиях. Надпись является одним из древнейших памятников, выполненных набатейским письмом на староараб. языке, от к-рого происходит классический арабский. Имру аль-Кайс носит в ней титул «царь всех арабов» (mlk 'l-'rb kl-h), причем специально подчеркивается, что он «прочно возложил [на себя] диадему» (šd 'l(-)tg), а его смерть точно датирована 7-м числом месяца кислул 223 г. по эре пров. Аравия (нояб. – дек. 328 г. по Р. Х.). В надписи утверждается, что «ни один из царей не достиг его положения» (f-lm ublg mlk mblg-h), и перечисляются его славные деяния: покорение центральноарав. племенных конфедераций низар (Nzgw) и маадд (M'dw), а также, согласно наиболее убедительному истолкованию этнонима 'l-'sdyp, йеменской и оманской ветвей конфедерации аль-азд; разгром обитавшей у юго-зап. рубежей Йемена конфедерации мазхидж (M(d)hgw); поход на *Награн* (Наджран), подчинившийся в ту пору химьяритскому царю Шаммару (Smr) Юхарьшито. В заключительные сообщается, что, в соответствии с хорошо обоснованной интерпретацией, предложенной К. Робеном (*Calvet, Robin*. 1997. P. 268–269), «он разделил между своими сыновьями племена и вспомогательные отряды персов и римлян» (w-nhl bny-h'l-š'wb

w-wkl('l-)F(r)s w-l-Rwm). Предположения об обращении Имру аль-Кайса, сына Амра, в христианство или в манихейство (*Ibid*. P. 269) не находят подтверждения ни в тексте его гробничной надписи, ни в ее декоре и остаются гипотетическими.

Араб. традиция сохранила смутные воспоминания о том, что Л. на неск. десятилетний потеряли контроль над Хирой и вернулись туда предположительно в кон. IV в. После Имру аль-Кайса обнаруживается лакуна в перечне царей из этой династии, для заполнения которой в родословие Л. были добавлены Амр II и Имру аль-Кайс II (*Caskel*. 1966. Bd. 1. Taf. 246).

Царство «персидских» арабов. Это определение, данное Н. В. Пигулевойской протогос-ву Л. (*Пигулевская*. 1964. С. 57), отражает их взаимосвязь с сасанидским Ираном, которая была гораздо более тесной и продолжительной, чем у *Гассанидов* с Византией. При дворе в Хире воспитывался буд. шаханшах Варахан V (см. *Вахрам V*), за что его отец *Йездигерд I* щедро одарил царя Л. аль-Мунзира I, находившегося у власти, согласно араб. традиции, 44 года. Участие аль-Мунзира в ирано-визант. войне 420–422 гг. оказалось неудачным: приведенное им к осажденному византийцами Нисибину многотысячное бедуинское войско легко поддавалось панике и было сброшено в реку; только нерешительность победителей спасла Варахана V от поражения.

Отец аль-Мунзира I и сын Имру аль-Кайса (II?) ан-Нуман I, согласно агиографическому преданию, запрягал своим подданным совершать паломничество к прп. *Симеону Столпнику* (*Старшему*) († 459), пока этот святой не явился ему во сне. Тогда ан-Нуман не только отменил запрет, но и обещал всеми силами содействовать распространению христианства в Хире, заявив, что лишь служба шаханшаху удерживает его самого от крещения. По араб. легенде, в конце жизни он оставил престол и посвятил себя Богу. С этого же времени прослеживается и связь Л. с *Церковью Востока*, которая была господствующей в сасанидском Иране и распространяла свое влияние на Юж. Месопотамию и Вост. Аравию: начиная с 410 г. в источниках упоминаются несторианские епископы Хиры.

О сыне и наследнике аль-Мунзира I аль-Асваде, царствовавшем 20

лет, и о его брате и преемнике аль-Мунзире II почти ничего не известно. Матерью следующего правителя Л. ан-Нумана II была сестра царя *киндитов* аль-Хариса ибн Амра. Свои боевые качества ан-Нуман II проявлял со времени своего прихода к власти в 497 г. в набегах на Приевфратье, в результате которых он дошел до Эдессы. В 503 г. в бою с византийцами под Киркесием, у р. Хабор (Хабур), он был ранен в голову и через 3 дня скончался. Наследовавший ему Абу Юфир не был его близким родственником, но принадлежал к Насридам.

Вопреки утверждению визант. и сир. источников, прямым потомком ан-Нумана II не был и наиболее выдающийся царь Л. аль-Мунзир III (505–554), отцом к-рого, согласно араб. родословиям, являлся Имру аль-Кайс аль-Бад. Возможно, в случае и с ним, и с Абу Юфиром речь шла об узурпации власти, что дало повод аль-Харису ибн Амру вторгнуться во владения своего покойного племянника, захватить Хиру и попытаться уничтожить царство Л. Впрочем, аль-Мунзиру III вскоре удалось освободить столицу, а в 528 г. покарать разорившего ее киндитского царя. Правление аль-Мунзира III, ревностно почитавшего араб. языческих богов, прежде всего отождествляемую с Афродитой аль-Уззу, и приносившего им человеческие жертвы, прошло под знаком ожесточенной борьбы с византийцами и с верно служившим им царем Гассанидов Харисом ибн Джабалой, в сражении с к-рым близ Киннесрина аль-Мунзир погиб.

Его сын и наследник *Амр ибн аль-Мунзир* (554–569/70), согласно араб. традиции, принял христианство под влиянием матери, киндитки Хинд. При нем епископскую кафедру в Хире занимал *Ефрем*. Амра сменил его брат Кабус, правивший всего 4 года. Царствование следующего по старшинству брата, аль-Мунзира IV, продолжавшееся приблизительно до 580 г., ознаменовалось кровопролитными столкновениями с Гассанидами.

Последним царем Л. был сын аль-Мунзира IV ан-Нуман III, правление к-рого продолжалось, по преданию, 22 года. Он не только сам принял христианство, но и попытался положить конец наиболее жестоким проявлениям язычества, повелел расплавить золотую статую аль-Уззы

и запретил человеческие жертвоприношения ей. Несмотря на попытки католикоса-патриарха Церкви Востока *Ишоьяв I* склонить ан-Нумана III к несторианству, он оставался сторонником монофизитства. За приверженность к распространенной в Византии ветви христианства, а также за независимость в отношениях с шаханшахом Хосровом II, выразившуюся, в частности, в отказе последовать за ним в Византию во время мятежа Бахрама Чубина в 590 г., последний царь Л. поплатился жизнью: он был вызван ко двору Хосрова II и то ли был растоптан слонами, то ли отравлен, то ли брошен в темницу, где вскоре умер. После его кончины Сасаниды поставили в Хире своего наместника, перса Нахвергана (Бахрегана), и тем самым положили конец царству Л. Христианин Ияс ибн Кабиша из племенной конфедерации тайй, отвечавший при этом наместнике за управление «персидскими» арабами, был лишен всякой самостоятельности и не обладал тем влиянием на бедуинов, к-рым располагали Л. Гибельные последствия этого не замедлили сказаться: ок. 604 г. в битве при Зу-Каре, происшедшей при попытке изъять казну и арсенал ан-Нумана III, иран. войско было наголову разгромлено араб. кочевниками, а спустя 3 десятилетия Хира перешла под власть мусульман.

Л. внесли значительный вклад в развитие культуры доислам. арабов. При их дворе устраивались поэтические состязания и жили мн. выдающиеся поэты, в т. ч. христианин *Ади ибн Зайд аль-Ибади*. Считается, что именно в Хире сложилось то поэтическое койне, на к-ром создавались шедевры классической араб. поэзии.

Ист.: *надпись из Немары: Calvet Y., Robin Ch. Arabie heureuse, Arabie déserte: Les antiquités arabiques du Musée du Louvre. P., 1997. P. 265–269. N 205 (AO 4083); визант.: Procop. Bella. I 17. 1, 30–48; 18. 9–12; II 1. 1–3, 12–15; 3. 47; 4. 17–26; 16. 17–19; 19. 34; 28. 12–14; Ioan. Malal. Chron. 2000. P. 363, 372, 386–388, 390, 431; Theoph. Chron. P. 141, 144, 146–147, 170–171, 178–179, 240; сир.: Bedjan. Acta. T. 4. P. 507–644; The Chronicle of Joshua the Stylite composed in Syriac A. D. 507 / Ed., transl. W. Wright. Camb., 1882. P. 47–49, 54–57; Chabot. Synod. orient. P. 25–60, 526–527 [texte], 299–307, 532–534 [trad.]; Плугулевская Н. В. Сирийская средневеков. историография: Исслед. и пер. СПб., 2000. С. 559–560, 597–603; араб.: Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden: Aus der arabischen Chronik des Tabari / Übers. Th. Nöldeke. Leiden, 1879. S. 86–98, 132, 148, 167–169, 172, 221, 238, 254, 312–317, 345–349,*

465–466; *Hamzae Ispahanensis Annalium libri X / Ed. I. M. E. Gottwaldt. Petropoli; Lipsiae, 1844. T. 1: Textus arabicus. P. 94–114; 1848. T. 2: Translatio latina. P. 73–89; Ibn Wādih qui dicitur al-Ja'qubī. Historiae: Pars prior historiam ante-islamicam continens / Ed. M. Th. Houtsma. Lugd. Batav., 1883. P. 236–246; Caskel W. Gamharat an-Nasab: Das genealogische Werk des Hišām ibn Muḥammad al-Kalbī. Leiden, 1966. Bd. 1. Taf. 176, 246; Bd. 2. S. 354, 375. Лит.: Rothstein G. Die Dynastie der Laḥmidien in al-Ḥīra: Ein Versuch zur arabisch-persischen Geschichte zur Zeit der Sasaniden. B., 1899; Плугулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.; Л., 1964. С. 22–35, 57–123; Колесников А. И. Сражение при Зу-Каре // ППС. 1969. Вып. 19(82). С. 76–86; Tringham J. S. Christianity among the Arabs in Pre-Islamic Times. L.; N. Y., 1979; *Shahīd I. Byzantium and the Arabs in the 4th Cent.* Wash., 1984; *idem. Lakhmids* // EI. 1986². Vol. 5. P. 632–634; *idem. Byzantium and the Arabs in the 5th Cent.* Wash., 1989; *idem. Byzantium and the Arabs in the 6th Cent.* Wash., 1995–2009. 2 vol., 4 pt.*

С. А. Французов

ЛАШКАРЁВ Петр Александрович (1833/34, с. Карманово Дмитриевского у. Курской губ. — 28.08.1899, Киев), проф. канонического права, исследователь церковной археологии. Род. в семье священника, учился в Белгородском ДУ, затем в Курской ДС, которую окончил в 1855 г., в том же году поступил в КДА. Окончил академический курс первым по списку магистров в 1859 г. и 13 окт. того же года был избран советом КДА на должность бакалавра по кафедре канонического права и церковной археологии. 5 февр. 1860 г. был назначен помощником инспектора, но уже 10 апр. 1861 г. написал прошение об оставлении должности: вчерашний выпускник академии счел неэтичным выставляться на суд начальства суждения студентов, которые являлись практически его сверстниками. С 1860 по 1868 г. был помощником библиотекаря КДА. 29 янв. 1866 г. назначен экстраординарным профессором КДА, а 25 февр. 1885 г. в связи с 25-летием профессорской деятельности удостоен звания заслуженного экстраординарного профессора КДА. С 1869 г. член Совета КДА. Лекции Л. (с 1869, после введения нового устава КДА и реформирования кафедры, читал только курс по каноническому праву) заслужили высокую оценку митр. Московского Макария (Булгакова), к-рый по поручению Синода в 1874 г. производил ревизию образования в КДА и охарактеризовал Л. как «весьма способного и знающего свою науку» преподавателя. Знания Л. оказались востребованы в Киевском ун-те

им. св. кн. Владимира: 31 авг. 1885 г. он был утвержден в звании приват-доцента юридического фак-та кафедры церковного права, 16 июля 1891 г. был назначен исправляющим должность экстраординарного профессора. С 1878 по 1891 г. гл. обр. для дополнительного заработка (женился в 1863 на О. И. Бобровницкой, к сер. 70-х гг. XIX в. в семье было 6 детей) исполнял работу инспектора Александровского ремесленного уч-ща.

Кавалер орденов: св. Анны 3-й (1869) и 2-й (1877) степени, св. Станислава 2-й (1873) и 1-й (1896) степени, св. Владимира 4-й (1881) и 3-й (1886) степени.

Важнейшим предметом научной деятельности Л. была церковная археология. Хотя он сам считал занятия в этой области менее значимыми, чем в сфере канонического права, по мнению С. Т. Голубева, именно они «составили его научную славу, ибо выдающиеся заслуги [Л.] в этой области общепризнаны» (Речи, произнесенные при погребении. 1899. С. 141). Будучи делегатом I Всероссийского археологического съезда в Москве в 1869 г., Л. высказался о необходимости создания при духовных учреждениях музеев церковных древностей, а также об-в или комиссий, к-рые занимались бы работой по исследованию и музеефикации экспонатов. Он стал инициатором создания Церковно-археологического музея при КДА: 19 мая 1870 г. на заседании совета академии впервые был поставлен вопрос о музее; 19 нояб. 1871 г. Л. было поручено составить проект устава музея и комиссии при нем; 28 нояб. того же года устав был передан на утверждение в Синод. В дальнейшем Л. принимал активное участие в создании коллекции музея, особенно в части формирования археологического отд-ния, обогатившегося благодаря научным экспедициям под началом и при участии ученого. Со времени учреждения Киевского церковно-археологического об-ва (1873) Л. был его действительным членом, в 1883–1889 гг. и в 1896–1899 гг. — помощником председателя. Являлся членом Московского археологического об-ва (1867), членом-учредителем исторического об-ва прип. Нестора Летописца при Киевском ун-те и членом Строительного комитета Владимирского собора в Киеве, приложив немало сил к завершению его строительства и отделки.

П. А. Лашкарёв.
Фотография. 3-я четв. XIX в.

Инициативы Л. уже в 1-й год существования Церковно-археологического об-ва отвечали общим научным установкам времени. Так, когда в 70-х гг. XIX в. главную роль в изучении церковной архитектуры стали играть натурные исследования, ученый предложил создать комиссию по описи всех киевских храмов; в рамках этой работы, осуществленной к кон. 1873 г., Л. занимался храмами Подола. В 1872 г. он при участии доцента КДА Ф. А. Смирнова написал инструкцию для членов-корреспондентов Церковно-археологического об-ва, в к-рой указывалось, в какой последовательности надо производить исследование и описание древних храмовых построек, это способствовало получению качественной информации о памятниках старины из епархий. Л. возглавлял специальную комиссию по обследованию архитектурных памятников Киево-Печерской лавры (с 1880), входил в состав регулярной комиссии по обновлению Софийского собора (1881–1896). Среди киевских храмов, обследованных под рукой при участии Л., также церковь на Кудрявце (1878), к-рую Л. на основании письменных источников идентифицировал как ц. св. Симеона, Кирилловская ц. (нач. 80-х гг. XIX в., 1889), ц. Спаса на Берестове (1881), в к-рой сохранилась древняя центральная часть, Никольский военный собор (1884, 1887), Михайловский собор Златоверхого мон-ря (1888), Троицкая надвратная ц. Киево-Печерской лавры, Михайловская ц. в Выдубицком мон-ре, Успенская ц. на Подоле; он руководил раскопками на усадьбе Васильевской (Трехсвятительской) ц. (1884). Л. проводил архитектурно-археологические исследования: в Переяславе (1888), где изучал остатки каменного храма, открытые на месте деревянной Успенской ц.; в Успенской ц. в Каневе (1892); церкви вблизи с. Лунёвка Обоянского у. Курской губ. (1885). В 1898 г. он начал исследование черниговского Спасо-Преображенского собора.

Натурное изучение памятников домонг. времени позволило Л. создать на базе стратиграфических наблюдений за особенностями кладки стен и сводов основу для хронологии архитектуры этого периода. Т. о. он разрешил одну из важнейших проблем рус. церковно-архитектурной археологии — определение кри-

териев древности объекта. В частности, в докладе на I Археологическом съезде 17 марта 1869 г. Л. отнес создание Троицкой надвратной ц. Киево-Печерской лавры к нач. XII в. (называя ее план простым и типичным для церквей Суздальской земли XII в.), что подтвердилось в ходе реставрационных работ в 1881 г. При одновременном реставрационном ремонте Великой лаврской церкви оказалось, что к древнейшим частям здания относятся главная и сев. апсиды, зап. стена и включенная позднее в общий объем собора соседняя ц. св. Иоанна Предтечи, по образцу древнего фонаря которой были возведены купола Великой церкви Л. пришел к выводу о происхождении трещины главной апсиды, сопоставив летописные данные о землетрясении 1230 г. с натурным обследованием. В Успенском соборе в Переяславе (памятнике, связанном с событием Рады 1654 г.) Л. совместно с членом Церковно-археологического об-ва архит. В. Н. Николаевым обнаружил остатки сооружения 1098 г., времени кн. Владимира Мономаха — полукруглую вост. стену и примыкающие к ней части прямоугольника. Кладка этой части оказалась аналогичной кладке древних киевских церквей — на Кудрявце и Васильевской (Трехсвятительской). Только на основании планов и фотографий собора в Каневе Л. в 1891 г. выделил древние части сооружения (1144) и привел в качестве аналога Кирилловскую ц. в Киеве.

Регулярные наблюдения и их систематический анализ позволили Л. в т. ч. выявить особенности развития композиции планов крупных домонг. храмов Киева, а также воссоздать уб-

ранство фасадов и первоначальные формы кровель, в частности посводное покрытие «полукружиями»-закомарами.

Обобщающие работы Л. по архитектуре X–XI вв. можно рассматривать как опыт написания истории киевского зодчества домонг. периода. Л. впервые обратил внимание на деятельность Киевского митр. Петра (Могила), «незабвенного восстановителя и сохранивателя киевской старины», к-рый стремился поддерживать разрушенные древние киевские храмы, руководствуясь «преданиями историческими, обращавшими их в общую святыню народа русского», и минимально достраивать их с целью возобновления богослужения (Церковно-археол. очерки. С. 116, 127–128).

Работы Л. в области церковной археологии подготовлены в соответствии с европ. традицией и отличаются серьезной теоретической базой. В оригинальной по содержанию работе «Религиозная монументальность» Л. подробно рассматривает символику религ. монументов, напоминающих человеку о Боге, начиная с древнейших времен, и дает определение стиля как «совокупности характеристических признаков в плане, конструкции и украшениях, отличающих ряды христианских монументов известного народа, известной исторической эпохи» (ТКДА. 1866. № 2. С. 244). Особенно подробно автор останавливается на возникновении различных типов христианских храмов начиная с апостольских времен и до XIX в.: усыпальниц, базилик, византийских (где базилика приспособлена для христ. богослужения, а «восточный вкус» соединяется с классическим) и западноевропейских (из к-рых, по Л., «только стиль готический заслуживает серьезного внимания по своеобразности производимого им впечатления»), рус. храмов, приближающихся к византийским: «Само христианство, чтобы быть понятным, говорит каждому народу на родном его сердцу языке» (Церковно-археол. очерки. С. 102, 104). Л. отмечает, что у русских плотников любимыми кровельными формами были шатер и бочка, преобразованная в закомару. Эволюция «византийского» плана храмов в России происходила с сер. XVI в. через пристройку приделов и трапезы, соединившей с церковью колокольню. «Все богатство

изобретения и свобода художественной мысли, характеризующие русское зодчество», — писал Л., воплотились в соборе Покрова на Рву в Москве, ставшем вершиной «русско-византийского стиля» (Там же. С. 82–87). Л. отмечает, что первые церкви в стиле возрождения в России появились в Москве в кон. XVII в., но свое господство как в гражданском, так и в церковном зодчестве этот стиль получил при Петре I благодаря зодчим из Голландии и Италии, затем был поддержан Академией художеств и мастерами, призванными из Франции и Италии. «Только в отдаленных от столиц местностях, особенно в селах, не принадлежавших вельможным владельцам, строились церкви по старинному обычаю, хотя — не со старинным искусством... лучшие силы были отвлечены... господствовавшим направлением» (Там же. С. 88–89). Л. рассматривает собрание образцовых проектов 1824 г. и разработку новых планов, составленных «по примеру древних православных церквей», с к-рых «снова начинается поворот к русско-византийскому стилю».

Деятельность Л., связанная с церковной историей и правом, пришлась на время оформления византиноведения как отечественной научной дисциплины. Л. обратился к правовой тематике, рассматривая ее на примере государственно-церковных отношений в Римской империи и Византии. Историческая реконструкция модели отношений Церкви и гос-ва была окончательно оформлена им в работе на соискание степени доктора (к защите представлена в 1887). Изданная в Киеве в виде книги в 1886 г. (2-е изд., испр. и доп.: Право церковное в его основах, видах и источниках: Из чтений по церковному праву. СПб.; К., 1889), она была рекомендована Учебным комитетом при Синоде как пособие для семинарий.

В 1-й гл. Л. исследует основы церковного права, прослеживая связь исторически данного права с историей человеческих союзов; останавливается на нравственном законе и «естественном правосудии» как источниках права; говорит о воздействии на естественное право божественного или исторического законов. Он приводит различные мнения по поводу происхождения религ. институтов, их естественных основ и значения религии в человеческом

обществе. Л. отмечает, что, «по учению христианства, человек соответственно природе своей был призван к разумно-свободному общению с Творцом этой природы, которое должно было выразиться в соблюдении божественной заповеди, данной ему для свободного с его стороны исполнения» (Право церковное. 1886. С. 37). Далее автор рассматривает условия, способствовавшие учреждению Церкви с целью спасения человека при «чрезвычайном содействии божественном», а также ее отношение к порядку человеческой жизни, в частности к гос. институтам. Л. указывает на основы церковного права, «независимые от исторически сложившегося порядка человеческого общежития», составляющие «исключительную область действия Церкви». Вместе с тем, подчеркивает Л., «за исключением лишь того, что относилось к богопочитанию, Церковь с первых же появлений и действий своих в среде человечества отнюдь не отрывает своих членов от естественной всему человечеству почвы, не выделяет и не обособляет их из общего правового порядка человеческой жизни» (Там же. С. 55).

Гл. 2 посвящена истории образования церковного права и его видам: собственно-церковному праву и церковно-гражданскому. Под каноническим правом («собственно-церковным») Л. понимает «законы, данные Церкви Божественным ее Основателем непосредственно или через Его апостолов, или установленные самой Церковью в пределах полномочий, предоставленных ей заповедями божественными или и законами государственными, но применительно к ее основанной на божественных заповедях компетенции». Законы как положительные определения, соединенные с внешней церковной санкцией, называются канонами, отсюда и название — «каноническое право» (Там же. С. 68). Это право придает церковному праву гражданскую санкцию и стоит на более широкой почве, принимая в соображение интересы «всякого человеческого создания» (Там же. С. 96). Церковно-гражданские законы определяют положение и деятельность Церкви в гос-ве.

Л. выделяет подразделения церковного права по его основам (естественное, Божественное, историческое), по форме (писаное и неписа-

ное, или положительное и обычное; ученое, т. е. появившееся путем научной разработки), по времени (апостольское, древнее, IV–IX вв., и новое), по действию (общее и частное), по действительному применению его законов в данное время (действующее и недействующее), по его предметам или отношениям (публичное и частное; внутреннее и внешнее; личное, вещное и судебное или административное и судебное). В 3-й гл. подробно анализируются памятники церковного законодательства 3 главных периодов: 1) первых 3 веков христианства (Правила св. апостолов и Постановления апостольские — Л. считает их происхождение более поздним); 2) с IV до IX в. (законодательная деятельность *Вселенских Соборов*; имп. законодательство по предметам веры и Церкви начиная со времени правления имп. равноап. *Константина I Великого*, особенно имп. св. *Юстиниана I*; сборники церковного права на Востоке, прежде всего *номоканы*, и на Западе); 3) после X в. (канонические сборники на Востоке, Западе и в России). В *номоканах* церковное право предстает столь законченной системой, что, по словам Л., устраняет для Церкви потребность в новой кодификации законодательства (Право Церкви Православной. 1886. С. 1–4, 10). В диссертации Л. впервые в области российского канонического права предпринял попытку обоснования «легитимности верховной императорской власти в византийской Церкви с точки зрения самой Церкви» (*Блиев*. 2011. С. 22).

По мнению Л., несмотря на то, что теократическое устройство гос. жизни «не было в духе западных народов древнего мира», религ. чувством народа правители Рима «дорожили более всего», а рим. народ являлся наиболее морализованным и религиозным из всех народов Др. мира. Даже придерживаясь скептических взглядов, римляне осознавали, что безбожие угрожает разрушением основ социального порядка, и отводили «религии первенствующее значение в порядке государственном и гражданском и к ней сводили все добродетели», по образцу Моисея, но без иудейского сознания религ. исключительности. Л. полагал, что «государственное право Рима... сообразовывало свои законы с требованиями религиозного чувства народного, если только эти требования

не нарушали открыто требований справедливости и честности» (Отношение рим. гос-ва к религии. 1876. С. 97). Более того, он считал, что, «верная заповеданному Христом и воспитанному в ней апостолами подчинению властям государственным, [Церковь] в самые тяжелые для нее времена гонений сохраняла к ним полную преданность, пока от нее не требовали что-нибудь противное благочестию, а со времени обращения в христианство императоров приняла от последних внешнее благоустройство, действуя в порядке его согласно их воле и законам» (Об отношении древней христианской Церкви к рим. гос-ву. К., 1873. С. 35). По его мнению, и в период гонений в христ. среде оставалось неизменным «глубокое убеждение в провиденциальной важности государственного авторитета в порядке земной жизни человека, в безответности властей во всем, что ни делают они в пределах права и законов, и в ответственности их только перед судом Божиим в таких случаях, когда они преступают границы права и законов» (Право церковное. 1886. С. 47). Однако христианство представлялось властям изменой Риму, и его древним обычаям, и это, с т. зр. Л., недоумение послужило причиной гонений в первую очередь со стороны императоров-«традиционалистов» (Отношение рим. гос-ва к религии. С. 6, 8–9, 10, 14). Гонения, по его мнению, поднимали общий уровень христ. нравственности и содействовали распространению христианства.

Согласно Л., христ. Церковь была «обязана твердой организацией своего собственного права» власти имп. Константина Великого и его преемников, «применявших к христианству начала древнеримского религиозно-государственного права». Л. подробно останавливается на апологии христианства Тертуллиана и принятии новой веры имп. Константином Великим (Там же. С. 148). По замечанию Н. Н. Глубоковского, Л. «старался научно аргументировать, что все «право нашей Церкви... есть продукт так называемой античной цивилизации, резко отличающейся от современной нам цивилизации народов европейских», ибо «по инициативе императора Константина христианство навсегда обратилось в национальную религию Рима, получило все те права, какими поль-

зовалась у римлян национальная религия в порядке государственном и гражданском. ...В результате всего «церковные права» оказываются просто приспособительной модификацией старых религиозно-юридических норм, которые в своей глубине лишены специально-христианской независимости и, конечно, чужды всякой конфессиональной натуральности» (Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 100).

В рус. праве Л. выделяет право древнее, патриаршее и новейшее, или Синодального периода — от «Духовного регламента» до действующего права в Русской Церкви. Л. представлялось, что церковно-гос. отношения в России сохранялись такими же, как и в греко-рим. и визант. цивилизации: «Из всех народов нового мира народ русский остался наиболее верным государственным принципам мира античного» (Право церковное. 1886. С. 9).

Труды Л. появились как раз в то время, когда на волне реформ имп. Александра II Николаевича во 2-й пол. XIX в. была начата дискуссия о каноничности синодальной системы управления Церковью и вмешательство гос-ва в церковные дела нередко расценивалось негативно. Так, мнения офиц. рецензентов о диссертации Л. разошлись. Проф. КДА М. Ф. Ястребов, с удовлетворением отмечая множество привлеченных Л. источников на греч. и лат. языках, указал на новизну работы: «Автор имеет целью определение новых задач и новой постановки проблемы для науки о церковном праве» (Извлеч. из протоколов. 1896. С. 126). Рецензент проф. КДА М. Г. Ковальницкий подверг диссертацию жесткой критике на основании того, что Л. высказал в ней недовольство «исследованиями ученой обработки права нашей церкви», пребывавшими под католическим и протестантским влиянием (Там же. С. 162). В свою защиту Л. отметил предвзятость Ковальницкого, который построил критику диссертации на основании ранних работ автора (Об отношении древней христ. церкви к христ. гос-ву. 1873 [актовая речь]; Отношение рим. гос-ва к религии вообще и к христианству в особенности до Константина Великого включительно. К., 1876). Однако и 2-я попытка защиты Л. не удалась.

Посланная в 1896 г. на рассмотрение в КазДА проф. И. С. Бердникову работа была сочтена невозможной для получения ученой степени д-ра. Резолюция об этом была отправлена в Синод и доведена до сведения Л. в 1897 г. Переживания были столь сильны, что в короткий срок Л. пережил 2 инсульта, однако полностью сохранил не только работоспособность, но и «верность своим идеям», к-рую «запечатлел ученым мученичеством» (А. 1907. С. 422).

Л. активно участвовал в подготовке XI Всероссийского археологического съезда, прошедшего в Киеве в 1899 г., к-рому посвятил подготовленный по просьбам друзей сборник своих работ «Церковно-археологические очерки, статьи и рефераты» (1898). Л. нашел силы выступить 18 авг. на заседании съезда, представив доклад с итогами обследования Спасо-Преображенского собора в Чернигове (верность его выводов была полностью подтверждена Д. В. Айналовым и Ф. Ф. Горностаевым в 1908). Это было последнее публичное выступление Л., скоропостижно скончавшегося через неск. дней от сердечного приступа. Погребение совершили еп. Чигиринский Димитрий (Ковальницкий), ректор КДА, и еп. Каневский Сильвестр (Малеванский). Похоронен на территории киевского Флоровского мон-ря возле Казанской ц.; могила не сохранилась.

Соч.: Патриарх Никон // ТКДА. 1860. Кн. 2. С. 131–168; Религиозная монументальность: (Из чт. по литургике) // Там же. 1866. № 1. С. 44–85; № 2. С. 231–292 (отд. отт.: К., 1866); Что осталось от древней церкви Киевской Спаса на Берестове? // Там же. 1867. № 7. С. 127–138; По вопросу об архитектуре XII в. в Суздальском княжестве // Тр. I Археол. съезда в Москве, 1869. М., 1871. Т. 1. С. 267–271; Киевская архитектура X–XII вв. К., 1874 (то же // Тр. III Археол. съезда в Киеве, 1874. К., 1878. Т. 1); Отношение рим. гос-ва к религии вообще и к христианству в особенности. К., 1876; Несколько докт-ов, относящихся к преобразованию в Войске Донском 1775 г. // ЧИОНЛ. 1879. Кн. 1. С. 174–180; Развалины церкви св. Симеона и Копырев конец древнего Киева // ТКДА. 1879. № 5. С. 96–121 (то же: К., 1879); Киворий как отличительная архит. принадлежность алтаря в древних церквах // Там же. 1883. Т. 1. С. 129–147 (то же: Зодчий. 1893. Вып. 8. С. 61–62; Вып. 9. С. 67–68; Вып. 10. С. 75–76; Вып. 11. С. 83–84); Остатки древних зданий Киево-Печерской лавры // ТКДА. 1883. № 1. С. 119–128; Система церк. права: (Лекции). Житомир, 1886 [литогр. изд.]; Право церковное в его видах, основах и источниках. К., 1886; СПб.; К., 1889²; Право Церкви Православной в ряду других юрид. наук. К., 1886; Рец. на: Павлов А. 50-я глава Кормчей книги как историч. и практ. источник рус. брачного права.

М., 1887; Остатки древнего храма в г. Переяславе // Киев. старина. 1889. Т. 24. № 1. С. 204–210; Церк.-археол. очерки, статьи и рефераты. К., 1898; Дача Киево-Братского монарха «Церковщина» // ТКДА. 1899. № 3. С. 473–481; Церкви Чернигова и Новгорода-Северского // Тр. XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г. М., 1902. Т. 2. С. 146–164. Ист.: Извлеч. из протоколов Совета КДА за 1894/5 уч. г. К., 1896.

Лит.: П. А. Лашкарёв: [Некр.] // ТКДА. 1899. № 9. С. 126–131; *Титов Ф., свящ.* Слово, сказанное при погребении... проф. КДА П. А. Лашкарёва 30 авг. 1899 г. // Там же. С. 132–139; Речи, произнесенные при погребении проф. П. А. Лашкарёва // Там же. С. 140–150; *Соколов И. И.* Проф. П. А. Лашкарёв: [Некр.] // ВВ. 1900. Вып. 7. С. 305–306; *А.* Мысли по поводу не совсем новой книги // ВВ. 1907. Т. 1. № 2. С. 408–428; *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 51; *Беляев Л. А.* Христианские древности. М., 1998. С. 457, 473; *Крайний К. К.* Историки Киево-Печерской Лавры XIX – поч. XX ст. К., 2000. С. 58–82; *он же.* Київське Церковно-історичне і археологічне товариство: 1872–1920. К., 2001. (Лаврський альм.; Вип. 4. (Спецвип. 1)); *Блиев В. Р.* Проблема отношений христ. церкви и гос-ва в Византии в освещении отеч. византистики 2-й пол. XIX – нач. XX вв.: АКД. Томск, 2011.

*Прот. Александр Берташ,
Э. В. Шевченко*

ЛЕАНДР [лат. Leander; испан. Leandro] († ок. 600), св. (пам. зап. 27 февр., 13 марта), еп. г. Гиспалис (ныне Севилья, Испания). Согласно утвердившейся в историографии т. зр., был самым влиятельным церковным иерархом Вестготского королевства в кон. VI в., сыграл решающую роль в подготовке и проведении III Толетского Собора (см. *Толедские Соборы*), на котором было объявлено об отказе вестготов от арианства. О Л. сообщается в трудах современных ему испанских и иностранных авторов, в т. ч. лично его знавших. Однако почти все упоминания в источниках отрывочны, поэтому вопросы, связанные с жизнью и деятельностью Л., остаются предметом дискуссий. Самые подробные сведения содержатся в сочинении его брата *Исидора Севильского* «О знаменитых мужах» (*Isid. Hisp. De vir. illustr.* 28), а также в трудах св. Григория I Великого, папы Римского, в Хронике Иоанна, аббата Бикларского монастыря (см. *Иоанн Бикларийский*), и в актах III Толетского Собора.

По свидетельству Исидора Севильского, Л. род. в Карфагенской пров. в Испании. Его отца звали Севериан, младших братьев — Исидор и Фульгенций (впосл. епископ г. Астиги (ныне Эсиха); † между 619 и 629), сест-

*Католич. св. Леандр,
еп. Гиспальский.
Ок. 1530 г.*

*Худож. А. Бенсон
(Королевский Вавельский замок,
Краков)*

ру — Флорентина. Рождение Л. можно условно датировать 30-ми гг. VI в. Точных сведений о том, когда и при каких обстоятельствах семья Севериана переселилась в Гиспалис, нет. В «Книжице о наставлении посвященных дев и презрении к миру» Л. упоминал, что на его родину обрушились несчастья, из-за к-рых жители покинули эти земли, а на их место явились чужестранцы. Речь шла о военной оккупации, т. к. родина Л. утратила «былое достоинство... и не осталось там ни одного свободного человека» (sic perdidisse et statum et speciem illam patriam, ut nec liber in ea quisquam supersit... Terra enim cui ciues erepti sunt et concessi extranei, mox ut dignitatem perdidit, caruit et fecunditatem — *Leander. De institutione virginum.* 31. 4–7 // *Leandro de Sevilla.* 1979. P. 171–172). Л. упоминал о страхе, охватившем его мать, и об опасном путешествии Фульгенция, которому пришлось на время вернуться в родные места. Согласно самой распространенной версии, Севериан и члены его семьи были вынуждены бежать от византийцев, которые оккупировали столицу Карфагенской пров.— Нов. Карфаген (ныне Кар-

тахена, пров. Мурсия) (см., напр.: *Fontaine.* 1959. Т. 1. P. 5–6; *Idem.* 1983). Византийцы прибыли в Испанию в 552 г. во время междоусобной борьбы среди вестготов; вероятно, в 555 г. они захватили Нов. Карфаген (см.: *Thompson.* 1969. P. 326–327). Т. о., Севериан скорее всего был сторонником власти вестготов и бежал в подконтрольную им пров. Бетика. Высказывалось также предположение, что Л. происходил из Карфагенской пров. в Африке (пров. Проконсульская Африка, или Зевгитана) (*Collins.* 2004. P. 154).

Согласно Исидору, Л. стал монахом, а затем был возведен на епископскую кафедру Гиспалиса, митрополи церковной пров. Бетика (professione monachus et ex monacho Hispaliensis ecclesiae... constitutus episcopus). Время его конституции избрания Л. на кафедру неизвестны. По-видимому, это произошло незадолго до 579 г., когда в Бетику прибыл св. Эрменегильд (см. *Ерминигельд*), сын вестгот. кор. Леовигильда (568/9–586). В пользу такой датировки свидетельствует порядок подписей испан. митрополитов под актами III Толетского Собора: имя Л. стоит после имен *Масоны*, еп. Эмеритского, и Евфимия, еп. Толетского (возведены на кафедры в 70-х гг. VI в.), но перед именем Пантарда, еп. Бракарского, рукоположенного в 579 или 580 г. (*La Colección.* 1992. P. 139–140).

Королевич Эрменегильд, управлявший Бетикой по поручению отца, вскоре отрекся от арианства, к-рое исповедовали вестготы, и принял католическую веру. Согласно *Григорию Турскому*, он сделал это под влиянием жены, франк. принцессы Ингунды (*Greg. Turon. Hist. Franc.* V 38), но папа Григорий Великий считал обращение Эрменегильда заслугой Л. (*Leandro Hispalitano episcopo... praedicante conuersus est — Greg. Magn. Dial.* III 31. 1). Вскоре Эрменегильд поднял мятеж против отца и провозгласил себя королем вестготов. Установив контроль над Гиспалисом и др. городами Бетики, он обратился за помощью к византийцам, к-рые удерживали ряд крепостей на юж. побережье Испании (по словам Григория Турского, Эрменегильд «перешел на сторону [византийского] императора»). Вероятно, Л. отправился в К-поль, чтобы убедить имп. *Маврикия* (582–602) оказать поддержку восставшим (см.:

Thompson. 1969. P. 21). Там он познакомился с диак. Григорием (впосл. папа Римский Григорий I Великий), апокрисиарием папы *Пелагия II* при дворе визант. императора. Об этом Григорий Великий упоминал в прологе к соч. «Моралии» (толкование на Книгу Иова), основанному на цикле проповедей, к-рые он произнес в К-поле. Согласно Григорию, Л. прибыл в визант. столицу с поручением, связанным с «верой вестготов» (*te illuc iniuncta pro causis fidei Wisigotharum legatio perduxisset — Greg. Magn. Moral. Prologus // Grégoire le Grand. Morales sur Job: Livres 1–2 / Éd. R. Gillet, A. de Gaudemaris. P., 1950. P. 114. (SC; 32)*). По-видимому, миссия Л. завершилась неудачей. Григорий Турский сообщает, что кор. Леовигильд подкупил визант.ского префекта Испании и тот в решающий момент отказался поддержать мятежников. В 584 г., после длительной осады, королевское войско захватило Гиспалис. Бежавший из города Эрменегильд вскоре сдался победителям. Т. о., восстание было подавлено. Однако жена Эрменегильда, принцесса Ингунда, и малолетний сын Атанагильд попали в руки византийцев, к-рые отправили их в К-поль (в пути Ингунда скончалась).

Григорий Великий — единственный автор, к-рый упоминал о причастности Л. к восстанию Эрменегильда. В испан. источниках восстание описывается как незаконный мятеж «тирана» (*tyrannum filium — Ioannes Biclarensis. Chronicon. 582. 2*), к-рый привел к междоусобной борьбе вестготов (*Gothi... bifarie divisi mutua caede vastantur — Isid. Hisp. Chron. 408a*) и имел тяжелые последствия для «римского» (кафолического) населения страны (*Ioannes Biclarensis. Chronicon. 579. 3*). В VI в. восстания и выступления узурпаторов, к-рыми сопровождалась смена правителей, дестабилизировали положение в Вестготском королевстве. Поэтому испан. авторы положительно воспринимали деятельность кор. Леовигильда, который подавил ряд мятежей, устранил влиятельных магнатов, успешно противостоял византийцам и упрочил контроль над страной. Большинство испан. клириков лояльно относились к Леовигильду из-за его религ. политики. Король рассматривал арианство как «готскую веру», а православие — как «веру римлян», стремясь предотвра-

тить попытки религ. прозелитизма (см.: *Thompson*. 1969. P. 31–39, 105–109). Во время восстания Эрменегильда, участники к-рого поддерживали кафолических клириков и преследовали ариан, баланс между вестготами-арианами и правосл. населением был нарушен. С целью облегчить возвращение вестготов, принявших кафолическую веру, в арианство Леовигильд отменил арианский обычай повторного крещения (*Ioannes Biclarensis. Chronicon. 580. 2*); позднее он отменил также исповедание веры *Аримино-Селевкийского Собора*, признав Сына равным Отцу, но отрицая равенство Св. Духа (см. ст. *Духоборчество*) (*Greg. Turon. Hist. Franc. VI 18*). Лояльность церковных иерархов к кор. Леовигильду обусловила их отрицательное отношение к восстанию Эрменегильда. Испан. авторы игнорировали религ. мотивы мятежников и умалчивали о роли Л. в восстании. Упоминания об Эрменегильде и о его обращении в кафолическую веру отсутствуют как в актах III Толетского Собора, так и в письмах папы Григория Великого, отправленных в Испанию (в «Диалогах» Григорий прославлял Эрменегильда как мученика).

Нет сведений о том, когда и при каких обстоятельствах Л. вернулся в Испанию. В письме, составленном не ранее 591 г., Лициниан, еп. Нов. Карфагена, упоминал, что «несколько лет тому назад» (*ante paucos annos*) Л. «поспешно» прибыл в Испанию из «царского города» (К-поля) и посетил Нов. Карфаген (*remeans de urbe regia... festinens pertransiit — Greg. Magn. Reg. epist. I 41a*; см.: *Martyn*. 2006). По-видимому, это произошло после подавления восстания Эрменегильда, но до кончины кор. Леовигильда (весна 586). Под 585 г. в Хронике Иоанна Бикларского сообщается: «Прославился Леандр, епископ Гиспальской Церкви» (*Leander Hispalensis ecclesiae episcopus clarus habetur — Ioannes Biclarensis. Chronicon. 585. 7*). Точное значение этой записи трудно установить; оно могло быть связано с возвращением Л. в Испанию из К-поля. Подавив мятеж Эрменегильда, король стал притеснять видных готов-кафоликов. Так, еп. Масона Эмеритский и аббат Иоанн Бикларский были на время отправлены в изгнание. Григорий Великий в повествовании о кончине Леовигильда упоминал, что король «ранее жестоко притеснял» Л. (*quem*

prius uehementer adflixerat — Greg. Magn. Dial. III 31. 6). Возможно, епископ также подвергся кратковременной ссылке.

Григорий Великий и Исидор Севильский приписывали Л. решающую роль в отречении от арианства кор. Реккареда I (586–601), младшего сына и преемника Леовигильда. Согласно преданию, изложенному Григорием Великим, Леовигильд, испытывая раскаяние из-за гибели Эрменегильда, во время предсмертной болезни призвал Л. и завещал ему обратиться в кафолическую веру (*Greg. Magn. Dial. III 31. 6*). Менее чем через год после вступления на престол Реккаред принял правосл. крещение и на собрании арианских церковных иерархов заявил о намерении «вернуть весь народ готов и свевов к миру и единению с христианской Церковью» (*Ioannes Biclarensis. Chronicon. 587. 5*). Вскоре он передал православным церквям и мон-рям ранее конфискованное у них имущество. На III Толетском Соборе (май 589) арианство было запрещено, а правосл. вера стала офиц. религией Вестготского королевства. Согласно Иоанну Бикларскому, в Соборе приняли участие 72 епископа. Л. руководил заседаниями Собора вместе с Евтропием, аббатом Сервитанского мон-ря (*summa tamen synodalis negotii penes sanctum Leandrum Hispalensis ecclesiae episcopum et beatissimum Eutropium monasterii Servitani abbatem fuit — Ioannes Biclarensis. Chronicon. 590. 1*). Епископ произнес заключительную речь, посвященную обращению вестготов в кафолическую веру. Возможно, он составил также вступительную речь кор. Реккареда, являющуюся фактически пространным исповеданием веры (*La Colección. 1992. P. 50–64*). Среди постановлений Собора — 23 анафематизма, направленные против арианства, и 23 дисциплинарных канона. Испан. епископы впервые вынесли решения, связанные с гражданским управлением (в определенных случаях они могли контролировать чиновников; женщин, виновных в сожительстве с клириками, карала светская власть). Утверждение королем постановлений III Толетского Собора, получивших силу закона, стало важным прецедентом; каноны последующих Соборов также становились частью вестгот. законодательства. Решения III Толетского Собора во многом

способствовали утрате вестгот. идентичности, смешению готов с «римским» населением Испании.

Вскоре после 589 г. на провинциальных Соборах были вынесены постановления, уточнявшие и дополнявшие отдельные каноны III Толетского Собора. В ц. Св. Иерусалим в Гиспалесе собрались 7 епископов Бетики под рук. Л. (4 нояб. 590). Они рассмотрели темы отчуждения церковного имущества епископами и сожительства клириков с женщинами. Королевские судьи с разрешения епископа должны были продать виновную женщину в рабство, исключив возможность продолжения незаконной связи (*Concilios visigóticos e hispano-romanos* / Ed. J. Vives. Madrid; Barcelona, 1963. P. 151–153).

После возвращения в Испанию Л. вступил в переписку с Григорием I Великим, избранным на Папский престол в 590 г. В «Диалогах», составленных, вероятно, ок. 593–594 гг., понтифик называл Л. «давним другом» (*dudum mihi in amicitia familiariter iuncto* — *Greg. Magn. Dial.* III 31. 1). Епископ отправил в Рим отчет о III Толетском Соборе. В ответном письме (апр. 591) Григорий Великий поздравил его с обращением кор. Реккареда и всех вестготов, а также ответил на вопросы, связанные с обрядом крещения (*Idem. Reg. epist.* I 41). Указывая на то, что арианские клирики крестили троекратным погружением, Л. спрашивал понтифика, допустимо ли совершать однократное погружение, чтобы не уподобляться еретикам (высказывалось мнение, что однократное погружение практиковалось в Испании со времен раннего христианства и его не следует считать правосл. реакцией на особенности арианского обряда; см.: *Smyth.* 2007). С таким же вопросом Л. обратился к свт. Иоанну IV Постнику, патриарху К-польскому (582–595), с которым, возможно, познакомился во время пребывания в столице Византийской империи. Патриарх отправил Л. подборку мнений отцов Церкви о желательности троекратного погружения (*Isid. Hisp. De vir. illustr.* 26). Однако Григорий Великий заявил, что разнообразие обрядов не имеет большого значения и не препятствует единству Вселенской Церкви, хранящей истинную веру (*in una fide nil officit sanctae ecclesiae consuetudo diversa*), поэто-

му не следует спорить о несущественных предметах, «пересчитывая количество погружений». По мнению понтифика, троекратное погружение символизирует Св. Троицу, однократное — единство Бога. Разногласия, связанные с обрядом крещения, скорее всего не прекратились при жизни Л. В 633 г. участники IV Толетского Собора (канон 6) высказались в пользу однократного погружения, ссылаясь в т. ч. на суждения Григория Великого (*La Colección.* 1992. P. 189–193).

Впосл. кор. Реккаред также отправил письмо Григорию Великому, известив его о своем отречении от арианства и присоединении к Вселенской Церкви. Король с похвалой отзывался о Л., к-рый часто рассказывал ему о понтифике. Извиняясь за задержку с письмом, Реккаред утверждал, что вскоре после Собора он направил в Рим неких аббатов, но они потерпели кораблекрушение близ Массилии (ныне Марсель) и вернулись в Испанию (*Greg. Magn. Reg. epist.* IX 227a). В ответном письме, датированном авг. 599 г., Григорий Великий одобрил действия короля, в т. ч. его отказ отменить законы, направленные против иудеев, и посоветовал ему не добиваться восстановления прежней границы между вестгот. и визант. владениями в Испании, т. к., по его словам, это было выгодно только византийцам (*Ibid.* 229). Тогда же понтифик послал Л. *паллий*, к-рый следовало надевать во время мессы. По-видимому, это означало, что он присвоил Л. полномочия папского викария в Испании (*Ibid.* 228).

По словам Лициниана, на обратном пути из К-поля в Испанию Л. имел при себе текст первоначальной редакции «Моралий», полученный от Григория Великого (см.: *Meyvaert.* 1995). Согласно Исидору Севильскому, «Моралии» были составлены по инициативе Л., к-рому Григорий посвятил сочинение (*Isid. Hisp. De vir. illustr.* 27). В июле 595 г. Л. получил от понтифика соч. «Пастырское правило», а также неполный текст окончательной редакции «Моралий» (без книг 11–22) (*Greg. Magn. Reg. epist.* V 53). По-видимому, Л. не получил остальные части сочинения, т. к. их не было в распоряжении Исидора (*Meyvaert.* 1995. P. 63–65).

Дата кончины Л. неизвестна. Последнее адресованное ему письмо Григория Великого было составле-

Первый лист соч. «Моралии» свт. Григория I Великого с посвящением св. Леандру. XII в. (Dijon. Bibl. Municipale. 2)

но в авг. 599 г.; понтифик упоминал, что Л. жаловался на приступы подагры. Преемником Л. на Гиспальской кафедре стал его брат Исидор. По словам *Ильдефонса* Толетского, Исидор († 4 апр. 636) занимал кафедру 40 лет, следов., он стал епископом ок. 596 г. (см.: *García Moreno.* 1974. P. 94). Однако, согласно стихотворной эпитафии в честь Л., Исидора и их сестры Флорентины, Л. умер 2 марта 602 г. (*Martín.* 2010). Эту датировку обычно считают ошибочной, т. к. Исидор утверждал, что Л. скончался раньше кор. Реккареда, умершего скорее всего в дек. 601 г.

Сочинения. Исидор Севильский называл важнейшими сочинениями Л. полемический трактат против ариан в 2 книгах, составленный за пределами Испании (вероятно, в К-поле), и другой антиарианский труд в форме вопросов и ответов. Эти сочинения не сохранились. Исидор упоминал также «Книжицу о наставлении посвященных дев и презрении к миру» (CPL, N 1183), написанную Л. для своей сестры Флорентины, собиравшейся стать монахиней. Краткая и пространная (содержит главы с 3. 7 по 12. 5 и 14) версии этого сочинения, известного как устав Л., сохранились в неск. испан. рукописях. Самые ранние рукописи, в которых содержится текст «Книжицы...», представляют собой сборники уставов и др. сочинений, предназначенных для монахов (Scorial. a.I.13. Fol. 98v–108v; Lond. Brit. Lib. Add. 30055. Fol 109v–110r; обе — 1-я пол. X в.).

«Книжица...» открывается пространным прологом, в к-ром Л. восхваляет девство как наивысшее состояние человека. Основная тема пролога — брак посвященной девы с Богом. Отказываясь от мирских забот и удовольствий, дева принимает Христа как Жениха, Брата и Друга, получая от Него свадебный дар — Его кровь, пролитую ради спасения людей. Из любви к Жениху дева должна воспитывать в себе добродетели и искоренять пороки. Этой теме посвящена 2-я ч. трактата, состоящая из 31 главы. Здесь Л. дает Флорентине советы, касающиеся жизни в монашеской общине, отношений с людьми и частных вопросов. По его мнению, монахиня должна осознавать важность общечеловеческого, при котором отсутствуют частная собственность, социальные и имущественные различия. Л. советовал сестре избегать конфликтов с другими монахинями, служить им, словно Самому Христу, сохранять доброжелательное отношение к окружающим, уклоняться от сплетен и клеветы, воспитывать в себе смирение и сохранять душевную чистоту. В одежде и пище необходимо сохранять умеренность (использование дорогой одежды, украшений и косметики — признак неверности невесты Жениху). Все свободное время следовало посвящать молитве и чтению; при этом Л. предостерегал сестру от букв. понимания нек-рых книг ВЗ. Автор подчеркивает, что монахиня должна не только следить за своим поведением, но и резко ограничить круг общения. Девам следовало избегать контактов с мужчинами, особенно молодыми, и с мирскими женщинами, а также разговоров наедине (по мнению Л., так поступал Христос). В заключительной главе «Да не пожелает дева вернуться в мир» Л. утверждает, что Флорентина, вступив в мон-рь, освободилась от всех мирских уз и начала новую жизнь. Возвращение к прежней жизни стало бы огромной ошибкой, подобной греху жены Лота (Быт 19. 26). Напоминая о том, как их мать, тосковавшая по родным местам, смирилась с тем, что ей суждено умереть на чужбине, Л. от своего имени и от имени брата Исидора желал сестре «претерпеть до конца и спастись».

В «Книжице...» содержится множество цитат из Свящ. Писания и аллюзий на него. Автор использовал широкий круг источников, сре-

ди к-рых видное место занимают письмо блж. Августина монахиням (*Aug. Ep. 211*) и письмо блж. Иеронима Евстохии (*Hieron. Ep. 22*), посвященные темам девственности и жен. аскезы. Вопрос о зависимости «Книжицы...» от Устава Бенедикта остается дискуссионным (см.: *Leandro de Sevilla. 1979. P. 31–39*). Несмотря на то что в средние века сочинение Л. рассматривалось как монашеский устав, оно является скорее риторическим увещательным письмом, в котором представлена авторская трактовка основных принципов духовной жизни и аскезы (напр.: *Giordano. 1985*).

В актах III Толетского Собора сохранилась пространная речь Л. под названием «Гомилия во славу Церкви в связи с обращением готов» (*Homelia in laude ecclesiae ob conversionem gentis*) (CPL, N 1184). Исидор не упоминает ее среди сочинений Л., но его авторство не подвергается сомнению. В пышных риторических выражениях автор описывает торжество католической Церкви, принявшей в свое лоно целый народ, который до того враждебно относился к православной вере. Обращение готов описывается как победа Христа и разрушение преграды между христианами, воздвигнутой сатаной, изобретателем всех ересей. Л. подчеркивает важность единства Церкви, в к-рой собраны люди, исповедующие истинную веру. В речи содержится ряд библейских цитат; использованы труды святителей Амвросия Медиоланского и Григория Великого, Кассиодора и особенно блж. Августина.

Среди сочинений Л. Исидор называл «множество посланий» папе Григорию Великому и различным епископам, а также письмо брату (Исидору или Фульгенцию) «о том, что не следует бояться смерти». Согласно Исидору, Л. составил также ряд литургических текстов, в т. ч. сборник молитв, основанных на текстах Псалтири, в 2 редакциях (*duplici editione*), отдельные молитвы для мессы и богослужений суточного круга, песнопения. Возможно, некоторые тексты сохранились в богослужебных книгах *испано-мосарабского обряда* без указаний на авторство. Ж. Пинель приписывал Л. и Исидору создание сборника коллект *Liber Psalmographus*, к-рый сохранился во фрагментах (см.: *Pinell J. Liturgica hispánica. Barcelona,*

1998. P. 45–46, 76–96; реконструкция Пинеля: *Liber Orationum Psalmographus: Colectas de salmos del antiguo rito hispánico / Ed. J. Pinell. Barcelona; Madrid, 1972*). По мнению Э. Флореса, Л. был автором проповеди в день памяти мч. Винцентия, которая в рукописях приписывалась блж. Августину, Льву Великому и Максиму Тавринскому (CPL, N 1185; см.: *Flórez. 1860. P. 196*).

Почитание. Поминование Л. 13 марта указано в Кордовском календаре (X в.) и в нескольких мосарабских календарях из Сев. Испании (XI в.). В средневековых богослужебных книгах испано-мосарабского обряда этот праздник не указан. Во франкские мартирологи поминование Л. было включено благодаря упоминанию о нем в «Моралиях» и «Диалогах» Григория Великого. В мартирологе Флора Лионского память святого указана под 27 февр. (в Иеронимовом мартирологе под этой датой значилось поминование мч. Леандра из Смирны); этот праздник указан также в более поздних «исторических» мартирологах Адона Вьеннско-

Католич. святые
Бонавентура и Леандр.
1665–1666 гг.

Худож. Б. Э. Мурильо
(Музей изящных искусств, Севилья)

го и Узуарда. В сказаниях подчеркивается, что Л. обратил кор. Реккареда и всех готов в правосл. веру (см.: *Quentin H. Les martyrologes historiques du moyen âge. P., 1908. P. 314, 370, 380, 481*). Под 27 февр. поминование Л. было внесено в Римский Мартиролог. В наст. время память святого как в римском, так и в испано-мосарабском обрядах совершается 13 марта.

В испанских рукописных бревиариях XIII–XV вв. сохранилось несколько кратких Житий Л. в форме

литургических чтений, основанных на соч. Исидора «О знаменитых мужах», «Истории Испании» архиеп. Родриго Хименеса де Рады и др. источниках (Martín. 2014). Вымышленные сведения о святом содержатся в Житии Л., Исидора, Фульгенция и Браулиона, составленном в XIII в. в Сарагосе. В этом источнике Л. и его братья представлены как сыновья кор. Леовигильда, якобы сына кор. франков Лиубы (в действительности Леовигильд был братом вестгот. кор. Лиувы I); их матью названа Феодосия, дочь Северина, сына Теодориха Великого и дукса Карфагенской пров. В Житие включены 2 пролога, автором к-рых назван папа Григорий Великий (Idem. 2007).

Местное почитание Л. в Севилье началось после завоевания города в 1248 г. Фернандо III Святым, королем Кастилии и Леона. По преданию, мощи святого хранились в кафедральном соборе (их перенесение праздновалось 6 апр.); с 1543 г. святых находится в Королевской капелле. Л. почитается как покровитель архиеп-ства Севилья и еп-ства Уэльва.

Соч.: CPL, N 1183–1185, 1867; PL. 72. Col. 869–898; Vega A. C. El «De institutione virginum» de S. Leandro de Sevilla con diez capítulos y medio inéditos // La Ciudad de Dios. Madrid, 1947. Vol. 159. P. 277–394; Leandro de Sevilla. De la instrucción de las vírgenes y desprecio del mundo / Ed. J. Velázquez Arenas. Madrid, 1979; Leandri Hispalensis episcopi De institutione virginum et contemptu mundi / Ed. M. Martínez Pastor. Hildesheim, 1998; Gómez Cobo A. La «Homilia in laudem ecclesiae» de Leandro de Sevilla: Estudio y valoración. Murcia, 1999; La Colección Canónica Hispana / Ed. G. Martínez Díez, F. Rodríguez. Madrid, 1992. T. 5. P. 148–159; Leander, Archbishop of Seville, St. A Book on the Teaching of Nuns and a Homily in Praise of the Church / Transl. J. R. C. Martyn. Plymouth, 2009; Hispanische Klosterregeln: Leander von Sevilla. Brief und Regel für Florentina. Isidor von Sevilla. Mönchsregel / Hrsg. K. S. Frank. St. Ottilien, 2011². S. 9–90.

Истр.: BHL, N 4810, 9039; ActaSS. Mart. T. 2. P. 275–280; Greg. Magn. Dial. III 31; Idem. Reg. epist. I 41, V 53, IX 228–229; Ioannes Biclarensis. Chronicon // Campos J. Juan de Biclario, obispo de Gerona: Su vida y su obra. Madrid, 1960. P. 75–100; Isid. Hisp. Chron. // MGH. AA. T. 11. P. 391–488; idem. De vir. illustr. 26–28 // El «De viris illustribus» de Isidoro de Sevilla / Ed. C. Codoñer. Salamanca, 1964. P. 147–150.

Литр.: Flórez E. España Sagrada. Madrid, 1860³. T. 9. P. 180–216; Görres F. Leander, Bischof von Sevilla und Metropolit der Kirchenprovinz Bätica // ZWTh. 1886. Bd. 29. S. 36–50; MartRom. Comment. P. 78; Pérez de Urbel J. Los monjes españoles en la Edad media. Madrid, 1945². T. 1. P. 194–231; Madoz H. Una nueva transmisión del «Libellus de institutione virginum» de S. Leandro de Sevilla // AnBoll. 1949. T. 67. P. 407–424; Fontaine J. Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique. P., 1959. 2 t.; idem. Qui a chassé de Carthaginoise Severianus

et les siens?: Observations sur l'histoire familiale d'Isidore de Séville // Estudios en homenaje a Don C. Sánchez Albornoz en sus 90 años. Buenos Aires, 1983. Vol. 1. P. 349–400; Bejarano V. Observaciones sobre el latín de S. Leandro // Emerita. Madrid, 1960. Vol. 28. P. 49–73; Fernández Alonso J. Leandro // BiblSS. Vol. 7. Col. 1158–1161; Thompson E. A. The Goths in Spain. Oxf., 1969; García Moreno L. A. Prosopografía del reino visigodo de Toledo. Salamanca, 1974. P. 91–93; Historia de la Iglesia en España / Ed. R. García Villoslada. Madrid, 1979. Vol. 1. P. 402–413, 567, 636–637, 653, 725, 743–744; Domínguez del Val U. Leandro de Sevilla y la lucha contra el arrianismo. Madrid, 1981; idem. Algunos temas monásticos de S. Leandro de Sevilla // StPatr. 1985. Vol. 16. P. 1–14; idem. Historia de la antigua literatura latina hispanocristiana. Madrid, 1997. Vol. 2. P. 431–478; Giordano O. Leandro di Siviglia: Lettera alla sorella Fiorentina sulla verginità e fuga dal mondo // VetChr. 1985. Vol. 22. P. 105–119; Navarra L. Leandro di Siviglia: Profilo storico-letterario. L'Aquila, 1987; Ferreiro A. The Visigoths in Gaul and Spain (AD 418–711): A Bibliogr. Leiden, 1988. P. 305–308; Concilio III de Toledo: XIV Centenario, 589–1989. Toledo, 1991; Ramos-Lissón D. Grégoire le Grand, Léandre et Reccarède // Gregorio Magno e il suo tempo. R., 1991. Vol. 1. P. 187–198; Meyvaert P. Uncovering a Lost Work of Gregory the Great: Fragments of the Early Commentary on Job // Traditio. 1995. Vol. 50. P. 55–74; Burón Castro T. Dos Fragmentos «De Institutione Virginum et Contemptu Mundi» de S. Leandro // Historia, instituciones, documentos. Sevilla, 1997. N 24. P. 101–114; Orlandis J. La doctrina eclesiológica de la Homilia de San Leandro en el Concilio III de Toledo // Idem. Estudios de historia eclesiástica visigoda. Pamplona, 1998. P. 123–128; Gómez Cobo A. Matizaciones teológicas y políticas de Leandro de Sevilla a los discursos de Reccaredo en el Concilio III de Toledo // Carthaginensia. Murcia, 1999. Vol. 15. P. 1–30; idem. Gozo y alegría: Metáforas de conversión en la «Homelia in laude Ecclesiae» de Leandro de Sevilla // Ibid. 2005. Vol. 21. N 39. P. 33–85; Niño Sánchez-Guisande J. Leandro de Sevilla // Compostellanum. Santiago de Compostela, 2000. Vol. 45. P. 63–79; Stocking R. L. Bishops, Councils, and Consensus in the Visigothic Kingdom, 589–633. Ann Arbor, 2000. P. 26–35, 51–61, 85–88, 109–110, 130–131, 156–160; Collins R. Visigothic Spain, 409–711. Oxf.; Malden (Mass.), 2004; Martyn J. R. C. Letters from Spain to Pope Gregory the Great // J. of the Australian Early Medieval Assoc. Melbourne, 2006. Vol. 2. P. 157–167; Martín J. C. La «Vita SS. Leandri, Isidori, Fulgentii et Braulionis» (BHL 4810): Estructura, contenido y fuentes // Munus quaesitum meritis: Homenaje a Carmen Codoñer. Salamanca, 2007. P. 561–569; idem. El «Epitaphium Leandri, Isidori et Florentinae» (ICERV 272) o la compleja transmisión manuscrita de un texto epigráfico // Euphrosyne: Rev. de filología clásica. N. S. Lisboa, 2010. Vol. 38. P. 139–163; idem. En torno a las composiciones litúrgicas latinas de la Hispania medieval en honor de Leandro de Sevilla († 602) // Ibid. 2014. Vol. 42. P. 205–215; Smyth M. Note sur le baptême par immersion unique en Hispanie // Miscellània litúrgica catalana. Barcelona, 2007. Vol. 15. P. 37–46; Vogüé A., de. Histoire littéraire du mouvement monastique dans l'antiquité. P., 2007. Pt. 1. T. 11. P. 87–103; Andrés Sanz M. A. Leandro de Sevilla // La Hispania visigótica y mozárabe: Dos épocas en su literatura / Ed. C. Codoñer. Salamanca, 2010. P. 63–68.

А. А. Королёв

ЛÉБЕДЕВ Алексей Петрович (2(14).03.1845, с. Очаково Московского у. и губ. — 14(27).07.1908, Москва), церковный историк. Род. в семье свящ. Петра Мефодьевича

А. П. Лебедев.

Фотография. Нач. XX в.

Лебедева. После ранней смерти отца мать Л., Александра Прокофьевна, отправила сына на обучение в Перервинское ДУ. Затем он учился в МДС, а в 1866–1870 гг. — в МДА, к-рую окончил с отличием. Учителями Л. были В. Д. Кудрявцев-Платонов по богословию и философии, А. В. Горский по церковной истории. По окончании курса Л. как выпускнику, проявившему выдающиеся способности, было предложено на выбор поступить на одну из 5 кафедр в МДА, а также на кафедру метафизики в КДА. Оставив свою прежнюю специализацию в сфере философии, Л. избрал кафедру церковной истории МДА, на к-рой прослужил до 1895 г. В февр. 1875 г. он был утвержден в звании экстраординарного профессора, победив в конкурсе доцента МДА В. О. Ключевского. После защиты докт. диссертации, к-рая состоялась 24 апр. 1879 г., Л. стал ординарным профессором. Уже в 70-х гг. XIX в. Л. опубликовал ряд крупных работ по истории Церкви, преимущественно интересуясь судьбами К-польской Православной Церкви средне- и поздневизант. эпох. Его диссертация «Вселенские Соборы IV и V веков. Обзор их догматической деятельности в связи с направлениями Александрийской и Антиохийской школ» имела большой успех в научной среде и вместе с тем вызвала бурную полемику. Диссертация Л. была издана как монография и пользовалась признанием научного сообще-

ства и публики. На протяжении жизни Л. неоднократно возвращался к исследованию истории Вселенских Соборов, создал большой 2-томный труд на эту тему, к-рый при жизни Л. издавался трижды (1876–1879, 1896, 1904). С наиболее последовательной критикой Л. выступил прот. А. М. *Иванцов-Платонов*; в 1881 г. он объединил свои суждения на эту тему в отдельной кн. «Религиозные движения на Востоке в IV и V вв.: Критико-исторические замечания». Poleмика между Л. и Иванцовым-Платоновым продолжалась до смерти последнего в 1894 г. Дискуссия стала одним из важных событий в интеллектуальной жизни РПЦ 2-й пол. XIX в., существенно повлияла на процесс развития русской научной культуры, модернизацию языка и проблематики церковной науки. Вместе с тем споры вокруг работ Л. неоднократно осложняли его отношения как с влиятельными оппонентами, так и с цензорами. В 1885 г. он временно покидал стены МДА, читал лекции в Казанском ун-те, но вскоре вернулся в alma mater по ходатайству профессоров МДА. С сент. 1895 г. он окончательно покинул МДА и перешел на кафедру церковной истории Московского ун-та (ставшую вакантной после кончины Иванцова-Платонова). Много лет занимаясь преподаванием церковной истории, Л. по сути стал одним из основателей российской научной школы в этой сфере. Его непосредственными учениками были А. П. *Доброклонский*, Н. Н. *Глубоковский*, А. А. *Спаский*, А. В. *Карташёв*.

Сфера научных интересов Л. была чрезвычайно обширна. Занимаясь изначально историей древней Церкви в эпохи Римской и Византийской империй, он на протяжении жизни создал первый в России компендиум монографических исследований, охвативших всю историю вселенского (зарубежного) православия – от апостольского века до кон. XIX в., а также основные вехи развития церковно-исторической науки. Его работы убедительно демонстрировали рус. публике и мировой научной обществу многовековую преемственность правосл. традиции, ее развитие как существенного фактора в мировой истории, особенно для судеб античной цивилизации, Византии, стран Вост. Средиземноморья и России. В последние годы, отчасти под влиянием начавшихся револю-

ционных событий и активизации общественной жизни в России, Л. большое внимание старался уделять насущным проблемам церковной жизни, откликался публикациями на обсуждение планов буд. церковного Собора и реформы РПЦ. Л. скончался скоропостижно, после непродолжительной болезни, в расцвете своих научных и творческих сил; похоронен на кладбище Спасо-Андроникова мон-ря в Москве.

Соч.: Собр. церк.-ист. соч. М., 1898–1905. 10 т.; Опыт философско-богосл. и естественнонауч. истолкования библейского догмата о сотворении мира // ЧОЛДП. 1874. Т. 1. № 1. Отд. 1. С. 13–54; История Вселенских Соборов. Ч. 1: Вселенские Соборы IV и V вв.: Обзор их догматич. деятельности в связи с направлениями школ Александрийской и Антиохийской; Ч. 2: Вселенские Соборы VI, VII и VIII вв. М., 1876. СПб., 2004; Очерки внутренней истории Византийско-вост. Церкви в IX, X и XI вв.: От конца иконоборческих споров до начала крестовых походов 1096 г. М., 1878. СПб., 1998; Попытка Дарвина помирить свою теорию с религиозно-нравственным чувством христианина: К характеристике англичан // ДЧ. 1878. № 5. С. 103–107; Очерки развития протестантской церк.-ист. науки в Германии: XVI–XIX вв. М., 1881; Из истории Вселенских Соборов: Poleмика А. П. Лебедева с прот. А. М. Иванцовым-Платоновым. М., 1882. СПб., 2004; О главенстве папы, или разности православных и папистов в учении о Церкви. СПб., 1887; Царствование визант. имп. Никифора Фоки в церковно-историческом отношении (963–969): Речь... на публ. акте МДА 1 окт. 1886 г. М., 1887; Колтские и арабские источники по истории древней, преимущественно Египетской Церкви // БВ. 1892. Т. 1. № 1. С. 233–258; Новые и старые источники первонач. монашества // Там же. Т. 2. № 4. С. 147–183; Неделя в Константинополе // Там же. № 5. С. 304–329; № 6. С. 517–549; Берлинский проф. церк. истории А. Гарнак и возбужденные им в настоящее время споры по поводу символа апостольского // БВ. 1893. Т. 4. № 11. С. 308–344; № 12. С. 481–520; Неожиданный спор между нем. учеными о составе евхаристических даров древнейшей Церкви // БВ. 1894. Т. 1. № 2. С. 282–305; Успенский кафедр. собор в Ярославле. Ярославль, 1896; Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. М., 1897. СПб., 2003; История разделения Церквей в IX, X и XI вв. М., 1900, 1905. СПб., 2001; Паломничество в Св. Землю во времена Древней Церкви. СПб., 1900; Сущность христианства по изображению церк. историка А. Гарнака: Из унив. лекций по истории Церкви // БВ. 1901. Т. 3. № 10. С. 305–330; № 11. С. 429–445; № 12. С. 650–671; Великая Церковь и Св. Гора: Мысли и впечатления двух путешественников-иноверцев. М., 1902; Взгляд гр. Л. Н. Толстого на ист. жизнь Церкви Божией: По поводу его книги «Разрушение ада и его восстановление» // БВ. 1903. Т. 3. № 11. С. 894–417; 1904. Т. 1. № 1. С. 42–74; Духовенство древней вселенской Церкви от времен апостольских до X в. М., 1905. СПб., 1997; Исторические очерки состояния византийско-вост. Церкви от кон. XI до сер. XV вв. М., 1905. СПб., 1998; В защиту Фи-

ларета, митр. Московского, от нападков историка С. М. Соловьева. М., 1907; Взгляд на условия развития церк.-ист. науки у нас // БВ. 1907. Т. 1. № 4. С. 705–723; Два пионера церк.-ист. науки у нас и немногие сведения о жребиях их преемников: 1. Мефодий (Михаил) Смирнов. 2. Иннокентий (Иларион) Смирнов // БВ. 1907. Т. 2. № 5. С. 101–167; Зачем бы нам нужен патриарх?: Из унив. лекций 1906 г. // БВ. 1907. Т. 1. № 1. С. 1–59; К моей учено-лит. биографии и мат-лы для характеристики беспринципной критики // БВ. 1907. Т. 2. № 6. С. 401–425; Предстоящий Всероссийский Собор с т. зр. древних Соборов // ДЧ. 1907. № 3. С. 336–359; Слепые вожди: Четыре момента в ист. жизни Церкви. М., 1907; Уроки и примеры из истории древних Соборов – применительно к предстоящему Всерос. Собору с т. зр. древних Соборов // ДЧ. 1907. № 1. С. 21–62 (отд. отд. М., 1907); Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб.; М., 1998, 1993², 2001³; История Константинопольских Соборов IX в. СПб., 2001²; Братья Господни: Исслед. по истории Древней Церкви. СПб., 2004; История греко-восточной Церкви под властью турок. СПб., 2004², 2012. 2 т.; Споры об апостольском символе. История догматов: Церк.-ист. повествования. СПб., 2004; Церковно-исторические повествования из давних времен христ. Церкви. СПб., 2004²; «Великий и в малом...»: Исслед. по истории Рус. Церкви. СПб., 2005, 2008; История Византии. М., 2005; История запрещенных книг на Западе. Итальянское духовенство в одну из средневеков. эпох: Исслед. по истории Церкви Средних веков и Нового времени. СПб., 2005; К моей учено-лит. биографии и мат-лы для характеристики беспринципной критики. СПб., 2005; Христианский мир и эллино-римская цивилизация: Исслед. по истории древней Церкви. СПб., 2005; Церковная история в свете предания: Исслед. по истории древней Церкви. СПб., 2005; Греческие церк. историки IV, V, VI вв. СПб., 2009².

Лит.: *Елеонский Н. А.* Отчет о докторском диспуте экстраординарного проф. МДА А. П. Лебедева // ЧОЛДП. 1879. Т. 2. № 6. Отд. 1. С. 679–708; *он же.* А. П. Лебедев: Кр. биогр. очерк, список тр. М., 1909; *Корсуний И. Н.* 25-летие учено-лит. деятельности проф. А. П. Лебедева (1870–1895). Список соч. проф. А. П. Лебедева с отзывами на них // БВ. 1895. № 11. С. 259–283; Лебедев // ЭС. 1896. Т. 17. С. 415; *Доброураов Н. П.* А. М. Иванцов-Платонов и А. П. Лебедев. М., 1899; *Андреев И. Д.* А. П. Лебедев: Некр. // ЖМНП. 1908. Вып. 9/10. С. 56–73; *Глубоковский Н. Н.* Памяти покойного проф. А. П. Лебедева: Под первым впечатлением тяжелой утраты. СПб., 1908; *Покровский А. И.* А. П. Лебедев: Некр. // БВ. 1908. № 7/8. С. 577–597; *Спаский А. А.* Проф. А. П. Лебедев // Памяти почивших наставников: ...МДА ко дню ее 100-летнего юбилея (1814–1914). Серг. П., 1915. С. 357–374; *Морозов М. А.* А. П. Лебедев (1845–1908): Его жизнь и науч. деятельность // *Лебедев А. П.* Духовенство древней вселенской Церкви. СПб., 1997. С. 5–21.

ЛÉБЕДЕВ Василий Владимирович (1871, с. Никольское Нерехтского у. Костромской губ. – нач. 20-х гг. XX в., с. Покровское (Марфино) Тамбовского у. и губ.), свящ., учитель пения, автор духовно-музыкальных

сочинений. Род. в семье псаломщика. Окончил костромские ДУ и ДС (1892), в последней учителями церковного пения были И. П. Правдин и Д. М. Ячиков. Затем учился в регентском классе *Придворной певческой капеллы*, получил свидетельство со званием помощника регента. Некоторое время работал в *ярославском во имя святителей Афанасия и Кирилла муж. мон-ре*. Педагогическую деятельность начал учителем пения в Мариупольском ДУ (1893–1894), там же с окт. 1893 г. исполнял должность надзирателя-репетитора. В 1894–1896 гг. в С.-Петербурге окончил курс обучения в регентском классе капеллы (у Н. А. Соколова, М. Р. Щиглёва и др.), окончил курс со званием регента и свидетельством 2-го разряда. 16 июня 1896 г. рукоположен во иерея Троицкой ц. с. Высоково Костромского у. В 1896–1897 гг. являлся законоучителем Высоковского начального уч-ща.

С 1898 г. жил в Тамбове, с авг. 1898 по сент. 1918 г. являлся учителем церковного пения и руководителем хора Тамбовской ДС. Также служил учителем церковного пения епархиального жен. уч-ща и образцовой школы при уч-ще (окт. 1898 – авг. 1900), священником и законоучителем Мариинского детского приюта (с нояб. 1899), законоучителем муз. уч-ща Тамбовского отделения ИРМО (сент. 1900–1912). Семинарский хор под упр. Л. (более 550 чел.) принимал участие в торжествах в честь 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина (исполнил, в частности, сочинение Л. на стихи Пушкина «Чеченец», 1899), 200-летия кончины свт. Димитрия Ростовского (1909), 100-летия свт. Феофана Затворника (исполнил гимн Л. памяти свт. Феофана на слова М. Н. Слепцовой, 1915), участвовал в собрании Церковно-археологического комитета, где исполнил написанное Л. переложение догматика «Прейде сень законная» (1913). На одном из собраний Попечительного совета семинарии (1913) хор исполнил песнопение Л. в честь свт. Питирима Тамбовского на слова К. А. Патина.

В 1899 и 1901 гг. Л. руководил летними курсами пения для учителей и учительниц церковноприходских школ Тамбовской епархии. Являлся редактором музыкально-литературного ж. «Гусельки яровчатые», из-

дававшегося в 1907–1909 гг. в Тамбове (подробнее см. в ст. *Журналы церковнопевческие*).

Л. — автор книг и пособий по школьному пению: «Обучение пению в народной школе: (Дидактико-методические заметки)» (опубл.: Тамбовские ЕВ. 1899. Ч. неофиц. № 23–25, 27, 39–43, 50, 51/52), «Пение в начальной народной школе: Дидактико-методические заметки» (Тамбов, 1900, 1913⁴), «Критико-библиографические заметки по литературе церковного и вообще школьного пения» (Тамбов, 1904), «Обзор детской, школьной и хоровой музыкальной литературы» (СПб., 1902 (совм. с К. П. Нелидовым). Тамбов, 1907²), «Добрые посевы: Учебник-хрестоматия [по элементарной теории музыки] для школ, учеб. заведений и самообучения» (М., [1909]). Кроме того, в числе изданных в Тамбове работ Л. были: «Общее церковное пение: Народно-певческие хоры» (1906, 1913²); «Музыкально-певческие типы в нашей литературе» (1908); «Протоиерей П. И. Турчанинов: Очерк жизни и деятельности, замечания о идейно-религиозном содержании его музыкальных переложений: Беседы в Тамбовской духовной семинарии» (1909); «Доклад о ирмосах Турчанинова» (1911); «Пение и музыка как средство эстетического воспитания народа» (1910); «Ф. Е. Степанов: [Совр. церк.-певч. деятель]» (Гусельки яровчатые. 1909. Янв. С. 5–6; февр. С. 5), «О знаменном распеве (из уроков, чит. в Тамбовской духовной семинарии): С прил. отзыва о нотной книге А. М. Покровского «Знаменный распев». Вып. 1: Божественная литургия и молебное пение святителю Питириму. М., 1916» (Тамбовские ЕВ. 1916. Ч. неофиц. № 31, 33, 37, 39–41, 43, 46, 50, 51); «Знаменный распев как основа пения Православной Русской Церкви» (1917. 2 ч.).

Статьи и заметки Л. публиковались в «Русской музыкальной газете», в журналах «Музыка и пение», «Вестник воспитания», «Русская школа», «Русский начальный учитель», «Хоровое и регентское дело», в тамбовских журналах «Баян» и «Гусельки яровчатые», в «Тамбовских епархиальных ведомостях», в т. ч. под псевдонимами «В. Л.», «До-ре-ми-соль», «Сельский». Наиболее значимые из этих публикаций: «Несколько слов в защиту регентских классов и о средствах рас-

пространения истинного церковного пения» (РМГ. 1896. № 1. Стб. 75–80), «Пение в церковно-приходских школах по отчетам наблюдателей» (Там же. 1908. № 37–38, 47–52), «Краткий очерк деятельности и жизни духовных композиторов Бортьянского, Турчанинова и Львова» (Гусельки яровчатые. 1910. № 1–6), «А. Д. Городцов — пионер музыкально-народного образования» (РМГ. 1909. № 16, 18–21), «Свящ. М. Лисицын» (Гусельки яровчатые. 1908. Янв. С. 7–9; февр. С. 5–6), «А. Н. Карасёв, его жизнь и деятельность» (Там же. 1907. № 2, 3), «Памяти С. И. Миропольского» (Там же. 1907. № 1), «Памяти А. Ф. Львова. Обзор его музыкальной деятельности» (Там же. 1907. Ноябрь, дек.; 1908. Апр., май, авг.).

Л. также составил сборники «Обиход Тамбовских гласовых напевов и иных напевов неизменяемых песнопений, по преимуществу употребляемых в Тамбовской епархии. Ч. 1: Всенощное бдение. Ч. 2: Литургия» (Тамбов, 1900, 1913²) и «Песнопения из Триоди Постной» (М.; Лпц., 1902. № 1–10; № 11: Страстная седмица (совместно с М. Г. Климовым)), выполнил переложения догматиков знаменного распева 8 гласов для однородного ученического хора, ирмосов Пасхи, стихиры на литии святым Мефодием и Кириллу, стихиры на Рождество Христово «Небо и земля» (изд.: Сборник духовно-музыкальных песнопений разных авторов. СПб., 1913. № 7: Рождественские песнопения / Под ред. Н. Д. Лебедева. № 18), стихиры на Пасху «Небеса убо да веселятся» и др.

Записывал народные песни Тамбовского края (автограф: ГЦММК. Ф 133. № 33: 56 рус. народных песен). Был членом Тамбовской губернской ученой архивной комиссии, членом экзаменационной комиссии на сан диакона и на звание учителя церковноприходской школы.

Награжден темно-бронзовой медалью за участие в 1-й Всеобщей переписи населения (1897), набедренником — «за отлично усердную и полезную службу по должности преподавателя церковного пения в семинарии» (1899), скульфеей (1906), камилавкой (1909).

По сведениям Д. С. Семёнова, полученным из письма тамбовского регента Ф. Е. Степанова, в 1918–1919 гг. Л. «работал по музыкальной части в Тамбовском губпролеткуль-

те. Ушел и перешел на должность священника в церковь с. Покровское-Марфино. Обстановка повлияла на психику: он запил и кончил свою жизнь в начале 20-х гг.».

Арх.: ГАТО. Ф. 186. Оп. 99. Д. 25: Наряд с послужного списка о службе В. В. Лебедева. Л. 1–4 об.; Оп. 105. Д. 13: О награждении свящ. В. Лебедева, учителя церк. пения семинарии, набедренником. Л. 1–3; Оп. 113. Д. 3: Отчет о состоянии Тамбовской ДС по учебно-воспитательной части за 1907/08 учеб. год. Л. 2, 12–13, 21 об.; Оп. 121. Д. 5: Отчет Тамбовской ДС за 1915/16 учеб. год. Л. 6 об., 25, 32 об.; Оп. 123. Д. 3: Дело с док-тами по учеб. и воспит. части. 1917 г. Л. 24.

Лит.: Юбилейное торжество в честь А. С. Пушкина в духовной семинарии // Тамбовские Ев. 1899. № 23. Ч. неофиц. С. 596–602; *Смирнов Ф. Свящ. В. В. Лебедев: (К 10-летию педагогическо-издательской деятельности)* // Музыка и пение. 1905/1906. № 9. С. 6–7; К 10-летию муз. деятельности свящ. В. В. Лебедева // РМГ. 1906. № 38. Стб. 821–822; Личный состав служащих в Тамбовской ДС // Тамбовские Ев. 1906. Ч. неофиц. № 41. С. 820; Б. Л. К 10-летию муз. и обществ. деятельности свящ. В. В. Лебедева // Баян. Тамбов, 1907. № 1. С. 13; У. П. «Обиход Тамбовских гласовых напевов...» // Тамбовские Ев. 1914. № 5. Ч. неофиц. С. 167–168; Издания свящ. В. В. Лебедева // Там же. № 43. Ч. неофиц. С. 1298; Лебедев В. В. // *Бернардт Г. Б., Ямпольский И. М.* Кто писал о музыке: Био-библиогр. слов. М., 1974. Т. 2. С. 133–134; *Казьмина Е. О.* Хоровая культура Тамбовщины XVIII – нач. XX вв.: Учеб.-метод. пособие. Тамбов, 1999. С. 31; *Давыдова Е. Г.* Духовно-муз. творчество тамбовских регентов кон. XIX – нач. XX в.: Две лекции. Тамбов, 2008; она же. Обиход свящ. В. Лебедева как отражение церк.-певч. практики Тамбовской епархии кон. XIX – нач. XX в. // Музыка в совр. мире: наука, педагогика, исполнительство: Тез. IV междунар. науч.-практ. конф. 25 янв. 2008 г. / Тамб. гос. муз.-пед. ин-т им. С. В. Рахманинова. Тамбов, 2008. Ч. 2. С. 36–38; она же. Обиходные церк.-певч. традиции Тамбовской епархии рубежа XIX–XX вв. // Исследования о рус. и зарубежной муз. культуре: Ст., аналит. этюды: Науч. тр. / Ред.-сост.: О. В. Генсбарт. Тамбов, 2010. С. 89–95. (Музыкаведение; 4).

Е. О. Казьмина

ЛЕБЕДИНСКОЕ ВИКАРИАТСТВО Харьковской епархии, с центром в г. Лебедин Харьковской губ. (ныне Сумской обл., Украина), существовало в 1923–1925 гг. Должность Лебединского викария в отсутствие на кафедре Киевского митр. *Михаила (Ермакова)* учредил в 1923 г. в у. Киевской епархией архиеп. *Макарий (Кармазин)*, претендовавший в 1923–1925 гг., в условиях длительного пребывания в заключении экзарха Украины, также и на управление соседними с Киевщиной землями др. епархий. Вместе с Ананьевским еп. сщмч. *Парфением (Брянских)*, находившимся в Киеве с мая по окт.

1923 г., архиеп. Макарий хиротонисал на Лебединскую кафедру архим. *Варлаама (Лазаренко)*. (Сведения о хиротонии еп. Варлаама в 1919, приводимые И. И. Осиповой (*Осипова И. И.* «Сквозь огонь мучений и воду слез...»: Гонения на Истинно-православную церковь. М., 1996. С. 266), а также М. В. Шкаровским (*Шкаровский М. В.* Варлаам (Лазаренко) // ПЭ. Т. 6. С. 593–594), не соответствуют действительности.) Хиротония была признана патриархом Московским и всея России свт. *Тихоном* не сразу, в 1923–1924 гг. еп. Варлаам отсутствовал на Лебединской кафедре.

В 1923–1924 гг. в Лебединском р-не действовало Лебединское викариальное управление Харьковской епархии, во главе которого стоял преподаватель Харьковской ДС в 1916–1919 гг. архим. прмч. *Варсонофий (Мамчин)*, который 1 февр. 1923 г. на уездном съезде духовенства был избран епископом Лебединским, викарием Харьковской епархии. Инициатором его выдвижения стал *Иоанникий (Соколовский)*, архиеп. Екатеринославский и Донецкий, в у. Харьковской епархией. С 29 нояб. 1923 по янв. 1924 г., на время отсутствия в Харькове архиеп. Иоанникия, архим. Варсонофий выполнял обязанности в у. Харьковской епархией, сохранив за собой также управление Лебединской кафедрой.

Несмотря на то что патриарх Тихон в янв. 1924 г. согласился с назначением на Л. в архим. Варсонофия, хиротония последнего не состоялась, возможно, из-за приезда в Харьков еп. Варлаама (Лазаренко). В нач. 1925 г. Варлаам с титулом «епископ Лебединский» служил при в. у. Харьковской епархией Сумском еп. *Константине (Дьякове)*, жившем в Харькове. В этот период еп. Варлаам рукоположил в священный сан одного из участников активного в Сумском округе движения «стефановцев», или «подгорновцев», вскоре превратившегося в секту. Руководители «подгорновцев» в 1925 г. протестовали против перевода еп. Варлаама из Харькова в Майкоп.

В февр. 1927 г. еп. Варлаам оставил Майкопскую кафедру, в 1927–1928 гг. жил в Сумском округе Украинской ССР, изредка служил в с. Угреды (ныне поселок Краснопольского р-на Сумской обл.), вернув себе титул «епископ Лебединский». В кон. 1927 г. начался его кон-

фликт с новым экзархом Украины митр. Константином (Дьяковым). На Сумщине в 1927–1928 гг. еп. Варлаам снова стал окормлять группу «стефановцев», включавшую к тому времени 20 называвших себя православными сельских приходов. Лидер секты Василий Подгорный, в 1921 г. присоединившийся к РПЦ и в 1922 г. рукоположенный в священный сан, в 1927 г. (по др. данным, в февр. 1928) был утвержден еп. Варлаамом как благочинный Сумского округа. В марте 1928 г. еп. Варлаам тайно встретился в Ельце с примкнувшим к *иосифлянам* еп. *Алексием (Буем)*, которого признал своим главой, и объявил о передаче еп. Алексия Сумского благочиннического округа во главе со свящ. Василием Подгорным. Еп. Варлаам был направлен еп. Алексием на Кубань. Впосл. Л. в. не замещалось.

Арх.: РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 265. Ист.: Доклад ПП ОГПУ по ЦЧО о контрреволюционных церковных и сектантских организациях и группах, ликвидированных ПП ОГПУ по ЦЧО в 1930 г. 15 окт. 1930 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2008. Т. 8. Ч. 2. С. 1458–1503.

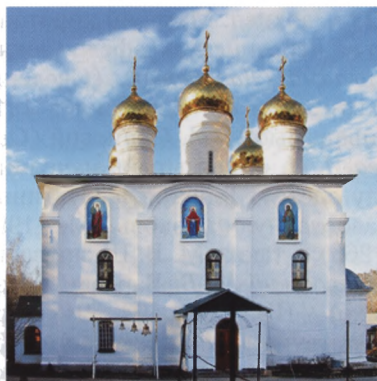
Лит.: За Христа пострадавшие. Кн. 1; *Соколовский О. К.* Церква Христова, 1920–1940: Переслідування християн в СРСР. К., 1998. С. 157; *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: Течение в РПЦ. СПб., 1999. С. 103–104.

В. Г. Лидгайко

ЛЕБЕДЯНСКИЙ ВО ИМЯ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ (Елецкой и Лебедянской епархии Липецкой митрополии), находится на сев. окраине г. Лебедянь Липецкой обл., на правом берегу р. Дон. Первоначально мужской.

1621–1919 гг. Основан, вероятно, в 1621 г. по благословению новоизбранного патриарха Московского и всея Руси *Филарета (Романова)*. Время основания Л. м. позволяют установить документы Разрядного приказа Белгородского стола, хранящиеся в фондах РГАДА. В 1626 г. строитель Савватий и свящ. Иосиф просили в Разрядном приказе имунную грамоту, сообщая, что «устроен... монастырь в Лебедянском уезде в лесу, и храм воздвигнут во имя Живоначальные Троицы да Пророка Ильи во 131-м году (1622 или 1623 г.— *Авт.*), и служба... А питаемся, государи, в тои пустыньки Христовым именем. А землицы, государи, пашенные под монастырем нет ничево».

Собор во имя Св. Троицы.
1642–1666 гг.
Фотография. 2008 г.

Изначально Л. м. часто именовали по одному из топонимов — Яблонова пуст., после возведения Троицкого храма — Лебедянский Троицкий мон-рь Яблонова пуст. 1 марта 1680 г. Л. м. был пожалован в Патриарший дом патриарху Московскому и всея Руси *Иоакиму (Савёлову)* «вместо взятых к дворцовому селу Павловскому патриарших церковных в Звенигородском уезде пустошей».

В 1764 г. при пожаре сгорели все деревянные постройки и архив, Л. м. был упразднен. По преданию, на следующий день после пожара на яблоне в монастырском саду, между Ильинской ц. и настоятельским корпусом, была обнаружена икона «Животворящая Святая Троица в явлении трех ангелов патриарху Аврааму», присланная в 1665 г. в Л. м. царем Алексеем Михайловичем. Икону пытались перенести в приходскую церковь с. Ст. Ракитня (ныне Ст. Ракитино) Лебедянского у. и различные мон-ри, но она чудесным образом вновь являлась на яблоне в монастырском саду. В 1768 г. решением Синода мон-рь был восстановлен как третьеклассный. Однако уже через неск. лет обитель пришла в упадок. В 1775 г. в Л. м. состояли игумен, монах и священник.

В том же году вышел указ Синода «О бытии вместо штатного Троицкого Елецкого монастыря таковым же Троицкому Лебедянскому». В 1776 г. в Лебедянь из закрытого елецкого во имя Святой Троицы мон-ря был переведен игум. Климент (Белешапкин) с братией, а вместе с ними Лебедянской обители отошел штат 3-го класса — 12 монашествующих, после чего мон-рь нек-рое время именовался Елецким Троицким, «что в городе Лебедяни».

В 1799 г., после разделения Воронежской епархии, Л. м. был отнесен к Тамбовской епархии. В мон-ре была учреждена архимандрия; сумма на содержание монашествующих увеличена вдвое, жалование игумена составило 50 р., казначей с братией (11 чел.) — 125 р., 9 служителям и подъячому полагалось 63 р., на починку монастырских строений выделялось 200 р., а на проч. расходы — 179 р. 50 к.

В 1811 г. Л. м. стал заштатным, оставлен «на своем пропитании». При этом лебедянская братия была переведена в *Трегуляевский во имя св. Иоанна Предтечи мон-рь*, а насель-

ники последнего (23 чел.) во главе со строителем иером. Досифеем перешли в Л. м. При настоятеле (1811–1829) игум. Досифее, которому удалось собрать большие пожертвования, были восстановлены все храмы, колокольня, трапезная, кельи, ограда, обновлена церковная утварь. Преемники о. Досифея совмещали управление Л. м. с должностью инспектора Тамбовской ДС. Нек-рые из них постоянно проживали в Тамбове и редко посещали Лебедянь.

Настоятели и братия. К 1678 г. в Л. м. проживали игумен черный поп, 11 чел. братии, 2 трудника бельца, в кон. XVII в. — черные попы Герман и Авраамий, черный диак. Корнилий, казначей старец Антоний, 29 чел. рядовой братии и несколько трудников, к 1702 г. — игум. Филарет, иеромонахи Герман, Тимофей, Филарет, Иосиф, Корнилий, иеродиаконы Авраамий и Арсений, казначей Феодосий и 47 монахов, к 1775 г. — лишь игум. Венедикт, иером. Иосиф и белый священник. В XIX в. количество насельников возросло. В 1857 г. в Л. м. проживали 29 насельников, в т. ч. настоятель и 18 монашествующих служителей, в 1861 г. — 17 насельников, в 1909 г. — 43 насельника, в т. ч. игумен и 7 иеромонахов.

Среди настоятелей почитался игум. Тихон (Ципляковский; † 23 дек. 1896), духовный писатель, возглавлявший обитель с 1884 г. В 1886 г. по состоянию здоровья он переселился в *Вышенский в честь Успения Пресв. Богородицы мон-рь*, где стал духовником свт. *Феофана Затворника* (Говорова). В 1886–1888 гг. Л. м. возглавлял архим. Полиевкт (Пясковский), в 1887 г. разобравший и описавший монастырский архив. В 1892 г. в Л. м. поступил иером. Порфирий (Ива-

нов), автор исторического описания обители (1895). В 1905 г. игум. Порфирий был назначен временно исполняющим должность настоятеля, а в 1907 г. утвержден в должности. Во время его настоятельства в Л. м. поступил иером. Филарет (Аплиев), вполн. духовник братии. Ок. 1850 и в 1861–1875 гг. в Л. м. проживал о. Феодосий (Попов; † 1903), вполн. игумен, насельник скита *Оптинной в честь Введения во храм Пресв. Богородицы пуст.*, автор «Записок... о своей жизни», опубликованных писателем С. А. Нилусом (*Нилус С. А. Сила Божия и немощь человеческая*. Серг. П., 1992. С. 104–200).

Храмы и другие постройки. В писцовой книге 1627–1628 гг. упомянута деревянная «клетки» ц. во имя Св. Троицы с приделом св. прор. Илии, построенная на средства «тое пустыни пустынников и строителей Савелья да Захарья да черново священника Иосифа и всей братии» и прихожан. В храме стояли «деисусы на тяблех да двои Царские двери с столбцы и с сеньми», имелись чтимые местные иконы Св. Троицы и св. прор. Илии «с венцы», «воздвизальной» деревянный крест, обложенный серебром. Мон-рь окружала деревянная ограда со св. воротами, «а на них деисус на празелени... А под церковью и под кладбищем и под монастырем и под кельями по мере земли вдоль сорок сажень, поперег дватцать пять сажень. А городьба около того монастыря тын стоячей. А питаютца того монастыря братья и белцы Христовым именем».

Каменное строительство в Л. м. началось в 1642 г., когда игум. Манасия заложил Троицкий собор. В 1659 г. татары сожгли посад и слободы Лебедяни, пострадала и обитель. В 1665 г. каменный собор был возведен и 1 июня 1666 г. освящен игум. Дионисием. Царь Алексей Михайлович пожаловал в иконостас собора местные иконы «в древнегреческом стиле, обложенные золоченым чеканным серебром, с такими же цатами и венцами, украшенными цветными камнями, и небольшую аналогичную икону Пресвятой Троицы в таком же дорогом украшении». В кон. XVII в., при игум. Филарете, завершили отделку собора, выполнили росписи. На 1683 г. в храме упоминаются «царские двери с сенью и с столбцы» и запрестольный образ Пресв. Богородицы, к-рые

были присланы в Л. м. по указу патриарха.

Троицкий храм построен в русско-визант. стиле (длина с папертью 10 саж., ширина 5,5 саж., высота до карниза 6 саж.). Кубовидный объем храма с несохранившимся позакомарным покрытием венчают 5 главок. Центральная — световой барабан с 4 узкими окнами (ок. 6 вершков шириной), остальные главки глухие. Фасады собора членятся пилястрами на 3 равных прясла. С вост. стороны собора 3 полукруглые апсиды, выступающие до половины высоты стен, отделены друг от друга полуколоннами и соответствуют 3 нефам 4-столпного храма. В правой апсиде размещалась ризница, в левой — жертвенник. В описании собора 80-х гг. XIX в., сделанном для метрики Императорской археологической комиссии, указаны размеры: длина с запада на восток до иконостаса — 22 аршина, ширина — 13 аршин, высота до крыши — 18 аршин, высота всей церкви — 35 аршин.

Одновременно со строительством собора началось сооружение храмовой части Ильинской надвратной ц., а после 1659 г. — трапезной и каменной монастырской стены. В 1678 г. Ильинская ц. и монастырские стены упомянуты в писцовых и отказных книгах. Храм во имя св. прор. Илии над св. воротами в новопостроенной каменной стене освящен в 1679 г. После пожара 1764 г. в сводах ворот под Ильинской ц. появились трещины, ворота были заложены, одновременно трапезную расширили с западной стороны.

Особенность первых каменных строений: Троицкий собор и Ильинская ц. ориентированы с отклонением продольной оси на юг от линии «восток—запад».

В 3-й четв. XVII в. к северу от Троицкого собора была построена каменная ц. в честь Успения Пресв. Богородицы. Впервые храм упоминается в переписных и отказных книгах 1678 г., в жалованной и меновой грамоте 1680 г. — как храм с трапезой, в описании 1710 г. — как теплый. Длина его с алтарем — 31,25 аршина, ширина — 8 аршин, высота — 7,75 аршина. К кубовидному объему храма с востока примыкает полукруглые апсиды, перекрытой конхой. Храмовая часть изначально отделялась от алтаря капитальной стеной с 3 проемами, позднее расте-

санными и замененными одной аркой. Трапезная храма, значительно расширенная на север и перекрытая высоким коробовым сводом, имеет ширину 20 аршин. Высота храма от основания до подкрестного яблока на фонаре — 19 аршин. С севера к храмовой части примыкают ризница и апсида придела в честь По-

Церковь Успения Пресв. Богородицы.
3-я четв. XVII в.
Фотография. 2008 г.

кровя Пресв. Богородицы, с запада — трапезная и колокольня. Примыкающий к трапезной придельный алтарь, освященный в честь иконы Покровы Пресв. Богородицы, пристроен в 1839 г., при настоятеле (1835–1840) игум. Никоне.

Справа от св. ворот стояла дубовая рубленая 8-угольная колокольня с 4 колоколами. В кон. XVII в. была возведена каменная 3-ярусная колокольня. Изначально колокольня построена как отдельно стоящее здание, поэтому ее ось не совпадает с продольной осью Успенской ц., частью к-рой она является, и смещена к северу. Впосл. колокольня и церковь соединили посредством трапезной. В описании 1702 г. упомянуты 9 колоколов и часы «большие железные»; общий вес колоколов составлял 142 пуда 33 фунта. В 1698 г., при игум. Филарете, в Москве был отлит большой колокол (96 пудов 4 фунта). Работы были произведены на деньги, которые пожертвовали царь Петр I и его свита. Колокола, кроме большого, сильно оплавившись во время пожара 1764 г. и были заменены новыми. Согласно описанию 1884 г., нижний этаж колокольни «квадратный, длина и ширина 10 аршин», 2-й этаж 8-гранный, 3-й пирамидальный. Высота 1-го этажа — 14 аршин, 2-го — 6 аршин, 3-го — 7 аршин. Колокольню венчала 8-гранная пи-

рамида с 2 рядами маленьких слуховых окошек (всего 12). Высота колокольни — 37 аршин. На 2-м ярусе располагались архив и б-ка, куда можно было подняться по наружной кирпичной лестнице.

Согласно писцовым книгам 1627 г., в Л. м. было 5 келий, в которых проживали 5 старцев, 2 бельца, 2 дьячка, пономарь; в 1690 г. — неск. келий, в т. ч. 2 игуменские с сенями, липовая гостиная на подклете с сенями, казенная с чуланами, 4 старые и 7 новых братских келий. В 1836 г., при игум. Никоне, был построен каменный корпус с братской трапезной и кухней, в 1839 г. к Успенской ц. пристроен придельный алтарь. В 1897 г. за оградой Л. м. сооружен кирпичный корпус под школу для 70 мальчиков.

В 3-й четв. XVII в. деревянная ограда обители была заменена каменными крепостными стенами с 3 ярусами бойниц. Монастырские стены (длина зап. стены — 195 м, южной — 260 м, восточной — 235 м, северной — 230 м) образуют в плане неправильный четырехугольник. В описи 1702 г. упомянуты на воротах задней стены 2 «пушечки чугунные». В 40-х гг. XIX в. в юж. стене ограды были построены новые ворота и калитка. Сев.-зап. угол стен после 1763 г. стал частью 2-этажного настоятельского (позднее братского) корпуса. После 1854 г. с юго-зап. стороны монастыря к стене был пристроен новый настоятельский корпус.

С кон. XIX в. монастырский комплекс состоял под охраной Императорской археологической комиссии.

Главными *святеньями* были 2 чудотворных образа Св. Троицы. Малая икона «Пресвятой Троицы в явлении трех ангелов Аврааму», сохранившаяся в пожаре 1764 г., находилась за правым клиросом Успенского храма. Икону, написанную на пальмовой доске, украшала серебряная позолоченная чеканная риза с драгоценными камнями (*Хитров*. 1861. С. 303). На задней стороне имелась надпись: «Сей Живоначальной Троицы образ написан в Москве в 1666 году и отделан был в серебряном позлащенном окладе при игуменном еп. Тамбовского и Шацкого *Ионы (Василевского (Василевского))* и по ходатайству горожан в честь малой иконы были устроены крестные ходы из всех городских церквей в Л. м.: 1-й — в праздник Сошествия

Св. Духа на апостолов, а 2-й — в день пророка Илии (20 июля по ст. ст.). После пожаров в Лебедяни в 1864 и 1872 гг. перед иконой стали служить молебны, и город избавился от пожаров. По ходатайству граждан указом Синода от 6 июля 1883 г. был установлен крестный ход с этой иконой вокруг города в среду 1-й седмицы Петрова поста. После 1917 г. жители Лебедяни и уезда совершали крестные ходы с иконой Св. Троицы в Сезёновский мон-рь и по окрестным селам, по домам. В годы советской власти необходимо было получить соответствующее разрешение в милиции, чтобы совершить любую службу или требы. В архиве сохранились заявления приходов за 1925 и 1926 гг. о разрешении проведения крестных ходов с чудотворной иконой. В сопровождении 2 монахов икона покидала обитель с мая по июль.

Др. икона Св. Троицы, с предстоящими ветхозаветным патриархом Авраамом и Саррой, также почитаемая чудотворной, была большего размера и хранилась в Троицком соборе. Длина иконы — 149 см, ширина — 115 см. Особое прославление и почитание иконы началось в 1831 г., когда после совершения перед ней молебна в Лебедяни прекратилась холера. При игум. Никоне на икону была сделана серебряная риза весом 30 фунтов 66 золотников. В 1847–1848 гг. холера повторилась, но после молебнов прекратилась. В 1849 г., при игум. Сергии, серебряная риза на иконе была вызолочена и украшена серебряными с позолотой венцами со стразами и с камнями.

В Троицком соборе находились неск. икон «греческого письма», подаренных царем Алексеем Михайловичем в 1665 г. и обложенных «чеканным серебром и цветными камнями». Среди них — икона Спасителя на престоле с изображениями 2 ангелов по сторонам, свт. Алексия, митр. Московского, и прп. Алексия, человека Божия, внизу. На иконе имелись серебряные с позолотой венцы, украшенные драгоценными камнями. Икону Успения Пресв. Богородицы «со Спасителем, принявшим Пресвятую Душу, с премирными чинами ангелов и принесением на облаках св. апостолов» украшали 60 серебряных вызолоченных венцов. На иконе Воскресения Христова и сошествия во ад «с вои небесных сил для воскресения мертвых»

имелся серебряный вызолоченный оклад с 88 венцами. Икону «Пресвятые Богородицы, что Тя наречем, о, Благодатная» украшала серебряная вызолоченная риза с венцами, «каменьями и стразами», заказанная в 1839 г. по инициативе троюкуровского старца прп. *Илариона (Фомина)*.

В Л. м. хранились серебряный чеканный крест (1660) с частицами мощей различных святых — вклад схим. Адриана (Десятого) «в Яблонную пустынь, по себе и родителях своих»; серебряный с позолотой и чернью крест с частицами мощей, вложенный лебедянским купцом Карчагиным; деревянный, украшенный серебром крест с надписью: «1740 г. построил сей крест благословенной монах Епифаней Л. Т. М. Я. П.» (*Хитров*. 1861. С. 304).

К 1627 г. в *библиотеке* хранились: напрестольное Евангелие («евангелисты медные позолоченные»), толковое Евангелие, Апостол, 2 Триоди, 2 Псалтири, «Шестоднев», 2 Службника, общая Миня, часовник, «потребник», а также рукописные «Златоуст и пролог». В 1695 г., по преданию, Л. м. посетил царь Петр I со свитой и сделал значительный вклад, в т. ч. подарил Евангелие (М., 1689) весом ок. 2 пудов, богато украшенное «серебряными с позолотой изображениями». В XIX в. среди книг Л. м. самыми древними считались Евангелия 1640, 1657, 1677 и 1681 гг. Особый интерес представлял монастырский синодик, написанный полууставом не позднее 1688 г., при игум. Иосифе III: «Синадик святых соборных и апостольских церкви, сиречь поминание прежде отшедших душ к Богу». Длина книги составляла 30 см, ширина — 20 см, а толщина — 7 см, переплет кожаный, доски дубовые. К кон. XIX в. из книг, пожалованных царем Алексеем Михайловичем, сохранилась только 2-я часть бесед свт. Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея.

Материальное положение. В челобитной 1626 г. упомянуто монастырское дворовое место в остроге. Согласно писцовой книге 1627–1628 гг., Л. м. владел 10 дес. в Романцовском лесу и 10 дес. земли около леса «на животинной выгон и на пазище», пустошами Утренняя Поляна и Терновая Поляна, «а в тех полянах по мере дикого поля шестьдесят чети в поле, а в два потому ж».

В 1630/31 г. царь Михаил Феодорович пожаловал Л. м. «на свечи и на ладон и на всякое монастырское строенье под мельницу и под мельнишной двор» земли на р. Лебедянке. С 1637 до 1663/64 г. Л. м. владел мельницей на р. Девнице, сенокосами и рыбными ловлями в Воронежском у. После 1664 г. вместо отобранной мельницы Л. м. должен был получать «с кабацких доходов» по 60 р. в год. Кроме того, за оградой Л. м. «у передних ворот десять шелашей, поставлены для торговых людей, как бывает съезд из розных городов в Троицен день. Оброк и пошлины емлют в монастырь». Обитель владела дворами в Большом остроге Лебедяни и «на посаде по конец Стрелецкой слободы от острогу». В 1680 г. царь Феодор Алексеевич дал Л. м. жалованную грамоту на земли «за речкою Павловскою дикова поля триста четвертей в поле, а в два потому ж, сена... тысяча двести копен. Да под Павловским лесом... дикова поля триста пятьдесят десятин, да к тому дикому полю сенных покосов на пятьсот копен». В 1690 г. в Л. м. имелись 2 житницы, за оградой — конюшенный двор, 2 кельи с чуланами, 2 конюшни, сарай и проч. службы. В 1702 г. упоминаются ледники, «омшаник», квасоварная палата, пристроенная к колокольне, каменная поварня с каменной кельей, каменная хлебня с деревянными сеньями, гумно, овин, 5 житниц и проч. Мон-рю принадлежали сад, пасека на 115 ульев, конюшенный двор с постройками, где содержались 24 лошади. В обители имелась кузница.

В 1646 г. за Л. м. числились двор, в котором проживала вдова, и 4 избыльских двора. К 1680 г. обители принадлежали и крестьяне, переведенные из патриаршей вотчины *Венева во имя свт. Николая Чудотворца мон-ря*. С вхождением Л. м. в Патриарший дом патриаршие приказчики приобрели многочисленные земельные наделы в Лебедянском и Елецком уездах. Первое приобретение патриархом земли в Лебедянском у. состоялось 1 нояб. 1679 г., незадолго до пожалования Л. м. в Патриарший дом: «...воеводе... Григорию Писареву... велено в Лебедянском уезде в Городцком стану пустошь дикое поле, что межevano лебедянцем дедом боярским Артемью Дорошину с товарищи, и сверх их дачь оста-

нетца, и ту лишнюю землю отме-
рять и отмежевать ему, святейшему
Иоакиму патриарху в вотчину». Мн.
помещики-однодворцы, устав пла-
тить налоги с поросшей бурьяном
земли, меняли поместья на крошеч-
ные наделы из земельного фонда
мон-ря. За «перехожие чети» они
получали деньги.

В кон. XVII в. в с. Павловском име-
лось монастырское подворье с хозяй-
ственными службами, в с. Куймань —
главное подворье и 2 конных завода.
В с. Лубна Л. м. владел скотным дво-
ром и конным заводом, а с 1690 г. —
мельницей на Дону под Лебедяню.
В XVII–XVIII вв. Л. м. управлял
патриаршей вотчиной в Лебедян-
ском у., насчитывавшей 253 двора
с 603 крестьянами муж. и 306 — жен.
пола в селах Куймань, Телепнево,
Лубна, Вешаловка, деревнях Хме-
левка и Крутая.

В 1692–1693 гг. у патриаршей оби-
тели имелось разрешение беспрепят-
ственно пропускать «на Дон с хлеб-
ными запасами на продажу, а об-
ратно с купленными солью и рыбой
работников... домового Троицкого
монастыря». В это время Л. м. при-
надлежали даже собственные стру-
ги. Рядом с Л. м. на ярмарочной пло-
щади имелись монастырские лавки
и амбары, торговали «солью и ры-
бою монастырскою». В 1690 г. цари
Иоанн и Петр Алексеевичи предо-
ставили братии право «брать на Тро-
ецкой ярмонки с конской продажи
пошлину». В 1716 г. Л. м. принадле-
жали уже 2 скотных двора, на к-рых
работали 16 мужчин и 14 женщин.

К 1764 г. Л. м. владел слободой,
2 селами, 3 деревнями, 2 пустошами,
2 водяными мельницами; 15 681 дес.
524 кв. саж. земли, в т. ч. 291 дес.
2220 кв. саж. усадебной, 11 717 дес.
963 кв. саж. пашни, 2087 дес. 706 кв.
саж. сенных покосов, 80 дес. строе-
вого, 900 дес. 2086 кв. саж. дровяно-
го леса.

Материальное положение Л. м.,
подорванное последствиями от по-
жара 1764 г. и лишением собствен-
ности при закрытии, улучшилось
к нач. XIX в. По указу 1797 г. Л. м.
была отдана казенная «водяная мель-
ница о трех поставах с толчеею» на
р. Семенек, 30 дес. пахотной, 30 дес.
сенокосной земли, озера для рыб-
ной ловли Струительное, Перерыв-
ное, Толмачево и Андреевское; все-
го 400 дес. В 1807 г. бывший мона-
стырский крестьянин П. Часовников
и др. уступили обители 10 дес. зем-

ли. К 1840 г., при игум. Никоне, Л. м.
владел 150 дес. земли, в 1845 г. полу-
чил 25 дес. казенного леса, в 1853 г.,
при игум. Сергии, — еще 45 дес. зем-
ли близ дер. Филимоновки Там-
бовского у. В 10 верстах от мон-ря
на 30 дес. земли был устроен хутор
с пчельником из более 200 ульев.
В 1890 г. Л. м. без учета запашки в
селах Сланском и Тютчеве Лебедян-
ского у. принадлежало 199,5 дес. зем-
ли. После оформления 240 дес. зем-
ли, доставшейся мон-рю по завеща-
нию титулярного советника Л. А. Фе-
дотова, общая площадь владений
обители достигла 400 дес. По сведе-
ниям на 1895 г., мон-рь владел так-
же мельницей в дер. Венюковой Ле-
бедянского у. В этом году денежный
капитал Л. м. в процентных бума-
гах составлял 27 040 р., в 1911 г. —
44 983 р. 90 к.

1919–2015 гг. В 1919 г. Л. м. был
официально закрыт, 14 авг. 1922 г.
братия подписала договор аренды
на используемые храмы и построй-
ки. 19 мая 1923 г. здания мон-ря бы-
ли переданы из ведения Губсель-
треста в Отдел по делам музеев при
Наркомпросе. В 1924 г. братия за-
регистрировалась как трудовая об-
щина — сельхозартель. К 1927 г. в
общине под рук. архим. Серапиона
(Мартынова) было 36 насельников.
4 марта 1929 г. на заседании Лебе-
дянского горсовета был заслушан
вопрос «об упразднении» мон-ря.
Все строения переданы Лебедянской
группе совхозов № 30, насельники
изгнаны.

27 дек. 2005 г. решением Синода
Л. м. был восстановлен как женский.
По благословию Липецкого и Елец-
кого еп. *Никона (Васина)* в отремон-
тированном келейном корпусе с до-
мовой ц. в честь Покрова Пресв. Бо-
городицы поселилось 7 сестер во
главе с игуменией. Восстановлен и
6 нояб. 2005 г. освящен Троицкий
собор, рядом с которым, на месте
уничтоженного братского кладби-
ща, воздвигнут скульптурный об-
раз ангела. Ведется реставрация Ус-
пенского и Ильинского храмов, мо-
настырской ограды, строительство
гостиницы. В Л. м. проживают на-
стоятельница игум. Гликерия (Со-
болева) и неск. насельниц.

Арх.: РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 364. Ч. 2. Л. 128
об.; Ф. 210. Стб. 24. Л. 364–367; Стб. 1356.
Л. 605–620; Стб. 1447. Л. 334–337, 365–367,
399–405; Ф. 233. Оп. 1. Кн. 331. Л. 728; Кн. 686.
Л. 144–144 об.; Ф. 235. Оп. 2. Кн. 90. Л. 315–
333 об., 347–368, 362–363 об.; Оп. 2. Кн. 108.
Л. 143; Ф. 236. Оп. 1. Кн. 40. Л. 39; Кн. 45.

Л. 258 об.–259; Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 54.
Л. 4–4 об., 5–6 об., 9 об.– 10, 27 об.– 28,
31 об., 34–34 об., 41–41 об., 49, 52–58, 62–
62 об.; Ф. 280. Оп. 5. Д. 757. Л. 1–129; Оп. 6.
Д. 284. Л. 9 об.; Д. 967. Л. 9 об.; Оп. 20. Д. 34.
Л. 1 об.– 4; Оп. 23. Д. 23. Л. 137–300; Ф. 281.
Оп. 21. Кн. 15174. Л. I–VIII; Ф. 1137. Оп. 1.
Кн. 9. 210 л.; Ф. 1183. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–4;
Д. 54. Л. 1–3; Д. 224. Л. 1 об.; Д. 310. Л. 1–3,
17; Д. 337. Л. 1–3, 97–99, 103; Ф. 1183. Оп. 1.
Ч. 7. Д. 352. Л. 1–3 об.; Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 229.
Л. 292–296; Кн. 230. Л. 3–3 об.; Кн. 1041.
Л. 47 об.; Оп. 1. Ч. 1. Д. 1042. Л. 196; Ф. 1340.
Оп. 2. Д. 1362. Л. 115–116 об.; Ф. 1355. Оп. 1.
Д. 44/1611. Л. 29–30; РГБ. Ф. 214. Д. 325/2.
Л. 103; РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2009. Л. 19–
22; ИИМК РО. Ф. Р–III. Д. 6057. Л. 1 об.–
2 об., 3 об.– 4 об.– 5 об., 6 об., 9 об.– 13; ЦДНИ
ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 334. Л. 61 об., 132; Д. 647.
Л. 237; ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 918; ГА Воронежской обл. Ф. Р–1172. Оп. 1. Д. 564. Л. 4;
ГАЛО. Р–3. Оп. 1. Д. 208. Л. 131; Ф. Р–9.
Оп. 1. Д. 427. Л. 16; Ф. Р–23. Оп. 1. Д. 184.
Л. 306–457, 675–676; Ф. Р–37. Оп. 1. Д. 166.
Л. 141, 171 об.; Ф. Р–37. Оп. 1. Д. 201. Л. 4–5;
Д. 202. Л. 18 об.– 19; Р–443. Оп. 1. Д. 7. Л. 279;
Ф. Р–687. Оп. 1. Д. 118. Л. 79; Ф. Р–1404.
Оп. 1. Д. 1140а. Л. 19; Ф. Р–1542. Оп. 1. Д. 391.
Л. 5 об.– 15; Ф. Р–2210. Оп. 1. Д. 19608.
Л. 1–38; Ф. 122. Оп. 2. Д. 5; ГАТО. Ф. 46.
Оп. 36. Д. 5. Л. 20; Ф. 181. Оп. 1. Д. 484. Л. 1–
47; Д. 2059. Л. 2 об.– 3; Д. 2060. Л. 4 об.– 6,
8 об.– 10; Д. 2065. Л. 158–158 об.; Д. 2115.
Л. 73 об.– 77 об.; Оп. 146. Д. 1. Л. 60.

Ист.: Акты Московского гос-ва. СПб., 1901.
Т. 3: Разрядный приказ: Московский стол,
1660–1664; *Правдин А. М.* Описание указам Св.
Синода, относящимся до Воронежской епар-
хии, хранящимся в Воронежской духовной
консistorии за 1743–1850 гг. Воронеж, 1902.
С. 18; ПСПиР. 1912. Т. 4. С. 184–186; Акты
Сийского мон-ря. Архангельск, 1913. Вып. 1;
Черменский П. Н. Лицевой Синодик XVII в.
Св.-Троицкого мон-ря. Пг., 1915. С. 1–7.
Лит.: ИРИ. Ч. 5. С. 9–10; *Хитрое Г. В., свящ.*
Ист.-стат. описание Тамбовской епархии.
Тамбов, 1861; *Горчаков М. И., свящ.* О земель-
ных владениях Всерос. митрополитов, пат-
риархов и Св. Синода. СПб., 1871; Лебедян-
ский Троицкий мон-рь, заштатный // Справ.
книжка по Тамбовской епархии на 1876 г.
Тамбов, 1876. С. 21–22; *Дубасов И. И.* Очер-
ки из истории Тамбовского края. М., 1883.
Вып. 1. С. 81–82; Изв. Тамбовской УАК. 1887.
Вып. 13. С. 61–62; 1911. Вып. 54. Ч. 1. С. 280–
281; Ч. 2. С. 22, 31; Сб. стат. сведений по Там-
бовской губ. Тамбов, 1891. Т. 17: Частное зем-
левладение Лебедянского у.; *Норцов А. Н.,*
Самоцветов А. И. Осмотр древней Ильинской ц.
Лебедянского муж. монастыря в апр. 1901 г.
Тамбов, 1901; *Чулков В.* Ист. очерк Лебедян-
ского Троицкого мон-ря // Сб.-календарь Там-
бовской губ. на 1903 г. Тамбов, 1903. С. 121–
126; ПриблЦВед. 1906. № 16. С. 926; *Андрю-
евский А. Е., ред.* Ист.-стат. описание Там-
бовской епархии. Тамбов, 1911. С. 807–814;
Черменский П. Н. Город Лебедян и его уезд
в XVII в.: (К 300-летию г. Лебедяни): 1613–
1913. СПб., 1913. С. 68; *он же.* Старинные
храмы г. Лебедяни // ИИАК. 1913. Вып. 50.
С. 143–144; *он же.* Донские вотчины бояр
Романовых // Изв. Тамбовской УАК. 1917.
Вып. 57. С. 43–119; *Сахаров А. Н.* Рус. дерев-
ня XVII в.: По мат-лам Патриаршего хозяй-
ства. М., 1966. С. 39; *Таманов А. И.* Еще раз
о лебедянской вотчине Романовых // Наш
край Тамбовский: Тез. докл. и сообщ. 2-й обл.
краевед. конф. Тамбов, 1991. С. 6–8; *он же.*

Лебедянский Троицкий мон-рь: Проблемы фактологического исслед. // Мон-ри в жизни России: Мат-лы науч. конф. Калуга; Боровск, 1997. С. 57–59; *он же*. О Лебедяни — сельце, городе и уездном центре // Соц. история рос. провинции в контексте модернизации аграрного об-ва в XVIII–XIX вв.: Мат-лы междунар. конф. Тамбов, 2002. С. 244–256; *Бахмутов С. Б.* Православие в Мордовском крае: Ист.-культурологический аспект. Саранск, 2006. С. 64; *Летопись скита во имя св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пуст. / Сост.: мон. Марк (Хомич). М., 2008. Т. 2. С. 26; Запальский Г. М.* Оптина пуст. и ее воспитанники в 1825–1917 гг. М., 2009. С. 179, 302, 362, 363.

А. И. Гамаюнов, А. Ю. Клоков,
А. А. Найдёнов

ЛЕБНА ДЕНГЕЛЬ [Лэбна Дэнгэль; эфиоп. ሌብኔ : ደንገል :] (1496/97 (?) — 2.09.1540, мон-рь Дэбрэ-Дамо), царь *Эфиопии* (с 1 авг. 1508). Вошел в историю под именем, данным ему при крещении и означающим «благовоние (для) Девы (Марии)». Разговорный вариант имени — Этана Дэнгэль (с заменой ключевого слова амхарским при сохранении геэзской синтаксической конструкции) использовался монархом в переписке с королями Португалии Мануэлом I и его сыном Жуаном III. Тронное имя Л. Д. было Давид, 2-е тронное имя или скорее почетное военное прозвище — Анбаса Сагад («Лев склонился»), более известное в разговорной форме — Ванга Сагад (с заменой 1-го слова харарским); вероятно, Л. Д. получил его после блестящей победы над имамом Махфузом ибн Мухаммадом в 1517 г.

Л. Д. правил страной в критический период истории Эфиопского христ. гос-ва, когда под угрозу было поставлено само его существование. Он был возведен на престол в отроческом возрасте после кончины своего отца царя *Наода*. Реальная власть в стране оказалась в руках царицы Елены, бездетной вдовы царя *Зара Якоба*, а также митр. Марка, царицы Наод Могаса, матери Л. Д., и ее фаворита, бехт-вадада (министра двора) Васан Сагада. Мусульманка по происхождению, принявшая христианство, Елена, с одной стороны, была поборницей мирных отношений Эфиопии с султаном Адаль на основе взаимовыгодной торговли, с другой — сознавала неизбежность скорого военного столкновения с приверженцами ислама из-за нарастания османо-португ. противостояния в Красноморском бассейне и выступила инициатором

отправки в 1510 г. посольства во главе с арм. купцом Матфеем в Португалию для заключения военно-политического союза.

Самостоятельное правление Л. Д. можно разделить на 2 этапа. Первый стал периодом наибольшего расцвета средневек. христ. Эфиопии в политическом, экономическом и культурном отношении. Его начало было ознаменовано разгромом войска имама Махфуза, наместника порта Зайла в Аденском зал., совершавшего регулярные набеги на населенные христианами земли, его гибелью и бегством султана Адала Мухаммада ибн Азхар ад-Дина с поля сражения в июле 1517 г. Хотя к этому времени между эфиопами и португальцами не было заключено никакого соглашения, почти тогда же порт Зайла был сожжен португ. флотом. Воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, Л. Д. вторгся в Адаль и разорил его. Во многом под влиянием этих событий мусульмане Африканского Рога стали воспринимать христ. Эфиопию как непримиримого врага. Жестокое подавление восстания в населенной по преимуществу мусульманами обл. Хадия в 1525 г. лишь усугубило ситуацию.

Уверенный в своих силах Л. Д. в апр. 1520 г. холодно встретил португ. посольство во главе с доном Родригу ди Лимой. Сопровождавший его армянин Матфей вскоре скончался, вероятно отравленный противниками курса царицы Елены на сближение с Португалией. Постоянные раздоры между послом и его заместителем Жоржи д'Абреу доходили до открытых вооруженных столкновений. Духовник и историограф миссии Франсишку Алвариш пытался примирить враждовавшие стороны, но не смог кардинально изменить ситуацию. В отношениях с португальцами, прибывшими ко двору в окт. 1520 г., Л. Д. использовал тактику промедления, всеми силами уклоняясь от заключения союза. В апр. 1526 г. посольство отплыло в Индию, не добившись конкретных результатов.

Между тем в Адале после убийства султана Мухаммада (1518) наступил период нестабильности. В нач. 2-й пол. 20-х гг. XVI в. реальная власть перешла к имаму *Ахмаду Ибрахиму аль-Гази* (Граню), взявшему курс на уничтожение христ. царства на Африканском Роге. В 1527 г. эфиоп. войско, вторгшееся в Адаль под предво-

дительством зятя Л. Д. Дагальхана, было разгромлено сторонниками имама. 9 марта 1529 г. в решающем сражении при Шембера Куре мусульмане нанесли сокрушительное поражение превосходившим их в неск. раз силам христиан. С нач. 1531 г. набеги объявившего *джихад* имама Ахмада Граня превратились в систематическое завоевание Эфиопского царства: под его натиском Л. Д. скитался по стране, тщетно пытаясь организовать сопротивление; за 4 года он потерял вслед за Шоа, Дамотом, Ваджем, Амхарой и Дамбией все юж. и центральные области своего гос-ва. Падение Аксума в 1535 г. означало переход под власть мусульман северо-востока Эфиопии. Тогда Л. Д. отправил к португ. королю посольство во главе с Ж. *Бермудешем* с просьбой о помощи (вернулся уже после смерти Л. Д.). Лишившись всех войск, Л. Д. укрылся в труднодоступных горных районах на севере страны. Его подданные толпами переходили в ислам. Христианству в Эфиопии грозило исчезновение, как в соседней *Нубии*. В этом отчаянном положении Л. Д. проявил твердость и ответил решительным отказом имаму Ахмаду, который посватался к его дочери, стремясь стать легитимным преемником христ. царя в соответствии с традициями народов, населявших Африканский Рог. Тогда Грань усилил давление на Л. Д.: весной 1539 г. был убит его старший сын и наследник Виктор и взят в плен 3-й по старшинству сын Мина (Минас), к-рого собирались женить на дочери имама, но в конце концов отправили в качестве почетного пленника к османскому паше в йеменский г. Забид. Эти потрясения ускорили кончину Л. Д. Ему наследовал *Галадевос* (Клавдий), 2-й сын от его единственной жены Сабла Вангель.

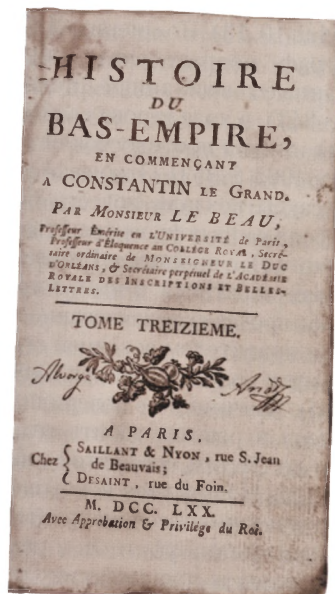
В эфиопской церковной традиции сложилось двойственное отношение к Л. Д.: с одной стороны, его рассматривали как благочестивого царя, наделенного даром пророчества (ему, в частности, приписывали пророчество о грядущем нашествии племен оромо), с другой — воспринимали мусульм. завоевание Эфиопии как Божию кару за гордыню Л. Д. Ист.: *Conti Rossini C.* Storia di Lebna Dengel re d'Etiofia sino alle primo lotto contro Ahmad Ben Ibrahim // RRAL. Ser. 5. 1894. Vol. 3. P. 617–640 (рус. пер.: *Тураев Б. А.* Абиссинские хроники XIV–XVI вв. / Пер. с эфиоп. под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1936.

С. 119–124); Die Geschichte des Lebna-Dengel, Claudius und Minas / Hrsrg. M. Kropp. Lovanii, 1988. 2 Bde. (CSCO; 503–504. Aethiop; 83–84); Basset R. Études sur l'histoire d'Éthiopie: 1re partie // J. Asiatique. Ser. 7. P., 1881. T. 17. P. 327–332.

Лит.: *Tekle-Tsadiq Mekouria*. Les noms propres, les noms de baptême et l'étude généalogique des rois d'Éthiopie (XIII–XXe siècles) à travers leurs noms patronymiques. Belgrade, 1968. P. 110, 160–161; *Taddesse Tamrat*. Church and State in Ethiopia, 1270–1527. Oxf., 1972. P. 266, 276, 289, 295, 296; *Чернецов С. Б.* Эфиопская феод. монархия в XIII–XVI вв. М., 1982. С. 178–223; *он же.* Эфиопия в первые шестнадцать веков нашей эры. СПб., 2004. С. 155–186; *Kleiner M.* Ləbnā Dəngəl // EncAeth. 2007. Vol. 3. P. 535–537.

С. А. Французов

ЛЕБО [франц. Le Beau] Шарль (18.10.1701, Париж – 13.03.1778, там же), франц. ученый, историк, филолог, писатель, поэт. Получил образование в парижских коллежах св. Варвары и Плесси-Сорбонна; в послед-

Заглавный лист
из книги Ш. Лебо
«Histoire du Bas-Empire,
en commençant
à Constantin le Grand».
(P., 1770)

нем коллеже служил преподавателем. В 1736 г. стал профессором риторики в коллеже Грассен. С 1748 г. член Академии надписей и изящной словесности, с 1752 г. профессор латыни в Королевском коллеже (ныне Коллеж-де-Франс), с 1755 г. постоянный секретарь Академии надписей, главный редактор 15 томов «Истории академии» (Histoire de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres, avec les mémoires de littérature. P., 1759–1777. Т. 25–39).

Основной сферой научных интересов Л. была история и культура Византии. Л. стал автором 1-го в истории науки обобщающего труда по византийской истории – «История поздней империи, начинающейся от Константина Великого» (Histoire du Bas-Empire, en commençant à Constantin le Grand), которая была издана в 22 томах в 1757–1779 гг. как продолжение «Римской истории» (Histoire Romaine) Ш. Роллена и «Истории императоров» (Histoire des empereurs) Ж.-Б. Л. Кревье. История Л. содержала подробное изложение хода политических событий, известных в то время, характеризующих развитие византийского государства и Церкви. Кроме того, в книге большое внимание уделено анализу экономических и социальных отношений в Византии, положению городов, развитию ремесел, торговли, налоговой политике императоров. Изучая историю Византии на уровне развития науки своего времени и испытав сильное влияние идей эпохи Просвещения, Л. был склонен чрезмерно критически относиться к Византии, отмечая искажение античных традиций государственности и права. Л. воспринимал визант. гос-во как образец деспотизма, коррупции, осуждал поддержку монашества и увлечение визант. императоров и элиты богословием. При этом Л. преувеличивал роль гос-ва и личных качеств, достоинств и недостатков императоров в развитии всей страны. Несмотря на методологические недостатки, труд Л. сохранял значительное влияние на научные исследования в кон. XVIII–XIX в., служил справочным пособием. После смерти Л. «История поздней империи...» была завершена Ю. П. Амелюном, к-рый в 1781–1811 гг. написал еще 5 томов, закончив повествование падением К-поля.

Соч.: Histoire du Bas-Empire, en commençant à Constantin le Grand. P., 1757–1781. Vol. 1–21; 1781–1811. Vol. 22–27 / Ed. H.-P. Ameilhon; Opera latina. P., 1782–1783. 3 vol.; Parallèle curieux des fables en vers latins de M. Lebeau avec La Fontaine, et tous les poètes latins qui ont traité les mêmes fables. P., 1785.

Лит.: *Курбатов Г. Л.* История Византии: Историография. Л., 1975. С. 39–40; *Острогорский Г. А.* История Визант. государства. М., 2011. С. 34–35.

ЛЕБУИН [лат. Lebuinus, Livinus] († ок. 775, Девентер, Фризия (совр. пров. Оверэйссел, Нидерланды)), св. (пам. зап. 12 нояб.), англосакс. миссионер, проповедник.

Источники. Самые ранние упоминания о миссии Л. сохранились в Житии св. Лиудгера, составленном Мюнстерским еп. Альтфридом (839–849) (VHL, N 4937). В сер. IX в. было создано краткое Древнее Житие Л., сохранившееся в 8 рукописях XV в. и впервые опубликованное нидерланд. ученым М. Я. А. Молцером (VHL, N 4810b; *Moltzer*. 1909. S. 221–235; MGH. SS. Т. 30. P. 791–795). Датировка Древнего Жития была предметом дискуссии. По мнению Молцера, оно было составлено между 786 и 849 гг., позже появления Жития св. Григория, еп. Утрехтского (VHL, N 3680), но до создания Жития св. Лиудгера. Однако др. исследователи доказали, что при написании Древнего Жития использовалось Житие св. Лиудгера. Т. о., текст был создан после 839 г., когда Альтфрид был возведен на епископскую кафедру, но до кончины *Хуквальда* из Сент-Аманда († 930), автора 2-го Жития Л. (VHL, N 4812). По одной из версий, Древнее Житие было написано после разграбления норманнами в 882 г. Девентера, где покоились мощи святого (см.: *Levison*. 1912. S. 287–288; *Lintzel*. 1931. S. 87; *Kronshage*. 1964. S. 8–9). А. Хофмайстер предположил, что оно было составлено между 840 и 864 гг., т. к., по мнению исследователя, Древнее Житие Л. использовал автор 2-го Жития св. Лиудгера, созданного между 855 и 864 гг. в аббатстве Верден (VHL, N 4939–4943; см.: MGH. SS. Т. 30. Pars 2. P. 790; *Hauck*. Die Herkunft. 1964. S. 221–239; *Löwe*. 1965. S. 355–358). Этой т. зр. придерживаются совр. исследователи (напр.: *Otten*. 2006. S. 13–16). Местом составления Древнего Жития считали Девентер (*Levison*. 1912. S. 288) или Утрехт (*Kronshage*. 1964. S. 13–14), но более вероятно, что текст был написан в Вердене (MGH. SS. Т. 30. Pars 2. P. 790; *Drogereit*. 1951. S. 61–62; *Löwe*. 1965. S. 360). Среди источников Древнего Жития были не только агиографические сочинения (Жития Григория Утрехтского и Лиудгера), но и устные сказания, напр. о путешествии Л. к саксам (см.: *Eis*. 1936. S. 42–57; *Genzmer*. 1951. S. 161–171; *Hauck*. Die Herkunft. 1964. S. 743–745), а также «Церковная история народа англо-в» Беды Достопочтенного.

До нач. XX в. основным источником сведений о жизни Л. считалось 2-е Житие святого, составленное между 918 и 930 гг. мон. Хуквальдом из

Сент-Аманда и посвященное Утрехтскому еп. Бальдеру (918–975). Хукбальд опирался гл. обр. на Древнее Житие, текст которого агиограф получил из аббатства Верден (*Löwe*. 1965. S. 362; о датировке см.: *Kronshage*. 1964. S. 20). В распоряжении Хукбальда были сочинения Утрехтского еп. Радбода (899–917), прежде всего Эклога в честь Л. (BHL, N 4811; MGH. Poet. T. 4. Fasc. 1. P. 169–172; рус. пер.: *Радбод Утрехтский*. 2012. С. 393–394) и гомилия в день памяти святого (BHL, N 4814; PL. 132. Col. 553–558). Дополнительными источниками стали Житие св. Виллиброрда, составленное Алкуином, краткая редакция Лоршских анналов, «Большая Хроника» Беды Достопочтенного и др. (*Löwe*. 1965. S. 348–350).

В классическое средневековье агиографические сказания о Л. почти не создавались. О миссии Л. повествуется в стихотворном переложении Жития св. Лиудгера, выполненном неизвестным монахом из Вердена в 1-й пол. XII в. (BHL, N 4944). К XV в. относится Житие Л., автор к-рого был последователем *Devotio moderna* (*Coens*. 1915/1916. P. 306–330), а также неск. нидерланд. переводов Древнего Жития (см.: *Otten*. 2006. S. 19).

Среди адресатов письма св. Бонифация, датированного 746 или 747 г., назван некий еп. Леофвине (*Leofuine* соепископи — *Die Briefe des hl. Bonifatius und Lullus* / Hrsg. M. Tangl. B., 1916. S. 147). По-видимому, Леофвине не следует отождествлять с Л., т. к. святой не был епископом (*Lintzel*. 1931. S. 77).

Житие. Л. происходил из Англии, получил там образование и был рукоположен во пресвитера. Ему неоднократно являлся Господь с повелением отправиться на берега р. Эйссел, вдоль к-рой проходила граница Франкского гос-ва и саксон. земель, и проповедовать местным жителям. Последовав этому указанию, Л. прибыл в Утрехт и попросил аббата Григория, воспитанника св. Бонифация, дать ему спутника. Вместе с мон. Мархельмом, учеником св. Виллиброрда, Л. поселился у вдовы Абархильды, жившей на восточном берегу Эйссела. Вскоре местные жители построили ораторий (небольшую церковь) в местности Вилп (по-видимому, там находился почитавшийся язычниками источник — *Otten*. 2006. S. 50–52), а в посл.— церковь

и жилище (*ecclesiam et mansionem*) для проповедника в неск. километрах ниже по течению реки. На этом месте возникло сел. Девентер.

Согласно Древнему Житию, деятельность Л. была частью миссионерского движения, связавшего Британские о-ва с герм. землями в кон. VII–VIII в. Англосакс. проповедники, язык к-рых был близок к языку континентальных герм. племен (фризов, саксов, тюрингов и др.), проводили христианизацию зарейнских земель при поддержке франк. правителей и Папского престола. По договорам саксов с *Питином Коротким* проповедникам гарантировалась безопасность, обеспеченная заложниками. Важнейшим среди миссионерских центров был Утрехт, расположенный на границе Франкского гос-ва; находившаяся здесь епископская кафедра ко времени прибытия Л. была вакантна, поэтому диоцезом управлял аббат Григорий. Область, в к-рую он послал Л., формально подчинялась франкам, но христиан среди местного населения было немного. Эти земли подвергались набегам язычников-саксов, к-рые сожгли церковь в Девентере и принудили христиан во главе с Л. бежать в Утрехт.

После нападения саксов Л. вернулся в Девентер, восстановил церковь и продолжил миссию среди фризов и саксов. В числе знатных германцев, друзей миссионера (*amicos et familiares ex nobilissimis*), был Фолькберт (Фолькбрахт), богатый человек из пага Судерго (близ Мюнстера; см.: *Wood*. 2001. P. 115). Возможно, именно он заключил со св. Лиудгером сделку, передав ему земли в Видуберге (14 февр. 799); вполс. Лиудгер основал близости аббатство Верден (*Urkundenbuch für die Geschichte des Niederrheins*. Düsseldorf, 1840. Bd. 1. N 12–13; *Hofmeister*. 1916. S. 104). По-видимому, в Вердене сохранялись предания о миссии Л., к-рые были использованы составителем Древнего Жития (*Löwe*. 1965. S. 360).

При помощи Фолькберта Л. совершил поездку в Саксонию. Хелько, сын Фолькберта, должен был отправиться вместе с др. юношами на племенное собрание саксов, ежегодно проходившее в Маркло, на берегу р. Везер. В разговоре с сыном Фолькберт выразил опасение за жизнь миссионера, пожелавшего сопровождать его (саксы враждебно относились к христ. проповедникам, пользовав-

шимся поддержкой франков). Беседа была прервана шумом, к-рый доносился со двора: на Л., пришедшего навестить Фолькберта, набросились сторожевые псы. Хелько поспешил на помощь миссионеру и отогнал собак, но Фолькберт, вероятно, счел случившееся дурным предзнаменованием и попытался отговорить святого от поездки к саксам. Л. ответил, что намерен отправиться к язычникам по воле Господа и надеется на Его помощь (ср.: Ин 8. 29). Согласно Древнему Житию, в племенном собрании участвовали правители пагов, к-рых агиограф вслед за Бедой Достопочтенным называл сатрапами (*Beda*. *Hist. eccl.* V 10), а также 12 знатных, 12 свободных и 12 ограниченно свободных (литов) представителей каждого пага. Однако Хукбальд утверждал, что собрание состояло из простолюдинов (*populares* — *Hucbaldus*. *Vita sancti Lebwinii*. 10, 13). По мнению Х. Лёве, агиограф подразумевал события, связанные с восстанием Стеллинга (841–843), в ходе к-рого свободные саксы и литы противостояли знати (*Löwe*. 1965. S. 352). Открывая собрание, саксы воздали почести богам, испросив у них покровительство. После этого Л. с крестом и Евангелием в руках обратился к ним с проповедью, предсказав завоевание Саксонии правителем соседней страны (в Житии подразумевается *Карл Великий*). Язычники не поверили миссионеру и решили забить его палками до смерти, но святой внезапно исчез. По призыву некоего сакса Буто участники собрания пожалели о намерении убить Л. и решили не причинять проповеднику вреда. Вскоре после возвращения из Саксонии Л. скончался (предположительно 12 нояб. 773; см.: *Angenendt*. 2005. S. 91). Вполс. во время нападения саксов церковь в Девентере сгорела, мощи святого были утрачены (они «скрылись» от язычников); по словам Альтфрида, их поиски длились 3 дня, но не завершились успехом. Вероятно, разорение Девентера было связано с начальным этапом Саксонских войн Карла Великого.

Почитание Л. первоначально было связано с областью его миссионерской деятельности на р. Эйссел, позднее — с аббатством Верден. Альфрид в Житии св. Лиудгера сообщает о восстановлении церкви в Девентере, разрушенной саксами, и об обретении мощей Л. Еп. Альберик

ц. во имя Л. (XII в., перестроена в XVI в.), возведенная на месте 1-го оратория, который постро-

Церковь св. Лебуина
в Девентере.
Гравюра. 1790 г.

ил святой. В средние века почитание Л. получило распространение в соседних регионах; поминовение святого совершалось в нек-рых церквях и мона-

рях Фландрии, напр. в аббатстве св. Бавона в Генте (*Coens, Straeten*. 1966. P. 157).

Л. нередко путали с мч. Ливиниом, ирл. монахом, просветителем Фландрии. Поминовение обоих святых совершалось 12 нояб. (см.: *Coens*. 1952. P. 285–305; *Kronshage*. 1964. S. 1). Л. изображается в далматике или казуле с раскрытым Евангелием и крестом в руках.

Ист.: BHL, N 4810b–4814b, 4937–4949; Vita Lebuini antiqua / Ed. A. Hofmeister // MGH. SS. T. 30. Pars 2. P. 789–795; *Huchaldus*. Vita S. Leuwini // PL. 132. Col. 877–894; *Altfriid* Vita Liudgeri / Ed. W. Diekamp // Geschichtsquellen des Bistums Münster. Münster, 1881. Bd. 4. S. 3–53; *Egloga ecclesiastica Ratbodi...* de virtutibus beati Lebuini // MGH. Poet. T. 4. Pars 1. P. 169–172; *Radbod Утрехтский*. Эклога о св. Лебуине / Пер.: М. П. Ненарокова // *Ненарокова М. П.* Каролингская эклога: теория и история жанра. М., 2012. С. 393–394; *Homilia S. Radbodi* de S. Leuwino // PL. 132. Col. 553–558.

Лит.: *Monté ver Loren J. Ph., de*. Lebuinus en zijne stichting te Deventer gedurende den eersten tijd van haar bestaan. Zwolle, 1885; *Moltzer M. J. A.* De oudste Levensbeschrijving van Lebuinus // Nederlandsch archief voor kerkgeschiedenis. 's-Gravenhage, 1909. Vol. 6. S. 221–235; *Levison W.* Eine neue Vita Lebuini // NA. 1912. Bd. 37. S. 286–289; *Coens M.* Vie de S. Lebuin // AnBoll. 1915/1916. T. 34/35. P. 306–330; *idem*. L'auteur de la Passio Livini s'est-il inspiré de la Vita Lebuini? // Ibid. 1952. T. 70. P. 285–305; *Schmidt L.* Zur Stammesverfassung der Sachsen // Korrespondenzblatt des Gesamtvereins der deutsche Geschichts- und Altertumsvereine. B., 1916. Bd. 64. N 9/10. S. 236–237; *Hofmeister A.* Über die älteste Vita Lebuini und die Stammesverfassung der Sachsen // Geschichtliche Studien: A. Hauk zum 70. Geburtstag. Lpz., 1916. S. 85–107; *idem*. Die Jahresversammlung der alten Sachsen zu Marklo // Hist. Zschr. 1917. Bd. 118. S. 189–221; *Pollman D.* Chronique // RHE. 1928. T. 24. P. 287; *Lintzel M.* Untersuchungen zur Geschichte der alten Sachsen. 8: Die Vita Lebuini antiqua // Sachsen und Anhalt. Magdeburg, 1931. Bd. 7. S. 76–108 (= *Lintzel M.* Ausgewählte Schriften. B., 1961. Bd. 1. S. 235–262); *Schmidt K. D.* «Nuntius Dei» in der Germanenmission // ZKG. 1936. Bd. 55. S. 437–444; *Eis G.* Drei deutsche Gedichte des 8. Jh. aus Legenden erschlossen. B., 1936. S. 42–57; *Genzmer F.* Liobwins Dingfahrt // Germanisch-

Romanische Monatsschrift. Hdb., 1951. Bd. 31. S. 161–171; *Drogereit R.* Werden und der Heliand. Essen, 1951; *Genzmer F.* Vier altdeutsche Heldenlieder. Darmstadt, 1953; *Hömberg A. K.* Westfalen und das sächsische Herzogtum. Münster, 1963; *Kronshage W.* Die Entstehung der Vita Lebuini // Niedersächsisches Jb. f. Landesgeschichte. 1964. Bd. 36. S. 1–27; *Hauck K.* Die Herkunft der Liudger-, Lebuin- und Marklo-Überlieferung: Ein brieflicher Vorbericht // FS f. J. Trier. Graz, 1964. S. 221–239; *idem*. Ein Utrechter Missionar auf der altsächsischen Stammesversammlung // Das erste Jahrtausend, Kultur und Kunst im werdenden Abendland an Rhein und Ruhr. Düsseldorf, 1964. Bd. 2. S. 734–745; *Löwe H.* Entstehungszeit und Quellenwert der «Vita Lebuini» // DA. 1965. Bd. 21. S. 345–370; *Coens M., Straeten J., van der*. Un martyrologe de XIIe siècle à l'usage de Saint-Bavon de Gand // AnBoll. 1966. T. 84. P. 129–160; *Fritze W.* Zur Entstehungsgeschichte des Bistums Utrecht: Franken und Friesen (690–734) // Rheinische Vierteljahrsblätter. Bonn, 1971. Bd. 35. S. 107–151; *Grosse R.* Das Bistum Utrecht und seine Bischöfe im 10. und frühen 11. Jh. Köln; W., 1987; *Toorians L.* De Marklo-passage uit de Vita Lebuini antiqua // Dreimaandelijke Bladen. Uithuizen, 1987. Vol. 39. S. 26–48; *idem*. Communiceren met een heiligenleven: Lebuinus en de lezer // Madoc. Hilversum, 2012. Vol. 26. S. 241–250; *Wood I.* The Missionary Life: Saints and Evangelization of Europe, 400–1050. N. Y., 2001; *Angenendt A.* Liudger: Missionar – Abt – Bischof im frühen Mittelalter. Münster, 2005; *Otten D.* Lebuinus, een gedreven missionaris. Hilversum, 2006; *idem*. Terug naar de ware Lebuinus: Hoe de evangelisator van Saksenland vanaf de IX eeuw werd beschreven, vereerd en miskend. Deventer, 2010.

Г. И. Борисов

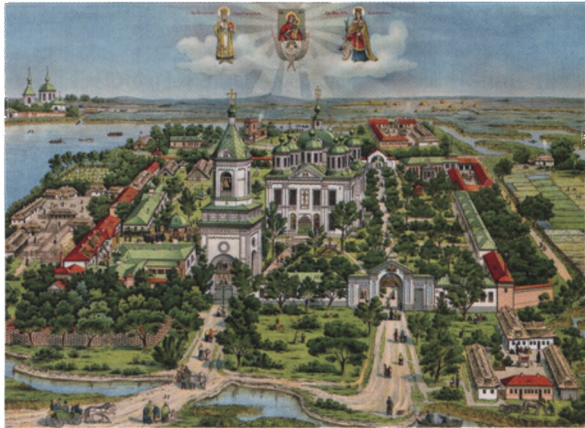
ЛЕБЯЖСКИЙ ВО ИМЯ СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

(Лебяжская Черноморская Екатерино-Николаевская пуст.) (Ейской и Тимашевской епархии), находится в пос. Лебяжий Остров Брюховецкого р-на Краснодарского края.

1794–1918 гг. Основан в 1794 г. как общежительная Черноморская Екатерино-Лебяжская Николаевская пуст. 24 апр. 1794 г. руководством Черноморского казачьего войска отпустило еп. Феодосийскому и Мариупольскому *Иову (Потёмкину)* письмо для предоставления в Синод, в к-ром просило поддержать их намерение устроить небольшую пустынь «на войсковой земле ради престарелых и раненых и изувеченных сего войска старшин и казаков». Уже 24 июля 1794 г. именным указом имп. Екатерины II разрешила казакам «в избранном ими месте устроить монашескую пустынь» по подобию «состоящей на своем содержании» *Саровской в честь Успения Пресв. Богородицы пуст. (Дмитренко*. 1898. Т. 2. С. 774). Новую обитель

решили построить на 2 небольших полуостровах Лебяжьего лимана, куда впадали реки Бейсуг и Бейсужек.

7 авг. 1794 г. Синод, отправляя указ императрицы, предписал еп. Феодосийскому Иову (Потёмкину)

Лебяжский во имя свт. Николая Чудотворца мон-рь. Литография. Нач. XX в.

возвести в Л. м. храм с колокольной, трапезную, кельи на 30 монашествующих и 10 «больничных». Первым настоятелем по рекомендации Киевского митр. *Гавриила (Банулеску-Бодони)* казачья рада избрала иером. Феофана, бывш. начальника *Самарского Пустынного во имя свт. Николая Чудотворца монастыря* Екатеринославской епархии. 24 нояб. 1795 г. он был возведен в сан архимандрита и в нач. 1796 г. вместе с самарскими иером. Иосифом и иеродиак. Галактионом прибыл в обитель. Вскоре в Л. м. поселились и 20 послушников, направленных из Черноморского казачьего войска. 17 сент. 1798 г. войсковой атаман Т. Т. Котляревский обратился в Синод с ходатайством о разрешении принимать постриг престарелым и находящимся при смерти послушникам-казакам. В др. ходатайстве атаман просил передать Л. м. ризницу и б-ку упраздненного Межигорского в честь Преображения Господня (свт. Николая Чудотворца) мон-ря, поскольку новая обитель нуждалась в церковной утвари и богослужебных книгах. Обе просьбы были удовлетворены. В 1801 г., когда архим. Феофан «по старости» вернулся в Самарско-Николаевскую пуст., настоятелем Л. м. был назначен, но не признан войсковым начальством архим. Дионисий (Деляграммат). С 1802 г. Л. м. возглавлял бывш. игумен *Клопского Михайловского во имя Св. Троицы монастыря* архим. Товия (Трубачевский), выходец из казачьей семьи, при котором

в обители началось каменное строительство.

Братия. В 1801 г. в Л. м. проживали 2 иеромонаха, 3 иеродиакона, 2 монаха и 10 послушников, в 1812 г.— 10 иеромонахов, 6 иеродиакон, 14 монахов, в 1840 г.— 9 иеромонахов, иеродиакон, 13 монахов и 26 послушников. В 1842 г. штат Л. м. должен был включать настоятеля, казначея, 10 иеромонахов, 24

послушника, а также 16 казаков, помогавших по хозяйству. В 1870 г. в Л. м. проживали 6 иеромонахов, 4 иеродиакона, 7 монахов, 10 послушников, в 1908 г.— ок. 40 монашествующих и ок. 70 послушников.

12 мая 1805 г. Л. м. посетил игум. прп. *Назарий (Кондратьев)*. В 20-х гг. XIX в., с началом Греческого национально-освободительного восстания (1821–1829), в мон-ре проживал настоятель афонского *Илии Пророка муж. скита* иером. Парфений с братией, тайно вывезший в Россию частицу Древа Креста Господня, частицы мощей, книги и церковное имущество.

В 1874 г. Кавказский еп. *Герман (Осецкий)* направил в Л. м. «для изучения монашеских правил» крестьянина И. Трубина и мещанина И. Безверхова, к-рые собирались устроить в долине р. Фарс, на горе Физиабго, небольшую обитель (см. *Закубанская Афонская во имя арх. Михаила муж. пустынь*). Во 2-й пол. XIX в. в Л. м. подвизался старец Кирилл (Балюк; † 1881), бывш. хорунжий Черноморского войска. 4 нояб. 1872 г. он был пострижен в мантию, 2 июня 1874 г. рукоположен во диакона, нес послушание на монастырской пасеке, пел на клиросе, запомнился братии «редким терпением в житейских невзгодах и лишениях, младенческим незлобием и непоколебимую твердостью веры» (Кавказские ЕВ. 1882. № 4. С. 127–131). Среди др. подвижников известны схим. Иезекииль и духовник братии иером. Иона, которого Синод награждал золотым наперсным крестом.

По свидетельству архим. Самуила, «пустынь долго отличалась хороши-

ми монахами, пока не было в их числе изгоняемых из разных великороссийских монастырей. От таких пришельцев немало развивалось слабостей нравственных, а иногда и самых жалких поступков. В 1840 году начали было изгонять таких, но уже было нелегко исправить и своих». 22 июня 1859 г. из Тамани свт. Игнатий (Брянчанинов) писал: «Во многих обителях совершенно потеряна нравственность. Говорю так, имея под глазами самое печальное зрелище — Черноморскую пустыню, монастырь с весьма значительными средствами, расположенный на весьма уединенном месте» (*Игнатий (Брянчанинов), свт.* Письмо еп. Леониду (Краснопевкову) // *Он же.* Полн. собр. творений. М., 2007. Т. 7. С. 124).

По причине внутренних нестроений Л. м. иногда оставался без настоятеля. Так, в 1860 г. из-за интриг архим. Никон (Конобеевский) был переведен настоятелем *Балаклавского во имя вмч. Георгия Победоносца мон-ря*, и Л. м. оставался под временным управлением прот. Д. И. Гремяченского. В окт. 1860 — апр. 1861 г. Кавказский и Черноморский еп. Игнатий (Брянчанинов) настойчиво просил своих духовных учеников черемнецкого игум. Антония (Бочкова) и архим. *Иннокентия (Немирова)* возглавить Л. м., чтобы «доставить обители такого настоятеля, в каком она нуждалась». Но и тот и другой отказались (см. подробнее: Письма преосв. *Игнатия (Брянчанинова)*, еп. Черноморского, и *Антония (Бочкова)*, игум. Черемнецкого // *ЧОИДР.* 1875. Кн. 2. Смесь. С. 63–102).

Указом Синода от 25 дек. 1907 г. в Ставропольской епархии было учреждено Ейское викариатство; еп. Ейскому Иоанну (Левицкому) поручалось управление пустынью на правах настоятеля (без права получения части от доходов пустыни). Но в апр. 1912 г. преосв. Иоанн был освобожден от обязанностей настоятеля. С 1912 г. Л. м. возглавлял игум. Дорфей (Анищенко), вероятно последний перед закрытием настоятель обители. Одновременно он являлся благочинным епархиальных мон-рей.

Благодетельная, просветительская и хозяйственная деятельность. Уже в 1795 г. при Л. м. была открыта 1-я на Кубани школа для мальчиков из казачьих семей,

проживавших в ближайших хуторах. Кроме обычных для того времени школьных предметов преподавали и специальные науки. В 1809 г. ген.-губернатор Новороссии герц. Э. О. де Ришельё с согласия Мин-ва внутренних дел командировал в школу «специалиста крымских виноградных садов» Андрея Шелимова для обучения искусству виноградарского дела. Особую заботу о монастырской школе проявлял Кавказский и Черноморский еп. *Иеремия (Соловьёв)*. 9 окт. 1898 г. в обители был открыт приют для 20 сирот, которые содержались за монастырский счет. Кроме того, имелись 12 монастырских стипендиатов при Кубанском исправительном приюте, за к-рых пустынь выплачивала в год 480 р.

В 1842 г. в Л. м. была устроена богадельня на 30 чел. «для призрения отягощенных старостью убогих, бесприютных и лишенных сил к пропитанию». Согласно правилам, «на поступление в богадельни имели преимущественное право раненые, калеки из чиновников и казаков, не имеющие ни собственных средств к пропитанию, ни родственников... Призреваемые в богоугодных заведениях довольствуются пищею и снабжаются одеждою, обувью и прочими потребностями на счет войсковых сумм» (Из положения. 2001. С. 45). По инициативе архим. Самуила на средства старшины Кубанского войска Д. Ф. Герко в Л. м. был построен больничный корпус на 20 чел. с теплой ц. во имя вмц. Екатерины (освящена 12 сент. 1876 настоятелем). В храме ежедневно совершалась ранняя заукояная литургия, а затем в течение дня читалась неусыпаемая Псалтирь. Лекарства приобретали на средства обители; имелась особая кружка для пожертвований, опечатаваемая уполномоченным лицом от пустыни; пациенты без документов могли находиться в больнице не более 2 суток; монастырь брал на себя все расходы по погребению скончавшихся. В больницу не принимали женщин, «бесноватых и умалишенных», а также «сбившихся с рассудка от пьянства», однако при острой необходимости страждущим выдавали лекарства.

Л. м. содержался исключительно на средства Черноморского казачьего войска, к-рое предоставило в распоряжение братии земли для скотоводства, а также участок в 10 тыс. дес.

рядом с мон-рем. Насельникам были пожалованы права на рыбную ловлю на косе Азовского м., переданы 2 лимана в ст-це Бриньковской и около обители. Братия пользовалась водяными мельницами, подаренными благотворителями: ген. Котляревским — в ст-це Переясловской, на р. Бейсут; атаманом войска ген.-майором З. А. Чепигой — на р. Бейсужек; войсковым атаманом ген.-майором Ф. Я. Бурсаком — в ст-це Староминской, на р. Сосыке.

Хозяйство пустыни пополнялось и за счет имущества казаков, принимавших монашество. Их скот и недвижимость поступали в распоряжение монастырской казны. Часто и после пострига казаки продолжали заниматься пчеловодством, овцеводством, коневодством, селекционной работой, выводили новые породы скота, что давало немалый доход казне пустыни. Войсковое начальство ежегодно назначало 16 казаков для помощи в ведении монастырского хозяйства. К сер. XIX в. во владении пустыни находилось более 10 тыс. дес. удобной и неудобной земли, в т. ч. огороды, пашни, 11 фруктовых садов, 5 виноградников, 3 мельницы, 2 рыбных завода и мастерские.

В июне 1857 г. войсковое правительство согласно статье «Положения о межевании» (1847) отвало мон-рю 30 дес. земли, хотя статья допускала выделение обителям земель от 100 до 150 дес. Архим. Никон (Коновеевский), ссылаясь на указ имп. Екатерины II, к-рая предписала содержать Л. м. за счет Черноморского войска, сетовал, что войсковое правительство, не выделявшее ежегодных сумм на содержание обители, лишало ее и земель, необходимых для существования братии: из 150 дес. земли за обителью оставили лишь 30 дес. Настоятель писал, что мон-рь, лишенный сенокосных, скотоводческих и хлебопашных угодий, не сможет прокормить положенные по штату 42 чел.

В 1799 г. войсковое начальство приняло решение о назначении в Л. м. эконома — представителя от казачества, к-рый контролировал бы монастырскую хозяйственную деятельность. Первым экономом 23 сент. того же года был назначен капитан Ерко. В февр. 1832 г. наказной атаман Н. С. Заводовский, обнаружив постройку Л. м. в обветшавшем состоянии, решил учредить в пустыни

комитет по управлению хозяйством и строительством, в к-рый вошли как представители обители, так и войсковые чиновники. 1 сент. того же года по благословению архиеп. Новочеркасского и Георгиевского *Афанасия (Телятева)* комитет пустыни был открыт. Т. о., архимандрит Л. м. оказался в двойном подчинении — войскового правительства и консистории, что приводило к конфликтам и частой смене настоятелей. В 1849 г. Кавказский и Черноморский еп. Иеремия (Соловьёв) обнаружил, что подобное «двойное подчинение» не соответствует общему положению по управлению монастырями Российской империи и «стесняет» права настоятеля. Архиерей безуспешно предлагал упразднить комитет по управлению хозяйством. Однако войсковой атаман Рашипил воспрепятствовал его намерению. Кавказскому еп. *Иоанникию (Образцову)* также не удалось пресечь деятельность комитета. В 1856 г. архим. Никон (Коновеевский) и в 1863 г. архим. Доримедонт (Сичкарёв) жаловались на чрезмерное вмешательство войскового начальства в управление экономикой пустыни. В ответ на жалобы по поручению атамана Ф. Н. Сумарокова-Эльстона войсковой старшина Зозулевский проинспектировал Л. м. и сообщил: комитет, «существуя в том составе и при тех условиях, в каком он ныне находится, не только бесполезен, но неминуемо приведет монастырское хозяйство к окончательному разорению» (*Кляшко*. 1910. С. 227). Дело, однако, кончилось тем, что архим. Доримедонт был обвинен и комитетом, и Кавказским еп. Феофилактом (Губиным) в хищении церковного имущества.

5 февр. 1872 г. на основании именного указа имп. Александра II нештатная общежительная обитель была переведена из войсковой «в полное исключительное ведение» архиерея Кавказской епархии с предоставлением в собственность 522 дес. войсковой земли, всего движимого и недвижимого имущества, в т. ч. 2 мукомольных мельниц — на реках Бейсуге и Сосыке, 2 рыболовных заводов — на Бриньковском лимане и на берегу Азовского м. Компенсация за землю, отторгнутую от Л. м., была положена в Московский опекунский совет на счет монастыря. Л. м. стал третьеклассным с игуменским управлением. К 1879 г. обитель владела

банковскими билетами на сумму 99 285 р., к 1908 г.— 1810 дес. земли, 2 турбинными мельницами — в станциях Переясловской и Староминской, 2 рыболовными заводами, подворьями в ст-це Каневской и Екатеринодаре, а также виноградниками и пасекой. На берегу Лебяжьего лимана имелись мастерские по ремонту инвентаря и монастырской утвари. К нач. XX в. Л. м. находился в составе Ставропольской и Екатеринодарской епархии.

Постройки. Первоначально братия проживала в соломенных шалашах. В 1796 г. для начала строительных работ Черноморское войско отчислило из своих доходов 30 тыс. р. и 10 тыс. р. пожертвованных. Кроме того, средства для обители жертвовали атаманы ген.-майор Чепига (1 тыс. р.), ген. Котлярский. Согласно донесению архим. Феофана Феодосийскому еп. Иову, к осени 1799 г. по плану, одобренному войсковым правительством, в Л. м. был возведен деревянный трапезный храм во имя вмц. Екатерины (высота 35,5 аршина), построены деревянные настоятельские, братские и больничные кельи, ограда с 2 воротами, хозяйственные службы (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 37. Л. 15–15 об.; *Дмитренко*. 1898. Т. 2. С. 390–391).

В 1803–1816 гг. на средства войсковой казны и пожертвования частных лиц был возведен по подобию собора *Киево-Печерской лавры* каменный храм во имя свт. Николая Чудотворца с правым приделом в честь Рождества Пресв. Богородицы, левым — во имя св. блгв. кн. Александра Невского, а также с приделом на хорах в честь Преображения Господня. Храм венчали 9 больших и 4 малых купола. В 1816 г. собор был освящен настоятелем архим. Товией (Трубачевским). В обители находились также домовая ц. в честь Покрова Пресв. Богородицы (1853; отремонтирована в 1870) с приделом мч. Саввы Стратилата (1872) при настоятельских покоех, каменная колокольня с 12 колоколами, 3 келейных корпуса, братская трапезная, кухня, просфорня с подвалом, гостиница. Св. врата украшали иконы «Воздвижение Креста Господня» и свт. Николая Чудотворца, написанные одним из послушников. На берегу лимана, в вост. части мон-ря, был устроен пещерный храм во имя мч. Самуила.

В 3 верстах от Л. м., на острове, находилась Всехсвятская киновия для престарелых и увечных казаков, основанная в 1809 г. На ее территории имелись храмы во имя Всех святых (освящен 1 авг. 1808) и в честь Казанской иконы Божией Матери (1872), каменный флигель на 10 чел., кухня с трапезной.

Святые и реликвии. Большая часть святых, ценных предметов ризницы и книги поступили в Л. м. из упраздненной Межигорской обители. В Л. м. хранились напрестольный крест с рубинами и бриллиантами (1744), 2 кипарисовых креста (1769), украшенные серебряными «подставками», несколько серебряных крестов и богослужебных сосудов. В обители имелось «Евангелие Большое, опайное, в переплете оранжевого бархата с ажурными серебрызолоченными досками», в 1654 г. пожертвованное в Межигорский монастырь игум. Агафией (Гуменецкой), а также Евангелия (М., 1644, 1687, 1763; К., 1697), Библия (М., 1663), Апостол (К., 1630), неск. богослужебных книг 1663–1716 гг.

В храмах обители почитались иконы Рождества Христова, Спасителя и свт. Николая Чудотворца, украшенные серебряными ризами с вызолоченными венцами, а также список Толгской иконы Божией Матери в серебropозлащенной ризе с жемчугом и драгоценными камнями. 15 янв. 1910 г. наместник иером. Анатолий обратился к начальнику Кубанской обл. М. П. Бабычу с прошением о разрешении хождения по области с войсковыми святынями. Иером. Анатолий указал, что в пустыни хранятся особо чтимые казаками иконы свт. Николая Чудотворца и Толгский образ Божией Матери, переданные из Межигорского мон-ря. «С течением времени память об этих святынях среди молодого поколения постепенно теряется, особенно после 1905 и 1906 гг., когда были потрясены все основы нашего государства». В итоге разрешение было получено, крестные ходы совершались во мн. кубанские станицы.

1918–2015 гг. После 1918 г. постройки Л. м. занимала коммуна «Набат». В 1921 г. Л. м. был закрыт, на территории обители действовала детская трудовая школа. Большинство ее учащихся были беспризорниками. В нач. 30-х гг. XX в. в поселке организовали птицеводхоз «Ле-

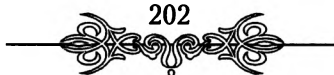
бязжий Остров». Из монастырских построек сохранились лишь гостиница и водонапорная башня (1909) над артезианским колодцем. 29 апр. 2011 г. в помещении Дома культуры пос. Лебязжий Остров архим. Никон (Пипиневым) была отслужена Божественная литургия. 4 июля здание было передано в ведение Екатеринодарской и Кубанской епархии для переустройства под кельи и церковь.

19 марта 2014 г. решением Синода Л. м. был открыт с назначением настоятелем иером. Григория (Хоркина). С 13 июля 2015 г. наместник Л. м. иером. Никон (Примаков).

Ист.: *Дмитренко И. И.* Сб. мат-лов по истории Кубанского казачьего войска. СПб., 1898. Т. 2, 4.

Лит.: ИРИ. Ч. 6. С. 699; *Филарет (Гумилевский)*, архим. Черноморская Николаевская пуст. при Лебязьем лимане. Х., 1856; *Григорьевич Н. И.* Обзор учреждения в России правосл. мон-рей, со времени введения штатов по Духовному ведомству: 1764–1869 гг. СПб., 1869. С. 10–14; *Самуил (Сардовский)*, архим. Екатерино-Лебязжская Николаевская общежит. пуст. Кубанской обл. // Кавказские Ев. 1878. № 11. С. 382–390; № 12. С. 413–423; № 13. С. 440–464 (отд. изд.: М., 1890); *Зверинский*. Т. 1. № 567; *Короленко П. П.* Церковные древности кубанских казаков. М., 1905; *Денисов*. С. 340–341; *Воскресенский А.* Черноморская Екатерино-Лебязжская Николаевская общежит. пуст. Кубанской обл.: (Из путевых заметок паломника). Н. Новг., 1909; Описание Екатерино-Лебязжской Николаевской войска Черноморских казаков пуст. // Ставропольские Ев. 1909. № 1. С. 16–25; *Кияшко И. И.* Екатерино-Лебязжский св. Николая пуст. // Кубанский сб. Екатеринодар, 1910. Т. 15. С. 209–230; Памяти прп. Сергия Радонежского: Сб. / Сост.: А. И. Слуцкий. Краснодар, 1992; *Раздольский С. А.* Черноморская Екатерино-Лебязжская Николаевская пуст. // Сб. работ преподавателей гуманитар. наук. Краснодар, 1994. С. 145–150; он же. Монастырские обители юга России, их роль в религ. и культурном развитии края в XIX – нач. XX вв. Майкоп, 2003. С. 7–18; *Матвеев О. В.* Слово о Кубанском казачестве. Краснодар, 1995; *Шентун С. В.* Из истории правосл. Церкви на Кубани. Краснодар, 1995; *Борденко В. Е.* Землевладение и доходы мон-рей Предкавказья: (кон. XVIII – нач. XX вв.) // Проблемы истории Сев. Кавказа. Краснодар, 2000. С. 68–73; она же. Мон-ри и монашество // Дело мира и любви: Очерки истории культуры и православия на Кубани / Ред.: О. В. Матвеев. Краснодар, 2009. С. 218–229; Из положения о Черноморском казачьем войске о духовенстве, церквах и богоугодных заведениях // Правосл. Церковь на Кубани: Сб. док-тов. Краснодар, 2001. С. 45–46; Указ имп. Екатерины II об учреждении Екатерино-Лебязжской Николаевской пуст. // Там же. С. 333; *Бондаренко В., свящ.* По страницам летописи Екатерино-Лебязжской Св.-Николаевской пуст. // Отраденские ист.-краевед. чт.: Мат-лы регион. науч. конф. Армавир; Отраденая, 2013. Вып. 1. С. 184–189; *Тереженко К.* Возвращение к св. обители // Кубанские новости: Газ. Краснодар, 2014. № 129.

Д. Б. Кочетов

ЛЕВ [греч. Λέων] (VII–VIII вв.), свт. (пам. 20 февр., 19 и 21 февр.; пам. зап. 20 февр.), еп. Катанский.

Хронология и источники. Для изучения агиографической традиции, посвященной Л., главное значение имеют 3 текста: краткое Житие (ВНГ, N 981), пространное Житие (ВНГ, N 981b) и стихотворное Житие (ВНГ, N 981c; написано не позднее XIII в. греч. пятнадцатисложником). Текст краткого Жития изобилует элементами разговорного языка, пространное Житие риторич-

стантина VI (776–780) и теоретически Льва V и его сына Симбатия (Константина) (813–820; см.: *Acconcia Longo*. 1989. P. 53). Хотя 2 независимые датировки указывают на правление Льва IV, явно неслучайная подстановка Константина (в Житиях не уточняется какого) и Юстиниана II вместо Льва (также без уточнения) и Константина (без уточнения) скорее говорит в пользу того, что служение Л. проходило при иконоборцах Льве III и Константине V; именно из-за приверженности ереси этих императоров они были заменены православными. Впрочем, автору текста ВНГ, N 981b,

*Свт. Лев Катанский.
Миниатюра
из Миналогия Василия II.
1-я четв. XI в.
(Vat. gr. 1613. P. 416)*

так же как и автору стихотворного Жития, могло просто не прийти в голову,

что Лев IV формально имел соправителем малолетнего Константина VI, и в этом случае пара Лев и Константин не ассоциируется с гонителями православных Львом III и Константином V.

А. Акконча Лонго предполагает следующее развитие агиографической традиции, посвященной Л. Существовало некое первоначальное Житие — *vita primitiva*, к-рое подверглось цензуре из-за содержащихся в нем иконоборческих элементов, в результате чего появился переработанный текст — *vita censurata*. К этой переработке восходит Житие ВНГ, N 981, в к-ром к житиям Катаны последовательно применяется местоимение «мы» и проявляется знание сицилийской и южноиталийской географии. В К-поле из *vita censurata* возникло т. н. восточное Житие — *vita orientalis*, к которому в свою очередь восходят независимо друг от друга тексты ВНГ, N 981b, 981c и 981e, а также заметка в К-польском Синаксаре (*SynCP*. Col. 479–480). Некоторые ученые интерпретируют борьбу Л. с идолопоклонством как его приверженность к иконоборчеству (*Turner*. 1990. P. 431–434). М. Ф. Озепи даже предполагает, что Л. был иконоборческим епископом и верным проводником политики Исаврийской

династии, а маг Илиодор — его идейным противником-иконопочитателем (*Auzépy M.-F. L'analyse littéraire et l'historien: L'exemple des vies de saints iconoclastes // Bsl*. 1992. T. 53. P. 62–67). Однако др. доказательств этого, кроме возможного приурочения епископата Л. ко времени правления Льва III, не имеется. Лев IV, как известно, формально был иконоборцем, но не проявлял активности в насаждении ереси. Тем не менее примечательно, что иконы ни в одном из Житий не фигурируют. Это можно рассматривать как дополнительный довод в пользу датировки исходного текста VIII веком. А. Бергер указывает, что историческим прототипом Л. мог быть святитель, живший гораздо раньше. Исследователь проводит параллель с также насыщенным легендарными элементами Житием свт. Григория, еп. Акрагантского (ВНГ, N 707), составленным между 750 и 830 гг. (*Berger A. Leontios Presbyteros von Rom: Das Leben des Heiligen Gregorios von Agrigent. B.*, 1995. S. 56–58). Л. фигурирует в переписке папы Римского *Григория I Великого* между 591 и 603 гг. (ср.: *Acconcia Longo*. 1989. P. 12). Лат. Жития Л. (ВНЛ, N 4839, 4838) поздние и ценной информации практически не содержат. **Житие.** Святитель род. в богатой благочестивой семье в г. Равенна. Согласно лат. Житию ВНЛ, N 4838, тайно бежал в г. Регий (ныне Реджо-

но, композиционно сбалансировано, содержит античные реминисценции.

Точное время жизни Л. неизвестно. Установлено, что Юлиан, еп. Катанский (г. Катана, ныне Катания на о-ве Сицилия, Италия), засвидетельствованный в 680 г., был одним из его предшественников, а Феодор, еп. Катанский, подписавший орос VII Вселенского Собора 787 г., но известный уже в 785 г., — одним из преемников. В неск. Житиях Л. указываются имена визант. императоров, при к-рых он совершал служение: в тексте ВНГ, N 981b — *Константин IV* (668–685) и *Юстиниан II Ринотмит* (685–695; 705–711), в тексте ВНГ, N 981c — *Лев IV* (775–780), сын *Константина V* (741–775), в текстах ВНГ, N 981 и 981e — Лев IV и Константин V. Относить служение Л. к сроку правления императоров, названных в 1-м тексте, мешает то, что при этой хронологии между 680 и 685 гг. (смерть Константина IV) должно произойти слишком много событий: смерть Юлиана, еп. Катанского, весь епископат Савина, еп. Катанского (непосредственного предшественника Л. на кафедре), начало бесчинств мага Илиодора (см. ниже) и т. д. Пара Лев и Константин может подразумевать соправительство Льва III и Константина V (720–741), Льва IV и Кон-

*Возведение св. Льва в сан епископа.
Клеймо иконы
«Свт. Лев Катанский, с житием».
1818 г. (СОКМ)*

ди-Калабрия), где еп. Кирилл настаивал его и рукоположил во пресвитера. Однако, согласно греч. Житию ВНГ, N 981b, Л. исполнял должность эконома и прошел все ступени церковной иерархии в родном городе, а после смерти еп. Катанского

Савина паства призвала его стать епископом. Императоры Лев и Константин пригласили Л. в К-поль, где оказали ему разнообразные почести (ВНГ, N 981e (Сар. 15); SynCP. P. 480). В Катане Л. превратил языческий храм в ц. Сорока мучеников (или построил ее на месте капища), а также воздвиг большой храм во имя мц. Лукии. По его молитве языческая статуя, поставленная имп. Декием на некой высокой постройке, упала и разбилась, а на ее месте Л. водрузил крест. После многолетних трудов на благо Церкви святитель мирно скончался и был погребен либо в ц. мц. Лукии (ВНГ, N 981e), либо в основанном им монастыре вблизи городских стен (ВНЛ, N 4838). На его гробнице совершались чудеса, в частности исцеление кровотоковой женщины. Мощи святителя вполсл. были перенесены в Рим и положены в храме во имя свт. Мартина, еп. Турского.

Легенда об Илиодоре. Центральное место во всех без исключения агиографических текстах, посвященных Л., занимает история мага Илиодора, представляющая собой один из самых ранних примеров т. н. фаустовского сюжета в европ. лит-ре (Kazhdan A. Hagio-graphical Notes // Erytheia. Madrid, 1988. N 9. P. 205–208). Илиодор был сыном благочестивой и знатной женщины Варвары, имевшей чин патрикии, и очень хотел получить должность епарха (градоначальника). Поскольку ему это не удалось, он пригласил некоего еврея-колдуна, и тот рассказал ему, как продать душу дьяволу в обмен на сверхъестественное могущество. Сделка совершилась, и Илиодор обрел магический дар, а также получил в помощники демона по имени Гаспар (согласно стихотворному Житию (ВНГ, N 981c), Ган). На потеху своим друзьям он стал совершать «злые чудеса», напр. заставлял проходящих женщин задира́ть подолы, внушая им, что они не идут по улице, а переходят через бурный поток. После того как Илиодор, придавая камням и дереву вид золота и серебра, расстроил всю торговлю в городе, епарх написал письмо императорам в К-поль с жалобой на зловерного мага. Государи отправили на Сицилию чиновника Ираклида. Илиодор переместил всю его свиту и себя вместе с ними в К-поль. Узнав о способе их прибытия, императоры приказали сразу же предать

мага смерти, но тот, попросив выпить воды, погрузился в чашу и исчез, посоветовав искать его опять в Катане. Туда был вновь направлен Ираклид, и Илиодор опять обещал доставить его обратно в столицу. В назначенный срок маг нарисовал на песке корабль со всей оснасткой, рассадил на нем Ираклида с его людьми, и бес за 1 день переправил их в К-поль. Там жена Ираклида Ефалия (Фалия) прилюдно оскорбила Илиодора, и он сделал так, что во всем городе погас огонь, а зажигать новый можно было только

Свт. Лев Катанский.
Фрагмент картины
«Свт. Лев Катанский повергает
волхва Илиодора».
XVIII в.
Круг худож. Маттео Дезидерато
(ц. Санта-Мария-ди-Ликодия
в Катании, Сицилия)

у Ефалии между ног, после чего опять перенесся в Катану. Наконец, во время скачек Илиодор подменил Христу, племяннику Л., коня, на к-ром тот одержал победу. Когда конь внезапно исчез, Христа арестовали, но дядя добился у епарха его оправдания. Уверенный в собственной неуязвимости, Илиодор в праздник вошел в храм, где служил Л., стал забавлять народ прыжками и ужимками и пообещал, что заставит скакать самого святителя. Тогда тот накинул Илиодору на шею свой омофор и потащил на место, где совершались казни. Епископ вынудил мага признаться во всех совершённых им злодеяниях. После этого Л. велел разложить большой костер и вошел в него вместе с Илиодором. Там маг сгорел дотла, а Л. остался невредимым, причём даже омофор его не обгорел.

С лит. т. зр. очевидно, что очень скудные сведения об историческом епископе Л. были использованы для обрамления занимательной истории с фольклорно-мифологическими мотивами. Так, Л. и Илиодор в нек-ром смысле предстают как олицетворение стихий огня и воды соответственно (идея Каждана; см.: Афиногенов. 2011. С. 416–417); эта история тем не менее выдержана в христ. духе и может рассматриваться как душеполезная повесть.

Почитание. О весьма древнем почитании Л. в качестве святого свидетельствуют руины средневизант. ц. (X–XI вв.) Агиос-Леос в Брики (п-ов Мани на Пелопоннесе) с фресками XIV–XV вв. (Δραυνδάκης Ν. Β. Ὁ ναὸς τοῦ Ἁγίου Λέου ἐἰς τὸ Μπρίκη τῆς Μάνης // ΔΧΑΕ. 1972. Т. 6/4. Σ. 146–168). В Катании функционирует ц. во имя свт. Л., находящаяся в юрисдикции К-польского Патриархата.

Ист.: ВНГ, N 981–981e; ActaSS. Febr. Vol. 3. Col. 222–226; SynCP. Col. 477–478, 479–480, 929–930; MartRom. Comment. P. 70; ЖСв. Февр. С. 355–358; Латышев В. В. Неизданные греч. агиогр. тексты. СПб., 1914. (ЗИАН. ИФО; Т. 12. Вып. 2); Raffin D. La vita metrica anonima su Leone di Catania // BollGrott. N. S. 1962. Т. 16. P. 33–48.

Лит.: Сергий (Спасский). Месяцеслов. Т. 3. С. 77–78; Beck. Kirche und theol. Literatur. S. 799; Da Costa-Louillet G. Saints de Sicile et d'Italie méridionale aux VIIIe, IXe, et Xe siècles // Byz. 1959/1960. Vol. 29/30. P. 89–173; Amore A. Leone, vescovo di Catania // BiblSS. Vol. 7. Col. 1223–1225; Acconcia Longo A. La Vita di S. Leone vescovo di Catania e gli incantesimi del mago Eliodoro // RSBN. N. S. 1989. Vol. 26. P. 3–98; eadem. A proposito di un articolo sull'agiografia iconoclasta // Ibid. 1992. Vol. 29. P. 4–174; Turner D. The Politics of Dispair: The Plague of 746–747 and Iconoclasm in the Byzantine Empire // AnnBSA. 1990. N 85. P. 419–434; Auzépy M. F. À propos des Vies de saints iconoclastes // RSBN. N. S. 1993. Vol. 30. P. 3–5; Σαυρόνης (Εὐστρατιάδης). Ἁγιολόγιον. Σ. 271; Νικόδημος, Συναξαριστής. Т. 3. Σ. 291–293; PMBZ, N 4277; Афиногенов Д. Е. Пространное житие свт. Льва, еп. Катанского // Scripta Antiqua. М., 2011. Т. 1. С. 415–432; он же. Стихотворное Житие Льва, еп. Катанского // Θεοδόλος: Сб. пам. И. С. Чичурова. М., 2012. С. 32–44.

Д. Е. Афиногенов

Иконография. Л. изображают в соответствии с его епископским служением – в фелони, иногда крещатой (или с Нового времени – в саккосе), с омофором, в руках Евангелие. В отношении облика святого существуют разночтения: он либо седовласый старец (чаще), либо темноволосый средовек. Рекомендации к изображению Л. старцем зафиксированы в греч. и рус. иконописных подлинниках. В Ерминии афонского иером. Дионисия Фурноаграфиота (ок. 1730–1733) – «старец с широкой бородой» (разд. «Святые иерархи: внешний вид

их и надписания». № 35; Ерминия ДФ. С. 161); в рус. иконописных подлинниках сводной редакции (XVIII в.) его внешность уподобляется облику сщмч. Власия Севастийского: «Сед, волосы мало взлиз, брада Власиева, риза лазорь, испод бел, амфор и Евангелие, правой рукой благословляет» (*Большаков*. Подлинник иконописный. С. 74, то же: *Филлимонов*. Иконописный подлинник. С. 275). В ряде случаев во внешности Л. наблюдается характерная черта, встречающаяся у представителей Западной Церкви, — тонзура (гуменцо), а его облик в целом близок к изображениям Римских пап, во внешности к-рых отмечается общее типологическое подобие ап. Петру. Так, на миниатюре из Минология Василия II (Vat. gr. 1613. P. 416, 1-я четв. XI в.) Л. представлен как муж старше средних лет, фронтально в рост на фоне архитектурных колонок, он облачен в охристый подризник, светло-лиловую фелонь, обеими руками держит Евангелие; кудрявые светлые волосы лежат венцом, не скрывая тонзуру, борода короткая.

В храмовой декорации образ Л. встречается с X в. в пространстве вимы: в росписи ряда церквей Каппадокии (Новой Токалы-килисе, кон. X в.; в капелле св. Варвары в Соганлы, нач. XI в.; предположительно в апсиде церкви Гёреме 4а, 1-я пол. X в., вероятнее, Леонтий Кесарии Каппадокийской; см.: *Jolivet-Lévy*. 1991. P. 89)). На фресках балканских храмов предпочтительным было изображение Л. в полиставрии — крещатой фелони (напр., в росписи ц. праведных Иоакима и Анны (Кралева ц.) в мон-ре Студеница, Сербия, 1314, в ц. Вознесения мон-ря Дечаны, Косово и Метохия, 1348–1350).

Единоличные изображения святого включены в минейные циклы рукописей, икон, в росписи храмов, где их обычно помещают под 20 февр. (возможны отклонения в 1 день). Его образ представлен на миниатюрах в Императорском Минологии 2-й четв. XI в. (ГИМ. Син. греч. № 183. Л. 103), — под 22 февр.; в Императорском Минологии кон. XI в. из Музея Бенаки в Афинах (Athen. Ben. 71. Fol. 3v); в греко-груз. рукописи кон. XV в. (т. н. Афонской книге образцов — РНБ. О. I. 58. Л. 100 об.), — седовласый, с залысинами на лбу, борода окладистая, немного сужающаяся книзу; в светло-сиреневой фелони и голубом подризнике, с омофором, палицей, обеими руками держит кодекс; предположительно поясное изображение — на миниатюре в Минологии деспота Димитрия Палеолога (Bodl. theol. gr. f. 1. Fol. 32 v, 1322–1340) вместе с др. святителем и прп. Тимофеем под 21 февр. (на полях подписано только имя прп. Тимофея и обозначена календарная дата) — высокий лоб с залысинами, седой, волосы слегка вьются у ушей, борода средней длины,

Свт. Лев Катанский.
Роспись ц. вмч. Георгия
в Старо-Нагоричино, Македония.
1317–1318 гг.

облачен в серо-зеленую фелонь, с омофором, в покровенной левой руке — Евангелие. В настенных минологиях представлен в ц. вмч. Георгия мон-ря Старо-Нагоричино, Македония (1317–1318), — по пояс, средовек с темными волосами и темной же длинной клиновидной бородой, в фелони, с омофором, покровенными руками держит Евангелие; в соборе Св. Троицы мон-ря Козия, Румыния (между 1390 и 1391), — в рост; в ц. вмч. Георгия в с. Воронеж, Румыния (ок. 1504 (?)); в ц. свт. Николая в Пелинове, Черногория (1717–1718), — полуфигура.

В рус. традиции Л. в минологиях устойчиво изображается под 20 февр. Образ святого представлен на иконах: «Миней годовая» (1-я пол. XVI в., Музей икон, Реклингаузен); на иконе на февр. из комплекта миней (XVI в., ГЭ) — с длинной, ниже пояса, седой бородой, разделенной внизу на 2 крупных завитка; «Миней на февраль» (кон. XIX в., частное собрание) — в $\frac{3}{4}$ -ном повороте, правой рукой благословляет, в левой на омофоре — Евангелие, облачен в красную фелонь. На гравированных святцах Г. П. Тепчегорского (1714, 1722) — в рост, в фелони, с омофором, в митре, правой рукой благословляет, в левой — раскрытый кодекс.

Известные иконы с единоличным изображением Л. носят, как правило, патрональный характер. В мастерской невянских иконописцев Богатырёвых была создана икона «Св. Лев Катанский, с житием» (1818, СОКМ). Она предназначалась для домашней молельни екатеринбургского особняка купцов-старообрядцев Л. И. Расторгуева и П. Я. Харитонова. Возможно, именно заказчик иконы, Расторгуев, был инициатором разработки житийной иконографии своего небесного покровителя. В среднике на пейзажном фоне с горами, с видом на крепост-

ные стены, городские строения и купола церкви помещена в рост фигура Л. с палицей. На нем фелонь с крупным цветочным орнаментом, красные подризник и туфли, золотые омофор, епитрахиль. Иконописцам удалось искусно передать фактуру гобеленовой ткани фелони и золотого шитья облачения. Святой представлен старцем с длинной, до середины груди, узкой клиновидной бородой. Правой рукой двуперстно благословляет, в левой на омофоре держит открытое Евангелие с текстом (Ин 10. 9–10). По краям в картушах — житийные сюжеты в сопровождении пространственных надписей. Всего 12 клейм: рождение святого и Л. перед церковным начальством («вся священные степени законно прошед»); поставление во епископа; труды Л.-архиерея (на ступенях храма благословляет нищих и болящих, получающих милостыню); волхв Илиодор совращает народ; осужденный на отсечение головы Илиодор сделался невидимым; Л. увещевает Илиодора отказаться «от злобы»; Илиодор искушает Л. и паству во время богослужения; Л., помолившись в алтаре, укрощает Илиодора омофором; испытание огнем Л. и Илиодора; царь преклоняет колена перед Л.; чудеса, сотворенные Л. (исцеление больных и слепых, изгнание бесов, сокрушение идолов и капищ); погребение Л. и чудо

Свт. Лев Катанский, с житием.
Икона.
1818 г. (СОКМ)

исцеления кровоточивой жены от одра епископа. Между средником и клеймами нижнего ряда, в картушах, помещены тексты тропаря и кондака святому; внизу, в картуше с перечислением чудес, — надпись с датой создания образа. Икона с образом Л. из жен. мон-ря св. Иоанна Предтечи в Вел. Устюге, в соборе к-рого

был устроен сев. придел во имя Л. (освящен в 1747), очевидно, была связана с ктитормон-ря — устюжским купцом Л. А. Чалбышевым, соименником святого епископа. В московской ц. Покрова Пресв. Богородицы в Филях в местном ряду иконостаса находится икона сер. XIX в. «Свт. Лев Катанский и вмц. Параскева», возможно заменившая первоначальную икону 2-й пол. XVIII в., также с изображением небесного покровителя ктитора храма Л. К. Нарышкина. Единичный образ святого был гравирован И. Ф. Zubovым (гравюра «Св. Лев Катанский», после 1721).

Лит.: LCI. Bd. 7. Sp. 390–391; *Mujović*. Менолог. С. 276, 356, 385; *Jolivet-Lévy* С. Les églises Byzantines de Cappadoce: Le programme iconographique de l'abside et de ses abords. P., 1991; Невьянская икона. Екат., 1997. Ил. на с. 26–29. Кат. 19. С. 184; *Евсеева*. Афонская книга. С. 278; *Ермакова, Хромов*. Рус. гравюра. С. 41. Кат. 33.6.

Э. В. Шевченко

ЛЕВ (IX в.?), свт. (пам. греч. 26 апр. и в первые субботу и воскресенье авг. — в Соборе всех Самосских святых; пам. зап. 29 апр.), еп. Самосский (?). Согласно сведениям, собранным в 1370 г. Петром Наталисом (BHL, N 4844), Л. род. на греч. землях; время его жизни неизвестно; ради Христа оставил он все мирское и стал мучеником не телом, но душой. Еще при жизни этот подвижник прославился чудесами. Неизвестно, где епископствовал Л., но умер он на Самосе, откуда его мощи были увезены венецианцами в Мефону (венецианская крепость Модон, ныне Метони) на Пелопоннесе, затем — на о-в Закинф, откуда в 1005 г. — в Маламокко и, наконец, в 1109 г. — в Венецию, где сначала они находились в ц. св. Сервила, а с 1615 г. — в ц. Санта-Мария-дель-Умильга. В наст. время мощи считаются пропавшими.

Большинство исследователей относят время жизни Л. к IX в., но М. Варвунис переводит фразу Петра Наталиса «in Graeciarum partibus natus» не как «родился в греческих пределах», а как «родился в эллинской ереси». На этом основании он делает вывод, что святой происходил из семьи язычников и жил скорее всего в IV–V вв., в любом случае до VII в., пока еще на греч. землях оставались общины язычников.

В 1995 г. по инициативе митр. Самосского и Икарийского Евсевия (Пистолиса) на Самосе было возрождено почитание Л. как епископа этого острова (*Εὐσέβιος Πιστολής*). 2000. Σ. 8). В составленных архим.

Никодимом (Аеракисом) службе и молебном каноне Л. всегда упоминается как епископ Самосский (*Νικόδημος (Ἀεράκης)*. 2000. Σ. 13–14, 29) и так был внесен в Синаксари (*Ἀγαθάγγελος, ἐπ. Φαναρίου. Συναξαριστής τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας*. Ἀθήνα, 2005. Τ. 4: Ἀπρίλιος. Σ. 302). В синаксарном Житии Л. описывается как благочестивый, смиренный и человеколюбивый пастырь, защитник правосл. веры, наставник благочестия. Ист.: ActaSS. 1738. Apr. T. 3. P. 625–626; *Εὐσέβιος (Πιστολής), μτφρ. Ἡ ἐορτὴ τῶν ἐν Σάμῳ διαλαμψάντων Ἁγίων // Νικόδημος (Ἀεράκης), ἀρχμ. Διοματικὴ Ἀκολουθία καὶ Ἱερὰ Παράκλησις πάντων τῶν Προστατῶν Ἁγίων τῆς Ἐκκλησίας τῆς Σάμου*. Σάμος, 2000.

Лит.: *Viard* P. Leone, vescovo, venerato a Venezia, santo // BiblSS. Vol. 7. Col. 1228; *Follieri* E. Santi di Metone: Atanasio vescovo, Leone Taumaturgo // Byz. 1971. T. 41. P. 398; *Ἀγαθάγγελος, ἐπ. Φαναρίου, Μαυτέζου Χ., Μορίνη Ε.* Ἱερὰ λείψανα Ἁγίων τῆς καθ' ἡμᾶς Ἀνατολῆς στὴ Βενετία. Ἀθήνα, 2005. Σ. 211–212; *Στεῖρης* Γ. Φιλοσοφία καὶ Θεολογία τοῦ Νικολάου ἐπισκόπου Μεθώνης: Νικόλαος Μεθώνης καὶ Ἅγιος Λέων // Βυζαντινὸς Δόμος. 2010/2011. Τ. 17/18. Σ. 422–423; *Βαρθολομαίου Μ. Γ.* Λέων ἐπίσκοπος Σάμου (ante 7 αἰ.): Ανάμνηση στὴν ἱστορία καὶ στὴν αἰγολογία // Ἱστορίας μέριμνα: Τμηματικὸς τόμος στον καθηγητὴ Γ. Ν. Λεοντοσίτη. Ἀθήνα, 2011. Σ. 145–156.

О. В. Л.

ЛЕВ, прп. (пам. греч. 1 июля). Время и место жизни Л. неизвестны. Сведения о Л. содержатся в визант. стишных Синаксарях. В них говорится, что Л. был пустынником, подвизался нагим и скончался в мире. Из визант. Синаксарей память Л. и посвященное ему двустихие попали в «Синаксарист» прп. Никодима Святогорца, а также в слав. стишные Прологи (*Петков Г., Спасова М.* Търновската редакция на Стишният Пролог. Пловдив, 2013. Т. 11. С. 8) и из них — в ВМЧ (*Иосиф, архим.* Оглавление ВМЧ. Стб. 294 (2-я паг.)). В совр. календарь РПЦ память Л. не включена.

Архиеп. Сергей (Спасский) указал на сходство сведений о Л. и об одноименном подвижнике, упоминаемом в Синаксарях под 11 июля, но не решился отождествить их из-за разных стихословий, посвященных этим святым.

Ист.: ActaSS. Iul. 1746. T. 1. P. 31; SynCP. Col. 791–792; *Νικόδημος. Συναξαριστής*. Т. 6. Σ. 12.

Лит.: *Сергий (Спасский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 196; *Sauget* J.-M. Leone, anacoreta, santo // BiblSS. Vol. 7. Col. 1222; *Σαφρόνιος (Εὐστρατιάδης)*. Ἀγιολόγιον. Σ. 275; *Μακάριος Σιμωνοπετρίτης, ἱερομόν.* Νέος Συναξαριστής τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας. Ἀθήνα, 2008. Τ. 11: Ἰούλιος. Σ. 14.

О. В. Л.

ЛЕВ, прп. (пам. греч. 11 июля). Сведений о времени и месте жизни Л. не сохранилось. Память Л. и посвященное ему двустихие содержатся в визант. стишных Синаксарях, к-рые сообщают лишь то, что Л. подвизался в Мандре и скончался в мире («иже в ограде миром скончаше» — *Петков Г., Спасова М.* Търновската редакция на Стишният Пролог. Пловдив, 2013. Т. 11. С. 29–30). Иером. Макарий Симонопетрит считает, что речь идет о Мандре — мон-ре, возникшем рядом со столпом прп. *Симеона Столпника* (пам. 1 сент.), но в посл. этот термин стал использоваться в переносном значении и мог относиться к любому мон-рю как к «ограде духовного стада» (греч. μάνδρα — загон, ограда).

Из визант. Синаксарей сведения о Л. попали в «Синаксарист» прп. Никодима Святогорца, а также в слав. стишные Прологи и из них — в ВМЧ (*Иосиф, архим.* Оглавление ВМЧ. Стб. 309 (2-я паг.)). В совр. календарь РПЦ память Л. не включена. Ист.: SynCP. Col. 813–814; *Νικόδημος. Συναξαριστής*. Т. 6. Σ. 55.

Лит.: *Сергий (Спасский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 210; *Σαφρόνιος (Εὐστρατιάδης)*. Ἀγιολόγιον. Σ. 275; *Μακάριος Σιμωνοπετρίτης, ἱερομόν.* Νέος Συναξαριστής τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας. Ἀθήνα, 2008. Τ. 11: Ἰούλιος. Σ. 115.

О. В. Л.

ЛЕВ [лат. Leo] (XI–XII вв.?), прп. (пам. зап. 5, 12 мая). Время жизни святого неизвестно. Сведения о нем приводятся только в поздних источниках. Одно из самых ранних сведений о Л. относится к кон. XVI в.: калабрийский историк Габриеле Баррио писал, что святой род. в г. Африко (ныне Африко-Веккьо, Калабрия, Италия) и был «монахом св. Вассилия»; его мощи хранились в сел. Бова, а поминовение совершалось 5 мая (*Barrios* G. De antiquitate et situ Calabriae. R., 1571. P. 228). На основе устной традиции местные жители составили своего рода гимн-молитву, посвященную Л., где рассказывается, что святой род. в Бове и обучался в школе при мон-ре с греч. уставом св. Василия (возможно, мон-рь Благовещения в Африко). Однажды он исчез из обители; спустя некоторое время двое учеников той школы нашли его стоящим в небольшом водоеме и совершающим молитву. Л. принял монашеский постриг, но, чувствуя стремление к отшельнической жизни, подобно греч. аскетам, удалился из обители и поселился на

лесистом плоскогорье между Бовой и Африко. Там он проводил время в покаянии, посте и созерцании, занимаясь ручным трудом. Во время голода по молитве святого смола, к-рую он добывал из сосен в горном массиве Аспромонте, превратилась в хлеб; это 1-е чудо, совершённое Л., отобразено в его иконографии: святой изображается с топором и круглым шаром черного хлеба из смолы в руке.

Предчувствуя приближающуюся кончину, Л. решил возвратиться в мон-рь, но, не имея на то сил, попросил пастуха донести его. При этом сумка пастуха, скинутая им со спины, следовала по воздуху. Впосл. на месте встречи Л. и пастуха был возведен «крест св. Льва». Придя в обитель, Л. хотел исповедоваться настоятелю, но тот не принял святого и лишь с пренебрежением махнул в его сторону, после чего у него отсохла рука. Когда душа Л. покидала тело, церковные колокола торжественно стали звонить. На месте, где скончался святой, впосл. была построена церковь его имени. Традиционно в Бове колокольный звон связан с Л., так что в случае необходимости обратиться к святому с особой молитвой во всех церквах звонят в колокола.

Гимн-молитва заканчивается рассказом о том, что после землетрясения в 1659 г. Л. явился королю Неаполя и просил его снизить налоги для жителей Бовы и его окрестностей.

Существует также предание, согласно к-рому Л., избегая мирской славы на родине, удалился на Сицилию и жил в Мессине, помогая нищим.

В итало-греч. Синаксаре 1172 г. (Lips. P. II. 25) содержится запись, сделанная на полях другой рукой, о праздновании дня памяти Л. 5 мая (SynCP. Col. 660); под 12 мая в 2 итало-греч. Синаксарях XV в. указано поминовение прп. Льва, уроженца Калабрии, к-рого, возможно, следует отождествлять с Л. (см.: *Minuto*. 1977. P. 232). Память Л. под 5 мая и краткие сведения о нем содержатся в «Каталоге святых Италии» и в «Общем перечне святых, отсутствующих в Римском Мартирологе», составленных в нач. XVII в. Ф. Феррари, а также в «Священной Италии» Ф. Угелли.

Л. является покровителем Бовы, Африко и архиеп-ства Реджо-Калабрия; он почитается как чудотворец,

целитель, защитник от эпидемий, пожаров и саранчи. Основное место культа святого — Бова, где находится собор XVII в., носящий его имя. В главном алтаре собора помещена мраморная статуя Л. (1582). В 1722 г. к собору была пристроена капелла, где покоятся мощи Л. Традиционно с 4 по 8 мая в Бове проходят торжества в честь покровителя города, во время которых устраивается процессия с выносом из капеллы серебряного бюста-реликвария с мощами Л., исполняется гимн-молитва на калабрийском диалекте. Также частицы мощей святого хранились в приходской церкви Африко (Африко-Веккьо). После 1951 г., когда город был заброшен, реликвии были перенесены в Африко-Нуово, где память Л. ежегодно совершается 12 мая и откуда устраивается паломническое шествие к церкви, по преданию построенной на месте обители Л., о которой упоминается в источниках XIV в. (*Minuto*. 1977).

Ист.: *Ferrarius Ph. Catalogus sanctorum Italiae in menses 12 distributus. Mediolani, 1613. P. 252–253; idem. Catalogus generalis sanctorum qui in Martyrologio Romano non sunt. Venetiis, 1625. P. 182; Ughelli F. Italia Sacra. R., 1662. T. 9. P. 457; ActaSS. Mai. T. 2. P. 48–49; SynCP. Col. 660; Lacava E. San Leo tra Africo e Bova. Reggio Calabria, [1986]; Storia e vita di San Leo Santo d'Aspromonte. Reggio Calabria, 2012.*

Лит.: *Russo F. Leo // BiblSS. Vol. 7. Col. 1179; Minuto D. Catalogo dei monasteri e dei luoghi di culto tra Reggio e Locri. R., 1977. P. 229–235; idem. Profili di santi nella Calabria bizantina. Reggio Calabria, 2002. P. 80–82; Lacava E. San Leo: Storia e fede. Reggio Calabria, 1985.*

Е. М. Бельнская

ЛЕВ (Наголкин Лев Данилович; 1768, г. Карачев Орловской губ., ныне Брянской обл.— 11.10.1841, Оптина в честь Введения во храм Пресв. Богородицы пуст.), прп. (пам. 27 июня, 11 окт.), иеросхим. *Оптиной в честь Введения во храм Пресв. Богородицы пустыни*. Происходил из мещан г. Карачева. Служил приказчиком в г. Болхове у купца Сокольниковова, торговавшего пенькой и конопляным маслом. По роду деятельности общался с людьми различных званий и состояний, что помогало развить наблюдательность и обрести житейскую мудрость. Обладал прекрасной памятью и рассудительностью. Оценив способности своего приказчика, купец предложил ему жениться на своей дочери, но Лев Данилович отказался. В 1797 г., при игум. Авраамии († 1817), поступил в Оптину пуст. Отличался богатыр-

ской силой и здоровьем, к-рое, однако, успел расстроить в короткий срок из-за непомерных трудов. В 1799 г. перешел в *Белобережскую Брянскую пуст.*, чтобы пользоваться духовными советами прп. *Василия (Кишкина)*. 14 сент. 1801 г. пострижен в монашество с именем Леонид игуменом *Чёлнского в честь Преображения Гос-*

Прп. Лев Оптинский.

Фрагмент иконы на раке святого во Владимирской ц. Оптиной пуст. 2000 г.

Иконописец илум. Ипатий (Хвостенко)

подня мон-ря Кесарием (Плюгиным). 22 дек. 1801 г. еп. Орловским и Севским Досифеем (Ильиным) рукоположен во диакона, 24 дек. того же года — во иерея. По благословению настоятеля нек-рое время пребывал в Чёлнском мон-ре, где проживал ученик прп. *Паисия (Величковского)* схим. Феодор (Пользиков; 1756–1822), ставший его духовным наставником. Духовно сблизился с настоятелем *Свенского в честь Успения Пресв. Богородицы мон-ря* и ректором Севской ДС игум. *Филаретом (Амфитеатровым)*. Со временем в Белобережской обители собрались ученики и последователи прп. Паисия: иером. *Клеопа II (Антонов)*, схим. Феодор (Пользиков), схим. Афанасий (Охлопов), участвовавший в работе над переводом слав. «Добротолубия», что способствовало духовному возрастанию иноков.

Благодаря рассудительности и трудолюбию приобрел уважение братии и в 1804 г. был избран настоятелем мон-ря. Из жизнеописания старца известно, что избрание настоятелем он встретил в квасоварне, где варил квас для всей братии. В указе Орловской духовной консистории от 13 сент. 1804 г. отмечено: «Белобережской пустыни строитель иеромонах Василий по просьбе его за

слабостью здоровья от строительной должности увольняется. Пребывание имеет ему в оной же пустыни для вспомоществования советами и наставлениями новоопределенному строителю, каковым быть той пустыни иеромонаху Леониду» (ГАБО. Ф. 7. К. 1. Ед. хр. 31. Л. 4). Начальственная должность не изменила прямого и простого характера подвижника. В 1807 г. схим. Феодор после тяжелой болезни, во время к-рой он сподобился посещения Божия, вместе с иеросхим. Клеопой поселился в уединенной келье на расстоянии ок. 2 км от обители. Желая также подвизаться со старцами, Л. по собственному прошению был уволен от должности настоятеля 10 марта 1808 г. с предписанием «иеромонаху Леониду объявить Его преосвященства благоволение за его труды по устройении обители и упокоить его кельею и содержанием» (Там же. Л. 9). Л. поселился вместе со старцами, где келейно принял постриг в схиму с именем Лев. В 1809 г. схим. Феодор покинул келью и переселился сначала в Новозерский, впосл. — в *Корнилиев Палеостровский в честь Рождества Пресв. Богородицы мон-рь*. В связи с жалобами настоятеля монастыря и по распоряжению правящего архиерея о. Клеопа II, Л. и его ученик мон. Амфилохий также покинули келью; 10 марта 1811 г. поступили в скит *Спасо-Преображенского Валаамского мон-ря*, где в 1812 г. к ним присоединился схим. Феодор. Ок. 6 лет старцы прожили на Валааме, где, по словам некоего юродивого, «торговали хорошо» (Житие. 1994. С. 17), т. е. своими мудрыми наставлениями духовно укрепили братию. Келью подвижников посетил оберпрокурор Синода А. Н. Голицын. Но деятельность старцев вызвала ревность настоятеля монастыря игум. Иннокентия (Моруева), к-рый подал на них жалобу митр. С.-Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому *Амвросию (Подобедову)*. Разбирательство дела было поручено строителю *Коневского в честь Рождества Пресв. Богородицы мон-ря*, благочинному мон-рей Илариону (Кириллову). В февр. 1817 г. он вместе с поверенным Голицына А. Н. Никольским прибыл на Валаам, встречался со старцами, предложив им ок. 30 письменных вопросов. В итоговом донесении утверждал о непричастности старцев к ересям, отмечая их добродетели. Хорошо зная Л., перед

митрополитом за него ходатайствовали ректор СПбДА архим. св. *Филарет (Дроздов)* и ректор СПбДС *Иннокентий (Смирнов)*. Незадолго перед выходом из валаамского скита Л. посетил митр. Амвросия.

22 июня 1817 г. Л. вместе со схим. Феодором переселился в *Александров Свирский в честь Св. Троицы мон-рь*. В 1820 г. обитель по дороге на Валаам неожиданно посетил имп. *Александр I Павлович* и был встречен всей братией. Удивленному торжественным приемом императору сообщили, что встреча была подготовлена по совету старцев. После кончины 7 апр. 1822 г. схим. Феодора Л., по его словам, желал вместе с учениками «собраться... всем воедино и выпросить у какого-либо монахолюбивого архимандрита куточек» (Там же. С. 31). В разные годы свирским подвижником митр. Амвросий (Подобедов) предлагал перейти и в *Площанский в честь Казанской иконы Божией Матери мон-рь* Орловской епархии, и в *Иоанна Предтечи св. скит* Оптиной пуст. При этом Л. отмечал: «Наши сердца склонность туда имеют, поелику я там начало полагал и здоровье потерял. И наш прежний любитель и благодетель, преосвященный Филарет, яко монахолюбивая душа, того желает» (Там же. С. 35). В авг. 1823 г. в Оптиной пуст. Калужский и Боровский еп. Филарет (Амфитеатов) предсказал братии, что Л. непременно будет подвизаться в этой обители или вообще во вверенной ему епархии.

Но после смерти старца Феодора Л. еще 5 лет прожил в Свирском монастыре. В обитель под его руководство поступил Д. А. Брянчанинов (впосл. свт. *Игнатий*), к-рый вместе со своим другом М. В. Чихачёвым (впосл. схим. Михаил) в нач. 20-х гг. сблизился со старцем и с его учениками, насельниками *Александро-Невской в честь Св. Троицы лавры* Аароном (Морякиным), Иоанникием (Бочаровым; в схиме Леонид) и Харитоном. По благословению Л. Брянчанинов составил «Житие схимонаха Феодора» (*Игнатий (Брянчанинов)*). 2007. Т. 8. С. 631–650).

После выхода из Свирского мон-ря Л. посетил Киев. 6 окт. 1828 г. по пути в Оптину пуст. прибыл в Площанскую пуст., где познакомился с буд. оптинским старцем прп. *Макарием (Ивановым)*, к-рый незадолго до этого потерял своего духовного настав-

ника схим. Афанасия (Захарова; † 1825) и молился о том, чтобы Господь послал мудрого руководителя.

В апр. 1829 г. Л. перешел в скит Оптиной пуст. вместе с 6 учениками: мон. Макарием (Грузиновым), послушником Диомидом Кондратьевым, А. М. Сапожниковым, Г. Васильевым, И. Николаевым и П. П. Тамбовцевым. Преподобному отвели келью на пасеке около скита. 12 авг. 1829 г. он был причислен к братии. Иеросхим. Игнатий, поступивший в июле 1830 г. в скит, свидетельствовал о жизни скитян при Л.: «Скит не был еще окончательно обстроен... Братий было около 20 человек, в числе их было 5 молодых, а прочие все старцы. Утреннее правило начиналось в 2 часа. Читали полунощницу, а перед ней утренние молитвы, затем 12 псалмов, поучение из пролога, 1-й час. Братия расходилась затем по кельям. В 6 часов становились в кельях на правило — читать 3-й и 6-й часы и главу Евангелия и 2 главы Апостола. После сего шли на послушания. В то время были послушания: переплетное, садовое и письменное у о. Льва.. Все сохраняли безмолвие. По кельям не ходили. Некоторые только выходили иногда в скит для уединенных прогулок в ночное время. Новоначальных наставляли не столько словами, сколько примером своей жизни. Благой пример старшей братии благодетельно действовал на новоначальных, и они старались подражать ей. За этим строго следил о. игумен Антоний. На общие послушания выходили все обязательно. Исключения составляли: о. Антоний, о. Иов и о. Вассиан. Общие послушания были весной и летом: огородное и садовое и осенью — копанье картофеля, рубка капусты, сбор яблок. Дрова для топлива собирали сами в лесу: одежду, обувь, муку, белье скитяне получали из монастыря. За это скит делился с монастырем получаемыми деньгами от благодетелей. В остальном порядок жизни был такой же, что и теперь. Чай пили только по праздникам, собираясь для сего у о. Льва на пасеке... На откровение помыслов вся братия ходила к о. Льву на пасеку после вечерней трапезы, и у него же в келье выслушивали вечерние молитвы. Вечерня вычитывалась до ужина в соборной келье. Народу приходило к о. Льву тогда весьма много. Больше всего поучал о. Лев смиренню» (Сказание иеросхим. о. Игнатия о жизни в ски-

те Оптиной Введенской пуст. (1830–1860) // РГБ НИОР. Ф. 213. К. 49. Ед. кр. 10).

Л. возродил в Оптиной пуст. старческое руководство и откровение помыслов в духе святоотеческой традиции. Вместе с даром духовного рассуждения он обладал даром прозорливости и часто напоминал приходившим к нему забытые грехи. Ученики вспоминали, что Л. «как бы читал в душе каждого из них сердечные тайны, что от пронизательного его взора не могли утаиться сокровенные их помыслы, которые он нередко явно в присутствии других, приходивших к нему, обличал ради их душевной пользы. Особенно же старец имел от Бога дар открывать и напоминать искренно относившимся к нему забытые ими грехи». Л. не боялся затронуть самолюбие духовных детей, умел и пристыдить, и утешить. Несмотря на видимую простоту, его «обращение никого не оскорбляло» (Житие. 1994. С. 65–66, 84).

Ближних учеников Л. называл «деточками» и обращался к ним: Мишутка, Саша-Алексаха, Арсеньюшка, Аникий-невеликий. Часто давал шуточные прозвища, к-рые, с одной стороны, подчеркивали главные черты характера и служили для их смирения, а с другой — показывали и острую наблюдательность старца, склонного в шуточной форме обратить внимание человека на те склонности, к-рые, возможно, нуждались в исправлении. Так, инока Антония (Бочкова; 1803–1872), вполн. настоятеля *Черемнецкого во имя ап. Иоанна Богослова муж. мон-ря*, искреннего любителя лит-ры, к-рый и сам писал стихи, хорошо рисовал, но вслед. нежного воспитания впал в уныние, Л. называл «последним римлянином»; о Геронтия (Васильева; 1800–1857), обладавшего вспыльчивым характером, в рясофоре называл Героем, а при постриге в мантию, когда его нарекли Геронтием, — «Горлантый», а иногда «Горлан». В 1837 г. игум. Геронтий стал строителем *Тихоновой Калужской в честь Успения Пресв. Богородицы муж. пуст.*, после чего Л. ежегодно приезжал туда на несколько недель, заботился о духовном возрастании братии. Постепенно благодаря советам Л. внутренний строй жизни пустыни стал изменяться. По словам братии, ничего важного в мон-ре не предпринималось и не

делалось без благословения старца (Там же. С. 88).

Несмотря на окормление монахов и мирян, внутренняя жизнь Л. оставалась сокровенной. Не раз ближайшие ученики видели преподобного настолько погруженным в молитву, что он совсем забывал об окружающем. Обладая твердым и прямым характером, Л. никогда не гневался и не раздражался на иноков, напротив, сохранял спокойствие.

В 1834 г. из Площанской в Оптину пуст. перешел прп. Макарий (Иванов), к-рый стал последователем старца, помогал в окормлении духовных чад и в написании писем. «Будучи главным указным монастырским духовником и скитоначальником, ничего не делал, не вопросив о. Леонида, и по смирению весь успех своих начинаний приписывал тайно и явно молитвам, советам и благословию своего отца и до самой блаженной кончины о. Леонида пребыл одним из усерднейших учеников его. Такое же смирение являл со своей стороны в отношении к о. Макарию и старцу о. Леониду» (Там же. С. 116).

Т. о. в Оптиной пуст. закладывалось духовное единодушие и преемство старческого руководства: «В последние пять лет своей жизни старец о. Леонид желавшим пользоваться его руководством большей частью благословлял обращаться вместе с тем и к о. Макарию и открывать ему все, что открывали самому о. Леониду. Со своей стороны и о. Макарий, когда узнавал от своих духовных детей что-нибудь касающееся до них важное, всегда спрашивал, объясняли ли об этом старцу Леониду, и если не объясняли, то отсылал к нему для объяснения. Таким образом, душа каждого из относившихся к ним была равно открыта пред обоими старцами, и оба они одинаково знали все обстоятельства своих духовных детей» (*Аганит (Беловидов)*. 1997. С. 42).

Для духовного назидания Л. часто использовал пословицы и присказки: «Душу спасти — не лапоть сплести», «Источник молитвы у всякого есть, но отверзается он или постепенным углублением в себя, или мгновенно Божиим сверлом», «Если спрашиваешь меня, то и слушать, а если не слушать, так и не ходить ко мне», «Душа человеческая в душе своей таит много добра. Надобно только его отыскать», «Исповедо-

вать на живую ниточку» (т. е. скоро), «У кого голосок да волосок, у того лишний бесок», «За что купил, за то и продавай», «Старого учить, что мертвого лечить» и др.

У Л., как и у др. оптинских старцев, была обширная б-ка. При его поддержке и по его благословию в Оптиной пуст. было подготовлено несколько книг. В 1839 г. опубликованы жизнеописание схим. Феодора, составленное послушником Петром Григоровым, а также 2 книги иеросхим. Иоанна (Малиновского) с критикой старообрядцев: «Доказательства о древности трехперстного сложения и святительского именованного благословения от разных достоверных древних и новых писателей для убеждения раскольников» и «Дополнения к доказательствам о древности трехперстного сложения». В 1841 г. опубликована кн. «Дух мудрования некоторых расколических толков» иеросхим. Иоанна (Малиновского). В 1838 г. по поручению еп. Николая Л. вел беседы со старообрядцами в 2 деревнях Калужского у.

Возрождение монашеской традиции откровения помыслов, приток паломников к старцу вызвали непонимание у нек-рых современников Л., поэтому на него писали жалобы епархиальному начальству. По указу еп. Калужского и Боровского Николая (Соколова) Л. был перемещен из скита в обитель, 1 нояб. 1835 г. за неимением кельи — обратно в скит, а 2 февр. 1836 г. — вновь в Оптин мон-рь. Вместе с Л. из скита перешли мон. Макарий (Грузинов) и послушник Григорий Лавров. В авг. 1836 г. Л. поселился в келье, построенной А. И. Желябужским. Вскоре ему было запрещено открыто носить схиму и принимать мирских посетителей. 17–18 июня 1837 г. Оптину пуст. вместе с еп. Николаем посетил митр. Филарет (Амфитеатров), вслед. заступничества которого гонения на старца ослабели, ему было разрешено носить схиму. Мн. лишние старческого окормления обращались и к еп. Николаю, и к настоятелю прп. *Моисею (Путилову)*, и постепенно старец снова стал принимать народ, говоря: «Я к себе никого не зову; а кто ко мне приходит, тех гнать от себя не могу. Особенно в простонародии многие погибают от неразумия и нуждаются в духовной помощи. Как могу презреть их вопиющие душевные нужды?» (Житие. 1994. С. 213).

Л. духовно окормлял монахинь из белёвского Крестовоздвиженского, севского Троицкого мон-рей, Борисовской Тихвинской пуст. и др. В 1839–1841 г. подверглись гонениям ученицы Л. из Белёвского мон-ря. Сестры пользовались наставлениями преподобного, а на откровение помыслов ходили к его ученице старице Анфии (Кононовой; 1798–1858). В 1841 г., после обвинения в ереси и в том, что мон. Анфия якобы исповедует сестер от имени Л., она вместе с послушницей М. Н. Сомовой (впосл. игумения каширского Никитского мон-ря *Макария*) была выслана из обители, др. ученицы были оставлены под надзором. Впосл., как и предсказывал Л., изгнанные насельницы были возвращены, а его ученица Павлина (Овсянникова; 1813–1877) стала настоятельницей обители, во всем руководствуясь советами его преемника прп. Макария. Гонения в Белёвском мон-ре отразились и на обстоятельствах жизни самого старца, к-рому вновь запретили принимать мирских посетителей. По свидетельству нек-рых лиц, существовала возможность его перевода в др. мон-рь Калужской епархии или даже в *Соловецкий в честь Преображения Господня муж. мон-рь*. Возникающие недоразумения Л. принимал благодушно. Однако, уступая настойчивым просьбам учеников, подписал, не читая, письмо прп. Макария настоятелю Сергиевой пуст. архим. Игнатию (Брянчанинову), который обратился с ходатайством о старце к митр. Филарету (Дроздову). Митр. Филарет писал еп. Николаю, что «ересь предполагать в о. Леониде нет причины» (Там же. С. 303).

В сент. 1841 г. у старца побывал инок Парфений (Агеев), оставивший рассказ об этом посещении в своем «Сказании о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле...». Л. был похоронен 13 окт. 1841 г. за алтарем Никольского придела Введенского собора при огромном стечении народа. 20 мая 1842 г. литию на могиле отслужил митр. Филарет (Амфиотров), в июне 1843 г.— Калужский еп. Николай (Соколов). Чугунный памятник на могиле был установлен 24 дек. 1843 г.

Отвечая на известие о кончине старца, архим. Игнатий (Брянчанинов) писал: «Душа моя исполнилась печали — и как ни вспомяну о нем, — каждый раз обильная печаль изли-

вается в мое сердце. Точно как вы пишете, он имел обо мне особеннейшее расположение и любовь, следствие коих постоянно в себе ощущаю: отклонясь телесно, я не отклонился в противное мудрование, но многие его изречения остались у меня в памяти и доселе меня руководствуют, особливо произнесенные в Свирском монастыре» (*Игнатий (Брянчанинов)*. 2004. Т. 6. С. 607). И. М. *Концевич* называл Л. «первым старцем в Оптиной», прот. С. И. Четвериков, сравнивая становление старчества в Оптиной пуст. с временами года, соотнес с весной служение преподобных Авраамия, Моисея, Антония и Л. (*Концевич*. 2013. С. 471; *Четвериков*. 1998. С. 398).

26 июля 1996 г. Л. был прославлен в Соборе Оптиных старцев в лике местночтимых святых, на Архиерейском юбилейном Соборе 13–16 авг. 2000 г.— общецерковно. 9 июля 1998 г. обретенны его мощи и торжественно перенесены в храм в честь Владимирской иконы Божией Матери.

Материалы к жизнеописанию Л. стали собирать сразу после его кончины. Пожелание составить жизнеописание старца выразил еп. Калужский Николай (Соколов). Хотя при жизни Л. между ними происходили недоразумения, связанные с ложными наветами недоброжелателей и непониманием сути старческого окормления, преосв. Николай понимал всю важность такого издания. В 1845 г. в ж. «Маяк» был опубликован отрывок рукописи «Жизнь и подвиги Оптиной пуст. старца иером. Леонида», подготовленный о. Порфирием (Григоровым). В статье содержались «Вопросы ученика и ответы старца», вошедшие позднее во все жизнеописания Л.

С просьбой о составлении жизнеописания обратились к прп. Макарию (Иванову), к-рый по своему смирению отказался, о чем писал 24 мая 1845 г.: «...я нахожу себя к этому предприятию слабым и недостойным, не имею источников. Может быть, найдутся люди, кои и соберут историю жизни его на пользу другим; а я довольствуюсь тем, что чту память его, помня его отеческую любовь ко всем и ко мне, убогому; уповаю, что он удостоился получить милость Божию и там молит за нас, грешных, Господа. Питаясь сею надеждою, остаюсь мирным; также и прочие знающие его ведут и жизнь

его: а когда восхочет Господь, то подаст силу и разум, кому нужно писать жизнь его» (*Макарий (Иванов)*. 1862–1863. Ч. 5. С. 566).

Игум. Антоний (Бочков) пытался составить жизнеописание, но оставил только нек-рые записки: «...хотел во всей полноте описать жизнь старца, как ее видел; но затруднился, так как старец действовал и выражался очень своеобразно, и даже полужуродствовал: видеть и понимать это было можно, а выразить на словах и вполне передать другим неудобно» (*Климент (Зедергольм)*. 1991. С. 1). В «Записках... из истории Валаамского монастыря и с описанием своих путешествий по монастырям России» (РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 6.) игум. Антоний описывал пребывание старцев Л. и о. Феодора на Валааме и в Александровом Свирском мон-ре. Помимо свидетельства др. лиц игум. Антоний оставил свои воспоминания о старце, записал его 14 ответов на предложенные вопросы, касающиеся духовной жизни, и, наконец, посвятил своему наставнику стихотворение «Памяти отца Леонида» (др. название — «Плач на гробе отца»). Материалы (1846) игум. Антония к жизнеописанию старца вошли в рукопись из собрания Оптиной пуст. «Жизнеописание Леонида (Льва) (Наголкина) — материал к изданию» (РГИА. Ф. 213. К. 46. Ед. хр. 3. 22 л.). Воспоминания игум. Антония (Бочкова) опубликованы в книге архим. *Леонида (Кавелина)* «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пуст. и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи» (1847), а также во всех биографических очерках о старце. В книге о. Леонида опубликована и литография Л., выполненная П. Ф. Борелем. В качестве приложения к жизнеописанию старца архим. Леонид поместил «Вопросы ученика и ответы старца» — вопросы П. П. Тамбовцева к Л., опубликованные ранее в ж. «Маяк» (Маяк. СПб., 1845. Т. 22).

Иером. Леонид (Кавелин) работал над жизнеописанием Л. и над подготовкой к изданию его писем, о чем свидетельствуют рукописные тетради (Письма в списках) старца иеросхим. Льва (Леонида) (Наголкина) // РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 370, 371), относящиеся к 1855–1857 гг. Однако в связи с назначением в Русскую духовную миссию в Иерусалиме эта работа иером. Леонидом не была завершена.

В 1861 г. вышло жизнеописание прп. Макария (Иванова), составленное иером. Леонидом. В «Сказании о жизни и подвигах блаженный памяти старца Оптиной пуст. иеросхим. Макария» есть гл. «Подвижническая жизнь [о. Макария] под руководством старца отца Леонида» (С. 55–63). В ней составитель поместил не только выдержки из уже опубликованных воспоминаний о Антонии (Бочкова), но и новые материалы, среди которых выделяются свидетельства очевидцев о взаимоотношениях 2 старцев, а также написанный прп. Макарием некролог старца Льва.

В 1876 г. было издано жизнеописание Л., подготовленное о. Климентом (Зедергольмом). По словам К. Н. Леонтьева, Л., «смирясь пред епископом, все-таки, как мы видим, неизменно и бодро отстаивал свое призвание старца» и «при всей своей серьезности позволял себе иногда несколько юродствовать, смешить, представляться чудачком, притворяться гневным для наставления» (Леонтьев. 1997. С. 45–46).

Наиболее полное жизнеописание Л. составлено по решению собора старшей братии мон-ря (Журнал заседаний собора старшей братии Козельской Введенской Оптиной пуст. и мат-лы к ним, 1913–1918 // РГБ. Ф. 213. К. 3. Ед. хр. 26. Л. 35) архим. Агапитом (Беловидовым). В 1917 г. в Шамординской типографии была издана его кн. «Первый великий старец оптинский иеромонах Леонид (в схиме Лев)». В 1994 г. вышло репринтное переиздание — «Житие оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва)», подготовленное Оптиной пуст. в сер. «Преподобные оптинские старцы».

Предварительную, собирательскую работу над жизнеописанием старца отражают многочисленные рукописи из архива Оптиной пуст.: Список материалов для составления жизнеописания иеросхим. Леонида (Льва) (Наголкина) [1870-е] // РГБ. Ф. 213. К. 46. Ед. хр. 9; Различные записи о старцах Оптиной пуст. // Там же. К. 50. Ед. хр. 4; *Амвросий Гренков (?)*. Записка о иеросхим. Леониде (Льве) (Наголкине). Отрывок. Доп. мат-л к жизнеописанию старца Леонида [1880-?] // Там же. К. 49. Ед. хр. 1; Жизнеописание оптинского старца иеросхим. Льва (Леонида Наголкина) и др. [1890-е гг.] // Там же. К. 74. Ед. хр. 24. Полное жизнеописание старца содержится в ру-

кописи «Первый великий старец Оптинский иером. Леонид (в схиме Лев)» — книга, подгот. ко 2-му изд., испр. и значительно доп. [1900-е гг.] // Там же. К. 52. Ед. хр. 2.

Важными источниками, добавляющими новые штрихи к характеристике Л., являются воспоминания его учеников: Записки иером. Антония, дополнения к жизнеописанию иеромонаха Леонида (Льва) (Наголкина). Копия. [1890-е гг.] // Там же. К. 49. Ед. хр. 5; Рассказ об оптинских старцах Леониде (Наголкине), Макарии (Иванове), Амвросии (Гренкове): Из восп. мон. Тихвинской жен. пуст. Курской губ. Антонии Труновой // Там же. К. 51. Ед. хр. 6. Нач. 1900-х гг.; Воспоминания о старце Леониде (Льве). 2-я пол. XIX в. Написаны мон. Троицкого Севского монастыря // Там же. Ф. 214. Ед. хр. 297 (2). Свидетельства прозорливости старца, не вошедшие в жизнеописание, содержатся в «Келейных записках игум. Варсонофия» (Там же. Ед. хр. 319). Еще в XIX в. Л. предсказывал разорение Оптиной пуст.: «...придет время, когда скит наш запустеет, и в нем будут жить одни кошки» (РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 319. Л. 354–354 об.).

Эпистолярное наследие Л. полностью не издано. В рукописях хранится ок. 1,5 тыс. писем (в т. ч. совместных писем и списков) старца более чем 80 адресатам. После кончины Л. по просьбе обители мн. адресаты прислали в Оптину пуст. сохранившиеся у них письма: в автографах и копиях. Эпистолярное наследие Л. можно разделить на неск. групп: письма-автографы старца; письма-автографы старца Макария с подписями-автографами старцев Л. и Макария; писарские и писарские с подписью-автографом Л.; списки писем; отредактированные письма, подготовленные к изданию. В 1860 г. иером. Леонид (Кавелин) подготовил отдельное издание — «Советование к сохранению заповедей», составленное по письмам Л. (позже перепечатано в «Калужских епархиальных ведомостях» (1862. № 9. С. 127–132) и «Троицких листках» (1880. № 24. С. 105–108)). «Советование...» было написано в форме послания к некоему адресату о сущности духовной жизни в мон-ре и в миру. В 1862 г. во 2-м издании «Исторического описания скита Оптиной пуст.» было опубликовано 30 писем Л. (С. 143–211), к-рые затем были приведены

в жизнеописании старца, составленном схиархим. Агапитом (Беловидовым). В «Историческом описании Белёвского девичьего Крестовоздвиженского третьеклассного монастыря», составленном иером. Леонидом (Кавелиным), в Приложении опубликованы письма Л., адресованные ближайшим ученикам. Иером. Леонид (Кавелин) готовил к печати также «Письма (в списках) старца иеросхим. Льва (Леонида) (Наголкина)» (РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 370, 371). В конце каждой рукописной книги предлагалось тематическое оглавление писем. В 1862–1863 гг. было издано 6-томное собрание писем старца Макария, ближайшего ученика Л., куда были включены в т. ч. и совместные письма старцев.

В 70-х гг. XIX в. в обители под рук. старца Амвросия проводилась работа с рукописным эпистолярным наследием Л. Об этом упоминает о. Порфирий (Севрюгин) в письме игум. Леониде (Фризель) от 23 дек. 1875 г.: «...имею я послушание от Старца Батюшки о. Амвросия письменное, веду летопись нашей обители, занимаюсь разборкою писем о. Леонида и другими материалами, приготавливающимися для издания» (РГБ. Ф. 213. К. 99. Ед. хр. 10. Л. 3 об.— 4). В отчете о проделанной работе за 1874–1875 гг. о. Порфирий указывал: «Разборка писем о. Леонида, и составление им оглавлений, и выборка из них материалов для жизнеописания старца. Сличение по двум рукописям и печатному жизнеописанию старца о. Феодора» (*Порфирий (Севрюгин), мон.* Отчет о занятиях за 1874–1875 гг. // РГБ. Ф. 213. К. 99. Ед. хр. 8. Л. 1–1 об.). О подготовке писем к изданию свидетельствуют и сохранившиеся рукописные тематические указатели к рукописным сборникам писем кон. XIX — нач. XX в.: Указатель к письмам старца иеросхим. Леонида (Льва Наголкина) // Там же. К. 44. Ед. хр. 12, в 3 тетрадах; Указатель к наставлениям старца Леонида (Льва Наголкина) // Там же. К. 74. Ед. хр. 25; Указатель к наставлениям старцев Льва и Макария: 2 ч. // Там же. К. 50. Ед. хр. 6, 9; Указатель к наставлениям старцев: 2 ч., к-рый называется «Азбука монашеская» // Там же. Ед. хр. 7, 10) и др.

В 1917 г. в жизнеописании старца в Приложении были вновь приведены 30 писем Л., повторяющих публикацию иером. Леонида 1862 г.

Фактически именно эти письма на протяжении почти столетия стали главным источником для изучения эпистолярного наследия Л. В 1991 г. в «Московском приходском сборнике» были опубликованы те же письма, но источником публикации послужил рукописный сборник 40-х гг. XIX в. из собрания храма свт. Николая Чудотворца в Клённыхках. Этот сборник, возможно, являлся списком с издания «Исторические описания скита» о Леониде (Кавелина). В 2003 г. была издана обширная публикация «Письма великих оптинских старцев», где собраны письма Л., преподобных Макария, Амвросия, Анатолия (Зерцалова). В 2002 г. В. В. Кашириной был подготовлен сб. «Письма Оптинского старца Льва к мон. Иоанникию (Бочарову)», в котором опубликованы письма старца одному из его ближайших учеников и последователей. Арх.: ГАБО. Ф. 7. К. 1. Ед. хр. 24, 31; РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 6; РГБ. Ф. 213. К. 3. Ед. хр. 26; К. 44. Ед. хр. 12; К. 46. Ед. хр. 3, 9; К. 49. Ед. хр. 1, 5, 10; К. 50. Ед. хр. 4, 6, 7, 9, 10; К. 51. Ед. хр. 6; К. 52. Ед. хр. 2; К. 74. Ед. хр. 24–33; К. 75. Ед. хр. 1–50; К. 99. Ед. хр. 8, 10; Ф. 214. Ед. хр. 297 (1–3), 319, 350–351, 360, 370–385, 618 (1–2).

Соч.: Советование к сохранению заповедей: [Из писем Оптинского старца иером. Леонид (в схиме Льва)] / Изд. подгот.: иером. Леонид (Кавелин). [Б. м., 1860]; «Аще хощеша внити в живот, соблюди заповеди»: Из писем оптинского старца иером. Леонид, в схиме Льва. М., 1880; Письма оптинского старца иеросхим. Льва (Наголкина) // Московский приходской сб. М., 1991. Вып. 1. С. 109–150; Письма к мон. Иоанникию (Бочарову) / Сост.: В. В. Каширина. [Козельск], 2002; Письма великих оптинских старцев / Сост.: А. Д. Червяков. М., 2003; Духовнополезные поучения преподобных оптинских старцев. [Козельск], 2003. 2 т.

Ист.: *Парфений (Агеев), инок*. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле. М., 1856². Ч. 1. С. 275–280; *Макарий (Иванов), иеросхим.* Собр. писем. [Козельск], 1862–1863. 6 ч.; *Климент (Зедергольм), иером.* Жизнеописание оптинского старца иером. Леонид (в схиме Льва). М., 1876. Од., 1890 (переизд.: *он же*). Жизнеописание оптинского старца иером. Леонид (в схиме Лев). Шамордино, 1917² (переизд.: *Житие оптинского старца иером. Леонид (Льва)*). [Козельск], 1994); *Житие оптинского старца Макария / Сост.: архим. Леонид (Кавелин)*. [Козельск], 1995^р; *Агапит (Беловидов), архим.* Жизнеописание оптинского старца иеросхим. Макария. М., 1997; Великий старец иеросхим. Лев Оптинский // ЖПОдв. Окт. С. 379–426; *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Полное собр. творений. М., 2004. Т. 6; 2007. Т. 8.

Лит.: *Леонид (Кавелин), архим.* Ист. описание Козельской Введенской Оптиной пуст. и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи. СПб., 1847. Ч. 2; *он же*. Ист. описание ски-

та при Оптиной пуст. СПб., 1862²; *он же*. Ист. описание Белёвского девичьего Крестовоздвиженского третьекл. мон-ря. СПб., 1863; *он же*. Ист. описание Борисовской Тихвинской девичьей пуст. М., 1872; [Погодин] М. П. Ист. описание Козельской Оптиной пуст. и состоящего при ней скита // Москвитянин. 1848. Ч. 2. № 4. Отд. 2. С. 137; Червяков А. Д. Собр. Оптиной Введенской пуст.: Ф. 214 // Рукописные собр. ГБЛ: Указ. М., 1986. Т. 1. Вып. 2. С. 272–287; *Леонтьев К. Н.* Отец Климент Зедергольм, иером. Оптиной пуст. М., 1997; *Четвериков С., прот.* Правда христианства. М., 1998; *Котельников В. А.* Старец Леонид и возникновение старчества в Оптиной пуст. // ЦиВр. 2002. № 4(21). С. 156–165; *Каширина В. В.* Лит. наследие Оптиной пуст. М., 2006; *она же*. Эпистолярное наследие оптинского старца Льва (Наголкина) в РГБ // Отеч. арх. 2006. № 5. С. 48–55; *она же*. Основатель оптинского старчества и его келейная б-ка // Библиотекосведение. 2007. № 1. С. 70–74; *она же*. Свт. Игнатий (Брянчанинов): Житие схим. Феодора (Ранняя ред.) // *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Полное собр. творений. М., 2007. Т. 8. С. 633–650; *она же*. Эпизод о златнице в Житии прп. Льва Оптинского и в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Духовная традиция в рус. лит-ре: Сб. науч. ст. Ижевск, 2009. С. 128–137; *Запальский Г. М.* Оптина пуст. и ее воспитанники в 1825–1917 гг. М., 2009; *Захарченко С. О.* Адресаты оптинского старца Льва: опыт атрибуции писем // Отеч. арх. 2013. № 4. С. 48–52; *она же*. Библейские метафоры в письмах Льва Оптинского // Евангельский текст в рус. лит-ре XVIII–XX вв.: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. / Сост.: В. Н. Захаров. Петрозаводск; М., 2014. Вып. 9. С. 371–379; *Концевич И. М.* Оптина пуст. и ее время. Козельск, 2013.

В. В. Каширина

Иконография. Сохранились описания облика Л., содержащие наиболее характерные черты, запечатленные в его изображениях. Так, настоятель Николо-Угрешского мон-ря архим. Пимен (Мясников), живший в Оптиной пуст. в 1833 г. и лично знавший преподобного, вспоминал: «Отец Леонид был ростом выше среднего, довольно полный, лицо имел круглое, взгляд быстрый и пронизательный, бороду небольшую, седую и волосы густые, длинные, спускавшиеся на плечи» (Воспоминания архим. Пимена. 1876. С. 54). Прот. Сергей Четвериков, автор-составитель исторического очерка об Оптиной пуст., поместил следующее свидетельство: «Самый наружный вид его был поразителен. Он был высокого роста, довольно полный, но легкий и быстрый, с небольшими пронизательными и живыми глазами, с длинными, волнистыми и густыми волосами, напоминающими львиную гриву...» (Четвериков. 1926. С. 37). Из Жития преподобного известно, что еп. Калужский и Боровский Николай (Соколов; † 1851) накладывал на него запрет ношения схимы (Климент (Зедергольм). 1890. С. 43). С 1837 г., после посещения Оптиной пуст. митр. Киевским Филаретом (Амфитеатровым), отменившим это наказа-

ние, «отец Леонид до конца своей жизни невозбранно носил, как и прежде, по обычаю молдавских монастырей, схимнический великий параман нитяный» (Там же. С. 48).

Духовная и культурная атмосфера Оптиной пуст. XIX в., сложившаяся под влиянием старчества, способствовала тому, что насельники бережно хранили воплощенные в живописных портретах, эстампах и фотографиях образы своих наставников, а также тиражировали изображения почитаемых ими подвижников для раздачи многочисленным чадам и паломникам. В летописи скита Оптиной пуст. за 3 дек. 1853 г. сообщается о живописном портрете Л., находившемся у схим. Леонид (Бочарова; † 1853), который «дня за четыре до своей кончины» подарил его о. Симеону (вероятно, рясофорному мон. Сокольникову; † 1854) (РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 361. Л. 167). В записи от 22 окт. 1875 г. упоминается о 7 портретах Л., «писанных при жизни его масляными красками». По мнению братии, самый лучший (с надписью на обороте) хранился у иеросхим. Пимена (Пашенко; † 1881), вступившего в братство Оптиной пуст. в окт. 1840 г., еще при жизни Л. Здесь же говорится, что у иером. Пахомия (Копцева; † 1883) имелась фотография Л., сделанная, вероятно, с этого же портрета, к-рая «была послана в Москву для напечатания» (РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 366. Л. 51–51 об.). Наряду с изображениями др. подвижников портрет Л. висел в келье его ученика прп. Макария Оптинского (*Агапит (Беловидов)*. 1997. С. 70).

Сохранились неск. живописных и литографированных изображений Л., которые являются вариантами одного извода с различной психологической характеристикой портретируемого. К наиболее ранним относится эстамп (не позднее 1846), изготовленный в литографской мастерской М. А. Тюлева по рис. П. Ф. Бореля, к-рый был опубликован в 1847 г., спустя 6 лет после кончины старца, в кн. «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи» (1847). Л. изображен по пояс, вполборота влево, в монашеской мантии и схиме, на голове — клобук, на груди — наградной крест в память Отечественной войны 1812 г., правая рука скрыта под мантией, в левой — книга. Л. представлен в возрасте 45–50 лет; черты лица правильные, длинные густые волосы распушены по плечам, у него небольшая вьющаяся борода, взгляд устремлен вдаль. Рисунок исполнен с высоким профессионализмом и отражает характерные черты облика Л. Репродукция портрета подобной иконографии опубликована в кн. «Жизнеописание оптинского старца иеросхим. Макария» (*Агапит (Беловидов)*. 1997. С. 7. Вкл.). В более зрелом возрасте Л. представлен на портрете (без подписи

художника), к-рый был создан в 40-х гг. XIX в. иером. Гавриилом (Спасским) (РГБ. Опт. Ф. 213. К. 112. Ед. хр. 21), поступившим в Оптину пуст. за полгода до кончины Л. Вероятно, портрет создавался по натурным наблюдениям художника. Он выполнен в спокойных серо-голубых тонах, изображение поясное, фронтальное, с небольшим поворотом фигуры влево, Л. в правой руке держит посох, в левой — книгу. Особое внимание автор уделил проработке лика: черты некрупные, брови сдвинуты к переносице, борода небольшая, средней длины, раздвоенная книзу, седые волнистые волосы распущены по плечам. Во взгляде преподобного мастера удалось одновременно запечатлеть духовную мудрость и скорбь

Прп. Лев Оптинский.
Портрет. 40-е гг. XIX в.
Худож. иером. Гавриил (Спасский)
(РГБ)

от перенесенных страданий. К этому портрету очень близок по стилистике большой живописный портрет Л. (без подписи художника, 70-е гг. XIX — 1-я треть XX в.), к-рый был передан в Оптину пуст. из ТСЛ в 90-х гг. XX в. Художник использовал др. цветовое решение. Образ написан теплыми коричнево-охристыми красками. Более тщательно прорисовано облачение: складки мантии, наградной крест на ленте ордена св. Владимира и Голгофские кресты на схиме; дана иная психологическая трактовка: взгляд подвижника строгий и проницательный.

Изображение на литографии 1868 г., выполненное в мастерской ТСЛ (оттиск хранится в ЦИМ СДМ), восходит к изводу живописных портретов Л. Святой представлен вполоборота влево, правой рукой опирается на посох, в левой держит книгу; проработаны детали облачения: на схимническом парамане кроме Голгофского креста помещен текст молитвы. Отражены особенности внешнего облика Л.: правильные черты лица, брови с изломом, образующие складку на переносице, длинные густые вьющиеся

волосы, распущенные по плечам, небольшая, разделенная на 2 пряди борода, крупные кисти рук; строгий, пронизывающий взгляд. Хромолитография, изготовленная в мастерской Е. И. Фесенко по рис. А. Будая в 1890 г., является копией этого эстампа (опубл. в кн.: Климент (Зедергольм). 1890).

В братской трапезной Оптиной пуст. (построена в 1858) на западной стене между дверью и окном сохранилось изображение Л. вместе с его духовным преемником прп. Макарием Оптинским, выполненное живописцем В. П. Петровым (Ист. описание... 1876. С. 138). Стенопись, вероятно, создавалась в сер. 60-х — нач. 70-х гг. XIX в., после кончины прп. Макария в 1860 г. Облик Л. стилистически близок к типу литографированного портрета 1868 г. Старцы представлены в полный рост, вполоборота влево, Л. стоит позади прп. Макария, взгляд обращен к зрителю. Темный колорит подчеркивает выразительность ликов обоих подвижников.

Иконописные образы Л., созданные в Оптиной пуст. после его канонизации, по типу изображения восходят преимущественно к литографии 1868 г. На иконах Л. изображается, как правило, в полный рост, прямолично или с небольшим поворотом влево, в монашеском облачении (рясе, мантии), со схимой или с епитрахилью, голова покрыта клобуком, на груди — наградной крест в память войны 1812 г. на ленте, реже — наперсный крест, правой рукой он благословляет, в левой держит свиток с изречениями св. отцов, со священными текстами или с цитатами из собственных поучений. Варианты текстов следующие: «Братие, попечемся о спасении душ наших и потщимся всегда призывать в помощь имя Божие» (прп. Иоанн Лествичник); «Пою Богу моему дондеже есмь» (Пс 103. 33); «Делание заповедей Господних животворит душу и даже тело твоё умиротворит»; «На злые помыслы — меч духовный — четки»; и др. Облик узнаваемый, с присущими ему особенностями: густыми, длинными, волнистыми волосами, небольшой, раздвоенной книзу бородой, характерной формой дугобразных с изломом бровей.

Единоличные иконы Л. были созданы к его местному прославлению в Соборе преподобных Оптинских старцев в 1996 г. Первая ростовая икона-пядница написана игумен. Ипатием (Хвостенко) (1996, ризница Оптиной пуст.; см.: Оптина пустынь. 2009. С. 12). После обретения мощей Л. в 1998 г. выполнен большой ростовой образ на раку в ц. Владимирской иконы Божией Матери (2000, игумен. Ипатий (Хвостенко); см.: Оптина пустынь. 2009. С. 58). В групповых композициях на иконах и в монументальной живописи Л. изображается обычно рядом со своим духовным учеником и со-

Прп. Лев Оптинский.
Икона. 1996 г.
Иконописец игумен. Ипатий (Хвостенко)
(ризница Оптиной пуст.)

таинником прп. Макарием и с их учеником прп. Амвросием Оптинским в том же изводе, что и на единоличных образах (нередко ладонь правой руки раскрыта и в зависимости от композиции повернута вертикально или горизонтально).

Образ Л. включен в совр. росписи храмов Оптиной пуст. В ц. Казанской иконы Божией Матери между окнами на юж.

Прп. Лев Оптинский.
Роспись ц. Казанской иконы
Божией Матери в Оптиной пуст.
2004 г.
Иконописец мон. Мария (Левестам)

стене помещено его изображение в рост вместе с прп. Макарием (2004, мон. Мария (Левестам)). Во Владимирской ц. в центральном алтаре Л. представлен с непокрытой головой, вместе с другими оптинскими святыми, предстоящими

Спасителю (2006, иером. Иларион (Ермолаев)). Над ракой со св. мощами преподобного расположена композиция «Благословение старцев оптинских Льва и Макария их ученику прп. Амвросию»: святые изображены на фоне Иоанно-Предтеченского скита, Л. благословляет прп. Амвросия, в левой руке держит трость, за его спиной стоит прп. Макарий. Этот сюжет входит также в состав клейм житийных циклов прп. Амвросия (житийная икона-складень 1988–1989 гг. письма И. В. Вагагиной, братская трапезная Оптиной пуст.; житийная икона над ракой прп. Амвросия 90-х гг. XX в. работы мон. Евграфа (Николаева), Введенский собор мон-ря). Во Введенском соборе в алтаре придела во имя прп. Амвросия находится поясное изображение Л. (2010, игумен Филипп (Перцев)). В ц. арх. Михаила в Иоанно-Предтеченском скиту на своде арки между столбами помещено фронтальное поясное изображение Л. (2010, А. А. Патраков). В полный рост прямолично вместе с др. преподобными старцами Оптиной пуст. Л. изображен на зап. стене сводов св. ворот Оптиной пуст. (2002–2005, техника альсекко, художники И. Ю. и Н. В. Самолыго) и на сев. стене сводов св. ворот скита во имя св. Иоанна Предтечи Оптиной пуст. (2001, Ю. Н. Захаров).

В композиции «Собор преподобных старцев Оптинских» Л. представлен в 1-м ряду правой группы, рядом с прп. Макарием. Первый образ был создан иконописцами РПЦ в кон. 80-х — нач. 90-х гг. XX в. и подарен Оптиной пуст. К прославлению оптинских старцев в 1996 г. иконография разработана Т. А. Мушкетовой (Владимирская ц. Оптиной пуст.), в 1997 г. — игумен Ипатием (Казанская ц. Оптиной пуст.). Несколько подобных образов исполнено в иконописных мастерских Оптиной пуст. И. В. Кобрановой, Н. В. Радаевой и др. (напр., образ в Преображенской ц. монастыря, 2006). Иконы «Собор Оптинских преподобных» были выполнены также в иконописной школе при МДА (2006, Н. В. Масюкова, частное собрание; см.: Традициям верны... 2010. С. 65). На иконе «Собор преподобных старцев Оптинских», созданной для ц. в честь Собора св. Иоанна Предтечи (ок. 2006, иконописец Мушкетова), преподобные изображены на фоне Иоанно-Предтеченского скита.

Образ Л. включен в композицию иконы «Собор святых, прославленных в 2000-е лето» (иконописец Масюкова, храм Христа Спасителя), к-рая была создана в 2000 г. к общецерковной канонизации оптинских старцев на Архиерейском юбилейном Соборе РПЦ. Вместе с др. оптинскими старцами Л. изображается на иконах «Собор святых, в земле Российской просиявших», написанных по образцам мон. Иулиании (Соколо-

вой) (напр., на иконе 2002 г. М. В. Пыжова, ц. Воскресения в Сокольниках). Ист.: РГБ. Опт. Ф. 213. К. 112. Ед. хр. 21; Ф. 214. Ед. хр. 361, 366.

Лит.: Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи / Сост.: Леонид (Кавелин), архим. СПб., 1847. Ч. 1; М., 1876³; Воспоминания архим. Пимена [Мясникова], настоятеля мон-ря, что на Угрене // ЧОИДР. 1876. Кн. 3. Отд. 2. С. 52–72; Климент (Зедергольм), иером. Жизнеописание оптинского старца иером. Леониды (в схиме Льва). Од., 1890; Четвериков С., прот. Оптина пустынь: Ист. очерк и личные воспом. П., 1926; Азанин (Беловидов), схиархим. Жизнеописание оптинского старца иеросхим. Макария М., 1997; Зеленина Я. Э. Живописец Оптиной пустыни: Портреты Оптинских старцев работы иеросхим. Гавриила (Спаского) // Светильник. М., 2002. Ноябрь/дек. С. 49–55; Оптина пустынь: [Буклет]. Козельск, 2006, 2009²; Традициям верны: Работы учащихся, выпускников и преподавателей Иконописной школы при МДА / Авт.-сост.: архим. Лука (Головков). Серг. П., 2010.

Т. В. Анатониева

ЛЕВ (Леонтий), сщмч. (пам. греч. 22 янв.), еп. Никейский — см. в ст. *Мануил, Георгий, Петр* и др. мученики Адрианопольские.

ЛЕВ Евфимиевич Ершов (12.02.1867 (по др. данным, 12.02.1866), г. Красноуфимск Пермской губ. — 2.09.1918, там же), сщмч. (пам. 20 авг., в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской и в Соборе Екатеринбургских святых), свящ. Из купеческой старообрядческой семьи. В 1881 г. окончил 2-классное городское уч-ще и начал заниматься торговым делом. Был начетчиком в старообрядческой федосеевской общине. Серьезные духовные искания привели его к убеждению, что апостольское учение сохраняется в чистоте в правосл. Церкви. В 1894 г., в праздник Сретения Господня, Л. присоединился к РПЦ через таинство Миропомазания. В 1896 г. он был рукоположен во иерея и назначен на служение в Троицкий собор Красноуфимска. Вместе с исполнением своих пастырских обязанностей Л. являлся прогивораскольническим миссионером в Красноуфимском и Кунгурском уездах, в 1904 г. был назначен на должность епархиального миссионера. В 1914 г. его избрали почетным членом Пермского епархиального братства во имя свт. Стефана и святых его преемников Герасима, Питирима и Ионы.

Одновременно Л. 10 лет являлся заведующим церковноприходской школой Красноуфимска. Также он преподавал Закон Божий в красно-

уфимском Кирилло-Мефодиевском уч-ще и в уч-щах 2 соседних сел. В 1910–1914 гг. был законоучителем в 2-классном жен. уч-ще Красноуфимска. В 1911 г. назначен членом Красноуфимского уездного отделения епархиального училищного совета. В 1910–1913 гг. Л. дважды избирался кандидатом в депутаты на епархиальные училищные съезды.

Избирался духовенством Пермской епархии на должность духовника: в 1904 г. 1-го благочиннического округа, в 1910 г. — благочиннического округа Красноуфимска. В том же году Л. был утвержден членом ревизионной комиссии, а спустя 3 года стал депутатом епархиальных съездов духовенства. Кроме того, в 1910–1916 гг. он был членом благочиннического совета. Л. был награжден набедренником, фиолетовой скуфьей и камилавкой.

Летом 1918 г. Красноуфимский у. охватили волнения, вызванные принудительной мобилизацией населения в Красную Армию. Народные выступления были подавлены, начались массовые аресты. 1 сент. 1918 г. Л. был арестован вместе со сщмч. Александром Малиновским, священником из с. Верх-Суксунского Красноуфимского у., по обвинению в контрреволюционной агитации. В ночь на 2 сент. оба священника, находившиеся в тюрьме Красноуфимска, были расстреляны. 24 сент. того же года, после вступления в Красноуфимск белых войск, в Троицком соборе прошло отпевание Л. и свящ. Александра; они были захоронены в одном гробу у его апсиды.

Л. прославлен Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 13–16 авг. 2000 г. С 5 дек. 2002 г. его обретенные честные мощи пребывают в Троицком соборе Красноуфимска. Арх.: ГАПО. Ф. 542. Оп. 1. Д. 25; ГАРФ. Ф. 4369. Оп. 5. Д. 847; ГА Свердловской обл. Ф. 6. Оп. 17. Д. 103; Центр документации обществ. орг-ций Свердловской обл. Ф. 41. Оп. 1. Д. 65.

Лит.: Спасение от большевистского расстрела // Зауральский край: Газ. Екатеринбург, 1918. 9 окт.; Ильинский П. Всемирные заговорщики. Новониколаевск, 1919. С. 62; Польский. С. 230; Дамаскин. Кн. 2. С. 116; Жития святых Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2008. С. 341–346.

Игумен Дамаскин (Орловский)

ЛЕВ (Егоров Леонид Михайлович; 26.02.1889, с. Опеченский Посад Боровичского у. Новгородской губ. — 20.09.1937, Ахпунское отд-ние Сиблага), прмч. (пам. 7 сент., в Соборе

Прмч. Лев (Егоров).
Фотография. Сер. 20-х гг. XX в.

С.-Петербургских святых, в Соборе Кемеровских святых и в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской), архим. Род. в семье владельца артели ломовых извозчиков, осиротел в раннем детстве, брат митр. *Гурия (Егорова)*. В 1915 г., по окончании историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, поступил в Петроградскую ДА, где проучился 3 года. В кон. 1915 г. принял монашеский постриг с именем Лев в *Александро-Невской в честь Св. Троицы лавре*, был рукоположен во диакона и во иерея. Преподавал словесность в средних учебных заведениях. С 1916 г. занимался миссионерской деятельностью среди рабочих и городской бедноты в районе Лиговского проспекта. Продолжая после Октябрьской революции миссионерскую деятельность, Л. вместе с иеромонахами *Гурием* и *Иннокентием (Тихоновым)*; вполн. архиепископ) создал 8 марта 1918 г. при Александро-Невской лавре молодежный кружок. По свидетельству митр. *Иоанна (Вендланда)*, в этот период братья Егоровы стали широко известны в церковных кругах. В янв. 1919 г. Петроградский и Гдовский митр. сщмч. *Вениамин (Казанский)* предоставил членам кружка Крестовую митрополичью ц.; 1 февр. того же года при этом храме было окончательно образовано Александро-Невское братство.

30 мая 1918 г. Духовный собор лавры постановил «в нужных случаях» назначать Л. к совершению заказных литургий и др. служб по обители. Служение это было столь ревностным, что 5 нояб. 1918 г. наместник лавры архим. священноисп. *Виктор (Островидов)*; вполн. епископ) ходатайствовал перед митрополитом о награждении Л. набедренником; 7 нояб. митр. Вениамин поставил на прошение утверждающую резолюцию. 18 окт. 1919 г. Л. был временно командирован для восстановления монастырской жизни в *Оятском в честь Введения во храм Пресв. Богородицы мон-ре* Петроградской епархии. 22 февр. 1920 г. его избрали секретарем приходского совета храмов лавры, а в 1921 г. он также исполнял послушание заведующего складом обители. Важнейшей частью пастырской деятельности Л. оставалось окормление членов Александро-Невского братства. Он служил в лаврской Крестовой митрополичьей ц., являвшейся центром братской жизни. Позд-

нее, на допросе 27 июня 1922 г., он указал, что основными целями братства являлись: возрождение церковного богослужебного устава, борьба с торгашеством в церкви (отсутствие продажи свечей и просфор, бесплатное совершение треб), «реформа церковного пения» — отказ от светского исполнения партиями и «пение по обиходу», чтобы «народ легко мог петь с нами». В нач. 1920 г. в составе братства был создан занимавшийся богословскими проблемами кружок св. Иоанна Златоуста, входивший в «Содружество под покровительством св. Василия Великого», председателем которого был старший из братьев Егоровых, Николай Михайлович (профессор математики), а духовным руководителем — Л. Просветительская деятельность братства состояла не только в устройстве лекций, диспутов и т. п., но и гл. обр. в церковной работе с детьми, к-рую возглавлял Л. Братчики делали все возможное, чтобы после отделения школы от Церкви подрастающее поколение не осталось без научения вере. Лаврские иноки и миряне из братства вели 69 детских кружков, в которых изучался Закон Божий. Эти занятия проходили в основном по воскресеньям в помещениях при Крестовой митрополичьей ц. Много внимания уделялось катехизации детей — их учили церковному пению, церковнослав. языку, проводили для них говение и отдельную литургию, на к-рой дети пели, читали и помогали священнику. По благословению митр. Вениамина для детей и подростков были заведены специальные кресты, хоругви, ико-

ны и облачения. Дети участвовали в богослужениях и крестных ходах.

Братство активно реагировало на охвативший Советскую Россию после окончания гражданской войны голод. 11 марта 1922 г. наместник лавры архим. *Николай (Ярушевич)*; вполн. митрополит) обратился к митр. Вениамину с просьбой благословить открытие при лавре питательного пункта для голодающих на средства богомольцев Свято-Духовской и Крестовой церквей, предложив поставить во главе этого дела Л. 12 марта митрополит благословил начинание и назначил Л. заведующим питательным пунктом. Братство также оказывало материальную помощь и духовную поддержку арестованным и осужденным. На допросе 27 июня 1922 г. Л. сообщил, что в помощи тем заключенным, к-рых они знали, члены братства старались никогда не отказывать.

В первые послереволюционные годы в Петрограде кроме Александро-Невского возникло еще несколько правосл. братств. 5 мая 1920 г. в лавре, в помещении при Крестовой ц., открылась 1-я общецерковная конференция, на к-рой было принято совместное решение об объединении в союз всех существующих городских братств. Во время заседаний работали 5 секций; одну из них — по работе с детьми — возглавлял Л., к-рый т. о. фактически был признан руководителем этого направления церковной деятельности в Петрограде. На конференции был принят примерный общецерковный устав, написанный при участии Л., и выбран совет общецерковного союза, в к-рый он также вошел. В этом совете Л. состоял вплоть до прекращения его деятельности весной 1922 г. В апр. — июле 1921 г. он также был членом организационного бюро 2-й общецерковной конференции Петроградской епархии, исполняя обязанности организатора детской секции. Кроме того, ему поручили составить новую братскую молитву. Активно участвовал Л. и в работе следующей конференции, проходившей в нач. авг. 1921 г. С 18 авг. 1921 до лета 1922 г. он состоял в образованном при Феодоровском соборе мужском монашеском кружке Петроградской епархии, имевшем целью выяснение вопросов монашеской жизни и распространение идей монашества, особенно среди учащихся. К 1 апр. 1922 г. на собраниях кружка было

прочитано 13 докладов, гл. обр. по истории монашества, автором части из них был Л. В этот период он активно занимался не только работой с детьми и молодежью, но и миссионерской и преподавательской деятельностью. Члены Александро-Невского братства имели тесную связь с возникшими после революции новыми формами духовного образования — *Петроградским Богословским институтом* и разнообразными курсами, но особенно крепкой эта связь была с заменившим осенью 1918 г. закрытую ДС Богословско-пастырским уч-щем, где члены братства составляли значительную часть учащихся и преподавателей. С осени 1918 по июль 1922 г. Л. читал там лекции по русской лит-ре. 28 марта 1922 г. по его предложению совет общецерковного союза решил, что необходимы элементарные общедоступные курсы, дающие возможность каждому православному защищать свою веру, для чего следует организовать центральное содружество для более серьезного изучения вопроса.

Однако летом 1922 г. на мн. руководителей и активистов петроградских братств, прежде всего Александро-Невского, обрушились репрессии. Утром 1 июня был арестован митр. Вениамин, а через неск. часов агенты ГПУ задержали насельников лавры; их стали подвергать допросам, стремились сфабриковать отдельное дело правосл. братств. 3 июня в 4 ч. утра в лавру вновь явились агенты ГПУ и предъявили ордер на обыск и арест Л., но найти его не смогли. 16 июня он все же был арестован. Проведенные допросы и обыски более 40 арестованных по делу правосл. братств мало что дали следственным органам. Л. допрашивали дважды — 27 июня и 17 авг. Как и большинство других обвиняемых, он не видел ничего предосудительного и запретного в протекавшей совершенно открыто деятельности братств и отверг к.-л. обвинения в контрреволюции. Доказать противодействие членов братств изъятию из храмов ценностей не удалось. 21 авг. были освобождены под подписку о невыезде почти все обвиняемые, кроме 7 чел., в т. ч. — Л. 14 сент. 1922 г. Петроградское отделение ГПУ на закрытом заседании постановило выслать их из Петроградской губ. на 2 года как политически неблагонадежных. Л. отбывал

ссылку сначала в Оренбургской губ., а затем близ оз. Эльгон (совр. Волгоградская обл.). Во время его отсутствия в Петрограде, несмотря на репрессии, деятельность Александро-Невского братства не прекращалась, а в 1925 г. вновь начала оживляться. Один за другим из ссылки возвратились основатели братства. В ряду первых еще в кон. 1924 г. был освобожден и вернулся в Ленинград Л. Однако ему не удалось устроиться в штат к.-л. храма, и до осени 1926 г. он служил периодически, в качестве приписного священника для совершения ранних обеден. Зарабатывал переплетным делом. В 30-х гг. XX в. в его лагерной карточке в качестве светских специальностей были указаны: педагог, переплетчик (стаж 2 года) и счетовод (стаж 4 года).

На 1926–1928 гг. пришелся относительно благоприятный период подвигнического служения Л. и существования Александро-Невского братства, деятельность которого оставалась нелегальной, но прямо не преследовалась. В это время братство возглавляли иеромонахи Л., Гурий (Егоров) и Варлаам (Сацердотский). В окт. 1926 г. Л. назначили настоятелем одного из крупнейших соборов города — храма Феодоровской иконы Божией Матери на пересечении Полтавской и Миргородской улиц. Постепенно туда перешла бóльшая часть членов братства и в 1930 г. 2 братских хора. Л. был возведен в сан архимандрита и с марта 1926 г. стал исполнять обязанности благочинного монастырских подворий, преподавателя русской литературы и члена педагогического совета Богословско-пастырского уч-ща. Осенью 1925 г. нек-рые церковные круги выдвигали его в качестве кандидата в епископы. В дек. 1925 — июне 1926 г. временно управляющий Ленинградской епархией настоятель лавры еп. сщмч. *Григорий (Лебедев)* рассматривал архимандритов Л. и Гурия в качестве своих ближайших помощников.

Весной 1927 г. Л. был арестован во 2-й раз. В это время в Богословско-пастырском уч-ще обучалось ок. 70 чел., и, вероятно, его растущая популярность стала причиной создания ГПУ «дела Богословско-пастырского училища». Аресты по нему проходили в основном в мае — июне 1927 г. и серьезно затронули Александро-Невское братство. 27 мая агенты ГПУ арестовали архимандритов

Л. и Гурия вместе с группой преподавателей и учащихся. Л. обвинили в проведении антисоветской агитации посредством лекций. Но он, как и др. обвиняемые по этому делу, свою вину категорически отрицал. 19 нояб. 1927 г. всех арестованных освободили под подписку о невыезде, а через год — 10 нояб. 1928 г. — дело было прекращено «за недостаточностью компрометирующего материала» и взятые подписки аннулированы. Несмотря на несостоятельность дела, в 1928 г. Богословско-пастырское уч-ще было ликвидировано.

На рубеже 1928 и 1929 гг. быстро стала нарастать волна массовых гонений на Церковь, это наложило определенные ограничения на деятельность братства. Главным его центром с апр. 1930 по февр. 1932 г. был собор Феодоровской иконы Божией Матери. В это время Л. считал необходимым проявлять определенную осторожность и осмотрительность, понимая, что ОГПУ может в любой момент выйти на братство и разгромить его. Именно поэтому Л. активно способствовал развитию института тайного монашества. Это отмечали позднее в своих показаниях мн. арестованные священнослужители. Так, архим. Алипий (Ивлев) указывал, что Л. старается воспитывать своих духовных детей как активных, внутренне монашествующих, но не теряющих светского облика борцов за Церковь, обращая особое внимание на воспитание мужчин в монашеском духе для пополнения кадров духовенства. Архиеп. *Гавриил (Воеводин)* отмечал, что круг лиц, группирующихся вокруг Л., состоит преимущественно из интеллигенции и учащейся молодежи. На допросе 28 февр. 1932 г. служивший тогда в Феодоровском соборе архим. Варлаам отмечал среди руководителей братства нек-рое расхождение во взглядах по этому вопросу. Разница в подходах Л. и архим. Варлаама заключалась прежде всего в том, что первый из них считал необходимым в изменившихся к худшему внешних условиях готовить образованных молодых людей к принятию тайного монашеского пострига, с тем чтобы они, живя в светской среде и работая в гражданских учреждениях, боролись за Церковь и несли слово Божие в массы. Второй же руководитель братства полагал, что по-прежнему необходимо создавать полуправильные общины сестер и брать-

ев с уставом внутренней жизни, близким к монастырскому, и с постепенным отдалением членов общин от советской действительности и вообще от светской среды.

Несмотря на фактически нелегальное существование, под рук. Л. братство продолжало запрещенную советскими законами общественно-благотворительную деятельность (помощь бедным, заключенным, монастырям епархии, обучение детей Закону Божию). Ряды братчиков и в кон. 20-х — нач. 30-х гг. XX в. заметно пополнялись образованными и активными молодыми людьми, нек-рые из них приняли монашеский постриг. Почти всех из них постригал в Феодоровском соборе Л. В это время он окормлял также несколько не входивших в братство жен. монашеских общин, в частности — 6 насельниц подворья Моквинского Успенского жен. мон-ря в Вырице под Ленинградом, к-рых он удержал от присоединения к иосифлянам (см. *иосифлянство*).

В нач. 1932 г. в Ленинграде была развернута кампания массовых арестов священнослужителей и прежде всего монашествующих. Общее количество арестованных в ночь на 18 февр. составляло ок. 500 чел., в т. ч. более 40 членов Александро-Невского братства. Следственные органы пытались сфабриковать дело влиятельной контрреволюционной орг-ции с широкими внутрисюзными и международными связями. Следствие проводилось в ускоренном порядке. «Контрреволюционная деятельность» членов братства представлялась следователям очевидной без необходимости добывать к.-л. серьезные доказательства. Л. допрашивали дважды — 29 февр. и 2 марта. На вопрос о политических убеждениях он ответил: «Стараюсь не мешать строительству социализма. Не сочувствую антирелигиозной политике советской власти». Л. отрицал существование братства, говоря, что оно распалось в 1922 г. Отрицал он и сбор средств в Феодоровском соборе для помощи ссыльным, а также все др. обвинения. Лишь после предъявления ему на 2-м допросе фотографии хора правого клироса собора он сообщил нек-рые имена изображенных на ней, заявив, что остальных духовных детей называть отказывается. Следствие длилось ок. месяца. 22 марта 1932 г. выездная комиссия Коллегии ОГПУ пригово-

рила Л. к 10 годам лагерей. 18 апр. 1932 г. он поступил в отд-ние Чёрная речка Сиблага. С кон. апр. он трудился в шахте пос. Осиновка (ныне г. Осинники Кемеровской обл.). Работа была чрезвычайно тяжелой, и, по мнению лагерного начальства, Л. не проявлял требуемого усердия, из-за чего ему отказывали в снижении срока. Лишь 12 янв. 1934 г. срок был впервые снижен на 30 дней. Но уже через неск. дней лагерные власти обвинили Л. в контрреволюционной агитации среди заключенных, и 28 янв. 1934 г. специальная комиссия ОГПУ постановила перевести его в штрафной изолятор сроком на 2 года, считая срок с момента водворения, которое произошло 20 марта 1934 г. В это же время Особая тройка Полномочного Представительства ОГПУ по Западно-Сибирскому краю приговорила Л. к увеличению срока заключения в ИТЛ на 2 года. В кон. марта 1936 г. его перевели из изолятора в Ахпунское отд-ние Сиблага (ныне на территории Кемеровской обл.). Здесь он, несмотря на слабое здоровье, по-прежнему трудился в шахте, иногда по 14 ч. в сутки возя вагонетки с породой. 3 янв. 1937 г. условия лагерного заключения вновь ухудшились — Л. поместили в 6-ую колонну Ахпунского отд-ния, где содержались, за малым исключением, осужденные за «политические преступления». Здесь он сблизился с нем. мастером-чулочником Матигасом Грабовским. Они часто обсуждали вместе статьи поступавших в лагерь газет. 2 сент. 1937 г. оба они были арестованы и обвинены в создании контрреволюционной группы. Л. категорически отверг обвинение в контрреволюционной агитации среди заключенных и виновным себя не признал. При этом он не скрывал своих взглядов, мужественно заявив следователю: «Я по своим убеждениям являюсь глубоко религиозным человеком, посвятившим всю свою жизнь служению Богу, и целью моей жизни является ведение религиозной пропаганды в массах, поэтому я вел, веду и всегда буду вести религиозную пропаганду среди окружающих меня людей». На предложение же назвать фамилии лиц, ведущих контрреволюционную подрывную работу в лагере, ответил, что не может этого сделать: «...мне неизвестно, кто этим занимается, но даже если бы я что-нибудь знал о лицах, ведущих

к[онтр]р[еволюционную]-подрывную работу в лагере, то все равно об этом ничего не сказал бы, так как по моим убеждениям мне чуждо всякое доносительство». 6 сент. состоялся 2-й и последний допрос. На требование признать себя виновным в систематическом проведении совместно с Грабовским активной контрреволюционной фашистской агитации пораженческого характера Л. ответил отказом. Приговорен 13 сент. 1937 г. Особой тройкой Управления НКВД Западно-Сибирского края к высшей мере наказания; расстрелян 20 сент. Сведения о месте казни и захоронения в архивно-следственном деле отсутствуют.

Имя Л. включено в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской определением Свящ. Синода от 7 мая 2003 г.

Арх.: Архив ФСБ РФ по С.-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-24095, П-68567, П-88399; Архив ФСБ РФ по Кемеровской обл. Д. П-12221; РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 159-165, 737.

Лит.: *Краснов-Левитин А.* Лихие годы: Восп. П., 1977. С. 206-208; *Иоанн (Вендланд), митр. Митр. Гурий (Егоров):* Восп. Ярославль, 1981. С. 47. Ркп.; *он же.* Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров): Ист. очерки. Ярославль, 1999. С. 165; *Мещерский Н. А.* На старости я сызнова живу: Прошедшее проходит предо мною... Л., 1982. С. 23-24, 106. Ркп.; *Иоанн (Снычев).* Церк. расколы. 1993. С. 184-186, 193; *Антонов В. В.* Приходские правосл. братства в Петрограде (1920-е гг.) // *Минувшее.* М.; СПб., 1994. Вып. 15. С. 424-445; *он же.* Александро-Невское братство и тайные монашеские общины в Петрограде // *С.-Петербургские Ев.* 2000. Вып. 23. С. 103-112; *Варлаам (Сацердотский), архим.* Письма из заточения к духовным детям / Публ.: А. Воронцов // *Минувшее.* 1994. Вып. 15. С. 464-517; *Резникова И.* Православие на Соловках. СПб., 1994. С. 136; *Чуков Н., прот.* Один год моей жизни: Страницы из дневника / Публ.: В. В. Антонов // *Минувшее.* 1994. Вып. 15. С. 521-618; *Шкарковский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат, 1917-1945. СПб., 1995. С. 77; *он же.* Иосифлянство: Течение в РПЦ. СПб., 1999. С. 28, 167, 219, 269-270, 285; *он же.* Александро-Невское братство, 1918-1932. СПб., 2003; *Черепенина Н. Ю., Шкарковский М. В.* Справочник по истории правосл. мон-рей и соборов г. С.-Петербурга, 1917-1945 гг. СПб., 1996. С. 54; *они же.* Православные храмы С.-Петербурга, 1917-1945 гг.: Справ. СПб., 1999. С. 179, 208; *Осипова И. И.* «Сквозь огонь мучений и воды слез...». М., 1998. С. 286; *Чельцов М. П., прот.* Когда отметили расстрел...: Письма к жене из заключения / Публ.: В. В. Антонов // *Минувшее.* 1998. Вып. 24. С. 381-438; Синодик СПб епархии. 1999. С. 48; *Фирсов С. Л.* Власть и верующие: Из церк. истории нач. 1920-х гг. // *Нестор.* СПб., 2000. № 1. С. 205-236; *Сорокин В., прот.* Исповедник: Церк.-просветительская деятельность митр. Григория (Чукова). СПб., 2005. С. 198, 252, 261, 267, 347, 605.

М. В. Шкарковский

ЛЕВ [греч. Λέων], мч. Мирликийский (пам. греч. 18 авг.; пам. зап. 18 авг.). В визант. Синаксарях говорится, что святой пострадал в море близ Мир Ликийских. В Петровом Синаксаре РНБ. Греч. № 240, 1249 г. (архетип XI в.), память Л. обозначена под 19 авг. без указания места кончины. По мнению митр. Софрония (Евстратиадиса), Л., возможно, следует отождествлять с одноименным мучеником, пострадавшим в Патарах Ликийских (см. ст. *Лев и Паригорий*, мученики Патарские (пам. греч. 18 февр.)). В XVI в. кард. Ц. Бароний на основе греч. Синаксарей внес в Римский Мартиролог под 18 авг. память Л., ошибочно объединив ее с памятью мч. *Иулиани*, день памяти к-рой или торжественное богослужение в ее честь, согласно нек-рым греч. источникам, в этот день совершались «близ Стравила» (MartRom. P. 345; MartRom. Comment. P. 346). В действующем Римском Мартирологе Л. под 18 авг. поминается отдельно (MartRom. (Vat.). P. 437).

Ист.: SynCP. Col. 908; *Νικόδημος. Συναξαριστής*. Т. 6. С. 244.

Лит.: *Сергий (Спасский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 250; *Σωφρόνιος (Εβυστρατιάδης)*. Ἀγιολόγιον. С. 275.

ЛЕВ, архиеп. Охридский (Болгарский; ок. 1037–1056); визант. богослов, полемист, участник споров между К-польской Православной и Римско-католической Церквями в сер. XI в., к-рые привели к *разделению Церквей* 1054 г. Время рождения и смерти Л. неизвестно; о его жизни сведений также крайне мало. Вероятно, Л. происходил из *Пафлагонии* (*Magdalino*. 1998. P. 148). Об избрании Л. на престол *Охридской архиепископии* известно благодаря 3 вставкам в хронику Иоанна *Скилицы* (кон. XI в.). Нек-рые исследователи приписывают эти интерполяции авторству еп. Михаила Девольского (*Büttner*. 2007. S. 23). Автор сообщает, что после смерти Охридского архиеп. *Иоанна I* визант. имп. *Михаил IV Пафлагон* избрал на его место Л. (ок. 1037). До своего архиепископства Л. занимал должность хартофилакса (секретаря) К-польской Патриархии. Согласно Скилице, Л. имел превосходное образование (*Scyl. Hist.* P. 400).

В сер. или во 2-й пол. 1053 г., с началом активных церковных контактов между Римом и К-полем, вероятно по заданию К-польского патриарха свт. *Михаила I Кирулария* (1043–

1059), Л. написал «Послание об опресноках и субботах», переданное еп. Иоанну Транийскому из Юж. Италии, который в это время посещал К-поль с дипломатической миссией. На пути из Рима в К-поль Иоанн Транийский проезжал через Охрид и имел личную встречу с Л. На ней, возможно, обсуждались те вопросы, что были затронуты в письме Л. Послание Л. было обращено к Римскому папе и ко всем лат. епископам, оно обобщало аргументы к-польской богословской школы, выдвинутые ею против некоторых зап. церковных традиций (*Acta et scripta*. 1861. P. 52–64; *RegPatr*, N 862). В греч. тексте послания автором значится Л., но в лат. переводе есть преамбула, где указано, что соавтором послания был патриарх Михаил Кируларий (*Acta et scripta*. 1861. P. 62). Скорее всего это указывает на статус послания Л. как офиц. документа К-польской Церкви, а не на действительное авторство патриарха. Предполагается также совместное авторство Л. и патриарха Михаила Кирулария (*Лебедев*. 2001. С. 517–518. Примеч. 384).

Послание касается дисциплинарных и литургических вопросов: употребления мяса с кровью, поста по субботам и др. Центральная проблема — использование *опресноков* при совершении Евхаристии в Западной Церкви. По мысли Л., Христос совершал пасхальную вечерю и ел закланного агнца с горькими травами и опресноками, но Тайную вечерю с учениками Он совершил вслед за этим уже на квасном хлебе. Это объяснение Л. никак не подтверждает, и оно не выглядит реалистичным, т. к., согласно обычаям иудеев, все квасное должно быть убрано из жилища до начала пасхального Седера (Втор 16). По мнению Л., опресноки ничем не отличаются от бездушного камня и кирпичной глины, они символ страдания и горя, так что и Моисей повелевал вкушать их лишь один раз в год. Квасной же хлеб — живительный, одушевляющий и дающий теплоту. Это представление было характерно для визант. полемических сочинений данного периода. Оно восходит к платоновскому определению души как «способной двигать саму себя сущности». Греч. слово *ἄρτος* (хлеб) Л. производит от глагола *αἴρω* (поднимать), что позволяет ему сравнить закваску, поднимающую тесто, с мис-

тической силой, возвышающей человека до небес (*Acta et scripta*. 1861. P. 57). Согласно Л., о преимуществе греч. традиции свидетельствуют также места в НЗ, где последователи Христа называются «солью земли» (соль же употребляется для изготовления квасного хлеба). Л. также вспоминает слова о том, что Христос есть «священник вовек по чину Мелхиседека» (Евр 5. 6, 10; 7. 17), некогда вынесшего Аврааму хлеб и вино (Быт 14. 18). В Мф 13. 33 Л. видит символическое изображение Церкви, к-рая вкладывает 3 меры благодати, указывающие на Отца, Сына и Св. Духа. Он задается вопросом о том, почему, если соль и дрожжи почитаются злом, Христос «дрожжевой» (т. е. возвышающей) благодатью Св. Духа поставил Своих учеников как «дрожжи» и «свет миру». Приводя цитаты из Свящ. Писания, Л. пытается доказать, что установленный 1600 лет назад Моисеем закон прекращается Евангелием.

Соблюдение поста по субботам Л. отождествляет с соблюдением дня покоя, шабата, у иудеев. С помощью НЗ он показывает необязательность соблюдения субботы для христиан (Мф 12. 1; Мк 2. 27; Лк 6. 1–4). По мысли Л., с пришествием в мир Христа суббота была упразднена как часть старого закона.

В вопросе запрета на употребление крови и удушенных Л. прибегает к авторитету ВЗ: «Не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его» (Лев 17. 14). Л. сравнивает христиан, употребляющих удушенину в пищу, с язычниками, которые едят идоложертвенное, и с иудеями (что не вполне понятно). Л. пишет, что христиане нечисты, если добавляют к своей вере различные правила, такие как употребление удушенных. Те же, кто веруют во Христа и сохраняют опресноки и субботние дни («франки»), не являются ни настоящими иудеями, ни «чистыми христианами». Используя выражение свт. Василия Великого, Л. уподобляет их «пестрой шкуре леопарда». Положение о замене ветхого закона новым неоднократно приводится Л., однако это не мешает ему ссылаться на Пятикнижие, говоря о запрете есть удушенину. Также Л. упрекает последователей зап. обряда в том, что они поют на литургии «Аллилуия» и «Бог Господь и явился нам» в дни Великого поста.

В заключении основной части послания, резюмируя вышесказанное, Л. просит оставить обычай употребления опресноков «для безбожных иудеев», а употребление удавленных — «для неверующих и варварских язычников». Иудеев же он сравнивает со слепцами, к-рые оставили свет и пребывают в тени неразумения. Посему он призывает оставить закон для них и прийти к свету истины.

В конце послания Л. просит еп. Иоанна Транийского прочитать это письмо вместе с паствой неск. раз, дабы исправить обычай, а также перевести письмо на латынь и разослать епископам в Италии. Кроме того, Л. обещает дополнить это послание вторым для изъяснения основ христ. вероучения. Несмотря на критику, тон письма Л. дипломатичен. Он никак не намекает на возможность разрыва отношений, а отступления латинян считает лишь заблуждениями, к-рые пришли в Западную Церковь от иудеев и варваров. Римского папу Л. именует «почтеннейшим», а еп. Иоанна и всех франков — «людьми Божиими». Собственно богословские и церковно-политические вопросы (Филиоке, приат Римского престола) в послании не затрагиваются.

В Римской курии письмо Л. вызвало большой интерес; его перевел на латынь кард. Гумберт. В кон. 1053 или нач. 1054 г., вероятно также Гумбертом, был составлен на него ответ (Libellus) от Римского папы Льва IX на имя патриарха Михаила Кирулария и Л. В папском послании патриарху Михаилу Кируларию Л. назван «клеветником Церкви», к-рый появился спустя 1020 лет после Страстей Спасителя. Впрочем, большинство исследователей считают, что это резкое по тону папское послание не было отправлено в К-поль. Наиболее значительным откликом на письмо Л. стал составленный тогда же в Римской курии «Диалог», в котором содержится вольная интерпретация письма Л. условными персонажами, греком и латинянином; обвинения Л. отвергаются. «Диалог» был отправлен в К-поль и в последующие месяцы 1054 г. использовался обеими сторонами в полемике (см.: Бармин. 2006. С. 130–142).

Сохранились также 2 др. послания Л., написанные, возможно, в 1-й пол. 1054 г. (Beck. Kirche und theol. Literatur. S. 318, 535). В них содержатся разъяснения к 1-му посланию, час-

тично повторяющие его содержание. Л. сравнивает латинян, использующих опресноки, уже не только с иудеями, но и с армянами. По его мнению, опресноки символизируют Моисеев закон ВЗ и должны уйти из употребления с торжеством закона Спасителя. Следов использования этих посланий Л. в церковной полемике не сохранилось (2-е послание: Павлов. 1878. С. 146–151; Büttner. 2007. S. 206–219; 3-е послание: Λέων Ὀχρίδας. 1887; Büttner. 2007. S. 228–257).

Соч.: Acta et scripta, quae de controversiis Ecclesiae Graecae et Latinae saeculo undecimo composita extant / Rec. J. C. Will. Lipsiae; Margurgi, 1861. P. 56–64 (Idem // PG. 120. Col. 835–844); Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-рус. полемики против латинян. СПб., 1878. С. 146–151; Λέων Ὀχρίδας. Ἐπιστολὴ τρίτη περὶ τῶν ἀζύμων // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1887. Т. 4. С. 151–162; Büttner E. Erzbischof Leon von Ohrid (1037–1056): Leben und Werk: Mit den Texten seiner bisher unedierten asketischen Schrift und seiner drei Briefe an den Papst. Bamberg, 2007. Ист.: Scyl. Hist.

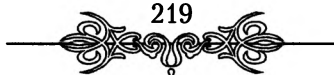
Лит.: Чельцов М. В. Polemika между греками и латинянами по вопросу об опресноках в XI–XII вв. СПб., 1879; Krumbacher. Geschichte. Ser. 81; Bréhier L. Le Schisme oriental du XIe siècle. P., 1899; Суворов Н. Византийский папа. М., 1902; Michel A. Humbert und Kerullarios. Paderborn, 1930. Bd. 2; Beck. Kirche und theol. Literatur. S. 318, 534; Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin. P., 1963. T. 5. Pt. 1. P. 71–72. N 89; Petrucci E. Rapporti di Leone IX con Costantinopoli // Studi Medievali. Ser. 3. Torino, 1973. Vol. 14. P. 733–831; ODB. Vol. 2. P. 1215; RegPatr, N 862; Лебедев А. П. Очерки внутренней истории Визант.-вост. Церкви в IX, X и XI вв. СПб., 1998; он же. История разделения Церквей в IX, X и XI вв. СПб., 2001; Рансимен С. Вост. схизма: Визант. теократия. М., 1998; Magdalino P. Paphlagonians in Byzantine High Society // Byzantine Asia Minor: VIth–XIIth Cent. / Ed. S. Lampakis. Athens, 1998. P. 141–150; Gemeinhardt P. Die Filioque-Kontroverse zwischen Ost- und Westkirche im Frühmittelalter. B.; N. Y., 2002. S. 331–333; Bayer A. Spaltung der Christenheit: Das sogenannte Morgenländische Schisma von 1054. Köln; Weimar, 2004; Бармин А. В. Polemika и схизма: История греко-лат. споров IX–XII вв. М., 2006. С. 127–137; Даррон Ж. Император и священник. СПб., 2010. P. 299–302.

П. С. Вебер

ЛЕВ (XI в.), митр. Халкидонский (до 21 марта 1082 — нач. 1086, кон. 1094/нач. 1095–?), богослов, противник имп. Алексея I Комнина (1081–1118). Основной источник сведений о жизни и об учении Л. — рукопись Великой Лавры на Афоне, к-рая была описана в 1886–1887 гг. мон. Александром (Лавриотом) под № 139 и датирована XIII в. В ней содержится подборка разнородных по жанру кратких текстов, касающихся фигуры Л. В 1900 г. мон. Александр

частично опубликовал ее, однако затем она была утрачена и не была доступна исследователям более 100 лет. В 2003 г. Э. Ламберц совместно с библиотекарем Великой Лавры Никодимом обнаружил кодекс и датировал его кон. XI в. Однако полноценного описания рукописи (ей был присвоен № 196) не существует (Lambez. 2003. S. 180). Несмотря на то, что это собрание содержит в т. ч. сочинения оппонентов Л. (они остались неизданными), компиляция предположительно принадлежит одному из его сторонников. 1-я часть сборника содержит речи Антиохийского патриарха Иоанна V (IV Оксита), обращенные к Алексею I Комнину в февр.—марте 1091 г. (Λαυριώτης. 1900. С. 354–358, 362–365; новое издание с использованием архива Л. Пти, также работавшего с афонским кодексом — Gautier. 1970. P. 18–55). 2-я часть сборника содержит переписку Л. с его единомышленниками и противниками. Она открывается посланием Л. к императору с критикой его политики конфискации церковной утвари (Λαυριώτης. 1900. С. 403–404). Затем следуют 2 письма Л. из ссылки, одно из к-рых надписано «прото-вестиариссе Анне» (Ibid. С. 404–405), однако в действительности было адресовано теще императора Марии Болгарской (Gruemel. 1946. P. 127–130), а другое — патриарху Николаю III Грамматику (Λαυριώτης. 1900. С. 405–407). В. Грюмель полагал, что патриарх не мог быть истинным адресатом послания (Gruemel. 1946. P. 130–132), однако его аргументация была отвергнута (Γλαβίνας. 1972. С. 146–149). Завершают собрание 3 послания богословского содержания: Василия, митр. Евхазитского, — севастократу Исааку Комнину (Λαυριώτης. 1900. С. 411–413), Николая Адрианопольского — Л. (Ibid. С. 413) и Л. — Николаю (Ibid. С. 414–416, 445–447, 455–456).

Дата поставления Л. митрополитом Халкидонским неизвестна, впервые он упоминается в материалах суда над философом Иоанном Италом от 21 марта 1082 г. (Gouillard J. Le procès officiel de Jean l'Italien: Les actes et leurs sous-entendus // TM. 1985. Vol. 9. P. 141). Поводом для столкновения Л. с императором и Патриархатом стало решение Алексея Комнина, за которым стоял его брат севастократ Исаак, переплавлять драгоценную церковную утварь (в т. ч.

со священными изображениями) в монеты и использовать их для выплаты жалованья наемникам, необходимым для борьбы с Робертом Гвискаром. Исаак выступил с этой идеей в нач. 1082 г.; была начата конфискация церковного имущества, вызвавшая недовольство значительной части общества, идейным лидером к-рой стал Л. В послании к Алексею (*Λαυριώτης*. 1900. Σ. 403–404) он описывал поношение, к-рое терпят церкви и мон-ри, сравнивая это преступление с поступком иудеев, распявших Спасителя. Л. подчеркивал, что не удовлетворится обещанием императора более не прибегать к подобным мерам, данным Алексеем в хрисовуле от авг. 1082 г. (*RegImp*, N 1085). По словам Л., было необходимо не только вернуть Церкви конфискованное, но и низложить патриарха *Евстратия Гариду*. Исследователи предполагают разные датировки этого послания: лето 1082 г. (*Gru-mel*. 1946. P. 126), дек. 1082 – 1083 г. (*Stephanou*. 1943. P. 42–43), 2-я пол. 1083 г. (*Γλαβίνας*. 1972. Σ. 86–87). Др. выступления Л. против патриарха не сохранились, но о них подробно рассказано в судебном документе 1086 г. (*RegImp*, N 1130). Из него следует, что Л. обвинял патриарха в т. ч. и в присвоении церковного имущества. Узнав об этом, Евстратий потребовал устроить специальное разбирательство, в ходе которого был признан невиновным (*Sakkélion*. 1878. P. 114–116; *RegPatr*, N 932).

Низложение Евстратия в июле 1084 г., формально никак не связанное с его противостоянием с Л., не удовлетворило митрополита. Он отказывался вступать в литургическое общение с новым патриархом Николаем III Грамматиком, поминавшим во время богослужений Евстратия, и настаивал на исключении его имени из диптихов. Алексей приступил к разрешению конфликта лишь год спустя, когда после смерти Роберта Гвискара (17 июля 1085) сумел вернуться из зап. похода. Император организовал неск. заседаний, на последнем из к-рых, 2 дек. 1085 г., Л. пошел на уступки, заявив, что не знал об исходе разбирательства по обвинениям, выдвинутым против Евстратия (*Sakkélion*. 1878. P. 118–121). Несмотря на примирение, Л. не изменил своей позиции по существу и, уже не называя конкретных виновников по именам, продолжил рассуждать о недопус-

тимости десакрализации священной утвари («Апология» Л. в неопубл. ркп. *Scorial*. Y.11.7, о ней см.: *Γλαβίνας*. 1972. Σ. 109–115).

В янв. 1086 г. Алексей и патриарх созвали собрание из членов сената и 25 архиереев, на к-ром предложили Л. или вступить с патриархом в литургическое общение, или сформулировать свои обвинения открыто на суде. Л. отказался делать как одно, так и другое, ссылаясь на то, что не обязан служить вместе с патриархом, поскольку у него есть свой клир в ц. вмц. Евфимии, с к-рым он может совершать службу в столице (*Sakkélion*. 1878. P. 122). В ходе разбирательства Алексей воздержался от переведения дискуссии в догматическую плоскость, поэтому Л. был осужден только на канонических основаниях, а не обвинен в ереси. Было установлено, что Л., вопервых, пренебрег процедурой судебного разбирательства, подавая жалобы на патриарха напрямую императору, минуя церковный суд; вторых, не признал имп. документ о невиновности патриарха; в-третьих, отказался сформулировать обвинения в письменном виде, выступив не как законный обвинитель, а как клеветник (*Ibid*. P. 125–127). Также на суде было сказано, что Л. выступает «обвинителем христиан» (*χριστιανοκατήγορος*) — этот термин с рубежа VIII и IX вв. обозначал иконоборцев. Т. о. император предостерегал Л. от углубления в догматику, показывая, что если это произойдет, то он выдвинет обвинение в иконоборчестве (*Луховицкий*. 2014. С. 103). Вероятно, вскоре после этих событий последовало смещение Л. с митрополичьей кафедры (*Γλαβίνας*. 1972. Σ. 126–130). Затем Л. был отправлен в ссылку, если верить Анне Комнине, в Созополь, датировка этого события колеблется от кон. 1087 до 1089 г. (*Ibid*. Σ. 138–141). При этом император пытался примириться с Л. и предлагал условия для возвращения в столицу (*Λαυριώτης*. 1900. Σ. 405), однако тот был непреклонен, не признавал своего низложения и продолжал называть себя архиереем, сравнивая свою судьбу с судьбой свт. Иоанна Златоуста (*Ibid*. Σ. 404–405).

В письмах из ссылки Л. сформулировал оригинальное учение об образе, развивавшее антииконоборческую мысль VIII–IX вв. (*Stephanou*. 1946; *Γλαβίνας*. 1972. Σ. 161–174).

Согласно его учению, под «образом» можно понимать и запечатленный на иконе «характер» (*χαρακτήρ*) отдельно от «материи иконы» (*εικονική ύλη*), и «материю иконы» отдельно от «характера», и сочетание «характера» и «материи». Телесный (*σωματική*) «характер» Христа «богоипостасен» и «заслуживает служебного поклонения (*λατρευτικός*) сам по себе»: «...пресвятому характеру Христа [воздается] служебное поклонение, которое подобает лишь Его божественной природе» (*Γλαβίνας*. 1972. Σ. 414–415). Л. отвергал обвинения в «поклонении твари», утверждая, что «материю иконы, на которой получает служебное поклонение Его божественный характер, мы почитаем относительно — как божественное приношение» (*Ibid*. Σ. 416). При этом Л. называл своих противников новыми язычниками и новыми иудеями (*Ibid*. Σ. 406), приписывал им «нечестие» (*ἀσεβεία*), но воздерживался от прямых обвинений в иконоборчестве, лишь намекая, что может их выдвинуть в будущем (*Ibid*. Σ. 456). Подобная осторожная политика обеих сторон позволила избежать схизмы (*Луховицкий*. 2014. С. 101–104). Богословский ответ на учение Л. был дан в сочинениях *Евстратия*, митр. Никейского (*Ἀνθρόνικος*. 1866), к-рый для опровержения Л. прибег к аргументации, сходной с иконоборческой (*Loulié*. 2006; *Он же (Лурье)*. 2006. С. 506–514). Др. оппонентом Л. стал севастократор Исаак, к-рый составил святоотеческий флорилегий, опровергавший учение Л. Этот текст, содержащий свидетельства из трудов патриархов К-польских Германа I и Никифора I, прп. Феодора Студита и Деяний VII Вселенского Собора, входит в состав неизданной части коллекции мон. Александра (*Stephanou*. 1946. P. 188–189; *Gru-mel*. 1946. P. 123–124; *Γλαβίνας*. 1972. Σ. 174–177; *Barber*. 2007. P. 143–144).

Дата примирительного Собора во Влахернах (*RegPatr*, N 965) была предметом научной полемики: реконструкция П. Стефану, согласно к-рой он состоялся в июне 1091 г. (*Stephanou*. 1943. P. 57–64), была подвергнута убедительной критике (*Γλαβίνας*. 1972. Σ. 179–182), новая датировка кон. 1094 — нач. 1095 г. обоснована П. Готье (*Gautier*. 1971. P. 280–284). В Соборе приняли участие имп. Алексей, севастократор Исаак, более 40 сановников, патриархи К-поль-

ский Николай и Иерусалимский *Симеон II*, более 20 митрополитов и архиепископов, 14 игуменов мон-рей. На Соборе Л. отказался от своего учения об иконах, признав его противоречащим положениям VII Вселенского Собора и Синодика в Неделю Православия, и был прощен, а вскоре восстановлен на Халкидонской кафедре (*Nicetas Choniates*. 1832. P. 7; *RegPatr*, N 966). О дальнейшей судьбе Л. ничего не известно.

Существует рассказ, возможно свидетельствующий о не увенчавшейся успехом попытке прославления Л. как святого. Некому благочестивому иерею Великой ц. Фоме во сне явился Л. Он был облачен в царские одежды, а на голове его красовался огромный золотой тюрбан. Когда иерей Фома спросил, не боится ли Л. гнева императора, тот ответил, что носит эти одежды по праву, как исповедник и обличитель ереси (*Λαυριώτης*. 1900. Σ. 365). Откликом на эти попытки может быть и сообщение Анны Комнины о чудесном явлении Л., к-рое спасло жизнь Георгию Палеологу в битве с печенегами (*Ann. Comn.* Alex. P. 215). В то же время в др. главах Анна описывает Л. как противоречивую фигуру: по ее словам, он был «человек не слишком большого ума и учености, но весьма добродетельный, обладавший жестким и угрюмым нравом», а «некоторые его доводы имели благовидные основания [...] другие же были совершенно неправильны». При этом Анна искажала позицию Л., говоря, что он выступал за «служебное поклонение» иконам (*Ibid.* P. 145–146; цит. по пер. Я. Н. Любарского).

Соч.: *Λαυριώτης* Ά. Ε. Ιστορικὸν ζήτημα ἐκκλησιαστικὸν ἐπὶ τῆς βασιλείας Ἀλεξίου Κομνηνοῦ // Ἐκκλησιαστικὴ ἀλήθεια. Κωνσταντινούπολις, 1900. τ. 20. Σ. 352–358, 362–365, 403–407, 411–416, 445–447, 455–456.

Ист.: *Nicetas Choniates*. *Conspectus dogmatum imperante domino Alexio Comneno ventilatorum* // *Annae Comnenae supplementa historiam ecclesiasticam graecorum seculi XI et XII spectantia* / Ed. T. L. F. Tafel. Tüb., 1832. P. 1–8; *Zachariae*. JGR. 1857. Pars 3. P. 355–358; *Decretum editum circa unionem synodi cum Leone Chalcedonensi* // PG. 127. Col. 972–984; Ἀνδρόνικος (Δημιτράκοπουλος), ἀρχιμ., ἐκδ. Ἐκκλησιαστικὴ βιβλιοθήκη ἐμπριέχουσα Ἑλλήνων θεολόγων συγγραμμάτων. Ἐν Λαυρίᾳ, 1866. Σ. 127–160; *Sakkélion*. Documents inédits tirés de la bibliothèque de Patmos. I: Décret d'Alexis Comnène portant déposition de Léon, métropolitain de Chalcedoine // *BSHell*. 1878. Vol. 2. P. 102–128; *Gautier P.* *Diatribes de Jean l'Oxite contre Alexis Ier Comnène* // *REB*. 1970. Vol. 28. P. 5–55.

Лит.: *Гроссу Н., прот.* Дело Халкидонского митр. Льва: Страница из истории религ.-церк. движений в Византии XI в. // *ТКДА*. 1917. № 3/8. С. 232–248; *Stephanou P.* *Le procès de*

Léon de Chalcedoine // *OCP*. 1943. Vol. 9. P. 5–64; *idem*. *La doctrine de Léon de Chalcedoine et de ses adversaires sur les images* // *Ibid.* 1946. Vol. 12. P. 177–199; *Grunel V.* *L'affaire de Léon de Chalcedoine: Le chrysobulle d'Alexis Ier sur les biens sacrés* // *Études byzantines*. Bucur., 1944. Vol. 2. P. 126–133; *idem*. *Les documents Athonites concernant l'affaire de Léon de Chalcedoine* // *Miscellanea G. Mercati*. Vat., 1946. Vol. 3. P. 116–135; *Gautier P.* *Le synode des Blachernes (fin 1094): Étude prosopographique* // *REB*. 1971. Vol. 29. P. 213–284; *Γλοβίνος* Ά. Ά. Ἡ ἐπὶ Ἀλεξίου Κομνηνοῦ (1081–1118) περὶ ἱερῶν σκευῶν, κεμηλίων καὶ ὀρίτων εἰκόνων ἐρις. Θεσσαλονίκη, 1972; *Lamberz E.* *Vermisst und gefunden: Zwei Texte des Sophronios von Alexandria zur Bilderverehrung, die Akten des VII. Ökumenischen Konzils und eine Patriarchatsurkunde des 11. Jh. in einem griechischen Codex aus dem Besitz des Nikolaus von Kues (Harleianus 5665)* // *RHM*. 2003. Bd. 45. S. 159–180; *Лурье В. М.* *История визант. философии: Формативный период*. СПб., 2006; *idem (Loureé)*. *Une dispute sans justes: Léon de Chalcedoine, Eustrate de Nicée et la troisième querelle sur les images sacrées* // *StPatr*. 2006. Vol. 42. P. 321–340; *Barber C.* *Contesting the Logic of Painting: Art and Understanding in 11th-Century Byzantium*. Leiden; Boston, 2007; *Луховицкий Л. В.* *Споры о святых иконах при Алексее I Комнине: Полемика, стратегия и выбор источников* // *ВВ*. 2014. Т. 73(98). С. 88–107.

Л. В. Луховицкий

ЛЕВ (Макконен) [фин. Leo Makkonen] (род. 4.06.1948, Пиелавеси, Финляндия), архиеп. Карельский и всей Финляндии, председатель Финляндской Православной Церкви (ФПЦ). Родители Л. Александр и Евдокия Макконен занимались

Лев (Макконен), архиеп. Карельский и всей Финляндии. Фотография. Нач. XXI в.

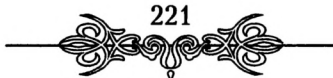
земледелием, были правосл. карелами. В 1967 г. Л. окончил среднюю школу в Пиелавеси, в 1972 г. — правосл. ДС в Куопио. 20 июля 1973 г. рукоположен митр. Хельсинкским *Иоанном (Ринне)* во диакона, 22 июля того же года — во священника. В 1972–1973 гг. был учителем Закона Божия в Высшем народном уч-ще в Пункахарью (ныне в составе г. Савонлинна). В 1973–1979 гг. исполнял

сначала обязанности учителя, а затем служил разъездным священником в коммуне Иломанси и Турку. В 1974 г. назначен настоятелем прихода в г. Нурмес, в 1976 г. — в Турку. 25 февр. 1979 г. хиротонисан во епископа и стал викарным епископом Йоэнсууским. В 1980–1996 гг. занимал кафедру епископии Оулу с титулом митрополита Оулуского. В 1995 г. получил степень магистра правосл. богословия в ун-те Йоэнсуу. В 1996–2001 гг. правящий епископ Хельсинкской епархии с титулом «митрополит Хельсинкский». 27 окт. 2001 г. на Соборе ФПЦ избран ее новым предстоятелем, архиепископом Карельским и всей Финляндии. 16 дек. того же года в Нововалаамском Спасо-Преображенском муж. монастыре состоялась его интронизация. Л. — член Синода ФПЦ (1975) и член Церковного совета ФПЦ (1980), член Собора епископов (1979), член Высшего церковного суда (1980). Почетный доктор богословия ун-та Йоэнсуу (2004) и Свято-Сергиевского православного богословского ин-та в Париже (2005).

В 1978–1993 гг. председатель Об-ва друзей монастыря Линтула, в 1979–1994 гг. — Братства святых Сергия и Германа Валаамских, член Экуменического совета Финляндии (с 1981), Центра диаконии ФПЦ (с 2000) и церковной орг-ции «Православная миссия» (с 2004).

Лит.: *Hurri M.* *Arkkikiispa Leo: Kutsumus ja tahto*. Helsinki, 2003.

ЛЕВ (Церпицкий Николай Львович; род. 13.04.1946, дер. Залужье Столбцовского р-на Барановичской (ныне Минской) обл.), митр. Новгородский и Старорусский. Из семьи священника. По окончании средней школы проходил в 1966–1969 гг. срочную военную службу. В 1969 г. поступил в Ленинградскую ДС, затем продолжил обучение в ЛДА. 28 марта 1971 г. Ленинградским и Новгородским митр. *Никодимом (Ротовым)* пострижен в монашество с именем Лев в честь свт. *Льва I Великого*. 7 апр. рукоположен во диакона, 20 апр. — во иерея. В 1972–1975 гг. исполнял послушание личного секретаря митр. Никодима. В 1975 г., по завершении обучения в ЛДА, был удостоен степени кандидата богословия за соч. «Постановление II Ватиканского Собора «Конституция о богослужении» и направлен на

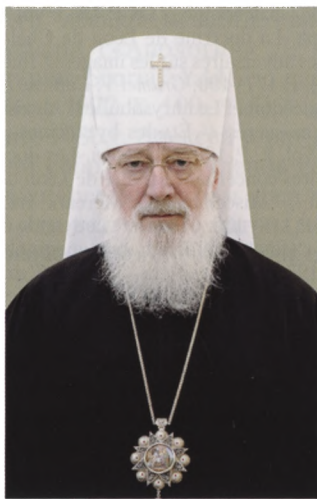
стажировку в *Григорианский университет* в Риме, к-рую проходил до 1978 г. 8 авг. того же года возведен в сан архимандрита; в составе делегации РПЦ присутствовал на погребении папы Римского *Павла VI* и на интронизации папы *Иоанна Павла I*. 14 окт. 1978 г. назначен настоятелем петрозаводского Крестовоздвиженского собора и благочинным храмов Олонецкой епархии; одновременно читал курс лекций по сравнительному богословию в Ленинградской ДС. Осенью 1980 г. назначен настоятелем Воскресенского храма в г. Рабат (Марокко). С 1982 г. работал в ОВЦС в Москве. С 13 окт. 1983 г. служил настоятелем Выборгского Спасо-Преображенского собора.

Постановлением Синода от 10 сент. 1987 г. Л. был определен епископом Ташкентским и Среднеазиатским. 1 нояб. его хиротонию в Троицком соборе Александро-Невской лавры возглавил митр. Ленинградский и Новгородский *Алексий (Ридигер; вполн. патриарх Московский и всея Руси Алексий II)*. Первые годы архиерейского служения Л. совпали с периодом кризиса гос. власти в СССР. В Ср. Азии это характеризовалось обострением межнациональных противоречий. Л. удалось оградить Церковь от вовлечения в местные конфликты и установить хорошие отношения с государственными структурами, с руководителями исламских объединений региона, с лидерами др. конфессий.

20 июля 1990 г. синодальным постановлением Л. был назначен епископом возобновленной Новгородской и Старорусской епархии. 25 февр. 1995 г. возведен в сан архиепископа.

Ко времени прибытия Л. в Новгородскую епархию в ней насчитывалось 38 приходов и *Вяжицкий во имя свт. Николая Чудотворца монастырь*, к-рый незадолго до того был передан Церкви. Новый архиерей столкнулся с нехваткой духовенства и тяжелым материальным положением епархии.

По ходатайству Л. летом 1991 г. Новгородский облсовет передал в постоянное/безвозмездное пользование Церкви *Софии Св. собор в Новгороде Великом, Юрьев новгородский муж. мон-рь* с Перыньским скитом, руины *Варлаамиева Хутынского в честь Преображения Господня монастыря, Валдайский Святоозерский в честь Иверской иконы Божией Матери муж. мон-рь*, а также чу-

Лев (Церпицкий), митр. Новгородский и Старорусский. Фотография. 2014 г.

дотворную икону Божией Матери «Знамение». 16 авг. освящение Софийского собора возглавил патриарх *Алексий II*. В том же году по инициативе Л. был организован Консультационный совет при Софийском соборе, состоящий из специалистов в области архитектуры, реставрации, живописи. При соборе на базе церковно-археологического кабинета проводятся практические занятия студентов, осуществляются археологические и архитектурные исследования. В епархии существует должность искусствоведа — хранителя Софийского собора. С 11 июля 1997 г. Л. состоит членом Президиума *Все-российского общества охраны памятников истории и культуры*.

В 1992 г. по благословию Л. был учрежден Арсениевский комитет, названный в честь митр. *Арсения (Стадницкого)*. Его председателем является новгородский архиерей. Задача комитета заключается в осмыслении совр. проблем, стоящих перед Церковью и обществом, с учетом опыта государственно-церковных отношений прошлого столетия. В работе комитета участвуют историки и богословы из разных городов России, духовенство Новгородской епархии, студенты. С 1992 г. в епархии издавалась ежеквартальная газ. «София», преобразованная в 1997 г. в одноименный и также ежеквартальный журнал, главным редактором которого является Л. Мн. приходы выпускают газеты и информационные листки. На телевидении выходит программа «София», а на обл. радио работает правосл. студия. Совместно с Новгородским гос. ун-том им.

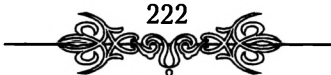
Ярослава Мудрого проводятся Никитские, Знаменские и Лихудовские научные и образовательные чтения. В сер. 90-х гг. XX в. при старорусском доме-музее Ф. М. Достоевского действовали открытые по благословию Л. катехизаторские курсы, лекции читали преподаватели СПбДА. Тогда же была разработана программа музейных мероприятий, направленных на распространение знаний о правосл. вероучении, жизни Церкви, правосл. праздниках. В программу входит организация выставок, конференций, фестивалей, конкурсов, праздников, проходящих по благословию и под духовным рук Л. В 2003 г. при музее открылся Народный правосл. ун-т. По прошению Л. постановлением Синода от 20 апр. 2005 г. на базе епархиальных катехизаторских курсов было создано Новгородское ДУ, а архиерей назначен его ректором. В марте 2015 г. при старорусском доме-музее Ф. М. Достоевского его сотрудники совместно с Новгородской епархией возобновили катехизаторские курсы.

Л. обязал приходы вести летописи и повысить качество церковного пения. В дек. 2008 г. по его благословию создан хор студентов Новгородского ДУ, способствующий распространению традиции общенародного пения за богослужением. С той же целью в 2013 г. для прихожан епархии был выпущен литургический сборник.

Начиная с 1996 г. по благословию Л. в рождественские и пасхальные дни проводятся фестивали церковного пения, в к-рых участвуют как церковные, так и светские певч. коллективы. В апр.—мае 2015 г. в Вел. Новгороде впервые прошел хоровой фестиваль «Пасхальный глас» с участием взрослых и детских коллективов: хоров приходов, воскресных и детских муз. школ, культурных учреждений, хора ветеранов Великой Отечественной войны — всего ок. 800 участников из 26 хоровых коллективов.

В 1996 г. открылась б-ка Софийского собора, при к-рой действует литературно-муз. клуб «Встреча». При мн. храмах епархии имеются приходские б-ки.

По благословию и при активном участии Л. в Вел. Новгороде с 2008 г. проводится межрегиональная выставка-форум «Православная Русь», в рамках к-рой проходят конференции, концерты, показ работ новгородских художников, презентации

новых книг и фильмов, спектакли на библейские сюжеты.

В окт. 2011 г. по благословению Л. на основе Новгородского об-ва православных врачей был учрежден Епархиальный центр защиты семьи, материнства и детства; его небесной покровительницей является св. блгв. кнг. Анна Новгородская. Местное отделение Об-ва православных врачей России организовало епархиальные курсы сестер милосердия (1-й выпуск состоялся в 2012).

В 2011 г. Л. возобновил местное празднование Собора Новгородских святителей и князей (4 окт.), установленное в 1439 г. Новгородским архиеп. свт. *Евфимием II Вязицким*.

Постановлением Синода от 27–28 дек. 2011 г. в рамках реформы епархиального устройства РПЦ была образована Новгородская митрополия, включившая Новгородскую и выделенную из нее возобновленную Боровичскую епархии. Л. был назначен главой новой митрополии и утверждён в должности священноархимандрита новгородского Юрьева и Иверского Валдайского мон-рей. Боровичским епископом был определен наместник Иверского Валдайского мон-ря архим. Ефрем (Барбинягра). 8 янв. 2012 г. за литургией в Успенском соборе Московского Кремля Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возвел Л. в сан митрополита.

В связи с кончиной 7 марта 2015 г. Петрозаводского митр. Мануила (Павлова) Л. был назначен временно управляющим *Петрозаводской и Карельской епархий* (до 5 мая того же года).

К окт. 2013 г. в Новгородской митрополии действовали 7 монастырей (Юрьев, Варлаамов Хутынский, Иверский Валдайский, Клопский Михайловский *во имя Св. Троицы мужской*, Николо-Косинский женский, Боровичский *в честь Сошествия Святого Духа на апостолов мужской*, Троицкий Никандров Городноезерский женский), 156 храмов, 44 воскресные школы, насчитывалось 123 клирика и 75 монашествующих.

Л. награжден орденами прп. Сергия Радонежского 3-й (1983) и 2-й (2011) степени, св. кн. Даниила Московского 2-й степени (2001), прп. Серафима Саровского 2-й степени (2006), орденами Почёта (2000) и «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени (2006).

Соч.: *Духовное возрождение* // ЖМП. 1992. № 2. С. 2–3; «Он всех нас поднял с колен»:

[Интервью: К 20-летию кончины митр. Никодима (Ротова)] // ЦиВр. № 4(7). С. 9–24. Ист.: *Определения Свящ. Синода* // ЖМП. 1987. № 12. С. 5; 1990. № 10. С. 4; 2005. № 6. С. 15; 2012. № 2. С. 12; *Наречение и хиротония архим. Льва (Церпицкого) во еп. Ташкентского и Среднеазиатского* // Там же. 1988. № 5. С. 7–12; *Служения и встречи свят. Патриарха Кирилла: [Возведение архиеп. Новгородского и Старорусского Льва в сан митрополита]* // Там же. 2012. № 2. С. 20. Лит.: *Иванов Е.* Освящение новгородской Софии // ЖМП. 1991. № 12. С. 12–14; *Савинова И. Д.* Лихолетье: Новгородская епархия и советская власть, 1917–1991: Ист. исслед. Новгород, 1998. С. 104–106; *Святая связь времен: 20 лет возрождения Новгородской епархии* // София. Новгород, 2010. № 2. С. 3–4; *Кафедра Новгородских святителей (со времени введения христианства в Новгороде в 992 г. до наст. времени): Жития, сведения и биограф. очерки: В 4 т. / Под ред. митр. Льва (Церпицкого); сост.: Г. С. Соболева. Новгород, 2014². Т. 4: 1945–2014 гг. С. 2237–2256.*

ЛЕВ (Черепанов Леонид Всеволодович; 5.08.1888, пос. Полевский Завод Екатеринбургского у. Пермской губ. (ныне г. Полевской Свердлов-

Лев (Черепанов),
еп. Ставропольский.
Фотография. 20-е гг. XX в.

ской обл.) — 8(?) .12.1937, Ленинград), еп. Ставропольский. Из семьи священника. В 1896–1898 гг. учился в церковноприходской школе в пос. Нижнетагильский Завод Верхотурского у. Пермской губ. (с 1917 город Н. Тагил), затем поступил в Екатеринбургское ДУ. В 1901 г. был переведен в Пермское ДУ, по окончании к-рого поступил в 1903 г. в Пермскую ДС. Во время учебы в семинарии принимал участие во внебогослужебных беседах для

народа, устраивавшихся Братством свт. Стефана Пермского. В 1909 г. окончил ДС и поступил столоначальником в Пермскую духовную консисторию. 12 янв. 1910 г. определен псаломщиком в Рождество-Богородицкую ц. в пос. Мотовилихинский Завод Пермского у. и губ. 11 июня того же года вступил в брак и 2 июля получил назначение на священническое место в Успенский собор в г. Оханске той же губернии. 10 июля рукоположен во диакона, 15 июля — во иерея. Помимо пастырского служения священ. Леонид преподавал Закон Божий в Оханском жен. уч-ще, был членом уездного отделения училищного совета церковных школ. 19 апр. 1914 г. назначен 2-м священником в Николаевскую ц. в Перми. В сент. того же года по собственному ходатайству переведен в Екатеринбургскую епархию в храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» Скорбященского жен. мон-ря в пос. Нижнетагильский Завод на место своего отца прот. В. М. Черепанова, перешедшего настоятелем в нижнетагильский Введенский храм. Стал законоучителем в монастырской школе. В 1918 г. овдовел, его дети умерли в младенчестве. В 1920 г. Скорбященский мон-рь был закрыт, на части его территории разместился концентрационный лагерь, однако монастырские Скорбященский и Вознесенский храмы продолжали действовать как приходские. 16 янв. 1921 г. на общем приходском собрании священ. Леонид избран настоятелем Вознесенской ц. Был благочинным 4-го благочиннического округа Н. Тагила.

В 1922 г., после ареста патриарха свт. Тихона и попытки захвата церковной власти обновленческим *Высшим церковным управлением*, нижнетагильские священнослужители отец и сын Черепановы выступили решительными противниками обновленцев. Поскольку после ареста в авг. 1922 г. Екатеринбургского архиеп. Григория (Яцковского) уральская паства лишилась архиерейского окормления, 19 дек. того же года в Н. Тагиле на собрании приходских советов было принято решение об учреждении Нижнетагильского викариата, к-рое до восстановления законной высшей церковной власти должно было действовать на началах самоуправления (в документах того времени такая форма церковной автономии часто называлась

автокефалией). Свящ. Леонид был выдвинут как один из 4 кандидатов на занятие Нижнетагильской кафедры и получил во время выборов большинство голосов. Для проведения епископской хиротонии своего кандидата собрание обратилось к пребывавшему в Уфе Томскому еп. *Андрею (Ухтомскому)*, к-рый был арестован в нач. 1923 г. Руководившие Уфимской епархией после ареста еп. Андрея его викарные епископы дали согласие на совершение хиротонии архиерея для правосл. приходов Урала. Свящ. Леонид отправился в Уфу, где принял монашеский постриг с именем Лев и 8 февр. 1923 г. был хиротонисан во епископа Нижнетагильского викариями Уфимской епархии епископами Давлекановским *Иоанном (Поярковым)* и Нижегородским *Петром (Гасиловым)*. По некоторым данным, на следующий день Л. вместе с еп. Петром совершил хиротонию иером. *Иринея (Шульмина)* во епископа Кушвинского, который должен был стать 2-м викарием Екатеринбургской епархии, но, опасаясь ареста, остался в Уфе.

Л. прибыл в Н. Тагил, где возглавил борьбу с обновленчеством на Урале. В 1-й проповеди Л. передал пастве обращенные к нему слова уфимских архиереев: «Ты едешь не розы снимать, а шиповник, и не страшись, хотя бы тебе и пришлось пострадать — в том твой крест». Имеются свидетельства, что в апр.—мае 1923 г. Л. получил письменное благословение от находившегося в заключении архиеп. Григория (Яцковского) на управление Екатеринбургской епархией. После этого помимо 6 приходов в Н. Тагиле Л. окормлял также 5 приходов в Екатеринбурге, не признавших власти обновленцев, и общину в Шадринске. О признании Нижнетагильского православного архиерея сообщили входившие в Пермскую епархию приходы Осы и Оханска. По всему Уралу распространялись обращения Л. с призывами сохранять верность Православию. Деятельность Л. вызвала беспокойство властей. Екатеринбургский губотдел ГПУ докладывал: «Все недовольные обновленческим движением в церкви охотно примкнули к Тагилу. Н[ижне]-Тагильская к[онтр]революционная организация, возглавляемая епископом Львом, начинает пользоваться особым успехом на всем Урале и Предуралье... Слава епископа Льва как старорежимного

архиерея, врага всяких новшеств растет, ширится и укрепляется. Идти за таким епископом для темной массы является... что-то вроде христианского подвига...»

15 июня 1923 г. Л. был арестован и заключен в тюрьму Екатеринбург по обвинению в «организации под флагом автокефалии контрреволюционного нелегального сообщества». Вместе с епископом были арестованы более 20 священнослужителей и мирян. На допросах Л. заявил, что не признаёт решений обновленческих органов, однако «ни в проповедях, ни в частных беседах с верующими или кем-либо я никаких политических тем [не затрагивал]». В авг. того же года Л. вместе с 12 др. обвиняемыми по делу был этапирован в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. В это время вышедший на свободу патриарх Тихон признал каноническими епископские хиротонии, совершённые в период Уфимской автокефалии, в т. ч. подтвердил каноничность архиерейства Л. 14 дек. 1923 г. Комиссия по адм. высылкам НКВД приговорила Л. к 3 годам ссылки в Хиву. Затем место ссылки было изменено: Л. был отправлен в г. Казалинск (ныне на территории Казахстана). С осени 1924 г. отбывал ссылку в Туркмении, сначала в Тедже, а с осени 1925 г. — в Полторацке (ныне Ашхабад), где служил в церкви регентом. Во время ссылки не прекращал проповедническую деятельность, устраивал в частных домах и на квартирах молитвенные собрания с участием до 30–40 чел. В 1926 г. по отбытии срока ссылки освобожден с запретом на проживание в 6 крупнейших городах страны и на Урале. Избрал для проживания Казань, служил в *казанском Зилантовом мон-ре в честь Успения Пресв. Богородицы*, где в то время существовала жен. правосл. община. В дек. 1927 г. с Л. были сняты ограничения на выбор места жительства.

Заместитель патриаршего местоблюстителя митр. *Сергий (Страгородский)*; вполн. патриарх Московский и всея Руси) назначил Л. правящим архиереем Алма-Атинской епархии, преобразованной из Семиреченского викариата на юго-востоке Казахстана. В янв. 1928 г. он прибыл в Алма-Ату. Архиерейское служение Л. в Казахстане совпало с периодом новых гонений на Церковь. Епископ пытался противодействовать закрытию храмов, обличал на проповедях

пассивность прихожан в деле защиты христ. веры. В авг. 1929 г. Л. арестовали в Алма-Ате по обвинению в антисоветской агитации и организации противодействия властям. 3 нояб. 1929 г. особым совещанием при Коллегии ОГПУ Л. был приговорен к 3 годам заключения в ИТЛ. Отбывал заключение в Северных лагерях особого назначения — в г. Котласе и на Коржинском лесозаготовительном пункте. Трудился на хозяйственных работах, на разгрузке леса, был санитаром в лазарете. В апр. 1930 г. назначен делопроизводителем в лагерное управление в Сольвычегодске, затем отправлен на торфодобычу в Нижегородский ИТЛ в Марийской автономной обл. В 1931 г. переведен в Беломоро-Балтийский ИТЛ, где работал статистиком. В апр. 1932 г. за ударный труд досрочно освобожден. Уехал в Н. Тагил, где тяжело заболел после перенесенных в лагерях лишений и тягот. После выздоровления Л. обратился к Свердловскому архиеп. *Макарию (Звёздому)* с просьбой доложить заместителю местоблюстителя митр. Сергию о своей готовности продолжить архиерейское служение на любой вакантной кафедре. Архиеп. Макарий в письме митр. Сергию писал о том, что Л. пользуется большим уважением среди верующих.

11 авг. 1933 г. назначен правящим архиереем Ставропольской епархии. Прибыл в Ставрополь 1 окт. того же года. Активно возрождал религиозную жизнь, боролся с обновленцами, имевшими на Ставрополье сильное влияние. 28 сент. 1934 г. арестован по обвинению в участии в «контрреволюционной церковно-монархической организации». Проходил по одному следственному делу с большой группой ставропольского духовенства. 31 авг. 1935 г. приговорен особым совещанием при НКВД к 5 годам лагерей. Был отправлен в Соловецкое отделение Беломоро-Балтийского ИТЛ. В 1937 г. лагерное отделение на Соловецких о-вах было реорганизовано в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН) Главного управления гос. безопасности НКВД. Л. вместе с др. заключенными был переведен на тюремное положение. 16 авг. 1937 г. нарком внутренних дел Н. И. Ежов подписал директиву о проведении операции по «репрессированию наиболее активных контрреволюционных элементов» из числа содержащихся в СТОН (факти-

чески речь шла о казни всех заключенных на Соловках). Всего было запланировано расстрелять 1200 чел. (было казнено более 1800 чел.). Массовые расстрелы осуществлялись 3 этапами. Л. вошел в состав т. н. 2-го соловецкого этапа из 509 чел. Смертный приговор ему и др. заключенным был вынесен постановлением Особой тройки УНКВД Ленинградской обл. 10 нояб. 1937 г. 2 или 3 дек. того же года Л. был доставлен по этапу в Кемь и отправлен по железной дороге в Ленинград. 7 дек. начальник УНКВД по Ленинградской обл. отдал приказ: «Прибывших из Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР — расстрелять». Казни проходили в ленинградских тюрьмах 8–10 дек. Предположительно Л. погиб в 1-й день массовых расстрелов. Был похоронен вместе с другими казненными в общей безвестной могиле.

Арх.: Архив МП. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2041; Архив УФСБ РФ по Ставропольскому краю. Д. 14658; УГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 18284; ГАСО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 489; Архив ДКНБ Респ. Казахстан по городу Алматы. Д. 022; Нижнетагильский гор. ист. архив. Ф. 99. Оп. 1. Д. 130; Ф. 211. Оп. 1. Д. 130.

Лит.: Манuil. Рус. иерархи, 1893–1965. Т. 4. С. 153; Разумов А. Я., Груздев Ю. Скорбный путь Соловецких этапов // Ленингр. мартиролог 1937–1938. 1999. Т. 4. С. 658–668; Разумов А. Я. То же: Продолжение поиска // Там же. 2008. Т. 8. С. 656–666; Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия: События. Люди. Храмы. Екат., 2001. С. 39–40, 148; Крест на Красном обрыве: Святые новомученики Казахстанские. М., 2002. С. 97–101; За веру Христову: Духовенство, монашество и миряне РПЦ, репрессированные в Северном крае (1918–1951): Биограф. справ. / Сост.: С. В. Суворова. Архангельск, 2006. С. 285–286; Зимина Н. П. Нижнетагильская автокефалия: (Канонические основания, тактика, историческое значение) // Государство, общество, Церковь в истории России XX века: Мат-лы XII Междунар. науч. конф. Иваново, 2013. Ч. 1. С. 164–171.

Н. Л. Стукова

ЛЕВ (Юрлов Лаврентий Михайлович; ок. 1678, с. Семово Курмышского у. (с XVIII в. — Макарьевского у. Нижегородской губ.) — 28.01.1755, Москва), бывш. еп. Воронежский и Елецкий. Род. в семье нижегородского дворянина, рано осиротел; был взят на воспитание боярином кн. И. Б. Троекуровым (1633–1703), одним из приближенных молодого царя Петра I Алексеевича и его свояком, последним главой Стрелецкого приказа. Вместе с сыновьями кн. Троекурова Федором и Иваном участвовал в Азовских походах 1695 и 1696 гг. Был пажом царицы Марфы Матвеевны. В 1700 г. в начале Северной

войны участвовал в осаде Нарвы, закончившейся 19 нояб. поражением рус. войск.

Обстоятельства и время принятия монашества достоверно неизвестны. В собрании «Анекдотов» об имп. Петре Великом И. И. Голикова со слов вдовы адмирала А. И. Головина, сына И. М. Головина (1680–1737), одного из ближайших сподвижников царя, приведен рассказ «Происшествие об украденном кубке». Якобы паж Юрлов на ассамблее в Немецкой слободе в Москве украл любимый кубок царя и спрятал в карете царицы Марфы. Царь, раскрыв преступление на месте, велел царице на следующее утро прислать пажа к нему. Вечером царица расспросила Юрлова о случившемся и тот ей во всем признался. Видя раскаяние юноши, она дала ему неск. червонных и «велела спастись, как он знает». Юрлов ушел в Вологду и постригся в монахи. Сам епископ на допросе в 1730 г. рассказывал, что он до 1711 г. «лет с десять» находился в Троице-Сергиевом монастыре. В 1706 г. в Сергиев монастырь вернулся из приписного астраханского во имя Святой Троицы муж. мон-ря несший там послушание строителя иером. Георгий (Дашков). Вскоре он стал казначеем, затем келарем «у Троицы», а в апр. 1711 г. — настоятелем в сане архимандрита. Белец Юрлов сблизился с о. Георгием и в посл. разделил его участь.

В сер. 1712 г. Л., уже будучи монахом Троице-Сергиева мон-ря, как следует из рекомендательных писем митр. Новгородского и Великолуцкого Иова митрополитам Казанскому Тихону (Воинову) и Астраханскому Сампсону († 3 апр. 1714) (РНБ. Соф. 1426. Л. 190), был командирован в Астрахань (очевидно, не в первый раз: из допросного листа известно, что постриг в мантию он принял в Астрахани). Л. был строителем астраханского Троицкого мон-ря, рукоположен во диакона и иерея митр. Сампсоном. В 1716 г. переведен строителем в астраханский Преображенский монастырь. Из-за «некоторых нападков» нового еп. Астраханского Иоакима († 1741) Л. в 1718 г. испросил разрешение возвратиться в Москву. Проживал в Донской иконы Божией Матери мон-ре. Вскоре по приглашению еп. Георгия (Дашкова), хиротонисанного 13 июля 1718 г. на Ростовскую кафедру, выехал в Ростов, откуда через несколько месяцев в числе других «добродетельных

монахов» был вызван в с.-петербургский Александро-Невский мон-рь. В 1719 г. Л. был отправлен на службу священником на корабль «Ангут», а по окончании морской кампании царским указом 1720 г. определен архимандритом *переславль-залесского Горицкого в честь Успения Пресв. Богородицы мон-ря*. В 1720 г. подписал вместе с другими настоятелями «Духовный регламент». При Л., в февр. 1722 г., Переславль посетил имп. Петр I. В 1-й пол. 1724 г. Л. находился в Москве под следствием по обвинению в растрате на 2 тыс. р. питья и рыбных припасов астраханского Троицкого мон-ря; получил прощение по случаю совершившегося 7 мая коронавания имп. Екатерины I Алексеевны, на котором в посл. присутствовал. В 1722–1725 гг. попечением Л. была выстроена и им освящена каменная Успенская ц. в с. Тетеринском под Нерехтой, являвшемся вотчиной Горицкого мон-ря.

В 1726 г. состоял ассессором Синода. В февр. 1727 г. представлен кандидатом на вакантную архиерейскую кафедру в Астрахани, но не был утвержден. 22 мая 1727 г. назначен, а 28 мая того же года в Свято-Троицком соборе С.-Петербурга хиротонисан во епископа Воронежского. 4 июня 1727 г. участвовал в хиротонии во епископа Переяславского викария Киевской митрополии архим. Иоакима (Струкова), буд. своего преемника на Воронежской кафедре. 11 сент. 1727 г. прибыл в Воронеж. Вызывался в Москву для участия в коронации имп. Петра II Алексеевича (25 февр. 1728). В 1728 г. вице-губернатором Воронежца был назначен Е. И. Пашков, к-рый в молодости имел разногласия с буд. епископом; эти обстоятельства наложили отпечаток на их взаимоотношения и через десятилетия. Л. выхлопотал 3 тыс. пудов железа на строительство кафедрального Благовещенского собора, что позволило ускорить уже начатые работы, построил в архиерейском доме ц. в честь Казанской иконы Божией Матери. В 1728 г. ввел дополнительный сбор по 40 к. в год с каждой приходской церкви на создание духовной школы (т. н. школьные деньги) и начал строительство каменного здания для нее. В 1729 г. ездил в г. Павловск Воронежской губ., где в частном доме находилась ризница и хранились деньги Азовско-Донецкого во имя Иоанна Предтечи

мон-ря, чтобы взять их в архиерейский дом «для лучшего охранения».

14 февр. 1730 г. в Воронеже был получен печатный манифест Верховного тайного совета о смерти имп. Петра II и об избрании на престол царевны *Анны Иоанновны*. Л. сразу же распорядился молиться об упокоении имп. Петра II, но под предлогом неполучения указа из Синода (к-рого не было до 21 февр.) этим и ограничился. За архиерейской службой 15 февр. (в Неделю Торжества Православия) августейшее семейство поминалось по старшинству, начиная с царицы Евдокии Лопухиной, 1-й жены имп. Петра I, возвращенной из ссылки имп. Петром II. Губ. канцелярия 16 и 18 февр. того же года запрашивала епископа, когда будет объявлен манифест. Благодарственный молебен по случаю вступления новой императрицы на престол был отслужен только 20 февр. В направленном в канцелярию уведомлении Л. обвинил Пашкова в постоянном отсутствии на молебнах в царские дни. Опасаясь доноса вице-губернатора о позднем совершении им «молебного торжествования», епископ отправил свою «промемерию» в Синод с жалобой на оклеветание его Пашковым.

Донесение Л. Синод обсудил 20 марта 1730 г. Архиеп. Георгий (Дашков) заявил, что у епископа с вице-губернатором давняя ссора, и предложил подождать, не будет ли какого извещения от гражданских властей. В течение трех с половиной месяцев об этом случае не вспоминали. 8 июня вышел Высочайший указ о переводе Л. в Астрахань. Епископ был вызван в Москву, но не подал рапорт о получении указа и не спешил с отъездом. В это время архиеп. *Феофан (Прокопович)*, демонстрируя преданность императрице, искал предлога, чтобы инициировать «архиерейские процессы» против тех, кого считал своими врагами. Медлительность Л. была расценена как неповиновение. Кроме того, архиеп. Феофану стало известно, что Л. выражал недовольствие указом имп. Анны Иоанновны о переводе из Воронежа. 15 июля Синод наложил на епископа штраф и послал за ним нарочного. В тот же день архиеп. Феофан от имени императрицы сделал запрос в канцелярию Синода «Отчего дело Льва по доносу воронежского губернатора до сего времени в Синоде не сле-

довано и умолчано?». 21 июля Синод был «обновлен» так, что в его составе оказались только «покорные слуги» архиеп. Феофана.

5 июля Л. выехал с ризницей в Москву и уже почти достиг Серпухова, когда его встретил нарочный. На переправе через р. Оку епископ по Высочайшему повелению был задержан и отвезен в *Угрюшский во имя свт. Николая Чудотворца монастырь*. Затем Л. был доставлен в Москву, где 23 июля получил допросные пункты от Синода. Епископа обвинили в злонамеренности действий и потребовали признаться, «ради какой себе пользы» он медлил с отправлением молебна и с кем в сговоре действовал. Л. отверг наличие умысла и сговора, но признал, что, давая устный ответ на запрос воронежской канцелярии о совершении молебна 15 февр., он «лгал, выручая себя, что долго молебна не отправлял» (в письменном ответе он указал правильную дату — 20 февр.). 28 июля того же года Л. был запрещен в священнослужении. При расспросах «под присягою» он заявил, что подробности «не упомнит» и во всем ссылался на соборян и певчих. Розыск показал, что Л. сразу после запоздалого совершения молебна обратился за «заступлением» к нек-рым духовным и светским лицам, включая митр. *Игнатия (Смолу)* и архиеп. Георгия, и послал им подарки. 20 сент. Синод приговорил Л. к лишению священного сана и монашеского чина с преданием гражданскому суду и через сенатора А. И. Ушакова представил «экстракт» из дела на утверждение императрице. Получив уведомление из Сената о том, что приговор конфирмован, 2 окт. Синод предписал угрешскому игум. Аввакуму (Львову; лишен сана в 1736) снять с Л. клобук, мантию и панагию, что и было совершено в тот же день. Дальнейшее следствие и суд по делу Юрлова велись в Сенате. 2 дек. императрица приказала содержать «расстригу Лаврентия» в *Кий-Островском Крестном Онежском мужском монастыре* на Белом м., в одиночном заключении, без права переписки. 16 дек. Л. прибыл в мон-рь. Принадлежавшие ему золотые монеты и слиток были «внесены» императрице, остальное имущество расхитили.

Через неделю после смерти имп. Анны Иоанновны, 23 окт. 1740 г., был издан манифест о широкой амнис-

тии (ПСЗ. 1830. Т. 11. № 8263. С. 277–280), и 3 февр. 1741 г. Синод постановил ходатайствовать о «прощении вин» Юрлова и Смолы. По резолюции правительницы *Анны Леопольдовны* от 5 окт. 1741 г. бывш. архиереев Л. и Игнатия освободили из заключения и как монахов определили в мон-ри с предписанием «давать им пищу против простых монахов вплетеро». С февр. 1742 г. Л. проживал в Чудовом мон-ре в Москве. Имп. *Елизавета Петровна* по случаю коронации повелела возвратить Л. архиерейский сан, что и было исполнено 22 апр. 1742 г. Но от предложения занять кафедру Л. отказался и был уволен с пенсией на покой в *московский в честь иконы Божией Матери «Знамение» мон-рь* с поручением служения панихид по царям и вел. князьям в Архангельском соборе Московского Кремля. 3 февр. 1743 г. Л. произнес имя здравствующей императрицы в заукойной молитве по ее сестре, цесаревне Анне. В Синоде вновь завели дело против Л., но имп. Елизавета милостиво простила старца. По свидетельству современников, «вся Москва очень чтит его и уважала». Погребен, как и завещал, в нижнем храме собора Знаменского мон-ря. Надгробная медная настенная доска (текст воспроизведен: *Болховитинов*. 1800. С. 204) к кон. XIX в. была утрачена.

В письме, опубликованном в 1868 г., Л. высказал неоднократно выражавшуюся имп. Петром I мысль объединить «под единою Российскою державою» все правосл. народы мира. Подобная задача ставилась в т. н. Завещании Петра Великого (п. 12), впервые появившемся в печати во Франции более чем за полвека до публикации письма Л.

Соч.: [Письмо к родственникам от 11.09.1743] // *Майков*. 1868. № 7/8. Стб. 1062–1064.

Арх.: РГИА. Ф. 796. Оп. 36. Д. 49.

Ист.: ОДДС. Т. 7. № 40; Т. 10. № 66, 117, 241, 334, 443.

Лит.: *Голиков И. И.* Анекдоты, касающиеся до государя имп. Петра Великого. М., 1798². С. 71–76; *Болховитинов Е. А.*, *прот.* Ист., геогр. и экон. описание Воронежской губ. Воронеж, 1800. С. 202–204; *Майков Л.* Лев Юрлов и его письмо к родственникам (1743 года, сент. 11) // РА. 1868. № 7/8. Стб. 1058–1064; *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 282–289; *Поликарпов Н. И.* Лев Юрлов, 5-й еп. Воронежский (1727–1730): Биограф. очерк // Воронежская старина. 1905. Вып. 5. С. 279–346; *Ильинский Ф. М.* Кто виноват в низложении и расстрижении Воронежского еп. Льва? // Там же. 1907. Вып. 6. С. 162–169; *Никольский А.* Лев (Юрлов) // РБС. 1914. Т. Лабзина — Ляшенко. С. 169–172; *Сергий (Петров)*, архиеп. История Во-

ронежской епархии от ее учреждения до 1960-х гг. Воронеж, 2011. С. 192–197; *Комолов Н. А.* Еп. Лев (Юрлов) // Воронежские архипастыри от свт. Митрофана до наших дней: Ист.-биограф. очерки. Воронеж, 2003. С. 112–123; *Домакина Н. М.* Синтез искусств в храмовом пространстве: (На примере Успенской ц. в с. Тетеринское Нерехтского р-на Костромской обл.) // Костромская земля в жизни великой России: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. Кострома, 2014. С. 93–95.

А. К. Галкин

ЛЕВ I ВЕЛИКИЙ [лат. *Leo Magnus*] (кон. IV в., Тоскана или Рим — 10.11.461, Рим), свт. (пам. 18 февр.; пам. зап. 11 апр. и 10 нояб.), папа Римский (440–461), отец и учитель Церкви.

Жизнь. Источники. Важнейший источник сведений о жизненном пути и деятельности Л. В. — его сочинения, в первую очередь обширнейшая переписка (PL. 54. Col. 581–1218). Богословская и церковно-политическая позиция Л. В. в монофизитском спо-

Свт. Лев Великий.

Мозаика Паладинской капеллы в Палермо, Италия. 1146–1151 гг.

ре находит отражение в актах *Вселенского IV Собора*; особо значимы высказывания папских легатов, представлявших на Соборе позицию Римского престола. Упоминания о Л. В. в сочинениях его старших современников, блж. Августина и прп. *Иоанна Кассиана Римлянина*, а также в труде «Против Евтихия» *Вигилия*, еп. г. Тапс (V в.), проливают свет на

ранний период его жизни. Значимые сведения, в т. ч. о контактах Л. В. с зап. Церквями и с предводителями варварских племен, содержатся в лат. хрониках V в. — *Проспера Аквитанского*, бывшего в течение длительного времени секретарем Л. В., и галисийского еп. Идадия. В «Книге о церковных писателях» *Геннадия Марсельского* Л. В. посвящена отдельная (хотя и очень краткая) запись (*Gennad. Massil. De script. eccl. 70*). Важные сведения о взаимоотношениях Л. В. со свт. *Иларием*, еп. Арелатским, содержатся в Житии последнего, написанном его учеником — *Ионоратом*, еп. Массилии. В *Liber Pontificalis* приводятся не только общеизвестные сведения о Л. В. (напр., о его участии в монофизитских спорах и о контактах с *Аттилой*), но и информация о церковном строительстве в Риме в период его епископского правления и о совершенных им хиротониях (LP. Vol. 1. P. 238–241). Сведения о жизни Л. В. и о его участии в монофизитском споре присутствуют также в «Церковных историях» визант. авторов — монофизита *Захарии Ритора* и православного *Евагрия Схоластика*. Греч. Житие Л. В. (BHG, N 982) не содержит точной достоверной исторической информации.

До епископского служения. О раннем этапе жизни Л. В. известно крайне мало. Точное время и место его рождения неизвестны, хотя можно утверждать, что он появился на свет в кон. IV в. *Liber Pontificalis* сообщает о его тосканском происхождении и называет имя его отца — *Квинтиан* (LP. Vol. 1. P. 238). Сам Л. В. в посл. говорил о Риме как о своей отчизне (*Leo Magn. Ep. 31. 4*), но это указание, безусловно, не может рассматриваться как свидетельство в пользу того, что он родился в Риме (*Henne. 2008. P. 16; Wessel. 2008. P. 34–35*). В то же время с Римом с самого начала было связано его церковное служение. Вполне возможно, что семья Л. В. переехала в Рим во время гот. нашествия в нач. V в. (*Jalland. 1941. P. 33–34*). В источниках также нет никакой информации об образовании Л. В. Отсутствие в его текстах ссылок и цитат из сочинений античных авторов свидетельствует о том, что его образование носило не классический, а церковный характер (*Wessel. 2008. P. 35; Henne. 2008. P. 16*). Впрочем, на отцов Церкви Л. В. ссылался также довольно редко (*Henne.*

2008. P. 16–17). К языческим философам он относился скептически, противопоставляя философскую премудрость простоте апостолов (*Leo Magn. Ep. 164. 2*). Греч. языком он не владел, что в посл. затрудняло его контакты с вост. Церквями.

Первое упоминание о Л. В. относится к 418 г. В послании к Римскому пресв. Сиксту (буд. папе *Сиксту III*) блж. Августин ссылается на письмо Сикста к еп. Аврелиану Карфагенскому, к-рое было доставлено в Африку *аколуфом* Львом; письмо содержало осуждение доктрины Пелагия (*Aug. Ep. 191. 1*). Т. о., в это время Л. В. уже встал на путь церковного служения и сблизился со своим буд. предшественником на кафедре. В период понтификата папы св. *Келестина I* (422–432) Л. В., очевидно, был уже достаточно влиятельной фигурой в Римской Церкви. Он становится архидиаконом (*Gennad. Massil. De script. eccl. 61*) и принимает активное участие в выработке позиции Римского престола в несторичанском споре. Л. В. поручает одному из основоположников зап. монашества, прп. Иоанну Кассиану, составить богословский трактат, посвященный опровержению ереси *Нестория*. В своем сочинении прп. Иоанн Кассиан именует Л. В. «украшением Римской Церкви и божественного служения» (*Ioan. Cassian. De incarn. Dom. Praef.*). Вигилий Тапский упоминает о некоем «свидетельстве правой веры» Л. В., относящемся к периоду понтификата Келестина (*Vig. Thaps. Contr. Euty. IV 1*) — о чем конкретно идет речь, установить не представляется возможным. В 431 г. к Л. В. обращается с посланием свт. Кирилл Александрийский (*Leo Magn. Ep. 119. 4*). Архиепископ столицы Египта сообщает римскому архидиакону о неоправданной попытке свт. *Иувеналия* Иерусалимского возвысить Иерусалимскую кафедру. Свое влияние архидиак. Л. В. сохраняет и в период понтификата Сикста III (432–440). Именно он побуждает папу отказать еп. Юлиану Экланскому, низложенному за приверженность пелагианской ереси, в возвращении в лоно Кафолической Церкви (*Prosper. Chron. Ap. 439*). В 440 г. Л. В. был послан с дипломатическим поручением в Галлию. Он должен был примирить двух наиболее влиятельных представителей рим. администрации в галльском регионе — магистра обеих милиций (*magister utriusque*

militiae) Аэция и префекта претория Альбина. Здесь его настигла весть о кончине папы Сикста III (18 авг. 440). Несмотря на отсутствие Л. В. в Риме, он был заочно избран новым Римским епископом (Ibid. 440). 29 сент. 440 г. Л. В. был рукоположен и возглавил Римскую Церковь.

Первые годы понтификата (440–448). Начальный период епископского служения Л. В. прошел под знаком укрепления позиций Римской кафедры на Западе. Это было связано в основном с историческими обстоятельствами: епископы из различных регионов Западной Римской империи были склонны обращаться к папе как к высшему авторитету для разрешения многочисленных дисциплинарных проблем, возникавших в западных Церквях из-за варварских вторжений на рубеже IV и V вв. В качестве высшей инстанции церковного суда Римский престол готов был признать и зап. имп. *Валентиниан III*, к-рый не мог в полной мере контролировать церковную ситуацию в своих владениях, поскольку значительная часть территории Западной Римской империи перешла в нач. V в. под контроль варваров.

Варварские вторжения оказали некое влияние на религиозную ситуацию и в самом Риме. Переселение *вандалов* в Африку привело к бегству из этого региона части рим. населения, среди которого были сторонники секты манихеев (см. *Манихейство*). Внимание Л. В. привлекли аморальные религиозные практики манихеев. В кон. 443 г. Л. В. организовал в Риме публичный процесс над манихеями, в котором приняли участие не только клирики, но и члены сената и представители римского плебса (*Leo Magn.* Ep. 15. 16; см. также: *Idem.* Sermon. 16. 4 и конституцию имп. Валентиниана III, включенную в собрание писем Л. В.— *Idem.* Ep. 8). Этот процесс является уникальным для позднеантичного периода прецедентом церковно-государственного суда над еретиками. Манихеи, в т. ч. и их «епископ», признали справедливость выдвинутых против них обвинений (Ibidem). Многие из них принесли покаяние и отказались от своего учения; упорствовавшие были осуждены в соответствии с имп. законодательством и отправлены в ссылку (Ep. 7. 1). 19 июня 445 г. имп. Валентиниан III утвердил решения организованного папой церковно-

светского суда. Согласно имп. постановлению, манихеи изгонялись из армии и из городов; могли проживать только в сельской местности; лишались права передачи имущества по наследству (Ep. 8).

В 40-х гг. V в. Л. В. поддерживал контакты с церковными общинами практически всех регионов западно-рим. мира. Особенно тесными были связи Римской Церкви с Церквями Центр. и Юж. Италии, Сицилии, Сардинии и Корсики. Эти территории находились в прямом подчинении викарию Рима. Римский престол осуществлял коммуникацию с этими Церквями, во-первых, посредством переписки, во-вторых, организуя в Риме регулярные Соборы. В период понтификата Л. В. подобного рода Соборы стали ежегодными и приурочивались к годовщине епископского поставления папы, т. н. Natale — 29 сент. (*Marot.* 1957). В посланиях к епископам юрисдикции Римской кафедры Л. В. затронул ряд актуальных дисциплинарных проблем: он выступал против возведения в клир рабов, требовал низложения епископов, женатых на вдовах или вступивших во второй брак, запрещал заниматься ростовщичеством не только клирикам, но и мирянам (*Leo Magn.* Ep. 4). Кроме того, Л. В. стремился к унификации литургической практики в рамках своей юрисдикции. В частности, настаивал на необходимости совершать Крещение только на Пасху и Пятидесятницу, осудив распространенный на Сицилии обычай совершать это таинство в день Богоявления (Ep. 16), а также практику совершения Крещения в дни поминаения мучеников, характерную для церкви Кампании, Пицены и Самнии (Ep. 168; написано позднее — в 459 г.).

В 40-х гг. V в. епископы различных зап. областей обращались к Л. В. за разъяснением сложных вероучительных, дисциплинарных и организационных вопросов, к-рые, судя по всему, явились следствием церковных нестроений в разоренных варварами зап. провинциях. В переписке с Аквилейским митрополитом (имя адресата не указано), вызванной жалобой еп. Альгина Септима, Л. В. указывает на необходимость для пелагианских клириков, вернувшихся в лоно Кафолической Церкви, официально отвергнуть ересь. С этой целью он предлагает созвать провинциальный Собор (Ep. 1). Позднее Л. В. на-

писал Аквилейскому митр. Ианнуарию о недопустимости возводить клириков — бывших еретиков в более высокие степени священства, чтобы не возникало подозрение, что их возвращение к истинной вере было мотивировано конъюнктурными соображениями (Ep. 18).

Распространение ереси стало причиной обращения к папе Турибия, еп. г. Астроги. Его беспokoило укрепление позиций в регионе сторонников учения *присциллиан*. В ответе епископу Турибию Л. В. дает опровержение этой дуалистической ереси и посылает ему акты рим. антиманихейского процесса 443 г. (Ep. 15). Папа призывает созвать общецерковный Собор для борьбы с ересью, если же это представляется невозможным из-за сложных обстоятельств (значительная часть региона контролировалась свевами), то провести небольшой Собор галисийского епископата (Ep. 15. 17). Судя по всему, подобный Собор так и не состоялся, однако папское послание было разослано испанским епископам (*Hudat.* Chron. // PL. 51: Col. 882).

Церковная ситуация в разоренной вандалами Африке также была весьма сложной. И если ранее африканский епископат дорожил своей независимостью от Римской кафедры и даже соборно запретил в 424 г. подавать *апелляции* Римскому епископу (см. послание Собора папе Келестину I: CCSL. 149. P. 171), то теперь Церкви региона оказались в орбите римского влияния. Чтобы выяснить положение церковных дел в отдаленной Мавритании, Л. В. направил туда своим представителем некоего еп. Потенция. Папский посланец выявил множество канонических нарушений: среди епископов региона были второбрачные и женатые на вдовах. Кроме того, некоторые были избраны в епископы из мирян, не пройдя всех степеней церковного служения, — данную практику Римская Церковь считала недопустимой. В письме от 446 г. Л. В. указал на необходимость лишения епископского сана второбрачных и женатых на вдовах, но посчитал допустимым в порядке икономии сохранить епископское достоинство для возведенных на кафедру из мирян (*Leo Magn.* Ep. 12). Римский епископ активно вмешивался в церковные дела в Проконсульской Африке. Признавая, что церковные конфликты должны разрешаться в рамках

региона, он в то же время указывал на необходимость предоставления ему отчета, что позволяло ему требовать пересмотра принятых решений (Ер. 12. 13).

Особое значение в рамках церковно-политической деятельности Л. В. имели его взаимоотношения с епископатам Галлии. Лидирующую роль в церковной жизни этого региона в V в. играла Арелатская кафедра. Еще в кон. 10-х гг. V в. Арелатский еп. Патрокл добился от Римского еп. св. Зосимы права контролировать епископские рукоположения и внешние контакты галльских Церквей. Бонифаций I отменил это решение, но прецедент был создан (Pietri. 1976. Vol. 2. P. 1006–1026). В 40-х гг. V в. Арелатскую кафедру занимал свт. Иларий, ученик основателя Леринского мон-ря свт. Гонората и его преемник на кафедре. Свт. Иларий, очевидно, рассматривал себя как примаса всех галльских Церквей. Он организовывал представительные соборы и активно вмешивался в церковные дела за пределами своей митрополии. Властный и иногда жесткий стиль управления, характерный для свт. Илария, стал поводом для его столкновения со Л. В. Свт. Иларий низложил Хелидония, еп. Везонциона (ныне Безансон), который обвинялся в том, что был женат на вдове и до рукоположения, будучи государственным сановником, подписывал смертные приговоры. И то и другое с т. зр. канонического права было несовместимо со священным саном. Хелидоний считал себя осужденным несправедливо и отправился в 444 г. в Рим, чтобы подать апелляцию Л. В. Свт. Иларий также прибыл в Рим. Во время разбирательства дела между ним и папой произошел конфликт. В посл. Л. В. упрекал свт. Илария в гордости и амбициозности. Он обвинял его в непочтении к Римскому престолу, незаконном присвоении права рукоположения епископов за пределами своей юрисдикции. Свт. Иларий покинул Рим. В это время против него Л. В. была подана еще одна жалоба — Арелатский епископ обвинялся в том, что незаконно под предлогом плохого здоровья сместил с одной из галльских кафедр еп. Проектия и рукоположил на его место нового предстоятеля. Римский Собор рассмотрел дела Хелидония и Проектия и оправдал их. Л. В. объявил также о лишении свт. Илария права

совершать рукоположения и созывать Соборы более высокого статуса, чем провинциальные (Leo Magn. Ер. 10; Honor. Massil. Vita Hilar. 16–17). 8 июля 445 г. имп. Валентиниан III издал постановление, в котором утвердил решения Римского Собора, указав на особый авторитет Римского престола. Император особо подчеркивал, что решения Римского епископа в принципе не требуют подтверждения со стороны гос. власти. Все епископы обязаны являться в Рим, если их вызывает папа. Деятельность свт. Илария Валентиниан III интерпретировал как опасную не только для Церкви, но и для гос-ва. В документе свт. Иларий обвиняется в том, что он насильственным путем (используя, очевидно, вооруженную свиту) водворял поставленных им епископов на кафедры вопреки воле пасты (Leo Magn. Ер. 11). Судя по всему, свт. Иларий смирился с этим решением и попытался добиться восстановления общения с Римским престолом. С этой целью он направил в Рим пресв. Равенния, своего буд. преемника, а также двух галльских епископов (Honor. Massil. Vita Hilar. 17). В 449 г. свт. Иларий умер; его конфликт с Л. В. остался неразрешенным.

Еще в кон. IV в., при папе св. Дамасе I, у Римского престола установились особо тесные связи с Церквями Балканского п-ова. Благодаря деятельности пап св. Сириция, св. Иннокентия I и св. Бонифация I Церкви диоцезов Дакия и Македония оказались включены в объединение во главе с Фессалоникийской кафедрой, которое обычно именуется в научной литературе Фессалоникийским викариатом (Pietri. 1976. Vol. 1. P. 786–789; Vol. 2. P. 1069–1147). Однако в отличие от представителей восточных Церквей особые права Фессалоникийского архиепископа (в первую очередь право контроля за рукоположениями и право созыва епископских совещаний) проистекали не из канонического статуса его кафедры, а делегировались ему Римским папой. Т. о., Фессалоникийский архиепископ выступал в роли викария Римского папы на Балканах.

Такая система церковного управления сохранялась в Балканском регионе в период понтификата Л. В. В 444 г. Фессалоникийский архиеп. Анастасий запросил у папы подтверждения своих прав викария.

Л. В. подтвердил статус Анастасия не только в письме, адресованном ему лично, но и в послании всем восточноиллирийским митрополитам (Leo Magn. Ер. 5–6). Жесткая политика Анастасия по отношению к иллирийскому епископату привела к тому, что в Рим начали поступать жалобы на папского викария. В послании 446 г., адресованном иллирийским епископам, Л. В. разъяснил, что спорные ситуации следует решать в рамках митрополичьих провинций и лишь в случае затруднений передавать на рассмотрение викария, который при этом должен не принимать решения единолично, а созвать региональный Собор (Ер. 13). В послании к Анастасию (Ер. 14. 1) Л. В. выражал недовольство его действиями по отношению к митрополитам и напоминал, что викарий является представителем папы и не обладает всей полнотой его власти. Он должен действовать более с любовью, чем с властью. Т. о., как и в случае с галльскими Церквями, Л. В. пытался не допустить возникновения на Балканах церковного объединения, сходного с формировавшимися восточными патриархатами. Фактически идеальная модель церковной организации в восприятии Л. В. включает 3 уровня: локальный — местная Церковь, возглавляемая епископом, региональный — церковная провинция, руководимая митрополитом, и вселенский — единство всех Церквей в общении с Римским престолом.

Период евтихианского спора (448–451). Если зап. Церкви в сер. V в. страдали от варварских вторжений, то для вост. Церквей главной проблемой стало новое обострение христологических споров, оборотной стороной которых было острое соперничество К-польской и Александрийской кафедр. В центре дискуссий оказалась фигура известного и влиятельного при дворе имп. Феодосия II к-польского архим. Евтихия, который, формально опираясь на высказывания свт. Кирилла Александрийского, проповедовал учение о том, что во Христе есть только одна природа и соответственно ставил под сомнение Его единосущие людям. Евтихий в послании попытался привлечь внимание Л. В. к спору на самом раннем его этапе. Папа ответил уклончиво, указав на свою недостаточную информированность о сути дела (Ер. 20). В нояб. 448 г.

Евтихий был официально осужден К-польским Собором, созданным архиеп. К-польским свт. *Флавианом*. Евтихий не согласился с соборным решением и при поддержке имп. Феодосия II стал требовать пересмотра дела. Их намерение полностью поддержал архиеп. Александрии *Диоскор*. Чтобы заручиться поддержкой Запада, Евтихий обратился к Л. В. (Ер. 21), а также к еп. Петру Равеннского, намереваясь, очевидно, при его посредничестве привлечь на свою сторону имп. Валентиниана III. Петр Равеннский в ответ на обращение Евтихия рекомендовал ему представить свое дело папе и подчиниться любому его решению, поскольку Римской кафедрой, по его словам, управляет сам ап. Петр (Ер. 25). Л. В. оказался в сложном положении: поскольку он знал о случившемся в К-поле только из рассказа Евтихия, он отправил свт. Флавиану послание, выразив разочарование в том, что Римская кафедра сразу не получила офиц. сообщения от К-польской кафедры о принятых по делу Евтихия решениях (Ер. 23). На самом деле свт. Флавиан к этому моменту уже отправил в Рим подобного рода послание, но оно сильно задержалось (Ер. 22); он также послал Л. В. акты К-польского Собора. В кон. марта 449 г. Феодосий II объявил о созыве Вселенского Собора в Эфесе для разрешения конфликта. Л. В. взял на себя задачу исчерпывающим образом изложить православное учение о Богочеловечестве Христа. Результатом его усилий стало составление одного из самых авторитетных богословских текстов эпохи христологических споров — «Томоса Льва к Флавиану» (Ер. 28). В этом сочинении, адресованном К-польскому архиепископу, Л. В. полностью поддержал осуждение Евтихия и сформулировал учение о двух природах во Христе.

Состоявшийся в авг. 449 г. в Эфесе под рук. Диоскора Александрийского Собор оправдал Евтихия и низложил его противников — свт. Флавиана К-польского, еп. *Евсевия* Дорилейского и *Феодорита*, еп. Кирского. Требование рим. легатов Юлия, еп. Пугеол, и диака *Илария* (впосл. папа Римский) зачитать Собору послание Л. В. (Ер. 33) было отклонено. Иларий официально заявил о несогласии Римской кафедры с соборными решениями (*Mansi*. Т. 6.

Col. 907–908). По возвращении в Рим Иларий дал отчет о происшедшем в Эфесе Л. В. и участникам ежегодного Римского Собора (*Leo Magn*. Ер. 44). С апелляцией к папе обратились

Встреча папы Льва Великого с Аттілой.

Роспись станцы д'Элиодоро. 1511–1514 гг. Худож. Рафаэль (Ватикан)

осужденные в Эфесе епископы (*Jal-land*. 1941. P. 242–246), при этом свт. Флавиан в своем послании назвал Римскую кафедру «тронам Апостольского престола Петра, начальника апостолов» (*Ibid*. P. 243). Л. В. не согласился с соборными решениями. Именно он впервые обозначил Эфесский Собор 449 г. как «разбойничий» (*latrocinium* — *Leo Magn*. Ер. 95. 2). Папа потребовал созыва нового Вселенского Собора в Италии (Ер. 43). Его обращение по этому поводу к имп. Феодосию II было поддержано имп. Валентинианом III, двор к-рого в 450 г. переместился в Рим (Ер. 55). К этому времени свт. Флавиан К-польский скончался. К-польским архиепископом становится свт. *Анатолий*, бывш. представитель Александрийской кафедры в К-поле. После смерти в июле 450 г. имп. Феодосия II на имп. престол взошел *Маркиан*, и политический курс в Восточной империи радикальным образом изменился. Имп. Маркиан, действуя в согласии со свт. Анатолием, вознамерился организовать новый Вселенский Собор для разрешения христологического спора. Л. В. был приглашен принять в нем личное участие, однако, как он отмечал в одном из посланий, это было невозможно, во-первых, из-за сложной политической ситуации (в Западную Римскую империю вторглись гунны и зависимые от них племена во главе с Аттілой), а во-вторых, из-за обычной неучастия Римских епископов в Соборах за пределами Рима (Ер. 93. 1). В письме к имп. Маркиану Л. В. предлагал отложить созыв Собора, поскольку мн. епископы не могли на него прибыть из-за варварских

вторжений (Ер. 83), однако император не последовал его совету.

В окт. 451 г. IV Вселенский Собор открыл свои заседания в Халкидоне. Римский престол был представлен на нем легатами: епископами Пасхазином Лилибейским и Луцен-

цием Аскульским, пресвитерами Василием и Бонифацием и доверенным лицом папы — еп.

Косским Юлианом. Первого из них папа рассматривал как председателя Собора (Ер. 89, 92, 93, 94), и действительно именно ему первому было представлено слово (*Mansi*. Т. 6. Col. 579–580), хотя в реальности соборными прениями руководили представители императора. На всем протяжении работы Собора легаты стремились подчеркнуть особый статус и авторитет Римского престола. Вероучительные решения Халкидонского Собора испытали на себе определенное влияние богословия Л. В. Его «Томос к Флавиану», рассматривавшийся папой как исчерпывающее выражение христологического учения Церкви (*Leo Magn*. Ер. 93. 2), не без некоторых сомнений со стороны ряда епископов был одобрен Собором (его участники утверждали, что через Л. В. говорит сам ап. Петр — *Mansi*. Т. 6. Col. 971–972) и включен наряду с Никейским и К-польским Символами веры и 2 посланиями свт. Кирилла Александрийского в состав соборного вероопределения. В то же время, несмотря на неодобрение легатов, Собор в своем 28-м прав. провозгласил К-польский престол вторым после Римского, поскольку К-поль является городом императора и сената (*АСО*. Т. 2. Vol. 1. 3. P. 94–99). Т. о., уникальный статус Римской кафедры во Вселенской Церкви ставился под сомнение.

Интенсификация контактов Римского престола с вост. Церквями совпала с новым обострением юрисдикционного конфликта в Галлии. В 449 г. Л. В. приветствовал поставление на Арелатскую кафедру свт. Равенния (*Leo Magn*. Ер. 40–41). Однако новый Арелатский митропо-

лит, хотя и менее последовательно, чем его предшественник свт. Иларий, стал проводить политику вмешательства в дела других галльских кафедр. Жалобу папе на действия свт. Равенния подал митр. Вьенны Никита. В то же время целый ряд других галльских епископов обратился к Л. В. с призывом признать юрисдикцию Арелата над всей Юж. Галлией; они ссылались на историческое первенство в регионе Арелатской кафедры и ее основание учеником ап. Петра св. Трофимом (Ер. 65). В ответе Л. В. указал на необходимость разграничить юрисдикции Арелата и Вьенны при сохранении прерогатив обеих конкурирующих кафедр (Ер. 66).

В 450 г. Л. В. послал Равеннию свой «Томос к Флавиану», стремясь заручиться поддержкой галльского епископата перед созывом Халкидонского Собора (Ер. 67). Ответ галльских епископов сильно запоздал: только в кон. 451 г. они организовали Собор и заявили о консолидированной поддержке христологического учения папы (Ер. 99). Л. В. был разочарован их медлительностью, поскольку Халкидонский Собор к тому моменту уже завершил свою работу (Ер. 102).

Последние годы (452–461). Вектор церковной деятельности Л. В. во многом определялся результатами Халкидонского Собора. Несмотря на безусловное одобрение его догматических решений, папа не был готов принять канонические постановления Собора, в первую очередь о признании К-польской кафедры второй по чести в иерархии Церквей. Л. В. четко обозначил свое видение ситуации в переписке со свт. Анатолием (Ер. 106), имп. Маркианом (Ер. 104) и имп. Пульхерией (Ер. 105): возвышение К-польского престола было совершено незаконно и являлось следствием интриг К-польского архиепископа. Оно противоречит постановлениям Никейского Собора 325 г. и принижает статус престолов Александрии и Антиохии, которые являются кафедрами ап. Петра (Ер. 106. 5). При этом папа, очевидно, не одобрял не только 28-е прав. Халкидонского Собора, но и 3-е прав. К-польского Собора 381 г., признававшего вост. столицу империи Новым Римом и наделявшего его первенством чести после Старого Рима. В одном из писем папа заявляет даже о кассации авторите-

том ап. Петра решений Соборов, противоречащих никейским установлениям (Ер. 105. 3). Чтобы иметь возможность влиять на ситуацию в К-поле, Л. В. назначил своим постоянным представителем в этом городе еп. Юлиана Косского (Ер. 111. 3), однако, несмотря на все старания папы, позиция имп. двора и К-польской кафедры по вопросу об иерархии кафедр не изменилась.

Когда в 452 г. в Италию вторглись полчища Аттилы, мн. города, в т. ч. Медиолан, Аквилея и Тицин (Папия, ныне Павия), были разорены, Л. В. принял участие в рим. посольстве к гуннскому предводителю и, по свидетельству Проспера Аквитанского, смог склонить Аттилу покинуть Италию и вернуться в дунайские области (*Prosper. Chron. An. 452; LP. Vol. 1. P. 239*). Рим, т. о., избежал разорения. В 455 г., когда Рим был захвачен вандалским кор. Гейзерихом, папа вновь вел переговоры с варварским правителем, чтобы убедить его не допустить полного разрушения Рима и истребления населения (*Prosper. Chron. An. 455*).

Церкви Сев. Италии, сильно пострадавшие от вторжения гуннов, столкнулись с каноническими затруднениями, к-рые пытались разрешить с помощью Римского престола. Многие христиане были уведены в плен за пределы Империи, некоторые из них, впоследствии вернувшись домой, обнаружили, что их жены вступили в повторный брак. В 458 г. еп. Аквилеи Никита обратился к Л. В., стремясь получить разъяснение по вопросу о том, как нужно поступать в такой ситуации. Папа указал на то, что жена должна вернуться к своему первому мужу, но не может быть обвинена в прелюбодеянии, если же она отказывается поступить таким образом, то должна быть отлучена от Церкви. В том же письме Л. В. разъяснил свою позицию и по другим сложным с канонической т. зр. ситуациям. Пленники, которых заставили участвовать в языческом культе, в случае раскаяния и при принесении покаяния (в течение 6 месяцев) допускаются к таинствам. Те же из римлян, кто были крещены арианскими священниками, находясь в рабстве у гуннов, могли быть приняты в Церковь, однако совершенное еретиками таинство должно было быть восполнено наложением рук (*Leo Magn. Ep. 159*).

Несмотря на столь бедственную ситуацию на Западе, Л. В. не прерывал контактов с восточными Церквями. В Палестине промонофизитски настроенные монахи изгнали с Иерусалимской кафедры свт. Иувеналия. Папа обратился к ним с посланием, в котором призывал примириться с Кафолической Церковью (Ер. 124. 1). Когда имп. Маркиан водворил порядок, используя военную силу, Л. В. выразил ему за это бла-

Свт. Лев Великий.

Худож. Ф. де Эррера младший.
2-я пол. XVII в. (Прадо, Мадрид)

годарность (Ер. 126). Поддержав свт. Иувеналия как законного предстоятеля Иерусалимской Церкви, Л. В. в то же время отказался признать обоснованным решение Халкидонского Собора о разграничении юрисдикций Антиохийской и Иерусалимской кафедр, указывая на его противоречие никейским канонам и настаивая на незыблемости прерогатив Антиохийской кафедры (Ер. 119).

Ситуация в Египте, где были сильны промонофизитские настроения, также вызывала беспокойство Л. В. Он не был уверен в православии нового Александрийского предстоятеля сщмч. Протерия (Ер. 113. 3). Однако в 454 г., получив от него разъяснения по поводу его богословской позиции, Л. В. признал Протерия православным (Ер. 129). В 455 г. Л. В. принял сообщенную ему Протерием дату Пасхи, несмотря на то что она не согласовывалась с принятой в Римской Церкви пасхалией (*Prosper. Chron. An. 455; Leo Magn. Ep. 142. 1*). Очевидно, Л. В. руководствовался в данном случае стремлением сохранить церковный мир и единство.

Кроме того, он отдавал должное древнему обычаю, в соответствии с к-рым именно Александрийская Церковь устанавливала и возвещала др. Церквам дату Пасхи. В 457 г. умер имп. Маркиан, и когда весть об этом событии дошла до Египта, в Александрии поднялось восстание, в результате к-рого патриарх Протерий был убит, а на кафедру возведен монофизит Тимофей II Элур. Обеспокоенный этими событиями Л. В. обратился к вост. имп. Льву I с просьбой вмешаться в ситуацию (*Leo Magn.* Ep. 145). Папа также решительно выступал против идеи созыва нового Собора для обсуждения проблем, поднятых монофизитскими спорами, считая, что все вероучительные вопросы были уже разрешены в Халкидоне (Ep. 156). В 460 г. император силой оружия водворил порядок в Александрии. Тимофей Элур был отправлен в ссылку. Папа приветствовал возведение на Александрийскую кафедру правосл. архиеп. Тимофея III Салофакиола (Ep. 171).

Обстоятельства и причины смерти Л. В. неизвестны. Он был первым папой, похороненным в базилике св. Петра в Риме.

Г. Е. Захаров

Сочинения. Л. В. был выдающимся церковным деятелем и богословом своего времени, однако занятость не позволяла ему посвящать много времени литературно-богословскому творчеству, в связи с чем он занимает скромное место в истории латинской христианской лит-ры. В своем творчестве он ограничился 2 лит. жанрами, совместимыми с его активной церковно-политической жизнью — проповедями и письмами.

Слова (tractatus или sermones, CPL, N 1657; PL. T. 54. Col. 477–522; SC. Vol. 22, 49, 74, 200; CSSL. Vol. 138, 138A). С первых дней своего понтификата Л. В. регулярно готовил и произносил церковные проповеди, которым придавал большое значение и рассматривал это как свою прямую обязанность — проявлять заботу не только о своей пастве, но и обо всей Церкви (*Leo Magn.* Serm. 38. 1). Главной целью его проповедей было назидание слушателей и сохранение единства веры (см.: Ibid. 25. 1; 69. 1). Большинство проповедей несут на себе следы тщательной риторической подготовки, отличаясь утонченной конструкцией периодов, антитезами и ритмическими кадансами. Проповеди Л. В.

дошли до наст. времени в неск. средневековых собраниях гомилий (гомилияриях), сохранившихся в рукописях VIII–XII вв., в которых они расположены в разном порядке, причем количество проповедей варьируется (т. н. собрания I и II); а также в независимом полноценном собрании догматического характера, сохранившемся преимущественно в рукописях XII–XV вв. в 3 редакциях — т. н. собраниях III (C), IV (B), V (A).

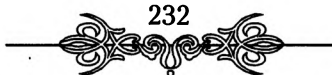
Как установил А. Шавас, собрание III (C) является лишь испорченной формой собрания IV (B), а собрания V (A) и IV (B) представляют собой 2 редакции одного и того же собрания, сформировавшегося в 2 этапа: сначала редакция V (A), затем редакция IV (B) (см.: CSSL. Vol. 138. P. LXXXIV). Инициатива создания двух основных собраний, вероятно, восходит к самому Л. В.; в собрание V (A) были включены проповеди, произнесенные Л. В. в первые 5 лет понтификата (440–445), а заканчивается оно диспутами с рим. манихеями и со свт. Иларию Арелатским (цитаты из 7 проповедей преимущественно антиманихейской направленности были также включены Л. В. в «Томос к Флавиану»). В собрание IV (B), помимо нового издания проповедей из собрания V (A), были включены проповеди, касавшиеся дела палестинских монахов. Ок. 600 г. неизвестный редактор, руководствуясь желанием свести все проповеди Л. В. воедино, объединил оба собрания в один текст («трехчастное собрание»). Эта 3-я редакция была также составлена с догматическими целями в защиту «Трех Глав» (см.: CSSL. Vol. 138. P. CXIII). Проповеди папы Л. В. наряду с его посланиями включались также в различные средневековые сборники церковных канонов, в частности в *Лжеисидоровы декреталии* (Ibid. P. CIV).

На сегодняшний день известны 97 проповедей (Слов) Л. В. В издании братьев Дж. и П. Баллерини, воспроизведенном в PL. 54, имеется только 96 Слов, т. к. Слово о Маккавеях (*De Machabaeis* — CPL, N 1658; PL. 54. Col. 518A–520A), помещенное в издании Шаваса под номером 84 bis (CCSL. Vol. 138A. P. 529–532), было отнесено ими к спорным (в наст. время его подлинность вновь ставится под вопрос).

Проповеди Л. В. гл. обр. посвящены праздникам и памятным датам церковного года, их порядок в из-

даниях, за небольшими исключениями, следует годовому литургическому циклу его времени (с сент. по авг.). В проповедях Л. В. также затрагивает различные догматические, нравственные и церковно-канонические вопросы. По тематике все проповеди разделяются на неск. групп: на день рукоположения Л. В. во епископа Римского (*Leo Magn.* Serm. 1–5; произнесены 29 сент. с 440 по 445), о милостыне, собиравшейся ежегодно (Ibid. 6–11; произнесены в нояб. 440 и 442–445), на декабрьский пост (*De jejuniis decimi mensis*; Ibid. 12–20; произнесены в дек. 440–444 и 450–452), на Рождество Христово (Ibid. 21–30; произнесены в 440–444, 450–454), на Богоявление (Ibid. 31–38; произнесены в 441–445 и 451–453), на Великий пост (Ibid. 39–51; произнесены в февр.—марте 441–445, 451–455 и 457–458), на Пасху — о Страстях Христовых и Воскресении (Ibid. 52–72; произнесены в марте—апр. 441–445 и 452–454), на Вознесение (Ibid. 73–74; произнесены в мае—июне 444–445), на Пятидесятницу и июньский пост (Ibid. 75–81; произнесены в мае—июне 441–444 и 453), на праздник св. апостолов Петра и Павла (Ibid. 82–83; произнесены 29 июня 441 и 443), на годовщину избавления Рима от осады войск *Алариха* в 410 г. (Ibid. 84; произнесена 30 авг. или 6 сент. 442), о Маккавеях (Ibid. 84 bis; произнесена 1 авг. между 446 и 461), на день памяти св. Лаврентия (Ibid. 85; произнесена 10 авг. между 446 и 461), на сентябрьский пост (*De jejuniis septimi mensis*, Ibid. 86–94; произнесены в сент. 441–445, 453–454 и 457–458), о евангельских блаженствах (Ibid. 95; произнесена после 445), против ереси Евтихия (Ibid. 96; произнесена 25 дек. 457).

Помимо этих 97 аутентичных проповедей Л. В. приписывался целый ряд других (см.: CPL, N 1658–1660; PL. 54. Col. 477–522; 56. Col. 1131–1154; PLS. 3. Col. 331–340; 4. Col. 1938–1940); как установили ученые, из них только одна напоминает сочинение Л. В. по стилю и лексике, представляя собой центон, составленный из подлинных проповедей и посланий папы. Остальные принадлежат разным лицам: свт. Амвросию, блж. Августину, Фавсту Регийскому, *Кесарию* Арелатскому, Максиму Туринскому, а также более поздним неизвестным авторам (см.: *Jalland.* 1941. P. 402).

Послания. Эпистолярное наследие Л. В. (CPL, N. 1656) весьма велико — это самое большое собрание папских посланий до папы св. Григория I Великого. В издании братьев Баллерини (Venetiis, 1753–1757 = PL. 54. Col. 593–1218), к-рое остается наиболее полным изданием посланий Л. В. (др. издания см.: *Silva Tarouca*. 1932; *Idem*. 1934–1935; *Idem*. 1937; АСО. Т. 2. Vol. 1–4), содержатся 173 послания, 143 из к-рых принадлежат самому папе (подлинность двух в наст. время отвергается — это Ер. 43 и 120), а 30 адресованы ему или написаны др. лицами — императорами Валентинианом III, Феодосием II и Маркианом, императрицами Галлой Платидией и Лицинией Евдоксией, еп. Петром Хрисологом, архиеп. Флавианом К-польским, еп. Феодоритом Кирским, архиеп. Евсевием Медиоланским и др., а также отцами Халкидонского Собора (см.: *Leo Magn.* Ер. 3, 8, 11, 21–22, 25–26, 46, 52–53, 55–58, 62–65, 68, 73, 76–77, 97–101, 110, 132–133). Все послания Л. В. написаны в период его понтификата (*Studer*. 1986. P. 595). Мн. послания Л. В. получили широкое распространение уже в V–VI вв., когда из них были составлены 2 сборника. Один, известный под названием *Collectio Ratisbonensis* и состоящий из 72 посланий, был предназначен для догматических целей, гл. обр. для защиты решений Халкидонского Собора, а другой, известный под названием *Collectio Thesalonicensis*, — для разрешения вопросов церковной юрисдикции. Др. послания Л. В. сохранились вместе с папскими декретами и соборными канонами в церковно-канонических сборниках, таких как *Collectio Quenelliana*, составленном в Италии в кон. V в., и *Collectio Novara* (IX в.); в них вошли послания Л. В. к епископам Галлии и Испании, написанные в 449 г. по поводу ереси Евтихия. Самое известное 28-е послание к архиеп. Флавиану К-польскому («Томос к Флавиану»), представляющее собой синтез христологического учения (*Grillmeier A. Christ in Christian Tradition*. L., 1975². Vol. 1. P. 530), было включено в Деяния Халкидонского Собора (АСО. Т. 2. Vol. 2. 1. P. 24–33) и имело широкое распространение в последующие века и на Западе, и на Востоке, в т. ч. в качестве текста для литургического чтения, как об этом свидетельствует Римский гомилярый (Vat. lat. 3835), состав-

ленный в VIII в. Агимундом для базилики св. апостолов Филиппа и Иакова в Риме. За исключением некоторых писем, встречающихся в *Collectio Arelatensis* (*Leo Magn.* Ер. 40–42, 65–67), большая часть посланий Л. В. восходит к перечню его трудов, составленному Проспером Аквитанским и хранившемуся в архивах Римского престола. Проповеди и послания Л. В. — бесценный источник по истории Церкви, христ. богословия и благочестия в V в. (*Studer*. 1986. P. 595).

Л. В. приписывалось составление Сакраментария (см. в ст.: *Веронский Сакраментарий*), а также эпитафии «*Genus sacrandae polis*» (CPL, N 1657b; PL. 13. Col. 413A–414A), сохранившейся в баптистерии Латеранской базилики. Наконец, предпринимались попытки атрибутировать Л. В. авторство трактата «*De vocatione omnium gentium*» (CPL, N 528) и сборника папских изречений по вопросу о благодати (CPL, N 527); однако на сегодняшний день общепризнано, что их настоящим автором является секретарь Л. В. Проспер Аквитанский.

Учение. Нек-рые положения богословского учения Л. В. получили широкое признание как при его жизни, так и после смерти. Репутацию авторитетного богослова папа Л. В. стяжал преимущественно благодаря своему «Томосу к Флавиану» (*Jalland*. 1941. P. 440). Как указывает Б. Грин, «Томос» был попыткой Л. В. разрешить христологический спор как 428 г., так и 448 г. — своего рода великой заменой Объединительной формулы 433 г. (*Green*. 2008. P. 227). Единодушное признание этого вероучительного документа отцами IV Вселенского Собора, равно как в посл. и др. правосл. епископами и авторитетными богословами на Западе и Востоке, объяснялось преимущественно простотой его богословского языка и точностью использованных в нем догматических формулировок. Л. В. предложил последовательное и достаточно исчерпывающее изложение церковной веры в Боговоплощение, что дало возможность избежать крайностей и излишней путаности в этом вопросе (*Ibid*. P. VIII–IX, 188). Помимо неслучайного вклада Л. В. в развитие христологического учения Церкви на Западе он также был известен как строгий и последовательный сторонник учения о примате Римского епископа, а также августиновского

взгляда на доминирующую роль Божественной благодати в спасении человека. Нек-рые аспекты богословского учения Л. В. связаны с темами грехопадения человека и его спасения во Христе.

Источники вероучения. Согласно Л. В., главными источниками христианского вероучения являются Свящ. Писание и церковное Предание, авторитет которых каждый христианин должен безусловно признавать и в соответствии с к-рыми должен мыслить и жить. Все Свящ. Писание, в состав к-рого Л. В. включает также некоторые неканонические книги, напр. Книгу Премудрости Иисуса, сына Сирахова, и Книгу Товита (*Leo Magn.* Serm. 10. 2), обладает «несомненным авторитетом» (*Ibid*. 52. 1; 75. 5). Л. В. часто указывает на принципиальное согласие между ВЗ и НЗ (*Ibid*. 54. 1; 60. 1; 63. 2) при несомненной разнице между ними. ВЗ содержит тени (*umbra veteris Testamenti*) и прообразы (*significationes, figurae, signa, mysteria*) новозаветных событий, а НЗ — их явное исполнение (*manifestum esse, effectus* — *Ibid*. 60. 3; 66. 2; 69. 2; 95. 1). Евангелие обладает наибольшим авторитетом (*Ibid*. 66. 2); именно в свете Евангелий и апостольских Посланий следует постигать все остальные книги Библии: «От евангельского и апостольского учения нельзя отступать ни единым словом или мыслить о Божественных Писаниях иначе, чем были научены и научили [нас] блаженные апостолы и отцы наши» (Ер. 82. 1; ср. 64. 1).

Не меньшим авторитетом в вопросах вероучения обладают мнения отцов Церкви и Символ веры, в которых заключается «апостольская и вселенская вера, происшедшая из источника Божественной милости» (Ер. 102. 2; ср.: Ер. 28. 1–2). Эта вера единая, истинная, не допускающая ни добавления, ни убавления и ни в чем не отступающая от исповедания св. отцов (Serm. 24. 6; Ер. 124. 1); она торжествует над всеми ересями, поскольку ей научает и помогает Сам Бог (Serm. 30. 3; Ер. 28. 2). Нападки еретиков служат вере только на пользу, делая ее еще более прочной и непоколебимой (Ер. 102. 1–2; 104. 1; 120. 1). Для Л. В. эта вселенская вера выражается «в кратком и совершенном исповедании вселенского Символа, к-рое было запечатлено голосом всех двенадцати

апостолов и так снабжено небесным ограждением, что одним его мечом можно обезглавить все мнения еретиков» (Ер. 31. 4; ср.: *Serm.* 96. 1; Ер. 45. 2; 124. 8; *Ioan. Cassian. De incarn. Dom.* VI 3). Помимо Символа веры папа указывает на важность вероучительного авторитета определенных церковных Соборов, более всего — Никейского Собора 325 г. (*Leo Magn.* Ер. 12. 4; 106. 4; 107. 1), приводя целиком текст его Символа веры в одном из посланий (Ер. 165. 3). Равный авторитет имеют и вероучительные постановления св. отцов (Ер. 12. 4–5; 124. 3; 165. 3), особенно Римских епископов — предшественников Л. В. (Ер. 1. 1; 12. 5; 13. 3).

Авторитет Свящ. Писания и церковного Предания, основанного на апостольской и вселенской вере, требует от христианина безусловной личной веры, поскольку, как утверждает Л. В. вслед за ап. Павлом, «без веры угодить Богу невозможно (Евр. 11. 6) и без нее нет ничего святого, ничего чистого, ничего живого, ибо праведный верою жив будет... (Авв. 2. 4) и как чрез веру — праведность, так же чрез истинную веру приобретаетась и жизнь вечная» (*Leo Magn.* *Serm.* 24. 6). В согласии со своим учением о достаточности исповедания апостольской и вселенской веры для истинного богопознания Л. В. презрительно отзывается о мирской мудрости и ее умозаключениях, которые неспособны привести человека к познанию истины, но лишь порождают заблуждения и ереси (*Ibid.* 46. 3; 69. 5). Иногда Л. В. полностью отрицает необходимость для христианина изучения философии, риторики и др. наук (Ер. 164. 2).

Учение о Боге и Святой Троице. Учение Л. В. о Боге не отличается спекулятивным характером — ему чужды абстрактные рассуждения о бытии Бога, Его сущности или атрибутах. Чаще всего он говорит о различных совершенствах Бога, проявленных по отношению к Его творениям, к-рые ясно свидетельствуют о Творце (*Serm.* 44. 1; 19. 2; 27. 6). В проповедях Л. В. рассуждает о справедливости и милосердии Бога (*Ibid.* 12. 2–3), Его всеведении и всемогуществе (*Ibid.* 22. 1; 43. 3), долготерпении (*Ibid.* 43. 4; 50. 1) и неизменности (*Ibid.* 5. 3; Ер. 15. 13), вездесущи и абсолютном превосходстве (*Ibid.* 22. 1; 23. 1; 25. 3; Ер. 15. 6). Благодать и любовь Божия проявляются гл. обр. в заботе

о человеческом роде и его спасении (*Ibid.* 12. 1; 23. 1).

Хотя тринитарные споры к тому времени уже отошли на второй план, уступив место спорам христологическим, в проповедях Л. В. присутствуют и рассуждения, посвященные тринитарному вопросу (*Battifol.* 1926. Col. 283–284), особенно в проповедях на Рождество (*Leo Magn.* *Serm.* 21–30) и Пятидесятницу (*Ibid.* 75–77), в которых Л. В. подчеркивает божество Св. Духа. Главный акцент в тринитарном учении Л. В., как и его зап. предшественники (см.: *Фокин.* 2014. С. 188–189, 263–265, 531–534), ставит на единстве Лиц Св. Троицы (*Jalland.* 1941. P. 445), которые обладают единой сущностью (*una deitas, essentia, substantia*) и суть единый Бог (*tota simul Trinitas est unus Deus* — *Leo Magn.* *Serm.* 77. 6): «Мы знаем и всем сердцем исповедуем, что существует одно Божество (*unam esse deitatem*) Отца и Сына и Духа Святого и единосущная сущность предвечной Троицы (*consubstantialem sempiternae Trinitatis essentiam*), ни в чем от себя не раздельная, ни в чем не различная, ибо она есть полностью вневременная, полностью неизменная и никогда не перестающая быть тем, что она есть» (*Ibid.* 64. 2). Именно единство сущности и отсутствие природных различий свидетельствуют о вере в Троицу как единого Бога (*Ibid.* 23. 2). Дополнительным аргументом в пользу природного единства Троицы для Л. В. является нераздельность ее могущества, воли, действия и славы (*Ibid.* 75. 3). Он учит, что «неизменное божество сей блаженной Троицы едино в сущности, нераздельно в действии, согласно в воле, одинаково в могуществе, равно в славе» (*Ibid.* 76. 2; ср.: *Ibid.* 64. 2; 77. 1). При этом Л. В. стремится сохранить не только это единство и равенство божественной сущности, ее свойств и проявлений, но и неслитное различие Лиц, имеющих особые свойства, к-рые указывают на Их взаимные отношения (*Ibid.* 72. 5; 76. 2–3; 77. 1). Однако Л. В. не проясняет, что означают тринитарные термины «сущность», «субстанция», «природа», «лицо», но просто использует их в рамках предшествующей зап. традиции (*Jalland.* 1941. P. 447), настаивая, что различие Лиц — это различие не просто в именах, как думал Савеллий (*Leo Magn.* *Serm.* 24. 5; Ер. 15. 1), но также и в особых свой-

ствах и особых функциях в домостроительстве спасения (*Ibid.* 77. 1).

Сын предвечно рожден от Отца и совечен Ему, поскольку не было момента, когда Бог не был бы Отцом Единородного Сына, или когда Сын был бы без Отца, а Отец без Сына, ибо там ни Родитель не прежде Рожденного, ни Рожденный не позже Родителя (*Ibid.* 25. 2–3; 76. 2; 51. 6; Ер. 15. 2). Единосущие Сына с Отцом Л. В. подчеркивает, употребляя выражение из Никейского Символа веры: Сын не сотворен из иной природы, но рожден из сущности Отца (*Serm.* 27. 2; 51. 6). Поэтому «Сын Божий есть истинный Бог, обладающий всем тем, что есть Отец, ни с какого начала не временный, ни в каком разнообразии не переменчивый, неотделимый от Единого [Отца], нераздельный со Всемогущим, предвечно Родителем Единородный и совечный» (*Ibid.* 72. 5).

Св. Дух также совечен Отцу и Сыну (*Ibid.* 76. 2), «вечно получая бытие от того, что есть Отец и Сын» (*Ibid.* 75. 3). Он есть общий Дух Отца и Сына (*Ibid.* 75. 3; 76. 2) — это отголосок августиновского представления о Духе как связи в Троице (см.: *Фокин.* 2014. С. 570–588, 623). Непосредственно связано с таким представлением и воспринятое Л. В. от блж. Августина учение о «двойном исхождении» Св. Духа, основанное, в частности, на том, что Отец в рождении Сына передает Ему свойство изводить Духа, Который «хотя не есть ни Отец, ни Сын, но не отделен от Отца и Сына и как имеет собственное Лицо в Троице, так имеет и единую сущность в божестве Отца и Сына» (*Leo Magn.* *Serm.* 77. 6) и именно поэтому «исходит от Обоих» (Ер. 15. 1). Особенно подробно Л. В. в своих проповедях освещает различные духовные дары (*donata*) и благодатные действия (*charismata, gratia*) Св. Духа в ветхозаветных пророках и апостолах (*Ibid.* 76. 3), в Церкви и душах верующих (*Ibid.* 75. 5; 3. 1; 50. 2).

Учение о творении. Ангелы и демоны. Л. В. не занимался толкованием Шестоднева, и вопросы творения и устройства мира волновали его лишь в применении к нуждам духовной жизни христиан. Так, в 22-м Слове он указывает на основные различия между Богом и Его творением и призывает христиан не следовать языческим обычаям почитания небесных светил, но по-

читать Творца исходя из величия и красоты творения (Serm. 22. 6). Согласно Л. В., все творения Божии не только благи (Ер. 15. 6), но и прекрасны и самой своей красотой свидетельствуют о том, что они суть творение единого Бога, а потому надо служить не творениям, а Творцу всяческих (Serm. 19. 2; ср.: Ibid. 44. 1), при этом сам акт творения и дальнейший Промысл Божий о нем рассматриваются как единое действие Лиц Св. Троицы (Ibid. 77. 1). Важнейшее отличие творения от Творца Л. В. вслед за блж. Августином видит в его изменчивости: «Несопоставимо иное Творец, и иное — творение. В самом деле, Он всегда один и Тот же и не изменяется никаким изменением, а оно изменчиво (*mutabilis*), а если и неизменно, то может иметь эту неизменность как дар, а не как собственное свойство» (Ер. 15. 13) — последнее относится к ангелам и святым. Об ангелах Л. В. рассуждает очень редко; он не исследует их происхождение и не объясняет их функции, говоря лишь, что Бог делает ангелов «слугами своей воли» (Serm. 90. 3), и часто упоминает ангелов в связи с теми или иными событиями из ВЗ и НЗ, где они выступали как вестники воли Божией и ее служители (Ibid. 4. 2; 9. 2; 32. 3; 40. 3; 54. 4; 73. 1; 74. 4; Ер. 69. 1; 139. 2). Кроме того, Л. В. побуждает христиан подражать св. ангелам, блюсти их тайны и быть с ними в дружеских отношениях (Serm. 35. 4; 22. 5). О диаволе, о его падении и происхождении зла он рассуждает следующим образом: «Истинная, то есть кафолическая, вера исповедует, что сущность всех творений — духовных ли или телесных — благая и нет никакой природы у зла, ведь Бог, Который есть Творец вселенной, не сотворил ничего, кроме блага. А потому и диавол был бы благим, если бы пребывал в том состоянии, в котором был сотворен. Однако по причине того, что он дурно воспользовался своим природным превосходством и не устоял в истине (Ин 8. 44), он не превратился в противоположную сущность, но отпал от высшего Блага, с Которым должен был пребывать в единении» (*Leo Magn.* Ер. 15. 6; ср.: Serm. 9. 1). По мнению Л. В., причиной падения диавола была гордыня, из-за которой он утратил всю славу своей природы; так диавол стал возбудителем и источником греха и всякого рода

заблуждений в мире (Serm. 9. 1; 48. 2). Непримируемая вражда существует между диаволом и человеком, к-рого он стремится всеми возможными средствами отвратить от Бога (Ibid. 39. 4; 57. 5; 70. 4 и др.).

Учение о творении человека, грехопадении и его последствиях. Согласно Л. В., человек, сотворенный Богом, был удостоен от Него высокой чести образа Божия и царя видимого творения (Serm. 12. 1; 20. 2; 22. 1; 24. 2). Он был составлен из тела и души, каждое из к-рых имеет свое особое происхождение и назначение (Ibid. 24. 2; 64. 2). По мнению Л. В., в райском состоянии человек обладал особыми дарами Божиими, в частности залогом бессмертия (Ibid. 22. 1; Ер. 28. 3). Хотя человек пребывал в состоянии естественной невинности (Serm. 66. 1), он был наделен свободой произволения и мог свободно избирать добро и зло (Ibid. 28. 3). Если бы человек «в постоянстве возделывал прекраснейшее достоинство своей природы посредством соблюдения данного ему закона, то его нетленный дух возвел бы и само качество земного тела в небесную славу» (Ibid. 24. 2). Так человек исполнил бы замысел Божий о себе, сохранив и преумножив дары Божии и обретя окончательное бессмертие (Ibid. 22. 1; Ер. 28. 3). Однако осуществлению этого замысла помешало грехопадение прародителей, суть к-рого Л. В. характеризует с разных сторон. Прежде всего он говорит о превозношении Адама и его гордыне, из-за к-рой он возжелал удостоиться ангельской чести (Serm. 25. 5; 69. 3; 44. 3; Ер. 106. 1); ведь Адам, вняв «совету превозношения», пожелал не заслужить, а завладеть обещанным ему «приращением чести» (Serm. 24. 2). Кроме того, Л. В. указывает на чревоугодие и вождление прародителей, обольщенных запретной пищей (Ibid. 77. 2; 79. 1; 81. 1; 87. 1). Наконец, Л. В. подчеркивает доверчивость Евы, из-за к-рой люди лишились райского блаженства (Ibid. 16. 5). Обманутый диавольским коварством (Ibid. 22. 1; 77. 2), Адам совершил преступление против Бога, пренебрегши заповедью Божией (Ibid. 25. 5; 77. 2), за что и был изгнан из рая (Ibid. 22. 5). Вместо достижения ангельской чести он, напротив, погубил достоинство своей природы, лишился Божественных даров, в т. ч. дара бессмертия и вечной жизни, и стал смертен

(Ibid. 22. 1; 24. 2; 25. 5; 66. 1). Так в человеческую природу вошли немощь и смерть, к-рые являются наказанием за грех, совершенный прародителями (Ibid. 72. 2). Кроме того, в людях исказился образ Божий (Ibid. 27. 6), а вместе с тем возник разлад между плотью и духом (Ibid. 90. 1) — «дурное вождление» (Ibid. 93. 1) и «склонность к худшему» (Ibid. 18. 1). Это искажение первоначальной человеческой природы вместе с виной и осуждением за нее от Адама перешло на всех людей (Ibid. 24. 2). По мнению Л. В., вместе с прародителями «пала вся полнота рода человеческого» (Ibid. 72. 2). Человеческая природа подверглась коренной «порче, которая не была вложена в нее Творцом, но привлеклась от преступника [Адама] и по закону рождения перешла от него к потомкам (*in posteris generandi lege transfusum*), так что от тленного тела происходит то, что способно осквернить душу» (Ibid. 90. 1; ср. 93. 1). Эта порча определяется Л. В. по-разному: как «первородный грех», присутствующий в людях наряду с их личными грехами (Ibid. 49. 3) и господствующий над ними (Ibid. 25. 5); как «первородные оковы», сковавшие людей и подчинившие их волю диаволу и греху (Ibid. 22. 3; 23. 3; 52. 1; 62. 3); как «греховное осквернение», перешедшее ко всем людям (Ibid. 72. 2; 77. 2); как «яд», отравивший человеческую природу (Ibid. 22. 4; 87. 1). Подобно свт. Амвросию Медиоланскому, блж. Августину (*Aug. De Trinit.* XIII 12. 16) и мн. др. зап. писателям Л. В. полагает, что эта наследственная порча передается от родителей к детям через «скверну плотского вождления», или «скверну греха» (*Leo Magn.* Serm. 22. 3), сопровождающую зачатие всякого человека (Ibid. 25. 5; 30. 4; 90. 1; Ер. 28. 4). В лице прародителей все человечество попало в плен к диаволу (Serm. 23. 3; 24. 2; 30. 6; 57. 5; 66. 1; 77. 2; 90. 1) или в рабство к нему (Ibid. 22. 3), поскольку «древний враг» рода человеческого, восплававший завистью к людям, «небезосновательно присвоил себе тираническую власть над всеми людьми и вполне заслуженным господством порабощал тех, кого соблазнил к нарушению заповеди Божией, добровольно подчинив своей воле» (Ibid. 22. 3; ср.: Ibid. 9. 1; 30. 6; 64. 2; 69. 3 и др.). Погибавшее в грехах и преступлениях человечество не могло

спасти своими силами и требовало Божественной помощи, к-рая пришла в лице Христа, воплотившегося Сына Божия (Ibid. 24. 2; 49. 1; 72. 2).

Христология занимает в богословии Л. В. особое место, что обусловлено не столько его участием в евтихианском споре, сколько его глубокой верой во Христа Спасителя, Бога, пришедшего во плоти; эту веру наряду с верой в единую и нераздельную Троицу Л. В. отождествляет с «верой кафолической» (Serm. 28. 4; 30. 3; 54. 1; 64. 4; Ep. 156. 1). В связи с этим «тайнство Господнего воплощения» (Serm. 27. 1; 96. 2; Ep. 15. 12; 84. 2; 93. 2), которое одновременно есть «тайнство спасения человека» (Serm. 23. 4) и «тайнство восстановления человека» (Ibid. 25. 1), рассматривается им не только в специальных проповедях на Рождество и Богоявление (Ibid. 21–38), но и во множестве других проповедей, в частности, на Пасху, Вознесение и Пятидесятницу (Ibid. 52–77), а также в «Томосе к Флавиану» (Ep. 28) и ряде других посланий (Ep. 31, 59, 124, 165 и др.). Особенностью христологии Л. В. является ее строго сотериологическая направленность; как отмечает А. Грильмайер, «его христология служит основанием для сотериологии» (Grillmeier A. Christ in Christian Tradition. L., 1975². Vol. 1. P. 530). По мнению Л. В., воплощение Сына Божия было предопределено предвечным «тайным советом», т. е. решением Божиим (Leo Magn. Serm. 22. 1; 28. 3; 21. 1). Необходимость Боговоплощения Л. В. тесно связывает с грехопадением человека (Ibid. 77. 2). Т. о., Бог предвидел грехопадение человека и от вечности приготавил способ для его спасения через воплощение Своего Единородного Сына (Ibid. 22. 1; 30. 6; Ep. 31. 2).

I. Единство Лица Спасителя. В одной из своих кратких христологических формул Л. В. выражает суть учения о Христе Спасителе следующим образом: «Кафолическая вера передает и требует того, чтобы мы признавали, что в нашем Искупителе соединились две природы (duas convenisse naturas), и при сохранении своих особых свойств образовалось такое единство двух существей (tantam factam unitatem utriusque substantiae), что с того момента, когда, как того требовала польза человеческого рода, в утробе бла-

женной Девы Слово стало плотью, не позволено мыслить Его Богом без того, что есть человек, ни человеком без того, что есть Бог» (Serm. 54. 1). В другом месте Л. В. выражает свою мысль еще более кратко: «Никто не отклонился от истины, если только поверил в истинность двух природ во Христе при исповедании [в Нем] одного Лица» (Idem. 28. 4). Как отмечает Грин, в центре христологии Л. В. находится «тайнство единства и двойства Христа — Посредника, приведшего человечество к примирению с Богом в Самом Себе» (Green. 2008. P. 247). Единство Лица Иисуса Христа Л. В. отстаивает против ереси Нестория, полагавшего, что блаженная Дева Мария была Родительницей лишь человека (Leo Magn. Ep. 124. 2). В полном согласии с Символом веры (см.: Ep. 28. 1–2) Л. В. учит, что «Тот, Кто был истинным Богом, Он же был и истинным человеком», и «один и Тот же есть Сын Божий и Сын человеческий» (Ep. 28. 4). Будучи Образом Божиим, Сын сотворил человека, и «Он же во образе раба стал человеком» (Ep. 28. 3); так что после восприятия человеческой природы у Него было «одно и то же Лицо» (Ep. 35. 2), и «хотя одна природа, которая воспринимается, а другая — которая воспринимает, различие обеих природ соединяется в такое единство, что один и Тот же есть Сын, Который утверждает, что Он меньше Отца согласно тому, что есть истинный человек, и исповедует себя равным Отцу согласно тому, что есть истинный Бог» (Serm. 23. 1). Т. о., Л. В. ясно учит, что в Господе Иисусе Христе — «одно Лицо Бога и человека» (Ep. 28. 4), поскольку у Него не было отдельного человеческого лица, но Его Лицо было предвечным Божественным Лицом Бога Слова: «[Христос] имеет одно и то же Лицо в Божестве Слова» (Ep. 35. 3), поскольку «Божество Слова восприняло человеческую природу в единство Своего Лица» (Serm. 69. 5). И хотя «в неизреченном единстве Троицы все деяния и решения суть общие во всем, но только Лицо Сына в собственном смысле предприняло восстановление человеческого рода, так что Сам Тот, чрез Кого все начало быть и без Кого ничто не начало быть (ср.: Ин 1. 3), Кто одушевил дыханием разумной жизни человека, созданного из праха земного, Он же восстановил в утраченном до-

стоинстве нашу природу, ниспавшую с высоты вечности, и чей Он был Создатель, той стал и Воссоздатель» (Leo Magn. Serm. 64. 2). Как отмечает Грильмайер, «это «лицо» во Христе не представляет собой третий элемент, возникающий как результат соединения двух природ... ведь Тот, Кто стал человеком, — это Сын Отца, уже существовавший от вечности и, таким образом, Он предсуществовал в качестве лица» (Grillmeier A. Christ in Christian Tradition. L., 1975². Vol. 1. P. 532). Именно это Божественное Лицо Спасителя стало и Его человеческим лицом (Leo Magn. Serm. 72. 2), ведь «чудесное рождение от святой Девы произвело в качестве дитя одно истинно человеческое и истинно Божественное Лицо, поскольку обе [Его] сущности не так сохраняют свои отличительные свойства, чтобы в них было возможно разделение лиц» (Ibid. 23. 1; ср.: Ibid. 69. 3). Человеческая плоть была воспринята Словом Божиим в единство Его Лица (Ibid. 27. 2; 28. 5); и ни плоть, ни душа Христа не существовали до момента их восприятия, поскольку, согласно Л. В., «наша природа не так была воспринята, что вначале была создана, а потом воспринята, но она была создана в самом этом восприятии» (Ep. 35. 3; ср.: Serm. 28. 6).

II. Две природы. Как отмечает Т. Джалланд, основной задачей христологии Л. В. было «продемонстрировать необходимость двух природ или дифизитской доктрины для правильной веры в воплощение, а вместе с тем недостаточность и ложность монофизитства» (Jalldand. 1941. P. 452). Христос как Бог и человек (Leo Magn. Serm. 22. 1) обладает двумя природами — божественной и человеческой, и, как об этом говорится в «Томосе», «когда обе природы и сущности, сохраняя свои свойства, соединились в одном Лице, уничижение было воспринято величием, немощь — силой, смертность — вечностью» (Ep. 28. 3; ср.: Serm. 21. 2; 23. 2). Только Тот, Кто был истинным Богом, мог спасти человечество (Serm. 21. 2; 30. 2–3; 47. 2; 54. 1; 64. 4; Ep. 31. 1; 32. 1; 35. 2; 59. 2; 88. 1; 102. 3). Христос и был одновременно «истинным человеком и истинным Богом, вечным в Своем, временным в нашем, единым со Отцом по сущности, которая никогда не была меньше Отца, и единым с Матерью по телу, которое создал»

(Serm. 25. 3). Это стало возможным через «восприятие» человеческой природы в личное единство с Богом Словом (Ibid. 24. 3), притом Его Божественная природа не претерпела никакого умаления или изменения (Ер. 28. 2), поскольку «неизменная сущность не могла ни уменьшиться, ни увеличиться» (Serm. 27. 2; ср.: Ibid. 21. 2; 64. 2). Божество, которое у Сына общее с Отцом и Св. Духом, «не претерпело никакой убыли всемогущества, и образ раба не умалил Образа Божия, ибо высшая и вечная сущность, приклонившись к спасению рода человеческого, нас возвела в свою славу, не перестав быть тем, чем была» (Ibid. 27. 1). Это «уничтожение Божественного величия» (Ibid. 62. 1), в котором Сын Божий «словно бы лишил Себя собственной силы» (Ibid. 25. 2), Невидимый сделался видимым, Творец и Господь всех захотел стать одним из смертных, в действительности было «снисхождением милосердия, а не умалением могущества» (Ibid. 23. 2; Ер. 28. 3). Господь вселенной принял образ раба, тем самым как бы «затемнил безмерность Своего величия» (Ibid. 28. 4; ср.: Serm. 22. 2). Под немощным покровом нашего естества Он скрыл силу Своего божества (Ibid. 22. 4) и блеск Своего величия (Ibid. 25. 2). В этом уничиженном состоянии, т. е. восприняв смертную плоть, Сын Божий стал не только меньше Отца, но и меньше Самого Себя, в Своем же божестве Он остался равен Отцу и Св. Духу (Ibid. 25. 2; Ер. 28. 4). Т. о., Сын Божий, сохранив всю полноту Своей божественной природы, воспринял всю полноту человеческой природы (Ер. 28. 3; Serm. 23. 2). После соединения свойства божественной и человеческой природы во Христе сохраняются, но пребывают нераздельно (Ер. 28. 5), так что «ни Слово не изменилось в плоть, ни плоть — в Слово, но обе природы сохраняются в одном [Христе], и один существует в двух, не разделенный различием и не слившийся смешением» (Ер. 35. 2). По глубокому убеждению Л. В., отрицание в Господе Иисусе Христе наличия двух совершенных природ ведет к отрицанию нашего спасения (Serm. 30. 6; Ер. 28. 5 и др.), а признание во Христе двух совершенных природ, сохраняющих свои свойства несмешанными и после соединения, не ведет к признанию двух лиц (Serm. 65. 1; 69. 3; Ер. 124. 6). Обе

природы Христа были истинными, поскольку «Тот, Кто есть истинный Бог, Он же есть и истинный человек, и нет никакой лжи в обеих природах» (Serm. 24. 3; Ер. 21. 2; 35. 3). Отсюда возникает необходимость в «двойном единосущии»: «Оправданию людей главным образом способствовало то, что Единородный Сын Божий соизволил стать Сыном человеческим, так что Бог, единосущный Отцу, то есть одной с Ним сущности, Он же стал истинным человеком, единосущным Матери по плоти, да возрадуемся о том и другом [обстоятельстве], поскольку мы спасаемся не иначе как тем и другим» (Serm. 30. 6; ср.: Ibid. 25. 3; 69. 3; Ер. 28. 3). Как часто повторяет Л. В. в полемике против манихеев, докетов и аполинаристов, человеческая природа Христа была истинной и целостной, т. е. состояла из разумной души и материального тела (Ер. 35. 1; Serm. 63. 1; 64. 2). Прибегая к антропологической аналогии, Л. В. утверждает, что подобно тому как душа и тело, будучи совершенно различными природами, составляют одного человека, так и «Слово, плоть и душа — это один Иисус Христос» (Ер. 35. 2–3). Образ раба, который воспринял Сын Божий в Своем воплощении, означает не что иное, как истинность плоти, т. е. истинную человеческую плоть (Ер. 28. 5), которая была подвержена страданиям и смерти (Serm. 48. 1). Полемизируя с Евтихием, считавшим плоть Христа лишь внешней временной оболочкой Его божества, Л. В. указывает, что отрицание истинности плоти ведет к отрицанию и телесных страданий, а значит — к отрицанию всего таинства нашего спасения (Ер. 28. 5). Человеческая природа Христа и ее происхождение имели некоторые особенности, отличавшие ее от природы остальных людей и дававшие ей превосходство над ними. В самом деле, Он единственный из людей, Кто был зачат бессеменно и бесстрастно, «без осквернения плотским вожделением», почему и не унаследовал первородного греха (Serm. 22. 2–3; 23. 2; 25. 5; 27. 2; 30. 4; Ер. 28. 3–4; 35. 3; 124. 3). Он «принял образ раба без скверны греха» (Ер. 28. 3) и «воспринял от Матери природу, а не вину» (Ер. 28. 4). Христос родился «новым порядком», поскольку родился от Девы, Которая, став Матерью Бога (Serm. 21. 1), и после рождения сохранила

Свое девство (Ibid. 23. 1; 22. 2; 24. 3; Ер. 28. 1, 4; 35. 3). Хотя зачатие и рождение Спасителя было чудесным, от этого Его человеческая природа не стала менее подобной нашей (Ер. 35. 3; 28. 4; Serm. 22. 2; 25. 3). Христос был единственным человеком, Который «был рожден без осквернения древним преступлением, ибо один лишь Сын блаженной Девы был рожден без греха, не отстраняясь от рода человеческого, но будучи чужд преступлению. В Нем была совершенная невинность и истинная природа того, кто был создан по образу и подобию Божью, ибо Он был единственным представителем рода Адамова, в Котором диавол не имел того, что считал принадлежащим себе» (Ibid. 64. 2; ср. 66. 1; Ер. 59. 4). Несмотря на Свою непричастность греху Адама, Христос добровольно подчинил Себя немощи и смерти (Serm. 72. 2; 22. 2).

III. Две энергии, две воли. По мнению Л. В., две природы Христа соединились в Его Лице неслитно и нераздельно, т. е. пришли в теснейшее единение, но сохранили свои свойства неизменными (Serm. 21. 1; 46. 2; Ер. 28. 3–4). Наряду с этим они сохранили все свойственные им естественные функции и действия, которые всегда проявлялись совместно по причине их нераздельного единства: «Каждая природа совершает то, что ей свойственно, в единстве с другой; это значит, что Слово действует так, как свойственно Слову, и плоть исполняет то, что свойственно плоти. Одно из них сияет чудесами, другая подвергается несправедливостям. И как Слово не потеряло равенства в славе со Отцом, так и плоть не утратила природы нашего рода» (Ер. 28. 4; ср.: Serm. 54. 2). Так, по словам Л. В., «обе природы проявляют свою истинность в различных действиях (sub distinctis actionibus), и при этом ни одна из них не отделяет себя от союза с другой (ab alterius connexione)» (Serm. 54. 1). Как отмечает Грилльмайер, у Л. В. «единство двух образов действия подчеркивается не меньше, чем различие Божественной и человеческой деятельности... При этом признание природы принципом активности ни в коем случае не наделяет ее характером личности. Поэтому для Л. В. «communio» или «connexio» между Божественной и человеческой деятельностью

достигается через единство лица» (*Grillmeier A. Christ in Christian Tradition. L., 1975². Vol. 1. P. 535–536*). Хотя Христос имел свойственные немощному человеческому естеству т. н. неукоризненные страсти, силой Своего божества Он мог возвышаться над законами тварной природы: «Алкать, жажда, утомляться и спать — это, очевидно, свойственно человеческой природе. Но насыщать пять тысяч человек пятью хлебами... не утопая ходить по поверхности моря, усмирять бурю — это, без сомнения, свойственно божественной природе» (*Leo Magn. Ep. 28. 4*). Как утверждает Л. В. в «Томосе», «не одной и той же природе свойственно плакать из сострадания к умершему другу и... воскрешать к жизни силою одного слова... или говорить: «Я и Отец одно», и «Отец Мой более Меня»» (*Ep. 28. 4*). По мнению Грилльмайера (*Grillmeier A. Christ in Christian Tradition. L., 1975². Vol. 1. P. 536*), именно из идеи единства Лица Богочеловека для Л. В. вытекает т. н. общение свойств (*communicatio idiomatum*) обеих природ Христа, когда имена, свойственные для одной природы, переносятся на другую, и наоборот (см.: *Leo Magn. Ep. 28. 5*). Поскольку плоть Христа была истинной и во всем подобной нам, кроме греха, то, как полагает Л. В., ее чувства и страдания тоже были истинными, а не призрачными (*Serm. 58. 4*). Взаимодействие двух волей во Христе особенно хорошо проявляется в Гефсиманском борении. Как отмечает Грилльмайер, у Л. В. мы уже встречаем «четкую дифелитскую формулу задолго до монофелитского спора» (*Grillmeier A. Christ in Christian Tradition. L., 1975². Vol. 1. P. 535*). По мнению Л. В., когда Христос молит Отца: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Мф 26. 39), то этим показывает наличие в Себе двух волей (*Leo Magn. Serm. 56. 2*). Во Христе не было никакого конфликта между разумной человеческой волей и низменными желаниями, поскольку Он был свободен от греховной воли (*Ep. 35. 3*). Как Бог Он принял на Себя все оскорбления, издевательства, мучения «не по необходимости, а по Своей воле» (*Serm. 54. 2*), и когда Он шел на смерть, то это произошло «как по воле Отца, так и по Его собственной воле, так что [на кресте] Его оставляет не

Свт. Лев Великий.
Ростись и. Св. Софии
в Охриде, Македония.
40-е гг. XI в.

только Отец, но и Он в некотором смысле оставляет Самого Себя: не в страхе отступая, а вольно уступая» (*Ibid. 68. 2*).

Л. В. учит, что в результате воплощения человеческая природа Христа приобретает нечто новое благодаря соединению с природой божественной (*Ibid. 23. 2; 63. 1*). Это касается прежде всего свободы Христа от первородного греха, а также отсутствия в Нем греховных желаний. В момент Преображения сияние Славы, которое открылось взору учеников Христа, указав им на Его величие как Бога и на Его царскую Славу, «особым образом принадлежало к природе воспринятого человека» (*Ibid. 51. 2*). В еще большей степени преобразование человеческой природы Христа было явлено в Его воскресении, к-рое, по мнению папы, было «не концом плоти, а ее изменением» (*Ibid. 71. 4*). Поэтому слова ап. Павла «ныне мы уже не знаем» Христа по плоти (2 Кор 5. 16) означают лишь то, что мы не можем до конца понять состояние Его воскресшей плоти (*Leo Magn. Serm. 71. 4*).

Сотериология. Как отмечает Джалланд, понимание Л. В. совершенного Христом спасения можно свести к 3 теориям: теории обмана дьявола, тео-

рии искупительной жертвы и теории мистического инкорпорирования человечества во Христа (*Jalland. 1941. P. 464–467*). По мнению Л. В., Бог не случайно выбрал именно такой путь спасения человека, «чтобы восстановление природы не произошло бы помимо самой природы и чтобы ее последующее состояние оказалось по достоинству выше, чем первоначальное» (*Leo Magn. Serm. 72. 2; ср. 21. 1; Ep. 28. 3*).

Бог мог спасти человечество разными способами, но воспользовался именно таким, к-рый дал возможность возобладать над дьяволом, завладевшим человеческим родом, и разрушить его дело не внешним насилием, но руководствуясь принципом справедливости (*Serm. 22. 3; 64. 2*); вероятнее всего, эта идея заимствована у блж. Августина (*Aug. De Trinit. XIII 13. 17*). Поскольку власть дьявола над человеком была законной, он не мог ее потерять до тех пор, пока не был бы побежден тем, кто поработил бы его самого. Но обычный человек не мог этого сделать, ибо он находился в положении раба, которое получил через плотское рождение. Это могло произойти лишь тогда, когда Единородный Сын Божий, Иисус Христос, был зачат Девой бессеменно, не от соития мужа и жены, но от наития Духа Святого и, т. о., был изъят из общей греховной преемственности человеческого рода (*Leo Magn. Serm. 22. 3; 64. 2; 66. 1; Ep. 28. 4; 59. 4*). Т. о., Христос с момента зачатия был свободен от первородного греха и власти сатаны. Но само это обстоятельство еще не обеспечивало победу над дьяволом и освобождение от греха для всего человечества, хотя Л. В. часто рассматривает само бесстрастное рождение Христа как «обновление» человеческой природы (*Serm. 27. 2; 22. 4; 25. 5; 66. 1*). Однако это обновление было актуально лишь для Христа, а чтобы освободить от греха и власти дьявола людей, бывших у него в плену, Христу нужно было уверить сатану в том, что Он — обычный человек, и тем самым заставить его посягнуть на жизнь безгрешного и невинного человека (*Ibid. 22. 3–4*). В результате дьявол, обладавший властью над человеческим родом, «сам попался в свои путы», будучи «побежден тем, над чем господствовал» (*Ibidem; ср.: Ibid. 63. 1; 21. 1*). Когда же «князь мира» был

связан, то потерял власть над всеми плененными людьми (Ibid. 62. 3; ср.: Ibid. 22. 4; 40. 2; 64. 2). Так были «разрешены узы человеческого плена, которыми злокозненный творец греха связал первого человека и всех его потомков» (Ibid. 30. 6; ср.: Ibid. 22. 3), а древний смертный приговор человеческому роду был отменен еще более древним замыслом Божиим о вечной жизни и блаженстве человека (Ibid. 22. 1; Ер. 28. 3).

Л. В., как и многие его зап. и вост. предшественники, полагает, что диавол «обманулся» (Serm. 69. 3) насчет Христа, приняв Его за обычного человека, отягощенного общей человеческой виновностью и человеческими немощами, под покровом которых Христос «сокрыл силу Своего божества, нераздельную от Своей человеческой природы», — т. о. «была посрамлена хитрость беспечного врага» (Ibid. 22. 3–4; ср.: Ibid. 42. 3).

В дополнение к теории обмана диавола Л. В. развивает теорию искупительной жертвы, принесенной Христом Богу за грехи человечества, хотя под термином «искупление» (redemptio) он в большинстве случаев понимает выкуп, принесенный диаволу за освобождение плененного человечества (Ibid. 22. 4; 56. 1; 66. 1; 67. 5; 72. 1; Ер. 124. 6). Развивая мысль, выраженную в словах ап. Павла «Пасха наша, Христос, заклан за нас» (1 Кор 5. 7), Л. В. говорит, что «Он был распят вне и за пределами города, чтобы, после того как прекратится таинство ветхозаветных жертвоприношений, на новый алтарь возлагалась бы новая Жертва и Крест Христов был бы жертвенником не храма, а мира» (Leo Magn. Serm. 59. 5). Таинство нашего спасения Творец вселенной «оценил ценой своей крови» (Ibid. 74. 1). Через жертву Христа люди примирились с Богом, с Которым были во вражде из-за преступления прародителей (Ibid. 23. 3; 66. 1–2; 69. 2). С этим примирением Л. В. тесно увязывает и победу над диаволом, послужившим причиной вражды между Богом и людьми (Ibid. 21. 1). Как «истинный Первосвященник» Христос «вознес на алтаре Креста священнойшую Жертву посредством приношения Своей плоти», и Его смерть как безгрешного за грешников была «умилостивлением за мир» (Ibid. 64. 3; Ер. 165. 5).

Крест Христов означает «таинство предреченного и истинного Жертвенника, где посредством спасительной

Жертвы совершилось приношение человеческой природы. Там кровь непорочного Агнца упразднила сделку древнего преступления, там была сокрушена вся враждебность диавольского господства и победившее смирение восторжествовало над гордым превозношением» (Serm. 55. 3). В деле искупления принимали участие все Лица Пресв. Троицы — каждое своим особым образом: «Милосердие Троицы распределило внутри себя дело нашего восстановления (opus nostrae reparationis), так что Отец умилостивлялся, Сын — умилостивлял, а Святой Дух воспламенял» (Ibid. 77. 2). Кроме того, Л. В. тесно связывает крестную Жертву Христа с евхаристической Жертвой (Ibid. 5. 3).

Л. В. дополняет свое сотериологическое учение восходящей к сщмч. Иринею Лионскому теорией рекапитуляции человеческой природы Христом — Новым Адамом, собравшим воедино и возродившим в Себе все человечество. Как замечает Грильмайер, Л. В. «вместе с Иринеем и Афанасием является одним из самых значительных представителей так называемой «мистической доктрины искупления», т. е. той доктрины, которая предполагает, что основания искупления уже заложены в самом бытии Христа, а не только в Его действиях... У Льва и доктрина двух природ становится доктриной обожения человека» (Grillmeier A. Christ in Christian Tradition. L., 1975². Vol. 1. P. 531). По мнению Л. В., совершившееся во Христе «второе рождение людей намного более удивительно, чем их первое создание, ибо воссоздание Богом в последние времена того, что погибло, гораздо важнее создания Им в начале того, чего не было» (Leo Magn. Serm. 66. 1). Во Христе человечество приобрело намного больше того, что потеряло в Адаме (Ibid. 24. 2). Во Христе «высшая и вечная сущность, приклонившись к спасению рода человеческого, нас возвела в свою славу» (Ibid. 27. 1). Ведь когда бесстрастная сущность восприняла подверженную страданиям природу, в последней уже не сохранилось «условие смерти», и «то, что было смертным, смогло воскреснуть посредством того, что не могло умереть» (Ibid. 70. 3). По мнению Л. В., это прославление и преображение человеческой природы во Христе обеспечивается полным взаимопроникновением двух Его природ

(Ibid. 63. 1). Л. В. рассматривает Христа как «пришедшего с небес единственного [в своем роде] Врача» (Ibid. 64. 2), Который пришел устранить наши болезни, исцелить всякий свойственный нашей поврежденной природе недуг и все язвы оскверненных душ (Ibid. 22. 3).

Благодать и свобода. По вопросу о соотношении человеческой воли и божественной благодати в спасении Л. В. придерживался позиции, противоположной Пелагию и весьма близкой блж. Августину (см.: Jalland. 1941. P. 474). С одной стороны, будучи учителем христианской нравственности, Л. В., так же как и его современник и сподвижник прп. Иоанн Кассиан Римлянин, подчеркивал важность человеческих усилий для достижения спасения: необходимость трудиться, соблюдать заповеди Божии, творить милостыню и делать добрые дела любви (Leo Magn. Serm. 35. 3; 59. 8; 92. 1). По его мнению, как никому из верующих не отказано в дарах благодати, точно так же никто не свободен от исполнения своих христианских обязанностей, ведь хотя Евангелием и была устранена суровость Моисеева закона, но возросла польза от добровольного соблюдения нравственных заповедей; в нравственных предписаниях ВЗ ничто не было отвергнуто, но благодаря евангельскому учению они еще более возросли, чтобы то, что дает спасение, было совершеннее и ярче того, что предвозвещало Спасителя (Ibid. 63. 5). Церковные установления и практики, такие как соблюдение поста, умерщвление плоти, постоянство в молитве, необходимы, потому что для соблюдения заповедей Божиих весьма полезно, если христиане освятят себя воздержанием и милостыней (Ibid. 18. 3; 81. 1). Человеческий дух не должен забывать свое «начальственное положение» и подчиняться плотским вождениям (Ibid. 3. 4). Бог хочет, чтобы мы заботились о нищих, чтобы и Он был милосерден к нам на будущем Суде, ведь Он никого не обманывает обещанием награды за заслуги (Ibid. 8. 1). При этом Бог в Своем вечном знании предвидит, но не предопределяет все наши свободные поступки и воления (Ibid. 67. 2). Вместе с тем Л. В., как и большинство его предшественников по Римской кафедре, был противником пелагианства (см.: Ер. 1–2) и разделял учение о благодати, развитое

блж. Августином и ко времени понтификата Л. В. ставшее офиц. позицией Римской Церкви. Л. В. говорит, что для соблюдения заповедей необходима божественная благодать, поскольку, по его мнению, «человек, творящий добрые дела, получает от Бога и результат дела, и начало воли» (Serm. 38. 3). Бог, желая сообщить нам «образ Своей благодати», «дает нам то, благодаря чему и мы делали бы то, что делает Он, зажигая свечильник в наших умах и воспламеняя нас огнем Своей любви» (Ibid. 12. 1; ср.: Ibid. 3. 1). Человек, отягощенный личным или первородным грехом, нуждается в благодати для своего оправдания, которое «воздается не по заслугам, но даруется одной лишь щедростью благодати» (Ibid. 49. 3). Повторяя мысль блж. Августина (см.: Aug. Enchirid. 107), Л. В. настаивает, что благодать дается человеку даром, вне зависимости от его заслуг, поскольку, если она дается не даром (*gratis*), она будет уже не благодатью (*gratia*), но заслугой и воздаянием за заслуги (*Leo Magn.* Ep. 1. 3; ср.: Serm. 35. 3). Для каждого человека благодать есть «основание праведности, источник благ и начало заслуг» (Ep. 1. 3). Именно благодатью Божией «оправдана вся совокупность святынь» (Serm. 23. 4).

Вместе с тем Л. В. не чужда идея о соработничестве человеческой воли и божественной благодати в спасении. Осознавая неизреченную щедрость и обилие даров Божиих, мы должны быть «соработниками действующей в нас благодати Божией», ибо Царство Небесное не открывается спящим и вечное блаженство не дается пребывающим в праздности (Ibid. 35. 3). Только при содействии благодати, а не своими собственными силами человек может делать то, что любит Бог, и воздерживаться от того, чего Он не одобряет, поскольку Бог Сам дает человеческой воле как желание, так и силу исполнить его, чтобы «мы были соработниками Его дел» (Ibid. 26. 4; ср.: Ibid. 43. 1).

В целом учение Л. В. о свободе и благодати недостаточно ясно выражает момент синергии между человеческой и Божественной волей в деле спасения (хотя и лишено крайностей позднего Августина), чем оно существенно отличается от учения его друга и соратника прп. Иоанна Кассиана Римлянина.

Эклезология. Развивая мысль ап. Павла, Л. В. учит, что Церковь есть Тело Христово (Serm. 25. 5; 46. 3; 82. 7; Ep. 80. 2), «Невеста единого мужа Христа», не оскверненная никаким заблуждением (Ep. 80. 1), «вселенский Дом Господень» (Ep. 104. 3), в котором Христос нераздельно пребывает «по образу своего Храма» (Serm. 63. 3), наконец, это «святой Град» (Ibid. 66. 3). Церковь ведет свое начало от момента воплощения Христа, поскольку «Рождество Христово есть начало христианского народа и день рождения Главы есть день рождения Тела» (Ibid. 26. 2). Церковь, пройдя через жестокие гонения (Ibid. 36. 3), распространилась по всему миру как по истине вселенская (*universalis Ecclesia* — Ibid. 5. 2; 9. 4; Ep. 1. 2; 14. 11; 95. 1; 156. 2; *universa Ecclesia* — Ibid. 4. 1; 18. 2; 88. 2; Ep. 15. 1; 165. 7) — выражение, которое Л. В. стал использовать одним из первых на христ. Западе. Ее единства и чистоты апостольской веры не нарушили многочисленные внутренние ереси и расколы (Serm. 16. 3; 96. 3; Ep. 156. 1; 165. 7). Хотя существует большое различие между членами Церкви в чинах и служениях, всегда неизменно сохраняется целостность священного Тела Христова (Serm. 4. 1; ср.: Ibid. 26. 2).

Л. В., как полагают исследователи, сыграл ключевую роль в формировании учения о примате Римского епископа, отдельные элементы которого появились у его предшественников по кафедре (пап св. Дамаса I, св. Сириция и св. Иннокентия I) и в решениях зап. Соборов (Сардикийский Собор 343 г. и Аквилейский Собор 381 г.), но которому он, опираясь на рим. право, придал вид продуманной системы (Ullmann. 1960. P. 25, 41, 46). Согласно Л. В., «хотя у всех епископов есть общее достоинство, но нет общего ранга, поскольку и между блаженнейшими апостолами при равной чести было некое различие власти; ведь хотя у всех них было равное избрание, только одному было дано то, чтобы он превосходил всех» (Ep. 14. 11; ср.: Serm. 4. 1). Речь идет об ап. Петре, к-рого Христос сделал главой апостолов (Ep. 10. 1) и всей Церкви (Serm. 4. 4; 73. 3; 82. 3). Подобно Христу ап. Петр есть тот камень, на к-ром, как на твердыне, Господь воздвиг Свой вечный Храм — Свою Церковь, достигающую само-

го неба (Serm. 4. 2; 73. 2). Хотя право власти вязать и решить, т. е. отпускать грехи, перешло к другим апостолам, но ап. Петру эта власть была дана исключительным образом, всем же остальным предстоятелям Церкви она была вручена в лице ап. Петра (Serm. 4. 3; 73. 2). То, что принадлежит Христу по власти, принадлежит и ап. Петру по причастии Христу (Ibid. 4. 2; 73. 1). По мнению Л. В., на ап. Петра была возложена Христом поистине вселенская миссия (Ibid. 4. 2); ап. Петр как добрый пастырь продолжает исполнять повеление Господа пасти Его овец (Ibid. 4. 4).

Христос пожелал, чтобы у проч. предстоятелей Церкви было нечто общее с ап. Петром, именно через него Он даровал им все то, в чем не отказал Петру (Ibid. 4. 2). По примеру различия среди апостолов имеется различие и среди епископов Церкви, считает Л. В. Он описывает современное ему церковное устройство следующим образом: во-первых, в отдельных провинциях существуют епископы, мнение которых должно считаться первым среди братьев-епископов; во-вторых, епископы, поставленные в главных городах, имеют по сравнению с ними еще более обширные обязанности; в-третьих, через этих епископов забота о всей Церкви переходит к одной лишь кафедре Петра, и ничто нигде не должно отдаляться от своей главы (Ep. 14. 11; 10. 1).

Л. В. полагает, что как преемнику ап. Петра по кафедре и заместителю, исполняющему его функции (Serm. 3. 4), ему вверена «забота о всех Церквях», т. е. власть над Вселенской Церковью, — и это не человеческое, а Божественное установление (Ep. 14. 1; Serm. 5. 2). Т. о., Римская Церковь председательствует над всеми остальными Церквами (Ep. 120. 1–2), а Римский епископ является начальником всех остальных (Ep. 14. 11) и «примасом всех епископов» (Serm. 3. 4).

Основные положения учения Л. В. о примате Римского епископа сводятся к следующему (см.: Kelly J. N. D. *Early Christian Doctrines*. L., 1968⁴. P. 420–421). Во-первых, слова из Евангелия от Матфея о передаче ап. Петру власти вязать и решить и ключей от Царства Небесного (см.: Мф 16. 18–19) должны пониматься в том смысле, что Господь наделил ап. Петра высшей властью в Церк-

Свт. Лев Великий.
Роспись собора
ц. Успения Пресв. Богородицы
монарх Грачаница,
Косово и Метохия. Ок. 1320 г.

ви. Во-вторых, ап. Петр действительно был Римским епископом, и его авторитет передается его преемникам по кафедре. В-третьих, ап. Петр сам таинственно присутствует на Римской кафедре, и власть других епископов происходит не непосредственно от Христа, но, как и в случае с остальными апостолами, через посредничество ап. Петра, т. е. через Римского епископа, к-рый представляет собой ап. Петра или, точнее, является своего рода «вечно живым Петром». В-четвертых, если власть проч. епископов ограничена их собственными епархиями и диоцезами, то ап. Петр и его преемники — Римские папы обладают «полнотой власти» (*Leo Magn.* Ep. 14. 1), распространяющейся на всю Церковь, так что в конечном счете исключительно им принадлежит «не только высшая юрисдикция над всей Церковью, но и конечное и суверенное право интерпретации законов церковной дисциплины» (*Jalland.* 1941. P. 477).

Двенадцать апостолов были свидетелями земной жизни, смерти и воскресения Господа Иисуса Христа. Власть проповедовать, учить, прощать, крестить и руководить общинами Христос даровал всем ученикам. Апостолы равны между собой (ср.: Мф 20. 20–27; Мк 9. 34–35; 10, 35–44). В эсхатологическом Царстве все они воссядут «на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф 19. 28). Большинство отцов Церкви истолковывали слова Христа: «Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16. 18), сказанные Им в ответ на исповедание Христа Сыном Бога Живого (Мф 16. 16), в том смысле, что Церковь основана не на личности Петра (Пётрос), а на камне (пётра) веры, которую он исповедал. «Церковь зиждется на Том, кого Петр исповедал, сказав: Ты Христос, Сын Бога Живого. Так Петр получил свое имя от этого камня, стал прообразом Церкви, которая на этом камне основана, и получил ключи Царства Небесного. Причем Он не сказал ему: ты — камень (petra), но ты — Петр (Petrus). Итак, камень — Сам Христос, Которого исповедал Симон, как Его исповедует и вся Церковь, а он получил имя Петр», — разъяснял блж. Августин (*Aug. Retractat.* 121). «На этом камне (пётра) Я воздвигну Церковь Мою, то есть на вере

твоего исповедания», — так толкует Мф 16. 18 свт. Иоанн Златоуст (*Ioan. Chrysost.* In Matth. 54. 2).

Когда носителем высшей церковной власти становится вселенский епископат — Вселенский Собор епископов, прообразом к-рого был *Иерусалимский Собор апостолов* (Деян 15. 6–29), папы продолжали отстаивать примат Римского епископа. Папа св. Келестин I (422–432) полагал, что определение Римского Собора (430) под его председательством против Нестория есть приговор Самого Иисуса Христа (АСО. Т. 1. Vol. 2. P. 22), поэтому и после созыва *Вселенского III Собора* (431) он считал свое постановление сохраняющим силу, а инициативу нового Собора — излишней. Послание папы Келестина, которого отцы Собора называли «сослужителем», было зачитано на Соборе; Собор констатировал, что «папа присоединился» к их приговору, что он «единодушен с Собором» (АСО. Т. 1. Vol. 1. 3. P. 57); о приговоре Собора говорится как о «выборе всей вселенной» (АСО. Т. 1. Vol. 1. 3. P. 64).

В истории IV Вселенского Собора также просматривается разный подход Запада и Востока к концепции примата, проявляющийся уже в период подготовки Собора. Распоряжение имп. Маркиана о созыве епископов появляется ранее, чем он получает письмо от Л. В., в к-ром Римский предстоятель отговаривал его от идеи нового Собора в связи с неблагоприятными обстоятельствами времени. Собор полностью признает право императора на инициативу созыва Собора: в надписании соборного послания к папе говорится, что он созван «благодатию Божией и повелением императора» (АСО. Т. 2. Vol. 1. 3. P. 116). Л. В. со своей стороны отмечал, что Собор состо-

ялся «предписанием христианских государей и с согласия Апостольского престола» (*Leo Magn.* Ep. 114 // PL. 54. Col. 1029; АСО. Т. 2. Vol. 4. P. 71). Собор развивался вопреки воле Л. В. Самым уязвимым для рим. примата стал момент, когда в начале 4-й сессии сановники предложили каждому епископу высказать свое мнение о соответствии «Томоса» Л. В. католической вере и одобрить его (АСО. Т. 2. Vol. 1. 2. P. 94). Т. о., авторитет «Томоса» получает только в силу его одобрения Собором. Согласие же папы со всеми решениями Собора было необходимо как гарантия его «вселенскости».

Халкидонский Собор 28-м прав. провозгласил равенство кафедры К-поля, как «града царя и синклита», и кафедры «ветхого царственного» Рима. Трульский Собор 36-м прав. не только подтвердил это установление, но и утвердил, что епископы 5 престолов — Рима, К-поля, Александрии, Антиохии, Иерусалима — в отношении власти совершенно равны, в отношении же чести соблюдается норма, соответствующая важности и гос. значению городов, в к-рых находятся престолы.

Таинства. Хотя Л. В. использует термины sacramentum и mysterium в различных смыслах, в значении церковного таинства он применяет их лишь к Крещению (sacramentum baptismatis — *Leo Magn.* Sermon. 21. 3; Ep. 15. 10; 16. 3; mysterium baptismatis — Ep. 166. 1) и Евхаристии (corporis et sanguinis sacramentum — Sermon. 5. 3; 58. 3–4; 59. 7). В совершаемом Церковью таинстве Крещения, прообразованном истекшей из пронзенного бока Христа водой (Ep. 16. 6; 28. 5), действует сила Св. Духа (Sermon. 25. 5; ср.: Ibid. 24. 6; 57. 5), отсутствующая в Иоанновом крещении (Ep. 16. 6) и в еретическом крещении (Ep. 159. 7). Л. В. сравнивает возрождающее и очищающее действие Крещения на верующего с наитием Св. Духа на Деву Марию (Sermon. 24. 3). Так верующий, освобождаясь от ветхости древнего Адама, становится новым человеком, облакаясь в «новизну Христа» (Ibid. 45. 1; 61. 5); силой Св. Духа ему прощаются грехи и подается новая жизнь (Ibid. 43. 3; Ep. 16. 6). Крещение делает христиан храмом Св. Духа (Ibid. 21. 3); посредством этого таинства произошло «бесчисленное множество детей Божиих» (Ibid. 63. 6), которые

становятся членами Тела Христова — Его Церкви (Ibid. 23. 5). В Крещении происходит отречение от сатаны, исповедание веры в Бога, переход от ветхого состояния в новое, отложение образа перстного человека и облечение в образ Небесного, а также уподобление смерти и воскресению Христа, так что «воспринятый Христом и воспринявший Христа не остается после купели тем же, что был до крещения, но тело возрожденного становится плотью распятого [Христа]» (Serm. 63. 6; ср.: Ibid. 70. 4). Крещение совершается епископом (лишь один раз упоминается пресвитер — Ер. 3. 3) посредством трехкратного погружения крещаемого в воду, в подражание тридневному погребению Христа (Serm. 70. 4; Ер. 16. 3). Допустима практика крещения младенцев (Serm. 32. 3), хотя обычно оно совершается в зрелом возрасте после предварительной подготовки (Ibid. 49. 3; Ер. 15. 10), включающей экзорцизмы, пост и наставление в вере (Ер. 16. 6). В Крещении человек, возрожденный водой и Духом, принимает «помазание спасения» и запечатлевается «знаком вечной жизни» (Serm. 24. 6; Ер. 124. 8; 156. 5), т. е., вероятно, крестным знамением. Л. В. иногда различает значение крестного знамения и помазания Св. Духом для крещаемых: первое делает их царями, а второе составляет священниками (Serm. 4. 1).

Крещение однократно, и его не следует повторять ни при каких обстоятельствах; тех же, кто были крещены у еретиков и получили лишь форму Крещения без его освящающей силы, следует принимать в Церковь через возложение рук и призывание Св. Духа (Ер. 159. 7; 18. 1; 166. 1–2). Грехи, совершенные после Крещения, отпускаются через покаяние, поскольку «многообразное милосердие Божие так помогает человеческим падениям, что не только посредством благодати крещения (per baptismi gratiam), но и посредством врачевства покаяния (per poenitentiae medicinam) возвращается надежда вечной жизни (Ер. 108. 2; Serm. 49. 3; 60. 4); Л. В. упоминает о практике как общей публичной исповеди, так и частной исповеди перед священником (Ер. 168. 2).

Таинство Евхаристии было установлено Самим Христом на Тайной вечере, где Он, по словам Л. В., «исполнил ветхий Завет и основал новую Пасху»; Он «учил, каковые жертвы

надлежит приносить Богу, и этого таинства не был лишен даже предаватель» (Ibid. 58. 3). Историческое исполнение этого таинства Л. В. связывает с крестной Жертвой Христа (Ibid. 58. 4), принесение которой в ВЗ прообразовал Мелхиседек (Serm. 5. 3; Ер. 28. 5). Т. о., Л. В. подчеркивает жертвенный характер Евхаристии, заменившей все остальные жертвоприношения (Serm. 59. 7), а также свидетельствует о реальном присутствии Христа в этом таинстве (Ibid. 91. 3; Ер. 59. 2).

Эсхатология. Л. В. уделяет мало внимания вопросам христ. эсхатологии, которая имеет для него прикладное значение при рассмотрении христ. нравственности. В рассуждениях он опирается исключительно на Свящ. Писание. В одной из своих проповедей он обобщает новозаветные сведения о Втором пришествии Христа и Страшном Суде, делая из них практические выводы о необходимости милосердия к ближним (Serm. 9. 2; Ibid. 10. 2; 45. 3). По мнению Л. В., Второе пришествие Христа и Страшный Суд наступят только тогда, когда «закончатся предустановленные Богом сроки для умножения сынов Церкви», т. е. будет достигнута известная одному Богу полнота Церкви (Ibid. 74. 2); Л. В. полагал, что это время уже близко (Ibid. 19. 1). В аду, куда грешники будут ввергнуты для вечных мучений и вечной смерти (Ibid. 10. 2; 21. 2), не будет возможности для покаяния и исправления, поскольку там уже не будет возможности для волевой деятельности (Ibid. 35. 4). Блаженство праведников будет состоять в «неизреченном и неприступном видении Самого божества» (Ibid. 51. 2), поскольку в вечной жизни «Бог будет все во всем» (Ibid. 63. 3).

Влияние. Л. В. заслужил титул «Великий» из-за огромного влияния, к-рое он оказал на историю, вероучение, литургическую практику и духовность христ. Церкви на Западе. Средневеков. папство обязано ему своими вероучительными, юридическими и политическими основаниями (Jalland. 1941. P. 420–421; Ullmann. 1960. P. 46–51). В орос IV Вселенского Собора были включены христологические формулы из «Томоса», где Л. В. свел воедино лучшие достижения современной ему христологической мысли (Galtier. 1951. S. 385–387), а в посл. позитивная оценка «Томоса» была дана целым рядом цер-

ковных Соборов V–VIII вв.; его отдельные выражения вошли также в догматические творения прп. Анастасия Синаита, прп. Максима Исповедника и прп. Иоанна Дамаскина (см., напр.: *Ioan. Damasc. De fide orth.* III 47). Весом и вклад Л. В. в зап. литургическую традицию, к-рая несет на себе глубокий след его редакторской деятельности (см.: *Hudon. 1959. P. 263–270*). Его проповеди широко использовались на Западе в течение всего литургического года и цитировались такими лат. церковными авторитетами, как папа *Адриан I*, *Алкуин*, *Рабан Мавр*, *Гинкмар Реймский*, *Флор Лионский*; начиная с каролингской эпохи они стали составной частью средневеков. зап. гомиляриев. Определенное влияние Л. В. оказал и на развитие канонического права на Западе, имевшего две важнейшие составляющие — церковные каноны и папские декреты, кодификацию к-рых выполнили *Проспер Аквитанский* и его продолжатель *Дионисий Малый*.

Соч.: CPL, N 1656–1657; *Sancti Leonis Magni Papae primi Opera omnia* / Ed. P. Quesnel. P., 1675; *Sancti Leonis Magni Romani pontificis Opera* / Ed. G. et P. Ballerini. Venetiis, 1753–1757. Vol. 1–3 (= PL. 54–56); *Sermones selecti* / Ed. H. Hurter. Innsbruck, 1906; ACO. T. 2. Vol. 2–4; *Silva-Tarouca C. S., ed. S. Leonis Magni Tomus ad Flavianum episcopum Constantinopolitanum additis testimoniis patrum et eiusdem S. Leonis Magni epistula ad Leonem I imperatorem*. R., 1932; *idem, ed. S. Leonis Magni Epistulae contra Eutychie haeresim*. R., 1934–1935. 2 vol.; *idem, ed. Epistularum Romanorum Pontificum ad vicarios per Illyrium aliosque episcopos Collectio Thessalonicensis*. R., 1937; *Leon le Grand. Sermons* / Ed. J. Leclercq. R. Dolle. P., 1949–1973. 4 vol. (SC; 22, 49, 74, 200); PLS. Vol. 3. P. 331–340; *Leo Magnus. Tractatus septem et nonaginta* / Ed. A. Chavasse. Turnhout, 1973. 2 vol. (CCSL; 138, 138A); *русские переводы*: Слово пред вступлением в пост святой Четырнадцатидесяти // ЖМП. 1969. № 2. С. 31–32; На Рождество Господа нашего Иисуса Христа / Пер.: М. Козлов // Там же. 1987. № 1. С. 33–34; На начало Святой Четырнадцатидесяти / Пер.: М. Козлов // Там же. 1992. № 3. С. 2–3; Слова 7, 26, 42, 45 / Пер.: О. Е. Нестерова // ПСЛЛ, IV–VII вв. С. 273–291; Слова на Рождество Христово / Пер.: Д. Зотов. М., 2000; Слова 3 и 4 на Рождество Господне / Пер.: А. Р. Фокин, А. Селезнева // АиО. 2000. № 3(25). С. 43–51.

Лит.: *Arendt W. A. Leo der Grosse und seine Zeit*. Mainz, 1835; *Chantrel J. Saint Léon le Grand et les barbares*. P., 1860; *Пеллицкий В. Ф.* Св. Лев Великий и его проповеди. К., 1871; *Дроздов И. Н.* Св. Лев Великий: Его жизнь и творения. X., 1898; *Battifol P. H. Leon Ier (Saint)* // DTC. 1926. T. 9. Col. 218–301; *Voigt K. Papst Leo der Grosse und die «Unfehlbarkeit» des oströmischen Kaisers* // ZKG. 1928. Bd. 47. S. 11–17; *Halliwell W. J. The Style of Pope St. Leo the Great*. Wash., 1939; *Mozzeris D. A. Doctrina S. Leonis Magni de Christo restitutore et sacerdote*. Mundelein

(III.), 1940; *Jalland T.* The Life and Times of St. Leo the Great. L., 1941; *Mueller M. M.* The Vocabulary of Pope St. Leo the Great. Wash., 1943; *Galtier P. St.* Cyrille d'Alexandrie et St. Leon le Grand a Chalcedoine // Das Konzil von Chalkedon: Geschichte und Gegenwart / Hrsg. H. Bacht, A. Grillmeier. Würzburg, 1951. Bd. 1. S. 345–387; *Richard M.* Le pape St. Léon le Grand et les «Scholia De incarnatione Unigeniti» de St. Cyrille d'Alexandrie // RechSR. 1952. Vol. 40. P. 116–128; *Bajcer F.* Ecclesiologia S. Leonis Magni ex epistolario desumpta. R., 1957; *Lang A. P.* Leo der Grosse und die Texte des Altgelasianums: Mit Berücksichtigung des Sacramentarium Leonianum und des Sacramentarium Gregorianum. Steyl, 1957; *Marot H.* Les conciles romains des IVe et Ve siècles et le développement de la primauté // Istina. P., 1957. Vol. 4. P. 435–462; *Soos M. B., de.* Le mystère liturgique d'après St. Léon le Grand. Münster, 1958; *Hudon G.* La perfection chrétienne d'après les sermons de St. Léon le Grand. P., 1959; *Ullmann W.* Leo I and the Theme of Papal Primacy // JThSt. N. S. 1960. Vol. 11. P. 25–51; *Jiménez de Leonada J.* Hacia una edición del epistolario leonino // Helmantica. Salamanca, 1962. Vol. 13. P. 235–268; *Chavasse A.* Les lettres de St. Leon le Grand dans le supplément de la «Dionysiana» et de l'«Hadriana» et dans la collection du manuscrit du Vatican // RSR. 1964. T. 38. N. 2. P. 154–176; *idem.* Identification et date de la collecte prescrite par les sermons VI à X du pape Léon le Grand // Epektasis: Mélanges J. Daniélou / Ed. J. Fontaine. P., 1972. P. 51–53; *idem.* Les lettres du pape Léon le Grand (440–461) dans l'«Hispania» et la collection dites des Fausse Décretales // Revue de droit canonique. Strasbourg, 1975. T. 25. P. 28–39; *idem.* Un utilisation inattendu du recueil dit «leonien»: Le sermon «Filioli» // AfLW. 1984. Bd. 26. S. 18–37; *Dvorník F.* Byzance et la primauté romaine. P., 1964; *Hope D. M.* The Leonine Sacramentary: A Reassessment of Its Nature and Purpose. L.; N. Y., 1971; *Sitva-Tarouca K.* Die Quellen der Briefsammlungen Papst Leos des Grossen // Papsttum und Kaisertum: Forschungen zur politischen Geschichte und Geisteskultur des Mittelalters / Hrsg. A. Brackmann. Aalen, 1973^r. S. 23–47; *Polo G. M.* Maria nel mistero della salvezza secondo papa Leone Magno. Vicenza, 1975; *Pietri Ch.* Roma Christiana. P., 1976. 2 vol.; *McShane P. A.* La romanitas et le pape Léon le Grand: L'apport culturel des institutions impériales à la formation des structures ecclésiastiques. Tournai, 1979; *Wojtowycsch M.* Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I.: (440–461). Stuttg., 1981; *Arens H.* Die christologische Sprache Leos des Grossen: Analyse des Tomus an den Patriarchen Flavian. Freiburg i. Br., 1982; *Martorell J.* Mysterium Christi (Leon Magno). Valencia, 1983; *Saenz A.* San Leon Magno y los misterios de Cristo. Parana, 1984; *Studer B.* «Una persona in Christo»: Ein augustinisches Thema bei Leon dem Grossen // Augustinianum. R., 1985. Vol. 25. P. 453–487; *idem.* Leo the Great // *Quasten.* Patrology. 1986. Vol. 4. P. 589–612; *Blumer W.* Rerum Eloquentia: Christliche Nutzung antiker Stilkunst bei St. Leo Magnus. Bern etc., 1991; *Фокин А. П.* Из истории зап. богословия: Свт. Лев Великий // *АиО.* 2000. № 3(25). С. 378–388; *он же.* Формирование тринитарной доктрины в лат. патристике. М., 2014. С. 621–623; *Armitage J. M.* A Twofold Solidarity: Leo the Great's Theology of Redemption. Strathfield, 2005; *Kramnich T.* Von Leporius bis zu Leo dem Grossen: Studien zur lateinisch-

sprachigen Christologie im fünften Jh. nach Christus. Tüb., 2005; *Feichtinger H.* Die Gegenwart Christi in der Kirche bei Leo dem Grossen. Fr./M.; N. Y., 2007; *Green B.* The Soteriology of Leo the Great. Oxf.; N. Y., 2008; *Henne P.* Léon le Grand. P., 2008; *Wessel S.* Leo the Great and the Spiritual Rebuilding of a Universal Rome. Leiden; Boston, 2008; *Bronwen N., ed.* Leo the Great. L.; N. Y., 2009; *Pidolle L.* Une ecclésiologie d'incorporation, d'adoption et de croissance chez St. Léon le Grand // *Les Pères et la naissance de l'ecclésiologie.* P., 2009. P. 259–276; *idem.* Petite présentation de la christologie historique du Pape S. Léon le Grand // *NRT.* 2012. T. 134. P. 58–77; *Robinson D. C.* Informed Worship and Empowered Mission: The Integration of Liturgy, Doctrine, and Praxis in Leo the Great's Sermons on Ascension and Pentecost // *Worship.* Collegeville, 2009. Vol. 83. N. 6. P. 524–540; *Hainthaler Th.* Die Petrus-Idee bei Leo I von Rom // Heiligkeit und Apostolizität der Kirche. Innsbruck, 2010. S. 211–234; *Greschat K.* Neues zu Leo dem Grossen // *ThRu.* N. F. 2010. Bd. 75. N. 4. S. 473–478; *Мейендорф И., протопр.* Единство империи и разделения христиан: Церковь в 450–680 гг. М., 2012; *Emery G.* Le mystère de incarnation dans le «Tome à Flaviens» de St. Léon le Grand // *Nova et Vetera. Gen.*, 2012. Vol. 87. N. 4. P. 397–418.

А. П. Фокин

Почитание в Византии. Л. В. почитался как святитель, борющийся с ересью монофизитства; день памяти — 18 февр. (*SynCP. Col.* 471–472). Сохранилось греч. Житие Л. В. (*BHG, N 982*), изданное Ш. ван де Ворстом (*AnBoll.* 1910. Vol. 29. P. 405–408), в отрывках — Р. Гусенсом (*Вуз.* 1931. Vol. 6. P. 427–431). Также в Византии было широко известно чудо о видении Л. В. ап. Петра в связи с составлением «Томоса к Флавиану». Короткий рассказ об этом чуде приводится в «Луге духовном» *Иоанна Мосха*; он не содержит новых деталей (*Ioan. Mosch. Prt. spirit.* 147). Там же приводится речь *Амоса*, новоизбранного Иерусалимского патриарха (594–601). Он сообщает, что читал о 40-дневном посте Л. В. на гробе ап. Петра и о видении апостола, возвещающего Л. В. о прощении его грехов. Амос ссылается на это чудо как на пример глубокого понимания Л. В. сути патриаршего служения (*Ibid.* 149). Еще один рассказ из «Луга духовного» повествует о видении Л. В. Феодору, еп. Дерны Ливийской. По словам Феодора, бывшего тогда синкеллом свт. *Евлогия I*, патриарха Александрийского, Л. В. трижды являлся ему в сновидении с требованием сообщить о его приходе Евлогию, затем святителем беседовали, и Л. В. благодарил свт. Евлогия за поддержку «Томоса к Флавиану» и за помощь в борьбе с ересью (*Ibid.* 148).

Э. П. А.

Почитание на Западе. В *Liber Pontificalis* содержится краткое жизнеописание Л. В., составленное вскоре после 530 г. (1-я редакция, известная только по эпитамам) и переработанное не позднее 546 г. Некоторые сведения, приведенные в этом источнике, вызывают сомнение, напр. неправдоподобно большое количество рукоположенных Л. В. епископов (175), пресвитеров (81) и диаконов (31), а также дата погребения понтифика (11 апр.). После перенесения мощей Л. В. по указанию папы Римского *Сергия I* (687–701) в базилике св. Петра поместили стихотворную эпитафию, текст к-рой сохранился в рукописях эпохи *Каролингов*. «Великий пастырь» отстаивал чистоту христ. веры, в сочинениях излагал «истинную догму»: «Лев зарычал, сердца хищников замерли в страхе / Пастыря слову паства смиренно вняла». Даже после кончины Л. В. продолжал заботиться о христианах; погребенный у входа в храм, он стал «привратником твердыни», т. е. базилики св. Петра (*Vat. Palat. lat.* 833. Fol. 54v — 56r; *ICUR. N. S. T. 2. N 4148*). Вспл. папа Римский *Николай I* также обыгрывал имя «великого Льва, подражателя того льва, о котором написано: «Победил лев из колена Иудина» (ср.: Откр 5. 5) (*MGN. Ерр. T. 6. P. 473*).

Краткие сказания о Л. В. в «исторических» *Мартирологах IX в.* восходят к *Liber Pontificalis*. В *Мартирологе Рабана Мавра* сообщается, что понтифик, узнав о появлении ересей монофизитства и несторианства, побудил имп. Маркиана созвать «синод 256 епископов в Халкидоне», на к-ром было провозглашено правосл. учение о двух природах у Христе (*St. Gallen. Stiftsbibl.* 457. P. 43). Архиеп. *Адон* Вьеннский включил в составленный им *Мартиролог 2* записи о Л. В.: в 1-й записи указано, что «при нем состоялся св. Халкидонский Собор», во 2-й подчеркивается значение Л. В. как защитника православного учения от еретиков.

В сказании о Л. В., составленном *Иаковом из Варацце* для агиографического сб. «Золотая легенда», преобладают фантастические мотивы. Согласно этому сказанию, после мессы в рим. базилике Санта-Мария-Маджоре некая матрона поцеловала руку понтифика. Подвергшись плотскому искушению, Л. В. в тот же день отрубил себе руку. Когда

римляне стали роптать из-за того, что папа перестал совершать богослужения, Л. В. обратился к Деве Марии и получил исцеление. В благодарность за это понтифик повелел именовать Ее Богородицей. Во время нашествия гуннов Л. В. отправился на встречу с их предводителем Атиллой, который принял его с почтением и пообещал исполнить все просьбы. В ответ на упреки гуннов, возмущенных поведением вождя, Атилла ответил, что ему явился воин, пригрозивший истребить всех его подданных, если он не окажет почтение святому. Составив догматический «Томос к Флавиану», Л. В. возложил текст на гробницу ап. Петра и попросил апостола проверить содержание. Через 40 дней ему явился ап. Петр и сказал, что его просьба выполнена. После этого Л. В. постился еще 40 дней; по истечении этого срока апостол снова явился понтифику и сообщил, что все его грехи отпущены, но ему следует внимательнее выбирать кандидатов для рукоположения в священный сан. В одну из версий «Золотой легенды» добавлено повествование о кончине Л. В., в к-ром также содержатся вымышленные подробности (незадолго до смерти понтифик был предупрежден об этом в чудесном видении; на смертном одре его посетили апостолы Петр и Павел; в ночь его кончины зазвонили колокола базилики св. Петра и т. д.). Подобные легенды отсутствуют в жизнеописании Л. В., составленном Петром *Каннизем* для печатного Соборания сочинений понтифика. Основное внимание здесь уделено переговорам Л. В. с Атиллой, защите им христ. вероучения и опровержению ересей (в т. ч. подробно сообщается о «Томосе к Флавиану»), его заботе о восстановлении и об украшении церкви Рима, пострадавших от варваров (*D. Leonis Papae... Opera, quae quidem extant omnia. Coloniae, 1546; ActaSS. Arg. T. 2. P. 17–21*).

Поминовение Л. В. указано в основных рукописях Иеронимова Мартиролога и в календаре св. Виллиброрда († 739) 10 нояб., в день кончины понтифика, среди дополнений — память перенесения его мощей 28 июня (MartHieron. P. 141; The Calendar of St. Willibrord / Ed. H. A. Wilson. L., 1918. P. 8, 13). В Риме поминовение Л. В. совершалось 28 июня, в день vigилии (предпразднства) апостолов Петра и Павла. Проприй мессы

содержится в *Григория Сакраментарии*, окончательная редакция которого относится к сер. VIII в. (Sacg. Greg. T. 1. P. 243), чтения указаны в рим. лекционариях того же времени (*Klausner Th. Das römische Capitulare evangeliorum. Münster, 1972². S. 76, 184*). Однако при адаптации рим. обряда в гос-ве Каролингов поминовение Л. В. стали совершать 11 апр., в день погребения понтифика, согласно Liber Pontificalis. Под этой датой празднование указано во франко-геласианских Сакраментариях; их архетип был создан предположительно в 60-х гг. VIII в., но самые ранние рукописи относятся к рубежу VIII и IX вв. Приведенные в них молитвы не соответствуют римским текстам, включенным в Сакраментарий Григория (напр.: Liber Sacramentorum Gellonensis / Ed. A. Dumas. Turnhout, 1981. Vol. 1. P. 118. (CCSL; 159)). В Сакраментарии Мецского архиеп. Дрогона (823–855), который принадлежит к смешанному григорианскому типу, проприя мессы в день памяти Л. В. добавлен в конце рукописи без указания даты (Paris. lat. 9428. Fol. 128v).

По мнению И. Делез и др. исследователей, поминовение Л. В. 11 апр. было введено *Бедой Достопочтенным* (см.: MartHieron. Comment. P. 183; MartRom. Comment. P. 134; *Journel*. 1977. P. 231). Однако в рукописи, самой близкой к оригинальной версии Мартиролога Беды (St. Gallen. Stiftsbibl. 451), нет указаний на поминовение святого. В Мартирологе Лионского анонима, составленном в нач. IX в., память Л. В. указана под 28 июня (Paris. lat. 3879. Fol. 82). Под 11 апр. память святого значится в тексте Иеронимова Мартиролога в Бернской рукописи, созданной в кон. VIII в. в мон-ре Сент-Авольд в Лотарингии (Bern. Burgerbibl. 289; см.: MartHieron. P. 41). В сокращенной версии Иеронимова Мартиролога из аббатства *Корби* имя Л. В. (пара Leonis) добавлено к записи под 11 апр. почерком IX в. (Paris. lat. 12260. Fol. 4v). В дополненной версии Мартиролога Беды указания на память «Льва, папы и исповедника, в Риме» содержатся под 11 апр. и 28 июня (Monac. Clm. 15818. Fol. 110v, 120v, 2-я четв. IX в., Зальцбург; Vat. Palat. lat. 834. Fol. 7r, 12r, 1-я пол. IX в., Зап. Германия). По-видимому, Флор Лионский в составленном им Мартирологе также указал память Л. В. под 2 датами, хотя в основной ру-

кописи первоначальной редакции Мартиролога («Флор-М») запись под 11 апр. о поминовении «в Риме, на Аврелиевой дороге, Льва, папы и исповедника», возможно, является добавлением (Paris. lat. 5254. Fol. 18r, 36v, XII в.). В других рукописях указаны оба праздника, но формулировки записей различаются (Paris. lat. 9085. Fol. 21r, 32r, рубеж X и XI вв., из собора в Клермон-Ферране; Paris. lat. 5554. Fol. 25r, 46v, XIII в., из аббатства Сент-Круа в диоцезе Амбрён; Bonon. 925, XIII в., из собора в Лионе (см.: *Martyrologe de la sainte église de Lyon / Éd. J. Condamin, J.-B. Vanel. Lyon; P., 1902. P. 30, 58*); ср. ркп. более поздней редакции — «Флор-ЕТ» (2-я треть IX в.): Paris. lat. 10158. Fol. 30v, 55v, XII в., из аббатства Эхтернах; Paris. lat. 10018. Fol. 49r, 64r, XIV в., из собора в Туле). *Вандальберт Прюмский*, Рабан Мавр, Адон Вьеннский и *Узуард* также поместили память Л. В. под 11 апр. и 28 июня. По данным А. Борста, оба дня памяти святого указаны в большинстве календарей эпохи Каролингов; в нек-рых календарях приведена более древняя дата праздника — 10 нояб. (*Der karolingische Reichskalender und seine Überlieferung bis ins 12. Jh. / Hrsg. A. Borst. Hannover, 2001. Tl. 2. S. 774, 1026–1027; Tl. 3. S. 1482*). Т. о., обычай совершать поминовение Л. В. 11 апр. возник во 2-й пол. VIII в. во Франкском гос-ве; после этого память святого, как правило, указывали под 2 датами.

Под влиянием франкской традиции в Риме также было введено поминовение Л. В. 11 апр. и 28 июня. О празднике 11 апр. впервые сообщается в источниках X в.; оба дня памяти приведены в календарях XII в. из Латеранской и Ватиканской базилик (*Journel*. 1977). В богослужебных книгах папского двора XIII в. упоминается только праздник 28 июня с указанием чтения о папе *Льве II* из Liber Pontificalis. Лишь в календаре кард. Джованни Гаэтано Орсини (впосл. папа Римский *Николай III*), составленном ок. 1255 г., поминовение Л. В. значится также под 11 апр. (*Van Dijk J. P. The Ordinal of the Papal Court from Innocent III to Boniface VIII and Related Documents. Fribourg, 1975. P. 16–17, 44–45, 68, 72, 406*). В календаре первопечатного Римского миссала указаны оба дня памяти Л. В., но только под 28 июня приведен проприя мессы, тексты ко-

того восходят к Сакраментарю Григория (*Missale Romanum Mediolani*, 1474 / Ed. R. Lippe. L., 1899. Vol. 1. P. XVI, XVIII, 345). Во время литургической реформы, проведенной после *Триденнского Собора*, была устранена неясность, возникшая из-за наличия 2 дней памяти папы Льва. Поминовение Л. В. стали совершать 11 апр.; под 28 июня указывали память папы Льва II, сохранив в проприи мессы древние молитвы, составленные для поминовения Л. В. Из комментариев кард. Цезаря *Барония* к Римскому Мартирологу следует, что рим. литургисты смешали Л. В., память которого в средневек. Мартирологах была указана под 28 июня, с папой Львом II. После *Ватиканского II Собора* поминовение Л. В. было перенесено на 10 нояб. В проприи мессы о святом говорится как об истинном пастыре, наставнике христиан и защитнике Церкви; в Римском Мартирологе (редакция 2001 г.) подчеркивается его значение как учителя Церкви, сформулировавшего правосл. учение о Воплощении.

Л. В. был первым папой Римским, погребенным в Ватиканской базилике св. Петра. Его могила находилась в секретарии (сакристии), примыкавшем к портику храма с юга (*Picard*. 1969). По указанию папы Сергия I мощи Л. В. были перенесены в храм и положены в алтаре, устроенном в юж. трансепте, слева от главного алтаря и гробницы ап. Петра (28 июня 688). Гробница Л. В. была покрыта мрамором, над ней поместили изображения похороненных в базилике святых (*vatum prosepumque*; см.: LP. T. 1. P. 375, 379; ICUR. N. S. T. 2. N 4148). Алтарь Л. В. упоминается в добавлении сер. VIII в. к паломническому итинерарию «Заметка о церквях города Рима» (*Itineraria et alia geographica*. Turnhout, 1965. P. 310. (CCSL; 175)). На средства папы Римского *Льва III* алтарь Л. В. был окован серебром; папа *Лев IV* возвел над ним ораторий, стены которого были облицованы мрамором и украшены мозаикой (LP. T. 2. P. 26, 113). При папе Римском *Пасхалии II* ораторий Л. В. был отреставрирован, в алтаре поместили мощи пап Льва II, Льва III и Льва IV. В 1580 г., во время строительства новой базилики св. Петра, алтарь Л. В. был разобран, в 1607 г. папа *Павел V* поместил ковчеги с мощами в алтарь Верджине-делла-Ко-

лонна (*ActaSS. Apr. T. 2. P. 21–22*). Скульптор А. Альгарди изготовил мраморный алтарный образ с рельефным изображением встречи Л. В. и Аттилы (завершен в 1653), предназначенный для алтаря во имя святого. Однако этот алтарь был сооружен лишь при папе Римском *Клименте XI*, к-рый в 1715 г. поместил в него мощи Л. В. При освидетельствованиях (в 1607 и 1715) было обнаружено, что мощи плохо сохранились; в ковчеге находились все останки святого и фрагменты папского облачения (подробнее см.: *Sergardi L. Ragguaglio della solenne Traslazione del Corpo di S. Leone Magno. R., 1715; Mignanti F. M. Istoria della Sacrosanta Patriarcale Basilica Vaticana dalla sua fondazione fino al presente. R.; Torino, 1867. Vol. 2. P. 63–66*).

Папа Римский *Бенедикт XIV* провозгласил Л. В. учителем Церкви (см. ст. *Doctor Ecclesiae*), назвав его «мудрейшим из понтификов, чья слава и репутация столь велики, что с ним едва ли может сравниться кто-либо из святых учителей, просиявших в Церкви» (апостольская конституция «*Militantis Ecclesiae*» от 12 окт. 1754; см.: PL. 55. Col. 337–340). В энциклике «*Aeterna Dei sapientia*», изданной в честь 1500-летия кончины Л. В., папа *Иоанн XXIII* подчеркнул значительность деятельности Л. В. как защитника Церкви и «учителя церковного единства» в условиях расколов и разобщенности христиан (11 нояб. 1961; см.: *Никодим (Ротов), митр. Иоанн XXIII, папа Римский. W., 1984. С. 442–447*). К 1500-летию IV Вселенского Собора в Риме, в квартале Пренестино-Лабикано, была построена ц. во имя Л. В. (освящена в 1952). Ист.: BHL, N 4817–4817b; *ActaSS. Apr. T. 2. P. 14–22; LP. T. 1. P. 90–93, 238–241; Le martyrologe d'Adon: Ses deux familles, ses trois recensions / Ed. J. Dubois, G. Renaud. P., 1984. P. 122, 208–209; MartUsuard. 1965. P. 210, 256; Iacopo da Varazze. Legenda aurea / Ed. G. P. Maggioni. Firenze, 1998². Vol. 1. P. 556–558. Лит.: *Quentin H. Les martyrologes historiques du Moyen Age. P., 1908. P. 50, 52; Tiberii Alphanani De Basilicae Vaticanae antiquissima et nova structura / Ed. M. Cerrati. R., 1914. P. 26, 38–40, 89, 173, 175, 184; MartHieron. Comment. P. 182–183, 340, 593–594; MartRom. Comment. P. 134, 260; Zannoni G., Colafranceschi C. Leone I // *BiblSS. Vol. 7. Col. 1232–1280; Picard J.-Ch. Étude sur l'emplacement des tombes des papes du IIIe au Xe siècle // MAHHist. 1969. T. 81. N 2. P. 749, 757–760, 773; Jounel P. Le culte des saints dans les basiliques du Latran et du Vatican au XIIe siècle. R., 1977. P. 230–231, 249; *Cavalcanti E. Leone I, santo // Enciclopedia dei Papi. R., 2000. Vol. 1. P. 423–442*.***

А. А. Королёв

Иконография. Одно из ранних изображений Л. В. (с надписанием имени) сохранилось на фреске в левом нефце ц. Санта-Мария-Антиква в Риме (705–706). Он изображен в группе святых, представленных фронтально в рост в соответствии с иерархией чина прославления по сторонам тронного образа Спасителя. Рядом с тронном — предстоятели Восточной (справа) и Западной (слева) ветвей христианской Церкви; Л. В. — 3-й в левой группе, ему предшествуют изображения пап святых Климента и Сильвестра (парный Л. В. образ справа — свт. Василий Великий). Облачения вост. и зап. иерархов различаются: на папах — туники, казулы (на Л. В. окристая), паллии; правой рукой, через которую перекинута манипула (узкая белого цвета полоса ткани с красными вертикальными линиями), Л. В. придерживает кодекс на покровенной левой руке. Л. В. молодой, безбородый, волосы темные, на темени тонура (гуменцо). Подобные композиции в раннесредневековых римских храмах были не единичны (напр., в ц. Санта-Пассера, ц. Сан-Кризогоно), однако из-за плохой сохранности неизвестно, включали ли они образ Л. В. В росписи пещерного храма свт. Николая Чудотворца (Сан-Никола) близ Моттолы (Апулия, Италия, XI в.?) в нише на северной стене изображены Л. В., его возраст, состав облачения (с разницей в цвете) те же, что и в ц. Санта-Мария-Антиква; рядом помещен образ первоверховного ап. Петра.

В памятниках восточнохристианской традиции возрастная характеристика Л. В. меняется: он представлен седовласым (или светловолосым) мужем с короткой бородой, венцом кудрявых волос и тонузой и напоминает обликом сщмч. Климента, еп. Римского; облачен в фелонь, с омофором (начиная с Нового времени вместо фелони появляется орнаментированный саккос, на голове — митра), в левой руке держит Евангелие, правой благословляет. Так Л. В. изображен, напр., на миниатюре в Минологии Василия II (*Vat. gr. 1613. P. 412, 1-я четв. XI в.*) — фронтальная в рост фигура св. папы показана на фоне архитектурных колонок, на Л. В. окристый подризник, вишневая фелонь, на плечах — омофор, в руках (левая покровенная) держит кодекс. Этот тип изображения становится наиболее распространенным, в то же время в греч. руководстве для иконописцев — Ерминии иером. Дионисия Фурноаграфота (ок. 1730–1733) — Л. В. описан как «старец с длинной бородой» (разд. «Святые иерархи: внешний вид их и надписания». Ч. 3. § 8. № 34).

С конца средневизантийского периода в монументальной живописи образ Л. В. встречается в зоне вимы в ряду

др. святителей. Напр., в апсиде диакона ц. Св. Софии в Охриде, Македония (до 1056), помещены фронтально в рост образы святителей различных христ. церковных центров, в т. ч. Римских понтификов визант. времени. Л. В. изображен

рядом с папами Григорием I Великим и Сильвестром. Все в фелонях с омофорами, у каждого в левой покровенной руке Евангелие, правая перед грудью в жесте благословения; обликом напоминает папу Климента. Более молодым (волосы темные), но с теми же особенностями внешности святой представлен в росписи ц. св. Бессребреников в Кастории, Греция (70–80-е гг. XII в.) на зап. склоне арки из алтаря в жертвенник (полуфигура, напротив — папа Елевферий). Существуют и др. примеры размещения образа Л. В., напр., в обширной программе росписи каппадокийской Токалы-килисе (2) в Гёреме (кон. X в.) полуфигура св. папы представлена в медальоне на одной из арок колоннады в поперечном коридоре наряду с образами разных чинов святости.

В минейных циклах в росписи храмов, рукописных минологиев и на иконах на-

Свт. Лев Великий.
Роспись ц. св. Бессребреников
в Кастории, Греция.
70–80-е гг. XII в.

личие образа Л. В. носит устойчивый характер (под 18 февр.), иногда его изображают в паре с исп. Агапитом, еп. Синадским, память к-рого приходится на тот же день. В настенных минеях: в ц. вмч.

Георгия мон-ря Старо-Нагоричино, Македония (1317/18), — погрудно вместе с исп. Агапитом, Л. В. светловолосый, кудрявый, обеими руками держит Евангелие; в притворе собора Св. Троицы мон-ря Козия, Румыния (между 1390 и 1391), — в рост, покровенными фелонью руками на омофоре держит Евангелие, облик тот же, что и в Ста-

Свт. Лев Великий.
Миниатюра
из Минология Василия II.
1-я четв. XI в.
(*Vat. gr. 1613. P. 412*)

ро-Нагоричино; в ц. свт. Николая в Пелинове, Черногория (1717–1718), — оплечно. В рукописных минологиях:

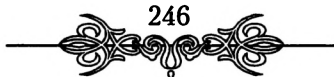
в греко-груз. рукописи кон. XV в. (т. н. Афонской книге образцов — РНБ. О.1.58. Л. 100 об.) — подобен папе Клименту, в рост, к облачению добавлена палица, правой рукой благословляет, в левой — кодекс; др. характера предположительный образ Л. В. помещен на миниатюре в Минологии деспота Фессалоники Димитрия Палеолога (*Bodl. gr. theol. f. 1. Fol. 28r, 1322–1340 гг.*) вместе со свт. Львом Катанским (?) и с прп. Тимофеем (на полях подписано только имя прп. Тимофея) — по пояс, у него высокий лоб с залысинами, седой, волосы слегка выются у ушей, клиновидная борода средней длины, на нем вишневая фелонь, омофор, держит Евангелие в покровенной левой руке.

В рус. иконописных подлинниках память с описанием облика Л. В. приводится под 18 февр. В подлинниках сводной редакции (XVI–XVII вв.) С. Т. Большакова и Палехской редакции (нач. XVIII в.) Г. Д. Филимонова облик святого уподоблен облику свт. Иоанна Златоуста: «...велими стар, власы рус, брада подоле Златоустовы, риза лазоревая крестечная, саккос и кресты в крузех, держит обеа рукама Евангелие, и омофор... в глубоцей старости ко Господу отыде» (*Филимонов. Иконописный подлинник. С. 273–274*). Этому описанию в целом соответствует прорись в наиболее раннем сохранившемся комплексе графических изображений из собрания С. Г. Строганова (1-я четв. XVII в.), на к-рой святой, как и в подлиннике сводной редакции Большакова, именуется Леонтием (см.: *Большаков. Иконописный подлинник. С. 74*). Такой вариант имени Л. В. известен не только по рус. памятникам: в слав. традиции он фиксируется уже в кон. XIV в. (собор Св. Троицы мон-ря Козия), встречается в XVIII в. (ц. свт. Николая в Пелинове). Без указания на конкретный источник в подлиннике Палехской редакции приведен еще один вариант иконографии святого: «...в иных Подлинни-

ках пишет у ног (Л. В. — Э. III.) зверь лежит, подобен рыси» (*Филимонов. Иконописный подлинник. С. 274*). Поскольку в Житии Л. В. отсутствуют сюжеты, связанные с этим описанием, изображение рыси, а скорее льва, может быть зрительным выражением имени святого. Не исключено, что и на самого папу спроецированы свойства льва как христ. символа (ср.: лев, возвещающий Славу Господню (*Иез 1. 10*), — символ евангелиста Марка; мощь, покровенная смиренном, — прп. Герасим Иорданский и др.). В руководстве для иконописцев В. Д. Фаргусова (1910) имеется уточнение к возрастной характеристике святого: «...не старец, но более средних лет», а также предложен текст для его хартии, взятый из оглашенного на IV Вселенском Соборе «Томоса к Флавиану»: «Божество восприняло нашу немощь, не нарушив свойств ни того, ни другого: истинный Бог явился в истинном и совершенном естестве истинного человека, весь с тем, что свойственно Ему, и весь в том, что свойственно нам. Человек не уничтожается величием Божества» (*Фартусов. Руководство к писанию икон. С. 213*).

Одно из ранних изображений Л. В. (папы Елевферия?) в рус. монументальной живописи представлено на фресках жертвенника Успенского собора во Владимире работы преподобных Андрея Рублёва и Даниила (1408). Святой сохраняет черты, известные по средневизант. памятникам, а именно сходство с папой Климентом: русый цвет выющихся волос передан светлой охрой, борода короткая, аккуратная. Примеры изображения Л. В. встречаются в настенных ансамблях эпохи Иоанна Грозного (напр., роспись диакона Спасо-Преображенского собора в Ярославле, 1563–1564, поновления XVII и XVIII вв.) и Нового времени (роспись Троицкого собора Клопского монастыря, кон. XVII — нач. XVIII в.) — в саккосе, седовласый, с бордой средней длины.

Изображение Л. В., также напоминающее по типу св. Климента — со светлыми волосами, лежащими кудрявой шапкой, но с клиновидной бордой средней длины, — встречается на рус. иконах XVI в. (в т. ч. минейных), напр. на новгородской «Богородица «Знамение», святые Василий Великий, Николай Чудотворец, Иоанн Предтеча, Лев, папа Римский» (1-я пол. XVI в., ГИМ). Известен и более редкий вариант изображения Л. В. темноволосым средовеком, напр. на иконе избранных святых нач. XX в. (частное собрание): Л. В. (в крещатой фелони) и исп. Никита, архиеп. Аполлонии Вифинской (?), предстает Нерукотворному образу Спасителя (вверху). Единичных изображений мало, их возникновение, как и включение Л. В. в состав избранных святых, очевидно, связано с желанием заказчика иметь образ соименного небесного

покровителя. К таким примерам относится, напр., миниатюрная (5,6×4,8 см) в серебряном окладе икона кон. XVIII в., принадлежавшая гр. Л. Н. Толстому (дар его бабушки П. Н. Толстой; находится в музее-усадьбе Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»). На иконе святой изображен в рост, в саккосе, на голове митра, правой рукой благословляет, а в левой держит архиерейский посох с сулоком. В живописных изображениях академического стиля Л. В. предстает также седовласым, с длинной клиновидной бородой (до середины

Богородица «Знамение», святые Василий Великий, Николай Чудотворец, Иоанн Предтеча и Лев Великий. Икона. 1-я пол. XVI в. (ГИМ)

груди), напр. на иконе работы самарского иконописца Г. Н. Журавлёва (1892, ЦАК МДА).

В русских минеях одно из ранних сохранившихся изображений Л. В. представлено на иконах на февр. из комплекта годовых миней: кон. XVI в. (ВГИАХМЗ) — Л. В. в паре с исп. Агапитом, еп. Синадским, нач. XVII в. (ЦАК МДА); на годовых минеях: нач. XIX в. (УКМ), 3-частной иконе-складне «Минея годовая» (после 1872, собрание В. А. Бондаренко) — русский, в красном саккосе. В гравированных Святцах (лист на февр.) работы Г. П. Тепчегорского (1714 и 1722) Л. В. изображен в саккосе, в митре, перстом правой руки он указывает на раскрытую книгу. Лит.: Строгановский иконописный лицевой подлинник кон. XVI — нач. XVII в. М., 1869; *Мижовић*. Менолог. С. 275, 356, 385; Ерминия ДФ. С. 161; LCI. Bd. 7. Sp. 387–389; Возрожденные шедевры Рус. Севера. М., 1998. Кат. 56, 140; «И по плодам узнается древо...»: Русская иконопись XV–XX вв. из собр. В. Бондаренко. М., 2003. Кат. 59; *Евсеева*. Афонская книга. С. 278; *Ермакова, Хромов*. Русская гравюра. Кат. 34.6; *Скворцов А. И.* Наследие земли Владимирской: Монументальная живопись. М., 2004. Ил. на с. 127; *Попов Г. В.* Андрей Рублев. М., 2007. Ил. 50.

Э. В. Шевченко

ЛЕВ II († 3.07.683, Рим), св. (пам. зап. 3 июля), папа Римский (избран в янв. 681, рукоположен 17 авг. 682). Сведений о жизни Л. до избрания на Папский престол практически не со-

Лев II, папа Римский. Гравюра из кн.: *Platina V. Historia*. 1626. P. 92 (РГБ)

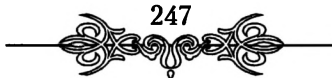
хранилось. В жизнеописании в *Liber Pontificalis* (LP. Т. 1. P. 359–360) упомянуто имя его отца — Павел. Известно, что Л. происходил с о-ва Сицилия и знал греч. язык; вероятно, понтифик, как и его предшественник на Римской кафедре свт. Агафон (678–681), был сицилийским греком. Среди достоинств Л. биограф называет богословскую образованность, дар учительства, аскетизм и способность к церковному пению (в лит-ре встречается предположение, что Л. был главой певч. школы (schola cantorum) при Латеранской базилике (*Susi*. 2005), однако в источниках к.-л. сведения об этом отсутствуют).

Л. избрали на Римскую кафедру вскоре после смерти свт. Агафона (10 янв. 681), активного участника богословских дискуссий о волях во Христе. 7 нояб. 680 г. визант. имп. св. *Константином IV* (668–685) был созван *Вселенский VI Собор*, целью которого было разрешение спора между монофелитами и дифелитами (подробнее см. статьи *Воля, Монофелитство*). Папа Агафон являлся сторонником правосл. учения о двух волях во Христе; на Соборе его активно защищали папские легаты — пресвитеры Феодор и Георгий и диак. Иоанн. Когда в К-поле стало известно об избрании на Папский престол Л. (10 марта 681), основные защитники монофелитства (патриарх Антиохийский *Макарий I* и его ученик мон. Стефан) были уже осуждены. 13 дек. 681 г. имп. Константин IV отправил послание Л., признавая, т. о., законность его избрания на Римскую кафедру. В по-

слании император сообщил понтифику о соборных решениях, отметил особую роль свт. Агафона в организации Собора (ACO II. Vol. 2 (2). P. 894–897; ДВС. Т. 4. С. 254–257). Кроме того, имп. Константин IV упомянул о послании папы и созванного им в Риме Собора (27 марта 680), в котором содержалось учение о двух волях и двух действиях во Христе (см.: CPL, N 1737; CPG, N 9418; ACO II. Vol. 2 (1). P. 122–159); по утверждению императора, сравнив текст с определениями др. Соборов и со свидетельствами св. отцов, участники VI Вселенского Собора, «не найдя в послании ничего несогласного, признали в нем неповрежденное слово истинного исповедания». Константин IV просил Л. искоренить ересь монофелитов, приняв окончательное решение относительно патриарха Макария и его сторонников, а также направить в К-поль своего апокрисиария, который должен был выражать мнение понтифика по догматическим и каноническим вопросам.

Папские легаты вернулись в Рим в мае или июне 682 г. Рукоположение Л. во епископа было совершено 17 авг. Андреем, еп. Остии, Иоанном, еп. Порто, и Плацентином, еп. Веллетри (LP. Т. 1. P. 360). В ответном послании имп. Константину IV (ACO II. Vol. 2 (2). P. 866–884; ДВС. Т. 4. С. 257–265) папа утвердил соборные решения и анафематствовал осужденных на Соборе патриархов К-польских *Сергия I, Пирра, Павла II* и *Петра*, патриарха Александрийского *Кира*, патриарха Антиохийского Макария I, мон. Стефана, архим. Полихрония и папу Римского *Гонория I* (625–638), который являлся сторонником формулы «единая воля Господа» (ἓν θέλημα τοῦ Κυρίου). По словам Л., Гонорий «не просветил сей Апостольский престол учением апостольского Предания, но старался гнусным предательством опорочить непорочную веру».

В кон. 682 г. Л. обратился с посланием к епископам Испании, к которому прилагались акты VI Вселенского Собора на греч. и лат. языках с просьбой рассмотреть эти документы и созвать общеспан. Собор для их одобрения. Сходные послания были отправлены комиту (графу) Симплицию и Кирику, еп. Толета (ныне Толедо). В этих посланиях Л. осуждал папу Гонория I, избегая

резких выражений: так, в письме испанским епископам говорилось лишь о его невнимательности к делам веры, однако в послании вестгот. кор. Эрвигу (680–687) Л. обвинил Гонория I в осквернении Папского престола неправедным учением. В нояб. 684 г. акты VI Вселенского Собора, папские послания и «Апология веры» (Apologeticum fidei) св. *Иулиана*, преемника еп. Кирика, содержащая критику монофелитства, были утверждены XIV Толедским Собором. В состав «*Liber Diurnus*» входит послание понтифика, в котором он исповедует веру первых 6 Вселенских Соборов; особое внимание Л. уделит изложению учения о двух природных волях (duas naturales voluntates) и о двух природных действиях (duas naturales operationes) и осуждению лидеров монофелитства (Liber diurnus Romanorum pontificum / Ed. Th. Sickel. W., 1889. P. 93–103). Л. восстановил в церковном общении к-польских клириков пресв. Анастасия и диак. Леонтия, которые были подвергнуты прещениям как сторонники патриарха Макария Антиохийского. Оба клирика явились в Рим, где засвидетельствовали согласие с решениями VI Вселенского Собора.

При Л. был урегулирован конфликт с Равеннской кафедрой, автокефалию к-рой утвердил в 666 г. визант. имп. *Констант II Погонат* (641–668); архиепископ Равенны рукополагался епископами-суффраганами без участия папы Римского. На Римском Соборе 680 г. Равеннский архиеп. Феодор признал юрисдикцию папы Римского. При Л. были выработаны окончательные условия соглашения: архиепископ получал посвящение в Риме и подписывал ряд документов, в т. ч. indiculum (клятвенность папе как преемнику ап. Петра), однако ему вменялось в обязанность пребывать в городе более 8 дней и потом лично являться в Рим подобно др. епископам-суффраганам; архиепископ имел право отправлять в Рим ко дню св. ап. Петра своего представителя в сане пресвитера (Agnel. Lib. pont. eccl. Rav. 124). Согласно Liber Pontificalis, подчинение Равенны Риму произошло «по приказу милостивейшего императора» (jussione clementissimi principis — LP. T. 1. P. 360); это дает основание полагать, что решение об отмене автокефалии было принято имп. Константином IV. Однако при

папе *Константине* (708–715) конфликт между Римом и Равенной вновь возобновился.

22 февр. 683 г. Л. освятил ц. ап. Павла близ ц. св. Вивияны (Санта-Бибиана), куда перенесли мощи рим. мучеников *Симплиция*, *Фаустина* и *Беатрисы* (LP. T. 1. P. 360); считается, что в понтификат Л. была так же построена ц. вмч. Георгия в Веллабро (Сан-Джорджо-ин-Веллабро); общий план этой церкви (3-нефная базилика, разделенная 2 рядами по 6 колонн) действительно восходит к VII в. (см.: Krautheimer. 1937; Webb. 2001; Claussen. 2002–2010). 27 июня 683 г. Л. рукоположил 23 епископа, 9 пресвитеров и 3 диакона.

Погребен в Ватиканской базилике. Ист.: LP. T. 1. P. 359–360; Agnelli Ravennatis Liber pontificalis ecclesiae Ravennatis. 124 / Ed. D. Deliyannis. Turnhout, 2006. P. 298–299. (CCCM; 199); Jaffé. RPR. T. 1. N 2116–2124; Liber diurnus Romanorum pontificum / Ed. Th. Sickel. W., 1889. P. 93–103; Mansi. T. 11. Col. 725, 1053–1055.

Лит.: Mann H. The Lives of the Popes in the Early Middle Ages. L., 1903. Vol. 1. Pt. 2. P. 49–53; Amann E. Leon II, saint // DTC. 1926. Vol. 9. Pt. 1. Col. 301–304; Krautheimer R. Corpus basilicarum christianarum Romae. Vat., 1937. T. 1. P. 84–94, 242–263; Bertolini O. Roma di fronte a Bisanzio e ai Longobardi. Bologna, 1941; Haller J. Das Papsttum: Idee und Wirklichkeit. Stuttg., 1950. S. 338–432; Breukelaar A. Leo II // BBKL. 1975. Bd. 4. Sp. 1435–1436; Beck H.-G. Leo II // NCE. 1981. Vol. 8. P. 478–479; Schwaiger G. Leo II // LTK. 1997. Bd. 6. Sp. 947; Бородин О. Р. Равеннский Экзархат: Византийцы в Италии. СПб., 2001. С. 138; Webb M. The Churches and Catacombs of Early Christian Rome: A Comprehensive Guide. Brighton, 2001. P. 182–184; Claussen P. Die Kirchen der Stadt Rom im Mittelalter, 1050–1300. Stuttg., 2002–2010. Bd. 1. S. 179–185; Bd. 3. S. 15–58; Susi E. Leone II, santo // Enciclopedia dei Papi. R., 2005. Vol. 64. P. 616–620.

Е. А. Заболотный, Д. В. Зайцев

ЛЕВ III († 12.06.816, Рим), св. (пам. зап. 12 июня), папа Римский (с 26 дек. 795). Согласно подробному жизнеописанию в *Liber Pontificalis*, Л. происходил из Рима. Его родители, Ацуппий и Елизавета (ее имя, редкое для Италии той эпохи, упом. в более поздних источниках), возможно, приехали в Рим из Юж. Италии или с Востока. Не исключено их греч. или даже араб. происхождение, поскольку в Житии прмч. Стефана Нового, составленном в нач. IX в., среди противников прп. *Иоанна Дамаскина* упоминается иконоборец по прозвищу Ацуппий (Vita S. Stephani Iunioris // PG. 100. Col. 1120; см.: Ohnsorge. 1967; Beck. 1969). Родители отдали Л. в Лате-

Лев III, папа Римский.
Гравюра из кн.: Platina V. Historia. 1626. P. 114 (РГБ)

ранский дворец на воспитание и обучение. Вероятно, при папе *Адриане I* (772–795) Л. стал субдиаконом, а затем — кардиналом-пресвитером титула св. Сусанны. В Liber Pontificalis приведена стереотипная характеристика Л. (образованный, разумный, красноречивый и щепетильный человек, любил общаться с монахами и со священниками на духовные темы, часто посещал больных и раздавал милостыню), составленная из фраз, к-рые встречаются в жизнеописаниях пап *Григория II* (715–731) и свт. *Захарии* (741–752). Л. выполнял обязанности папского вестарария (vestararius), т. е. отвечал за хранение папской ризницы и казны. По этой причине еще до избрания на Папский престол он прославился заботой об украшении римских церквей (базилика ап. Петра подарил золотую кадильницу весом 17 фунтов, в «confessio» (усыпальницу) ап. Петра поместил украшенную драгоценными камнями золотую решетку, 3 серебряные короны, шелковый занавес и проч.; обновил крышу транспта, отремонтировал крышу ц. св. Анастасии, полностью восстановил ц. св. Сабины и т. д.) и щедрой раздачей милостыни, снижав благосклонность римлян.

После кончины папы *Адриана I* (25 дек. 795) Л. был единодушно избран его преемником; на следующий день состоялось его епископское рукоположение. В отличие от др. понтификов Л. не был ставленником к.-л. фракции или группировки рим. знати. Он опирался прежде всего на городской клир и папскую курию (согласно Liber Pontificalis, вскоре после интронизации он существенно увеличил выплаты рим. клирикам и, возможно, раздачу денег на большие праздники).

Сразу после возведения на Папский престол Л. сообщил о своем избрании франк. кор. *Карлу Великому* (768–814, император с 800) (до сер. VIII в. об избрании Римского папы извещали визант. императора или экзарха в Равенне), обещал хранить ему верность и просил монарха о возобновлении дружественных отношений между Римом и франками, которые сложились при предыдущих понтификах. Папские послы привезли Карлу Великому ключ от «confessio» ап. Петра и рим. знамя (vexillum) в знак подтверждения статуса франк. короля, к-рый с 774 г. носил титул патриция римлян — защитника Римской Церкви и города (впосл. подобные дары Карл Великий получил от Иерусалимского патриарха). Л. просил короля направить в Рим своих посланников для приведения рим. народа к присяге.

Карл Великий поручил поехать в Рим Ангильберту, аббату Сен-Рикье, который преподнес папе часть сокровищ, захваченных франками у аваров. Однако в инструкции, данной Ангильберту, король велел ему призвать папу следовать более строгому образу жизни и не допускать *симонии*. Вероятно, Карлу было известно о к.-л. нарушениях, допущенных Л., но он не решался открыто упрекнуть его, чтобы не испортить

отношения с понтификом. В письме Карл Великий подтвердил намерение сохранить союз с папой Римским, обещал защищать Церковь от язычников, а католическую веру — от еретиков, призывал понтифика молиться за его воинство. При этом король подчеркивал, что папа Римский должен строго придерживаться христ. догматов и церковных канонов, подавать пример пастве своим образом жизни (возможно, это намек на дошедшие до короля слухи о неподобающем поведении Л.).

В Liber Pontificalis сообщается лишь о неск. ключевых событиях в жизни Л.; большая часть сведений относится к его деятельности по реконструкции и украшению

*Нападение на папу Римского Льва III.
Миниатюра
из «Больших хроник Франции».
Ок. 1375–1380 г.
(Paris, fr. 2813. Fol. 95v)*

римских церквей. Внешнюю и внутреннюю политику Л. приходится реконструировать по отрывочным сведениям из других источников. В первые годы понтификата Л. занимался проблемами Церкви на Британских о-вах (в частности, вмешался в спор о главенстве между кафедрами Кентерберии и Йорка; в 797 отправил *паллий* Йоркскому еп. Эанбальду II; отлучил от Церкви кор. Эадберта, захватившего власть в Кенте).

*Клятва папы Римского
Льва III.
Фрагмент росписи
станции дель Инчендио
ди Борго в Ватикане.
1514–1517 гг.
Худож. Рафаэль*

По просьбе Карла Великого в 798 г. понтифик созвал в Риме синод (в нем участвовали 57 епископов), принявший решения против ереси *адопцианства*.

Вскоре после восшествия на Папский престол Л. вступил в конфликт с рим. знатью. По-видимому, причины конфликта были политическими или экономическими, т. к. противники Л. не выдвинули своего кандидата на Римскую кафедру. Намеки на заговор рим. знати против папы содержатся в переписке *Алкуина* с Арноном Зальцбургским, к-рый в 798 г. посетил Рим, чтобы

получить паллий. Заговор возглавили видные чиновники папской курии — примицерий нотариус Пасхалий, племянник покойного папы Адриана I, и сацелларий Кампул, к-рые ранее посещали двор Карла Великого в качестве послов (упом. в послании папы Адриана I кор. Карлу Великому от 778 г. — Codex Carolinus. 61 // MGH. Err. T. 3. P. 589). 25 апр. 799 г. во время процессии (litania maior) в ц. св. Лаврентия (Сан-Лоренцо-ин-Лючина), когда Л. проезжал близ греч. мон-ря св. Сильвестра (Сан-Сильвестро-ин-Капите), заговорщики напали на него, стащили с коня, попытались выколоть ему глаза и отрезать язык, затем затащили его в монастырский храм и снова пытались изуверчить. В Liber Pontificalis умалчивается о том, что в мон-ре св. Сильвестра состоялось низложение Л., обвиненного в лжесвидетельстве, симонии и блуде (*Alcuin*. Ep. 179 // MGH. Err. T. 4. P. 297). Ночью понтифика перевезли в греч. мон-рь св. Эразма на Целии, где к нему вернулись зрение и слух (LP. T. 1: P. 4–5). Как долго продолжалось заключение папы, неизвестно. Согласно Liber Pontificalis, камерарий Альбин и другие верные люди помогли ему бежать и найти убежище в базилике ап. Петра. Вскоре представитель Карла Великого Вирунд, аббат Ставло и Мальмеди, и герц. Винигиз доставили Л. в Сполето (с учетом расстояния между Римом и Сполето это могло произойти в мае). Узнав об этих событиях, Карл Великий послал к папе архикапеллана Хильдебольда, архиеп. Кёльнского, и гр. Аскаррия (Аскерика). Л. решил лично отправиться на переговоры к франк. королю, к-рый находился в Падерборне и готовился к войне с саксами. До Падерборна папа ехал в сопровождении почетного эскорта кор. Италии Пипина. Хотя Л. был оказан торжественный прием (Карл Великий дал понять, что занимает сторону папы и не признаёт низложения), сравнение церемонии с визитом папы *Стефана II (III)* (752–757) к кор. Пипину Короткому указывает на то, что отношение короля к папской власти изменилось (в частности, он не придерживал уздечку и стремени, когда папа спешивался, и не вручил ему полагавшиеся дары). Л. подарил королю реликвии первомч. Стефана и освятил собор в Падерборне.

Встрече Карла Великого и Л. посвящена анонимная поэма (т. н. Падерборнский (или Ахенский) эпос), к-рую считают 3-й частью пространного сочинения о Карле, написанного в подражание Вергилию (изд.: *Karolus Magnus et Leo papa* // MGH. Poet. T. 1. P. 366–379). В отношении авторства среди исследователей нет единого мнения (назывались имена Ангильберта, Эйнхарда, Модона и др.). Более значимым является вопрос о датировке произведения. Если оно написано сразу после встречи и до имп. коронации, то в нем мог найти отражение изначальный замысел Карла; если же спустя какое-то время после коронации, то из его текста, как из произведения придворной культуры, можно понять отношение Карла Великого к новому титулу. Существует гипотеза, что в Падерборне впервые обсуждались детали буд. коронации Карла Великого императором. Однако в эпосе титул императора не встречается; Карл назван августом и триумфатором, новым Давидом, Ахен предстает как «новый Рим».

Архиеп. Арнон Зальцбургский собрал данные, свидетельствовавшие о виновности Л., и переслал их Алкуину, но тот сжег письмо, чтобы не допустить разглашения (*Alcuin*. Ep. 184 // MGH. Ep. T. 4. P. 309). Этот момент можно считать определяющим для истории взаимоотношений Папского престола с Каролингами. Именно Алкуин, главный советник Карла Великого, подтолкнул его к имп. коронации и выстраиванию новых отношений с папством. Он призвал Карла прервать войну с саксами и вмешаться в рим. дела. Король предложил Алкуину сопровождать Л. в Рим, но он отказался. По словам Алкуина, оппоненты папы требовали от него принести очистительную клятву, отречься и удалиться в мон-рь (*Alcuin*. Ep. 179 // Ibid. P. 297). Позиция же Алкуина заключалась в том, что никто не имеет права судить папу.

Карл Великий предоставил Л. вооруженную охрану и отправил с ним в Рим доверенных лиц (Хильдебольда, архиеп. Кельнского, Арнона, архиеп. Зальцбургского, неск. епископов и графов). 29 нояб. 799 г. папу торжественно встретили в Риме. Состоялся суд над заговорщиками, которые не смогли доказать обвинения, выдвинутые против Л., и были отправлены под стражей во франк.

владения. Поздней осенью 800 г. в Рим приехал Карл Великий. 24 нояб. состоялась встреча за городскими воротами у 12-милевого камня (прежде такого приема удостаивали только визант. императоров). 1 дек. в базилике ап. Петра состоялось заседание с участием Карла Великого и всех высокопоставленных лиц, на к-рое вновь привезли заговорщиков. Там было принято единодушное решение о том, что никто не может судить папу. Л. предложил очистить себя от обвинений клятвой. Карл Великий подчеркнул, что принесение клятвы не является вынужденным актом, связанным с обвинениями, но совершается папой по доброй воле. 23 дек. Л. принес перед «confessio» ап. Петра клятву на Четвероевангелии, дабы очистить себя от любых подозрений. В тексте клятвы, приведенном в *Liber Pontificalis*, отмечается, что клятва понтифика не должна была стать прецедентом (в 555 подобную клятву принес папа Пелагий I). В средние века получил широкое распространение текст под названием «Клятва папы Льва», вошедший в «Декреты» Бурхарда Вормского, Иво Шартрского, Грациана и другие канонические сборники (см. изд.: MGH. Ep. T. 5. P. 63–64; MGH. Conc. T. 2. Pars 1. P. 226–227; *Adelson, Baker*. 1952); это сочинение — подделка сер. IX в., составленная на основе подложного «Послания восточным епископам» папы Сикста III, включенного в *Лжеисидоровы декреталии* (*Wallach*. 1955). После клятвы Л. бремя доказательства обвинений было окончательно переложено на его противников.

25 дек. 800 г. состоялась имп. коронация Карла Великого. Несмотря на утверждение Эйнхарда, что это событие стало неожиданностью для

Христова было перенесено из базилики Девы Марии (Санта-Мария-Маджоре) в Ватиканскую базилику ап. Петра, чтобы подчеркнуть роль ап. Петра и его преемника-папы в коронации. В предшествующую эпоху церемония коронации на Западе считалась светской. Есть лишь неск. примеров участия в ней Римских пап, самый известный — коронация визант. имп. Юстина I (518–527) папой *Иоанном I*, прибывшим в К-поль в 526 г. (ранее коронацию Юстина I уже совершил К-польский патриарх). При этом нет сведений о коронации (или повторной коронации) императоров Юстиниана I (527–565) или Юстиниана II (685–695) во время их визитов в Рим.

В *Liber Pontificalis* утверждается, что Л. лично возложил заранее приготовленную драгоценную корону на Карла Великого, которого затем трижды провозгласили августом и императором римлян. В тот же день состоялось помазание Карла, сына Карла Великого, к-рый сопровождал отца в поездке в Рим. После мессы Карл Великий принес богатые дары в «confessio» ап. Петра. В офиц. *Анналах* королевства франков говорится, что сразу после возложения короны папа совершил проскинесис перед Карлом Великим, который отказался от титула патриция римлян и был наречен императором и августом.

Исследователи подчеркивают, что Карл Великий и Л. вкладывали разный смысл в имп. титул. Для Карла коронация, вероятно, была легитимацией уже сложившейся политической реальности — Франкской империи с центром в Ахене и рассматривалась им как способ интеграции в свое гос-во саксон. земель и Республики св. Петра (Папского гос-ва), которые невозможно было нивелировать до

Лев III, папа Римский,
коронует имп. Карла Великого.
Миниатюра
из «Больших хроник Франции».
1-я пол. XIV в. (Brit. Lib.
Add. 49622. Fol. 190v)

Карла Великого, к-рый якобы противился коронации и сожалел о случившемся (*Einhardi Vita Karoli Magni*. 28), обстоятельства церемонии указывают на ее тщательную подготовку. Празднование Рождества

уровня др. франк. земель (титул императора позволял выстраивать отношения с подобными гос. образованиями иначе, т. к. подчинение императору не принижало их правителей, как подчинение варварскому королю). Кроме того, Карл

Великий полагал, что получил имп. достоинство от Бога и от франков, а не от папы и от римлян. Недовольство Карла церемонией коронации, о к-ром сообщает Эйнхард, могло быть данью древнерим. имперской историографии, в к-рой среди черт «хорошего» императора было отсутствие жажды власти и тяготение ее бременем.

После коронации Карл Великий получил право осуществлять правосудие в Риме. Заговорщики против Л. были обвинены в оскорблении величия «по римскому закону» (*crimen laesae maiestatis*). Неясно, шла ли речь об оскорблении Карла Великого как императора. Во франк. традиции обвинение в оскорблении величия понималось обычно как нарушение клятвы верности королю (*Lemosse M. La lèse-majesté dans la monarchie franque* // *RMAL*. 1946. Т. 2. Р. 5–24). Смертная казнь, полагавшаяся заговорщикам по рим. традиции, была заменена ссылкой якобы по просьбе Л. (*Annales Regni Francorum*. 801).

Сведений о др. судебных решениях, вынесенных Карлом Великим в Риме, нет; отсутствуют и данные о том, что он в качестве императора взимал налоги в Республике св. Петра или набирал там войско. В дипломе, данном 4 марта 801 г. в связи со спором между Сиеной и Ареццо (городами, находившимися за пределами Папской области), Карл не называл себя императором (*MGN. Dipl. Kar. T. 1. P. 264*). Имп. титул впервые был использован в грамоте мон-рю Нонантола от 29 мая 801 г., где Карл Великий именуется «августом, коронованным Богом великим миролюбивым императором, правящим Римской империей, и по милости Божией королем франков и лангобардов» (*Ibid.* Р. 265). Слова об управлении Римской империей заимствованы из позднеантичного протокола; Карл Великий вряд ли считал, что он в букв. смысле унаследовал полноту власти древних императоров Рима, и тем более он не претендовал на власть в К-поле.

Для Л. коронация Карла Великого была одним из этапов создания новой империи с центром в Риме, в к-рой будут совместно править папа и император. С момента коронации Л. датировал изданные им документы годом правления Карла, но свое имя ставил перед именем императора. Политические представления

папы получили отражение в программе мозаик в триклинии Л. (*Aula Leonina*) в разрушенном ныне Латеранском дворце (реставрированная в 1625 мозаичная композиция с 1743 находится в апсиде, выходящей на пл. Сан-Джованни-ин-Латерано; известна также по рисункам XVII в.— *Rom. Vat. Barber. Lat. 2738. Fol. 104; Ibid. 2733. Fol. 309v; Rom. Angelic. 1564. Fol. 47; Rom. Vat. Lat. 5407. Fol. 97*; см.: *Herklotz*. 1995). В центральной части композиции изображен Христос, посылающий апостолов на проповедь. Слева от апсиды Христос, восседающий на троне, передает коленопреклоненным папе Сильвестру I (?) ключи, а имп. Константину Великому — знамя, увенчанное крестом; справа

Христос и апостолы.
Мозаика из триклинии
Льва III. Нач. IX в.

от апсиды изображен ап. Петр, также восседающий на престоле, который вручает Л. паллий, а Карлу Великому — знамя; ниже помещена надпись: «Блаженный Петр, ты даешь жизнь папе Льву, даешь победу королю Карлу». Вероятно, мозаики были выполнены после возвращения Л. в Рим. Парное изображение Л. и Карла Великого находилось также в ц. Санта-Сусанна: понтифик был представлен с базиликой в руках, король — в короне и с мечом (рисунки XVII в.— *Rom. Vat. Lat. 5407. Fol. 74, 96; Rom. Angelic. 1564. Fol. 45; Rom. Vat. Lat. 10545. Fol. 235*). По указанию Л. в Риме развернулись строительные работы, подражавшие имп. строительству в К-поле. В частности, в комплексе Латеранского дворца был возведен триклиний (малый тронный зал с 3 апсидами и большой — с 10 апсидами), копировавший т. н. триклиний 19 аккумулятов (мест для возложения за трапезой) *Большого дворца в Константинополе*.

Коронация Карла Великого и присвоение ему имп. титула привели к обострению отношений с Византийской империей. В Лоршских ан-

налах коронация Карла Великого связывалась с отсутствием легитимного правителя в К-поле из-за узурпации имп. престола *Ириной*. При этом Карл был заинтересован в признании своего титула византийцами. Согласно Феофану Исповеднику, в 801 или 802 г. в К-поль прибыли послы Л. и Карла Великого с предложением заключить брак между имп. Ириной и Карлом (*Theoph. Chron.* 6294). В *Анналах* королевства франков сообщается, что Ирина направила к Карлу для заключения мира посольство во главе со спафарием Львом; в ответ франк. император послал в К-поль еп. Иессея Амьенского и гр. Хельмгауда (*Annales Regni Francorum*. 802). Однако в 802 г. Ирина была свергнута, поэтому планы Карла Великого потерпели неудачу, а Л., с т. зр. византийцев, оказался союз-

ником варвара-узурпатора. Вероятно, для решения этой проблемы Л. решил снова встретиться

с Карлом Великим в праздник Рождества Христова. Посетив Мантуя, где в 803 г. была обретена реликвия Крови Христовой, Л. отправился в аббатство св. Маврикия (Сен-Морис), где его ожидал Карл, сын Карла Великого (*Annales Regni Francorum*. 804). В Реймсе понтифик встретился с императором, затем он проследовал в Кьерзи, Ахен, Зальцбург и Равенну и вернулся в Рим в нач. 805 г.

В 806 г. Л. и Карл Великий совместно решали конфликты в Венеции и в Англии. Патриарх Градо Фортунат II, избранный после убийства патриарха Иоанна I и получивший еще в 803 г. паллий от Л., вступил в конфликт с венецианским дожем и был вынужден бежать под защиту Карла Великого. Император попросил папу перевести Фортуната на вакантную кафедру Полю. Л. согласился, но с условием, что при первой возможности тот вернется на кафедру Градо. В том же году был заключен в тюрьму свергнутый кор. Нортумбрии Эардульф, к-рый находился в союзе как с папой, так и с Карлом Великим. Император и папа отправили посланников

в Нортумбрию. По их требованию король был освобожден и отправился сначала к Карлу Великому, а затем в Рим для подтверждения своих прав на корону (*Annales Regni Francorum*. 808).

Один из немногих случаев, когда Л. отказался поддержать Карла Великого,— спор о Символе веры. В 807 г. в составе посольства от Иерусалимского патриарха в Ахен прибыли аббат и неск. франк. монахов из лат. обители на Елеонской горе (*Annales Regni Francorum*. 807). Согласно посланию, к-рое эти монахи направили Л., вернувшись в Иерусалим, они по примеру имп. капеллы установили пение Символа веры с *Filioque*. Об этом стало известно греч. монахам (в частности, Иоанну из лавры Саввы Освященного), которые обвинили франков в ереси. На праздник Рождества Христова в 808 г. в Вифлееме произошли беспорядки и была предпринята попытка изгнать франков из базилики Рождества. На собрании у храма Гроба Господня в Иерусалиме франк. монахи подверглись допросу, на к-ром они заявили, что следуют обычаям Римской Церкви. Об этом монахи сообщили Л., подчеркнув, что Символ веры с *Filioque* использовался при дворе Карла Великого (*MGH. Err.* Т. 5. Р. 64–65). Из др. письма, отправленного Л. Карлу Великому в 809 г., известно, что понтифик получил послания не только от лат. монахов, но и от Иерусалимского патриарха Фомы, посвященное тому же вопросу (*MGH. Err.* Т. 5. Р. 66–67). Однако подлинность этих посланий была поставлена под сомнение. Оба текста были изданы в 1715 г. Э. Балюзом по единственной рукописи (*Berolin. Phillipps*. 1664, 1-я пол. XI в.; в наст. время окончание ркп., где находились эти тексты, утрачено). Автором подделки несомненно является Адемар Шабанский, чьи сочинения также находятся в этом кодексе (см.: *Callahan*. 1992). Однако сам факт конфликта вокруг Символа веры нашел отражение в греч. Житии Михаила Синкелла. В нем утверждается, что Л. обратился к Иерусалимскому патриарху с просьбой помочь ему в борьбе с «нечестивыми» франк. священниками и монахами, к-рые сделали вставку в Символ веры. На Соборе, к-рый созвал патриарх, было решено послать в Рим Михаила Синкелла (*Vita Michaelis Syncelli*. 6 //

The Life of Michael the Synkellos / Ed. M. Cunningham. Belfast, 1991. Р. 54–59). Однако его посольство, видимо, не состоялось из-за нового витка иконоборческих споров.

Если даже конфликт первоначально имел место на Востоке, дальнейшее и хорошо задокументированное его развитие происходило на Западе. В 809 г. по повелению Карла Великого в Ахене состоялся Собор, на к-ром ведущие франк. богословы представили доводы в пользу *Filioque*, собрав множество свидетельств из сочинений св. отцов (*Das Konzil von Aachen, 809* / Hrsg. H. Willjung. Hannover, 1998. (*MGH. Conc.*; Т. 2. Suppl. 2)). Ахенский Собор стал логическим продолжением Франкфуртского Собора 794 г. и Собора в Чивидале-дель-Фриули 796/7 г. (т. е. не был просто реакцией на события на Востоке). По итогам Ахенского Собора к папе Римскому была направлена делегация, к-рую возглавляли Бернхард, еп. Вормсский, аббат Корби Адальхард и Иессей, еп. Амьенский. Сохранился документ, зафиксировавший переговоры между посланниками Карла Великого и Л. в нач. 810 г. (*Ratio Romana de symbolo fidei* // *Ibid.* Р. 287–294). Папа заявил, что не все относящееся к вере следует включать в Символ. Более того, он предложил исключить пение Символа веры из евхаристического богослужения, оставив его только для наставления катехуменов. Для утверждения неизменности этой позиции Л. велел начертать греч. и лат. тексты Никео-Константинопольского Символа веры на 3 серебряных пластинах, 2 из которых поместили у входа в «confessio» ап. Петра, а 3-ю, содержащую только лат. текст,— возле гробницы ап. Павла в базилике Сан-Паоло-фуори-ле-Мура (*LP*. Т. 2. Р. 26; *Phot.* Ep. 1. 24 // *PG*. 102. Col. 794; *Idem*. *Mystagogia de Spiritu Sancto*. 88 // *Ibid.* Col. 377).

В средние века как на Западе, так и на Востоке было составлено неск. поддельных Символов веры Л., которые широко использовались в полемике между сторонниками и противниками *Filioque* (*Peri*. 1970). В частности, лат. текст «Вера Льва» (*Fides Leonis*) был заимствован из трактата Алкуина «О вере в святую и нераздельную Троицу» и дополнен вместе же Адемаром Шабанским (см.: *Capelle B.* *La pape Léon III et le «Filioque»* // *L'Église et les Églises*, 1054–

1954. *Chevetogne*, 1954. Т. 1. Р. 309–322). Текст, известный как греческий Символ веры Л., является версией т. н. Афанасиева Символа веры (*Michael Psellus. De omnifaria doctrina* / Ed. L. G. Westerink. Nijmegen, 1948. Р. 17). Сохранился также подлинный текст, скопированный с доски из базилики ап. Павла (цит.: *Petr. Damianian. Contra errorem Graecorum*. 2 // *PL*. 145. Col. 635; полный лат. текст: *Abaelardus. Sic et Non*. 4 // *PL*. 178. Col. 1357).

В 808–812 гг. Л. принимал участие в решении конфликта в К-польской Церкви. К папе обратился прп. Феодор Студит, к-рый вместе с единомышленниками воспротивился служению в Св. Софии некоего пресв. Иосифа (студиты считали его отлученным от Церкви, а патриарх Никифор I восстановил Иосифа в сане). Прп. Феодор отправил в рим. монастырь св. Саввы своего посланника Василия, к-рый должен был негласно выяснить позицию папы. После обнадеживающего письма от Василия в Рим был направлен 2-й посланник, Епифаний; ему прп. Феодор поручил вести переговоры с Л. В нач. 809 г. имп. Никифор I выслал студитов из К-поля, и прп. Феодор направил к папе 3-го посланника, некоего Евстафия, а затем повторно Епифания (*Theod. Stud.* Ep. 33, 34 // *Epistulae*. 1992. Т. 1. Р. 91–99). Судя по ответам прп. Феодора, папа интересовался, не был ли тот сторонником к.-л. ереси, и отказался созвать Собор для решения конфликта между студитами и визант. властями. В 811 г. имп. Никифор I погиб, а патриарх Никифор I официально уведомил папу о своем избрании на кафедру; в патриаршем послании содержалось исповедание веры (*Theoph. Chron.* 6304; *Mansi*. Т. 14. Col. 29–56). Студиты были возвращены из ссылки, а пресв. Иосиф снова отлучен от Церкви. Отсутствие сведений об этих событиях в рим. источниках дает основание считать, что Л. не поддержал прп. Феодора, чтобы не испортить отношения с визант. императором и К-польским патриархом. Однако прп. Феодор не высказывал разочарования позицией папы. Более того, налаживание контактов с Римской Церковью позволило ему снова апеллировать к Папскому престолу (при папе Пасхалии I) во время обострения иконоборческого кризиса. Для папы сотрудничество со студитами также

было выгодно, т. к. прп. Феодор и его монахи снабжали его информацией, которую можно было использовать против К-польского патриарха (*Hatlie*. 1995).

Л. очень любил богослужение. По свидетельству Валафрида Страбона, полученному от людей, лично знавших понтифика, папа совершал мессу 7 и даже 9 раз в день (*Walafrid Strabo*. Liber de exordiis. 22). Ему приписывается установление в Риме галликанского обычая рогаций — процессий, к-рые совершались в течение 3 дней до праздника Вознесения Господня (LP. T. 2. P. 12; обычай появился в Юж. Галлии ок. 470, утвержден I Аврелианским (Орлеанским) Собором 511 г.).

В годы понтификата Л. по его повелению в Риме был перестроен 21 храм и благоустроены 2 кладбища (катакомбы). Помимо расширения Латеранского дворца и украшения «confessio» ап. Петра Л. велел реконструировать баптистерий папы Дамаса I, перестроил и украсил базилику Св. Креста (Санта-Кроче), восстановил ц. святых Нерее и Ахиллея на Аппиевой дороге. Крупные строительные работы были проведены в комплексе Ватиканской базилики ап. Петра: воздвигнуты купальни для паломников и госпиталь св. Перегриния, восстановлены мон-ри св. Стефана и св. Мартина. Л. планировал построить стену для защиты Ватикана. 30 апр. — 1 мая 801 г. землетрясением была разрушена крыша базилики ап. Павла, к-рую Л. повелел восстановить. Он также распорядился снести ц. св. Сусанны, на месте которой построил значительно больший по размеру храм. Согласно т. н. каталогу дарений 807 г., Л. пожертвовал рим. храмам и мон-рям богослужебную утварь стоимостью, эквивалентной 22 100 фунтам серебра и 1446 фунтам золота (LP. T. 2. P. 18–25). Понтифик также вел строительство в Равенне, где по его указанию была восстановлена базилика св. Аполлинария, в Альбано он перестроил епископский дворец (*Ibid.* P. 31–32; *Agnel*. Lib. pont. eccl. Rav. 168).

В 815 г. был раскрыт новый заговор рим. знати против Л.; всех заговорщиков казнили (*Astronomus*. Vita Hludowici imperatoris. 25; *Annales Regni Francorum*. 815). Кровавая расправа вызвала негативную реакцию имп. Людовика Благочестивого, к-рый направил в Рим для вы-

яснения обстоятельств дела своего племянника кор. Бернарда. В окрестностях Рима вспыхнул ряд мятежей против Л., папские поместья были разграблены. На подавление беспорядков был направлен Винигиз, герц. Сполето. Вскоре Л. заболел и скончался, был погребен в базилике св. Петра. После 10-дневной вакации Папского престола понтификом был избран диак. Стефан, представитель знатного рим. рода (папа Римский Стефан IV (V)).

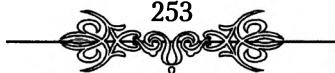
При папе Пасхалии II (1099–1118) останки Л. поместили в алтаре, посвященном свт. Льву I Великому. В 1673 г. декретом Конгрегации обрядов поминовение Л. 12 июня было внесено в Римский Мартиролог.

Помимо поэмы «Карл Великий и папа Лев» Л. посвящены 4 панегирика Алкуина и стихотворный пролог к поэтической версии Мученичества апостолов Петра и Павла, сохранившийся в 2 рукописях XI в. (BHL, N 6676; MGH. Poet. T. 6. Fasc. 1. P. 121–133).

Ист.: LP. T. 2. P. 1–48 (англ. пер.: *The Lives of the Eight-Century Popes (Liber Pontificalis)* / Transl. R. Davis. Liverpool, 2007². P. 170–227); *Jaffé*. RPR. T. 1. P. 307–316; MGH. Epp. T. 5. P. 58–68, 87–104; *ActaSS*. Iun. T. 2. P. 572–590; *Annales regni Francorum* / Ed. F. Kurze // MGH. Script. Rer. Germ. T. 6. P. 1–178; *Einhardi Vita Karoli Magni* / Ed. O. Holder-Egger // MGH. Script. Rer. Germ. T. 25. P. 1–41; *Divisio regnorum* // MGH. Capit. T. 1. P. 126–130; *Astronomus*. Vita Hludowici imperatoris / Hrg. E. Tremp // MGH. Script. Rer. Germ. T. 64. P. 279–555; *Theganus*. Gesta Hludowici imperatoris / Hrg. E. Tremp // *Ibid.* P. 162–259; *De Karolo rege et Leone papa* / Hrg. W. Hentze. Paderborn, 1999. 2 Bde.

Лит.: *Manitius M.* Das Epos «Karolus Magnus et Leo papa» // NA. 1883. Bd. 8. S. 9–45; *idem*. Zu dem Epos «Karolus Magnus et Leo papa» // *Ibid.* 1884. Bd. 9. S. 614–619; *Ausfeld E.* Zur Frage nach dem Verfasser des Epos «Carolus Magnus et Leo papa» // FzDG. 1883. Bd. 23. S. 609–615; *Waal A., de*. Ein Christusbild aus der Zeit Leos III. // RQS. 1889. Bd. 3. S. 386–389; *Hampe K.* Die Wiedereinsetzung des Königs Eardulf von Northumbrien durch Karl den Grossen und Papst Leo III. // DZGW. 1894. Bd. 11. S. 352–359; *David E.* Überreste des vatikanischen Trikliniums Leos III. im Campo Santo // RQS. 1923. Bd. 31. S. 139–150; *Hülsen Ch.* Osservazioni sulla biografia di Leone III nel Liber pontificalis // PARAR. Ser. 3. R., 1923. Vol. 1. P. 107–119; *Mann H. K.* The Lives of the Popes in the Early Middle Ages. L., 1925². Vol. 2. P. 1–110; *Amann É.* L'époque carolingienne. P., 1947. P. 153–203. (Histoire de l'Eglise; 6); *Ohnsorge W.* Die Konstantinische Schenkung, Leo III. und die Anfänge der kurialen römischen Kaiseridee // ZSRG.G. 1951. Bd. 68. S. 78–109; *idem*. Zur Frage der griechischen Abstammung des Papstes Leo III. // DA. 1967. Bd. 23. S. 188–190; *Adelson H., Baker R.* The Oath of Purgation of Pope Leo III in 800 // *Traditio*. N. Y., 1952. Vol. 8. P. 35–80; *Grierson Ph.* The Coronation of Charlemagne

and the Coinage of Pope Leo III // RBPB. 1952. T. 30. P. 825–833; *Wallach L.* The Genuine and the Forged Oath of Pope Leo III // *Traditio*. 1955. Vol. 11. P. 37–63; *idem*. The Roman Synod of December 800 and the Alleged Trial of Leo III // *HarvTR*. 1956. Vol. 49. P. 123–142; *Mohr W.* Karl der Grosse, Leo III. und der römische Aufstand von 799 // ALMA. 1960. T. 20. P. 39–98; *Mainka R.* Zum Brief des Patriarchen Nikephoros I. von Konstantinopel an Papst Leo III. // OS. 1964. Bd. 13. S. 273–281; *Davis-Weyer C.* Das Apsismosaik Leos III. in S. Susanna // ZfK. 1965. Bd. 28. S. 177–194; *Beck H.-G.* Die Herkunft des Papstes Leo III. // FMSt. 1969. Bd. 3. S. 131–137; *Peri V.* Leone III. e il «Filioque»: Ancora un falso e l'autentico simbolo romano // RSLR. 1970. Vol. 6. P. 266–297; *idem*. Il «Filioque» nel magistero di Adriano I e di Leone III // RSChIt. 1987. Vol. 41. P. 5–25; *Geertman H.* More Veterum: Il Liber Pontificalis e gli edifici ecclesiastici di Roma nella tarda antichità e nell'alto medioevo. Groningen, 1975; *Schaller D.* Das Aachener Epos für Karl den Kaiser // FMSt. 1976. Bd. 10. S. 134–168; *Kerner M.* Die Reinigungseid Leos III. vom Dezember 800: Die Frage seiner Echtheit und frühen kanonistischen Überlieferung: Eine Studie zum Problem der päpstlichen Immunität im früheren Mittelalter // Zschr. des Aachener Geschichtsvereins. 1977/1978. Bd. 84/85. S. 131–160; *Belting H.* Die beiden Palastaulen Leos III. im Lateran und die Entstehung einer päpstlichen Programmkunst // FMSt. 1978. Bd. 12. S. 55–83; *Borgolte M.* Papst Leo III., Karl der Grosse und der Filioque-Streit von Jerusalem // Byzantina. Thessal., 1980. T. 10. P. 403–427; *Hageneder O.* Das «crimen maiestatis», der Prozess gegen die Attentäter Papst Leos III. und die Kaiserkrönung Karls des Grossen // Aus Kirche und Reich: Studien zu Theologie, Politik und Recht im Mittelalter: FS f. F. Kempf / Hrg. H. Mordek. Sigmaringen, 1983. S. 55–79; *Noble T. F. X.* The Republic of St. Peter: The Birth of the Papal State, 680–825. Phil., 1984; *Classen P.* Karl der Grosse, das Papsttum und Byzanz: Die Begründung des karolingischen Kaisertums. Sigmaringen, 1985; *Phillips E.* A Note on the Gifts of Leo III to the Churches of Rome: «Vestes cum storiis» // EphLit. 1988. Vol. 102. P. 72–78; *Llewellyn P.* Le contexte romain du couronnement de Charlemagne: Le temps de l'Avent de l'année 800 // Le Moyen Âge. Brux., 1990. T. 96. P. 209–225; *Wisskirchen R.* Leo III. und die Mosaikprogramme von S. Apollinare in Classe in Ravenna und SS. Nereo ed Achilleo in Rom // JAC. 1991. Bd. 34. S. 139–151; *Calahan D. F.* The Problem of the «Filioque» and the Letter from the Pilgrim Monks of the Mount of Olives to Pope Leo III and Charlemagne: Is the Letter Another Forgery by Ademar of Chabannes? // RBen. 1992. T. 102. P. 75–134; *D'Angelo E.* Carlo Magno e Leone III: Osservazioni sullo «Aachener Karlsepos» // Quaderni medievali. Bari, 1993. Vol. 36. P. 53–72; *Hatlie P.* Theodore of Stoudios, Pope Leo III and the Joseph Affair (808–812): New Light on an Obscure Negotiation // OCP. 1995. Vol. 61. P. 407–424; *Herklotz I.* Francesco Barberini, Nicolò Alemanni, and the Lateran Triclinium of Leo III // *Memoirs of the American Academy in Rome*. 1995. Vol. 40. P. 175–196; *Bauer F. A.* Die Bau- und Stiftungspolitik der Päpste Hadrian I. (772–795) und Leo III. (795–816) // 799 – Kunst und Kultur der Karolingerzeit / Hrg. Ch. Stiegemann. Mainz, 1999. Tl. 3. S. 514–528; *Luchterhandt M.* Päpstlicher Palastbau und höfisches Zeremoniell

unter Leo III. // *Ibid.* S. 109–122; *Willeke M.* Karl der Grosse und Papst Leo III. in Paderborn // *Beiträge zur Lügder Geschichte.* 1999. Bd. 10. S. 100–130; *Brunhölzl F.* Über die Verse «De Karolo rege et Leone papa» // *Hist. Jb. Münch. etc.,* 2000. Bd. 120. S. 274–283; *Johannek P.* Die Sachsenkriege Karls des Grossen und der Besuch Papst Leos III. in Paderborn 799 im Gedächtnis der Nachwelt // *Westfälische Zschr. Paderborn.* 2000. Bd. 150. S. 211–233; *Gärtner Th.* Die Reaktion Karls des Grossen auf die Nachricht von der Verstümmelung des Papstes Leo III. // *Latomus.* Brux., 2001. Vol. 60. P. 992–999; *Fried J.* Papst Leo III. besucht Karl den Grossen in Paderborn oder Einhardts Schweigen // *Hist. Zschr.* 2001. Bd. 272. S. 281–326; *Becher M.* Die Kaiserkrönung im Jahr 800: Eine Streitfrage zwischen Karl dem Grossen und Papst Leo III. // *Rheinische Vierteljahrsblätter.* Bonn, 2002. Bd. 66. S. 1–38; *idem.* Die Reise Papst Leos III. zu Karl dem Grossen // *Am Vorabend der Kaiserkrönung* / Hrsg. P. Godman. B., 2002. S. 87–112; *Herbers K.* Das Bild Papst Leos III. in der Perspektive des Liber Pontificalis // *Erzbischof Arn von Salzburg* / Hrsg. M. Niederkorn-Bruck. W., 2004. S. 137–154; *Хэгерманн Д.* Карл Великий / Пер. с нем.: В. П. Котелкин. М., 2005; *Kraus Th. R.* Weihte Papst Leo III. die Aachener Marienkirche, die Kapelle zu Dirlau und die Kirche in Niederheimbach? // *Zschr. des Aachener Geschichtsvereins.* 2005/2006. Bd. 107/108. S. 91–121.

А. А. Ткаченко

ЛЕВ IV († 17.07.855, Рим), св. (пам. зап. 17 июля), папа Римский (с янв. 847). Основной источник сведений о деятельности Л.— *про странное жизнеописание*, сохранившееся в *Liber Pontificalis*; его автором был рим. клирик из окружения понтифика. В жизнеописании подробно повествуется о строительной деятельности папы, дарах и приношениях рим. церквям и мон-рям. Фрагменты посланий Л. сохранились в *Liber Pontificalis*, в актах Соборов, в письмах папы Римского *Николая I* (858–867), *Гинкмара*, архиеп. Реймского (845–882), в капитуляриях императоров Лотаря I (817–855) и Людовика II Итальянского (850–875). Нек-рые сведения о Л. содержатся в хрониках Пруденция, еп. Труа, Регинона Прюмского и др. франк. источниках.

Л. был уроженцем Рима; имя его отца Радоальда (Радвальда) указывает на его лангобардское происхождение. Получил образование в мон-ре св. Мартина, к-рый он восстановил после избрания на Папский престол. При папе *Григории IV* (827–844) был поставлен в субдиакона и получил работу в канцелярии Латеранского дворца. Папа Римский *Сергий II* (844–847) рукоположил его в кардинала-пресвитера рим. ц. Увенчанных мучеников. Впосл. Л. заново от-

Лев IV, папа Римский.
Гравюра из кн.: *Platina B. Historia.*
1626. P. 123 (РГБ)

строил обветшавший храм в честь мучеников, богато украсил его и сделал церкви щедрые пожертвования.

Избрание Л. на Папский престол состоялось вскоре после нападения сарацин, разоривших окрестности Рима (за пределами стены Аврелиана), Остию и Порто (846). Мусульмане разграбили множество церквей, в т. ч. Ватиканскую базилику св. ап. Петра и ц. св. ап. Павла на Остийской дороге. В условиях военной угрозы и политической нестабильности в Италии рим. духовенство и знать единогласно избрали Л. преемником Сергия II († 27 янв. 847)

Лев IV, папа Римский,
молится о прекращении пожаров.
Фрагмент росписи станцы дель
Инчендио ди Борго в Ватикане.
1514–1517 гг.
Худож. Рафаэль

и сразу же передали ему властные полномочия. 10 апр. состоялось епископское рукоположение Л. Однако Людовик Итальянский (с 844 король Италии) выразил протест, указав на то, что в соответствии с Римским уложением (*Constitutio Romanorum*; 824) избрание и рукополо-

жение понтифика могли совершаться только с согласия императора. Тем не менее имп. Лотарь I, по-видимому, признал избрание Л., о чем свидетельствует фрагмент послания понтифика к императору и его соправителю Людовику II от 850 г. (*Jaffé. RPR.* N 2652).

Первостепенной задачей нового папы стало восстановление обороноспособности Рима, подвергавшегося угрозе нападений сарацин. Между 848 и 852 гг. по указанию Л. были перестроены 15 башен стены Аврелиана; в нижнем течении Тибра были сооружены 2 башни, между которыми протягивали цепь, преграждавшую путь кораблям. Понтифик лично контролировал ход строительных работ. Во 2-й год понтификата Л. было решено обнести крепостными стенами Ватиканскую базилику св. ап. Петра. Папа Римский обратился за финансовой поддержкой к имп. Лотарю I, к-рый не только прислал ему значительные средства, но и убедил братьев — кор. зап. франков *Карла Лысого* (840–877) и кор. вост. франков Людовика II Немецкого (843–876) — оказать помощь понтифику (о том, что имп. Лотарь еще ранее намеревался восстановить рим. укрепления, упом. в капитулярии 846 г.). Средства поступали также в виде взносов и повинностей, которыми были обложены города, церкви и мон-ри Папской области. Новая крепость — «город Льва» (*civitas Leonina*) — имела 44 оборонительные башни и трое ворот, из к-рых самыми значительными были парадные ворота св. Пилигрима; высота стен составляла ок. 12 м. Освящение новой крепости состоялось 27 июня 852 г.

В 849 г., еще до завершения строительства, в Риме стало известно о флоте, собранном сарацинами в районе Толар (вероятно, о-в Таволара у сев.-вост. побережья Сардинии) с целью захватить Рим. Фактически независимые приморские города Юж. Италии (Неаполь, Амальфи и Гаэта) прислали для защиты Рима корабли под командованием неаполитанца Цезария. Сначала Л. подозревал, что Цезарий действовал в интересах К-поля, но вскоре убедился в беспочвенности подозрений и лично встретился с союзниками в Остии. На следующий день после возвращения понтифика в Рим сарацинский флот подошел к устью Тибра. В сражении обе сто-

роны понесли серьезные потери; араб. корабли были захвачены или уничтожены, римляне и их союзники взяли много пленных (некоторые из них были повешены в Остии, остальных отправили на строительные работы в Рим). В надписи, помещенной у ворот Св. ангела в стене «города Льва», упоминается об участии пленных сарацин в сооружении этих стен. Понтифик привлек к защите Рима корсиканцев, которые сражались с разрозненными бандами пиратов-сарацин, а ок. 850 г. предложили свою помощь папе. Л. поселил их в «городе Льва» и предоставил им поля, виноградники и пастбища со скотом за городом; это деяние было подтверждено императорами Лотарем I и Людовиком II.

Закончив строительство укрепления «города Льва», Л. велел восста-

новить укрепления Остии (работы начались еще при папе Римском Григории IV) и Порто. В Папской области при Л. были восстановлены укрепления Орты и Амелии, заново отстроена на новом месте Чивитавеккья, разоренная сарацинами в 812 г. (согласно Liber Pontificalis, место было указано папе ап. Петром, явившимся в одеянии военачальника; строительство укреплений завершено в 854).

Из церковного строительства в Риме следует упомянуть восстановление Ватиканской базилики св. ап. Петра. В жизнеописании подчеркивается, что Л. сделал ее еще величественнее, чем она была, установив в ней золотые светильники и серебряные ворота. На небольшой ц. св. Андрея, примыкавшей к базилике, были установлены новые колокола. Также Л. отстроил Латеранский дворец. При *Пасхалии I* (817–824) из дворца украли подаренный Карлом Великим папе Римскому *Льву III*

(795–816) золотой крест, украшенный драгоценными камнями, к-рый использовался в папских процессиях; Л. распорядился изготовить копию этого креста. Папа покровительствовал монахам и делал щедрые дары обителям в Ср. Италии, прежде всего монаху *Субиако* близ Ананьи, основанному свт. *Венедиктом Нурсийским*; в Субиако Л. возглавил освящение монастырского храма.

Взаимоотношения с правителями из династии *Каролингов* у папы складывались по-разному. Если отношения с имп. Лотарем I были хорошими, то с его сыном Людовиком II Итальянским они были натянутыми, хотя сторонам всегда удавалось достичь согласия. В 850 г. Л. помазал в Риме Людовика II императором и соправителем отца, Лотаря I. Также понтифик совершил помазание малолетнего *Альфреда Великого* (король Уэссекса в 871–899/

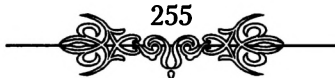
Битва при Остии.
Фрагмент росписи
станции дель Инчендио
ди Борго в Ватикане.
1514–1517 гг.
Худож. Рафаэль

901), посланного в Рим в 853 г. своим отцом кор. Этельвульфом. В сохранившемся фрагменте послания, адресованного Этельвулфу, Л. упоминал, что нарек Альфреда своим духовным чадом, предоставил ему титул и даровал почетное одеяние рим. консула.

В 850 г. в Риме состоялся Собор 75 епископов под председательством папы. На Соборе было принято решение о церковном отлучении *Анастасия Библиотекаря*, которого Л. приблизил к себе и в 847 (или 848) г. возвел в достоинство кардинала. Анастасий интриговал против папы и стал агентом имп. Людовика II. Поводом для отлучения Анастасия Библиотекаря стал тот факт, что он 2 года не посещал свою титульную церковь, а также пренебрег призывами явиться на Собор и дать отчет о своем поведении. Анастасий Библиотекарь бежал в Аквилею под защиту императора. Осуждение кардинала было подтверждено в Равенне 29 мая 853 г. на встрече Л. с имп. Людовиком II, а затем на Соборах в Риме 19 июня 853 (в при-

сутствии 56 епископов) и 8 дек. того же года (в присутствии 62 епископов, в т. ч. представителей императоров Лотаря I и Людовика II). Из 42 постановлений Римского Собора, заседавшего в дек. 853 г., 38 повторяют правила Собора 826 г., созванного папой *Евгением II* (824–827); они касаются дисциплинарных аспектов и вопросов обучения клириков. Собор подтвердил церковное отлучение Анастасия Библиотекаря; участники Собора пригрозили той же мерой тем, кто будут способствовать получению Анастасием епископского сана. Это решение должно было служить предостережением магнатам из имп. окружения, сочувствовавшим опальному кардиналу.

К нач. 50-х гг. IX в. относится конфликт Л. с магистром армии Грацианом, который захватывал церковные владения и грабил направлявшихся в Рим паломников. Более значительным был конфликт с архиеп. Равенны Иоанном VII (850–878) и его братом Георгием (в более поздних источниках — Григорий), которого имп. Людовик II назначил герцогом Эмиллии. При поддержке брата архиеп. Иоанн VII захватил некоторые владения Римской Церкви на территории бывш. Равеннского Экзархата, а его сторонники, представители знати Петр и Адриан, даже напали на папских легатов, направлявшихся ко двору имп. Лотаря I. Папа резонно полагал, что подобные деяния совершались при поущении имп. Людовика II, который в отличие от отца непосредственно контролировал положение дел в Италии. Накануне Пасхи 853 г. Л. отправился в Равенну, чтобы встретиться с императором, согласившимся передать ему Петра и Адриана для проведения судебного разбирательства. Они были приговорены к смертной казни, но обратились с апелляцией к императору и были помилованы. Папа остался недоволен. Тогда Людовик II предложил отправить их в Рим и судить там, что еще больше обеспокоило Л., т. к. появление этих в людей в Риме, по его словам, могло нарушить порядок в городе и подвергнуть опасности жизнь понтифика; в результате дело так и не было решено. Что касается архиеп. Иоанна Равеннского и герц. Георгия, то они избежали судебного преследования.

В 1-й год понтификата Л. послал паллий архиеп. Гинкмару Реймскому; об этом ходатайствовал имп. Лотарь I. В 845 г. по указанию кор. зап. франков Карла Лысого Гинкмар получил Реймскую кафедру и был назначен примасом Франкской Церкви при жизни своего предшественника *Эббона*, который за участие в мятеже против имп. Людовика Благочестивого был низложен (835), но добился восстановления в сане (840–841), а в 841 г. был вынужден бежать от Карла Лысого, хотя формально оставался архиепископом Реймса до 845 г. Только после того, как Гинкмар был утвержден на Реймской кафедре папой Римским Сергием II (844–847), Эббон отказался от своих претензий; Людовик Немецкий предоставил ему еп-ство Хильдесхайм. Гинкмар отказался признать законность рукоположения неск. клириков своего архиеп-ства, возведенных в сан Эббоном в 840–845 гг. Клирики обращались с апелляциями к ряду Соборов в Западнофранкском королевстве, но Собор в Суасоне вынес решение в пользу Гинкмара Реймского. Вопреки просьбе Гинкмара Л. отказался утвердить решения Суасонского Собора, на к-ром не присутствовали представители папы и акты к-рого не были отправлены в Рим для утверждения. Указывая на то, что клирик Вульфад подал апелляцию к Папскому престолу, в июле 853 г. Л. посоветовал Гинкмару созвать новый Собор, в работе которого должен был принять участие папский легат Петр, еп. Сполето. Этот Собор не состоялся, поэтому дело рассматривалось еще неск. раз, при *Бенедикте III* (855–858) и *Николае I* (858–867).

Сохраняя лояльность к Каролингам, Л. не назначал епископов на кафедры, расположенные за пределами Папской области, без согласия императоров Лотаря I и Людовика II: так, диак. Колон был поставлен епископом Риети только после одобрения императором. Тем не менее Л. отказал имп. Лотарю I в просьбе даровать паллий Алетею, еп. Отёна. О взаимоотношениях с др. представителями династии Каролингов известно меньше. Л. пытался сохранить дружественные отношения с Карлом Лысым. Сохранился фрагмент адресованного ему папского послания, где говорится о необходимости заботы о церквях

(*Jaffé. RPR. N 2625*). В вопросе о бретонских епископах, обвиненных правителем Бретани Номиноэ в *симонии*, понтифик занимал двойственную позицию. Номиноэ стал фактически независимым властителем Бретани и попытался создать самостоятельную церковную организацию, не связанную с франк. митрополией, находившейся в Туре (см. ст. *Доль*). Правитель нашел союзника в лице аббата бретонского мон-ря Редон св. *Конвойона*, ревнителя благочестия и церковной дисциплины. В 848 г. Конвойон обвинил 4 епископов Бретани, поставленных Турским архиеп. Ландрамном, в симонии. Обвиненные заявили о своем намерении защищаться перед Папским престолом; 2 епископа направились в Рим, куда прибыл и св. Конвойон в качестве обвинителя. Л. признал, что епископы были виновны в симонии, но не стал низлагать их. В послании епископам Бретани (848) он оставил этот вопрос на их усмотрение, в то же время отказавшись принимать апелляции по этому делу. Понтифик указал на неканоничные обычаи, распространенные в Бретани, напр. на решение церковных споров и выборы клириков по жребию. Номиноэ низложил уличенных в симонии епископов и поставил на их место своих людей, основав в Бретани 3 новые кафедры, в т. ч. *Доль*, провозгласив ее митрополией Бретани. Вскоре он изгнал из Нанта франк. еп. Актарда. Эти действия Номиноэ вызвали недовольство папы; Л. поддержал решение Парижского Собора (849) и адресованный Номиноэ протест 4 митрополитов Нейстрии — Ландрамна, архиеп. Турского, Гинкмара, архиеп. Реймского, Павла, архиеп. Руанского, и Венилона, архиеп. Санского (*Jaffé. RPR. N 2599–2600*).

Контакты с Византией в понтификат Л. были довольно малочисленны, что объясняется политикой недоверия, к-рую имп. Людовик II проводил в отношении правительства имп. *Михаила III* (842–867) и его матери св. имп. *Феодоры* (842–856). Незадолго до кончины Л. в Риме разгорелся скандал, связанный с «греческим разговором». Магистр армии Даниил донес имп. Людовику II на Грациана, названного в *Liber Pontificalis* одним из знатнейших римлян, советником папы и управляющим Латеранским дворцом, который якобы собирался за-

Лев IV, папа Римский,
в сцене «Вознесение».
Фрагмент росписи
нижней ц. Сан-Клементе в Риме.
847–855 гг.

ключить союз с Византией и выйти из подчинения императорам Запада. Людовик II без предупреждения прибыл в Рим и настоял на проведении совместного с Л. судебного заседания, где была доказана невиновность Грациана; магистра Даниила спасло от ответственности за клевету заступничество императора. Тем не менее Л. поддерживал переписку с признававшими власть Византии правителями Юж. Италии и Сардинии.

При Л. обозначился конфликт между Римом и К-полем, вылившийся позже в *Фотрианскую схизму*. Осложнение отношений с К-польским патриархом свт. *Игнатием* (847–858, 867–877) началось сразу после восшествия Л. на Папский престол. Вместе с поздравительной синодикой свт. Игнатий послал в Рим паллий (*pallium superhumerae*). Л. счел это оскорблением и ответил Игнатию, что Римский понтифик дарует паллий, но не принимает его от др. епископов. Позднее Сиракузский митр. *Григорий Асвеста*, бежавший от сарацин и проживавший в К-поле, вызвал неудовольствие патриарха Игнатия и был низложен на К-польском Соборе 852 или 853 г. По свидетельству *Стилиана*, митр. Неокесарийского, Григорий и некие клирики пожаловались Л. на действия патриарха. Однако свт. Игнатий послал в Рим мон. Лазаря, имевшего репутацию исповедника за почитание икон при иконоборцах, который доказал понтифику справедливость решения, принятого К-польским патриархом. В действительности Лазарь скорее всего прибыл в Рим уже после кончины Л. и избрания *Бенедикта III*. Кроме

того, папа Николай I в послании визант. имп. Михаилу III (март 862) утверждал, что к Папскому престолу обратился не Григорий Асвеста, а патриарх Игнатий, к-рый попросил Л. утвердить вынесенный им приговор. Но Л. и его преемник Бенедикт III отказались сделать это, сославшись на то, что им было необходимо выслушать противоположную сторону (*Nicol. Magn. Ep. 85*). В сохранившемся фрагменте послания, адресованного свт. Игнатию (кон. 854?), Л. упрекал патриарха в произволе: созыве Собора и низложении епископов без ведома папы Римского. Вероятно получив это письмо, свт. Игнатий послал в Рим мон. Лазаря, чтобы объяснить свою позицию. Впосл. папа Бенедикт III оставил митр. Григория Асвесту под подозрением, но не утвердил и патриаршее решение о его низложении.

Л. был погребен в Ватиканской базилике св. Петра. День его памяти внесен в Римский мартиролог. В *Liber Pontificalis* папа представлен как чудотворец. С помощью крестного знамени он остановил пожар, начавшийся в англосакс. квартале в «городе Льва». Л. приписывается также изгнание василиска, обитавшего в пещерах близ ц. св. Луции в Орфее (ныне Санта-Лучия-ин-Сельчи), который убивал людей и скот смертоносным дыханием. В день Вознесения Пресв. Богородицы Л. прибыл к логову чудовища в сопровождении клириков, которые исполняли священные песнопения и несли изображения Христа. После молитвы Л. василиск исчез и более не появлялся в Риме. Сходная легенда была связана с папой Римским Сильвестром I (314–335), который якобы уничтожил дракона, обитавшего в пещерах Тарпейской скалы. Возможно, предание об изгнании василиска было связано с учреждением процессии к ц. св. Луции по указанию Л. (в годы его понтификата Вознесение Пресв. Богородицы в Риме стали праздновать с октавой; на связь Л. с этим установлением указывает фреска в базилике Сан-Клементе: на ней папа изображен вместе со св. Витом перед пещерой, где была погребена Пресв. Богородица; фреска выполнена по указанию пресв. Льва, к-рого можно отождествить с Л.).

Понтифик установил обычай совершать вечерню в базилике св. Пав-

ла 30 июня в присутствии всего рим. духовенства. Он уделял внимание распространению рим. (григорианского) пения, в пренебрежении которым он упрекал Гонората, аббата Фарфы. Автор жизнеописания папы также подчеркивал проповеднический талант Л. Однако приписываемые ему гомилии принадлежат Ратхеру Веронскому; из гомилетического наследия Л. ничего не сохранилось. При папе *Пасхалии II* (1099–1118) мощи Л. вместе с мощами Римских пап *Льва II* (682–683) и *Льва III* (795–816) были перенесены в ораторий при базилике св. Петра. Согласно распространенной в средние века легенде, мифическая *Иоанна Панесса* была преемницей Л., который якобы и приблизил ее к себе.

Ист.: ActaSS. Iul. T. 4. P. 302–326; *Mansi*. T. 14. Col. 853–1052; LP. T. 2. P. 106–139, 148; MGH. Epist. T. 3. P. 585–612; MartRom. Comment. P. 292–293.

Лит.: *Duchesne L. Les premiers temps d'État pontifical*. P., 1898. P. 216–228; *Hefele, Leclercq. Hist. des Conciles*. T. 4. Pt. 1. P. 187–196; *Mann H. K. The Lives of the Popes in the Early Middle Ages*. L., 1925². Vol. 2. P. 258–307; *Brezzi P. Roma e l'Impero medioevale (774–1252)*. Bologna, 1947. P. 52–60; *Scheiger G. Leon IV // LTK*. Bd. 6. Sp. 948; *Prandi A. Un'iscrizione di Leone IV recentemente scoperta // SRStPA*. 1951. T. 74. P. 149–159; *Voccanera G. Leo IV // BiblSS*. Vol. 7. Col. 1989–1993; *Belli Barsali I. Sulla topografia di Roma in periodo carolingio: La «civitas leoniana» e la Giovannipoli // Roma e l'età carolingia: Atti d. giornate di studio 3–8 maggio 1976 a cura d. Istituto de storia dell'arte dell'Università di Roma*. R., 1976. P. 201–214; *Bougard Fr. Léon IV // Dictionnaire hist. le la papauté / Éd. Ph. Levillain*. P., 1994. P. 1022–1023; *Davis R. The Lives of the Ninth Century Popes (Liber Pontificalis): The Ancient Biographies of Ten Popes from AD 817–891*. Liverpool, 1995. P. 99–110, 111–159; *Herbers K. Leo IV. und das Papsttum in der Mitte des 9. Jh.: Möglichkeiten und Grenzen päpstlicher Herrschaft in der späten Karolingerzeit*. Stuttg., 1996; *Marazzi F. Leone IV, santo // Enciclopedia dei papi*. R., 2000. Vol. 1. P. 723–730.

Д. В. Зайцев

ЛЕВ V († между 903 и 905), папа Римский (с июля 903). Сведения о Л. содержатся в краткой биографической заметке в *Liber Pontificalis*, в поэме каноника Флодоарда Реймского «Победы Христа в Италии», а также в полемических трактатах южноитал. (возможно, неаполитанских) авторов нач. X в. Ауксилиан «В защиту рукоположений папы Формоза» и Евгения Вульгария «Книжица о деле Формоза» (см.: *Dümmeler*. 1866. S. 60, 135; *Gnocchi*. 1995). По-видимому, Л. был пресвитером в сел. Приапи близ г. Ардеа

(ок. 35 км к югу от Рима). Церковная жизнь в Риме в нач. X в. была сопряжена с длительным конфликтом по поводу законности избрания папы *Формоза* (891–896), посмертно осужденного по инициативе папы Стефана VI (VII) (896–897). Вероятно, Л. принадлежал к сторонникам Формоза, т. к. Ауксилиан называл его «мужем приятной Господу жизни и святости» (*Dümmeler*. 1866. S. 60). Вскоре после избрания Л. на Папский престол (согласно Ауксилию — через 30 дней, согласно ранним перечням Римских пап — через 57 дней) его сверг рим. пресв. Хрис-

Лев V, папа Римский.

Гравюра из кн.: *Platina B. Historia*. 1626. P. 139 (РГБ)

тофор (см. *Христофор*, антипапа). Л. был заключен в тюрьму и вскоре скончался (по др. версии, он ум. в понтификат *Сергия III* (904–911)). Насколько можно судить по немногочисленным источникам, Христофор также был сторонником Формоза, поэтому оппозиция Л. могла быть связана с его нерим. происхождением. Л. приписываются несохранившиеся грамоты, изданные в пользу соборного капитула Болоньи, аббатства Райхенау, и подтверждение архиепископского статуса Миланской кафедры, но достоверность этих сведений сомнительна.

Возможно, на основании сообщения *Liber Pontificalis* о том, что Л. был «чужаком» для римлян (*forensis*), автор *Жития бретонского св. Тутгуала* (VI в.?), составленного во 2-й пол. XI в. (VHL, N 8351), включил в свое сочинение рассказ о том, как Тутгуал, прибывший в Рим как паломник, был избран папой Римским под именем Лев Бретонец (*Leone Britigenam nominat*). Через 2 года по воле Бога он сложил с себя обязанности понтифика и вернулся в Бретань, где основал епископскую кафедру в г. Трегье (совр. деп.

Кот-д'Армор) (*La Borderie*. 1887. P. 16–17; о датировке Жития см.: *Guillotel*. 1992. P. 220). По-видимому, эта легенда была призвана обосновать притязания епископов Трегье на первенство среди бретонских епископов (*Merdrignac*. 2014).

Ист.: *Jaffé*. RPR. N 3531a; LP. T. 2. P. 234; *Floodoardus*. De Christi triumphis apud Italiam. IV 8 // PL. 135. Col. 831; *Dümmeler* E. Auxilius und Vulgarius: Quellen und Forschungen zur Geschichte des Papsttums im Anfange des 10. Jh. Lpz., 1866; *La Borderie* A., de. Les trois Vies anciennes de S. Tудуал: Texte latin et comment. historique. P., 1887.

Лит.: *Barthélemy* A., de. Les reliques de S. Tудуал, évêque de Tréguier // Rev. de Bretagne, de Vendée et d'Anjou. P. etc., 1901. T. 25. P. 401–413; *Guillotel* H. Le dossier hagiographique de l'érection du siège de Tréguier // Bretagne et pays celtiques: Langues, histoire, civilisation: Mélanges offerts à la mémoire de L. Fleuriot. St.-Brieuc; Rennes, 1992. P. 213–226; *Herbers* K. Léon V // Dictionnaire hist. de la papauté / Éd. Ph. Levillain. P., 1994. P. 1023; *Gnocchi* C. Ausilio e Vulgario: L'eco della «questione formosiana» in area napoletana // MEFR. MA. 1995. T. 107. N 1. P. 65–75; *Longo* U. Leone V // Enciclopedia dei papi. R., 2000. T. 2. P. 59–60; *Merdrignac* B. La «renonciation» de Tудуал Pabu au siège pontifical // Sainteté, pouvoirs, cultures et aventures océanes en Bretagne(s): Mélanges en l'honneur de J.-Ch. Cassard / Éd. Y. Coativy et al. Morlaix, 2014.

С. Г. Мереминский

ЛЕВ VI († дек. 928 или янв. 929), папа Римский (с мая или июня 928). Основные источники сведений о Л. — краткая биографическая заметка в *Liber Pontificalis* и поэма Флодоарда Реймского «Победы Христа в Италии». Л. происходил из знатной рим. семьи. Его отец, папский нотариус и примицерий Христофор, вероят-

Лев VI, папа Римский.

Гравюра из кн.: *Platina* B. *Historia*. 1626. P. 142 (РГБ)

но, входил в окружение папы Римского *Иоанна VIII* (872–882) и был среди оппонентов еп. *Формоза* (папа Римский в 891–896). Нет сведений о том, когда Л. родился (в 928 он был уже пожилым человеком)

и когда он был возведен в кардинальское достоинство (ко времени избрания был кардиналом-пресвитером титула Санта-Сусанна). В мае или июне 928 г. влиятельная рим. «сенатрисса» Марозия, вдова герц. Альберика I Сполетского, вступив в конфликт с папой *Иоанном X* (914–928), сместила его и заключила под стражу. Вскоре она объявила о смерти понтифика и добилась избрания нового папы, престарелого Л.

Единственный документ, сохранившийся от понтификата Л., — папское послание *Формину*, еп. *Зада*ра (совр. Хорватия), *Григорию*, еп. *Нина* (там же), и другим прелатам Далмации. Архиепископ Сплита получил *паллий* и был наделен правами митрополита Далмации, другие епископы должны были подчиняться ему и не пытаться расширить границы диоцезов. Нинская кафедра упраздняялась, занимавший ее еп. *Григорий* должен был перейти на кафедру *Скрадина*. Т. о., Л. утвердил решения Сплитского Собора, созванного в 928 г. папским легатом еп. *Мадальбертом* (подробнее см. в ст. *Иоанн X*).

Понтификат Л. продолжался 6 или 7 месяцев. Понтифик был похоронен, вероятно, в Ватиканской базилике св. Петра. В лит-ре встречается утверждение, что он был убит по приказу Марозии, желавшей посадить на Папский престол своего сына (см. ст. *Иоанн XI*), но это не подтверждается источниками.

Ист.: *Floodoardus*. De Christi triumphis apud Italiam // PL. 135. Col. 832; LP. T. 2. P. 242; *Jaffé*. RPR. N 3579; Papsturkunden, 896–1046 / Hrsg. H. Zimmermann. W., 1988². Bd. 1. S. 99–100.

Лит.: *Böhmer*. Reg. Imp. 1969. Bd. 2/5: Papstregesten, 911–1024. S. 28–29; *Piazoni* A. M. Biografie dei papi del sec. X nelle continuazioni del Liber pontificalis // Mittellateinisches Jb. Stuttg., 1989/1990. Bd. 24/25. S. 369–382; *idem*. Leone V // Enciclopedia dei papi. R., 2000. Vol. 2. P. 68–70; *Zimmermann* H. Léon VI // Dictionnaire hist. de la papauté / Éd. Ph. Levillain. P., 1994. P. 1023.

С. Г. Мереминский

ЛЕВ VII († 13.07.939, Рим), папа Римский (с нач. янв. 936). Происходил из Рима, ко времени избрания на Папский престол был кардиналом-пресвитером титула св. Сикста. Л. стал папой Римским при поддержке патриция и сенатора Альберика II, который в 932 г. поднял мятеж против матери, рим. «сенатриссы» Марозии, и ее 2-го мужа, кор. Италии *Гуго Арльского*. Став

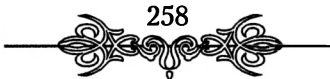

Лев VII, папа Римский.

Гравюра из кн.: *Platina* B. *Historia*. 1626. P. 143 (РГБ)

полновластным правителем Рима, Альберик II заключил Марозию и брата, папу Римского *Иоанна XI* (931–936), в темницу. После кончины понтифика на Папский престол был возведен Л., сторонник Альберика, именовавший его «любезным духовным сыном... славным государем и сенатором» (*dilectus spiritualis filius Albericus, gloriosus princeps et senator*). По инициативе Альберика Л. пригласил в Рим св. *Одона*, аббата мон-ря *Клюни*, который выступил посредником в переговорах с кор. *Гуго*, осаждавшим город. После успешного для Альберика завершения переговоров (мир был закреплен браком рим. правителя и *Альды*, дочери кор. *Гуго*) аббат *Одон* занимался восстановлением дисциплины в мон-рях Рима и окрестностей (подробнее см. в ст. *Клюнийская конгрегация*).

Исходя из того что в посланиях Л. неоднократно упоминается св. *Бенедикт*, а в *Хронике Флодоарда Реймского* понтифик назван «рабом Божиим» (*servus Dei*), высказывалось предположение о том, что до избрания на Папский престол Л. был монахом. Косвенный аргумент в пользу этой гипотезы — сотрудничество Л. и Альберика II в реформе монашества, которая была основным направлением деятельности понтифика. Под управление *Одона Клюнийского* был передан бенедиктинский мон-рь при базилике Сан-Паоло-фуори-ле-Мура. Л. оказывал покровительство монастырям св. *Эразма* на *Целии* и св. *Григория* на *Марсовом поле*, а также аббату *Субиако*, восстановленному на средства Альберика II и ставшему одним из крупнейших землевладельцев *Лация* (*Partner*. 1972. P. 85). Поддержка, которую понтифик ока-

зывает центрам монашеской реформы, способствовала укреплению авторитета Папского престола за пределами Италии. В янв. 938 г. Л. подтвердил привилегии, дарованные папой Иоанном XI аббатствам Клуни и Деоль, в т. ч. право на свободные выборы аббата и независимость от любых церковных и светских властей (эти монастыри непосредственно подчинялись Папскому престолу). Понтифик подтвердил правовые и имущественные привилегии монастырей *Горце*, Риполь, *Флэри* и *Фульда*. В послании Гуго Великому, герц. франков и светскому аббату монастыря св. Мартина в Туре, Л. напомнил о запрете допускать женщин на территорию обители (янв. 938).

Понтифик уделял особое внимание положению Церкви на герм. землях. Он назначил Фридриха, архиеп. Майнца (937–954), легатом и апостольским викарием в Германии, указав на то, что подобными привилегиями обладал его предшественник св. *Бонифаций*. Архиепископ должен был следить за поведением прелатов и клириков и при необходимости возвращать их «на путь истины» (*ad viam veritatis reducere*). Отвечая на вопрос архиеп. Фридриха о возможности насильственного крещения иудеев, Л. запретил это делать, но признал допустимым изгнание из городов тех иудеев, к-рые отказывались принимать крещение (*Jaffé. RPR. N 3613*). Понтифик даровал *паллий* Адальдагу, архиеп. Гамбурга и Бремена (937–988), канцлеру кор. Оттона I. Ему приписывается грамота (скорее всего подложная) Герхарду, еп. Пассау, который назван в документе архиепископом Лорха (известна другая поддельная грамота этому епископу, составленная от имени папы *Аганита II – Jaffé. RPR. N 3644*).

Флодоард Реймский, посетивший Рим в 936 г., упоминал о встрече с Л. в поэме «Победы Христа в Италии». Он описывал понтифика как мудрого и благочестивого человека, «преданного усердным молитвам, благородного обликом, приятного в беседе, разумного и со спокойной речью» (*Deditus assiduis precibus, speculamine celsus, / Affatu laetus, sapiens, atque ore serenus*).

Соч.: *Jaffé. RPR. N 3596–3615; PL. 132. Col. 1065–1088; Böhmer. Reg. Imp. 1969. Bd. 2/5: Papstregesten, 911–1024. S. 46–60;*

Papsturkunden, 896–1046 / Hrsg. H. Zimmermann. W., 1988². Bd. 1. S. 115–165.

Ист.: *LP. T. 2. P. 244; Flodoardus. De Christi triumphis apud Italiam. XII 7 // PL. 135. Col. 735; idem. Annales // MGH. SS. T. 3. P. 383 (рус. пер.: Флодоард. Анналы // Рухер Реймский. История. М., 1997. С. 193); Vita S. Odonis // PL. 133. Col. 64–66.*

Лит.: *Mann H. K. The Lives of the Popes in the Early Middle Ages. L., 1925². Vol. 4. P. 205–207; Antonelli G. L'opera di Oddone di Cluny in Italia // Benedictina. R., 1950. Vol. 4. P. 19–40; Arnaldi G. Il biografo «romano» di Oddone di Cluny // BISI. 1959. Vol. 71. P. 19–37; Hamilton B. The Monastic Revival in Xth-Cent. Rome // StMon. 1962. Vol. 4. P. 35–68; Zimmermann H. Das dunkle Jahrhundert. Graz etc., 1971. S. 88–90, 114; idem. Rechtstradition in Papsturkunden // Im Bann des Mittelalters. Sigmaringen, 1986. S. 184–199; idem. Leo VII // BBKL. Bd. 4. Sp. 1441–1442; idem. Leo VII // LexMA. Bd. 5. Sp. 1879; idem. Léon VII // Dictionnaire hist. de la papauté / Éd. Ph. LeVillain. P., 1994. P. 1023–1024; Partner P. The Lands of St. Peter: The Papal State in the Middle Ages and the Early Renaissance. Berkeley; Los Ang., 1972. P. 84–86; Lotter F. Der Brief des Priesters Gerhard an den Erzbischof Friedrich von Mainz. Sigmaringen, 1975; Piazzoni A. M. Biografie dei papi del sec. X nelle continuazioni del Liber pontificalis // Mittellateinisches Jb. Stuttg., 1989/1990. Bd. 24/25. S. 369–382; idem. Leone VII // Enciclopedia dei Papi. R., 2000. Vol. 2. P. 72–74; Kelly J. N. D., Walsh M. Oxford Dictionary of Popes. Oxf., 2010². P. 123.*

А. В. Русанов

ЛЕВ VIII († 1.03.965, Рим), папа Римский (4 дек. 963 – 22 мая 964, 23 июня 964 – 1 марта 965). Сведения о Л. содержатся в *Liber Pontificalis*, а также в «*Historia Ottonis*»

*Лев VIII, папа Римский.
Гравюра из кн.: Platina V. Historia.
1626. P. 146 (РГБ)*

(История императора Оттона I) Литупранда Кремонского, в продолжении «Хроники» Регинона Прюмского, написанном Адальбертом Магдебургским, и в «Хронике» Бенедикта Сорактского. Л. род. в Риме. Его отец Иоанн был протоскриниарием Римской Церкви (т. е. главой скриния – папской канцелярии и архива). Л. накануне избрания на Пап-

ский престол занимал эту же должность и был мирянином. Избран папой на Соборе в Риме, который был проведен по инициативе имп. *Оттона I* (962–973). Собор заочно низложил папу *Иоанна XII* (955–963), поддерживавшего противников императора, бывш. кор. Италии Беренгария II Иврейского и его сына Адальберта II (правили совместно в 950–964). 6 дек. 963 г. при участии епископов Остии, Порто и Альбано Л. вопреки канонам за 1 день последовательно был посвящен во все церковные чины и рукоположен во епископа Римского.

Почти весь понтификат Л. прошел в борьбе с теми, кто оспаривали его право занимать Папский престол. Иоанн XII побуждал римлян выступить против Оттона I и свергнуть Л. В февр. 964 г., после того как император с армией покинул Рим, Л. был изгнан из города и бежал в лагерь Оттона I в Умбрии. 26–28 февр. 964 г. Иоанн XII провел в Риме Собор, признавший незаконными его низложение и избрание Л., а также отменивший все распоряжения Л.; епископы Порто и Альбано, участвовавшие в поставлении Л., раскаялись и получили прощение, епископ Остии был заочно осужден. После Пасхи (3 апр. 964) имп. Оттон I вместе со Л. выступил в поход на Рим, Иоанн XII вновь бежал из города.

После внезапной смерти Иоанна XII (14 мая 964) на Папский престол был избран *Бенедикт V* (22 мая 964). Войска имп. Оттона I осадили и взяли Рим, Бенедикт V был схвачен и выдан императору. 23 июня 964 г. состоялся Собор, в присутствии Оттона I восстановивший Л. на Папском престоле. Бенедикт V, избрание которого признали незаконным, был низложен и приговорен к ссылке в Германию; Л. лично принимал участие в процедуре его низложения. После Собора имп. Оттон I вновь покинул Рим.

Почти нет сведений о дальнейшей деятельности Л.; сохранились лишь отдельные привилегии, дарованные им мон-рям. Л. приписывали 3 подложных документа, созданные веком позже в ходе борьбы за *инвеституру* в кругу итал. сторонников герм. кор. *Генриха IV* (1056–1106; император с 1084), – «*Privilegium minus*» и «*Privilegium maius*», согласно которым папа уступал императору право избрания понтифика и светской инвеституры епископов

прежде их церковного поставления, а также «Cessatio donationum», где Л. якобы отказывался в пользу имп. Оттона I, его жены Адельгейды и их наследников от всех дарений, которые папы получали от прежних королей и императоров. По-видимому, эти документы приписывались именно Л. потому, что он был известен как последовательный привереженец императора.

Легитимность избрания Л. на Папский престол ставится под вопрос до наст. времени; при Иоанне XII и Бенедикте V он рассматривался как антипапа. Одним из главных аргументов против каноничности избрания Л. являлось низложение его предшественника, осуществленное по инициативе императора; еще во время конфликта между папой Римским *Симмахом* (498–514) и антипапой *Лаврентием* (498–499, 502–506) право светского правителя судить понтифика было поставлено под сомнение. Однако тот факт, что следующий папа по имени Лев получил порядковый номер IX, показывает, что Л. признавался законным епископом Римским. Благодаря проимператорски настроенным историографам в источниках закрепился образ Л. как благочестивого понтифика, с избранием которого окончился период т. н. порнокрации.

Ист.: L.P. T. 2. P. 246–250; *Jaffé*. RPR. Vol. 1. N 329–380; *Johannis XII Synodus Romana* // MGH. Const. T. 1. P. 532–536; *Leonis VIII Papae Privilegia spuria* // *Ibid.* P. 663–678; *Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi*, 963–965 // MGH. Sript. Rer. Germ. T. 50. P. 173–176; *Benedetto di S. Andrea del Soratte*. Chronicon. 36–39 / A cura di G. Zucchetti. R., 1920. P. 178–184. (Fonti per la Storia d'Italia; 55); *Liutprandus Cremonensis*. Historia Ottonis. VI 16–22 // *Idem*. Opera omnia / A cura di P. Chiesa. Turnhout, 1998. P. 172, 180–183. (CCCM; 156); *Böhmer*. Reg. Imp. 1969. Bd. 2/5: Papstregesten, 911–1024. S. 129–150; *Papsturkunden*, 896–1046 / Bearb. H. Zimmermann. W., 1988. Bd. 1: (896–996). S. 294–333.

Лит.: *Mann H. C.* The Lives of the Popes in the Early Middle Ages. L., 1910. Vol. 4. P. 260–281; *Duchesne L.* Les premiers temps de l'État pontifical. P., 1911³. P. 341–349; *Ullmann W.* The Growth of Papal Government in the Middle Ages. L., 1970. P. 352–358; *Robinson I. S.* Zur Entstehung des Privilegium Maius Leonis VIII papae // DA. 1982. Bd. 38. S. 26–65; *Wolter H.* Die Synoden im Reichsgebiet und in Reichsitalien von 916 bis 1056. Paderborn etc., 1988. S. 79–86; *Zimmermann H.* Leo VIII. // BVKL. Bd. 4. Sp. 1442–1443; *Piazzoni A.* Leone VIII // Enciclopedia dei Papi. R., 2000. Vol. 2. P. 83–84; *idem*. Leone VIII, papa // DBI. 2005. Vol. 64. P. 506–507.

А. С. Ануфриева

ЛЕВ IX (21.06.1002 – 19.04.1054; до избрания папой – Бруно из Эгсхайма), св. (пам. зап. 19 апр.), папа Римский (с 2 февр. 1049).

Источники. О деятельности Л. сообщается в сочинениях авторов 2-й пол. XI в., многие из к-рых знали его лично. Самое подробное жизнеписание понтифика, т. н. Тульское Жи-

Лев IX, папа Римский.
Гравюра из кн.: Platina V. Historia.
1626. P. 159 (РГБ)

тие (BNL, N 4818), ранее приписывалось архидиак. Виберту (атрибуция иезуита Жака Сирмона, подготовившего 1-е издание текста (Париж, 1615)), к-рый, как полагали болландист Г. Хенскенс и Ж. *Мабильон*, жил в г. Туль. В одной из ранних рукописей Жития говорится, что оно было «написано в Риме архиепископом Гумбертом» (Bern. Burgerbibl. 24, кон. XI в.; см.: *Brucker*. 1889. Vol. 1. P. 367–371; *Tritz*. 1952. P. 196–197). Возникло предположение, что в работе над Житием принимал участие кард. *Гумберт*, приближенный Л., но в посл. оно было отвергнуто. В наст. время считается, что неизвестный по имени автор Жития трудился в Лотарингии, скорее всего в Туле (в аббатстве Сент-Эвр или в соборном капитуле). Согласно «Деяниям Тульских епископов» (нач. XII в.), текст Жития в посл. хранился в мон-ре Сент-Эвр (*Gesta episcoporum Tullensium*. 38 // MGH. SS. T. 8. P. 644). Автор приступил к работе при жизни Л., между дек. 1048 и авг. 1051 г. Первоначально он намеревался рассказать о деятельности Л. до избрания на Папский престол, но впоследствии добавил к сочинению 2-ю книгу, в которой повествуется о его понтификате. Труд был завершен до кончины папы *Николая II* (1058–1061). Составитель Жития был знаком с Л. в годы его пребывания на Тульской кафедре (1026–1051). Он также опирался на рассказы оче-

видцев, в основном прелатов и клириков из Германии и Лотарингии. Повествуя о событиях, происходивших в Италии (напр., о переговорах понтифика с византийцами и его конфликте с норманнами), автор Жития использовал письменные источники, среди которых был т. н. письмовник кард. Гумберта. Он разделял основные идеи *григорианской реформы*, хотя и в меньшей мере, чем др. биографы Л. В Житии присутствуют темы реформы и церковного обновления; Л. описывается как усердный пастырь, стремившийся вернуть Церкви утраченные ею «достоинство» и «красоту», подобно папам *Льву I Великому* и *Григорию I Великому*. Влияние идей григорианской реформы заметно в рассказах о возведении Л. на епископскую кафедру и на Папский престол; автор подчеркивает, что в обоих случаях состоялось каноническое избрание «клиром и народом», хотя более вероятно, что Л. был назначен императором. В то же время автор почти не уделяет внимания теме примата и высшей юрисдикции папы Римского, указывая только на ответственность понтифика как верховного пастыря Церкви (см.: *The Papal Reform*. 2004. P. 31–32). Более того, составитель Жития описывает Л. как прелата, лояльного императору — носителю высшей светской власти, подчеркивает его заслуги перед имп. *Конрадом II*, к-рого автор представляет как поборника канонической дисциплины. Напротив, имп. *Генриху III* дана сдержанная характеристика: он не всегда поддерживал Л. и прислушивался к дурным советникам. Особое внимание уделено политике Л. по отношению к бенедиктинскому монашеству; вероятно, это связано с тем, что Житие составлялось в монастыре. В текст включены описания 16 видений и 20 чудес, в основном исцелений и наказаний противников Л.; акцент на описании чудес усиливается во 2-й книге, которая создавалась после смерти папы как агиографический текст (изд.: *ActaSS*. Apr. T. 2. P. 648–665; *ActaSS*. Bened. T. 6. Pars 2. P. 49–80; PL. 143. Col. 465–504; *Pontificum Romanorum*... 1862. P. 127–170; *La Vie*. 1997; *Die Toulser Vita*. 2007; см.: *Krause*. 1976; *The Papal Reform*. 2004. P. 17–36; *Gouillet M.* La Vie de Léon IX par le Pseudo-Wibert: Un clair-obscur hagiographique // *Léon IX*. 2006. P. 187–203; *Planta P. C.*, *von*. Le des-

sier hagiographique de Léon IX // Ibid. P. 217–232).

Краткая биография Л. включена в соч. «К другу» Бонизона, еп. Сутри, составленное при дворе маркгр. Матильды Тосканской вскоре после кончины папы Григория VII (1073–1085). Еп. Бонизон, ревностный сторонник григорианской реформы, сделал основной темой трактата апологию Григория VII, поместив его деятельность в контекст истории Церкви и ее взаимоотношений со светской властью. В 5-й книге описываются события от вступления на герм. престол кор. Конрада II (1024) до избрания папы Стефана IX (X) (1057). Л. представлен как усердный пастырь, к-рый заботился об очищении Церкви и приблизил к себе мон. Хильдебранда (Гильдебранда), буд. папу Григория VII, продолжившего его реформаторскую деятельность (изд.: MGH. Lib. T. 1. P. 568–620).

Жизнеописание Л., выдержанное в панегирических тонах, содержится в «Книжице о симониаках» кард. Бруно, еп. Сеньи (см. ст. *Бруно Астийский*), составленной скорее всего в 90-х гг. XI в., когда автор был библиотекарем и канцлером Римской курии (в 1102 он удался в мон-рь Монте-Кассино). Как и Бонизон, кард. Бруно был убежденным сторонником григорианской реформы. С его т. зр., заслугой Л. была не только забота об искоренении *симонии* и др. злоупотреблений, но и выдвижение Хильдебранда, вполн. возглавившего реформу Церкви. По мнению Бруно, Л. был возведен на Папский престол в эпоху духовного и нравственного кризиса, когда Римская Церковь уподобилась Содому и Гоморре: «Во времена блаженного Льва Церковь была испорчена настолько, что едва ли можно было найти [прелата], незапятнанного симонией или рукоположенного теми, кто не был повинен в этом грехе» (*Bruno. Libellus de symoniacis. 10* // MGH. Lib. T. 2. P. 554; ср.: *Die Briefe des Petrus Damiani* / Hrsg. K. Reindel. Münch., 1983. Tl. 1. S. 474. (MGH. Briefe; 4/1)). Бруно вспоминал, что Григорий VII часто рассказывал о Л. и однажды упрекнул приближенных в том, что никто из них не позаботился описать его жизнь (*Bruno. Libellus de symoniacis. 3–4* // MGH. Lib. T. 2. P. 548–549).

Уже в XI в. в Италии были созданы сборники агиографических сказаний о Л., к-рые вскоре получили

Папа Римский Лев IX изгоняет беса.
Миниатура
из Пассионала из Вайсену. XII в.
(Vatm. 127. Fol. 191)

широкое распространение. В них объединены сочинения разных авторов, посвященные жизни и чудесам понтифика. Кончину Л. и чудеса, к-рые произошли вскоре после его погребения, описал неизвестный по имени епископ Червии, очевидец этих событий (изд.: *Poncelet. 1906. P. 288–293; Vuolo. 2010. P. 91–118*). Подробное описание последних дней жизни Л. составил также рим. субдиак. Либуин (изд.: *Pontificum Romanorum... 1862. P. 170–177; см.: Tritz. 1952. P. 321–346*). Особое почитание Л. сложилось в Беневенто, где во 2-й пол. XI в. или в 1-й четв. XII в. было создано Житие святого (*Vita et obitus Leonis IX*). Это сочинение, как и составленные тем же автором Жития свт. Иоанна Златоуста и св. Иоанна Сполетского, посвящено «достопочтенному отцу Ландульфю». Возможно, речь идет об архиеп. Ландульфе II (1108–1119) или о настоятеле одного из мон-рей в Беневенто и окрестностях города (Ландульф мог быть насельником мон-ря Св. Софии; см.: *Vuolo. 2010. P. XV–XXIV*). По другой версии, Житие было составлено в мон-ре Св. Софии при архиеп. Удальрике (1053–1069) (см.: *Planta P. C., von. Le dossier hagiographique de Léon IX // Léon IX. 2006. P. 226–227*). Жизнь Л. до избрания на Папский престол описывается общими словами с использованием агиографических топосов и риторических рассуждений. Особое внимание уделено конфликту понтифика с норманнами и его латгосклонному отношению к жителям Беневенто. В текст включено сказание о последних днях жизни и чудесах Л., составленное епископом Червии.

В рукописях Беневентское Житие, сказания Либуина и епископа Червии объединялись с описаниями чудес Л. в Риме и в Беневенто. Известно не менее 7 таких сборников, состав к-рых различается. Так, в сборнике, опубликованном Хенкенсом по нескольким несохранившимся рукописям, приведены сказание о кончине Л. (BHL, N 4819), описание рим. чудес (BHL, N 4820, 4821a–f, 4821h), краткая (BHL, N 4822) и пространная (BHL, N 4823) редакции беневентских чудес. В рукописи, созданной в XI в. в Беневенто, собраны Житие Л. (BHL, N 4818g), сказание о его кончине (BHL, N 4818m) и описание рим. чудес (BHL, N 4818n, 4828g) (рпк.: Roma. Vallic. XVI. Fol. 133r–139v; изд.: *Poncelet. 1906*). Кард. Стефано Борджа издал тексты, сохранившиеся в рукописи XII в. из 6-ки соборного капитула в Беневенто; среди них — Житие Л. (BHL, N 4827a), сказание о его кончине с описанием чудес в Риме (BHL, N 4827b), пространная редакция беневентских чудес (BHL, N 4827c) и отдельное сказание о римском чуде (BHL, N 4827d) (рпк.: Benevento. Bibl. Capit. 4. Fol. 52v–77v; изд.: *Borgia S. Memorie storiche della pontificia città di Benevento. R., 1764. Vol. 2. P. 299–348*) (описание сборников см.: *Vuolo. 2010. P. LXVI–LXXIV*; см. также: *Planta P. C., von. Le dossier hagiographique de Léon IX // Léon IX. 2006. P. 217–232*).

Краткие жизнеописания Л. включены в продолжения *Liber Pontificalis*, созданные в XII в. Как правило, они основаны на трудах более ранних авторов, новых сведений в них не содержится; приведены также недостоверные данные. Так, характеристика Л. в биографии, составленной ок. 1142 г. бенедиктинцем Пьером Гийомом из аббатства Сен-Жиль, дословно заимствована из жизнеописания папы Льва IV. Пьер Гийом ошибочно утверждает, что Л. подкупом добился низложения папы Григория VI и во всем следовал советам Хильдебранда. Понтифику приписываются расширение границ Папского гос-ва и победа, одержанная над обитателями Апулии (вероятно, византийцами) с помощью французов и норманнов (LP. T. 2. P. 275–276; T. 3. P. 133). Во 2-й пол. XII в. автор другой биографии Л., кард. Бозон, опирался гл. обр. на сочинение еп. Бонизона. Особое

внимание он уделил обстоятельствам возведения Л. на Папский престол (Бозон выступает против «дурного обычая» светской *инвеституры*), его отношениям с византийцами и с норманнами (L.P. T. 2. P. 354–356).

Подробное повествование о Соборе, созванном Л. в 1049 г. в Реймсе, содержится в сочинении мон. Ансельма «История освящения церкви св. Ремигия» (50-е гг. XI в.) (PL. 142. Col. 1415–1440; Pontificum Romanorum... 1862. P. 113–127). Сведения о Л. приведены в «Диалогах о чудесах св. Бенедикта», составленных между 1076 и 1078 гг. Дезидерием, аббатом Монте-Кассино (впосл. папа Римский *Виктор III*) (MGH. SS. T. 30. P. 1143–1146), и в «Монте-Кассинской хронике» кард. Льва Остийского (*Chronica monasterii Casinensis*). Информация о политике Л. в Юж. Италии содержится в трудах норманнских историков, прежде всего Амата Монте-Кассинского («История норманнов», ранее 1086), Вильгельма Апулийского («Деяния Робера Гвискара», 90-е гг. XI в.) и Гоффредо Малатерры («Деяния Рожера, графа Калабрии и Сицилии, и его брата герцога Робера Гвискара», ок. 1100). Из герм. источников наиболее важна Хроника Германа из Райхенау († 1054), в к-рой деятельность Л. уделено пристальное внимание. Герман не принадлежал к окружению Л. и не был сторонником григорианской реформы, поэтому некоторые его свидетельства противоречат «официальным» версиям жизнеописания Л. и представляют особую ценность (MGH. SS. T. 5. P. 128–133). На отношение к Л. более поздних писателей, трудившихся на территории империи, повлиял конфликт между папством и империей во время понтификата Григория VII. Так, автор «Деяний Айхштеттских епископов», известный как Херриденский аноним, и Сигеберт из Жамблу описывали Л. как доброго пастыря, заботившегося об исправлении нравов и укреплении Церкви, но не враждовавшего с императором. Они противопоставляли кроткого и милостивого Л. папе Григорию VII, который пытался достичь своих целей любой ценой, вмешивался в политику и разжигал войны (подробнее см.: *Chazan M. Léon IX dans l'historiographie médiévale de l'Europe occidentale // Léon IX. 2006. P. 589–621*).

Жизнь. До возведения на Папский престол. Бруно происходил из знатной лотарингской семьи, связанной родственными отношениями с герм. Салической династией. Согласно Тульскому Житию, его предки были гордыми аристократами, к-рые всю жизнь сражались за свою честь и свои земли, а в старости уда-

Памятник папе Римскому Льву IX в Эгисхайме (Франция). XIX в.

лялись в мон-ри, находившиеся под их покровительством (см.: *Munier. 2002. P. 23–53*). Бруно был 3-м сыном Гуго IV, графа Нордгау и Эгисхайма, и Хельвиды (Хейлвиды, Хельвиги), дочери Людовика, графа Дагсбурга. Его братьев звали Герхард, Гуго и Эберхард, одну из сестер — Хильдегарда. Местом его рождения считается замок Эгисхайм (Эгисем) в Эльзасе или замок Дюрренштайн близ совр. сел. Вальшед в Лотарингии. Как младший сын в знатном семействе Бруно был предназначен для служения Церкви. При рождении тело младенца было покрыто отметинами в виде маленьких крестиков (*Vita Leonis IX. I 2*). Имя ребенка указывало на его предназначение; считается, что он был наречен в честь св. *Бруно*, архиеп. Кельнского, или Бруно Каринтийского, т. е. папы *Григория V* (996–999) (*Munier. 2002. P. 56–57*). Хельвида купила для сына богато украшенную Псалтирь, чтобы мальчик изучал по ней латынь, но тот с негодованием отверг красивую книгу. Вскоре стало известно, что Псалтирь была украдена из аббатства св. Губерта, которому ее подарил имп. *Людовик Благочестивый*. Осознав причину поведения сына,

Хельвида вернула книгу в мон-рь (*La chronique de Saint-Hubert dite Cantatorium / Éd. K. Hanquet. Brux., 1906. P. 51–53*).

В 5-летнем возрасте родители отдали Бруно в школу при кафедральном соборе в Туле, где он провел 15 лет. Мальчик изучал 7 «свободных искусств» и готовился к церковному служению, при еп. Бертольде (996–1019) он был поставлен в сан диакона и принят в капитул собора. Обучением Бруно руководил его старший товарищ Адальберон, сын гр. Фридриха Люксембургского (впосл. Адальберон III, еп. Меца в 1047–1072). Во время одного из посещений родного дома на Бруно напала ядовитая жаба, искушавшая ему лицо; юноша тяжело заболел и находился при смерти, но его исцелил св. Бенедикт, явившийся ему в видении (*Vita Leonis IX. I 5*; об интерпретации болезни как отека Квинке см.: *Munier. 2002. P. 64–65*).

После восшествия на герм. престол Конрада II (1024–1039, имп. с 1027), дальнего родственника Бруно, родители послали юношу к королю, к-рый включил его в состав придворной капеллы — группы клириков, советников короля и кандидатов на епископские кафедры (см. ст. *Капеллан*). Бруно стал принимать активное участие в жизни Тульского диоцеза при еп. Германе (1020–1026), к-рый был известен тем, что притеснял монахов и каноников. Согласно Тульскому Житию, Бруно отстаивал права соборного капитула и защищал монахов аббатства Сент-Эвр, попавших в опалу (*Vita Leonis IX. I 6*).

В февр. 1026 г. диак. Бруно, замещающая престарелого еп. Германа, возглавил тульское ополчение в составе войска Конрада II, к-рый направился в Италию для коронации. Когда король находился в Орбе (в совр. Пьемонте), туда прибыли клирики из Туля, известившие его о кончине еп. Германа и от имени жителей диоцеза попросившие назначить на кафедру Бруно, несмотря на его молодость (24 года). Конрад II разрешил Бруно вернуться в Туль, где в праздник Вознесения (19 мая 1026; согласно Тульскому Житию, 20 мая) Дитрих II, еп. Меца, передал ему управление диоцезом (*Ibid. I 8–10*). Этот рассказ, приведенный в Тульском Житии, вызывает сомнения. Еп. Герман скончался 1 апр. 1026 г. в Кельне, поэтому в Туле не сразу узнали о его смерти. Для избрания нового епископа, путешествия по-

слов в Италию и возвращения Бруно требовалось больше времени, чем утверждал автор Жития, к-рый сделал акцент на стремлении Бруно соблюсти требования канонического права (избрание епископа клиром и народом). Более вероятно, что при возведении Бруно на кафедру Конрад II придерживался обычной для Германии процедуры: узнав о кончине Тульского епископа, он назначил преемника без консультации с местным духовенством (см.: *Parisse*. 1996; *Idem*. 2001. P. 84–85; *Munier*. 2002. P. 71–78).

Согласно Тульскому Житию, Конрад II пожелал, чтобы рукоположение совершил папа Римский, но Бруно настоял на соблюдении прав митрополита, т. е. архиепископа Трирского. Однако архиеп. Поппон Бабенбургский (1016–1047) потребовал, чтобы Бруно поклялся не принимать важных решений без его позволения. Бруно отказался дать клятву, поэтому рукоположение было отложено. Лишь в сент. 1027 г. Конрад II, вернувшийся из Рима после имп. коронации, решил спор в пользу Бруно и велел архиепископу рукоположить его без к.-л. условий. Церемония состоялась 9 или 10 сент. 1027 г., вероятно в Вормсе или Туле.

Еп-ство Туль находилось на границе Лотарингии с Бургундией и Шампанью, поэтому город имел стратегическое значение и подвергался военной угрозе. Эд II († 1037), граф Блуа и Шампани, был соперником Конрада II в борьбе за власть над Бургундией. Осадив Туль, он разорил окрестности города и сжег аббатство Сент-Эвр, но вскоре ему пришлось отступить. Бруно укрепил городские стены и восстановил мон-рь. Согласно Тульскому Житию, после гибели графа Бруно возглавил герм. посольство к франц. кор. Роберту II Благочестивому (996–1031), вероятно, для переговоров о статусе Бургундии, к-рую кор. Рудольф III завещал императору (*Vita Leonis IX*. I 17). Однако в то время королем Франции был Генрих I (1031–1060). Возможно, Бруно участвовал в переговорах Генриха I с Конрадом II (май 1031) или с имп. Генрихом III (окт. 1048; ср.: *Anselmi Historia dedicationis*. 7 // PL. 142. Col. 1421).

Сведения о деятельности Бруно на епископской кафедре, приведенные в Тульском Житии, связаны гл. обр. с его заботой об укреплении монашеской дисциплины. Видрих, уче-

ник св. *Вильгельма* из Вольпиано, был назначен аббатом мон-ря Сент-Эвр. В 1026 г. Бруно сместил настоятелей мон-рей Сен-Мансуй в Туле и Муайенмутье, поручив Видриху управлять этими обителями. Большинство документов, в к-рых упоминается Бруно, связано с основанием приоратов, напр. мон-ря Дёйи, зависимого от аббатства Сент-Эвр. Епископ завершил строительство жен. мон-ря Пусе, основанного еп. Германом (см.: *Munier*. 2002. P. 175–179; *Dahlhaus J.* Das bischöfliche Wirken Brunos von Toul // *Léon IX*. 2006. P. 33–60; *Oberste J.* Papst Leo IX. und das Reformmönchtum // *Ibid.* P. 410–417). Бруно сочинял музыку для церковных песнопений (*Vita Leonis IX*. I 15, II 12) и неоднократно посещал Рим (*Ibid.* II 1). В Житии говорится о видениях Бруно, предвещавших его восшествие на Папский престол. Так, ему явился св. *Одilon*, предсказавший, что Бруно очистит Церковь, запятнанную людскими пороками (*Ibid.* II 3); ап. Петр вручил ему 5 золотых чаш, к-рые обозначали годы его понтификата (*Ibid.* II 2).

Обстоятельства возведения Бруно на Папский престол по-разному освещаются в источниках. Впосл. Л. воспринимали как основоположника церковной реформы, поэтому его избрание на Римскую кафедру должно было соответствовать представлениям реформаторов о каноническом порядке замещения Папского престола. Однако Л., как и др. «немецкие папы», фактически получил назначение от императора. Поэтому в одних источниках подчеркивается, что он получил имп. инвеституру, в других сделан акцент на его каноническом избрании «клиром и народом» Рима.

В 1-й пол. XI в. Папский престол стал предметом соперничества между рим. родом Кресцентиев, назначившим на него ставленников между 1003 и 1012 гг., и графами Тускула, к-рые контролировали Римскую кафедру в 1012–1046 гг. Герм. кор. Генрих III (1028–1056), готовившийся к имп. коронации, был обеспокоен борьбой группировок рим. знати и наличием неск. претендентов на Папский престол, чья легитимность вызывала сомнения. По его указанию на Соборе в Сутри (20 дек. 1046) было объявлено об отсутствии у *Бенедикта IX* и *Сильвестра III* права занимать Папский престол, а правящий понтифик *Григорий VI* был низ-

ложен по обвинению в симонии. Выступая в качестве патриция римлян, защитника Папского престола, Генрих III организовал возведение на Римскую кафедру «немецких пап» *Климента II* (1046–1047) и *Дамаса II* (1048). Из-за скоропостижной смерти обоих понтификов в условиях продолжавшихся неурядиц сложилось мнение, что папы были отравлены. В 1048 г. рим. посланники попросили имп. Генриха III назначить нового понтифика, но герм. прелаты не хотели ехать в Рим, опасаясь за свою жизнь (*Bonizo*. Liber ad amicum. 5 // MGH. Lib. T. 1. P. 587; *Bruno*. Libellus de symoniaciis. 2 // *Ibid.* T. 2. P. 547). Халинард, архиеп. Лионский, на кандидатуре к-рого настаивали делегаты, также отказался (MGH. SS. T. 7. P. 237). На совещании имп. прелатов в Вормсе (дек. 1048) Генрих III объявил о назначении еп. Бруно на Папский престол.

Согласно Тульскому Житию, Бруно согласился принять назначение с условием, что в Риме состоится каноническое избрание. Заручившись согласием императора и его советников, епископ направился в Рим (*Vita Leonis IX*. II 4). По мнению еп. Бонизона, римляне уговорили Генриха III послать к ним Бруно, к-рый немедленно выехал в Италию. В Базансоне его встретили аббат *Клиони* и рим. мон. Хильдебранд, ученик папы Григория VI, к-рый призвал Бруно не нарушать каноны и не занимать Папский престол по приказу императора. После беседы с Хильдебрандом Бруно решил последовать его совету и провести выборы в Риме (*Bonizo*. Liber ad amicum. 5 // MGH. Lib. T. 1. P. 587–588; ср.: *Otonis episcopi Frisingensis Chronica sive Historia de duabus civitatibus* / Ed. A. Hofmeister. Hannover; Lpz., 1912. P. 300–301. (MGH. Script. rer. Germ.; 45)). В повествовании Бруно из Сеньи совмещены обе версии: на совещании прелатов в Вормсе Бруно заявил о необходимости канонического избрания. Вскоре он познакомился с Хильдебрандом и предложил ему вместе отправиться в Рим, но тот ответил: «Не по каноническим установлениям, но мирской властью царя ты собираешься завладеть Римской Церковью». Призвав правоту Хильдебранда, Бруно укрепился в намерении организовать выборы (*Bruno*. Libellus de symoniaciis. 2 // MGH. Lib. T. 2. P. 547–548). Версия Бонизона содержит хронологическую ошибку:

в указанное время (Бруно покинул Вормс после Рождества 1048, а в февр. 1049 он находился в Риме) встреча Бруно с клюнийским аббатом не могла состояться, т. к. св. Одилон скончался в ночь на 1 янв. 1049 г. в Оверни, а его преемник св. Гуго I был избран 20 февр. По-видимому, версия о встрече Бруно и Хильдебранда в Безансоне вымышлена Бонизоном в полемических целях (доказывая нелегитимность антипапы *Климента III*, он выступал за избрание папы рим. кардиналами; см.: *The Papal Reform*. 2004. P. 55–58). В др. источниках не упоминается о намерении Бруно провести выборы в Риме. По свидетельству Германа из Райхенау, император «выбрал [Бруно] и послал его в Рим» (*ab imperatore electus, Romam mittitur* — MGH. SS. T. 5. P. 126). Ансельм из Сен-Реми и автор Беневентского Жития также сообщают о назначении Бруно императором и собравшимися в Вормсе прелатами (*Anselmi Historia dedicationis*. 7 // PL. 142. Col. 1420; *Vita et obitus Leonis IX*. 10–11).

После Рождества 1048 г. Бруно отправился в Рим. Его сопровождали рим. посол Гуго, еп. Ассизский, имп. прелаты — архиеп. Эберхард Трирский и епископы Адальберон Мецский и Дитрих Верденский (*Vita Leonis IX*. II 5). С ними был Хильдебранд, к-рый впол. вспомин.ал, что Бруно заставил его поехать в Рим против его воли (*Greg. VII, papa. Reg. ep. VII 14a* // MGH. EpSel. T. 2. Fasc. 2. P. 483). По данным более позднего источника, враждебного Григорию VII, в пути Хильдебранд постоянно беседовал с Бруно и завоевал его доверие (*Gesta Romanae ecclesiae contra Hildebrandum*. II 9 // MGH. Lib. T. 2. P. 379). Т. о., возможно, сообщение Бруно из Сеньи о знакомстве Бруно и Хильдебранда в Вормсе следует считать достоверным (*Munier*. 2002. P. 110–111).

После прибытия в Рим Бруно выступил с речью в базилике св. Петра, призвав римлян свободно избрать нового папу и заявив, что соблюдение канонов важнее повиновения императору (*Vita Leonis IX*. II 5–6; *Bonizo. Liber ad amicum*. 5 // MGH. Lib. T. 2. P. 588). Избрание Бруно состоялось 2 февр., интронизация в Латеранской базилике — 12 февр. 1049 г. При возведении на Папский престол Бруно принял имя свт. Льва I Великого (*Vita Leonis IX*. II 8; см.: *Hergemöller B.-U. Die Namen*

der Reformpäpste (1046–1145) // ANPont. 1986. Vol. 24. P. 12, 42–43). До февр. 1051 г. Л. продолжал занимать также Тульскую кафедру, скорее всего из-за материальных трудностей. Папская казна была пуста, и до прибытия послов из Беневенто, доставивших Л. ценные подарки, финансовое положение понтифика оставалось неустойчивым (*Vita Leonis IX*. II 8).

Реформа Церкви. По-видимому, Л. прибыл в Рим с намерением осуществить преобразования, к-рые положили начало реформе, впол. названной григорианской. Его деятельность была направлена на укрепление единства и авторитета Церкви, утверждение позиций Папского пре-

Папа Римский Лев IX
освящает церковь мон-ря св. Арнульфа
в Меце.
Миниатюра из рукописи 2-й пол. XI в.
(Bern. Burgerbibl. 292. Fol. 92r)

стола, строгое соблюдение канонического права и устранение наиболее очевидных злоупотреблений (симонии и нарушения *целибата*). Во 2-й четв. XI в. «гускуланские папы» высказывались против симонии и *конкубината*, однако сторонники григорианской реформы возложили на них ответственность за упадок Церкви, заклеив их как «наемников, а не пастырей» (напр.: PL. 143. Col. 779; *Bonizo. Liber ad amicum*. 5 // MGH. Lib. T. 1. P. 584–585). Вопрос о нравственности духовенства ставился при имп. Генрихе III. Устранение рим. претендентов на Папский престол было проведено под предлогом борьбы с симонией, осужденной участниками Соборов в Сутри (20 дек. 1046) и в Риме (январ. 1047). По мнению О. Флиша,

григорианская реформа была «ответом папства на политический, социальный и нравственный кризис христианского Запада». Программа реформы сложилась только в понтификат Григория VII, тогда как деятельность Л. исследователь относил к догригорианскому или «цезаропапистскому» этапу, когда реформаторы еще не выдвигали политических требований и не выступали против императора (*Fliche*. 1924. P. 129–159). Л. и его помощники делали акцент на нравственное очищение духовенства и укрепление его авторитета, утверждение примата канонического права. В первую очередь они стремились искоренить симионию (в широком смысле — неканонические способы получения церковных должностей) и конкубинат, к-рый нередко принимал форму признанного обществом брака священнослужителей. Л. не оказывал давления на светских государей и не выступал против системы *имперской Церкви*, но требовал от духовенства неукоснительного соблюдения канонов (напр.: *Bur M. Léon IX et la France (1026–1054)* // *Léon IX*. 2006. P. 233–257). Указывая на особенности политики Л., Сигеберт из Жамблу подчеркивал, что понтифик уважал права государей и поддерживал согласие между людьми, тогда как более поздние реформаторы, в первую очередь папа Григорий VII, выдвигали чрезмерные притязания и были склонны использовать насильственные методы (*Chazan M. Léon IX dans l'historiographie médiévale de l'Europe occidentale* // *Ibid*. P. 599–602). Преемники Л. придали борьбе с симонией политический характер, превратив ее в борьбу за полную независимость Церкви от светской власти. Отказавшись от сотрудничества с церковной иерархией на местах и с европ. монархами (*Greg. VII, papa. Reg. ep. II 45*), они приступили к реализации теократической программы (см. ст. *Дух мечей теория*).

Противопоставление «миролюбивого» Л. «воинственному» Григорию VII имело тенденциозный характер, т. к. между обоими папами существовала идеологическая преемственность. Начиная реформу, Л. не мог позволить себе вступить в конфликт со светскими правителями, особенно с имп. Генрихом III, к-рый сочувствовал преобразованиям. С самого начала Л. противостояла рим. аристократия, лишенная влияния на

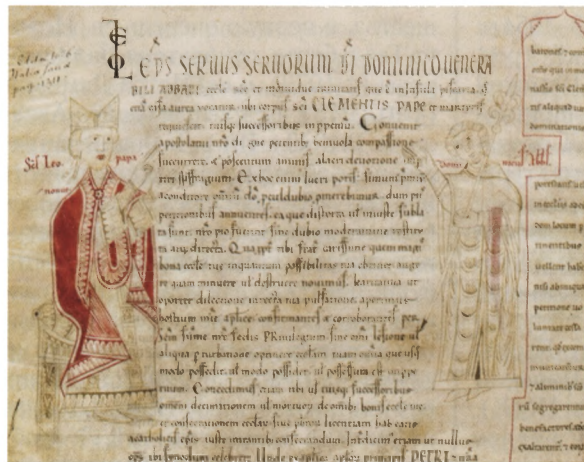

выборы папы Римского. Возвращение папских земельных владений, захваченных «тиранами» (Vita et obitus Leonis IX. 13; MGH. SS. T. 5. P. 129), навлекло на Л. вражду итал. прелатов и знати. Высшее духовенство, особенно в Сев. Италии, отрицательно относилось к его попыткам укрепить позиции Папского престола. Борьба со злоупотреблениями духовенства вызвала нарастающее сопротивление, поэтому Л. стремился представить свою деятельность как внутрицерковную реформу — «исправление нравов», не затрагивавшее прерогативы светской власти. К понтификату Григория VII сложились условия для расширения деятельности реформаторов, которые выступили против имперской Церкви, опираясь в т. ч. на поддержку дружественных итал. правителей (норманнских герцогов, маркграфов Тосканы).

Необходимой основой церковных преобразований было подтверждение полномочий Римского папы. В послании Карфагенскому архиеп. Фоме Л. подчеркивал, что понтифик не только является первенствующим епископом, но и обладает особыми правами, основанными на «Петровом служении» (Мф 16. 18–19; в послании цитируются также Мф 18. 18 и Лк 22. 32). Римская Церковь — «мать» и «источник» всех христ. Церквей. Папе Римскому принадлежит высшая юрисдикция: только он может созывать Вселенский Собор и утверждать приговоры, связанные с осуждением и низложением епископов (Jaffé. RPR. N 4304). Во время Реймского Собора было заявлено, что «епископ Римского престола — единственный апостольский примац Вселенской Церкви» (solum Romanae sedis pontificem universalis ecclesiae primatem esse et apostolicum) (PL. 142. Col. 1432). На представления помощников Л. о папском примате оказала влияние легенда о *Константиновом даре*. Это способствовало усвоению ими элементов имп. идеологии: в послании К-польскому патриарху *Михаилу I Кирулархию* и архиеп. *Льву* Охридскому говорилось о «царственном священстве святого Римского апостольского престола», полномочия которого простирались на небо и землю (Jaffé. RPR. N 4302; Acta et scripta. 1861. P. 72).

Сделанный реформаторами акцент на соблюдение канонического

права способствовал изучению древних канонов и созданию правовых сборников, к-рые, однако, стали составляться лишь после смерти Л. (подробнее см. в ст. *Каноническое право*). По мнению Ш. Мюнне, в окружении Л. велась работа по сбору канонических текстов. Самой заметной новацией стало использование подложных текстов эпохи *Каролингов* — *Лжеисидоровых декреталий* и сказания о Константиновом даре.

вался в мон-рях, подтверждал их права и привилегии, принимал крупнейшие обители под защиту Папского престола. В то же время он признавал *частной церкви право* и не возражал против привилегий мирян как основателей и донаторов мон-рей (см. ст. *Инкорпорация*). Л. поддерживал тесные отношения с монахами *Клюнийской конгрегации* и оказывал покровительство важнейшим мон-рям Италии, прежде всего Монте-Кассино (Chronica monasterii Casinensis. II 79–84), а также *Гаргано* и *Субиако*. Обращаясь к Л.

Папа Лев IX
и аббат Казаурри.
Миниатюра
из «Казаурийской хроники»
(Paris. lat. 5411.
Fol. 218v)

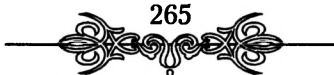
с просьбой о защите владельческих прав мон-ря, аббат *Иоанн Феканский* в пышных выражениях восхвалял его пастыр-

Опираясь в т. ч. на эти источники, помощники Л. полагали, что древняя Церковь существовала в условиях «золотого века», которые они стремились воссоздать. С наступлением «железного века» Церковь была заражена пороками и подпала под власть мирян. Утрата церковной автономии привела к размыванию границ между сакральным и профанным и, следов., к духовному оскудению и разложению Церкви. Возможно, такие взгляды высказывал в первую очередь кард. Гумберт; так, еп. Бонизон, разделявший представление о деградации «канонических» отношений между Церковью и светской властью, не использовал Лжеисидоровы декреталии и сказание о Константиновом даре (см.: *Munier Ch. Le pape Léon IX et le droit canonique de son temps // Léon IX. 2006. P. 385–403*).

Важным аспектом деятельности Л. было покровительство реформированному монашеству. По мнению Флиша, на церковные преобразования повлияла монашеская реформа X–XI вв., осуществлявшаяся в рамках бенедиктинской традиции (см. статьи *Горце*, *Клюнийская реформа*, *камальдулы*) и в посл. приведшая к появлению новых орденов (напр., *картузианцев* и *цистерцианцев*). Во время путешествий Л. останавли-

скую заботу (PL. 143. Col. 797–800). В грамотах Л. говорилось о готовности Папского престола защищать монахов как молитвенников и благодетелей, подававших клирикам и мирянам пример праведной жизни. В то же время понтифик напоминал о необходимости соблюдать монашескую дисциплину и пресекал злоупотребления, напр., запрещал монахам вымогать у мирян имущество «при жизни или в смертный час» (Jaffé. RPR. N 4269; см.: *Munier. 2002. P. 175–192; Oberste J. Papst Leo IX. und das Reformmönchtum // Léon IX. 2006. P. 405–433*).

Движущей силой григорианской реформы на раннем этапе была группа сторонников нравственного очищения Церкви, к-рая составляла окружение Л. Среди помощников папы (епископов, каноников и монахов) преобладали выходцы из Лотарингии и Бургундии. В числе доверенных лиц понтифика Бонизон называл кард. Гумберта, аббата Стефана из Бургундии, Гуго Кандида, Фридриха (Фредерика) Лотарингского и Ацелина Компьенского, еп. Сутри, а также «красноречивого» *Петра Дамьяни* (Bonizo. Liber ad amicum. 5 // MGH. Lib. T. 1. P. 588). О Стефане и Ацелине сведений почти нет. Среди близких к Л. прелатов были представители важнейших бургундских

кафедр — Халинард, архиеп. Лионский (1046–1052), и Гуго I из Салена, архиеп. Безансонский (1031–1066). Считается, что самым влиятельным помощником Л. был кард. Гумберт, монах из аббатства Муайенмутье, с к-рым понтифик мог познакомиться в годы управления диоцезом Туль. В 1049 или 1050 г. Л. назначил Гумберта титулярным архиепископом Сицилии (остров находился под властью мусульман), в 1051 г. он стал кардиналом-епископом Сильва-Кандиды (Санта-Руфины). В 1053–1054 гг. Гумберт, вероятно, знавший греч. язык, отвечал за контакты Римской курии с вост. Церквями. По-видимому, осенью 1049 г. в Майнце Л. познакомился с Фридрихом, братом герц. Лотарингии Годфрида II Бородатого и каноником кафедрального собора в Льеже. Фридрих постоянно сопровождал понтифика; в 1054 г. вместе с Гумбертом он посетил К-поль, затем возглавил мон-рь Монте-Кассино и в посл. был избран на Папский престол, приняв имя Стефан IX (X). До 1051 г. в окружении Л. видное место занимал Удон, примицерий соборного капитула в Туле (епископ Тульский с 1051 по 1069). Гуго Кандид, клирик из Ремирмона, был назначен кардиналом-пресвитером титула св. Климента. В посл. его отношения с др. реформаторами испортились: он примкнул к антипапе *Гонорию II* и выступал против папы Григория VII, поэтому Бонизон называл его отступником (см.: *Munier*. 2002. P. 112–114; *Parisse M. L'entourage de Léon IX // Léon IX*. 2006. P. 435–456).

По-видимому, в окружении Л. было немного итальянцев, т. к. он не мог полагаться на людей, связанных с аристократическими группировками Рима. Однако мн. авторы утверждали, что основным помощником Л. был Хильдебранд (в посл. папа Григорий VII), прибывший с ним в Рим, поставленный им в субдиакона и получивший в управление базилику св. Павла. Сторонник григорианской реформы Манегольд из Лаутенбаха полагал, что Хильдебранд оказывал большое влияние на Л. (*Manegoldi Ad Gebehardum liber. 8 // MGH. Lib. T. 1. P. 326*). О том, что понтифик во всем руководствовался его советами, писал также Бруно из Сеньи (*Bruno. Libellus de symoniacis. 2 // Ibid. T. 2. P. 548*). Но отсутствие подписи Хильдебранда под папскими грамотами указывает на то,

что он не сопровождал Л. в путешествиях и, т. о., не входил в круг его ближайших советников. Лишь в 1054 г. понтифик послал его во Францию, поручив решить вопрос о ереси Беренгария Турского. Представление о Хильдебранде как о «правой руке» Л. было во многом связано с его последующей деятельностью как ведущего реформатора (*Munier*. 2002. P. 297).

Деятельность Л. получила поддержку итальянских реформаторов монашества, в первую очередь св. Иоанна Гвальберта, основателя Валломброзы († 1073), и св. Петра Дамиани († 1072/73), настоятеля Фонте-Авелланы. В 1049 г. Петр Дамиани направил папе обширное послание, известное как «Гоморрская книга» (*Liber Gomorrhianus*), в к-ром резко выступал против конкубината, содомии и др. плотских грехов, распространенных среди духовенства, призывал принять жесткие меры против клириков-гомосексуалистов. В ответном письме, к-рое Петр Дамиани поместил в начале трактата, Л. одобрил инициативу, однако напомнил о необходимости проявлять милосердие к грешникам (Петр Дамиани предлагал подвергать виновных клириков удалению тонзуры, тюремному заключению и телесным наказаниям) (*Die Briefe des Petrus Damiani / Hrsg. K. Reindel. Münch., 1983. Tl. 1. S. 285–286*). В посл. Петр Дамиани полемизировал с кард. Гумбертом о сакраментальных последствиях симонии. Приравнивая светскую инвеституру к симонии, к-рую он называл ересью, Гумберт отрицал ответственность таинств, совершенных «еретиками». Напротив, Петр Дамиани отстаивал мнение об объективной действительности таинств вне зависимости от морального облика конкретного клирика.

Считается, что деятельность реформаторов из окружения Л. оказала существенное влияние на формирование структур Римской курии и *коллегии кардиналов*. Бонизон отмечал, что Л. заменил кардиналов и др. клириков, виновных в симонии, ставленниками, к-рых он призвал «из разных стран» (*Bonizo. Liber ad amicum. 5 // MGH. Lib. T. 1. P. 588*). Сообщество кардиналов, в к-рое ранее входили рим. клирики и епископы пригородных (субурбикарных) кафедр, приобрело международный характер. Особое внимание Л. уделял назначению сторонников рефор-

Грамота папы Римского Льва IX аббату Фульда от 13 июня 1049 г. (Государственный архив земли Гессен, Марбург. 1447)

мы на субурбикарные кафедры; это способствовало повышению значимости кардиналов-епископов как советников, а затем и основных выборщиков Римского папы (см. ст. *Кардинал*) (*Munier*. 2002. P. 163–173). Ключевой фигурой в Римской курии стал папский библиотекарь-канцлер. Формально папским архиканцлером был Кёльнский архиеп. Герман II (1036–1056), фактически канцелярией руководили рим. диак. Петр (в 1049–1050), тульский каноник Удон (в 1050–1051) и Фридрих Лотарингский (в 1051–1054). Известно ок. 180 посланий и грамот Л., из к-рых ок. 150 считаются подлинными (*Jaffé. RPR. N 4153–4335*). Среди адресатов папских посланий были кор. Англии Эдуард Исповедник (1042–1066), кор. Франции Генрих I, графы Анжу, Бретани и Невера. О переписке Л. с имп. Генрихом III, с которым он общался наиболее тесно, сведений нет. Папские буллы в основном издавались для подтверждения прав и привилегий мон-рей и епископских кафедр; более 50 булл были направлены в Бургундию и Лотарингию, ок. 40 — в Италию. Влияние имп. канцелярии проявилось в оформлении папских грамот: 1-ю строку и имя понтифика писали маюскулом, проч. текст — украшенным канцелярским минускулом; часто использовались устойчивые формулы. Под текстом помещали роту (круг со вписанным крестом, именем папы и его девизом — «Милосердия Господня полна земля» (*Misericordia Domini plena est terra*)). Внизу ука-

зывались дата (иногда также место) составления грамоты и имя диакона-библиотекаря (*Munier*. 2002. P. 152–159).

Большую часть понтификата Л. путешествовал по Германии, Италии и Франции (в Риме папа провел всего ок. 9 месяцев). Во время длительных поездок Л. созывал Соборы, налаживал отношения с церковными и светскими властями, решал спорные вопросы. Путешествия понтифика были эффективным инструментом церковной реформы и укрепления папского авторитета (*Ibid.* P. 301). Возможно, в этом курия руководствовалась примером имп. двора, также не имевшего определенной резиденции: Л. вел себя «словно странствующий государь, идущий из города в город, от Собора к Собору» (*Parisse*. 2001. P. 92). Созывая Соборы, Л. опирался не только на традицию папских синодов, на которых присутствовали гл. обр. субурбикарные епископы, но и на практику имп. собраний, в которых участвовали прелаты со всей империи. Соборную политику Л. продолжили его преемники (см. статьи *Клермонский Собор*, *Латеранский I Собор*). Соборы выполняли функции законодательного собрания и церковного трибунала: понтифик рассматривал дела прелатов, к-рых обвиняли в симонии, реже — в нарушении целибата. Во время путешествий Л. возглавлял церковные торжества, освящал храмы, даровал привилегии мон-рям (см.: *Munier*. 2002. P. 261–294; *Iogna-Prat D. Léon IX, rare consécrateur // Léon IX*. 2006. P. 355–383).

Понтификат. Вскоре после интронизации Л. совершил паломничество в мон-рь Гаргано и начал подготовку к Собору, созванному в Латеранской базилике на 2-й неделе после Пасхи (апр. 1049). На Соборе присутствовали 10 епископов, гл. обр. из Ср. Италии, а также архиеп. Халинард Лионский (PL. 143. Col. 595–596). Согласно Тульскому Житию, понтифик напомнил собравшимся о необходимости соблюдать нормы канонического права в соответствии с решениями первых 4 Вселенских Соборов и папскими *декреталиями*. Участники Собора осудили симонию и конкубинат клириков, нарушения канонического права в сфере брака (были запрещены браки между близкими родственниками) и практику продажи

алтарей, подтвердили обязательность выплаты десятины. Миряне, покушавшиеся на церковное имущество, были отлучены от Церкви. Епископам, к-рых обвиняли в симонии, пришлось оправдываться; некоторые были признаны виновными и лишены кафедр. Епископ Сутри представил ложных свидетелей, но, не успев очиститься клятвой, внезапно упал и умер (*Vita Leonis IX*. II 10; *Vita et obitus Leonis IX*. 12). «Пропащих женщин», к-рые сожительствовавали с рим. пресвитерами, было решено отправить на принудительные работы в Латеранский дворец (*Petrus Damiani. Contra intemperantes clericos*. II 7 // PL. 145. Col. 411). Понтифик намеревался отстранить клириков, рукоположенных виновными в симонии епископами. Это вызвало протест рим. духовенства и мн. епископов, к-рые заявили, что в храмах некому будет служить. Тогда Л. велел клирикам принести покаяние (*Die Briefe des Petrus Damiani. Münch.*, 1983. Tl. 1. S. 498–500; ср.: *Bonizo. Liber ad amicum*. 5 // MGH. Lib. T. 1. P. 588). Участники Собора отлучили от Церкви бывш. папу Бенедикта IX, который претендовал на Папский престол при поддержке своих родственников, графов Тускула. После этого «римское войско» разорило владения графов (*Poncelet*. 1906. P. 277–279).

Вскоре после Собора Л. отправился в путешествие. В мае 1049 г. он возглавил Собор в Павии, о к-ром точных сведений не сохранилось. Встретившись с имп. Генрихом III, в день апостолов Петра и Павла (29 июня) понтифик прибыл в Кёльн, затем они вместе отправились в Ахен. Вскоре туда прибыл герц. Лотарингии Годфрид II Бородатый, отлученный от Церкви за мятеж против императора и конфликты с епископами (Л. также отлучил от Церкви его союзника, гр. Фландрии Балдуина V). По просьбе папы, к которому герцог обратился за помощью, император простил его.

Херимар, аббат мон-ря св. Ремигия в Реймсе, обратился к Л. с просьбой освятить новую монастырскую церковь. Папа воспользовался приглашением, чтобы созвать в Реймс франц. прелатов. Кор. Генрих I пообещал Херимару лично прибыть в город и обеспечить присутствие епископов и знати, но вскоре по рекомендации советников попросил Л. отложить посещение Реймса, указы-

вая на политическую нестабильность в королевстве (PL. 142. Col. 1422–1423). Однако понтифик отказался следовать этому совету и 29 сент. 1049 г. прибыл в Реймс. Его сопровождали архиепископы Безансона, Лиона и Трира, а также кардинал-епископ Порто, епископы Меца и Вердена. В городе находились 11 франц. епископов, представлявших диоцезы Авранш, Анже, Байё, Кутанс, Лангр, Нант, Невер, Санлис, Се, Суасон и Теруан, а также 17 аббатов, в т. ч. клюнийский аббат Гуго I. Из Англии по указанию кор. Эдуарда Исповедника прибыли Дудук, еп. Уэлса, настоятели мон-рей св. Августина в Кентерберии и Рамси. Церковные торжества и присутствие папы Римского привлекли в Реймс множество паломников. Мон. Ансельм писал о проблемах, возникших из-за огромного стечения народа. Согласно Тульскому Житию, в Реймсе собрались не только жители окрестных регионов, но и англичане, бретонцы, ирландцы и испанцы (*Vita Leonis IX*. II 11). В день памяти св. Ремигия (1 окт.) понтифик возглавил перенесение мощей святого, на следующий день — освящение храма (подробное описание торжеств содержится в соч. Ансельма — PL. 142. Col. 1424–1430). На открытии заседаний Собора, состоявшемся 3 окт. в новой монастырской церкви, присутствовали 20 епископов, ок. 50 аббатов и множество клириков. Архиепископы Реймса и Трира поссорились из-за почетного места рядом с понтификом, поэтому Л. велел присутствующим разместиться вокруг себя, чтобы избежать подобных споров. После положенных молитв папский библиотекарь диак. Петр огласил темы для обсуждения: «ересь симонии», неумеренные притязания светских патронов церкви, нарушения канонов о христ. браке («кровосмесительный» брак в недозволенной степени родства, развод и второбрачие), эксплуатация бедных и др. Петр призвал епископов и аббатов очиститься от обвинений в симонии. Большинство прелатов поклялись в невиновности. На др. день обсуждался вопрос о прелатах, к-рые отказались дать клятву, в т. ч. об архиепископе Реймском; им было велено прибыть в Рим, чтобы дать ответ перед Собором. Епископ Невера заявил, что родители купили для него кафедру без его ведома, и положил епископский посох

к ногам Л. Понтифик, «тронутый его раскаянием», признал его невиновным и вручил ему новый посох. Самые тяжкие обвинения были выдвинуты против еп. Гуго Лангского (симония, ношение оружия и человекоубийство, притеснения клириков и др.), к-рый бежал из Реймса и был отлучен от Церкви. Впосл. Гуго совершил покаянное паломничество в Рим и скончался на обратном пути. Нантский еп. Будик признался, что унаследовал кафедру от отца, также епископа, и заплатил за это крупную сумму. Он был лишен епископского сана, но участники Собора позволили ему служить как пресвитеру. Были отлучены от Церкви прелаты, к-рые отказались прибыть на Собор и вместо этого отправились с королем в поход против Жоффрау II, гр. Анжу (архиепископ Санса, епископы Амьена и Бове), а также аббат мон-ря св. Медарда в Суассоне, к-рый бежал из Реймса, боясь осуждения. Отлучению подвергся и «архиепископ св. Иакова в Галисии», именовавший свою кафедру апостольской (в это время архиепископом Сантьяго-де-Компостела был Кресконий). Ансельм привел 14 постановлений, принятых в последний день работы Собора (5 окт.). Участники Собора подтвердили каноническое требование об избрании епископа клиром и народом; было запрещено продавать церковные должности и алтари (особенно мирянам), взимать плату за совершение таинств и обрядов, давать в долг под процент, клирикам — носить оружие. Постановления против насилия над клириками и бедными были связаны с идеей «Божьего мира» (ср.: *Jaffé. RPR. N 4404*). Участники Собора осудили «новых еретиков, появившихся в Галлии», выступили против содомии и нарушений канонического права в области брака (за это были отлучены некоторые франц. сеньоры; гр. Фландрии Балдуину V было запрещено выдавать дочь замуж за герц. Нормандии Вильгельма Завоевателя) (*PL. 142. Col. 1430–1440*; ср.: *Vita Leonis IX. II 11*; см.: *Munier. 2002. P. 125–130*). Впосл. Л. призвал жителей франц. королевства почитать св. Ремигия как своего «апостола» и покровителя и праздновать день перенесения его мощей (1 окт.—*Jaffé. RPR. N 4185*).

Покинув Реймс 6 окт. 1049 г., Л. направился в Майнц, где 19–21 окт. в присутствии имп. Генриха III он

возглавил Собор, в к-ром участвовали 40 епископов, в т. ч. архиепископы Безансона, Бремена, Зальцбурга, Кёльна, Магдебурга, Майнца и Трира. По свидетельству *Адама Бременского*, участники Собора приняли постановления против симонии и «нечестивого брака священнослужителей». Шпайерский еп. Сигебод (Сибихон), обвиненный в нарушении celibата, дал очистительную клятву, «но, говорят, его челюсть свело параличом, и в таком состоянии он провел оставшуюся жизнь» (*Vita Leonis IX. II 12; Adam Bremensis. Gesta Hamburgensis ecclesiae pontificum. III 29–30 // Adam von Bremen. Hamburgische Kirchengeschichte / Hrsg. B. Schmeidler. Hannover; Lpz., 1917. S. 172–173. (MGH. Script. Reg. Germ.; 2)*). Среди др. вопросов, к-рые рассматривались на Соборе,— спор между епископом Вюрцбурга и аббатом Фульды о пределах епископской юрисдикции (решен в пользу мон-ря; см.: *MGH. Dipl. Reg. Imp. T. 5. P. 324–326. N 243*) и дело Бертольда, который оспаривал Безансонскую кафедру у архиеп. Гуго (*Jaffé. RPR. N 4188*; изд.: *MGH. Const. T. 1. P. 97–100*; см.: *Munier. 2002. P. 130–131*). По словам Адама Бременского, после возвращения в Бремен архиеп. *Адальберт* запретил женщинам жить внутри квартала, где находились резиденции каноников и клириков. Впосл. Л. подтвердил юрисдикцию Гамбургско-Бременской кафедры над епископами Сев. Германии и церковными иерархами «шведов, датчан, норвежцев, исландцев, скридевинов, гренландцев и всех северных народов, а также славян, живущих между реками Пене и Айдер» (*Jaffé. RPR. N 4290*). Согласно более позднему источнику, 1-й исл. еп. Ислейв Гицурарсон (1056–1080) был рукоположен Адальбертом по благословению Л. (*Húngvaka // Biskupa sögur. Kaupmannahöfn, 1858. Bd. 1. S. 61–62*).

Оставшуюся часть осени 1049 г. Л. провел в Лотарингии, гл. обр. в Туле. Между 23 и 26 нояб. он находился в аббатстве *Райхенау*, где освятил ц. Св. Креста, затем направился в Италию и к празднику Рождества прибыл в Верону. Весной 1050 г. понтифик находился в Юж. Италии. В Салерно, где «весь церковный чин был объят ложью симонии», он созвал Собор, на котором рассматривались вопросы, связанные с симонией, клятвopеступлениями, браками (или конкубинатом) священ-

нослужителей, неуплатой десятины и «первых плодов». Салернский кн. Гваймарий IV «обещал повиноваться ему и верно исполнять его повеления». Посетив Мельфи, столицу норманнского графства Апулия, понтифик «просил [норманнов] оставить свою жестокость и более не притеснять бедных» (*Storia. 1935. P. 130–131*). Экспансия норманнов в Юж. Италии, где они захватывали визант. и лангобардские владения, сопровождалась острыми конфликтами с местным населением. В Беневенто князь Пандульф III и Ландульф VI, не признававшие власть императора, отказались принять Л. и были отлучены им от Церкви. Понтифик направился в Гаргано, оттуда — в Синопонто, где он созвал Собор и сместил 2 архиепископов за симонию (*Vita Leonis IX. II 14*; ср.: *Storia. 1935. P. 131*; см.: *Munier. 2002. P. 133*).

К празднику Пасхи Л. вернулся в Рим и созвал Собор в Латеранской базилике, на котором присутствовали 55 епископов, в основном из Италии и Бургундии, а также 34 аббата (29 апр. 1050). По словам Бонизона, участники Собора запретили всем христианам принимать причастие от пресвитеров и диаконов, не соблюдавших целомудрие. После этого клириков, содержавших наложниц, отстранили от служения в Риме и в соседних регионах, прежде всего в Тусции (Тоскана, части Лацио и Умбрии) (*Bonizo. Liber ad amicum. 5 // MGH. Lib. T. 1. P. 589*). В этом реформаторам помогли ревностные монахи, среди к-рых, очевидно, был св. Иоанн Гвальберт, встречавшийся с Л. (*ActaSS. Iul. T. 3. P. 349, 352*). На Соборе обсуждалось также евхаристическое богословие Беренгария (см. ст. *Беренгар Турский*), к-рый был отлучен от Церкви. В сочувствии взглядам Беренгария заподозрили его оппонента *Ланфранка*, которому пришлось доказывать свою невиновность (*PL. 150. Col. 413*). По инициативе примicerия Удона на Соборе было установлено почитание св. *Герхарда*, еп. Тульского (2 мая — *Jaffé. RPR. N 4219*; *MGH. SS. T. 4. P. 506–508*). Епископы Бретани, которых на Реймском Соборе обвиняли в симонии и неповиновении архиепископу Турскому как законному митрополиту (см. ст. *Доль*), были отлучены от Церкви (*Jaffé. RPR. N 4225*).

Летом 1050 г. Л. отправился в Верчелли, где в сент. был созван Собор,

участники к-рого вновь рассматривали вопрос об учении Беренгария. Источником этого учения признали трактат Эриугены (в действительности *Ратрамна*) «О Евхаристии», который был осужден при участии Ланфранка (PL. 150. Col. 413). Впосл. посланный во Францию в качестве легата Хильдебранд добился отречения Беренгария на Соборе в Туре. Среди др. проблем, к-рые обсуждались на Соборе, был конфликт Л. и Хунфрида, архиеп. Равеннского (1046–1051), к-рого понтифик, по одной версии, низложил, по другой — отлучил от Церкви (MGH. SS. T. 5. P. 129; Vita Leonis IX. II 15). Возможно, тогда же Л. по просьбе кор. Эдуарда Исповедника разрешил перенести епископскую кафедру из Кредитона в Эксетер (*Böhmer. Reg. Imp. N 512*).

Из Верчелли Л. направился в Бургундию; 3 окт. 1050 г. он освятил собор св. Стефана в Безансоне, после этого в Лангре рукоположил Ардуина, еп. Лангрского, и Фротмунда, еп. Труа. 20–22 окт. вместе с Халинардом Лионским, Гуго Безансонским и др. прелатами понтифик возглавил торжества в честь перенесения мощей св. Герхарда в Туле. По его поручению аббат Видрих составил Житие св. Герхарда (BHL, N 3431). В Туле Л. встретился с Георгием, архиеп. Калочи, посланником венг. кор. Андраша I, вступившего в конфликт с императором (MGH. SS. T. 4. P. 508–509). После праздника Рождества понтифик отправился в Германию и встретился с императором в Трире, откуда они вместе поехали в Аугсбург, где в нач. февр. 1051 г. собрались имп. прелаты и знать. Согласно Герману из Райхенау, они обсуждали спор Л. и Хунфрида Равеннского, склонив обоих к примирению (Ibid. T. 5. P. 129). В Тульском Житии говорится, что император заставил Хунфрида удовлетворить требования папы, и архиепископ, простершись перед Л., молил его о снятии отлучения. Добившись желаемого, он поднялся «с издевательской усмешкой на устах». На стороне Хунфрида выступили нек-рые имп. прелаты, в т. ч. Фрайзингский еп. Низон (Ниткер), к-рый, согласно Житию, поклялся добиться низложения папы (Vita Leonis IX. II 15).

После возвращения в Рим в апр. 1051 г. Л. созвал Собор, на к-ром обсуждался вопрос о действительности таинств, совершавшихся виновны-

ми в симонии клириками. Из-за противоречий между Петром Дамиани и кард. Гумбертом решение не было вынесено, и понтифик поручил присутствующим обдумать эту проблему (*Die Briefe des Petrus Damiani. Münch., 1983. Tl. 1. S. 390–393*). Петр Дамиани изложил свою позицию в «Безвозмездной книге» (*Liber Gratissimus*), а Гумберт — в трактате «Против симониаков» (MGH. Lib. T. 1. P. 95–253). Участники Собора отлучили от Церкви Григория, еп. Верчелли, за сожительство с вдовой и ложную клятву, но вскоре епископ прибыл в Рим и добился снятия отлучения (MGH. SS. T. 5. P. 129–130). Спор Иоанна, еп. Сабини, и монахов *Фарфы* о юрисдикции над мон-рем и о земельных владениях был решен в пользу обители (см.: *Longo. 2012. P. 306–308*). По просьбе кор. Эдуарда Исповедника Л. благословил строительство Вестминстерского аббатства (*Jaffé. RPR. N 4257*).

За время отсутствия Л. изменилось положение в Беневенто: жители города изгнали князей Пандульфа III и Ландульфа VI, враждовавших с понтификом, и попросили того принять город под свою власть. Л. направил в Беневенто кард. Гумберта и Доминика, патриарха Градо, которые в апр. 1051 г. приняли у горожан клятву верности и взяли заложников. После этого понтифик через Капую и Монте-Кассино прибыл в Беневенто, где 5 июля ему устроили торжественную встречу. Вскоре в город приехали кн. Гваймарий IV и его союзник, предводитель норманнов Дрогон из Отвиля, гр. Апулии. Посредником в переговорах Л. и Дрогона выступил архиеп. Халинард Лионский (MGH. SS. T. 7. P. 237). Гваймарий и Дрогон гарантировали неприкосновенность Беневенто, ставшего папским владением. Однако в ночь на 10 авг. 1051 г. Дрогон, только что покинувший город, был убит, и среди апулийских норманнов наступила анархия (*Annales Beneventani // MGH. SS. T. 3. P. 179; Storia. 1935. P. 131–133*). Л. направился в мон-рь Субиако, где назначил нового аббата Гумберта, уроженца Франции, проверил архивные документы и, обнаружив много фальшивых грамот, велел их уничтожить (*Chronicon Sublacense (AA. 593–1369) / Ed. R. Morghen. Bologna, 1927. P. 8–9*). В день Рождества Христова (25 дек. 1051) понтифик находился в Нарни, а 31 марта 1052 г. —

в Озимо, где он освятил кафедральный собор. После этого Л. вернулся в Юж. Италию, чтобы организовать военные действия против норманнов. В ряде источников сообщается, что норманны жестоко разоряли Апулию, и гибель Дрогона усугубила положение. Жители Апулии обратились к Л. с мольбой о помощи. По-видимому, в переговоры с папой вступил Аргир, назначенный в 1051 г. визант. наместником в Италии (*Vita et obitus Leonis IX. 14; MGH. SS. T. 5. P. 132; Bruno. Libellus de symoniaciis. 5 // MGH. Lib. T. 2. P. 550; De rebus gestis. 1927. P. 15; Guillermi Apuliensis Gesta Roberti Wiscardi // MGH. SS. T. 9. P. 255*). Л. и Фридрих Лотарингский стали собирать войско, но Гваймарий IV, связанный союзническими и родственными отношениями с норманнами, воспротивился этому. Однако в июне 1052 г. Гваймарий был убит, и норманны захватили Салерно, чтобы отомстить за его смерть. После этого Л. «пожелал привести норманнов в смятение и рассеять их». Он обратился к императору и королю Франции, «обещая им отпущение всех грехов и богатые дары, если они избавят страну от злобы норманнов» (*Storia. 1935. P. 138–139*).

Летом 1052 г. Л. покинул Италию и встретился с имп. Генрихом III, к-рый осаждал венг. крепость Пресбург (ныне Братислава). По просьбе венг. кор. Андраша I, стремившегося заключить мир с императором, понтифик организовал переговоры, которые, однако, вскоре были сорваны (Герман из Райхенау обвинял в этом венгров, автор Тульского Жития — советников императора). Из-за успешных действий венгерского войска Генриху III пришлось отступить. Папа и император посетили Регенсбург, где 7 окт. 1052 г. они участвовали в перенесении мощей св. *Вольфганга*, и Бамберг. Вероятно, в это время Л. принял апелляцию Роберта Жюмьежского, архиеп. Кентербери, изгнанного в сент. 1052 г. эрлом Годвином. Понтифик велел вернуть Роберту кафедру и, вероятно, отлучил от Церкви назначенного Годвином архиеп. Стиганда (*Jaffé. RPR. N 4331*). После праздника Рождества Христова в Вормсе состоялось имп. собрание, на котором Л. попросил Генриха III отправить войско для изгнания норманнов из Италии. В ходе переговоров

Л. передал имп. аббатству *Фульда* некие мон-ри и земли, принадлежавшие Папскому престолу, а также даровал Бамбергскому епископу *паллий* (Ibid. N 4287). В ответ император уступил папе права на земли к югу от Рима (MGH. SS. T. 5. P. 132). По сведениям Германа из Райхенау, Генрих III предоставил папе войско (*auxilia delegavit*). Однако Лев Остийский сообщал, что вскоре после отправления воинов имп. канцлер Гебхард, еп. Айхштетта (впосл. папа Римский *Виктор II*), настоял на возвращении войска. В распоряжении Л. осталось не более 500 человек. Герман утверждал, что папское войско состояло из авантюристов, охотников за наживой и преступников, бежавших от наказания (*Chronica monasterii Casinensis*. II 81). Т. о., хронисты полагали, что император фактически обманул Л. и лишил его необходимой поддержки. Однако в янв. 1054 г. понтифик все еще надеялся на прибытие императора в Италию (*exspectamus promissum et proximum adventum — Acta et scripta*. 1861. P. 87).

По-видимому, деятельность Л. привела к появлению у него могущественных противников среди имп. прелатов, окружавших Генриха III. В Хронике Фрутольфа Михельсбергского сообщается об инциденте во время мессы, к-рую совершал Майнцский архиеп. Лиутпольд I: Л. низложил диакона, к-рый с пренебрежением отнесся к его повелению соблюдать рим. богослужебные обычаи, и архиепископ пригрозил прервать мессу, если понтифик не отменит свое решение (MGH. SS. T. 6. P. 196–197; см.: *Munier*. 2002. P. 139–142). Недовольство епископов проявилось во время пребывания Л. в Мантуе, где понтифик созвал Собор (21 февр. 1053). Когда началось заседание, вооруженные слуги собравшихся епископов напали на папскую свиту и ранили (или убили) неск. человек. Собор был прерван, а Л. был вынужден простить виновных (*Vita Leonis IX*. II 17; MGH. SS. T. 5. P. 132; см.: *Munier*. 2002. P. 142–143).

В марте 1053 г. Л. вернулся в Рим и в апр. созвал Собор, на к-ром подтвердил права патриарха Градо, признав его митрополитом «всей Венеции и Истрии» (*Jaffé*. RPR. N 4295). В мае Л. выступил во главе войска на юг. По пути к нему присоединились Атенульф, герц. Гаэты, Ландон, гр. Акуино, Ландульф, гр. Теано, и др. представители знати. Ус-

лышав о приближении Л., норманны запросили мира, обещая признать папу сюзереном (MGH. SS. T. 5. P. 132; T. 9. P. 257; *Storia*. 1935. P. 153–154) (бенеventский агиограф утверждал, что предложение исходило от Л. — *Vita et obitus Leonis IX*. 14). Л. отказался от переговоров (согласно Амату Монте-Кассинскому, особую враждебность к норманнам проявил сопровождавший его Фридрих Лотарингский) и попытался объединить силы с византийцами, которыми командовал Аргир. Однако византийцы, потерпевшие к этому времени несколько поражений, не смогли встретиться с папским войском. Норманны под рук. Умфреда, гр. Апулии, его брата Робера Гвискара и Ришара, гр. Аверсы, атаковали воинов Л. близ Чивитате (ныне Сан-Паоло-ди-Чивитате, пров. Фоджа). Итал. отряды обратились в бегство, а германцы, оставшись без поддержки, понесли тяжелые потери (18 июня 1053). Обстоятельства пленения Л. по-разному описываются в источниках. По одной версии, во время сражения он находился в Чивитате; по другой — укрылся в городе, осознав, что битва проиграна. Согласно Гоффредо Малатерре, жители Чивитате выдали Л. норманнам (*De rebus gestis*. 1927. P. 15), но в Тульском Житии говорится, что понтифик, узнав о поражении, направился в Бенеvento сквозь толпу врагов, пораженных его самообладанием (*Vita Leonis IX*. II 21). Почти все авторы подчеркивают, что норманны почтительно обращались с Л. и не причинили ему вреда. Умфред позволил ему вернуться в Бенеvento, куда понтифик прибыл 23 июня. Герман из Райхенау и Бонизон утверждали, что Л. был пленником норманнов (MGH. SS. T. 5. P. 133; *Bonizo*. *Liber ad amicum*. 5 // MGH. Lib. T. 1. P. 589). Однако норманны не контрролировали город (они пытались захватить его уже после смерти Л.; см.: MGH. SS. T. 3. P. 180), поэтому Л. скорее всего остался в Бенеvento по своей воле (ср.: *Chronica monasterii Casinensis*. II 84). По свидетельству Малатерры, ему пришлось пойти на уступки норманнам, признать их права на захваченные территории и разрешить им продолжать экспансию в Калабрии и на Сицилии (*De rebus gestis*. 1927. P. 15). Однако Л. не отказался от намерения изгнать норманнов из Италии (*Acta et scripta*. 1861. P. 86–88). Только его

преемники установили более тесные отношения с норманнами (Мельфийское соглашение 1059), которые поддержали сторонников григорианской реформы.

Григорианские авторы восхваляли поход Л. как справедливую войну за освобождение угнетенных христиан и укрепление Церкви. По их словам, павшие воины получили вечное блаженство, т. к. они сражались за христ. веру против нечестивых угнетателей: «Погибшие за правое дело причисляются к мученикам» (*Bruno*. *Libellus de symoniaciis*. 5 // MGH. Lib. T. 2. P. 550; ср.: *Bonizo*. *Liber ad amicum*. 5 // MGH. Lib. T. 1. P. 589; *Poncelet*. 1906. P. 286–287). Автор Тульского Жития называл этих воинов святыми и утверждал, что от их останков совершались чудеса (*Vita Leonis IX*. II 21; ср.: *De obitu Leonis IX*. 11). Идея праведной войны в защиту христианства получила развитие в эпоху *крестовых походов*, вдохновителями которых были преемники Л. В то же время некоторые авторы сдержанно относились к военной экспедиции папы или открыто ее осуждали. Так, в Тульском Житии почти ничего не сказано о сражении; вместо этого приведена цитата из послания Л. имп. *Константину IX Мономаху* (*Jaffé*. RPR. N 4333). Герман из Райхенау сомневался в том, что предстоятелю Церкви следовало возглавлять войско (MGH. SS. T. 5. P. 132), а Петр Дамиани считал действия Л. ошибочными (*Die Briefe des Petrus Damiani*. Münch., 1988. Tl. 2. S. 514–515. N 87). Вероятно, в Италии на папу Римского возлагали ответственность за гибель множества воинов. В описании его чудес приведены слова женщины, не верившей в его святость: «Если папа Лев прогонит демонов, я стану царицей и верну к жизни погибших по его вине» (*quos ipse fecit gladio perimere — De obitu Leonis IX*. 8; *Vita et obitus Leonis IX*. 22. 7; ср.: *Bruno*. *Libellus de symoniaciis*. 7 // MGH. Lib. T. 2. P. 552). Позиция норманнских историков получила отражение в легенде о видении Иоанна, архиеп. Салернского, которому было открыто, что Бог отдал Юж. Италию норманнам, поэтому война с ними была сопротивлением Его воле (*Storia*. 1935. P. 151–152) (см.: *Munier*. 2002. P. 193–215, 247–253; *Taviani-Carozzi H.* *Léon IX et les Normands d'Italie du Sud* // *Léon IX*. 2006. P. 299–329).

Пребывая в Беневенто, Л. занимался только важнейшими делами, требовавшими его внимания. Он передал управление городом князьям Пандульф и Ландульф, которые признали себя вассалами папы. Получив жалобы Карфагенского архиеп. Фомы и его суффраганов Петра и Иоанна на епископа Гумми, присвоившего полномочия митрополита, понтифик подтвердил права Карфагенской кафедры как митрополии Африки, непосредственно подчиненной Папскому престолу. В посланиях содержатся ссылки на Лжеисидоровы декреталии (17 дек. 1053) (*Jaffé. RPR. N 4304–4305; см.: Munier. 2002. P. 394–397.*)

Летом или осенью 1053 г. в Беневенто было получено послание Охридского архиеп. Льва, адресованное Иоанну, еп. Трани, но предназначенное для папы Римского и «всех франкских епископов и священников». В послании содержались нападки на «иудейские» обычаи Римской Церкви, прежде всего совершение Евхаристии на опресноках и пост в субботу. Еп. Иоанн передал

послание кард. Гумберту, к-рый перевел его на латынь. Л. и его помощники решили, что обвинения, сформулированные архиеп. Львом, на самом деле исходили от К-польского патриарха Михаила Кирулария (по-видимому, это соответствовало действительности; по указанию патриарха были закрыты лат. церкви и мон-ри в К-поле). Среди причин, побудивших патриарха вступить в конфликт с Римской курией, называют противостояние Михаила Кирулария и лангобарда Аргира, сторонника альянса византийцев с папой и зап. императором. Реакция патриарха могла быть вызвана также борьбой Л. с симонией и укреп-

лением влияния Папского престола в визант. Апулии. Возможно, Михаил Кируларий рассматривал полемику с «латинянами» как средство для повышения своего духовного авторитета среди греческой паствы.

Обвинения визант. иерархов побудили Л. приступить к изучению греч. языка (*Vita Leonis IX. II 22*). Вероятно, при участии кард. Гумберта понтифик составил пространную апологию лат. церковных обычаев. Он подчеркивал, что является преемником ап. Петра и главой Римской Церкви, которая всегда была оплотом правосл. веры, тогда как К-поль — родина многих ересей. Хотя Л. призывал сохранять единство Церкви, несмотря на разницу в обычаях, послание отличалось резкостью тона и, вероятно, не было отослано в К-поль. В текст послания включена легенда о Константиновом даре (*Jaffé. RPR. N 4302; Böhmer. Reg. Imp. N 1112; изд.: Acta et scripta. 1861. P. 65–85*). Предположительно в нач. сент. Л. и Гумберт посетили Бари и на созванном там Соборе рассмотрели учение об исхождении Св. Духа от Отца и Сына. Возможно, понтифик также обсудил с Аргиром положение, сложившееся после

Папа Римский Лев IX
и св. Евгения.
Мозаика в аббатстве
Мон-Сент-Одиль, Эльзас.
XX в.

битвы при Чивитате (см.: *Böhmer. Reg. Imp. N 1113*). По-видимому, после Собора Николай, архиеп. Бари, и некий аббат Василий отправились в К-поль, доставив туда текст полемического «Диалога» кард. Гумберта (см.: *Бармин. 2006. С. 138, 148*). С этой миссией можно связывать действия имп. Константина Мономаха, который направил папе Римскому примирительное письмо и побудил сделать то же патриарха Михаила Кирулария (эти письма были получены в Беневенто в кон. 1053 или нач. 1054). Император и патриарх призывали Л. к совместным действиям против норманнов. В ответном послании Константину Мономаху понтифик выразил готовность сотрудничать с Аргиром и предложил византийцам привлечь к войне с нор-

маннами имп. Генриха III. Он также попросил визант. императора усмирить патриарха, чьи действия, по его мнению, угрожали единству Церкви (*Jaffé. RPR. N 4333; Acta et scripta. 1861. P. 85–89*). Ответ папы Михаилу Кируларию выдержан в более резких тонах; Л. упрекал его в присвоении титула «Вселенский патриарх», в анафематствовании лат. литургических обычаев и т. д. (*Jaffé. RPR. N 4332; Acta et scripta. 1861. P. 89–92*). Между янв. и апр. 1054 г. понтифик направил в К-поль легатов — кард. Гумберта, канцлера Фридриха Лотарингского и Петра, архиеп. Амальфи. Вероятно, по поручению папы Доминик, патриарх Градо, написал Антиохийскому патриарху *Петру III* послание с просьбой высказать мнение о действиях К-польского патриарха (*Acta et scripta. 1861. P. 205–208*). Деятельность папских легатов в К-поле была неудачной, т. к. они занимались гл. обр. полемикой и участвовали в диспутах. Поскольку патриарх избегал общения с легатами, 16 июля 1054 г. они анафематствовали «Михаила и его приспешников» (*Ibid. P. 153–154*); после отъезда легатов патриарх также провозгласил против них анафему. Однако в лат. источниках приведена т. зр. кард. Гумберта, согласно которой миссия легатов завершилась успешно, им удалось установить доброжелательные отношения с визант. императором (напр.: *Vita Leonis IX. II 19; Bonizo. Liber ad amicum. 5 // MGH. Lib. T. 1. P. 589; Chronica monasterii Casinensis. II 85*) (см.: *Munier. 2002. P. 216–246; Бармин. 2006; Cheynet J.-C. La politique byzantine de Léon IX // Léon IX. 2006. P. 259–272*).

Во время пребывания Л. в Беневенто состояние его здоровья значительно ухудшилось. Он тяжело переживал гибель своих воинов в битве при Чивитате, постоянно молился о них, ежедневно совершал мессу и прочитывал все псалмы. В Тульском Житии говорится о постах, бдениях и др. аскетических подвигах, к-рые подорвали здоровье Л.: у него начались сильные боли, развилась анорексия. О болезненном состоянии понтифика упоминается и в сказании епископа Червии. 12 февр., в день своей интронизации, Л. совершил последнюю мессу (*Vita Leonis IX. II 22–25; De obitu Leonis IX. 2; MGH. SS. T. 5. P. 133; см.: Munier. 2002. P. 249–256*). По-видимому,

в это время он составил покаянную стихотворную молитву, в к-рой уподоблял себя человеку, спасенному добрым самарянином (Лк 10. 30–37) (АНМА. Т. 50. Р. 305–307).

Предчувствуя кончину, Л. отправился в Рим (12 марта 1054). До Капуи его сопровождали норманны во главе с гр. Умфредом (*Chronica monasterii Casinensis*. II 84; *De rebus gestis*. 1927. Р. 15–16). Сначала понтифик остановился в Латеранском дворце и созвал Собор, о котором известно из папской привилегии аббатству Херсфельд (*Böhmer. Reg. Imp.* N 1152). Вскоре Л. велел перенести себя в Ватикан, во дворец при базилике св. Петра. Незадолго до смерти понтифик созвал кардиналов и других клириков и рассказал им, что ему явились павшие воины-мученики и позвали его к себе (*De obitu Leonis IX*. 2; *Vita et obitus Leonis IX*. 16; *Bruno. Libellus de symoniacis*. 6 // MGH. Lib. T. 2. P. 550). Л. скончался во сне перед алтарем св. Петра и в тот же день был похоронен в саркофаге, установленном в нартексе базилики, рядом с алтарем св. Григория Великого.

По словам Бонизона из Сутри, Л. на смертном одре поручил Хильдебранду заботиться о Римской Церкви (*Bonizo. Liber ad amicum*. 5 // MGH. Lib. T. 1. P. 589). Однако в это время Хильдебранд находился во Франции; узнав о кончине Л., он поспешил в Майнц, где встретил рим. делегацию и принял участие в переговорах с имп. Генрихом III об избрании преемника. В результате длительного обсуждения была согласована кандидатура еп. Гебхарда Айхштеттского, принявшего имя Виктор II. Несмотря на прежние разногласия с Л., он созвал Собор во Флоренции и заявил о намерении продолжить церковную политику предшественника. После его кончины римские кардиналы без санкции малолетнего кор. *Генриха IV* избрали на Папский престол Фридриха Лотарингского (папа Стефан IX (X)), некогда помощника Л.

Почитание Л. началось сразу после его кончины. Во многом это было связано с репутацией понтифика как ревностного пастыря, заботившегося о нуждах Церкви. Современники Л. давали ему восторженные характеристики. Так, монтекассинский аббат Дезидерий именовал его «апостольским мужем... исполненным мудрости» (MGH. SS. T. 30.

Pars 2. P. 1143); по словам Мане-гольда, «никто не сомневается, что он был исполнен святости и мудрости» (MGH. Lib. T. 1. P. 326). Мн. авторы отмечали его кротость и милосердие (напр.: *Bruno. Libellus de symoniacis*. 2 // MGH. Lib. T. 2. P. 548). Иоанн Феканский называл Л. «дивным папой», сравнивая его со Львом Великим и Григорием Великим (PL. 143. Col. 797–800).

В первые дни после кончины Л. у его гробницы стали совершаться

Церковь св. Льва IX, папы Римского, в Нанси. XIX в.

исцеления, описания к-рых были включены в агиографические сборники. О чудесах от мощей Л. упоминали многие авторы (напр.: *Vita Leonis IX*. II 27; *Bonizo. Liber ad amicum*. 5 // MGH. Lib. T. 1. P. 589; MGH. SS. T. 30. Pars 2. P. 1145), даже Герман из Райхенау, который скончался через 5 месяцев после понтифика. Бруно из Сеньи завершил повествование о Л. описанием его чудес, частично основанным на агиографических сборниках. По его словам, папа Григорий VII также считал Л. чудотворцем (*Bruno. Libellus de symoniacis*. 7–9 // MGH. Lib. T. 2. P. 552–554). О гробнице Л., от которой совершались чудеса, упоминается в «Описании Ватиканской базилики» каноника Петра Маллия (XII в.; см.: *Codice topografico della città di Roma* / Ed. R. Valentini, G. Zucchetti. Roma, 1946. Т. 3. P. 414). В лит-ре встречается утверждение, что папа Виктор III в 1087 г. открыл гробницу Л. и установил его почитание, но источник этой информа-

ции трудно определить. В 1606 г., во время строительства новой базилики св. Петра, саркофаг Л. был вскрыт и перенесен в левую апсиду трансепта (*Duchesne L. Étude sur le Liber Pontificalis*. P., 1877. P. 250–252). В наст. время мощи Л. хранятся в алтаре Распятия ап. Петра.

В Туле при еп. Пибоне (1070–1107) декан соборного капитула Лиутольф построил ц. во имя Л., при которой возник монастырь регулярных каноников (*Calmet A. Histoire de Lorraine*. Nancy, 1757. Т. 7. Col. CXIII). Особое почитание Л. сложилось в Беневенто: здесь находилась ц. во имя Л. при аббатстве Св. Софии, освященная архиепископами Удальриком (1053–1069) или Ротфредом I (1076–1107). Этот храм, в котором совершались чудеса, стал местом паломничества уже во 2-й пол. XI в. (*Vita et obitus Leonis IX*. 41; см.: *Vuolo*. 2010. P. C–CI). В XII в. существовал монастырь во имя святого в Гуардия-Ломбарди (пров. Авеллино). Поминовение Л. 19 апр. указано в ряде средневековых мартирологов и некрологов (*Neiske F. La «memoria» de Léon IX dans les nécrologues et les martyrologues* // *Léon IX*. 2006. P. 633–645). С 1762 г. Л. почитается как покровитель Беневенто. Память святого значится в Римском мартирологе.

Ист.: *Jaffé. RPR*. N 4153–4335; *Böhmer. Reg. Imp.* Bd. 3. Tl. 3. Abt. 5. Lfg. 2. S. 70–630. N 401–1160; BHL, N 4818–4829; *ActaSS. Bened.* T. 2. P. 53–80; *ActaSS. Apr.* T. 2. P. 648–674; PL. 143. Col. 465–504, 525–546; *Vita Leonis IX* // *Die Toulser Vita Leos IX.* / Hrsrg. H.-G. Krause. Hannover, 2007. (MGH. Script. Ser. Germ.; 70); *Vita et obitus Leonis IX* // *Vuolo A. Agiografia d'autore in area beneventana: Le «Vite» di Giovanni da Spoleto, Leone IX e Giovanni Crisostomo (sec. XI–XII).* Firenze, 2010. P. 19–90; *De obitu Leonis IX* // *Ibid.* P. 91–118; *Chronica monasterii Casinensis* // *Die Chronik von Montecassino* / Hrsrg. H. Hoffmann. Hannover, 1980. (MGH. SS; 34); *Acta et scripta quae de controversiis Ecclesiae Graecae et Latinae saeculo undecimo composita extant* / Ed. C. Will. Lpz.; Marburg, 1861; *Pontificum Romanorum qui fuerunt inde ab exeunte saeculo IX usque ad finem saeculi XIII vitae ab aequalibus conscriptae* / Ed. I. M. Watterich. Lipsiae, 1862. T. 1. P. 93–177; *Poncelet A. Vie et miracles du pape S. Léon IX* // *AnBoll.* 1906. T. 25. P. 258–297; *De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius auctore Gaufrido Malaterra* / Ed. E. Pontieri. Bologna, [1927]. P. 15–16; *Storia de' Normanni di Amato di Montecassino* / Ed. V. de Bartholomaeis. R., 1935. P. 128–141, 150–159, 163; *La vie du pape Léon IX (Brunon, évêque de Toul)* / Ed. M. Parisse, M. Gouillet. P., 1997; *The Papal Reform of the 11th Century: Lives of Pope Leo IX and Pope Gregory VII* / Transl. I. S. Robinson. Manchester, 2004.

Лит.: *Bröcking W.* Die französische Politik Papst Leos IX.: Ein Beitr. z. Geschichte des Papsttums im XI. Jh. Stuttgart, 1889; *Brucker P.-P.* L'Alsace et l'Église au temps du pape S. Léon IX (Bruno d'Eguisheim), 1002–1054. Strasbourg, 1889. 2 vol.; *Martin E.* St. Léon IX. P., 1904; *Fliche A.* La réforme grégorienne. Louvain, 1924. T. 1; *Bloch R.* Die Klosterpolitik Leos IX. in Deutschland, Burgund und Italien // Archiv f. Urkundenforschung. B., 1930. Bd. 11. S. 176–257; *Pfleger L.* Der Kult St. Leos IX. im Elsass // Archiv f. Elsässische Kirchengeschichte. Bonn, 1935. Bd. 10. S. 79–105; *MartRom.* Comment. P. 145–146; *Huyghebaert N.-N.* Saint Léon IX et la lutte contre la simonie dans le diocèse de Verdun // Studi Gregoriani. R., 1947. Vol. 1. P. 417–432; *Michel A.* Die Anfänge des Kardinals Humbert bei Bischof Bruno von Toul (Leo IX.) // Ibid. 1948. Vol. 3. P. 299–319; *Tritz H.* Die hagiographischen Quellen zur Geschichte Papst Leos IX.: Eine Untersuchung. ihrer Überlieferungs- und Entstehungsgeschichte // Ibid. 1952. Vol. 4. P. 191–364; *Choux J.* Études récentes sur Léon IX // Annales de l'Est. Nancy, 1953. T. 4. N 2. P. 177–182; IXe Centenaire de la mort du pape St. Leon IX / Éd. L. Sittler. Colmar, 1954; *Garreau A.* Léon IX, pape alsacien, réformateur de l'Église (1002–1054). P., 1965; *Choux J.* *Mocchegiani Carpano C.* Leone IX, santo // BiblSS. Vol. 7. Col. 1293–1302; *Petrucchi E.* Rapporti di Leone IX con Costantinopoli // Studi Medievali. Ser. 3. Spoleto, 1973. Vol. 14. N 2. P. 733–781; *idem.* Ecclesiologia e politica di Leone IX. R., 1977; *Krause H. G.* Über den Verfasser der Vita Leonis IX papae // DA. 1976. Bd. 32. S. 49–85; *Beumann H.* Reformpäpste als Reichsbischofe in der Zeit Heinrichs III.: Ein Beitr. z. Geschichte des ottonisch-salischen Reichskirkensystems // FS E. Hausmann / Hrsg. H. Ebner. Graz, 1977. S. 21–37; *Dahlhaus J.* Aufkommen und Bedeutung der Rota in den Urkunden des Papstes Leo IX. // AHPont. 1989. Vol. 27. P. 7–84; *idem.* Urkunde, Itinerar und Festkalender: Bemerkungen zum Pontifikat Leos IX // Aspects diplomatiques des voyages pontificaux / Éd. B. Barbische, R. Grosse. P., 2009. P. 7–29; *Schieffer R.* Leo IX. // LexMA. Bd. 5. Sp. 1880–1881; *Parisse M.* Léon IX // Dictionnaire hist. de la papauté / Éd. Ph. Le Villain. P., 1994. P. 1025–1027; *idem.* Le peuple, l'évêque et le roi: À propos de l'élection épiscopale de Léon IX // Peuples du Moyen Âge: Problèmes d'identification / Éd. C. Carozzi, H. Taviani-Carozzi. Aix-en-Provence, 1996. P. 77–96; *idem.* Leone IX, santo // Enciclopedia dei papi. R., 2000. Vol. 2. P. 157–162; *idem.* Léon IX, pape européen // Il Papato e l'Europa / Éd. G. De Rosa, G. Cracco. Soveria Mannelli, 2001. P. 81–97; *Munier Ch.* Le pape Léon IX et la réforme de l'Église. Strasbourg, 2002; *Бармин А. В.* Polemika i skizma: Istoriya greko-lat. sporov IX–XII vv. M., 2006. S. 122–212; Léon IX et son temps: Actes du colloque intern. (Strasbourg–Eguisheim, 20–22 juin 2002) / Éd. G. Bischoff, B.-M. Tock. Turnhout, 2006; *D'Agostino M. G.* Il Primato della Sede di Roma in Leone IX (1049–1054): Studio dei testi latini nella controversia greco-romana nel periodo gregoriano. Cinisello Balsamo, 2008; *Longo U.* Leone IX e la diffusione della riforma: Uomini, procedure, monachesimo // La Reliquia del Sangue di Cristo: Mantova, l'Italia e l'Europa al tempo di Leone IX / Ed. G. M. Cantarella, A. Calzona. Verona, 2012. P. 295–312; *Riccioni S.* Le Arti a Roma al tempo di Leone IX // Ibid. P. 341–358.

А. А. Королёв

ЛЕВ X (11.12.1475, Флоренция — 1.12.1521, Рим; до избрания папой — Джованни ди Лоренцо Медичи), папа Римский (с 11 марта 1513). Четвертый ребенок из 9 детей (2-й сын

Лев X, папа Римский.

Гравюра из кн.: *Platina V. Historia.* 1626. P. 347 (РГБ)

после Пьетро Медичи) фактического правителя Флорентийской республики Лоренцо Медичи (Великолепного) и его супруги Клариче Орсини. Получил образование в духе *гуманизма*; его учителем был поэт-неоплатоник гуманист Анджеоло Полициано, греч. языку его учил Деметрий Халкокондил. Ренессансная образованность, основанная на античных

Джованни Медичи в сцене «Утверждение Устава францисканского ордена». Фрагмент росписи ц. Санта-Тринита во Флоренции. Ок. 1482–1486 гг. Худож. Д. Гирландайо

греч. и рим. образцах, наложила отпечаток на интересы Дж. Медичи: он увлекался лат. поэзией, был неплохим импровизатором. Как 2-му сыну в знатной семье ему была предназначена церковная карьера. 1 июня 1483 г., в возрасте 7 лет, он принял tonsuru и стал клириком; год спустя папа Римский *Сикст IV (1471–1484)* сделал его апостольским протонотари-ем. В качестве бенефициев Дж. Ме-

дичи получил несколько аббатств во Франции, аббатство Моримондо в Миланском герц-стве (на условиях *комменды*); в 1487 г. — аббатство Монте-Кассино в Неаполитанском королевстве. Сближение Лоренцо Великолепного с папой Римским *Иннокентием VIII (1484–1492)* привело к тому, что после заключения в 1487 г. брака дочери Лоренцо Маддалены с незаконным сыном папы Франческетто Чибо Дж. Медичи был назначен кардиналом-диаконом рим. ц. Санта-Мария-ин-Домника (9 марта 1489). Поскольку ему еще не исполнилось 16 лет, назначение было совершено только через 3 года; кардинальское одеяние и перстень Дж. Медичи вручили 9 марта 1492 г. Изучал богословие и каноническое право в Пизанском ун-те. Получив степень д-ра права, в марте 1492 г. Дж. Медичи в качестве полноправного члена *коллегии кардиналов* переселился в Рим. Лоренцо Великолепный написал ему по этому поводу письмо с напутствиями: он советовал сыну быть скромным и не поддаваться влиянию Рима, «гнезда всех пороков» (*sentina di tutti i mali*); предостерегал его от обвинений в лицемерии (впосл. Л. не удалось этого избежать); просил заботиться о семье и родном городе и об их верности католич. Церкви; рекомендовал собирать не драгоценности, а предметы старины и книги.

15 апр. 1492 г. кард. Дж. Медичи был назначен папским легатом в Патримоний св. Петра, а 11 мая — во Флорентийское герц-ство. Однако после кончины в июле 1492 г. папы Иннокентия VIII Дж. Медичи лишился своего привилегированного статуса. На конклаве в авг. 1492 г. он с опозданием примкнул к партии победившего кандидата Родриго Борджа (папа *Александр VI (1492–1503)*); как утверждали, не обошлось без подкупа) и после избрания нового папы уехал во Флоренцию.

В столкновении интересов неаполитанского кор. *Фердинанда V (II)* Арагонского и миланского герц. Лодовико Сфорцы правитель Флоренции Пьеро Медичи, старший брат кард. Дж. Медичи, выступил на стороне короля. Сфорца призвал в Италию французов, и в нояб. 1494 г. семья Медичи была изгнана из Флоренции восставшими сторонниками республиканского режима. Дж. Медичи бежал из города, переодетый, как говорили, францисканским монахом.

После этого кардинал вместе с кузеном Джулио Медичи (впосл. папа Римский *Климент VII* (1523–1534)) в течение почти 5 лет путешествовал инкогнито по Европе, стремясь найти союзников среди местных правителей для восстановления власти Медичи во Флоренции. В г. Ульм городские власти арестовали их и отправили в Вену к имп. *Максимилиану I* Габсбургу (1508–1519), который освободил их из-под ареста. Некоторое время братья жили при дворе сына императора, Филиппа Красивого, герц. Бургундии (1482–1506); возможно, они планировали отправиться в Англию, но в Руане были вновь арестованы и освобождены только после личного вмешательства главы семьи Пьеро Медичи, находившегося в Венеции.

В мае 1500 г. Дж. Медичи вернулся в Рим и жил в приобретенном им в рассрочку дворце близ ц. Сант-Эустакио, получившем впосл. название Палаццо-Мадама (в 1509 из-за долгов кард. Дж. Медичи пришлось продать дворец вдове Пьеро Медичи Альфонсине Орсини, а через 10 лет он получил его обратно по ее завещанию; ныне резиденция итал. сената). Сюда он перевел выкупленную им у флорентийского правительства семейную б-ку, к-рая была открыта для образованных читателей; там он проводил время в занятиях лит-рой и развлечениях. После гибели старшего брата Пьеро Медичи в 1503 г. в сражении при Гарильяно кардинал стал главой семейства и лишь изредка вмешивался в большую политику: стремясь восстановить власть Медичи, он поддерживал заговоры против правящего во Флоренции режима во главе с пожизненным гонфалоньером Пьеро Содерини. Поскольку Флорентийская республика в этот период придерживалась профранцузской ориентации, попытки свергнуть режим Содерини усилились с переменной позиции папы Римского *Юлия II* (1503–1513): сначала в союзе с французским кор. Людовиком XII и др. государями папа в 1509 г. разгромил Венецию, а с 1510 г. поставил перед собой задачу уже в союзе с Венецией изгнать из Италии чрезмерно усилившихся французов и укрепить авторитет папства. Рассорившийся с папой франц. король объявил о союзе осенью 1511 г. Собора в Пизе (май 1511 – лето 1512; заседания проходили также в Милане, Асти,

Лионе, см. ст. *Пизанские Соборы*), который должен был низложить Юлия II. Папа в свою очередь объявил о создании антифранц. Священной лиги (1511–1513), куда кроме Папского гос-ва вошли Испания, Англия, Венеция и швейцар. кантоны. Кард. Дж. Медичи был назначен легатом папской армии в Романье, фактическим правителем Болоньи, 2-го по значимости города в папских владениях; в его задачу входило во время войны против французов освободить Болонью и др. города обл. Романья от непокорных местных правителей.

В битве при Равенне (11 апр. 1512) войска Священной лиги потерпели поражение, а кардинал попал в плен к французам. Сначала его содержали в Милане, к-рый оказался под папским *интердиктом*, т. к. туда переехали участники Пизанского Собора. Как папский легат кард. Дж. Медичи среди прочего давал разрешения на погребение жителям и солдатам, добиваясь обещаний не воевать против Римского понтифика и католической Церкви; тем самым он подрывал авторитет не признанного Папским престолом Пизанского Собора. Кор. Людовик XII решил перевести неудобного пленника во Францию, но по пути Медичи удалось бежать. После ухода французских войск из Италии появилась возможность свергнуть республиканский режим и восстановить фактическую синьорию Медичи во Флоренции. Такое решение было принято членами Священной лиги на съезде в Мантуе в авг. 1512 г. Кардинал был назначен легатом в Тоскану и сопровождал войско, которое двинулось к Флоренции и 29 авг. захватило флорентийский форпост Прато. Прато было полностью разграблено; ответственность за это мн. современники возлагали на кард. Дж. Медичи. Устрашенные флорентийцы согласились впустить Медичи в город; вскоре власть этого семейства во Флоренции была восстановлена.

После смерти папы Юлия II (21 февр. 1513) на конклаве, открывшемся 4 марта, собрались 25 (из 31) кардиналов (19 из них были итальянцы и только один француз ввиду продолжавшегося конфликта Папского престола с Церковью во Франции (см. ст. *Галликанизм*)). Раффаэле Риарио, родственник Римских пап Сикста IV и Юлия II, возглавлявший испанскую партию, был

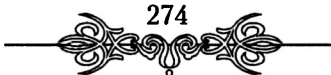
главным конкурентом Дж. Медичи, которому в поиске союзников пришлось договариваться с кард. Франческо Содерини, братом свергнутого флорентийского гонфалоньера Пьеро Содерини (результатом договоренности стало прекращение преследований семьи Содерини). Избранию Дж. Медичи на Папский

Лев X, папа Римский.
Медальон. XVI в.
(Ватиканская б-ка)

престол способствовали интриги его секретаря и наперсника еще с детства Бернардо Довици да Биббьена, распускавшего слухи о том, что буд. папа, несмотря на довольно юный для первосвященника возраст (37 лет), ввиду своего слабого здоровья долго не проживет (за оказанные услуги Дж. Медичи, став папой, возвел его в кардинальское достоинство). Кроме того, Дж. Медичи, будучи прирожденным дипломатом, человеком обходительным, щедрым, высокообразованным, покровителем искусств и словесности, настроенным скорее мирно, чем воинственно, выгодно отличался от Юлия II, который вел себя как самовластный светский государь.

Избрание на Папский престол кард. Дж. Медичи, как утверждали, состоялось без подкупа кардиналов (согласно декрету «*Si summus regum orifex*», утвержденному незадолго до кончины папы Юлия II *Латеранским V Собором* (открылся в мае 1512), папские выборы, если они сопровождалась подкупом, объявлялись недействительными, а виновные должны были подвергнуться церковному отлучению). Как и в ходе прежних выборов, кардиналы под присягой утвердили «капитуляцию», определявшие задачи и ограничивавшие возможность произвола буд. понтифика: он должен был с согласия христ. держав организовать поход против турок, продолжить заседания V Латеранского Собора, ре-

организовать папскую курию, провести реформы в католич. Церкви. Все важные решения, напр. о возбуждении исков против кардиналов, папа мог принимать только с согласия $\frac{2}{3}$ членов коллегии кардиналов. Перед папской коронацией Дж. Медичи был рукоположен в сан священника (15 марта), а затем епископа (17 марта). Вступление нового папы Римского в должность (ингресс) состоялось 11 апр. 1513 г.; на торжественное богослужение в Латеранской базилике было истрчено более 100 тыс. дукатов. Статуи и триумфальные арки, расставленные на пути папской процессии к базилике, символизировали преемственность между имперским и папским Римом, а избранное новым понтификом имя Лев X говорило о том, что он, как и папа Лев IX (1049–1054), видел целью своего понтификата возвеличение Папского престола.

Внешняя политика. Пытаясь отстаивать «итальянскую свободу», Л. должен был лавировать между Францией и Испанией. 6 июня 1513 г. французская армия потерпела тяжелое поражение при Новаре от швейцарцев, выступавших от имени Священной лиги и получивших благодаря своей победе контроль над Миланским герц-ством. Французы потеряли также Геную, а выступавшие в союзе с Францией венецианцы были разгромлены под Виченцей. Все это способствовало большей стоворчивости кор. Людовика XII в отношениях с Папским престолом. Пизанский Собор, переехавший к тому времени в Лион, был распущен, часть франц. прелатов по требованию папы явилась в Рим, кардиналы, участвовавшие в работе Пизанского Собора, покаялись и после унижительной для них церемонии получили прощение.

В янв. 1515 г. на франц. престол взошел новый король, Франциск I. Решив отвоевать прежние франц. владения в Италии, он в сент. 1515 г. разгромил швейцарцев в битве при Мариньяно. Папе пришлось договариваться с Франциском I на невыгодных для себя условиях, в частности пойти на компромисс касательно тех церковных владений, которые он намеревался передать своим родственникам: Л. отказался от Пармы и Пьяченцы, вернул герцогу Феррары Альфонсо д'Эсте города Модена и Реджо-нель-Эмилия; взамен Фран-

циск I пообещал не препятствовать захвату папой герц-ства Урбино (оно было передано племяннику Л.— Лоренцо II ди Пьеро Медичи). Король согласился также урегулировать вопрос о *Буржской Прагматической санкции*, лежавшей в основе претензий Церкви во Франции на независимость от Папского престола. Во время личной встречи в Болонье в дек. 1515 г. Л. и Франциск I пришли к соглашению: Прагматическая санкция была отменена, но франц. монарх получил право предлагать кандидатов на вакантные церковные должности в своих владениях; назначенные кандидаты получали от него «светскую» инвеституру и приносили ему присягу. Это соглашение было закреплено *Болонским конкордатом* (18 авг. 1516), к-рый упразднил автономию галликанской Церкви.

По-новому распределились политические силы в Европе перед выборами императора в 1519 г. Наиболее вероятным кандидатом был внук покойного имп. Максимилиана I, кор. Карл I Габсбург (см. *Карл V*), унаследовавший от своего 2-го деда, кор. Фердинанда V (II) Арагонского, фактически все испан. земли. Избрание Карла I императором привело бы к объединению под его властью огромных территорий: Испании, Бургундии, Нидерландов, герм. и южноитал. земель, что означало угрозу для папских владений как с севера, так и с юга. Поэтому Л. поддерживал (или скорее делал вид, что поддерживает) притязания на имп. престол франц. кор. Франциска I. Таки-ми соображениями отчасти объясняется первоначальная вялая реакция папы на проповедническую деятельность Мартина Лютера, покровитель к-рого Фридрих III Мудрый, курфюрст Саксонии, мог стать претендентом на имп. корону и пользовался нек-рой поддержкой др. имп. выборщиков (Фридрих Мудрый отказался от участия в выборах). Л. пытался заручиться поддержкой Франции в своих планах по расширению владений семейства Медичи: племянник папы Лоренцо II ди Пьеро Медичи с согласия франц. короля стал герцогом Урбино, однако незадолго до имп. выборов он скончался. 28 июня 1519 г. испан. кор. Карл I Габсбург был избран императором; папе ничего не оставалось, как перейти к открытому сотрудничеству с ним. Уже к моменту выборов понтифик опубликовал буллу, отменив-

шую запрет совмещать имп. титул с короной Неаполитанского королевства; при этом запрет на прямое управление вассальными территориями Свящ. Римской империи в Сев. и Центр. Италии сохранился.

В мае 1521 г. Л. заключил с императором вечный союз для борьбы против турок и еретиков, а также против Франции и Венеции. Уже в нояб. при поддержке императора Л. удалось вернуть себе Парму и Пьяченцу.

Политика в Италии. Забота о семейных владениях. Л., как и мн. папы Римские эпохи Ренессанса, старался укрепить позиции своей семьи

Папа Римский Лев X
с кардиналами.
1518–1519 гг. Худож. Рафаэль
(Галерея Уффици, Флоренция)

и расширить ее владения в Италии. В 1513 г., после возвращения Медичи к власти во Флоренции, папа поставил во главе республики своего брата Джулиано II Медичи (с титулом «капитан-генерал Флорентийской республики») и племянника Лоренцо II ди Пьеро Медичи; для них он пытался «выкроить» особые владения на севере Италии. Сближение с кор. Франциском I позволило Л. приступить к выполнению плана по возвышению Джулиано: тот был назначен губернатором Пармы и Пьяченцы, в нач. 1515 г. вступил в брак с тетей Франциска I герц. Филибертой Савойской и получил от франц. короля титул герцога Немурского. Смерть Джулиано (17 марта 1516) разрушила связанные с ним надежды.

Др. проект предусматривал передачу формально подчиненного Папскому престолу герц-ства Урбино Лоренцо II ди Пьеро Медичи, чего

особенно добивалась его мать, Альфонсина Орсини. Правящий герцог кондотьер Франческо Мария делла Ровере, племянник папы Юлия II, был обвинен в измене и отстранен от власти. Делла Ровере начал войну за свои земли; через 8 месяцев (до окт. 1517), несмотря на формальный успех, она окончилась для папы не очень удачно: он истратил на военные действия ок. 800 тыс. дукатов и, хотя земли герцогства остались под контролем Папского престола, Л. по условиям мирного договора должен был оплатить военные расходы герцога. Тот сохранил войско и артиллерию и после смерти папы (1521) вернул себе владения. Лоренцо II ди Пьеро Медичи, получив титул герцога Урбино, 25 янв. 1518 г. вступил в брак со знатной французской дамой Мадлен де ла Тур д'Овернь. Этот брак оказался несчастливым: весной 1519 г. оба супруга умерли один за другим, оставив единственную дочь — Екатерину Медичи (впосл. королева Франции). Со смертью Лоренцо II ди Пьеро Медичи ближайшая перспектива создать отдельное политическое образование в Романье или Тоскане и в дальнейшем завладеть Неаполем или Миланом была утрачена. Фактическим правителем Флоренции в качестве легата Тосканы (назначен 27 мая 1519) стал кузен папы — кард. Джулио Медичи, архиеп. Флоренции.

В последние годы понтификата Л. продолжил политику по искоренению мелких итал. тираний и передаче их под контроль Папского престола, начатую еще папами Александром VI и Юлием II. Речь шла о городах обл. Марке на востоке и о Беневенто на юге, в Кампании. В апр. 1520 г. папа обманом завлек в Рим сеньора Перуджи, главного города Умбрии, и приказал его казнить. Л. пытался изгнать из Феррары герц. Альфонсо д'Эсте, но ранняя смерть помешала ему довести эти планы до конца.

Заговор Петруччи. В марте 1516 г. Л. воспользовался борьбой внутри клана правителей Сиены Петруччи и содействовал свержению Боргезе Петруччи его кузеном Раффаэле Петруччи, еп. Гроссето и комендантом замка Св. ангела. Во время т. н. Урбинской войны брат Боргезе Петруччи, кард. Альфонсо Петруччи, намеревался сместить папу, опираясь на испанцев и герц. Ф. М. делла Ровере, и избрать на Папский пре-

стол кард. Раффаэле Риарио. Кард. А. Петруччи вступил в переписку с нек-рыми членами консистории с целью склонить их к поддержке этого плана. О заговоре Л. узнал из перехваченного письма кардинала своему секретарю Маркантонио Нини. В апр. 1517 г. началось расследование, во время которого выяснилось, что Петруччи хотел отравить понтифика, прибегнув к помощи недавно приглашенного к папе врача Баттисты да Верчелли. Предоставив заговорщику охранную грамоту, Л. призвал его в Рим, но по приезде кардинала заключили в тюрьму и вскоре задушили; его секретарь и врач были четвертованы. Л. объяснял нарушение данной им грамоты тем, что она не распространялась на столь неслыханное злодеяние, как покушение на жизнь главы католич. Церкви. Замешанные в заговоре и не донесшие о нем кардиналы Бандинелло Саули, Франческо Содерини, Адриано Кастеллези и Раффаэле Риарио должны были заплатить огромные штрафы; кард. Р. Риарио, выплатив 150 тыс. дукатов, лишился к тому же своего роскошного дворца, к-рый стал резиденцией папской канцелярии. Современники обвиняли папу в чрезмерной жестокости и намеренном раздувании этого дела в целях укрепления собственной власти, поскольку репрессии позволили ему запугать кардиналов и значительно увеличить их число: в июле 1517 г. были названы имена 31 нового члена коллегии кардиналов, в т. ч. и Раффаэле Петруччи (в течение понтификата Л. назначил 42 кардинала). Многие из них были выходцами из богатых семей банкиров и торговцев и заплатили за свое избрание; полученные т. о. средства послужили для пополнения быстро опустошавшейся папской казны.

Церковная политика. При Л. продолжил работу V Латеранский Собор (1513–1517), были приняты его основные декреты; начиная с 6-й сессии (апр. 1513) папа возглавлял соборные заседания. Решения Собора были направлены на преодоление раскола в Церкви, внутренние церковные реформы и борьбу с неверными. Папе удалось закрепить свое верховенство над Соборами и добиться отмены Буржской Прагматической санкции, но это было сделано ценой существенных уступок французскому королю, в т. ч. по сбору десятины. В связи с попыт-

ками организовать крестовый поход против турок похожие уступки были сделаны и др. европейским монархам, которым было предложено заключить всеобщий мир и объединиться в борьбе против мусульман. Папа оказывал финансовую помощь рыцарям-госпитальерам, содействовал завоеваниям португ. кор. Мануэля I на Востоке, признав их законность, в 1513 г. поручил кард. Фоме (Тамашу) *Бакоцу*, папскому легату в Центр. и Вост. Европе, организацию крестового похода против турок (в Венгрии деятельность францисканцев-обсервантов, занимавшихся проповедью крестового похода, привела к крупному крестьянскому восстанию; многие из проповедников перешли на сторону восставших и стали их идейными вождями), однако поход против турок организовать не удалось из-за разногласий между главами европ. держав.

В ходе V Латеранского Собора был принят ряд важных решений, оформленных затем папскими буллами: осуждению подверглись представления, опровергающие бессмертие души, и идеи о возможности существования 2 различных истин, которые познаются с помощью философии и веры; была введена церковная цензура для всех печатных книг; определены права и обязанности духовных лиц, в т. ч. кардиналов. Часть постановлений Собора касалась нищенствующих орденов и их взаимоотношений с местными епископами; были сформулированы правила чтения проповедей; одобрена деятельность благотворительных ломбардов (*monti di pietà*). Уже после Собора папа официально разделил францисканский орден на 2 ветви: обсервантов и конвентуалов, положив конец внутренним распрям в ордене (булла «*Ite vos*» от 29 мая 1517). Буллой «*Asserimus purer*» от 18 мая 1521 г. Л. закрепил каноническое положение духовенства вост. обряда и признал законными обычаи Вост. Церквей (причастие под двумя видами, брак священников и т. д.). Он одобрил деятельность светского благотворительного братства Божественной любви, содержавшего больницы для бедных.

Л. недооценил выступление Лютера и не сумел остановить распространение *Реформации*. Определенную роль в этом сыграло и ренессансное воспитание понтифика, привившее ему принципы известной культур-

ной и идеологической терпимости. Так, когда в 1510 г. нем. гуманист Иоганн Рейхлин выступил за изучение Талмуда и против уничтожения евр. священных книг, Л. поддержал, хотя и с большой осторожностью, немецких гуманистов в этом «споре о еврейских книгах». Папа одобрил изучение евр. и араб. языков в возрождаемом им Римском ун-те (1513; вполн. ун-т Сапиенца),

однако позднее, после распространения протестант. учений, сочинения Рейхлина подверглись офиц. осуждению. Непосредственным поводом к выступлению Лютера послужила продажа *индугенций*. В Германии важной причиной начала широкой торговли грамотами об индугенции стала покупка Магдебургским архиеп. Альбрехтом Гогенцоллерном архиепископства и курфюршества Майнца, дававшего княжеские права (1514). Для погашения кредита в 29 тыс. дукатов, выданного банкирским домом Фуггеров, архиеп. Альбрехт получил от Л. дозволение на распространение в течение 5 лет папской индугенции в Бранденбургском и Магдебургском архиепископствах; при этом половина полученных от продажи грамот сумм должна была отдаваться на строительство собора св. Петра в Риме (булла «Sacrosancti Salvatoris» от 31 марта 1515). Выступление Лютера 31 окт. 1517 г. («Диспут о силе индугенций», более известный как «95 тезисов») не привело, однако, к немедленной реакции папской курии; лишь почти через год Лютеру было предложено явиться в Рим, затем эта мера была заменена беседой с папским легатом кард. *Казтаном*. 9 нояб. 1518 г. папа издал декрет «Cum postquam» в защиту индугенций.

Только после избрания имп. Карла V Габсбурга, к-рый решительно

встал на защиту Римско-католической Церкви, папа вступил в более активную борьбу с лютеран. ересью; была создана специальная комиссия для опровержения лютеранского учения. Буллой «Exsurge Domine» от 15 июня 1520 г. учение Лютера было осуждено; 3 янв. 1521 г. папа отлучил Лютера от Церкви.

Л. умер во время своих политических успехов — после заключения союза с императором и изгнания из Италии французов (19 нояб. 1521

Булла папы Римского Льва X от 1 июля 1519 г. (Б-ка Лауренциана во Флоренции)

франц. войска покинули Милан). 25 нояб. восторженная толпа приветствовала понтифика в Риме как триумфатора, а уже

1 дек. он скончался в возрасте неполных 46 лет от лихорадки, вызванной бронхопневмонией, не успев даже причаститься. Папа был похоронен в соборе св. Петра. В 1542 г. в связи с перестройкой собора его останки вместе с прахом кузена, папы Римского Климента VII, были перенесены в ц. Санта-Мария-сопра-Минерва, недалеко от Палаццо-Ма-

Лев X, папа Римский.

Скульптура

из ц. Санта-Мария-ин-Арачели в Риме. 1518–1521 гг. Скульптор Доменико Аймо

дама. Здесь по проекту Антонио да Сангалло Младшего были сооружены пышные надгробные памятники в виде триумфальных арок с сидящими понтификами в центре.

Скоропостижная смерть Л. вызвала слухи об отравлении, якобы инспирированном франц. королем; был арестован папский кравчий Барнабо Маласпина, но нек-рое время спустя вице-канцлер кард. Дж. Медичи распорядился его отпустить, чтобы не обострять отношений с Францией. Папская казна была опустошена; для организации похорон Л. неск. флорентийских банкиров дали деньги под залог нагрудного креста понтифика стоимостью 18 тыс. скуди.

Одним из главных упреков в адрес Л. было его необыкновенное расточительство. В одной из пасквинат (анонимные сатирические стихи), посвященной смерти папы, говорилось: «Не сомневаюсь, что, если бы ему было суждено пожить дольше, он продал бы Рим, Христа и самого себя». За 8 с лишним лет понтифика папа истратил ок. 5 млн дукатов, в то время как его годовой доход составлял примерно 400 тыс. дукатов. Траты Л. во многом объяснялись его излишней и неразборчивой щедростью и показным размахом: напр., 6 тыс. дукатов в год тратились только на милостыню. Предметами папской щедрости и одновременно источником доходов казны были придворные должности, число к-рых при Л. более чем удвоилось и достигло примерно 2200; нек-рые почетные должности выставлялись на продажу для богатых банкиров, напр. членство в коллегии св. Петра (401 место стоимостью по 1 тыс. дукатов).

По словам современников, Л. отличался излишней полнотой, очень плохим зрением, у него были непропорционально маленькие руки (на сохранившихся портретах эти черты сглажены); вместе с тем папа был обаятельным собеседником, хорошо пел, обладал изысканным лит. стилем. Кроме музыки, театра и поэзии его увлечениями были пиры, охота, игра в карты, шахматы.

В понтификат Л. Рим стал главным центром ренессансного искусства; папа покровительствовал художникам и артистам. Он поручил Рафаэлю, к-рый заведовал его коллекцией античных статуй, составить исторический план Рима. Рафаэль продолжил расписывать ватиканские станции, проиллюстрировал 52 библейские сцены в Лоджиях и подготовил эскизы для цикла gobеленов Сикстинской капеллы, заказанных в Брюсселе. Микеланджело Буонаротти работал над фасадом и новой

ризицей собора Сан-Лоренцо во Флоренции и надгробной капеллой со статуями Джулиано и Лоренцо ди Пьеро Медичи. Папа пытался продолжить начатое Юлием II строительство собора св. Петра в Риме; в понтификат Л. здесь работали Д. Браманте, фра Джованни Джокондо, Рафаэль и А. да Сангалло Младший, однако из-за нехватки средств и непопулярности торговли индульгенциями, средства от которой предназначались для оплаты строительных работ, сделано было немного. Л. оказывал покровительство мн. выдающимся писателям и поэтам своего времени; некоторых из тех, кто служили ему, он сделал кардиналами: Пьетро Бембо, Якопо Садолето, Довизи да Биббьену. Историк Паоло Джовио, проф. Римского ун-та, написал вполс. биографию папы (*Giovio*. 1548). Историк Франческо Гвиччардини получил от Л. должность губернатора Модены и Реджо-нель-Эмилия. Никколо Макиавелли не был принят на государственную службу во Флоренции, но его пьесе «Мандрагора», несмотря на антиклерикальные мотивы, с разрешения папы ставили в Риме. Эразм Роттердамский посвятил Л. свои издания перевода НЗ и сочинений блж. Иеронима Стридонского (1516). По совету Эразма Роттердамского папа провел реформу Римского ун-та (1513). Л. собирал рукописные кодексы и книги для семейной и Ватиканской б-к, содействовал развитию книгопечатания.

Л. не снискал столь зловещей славы в памяти потомков, как папа Александр VI (Борджа), но отзывы о нем историков и современников были все же чаще критическими. Вероятно, это объясняется тем, что он не оправдал ожиданий, возлагавшихся на него в начале понтификата; при нем началось распространение реформационных учений в Европе. Папе не удалось защитить Италию от войн и правления иностранцев, к чему он стремился, как и его предшественник Юлий II, но Л. использовал скорее средства дипломатии, а не силу. Папа делал попытки создать обширный конгломерат владений, который принадлежал бы семейству Медичи, что могло привести к объединению если не всей Италии, то ее значительной части; другой вопрос, можно ли было достичь этого, опираясь на внешние силы, на французов. Макиавелли в гл. XXVI трактата «Госу-

дарь» призывает к изгнанию французов из Италии и объединению страны под эгидой Медичи. Была выдвинута гипотеза, что в гл. XVIII этого трактата содержится намек на Л.: «Один из государей нашего времени, которого неудобно называть, только и проповедует, что верность и мир, хотя сам он заклятый враг и того и другого» (*Scichilone*. 2013). Гвиччардини упоминал о манере Л. притворствовать, природной неискренности и постоянных уловках. Несмотря на личные недостатки Л. — расточительность, любовь к мирской роскоши, коварство — в культурном отношении его понтификат был одним из самых ярких в эпоху Возрождения, хотя папа выступал не столько как новатор, сколько как меценат, проникшийся духом времени. Джовио называл правление Л. золотым веком. Церковная деятельность Л., противоречивая и не всегда последовательная, развивалась в русле, намеченном его предшественниками и закрепленном *Триденским Собором* (1545–1563). Она была направлена на утверждение главенствующей роли папства и сохранение при проведении необходимых реформ веками складывавшейся системы. Ист.: *Bembo P.* Epistolarum Leonis X Pontificis Max. nomine scriptarum libri XVI. Venetiis, 1536; *Giovio P.* Vita Leonis X. Florentiae, 1548; *Sadoletto L.* Epistolae Leonis X, Clementis VII et Pauli III nomine scriptae. R., 1759; *De Grassis P.* Il diario di Leone X / A cura di M. Armellini. R., 1884; *Leonis X pontificis maximi regesta e tabularii Vaticani manuscriptis voluminibus* / Ed. J. Hergenröther. Freiburg i. Br., 1884–1891. 2 vol.; *Epistolario di Bernardo Dovizi da Bibbiena* / A cura di G. L. Moncallero. Firenze, 1955–1965. 2 vol.

Лит.: *Roscoe W.* The Life and Pontificate of Leo the Tenth. Liverpool, 1805. 4 vol.; N. Y., 1973⁶. 2 vol.; *Audin M.* Histoire de Léon X. P., 1844. 2 vol.; *Cian V.* A proposito di un'ambascieria di M. Pietro Bembo (dec. 1514): Contributo alla storia della politica di Leone X nei suoi rapporti con Venezia // *Archivio Veneto*. 1885. Vol. 30. N 2. P. 355–407; 1886. Vol. 31. N 1. P. 71–128; *Nitti F.* Leone X e la sua politica. Firenze, 1892; *Conforti C.* Leone X ed il suo secolo. Parma, 1896; *Richard P.* Une correspondance diplomatique de la curie romaine à la veille de Marignan // *RHLR*. 1904. Vol. 9. N 1. P. 1–47; N 2. P. 104–142; N 4. P. 321–355; *Luzio A.* Isabella d'Este ne' primordi del papato di Leone X e il suo viaggio a Roma nel 1514–1515 // *Archivio storico lombardo*. Mil., 1906. Vol. 33. Fasc. 11. P. 99–180; Fasc. 12. P. 454–489; *idem*. Isabella d'Este e Leone X // *Archivio storico italiano*. Ser. 5. Firenze, 1907. Vol. 40. P. 18–97; 1909. Vol. 44. P. 72–128; 1910. Vol. 45. P. 245–302; *Vaughan H. M.* The Medici Popes: Leo X and Clement VII. L., 1908, 2010; *Thomas J.* Le Concordat de 1516, ses origines, son histoire au XVIe siècle. P., 1910. 3 vol.; *Ferrajoli A.* Il ruolo della corte di Leone X. R., 1911; *idem*. La congiura dei cardinali contro Leone X. R., 1919;

Pastor L., von. Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. Freiburg i. Br., 1923. Bd. 4. Pt. 1: Geschichte der Päpste im Zeitalter der Renaissance und der Glaubensspaltung von der Wahl Leos X. bis zum Tode Klemens' VII. (1513–1534); *Mercati A.* Le spese private di Leone X nel maggio-agosto 1513 // *PARAM.* Ser. 3. 1928. Vol. 2. P. 99–112; *Picotti G. B.* La giovinezza di Leone X. Mil., 1928. R., 1981²; *Rodocanachi E.* Histoire de Rome: Le pontificat de Léon X (1513–1521). P., 1931; *Cesareo G. A.* Pasquino e pasquinate nella Roma di Leone X. R., 1938; *Gnoli D.* La Roma di Leone X. Mil., 1938; *Truc G.* Léon X et son siècle. P., 1941; *Pecchiai P.* I lavori fatti nella Chiesa della Minerva per collocarvi le sepolture di Leone X e Clemente VII // *Archivi italiani*. Ser. 2. Napoli, 1950. An. 17. P. 199–208; *Moncallero G. L.* La politica di Leone X e di Francesco I nella progettata crociata contro i turchi e nella lotta per la successione imperiale // *Rinascimento*. Firenze, 1957. T. 8. P. 61–109; *Winspeare F.* La congiura dei cardinali contro Leone X. Firenze, 1957; *Gilbert F.* Cristianesimo, umanesimo e la bolla «Apostolici Regimini» del 1513 // *Rivista Storica Italiana*. Napoli, 1967. T. 79. P. 976–990; *Schoeck R. J.* The Fifth Lateran Council: Its Partial Success and Its Larger Failures // *Reform and Authority in the Medieval and Reformation Church*. Wash., 1981. P. 99–126; *Falconi C.* Leone X: Giovanni de' Medici. Mil., 1987; *Bedini S. A.* The Pope's Elephant. Manchester, 1997; *Gattoni M.* Leone X e la geo-politica dello Stato Pontificio (1513–1521). Vat., 2000. (Collectanea Archivi Vaticani; 47); *Pellegini M.* Leone X // *Enciclopedia dei papi*. R., 2000. Vol. 3. P. 42–64; *Der Medici-Papst Leo X und Frankreich: Politik, Kultur und Familiengeschäfte in der europäischen Renaissance* / Hrsg. G.-R. Tewes, M. Pohlmann. Tüb., 2002; *Scichilone G.* L'innominato principe machiavelliano: Un'ipotesi // *Перечитывая Макиавелли: Идеи и полит. практика через века и страны* / Ред.: М. А. Юсим. М., 2013. С. 75–109; *Simonetta M.* Volpi e leoni: I Medici, Machiavelli e la rovina d'Italia. Mil., 2014.

М. А. Юсим

ЛЕВ XI (2.06.1535, Флоренция – 27.04.1605, Рим; до избрания папой – Алессандро Оттавиано Медичи), папа Римский (с 1 апр. 1605). Представитель младшей ветви флорентийского рода Медичи; сын Оттавиано Медичи и Франчески Сальвиати; внучатый племянник папы Римского *Льва X* (1513–1521), племянник Козимо I Медичи (1519–1574), вел. герц. Тосканского. Алессандро рано потерял отца, воспитывался доминиканцем Винченцо Эрколани из мон-ря Сан-Марко и, вероятно, находился под сильным его влиянием. По просьбе матери, которая опасалась, что ее единственный сын выберет церковное служение, герц. Козимо I Медичи включил юношу в число своих приближенных. В 1560 г. А. Медичи сопровождал герцога в Рим, где познакомился с католич. реформатором, основателем конгрегации *ораториан* Филиппом *Неру* (в 1622 канонизирован папой Рим-

Лев XI, папа Римский.
Гравюра из кн.: Platina B. *Historia*.
1626. P. 508 (РГБ)

ским *Григорием XV*). Это знакомство определило его выбор в жизни: после смерти матери (1566) он обратился к изучению богословия и стал вести уединенный образ жизни. 22 июля 1567 г. Антонио Альтовити, архиеп. Флоренции, рукоположил А. Медичи в сан пресвитера. 10 июня 1569 г. герц. Козимо I назначил А. Медичи послом при Папском престоле. По прибытии в Рим был представлен папе Римскому *Пио V* (1566–1572), на которого произвел благоприятное впечатление; понтифик пожаловал А. Медичи титул апостольского протонотария. В курии он столкнулся с сильным недовольством профранц. политикой герцога Тосканского. В кон. авг.—сер. окт. 1571 г. А. Медичи по настоянию герцога ходатайствовал о предоставлении папской *диспенсации* одному из предводителей франц. гугенотов, Генриху Наваррскому (впосл. франц. кор. *Генрих IV*), брак которого с Маргаритой Валуа, младшей сестрой франц. кор. *Карла IX*, стремилась устроить королева-мать Екатерина Медичи (см. ст. *Варфоломеевская ночь*). Папа Римский отказывался идти на уступки еретикам, настаивая на обязательном переходе Генриха Наваррского в католич. веру.

В этот период А. Медичи сблизился с Филиппом Нери и его окружением; по преданию, впосл. нашедшему отражение в «Церковных анналах» кард. Цезаря Барония, Филипп Нери предсказал, что А. Медичи изберут на Папский престол, но его понтификат будет кратким. В 1575 г., после папского признания конгрегации ораториан, А. Медичи участвовал в строительных работах по почти полной перестройке ц. Санта-Мария-ин-Валличелла (также Новая церковь; освящена в 1599), переданной новой конгрегации. Вместе с кард. Федерико Борромео настоял на перенесении в Новую церковь останков Филиппа Нери († 1595), к-рый был похоронен на общем кладбище конгрегации. Позднее, будучи папским легатом во Франции, оказывал поддержку франц. общинам ораториан.

Герц. Козимо I Медичи был недоволен деятельностью своего племянника в Риме; кроме того, ходили слухи, что А. Медичи участвовал в интригах и заговорах, направленных против великого герцога Тосканского. После смерти папы Пия V герцог рассматривал другие кандидатуры

на место посла в Риме, но А. Медичи сумел сохранить свое положение при Папском престоле. 9 марта 1573 г. папа *Григорий XIII* назначил его на епископскую кафедру Пистойи (его кузен кард. Фердинандо Медичи также претендовал на эту кафедру). Епископское рукоположение А. Медичи совершил кард. Франсиско Пачеко, еп. Бургоса. Оставаясь в Риме, епископ управлял диоцезом через викария, своего родственника Себастьяно Медичи. В кон. дек. 1573 г. стало известно о тяжелой болезни Антонио Альтовити, архиеп. Флоренции; после его смерти герц. Козимо Медичи просил папу назначить на эту кафедру представителя семьи Медичи (надеясь, вероятно, что это будет его сын, кард. Фердинандо Медичи). Однако Григорий XIII возвел на архиепископскую кафедру Флоренции А. Медичи (15 янв. 1574). По-прежнему находясь в Риме, новый архиепископ управлял епархией через викария, тем не менее он показал себя твердым сторонником церковных преобразований в духе *Контрреформации*, направленных на укрепление дисциплины клириков и монашества, регламентацию католич. богослужений в соответствии с литургическими реформами. Настаивая на строгом выполнении решений *Триденнского Собора* (1545–1563), А. Медичи обязал священников постоянно находиться в своих приходах, епископов — не покидать диоцезов; запретил к.-л. выплаты при получении церковных бенефициев; поощрял катехизаторскую деятельность священников и проповедников. Реформаторская деятельность архиепископа стала причиной конфликта с канониками кафедрального собора Флоренции, к-рые отстаивали свои привилегии, но в используемой аргументации прибегали к идеям

и критическим по отношению к католическому клиру доводам, высказывавшимся некогда флорентийским проповедником Джироламо *Савонаролой* (после изгнания Медичи из Флоренции в 1494 Савонарола стал фактическим правителем города; в мае 1497 был отлучен от Церкви, год спустя казнен). На стороне архиепископа выступили папа Римский Григорий XIII, Франческо I Медичи, унаследовавший после смерти отца титул вел. герцога Тосканского, а также генеральный капитул ордена доминиканцев.

Несмотря на интриги кард. Фердинандо Медичи, недовольного как быстрой церковной карьерой своего кузена, так и его сближением с братом, Франческо I, вел. герцогом Тосканским (А. Медичи, по-видимому, принимал участие в заключении 2-го брака герцога с его давней любовницей Бьянкой Каппелло), папа Григорий XIII на консистории 12 дек. 1583 г. объявил о возведении А. Медичи в достоинство кардинала-пресвитера; 9 янв. 1584 г. он получил титульную рим. ц. Сан-Чириако-алле-Терме. Спустя несколько месяцев кард. А. Медичи был освобожден от должности посла в Риме, 12 мая 1584 г. приехал во Флоренцию и стал сам управлять архиеп-ством: в 1584–1585 гг. с пастырской визитацией объехал епархию (посетив ок. 60 монастырей, архиепископ особое внимание уделял соблюдению правил монашеской жизни в обителях); в 1589 г. собрал епархиальный синод, где одним из главных стал вопрос о моральном облике католических священнослужителей (решения, принятые синодом, по настоянию архиепископа были опубликованы); ввел во Флоренцию контроль за деятельностью типографий, книжных лавок и б-к; производство книг и книготорговля должны были совершаться с учетом *Индекса запрещенных книг*; поддерживал деятельность братств и религ. конгрегаций, занимавшихся уходом за больными в госпиталях, а также др. каритативных учреждений.

А. Медичи участвовал в конклавах 1585 (избран папа *Сикст V*), 1590 (15 сент. был избран папа *Урбан VII*, а после его скоропостижной кончины 5 дек.— папа *Григорий XIV*), 1591 (избран папа *Иннокентий IX*) и 1592 (избран папа *Климент VIII*) гг.; на некоторых из этих конклавов кард. А. Медичи рассматривался

как возможный кандидат на Папский престол. При папе Римском Клименте VIII (1592–1605) кардинал по-прежнему играл роль посредника в отношениях между Папским престолом и Флоренцией (в 1587 вел. герцогом Тосканским стал Фердинандо Медичи, который, вступив в 1589 в брак с Кристиной Лотарингской, внучкой франц. кор. Екатерины Медичи, отказался от кардинальского титула); он один из немногих в папском окружении, кто выступал за снятие с Генриха Наваррского наложенного в 1585 г. папой Сикстом V церковного отлучения (25 июля 1593 в Сен-Дени Генрих Наваррский торжественно перешел в католичество). 17 сент. 1595 г. папа Климент VIII на публичной церемонии снял с него отлучение (подробнее см.: *Мартышева Л. Ю.* Снятие отлучения с Генриха IV Бурбона в 1595 г. // *СВ.* 2013. Вып. 74 (1/2). С. 124–159). Для ратификации во Франции акта об отпущении грехов, для умиротворения католич. Церкви во Франции, раздираемой религ. войнами и *Католической лигой*, а также для организации переговоров между находившимися в состоянии войны Генрихом IV и испан. кор. Филиппом II папа назначил кард. А. Медичи легатом а латере во Франции (3 апр. 1596). 19 июля благодарный король приехал лично встретить легата в Монлери.

Кардинал находился во Франции более 2 лет; он способствовал восстановлению религ. жизни и церковной дисциплины в гос-ве, контролировал распределение церковных бенефициев, посещал с визитациями монашеские общины, подчинявшиеся непосредственно Папскому престолу, при необходимости проводил там преобразования (см.: *Barbiche, Dainville-Barbiche.* 1989). Он стал инициатором переговоров между Францией и Испанией, к-рые завершились подписанием Вервенского мирного договора (2 мая 1598; см.: *Barbiche.* 1998), однако не смог противодействовать изданию *Нантского эдикта* (13 апр. 1598), установившего равноправие католиков и протестантов во Французском королевстве. Ввиду выполнения миссии 1 сент. 1598 г. он получил от франц. короля разрешение уехать и 10 нояб. присоединился к папскому двору, находившемуся в Ферраре. 30 авг. 1600 г. папа возвел А. Медичи в достоинство кардинала-епископа (он получил субурбиканную кафедру Альбано; 17 июня

1602 – субурбиканную кафедру Палестрины). Куриальные должности и занятие субурбиканских кафедр он сочетал с тем, что продолжал занимать архиепископскую кафедру Флоренции. В 1601–1604 гг. входил в комиссию, занимавшуюся проблемой бандитизма в Папской области.

На конклаве, собравшемся 14 марта 1605 г., после кончины Климен-

Надгробие папы Римского Льва XI. 1634–1652 гг. Худож. А. Альгарди (собор св. Петра в Риме)

та VIII (3 марта), несмотря на сильную оппозицию «испанской партии» в коллегии кардиналов, А. Медичи был избран папой Римским; он принял имя Лев XI. Коронован в соборе св. Петра 10 апр.; 17 апр. состоялась церемония папской интронизации в Латеранской базилике. Понтификат Л. длился 27 дней: папа совершил первые назначения на должности (важные должности в Римской курии получили гл. обр. флорентийцы); обещал поддержку императору Свящ. Римской империи Рудольфу II (1576–1612) в борьбе против турок.

Папа умер от плеврита, к-рый, как ходили слухи, начался из-за переохлаждения во время церемонии интронизации. Был похоронен в соборе св. Петра.

Лит.: *Pastor L., von.* Storia dei papi. R., 1943. Т. 12. P. 1–23; *Lettres du cardinal de Florence sur Henry IV et sur la France (1596–1598)* / Éd. R. Ritter. P., 1955; *Imhof A. E.* Der Friede von Vervins, 1598. Aarau, 1966; *D'Addario A.* Aspetti del governo spirituale del cardinale Alessandro de' Medici // *Aspetti della Controriforma a Firenze.* R., 1972. P. 243–327; *Senie H. F.* The Tomb of Leo XI by Alessandro Algardi // *The Art Bull.* 1978. Vol. 60. N 1. P. 90–95; *Jaitner K.* Die Hauptinstruktionen Clemens VIII. für die Nuntien und Legaten an den europäischen Fürstenhöfen, 1592–1605. Tüb., 1984. Bd. 1. S. CCXXII–CCXXIV; Bd. 2. S. 450–469;

Barbiche B., Dainville-Barbiche S., de. Les légats «a latere» en France et leurs facultés aux XVIe et XVIIe siècles // *АНPont.* 1985. Т. 23. P. 93–165; *idem.* Un évêque italien de la réforme catholique légat en France sous Henri IV: Le cardinal de Florence (1596–1598) // *RHEF.* 1989. Т. 75. P. 45–59; *Barbiche B.* Clément VIII et la France (1592–1605): Principes et réalités dans les instructions générales et les correspondances diplomatiques du Saint-Siège // *Das Papsttum, die Christenheit und die Staaten Europas 1592–1605* / Hrsg. G. Lutz. Tüb., 1994. P. 99–118; *idem.* Léon XI // *Dictionnaire hist. de la papauté.* P., 1994. P. 1030–1031; *idem.* Un légat en voyage: Le cardinal de Florence (1596–1598) // *Milieux naturels, espaces sociaux: Études offertes à R. Delort.* P., 1997. P. 605–620; *idem.* Le grand artisan du traité de Vervins: Alexandre de Médicis, cardinal de Florence, légat «a latere» // *La paix de Vervins 1598* / Éd. C. Vidal, F. Pilleboue. Vervins, 1998. P. 65–72; *Sanfilippo M. Leone XI* // *Enciclopedia dei Papi.* R., 2000. Vol. 3. P. 269–277.

Н. И. Алтухова

ЛЕВ XII (22.08.1760, замок Дженга, Папское гос-во, ныне пров. Анкона, обл. Марке, Италия — 10.02.1829, Рим; до избрания папой — Аннибале Франческо Клементе Мелькиоре Джироламо Никола Серматтеи делла Дженга), папа Римский (с 28 сент. 1823). Род. в патрицианской семье гр. Флавио Серматтеи делла Дженги и гр. Марии Луизы, урожденной Периберти ди Фабриано. В 1773 г. поступил в коллегию Кампана в г. Озимо (Папское гос-во), в 1778 г. продол-

Лев XII, папа Римский. Памятная медаль. 1800–1849 гг. (Пинакотекка Репосси в Кьяри)

жил учебу в Риме в Пиченской коллегии для воспитанников из обл. Марке. 21 дек. 1782 г. генеральный викарий Рима кард. Маркантонио Колонна посвятил его в субдиакона, а 19 апр. 1783 г. — во диакона. 14 июня того же года кард. Иацинт Сигизмонд Жердиль рукоположил его во пресвитера (ему была предоставлена *диспенсация*, поскольку А. делла Дженга не достиг канонического возраста). Продолжил учебу в папской Академии церковной знати. В янв. 1790 г. папа Римский *Пий VI* назна-

чил его действительным тайным папским камергером. В 1792 г. А. делла Дженга стал одним из личных секретарей папы. Пий VI назначил его на должности каноника собора св. Петра в Риме и аббата-коммендатора мон-ря Монтичелли, расположенного близ родового замка Дженга — места упокоения его родных. В 1793 г. папа Пий VI возвел А. делла Дженгу в достоинство прелата папского двора.

Ввиду предстоявшего назначения нунцием в Кёльн 21 февр. 1794 г. наречен папой Пием VI архиепископом Тира *in partibus infidelium*. Епископское рукоположение А. делла Дженги, состоявшееся 24 февр. того же года в кафедральном соборе рим. субурбиканского диоцеза Фраскати, возглавил кард. Генри Стюарт. 14 марта был назначен нунцием в свободный имперский г. Кёльн, который он был вынужден покинуть в связи с франц. оккупацией в окт. 1794 г. 18 мая 1795 г. назначен интернунцием при баварском курфюрсте Карле II Теодоре. В нач. 1799 г. посетил папу Пия VI в мон-ре картузианцев во Флоренции, куда понтифик был насильственно вывезен из Рима франц. войсками. После присоединения Кёльна к Франции папа Римский *Пий VII* в дек. 1802 г. отозвал архиеп. А. делла Дженгу в Рим. Ставший при новом папе госсекретарем Папского престола кард. Эрколе Консальви не дал А. делла Дженге новых дипломатических поручений, и архиепископ удалился в аббатство Монтичелли. 23 сент. 1805 г. папа Пий VII назначил архиеп. А. делла Дженгу нунцием на постоянный рейхстаг Свящ. Римской империи герм. нации в Регенсбурге, но из-за войны в Европе тот прибыл на заседания только 26 июня 1806 г., а в авг. того же года империя прекратила существование. В 1806–1807 гг. вел неудачные переговоры с возникшими в результате наполеоновских войн королевствами Бавария и Вюртемберг о заключении *конкордатов* с Папским престолом, что противоречило плану франц. имп. Наполеона Бонапарта о едином конкордате с находившимся под его протекторатом Рейнским союзом. В 1807 г. папа Пий VII направил А. делла Дженгу в Париж; вместе с легатами тот участвовал в переговорах с императором, а после их провала в янв. 1808 г. был отозван в Рим. В февр. Рим был оккупирован франц. вой-

сками, папа Пий VII экстрадирован во Францию. Архиеп. А. делла Дженга удалился в аббатство Монтичелли и стал преподавать католич. катехизис детям и местным земледельцам, обучать желающих *григорианскому пению*.

После падения наполеоновской империи и освобождения папы Пия VII в кон. апр. 1814 г. А. делла Дженга прибыл в Чезену, чтобы приветствовать остановившегося там по пути в Рим папу. 30 апр. папа отправил его в Париж с приветствием новому франц. кор. Людовику XVIII; архиепископу было поручено провести переговоры о возвращении Папскому гос-ву территорий Авиньона и графства Конта-Венессен, а также о восстановлении во Франции дореволюционных норм церковной жизни, призвать короля отказаться от принятия либерального конституционного законодательства. Однако к тому времени, когда А. делла Дженга прибыл в Париж, король уже определился с содержанием конституционной хартии (провозглашена 4 июня 1814), а по условиям подписанного 30 мая того же года Парижского мирного договора территории Авиньона и графства Конта-Венессен были признаны принадлежавшими Франции. Переговоры от лица Папского престола проводил прибывший в Париж государственный секретарь кард. Э. Консальви, а архиеп. А. делла Дженга вновь был вынужден удалиться в аббатство Монтичелли.

На тайной консистории 8 марта 1816 г. папа Пий VII возвел архиеп. А. делла Дженгу в достоинство кардинала-пресвитера, 11 марта возложил на него кардинальское галеро, а 29 апр. пожаловал ему титулярную рим. ц. Санта-Мария-ин-Трастевере. Кард. А. делла Дженга вошел в состав неск. конгрегаций Римской курии: по делам епископов и монашествующих, пропаганды веры, индекса и конгрегации епископского экзамена. 8 марта 1816 г. одновременно с возведением в достоинство кардинала он был назначен епископом-архиепископом Сенигаллии в Марке (Папское гос-во), но в связи с ухудшением состояния здоровья 10 сент. 1816 г. подал прошение об освобождении от обязанностей правящего епископа. 9 мая 1820 г. назначен префектом Конгрегации церковного имунитета, а 12 мая — генеральным викарием Рима и префектом Конгрегации епископской резиденции,

также вошел в состав Верховной конгрегации инквизиции. С февр. 1821 г. архипресвитер базилики Санта-Мария-Маджоре.

2 сент. 1823 г. на конклаве, открывшемся после кончины папы Пия VII (20 авг. 1823) в Квиринальском дворце, кард. А. делла Дженга получил поддержку со стороны как партии «ревнителей» (*zelanti*), так и партии «политиков» (*politici*), видевших в нем папу переходного периода, который ввиду слабого здоровья не сможет долго занимать Папский престол. 28 сент. кард. А. делла Дженга был избран папой Римским (34 из

Лев XII, папа Римский.
Скульптура
в соборе св. Петра в Риме.
1835–1836 гг.

49 голосов) и принял имя Лев XII. Во время последнего тура голосования кардинал, прежде чем дать офиц. согласие на избрание, сказал отдавшим за него голоса кардиналам: «Вы избрали покойника». 5 окт. 1823 г. Л. был коронован тиарой в соборе св. Петра. В нач. 1824 г. состояние здоровья Л. заметно улучшилось, что не оправдало прогнозов скорой кончины тяжело больного папы. 3 мая 1824 г. Л. издал 1-ю «программную» энциклику «*Ut Primum ad summi pontificatus*», к-рой осудил религ. индифферентизм — безразличие к религ. вопросам — и в качестве мер по борьбе с его распространением призвал католич. епископов строго следовать предписаниям *Триденского Собора* (1545–1563) по управлению диоцезами и подготовке клириков в семинариях. 13 июня 1824 г.

состоялась церемония интронизации папы в Латеранской базилике (ингресс).

Управление Папским государством. Как епископ Рима Л. буллой «*Super universum*» от 1 нояб. 1824 г. реорганизовал приходскую структуру Рима, сократив число приходских храмов с 71 до 43, исключив из этого списка слишком маленькие и близко расположенные друг к другу. Папа принял меры по борьбе с бандами грабителей, нападавшими на паломников, а также с попрошайничеством и бродяжничеством, учредив 16 дек. 1826 г. специальную комиссию по распределению помощи нуждавшимся. Решение Л. об ограничении потребления алкогольной продукции не встретило поддержки населения в отличие от указа о сокращении налогов на имущество.

Одной из главных забот Л. стала реставрация рим. базилики Сан-Паоло-фуори-ле-Мура, сгоревшей в июле 1823 г. Утвердив проект восстановления базилики, Л. учредил в Римской курии специальную конгрегацию по организации работ во главе с государственным секретарем кард. Дж. М. делла Сомальей. 25 янв. 1825 г., в праздник Обращения ап. Павла, папа обратился ко всему миру с просьбой о помощи в реконструкции базилики; в числе откликнувшихся на призыв был российский имп. *Николай I Павлович*, распорядившийся прислать на строительство храма малахит (использовался для сооружения основания колонн).

Церковная политика. Большое значение Л. придавал образованию, считая его важным в борьбе с противниками Церкви, выступавшими от имени науки и просвещения. Буллой «*Quod Divina Sapientia*» от 28 авг. 1824 г. папа возродил в рамках Римской курии Конгрегацию обучения (*Congregatio studiorum*), в ведение к-рой перешли папские ун-ты в Риме и все образовательные учреждения Папского гос-ва. 17 мая 1824 г. бреве «*Cum multo in Urbe*» Л. возвратил ордену иезуитов руководство *Григорианским университетом*. Папа распорядился привлечь к работе в папских ун-тах известных ученых, увеличить жалованье профессорскому составу. В 1826 г. была возрождена рим. Ирландская коллегия. Странами папы были пополнены фонды *Ватиканской библиотеки*.

24 мая 1824 г. Л. подписал и 27 мая, на праздник Вознесения, обнародо-

вал буллу «*Quod ineunte saeculo*» о проведении в 1825 г. юбилейного года (см. «*Annus sanctus*»). В 1825 г. Рим посетило ок. 376 тыс. паломников. Папа совершил 5 беатификаций (из них 4 во время юбилейного года): испанского францисканского конверса-обсерванта Хулио Мартине (Юлиан св. Августина; бреве «*Umbrae atque adeo*» от 6 мая 1825), испан. иезуита Алонсо Родригеса (бреве «*Ex omnibus*» от 20 мая 1825), основателя конгрегации христианского обучения св. Франциска, флорентийского катехизатора Ипполито Галантини (бреве «*Sacrosanctam*» от 19 июня 1825), капуцина пресв. Лукантонио Фальконе (Анджело ди Акри; бреве «*Conditor ac Redemptor*» от 9 дек. 1825), основательницу ордена Святейшего Благовещения (*Ordo Sanctissimae Annuntiationis*) Марию Витторию де Форнари-Страту (бреве «*Ager Ecclesiae fertilis*» от 2 сент. 1828).

13 марта 1826 г. посланием «*Quo graviora*» папа подтвердил осуждение католич. Церковью *масонства*.

Внешняя политика. После избрания на Папский престол Л. не утвердил кард. Э. Консалви на посту гос. секретаря (в знак признания заслуг 13 янв. 1824 его назначили префектом Конгрегации пропаганды веры); новым гос. секретарем Папского престола стал декан коллегии кардиналов кард. Дж. М. делла Сомалья. Проводимая Л. политика католич. консерватизма во внешнеполитической сфере выражалась в виде поддержки «Священного союза». Желая закрепить положение католич. Церкви в европ. гос-вах после революционных потрясений кон. XVIII — нач. XIX в., Л. стремился к заключению новых конкордатов. Буллой от 26 марта 1824 г. Л. утвердил подготовленный еще при папе Пии VII конкордат с королевством Ганновер; согласно этому документу, были установлены новая структура диоцезов, порядок назначения епископов на кафедры (решающая роль в этом вопросе сохранялась за Папским престолом). Л. нормализовал отношения с рядом нем. гос-в, с которыми при папе Пии VII в 1821 г. был заключен единый конкордат, вскоре аннулированный из-за многочисленных нарушений со стороны светских властей, но возобновленный в 1827 г. после внесения в него ряда новых условий, выгодных католич. Церкви.

Л. удалось добиться отмены 2 декретов от 14 июня 1823 г., изданных королем Нидерландов Виллемом I, по к-рым были закрыты католич. ДС и частные школы, что вызвало волну возмущения бельг. католиков (по решению Венского конгресса территория совр. Бельгии вошла в состав королевства Нидерландов). В связи с ростом религиозно-патриотического движения Л. призвал бельг. католиков воздерживаться от насильственных форм протеста, а кор. Виллем I, враждебно относившийся к католицизму, был вынужден пойти на переговоры с Папским престолом, к-рые завершились подготовкой и подписанием конкордата (18 июня 1827). Согласно конкордату, в диоцезах учреждались католич. ДС, а кандидатуры епископов должны были представляться соборными *капитулами* на утверждение папе Римскому, а не протестант. королю Нидерландов. Буллой от 17 авг. 1827 г. Л. утвердил заключенный конкордат, однако уже 5 окт. того же года правительство Нидерландов выпустило циркуляр, вменявший капитулам в обязанность испрашивать у короля удобную ему кандидатуру на вакантную кафедру. Это и др. нарушения конкордата властями Нидерландов вызвали волну протестов в Бельгии; вполн. национально-патриотическое движение привело к бельг. революции 1830 г. и образованию независимого королевства Бельгия.

26 марта 1828 г. была заключена конвенция между Папским престолом и швейцар. кантонами Люцерн, Берн, Золотурн и Цуг: были установлены границы диоцезов, определены правила организации соборных капитулов и распределения их доходов, назначения каноников, выделения дотаций на церковные нужды, в т. ч. на католич. ДС. Епископы должны были избираться капитулами, а затем они приносили присягу верности перед кантональными депутатами. В 1830 г. к конвенции присоединились кантоны Аргау и Тургау.

Отношения Папского престола с Испанией при Л. были осложнены нежеланием кор. Фердинанда VII значать по праву королевского патроната новых епископов на вакантные кафедры, что позволяло ему собирать доходы с этих диоцезов в королевскую казну и т. о. бороться с дефицитом гос. бюджета. Также испан. король не желал отказываться

от права назначать епископов на кафедры в странах Лат. Америки, которые в нач. XIX в. завоевали независимость от испан. короны. На консистории 21 мая 1827 г. Л. фактически упразднил право патроната испан. короля в отношении кафедр в Лат. Америке, объявив о намерении самостоятельно назначить на них епископов. В ответ испан. король сократил объем помощи католич. миссиям на Ближ. Востоке, а также длительное время отказывался принимать нового нунция в Мадриде – архиеп. Франческо Тибери Контильяно.

Л. поддерживал режим Реставрации во Франции, королей Людовика XVIII (1814–1824) и Карла X (1824–1830), видя во франц. монархии опору католич. Церкви. После издания 16 июня 1828 г. Карлом X ордонансов, согласно к-рым во Франции запрещалась деятельность ордена иезуитов, закрывались принадлежавшие им коллегии, а также ограничивался прием в начальные ДС, франц. епископат выразил несогласие с политикой короля и обратился к папе, однако Л. счел нужным призвать епископов ради мира в гос-ве признать изданные королевские ордонансы.

Л. воспользовался дружескими отношениями между англ. кор. Георгом IV (1820–1830) и кард. Э. Консальви, чтобы вступить с англ. королем в доверительную переписку, к-рая во многом повлияла на благосклонное отношение монарха к возрождению английского католичества и к движению за эмансипацию католиков под рук. Д. О'Коннелла, добившегося принятия 24 марта 1829 г. английским парламентом билля об эмансипации католиков (утвержден 13 апр. 1829 кор. Георгом IV). Л. проявлял заботу об Английской коллегии в Риме и передал англ. общине рим. храм во имя Святейших имен Иисуса и Марии на Виа-дель-Корсо.

В 1825 г. Л. вступил в полемику с новым неаполитанским кор. Франциском I, когда тот поднял вопрос об отмене символической дани, которую неаполитанские короли должны были предоставлять папе Римскому в знак вассальной зависимости от Папского престола. По совету франц. и австр. дипломатов король выразил желание отменить дань как устаревший обычай, но Л. заявил о намерении сохранить эти права для передачи своему преемнику.

Понтификат Л. пришелся на начало царствования имп. Николая I, стремившегося к ограничению деятельности католич. Церкви в Российской империи. После смерти Могилевского архиеп. Станислава Богуща-Сестренцевича (1 дек. 1826), возглавлявшего католич. Церковь в Российской империи более полувека, Л. согласился утвердить назначение на Могилевскую кафедру компромиссной фигуры 82-летнего Луцко-Житомирского еп. Гаспара Казимира Цецишовского, к-рый из-за проблем со здоровьем оставался в Луцке и не смог приступить к руководству Римско-католической духовной коллегией в С.-Петербурге.

Понтифик был похоронен во временной усыпальнице. 5 дек. 1830 г. гроб с телом Л. был перенесен в базилику св. Петра, где погребен близ алтаря свт. Льва Великого. В 1835–1837 гг. стараниями папы Римского Григория XVI справа от входа в главный неф собора св. Петра был сооружен памятник Л. работы Дж. де Фабриса.

Лит.: Montor A., de. Histoire du Pape Léon XII. P., 1843. 2 t.; Leone XII // Dizionario di erudizione storico-ecclesiastica. Venezia, 1846. Vol. 38. P. 50–83; Grandmaison G., de. Le jubilé de 1825: Étude hist. P., 1902; An. Pont. Cath. 1925. P. 99–114; Rossi M. Il conclave di Leone XII: Lo Stato Pontificio e l'Italia all'indomani del Congresso di Vienna. Perugia, 1935; De Marchi G. Le nunziature apostoliche dal 1800 al 1956. R., 1957; Colapietra R. La Chiesa tra Lamennais e Metternich: Il Pontificato di Leone XII. Brescia, 1963; idem. La formazione diplomatica di Leone XII. R., 1966; Fontana S. La controrivoluzione cattolica in Italia: 1820–1830. Brescia, 1968; Boutry Ph. Léon XII // Dictionnaire hist. de la papauté. P., 1994. P. 1031–1035; Monsgrati G. Leone XII Papa // Enciclopedia dei Papi. R., 2000. Vol. 3. P. 529–538.

А. Г. Крысов

ЛЕВ XIII (2.03.1810, Карпинето-Романо, близ Рима – 20.07.1903, Рим; до избрания папой Винченцо Джоакино Раффаэле Луиджи Печчи), папа Римский (с 20 февр. 1878). Происходил из богатой аристократической семьи; был 6-м ребенком из 7 детей гр. Лодовико Печчи и его жены Анны (урожд. Просперы Буци). В семье получил хорошее религ. воспитание; был министрантом в ц. св. Льва в Карпинето-Романо. С 1818 по 1824 г. обучался в иезуитской коллегии в Витербо (Папское гос-во), затем продолжил учебу в Римской коллегии (см. *Григорианский университет*), по окончании к-рой поступил в 1832 г. в папскую Академию церковной знати. В 1835 г. в римском

ун-те Сапиенца получил степени д-ра гражданского и канонического права (*in utroque iuro*) и д-ра богословия. Во время учебы был замечен протектором академии кард. Бартоломео Паккой, деканом *коллегии кардиналов*, к-рый рекомендовал Печчи папе Римскому Григорию XVI. 6 февр. 1837 г. папа возвел Печчи в достоинство прелата папского двора, 16 мар-

Лев XIII, папа Римский.
1900 г. Худож. Ф. А. де Ласло.
(Венгерская национальная галерея
в Будапеште)

та назначил референдарием трибуналов Апостольской сигнатуры правосудия и Апостольской сигнатуры милости, с 28 июня Печчи стал релатором Конгрегации управления Папским гос-вом. 17 нояб. того же года был посвящен в субдиакона, 24 нояб. в рим. ц. св. Андрея (Сант-Андреа-аль-Квиринале) президент папской Академии церковной знати Джованни Джакомо Синибальди, архиеп. Дамиетты *in partibus infidelium*, рукоположил его во диакона. В том же храме 31 дек. генеральный викарий Рима кард. Карло Одескальки рукоположил Печчи во пресвитера. 17 февр. 1838 г. папа Григорий XVI назначил его апостольским делегатом в Беневенто (Папское гос-во), а 12 июня 1841 г. – в Сполето, но уже 17 июля того же года он был переведен апостольским делегатом в Перуджу, где преуспел в борьбе с экономическими злоупотреблениями и коррупцией. Печчи обратил на себя внимание гос. секретаря Папского престола кард. Луиджи Ламбускини, к-рый в кон. 1842 г. решил привлечь его, несмотря на его молодой возраст, к дипломатической службе.

27 янв. 1843 г. папа Григорий XVI нарек Печчи архиепископом Дамиетты *in partibus infidelium* и на

следующий день назначил апостольским нунцием в Бельгии. 10 февр. Печчи стал ассистентом папского трона. Епископское рукоположение, состоявшееся 19 февр. 1843 г. в рим. ц. св. Лаврентия (Сан-Лоренцо-ин-Панисперна), возглавил кард. Л. Ламбускини. 7 апр. 1843 г. новый нунций прибыл в Бельгию. Он принял участие в рассмотрении вопроса о преподавании в школах католич. катехизиса, за отмену к-рого активно выступали либеральные политики. Печчи призвал бельг. епископов оказать поддержку католич. депутатам, чтобы они могли противостоять принятию парламентом либеральных законов. Нунцию пришлось участвовать в разрешении конфликта между бельг. епископством и иезуитами из-за открытого в 1845 г. при орденской коллегии в Намюре философского ф-та, на который было разрешено поступать мирянам, что влекло за собой изменение положения Лувенского (Лёвенского) католич. ун-та, с 1834 г. содержавшегося на средства бельг. епископов. Нунций призвал обе стороны доверить решение спора Папскому престолу. В 1844 г. Печчи стал одним из инициаторов создания в Риме Бельгийской коллегии для подготовки бельг. духовенства.

После смерти в апр. 1845 г. еп. Перуджи Карло Филезио Читтадини духовенство и члены муниципального совета города через кард. Джованни Марию Мастаи Ферретти (впосл. папа Римский *Пий IX*) подали петицию папе Григорию XVI с просьбой назначить на вакантную кафедру Печчи, хорошо зарекомендовавшего себя на посту апостольского делегата в Перудже. 19 янв. 1846 г. Печчи был назначен на кафедру Перуджи. В знак признания заслуг на посту нунция бельг. кор. Леопольд I наградил его Большим крестом ордена Леопольда. По окончании дипломатической службы Печчи совершил поездку в Лондон и Париж и 22 мая 1846 г. прибыл в Рим, где дождался избрания нового папы Римского Пия IX. 26 июля 1846 г. Печчи вступил в управление кафедрой Перуджи.

Одним из постоянных объектов внимания правящего епископа являлось развитие духовного и религ. образования. В 1846–1850 гг. на собственные средства Л. было построено новое здание ДС, куда приглашали преподавать лучших профессоров

из ун-та Перуджи и др. ун-тов, ряд курсов в ДС читал Печчи. В 1872 г. его стараниями в Перудже была открыта задуманная еще в 1858 г. академия св. Фомы Аквинского. В 1856 г. было предпринято новое епархиальное издание катехизиса, в 1857 г. опубликовано практическое руководство для клириков. Работа по катехизации молодежи была доверена приглашенным из Бельгии монахиням конгрегации Святейшего Сердца Иисуса, их эффективная деятельность в образовательной сфере привлекла внимание Печчи, когда он был еще нунцием. При нем в еп-стве Перуджа было построено 36 новых храмов, активно развивалась социально-благотворительная деятельность (напр., оказывалась помощь пострадавшим в 1854, во время голода, начавшегося после землетрясения в Умбрии).

На тайной консистории 19 дек. 1853 г. папа Пий IX возвел Печчи в достоинство кардинала-пресвитера; на открытой консистории 22 дек. после возложения кардинальского галеро папа пожаловал ему титулярную рим. ц. св. Хрисогона Аквилейского. Печчи был включен в состав неск. конгрегаций Римской курии, однако активного участия в их работе не принимал, т. к. в основном находился в своем диоцезе.

На долгий период пребывания Печчи в Перудже пришлось события завершающего этапа объединения Итальянского гос-ва (Рисорджименто). В 1849 г. архиепископ убедил австр. войска не оккупировать Перуджу, захваченную войсками Дж. Гарибальди, что привело бы к росту народного недовольства. В сент. 1860 г., после оккупации Перуджи войсками Пьемонта, было введено законодательство Сардинского королевства, имевшее либеральный и антиклерикальный характер. Декретами от 25 и 28 сент. 1860 г. храмы были лишены привилегий, сфера образования выведена из-под контроля католической Церкви. После утверждения обязательной гражданской регистрации брака Печчи от имени епископата Умбрии составил протест и 25 сент. 1861 г. лично обратился к королю, однако эти действия не имели успеха. В окт. 1861 г. в ответ на призывы правительств к епископам новых территорий одобрить их вхождение в Сардинское королевство Печчи подготовил послание верности папе Пию IX, подписанное всеми епископами Умбрии. В 1873 г.

он учредил благотворительное об-во св. Иоакима, оказывавшее материальную поддержку священникам, которые пострадали от конфискации гос-вом церковного имущества. События этого периода во многом определили активное неприятие кардиналом Итальянского гос-ва.

В 1869–1870 гг. Печчи участвовал в работе *Ватиканского I Собора*, на к-ром поддержал принятие догматического определения о папской безошибочности. В авг. 1870 г. папа Пий IX назначил его протектором Карпинето-Романо, а 7 мая 1873 г. — протектором мон-ря *кларисс* и *терциариев* ордена *францисканцев*, для вступления в должность кардинал совершил поездку в Ассизи. 21 сент. 1877 г. назначен кардиналом-камерленго, в связи с чем Печчи был вынужден переехать в Рим, хотя управление диоцезом Перуджа было сохранено за ним.

После смерти папы Пия IX (7 февр. 1878) Печчи как кардинал-камерленго принял на себя обязанности по подготовке *конклава*. Утром 8 февр. 1878 г. он участвовал в конгрегациях присутствовавших в Риме кардиналов, где обсуждался вопрос о проведении конклава за пределами Италии по причине т. н. рим. вопроса — отказа Папского престола признать объединенное Итальянское королевство со столицей в Риме из-за унитарности в 1870 г. Папского гос-ва. Большинство кардиналов поддержали предложение Печчи использовать для заседаний конклава Сикстинскую капеллу в папском дворце в Ватикане (последний конклав собирався там в 1774–1775; последующие проходили в папском Квиринальском дворце в Риме, к-рый был занят итал. властями). 18 февр. 1878 г. открылся конклав (участвовал 61 кардинал из 64), на к-ром после 3-го тура голосования кард. Дж. Печчи был избран папой Римским и принял имя Лев XIII. Понтифик сказал, что его избрание подобно избранию папы Римского *Льва XII* после долгого правления папы Римского *Пия VII*. Девизом нового папы стали слова: «*Soli Deo honor et gloria*» (Единому Богу честь и слава).

Л. стал 1-м папой Римским, с момента избрания на Папский престол никогда не покидавшим территорию Ватикана и считавшим себя его «узником» по причине нерешенности т. н. рим. вопроса (урегулирован в 1929 *Латеранскими соглашениями*).

Лев XIII, папа Римский.
Фотография. 1880 г.

Об избрании нового папы Римского кардинал-перводиак. Просперо Катерини объявил с внутренней лоджии собора св. Петра, что продемонстрировало отношение Папского престола к Риму как к оккупированному городу. По той же причине коронация Л., к-рую в связи с болезнью кардинала-перводиака П. Катерини совершил кардинал-диак. Теодольфо Мертель, состоялась в Сикстинской капелле, а не в соборе св. Петра, также не проводилась интронизация в Латеранской базилике, а Л. на протяжении понтификата ни разу не служил торжественную папскую мессу в главном алтаре собора св. Петра.

После избрания на Папский престол Л. нек-рое время сохранял за собой управление кафедрой Перуджи и назначил нового епископа лишь 27 февр. 1880 г. 27 марта 1882 г. Л. возвел кафедру Перуджи в ранг архиепископской.

А. Г. Крысов

Понтификат Л. характеризовался заметным улучшением взаимоотношений Папского престола со многими гос-вами, в т. ч. со Швейцарией, с Испанией, Великобританией, большинством гос-в Лат. Америки. В нач. 1888 г., когда праздновалось 50-летие священнического служения Л., имп. Александр III Александрович (1881–1894) направил папе поздравительную телеграмму. В ответном послании от 28 янв. 1888 г. Л. выразил надежду на улучшение положения католич. Церкви в России, на восстановление отношений, некогда существовавших между Россией и Папским престолом (дипломатические отношения были прерва-

ны в авг. 1878). Несмотря на сложности при обсуждении вопроса о положении католиков на польск. землях Российской империи, в 1894 г. дипломатические отношения были восстановлены (подробнее см.: Серова. 2009). При Л. был положен конец политике *Культуркампа* в Германии, где были отменены практически все антицерковные законы. Л. обратился к франц. католикам с призывом уважать законное правительство независимо от формы правления (энциклики «*Diuturnum*» от 29 июня 1881, «*Nobilissima Gallorum gens*» от 8 февр. 1884), хотя непримиримая позиция франц. епископата не позволила смягчить существовавший конфликт с правительством Третьей Французской Республики. В Италии Л., не отказываясь от идеи светской власти Римского понтифика и не ослабляя требований к гос-ву о возвращении Папскому престолу захваченных территорий, все же высказал пожелание мирного урегулирования конфликта и, не отменяя формально принцип *non expedit* (неучастия католиков в политических выборах в Итальянском королевстве), призвал верующих к укреплению и расширению деятельности католических орг-ций в обществе.

В понтификат Л. были заложены основы развития теологии и социального учения совр. католич. Церкви. Уже в изданной 21 апр. 1878 г. энциклике «*Inscrutabili Dei consilio*» папа признал перемены, происшедшие в XIX в., считая необходимым включение католич. Церкви в жизнь совр. общества. Понимая неэффективность сдерживающих и запретительных мер в борьбе с секуляризацией, распространившимися неверием и религиозной индифферентностью, Л. призывал способствовать развитию новых форм миссионерской деятельности в католич. Церкви, а также повышать уровень католич. образования. В противовес концепциям материализма и научного позитивизма Л. предложил развивать католич. философию на основе *томизма*, т. к. учение Фомы Аквинского обосновывало взаимосвязь между философией и религ. верой. Возрождению томизма как философской системы католич. Церкви была посвящена энциклика «*Aeterni Patris*» от 4 авг. 1879 г. В том же году 15 окт. Л. основал в Риме папскую Академию Фомы Аквинского

(см. ст. *Академии папские*), одним из президентов к-рой он назначил своего старшего брата Джузеппе Печчи, возведенного 12 мая 1879 г. в достоинство кардинала. Брат Л. способствовал объединению теологов из ордена *доминиканцев* и из Об-ва Иисуса в деле развития *неотомизма*. Папа поддержал начало полного критического издания трудов Фомы Аквинского (1-й том опубликован в Риме в 1882).

Для противодействия популярным в то время критическим исследованиям Библии Л. положил начало развитию католической библеистики. В энциклике «*Providentissimus Deus*» 18 нояб. 1893 г. папа указал на допустимость использования при изучении Библии научных методов, если они согласуются с верой в богодухновенность Свящ. Писания. 30 окт. 1902 г. апостольским письмом «*Vigilantiae studique*» Л. учредил папскую Библейскую комиссию, занимавшуюся католич. экзегетикой Свящ. Писания, в т. ч. путем ответов на вопросы о понимании текста Библии; комиссия также занималась цензурой текстов, связанных со Свящ. Писанием, чтобы избежать публикаций выводов, противоречащих католич. вероучению.

В 1880 г. с целью поощрения научно-исторических исследований Л. разрешил ученым, чьи труды получили одобрение Папского престола, доступ в *Ватиканский секретный архив*, который до этого был практически закрыт для исследователей. Вместо конфискованной в 1878 г. итал. правительством обсерватории при Папском престоле в 1891 г. папа учредил новую Ватиканскую обсерваторию, что также должно было свидетельствовать об одобрении католической Церковью научных исследований. При Л. были пересмотрены образовательные программы ДС и католич. ун-тов, в них включили курсы томизма и библейской экзегетики. 7 марта 1889 г. Л. издал энциклику «*Magni nobis*» об учреждении католич. ун-та Америки в Вашингтоне.

Заботясь о католических миссиях, Л. стремился преодолеть влияние светских властей на деятельность миссионеров в Индии. Так, было ограничено право королевского патроната португальского монарха путем учреждения в 1886 г. собственной католич. иерархии в Индии, включавшей 8 архиеп-ств, 19 еп-ств,

3 апостольских викариата и 4 апостольских префектуры. В 1882 г. Л. фактически упразднил право франц. патроната над католиками Китая, поручив координацию деятельности католич. миссий в Китае Конгрегации пропаганды веры, однако из-за противодействия франц. дипломатов ему не удалось учредить нунциатуру в Пекине. В энциклике «*Catholicae Ecclesiae*» от 20 нояб. 1890 г. Л. призвал всех католиков к участию в миссионерской деятельности и к поддержке католич. миссий, обращал внимание на недопустимость сохранения рабства в отношении принявших крещение африканцев, о чем ранее он уже писал в энциклике «*In plurimis*» от 5 мая 1888 г., адресованной католич. епископам Бразилии.

При Л. активизировалась униональная политика Папского престола, отказавшегося от традиционной практики латинизации *Восточных католических Церквей*. При этом возрождались научные исследования традиций Вост. Церквей; политика укрепления их религ. и культурных традиций проводилась в целях создания прочной базы для воссоединения Церквей (в 1895 была учреждена комиссия кардиналов по содействию воссоединению Церквей). В ответ на посещение Рима хорват. католиками во главе с Джаковским еп. Йосипом Юраем Штроссмайером Л. выпустил энциклику «*Grande munus*» (от 30 сент. 1880), посвященную св. равноапостольным Кириллу и Мефодию, где подчеркнул роль слав. языка в проповеди христианства славянам. По просьбе еп. Й. Штроссмайера папа подтвердил право хорват. католиков совершать рим. мессу на слав. языке; в 1893 г. Конгрегация пропаганды веры выпустила декрет, предписывавший сохранять вост. обряды и обычаи в униат. Церквях. Энцикликой «*Præclara gratulationis*» от 20 июня 1894 г., направленной «правителям и народам мира», в т. ч. и вост. патриархам, папа призвал восстановить единство христ. Церкви. Энциклика вызвала дискуссию в правосл. Церквях. В 1895 г. К-польский патриарх *Анфим VII* выпустил послание, отвергавшее возможность восстановления единства с католич. Церковью, в т. ч. по причине «новых» догматов о Непорочном зачатии Пресв. Девы Марии (1854) и о папской безошибочности (1870). В энциклике «*Ori-*

entalium dignitas» (от 30 нояб. 1894), адресованной христианам Восточных католич. Церквей, Л. вновь повторил запрет на их латинизацию, подчеркнув важность сохранения в католич. Церкви разных обрядов и традиций.

4 марта 1878 г. Л. как папа Римский издал первую буллу «*Ex supremo Apostolatus*» о восстановлении католич. иерархии в Шотландии, к-рой учредил 2 архиеп-ства и 4 еп-ства. В знак признания заслуг в возрождении католич. Церкви в Великобритании 12 мая 1879 г. Л. возвел в достоинство кардинала Джона Генри *Ньюмена*. Однако контакты англикан с католиками в рамках *Оксфордского движения*, участвовавшие по инициативе лорда В. Ч. Л. *Галифакса* и католич. пресв. Ф. Порталля, были прерваны после издания 13 сент. 1896 г. папской буллы «*Apostolicae curae*», согласно к-рой англикан. рукоположения признавались недействительными.

Поддерживая развитие католич. Церкви в США, Л. одобрил созыв 3-го пленарного Балтиморского Собора (1884). Апостольским делегатом на него был назначен Балтиморский архиеп. Джеймс *Гиббонс*; в 1886 г. папа возвел его в достоинство кардинала. Л. непосредственно участвовал в разрешении конфликта в католич. Церкви в США, вызванного распространением учения католич. пресв. И. Т. *Геккера* о необходимости приспособления католицизма к условиям амер. общества ввиду его особого уклада, т. н. американизма. В 1897 г. Л. создал специальную комиссию для изучения американизма, по итогам работы которой 22 янв. 1899 г. направил кард. Дж. Гиббонсу послание «*Testem benevolentiae*», осуждавшее учение Геккера.

Л. внес значительный вклад в развитие католич. мариологии, в т. ч. путем формулирования учения о Пресв. Деве Марии как о Посреднице благодати (*Mediatrix gratiarum*), выраженного в ряде энциклик Л. о молитвенной практике *розария* («*Octobri mense*» от 22 сент. 1891 и «*Magnae Dei Matris*» от 8 сент. 1892). Призывая католиков ежедневно прибегать к молитвенной практике розария, в 1883 г. Л. учредил новый богородичный праздник Королевы св. Розария, а за время понтификата выпустил 11 энциклик, посвященных чтению розария. Папа поддерживал

развитие благочестивых практик поклонения Евхаристии и в 1879 г. одобрил идею созыва международных *Евхаристических конгрессов*. 11 июня 1899 г. Л. впервые прибегнул к практике посвящения всего мира Святейшему Сердцу Иисуса, о чем папа сообщил в энциклике «*Annum sacrum*» от 25 мая 1899 г., провозгласившей проведение в 1900 г. юбилейного года (см. «*Annus sanctus*»).

Наиболее важным итогом понтификата Л. стало формулирование социального учения католич. Церкви как в области отношений между Церковью и гос-вом, так и в том, что касалось христ. взгляда на социальные проблемы, появившиеся вслед за развитием капитализма. В ряде энциклик папа последовательно изложил позицию католич. Церкви относительно политических режимов, подчеркнув, что гос. власть обязана основываться на принципах общего блага и уважать суверенитет Церкви (энциклика «*Diuturnum illud*» от

Лев XIII, папа Римский.
Фотография. 1903 г.

29 июня 1881). В свою очередь Церковь не связана с к.-л. формой правления, а потому может одобрить республиканский строй (энциклика «*Immortale Dei*» от 1 нояб. 1885), но оставляет за собой право критиковать либерализм как направление политической мысли, извращающее христ. представление о правах и свободах человека (энциклика «*Liberias praestantissimum*» от 20 июня 1888). Л. обратил внимание католиков на необходимость участвовать в политической жизни гос-ва, в т. ч. путем голосования на выборах за политиков, отстаивающих интересы католич. Церкви (энциклика «*Sapientiae christianae*» от 10 янв. 1890). Высту-

Надгробие
папы Римского Льва XIII
в Латеранской базилике в Риме. 1891 г.
Скульптор Дж. Тадолини

пая против принятия в некоторых европ. гос-вах либерального законодательства о браке, в энциклике «Arcanum» от 10 февр. 1880 г. папа изложил христ. концепцию семьи, подчеркнув необходимость прочной семьи в качестве основы общества и указав на недопустимость разводов.

Помимо либерализма Л. подверг критике идеологии социализма, коммунизма и учение о классовой борьбе (энциклика «Quod apostolici muneris» от 28 дек. 1878). Обращая внимание на важность т. н. рабочего вопроса, т. е. положения в обществе рабочих, количество к-рых увеличилось в связи с процессами индустриализации, Л. выработал позицию католич. Церкви о справедливой заработной плате, условиях труда и др. правах рабочих. Находясь во многом под влиянием Вильгельма Эмануила фон Кеттелера, еп. Майнцского, а также следуя рекомендациям кард. Генри Эдуарда Маннинга, архиеп. Вестминстерского, и кард. Дж. Гиббона относительно участия католиков в профсоюзах, 15 мая 1891 г. Л. опубликовал программную энциклику по рабочему вопросу «Rerum novarum», в к-рой подверг критике капиталистическую систему труда и призвал работников и работодателей соблюдать взаимные права и обязанности, основанные на уважении достоинства личности. Содержавшиеся в энциклике призывы к кооперации католиков-рабочих в ассоциации взаимопомощи привели к развитию движения христ. синдикализма. Энцикликкой «Graves de communi re» от 18 янв. 1901 г. Л. положил начало становлению идеологии христ. демокра-

тии. За время понтификата Л. во мн. европ. странах были созданы различные политические и трудовые католич. союзы и ассоциации.

Тело Л. было погребено во временной усыпальнице в соборе св. Петра в Риме. 22 окт. 1924 г. прах папы согласно завещанию был перевезен и 27 окт. погребен в Латеранской базилике, в усыпальнице, сооруженной стараниями тех, кого Л. возвел в достоинство кардиналов.

В. В. Тошагин

Соч.: Acta Leonis XIII (1878–1903). R., 1881–1905. 23 vol.; Leonis XIII: Allocutiones, epistolae et constitutiones. Bruges, 1887–1911. 8 vol.; Actes de Léon XIII: Encycliques, motu proprio, brevis, allocutions, actes de dicastères, etc. P., 1925–1927. 7 t.; Rerum novarum: Окружное послание Льва XIII о положении трудящихся // 100 лет христ. социального учения. М., 1991. С. 6–24; Testem Benevolentiae / Пер. с лат.: М. А. Бычков, А. Г. Крысов // Покров: Альм. рос. католиков. М., 2002. Вып. 14. С. 15–33.

Лит.: Galland J. Papst Leo XIII.: FS zum goldenen Priesterjubiläum. Paderborn; Münster, 1888; idem. Des Papstes Leos XIII. soziale Wirksamkeit. Mönchengladbach, 1893; Lefebvre de Béhaine É. A. Léon XIII et le prince de Bismarck: Fragments d'histoire diplomatique. P., 1898; D'Arros J. Léon XIII d'après ses encycliques. P., 1902; O'Reilly B. Life of Leo XIII: From an Authentic Memoir Furnished by His Order. Chicago, 1903; Domenico F., di. Vita e pontificato di Leone XIII. Napoli, 1903; Furey F. T. Life of Leo XIII and History of His Pontificate. N. Y., 1903; Goyau G. Le pape Léon XIII. P., 1904; Spahn M. Leo XIII. Münch., 1905; Crispolti C., Aureli G. La politica di Leone XIII: Da Luigi Galimberti a Mariano Rampolla: Su documenti inediti. R., 1912; Belin Ch. La doctrine de Léon XIII contre le libéralisme et la démocratie. P., 1914; Castelein A. Léon XIII et la question sociale. Brux., 1914; Fraikin L.-J. L'infanzia e la giovinezza di un papa: Leone XIII e gli albori del Risorgimento italiano (1810–1838): Da documenti inediti dell'archivio Pecci. Grottaferrata, 1914; Schwer W. Papst Leo XIII. Freiburg i. Br., 1923; Schilling O. Die Staats- und Soziallehre des Papstes Leo XIII. Köln, 1925; Stutz U. Die päpstliche Diplomatie unter Leo XIII.: Nach den Denkwürdigkeiten des Cardinals Domenico Ferrata. B., 1926; Reinartz H. Von Ketteler und Leo XIII.: Der soziale Bischof und der soziale Papst des 19. Jh. Düsseldorf, 1926; Bittremieux J. Doctrina Mariana Leonis XIII. Brugis, 1928; Mangano V. Il pensiero sociale e politico di Leone XIII. Isola del Liri, 1931; Lecanuet É. Les premières années du Pontificat de Léon XIII (1878–1894). P., 1931; Soderini E. Il pontificato di Leone XIII. Mil., 1932–1933. 3 vol.; Fülöp-Miller R. Leo XIII. und unsere Zeit: Macht der Kirche, Gewalten der Welt. Zürich; Lpz., 1935; Monetti G. Leone XIII: «Lumen in coelo». Alba; R., 1937–1941. 3 vol.; Hayward F. Léon XIII. P., 1937; Winter E. Russland und die slawischen Völker in der Diplomatie des Vatikans, 1878–1903. B., 1950; Kiefer W. J. Leo XIII: A Light from Heaven. Milwaukee, 1961; Aspetti della cultura cattolica nell'età di Leone XIII: Atti del Conv. tenuto a bologna, 27–29 dic. 1960 / A cura di G. Rosini. R., 1961; Esposito R. F. Leone XIII e l'Oriente Cristiano: Studi storico-sistemico. R.,

1961; Leo XIII and the Modern World: [Coll. stud.] / Ed. E. Gargan. N. Y., 1961; Hurton G. Il problema dell'unione sotto il pontificato leoniano: Leone XIII ed i teologi ortodossi russi. R., 1965; Abaitua C. La doctrina sobre la libertad política en el magisterio del Papa León XIII. Vitoria, 1966; Watzlawik J. Leo XIII and the New Scholasticism. Cebu City (Philippines), 1966; Wallace L. P. Leo XIII and the Rise of Socialism. Durham, 1966; Hughes J. J. Absolutely Null and Utterly Void: Papal Condemnation of Anglican Orders, 1896. L., 1968; Lill R. Die Wende im Kulturkampf: Leo XIII., Bismarck und die Zentrumsparthei (1878–1880). Tüb., 1973; Weber C. Quellen und Studien zur Kurie und zur vatikanischen Politik unter Leo XIII. Tüb., 1973; Грузинев И. П. Лев XIII // Он же. Папство, век XX. М., 1978. С. 61–106; Chevalier P. La séparation de l'Église et de l'école: Jules Ferry et Léon XIII. P., 1981; Piolanti A. Il Tomismo come filosofia cristiana nel pensiero di Leone XIII. Vat., 1983; Dante F. Cattolicesimo intransigente e cattolicesimo sociale nella seconda metà del XIX secolo: Il contributo di Matteo Liberatore alla Rerum novarum // Studi e materiali di storia delle religioni. 1987. T. 53. N. 2. P. 219–258; Robles Munoz C. La Cum Multa de Leon XIII y el movimiento católico en Espana (1882–1884) // Hispania Sacra. Madrid, 1987. Vol. 39. N. 79. P. 297–348; Pell G. Rerum novarum: One Hundred Years Later. Boston, 1992; Levillan Ph. Léon XIII // Dictionnaire hist. de la papauté. P., 1994. P. 1035–1038; Prud'homme Cl. Stratégie missionnaire du Saint-Siège sous Léon XIII (1878–1903): Centralisation romaine et défis culturels. R., 1994; Launay M. La papauté à l'aube du XXe siècle: Léon XIII et Pie X (1878–1914). P., 1997; Picciaredda S., Alberti V. V. Il mondo di Leone XIII: L'incontro della Chiesa con il XX sec. R., 2006; Da Perugia alla Chiesa universale: L'itinerario pastorale di Gioacchino Pecci: Atti del Conv.: Perugia, 10–11 ottobre 2003 / A cura di M. Tosti. Perugia; Foligno, 2006; Серова О. В. Папа Лев XIII в оценке российских дипломатов // ВИ. 2009. №12. С. 115–130.

А. Г. Крысов, В. В. Тошагин

ЛЕВ II МУНГ (XII в.), архиеп. Охридский. Возглавлял Охридскую архиепископию после архиеп. Феофилакта Болгарского (1108 или, по др. сведениям, 20-е гг. XII в.). Л. М. упоминается в списке архиепископов болгарских, сохранившемся в 2 рукописях XIII в. (т. н. Список Дюканжа: Cod. Paris. gr. 880. Fol. 407–408; ГИМ. Син. 286, Л. 5.2). Как считает М. Финкати, Л. М. был иудеем по рождению и учеником раввина Товии бен Элиезера в Фессалонике, а после крещения стал миссионером среди бывших единоверцев. Он мог быть автором глосс греч. библейской рукописи, содержащих отсылки к Торе (Ambros. A. 147).

Лит.: Falkenhausen V. Auf der Suche nach den Juden in der byzantinischen Literatur // Europa im Nahen Osten: Der Nahe Osten in Europa. B., 2010. S. 201–220; Божилов И. Българската архиепископия XI–XII в.: Списъкът на бълг. архиепископи. София, 2011. С. 102, 104, 128–129; Fincati M. Το Τριδικόν: Greek Bible and Hebraica

Veritas among Byzantine Christians and Jews // Negotiating Co-existence: Communities, Cultures and Convivencia in Byzantine Society. Trier, 2013. S. 89–102.

Д. И. Полювианный

ЛЕВ I [греч. Λέων; лат. Flavius Valerius Leo] (Фракиец, Старший, Великий; 401 – 18.01.474, К-поль), восточнорим. (визант.) имп. (с 7 февр. 457). Большинство визант. авторов называют его выходцем из пров. Фракия (ныне Болгария). Историк Кандид Исавр (кон. V в.) указывает, что родиной Л. была пров. Дакция (диоцез Иллирик, ныне Сербия;

Имп. Лев I.
Солид.
Аверс. Реверс.
457–474 гг.

Phot. Bibl. 79). Историк *Иордан* (сер. VI в.) сообщает, что Л. происходил из племени бессов фракийского народа, обитавшего в районах среднего и верхнего течения р. Гебр (ныне Марица). Т. о., сведения о происхождении Л. основаны на указаниях Кандида Исавра и *Иордана*, позднейшие визант. хронисты лишь обобщенно называют Л. фракийцем. Он был женат на Верине (ум. в 484), в браке имел дочерей Ариадну (императрица с 474; ум. в 515) и Леонтию, а также сына, к-рый род. в 463 г., но прожил всего 5 месяцев (*Vita S. Danielis Stylitae*. 38). Л. поступил на военную службу и постепенно продвигался к высоким чинам. К 457 г. он был трибуном старшей школы маттиариев, расквартированной в Силимври (ныне Силиври) близ К-поля. Выдвижение Л. на имп. престол все авторы приписывают влиянию на гос. дела могущественного магистра армии презентала Аспара. Отец Аспара Ардабурий, алан по происхождению, выдвинулся на военной службе при имп. *Феодосии II* (408–450), был женат на дочери гота *Пленты*, консула 419 г., и сам был консулом в 427 г. Аспар был консулом в 434 г., старший сын Аспара Ардабурий (Ардавурий) – в 447 г. Аспар и Ардабурий-мл. играли значительную роль при к-польском дворе. Им обязан был своим выдвижением предшественник Л. имп. *Маркиан* (450–457). О характере связей между Аспаром и Л. сведений нет, одна-

ко Л. был обязан Аспару своим выдвижением. У византийских хронистов XII в. *Иоанна Зонары* и *Константина Манасси* есть рассказ о том, что Л. обещал сделать его младшего сына Патрикия цезарем и своим преемником, т. к. ни сам Аспар, ни его старший сын Ардабурий, будучи арианами, не могли претендовать на престол. 7 февр. 457 г. в военном лагере в Евдоме близ К-поля в присутствии ряда военных командиров, членов синклита и К-польского патриарха Анатолия Л. был избран и представлен войску, к-рое встретило его криками одобрения. Церемония была продолже-

на в храме Св. Софии в К-поле, где патриарх Анатолий возложил на голову Л. имп. диадему. Об организации церемонии избрания Л. сохранился подробный отчет в трактате «О церемониях» имп. Константина VII Багрянородного (сер. X в.; *Const. Porphyr. De sectem*. 410–417; *Дагрон*. 2010. С. 86–93). Его сведения считаются вполне аутентичными только в части описания событий в Евдоме, однако именно ритуал в соборе Св. Софии был 1-й церковной коронацией в истории христ. Римской империи.

Восшествие Л. на престол вскоре привело к обострению противоречий среди христианских общин империи. Многочисленные партии противников халкидонского вероисповедания надеялись на перемены в церковной политике К-поля со смейной императоров. Сразу по получении известия о смерти имп. Маркиана в Александрии начались беспорядки. 16 марта 457 г. противники халкидонского вероучения захватили кафедральную базилику города и поставили в патриархи *Тимофея II Элур*, одного из лидеров монофизитов. Городские власти во главе с комитом Дионисием восстановить порядок не смогли. Правосл. патриарх *Протерий* был вынужден перейти в базилику Квиринана. 28 марта, в канун Пасхи, произошло новое возмущение толпы, и патриарх Протерий был убит; его тело протащили по улицам и сожгли на ипподроме (*Theod. Lect. Eccl. hist.* I 8–9; *Zach. Rhet. Hist. eccl.* III 1;

IV 1–2; *Evagr. Schol. Hist. eccl.* II 8; *Theoph. Chron.* P. 109–111).

Обе стороны конфликта апеллировали к суду Л. Чиновник, к-рого Л. вскоре отправил в Александрию, ограничился наказанием непосредственных виновников убийства патриарха Протерия, но не выдвинул обвинений против Тимофея Элур. Понимая, что захват Александрийской кафедры монофизитами ставит под вопрос всю религиозную политику империи, Л. некоторое время склонялся к мысли о созыве нового Вселенского Собора. Однако К-польский патриарх св. *Анатолий* (449–458) и папа св. *Лев I Великий* (440–461) категорически возражали против этого, тем более что сам Тимофей Элур ратовал за созыв нового Собора, который, как надеялись монофизиты, мог бы позволить им пересмотреть халкидонские вероопределения. В кон. 457 или нач. 458 г. Л. разослал всем епископам империи окружное послание («Энкликцион»; греч. Ἐγκύκλιον), в котором провозглашал верность к-польского правительства постановлениям Халкидонского Собора, а также призывал всех обсудить вопрос о признании Тимофея Элур патриархом Александрии и известить К-поль о своих решениях. К «Энкликлиону» прилагались ходатайства, направленные в адрес Л. обеими сторонами александрийского конфликта (*Zach. Rhet. Hist. eccl.* IV 5–8; *Evagr. Schol. Hist. eccl.* II 9–10; *Ioan. Nic. Chron.* 88; *Theoph. Chron.* P. 111–112). Почти все епископы поддержали халкидонское вероисповедание Л. и высказались против Тимофея. Вопреки большинству осмелился выступить только еп. Амфилохий Сидонский, к-рого Л. потребовал немедленно низложить, но заступничество Аспара позволило тому остаться на кафедре. Этот вопрос занял довольно много времени, как можно судить из посланий папы Л. к императору. Летом 458 г. Тимофей был низложен, арестован и выслан из Александрии в Гангру (ныне Чанкыры, Турция) (*Zach. Rhet. Hist. eccl.* IV 7–9; *Evagr. Schol. Hist. eccl.* II 10–11; *Ioan. Nic. Chron.* 88; *Theoph. Chron.* P. 111). Арест Тимофея сопровождался новыми беспорядками в Александрии, а на пути следования от Берита до Гангры он встречал сочувствие значительной части народа. В Гангре Тимофей, получая большие суммы денег из Александрии от своих приверженцев, раз-

давал их бедным, чем вызвал резкое недовольство местного епископа, т. к. тем самым вторгнулся в сферу его полномочий. Через неск. лет Тимофей был сослан в Херсон (Крым), где содержался до конца жизни Л. (*Zach. Rhet. Hist. eccl. IV 7–12*).

Александрийскую кафедру занял халкидонит *Тимофей III Салофакиол*, который своим благочестием сумел расположить к себе даже монофизитов. Тем не менее, опасаясь участи патриарха Протерия, он все же держал при себе вооруженную охрану. Однако развитие монофизитского движения продолжалось. В кон. 60-х гг. V в. получил известность новый лидер монофизитов *Петр Гнафевс*, монах монастыря Акимитов в К-поле, входивший в круг приближенных Зинона. Ок. 468 г. вместе с Зиномом он прибыл в Антиохию и начал там монофизитскую проповедь. В 469 г. Антиохийский патриарх *Мартирий*, обеспокоенный ростом влияния монофизитов, отправился в К-поль, где был принят Л. и патриархом *Геннадием I*, которые обещали ему поддержку. Однако, вернувшись в Антиохию, Мартирий застал свою паству в волнении и предпочел удалиться с кафедры, к-рую вскоре занял Петр Гнафевс. Но в 471 г. он был низложен по указанию Л., и на его место был избран правосл. патриарх *Юлиан* (*Theod. Lect. Hist. eccl. I 20–22; Zach. Rhet. Hist. eccl. IV 12; Theoph. Chron. P. 113–114; Georg. Mon. Chron. P. 618*). От периода беспорядков в Антиохии, вызванных делом Петра Гнафевса, сохранилось распоряжение Л., выданное на имя магистра Востока Зенона. В нем Л. категорически запрещал монахам покидать монастыри и проживать в городах, кроме особых деловых случаев, но и тогда им запрещалось устраивать к.-л. общественные собрания и рассуждать о вере (С.С. I 3. 29). С именем Л. связан ряд других постановлений, свидетельствующих об укреплении роли христ. традиций в рим. обществе. Им было подтверждено празднование воскресного дня, во время к-рого запрещалось устраивать общественные (нерелигиозные) мероприятия и работать гос. чиновникам (С.С. III 12. 9). При Л. было издано постановление о том, что высшие посты в администрации и суде могли занимать только христиане правосл. (халкидонского) вероисповедания. Однако скорее всего после смерти

Л. это распоряжение перестало строго исполняться.

Период правления Л. совпал со временем распада Зап. Римской империи. Основные внешнеполитические усилия Вост. империи при Л. были направлены на попытки укрепить рим. власть на Западе и не допустить дальнейшего и окончательного распада империи. Л. вззошел на престол в момент, когда на Западе императора не было, и т. о. он формально считался правителем и Востока и Запада. Военная власть в Италии принадлежала вождю германцев Рицимеру (Рекимеру). 28 февр. 457 г. Л. даровал ему сан патрикия, а близкого к нему доместика Майориана сделал магистром армии. Однако уже 1 апр. 457 г. в Равенне при поддержке Рицимера Майориан был провозглашен императором. Л. признал его титул как цезаря (т. е. подчиненного себе), но 28 дек. 457 г. Майориан был провозглашен августом, а рим. сенат предоставил ему консульство на 458 г. Эти перемены Л. отказался признать. В 459 г. также не был признан в К-поле и консулат Рицимера. Кроме того, в законодательных актах, изданных Л., не указывалось имени Майориана как соправителя. На Западе не признали консулат Л. в 458 г., однако Майориан в своих новеллах упоминал имя Л. на 2-м месте после себя. Позиция Л. не изменилась и в отношении преемника Майориана Либия Севера (461–465), находившегося под контролем Рицимера. Комит Далмации Марцеллин, признававший до 461 г. Майориана, отказался подчиняться Либию Северу и начал против него военные действия. В этих условиях Рицимер обратился за посредничеством к Л., и тот не отказал ему в дипломатической помощи. В 462 г. посол Л. Филарх совершил путешествие на Запад, убедил Марцеллина прекратить враждебные действия против Италии, а затем отправился в Карфаген, где встретился с королем вандалов Гейзерихом. Филарху не удалось добиться прекращения войны вандалов против Италии, однако он успешно решил важную для К-поля династическую проблему. С согласия Гейзериха из Карфагена вдова имп. *Валентиниана III* Евдоксия и ее младшая дочь Платидия, с 455 г. находившиеся при дворе вандалов, переселились в К-поль. Тем самым был восстановлен династический

брак Платидии и жившего в К-поле сенатора *Олибрия*. Поддерживая эту знатную фамилию, Л. получил важный инструмент для дальнейших попыток укрепить влияние К-поля на Западе.

В 465 г. имп. Либий Север умер и Рицимер предоставил право избрать нового императора Л. Формально с осени 465 по март 467 г. Л. являлся единственным императором как на Востоке, так и на Западе империи. Соправителем на Западе Л. избрал к-польского сенатора Прокопия Анфимия, зятя имп. Маркиана, консула 455 г. 27 марта 467 г. Прокопий Анфимий был провозглашен императором в К-поле и сразу отправлен в Италию. 12 апр. он торжественно вступил в Рим. По предварительному соглашению Рицимер женился на дочери Анфимия Алипии. В то же время, чтобы привязать своего нового соправителя к себе, Рицимер выдал свою младшую дочь Леонтию за сына Анфимия Маркиана. Л. не возражал против провозглашения Анфимия августом в Риме. При этом Л. старался, насколько это было возможно, сделать положение Анфимия более независимым от Рицимера. Вместе с Анфимием в Рим прибыли войска из К-поля, на которые Рицимер не имел влияния. Чтобы ослабить Рицимера, Л. даровал титул патрикия комиту Марцеллину, тем самым полностью уравнивая положение Рицимера и Марцеллина.

Анфимию удалось несколько возродить престиж имп. власти на Западе. Опираясь на прочный союз с ним, Л. вскоре начал войну против вандалов. Гейзерих был извещен посольством, к-рое вновь исполнял Филарх. Однако Гейзерих сразу воспринял союз К-поля и Рима как объявление войны вандалам и вскоре атаковал западное побережье Греции. В 468 г., по сообщению визант. хрониста XII в. Георгия Кедрина, Л. снарядил против него огромный флот — из 1113 судов (*Cedrenus G. Comp. hist. Vol. 1. P. 613*). Расходы на создание флота были столь велики, что затронули и государственную казну, и казну префекта претория, и личные средства обоих императоров. Во главе флота Л. поставил своего шурина Василиска, брата августы Верины. Аспар возражал против экспедиции, и ее последующий провал позднее приписывался его интригам и тайным

связям с Гейзерихом и Василиском. Вероятно, в оправдание убийства Аспара пропаганда Л. распространила слухи о том, что Аспар якобы обещал Василиску в обмен на провал экспедиции помочь ему стать императором после Л. По плану Анфимий, Рицимер и Марцеллин должны были овладеть Сардинией. Еще одна сухопутная армия Л., под командой Ираклия из Эдессы, выступила из Египта и заняла Триполитанию. Основные же силы визант. флота Василиска были направлены против Карфагена. Василиск высадился в Сев. Африке, на мысе у храма Меркурия, близ Карфагена (ныне Эт-Тиб, Тунис). Гейзериху удалось добиться 5-дневного перемирия. Однако, когда ветер поменял направление в благоприятную для вандалов сторону, Гейзерих, не дожидаясь окончания перемирия, двинулся против Василиска одновременно с флотом и войском. Оба флота были оснащены судами с приспособлениями для метания зажигательной смеси, но ветер дул в сторону визант. флота, и это дало вандалам решающее преимущество. Мн. суда византийцев загорелись; моряки пытались вывести свои корабли в открытое море, бросив высадившийся на берег десант, который продолжал защищать от вандалов свой лагерь на берегу. Битва закончилась разгромом византийцев. Василиск бежал на Сицилию. Понимая, что его обвинят в этом провале, по возвращении в К-поль он сразу бросился искать убежище в храме Св. Софии. Благодаря заступничеству Верины он избежал офиц. обвинений, но был отстранен от всех постов, на некоторое время удален из столицы и проживал в Ираклии Фракийской как частное лицо. После понесенных поражений и убийства Марцеллина в авг. 468 г. Л. был вынужден прекратить войну. Заключенный мир был выгоден для вандалов, которые продолжали нападать на побережья Италии и Иллирика (*Theod. Lect. Hist. eccl. I 25; Procop. Bella. III 6; Ioan. Malal. Chron. P. 372–373; Evagr. Schol. Hist. eccl. II 16; Theoph. Chron. P. 115–116*). Экспедиция 468 г. оказалась последней значительной попыткой возродить могущество Зап. Римской империи до момента ее падения в 476 г.

В 470 г. имп. Прокопий Анфимий испортил отношения с Рицимером, казнив неск. его приближенных. Ри-

цимер удалился из Рима в Медиолан и оттуда грозил Анфимию. Тем не менее Прокопий Анфимий, который мог опираться на присланные Л. вост. войска, не был марионеткой Рицимера, как его предшественник Либий Север. Еп. Епифаний Тицинский на некоторое время сумел примирить противников. Однако в нач. 472 г. началась война и Рицимер осадил Рим. Правительство Л., озабоченное войной с готами на Балканах, не успело предоставить Анфимию дополнительную помощь. Л. лишь отправил в Рим сенатора Олибрия, которому поручалось выступить посредником в разрешении конфликта. Но изменить ход событий Олибрий не смог: 4 июля 472 г. Рим был взят, Анфимий убит. 11 июля Олибрий по соглашению с Рицимером был провозглашен императором в сенате. Одновременно с этими событиями на Рим обрушилась эпидемия чумы, от которой уже 18 авг. умер Рицимер, а 23 окт. и Олибрий. Череда смертей наиболее авторитетных политиков в Италии в к-рый раз сорвала все расчеты правительства Л. и лишила его рычагов влияния на Западе. Новым императором в Италии был наспех провозглашен комит мандикующего при нем начал играть роль же неожиданно выдвинувшийся комит Гундобад, представитель бургундской королевской фамилии, в прошлом союзник Рицимера. Л. не признал Гликерия и выдвинул кандидатуру имп. Юлия Непота, племянника комита Далмации Марцеллина, который унаследовал от своего дяди власть в Иллирике. Л. отправил ему пурпурные имп. инсигнии и провозгласил цезарем, предложив также жениться на племяннице своей жены. Юлий Непот овладел Римом в июне 474 г., уже после кончины Л.

Положение на дунайской границе при Л. оставалось относительно спокойным, что связано с распадом державы гуннов Аттилы в Центр. и Вост. Европе. Л. удавалось долго сохранять мир с «сыновьями» Аттилы, разделившими его владения. Однако в 467–469 гг. произошел конфликт, начавшийся с отказа Л. допустить гуннов на рынки в придунайских городах. Один из сыновей Аттилы, Денгизих, грозил империи войной. Однако, видимо, вопросы торговли были только поводом. Послы Денгизиха в К-поле просили у Л. предоставить гуннам статус федератов

и дать им земли и денег для переселения на территорию империи. Л. отказался принять гуннов. В начавшейся войне, к-рую ромеи вели под командованием Аспара, дружины Денгизиха были почти полностью уничтожены. Более сложной проблемой стали остготы, расселившиеся в то время в Паннонии. В 461 г. Л. по неясным причинам отказал им в выделении денежных средств по договору. В ответ остготы вторглись в Иллирик и дошли до Диррахия. Л. заключил с ними мир на условиях возобновления их содержания в обмен на заложников. Одним из заложников стал *Теодорих Великий*, сын вождя Теодемира, буд. создатель остготского королевства в Италии. В 466 г. в Паннонии началась война между остготами и скирами. Аспар выступал за нейтралитет в этом конфликте, но Л. поддержал скиров, направив им на помощь войско Прокопия Анфимия. По соглашению с вождем готов Теодорихом, сыном Триария, в 473 г. Л. отпустил в Паннонию Теодориха, сына Теодемира. Последний принял участие на стороне империи в борьбе против сарматов, освободил от них Сингидун (ныне Белград), но не передал город имперским властям, а контролировал его сам.

Отношения с Персией оставались мирными. Посольства из К-поля в Персию Л. направлял неоднократно. Ок. 464 г. персид. шах Пероз (Фируз) просил у Л. помощи для борьбы с эфталитами в Центр. Азии. Л. не оказал персам поддержки. В 466/7 г. Пероз вторично и вновь безуспешно просил у Л. помощи против сарагуров, вторгшихся в Закавказье, разоривших Иверию (ныне Грузия) и осаждавших крепость Вирипарах в персид. Армении. Кроме того, в 463 г. в К-поль явилось посольство сарагуров, к-рое благосклонно было принято Л. В 464 г. в К-поль прибыл царь лазов Губаз, союзник империи, к-рого Л. заподозрил во враждебном отношении. Губазу удалось оправдаться; Л. вернул ему свое расположение и вместе с ним посетил св. Даниила Столпника. Тем не менее Л. не оказал лазам помощи в их борьбе со сванами, т. к. все силы империи были в это время брошены против вандалов. В 473 г. в К-поль прибыл Аморкес, филарх одного из араб. племен, к-рое перекочевало в Сев.-Зап. Аравию и стремилось установить дружественные отношения с импе-

рией (*Malch. Hist. byzant. Fr. 1*). Покорив нек-рые окрестные араб. кланы, племя Аморкеса захватило о-в Йотаба (ныне Тиран, Красное м., у входа в зал. Акаба) и изгнало оттуда рим. таможеню. Для улаживания этого конфликта Аморкес был призван в К-поль, где его встретили с большим почетом. Он обещал принять крещение, и Л. вручил филарху богатые дары и заверил его в сохранении союзнических отношений.

Понимая опасность чрезмерного влияния Аспара и его группировки готов и аланов при дворе, Л. с первых лет правления искал силу, на к-рую он мог бы опереться в столице. Такой силой стало племя исавров, живших в юго-вост. горной части М. Азии. С нач. V в. исавры в значительном количестве принимались на военную службу и были известны в К-поле. Л. начал формировать из них отряд дворцовой стражи экскувитов. Вождь исавров Тарасикодисса, обладавший статусом одного из наиболее знатных предводителей в иерархии своего племени, стал приближенным Л. В крещении он принял имя *Зинон*, а ок. 466 г. женился на дочери Л. Ариадне. В 468 г. Л. назначил Зинова магистром армии Востока, а в 469 г. Зинов был консулом. Затяжной конфликт Л. с группировкой Аспара начал нарастать после провала карфагенской экспедиции. 28 авг. 468 г. Л. издал эдикт, запрещающий частным лицам, военным и гражданским, набирать личную охрану из готов или исавров. Это распоряжение в равной мере должно было затронуть Аспара и Зинова, однако из последующих событий видно, что оба военачальника запрет проигнорировали. Авторитет Зинова еще более возрос после удачных военных действий против гуннов во Фракии в 469 г. Тогда же на Зинова было совершено неудачное покушение, в то время когда он находился в военном лагере во Фракии. В том же году Аспар вынудил Л. признать своего 2-го сына Юлия Патрикия цезарем, что вызвало недовольство населения К-поля, т. к. Патрикий был арианином. Толпа народа под предводительством архимандрита мон-ря *Акимитов* Маркелла собралась на ипподроме. Л. успокоил людей, дав заверение, что Патрикий примет православие, как только женится на его младшей дочери Леонтии. Л. на некоторое время удалил Патрикия из столицы в Алек-

сандрию, где тот оставался до нач. 470 г. Тем не менее в 470 г. Патрикий был объявлен цезарем и женился на Леонтии, и положение партий Аспара и Зинова при дворе Л. было уравнено. В это время Зинов получил сведения о заговоре Аспара против Л. и сумел донести их до императора. Магистр армии во Фракии Анагност перехватил некое письмо Ардабурия, сына Аспара, призывавшего фракийских готов к мятежу. Кроме того, Зинов через своего доверенного Мартина получил сведения о том, что Аспар, вероятно, готовил переворот в пользу своего сына Юлия Патрикия с отстранением Л. от власти. Вероятно узнав об этом от Зинова, Л. окончательно встал на сторону исавров. В нач. 471 г. Л. заманил Аспара и его сыновей Ардабурия и Патрикия во дворец, где на них напала стража. Аспар и Ардабурий были убиты сразу; Патрикий был схвачен и вскоре умер от ран. Младший сын Аспара Германих был спасен Зиновом, к-рый, памятуя о прежней дружбе, предоставил ему убежище в своей резиденции в Халкидоне, а затем отправил его в Исаврию, где тот женился на его родственнице и впосл. жил как частное лицо в К-поле. Вопреки мнению ряда позднейших византийских хронистов Зинов едва ли был причастен к этой расправе. В момент убийства он находился в Халкидоне, и неизвестно, был ли он посвящен в планы Л.

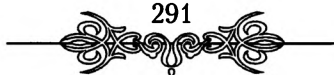
Убийство военачальников во дворце Л. произвело сильное впечатление в столице. Это было явное преступление, к-рое означало объявление войны всем соплеменникам Аспара. За Л. закрепилось нелестное прозвище *Макелл* (греч. *Μακέλλης* — Мясник; *Malch. Hist. byzant. Fr. 2*; *Suda. A 783*; *Cedrenus G. Comp. hist. Vol. 1. P. 607*). Мстителем за Аспара явился его телохранитель Острис, к-рый с группой вооруженных готов ворвался во дворец, но его нападение было отбито исаврийскими экскувитами. Острис бежал во Фракию и начал призывать готов-федератов к восстанию. Движение готов возглавил их вождь Теодорих, сын Триария. Началась война на Балканах, с этого времени против различных готских группировок воевали с перерывами до сер. 80-х гг. V в. Теодорих, первоначально возглавивший восстание готов, стремился добиться того же положения в империи,

к-рое до этого занимал Аспар. Зная это, Л. вступил с ним в переговоры, отправив к нему силенциария Пелагия. Однако Теодорих выдвинул слишком большие требования, претендуя на все наследство (в т. ч. имущество) Аспара, в то время как Л. соглашался только передать под командование Теодориха те войска, которыми ранее руководил Аспар. Достижть мира не удалось, и гражданская война, хотя и не очень интенсивная, продолжалась 2 года. Теодорих захватил Аркадиополь, но угрожать К-полю не смог. Тем временем среди готов, не получавших привычного жалованья, начало расти недовольство Теодорихом, и это вскоре вынудило его заключить мир. Л. предоставил Теодориху пост магистра армии, а его готам годовое содержание.

В кон. 473 г. Л. тяжело заболел и озабочился вопросом передачи власти. К этому времени у партии Зинова при дворе не осталось соперников, но сам Зинов, как считалось, не мог стать императором из-за своего варварского происхождения. 18 нояб. 473 г. на к-польском ипподроме Л. провозгласил августом Льва II, своего 6-летнего внука от брака Зинова и Ариадны. 18 янв. 474 г. Л. скончался.

Несмотря на неоднозначность политики Л., у позднейших византийских хронистов он был известен как Лев Великий. Л. как благочестивый правитель показан в Житии Даниила Столпника (ВНГ, N 489; *Vita S. Danielis Stylitae. 1913*) в связи с тем, что часто посещал святого на столпе в Сосфении близ К-поля. Именно по настоянию Л. св. Даниил принял сан пресвитера, не сходя со столпа. В церковной истории Л. оставил память ревностного блюстителя халкидонского православия, в противоположность его преемникам Зинову и Анастасию I, строившим политику на основе «Энотикона». Его имя в ряду святых внесено в К-польский синаксарь под 15 и 20 янв., (*SynCP. Col. 393, 407*) и под 20 янв. — в календари греч. Церкви.

Ист.: Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori, Candidi, Nonnosi et Theophanis historiarum reliquiae, Propocpii et Prisciani panegyrici / Ed. I. Bekker, В. G. Niebur. Bonn, 1829 (рус. пер.: Визант. историки: Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патрикий, Менаандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Пер.: С. Дестунис. СПб., 1860. Рязань, 2003²); *Vita Petri Iberi // Raabe R. Petrus der Iberer. Ein Charakterbild zur Kirchen- und Sittengeschichte des 5. Jh. Lpz., 1895. S. 3–146*; *Theod. Lect. Hist. eccl. I 8–9*; *Zach. Rhet. Hist. eccl. III 11–12*; IV 1–12; *Vita S. Danielis*

Stylitae / Ed. H. Delehaye // AnBoll. 1913. Vol. 32. P. 121–214; *Anon. Vales. Chron. Const.* 9. 39; *Iord. Rom. 335; Ioan. Malal. Chron.* P. 369–376; *Procop. Bella. III* 5–7; *Evagr. Schol. Hist. eccl.* II 8–17, 26; *Chron. Pasch.* P. 592–599; *Ioan. Nic. Chron.* 88; *Theoph. Chron.* P. 103, 109–120; *Georg. Mon. Chron.* P. 616–618; *Phot. Bibl.* 78, 79; *Leo Gramm. Chron.* P. 111; *Const. Porphy. De cerem.* Vol. 1. P. 410–417; *Patria CP. Vol. 2.* P. 167; *Mich. Syr. Chron.* IX 1–4; *Cedrenus G. Comp. hist. Vol. 1.* P. 607–614; *Zonara. Epit. hist. Vol. 2.* P. 121–128.

Лит.: *Jalland T. The Life and Time of St. Leo the Great. L., 1941; Ensslin W. Leo I // Pauly, Wissowa. Bd. 12. Sp. 1947–1961; idem. Zur Frage nach der ersten Kaiserkrönung durch den Patriarchen und zur Bedeutung dieses Aktes im Wahlzeremoniell // BZ. 1942. Bd. 42. S. 101–115; Stockmeier P. Leo I des Grossen. Beurteilung der kaiserlichen Religionspolitik. Munch., 1959; Ullmann W. Leo I and the Theme of Papal Primacy // JThSt. N. S. 1960. Vol. 11. N 1. P. 25–51; PLRE. Vol. 2. P. 663–665; ODB. Vol. 2. P. 1207–1208; Кулаковский. История. Т. 1. С. 279–314; Дагрон Ж. Император и священник: Этюд о визант. «цезарепапизме». СПб., 2010; Острогорский Г. А. История Визант. гос-ва. М., 2011. С. 103–104.*

Д. В. Зайцев

ЛЕВ II (467, К-поль — 17.11.474, там же), восточнорим. (визант.) имп. (с 18 янв. 474). Род. от брака визант. военачальника, доместика Востока **Зинона** (император в 474–475, 476–491), и **Ариадны**, старшей дочери имп. **Льва I** (457–474). При визант. дворе считалось, что отец Л. Зинон, несмотря на свои заслуги, не может занять имп. престол из-за своего варварского происхождения из племени исавров. Поэтому осенью 473 г., когда имп. Лев I тяжело заболел, было решено сделать наследником 6-летнего Л. 18 нояб. 473 г. на к-польском ипподроме при стечении народа и в присутствии представителей армии и К-польского патриарха Акакия Лев I провозгласил Л. цезарем. Л. также получил консульство на 474 г. Со смертью имп. Льва I 18 янв. 474 г. Л. формально стал единоличным законным императором. Однако в силу своего возраста он находился под контролем регента — своего отца Зинона, к-рый и стал действительным правителем. 9 февр. 474 г. была проведена церемония, на к-рой Л. провозгласил своего отца соправителем. 17 нояб. 474 г. Л. внезапно скончался и Зинон оказался единственным законным императором. Этот многоступенчатый переход власти, осложненный смертью Л., привел к ухудшению политической ситуации в империи. Значительная часть общества и знати по-прежнему не желали признавать Зинона императором и готовили заговоры.

Хронист Виктор Туннунский (2-я пол. VI в.) рассказывает историю о чудесном спасении Л., к-рая, видимо, была распространена в то время. Согласно ей, Ариадна, узнав, что Зинон задумал погубить своего сына, подменила его др. мальчиком, а Л. отправила в один из к-польских мон-рей. Впосл. Л. якобы стал клириком и дожил до времен имп. Юстиниана I (527–565). Смерть Л. стала одной из причин гражданской войны, охватившей империю в янв. 475 — авг. 476 г.

Ист.: *Theod. Lect. Eccl. hist. I* 24, 27; *Zach. Rhet. Hist. eccl. V* 1; *Procop. Bella. III* 7; *Ioan. Malal. Chron.* P. 375; *Evagr. Schol. Hist. eccl. II* 17; *Chron. Pasch.* P. 599; *Theoph. Chron.* P. 120; *Zonara. Annales. Vol. 2.* P. 128; *Niceph. Callist. Hist. eccl. XV* 27, 29.

Лит.: PLRE. Vol. 2. P. 664–665; ODB. Vol. 2. P. 1207–1208; Кулаковский. История. Т. 1.

ЛЕВ III ИСАВР [греч. Λέων ὁ Ἰσαυρός] (до 685 — 18.06.741), визант. имп. (25 марта 717 — 18 июня 741), основатель Исаврийской династии (717–802). Первоначальное

Имп. Лев III Исавр.
Солид.
Аверс. Ревверс.
717–741 гг.

имя — **Конон Исавр** (Κόνων ὁ Ἰσαυρός), вероятно в честь исп. **Конона Исаврийского** (поэтому перевод, часто встречающийся в русскоязычной лит-ре: «Лев Исаврянин», неверен). В послании к халифу Омару (Умару) II Л. И. называет себя **Флавяном Львом**, что может быть искажением в арм. переводе, в к-ром сохранился этот источник, имп. имени **Флавий**.

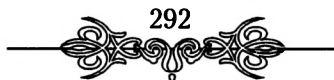
Источники. Основная информация о Л. И. восходит к 2 утраченным сочинениям: гипотетическое название 1-го — *Scriptor anni 718 (Afinogenou. The Source of Theophanes «Chronography».* 2006; *Idem. The History of Justinian and Leo.* 2006) и также гипотетическое название 2-го — *Vita Leonis et Constantini (Idem.* 2002). Первое, апологетическое по отношению к Л. И. сочинение излагало визант. историю с воцарения имп. **Юстиниана II** (685) до окончательного снятия араб. осады с К-поля в 718 г., одновременно повествуя о карьере

Л. И. (не исключено авторство самого Л. И.; см.: *Bury.* 1889. P. 375, 381). Второе, антииконоборческой направленности и соответственно враждебное Л. И., представляло собой описание царствований его самого и его сына имп. **Константина V** и начиналось с краткой биографии Л. И. до воцарения. Прямой доступ к этим источникам имели патриарх К-польский свт. **Никифор I** (использовал их в «Бревиарии» и «Антирретиках»), хронист прп. **Феофан Исповедник** («Хронография») и хронист **Георгий Амартол** («Краткая хроника», первоначальная версия 846/7 г., сохранившаяся в ркп. Paris. Coislin. 305 и в слав. «Летовнике»). В житийной лит-ре Л., как иконоборец, изображается неизменно в отрицательном свете.

Биография. Л. И. был по происхождению сирийцем из г. Германикия (ныне Кахраманмараш, Турция). В числе других жителей Сев. Сирии семья была переселена в Месемврию (ныне Несебыр) во Фракии в 1-е царствование Юстиниана II (685–695). Когда тот

возвращался из херсонской ссылки в 705 г., Л. И. встретил его во Фракии

и преподнес в дар 500 овец. Император возвел его в ранг спафария и приблизил к себе. Клеветники обвиняли Л. И. в том, что он хочет завладеть престолом, но ему удалось доказать свою невиновность. Вскоре Л. И. была поручена чрезвычайной сложная миссия отправиться в Алалию с целью сформировать союз против арабов. Следуя наущению Л. И., аланы напали на контролируемую арабами Абасгию. Однако Юстиниан забрал предназначавшиеся для аланов деньги, которые Л. И. оставил в Фасисе (ныне Потти). Абасги посулили аланам 6000 номисм за выдачу Л. И. Те притворно согласились на сделку, а сами тайно переправили его через Кавказские горы в Лазику. Несмотря на многочисленные опасности, Л. И. удалось благополучно вернуться в К-поль. Возможно, в 711 г. он участвовал в карательной экспедиции в Херсон и принял там участие в мятеже против Юстиниана II (*Афиногенов.* 2002).

При имп. *Анастасии II* (713–715) Л. И. становится стратигом фемы Анатолик. В 715 г. он не признал *Феодосия III* императором, но заключил союз со стратигом Армениака Артаваздом, за к-рого впосл. выдал дочь Анну, и вел переговоры с арабами под командованием Масламы ибн Абд аль-Малика, начавшими в 716 г. масштабное вторжение в Анатолию. Согласно недоброжелательным источникам, Л. И. обещал ему сдать К-поль в обмен на имп. титул. Так или иначе, в результате этих переговоров Л. И. сумел уберечь от разграбления подчиненные ему провинции в М. Азии. Введя Масламу в заблуждение, Л. И. ускользнул от врага. Затем Л. И. одержал победу над войсками, верными *Феодосию*, и в преддверии осады столицы по общему согласию был провозглашен императором, причем *Феодосий* по совету патриарха К-польского свт. Германа I и синклита добровольно уступил ему власть. Л. И. был женат на Марии, от к-рой имел дочь Анну, сына Константина (род. в 718) и дочерей Космо и Ирину (время рождения неизв.). Погребен в саркофаге из проконнесского мрамора в герооне Юстиниана в храме св. Апостолов в К-поле.

Внешняя политика. После воцарения Л. И. немедленно пришлось заняться организацией отпора арабам, в авг.—сент. 717 г. осадившим К-поль с суши (Маслама) и с моря (старший брат Масламы халиф Сулейман). Этот поход ожидался давно, поэтому уже имп. Анастасий II приказал покинуть город всем, у кого не было запасов продовольствия на 2 года. Первое нападение араб. флота было отбито с помощью «греческого огня». Сухопутные силы халифата расположились во Фракии на зимовку. Зима выдалась очень суровой, так что земля в течение 100 дней была покрыта снегом. Из-за этого наступили бескормица и массовый падеж вьючного скота. Весной к араб. флоту прибыли подкрепления из Египта и Африки, однако егип. моряки-христиане перешли на сторону византийцев. Затем много кораблей было вновь сожжено «греческим огнем». Во Фракии араб. войска страдали от страшного голода и нападений болгар, с к-рыми Л. И. удалось заключить союз. Болгары перебили 22 тыс. арабов. В то же время визант. командиры, ведя партизанскую войну на азиат. берегу, от-

резали арабский флот от источников снабжения. Преемник Сулеймана Омар II решил снять осаду, но на обратном пути его корабли настигла буря, упомянутая очевидцем патриархом Германом в благодарственной гомилии Богородице (*Grumel V. Homélie de Saint Germain sur la délivrance de Constantinople // REB. 1958. Т. 16. Р. 183–205*). По визант. источникам, из 1800 спаслось всего 10 араб. судов, из к-рых 5 захватили византийцы. Несмотря на сокруши-

*Пресв. Богородица.
Лев III Исавр.
Свинцовая печать
(моливдовул). 717–741 гг.
(коллекция
Дамбартон-Окс, Вашингтон)*

тельное поражение, арабы продолжали ежегодные грабительские рейды на визант. территорию. Благодаря умело построенной обороне успехи их в целом были незначительны. В 726 г. была взята Кесария Каппадокийская (ныне Кайсери), в 727 г. захвачена крепость Атей и осаждена Никея (ныне Изник), в 730 г. пала крепость Харсиан, а в 738 г.— Сидерун. Наконец, в 740 г. Л. И. и Константин V разгромили арабское войско при Акроине, а вскоре в халифате началась гражданская война, что сильно облегчило положение визант. М. Азии. Появление у арабов в 736/7 г. самозванца, выдававшего себя за сына Юстиниана II Тиверия, существенных последствий не имело. Будучи опытным дипломатом, Л. И. поддерживал хорошие отношения как с болгарами, так и с хазарами. Ок. 731/2 г. он заключил союз с хазар. каганом Вирхором, женив своего сына Константина на дочери кагана Чичак («Цветок», в крещении Ирина). Отношения с папством в правление Л. И. были напряженными, поскольку он переподчинил Сицилию, Юж. Италию и диоцез Иллирик, в к-рый номинально входила вся зап. часть Балканского п-ова до Сердики (ныне София) и Фессалоники включительно, К-польскому Патриархату, а также провел налоговые реформы в Сицилии и Италии в ущерб папским доходам. Тенденциозные источники связывают этот конфликт с противодействием папства иконоборчеству, однако, по всей

вероятности, речь шла о чисто финансово-политических мероприятиях. В 727 г. Равенна и Пентаполь отпали от Византии, экзарх Павел был убит. В 735/6 г. Л. И. направил военно-морскую экспедицию в Юж. Италию, вероятно против лангобардов.

Внутренняя политика. Первоочередной задачей Л. И. являлась ликвидация внутривизантийской нестабильности на грани хаоса, в которой империя находилась после 1-го свержения Юстини-

ана II в 695 г. Пока арабы осаждали К-поль, на Сицилии стратиг Сергей, будучи уверен, что столицу неизбежно сдадут врагу, провозгласил императором Василия Ономагула. Покончив с осадой, Л. И. немедленно подавил мятеж (возможно, т. н. *Scriptor anni 718* появился как один из пропагандистских материалов в этом контексте). Однако сразу вслед за этим магистр Никита Ксилитин списался с Анастасием II, жившим в ссылке в Фессалонике, намереваясь вновь посадить его на престол при помощи болгар. Те вначале поддержали восстание, но затем выдали Л. И. Анастасия и убили нек-рых др. зачинщиков. Последовали казни ряда высших сановников, включая архиепископа Фессалоники. Следующее восстание произошло лишь в 727 г., когда флот Эллады и Кикладских о-вов провозгласил императором некоего Косму (иконопочитательские источники также связывают эти события с иконоборчеством, скорее всего, безосновательно). Мятеж был быстро и жестоко подавлен. Из др. мероприятий Л. И. известны работы по восстановлению стен К-поля после разрушительного землетрясения 26 окт. 740 г., для финансирования которых был введен особый налог в размере 2 кератиев на номисму ($\frac{1}{12}$). Феофан также сообщает, что уже в 721 г. Л. И. приказал насильственно крестить иудеев и монтанистов (*Theoph. Chron. Р. 401*), причем хронист, очевидно следуя своему источнику, говорит об этом бессмысленном шаге с осуждением. Халиф Омар II

отправил Л. И. послание с призывом принять ислам (Ibid. P. 399), на к-рое получил ответ с категорическим отказом, сохранившийся у арм. историка Гевонда (*Гевонд. История халифов вардапета* / Пер. с арм.: К. Патканов. СПб., 1862. Гл. 7).

Реформа законодательства. «Эклога». В 726 г. был опубликован юридический сб. «Эклога» (ἔκλογή, букв. — «выборка»), краткий свод Корпуса гражданского права имп. Юстиниана и последующих имп. новелл. Он был призван решить следующие задачи: 1) предоставить в распоряжение подданных обозримый сборник действующих законов на греч. языке (большая часть юридических документов была на лат. яз.); 2) учесть в законодательстве изменения, вызванные временем; 3) как заявлено в преамбуле, сделать законы «человечнее». «Эклога», в частности, упрощала освобождение рабов и во мн. случаях вводила членовредительские наказания вместо смертной казни. Этот свод оставался в действии до 2-й пол. IX в.

Иконоборчество. История возникновения иконоборчества в сохранившихся источниках крайне мифологизирована. В 726 г. случилось сильнейшее извержение вулкана на о-ве Фира (Санторин). В т. н. Historia Leonis et Constantini оно интерпретировалось как знак Божия гнева на иконоборчество Л. И. (*Afinogenov. 2002. P. 7. N 24*), однако Феофан Исповедник и патриарх Никифор (*Theoph. Chron. P. 404; Niceph. Const. Vrev. hist. P. 128*) поменяли причину и следствие местами, откуда и возникла версия о том, что Л. И. будто бы истолковал это событие как Божие наказание за почитание икон. Так или иначе, в сознании современников закрепилась хронологическая связь между извержением и первыми выступлениями Л. И. против икон. Не позднее нач. 80-х гг. VIII в. в Византии получила распространение легенда о «сворачивании» Л. И. в иконоборчество. Вначале она выглядела так: некий еврей из Лаодикии (ныне Латакия в Сирии) пришел к халифу Язиду II и пообещал, что тот будет править 40 лет, если уничтожит иконы по всем христ. церквям в своих владениях. Язид издал такой указ, но умер в том же году. Его преемник Улид (аль-Валид) предал еврея жестокой казни. Ученик колдуна по имени Висир Серандапих (Σεραντάπιχος — «40 локтей ростом»),

находившийся в араб. плену и отрекшийся от христианства, после гибели учителя бежал обратно в Византию, там вошел в доверие к епископу Наколийскому и при его помощи на 11-м году правления Л. И. сумел соблазнить последнего ересью, опять-таки обещая долгую жизнь и правление (*Afinogenov. 2002*). Впосл. эта история претерпела различные изменения (ср.: *Theoph. Chron. P. 401–402; Niceph. Const. Antirrheticus III: Adversus Constantinum Copronimi // PG. 100. Col. 528D–532A*) и в конце концов приняла совершенно сказочную форму в «Послании трех восточных патриархов имп. Феофилу» (*Afinogenov. 2014. P. 84–94*). В сочинении рассказывается, как 2 евр. чародея, бежавшие из халифата после смерти Язида, встретили где-то в Исаврии бедного юношу Конона, предсказали ему восшествие на престол и выманили клятвенное обещание уничтожить иконы, если предсказание сбудется. Изначально легенда создавалась с целью очернить не самого Л. И., а одного из его ближайших помощников, родоначальника влиятельного клана Серандапихов (в родстве с которым, в частности, была имп. Ирина) — доместика схол Висира. Это отражало противостояние при Л. И. старой и новой знати. Представителем второй и был активный сторонник иконоборчества Висир, тогда как к первой принадлежал патриарх К-польский свт. Герман I, противостоявший религ. политике Л. И. (стремление дискредитировать Германа проявляется уже в т. н. *Scriptor anni 718*, где сообщается, что он поддержал рецидив монофелитства при имп. Вардане Филлипике в 712). Сохранившиеся источники единодушны в том, что к активным действиям Л. И. перешел на 10-й или 11-й год правления, т. е. в 726 г. (тогда же появилась и «Эклога»). Вероятно, все это время он занимался консолидацией и легитимизацией своей власти, чтобы затем потеснить старую аристократию с ее доминирующих позиций не только в светской, но и в церковной сфере. Однако информация о к.-л. конкретных мероприятиях Л. И. против иконопочитания крайне скудна. Феофан сообщает, что император приказал снять икону Христа над Халки, парадными воротами имп. дворца, причем возмущенные православные, в основном женщины, убили чиновника, исполнявшего это

повеление, за что претерпели мученическую кончину. Историчность этого эпизода сомнительна, но изображение, по-видимому, все же существовало и действительно было убрано. Л. И. настойчиво, но тщетно добивался от патриарха Германа офиц. осуждения культа священных изображений вплоть до 730 г., когда святитель сам оставил кафедру, заявив, что не может провозглашать вероучительные определения без Вселенского Собора. Патриархом стал синкелл Германа *Анастасий*, к-рого Л. И. мог легко контролировать, но больше ни о каких иконоборческих действиях императора не известно. Так, даже из патриаршего дворца иконы были убраны лишь при патриархе К-польском *Никите I* Славянине в 776 г. Сообщение о том, что Л. И. издал некий указ, запрещающий почитание икон, на к-рый и хотел получить согласие Германа, в совр. науке признается не заслуживающим доверия. Главное значение событий 726–730 гг. заключалось в том, что император, выдвинув некие предложения в области церковного устройства, относившейся к компетенции патриарха, сумел добиться их принятия и тем самым резко сместить баланс политического влияния в пользу гос. власти. Тем не менее сам факт того, что Германа не удавалось заставить уйти вплоть до 730 г., свидетельствует об институциональной силе Патриархата. Сохранились 2 послания папы Григория II к Л. И., к-рые в дошедшем до нас виде, несомненно, неподлинны, но восходят к реальным документам. Во втором из них папа отвечает на будто бы сделанное Л. И. заявление: «Я — император и священник», признавая за императором в нек-ром смысле священническое достоинство, но, разумеется, категорически отрицая его право вмешиваться в догматические вопросы. Иконоборчество Л. И. обличал также прп. *Иоанн Дамаскин* (3 Слова в защиту св. икон). Впосл. появилась легенда о том, что Л. И. будто бы сжег уч-ще в К-поле, в к-ром преподавал «вселенский учитель» с 12 помощниками и где хранились книги и царские уставы, поскольку эти мудрецы не согласились присоединиться к иконоборческой ереси.

Ист.: *Acta Martyrum Constantinopolitanorum // ActaSS. Aug. Vol. 2. P. 434–447; Ioan. Damasc. Adv. Const. Cabal.; idem. De imag. II 16, 18; Niceph. Const. Chronogr. P. 100, 105, 119; Cedrenus G. Comp. hist. Vol. 1. P. 785, 787, 788–802;*

Zonara. Epit. hist. Vol. 2. P. 248–264; *Sym. Log. Chron.* P. 180–186; *Theodoros Scutariotes. Σύνοψις Χρονική // Σάβας*. МВ. 1894. Т. 7. Σ. 120–123, 136; *Schreiner P.* Die byzantinischen Kleinchroniken. W., 1975. Bd. 1. S. 44, 136; *Mich. Glyc.* Annales. P. 520–522; *Duffy J., Parker J., ed.* The Synodicon Vetus. Wash., 1979. P. 122–124; *Append.* 2. P. 190, 191, 194; *Vita Germani patriarchae [BHG, N 697]*. Cap. 12, 13–27; *Suda.* III 176; *Patria CP.* T. 2. P. 198; T. 3. P. 219, 226, 251, 253, 276.

Лит.: *Bury J. B.* A History of the Later Roman Empire From Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.). L., 1889; *Schenk K.* Kaiser Leons III: Walten im Innern // *BZ.* 1896. Bd. 5. S. 257–301; *Gero S.* Byzantine Iconoclasm during the Reign of Leo III, with Particular Attention to the Oriental Sources. Louvain, 1973; *Alexander P.* Religious Persecution and Resistance in the Byzantine Empire of the VIIIth and IXth Centuries: Methods and Justifications // *Speculum.* Camb. (Mass.), 1977. Vol. 52. N 2. P. 238–264; *Stein D.* Der Beginn des byzantinischen Bilderstreites und seine Entwicklung bis in die 40er Jahre des 8. Jh. Münch., 1980; *Leo III* // *ODB.* Vol. 2. Col. 1208–1209; *Treadgold W. T.* A History of the Byzantine State and Society. Stanford, 1997. P. 342–357, 370, 375–397, 411, 424, 432, 461, 907, 941; *PMBZ,* N 4242; *Afinogenov D.* A Lost 8th Cent. Pamphlet against Leo III and Constantine V? // *Eranos.* Oslo, 2002. Vol. 100. P. 1–17; *idem.* The Source of Theophanes' «Chronography» and Nikephoros' «Breviarium» for the Years 685–717 // *XV. H. c.* 2006. T. 4(10). C. 3–14; *idem.* The History of Justinian and Leo // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar* / *Éd. C. Zuckerman.* P., 2006. P. 181–200; *он же (Афиногенов Д. Е.)* Источник рассказа о крымских событиях 705 и 711 гг. в «Хронографии» Феофана Исповедника // *МАИЭТ.* 2006. Вып. 12. С. 602–614; *idem.* *Mnogoslohnj Svitok: the Slavonic Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilos.* P., 2014. P. 86–98.

Д. Е. Афиногенов

ЛЕВ IV (25.01.750 – 8.09.780), визант. имп. (с 14 сент. 775, как соправитель – с 6 июня 751). Прозвище – Хазар (ὁ Χάζαρος, Χάζαρος), архаизированное – «Скифородный» (Σκυφορένης), «что от хазарянки» (ὁ ἐκ τῆς Χάζαρος).

Источники. Рассказ о правлении Л., помещенный в хронике прп. *Феофана Исповедника* († 818), составлен современником Л., взявшим за основу дворцовые протоколы. В агиографических текстах упоминается об иконоборческих убеждениях Л., но отмечается его сравнительная толерантность по отношению к иконопочитателям. Хронист *Георгий Амартол* (сер. IX в.) даже называет его «благочестивым» (*Georg. Mon. Chron.* P. 765). В «Послании 3 восточных патриархов имп. Феофилу» (836) сказано: «Второй Лев, унаследовав царскую власть, тихим и мирным образом жизни усмирив многоятежную бурю против Церкви и утихомирив тревожления против святых

икон, и жизнь его окончилась мирно» (*Afinogenov.* 2014).

Биография. Л. – старший сын имп. *Константина V* от дочери хазар. кагана Вирхора (по имени Чичак; в крещении Ирина; † 750, возможно, при родах). 17 дек. 769 г. женился на *Ири-*

Имп. Лев IV. Имп. Константин VI.

Солд. Аверс.
776–780 гг.

не (буд. императрице – восстановительнице иконопочитания), их единственным сыном был Константин (род. 14 янв. 771, буд. имп. *Константин VI*).

Согласно *Феофану* и *Георгию Монаху* (*Theoph. Chron.* P. 453; *Georg. Mon. Chron.* P. 765), Л. очень понравился некий «венец Великой Церкви», украшенный драгоценными камнями, и он возложил его себе на голову (*Георгий* интерпретирует это как святотатство). После этого у императора на голове появились язвы (ἄνθρακες, букв. – «угли», также название драгоценного камня) и случилось воспаление, от которого он и умер. Возможно, эта история свидетельствует о враждебной по отношению к Л. традиции, следы которой можно заметить и у *Феофана*. Известно, что имеется в виду под «венцом Великой Церкви»; позднейшая традиция, отраженная *Константином VII Багрянородным*, объясняет, что венец – это царская корона, которую следует надевать исключительно во время религ. процессий. Л. же, надев ее по собственной прихоти, проявил непочтение к святыне и гордыню. Л. был похоронен там же, где его отец (прах *Константина V* был выброшен из гробницы в 852 и уничтожен по распоряжению патриарха К-польского свт. *Игнатия*) и дед (*Лев III Исавр*), в ц. св. Апостолов в К-поле.

Внешняя политика. При Л. арабы совершили несколько успешных, но малозначимых походов в М. Азию, а в 778 г. византийские войска во

главе с *Михаилом Лаханодроконом* (см. в ст. *Константин V*) и др. одержали над ними победу. Имел место также обмен посольствами между империей и халифатом, в ходе которого Л. будто бы послал халифу аль-Махди кн. «*Ианний и Иамврий*» о египетской магической премудрости (*Mich. Syr. Chron.* III 1). Л. продолжал прежнюю политику, переселяя христиан-монофизитов (сирийцев и армян) из Сирии во Фракию для укрепления визант. позиций против болгар. В 776/7 г. болгар. хан *Телериг* бежал в Византию, где Л. стал его крестным отцом и выдал за него замуж родственницу своей жены *Ирины*. На Западе продолжалось ухудшение отношений с папством. В 778 г. дело дошло до военного конфликта, когда папа *Адриан I* захватил г. *Таррацину* (ныне *Террачина*), принадлежавший Неапольскому дукату. Город удалось вернуть при помощи герц. *Беневентского Арихиса II*. Когда сын последнего лангобардского кор. *Дезидерия Арихиса* (*Адельхис*, в крещении *Феодор*) бежал в К-поль, Л. предоставил ему убежище и возвел в сан патрикия.

Внутренняя и церковная политика. На первую же Пасху после вступления на престол (14 апр. 776) Л. короновал своим соправителем сына, *Константина VI*, нарушив порядок престолонаследия, утвержденный имп. *Константином V* в 769 г., поскольку младшие единокровные братья Л. были исключены из числа претендентов на трон. Вероятно, по этой причине венчание превратилось в некий спектакль, в ходе которого народ и вельможи, включая младших сыновей *Константина V*, просили младенца *Константина* себе в цари, а император взял с них присягу в верности сыну-соправителю. Тем не менее правление Л. было омрачено заговорами, вызванными, видимо, кроме прочего, тем, что некоторые лица из визант. знати хотели посадить на престол представителя той же династии с более крепким здоровьем. Один заговор в пользу сводных братьев Л. был разоблачен в мае 776 г., другой – в нач. 780 г. Участники жестоко наказали. Л. продолжал иконоборческую политику своего отца, однако отказался от репрессий против иконопочитателей и от гонений на монахов. Более того, из монахов начали рукополагать предстоятелей наиболее важных епископских кафедр. Когда 6 февр. 780 г.

скончался патриарх К-польский *Никита I* Славянин, его преемником был избран тайный иконопочитатель *Павел IV*. Т. о., предпосылки для восстановления иконопочитания сложились уже в правление Л.

Ист.: *Niceph. Const. Chronogr.* 100, 105; *Cedrenus G. Comp. hist.* Vol. 2. P. 19–20; *Mich. Glyc. Annales.* P. 528; Хронограф *Георгия Амартола* / Изд.: Э. Г. фон Муральт. СПб., 1859. С. 940А, 948А; *Theodoros Scutariotes. Σύνοψις Χρονική // Σάβας*, МВ. 1894. Т. 7. С. 125, 126; *Chronicon Bruxellense // Gumont F. Anecdota Bruxellensia.* Gent, 1894. Т. 1: *Croniques byzantines du manuscrit 11376.* P. 31–32; *Zonara. Epit. hist.* 1897. Vol. 2. P. 282–284; *Duffy J., Parker J., ed. The Synodicon Vetus.* Wash., 1979. P. 126; Vita S. Ioannicii auctore *Saba Monacho // ActaSS. Nov. T. 2.* Col. 334 [ВНГ, N 935]; Vita S. Theodori Studitae [A; ВНГ, N 1755] // PG. 99. Col. 120; Vita [B; ВНГ, N 1754] // Ibid. Col. 240, 265; *Const. Porphy. De cerem.* II 42; *idem. De adm. imp.* 13; *The History of al-Tabari / Ed. E. Yarshater.* Albany, 1995. Vol. 29. P. 221; *Sym. Log. Chron.* 2006. P. 194–196.

Лит.: *Speck P. Kaiser Konstantin VI: Die Legitimation einer fremden und der Versuch einer eigenen Herrschaft: Quellenkritische Darstellung von 25 Jahren byzant. Geschichte nach dem ersten Ikonoklasmus.* Münch., 1978. Bd. 1. S. 53–103; Bd. 2. S. 423–492; *Leo IV the Khazar // ODB. Vol. 2. P. 1209; Treadgold W. T. An Indirectly Preserved Source for the Reign of Leo IV // JÖB. 1984. Bd. 34. S. 69–76; idem. A History of the Byzantine State and Society.* Stanford (Calif.), 1997. P. 365–370, 388, 403, 411, 417; PMBZ, N 4243; *Afinogenov D. Mnogoslopnij Svitok: The Slavonic Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilos.* P., 2014. P. 108. (Collège de France. Centre de rech. d'histoire et civilisation de Byzance. Monogr.; 41).

Д. Е. Афиногенов

ЛЕВ V (ок. 775–780 — 25.12.820), визант. имп. (11 июля 813 — 25 дек. 820). Все прозвища, к-рыми он назван в источниках, носят уничижительный характер, кроме этникаона

Армянин (греч. ὁ Ἀρμένιος, ὁ Ἀρμένιος), унаследованного Л. от отца. Но и этот эпитет может подчеркивать «чужеродность»: так, патриарх Никифор I называет Л. «двуприродный родом и полуварвар» (*Georg. Mon. Chron.* P. 780: διφυῆς μὲν τὸ γένος καὶ μεξοβάρβαρος). Прозвище Хамелеон (Χαμαιλέον) — игра слов: букв. перевод «земляной лев», очевидно, намекает не только на невысокий рост

Л., но и на его «лицемерие». Иногда Л. именуется Амаликитянином по библейскому племени, враждебному израильтянам.

Источники. Практически все многочисленные дошедшие до наст. времени источники прямо враждебны Л. Исключение составляют сохранившиеся гл. обр. в сочинениях Продолжателя Феофана и Псевдо-Генесия фрагменты памфлетов против Михаила II, где относительно положительные отзывы о Л. предназначены для очернения его «убийцы» Михаила. В том же свете следует оценивать и приписываемую Продолжателем патриарху Никифору фразу: «...не только злодея, но и рдетеля об общем благе потерял город в его лице» (*Theoph. Contin.* I 19). Л. упоминается в огромном количестве Житий святых (полный перечень агиографических источников см. в: PMBZ. P. 680–682); в житийной лит-ре он изображается неизменно в отрицательном свете — как яркий иконоборец и гонитель православных.

Биография. Л. род. в арм. семье и, возможно, провел детство в Армении. Его отца звали Варда. Т. о., Л. мог быть племянником военачальника Вардана Турка, как предполагают нек-рые ученые (PMBZ. P. 676. Not. 4; *Brooks E. W. The Emperor Leo V and Vardan the Turk // EHR.* 1916. Vol. 31. P. 256), только по материнской линии, поскольку Варда и Вардан — по-разному переданное по-гречески арм. имя, а наличие 2 братьев с одинаковыми именами маловероятно. Несомненно, Л. был знатного происхождения и, по словам патриарха Никифора, возводил свой род к ассирийскому царю Сеннахири-

Свинцовая печать (моливдовул) имп. Льва V. 813–820 гг. (коллекция Дамбартон-Окс, Вашингтон)

му (*Georg. Mon. Chron.* P. 781), что соответствовало династическим притязаниям одного из знатнейших семейств средневеков. Армении — Арцруни. Однако встречающееся в арм. околонуачной лит-ре уверенное отнесение Л. к этому роду не опирается на достаточные доказательства, как и отождествление Варды Армянина с патриархом, погибшим при Маркеллах в 792 г. Семья Л. переехала в с. Пидра в феме Анатолик, затем Л. поступил в армию и попал

в свиту («этерия») Вардана Турка, где его товарищами были буд. имп. *Михаил II Травл* и Фома Славянин. Когда войска малоазийских фем провозгласили Вардана императором в 803 г., Л. перешел на сторону имп. *Никифора I*, получив за это вознаграждение — пост турмарха федератов и дворец Зинова в К-поле. Весной 811 г. в качестве стратига фемы Армениак Л. из-за небрежности и игнорирования имп. приказов потерпел поражение от арабов при Евхаитах, потеряв не только много людей, но и войсковую казну (1300 фунтов золота). За это Никифор I подверг его уничижительному наказанию и сослал. Имп. *Михаил I Рангаве* освободил Л. из ссылки, как и всех сосланных имп. Никифором I, и сделал его патриархом и стратигом фемы Анатолик (по др. источникам, Л. сначала был заместителем стратига и за удачные военные действия против арабов получил сан патрикия — *Genesios. Reges. IV / Ed. A. Lesmüller-Werner, I. Thurn. B., 1978. P. 8. (CFHB; 14)*). Уже в качестве стратига в авг. 812 г. Л. разбил араб. отряд, уничтожив 2 тыс. чел. и захватив лошадей и обоз. В ходе преследования еретиков Михаил также поручил Л. конфликтовать в своей феме имущество афинган и отправить их в ссылку.

22 июня 813 г. Л. участвовал в большом сражении с болгарами при Версиникии (недалеко от Адрианополя, ныне Эдирне). В источниках представлены 2 версии его действий. Согласно одной, почти вся визант. армия обратилась в бегство и сопротивление болгарам оказали лишь Иоанн Аплакис и Л. Первый погиб, а второго уцелевшее войско провозгласило императором. По другой версии, именно Л. начал бегство и был главным виновником поражения. Реальные события поддаются реконструкции с учетом общего негативного отношения к Л. в дошедших до нас сочинениях. Основную ответственность за разгром, несомненно, нес имп. Михаил I Рангаве. Его нерешительность и безволие привели к тому, что большая часть армии, почувствовав себя лишенной командования, предпочла спасаться бегством, и только 2 военачальника, в т. ч. Л., некоторое время сдерживали натиск противника. Михаил, понимая свою вину, удалился в К-поль, где и сложил с себя власть 11 июля, а Л. в тот же день был провозглашен императором. Хотя ряд авторов избоб-

ражают его узурпатором, современники приход Л. к власти считали вполне законным. Хронист *Георгий Амартол* сравнивает его с израильским царем Саулом, к-рый 2 года царствовал законно, а потом «совратился», причем фразу о «2 законных годах» хронист повторяет трижды (*Georg. Mon. Chron. P. 777*).

Л. был женат на Феодосии (уничжительное прозвище — Барка, этимология прозвища неизв.), дочери патрикия Арсавира, от к-рой имел сыновей Симбатия (коронован соправителем под именем Константин на Рождество 813 г.), Василия, Григория и Феодосия. О супруге Л. иконопочитательские источники отзываются благожелательно. После убийства Л. его тело было захоронено на о-ве Проти (ныне Кынальда) в Мраморном м.

Л. описывается как человек невысокого роста, коренастый и производивший впечатление физически сильного. Он обладал громовым голосом и охотно пел на церковных службах.

Внешняя политика. Преследуя бегущих византийцев после битвы при Версиникии, болгары во главе с ханом Крумом 17 июля появились перед стенами столицы. Л. притворился, что готов к переговорам с ханом, но вместо этого подготовил покушение на его жизнь. Замысел провалился, и Круму удалось бежать (возможно, он был ранен стрелой). Он стал разорять Фракию, произведя страшные опустошения, много жителей было убито. Было разрушено множество церквей, жилищ и замков вдоль Босфора и на западе, вплоть до г. Редест (ныне Текирдаг). Город Адрианополь сдался болгарам, к-рые взяли огромное количество пленных. В нач. 814 г. Крум приступил к полномасштабным приготовлениям осады К-поля, но 13 апр. умер. Л. тем временем ремонтировал к-польские укрепления и успел возвести новую стену вокруг Влахерн. Он также отправил посольство к Карлу Великому с просьбой о военной помощи против болгар. Расчет Л. на то, что ликвидация Крума приведет к внутренней смуте в Болгарии, полностью оправдался. Стабильность восстановилась лишь с приходом к власти Омуртага в 814 г. Уже в следующем году между Византией и Болгарией был заключен 30-летний мир. При заключении договора помимо принесения обычных клятв

Л. согласился совершить языческие обряды, что вызвало резкую критику со стороны противников его церковной политики. Тем не менее болгарская граница надолго оказалась в безопасности, что позволило начать активное восстановление разрушенного Крумом, в первую очередь крепостей. Л. удалось также добиться обмена пленными, состоявшимися на императорской или соответственно на ханской службе (см.: *Афиногенов. 2001. С. 134*). Вместе с тем множество христиан осталось в плену, где некоторые из них были убиты за отказ отречься от веры (см. ст. *Мануил, Георгий, Петр* и др., мученики Адрианопольские) или же есть мясо в Великий пост (см.: *ВНГ, N 2264*). О к.-л. столкновениях на вост. границе при Л. сведений нет, из чего можно сделать вывод, что он обеспечил империи прочный мир минимум на 5 лет (816–820). Силы халифата в это время были оттянуты на подавление восстания хуррамитов во главе с Бабekom. В кон. 820 г. в Анатолии началось восстание Фомы Славянина, заручившегося поддержкой арабов и венчанного на царство в Антиохии патриархом Иовом (см.: *Афиногенов. 2003. С. 209–210*).

Внутренняя и церковная политика. Главная внутривосточная проблема, стоявшая перед Л., обозначилась еще до его венчания на царство. Если инициатива провозглашения Л. принадлежала войску, то отречение Михаила было результатом посредничества патриарха свт. Никифора I, уже во 2-й раз выступавшего как главное действующее лицо при передаче власти (в 811, при отречении Ставракия, сына и соправителя имп. Никифора I). Свт.

Никифор немедленно потребовал от Л. принести присягу в том, что он не будет покушаться на церковные установления. Источники сообщают противоречащие друг другу сведения, но наиболее вероятным представляется следующий сценарий: Л. отказался давать присягу в качестве предварительного условия коронации, но принес ее уже после официальных венчания в Св. Софии. Т. о., новому императору сразу же пришлось иметь дело с чрезвычайно влиятельной конкурирующей политической силой — К-польским Патриархатом во главе со свт. Никифором. Как только смерть Крума избавила Л. от военной угрозы, он начал действовать. План императора был прост: опираясь на реально существовавшие иконоборческие настроения, вызванные во многом ностальгией по победоносным императорам Сирийской династии, организовать выступления против почитания икон, с тем чтобы правосл. иерархи, включая Никифора, были вынуждены защищать свою позицию. Затем Л. предложил бы себя в роли арбитра как лицо, во-первых, незаинтересованное, а во-вторых, обладающее необходимыми полномочиями. Далее у него оставалась свобода маневра: даже если бы он решил дело в пользу иконопочитания, авторитет императора возобладал бы над патриаршеством. На Пятидесятницу, 4 июня 814 г., была образована комиссия, возглавляемая еп. Антонием Силейским и Иоанном Грамматиком (впосл. патриарх К-польский *Иоанн VII Грамматик*), к-рая должна была отыскать в имп. б-ке свидетельства св. отцов против почитания священных изображений. Попытки Л. привлечь на свою сторону кого-либо еще из епископов на этом этапе результатов не дали. В дек. 814 г. император предложил патриарху или применить иконономию и снять низко висящие иконы, чтобы к ним нельзя было прикладываться, или объяснить, на чем ос-

Имп. Лев V.
Миниатюра
из Хроники Иоанна Скилицы.
XII в.
(*Matrit. gr. 2. Fol. 12v*)

новано иконопочитание, если в Свящ. Писании о нем ничего не говорится. Патриарх наотрез отказался и от того и от другого. Л. продолжал безуспешно добиваться диспута между Никифором или его представителями с одной стороны и Иоанном и Антонием — с другой.

Затем он подстроил осквернение солдатами иконы Спасителя над Медными (Халки) воротами дворца, после чего икона была снята под предлогом защиты от надругательства. Параллель с действиями имп. Льва III Исавра в 726 г. для современников была очевидна. Никифор в ответ 24 дек. созвал представительный церковный Собор, предавший анафеме Антония, к-рого лишили сана, и Иоанна, а также всех, кто останутся с ними в церковном общении. Тем самым буд. иконоборческое духовенство заранее лишалось легитимности. На следующий день в имп. дворце состоялась аудиенция, на к-рой присутствовали высшие иерархи, наиболее авторитетные игумены, включая прп. *Феодора Студита*, а также синклит. Сторонники патриарха Никифора вновь отвергли идею дискуссии с иконоборцами. Л. все еще пытался изобразить беспристрастность: на аудиенции он поцеловал нательный крест с изображениями, а на рождественской службе — индитию (алтарный покров) храма Св. Софии. Но уже на Богоявление 815 г. он отказался воздать поклонение иконам. Потеряв надежду одолеть Никифора законным путем, Л. прибег к репрессиям, в основном ссылкам. Конформистская часть визант. духовенства перешла на его сторону, и уже в марте состоялся Собор, низложивший патриарха, который в свою очередь успел лишить сана всех его участников. 13 марта 815 г. Никифор был сослан. На его место Л. поставил светского чиновника *Феодота I* Меллссина Касситеру. Состоявшийся в апр. Собор, на к-ром председательствовал несовершеннолетний сын Л. Симбатий (Константин), провозгласил отказ от вероучения VII Вселенского Собора и предал анафеме правосл. патриархов святителей Германа, Тарасия и Никифора. Против несогласных развернулись жестокие гонения. Многие были подвергнуты не только заточению и ссылке, но и бичеванию, причем прп., исп. *Фаддея Студита* забили насмерть. От епископов, священников и монахов требовали лишь одного: вступить в церковное общение с новой («иконоборческой») иерархией. Несмотря на офиц. запрет иконопочитания, отказываться от него на практике никого не принуждали. Спасаясь от «еретического общения», мн. православные бежали в удаленные места, вклю-

чая Крым и Италию, или скрывались в труднодоступной местности. Преследования продолжались до самой смерти Л., однако результаты, к-рых ему удалось достичь, оставались крайне непрочными.

Л. принимал меры, чтобы казаться народу справедливым и беспристрастным правителем (*Theoph. Contin.* I 19). Это, в частности, выражалось в личном отправлении правосудия, а также в жестоких казнях или членовредительских наказаниях провинившихся сановников. Кроме того, враждебные источники приписывают ему «зависть» по отношению к людям, выделявшимся богатством, популярностью или личными качествами. К 820 г. на фоне начавшегося на границе с халифатом мятежа Фомы Славянина (одного из сподвижников Л. еще до восшествия на престол) подозрительность императора дошла до крайних пределов. В дек. этого года был арестован и приговорен к казни др. давний приближенный Л. — Михаил II Травл, резко критиковавший политику императора (т. е., по-видимому, ее репрессивный характер), но скорее всего ни в каком заговоре не замешанный. Михаилу удалось передать ближайшим сторонникам послание, в к-ром он угрожал оговорить их перед Л., если те не придут на помощь. На Рождество 820 г. группа заговорщиков под видом клириков проникла в дворцовую церковь и изрубила мечами отчаянно защищавшегося Л. Его жена и дети приняли постриг (сыновья подверглись осклоплению), однако Михаил II оставил за ними часть имения.

Ист.: *Leo. Gramm. Chron.* 1842. P. 207–211; *Theodosii Meliteni qui fertur chronographia* / Ed. L. F. Tafel. Monachii, 1859. P. 142–145; *Симеон Метафраст.* Списание мира от бытия: Славянский пер. хроники Симеона Логофета / Ред. В. И. Срезневский. СПб., 1905. С. 90–92; *Schreiner P.* Die byzantinischen Kleinchroniken. W., 1977. Bd. 2. S. 49, 137; *Cedrenus G.* Comp. hist. Vol. 2. P. 52–69; *Zonara.* Epit. hist. Bd. 2. S. 314–335; *Sym. Log. Chron.* P. 210–214; *Mich. Glys. Annales.* 1836. P. 532, 533–535; *Theodoros Scutariotes.* Σύνοψις Χρονική // *Σάλας.* ΜΒ. 1894. Т. 7. Σ. 129, 130, 131–132, 138; *Theod. Stud.* Ep. 58, 63, 72, 74, 85, 358, 419, 448, 478; *Duffy J., Parker J., ed.* The Synodicon Vetus. Wash., 1979. P. 128–130; Append. 2. P. 193–195; *Vita Theodori Studitae* [A; BHG, N 1755] // PG. 99. Col. 169–205; *Vita* [B; BHG, N 1754] // *Ibid.* Col. 276–304, 320; *Suda.* III 402; *Mich. Syr. Chron.* Vol. 3. P. 26, 36, 70–72; *The History of al-Tabari.* Albany, 1992. Vol. 31. P. 45.

Лит.: *Leo V The Armenian* // *ODB.* Vol. 2. Col. 1209–1210; *Adontz N.* Études Arméno-Byzantines. Lissabon, 1965. P. 37–46; *Treadgold W. T.* The Chronological Accuracy of the Chronicle of

Symeon the Logophete for the years 813–845 // *DOP.* 1979. Vol. 33. P. 157–197; *idem.* A History of the Byzantine State and Society. Stanford, 1997. P. 428–449, 541, 551, 553, 561; *Turner D.* The Origins and Accession of Leo V (813–820) // *JOB.* 1990. Bd. 40. S. 171–203; *Afinogenov D.* The Conspiracy of Michael Traulos and the Assassination of Leo V: History and Fiction // *DOP.* 2001. Vol. 55. P. 327–336; *он же (Афиногенов Д. Е.), ред.* Житие прп. отца нашего Константина, что из Иудеев. Житие св. исп. Никиты, игум. Мидикийского. М., 2001. С. 95–159; *он же.* Что погубило имп. Льва Армянина? (История и мифы) // *Мир А. Каждана.* СПб., 2003. С. 194–222; *idem.* (*Afinogenov D. I.*) *Mnogoslopnij Svitok: The Slavonic Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilus.* P., 2014. Сар. 64; *Сенина Т. А.* «Лев Преступник»: Царствование имп. Льва V Армянина в отражении визант. хронистов IX в.: Феофан Исповедник, Неизвестный хронист (Scriptor Incertus), Георгий Монах (Амартол). Montreal, 2012.

Д. Е. Афиногенов

ЛЕВ VI МУДРЫЙ [греч. Λέων ο Σοφός; Философ] (19.09.866, К-поль — 11.05.912, там же), визант. имп. (с 29 авг. 886), ученый, юрист, писатель; представитель Македонской династии. Л. М. — старший сын *Василия I Македонянина*, патрикия и придворного паракимомена (император в 867–886), и его 2-й жены Евдокии Ингерины. Л. М. был крещен свт. *Фотием I*, патриархом К-польским. Поскольку Евдокия состояла в незаконной связи с имп. Михаилом III, Василий подозревал, что Л. М. мог быть сыном Михаила, и относился к ребенку холодно. Слухи о незаконном происхождении Л. М. сопровождали его всю жизнь и отразились в нек-рых визант. исторических сочинениях, а также существенно повлияли на политику в период его правления. Спустя неск. лет после того, как 23 сент. 867 г. Василий I был провозглашен императором, его соправителями стали оба его старших сына: Константин (род. от 1-го брака с Марией ок. 859) был коронован ок. 868 г., Л. М. — 6 янв. 870 г. Кроме них у имп. Василия и Евдокии Ингерины родились также *Стефан I* (в 867; патриарх К-польский в 886–893) и *Александр* (ок. 870; император в 912–913). После смерти царевича Константина 3 сент. 879 г. Л. М. стал единственным офиц. наследником престола. Тем не менее отношения Л. М. с имп. Василием оставались натянутыми. При дворе сформировались партии сторонников Л. М. и Василия, к-рые стремились оказать услуги и тому и другому и участвовали в заговорах. Так, в 885 г. был раскрыт заговор домес-

тика Иоанна Куркуаса и 66 др. знатных лиц, намеревавшихся свергнуть Василия и передать власть Л. М. Последовали казни. Вероятно, в нач. 886 г. придворный Феодор Сантава-

В ходе следственного дела Фотия был также сослан архиеп. Феодор Сантаварин, ранее интриговавший против Л. М. На Патриарший престол был возведен 18-летний брат Л. М. Стефан I. После смерти

Лев VI подает кинжал имп. Василию I. Миниатюра из Хроники Иоанна Скилицы. XII в. (Matrit. gr. 26. Fol. 105)

рин донес имп. Василию, что Л. М. якобы собирается убить отца и для этого прячет нож за голенищем сапога. На охоте имп. Василий попросил у Л. М. нож, и Л. М. действительно достал нож из сапога. Разгневанный император посчитал это доказательством вины Л. М., взял сына под стражу, заточил во дворец и собирался ослепить его, но придворные отговорили Василия от этого. 20 июля 886 г. Л. М. был освобожден, а 29 авг. имп. Василий получил травму на охоте и умер; вся полнота власти василевса перешла к 20-летнему Л. М. При этом на протяжении всего правления он разделял титул василевса со своим братом Александром, к-рый официально считался его соправителем, хотя влияния на ход дел не имел.

Дворец, церковь и правительство; внутренняя политика. Первые мероприятия Л. М. были направлены во многом на то, чтобы дистанцироваться от политики имп. Василия. Л. М. организовал перезахоронение тела имп. Михаила III в соборе св.

Стефана в 893 г. его сменил **Антоний II Кавлей**, ставленник фамилии Зауца. В 901 г. патриархом стал **Николай I Мистик**, ученик свт. Фотия, ранее бывший секретарем Л. М.

Значительную роль в политике Л. М. играла история его семейных отношений. В первый раз Л. М. женился в 882 г. на **Феофано**, дочери патрикия Константина Мартинака, с к-рым состояла в родстве имп. Евдокия Ингерина. В браке у них родилась дочь Евдокия, но заключенный в значительной мере по выбору матери Л. М. союз оказался непрочным. Уже при жизни имп. Василия у Л. М. появилась фаворитка Зоя, дочь протоспафария и этериарха Стилиана Зауцы († 899), выходца из Армении, отец к-рого был стратигом Македонии. Отношения с Зоей Л. М. подерживал несмотря на то, что Зоя официально была замужем за неким Феодором Гуниацием († ок. 895) и имела от него дочь Анну. Узнавший о связи Л. М. с Зоей имп. Василий жестоко избил Л. М., требуя разорвать незаконные отношения (Псамафийская хроника.

Иисус Христос. Император Лев VI и Александр. Свинцовая печать (моливдовул). 886–912 гг. (коллекция Дамбартон-Окс, Вашингтон)

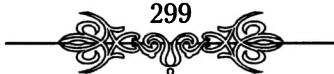
Апостолов в К-поле, тем самым власть косвенно демонстрировала осуждение имп. Василия за убийство законного имп. Михаила и подтверждала слухи о том, что действительно отцом Л. М. мог быть именно Михаил III. Осенью 886 г. Л. М. также объявил о низложении К-польского патриарха Фотия, которого считал сторонником партии имп. Василия и обвинил в измене.

С. 41). С восшествием на престол Л. М. поселил Зою во дворце и жил с ней почти открыто. По версии Жития свт. Евфимия (Псамафийской хроники), к-рая, видимо, отражает слухи, имевшие место в К-поле, Зоя сама отравила и своего мужа, и имп. Феофано. Стилиан Зауца с начала правления Л. М. стал наиболее влиятельным чиновником в империи. В 886 г. он получил сан магистра и пост логофета дрома (глава правительства).

Большинство новелл Л. М. 1-го десятилетия правления были адресованы Зауце как главному исполнителю имп. воли. Зауца также носил титул василеопатора (*βασιλεοπάτωρ* — «отец василевса»), придуманный специально для него Л. М. Фактически брошенная Л. М. Феофано умерла 10 нояб. 894 г. (или 895). У ее гроба вскоре начали происходить чудеса исцеления, и спустя некоторое время императрица была причислена к лику святых. Рядом с собором св. Апостолов в К-поле Л. М. построил храм-мавзолей Феофано. В 898 г. Л. М. официально женился на Зое. Венчал императора священник дворцового клира Синап, но патриарх Антоний выступил против венчания и объявил о лишении Синапа сана (RegPatr, N 595). В числе противников нового брака Л. М. был также патриарший синкелл св. **Евфимий** (патриарх К-польский в 907–912), которого Л. М. сослал в к-польский мон-рь Диомида. Однако Зоя умерла в кон. 899 или нач. 900 г. В 900 г. Л. М. провозгласил августой свою падчерицу Анну, дочь Зои Зауцаны от 1-го брака, объявив, что это необходимо для исполнения придворного церемониала. Вскоре Анна была выдана за Людовика III Прованского, члена династии Каролингов. После смерти Стилиана Зауцы и Зои их семья постепенно потеряла положение при дворе. Спустя неск. лет Зауцы составили заговор против Л. М., но их интриги были раскрыты, и семья окончательно потеряла влияние. Партия прежних противников Зауцы, наоборот, частично вернула свое влияние. Синкелл Евфимий был возвращен из ссылки и вновь стал одним из советников Л. М.

11 мая 903 г., во время торжественного выхода императора из дворца в храм св. Мокия, неизвестный ударил Л. М. палкой по голове. Император серьезно не пострадал, но кровь, хлынувшая из его раны, вызвала всеобщее смятение. Допросы и пытки покушавшегося не дали к.-л. сведений о его возможных сообщниках. Нападавший был казнен, а подозрение в организации покушения пало на разных высокопоставленных лиц, в т. ч. на брата Л. М. Александра. Церемония выходов в храм св. Мокия в течение неск. лет была отменена.

В первые годы X в. большим влиянием при дворе Л. М. пользовался Самона (ок. 875 — после 908), араб,

евнух из Мелитины, попавший в плен к византийцам и сделавший придворную карьеру. Первоначально он был в числе слуг Стилиана Зауцы, но в 900 г. изменил этой семье и помог Л. М. раскрыть их заговор. Назначенный паракимоменом имп. двора Самона пользовался большим доверием Л. М., и ему поручалось исполнение мн. наиболее сложных и деликатных дел. Однако в 908 г. он попытался представить Л. М. подложное письмо, к-рое должно было скомпрометировать противника Самоны патрикия Константина. Замысел Самоны был раскрыт, он лишился всех чинов и был пострижен в монахи.

По-прежнему не имея наследников, в 900 г. Л. М. женился в 3-й раз на Евдокии Ваяне из фемы Опсикий, но она на Пасху 901 г. скончалась при родах вместе с новорожденным сыном Василием. 4-й супругой Л. М. ок. 904 г. стала Зоя Карвонопсина (*Καρβωνοψίνα* — букв. Углекислая; † после 920), представительница влиятельной чиновной к-польской семьи. Офиц. брак с ней возбуждался церковными канонами, однако Л. М. приложил большие усилия к тому, чтобы добиться венчания с Зоей и признания своего сына от этого брака. В 905 г. родился сын Л. М. и Зои *Константин VII Багрянородный* (император в 913–959). Прозвище Константина указывает на то, что роды проходили в особом покое имп. дворца, порфиновой палате, где могли рождаться только наследники престола. Тем не менее Л. М. и Зоя в это время еще не были венчаны, и Константин с правовой т. зр. оказывался незаконнорожденным. Патриарх Николай I Мистик резко выступал против венчания Л. М. и Зои и отказывался признавать ее положение даже после рождения наследника. Уступая его требованиям, в кон. 905 г. Л. М. поклялся, что немедленно удалит Зою из дворца, как только будет совершено крещение наследника. Оно состоялось 6 янв. 906 г.; обряд провел патриарх Николай, восприемниками стали брат Л. М. Александр и синкелл Евфимий. Т. о. утвердив статус своего сына как члена имп. фамилии, Л. М. уже 10 янв. вернул Зою во дворец. Не надеясь добиться согласия патриарха на брак, в апр. 906 г. Л. М. венчался с Зоей скромно в одной из дворцовых церквей. Обряд венчания провел пресв. Фома, к-рого патриарх затем объявил лишенным сана. Раз-

ставшийся конфликт между Л. М. и Патриархией угрожал тяжелыми политическими последствиями. По предложению патриарха Николая, с к-рым Л. М. согласился, было решено созвать Собор и пригласить легатов из Рима для урегулирования противоречий. При этом патриарх по-прежнему настаивал на том, чтобы Л. М. удалил Зою из дворца до Собора, что Л. М. категорически отвергал. В ожидании начала Собора, к-рый был назначен на февр. 907 г., обе стороны конфликта продолжали оказывать давление друг на друга. Патриарх, поддержанный частью духовенства, объявил о наложении на Л. М. епитимии с отлучением от причастия и запретом участвовать в богослужениях (присутствовать в алтаре). 25 дек. 906 г., во время рождественской праздничной церемонии в соборе Св. Софии, патриарх Николай запретил Л. М. входить в храм через царские (западные) двери и потребовал, чтобы император вошел через южные. При этом патриарх обещал Л. М., что этот запрет объявлен лишь однажды и более повторяться не будет. Однако на Богоявление, 6 янв. 907 г., Николай вновь запретил Л. М. входить царскими вратами, на что Л. М. публично обвинил патриарха в неуважении к его царскому достоинству и намекнул на его связи с мятежниками. Эти ссоры между Л. М. и патриархом Николаем происходили на глазах у всех придворных и народа и сразу же становились известны повсюду. Тем не менее накануне Собора Л. М. решил перехватить инициативу у патриарха. 1 февр. Л. М. пригласил Николая и ряд его сторонников из числа клириков во дворец, где произнес перед ними речь, обвинив патриарха в вероломстве. В ответ на объяснения патриарха, ссылавшегося на церковные каноны, Л. М. обвинил его в стремлении свергнуть императора, в сговоре с мятежным полководцем Андроником Дукой и объявил Николаю и его сторонникам о высылке из столицы. Тем самым Л. М. отлучал своих противников от участия в Соборе и существенно облегчал принятие благоприятных для себя соборных решений. Уже после помещения Николая под надзор Л. М. предложил ему отречься от престола. Николай согласился, но заявил, что сохраняет за собой архиерейский сан. Собор в К-поле в кон. февр. 907 г. состоялся в отсутствие боль-

шинства противников Л. М. и прошел под диктовку императора. Его участники, в т. ч. папские легаты, согласились признать 4-й брак Л. М.; император, принесший покаяние, был освобожден от епитимии без расторжения брака, а на Патриаршем престоле был утвержден бывш. синкелл Евфимий. Низложение патриарха Николая и особенно факт сохранения за ним в ссылке архиерейского сана вызвали многолетний раскол в К-польской Церкви, образование партий «николаитов» и «евфимитов». Значительная часть иерархов отказалась признать отречение Николая и Патриарший сан Евфимия (и соответственно легитимность Константина VII как наследника). Несмотря на стремление Евфимия к примирению с церковной оппозицией и ряд значительных уступок, раскол преодолеть не удавалось в течение неск. десятилетий. При этом победа Л. М. в борьбе за признание своей новой семьи также не была полной. Патриарх Евфимий все же отказывался принимать статус Зои как императрицы и вернуть в церковное общение пресв. Фому, к-рый совершил венчание Л. М. и Зои. После смерти Л. М. патриарх Николай был возвращен на престол. 15 мая 908 г. Л. М. объявил Константина императором и короновал его при участии патриарха Евфимия. Тем не менее Л. М. при жизни так и не удалось обеспечить полное признание обществом прав своего сына на престол. Понимая сложность положения Константина, в 912 г., перед смертью, Л. М. передал власть не ему, а брату Александру. При этом Л. М. добился клятвы от представителей синклита в том, что они будут почитать и защищать Зою и малолетнего Константина.

Известны неск. современных эпохе изображений Л. М. В парижском кодексе «Гомилый» свт. Григория Назианзина (Paris. gr. 510; ок. 880–883) он представлен как 15-летний юноша рядом с матерью Евдокией и братом Александром. Сохранилась также мозаика над дверным проемом в нартексе собора Св. Софии в К-поле, где Л. М. изображен в позе проскитнесиса перед Христом. По предположению Н. Икономидиса, мозаика могла быть создана в 920 г. по заказу патриарха Николая Мистика, в период, когда К-польский Собор уже после смерти Л. М. оправдал его 4-й брак (*Oikonomides*. 1976. P. 151–

172). Различные события времени правления Л. М. отражены в многочисленных рукописных миниатюрах Мадридского кодекса хроники Иоанна Скилицы (*Matrit. gr. 2, ser. XII v.*).

Внешняя политика. Положение Византии в мире при Л. М. было весьма неблагоприятным. Л. М. лично никогда не принимал участия в военных кампаниях, но Византия вела войны почти непрерывно. Этот период — время наивысшего расцвета Первого Болгарского гос-ва, к-рым правил *Симеон I* (894–927). Отречение болг. кн. *Бориса* в 889 г. во многом перечеркнуло результаты усилий византийцев, которые в предыдущие годы стремились через проповедь христианства в Болгарии создать прочный союз с этой страной. Распространение христианства в Болгарии и др. регионах Балкан продолжалось, но оно не привело к стабилизации военно-политического положения на полуострове. Преемник *Бориса*, его младший сын *Симеон*, поддерживал прохрист. политику, однако стремился добиться гегемонии Болгарии на Балканах. Затяжная серия войн византийцев с болгарами началась в 894 г. Визант. хронисты, видимо отражая общественное мнение в Византии X в., возлагали вину за развязывание войны на *Стилиана Зауцу*. Считалось, что предложением для войны стало мероприятие *Зауцы*, к-рый, вероятно следуя своим личным интересам, перенес часть торговых рынков для болгар из К-поля в Фессалонику и увеличил для болг. купцов пошлины. Болгары посчитали себя обманутыми, и их жалобы *Симеон* использовал для начала войны. Тем не менее все же сложно признать, что такова была главная причина столь напряженных военных действий, продолжавшихся почти без перерывов более 30 лет. Война была крайне неудачной для византийцев. Осенью 894 г. визант. полководец *Кринит* потерпел поражение от *Симеона* в сражении при Адрианополе. В 895 г., собрав свои основные силы во главе с *Никифором Фокой Старшим*, византийцы предприняли решительное наступление на север Балкан, одновременно ввели эскадру в устье Дуная и отправили посольство к венграм, чтобы склонить их к союзу против Болгарии. Перед лицом превосходящих сил и угрозы военных действий с 2 сторон *Симеон* был вы-

нужден заключить перемирие. Однако в 896 г., победив венгров, он возобновил наступление на Византию. В битве при Булгарофигоне (ныне Бабаэски, Сев.-Зап. Турция) визант. войско было полностью разбито. *Симеон* в 1-й раз подошел к стенам К-поля, и Л. М. пришлось заключить мир, уступив болгарам значительные территории на побережье

Имп. Лев VI перед Иисусом Христом. Мозаика в люнете под главным входом Св. Софии в Константинополе. Кон. IX — нач. X в.

Чёрного м. Соглашение не остановило экспансии *Симеона*, к-рый продолжал нападения на визант. Македонию и Фракию. Договор 904 г. передавал под власть болгар большую часть Сев. Греции, сев. побережье Эгейского м. восточнее Фессалоники, большую часть Сев. Эпира (совр. Албания). Вторая осада К-поля *Симеоном* состоялась в 913 г., уже после смерти Л. М.

Противостояние с арабами-мусульманами также складывалось неудачно. Войска халифата Аббасидов регулярно совершали нападения на восточное приграничье Византии в М. Азии, захватывали крепости и уводили пленных. Наиболее интенсивно военные действия развивались на море. С 904 г. араб. флот возглавил *Лев Триполит*, моряк из визант. Атталии, бежавший в Сирию и принявший ислам. В 904 г. он совершил масштабную экспедицию, неожиданно нападая на разные места визант. побережий и разграбив Атталию, Абидос и Фессалонику. Визант. флотоводец (логофет дрома) *Имерий* не допустил прорыва *Триполита* к К-полю, но в остальном действовал нерешительно и предотвратить эти набеги не сумел. В 906 г. *Имерий* одержал победу в морском сражении, однако в 911 г. араб. флотоводцы *Триполит* и *Дамиан* из Тарса разбили флот *Имерия* в сражении у о-ва Самос. Попытки византийцев закрепиться на Крите и Кипре также не принесли им успеха; оба острова оставались под контролем мусульман. На крайнем западе импе-

рии в 902 г. арабы захватили Тавромений, последнюю визант. крепость на Сицилии.

Согласно сведениям из ПВЛ, в 907 г. киевский кн. *Олег* осаждал К-поль, вынудил византийцев заключить выгодный для Руси мир и в знак победы прибил свой щит «на вратах Царьграда». Однако визант. источники, подробно повествующие о походах Руси на К-поль в 860 и 941 гг., не упоми-

нают о походе *Олега*. Мн. совр. исследователи считают этот поход легендой.

Л. М. заключил с кн. *Олегом* торговый договор 2 сент. 911 г., в котором впервые упоминается Русь как государство. Ранее о руси говорилось как о народе, об организованной военной силе или о купцах с севера.

Законодательство (см. также ст. *Византийская империя*, разд. «Право и Церковь»). В период правления Л. М. визант. юристы работали над составлением ряда законодательных сводов, к-рые должны были обновить действующее светское и каноническое право в Византии, учесть изменения в обычаях и практике применения законов, к-рые накопились со времен создания в VI в. «*Corpus Iuris Civilis*» имп. *Юстиниана I*, и тем самым способствовать укреплению основ социальных отношений, экономическому и политическому процветанию Византии. В кон. IX — нач. X в. от имени Л. М. и его соправителей были изданы крупнейшие правовые своды «*Прохирон*», «*Исагога*» и «*Василики*». Кроме них в законодательном наследии Л. М. большое место занимает сборник из его 113 новелл — законодательных актов императора, посвященных разным сторонам правовых отношений в Византии (*Monnier. 1923; Spulber. 1934; Noaille, Dain. 1944; Wenger. 1953. S. 705–710; Michaelides-Nouaros. 1960; Crompt. 1967. P. 717–729; Hunger. 1978. Bd. 2. S. 449–451; Лутиниц. 1981. С. 80–120; Fogen. 1989*). Древнейшая полная рукопись собрания новелл — *Marcianus gr. 179, XIII v.* Извлечения из этого сборника содержатся в нескольких более ранних рукописях.

Большинство новелл формально были адресованы Стилиану Зауце, и в связи с этим предполагается, что в сборник вошли новеллы, издававшиеся Л. М. до 899 г. (до смерти Зауцы). В сборнике новелл нет прямых отсылок к «Василикам», и точно не установлено, был ли он составлен после издания «Василик» или формировался параллельно с работой над ними. Неясно, были ли новеллы опубликованы также отдельно в виде сборника или же накапливались постепенно в имп. канцелярии. Относительная упорядоченность может быть прослежена для 65 первых новелл: сборник открывает группа новелл, посвященных церковным делам, затем помещены новеллы, разбирающие прецеденты частного права, семейно-имущественные отношения, права наследования, а также вопросы процессуального и уголовного права, регламентации городского строительства. С 66-й новеллы тематическое распределение отсутствует. Большинство новелл Л. М. не содержат к.-л. существенных законодательных инноваций и посвящены обсуждению различных вариаций применения уже известных законов, проблем соотношения офиц. законодательства и обычного права. Считается вероятным, что интерес законодателей при составлении этого сборника был в значительной мере не практический, а научно-теоретический. Часть новелл посвящена вопросам рабства, которое по-прежнему сохранялось в Византии, но в новеллах Л. М. отразилась общая тенденция к смягчению положения рабов в византийском обществе (Липшиц, 1981). По наблюдению М. Я. Сюзюмова, авторы новелл в большей степени интересовались вопросами социальных отношений и экономики больших городов, стремились к укреплению частной собственности, торговли, но мало внимания обращали на жизнь в сельской местности и на аграрную экономику (Сюзюмов, 1959).

Литературные сочинения. Л. М., ученик свт. Фотия, воспитанный при дворе, был одним из наиболее образованных людей своей эпохи и много времени посвятил законодательному, научно-теоретическому и лит. творчеству. Л. М. создавал произведения как светского, так и религ. содержания в различных жанрах. Стилистический анализ показывает, что большая часть сочинений,

изданных под его именем, действительно принадлежит ему, однако ряд произведений, в рукописях надписанных именем Лев, принадлежит не ему, а его современникам, носившим то же имя, — поэту и богослову Льву Хирсофакту и ученому Льву Математику (Философу). Л. М. прославляли как интеллектуала и покровителя литераторов его

важным либо для самого автора (надгробная речь

Пресв. Богородица.

Имп. Лев VI.

Солид. Аверс. Реверс.

Рубеж IX и X вв.

современники архиеп. Арефа Кесарийский, Петр Патрикий и Лев Хирсофакт. Эта слава сохранилась и в поздневизантийский период, о дворе Л. М. как о «новой Академии» или «новом Лицее» писал в XIV в. историк Никифор Григора (*Antonopoulou*, 1997. P. 17–18).

Одним из главных сочинений Л. М. является военно-теоретический трактат «Тактикон» (*Τὸν ἐν πολέμοις τακτικὸν σύντομος παράδοσις*) (см. Кучма, 2001; он же, 2012). Он был написан Л. М. ок. 905 г. и в значительной мере представляет собой компиляцию различных более ранних произведений на ту же тему, в т. ч. отрывки «Стратегикона» имп. Маврикия. Однако кроме подобных материалов «Тактикон» содержит ряд уникальных данных о современном Л. М. положении соседних с Византией народов, а также сведения об изменениях в военном искусстве византийцев, происходивших в то время. Трактат оказал большое влияние на визант. военное дело в X в.

Гомилии. Л. М. принадлежат 42 гомилии, из к-рых гомилии 1–39 атрибутируются ему всеми рукописями, гомилия 41 (на перенесение мощей свт. Иоанна Златоуста) сохранилась анонимно (*Devos*, 1989), а гомилия 42 (на рождество Иоанна Предтечи) приписана Л. М. лишь в части списков (*Antonopoulou*, 1997. P. 263–267). Рукописная традиция гомилий представлена, с одной стороны, особой коллекцией, составленной самим автором, т. н. специальным панегириконом (*Spezialpanegyrikum*), его наиболее авторитетный список — кодекс Ath. Vatop. 408, созданный в имп. скриптории в К-поле в 1-й пол. X в.,

а с др. стороны, рукописями, в к-рых содержится одна или неск. гомилий Л. М. наряду с произведениями др. авторов (лекционарии, минологии).

Тематически гомилии могут быть разделены на 4 группы: 1) речи, произнесенные в честь святых; 2) гомилии на Господские праздники; 3) гомилии на Богородичные праздники; 4) речи по особым случаям,

родителям), либо для церковной жизни сто-

лицы (освящение церквей, поставление патриарха). Однако граница между группами не всегда отчетлива: напр., речь в честь годовщины освобождения Л. М. из тюрьмы 21 июля 886 г. (Гомилия 34) приурочена ко дню памяти прор. Илии (20 июля), покровителя Македонской династии (*Magdalino*, 1988). Единственная речь Л. М., не связанная с к.-л. церковным праздником, — это гомилия 14, надгробное слово родителям — Василию I Македонянину и Евдокии Ингерине. Она была создана ко 2-й годовщине кончины имп. Василия, т. е. к 29 авг. 888 г., и имеет черты похвалы, плача и утешительной речи. Эта гомилия — образец политической пропаганды Македонской династии: Л. М. свободно обращался с историческими фактами, умалчивал о своем конфликте с отцом, обходил стороной вопрос об убийстве Михаила III и узурпации престола, идеализировал церковную политику имп. Василия (*Odorico*, 1983; *Чичуров*, 1989).

Возможна точная датировка лишь неск. гомилий; Л. М. начал создавать их не позднее нояб. 882 г. (гомилия 38), т. е. еще до восшествия на престол. Наиболее поздняя датированная гомилия 29 относится к началу Великого поста 904 г. Источники сообщают, что часть гомилий Л. М. не сохранилась, напр., пространная речь в честь прор. Авраама и неск. речей в честь св. Лазаря (*Antonopoulou*, 1997. P. 26).

Л. М. почти всегда сам произносил свои речи в соборе Св. Софии или в имп. дворце. Речи в честь освящения церквей обычно звучали в соответствующих храмах. Исключения из

общего правила составляют гомилии 33 и 40, к-рые Л. М. поручил зачитать секретарю, что было особо отмечено в заглавии. Вероятно, произнося речи, Л. М. пользовался предварительными набросками, но окончательная форма гомилий — результат последующей лит. обработки. Как правило, повествовательная часть гомилий сравнительно мала, поскольку Л. М. рассчитывал на то, что новозаветные события, послужившие поводом к празднику, присутствовавшим на службе известны. Л. М. использовал в гомилиях изысканные сравнения и др. художественные приемы, обращения к аудитории и персонажам Свящ. истории, риторические вопросы, диалогические фрагменты, анафоры, антитезы, классические аллюзии, фрагменты ритмизованной прозы. Все гомилии написаны прозой, единственное исключение — гомилия 26, в к-рой использован ямбический триметр (двенадцатисложник). Архиеп. Арефа Кесарийский высоко оценивал лит. мастерство Л. М., однако *Михаил Пселл* (XI в.) писал о низком художественном уровне гомилий Л. М. (*Antonopoulou*. 1997. P. 35–36).

Полное издание и историко-филологический анализ гомилий Л. М. был осуществлен Т. Антонопулу (*Antonopoulou*. 1997; *Nomiliae*. 2008; список предшествующих изданий и переводов см. в: *Antonopoulou*. 1997. P. 28–33).

Известные гомилии Л. М.: гомилия 1 на Благовещение Пресв. Богородицы (*Nomiliae*. 2008. P. 4–11; *VHG*, N 1118p); гомилия 2 на Вход Господень в Иерусалим (*Nomiliae*. 2008. P. 12–26); гомилия 3 на Положение во гроб (*Ibid.* P. 28–41; *VHG*, N 451v); гомилия 4 на Воскресение Христово (*Nomiliae*. 2008. P. 42–59); гомилия 5 на Вознесение (*Ibid.* P. 60–67); гомилия 6 на день Св. Троицы (*Ibid.* 2008. P. 68–79); гомилия 7 на день Св. Духа (*Ibid.* P. 80–101), значительная часть к-рой представляет собой силлогистическое опровержение догмата Западной Церкви о *Filioque* (*Ibid.* P. 91–94), вероятно, гомилии 6–7 созданы в 892 г. (*Antonopoulou*. 1997. P. 54–56); гомилия 8 на день Всех святых (*Nomiliae*. 2008. P. 103–122; *VHG*, N 1616); гомилия 9 — похвальное слово ап. Павлу (*Nomiliae*. 2008. P. 123–143; *VHG*, N 1462); гомилия 10 на Преображение Господне (*Nomiliae*. 2008. P. 144–159; *VHG*, N 1998t); гомилия 11 на Преображе-

ние Господне (*Nomiliae*. 2008. P. 160–164; *VHG*, N 1996k); гомилия 12 на Успение Пресв. Богородицы (*Nomiliae*. 2008. P. 166–179; *VHG*, N 1113); гомилия 13 на Усекновение главы Иоанна Предтечи (*Nomiliae*. 2008. P. 180–193; *VHG*, N 863); гомилия 14 «Надгробная речь к тем, от чьих чресл мы пришли в жизнь» (*Nomiliae*. 2008. P. 194–218); гомилия 15 на Рождество Пресв. Богородицы (*Ibid.* P. 220–231; *VHG*, N 1084); гомилия 16 на Воздвижение Честного Креста (*Nomiliae*. 2008. P. 232–241; *VHG*, N 435); гомилия 17 — энкомий вмч. Димитрию Солунскому (*Nomiliae*. 2008. P. 242–257; *VHG*, N 536); гомилия 18 — краткая речь в честь вмч. Димитрия Солунского (*Nomiliae*. 2008. P. 258–261; *VHG*, N 537); гомилия 19 на освящение храма вмч. Димитрия Солунского в имп. дворце (*Nomiliae*. 2008. P. 262–265; *VHG*, N 538; *Magdalino*. 1990); гомилия 20 на Введение во храм Пресв. Богородицы (*Nomiliae*. 2008. P. 266–276; *VHG*, N 1146); гомилия 21 — энкомий свт. Николаю, архиеп. Мирликийскому (*Nomiliae*. 2008. P. 278–297; *VHG*, N 1363); гомилия 22 — речь в связи с поставлением патриархом К-польским младшего брата Л. М. 19-летнего Стефана I в дек. 886 г., в к-рой Л. М. убеждает сомневающимся епископов, что Стефан, достойн кафедры (*Nomiliae*. 2008. P. 298–303); гомилия 23 на Рождество Христово (*Ibid.* P. 304–320; *VHG*, N 1898k); гомилия 24 — энкомий первомч. Стефану (*Nomiliae*. 2008. P. 322–336; *VHG*, N 1663); гомилия 25 на Богоявление (*Nomiliae*. 2008. P. 338–343; *VHG*, N 1943k); гомилия 26 — ямбы в честь сщмч. Климента, еп. Анкирского (*Nomiliae*. 2008. P. 344–369; *VHG*, N 354); гомилия 27 — похвала мч. Трифону (*Nomiliae*. 2008. P. 370–382; *VHG*, N 1858); гомилия 28 на Сретение (*Nomiliae*. 2008. P. 384–401; *VHG*, N 1974); гомилия 29 на начало поста (*Nomiliae*. 2008. P. 402–409) произнесена во дворце Магнавра, ее произнесение сопровождалось допросом исполнителя неудавшегося покушения на Л. М. в храме св. Мокья 11 мая 903 г.; гомилия 30 на начало поста (*Ibid.* P. 410–420); гомилия 31 на освящение церкви в Кавлейском мон-ре в К-поле (*Ibid.* P. 422–429) с подробным описанием мозаичной декорации (*Frolov*. 1945; *Janin*. *Eglises et monasteres*. P. 39–41); гомилия 32

в честь освящения сгоревшего и восстановленного храма ап. Фомы (*Nomiliae*. 2008. P. 430–436; *VHG*, N 1843); гомилия 33 в честь ап. Фомы, произнесенная в той же церкви в день памяти святого 6 окт. (*Nomiliae*. 2008. P. 438–445; *VHG*, N 1844); гомилия 34 на праздник прор. Илии и годовщину освобождения Л. М. из тюрьмы (*Nomiliae*. 2008. P. 446–450; *VHG*, N 577); гомилия 35 на Богоявление, рассказывающая также об имп. даре храму Св. Софии (*Nomiliae*. 2008. P. 452–457; *VHG*, N 1930r); гомилия 36 в форме соборного послания, стилистически и содержательно связанного с Посланиями НЗ (*Nomiliae*. 2008. P. 458–469); гомилия 37 на освящение ц. Стилиана Зауцы (*Ibid.* P. 470–478) с подробным описанием ее архитектуры и декоративной программы (*Frolov*. 1945; *Janin*. *Eglises et monasteres*. P. 132; *Mango* C. *The Art of the Byzantine Empire*, 312–1453. Englewood Hills, 1972. P. 203–205); гомилия 38 — Житие свт. Иоанна Златоуста (*Nomiliae*. 2008. P. 480–557; *VHG*, N 880), основанное на жизнеописании архиеп. Георгия Александрийского (*VHG*, N 873) и созданное Л. М. в юношеские годы по требованию имп. Василия I; гомилия 39 на Преображение Господне (*Nomiliae*. 2008. P. 558–561; *VHG*, N 1984e); гомилия 40 на начало поста (*Nomiliae*. 2008. P. 562–570); гомилия 41 на перенесение мощей свт. Иоанна Златоуста (*Ibid.* P. 571–585; *VHG*, N 877h); гомилия 42 на Рождество Иоанна Предтечи (*Nomiliae*. 2008. P. 586–602; *VHG*, N 843p).

Духовная поэзия. Самое знаменитое поэтическое сочинение Л. М. духовного содержания — «Покаянная песнь» (*ᾠδὴ βίβλιον κατανοητικόν*). Она написана восьмисложником (анакреонтическим стихом), содержит 31 строфу и посвящена грядущему Второму пришествию Спасителя. Вероятно, песнь создана в ранние годы правления Л. М. (*Ciccolella*. 1989). Л. М. — автор также 11 «Утренних гимнов» (*Ἑσθινὰ ἀνοστήσασια*), в поэтической форме повествующих о Воскресении Христа. В рукописях гимны снабжены муз. нотацией (*Tillyard*. 1930/1931). Среди сочинений малых форм — написанная политическим стихом (пятнадцатисложником) молитва Христу с алфавитным акростихом (*Anastasijewic*. 1907. S. 498–499); аллегорические ямбы о лилии как об образе Второго пришествия (*Mercati*. 1936). Установление полного

перечня аутентичных гимнографических сочинений Л. М. и их публикация не завершены (*Emergau*. 1924. P. 285; *Detorakis*. 2015).

Малые прозаические сочинения религиозного характера. Л. М. принадлежит аскетический трактат «Наставление о направлении душ» (Οἰκιστικὴ ψυχῶν ἰδιότης). Вероятно, он был создан между 890 и 907 гг. как духовное руководство для братии Псамафийского монашества, настоятелем которого был буд. патриарх Евфимий. Содержит 190 глав о монашеской жизни, снабженных экзегетическими комментариями и разделенных на 3 книги (*Παναδοῦλο-Κεραμεῦς*. 1909; *Antonopoulou*. 2007. P. 32–34). В трактате Л. М. использует афоризмы Гиппократа, применяя сказанное о телесных болезнях и об их лечении к правилам монашеской жизни (*Grosdidier de Matons*. 1973. 220–227). Другое малое сочинение Л. М. — схолии к Деяниям св. апостолов и Посланиям ап. Павла, а также к «Лестнице» прп. Иоанна Лествичника (*Antonopoulou*. 2007).

Подложные сочинения. В рукописной традиции авторству Л. М. был приписан ряд сочинений различных жанров, в действительности ему не принадлежащих: собрание вопросов и ответов относительно сложных мест Свящ. Писания (*Κрасносельцев*. 1898); краткая антиеретическая компиляция, вероятно в действительности созданная во 2-й пол. XII в. (*Antonopoulou*. 2015). С именем Л. М. в нововост. науке было связано также сохранившееся только в лат. переводе полемическое антиислам. сочинение, написанное в форме послания халифу Умару (PG. 107. Col. 315–324), однако авторство Л. М. не подтверждается (*Antonopoulou*. 1997. P. 21–22).

Наиболее известны в Византии среди подложных сочинений Л. М. были стихотворные аллегорические пророчества (оракулы) о судьбе К-поля. Часть из них представляют собой ямбы на ученом греческом, в рукописях, как правило, сопровождающихся миниатюрами (PG. 107. Col. 1129–1140), а часть — пространственные народноязычные поэмы, в действительности созданные не ранее кон. XIII в. (*Legrand*. 1875). Пророчества 1-й группы написаны в более ранний период (с ними был хорошо знаком *Никита Хониат*, писавший свою «Историю» в нач. XIII в.), в кон. XIII в. они были переведены на ла-

тынь. На протяжении веков оракулы постоянно дополнялись и переинтерпретировались. Череда описанных в них правителей империи соотносилась с династиями то Комнинов, то Османских султанов. Особую популярность оракулы получили в XVI–XVII вв., причем как на Западе (прежде всего в Венеции и на Крите), так и в Османской империи. Наиболее знаменитая иллюстрированная копия оракулов — т. н. Codex Bute — создана в кон. XVI в. по заказу венецианского ученого Ф. Бароцци (*Vereecken, Hadermann-Misguich*. 2000). В посвященной рус. царю *Алексею Михайловичу* «Книге предсказаний» (1656) митр. Газский Паисий Лигарид подробно комментировал народноязычные пророчества, приписывавшиеся Л. М. (*Ченцова В. Г.* Паисий Лигарид. Николай Спафарий и Франческо Бароцци: Эсхатологические идеи при дворе царя Алексея Михайловича // ДРВМ. 2014. Вып. 55. С. 69–82).

В действительности нет никаких данных о занятиях Л. М. прорицаниями. Слава астролога и пророка закрепилась за ним через мн. годы после смерти, вероятно из-за отождествления с его тезкой Львом Математиком (Философом), ученым и астрологом при дворе имп. Феофила (829–842). Из рассказов рус. паломников, побывавших в К-поле в XIII–XIV вв., известно, что в этот период Л. М. были приписаны многочисленные чудеса, ранее в античной традиции связывавшиеся с именем Аполлония Тианского. В народном сознании Л. М. превратился в мага, оживлявшего и наделявшего сверхъестественными способностями статуи и создававшего портреты императоров и патриархов, к-рым еще только суждено взойти на престол в будущем (*Mango*. 1960). Благодаря греч. хронике Псевдо-Дорофея Монеувасийского (1631) подобные легенды о Л. М. попали на Русь. При этом с именем Л. М. были связаны легенды о чудесных изобретениях, в которых у Псевдо-Дорофея действовал не Л. М., а Лев Математик (*Яворский*. 1909). Имя Л. М. было знакомо на Руси также и потому, что в «Повести о взятии Царьграда» Нестора Искандера именно с Л. М. связано пророчество об отвоевании К-поля у турок «русым родом».

Соч.: Краткое собрание *Льва Миротворца*, августейшего греч. кесаря, показывающее дел воинских обучение / Пер.: И. Ф. Копиевский.

Амстердам, 1700; *Leonis Philosophi* Homiliae et panegyrici // PG. 107. Col. 1–298; *Κрасносельцев Н. Ф.* Addenda к изд. А. Васильева «Anecdota graeco-byzantina». Од., 1898. С. 25–30; *Anastasijewić D. N.* Alphabete // BZ. 1907. Bd. 16. N. 2. S. 479–501; *Παναδοῦλο-Κεραμεῦς Α. Ι.* Varia graeca sacra: Сб. неизд. греч. боросл. текстов IV–XV вв. СПб., 1909. С. 213–253; *Λέωντος τοῦ Σοφοῦ Παννυηρικῶν λόγῶν / Εκδ. Ἀκαδημίας Ἱεροῦ. Ἀθήναι*, 1868; *Tillyard J. W.* Ἑσθινὰ ἀναστάσιμα: The Morning Hymns of the Emperor Leo // AnnBSA. 1930. Vol. 30. P. 86–108; 1931. Vol. 31. P. 115–147; Oraison funèbre de Basile I par son fils *Léon VI le Sage* / Éd. A. Vogt, I. Hausherr. R., 1932. (OrChr; 77); *Halkin F.* Douze récits byzantins sur S. Jean Chrysostome. Brux., 1977. P. 488–497; *Ciccollella F.* Il carne anacreontico di Leone VI // Boll. dei classici. Ser. 3. R., 1989. Vol. 10. P. 17–37; *Vereecken J., Hadermann-Misguich L.* Les «Oracles de Léon le Sage» illustrés par Georges Klontzas: La version Barozzi dans le Codex Bute. Venezia, 2000; L'omelia di *Leone VI* il Sapiente per il profeta Elia (BHG 577) / Introd., testo crit., trad. e comment. G. Strano // Orpheus. N. S. Catania, 2001. Vol. 33. P. 192–258; Homiliae / Ed. Th. Antonopoulou. Turnhout, 2008. (CCSG; 63); *Курма В. В., пер.* Лев VI Мудрый: Тактика Льва / Отв. ред.: Н. Д. Барабанов. СПб., 2012.

Ист.: Всеобщая история *Стеланоса Таронского*, *Асохика* по прозванию / Пер.: Н. Эмин. М., 1864; *Theoph. Contin.* P. 353–377; *Sym. Log. Chron.*; *Scyl.* Hist. Leo VI; *Zonara.* Epit. hist. Vol. 2. P. 437–455; *Kurz E.* Zwei griechische Texte über die heilige Theophano, die Gemahlin Kaisers Leo VI. St.-Pb., 1898. (ЗИАН. Сер. 8; Т. 3. N 2); Les Nouvelles de Léon le Sage / Ed. C. A. Spulber. Cernăuți, 1934; Les Nouvelles de Léon VI, le Sage / Ed. P. Noailles, A. Dain. P., 1944; Визант. книга эпарха / Пер., коммент.: М. Я. Сюзюмов. М., 1962; Vita Euthymii CP (рус. пер.: Псамафийская хроника / Пер., коммент.: А. П. Каждан // Две визант. хроники X в. М., 1959. С. 7–139); Житие прп. Отца нашего Константина, что из иудеев / Пер. Д. Е. Афиногенова. М., 2001. С. 70–71.

Лит.: *Legrand E.* Les oracles de Léon le Sage. P., 1875; *Понов Н. Г.* Император Лев VI Мудрый и его царствование в церк.-ист. отношении. М., 1892; *Васильев А. А.* Византия и арабы: Полит. отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902; *Serruys D.* Les Homélie de Léon le Sage // BZ. 1903. Bd. 12. S. 167–170; *Vogt A.* Basile Ier empereur de Byzance (867–886). P., 1908; *idem.* La jeunesse de Léon VI le Sage // RH. 1935. T. 174. N 3. P. 389–428; *Яворский Ю. А.* Визант. сказания о Льве Премудром в русских списках XVII–XVIII вв. // ИОРЯС. 1909. Т. 14. Кн. 2. С. 55–84; *Соколов И. И.* О поводах к разводу в Византии с пол. IX до пол. XV в. СПб., 1911; *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the IXth Cent. L., 1911; *Monnier H.* Les Nouvelles de Léon le Sage. Bordeaux, 1923; *Emergau C.* Hymnographi byzantini: Quorum nomina in litteras digestis notulisque adornavit V // EO. 1924. Vol. 23. N 135. P. 275–285; *Grégoire H.* La Vie de Saint Blaise d'Amorium // Byz. 1930. Vol. 5. P. 391–414; *Mitard M.* Le pouvoir impérial au temps de Léon VI le Sage // Études sur l'histoire et sur l'art de Byzance: Mélanges Ch. Diehl. P., 1930. Vol. 1. P. 215–223; RegImp, N 512–570; RegPatr, N 590–629; *Adontz N.* La portée historique de l'oraison funèbre de Basile I par son fils Léon VI le Sage // Byz. 1933. Vol. 8. P. 501–513; *Grumel V.* La chronologie des événements du règne de Léon VI // EO. 1936. Vol. 35. N 181. P. 5–42;

Mercati S. G. Il simbolo del giglio in una poesia di Leone il Sapiente // *PARA*. R. 1936. Vol. 12. P. 65–73; *Ehrhard*. Überlieferung. Bd. 2. S. 229–237; *Frolow A.* Deux églises byzantine d'après des sermons peu connus de Léon VI le Sage // *REB*. 1945. Vol. 3. P. 43–91; *Wenger L.* Die Quellen des römischen Rechts. W., 1953; *Каждан А. П.* Силлики как ист. источник // *ВВ*. 1958. Т. 14. С. 56–66; *он же*. История визант. лит.-ры: 850–1000 гг. СПб., 2012. С. 60–73; *Сюзюмов М. Я.* Экономические воззрения Льва VI // *ВВ*. 1959. Т. 15 (40). С. 33–49; *Beck*. Kirche und theol. Literatur; *Mango C.* The Legend of Leo the Wise // *ЗРВИ*. 1960. Кн. 6. С. 59–93; *Ангелов Д.* Църковно-православната идеология и еретическите възгледи в новелите на Лев VI // *Mélanges G. Ostrogorsky*. Beograd, 1963. Т. 1. P. 27–37; *Michaëlidès-Nouaros G.* Les idées philosophiques de Léon le Sage sur les limites du pouvoir législatif et son attitude envers les coutumes // *Mnemosynon P. Bizukidu*. Thessal., 1963. P. 27–54; *Grosdidier de Matons J.* Trois études sur Léon VI // *TM*. 1973. Т. 5. P. 181–242; *Oikonomidès N.* Leo VI and the Narthex Mosaic of Saint Sophia // *DOP*. 1976. Vol. 30. P. 151–172; *idem*. Leo VI's Legislation of 907 Forbidding Fourth Marriage // *Ibid*. P. 173–193; *Spatharakis I.* The Portrait in Byzantine Illuminated Manuscripts. Leiden, 1976. P. 97–98, 256–257; *Hunger*. Literatur. 1978. 2 Bde; *Imscher J.* Die Geschalt Leons VI. des Weisen in Volkssage und Historiographie // *Beiträge zur byzant. Geschichte im 9.–11. Jh.* Praha, 1978. S. 205–224; *Литвиц Э. Э.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. М., 1981; *Odorico P.* La politica dell'immaginario di Leone VI il Saggio // *Byz*. 1983. Т. 53. P. 597–631; *Solarino M.* Alcune osservazioni sull' *Ἐπιτομή των κατωκτικῶν* di Leone VI il Saggio // *Siculorum Gymnasium*. N. S. Catania, 1987. Vol. 40. P. 201–216; *Magdalino P.* Basil I, Leo VI, and the Feast of the Prophet Elijah // *JÖB*. 1988. Bd. 38. S. 193–196; *idem*. St. Demetrios and Leo VI // *Bsl*. 1990. Т. 51. P. 198–201; *Rigo A.* Oracula Leonis: Tre manoscritti greco-veneziani degli oracoli attribuiti all'imperatore bizantino Leone il Saggio (Bodl. Baroc 170, Marc. gr. VII. 22, Marc. gr. VII. 3). Padova, 1988; *Devos P.* La translation de S. Jean Chrysostome BHG 877h: Une oeuvre de l'empereur Léon VI // *AnBoll*. 1989. Vol. 107. P. 5–29; *Fügen M. Th.* Legislation und Kodifikation des Kaisers Leon VI // *Subseciva Groningana*. 1989. Vol. 3. P. 23–35; *Чичуров И. С.* Теория и практика визант. императорской пропаганды // *ВВ*. 1989. Т. 50(75). С. 106–115; *Deisser A.* Les oracles de Léon VI le Sage, leurs origines et leur postérité // *Kernos*. Athènes, 1990. Vol. 3. P. 135–145; *ODB*. Vol. 2. P. 1210–1211; Vol. 3. P. 1498, 1835–1836, 2008, 2220, 2228; *Фонкич Б. Л.* О датировке Оксфордского списка гомилий Льва Мудрого (Bodleian Library, Rowl. G. 189 = Misc. 173) // *ВВ*. 1994. Т. 55(80). Ч. 1. С. 138–140; *Antonopoulou Th.* A New Palimpsest Manuscript of the Homilies of the Emperor Leo VI: Petropolitanus graecus 675 // *BZ*. 1996. Bd. 89. N. 1. S. 1–10; *eadem*. The Homilies of the Emperor Leo VI. Leiden; N. Y.; Köln, 1997; *eadem*. Homiletic Activity in Constantinople around 900 // *Preacher and Audience: Studies in Early Christian and Byzantine Homiletics* / Ed. M. Cunningham, P. Allen. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 317–348; *eadem*. Lexicographical Addenda from the Homilies of the Emperor Leo VI // *Byz*. 2000. Vol. 70. P. 9–24; *eadem*. Unpublished Scholia on the Apostle Paul and John Climacus by the Emperor Leo VI // *Byzantinische Sprachkunst: Stud. zur byzant. Literatur gewidmet W. Hörandner zum 65.*

Geburtstag / Hrsrg. M. Hinterberger, E. Schiffer. B.; N. Y., 2007. S. 20–34; *eadem*. A Theological Opusculum Allegedly by Emperor Leo VI the Wise // *Myriobiblos: Essays on Byzantine Literature and Culture* / Ed. Th. Antonopoulou, S. Kotzabassi, M. Loukaki. Boston etc., 2015. P. 39–54; *Strano G.* Alcune notazioni su retorica e politica nel mito nella dinastia macedone // *RSEB*. N. S. 1996. Vol. 33. P. 31–44; *Успенский*. История. Т. 2. С. 153–230, 253–271; *Лебедев А. П.* Очерки внутренней истории Визант.-вост. Церкви в IX, X и XI вв. СПб., 1998; *Кучма В. В.* Военная организация Визант. империи: Сб. ст. СПб., 2001; *Congourdeau M.-H.* Les «Oracula Leonis» // *Gioachimismo e profetismo in Sicilia* (sec. XIII–XVI): *Atti del III Conv. intern. di studio Palermo–Monreale*, 14–16 ottobre 2005 / Ed. C. D. Fonseca. R., 2007. P. 79–92; *Дагрон Ж.* Император и священник: Этнод о визант. «цезарепализме». СПб., 2010; *Острогорский Г. А.* История Визант. гос-ва. М., 2011. С. 303–334; *Лемерль П.* Первый визант. гуманизм. СПб., 2012; *Haldon J. A.* Critical Commentary on the Taktika of Leo VI. Wash., 2014. (DOS; 44); *Detorakis Th.* Ἀγῶστοι βίβλοι Λέοντος τοῦ Σοφοῦ // *Myriobiblos: Essays on Byzantine Literature and Culture*. Boston etc., 2015. P. 131–142.

Л. В. Луховицкий, И. Н. Попов

ЛЕВ I ДАНИЛОВИЧ (ок. 1228/29 — 1299/1300), вел. кн. Галицкий, Перемышльский, Дорогичинский и Мельницкий (с 1264), Холмский, Белзский и Червеньский (с 1269), Львовский (ок. 1240/41). Второй сын галицкого кор. *Данила Романовича* и вел. кнг. Анны Мстиславны, племянник Владимирского блгв. вел. кн. *Ярослава (Феодора) Всеволодовича*, двоюродный брат блгв. вел. кн. *Александра Ярославича Невского*, Владимирских вел. князей Андрея Ярославича и *Ярослава (Афанасия) Ярославича*, Черниговского и Брянского блгв. вел. кн. Романа Михайловича Старого.

В честь рождения сына, по одной из версий, вел. кн. Даниил Романович основал г. Львов. Впервые Л. Д. упоминается в источниках в 1233 г. В 1240 г. при подходе войск монг. царевича Батя он вместе с отцом бежал из Юго-Зап. Руси в Венгрию. Из-за внешнеполитических угроз и снижения авторитета рус. князей во время монг. нашествия кор. Бела IV Арпад отказался выдавать своих дочерей за сыновей Киевского вел. кн. Даниила Романовича и Черниговского блгв. вел. кн. *Михаила Всеволодовича*, претендовавших на верховную власть в Юж. Руси. Тем не менее в 1240–1241 гг. вместе с частью галицких бояр Л. Д. по приказу отца был оставлен в Венгрии (*Нашуто*. 1968. С. 285). С 1242 г. Л. Д. принимал участие во всех внешне- и внутриполитических акциях вел. кн. Да-

ниила Романовича. В 1242–1245 гг. вместе с отцом активно участвовал в борьбе за Галицко-Волынскую землю с блгв. вел. кн. Михаилом Всеволодовичем и его старшим сыном бывш. перемышльским кн. Ростиславом Михайловичем, с местным оппозиционным духовенством и боярами, а также с их венг. и польск. союзниками; 17 авг. 1245 г. отличился в битве под г. Ярославом на р. Сан. В 1246 г., после поездки вел. кн. Даниила Романовича в Золотую Орду и получения им инвеституры от ее правителя Батя, происходит усиление внешнеполитического авторитета Галицко-Волынской земли среди зап. соседей. Результатом этого в 1246/47 г. стало согласие кор. Бела IV на брак своей младшей дочери Констанции († после 1287/88) с Л. Д. Посредником в этом вопросе стал Киевский митр. свт. *Кирилл II*, к-рый посещал Венгрию во время поездки в Никею (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809; *Нашуто*. 1950. С. 87–88, 91–92).

По-видимому, с 1246 г. центром домениальных владений Л. Д. становится Львов, где на княжеском дворе для своей жены и ее венг. свиты он разрешил строительство католич. храма. В кон. 40-х — сер. 50-х гг. XIII в. князь неоднократно участвовал в сражениях правителей Галицко-Волынской Руси против войск вел. кн. Литовского *Миндовга*, правителя ордынского улуса темника Куремсы и ятвягов, а в 1252 г. — в борьбе за австр. наследство Бабенбергов в пользу своего младшего брата кн. Романа Даниловича. В походе на Чехию «взя плен велик» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 821–822). В 1253 г. Л. Д. принимал участие в коронации своего отца в Дорогичине на р. Буг в присутствии папских послов, польск. князей и бояр. В том же году принял участие в военных действиях против ордынцев, изгнав их из крепости Бакота в Галицком Понизье, которая обороняла важный брод через р. Днестр; князь стал поручителем перед кор. Даниилом Романовичем за местного воеводу Милея, к-рый поддерживал сепаратизм болоховских бояр и власть темника Куремсы (Там же. Стб. 827–830). В военной кампании весной 1254 г. по приказу отца Л. Д. захватил на Болоховской земле г. Межибожье и волость Побожье, где он вновь «воевал люди Татарьския» из Куремсы. Объединившись с ратью своего брата кн. Шварна Даниловича, Л. Д. вместе

с отцом участвовал в удачной осаде г. Возвягля. Им на помощь должны были подойти литов. войска кор. Миндовга и новгородского кн. Романа Даниловича. Вел. кн. Даниил Романович хотел объединиться с ними и вместе пойти на Киев. Однако после захвата и сожжения рус. князьями Возвягля литовские войска под командованием воевод Хвала и Сирвида Рюшковича решили вернуться назад, когда правитель Галицко-Волынской земли отпустил домой своих сыновей. По дороге литовская рать разорила окрестности Луцка, за что была разбита войсками галицко-волыньских князей (Там же. Стб. 838–840). В 1257 г., после смены Куремсы на нового улусного кн. Бурундая, галицко-волыньские князья были вынуждены отказаться от продолжения борьбы против правителей зап. улусов Орды, а позднее — участвовать в походах татар на Литву, Польшу и Венгрию. Опасаясь встречи с опасным противником, кор. Даниил Романович вместе с сыновьями Л. Д. и Шварном Даниловичем отъехал в Дорогичин и Мельник, где они вели удачные военные действия против ятвягов (Там же. Стб. 847–848).

В кон. 1259 г. по приказу отца вместе с дядей волыньским кн. Васильком Романовичем Л. Д. встречал и сопровождал пришедшего с войсками на Галицко-Волыньскую землю кн. Бурундая, участвовал по приказу ордынцев в разрушении укреплений русских городов на Волыни и в Прикарпатье — Владимира-Волыньского, Данилова, Кременца, Луцка, Львова и др. Зимой 1259/60 г. был вынужден участвовать в грабительском походе войск Бурундая на земли М. Польши, во время к-рого с жителями Сандомира («Судомира») на р. Висле Л. Д. вел переговоры о почетной сдаче, однако ордынцы не стали выполнять ее условия. За эту двоякую позицию Л. Д. было выражено порицание в польск. анналах (Там же. Стб. 848–855; «Великая хроника». 1987. С. 307–314).

В 1264 г., после смерти отца, Л. Д. унаследовал волости, преимущественно расположенные в Западной, а в 1269 г. — в Вост. Галиции и Забужье. Л. Д. был обвинен волыньским летописцем в убийстве в 1268 г. принявшего монашество бывш. Литовского вел. кн. *Войшелка*, крестного отца его сына *Юрия (Георгия) Львовича*. Убийство произошло во вла-

димиро-волыньском Михайловском монастыре. Согласно версии местного летописца, Л. Д. «уби Войшелка завистью, оже бяшетъ дал землю Литовскую брату его Шварнуви» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 859, 868, 891).

В борьбе против внешних соседей Л. Д. неоднократно привлекал военную помощь из Орды, будучи в хороших отношениях с ханами и со всеильным темником Ногаем. За это он получил порицание от составителя Волыньского летописца кн. *Владимира (Иоанна) Васильковича*, т. к. во время возвращения из этих походов ордынцы неоднократно разоряли земли Юго-Зап. Руси. Л. Д. сохранял мирные отношения с Литовским вел. кн. Тройденом (ок. 1272–1282), который в 1274 г. захватил у правителя Галицкой земли г. Дорогичин. Зимой 1274/75 г. ордынцы привлекались для ответных действий русских князей в Понеманье (Чёрная Русь) во время осады, когда Л. Д. захватил Дорогичин и русские войска осаждали Новогрудок. В 1276 г. Л. Д. захватил у Тройдена г. Слоним.

В 1273 г. Л. Д. возглавлял коалицию князей Юго-Зап. Руси, которая помогала во внутривольск. делах правителю Кракова кн. Болеславу V Стыдливому. В 1277 г. вместе с малопольск. князьями Болеславом V, Лешек II Чёрным и силезскими Пястами он примкнул к союзу с чеш. кор. Пшемиславом Оттокаром II в его борьбе против герм. кор. Рудольфа Габсбурга. Одной из причин, побудивших Л. Д. включиться в войну за пределами Юго-Зап. Руси, стал вновь поднятый вопрос о наследстве Бабенбергов, на которое ранее претендовал его покойный брат кн. Роман Данилович (Piaŝowie. 1999. S. 195; *Флоря*. Исследования. 2007. С. 216).

В 1277 г. галицко-волыньские князья по приказу темника Ногая участвовали в походе на литов. владения в Понеманье. Вместо себя Л. Д. послал своего сына Юрия, рать к-рого была разбита под Гродно. В февр. 1280 г. при военной поддержке ордынских, литов. и ятвяжских отрядов, а также ратей своих родственников Л. Д. напал на владения краковско-сандомирского кн. Лешек II (по мнению ряда исследователей, Л. Д. попытался вмешаться в борьбу за краковское наследство; волыньский летописец отмечает, что Л. Д. хотел присоединить к своим владениям

только пограничные земли между Галицкой землей и М. Польшей). 23 февр. 1280 г. под Гозлице его войска были разбиты поляками. Кн. Лешек II предпринял ответный поход на владения Л. Д., к-рые были сильно разорены, включая окрестности Львова.

В 1282 г. вместе с др. рус. князьями Л. Д. участвовал в походе ордынцев под командованием хана Телбуги и темника Ногая против Венгрии и князей М. Польши. Союзники разорили владения кн. Лешек II вплоть до г. Кракова, нанеся им огромный урон. Возвращаясь из похода, ордынцы разорили в Галицко-Волыньской земле владения Л. Д. и его родственников.

О попытках Л. Д. возобновить общерус. связи свидетельствует 1-й брак его сына кн. Юрия (Георгия) Львовича, к-рый в 1282 г. женился на дочери умершего Владимирского, Новгородского и Тверского вел. кн. Ярослава Ярославича.

Зимой 1287/88 г. Л. Д. вновь боролся за краковское наследство и разорил земли вокруг Сандомира. В 1289 г. он возобновил союзный договор с Чехией, встретившись лично с кор. Вацлавом II. В ответ на это ок. 1290 г., желая опереться на военную помощь Л. Д. в борьбе за краковское наследство, буд. польск. кор. Владислав I Локетек, младший брат кн. Лешек II, отдал свою младшую сестру кнж. Евфимию замуж за кн. Юрия Львовича.

Неприятные отношения с кн. Владимиром Васильковичем привели к тому, что его наследником стал не Л. Д. и его сын Юрий, а кн. Мстислав Данилович, который поддерживал со старшим братом дружественные отношения. Даже в 1288 г., когда Юрий Львович с вedomо отца захватил у своего дяди Берестейское княжение, включая Подлясье с городами Каменец и Бельск, кн. Мстислав Данилович послал ко Л. Д. не военную рать, а посольство во главе с Владимиром-Волыньским еп. Евсигнеем.

С 1292 г. вместе они вмешивались в военную междоусобицу соседних с ними польск. Пястов, поставив под свой контроль Люблинское воеводство, где проживало смешанное население и были правосл. церкви. Л. Д. соблюдал толерантность в религ. вопросах, активно приглашая к себе на службу и на жительство в свои владения католич. население

из Центр. и Вост. Европы. Во Львове под патронатом Констанции, жены Л. Д., был основан доминиканский храм во имя св. Иоанна Предтечи. В 1297 г. он упоминается уже как мон-рь, находящийся на княжеском дворе («in curia principis»). В кон. XIII в. Л. Д. продал католику Иоанну должность «войта в Перемышле вместе с каменным храмом св. Николая» (*Флоря. Исследования. 2007. С. 221, 309*).

В правление Л. Д. продолжалось книгописание. В составе Волынского летописца кн. Владимира Васильковича в переработанном виде сохранились фрагменты предшествующего ему летописца, основное внимание к-рого было уделено деятельности Л. Д. (*Пашуто. 1950; Он же. 1959*). 12 февр. 1265 г., в 1271, 1282, 1288, 1293 или 1299 г. «при Лвове княженъи и с(ы)на его Юрья, при ихъ тишине, хваля ихъ съдоровье» (РНБ ОР. Ф.п.164. Л. 175в) пресв. Георгий переписал полное Евангелие-апракос. 15 окт. 1282 г. попович Евсевий из ц. св. Иоанна, расположенной в Перемышле или Холме, закончил переписку краткого Евангелия-апракос древнерус. извода (с чертами южнослав. пролога), «коли ся женило Гюргии князе, а о(те)ць емоу (т. е. Л. Д. — А. К.) в Оугры ходило, тогда скончашася книги сия» (РГБ. Ф. 178. № 3168. Л. 62^в).

По-видимому, Л. Д. был причастен к развитию культа прп. *Онуфрия Великого* в Юго-Зап. Руси. Во 2-й пол. XIII в. в честь этого святого была основана обитель в домениальном владении вел. князя — г. Львове, а в 1291 г. еще одна — в Лаврове (*Mironowicz A. Kościół prawosławny w dziejach dawnej Rzeczypospolitej. Białystok, 2001. S. 41*). Мнение некоторых исследователей, что Л. Д. был крещен в честь этого святого, оспаривается в историографии (*Dąbrowski. 2008. S. 353*). В «Списке русских городов дальних и ближних» отмечалось, что в г. Самборе, входившем в состав Перемышльской епархии, «лежит святый Ануфрей» (ПСРЛ. Т. 3. С. 476). Близость Л. Д. Перемышльской епархии подтверждают события 1288 г., когда его послом к владимири-волынскому кн. Владимиру Васильковичу был Перемышльский еп. Мемнон (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 912–914).

В XVI–XX вв. деятельности Л. Д. приписывалось неск. актов. Среди

них был устав кафедрального собора Успения в Крылосе, расположенного около Галича. Этот документ посвящен разъяснению таких важных вопросов, как земельные владения *Галицкой епархии*, ее десятина, суды и церковные люди. Он ошибочно датировался 8 марта 1301 г., когда Л. Д., вероятнее всего, уже умер. Известны 9 списков этого устава, написанных на лат., польск. и укр. языках, в к-рых упоминаются Галицкая митрополия и ее митр. Григорий. В качестве свидетелей выступают Киевский св. митр. *Киприан* и Перемышльский еп. Иларийон, действовавшие в посл. трети XIV в. В 1301 г. Галицкая митрополия не существовала. Вопрос о времени и причинах составления устава нуждается в дополнительном исследовании, но вряд ли его можно связывать с деятельностью Л. Д. Впервые устав упоминается в кон. XVI в. среди актов, подтвержденных польск. кор. *Стефаном Баторием* (1581) и *Сигизмундом III Вазой* (1592) (ДРКУ. С. 166–173).

От брака с вел. кнг. Констанцией имел сына Галицко-Волынского вел. кн. Юрия (Георгия) Львовича и предположительно 2 дочери — кнж. Святославу (впосл. монахиня; † 1302) и кнж. Анастасию, вышедшую ок. 1296 г. замуж, по не вполне достоверным данным, за добжиньского кн. Земовита I Казимировича († 1309/14) из ветви куявских Пястов.

Как считает Д. Домбровский, кнж. Анастасия была дочерью не Л. Д., а его младшего брата волынского кн. Мстислава Даниловича (*Dąbrowski. 2008. S. 356*). По мнению польского генеалога К. Ясинского, кнж. Елена, ставшая в 1281/82 г. женой бытомского кн. Казимира II Владиславича, была дочерью Л. Д. Однако есть и др. версии о ее происхождении (*Piastowie. 1999. S. 725; Dąbrowski. 2008. S. 298, 356*).

В позднейшей львовской «Грамматике» XVI в. отмечалось в связи с изображением льва на гербе города: «Знамение тезоименитого князя Льва град сей мает. Его же имя по всей Европе и российский род знает» (цит. по кн.: *Островский Г. С. Львов. Л., 1982³. С. 11–12*).

Ист.: ПСРЛ. Т. 2 (по указ.); Т. 40 (по указ.); ДРКУ. С. 169–173, 194–196; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.: [Пер. и коммент.] / Сост.: Л. М. Попова, Н. И. Шавелева. М., 1987. С. 184, 192, 245. Примеч. 3; *Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древ-*

нерус. пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000. С. 118–119. № 104; С. 130–132. № 116; С. 144–149. № 121.

Лит.: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 87–88, 92–114, 117–133, 138–140, 145–146, 184, 186, 221, 228, 238, 257–258, 284, 288–302; *он же.* Образование Литовского гос-ва. М., 1959. С. 20, 30, 31, 35–37, 40, 41, 385, 388; Внешняя политика Др. Руси. М., 1968 (по указ.); *Włodarski B.* Problem jaćwieski w stosunkach polsko-ruskich // *Zapiski Historyczne. 1958–1959. T. 24. N 2/3. S. 7–35; Насонов А. Н.* История рус. летописания XI — нач. XVIII в.: Очерки и иссл. М., 1969. С. 228, 230, 244; *Шавелева Н. И.* К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу // *Вост. Европа в древности и средневековье: Сб. ст. М., 1978. С. 307–314; СКСРК, XI–XIII вв. № 179. С. 202–203; № 184. С. 210–212; Дашкевич Я. П.* Письменные источники и параисторическая традиция: К изучению источников по истории Галицко-Волынского кн-ва 2-й пол. XIII в. // *Вост. Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения: (Тез. докл.) М., 1990. С. 41–45; Столярова Л. В.* Древнерус. надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 92, 95–97, 100, 307–308; *Piastowie: Leksykon biograficzny / Red. S. Szczur, K. Ozóg. Kraków, 1999; Dąbrowski D.* Rodówyd Romanowiczów książąt halicko-wojwieskich. Poznań; Wrocław, 2002; *idem.* Romanowiczowie w «Kronice Polskiej, Litewskiej, Żmudzkiej i wszytskiej Rusi» Macieja Strykowskiego (ze szczególnym uwzględnieniem kwestii genealogicznych): Przyczynek do badań nad dziejami genealogii i uwiadomości historycznej w Wielkim Księstwie Litewskim w XVI w. // *Senoji lietuovos literatūra. Vilnius, 2006. Kn. 22. S. 174–181; idem.* Genealogia Mściślawowiczów: Pierwsze pokolenia (do początku XIV w.). Kraków, 2008; *idem.* Daniel Romanowicz, król Rusi (ok. 1201–1264): Biografia polityczna. Kraków, 2012; *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 г. / Пер.: Г. И. Ефремов. М., 2005. Т. 1. С. 70–71, 102; *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви: Древнерус. и славянское Средневековье: Сб. М., 2007. С. 204, 216, 219, 221, 309; *Jusupović A.* Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (ok. 1205–1269): Studium prozopograficzne. Kraków, 2013.

А. В. Кузьмин

ЛЕВ ГРАММАТИК — см. ст. *Симеон Логофет*.

ЛЕВ ДИАКОН [греч. Λέων ὁ Διάκονος] (ок. 950, Калоя — 90-е гг. X в.), визант. историк. Он род. в состоятельной семье в небольшом городе в окрестностях Эфеса (*Leo Diac. Hist. I 1*), получил образование в К-поле во 2-й пол. 60-х гг. X в. (*Ibid. VI 7; VI 11*). Многочисленные цитаты из античных авторов и аттицизирующий язык сочинений Л. Д. указывают на его филологическую образованность: он цитировал Гомера, ссылаясь на сочинения Геродота и Арриана, на античных и ранневизант. историков Фукидида и Прокопия Кесарийского, особенно часто — на Агафия Схоластика (*The History of*

Leo the Deacon. 2005. P. 23), заимствовал лексику и фразеологию из произведений Лукиана и свт. Иоанна Златоуста (*Грацианский*. 2012). После 970 г. Л. Д. был рукоположен во диакона, возможно, служил в патриаршей канцелярии (*Лев Диакон*. 1988. С. 144–145). В 976 г. вошел в число придворных клириков *Василия II Болгаробойцы*. В 986 г. Л. Д. сопровождал императора в походе против болгар и едва не погиб, когда после осады Средеца византийское войско попало в засаду (*Leo Diac. Hist. X 8*).

Наиболее позднее событие, упомянутое в его главном соч. «История», — землетрясение 26 окт. 989 г., из-за которого пострадал храм Св. Софии в К-поле (*Ibid. X 10; Guidoboni E. Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean Area up to the 10th Century. R., 1994. P. 404–405*). Рассказав о причиненных землетрясением разрушениях, Л. Д. упоминал, что восстановительные работы заняли 6 лет, а значит, реконструкция завершилась в 995 г. Поэтому некоторые исследователи указывают 995 г. как *terminus post quem* для написания «Истории». Согласно М. Я. Сюзюмову, фраза о восстановлении храма не принадлежит Л. Д., а является интерполяцией или позднейшей редакторской вставкой самого Л. Д. (*Сюзюмов*. 1971. С. 142).

Помимо «Истории» Л. Д. принадлежит энкомий Василию II. Издатель текста И. Сикутрис и Н. Панайотакис полагали, что он создан вскоре после вступления имп. Василия на престол, вероятно ок. 980 г. (*Συκοῦτρης*. 1933; *Παναγιωτάκης*. 1965. Σ. 9). По мнению Сюзюмова, энкомий был написан после 995 г., поскольку в нем идет речь о победах в болг. и араб. кампаниях нач. 90-х гг. X в. (*Лев Диакон*. 1988. С. 146, 222–223). Текст лишен исторической конкретики. Противниками Василия выступают «незаконные правители», но высокая степень риторизации текста не позволяет сказать, имеются ли в виду *Никифор II Фока* и *Иоанн I Цимисхий* или узурпаторы Варда Склир и Варда Фока (*Каждан*. 2012. С. 304–305).

Достоверных сведений о дальнейшей жизни Л. Д. нет. Панайотакис отождествил его с упоминающимся у Иоанна Скилицы историком «Львом из Азии» (*Λέων ὁ Ἀσιανός*) (*Scyl. Hist. P. 3*), к-рый в версии Георгия Кедрина стал «Львом [еписко-

пом] Карию» (*Λέων ὁ Καρίας*) (*Cedrenus G. Comp. hist. Vol. 1. P. 4*). По предположению греч. ученого, после создания «Истории» и энкомия Л. Д. был за труды поставлен на епископскую кафедру в Карию (*Παναγιωτάκης*. 1965. Σ. 16–38). В подтверждение гипотезы Панайотакис опубликовал 3 письма «Льва проэдра Карию», язык этих посланий близок к языку «Истории» (*Ibid. Σ. 32–36*). Поскольку по др. источникам известно, что в 997 и 1030 гг. митрополитом Карию был Иоанн, исследователи приняли эту гипотезу с осторожностью. Согласно У. Тредголду, Л. Д. мог быть возведен в сан митрополита Карию в 995 или 996 г. (*Treadgold*. 2013. P. 238). Гипотеза о тождестве Л. Д. с Львом, митрополитом Синнадским, имеет еще меньше оснований и была отвергнута научным сообществом (*Каждан*. 2012. С. 304).

«История» в 10 книгах охватывает события с 959 по 976 г., т. е. от смерти Константина VII Багрянородного до конца правления Иоанна I Цимисхия. Л. Д. намеревался продолжить работу и описать первые годы правления Василия II (*Leo Diac. Hist. X 10*), однако этот замысел не был осуществлен. Основное содержание сочинения составляет прежде всего военная история в период правления Никифора Фоки (963–969) и Иоанна I Цимисхия (969–976); к событиям, происходившим в царствование Василия II, Л. Д. обращался только в малочисленных экскурсах в 10-й кн. Прославление побед императоров Никифора II и Иоанна I шло вразрез с господствовавшей при Василии II политической линией, направленной на их очернение, т. о., труд Л. Д. имел «откровенно антиправительственный характер» (*Иванов*. 1982). Сюзюмов считал, что работа над «Историей» началась после поражений Василия II в ходе болг. кампании в 986 г. и была завершена до 991 г. На это указывает общий пессимистический тон сочинения, автор которого явно не знает о победах византийцев в нач. 90-х гг. X в., а также о Крещении Руси и рассуждает об эсхатологических ожиданиях византийцев в связи с приближающимся 6500 г. от сотворения мира (992 г. по Р. Х.). Л. Д. прекратил работу над «Историей», не считая возможным ни писать ее дальше, ни опубликовать уже написанные кни-

ги. Впосл. он вносил в текст исправления (*Лев Диакон*. 1988. С. 149–150).

Л. Д. преимущественно интересовался военной историей, но в некоторых случаях обращался и к церковной истории, напр., писал о каноничности брака Никифора Фоки с Феофаном (*Leo Diac. Hist. III 8*), об условиях, выдвинутых патриархом К-польским Полиевктом для коронации Иоанна Цимисхия (*Ibid. VI 4*), о гибели Антиохийского патриарха Христофора и избрании новым патриархом отшельника Феодора (*Ibid. VI 6*), о ссылке патриарха Василия I Скамандрина (*Ibid. X 2*). В то же время Л. Д. не упомянул об основании Вел. Лавры на Афоне, о духовной связи Никифора Фоки с прп. *Афанасием Афонским*.

«История» — основной источник для исследования русско-визант. отношений во 2-й пол. X в., походов кн. Святослава Игоревича на Балканы, чьи воинские доблести и полководческие таланты, несмотря на языческую веру росов, Л. Д. оценивал очень высоко (*Иванов*. 1981. С. 206–208). Интерес представляют этнографические описания Л. Д. загробных верований и погребальных обрядов росов (Там же. С. 210–212). Он подробно рассказывает о миссии патрикия Калокира к росам (в терминологии Л. Д. — к «тавроскифам») в 967 г. с целью склонить их к походу против болгар (*Leo Diac. Hist. IV 6; V 2*); о переписке Иоанна Цимисхия со Святославом, к-рая завершилась угрозами со стороны росов осадить К-поль и битвой при Аркадиополе весной 970 г. (*Ibid. VI 8–13*); о походе Иоанна Цимисхия весной 971 г. и битве за Преслав (*Ibid. VIII 2–8*); о битве при Доростоле и гибели Святослава (*Ibid. VIII 9–IX 12*).

Вопрос об источниках, которыми пользовался Л. Д., решался исследователями по-разному. В предисловии к «Истории» он писал, что изложит либо то, чему сам был свидетелем, либо то, что слышал от очевидцев (*Ibid. I 1*). Возможно, Л. Д. опирался на официальные документы (письма и договоры) (*Карышковский*. 1953. С. 52–53), а исторический экскурс о походе кн. Игоря на К-поль заимствовал из «Жития Василия Нового» (*Карышковский*. 1960. С. 47–49). Сюзюмов (*Сюзюмов*. 1916) и А. П. Каждан (*Каждан*. 1961) пришли к выводу, что Л. Д. и Иоанн Ски-

лица, описавшие одни и те же события независимо друг от друга, использовали 2 общих источника. Один из этих источников отражал благожелательное, а другой – враждебное отношение к Никифору Фокке и всему роду Фок. М. В. Грацианский считает, что у обоих авторов был один общий источник, в котором приводились 2 версии событий, благожелательная и враждебная, по отношению к роду Фок, но если Скилиця приводил обе версии, то Л. Д. опускал неблагоприятную (Грацианский. 2012).

«История» Л. Д. сохранилась в рукописи Paris. gr. 1712. F. 272–322 и в ее апографе – Scorial. gr. Y. I. 4. F. 83v – 121v (XVI в.). В парижском списке труду Л. Д. предшествует «Хроника» Псевдо-Симеона Логофета (F. 18v – 272), доведенная до 961 г., а после нее помещена «Хронография» Михаила Пселла (F. 322r – 420v), в к-рой повествование начинается с событий 976 г., т. е. с момента, когда заканчивается «История» Л. Д. Вероятно, заказчик рукописи считал сочинение Л. Д. продолжением «Хроники» Псевдо-Симеона, а «Хронографию» Пселла в свою очередь – продолжением труда Л. Д. Предположительно Л. Д. был лично знаком как с Симеоном Логофетом, так и с автором «Хроники» Псевдо-Симеона (Treadgold. 2013. P. 237). Датировка парижского списка является предметом научной полемики. Он создан либо во 2-й пол. XII в. (Snipes. 1991. S. 141), либо в XIII в. (Crostini. 1996. P. 57). Д. Р. Райнш датировал кодекс кон. XII в. и связал его происхождение с монастырем св. Иоанна Предтечи в Петре (Michaëlis Pselli Chronographia / Hrsg. D. R. Reinsch. Bd. 1: Einleitung und Text. В.; Boston, 2014. S. XIX–XXI).

Критического издания «Истории», к-рое учитывало бы чтения как парижской, так и эскуриальской рукописи, не существует. Опубликовать греч. текст планировали франц. ученые Ф. Комбефис (1605–1679) и М. Лекбен (1661–1733), но editio princeps было осуществлено только в 1819 г. парижским эллинистом К. Б. Газе на средства рус. канцлера гр. Н. П. Румянцева благодаря посредничеству директора Имп. публичной б-ки А. Н. Оленина и акад. Ф. И. Круга (Медведев. 2002). Румянцев также спонсировал подготовку 1-го русского перевода «Истории» Д. П. Поповым в 1820 г. Издание

греч. оригинала с лат. переводом в Париже и рус. перевод в С.-Петербурге осуществлялись как части единого проекта (Медведев. 2003). Панайотакис произвел колляцию текста «Истории» по обоим спискам, однако подготовленное им новое критическое издание осталось неопубликованным (исправления к изданию Газе см. в: *Παναγιωτάκης*. 1965. Σ. 117–121).

О других произведениях Л. Д. сведений нет. Приписанная ему речь в честь арх. Михаила, дошедшая в рукописи Paris. gr. 1485. F. 81–84v, в действительности представляет собой сочинение писателя Панталеона Диакона (BHG, N 1289), а атрибуция ее Л. Д. является следствием ошибки переписчика (*Παναγιωτάκης*. 1965. Σ. 10).

Соч.: *Leonis Diaconi Caloensis Historia scriptoresque alii ad res Byzantinas pertinentes* / Rec. C. V. Hase. P., 1819; *Leo Diaconus. Varii libelli qui Nicephori Phocae et Ioannis Tzimiscis historiam illustrant*. Bonnae, 1828; PG. 117. P. 655–926; *Συκοπιτής Γ. Λέωντος τοῦ Διακόνου ἀνέκδοτον ἐγκόμιον εἰς Βασίλειον τὸν Β'* // ЕЕВЗ. 1933. Т. 10. Σ. 425–434; Nikephoros Phokas «Der bleiche Tod der Sarazenen» und Johannes Tzimiskes: Die Zeit von 959 bis 976 in der Darstellung des Leon Diaconos / Übers. F. Lotretto. Graz etc., 1961; *Лев Диакон*. История / Пер.: М. М. Копыленко; вступ. ст.: М. Я. Сюзюмов; коммент.: М. Я. Сюзюмов, С. А. Иванов; отв. ред.: Г. Г. Литаврин. М., 1988; *Λέων Διάκωνος. Ἱστορία / Μετάφραση: Β. Κοραλῆς. Ἀθήνα*, 2000; The History of Leo the Deacon: Byzantine Military Expansion in the 10th Cent. / Introd., trad., annot.: A.-M. Talbot, D. F. Sullivan. Wash., 2005. (DOS; 41).

Лит.: *Wartenberg G. Leon Diaconos und die Chronisten* // BZ. 1897. Bd. 6. S. 285–317; *Сюзюмов М. Я.* Об источниках Льва Диакона и Скилицы // Визант. обозр. Юрьев, 1916. Вып. 2. С. 106–166; *он же.* Мировоззрение Льва Дьякона // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 127–148; *Dölger F.* Die Chronologie des grossen Feldzuges des Kaisers Johannes Tzimiskes gegen die Russen // BZ. 1932. Bd. 32. S. 275–292; *Карышковский П. О.* О хронологии русско-византийской войны при Святославе // ВВ. 1952. Т. 5(30). С. 127–138; *он же.* Балканские войны Святослава в византийской исторической лит-ре // Там же. 1953. Т. 6(31). С. 36–71; *он же.* К истории балканских войн Святослава // ВВ. 1954. Т. 7(32). С. 224–243; *он же.* Лев Диакон о Тмутараканской Руси // Там же. 1960. Т. 17(42). С. 39–51; *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. В., 1958. Bd. 1: Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker. S. 398–400; *Каждан А. П.* Из истории визант. хронографии X в. Ч. 2: Источники Льва Диакона и Скилицы для истории 3-й четв. X в. // ВВ. 1961. Т. 20(45). С. 106–128; *он же.* История визант. лит-ры (850–1000): Эпоха визант. энциклопедизма. СПб., 2012. С. 304–313; *Terras V. Leo Diaconus and the Ethnology of Kievan Rus* // Slavic Review. 1965. Vol. 24. N 3. P. 395–406; *Παναγιωτάκης Ν. Μ.* Λέων ὁ Διάκωνος // ЕЕВЗ. 1965. Т. 34. Σ. 1–138; *Hunger. Literatur*. Bd. 1. S. 367–371; *Иванов С. А.* Болгары и русские в изображении Льва Диакона

// Формирование раннефеод. слав. народностей. М., 1981. С. 203–215; *он же.* Полемика направленность «Истории» Льва Диакона // ВВ. 1982. Т. 43(68). С. 74–80; *Ditten H. Zu Germanoi = Derevljane in Leon Diaconos' Geschichtswerk VI 10* // Bsl. 1984. Vol. 45. P. 183–189; *Любарский Я. Н.* Замечания об образах и художественной природе «Истории» Льва Диакона // Визант. очерки. М., 1991. С. 150–162; *Snipes K.* Notes on Parisinus graecus 1712 // JOB. 1991. Bd. 41. S. 141–161; *Crostini V.* The Emperor Basil II's Cultural Life // Byz. 1996. T. 66. N 1. P. 55–80; *Медведев И. П.* Новые данные по истории 1-го изд. Льва Диакона // ВВ. 2002. Т. 61(86). С. 5–23; *он же.* К истории создания 1-го рус. перевода Льва Диакона // *Аντιδωρον*: К 75-летию акад. РАН Г. Г. Литаврина / Отв. ред.: И. С. Чичуров. СПб., 2003. С. 86–98; *Καρόζης Α. Βυζαντινοὶ ἱστορικοὶ καὶ χρονογράφοι. Ἀθήνα*, 2002. Т. 2: 8ος–10ος αἰ. Σ. 475–491; *Markopoulos A.* Byzantine History Writing at the End of the First Millennium // Byzantium in the Year 1000 / Ed. P. Magdalino. Leiden; Boston, 2003. P. 183–197; *Бибиков М. В.* Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. С. 322–325; *Грацианский М. В.* Лев Диакон – читатель Лукиана // *Полемика*: Сб. ст. пам. проф. В. В. Кучмы / Сост., общ. ред.: Н. Д. Барабанов. Волгоград, 2012. С. 160–170; *он же.* Еще раз об источниках «Истории» Льва Диакона // ВВ. 2014. Т. 73(98). С. 68–85; *Treadgold W.* The Middle Byzantine Historians. Basingstoke; N. Y., 2013. P. 236–246.

Л. В. Луговицкий

ЛЕВ И ПАРИГОРИЙ [греч. Λέων καὶ Παργόριος] (II или III в.?), мученики Патарские (пам. греч. 18 февр.). Мученичество Л. и П. было написано на греч. языке и позднее переведено на латынь (ActaSS. Feb. T. 3. P. 58–59). По мнению исследователей, первоначальный текст, созданный вскоре после кончины святых, подвергся переработке в визант. эпоху, а в посл. к нему было добавлено сообщение о чудесах на месте кончины Л.

Согласно Мученичеству, святые жили в Патарах Ликийских, где П., претерпев пытки, сподобился принять мученическую кончину за Христа. Л. горевал, что не удостоился разделить страдания единоверца, и желал умереть, как он. В это время проконсул Лоллиан отправился к императорам и доверил управление городом некоему прокуратору, который устроил празднование в честь бога Сераписа и принуждал жителей Патар к идолопоклонству. Видя, что сограждане, охваченные страхом, подчиняются правителю, Л. направился к месту, где покоились останки П., а затем предстал перед язычниками. Тогда, глядя на Л., многие по его внешности и манере поведения поняли, что он христианин

(с юных лет святой проводил жизнь в воздержании и, подобно св. Иоанну Предтече, носил одежду из грубой ткани). Помолившись, он вернулся домой и во сне увидел П., который вместе с ним стоял посреди бурного водного потока и указывал путь к мученичеству. Проснувшись, Л. отправился к языческому храму и разбил зажженные вокруг него светильники, заявив, что, если идола способны, пусть отомстят за причиненное им бесчестие. Жрецы внушили толпе, что т. о. Л. отвращает «благосклонность судьбы от города», и донесли о случившемся правителю, который приказал привести к себе дерзкого христианина. Л. смело исповедал Христа и обличил языческих богов, за что прокуратор повелел подвергнуть его бичеванию. Но затем, сжалившись над Л., он обещал отпустить святого, если тот лишь назовет богов великими. Не сумев убедить Л., правитель приказал тащить его за ноги к горному потоку и там казнить. По дороге Л. воздал Богу благодарение за то, что Он сподобил его в скором времени последовать за П., и предал Господу душу, тело же его палачи сбросили с высокой скалы, однако оно не было повреждено. Останки мученика были с честью похоронены христианами.

Точное время кончины Л. и П. неизвестно; в заглавии Мученичества указано, что они пострадали 30 июня, тогда как в визант. Синаксарях день памяти святых обозначен 18 февр. Под этим же числом имена мучеников были внесены Ф. Феррари в перечень святых, отсутствующих в Римском Мартирологе (*Ferrarius F. Catalogus generalis Sanctorum, qui in Martyrologio Romano non sunt. Venetiis, 1625. P. 82*). Возможно, 30 июня пострадал П., к-рый был казнен раньше Л. На основе упоминания в Мученичестве проконсула Лоллиана и неких императоров болландисты предположили, что мученики пострадали при Валериане и Галлиене, между 258 и 259 г. (*ActaSS. Febr. T. 3. P. 57*). Однако П. Франки де Кавальери считает, что Л. и П. претерпели мученическую кончину до великих гонений на христиан III–IV вв., вероятно в 178 г. или немного позже (*Franchi de' Cavalieri P. 1928. P. 88*).

Ист.: ВHG, N 983–983b; ActaSS. Febr. T. 3. P. 57–59; PG. 114. Col. 1451–1462; SynCP. Col. 472–473; Νικόδημος. Συναξαριστής. T. 3.

Σ. 281–282; Синаксарь: Жития святых Православной Церкви / Авт.-сост.: иером. Макарий Симонопетрский. М., 2011. Т. 3: Янв.–февр. С. 735–736.

Лит.: *Sergii (Snacskii)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 47; *Franchi de' Cavalieri P. Dei santi Paregorio e Leone // Idem. Note agiografiche. Vat., 1928. Fasc. 7. P. 81–100. (ST; 49); Delehaye. Origines. P. 164; ОHE. Т. 8. Σ. 273–274; Lucchesi G. Leone e Paregorio // BiblSS. Vol. 7. Col. 1305–1307; Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης). Ἀγιολόγιον. Σ. 274.*

А. Н. Крюкова

ЛЕВ МЕФОНСКИЙ [греч. Λέων ἐν Μεθώνη; Лев Новый] (X–XI вв.), прп. (пам. греч. 12 мая и в Соборе Мессинийских святых в Неделю Жен-Мироносиц). Инициатором прославления Л. М. стал *Николай*, еп. Мефонский (ок. 1150 – между 1160 или 1166). Написанные им стихиры и канон в честь Л. М. сохранились в рукописях Vat. Reg. Chris. 44 (R VII 53), 1438 г., и Сгурт. 385, кон. XV – нач. XVI в. Составленное позднее синаксарное Житие святого помимо этих списков встречается в сборнике Vat. Ottob. gr. 411, 1445 г. (переписан протопр. Кандии Иоанном Симеонакисом). Создание Жития отделено от времени смерти Л. М. значительным промежутком, поэтому текст в основном состоит из агиографических топосов.

Святой род. в Калабрии (Юж. Италия). С детства Л. М. не привлекали игры и забавы, его ум был устремлен к Богу. Достигнув совершеннолетия, Л. М. стал вести подвижническую жизнь. Он не имел одежды, кроме одного хитона, ходил босой, проводил дни в посте и молитве. Ночные бдения святого были, по словам Жития, сверх человеческих сил, он предавался сну лишь на самое краткое время. Преуспев в монашеских добродетелях, Л. М. стяжал благодать Св. Духа. Чтобы избежать людской славы, он решил отправиться в Иерусалим. Но, когда корабль остановился в Мефоне (венецианская крепость Модон, ныне Метони) на Пелопоннесе, Л. М. тяжело заболел и скончался. Моряки похоронили его недалеко от города, в местности Росон-Хома (Ῥόσον Χόμα); по мнению Э. Фольери, это название происходит от итал. слова *rosso* (красный) и греч. *χόμα* (почва). Спустя много лет Николай, еп. Мефонский, перенес мощи Л. М. в Мефону, где от них происходили многочисленные чудеса.

Флорентийский паломник Симоне Сиголи, остановившийся в 1384 г. в Модоне по пути на Св. землю, со-

общает, что недалеко от города на вершине горы в ц. св. Доминика хранятся мощи Л. М. Он уточняет, что первоначально святой был похоронен на побережье, затем мощи Л. М. были перенесены в посвященную ему церковь близ города, а в посл. – в ц. вмч. Георгия. Ряд исследователей предполагают, что ц. св. Доминика была расположена на горе Айос-Николаос, однако существует др. точка зрения, основанная на свидетельстве спутника Сиголи Л. Фрескобальди, к-рый указывает, что мощи Л. М. находились в церкви на горе Мудрости на о-ве Сапьендза напротив крепости Модон. Франц. путешественник Нонпар де Комон (1418) видел мощи Л. М. в церкви, расположенной в 1,5 милях от Модона. Когда в 1479 и 1480 гг. Модон посетили Себальд Ройтер и неизвестный по имени путешественник, мощи Л. М. уже были помещены в митрополитском соборе ап. Иоанна Богослова вместе с мощами свт. *Афанасия* Мефонского. После взятия Модона турками в 1500 г. местонахождение мощей Л. М. не известно.

По мнению Фольери, Г. Стириси и М. Варвуниса, Л. М. нельзя отождествить со свт. *Львом*, еп. Самосским, чьи мощи некоторое время хранились в Мефоне (*Follieri. 1971. P. 398; Στείρης. 2010–2011. Σ. 422–423; Βαρβούνης. 2011. Σ. 150–156*).

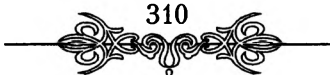
Почитание Л. М., имевшее местный характер, прекратилось в XVII в. и возобновилось в XXI в. по инициативе Мессинийского митр. Хризостома (Савватоса, с 2007 по наст. время).

Ист.: ВHG, N 2233; *Follieri E. Santi di Metone: Atanasio vescovo, Leone Taumaturgo // Byz. 1971. T. 41. P. 441–451 [текст]*.

Лит.: *Follieri E. Santi di Metone: Atanasio vescovo, Leone Taumaturgo // Byz. 1971. T. 41. P. 378–441 [исслед.]*; *Στείρης Γ. Φιλοσοφία και Θεολογία του Νικολάου επισκόπου Μεθώνης: Νικόλαος Μεθώνης και Ἅγιος Λέων // Βυζαντινός Δόμος. 2010/2011. T. 17/18. Σ. 405–427*; *Βαρβούνης Μ. Γ. Λέων ἐπίσκοπος Σάμου (ante 7 αι.): Ανάμεσα στην ιστορία και στην αγιολογία // Ιστορίας μέριμνα: Τιμητικός τόμος στον καθηγητή Γ. Ν. Λεοντσίνη. Αθήνα, 2011. Σ. 145–156.*

О. В. Л.

ЛЕВ СТИПП [греч. Λέων Στυππής; Стиппиот], свт. (пам. греч. 12 нояб.), патриарх К-польский (май 1134 – янв. 1143). До восшествия на Патриарший престол был священником и икономом в составе клира собора Св. Софии в К-поле. Сведения о Л. С. немного. Он был избран

патриархом по смерти *Иоанна IX Агапита*. В период Патриаршества Л. С. было нек-рое затишье в богословских спорах в К-польской Церкви, принимались последние решения в отношении еретиков и раскольников, выявленных во время бурных споров эпохи имп. *Алексея I Комнина* (1081–1118). В мае 1140 г. Л. С. председательствовал на К-польском Соборе, который рассмотрел и осудил труды богослова *Константина Хрисомала* как сторонника ереси «энтузиастов», мессалианства (см. *Мессалиане*) и *богомилства*. Большая часть сочинений Константина была сожжена (RegPatr, N 1007; *Guillard*. 1978). При Л. С. также было принято постановление, запрещавшее проведение магических сеансов и гаданий, распространенных среди светских людей. Поводом для этой меры стали некие обряды, совершавшиеся придворными у постели смертельно больной Зои, жены Алексея Комнина, сына севастократора Исаака (RegPatr, N 1010).

В визант. рукописной традиции Л. С. было недостоверно приписано пророческое сочинение — один из вариантов апокрифических апокалипсисов Псевдо-Даниила (см. ст. *Апокалиптика*) (L'Apocalisse apocrypha di Leone di Costantinopoli / Ed. R. Maisano. Napoli, 1975).

Ист.: *Rhalles, Potles*. Syntagma. Т. 4. Σ. 251–252; Т. 5. Σ. 76–82, 133, 136; PG. 136. Col. 801–806. Лит.: RegPatr, N 1007–1010; *Guillard*. J. Quatre procès de mystiques à Byzance (vers 960–1143) // REV. 1978. Т. 36. P. 5–81; *Magdalino* P. The Empire of Manuel I Komnenos. L., 1993. P. 276, 407; *Angold* M. Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261. Camb., 1995. P. 76–77, 282; *Лебедев* А. П. Очерки внутренней истории Византийско-вост. Церкви в IX, X и XI вв. СПб., 1998^а. С. 185.

ЛЕВ, ФЕОДОР И ГРИГОРИЙ [греч. Λέων, Θεόδωρος καὶ Γρηγόριος; Явленные святые; Ἅγιοι Φανέντες] († ок. 360), исповедники (пам. греч. в Неделю Всех святых и в Соборе Самосских святых в первые субботу и воскресенье авг.). Древнейшие источники, содержащие краткие Жития этих святых, — «Легендарий» доминиканца Пьетро Кало († 1348) (BHL, N 3675) и «Каталог святых» Петра Наталиса († 1370) (BHL, N 3676) — указывают в качестве места подвижнической жизни Л., Ф. и Г. некую долину Samus на Кефалинии (ActaSS. P. 771) или о-в Самос (Ibid. P. 769). Большинство исследователей отдают предпочтение Кефалинии, т. к. там с XIII в. про-

слеживается почитание Л., Ф. и Г.: в Протоколе латинской Кефалинийской епископии в 1264 г. упоминается монастырь Новоявленных святых, вполн. фигурирующий в источниках под названием Явленные святые. Он находится недалеко от совр. г. Сами, к-рый, видимо, лат. авторы перепутали с о-вом Самос. Указанные в Житиях топонимы (расположенный напротив долины Samus соседний о-в Thous, на к-ром есть долина Compatrum, т. е. отцов-сподвижников) отождествлены болландистами с названиями находящейся рядом с Кефалинией Итаки (Thoaе и Valle di Compari). В пользу проживания Л., Ф. и Г. на Самосе высказался совр. исследователь М. Варвунис, к-рый считает, что под названием Thous может подразумеваться древний г. Теос на малоазийском берегу, напротив Самоса, а под долиной Compatrum — местность Ливади-тон-Калойирон (дословно — «луг старцев») на Патмосе. На Самосе недалеко от Питагорио (в древности этот город также назывался Самос) есть развалины храма Артемиды и раннехрист. кладбище Панайица, где обнаружен мавзолей IV в. с 3 пустыми раками, которые, по предположению Варвуниса, являются гробницами, куда архонт Михаил поместил мощи святых. В 1-й пол. XIII в., по мнению Варвуниса, мощи Л., Ф. и Г. были перевезены с Самоса на Кефалинию.

Л., Ф. и Г. жили в правление имп. Констанция II (337–361). Они происходили из вост. части Римской империи, отличались христ. добродетелями и глубокой верой в Бога, «в миру были воинами императора, но в сердце являлись воинами Божиими, желающими принять мученичество за веру Христову» (ActaSS. P. 769). Юноша Л., почти 30-летний Ф. и достопочтенный старец Г., известный своей мудростью, не желая служить императору-арианину, покинули войско и уехали с Сицилии на Кефалинию (или Самос). Они поселились в уединенном месте, где в зарослях ежевики нашли развалины античного храма. Там Л., Ф. и Г. подвизались много лет и скончались в один день — в 14-е или в 9-е календы сент. (19 или 24 авг.). Св. воины явились знатному жителю острова Михаилу, больному проказой, и велели предать их тела погребению. Тот по указанию Свинопапа нашел благоухающие мощи

в зарослях кустарника, с почестями похоронил их и получил исцеление от болезни. Из-за чудесного явления св. воинов и обретения их мощей Л., Ф. и Г. стали называть Явленными святыми. В знак благодарности Михаил построил над могилой Л., Ф. и Г. мон-рь. Согласно местному преданию, мощи святых были обнаружены в пещере на холме Авлохори, в окрестностях совр. Сами.

По прошествии времени мощи Л., Ф. и Г. были перевезены в Венецию и положены в мон-ре прор. Захарии, отца св. Иоанна Предтечи, в одну раку с мощами этого святого. Петр Наталис считал, что в Венецию были доставлены только мощи Ф. и Г., а тело Л. осталось на Самосе, хотя в других источниках сообщается, что оно было перевезено в Венецию позднее — в 1124 г.

В 2009 г. по просьбе Кефалинийского митр. Спиридона (Калафатакиса) мраморная рака в ц. прор. Захарии была распечатана, в результате экспертизы находившиеся в ней мощи святых отождествлены с мощами Л., Ф. и Г. Архиепископ Венеции передал в дар Кефалинийской митрополии 3 частицы мощей этих святых.

Молебный канон в честь Л., Ф. и Г. составил великий гимнограф Александрийской Церкви Х. Бусьяс, службу, акафист и величания — протопр. Г. Андзулатос.

Древнейшая сохранившаяся икона святых датируется 1654 г. (в наст. время находится в ц. Успения Пресв. Богородицы в Сами).

Ист.: ActaSS. Aug. Т. 4. P. 768–772.

Лит.: *Lucchesi* G. Gregorio, Teodoro e Leone, confessori dell'isola di Samo, santi // BiblSS. 1966. Vol. 7. Col. 403; *Ἀντζουλάτος* Γ., *πρωτοπρεσβ. Οἱ Φανέντες Ἅγιοι μάρτυρες στὴν Κεφαλλονιά* Γρηγόριος, Θεόδωρος καὶ Λέων // *Κεφαλλονιακά Χρονικά*. Ἀργοστόλι, 1999. Т. 8. Σ. 177–207; *idem*. Ἅγιοι Κεφαλλονιάς στὴ Βενετία // *Ibid*. 2004. Т. 10. Σ. 435–457; *idem*. Οἱ Ἅγιοι Φανέντες: Οἱ Ὁμολογητὲς Ἅγιοι τῆς Κεφαλλονιάς Γρηγόριος, Θεόδωρος καὶ Λέων. Ἀθήνα, 2005; *Βαρβούνης* Μ. Γ. *Αγιολογική και λαϊκή παράδοση των στρατιωτικών αγίων της Σάμου Γρηγορίου, Θεόδωρου και Λέοντος* (Δ' αι.) // *Egyptia: Revista de Estudios Byzantinos y Neogriegos*. Madrid, 2014. Т. 35. P. 155–165.

О. В. Л.

ЛЕВ ХИРОСФАКТ [греч. Λέων Χιросφάκτης] (40-е гг. IX в.— после 913 (по др. данным, после 919), К-поль), визант. писатель, дипломат. В царствование *Василия I Македонянина* (867–886) он был хранителем имп. чернильницы (каниклием). Наибольших успехов добился

как посол *Льва VI Мудрого* (886–912), при к-ром получил титулы магистра, анфипата и патрикия. Л. Х. трижды участвовал в посольствах к болгарам: в 896 г. ему удалось заключить с ними мир и договориться об обмене пленными, несмотря на то что сам он на нек-рое время стал заложником царя Симеона. В результате 2-го посольства 901–902 гг. визант. императору были возвращены 30 крепостей в феме Диррахий. В ходе 3-го посольства Л. Х. убедил болгар отказаться от намерения заселить Фессалонику после захвата арабами в 904 г. Со следующей дипломатической миссией, к-рая длилась с 905 по 907 г., Л. Х. ездил в Арабский халифат. Ему было поручено не только вызволить пленных и договориться о мире, но и пригласить представителей вост. патриархов для участия в К-польском соборе 907 г. по вопросу о 4-м браке Льва VI, новая жена которого, Зоя Карвонопсина, приходилась Л. Х. родственницей. Успешно справившись со всеми задачами, Л. Х. по возвращении в К-поль тем не менее оказался в немилости у императора и был отправлен в ссылку. Наиболее правдоподобное объяснение этого поступка императора состоит в том, что Л. Х. был заподозрен в содействии мятежу Андроника Дуки, с которым он имел возможность встретиться в Багдаде осенью 906 г. (*Jenkins*. 1963. С. 174–175). Вероятно, во время опалы Л. Х. *Арефа*, архиеп. Кесарии Каппадокийской, написал памфлет «Хиросфакт, или Ненавистник чародейства» (*Χιροσφάκτις ἢ Μισογόης*), в котором обличал Л. Х. не столько за политическую неблагонадежность, сколько за приверженность эллинизму, чрезмерную увлеченность философией Платона и древнегреч. трагедией (*Westerink*. 1968. Р. 200–212). Против Л. Х. направлена и одна из поэм *Константина Родосского* (*Anecdota graeca*. 1850. Р. 624–625).

Через неск. лет Л. Х. удалось вернуться из ссылки, однако ненадолго: в июне 913 г. после участия в неудавшейся попытке Константина Дуки захватить престол Л. Х. был пострижен в монахи и отправлен в Студийский мон-рь. Дата кончины Л. Х. неизвестна. Приписанная ему в ркп. Vat. Barber. 310. Fol. 86–88 анакреонтическая поэма, созданная на свадьбу *Константина VII Багрянородного* с Еленой Лакапиной (май 919) (*Ciccolella*. 2000. Р. 110–114), воз-

можно, в действительности принадлежит др. автору. Следов., традиц. датировка смерти Л. Х. после 919 г. (*Kolias*. 1939. Р. 15) неверна (*Giardina*. 1994; *Leon Magistros Choiosphaktes*. 2002. С. 1–2, 12).

Основным источником сведений о жизни Л. Х. являются его письма. Среди корреспондентов Л. Х. — болгар царь Симеон и имп. Лев VI. Значительная часть эпистолярного наследия относится к наиболее сложным моментам в жизни Л. Х., на что указывают не только содержание писем, но и их заискивающая интонация. Л. Х. использует каламбуры, аллитерации, ассонансы (*Karlin-Hayter*. 1965. Р. 456–459). Л. Х. откликался и на важные события: он оплакивал кончины патриархов К-польских Фотия и Стефана I, архиеп. Смирнского Стефана и Льва Математика (Философа), писал придворные анакреонтические поэмы, 2 из них на брак (по-видимому, 2-й) Льва VI. Наибольший интерес представляет поэма, посвященная постройке бани при дворце Льва VI (после 906). Сквозной темой экфрасиса становится прославление мудрости императора (*Magdalino*. 1988. Р. 104; *Idem*. 1997. Р. 147–149). Л. Х. принадлежит также поэтический экфрасис терм в Пифии, в ряде рукописей приписанный ранневизант. поэту *Павлу Силенциарию* (дискуссию об авторстве см. в: *Mercati*. 1970. Р. 271–309; *Giardina*. 2012. Р. 137–146).

Основное богословское сочинение Л. Х. — «Богословие в тысяче строк» (*Χιλιόστιχος θεολογία*) — написано ямбическим триметром и включает сорок 30-строчных глав, первые буквы к-рых образуют акrostих «творение Льва магистра анфипата патрикия». Наличие этого акrostиха позволяет рассматривать часть заголовка в ряде рукописей «...во времена царя Михаила и кесаря Варды» как анахронистичное добавление переписчика. Следствием этой приписки явилась лишь недавно оспоренная издателем текста И. Вассисом (*Leon Magistros Choiosphaktes*. 2002. С. 19–24) ошибочная датировка сочинения 865 г. (*Kolias*. 1939. Р. 72). В действительности Л. Х. получил перечисленные в надписании титулы между 886 и 896 гг., а наиболее вероятное время создания сочинения — с 908 по 912 г., т. е. период совместного царствования Льва VI, Александра и Константина Багрянородного, поскольку в тексте со-

держится указание на «трехсветную природу монархии» (*τρισοφειγής τῆς μοναρχίας φύσις* — *Leon Magistros Choiosphaktes*. 2002. С. 138). Дидактическая по тону поэма, по всей видимости, обращена к юному Константину Багрянородному, однако не может быть признана только лишь риторическим упражнением. Опровергнув различные языческие и еретические учения, Л. Х. строит рассуждение в рамках традиц. апофатического богословия, однако при этом всячески подчеркивает, что для богопознания недостаточно лишь веры, но необходимо постигать созданный Богом мировой порядок при помощи рационального знания (*λόγος*) и науки (*ἐπιστήμη*), которые доступны только интеллектуальной элите. Восторгаясь красотой и своеобразностью божественного творения, Л. Х. часто обращается к образу небосвода, показывая, что одним из правомерных способов созерцания творения и приближения к Богу является астрология (*Magdalino*. 1997. Р. 157–161).

Л. Х. принадлежат комментарии к историческим книгам ВЗ, Евангелиям от апостолов Матфея, Луки и Иоанна, Соборным Посланиям и Деяниям святых апостолов (PG. 106. Col. 1019–1022, 1077–1290), некоторые комментарии остаются неопубликованными (*Leon Magistros Choiosphaktes*. 2002. С. 17–18). Согласно *Арефе*, Л. Х. принадлежали также сочинения аскетического и догматического содержания, похвальные слова святым (*Westerink*. 1968. Р. 210–211). «Льву Магистру» также приписывают неск. тропарей (на Введение во храм Пресвятой Богородицы, на дни памяти ап. Луки и ап. Иоанна), однако эта атрибуция не является надежной (*Leon Magistros Choiosphaktes*. 2002. С. 15–16).

Ист.: *Theoph. Contin.* Р. 359, 384; *Cedrenus G. Comp. hist.* Vol. 2. Р. 256, 281; *Anecdota graeca / Ed. P. Matranga. R., 1850. Pars 2; Vita Euthymii: Ein Anecdoton zur Geschichte Leo's des Weisen a. 886–912 / Hrsg. C. de Boor. B., 1888; Zonara. Epit. hist.* Vol. 3. Р. 443, 460; *Westerink L. G., ed. Arethae archiepiscopi Caesariensis Scripta minora. Lpz., 1968. Vol. 1; Vita Euthymii patriarchae Constantinopolitani / Text, transl., introd., comment. P. Karlin-Hayter. Brux., 1970. Р. 87, 101; Scyl. Hist.* Р. 177, 199; *Sym. Log. Chron.* Р. 276–277, 300.

Соч.: *Kolias G. Léon Choerosphactès, magistre, proconsul et patrice: Biographie – correspondance (texte et trad.). Athen, 1939; Gallavotti C. Planudea (X). 37: L'anacreontica de Thermis di Leone Magistro // Boll. dei Classici. Ser. 3. R., 1990. Fasc. 11. Р. 78–103; Ciccolella F. Cinque poeti bizantini: Anacreontee dal Barbe-*

riniano greco 310. Alessandria, 2000. P. 66–70, 76–82, 86–88, 94–106, 110–114; *Leon Magistros Choiosphaktes*. Chiloistichos Theologia: Editio Princeps / Hrsg. I. Vassis. В.; N. Y., 2002. (Suppl. Byzantina; 6); *Leone Choiosphaktes*. Corrispondenza. / Introd., testo crit., trad. e note di comment. a cura di G. Strano. Catania, 2008. Лит.: *Васильев А. А.* Византия и арабы. СПб., 1902. Т. 2: Полит. отношения Византии и арабов за время Македонской династии; *Шангин М. А.* Византийские полит. деятели 1-й пол. X в. // *Визант. сб. М.*; Л., 1945. С. 228–248; *Jenkins R. J. H.* Leo Choerosphactes and the Saracen Vizier // *ЗРВИ*. 1963. Кн. 8. Св. 1. С. 167–175; *Karlin-Hayter P.* Arethas, Choiosphactes and the Saracen Vizir // *Byz.* 1965. Т. 35. P. 455–481; *Mercati S. G.* Collectanea Byzantina. Bari, 1970. Vol. 1. P. 271–309, 443–451; *Magdalino P.* The Bath of Leo the Wise and the «Macedonian Renaissance» Revisited: Topography, Iconography, Ceremonial, Ideology // *DOP*. 1988. Vol. 42. P. 97–118; *idem*. In Search of the Byzantine Courtier: Leo Choiosphaktes and Constantine Manasses // *Byzantine Court Culture from 829 to 1204* / Ed. H. Maguire. Wash., 1997. P. 141–165; *Giardina G. R.* L'anacreontea 5 di Leone Magistro Chirofaktis: Sul problema dell'attribuzione // *BollGrott.* N. S. 1994. Vol. 48. P. 9–22; *eadem*. Leone Magistro e la Bisanzio del IX sec.: Le Anacreontee e il carne Sulle Terme Pitiche. Catania, 2012; *Каждан А. П.* История. визант. лит-ры (850–1000 гг.): Эпоха визант. энциклопедизма. СПб., 2012. С. 90–93.

Я. В. Зарипов

ЛЕВВЕЙ-ИУДА, ап. от 12 — см. *Иуда Иаковлев*, апостол, называемый Фаддеем.

ЛЕВИАФАН [евр. לִוְיָאֵן, *liwya'ān*; греч. Λεωτοφάν; лат. Leviathan], имя сотворенного Богом мифического морского чудовища в ВЗ. Точная этимология евр. слова *liwya'ān* не

liwya'ān — венук, завиток и *tan*, сокращенное от *tannîn* — большая рыба, чудовище. И хотя сравнительная этимология может указывать на змееподобный вид Л., следует принимать во внимание, что Л. — имя собственное, а значит, представление о физическом облике чудовища не может быть основано только на происхождении этого термина.

Л. в ВЗ упоминается 6 раз в канонических книгах, преимущественно в поэтических текстах, к-рые не формируют при этом его единого образа. В одних текстах Л. предстает вселенским монстром и противником Господа (Пс 73. 13–14), в других — Его послушным творением (Пс 103. 26). Образ Л. стоит в одном ряду с описаниями др. морских чудовищ, выступающих в виде сверхъестественных противников Бога: дракона (*tannîn* — Ис 27.1), моря или морского чудовища (*yam* — Иов 7. 12), а также Раава (Ис 51. 9; Пс 86. 4; 88. 11). В переводе LXX можно усмотреть тенденцию к демифологизированию и деперсонифицированию образа Л.: вместо имени собственного в Иов 3. 8 использовано слово «кит», а в Ис 27. 1; Иов 40. 20; Пс 74. 14; 103. 26 — «дракон» (δράκων).

В Пс 73. 13–14 провозглашение спасительного владычества Господа над всей землей сопровождается упоминанием Его побед над морем (*yam*), драконами (*tannînîm* — вариант «змиями») и Л., у к-рого Господь, согласно синодальному переводу, сокрушил главу (Пс 73. 14). В Масоретском тексте, так же как в Септуагинте и Вулгате, говорится

*Левиафан в глубине вод.
Миниатюра из Кетувима.
XIII в.
(Ambros. Ebraico. B. 32.
inf. Fol. 136r)*

известна, возможно, оно является производным от семит. корня *lwy* со значением «сгибать, скручивать»; обычно это слово сопоставляется с араб. *lawiyā* — «извиваться», что может отдаленно указывать на змееподобный вид Л. Согласно т. н. народной этимологии, представленной в раввинистической лит-ре, имя Л. происходит от соединения 2 слов

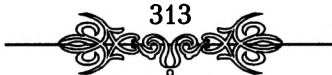
о сокрушении «голов» у Л., который, т. о., представлен в этом стихе как многоголовый морской змей. Рассказ о победе Господа над Л. служит вступлением к прославлению последующего совершенного Им упорядочивания вселенной. Очевидно, описание победы Господа в первозданной битве над олицетворяющим воды хаоса Л., включенное в контекст поэтического повествования о творении мира (Пс 73. 15–17), призвано утешить скорбящих, опла-

квивающих осквернение святилища врагами Господа (Пс 73. 1–10). Отголоски представления о противостоянии Господа морскому чудовищу представлены также в Иов 7. 12; 9. 13; 26. 12; 38. 8–11 (отдельные авторы рассматривают эти примеры как аллюзии на Л. — см., напр.: *Lipinski*. P. 506).

Вселенская битва Господа с Л. в апокалиптических главах из Книги прор. Исаии указывает уже на то, что произойдет в будущем: в день, когда Господь обратит Свой гнев на падшее и развращенное творение, «поразит... мечом Своим тяжелым, и большим и крепким, левиафана, змея, прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское» (Ис 27. 1). Т. о., возникнув в начале времен, эсхатологическая битва с Л. знаменует зарождение нового творения и восстановление народа Израиля в конце времен. Имя Л. упомянуто дважды в Ис 27. 1, вместе с выражением «морское чудовище» (*tannîn*), при этом неясно, служит ли этот термин определением Л. или же обозначает др. существо (*Uehlinger*. 1999. P. 514).

Прав. Иов, в отчаянии призывая погибель на день своего рождения, риторически обращается к памяти людей, к-рые способны проклясть день и «разбудить Левиафана» (Иов 3. 8). Нек-рые комментаторы предлагают читать во фразе «проклинающие день (*ywm*)» последнее слово как *yam* — море, к-рое, т. о., может выступать в качестве лексической параллели к слову Л. (*Pope M. H.* Job: Introd., Transl., Not. Garden City, 1973³. P. 30). Этот стих, как правило, понимают как указание на магическую практику, связанную с ритуальным воспоминанием о Л. как об обладающем силой чудовище, к-рое известно из арам. заклинательных текстов V–VI вв. по Р. Х. на глиняных чашах, содержащих надписи с заклинаниями от имени Л., моря и морского чудовища (*Isbell Ch. D.* Corpus of the Aramaic Incantation Bowls. Missoula, 1975. P. 19–20, 29–33. N 2, 6, 7).

Но в словах Пс 103. 26 Л. лишается своей устрашающей для вселенной силы: он — безобидное и в чем-то забавное морское животное, которое Бог «сотворил играть в нем [т. е. в море]». Альтернативный перевод этого стиха, основанный на интерпретации формы *bô*

как «с ним» (Пс 103. 26), предполагает, что Бог создал Л. исключительно для Своей игры с ним (*Dahood M. Psalms III: 101–150. Garden City, 1970. P. 45*). В любом случае автор псалма не рассматривает Л. как противника Бога, представляющего опасность для космоса, скорее в этом случае Л. символизирует склонную к игре природу творения.

Наиболее подробное описание Л. содержится во 2-м ответе Бога страдающему Иову (Иов 40. 20 — 41. 26): Л. представлен как величественный бесстрашный монстр, обитающий в море и именуемый царем «над всеми сынами гордости» (по LXX: «над всеми, кто в водах» (πάντων τῶν ἐν τοῖς ὕδασι) — Иов 41. 26). Библейские комментаторы начиная с XVII в. полагали, что представленный в этом тексте образ (особенно в Иов 41. 6–9) больше всего напоминает крокодила. Однако отдельные черты в описании скорее противоречат его отождествлению с к.-л. реальным представителем земной фауны. Так, дыхание Л. сопровождается огнем и дымом из пасти (Иов 41.11–13). Л. становится одним из образов, демонстрирующих могущество Божие: если Иов, как и никто на земле, не может «схватить» Л., то он не может сомневаться в Том, Кто одержал над ним победу. Возможно, это описание несет в себе мифологические черты, присущие егип. традиции, где изображение водного бога Себека в виде крокодила символизирует врага солнечного бога Ра (*Uehlinger. 1999. P. 513*). Однако слова из Книги Иова не содержат никаких отголосков космологического противостояния с Л.; как одно из самых величественных творений Господа Л. становится объектом Его восхищения, не представляя для Него никакой опасности.

Образы Л. в литературе древнего мира. Наиболее близкой параллелью к библейскому свидетельству о Л. служит угаритский текст XIV–XIII вв. до Р. Х., обнаруженный в Рас-Шамра (Сирия). В этом сказании Л. представлен как монстр, уничтоженный в битве богом Ваалом (*Die keilalphabetischen Texte aus Ugarit / Hrsg. M. Dietrich, O. Lo-retz, J. Sanmartín. Kevelaer, 1976. S. 22. [Taf.]. 1. 5 I: 1–3, 27–30*). Зафиксированное в угаритском тексте написание *ltn* обычно вокализовалось как *lōtān*, но были предложены и другие реконструкции: *liwāiātānu > liyitānu > liūānu* (*Emerton.*

1982) и *lawayatān > lawātān > lātān* (*Tropper. 2012. S. 272*). Описание Л. в угаритском эпосе содержит черты, близкие к библейскому образу из Книги прор. Исаии, схожесть обнаруживается в отдельных эпитетах: напр., *bṯn brḥ* соотносится с *naḥas barīah* («змей, прямо бегущий» из Ис 27. 1), *bṯn 'qlm* — с *naḥas 'aqallaṯon* («змей изгибающийся» из Ис 27.1). В отношении Л. использован эпитет «могущественный [вар.: «окружающий»] с 7 головами» (*šlyṯ d.šb 't rašm* — *Barker. 2014. P. 157*), что обычно соотносится с наличием «голов» в описании Л. из Пс 74. 13 (по MT и LXX).

В древней месопотамской литературе раннего династического периода (III тыс. до Р. Х.) зафиксировано предание о борьбе бога-героя Нинурты с 7-головым змеем (*muš-sag-imin*). Это предание нашло отражение в месопотамской иконографии, где зафиксированы изображения антропоморфного бога, сражающегося с 7-головым змеем; наиболее древнее из них обнаружено на цилиндрических печатях из Телль-Асмар (III тыс. до Р. Х. — *Frankfort H. Stratified Cylinder Seals from the Diyala Region. Chicago, 1955. P. 37. N 497*). Известно также изображение бога войны Нинурты (?) ок. 2400 г. до Р. Х. на инкрустированной раковине. В сцене на древнеаккад. печати представлены двое мужчин, сражающихся с 7-головым змеем (*Ibid. P. 42. N 478*). Во всех сценах 7-головый змей изображен с лапами. Указанные свидетельства служат лишь отдаленными параллелями к библейским текстам, где Л. — это прежде всего морское животное, и, кроме как в Пс 74. 13, нигде не говорится о наличии у него неск. голов.

Возможно, представление о Л. как о враждебном существе служит отражением древних мифов о космогонической битве между божественным творцом и персонифицированными первозданными силами хаоса. В Свящ. Писании могли быть творчески переработаны древнеевр. эпические тексты, отражавшие космогонические представления, которые стали богатым источником поэтических символов, раскрывающих величие Творца. Образ Л. в Библии не содержит никаких элементов политеизма, а всегда рассматривается как одно из творений Господа.

В апокрифической литературе образ Л., как и в традиции ВЗ, яв-

ляется частью описания как творения мира, так и его последних времен. Наиболее древнее предание сохранилось в араб. соч. «Книга гигантов» (кон. II в. до Р. Х.), отрывки из к-рого найдены в Кумране. Парфянский фрагмент манихейской версии этого текста (M 35, line 21–36) содержит упоминание о сражении божественных гигантов с Л. (*Iwy'yn*) (*Henning W. B. The Book of the Giants // BSOAS. 1943. Vol. 11. N 1. P. 71*).

В эфиоп. «Книге Еноха» (*Enoch aethiopicus; CAVT, N 61*) говорится об изгнании первозданных чудищ в день Страшного Суда. Л. — монстр жен. рода, к-рый будет обитать в пучине морской, на глубине моря, «над источниками вод», а бегемот — муж. особь, живущая в пустыне: оба они будут приготовлены в пищу в грядущий «великий день» (1 Енох 60. 7–9, 24 — *Uhlig S. Das äthiopische Enochbuch. Gütersloh, 1984. S. 606–607*). В сир. «Апокалипсисе Варуха» (2 Вар; нач. II в. по Р. Х.; *CAVT, N 233*) Л. вместе с бегемотом, которых Бог сотворил в 5-й день творения, сопровождают явление Мессии в день Страшного Суда: бегемот выходит из особого места, а Л. — из моря; оба гигантских чудовища будут служить пищей для избранных, которые доживут до пришествия Мессии (*Apocalypsis Baruch syriaca. 29. 4 // Stone M. E., Henze M. 4 Ezra and 2 Baruch. Minneapolis, 2013. P. 101*). В «Апокалипсисе Ездры» (*Apocalypsis Esdrae; CAVT, N 180*), в рассказе о 5-м дне, также говорится о сотворении этих 2 монстров и их последующем разлучении, поскольку приготовленное для них пространство не могло вместить обоих. Бог уготовил Л. 7-ю часть воды, а бегемоту — 7-ю часть суши; оба они были сотворены, чтобы быть отданными в пищу тому, кому Бог пожелает (4 Esdrae. 6. 49–52 [3 Ездр 6. 49–52] // *Stone M. E., Henze M. 4 Ezra and 2 Baruch. 2013. P. 38*). В апокрифе «Откровение Авраама» (*Apocalypsis Abrahae; CAVT, N 89*), сохранившемся в слав. рукописях XIV–XVII вв., содержание которого датируется I–II вв. Р. Х., представлен образ Л. как вселенского чудовища: специально отмечено, что Господь повелел ангелу удерживать Л. Авраам видит не только жилище Л. в море, о к-ром сказано, что на нем покоится мир, но и разрушения, к-рые Л. причинил миру (*Apocalypsis Abrahae. 10. 11; 21. 6 // Die Apokalypse Abrahams / Hrsg.*

V. Philonenko-Sayar, M. Philonenko. Gütersloh, 1982. S. 431, 443).

В раввинистической традиции. Согласно талмудическому преданию, под творением Богом в 5-й день «больших рыб» (*tanninim* — Быт 1. 21) понимается создание Л., причем как мужской, так и женской его особей. Самка Л. была убита Богом и засолена для буд. пира, а самец оскоплен, чтобы остановить распространение этих чудовищ. После пришествия Мессии мясо Л. будут есть те праведные, кто в этом мире стремились «быть вместе с Творцом». Этимология слова Л. возводится к корню *lwh* в значении «присоединять», что в аггадических преданиях истолковывается как указание на наличие в душах людей стремления объединиться с Творцом (Бава Батра. 74а–75б; ср. также: Тора с комментариями Раши: Брейшит. М., 2009. Т. 1. С. 69). В связи с предназначением Л. для трапезы праведных отдельные раввины истолковывали упомянутые при описании Л. *maginnim* (щиты — Иов 41. 7) как чешую, т. е. один из признаков разрешенной в пищу рыбы (Тосефта Хуллот. 3. 27). Кроме того, Л., как и бегемота, относят к монстрам, сотворенным Богом в 3-й день, но отмечено, что в отличие от бегемота он не имел себе пары (Берешит Раба. 7. 4 — Midrash Rabbah: Genesis / Transl. H. Freedman. L., 1961³. Vol. 1. P. 51). Слова «этот левиафан, которого Ты сотворил играть в нем» (Пс 103. 26) интерпретировались как указание на то, что Бог играет с Л. каждый день по 3 часа (Авода Зара. 3б).

В христианской литературе и традиции Нового времени. Возможно, что представленные в Откровении Иоанна Богослова картины 7-главого дракона (Откр 12. 3) и зверя, выходящего из моря (Откр 13.1, 17.3), восходят к образу Л. в ВЗ и ближневост. лит-ре (Day. 1992. P. 296; Keener C. S. Revelation. Grand Rapids, 2000. P. 315, 335).

Для большинства раннехрист. писателей Л. служил символом злых сил и дьявола (Orig. De princip. II 8. 3; Cyr. Alex. Exp. in Ps. 103. 26; Aug. In Ps. 73. 15), а его имя использовалось в ВЗ как одно из многочисленных наименований злого начала (Euseb. In Is. I 89. 99–102; Greg. Magn. Moral. XXXIII 15, 30). По свидетельству Оригена, образ Л. играл особую роль в гностическом учении: он описывает диаграмму, принадлежавшую

Выходящий из моря дракон
(Откр 12. 3).
Гравюра А. Дюрера.
1497–1498 гг.

т. н. офитам, на которой на пересечении 10 малых кругов изображен большой центральный круг, носивший имя Л. и символизировавший душу всех вещей (Orig. Contr. Cels. VI 25).

Блж. Иероним считал, что Л. служит образом того великого змея, об уловлении к-рого Христом таинственно предвозвещается в Книге Иова (Иов 40. 19–20) и о к-ром говорит-ся в Откр 12. 7–8. Демонический облик Л. усиливается представленными только в переводе LXX словами Иов 40. 19: «Вот начало творения Господа; он был сотворен, чтобы быть поругаемым от ангелов Его», — которые соотносятся с обетованием Спасителя апостолам об их власти попираť змеев (Лк 10. 19). По мнению Иеронима, слова из Ис 27. 1 указывают на то, что дьявол, символизируемый Л., не принесет покаяния и не будет прощен, но будет повержен Богом (Hieron. In Is. VIII 27. 1). Свт. Григорий Богослов утверждал, что Л. — одно из наименований «противника Иисуса» в ВЗ (Greg. Nazianz. Or. 39. 16). Олимпиодор, диакон Александрийский, писал, что Л. — тот самый змей, который обманул Еву (Olympiod. Alex. Comment. in Job // Kommentar zu Hiob / Ed. U. Hagedorn, D. Hagedorn. B., 1984. S. 365). Сокрушенный Господом Л. (или δράκων по LXX) из Пс 73. 14 символически указывает на егип. фараона, погибшего в волнах Черного м. (Euseb. In Ps. 73. 13 // PG. 23. Col. 861; Athanas. Alex. In psalm. 73. 13). Наиболее пространное аллегорическое истолкование образа Л. представ-

лено в «Толковании на Книгу Иова» свт. Григория I Великого, к-рый считал, что слово Л. означает «их добавление». Это символическое истолкование говорит о том, что Л. как обманщик человеческого рода вместо обещания людям вечной жизни добавил им вину за грех и т. о. увеличил его так, что человек стал заслуживать вечной смерти (Greg. Magn. Moral. XXXIII 17). Л. — символ того змея в раю, который, пообещав человеку божественность, упразднил его бессмертие и поныне, как змей изгибающийся (ср.: Ис 27. 1), продолжает проскальзывать в глубины людских сердец (Greg. Magn. Moral. IV 15; XXXIII 17). Приняв человеческую плоть, Христос лишил Л. силы. При Своем воплощении Иисус Христос связал язык Л. веревкой (ср.: Иов 40. 20), т. е., приняв на себя человеческую плоть, пораженную грехом, он заставил молчать исходящую от нее ложную мудрость века сего (Greg. Magn. Moral. XXXIII 18–19). Прокальвание Господом челюсти Л. (Иов 40. 21) указывает на потерю дьяволом тех грешников, которые обратились к раскаянию (Greg. Magn. Moral. XXXIII 21–22).

Архаичное мифологическое представление о Л., который выступает в роли опасного, но тем не менее покоренного врага, нашло свое отражение в европ. культуре Нового времени. После публикации в 1651 г. трактата Томаса Гоббса «Левиафан» произошла зеркальная трансформация Л.: образ, символизирующий силы хаоса, стал обозначать гос-во, т. е. то понятие, к-рое должно воплощать в себе идеи порядка и разумной организации вселенной. Как Бог творит по Своей воле величественное, но опасное чудовище, так и человек, по мысли Гоббса, реализуя божественный замысел, создает «искусственного человека» — гос-во. Т. о. Л. становится символом угрозы, исходящей от всевластного, могущественного, но необходимого для существования общества гос-ва. Этот образ получил особенно широкое распространение в искусстве XX–XXI вв., где Л. символизирует бездушную силу гос. машины, слепой и беспощадной по отношению к хрупкой человеческой личности.

Лит.: Emerton J. A. Leviathan and «ltn»: The Vocalization of the Ugaritic Word for the Dragon // VT. 1982. Vol. 32. P. 327–331; Ebach J. Leviathan und Behemoth. Paderborn, 1984; Day J. Leviathan // ABD. 1992. Vol. 4. P. 295–296; Uehlinger C. Leviathan // Dictionary of Deities and

Demons in the Bible. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 511–515; *Lipinski E. liwyātān* // TDOT. Vol. 7. P. 504–509; *Machinist P., Feliks J. Leviathan* // EncJud. Vol. 12. P. 696–697; *Tropper J. Ugaritische Grammatik*. Münster, 2012²; *Barcker W. D. Isaiah's Kingship Polemic: an Exegetical Study in Isaiah 24–27*. Tüb., 2014.

А. Е. Петров

ЛЭВИЙ [древнеевр. *lēwī*], 3-й сын патриарха *Иакова* от его старшей жены *Лиу*. В ветхозаветной традиции Л. считается предком *левитов* и священников (см. *Колена Израилевы*). Имя Левий употреблено в ВЗ 58 раз (см.: BDB. P. 532), чаще всего — в перечнях и родословных списках (Быт 35. 23; 46. 11; Исх 1. 2; 6. 16; Числ 16. 1; 1 Пар 2. 1; 6. 1, 16, 38, 43, 47), а также в выражениях *ben/bat lēwī* — «потомок Левия» (букв. — сын/дочь Левия; Исх 2. 1; 32. 26, 28; Числ 3. 15, 17; 4. 2; 16. 7, 8, 10; 18. 21; 26. 59; Втор 21. 5; 31. 9; Нав 21. 10; 3 Пар 12. 31; Иез 40. 46; Мал 3. 3; 1 Езд 8. 15, 18; Неем 12. 23; 1 Пар 9. 18; 23. 24, 27; 24. 20; ср.: 1 Пар 23. 6), *maṭṭē lēwī* — «колено Левия» (Числ 1. 49; 3. 6; 18. 2). Несмотря на исключительную роль, к-рую левиты и священники играют в ветхозаветном повествовании и особенно в нормативных текстах Пятикнижия Моисеева, о Л. не сообщается преданий, как-либо связывающих его с ветхозаветным культом. Сведения о Л. сводятся к 3 текстам.

Согласно Быт 29. 34, *Лиа* назвала сына *Левием*, надеясь, что ее муж «прилепится» (*yillāwē*) к ней, после того как она родила ему 3 сыновей. Данная этимология, возможно, вторична по отношению к Числ 18. 2, 4, где поставлены в соответствие те же слова: представители колена Л. (*maṭṭē lēwī*) будут находиться (*yillāwū*; *wānilwū*) при *Аароне*.

Согласно Быт 34. 25–31, Л. и его брат *Симеон* напали на г. *Сихем*, «умервили» в нем «весь мужеский пол» и разграбили его, отомстив за бесчестие, нанесенное их сестре *Дине Сихемом*, сыном местного правителя (Быт 34. 1–2). Поступок Л. и *Симеона* был осужден патриархом *Иаковом* (Быт 34. 30).

Данное предание получило отражение в составе т. н. благословений *Иакова*: «*Симеон* и *Левий* братья, орудия жестокости мечи их; в совет их да не внидет душа моя, и к собранию их да не приобщится слава моя, ибо они во гневе своем убили мужа и по прихоти своей перерезали жилы тельца; проклят гнев их, ибо жес-

Праотец Левий.
Икона из иконостаса
ц. свт. Иоанна Златоуста
в Коровниках в Ярославле.
Ок. 1654 г. (ЯИАМЗ)

ток, и ярость их, ибо свирепа; разделю их в *Иакове* и рассею их в *Израиле*» (Быт 49. 5–7). Ю. Велльгаузен рассматривал данный текст как отражение древнеевр. предания о гибели 2 израильских племен в эпоху Судей (*Велльгаузен*. 1909. С. 121–122). Соотнесение левитов с Л., по мнению Велльгаузена, вторично и связано с тем, что имя легендарного патриарха *lēwī* совпало с названием культовых служителей (*lāwīyūim*, ед. ч. *lēwī*). Слабым местом этой гипотезы остается отсутствие убедительной этимологии для слова *lēwī* (это признавал и Велльгаузен; см.: Там же. С. 123). Кроме того, «завещание *Иакова*» в окончательной форме не может считаться памятником древнееврейской народной поэзии в том же смысле, что песнь *Деворы*. К. Вестерманн считает, что в данном тексте фольклорный материал — отдельные племенные предания, передававшиеся в поэтической форме (Вестерманн называет их «племенными пророчествами»), был сведен воедино и дополнен позднейшим редактором, знакомым с традициями лит-ры премудрости. Редактор связывает 2 традиции: повествовательную (Быт 34. 25–30) и законодатель-

ную, предписывающую левитам жить в специально отведенных для них городах на территории др. колен (ср.: Числ 35. 1–8). Согласно Быт 49. 5–7, потомки Л. будут рассеяны среди колен *Израилевых* в наказание за истребление жителей *Сихема* (город в этом тексте прямо не назван). Та же участь предрекается и потомкам *Симеона*, к-рые ассимилировались с коленом *Иуды*. Слова «в совет их да не внидет душа моя, и к собранию их да не приобщится слава моя» — переработка топоса, хорошо известного из лит-ры премудрости (ср.: Пс 1. 1) (*Westermann*. 2004. P. 328).

Т. о., сообщения о Л. в ВЗ сводятся к 2 преданиям (о наречении имени и о нападении на *Сихем*), и ни одно из них не содержит к.-л. указания на сакральную роль потомков Л. Попытка восполнить данный пробел была предпринята в *Юбилеев книге*. Мечь, совершенная Л. и *Симеоном*, описана здесь как религ. подвиг, смысл которого остается актуальным для всех последующих поколений евр. народа. Грех *Сихема*, согласно кн. *Юбилеев*, распространяется на евреев, отдающих своих дочерей или сестер замуж за язычников: «И пусть никогда не случится более в *Израиле* что-либо подобное тому, чтобы бесчестили израильскую девицу. И если муж в *Израиле* отдаст свою дочь или сестру какому-либо мужу от семени язычников, или отдал, то да умрет он смертью, и его

Праотец Левий.
Фрагмент росписи
ц. вмц. Параскевы
мон-ря *Гура-Мотрулуй*, Румыния.
Нач. XVIII в.

должно побить камнями, ибо он совершил грех и бесчестие *Израилу*. И жену должно сожечь огнем, ибо она осквернила имя дома своего отца, и она должна быть истреблена

из Израиля. И да не обретется мерзость и блуд во Израиле во все роды земли, ибо Израиль свят Господу». Поступок Л. не только оправдывается в кн. Юбилеев, но и объявляется главной причиной избрания его потомков в качестве священного колена. Симеон при этом соответственно не упоминается.

Подобная мысль выражена и в «Завещаниях двенадцати патриархов», однако акцент сделан не на ритуальной чистоте, а на мистике: Л. восходит до 3-го неба и помимо проч. откровений получает указание отомстить Сихему (Test. Lev. 2. 7–5. 3). Как и в кн. Юбилеев, Л. отводится главная роль в этом поступке: именно Л. убивает Сихема, совершителя преступления, в то время как Симеон убивает Еммора (Ibid. 6. 4). Обетование священства также приводится в этом контексте (Ibid. 5. 2), однако в отличие от «Книги Юбилеев» здесь оно не рассматривается как награда за совершённое Л. воздаяние. Лит.: *Вельгаузен Ю.* Введение в историю Израиля. СПб., 1909; *Westermann C.* Genesis. Minneapolis, 1985. Vol. 2. P. 532–545; 1986. Vol. 3. P. 252–255, 520–521; *idem.* Genesis. L.; N. Y., 2004; *Fleishman J.* Towards Understanding the Legal Significance of Jacob's Statement «I Will Divide Them in Jacob, I Will Scatter Them in Israel» (Gen 49.7b) // *Studies in the Book of Genesis: Literature, Redaction and History* / Ed. A. Wénin. Leuven, 2001. P. 541–560.

М. Г. Калинин

Иконография. В греч. «Ерминии» иером. Дионисия Фурноаграфита (ок. 1730–1733) Л. в разд. «Двенадцать сынов Иакова и их потомки» описан как старец «с круглою бородою» (Ч. 2. § 129. № 28).

Изображение Л. представлено в праотеческом ряду нек-рых рус. высоких иконостасов, включающих иконы с образами сыновей Иакова. Принцип отбора таких икон носил свободный характер, и образ Л. в них не всегда присутствовал. В то же время упоминание о Л. может содержаться в надписи на свитке праотца Гада: «Поведе же и се чадом нашим, да почтут Иуду и Левгия, яко отую вам господь спас Израилев» (ИРЛИ (ПД). Перетц. № 602. Л. 103). Образ Л. на иконах из праотеческого ряда не обладает определенной устойчивостью. Так, напр., на иконе из главного иконостаса ц. свт. Иоанна Златоуста в Коровниках в Ярославле (ок. 1654, ЯИАМЗ; см.: Иконы Ярославля. Ил. на с. 302) Л. имеет длинную окладистую бороду с небольшой проседью, из-под шапки, напоминающей митру, видны короткие вьющиеся волосы, состав одежды в целом напоминает богослужебные, пальцы правой руки сложены в жесте двуперстного благословения — тем самым подчеркнута особое право «колена» Л. на священ-

ническое служение. В иконостасе (1683–1686) Смоленского собора Новодевичьего мон-ря Л. — старец в хитоне и гиматии, с тонкими чертами лица, высоким с большой залысиной лбом, длинными волосами, спускающимися на плечи, клиновидной бородой средней длины, его право священства также подчеркнута перстосложением десницы, в левой руке — развернутый вниз свиток. Надпись на свитке — «Стяжите мудрость во страхе бжи аще...» — воспроизводит текст завещания этого праотца из апокрифического памятника «Заветы двенадцати патриархов» в рус. редакции XV в. Вариант этой же надписи приведен в иконописном подлиннике сводной редакции (XVIII в.) С. Т. Большакова, на свитке племянника Л. праотца Фареса, что можно трактовать как преемственность заветов от предка к потомку (см.: *Сергеев.* 1974. С. 316), причем описание облика самого Л. в этом подлиннике не дано.

Изображение Л. встречается и в росписи храмов, напр., между праотцами Иосифом и Рувимом он представлен в рост в барабане центральной главы Спасо-Преображенского собора Спасского монастыря в Ярославле (*Анкудинова Е. А., Мельник А. Г.* Спасо-Преображенский собор Спасского мон-ря в Ярославле. М., 2002. С. 99).

Лит.: *Сергеев В. Н.* Надписи на иконах праотеческого ряда иконостаса и апокрифические «Заветы двенадцати патриархов» // ТОДРЛ. 1974. Т. 29. С. 306–320; Иконы Ярославля XIII — сер. XVII в.: Шедевры древнерус. живописи в музеях Ярославля. М., 2009. Т. 2. Кат. № 176. С. 276, 279, 282, 287, ил. на с. 302.

Э. В. Ш.

ЛÉВИЙ, сын Алфея — см. *Матфей*, св. апостол и евангелист.

ЛÉВИЙ [греч. Λεβίς; лат. Levi], еп. Иерусалимский (1-я пол. II в.), известен только по спискам епископов в средневек. хрониках. *Евсевий* Памфил в «Церковной Истории» (1-я четв. IV в.), перечисляя епископское преемство на Иерусалимской кафедре, 12-м епископом называет Л. Он входит в число первых 15 предстоятелей иерусалимской общины, к-рые были еще «из обрезанных» (*Euseb. Hist. eccl. IV 5. 3*). В «Хронике» Евсевия имя Л. появляется также в общем списке Иерусалимских епископов времен рим. имп. *Адриана* (117–138), где он указан как 14-й преемник ап. *Иакова*, брата Господня. В арм. переводе «Хроники» Евсевия этот список помещен под 124 г. — годом правления Адриана (2139 от Авраама), в лат. переводе блж. *Иеронима Стридонского* под 125 г., 8-м годом Адриана — 125 г. (*Idem. Chron. T. 2. P. 166–167*). Однако в обоих пере-

водах не указывается точное время или срок, когда Л. занимал кафедру. Та же информация без всякой хронологической привязки появляется в списке предстоятелей Церковей свт. Никифора I, патриарха К-польского (нач. IX в.; *Niceph. Const. Chronogr. P. 124.7*). Визант. хронист *Георгий Синкелл* дает тот же список по «Хронике» Евсевия под 127 г. и уточняет, что Л. занимал кафедру 4 года (*Georg Synes. Chron. P. 427*). Соотнесение этих данных с хронологией епископата преемников Л. дает возможность отнести время пребывания Л. на кафедре к 132–136 гг., однако эта датировка условна.

Ист.: *ActaSS. Mai. T. 3. P. X.*

Лит.: *Le Quien.* ОС. Т. 3. P. 143–146; *Fedalto.* Hierarchia. P. 999.

Д. В. Зайцев

ЛЕВИРАТНЫЙ БРАК, брак между бездетной вдовой и братом ее умершего мужа с целью продления рода умершего. Практика совершения Л. б. описана как в законодательном (Втор 25. 5–10), так и в нарративных (Быт 38. 7–11; Руфь 4. 5–8) текстах ВЗ.

Термин «левирад» происходит от лат. *levir* — «деверь, брат мужа». Показательно, что в Вульгате в разделе Пятикнижия Моисеева, описывающем Л. б., слово *levir* не используется: форма *uḇāmāh* — «ее деверь» (Втор 25. 5) передана как *frater eius* — «ее брат». Подобная техника перевода используется и в Септуагинте, где форма *uḇāmāh* передана как *ὁ ἀδελφός τοῦ ἀνδρός αὐτῆς* — «брат ее мужа» вместо *ὁ δοῦρ αὐτῆς* — «ее деверь». Форма *uḇāmī* — «мой деверь» во Втор 25. 7 переведена в Вульгате как *frater viri mei* — «брат моего мужа» и в Септуагинте — как *ὁ ἀδελφός τοῦ ἀνδρός μου* — «брат моего мужа». Напротив, в Пешитте используется точный аналог древнеевр. термина *uḇām*: *uḇmāh* — «ее деверь» (Втор 25. 5) и *uḇm* — «мой деверь» (Втор 25. 7).

Установление Л. б. в Ветхом Завете связывается со следующим предписанием кн. Второзаконие: «Если братья живут вместе и один из них умрет, не имея у себя сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь ее должен войти к ней и взять ее себе в жену, и жить с нею (в евр. оригинале используется форма *w-yibbāmāh* — «и он будет жить

с ней, как деверь с вдовой брата» (ВДВ. Р. 386). — *Авт.*, — и первенец, которого она родит, останется с именем брата его умершего, чтобы имя его не изгладилось в Израиле» (Втор 25. 5–6). Из данной цитаты следует, что брат покойного должен взять вдову умершего в жены, если его брат не оставил после себя сына, для того чтобы она родила от него наследника своему покойному мужу, к-рый сохранит его имя в Израиле. Условием для такого брака является то, что «братья живут вместе». По мнению свящ. А. А. Глаголева, данное выражение указывает на то, что функция Л. б. заключалась в сохранении устойчивого землевладения в конкретных семьях, поскольку вдова оставалась в семье, а не выходила за др. человека, получив причитающееся ей наследство от мужа. Следов., обязательным условием является то, что братья живут на одном земельном (фамильном) участке, т. е. между ними наличествует естественное и юридическое родство (Глаголев. 1914. С. 6–8, 16–17).

Предписание во Втор 25. 5–10 ставило за братом покойного право отказаться от вступления в Л. б.: «Если же он не захочет взять невестку свою (*'eṭ-yəḥimīto* — «вдову своего брата»), то невестка его пойдет к воротам, к старейшинам, и скажет: «деверь мой отказывается восставить имя брата своего в Израиле, не хочет жениться на мне»; тогда старейшины города его должны призвать его и уговаривать его, и если он станет и скажет: «не хочу взять ее», [тогда] невестка его пусть пойдет к нему в глазах старейшин, и снимет сапог его с ноги его, и плюнет в лицо его, и скажет: «так поступают с человеком, который не созидает дома брату своему [у Израиля]; и нарекут ему имя в Израиле: дом разутого» (Втор 25. 7–10). Т. о., хотя за деверем оставалось право выбора, его отказ осуждался, и он становился *hālūs* — «разутым». Публичное унижение, к-рому подвергался *hālūs*, должно было снизить вероятность отказа деверя от вступления в Л. б.

Трудность интерпретации вызывало соотношение Втор 25. 5–10 с серией запретов на кровосмешение, приведенных в кн. Левит (*Nordin*. 1911. S. 99). В Лев 18. 16; 20. 21 прямо запрещается вступать в брак с женой брата: «Наготы жены брата твоего не открывай, это нагота брата твоего»; «Если кто возьмет жену брата

своего: это гнусно; он открыл наготу брата своего, бездетны будут они». Противоречие между Лев 18. 16; 20. 21 и Втор 25. 5–10 позволяло библейским критикам утверждать, что кн. Левит была написана позже Второзакония, когда Л. б. выходил из употребления и начинал приравниваться к кровосмешению. Тогда и возникли запретительные предписания кн. Левит насчет браков между родственниками (Глаголев. 1914. С. 5). Сторонники апологетического подхода отмечали, что в Лев 18. 16; 20. 21 запрещается приближаться к жене брата при его жизни, в то время как во Втор 25. 5–10 говорится о браке с вдовой брата, а не с женой (Глаголев. 1914. С. 5–6). В кн. Левит не содержится конкретного запрета на брак с вдовой брата после его смерти. В то же время др. запреты соответствующих разделов кн. Левит носят абсолютный характер, поэтому не очевидно, чтобы в Лев 18. 16; 20. 21 подразумевалась возможность исключения.

Исторический контекст Втор 25. 5–10. Имеются свидетельства существования Л. б. в ряде гос-в древнего Ближ. Востока: в Ассирии, Хеттском царстве, Нузи и Угарите (*Leggett*. 1974. P. 9–27).

Л. б. в Ассирии. В Среднеассирийском кодексе законов (датируется периодом от 1500 до 1100 г. до Р. Х.) имеются 3 параграфа, непосредственно затрагивающие тему Л. б. Первый среди них, 30-й, описывает ситуацию, когда выкуп за невесту уже был принесен, однако жених умер до заключения брака: «Если отец принес в дом тестя своего сына брачные дары, но женщина не была отдана еще его сыну, а другой его сын, чья жена еще живет в доме своего отца, умер, он может отдать жену своего умершего сына в жены своему другому сыну, за которого он принес брачные дары в дом его тестя. Если же хозяин дочери, который получил брачные дары, не желает отдать свою дочь, то отец, который принес дары, может, если пожелает, забрать свою невестку и отдать ее своему сыну. Либо, если он пожелает, он может забрать всё, что он принес, олово, серебро, золото, всё, что несъедобно, целиком. Он не может предъявлять претензий относительно съедобного» (§ 30; *The Middle Assyrian Laws / Transl. T. J. Meek // ANET. P. 182*). В 33-м параграфе речь идет о ситуации, сходной с описанной во Втор

25. 5–6: «Если женщина еще живет в доме своего отца, а ее муж умер, но у нее есть сыновья, то она может жить в одном из их домов, где пожелает. Если же у нее нет сыновей, ее свекор может отдать ее тому из своих сыновей, кому пожелает... либо если он захочет, то может отдать ее в жены ее свекру. Если и ее муж, и ее свекор умерли и у нее нет сыновей, то она вдова и может идти, куда пожелает» (§ 33; *Ibid. P. 182*). Остается спорной идентификация того человека, который, согласно данному закону, может отдать девушку замуж за ее свекра. Трудность обусловлена тем обстоятельством, что значительная часть 33-го параграфа утрачена. В начале параграфа действующим лицом выступает свекор, однако очевидно, что слова «может отдать ее в жены свекру» относятся к другому лицу. Контекст позволяет считать, что власть над девушкой в данном вопросе имел не только свекор, но и ее отец, который мог отдать ее свекру, если у того не осталось сыновей (*Burrows*. 1940. P. 13; с мнением М. Барроуза согласны Г. Р. Драйвер и Дж. Ч. Майлз: *Driver G. R., Miles J. C. The Assyrian Laws. Oxf., 1935. P. 229*). В 43-м параграфе, как и в 30-м, рассматривается ситуация, когда жених умирает до заключения брака, но после вручения его отцом обручального подарка: «Если человек возлил масло на голову дочери человека или принес обручальный подарок, а сын, которому он предназначал жену, умер или пропал, то он может отдать ее, кому пожелает из прочих своих сыновей, от старшего до самого младшего, которому десять лет. Если отец умер и сын, которому он предназначал жену, тоже умер, но у умершего сына остался сын, которому 10 лет, он может взять ее. Но если сыновья умершего сына моложе 10 лет, отец дочери может, если пожелает, отдать свою дочь одному из них либо, если захочет, может вернуть дары, равные тем, что получил. Если сына нет, отец невесты должен вернуть столько же, сколько получил: драгоценные камни и всё прочее несъедобное полностью, но он не должен возвращать съедобное» (*The Middle Assyrian Laws // ANET. P. 184*).

Возможность рассматривать данные тексты из Среднеассирийского кодекса законов в качестве параллели с Втор 25. 5–6 допускается не всеми исследователями. Так, Т. Дж. Мик

и Э. Нойфельд (Ibidem; Neufeld. 1944) считают, что в кодексе, в 1-й ст., прослеживаются очень близкие параллели с ветхозаветным постановлением о Л. б., поскольку здесь идет речь о возможности женитьбы братьев покойного (или пропавшего без вести) на его жене при условии, что у нее нет сыновей. Также допускается и брак между невесткой и ее свекром. Исследователи отмечают, что, во-первых, в большинстве случаев говорится о девушке, которая ждет свадьбы в доме своего отца, т. е. о невесте. Если она лишается кандидата в мужья, то ее выдают замуж за его брата или отца. В кн. Второзаконие речь идет не о невесте, а о вдове. Во-вторых, свекор может выдавать невестку лишь в том случае, если у нее после брака нет сыновей, у которых она могла бы жить. В случае отсутствия сыновей ей нужно возвращаться в дом своего отца, однако, поскольку свекор купил ее за обручальный подарок, он может выдать ее за кого захочет. Чтобы вернуть женщину в родной дом, ее отцу приходилось возвращать подарок. Также она могла стать свободной в случае смерти свекра, его и своих сыновей. В израильском Л. б. акцент делался на продлении рода умершего, а не на материальном вопросе, т. е. на сохранении фамильных угодий. Поэтом ассирийское брачное законодательство и евр. Л. б. нельзя считать тождественными явлениями (Ring E. Israels Rechtsleben im Lichte der neuentdeckten assyrischen und hethitischen Gesetzesurkunden. Stockholm; Lpz., 1926. S. 49).

Л. б. в Хеттском царстве. Одно из постановлений Хеттского кодекса законов имеет сходство с Втор 25. 5–7: «Если мужчина имеет жену и он умирает, то его брат возьмет его жену, а после него отец возьмет ее. Если также и отец умирает, то его брат возьмет его жену, [а также] сын его брата [возьмет ее]. [В этом] нет наказания» (§ 193; Neufeld E. The Hittite Laws: Translated into English and Hebrew with Commentary. L., 1951. P. 55). Следов., данный текст представляет собой порядок женитьбы на вдове покойного. Так, после смерти мужа на вдове должен жениться брат ее мужа. Если он умрет, то на ней женится отец ее мужа. В случае смерти отца на ней должен жениться «его брат». Под ним ряд исследователей понимают женатого брата покойного, в то время как другие —

дядю почившего. Т. о., если дядя является 3-й ступенью, то 4-я — это племянник. Гипотеза о том, что 3-я ступень кандидатов — женатый брат покойного, основана на последних словах из закона: «[В этом] нет наказания». Однако данные слова могут относиться ко всем претендентам на вдову. Как бы то ни было, очевидно, что хеттский закон имеет мало общего с евр. Л. б., поскольку не рассматривает вопрос о наличии наследников после смерти мужа, вопрос об имуществе, а также не учитывает свободу воли родственников (Leggett. 1974. P. 21–24).

Л. б. в Нузи. В сохранившихся текстах из г. Нузи сообщается о том, как некий брат продал свою сестру замуж при условии, что если ее муж умрет, то отец покойного, к-рый ее купил, отдаст ее др. своему сыну. По мнению С. Гордона, данный инцидент свидетельствует о существовании в Нузи практики заключения Л. б. (Ibid. P. 24).

Свидетельство существования Л. б. в Угарите усматривают в договоре царя Арихальбу (Tsevat. 1958. P. 240). Др. документы из Угарита не содержат упоминания о Л. б.

Обзор свидетельств практики совершения Л. б. в Ассирии, Хеттском царстве, Нузи и Угарите позволяет заключить, что содержание Втор 25. 5–10, несмотря на наличие параллелей в ряде письменных памятников, остается уникальным на фоне сохранившихся источников права древних гос-в Ближ. Востока (Leggett. 1974. P. 25–27).

Лит.: Nordin H. J. Die eheliche Ethik der Juden zur Zeit Jesu: Beitrag zur zeitgeschichtlichen Beleuchtung der Aussprüche des Neuen Testaments in sexuellen Fragen // Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia / Hrsg. F. S. Krauss. Lpz., 1911. Bd. 4. S. 1–121; Глаголев А. А., свящ. Закон ужичества или левиратный брак у древних евреев. К., 1914; Ring E. Israels Rechtsleben im Lichte der neuentdeckten assyrischen und hethitischen Gesetzesurkunden. Stockholm; Lpz., 1926; Burrows M. The Ancient Oriental Background of Hebrew Levirate Marriage // BASOR. 1940. N 77. P. 2–15; Neufeld E. Ancient Hebrew Marriage Laws. L., 1944; Tsevat M. Marriage and Monarchical Legitimacy in Ugarit and Israel // JSS. 1958. Vol. 3. N 3. P. 237–243; Leggett D. A. The Levirate and Goel Institutions in the OT: With Special Attention to the Book of Ruth. Cherry Hill (N. J.), 1974; Malaty T. Y. A Patristic Commentary: The Book of Deuteronomy. Orange, 2005. Vol. 6.

Н. Н. Шаблевский

ЛЕВИТ КНИГА, 3-я из Пятикнижия Моисеева. Древнейшими свидетелями текста Л. к. являются 13 Мертвого моря рукописей, среди ко-

торых 11 были найдены в Кумране и 2 — в Масаде (см.: Eshel. 2000). Большая часть кумран. находок, в т. ч. 2 рукописи, содержащие греч. текст Л. к., были обнаружены в пещере 4.

Рукопись 1Q3 (= 1Qpaleo-Leviticus) включает 24 фрагмента (Лев 11–23), а также неск. фрагментов кн. Числа. За исключением неск. орфографических отличий, текст 1Q3 соответствует масоретской версии Л. к.

2Q5 (2Qpaleo-Leviticus) представляет собой единственный фрагмент, содержащий слова из стихов Лев 11. 22–29. Несмотря на столь плохую сохранность, он рассматривался издателем М. Байе как свидетельство текстовой традиции ВЗ, отличной от масоретской. Отталкиваясь от написания *mpryst* (в выражении *mapresei parsā* — «имеющая раздвоенные копыта»), не соответствующего орфографической норме масоретского текста, но регулярно используемого в самаритянском Пятикнижии, издатель пытается воссоздать текст Лев 11. 22–29, подставляя чтения из самаритянского Пятикнижия (а также из Септуагинты) там, где масоретский текст содержит недостаточное количество знаков, чтобы заполнить лакуну. Из-за плохой сохранности текста эта подстановка выглядит произвольной, однако Байе и вслед за ним Э. Эшель, автор статьи о Л. к. в «Энциклопедии рукописей Мертвого моря» (Eshel. 2000), всерьез обсуждают гипотетические различия между 2Q5 и масоретским текстом. Так, в реконструкции Байе в Лев 11. 25 к словам *ykbs bgdyw* — «он выстирает свою одежду» (в синодальном переводе: «должен омыть одежду свою») прибавлено *w-rhš b-myt* — «и омоет водой», как в самаритянском Пятикнижии, а в Лев 11. 26 вместо «у которого... нет глубокого разреза» дается чтение «у которого... есть глубокий разрез» (DJ.D. Vol. 3. P. 56–57; в Eshel. 2000 ошибочно — «который не жует жвачку» и «который жует жвачку»).

Рукопись 4Q23 (Leviticus-Numbers^a) сохранилась в 104 фрагментах, 30 из которых не были идентифицированы издателем из-за их малого размера. Воссозданный из фрагментов свиток включает 21,5 колонок Л. к. (первые 8 колонок утрачены).

Рукопись 4Q24 (Leviticus^b) сохранилась в 30 фрагментах и датируется поздней хасмонейской эпохой (ок.

сер. I в. до Р. Х.). Текст, представленный в данных фрагментах, в целом соответствует масоретской и самаритянской версиям, однако есть 2 принципиальных отличия: в 4Q24 пропущены стихи Лев 3. 1–11 (остаётся открытым вопрос о том, является ли этот пропуск следствием ошибки переписчика, поводом к к-рой могли послужить многочисленные повторы в предписаниях Л. к. о жертвах); в Лев 22. 22 к перечню недостатков животного, запрещенного для принесения в жертву, добавлено указание на поврежденные половые органы.

Рукопись 4Q25 (Leviticus^c), сохранившаяся в 9 фрагментах (среди к-рых 3 не идентифицированы и, возможно, относятся к 4Q26^a), включает тексты из глав 1, 3–5, 8. Текст в целом соответствует масоретской и самаритянской версиям.

4Q26 (Leviticus^d) включает в себя 4 фрагмента, содержащие отрывки из Лев 14; 15; 17 и 7 неидентифицированных фрагментов. По палеографическим критериям эта рукопись датируется между 30 г. до Р. Х. и 20 г. по Р. Х. Несмотря на плохую сохранность текста, в 4Q26 подпадают под идентификацию неск. разночтений с масоретским текстом Л. к. Так, в 4-м фрагменте содержатся слова «обитающий во Израиле как пришелец», расположение которых соответствует середине стиха Лев 17. 3. Эти слова отсутствуют в масоретском тексте и самаритянской версии, однако упоминание о «пришельце» имеется в Септуагинте: «Если кто из дома Израилева или из пришельцев, присоединившихся к вам, заколет тельца, или овцу, или козу в стане...». Данное условное предложение открывает одно из самых известных постановлений Л. к.: запрет совершать заклание животных для приготовления пищи где-либо, кроме как у входа в скинию собрания. Соответствующее место в 4Q26 сильно повреждено, однако сохранилось упоминание о «мирной жертве», отсутствующее в масоретском тексте и свидетельствующее о том, что текст 4Q26 содержал пространную версию стиха Лев 17. 4, как самаритянское Пятикнижие и Септуагинта: «...и не приведет ко входу скинии собрания, [чтобы принести во всеожжение или в жертву о спасении, угодную Господу, в приятное благоухание, и если кто заколет вне стана и ко входу скинии собрания не принесет,] чтобы представить в жертву Господу пред

жилищем Господним...» (слова, взятые в скобки, отсутствуют в масоретском тексте).

Еще одно, менее значительное разночтение с масоретским текстом — наличие направительного суффикса *-ā* в при предложении *mihûš* — «за пределами» в Лев 17. 3. Это отличие не влияет на смысл текста.

Рукопись 4Q26^a (Leviticus^e) сохранилась в 9 фрагментах, содержащих отрывки из глав 3, 19–22 Л. к. Текст в целом соответствует самаритянской и масоретской версиям. Единственное разночтение представлено в Лев 19. 36: в 4Q26^a отсутствуют слова «праведные весы».

От рукописи 4Q26^b сохранился единственный фрагмент, соответствующий тексту Лев 7. 19–26. Этот фрагмент характеризуется более частым, чем в масоретском и самаритянском текстах, использованием *matres lectionis* и написанием тетраграмматона палеоеврейским шрифтом.

Рукопись 6QpaleoLeviticus также представлена единственным фрагментом, содержащим неск. слов из Лев 13. 12–13. Судя по слову *rô(ʾ)š* — «голова», написанному *plene* (𐤒𐤓), рукопись 6QpaleoLeviticus характеризовалась более частым, чем в масоретском тексте, использованием полных написаний (с *matres lectionis*).

11QpaleoLeviticus — наиболее пространный из найденных в Кумране текстов, написанных палеоеврейским шрифтом. Он включает отрывки из глав 4, 10–11, 13–21 и полный текст глав 22–27. 11QpaleoLeviticus содержит неск. уникальных разночтений с масоретским текстом. Так, в масоретском тексте и самаритянском Пятикнижии перечисляются следующие кожные пороки животного, не допустимого к принесению в жертву: «с нарывами (в синодальном пер. — «большого»), или коростового, или паршивого» (Лев 22. 22); в 11QpaleoLeviticus порядок иной: «паршивого, или коростового, или с нарывами». В Лев 26. 24 в масоретском тексте использована частица *'ap̄* — «также» («то Я также пойду против вас»), в самаритянском — *gam* — «тоже» («то Я тоже пойду против вас»), в 11QpaleoLeviticus не использовано никакой частицы («то Я пойду против вас»). Исследователи обратили внимание на использование писцом коррекционного знака в Лев 18. 27 и на ряд чтений, идентифицированных как ошибки переписчика (Eshel. 2000. P. 490–491).

Две рукописи Л. к. были обнаружены во время раскопок под рук. И. Ядина в Масаде. От рукописи Mas1a (Leviticus^a) (2-я пол. I в. до Р. Х.) сохранился единственный фрагмент, текст которого соответствует Лев 4. 3–9. По консонантному составу Mas1a совпадает с масоретским текстом, за исключением написания слова 𐤒𐤗𐤕 *yîšpōq* — «он прольет» (Лев 4. 7) с *mater lectionis* (в отличие от 𐤒𐤗𐤕 в масоретском тексте).

Рукопись Mas1b (Leviticus^b) (сер. I в. по Р. Х.) сохранилась в 45 фрагментах. Представленный в ней текст охватывает Лев 8. 31–11.40 и соответствует масоретской версии (Eshel. 2000. P. 491).

В 2 кумран. греч. рукописях фрагментарно представлен греч. текст Л. к. Рукопись Septuagint Leviticus^a (кон. II–I в. по Р. Х.) включает 2 фрагмента: 1-й содержит целую колонку текста (Лев 26. 2–16), во 2-м небольшом фрагменте идентификации поддается только союз *καί*. Как отмечает Эшель, в Septuagint Leviticus^a содержится 15 разночтений с изданием Лев 26. 2–16 по Геттингенской Септуагинте, среди которых 7 нигде более не засвидетельствованы в рукописной традиции. Рукопись Septuagint Leviticus^b сохранилась в 31 идентифицированном и 66 неидентифицированных фрагментах. Она датируется предположительно I в. до Р. Х. (Eshel. 2000. P. 491).

Два небольших фрагмента (4Q156), датируемые II в. до Р. Х., были идентифицированы Дж. Миликом как содержащие араам. перевод (таргум) неск. стихов из гл. 16 Л. к., посвященной обрядам дня очищения (*Йом Куннуп*). Перевод буквален и не содержит экзегетических вставок, в этом отношении он может считаться предшественником классических таргумов на Л. к. — Онкелоса и Неофити. Неизвестно, был ли таргум на Л. к. полным (Ibid. P. 492).

М. Г. Калинин

Название древнеевр. текста Л. к. образовано по ее первым словам: *wayyiqrā(ʾ)* («И Он воззвал...»). В греческом переводе книга названа *Λευιτικόν* — «то, что касается левитов»; греч. слово образовано от древнееврейского *lēwī* (имя предка-эпонима израильских священнослужителей; термины *hallēwī*, *halwiyūim* могут обозначать профессиональную группу культовых служителей, в нек-рых текстах эти слова указывают на левитов, как *clerus minor*).

Греч. название книги по смыслу очень близко к *tōraṭ kōhānīm* — раввинистическому обозначению Л. к. (Мишна. Мегилла 3. 5; Мишна. Менахот 4. 3). Компонент *tōrā* в этом словосочетании означает «наставление», «предписанный ритуал», «руководство». В Лев 6–7 содержатся практические наставления, предназначенные для священников и озглавленные «тора». Это ведет к истолкованию термина *tōraṭ kōhānīm* в значении «указания для священников». Но в др. местах этот термин может означать «указания священников» или «священнические указания» (Levine. 1992. P. 312). Тогда речь идет о правилах, составленных священниками, об их поучениях для народа или отдельных лиц. В этом значении слово «тора» (как священническое учение) употребляется в Иер 18. 18; Агг 2. 10–13; Мал 2. 6–7 и проч.

Л. к. включает 2 главные части и почти целиком состоит из законов и описания ритуалов. В большинстве случаев и ритуалы рассматриваются как законы или повеления. Первая часть (Лев 1–16) адресована священникам как совершителям жертвенного культа и очистительных обрядов. Это по существу тора для священников. Вторая часть (Лев 17–27) представляет собой тору священников (тору, исходящую от священников), адресованную израильтянам. Она сосредоточена на требованиях святости как цели религ. жизни.

План, структура и краткое содержание Лев 1–16. В соответствии с описанными содержательными предпосылками план Л. к. выглядит следующим образом.

A. Указания для священников (1. 1 – 16. 34). I. Указания о жертвах (1. 1 – 7. 38): 1. 1–2 вводные слова; 1. 3–17 жертва всесожжения; 2. 1–16 хлебное приношение; 3. 1–17 мирная (пиршественная) жертва; 4. 1–35 очистительная жертва (жертва за грех); 5. 1–13 очистительная жертва для переходных случаев; 5. 14–26 [в синодальном переводе 5. 14–20; 6. 1–7] возместительная жертва (жертва повинности); 6. 1 – 7. 38 [в синодальном переводе 6. 8–30; 7. 1–38] дополнительные наставления о жертвах. II. Инаугурация священнического культа (8. 1 – 10. 20): 8. 1–36 посвящение священников; 9. 1–24 первое жертвоприношение новых священников; 10. 1–7 пропуск Надава и Авиху (Авиуда); 10.

8–20 заключительные указания священникам. III. Указания о «чистом» и «нечистом» (11. 1 – 16. 34): 11. 1–47 чистые и нечистые животные; 12. 1–8 роженица; 13. 1 – 14. 57 кожные заболевания («проказа»); 15. 1–33 выделения из гениталий; 16. 1–34 день очищения святилища и народа.

B. Указания священникам (17. 1 – 27. 34). IV. Кодекс святости (17. 1 – 26. 46). V. Десакрализация освященных лиц и предметов (27. 1–34).

Содержательно Л. к. — это часть закона, возведенного Яхве, Богом Израиля, на Синае Моисею (др. части синайского закона содержатся в Исх 20–40 и в Числ 1–10); поэтому текст почти полностью состоит из Божественной речи, обращенной к Моисею. Эта речь в Л. к. звучит из скинии собрания, тогда как ранее, в кн. Исход, Бог говорил с горы. Типичная для Л. к. форма введения Божих речений — *wayyō(')mer yhw h' 'ēl mōšē* («Яхве сказал Моисею»). Лишь вводная формула Лев 1. 1, открывающая книгу, отличается своей спецификой от других 36 формул, вводящих прямую речь Бога. Это единственная формула в книге, в к-рой употребляется глагол *qr'*. Таким способом маркируется начало Л. к.

В первых речах из скинии собрания (первые 7 глав Л. к.) Яхве сообщает Моисею правила жертвоприношений. Эти правила относятся к главным типам жертв, к-рые следует приносить Богу в походном святилище. Таковыми являются: всесожжение (*'ōlā*), хлебное приношение (*minḥā*), «мирная» (пирше-

бно называли «жертвой за грех», а жертву *'āšām* — «жертвой повинности». Только после важных исследований Я. Мильгрома и др. ученых, посвященных культу в ВЗ, в лит-ре установилась более адекватная передача библейских культовых терминов (см.: Milgrom. 1991–2001).

Структура ритуала мало зависит от вида жертвы. При приношении животных она в общих чертах состоит из следующих этапов: (1) выбор животного и его представление Яхве; (2) возложение жертвователем руки на голову жертвы; (3) заклатие жертвенного животного; (4) действия с кровью жертвы перед жертвенником (или внутри святилища); (5) извлечение жира из туши животного; (6) сжигание извлеченного жира на жертвеннике. Дальнейшие действия зависят от вида жертвоприношения.

Раскрытие правил принесения жертвы в начале Л. к. переходит в рассказ о посвящении в священники Аарона и его сыновей, вслед за к-рым новыми священниками совершается 1-е публичное жертвоприношение (инаугурация жертвенного культа) (Лев 8–9). Эти 2 эпизода завершаются явлением славы Яхве перед всей общиной (Лев 9. 23–24). Посвящение Аарона и его сыновей в Лев 8 происходит в последовательности, которую Яхве сообщил Моисею еще в Исх 29; таким образом, в Лев 8 исполняется данное ранее (в др. книге) предписание Яхве.

В гл. 10 рассказывается о культовом преступлении, к-рый совершили старшие сыновья Аарона (Надав и Авиху), за что они были уничтожены Божественным огнем; глава за-

Первосвящ. Аарон
с сыновьями.
Фрагмент авория.
X в.
(Городской музей
Средневековья, Болонья)

ственная) жертва (*zeḇaḥ ṣlāmīm*) и 2 специальные жертвы — очистительная (*ḥaṭṭā(')t*) (очищающая от всякого рода скверны) и возместительная (*'āšām*) (приносимая прежде всего за совершённую профанацию). Следует отметить, что до кон. 70-х гг. XX в. жертву *ḥaṭṭā(')t* оши-

вершается рядом дополнительных предписаний для Аарона (т. е. для священников), свидетельствующих о важности правильного исполнения ритуалов. Одно из них — требование строго различать «чистое» и «нечистое» (Лев 10. 10–11) — предваряет следующий раздел книги (Лев 11–15), который содержит указания о видах нечистоты: о нечистых животных (Лев 11), о нек-рых

(патологических) видах выделений (Лев 12 и 15), о разнообразных кожных заболеваниях, объединяемых термином *šāra 'at* (Лев 13 и 14), к-рый было принято переводить как «проказа». В XX в. эта традиция истолкования *šāra 'at* подверглась обстоятельной критике (см., напр.: *Browne*. 1979; *Hulse*. 1975; *Milgrom*. 1991. Vol. 1. P. 816–820), что отразилось в новых словарях древнеевр. языка (см., напр.: *Gesenius W. Hebräisches und Aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament* / Hrsg. R. Meier, H. Donner. B., 2009¹⁸. S. 1139).

Лев 16 содержит подробное описание грандиозной очистительной церемонии для святилища и общины в «День очищения» (см. *Йом Киппур*) и образует кульминацию не только по отношению к собранию процедур в Лев 11–15 для избавления от того или иного вида нечистоты, но и для всей системы приношений, рассмотренных в Лев 1–16. Значимость Лев 16 обусловлена также тем фактом, что в этой очистительной церемонии сочетаются 2 различных ритуала: обряд очищения храма с помощью крови жертвенного животного и обряд элиминации грехов общины и ее членов через их возложение на козла *отпущения* с его последующим изгнанием в пустыню. Др. пример обряда элиминации, сохранившегося в офиц. культуре, это «обряд с двумя птицами» в Лев 14. 2–8; 48–53.

План, структура и краткое содержание Лев 17–27. Вслед за А. Клостерманом (*Klostermann*. 1877) законодательный свод Лев 17–26 принято называть «Кодексом святости» (Н) из-за частого повторения призыва подражать святости Бога: Лев 19. 2: «Будьте святые, ибо свят Я, Господь Бог ваш»; см. также Лев 20. 7, 26 и т. д. Хотя этот корпус текстов продолжает и дополняет культовую тематику 1-й части, т. е. Лев 1–16, он ее существенно расширяет в «этикоправовом» направлении. Очевидно также, что Н сильно отличается от Лев 1–16 по языку и стилю. Все говорит о том, что это произведение др. автора — не того (или тех), кто был причастен к созданию Лев 1–16.

Если первая часть Л. к. (Лев 1–16) была сосредоточена на храме и его служителях, то божественные речи из Лев 17–27 обращены ко всей общине и касаются широкого круга вопросов. Фактически это законодательный свод наподобие книги

договора Исх 21–23 или девтеронормического кодекса Втор 12–26.

Как и в законодательных сводах Исх 20. 24–26 и Втор 12, Лев 17–26 открывается законом о совершении приношений на легитимном алтаре.

Лев 18 и Лев 20 относятся к преступлениям в сексуальной сфере. Они обрамляют Лев 19 — смешанное собрание гражданских и культовых законов, многие из к-рых имеют параллель в Исх 21–23, а также во Втор 12–26; Лев 21–22 содержит предписания, относящиеся к святости священников и к святости приношений, совершаемых израильянами. Главы 23–25 составляют новый подраздел разд. Лев 17–27, основная тема которого — соблюдение священных периодов времени в течение года (субботы и праздники — Лев 23; 24. 1–9) и в течение каждого семилетия (субботние года и юбилей в Лев 25). В «юридическом» рассказе 24. 10–23 речь идет о святости Божественного имени.

Обещания и угрозы в Лев 26 (соответствующие благословениям и проклятиям во Втор 28) указывают на обязательность выполнения законов, к-рые Яхве открыл Моисею; эти обещания и угрозы выполняют роль 1-го заключения Л. к. и всего синайского откровения в целом, которое началось в Исх 19. Так, колофон Лев 26. 46 («Таковы предписания, законы и правила, к-рые Господь дал сынам Израилевым через Моисея у горы Синай») указывает на все законы, к-рые к данному моменту были открыты израильянам у горы Синай. Следов., Исх 21–23 также может здесь подразумеваться.

В 5-й части общего плана Л. к. (Лев 27) рассматриваются денежные компенсации за людей (27. 2–8), животных (27. 9–13) или вещи (27. 14–25), предназначенные по обету святилищу. Т. о., предусматривается возможность изъятия указанных объектов из сакральной сферы. Фактически Лев 27 трактует вопрос границ священного и профанного, который впервые возникает в первых главах Л. к., содержащих предписания относительно жертвоприношений. Вместе с тем 27-я гл. Л. к. связана и с вопросом соотношения чистого и нечистого, к-рый поднимается в Лев 11–15. Эта глава мыслится как своего рода дополнение даже в синхронной перспективе. Наличие колофона Лев 26. 46 свидетельствует о том, что она была добавлена уже

*Жертва прав. Иосифа.
Роспись крипты в соборе в Сиене,
Италия. Посл. четв. XIII в.*

после завершения Л. к. Эта глава имеет свой колофон Лев 27. 34 («Таковы повеления, к-рые Господь дал Моисею для сынов Израилевых у горы Синай»). По стилистическим соображениям и по нек-рым характерным выражениям Лев 27 скорее следует причислить к группе священнических текстов из кн. Числа (1–10 и т. д.), чем к Н.

Формирование Л. к. (литературная история). Л. к. как неотъемлемая часть синайской перикопы. Хотя Л. к. выделена как особое, специфическое единство с помощью формальных и композиционных средств внутри повествовательного текста Пятикнижия, она не может быть изолирована от книг Исход и Числа. Ближайший повествовательный контекст Л. к. в рамках данных книг — это пространный эпизод Исх 19. 1–Числ 10. 11 в рассказе об исходе, который называют Синайской перикопой (СинПер). Эпизод обрамляется 2 хронологическими указаниями, охватывающими временной интервал длиной фактически в один год: «В третий месяц по исходе сынов Израиля из земли Египетской, в самый день новолуния, пришли они в пустыню Синайскую» (Исх 19. 1). «Во второй год, во второй месяц, в двадцатый день месяца... отправились сыны Израилевы по станам своим из пустыни Синайской» (Числ 10. 11–

12). В интервале между указанными датами израильтяне находились у горы Синай, где произошли важнейшие для Израиля события. Среди них наиболее тесно с содержанием Л. к. связаны сооружение походного святилища и учреждение культа (Исх 25–31, 35–40). В Исх 25–31 Бог сообщает Моисею предписания об изготовлении всех элементов скинии и культовых принадлежностей, одежды для священников и о ритуале посвящения священников; в Исх 35–40 рассказывается об исполнении этих предписаний, кроме посвящения Аарона и его сыновей, к-рое происходит только в Лев 8–9. Т. о., посвящение священников, предписанное в Исх 29, выполняется в Лев 8 в соответствии с ритуалом, описанным в Исх. Более того, место действия, т. е. скиния собрания, в котором ритуалы не только должны совершаться, но и фактически совершаются (Лев 9), создано в последних главах кн. Исход.

Еще одна иллюстрация неразрывной связи между Л. к. и кн. Исход — не вполне нормированный синтаксис вводной фразы Лев 1. 1: *wayyiqra'(') 'el-mōšē waydabbēr yhw h 'ēlā'w mē'ohel mō'ēd lē(')mor*; эта фраза становится прозрачной, если учесть, что предпосылки для нее создает ближайший текст Исх 40. 35: «...и не мог Моисей войти в скинию собрания, потому что осеняло ее облако, и слава Господня наполняла скинию». Общеизвестно, что примыкающий к Лев текст Исх 40. 36–38 — вторичная интерполяция, соотносимая с (вторичным) концом СинПер, а именно с Числ 9. 15–17. Если эту интерполяцию изъять, то Лев 1. 1 будет следовать непосредственно за Исх 40. 35; отсюда видно, что подразумеваемый при *wayyiqra'(')* субъект — это *kābōd*, тогда как *yhw h* выступает субъектом при *waydabbēr* (Rendtorff. 2004. S. 21–22). Т. о., Лев 1. 1 следует понимать так: «И воззвала [Слава] к Моисею, и сказал ему Господь из скинии собрания». Это снова свидетельствует о непрерывности текста в Исх–Лев (СинПер), т. е. об отсутствии зазора между книгами Исх и Лев.

В Лев 26 содержатся «обещания» и «угрозы», к-рые должны реализовываться в случае исполнения или соответственно неисполнения божественных «предписаний и повелений», или, по-другому, договора (*berit*) (см.: Лев 26. 15), заключенного между

Яхве и Израилем. В этом тексте имеется в виду не только договор с праотцами (26. 42), но и договор «с предками» израильтян, к-рых Яхве вывел из Египта (26. 45), т. е. договор с поколением исхода. О заключении такого договора говорится только в начале СинПер, а именно в Исх 24. 3–8. Благодаря этому тексту становится понятной реплика Бога, приведенная в Лев 26. 45.

Следов., Л. к. в том виде, в каком она сейчас существует, этот фрагмент большого повествовательного текста, напр. из СинПер. Вероятно, разделение Пятикнижия на отдельные книги произошло на самой поздней стадии редакционного процесса, когда известные нам тексты в целом уже сформировались.

Современный взгляд на происхождение Пятикнижия. Классическая гипотеза источников, в к-рой предполагалось существование неск. параллельных рассказов от сотворения мира до завоевания Ханаана или по крайней мере до прихода Израиля к рубежам Ханаана после исхода, была в кон. XX в. отвергнута. Все большее число ученых возвращается к т. н. гипотезе фрагментов и в какой-то мере к гипотезе «дополнений», к-рые были разработаны еще в XIX в. (Gertz, Schmid, Witte. 2002; Dozeman, Schmid. 2006). Они выдвигают на первый план независимость отдельных преданий, предполагая, что объединение преданий произошло лишь на поздней стадии становления Пятикнижия. Согласно Р. Рендторфу (Rendtorff. 1977) и Э. Блуму (Blum. 1990), эти независимые предания, включающие сказания о происхождении мира, о праотцах, о Моисее и исходе, о даровании законов Богом Израиля, о странствиях в пустыне, были собраны и переработаны в начале персид. периода 2 группами книжников: девтерономистами и представителями священнической школы. Первым принадлежит девтерономическое Второзаконие (D) (оно мало отличается от традиц. текста книги Второзакония), а вторым — священнический документ (P), к-рый простирается от Быт 1 до СинПер.

Состав P в пределах первых 2 книг Пятикнижия большинством совр. исследователей считается достаточно стабильным (при небольших разногласиях). Однако вопрос о том, где в точности находится конец P, до сих пор остается дискуссионным. За время существования гипотезы

источников, или документов, было высказано немало точек зрения (подробное изложение см.: Nihan. 2007. P. 20–30). Нек-рые авторы предполагали, что P достигает Книги Иисуса Навина; другие считали, что P завершается во Втор 34; в качестве вероятного конца рассматривалось также неск. мест в кн. Числа. Все эти гипотезы оказались несостоятельными. Поиски конца P сосредоточивались на СинПер, для чего существовали определенные основания (см.: Aurelius. 1988. S. 187; Nihan. 2007. P. 31–33). Было выдвинуто несколько гипотез. Т. Пола (Pola. 1995) доказывал, что P завершается сообщением о сооружении скинии в Исх 40, причем последние слова документа — это Исх 40. 33b. Э. Отто (Otto. 1997. S. 24–26) защищал т. зр., согласно к-рой первичный священнический документ завершается уже в Исх 29. Э. Ценгер (Zenger. 1995. S. 95) выдвинул гипотезу об окончании P в Лев 9* — в сообщении о первых жертвоприношениях Аарона и его сыновей. Наконец, М. Кёккерт (Köckert. 1989. S. 56–58) и К. Ниан (Nihan. 2007. P. 59–68) считали, что P завершается в Лев 16. Последнее предположение следует признать наиболее правдоподобным. С этой т. зр., документ P включает тексты от Быт 1 (от сотворения мира) до Лев 16 (до Судного дня, или Дня очищения).

В большей части совр. теорий допускается, что Пятикнижие формируется путем объединения 2 источников: P и не-P (D). Однако объединение произошло не как простой, одношаговый акт; это был сложный и длительный процесс. Согласно Отто (Otto. 2007. P. 173), «авторы Пятикнижия в V в. до н. э. не просто соединили P и D, создав повествование, которое начинается с сотворения мира и завершается смертью Моисея... Эти слеполенные авторы также использовали источники своих источников P и D. Удобным примером может служить книга договора (KD) — законодательный свод Исх 20. 23 — 23. 33, к-рый будучи допленным источником для кн. Второзаконие был включен в синайскую перикопу после-девтерономическим и после-жреческим редакторами (авторами) Пятикнижия». То же самое, т. е. использование источников своих источников, относится к 2 вариантам декалога (Втор 5 и Исх 20), 2 вариантам рассказа о золотом тельце (Втор 9–11 и Исх 32) и т. д.

Состав синайской перикопы: священническая и деветерономическая компоненты. Уже Ю. Велльгаузен зафиксировал различие между священническим и несвященническим материалом в синайской перикопе: «Как признано, масса законодательного материала принадлежит одному слою, Q в узком или широком смысле; а именно речь идет об Исх 25. 1 — 31. 17; 35–40; Лев 1–27; Числ 1–10. 28. При этом неучтенными остаются следующие тексты: Исх 19–24; 31. 17 — 34. 35; Числ 10. 29–31, которые следует изучить» (Wellhausen. 1899. S. 81–82). За вычетом жреческих частей, т. е. P (у Велльгаузена «Q»), в Исх 19 — Числ 10 остается нежреческая синайская перикопа, разбитая на 2 в принципе связанных блока — Исх 19–24 и Исх 32–34. В этих блоках также встречаются юридические тексты, а именно декалог Исх 20. 2–17; свод законов 20. 23 — 23. 33, к-рый называется в Исх 24. 7 «Книга договора» (*sēper habbārīt*) (КД), и, наконец, условия (Исх 34. 27–28) договора Исх 34. 11–26 (сокращенный вариант КД), возобновленного после расторжения прежнего.

Нежреческая часть СинПер, т. е. Исх 19–34*, обычно считается D-композицией, т. е. компиляцией деветерономистов (Renaud. 1992; Idem. 1998; Blenkinsopp. 1997), в которой использовались деветерономические и независимые элементы предания (напр., теофаническая сцена в Исх 19, эпизод с золотым тельцом в Исх 32 и т. д.). В пользу этой гипотезы свидетельствует присутствие в Исх 19–34* деветерономического языка и тематики. Первый блок текстов Исх 19–24* содержит: описание теофании (Исх 19); провозглашение Богом 10 заповедей (Исх 20. 1–17); сообщение Моисею законов (КД); заключение договора между Богом и Израилем на основе декалога и КД (Исх 24. 3–8). Это главное содержание 1-го (нежреческого) блока текстов, на к-ром основано драматическое развитие событий во 2-м блоке (эпизод с золотым тельцом и его последствия). В основе драмы лежит нарушение договора (одновременное нарушение заповеди декалога и предписания из КД). И этот план не зависит от плана P. Как считает ряд авторов, он является вторжением D в жреческую синайскую перикопу.

К документу P с синайской частью вначале обычно относят (напр.: Blen-

kingsopp. 1992. P. 185) помимо «законодательного материала» Велльгаузена еще 2 небольших текста — Исх 19. 1–2; 24. 15b — 18a: «В третий месяц по исходе сынов Израиля из земли Египетской, в самый день новолуния, пришли они в пустыню Синайскую. И двинулись они из Рефидима, и пришли в пустыню Синайскую, и расположились там станом в пустыне; и расположился там Израиль станом против горы»; «и покрыло облако гору, и слава Господня осенила гору Синай; и покрывало ее облако шесть дней, а в седьмой день [Господь] воззвал к Моисею из среды облака. Вид же славы Господней на вершине горы был пред глазами сынов Израилевых, как огонь поядающий. Моисей вступил в средину облака и вззошел на гору». Эти тексты позволяют реконструировать начало P в СинПер. Весь блок Исх 19–24*, кроме этих двух текстов, принадлежит D-композиции. К первоначальному рассказу P предположительно относятся тексты Исх 19. 1–2; 24. 15b — 18a; 25–31 и т. д. На основании этих текстов реконструируется следующая картина. Израиль прибывает к горе в Синайской пустыне (Исх 19. 1–2; ср.: Числ 33. 15), после чего Моисей немедленно входит в облако, покрывающее гору, чтобы получить наставления об учреждении святилища и отправляемого в нем культа (Исх 24. 15–18a), и немедленно слышит голос Яхве (Исх 25–27). Начало P не содержало ни пространного описания теофании (подобного тому, что приведено в Исх 19), ни повествования о заключении договора, которые содержатся только в рассказе D-композиции. Если считать, что именно «жреческая» синайская перикопа первична, а D-композиция была «добавлена» (см., напр.: Blenkinsopp. 1992. P. 183–197), то невозможно поддерживать гипотезу, будто авторы документа P опустили заключение договора из тех соображений, что об этом и так уже сказано в параллельном источнике. Для авторов P существует только один договор между Богом и Израилем — договор, который был заключен с Авраамом (Быт 17. 1–14). Идея синайского договора деветерономистская, заимствованная из кн. Второзаконие и, видимо, поддержанная авторами Кодекса святости. Тема синайского договора будет особенно важна в дальнейшем, при об-

суждении Кодекса святости (Лев 17–26).

Законодательные тексты Л. к., охарактеризованные Велльгаузеном как священнические, совр. исследователи разделяют на 3 группы текстов, которые принадлежат к разным литературным школам (и к разным эпохам). К (классическому) священническому документу P можно отнести только начало списка: Исх 25–31, 35–40; Лев 1–16*. За пределы 16-й гл. Л. к. священнический документ, как мы уже говорили, не распространяется. В концептуальных рамках классической документальной гипотезы документ P должен был некоторое время существовать как самостоятельное произведение (до того как он был объединен с другими документами или текстами). Появление P обычно датируется кон. VI — нач. V в. до Р. X. Т. о., 1-я часть Л. к., Лев 1–16* (точный состав глав и текстов внутри глав мы для упрощения рассказа не уточняем), некоторое время существовала в составе документа P, к-рый начинался в Быт 1.

Кодекс святости и школа Н. Большинство современных исследователей придерживается т. зр., согласно которой в сер. или кон. V в. до Р. X. произошло объединение P и D (деветерономического Второзакония). На одном из этапов этого процесса к тексту Лев 1–16* была присоединена композиция Н, Кодекс святости (Лев 17–26). Эта композиция, безусловно, продолжала литературную традицию жреческого документа, но отличалась от жреческой школы языком и идеологическими установками. Их, вероятно, можно причислить к отдельной школе — школе Кодекса святости, или школе Н (Knohl. 1995. P. 108–110; Milgrom. 1991. Vol. 1. P. 35–42; 2000. Vol. 2. P. 1325–1332).

Структурно Кодекс святости подобен др. сводам законов в Пятикнижии: он начинается с «закона о жертвеннике» (о правильном месте для жертвоприношений) в Лев 17 (ср.: Исх 20. 24–26 в книге договора и Втор 12 в деветерономическом кодексе) и завершается обещаниями и угрозами или благословениями и проклятиями (ср.: Втор 28 в деветерономическом кодексе). Подводя итоги продолжительной дискуссии в XIX и XX вв., можно сформулировать следующее мнение, которое разделяют большинство современ-

ных исследователей: Кодекс святости никогда не существовал как самостоятельное произведение; он планировался авторами как добавление к жреческому документу Р. Целями этого добавления были объединение Р с нежреческими, в первую очередь законодательными, текстами, а также сглаживание противоречий в различных законодательных сводах. Кроме добавления своего главного текста, т. е. Лев 17–26, в синайскую перикопу школа Н внесла в священнический документ отдельные небольшие интерполяции. В Лев 1–16 к ним относятся 3. 17; 7. 22–27; 11. 43–45; 16. 29–34а.

Как было показано рядом ученых (Cholewiński. 1976; Grünwaldt. 1999; Nihan. 2007. P. 545–559), Н зависит от Р, книги договора, декалога, девтеронимического кодекса. Это признак того, что ко времени создания Н появился текст, в котором одновременно существовали Н, Р, D и D-композиция синайской перикопы (Протопятикнижие). Ввиду важности этого факта приведем несколько примеров, показывающих, как взаимодействует Н с перечисленными законодательными сводами.

В нек-рых случаях Н просто дополняет декалог, Кодекс святости, девтеронимический кодекс или Р. В законе об обрученной рабыне Лев 19. 20–22 рассматривается специфический случай («Если кто переспит с женщиной, а она раба, обрученная мужу...»), не предусмотренный законом Втор 22. 23–25 (девтеронимический кодекс): «Если будет молодая девица обручена мужу, и кто-нибудь встретится с нею в городе и ляжет с нею...». Серия законов с приговором «следует предать смерти...» в Лев 20. 9–11 служит продолжением первоначальной серии в Исх 21. 12–17 (Книга договора). Предписания для тех, кто должны есть св. приношения, в Лев 22. 1–16 дополняют тору о мирных (пиршественных) жертвах Лев 7. 11–21 (Р). Законы о запрещенных половых связях в Лев 18 и 20 могут быть рассмотрены как интерпретация и детальная разработка краткого указания во Втор 22. 30 (девтеронимический кодекс). Эти примеры могут быть продолжены.

Интегрирующая по отношению к различным традициям функция Кодекса святости обнаруживается также на более общем, концептуальном уровне. Пример — сближение в Лев 26 договора жреческого

типа с девтеронимическим. Еще А. Холевинский (Cholewiński. 1976. S. 125–127) обратил внимание на то, что в Лев 26. 40–45 была сделана попытка соединить предание о договоре с Авраамом в священническом документе и традицию синайского договора, т. е. договора девтеронимического типа. В Лев 26. 40–45 Бог «вспоминает» (делает актуальным) и договор с праотцами (а это договор жреческого типа) и договор с «предками» израильтян, к-рых Он «вывел из Египта» (с поколением исхода — в данном контексте синайский договор), — и отменяет наказание израильтян за нарушение договора. Другие исследователи (см.: Nihan. 2007. P. 537–542) указывают на то, что в Лев 26 устанавливается связь жреческого договора с законами, которые были открыты Моисею на Синае. Это означает очевидную ревизию концепции Р с позиций девтеронимического представления о соотношении закона и договора. Этот вывод подкрепляется языковым составом текста Лев 26, сочетающим жреческую и девтеронимическую терминологию; Лев 26 мыслится как параллель к Втор 28.

Теократическая ревизия Пятикнижия. В качестве последнего элемента в своем списке Велльгаузен приводит Числ 1. 1 — 10. 28. Речь может идти о совокупности т. н. жреческих текстов (Числ 1–10, 15, 19, 26–36) в Числ. Эти тексты обладают собственным лит. характером и во мн. отношениях отличаются от жреческих текстов книг Бытия, Исхода и Левит. Многие «священнические» предписания в кн. Числа по существу являются добавлениями к более ранним законам из Р или Н либо оказываются их исправленным (переработанным) вариантом. Это можно установить путем сравнения Числ 5. 2–4 с Лев 11–15; Числ 9. 1–14 с Исх 12; Числ 15. 22–31 с Лев 4–5 и т. д.

Р. Ахенбах предложил рассматривать «священнические» тексты кн. Числа (1–10, 15, 19, 26–36), обладающие, как выяснилось, внутренним единством и связностью, как часть особой лит. структуры. Он назвал ее теократической ревизией Пятикнижия, поскольку в ней подчеркивается первенствующая роль священнослужителей, особенно первосвященника, в руководстве Израилем. Согласно Ахенбаху (Achenbach. 2003. S. 443–628), эта структу-

ра относится к позднейшей стадии формирования кн. Числа; хронологически она совпадает с окончательной редакцией Пятикнижия в позднеперсид. или раннеэллинистический период.

Есть основания считать, что «теократическая ревизия» — это результат деятельности особой теократической школы, действовавшей после школы Н (Nihan. 2007. P. 554–555, 570–572; Idem. 2008. P. 229–230). Представители этой школы были знакомы с фразеологией и идеологией школы Кодекса святости, которая частично ими заимствовалась и свободно перерабатывалась. Они принадлежали к последующему за эпохой школы Н поколению священнических книжников, имеющих собственную религ. и политическую программу. Согласно Ниану (Idem. 2007. 94–95, 576–607), книжники именно этой школы дополнили Лев 1–26* текстами Лев 10 и Лев 27. Это произошло на самой поздней, окончательной стадии становления Л. к., к-рая практически совпадает с последней редакцией Пятикнижия.

С. В. Тищенко

Л. к. в экзегезе древней Церкви. Комментарии на Л. к. В эпоху патристики не было создано ни одного полного построчного комментария на Л. к. Это обстоятельство связывают с ее «ограниченной ролью в формировании раннехристианского учения» (Kannengiesser C. Handbook of Patristic Exegesis: The Bible in Ancient Christianity. Leiden; Boston, 2004. Vol. 1. P. 281–283). Статьи и разделы об истолковании Л. к. в раннехристианской письменности отсутствуют как в специализированных указателях (см., напр.: CPG. Vol. 5. P. 118; CPL. P. 777), так и в профильных энциклопедиях (RAC; DSAMDH). Данное обстоятельство связано с содержанием Л. к.: ее ритуальные предписания не были актуальны для христ. Церкви; в Л. к. мало повествований, и они имеют многочисленные параллели в кн. Исход, к-рая привлекала гораздо большее внимание экзегетов. Тем не менее количество цитат из Л. к. и аллюзий на нее в патристических источниках свидетельствует о важности ее по крайней мере отдельных частей для христианского богословия (ропись ок. 2 тыс. отдельных цитат из Л. к. в раннехристианской письменности см., напр.: Biblia patristica. 1975. Vol. 1. P. 104–108; 1977.

Vol. 2. P. 113–116; 1980. Vol. 3. P. 75–84; 1987. Vol. 4. P. 60–62; 1991. Vol. 5. P. 165–166; 1995. Vol. 6. P. 58–59; 2000. Vol. 7. P. 58–59). Самым большим индексом цитирования обладают 2 провозвестия, приведенные в НЗ: «Люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев 19. 18; см.: Мф 5. 43; Мк 12. 31; Рим 13. 9 и др.) и «Святые будьте, ибо свят Я, Господь Бог ваш» (Лев 11. 44–45; 19. 2; 20. 7; ср.: Лев 20. 26 — см.: 1 Петр 1. 16).

Среди творений отцов Церкви IV–V вв. сохранилось неск. объемных комментариев на все Пятикнижие, включая Л. к.: 3 на латинском и 3 на греч. языке. Первый обширный комментарий на греч. языке принадлежит Оригену; от него сохранилось 16 гомилий на Л. к. в лат. переводе Руфина Аквилейского (*Orig. In Lev.—CPG, N 1416*), к-рые представляют собой катехизические поучения для готовящихся к крещению. Кроме того, в его трудах насчитывается наибольшее количество цитат из этой книги (ок. 1 тыс.). Все культовые предписания ветхозаветного закона становятся в интерпретации Руфина Аквилейского в свете аллегорической экзегезы символической картиной внутренней жизни человека перед Богом. При этом он вводит обширную типологическую интерпретацию постановлений Л. к., исполнившихся во Христе и в таинственной жизни Его Церкви. Именно в этом комментарии на Л. к. идея Оригена о 3-частном делении смысла Свящ. Писания получает свое дальнейшее развитие в свете представления о едином пространстве священной истории: тело Писания предназначено для тех, кто жили до пришествия Спасителя, его душа — для христиан, а дух — для наследников жизни вечной (*Orig. In Lev. 5. 4*). Среди катен сохранились также фрагменты схолий Оригена на Л. к. на арм. языке (*Fragmenta in Leuiticum — CPG, N 1505*).

Традиция Оригена была продолжена свт. Кириллом Александрийским в соч. «Глафиры, или Искусные истолкования на избранные места из Пятикнижия Моисеева» (*Syr. Alex. Glaph. in Pent.—CPG, N 5201*). Внимание автора было обращено прежде всего на христологическое истолкование культовых установлений. Толкованию нек-рых текстов Л. к. посвящена одна из книг «Глафир», содержащая разбор 5 тем (*Syr. Alex. Glaph. in Lev.*). Кирилл стре-

мится показать, что литургические установления закона должны пониматься в свете откровения Христова. Смысл повествования Л. к. становится ясным только при духовном истолковании, к-рое «искусно преобразует немощную букву Писания в таинство Христа» (*Ibid. 3. 1*).

Др. автором большого комментария на Л. к. в жанре «вопросо-ответов» является Феодорит Кирский. Среди его «Вопросов на Восьмикнижие» (*Theodoret. Quaest. in Oct.—CPG, N 6200*) 38 относятся к Л. к. (*Theodoret. Quaest. in Lev.*) и преимущественно связаны с истолкованием нравственно-назидательного и символического характера, соотносимым с христологической типологией.

В жанре катен сохранились комментарии на Л. к. в рамках «Восьмикнижия» Прокопия Газского (*Procop. Gaz. Catena in Oct.—CPG, N 7430*), большая часть которых дошла в латинском переводе XVI в. и только небольшая — в греческом оригинале (*Idem. In Lev.*). Известна также анонимная катена на Л. к., возможно, восходящая к традиции комментария Прокопия (*CPG, C 3b*). Кроме того, в катенах сохранились фрагменты комментария на Л. свт. Григория Чудотворца на армянском языке (*CPG, N 1794*). Во фрагментах на латинском языке существует «Комментарий на Левит» Исихия Иерусалимского (*Hesych. Hieros. In Lev.—CPG, N 6550*), продолжающий традицию оригеновской экзегезы. Комментарии на Л. к. Дидима Александрийского известны фрагментарно в катенах или в кратких цитатах у древних авторов, преимущественно у блж. Иеронима (*CPG, N 2546*). Критическое издание отдельных фрагментов комментариев на Л. к. Апполинария Лаодикийского и Евсевия Эмесского было подготовлено Р. Девресом в 1959 г. (*Devreesse R. Les anciens commentateurs grecs de l'Octateuque et des Rois: (Fragments tirés des chaînes). Vat., 1959. P. 94–96, 132–137. (ST; 201)*).

Блж. Августин посвятил исследованию текста первых 7 книг ВЗ 2 труда: «Беседы на Семикнижие» в 7 книгах (*Aug. Locut. in Hept.*) и «Вопросы на Семикнижие» (*Idem. Quaest. in Hept.—CPL, N 270*). Первое сочинение представляет собой последовательный список из фраз, к-рые, по мнению блж. Августина, являются греч. и евр. идиоматичес-

кими выражениями. Среди них он разбирает 62 выражения на примере Л. к., попутно сопровождая их анализ текстологическими замечаниями (*Aug. Locut. in Hept. // PL. 34. Col. 516–521*). Во 2-м сочинении блж. Августин рассматривает культовые постановления преимущественно в свете буквально-нравственной экзегезы, разрешая т. о. 94 вопроса (каждому из к-рых посвящено по параграфу) на текст Л. к. (*Idem. Quaest. in Lev.*).

Обширный комментарий на лат. языке принадлежит Патерию († ок. 606), к-рый, будучи личным секретарем свт. Григория Великого, переработал и составил в виде последовательного толкования собрание цитат из трудов святителя (прежде всего из «Моралий на Книгу прав. Иова») под названием «Изъяснение Ветхого и Нового Заветов» (*Paterius. Liber de expositione Veteris ac Novi Testamenti // PL. 79. Col. 683–1136*), включающее толкование на Л. к. (*Idem. // PL. 79. Col. 754–762*).

Свт. Исидор Севильский составил «Изъяснения мистических таинств, или Вопросы на Ветхий Завет» (*Isid. Hisp. Quaest.*). Данный комментарий представляет собой авторскую переработку толкований (Оригена, Викторина, Амвросия Медиоланского, блж. Иеронима и др.) на отдельные места Свящ. Писания. Толкование на Л. к. (*Idem. // PL. 83. Col. 322–339*) было написано под влиянием комментария Оригена. Исидор применяет гл. обр. аллегорический метод, объясняя отдельные культовые предписания Л. к. как предизображение таинства спасения. Под влиянием Исидора Беда Достопочтенный изложил символическое толкование отдельных жертвоприношений, описанных в Л. к., в трактате «О скинии и ее сосудах» в 3 книгах (*Beda. De Tabern.—CPL, N 1345*).

Сир. экзегеты следуют общим направлениям истолкования Л. к. в древней Церкви. Среди сохранившихся под именем Ефрема Сирина толкований на книги ВЗ комментарии на Пятикнижие, написанные на сир. языке, считаются аутентичными. Ефрем Сирин кратко разбирает каждую главу, уделяя внимание преимущественно прямому смыслу и обращаясь к типологической интерпретации наиболее важных, по его мнению, отрывков (*Ephraem Syr. In Lev.*). На сирийском языке сохранились составленные на основании

трудов сирийских и грекоязычных авторов Комментарии на Л. к. восточносирийского экзегета *Ишодада Мерского* (*Commentaire d'Isô'dad de Meru sur l'Ancien Testament / Éd. J.-M. Vosté, trad. C. van den Eynde. Louvain, 1958. Pt. 2: Exode — Deutéronome. P. 79–115. (CSCO; 176. Syr.; 80)*).

Основные мотивы истолкования Л. к. в раннехристианской письменности. Отмечая принципиальный характер избавления от необходимости совершения подробно описанных в Л. к. жертвоприношений, к-рые отменены для христиан с пришествием истинного Первосвященника Христа, св. отцы утверждали необходимость соблюдения нравственных постановлений закона. Ритуальные предписания Л. к. получали аллегорическое истолкование, позволявшее т. о. актуализировать их в качестве неотъемлемой части традиции христ. интерпретации текста ВЗ. Экзегеты древней Церкви исходили из предпосылки о том, что, поскольку Бог не нуждался в жертвоприношениях, их смысл в ветхозаветную эпоху определялся исключительно необходимостью удержать древних израильтян от впадения в язычество и суеверие (*Theodoret. Quaest. in Lev. 1*). В эпоху Нового Завета содержание откровения определяется заложенным в него таинственным и символическим значением. Так раскрывая его нравственный аспект, Патерий отмечал, что порядок ветхозаветного культа указывает на принесение в жертву Богу самих себя теми, кто решили посвятить свою жизнь божественному служению. Этот путь невозможен без внутренней работы над собой, все нечистые помыслы должны быть воспламенены огнем вышней любви (*Paterius. De expositione veteris et novi Testamenti // PL. 79. Col. 754*). Так, жертва всежжения (Лев 6. 9) сожигается на жертвеннике в сердце верующего, творящего добро в божественном пламени любви (*Veda. De Tabern. 2*). Дрова, поддерживающие этот неугасимый огонь любви к Богу, зажигают священники (Лев 6. 12), т. е. сами христиане, ставшие причастными к высшему святчеству (1 Петр 2. 9 — *Paterius. De expositione veteris et novi Testamenti // PL. 79. Col. 756*). Христос Сам есть Жертва всежжения, приносимая в «вою благоухания» Богу Отцу, становящаяся «всецелым оправданием

человечества» (*Cyr. Alex. Glaph. in Lev. 2. 1*).

Необходимость принесения «первых плодов» (Лев 2. 14–16) говорит о том, что Христос есть «начаток естества» и в Нем все верующие составляют «новую тварь» (2 Кор 5. 17 — *Cyr. Alex. Glaph. in Lev. 1. 2*). Снятие кожи с жертвы и ее рассечение на части (Лев 1. 6) указывают на размышление, т. е. на разбор внутреннего мира своей души (*Paterius. De expositione veteris et novi Testamenti // PL. 79. Col. 753*), и в то же время напоминают о принесении в жертву и раздираемой священниками плоти Бога Слова (*Orig. In Lev. 1. 4. 1*). Запрет принесения Богу в жертву меда указывает на сладострастие и неуютность Богу плотских удовольствий (*Hieron. Tract. in Marc. 75; Theodoret. Quaest. in Lev. 1*), а повеление «приношение хлебное солить солью» (Лев 2. 13) указывает на слова Спасителя (Мф 5. 13), символизирует духовное упражнение в изучении Писаний (*Method. Olymp. Conv. decem virg. 9. 2. 4*), рассудительность души (ср.: Кол 4. 6 — *Theodoret. Quaest. in Lev. 1*) и «любовь, которая своим приятным вкусом осоляет безвкусию земного» (*Ephraem Syr. In Lev. 2*).

Различные виды животных, приносимых в жертву, становятся символами состояния приносящих их людей (*Theodoret. Quaest. in Lev. 1*). Так, напр., повеление принесения Богу в жертву 2 молодых голубей или горлиц (Лев 12. 8; 15. 29) говорит о бесхитрости, способности прощать, свойственных тем людям, к-рые примирились с Богом через очищение грехов во Христе, испугавшись, подобно голубкам, ужаса греха. Христиане т. о. становятся «птенцами Господними», к-рые обрели благодаря дару свыше «простоту души» (ср.: Мф 23. 37 — *Clem. Alex. Paed. I 5*; ср.: *Theodoret. Quaest. in Lev. 1*). Раздвоенность копыт как отличительный признак допустимых в пищу чистых животных (Лев 11. 3) становится символом умеющей сохранять равновесие праведности, следуя к-рой верующий может питаться духовной пищей, исходящей от Божественного Логоса; соответственно свиньи, как нечистые животные, становятся символами грешников (*Clem. Alex. Paed. III 8, 11*). Указание на чистых животных, жующих жвачку (Лев 11. 3), воспринимается как символ поучения в Бо-

жественных Писаниях (*Theodoret. Quaest. in Lev. 11*), а сами ритуально чистые животные, годные к принесению в жертву, становятся символами христиан (*Greg. Nazianz. Or. 38*). В образах нечистых животных (Лев 11. 29–32) представлены душевные пороки людей, пребывающих в духовной слепоте (*Ephraem Syr. In Lev. 10*). Повеление о допустимости употребления в пищу рыб только с перьями (плавниками) и чешуей (Лев 11. 10), которые могут выскакивать из воды, указывает на избранные души, способные устремляться из бездны греха к небесам (*Greg. Magn. Moral. 32. 8; Theodoret. Quaest. in Lev. 11*).

Проказа, вторично появившаяся на одежде (Лев 13. 57), становится символом греха превозношения, возникшего в человеке после исцеления от к.-л. страсти (*Paterius. De expositione veteris et novi Testamenti // PL. 79. Col. 758*), а принесенная за исцеление от нее в жертву пшеничная мука — прообразом хлеба Евхаристии, к-рую Господь заповедал совершать в воспоминание о Его страданиях, очищающих людей от греха (*Iust. Martyr. Dial. 41. 1*). По мнению прп. Ефрема Сирина, описание проказы в Л. к. являет собой образ обнаженной пред Богом души, когда, лишившись своей красоты, она оквернилась грехом и, как зараженная нечестием, не может взирать на Бога открыто (*Ephraem Syr. In Lev. 13*). Как прокаженный получает исцеление, будучи приведен к священнику вне стана, так и уверовавшие во Христа приходят за исцелением от греха, приведенные Богом Отцом к непорочному Первосвященнику (ср.: Ин 6. 43–44; *Cyr. Alex. Glaph. in Lev. 3. 2*). Такие действия, как сострижение у прокаженного волос, окропление его водой, предуказывают на таинство Крещения (*Ibidem*), 2 птицы, взятые священником для обряда очищения от проказы (Лев 14. 4–7), — на две божественные природы Христа, воплотившегося ради исцеления людей (*Cyr. Alex. Glaph. in Lev. 3. 2; Ephraem Syr. In Lev. 14*). Постановление, разрешающее общение с человеком, у к-рого все тело покрыто проказой (Лев 13. 3), но при этом повелевающее изгонять из стана частично пораженных этим заболеванием, указывает на то, что Церковь с любовью принимает признавших себя грешниками, но при этом сторонится лжеверных, тех, кто пытаются совместить призвание христианина

со следованием греху и с заблуждениями (ср.: 2 Фес 3. 6; 1 Кор 5. 9–10 — *Theodoret. Quaest. in Lev. 16*). Рассказ о доме, пораженном проказой (Лев 14. 33–45), — символ синагоги, пораженной изнутри пороками и нечистотой. Подобно дому, описанному в Лев 14. 33–45, синагога обречена Господом на наказание (ср.: Мф 24. 2), но все же в итоге будет помилована Господом (Рим 11. 25; ср.: Мих 4. 6–7; Ос 3. 4–4 — *Cyr. Alex. Glaph. in Lev. 4. 1–3*).

Слова Лев 8. 1–3 о том, что все общество собралось в скинии собрания (LXX — τὴν συναγωγὴν ἐκκλησία), становятся типологической картиной основания христ. Церкви (*Cyr. Alex. Glaph. in Lev. 2. 1; Cyr. Hieros. Catech. 18. 24. 1*). Надав и Авиуд, принесшие к алтарю Божию чуждый огонь (Лев 10. 1, 2), символизируют еретиков, увлекшихся ложными учениями (*Iren. Adv. haer. IV 26. 2; Cyr. Carth. De unit. Eccl. 18–19*), а также тех священников «нашего несчастного времени», которые предпочли «пламя вождения пламени небесной любви» (*Beda. De Tabern. 3*). Привнесенный ими «чуждый огонь» символически указывает на греховную волю Адама и Евы, возжелавших быть богами (*Ephraem Syr. In Lev. 10*). Приготовление 12 хлебов для скинии (Лев 24. 5–9) символически являет служение 12 апостолов в Церкви (*Beda. De Tabern. 1; Ephraem Syr. In Lev. 24*). Обетование о победе над врагами (Лев 26. 6–8) истолковывается как рассказ о победе над духовными врагами от меча Слова Божия (*Caes. Arel. Serm. 105. 11*).

Нравственные предписания Л. к. в отличие от ритуальных раннехрист. авторы стремились истолковать буквально, придав им новое осмысление в свете новозаветной этики, представив их значимыми как для своего времени, так и для последующих эпох в истории Церкви. Особое значение придается законам в отношении угнетенных и незащищенных слоев общества: жертвенности бедным (Лев 19. 9–10), ответственности работодателя перед наемником (Лев 19. 13), уважению к инвалидам (Лев 19. 14). Следование этим заповедям служит исполнением всего закона, невозможным без человеколюбивого отношения к ближнему (Рим 13. 8–8 — *Aug. Ep. 177. 1 // CSEL. 44. P. 679*). Призыв к святости «будьте святые, ибо Я свят» (Лев 11. 44–45) воспринимается как истинное пророчество о жизни в Церкви

(*Tertull. De pudic. 10*) и напоминает христианам, нуждающимся в ежедневном освящении, всегда молиться о сохранении дара святости, полученного в крещении, чтобы они «пребывали такими, какими начали быть» в этом таинстве (*Cypr. Carth. De orat. Dom.*). Повеление о разделении вины греха тем, кто слышал проклятие, но умолчал о нем (Лев 5. 1), становится неразрешимой дилеммой, подводя блж. Августина к пространным рассуждениям о тяжком выборе между страхом греха и страхом предательства человека, сообщение о преступлении к-рого подвергнет грешника смертельной опасности (*Aug. Quaest. in Lev. 1. 2*). Из Лев 21. 9 выводится необходимость более строгого наказания за религ. и нравственные преступления, совершенные священниками (*Ioan. Chrysost. De sacer. 6. 11. 19–27*). Последние должны всегда быть образцами целомудрия, не давая никакого повода к поруганию своего рода (*Theodoret. Quaest. in Lev. 30*). Слова об истреблении всякого, кто участвовал в жертвенной трапезе в нечистоте (Лев 7. 19–20), соотносятся с требованием участвовать в вечере Господней с благоговением (1 Кор 10. 21 — *Cypr. Carth. De lapsis*).

Законы о блюде (Лев 20. 10–20), призванные оградить Израиль от характерного образа жизни языческих народов (*Theodoret. Quaest. in Lev. 24–25*), понимались в прямом смысле. Как подчеркивает Климент Александрийский, эти заповеди (в т. ч. и слова Лев 20. 13) были даны «без всякого символического прикрытия» (*Clem. Alex. Paed. II 26*). Заповеди, регламентирующие сексуальное поведение, должны остановить наполнение земли развратом (Лев 19. 29). Климент вынужден признать, что и в его время «вся земля полна любодейства и невоздержания» (*Clem. Alex. Paed. III 1*). Строгие указания этого раздела Л. к. обозначают область спасения человека через наименование грехов, от к-рых следует уклоняться (*Ibid. III 12*). При этом ригоризм ветхозаветного осуждения уравнивается провозвестием надежды на исцеление паших любовью Создателя: в святоотеческой лит-ре постоянно встречается напоминание о том, что Бог «строгость закона растворял для нас милосердием Искупителя» (*Greg. Magn. Moral. 33. 8*).

А. Е. Петров

Словари и энциклопедии: *Sun H. T. C. Holiness Code // ABD. 1992. Vol. 3. P. 254–257; Levine B. A. Leviticus, Book of // Ibid. Vol. 4. P. 311–321; Otto E. Heiligkeitsgesetz // RGG. 2000. Bd. 3. S. 1570–1571; Milgrom J., Sperling S. D. Leviticus, Book of // EncJud. Vol. 12. P. 734–740; Seidl T. Heiligkeitsgesetz // LTK. 1995. Bd. 4. S. 1327–1328; idem. Levitikus // Ibid. 1997. Bd. 6. S. 867–868; Eshel E. Leviticus, Book of // EncDSS. 2000. P. 488–493.*

Введения: *Holzinger H. Einleitung in den Hexateuch. Freiburg i. Br., 1893. Tl. 1. S. 411–412; Blenkinsopp J. The Pentateuch: An Introd. to the First Five Books of the Bible. N. Y., 1992. P. 31–53, 183–228; Zenger E. u. a. Einleitung in das Alte Testament. Stuttg., 1995; Ska, J.-L. Introduzione alla lettura del Pentateuco: Chiavi per l'interpretazione dei primi cinque libri della Bibbia. R., 1998. P. 44–47; Artus O. Les Lois du Pentateuque // Introduction à l'Ancien Testament / Éd. T. Römer, J.-D. Macchi, C. Nihan. Gen., 2009². P. 185–196; Nihan C., Römer T. Le débat actuel sur la formation du Pentateuque // Ibid. P. 158–184; Schenker A. Lévitique // Ibid. P. 269–278; Edelman D. V. e. a. Opening the Books of Moses. Sheffield, 2012.*

Комментарии: *Dillmann A. Die Bücher Exodus und Leviticus. Lpz., 1880; Bertholet A. Leviticus. Tüb.; Lpz., 1901; Baentsch B. Exodus, Leviticus, Numeri. Gött., 1903; Elliger K. Leviticus. Tüb., 1966; Kornfeld W. Das Buch Leviticus. Dusseldorf, 1972; Noth M. Das dritte Buch Mose: Leviticus. Gött., 1978⁴; Wenham G. J. The Book of Leviticus. Grand Rapids, 1979; Levine B. A. Leviticus. Phil., 1989; Milgrom J. Leviticus. N. Y., 1991. Vol. 1; 2000. Vol. 2; 2001. Vol. 3; Hartley J. E. Leviticus. Dallas, 1992. (WBC; 4); Gerstenberger E. S. Leviticus: A Commentary. Louisville, 1996; Staubi T. Die Bücher Levitikus, Numeri. Stuttg., 1996; Rendtorff R. Leviticus 1,1–10,20. Neukirchen-Vluyn, 2004.*

Лит.: *Klostermann A. Beiträge zur Entstehungsgeschichte des Pentateuchs // Zschr. f. die gesamte lutherische Theologie und Kirche. Lpz., 1877. Bd. 38. S. 401–445; Wellhausen J. Die Composition des Hexateuchs und der historischen Bücher des Alten Testaments. B., 1899³; Hulse E. V. The Nature of Biblical «Leprosy» and the Use of Alternative Medical Terms in Modern Translation of the Bible // PEQ. 1975. Vol. 107. P. 87–105; Cholewiński A. Heiligkeitsgesetz und Deuteronomium: Eine vergleichende Studie. R., 1976; Rendtorff R. Die überlieferungsgeschichtliche Problem des Pentateuch. B., 1977; Browne S. G. Leprosy in the Bible. L., 1979³; McCarthy D. J. Treaty and Covenant: A Study in Form in the Ancient Oriental Documents and in the OT. R., 1981²; Aurelius E. Der Fürbitter Israels. Stockholm, 1988; Pappola S., Watanabe K. Neo-Assyrian Treaties and Loyalty Oaths. Helsinki, 1988; Dozeman T. B. God on the Mountain: A Study of Redaction, Theology and Canon in Exodus 19–24. Atlanta, 1989; Köckert M. Leben in Gottes Gegenwart // JBTh. 1989. Bd. 4. S. 29–61; Blum E. Studien zur Composition des Pentateuch. B., 1990; Renaud B. La formation de Ex 19–40: Quelques points de repère // Le Pentateuque: Débats et recherches / Ed. P. Haudebert. P., 1992. P. 101–133; idem. L'alliance: Un mystère de miséricorde: Une lecture de Ex 32–34. P., 1998; Otto E. Das Heiligkeitsgesetz Leviticus 17–26 in der Pentateuchredaktion // Altes Testament — Forschung und Wirkung: FS H. G. Reventlow / Hrsg. P. Mommer, W. Thiel. Frankfurt a. M., 1994. S. 65–80; idem. Forschungen zur Priesterschrift // ThRu. 1997. Bd. 62. S. 1–50; idem. Innerbiblische Exegese im Heiligkeitsgesetz Levitikus*

17–26 // *Leviticus als Buch* / Hrsg. H.-J. Fabry, H.-W. Jüngling, B. etc., 1999. S. 125–196; *idem*. Scribal Scholarship in the Formation of Torah and Prophets: A Postexilic Scribal Debate between Priestly Scholarship and Literary Prophecy // *The Pentateuch as Torah: New Models for Understanding Its Promulgation and Acceptance* / Ed. G. N. Knoppers, B. M. Levinson. Winona Lake, 2007. P. 171–184; *Knohl I.* Sanctuary of Silence: The Priestly Torah and the Holiness School. Minneapolis, 1995; *Pola T.* Die ursprüngliche Priesterschrift: Beobachtungen zur Literarkritik und Traditionsgeschichte von Pg. Neukirchen-Vluyn, 1995; *Reading Leviticus: A Conversation with M. Douglas* / Ed. J. F. A. Sawyer. Sheffield, 1996; *Blenkinsopp J.* Structure and Meaning in the Sinai-Horeb Narrative (Exodus 19–34) // *A Biblical Itinerary: In Search of Method, Form and Content*: FS G. W. Coats / Ed. E. E. Carpenter. Sheffield, 1997. P. 109–125; *Crüsemann F.* Die Tora: Theologie und Sozialgeschichte des alttestamentlichen Gesetzes. Gütersloh, 1997². S. 323–329, 350–360; *Grünwaldt K.* Das Heiligkeitgesetz Leviticus 17–26: Ursprüngliche Gestalt, Tradition und Theologie. B.; N. Y., 1999; *Jüngling H.-W.* Das Buch Leviticus in der Forschung seit K. Elligers Kommentar aus dem Jahre 1966 // *Leviticus als Buch*. 1999. S. 1–45; *Steymans H. U.* Verheissung und Drohung: Lev 26 // *Ibid.* S. 263–307; *Zenger E.* Das Buch Leviticus als Teiltex der Tora/des Pentateuch: Eine synchrone Lektüre mit kanonischer Perspektive // *Ibid.* S. 47–83; *Schmid K.* Israel am Sinai: Etappen der Forschungsgeschichte zu Ex 32–34 in seinen Kontexten // *Gottes Volk am Sinai* / Hrsg. E. Blum, M. Köckert. Gütersloh, 2001. S. 9–40; *Gertz J. C., Schmid K., M. Witte, Hrsg.* Abschied vom Jahwisten: Die Komposition des Hexateuch in der jüngsten Diskussion. B.; N. Y., 2002; *Achenbach R.* Die Vollendung der Tora: Studien zur Redaktionsgeschichte des Numeribuches im Kontext von Hexateuch und Pentateuch. Wiesbaden, 2003; *idem*. Pentateuch, Hexateuch und Enneateuch. Eine Verhältnisbestimmung // *ZAOBRG*. 2005. Bd. 11. S. 122–154; *idem*. The Pentateuch, the Prophets, and the Torah in the Fifth and Fourth Centuries B. C. E. // *Judah and the Judeans in the Fourth Century B. C. E.* / Ed. O. Lipschits, G. N. Knoppers, R. Albertz. Winona Lake, 2007. P. 247–280; *The Book of Leviticus: Composition and Reception* / Ed. R. Rendtorff, R. A. Kugler. Leiden, 2003; *Dozeman T. B., Schmid K., ed.* A Farewell to the Yahwist?: The Composition of the Pentateuch in Recent European Interpretation. Atlanta, 2006; *Nihan C.* From Priestly Torah to Pentateuch: A Study in the Composition of the Book of Leviticus. Tüb., 2007; *idem*. Israel's Festival Calendars in Leviticus 23, Numbers 28–29 and the Formation of «Priestly» Literature // *The Books of Leviticus and Numbers* / Ed. T. Römer. Leuven, 2008. P. 177–231; *The Pentateuch as Torah: New Models for Understanding Its Promulgation and Acceptance* / Ed. G. N. Knoppers, B. M. Levinson. Winona Lake, 2007; *The Strata of the Priestly Writings: Contemporary Debate and Future Directions* / Ed. S. Shectman; J. S. Baden. Zürich, 2009; *The Pentateuch: International Perspectives on Current Research* / Ed. T. B. Dozeman, K. Schmid, B. J. Schwartz. Tüb., 2011.

С. В. Тищенко

ЛЕВИТСКИЙ Роман Ильич (1857 (1855), г. Путивль Курской губ.— 22.02.1886, там же), преподаватель основного богословия в МДА. Сын

священника. Учился в Курском ДУ и Курской ДС. 24 марта 1874 г. пострижен в чтеца. Семинарию окончил в 1875 г. 17 мая 1876 г. зачислен на богословское отделение МДА. Во время обучения оставался первым по успеваемости. На 4-м курсе избрал в качестве специализации лат. язык и нравственное богословие. По окончании академии, 8 июня 1879 г., написал прошение о направлении в одну из ДС для преподавания лат. языка и был определен в Черниговскую ДС. 25 июня 1879 г. получил степень кандидата богословия «с предоставлением права преподавать в семинарии и не держать нового экзамена при искании степени магистра». 1 июля 1879 г. прочел 3 пробные лекции в МДА: «О Корнелии Непоте и его сочинениях», «Об употреблении в латинском языке творительного падежа» и «О жизни и литературной деятельности Юлия Цезаря». 19 окт. 1879 г. был избран приват-доцентом кафедры основного богословия МДА. 11 февр. 1880 г. Л. женился, однако в том же году его супруга умерла. После перенесенного душевного потрясения Л. в 1881 г. уволился из МДА по состоянию здоровья, проходил лечение в Московской Преображенской психиатрической больнице.

Л. трудился в области богословско-философской *апологетики* христианства, задачу которой видел в рациональном «оправдании» веры (Необходимость, возможность и метод научного оправдания христианства. 1881. № 6/7. С. 227). В апологетических очерках Л. отмечал, что вся история христианства — «сплошная, непрерывная нить спора и борьбы с враждебными ему учениями» (Там же. № 1. С. 34), однако во 2-й пол. XIX в. по причине привлечения к критике христианства «всей мощи науки и философии» встал вопрос, «быть или не быть христианству вообще» (Там же. С. 35). В связи с усилением враждебного отношения к религии богословская наука, в первую очередь апологетика, призвана «не быть безгласною... но вынуждена встать на защиту истины Христовой и доказать пред этим слабым, колеблющимся в вере обществом, что не наука, а лженаука в разладе и вражде с христианством», тогда как истинная наука и истинная вера согласны между собой (Там же. С. 36). По мысли Л., вера и знание, религия и наука не должны противопоставляться. Здоровой является ситуа-

ция, когда «два равно самостоятельных центра — вера чувства и знание рассудка — возведены к высшему единству самосознания... где знание и вера прониклись гармонией взаимно нуждающихся друг в друге и взаимно друг друга поддерживающих своим внутренним согласием сторон» (Там же. С. 34). Вера нуждается в «объективной гарантии», к-рую может дать только рассудок (Там же. С. 33–34). В то же время знание, в т. ч. философское, научное, не может существовать независимо от веры как таковой. Вера, по Л., «есть область внутренняя, субъективная» (Там же. С. 33) и может быть определена как «свободное признание, обусловленное внутренними психологическими мотивами» (Там же. № 4. С. 707). Веру характеризует расположение к предмету, некое внутреннее влечение к нему. По мысли Л., «без этого субъективного фактора, т. е. внутренней предрасположенности, внутренней восприимчивости чувства к известным истинам, нет и веры» (Там же. С. 708). Л. отмечает этическое измерение веры, к-рое существенно отличает ее от знания. В христианстве вера рассматривается как добродетель, а неверие — как порок. Вера личностна, свободна, нравственно ценна: «...мои убеждения, моя вера служат показателем нравственной ценности моей личности». О свободном признании чего-либо «на веру» Л. говорит как о нек-ром самоотречении: «Акт веры есть так сказать акт добровольного жертвоприношения нашего сердца... будучи делом свободы, она (вера.— Л. Д.) оставляет в объективной неизвестности вопрос, что такое и где истина» (Там же. № 6/7. С. 238–239).

Определяя веру как свободное признание, Л. критикует определение веры Вл. С. Соловьёва в его «Критике отвлеченных начал» (Соловьёв В. С. Собр. соч. СПб., 1911. Т. 2. С. 324–342). Указывая на веру как на один из основных элементов всякого предметного познания, Соловьёв называл в этом сочинении веру «абсолютным созерцанием». Л. замечает, что «акт признания» (составляет, по Л., суть принятия на веру) и акт созерцания — не одно и то же (Необходимость, возможность и метод научного оправдания христианства. 1881. № 4. С. 709). С верой несовместима «абсолютность созерцания... ибо созерцаемое таким образом должно

принудительно действовать на способность признания», тогда как вера «нет места там, где признание вынужденно, делается с неизбежностью» (Там же. С. 710–711). Поэтому, заключает Л., доставляемое чувствами «убеждение в объективно-реальном существовании внешнего мира, вопреки г. Вл. Соловьеву, есть знание, а отнюдь не вера» (Там же. С. 713).

Логическая доказуемость веры, по Л., не только невозможна, но и противоречит самой сути веры: «Будь вера научно доказуема в безусловном смысле этого слова, тогда христианство наряду с физикой или астрономией было бы наукою» (Там же. № 1. С. 39). Вместе с тем, отмечает Л., невозможность математически точного доказательства религ. веры не означает того, что рациональные доказательства вероучительных истин не имеют ценности или не оказывают влияния на душу. Доказательства могут побуждать к вере, и в этом Л. видит их актуальную практическую пользу (Там же. С. 43).

Оценивая значение известных *доказательств бытия Божия*, Л. признает действенной их критику, произведенную И. Кантом, и призывает «изменить старый взгляд на них». Для Л. все значение доказательств бытия Божия состоит в том, что «они дают собою общие опорные пункты для построения религиозно-теистического мирозерцания» (Доказательства бытия Божия и их действительное значение. 1881. С. 608–609). Так, напр., в онтологическом доказательстве «достаточно доказать, что абсолютное бытие не есть нечто развивающееся и лишь путем развития, путем процесса достигающее актуальности, совершенства, что, напротив, оно уже от начала актуально, уже от начала всем обладает. Это будет существенная, специфическая черта теистического понятия о Боге» (Там же. С. 650). В свою очередь из признания бытия Божия органично проистекает «вера и в бессмертие души... в божественное мироправление, в необходимость Откровения и т. д.» (Необходимость, возможность и метод научного оправдания христианства. 1881. № 6/7. С. 250–251).

Доказательство истинности христ. веры Л. предлагает начинать с обоснования фундаментального утверждения, что «религия есть прямое, непосредственное и невольное выра-

жение прирожденных, вечных и неистребимых... потребностей» души человека, его стремления к истине, красоте и добру, что потребность в Боге есть врожденный инстинкт духа (Там же). Этой цели служит история религий, которая показывает 2 пути развития религ. представлений: «путь сверхъестественно-откровенный» (религия Библии) и «путь естественный» (проч. религии, в основе которых лежит праоткровение, данное первым людям), по к-рым Промысл вел человечество, подготавливая его «к идеалу религии, открывавшемуся в христианстве» (Там же. С. 253). По словам Л., «Ветхий Завет или еврейская религия была вдохновенным предсказанием христианства; язычество — его смутным предчувствием, томлением и тоской по нему» (Там же. С. 254). От историко-религиоведческого обоснования истинности христианства апологетика, по Л., вправе переходить к доказательству основ веры, к которым Л. относит в первую очередь учение об искуплении и догмат о Св. Троице: «...две фундаментальные истины составляют сущность всего христианского вероучения: искупление человечества чрез Богочеловека Христа и в связи с этим истина троичности Божества. Все остальные пункты находят уже в зависимости от этих двух фундаментальных истин и в сравнении с ними имеют уже второстепенное значение» (Там же). Необходимость искупления, по мысли Л., «лежит в самом существе религии», поскольку цель религии как таковой состоит в достижении общения с Богом, но эта цель неосуществима, пока грех, отделяющий человека от Бога, не будет снят, искуплен (Там же. С. 255). Подлинное же искупление не может ограничиться прощением грехов человека, но должно состоять в его обновлении, придании ему новой жизненной силы. Боговоплощение, о котором учит христианство, как нельзя лучше соответствует данной потребности человека, поскольку Бог, став человеком, становится проводником в человечество новой, божественной жизни. Это оказывается возможным, т. к. Бог «ни при каких условиях не может утратить Своего бытия; это было бы противоречием Его абсолютности, и, следовательно, только один Он может усвоить другую индивидуальность без потери преж-

него бытия» (Там же. С. 255–256). Евангельский Иисус Христос и есть этот Бог, поскольку «личность Христа, Его учение, дела, вся Его жизнь действительно соответствуют идее Богочеловека Искупителя» (Там же. С. 257).

Л. намечает вехи специфически апологетического доказательства троичности Бога. Догматическое учение о Св. Троице недоступно для рассудка, невозможно «представить никаких оснований, по которым в Божественном существе должно быть именно три Лица, а не два, не четыре и т. д.», троичность Лиц — это исключительно свидетельство Откровения. Однако принципиальное утверждение христианства о неединичности Бога, по мнению Л., может быть осмыслено «и не заключается в себе ничего противоречащего началам разума» (Там же. С. 263). Доказательство троичности Бога для Л. оказывается возможным только из допущения реальности акта Боговоплощения и по аналогии с ним. Рассуждая о единстве самосознания Богочеловека, Л. видит возможным провести аналогию с единством неотждественных самосознаний Лиц Св. Троицы: «...имея самосознание как Бог, абсолютное Существо может иметь еще отдельно самосознание как некоторое Лицо в Боге, и оба самосознания в Нем объединены» (Там же. С. 262–263). Данного объяснения, излишне схематичного и небезупречного терминологически, по мнению Л., достаточно для предотвращения заблуждений относительно Св. Троицы, таких, напр., как патрипассианство (см. в ст. *Монархизм*) (Там же. С. 264).

В ст. «Тело воскресшего Христа Спасителя» Л. отвечает на критику учения о воскресении из мертвых Христа, вызванную кажущимися противоречиями в рассказах евангелистов о свойствах Его воскресшего тела (Апологетические очерки: Тело воскресшего Христа Спасителя. 1880. С. 628). Л. обращает внимание на слова ап. Марка о явлении Христа ученикам после воскресения «в ином образе» (ἐν ἑτέρῃ μορφῇ — Мк 16. 12). Из этих слов, по Л., явствует, что воскресшее тело Христа стало способно к изменению внешности. Следуя древнехрист. учению, нашедшему выражение в трудах, напр., свт. Григория Нисского, Л. утверждает возможность изменения свойств материи и ее «утончения»,

одухотворения, а также связь состояния плоти человека с его нравственным устройством: «Наше земное тело так грубо и жестко... потому, что служит органом, проводником и носителем наших нечистых страстей, животных, чувственных инстинктов и стремлений... Если всякое тело должно быть строго согласовано с своеобразной психической природой существа, приспособлено быть аппаратом и органом его душевных стремлений и влечений, то и воскресшее тело также должно измениться в соответствие новому состоянию душевной жизни и быть приспособлено к этому новому состоянию» (Там же. С. 630–631). Одухотворенное тело Христа стало, по Л., «удобоподвижным», т. е. могло менять свойства в зависимости от ситуации. Так, когда Господь предлагал ап. Фоме осязать Свои раны или когда вкушал вместе с учениками хлеб и рыбу, Его тело стало привычным для учеников, «земным» (Там же. С. 635), для того чтобы «дать грубо-чувственной действительностью Своего тела все еще смущающимся и неуверенным апостолам сильнейшее материально-осязательное доказательство истинности Своего воскресения» (Там же. С. 637). Л. подчеркивает, что, несмотря на способность становиться невидимой, плоть Христа реальна. «Изменился лишь образ тела, но субстанция осталась той же самой. Преображенное тело было действительно телом Христа, а отнюдь не фантазмом, не призраком» (Там же. С. 638). Л. сопоставляет это чудо с *Евхаристией*: «...в Евхаристическом Таинстве мы принимаем по внешнему виду обыкновенные хлеб и вино и, однако ж веруем, что эти хлеб и вино субстанциально есть истинное и действительное тело и кровь Христовы. То же и здесь» (Там же. С. 638).

В ст. «О нравственном учении христианства» Л. рассматривает возможность обоснования превосходства христ. нравственности над нехрист. моралью и этическими философскими учениями (Апологетические очерки: О нравственном учении христианства. 1880. С. 16). По мнению Л., христ. нравственное учение отличается универсальностью и гармоничностью и предназначено для всех людей (Там же. С. 14). В этом учении нет односторонности, свойственной разным типам философского и религ. миросозерцаний, вы-

работанных человеческим мышлением. Любые нехристианские учения «либо... проникнуты глубоким аскетизмом, квиетизмом и пессимизмом, как браминская и буддийская, либо... страдают эвдемонизмом чувственности, как финикийская, греческая и т. д.». Под воздействием односторонней морали искажается нравственный облик человека: он «делается или фанатиком самоубийцею, или эпикурейцем и материалистом» (Там же. С. 21). Только евангельская нравственность чужда всякой односторонности, своим «гармоничным всеединством» она «удовлетворяет целому духу во всех его высших стремлениях и потребностях» (Там же. С. 22). В отличие от вост. религий и пантеистических миросозерцаний в христианстве сохраняется индивидуальность человека в перспективе вечной жизни, поскольку божественное (абсолютное) и человеческое (ограниченное) «самым делом примирены в Богочеловеке, Который есть вместе и личный Бог, и личный человек» и для спасаемых готовит личное богообщение и личное блаженство (Там же. С. 23). В христианстве снимаются противоречия между аскетизмом и эвдемонизмом (Там же. С. 27). С одной стороны, «христианская этика, как этика искупления от греха и освобождения от зла путем добровольного, самоотверженного страдания, является этикой отрицательной, мрачной и пессимистической»; с др. стороны, христ. этика «в высшей степени положительная и оптимистическая», поскольку блаженство личности предполагает высшую степень ее развития, полноту, могущество и богатство жизни духа (Там же. С. 24–25). Т. о., по мысли Л., универсализм нравственного учения христианства является главным аргументом в пользу ее сверхчеловеческого происхождения (Там же. С. 28).
Архив: ЦГА г. Москвы. Ф. 229. Оп. 4. № 2100; Голубцов С., протодиак. Московская духовная академия дореволюционного периода. Б. м., б. г. Т. 2. Ч. 5. С. 154, 182. Маш. // Б-ка МДА. Соч.: Апологетические очерки: Тело воскресшего Христа Спасителя // ПО. 1880. № 8. С. 628–639; Апологетические очерки: О нравственном учении христианства // Там же. № 9. С. 13–28; Необходимость, возможность и метод научного оправдания христианства // Там же. 1881. № 1. С. 32–45; № 4. С. 699–713; № 6/7. С. 221–265; Доказательства бытия Божия и их действительное значение // Там же. № 8. С. 602–652.
Лит.: Никольский А. Левицкий // РБС. 1914. Т. 10. С. 153.

П. К. Доброцветов

ЛЕВИТЫ [древнеевр. *ləwiyūim*], общее обозначение священнослужителей *Израиля древнего*. Для совокупности книг ВЗ невозможно дать единообразное определение Л. В исторических и пророческих (допленного периода и эпохи плена) книгах ВЗ Л.— это потомственные священнослужители; их отношение к *Левию*, 3-му сыну *Иакова* (см. также ст. *Колена Израилевы*), оценивается неоднозначно (ср.: Суд 17. 7; 3 Цар 12. 31). Л. здесь не противопоставляются священникам (*kōhānīm*). В Пятикнижии Моисеевом, книгах Паралипоменон и в 3-й части Книги прор. Исаии (единственном пророческом тексте послепленного периода, в котором используется термин «левиты») Л.— это все представители колена Левия, не являющиеся священниками. Последние противопоставляются Л. как потомки одного рода в колена Л.— рода Аарона. Функциональное различие священников и Л. подчеркивается неоднократно. Если священники были ответственны гл. обр. за совершение жертвоприношений и должны были выносить решение в вопросе о ритуальной чистоте или нечистоте, то на Л. лежала задача выполнения второстепенных храмовых работ. Соответственно при описании Л. как социально-религ. института в древнем Израиле целесообразно проводить различие между 2 данными текстовыми корпусами в составе ВЗ.

Л. в исторической и пророческой литературе допленного периода и эпохи плена. Самое раннее историческое свидетельство разделения функций священников и Л., к-рое при имеющихся источниках следует считать *terminus post quem* для данного события, относится к Книге прор. Иезекииля. Порицая Л. допленной эпохи за то, что они совершали служение перед идолами для израильтян, прор. Иезекииль объявляет, что они должны искупить свою вину, исполняя низшие работы при святилище: «Довольно вам, дом Израилев... вводить сынов чужой, необрезанных сердцем и необрезанных плотью, чтобы они были в Моем святилище и оскверняли храм Мой, подносили хлеб Мой, тук и кровь... Вы не исполняли стражи у святых Моих, а ставили вместо себя их для стражи в Моем святилище... и левиты, которые удалились от Меня во время отступничества Израилева, которые, оставив Меня, блуждали

вслед идолов своих, понесут наказание за вину свою. Они будут служить во святилище Моем, как сторожа у ворот храма и прислужники у храма; они будут закалать для народа всесожжение и другие жертвы и будут стоять пред ними для служения им. За то, что они служили им пред идолами их и были для дома Израилева соблазном к нечестию, Я поднял на них руку Мою, говорит Господь Бог, и они понесут наказание за вину свою; они не будут приближаться ко Мне, чтобы священнодействовать предо Мною и приступать ко всем святыням Моим, к Святому Святым, но будут нести на себе бесславию свое и мерзости свои, какие делали. Сделаю их стражами храма для всех служб его и для всего, что произойдет в нем» (Иез 44. 6–14). Привилегия совершения жертвоприношений и воскурения ладана дается потомкам первосвященника Садока — за то, что они всегда сохраняли лояльность к Иерусалимскому храму. Из текста (Иез 44. 13–14) следует, что прор. Иезекииль не считал функциональное разделение священников и Л. изначальным. Напротив, оно не существовало на протяжении истории Первого храма и его установление мыслится как наказание Л. за то, что они служили идолам. Речь не идет о том, что Л. оставили свое служение в Иерусалимском храме: в вину всему народу, а не только Л. вменяется использование труда наемников-язычников. Показателен стих Иез 44. 13, в котором говорится о том, что Л. не смогут «приближаться» к Богу (подразумевается доступ к сакральным предметам святилища) для того, чтобы служить в качестве священников (*lākahēn*; по синодальному переводу — «священнодействовать»). Данные слова подразумевают, что ранее у Л. была такая возможность. Наиболее простое объяснение распределения обязанностей при храме между потомками Садока и Л. заключается в том, что первые несли служение в Иерусалимском храме как в центральном святилище, а вторые — в местных святилищах на территории древнего Израиля со своими особенностями культа, к-рые прор. Иезекииль отвергает как нелегитимные (Велльгаузен. 1909. С. 103–108). В 3 Цар 3. 3–4 говорится о существовании высот, на которых приносились жертвы Яхве (указание на «великую высоту» (*habbāmā haggāqōlā*) в Гаваоне, на к-рой Соло-

мон вознес Богу тысячу всесожженных и жертв, конкретизировано в синодальном переводе, где идет речь о «главном жертвеннике»), при этом ничего не сказано о том, что они были уничтожены царем Соломоном по завершении строительства Иерусалимского храма; об уничтожении этих высот упоминается только в связи с религ. реформой царя Иосии незадолго до Вавилонского плена.

В исторической лит-ре дополненого периода также содержатся указания на то, что Л. не противопоставляются священникам (неоднократно употребляется выражение «священники-левиты» — Нав 8. 33 (*hakkōhānīm halwiyūim*; по синодальному переводу — «священники [и] левиты»), Иер 33. 18 (*lakkōhānīm halwiyūim*), Иер 33. 21 (*'eṭ-halwiyūim hakkōhānīm*); тот факт, что предлог *l-* и частица *'eṭ* не повторяются перед 2-м словом в приведенных фразах, указывает на статус 2-го слова как грамматического приложения, поэтому понять эти фразы как перечисления невозможно), равно как и на то, что в роли Л. могли выступать представители различных коллен. Так, Самуил, живший при скинии, носивший левитский льняной ефод (1 Цар 2. 18) и даже спавший близ ковчега завета (1 Цар 3. 3; по всей видимости, чтобы охранять его), происходил из колена Ефремова (см.: 1 Цар 1. 1); сыновья Давида, назначенные священниками (*ū-ḥnē dāwīd kōhānīm hāyū* — «а сыновья Давида были священниками» (2 Цар 8. 18); в переводах, начиная с targума Ионафана, слово *kōhānīm* — «священники» традиционно передается иносказательно: *rabrāḥīn* — «вельможи» в targуме, «первые при дворе» в синодальном переводе и т. д., чтобы избежать очевидного противоречия с Пятикнижием), принадлежали к колону Иуды; в Книге Судей Израилевых упоминается странствующий левит из колена Иуды («Один юноша из Вифлеема Иудейского, из колена (*mišpəḥat*) Иудина, левит, тогда жил там» — Суд 17. 7; слово *mišpāḥā* — «семья, клан» указывает именно на родственную связь, а не на территорию). Это отсутствие жестких границ, выделявших Л. в качестве священного сословия, подтверждается многочисленными указаниями на совершение жертвоприношений светскими лицами (1 Цар 6. 14; 14. 34–35; 3 Цар 3. 4; 8. 62–64) и на возможность их доступа в свя-

тилище. Так, Анна молилась «пред Господом», т. е. в непосредственной близости от ковчега завета (данные слова имеются в Септуагинте (1 Цар 2. 9), но отсутствуют в МТ, несмотря на то что без них текст теряет связь) (Велльгаузен. 1909. С. 108–119).

Л. в Пятикнижии, книгах Паралипоменон и 3-й части Книги прор. Исаяи. **Установление Л.** как особой категории израильтян, выполняющей сакральные функции, связывается в Пятикнижии с их ревностью, проявленной в ответ на призыв Моисея наказать израильтян, совершивших служение золотому тельцу: «Моисей увидел, что это народ необузданный, ибо Аарон допустил его до необузданности, к посрамлению пред врагами его. И стал Моисей в воротах стана и сказал: кто Господень, — [иди] ко мне! И собрались к нему все сыны Левиины. И он сказал им: так говорит Господь, Бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждого брата своего, каждого друга своего, каждого ближнего своего. И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек. Ибо Моисей сказал [им]: сегодня посвятите руки ваши Господу, каждый в сыне своем и брате своем, да ниспшет Он вам сегодня благословение» (Исх 32. 25–29). Именно в этом контексте впервые в Пятикнижии Л. упоминаются как колено, имеющее сакральный статус, хотя об их обрядовых функциях еще ничего не говорится. При следующем упоминании, в Исх 38. 21, Л. предстают уже служителями при строящейся скинии.

Посвящение Л. описано в Числ 8. Посвящению предшествовало очищение: Л. окропляли очистительной водой, а сами они должны были сбрить все волосы на теле и омыть свою одежду. На церемонию посвящения созывалась вся община (*'eḏā*). Израильтяне возлагали свои руки на головы Л. в подтверждение того, что они посвящаются «пред Господом от сынов Израилевых». Затем следовал обряд, названный в кн. Числа *təḥīrā*, букв. — «взмахивание». Трудность интерпретации этого обряда побудила создателей синодального перевода передать его общим понятием «посвящение» (Числ 8. 11). По мнению Ю. Велльгаузена, речь идет о движении, имитирующем прыжок в жертвенное пламя: так выражалось

представление о том, что Л. были «начатком» от всех израильтян, и, хотя они не могли быть принесены в жертву в прямом смысле этого слова, вся последующая жизнь Л. была подчинена их особому, сакральному, статусу. Далее Л. возлагали руки на 2 быков, которых приносили в жертву всеожожения и в жертву за грех (Числ 8. 12). В Числ 8. 8 упоминается также хлебное приношение (*minhā*), к-рое Л. должны взять для своего посвящения. В Числ 8. 12 оно называется среди др. совершённых жертвоприношений, однако очевидно, что «хлебное приношение» совершалось вместе со всеожожением и с жертвой за грех, подобно тому как во многих мстах ВЗ оно фигурирует как сопровождающий жертву ритуал (3 Цар 8. 64; Иер 17. 26).

Обязанности Л. подробно описаны в 3-й главе кн. Числа. Л. подчинены Аарону и его сыновьям (Числ 3. 6, 9, см. также: Числ 3. 32; 8. 22), которые являются прототипом всех первосвященников и священников соответственно. Л. должны нести стражу при скинии (Числ 3; 7), которую воспринимают как прототип храма, на них лежит ответственность за всю храмовую утварь (Числ 3; 8). В кн. Числа приведен подробный список вещей, принадлежащих скинии, к-рые были распределены между 3 группами Л., происхождение которых возводится к сыновьям Левия Гирсону, Каафе и Мерари (Числ 3. 17–37). Л. приступали к работе при скинии в возрасте 25 лет и освобождались от нее в возрасте 50 лет, когда могли оказывать помощь в несении стражи при скинии, но не должны были заниматься физическим трудом (Числ 8. 24–26). В кн. Левит, несмотря на ее название в Септуагинте и христ. традиции, собственно Л. уделяется мало внимания: ее предписания обращены преимущественно к священникам и первосвященнику.

Подробный перечень обязанностей Л. содержится в 1-й книге Паралипоменон. В ней сообщается о том, как царь Давид, завещавший своему сыну Соломону построить Иерусалимский храм (1 Пар 22. 6–19), распределил семейства Л. по чередам. Как и в кн. Числа, распределение обязанностей Л. поставлено в соответствие с 3 сыновьями Левия (1 Пар 23. 6). Согласно 1 Пар 23. 3–5, из 38 тыс. Л. при Давиде 24 тыс. выполняли храмовые работы, 6 тыс. исполняли

обязанности писцов и судей, 4 тыс. служили привратниками и 4 тыс. были музыкантами. Тщательному описанию обязанностей каждой из этих категорий Л. посвящены 25-я и 26-я главы 1-й книги Паралипоменон.

Левитские города. В отличие от представителей др. колен Израилевых Л. не имели собственного удела. Они должны были жить в городах, выделенных на территории всех колен, и пользоваться прилегающими к ним полями (размер полей, строго фиксированный, был равен 2 тыс. локтей во всех направлениях). В общей сложности Л. было выделено 48 городов (Числ 35. 1–8), 6 из них являлись городами для убежища, в к-рых должны были скрываться от кровной мести те, кто совершили убийство неумышленно (см.: Числ 35. 13–32).

Десятина. Принципиальное различие между священниками и Л., которое проводит Священнический кодекс, получило выражение в постановлении о 2 десятинах (Числ 18. 21–32). Первую десятину отдавали Л. израильтяне, она должна была служить источником их содержания: «...сынам Левия, вот, Я дал в удел десятину из всего, что у Израиля, за службу их, за то, что они отправляют службы в скинии собрания» (Числ 18. 21). Предписание о выплате десятины Л. связано с тем обстоятельством, что они не имели собственного удела в земле обетованной: «...среди же сынов Израилевых они не получают удела; так как десятину сынов Израилевых, которую они приносят в возношение Господу, Я отдаю левитам в удел, потому и сказал Я им: между сынами Израилевыми они не получают удела» (Числ 18. 23–24). Десятина как источник содержания отличала Л. от священников, к-рым полагались доли от жертвоприношений, выкуп за первенцев и все первородное от скота (см.: Числ 18. 8–19). Кроме того, Л. сами должны были выплачивать 2-ю десятину в пользу священников. Это действие имело целью очистить приношения, получаемые Л., подобно тому как выплата десятины израильтянами предназначалась для очищения собранного ими урожая (Числ 18. 26–32).

Лит.: Велльгаузен Ю. Введение в историю Израиля. СПб., 1909. С. 103–143; Meek T. J. Aaronites and Zadokites // AJSL. 1928/1929. Vol. 45. P. 149–166; Waterman L. Some Determining

Factors in the Northward Progress of Levi // JAOS. 1937. Vol. 57. N 4. P. 375–380; Albright W. F. The List of Levitic Cities // Louis Ginzberg Jubilee Volume / Ed. S. Lieberman e. a. N. Y., 1945. P. 49–73; *idem*. Das Aharon-Problem // VTS. 1969. Vol. 17. P. 37–63; Wright G. E. The Levites in Deuteronomy // VT. 1954. Vol. 4. P. 325–330; Halpern B. Levitic Participation in the Reform Cult of Jeroboam I // JBL. 1976. Vol. 95. P. 31–42; Otto E. Forschungen zur Priesterschaft // ThRu. 1997. Bd. 62. S. 1–50; The Books of Leviticus and Numbers / Ed. T. Römer. Leuven, 2008; Geller S. A. Priests and Levites in the Hebrew Bible // The Wiley-Blackwell History of Jews and Judaism / Ed. A. T. Levenson. Chichester; Malden, 2012. P. 35–52.

М. Г. Калинин

ЛЕВИЦКИЕ Григорий Кириллович и Дмитрий Григорьевич, отец и сын, художники.

Григорий Кириллович (Нос) (1697 (?), с. Маячка близ сотенного мста. Кобеляки Полтавского полка (ныне Новосанжарского р-на Полтавской обл., Украина) — 8(19).05.1769, там же), свящ., гравер. Выдающийся мастер гравюры стиля барокко. Работал преимущественно в технике резцовой гравюры на меди, выполнял как книжные, так и станковые гравюры.

Род Г. К. происходил из Правобережной Украины. Его пращур Василий Нос, переселившись на Полтавщину, в 1680 г. получил приход Михайловской ц. в с. Маячка. Приход перешел по наследству Василию Носу — младшему, его сыну Степану (священствовал между 1691 и 1704), поочередно 3 его сыновьям, в т. ч. Кириллу Степановичу Носу — отцу Г. К.

Документальные сведения о Г. К. скудны. Известна жалоба Пелагеи Мироновны, вдовы его дяди Алексея Носа, к-рая сообщала, что племянник, занявший освободившееся после смерти ее мужа место и отказывавший ей и сыну Николаю в пропитании, причитающемся им от приходского дохода, оставил родное село вскоре после Полтавской битвы (после 1709) «в малых летах» и вернулся «из немецких земель» спустя 20 лет, т. е. в кон. 30-х гг. XVIII в. На этом основании дата рождения Г. К. была отнесена на кон. 90-х гг. XVII в. (скорее всего 1697). Однако запись в исповедной книге Михайловской ц. с. Маячка от 1724 г. указывает, что 16-летний Г. К. в этом году находился в Маячке среди др. членов семьи отца; т. о., он мог родиться ок. 1708 г.

Г. К., вероятно, сначала обучался в Киево-Могилянской академии

(документальные свидетельства не сохр.), после чего уехал в Силезию, где учился искусству гравирования во Вроцлаве. Наиболее ранние из сохранившихся работ Г. К. кон. 20-х гг. XVIII в. относятся к вроцлавскому периоду (в Национальном музее во Вроцлаве и в библиотечных собраниях Польши). Воспроизведения художественных и исторических памятников Вроцлава (тимпана собора Девы Марии на Песчаном о-ве (Выспа-Пясек), надгробий силезских князей), портрет Адама Квазиуса, гравюры «Св. Доминик» и «Осуждение Христа на смерть» и др. имеют подпись: «Grzegorz Lewicki». Как было установлено польск. исследователями, это одно лицо с Г. К. Листы Гжегожа Левицки стилистически близки к работам круга мастеров известной вроцлавской мастерской гравера Бартоломея Стаховского. Последними гравюрами вроцлавского периода, выполненными в 1732 г., являются экспрессивные книжные иллюстрации «Распятие с предстоящими» и «Души в чистилище». Творчество Г. К. вроцлавского периода заняло видное место в истории польск. искусства XVIII в.

Ок. 1735 г. Г. К. вернулся в Киев. Самой ранней киевской работой является гравированная рамка 1735 г. для вставки объявлений о театрализованных академических диспутах. Пышную рамку в стилистике барокко можно считать одним из первых образцов афиши на восточнослав. землях. С Киево-Могилянской академией связаны выполненные Г. К. 2 рамки для вписывания заголовков к рукописным академическим курсам.

Ок. 1741 г. Г. К. был рукоположен во священника и получил в наследство приход в с. Маячка. Согласно записям Киевской духовной консистории, Г. К. вплоть до 60-х гг. XVIII в. отдавал право служения в с. Маячка др. священнику при условии выплаты определенной суммы на содержание его семьи, а сам в это время проживал в собственном доме в Киеве на Подоле.

В 1745 г. во Львове была издана книга префекта Киево-Могилянской академии М. Козачинского, содержавшая панегирик в честь братьев Разумовских и генеалогию их рода (Козачинский М. И. *Философия Аристотелева по умствованию перипатетиков* изданная. Львов, 1745). Г. К. выполнил для нее гравюры с ро-

*Покров Пресв. Богородицы.
Тезис, посвященный
архим. Киево-Печерской лавры
Роману (Копе).
Гравюра Г. К. Левицкого.
Ок. 1730 г. (НБУВ)*

дословным древом Разумовских, их гербом, варианты вензелей гр. А. Г. Разумовского (Л. 3 об., 4, 10, 32) и заставки.

Мастерство Г. К. наиболее ярко проявилось в создании подносных гравюр-панегириков для торжественных диспутов в Киево-Могилянской академии. Работы Г. К. с их усложненной композицией представляют наиболее развитый тип пане-

*Тезис, посвященный
Киевскому митр.
Рафаилу (Заборовскому).
Гравюра Г. К. Левицкого.
1739 г. (НБУВ)*

гирической гравюры. В них присутствуют христ. и античные символы и аллегии, реалистичные портретные изображения, архитектурные и пейзажные мотивы. Крупноформат-

ные барочные гравюры-тезисы были посвящены архимандритам Киево-Печерской лавры Роману (Копе) (ок. 1730, оттиск в НБУВ) и Илариону (Негребецкому) (подпись: «Gregorius Lewicki», 1738; не сохр., ранее в Церковно-археологическом музее при КДА), Киевскому митр. Рафаилу (Заборовскому) (подпись: «Gregorius Lewicki Sculp: Kijow: Podol», 1739; медная гравировальная доска и оттиск — в НБУВ).

Миниатюрный графический портрет свт. Димитрия Ростовского в полный рост, вероятно, был создан Г. К. специально для вклейки в рукописные сочинения святителя (после 1757). Портрет с подписью Г. К. находится на титульном листе рукописи «Келейный Летописец Димитрия Ростовского» нач. XVIII в. (НБУВ ИР). Традиц. композиция графического портрета в зеркальном отражении повторяет живописные изображения свт. Димитрия.

Г. К. участвовал в работе типографии Киево-Печерской лавры. Рафинированным исполнением отличаются гравированные подписные иллюстрации для миниатюрных (карманного формата) изданий Апостола и Евангелия, вышедших в лаврской типографии в 1737 г. Г. К. выполнил для издания Апостола титульный лист, изображение Успенского собора на обороте титула (медная доска с авторской подписью хранится в НБУВ), фронтисписные гравюры «Ап. Петр», «Ап. Павел», «Ап. Иуда», «Ап. Иоанн», «Ап. Лука», «Иисус Христос указывает Иоанну Богослову 7 звезд». В Евангелии 1737 г. имеются подписные гравюры работы Г. К.: титульный лист, на обороте его — «Распятие»; 4 образа св. евангелистов.

Значительным достижением Г. К. стала серия апостольских образов для издания Апостола 1738 г., повторенная в следующем лаврском издании в 1752 г. (совм. с др. граверами). Величественные фигуры апостолов в полный рост на фоне пейзажа с низкой линией горизонта отличаются скульптурной моделировкой и монументальной трактовкой образа. Фронтисписные иллюстрации на всю страницу выполнены в стилистике западноевроп. барочного искусства. Художественным ориентиром для Г. К. служили гравюры с изображением апостолов из Библии Пискатора. Гравюры из Апостола 1738 г. распространились так-

же отдельными листами. Популярны были гравированные листы Г. К. с образом Божией Матери с Младенцем Христом, «Иисус Христос и Иоанн Креститель детьми», оттиск

Ап. Иоанн Богослов.
Гравюра Г. К. Левицкого
из Апостола. 1738 г.

портрета свт. Димитрия Ростовского. Среди подобных «народных картинок» работы Г. К. отличались высоким профессионализмом. Станковая гравюра «Распятие с предстоящими» 1757 г. является последней известной датированной работой Г. К.

Сведения о том, что Г. К. работал как иконописец, не нашли подтверждения. Кроме граверных работ он осуществлял в соответствии с распоряжениями Синода надзор за художественным уровнем церковных росписей и иконописи. Он был назначен инспектором церковной живописи с правом отбирать и уничтожать «неискусной резьбы иконы» в церквях Полтавской протопопии (в местечках Нефороща (Нехвороща), Царичанка и др.).

Легендарная версия об участии Г. К. вместе с сыном Дмитрием в росписи Андреевской ц. в Киеве представляется сомнительной. Строительная документация собора не упоминает их имен, а художественная практика 1-й пол. XVIII в. не дает примеров совмещения профессий гравера и мастера настенных росписей, т. к. специфика этих специальностей существенно различна. Отдельные детали художественной декорации Андреевской ц. и близкое зна-

комство Г. К. с руководителем работ А. П. Антроповым могут свидетельствовать о том, что гравер имел некоторое влияние на характер внутреннего оформления церкви (Фоменко В. М. 1976. С. 102).

Творчество Г. К. стало вершиной развития укр. гравюры стиля барокко. «Мастера гравюры XVIII в. — современники Григория Левицкого и те, что работали после его смерти, не превосходили уже им достигнутого, как в художественном мастерстве, так и в содержании» (Там же. С. 106).

Е. В. Лопухина, Ю. В. Иванова

Дмитрий Григорьевич (между 13 и 17.05.1735, Киев (?) — 4.04.1822, С.-Петербург), живописец, сын Г. К. Основам профессии учился у отца. Ок. 1752–1755 гг. познакомился с художником А. П. Антроповым, к-рый в эти годы работал над оформлением Андреевской ц. в Киеве. По окончании работ Антропов взял юношу в С.-Петербург и продолжил его образование в своей мастерской. Д. Г. прожил в его доме с др. учениками с 1758 по 1764 г. Возможно, когда Д. Г. перестал зависеть от учителя, он смог частным образом посещать академические классы специалиста в перспективной живописи Дж. Вальериани и исторического живопис-

Портрет Г. К. Левицкого.
1779 г.

Худож. Д. Г. Левицкий (ГТГ)

ца Л. Ж. Ф. Лагрене, копировал полотно А. Рослина. До 1762 г. Д. Г. помогал Антропову в росписи плафонов Зимнего дворца и в создании икон для кладбищенских церквей С.-Петербурга. В 1762 г. он прибыл в Москву, где в качестве помощника Антропова участвовал в оформлении Триумфальных ворот (Никольских в Кремле и Тверских в Земля-

ном городе), возведенных по случаю торжеств в честь коронации имп. Екатерины II. В декор входили картины на аллегорические сюжеты и 8 портретов императрицы. В 1766 г. Д. Г. реставрировал Триумфальные ворота уже как независимый специалист.

В 1767 г. совместно с иконописцем В. И. Василевским создал 73 иконы (не сохр.) для иконостасов московских ц. святых Кира и Иоанна на ул. Солянка и ц. вмц. Екатерины на ул. Б. Ордынка.

К 1769 г. Д. Г. переехал в С.-Петербург, иконописные работы этого периода неизвестны. Он стал работать преимущественно в портретном жанре. 30 июля 1770 г. за портрет ректора АХ архит. А. Ф. Кокоринова (1769, ГРМ) ему было присуждено звание академика. С 10 марта 1771 по 1787 г. Д. Г. руководил портретным классом, для к-рого создал собственную программу обучения, включавшую обязательное копирование. Среди его учеников — С. С. Щукин, П. С. Дрождин, Л. С. Миропольский, Е. Д. Камеженков. 17 окт. 1776 г. Д. Г. был произведен в советники академии, в 1780 г. определен членом академического совета. Живопись Д. Г. близка к западноевропейской портретной традиции непринужденностью поз изображенных лиц, изысканным колоритом, убедительностью световоздушной среды и достоверностью в передаче материалов. Не исчерпываясь ни одним из стилистических направлений его времени, художественный метод Д. Г. представлял собой «движение к реализму» (Валицкая. 1985). Всеобщее признание получила серия из 7 портретов воспитанниц Смольного ин-та благородных девиц (1772/73–1776, ГРМ), вероятно исполненная для имп. Екатерины II. Три портрета этой серии могут быть трактованы как аллегии науки и искусств (Е. И. Молчанова — наука, Н. С. Борщова — театр, Г. И. Алымова — музыка) и представляют иллюстрацию эстетической и педагогической системы XVIII в. Другая серия — портреты опекунов Московского воспитательного дома для сирот, в которой Д. Г. показал себя как мастер парадного портрета с продуманной иконографической программой, способный находить индивидуальную позу и жест для каждого персонажа, — таковы портреты Н. А. Сезёмова (1770, ГТГ), П. А. Демидова (1773, ГТГ).

Особое место в творчестве Д. Г. занимают многочисленные портреты имп. Екатерины II и членов царской семьи. «Портрет Екатерины II в виде Законодательницы в храме богини Правосудия» (эскиз — рубеж 70-х и 80-х гг. XVIII в., ГТГ, портрет — 1783, ГРМ, вариант — 1793, ГТГ) стал программным произведением для Д. Г. и литераторов его окружения, Г. Р. Державина вдохновил на создание оды «Видение Мурзы». Композиция была предложена Н. А. Львовым, Д. Г. взял за основу портрет, исполненный Р. Бромптоном. На фоне пышного занавеса и пейзажа с бегущим по морю парусником под развевающимся флагом показана императрица в рост, в свободном движении обращаясь к зрителю, словно завершая монолог, смысл к-рого отражает надпись на жертвеннике: «Для общего блага». Соотнесенность с античным театром усилена статуей Фемиды. Д. Г. лично описал картину как «внутренность храма богини Правосудия, перед которой в виде Законодательницы ее императорское величество, сжигая на алтаре маковые цветы, жертвует драгоценным своим покоем для общего покоя...».

Среди парадных портретов Д. Г. 1782 г., отличающихся виртуозным письмом и эффектной подачей модели, выделяются «Портрет гр. Урсулы Мнишек» (ГТГ), «Портрет певицы А. Д. Бернуцци» (ГТГ), «Портрет А. Д. Ланского» (ГРМ). Теплота и поэтичность характеризуют интимные изображения, подобные «Портрету М. А. Дьяковой» (1778, ГТГ) или глубоко психологическому «Портрету отца художника» (1779, ГТГ). Д. Г. создал галерею образов деятелей русской культуры: дважды писал своего близкого друга архитектора, поэта и музыканта Львова (кон. 70-х гг. XVIII в. (?), ГЛМ, и 1785, ГРМ), литератора А. В. Храповицкого (1781, ГРМ), поэта и писателя И. М. Долгорукова (1782, Музей русского искусства, Киев), поэта, баснописца и сатирика И. И. Дмитриева (90-е гг. XVIII в., ГТГ), издателя Н. И. Новикова (авторское повторение (?) 2-й пол. 90-х гг. XVIII в. находится в ГТГ).

В авг. 1787 г. Д. Г. подал в совет академии прошение об отставке «по болезни». Был уволен на следующий день с минимальной пенсией. В 1807 г. по настоянию конференц-секретаря АХ А. Ф. Лабзина Д. Г. был

Портрет П. А. Демидова.
1773 г.

Худож. Д. Г. Левицкий (ГТГ)

введен в члены совета академии. В нач. 90-х гг. XVIII в. исполнены парадные, виртуозного письма «Портрет вел. кн. Елены Павловны» (Музей русского искусства, Киев), «Портрет вел. кн. Александры Павловны на фоне Камероновой галереи», «Портрет вел. кн. Екатерины Павловны», «Портрет вел. кн. Марии Павловны» (все — Павловский дворец, Павловск). Слава Д. Г. как живописца начала угасать после Отечественной войны 1812 г.; в академических документах имя его не упоминается. Его смерть в художественной среде прошла незамеченной; могила на Смоленском кладбище в С.-Петербурге утеряна. Творчество Д. Г. оказало влияние на становление П. И. Соколова, В. Л. Боровиковского, Г. И. Угрюмова.

Ю. В. Иванова

Лит.: Ровинский Д. А. Мат-лы для рус. иконографии. СПб., 1884. Т. 1; он же. Словарь гравиров; Горленко В. П. Д. Г. Левицкий // РА. 1892. Кн. 3. С. 204–222; РБС. Т. 13. С. 148; Русская живопись в XVIII в. СПб., 1902. Т. 1: Д. Г. Левицкий, 1735–1822 / Сост.: С. П. Дягилев; Попов П. М. Материалы до словника укр. гравиров. К., 1926. С. 68–79; он же. То же: Додаток 1. К., 1927. С. 22; Wiesek A. Polscy artyści Wrocławia w wieku XVIII. Warsz., 1955. С. 39–40; idem. Sztuczharz Grzegorz Lewicki i jego nieznane prace slaskie // Kwartalnik Opolski. Opole, 1959. N 20(4). S. 124–133; Гершензон-Чегодаева Н. М. Д. Г. Левицкий: Жизнь и творчество: Дис. М., 1962; она же. Д. Г. Левицкий. М., 1964; Грабарь И. Э. История рус. искусства. М., 1968. Т. 10. Кн. 1; Фоменко В. М. Григорий Левицкий и укр. гравюра. К., 1976; Молева Н. М. Левицкий. М., 1980; Валицкая А. П. Д. Г. Левицкий, 1735–1822. Л., 1985; Д. Г. Левицкий, 1735–1822: Кат. выст. / ГРМ. Л., 1987; ГТГ: Кат. собр. Сер.: Живопись XVIII–XX вв. М., 1998. Т. 2: Живопись XVIII в.; Фоменко Д.

Мідні гравірувальні дошки укр. друкарень XVII–XIX ст. у фондах НБУВ: Кат. К., 2014. С. 183–186. Кат. 165, 166.

ЛЭВИЯ КНІГА, ветхозаветный апокриф эпохи Второго храма. Предшествует по времени создания соч. «Завещание Левия» и, возможно, является одним из его источников. Текст Л. к. сохранился во фрагментах на имперском араме., древнегреч. и классическом сир. языках. Наибольшее значение для датировки Л. К. имеют арамеоязычные фрагменты, обнаруженные среди кумран. рукописей: 1Q21, 4Q213 (4QLevi^a ar), 4Q213a (4QLevi^b ar), 4Q213b (4QLevi^c ar), 4Q214 (4QLevi^d ar), 4Q214a (4QLevi^e ar), 4Q214b (4QLevi^f ar) (подробное описание см.: Drawnel. 2004. P. 22–29). Другим источником араме. текста Л. К. служат 2 рукописи из *Каирской генизы*: Cantabr. Taylor-Schlechter. 16. 94 (главы 1с — 2, 3, 66–80, 81–96 Л. к.) и Bodl. Hebr. C 27. Fol. 56r–v (главы 4–32а Л. к.). Два больших фрагмента Л. к. сохранились в составе афонской рукописи Ath. Cult. 39, в разделе, содержащем «Завещание 12 патриархов» (Fol. 198r — 221r, 223r — 229r). Оба фрагмента являются вставками в текст «Завещания Левия» (это очевидно из того, что вставки разбивают предложение (в 1-м фрагменте) и логически связанные фразы (во 2-м фрагменте)); по ряду признаков можно сделать вывод, что переписчик воспринимал их как органичную часть «Завещания Левия», а не интерполировал эти фрагменты в др. текст (Drawnel. 2004. P. 31). Единственный фрагмент на классическом сир. языке представляет собой цитату из Л. к. в составе флорилиегия (Bodl. Add. 17193) на листе 71г.

Л. к. начинается с молитвы Левия, он просит Бога удалить его от зла и дать ему разумение, чтобы принимать правильные судебные решения, и с описания его первого видения, в к-ром он созерцает высокую гору и небесные врата (гл. 1). Непосредственно за видением (в той мере, в какой позволяет об этом судить поврежденный текст) упоминается инцидент в Сихеме (Шхеме), когда братья Симеон и Левий, мстя за бесчестие, нанесенное их сестре Дине, напали на город и перебили всех его жителей-мужчин (главы 1–2). Вероятно, это событие в глазах автора должно было служить подтверждением того, что Левий получил дар

судить, о к-ром он просил в молитве. Стремясь представить братьев ревнителями закона, автор Л. К. вопреки библейскому повествованию подчеркивает их отсутствие во время продажи Иосифа в рабство (гл. 3). В этом же контексте упоминается 2-е видение Левия: ему открывается противостояние священнического царства (главы 3–4) и царства меча (главы 4–5). Далее следует небесное прославление Левия и обетование ему и его роду буд. благ (главы 6–7). В присутствии всей семьи Иаков благословляет Левия (гл. 8), совершает его посвящение и выделяет ему 10-ю часть своего имущества (главы 9–10). Большую часть Л. К. (главы 14–61) занимает наставление Иакова о порядке совершения жертвоприношений, обращенное к Левию. В главах 62–81 описаны история женьбы Левия, рождение его детей и внуков, перечислены важнейшие события его жизни. Завершается Л. К. пространной поэмой Левия, написанной в жанре лит-ры премудрости (главы 82–98), и поучением Левия детям, в котором говорится о буд. славе колена Левия и о его отступничестве (последнее, вероятно, подразумевает противостояние кумранитов хасмонейскому священству; главы 99–104).

Лит.: *VanderKam J. C. Enoch Traditions in Jubilees and Other Second-Century Sources // SBL. SP. 1978. Vol. 3/1. P. 229–251; Stone M. E., Greenfield J. C. The Prayer of Levi // JBL. 1993. Vol. 112. N 2. P. 247–266; Tromp J. Two References to a Levi Document in an Epistle of Ammonas // NTIQ. 1997. Vol. 39. N 3. P. 235–247; Draconel H. An Aramaic Wisdom Text from Qumran: A New Interpretation of the Levi Document. Leiden, 2004. (Suppl. to the JSJ; 86); Green J. C., Stone M. E., Eshel E. The Aramaic Levi Document: Edition, Translation, and Commentary. Leiden, 2004. (SVTP; 19).*

ЛЕВКАДСКАЯ И ИТАКИЙСКАЯ МИТРОПОЛИЯ [греч. Μητρόπολις Λευκάδος καὶ Ἰθάκης], епархия Элладской Православной Церкви, включает Лefкаду с близлежащими небольшими островами и Итаку; кафедра находится в г. Лefкада, кафедральный собор посвящен Пресв. Богородице Евангелистрии. Распространителем христианства в этих краях считается ап. Акила, к-рый проповедовал в Эпире, Акарнании и на Лefкаде. Первым епископом Лefкады является Сосион, поставленный ап. Павлом во время его пребывания в Никополе (близ совр. Превезы). По местному преданию, из Никополя ап. Павел в со-

провождении Акилы, Иродиона и Сосиона приплыл на Лefкаду. На том месте, где причалило его судно, в посл. была построена ц. св. Иоанна Предтечи «ту Андзуси». По др. преданию, ап. Акила назначил своим преемником ап. Иродиона, а тот — Сосиона. По молитве Сосиона обрушился храм Артемиды Лefкадии; в посл. на его месте была построена ц. Пресв. Богородицы Фанеромени. В I Вселенском Соборе принял участие Лefкадский еп. Агафарх. Согласно местной традиции, с ним на Лefкаду из Ни-

Церковь Пресв. Богородицы Одигитрии в Аполлоне. Сер. XV в. Фотография. Нач. XXI в.

кеи прибыли еще 5 участников Собора. Двое из них поселились при ц. Пресв. Богородицы Фанеромени, а остальные — близ Никианы, где в наст. время находится исихастий Св. отцов.

В поздней античности Лefкада входила в состав пров. Эпир. До 731/2 г. Лefкадская епископия находилась в церковной юрисдикции Рима и подчинялась Никопольской митрополии, в 1-й пол. X в. она стала архиепископией. После захвата в 1204 г. К-поля крестоносцами и образования Эпирского деспотата большинство епархий, расположенных на его территории (в т. ч. и Лefкадская), вышли из подчинения К-польского патриарха и перешли под главенство Охридского архиепископа. Поэтому двух Лefкадских архиереев, избранных после 1204 г., К-польский Патриархат считал неканоническими. В 1293 г. эпирский деспот Никифор отдал Лefкаду в качестве приданого дочери, к-рая вступила в брак с гр. Кефалинии Иоанном I Орсини. В 1-й пол. XIV в. на короткое время Лefкадская епархия получила статус митрополии. В 1331–1362 гг. Лefкадой владели представители Анжуйской дина-

тии, а в 1362–1479 гг. — итал. рода Токко. После изгнания православного архиепископа в 1365 г. управление Лefкадской архиепископией было передано Янинскому митрополиту (Матфей Лefкадский в 1367 был переведен на Навпактскую кафедру), а в 1394 г. — Коринфскому митрополиту.

Православная архиерейская кафедра была восстановлена при Токко (в 1429 упом. архиеп. Агапит). Положение православных улучшилось после брака Леонардо III Токко и серб. кнж. Милицы, дочери деспота Лазаря Бранковича и Елены Палеолог. Когда Елена отправилась к своей дочери, она попала в морскую бурю и в благодарность за чудесное спасение построила на Лefкаде ц. мц. Мавры, особо почитавшейся на острове, к-рый в ее честь назывался также Агия-Мавра (или Santa Mavra). Елена Палеолог также построила украшенную фресками ц. Пресв. Богородицы Одигитрии в Аполлоне — древнейшую из сохранившихся визант. храмов на острове. Елена скончалась в 1473 г. на Лefкаде, приняв постриг с именем Ипмона.

В 1479 г. остров захватили турки и удерживали его на протяжении 205 лет. Кафедра архиепископа в этот период находилась в монастыре Пресв. Богородицы Епископи в Спанохори. В 1684 г. Лefкада была завоевана венецианцами. Они постановили, что избрание Лefкадского архиепископа должно осуществляться не К-польским патриархом, а местным клиром с последующим утверждением в К-поле. В соответствии с новыми правилами архиепископом в 1688 г. был избран Анфим Маринос, к-рый составил строгий церковный устав, утвержденный в 1693 г. главным инквизитором Востока. Он перенес кафедру в новое поселение Амаксики (ныне г. Лefкада), основанное венецианцами, к-рые переселили туда местных жителей из Хоры и беженцев с Крита. В 1777 г. на Лefкаде проповедовал равноап. *Косма Этолийский*.

В 1797 г. Лefкада вместе с другими Ионическими о-вами попала под власть французов. Они назначили временное демократическое правительство, первым членом должен был стать архиеп. Иоаким Маринос, но он сразу подал в отставку, протестуя против атеистической политики французов, которые превратили

правосл. ц. мц. Мавры и католич. собор Пантократора в склады, разграбили мн. храмы в сельской местности и пытались вводить республиканские праздники. После изгнания в 1798 г. франц. гарнизона флотом адмирала Ф. Ф. Ушакова Левкадская архиепископия была возведена в ранг митрополии. Митр. Парфений Конидалис благословил флаг нового гос-ва — автономной Республики Семи Соединённых Островов, находившейся под двойным протекторатом — России и Турции. Она просуществовала до 1807 г., когда по условиям Тильзитского мира Ионические о-ва снова перешли к Франции. Митр. Парфений принял активное участие в обороне Лефкады во время осады армии Али-паши Янинского (1807). В 1810 г. Лефкада была захвачена англичанами, к-рые в 1815 г. основали на Ионических о-вах Ионическую республику под англ. протекторатом. Налоговая политика англичан вызвала в 1819 г. на Лефкаде восстание, среди руководителей которого были иером. Феоклит Стравоскиадис и свящ. Папа-Мелас.

В 1824 г. с санкции англ. властей Захария (Монтесантос), возглавлявший в 1819–1824 гг. епархию в качестве великого протопресвитера, был возведен в сан митрополита. Вскоре после присоединения в 1864 г. Ионических о-вов к Греческому королевству существовавшие на их территории митрополии перешли из юрисдикции К-польского Патриархата в ведение Элладской Православной Церкви. После смерти в 1886 г. Итакийского еп. Гавриила (Каравиаса) Итака была присоединена к Левкадской митрополии. Епархия получила название Левкадская и Итакийская епископия, в 1886–1899 гг. ее кафедра оставалась незамещенной. В визант. период Итака входила в состав Кефалинийской епархии, затем управлялась протопресвитерами и только после принятия Конституции 1817 г. получила своего епископа. В 1922 г. Левкадская и Итакийская епископия была возведена в ранг митрополии.

В 2014 г. в Л. и И. м. действовали 66 приходских храмов, 73 парекклисиона, 110 экзокклисионов, 35 кладбищенских храмов, 7 ктиторских церквей, 3 муж. мон-ря (Пресв. Богородицы Фанеромени, св. Иоанна Предтечи на Лефкаде и Пресв. Богородицы «тон Катарон» на Итаке) и 2 жен. мон-ря (свт. Николая Чу-

дотворца и Св. отцов на Лефкаде). Организованы молодежные центры при митрополии и приходах, катехизаторские школы, службы поддержки семьи, школа визант. музыки, летние лагеря близ монастыря Пресв. Богородицы Фанеромени, дом престарелых в Лефкаде, генеральная благотворительная касса, касса взаимопомощи духовенства.

Левкадские архиереи: Сосион (I в.); Агафарх (упом. в 325); Захария (упом. в 381); Пелагий (упом. в 680/1); Герман (упом. в 879); Антоний (IX в.); Савва (IX–X вв.); Евник (упом. в 968); Иоанн (упом. в 997); Нафанаил; Алий; Иаков (упом. в 1043); неизвестный по имени (упом. в 1058); неизвестный по имени (упом. в 1144); Андрей (упом. в 1185); неизвестный по имени (упом. в 1235); Матфей (ранее 1367, в посл. митрополит Навпактский); Агапит (упом. в 1429–1431); Иларион (1431–?); Амфилохий (1513–?); Тарасий (упом. в 1522); Епифаний (упом. в 1535); Анфим (упом. в 1544); Филофей; Мефодий; Митрофан (упом. в 1625); Анфим (упом. в 1640); Нафанаил (упом. в 1640/41); Иоанн или Иоасаф (Иоасафат) Спатас (упом. в 1653); Максим (упом. в 1654); Феоклит (упом. в 1662); Парфений (упом. в 1674); Анфим Маринос (1688–?); Феофан Даниас (упом. в 1704); Евгений Маринос (упом. в 1710 и 1720); Мелетий Сервос (1737); Дионисий Конидалис (1737 или 1738–1742); Хрисанф Псомас (1743–1766); Мелетий Конидалис (1766–?); Иоаким Маринос (1779–1799); Парфений Конидалис (1799–1818); Захария (Монтесантос; 1824–1831); Евгений (Фецис; 1831–1851); Григорий (Араванис; 1851 или 1852–1886); Евгений (Пердикарис; 1899–1903); Даниил (Сулидис; 1907–1917, 1923–1927); Димитрий (Евфимиу; 1931–1940); Дорофей (Палладинос; 1940–1968); Никифор (Дедусис; 1968–2008); Феофил (Манолатос; с 2008 по наст. время).

Лит.: *Ἀβούρης Σ. Ν. Λευκάδος καὶ Ἰθάκης, Μητρόπολις* // *ΟΝΕ*. 1966. т. 8. С. 251–254; *Dargouzis. Notitiae*. P. 273, 294, 345, 351, 377, 385, 389, 408, 410, 420. N 7, 8, 11, 12, 14–16, 18, 21; *Soustal P., Koder J. Nikopolis und Kephallenia*. W., 1981. (ТГВ; 3). S. 81–87, 168–169, 195–196; *Fedalto. Hierarchia*. P. 481; *Ζοιπέλης Γ., προτοπρεσβ. Ιστορία της Εκκλησίας της Λευκάδος. Λευκάδα, 2002–2005. 3 τ.; Δίπτυχα*. 2014. С. 633–637; www.imli.gr [официальный сайт Л. и И. м.].

О. В. Л.

ЛѢВКИЕВ (Левкеев) В ЧЕСТЬ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ (в ряде документов XVI–XVII вв. — пустынь), находился на юго-зап. окраине Волоцкого княжества, на р. Омутня (Мутня), левом притоке в верховьях р. Москвы, близ торгового с. Середа (Стратилатское),

в 35 верстах от Волоколамска (ныне Шаховской р-н Московской обл.). Основан, вероятно, в период с посл. четв. XV в. до 1503 г. прп. *Левкием* Волоколамским. Возможно, устройство Л. м. связано с передачей в удел в 1462 г. Волока Ламского, Рузы и Ржевы (Ржева) с волостями по завещанию сыну вел. кн. Московского *Василия II Васильевича* Тёмного кн. Борису Васильевичу (21 июля 1449 — 26 мая 1494). Учитывая юный возраст князя и то, что, хотя и номинально Волок Ламский считался совместным московско-новгородским владением, Л. м., вероятно, мог быть основан прп. Левкием Волоколамским не ранее 2-й пол. 60–70-х гг. XV в. (*Леонид (Кавелин)*). Св. Русь. № 590; Рус. провинциальный некрополь. 1914. С. 479). Косвенно версии не противоречат духовные грамоты — 1503 г. кн. Рузского Ивана Борисовича и ок. 1506 г. кн. Волоцкого Федора Борисовича, завещавших в Л. м. поминальные вклады (ДДГ. С. 352, 407). Существование в это время мон-ря с таким названием свидетельствует, что до нач. XVI в. прп. Левкий не только скончался, но и был прославлен и почитался как местночтимый святой.

В Смутное время, в 1609 и 1612 гг., Л. м., очевидно, пострадал от «литовских людей» (*Леонид (Кавелин)*. 1870. С. 85). Разорен был не только мон-рь, но и находившиеся в его окрестностях вотчины. По указу 1679/80 г. царя *Феодора Алексеевича* вместе с др. обителями Л. м. был приписан к *Новоиерусалимскому в честь Воскресения Господня монастырю*. В 1764 г. при учреждении штатов Л. м. упразднен и обращен в приходскую церковь с. Левкиева. В церковно-адм. отношении до XVIII в. мон-рь подчинялся властям Волоцкой десятины Митрополичьей, Патриаршей и Синодальной областей, хотя и не исключено в XV — нач. XVI в. вмешательство в дела церковного управления Новгородских архиереев. С 1744 г. входил в состав Переславской и Дмитровской епархий. По указам от 6 мая 1788 г., 12 дек. 1796 г. и Высочайше утвержденному докладу Синода от 16 окт. 1799 г. вплоть до XX в. приход с. Левкиева перешел в ведение Московской епархии.

Братия монастыря. Системных данных об изменении численности и состава братии за XV–XVIII вв. не сохранилось. В документах XVI-

XVIII вв. встречаются случайные упоминания о монашеских служителях. Кроме настоятелей среди насельников значатся: казначей, черные священники, иеродиакон, иеромонахи, старцы, в т. ч. хлебник, инок-схимник, служки и служебники, в т. ч. дьяк. Точная численность и состав насель-

ников известны по описи монастыря 1679/80 г., в которой указываются строитель — «черный поп», старец-казначей, 5 старцев и монастырский слуга. Перед упразднением Л. м., по описи 1764 г., монашеских в обители не было, а вместо положенных для проживания 3 священников, 2 диаконов, 3 пономарей и 3 дьячков находилось только 2 священника, диакон и пономарь. Насельники Л. м., состоявшие, по видимому, в большинстве из бывших в миру служилых земледельцев, придерживались «особного жития», устава, предусматривавшего частную собственность монахов, в т. ч. кельи, индивидуальную трапезу, кроме вкушения праздничных и поминальных кормов. До нач. XVII в. монастырем управляли настоятели в сане игуменов, после разорения обители в Смутное время и вплоть до упразднения — строители, выбиравшиеся из иеромонахов и иеродиаконов. В 1-й трети XVII в. функции настоятеля исполнял черный священник. Последний раз строитель упоминается в судебном деле Л. м. с вдовой Темировой 1722 г. Не исключено, что монашеская жизнь в мон-ре прекратилась ок. сер. XVIII в., после перехода обители в ведение властей Переславской и Дмитровской епархий.

Постройки. Дата возведения каменного собора в честь Успения Пресв. Богородицы неизвестна. Историк архитектуры В. В. Кавельмахер считает, что церковь возведена во 2-й пол. XVI в. и имела размеры, сходные с объемами располагавше-

гося в пределах визуальной видимости также каменного Никольского храма, построенного в с. Черлэнкове Хованского стана Волоцкого у.— вотчине *Иосифова Волоколамского в честь Успения Пресв. Богородицы монастыря*. Собор представлял собой одноглавую 4-столпную квадратную в плане церковь с 3-апсидным пониженным алтарным полукружием, его отдельные черты напоминали Воскресенский

Левкиев в честь Успения Пресв. Богородицы мон-рь. Фотография. Нач. XX в.

собор в Волоколамске. Пилястры, завершавшиеся закомарами, делили фасады здания на 3 части. На достаточно широком барабане была размещена характерная для раннемосковского зодчества шлемовидная глава храма. По описанию кон. XVII в., «глава круглая обита чешуею деревянною... на главе крест железной большой». В XVII–XVIII вв. церковь была покрыта тесом, но скорее всего в XIX в. перекрыта железной кровлей. До XVII в. при Успенской ц. имелась деревянная часовня, «а в ней почивают преп. отец Левкий, под спудом» (*Леонид (Кавелин)*. 1870. С. 72–73). К сер. XVIII в. это был каменный «приделец». 29 окт. 1867 г. каменный придел, находившийся с зап. стороны храма, очевидно после ремонтных работ, был освящен. Симметрично ему в то же самое время пристроен придел во имя прор. Илии, но освящен позднее.

В описи зданий Л. м. кон. XVII в. значится каменная ц. во имя праведных Иоакима и Анны «с трапезою». Под храмом находились монастырские службы: погреб, «хлебня», «палатка хлебодарная». Теплый трапезный храм построен, как и собор, в XVI в. К XVII в. здание находилось в аварийном состоянии — кровля сгнила, «и та церковь и трапеза обвалились». В офицерской описи 1764 г. сведения об Иоакимовской ц. или о ее руинах отсутствуют, следов., храм не был восстановлен и скорее всего разобран. Возможно, во 2-й трети XVIII в. на ее месте был выстроен храм в честь Богоявления. К сер. XIX в. он также оказался в аварийном состоянии, службы в нем прекратились в 1867 г.

До XVIII в. шатровая колокольня Л. м. была деревянной, «рубленая о шти стенах», крыта тесом, на куполе крест «обит белым железом». На ней находилось 8 колоколов весом 4, 6, 10 пудов и 5 — по 2 и 3 пуда. Каменная многоярусная колокольня при приходских храмах выстроена в кон. XVIII — нач. XIX в. По архитектурным формам она напоминает 5-ярусную соборную колокольню в Волоколамске, значительно перестроенную в XIX в.

Из жилых построек в Л. м. в XVII в. существовали деревянная келья строителя на жилом подклете, крытые соломой 3 братские кельи, одна из к-рых «двойня», небольшое сушило «о двух жильях». В кон. XVII в. у св. ворот выстроена «гостинная» келья. К сер. XVIII в. все 4 жильные постройки были каменными. Немногочисленны были хозяйственные постройки: 3 житницы, одна из к-рых покрыта тесом, остальные — соломой; за кельей строителя находились сарай, рядом с ним — пасека из 4 пчелиных ульев.

В XVII–XVIII вв. вокруг мон-ря существовала деревянная ограда, «забор в столбах» (192 саж.) с 2 дощатыми и крытыми тесом воротами, одни из к-рых святые. Вне ограды в полуверсте располагался «воловоый двор», на р. Рузе мон-рю принадлежала мельница с 2 жерновами.

Материальное положение Л. м. основывалось на доходах, получаемых с населенных земельных владений обители и за исполнение церковных треб. Вотчины в XVI–XVII вв. находились преимущественно вблизи Л. м. и Хованских станов Волоцкого и Рузского уездов. Процесс формирования вотчин неизвестен, т. к. монастырские документы за XV–XVI вв. не сохранились. По описи архива Л. м. 1679/80 г., в нем значатся лишь акты XVII в., самый ранний из них — сводная жалованная грамота царя Михаила Феодоровича 1623 г., в к-рой упоминается утраченная к концу века тарханная грамота вел. кн. Иоанна IV Васильевича 1563/64 г. «за приписью дьяка Андрея Щелкалова и в 114-м (1605/06) году при Расстриге та грамота подписана» (Там же. С. 59). В духовной книге волоцкого Федора Борисовича указывается поминальный вклад — с. Назарьевское с деревнями. Земельный вклад не поступил во владение мон-ря. Очевидно, за вещание в связи с неприязненными

отношениями к удельному родственнику не было утверждено в полном объеме великим князем Московским и в лучшем случае земельный вклад был заменен денежной компенсацией.

О намерении передать в Л. м. в качестве поминального вклада дер. Вашиурово сообщается в духовной старца Елисея Бибикова 1580 г., но и эта деревня отсутствует среди земельных владений мон-ря в 1-й трети XVII в. Неизвестна история приобретения и причины утраты мон-рем небольшого владения XVI в. в Сурожском стане Московского у. сельца Ивановского Высокого, бывш. вотчины кн. Ивана Лобанова-Ростовского. После Смутного времени из хозяйственного оборота монастыря оказалось выведенным значительное владение в Рузском у.— 4 села с деревнями, а также запустело большинство из населенных в XVI в. мест

Крест у фундамента Успенской ц.
Фотография. 2015 г.

в Волоцком у.— село, 5 селец с деревнями. По данным переписных книг, за Л. м. в 1653–1661 гг. числилось всего 24 крестьянских двора, а в 1678–1700 гг.— 37, тяглое население которых платило оброк вначале Л. м., а затем Новоиерусалимскому монастырю. Величина и формы оброка до XVII в. неизвестны, хотя, судя по поздним документам, по-видимому, он носил смешанный характер: денежный, а также натуральный — поставка в мон-рь ржи, овса, масла, яиц, грибов, ягод и орехов. Это не исключало и другие повинности. К нач. XVIII в. мон-рь уже не имел собственной запашки и все доходы с крестьян, взимавшиеся в денежной форме, составляли 145 р.

О средствах, получаемых мон-рем за церковные требы, впервые упоминается в духовных 1503–1521 гг. князей волоцкого, рузского и князя угличского *Дмитрия Ивановича Жилки*, брата вел. кн. Василия III Иоанновича. В основном это разовые денежные поминальные вклады; в грамотах в качестве вклада числятся также домашние животные, земельные владения.

Наличие в мон-ре синодика, утраченного к XIX в., свидетельствует, что поминальные вклады др. лиц были неоднократными в течение всего времени существования обители. Документы о расходовании средств на содержание и благоустройство Л. м. неизвестны. В частности, неясно, когда и на средства какого вкладчика выстроены не позднее XVI в. 2 каменных храма. О материальном положении насельников известно лишь по описи 1764 г. К сер. XVIII в. иноки не получали ни денежного, ни хлебного жалованья, «стояли на пашне», обрабатывая выделенные им 12 четв. земли на каждом из 3 полей, и пользовались сенокосными покосами на 150 копен сена.

Несмотря на упразднение мон-ря, в приходском храме с. Левкиева хранились святыни, связанные с основанием обители.

Приходская жизнь в селе в кон. XIX — 1-й трети XX в. связана с именами 2 выдающихся церковных деятелей. В семье псаломщика местной церкви род. и проживал до пострига последний архим. Троице-Сергиевой лавры прмч. *Кронид (Любимов)*. С 1929 по 1930 г. в Успенском храме служил иером. прмч. *Гавриил (Гур)*. Сельские храмы были закрыты в нач. 30-х гг. XX в. и, по-видимому, пострадали во время боев 1941–1942 гг.; в 50-х гг. XX в. стены церквей и колокольни окончательно разрушены, их остатки использованы на хозяйственные нужды. К 2016 г. на месте бывш. Л. м. находится сельское кладбище. 20 авг. 2011 г. у фундамента Успенской ц. установлен и освящен памятный поклонный крест.

Арх.: РГАДА. Ф. 281. Волоколамск. № 2475, 2493, 2500, 2541.
Лит.: ИРИ. Ч. 5. С. 10; *Леонид (Кавелин)*, архим. Волоколамская Левкиева пуст. и ее основатель прп. Левкий // ЧОЛДП. 1870. Кн. 12. С. 48–86; он же. Ист. описание ставропигиального Воскресенского Новоиерусалимского мон-ря // ЧОИДР. 1874. Кн. 3. Отд. 1. С. 37; 1875. Кн. 1. Отд. 1. С. 373–374; Кн. 2. Отд. 1. С. 496, 534, 536; *Холмогоровы В. и Г.* Ист. мат-лы о церквах и селах XVI–XVIII вв. М., 1896. Вып. 9: Волоколамская и Серпухов-

ская десятины. С. 38, 79, 80; Рус. провинциальный некрополь / Сост.: В. В. Шереметевский; изд.: вел. кн. Николай Михайлович. М., 1914. Т. 1. С. 239, 479; *Водарский Я. Е.* Церк. орг-ции и их крепостные крестьяне во 2-й пол. XVII — нач. XVIII в. // Ист. география России XII — нач. XX вв. М., 1975. С. 81; *Булыгин Н. А.* Монастырские крестьяне России в 1-й четв. XVIII в. М., 1977. С. 223; *Голубинский.* Канонизация святых. 1998. С. 333; *Горшкова В. В., Сукина Л. Б.* Даниил, прп. Переславский // ПЭ. 2006. Т. 14. С. 56–61.

А. В. Маштафаров

ЛÉВКИЙ († до 1503), прп. (пам. в воскресенье перед 26 авг.— в Соборе Московских святых), основатель *Левкиева в честь Успения Пресв. Богородицы мужского монастыря* в 35 верстах от Волоколамска (ныне Шаховской р-н Московской обл.). Основные сведения о святом содержатся в Житии прп. Даниила Переславского. В сокращенной редакции Жития (по классификации С. И. Смирнова), известной под названием «Сказание вкратце о преподобном старце Данииле Переяславском», говорится, что *Даниил* (в миру *Димитрий*) много слышал о прп. *Пафнутии* Боровском († 1 мая 1477) и хотел быть его учеником, но «не улучи». Он пришел в обитель, когда святой уже преставился (ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 615). После пострига Даниил был отдан «под начало нѣкоему старцу велику житиемъ, именемъ Левкий, иже послѣди изволи в пустыню вселитися и во уединении безмолъствовати, еже и донынѣ словет пустыня Левкиина, в ней ж Левкия добръ потрудися и соверши житие свое о Господѣ» (*Смирнов*. 1908. С. 10). Под началом Л. он находился 10 лет, учась «иноческому житию и правилу, и великимъ подвигомъ, и смиренномудрию; и без того воли ничто же творяше». Если следовать хронологии Жития, ок. 1487 г. Л. покинул мон-рь и поселился в пустыни. Согласно первоначальной редакции Жития, его ученик остался в Боровской обители (Там же. С. 10). По сведениям «Сказания...», Даниил ушел со старцем и вместе с ним подвизался в Левкиевой пуст. 2 года. К нач. XVI в. Л. уже не было в живых; о почитании святого свидетельствуют духовные грамоты кн. рузского Ивана Борисовича (1503) и кн. волоцкого Федора Борисовича (ок. 1506), завещавших поминальные вклады в Левкиев мон-рь (ДДГ. С. 352, 407). Святой был погребен около Успенской ц. Согласно описи XVII в., при

Прп. Левкий Волоколамский.
Икона. Кон. XVII в. (?)
под записью сер. XIX в.
Оклад.
40–50-е гг. XIX в.
(ц. Сретения Господня
в Песках)

храме была устроена «часовня деревянная, а в ней почивает преподобный отец Левкий под спудом» (Леонид (Кавелин). 1870. С. 73). К сер. XVIII в. вместо часовни построили каменный «приделец», освященный во имя Л. (он имел небольшие размеры: 3,5 саж. в длину и столько же в ширину). Имя святого включено в «Книгу глаголемую Описание о российских святых»: «Преподобный Левкий, игумень Успенского монастыря иже бысть на Рузѣ рѣцѣ, преставися в лето 6000». Празднование святому в его пустыни традиционно совершалось 17 июля. Память Л. отмечена в иконописных подлинниках под 17 июля (БАН. Строг. № 66. Л. 128 об., кон. XVIII в.; РНБ. Погод. № 1931. Л. 190), под 7 апр. — в Сводном иконописном подлиннике Г. Д. Филимонова.

В 1764 г. при учреждении штатов Левкиев мон-рь был упразднен, его храмы стали приходскими. У раки святого в Успенской ц. хранились святыни, связанные с основателем обители и известные по монастырским описям XVII в.: черный игу-

менский посох, резной деревянный крест, «образ на гробе Левкия чудотворца на красках», в киоте над гробницей — «образ преподобного отца Левкия в молении». В вост. части мон-ря находился св. источник, ископанный, по преданию, преподобным. До 1917 г. над источником стояла деревянная часовня, куда ежегодно 17 июля совершался крестный ход (часовня восстановлена в 2000). К 17 июля и 15 авг. были приурочены ярмарки в с. Левкиеве, собиравшие до 5 тыс. чел.; сюда съезжались крестьяне, купцы из Волоколамска, Можайска и Рузы. Сельские храмы были закрыты в нач. 30-х гг. XX в., в посл. разрушены, ныне здесь находится кладбище. В авг. 2011 г. над предполагаемым местом погребения Л. установлен поклонный крест. Канонизация святого подтверждена включением его имени в Собор Московских святых, установленный в 1997 г. по благословению патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Ист.: Описание о российских святых. С. 236; ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2; Смирнов С. И. Житие прп. Даниила Переяславского. М., 1908.

Лит.: ИРИ. Т. 5. С. 10; Ратишин. Монастыри. С. 284; Леонид (Кавелин), архим. Волоколамская Левкиева пустынь и ее основатель прп. Левкий // ЧОЛДП. 1870. Кн. 12. С. 48–86; Барсуков. Источники агрографии. Стб. 322; Примеч. С. VII; Голубинский. Канонизация святых. С. 333; Сергий (Спасский). Месцеслов. Т. 2. С. 217; Филимонов. Иконописный подлинник. С. 63; Строев. Списки иерархов. Стб. 251; Холмогоровы В. и Г. Ист. мат-лы о церквах и селах XVI–XVIII вв. Московской губ. М., 1896. Вып. 9: Волоколамская и Серпуховская десятины. С. 38, 79, 80; Рус. провинциальный некрополь / Сост.: В. В. Шереметевский. М., 1914. Т. 1. С. 479; Маркелов. Святыне Др. Руси. Т. 1. С. 153.

А. В. Маштафаров,

Е. В. Романенко

Иконография. Описание внешности Л. сохранилось в нескольких иконописных подлинниках под 17 июля. Святого изображают с непокрытой головой в монашеских одеждах (мантия, ряса, куколь опущен на плечи). Его облик уподобляется облику прп. Сергия Радонежского: «Сед, брада доле Сергиевы, власы с ушей, схима на плечах, ризы преподобническа» (БАН. Строг. № 66. Л. 128 об., кон. XVII в.); в рукописи из собрания М. П. Погодина — то же описание, с уточнением: «борода повилась» (РНБ. Погод. № 1931. Л. 190, 20-е гг. XIX в.). Встречаются разночтения: «...власы не с ушей... в руке ледоства, ризы монашеския» (РНБ. СПбДА. А. II. 54. Л. 35, сер. XIX в.).

В определении топонимического эпитета Л. в подлинниках существуют варианты: «Волоколамский» и «Вологод-

ский». В рукописи 30-х гг. XIX в. (ИРЛИ. (ПД). Перетц. № 524. Л. 194), в к-рой в основном повторяется сказанное о внешнем облике Л. в др. подлинниках («Сед, брада Сергиевы подоле, власы не с ушей, схима, рукою благославляет, в левой руке свиток и лествица, ризы преподобническа»), святой назван Вологодским. В иконописном подлиннике сводной редакции (XVIII в.) С. Т. Большакова под 17 июля преподобный ошибочно именуется Мокием Вологодским: «...отца нашего Мокія игумена, иже на Рузе реце, Вологодского новаго чудотворца». Поскольку преподобный с именем Мокий в рус. святцах не выявлен, напоминающее об исторических реалиях указание «иже на Рузе реце» наряду с днем памяти позволяет идентифицировать здесь Л.

Известна икона Л., происходящая из ц. Успения Пресв. Богородицы в Левкиевой пуст. (храм закрыт в 30-х гг. XX в., разрушен в 1957). Святой представлен в рост, голова не покрыта, правая рука сложена в жесте благословления, в левой руке — лествица; сверху — Нерукотворный образ Спасителя. Икону закрывает цельный металлический оклад (лик и руки Л. открыты) 40–50-х гг. XIX в. К тому же времени можно отнести поновления на иконе, созданной, вероятно, в кон. XVII в. В наст. время икона находится в Сретенской ц. дер. Пески Шаховского р-на Московской обл. Лит.: Филимонов. Иконописный подлинник. Стб. 25; Барсуков. Источники агрографии. Стб. 322; Большаков. Подлинник иконописный. С. 121; Маркелов. Подлинник Др. Руси. Т. 2. С. 153.

ЛѐВКИЙ, мч. (пам. 14 дек.) — см. в ст. Фирс, Левкий и Каллиник, мученики.

ЛѐВКИЙ [лат. Leucius] (I–III или IV–V вв.), исп. Александрийский (пам. 20 июня, пам. зап. 8, 11 янв.), еп. Врунтисиопольский (Брундизийский). Сохранилось неск. Житий Л. (ВНЛ, N 4894–4898b) на лат. языке, которые датируются VIII–XIII вв. и имеют множество исторических неточностей. Согласно одному из наиболее ранних Житий (ВНЛ, N 4894, 4898b), написанному, вероятно, между VIII и X вв. (Lanzoni. P. 307), во времена имп. Феодосия в Александрии жил благочестивый муж Евдикий, у к-рого был сын Евприский (впосл. получивший от Бога имя Левкий). Когда мальчику исполнилось 10 лет, его мать Евфродисия умерла и отец, взяв ребенка, ушел в мон-рь. Монахи обучали мальчика и настолько привязались к Евприскию, что после кончины

игумена единодушно решили назначить 18-летнего юношу его преемником. Однако тот отказался, считая себя недостойным. Спустя 7 лет монахи снова предложили Евприскию возглавить их обитель, а тот ответил, что не пострижен и не имеет священнического сана. В день Успения Пресв. Богородицы Евдикий с сыном и множеством народа из Александрии и соседних селений торжественно молились в ц. во имя Божией Матери. После чего во сне Евдикию было Божественное откровение о его скорой кончине и о том, что он должен принять имя Евдикий, а сын его — имя Левкий, означающее «прииде на него Дух Господень», и тогда сын станет епископом и просветит светом Христовой веры г. Врунтисиополь (Брундизий; ныне Бриндизи) в Италии. Проснувшись, отец рассказал сыну о видении, и тот воздал Богу благодарение за Его милость. Во время молитвы с неба раздавался голос, обращавшийся к Л. Все присутствовавшие слышали этот голос и испугались, не понимая, откуда он раздается и кто среди них называется Левкием. Наутро диакон, войдя в алтарь, просил, чтобы явился тот, кто носит это имя. Некий маг Зерей объявил народу, что он Левкий и послан от Бога для проповеди истинной веры, а учение местного еп. Елена назвал ложным. Когда Л. попросил мага изложить его веру, тот ничего не ответил, но, приняв молитвенную позу, с помощью колдовских чар поднялся над землей. Евдикий рассказал народу о своем видении и обвинил Зерея во лжи, а Л. назвал его магом и колдуном. Однако тот сумел убедить толпу не верить Л., и многие отошли от истинной веры, последовав за Зереем. Евдикий с сыном пришли к епископу, рассказали о случившемся и решили устроить испытание огнем: посреди поля был разведен костер, Л. и епископ в доказательство истинности своего учения прошли сквозь него, оставшись невредимыми, а затем предложили Зерею сделать то же самое. Он отказался, и тогда его потащили силой, но Л. спас полуживого мага из огня. Народ раскаялся в своем отступничестве и прославил Бога. На следующий день епископ рукоположил Л. в архи-пресвитера.

Одним из первых его деяний было изгнание из оглашенного эфиопа беса, к-рый принял образ огромного

змея, убил множество иудеев и язычников в Египте, а затем, поселившись в некоем городе, стал поедать не только людей, но и животных. В страхе народ обратился к еп. Елену с просьбой избавить их от ужасного зверя. Елен послал к ним диакона, и тот с помощью епископского посоха заставил змея изрыгнуть тела всех ранее съеденных людей. В тот город пришел Л.; помолвившись, он окропил святой водой умерщвленных змеем людей и, прикасаясь посохом Елены, воскресил их. Более 3 тыс. чел. уверовали в истинного Бога и крестились. В это время 6 нечестивых мужей решили изгнать из Александрии всех верующих во Христа, и один из них обезглавил еп. Филиппа в алтаре ц. ап. Марка. Охваченные праведным гневом христиане предали убийцу огню и убили его единомышленников. Затем в Александрию прибыли моряки-венецианцы и, похитив часть мощей ап. Марка, бежали. Еп. Елен пришел в город, похоронил останки еп. Филиппа на месте его мученической кончины, освятил там алтарь в его честь, а Л. назначил его преемником. Мощи ап. Марка епископ перенес в др. место и приказал построить для них новую церковь. Спустя нек-рое время епарх Александрии Сатурнин решил убить Л. Узнав об этом, народ хотел восстать против правителя, но епископ призвал жителей к миру, сказав, что в видении Бог велел ему назначить вместо себя диакона Севира, брата Евгении-девы, а самому удалиться в Италию, во Врунтисиополь, для проповеди истинной веры среди язычников. Л. с диаконами Евсевием и Дионисием, 5 учениками и присоединившимися к ним по дороге пресвитерами Львом и Савином прибыл в Италию. Сойдя с корабля, епископ обратился к вере и крестил трибуна Армалеона и 67 воинов, а затем и множество др. людей, собравшихся послушать его проповедь у зап. ворот города, недалеко от амфитеатра. Правитель Антиох, родственник императора, призвал к себе Л. и уверовал во Христа вместе с 27 тыс. жителей Врунтисиополя, после того как по молитве епископа и его клира с неба пролился обильный дождь, к-рого не было в тех краях уже 2 года. В память об этом событии бывш. язычники построили храм во имя Пресв. Богородицы и св. Иоанна Предтечи на месте своего крещения. Л. настав-

лял и укреплял в вере паству и мирно отошел ко Господу 11 янв. Антиох похоронил останки епископа согласно его воле на том месте, где Л. сошел с корабля, когда прибыл из Александрии, и возвел там мартирий в честь святого.

В более позднем Житии (ВНЛ, N 4897), составленном предположительно в XI в. синкеллом епископа Трани (лат. Турен) Иоанна, сюжет практически полностью повторяется, за исключением нек-рых деталей: о маге Зерее не упоминается; епископ не назван по имени; в эпизоде со страшным змеем диакон не фигурирует; рассказ об убийстве еп. Филиппа и о строительстве новой церкви для оставшихся после ограбления мощей ап. Марка отсутствует; также не говорится о брате Евгении, ставшем преемником Л. на Александрийской кафедре.

Точное время жизни святого установить невозможно: согласно наиболее раннему Житию, Л. жил при имп. Феодосии, возможно, это Феодосий I Великий (379–395) или Феодосий II (408–450), однако далее упоминаются прмц. *Евгения* (пам. 24 дек.) и ее отец, назначенный епископом Александрии, время жизни к-рых относится к эпохе правления имп. Коммода (180–192) или имп. Валериана (253–260). В сказании из Лекционария жен. монастыря Капуи Л. также назван современником прмц. Евгении, к-рую он обратил к вере (ActaSS. Jan. T. 1. P. 668–669). В Житии Л. (ВНЛ, N 4895–4896), написанном еп. Бриндизи Пеллегринио д’Асти (1216–1222) в нач. XIII в., события относятся ко времени понтификата Пия I, еп. (папы) Римского (142–157), при этом неверно указывается 164 г. Павел Диакон († ок. 797) в «Книге о Мецских епископах» называет Л. учеником ап. Петра (*Pauli Warnefridi. Liber de episcopis Mettentibus* // MGH. SS. Hannover, 1829. T. 2. P. 261). Указание на то, что Л. происходил из Александрии, по мнению Ф. Ланцони, возникло из-за ошибки при переписывании Иеронимова Мартиролога (V–VI вв.), в результате чего под 11 янв. несколько святых оказались связаны с этим егип. городом (*Lanzoni. P. 305–306*). В различных источниках Л. называется по-разному: в Иеронимовом Мартирологе под 11 янв. указана память «Левкия исповедника», свт. *Григорий I Великий* называет его мучеником (*Greg. Magn. Reg. epist. XI 57*).

О мученической кончине святого рассказывается и в книге по истории Церкви Италии Дж. Каппеллетти, к-рый пишет, что Л. был взят в плен в Ачеренце и пострадал за Христа в 312 г. недалеко от г. Грумент в Лукании (*Cappelletti G. Le chiese d'Italia: dalla loro origine sino ai nostri giorni. Venezia, 1866. Vol. 20. P. 420*). Нек-рые исследователи считают, что Л. был первым епископом Бриндизи и жил ок. II–III вв., другие относят время его еп-ства к IV–V вв., после еп. Марка, присутствовавшего на I Вселенском (Никейском) Соборе 325 г. (*Otranto. 2012. P. 182*).

После захвата Брундизия лангобардами в 674 г. почитание Л. широко распространилось по др. городам Италии. По сведениям из письма свт. Григория от июля 601 г., мощи Л. покоились в Брундизии, частица их находилась в посвященном ему мон-ре примерно в 5 милях от Рима на Фламиниевой дороге, но была, по словам настоятеля этой обители, тайно похищена. В связи с этим свт. Григорий обратился к Петру, еп. Отрантскому, к-рый временно замещал епископа Брундизийского, с просьбой даровать др. частицу мощей Л. этому монастырю (*Greg. Magn. Reg. epist. XI 57*). Согласно *Liber Pontificalis*, в VIII в. на месте мон-ря находилась церковь во имя Л., отреставрированная папой Адрианом I (772–795) и существовавшая еще в IX в. (*LP. Vol. 1. P. 509, 521; Vol. 2. P. 141*). Вероятно, мон-рь и церковь находились в совр. квартале Тор-ди-Куинто (*Tor di Quinto*), недалеко от Мульвиева моста. В 768 г. мощи Л. были перенесены из Брундизия в Турен и положены в ц. во имя Пресв. Богородицы. Во время нашествия сарацин останки святого были куплены графом Беневента (ныне Беневенто) и перенесены в его родной город. Однако вскоре жители Турена направили в Беневент посольство с просьбой вернуть мощи их покровителя; после долгих переговоров часть мощей Л. была доставлена в Турен, под кафедральным собором к-рого сохранилась крипта, где некогда покоились останки святого. В музее Трани хранится деревянный бюст-реликварий Л. В 881 г. еп. Бриндизи Феодосий (865–895) получил из Трани руку Л. и начал строительство церкви на месте древнего мартирия святого. Церковь была закончена при его преемнике Иоанне и до 1113 г. считалась кафедраль-

ным собором Бриндизи. В 1190 г. архиеп. Пьетро да Бизиньяно установил празднование 1 мая в честь освидетельствования мощей Л. и освящения храма. Церковь была разрушена в 1720 г. В 1771 г. в кафедральном соборе Бриндизи был освящен алтарь во имя Л., где хранятся его мощи. Л. считается покровителем Атессы, где в соборе находятся серебряный бюст-реликварий Л. и ребро дракона, от к-рого, согласно местной традиции, святой некогда избавил жителей города. В Каноса-ди-Пулья были обнаружены останки древней базилики VI в., построенной на месте языческого храма Минервы и первоначально посвященной святым бессребреникам Косме и Дамиану; в VIII в. церковь была переосвящена в честь Л. Самое раннее сохранившееся изображение Л. датируется XIII в. и находится на серебряной пластине раки св. Феодора, хранящейся в музее диоцеза Бриндизи.

В визант. Синаксарях и в совр. греч. церковных календарях память святого отсутствует. В нек-рых списках Иеронимова Мартиролога память Л. отмечена под 8 янв. с указанием на г. Брундизий, однако в большинстве рукописей святой упоминается под 11 янв. вслед за исповедниками Петром и Севиром и указанием на Александрию. В «исторических» Мартирологах IX в. (Адона Вьеннского, Флора Лионского, Узурда) Л. был также включен в одну группу с этими святыми. В результате в 80-х гг. XVI в. кард. Ц. Бароний дважды внес в Римский Мартиролог под 11 янв. память Л.: вместе с Петром и Севиром Александрийскими, а затем отдельно: «Левкия, Брундизийского епископа и исповедника»; в действующей редакции Римского Мартиролога память Петра и Севира отсутствует, о Л. говорится, что он почитается как первый епископ Бриндизи.

На основе лат. Житий свт. Димитрий, митр. Ростовский, составил сказание о Л., согласно к-рому святой жил во время имп. Коммода и при рождении был назван Евтропием. В рассказе также говорится о прмц. Евгений и ее отце; до назначения епископом Александрии Л. был поставлен игуменом мон-ря блж. Ермия. Ист.: *BHL, N 4894–4898b; ActaSS. Jan. T. 1. P. 667–673; MartHieron. P. 31, 35; MartRom. P. 15; ЖСв. Июнь. С. 460–471; MartRom. (Vat.) P. 89. Лит.: Сергий (Спасский). Месяцеслов. Т. 2. С. 186; Т. 3. С. 228; MartHieron. Comment.*

P. 31–32, 35–36; MartRom. Comment. P. 16; Quentin. H. Les martyrologes historiques du Moyen Âge. P., 1908². P. 326; Lanzoni. Diocesi. Vol. 1. P. 55, 65, 223, 305–309, 311–312; Delehaye. Origines. P. 310; Jurlaro R. Leucio // BiblSS. 1966. Vol. 7. Col. 1348–1349; Falla Castelfranchi M. Il culto di San Leucio in Puglia, Abruzzo e Molise. Il periodo longobardo e il ruolo di Benevento alla luce delle fonti cronachistiche e agiografiche, in San Leucio d'Alessandria e l'Occidente // Atti del II Conv. nazionale su «Il santo patrono», Brindisi 1984. Brindisi, 1991. P. 37–62; Carito G. Gli arcivescovi di Brindisi sino al 674 // Parola e storia. 2007. Vol. 1. N 2. P. 197–225; idem. Gli arcivescovi di Brindisi dal VII al X sec. // Ibid. 2008. Vol. 2. N 2. P. 289–308; Otranto G. Agiografia e origini del cristianesimo in Puglia // Bizantini, Longobardi e Arabi in Puglia nell'Alto Medioevo: Atti del XX Congr. intern. di studio sull'alto Medioevo: Savelletti di Fasano (BR), 3–6 nov. 2011. Spoleto, 2012. P. 163–184; Campiche A. San Leucio // Santuari d'Italia: Puglia / Ed. G. Otranto, I. Aulisa. R., 2012. Vol. 1. P. 217–219.

А. Н. Крюкова

ЛЭВКИЙ (Аишев или Акишев; 2-я пол. XVI в.), игум. *Иосифова Волоколамского в честь Успения Пресв. Богородицы мужского монастыря*, книгописец, владелец обширной б-ки. Социальное происхождение и место рождения Л. неизвестны. Вероятно, он принял постриг в 70-х гг. XVI в., поскольку был учеником книжника *Евфимия (Туркова)*. В 1582–1587 гг. Л. являлся соборным старцем, а в 1587–1590 гг. — игуменом мон-ря. Во время его настоятельства земельные владения обители продолжали увеличиваться, несмотря на меры правительства, предпринятые против роста монастырских вотчин. В 1589–1590 гг. старец Никифор (Морин) в качестве подушного вклада передал в мон-рь сельцо Сафатово и пустошь Уткину в Волоцком у. (АФЗХ. Ч. 2. № 386). В этот же период старец Феодорит (Шереметев) пожертвовал с. Бурухино и сельцо Рудино в Коломенском у. (Там же. № 387), к-рые, впрочем, не вошли в состав монастырских владений, поскольку были «отписаны» на государя, однако в качестве компенсации Иосифов мон-рь получил дворцовое с. Вейна с селами в Козельском у. (Там же. № 388). 5 июля 1590 г. населению этой вотчины была отправлена послушная грамота с повелением подчиняться властям Иосифова мон-ря, грамоту подписал боярин и дворецкий Г. В. Годунов (Там же. № 389). При Л. мон-рь пользовался вниманием и заботой гос. власти. 11 февр. 1588 г. по челобитью Л. «з братьею» царь *Феодор Иоаннович* выдал обители жалованную

льготную грамоту на беспошлинный провоз до 4 тыс. рыб «на монастырский обиход» по р. Волге от Казани (Там же. № 383). 5 февр. 1589 г. мон-рь получил жалованную льготную грамоту на беспошлинный провоз соли (до 20 тыс. пудов!) из Белозера и Каргополя (Там же. № 385). В янв. 1589 г. Л. присутствовал на Соборе, учредившем Патриаршество в России, и подписал Уложенную соборную грамоту (СГГД. № 99). В 1590 г. по неизвестным причинам Л. оставил игуменство, но сохранил за собой влиятельное положение соборного старца (АФЗХ. Ч. 2. № 391). В 1595 г. он был ризничим (Три описи Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. Подгот. текстов и публ.: Т. И. Шаблова. СПб., 2014. С. 101). В 1598 г. присутствовал на Земском соборе, избранном на царский трон Бориса Феодоровича Годунова, и был среди тех представителей духовенства, которые подписали соборную грамоту (ААЭ. Т. 2. С. 15). Л. дал в Иосифов мон-рь крупный денежный вклад — 190 р. (РГАДА. Ф. 181. № 141/196. (Записные книги: гл. 82); см.: *Зимин*. 1977. С. 146).

Л. являлся незаурядным ценителем и собирателем книг. В б-ку обители он передал не менее 28 рукописей. В описи Иосифова Волоколамского монастыря 1545 г. перечислены «Псалтырь, письмо Левкѣино, попь Смышньской дал» (КЦДР. 1991. С. 28); «Бесѣдовник въ дестъ же, в началъ письмо Левкѣино» (Там же. С. 31). В описи 1591 г. названы книги, принадлежавшие Л.: «Еуангелие в четверть тетръ, дал то Еуангелие в дом пречистые игумен Лефкѣя» (Там же. С. 50); «Апостоль в четверть, дача игумена Левкѣи» (Там же. С. 54); «Псалтырь Паисѣинская Хутынца, у игумена Левкѣи» (Там же. С. 60); «после описи прибыла псалтыря в четверть с слѣдованиемъ, дача игумена Левкѣи» (Там же. С. 66); «Псалмы в осминку, дача игумена Левкеи» (Там же. С. 69. Примеч. 14); «Ермолой в осминку, дача игумена Левкѣи» (Там же. С. 90); «после отписи прибыл потребник в четверть, дача игумена Левкѣи» (Там же. С. 94); «...Левкѣя же дал Пречистыя Богородицы книг: Еуангелие в малую полдестъ, оболочено комою багровыя, застешки замѣтныя, медныя; Еуангелие в четверть, оболочено кожею; Апостол в полдестъ, оболочен кожею; Псалтырь в четверть, оболочена кожею, и та Псал-

тыря отдана съ собору Деонисию митрополиту при игумене Еуфимие; Псалтыря в четверть съ следаваниемъ, кожею оболочена; Псалтырь в осминку съ слѣдованием, письмо мелко; Псаломцы в осминку; Канунникъ в четверть; Потребник в четверть; Ирмолой в осминку; Дьяконникъ в осминку; книга в четверть в затылкѣ, писаны стихиры и канун и Житие Иосифа чудотворца, и та книга дана Варлааму митрополиту ноугороцкому; книга в полдестъ в затылкѣ Правила апостольские» (Там же. С. 99).

В наст. время можно считать установленным, что Л. принадлежали рукописи: ГИМ. Епарх. № 48, 153 (автограф), 237; РГБ. Вол. № 314, 512. Напротив, Евангелие РГБ. Вол. № 42 не относилось к б-ке старца (ранее считалось принадлежащим ему; см.: *Иосиф, иером.* 1882. С. 7). К одному из своих сборников составитель написал предисловие: «Сборникъ игуменской, вкратце избрано отъ божественныхъ словесъ евангельскихъ, и апостольскихъ, и отеческихъ, на ползу прочитающимъ съ вниманиемъ и не усты токмо глаголющимъ и листы обращающимъ, в сердца же не скрывающимъ и делы не исполняющимъ, яко же азъ окаянный, увы мне, написахъ въ книзе сей 10 глав, а в сердца моемъ не единая съкрыхъ, делом же ни единыя строчки не сътворихъ, всеу трудихся безумный. Давыд бо пророк глаголет: «в сердца моемъ съкрыхъ словеса твоя, да не согрешу тебе, а не усты токмо изглаголахъ». Азъ же усты токмо прочтохъ, делы исполняти оставихъ вам отцемъ и братьямъ моимъ. Бога ради прочитающеи сию книжицу помяните мя грешного в святыхъ вашихъ молитвахъ» (РГБ. Вол. № 512. Л. 1). В конце Псалтири, написанной Евфимием (Турковым), Л. разместил сочиненный им краткий некролог, посвященный писцу рукописи (РГБ. Вол. № 213. Л. 491). Ист.: *Иосиф, иером.* Опись рукописей, перенесенных из б-ки Иосифова мон-ря в б-ку МДА. М., 1882; Книга ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского мон-ря XVI в. / Ред.: М. Н. Тихомиров, А. А. Зимин М.; Л., 1948; *Маньков А. Г.* Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского мон-ря 70–80-х гг. М.; Л., 1980; *он же.* Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского мон-ря 80–90-х гг. М.; Л., 1987; КЦДР: Иосифо-Волоколамский мон-рь как центр книжности. Л., 1991. Лит.: *Зимин А. А.* Крупная феод. вотчина и соц.-полит. борьба в России (кон. XV–XVI в.). М., 1977; *Дмитриева Р. П.* Левкея Аишев // СККДР. 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 6; *Дайкстра Т.*

Иноческие имена в Московской Руси и проблемы идентификации их обладателей (на мат-ле источников Иосифо-Волоколамского мон-ря, 1479–1607) // Прп. Иосиф Волоцкий и его обитель. М., 2015. Вып. 3. С. 301.

А. И. Алексеев

ЛЕВСКИЙ [болг. Левски] Васил (наст. имя Кунчев Васил Иванов; 18.07.1837, Карлово — 6 (18), дата его смерти отмечается 19.02.1873, София), болг. революционер. Род. в многодетной семье, из-за смерти отца прервал обучение и начал работать. В 1855 г. стал послушником при своем дяде, архим. Василии (Караиванове), таксидиоте (духовнике) Хиландарского мон-ря. 2 года обучался в уч-ще в Стара-Загоре, год — в духовном уч-ще им. святых Кирилла и Мефодия в Пловдиве. 7 дек. 1858 г. по желанию дяди сделать его своим помощником пострижен в монашество с именем Игнатий в Сопотском мон-ре, в 1859 г. рукоположен во диакона и назначен в ц. Пресв. Богородицы в Карлово. В марте 1862 г. уехал в Сербию и поступил в Первый болг. легион Г. Раковского. За храбрость в борьбе с турками при освобождении Болгарии получил прозвище Левский (т. е. Львиный), одним из многочисленных его прозвищ также было Дьякон. На Пасху 1864 г. в Сопоте отказался от монашеских обетов и провозгласил себя «апостолом свободы». С апр. 1864 по март 1867 г. работал учителем в селах Войнягово близ Карлова, Эникё (ныне Рындуника, Румыния) и Конгаз (ныне Михаил-Когэлничану, Румыния). Формировал дружины для борьбы против турок. В 1867 г. вошел во Второй болг. легион, действовавший на территории Сербии. В авг. 1868 г. переехал в Бухарест и в 1869 г. вместе с Л. Каравеловым учредил Болгарский революционный центральный комитет, к-рый позже уже на территории Болгарии провозгласил себя подпольным Временным правительством Болгарии. Л. мечтал об освобождении Болгарии от турецкого рабства и о равенстве всех жителей страны независимо от их религиозной и этнической принадлежности. Участвовал в организации терактов против турок, обучал соратников по борьбе, среди которых было много болгарских священнослужителей, доставал для них оружие. В качестве центров повстанческой деятельности использовал мон-ри (напр., Драгалевский) и храмы. 27 дек. 1872 г. схвачен турками на территории Ру-

мынии и через месяц приговорен к повешению.

Л. пользовался большим авторитетом среди болгар, уже в 80-х гг. XIX в. на месте его казни поставили памятный знак (в 1895 памятник). После смерти его провозгласили болгарским национальным героем, главным болгарским революционером. В социалистический период истории Болгарии в его честь стали называть населенные пункты и организации, открылись 3 музея, посвященных его жизни и деятельности. В 90-х гг. XX в. был поднят вопрос о канонизации Л., который Болгарская Православная Церковь отказалась рассматривать, т. к. Л. отрекся от монашеских обетов. Святым (как и мученика иеродиака Игнатия) в 1996 г. его провозгласил раскольнический т. н. Альтернативный синод Болгарской Православной Церкви. Возле родного дома Л. возведена часовня во имя Всех болг. святых. Изображение Л. представлено в нескольких совр. росписях болг. православ. храмов.

Ист.: Личният бележник. София, 1987; Левски В. Документи. София, 2000–2010. 2 т. Лит.: Стекольников А. Я. Васил Левский. М., 1958; Генчев Н. Левски, революцията и бъдещият свят. София, 1973; Унджиев И. Васил Левски: Биография. София, 1980; Бориславов Я. Светец не се става с административен акт // Сега. София, 1998. Бр. 68; Трендафилова Р. Васил Левски: Библиогр. София, 2012.

ЛЕГА́Т [лат. *legatus* — посланник, от *lego* — наделять полномочиями, отправлять послом, от *lex* — закон], представитель папы Римского в к.-л. гос-ве, области, поместной Церкви или на церковном Соборе. В Др. Риме термин «легат» использовался для обозначения ряда должностей (*Kenhe P. Legatus // Brill's New Pauly. Leiden; Boston, 2005. Vol. 7. Col. 354–355; Perrin. 1973. P. 359–364*); в первоначальном значении слова Л. называли посла к иностранным правителям, к племенам. Деятельность Л. регулировалась правом народов (*ius gentium*). Личность Л. считалась священной и неприкосновенной (*sanctus inviolatusque*). Знаком его достоинства было золотое кольцо, к-рое он получал от сената. С III–II вв. до Р. Х. Л. называли также представителей сената при магистратах, облеченных высшей военной властью (*imperium*). В эпоху домината (I–III вв. по Р. Х.) существовали имп. Л. (*legati Augusti*), имевшие проконсульские или преторские

Папский легат кард. Филипп, еп. Фермо, на пути в Венерию. Инициал из рукописи «Chronicon Pictum». Ок. 1360 г. (Budapest. Országos Széchényi Könyvtár. Clnae. 404. Fol. 65)

полномочия; они управляли провинциями или вели войны. Со 2-й пол. I в. по Р. Х. Л. стали называть командиров легиона (*legatus legionis*), назначавшихся непосредственно императором. Часто они одновременно являлись и наместниками провинции, где был расквартирован их легион (*Levithan J. Legati legionis // The Encyclopedia of Ancient History. Oxf., 2012. Vol. 7. P. 3991–3992*).

В раннее средневековье в Зап. Европе понятие «легат» утратило юридическую точность и стало (наряду с др. словами) использоваться для обозначения различных посланников и представителей светских или церковных властей, чаще всего — папы Римского. Для эпохи поздней античности и раннего средневековья (IV–X вв.) исследователи выделяют неск. разновидностей представителей Римских епископов (пап). Их значение и сфера деятельности увеличивались по мере роста авторитета Римской Церкви и развития учения о *примате* папы Римского.

В V–VI вв. сложился институт апостольских викариев — полномочных представителей папы Римского в определенных регионах. Вероятно, при папе Римском *Дамасе I* (366–384) или скорее при *Иннокентии I* (401–417) епископы Фессалоники стали пользоваться привилегиями полномочных представителей папы Римского в Вост. Иллирике, несмотря на то что административно эти земли относились к Вост. Римской империи. Епископы Фессалоники оставались папскими викариями до перехода Балкан под юрисдикцию К-польских патриархов (733). В Гал-

лии с 417 г. представителями папы Римского были епископы Арелата (ныне Арль). Их привилегированный статус на протяжении V в. неоднократно оспаривали епископы Массилии (ныне Марсель), Нарбонны (ныне Нарбон) и Вьенны (ныне Вьен). В 514 г. папа Симмах (498–514) закрепил статус папского викария в Галлии за свт. *Кесарием* Арелатским; его преемники пользовались этими привилегиями до кон. VIII в. Папские викарии назначались также в Испанию (во 2-й пол. V — нач. VI в.) и на Сицилию (в кон. VI — нач. VII в.), причем эти должности не были сопряжены с определенной епископской кафедрой. Так, 1-м викарием на Сицилию свт. *Григорий I Великий* назначил рим. субдиака Петра, получившего полномочия ежегодно созывать (в Сиракузах или Катане (ныне Катания)) церковные Соборы и разрешать любые возникающие конфликты (*Rennie. 2013. P. 41–55*).

С сер. V в. в источниках упоминаются представители папы Римского при имп. дворе в К-поле; такая должность обычно называлась греч. словом *апокрисиарий*. Одним из первых известных папских апокрисиариев в К-поле был еп. Косский Иулиан (упом. между 448 и 457), который также был представителем папы Римского свт. *Льва I Великого* на *Вселенском IV Соборе* (451). Судя по сохранившейся переписке Льва I Великого, еп. Иулиан выступал как представитель папы Римского в различных церковных (как догматических, так и дисциплинарных), а также светских вопросах. Должность апокрисиария в К-поле имела большое политическое значение; в VI–VII вв. не менее 7 чел., исполнявших ее, были затем избраны на Папский престол: *Феликс IV (III)* (526–530), *Виглий* (537–555), *Пелагий I* (556–561), свт. *Григорий I Великий* (590–604), *Сабиниан* (604–606), *Бонифаций III* (февр.—нояб. 607), св. *Мартин I* (649–655). Должность постоянных представителей папы Римского в К-поле существовала до 1-й пол. VIII в.; ее исчезновение связано, возможно, с распространением в Византийской империи *иконоборчества* (*Chevallier, Genin. 1968. P. 408*). Впосл. папы направляли к императорскому двору нерегулярные и сравнительно краткосрочные посольства, как правило, связанные с конкретными вопросами. В VIII–IX вв.

апокрисиариями иногда называли папских послов ко дворам франк. правителей из династий Меровингов и Каролингов (Rennie. 2013. P. 63–64).

Наряду с этим существовал широкий круг папских посланников, назначавшихся для выполнения конкретных поручений (по терминологии совр. исследователей — *legati ad causam*; см.: Rennie. 2013. P. 65–67). Их статус и полномочия не были юридически определены и могли заметно варьироваться. Во мн. случаях в их задачу входили лишь доставка и обнародование папского послания, напр. Собору, отдельному прелату или светскому правителю, но иногда эти посланники (часто обозначались в источниках лат. словом *papcius* — «вестник, гонец») обладали полномочиями самостоятельно проводить расследования и выносить решения по спорным вопросам. Так, напр., неизвестный по имени посланник папы *Николая I* (858–867), направленный на Собор в Свессиионе (ныне Суасон) (862), имел право самостоятельно расследовать обвинение в прелюбодеянии, выдвинутое против кор. Лотаря II его женой Теудбергой. Самый ранний зафиксированный случай присутствия папских посланников на Соборе за пределами Италии — Арелатский Собор (314), куда папа *Сильвестр I* (314–335) направил 2 пресвитеров и 2 диаконов из Рима (Gaudemet, Guyotjeanin, Blet. 2002. P. 907). Представители папы Римского присутствовали и на всех Вселенских Соборах начиная с Никейского (325). Термин «легат», заимствованный из рим. права, в ранний период наиболее часто встречается в источниках из Сев. Африки: так, «легаты Римской Церкви» (*legati ecclesiae Romanae*) присутствовали на Карфагенском Соборе (25 мая 419). Важной разновидностью папских представителей в V — нач. VII в. (особенно в понтификат свт. Григория I Великого) были т. н. защитники Церкви (*defensores ecclesiae*), главной задачей к-рых было управление церковным имуществом (*patrimonium*) в различных областях Италии и за ее пределами — в Галлии, Африке, Иллирике и др., а также разрешение связанных с этим имуществом конфликтов (Rennie. 2013. P. 72–79). В нек-рых случаях они занимались и более широким кругом вопросов, в т. ч. наблюдали за проведением выборов епископов, за инспекциями монасты-

рей и т. п. Папскими Л. могли выступать и миссионеры, к-рых понтифика направляли для обращения в христианство отдаленных народов, напр., св. *Августин* Кентерберийский или св. *Бонифаций* (папа Захария (741–752) объявил Бонифация «легатом апостольского престола и своим личным заместителем» (*aposto-*

Папский легат
Л. Кампеджо
сопровождает имп. Карла V
и др. знатных лиц
в Аугсбург.
Гравюра.
1530–1531 гг.
Худож. Й. Брей Старший

licaе sedis legatum et nostram praesentantem vicem) в Галлии и Германии — Ibid. P. 82–83). В большинстве случаев Л. были представители рим. клира, в т. ч. и клирики низших степеней, но чаще всего — епископы. Известны случаи, когда Л. специально рукополагали во епископа перед миссией. Нередко в посольство входило сразу 2 или 3 Л. (Ibid. P. 94–95). Как правило, Л. имел при себе особое послание папы Римского (*littera, tomus, commonitorium*), удостоверявшее его полномочия.

В раннее средневековье численность и значение папских Л. менялись. В каролингскую эпоху, когда возникло Папское гос-во, заметно возросла дипломатическая активность Папского престола. Так, от понтификата *Николая I* (858–867) сохранились данные о 12 миссиях Л., от понтификата *Адриана II* (867–872) — о 15, от понтификата *Иоанна VIII* (872–882) — о 52 (Riesenberger. 1967. P. 339, 349). С сер. VIII в. в источниках все чаще для обозначения папских посланников использовалось выражение «легат Апостольского престола», ставшее впоследствии традиционным. Несмотря на регулярные контакты Римских пап с каролингскими правителями, при франк. дворе не возникла постоянная должность папского представителя, подобно апокрисиарию в К-поле. В X — 1-й пол. XI в., в период кризиса папства, численность и значение папских Л. существенно

уменьшились, хотя этот институт и не исчез полностью. Так, в Германию в VIII в. было направлено 36 посольств, в IX в. — 37, в X в. — лишь 9 (Ibid. P. 358–365).

Рост значимости Л. в сер. XI в. был связан с движением за обновление католич. Церкви (см. *Григорианская реформа*). Папскими посланниками в этот период были, как правило, кардиналы, в т. ч. виднейшие деяте-

ли церковной реформы: Гильдебранд (впосл. папа *Григорий VII*), *Гумберт*,

Петр Дамиани и др. Они выступали как полноправные заместители папы Римского, пользовались всеми правами и привилегиями понтифика, могли даже использовать папские *инсигнии* (впервые это сделал в 1001 г. кард. Фритерик на Соборе саксонских епископов в Пёльде). Л. мог самостоятельно созывать Соборы, смещать епископов, изменять границы диоцезов, накладывать церковные прещения вплоть до отлучения от Церкви. Так, в 1054 г. Л. папы *Льва IX* в К-поле кард. Гумберт в результате конфликта с патриархом св. *Михаилом I Кируларием* объявил о его отлучении от Церкви; это событие привело к прекращению церковного общения между Римом и К-полем и *разделению Церквей*. С кон. XI–XII в. важными аспектами деятельности папских Л. стали пропаганда *крестовых походов* и сбор средств на их организацию; со 2-й пол. XII в. — борьба с *катарами* и др. еретиками. Часто Л. принимали участие и в политических событиях, напр. в гражданской войне англ. баронов против кор. Иоанна Безземельного (1199–1216) или в борьбе *гвельфов* и *гиббеллинов* в Сев. Италии. Деятельность Л. нередко вызывала обвинения со стороны местного духовенства в злоупотреблении властью.

С XII в. большое распространение получила практика, когда Л. в своих церковных провинциях становились не представители Римской курии, а архиепископы, занимавшие

особо значимые кафедры (Кентербери, Зальцбург, Кёльн, Арль, Толедо, Прага и др.). Необычная ситуация сложилась в Сицилийском королевстве, где, согласно постановлениям *Урбана II* (1098) и *Пасхалия II* (1117), наследственными папскими Л. были сами короли.

Возросшее значение Л. вызвало необходимость осмысления их полномочий и функций в каноническом праве. В «Декрете» Грациана (где цитировалось послание папы Григория IV 833 г.) и трудах *декретистов* не содержалось четкой классификации разновидностей Л., ее зачатки содержатся в *Декретах Григория IX* (Liber Extra. I 30) и «Liber Sextus» Бонифация VIII (Liber Sextus. I 15), а в дальнейшем более подробно разрабатываются юристами-*декреталистами*, в т. ч. Вильгельмом *Дурандом*, написавшим трактат «Зерцало легата» (Speculum legati). В их трудах была выработана 3-частная классификация Л. Наиболее высоким статусом обладал *legatus a latere* (букв.— «легат со стороны») — как правило, кардинал, выступавший как полноправный представитель папы Римского (*tamquam alter ego*). Л. более низкого статуса именовались *legati missi* (легаты-посланники), часто обозначавшиеся также словом «нунций» (*nuntius*). Наконец, архиепископы, являвшиеся Л. на территории своих церковных провинций, назывались *legati nati* (букв.— «природные легаты»).

С XIII в. Л. часто отправлялись в посольство с собственной канцелярией, подробно документировали свою деятельность. В период «*Авиньонского пленения пап*» (1309–1377) назначались специальные Л. для управления Папской областью в Италии; наиболее заметным из них был кард. Э. Альборнос (Л. в 1353–1357 и 1358–1367). Значительный рост активности Л. пришелся на период *схизмы в католической Церкви* (1378–1417), когда претенденты на Папский престол стремились с помощью дипломатии привлечь на свою сторону как можно больше светских правителей и церковных прелатов.

С кон. XV в. в нек-рых католических странах возникали постоянно действующие папские представительства — нунциатуры. К 1530 г. они существовали в Испании, во Франции, в Венецианской республике и Свящ. Римской империи. Наряду

с этим папы продолжали назначать и Л. старого типа для конкретных дипломатических поручений. В постридентскую эпоху число таких Л. «*a latere*» (или «*de latere*»), которых назначали исключительно из числа кардиналов, постепенно сокращалось. К XVII в. их стали отличать от постоянных и экстраординарных нунциев (*Barbiche*. 2005).

Папы Римские назначали Л. также для управления наиболее важными провинциями Папского гос-ва, пока таковое существовало до 1870 г.

Кодекс канонического права Римско-католической Церкви 1917 г. (см. *Codex iuris canonici*) закрепил правовой статус Л.: папа Римский обладает правом отправлять Л. по всему миру, наделяя их церковной юрисдикцией или без таковой (CIC (1917). 265); Л. «*a latere*» являются кардиналы, представляющие папу Римского как «*alter ego*» и наделенные полномочиями, к-рые оговариваются в каждом конкретном случае (CIC (1917). 266); полномочия Л. не прекращаются в период вакантности Папского престола (*sede vacante*), если только это не оговорено при назначении Л. (CIC (1917). 268); Л., даже не рукоположенные в сан епископа, имеют первенство перед местными епископами-ординариями, если те не обладают кардинальским достоинством (CIC (1917). 269); епископы, к-рые получают титул Л., заняв ту или иную кафедру, не приобретают никаких особых прав (CIC (1917). 270). В ныне действующем Кодексе канонического права 1983 г. Л. посвящены каноны 362–367, которые в основном повторили нормы, зафиксированные в 1917 г., и расширили описание полномочий Л. обязанностями, связанными с деятельностью местных *епископских конференций* и выполнением задач по экуменистическому диалогу. Примером деятельности папского Л. на территории совр. России может служить миссия кард. А. Содано, который в качестве специально назначенного папой Римским *Иоанном Павлом II* (1978–2005) Л. совершил освящение католич. кафедрального собора во имя Непорочного Зачатия Пресв. Девы Марии в Москве (12 дек. 1999).

Лит.: Grosse A. Der Romanus Legatus nach der Auffassung Gregors VII. Halle, 1901; König E. Studien zur Geschichte des päpstlichen Gesandtschaftswesens. Jägendorf, 1912; Ruess K. Die rechtliche Stellung der päpstlichen Legaten bis Bonifaz VIII. Paderborn, 1912; Brackmann J. Die päpstliche Legation in Deutschland

und Skandinavien (1125–1159). B., 1913; Zimmermann H. Die päpstliche Legation in der ersten Hälfte 13. Jh. Paderborn, 1913; Wyses A. Die päpstliche Diplomatie. Freiburg i. Br., 1922; Tüllmann H. Die päpstlichen Legaten in England bis zur Beendigung der Legation Gualas (1218). Bonn, 1926; Ohnsorge W. Die Legaten Alexanders III. im ersten Jahrzehnt seines Pontifikats 1159–1169. B., 1928; *idem*. Päpstliche und Gegen-Päpstliche Legaten in Deutschland und Skandinavien, 1159–1181. B., 1929; Dunken G. Die Politische Wirksamkeit der päpstlichen Legaten in der Zeit des Kampfes zwischen Kaisertum und Papsttum in Oberitalien unter Friedrich I. B., 1931; Schieffer T. Die päpstlichen Legaten in Frankreich vom Vertrag von Meerssen (870) bis zum Schisma von 1130. B., 1935; Pato G. The Right of Papal Legation. Wash., 1947; Pacaut M. Les légats d'Alexandre III (1159–1181) // RHE. 1955. Vol. 50. P. 821–838; Wasner F. Fifteenth-Century Texts on the Ceremonial of the Papal legatus a latere // Traditio. N. Y., 1958. Vol. 14. P. 295–358; Janssen W. Die päpstlichen Legaten in Frankreich vom Schisma Anaklets II. bis zum Tode Celestins III. (1130–1198). Köln, 1961; Sabater March J. La potestad de los legados pontificios // Estudios franciscanos. Barcelona, 1963. Vol. 64. P. 321–397; Glenisson J., Mollat G. Correspondance des légats et vicaires généraux. P., 1964. T. 1: Gil Albornoz et Androin de La Roche (1353–1367); Wolf K. Die Entwicklung des päpstlichen Gesandtschaftswesens in dem Zeitabschnitt zwischen Dekretalenrecht und Wiener Kongress (1159–1815). Münch., 1966; Perrin J. W. Legatus, the Lawyers and the Terminology of Power in Roman Law // Collectanea Stephan Cutner. Bologna, 1967. T. 1. P. 461–490. (Studia Gratiana; 11); *idem*. «Legatus» in Medieval Roman Law // Traditio. 1973. Vol. 29. P. 357–378; Riesenberger D. Prosopographie der päpstlichen Legaten von Stephan II. bis Silvester II. Freiburg i. Br., 1967; Chevailler L., Genin J.-C. Recherches sur les apocriphes: Contribution à l'histoire de la représentation pontificale (V^e–VIIe siècles) // Studi in onore di G. Grosso. Torino, 1968. P. 361–461; Clifford C. R. England as Papal Fief: The Role of the Papal Legate in the Early Period, 1216–1241. Chicago, 1972; Schmutz R. A. Medieval Papal Representatives: Legates, Nuncios, and Judges-Delegate // Studia Gratiana. 1972. Vol. 15. P. 441–463; Seegrün W. Päpstliche Legaten in Skandinavien und Norddeutschland am Ende des 12. Jh. // Aus Reichsgeschichte und Nordischer Geschichte / Hrsg. H. Fuhrmann et al. Stuttgart, 1972. S. 209–221; Kyer C. I. «Legatus and Nuntius» as used to denote Papal Envoys: 1245–1378 // Medieval Studies. 1975. Vol. 40. P. 473–477; Figueira R. C. The Classification of Medieval Papal Legates in the Liber Extra // AHPont. 1983. Vol. 21. P. 211–228; *idem*. «Legatus Apostolicae Sedis»: The Pope's «alter ego» according to XIII century Canon Law // Studi medievali. Ser. 3. 1986. Vol. 27. P. 528–574; Blet P. Histoire de la représentation diplomatique du Saint Siège dès origines à l'aube du XIXe siècle. Vat., 1990; Tizon-Germe A. C. Jurisdiction spirituelle et action pastorale des légats et nonces en France pendant la Ligue (1589–1594) // AHPont. 1992. Vol. 30. P. 159–230; *idem*. La représentation pontificale en France au début du règne d'Henri IV // Biblioth. de l'École des Chartes. 1993. Vol. 151. P. 37–85; Hiestand R. Les légats pontificaux en France du milieu du XIe à la fin du XIIe siècle // L'Église de France et la papauté (X^e–XIIIe siècles) / Éd. R. Grosse. Bonn, 1993. P. 54–80; Schuchard C. Päpstliche

Legaten und Kollektoren Nördlich der Alpen // Kommunikation und Mobilität im Mittelalter: Begegnungen zwischen dem Süden und der mitte Europas (11.–14. Jh.) / Hrsg. S. de Rache-wiltz, J. Riedmann. Sigmaringen, 1995. S. 261–275; Weiss S. Die Legatenurkunde des 11. und 12. Jh. zwischen Papst- und Herrscherurkunde // Papsturkunde und Europäisches Urkundenwesen: Studien zu ihrer Formalen und Rechthlichen Kohärenz vom 11. bis 15. Jh. / Hrsg. P. Herde, H. Jakobs. Köln, 1995. S. 27–38; *idem*. Die Urkunden der päpstlichen Legaten von Leo IX. bis Coelestin III. (1049–1198). Köln; Weimar; W., 1999; Ferguson P. C. Medieval Papal Representatives in Scotland: Legates, Nuncios, and Judges-Delegate, 1125–1286. Edinb., 1997; Müller H. Päpstliche Delegationsgerichtsbarkeit in der Normandie (12. und frühes 13. Jh.): Studien und Dokumente zur Gallia Pontificia. Bonn, 1997. 2 Bde; Salminen M. T. In the Pope's Clothes: Legatine Representation and Apostolic Insignia in High Medieval Europe // Roma, Magistra Mundi: Itineraria Culturae Medievalis – Parvi Flores: Mélanges offerts au père L.E. Boyle à l'occasion de son 75e anniversaire / Éd. J. Hamesse. Louvain-la-Neuve, 1998. P. 339–354; Studt B. Legationen als Instrumente päpstlicher Reform- und Kreuzzugspropaganda im 15. Jh. // Formen und Funktionen öffentlicher Kommunikation im Mittelalter / Hrsg. G. Althoff. Stuttgart., 2001. S. 421–453; Gaudemet J., Guyotjeannin O., Blet P. Legate // The Papacy: An Encycl. L.; N. Y., 2002. Vol. 2. P. 907–913; Maleczek W. Die päpstlichen Legaten im 14. und 15. Jh. // Gesandtschafts- und Botenwesen im Spätmittelalterlichen Europa / Hrsg. R. C. Schwinges, K. Wriedt. Ostfildern, 2003. P. 33–86; Barbiche B. Les «diplomates» pontificaux du Moyen Âge tardif à la première modernité: Offices et charges pastorales // Offices et papauté (XIVe–XVIIe siècle): Charges, hommes, destins. R., 2005. P. 357–370; Gardi A. Il mutamento di un ruolo: I legati nell'amministrazione interna dello Stato pontificio dal XIV al XVII secolo // Ibid. P. 371–437; Drossbach G. Päpstliche Schreiben an Legaten in Dekretalensammlungen des 12. Jh. // Aspects diplomatiques des voyages pontificaux: 5e rencontre de la Gallia Pontificia / Éd. R. Grosse. Brux., 2009. P. 195–205; Zey C., Alberzoni M. P. Legati e delegati papali (secoli XII–XIII): Stato della ricerca e questioni aperte // Legati e delegati papali: Profili, ambiti d'azione e tipologie di intervento nei secoli XII–XIII. Mil., 2012. P. 3–30; Rennie K. R. The Foundations of Medieval Papal Legation. Basingstoke, 2013.

С. Г. Мереминский

ЛЕГИЗМ [от лат. lex; кит. фа-цзя], принятое в европ. науке обозначение «школы закона». Учение Л. выражено в трактатах IV–III вв. до Р. Х.: «Гуань-цзы» ([Трактат] Учителя Гуань (Гуань Чжуна)), «Шан цзюнь шу» (Книга правителя [области] Шан (Гунсунь Яна)), «Шэнь-цзы» ([Трактат] Учителя Шэнь (Шэнь Бухая)), «Хань Фэй-цзы» ([Трактат] Учителя Хань Фэя), а также в менее значимых из-за сомнений в аутентичности и содержательной недифференцированности относительно «школы имен» и даосизма сочинениях «Дэн Си-цзы» ([Трактат] Учи-

теля Дэн Си) и «Шэнь-цзы» ([Трактат] учителя Шэнь [Дао]).

Считается, что Гуань Чжун (кон. VIII–VII в. до Р. Х.), советник правителя царства Ци, первым в истории Китая выдвинул концепцию управления страной на основе «закона» (фа), определенного им как «отец и мать народа» («Гуань-цзы» XVI), ранее это понятие применялось только по отношению к государю. Гуань Чжун противопоставил «закон» не только правителю, над которым он должен возвышаться и к-рого должен ограничивать, дабы защищать от его необузданности народ, но также мудрости и знаниям, отвлекающим людей от их обязанностей. Гуань Чжун предложил использовать наказание как главный метод управления: «Когда бояться наказаний, управлять легко» («Гуань-цзы» XLVIII).

Цзы Чань (VI в. до Р. Х.), первый советник правителя царства Чжэн, согласно «Цзо чжуани» (Чжао-гун, в 1-й и 6-й годы правления), считал, что «путь (дао) Неба далек, а путь человека близок и до него не доходит». Он нарушил традицию «суда по совети» и впервые в Китае в 536 г. до Р. Х. кодифицировал уголовные законы, отлив в металле (вероятно, на сосудах-триподах) текст «Уложение о наказаниях» (син шу).

Его современник, сановник царства Чжэн Дэн Си, развил это начинание, опубликовав «Бамбуковое [уложение о] наказаниях» (чжу син). Согласно «Дэн Си-цзы», он изложил учение о гос. власти как о единоначальном осуществлении правителем посредством «законов» (фа) правильного соответствия «имен» (мин) «реалиям» (ши). Правитель должен овладеть особой «техникой» (шу) управления, которая предполагает способность «видеть глазами Поднебесной», «слушать ушами Поднебесной», «рассуждать разумом Поднебесной». Подобно Небу (тянь), он не может быть «великодушен» (хоу) к людям: Небо допускает стихийные бедствия, правитель не обходится без применения наказаний. Ему надлежит быть «безмятежным» (ци) и «замкнутым в себе» («сокрытым» — цан), но одновременно «величественно властным» (вэй) и «просветленным» (мин) относительно законосообразного соответствия «имен» «реалиям».

С IV по 1-ю пол. III в. до Р. Х. под влиянием нек-рых положений дао-

сизма, моизма и «школы имен» произошло оформление Л. в самостоятельное учение, ставшее оппозиционным по отношению к конфуцианству. Гуманизму, народолюбию, пацифизму и этико-ритуальному традиционализму последнего Л. противопоставил деспотизм, почитание власти, милитаризм и законническое новаторство. Из даосизма легисты заимствовали предостережение о мировом процессе как естественном пути-дао, в к-ром природа более значима, чем культура, из моизма — утилитаристский подход к ценностям, принцип равных возможностей и обожествление власти, а из «школы имен» — стремление к балансу «имен» и «реалий». Эти установки были конкретизированы в творчестве классиков Л. Шэнь Дао, Шэнь Бухая, Шан Яна и Хань Фэя.

Шэнь Дао, первоначально близкий к даосизму, в посл. проповедовал «почтение к закону» (шан фа) и «уважение к властной силе» (чжун ши), поскольку «народ объединяется правителем, а дела решаются законом». С именем Шэнь Дао связывают выдвижение на 1-й план категории «властная сила» (ши), дающей содержательное наполнение формальному «закону». Согласно Шэнь Дао, «недостаточно быть достойным, чтобы подчинять народ, но достаточно обладать властной силой, чтобы подчинять достойного».

Др. важнейшую категорию Л. — «технику/искусство [управления]» (шу), определяющую взаимосвязь «закона/образца» с «властью/силой», разработал первый советник правителя царства Хань Шэнь Бухай (IV в. до Р. Х.). Следуя Дэн Си, он привнес в Л. идеи не только даосизма, но и «школы имен», отразившиеся в его учении о «наказаниях/формах и именах» (син мин), согласно к-рому «реалии должны соответствовать именам» (сюнь мин цзэ ши). Шэнь Бухай призывал «возвышать государя и принижать чиновников» т. о., чтобы на них ложились все исполнительские обязанности; сам же государь, демонстрируя Поднебесной «недеяние» (у вэй), должен скрытно осуществлять контроль и властные полномочия.

Апогей идеологии Л. был достигнут в теории и практике правителя обл. Шан в царстве Цинь — Шан Яна, к-рый считается автором шедевра «китайского макиавеллизма» «Шан цзюнь шу». Восприняв моистскую

идею машинообразного устройства гос-ва, Шан Ян, однако, пришел к противоположному выводу о том, что оно должно побеждать и, как советовал Лао-цзы, оглуплять народ, а не приносить ему пользу, т. к., «когда народ глуп, им легко управлять. И все это благодаря закону» («Шан цзюнь шу» XXVI). Сами же законы отнюдь не богодухновенны и подлежат переменам, поскольку «умный творит законы, а глупый подчиняется им, достойный изменяет правила благопристойности, а никчемный обуздывается ими» (Там же. I). «Когда народ сильнее своих властей, гос-во слабо; когда власти сильнее своего народа, армия могущественна... Когда проступки скрываются — народ победил закон; когда же преступления строго наказуются — закон победил народ. Когда народ побеждает закон, в стране воцаряется смута; когда закон побеждает народ, усиливается армия» (Там же. V). Поэтому власти следует быть сильнее своего народа и заботиться о могуществе армии. Народ же надо побуждать заниматься двуединым важнейшим делом — земледелием и войной, избавляя его тем самым от неисчислимых желаний.

Управление людьми должно строиться на понимании их порочной, корыстной природы. «Коли [управлять] людьми как добрыми (шань), они будут любить своих близких; если же [управлять] людьми как порочными, они полюбят эти порядки. Сплоченность [людей] и взаимная слежка [проистекают оттого, что ими] управляют словно порочными. Там, где [к людям относятся] как к добродетельным (шань), проступки скрываются; там же, где [к людям относятся] как к порочным, преступления жестоко караются» (Там же). «Люди по своей сути стремятся к порядку, однако действия их порождают беспорядок. Поэтому там, где людей сурово карают за мелкие проступки, проступки исчезают, а тяжким [преступлениям] просто неоткуда взяться». «Наказание рождает силу, сила рождает могущество, могущество рождает величие, величие (вэй) рождает благодать/добродетель (дэ). Итак, добродетель ведет свое происхождение от наказания» (Там же), поэтому «в образцово управляемом гос-ве много наказаний и мало наград» (Там же. VII). «Красноречие и острый ум способствуют

беспорядкам; ритуал и музыка способствуют распушенности нравов; доброта и гуманность — мать проступков; назначение и выдвижение на должности [добродетельных людей] — источник порока» (Там же. I). Важнейшим средством борьбы с этими «ядовитыми» явлениями «культуры» (вэнь) признается война, неизбежно предполагающая железную дисциплину и всеобщую унификацию.

Хань Фэй завершил формирование Л., синтезировав систему Шан Яна с концепциями Шэнь Дао и Шэнь Бухая, а также введя в него некие общетеоретические положения конфуцианства и даосизма. Он развил намеченную Сюнь-цзы и важнейшую для последующих философских систем (особенно неоконфуцианства) связь понятий дао и «принцип» (ли): «Дао есть то, что делает тьму вещей таковой, что определяет тьму принципов. Принципы суть формирующие вещи знаки (вэнь). Дао — то, благодаря чему формируется тьма вещей». Вслед за даосами Хань Фэй признавал за дао не только универсальную формирующую (чэн), но и универсальную порождающе-оживотворяющую (шэнь) функцию. В отличие от Сун Цзяня и Инь Вэня он считал, что дао может быть представлено в «символической» (сян) «форме» (син). Воплощающая дао благодать (дэ) в человеке укрепляется бездействием и отсутствием желаний, ибо чувственные контакты с внешними объектами растрачивают «дух» (шэнь) и «семенную эссенцию» (цзин). «Прекрасный запах, тонкий вкус, крепкое вино, жирное мясо, приятные для рта, грозят болезнью. Прелестный вид и улыбка, белые зубы, радуя чувства, вредят семенной эссенции. Поэтому и удаляют чрезмерность и излишество, и телу тогда нет вреда» («Хань Фэй-цзы» VIII). «Если дух совершенно не растрачивается под влиянием внешних объектов, достигается сохранение личности. Такая полнота называется приобретением, т. е. приобретение есть приобретение личности. Всякая благодать (дэ) накопляется благодаря бездействию, выполняется в силу отсутствия желаний, достигает покойного состояния за отсутствием помыслов, крепнет при отсутствии применения; если же действовать и желать, то для благодати нет места» (Там же. XX).

Отсюда следует, что и в политике полезно придерживаться спокойной скрытности. «Дела приходят к положительному результату благодаря тайне, а проекты-слова рушатся вследствие того, что они обнаруживаются» (Там же. XII). Надо предаваться своей природе и своему предопределению, а не «обучать людей гуманности и должной справедливости», к-рые так же непередаваемы, как ум и долголетие: «Сейчас есть такие, к-рые говорят людям: «Непременно смогу сделать тебя умным и долголетним». Но весь мир считает это чепухой: ведь ум [дается] природой, а долголетие [дается] предопределением (мин). Природа и судьба — это то, чего люди не могут постичь. А прельщать людей тем, что они сделать не в силах, — весь мир называет [это] чепухой... Ум народа так же не может быть использован, как и сердце ребенка» (Там же. L).

Следующий краткий исторический период развития Л. стал самым значительным. После покорения циньцами соседних гос-в и возникновения 1-й в Китае централизованной империи Цинь (221–207 гг. до Р. Х.) Л. обрел статус первой всекит. официальной идеологии, опередив т. о. конфуцианство. Опыт империи Цинь был заимствован императорами династии Хань, во время правления к-рой завершился последний период относительно самостоятельного существования Л. (III в. до Р. Х. — I в. до Р. Х.). К сер. II в. до Р. Х. по мере усиления влияния бюрократии, нуждавшейся в идеологическом обосновании своей роли в обществе, при дворе возрождается интерес к конфуцианству и Л. остается в тени. В средние века к легистским доктринам неоднократно обращались авторы проектов реформ, нацеленных на укрепление гос. организации. Так, напр., крупный гос. деятель, канцлер-реформатор и философ-конфуцианец Ван Аньши (XI в.) включил в свою социально-политическую программу легистские положения об опоре на законы, в особенности карательные («суровые наказания за малые проступки»), о поощрении воинской доблести (у), взаимной ответственности чиновников, об отказе от признания абсолютного приоритета «древности» (гу) над современностью. Однако в целом отношение конфуцианцев к древним идеологам Л. было негативным. Облагороженные конфуцианством

Б. М. Ледковский.

Фотография. 50–60-е гг. XX в.

принципы Л. находили реализацию в офиц. теории и практике Китая до нач. XX в. В кон. XIX — нач. XX в. Л. привлек внимание реформаторов, усматривавших в нем теоретическое обоснование ограничения законом имп. всевластия, освященного офиц. конфуцианством.

После падения империи, в 20–40-х гг. XX в., легистскую апологетику государственности пропагандировали «этатисты» (гоцзячжуй пай); их идеолог Чэнь Цитянь ратовал за создание «неолегизма». Сходных взглядов придерживались и теоретики гоминьдана во главе с Чан Кайши, заявлявшие о легистском характере гос. планирования экономики и политики «народного благоденствия».

В КНР во время проведения кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» (1972–1976) легисты были официально объявлены прогрессивными реформаторами, боровшимися с консервативными конфуцианцами за победу нарождавшегося феодализма над отжившим рабовладением, и идейными предшественниками маоизма.

Лит.: Иванов А. И. Материалы по кит. философии: Введение. Школа фа. Хань Фэй-цзы: Пер. СПб., 1912; Штейн В. М. «Гуань-цзы»: Исслед. и пер. М., 1959; Vandermeersch L. La formation du légisme: Rech. sur la constitution d'une philosophie politique caractéristique de la Chine ancienne. P., 1965; Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в полит. истории Китая. М., 1981; Книга правителя области Шан (Шан дзюнь шу) / Пер. с кит.: Л. С. Переломов. М., 1993; Ли Ванцзя. Хань Фэй-цзы // Великие мыслители Востока. М., 1998. С. 57–63; Фэн Ю-лань. Краткая история кит. философии. СПб., 1998. С. 179–190; Рубин В. А. Личность и власть в древнем Китае. М., 1999. С. 40–59, 129–143; Кобзев А. И. Легизм (фа цзя): законнический этатизм — этика тотальной власти // История этических учений. М., 2003. С. 26–31, 57–63.

А. И. Кобзев

ЛЕГИСТЫ — см. Легизм.

ЛЕДКОВСКИЙ Борис Михайлович (26.04.1894, пос. Васильево-Ханжоновский Таганрогского окр. обл. Войска Донского — 6.08.1975, Фрипорт, шт. Нью-Йорк, США), регент, духовный композитор. Род. в семье священника (по др. данным — инспектора ДУ) Донской епархии. Вырос в слободе Аграфеновка Таганрогского окр. Получил разностороннее домашнее муз. воспитание, с 14 лет управлял церковным хором в приходе отца. Окончил Новочеркасское ДУ (1909), затем обучался в Ростов-

ском реальном уч-ще коллегии преподавателей. В последние 2 года учебы дирижировал ученическим оркестром, сочинял для него пьесы.

В 1914 г. поступил в Московскую консерваторию (класс трубы), был во 2-м полугодии 1914/15 уч. г. Находясь в Москве, Л. испытал большое влияние музыкантов круга *Синодального училища церковного пения* и *Синодального хора*, приобщился к *Новому направлению* в рус. духовной музыке, считал своими учителями М. М. *Ипполитова-Иванова* и А. Д. *Кастальского*, сам пел в церковных хорах.

В окт. 1916 г. Л. был призван в армию и на правах вольноопределяющегося вступил в 65-й пехотный запасной полк, откуда по болезни выбыл в февр. 1917 г. 17 апр. 1919 г. вступил каноником в 3-й батальон артиллерийской бригады Добровольческой армии, затем служил в Марковской артиллерийской бригаде (в управлении 2-го дивизиона), с 9 мая 1919 по 1 нояб. 1920 г. участвовал во всех ее походах. В качестве разведчика был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. 23 авг. 1920 г. произведен в чин подпоручика. В составе Первого армейского корпуса (начальник — ген. А. П. Кутепов) находился в военном лагере близ Галлиполи (ныне Гелиболу, Турция). По нек-рым данным, руководил там одним из церковных хоров.

В 1921 г. Л. вместе с русскими военными частями выехал в Болгарию: в Софии управлял хором Свято-Александро-Невского собора (Болгарская Православная Церковь), был помощником хормейстера в Софийском оперном театре. До 9 марта 1926 г. Л. пел в Хоре донских казаков под упр. С. А. *Жарова*. Переехав в том же году в Париж, возгла-

вил «галлиполийский хор», к-рый пел на службах в ц. прп. Сергия Радонежского при Об-ве галлиполийцев, а также на концертах. Возможно, в 30-х гг. XX в. Л. нек-рое время управлял хором ц. в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Париже.

В 1937 г. Л. переехал в Берлин, стал регентом Хора донских казаков им. атамана А. М. Каледина. В 1939 г. пел там с казачьим хором в русско-укр. ресторане. Основав Хор черноморских казаков, в 1940–1941 гг. концертировал с ним в Германии и др. странах. После начала войны Германии с СССР этот хор был упразднен, и Л. возглавил хор Свято-Владимирской ц. (РПЦЗ) в Берлине. В 1942 г. там была отслужена воссозданная архим. Филиппом (И. А. *Гарднером*) литургия ап. Иакова, музыку для к-рой написал Л. Он же 14 июня 1942 г. управлял хором на поставлении архим. Филиппа во епископа Потсдамского.

В 1942–1943 гг. Л. в приказном порядке был привлечен к записи пластинок, выпускавшихся фирмами «Полидор» и «Граммофон» по заказу «Винеты» (подразделения Восточного отдела Рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды). Муж. казачьим и смешанным хорами под упр. Л. были исполнены рус., укр., казачьи песни, правосл. церковные сочинения, отрывки из рус. опер, советские песни, танцевальная музыка и др. Нек-рые записи осуществлялись совместно с «Капеллой Романова» (оркестром балалаек). В числе записанных церковных произведений была «Песнь Богородицы» Л.

По окончании войны Л. возглавил хор Воскресенского кафедрального собора (РПЦ МП) в Берлине, основав концертировавший в Германии смешанный Русский кафедральный хор. В 1948 г. Л. вместе с семьей переехал в Мюнхен, в амер. оккупационную зону, где воссоздал Хор черноморских казаков, с к-рым с большим успехом выступал в Германии и сканд. странах. В репертуар хора входила русская духовная музыка (Д. С. *Бортнянского*, Г. Ф. *Львовского*, А. Д. *Шереметева*, С. В. *Панченко* и др.), а также рус. народные, казачьи, популярные городские песни («Эй, ухнем», «Стенька Разин» и т. п.), в т. ч. в обработке Л.

Переехав в 1951 г. в США, Л. некоторое время управлял хором в Свято-Сергиевской ц. «Толстовской фермы» и затем в Свято-Серафимов-

ском приходе Нью-Йорка. В 1952 г. Л. получил место регента в кафедральном соборе иконы Божией Матери «Знамение» Синода РПЦЗ в Нью-Йорке, прослужив там 23 года. С 1953 по 1968 г. Л. преподавал богослужебное пение и руководил хором в Свято-Владимирской ДС (шт. Нью-Йорк); нек-рое время управлял смешанным молодежным Русским камерным хором и Русским муж. хором «Капелла».

Особенно значимой была работа Л. с хором Синода РПЦЗ. Под его руководством этот хор превратился в один из лучших певческих коллективов русского зарубежья. В репертуаре нью-йоркского Синодального хора, к-рый, как было принято считать в РПЦЗ, вел свое преемство от московского Синодального хора, присутствовали образцы *знаменного распева*, композиции Кастильяно, С. В. Рахманинова, Ипполитова-Иванова, А. Т. Гречанинова, А. Г. Чеснокова и П. Г. Чеснокова, Н. А. Римского-Корсакова, А. К. Лядова, Н. И. Компанейского и др. О вышедшей в 1965 г. пластинке этого хора Гарднер писал: «Старым москвичам эта пластинка напомнит московские хоры времен расцвета московской церковно-музыкальной традиции перед самой 1-й мировой войной и характерный стиль московского репертуара» (*Старый москвич*. Новая пластинка нью-йоркского хора Рус. Синодальной Церкви // Рус. мысль. П., 1965. № 2315, 1 июня). В репертуар была включена и духовная музыка композиторов-эмигрантов (Гарднера, И. А. Колчина, митр. Филарета (Вознесенского), Н. Д. Набокова, А. Свана, самого Л.).

Большая часть композиторского наследия Л. (186 произведений) опубликована в типографии св. Иова Почаевского в Джорданвилле (шт. Нью-Йорк). Как автор духовной музыки Л. исповедовал главные принципы Нового направления: полное или частичное сохранение аутентичных церковных распевов, обработка распевов и свободное творчество в их стиле. Л. стремился, чтобы его музыка соответствовала исполнительским возможностям зачастую небольших по составу любительских заграничных русских хором. Композиции Л. составили неотъемлемую часть богослужебного репертуара храмов РПЦЗ; в последнее десятилетие они получили распространение и в России.

Л. оставил о себе память как музыкант высокой культуры и профессионального уровня, его музыка и дирижерские интерпретации отличались «богослужебной стилистичностью» (термин Гарднера), художественностью и вкусом. Деятельность Л. имела большое значение для сохранения и продолжения русской хоровой традиции, для воспитания православной молодежи. Последователем Л. стал его сын, А. Б. Ледковский (1944–2004), к-рый после смерти отца до 20 янв. 2002 г. управлял хором Синода РПЦЗ. Он также гастролировал с этим хором в разных городах США, записал несколько дисков. Кроме того, А. Ледковский управлял хором Русского хорового об-ва в Нью-Йорке, молодежным Русским камерным хором и мужским хором «Капелла»; он одним из первых создал интернет-сайт с нотами рус. церковных песнопений (www.gosp.org), к-рый в наст. время ведет его дочь Е. А. Ледковская.

Арх.: МГК. Арх. ф. Личное дело Б. М. Ледковского. 1914; Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archives (Stanford, USA). Petr Vrangeli Coll. Box 121. F. 25. Краткая записка о службе подпоручика Марковского артиллерийского дивизиона Ледковского Б. М. 10 апр. 1921 г.; Личный арх. семьи Ледковских. Curriculum Vitae of the Conductor of the Black Sea Cossack Chorus Mr. Boris Ledkovsky. Маш.; Гарднер И. А. Б. М. Ледковский как носитель русской правосл. церковно-певч. культуры. Маш.

Муз. соч. и обработки: Обиход церковного пения. Ч. 1: Всенощное бдение: Распевы знам., киев. и греч.: На 4 голоса, для смеш. хора. Джорд., 1959; Духовно-муз. соч. Джорд., 1959. Сб. № 1; 1972. Сб. № 2; 1982. Сб. № 3: Гармонизации древних распевов и композиции: Посмертное изд. / Сост. А. Б. Ледковский; нот. запись: В. П. Ляшевич.

Дискогр.: «Пойте Богу нашему, пойте»: «Sing Praises to the Lord our God»: Choral Pieces by Masters of Russian Sacred Music / The Russian Synod Cathedral Choir of New York. В. М. Ledkovsky, Dir.; RCA Custom Records. [N. Y., 1965]; Idem. CD 1: Russian Synod Cathedral Choir of New York – Синодальный хор РПЦЗ // В. М. Ledkovsky, Dir. Cathedral of Our Lady of the Sign. N. Y., 2007; A Concert of the Russian Synod Choir in Jerusalem / В. М. Ledkovsky, Conductor; Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem. [S. l., 1974]; Orthodox Liturgical Music, Vol. 3: The Divine Liturgy of St. John Chrysostom / Sung by the Choir of St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary, Dir. by Prof. V. Ledkovsky; St. Vladimir's Orthodox Theol. Seminary. [S. l., s. a.]; Orthodox Liturgical Music / Sung by the St. Vladimir's Synodical Choir, Prof. V. Ledkovsky, Dir.; Kooch Recording. East Paterson (N. J.), [s. a.]; Legacy of Russian Church Music / Cappella Russian Male Chorus, В. М. Ledkovsky, Conductor; Cappella Russian Male Chorus. [S. l., s. a.].

Соч.: Письма к И. А. Гарднеру // Рус. зарубежье: Музыка и православие / Сост.: С. Г. Зверева; науч. ред.: С. Г. Зверева, М. А. Васильева. М., 2013. С. 531–542.

Лит.: Schwarzmeer-Kosaken sang: Eine Stunde der Bessinnung in der Lutherkirche // Pfälzische Volkszeitung. 1950. N 207, 6. Sept.; Ein konzertliches Erlebnis: Der Schwarzmeer-Kosaken-Chor sang in der Christuskirche // Lip-pische Landes-Zeitung. 1950. 3. Okt.; Боголюбов С. М. Духовное торжество: Концерт митрополичьего хора, в воскресенье 11 марта с. г. // Правосл. Русь. 1956. № 6, 28 марта; Александров П. Новая пластинка с рус. церк. песнопением // Новое рус. слово. Н.-Й., 1965. 4 июня; Р. Я. Письма из Иерусалима. Нью-Йоркский Синодальный хор в Израиле // Там же. 1972. 8 сент.; он же. Концерт рус. Синодального хора // Там же. 1973. 18 мая; Гарднер И. А. Б. М. Ледковский // Там же. 1974. 17 дек.; он же. Пластинка нью-йоркского Синодального хора // Там же. 1975. № 23578, 16 марта; он же. Б. М. Ледковский – церк. регент // Там же. 1975. № 23141, 23 сент.; он же. Памяти Б. М. Ледковского // Рус. мысль. 1975. 30 окт. № 3075; Н. С. Панихида по А. С. Пушкине // Новое рус. слово. 1974. 12 июня; Кончина и отпевание Б. М. Ледковского // Правосл. Русь. 1975. № 17. С. 11–12; Седых А. Концерт Синодального хора // Новое рус. слово. 1976. 10 июня; Почитатель [Панн С., свящ. ?]. К 100-летию юбилею Б. М. Ледковского (1894–1975) // ЗРАГ. 1994. Т. 26. С. 388–391; он же. Памяти почившего: Кончина А. Б. Ледковского // Правосл. Русь. 2004. № 5(1770). С. 12–13; Ледковская М. В. Б. М. Ледковский (1894–1975) // Тр. МРПС, 2002–2003: Сб. ст., восп., арх. док-тов. М., 2005. С. 393–404; она же. Друзья и единомышленники: Гарднер, Ледковский, Хёкке // Рус. зарубежье: Музыка и православие. 2013. С. 517–530; Ледковский Б. М. // Александров Е. А. Русские в Сев. Америке: Биограф. слов. Хэдмен; Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 304–305; Казанцев Н. Памяти подвижника рус. правосл. церковно-певч. культуры // Наша страна. Буэнос-Айрес, 2005. № 2767, 19 февр. С. 5; Духовная А. А. Православная хоровая культура Рус. Зарубежья и творчество Б. М. Ледковского: Дипл. реф. / МГК. М., 2011. Ркп.

С. Г. Зверева

ЛЕЙБНИЦ [нем. Leibniz] Готфрид Вильгельм (21.06/1.07.1646 (ст. ст./н. ст.), Лейпциг – 14.11.1716, Ганновер), нем. философ, ученый-энциклопедист, юрист, историк, дипломат, общественный деятель; ведущий представитель философского *рационализма* Нового времени.

Жизнь, деятельность, сочинения. Л. происходил из семьи Фридриха Лейбница (1597–1652), к-рый с 1640 г. занимал кафедру профессора нравственной философии в Лейпцигском ун-те; мать Л., Катарина Шмук (1621–1664), была дочерью влиятельного лейпцигского юриста, преподававшего право в том же ун-те. Как и большинство жителей курфюршества Саксония, родители Л. были приверженцами традиционного *лютеранства*, религ. содержание которого было закреплено в XVI в. в *Аугсбургском исповедании*. Хотя семья Л. не отличалась особой

религиозностью, он получил религ. воспитание в духе протестантизма и с детства был знаком с основными идеями лютеран. вероучения (подробнее см.: *Antognazza*. 2009. P. 25–30; ср. также: *Погребыцкий*. 2004. С. 22–23).

Образование и первые сочинения (1653–1667). С 1653 по 1661 г. Л. посещал в Лейпциге городскую школу св. Николая (Nicolaischule). Согласно позднему свидетельству самого Л., в последние годы учебы в школе он стал проявлять особый интерес к логике, к-рая в этот период преподавалась преимущественно в русле средневек. интерпретаций силлогистики Аристотеля; он старательно изучал логические учебники и трактаты, особое внимание уделяя попыткам их авторов построить законченные универсальные системы логико-философских категорий (см.: *Leibniz*. Phil. Schr. Bd. 7. S. 516–517). При самостоятельных занятиях философией и теологией Л. пользовался б-кой отца, в которой были представлены сочинения не только протестант., но и католических авторов, в т. ч. Я. Забареллы (1533–1589), П. да Фонсеки (1528–1599) и Ф. Суареса (1548–1617). В юном возрасте Л. познакомился также со мн. произведениями классической греч. и лат. лит-ры, к-рые вызывали у него гораздо больший интерес, чем философские трактаты и лит. опыты современников (см.: *Antognazza*. 2009. P. 30–50; ср.: *Погребыцкий*. 2004. С. 23–30).

В 1661 г. Л. начал обучение в Лейпцигском ун-те, где помимо лекций по математике, довольно посредственных с т. зр. научного уровня, однако пробудивших у Л. устойчивый интерес к этой науке, он посещал философские лекции Я. Томазия (1622–1684), к-рый придерживался в области философии эклектичных взглядов, будучи одновременно сторонником христианского аристотелизма и противником традиц. католич. схоластики. В 1663 г. Л. получил степень бакалавра философии, успешно защитив диспутацию «Метафизическое рассуждение о принципе индивидуации» (*Disputatio metaphysica de principio individui*; 1-е изд. — 1663; переизд.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 1. S. 3–19), к-рая является его 1-м опубликованным произведением. В диспутации, изданию к-рой было предпослано благожелательное предисловие Томазия, Л. защищал тезис о том,

Г. В. Лейбниц,
Гравюра. XIX в.
Мастер А. фон Менцель
(Государственные музеи Берлина)

что индивидуальность индивида определяется «полнотой его бытийной сущности» (*individuum sua tota essentia individuat* — *Ibid*. S. 11; об истории дискуссий относительно принципа индивидуации см. в статьях *Индивид*, *Индивидуация*). Л. отвергает представления схоластов о том, что принципом индивидуации является абстрактная или формальная сущность (*essentia*) либо материальное существование (*existentia*); он также не принимает учение *Иоанна Дунса Скота* († 1308) об «этовости» (*haecceitas*) как видовом принципе индивидуации, вставая на позицию номиналистов (см. в ст. *Универсалии*) и утверждая, что реальным является лишь индивидуальное, а не родовидовое бытие. Л. заключает, что основание индивидуальности — это бытийная сущность (*entitas*), т. е. само конкретное бытие индивида, «существо сущего» как формально-материальное единство (анализ аргументации см.: *Hoffmann*. 1998). В этом утверждении уже предвосхищено ставшее впосл. характерным для Л. представление об онтологической первичности индивидуального сущего, а также развитое им учение о том, что не может существовать 2 реально тождественных индивидов (монад), т. к. в этом случае они оказались бы не отличимы друг от друга ни в бытии, ни в познании (ср.: *Ягодинский*. 1914. С. 6–15; *Holzhey, Murdoch*. 2001. S. 1023).

В период занятий с Томазием Л. усвоил основные принципы схоластической метафизики, однако у него сохранялись сомнения в истинности метафизического метода, к-рый в это время подвергался жесткой критике как со стороны приверженцев науч-

но-механистического объяснения природы, так и со стороны сторонников «нового идеализма» — Р. Декарта (1596–1650) и его последователей. Оставаясь в ранний период на позициях школьного аристотелизма, Л. самостоятельно изучал произведения Ф. Бэкона (1561–1626), Т. Кампанеллы (1568–1639), Т. Гоббса (1588–1679), П. Гассенди (1592–1655) и др., а также сочинения картезианцев. Помимо уже получивших известность философских работ предшественников Л. уделял внимание трактатам современников; так, сохранились его заметки на полях учебника «Компендиум метафизики» (*Compendium metaphysicae*, 1652), автором которого был Д. Шталь (1589–1654), профессор логики и метафизики Йенского ун-та, а также заметки к соч. «Практическая философия» Томазия (текст заметок см.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 1. S. 20–67; подробнее см.: *Antognazza*. 2009. P. 50–57).

После защиты диссертации Л. в течение неск. месяцев посещал в Йенском ун-те лекции философа и математика Э. Вейгеля (1625–1699); Л. оказалось близко и понятно стремление Вейгеля совместить традиц. аристотелевские метафизику и логику с достижениями новой математики и построить единую универсальную философию на логико-математических основаниях (ср.: *Погребыцкий*. 2004. С. 36–38). После возвращения в Лейпциг в окт. 1663 г. научные интересы Л. сместились в область права и его философского осмысления; в течение года он посещал лекции профессоров права К. Шахера (1597–1670) и Б. Л. Швендендёрффера (1631–1705). В февр. 1664 г. Л. получил степень магистра свободных искусств (см. *Artes liberales*), т. е. философии, защитив диссертацию «Примеры философских вопросов, заимствованных из области права» (*Specimen quaestionum philisophicarum ex jure collectarum*; 1-е изд. — 1664; переизд.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 1. S. 69–95; англ. перевод с комментариями: *Artosi, Pieri, Sartor*. 2013. P. 1–70). Смысловым центром сочинения является тезис Л. о принципиальной важности философии и философского мышления для юриспруденции; этот общий тезис Л. обосновывает с помощью конкретных примеров. Он предлагает собственную интерпретацию ряда законов аристотелевской физики, а также метафизических понятий

и категорий («сущее», «истинное», «присутствующее», «целое», «часть», «отношение» и т. п.), демонстрируя, что без их корректного философского понимания невозможно их надлежащее применение в сфере юриспруденции. В 1665 г. Л. представил более узкую по тематике диссертацию в 2 частях под названием «Юридическое рассуждение об условных положениях» (*Disputatio juridica de conditionibus*; 1-е изд.— 1665; переизд.: SSB. R. 6. Bd. 1. S. 96–150). Поскольку условные положения описывают не реальные обстоятельства, а гипотетические возможности, Л. называл предложенные им правила их применения в сфере юриспруденции «гипотетическим правом». В окт. 1665 г. Л. успешно защитил эту работу и получил степень бакалавра права.

С кон. 1665 г. Л. работал над состоявшейся из неск. частей философской диссертацией, опубликованной под заглавием «Диссертация о комбинаторном искусстве» (*Dissertatio de arte combinatoria*; 1-е изд.— 1666; переизд.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 1. S. 162–230). Первую часть сочинения Л. представил в ходе публичного диспута на философском фак-те Лейпцигского ун-та в марте 1666 г., получив после успешной защиты формальное право на преподавание. В печатном издании основного текста было предпослано краткое *доказательство бытия Божия*, в основе к-рого лежит анализ движения, понимаемого в духе схоластического аристотелизма: всякая субстанция движет или движется; любое движущее тело само движется; тело как целое есть бесконечно делимый на части континуум, поэтому для приведения его в движение требуется бесконечная сила, к-рая сама не может быть телесной; т. о., существует бестелесная субстанция, обладающая бесконечной силой, т. е. Бог (см.: *Ibid.* S. 169–170). Основная часть диссертации содержит оригинальное и подробное, однако с т. зр. структуры довольно запутанное рассмотрение проблем комбинаторики, т. е. науки, занимающейся анализом элементов конечных множеств с т. зр. возможных вариантов их размещения, сочетания, перестановки и т. п. Опираясь на труды средневеков. философа и теолога Раймунда *Луллия*, его последователей среди мыслителей *Ренессанса*, а также на философские и математические работы А. Кирхера (1601/2–

1680), Г. Ф. Харсдёрффера (1607–1658), Д. Швенгера и др. европ. ученых XVI–XVII вв., Л. рассматривал комбинаторику не только в чистом математическом аспекте (познания Л. в математике в эти годы были еще отрывочными и недостаточными, однако ему удалось успешно решить в работе несколько частных задач арифметической комбинаторики), но и в широкой логико-философской перспективе. По мысли Л., для поиска истины и развития философии как общей теории научного знания требуется разработка «инвентивной логики» (*logica inventiva*), т. е. логики научного открытия. Задачей философии, согласно Л., является выявление и классификация всех простых и несводимых к иным понятий, а также исследование допустимых и недопустимых способов их сочетания в суждениях. В результате такой классификации может быть создан универсальный язык или универсальная символика науки. В этом языке условные обозначения относятся уже не к числам, а к понятиям; при этом оперирование с понятиями происходит по аналогии с математическими операциями, т. е. в рамках системы строгих формальных правил. В диссертации как в явной, так и в скрытой форме были впервые обозначены несколько принципиальных философских установок, к-рым Л. оставался верен на протяжении всей последующей философской деятельности: 1) уверенность в познаваемости мира и в адекватности философских и научных методов познания, сложившихся в рамках аристотелизма; 2) представление о существовании конечного числа взаимосвязанных простейших логико-философских понятий, при помощи которых может быть выражена вся совокупность человеческих знаний; 3) признание основными методами философского и научного исследования анализа, в ходе к-рого сложные явления и понятия разлагаются на составные части вплоть до обнаружения неразложимых простейших элементов, и синтеза, к-рый позволяет прогнозировать наличие у субъекта определенных предикатов исходя исключительно из их логической возможности (ср.: *Погребыцкий*. 2004. С. 43–45; *Holzhey, Murdoch*. 2001. S. 1024, 1043–1046).

Первоначально после защиты философской диссертации Л. планиро-

вал защитить еще одну диссертацию для получения степени доктора права в Лейпцигском ун-те, однако ему было отказано в допуске к защите. Т. к. докторская степень открывала для получившего ее кандидата возможность участия в работе коллегии юристов Лейпцига, число претендентов было велико и руководство ун-та предпочло предоставить возможность защиты более солидным по возрасту и обладавшим большим академическим стажем кандидатам. После смерти родителей у Л. не было к.-л. весомых оснований оставаться в Лейпциге и он избрал для защиты диссертации Альтдорфский ун-т, к-рый в адм. отношении был подчинен властям близлежащего имперского г. Нюрнберга. Успешная защита докторской работы «Рассуждение о запутанных правовых случаях» (*Disputatio de casibus perplexis in jure*; 1-е изд.— 1666; переизд.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 1. S. 231–256; англ. перевод с комментарием: *Artosi, Pieri, Sartor*. 2013. P. 71–150) состоялась в окт. 1666 г. В диссертации Л. рассматривал «запутанные случаи», т. е. юридические трудности, к-рые возникают не в результате разных трактовок права или противоречий в законах, а являются следствием сложных фактических обстоятельств дела и относящихся к сфере реальной жизни противоречий. Л. полагал, что такие запутанные случаи могут быть решены рационально, однако для их решения требуется обращение к философским основаниям права. Ориентируясь на принципы комбинаторики, Л. утверждал, что в правовом «случае» (*casus*) фиксируется конкретная связь реальной действительности (бытия) и идеального закона (долженствования), поэтому путем философско-юридического анализа фактов и законов между ними может быть выстроена новая рациональная связь в духе «гипотетического права», учитывающего различные возможные ситуации. Л. подчеркивал, что именно в неоднозначных правовых случаях выявляется внутренняя связь права с его нравственными основаниями, выражаемыми в этике с помощью понятий «справедливость», «милосердие», «равенство», «полезность» и т. п. (ср.: *Mates*. 1986. P. 18). 22 февр. 1667 г. состоялась торжественная церемония присвоения докторской степени; Л. было предложено стать профессором права в Альтдорфе, однако он после

недолгих размышлений отклонил это предложение, считав, что преподавательская деятельность ограничит возможности его развития как философа и ученого.

В период пребывания в Нюрнберге Л. сблизился с местным об-вом алхимиков, занимавшихся химическими опытами и поисками философского камня. В автобиографических заметках Л. об этом эпизоде его жизни ничего не сообщается; 1-е и наиболее подробно упоминание встречается в биографии Л., составленной его секретарем И. Г. фон Экхардтом (1664–1730) в 1717 г. (опубл. в 1779; см.: *Eckhart*. 1779. S. 137–140). Ссылаясь на устные воспоминания Л., Экхардт утверждает, что Л. для проникновения в об-во выбрал наиболее сложные места из доступных ему алхимических сочинений, смысла которых сам не понимал, и с помощью этой компиляции убедил алхимиков в глубине собственных познаний. Л. исполнял в об-ве обязанности секретаря, ведя протоколы опытов. Некоторый интерес к алхимическим опытам Л. проявлял и позднее, однако к алхимии в целом относился настороженно и иронично, считая, что научное знание в ней в большинстве случаев смешано с субъективным мистицизмом, а порой и с откровенным шарлатанством. В лит-ре нередко встречается утверждение, что члены кружка являлись *розенкрейцерами*, однако это лишь мнение позднейших биографов Л., объективные подтверждения которого совр. исследователям обнаружить не удалось (подробнее см.: *Ross*. 1974; ср.: *Antognazza*. 2009. P. 80). Вместе с тем, вслед. наличия в XVII в. тесных связей между алхимией и др. системами «тайного знания», нельзя исключать как того, что члены об-ва обсуждали отдельные концепции, возникшие в рамках розенкрейцера, каббалистики, мистических религ. движений и т. п., так и того, что некоторые из этих концепций были восприняты Л. и в переосмысленном виде нашли отражение в его философских и теологических сочинениях. Хотя Л. в посл. сохранял ограниченный интерес к околонуальному эзотеризму и мистической теософии, он преимущественно рационализировал их содержание, стремясь выразить его с помощью строгого языка философии и науки (подробнее см. в сб. ст.: *Leibniz, Mysticism and Religion*. 1998).

Л. при дворе курфюрста Майнцского (1667–1672). Осенью 1667 г. Л., покинув Нюрнберг, направился в Голландию, рассчитывая познакомиться с местными учеными и, возможно, найти покровителя среди князей или аристократов. Во время поездки во Франкфурте-на-Майне он повстречался с И. К. фон Бойнебургом (1622–1672), влиятельным советником курфюрста и архиеп. Майнцского Иоганна Филиппа фон Шёнборна (1605–1673). Восхищенный талантами Л. Бойнебург представил его курфюрсту и предложил остаться в Майнце. Вскоре Л. получил постоянное оплачиваемое место советника при дворе курфюрста, где его основной обязанностью стало участие в разработке концепции реформирования законодательства; в дополнение к этому Л. являлся личным помощником, библиотекарем и советником Бойнебурга, который привлекал его к работе над разного рода масштабными политическими и религиозными проектами (см.: *Antognazza*. 2009. P. 81–87; подробный анализ майнцкого периода жизни Л. см.: *Wiedeburg*. 1962).

Первым из мн. созданных в майнцкий период сочинений, проектов и заметок, в которых рассматривалась правовая проблематика, стал опубликованный с посвящением курфюрсту трактат «Новый метод изучения и преподавания юриспруденции» (*Nova methodus discendae docendaeque jurisprudentiae*; 1-е изд.— 1667; переизд.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 1. S. 259–364). В 1-й ч. Л. излагал общее учение о делении наук (в целом традиционного характера), а во 2-й ч. рассуждал о месте права в системе наук и о надлежащем методе его изучения. Занимаясь анализом действующего частного права Свящ. Римской империи и Майнцкого курфюршества, в основе к-рого лежало традиц. рим. право, Л. в заметке «Принципы исправления свода законов» (*Ratio cognoris juris reconcinnandi*; 1-е изд.— 1768; переизд.: *Ibid*. Bd. 2. S. 93–113) предложил общую программу упорядочения законов. Не ограничиваясь пересмотром рим. права, Л. объявил предельной целью законотворческой деятельности создание полной, ясной и рациональной системы законодательства (*jurisprudentia rationalis*), к-рая с течением времени должна быть усвоена не только всеми нем. княжествами, но и вообще всеми европ. христ. народами. Со-

гласно Л., построение системы права невозможно без анализа естественного права, т. к. оно является базисом положительного права и в нем задается смысл базовых правовых понятий, в т. ч. понятия «справедливость». Опираясь на сочинения Г. Гроция (1583–1645), Гоббса и др. философов, рассматривавших проблематику философских оснований права, Л. предложил собственную теорию естественного права в ряде заметок, датированных исследователями 1669–1671 гг. и объединяемых под общим названием «Элементы естественного права» (*Elementa juris naturalis*; текст см.: *Ibid*. Bd. 1. S. 431–485). Ввиду слабого интереса со стороны курфюрста Майнцкого замысел реформирования законодательства не был осуществлен, однако важным результатом деятельности Л. в майнцкий период стало формирование у него убеждения в возможности создания единой универсальной системы права, а также разработка отдельных тем и разделов философии права, ко многим из к-рых он неоднократно в посл. возвращался (подробнее см.: *Grua*. 1953; *Busche*. 2003).

Исполняя поручения Бойнебурга, Л. в 1668–1671 гг. создал значительное число заметок и небольших сочинений политического и религ. характера. Так, в 1669 г. в опубликованном под псевдонимом соч. «Пример политического доказательств по вопросу избрания короля Польши» (*Specimen Demonstrationum Politicarum pro eligendo rege Polonorum*; 1-е изд.— 1669; переизд.: *Leibniz*. SSB. R. 4. Bd. 1. S. 3–98) Л. последовательно рассматривал кандидатуры возможных претендентов на польский престол и путем логических рассуждений пытался обосновать, что наилучшим кандидатом является Филипп Вильгельм (1615–1690), пфальцграф Нойбурга, которого поддерживали Бойнебург и некоторые герм. князья. Хотя эта кандидатура была отклонена польск. дворянами, Л. приобрел известность как политический публицист, выступавший в защиту герм. интересов в Европе (ср.: *Mates*. 1986. P. 19–20). Важное значение имело еще одно политическое сочинение Л.— подготовленная для Бойнебурга и курфюрста Майнцкого в 1670 г. пространная записка под названием «Соображения, каким образом в текущих обстоятельствах можно укрепить в Империи внеш-

нию и внутреннюю общественную безопасность и стабильность» (*Bencken welchergestalt Securitas publica interna et externa und Status praesens im Reich jezigen Umständn nach auf festen Fuß zu stellen*; 1-е изд.— 1838; переизд.: *Leibniz*. SSB. R. 4. Bd. 1. S. 131–214), в к-рой Л. указывал на опасность усиления Франции. Л. утверждал, что для предотвращения франц. угрозы герм. князья должны преодолеть политические и религ. разногласия и создать новый общегерм. союз, тайной целью которого будет сдерживание Франции. Л. полагал, что, если к этому союзу явно или тайно присоединятся Австрия, Голландия, Англия и Испания, Франция будет вынуждена отказаться от дальнейшей экспансии в Европе и обратит свою военную силу на завоевательные операции в Сев. Африке, что принесет пользу всем христ. гос-вам. Защищая интересы Майнцского курфюрста, Л. вместе с тем занял ярко выраженную патриотическую позицию, одним из первых осознав в качестве первостепенной политической задачи обеспечение единства раздробленной феодальной Германии перед лицом др. европ. гос-в (ср.: *Погребынский*. 2004. С. 60–64).

Поскольку одной из важнейших причин разделения и вражды между герм. князьями в XVII в. оставались религиозные противоречия, Л. уделял значительное внимание тематике христианского единства и различным аспектам межконфессиональных споров. Дополнительным фактором, оказывавшим противоречивое влияние на лит. деятельность Л. в этой сфере, было то, что, поступив на службу к католич. князю, он в отличие от Бойнебурга не стал переходить в католицизм и формально оставался лютеранином, однако в сочинениях вынужден был придерживаться прокатолич. позиции. Наряду с общими темами философской теологии, к рассмотрению которых Л. обращался в философских трактатах по собственной инициативе, в 1668–1671 гг. он по поручению Бойнебурга разбирал в небольших заметках неск. частных богословских тем. Так, в заметках «Защита Троицы против Вишоватого» (*Defensio Trinitatis contra Wissowatium*; 1-е изд.— 1717; переизд.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 1. S. 518–530; представляет собой комментарий к адресованному Бойнебургу письму од-

ного из лидеров польских *социниан*, А. Вишоватого), «Опровержение возражений Даниэля Цвиккера против учения о Троице и Воплощении» (*Refutatio objectionum Dan. Zwickeri contra Trinitatem et Incarnationem*; изд.: *Ibid*. S. 531–532), «О Боговоплощении, или Об ипостасном единстве» (*De Incarnatione Dei seu de Unione hypostatica*; изд.: *Ibid*. S. 532–535) Л. предложил критические аргументы против триадологии и христологии польск. и нем. *антитринитариев* и социниан (анализ содержания см.: *Antognazza*. 2007. P. 16–47). В серии заметок, посвященных учению о *Евхаристии*, объединенных издателями под общим названием «Доказательство возможности таинства Евхаристии» (*Demonstratio Possibilitatis Mysteriorum Eucharistiae*; тексты см.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 1. S. 501–517), Л. пытался продемонстрировать, что католич. учение о пресуществлении не противоречит выраженному в Аугсбургском исповедании лютеранскому учению о реальном присутствии Иисуса Христа в Евхаристии. Центральное место в триадологических, христологических и сакраментологических заметках этого времени занимает понятие «ум» (*mens*), с помощью которого Л. пытался решить теологические антиномии. Эти антиномии, по его убеждению, проистекали из неверных представлений о субстанции; именно в этот период Л. впервые высказал мнение, что субстанциями в строгом смысле следует признавать лишь духовные сущности, т. е. «умы»; относящиеся к учению о субстанции философские и богословские проблемы он предложил решать с помощью анализа отношения между бестелесными духовными субстанциями и телами, к-рые в действительности не являются субстанциями. В заметках «О единстве Римской Церкви» (*De Unitate Ecclesiae Romanae*; изд.: *Ibid*. S. 547–548) и «О судьбе в религиозных спорах» (*Commentatiuncula de Iudice Controversiarum*; изд.: *Ibid*. S. 548–559) Л. разбирал вопросы о церковной власти и церковной юрисдикции; не отвергая прямо католич. учения о примате Римского папы, он предлагал аргументы в пользу того, что подлинным авторитетом в области теологии следует признавать не некую внешнюю церковную инстанцию, но «абстрактное правильное мышление» (*recta ratio*

in abstracto), т. е. объективное философское сознание, носителями которого являются люди, руководствующиеся в своих рассуждениях строгими правилами философской логики.

Развитие Л. как метафизика в майнцкий период засвидетельствовано в неск. сочинениях, к-рые преимущественно имеют философско-теологический характер. Наиболее важным из них является небольшой трактат «Свидетельство природы против атеистов» (*Confessio Naturae contra Atheistas*; 1-е изд.: 1669; переизд.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 1. S. 489–493; рус. перевод: Соч. Т. 1. С. 78–84), в котором Л. вновь обратился к тематике доказательства бытия Божия, а также предпринял попытку построить доказательство бессмертия души. К этому времени Л. внимательно изучил материалистическую систему Гоббса, к-рый упоминается в сочинении и является основным оппонентом Л. Соглашаясь с приверженцами материализма и атеизма в том, что мн. телесные явления природы могут быть объяснены физически и механически без привлечения учения о Боге, Л. вместе с тем указывает, что анализ природы тела не может дать ответа на вопрос о началах или об основаниях его первичных свойств — величины, фигуры и движения. Определяя тело как нечто существующее в пространстве, Л. утверждает, что величина и фигура тел не могут быть выведены из их природы, т. к. без обращения к представлению о разумном начале невозможно объяснить, почему каждое конкретное тело имеет именно те величину и форму, которые оно имеет. Точно так же с т. зр. механистического материализма не может быть объяснено начало движения тел и способы их взаимодействия. Признавая допустимой гипотезу атомистов о том, что тела образованы из мельчайших частиц, Л. утверждает, что «для объяснения атомов правильным будет прибегнуть в конце концов к Богу, который дает прочность этим последним основам вещей» (*Ibid*. S. 492; Там же. С. 83). Как и ранее, Л. выводит бестелесность Бога из положения, что лишь бестелесное существо может быть началом телесного движения; разумность и всемогущество Бога выводятся из «красоты вещей» и их «повиновения» власти Бога. Л. прямо отождествляет Бога с бестелесным

«Умом» (Mens), который управляет всем миром (Ibidem; Там же). Бессмертие души Л. доказывает посредством анализа ее мыслящей природы: поскольку свойственное душе самосознание (т. е. мышление самой себя как мыслящей) не может быть разделено на части, она не движется; поскольку она не движется, она не является телесной, не существует в пространстве и не может быть подвержена разрушению, т. е. смерти (Ibid. S. 492–493; Там же. С. 83–84). В рассуждениях Л. совмещаются неск. противоположных влияний, к-рые и в дальнейшем определяли развитие его философии: 1) почерпнутое из схоластической теологии представление о Боге как о первопричине и предельном основании бытия и движения всех вещей; 2) дуалистическое учение Декарта о противоположности мыслящего начала и протяженного начала; 3) механистическое объяснение законов движения, которого придерживались как картезианцы, так и материалисты. Показательным свидетельством дальнейшего развития и уточнения метафизических идей, лежащих в основе доказательств, является датированное апр. 1669 г. письмо Томазию, в рус. переводе изданное с подзаголовком «О возможности примирить Аристотеля с новой философией» (текст см.: *Leibniz*. SSB. R. 2. Bd. 1. S. 23–38; рус. перевод: Соч. Т. 1. С. 85–102). В нем Л. замечает, что отказ «новых философов» от метафизических и физических идей аристотелизма является слишком радикальным и поспешным, и предлагает истолкование аристотелевских представлений о материи, форме и изменениях с помощью используемых в механистической философии понятий «величина», «фигура» и «движение». Соединяя аристотелевскую философию с новой, Л. утверждает, что «в мире не существует ничего, кроме ума (mens), пространства (spatium), материи и движения». При этом ум как «мыслящее сущее» (ens cogitans; ср. res cogitans у Декарта) является первичной причиной движения; пространство — это «первично-протяженное бытие» (ens primo-extensum; ср. res extensa у Декарта), т. е. математическое тело, которое не содержит в себе ничего, кроме 3 измерений, и есть «место всех вещей»; материя — это «вторично-протяженное бытие» (ens secundo-extensum), или совокупность физи-

ческих тел (corpus physicum), каждому из к-рых свойственны сопротивление, несочетаемость (антитипия; т. е. невозможность для 2 вещей занимать одно пространство), плотность, непроницаемость. Эти свойства задают различие тел и определяют все виды движения, в процессе которого тела приобретают определенную «форму», «фигуру», «величину» и т. п. (см.: Ibid. S. 34; Там же. С. 97). Хотя возможность перехода неопределенной материи в оформленное тело заложена в самой природе материи, актуальный переход конкретной материи в конкретное тело осуществляется при воздействии на нее ума. При этом вопрос о природе ума оставался для Л. в этот период наиболее проблематичным: с одной стороны, он продолжал утверждать, что этот Ум есть Бог, устанавливающий порядок в творении, к-рое представляет собой «Божий механизм» (horologium Dei), с др. стороны — стремился определить, как представление о едином Уме соотносится с учением о человеческом уме, а также с разного рода теориями, предполагавшими существование множества «субстанциальных форм», «умов» или «духов», воздействующих на материю (см.: Ibid. S. 34–35; Там же. С. 98–99). Хотя в письме Томазию Л. еще придерживался аристотелевского представления о субстанции как о единстве материи и формы, серьезной проблемой для метафизики Л. стал вопрос о том, каким образом обеспечивается единство сложных тел; именно на пути поиска решения этого вопроса Л. пришел к концепции индивидуальной духовной субстанции, вполн. названной им монадой (ср.: *Antognazza*. 2009. P. 100–106). В майнцский период Л. также создал небольшое сочинение на нем. языке «О всемогуществе и всеведении Бога и о свободе человека» (Von der Allmacht und Allwissenheit Gottes und der Freiheit des Menschen; текст см.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 1. S. 537–546), в к-ром он впервые затронул ряд проблем, вполн. получивших подробную разработку в рамках развития им системы *теодицеи*.

Научные интересы Л. в кон. 60-х гг. XVII в. были тесно связаны с развитием его философских идей. Вслед. принципиальной важности для метафизики понятия «движение», Л., ориентируясь на физические идеи Декарта, Гоббса, К. Рена (1632–1723)

и Х. Гюйгенса (1629–1695), предложил в соч. «Теория абстрактного движения» (*Theoria motus abstracti*; 1-е изд.— 1671; переизд.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 2. S. 157–186; 258–275) общую теорию движения натурфилософского характера, а в дополняющем его соч. «Новая физическая гипотеза» (*Hypothesis physica nova*; 1-е изд.— 1671; переизд.: Ibid. S. 219–257), — объяснение конкретных видов движения (планетарного, магнетического, химического и т. п.) с использованием популярной в то время гипотезы взаимодействия тонкого «эфира» и плотной «материи» (см.: *Antognazza*. 2009. P. 106–112). В области физики Л. занимался также исследованием некоторых аспектов оптики; обзор достигнутых им результатов он отправил для критической оценки Б. Спинозе (1632–1677). Л. сохранял интерес к математике, однако не сильно продвинулся в ее изучении, преимущественно продолжая прежние исследования проблем комбинаторики. В процессе рефлексии над собственной деятельностью в качестве философа и ученого Л. все более укреплялся в убеждении, что для прогресса наук требуется тесное взаимодействие исследователей, постоянный обмен научными идеями и результатами. Он безуспешно пытался заинтересовать нем. князей проектами издания научного журнала или организации в Германии об-ва ученых (Академии) по образцу англ. Королевского об-ва и Французской академии наук (см.: Ibid. P. 96–99). С кон. 60-х гг. XVII в. Л. активно занялся распространением своих сочинений и идей, вступив в переписку со мн. европ. правителями, философами, теологами и учеными. Хотя иногда письма Л. оставались без ответа (напр., 2 письма Гоббсу), в большинстве случаев представители интеллектуальных и научных кругов Европы давали его сочинениям положительную оценку и охотно принимали участие в обсуждении формулируемых Л. в письмах философских и научных проблем. Обширная переписка позволяла Л. получать актуальную информацию о научных достижениях современников, а также быть в курсе основных политических и интеллектуальных событий. В число лиц, с к-рыми он начал обмениваться письмами в этот период, входили: Иоганн Фридрих (1625–1679), герц. Брауншвейг-Люнебургский (Ганноверский); Г. Оль-

денбург (ок. 1618–1677), секретарь англ. Королевского об-ва; философы и ученые Г. Конринг (1606–1681), Л. ван Велтёйсен (1622–1685), П. де Каркави (ок. 1600–1684), О. фон Герике (1602–1686) и др. (подробнее о переписке Л. см.: *Gerber*. 1966; ср.: *Погребысский*. 2004. С. 72–74).

Л. в Париже и в Лондоне (1672–1676). Реагируя на ставшую очевидной к сер. 1671 г. угрозу нападения Франции на Голландию, Бойнебург поручил Л. разработать подробное обоснование того, что для Франции было бы более выгодным овладеть Египтом, входившим в состав Османской империи. Бойнебург рассчитывал, что ему удастся заинтересовать своим планом франц. кор. Людовика XIV (1643–1715), к-рому он отправил составленные Л. записки, известные под общим названием «Египетский проект» (*Consilium Aegyptiacum*; тексты см.: *Leibniz*. SSB. R. 4. Bd. 1. S. 215–410). По замыслу Бойнебурга, Л. должен был отправиться в Париж, чтобы убедить в преимуществах плана влиятельных франц. политиков и короля; этот дипломатический успех Бойнебург планировал затем представить курфюрсту Майнцкому, к-рый не был осведомлен о плане Бойнебурга и Л., однако дал согласие на поездку Л. в Париж для ученых занятий и исполнения личных поручений Бойнебурга. Хотя король знал о плане из писем Бойнебурга, однако не проявил к нему к.-л. интереса. Л. прибыл в Париж в кон. марта 1672 г.; 6 апр. того же года Франция начала военные действия против Голландии. Т. о., дипломатический план Бойнебурга и Л. потерял смысл; окончательно надежда на его успех была утрачена после установления дружественных отношений между Францией и Османской империей в 1673 г. Первоначально Л. не планировал надолго задерживаться в Париже, однако после кончины Бойнебурга в дек. 1672 г. и курфюрста И. Ф. фон Шёнборна в нач. 1673 г. он лишился покровителей в Майнце. Л. принял решение остаться в Париже, полагая, что в политическом, культурном и научном центре Европы найти богатого покровителя или доходную должность ему будет проще, чем в Германии.

В 1672–1673 гг. Л. завязал личные контакты со многими франц. философами и учеными, в т. ч. с А. Арно (1612–1694), П. Николем (1625–

Г. В. Лейбниц.
Портрет. Нач. XVIII в.
Неизвестный художник
(Исторический музей, Ганновер)

1695), Дж. Д. Кассини (1625–1712), Гюйгенсом. Поскольку теоретические и практические навыки Л. в области новейшей математики и ее приложения к механике были довольно слабыми, Л. стал брать уроки у Гюйгенса, который высоко оценивал его природные дарования. Первоначально математические интересы Л. лежали в области суммирования бесконечных числовых рядов, однако под влиянием Гюйгенса он также стал заниматься анализом бесконечно малых, постепенно переходя от работы над отдельными проблемами к построению общей системы математического анализа (см.: *Antognazza*. 2009. P. 141–144; *Погребысский*. 2004. С. 81–83). С одобрением Гюйгенс отнесся также к изобретенной Л. в Майнце и усовершенствованной в Париже счетной машине (арифмометру), к-рая в отличие от ранее изобретенной Б. Паскалем (1623–1662) машины могла не только складывать и вычитать, но производить умножение, деление, извлечение корней (подробнее см.: *Badur, Rottstedt*. 2004). Ознакомление с оригинальными идеями Декарта, а также постоянное общение с картезианцами способствовало уточнению философской и метафизической позиции Л. В заметках 1672–1673 гг. (тексты см.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 3. S. 3–111) Л. отказывается от признания существования атомов и пустоты, начиная разрабатывать учение о бесконечно делимом материальном континууме, в к-ром всякое движение мельчайшей части оказывает «симпатическое» воздействие на все прочие части, вслед. чего материя

всегда движется и не может покоиться; по словам Л., «нет пространства без тела, и нет тела без движения» (*Ibid.* S. 99). Поскольку движение и материя тождественны, основанием движения должна быть нематериальная и неделимая движущая сила, к-рую Л. в этот период стал интерпретировать как субстанциальный ум (дух). Отражением постоянного внимания Л. к этической проблематике и к построению теодицеи стало имеющее вид диалога между теологом и философом соч. «Исповедь философа» (*Confessio philosophi*; 1-е изд. лат. текста с рус. переводом: *Ягодинский*. 1915; переизд.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 3. S. 115–149). В нем Л., обсуждая вопрос о справедливости Бога, в явном виде вводит идею «всеобщей гармонии» (*harmonia universalis*) как установленного Богом наилучшего мирового порядка, предполагающего взаимосвязь всех вещей и явлений; Л. также впервые подробно обсуждает в этом произведении соотношение принципа достаточного основания с представлением о наличии у человека свободной воли (анализ аргументации см.: *Parkinson*. 1999).

В нач. 1673 г. Л. впервые посетил Лондон в составе делегации, направленной курфюрстом И. Ф. фон Шёнборном к кор. Англии Карлу II (1660–1685). Л. рассчитывал заинтересовать англ. математиков собственными исследованиями и построенным им арифмометром, однако большинство членов Королевского об-ва отнеслись к его идеям и достижениям скептически; горячую поддержку он получил лишь со стороны Ольденбурга, к-рый организовал встречи Л. с ведущими англ. учеными, в т. ч. с Р. Гуком (1635–1703), Р. Бойлем (1627–1691), Дж. Пеллом (1611–1685). Хотя англ. ученые справедливо считали многие заявления Л. о его научных открытиях преувеличенными, они смогли оценить его таланты и научный потенциал; по представлению Ольденбурга 19 апр. 1673 г., уже после его отъезда из Лондона, Л. был избран членом Королевского об-ва (см.: *Antognazza*. 2009. P. 148–151).

По возвращении в Париж Л. большую часть времени уделял углублению познаний в математике и математическим исследованиям. Л. удалось получить доступ к философским и математическим рукописям Декарта и Паскаля, в процессе изучения

к-рых он познакомился с ранее не привлекавшими его внимания физическими и математическими проблемами. Знакомясь с многочисленными математическими трактатами и учебниками, обращаясь за консультациями к Гюйгенсу и английским математикам, а также проводя самостоятельные исследования в сотрудничестве с Э. В. фон Чирнхузом (1651–1708), Л. к 1675 г. в совершенстве овладел арифметикой, алгеброй и геометрией. В 1675 г., рассматривая способы решения задач на квадратуры и касательные, Л. выделил в качестве самостоятельных операций интегрирование и дифференцирование; показал в общем виде связь между этими операциями; установил правила для дифференцирования и интегрирования, вошедшие в себя те приемы и методы, которые были даны до него, а также ввел удобные обозначения для этих операций, к-рые закрепились в математике. Переписка Л. свидетельствует, что к 1676 г. он закончил общую разработку анализа бесконечно малых, совершив тем самым свое наиболее крупное и значимое открытие в математике (ср.: *Погребыцкий*. 2004. С. 84–90). Полученные Л. результаты вскоре стали известны ряду европ. ученых, однако их 1-е формальное представление широкой публике состоялось намного позже, в опубликованной в 1684 г. ст. «Новый метод для максимумов и минимумов» (*Nova methodus pro maximis et minimis // Acta Eruditorum*. Lpz., 1684. P. 467–473).

Наряду с математическими исследованиями Л. в Париже продолжал разрабатывать ранее уже привлекавшие его внимание философские темы и знакомиться с новыми для него философскими сочинениями. В 1673–1674 гг. он составил неск. заметок, посвященных проблемам философской комбинаторики и логики. В нач. 1675 г. Л. вернулся к внимательному чтению сочинений Декарта, в т. ч. трактата «Первоначала философии» (сохранились заметки Л. на полях; см.: *Ibid.* R. 6. Bd. 3. S. 213–217). В том же году состоялось личное знакомство Л. с одним из наиболее ярких и оригинальных философов-картезианцев этого периода, Н. Мальбраншем (1638–1715), к-рый на долгие годы стал его постоянным партнером по переписке (см. изд. писем: *Robinet*. 1955). В число философских и теологических сочине-

ний, к-рые Л. изучал в 1675–1676 гг., входят диалоги Платона «Федон», «Тетет» и «Парменид» (сохранилось составленное Л. краткое изложение содержания 2 первых диалогов; см.: *Ibid.* S. 284–311), «Богословско-политический трактат» (*Tractatus theologico-politicus*, 1670) Спинозы (заметки Л. см.: *Ibid.* S. 248–274), написанные в духе рационалистической христиан. апологетики теологические сочинения Бойля (заметки Л. см.: *Ibid.* S. 218–241), трактат «О естественном и международном праве» (*De jure naturae et gentium*, 1672) С. фон Пуфендорфа (1632–1694) и др. (ср.: *Antognazza*. 2009. P. 167–171). Своеобразной попыткой синтеза метафизики платонизма и картезианства стала серия заметок Л. 1675–1676 гг., традиционно объединяемых издателями под общим заглавием «Элементы сокровенной философии о совокупности вещей» (*Elementa philosophiae arcanae de summa rerum*; текст см.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 3. S. 461–588; частичный рус. перевод: *Ягодинский*. 1913). Заметки разнообразны по тематике, однако преимущественно посвящены рассмотрению нескольких тем, ставших к этому времени постоянным объектом философской рефлексии Л.: вопросу о существовании Бога, о возможности рационального доказательства этого существования и о бытийных связях между Богом и творением; проблеме отношения между душой и телом; метафизической интерпретации материального мира и движения. Одной из идей, объединяющих заметки, является вводимая Л. в качестве фундаментального философского принципа концепция «гармонии», которую Л. использовал для решения традиционной философской проблемы соотношения единства и множества: благодаря внутренней гармонии всякое множество предстает как сложное единство, пронизанное многообразными связями, что позволяет Л. интерпретировать сложность не как недостаток и раздробленность, но как возрастание бытийного совершенства. Встречается в заметках и важное для последующего развития метафизики Л. представление о том, что каждый ум по природе содержит в себе знание обо всем происходящем во вселенной, хотя и не каждый обладает этим знанием как ясным и отчетливым (ср.: *Antognazza*. 2009. P. 171–174).

Хотя Л. не хотел покидать Париж и сомневался в том, что ему удастся плодотворно заниматься научными исследованиями в провинции, к нач. 1675 г. его финансовое положение стало настолько сложным, что он решил принять приглашение приехать в Ганновер и занять должность придворного советника (*Hofrat*), сделанное ему еще в 1673 г. герц. Иоганном Фридрихом, с которым до этого Л. уже несколько лет состоял в переписке. По пути из Парижа в Ганновер Л. посетил Лондон; он намеревался встретиться с И. Ньютоном (1642–1727) и Дж. Уоллисом (1616–1703), наиболее авторитетными математиками, исследовавшими проблемы анализа, чтобы обсудить с ними сделанные им математические открытия, однако ему удалось пообщаться лишь с Дж. Коллинзом (1625–1683), а также познакомиться с некоторыми математическими заметками Ньютона и др. математиков, хранившимися в архиве Королевского об-ва (см.: *Ibid.* P. 176). В нояб. 1676 г. Л. познакомился в Делфте с А. ван Левенгуком (1632–1723), к-рый занимался исследованием микромира с помощью изобретенного им микроскопа. Опыты Левенгука оказали значительное влияние на Л., к-рый интерпретировал их в метафизическом ключе и считал наглядным подтверждением представления о том, что вся материя пронизана жизнью и содержит бесконечное множество живых существ. В том же месяце в Гааге состоялись неск. встреч Л. со Спинозой, в ходе к-рых философы обсуждали метафизическое содержание «Этики» Спинозы, в т. ч. центральный для учения Спинозы вопрос о соотношении Бога и природы, а также возможность построения априорного доказательства бытия Божия. Хотя Л. полагал, что метафизика Спинозы является важным шагом вперед по сравнению с традиц. дуалистической картезианской метафизикой, пантеистическую идею Спинозы о тождестве Бога и природы он не принял, всегда оставаясь верен учению о трансцендентном способе существования Бога и представлению о Боге как о Личности, обладающей разумом и волей (*Ibid.* P. 177–178; ср.: *Погребыцкий*. 2004. С. 97–99). В сер. дек. 1676 г. Л. завершил путешествие по Голландии и прибыл в Ганновер, к-рый до конца жизни оставался его основным местом пребывания.

Л. в Ганновере (1676–1717). Первоначально круг обязанностей Л. в Ганновере не был строго определен; предполагалось, что он будет по мере необходимости консультировать герцога по политическим, юридическим, философским и религ. вопросам. Кроме того, Л. был назначен на должность библиотекаря и отвечал за систематизацию и каталогизацию книг в б-ках Ганновера (с 1677) и Вольфенбюттеля (с 1690), а также за приобретение новых изданий. Политическое и финансовое положение Л. в Ганновере было достаточно благоприятным и со временем только улучшалось: он имел гарантированную должность, получал более чем достаточное для удовлетворения основных повседневных нужд жалование, был допущен ко двору, принимал участие в публичных приемах и др. событиях общественной жизни герцогства. Однако надежды Л. на то, что благодаря поддержке герц. Иоганна Фридриха он сможет свободно вести самостоятельные философские и научные исследования, а также добиться реализации масштабных проектов развития наук и организации ученого сообщества в Германии и в целом в Европе, оказались реализованными лишь в весьма незначительной степени. Даже проявлявший интерес к философии и наукам герц. Иоганн Фридрих видел в Л. прежде всего талантливого служащего, к-рый мог быть ему полезен при решении политических и практических задач. Герцог загружал его множеством мелких поручений и оставлял без внимания представляемые Л. предложения по реформированию образования, науки, экономики, религ. и общественной жизни и т. п. Эта тенденция стала еще более заметной при следующих правителях Ганновера, Эрнсте Августе (1679–1698) и Георге Людвиге (1698–1727; с 1714 также король Великобритании с именем Георг I), к-рые были почти полностью равнодушны как к общественно-политическим, так и к философско-научным замыслам и предложениям Л. Показательным примером является деятельность Л. в 1679–1688 гг., связанная с реализацией предполагаемого нового способа отвода воды из рудников в Гарце; в отличие от обширных теоретических научных проектов этот практический замысел был поддержан герцогами, однако все усилия Л. завершились неуда-

чей в силу неблагоприятных внешних условий и недостатка у него необходимых технических познаний (см.: *Antognazza*. 2009. P. 227–230). С нач. 80-х гг. XVII в. положение Л. при дворе значительно упрочилось вслед. покровительства, к-рое ему оказывали принцесса София (1630–1714), супруга герц. Эрнста Августа, а также ее дочь, принцесса София Шарлотта (1668–1705), супруга Фридриха, курфюрста Бранденбурга (1688–1713) и короля Пруссии (1701–1713; с именем Фридрих I). С обеими принцессами Л. связывала длительная, искренняя и глубокая дружба; он обсуждал с ними при личных встречах или в переписке многие научные, философские и теологические проблемы, посвящал им свои сочинения, пользовался их посредничеством при переговорах с герм. правителями по политическим, общественным и научным вопросам. При активном участии Софии Шарлотты 11 июля 1700 г. в Берлине по проекту Л. была учреждена Академия наук (первоначальное название — Об-во наук курфюрста Бранденбурга; вполн. Прусская королевская академия наук); став президентом академии, Л. прилагал усилия к превращению ее в один из центров интеллектуальной жизни Европы, однако вслед. отказа кор. Фридриха I финансировать деятельность академии к.-л. крупных успехов новое научное сообщество при жизни Л. достичь не смогло. В 1711 г. отношения Л. с кор. Фридрихом I, заподозрившим его в шпионаже в пользу Ганновера, безнадежно испортились; он стал нежелательным гостем в Берлине и не принимал прямого участия в дальнейших судьбах академии наук (см.: *Ibid*. P. 386–390, 466–468). В нач. XVIII в. Л. пытался также организовать сообщество ученых в Вене. В 1713 г. ему удалось добиться от имп. Карла VI (1711–1740) обещания учредить академию наук. Л. получил оплачиваемую должность имперского придворного советника и разработал подробный план организации деятельности буд. научного института, однако вслед. нежелания императора выделять требующиеся значительные средства из имперской казны практическая реализация плана по учреждению академии наук при жизни Л. так и не была начата (*Ibid*. P. 494–495). В 1710 г. Л. при посредничестве одного из своих покровителей, герц. Антона Уль-

риха Брауншвейг-Вольфенбюттельского, впервые встретился в Торгау с русским царем *Петром I Алексеевичем* (1672–1725), за политической, военной и реформаторской деятельностью которого он с интересом следил с кон. 90-х гг. XVII в. Л., ранее неоднократно направлявший имевшим влияние на царя лицам записки с предложениями необходимых для развития России реформ в различных сферах общественной и научной жизни, смог при встрече заинтересовать царя своими предложениями и произвести на него весьма благоприятное впечатление. В 1712 г. Л. повторно встретился с Петром I в Карлсбаде, а затем в составе его свиты посетил Теплиц и Дрезден. Переговоры Л. с царем завершились полным успехом: его приняли на рус. службу в звании тайного советника юстиции, назначили солидный оклад (см.: *Ibid*. P. 469–472). С этого времени Л. систематически готовил для царя и пересылал ему докладные записки и планы, чрезвычайно разнообразные по содержанию: он составил проект организации Петербургской академии наук, вносил предложения по упорядочению российских законов, писал перечни необходимых научных наблюдений и исследований, предлагал программу объединения правосл. и католич. Церквей, давал советы относительно политических задач России и перспективных военных союзов и т. п. (соответствующие документы опубл.: *Герье*. 1873; общий обзор и анализ см.: *Он же*. 1871. [Т. 2:] Отношения Лейбница к России и Петру Великому).

С 1680 г. по поручению герц. Эрнста Августа Л. занимался исследованием истории герцогского дома Брауншвейг-Люнебург и составлением соответствующего обзорного сочинения. Постепенно проект приобрел более обширные масштабы; Л. взял на себя задачу написания подробной истории франко-герм. династии Вельфов (*Welfen*) со времени правления имп. *Карла Великого* († 814) до современности на основании документальных источников. Уникальное по затраченным на его создание усилиям и количеству привлеченных источников сочинение осталось незавершенным; Л. удалось довести последовательное изложение в виде аналогов лишь до 1005 г. (опубл. посмертно: *Leibniz G. W. Annales Imperii Occidentis Brunsvicensis* / Ed. G. H. Pertz. Hannoverae, 1843–1846.

Vol. 1–3), а также подготовить значительное число предварительных материалов, к-рые по большей части остаются неопубликованными (при жизни Л. было издано лишь собрание источников: *Idem. Scriptores rerum brunsvicensium. Hannoverae, 1707–1711. 3 vol.*). Работа над историей стала основным занятием Л. и отнимала у него значительную часть времени в течение более чем 30 лет, в поисках необходимых исторических документов и памятников он путешествовал по многим городам Германии, работая в местных б-ках и архивах. Для ознакомления с документами, подтверждающими выдвинутое им предположение о родстве герцогов Брауншвейг-Люнебургских с итальянскими князьями Эсте, Л. в 1687–1690 гг. совершил длительную поездку в Италию. В ходе поездки он посетил Мюнхен, Аугсбург, Вену, Венецию, Флоренцию, Модену, Неаполь, Рим и др. города Германии, Австрии и Италии; встретился со многими европ. князьями, епископами, аристократами и учеными. В Риме Л. отказался от почетного предложения стать хранителем Ватиканской б-ки, поскольку это потребовало бы от него перехода в католицизм, от чего Л. твердо отказывался как ранее, так и впосл., несмотря на многочисленные призывы и побуждения со стороны его католических друзей и покровителей (подробнее о поездке см.: *Antognazza. 2009. P. 281–309*). Доказанная Л. на основе исторических источников принадлежность герцогов Брауншвейг-Люнебургских к династии Вельфов стала весомым аргументом, способствовавшим приобретению ими в 1692 г. потомственного титула курфюрстов Ганновера (*Ibid. P. 331–332*).

В течение всего периода пребывания в Ганновере Л. уделял значительное внимание ранее уже неоднократно занимавшей его проблеме преодоления конфессиональных разделений внутри западного христианства (общий обзор см.: *Eisenkopf. 1975*). В Ганновере эта проблема приобрела особую практическую и политическую актуальность с сер. 60-х гг. XVII в., когда герц. Иоганн Фридрих перешел из лютеранства в католицизм. Хотя герцог проявлял религиозную терпимость и не ограничивал свободы вероисповедания преимущественно лютеран. населения Ганновера, он покрови-

тельно относился к католицизму, ввел католич. культ при дворе (см.: *Antognazza. 2009. P. 200–201*). Вскоре после прибытия в Ганновер Л. познакомился с председателем лютеран. консистории герцогства и идейным лидером ганноверских лютеран Г. В. Моланусом (1633–1722); в 1683 г. он впервые встретился в Ганновере с католич. теологом и дипломатом Кристобалем де Рохас-и-Спинолой (ок. 1626–1695), титулярным еп. Книна (с 1668) и еп. Нойштадта (с 1686). По поручению имп. Леопольда I (1658–1705) Рохас-и-Спинола с 60-х гг. XVII в. вел с герм. князьями переговоры об условиях объединения католиков и лютеран на территории Свящ. Римской империи (подробнее о его деятельности см.: *Masser. 2001*; о переговорном процессе в целом см. сб. ст.: *Otte, Schenk. 1999*). Л. активно включился в обсуждение условий объединения, поддерживал постоянную переписку с Рохас-и-Спинолой и др. участниками переговоров, посылал им для обсуждения теологические и церковно-политические записки (см.: *Antognazza. 2009. P. 219*; тексты 80-х гг. XVII в. опубл.: *Leibniz. SSB. R. 4. Bd. 3. S. 220–298; Ibid. R. 6. Bd. 4. S. 2123–2468*; тексты последующих десятилетий в основной массе остаются неопубл.). Характерным представлением взглядов, к-рых Л. придерживался в этой области в 1-й пол. 80-х гг. XVII в., является записка «О соединении Церквей» (*Reunion der Kirchen*; см.: *Ibid. R. 4. Bd. 3. S. 260–298*). В ней Л. рассматривал проблему разделения христиан в церковно-исторической перспективе и подчеркивал не столько теологические, сколько церковно-адм. факторы. Хотя Л. идентифицировал себя как «евангельского христианина» и не считал себя католиком, он занимал прокатолич. позицию и рассматривал вост. правосл. Церкви и зап. протестантов как схизматиков, не сумевших сохранить заповеданную Иисусом Христом любовь к своим братьям и из-за собственных горделивых притязаний нарушивших церковное единство. Полагая, что средством преодоления разделения должно быть возвращение всех христиан к единству с католической Церковью, Л. указывал, что такое возвращение является более удобным для православных Церквей, сохранивших традиц. иерархический строй и близкое к католическому

учение о церковных таинствах. Протестант. конфессии, отвергнув таинства Покаяния и Священства, фактически оказались вне иерархического-преемства с древней христ. Церковью, поэтому для присоединения к католич. Церкви им потребуется серьезно пересмотреть собственную догматику. В целом Л. поддерживал общее для многих участников переговоров об объединении мнение, что единство христиан должно быть вначале достигнуто на церковно-адм. уровне и лишь затем на будущих церковных Соборах должны решаться спорные теологические вопросы. Л. привлек к косвенному участию в переговорах влиятельного франц. католического теолога Ж. Б. Боссюэ (1627–1704), еп. Мо, с к-рым он обменивался письмами по церковным и теологическим вопросам с 1679 по 1699 г. (рус. перевод отдельных писем см.: Переписка между Лейбницем, Боссюэ и их корреспондентами. 2009). Л. высоко оценивал богословский метод Боссюэ, отраженный гл. обр. в его соч. «Изложение учения католической Церкви о спорных предметах» (*L'Exposition de la doctrine de l'Eglise catholique sur les matières de controverse, 1671*), отмечая, что отказ от схоластического догматизирования и изложение истин христианства простым рационально-моралистическим языком — это наиболее удобный и продуктивный путь к примирению католиков и протестантов. Собственную попытку такого «примирительного» изложения основ христ. вероучения Л. предложил в трактате, известном под данным переписчиками названием «Система теологии» (*Systema theologicum*), однако первоначально названном Л. «Исследование христианской религии» (*Examen religionis christianae*; 1-е изд. — 1819; переизд.: *Leibniz. SSB. R. 6. Bd. 4. S. 2355–2455*); Л. работал над ним в сер. 80-х гг. XVII в. и завершил к 1686 г. Хотя это сочинение не является точным выражением собственной религ. позиции Л., поскольку в нем он ставил перед собой задачу не изложить безусловно истинное вероучение, а лишь представить наиболее приемлемую для протестантов версию традиц. католич. теологии, оно наряду с перепиской Л. по религиозным вопросам является важным источником, позволяющим судить об отношении Л. к тем или иным положениям традиц. христ.

догматики (анализ богословских воззрений Л. см.: *Pichler*. 1869–1870; ср. также: *Holzhey, Murdoch*. 2001. S. 1079–1090). К к.-л. серьезным успехам переговоры 80-х гг. XVII в. не привели, поскольку протестанты, в т. ч. и Л., ставили под сомнение вселенский характер и авторитет *Триденнского Собора* и призывали католиков признать несостоятельность принятые его участниками антипротестант. догматические решения, на что офиц. представители католич. Церкви и авторитетные католич. теологи не могли согласиться. Серьезным препятствием для межконфессиональных переговоров являлась жесткая прокатолич. политика франц. кор. Людовика XIV, который в 1685 г. отменил защищавший франц. протестантов *Нантский эдикт* (1598) и тем самым санкционировал их преследование, к-рое привело к массовой эмиграции франц. приверженцев протестантизма (преимущественно *гугенотов*, т. е. кальвинистов) в др. гос-ва Европы (см.: *Antognazza*. 2009. P. 294). Л. отрицательно оценивал светскую и религ. политику Франции, однако и после 1685 г. вел активную переписку на религ. темы с франц. католиками, в т. ч. с Боссюэ, теологом и писателем П. Пелиссоном-Фонтанье (1624–1693), обратившимся из кальвинизма в католицизм, а также с религиозной писательницей М. де Бринон (1631–1701), входившей в ближайшее окружение короля; вместе с тем он считал, что реальное объединение между протестантами и католиками возможно лишь в пределах Свящ. Римской империи. В 90-х гг. XVII в. Л. по рекомендации принцессы Софии познакомился с соч. «Размышления о различиях в области религии» (*Réflexions sur les differends de la religion*, 1686) Пелиссона-Фонтанье; обсуждая идеи этого сочинения в переписке с автором, Л. развивал собственное представление о религ. терпимости, в рамках к-рого признавалась важность единого церковного авторитета и традиции, однако отвергались претензии католич. Церкви на обладание полнотой истины. Л. настаивал на том, что все христ. конфессии обладают лишь частями религ. истины, поэтому от каждой из них требуется готовность идти на уступки и совместно вырабатывать удовлетворяющие всех вероучительные формулировки (см.: *Antognazza*. 2009. P. 338–340). По ме-

ре того как политические возможности объединения католиков и протестантов становились все более призрачными, отношение Л. к католич. Церкви приобретало более ярко выраженные критические черты. Несмотря на это, по приглашению имп. Леопольда I в 1700 г. Л. принимал участие в переговорах между представителями католиков и протестантов в Вене, однако к к.-л. значимым результатам ни эти, ни последующие переговоры не привели, преимущественно из-за твердой и бескомпромиссной т. зр. Рима, не желавшего идти ни на какие уступки протестантам. Общая позиция, к-рую Л. занимал в этот период по спорным вероучительным и церковно-адм. вопросам, была выражена в составленном им совместно с Моланусом для католич. оппонентов документе «Локкумская декларация» (*Declaratio Luccensis*; текст см.: *Anecdota historico-ecclesiastica novantiqua* / Ed. J. D. Winckler. Braunschweig, 1757. Vol. 1. Pt. 3. P. 313–336). Весьма жестким было отношение Л. к христ. ересям и сектам, вероучение которых он считал пагубной абсолютизацией разного рода частных мнений и заблуждений. В 90-х гг. XVII в. Л. в переписке вновь вступил в полемику с социнианами, на этот раз гл. обр. английскими; при этом его собственная философская интерпретация христ. триадологии была весьма далека от католич. и протестант. традиций (см.: *Antognazza*. 2009/ P. 344–345). С 1697 г. Л. участвовал в переговорах между представителями курфюршеств Ганновер и Бранденбург об объединении лютеран и кальвинистов; хотя население соседствующих курфюршеств было преимущественно лютеранским, правители Ганновера были в этот период лютеранами, а правители Бранденбурга — кальвинистами, что затрудняло для них совместное противодействие усилению католицизма в Германии. Кальвинист. сторону в переговорах представлял теолог Д. Э. Яблонски (1660–1741). В процессе теологических дискуссий в качестве наиболее значительных и сложных для преодоления сфер разногласий были выделены учение о способе присутствия Иисуса Христа в Евхаристии и концепция *предопределения*; предложения относительно возможных примирительных формулировок теологического учения по этим вопросам Л. из-

лагал в письмах и набросках этого периода. В 1699 г. Л. поделился своими размышлениями о способах объединения христиан с англиканином Г. Бернетом (1643–1715), еп. Солсберийским. В ответном письме Бернет, по религиозным убеждениям являвшийся *латитудинарием*, предложил Л. ориентироваться на англ. религ. политику, в рамках к-рой от христиан требуется согласие лишь с основными догматами веры, а более тонкие вопросы решаются по своему усмотрению теологами и проповедниками. Л. с энтузиазмом воспринял идеи Бернета; по его предложению Яблонски перевел на латынь и опубликовал отрывок из трактата Бернета «Объяснение тридцати девяти статей Церкви Англии» (*An Exposition of the Thirty-Nine Articles of the Church of England*, 1699), посвященный учению о предопределении (статья 17 *Тридцати девяти статей*). Л. составил к этому переводу пространные комментарии, которые наглядно демонстрируют связь его философской теодицеи с теологической проблематикой соотношения предопределения и человеческой свободы (изд. и англ. перевод: *Murray*. 2011; ср. также: *Idem*. 2002). По политическим причинам переговоры между лютеранами и кальвинистами не имели успеха; после 1706 г. курфюрст Георг Людвиг запретил Л. принимать в них участие в любой форме (см.: *Antognazza*. 2009. P. 403–404, 462–463). К теме соединения христ. конфессий Л. вновь вернулся лишь незадолго до смерти, в 1716 г.; он рассчитывал, что восшествие исповедовавшего лютеранство курфюрста Георга Людвиг на англ. престол станет поводом для переговоров об объединении лютеран и англикан, однако у кор. Георга I предложения Л. интереса не вызвали (*Ibid.* P. 529).

Теологическая, философская и научная сферы деятельности Л. в ганноверский период были теснейшим образом взаимосвязаны; анализ его рукописей убедительно свидетельствует, что нередко научные проблемы и открытия побуждали его к разработке их метафизических объяснений и обобщений, метафизические принципы влияли на направление его научных исследований, а научные и философские построения использовались для обоснования положений теологии. С 70-х гг. XVII в. наиболее общей методологической

идеями, определявшей всю интеллектуальную деятельность Л., стала ранее уже разрабатывавшаяся им концепция универсального знания. В основании этой концепции лежало принципиальное убеждение Л., что высшей целью человеческой деятельности является «прославление Бога и умножение общественного блага посредством полезных предприятий и прекрасных открытий» (см.: *Leibniz*. SSB. R. 1. Bd. 2. S. 111), поэтому для развития человеческого общества требуется синтез теологии, философии и частных наук в рамках единой системы знания. Полагая, что все сферы познания и жизни теснейшим образом взаимосвязаны, Л. называл всю совокупность знаний человечества «энциклопедией» (*encyclopaedia*), т. е. систематически упорядоченным и полным собранием всех необходимых истин. Для обобщения данных частных наук в рамках такой энциклопедии, согласно Л., требуется выполнение неск. условий: 1) наличие сообщества взаимодействующих философов и исследователей, совместно решающих актуальные проблемы (отсюда происходило постоянное стремление Л. организовывать средства научной коммуникации: научные общества, журналы и др.); 2) наличие единой методологии науки, в качестве которой Л. предлагал использовать «всеобщую науку» (*scientia generalis*), т. е. создававшуюся им логико-онтологическую философскую систему, в рамках к-рой предполагалось дать строгие определения всем базовым философским и научным понятиям; 3) разработка единого языка науки, к-рый Л. именовал «всеобщей символической» (*characteristica universalis*), т. е. символической логики; наличие такого языка, по мысли Л., позволит ученым вести «подсчет» всех положений и навсегда освободит науку от туманных понятий и двусмысленностей (подборку рус. переводов текстов Л., связанных с концепцией универсального знания, см.: *Лейбниц*. Соч. Т. 3. С. 395–655). Стремление внести свой вклад в исполнение каждого из этих условий задавало конкретные формы философской и научной деятельности Л. и нашло отражение в чрезвычайно обширном корпусе его трактатов, писем, заметок и набросков, относящихся к 70-м гг. XVII — 10-м гг. XVIII в.

Наиболее важным фактором, влиявшим на развитие философских

идей Л. в кон. 70-х — нач. 90-х гг. XVII в., оставалось намерение преодолеть недостатки картезианской философии и выработать учение о субстанции, свободное от дуалистических представлений Декарта и абсолютного монизма Спинозы. Некоторые промежуточные результаты своих философских исследований Л. представил в виде статей в ж. «*Acta Eruditorum*» (Акты ученых), который с 1682 г. издавали в Лейпциге друзья Л.; в течение последующих десятилетий журнал оставался основным печатным органом, в к-ром Л. публиковал свои философские и научные работы. В одной из этих статей Л. предложил заменить картезианское представление о сохранении движения концепцией сохранения силы и вывел формулу, описывающую физическое значение этой концепции (см.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 4. S. 2027–2030; рус. перевод.: Соч. Т. 1. С. 118–120); в видоизмененном виде эта формула сохранилась в совр. физике как выражение принципа сохранения энергии. Из физики признание материального движения вторичным по отношению к силе было перенесено Л. в метафизику. Систематическое обобщение идей, выраженных в философских статьях и набросках 70–80-х гг. XVII в., Л. предложил в оставшемся неопубликованным при его жизни соч. «Рассуждение о метафизике» (*Discours de Métaphysique*; 1-е изд. — 1846; переизд.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 4. S. 1529–1588; рус. перевод.: Соч. Т. 1. С. 125–163), которое было завершено к 1686 г.; Л. отправил его для оценки и обсуждения Арно (вероятно, с целью лучше донести свои идеи до адресата Л. впервые избрал для их изложения не латынь, а франц. язык). Арно подверг многие мнения Л. жесткой критике; между ним и Л. завязалась оживленная переписка, продлившаяся неск. лет (наиболее полное изд. переписки с нем. переводом: *Finster*. 1997). Поскольку в ходе этой переписки Л. был вынужден разъяснять мн. положения собственной метафизики, она является важнейшим источником сведений о философских взглядах Л. в кон. 80-х гг. XVII в. Хотя «Рассуждение о метафизике» является философским сочинением, с т. зр. структуры и логики рассуждения трактат строится теологически: Л. начинает его с рассуждения о Боге как об источнике совершен-

ства, к-рое отражено как в Его природе, так и в Его действиях, а значит, и в сотворенном Им мире. Отвергая концепцию *окказионализма*, Л. утверждает, что источником действий является не только Бог, но и всякая тварная индивидуальная субстанция. Интерпретируя субстанцию как духовное целостное сущее, Л. рассматривает ее основные свойства, выводимые из общего представления о том, что всякая субстанция есть «отображение» высшей субстанции — Бога. Л. впервые ясно выражает в сочинении принципиальное для развития его философского учения мнение, что понятие «субстанция» должно прилагаться не к статическому материальному или духовному предмету, но к динамической силе, к нематериальному источнику деятельности. Связывая представление о субстанции со схоластическим учением о субстанциальных формах, Л. интерпретирует простейшие субстанции как «начала тождества» для тел, а высшие субстанции — как обладающие сознанием и самосознанием души, вводя тем самым представление об онтологической иерархии субстанций. Далее Л. рассматривает отношение субстанций к Богу и их взаимные связи, особо останавливаясь на проблеме соотношения свободы и необходимости, а также подробно излагает учение о способах познания, смысловым центром которого является концепция идей, изначально присущих разуму и являющихся отображением творческих идей Бога. Из наличия у высших духовных субстанций сознания, самосознания и памяти Л. выводит их бессмертие, к-рое выражается в способности вступать в нравственные отношения с Богом, служить Ему и любить Его, достигая через эту любовь совершенства и блаженства (ср.: *Holzhey, Murdoch*. 2001. S. 1030–1031; *Погребыцкий*. 2004. С. 119–125). По оценкам совр. исследователей, в соч. «Рассуждение о метафизике», к-рое является 1-й попыткой Л. представить законченную систему собственных философско-теологических воззрений, уже присутствуют все основные идеи, понятия и концепции зрелой метафизики Л. (см., напр.: *Соколов*. 1982. С. 22). Т. о., к сер. 80-х гг. XVII в. Л. завершил общую разработку собственной философской системы; в последующих работах он расширял

и уточнял ее содержание, вводил новые термины и вносил некие корректировки в обосновывающую аргументацию, однако фундаментальные принципы и основное философское содержание его метафизики с этого момента не подвергались существенному пересмотру. В сжатой и строгой форме основные идеи «Рассуждения о метафизике» представлены также в записке на лат. языке «Логико-метафизические принципы» (*Principia Logico-Metaphysica*; 1-е изд. — 1903; переизд.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 4. S. 1643–1649), к-рая была составлена ок. 1689 г. и, вероятно, использовалась Л. в философских дискуссиях с итал. теологами и философами во время поездки по Италии. В 1695 г. Л. впервые представил новую систему метафизики широкой публике, издав в престижном французском научном ж. «*Journal des Sçavans*», в к-ром и ранее неоднократно выходили его философские, научные и полемические статьи, соч. «Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душой и телом» (*Système nouveau de la nature et de la communication des substances, aussi bien que l'union qu'il y a entre l'âme et le corps*; переизд.: *Leibniz*. Phil. Schr. Bd. 4. S. 477–487; рус. перевод: Соч. Т. 1. С. 271–281). В отличие от «Рассуждения о метафизике» в этом трактате Л. строил изложение своей метафизики не в виде философского раскрытия учения о Боге и его следствий, но в автобиографической и проблемной перспективе, подчеркивая, что его философские поиски определялись стремлением найти «принцип истинного единства». Объявив таким принципом нематериальную субстанцию, к-рая одновременно есть «первичная сила» и «первичная деятельность», Л. излагал учение о свойствах субстанций и «гипотезу согласия», т. е. первоначальный вариант учения о предустановленной гармонии, с помощью к-рого он объяснял любую деятельность и все познавательные процессы. Отвечая на критические замечания франц. философа С. Фуше (1644–1696), Л. впервые ввел термин «предустановленная гармония» (*harmonie pre-établie*; текст Фуше и ответ Л. см.: *Leibniz*. Phil. Schr. Bd. 4. S. 487–500); в это же время по отношению к субстанции им было впервые употреблено в переписке поня-

тие «монада», посредством которого Л. предполагал отличить реальное и простое единство субстанций от иных видов единства, предполагающих сложность (см.: *Antognazza*. 2009. P. 352–353; подробнее об истории понятия и его употреблении у Л. см.: *Vecco*. 1975). «Новая система...» оказалась единственным изданным при жизни Л. последовательным представлением его метафизических концепций, вслед. чего именно этот небольшой трактат определил основные направления первоначального влияния философии Л. на широкий круг его современников и стал объектом изучения и критики для европ. философов.

В сер. 90-х гг. XVII в. внимание Л. привлекла полемика, развернувшаяся в Англии вокруг философского учения Дж. Локка (1632–1704), подробно изложенного в трактате «Опыт о человеческом разумении» (*An Essay Concerning Human Understanding*, 1689). Согласившись с критиками Локка в том, что представленная в этом сочинении философская система является в своих основаниях материалистической и противоречит идеалистической метафизике и рациональной христ. теологии, Л. попытался вступить в прямую полемику с Локком и отправил ему аргументы и возражения против его взглядов. Локк получил это письмо и последующие письма Л., однако, как следует из его частной переписки с друзьями, опубликованной после его смерти, ни аргументация Л., ни его метафизика в целом Локка не заинтересовали; он ограничился лишь вежливым и уклончивым ответом через Бернета и не стал вступать в переписку с Л. (см.: *Antognazza*. 2009. P. 407–409). С 1703 г. Л. начал внимательно читать франц. перевод «Опыта...» Локка и составлять критические замечания к каждому разделу; к весне 1704 г. он завершил чтение и объединил составленные им замечания в соч. «Новые опыты о человеческом разумении» (*Nouveaux essais sur l'entendement humain*; 1-е изд. — 1765; переизд.: *Leibniz*. SSB. R. 6. Bd. 6; рус. перевод: Соч. Т. 2. С. 47–545). Л. предполагал издать сочинение в 1705 г., однако после смерти Локка в кон. 1704 г. он отказался публиковать его, ссылаясь на то, что его намерением было не критиковать Локка, но вступить с ним в полемику и добиться от него разъяс-

нений. По форме сочинение является диалогом, в к-ром участвуют Филалет, представляющий взгляды Локка в виде прямых цитат или парафраз, и Теофил, выражающий мнения Л. Точно следуя порядку изложения материала в трактате Локка, Л. разделил «Новые опыты...» на 4 кн.: в 1-й кн. исследуются врожденные понятия и их связь с чувственными восприятиями; во 2-й — интеллектуальные идеи; в 3-й — слова, используемые для выражения идей и понятий; в 4-й — познавательный акт в целом, связи между идеями в разуме и природа самого разума. Нередко Л. пытается полемизировать с Локком, используя его терминологию; такая переинтерпретация идеалистических представлений Л. о познании на языке эмпирической философии приводит к смысловым затруднениям и неточностям. Поскольку ни основоположения философии Локка, ни общие основания метафизики Л. в тексте эксплицитно не излагаются, он выглядит запутанным и сложным для восприятия. Основное противоречие между Локком и Л., постоянно возникающее в тексте сочинения и определяющее противоположную трактовку ими мн. частных проблем, состоит в разной оценке чувственного познания: для эмпирика Локка чувственный опыт является единственным источником всех знаний, тогда как для идеалиста Л. он фактически теряет всякое значение и все познание объявляется проистекающим от изначально присущих разуму врожденных идей. В целом важность «Новых опытов...» определяется не столько критикой учения Локка, к-рая является достаточно поверхностной, сколько тем, что в нем дано наиболее полное, хотя и не систематическое, представление теории познания Л. и его учения о языке, а также рассмотрены мн. частные вопросы, прямо или косвенно связанные с человеческим познанием (общий обзор содержания см.: *Holzhey, Murdoch*. 2001. S. 1034–1037; *Погребыцкий*. 2004. С. 155–159).

В 1701–1704 гг. Л. неоднократно обсуждал с принцессой Софией Шарлоттой философские и религ. идеи Дж. Толанда (1670–1722), который в это время жил в Германии и неоднократно встречался с принцессой. Обсуждение идей Толанда, который, будучи приверженцем *деизма* в теологии и последователем

Локка в философии, стремился объяснить всю человеческую деятельность материалистически и показать историческую обусловленность религиозной догматики, стало одним из стимулов, подвигших Л. к написанию философско-теологического трактата, посвященного раскрытию основных тем христ. метафизики. Еще одним, более сильным, стимулом стала критика содержания «Новой системы...» Л. со стороны П. Бейля (1647–1706), автора и издателя «Исторического и критического словаря» (*Dictionnaire historique et critique*), к-рый пользовался большой популярностью в интеллектуальных кругах Европы. Бейль с позиций *скептицизма* нападал на учение Л. о предустановленной гармонии и благодати мироздания, а также развивал собственную теорию абсолютной свободы воли Бога, к-рая не руководствуется к.-л. моральными нормами. После публикации сочинения Бейля «Ответ на вопросы провинциала», в котором Бейль развил свое учение о Боге как виновнике зла, намеренно допускающем его возникновение и распространение, Л. решил вступить с ним в прямую полемику и начал работу над крупным сочинением, к-рое завершил лишь к 1708 г. Первое издание трактата «Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла» (*Essais de Théodicée sur la bonté de Dieu, la liberté de l'homme et l'origine du mal*; переизд.: *Leibniz. Phil. Schr. Bd. 6. S. 1–462*; рус. пер.: Соч. Т. 4. С. 49–497), известного также под кратким названием «Теодицея», вышло в 1710 г. без указания авторства (во многом из-за опасений Л. восстановить против себя католич. и протестант. теологов), однако для большинства читателей принадлежность сочинения Л. была очевидна из содержания. В «Теодицее» Л. предложил подробное и последовательное рассмотрение занимавшего его с юных лет вопроса о том, каким образом теологическое учение о благодати, всеведении и справедливости Бога может быть согласовано с представлением о свободе человека, а также с фактом существования в мире зла, к-рое традиционно объявлялось в философии и теологии следствием свободного выбора человека. В философском отношении важной новой идеей, введенной Л. в «Теодицею», является концепция возможных миров,

созданная с целью продемонстрировать, что существующий мир, не будучи безусловно совершенным, тем не менее является наилучшим из всех возможных. Л. рассматривал «Теодицею» в качестве пробного представления одной из частей своей метафизической системы, полное изложение которой он намеревался дать в последующих произведениях (ср.: *Antognazza. 2009. P. 479–486*). Этот замысел, однако, остался неосуществленным. В 10-х гг. XVIII в. Л. смог создать лишь 2 небольших законченных философских трактата, в к-рых его поздняя метафизика была намеренно представлена в упрощенном и тезисном виде, без подробных объяснений и обоснований. В соч. «Начала природы и благодати, основанные на разуме» (*Principes de la nature et de la grâce fondés en raison*; 1-е изд. — 1718; переизд.: *Leibniz. Phil. Schr. Bd. 6. S. 598–606*; рус. пер.: Соч. Т. 1. С. 404–412), написанном Л. в 1714 г. в Вене по просьбе принца Евгения Савойского (1663–1736), преимущественно обсуждаются природа монад, их свойства, иерархический порядок; Л. рассматривает также отношение монад к Богу, формулируя основные метафизические законы, к-рыми определяются связь необходимого сущего с контингентным сущим, а также мировой порядок и гармония. Примерно в это же время Л. написал еще одно упрощенное изложение собственной метафизики, предназначавшееся для Н. Ф. Ремона, советника французского регента Филиппа II Орлеанского (1674–1723). Это сочинение, впервые опубликованное в нем. переводе в 1720 г., получило известность под издательским заглавием «Монадология» (*Monadologie*, также *Eclaircissement sur les monades*; 1-е изд. франц. оригинала — 1840; переизд.: *Leibniz. Phil. Schr. Bd. 6. S. 607–623*; рус. перевод: Соч. Т. 1. С. 413–429). По структуре этот трактат почти идентичен предыдущему, однако в нем более подробно раскрывается природа монад как субъектов познания и деятельности, а также рассматриваются характерные особенности 3 видов монад: простых субстанций, оживотворяющих тел душ и разумных духов (ср.: *Holzhey, Murdoch. 2001. S. 1040–1042*; *Antognazza. 2009. P. 498–503*).

Помимо завершенных сочинений, а также задуманных произведений, для к-рых Л. составлял многочис-

ленные планы и наброски, важным средством обсуждения и популяризации философских идей в кон. XVII — нач. XVIII в. для Л. оставалась переписка. К этому периоду относятся неск. крупных серий писем, принципиально важных для корректной интерпретации поздней метафизики Л.: 1) переписка 1698–1706 гг. с картезианцем Б. де Волдером (1643–1709), в которой благодаря пронизательным вопросам Волдера наглядно был выявлен идеалистический характер метафизики Л. (опубл. с англ. переводом: *Lodge. 2012*); 2) переписка 1706–1716 гг. с членом ордена *иезуитов* теологом Б. де Боссом (1668–1738), в к-рой Л. подробно излагал учение о «субстанциальной связке» (*vinculum substantiale*) и обсуждал теологические следствия своей метафизики (опубл. с англ. переводом: *Look, Rutherford. 2007*; с нем. переводом: *Zehetner. 2007*); 3) переписка 1704–1716 гг. с герм. философом Х. Вольфом (1679–1754), в которой Л. разъяснял связь между метафизическими и этическими проблемами, а также обсуждал философские аспекты динамики как абстрактной теории движения (опубл.: *Gerhardt. 1860*). В 1715 г. Л. вступил в переписку с английским философом и теологом С. Кларком (1675–1729), последователем и другом Ньютона (текст писем см.: *Alexander. 1956*; рус. перевод: *Лейбниц. Соч. Т. 1. С. 430–528*). Л. и Кларк обменялись 9 письмами (5 писем Кларка и 4 письма Л.); переписка оборвалась вслед. кончины Л. Тематику переписки определяли 2 фундаментальных метафизических вопроса: вопрос о способе связи Бога с материальным миром, предполагавший философское осмысление природы пространства и времени, и вопрос о характере промыслительного действия Бога по отношению к творению, требовавший интерпретации понятий «свобода» и «необходимость» (подробный анализ содержания переписки и библиографию см. в ст. *Кларк, Сэмюэл*).

Научная деятельность Л. в ганноверский период из-за множества обязанностей и постоянных разъездов носила прерывистый и несистематичный характер, однако оставалась крайне интенсивной. Не имея возможности реализовывать крупные научные проекты, он нередко в переписке предлагал гипотезы и направления исследований др. ученым; мно-

гие из этих инициатив в посл. при-
водили к блестящим результатам
(подробнее о содержании и значе-
нии научной деятельности Л. см.:
Погребысский. 2004. С. 183–261). Наи-
более значительными были успехи
Л. в математике: в 80-х гг. XVII в. он
опубликовал ранее полученные им
результаты в области математичес-
кого анализа; с нач. 90-х гг. XVII в.
вел оживленную переписку с мате-
матиками Я. Бернулли (1655–1705),
И. Бернулли (1667–1748), Г. Ф. Ло-
питалем (1661–1704) и др. учеными,
в сотрудничестве с ними используя
математический анализ для реше-
ния мн. частных задач и регулярно
сообщая о достигнутых им успехах
в статьях, выходящих в ведущих
научных журналах. Значительное
внимание Л. уделял также иссле-
дованию двоичной системы счис-
ления, к-рую он называл «бинарной
арифметикой» и связывал со своим
проектом создания символического
языка, «универсальной характерис-
тики» (ср.: *Antognazza*. 2009. Р. 357–
359, 433–436). Помимо математиче-
ского и методологического Л. прида-
вал этой системе также религиозно-
теологическое значение, отмечая,
что она символически показывает,
как все вещи возникают из «едини-
цы», т. е. из Бога как Монады, и из
«нуля», т. е. из ничего. Обнаружив
аналог двоичной системы счисле-
ния в древнекит. «Книге перемен»,
Л. предполагал использовать соб-
ственную версию бинарной ариф-
метики для проповеди китайцам,
а в перспективе и др. языческим на-
родам христ. вероучения (см. рус.
перевод переписки Л. с католич.
миссионерами, проповедовавшими
в Китае: *Лейбниц*. Письма и эссе о
китайской философии и двоичной
системе исчисления. 2005).

В знак признания достигнутых им
научных успехов в 1700 г. Л. был из-
бран иностранным членом Фран-
цузской академии наук. Вместе с тем
значительное негативное влияние на
положение Л. в европ. ученой среде
и на его научную репутацию оказы-
вал спор с Ньютоном о первенстве
в открытии математического ана-
лиза. Еще в 90-х гг. XVII в. некото-
рые европ. ученые, знавшие об ис-
следованиях Ньютона в сфере ма-
тематического анализа, высказыва-
ли осторожные предположения, что
Л. заимствовал свое учение у Нью-
тона. Однако сам Ньютон, знавший
об открытии Л. с 70-х гг. XVII в. из

переписки с ним, в ходе к-рой Нью-
тоном был среди прочего сделан не
вполне ясный намек на собственные
достижения в этой сфере, не ставил
вопроса о первенстве и до 10-х гг.
XVIII в. фактически признавал не-
зависимость метода Л. Свой метод
анализа Ньютон по настоянию дру-
зей обнародовал лишь в 1704 г. в
2 статьях, вышедших как прило-
жение к новому изданию его «Оп-
тики». В 1705 г. в ж. «Acta Erudito-
rum» появилась анонимная рецен-
зия на это издание, автором к-рой
был Л. (сохр. написанный его рукой
черновик; текст см.: *Acta Eruditorum*.
Lipsiae, 1705. Р. 30–36). Ньютон по-
знакомился с этой рецензией лишь
в 1711 г., когда ее показал ему шотл.
математик Дж. Килл (1671–1721),
незадолго до этого публично обви-
нивший Л. в том, что тот издал ре-
зультаты Ньютона под своим име-
нем, изменив лишь название и сим-
волику метода. Использованные в
рецензии не вполне удачные выра-
жения привели Ньютона к заклю-
чению, что Л. считает его метод про-
изводным от собственного метода
и фактически обвиняет его в пла-
гиате. Возмущенный этим, Ньютон
поддержал аналогичные обвинения,
выдвинутые в адрес Л. и убедил сво-
их коллег по Королевскому об-ву
провести офиц. расследование. Их
результатом стало подготовленное
Ньютоном и одобренное Королев-
ским об-вом в кон. 1712 г. заключе-
ние; в нем Л. признавался винов-
ным в присвоении результатов Нью-
тона, с к-рыми он будто бы познако-
мился во время поездок в Лондон,
а также посредством переписки с ан-
глийскими математиками. Оскорб-
ленные друзья Л., а в посл. и он сам,
стали выдвигать обвинения в пла-
гиате уже в адрес Ньютона, утверж-
дая, что тот не публиковал свои ис-
следования, поскольку до знакомст-
ва с результатами Л. не имел закон-
ченного метода анализа. Взаимные
обвинения распространялись по всей
Европе в статьях и памфлетах; мате-
матики разделились на 2 враждую-
щих лагеря, отдельные представи-
тели которых продолжали спор да-
же после смерти Л. (см.: *Antognazza*.
2009. Р. 486–488, 495–497, 531–538).
В наст. время на основании анали-
за рукописей, писем, заметок Л. и
Ньютона, а также многих других
документов взаимные упреки в пла-
гиате признаются одинаково несо-
стоятельными: Ньютон открыл ма-

тематический анализ раньше Л., од-
нако метод Л. не зависит от метода
Ньютона и не копирует его; нек-рые
идеи Ньютона могли играть в иссле-
дованиях Л. лишь стимулирующую
роль (подробный анализ хода и со-
держания спора о первенстве см.:
Hall. 1980).

В 1714 г. курфюрст Георг Людвиг
занял королевский престол Вели-
кобритании, оставшийся вакант-
ным после смерти кор. Анны (1665–
1714). В отличие от многих ганно-
верских придворных советников Л.
при обсуждении спорного вопроса
о престолонаследии и при перего-
ворах с Великобританией еще в кон.
90-х гг. XVII в. настаивал на необ-
ходимости такого решения, убеж-
дая в этом курфюрста и его окруже-
ние. Свою позицию Л. обосновывал
не столько сиюминутными полити-
ческими расчетами, сколько фунда-
ментальной уверенностью в том, что
для поддержания мира и стабиль-
ности в Европе требуется сохране-
ние хрупкого равновесия между ка-
толич. и протестант. гос-вами; он
отрицательно относился к усиле-
нию католич. Франции и опасался
перехода англ. королевского пре-
стола к профранц. династии (ср.:
Antognazza. 2009. Р. 384–385). Хотя
Л. рассчитывал получить место ис-
торика при королевском дворе в Ве-
ликобритании и обращался с соот-
ветствующей просьбой к кор. Геор-
гу I, ему было в этом отказано. От-
части это объясняется недовольством
короля тем, что Л. так и не завершил
историю династии Вельфов, над
которой работал многие годы, от-
части – нежеланием короля портить
отношения с англ. учеными и при-
дворными, негативное отношение
к-рых к Л. было следствием его спора
с Ньютоном (*Ibid.* Р. 522–525).
Подчинившись требованиям коро-
ля, с кон. 1714 г. Л. усиленно работал
над историческим сочинением; он
отложил планы создания итогового
изложения своей метафизической
системы, однако продолжал вести ак-
тивную дружескую, философскую и
научную переписку. В ней среди про-
чего Л. обсуждал идеи англ. филосо-
фа Дж. Беркли (1685–1753), отмечая,
что при всей близости их систем он
не готов согласиться с Беркли в уче-
нии о том, что материя является
лишь иллюзией, не существующей
в реальности (*Ibid.* Р. 539).

В нач. нояб. 1716 г. состояние здо-
ровья Л. резко ухудшилось из-за

усиления и ранее мучавших его подагры и артрита. Попытки докторов подобрать курс лечения не имели успеха и после неск. дней тяжелой болезни Л. мирно скончался во сне. Из-за необходимости соблюдения связанных с похоронной церемонией и наследством формальностей похороны Л. состоялись лишь 14 дек. 1716 г. Погребение было весьма скромным; из офиц. лиц присутствовал лишь секретарь Л. Экхардт (см.: Ibid. P. 543–545). По распоряжению кор. Георга I Экхардт вскоре после смерти Л. опечатав все его книги и бумаги, к-рые затем были переданы в б-ку Ганновера. Это решение спасло обширный корпус рукописей Л. от уничтожения; в наст. время они хранятся в гос. б-ке земли Н. Саксония в Ганновере, носящей имя Л. (Gottfried Wilhelm Leibniz Bibliothek — Niedersächsische Landesbibliothek).

Философско-теологическое учение Л. Основной задачей своей философской деятельности Л. считал создание системы универсального знания, поэтому философия рассматривалась им не как обособленное и самодостаточное интеллектуальное явление, но в неразрывном единстве с теологией и частными науками. По представлению Л., теология является одновременно источником и целью универсального знания: известные из откровения и традиции теологические истины должны быть рационально доказаны с помощью философии и наук, т. е. раскрыты как необходимые истины разума; в этом случае уже никто не сможет их отвергнуть и они станут твердым базисом частной и общественной жизни. Продолжая традицию средневек. схоластики, Л. подчинял философию теологии, поскольку полагал, что важнейшей задачей философии является обоснование теологии. Теология являлась для Л. скрытым источником философской аксиоматики; нередко единственной причиной, по к-рой он избирал те или иные положения в качестве недоказуемых базисов собственной системы, была теологическая необходимость принятия их в качестве истинных. Однако при этом он пересмыслил саму теологию, превращая ее из способа систематического представления конкретной религ. догматики в универсальную и рациональную систему, предполагающую последовательное раскрытие с помощью всеобщих рациональных

Г. В. Лейбниц.
Гравюра. XVIII в.

принципов учения о Боге и творении. Т. о., по методу теология подчинена у Л. логике и метафизике, однако по содержанию оказывает на них определяющее влияние, без учета к-рого невозможна корректная интерпретация философских построений Л.

При разработке собственной философской системы Л. использовал множество источников и стремился найти способы соединения разнородных традиций: платонизма (в значительной мере воспринятого через призму ренессансной философии и теософии), аристотелизма (опосредованного средневек. схоластикой), картезианства, механицизма, материализма, нового естествознания, христ. теологии (ср.: Гайденок. 2000. С. 257–258). Гармоничное совмещение философских, научных и теологических источников не всегда удавалось Л.; именно желанием объединить в рамках единой системы взгляды, сформировавшиеся в принципиально различных мировоззренческих парадигмах, объясняются мн. противоречия и неясности, свойственные его метафизике. В качестве адекватного инструмента для осуществления универсального философского синтеза Л. рассматривал человеческий разум. Вслед фундаментальной уверенности Л. в разумности и познаваемости мироздания его система с т. зр. присущей ей внутренней логики является разновидностью рационализма. Как и др. рационалисты, Л. был убежден, что способность человеческого разума к достижению достоверных, всеобщих и необходимых истин является решающей для процесса познания.

Не отвергая целиком значение чувственного опыта и опытного познания, Л. отождествлял анализ явлений внешнего мира с анализом обоснованности соответствующих им идей и понятий, что приводило его к отождествлению реальной причины того или иного явления с логическим основанием соответствующих понятийных отношений (Соколов. 1982. С. 24; ср.: Нарский. 1972. С. 37). В силу такой рационалистической методологии философия Л. справедливо характеризуется как панлогизм, т. е. философское учение, в котором логическое исследование понятий и категорий познания объявляется единственным средством постижения истины и полностью подчиняет себе все иные способы философского анализа действительности (см.: Соколов. 1982. С. 29; подробнее см.: Gurwitsch. 1974). Однако в отличие от ряда др. систем логического рационализма созданный Л. рационализм является догматическим и идеалистическим, поскольку он строится не как критический анализ идеальных структур человеческого познания, а как идеалистическая метафизика. В рамках этой метафизики подлинной действительностью объявляется действительность идеального умопостижаемого мира, не зависящего от опыта и познаваемого чистым разумом без всякого привлечения опыта, причем основные характеристики этого мира задаются догматически. В силу этого философия у Л. фактически отождествляется с метафизикой и приобретает сложную ветвящуюся структуру, аналогичную структуре математического знания: из небольшого числа фундаментальных метафизических аксиом выводятся многочисленные следствия, в к-рых одни и те же общие принципы прилагаются к различным сферам философски объясняемой действительности.

Метафизика и теология. Метафизика Л. разделяется на 2 смысловые части, теснейшим образом взаимосвязанные: философское учение о Боге и учение о субстанции (монаде). Традиц. представления христ. теологии о свойствах Бога были неявно использованы Л. в качестве основы для выделения фундаментальных характеристик субстанции, которая определяется им как «зеркало Бога», отображающее Божественные свойства (Leibniz. SSB. R. 6. Bd. 4. S. 1542; Соч. Т. 1. С. 132). В сочине-

ниях позднего периода Л. предпочитал излагать учение о Боге после общего теоретического описания природы субстанции, тем самым подчеркивая логическую необходимость, в соответствии с которой вопрос об основании бытия тварных субстанций приводит к представлению о Боге как о первой нетварной субстанции (см., напр.: *Idem*. Phil. Schr. Bd. 6. S. 602; Соч. Т. 1. С. 408–409). Поскольку Бог в метафизике Л. определяет все прочие субстанции в их бытии, учение о Боге логически предшествует учению о субстанции, хотя многие элементы этого учения в действительности являются обратной проекцией в сферу трансцендентного божественного бытия отношений и закономерностей, существующих в тварном мире.

1. Учение о Боге. Л. был убежден, что естественное богопознание доступно всем людям; истинное знание о Боге может быть получено посредством правильных логико-метафизических рассуждений. В поздней метафизике Л. используются 2 основных способа обоснования тезиса о существовании Бога, к-рые являются вариациями традиц. доказательств бытия Божия (ср.: *Holzhey, Murdoch*. 2001. S. 1069–1070). Первый способ восходит к схоластическому представлению о Боге как о Первопричине: поскольку ряд причин не может уходить в бесконечность, необходимо признать существование некоей предельной причины. Т. к. учение о причинности дополняется у Л. учением об «основании» (*ratio*), данное доказательство также трансформируется, оставаясь тем же по смыслу. Согласно введенному Л. в качестве универсального метафизического закона «принципу достаточного основания» (*principium rationis sufficientis*), который Л. без лишней скромности именовал «великим» принципом, «ничего не делается без достаточного основания, т. е. не происходит ничего такого, для чего нельзя было бы при полном познании вещей указать основания, достаточного для определения, почему это происходит так, а не иначе» (см.: Phil. Schr. Bd. 6. S. 602; Соч. Т. 1. С. 408). В действительности принцип достаточного основания в сфере онтологии не добавляет чего-либо нового к традиц. учению о причинности, но лишь позволяет при необходимости сместить акцент с действующих причин на формальные или

целевые причины; учение о таких причинах использовалось в схоластике для доказательства бытия Божия задолго до Л. и не может считаться его нововведением. Согласно Л., Бог как Субстанция является «основанием» причинного ряда субстанций, «последним основанием вещей» (*ultima ratio rerum* — *Ibid*. Bd. 7. S. 289; Там же. С. 234); при этом Сам Бог фактически исключен из действия принципа, поскольку Он есть «Существо, Само в Себе носящее основание Своего бытия» (*rogant la raison de son existence avec soy* — *Ibid*. Bd. 6. S. 602; Там же. С. 408), а значит, в философском смысле основание, обоснованное самим собой. Хотя принцип достаточного основания широко использовался Л. и в др. разделах метафизики, необходимость его введения напрямую связана с учением о Боге, поскольку этот принцип позволяет сохранить представление о Боге как о трансцендентном основании всего, отделить Бога от обоснованного Им творения и одновременно сохранить онтологическую связь творения с Богом.

Во 2-м способе доказательства бытия Божия используются учение о различии между необходимым сущим и возможным сущим, а также еще один провозглашенный Л. метафизический закон, восходящий к аристотелевской логике — «принцип противоречия», в соответствии с которым является «ложным то, что скрывает в себе противоречие, и истинным то, что противоположно, или противоречит ложному» (*Ibid*. S. 612; Там же. С. 418). Положение, в к-ром отрицается существование необходимого сущего, заключает в себе логическое противоречие, т. к. в нем одновременно допускается и отвергается необходимость существования; здесь законы логики переносятся Л. в сферу онтологии. То, что Бог является необходимым сущим (*ens necessarium*), Л. доказывает с помощью принципа достаточного основания: если бы необходимого сущего не было, вопрос об основании существования сущего уходил бы в бесконечность, т. к. всегда можно было бы спросить, почему существует нечто, а не ничто, или почему некое сущее существует, а не лишено существования (*Ibid*. Bd. 7. S. 289; Там же. С. 234). Кроме того, по утверждению Л., необходимое сущее отличается от возможного сущего

тем, что из самой его возможности следует его необходимость, или, на языке схоластической философии, из его сущности (*essentia*), выражаемой в идеальном понятии, следует его актуальное существование (*existentia*), т. е. реальное бытие во вселенной (см.: *SSB*. R. 6. Bd. 3. S. 582–583; Phil. Schr. Bd. 4. S. 402). Метафизическим базисом этого способа доказательства является уверенность Л. в том, что всякая возможность (сущность) скорее стремится к существованию, чем к не-существованию. Этот тезис, согласно Л., следует из того факта, что нечто вообще существует: если бы возможность не стремилась к действительности, все возможности остались бы неосуществленными, и реального сущего не было бы. Хотя предложенный Л. 2-й способ доказательства кажется априорным, в действительности он является апостериорным, поскольку для построения доказательства требуется не только понятие (идея) Бога, но и постулирование возможности этого понятия, к-рая обосновывается априорно недоказуемым (или по меньшей мере не доказанным у Л.) принципом предпочтительности существования. Т. о., принципиальное отличие доказательства Л. от онтологических доказательств *Ансельма*, *архиеп. Кентерберийского*, и *Декарта* состоит в том, что Л., как и некоторые схоласты до него, понимал, что априорно можно доказать лишь переход от возможности понятия Бога как необходимого сущего к необходимости Его актуального существования, но не обосновать наличие самой этой возможности (ср.: Phil. Schr. Bd. 6. S. 614; Соч. Т. 1. С. 420–421; подробный анализ доказательств Л. см.: *Adams*. 1994. P. 113–213).

В ранних сочинениях Л. встречаются также попытки переосмыслить аргументацию доказательства схоластов и Декарта, в к-рых использовалось представление о Боге как о наиболее совершенном Сущем (*ens perfectissimum*). Вслед философской сложности понятия «совершенство» в позднем творчестве Л. отказался от его использования для доказательства бытия Бога, однако сохранил его в качестве условного дескриптора, указывающего на совокупность свойств Бога. Согласно Л., «Бог абсолютно совершенен», причем совершенство означает «величину положительной реальности», т. е. беспредельное, всеобъемлющее и ничем

не ограниченное бытие. Поскольку Бог является основанием и причиной для всего прочего бытия, Он обладает свойством всемогущества, а поскольку все происходящее от Него бытие взаимосвязано и упорядочено, другого основания бытия помыслить нельзя, так что Бог является единственным и единым. Бог есть источник не только существований, т. е. актуального бытия, но и сущностей, т. е. идей Божественного ума, к-рые Л. отождествляет с онтологическими возможностями (см.: Phil. Schr. Bd. 6. S. 613–614; Соч. Т. 1. С. 419–421).

Базисом учения Л. о творении мира Богом является разработанное им в процессе анализа логических категорий общее представление о том, что структуру бытия и существования определяют 4 модальности: 1) необходимое сущее, т. е. существование Бога, а также всей совокупности Его свойств и идей как следствий Его существования; 2) возможное сущее, т. е. нечто мыслимое без противоречия и потому могущее существовать; 3) невозможное сущее, т. е. нечто, содержащее противоречие и вслед этого маркируемое как не-сущее; 4) контингентное сущее, т. е. осуществленное возможное, к-рое могло бы не существовать и существует лишь в силу решения Бога привести это в существование (ср.: *Holzhey, Murdoch*. 2001. S. 1070). Божественную жизнь и творческий акт Бога Л. понимает по аналогии с деятельностью человеческого разума. Поскольку Бог есть прежде всего Разум, Его действия не являются произвольными, но определяются «законами разума», т. е. принципом достаточного основания, принципом тождества, принципом противоречия и др. общими логическими законами. Эти законы необходимы, поскольку они есть выражение необходимой природы Бога; поскольку в природе Бога не может быть противоречия, Бог не может нарушать эти законы. Наряду с законами и принципами в разуме Бога существуют идеи, т. е. все бесконечное число возможностей. По мнению Л., при творении Бог совершает выбор, решая, какие из этих идей станут реальностями, а также определяя их взаимосвязи. При этом решения Бога подчинены логико-онтологическим принципам: Бог всегда выбирает наиболее совершенное из возможного, т. е. в наибольшей мере гармоничное

и согласующееся друг с другом. Поскольку подчиненная разуму воля Бога всегда делает наилучший выбор, сотворенный мир оказывается наилучшим из всех возможных (см.: Phil. Schr. Bd. 7. S. 289–290; Соч. Т. 1. С. 234–236; Ibid. S. 302–333; Там же. С. 282–284). Т. о., Л. объявлял основанием творческого акта разум Бога, а не Его волю, к-рая лишь выполняет решения разума. При этом Л. сохранял теологическое представление о том, что причиной творения является не необходимость, но свободный акт Божественной любви, к-рая есть одно из проявлений совершенства Бога.

Л. не принимал традиционное религиозное учение о том, что Бог творит весь духовный и материальный мир со всем его многообразием, и понимал творение скорее в духе неоплатонизма, как акт постепенной эманации, выступления Бога из Самого Себя; вместе с тем у него встречается и традиц. представление, что Бог «творит субстанции из ничего» (см.: Phil. Schr. Bd. 6. S. 351; Соч. Т. 4. С. 388). Результатом творения является совокупность простых субстанций (монад), которые есть «ближайшие подобия первого существа», рождающиеся «из излучений (fulgurations) божества», т. е. фактически обретшие самостоятельную субстанциальное бытие «мысли» Бога (см.: Ibid. S. 613; Там же. Т. 1. С. 421). Все акциденции есть лишь следствия существования субстанций, поэтому их нельзя считать непосредственным творением Бога; вероятно, к числу таких акциденций Л. относил и материю в целом (см.: Ibid. S. 350–351; Там же. Т. 4. С. 386–388). Бесконечное число монад создается в первичном творческом акте Бога; последующая история творения во времени задается их закономерным развитием, причем ни возникновение новых монад, ни уничтожение существующих невозможно (см.: Ibid. S. 598; Там же. С. 404). Л. решительно отвергал пантеизм, в к-ром Бог отождествлялся с миром, и называл Бога «внемировым сущим» (*ens extramundanum*), или «надмировым разумом» (Ibid. Bd. 7. S. 302; Там же. Т. 1. 282–283), тем самым подчеркивая трансцендентность Божества в ущерб имманентности. Полемизируя с представителями окказионализма, Л. утверждал, что после акта творения прямое вмешательство Бога в мировые процессы является

излишним и невозможным; если бы такое вмешательство требовалось, это означало бы, что Бог не смог сразу сотворить совершенный и упорядоченный мир (см.: Ibid. S. 358; Там же. С. 436). Хотя Л. писал о том, что творение зависит от Бога «в своем совершенстве и в своей деятельности», он понимал эту зависимость в онтологическом, космологическом и телеологическом, а не в актуальном смысле. Бог есть первая причина и последняя цель творения; Он сохраняет творение, к-рое «непрерывно зависит от божественного действия», однако не совершает к.-л. прямых актов, меняющих изначально установленные законы существования и развития тварного мира (см.: Ibid. Bd. 6. S. 343–344; Там же. Т. 4. С. 382). В этом отношении весьма показательной является предлагаемая Л. интерпретация чуда: он утверждает, что при рассуждении о том, «что объяснимо природой и силами созданных вещей», не следует ссылаться на чудеса, к-рые можно допускать лишь в сфере сверхъестественной (см.: Ibid. Bd. 7. S. 416–418; Там же. Т. 1. С. 496–499). Т. о., учение Л. о Боге как Творце имеет явные признаки деизма; детерминистское представление Л. о том, что акт творения изначально завершен в своем содержании и длится лишь с т. зр. его силы, является скрытым источником мн. философских сложностей, которые Л. пытался решить в теодицее и этике.

II. Учение о субстанциях (монадах). Субстанция, или монада, в философии Л. может быть определена в неск. смыслах: 1) в метафизическом смысле монада есть «сущее, способное к действию» (Phil. Schr. Bd. 6. S. 598; Соч. Т. 1. С. 404); индивидуальное самостоятельное сущее (*ens per se*), к-рое в своем бытии и в своей деятельности не зависит ни от чего, кроме Бога (ср.: *Holzhey, Murdoch*. 2001. S. 1071); 2) в физическом смысле монады являются силами, лежащими в основании всякого движения; «энтелехиями», т. е. непрерывно стремящимися к осуществлению и осуществляющимся возможностями; они также есть «истинные атомы природы», «элементы вещей» (Phil. Schr. Bd. 6. S. 607, 609–610; Соч. Т. 1. С. 413, 416); 3) в логическом смысле монады — это субъекты высказывания, в полном понятии которых заключены все их бесконечные предикаты (см.: *Poser*. 1990.

S. 660–662); 4) в теологическом смысле монады есть единственные допускаемые Л. результаты творческого акта Бога; каждая монада является ограниченным отображением безграничной природы Бога и Его свойств (см.: Phil. Schr. Bd. 6. S. 602–603; Соч. Т. 1. С. 408–409). Существование монад Л. доказывает апостериорно: если есть сложные, т. е. делимые на части, субстанции, значит, должны быть и простые субстанции, не имеющие частей (см.: Ibid. S. 598, 607; Там же. С. 404, 413). Вводимое Л. догматически представление о монаде есть следствие его уверенности в том, что в основе всякого многообразия и изменчивости должно лежать некое единство (ср.: Rutherford. 2009. S. 37–38, 42). Поскольку всеобщим трансцендентным принципом единства является Бог, частными принципами единства в тварном мире могут быть лишь происходящие от Бога и подобные Богу единые духовные сущности.

Первичные свойства монады Л. выводит из ее простоты: поскольку она не имеет частей, она непротяженна, бесформенна и неделима; монада неразложима на части, она не может естественным образом погибнуть или быть уничтожена. Все монады сотворены Богом и могут прекратить существование лишь вслед. Его решения. Т. к. всякое творение по природе является изменчивым, монады должны претерпевать изменения, однако эти изменения имеют не внешний, а внутренний характер (Phil. Schr. Bd. 6. S. 598, 607; Соч. Т. 1. С. 404, 413). Л. обосновывает это тем, что простота монад исключает возможность к.-л. взаимодействия между ними или влияния одной монады на другую; согласно предложенной им образной формулировке, «монады вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти в них или выйти из них» (Ibid. S. 607–608; Там же. С. 413–414), поэтому «невозможно, чтобы одна сотворенная субстанция влияла на другую» (SSB. R. 6. Bd. 6. S. 210; Там же. Т. 2. С. 211). Отрицание возможности intersубъективных взаимодействий между монадами является наименее обоснованным и наиболее проблематичным элементом монадологии Л. Единственным доводом в пользу такого отрицания является указание на невозможность механического движения внутри простой субстанции. Сводя всякое взаимо-

влияние к механическому движению, Л. фактически игнорирует возможность выработки др. философских объяснений воздействий субстанций друг на друга. Отрицание наличия у субстанции реальной способности восприятия, связывающей ее с внешним миром, образует узловой пункт метафизики Л., поскольку прямыми следствиями этого отрицания являются учение о том, что всякая монада отражает весь универсум и бессознательно обладает всей совокупностью идей и знаний, теория параллелизма явлений чувственного мира и внутренних идеальных восприятий монад, а также используемая для обоснования этой теории концепция предустановленной гармонии. Т. о., монадология Л. оказывается доведенным до логического предела индивидуализмом, который Л. искусственно спасает от перехода в полный солипсизм с помощью введения избыточной и до бесконечности умножающей сущности идеи предустановленной гармонии (ср.: Лопатин. 1995. С. 53–55).

Внутреннюю жизнь всякой монады Л. интерпретирует по аналогии с внутренней жизнью индивидуальной человеческой души, к-рая также является монадой; он прямо указывает на эту аналогию как на правомерную, поскольку законы существования всех простых субстанций одинаковы (см.: Phil. Schr. Bd. 6. S. 609–610; Соч. Т. 1. С. 415–416). Согласно Л., 2 базовыми состояниями монады, определяющими ее развитие, являются восприятие (perception), т. е. репрезентация множества в единстве, и стремление (appetition), т. е. активное желание переходить от одних восприятий к другим. Поскольку Л. отрицает, что источником восприятий является нечто, воздействующее на монаду извне, традиц. философский термин «восприятие» у него теряет изначальное значение принятия чего-то внешнего и приобретает смысл неопределенного бессознательного представления. Хотя Л. считает восприятие базисом всех последующих более сложных актов и состояний монад, объяснения внутренней природы восприятия он не предлагает. Нередко при рассмотрении восприятий Л. приводит аргументы и иллюстрации, заимствованные из чувственного опыта и предполагающие его реальность; т. о., учение Л. о восприятии является попыткой абст-

рагировать данный апостериорно акт восприятия от его эмпирических оснований. Из общих рассуждений Л. можно заключить, что в рамках его метафизики монада в восприятиях обращается не к объективно данному миру, а к изначально заключенной в ней самой совокупности идей, однако не обрабатывает их, а лишь претерпевает их воздействие, бессознательно отражая их и бессознательно переходя посредством присущего ей стремления от одной идеи к другой. Всякая монада в любой момент времени погружена в смутный поток «малых восприятий» (petites perceptions); для извлечения из этого потока идей требуется особая активность, которую Л. связывает с деятельностью сознания, присущего только высшим монадам. Внутренняя жизнь каждой монады уникальна и неповторима; хотя все монады отражают один и тот же универсум, каждая делает это своим индивидуальным способом, поэтому целиком тождественных монад не существует. Именно индивидуальность внутренней жизни отличает монады от материалистических атомов, существование к-рых Л. отрицал, ссылаясь на то, что для наличия в мире порядка требуется, чтобы каждая индивидуальность была отличима от др. индивидуальности (Ibid. Bd. 7. S. 290; Там же. С. 235). Т. о., индивидуальность оказывается не внешней, а исключительно внутренней характеристикой, индивидуальным способом отношения каждой монады к одному и тому же данному ей в восприятии содержанию, т. е. к целостному идеальному универсуму. По словам Л., вслед. «приспособленности (accommodement) всех сотворенных вещей к каждой из них и каждой ко всем прочим любая простая субстанция имеет отношения, к-рыми выражаются все прочие субстанции, и, следовательно, монада является постоянным живым зеркалом универсума» (Ibid. Bd. 6. S. 616; Там же. С. 422).

Варианты отношения восприятия, отождествляемого с пассивностью, и стремления, отождествляемого с активностью, задают иерархию простых субстанций (монад). На ее вершине находится Бог, который есть чистый акт, не испытывающий воздействия восприятий, но создающий всю их совокупность в Своем мышлении. Далее следуют «духи» (esprits), или умы, к к-рым

Л. относит и человеческий разум; им свойственны сознание (conscience), т. е. способность целенаправленно оперировать с идеями, понятиями и суждениями, а также апперцепция (apperception), или самосознание, т. е. способность активно рассматривать восприятия, соотнося воспринятую идею и воспринимающего субъекта, «Я». Следующую ступень образуют «души» (ames), т. е. животные, к-рые обладают способностью упорядочивать воспоминания в памяти, но лишены сознания. На последней ступени находятся наименее активные «жизни» (vies), которые именуются у Л. также голыми или спящими монадами (см.: Phil. Schr. Bd. 6. S. 498, 608–611; Соч. Т. 1. С. 404, 415–418; ср.: Соколов. 1982. С. 46; Rutherford. 1995. P. 142–143). Предлагаемая Л. иерархия фактически повторяет учение Аристотеля о 3 видах души: разумной, животной и растительной; при этом Л. переосмысливает низшую душу, превращая ее в некое универсальное жизненное начало, не обязательно связанное с растительным миром. В поздних сочинениях Л. утверждал, что высшие простые субстанции (монады) управляют низшими простыми субстанциями, образуя в единстве с ними «сложные субстанции» (substance compositée), т. е. одушевленные органические тела. Согласно Л., «всякая простая субстанция, или особая монада (monade distinguée), являющаяся центром и принципом единства сложной субстанции (например, животного), окружена массой (masse), состоящей из бесконечного множества других монад, образующих собственное тело (le corps propre) такой центральной монады» (Phil. Schr. Bd. 6. S. 598–599; Соч. Т. 1. С. 404–405). Телесно-материальный мир Л. объявлял лишеным реального и субстанциального бытия; тело является единством не само по себе, но лишь как воспринимаемая центральной монадой конфигурация отношения к ней совокупности др. монад. Л. отмечал, что материя и движение — это не субстанции или вещи (res), но «феномены воспринимающих [сущств]» (percipientium phaenomena — Ibid. Bd. 2. S. 270), «феномены, имеющие основание в вещах» (phaenomenon fundatum in rebus — Ibid. S. 268), «обоснованные феномены» (phénomène bien fondé — Ibid. Bd. 7. S. 564). Т. о., материальный мир есть

феноменальный мир множественности, к-рый реален лишь в силу реальности конституирующих его подлинных субстанций — единых идеальных субстанций, или монад (ср.: SSB. R. 6. Bd. 6. S. 378–379).

В учении о простых духовных субстанциях, по замыслу Л., должен был оказаться преодоленным картезианский дуализм мыслящего (духовного) и протяженного (материального) начал. Однако вопрос о природе материи, материальных тел и материального мира не получил у Л. однозначного и ясного решения, что во многом связано с изначально идеалистическим характером его философии, с отвержением всякого объективного значения чувственности и чувственного опыта. Касающиеся вопроса о соотношении духовного и материального начал рассуждения Л. имеют запутанный и противоречивый характер, вследствие чего они различным образом интерпретировались исследователями его философии, к-рые до наст. времени не смогли достичь консенсуса и выработать общепринятую интерпретацию учения Л. (см., напр.: Майоров. 1973. С. 148–169; Rutherford. 1995. P. 132–163; Idem. 2009; Hartz. 2007; Garber. 2009. P. 351–388). Основная сложность связана с тем, что Л. не объяснял способ превращения бесконечных непротяженных монад в конечные материальные и протяженные тела. Так, рассматривая природу тел в «Монадологии», Л. утверждал, что всякая частица материи (portion de la matiere) не только потенциально бесконечно делима, т. е. может быть промыслена делимой до бесконечности (divisible à l'infini), но и «уже актуально разделена до бесконечности» (encor sous-divisée actuellement sans fin), причем каждая из бесконечных частей обладает собственным движением и отражает всю вселенную (см.: Phil. Schr. Bd. 6. S. 618; Соч. Т. 1. С. 425). Поскольку отражение вселенной и способность иметь собственное движение неоднократно объявляются у Л. характеристиками нематериальной субстанции (монады), их приложение к «частям материи» может быть истолковано 2 способами, реалистически и идеалистически. Согласно 1-й интерпретации, Л. полагал, что всякой из бесконечного числа монад соответствует одна из бесконечных частей материи; эта интерпретация подтверждается

мнением Л., что бестелесной монадой является лишь Бог, тогда как др. монады всегда связаны с телами (см.: Ibid. S. 619; Там же. С. 426), а также его утверждением, что «всякая монада в соединении с особым телом образует живую субстанцию» (Ibid. S. 599; Там же. С. 405). В этом случае телесность уходит в бесконечность: каждое тело является агрегатом бесконечных материальных частей, т. е. др. тел, и соответствующих им бесконечных монад (ср.: Ibid. S. 618–619; Там же. С. 425–426). Согласно 2-й интерпретации, Л. считал сами монады «частями» материи, допуская, что совокупности нематериальных субстанций воспринимаются познающей монадой как тела, тогда как в действительности они являются лишь выделяемыми монадой аспектами или проекциями отношений между бесконечным числом нематериальных монад. Преимуществом 1-й интерпретации является сохранение реальности материального мира, однако она не позволяет преодолеть дуализм нематериального и материального; во 2-й интерпретации этот дуализм преодолевается, однако путем преодоления оказывается отрицание объективной реальности материального (ср.: Rutherford. 1995. P. 145–153). В переписке с Боссом, обсуждая природу тел в контексте поиска философского объяснения учения о евхаристическом пресуществлении, Л. ввел понятие «субстанциальная связка» (vinculum substantiale), с помощью к-рого он предлагал обозначать принцип, объединяющий монады в определенную взаимосвязь, вслед. наличия к-рой они воспринимаются как единое тело. Хотя такое тело не обладает субстанциальностью в строгом смысле, благодаря субстанциальной связке оно не только воспринимается, но и объективно существует как некое устойчивое единство; причем в случае изменения связки происходит изменение природы тела как целого без изменения образующих его монад и формируемых ими акциденций (подробнее см.: Look. 1999). Выработка учения о субстанциальной связке свидетельствует, что Л. рассматривал возможность признания объективной данности тел, однако из переписки можно заключить, что он отказался идти по этому пути и остановился на сведении тел к феноменам (см., напр.: Phil. Schr. Bd. 2.

S. 452; Bd. 3. S. 567); т. о., 2-я интерпретация его учения о материи представляется более корректной (см.: *Rutherford*. 1995. P. 154–163).

Поскольку Л. признает множественность монад, но отрицает возможность реального влияния одной монады на другую, все виды эмпирически наблюдаемых взаимодействий между монадами он вынужден объяснять как соответствие внутренних состояний одной монады внутренним состояниям всех прочих монад. Для обозначения этого соответствия он использует термин «гармония». Т. к. основанием гармонии является наличие у каждой монады в качестве идеального содержания знания об универсуме, ее источником может быть только Бог, «предустановивший» гармонию при творении мира. По происхождению принцип «предустановленной гармонии» (*harmonie préétablie*) связан с попыткой Л. предложить решение ключевой для XVII в. философской проблемы взаимодействия между духовными (души, духи) и телесными субстанциями. Поскольку тела у Л. не рассматриваются как субстанции, разделение на духовный и материальный миры (или, в терминологии Л., царства) становится условным: оба мира образованы монадами, однако духовный мир конституируется интеллектуальной деятельностью высших монад, а материальный мир — бессознательной деятельностью низших монад. Демаркационной линией между этими мирами является различие действующих в них законов и причин: «Души действуют согласно законам конечных причин, т. е. посредством стремлений, целей и средств; тела действуют по законам причин производящих, или движений» (*Phil. Schr. Bd. 6. S. 620–621; Соч. Т. 1. С. 427*). Хотя души и тела действуют так, как будто они влияют друг на друга, никакого реального влияния не существует; каждая монада лишь развертывает собственные восприятия и внутреннюю активность. При этом каждая монада есть микрокосм, содержащий в себе все тварное бытие в виде идей; посредством внутренних восприятий каждая монада в каждый момент переживает определенное отношение ко всем прочим монадам. Объективная реальность такого отношения не может быть познана монадой, однако ее наличие постулируется с помощью

принципа предустановленной гармонии, фактическим основанием которого является теологическое учение о Боге, творящем наилучший, т. е. наиболее согласованный и гармоничный, мир. В качестве философских принципов, определяющих эту гармонию, Л. выделял принцип простоты, предполагающий, что Бог пользуется при упорядочении мира наиболее простыми законами, и принцип разнообразия, в соответствии с к-рым Бог стремится к наибольшему разнообразию в феноменах, до бесконечности умножая индивидуальности (подробнее см.: *Blumenfeld*. 1995).

Вводя принцип предустановленной гармонии, Л. рассчитывал избежать окказионализма и устранить представление о необходимости непрерывного вмешательства Бога в тварный мир для обеспечения взаимодействия субстанций. Объяснение этого взаимодействия у Л. остается теологическим; он лишь меняет бесчисленное число точек, в к-рых Бог обеспечивает взаимодействие субстанций, на одну начальную точку, в к-рой заранее устанавливаются все буд. взаимодействия. Важным положительным моментом такого решения является создаваемая им возможность рассматривать развитие духовно-материального универсума как автономный и закономерный процесс, однако при этом радикально проблематизируется традиц. для зап. философии и христ. теологии представление о наличии у творений свободы и возможности самодетерминации.

Теодицея. Принцип предустановленной гармонии предполагает первичную безусловную детерминацию всего творения Богом, поэтому, согласно метафизическому учению Л., в тварном мире не может быть явлений, к-рые в своем бытии не зависели бы от Бога и не были бы произведены Его творческой силой. Поскольку Бог является совершенным и благим, он творит благой мир, который Л. объявил наилучшим из всех возможных миров. Однако такое представление вступает в видимое противоречие с фактом существования в мире несовершенства в целом и зла как наиболее явного и проблемного вида несовершенства. Поскольку возникновение зла в христианстве традиционно связывалось с реализацией разумными творениями дарованной им Богом

свободы (см. ст. *Зло*), для согласования собственной метафизики с христианской теологией Л. требовалось не только теологически объяснить существование зла в мире, но и предложить общую теорию соотношения свободы и необходимости. Эту задачу Л. пытался решить в рамках системы философских рассуждений, для обозначения которой им был впервые введен термин «теодицея» (*theodicée*), т. е. «оправдание Бога», или «учение о справедливости Бога» (от греч. *θεός* — Бог, и *δίκη* — справедливость, право). Теодицея Л. разделяется на 2 основные смысловые области: 1) учение о соотношении необходимости и свободы применительно к Богу и творению; 2) учение о природе зла и его роли в творении (общий анализ теодицеи Л. см.: *Grua*. 1953; *Lorenz*. 1997; *New Esays on Leibniz's Theodicy*. 2014).

1. Учение о необходимости и свободе. Рассмотрение проблематики необходимости и свободы у Л. строится на основе метафизических представлений о природе и свойствах Бога. Совершенство Бога, или Его величие (*magnitudo*), предполагает, что Он является всемогущим и всеведущим. Из всемогущества Бога следует, что Он ни от чего не зависит, а все прочее зависит от Него и приводится в бытие Его разумом и Его волей (*Phil. Schr. Bd. 6. S. 106–107; Соч. Т. 4. С. 134–136*). Согласно Л., для решения вопроса о соотношении свободы и необходимости в актах Бога и человека требуется различать неск. видов необходимости. Абсолютная, или метафизическая, необходимость (*necessité absolue*) у Л. связывается с необходимыми истинами, задаваемыми фундаментальными законами логики (закон тождества и закон противоречия) и их следствиями. Эти законы суть свойства природы и разума Бога, поэтому они никогда не могут быть нарушены, изменены и отменены; Бог руководствуется ими при творении мира. Абсолютной необходимостью противопоставляется невозможность: абсолютно необходимым является то, противоположное чему невозможно, т. к. это привело бы к логическому противоречию. В отличие от актов разума акты воли не являются безусловно необходимыми, поскольку воля способна выбирать из неск. предлагаемых разумом возможностей, которые не противоречат друг другу, но находятся

в отношении большей или меньшей гармоничности с совокупностью др. возможностей. На выбор из возможностей, осуществляемый волей Бога при творении, не распространяется абсолютная необходимость, однако Его воля подчинена моральной необходимости (*necessité morale*), т. к. из мудрости и благости Бога следует, что Он всегда избирает наилучшее. Т. о., свобода Бога у Л. отождествляется не с простым полаганием желаемого, а со способностью совершать избрание наилучшего. Совокупность всех возможностей, актуально избранных Богом, является т. н. гипотетической необходимостью (*necessité hypothétique*), т. е. предустановленным и неизменным порядком, к-рый, однако, не может быть признан безусловно необходимым, т. к. он был избран Богом из мн. возможностей (см.: *Ibid.* S. 441; Там же. С. 470; *Ibid.* Bd. 7. S. 389–391; Там же. Т. 1. С. 466–468). Хотя внешне Л. сохраняет теологический тезис о свободе воли Бога, в действительности воля Бога свободна лишь в идеальной сфере возможностей, но не в сфере полагания действительности. Вводимая Л. моральная необходимость несовместима с представлением о недетерминированной и спонтанной свободе: поскольку Бог не может не избрать наилучшую возможность, Его выбор определен до акта выбора и вслед этого неизбежен, т. е. необходим (см.: *Lorenz.* 1997. S. 49; *Holzhey, Murdoch.* 2001. S. 1075).

Еще более ярко детерминистский характер метафизики Л. проявляется в его учении о человеческой свободе. Поскольку в первоначальном творческом акте Бога полагается «предустановленная гармония» как гипотетическая необходимость всего мирового процесса, сводящая все вещи и события в единую систему причин и целей, реальная свобода тварных существ оказывается невозможной. С целью маскировки этого логически неизбежного вывода Л. пересказывает в «Теодицее» мнения предшествующих философов и теологов по вопросу соотношения предопределения и свободы, поддерживая одни из них и отвергая другие. Многословные и запутанные рассуждения Л. в действительности являются попытками сохранить некое условное представление о свободе человека, поскольку без такого представления невозможно обосно-

вание морального выбора и целенаправленной человеческой деятельности. Л. утверждает, что человек свободен, поскольку наряду с избираемыми им возможностями существуют др. возможности, поскольку он не испытывает непосредственного внешнего принуждения в своих актах, поскольку Бог предопределил, что человек будет действовать свободно, а не по необходимости (см.: *Phil. Schr.* Bd. 6. S. 454–455; Соч. Т. 4. С. 485–487). Проблематичность предложенного Л. решения заключается в том, что он намеренно не различает логическую возможность и реальную возможность, субъективное переживание свободы и объективную свободу. Хотя в случае каждого акта человека можно помыслить возможность несовершенства этого акта и совершения др. акта, при реальном акте для человека оказываются закрытыми все возможности, кроме единственной, заранее определенной Богом в Его предведении и предопределении. Совершенный выбор не является безусловно необходимым по своей природе, однако для действующего человека он оказывается актуальной необходимостью. В рамках метафизики Л. человек свободен лишь субъективно, поскольку он осознаёт себя действующим спонтанно и совершающим выбор, однако возникновение в нем этой спонтанности и результат его выбора уже определены, поэтому объективная недетерминированная свобода невозможна (ср.: *Parkinson.* 1995. P. 216–221; *Половинкин.* 2002. С. 57–60). Т. о., Л. не предлагает существенно нового решения проблемы человеческой свободы, оставаясь на позициях теологического детерминизма и даже усиливая их. Для преодоления такого детерминизма в рамках теологической системы, допускающей всемогущество и всеведение Бога, требуется концепция незамкнутого творения, в соответствии с к-рой Бог изначально предвидит все возможности, однако только в момент принятия человеком свободного решения утверждает в качестве действительности определенную возможность из множества. Позиция Л. противоположна; по его убеждению, Бог изначально принял решение о действительности «наилучших» возможностей, поэтому у человека остается лишь рациональная свобода, т. е. лишенное всякой реальной силы зна-

ние, что его решения могут быть иными (подробный анализ проблематики свободы у Л. см.: *Parkinson.* 1970; ср. также: *Adams.* 1994. P. 9–52; *Jolley.* 2005. P. 125–154). Несмотря на такую детерминистскую позицию, Л. во мн. сочинениях и набросках подробно рассматривал проблемы морали и моральных актов, предполагая, что человек может совершать этический выбор и определять собственные действия. Эти рассуждения лишены логической связи с метафизическими установками Л.; их неявным основанием является традиц. представление о действительной свободе человека.

II. Учение о природе зла. Поскольку в метафизике Л. отрицается реальная свобода разумных существ, предельной причиной существования зла может быть лишь Бог, обладающий реальной, хотя и ограниченной свободой действия. Однако учение о Боге как о причине возникновения зла недопустимо с т. зр. христ. теологии. Будучи не в силах разрешить это внутреннее противоречие, Л., с одной стороны, пытался показать, каким образом зло может быть признано необходимым элементом созданного Богом «наилучшего мира», а с др. стороны, выстраивал свои рассуждения так, как будто у творения наличествует реальная свобода, искусственно помещая традиц. теологические положения христ. догматики в чужеродную для них метафизическую систему.

Л. отвергал мнение о том, что происхождение зла связано с материей или с неким иным началом, не зависящим в своем бытии от Бога. Т. к. всякое бытие происходит от Бога, источник зла, по утверждению Л., «следует искать в идеальной природе творения, поскольку эта природа содержится в вечных истинах, присущих разуму Бога независимо от Его воли». Зло является следствием того, что творение по своей природе не может быть равным Творцу: «Существует природное несовершенство в каждом создании еще до греха, так как всякое создание по самому существу своему ограничено; откуда следует, что оно не все знает, может заблуждаться и совершать другие ошибки» (*Phil. Schr.* Bd. 6. S. 114–115; Соч. Т. 4. С. 143–144). Т. о., вопреки христианской теологии, зло рассматривается у Л. не как свойство воли, переходящее в природу, но как изначально свойство природы,

находящее внешнее выражение через волю. Первый грех и падение человека, согласно Л., есть следствия «исконного несовершенства и слабости тварей» (см.: Ibid. S. 451; Там же. С. 462). Л. выделял 3 вида зла: 1) метафизическое, т. е. несовершенство творения как таковое; 2) физическое, т. е. «счастливые и несчастливые события, происходящие с разумными существами», в т. ч. наказания за грехи (*malum roeпаe*); 3) моральное, т. е. «зло вины» (*malum culpae*), пороки и грехи. Для объяснения того, каким образом зло может быть содержанием благой воли Бога, Л. использует заимствованное из схоластики деление воли на предшествующую, предполагающую желание абсолютного блага, и последующую, связанную с желанием наибольшего возможного блага; производящую, т. е. касающуюся собственных действий, и допускающую, т. е. касающуюся чужих действий (см.: Ibid. S. 442–444; Там же. С. 470–473). Хотя Л. подробно рассматривает все эти градации, для его метафизики они не имеют существенного значения, поскольку все возможности, в т. ч. возникновение зла и греха, заранее детерминированы Богом в качестве действительных; т. о., появление в мире зла и греха метафизически неизбежно, хотя исторически и теологически ответственность за грех возлагается у Л. в согласии с теологической традицией не на Бога, а на совершающего его человека. Противоречивость учения Л. о зле и грехе задается тем, что метафизическую природу зла он определяет исходя из философского детерминизма, а в рассуждениях о грехе, свободе и благодати повторяет традиц. теологические воззрения, к-рые не могут быть обоснованы вводимыми им метафизическими принципами и присоединены к ним внешним образом (см.: Ibid. S. 448–460; Там же. С. 478–493).

При согласовании факта существования зла в мире с благостью Бога Л. исходит из необходимости существования в мире метафизического зла, т. е. тварного несовершенства, однако не объясняет, почему является необходимым переход этого зла в моральное и физическое зло. Рассуждения Л. сводятся к формальному оправданию Бога, в основе к-рого лежит логическое движение по кругу: Бог благ, поэтому Он сотворил наилучший мир; поскольку в этом

наилучшем мире есть зло, в наилучшем мире должно быть зло; поскольку в наилучшем мире должно быть зло, Бог не мог сотворить мир без зла, т. к. этот мир не был бы наилучшим; поскольку сотворенный мир со злом наилучший, Бог благ, несмотря на существование в мире зла. Т. о., благость Бога является и основанием, и выводом доказательства. Из благости Бога следует, что все зло, существующее в актуальном мире, необходимо для высшего блага, т. е. для того, чтобы этот мир был наиболее совершенным и наилучшим; поскольку любое частное изменение с неизбежностью приведет к замене этого мира другим миром, Бог не может устранить из мира зло. Представление о благости и совершенстве Бога, творящего благой и совершенный мир, приводит Л. к метафизическому оптимизму, который позволяет ему утверждать, что «количество» зла в мире является минимальным из возможного, т. к. Бог «допускает только те из пороков и зол, которые необходимо было бы допустить в наилучшем ряде вещей» (см.: Ibid. S. 456–457; Там же. С. 489).

Этика и телеология. Основанием этического учения Л. является представление о том, что человек как разумный дух наделен способностями «познавать Бога и систему вселенной», «вступать с Богом в общение», «подражать Богу своими творческими попытками» (Phil. Schr. Bd. 6. S. 621; Соч. Т. 1. С. 428). По-видимому, Л. допускал развитие простых субстанций (монад) и их переход от низших состояний к высшим, однако подробного объяснения принципов и механизмов такого перехода он не предлагал. Осуществлять этические и целенаправленные акты способны лишь разумные духи, поэтому лишь для них доступны подлинное счастье и блаженство. Вслед невозможности реального intersubjectивного общения этический долг определяется у Л. через отношение разумного духа (человека) к Богу. Сфера межличностных отношений исключена из его метафизики и сохраняется лишь в юридических и политических сочинениях, где Л. развивал классическое представление о справедливости как о равновесии собственных интересов и интересов др. человека. В метафизическом отношении любовь к ближнему может быть лишь следствием приобретенной любви к Богу: познавая

в Боге все творение, разумный дух познаёт любовь Бога к др. разумным духам и подражает этой любви. Телеологический характер этики Л. задается представлением о том, что все волевые решения должны определяться постоянным избранием наилучшего, а знание о лучшем тождественно знанию о целях. Согласно Л., воля всегда следует разумным основаниям, поэтому чем более совершенным является познание, тем более этически безупречным становится выбор. Выбор порока и греха Л. в духе платонизма связывал не со слабостью воли, а с несовершенством познания (ср.: Jolley. 2005. P. 177–187). Познание «порядка универсума» убеждает в том, что «он превосходит все пожелания наимудрейших и что нельзя сделать его еще лучше, чем он есть, не только в общем и в целом, но и для нас самих в частности». Познание Бога не только как Зодчего и действующей Причины бытия, но также как Владыки и конечной Причины открывает для человека Его совершенство; созерцая эти совершенства, разум достигает «истинной чистой любви, в силу которой мы находим удовольствие в блаженстве того существа, которое мы любим». Уподобление Богу через подражание Его совершенствам и любовь к Нему приводят к счастью (*bonheur*), которое и оказывается у Л. предельной целью человеческого бытия (см.: Phil. Schr. Bd. 6. S. 622–623; Соч. Т. 1. С. 429). При этом созерцание Бога в любви Л. понимал динамически; по его утверждению, «наивысшее счастье... никогда не будет полно, ибо Бог в силу своей бесконечности никогда не может быть познан вполне... оно состоит в непрестанном переходе к новым радостям и новым совершенствам» (Ibid. S. 606; Там же. С. 411–412).

Влияние и рецепция. Процесс рецепции метафизики Л. в западной философии был длительным, сложным и многогранным. Благодаря обширной переписке Л., адресованной крупнейшим ученым, философам, теологам и влиятельным аристократам его времени, философские основоположения Л. были хорошо известны его просвещенным современникам уже на рубеже XVII и XVIII вв. Однако, если при жизни Л. ведущие европ. философы имели достаточно точное, хотя и не всегда полное представление о системе его метафизических убеждений

благодаря переписке с ним и непосредственному обсуждению спорных проблем, после смерти Л. его переписка стала достоянием архивов и единственным источником, доступным широким кругам интересующихся философией европейских интеллектуалов, до сер. XVIII в. были немногочисленные прижизненно опубликованные философские трактаты Л., наиболее крупным, известным и распространенным из которых было соч. «Теодицея» (ср.: *Майоров*. 1973. С. 249). В силу ярко выраженного религиозного характера этого трактата первоначально наибольший интерес к нему проявляли теологи; при этом отношение подавляющего большинства католических и протестантских университетских теологов к учению Л. было негативным. Критическое рассмотрение взглядов Л. с теологических позиций предлагалось в сочинениях «Утверждение ортодоксального учения о происхождении зла против гипотез некоторых современных писателей» (*Doctrinae orthodoxae de origine mali contra recentiorum quorundam hypotheses modesta assertio*. Jenae, 1712) приверженца лютеранской ортодоксии И. Ф. Буддея (1667–1729), «Метафизико-механическое рассуждение о необходимом, а также о контингентном и свободном» (*Disputatio metaphysica-mechanica de necessario et contingenti ac libero*. Halle, 1724) ведущего представителя лютеранского *пюетизма* И. И. Ланге (1670–1744), «Философское рассуждение об использовании и о границах принципа определяющего, или достаточного, основания» (*Dissertatio philosophica de usu et limitibus principii rationis determinantis, vulgo sufficientis*. Lipsiae, 1743) лейпцигского лютеран. теолога и философа К. А. Крузия (1715–1775) и во многих других трактатах (см.: *Lorenz*. 1997). Вместе с тем склонные к использованию философского метода и к рациональному обоснованию религии теологи нередко использовали идеи Л.; напр., явные следы рецепции его метафизики обнаруживаются во многих статьях 2-го и последующих изданий «Философского словаря» (*Philosophisches Lexikon*. Lpz., 1733) йенского профессора теологии И. Г. Вальха (1693–1775), в сочинениях тюрингенского теолога и ученого вольфианской школы Г. Б. Бильфингера (1693–1750), академика С.-Петербургской АН

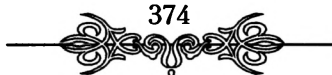
Г. В. Лейбниц.
Портрет. Ок. 1700 г.
Худож. Й. Ф. Венцель
(архив Берлинско-Бранденбургской
академии наук)

(см.: *Holzhey, Murdoch*. 2001. S. 1076, 1089).

С 20-х гг. XVIII в. основное направление философского влияния идей Л. стала задавать деятельность нем. представителей лейбницевско-вольфианской метафизической школы, основателем которой являлся Вольф, преподававший философию в ун-тах Галле и Марбурга (общий обзор деятельности школы см.: *Wundt*. 1945). Восприняв основные положения философии и теологии Л., Вольф упорядочил и развил их, сведя в сложную систему абстрактных понятий, охватывавшую все сферы знания. Будучи последователем Л., Вольф оставался самостоятельным мыслителем и в ряде принципиальных пунктов отходил от учения Л.: он допустил взаимное влияние простых субстанций (в терминологии Вольфа – простого сущего, *ens simplex*), развил более реалистичное учение о материи как о сложной субстанции, детеологизировал концепцию предустановленной гармонии, сведя ее к психофизическому параллелизму, отказался от представления о монаде как об отражении всего универсума и т. п. (см.: *Holzhey, Murdoch*. 2001. S. 1077; *Effertz*. 2014). Во 2-й пол. XVIII в. философское учение Вольфа стало преобладающим в Германии и фактически превратилось в общепринятую университетскую философию сначала в протестант., а затем и в католич. ун-тах; наиболее крупными и influentialными представителями вольфианского лейбницианства XVIII в. являются Бильфингер, Л. Ф. Тюммиг (1697–1728), И. К. Готтшед (1700–

1766), Ф. Х. Бауммайстер (1709–1785), А. Г. Баумгартен (1714–1762). Все они преимущественно развивали систематическую философию Вольфа; лишь немногие из них предпринимали попытки вернуться к оригинальным взглядам Л. Лейбницевско-вольфианская метафизика сохраняла влияние в нем. ун-тах до начала распространения кантианства в 1-й пол. XIX в.

Во Франции взгляды Л. и их вольфианские интерпретации были достаточно хорошо известны с сер. XVIII в., однако значительной популярности среди франц. философов и ученых они не имели (подробнее см.: *Barber*. 1955). Убежденными противниками метафизики Л. были франц. энциклопедисты, деятельность которых определяла облик французской философии во 2-й пол. XVIII в. Признавая научные заслуги Л., энциклопедисты критиковали его теологическую метафизику с позиций эмпиризма, материализма, скептицизма и атеизма. Э. Б. де Кондильяк (1715–1780) в соч. «Трактат о системах» (*Traité des systèmes*, 1749) представил подробное изложение и критический разбор монадологии Л. (см.: *Кондильяк Э. Б., де*. Соч. М., 1982. Т. 2. С. 64–92), поместив ее в один ряд с идеалистическими учениями Декарта и Мальбранша. Кондильяк находил в системе Л. фундаментальную методологическую ошибку, замечая, что Л. и его последователи объясняют явления при помощи принципов, которые не более понятны, чем сами объясняемые явления (Там же. С. 83). По утверждению Кондильяка, использование в метафизике Л. понятий, заимствованных из опыта (напр., «сила», «восприятие») в неопределенном сверхопытном значении приводит к формированию абстрактного метафорического и символического языка, который непригоден для объяснения реального мира и свойств вещей (ср.: *Jolley*. 2005. P. 205–209). Учение Л. о предустановленной гармонии и существующем мире как наилучшем из миров было высмеяно *Вольтером* (1694–1778) в философской повести «Кандид, или Оптимизм» (*Candide ou l'optimisme*, 1758), где Л. представлен в образе философа Панглосса, преподавателя «метафизико-теологико-космогонии». Влияние учения Л. на англ. философию XVIII в., представители которой предпочитали ори-

ентироваться не на континентальную, а на англ. рационалистическую традицию, было незначительным. Лейбницианские взгляды нередко соотносились с похожим во многих пунктах на метафизику Л. учением Беркли и воспринимались в качестве радикального солипсистского идеализма, несовместимого с господствовавшими в этот период в Англии эмпиризмом и морализмом (ср.: *Holzhey, Murdoch*. 2001. S. 1076–1078; подробнее см.: *Leibniz and the English-Speaking World*. 2007)

Глубокая и разносторонняя критика метафизики, теории познания и теодицеи Л. была дана в сочинениях И. Канта (1724–1804), философские взгляды которого формировались в ходе идейной полемики с лейбницианско-вольфианской университетской философией. Имя Л. неоднократно встречается на страницах «Критики чистого разума» и др. сочинений Канта, хотя невозможно достоверно установить, был ли он знаком с оригинальными сочинениями Л. или знал их лишь в пересказах вольфианцев. Мн. принципы метафизики Л. были использованы К. в качестве отправных пунктов для построения собственных философских концепций. Монадологию Кант считал примером абсолютизации ноуменального мира в ущерб феноменальному; отталкиваясь от противоположных позиций Л. и Локка, он строил учение о том, что рассудок и чувственность только в сочетании друг с другом могут давать объективно значимые суждения о вещах (см.: Там же. С. 199–207). Предметом внимательного критического анализа Канта было лейбницианско-вольфианское доказательство бытия Бога с помощью представления о необходимом существе (см.: Там же. С. 364–373), а также теодицея Л. (ср.: *Holzhey, Murdoch*. 2001. S. 1078). Предложенная в сочинениях Канта интерпретация метафизики Л. как одностороннего рационализма оказала влияние на отношение к учению Л. последующих представителей немецкого классического идеализма, в сочинениях которых идеи Л. часто переопределялись в понятиях соответствующей идеалистической системы, теряя оригинальное содержание. Влияние метафизики Л. как цельной системы в посткантовской немецкой философии неуклонно ослабевало; в сочинениях

Ф. Якоби (1743–1819), раннего Ф. Шеллинга (1775–1854), Л. Фейербаха (1804–1872) учение Л. сближалось с монизмом Спинозы и рассматривалось как предварительная и несовершенная форма концепции всеединства. Г. Гегель (1770–1831) в «Лекциях по истории философии» предложил подробное и точное изложение метафизики Л., отделив ее от последующего вольфианства (см.: *Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии*. СПб., 1994. Т. 3. С. 399–417); оценки Гегеля свидетельствуют, что система Л. воспринималась им как достояние истории философии. Согласно Гегелю, монадология Л. есть метафизика, исходящая из абсолютной множественности, к которой рассудочно добавляется абстрактная абсолютная единичность Бога, становящаяся внешним основанием мирового единства (Там же. С. 417). В XIX–XX вв. отдельные философские идеи Л. нередко становились предметом внимания ведущих европейских философов, оценивавших и интерпретировавших их в рамках собственных философско-мировоззренческих представлений. Наиболее яркими примерами такого рода интерпретаций являются трактат «О четвероюм корне закона достаточного основания» (*Über die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde*, 1813) А. Шопенгауэра (1788–1860), «Картезианские размышления» (*Méditations cartésiennes*, 1931) Э. Гуссерля (1859–1938), курс лекций под общим названием «Положение об основании» (*Der Satz vom Grund*, 1955–1956) М. Хайдеггера (1889–1976).

Научное изучение наследия Л. европ. историками философии началось в сер. XVIII в., когда были приняты первые попытки публикации отдельных частей обширного корпуса его рукописей. Многочисленные собрания сочинений, писем и заметок Л. издавались в XIX в. в Германии и во Франции (общую библиографию изданий см.: *Ravier*. 1937; *Holzhey, Murdoch*. 2001. S. 999–1007); хотя во мн. случаях они были далеки от научной полноты, содержали ошибки и неточности, на их основе были созданы фундаментальные исследования, обобщавшие философские воззрения Л. (см., напр.: *Pichler*. 1869–1870; *Fischer*. 1905; *Gorland*. 1907). В нач. XX в. исследователям удалось перейти от критики и систематизации к анализу исто-

рии развития взглядов Л. и к выявлению внутренних связей различных частей его философии (см., напр.: *Kabitz*. 1909; *Russel*. 1937; общий обзор см.: *Майоров*. 1973. С. 249–252). В 1923 г. в Германии было начато издание полного научного собрания всех сочинений, писем, заметок и др. рукописей Л. Работа над изданием неск. раз прерывалась и возобновлялась, в наст. время новые тома выходят в берлинском изд-ве «Walter de Gruyter». Собрание, которое, по замыслу издателей, должно состоять из более чем 100 томов, разделено на 8 серий: 1) общая, политическая и историческая переписка (SSB. R. 1. Bd. 1–24; опубли. письма до 1705); 2) философская переписка (Idem. R. 2. Bd. 1–3; опубли. письма до 1700); 3) математическая, естественнонаучная и техническая переписка (Idem. R. 3. Bd. 1–8; опубли. письма до 1701); 4) политические сочинения (Idem. R. 4. Bd. 1–8; опубли. сочинения до 1700); 5) исторические и лингвистические сочинения (тома не издавались); 6) философские сочинения (Idem. R. 6. Bd. 1–4, 6; опубли. сочинения и мат-лы до 1690 г., а также соч. «Новые опыты...»); 7) математические сочинения (Idem. R. 7. Bd. 1–6; опубли. сочинения и мат-лы до 1676); 8) естественнонаучные, медицинские и технические сочинения (Idem. R. 8. Bd. 1–2; опубли. сочинения до 1676). С 1969 г. в изд-ве «Franz Steiner» под эгидой нем. Лейбницианского об-ва выходит ж. «Лейбницианские исследования» (*Studia Leibnitiana*. Wiesbaden; Stuttg., 1969–[2014]. Bd. 1–46); в том же издательстве публикуются 2 серии, в к-рых к наст. времени издано более 80 томов монографий и сборников статей, посвященных исследованию философии Л. (*Studia Leibnitiana: Sonderhefte*. Wiesbaden; Stuttg., 1969–[2015]. Bd. 1–44; *Studia Leibnitiana: Supplementa*. Wiesbaden; Stuttg., 1968–[2014]. Bd. 1–38). Философия Л. остается постоянным предметом исследовательского интереса; число посвященных изучению его наследия научных работ неуклонно возрастает (библиографию см.: *Heinekamp*. 1984; *Idem*. 1996; библиографию после 1990 г. см. в ж. «*Studia Leibnitiana*»).

Философия Л. в России. Философские взгляды Л. в вольфианской интерпретации были известны в России уже в 1-й пол. XVIII в. После учреждения в 1724 г. Петербургской

АН для работы в ней были приглашены нем. ученые, в число которых входили вольфианец Бильфингер и неск. его учеников. Однако метафизика Л. не стала господствующей мировоззренческой системой в АН, поскольку многие из приглашенных академиков были картезианцами или ньютонианцами. В стенах АН нередко возникали дискуссии между сторонниками различных философских систем, однако эти споры не оказывали заметного влияния на русское общество, даже образованные представители которого в этот период слабо разбирались в западной философии. К сер. XVIII в. сторонники метафизики Л. и Вольфа оказались в АН в меньшинстве; в значительной мере этому способствовали отъезд в 1730 г. из С.-Петербурга Бильфингера и деятельность выдающегося математика Л. Эйлера (1707–1783), ставшего членом АН в 1726 г. Будучи убежденным противником вольфианства, Эйлер вел оживленную полемику с приверженцами метафизики и физики Л. Покинув в 1741 г. С.-Петербург, он преподавал в Берлинском ун-те; здесь в 60-х гг. XVIII в. им был создан цикл научных и философских писем, опубликованных под общим названием «Письма к немецкой принцессе». Во 2-м т. цикла Эйлер развил подробную критику монадологии Л. (Письма о разных физических и философических материях. СПб., 1772. Ч. 2.; новый рус. перевод: Письма к немецкой принцессе. СПб., 2002); этот том был переведен на русский язык С. Я. Румовским (1734–1812) и опубликован в 1772 г., уже после возвращения Эйлера в С.-Петербург. Сочинение Эйлера пользовалось большой популярностью в Европе и в России; оно имело значительный тираж и повлияло на формирование в рус. научных кругах критического отношения к метафизике Л. Отвергнув учение Л. о непротяженных монадах, Эйлер склонялся к теории бесконечной делимости материи, одновременно призывая оставить право на суждение об этом физикам, а не метафизикам. М. В. Ломоносов (1711–1765) имел возможность познакомиться с учением Л. во время обучения в 1736–1740 гг. в Германии, где одним из его преподавателей был Вольф. Хотя Ломоносов с уважением относился к научным заслугам Вольфа и даже переводил

на русский язык его сочинения, лейбнизианскую метафизику он не принимал. В отличие от Эйлера Ломоносов в области учения о строении материи придерживался классической атомистики; в датируемом 1754 г. письме Эйлеру он отмечал, что хотел бы «до основания уничтожить» своими исследованиями и доказательствами «мистическое учение» последователей Л. и Вольфа о монадах (см.: *Ломоносов М. В.* ПСС. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 501, 503). Т. о., в XVIII в. метафизика Л. была известна рус. ученым, однако не была ими принята. Значительное влияние учения Л. на рус. мысль в этот период может быть прослежено в области преподавания теологии и философии в духовных школах, где использовались нем. вольфианские учебники; однако учение Л. и Вольфа нередко интерпретировалось плохо понимаемыми его специфику преподавателями в духе традиц. схоластического аристотелизма (подробнее см.: *Абрамов.* 2001). Еще одним источником проникновения идей Л. в Россию были обучавшиеся в немецких ун-тах русские студенты; так, во время обучения в Лейпцигском ун-те с лейбнизианско-вольфианской метафизикой познакомился А. Н. Радищев (1749–1802); следы влияния на него идей Л. исследователи обнаруживают в соч. «О человеке, о его смертности и бессмертии» (см.: *Зеньковский В. В.* История русской философии. М., 2001. С. 96–97; подробнее о влиянии вольфианства см.: *Пустарнаков.* 2001).

С кон. XVIII в. до 70-х гг. XIX в. идеи Л. почти не привлекали внимания рус. философов и богословов. Пробуждение интереса к философии Л. и формирование рус. лейбнизианства (неолейбнизианства) как особого философского направления связано с преподавательской деятельностью в Дерптском ун-те Г. Тейхмюллера (1832–1888), нем. профессора философии, развивавшего систему персонализма на основе синтеза взглядов Л. и Р. Г. Лотце (1817–1881). Учениками Тейхмюллера были Е. А. Бобров (1867–1933), автор неск. исследовательских работ, посвященных философии Л., и Я. Ф. Озе (1860–1919); значительное влияние сочинений Тейхмюллера испытал А. А. Козлов (1831–1901), являющийся основоположником рус. лейбнизианства. Дальнейшее развитие этого направления

было осуществлено в сочинениях С. А. Аскольдова (1871–1945; см. ст. *Алексеев С. А.*), Л. М. Лопатина (1855–1920), Н. О. Лосского (1870–1965) и др. (общий обзор см.: *Райнов.* 1916; *Ильин.* 1966; *Зеньковский В. В.* История русской философии. М., 2001. С. 599–641). Несмотря на бесспорную оригинальность этих мыслителей, иногда вступающих друг с другом в прямую полемику, в их метафизических системах обнаруживаются общие черты, позволяющие относить их к одному направлению. Из философии Л. русские лейбнизианцы заимствовали прежде всего тезис о множественности субстанций, метафизический плюрализм, который был трансформирован ими в последовательный индивидуализм, а также рационалистическое представление о самодостаточности разума, сознания и интеллектуального познания (ср.: *Райнов.* 1916. С. 287–289). Принимая эти общие принципы, рус. лейбнизианцы по-разному относились к др. фундаментальным положениям метафизики Л. и нередко радикально переосмыслили их. В философской системе Козлова, к-рую он сам именовал панпсихизмом, все сущее было признано психическим (одушевленным) и сознательным; следуя Л., он признавал материальные явления действиями представляющего или мыслящего духа, однако считал, что за ними стоят реальные непознаваемые вещи. В отличие от Л. Козлов допускал взаимодействие между субстанциями, объявляя его основой бытия Бога как высочайшей субстанции, которая обеспечивает единство мира. В учении Аскольдова подчеркивание мирового единства привело к появлению представления о единой мировой душе, образуемой всеми взаимодействующими сущностями, которое у Л. прямо отвергается. Лопатин, принимая учение Л. о субстанциальной природе человеческого духа, наиболее подробно рассматривал антропологические и психологические следствия метафизического плюрализма; в предложенной им системе этического персонализма подчеркивались творческая активность духа, его независимость и сила. Свое понимание философии Л. как цельной системы Лопатин представил в точной и содержательной статье, написанной для *Брокгауза и Ефрона энциклопедического словаря* (см.: *Лопатин.*

1896). Давая в ней общую оценку философии Л., Лопатин в качестве ее сильных сторон выделял представления о том, что «истинная действительность в мире принадлежит внутренне живым, духовным индивидуальностям, и они составляют последние элементы всего существующего», что «материальное в существе своем духовно», а в качестве недостатков — «гипотезу абсолютной замкнутости монад в себе и предустановленной гармонии между ними» (Он же. 1995. С. 52–53). По мнению Лопатина, Л. «своим учением о внутренней замкнутости монад отринул всякое отношение наших представлений к каким-нибудь действительным объектам, а различием между перцепцией и апперцепцией уничтожил их отношение к субъекту, и они оказались отражениями, в которых ничто и ни в чем не отражается» (Там же. С. 55). Наиболее близкой к монадологии Л. из всех систем русского лейбницианства является метафизика Н. О. Лосского (в др. разделах философии зависимость Лосского от Л. незначительна). Защищая плюралистическое представление о бытии, Лосский развивал учение о происходящих от Абсолюта «субстанциальных деятелях», к-рые есть духовные единицы бытия, соединенные между собой интуицией. Лосский подчеркивал идею свободного творческого развития субстанциальных деятелей; их личный выбор определяет их положение в мировом порядке и задает все многообразие существующих в универсуме форм субстанциальной жизни. Идеи персонализма Лосский активно развивал и после эмиграции из России в 1922 г., введя тем самым рус. лейбницианство в контекст европ. философии. В эмиграции традицию рус. лейбницианства продолжал также философ и публицист В. Н. Ильин (1890/91–1974), видевший в философии Л. учение о космосе как о всеединой софийной монаде, все части, или аспекты, к-рой образуют морфологический комплекс, будучи активно и динамически связаны и участвуя в общем потоке (см.: Ильин. 1966; ср. также: Он же. 1967).

Начало научного изучения философии Л. в России связано с деятельностью В. И. Герье (1837–1919), предложившего подробный обзор жизни и учения Л. (Герье. 1868–1871. Ч. 1), а также подготовившего

к изданию документы, касающиеся связей Л. с Россией и его переговоров с имп. Петром I (Он же. 1873; общий обзор: Он же. 1868–1871. Ч. 2). На рубеже XIX и XX вв. появилось значительное число переводов сочинений Л.; его философские и теологические взгляды неоднократно становились предметом исследования в диссертациях и научных статьях (обзор лит-ры см.: Баяк, Федорова. 2014). Важную роль в рецепции наследия Л. в России сыграл преподаватель Харьковской ДС К. Е. Истомин (1836 — ок. 1916), который в 1887–1892 гг. опубликовал в ж. «Вера и разум» полный рус. перевод «Теодицеи» и еще нескольких сочинений Л., а также обзорную статью о его жизни и религ. взглядах (Истомин. 1887). Членами Московского психологического об-ва под рук. проф. В. П. Преображенского (1864–1900) был подготовлен и издан сборник переводов малых сочинений Л. (Лейбниц. Избранные философские сочинения. 1890). Исследованию учения Л. о познании и в целом философского содержания «Новых опытов...» Л. посвящена магистер. диссертация В. М. Каринского (1874 — после 1930), защищенная в С.-Петербургском ун-те (см.: Каринский. 1912). В Казани работал ученик Боброва И. И. Ягодинский (1869 — после 1918), опубликовавший скрупулезное исследование раннего периода философской деятельности Л. (Ягодинский. 1914), а также подготовивший издание неск. его малых сочинений с комментариями (Он же. 1913, 1915, 1917). В диссертации ученика Ягодинского Н. Н. Сретенского была предложена сравнительная интерпретация философских систем Л. и Декарта (Сретенский. 1915). Выполненное на высоком научном уровне сопоставление философского учения Л. со взглядами Спинозы было представлено в магистерской диссертации В. А. Беляева (1883 — после 1957), преподавателя С.-Петербургской ДА (Беляев. 1914). Философскую оценку взглядам Л. в этот период давали ведущие представители рус. философской мысли. Так, Вл. С. Соловьёв (1853–1900), испытывавший влияние нек-рых идей лейбницианства, в раннем соч. «Кризис западной философии» (1874) выделял в качестве положительного достижения метафизики Л. «утверждение исключительной самостоятельности и первоначально-

сти за психическим или субъективным бытием», а в качестве источника ее проблематичности — то, что в ней была поставлена под сомнение достоверность познания как относящегося к действительно существующему, т. е. всеобщее значение и объективное единство познания (см.: Соловьёв Вл. С. Соч. М., 1988. Т. 2. С. 19–20). Свящ. Павел Флоренский (1882–1937) дал опубликованному в 1914 г. соч. «Столп и утверждение истины» подзаголовок «Опыт православной теодицеи»; хотя в этом сочинении нет прямой полемики с Л., нельзя исключать, что оно было задумано как своего рода альтернатива лейбницианскому рационализму. Косвенным подтверждением этого служит критика, к-рой свящ. П. Флоренский подвергает учение Л. о любви как об удовольствии от счастья других. По утверждению свящ. П. Флоренского, монады, «обреченные на само-замкнутость онтологического эгоизма их чисто-внутреннего состояния... любят только иллюзорно, не выходя из себя посредством любви», тогда как подлинная любовь есть «субстанциальный акт, переходящий от субъекта на объект и имеющий опору — в объекте» (Флоренский П., свящ. Столп и утверждение истины. М., 1914. С. 75–76; ср.: Половинкин. 2002).

С 20-х гг. XX в. изучение признанной теологическими идеями метафизики Л. в СССР было невозможным по идеологическим причинам, однако отдельные исследователи продолжали заниматься его научно-теоретическим наследием и готовили соответствующие переводы (см.: Баяк, Федорова. 2014. С. 15–20). Новые обзорные работы по философии Л. стали появляться лишь в 70–80-х гг. XX в.; несмотря на наличие в них нек-рых идеологических штампов и предвзятых оценок, их авторам удалось учесть основные достижения зап. историков философии и представить достаточно объективную и полную картину философских взглядов Л. (см.: Погребысский. 1971; Нарский. 1972; Майоров. 1973; Соколов. 1982; Он же. 1989). Важнейшим вкладом в изучение философии Л. в России стало издание 4-томного собрания сочинений Л. (Лейбниц. Соч. 1982–1989), в к-рое были включены как основные дореволюционные переводы (с исправлениями и комментариями), так и мн. новые переводы.

Соч.: *собрания*: Die Philosophischen Schriften / Hrsg. K. I. Gerhardt. B., 1875–1890. 7 Bde [= Phil. Schr.]; Sämtliche Schriften und Briefe. Darmstadt; B., 1923–[2015]. R. 1–8. [56 Bde]. [= SSB]; Idem // <http://www.leibnizedition.de> [Электр. ресурс]; *отдельные произведения и документы*: Gerhardt G. I., Hrsg. Briefwechsel zwischen Leibniz und Christian Wolff. Halle, 1860. Hildesheim, 1963; *Герье В.*, изд. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873 [на языках оригиналов]; Couturat L., ed. La logique de Leibniz. D'après des documents inédits. P., 1901; *idem*, ed. Opuscules et fragments inédits de Leibniz. P., 1903; *Grua G.*, ed. Textes inédits. D'après les manuscrits de la Bibliothèque provinciale de Hanovre. P., 1948, 1998. 2 t.; *Robinet A.*, ed. Malebranche et Leibniz: Relations personnelles présentées avec les textes complets des auteurs et de leurs correspondants. P., 1955; *Alexander H. G.*, ed. The Leibniz-Clarke Correspondence: Together with Extracts from Newton's Principia and Opticks. Manchester, 1956; *Finster R.*, Hrsg. Gottfried Wilhelm Leibniz: Der Briefwechsel mit Antoine Arnauld. Hamburg, 1997; Frühe Schriften zum Naturrecht / Hrsg. H. Busche. Hamburg, 2003; *Look B. C.*, *Rutherford D.*, ed. The Leibniz-Des Bosses Correspondence. New Haven, 2007; *Zehetner C.*, Hrsg. Gottfried Wilhelm Leibniz: Der Briefwechsel mit Bartholomäus Des Bosses. Hamb., 2007; *Murray M. J.*, ed. G. W. Leibniz: Dissertation on Predestination and Grace. New Haven, 2011; *Lodge P.*, ed. The Leibniz-De Volder Correspondence: With Selections from the Correspondence between Leibniz and Johann Bernoulli. New Haven, 2012; *рус. переводы*: Соч. М., 1982–1989. 4 т. (Филос. наследие); Избранные философские сочинения / Ред. и вступ. ст.: В. П. Преображенский. М., 1890. (Тр. Моск. психологического об-ва; Вып. 4); *Ягодинский И. И.*, ред. Сочинения Лейбница: Элементы сокровенной философии о совокупности вещей. Каз., 1913; *он же*, ред. Неизданное сочинение Лейбница «Исповедь философа». Каз., 1915; *он же*, ред. Неизданные заметки Лейбница о душе. Каз., 1917; Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления / Предисл., пер. и примеч.: В. М. Яковлев. М., 2005; Переписка между Лейбницем, Боссюэ и их корреспондентами по поводу возможного объединения католической и протестантской Церкви / Предисл. и пер.: В. С. Лаврентьев // Политико-философский ежег. М., 2009. Вып. 2. С. 158–205. Библиогр.: *Ravier E.* Bibliographie des oeuvres de Leibniz. P., 1937. Hildesheim, 1966; *Heinekamp A.*, Hrsg. Leibniz-Bibliographie: Die Literatur über Leibniz. Fr./M., 1984. [Bd. 1:] Bis 1980; 1996. [Bd. 2:] 1981–1990; *Фафурин Г. А.*, сост. Г. В. Лейбниц: Мат-лы к библиографии // Г. В. Лейбниц и Россия: [Сб. ст.]. СПб., 1998. С. 57–74; *Holzhey, Murdoch.* 2001. S. 999–1007, 1140–1159.

Лит.: *Eckhart J. G.*, von. Lebensbeschreibung des Freyherrn von Leibnitz // Journal zur Kunstgeschichte und zur allgemeinen Litteratur / Hrsg. Chr. G. von Murr. Nürnberg, 1779. Bd. 7. S. 123–203; *Герье В. И.* Лейбниц и его век. СПб., 1868–1871. 2 т. СПб., 2008; *Pichler A.* Die Theologie des Leibniz. Münch., 1869–1870. Hildesheim, 1965. 2 Bde; *Истомин К. Е.* Очерк жизни философа Лейбница в связи с его богословской деятельностью // Вир. 1887. Отд. 2. № 9. С. 420–444; № 10. С. 465–488; *Лопатин Л. М.* Лейбниц // ЭС. 1896. Т. 17а. С. 486–496; *То же* // *Он же*. Философские характеристики и речи. М., 1995. С. 39–56; *Fischer K.* Geschichte der neuern Philosophie.

Hdlb., 1902. Bd. 3: Gottfried Wilhelm Leibniz (рус. пер.: *Фишер К.* История новой философии / Пер.: Н. Н. Полилов. СПб., 1905. Т. 3: Лейбниц: Его жизнь, сочинения и учение; *То же*. М., 2005); *Görland A.* Der Gottesbegriff bei Leibniz: Ein Vorwort zu seinem System. Giessen, 1907; *Серебrennikov B. С.* Лейбниц и его учение о душе человека. СПб., 1908; *Kabitz W.* Die Philosophie des jungen Leibniz: Untersuchungen zur Entwicklungsgeschichte seines Systems. Hdlb., 1909. Hildesheim, 1974; *Каринский В. М.* Умозрительное знание в философской системе Лейбница. СПб., 1912; *Беляев В. А.* Лейбниц и Спиноза. СПб., 1914. СПб., 2007; *Ягодинский И. И.* Философия Лейбница: Процесс образования системы: Первый период (1659–1672). Каз., 1914. СПб., 2007; *Сретенский Н. Н.* Лейбниц и Декарт: Критика Лейбницем общих начал философии Декарта. Каз., 1915. СПб., 2007; *Райнов Т. [И.]* Лейбниц в русской философии 2-й пол. XIX в. // ВЕ. 1916. Кн. 12. С. 284–297; *Russell B. A.* Critical Exposition of the Philosophy of Leibniz. L., 1937. L.; N. Y., 1992; *Wundt M.* Die deutsche Schulphilosophie im Zeitalter der Aufklärung. Tüb., 1945; *Grua G.* Jurisprudence universelle et théodicée selon Leibniz. P., 1953; *Barber W. H.* Leibniz in France from Arnauld to Voltaire: A Study in French Reactions to Leibnizianism, 1670–1760. Oxf., 1955; *Wiedeburg P. H. A.* Der junge Leibniz, das Reich und Europa. Wiesbaden, 1962. Tl. 1: Mainz. 2 Bde; 1970. Tl. 2: Paris. 4 Bde; *Ильин В. Н.* Лейбниц и русская философия // Возрождение. П., 1966. № 179. С. 70–83; № 180. С. 49–68; *он же*. О бытии души, о ее бессмертии и свободе: Нуль, точка и монада // Там же. 1967. № 182. С. 76–88; *Gerber G.* Leibniz und seine Korrespondenz // Leibniz: Sein Leben – sein Wirken – seine Welt. Hannover, 1966. S. 141–171; *Parkinson G. H. R.* Leibniz on Human Freedom. Wiesbaden, 1970; *idem*. Philosophy and Logic // The Cambridge Companion to Leibniz. 1995. P. 199–223; *idem*. Sufficient Reason and Human Freedom in the Confessio Philosophi // The Young Leibniz and His Philosophy. 1999. P. 199–222; *Позребыцкий И. Б.* Готфрид Вильгельм Лейбниц. М., 1971. 2004; *Нарский И. С.* Готфрид Лейбниц. М., 1972; *Майоров Г. Г.* Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница. М., 1973; *Ross G. M.* Leibniz and the Nuremberg Alchemical Society // Studia Leibnitiana. Stuttg., 1974. Bd. 6. H. 2. S. 222–248; *Vecco A.* Aux sources de la monade: Paléographie et lexicographie leibniziennes // Les Études Philosophiques. P., 1975. T. 3. P. 279–294; *Eisenkopf P.* Leibniz und die Einigung der Christenheit: Überlegungen zur Reunion der evangelischen und katholischen Kirche. Münch. etc., 1975; *Hall A. R.* Philosophers at War: The Quarrel between Newton and Leibniz. Camb., 1980; *Соколов В. В.* Философский синтез Готфрида Лейбница // Лейбниц. Соч. 1982. Т. 1. С. 3–77; *Он же*. Философское значение «Теодицеи» Лейбница // Там же. 1989. Т. 4. С. 3–48; *Mates B.* The Philosophy of Leibniz: Metaphysics and Language. Oxf., N. Y., 1986; *Wilson C.* Leibniz's Metaphysics: A Historical and Comparative Study. Princeton, 1989; *Poser H.* Leibniz, Gottfried Wilhelm // TRE. 1990. Bd. 20. S. 649–665; *Adams R. M.* Leibniz: Determinist, Theist, Idealist. Oxf.; N. Y., 1994; *Bouquiaux L.* L'harmonie et le chaos: Le rationalisme leibnizien et la «nouvelle science». Louvain-la-Neuve; P., 1994; *Blumenfeld D.* Perfection and Happiness in the Best Possible World // The Cambridge Companion to Leibniz. 1995. P. 382–410; The Cambridge Companion to Leibniz / Ed. N. Jolley. Camb., 1995; *Rutherford D.* Metaphysics: The Late Period //

Ibid. P. 124–175; *idem*. Simple Substances and Composite Bodies // *Busche, Hrsg.* 2009. S. 35–48; *Coudert A. P.* Leibniz and the Kabbalah. Dordrecht, 1995; *Lorenz S.* De mundo optimo: Studien zu Leibniz' Theodizee und ihrer Rezeption in Deutschland (1710–1791). Stuttg., 1997; *Hoffmann T.* Individuation bei Duns Scotus und dem jungen Leibniz // Medioevo. Padova, 1998. Vol. 24. P. 31–87; Leibniz, Mysticism and Religion / Ed. A. P. Coudert, R. H. Popkin, G. M. Weiner. Dordrecht, 1998; *Antognazza M. R.* Trinità e incarnazione: Il rapporto tra filosofia e teologia rivelata nel pensiero di Leibniz. Mil., 1999 (англ. пер.: Leibniz on the Trinity and the Incarnation: Reason and Revelation in the 17th Cent. New Haven; L., 2007); *eadem*. Leibniz: An Intellectual Biography. Camb., 2009; *Look B. C.* Leibniz and the «Vinculum Substantiale». Stuttg., 1999; *Otte H., Schenk R.* Hrsg. Die Reunionsgespräche im Niedersachsen des 17. Jh.: Rojas y Spinola, Molan, Leibniz. Gött., 1999; The Young Leibniz and His Philosophy (1646–1676) / Ed. S. Brown. Dordrecht, 1999; *Гайденко П. П.* Готфрид Вильгельм Лейбниц // Она же. История новейшей европейской философии в ее связи с наукой. М., 2000. С. 255–304; *Абрамов А. И.* Христиан Вольф в русской духовно-академической философии // Христиан Вольф и философия в России: [Сб. ст.] / Ред.: В. А. Жучков. СПб., 2001. С. 189–209; *Пустарнаков В. Ф.* Философия Вольфа и «русская вольфиана» в отечественной историографии // Там же. С. 124–188; *Holzhey H., Murdoch V., e. a.* Gottfried Wilhelm Leibniz // GGPh. 2001. Bd. 4. Hbd. 2. S. 995–1159; *Masser K.* Christóbal de Gentil de Rojas y Spinola O. F. M. und der lutherische Abt Gerardus Wolterius Molanus: Ein Beitrag zur Geschichte der Unionsbestrebungen der katholischen und evangelischen Kirche im 17. Jh. Münster, 2001; *Mercer C.* Leibniz's Metaphysics: Its Origin and Development. Camb., 2001; *Mugnai M.* Introduzione alla filosofia di Leibniz. Torino, 2001; *Половинкин С. М.* Теодицеи Лейбница и о Павла Флоренского // Энтелехия. Кострома, 2002. № 4. С. 56–61; *Murray M. J.* Leibniz's Proposal for Theological Reconciliation among the Protestants // ACPQ. 2002. Vol. 76. N 4. P. 623–646; *Busche H.* Einleitung // Leibniz G. W. Frühe Schriften zum Naturrecht. 2003. S. XI–CXII; *Badur K., Rottstedt W.* Und sie rechnet doch richtig!: Erfahrungen beim Nachbau einer Leibniz-Rechenmaschine // Studia Leibnitiana. 2004. Bd. 36. H. 2. P. 130–146; *Jolley N.* Leibniz. L.; N. Y., 2005; Leibniz: Nature and Freedom / Ed. D. Rutherford, J. A. Cover. Oxf., 2005; *Hartz G. A.* Leibniz's Final System: Monads, Matter and Animals. L.; N. Y., 2007; Leibniz and the English-Speaking World / Ed. P. Phemister, S. Brown. Dordrecht, 2007; *Dascal M.*, ed. Gottfried Wilhelm Leibniz: The Art of Controversies. Dordrecht, 2008; *Busche H.*, Hrsg. Gottfried Wilhelm Leibniz: Monadologie: [Kommentar]. B., 2009. (Klassiker Auslegen; 34); *Garber D.* Leibniz: Body, Substance, Monad. Oxf., 2009; The Philosophy of the Young Leibniz / Ed. M. Kulstad e. a. Stuttg., 2009; *Artosi A., Pieri B., Sartor G.*, eds. Leibniz: Logico-Philosophical Puzzles in the Law. Dordrecht, 2013; *Баюк Л. А., Федорова О. Б.* Лейбниц в России: Переводы и их авторы // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2014. № 2. С. 3–24; *Effertz D.* Zur Monade bei Leibniz und Wolff // Studia Leibnitiana. 2014. Bd. 46. H. 1. S. 64–75; New Essays on Leibniz's Theodicy / Ed. L. M. Jorgensen, S. Newlands. Oxf., 2014; *Schepers H.* Leibniz: Wege zu seiner reifen Metaphysik. B., 2014.

Д. В. Смирнов

ЛЕЙЛЯТ АЛЬ-КАДР [араб., персид. Шаб-э-кадр – «Ночь предопределения/судьбы/могущества»], мусульм. праздник, отмечаемый в один из нечетных последних 10 дней *рамадана*. Считается, что Аллах открыл в эту ночь *Мухаммаду* 5 первых стихов *Корана*. Хадис (рассказ о жизни пророка) повествует об этом: «Вдруг я [Мухаммад] почувствовал во сне, что кто-то приблизился ко мне и сказал: читай! Я отвечал: нет! Тогда тот сдвинул меня так, что я думал, что умираю, и повторил: читай! Я опять отказался и опять явившийся сдвинул меня, и я услышал слова: «Читай во имя Господа твоего, который созидает – созидает человека из кровавого сгустка. Читай: Господь твой – Он милосердный – дает знать человеку то, чего он не знал» (Сура ХСVI 1–5 («Сгусток»), пер.: В. С. Соловьев). Далее Мухаммад вспоминал: «Когда я это прочел, явление отступило от меня, и я проснулся. И я чувствовал, что эти слова написаны в сердце моем» (цит. по: Соловьев. 1902. С. 24–25). Согласно традиции, это произошло в 610 г. в месяц рамадан в пещере Хира на горе Джабаль-ан-Нур.

Большинство суннитов отмечают Л. а.-к. 27 рамадана. Сура XLIV («Дым»), ст. 3, называет эту ночь «благословенной», т. к. во время нее началось ниспослание Корана. В этот день и особенно ночью мусульмане читают Коран и совершают особые молитвы. Эта ночь почитается так же, как ночь исполнения желаний. Благочестивым считается совершать итикаф (уединение) в мечети, где мужчины и женщины в течение нескольких дней в конце рамадана молятся и читают Коран, чтобы получить помощь и благословение, исходящие от «Ночи предопределения». О значении этой ночи говорится в суре ХСVII 2–5 («Могущество»): «А известно ли тебе, что есть ночь могущества? / Лучше тысячи месяцев ночь могущества. / Нисходят в ту ночь ангелы и Дух по воле Аллаха, исполняя каждое веление. / Она – мир, пока не взойдет заря утренняя» (пер.: Б. Я. Шидфар).

Шииты полагают, что Л. а.-к. приходится на один из 4 дней рамадана: 19, 21, 23 или 27-е. 19-го числа имам и халиф Али был смертельно ранен в соборной мечети Куфы и 21-го скончался. *Исмаилиты* верят, что «Ночь предопределения» приходит-

ся на 23-й день месяца рамадан в соответствии с традицией, восходящей к имаму Али и его жене *Фатиме*, дочери пророка.

Лит.: Крымский А. Е. Лекции по Корану. М., 1902. Вып. 1; Соловьев В. С. Магомет: его жизнь и религ. учение. СПб., 1902²; Гольдцигер И. Лекции об исламе. СПб., 1912; Gardet L. L'Islam: Religion et communauté. P., 1967; Luxenberg Chr. Weihnachten im Koran // Streit um den Koran: Die Luxenberg-Debatte: Standpunkte und Hintergründe. В., 2004². P. 35–41.

М. Ю. Роцин

ЛЕКАРТИ [груз. ლეკარტი – место, где живут грузины], мон-рь исторической *Курмухской епархии* Грузинской Православной Церкви (ГПЦ); расположен на берегу р. Лекитчай (груз. Лекартисцкали). Один из 2 комплексов, выстроенных в окрестностях одноименного села (ныне с. Лекит Гахского р-на, Азербайджан): в 3 км к северу от села находится Л., называемый также В. Лекарти; на юго-востоке села – храмовый комплекс с тетраконхом во имя равноап. Нины (подробнее см. в ст. *Курмухская епархия* ГПЦ).

Деревня Лекарти и тетраконх во имя св. Нины упоминаются в колофоне 1310 г., содержащемся в Магалашвилевском Четвероевангелии. Изучивший этот текст К. Кекелидзе писал о просветительской деятельности в епархии и Л.; мон-рь в то время, очевидно, был одним из епархиальных духовных центров (*Кекелидзе*. Этюды. 1945. Т. 2. С. 314–324). В посл. четв. XIX в. грузинский историк М. Г. Джанашвили описывал Л.: «[село] Лекети расположено в живописном ущелии... здесь воздвигнута группа церквей, выстроенных тесаным камнем, с красивыми, узкими окнами, но сильно поврежденных. В 1878 г. на стене главного храма хорошо различался образ Богородицы с Младенцем» (*Джанашвили*. 1913. С. 76).

В руинированный монастырский комплекс, некогда огражденный каменной стеной, входят 5 церквей (3 в виде небольших зальных помещений, 2 купольные) и бытовые постройки. Первая относится к X–XI вв. и представляет собой удлиненное в плане сооружение с 3 выступающими полукруглыми апсидами. Центральная алтарная апсида освещена 3 окнами и сообщается с 2 пастофориями, заканчивающимися апсидами меньшего размера. Барабан опирается на углы апсиды и 2 столба почти квадратного сече-

ния. С запада к главному пространству примыкает прямоугольный нартекс. Храм был переделан в ходе строительства, о чем свидетельствуют заложенные арочные проемы в интерьере на сев. стене, невидимые снаружи. Здание стоит на 2-ступенчатом цоколе, выложено из грубо обработанного местного камня, углы и арки выведены из тесаного туфа (ширими). Наличие нартекса и 3-частного алтаря указывает на круг груз. церквей т. н. переходного периода (VIII–IX вв.), самые близкие аналогии можно найти в зодчестве Зап. Грузии, в частности Абхазии (Мокви, Лыхны, Анакопия, Пицунда).

Др. церковь (XIII в.) представляет собой сооружение типа вписанного креста с 3-частным алтарем и куполом, опирающимся на углы апсиды и на 2 столба сложного сечения. Вост. часть – глубокий алтарь, сообщающийся с пастофориями, – вписана в прямоугольник. Церковь выложена грубо тесанным местным камнем с обильным применением хорошо тесаного ширими (конха, своды, опоры, стены алтаря). Сохранившиеся на фасадных стенах архитектурные детали (полка) указывают на существовавший ранее и примыкающий к церкви с 3 сторон обход с 2 портиками (с севера и юга). Церковь была расписана в XII–XIII вв. (живопись утрачена практически полностью). Сохранились лишь зарисовки росписи, выполненные Т. С. Щербатовой-Шевяковой в 1947 г.: сцена «Сошествие во ад» и фрагмент орнамента (хранятся в ГМИГ).

Лит.: *Марджанишвили* Г. Эрети. Тб., 2005. С. 25–31 (на груз. яз.); *Джанашвили* М. Саингило // *Такашвили*. Древняя Грузия. 1913. Т. 2. С. 51–352 (на груз. яз.).

Н. Квициани

ЛЕКЛЕРК [Leclercq] Анри (4.12.1869, Турне, совр. пров. Эно, Бельгия – 23.03.1945, Лондон), церковный историк, литургист, ученый-энциклопедист. Полное имя – Анри Фредерик Лоран Гислен Леклерк (поскольку со стороны матери у Л. были родственники аристократического происхождения, в нек-рых документах и в подписях к статьям его имя пишется как Ле Клерк или Ле Клерк д'Орланкур, хотя официально на дворянский титул он не претендовал). Его отец был фабрикантом, умер, когда Л. было 5 лет. Л. учился в иезуитском колледже, где

преуспел в изучении истории, древнегреч. и лат. языков. В 1887 г. вся семья переехала в Париж и приняла франц. гражданство. В 1889–1892 гг. Л. служил во франц. армии (до 1899 числился в запасе в чине су-лейтенанта). В 1893 г. поступил в бенедиктинское аббатство Сен-Пьер-де-Со-лем, где изучал богословие и древние языки (еврейский, сирийский, коптский). Особое влияние на Л. в этот период оказало знакомство с литургистом П. Каженом. В 1895 г. Л. принес основные монашеские обеты. В 1896 г. вместе с приором (впосл. аббатом) Ф. М. Кабролем и др. монахами поселился в аббатстве св. Михаила в Фарнборо (графство Гэмпшир, Англия). В 1898 г. епископом Портсмутским Джоном Вертью Л. был рукоположен в сан пресвитера. Поскольку университетского образования Л. не имел, он всю жизнь занимался самообразованием. Его 1-я публикация (*Les Sources // RВen.* 1901. Vol. 18. P. 66–82) свидетельствует о большой эрудиции и начитанности автора, хотя ее сложно отнести к жанру научного исследования. Первой крупной научной работой Л. стало участие в издании под рук. Каброля 1-го тома собрания «Древнейших литургических памятников» (*Relliquiae liturgicae vetustissimae*. P., 1902–1913. 2 vol.). Параллельно Л. начал готовить 15-томную научно-популярную работу о христ. мучениках с апостольских времен до 1914 г. («*Les martyrs*», тома выходили с 1902 по 1924). Публикация томов вызвала критику со стороны болландистов. В частности, И. Делеэ опубликовал анонимную (вероятно, по той причине, что над ней работали и др. болландисты) рецензию на 1-й том «Мучеников» (*AnBoll.* 1902. Vol. 21. P. 203–205). Хотя в целом Делеэ оценил труд положительно, он укорял Л. за то, что тот слишком доверял изданию «Мученических актов» Э. Ле Блана († 1897) (*Le Blant E. Les Actes des martyrs: Supplément aux «Acta sincera» de Dom Th. Ruinart.* P., 1882), не изучив рукописную традицию самостоятельно. В ответе на рецензию Л. пообещал исправить допущенные ошибки при переиздании, но при этом отметил, что на работу Ле Блана точно так же, как и он, опирался болландист Ж. Ван ден Гейн в статье для энциклопедии «*Dictionnaire de théologie catholique*» (DTC). Болландисты стали оправдываться тем, что статья Ван ден Гейна вышла

без ведома коллег. Делеэ же возмутил ответ начинающего ученого, и он написал рецензию на 1-й том «*Relliquiae liturgicae vetustissimae*» (*AnBoll.* 1903. Vol. 22. P. 204–207), в которой опять критиковал Л. за его методы работы с агиографическими памятниками. В письме к Делеэ Л. пытался защитить историческую ценность мученических актов и недоумевал, почему Делеэ, будучи католиком, хвалит резко критическую по отношению к церковной традиции работу А. фон Гарнака «Миссия и распространение христианства в первые 3 столетия» (1902), но ругает его, Л., труды, защищающие древнее предание. Делеэ воспринял это письмо как прямое обвинение в модернизме, которое в тот период могло вызвать серьезные последствия для его карьеры. В качестве ответа он опубликовал еще 2 рецензии на очередные тома «Мучеников», содержавшие еще более суровую критику Л. (*AnBoll.* 1904. Vol. 23. P. 327–328; 1906. Vol. 25. P. 102–104). Попытки примирения, предпринятые со стороны аббата Каброля, провалились. Делеэ наотрез отказался впредь сотрудничать с Кабролем и Л., а Ван ден Гейн вышел из об-ва болландистов. Начиная с 5-го тома «Мучеников» болландисты решили не замечать это издание.

Наибольшую известность и широкое признание Л. получил как автор статей и редактор энциклопедии «*Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*» (DACL), к-рая начала издаваться с 1903 г. Л. писал статьи по всем темам, на которые не удавалось найти узкого специалиста, но больше всего по церковной археологии и литургике. Начиная с 1-й ч. 3-го тома (издана в 1913) имя Л. стало указываться на обложке тома в качестве соредатора Каброля.

Несмотря на то что Л. не имел специального образования в области археологии и церковного искусства и никогда не участвовал в раскопках (более того, даже не посещал тех мест и не видел памятников, о к-рых писал), ему принадлежат обобщающие работы «Христианская Африка» (1904) и «Христианская Испания» (1906), а также учебник «Христианские древности от истоков до VIII в.» (1907). Учебник, отличающийся систематичностью изложения, обширной библиографией и по сути подводящий итог исследованиям XIX — нач. XX в., сразу же обрел

популярность и был переведен на нем. язык (неск. раз переиздавался).

В 1907 г. Л. приступил к переводу на франц. язык «Истории Соборов» К. Й. фон Гефеле (*Hefele C. J. Histoire des conciles d'après les documents originaux: Nouvelle traduction française corrigée et augmentée.* P., 1907–1931. Vol. 1–9). Л. дополнял тома новой справочной информацией, своими исследованиями, исправлял ошибки оригинального издания. Именно переводное издание Л. получило наибольшее признание и распространение в научном мире.

Поскольку Л. больше времени проводил в читальном зале б-ки Британского музея (ныне Британская б-ка), чем в своем аббатстве, в 1908 г. он поселился в Лондоне при Итальянском госпитале на Куин-сквер, недалеко от б-ки, а после начала первой мировой войны переехал в монастырь Сестер Сиона в Бейсуотере, где служил в качестве капеллана. С этого времени он практически не покидал Лондон. Ежедневно в 6 часов утра он служил для сестер мессу, затем молился по Бриварию, а с 9 утра и до позднего вечера работал в читальном зале Британского музея. Получив однажды 2-месячный отпуск по состоянию здоровья, Л. провел его в Национальной б-ке в Париже.

Хотя Л. до конца жизни был очень религиозен и негативно отзывался о либеральной теологии и новых критических методах, в 1918 г. против него были выдвинуты обвинения в том, что он вольнодумец и подрывает основы веры. Некий священник из Санса, прочитав статью в DACL о святых Потенциане и Савиниане, пожаловался еп. Шартра А. Л. Буке († 1926), что автор статьи, сомневающийся в подлинности житийной традиции, низводит литургические книги до уровня «фантазии, анекдота и шутки» (*Byrnes J. F. Catholic and French Forever: Religious and National Identity in Modern France.* Univ. Park (Pa), 2005. P. 117). После жалобы епископа в Рим Л. как автору статьи и попустительствовавшему ее публикации Кабролю было вынесено строгое предупреждение, чтобы они впредь не смущали верных, не нарушали церковный мир и не покушались на древнюю традицию почитания.

Работая над томами о мучениках периода Французской революции, Л. углубился в новую, но, вероятно,

интересовавшую его с юности тему истории французского абсолютизма. Написанная им 11-томная «История заката и падения французской монархии» (выходила с 1921 по 1940) была удостоена наград Французской академии (в частности, премии А. Тьера в 1922 и большой премии барона Н. Гобера в 1930), в 1935 г. Л. был награжден крестом Почетного легиона за патриотизм.

В 1922 г. новый аббат Солема Жермен Козьен, при к-ром произошло возвращение общины в материнскую обитель, вероятно, решив восстановить дисциплину, в числе прочего обратил внимание на образ жизни Л., к-рый много лет нарушал один из главных принципов Устава Бенедикта — постоянное пребывание в обители. В результате в 1924 г. Л. покинул Солемскую конгрегацию и был принят в клир Вестминстерского диоцеза архиепископом кард. Ф. А. Бурном. Однако, чтобы сохранить принадлежность Л. к бенедиктинскому ордену и титул ученого-монаха «Dom», его приписали в качестве облата к солемскому приорату (с 1925 аббатству) Сент-Мари-де-Пари.

Лишившись поддержки со стороны аббатства Фарнборо, Л. смог продолжать научную деятельность только благодаря тому, что находился на полном пансионе у конгрегации Сестры Сиона. После смерти Каброля в 1937 г. Л. взял на себя подготовку очередных томов DACL (выпустил полностью 13-й т. и 1-ю ч. 14-го т.). В связи с началом второй мировой войны работа над энциклопедией замедлилась (после смерти Л. издание завершил А. И. Марру). В последние годы Л. работал над биографией Ж. Мабильона, к-рая стала развитием его статьи для DACL. Книга была издана посмертно и считается одной из наиболее полных биографий ученого.

Соч.: Les martyrs: Recueil des pièces authentiques sur les martyrs depuis les origines du christianisme jusqu'au XXe siècle. P., 1902–1924. 15 vol.; L'Afrique chrétienne. P., 1904. 2 vol.; L'Espagne chrétienne. P., 1906; Manuel d'archéologie chrétienne depuis les origines jusqu'au VIIIe siècle. P., 1907. 2 vol.; Histoire du déclin et de la chute de la monarchie française: Ser. P., 1921–1940. Vol. 1–11; Saint-Benoît-sur-Loire: Les reliques, le monastère, l'église. P., 1925; Mabillon. P., 1953–1957. 2 vol.

Лит.: Klausner Th. Henri Leclercq, 1869–1945: Vom Autodidakten zum Kompilator grossen Stils. Münster, 1977; Joassart B. Henri Leclercq et les Bolandistes: Querelle autour des «Martyrs» // AnBoll. 2003. Vol. 121. P. 108–136; Maldonado P. C. Contribución a la Historiografía

del Cristianismo hispano de la Antigüedad Tardía: Anotaciones marginales en un medio jesuítico a «L'Espagne Chrétienne» de Dom H. Leclercq // Hispania Sacra. Madrid, 2007. Vol. 59. N 120. P. 613–631.

А. А. Ткаченко

ЛЁКСИНСКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВО — см. *Выголексинское общежителство*.

ЛЕКЦИОНАРИЙ, литургическая книга, содержащая чтения из Свящ. Писания, расположенные в соответствии с порядком их использования в богослужении, который определяется *лекционарной системой*. В христианских литургических традициях (византийской, римской, сирийской, коптской и т. д.) известны Л. 2 основных типов: ветхозаветные и новозаветные (последние представлены богослужебными *Апостолом* (Эпистолярием) и *Евангелием* (Евангелиарием, Евангелистарием). В некоторых традициях существуют Л. смешанного типа (напр., в римской — Л. мессы и Л. оффиция, содержащие по порядку все чтения мессы и служб суточного круга соответственно; в копт. традиции Л. («Катамарус») разделен на тома, соответствующие периодам литургического года, и содержит чтения из ВЗ и НЗ для всех служб).

Греческий ветхозаветный Л. Визант. Л., содержащий ветхозаветные чтения, назывался Профитологием (в слав. литургической традиции — паримийник). Профитологий в отличие от новозаветного Л. начинался с Рождества Христова, праздники годового подвижного и неподвижного кругов в нем не были разделены. Отличие структуры Профитологии от структуры визант. новозаветных Л. послеиконоборческого периода и структуры Типикона Великой ц., с одной стороны, и совпадение ее со структурами древних иерусалимского Л. и рим. Л., которые начинались с Рождества Христова и в которых не были разделены подвижная и неподвижная части богослужебного года, с др. стороны, указывают на зависимость структуры Профитологии от структуры визант. Л. доиконоборческого периода. Подробнее см. ст. *Профитологий*.

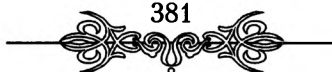
Греческий новозаветный Л. Всего известно более 2400 греч. рукописей Л. Самые ранние образцы Л. сохранились в рукописях V–VII вв. (P2, P3, P6, P34, P44, I1043, I1347,

I1354 и др.), но из-за фрагментарности сделать к.-л. выводы на их основании невозможно. К-польский Л. доиконоборческого периода, к-рый содержал новозаветные и/или ветхозаветные чтения, расположенные в соответствии с визант. лекционарной системой доиконоборческого периода, не сохранился. Вероятно, его структура была похожа на структуру визант. Профитологии.

Визант. Л. послеиконоборческого периода содержал либо ветхозаветные, либо новозаветные (апостольские или евангельские) чтения, определявшиеся лекционарной системой послеиконоборческого периода. Лекционарии, содержащие евангельские или апостольские чтения, состояли из 3 разделов: 1) синаксарий, содержащий чтения подвижной части годового круга богослужения; 2) менологий, содержащий чтения неподвижной части годового круга; 3) дополнительные чтения (общие чтения, чтения «на разные потребности» и т. п.).

В зависимости от состава синаксарного раздела различаются: воскресные Л. (лк от греч. κυριακή), содержащие воскресные чтения; субботне-воскресные Л. (lsk от греч. σαββατοκυριακή), содержащие субботние и воскресные чтения; краткие Л., содержащие субботние и воскресные чтения; седмичные чтения в период от Пасхи до Пятидесятницы (тип *lesk* от греч. ἑβδομάδες + σαββατοκυριακή); полные лекционарии (тип *le*), содержащие субботние и воскресные чтения, а также седмичные чтения в период от Пятидесятницы до подготовительных недель Великого поста. Кроме того, существовал особый праздничный Л. (lsl от лат. selectae — избранные [чтения]), содержащий чтения на главные праздники.

В комплекторных частях полных евангельских Л. (*le*) седмичные чтения из Евангелия от Марка обычно разделялись на 2 части, одна из которых читалась в период от Пятидесятницы до Нового лета после седмичных чтений из Евангелия от Матфея, а другая — в период от Нового лета (понедельника по Воздвижению) до Великого поста после седмичных чтений из Евангелия от Луки, однако в периферийных регионах визант. литургической традиции один и тот же набор седмичных чтений из Евангелия от Марка мог использоваться в комплекторных

частях в период чтения и Евангелия от Матфея, и Евангелия от Луки.

Формирование как апостольских, так и евангельских Л. типа *lesk* и типа *le* происходило на основе новозаветных текстов, расположенных в традиц. порядке следования, и лекционного указателя.

В славянской литургической традиции для обозначения новозаветного Л. использовался термин «апракос» (от греч. ἀπρακτος — нерабочий, т. е. выходной, праздничный). Соответственно различаются полные апракосы, краткие апракосы и различного типа сверхкраткие апракосы (в т. ч. субботне-воскресные и воскресные). Наиболее известными представителями слав. апракосов являются *Остромирово Евангелие* 1056 г. (краткий апракос), *Мстиславово Евангелие* нач. XII в. (полный апракос с обычным распределением седмичных чтений) и *Мирославово Евангелие* кон. XII в. (полный апракос с особым распределением седмичных чтений).

В совр. практике РПЦ и Церквей, зависящих от рус. богослужбной традиции, в отличие от греч. Церквей вместо апракосов используются литургические книги с непрерывным текстом — Праксапостол (греч. Πραξαπόστολος) и Четвероевангелие, или Евангелие-тетр (греч. Τετραεὐαγγέλιον), оснащенные **лекционным аппаратом** с указателем чтений.

О Л. в др. литургических традициях см. в статьях о соответствующих обрядах.

Лит.: Prolegomena to the Study of the Lectionary Text of the Gospels / Ed. E. C. Colwell, D. W. Riddle. Chicago, 1933; *Höeg C., Zuntz G.* Remarks on the Prophetologion // *Quantulacumque: Studies presented to K. Lake.* L., 1937. P. 189–226; *Zuntz G.* Das byzantinische Septuaginta-Lektionar ('Prophetologion') // *Classica et mediaevalia.* 1956. Vol. 17. P. 183–198; *Wikgren A. P.* Chicago Studies in the Greek Lectionary of the New Testament // *Biblical and Patristic Studies in Memory of R. Pierce Casey* / Ed. J. Neville Birdsall, R. W. Thomson. Freiburg, 1963. P. 96–121; *Junack K.* Zu den griechischen Lektionaren und ihrer Überlieferung der Katholischen Briefe // *Die alten Übersetzungen des Neuen Testaments, die Kirchenväterzitate und Lektionaie* / Hrsg. K. Aland, B., 1972. S. 498–591; *Burns Y.* The Historical Events that occasioned the Inception of the Byzantine Gospel Lectionaries // *JÖB.* 1982. Bd. 32/4. S. 119–127; *eadem.* The Lectionary of the Patriarch of Constantinople // *StPatr.* 1984. Vol. 15. P. 515–520; *Patras D.* The Gospel Lectionary in the Byzantine Church // *SVTQ.* 1997. Vol. 41. P. 113–140; *Пентковский А. М.* Лекционарии и Четвероевангелие в визант. и слав. литург. традициях // *Евангелие от Иоанна в слав. традиции.* СПб., 1998. С. 3–54 (отд. пар.); *Osburn C. D.* The Greek Lectionaries of the New

Testament // *The Text of the New Testament in Contemporary Research* / Ed. B. D. Ehrman, M. W. Holmes. Leiden, 2013². P. 93–113.

А. М. Пентковский

ЛЕКЦИОНАРНАЯ СИСТЕМА, в христ. богослужении регламентация набора и распределение чтений Свящ. Писания в течение *года церковного*. Л. с. отражает и одновременно определяет содержание и структуру *лекционария* и лекционных указателей. Регулярное чтение Свящ. Писания за богослужением является одной из древнейших церковных традиций. До IV в. была распространена практика последовательного чтения текста (т. н. lectio continua) без разделения на перикопы. Формирование Л. с. происходило в процессе развития богослужения в крупных церковно-административных центрах Римской империи, поэтому Л. с. является уникальной характеристикой региональной литургической традиции в определенный исторический период. Соответственно различаются Л. с. таких центров, как К-поль, Иерусалим, Рим, Антиохия и Александрия, а также Л. с. в каждом из них, но в различные периоды (подробнее см. в статьях о соответствующих обрядах).

Византийская Л. с. неразрывно связана с историей *византийского богослужения*. Сведения о Л. с. доиконоборческого периода отсутствуют, т. к. визант. лекционарии и лекционные указатели этого периода не сохранились. Л. с. послеиконоборческого периода зафиксирована в Типиконе Великой ц. и отражает принятое в послеиконоборческий период разделение богослужбного года на 2 части — подвижную, которая начиналась с праздника Пасхи и заканчивалась в Великую субботу, и неподвижную, к-рая начиналась 1 сент. и заканчивалась 31 авг. Основу распределения чтений в Л. с. послеиконоборческого периода составляла последовательность субботних и воскресных новозаветных чтений в подвижной части богослужбного года. В период от Пасхи до Пятидесятницы Л. с. содержала субботние и воскресные чтения из Евангелия от Иоанна; затем от Пятидесятницы до Нового лета (23 сент.) — из Евангелия от Матфея; от Нового лета до Великого поста — из Евангелия от Луки; в Великий пост — из Евангелия от Марка. Указанное распределение субботних и воскресных

евангельских чтений определяло выбор седмичных чтений (с понедельника по пятницу).

Последовательности субботних, воскресных и седмичных чтений формировались независимо друг от друга. Система седмичных чтений не связана с системой субботних и воскресных чтений, которые прерывают последовательность евангельского и апостольского текстов в седмичных чтениях. Принцип последовательного чтения отсутствует и в парах субботнего и воскресного чтений, что указывает на отсутствие связей между набором субботних чтений и набором воскресных чтений.

Для периода от Пасхи до Пятидесятницы седмичные чтения заимствовались из Евангелия от Иоанна, а в период от Пятидесятницы до Великого поста — из Евангелия от Матфея, Луки и Марка, т. к. в период Великого поста седмичные чтения отсутствовали. В период от Пятидесятницы до Нового лета полагаются седмичные чтения из Евангелия от Матфея и начинаются седмичные чтения из Евангелия от Марка, а от Нового лета до Великого поста читаются седмичные чтения из Евангелия от Луки и завершаются седмичные чтения из Евангелия от Марка. Однако в визант. традиции существовало особое распределение седмичных чтений, при котором один и тот же набор седмичных чтений из Евангелия от Марка предназначался и для периода от Пятидесятницы до Великого поста. Апостольские чтения в период от Пасхи до Пятидесятницы заимствовались из Деяний Апостолов, от Пятидесятницы до Великого поста — из апостольских Посланий, а в субботу и воскресения Великого поста читалось Послание к Евреям.

Формирование Л. с., содержавшей седмичные чтения только для периода от Пасхи до Пятидесятницы, а затем только субботние и воскресные чтения (тип *esk*), было связано с кафедральным богослужением (такая система зафиксирована в Типиконе Великой ц.).

Л. с., содержащая седмичные чтения в период от Пятидесятницы до Великого поста (тип *e*), связана с монастырским киновиальным богослужением, где в указанный период ежедневно литургия совершалась и соответственно читались апостольские

и евангельские чтения. Различие наборов евангельских чтений для седмичных частей в визант. Л. с. типа е показывает, что дополнение Л. с. типа еск до типа е происходило в различных регионах Византийской империи, причем особое распределение седмичных чтений, при к-ром чтение из Евангелия от Марка повторялось, имело периферийное происхождение.

Ветхозаветные чтения, входившие в состав Л. с. послеиконоборческого периода и зафиксированные в Типиконе Великой ц., предназначались в большинстве случаев для чтения за вечерним богослужением и составляли ок. 15% от общего объема ветхозаветного текста. Принцип последовательного чтения был использован только в период Великого поста в чтениях из книг Бытие, Притчи и Книги прор. Исаии.

А. М. Пентковский

Современная Л. с. РПЦ основана на визант. Л. с. Ее основы сформулированы в особых статьях богослужебных Евангелия и Апостола, а также в указаниях Типикона. Порядок рядовых литургийных чтений на каждый день церковного года отражается в статьях богослужебного Евангелия, собранных в «Сказании еже како на всяк день должно есть чести Евангелие седмиц всего лета» и «Сказании Евангелий святых четыредесятницы и страстных седмицы», а также в статьях богослужебного Апостола, входящих в «Сказание о антифонах и прокимнах: и еже како на всяк день должно есть чести апостол в седмицах всего лета» и «Последование святых четыредесятницы, субботам и неделям святого великаго поста». Эти статьи регламентируют порядок ежедневных литургийных чтений из Евангелия и Апостола в период от Пасхи до *Сыропустной недели*, а также для суббот и воскресений 6 седмиц Великого поста и для служб *Страстной седмицы* (с Великого понедельника по *Великую субботу*). В целом распределение чтений отдельных Евангелий по периодам года идентично визант. Л. с.

Евангельский «столп» (т. е. весь цикл рядовых чтений) начинается с Евангелия от Иоанна (хотя в богослужебном Евангелии тексты располагаются в стандартном порядке: от Матфея, Марка, Луки, Иоанна; каждое Евангелие имеет собственную нумерацию зачал в отличие от

Апостола, где нумерация зачал сквозная), к-рое читается в период от Пасхи до Пятидесятницы включительно, за исключением 3 дней: вторника Светлой седмицы, когда назначается Лк 23. 12–35; *Жен мироносиц недели*, когда читается Мк 15. 43–16. 8; четверга 6-й седмицы по Пасхе, в к-рый празднуется *Вознесение Господне* и читается Лк 24. 36–53.

Евангелие от Матфея начинают читать в понедельник после Пятидесятницы (в понедельник Св. Духа, или Духов день) и заканчивают в пятницу по Крестовоздвижению. Субботние и воскресные зачала из Евангелия от Матфея рассчитаны на 17 недель. Евангелие от Матфея читается с понедельника по пятницу каждой седмицы в течение 11 недель после Пятидесятницы; в остальные седмицы до пятницы по Крестовоздвижению включительно читается 1-я половина Евангелия от Марка (до Мк 12. 12, зачало 42), т. к. зачал из Евангелия от Матфея для седмичных дней 17 седмиц не достаточно. Но в случае когда Пасха была слишком ранняя, т. е. пятница по Крестовоздвижению приходится позже 17 седмиц по Пятидесятнице, для седмичных дней не хватает также назначенных зачал из Евангелия от Марка — в таком случае делается т. н. отступка, т. е. приходится возвращаться к уже прочитанным зачалам из Евангелия от Матфея и прочитывать их повторно: необходимо отсчитать требуемое количество зачал из Евангелия от Матфея из числа тех, что читались последними в седмичные (но не субботние и не воскресные) дни 11-й седмицы (подробнее см.: *Никольский. Устав. С. 399–400; Розанов. Устав. С. 332–333*).

Евангелие от Луки начинают читать с понедельника 18-й седмицы по Пятидесятнице (т. е. сразу после воскресенья по Крестовоздвижению), а не как в визант. Л. с. — с Нового лета, 23 сент. (в рус. традиции Новолетие 23 сент. не празднуется, хотя понедельник 18-й седмицы по Пятидесятнице выпадает на ближайшие числа к 23 сент.). Чтение Евангелия от Луки по субботам и воскресеньям заканчивается в 32-ю неделю по Пятидесятнице; седмичные зачала из Евангелия от Луки предусмотрены на период до пятницы 29-й седмицы включительно. Начиная с понедельника 30-й седмицы в седмичные дни читается Евангелие от Марка (чтение Евангелия

от Луки по субботам и воскресеньям продолжается). В те годы, когда Пасха ранняя, а Пасха следующего года будет поздняя, обычно не хватает седмичных чтений до *Мытаря и фарисея недели* (с к-рой начинается собственный ряд субботних, воскресных и седмичных чтений), поэтому приходится делать т. н. Богоявленскую отступку. Отступка делается следующим образом: предварительно выясняют, для скольких седмиц не хватит чтений от пятницы 33-й седмицы по Пятидесятнице до понедельника по неделе Мытаря и фарисея (максимально возможное количество седмиц, для которых может не хватить чтений, — 5); затем в евангельском «столпе» отсчитывают назад полученное число седмиц от Мясопустной недели: из чтений, назначаемых на эти седмицы, формируется новый ряд чтений (от понедельника последней из отсчитанных седмиц и до пятницы перед Мясопустной неделей); этот новый ряд начинают читать в понедельник, следующий за неделей по Богоявлению; если седмичных чтений оказывается больше, чем нужно, начатый новый ряд до конца не доводится, но прерывается перед неделей о Мытаре и фарисее (подробнее см.: *Розанов. Устав. С. 328–331*). Воскресных чтений из Евангелия от Луки может не хватить лишь в год, состоящий из 55 недель (самый длинный из возможных): в таком случае в воскресенье, предшествующее 32-й неделе по Пятидесятнице (на которую назначается чтение Лк 19. 1–10 (о Закхее, зачало 94), т. е. за 2 воскресенья до недели Мытаря и фарисея, следует читать Мф 15. 21–28 (о Хананеянке, зачало 62, назначаемое в 17-ю неделю по Пятидесятнице) (также см.: *Розанов. Устав. С. 328*).

Евангелие от Марка читается в субботы и воскресенья Великого поста; в седмичные дни зачала из Марка читают в соответствующие периоды после прочтения седмичных зачал, назначаемых из Евангелия от Матфея и Евангелия от Луки.

Рядовые чтения из Апостола также следуют визант. Л. с.: от Пасхи до Пятидесятницы воскресные, субботние и седмичные чтения назначаются из Деяний; с понедельника по Пятидесятнице начинают читать Послания, но не Соборные, а Павла (хотя по ряду в Апостоле за Деяниями следуют именно Соборные Послания): в воскресенья и субботы

всего года читают только Послания ап. Павла, а в седмичные дни после прочтения всех Посланий ап. Павла читают Соборные Послания. Правила «отступок» также распространяются на Апостол.

В Л. с. помимо рядовых входят также особые чтения. Они отражены в статьях богослужебного Евангелия и Апостола под названием «Сборник двенадцати месяцев», а также в 48-й главе Типикона (Месяцеслов). Особые чтения назначаются: 1) в отдельные субботы и воскресенья перед нек-рыми праздниками и после них (Крестовоздвижение, Рождество Христово и Богоявление); 2) в отдельные Недели, посвященные празднованию особых дней памяти (напр., память отцов 6 Вселенских Соборов, совершаемая в воскресенье, ближайшее к 16 июня, Неделя праотец и др.); 3) на дни памяти святых и праздники — в Типиконе особые Евангелия и Апостол назначаются для дней памяти, предполагающих совершение службы со статусом шестеричной и выше (см. ст. *Знаки праздников месяцеслова; Никольский. Устав. С. 406–411; Розанов. Устав. С. 321–322*).

В случае совпадения рядового и особого чтений на литургии читают, как правило, оба зачала, но в отдельных случаях одно из этих зачал может опускаться или переноситься, быть прочитанным накануне как «под зачало», т. е. примыкать к основному чтению дня, но не выделяться паузой или интонацией. Подобные случаи регламентируются указаниями 48-й главы Типикона (см.: *Розанов. Устав. С. 322–327, 336–339; Никольский. Устав. С. 407–411*). «Под зачала» появляются также в те дни, когда на литургии назначаются 3 зачала (как правило, в таком случае при чтении 2-е зачало примыкает к 1-му), поскольку Типикон на литургии допускаются только 2 чтения.

Л. с. также регламентирует чтение Евангелия на утрени воскресных и праздничных дней. Набор («столп») воскресных утренних Евангелий состоит из 11 зачал (см. ст. богослужебного Евангелия «Евангелия утреннего воскресная»): 1 зачало из Евангелия от Матфея, 2 — от Марка, 3 — от Луки и 5 — от Иоанна. Ряд воскресных утренних Евангелий начинается во *Всех святых неделю*. По прочтении всех 11 зачал «столп» повторяется — так в течение всего года (за исключением воскресений

периода Пятидесятницы). Воскресное Евангелие отменяется лишь в случае, когда на воскресенье попадает двенадцатый или храмовый праздник, в этом случае на утрени читается Евангелие праздника.

Утренние Евангелия предусмотрены также для праздников, в к-рые Типикон назначает службу со статусом полиелея и выше (см. ст. *Знаки праздников месяцеслова*): в эти дни указание на евангельское зачало, которое следует читать, помещено в Типиконе в указаниях для конкретного дня, а также в статье богослужебного Евангелия «Сборник двенадцати месяцев». На утрени в отличие от литургии евангельское чтение всегда одно.

Л. с. охватывает также чтение Свящ. Писания ВЗ — прежде всего чтение книг Бытие, Притчи и Книги прор. Исаии на вечернях и 6-м часе будних дней Великого поста (см. в ст. *Великий пост*), а также ветхозаветные чтения служб Страстной седмицы (см. также в статьях: *Великие понедельник, вторник, среда; Великий четверг; Великая пятница; Великая суббота*) и *паремии* двенадцатых праздников. Совр. Л. с. этих дней также восходит к визант. прототипу.

Е. Е. Макаров

Лит.: *Rahfs A. Die alttestamentlichen Lektionen der griechischen Kirche. В., 1915. (Mitt. d. Septuaginta-Unternehmens; 1/5); Baumstark A. Die Sonntägliche Evangelienlesung im Vorbyzantinischen Jerusalem // BZ. 1929/1930. Bd. 30. S. 350–359; Kniazeff A. La lecture de l'Ancien et du Nouveau Testament dans le rite byzantin // La prière des heures. P., 1963. P. 201–251; Gy P.-M. La question du système des lectures de la liturgie byzantine // Miscellanea liturgica in onore di sua eminenza il Card. G. Lercaro. R., 1967. Vol. 2. P. 251–261; Zeffass R. Die Schriftlesung im Kathedraloffizium Jerusalem. Münster, 1968; Mateos. Célébration. 1971. P. 127–147; Barrois G. Scripture Readings in Orthodox Worship. N. Y., 1977; Burns Y. The Greek Manuscripts connected by their Lection System with the Palestinian Syriac Gospel Lectionaries // Studia Biblica. 1980. Vol. 2. P. 13–28; La lecture liturgique des Épitres catholiques dans l'Église ancienne / Ed. Chr.-B. Amphoux, J.-P. Bouhot. P.; Lausanne, 1996; *Пентковский А. М. Лекционарии и Четвероевангелия в визант. и слав. литург. традициях // Евангелие от Иоанна в слав. традиции. СПб., 1998. С. 3–54 (отд. пар.); Engberg S. G. The Prophetologion and the Triple-lection Theory: The Genesis of a Liturgical Book // BollGrott. Ser. 3. 2006. Vol. 3. P. 67–92.**

ЛЕКЦИОНАРНЫЙ АППАРАТ, вспомогательные паратекстуальные элементы, маргинальные пометы и др. знаки в рукописях и печатных книгах Свящ. Писания, облегчаю-

щие его чтение, использование за богослужением, изучение и понимание.

Происхождение и состав Л. а. Истоки Л. а. лежат в античной книжной культуре. Особое значение для его развития имела александрийская филологическая традиция собирания, изучения и издания корпусов текстов древних поэтов и философов. Эволюция Л. а. происходила параллельно с переходом от свитка к кодексу как основному типу книги. Если при чтении свитка используется т. н. панорамное чтение, когда глаз беспрепятственно переходит от одного столбца текста к другому, то при использовании кодекса возможно только «фрагментированное» чтение в пределах видимого на одной странице, поэтому читателю кодекса требуются дополнительные ориентиры.

Деление текста в свитках исчерпывалось использованием пробелов и отступов. Позже в греч. традиции появился знак параграфа (греч. *παράγραφος*) — сплошная или прерывистая горизонтальная черта (по отношению к библейским текстам впервые встречается в нек-рых кумран. свитках). Для облегчения работы переписчика со свитком и для удобства заказчика копии текст произведения разбивался на небольшие отрезки (стихи). Изначально один стих (*στίχος*) равнялся строке гекзаметра (16 слогов). Такое деление использовалось и в прозаических текстах. Стихотметрия позволяла сверять объем копии и оригинала, производить расчеты с писцом за выполненную работу, а также идентифицировать произведение, если существовали другие тексты с похожими названиями или того же автора. Нумерации стихов в самом тексте не было, указывалось только их общее количество. При переходе на формат кодекса, когда копирование текста стало осуществляться по тетрадам, вместо пересчета стихов стали ориентироваться на законченные в смысловом отношении единицы текста неравной длины (*στίχῃδόν* или *στίχῃρόν*).

В свитках название сочинения и имя автора обычно указывали в самом конце книги. Поскольку максимальный объем свитка ограничен, а кодексы могут иметь гигантские размеры и включать разные сочинения неск. авторов, для работы с кодексами были введены дополнительные элементы, в частности рубрики,

указывающие начало книги или тома, слова, главы (κεφάλαια; лат. capitula) или ее подразделов (ὑποτίτρεσις). В начале произведения или перед каждой его книгой стали помещать оглавления или перечни глав с указанием краткого содержания текста (τίτλοι, breves causae). Главы нумеровались на полях (греч. буквами, имеющими числовое значение, в лат. традиции — рим. цифрами). Начало нового раздела стали отмечать заглавной буквой (ἐκθεσις).

Для удобства читателей текст мог дополняться системой прологов и кратких содержаний (греч. ὑπόθεσις; лат. argumentum), в к-рых приводились основные сведения об авторе и обстоятельствах написания книги и излагались главные темы или мысли всего сочинения или отдельных его частей.

В отношении текстов Свящ. Писания (в частности, НЗ) элементы Л. а. первым стал вводить, видимо, Маркион, составивший корпус Павловых Посланий и отредактировавший текст Евангелия. Однако наибольшее значение для последующей традиции имела деятельность Оригена и основанного им первого христианского скриптория-библиотеки. Наследником этой традиции в IV в. стал скрипторий-библиотека сщмч. Памфила († 309/10) в Кесарии Палестинской, получивший поддержку из средств имп. казны на изготовление копий или подготовку полных сводов библейских книг (συνάπτον; сопрога).

Результатом деятельности скриптория стало появление унциальных кодексов, включающих полный текст Библии; сохранившиеся до настоящего времени Ватиканский и Синайский (возможно, и Александрийский, хотя это т. зр. меньшинства исследователей) кодексы созданы в этом скриптории.

В Ватиканском кодексе представлены неск. систем деления библейских книг на главы. В частности, деление Евангелий на главы отличается от основной массы средневеков. греческих рукописей большей дробностью (Мф — 170 глав, Мк — 62, Лк — 152, Ин — 50 глав). Более распространенная система представлена в Александрийском кодексе (Мф — 68 глав, Мк — 48, Лк — 83, Ин — 18 глав). Отличительная черта этой системы — начальные главы 4 Евангелий не имеют номера и отмечаются как «вступление» (προό-

μιον). При этом обе системы не имеют литургического назначения.

Кн. Деяния св. апостолов в Ватиканском кодексе имеет 2 системы деления — на 36 глав (видимо, более древняя) и на 69 глав (она же представлена в Синайском кодексе). В большинстве же греч. рукописей эта книга делится на 40 глав; некоторые главы содержат подразделы, всего их насчитывается 48 (в последующей традиции различие между главами и подразделами стерлось, что привело к их объединению, и т. о. глав стало 88).

Деление апостольских Посланий в Ватиканском кодексе также представлено 2 системами: сплошной (на ее архаичность указывает сбой в нумерации: при последовательном подсчете Послание к Евреям должно было находиться после Послания к Галатам, а не в самом конце) и размечающей каждое послание на главы (Иак — 5 глав, 1 Петр — 3; 2 Петр — 2; 1 Ин — 3; 2 Ин — 2; 3 Ин и Иуд без деления, Рим — 8; 1 Кор — 11; 2 Кор — 8 (1 и 2 Кор имеют сплошную нумерацию); Гал — 4; Еф — 3; Флп — 2; Кол — 3; 1 Фес — 2; 2 Фес — 2; для Евр нумерация полностью не сохранилась, только Евр 9. 1 отмечено как начало гл. 5).

В визант. традиции кн. Откровение Иоанна Богослова преимущественно копировалась отдельно от др. библейских книг и имела деление, введенное Андреем Кесарийским, на 24 слова (по числу старцев в Откр 4. 4), при этом каждое слово делилось на 3 главы.

Истоки деления на главы, принятого в совр. печатных изданиях Библии, лежат в лат. традиции. В каролингскую эпоху получила распространение система деления на главы, разработанная Алкуином (в ее основе деление, которое встречается уже в Амиатинском кодексе Библии). В частности, в каролингских Библиях Евангелие от Матфея имеет 28 (или 30) глав, Евангелие от Марка — 13 (или 12), Евангелие от Луки — 20, Евангелие от Иоанна — 14 глав. Схема Алкуина была скорректирована на рубеже XII и XIII вв. Обычно этот процесс связывают с именем архиеп. Стефана Лангтона († 1228) и становлением Парижского ун-та (одни исследователи полагают, что последовательное применение аристотелевского метода привело к делению текста не по смыслу, а на примерно равные отрезки, в т. ч.

для удобства преподавания и ориентирования в тексте; другие отмечали широкое распространение в этот период частного чтения Свящ. Писания, последовательного, в отличие от лекционной системы). Однако более детальное изучение рукописей показало, что новая система была известна до Лангтона в аббатстве Сент-Олбан, а ее закрепление связано с трудами кард. Луго Сен-Шерского. Окончательная унификация произошла после Тридентского Собора. В греч. НЗ система Лангтона была перенесена издателем Р. Стефанусом (Этьенном). С его именем связано также введение нумерации не только для глав, но и для стихов (нумеровать стихи впервые стали в сер. XV в. в евр. тексте Библии, при этом обычно отмечался только каждый 5-й стих).

Особый элемент Л. а. — т. н. Аммониевы главы и каноны Евсевия (или аппарат Евсевия). Деление текста на параграфы связывают с именем Аммония Александрийского, составившего в III в. евангельскую гармонию (считается утерянной). Число Аммониевых глав в рукописной традиции колеблется (в среднем Мф имеет 355 глав, Мк — от 233 до 241 (в зависимости от окончания), Лк — 342, Ин — 232). На основании этой нумерации Евсевий Кесарийский составил 10 таблиц, в к-рых отмечены параллельные и уникальные места в Евангелиях. Правила использования описаны им в соч. «Послание к Карпиану», к-рое в средневеков. рукописях традиционно переписывали вместе с таблицами (хотя на практике их перестали использовать очень рано, что постепенно привело к повреждению аппарата, к-рый сохранил исключительно декоративное значение).

Система прологов более разнообразна в лат. традиции (известны т. н. антимаркионитские прологи к Евангелиям, маркионитские прологи к Павловым Посланиям, каноны Присциллиана к Павловым Посланиям, Прологи блж. Иеронима Стридонского; подробнее см. в ст. *Прологи*).

На Востоке большее распространение получил т. н. аппарат Евфалия. Идентификация личности *Евфалия* и оригинальный состав его издания остаются предметом научных дискуссий. Часть исследователей считали Евфалия егип. клириком (александрийским диаконом), жившим в IV—

V вв. (Л. А. Дзакканьи, И. Я. Ветштейн, Ф. Конибир). Другие отождествляли с епископом г. Сулки (Сардиния), жившим в VII в. (Г. фон Зоден, В. Буссе). Однако против этой гипотезы говорит то, что аппарат Евфалия встречается в рукописях с готским переводом Вульфилы. Возможно, епископ г. Сулки подготовил 2-е издание Евфалиева аппарата. Существует также гипотеза, что имя Евфалий является случайно или намеренно искаженным именем Евагрий. Сторонники этой гипотезы отождествляют создателя аппарата с Евагрием Понтийским (А. Эрхард) или Евагрием Антиохийским (Дж. А. Робинсон, Дж. Н. Бердсалл). Однако в самом аппарате, прежде всего в прологах, никаких еретических идей не встречается.

Хотя ни одна из рукописей не сохранила Евфалиево издание в первоначальном виде, совр. исследователи сходятся в том, что Евфалием было подготовлено 2-томное собрание (позже объединенное в 1 том), включавшее 14 Павловых Посланий (Евр находилось после 2 Фес) и кн. Деяния св. апостолов с Соборными Посланиями. Каждому тому предшествовали предисловия в форме посвячительного письма. Тексты были снабжены титулами, перечнями глав, прологами, на полях отмечались цитаты из ВЗ. В нек-рых рукописях встречается колофон, в котором сообщается, что Евфалий слыл рукописи кн. Деяния и тексты Соборных Посланий с лучшими копиями в 6-ке Кесарии Палестинской (видимо, не случайно перечень глав в конце кн. Деяний в самой ранней рукописи, имеющей Евфалиев аппарат (Н 015, VI в.), совпадает с делением Ватиканского кодекса). Отдельные элементы аппарата несомненно существовали до издания Евфалия, поскольку встречаются независимо от него. Помимо греческой, аппарат Евфалия сохранился в сирийской, армянской, грузинской традициях, а также частично в готской, латинской и славянской.

В рукописях и печатных изданиях греч. и слав. текста Четвероевангелия каждой книге часто предшествуют тексты Житий евангелистов, надписанные именами сщмч. Дорофея Тирского, свт. Софрония Иерусалимского или блж. Иеронима, и прологи, заимствованные из трудов свт. Феофилакта Болгарского и свт. Иоанна Златоуста, а в на-

чале Апостола помещают краткие сведения о 12 апостолах, надписанные именем свт. Епифания Кипрского, и о 70 апостолах под именем сщмч. Дорофея Тирского.

Для богослужебного использования библейский текст делится на зачала (*περικопή*), небольшие, но законченные в смысловом отношении отрывки, к-рые могут быть понятны вне зависимости от их контекста. В совр. правосл. изданиях Евангелие от Матфея делится на 116 зачал, от Марка — на 71, от Луки — на 114, от Иоанна — на 67 зачал, а Деяния св. апостолов и апостольские Послания имеют общее деление на 335 зачал (в действительности на 336, поскольку 68-е зачало отмечено дважды — в 2 Петр 3. 1 и в 1 Ин 1. 1). В греч. рукописях границы зачал отмечаются словами *ἀρχή* (начало) и *τέλος* (конец). Для каждого зачала имеется предшествующая вводная фраза (обычно помещается внизу страницы), уточняющая его контекст (напр.: «Во время оно...») или показывающая, от чьего лица произносится текст и к кому он обращен (напр.: «Рече Господь...», «Братья...»). Последовательность чтения по зачалам определяется с помощью прилагаемых к Евангелию и Апостолу лекционных указателей. Наряду с нумерацией в тексте или в сноске может указываться конкретный день, когда читается данное зачало. Круг чтения евангельских зачал на воскресной утрени называется «столпом». Совр. печатные издания богослужебных Апостола и Евангелия могут иметь дополнительную разбивку на главы и стихи, соответствующую зап. системе Лангтона—Стефануса. Кроме того, в Апостоле на полях сохраняется разметка, соответствующая перечням глав («надписание глав», или «знаменания»), предшествующим каждой книге: Деяния святых апостолов делятся на 40 глав (выделены черным) и 35 подразделов (выделены красным, подразделы имеют не все главы), Послания Иакова — 6 глав и 9 подразделов, 1-е Послание Петра — 6 глав и 7 подразделов и т. д. Перечни глав каждого Евангелия по количеству глав соответствуют александрийской системе (Мф — 68, Мк — 48, Лк — 83, Ин — 18).

А. А. Ткаченко

Лекционный указатель в составе богослужебных книг, к-рые содержат тексты Свящ. Писания, распо-

ложенные в традиц. порядке следования, необходим для использования этих текстов за богослужением. Указатель регламентирует распределение богослужебных чтений в соответствии с *лекционной системой*.

В состав лекционного указателя при служебных Евангелии и Апостоле входят синаксарий, менологий и дополнительные чтения. В зависимости от состава синаксарного раздела различаются краткие указатели (тип *esk*), определявшие субботные и воскресные чтения, а также седмичные чтения в период от Пасхи до Пятидесятницы; полные указатели (тип *e*), определявшие субботные и воскресные чтения, а также седмичные чтения в период от Пятидесятницы до подготовительных недель Великого поста.

В комплекторных частях полных указателей (тип *e*), содержащих евангельские чтения, как и в визант. лекционных послееконоборческого периода, указания седмичных чтений из Евангелия от Марка обычно разделялись на 2 части, одна из которых читалась в период от Пятидесятницы до Нового лета после седмичных чтений из Евангелия от Матфея, а другая — в период от Нового лета (понедельника по Воздвижению) до Великого поста после седмичных чтений из Евангелия от Луки, однако в периферийных регионах визант. литургической традиции один и тот же набор седмичных чтений из Евангелия от Марка мог использоваться в комплекторных частях и в период чтения Евангелия от Матфея, и в период чтения Евангелия от Луки.

А. М. Пентковский

Лит.: *Deveese R.* Introduction à l'étude des manuscrits grecs. P., 1954; *Metzger B. M.* Manuscripts of the Greek Bible: An Intro. to Greek Palaeography. N. Y.; Oxf., 1991²; *Gamble H. Y.* Books and Readers in the Early Church: A History of Early Christian Texts. New Haven; L., 1995; *Method in Unit Delimitation* / Ed. M. C. A. Korpel, J. M. Oesch, S. E. Porter. Leiden; Boston, 2007; История чтения в Зап. мире от Античности до наших дней. М., 2008; *Saenger P., Bruck L.* The Anglo-Hebraic Origins of the Modern Chapter Division of the Latin Bible // *La fractura historiográfica*. Salamanca, 2008. P. 177–202; *Goswell G.* Early Readers of the Gospels: The «Kephalaia» and «Titloi» of Codex Alexandrinus // *JGRChJ*. 2009. Vol. 6. P. 134–174; The Impact of Unit Delimitation on Exegesis / Ed. R. de Hoop, M. C. A. Korpel, S. E. Porter. Leiden; Boston, 2009; *Willard L. Ch.* A Critical Study of the Euthalian Apparatus. B.; N. Y., 2009; *Blomkvist V.* Euthalian Traditions: Text, Transl. and Comment. B.; Boston, 2012; *Meuzer B. M., Эрман Б.* Текстология Нового Завета. М., 2013²; *Royé S.* The Cohesion

(Histoire de Byzance) в серии «Что я знаю?» и небольшая книга «Византийский стиль» (Le style byzantin). В 1945 г. Л. подготовил дипломатическое издание актов мон-ря Кутлумуш на Афоне в серии «Архивы Афона». Изучением и публикацией афонских архивов ученый занимался до конца жизни и руководил работой над этим проектом. Был основателем сб. «Travaux et Mémoires». Параллельно Л. продолжал заниматься визант. (преимущественно церковными) архитектурой и искусством, изучал юридические документы и аграрные вопросы, исследовал монастырские архивы, историю вторжений племен и миграций населения на территории Византии.

В 60-х гг. XX в. сфера интересов Л. сместилась в сторону изучения политической истории, религ. движений и лит. (в т. ч. агиографических) текстов. Он писал об отношении византийцев к античному наследию, об осмыслении эллинизма в культуре средневеков. империи. Итогом многолетней работы стали монография «Первый византийский гуманизм» (Le premier humanisme byzantin: Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. P., 1971), ст. «История павликиан в Малой Азии по греческим источникам» (L'histoire des Pauliciens d'Asie Mineure d'après les sources grecques // ТМ. 1973. Т. 5. P. 1–144), 2-томник «Древнейшие сборники чудес святого Димитрия и проникновение славян на Балканы» (Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balcanes. P., 1979. Т. 1: Le texte; 1981. Т. 2: Comment.). В эпоху, когда на Византию нередко смотрели только как на продолжение Римской империи и гос-во, находящееся в состоянии медленного вырождения, Л. был в числе ученых, утверждавших ее значение как средневеков. державы и необычайную способность адаптироваться к изменениям в окружающем мире (сб. «Пять этюдов о византийском XI столетии» (Cinq études sur le XIe siècle byzantin. P., 1977)).

На родине имя Л. связывается с обложением франц. византистики, после издания его трудов «развернулась интенсивная исследовательская деятельность». По словам его ученика Ж. Дагрона, Л. создал «школу» или об-во ученых и друзей, фран-

цузских и зарубежных, к-рые многим ему обязаны, и «прежде всего определенным понятием о научных взаимоотношениях».

Изд.: Actes de Kutlumus. P., 1945–1946, 1988². 2 vol. (ArAth; 2); Actes de Lavra. P., 1970. Pt. 1: Des origines à 1204; 1977. Pt. 2: De 1204 à 1328; 1979. Pt. 3: De 1329 à 1500; (ArAth; 5, 8, 10) (совм. с: A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssantou); Actes de Saint-Pantélémon. 2 vol. P., 1982. (ArAth; 12) (совм. с: G. Dagron, S. Ćirković).

Соч.: Recherches sur l'histoire et le statut des monastères athonites sous la domination turque: Trois documents du monastère de Kutlumus // Archives d'histoire du droit oriental. Brux., 1948. Vol. 3. P. 411–472 (совм. с: P. Wittek); À propos des origines de l'édifice culturel chrétien // BullAcBelge. Ser. 5. 1948. Vol. 34. P. 306–328; Invasions et migrations dans les Balkans depuis la fin de l'époque romaine jusqu'au VIIIe siècle // RH. 1954. T. 211. N 2. P. 265–308; Recherches sur le régime agraire à Byzance: La terre militaire à l'époque des Commènes // Cah. Civ. Med. 1959. Vol. 2. N 7. 1959. P. 265–281; Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récits» de Kékauménos. Brux., 1960; La Vie ancienne de saint Athanase l'Athonite composée au début du XIe siècle par Athanase de Lavra // Le millénaire du Mont Athos, 963–1963: Études et Mélanges. Chevetogne, 1963. T. 1. P. 59–100; L'Orthodoxie byzantine et l'œcuménisme médiéval: les origines du «schisme» des Églises // Bull. de l'Assoc. G. Budé. Ser. 4. P., 1965. N 2. P. 228–246; Thomas le Slave // ТМ. 1965. Vol. 1. P. 255–297; The Agrarian History of Byzantium from the Origins to the 12th Century: The Sources and Problems. Galway, 1979; Essais sur le monde byzantin. L., 1980; История Византии / Пер.: Т. Пошерстник // На перекрестке цивилизаций. М., 2006. С. 3–104; Первый визант. гуманизм: Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X в. / Пер.: Т. А. Сенина. СПб., 2012.

Лит.: Beck H.-G. Paul Lemerle († 17.7.1989) // BZ. 1989. Bd. 82. S. 531; In memoriam: Paul Lemerle (1903–1989) // REB. 1990. T. 48. P. 337–338; Paul Lemerle, 1903–1989 // ТМ. 1991. Т. 11. P. 2–15 [Библиогр.]; Dagron G. Paul Lemerle: 1903–1989 // www.college-de-france.fr/media/professeurs-disparus/UPL1031_necrolemerle1.pdf [Электр. ресурс].

Т. А. Сенина

ЛЁМКОВЩИНЫ АПОСТОЛЬСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ, особая единица в составе Галицко-Львовской униат. митрополии (Львовской церковной провинции), созданная для лемков Польши; существовала в 1934–1947 гг.

1934–1939 гг. Решение о создании Л. а. а. было обусловлено массовым переходом в Православие лемков-униатов, живших на территории совр. Подкарпатского и Малопольского воеводств Польши. Движение лемков за возвращение в Православие начал в 1911 г. свящ. сщмч. *Максим Сандович*, открывший домовый храм в с. Граб Дуклянского деканата (в Ясельском повете). В 1912 г.

свящ. Максим был арестован, храм закрыт. Несмотря на это, правосл. возрождение постепенно распространилось на др. лемковские села: Оженна, Вишоватка, Длуге, Ждыня. Движение за воссоединение с Православием было подавлено австро-венг. властями в начале первой мировой войны. В сент.—нояб. 1914 г. свящ. Максим и его родственник — симпатизировавший Православию униат. декан Мушинского округа свящ. Петр Сандович — были приговорены к расстрелу военной администрацией; перешедший в Православие свящ. Михаил Юрчакевич из с. Чарна стал узником концлагеря. В янв.—мае 1915 г., когда вост. часть Лемковщины заняли российские войска, была сделана слабая попытка возродить правосл. движение — в Православие перешел униат. свящ. Иосиф Кодельский из с. Тарнавка. После отступления российских войск и начала новой волны репрессий русофильское и тяготеющее к Православию униат. духовенство было выселено, отдельные его представители репрессированы.

Вновь правосл. движение приняло широкий размах после 1926 г. («Тылявская схизма»). Переход лемков в Православие в 20-х гг. XX в. был обусловлен конфликтом между униатским духовенством и местной. Перемышльский еп. Иосафат Коциловский (1917–1947) и его окружение насаждали среди лемков «украинское национальное самосознание», политизировали церковную жизнь. В нояб. 1926 г. группа прихожан в селах Тылява и Тшчана (ныне Кросненского повета) перешла в Православие, протестуя против деятельности униат. свящ. Кирилл Коциловского, двоюродного брата еп. Иосафата, к-рого обвинили в попытках латинизации литургии и «чрезмерной приверженности идеям украинизации». В янв. 1927 г. по резолюции митр. *Дионисия (Валдинского)* в указанных селах были открыты правосл. приходы, 25 мая 1927 г. открыты приходы в с. Крулёва-Руска (ныне Крулёва-Гурна) и Богуши Грыбувского повета Краковского воеводства. Первым руководителем правосл. миссии на Лемковщине стал священник галицкого происхождения Михаил Иваськив, назначенный настоятелем прихода в Тыляве; 18 нояб. 1927 г. он был приговорен к большому штрафу по обвинению в организации столк-

новения в селе с униат. общиной. К 1928 г. в Православие перешли общины храмов в селах Липна, Радоцына Горлицкого повета, Свежова-Руска и Свѣткова-Мала Ясельского повета, был образован правосл. приход в с. Чарна Горлицкого повета, настоятелем которого стал свящ. Михаил Грицай.

Существовал затяжной конфликт между 2 группами лемковских клириков: духовенством проукр. ориентации и духовенством «старорусской» ориентации, к-рому укр. националистические деятели Галичины присваивали ярлыки «русофилов» и «москвофилов». Среди лемков почитались как исповедники священники, ставшие жертвами австро-венг. концлагеря в Талергофе. Сторонники Коциловского называли их «москвофилами» и «российскими агентами». Инициированная Коциловским украинизация церковей Лемковщины, массовое устранение с приходов Лемковщины «старорусски» ориентированных священников, попытки изъять из церковного обихода слово «православный» с заменой его на «правоверный», латинизация богослужения — все это привело к созданию для лемков отдельной церковной единицы во избежание новых переходов духовенства и верных в Православие.

В учреждении Л. а. а. были заинтересованы также польск. власти, к-рые поддерживали представление лемков о себе как об отдельном этносе, желая не допустить распространения в регионе укр. националистических идей. Вопрос о лемковской национальной самоидентификации особенно остро стоял в 1918–1920 гг., когда существовали 2 лемковские республики: проукр. Восточнолемковская Республика с центром в Санок (ныне Подкарпатского воеводства), ставшая частью Западноукраинской Народной Республики, и Русская Народная Республика Лемков с центром в с. Флоринка, декларировавшая свою независимость. В 30-х гг. XX в. дискуссия о национальной идентичности лемков усилилась, причем с т. зр. укр. национал-демократов и националистов сторонники лемковского сепаратизма являлись пособниками властей Польши в проводимой ими политике колонизации Лемковщины. В действительности большинство лемковских клириков придерживалось «старорусской» ориента-

ции, считая себя представителями «лемковско-русинского» этноса.

22 окт. 1932 г. на встрече с папским нунцием в Польше Ф. Мармаджи лемки: свящ. Иоанн Полянский, миряне О. Гнатишак, М. Трохановский, Н. Громосьяк впервые подняли вопрос о выходе лемковских приходов из подчинения Перемышльскому еп. Коциловскому. В июне 1933 г. делегацию лемковского духовенства и мирян принял примас Польши кард. Август Глонд. 22 окт. 1933 г. в с. Крыница (ныне г. Крыница-Здруй Малопольского воеводства) группа лемковских священников и мирян (ок. 1 тыс. чел.) вручила Мармаджи петицию с просьбой об отделении Лемковщины от Перемышльской епархии и о создании отдельного епископства для лемков. Однако папа *Пий XI* не пошел на учреждение отдельной лемковской кафедры, но согласился создать апостольскую администрацию для Лемковщины. Об этом папа объявил 13 янв. 1934 г., принимая в Риме церковную делегацию Лемковщины. Учреждение Л. а. а. было урегулировано 2 документами: заключенной на 10 лет «конвенцией» между Апостольской столицей и правительством Польши от 9 февр. 1934 г. о создании на Лемковщине новой церковной единицы и декретом Конгрегации восточных Церквей «*Quo aptius consuleret animarum*» от 10 февр. 1934 г. В обоих документах был отмечен временный характер администрации, учрежденной «в интересах восточного обряда».

Л. а. а. была непосредственно подчинена папе через апостольского администратора, но формально она оставалась в составе Львовской церковной провинции вост. обряда (Галицкой униат. митрополии). Это особо подчеркнул нунций Мармаджи в письме митр. А. *Шептицкому* от 12 февр. 1934 г. В том же письме нунций указал, что создание Л. а. а. — вынужденный шаг для преодоления «схизматического движения» в условиях, когда еп. Коциловский из-за слишком большой территории Перемышльской епархии не мог в полной степени осуществлять контроль за приходской жизнью. Тем самым проводилась мысль о возможном упразднении Л. а. а. после стабилизации ситуации. Примечательно, что в декрете от 10 февр. 1934 г., согласно которому 1-м администратором Лемковщины назначался свящ. Ни-

колай Нагорянский (с определением ему местопребывания в с. Рыманув (ныне Рыманув-Здруй Кросненского повета)), говорилось о временном характере его полномочий до особых распоряжений папы. Вскоре свящ. Нагорянский отказался от должности администратора. 11 дек. 1934 г. декретом Конгрегации Восточных Церквей администратором был назначен свящ. Василий Масцюх, также «с временными функциями» (Масцюх, хотя и был уроженцем Лемковщины, но никогда в регионе не служил, преподавал в Перемышльской униат. семинарии и во Львовском ун-те, за «старорусские» взгляды был помещен в концлагерь Талергоф, после войны служил в с. Вел. Горожанна Рудковского повета, под Львовом). Масцюх служил в основном в Санок, который был центром повета, курия (управление) Л. а. а. находилась в Рымануве.

В состав Л. а. а., согласно декрету от 10 февр. 1934 г., вошли 9 деканатов: Буковско, Горлице, Грыбув, Дынув, Дукля, Кросно, Мушина, Рыманув, Санок (несмотря на принадлежность Санок (укр. Сяник) Л. а. а., Перемышльский еп. Коциловский продолжал титуловаться как «Перемышльский, и Самборский, и Сяницкий»). Деканаты объединяли 118 приходов (по др. данным, 111 штатных и 11 миссионерских приходов), 309 сел, 138 тыс. верных (по др. данным, 127 тыс. чел., очевидно с учетом потерь вслед. «Тылявской схизмы»). В Перемышльско-Самборской униат. епархии после разделения осталось 45 деканатов и 490 приходов, в т. ч. в селениях со смешанным украинским и лемковским населением (напр., в Леском повете, в Лупковском деканате в Санокском повете). При этом в Л. а. а. вошел Буковский деканат, где к лемкам относили себя меньше половины верных.

За событиями на Лемковщине заинтересованно следили Русская селянская организация (РСО) с центром во Львове и Русская аграрная партия Лемковщины. 22 мая 1932 г. съезд РСО обратился к лемкам, униатам и православным с призывом прекратить межконфессиональные конфликты. Откликаясь на эту резолюцию и уступая желанию польских властей стабилизировать церковную ситуацию, деканальный съезд православного духовенства Лемковщины 30 мая 1933 г. принял заявление,

в к-ром предписывалось не проводить активной агитации в населенных пунктах с преобладанием греко-католиков и ограничить прием желающих присоединиться к правосл. Церкви. 26 дек. 1934 г. Русская аграрная партия Лемковщины на 4-м съезде выступила с резолюцией, в к-рой потребовала включения в Л. а. а. всех лемковских сел Польши.

Реакцией правосл. Варшавской митрополии на создание Л. а. а. стало решение в мае 1935 г. образовать вместо Малопольского благочиния 2 новых округа: Восточно-Малопольский (Восточно-Галицкий) под рук. архим. *Филофея (Нарко)* и Лемковский под рук. свящ. Георгия Павлишина, настоятеля прихода в с. Чарна; последний округ территориально соответствовал границам Л. а. а. По благословению митр. Варшавского и всея Польши Дионисия, в правосл. приходе лемковского с. Чарна и в других местах ежегодно с 9 сент. 1934 г. (в день расстрела сщмч. Макама Сандовича) совершалось поминовение «исповедников, за веру и народ лемковский пострадавших».

Масцюх предпринял действия, направленные на обеспечение Л. а. а. духовенством местного происхождения. В апр. 1935 г. он поставил вопрос о переводе лемковских студентов из униат. семинарий Львова и Перемышля в римско-католич. семинарии, что вскоре было реализовано. К сент. 1935 г. в римско-католич. Ченстоховскую семинарию в Кракове перевелись 6 лемковских студентов, в неоуниат. Дубенскую Папскую межъепархиальную семинарию перешли 3 студента. Однако конфликт студентов-лемков, униатов, с польскими семинаристами-католиками привел к тому, что лемкам отказали в обучении в Ченстоховской семинарии, и к сент. 1937 г. 10 семинаристов перешли в Тарновскую семинарию. 20 июля 1935 г. Масцюх подписал с Перемышльским еп. Коциловским соглашение, по к-рому из Лемковщины в Перемышльскую епархию переводились клирики, связанные с укр. движением, а на Лемковщину должны были перейти клирики «старорусской ориентации». 26 июля 1935 г. нунций Мармаджи провозгласил в Варшаве акт «*Modus agendi*» (Образ действий), согласно к-рому обеспечение Л. а. а. клириками должно было осуществляться через «обмен священниками» с униат. Перемышль-

ской епархией. В сент. 1935 г. Масцюх объявил конкурс на замещение 49 вакантных священнических мест. В окт. того же года он открыл при поддержке Львовского ставропигийского ин-та училище псаломщиков в с. Врублик-Крулевски Кросненского повета. Уступая настойчивым требованиям Шептицкого, Масцюх 1 марта 1936 г. учредил первый на Лемковщине мон-рь студитов при Николаевском храме в с. Флоринка.

Масцюх принадлежал к «старорусски» ориентированной части лемковского духовенства. В обращении к клирикам от 2 марта 1935 г. он запретил опускать в литургии слово «православный», подчеркивал необходимость «оставаться теми, кем нас создал Бог; родились русинами, и должны оставаться русинами до смерти, и детей воспитывать русинами» (Hanus. 1996. S. 69). В обращении за апр. 1935 г., опубликованном в ж. «Вести Апостольской администрации Лемковщины» (№ 4), он просил не допускать украшения икон укр. рушниками, запрещал петь укр. духовное песнопение «Боже великий единый» и использовать храм для политических целей. Масцюх избегал совместных богослужений с униат. Перемышльским еп. Коциловским, чаще сослужил с римско-католич. епископом Тарновского диоцеза Ф. Лисовским. При поддержке Масцюха в Крынице в 1934–1936 гг. выходила газ. «Лемко», был издан 1-й лемковский букварь.

После кончины Масцюха и. о. администратора в марте–июле 1936 г. был канцлер и референт Л. а. а. свящ. Иоанн Полянский, один из инициаторов русинского движения на Лемковщине, настоятель церкви в с. Врублик-Крулевски. 13 июля 1936 г. главой Л. а. а. был назначен свящ. Иаков Медвецкий, бывш. сотрудник Станиславовского епархиального капитула. Он усилил борьбу с распространением Православия на Лемковщине. В 1937 г. были созданы мон-ри василиан в селах Врублик-Крулевски и Беско. В 1937 г. Медвецкий запретил клирикам Л. а. а. распространять в приходах укр. светские периодические издания (в первую очередь издававшиеся Коциловским в Перемышле газ. «Украинский Бескид» и ж. «Наш лемко», в к-рых Медвецкого обвиняли в чрезмерной зависти от польск. властей). Медвецкий усилил борьбу с политизацией церковной жизни, при нем клирикам

Лемковщины фактически было запрещено заниматься политической деятельностью. Распоряжения Медвецкого были встречены протестами общин в селах Карликув и Плонна, к-рые в 1936–1937 гг. неоднократно вступали в конфликт с руководством Л. а. а. и обращались к Коциловскому с просьбами о переводе их в Перемышльскую епархию. В 1936–1937 гг. санокское отд-ние Украинского национально-демократического объединения обвинило Медвецкого в подрыве единства Галицкой униат. митрополии и в «церковном сепаратизме». (Возможно, основанием для этого послужили идеи преобразования Л. а. а. в самостоятельную епархию и рукоположения Медвецкого во епископа, распространившиеся в 1937–1938 генеральным наместником ордена иезуитов Владзимежем Ледуховским.) Под давлением польск. властей в 1936 г. Лемковщину покинул главный деятель укр. движения среди духовенства – свящ. Иоанн Качмар, в знак протеста против деятельности Медвецкого из края уехали свящ. Дмитрий Ступак, Антоний Новосад и др. В 1938–1939 гг. на Лемковщине имели место репрессивные меры польск. властей против клириков, связанных с различными укр. орг-циями, в ходе которых в польский концлагерь в г. Береза-Картуска (ныне Береза, Белоруссия) были заключены священники Павел Шуфлят, Владимир Гайдукевич, Иван Булат, Иван Юрчинский, Иван Фенич, Павел Вах и др.

1 мая 1938 г. центр Л. а. а. был перенесен в г. Санок. Между 1937 и 1939 гг. к Л. а. а. присоединились неск. лемковских сел Леского повета, образовавшие Леский деканат.

1939–1947 гг. В сент. 1939 г. большая часть территории Л. а. а. вместе с центром г. Санок была оккупирована нем. войсками. К новообразованной Дрогобычской обл. Украинской ССР отошли восточные деканаты Л. а. а. Деканаты, оказавшиеся в Бирчанском, Лесковском и Устрико-Дольновском районах, в 1939–1941 гг. подчинились епископу Перемышльскому, кафедра которого также оказалась на территории Дрогобычской обл. С того времени до 1941 г. советско-нем. граница разделяла большинство приходов Л. а. а. и Львовскую униат. митрополию. По распоряжению Шептицкого временное управление находив-

шейся в составе нем. Генерал-губернаторства частью Перемышльской епархии осуществлял ее викарий еп. Григорий Лакота, кандидатура к-рого была одобрена укр. деятелями. Что касается главы Л. а. а. Медвецкого, то его деятельность вызывала недовольство укр. общественных орг-ций. Нем. власть приписывала Медвецкому проведение «полонизационной политики», характеризовала его как «дружественного полякам москвофила». Оккупационные власти ставили вопрос перед Украинским центральным комитетом во главе с лемком В. М. Кубийовичем и перед др. укр. орг-циями об устранении Медвецкого с должности администратора. Для этого в Л. а. а. была создана должность генерального викария, на которую 10 июня 1940 г. назначили проукр. свящ. Александра Малиновского, бывш. вице-ректора Львовской ДС. Несмотря на сопротивление многих клириков, он осуществлял украинизационные нововведения. Важной мерой по принуждению руководства Л. а. а. к проведению украинизаторской политики стало создание 30 сент. 1940 г. по инициативе И. Огиенко (см. *Иларион (Огиенко)*) правосл. Краковской и Лемковской епархий (в отдельных документах — Краковско-Лемковско-Галицкая епархия; после оккупации немцами Львова в название кафедры было добавлено слово «Львовская» в соответствии с указом митр. Дионисия от 17 авг. 1941), на к-рую 15 янв. 1941 г. был наречен, 9 февр. хиротонисан укр. национал-демократ архим. Палладий (Выдыбида-Руденко). Почетными свидетелями при его архиерейской присяге выступили лидеры Украинского центрального комитета Кубийович и Н. Садовский, к-рые поддержали создание правосл. кафедры для Лемковщины как один из способов давления на униат. священноначалие и духовенство с целью его подчинения укр. деятелям Галичины. Серьезное влияние на церковно-общественную жизнь Л. а. а. оказал приезд на Лемковщину в 1939–1940 гг. ок. 50 униат. священников укр. националистической ориентации, бежавших из ставшей советской Вост. Галичины.

27 янв. 1941 г. Медвецкий скончался, 30 янв. папский нунций в Берлине согласовал с нем. властями кандидатуру Малиновского в качестве главы Л. а. а. 5 февр. 1941 г. апостоль-

ская столица назначила Малиновского администратором Лемковщины. В Л. а. а. к тому времени было 142 священника и ок. 100 тыс. верных. В марте 1941 г. еп. Лакота писал нем. властям, что Ватикан собирается упразднить Л. а. а. и создать единую епархию для всего Генерал-губернаторства. В то же время Украинский центральный комитет требовал учредить 2 новых епископства: в Белзе и Саноке; в Саноке в целях украинизации Лемковщины предлагалось открыть укр. ДС. Реализации всех этих проектов помешало начало 22 июня 1941 г. *Великой Отечественной войны*. Летом 1941 г. воссоединились все приходы Л. а. а., в июле в пределах администрации насчитывалось 204 храма, в т. ч. 122 приходских, 72 «филиальных» (приписных) и 10 часовен. Возобновилась связь Л. а. а. с Галицкой униат. митрополией, эта связь стала более тесной, чем в польск. период. Глава администрации с 1941 г. постоянно направлял отчеты о своей деятельности Шептицкому, согласовывал с ним все решения. Малиновский проводил форсированную украинизацию, запрещал духовенству использовать этнонимы «русин» и «русак». При нем вместо католич. приветствия «Слава Иисусу Христу» в храмах Лемковщины было введено оуновское партийное приветствие «Слава Украине» (*Бадяк В. Релігійні процеси на Лемківщині // Лемківщина: Іст.-етногр. дослідж. Львів, 2002. Т. 2. С. 165–189*).

На территории Л. а. а. с 1940 г. имели место нападения польск. военнизированных отрядов на тех лемковских клириков, к-рые были связаны с укр. орг-циями. Так, в апр. 1940 г. польск. партизаны убили настоятеля церкви в с. Шкляры Саноковского повета Ярослава Щирбу. В дальнейшем имели место многочисленные убийства униат. священнослужителей представителями польск. антифашистского подполья. В июле–августе 1941 г. нем. администрация арестовала всех клириков Лемковщины и Перемышльщины, которые подозревались в «москвофильстве» или «старорусской ориентации». В числе первых были схвачены бывший канцлер и референт Л. а. а. свящ. Иоанн Полянский, бывш. узник Талергофа свящ. Евгений Хиляк и член капитула Владимир Мохнацкий, которые считались наиболее активными деятеля-

ми «русинского лагеря». Позже арестам подверглись еще 10 священников. Все они с 1941 г. до осени 1944 г. содержались в лагере в Кельце.

28 июля 1944 г. в связи с приближением линии фронта администратор Малиновский перенес центр Л. а. а. в с. Крыница, ставшее к тому времени крупным центром проукр. движения среди лемков. Тогда же Малиновский на случай своего ареста учредил в Л. а. а. должности 3 генеральных викариев, которые заняли священники Стефан Ядловский (1-й помощник администратора), Иоанн Подгорбий и Андрей Злупко. В 1944 г. в ходе боевых действий в горной части Лемковщины погибли клирики Л. а. а. Дамиан Дзяма и Михаил Семен. 26 февр. 1945 г. Малиновский переехал во Врублик-Шляхетски. Там он провел 20 марта того же года последнюю в истории Л. а. а. конференцию духовенства всех деканатов. Он создал новый капитул для Л. а. а., который вместе с администратором работал в Саноке в апр.—сент. 1945 г.

С 1945 г. ряд клириков Л. а. а. был арестован за связи с укр. националистами, имели место расправы над униат. духовенством, осуществлявшиеся польск. силовыми структурами в рамках карательных операций против укр. националистического подполья. Так, в 1945 г. были убиты священники в селах Залуж, Лубно, Издебки, Коньске; в следующем году погибли клирики в селах Карликув, Команьча и Воля-Нижна. Упадок церковной жизни на Лемковщине был обусловлен первыми переселениями лемковского и укр. населения Польши на Украину (в рамках советско-польск. договора о репатриации), имевшими место с нояб. 1944 по июнь 1946 г. В апр.—июле 1947 г. в рамках акции «Висла» вглубь Польши были переселены 20 священников Лемковщины. В ходе этой операции в Польшу были арестованы и отправлены в концлагерь Явожно 25 греко-католич. священников, из них 13 клириков Л. а. а., в большинстве случаев обвиненных в сотрудничестве с УПА (почти во всех случаях обвинения не были доказаны).

В сер. сент. 1945 г. под давлением властей перестала существовать курия Л. а. а., Малиновский уехал в Чехословакию, затем в Германию. Обязанности администратора выполнял ген. викарий свящ. Ядловский, к-рый

весной 1946 г. отбыл в Чехословакию. Одновременно с ним Польшу покинул другой ген. викарий, свящ. Подгорбий. В 1946–1947 гг. на Лемковщине оставался 3-й генеральный викарий — Андрей Злупко, который и управлял приходами Л. а. а. В нач. апр. 1947 г. примас Польши кард. Глонд официально утвердил свящ. Злупко как генерального викария с правами управления приходами Л. а. а. Его заместителями были назначены священники Владимир Гайдукевич и Павел Шуфлят. В июне 1947 г. Злупко покинул Лемковщину из-за начавшейся операции «Висла» и переехал в Костомлоты под Вроцлавом, объявив о передаче своих полномочий Павлу Шуфляту. Последний исполнял обязанности главы Л. а. а., имея в помощниках декана Мушинского округа Стефана Дзюбину, до 26 июня 1947 г., когда в ходе операции «Висла» был вывезен в польск. концлагерь в Явожно. Л. а. а. фактически прекратила существование.

В условиях репрессий и депортаций лемков в 1946–1947 гг. униат. храмы занимали римско-католич. священники, к-рые устранили иконостасы из церквей и преобразовывали их в «филиальные» костелы своих приходов. Такие действия фактически утвердил секретарь Конгрегации Восточных Церквей кардинал Э. Тиссеран, который направил 12 янв. 1948 г. указ примасу Польши кард. Глонду. В документе говорилось, что после выселения духовенства и верных вост. обряда их храмы и церковные имущества должны перейти в ведение епископов соответствующих лат. диоцезов (в данном случае Краковского архидиоцеза, Тарновского и Пшемьсльского диоцезов).

29 нояб. 1956 г. руководители греко-католич. общин Польши Василий Гриник и Мирослав Рипецкий направили примасу Польши мемориал, в к-ром поставили вопрос о реституции греко-католич. церковной собственности, большая часть к-рой отошла римско-католикам, а также о восстановлении Перемышльской епархии и Л. а. а. 14 марта 1957 г. примас Польши заявил об отказе выполнить эти пожелания из-за «отсутствия согласия со стороны правительства», было запрещено возобновлять греко-католич. общины на юго-востоке Польши (на Лемковщине). В этих условиях значительная

часть лемков, к-рым удалось вернуться на родину, начала переходить в Православие. На Лемковщине плодотворно работал православный свящ. Иоанн Левяр из с. Бартне Горлицкого повета, который в 1957–1958 гг. открыл 14 лемковских приходов, в 1959 г. возглавил созданный для Лемковщины Жешувский деканат Варшавской епархии. К нач. 90-х гг. XX в. на Лемковщине действовало 29 правосл. храмов. Римско-католики пытались вернуть себе бывшие униатские храмы в селах Ждыня, Бартне, Роздзеле, Кункова, Лещины, Поляны, Зындранова, Пельгжимка, перешедшие православным.

В 1968 г. в Пшемьсле был возобновлен униат. Перемышльский капитул во главе со свящ. Гриником, получившим 8 сент. 1967 г. назначение на должность генерального викария римско-католич. примаса Польши для греко-католиков. Т. о. появилась возможность для легальной деятельности униатов на Лемковщине. Усилиями Гриника в нач. 70-х гг. были образованы первые со времен депортации лемков униат. приходы в с. Усьце-Горлицке и Роздзеле. На рубеже 70-х и 80-х гг. XX в. возобновлены 4 униат. прихода на Лемковщине, в 90-х гг. было создано еще 10 униат. общин, составивших Санокский и Краковско-Крыницкий деканаты. Униат. структуры претендовали на ряд правосл. храмов, им удалось получить храм в с. Жепедзь и добиться проведения очередных с православными богослужений в храме с. Беянка. В наст. время униатство в регионе уступает Православию: действуют 24 православных храма и 16 униатских. Не менее 10 бывш. лемковских церквей используются как костелы в тех селах, где лемки уже не живут. Из-за малочисленности униатов на территории Лемковщины вопрос о восстановлении Л. а. а. не ставится.

Ист.: Гриник В., свящ. Українці-католики і духовенство в Польщі, 1944–1948 // Мартирологія українських Церков. Торонто; Балтимор, 1985. Т. 2: Українська католицька Церква. С. 321–346; Czech M., red. O tożsamość grekokatolików: Zbiór dokumentów z historii Cerkwi grekokatolickiej w Polsce. Warsz., 1992; Дзюбина С., свящ. «І стверди діло рук наших»: Спогади. Варшава, 1995; Akcja «Wisła»: Dokumenty / Оргас.: Е. Misilo. Warsz., 1993; Документи до історії Української греко-католицької Церкви у Польщі у 1947–1960 рр.: (З архіву о. митрата Мирослава Рипецького) / Упоряд.: В. Лаба. Львів, 1996; Źródła do dziejów Української Cerkwi grekokatolickiej w Polsce w latach 1944–1989 / Red. B. Huk. Przemysł, 2007. Т. 1.

Лит.: Reinfuss R. Lęmkowie jako grupa etnograficzna // Prace i materiały etnograficzne. Lublin, 1948. Т. 7. S. 77–210; Буцацький В. Лемківщина і лемки. Торонто, 1961; он же. Діячі науки і культури Лемківщини: Довідник. Торонто; Львів, 2000; Красовський І. Д. Лемківщина у боротьбі за об'єднання з Україною. Н.-Й., 1964; Рейнарлович Р. Мартирологія Лемківщини (1944–1947) // Логос: Богосл. кварталник. Йорктон, 1981. Т. 32. Ч. 3. С. 183–201; Ч. 4. С. 286–298; 1982. Т. 33. Ч. 1. С. 52–61; Duda T. Stosunki wyznaniowe wśród lęmków grekokatolickich, zamieszkałych na terenie obecnej diecezji Tarnowskiej w XIX i XX w. // Tarnowskie studia teologiczne. 1986. Т. 10. N 1. S. 237–248; idem. Stosunki wyznaniowe wśród lęmków sądeckich i gorlickich w okresie międzywojennym // Rocznik Sądecki. Nowy Sącz, 1999. Т. 27. S. 95–101; Sziling J. Kościoły chrześcijańskie w polityce niemieckiej władz okupacyjnych w Generalnym gubernatorstwie, 1939–1945. Toruń, 1988; Misilo E. Греко-католицька Церква в Польщі (1944–1947) // Варшавські українознавчі зап. Варшава, 1989. Зош. 1. С. 207–220; он же. Жертви Явожно // Україна і Польща: Між минулим і майбутнім. Львів, 1991. С. 24–36; Jabłoński M. Grekokatolicka diecezja Przemyska w latach 1918–1939 // Polska-Ukraina: 1000 lat sąsiedztwa. Przemysł, 1990. Т. 1. S. 229–249; Dziewierski M., Pactwa B., Siewierski B. Dylematy tożsamości: Studium społeczności lęmkowskiej w Polsce. Katowice, 1992; Krochmal A. Stosunki między grekokatolikami i prawosławnymi na Lęmkowszczyźnie w latach 1918–1939. // Lęmkowie w historii i kulturze Karpat. Rzeszów, 1992. N 1. S. 285–299; eadem. Specyfika stosunków wyznaniowych na Lęmkowszczyźnie w XX w. // Lęmkowie i lemkoznawstwo w Polsce. Kraków, 1997. S. 135–143; Nowakowski K. Sytuacja polityczna na Lęmkowszczyźnie w latach 1918–1939 // Lęmkowie w historii i kulturze Karpat. 1992. Т. 1. S. 313–350; idem. Apostolska administracja Lęmkowszczyzny w latach 1939–1947 // Polska-Ukraina: 1000 lat sąsiedztwa. 1996. Т. 3. S. 231–245; Prach B. Apostolska administracja Lęmkowszczyzny // Lęmkowie w historii i kulturze Karpat. 1992. Т. 1. S. 299–311; idem (Prach B., свящ.). Греко-католицьке духовенство Перемиської єпархії і Апостольської адміністрації Лемківщини 1939–1947 рр.: Вбті і репресовані // Богословія. Львів, 1999. Т. 63. С. 116–134; он же. Репресії супроти греко-католицького духовенства Перемиської єпархії та Апостольської адміністрації Лемківщини (1939–1947) // Наук. зап. Нац. ун-ту «Острозька академія». Сер.: Іст. релігієзнавство. 2012. Вип. 7. С. 204–214; он же. Наукові студії і джерела з культурно-релігійного життя лемків: (До історії Апостольської адміністрації Лемківщини) // Релігія та соціум: Міжнар. часопис. Чернівці, 2013. № 1(9). С. 45–55; он же. Апостольська адміністрація Лемківщини: Соціокультурні передумови та канонічне підґрунтя // Наук. зап. Нац. ун-ту «Острозька академія». Сер.: Іст. науки. 2014. Вип. 22. С. 260–275; Best P. Moskalofilstwo wśród ludności lęmkowskiej w XX w. // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace historyczne. Kraków, 1993. N 103. S. 143–147; Вірхнянський П. Православ'я на Лемківщині в 1926–1931 роках // Анналі Лемківщини. Н.-Й., 1993. № 5. С. 94–108; Blazejewskij D. Historical Schematism of the Eparchy of Pereмышl' and Apostolic Administration of Lemkivshyna (1828–1939). Lviv, 1995; Moklak J. Lęmkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitej: Zagadnienia polityczne i wyznaniowe. Kraków,

1997; *Nabywaniec S.* Administratura apostolska Łemkowszczyzny w świetle Schematyzmu na rok 1936: Zagadnienia wstępne // *Roczniki teologiczne*. Lublin, 1995. T. 42. N 2. S. 105–128; *idem.* Duchowieństwo grekokatolickie łemkowskie i ukraińskie eparchii Przemyskiej i Administraturze apostolskiej // *Oikoumene Carpathia*. Myczkowce, 2009. Roc. 2. N 2. S. 61–70; *idem.* Łemkowie na Ziemiach odzyskanych: Życie kościelne i religijne // *Łemkowie, bojkowie, rusini: Historia, współczesność, kultura materialna i duchowa*. Głogów, 2010. T. 3. S. 135–151; *Urban K.* Z dziejów Kościoła prawosławnego na Łemkowszczyźnie w latach 1945–1947 // *Zeszyty naukowe Akademii ekonomicznej w Krakowie*. 1995. N 460. S. 92–112; *Hanus M.* Administracja apostolska Łemkowszczyzny // *Rocznik Rymanowa Zdroju. Rymanów-Zdrój*, 1996. T. 1. S. 65–75; *Strzyjek T.* Czasopisma religijne i narodowe w grekokatolickiej diecezji Przemyskiej w XIX i XX wieku // *Polska-Ukraina: 1000 lat sąsiedztwa*. 1996. T. 3. S. 177–190; *Bruski J. J.* Zakarpacie a Łemkowszczyzna: Podłoże i rozwój ruchu prawosławnego w okresie międzywojennym // *Łemkowie i łemkoznaństwo w Polsce*. 1997. S. 145–159; *Zięba A.* Łemkowie i Łemkowszczyzna w historiografii polskiej // *Ibid.* S. 31–43; *idem.* Tożsamość etniczna jako obiekt manipulacji politycznej: Przypadek rusinów łemkowskich (XVIII–XX w.) // *Річник руської бурсы*. 2007. С. 59–94; 2008. С. 59–71; *idem.* Biskupstwo Krakówско-Łemkowskie i jego arcybiskup Palladiusz (Wydybida-Rudenko): Karta z dziejów ukrainizacji Łemkowszczyzny w dobie drugiej wojny światowej // *Ibid.* 2008. С. 93–142; *Brykowski R.* Wykaz, dotyczący losów unickich cerkwi na obszarze byłego województwa Rzeszowskiego w latach 1939–1997 // *Losy cerkwi w Polsce po 1944 roku: Materiały sesji naukowej Stowarzyszenia historyków sztuki pt. «Tragedia polskich cerkwi»*. Rzeszów, 1998. S. 293–332; *Figiela B., Tur J.* Wykaz cerkwi i kaplic unickich oraz prawosławnych na obszarze dawnej grekokatolickiej diecezji Przemyskiej, położonych w granicach dawnych województw Krakowskiego i Lubelskiego oraz ich losy w latach 1939–1997 // *Ibid.* S. 341–347; *Potocki R.* Wokół sporów religijnych na Łemkowszczyźnie w latach 1926–1939 // *Biuletyn ukrainoznawczy. Przemysł*, 2000. N 6. S. 99–111; *Krochmal A.* Konflikt czy współpraca: Relacje między duchowieństwem łacińskim i grekokatolickim w diecezji Przemyskiej w latach 1918–1939. Lublin, 2001; *Rylica M.* Administracja apostolska Łemkowszczyzny w latach 1945–1947. Kraków, 2001; *Бадак В.* Релігійні процеси на Лемківщині // *Лемківщина: Іст.-етногр. дослідж.* Львів, 2002. Т. 2. С. 165–189; *Lewandowska M.* Administracja apostolska Łemkowszczyzny // *Plaj. Warsz.*, 2003. Т. 27. S. 39–64; *Dudra S.* Życie religijne łemków wyznania prawosławnego na ziemiach zachodniej Polski po akcji «Wisła» // *Ibid.* 2004. Т. 28. S. 70–86; *Dubec R., ks.* Proces odradzania się Kościoła prawosławnego na Łemkowszczyźnie w okresie międzywojennym (1926–1939) // *Almanach diecezjalny: Rocznik Ośrodka kultury prawosławnej w Gorlicach*. 2006. Т. 2. S. 49–70; *idem.* Z dziejów parafii prawosławnych na Łemkowszczyźnie w okresie międzywojennym. Gorlice, 2011; *Дронов М. Ю.* Лемки и Лемковщина // *Вестн. Юго-Зап. Руси*. М., 2006. № 1. С. 91–103; *Przybylski P.* Rola duchowieństwa grekokatolickiego w kształtowaniu się opcji narodowych wśród łemków w latach 1918–1947. Toruń, 2006; *Senko E.* Administracja apostolska Łemkowszczyzny (1934–1947): Nieznane losy łemków w Polsce. Nowy

Sącz, 2007; *Knutel D.* Kształcenie kandydatów do stanu duchownego dla Administracji apostolskiej Łemkowszczyzny w latach 1935–1939 // *Limes: Studia i materiały z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej*. Preszów, 2009. N 2. S. 176–186; *idem.* Przyczyny absorpcji prawosławia na Łemkowszczyźnie w okresie dwudziestolecia międzywojennego // *Resovia Sacra*. Preszów, 2009. Roc. 16. S. 205–229; *Любчик І. Д.* Етнополітичні процеси на Лемківщині наприкінці XIX – 30-х рр. XX ст.: Проблема нац. самоусвідомлення. Івано-Франківськ, 2009; *Halagida I.* Duchowni grekokatolicki i prawosławni w Centralnym obozie pracy w Jaworznie (1947–1949): Dokumenty i materiały. Warsz., 2012; *Гави П. М.* Релігійні процеси на Лемківщині в міжвоєнний період: Сучасна польська історіографія // *Гілея*. 2014. Вип. 84. С. 5–8.

В. Г. Пидгайко

ЛЕММ [фон Лемм; нем. von Lemm] Оскар (Леберехт) Эдуардович (5.09.1856, С.-Петербург — 3.06.1918, Петроград), египтолог, основатель отечественной коптологии; издатель копт. текстов, исследователь копт.

О. Э. фон Лемм.
Фотография. Нач. XX в.

ского языка; чл.-кор. Императорской АН (1906) и Кавказского отделения Имп. Русского географического общества (1900); награжден орденами св. Анны 3-й (1893) и 2-й (1900) степени, св. Станислава 3-й (1887) и 2-й (1896) степени, св. Владимира 4-й степени (1903). Род. в семье прибалт. немцев, принадлежавших к евангелической церкви. По окончании Александровского лицея (1877) в течение 5 лет изучал восточные языки в Германии (Лейпциг, Берлин); преимущественное внимание уделял египтологии (под рук. Г. Эберса и К. Р. Лепсиуса) и семитологии (ассириология у Ф. Делича, эфиопистика у К. Ф. А. Дильмана). В 1882 г. защитил в Лейпциге докторскую диссертацию, посвященную культу бога Амона; в посл. издал с посвящением Эберсу хрестоматию древнеегип. текстов (1883), надолго став-

шую незаменимым пособием для студентов и исследователей.

В 1883 г. Л. был зачислен в Азиатский музей (ныне Ин-т восточных рукописей РАН) в должности ученого хранителя и занимал этот пост (позднее старший ученый хранитель) до своей смерти. В 1887–1892 гг. вначале как приват-доцент, а затем как экстраординарный профессор преподавал в С.-Петербургском ун-те на фак-те вост. языков «египтологию, коптский язык и даже ассириологию», по словам Б. А. Тураева, к-рый был тогда его слушателем. Почти все свои научные труды Л. писал на нем. языке.

С первых дней службы в Азиатском музее Л. приступил к изучению копт. рукописей в собраниях С.-Петербурга и уже через 2 года (1885) осуществил издание саидских библейских фрагментов, привезенных из Египта К. Тишендорфом и переданных в Публичную б-ку. Затем предметом его внимания стали саидские фрагменты «Истории Александрийской Церкви» (1888; см. в ст. «История Александрийских патриархов») и апокрифических Деяний апостолов Варфоломея, Филиппа, Андрея, Матфея, Петра и Павла из приобретений Тишендорфа (1890) и В. С. Голенищева (1892; рукописи с 1909 находятся в ГМИИ). В этом же ряду стоят и публикации фрагментов легенды о сщмч. Киприане Антиохийском (1899) и ранее неизвестного апокрифического сказания о сщмч. Дионисии Ареопагите (1900), а также образцовое комментированное издание (1913) фрагментов копт. мученичеств (Феодора Восточного, Гераклида и др.), в к-ром были использованы не только рукописи из собрания Голенищева, но и ряд списков из б-к Европы (Париж, Лондон, Неаполь), частично переписанных Л. in situ, частично изученных по фотографиям, полученным от зап. коллег. Л. осуществил единственное на сегодняшний день издание всех принадлежащих одной и той же рукописи фрагментов копт. «Романа об Александре» (1903), для к-рого использовал фотографии, полученные им из рукописных собраний Парижа, Берлина и Лондона; издание снабжено подробным филологическим и историко-культурным комментарием. В том же году Л. опубликовал текст последнего известного произведения копт. лит-ры на саидском диалекте — поэмы «Триадон»

(XIV в.; создана на уже мертвом к тому времени языке и поэтому сопровождается араб. переводом), рукопись к-рой переписал в Неаполе еще в 1896 г. (2-й т. с предполагавшимся комментарием и нем. переводом не был издан). В 1906 г. Л. выпустил подборку копт. материалов, касающихся истории христианства в Грузии и ее связей с копт. Египтом. Список освященных Л. изданий копт. текстов далеко не исчерпывается приведенным перечнем. Мн. материалы, собранные им во время работы в рукописных собраниях Рима, Неаполя, Парижа, Берлина, остались неопубликованными.

Большую значимость для коптологов до наст. времени сохраняют серии «Kleine koptische Studien» и «Koptische Miszellen», регулярно публиковавшиеся Л. на протяжении полутора десятков лет (1899–1912 и 1907–1915 соответственно) в «Известиях Императорской Академии наук» (в 1972 переизданы в ГДР); в них входят большие и малые заметки (общим числом более 200) по копт. филологии, в к-рых автор демонстрирует не только глубокое знание копт. текстов, но и широкую эрудированность в отношении самых разных аспектов восточно-христ. культуры.

Арх.: ИВР РАН. Архив востоковедов. Ф. 35. Оп. 1–2; Архив РАН (СПб). Ф. 4. Оп. 4. Д. 352; Ф. 4. Оп. 5. Д. 79. Л. 457–466. № 1324 (Формулярный список).

Соч., изд. и пер.: **египтология**: Studien zum Ritualbuch des Ammondienstes: Diss. Lpz., 1882; Aegyptische Lesestücke zum Gebrauch bei Vorlesungen u. zum Privatstudium. Lpz., 1883; **коптология**: Bruchstücke der sahidischen Bibelübersetzung nach Handschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg. Lpz., 1885; Koptische Fragmente zur Patriarchengeschichte Alexandriens. St.-Pb., 1888. (ЗИАН. ИФО. Сер. 7; Т. 36. № 11); Коптская легенда о нахождении Гроба Господня // ЗВОРАО. 1889. Т. 4. Вып. 1/2. С. 1–19; Koptische apokryphe Apostelakten: I–II // Bull. de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. 1890. Т. 1 (33). P. 509–581; Idem: III // Ibid. 1892. Т. 3 (35). P. 233–326; Sahidische Bruchstücke der Legende von Cyprian von Antiochien. St.-Pb., 1899. (ЗИАН. Сер. 8; Т. 4. № 6); Eine dem Dionysius Areopagita zugeschriebene Schrift in koptischer Sprache // ИИАН. Сер. 5. 1900. Т. 12. № 3. С. 267–306; Der Alexanderroman bei den Kopten: Ein Beitrag zur Geschichte der Alexandersage in Orient. St.-Pb., 1903; Das Triadon: Ein sahidisches Gedicht mit arabischer Übersetzung. St.-Pb., 1903; Iberica. St.-Pb., 1906. (ЗИАН. Сер. 8; Т. 7. № 6); Bruchstücke koptischer Märtyrerakten: I–V. St.-Pb., 1913. (ЗИАН. Сер. 8; Т. 12. № 1); Kleine koptische Studien. I–LVIII / Hrsg. P. Nagel. Lpz., 1972; Koptische Miszellen. I–CXLVII / Hrsg. P. Nagel. Lpz., 1972.

Лит.: *Коковцов П. К. О. Э. фон Лемм*: [Некр.] // ИАН. Сер. 6. 1918. Т. 12. № 16. С. 1755–1758; *Тураев Б. А. О. Э. Лемм, 1856–1918*: [Некр.] // ХВ. 1922. Т. 6. Вып. 3. С. 325–333; *Еланская А. И. Коптология* // Азиатский Музей / Ленинградское отд-е Ин-та востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 516–523; *Nagel P. Bibliographie zur russischen und sowjetischen Koptologie*. Halle, 1978 [Библиогр.]; *Stadnikow S. Skizzen des Lebenslaufes u. wissenschaftlicher Tätigkeit des russ.-deutschbaltischen Ägyptologen u. Koptologen Oscar von Lemm* // Religionen in einer sich ändernden Welt. Münster, 1999. S. 113–136.

А. Л. Хосроев

ЛЕМНОССКАЯ И СВЯТОГО ЕВСТРАТИЯ МИТРОПОЛИЯ

[греч. Ἐπαρχία Μητροπόλεως Ἀθήνων καὶ Ἁγίου Εὐστρατίου]; одна из епархий «новых земель» Элладской Православной Церкви; включает остро-

Митрополичий собор Св. Троицы в Мирине. 1865–1866 гг.

Архит. З. Филиппотис с о-ва Тинос

ва Лемнос и Айдос-Эфстраиос. Кафедра находится в г. Мирина; кафедральный собор освящен во имя Св. Троицы.

История. В поздней античности Лемнос входил в состав пров. Ахайя, остров контролировал морской путь через Геллеспонт из К-поля в Фессалонику. Здесь действовала важная судоверфь. Епископская кафедра находилась в Гефестии, расположенной на сев. побережье Лемноса. О распространении христианства на острове сведений практически не сохранилось. Эпиграфический материал свидетельствует о существовании христ. общины в правление римского имп. Каракаллы (211–217). Лемносский еп. Стратегий участвовал в I Вселенском Соборе (325). В 2008 г. археологи обнаружили в Мирине фундаменты раннехрист. базилики, раннехрист. находки также сделаны при раскопках в местностях Мавра-Амбелья и Ангарьонес.

В ранневизантийскую эпоху епископам Лемноса, вероятно, подчи-

нялся Имброс. До VIII в. Лемнос как часть Вост. Иллирика находился в церковной юрисдикции Рима и подчинялся Фессалоникийской митрополии.

На Лемносе была похоронена мц. *Мелитина* (пам. 16 сент.), пострадавшая во II в. в Маркианополе. В VIII в. на Лемнос из Иракии Фракийской были перенесены мощи мц. *Гликерии* (пам. 13 мая). В период иконоборческих гонений выброшенные в море мощи вмц. *Евфимии Всехвальной* (пам. 11 июля, 16 сент.) были обреты моряками и привезены на Лемнос; нек-рое время они хранились рядом с мощами мц. Гликерии.

В IX в. Лемноская епископия была возведена в ранг архиепископии. В 902 г. Лемнос был разграблен арабами. В средневизант. и поздневизант. периоды афонские монастыри получили богатые владения на Лемносе. В 993 г. имп. Василий II Болгаробойца подарил Великой Лавре о-в Неон (античный Алоннисос, ныне Айдос-Эфстраиос), где селились юные безбородые послушники, которым был запрещен доступ на Афон. Совр. название о-в Неон получил либо в честь прп. *Евстрафия Тарсийского* (пам. 9 янв.), к-рый, согласно местному преданию, нек-рое время подвизался на острове иконоборчества, либо в честь мч. Евстрафия, пострадавшего вместе с Авксентием, Евгением, Мардарием и Орестом в нач IV в. (пам. 13 дек.). Храм во имя этих 5 мучеников существовал на острове до 1540 г., когда на месте старого храма возвели новый. В истории о-ва Неон были столетия, когда он находился в запустении (напр., в XIII–XIV вв.).

В XII в. недалеко от Гефестии, гавань к-рой стала мелеть, начало развиваться поселение Коцинос (первые упом. в 1136). В нач. XII в. на зап. берегу на месте античной Мирины возник укрепленный пункт, в к-ром в 1185/86 г. по приказу имп. Андроника I Комнина были возведены оборонительные сооружения. Захвативший Лемнос в 1207 г. венецианец Филокало Навигайозо перестроил и усилил эту крепость, которая стала главным городом острова (в 1276 она получила название Палеокастро (Старая крепость) из-за строительства новой крепости в Коциносе; вполн. Палеокастро стали называть коротко — Кастро). За оставленной жителями Гефестией закрепился топоним Палеополи. В эпоху

Латинской империи (1204–1261) церковная кафедра Лемноса подчинялась Паронаксийской митрополии, куда входили также острова Парос, Наксос, Андипарос и Имброс. До 1278 г. Лемнос оставался во владении рода Навигайозо, а затем был возвращен в состав Византийской империи Михаилом VIII Палеологом. Кафедра Лемносского архиепископа в это время находилась в Коциносе. В визант. период небесным покровителем Лемноса считался свт. *Александр I*, архиеп. К-польский. Его мощи находились на острове до 1308 г., когда их похитили каталанцы и увезли в Венецию. В рукописи XV в. из патриаршей б-ки в Александрии содержится служба «святому Александру, заступнику Лемноса» (*Μελέτιος*, 2015. С. 3).

В 1-й пол. XIV в. (после 1324) Лемносская архиепископия была возведена в ранг митрополии (*Darrouzès. Notitiae. P. 410. N 18*), однако до 1453 г. она снова стала архиепископией. В 1347 г. свт. *Григорий Палама*, не имея возможности занять Фесса-

Церковь св. Созонта на Лемносе. Кон. XIX в. Фотография. Нач. XXI в.

лонийскую кафедру, на которую он был избран, отправился «по поручению Великой Церкви» на Лемнос, где посредством проповеди «исправлял грубые варварские нравы местного населения» (*Philotheus. Epistomium // PG. 151. Col. 616*).

С потерей К-полем малоазийских владений Лемнос стал важным поставщиком продовольствия. Ок. 1370 г. заточению на Лемносе был подвергнут свт. *Евфимий Тырновский*, в 1440–1442 гг. — свт. *Марк Евгений*, митр. Эфесский. В 1415 г. в источниках впервые упоминается подземная ц. в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник» в Коциносе, существующая до наст. времени.

Имп. Константин XI обещал Лемнос в награду генуэзцу Джустина-

ни Лонго в случае, если тот поможет защитить К-поль от турок. В 1453–1456 гг. остров принадлежал правителям Лесбоса Гаттилузи. В это время Лемнонский митрополит был вынужден переселиться в монастырь св. Павла близ Ливадохори. Лемнос был взят турками в 1458–1459 гг., в 1460 г. Мехмед II передал его во владение Димитрию Палеологу, бывш. деспоту Мореи, а в 1464 г. остров захватили венецианцы. Окончательно Лемнос был завоеван турками в 1479 г. Вскоре после этого Лемнонский митрополит перенес свою кафедру в Кастро.

В кон. XV в. снова был заселен Айос-Эфстрагиос. Но в XVII–XVIII вв. он был оставлен жителями из-за набегов алжирских пиратов. В 1656–1657 гг. Лемнос удерживали венецианцы.

В 1724 г. в Кастро был построен новый митрополичий собор во имя Св. Троицы; в городе действовали еще 2 правосл. церкви.

В ходе русско-тур. войны (1768–1774), после поражения турок в Чесменском морском сражении, в нач. авг. 1770 г. Лемнос стал базой русского флота, начавшего блокаду прол. Дарданеллы. После ух-

да русских войск жители Лемноса, дружелюбно расположенные к ним, подверглись жестокому репрессиям со стороны турок. В т. ч. были убиты митр. *Иоаким*, глава местной школы иером. Косма Лемнонский и его ученики. Собор Св. Троицы был разрушен. Новый кафедральный храм был построен митр. Каллиником (1777–1795). Действующий в наст. время митрополичий собор был возведен в 1865–1866 гг. (архит. З. Филиппотис с о-ва Тинос), в 1869 г. к нему была пристроена усыпальница, в 1910 г. — колокольня.

В 1846 г. на Лемносе пострадал за Христа нмч. Афанасий Лемнонский (пам. в Соборе Святогорских преподобных отцов, совершается на 63-й день по Пасхе, в Соборе Лемнонских святых — во 2-ю субботу июля, в Соборе новомучеников — в 3-ю Неделю по Пятидесятнице).

В османский период на Лемносе распространилось особое почитание

мч. *Созонта* (пам. 7 сент.), чья небольшая церковь находилась близ дер. Фисини. Жители острова считали его заступником мореплавателей. В кон. XIX в. мч. Созонт стал почитаться как покровитель Лемноса. С его молитвенной помощью связывают освобождение Лемноса греч. флотом 8 окт. 1912 г. Мощи этого святого были перенесены на Лемнос 8 окт. 1992 г.

В 2004 г. на мысе Пунда был установлен памятный крест на русском кладбище (в 1920–1921 на Лемносе были размещены лагеря белогвардейцев, в к-рых находилось свыше 25 тыс. чел.).

В 2012 г. Лемносская митрополия переименована в Лемносскую и св. Евстратия. На 2014 г. в епархии действовали 37 приходских храмов, 365 экзоклисионов, 10 пареклисионов, Музей церковного наследия при митрополичьей резиденции, общая благотворительная касса, касса взаимопомощи духовенства, фонд стипендий для семинаристов и др. учащихся, пункт раздачи продуктов и одежды для нуждающихся, существуют программы подготовки молодых клириков, катехизаторские школы, в духовно-просветительском центре при храме Св. Троицы проводятся лекции, при нем и при митрополичьей резиденции открыты б-ки.

Лемнонские архиереи: Стратегий (упом. в 325); Силуан (упом. в 680 и 691/2); Иоанн (упом. в 787); Арсений (упом. в 879); Стефан (900–925; в посл. митрополит Фессалоникийский); Николай (упом. в 1027/28); Павел (упом. в 1054); неизвестный по имени (упом. в 1066); Василий (XI–XII вв.); Пентахфен (Пентактен, Пентакла или Пентайла) (1084–1111, по другим сведениям, упом. в 1100 или 1188); Михаил (упом. в 1136 и 1156/57); неизвестный по имени (упом. в 1168/69); Александр (упом. в 1170); Константин (упом. в 1172 и 1173); Василий (упом. в 1191 и 1197); Лев (упом. в 1209); неизвестный по имени (упом. в 1310 и 1313); Иаков (упом. в 1321 и 1331 как архиепископ Лемноса и Имброса); Григорий (упом. в 1351 и 1365); неизвестный по имени (упом. в 1380/81); неизвестный по имени (упом. в 1391–1392); неизвестный по имени (упом. в 1394–1395); Иосиф (упом. в 1425); Иаков (упом. в 1447 как архиепископ Лемноса и Имброса); Иоасаф (упом. в 1499 и 1500); Максим (нач. XVI в.); Пахомий (упом. в 1541); Неофит (упом. в 1564/65); Захария (не позднее 1572–1575, затем с перерывами занимал кафедру до 1598); Иоасаф (между 1575 и 1578); Анфим (упом. в 1591); Митрофан

(упом. в 1593); Константин (упом. в 1604–1605 и 1610); Митрофан (упом. в 1606); Климент (1610–1616 или 1617–1621(?)); Каллист (1616); Герасим (упом. в 1632); Макарий (?–1637); Игнатий (1642–1644); Каллист (1644–?); Паисий (?–1653); Климент (1653–1654); Иоаким (1654, 1661); Парфений (1655–1661); Филофей (1661–?); Парфений (?–1697); Галактион (1697–1698); Иларий (1698–?); Иоанникий (1707–1733 (?)); Дионисий (сер. XVIII в.); Парфений (1746–1756); Иерофей (1756–1764); Иеремия (1764–1765(?)); Иоаким (1765(?))–1770); Захария (1771–1776); Каллиник (1777–1795); Феоклит (1795–1814); Макарий (Вамурис; 1814–1824); Нектарий (1824–1836); Иероним (1836–1839); Даниил (Аридзанис; 1839–1853); Иоаким (Кехайяс; 1853–1888); Кирилл Византийский (1888–1890); Афанасий (Каполарис или Капуралис; 1890–1899); Диодор (Масхас; 1899–1905); Геннадий (Алексиадис; 1905–1912); Стефан (Данилидис; 1912–1947); Василий (Атесис; 1949–1950); Дионисий (Харалампус; 1951–1959); Пантелеимон (Мертирис; 1960–1988); Иерофей (Гарифаллос; с 1988 по наст. время).

Лит.: Βασίλειος (Ατέσις), μπρ. Λήμνον, Μπρόπολις // ОНЭ. 1966. Т. 8. С. 285–287; Darrouzès. Notitiae. P. 273, 294, 345, 351, 377, 385, 389, 408, 410, 414, 420. N 7, 8, 11, 12, 14–16, 18–19, 21; Fedalto. Hierarchia. P. 445–446; Gfregory / T. E. Lemnos // ODB. Vol. 2. P. 1205; Koder J. Aigaion Pelagos: Die nördliche Ägäis. W., 1998. P. 205–209. (ТГВ; 10); Δίπτυχα. 2014. Σ. 638–641; Μπελίτσος Θ. Γ. Άγιοι και Μάρτυρες στη Λήμνο. Νέα Σύμρνη, 2015.

О. В. Л.

ЛЕМУРЫ [лат. *lemures*], в рим. мифологии и религии злые духи, тени. Др. название — «ларвы/лярвы» (лат. — «маска, личина»). Различие между Л. и ларвами неясно: возможно, 2-е название более древнее. По др. данным, изначально термин «лемуры» обозначал и добрые души, лары (*lares*), и злые души, ларвы, но затем Л. и ларвы были отождествлены между собой. Термин «лемуры» встречается у рим. поэтов Горация и Овидия, у блж. *Августина*. Л. представляли собой блуждающие и мстительные души умерших, над телами к-рых не были проведены похоронные обряды. Согласно др. версии, в загробном мире таким было наказание за преступления, совершённые при жизни, — душа преступника обрекалась на вечные скитания. Блж. Августин описывал Л. и ларв как злые и беспокойные души умерших людей, к-рые мучают и пугают живых, являясь им в ужасающих формах. С целью задобрить Л. в Риме устраивались религ. празднества — лемурии, или лемуралии

(*lemuria, lemuralia*), к-рые проводились ежегодно 9, 11 и 13 мая по юлианскому календарю. Каждый глава семьи (*pater familias*) был обязан в последний день лемурий в полночь выполнять определенный ритуал и с его помощью прогонять духов. Ритуалы в дни проведения лемурий описаны в «Фастах» Овидия (*Ovid. Fast.* V 419–492). Согласно Овидию, эта традиция была установлена легендарным основателем Рима, Ромулом, во искупление за убийство брата Рема, но доказательств, подтверждающих это предположение, не существует. Сначала глава семьи должен был омыть руки чистой водой, что было символом очищения. Символом изгнания Л. служили черные бобы, к-рые глава семьи бросал через плечо, босым обходя свой дом. Считалось, что Л. следуют за ним и поедают брошенные им бобы. Затем следовало ударить неск. раз в медный таз, поскольку духи боялись громких звуков, и неск. раз произнести слова об искуплении себя и близких. В доме вдовы этот обряд совершал старший сын или ее ближайший родственник муж. пола. В эти дни было принято закрывать храмы, помимо этого в мае римляне не проводили бракосочетания. По др., также не подтвержденным данным, эти празднества положили начало празднованию католич. дня всех святых.

К термину «лемуры» в зоологии восходит название лемуруобразных (*Lemuriformes*) приматов, обитающих на о-ве Мадагаскар (возможно, из-за их преимущественно ночного образа жизни и больших глаз). Термин «ларва» в измененном виде проник в др. культуры, напр. в средневек. демонологию (призрак трагически погибшего человека) и албан. мифологию (Ляура — злая и дурная женщина, обитающая на берегу водоемов). Некоторые исследователи указывают на возможное проникновение этого мотива и в слав. мифологию.

Лит.: Seemann O. Mythologie der Griechen und Römer. Paderborn, 2012.

А. А. Захарова

ЛЕНИН (наст. фам. — Ульянов) Владимир Ильич (10.04.1870, Симбирск (ныне Ульяновск) — 21.01.1924, усадьба Горки Подольского у. Московской губ.), деятель рус. революционного движения, глава советского правительства в 1917–1922 гг. Сын инспектора, вполн. директора

народных уч-щ Симбирской губ. И. Н. Ульянова (1831–1886). Был крещен 16 апр. 1870 г. в Никольском храме Симбирска. В 1879–1887 гг. учился в Симбирской гимназии, к-рую окончил с отличием. С 16 лет В. Ульянов являлся сознательным атеистом, однако открыто с Церковью в юности не порывал (как это представлялось вполн. в советской историографии; см., напр: *Трофимов Ж. А.* Дух революции витал в доме Ульяновых: Симбирские страницы биографии В. И. Ленина. М., 1985. С. 121). В мае 1887 г. был казнен его старший брат Александр, руководитель народнической организации, готовившей покушение на имп. *Александра III Александровича*. В сент. того же года В. Ульянов поступил на юридический фак-т Казанского ун-та, но через 4 месяца был исключен за участие в студенческих беспорядках. В нояб. 1891 г. сдал экстерном экзамены за курс юридического фак-та С.-Петербургского ун-та. С нач. 1892 г. работал помощником присяжного поверенного в Самаре, с сент. 1893 г. — в С.-Петербурге; принимал участие в деятельности нелегальных марксистских кружков.

В дек. 1895 г. арестован, помещен в с.-петербургский окружной дом предварительного заключения («Шпалерная тюрьма»), где содержался более года. В февр. 1897 г. приговорен к 3 годам ссылки, которую отбывал в с. Шушенском Минусинского у. Енисейской губ. После окончания срока ссылки выехал в июле 1900 г. в Зап. Европу (1-я эмиграция). Проживал в Германии, Великобритании, Швейцарии. Стал одним из основателей Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). С дек. 1901 г. публиковал статьи в периодической печати под псевдонимом Ленин, ставшим общеизвестным. В 1903 г. возглавил в РСДРП революционную фракцию большевиков, к-рая впоследствии оформилась в самостоятельную партию. В нояб. 1905 г. во время первой русской революции вернулся по поддельным документам в Россию, руководил организационно-партийной и пропагандистской работой. С авг. 1906 г. проживал на территории имевшей автономный статус Финляндии, в дек. 1907 г. выехал за пределы Российской империи (2-я эмиграция). Жил в Швейцарии, Франции, Австро-Венгрии. В авг.

1914 г., после начала первой мировой войны, арестован австро-венгерскими властями как российский подданный, но вскоре освобожден; выехал в нейтральную Швейцарию. После Февральской революции вернулся в апр. 1917 г. в Петроград (проехал через территорию воюющей с Россией Германии с согласия немецких властей) и начал подготовку захвата власти в стране. В связи с неудачей 1-го выступления большевиков в июле того же года перешел на нелегальное положение, в авг.—окт. проживал на территории Финляндии. Вернулся в Петроград непосредственно перед свержением Временного правительства и приходом большевиков к власти (Октябрьская социалистическая революция). С 27 окт. 1917 г. председатель советского правительства — Совета народных комиссаров (СНК). Был признанным лидером («идейным вождем») правящей большевистской партии (с марта 1918 — Российская коммунистическая партия (большевиков) (РКП(б)), формально не занимал там руководящих постов, являлся одним из членов ЦК РКП(б), с марта 1919 г. — одним из членов Политбюро ЦК РКП(б). С нояб. 1918 г. председатель Совета обороны (с апр. 1920 — Совет труда и обороны), главного военно-хозяйственного и планирующего органа Советского гос-ва.

При Л. было полностью изменено гос. и общественное устройство страны. Провозглашалось, что вся власть в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике (РСФСР) принадлежит советам рабочих и крестьянских депутатов. Фактически гос-вом руководила верхушка РКП(б) во главе с Л. Все др. политические партии были запрещены, оппозиционная печать ликвидирована, избранное на всеобщих демократических выборах Учредительное собрание разогнано, политические и идейные противники большевиков подвергались репрессиям. Были национализированы крупные земельные владения, промышленные предприятия, банки, железнодорожный и водный транспорт. Разложение большевиками русской армии привело к продвижению нем. войск вглубь страны. После заключения в марте 1918 г. сепаратного Брестского мира с Германией (денонсирован после ее поражения в первой мировой войне в нояб. того же года) правительство Л. оказалось

в международной изоляции; началась интервенция стран Антанты, поддержавших Белое движение. С мая 1918 г. большая часть страны была охвачена гражданской войной. Под постоянным контролем большевиков оставались в основном центральные регионы Европ. России, но и там хозяйство пришло в состояние разрухи. В этих условиях правительство Л. сосредоточилось на создании регулярной Красной Армии и предельной милитаризации экономики. Проводилась политика т. н. военного коммунизма, заключавшаяся в системе чрезвычайных мер: принудительное изъятие продовольствия у крестьян (продразверстка), перевод рабочих фактически на казарменное положение, полный запрет частной торговли и предпринимательства. После покушения на Л. 30 авг. 1918 г. массовый характер принял «красный террор».

К кон. 1919 г. Красной Армии удалось разгромить главные силы белых формирований, а к кон. 1920 г. военные действия в основном были завершены (кроме Закавказья, Ср. Азии и Дальн. Востока). Однако социально-экономическое положение страны оставалось крайне тяжелым, повсеместно происходили антибольшевистские восстания. В марте 1921 г. по инициативе Л. произошел переход к новой экономической политике (нэп). Продразверстка была заменена продналогом, разрешена свободная торговля, денационализирована мелкая и средняя промышленность. Это помогло стабилизировать политическую ситуацию и начать восстановление экономики. Л. принимал меры по выходу из дипломатической изоляции. В 1920 г. были подписаны мирные договоры с Финляндией и прибалтийскими государствами, в 1921 г. — с Польшей, Турцией, Ираном и Афганистаном, заключено важное торговое соглашение с Великобританией. В апр.—мае 1922 г. советская делегация участвовала в международной Генуэзской конференции, что означало фактическое признание РСФСР западными странами. Под рук. Л. произошло образование новых форм советской государственности. В дек. 1922 г. формально независимые РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР и Закавказская СФСР объединились в Союз Советских Социалистических Республик (СССР).

В мае 1922 г. Л. пережил первый инсульт, приведший к временному параличу и частичной утрате речи. В окт. того же года он смог вернуться к работе, однако в дек. его состояние вновь резко ухудшилось, после чего Л. отошел от руководства страной и активной деятельности. Последний год жизни проживал в подмосковной усадьбе Горки. После кончины гроб с забальзамированным телом Л. был помещен в специально построенном у стен Московского Кремля мавзолее.

В дооктябрьский период Л. не придавал религ. проблематике важного значения, этой теме он посвятил всего неск. небольших работ в большевистской печати. В статьях «Социализм и религия» (Новая жизнь. 1905. № 28. 3 дек.) и «Об отношении рабочей партии к религии» (Пролетарий. 1909. № 45, 13(26) мая) Л. объяснял политику большевизма в религиозном вопросе во время и после первой рус. революции 1905–1907 гг. Он дал резко негативные характеристики религии как «одного из видов духовного гнета», «род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ», указывал, что «все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманинию рабочего класса» (Об отношении рабочей партии к религии // ПСС. Т. 17. С. 416). Нейтральное отношение к религии как к личному, частному делу Л. считал проявлением буржуазного оппортунизма: «Мы требуем, чтобы религия была частным делом по отношению к государству, но мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии» (Социализм и религия // ПСС. Т. 12. С. 143).

Л. писал, что марксизм «беспощадно враждебен религии», что борьба с религией — «азбука всего материализма и, следовательно, марксизма», но при этом отмечал, что «марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди;

эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии» (Об отношении рабочей партии к религии. С. 418). Л. обосновывал возможность партии идти на временные компромиссы, проявлять умеренность в религ. сфере ради политических целей. Он приводил пример забастовки с участием как сознательных рабочих — атеистов, так и «довольно отсталых, связанных еще с деревней и крестьянством рабочих, которые веруют в бога, ходят в церковь или даже находятся под прямым влиянием местного священника, основывающего, допустим, христианский рабочий союз», и указывал, что «атеистическая проповедь может оказаться при таких условиях и излишней и вредной» (Там же. С. 420–421).

По мнению Л., не следовало «выдвигать религиозный вопрос на первое место, отнюдь ему не принадлежащее», чтобы не допустить «раздробление сил действительно революционной, экономической и политической борьбы ради третьестепенных мнений или бредней, быстро теряющих всякое политическое значение». Л. заявлял, что «мы не запрещаем христианам и верующим в бога поступать в нашу партию... мы не заявляем и не должны заявлять в нашей программе о нашем атеизме» (Социализм и религия. С. 146). Позднее он писал: «Мы должны не только допускать, но сугубо привлекать всех рабочих, сохраняющих веру в бога, в с.-д. партию, мы безусловно против малейшего оскорбления их религиозных убеждений». Л. даже ставил вопрос о возможности присутствия в партии представителей духовенства, не дав, впрочем, на него однозначного ответа: «Нельзя раз навсегда и для всех условий объявить, что священники не могут быть членами социал-демократической партии, но нельзя раз навсегда выставить обратное правило... разумеется, подобный случай мог бы быть редким исключением даже в Европе, а в России он и совсем уже мало вероятен» (Об отношении рабочей партии к религии. С. 422). Следует отметить, что Л., приветствуя в целом движение «от религии к социализму», обличал как оппортунистическое движение «от социализма к религии», напр. в виде *богостроительства*, идеи которого

развивали социалисты А. В. *Луначарский* (впосл. нарком просвещения), А. А. Богданов и революционный писатель М. *Горький*. В письме Горькому от 13/14 нояб. 1913 г. Л. гораздо более резко, чем в статьях, отзывался о религии: «Всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье с боженькой есть невыразимейшая мерзость» (Письмо А. М. Горькому // ПСС. Т. 48. С. 226).

Относительная внешняя терпимость Л. к религии определялась политическим прагматизмом, а его личное отношение к христ. вере и к религии вообще было крайне враждебным. Тем не менее Л. допускал сотрудничество с оппозиционно настроенными религиозно-общественными движениями ради совместной антиправительственной борьбы. В 1903 г. на 2-м съезде РСДРП он внес резолюцию о «работе среди сектантства в целях привлечения его к социал-демократии». По инициативе Л. съезд одобрил предложение В. Д. *Бонч-Бруевича* (впосл. управляющий делами СНК) издавать для сектантов пропагандистскую газ. «Рассвет». Известно о контактах Л. в 1905 г. с бывш. свящ. Г. *Гапоном*, к-рый проявлял готовность помочь большевикам в подготовке вооруженного восстания. В связи с деятельностью Гапона после начала первой рус. революции Л. делал вывод: «Наличность либерального, реформаторского движения среди некоторой части молодого русского духовенства не подлежит сомнению: это движение нашло себе выразителей и на собраниях религиозно-философского общества и в церковной литературе. Это движение получило даже свое название: «новоправославное» движение. Нельзя поэтому безусловно исключить мысль, что поп Гапон мог быть искренним христианским социалистом, что именно кровавое воскресенье толкнуло его на вполне революционный путь» (Революционные дни // ПСС. Т. 9. С. 211). При этом Л. призывал однопартийцев проявлять к подобным личностям «осторожное, выжидательное, недоверчивое отношение».

Согласно программе, утвержденной II съездом РСДРП в 1903 г., одной из политических задач партии в ходе революции было отделение Церкви от гос-ва. В 1905 г. Л. дал развернутое объяснение, как

это программное положение будет реализовано после демократической революции: «Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т. е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований совершенно не допустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственной церкви, никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников. Только выполнение до конца этих требований может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы (по спору остающиеся в наших уголовных уложениях и уставах), преследовавшие за веру или за неверие, насиловавшие совесть человека, связывавшие казенные местечки и казенные доходы с раздачей той или иной государственно-церковной сивухи». Л. указывал на недовольство таким положением Церкви среди правосл. священнослужителей и выражал готовность «поддерживать это движение, доводя до конца требования честных и искренних людей из духовенства, ловя их на словах о свободе, требуя от них, чтобы они порвали решительно всякую связь между религией и полицией». В случае отказа русского духовенства от «последовательных требований свободы» Л. угрожал тем, что «тогда сознательные рабочие всей России объявляют вам беспощадную войну» (Социализм и религия. С. 144–145).

В ст. «Классы и партии в их отношении к религии и церкви» (Социал-Демократ. 1909. № 6. 4(17) июня) Л. дал на основе бюджетных дебатов в Гос. Думе характеристики основ-

ным партиям России по их взглядам на государственно-церковные отношения. Важно отметить, что в этой статье Л. заявил о появлении в России реакционного клерикализма как самостоятельной политической силы: «Первые же раны, нанесенные самодержавию, заставили социальные элементы, поддерживающие самодержавие и нуждающиеся в нем, выйти на свет божий. С массами... нельзя уже бороться только старым кнутом. Надо выступать на поприще самостоятельных политических организаций... надо, чтобы «князья церкви — епископы» организовали реакционное духовенство в самостоятельную силу» (Классы и партии... // ПСС. Т. 17. С. 432–433). Вне зависимости от обоснованности таких выводов Л. подобные высказывания означали его отношение к иерархии Русской Православной Церкви («реакционному духовенству») уже не только как к части правительственного аппарата Российской империи, но и как к отдельной, враждебной большевикам политической организации. Уже в тот период Л., очевидно, предполагал, что после прихода к власти необходимо не только отделить Церковь от гос-ва, но и осуществить репрессии против церковной орг-ции, поскольку она представлялась как контрреволюционная политическая структура.

По мнению Л., буржуазные партии, критикуя клерикализм правых сил и требуя реформ в религ. сфере, на самом деле стремились укрепить Церковь: «Октябрист воюет против крайностей клерикализма и полицейской опеки для усиления влияния религии на массы, для замены хотя некоторых средств оглуления народа, слишком грубых, слишком устарелых, слишком обветшавших, недостигающих цели, — более тонкими, более усовершенствованными средствами. Полицейская религия уже недостаточна для оглуления масс, давайте нам религию более культурную, обновленную, более ловкую, способную действовать в самоуправляющемся приходе, — вот чего требует капитал от самодержавия». Л. цитировал выступления депутатов-центристов и отмечал их сходство с высказываниями правых в том, что представители буржуазных партий ставили Церковь выше политики, показывали ее значение как защитницы

вечных ценностей, видели в религ. вере основу народной нравственности, спрашивали себя и других: «Чем заменить понятие греха, чем заменить указание совести? Ведь не может же быть, чтобы это было заменено понятием классовой борьбы и прав того или другого класса». Приводя подобные цитаты своих политических оппонентов, Л. зло высмеивал их, заявлял, что истинные цели буржуазных партий — «одурачить хоть часть отсталых рабочих и, в особенности, мещан и крестьян... помочь обновленной церкви выполнить ее «великое, святое дело» поддержания духовного рабства народных масс» (Там же. С. 436). Как образцовое выступление, демонстрирующее пролетарское отношение к Церкви и религии, Л. привел слова депутата-большевика П. И. Суркова, назвавшего духовенство «кровавыми врагами народа, затемняющими народное сознание».

В послереволюционный период Л. не занимался религ. проблемами систематически и, как правило, избегал развернутых публичных выступлений на эти темы. Напр., на просьбу издателя британской газ. «Дейли Геральд» Дж. Лансбури, беседовавшего в февр. 1920 г. с главой советского правительства, в т. ч. об отношении большевиков к религии, изложить это в виде статьи Л. ответил отказом, сославшись на то, что П. А. Красиков справится с этим лучше, т. к. «специально ведет эти дела» (Ленин. ПСС. Т. 51. С. 263). В то же время Л. был непосредственно причастен к принятию практически всех принципиально важных решений советского правительства и большевистской партии по церковной политике.

Октябрьская революция 1917 г. принципиально изменила религ. ситуацию в стране и характер государственно-церковных отношений. Прежде всего это относилось к православной Церкви — крупнейшей и влиятельнейшей конфессии, ранее официально занимавшей в России первенствующее положение. При негативном отношении ко всем религиям большевики проявляли к Православии особую враждебность. Отношения Советского государства с Церковью с самого начала приняли конфликтные формы. Показательно, что избрание Поместным Собором Православной Российской Церкви

1917–1918 гг. патриарха свт. Тихона происходило во время ожесточенных боев в центре Москвы, когда соборная делегация тщетно просила революционеров отказаться от артиллерийского обстрела святынь Московского Кремля. Приход к гос. руководству большевистской партии означал для Русской Церкви наступление эпохи жестоких гонений. Установление по стране советской власти сопровождалось серией жестоких расправ революционных отрядов над представителями духовенства. Так, 31 окт. 1917 г., после отражения похода на Петроград войск ген. П. Н. Краснова, призванных Временным правительством, в Царском Селе был убит прот. сщмч. *Иоанн Кочуров*, один из организаторов крестного хода об установлении мира. Прот. Иоанн стал первым в числе новомучеников Русской Церкви XX в. 19 янв. 1918 г. в Петрограде был убит прот. сщмч. *Петр Скипетров*; он пытался успокоить толпу красногвардейцев, явившихся закрывать Александровскую лавру. 25 янв. (7 февр.) того же года, во время боев за Киев, в Киево-Печерской лавре революционными солдатами был убит Киевский митр. сщмч. *Владимир (Богоявленский)* — первый архiereй, принявший мученическую смерть после Октябрьской революции. 4(17) февр. также под Киевом красногвардейцы убили Измаильского еп. *Дионисия (Сосновского)*. Убийства священников и мирян, вставших на защиту своих храмов, происходили в Елабуге, Солигаличе, Севастополе, Переславле-Залесском, др. городах и селениях по всей стране. 31 марта 1918 г. на торжественной заупокойной литургии патриарх Тихон помянул поименно 15 первых новомучеников духовного сана «и иных многих священного, иноческого и мирского чина, их же имена Ты, Господи, веши». В первые месяцы после революции советская власть, как правило, отрицала свою причастность к убийствам представителей духовенства, однако очевидна связь этих расправ с большевистской пропагандой, объявлявшей священников врагами революции, защитниками интересов помещиков и капиталистов.

На словах большевики заявляли о своей приверженности демократическим принципам равенства всех религий и свободы совести. Первые законодательные акты советской

власти в религ. сфере действительно формально продолжали курс прежнего буржуазного правительства на создание внеконфессионального гос-ва (см. ст. *Временное правительство и его вероисповедная политика*). Принятая СНК 2 нояб. 1917 г. «Декларация прав народов России» провозглашала «отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений» и по существу повторяла положения «Декларации Временного правительства о его составе и задачах» от 3 марта того же года, постановления Временного правительства от 20 марта «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» и от 14 июля «О свободе совести». Постановление Наркомата просвещения (Наркомпрос) от 11 дек. 1917 г. «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение комиссариата по народному просвещению», переводившее все духовные учебные заведения под управление Наркомпроса, основывалось на постановлении Временного правительства от 20 июня того же года об объединении учебных заведений разных ведомств (в т. ч. духовного) в ведение Министерства народного образования.

Однако если Временное правительство инициировало лишь некоторые частичные реформы в религиозной сфере, предполагая окончательное урегулирование государственно-церковных отношений после Учредительного собрания, то советская власть немедленно начала решительное и последовательное наступление на позиции Церкви. Одним из самых первых советских законодательных актов стал декрет «О земле» от 27 окт. 1917 г., к-рый отменял право собственности на все монастырские и церковные земли. 16 дек. того же года был выпущен декрет «О расторжении брака», а 18 дек. — «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», согласно к-рым регистрация актов брака, рождения и смерти переходила от религиозных орг-ций в ведение гос. органов. В кон. дек. 1917 — янв. 1918 г. произошло увольнение из армии и флота военных духовников, были закрыты дворцовые и нек-рые домовые храмы, конфискована синодальная типография, из-за чего прекратился выпуск «Церковных ведомостей» и «Церковно-об-

щественного вестника». 4 янв. 1918 г. СНК постановил реквизировать помещения Александровской лавры (что было сорвано организованным сопротивлением верующих, но привело к жертвам), а также имущество храмов Московского Кремля. Позднее Л. в одной из своих публичных речей упомянул религ. вопрос среди задач, с к-рыми не могло справиться Временное правительство, а большевики решили их за самый короткий период: «За какие-нибудь десять недель, начиная от 25 октября (7 ноября) 1917 г. до разгона учредилки (5 января 1918), мы сделали в этой области в тысячу раз больше, чем за восемь месяцев своей власти сделали буржуазные демократы и либералы (кадеты) и мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсеры)» (Четырехлетняя годовщина Октябрьской революции // ПСС. Т. 44. С. 145). Эту решительность Л. объяснял тем, что большевики, в отличие от Временного правительства, не испытывали никакого уважения к «пережиткам, остаткам крепостничества... трижды проклятого средневековья», к которым он относил и религию: «Мы с религией боремся и боремся по-настоящему». Т. о., действительной целью религ. политики советской власти было не разграничение сфер гос. и церковной деятельности, а прямая борьба с Церковью.

Особое значение сразу после прихода большевиков к власти Л. придавал разработке основного законодательного акта, к-рый должен был определить место религии в Советском гос-ве. В нояб. 1917 г. по его поручению примкнувший к большевикам свящ. М. В. Галкин (вскоре снял с себя сан) составил проект закона «По разграничению сферы деятельности государственной и сферы чисто церковной» (*Кравчин М. Ю., Макаров Ю. Н.* «Незаменим для работы в области проведения декрета отделения церкви от государства»: Документальный портрет М. В. Галкина (1885–1948) // *Былые годы. Сочи, 2014. № 4(34). С. 646*). Законопроект предполагал объявление религии частным делом каждого человека, а религ. объединений — частными союзами, свободно управляемыми своими делами. Подтверждалась передача от Церкви государственным органам функций записи актов гражданского состояния; преподавание Закона Божьего в высшей, сред-

ней и начальной школе становилось необязательным. Проект декрета, опубликованный в центральном органе большевистской партии (Правда. 1917. № 205, 3 дек.), не выходил за рамки прежних деклараций.

Л. не устроил такой умеренный вариант, он настаивал на принятии закона, к-рый бы полностью изменил правовое и имущественное положение религ. орг-ций. Подобный закон был направлен прежде всего против РПЦ, имевшей в прошлом особый гос. статус и обладавшей значительной собственностью. 11 дек. 1917 г. на заседании СНК Л. поднял вопрос «об ускорении проведения в жизнь отделения церкви от государства». Для работы над законопроектом была создана комиссия во главе с наркомом юстиции и просвещения. 31 дек. эсеровская газ. «Дело народа» сообщила о намерении советского правительства издать в ближайшее время закон, лишавший Церковь юридических прав и всего имущества. Эти сведения взбудоражили правосл. общественность. 10 янв. 1918 г. Петроградский митр. сщмч. *Вениамин (Казанский)* направил открытое письмо в СНК, в к-ром предупреждал, что принятие такого закона «угрожает большим горем и страданиями православному русскому народу» и может вызвать стихийные волнения. Он призвал власти не принимать декрета «об отобрании церковного достояния». Л., ознакомившись с письмом митр. Вениамина, написал резолюцию: «Очень прошу коллегия при комиссариате юстиции поспешить с разработкой декрета об отделении церкви от государства».

20 янв. 1918 г. законопроект был рассмотрен и утвержден на заседании СНК. Первоначально он назывался декретом «О свободе совести, церковных и религиозных обществ» (название «*Об отделении церкви от государства и школы от церкви*» появилось после публикации в сб. «Собрания узаконений» 26 янв. того же года). В законе повторялись принципы свободного исповедания любой религии, утверждалось лишение религ. орг-ций материальной поддержки со стороны гос-ва, при этом устанавливались серьезные ограничения на их деятельность. Вводился прямой запрет на преподавание религ. вероучений во всех школах (включая частные) с преподаванием общеобразовательных

предметов. Наиболее тяжелым для Церкви было лишение ее юридических и имущественных прав: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием». Декрет заложил основы бесправного положения Церкви на весь период существования советской власти. В ходе работы над окончательным текстом декрета Л. лично внес в него ряд поправок. Он заменил 1-ю фразу: «Религия есть частное дело каждого гражданина Российской Республики» словами «Церковь отделяется от государства», добавил положение об устранении из офиц. актов любых указаний на религ. принадлежность граждан и включил в пункт о национализации церковной собственности принципиально важное уточнение о передаче религ. об-вам молитвенных зданий и богослужебных предметов в бесплатное пользование по особым постановлениям местной или центральной власти. Особое значение Л. придавал лишению Церкви прав собственности. Собщая о принятии закона в радиogramме от 22 янв. 1918 г., он назвал его «Декретом о полном отделении церкви от государства и о конфискации всех церковных имуществ» (Всем, всем! // ПСС. Т. 35. С. 322). Возможно, Л. со своим материалистическим мировоззрением предполагал, что уничтожение материальной основы церковной орг-ции должно привести к ее быстрому упадку.

В день законодательного отделения Церкви от гос-ва вышло распоряжение наркома гос. признания А. М. Коллонтай: «Выдачу средств на содержание церквей, часовен и совершение религиозных обрядов прекратить, выдачу же содержания священнослужителям и законоучителям прекратить с 1 марта сего года». 24 янв. 1918 г. был выпущен декрет «О введении в Российской Республике западноевропейского календаря». С этого времени гос-во и правосл. Церковь стали жить по разным календарным стилям. В первые годы советской власти сосуществование гос. и церковного календарей не создавало серьезных проблем, однако в дальнейшем, когда власти стали видеть в переходе на новый стиль признак лояльности, эта проб-

лема приобрела для Церкви острый характер. 14 февр. 1918 г. вышел декрет об упразднении придворного духовенства и передаче благотворительных учреждений дворцового ведомства со всеми капиталами в ведение Наркомата призрения и закрытии придворных соборов и церквей. Через неделю после принятия декрета «Об отделении церкви от государства» отряд красногвардейцев занял помещения Синода в Петрограде, конфисковав ценные бумаги и активы на сумму 46 млн р. Работа прежних синодальных органов была прекращена. При этом большевики пока не вмешивались в деятельность учрежденных Поместным Собором высших органов церковного управления в Москве — возглавляемых патриархом Синода и Высшего Церковного Совета.

Поместный Собор своим постановлением от 25 янв. (7 февр.) 1918 г. назвал декрет «Об отделении церкви от государства» покушением на весь строй церковной жизни и актом открытого гонения на Церковь. Собор призвал верующих объединяться для защиты святынь. По всей стране созывались собрания духовенства и мирян, создавались объединения приходов. В янв. — начале февр. в Петрограде, Москве, во мн. др. городах состоялись многолюдные крестные ходы. В Харькове, Воронеже, Самаре, Шацке и Туле по мирным церковным шествиям был открыт огонь со стороны красногвардейцев, среди верующих были жертвы. Видимо, в это время в советском руководстве обсуждалась возможность проведения организованных репрессий против правосл. Церкви. Л. поручил управляющему делами СНК Бонч-Бруевичу передать патриарху Тихону, что «Советская власть не собирается надевать на его голову венец мученичества, но все те, кто будут распространять его произведения, будут арестовываться и предаваться суду» (*Бонч-Бруевич В. Д. Избранные атеистические произведения. М., 1973. С. 142*). Вместе с тем активные выступления против принятия декрета «Об отделении церкви от государства» оказались неожиданными для большевиков, к-рые рассчитывали, что декрет не встретит серьезного сопротивления. К тому же в февр. — марте 1918 г. положение Советского гос-ва стало особенно неустойчивым из-за наступления нем. войск и утраты ог-

ромных территорий на западе страны. В таких условиях большевики сочли возможным вступить в диалог с Церковью и выразили готовность пойти на определенные уступки по менее важным для них на тот момент религ. вопросам.

Была достигнута договоренность о встрече Л. с прибывшей в Петроград из Москвы делегацией Поместного Собора во главе с бывш. обер-прокурором Синода А. Д. Самариным и проф. МДА Н. Д. Кузнецовым. В последний момент из-за срочного переезда советского правительства в Москву встреча была перенесена туда. Однако в последующих переговорах, проходивших в Москве с 27 марта, Л. не принял участия (в дальнейшем он будет продолжать избегать личных контактов с офиц. представителями Церкви). С соборной делегацией встречались нарком юстиции Д. И. Курский, Бонч-Бруевич и М. Т. Елизаров, зять Л. Советские представители заявили о возможности смягчения норм декрета «Об отделении церкви от государства» при его практической реализации путем издания дополнительных инструкций и постановлений с учетом интересов Церкви. Были даны заверения, что все дальнейшие советские законы, затрагивающие вероисповедальные вопросы, будут разрабатываться с участием представителей религ. орг-ций. Утверждалось, что религ. орг-ции смогут получить права юридических лиц, зарегистрировавшись гражданским образом. Бонч-Бруевич дал обещание не закрывать духовные семинарии в Москве, а также позволить верующим посещать святыни Московского Кремля.

Через нек-рое время Л. действительно разрешил проведение пасхальной службы в Кремле (единственный раз за время советской власти). Временный доступ к кремлевским святыням оказался единственной уступкой, сделанной советским правительством во исполнение обещаний, данных на переговорах с соборной делегацией. В апр. 1918 г. СНК образовал Межведомственную комиссию по выработке инструкции по ведению отделения Церкви от гос-ва. В нее предписывалось включить представителей всех заинтересованных орг-ций, ведомств и компетентных лиц, однако привлечения для работы в комиссию представителей религиозных орг-ций, вопреки

ранее обещанному, не произошло. 8 мая Межведомственная комиссия была упразднена, а вместо нее при Наркомате юстиции (НКЮ) был создан 8-й (с 1922 — 5-й) *отдел по проведению в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства»* — главное правительственное учреждение, ответственное за религ. политику в стране. Неофициально 8-й отдел также назывался Ликвидационным, поскольку его основной задачей была полная ликвидация прежней, дореволюционной системы государственно-церковных отношений. Существовало и более расширительное толкование задач отдела: ликвидация всей иерархической системы управления РПЦ и преобразование ее в совокупность самоуправляемых религ. общин. Руководителем 8-го отдела стал замнаркома юстиции Красиков, известный особой нетерпимостью к религии.

В мае 1918 г. происходит новое усиление давления на Церковь. Видимо, это было связано с общим ужесточением внутренней политики РКП(б) из-за начала полномасштабной гражданской войны (мятеж Чехословацкого корпуса в Поволжье, Сибири и на Дальн. Востоке). Возможно также, что большевики стали воспринимать как реальную угрозу растущую религиозную активность, проявившуюся, напр., в общенародном праздновании Пасхи и особенно в устроенном 22 мая 1918 г. Союзом православных приходов Москвы грандиозном крестном ходе на Красной пл. Эти мероприятия по масштабам превзошли устроенные ранее большевиками торжества в честь 1 мая и воспринимались советскими властями как «собрание сил организующей контрреволюции». ЦК РКП(б) принял постановление по поводу того, что «в последнее время усилилась агитация духовенства против Советской власти». Для противодействия этому было решено «повести против духовенства усиленную письменную агитацию», а также «принять меры по вселению городской бедноты в монастырские и иные духовные дома». Начался активный процесс захвата и изъятия монастырских и церковных зданий в крупных городах. В Москве, вопреки обещанию Бонч-Бруевича, в зданиях духовных семинарий были размещены военные части. Принятая 10 июля 1918 г. Конституция РСФСР подтвердила поло-

жения декрета «Об отделении церкви от государства»: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» (Гл. 2. П. 13). Конституция утвердила лишение избирательных прав духовенства наряду с преступниками, бывш. полицейскими и др. лицами, «живущими на нетрудовые доходы»: «Не избирают и не могут быть избранными... монахи и духовные служители церквей и религиозных культов» (Гл. 13. П. 65).

В ответ на практику защиты храмов от погромщиков через сбор прихожан колокольным звоном 30 июля вышло постановление СНК «О набатном звоне», согласно которому за созыв населения набатом виновные предавались суду трибунала. 24 авг. 1918 г. была издана инструкция НКЮ «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»». Вопреки обещаниям представителей СНК на переговорах с соборной делегацией в марте—апр., этот документ был составлен без участия представителей религ. орг-ций и еще более ужесточил требования к религ. объединениям. Инструкция разъясняла порядок предоставления молитвенных зданий в пользование общинам верующих после обязательного заключения договора с местными органами власти и описи их представителями церковного имущества. Утверждалось полное изъятие у религ. об-в всего небогослужебного имущества, закрывались все религ. благотворительные и просветительские об-ва. 20 сент. 1918 г. из-за конфискации помещений Московского епархиального дома, где проходили соборные заседания, преждевременно прекратил свою работу Всероссийский Поместный Собор. Участились случаи нападения большевистских отрядов на мон-ри с разграблением или конфискацией монастырского имущества. При этом нередко были случаи жестоких расправ с насельниками монашеских обителей или мирянами, вставшими на их защиту.

По отношению к активному духовенству все чаще применялось тюремное заключение. Масштаб арестов стал настолько значителен, что 11 июня 1918 г. ВЧК сочла нужным

оповестить население: «...ни один священник, епископ и т. д. не был и никогда не будет арестован только за то, что он духовное лицо; те же, кто ведет контрреволюционную деятельность, независимо от своей принадлежности к духовному званию, будут привлекаться к ответственности, но не за религиозную, а за антиправительственную деятельность». Подобная аргументация в отношении преследования духовенства будет использоваться в дальнейшем практически все время существования советской власти. На первом этапе репрессий власти еще избегали офиц. вынесения священнослужителям смертных приговоров. Однако все чаще стали происходить внесудебные расправы над духовенством. В июне был убит Пермский архиеп. сщмч. *Андроник (Никольский)* в Перми, в р. Тобол красноармейцы утопили Тобольского еп. сщмч. *Ермогена (Долганёва)*. В авг. в Свяжске от рук красноармейцев погиб Сарапульский еп. сщмч. *Амвросий (Лудко)*. Тогда же жертвой расправы стал Черниговский архиеп. сщмч. *Василий (Богоявленский)*, посланный Поместным Собором в Пермь с согласия советских властей для расследования обстоятельств кончины архиеп. Андроника. На обратном пути между Пермью и Вяткой архиеп. Василий и др. члены соборной делегации были схвачены и расстреляны ворвавшимися в поезд солдатами. В зачитанном на заключительном заседании Поместного Собора докладе соборной комиссии о гонениях в списке новомучеников было перечислено 4 архиерея, 2 архимандрита, 8 протоиереев, 20 священников, 8 монахов и 7 мирян. Имена 7 убитых священников и 18 мирян комиссии установить не удалось, эти данные были далеко не полными.

Репрессии приняли организованный характер после издания 5 сент. 1918 г. декрета СНК «О «Красном терроре»», который предписывал обеспечить защиту Советской Республики «от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях», а также постановляла, что «подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам». Священнослужителей расстреливали за одну только принадлежность к духовному сословию, обычно объединяя в группы приговоренных вместе с бывш. офицера-

ми рус. армии, чиновниками, политическими деятелями и предпринимателями, либо как заложников в ответ на террористические акты против советских руководителей, либо по абсолютно надуманным обвинениям в подготовке вооруженных выступлений против советских властей. Сам Л. в период гражданской войны включал духовенство в категорию потенциальных врагов новой власти, против которых должны быть в первую очередь направлены репрессии. Так, в телеграмме в Пензенский губисполком после антибольшевистского крестьянского восстания в авг. 1918 г. Л. указывал: «...провести массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города» (ПСС. Т. 50. С. 143–144). Всего в 1918 г., согласно данным ВЧК, по приговорам революционных трибуналов было расстреляно 827 священнослужителей (по др. сведениям — ок. 3 тыс.). Одними из первых жертв объявленного террора стали казненный в Смоленске Взземский еп. сщмч. *Макарий (Гневушев)*, а также расстрелянные в Москве Селенгинский еп. сщмч. *Ефрем (Кузнецов)* и настоятель собора Василия Блаженного прот. сщмч. *Иоанн Восторгов*. В Петрограде в первые месяцы террора было расстреляно более 20 священнослужителей, в т. ч. настоятель Казанского собора прот. сщмч. *Философ Орнатский* с 3 сыновьями. В сент. 1918 г. в Кирилло-Белозерском монастыре был убит Кирилловский еп. сщмч. *Варсонофий (Лебедев)*, в Верном (ныне Алматы) — Семиреченский еп. сщмч. *Пимен (Белоликов)*, в окт. в Вятке расстреляли еп. бывш. Михайловского *Исидора (Колоколова)*, в нояб. в Н. Новгороде был казнен Балахнинский еп. сщмч. *Лаврентий (Князев)*.

По поводу смерти еп. Лаврентия патриарх Тихон обратился с запросом в СНК: «Это уже десятый архиерей православной церковной иерархии Российской, подвергшийся насильственной смерти. Обращаюсь к Совету Народных Комиссаров с просьбой сообщить, за какие вины пострадал преосвященный Балахнинский Лаврентий». На этот запрос в Нижегородской губЧК был составлен следующий ответ: «Да, епископ Лаврентий — пока только «десятый архиерей православной церковной иерархии Российской», подвергнутый расстрелу, и других

надесятых архиереев ждет та же участь, что и десятого Лаврентия. До тех пор всех этих господ архиереев Советская власть будет расстреливать, пока окончательно не сломит, не задавит преступную контрреволюционную деятельность высших иерархов среди низших своих соратников и среди всего народа Республики Российской... Патриарх Тихон, собиравшийся отслужить благодарственное всенародное молебствие при успехе авантюры Локкарта, пусть ограничится тем, что отслужит панихиду по своим титулованным соратникам вполне основательно и законно расстрелянным за их контрреволюционную деятельность» (ЦАНО. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 19963. Л. 14–16).

Прямая угроза в это время нависла и над самим патриархом. В большевистской печати свт. Тихона открыто обвиняли в причастности к «заговору Локкарта» — попытке свержения советского правительства, якобы организованной главой брит. миссии в Москве Р. Локкартом и предотвращенной ВЧК. В первую годовщину прихода большевиков к власти патриарх Тихон обратился с открытым посланием к СНК. Указывая на невыполнение большевиками всех данных ими по приходу к власти обещаний, патриарх особо остановился на нарушениях свободы в делах веры: «Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства... Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их последнюю волю. Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей, без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль — это священное достояние всего верующего народа». Свт. Тихон писал о проводимых большевиками кровавых репрессиях: «Казнят епископов, священников, монахов и монахинь. Ни в чем не повинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной контрреволюции». Патриарх увещевал большевистских правителей: «...отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению по-

рядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани» (Акты свт. Тихона. С. 149–151). 24 нояб. был проведен обыск в патриаршей резиденции в Троицком подворье, патриарх был помещен под домашний арест, затем доставлен на допрос в ВЧК. Свт. Тихон отверг обвинения в призывах к свержению советской власти: «Никаких воззваний о свержении Советской Власти» я не подписывал и никаких действий для этого не предпринимал и предпринимать не собираюсь. Что многим мероприятиям народных правителей я не сочувствую и не могу сочувствовать, как служитель Христовых начал, этого я не скрываю, но... не наше дело судить о земной власти, Богом допущенной, а тем более предпринимать действия, направленные к ее низвержению» (Следственное дело Патр. Тихона. М., 2000. С. 75). 6 янв. 1919 г. после многочисленных ходатайств со стороны Синода и объединений прихожан патриарх был освобожден из-под домашнего ареста.

В течение 1918 г. для советского руководства становилась все более очевидной неудача расчетов на самоликвидацию РПЦ после лишения ее гос. субсидий и конфискации собственности. Благодаря поддержке верующих и твердой позиции священноначалия Церковь смогла выстоять в трудных условиях. Определенные затруднения с проведением религ. политики возникли и из-за неорганизованности советского аппарата на местах. 8-й отдел НКЮ обвинял местные органы как в превышении своих полномочий в антицерковных действиях («конфискация предметов культа без составления описей, расстрелы и аресты без санкции вышестоящих органов и т. п.»), что вредило репутации власти у населения, так и в отсутствии должного внимания к исполнению декрета «Об отделении церкви от государства». В результате в ряде губерний продолжало действовать большинство церковноприходских школ, а преподавание Закона Божьего происходило «едва ли не повсеместно», метрические книги по-прежнему велись духовенством. Из-за «всевозможных затруднений» практическое осуществление декрета «Об отделении церкви от государства» затянулось на несколько лет и в некоторых регионах закончилось уже после 1921 г. Впрочем,

полное исполнение законодательных норм в области образования, благотворительности или ведения метрических записей не было определяющей целью советской религ. политики, сосредоточенной прежде всего на разрушении основ церковной организации.

В кон. 1918 — нач. 1919 г. происходит переход от первых стихийных «кавалерийских атак на Церковь» к более организованному наступлению на религ. орг-ции. Позднее в советской атеистической лит-ре этот период антицерковной борьбы получил название «бури и натиска». Большевицкое руководство в некоторой степени пересмотрело взгляды на причины значительного влияния Церкви в обществе. Если раньше это связывалось прежде всего с материальными церковными богатствами, то теперь объяснялось гл. обр. наличием религ. предрассудков у отсталых масс населения. Следов., важнейшим оружием борьбы с Церковью становилась антирелиг. пропаганда, решительное наступление на «религиозное мракобесие» для скорейшей победы над «темнотою масс». Подобные взгляды получили свое отражение в принятой в марте 1919 г. на VIII партийном съезде Программе РКП(б), составленной под рук. и при личном участии Л. В области религ. политики большевикам отныне предлагалось не удовлетворяться отделением Церкви от гос-ва, а «неуклонно осуществлять фактическое освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков посредством пропаганды и повышения сознания масс». При этом в партийной программе оговаривалось, что вести пропаганду против Церкви нужно «заботливо избегая всякого оскорбления чувств верующей части населения и закрепления религиозного фанатизма». В данном уточнении, очевидно, проявлялась осторожность Л., опасавшегося во время гражданской войны лишиться поддержки крестьянства из-за чрезмерных антицерковных акций. Ранее, в нояб. 1918 г., в выступлении на I Всероссийском съезде работников Л. сказал: «Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно острожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения. Внося остроту в борьбу, мы мо-

жем озлобить массу; такая борьба укрепляет деление масс по принципу религии, наша же сила в единении. Самый глубокий источник религиозных предрассудков — это нищета и темнота; с этим злом и должны мы бороться» (ПСС. Т. 37. С. 186).

Впрочем, оскорбление религиозного чувства понималось большевиками достаточно своеобразно. Принятие пункта об уважении чувств верующих в партийной программе произошло в разгар кощунственной кампании по *вскрытию мощей*. Она стала первой и одной из самых крупных подобных общегос. антицерковных акций за всю историю советского периода. В окт. 1918 г., во время погрома в *Александровом Свирском в честь Святой Троицы мужском монастыре* была впервые вскрыта рака с мощами прп. Александра Свирского, где красноармейцы якобы обнаружили «восковую куклу». Получив известия об этом, 8-й отдел НКЮ решил сделать подобную практику повсеместной. С февр. 1919 г. вскрытие мощей приобрело уже массовый характер. 16 февр. Коллегия НКЮ приняла специальное постановление «Об организованном вскрытии мощей». Устроителям кампании казалось, что «разоблачение мошеннических проделок церковников с мощами» (демонстрация глениности останков святых) за короткое время подорвет авторитет Церкви среди народа. Подобных взглядов придерживался в тот момент и сам Л. По воспоминаниям Бонч-Бруевича, Л. говорил: «Показать, какие именно были «святости» в этих богатых раках и к чему так много веков с благоговением относился народ, этого одного достаточно, чтобы оттолкнуть от религии сотни тысяч людей». 17 марта 1919 г. Л., после того как Красиков сумел заинтересовать его «ошеломительным успехом в деле дискредитации церковников» в Александровом Свирском мон-ре, обратился к наркому юстиции Курскому с предложением устроить публичное вскрытие рак с мощами в *Чудовом в честь Чуда архангела Михаила в Хонех мужском монастыре*. Позднее, узнав от Красикова, что при вскрытии мощей прп. Сергия Радонежского в *Троице-Сергиевой лавре* велась кино-съемка, Л. немедленно дал поручение: «Надо проследить и проверить, чтобы поскорее показали это кино по всей России». По свидетельству Бонч-Бруевича, Л. запросил фото-

графии вскрытия раки прп. Сергия и остался ими очень доволен.

Одновременно и взаимосвязанно с кампанией по вскрытию мощей проходило массовое закрытие монастырей. В первый год советской власти положение мон-рей оставалось неопределенным: у обителей изымались земельные угодья и поместья, проводились реквизиции, сельские подвергались репрессиям, однако в целом монашеская жизнь в монастырях сохранялась. С весны 1918 г. начался процесс перехода монашеских обителей на положение сельскохозяйственных артелей или коммун, что позволялось советским законодательством. Однако с осени того же года 8-й отдел НКЮ стал требовать от местных властей «ликвидации черных гнезд» (так мон-ри именовались даже в официальных советских документах). Формальным основанием для таких акций обычно служили распоряжения о выселении из мон-рей «тунеядствующего элемента». При этом разъяснялось, напр., Костромским губисполкомом: «...так как от местной духовной власти предписывалось монашествующим принимать все меры к сохранению монастырей и там, где это нужно для спасения монастыря и монашествующих, свертываться даже в коммуны, то постановлением имелось в виду чрез полное удаление всех монашествующих положить предел развитию таковых фиктивных коммун с одной стороны и с другой не дать возможности оставшимся злобствующим элементам, окружая себя ореолом мученичества, производить враждебную советской власти агитацию» (ГАКО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 513. Л. 2 об). Выселение монахов, как правило, сопровождалось многочисленными эксцессами. У монашеской братии отбирались продовольствие, одежда, обувь, церковные ценности подвергались разграблению.

В нояб. 1918 г. были выселены последние насельники и насельницы Чудова и Вознесенских мон-рей Московского Кремля, вход для верующих к кремлевским храмам был окончательно закрыт. Следующей зимой монашествующие были выселены уже из большей части мон-рей Москвы, здания были заняты под жилье, различные советские учреждения, а также детские приемники, тюрьмы и концлагеря. В Калуге в дек. того же года местные власти приняли реше-

ние о закрытии всех 16 мон-рей на территории губернии с выдворением оттуда монашествующих. Так, в это время была выселена основная часть братии *Оптиной в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы мужской пустыни*. Решением местных властей были закрыты большинство мон-рей в Олонецкой, Вятской, Костромской, Новгородской губерниях. В 1919 г. были введены новые ограничительные меры в отношении деятельности религ. орг-ций. Вышли распоряжения о недопущении преподавания основ религии лицам до 18 лет, о запрете религ. благотворительности, о допустимости закрытия храмов «по запросу трудящихся масс» для использования их зданий под учреждения культуры и образования. Были национализированы все детские воспитательные учреждения. Небольшие церковные приюты закрывались, а их питомцы распределялись по др. детским домам. В связи с тем, что большевики начали спекулятивные внешнеторговые операции, они систематически конфисковывали в пользу гос-ва из храмов изделия из драгоценных металлов.

Во время гражданской войны значительная часть территории страны вышла из-под контроля советских властей. Установившиеся в этих регионах антибольшевистские военные правительства, как правило, проявляли благожелательное отношение к правосл. Церкви; вступавшие в города белые войска приветствовались колокольным звоном. На территориях, занятых армиями адм. А. В. Колчака и ген. А. И. Деникина, в условиях разрыва связей с центральными органами церковной власти действовали автономные *Высшее временное церковное управление Сибири* и *Временное высшее церковное управление на Юго-Востоке России*, которые солидаризировались с борьбой Белого движения. На этих территориях многие архипастыри и клирики включились в политическую деятельность, в белых армиях имелось военное духовенство. Подобные факты активно использовались большевистской пропагандой и служили поводом для антицерковных акций. Прямые репрессии против духовенства приобрели в 1919 г. большой размах, особенно в прифронтовой полосе. Массовые казни священнослужителей происходили, как правило, перед отступ-

лением красных войск, а также после прихода Красной Армии при отступлении белых. В дек. 1918 г. в Перми был казнен (утоплен) Соликамский еп. сщмч. *Феофан (Ильменский)*. В янв. 1919 г. были расстреляны священномученики Белгородский еп. *Никодим (Кононов)* в Белгороде и Ревельский еп. *Платон (Кульбуш)* в Юрьеве (ныне Тарту, Эстония). В июле 1919 г. в Астрахани казнили Астраханского митр. сщмч. *Митрофана (Краснопольского)* и Енотаевского еп. *Леонтия (Вимпфена)*. В окт. 1919 г. в Саратове был казнен Вольский еп. сщмч. *Герман (Косолатов)*. В этот период, по неполным данным следственных органов белых войск, от рук большевиков погибли: в Пермской губ. — 51 священник и 36 монахов и послушников, в Харьковской — 70 иереев, в Воронежской — 160, в Ставропольской — 52, в Кубанской обл. — 43 священника. По всей стране, по подсчетам исследователей, во время гражданской войны было казнено ок. 15 тыс. священнослужителей и активных мирян из приходских союзов и братств. Большое количество верующих подвергалось заключению в тюрьмы и концлагеря. Мн. архипастыри и пастыри были вынуждены покинуть родину.

Патриарх Тихон еще в начале гражданской войны отказался дать благословение Белому движению, осуждая братоубийство, от кого бы оно ни исходило. Патриарх видел спасение от большевизма в духовности, а не в кровавой войне. 8 окт. 1919 г. свт. Тихон обратился с посланием к архипастырям и пастырям, в к-ром заявил о несправедливости обвинений Церкви в «скрытой контрреволюции, направленной якобы к низвержению советского строя». Патриарх призвал духовенство не подавать «никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти», подчиняться «ее велениям» и отказаться от всяких политических выступлений (Акты свт. Тихона. С. 163–164). Патриаршее послание не было попыткой к.-л. приспособленчества к большевистской власти. Оно появилось в дни наибольшего успеха белых войск за все время гражданской войны — одновременного максимального продвижения войск ген. Деникина к Москве, перехода в контрнаступление адм. Колчака в Зап. Сибири и похода ген. Н. Н. Юденича на Петроград. Боль-

шевики в тот момент уже готовили эвакуацию правительственных учреждений в Вологду и создавали структуры для подпольной работы.

Однако успехи белых войск оказались кратковременными, уже к концу окт. 1919 г. Красная Армия перешла на всех фронтах в решающее наступление. В этих условиях фактическое предложение патриарха об установлении нормальных отношений Церкви с Советским государством не нашло отклика. Патриаршее послание обсуждалось 26 окт. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) и 28 окт. на заседании СНК. Высшие органы партийно-гос. власти приняли решение об усилении борьбы с Церковью, дав особое поручение по этому вопросу ВЧК. Разъясняя 27 окт. органам пропаганды ситуацию с посланием патриарха, Красиков расценил его как попытку «усыпить бдительность и энергию советской власти» и призвал продолжать «энергичную антирелигиозную агитацию, вскрытие мошей, разгон очагов реакции, монастырей» (Следственное дело Патриарха Тихона. М., 2000. С. 81–83). Т. о. ответом большевиков на послание свт. Тихона о невмешательстве Церкви в политику стало еще большее усиление репрессий.

Советская власть старалась воспрепятствовать деятельности органов высшего церковного управления. 24 дек. 1919 г. патриарх Тихон был вновь заключен под домашний арест. 25 дек. был арестован ряд членов Синода — митрополиты Новгородский *Арсений (Стадницкий)* и Тифлисский сщмч. *Кирилл (Смирнов)*, Крутицкий архиеп. *Иоасаф (Каллистов)*. Архиереи через некоторое время были освобождены, но патриарх продолжал находиться под домашним арестом. В янв. 1920 г. в Москве состоялся судебный процесс над деятелями Совета объединенных приходов во главе с Самариным и Кузнецовым, ранее выступавшими как участники переговоров с советскими властями со стороны Церкви. Все обвиняемые были приговорены к длительным срокам заключения. По приговорам трибуналов практиковалось массовое заключение нежелательных для советской власти духовных лиц в тюрьмы и лагеря «до завершения гражданской войны». Так, были осуждены митр. Кирилл (Смирнов), архиеп. *Константин (Булычёв)*, епископы *Феодор*

(*Поздеевский*), *Гурий (Степанов)*, священноисп. *Виктор (Островидов)* и др.

Активно продолжалось закрытие мон-рей. В нояб. 1919 г. было принято постановление о ликвидации Троице-Сергиевой лавры как мон-ря. По поручению патриарха и Синода делегация церковных общин г. Сергиева (ныне Сергиев Посад) во главе с проф. МДА И. В. Поповым пыталась отстоять лавру. Попову удалось добиться личных встреч с председателем ВЦИК М. И. Калининым, Бонч-Бруевичем и Красиковым. Решающее слово осталось за руководителем 8-го отдела НКЮ, который заявил: «Вопрос о ликвидации лавры как монастыря решен местной властью правильно, так как пребывание монахов в лавре как нетрудящегося праздного населения невозможно, помещения нужны для культурно-просветительных целей». На предложение Попова преобразовать лавру в трудовую коммуну Красиков ответил, что подобная практика, к-рая ранее допускалась по отношению к некоторым мон-рям «в виде исключения или по снисхождению», отныне признана советскими властями ненормальной и неприемлемой (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 107). 30 окт. 1919 г. наркоматы юстиции и земледелия издали совместный циркуляр, запрещающий монахам и священникам, как лишенным избирательных прав, быть членами сельскохозяйственных объединений. После этого началась ликвидация монастырей, преобразованных в сельхозартели. Всего к кон. 1920 г. было закрыто 673 мон-ря.

Власти активизировали кампанию по вскрытию мощей. 30 июля 1920 г. СНК принял постановление «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе», к-рым предписывалось изъятие мощей у верующих и помещение их в атеистические музеи. 25 авг. того же года вышел циркуляр НКЮ об уголовном преследовании за попытки противодействовать вскрытию мощей. В частности, был осужден на 5 лет концлагерей Тихвинский еп. Алексей (Симанский, вполн. патриарх Московский и всея Руси *Алексий I*) за освидетельствование мощей в Софийском соборе Новгорода перед их вскрытием властями. 10 мая 1920 г., когда стало известно о готовящемся изъятии мощей свт. Сергия Радонежского, патриарх Тихон вновь обра-

тился в СНК с письмом, в котором говорилось, что «закрытие лаврских храмов и намерение вывезти оттуда мощи самым существенным образом затрагивает нашу религиозную совесть и является вторжением гражданской власти во внутреннюю жизнь и верования Церкви, что стоит в противоречии с декретом об отделении Церкви от государства» (Акты свт. Тихона. С. 168). По этому вопросу патриарх предложил лично встретиться с Л., но получил отказ. В сент. мощи свт. Сергия были изъяты и вывезены в один из московских музеев. Всего к этому времени по стране было совершено 63 вскрытия рак со св. мощами. К осени 1920 г. завершилась национализация церковного имущества. Согласно отчету 8-го отдела НКЮ, к этому времени у Церкви было изъято 7150 млн р., 828 тыс. десятин монастырской земли, 1112 доходных домов и т. д.

Особенностью большевистской религ. политики с осени 1919 г. стал переход к агентурной работе для внесения раскола внутри Церкви. Инициаторами подобных акций выступили органы ВЧК. Назначенный в окт. 1919 г. начальником Секретного отдела ВЧК М. И. Лацис объяснял в докладной записке необходимость подобного нового направления антицерковной борьбы: «Недостаточно одной коммунистической проповеди, а необходимо сделать всё, чтобы унижить церковь в глазах народа, чтобы внести в нее разложение и тем способствовать ее падению. Эту практическую задачу не может взять на себя ни наша партия, ни церковный отдел Наркомюста. Не может, потому что в этой работе приходится прибегнуть к методам, которые не к лицу ни нашей партии, ни Наркомюсту. Для этого у нас существует приспособленный орган ВЧК, который может проделать эту работу совершенно неофициально» (цит. по: *Крапивин М. Ю.* Деятельность С. М. Труфанова (бывш. иером. Илиодора) в Советской России (1918–1922) в связи с формированием гос. политики в отношении правосл. Церкви // ВЦИ. 2011. № 1/2 (21/22). С. 141–142).

В кон. окт. 1919 г. Политбюро и СНК дали ВЧК поручение работать в данном направлении. Речь шла прежде всего о выявлении представителей «прогрессивного» (просоветского) духовенства и привлечении их к сотрудничеству. Видимо,

этим вопросом занимался и лично Л., у к-рого в окт.—нояб. 1919 г. состоялась встреча с вызванным в Москву из Петрограда свящ. В. Д. *Красницким* (вполн. один из лидеров *обновленчества*), тесно связанным с советскими властями. В др. случаях отношение гос. органов к группам «прокоммунистического духовенства» было негативным. Так, еще в сент. 1919 г. по инициативе 8-го отдела НКЮ в Москве состоялся суд над обвиненными в «дискредитации советской власти» руководителями «Христианско-социалистической рабоче-крестьянской партии», духовным лидером к-рой был свящ. С. В. *Калиновский* (вполн. деятель обновленчества, снял с себя сан) (*Кривошеева Н. А.* «Всецело приспособление к духу времени» // Вестн. ПСТГУ. Сер. 2: История. История РПЦ. 2009. Вып. 2(31). С. 29–40).

1 янв. 1920 г. Лацис дал распоряжение всем местным органам ВЧК «чинить препятствия черносотенному духовенству, даже арестовывая, когда придется, и помогая духовенству, стоящему за советскую власть». Благодаря поддержке советских органов активизировались раскольничьи группы, возникшие вокруг таких одиозных личностей, как бывш. еп. Владимир *Путья* в Пензе и бывш. иером. Илиодор *Труфанов* в Царицыне (ныне Волгоград), но в целом на тот момент действия ВЧК по внутреннему разложению Церкви не имели успеха. Против гос. поддержки «прогрессивного духовенства» выступили некоторые советские руководители, прежде всего глава 8-го отдела НКЮ Красиков. В авг. 1920 г. по его требованию был ликвидирован организованный в Москве с санкции ВЧК «Исполнительный комитет духовенства на началах коммунистического строя» (Исполкомдух), который выступал посредником в переговорах властей с Патриархией, привлекал к сотрудничеству различные религ. группировки, одновременно подвергая критике нек-рые чрезмерные действия 8-го отдела НКЮ. Глава Исполкомдуха А. Ф. Филиппов был арестован за то, что «не добился существенно-го разложения духовенства и перевода его в ряды сторонников советской власти, в то же время мешал деятельности советских учреждений в борьбе с церковниками» (Там же. Вып. 3(32). С. 81–82). Красиков требовал расстрела Филиппова, но че-

рез неск. месяцев тот был освобожден и вернулся к работе в «церковном» 6-м отделении Секретного отдела ВЧК. В нояб. 1920 г. Л. предложил руководителям ведомств, причастным к религ. политике, обменяться мнениями о возможности использования «реформаторской» части духовенства для устранения от управления Церковью патриарха Тихона. Нарком просвещения Луначарский и глава ВЧК Ф. Э. Дзержинский одобрили тактику негласной поддержки в своих целях «прогрессивных» групп внутри Церкви, Красиков же вновь выступил решительно против этого.

Постепенно руководство РКП(б) склонялось к необходимости изменения тактики борьбы с Церковью, к переходу от «военных приемов и методов» к активизации прежде всего пропагандистских усилий среди населения. Решающим обстоятельством, изменившим нек-рые методы антирелиг. политики, стал переход в нач. 1921 г. к нэп, основанной на компромиссе с крестьянством: советское руководство было вынуждено проявлять более терпимое отношение к религии, поскольку подавляющая часть сельского населения оставалась верующей. В апр. 1921 г. Л. в записке секретарю ЦК РКП(б) В. М. Молотову осудил циркуляр ЦК с призывом к празднику 1 мая: «разоблачать ложь религии». По мнению Л., такой лозунг был нетактичным по отношению к верующим: «Именно по случаю пасхи надо рекомендовать не разоблачать ложь, а избегать, безусловно, всякого оскорбления религии» (ПСС. Т. 52. С. 140). В соответствии с директивой Л. 21 апр. в «Правде» было напечатано указание «ни в коем случае не допускать каких-либо выступлений, оскорбляющих религиозное чувство массы населения».

В мае того же года, во время подготовки резолюции пленума ЦК РКП(б) о ходе реализации программы партии в области религ. отношений, Л. настоял на изъятии пункта, требующего решительной борьбы с попытками «отдельных служителей культа создать новую организацию церкви» (таковой, собственно, была позиция Красикова и 8-го отдела НКЮ). Снятие пункта о борьбе с «прогрессивным» духовенством Л. обосновал коротко: «Борьбу с религией поставить научнее». Также было дано указание переделать про-

ект резолюции, «чтобы не выпячивать вопроса о борьбе с религией, и допустить, с рядом особо ограничительных условий, оставление в партии верующих, но заведомо честных и преданных коммунистов» (Там же. Т. 54. С. 440). Ранее Л. принципиально выступал против наличия в РКП(б) лиц с религ. взглядами. Так, напр., 30 мая 1919 г. он написал в Оргбюро ЦК записку о необходимости исключения из партии верующих. В итоговой резолюции ЦК РКП(б) «О постановке антирелигиозной пропаганды и о нарушении пункта 13 программы» от 18 мая 1921 г., с одной стороны, устанавливался запрет на членство в партии «тех, кто выполняет какие-либо обязанности священнослужителей любого из культов, как бы незначительны ни были эти обязанности» и предписывалось исключать из партии за связь с религ. культом лиц, занимающих ответственные посты. В то же время допускался прием в РКП(б) рядовых крестьян и рабочих, не порвавших с Церковью по бытовым причинам, а также, в исключительных случаях, «верующих, если они своей революционной борьбой или работой в пользу революции, защитой ее в опаснейшие моменты, доказывали свою преданность коммунизму».

В постановлении ЦК пересматривались положения об антирелиг. пропаганде, чтобы «не выпячивать этого вопроса на первое место, согласовать политику в данном вопросе со всей нашей экономической политикой, сущность которой заключается в восстановлении действительного соглашения между пролетариатом и мелкобуржуазными массами крестьянства, до сих пор проникнутыми религиозными предрассудками». Постановление призывало вести «серьезную научную, культурно-просветительную работу, подводящую естественнаучный фундамент под историческое освещение вопроса о религии... чтобы на место религиозного миропонимания поставить стройную коммунистическую научную систему, обнимающую и объясняющую вопросы, ответы на которые до сих пор крестьянская и рабочая масса искала в религии». В мае 1921 г. при отделе пропаганды и агитации ЦК РКП(б) (Агитпроп) была образована Комиссия по антирелигиозной пропаганде.

При некотором действительном смягчении антирелиг. пропаганды (напр., фактически прекратилась кампания по вскрытию мощей, хотя уже изъятые мощи активно использовались в атеистических выставках) общий репрессивный курс по отношению к правосл. Церкви не претерпел в 1921 г. принципиальных изменений. По-прежнему, хотя и менее активно, шло закрытие мон-рей. За год было ликвидировано 49 обителей, т. о. к нач. 1922 г. страна потеряла почти $\frac{2}{3}$ имевшихся ранее монастырей. Только в сент. 1921 г. был официально освобожден из-под домашнего ареста патриарх Тихон. Продолжались аресты и суды над представителями духовенства; на окраинных территориях, как и ранее, происходили расправы над священниками, обвинявшимися в «контрреволюции». В февр. 1921 г. в Петропавловске (ныне в Казахстане) в ходе подавления крестьянского восстания карательным отрядом был убит Петропавловский еп. сщмч. *Мелодий (Краснопёров)*.

Личные взгляды Л. на религию в это время оставались неизменными. Показательно его выступление на X Всероссийской конференции РКП(б) 27 мая 1921 г. Объясняя необходимость перестройки хозяйственной работы при нэп, Л. коснулся необходимости удовлетворять спрос населения на любой продукт, включая косметику. Когда же из зала задали вопрос о наличии спроса на иконы, последовал ответ: «Вот что касается икон,— здесь напоминают, что крестьяне просят иконы,— то я думаю, что в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму, тогда как по мада не угрожает этим. Что касается колоколов, то тут мнение расходится, и некоторые товарищи считают, что в некоторых местах скоро колокола будут добровольно перелиты на медную проволоку для электрификации. Кроме того, сейчас их в России так много, что они едва ли служат своему прямому назначению для религиозных людей, потому что надобность в этом миновала» (Там же. Т. 43. С. 326). В сент. того же года Л. дал указание по проекту постановления о продаже книг со складов:

«Из числа книг, пускаемых в свободную продажу в Москве, изъять порнографию и книги духовного содержания, отдав их в Главбум на бумагу» (Там же. Т. 44. С. 119). При этом на IX Всероссийском съезде Советов 26 дек. 1921 г. Л. счел нужным выступить с репликой после речи Калинина: «Я уверен, что он не хотел приписать мне этой мысли, будто я когда-нибудь предлагал жечь молитвенники. Само собой разумеется, что я никогда этой вещи не предлагал и предложить не мог. Вы знаете, что по нашей Конституции, по основному закону нашей республики, свобода духовная насчет религии за каждым безусловно обеспечена» (Там же. С. 333).

Последний раз Л. подробно затронул вопросы антирелигиозной пропаганды в ст. «О значении воинствующего материализма» (Под знаменем марксизма. 1922. № 3), написанной в февр.—марте 1922 г. По его мнению, «неутомимая атеистическая пропаганда и борьба» требуют к себе особого внимания, в то время как работа ответственных за это гос. учреждений «ведется... крайне вяло, крайне неудовлетворительно, испытывая, видимо, на себе гнет общих условий нашего истинно русского (хотя и советского) бюрократизма» (О значении воинствующего материализма // ПСС. Т. 45. С. 25). Л. призывал использовать в борьбе с религией наследие европейской «боевой атеистической литературы» позапрошлого столетия: «Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII века сплошь и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе». Помимо критики сухих и скучных работ советских антирелиг. агитаторов Л. выступил и против совр. ему исследований в области религиоведения «буржуазных» авторов: «Взгляните на представителей современной научной критики религий. Почти всегда эти представители образованной буржуазии «дополняют» свое же собственное опровержение религиозных предрассудков такими рассуждениями, которые сразу разоблачают их

как идейных рабов буржуазии, как «дипломированных лакеев поповщины». Так, проф. Р. Ю. Вунтера Л. обвинил в том, что тот «не воюет с предрассудками и с обманом, которые составляют оружие церкви как политической организации» (Там же. С. 27).

В февр.—мае 1922 г., последние месяцы фактического руководства Л. Советским гос-вом, было организовано новое масштабное наступление на правосл. Церковь — кампания по *изъятию церковных ценностей*. К тому времени, несмотря на все гонения, Церковь смогла сохранить свои центральные и епархиальные структуры, по-прежнему пользовалась высоким уважением большинства населения. К тому же после окончания гражданской войны Церковь оставалась в стране фактически единственным влиятельным и открыто действовавшим общественным институтом, независимым от новой гос. власти. Подобное положение было недопустимым для советского руководства. В связи с наступлением нэп большевики были вынуждены отказаться от идеи быстрого преодоления «религиозных предрассудков», однако теперь они делали ставку на устранение от церковного управления патриарха Тихона и др. авторитетных архипастырей, чтобы разрушить единство Церкви, сделать ее подконтрольной, а в посл. разложить и уничтожить.

Поводом для новой мощной антицерковной кампании стал голод в Поволжье и др. регионах, начавшийся весной 1921 г. Церковь сразу же включилась в оказание помощи голодающим и предлагала властям взаимно приемлемое сотрудничество. Часть советских руководителей (прежде всего глава ВЦИК Калинин) считали допустимым пойти на соглашение с Церковью. В дек. 1921 — начале февр. 1922 г. было согласовано положение «О возможном участии духовенства и церковных общин в деле оказания помощи голодающим». Церковь получила юридические права проводить добровольный сбор пожертвований. Патриарх Тихон выразил готовность передать на помощь голодающим церковные ценности. Однако в это же время другая часть партийно-гос. деятелей готовилась к насильственному изъятию у Церкви материальных богатств. Наиболее активно за подобные акции выступал Л. Д. Троцкий. 16 февр. 1922 г.

был принят декрет «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим», предписывавший конфискацию в храмах предметов из драгоценных металлов. 23 февр. декрет был опубликован, а 28 февр. патриарх Тихон обратился к духовенству и верующим с воззванием, в к-ром заявил о допустимости пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления, но изъятие богослужебных священных предметов расценил как святотатство.

Насильственные действия по изъятию ценностей из храмов вызвали протесты верующих, в ряде мест они переросли в силовое сопротивление представителям властей. В Политбюро шла полемика о применении при изъятии репрессивных мер. Калинин, Молотов и Л. Б. Каменев требовали с осторожностью выполнять поставленную задачу в связи с угрозой массовых беспорядков. Троцкий, И. В. Сталин и Г. Е. Зиновьев, напротив, были сторонниками самых жестких действий против верующих, в чем их поддерживало руководство ГПУ. Первоначально большинство членов Политбюро склонялось к тому, что «дело организации изъятия церковных ценностей еще не подготовлено и требует отсрочки, по крайней мере в некоторых местах». После сообщений из г. Шуя Иваново-Вознесенской губ., где 15 марта 1922 г. при столкновении прихожан с войсками имелись убитые и раненые, в Политбюро возникло замешательство. 19 марта была составлена инструктивная телеграмма ЦК РКП(б) за подписью Молотова о узаконивании местным партийным органом «ввиду имевших место осложнений» приостановить изъятие церковных ценностей и сосредоточиться на агитационной работе.

В это время Л. находился в отпуске по состоянию здоровья в с. Корзинкине Московской губ., где, в частности, был занят работой над ст. «О значении воинствующего материализма». Его супруга Н. К. Крупская вспоминала, что во время прогулок он много говорил на антирелигиозные темы. Получив сообщение о телеграмме Молотова, Л. в тот же день обратился к членам Политбюро с секретным письмом, требуя принятия самых крайних мер против руководства Церкви. Письмо было написано в агрессивной тональ-

ности, в качестве главного противника советской власти указывалось «черносотенное духовенство во главе со своим вождем», т. е. патриархом Тихоном. Л. приписывал свт. Тихону «план дать нам решающее сражение именно в данный момент», при этом тут же сам утверждал, что именно в это время борьба с властями для Церкви «особенно безнадежна и особенно невыгодна». Напротив, для властей «данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий». Л. считал, что сопротивление изъятию ценностей на нужды жертв голода подрывает авторитет Церкви, лишает ее поддержки народных масс и создает для большевиков удобные условия для насильственных действий: «Именно теперь и только теперь... мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализацию этих масс» (Письмо членам Политбюро. 1997. С. 141).

Л. ошибочно считал, что Церковь располагала ценностями в неск. сотен миллионов или даже миллиардов золотых рублей (реальная стоимость конфискованных в 1922 г. церковных ценностей составила 4,6 млн р.), и имел серьезные финансовые планы на этот фонд, без которого, по его словам, «никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно немыслимы». Перспектива соглашения с зап. гос-вами на Генуэзской конференции являлась для Л. дополнительным аргументом к немедленному проведению репрессий против Церкви: «...по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства

будут политически нерациональны, может быть, даже чересчур опасны». Следовательно, делал вывод Л., «мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий». Л. считал необходимым, чтобы Политбюро дало «детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» (Там же. С. 143). Патриарха Тихона Л. считал целесообразным не арестовывать, но установить над ним и над его перепишкой тщательный контроль со стороны ГПУ.

Занятая Л. позиция изменила расстановку сил в Политбюро, где большинство получили сторонники жесткой линии. Под видом кампании по изъятию ценностей начались прямые карательные действия против Церкви. Оперативное руководство на местах осуществляли секретные тройки в составе секретаря губкома партии, начальника губотдела ГПУ и губвоенкома. Первые же аресты имели цель лишить Церковь руководства. В конце марта 1922 г. в Москве по обвинению в организации противодействия изъятию церковных ценностей были заключены в тюрьмы почти все члены высшего церковного управления и Московского епархиального совета, наиболее видные и влиятельные иереи и руководители органов приходского управления. В соответствии с указаниями Л. в апр. 1922 г. в Иваново-Вознесенске был проведен суд над 24 священнослужителями и мирянами (см. ст. *Шуйский процесс 1922 г.*), 4 из них были расстреляны. В апр.—мае состоялся процесс в Москве (см. ст. *Московские процессы 1922 г.*), на котором к смертной казни приговорили 11 священнослужителей и мирян (5 чел. из них были каз-

нены). Л. в обоих случаях голосовал за применение смертных приговоров. 4 мая 1922 г. был привлечен к судебной ответственности патриарх Тихон, помещенный на следующий день под домашний арест. Уже после отстранения Л. из-за болезни от управления гос-вом, в июне—июле 1922 г., прошел *Петроградский процесс 1922 г.*, закончившийся казнью митр. Вениамина (Казанского) и 3 др. новомучеников. В дек. 1922 г. состоялся 2-й Московский процесс. Всего в 1922 г. по стране прошло 250 судебных процессов по обвинению в «сопротивлении изъятию церковных ценностей», приговоры были вынесены 732 обвиняемым.

Помимо прямых репрессий органы власти организовывали группы «прогрессивного духовенства» для действий против каноничного священноначалия. 20 марта 1922 г. ГПУ докладывало в Политбюро о наличии церковной оппозиции патриарху и «реакционной группе синода». По мнению ГПУ, этой оппозиции следовало предоставить возможность избрать в церковное руководство «лиц, настроенных более лояльно к Советской власти». 30 марта Троцкий предложил Политбюро план раскола Церкви и разгрома ее «черносотенно-монархического крыла» с помощью «буржуазно-соглашательского» духовенства при поддержке властей, чтобы «заставить довести их эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии». После этого Троцкий предполагал немедленно провести «кампанию против обновленной церкви», превратить «буржуазную реформу церкви» в «выкидывш» (Политбюро и Церковь. Кн. 1. С. 163). Данный план в Политбюро поддержали Сталин, Молотов, Зиновьев и Каменев. Л. не высказал своего мнения, но фактически предоставил Троцкому общее руководство действиями против Церкви, в т. ч. организацию в мае 1922 г. попытки захвата высшей церковной власти группой обновленцев (см. ст. *«Живая церковь»*). В то же время Л. не одобрил предложение Троцкого официально поддержать «прогрессивное духовенство» в центральной партийной печати. В сер. мая 1922 г., незадолго до первого инсульта, Л. в записке, составленной от имени членов Политбюро, выступил против

принятия такого решения, хотя в целом одобрил предложение Троцкого об активном вмешательстве во внутренние дела Церкви («Мы не оспариваем, частью даже поддерживаем».— Там же. С. 314). Летом 1922 г. обновленческий раскол распространился по всей стране, дезорганизовав центральное и епархиальное церковное управление. Непризнание обновленческого *Высшего церковного управления* служило основанием для репрессий против духовенства со стороны властей. В соответствии с декретом ВЦИК от 10 авг. 1922 г. в отношении священнослужителей, боровшихся против обновленцев, применялась адм. ссылка без суда на 3 года. В связи с обвинениями в причастности к противодействию изъятию церковных ценностей и сопротивлению обновленцам были заключены в тюрьмы или административно высланы 66 архиереев РПЦ — больше половины от их общего числа.

Противостояние с правосл. Церковью являлось основой советской религ. политики. По отношению к др. конфессиям, вопреки декларациям о полном равноправии всех религий в Советском гос-ве, в первые годы после Октябрьской революции политика большевиков была, как правило, менее жесткой. В пропагандистских целях «бывшей господствующей» правосл. Церкви противопоставлялись все остальные религии, ранее ограниченные в правах или преследовавшиеся царизмом. На практике помимо заявлений о лояльности со стороны религ. лидеров определяющим фактором была степень структурной организации конфессии. Наличие централизованной иерархической структуры служило для большевиков веским основанием отнести данную конфессию к своим противникам. Так, Римско-католическую Церковь (РКЦ), хотя и находившуюся при царизме в стесненных условиях, Красиков в своем выступлении перед сотрудниками 8-го отдела НКЮ в мае 1918 г. отнес наряду с Православной к «крупным церквям», которые «безусловно враждебны Советской власти».

Католич. иерархи в России первоначально не отреагировали на принятие декрета «Об отделении церкви от государства», рассчитывая, что решения советской власти затронут только прежнюю гос. Церковь (*Козлов-Струтинский С., Парфеньев П.*

История Католической Церкви в России. СПб., 2014. С. 348). Однако вскоре были закрыты католич. академия и семинария в Петрограде, а после издания инструкции по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от гос-ва к католич. приходам, как и к православным, были предъявлены требования о национализации их имущества. 9 сент. 1918 г. глава Могилёвского архидиоцеза РКЦ архиеп. Эдуард фон *Ропп* и экзарх рус. греко-католиков протопресв. Л. Фёдоров выразили протест в связи с действиями советских властей, отказавшись передавать церковное имущество без санкции папы Римского. В марте 1919 г., получив информацию о гонениях большевиков на верующих от архиеп. Э. фон Роппа и правосл. архиереев сибир. епархий, папа Римский *Бенедикт XV* поручил гос. секретарю Ватикана кард. П. Гаспарри обратиться к Л. с посланием: «Ваши приверженцы преследуют служителей Бога, в особенности тех, кто принадлежит к православно-католической религии. Святой отец Бенедикт XV увещевает Вас дать строгое приказание, чтобы служители всякой религии были уважаемы» (Там же. С. 356). В ответном письме нарком иностранных дел Г. В. Чичерин заявил, что правосл. население находится в Советской России в лучшем положении, чем в странах, «где владычествует католицизм». В июле того же года Бенедикт XV обратился с личным письмом к Чичерину, вновь осудив преследования Русской Церкви, и предложил выкупить конфискованную церковную утварь, но получил отказ. Чичерин вновь отрицал факты религ. гонений в РСФСР.

Как и православные, католики-миряне создавали комитеты по защите храмов и духовенства, было образовано объединение католич. приходских советов. Католич. приходы категорически отказывались подписывать договора с местными властями относительно использования храмов. Сопротивление католич. клира и мирян вызвало репрессии со стороны советских властей. Неск. католич. клириков были арестованы, часть храмов закрыты. 29 апр. 1919 г. был задержан архиеп. фон Ропп (в нояб. того же года выслан в Польшу), 2 апр. 1920 г.— архиеп. Ян *Цепляк*, освобожденный через 2 недели под обязательство «способствовать успокоению умов». В це-

лом репрессии большевиков против католиков были менее жестокими, чем в отношении православных. Во-первых, в силу малочисленности своей паствы в России католич. Церковь не воспринималась советскими властями как опасный противник; во-вторых, преследования католиков могли вызвать нежелательные внешнеполитические осложнения. Практиковался обмен арестованных католич. клириков на коммунистов, заключенных в тюрьмы в Польше. В 1922 г. католич. приходы противостояли изъятию церковных ценностей, а в дек. того же года были закрыты все католич. храмы Петрограда, архиеп. Я. Цепляк был подвергнут кратковременному аресту. В марте 1923 г. в Москве прошёл процесс над архиеп. Я. Цепляком и 15 католическими священниками. Прелат К. Будкевич по приговору трибунала был казнен, а архиеп. Я. Цепляк, также приговоренный к смерти, после заключения в тюрьме выслан в Польшу.

Различные протестант. деноминации сектантского толка (в число сектантов большевики включали и старообрядцев) воспринимались советскими властями как преследуемое в дореволюционный период религ. меньшинство, сочувствующее мн. идеям коммунизма, что определяло их относительно привилегированный статус. Руководители сектантов в целом положительно восприняли Октябрьскую революцию 1917 г., заявляя о лояльности советскому правительству. В свою очередь в большевистском руководстве вначале были сильны идеи сотрудничества с сектантами, в т. ч. ради использования в своих интересах их международных связей с организациями своих единоверцев в зап. странах. Поскольку сектантские общины обычно не имели имущества и образовательных учреждений, положения декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» затрагивали их в меньшей степени. Основной проблемой в отношении Советского гос-ва с сектантами в годы гражданской войны являлся вопрос о военной службе. Декрет об отделении Церкви от государства гласил, что «никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей». Однако еще в момент принятия законопроекта Л. внес в этот параграф

дополнение: «Изыятия из этого положения [либо замена] под условием замены одной гражданской обязанности другою в каждом отдельном случае допускаются по решению народного суда». Т. о. открывалась возможность для альтернативной службы во исполнение принципа свободы совести, на чем настаивал целый ряд сектантских орг-ций.

В нояб. 1918 г. в Москве был образован Объединенный совет религиозных общин и групп (ОСРОГ) из представителей толстовцев, баптистов, евангельских христиан, адвентистов, меннонитов и др. направленный неортодоксального христианства. Его председателем стал известный публицист-толстовец В. Г. Чертков. ОСРОГ обратился в СНК с просьбой законодательно освободить христиан-пацифистов от военной службы. Фактически сектанты освобожились от военной службы и ранее, а 22 окт. 1918 г. об этом был издан приказ Реввоенсовета за подписью его председателя Троцкого. Большевицкое руководство со вниманием отнеслось к обращению ОСРОГ. Для подготовки законопроекта была создана комиссия во главе с Бонч-Бруевичем и уполномоченным ЦК РКП(б) по мобилизации Е. М. Ярославским; членом комиссии стал и Чертков. 4 янв. 1919 г. был принят декрет СНК «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». Для граждан, вероисповедание которых не позволяло брать в руки оружие, военная служба заменялась санитарной или «иной общепользующей работой». Решение об этом в каждом случае принимал народный суд при экспертизе представителей ОСРОГ. Л. принял участие в работе над законопроектом и вписал пункт о возможности в определенных случаях при ходатайстве ОСРОГ полного освобождения от любой службы. Лично представляя законопроект на заседании СНК, Л. подробно обосновал необходимость декрета, который принимался, чтобы «успокоить и удовлетворить тех, кто натерпелся преследований от царского правительства». В действительности декрет имел для большевиков гл. обр. пропагандистское значение. Текст закона был немедленно передан по радио за границу и, по воспоминаниям Бонч-Бруевича, «произвел большое впечатление. Заграничная пресса с изумлением его перепечатала.

Всюду писали «о величайшей гуманности Советской власти, проявившейся в этом декрете».

Стоит отметить, что, хотя правосл. священнослужители по советским законам не могли как «нетрудовые элементы» призываться в боевые части Красной Армии, согласно декрету от 20 июля 1918 г. активно проводилась мобилизация правосл. духовенства (в т. ч. архиереев) в тыловое ополчение, вопреки многочисленным протестам и ходатайствам паствы, лишавшейся духовного окормления. Когда представитель Патриархии проф. Кузнецов пытался опротестовать «призыв на военную службу лиц священного сана, епископов, священников и диаконов», глава 8-го отдела НКЮ Красиков заявил, что требования освобождения духовенства от призыва «противоречат революционным законам и являются обычным для контрреволюции средством контрагитации против советской власти». Позднее Чертков предлагал советскому руководству распространить действие декрета от 4 янв. 1919 г. и на правосл. священнослужителей, однако получил из 8-го отдела НКЮ ответ, что «лицам, принадлежащим к официальным служителям православного культа, как благословившего империалистическую войну и освещающего самодержавие, действию этого декрета не подлежат» (тем не менее в ряде случаев ОСРОГ брал на себя защиту в судах правосл. священников).

Выступая за принятие декрета, Л. предполагал, что количество отказов от военной службы по религиозной причине будет незначительным, однако они приняли массовый характер. На местах гос. власти часто привлекали сектантов к ответственности за отказ от военной службы; ок. 100 чел. из них были расстреляны. В кон. 1919 г. у ОСРОГ возник конфликт с 8-м отделом НКЮ, который требовал применить к нему положения декрета «Об отделении церкви от государства» и лишить прав юридического лица; экспертные заключения ОСРОГ все чаще не принимались судами во внимание. В апр. 1920 г. 8-й отдел провел ревизию ОСРОГ и пришел к выводу, что тот превратился в «источник антимилитаристской пропаганды, религиозного и анархического мировоззрения», а его деятельность «вредно отражается на Красной

Армии». Канцелярия ОСРОГ была опечатана, мн. дела изъяты. В июне 1920 г. в Москве состоялся организованный ОСРОГ Всероссийский съезд внецерковных религиозных течений. Ввиду массовых нарушений декрета об освобождении от военной службы по религ. убеждениям часть делегатов выступила за пересмотр отношений с советскими органами; предлагалось призвать народ к всеобщему отказу от несения воинской повинности, однако Чертков настоял на продолжении сотрудничества с властями, чтобы помочь хотя бы малой части сектантов-отказников. 6 авг. того же года был издан циркуляр НКЮ «Об уклоняющихся от воинской повинности по так называемым религиозным убеждениям». Отныне такие дела предписывалось рассматривать в ускоренном порядке, при этом «разного рода экспертизы, удостоверения, свидетельства, выдававшиеся иногда так называемым Объединенным Советом или иными религиозными группами... ни в коем случае не могут иметь никакого принципиального значения или силы помимо прямого назначения служить частью судебного материала».

8 сент. 1920 г. Чертков во время личной встречи с Л. попросил отменить все распоряжения НКЮ, ограничивавшие права сектантов на отказ от военной службы. Л. на словах проявил участие, однако фактически встал на сторону 8-го отдела НКЮ. В окт. и нояб. Чертков еще дважды письменно обращался к Л. с докладами о нарушениях со стороны властей прав сектантов. По поручению Л. при СНК была создана комиссия для рассмотрения жалоб ОСРОГ во главе с замнаркомом просвещения М. Н. Покровским. Комиссия пришла к выводу об отсутствии нарушений со стороны органов власти и, напротив, наличии «злоупотреблений» со стороны ОСРОГ. В связи с этим 14 дек. 1920 г. было принято постановление СНК об изменениях и дополнениях декрета «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». Процесс доказательства идейных убеждений был усложнен, допускалось привлечение в качестве экспертов лиц, не связанных с к.-л. религ. течениями, упоминание об ОСРОГ из текста закона было изъято. В то же время некоторые сектантские объединения выступили

с предложениями внести изменения в декрет «Об отделении церкви от государства», в частности допустить предоставление религ. об-вам прав юридического лица, разрешить благотворительную и иную социальную деятельность, приобретение в собственность зданий и др. имущества. Все эти предложения СНК отклонил.

Помимо урегулирования вопроса об освобождении от военной службы советское руководство активно сотрудничало с сектантами на начальных этапах коллективизации сельского хозяйства. С 1918 г. общины сектантов обращались к советским властям с предложениями об устройстве ими земельных хозяйств на пустующих территориях. Эти предложения получили поддержку Л., к-рый возлагал серьезные надежды на эффективное освоение сектантами национализированных имений, а также на то, что сектантские коммуны могут популяризовать среди русского крестьянства идеи коллективного ведения хозяйства. В марте 1921 г. в Москве по инициативе ОСРОГ и под председательством Черткова состоялся 1-й Всероссийский съезд сектантских земельных и производительных объединений. Незадолго до этого Чертков и другие руководители ОСРОГ были привлечены к суду по обвинению в «извращении и затруднении правильного применения декрета об освобождении от воинской повинности». Съезд сектантских земельных объединений выступил в защиту ОСРОГ и осудил изменения декрета от 4 янв. 1919 г., в результате чего «тюрьмы, концентрационные лагеря и прочие места заключения вновь начинают наполняться мучениками за веру, не желающими по своим религиозным убеждениям или велению совести продолжать участвовать в военном деле». Также съезд выступил с требованием отмены смертной казни «как позорного и недостойного явления в человеческом обществе».

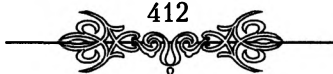
19 апр. 1921 г. Л. дал поручение замнаркома Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) В. А. Аванесову создать комиссию из представителей РКИ, наркоматов земледелия и труда для рассмотрения материалов съезда сектантских сельскохозяйственных объединений. После доклада Аванесова, в к-ром он подчеркнул, что решения сектантского съезда противоречат политике Со-

ветского гос-ва, 16 мая СНК поручил НКЮ совместно с Наркомземом и ВЧК разработать меры по противодействию антисоветской деятельности сектантов. Тем не менее репрессивные действия против нелояльной к советской власти части сектантов начались только с конца следующего года. Др. часть сектантов продолжала выступать за сотрудничество с властями в деле землеустройства своих общин. Их представители вошли в состав организованной при Наркомземе Комиссии по заселению совхозов, свободных земель и бывш. имений сектантами и старообрядцами. 5 окт. 1921 г. комиссия выпустила воззвание «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей», в котором говорилось: «Впервые за все существование России сектантам всех направлений и недавно еще гонимым старообрядческим согласиям, ушедшим достаточно далеко от только что господствовавшей и их угнетавшей государственной православной церкви, предоставляется полная возможность широкого объединения на трудовой почве в сельском хозяйстве решительно во всех его отраслях». Наиболее масштабной акцией по организации при гос. поддержке сектантских колхозов стало переселение на юг России общин *духоборцев* из Карсской обл., отошедшей к Турции по советско-тур. договору 1921 г. Оказывая покровительство землеустройству сектантских коммун, советские власти преследовали сельскохозяйственные артели, организованные насельниками правосл. мон-рей, считали «недопустимым и противоречащим интересам революции предоставление религиозным коллективам особых прав и привилегий» (Революция и церковь. 1920. № 6/8. С. 117).

По отношению к исламу советское правительство руководствовалось прежде всего интересами национальной политики, стараясь привлечь на свою сторону мусульм. население как в России, так и за ее пределами. Уже 20 нояб. 1917 г. СНК выступил с обращением «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» с призывом поддержать социалистическую революцию. В обращении торжественно провозглашалась полная свобода исповедания ислама в Советском гос-ве: «Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки

и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России! Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными». 9 дек. 1917 г. СНК принял постановление о передаче Краевому мусульманскому съезду в Петрограде исторического Корана Османа (VIII в.), хранившегося в Гос. публичной б-ке. 17 янв. 1918 г. Л. одобрил предложения Комиссариата по делам мусульман (Муском) Наркомата по делам национальностей (Наркомнац) о передаче «трудящимся мусульманам» башни Сююмбике в Казани и комплекса Караван-сарай в Оренбурге.

Сформированные в период Временного правительства центральные и региональные общественные организации мусульман России отказались признать власть советского правительства. В янв. 1918 г. после разгона большевиками Учредительного собрания действовавшее в Казани Национальное управление (Милли Идарэ) провозгласило себя единственным законным органом власти мусульман Поволжья и Урала. В составе Национального управления имелось Религиозное министерство (Диния назараты) во главе с муфтием Г. Баруди, организованное на основе существовавшего до 1917 г. Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС). В апр. 1918 г. Наркомнац упразднил прежние мусульм. орг-ции с передачей их полномочий органам Мускома. Однако в постановлении о ликвидации Национального управления оговаривалось сохранение его религ. ведомства в качестве самостоятельного духовного учреждения мусульман «с условием невмешательства в политические дела». В ответ муфтий Баруди выпустил воззвание с протестом против действий советских властей. Вскоре Баруди выехал на территорию, контролируемую белыми. После взятия Уфы Красной Армией в июне 1919 г. он был арестован, но вскоре освобожден и перешел на позиции сотрудничества с советской властью. В сент. 1920 г. в Уфе под председательством Баруди состоялся 1-й Всероссийский съезд улемов. На съезде было реорганизовано Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ)

Внутренней России и Сибири, сохранившее прежний кадровый состав ОМДС. ЦДУМ приняло активное участие в борьбе с голодом в Поволжье, с разрешения властей при духовном управлении мусульман был организован комитет помощи голодающим. Параллельно с декр. 1917 г. при Башкирском национальном обл. правительстве в Оренбурге действовало самостоятельное Башкирское духовное управление мусульман (БДУМ). После того как в февр. 1919 г. национальное правительство Башкирии, ранее поддерживавшее белых, перешло на сторону советской власти и было преобразовано в Башкирский ревком, БДУМ продолжало, вопреки декрету «Об отделении церкви от государства», действовать как гос. учреждение (в т. ч. его сотрудники получали государственное материальное и денежное довольствие); в красных башкирских частях присутствовали военные муллы. В июле 1920 г. Башкирский ревком был распущен, а БДУМ практически прекратило свою деятельность и было возрождено только в июне 1923 г. уже как общественная религ. организация.

Первоначально большевики старались не вмешиваться в религ. жизнь мусульман. Репрессии против мусульм. духовенства в основном носили неорганизованный характер (самой известной жертвой из числа татар. духовенства в годы гражданской войны стал мухтасиб Г. Апанай, расстрелянный в числе заложников после убийства одного из руководителей Мускома в Казани в июне 1919). В 1918–1921 гг. происходило преобразование крупных медресе в Уфе, Оренбурге, Казани в светские национальные учебные заведения, однако др. мусульм. духовные школы продолжали работать. С нач. 20-х гг. политика советских властей по отношению к исламу в Волжско-Уральском регионе стала более жесткой: имамов лишали избирательных прав, духовные школы при мечетях закрывались, запрещалось преподавание основ ислама несовершеннолетним. В дальнейшем организация религ. школ для мусульман была вновь на время разрешена.

Еще более гибкой была религ. политика советской власти в др. регионах. В апр. 1920 г. Л. писал в телеграмме председателю Северо-Кав-

казского ревкома Г. К. Орджоникидзе: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее» (ПСС. Т. 51. С. 309). Одной из особенностей национально-религ. политики на Сев. Кавказе стала организация с лета 1920 г. народных шариатских судов, которые подчинялись обл. шариатским отделам НКЮ автономных республик и областей. Шариатские суды во главе с мусульм. кадиями руководствовались нормами ислам. религ. права, но при этом финансировались (до 1922) из гос. бюджета, их заседания обычно проходили в зданиях местных советов, во время судебных заседаний практиковалась присяга на Коране. Мусульманское духовенство также регулировало семейно-брачные отношения. В 1921 г. уголовные преступления были изъяты из компетенции шариатских судов, но окончательно такие суды были отменены на Сев. Кавказе (в Дагестане) только в 1927 г. Шариатские суды также действовали в Закавказье и Ср. Азии. Подобная практика принципиально противоречила декрету «Об отделении церкви от государства», однако большевистское руководство при политической необходимости допускало отход от его норм в особых условиях мусульм. Востока. Одновременно Л. ставил перед РКП(б) на Востоке задачи «борьбы с духовенством и прочими реакционными и средневековыми элементами», указывая на угрозу со стороны панисламизма «соединить освободительное движение против... империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл» (Там же. Т. 41. С. 166).

В отношении иудаизма советские власти проводили политику полного распространения на евр. религ. организации положений декрета «Об отделении церкви от государства» и др. законодательных актов. 19 авг. 1918 г. был издан декрет Еврейского комиссариата Наркомнаца, в к-ром говорилось, что «религия должна быть полностью исключена из еврейских народных школ». 23 июля 1919 г. Еврейский комиссариат принял постановление о ликвидации «буржуазных» евр. учрежде-

ний и правлений, в т. ч. действовавшего с лета 1918 г. в Москве Центрального бюро еврейских общин. Все общинные средства и имущество передавались местным евр. коммисариатам. 30 авг. 1919 г., согласно постановлению Наркомпроса, было запрещено преподавание во всех учебных заведениях иврита, объявленного «языком реакции и контрреволюции». 28 дек. 1920 г. вышел циркуляр Еврейского отдела Наркомпроса о ликвидации иудаистских школ — хедеров и иешив. В 1922 г. в синагогах проходило изъятие ценностей, в 1923 г. власти организовали в местах компактного проживания еврейского населения в бывшей «черте оседлости» массовое закрытие синагог и их преобразование в рабочие клубы и школы (при этом вне «черты оседлости», в т. ч. в Москве и Ленинграде, количество синагог увеличилось).

В последний период жизни из-за болезни Л. не играл существенной роли в принятии решений по вопросам государственно-церковных отношений. В частности, очевидно без него в Политбюро был решен вопрос об отстранении Троцкого от руководства борьбой с Церковью. Вернувшись на время к работе в окт. 1922 г. Л. оставалось лишь выразить недоумение, ознакомившись с составом формируемой в тот момент комиссии ЦК РКП(б) по церковным вопросам: «Не понимаю, почему нет т. Троцкого, который несколько месяцев следил близко за течениями в церкви» (В. И. Ленин: Неизвестные док-ты. М., 1999. С. 407). Постепенно сложилась новая структура осуществления гос. религ. политики: важнейшие политические решения коллективно принимали члены Политбюро, среди к-рых все более главенствующую роль играл Сталин; проведение партийных решений на местах передавалось в основном отделам ГПУ; текущее руководство и координацию деятельности гос. органов в отношении религ. объединений осуществлял рабочий орган ЦК РКП(б) — т. н. Антирелигиозная комиссия (подробно о религ. политике в кон. 1922 — нач. 1924 см. в ст. *Комиссия по проведению отделения церкви от государства*).

Видимо, последний раз Л. обращался к государственно-религиозным вопросам в связи с судьбой «церковного» 5-го (бывш. 8-го) отдела НКЮ. 28 нояб. 1922 г. Малый

Совнарком (постоянная рабочая комиссия СНК) принял решение об упразднении 5-го отдела, но его глава Красиков обратился к Л. с просьбой о пересмотре этого постановления. 5 дек. Л. вызвал к себе секретаря Малого Совнаркома Г. М. Леплевского, к-рый объяснил принятое решение тем, что «процесс отделения церкви от государства должен считаться законченным, что именно это было главной задачей отдела Красикова, что для охвата новых тенденций, обнаружившихся в делах церкви, потребовалась бы иная, гораздо более мощная государственная организация». В ответ Л. не поддержал создание специальной гос. орг-ции по делам Церкви и заявил, что для этого достаточно небольшого аппарата отдела НКЮ. Также Л. высказался о перспективах религиозной политики: «Что касается утверждения, что процесс отделения церкви от государства завершен, то это, пожалуй, и так; церковь от государства мы уже отделили, но религию от людей мы еще не отделили» (*Леплевский Г. М. О работе В. И. Ленина в Совнаркоме в 1921–1922 гг. // Ленин на хозяйственном фронте: Сб. восп. М., 1934. С. 98–99*). В результате 5-й отдел НКЮ был сохранен, но превратился в экспертно-консультационный орган. После серьезного ухудшения состояния здоровья в сер. дек. 1922 г. Л. уже не возвращался к активной деятельности. Изменения в религ. политике 1923 г. — сначала усиление религ. гонений, подготовка судебного процесса над свт. Тихоном, а потом неожиданное освобождение патриарха и переход Советского гос-ва к более гибкому курсу по отношению к Церкви (т. н. «религиозный нэп») — происходили уже без участия Л., отстраненного Политбюро от принятия к.-л. решений.

Сообщение о смерти Л. вызвало отклики со стороны религиозных объединений страны. Наиболее красноречивы были заявления обновленцев. «Да живет же непрерывно в сердцах оставшихся светлый образ великого борца и страдальца за свободу угнетенных, за идеи всеобщего подлинного братства, и ярко светит всем в борьбе за достижение полного счастья людей на земле... Вечная память и вечный покой твоей многострадальной доброй и христианской душе» — говорилось в обращении во ВЦИК от имени обновленческого синода «митрополита» Ев-

докима (*Мещерского*). Др. видный обновленец *Антонин (Грановский)* писал, что он «почтительно склоняется перед широтой социальной идеи, воплощенной в жизнь почившим Владимиром Ильичем и соболезнует неожиданной остановке сердца, которое билось за трудящихся бедняков». Всероссийский союз баптистов, видимо, более искренне выражал скорбь «в сознании тяжелой утраты, понесенной со смертью Владимира Ильича, которого русские сектанты, угнетавшиеся царями и попами, чтут как великого борца за славные достижения, в числе которых им особенно ценна религиозная свобода».

Офиц. соболезнование высшим органам власти СССР выразил и патриарх Тихон (Акты свт. Тихона. С. 311, 312). В советских газетах (напр., *Пролетарский путь*, Симбирск, 1924. 27 янв.) появились записи беседы патриарха с представителями печати. В ней свт. Тихон положительно ответил на вопрос о возможности молиться за Л. как за крещеного и не отлученного при жизни от Церкви. Также патриарх якобы положительно отозвался о личности покойного: «Хотя мы идейно расходились с Лениным, я имею сведения о нем, как о человеке добрейшей и поистине христианской души». Совр. исследователи ставят под сомнение точность передачи советскими газетами слов патриарха. Впрочем, даже если они действительно были сказаны, в их оценке следует учитывать как истинно христианское милосердие и незлобивость свт. Тихона, так и, вероятно, его неосведомленность о подлинной роли Л. в гонениях на Церковь.

Соч.: ПСС. М., 1961–1981⁵. 55 т.; Революционные дни // ПСС. 1967. Т. 9. С. 205–215; Социализм и религия // Там же. 1968. Т. 12. С. 142–147; Об отношении рабочей партии к религии // Там же. Т. 17. С. 415–426; Классы и партии в их отношении к религии и церкви // Там же. С. 429–438; Либералы и клерикалы // Там же. Т. 21. С. 469–470; Духовенство и политика // Там же. Т. 22. С. 80–81; К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Там же. 1970. Т. 44. С. 144–147; О значении воинствующего материализма // Там же. Т. 45. С. 23–33; [Письмо А. М. Горькому] // Там же. 1971. Т. 48. С. 226–228; [Письмо членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви] // Политбюро и Церковь. 1997. Кн. 1. С. 140–144. Арх.: ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 694, 713; Оп. 3. Д. 795; Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 63; РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 56; Оп. 445. Д. 23, 246, 792.

Лит.: *Кандидов Б. П.* Церковь и Октябрьская революция. М., 1929; *Ярославский Е. М.* Мыс-

ли Ленина о религии // *Он же*. О религии. М., 1957. С. 60–99; *Крыжелев И. А.* Ленин о религии. М., 1960; *Шахнович М. И.* Ленин и проблемы атеизма: Критика религии в тр. В. И. Ленина. М.; Л., 1961; *Васильева О. Ю.* РПЦ и советская власть в 1917–1927 гг. // *ВИ*. 1993. № 8. С. 45–46; *Поспеловский Д. В.* РПЦ в XX в. М., 1995. С. 22–40; *Гетель Е. И.* Объединенный Совет религ. общин и групп как одно из проявлений рус. религ. пацифизма // Долгий путь российского пацифизма: Идеал междунар. и внутр. мира в религ.-филос. и обществ.-полит. мысли России. М., 1997. С. 301–318; *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. М., 1997; *Цытин*. История РПЦ. С. 27–109; *Румянцев Д., свящ.* Патр. Тихон и религ. политика советского гос-ва: Курс. соч. / СПбДА. СПб., 1997; *Ахмадуллин В. А.* Политика советского гос-ва по отношению к мусульм. религии в 1917–1945 гг.: Канд. дис. М., 2002. С. 21–59; *Митрофанов Г., прот.* История РПЦ, 1900–1927. СПб., 2002. С. 54–120; *Одинцов М. И.* РПЦ в XX в.: История, взаимоотношения с гос-вом и обществом. М., 2002. С. 3–163; *Кашеваров А. Н.* Правосл. Рос. Церковь и советское гос-во (1917–1922). М., 2005; *Бычков С. С.* Большевики против Рус. Церкви: Очерки по истории Рус. Церкви (1917–1941 гг.). М., 2006. С. 27–40, 76–84; *Шкаровский М. В.* РПЦ в XX в. М., 2010. С. 60–101; *Смирнов М. Ю.* Религия и Библия в трудах В. И. Ленина: Новый взгляд на старую тему // Гос-во, религия, Церковь в России и за рубежом. М., 2011. № 2. С. 106–125.

М. В. Шкаровский, Д. Н. Никитин

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЕПАРХИЯ — см. *Санкт-Петербургская и Ладожская епархия*, РПЦ, С.-Петербург.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ, субъект РФ в составе Северо-Западного федерального окр. Территория — 83,9 тыс. кв. км. Расположена на северо-западе европ. части России; омывается на западе водами Финского зал., на севере — водами Ладожского

Церковь амч. Георгия Победоносца в Ст. Ладоге. 2-я пол. XII в. Фотография. 2012 г.

оз.; на северо-востоке — водами Онежского оз.; граничит с Республикой *Карелией*, *Вологодской*, *Новгородской* и *Псковской* областями, *Эстонией*, *Финляндией* и г. *Санкт-Пе-*

тербургом. Население — 1,775 млн чел. (2015). Национальный состав (2010): русские — 92,7%, украинцы — 2,0, белорусы — 1,1, татары — 0,5, армяне — 0,4, узбеки — 0,4, азербайджанцы — 0,4, финны — 0,3, представители др. национальностей — 2,2%. Л. о. включает городской округ и 17 муниципальных районов.

История. Заселение территории Л. о. происходило после валдайского оледенения, завершившегося ок. 9 тыс. лет до Р. Х. Древнейшие археологические находки датируются эпохой мезолита (ок. 8800–7600 гг. до Р. Х.). Наиболее известны артефакты из торфяника у дер. Корпилахти, в 15 км от совр. Каменногорска, — костяные и каменные орудия труда, остатки рыбодовечной сети. Ранний неолит (V–IV тыс. до Р. Х.) представлен Нарвской культурой (запад Л. о., стоянка Сяберская III в Лужском р-не), культурой керамики типа Сперрингс (Карельский перешеек), культурой гребенчато-ямочной керамики (восток Л. о.). В развитый неолит распространилась культура гребенчато-ямочной керамики (кон. IV — нач. II тыс. до Р. Х.), в бронзовый век (II — 1-я пол.

I тыс. до Р. Х.) — культура сетчатой керамики. Языковая принадлежность древнего населения Л. о. неизвестна.

В сер. I тыс. по Р. Х. на территории Л. о. расселялись финно-угорские племена — предки вепсов, карел (корел), ижорцев, води. В VIII в. появились славяне, с которыми связана псковская культура длинных курганов (юго-запад Л. о.; с сер. I тыс. по Р. Х.). В бассейнах рек Волхов, Луга, Сясь распространилась культура сопков (в основном в IX–X вв.), носителями к-рой были новгородские словене, являвшиеся пашенными земледельцами. О продвижении славян в Приладожье свидетельствует Любшанское городище в нижнем течении р. Волхов — каменно-земляная крепость, существовавшая в VIII–IX вв. на месте более древнего финно-угорского поселения.

Реки Нева, Волхов, Луга являлись частью торгового пути «из варяг в греки», к-рый способствовал включению местного населения в международную торговлю. В сер. VIII в. на р. Волхов возникло поселение Ладога (совр. с. Ст. Ладога) — важный торговый центр, место культурных

контактов варягов, славян и финно-угров. В Ладоге происходили события начального периода образования Древнерусского гос-ва. Во 2-й пол. IX в. в Ладоге княжил Рюрик — основатель правившей на Руси династии. В 1019 г. Ладога с округой была передана св. кн. Ярославом (Георгием) Владимировичем Мудрым своей супруге Ирине (Ингигерд) в качестве свадебного дара (т. н. Ладожское ярлство). В XII в. земли Л. о. вошли в состав Новгородской республики.

Карельский перешеек и Приневье стали ареной борьбы между Новгородской республикой и Швецией. В 1164 г. швед. войско пыталось захватить Ладожскую крепость, но вынуждено было отступить и потерпело поражение от новгородцев в битве на р. Вороной (ныне Воронежка). В 1240 г. шведы были разгромлены на р. Неве войсками св. кн. Александра Ярославича Невского. В 1293 г. шведы основали крепость Выборг — экономический и культурный центр Юго-Вост. Финляндии. На зап. рубежах Новгород вел постоянную борьбу против агрессии Ливонского ордена. В XIII–XIV вв. на новгородской

территории возникли каменные крепости Копорье, Ям (с 1703 по 1922 Ямбург, ныне Кингисепп), Орешек (ныне Шлиссельбург), Корела (ныне Приозёрск), в XV в. — Ивангород. Ореховский мир 1323 г. определил сохранявшуюся до кон. XVI в. границу между Новгородской республикой и Швецией, которая прошла по р. Сестре и далее на север до Ботнического зал., т. о. под властью Новгорода осталась вост. часть Карельского перешейка с крепостью Корела. На востоке Л. о. наиболее значимым центром являлся Тихвинский посад (известен с 1383, ныне г. Тихвин), к-рый к XVI в. стал крупным торговым и ремесленным поселением.

В 1478 г. Новгородская республика была присоединена к *Московскому великому княжеству*. Не позднее кон. XV в. территория Л. о. была разделена между 4 пятнами (административно-территориальными единицами новгородских земель, сохранявшимися до нач. XVIII в.) — Шелонской (левобережье р. Луги), Водской (междуречье Луги и Волхова, часть Карельского перешейка), Обонежской (к востоку от р. Волхов), Бежецкой (часть совр. Бокситогорского р-на). Пятны делились на уезды и погосты. Присоединение к Москве привело к изменению структуры землевладения: при новгородской власти в XV в. преобладало боярское и монастырское землевладение, часть земель принадлежала своеземцам (землевладельцам, не являвшимся боярами и приписанным к уезду), при московской — возросла доля поместного землевладения, появились оброчные, наместничьи земли, а также дворцовые. В XV—XVI вв. преобладали сельские поселения в 1–3 двора. Наиболее крупными были деревни на Ижорской возвышенности, отличающейся плодородными дерново-карбонатными почвами.

Во 2-й пол. XVI в. войны, причина, голод привели к сокращению численности населения. На территории Л. о. разворачивались события *Ливонской войны* (1558–1583), русско-швед. войн 1590–1595 и 1656–1658 гг., *Смутного времени*. Зап. районы Л. о., где были Ивангород, Ям, Копорье, Орешек, Корела (переименован шведами в Кексгольм), в 1583–1595 гг. и в 1617 г. — нач. XVIII в. входили в состав Швеции (в т. ч. территория совр. Приозёрского, Всеволожского, Кировского, Гатчинского,

Ломоносовского, Волосовского, Кингисеппского и части Тосненского районов Л. о. и территория С.-Петербурга с районами его административного подчинения). По условиям Столбовского мирного договора 1617 г. вышеперечисленные города были уступлены Швеции, что привело к переселению в Россию значительной части правосл. населения (карел и русских). На опустевшие земли мигрировали финны-лютеране, ставшие основой для формирования этнической общности ингерманландских финнов (финнов-инкери). На завоеванных территориях были образованы Кексгольмский лен (восток Карельского перешейка) и область Ингерманландия (территория также носит историческое название Ингрия, в нее входят Приневье и земли южнее Финского зал.). Эти земли управлялись генерал-губернатором, имевшим резиденцию в Нарве, в 1642–1656 гг. — в Ниеншанце (город на месте впадения р. Охты в Неву, на территории совр. С.-Петербурга).

В результате Северной войны 1700–1721 гг. вся территория Л. о. вошла в состав России, что было закреплено Ништадтским миром 1721 г.; при этом население отвоеванного края (православное и лютеранское) приняло русское подданство. Основная часть территории Л. о. входила в состав С.-Петербургской губ. (1708–1927; до 1710 Ингерманландская, в 1914–1924 Петроградская, в 1924–1927 Ленинградская). Вост. часть территории совр. Л. о. относилась к Новгородской губ. (1727–1918; в 1776–1796 Новгородское наместничество) и Череповецкой губ. (1918–1927); Присвирье — к Олонецкой губ. (1784–1796, 1801–1922; до 1796 Олонекское наместничество); сев. часть Карельского перешейка входила в Выборгскую губ. (1744–1917, с 1811 в составе Вел. княжества Финляндского), а затем в состав независимой Финляндии (1918–1940).

Большое влияние на экономическое развитие Л. о. оказало строительство новой столицы России — С.-Петербурга. В XVIII в. на территории Л. о. переселялись русские крестьяне из различных регионов. Развивались земледелие, молочное животноводство, садоводство, их продукция реализовывалась на петербургском рынке. Население занималось отхожими промыслами.

На территории Л. о. возникло большое количество дворянских усадеб (в XVIII в. их насчитывалось от 1,5 до 2,5 тыс.). Во 2-й пол. XVIII в., после издания манифестов *Екатерины II Алексеевны* 1762 и 1763 гг., разрешавших иностранцам селиться в России, в зап. районах Л. о. были основаны нем. колонии.

В XVIII—XIX вв. строятся транспортные магистрали. Важная роль в организации торговли принадлежала водным путям: Староладожскому (построен в 1719–1731), Новоладожскому каналу (1861–1866), Мариинской (1799–1810) и Тихвинской (1802–1811) водным системам, соединившим Балтийское м. с бассейном Волги, Сайменскому каналу (1845–1856, соединил внутренние районы Финляндии с Финским зал.). Были проложены Московское (10–30-е гг. XIX в.) и Динабургское (30-е гг. XIX в.) шоссе. С сер. XIX в. осуществлялось железнодорожное строительство. По территории Л. о. прошла железнодорожная ветка С.-Петербург — Москва (открыта в 1851).

Население Выборгской губ. во 2-й пол. XIX в. включилось в общий для Вел. княжества Финляндского процесс консолидации фин. нации, выражавшийся, в частности, в сокращении сферы использования швед. языка и росте этнического самосознания финнов.

С кон. 1917 г. начали осуществляться советские преобразования. В зап. районах Л. о. в период гражданской войны, в 1919 г., шли бои между Красной Армией и наступающей на Петроград армией ген. Н. Н. Юденича. Север Карельского перешейка был вовлечен в гражданскую войну в Финляндии (1918). В 1920 г. по Тартускому мирному договору правобережье р. Нарва с Ивангородом и прилегающими деревнями было передано независимой Эстонии (т. н. Эстонская Ингерманландия).

1 авг. 1927 г. была образована Л. о., объединившая Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую, Череповецкую и Мурманскую губернии (общая площадь 360,4 тыс. кв. км). В 1929 г. Великолуцкий окр. был передан из состава Л. о. в Западную обл. В дек. 1931 г. из состава Л. о. был выведен Ленинград, получивший статус города республиканского подчинения. В 1937 г. Череповец и 18 районов переданы Вологодской обл. В 1938 г. образована Мурманская обл., в 1944 г. — Новгородская и Псковская области.

В 20–30-х гг. XX в. в Л. о. развернулось промышленное строительство. Вошли в строй Волховская ГЭС (1932), Нижнесвирская ГЭС (1936, пос. Свирьстрой), Дубровская ГРЭС (г. Кировск), Волховский алюминиевый завод (1932), Тихвинский глиноземный завод (1938). Развивалась добыча торфа, сланцев, бокситов. Железнодорожное строительство ориентировалось на обслуживание военных объектов в приграничных районах. Началась электрификация железных дорог. В 30-х гг. XX в. в Л. о. была проведена коллективизация сельского хозяйства. К 1 окт. 1936 г. в колхозах состоял 91% крестьянских хозяйств. В 1939 г. были полностью ликвидированы хутора. В 30-х гг. XX в. вблизи Лодейного Поля располагался один из концентрационных лагерей системы ГУЛАГ — Свирьлаг. Репрессии 30-х гг. XX в., проводившиеся по национальному признаку, нанесли большой урон малочисленным народам Л. о. (ингерманландские финны, ижорцы).

Зимой 1939/40 г. Карельский перешеек стал ареной основных боев советско-фин. войны. В февр. 1940 г. Красной Армии удалось прорвать линию Маннергейма — построенную Финляндией в 20–30-х гг. XX в. систему оборонительных сооружений от Финского зал. до Ладожского оз. По условиям Московского мирного договора (1940) Карельский перешеек был передан СССР, южная его часть включена в состав Л. о. (Каннельярвский, Койвистовский, Раутовский районы). Фин. граждане были эвакуированы во внутренние области Финляндии еще в период ведения боевых действий, присоединенные районы заселялись вполсл. выходцами из различных регионов России.

Во время *Великой Отечественной войны* 1941–1945 гг. западные районы Л. о. были оккупированы германскими войсками, север Карельского перешейка и район р. Свирь — финскими. Летом 1941 г. упорные бои на Лужском рубеже задержали наступление германских войск на Ленинград. Ломоносов с прилегающей территорией (Ораниенбаумский плацдарм), а также Всеволожский р-н оказались в кольце блокады. Через Ладожское оз. проходила Дорога жизни, связывавшая блокированный Ленинград с Большой землей. В нояб.—дек. 1941 г. продвижение герм. войск было остановлено под Тихвином. На оккупированной

территории действовали партизанские отряды, которые к 1944 г. были сведены в 13 бригад. Территория Л. о. была полностью освобождена в 1944 г. в результате Ленинградско-Новгородской и Выборгско-Петрозаводской операций. Л. о. награждена орденами Ленина (1966) и Октябрьской революции (1984). В XXI в. Луга, Выборг, Тихвин и Гатчина удостоены звания «Город воинской славы».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 нояб. 1944 г. в состав Л. о. были включены Выборг и Кексгольм, Выборгский, Кексгольмский, Яскинский районы Карело-Финской ССР, а также территория Эстонской ССР восточнее р. Нарвы с Ивангородом. В 1956 г. из Новгородской обл. в Бокситогорский р-н Л. о. были переданы Дмитровский и Мозольевский сельсоветы. Неоднократно изменялась граница Л. о. и территории, подчиненной Ленгорсовету. В 1936 г. из состава Л. о. были исключены города Колпино, Детское Село (ныне Пушкин), Петергоф (с 1944 по 1997 Петродворец), пос. Стрельна, в 1946 г. — г. Сестрорецк с населенными пунктами Александровская, Разлив, Тарховка, г. Териоки (ныне Зеленогорск) и часть Райволовского р-на, в 1953 г. — Павловск и часть Павловского р-на, в 1954 г. — поселки Левашово и Парголово, Песочный, в 1973 г. — г. Красное Село, поселки Горелово и Можайский, в 1978 г. — г. Ломоносов.

К нач. 50-х гг. XX в. народное хозяйство Л. о. было в основном восстановлено. В 60–80-х гг. промышленность Л. о. приобрела многоотраслевую направленность: развивались цветная металлургия, целлюлозно-бумажная и химическая промышленность, машино- и приборостроение, производство строительных материалов, легкая и пищевая промышленность. В строй вошли комбинаты «Киришинефтеоргсинтез» (в 1966, г. Кириши), «Фосфорит» (в 1963, Кингисепп), «Центролит» (в 1965, Тихвин); Верхнесвирская ГЭС (в 1952, г. Подпорожье), Ленинградская АЭС (в 1973, г. Сосновый Бор), велась электрификация железных дорог; в 1963–1968 гг. реконструирован Сайменский канал. Развивалось молочно-мясное животноводство, птицеводство, овощеводство, картофелеводство, проводилась мелиорация земель.

По Конституции 1993 г., Л. о. является субъектом РФ. В 1994 г. принят устав области. Руководителями

Л. о. являлись глава администрации А. С. Беляков (1991–1996), губернаторы В. А. Густов (1996–1998), В. П. Сердюков (1999–2012), А. Ю. Дрозденко (с 2012). Органы власти Л. о. находятся в соседнем субъекте федерации — С.-Петербурге. К 1991 г. Л. о. состояла из 17 районов, 16 городов обл. подчинения, 10 городов районного подчинения, 41 рабочего поселка, 208 сельсоветов. В совр. Л. о. 217 муниципальных образований: городской округ, 17 муниципальных районов, 61 городское поселение, 138 сельских поселений. В нач. XXI в. построены морские порты в Усть-Луге и Приморске. Территория Л. о., прилегающая к С.-Петербургу, выполняет рекреационную функцию: здесь находятся крупные садоводческие массивы. В Л. о. сохранились финноязычные народы, включенные в список коренных малочисленных народов России, — воль, вепсы, ижорцы.

А. Ю. Чистяков

Религия. Большинство верующих в Л. о. — православные. По данным Мин-ва юстиции, на июнь 2015 г. в Л. о. зарегистрировано 355 религ. орг-ций, 238 из к-рых составляют общины РПЦ (входят в *Санкт-Петербургскую митрополию* РПЦ). Имеется 3 общины старообрядцев, 2 общины католиков, 97 общин протестантов, 2 общины *Армянской Апостольской Церкви*, 2 мусульм. общины, 3 иудейские общины, община *мормонов*, 3 общины *трезвенников* (чуриковцев), 3 общины *Богородичного центра*, община *Русской Православной Церкви за границей* (РПЦЗ).

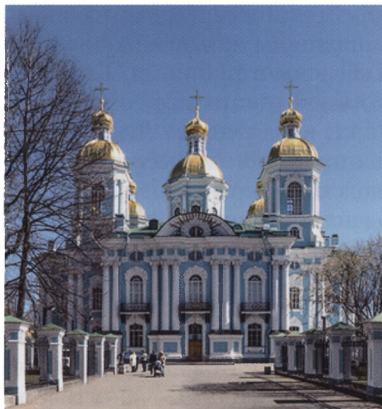
Русская Православная Церковь. Сведения о распространении христианства на территории Л. о. до Крещения Руси не отражены в ранних летописных источниках. По летописному сказанию, эти края еще в I в. по Р. Х. посетил ап. *Андрей Первозванный*, который по позднему преданию воздвиг кресты на берегу Волхова (в районе совр. с. Грузина Новгородской обл.) и на Валааме. В сер. X в. равноап. кнг. *Ольга (Елена)* основала укрепленные центры (погосты) в бассейне р. Луги и установила, по преданию, поклонный крест у берегов р. Нарвы (ныне место бывш. погоста Ольгин Крест Сланцевского р-на Л. о.). После крещения киевлян св. равноап. кн. *Владимиром (Василием) Святославичем* (988) большая часть новгородцев, а вслед за ними и жителей приволховских и приневских

земель приняли новую веру. С кон. X в. до 1715 г. совр. территория Л. о. преимущественно входила в состав Новгородской епархии (с 1165 архиепископия, с 1589 митрополия; см. *Новгородская и Старорусская епархия*). Православие было древнейшим христ. вероисповеданием, распространявшимся новгородскими миссионерами на северных землях с XI в. (со времен блгв. кн. Ярослава Мудрого). В результате православными являются представители автохтонных финно-угорских народов, до сих пор живущих на территории Л. о. (ижора, водь, вепсы, карелы). В 1227 г. блгв. кн. *Ярослав (Феодор) Всеволодович* обратил в христианство приладожских карел. К 1-й пол. XIII в. относится и свидетельство о сподвижнике св. кн. Александра Невского ижорянина Пелгусии (Филиппе).

В 1153 г. Ладогу посетил еп. Новгородский свт. *Нифонт* и заложил там ц. св. Климента. С кон. XIII в. в Ладоге существовало наместничество новгородских архиепископов (сохр. печати владычных наместников). В сер. XV в. длительную поездку по епархии совершил архиеп. Новгородский *Евфимий II*, на о-ве Коневец его встречал прп. *Арсений Коневский*. На рубеже XV и XVI вв. на территории буд. Л. о. насчитывалось не менее 16 муж. и 5 жен. мон-рей. Среди старейших обителей края — *Антониев Дымский мужской монастырь, тихвинский Большой в честь Успения Пресв. Богородицы мужской монастырь, Александров Свирский в честь Св. Троицы мужской монастырь, Коневский в честь Рождества Пресв. Богородицы мужской монастырь, Зеленецкий во имя Св. Троицы мужской монастырь, Черемнецкий во имя ап. Иоанна Богослова мужской монастырь, старолadoжский во имя свт. Николая Чудотворца мужской монастырь и старолadoжский в честь Успения Пресв. Богородицы женский монастырь, а также Елисеева и Макариевская пустыни.*

В кон. XVI — нач. XVII в. в пределах Корельского у. Водской пятины Новгородской земли (вост. часть Карельского перешейка и Сев. Приладожье) и Ореховского у. (юг Карельского перешейка, Приневье и часть юж. побережья Финского зал.) существовала *Корельская и Ореховская епархия*. Пребывание западных районов Л. о. под швед. владычеством в 1583–1595 гг. и по Столбовскому мирному договору с 1617 г. до

Никола-Богоявленский (Морской) собор в С.-Петербурге. 1753–1762 гг. Архит. С. И. Чевакинский. Фотография. 2012 г.

нач. XVIII в. негативно сказалось на положении Православия в регионе (упразднение мон-рей, уменьшение числа церквей, нек-рые были превращены в кирхи, отток части населения, насаждение лютеранства): часть финно-угорского населения края начала исповедовать лютеранство. Правосл. население переданных Швеции территорий в церковном отношении оставалось в подчинении Новгорода.

В 1702–1704 гг. Ижорская земля (Ингерманландия) была отвоевана в ходе Северной войны, и на ней сразу же началось восстановление и строительство правосл. храмов (первый был освящен в нач. 1703 в освобожденном несколькими месяцами ранее Орешке (Шлиссельбурге)). В «новозавоеванный край» духовенство присылалось из Новгорода и Москвы. Митр. Новгородский *Иов* неоднократно посещал С.-Петербург и выезжал в др. места совр. Л. о., он же в 1706 г. основал в Новгороде ДУ. С 1708 г. земли Ингерманландии по настоянию Петра I в церковном отношении перешли под управление архим. *Феодосия (Яновского)*; вполн. митрополит Новгородский), назначенного администратором духовных дел. 20 февр. 1712 г. он стал 1-м настоятелем основанного Петром I Александро-Невского мон-ря в честь Св. Троицы (датой основания считается 1713, с 1797 лавра; см. *Александро-Невская в честь Святой Троицы лавра*). В 1712 г. должность администратора духовных дел в С.-Петербурге стала постоянной.

Вскоре после перенесения в 1712 г. столицы России в С.-Петербург (основан в 1703) город сделался адм. центром Русской Церкви. В резуль-

тате конфликта архим. *Феодосия* с митр. *Иовом* последний в 1715 г. передал архипастырское попечение о С.-Петербурге и прилежащих землях вдовствующей Патриаршей кафедре. Местоблюститель Патриаршего престола митр. Рязанский и Муромский *Стефан (Яворский)* не вмешивался в управление столичной областью, сведя свою деятельность лишь к освящению антиминсов и присылке священников, к-рых определял к церквям архим. *Феодосий*. Хиротонии совершал управлявший Новгородской епархией с 3 февр. 1716 г. викарный еп. Корельский и Лadoжский *Аарон (Еропкин)*. 22 янв. 1721 г. архим. *Феодосий* был хиротонисан во архиепископа Новгородского, т. е. в его распоряжение перешли в т. ч. и все церковные дела по С.-Петербургу и прилежащим территориям. Однако уже 25 янв. 1721 г. был издан Манифест об учреждении Духовной коллегии (*Святейшего Правительствующего Синода*) с местопребыванием в новой столице.

По указу Петра I в 1719 г. при Александро-Невском мон-ре была создана 1-я в С.-Петербурге типография. Для подготовки «ученого духовенства» 25 окт. 1721 г. открыта Славянская школа, преобразованная в 1726 г. в Александро-Невскую славяно-греко-латинскую семинарию. Также в 1721 г. еще одну ДС в С.-Петербурге основал архиеп. *Феофан (Прокопович)*. 30 авг. 1724 г. в Александро-Невский мон-рь по указанию Петра I были перенесены мощи небесного покровителя С.-Петербурга — св. кн. Александра Невского.

С учреждением Синода С.-Петербург и присоединенные в ходе Северной войны земли вошли в состав *Синодальной области*. К ней относились Ямбургский и Копорский уезды, Выборг, Шлиссельбург, а также строящиеся Кронштадт, Царское село (с 1808 Царское Село), Петергоф, Стрельна и с. Красное (ныне г. Красное Село). Город Корела (Кексгольм) с уездом, воссозданные в кон. 10-х гг. XVIII в. *Спасо-Преображенский Валаамский мужской монастырь* и Коневский в честь Рождества Пресв. Богородицы муж. монастырь остались в зависимости от Новгородской епархии, Гдов и Нарва отошли Псковской епархии.

Территории в составе Синодальной обл. в 1721–1727 гг. управлялись специально созданным органом — Тиунской палатой, или кон-

торой. Ее основными задачами были наблюдение над поведением духовенства и мирян, розыск и предание суду старообрядцев, сбор пошлин и штрафов. Ряд более важных дел оставался в непосредственном ведении Синода. При этом Тиунская контора и Синод могли осуществлять только адм. руководство, а поставление священников и освящение храмов доверялись чередному, т. е. иноепархиальному, архиерею, вызываемому по распоряжению Синода на один год для прохождения «чреды» — совершения богослужений и чтения проповедей в храмах столицы. Этот порядок был признан неудачным, поэтому Высочайшим указом от 19 авг. 1727 г. Тиунская контора была заменена Тиунской избой, во главе которой был поставлен архиерей-наместник с полномочиями правящего владыки. Однако в том же году, после переезда Синода в Москву, в С.-Петербурге была оставлена Синодальная контора под управлением периодически сменяемого архиерея. Непосредственное управление духовными делами доверялось т. н. заказчикам. Указом Синода от 18 марта 1731 г. должность заказчика была заменена коллегиальной формой руководства — Духовным правлением. Промежуточным звеном между Духовным правлением и приходским духовенством в С.-Петербурге стал учрежденный в 1735 г. институт благочинных. Надзор за церковной жизнью в провинции продолжали осуществлять заказчики. В церковно-адм. отношении Синодальная обл. разделялась на 5 округов: С.-Петербург с уездными центрами, находившийся в непосредственном ведении Духовного правления, и 4 заказа: Кронштадтский, Выборгский, Шлиссельбургский и Ямбургский.

1 сент. 1742 г. по указу имп. *Елизаветы Петровны* была учреждена С.-Петербургская епархия (см. *Санкт-Петербургская и Ладожская епархия*). Первым правящим архиереем стал еп. С.-Петербургский и Шлиссельбургский *Никодим (Сребницкий)*. В состав новообразованной епархии вошла территория 2 провинций: С.-Петербургской, включавшей С.-Петербург, Кронштадт, Шлиссельбург, Ямбург, Копорье, и Выборгской с общим населением 127 тыс. чел. и 116 церквами, учитывая домовые. Также в подчинении С.-Петербургской епархии находился расположенный на территории Швеции Либелицкий по-

гост (в 4 верстах от Куопио): туда по просьбе швед. посланника в 1735 г. был определен правосл. священник, знающий карел. язык.

В 1744 г. была учреждена Выборгская губ., которая включила Вы-

Князь-Владимирский собор
в С.-Петербурге. 1766–1789 гг.
Фотография. 2012 г.

боргскую пров., а также земли, отошедшие России в результате русско-швед. войны 1741–1743 гг.: крепость Нейшлот (ныне г. Савонлинна) и города Вильманstrand (ныне Лаппеэнранта) и Фридрихсгам (ныне Хамина). Выборгская губ. вошла в состав С.-Петербургской епархии. С 1745 г. правящий архиерей носил титул архиепископа.

Существенное расширение границ епархии произошло в 1764 г. при введении штатов. На основе утвержденного имп. Екатериной II доклада Духовной комиссии от 29 мая 1764 г. в С.-Петербургскую епархию были переданы: из Новгородской епархии — Ст. и Нов. Ладога, Кексгольм (к-рый с 1744 входил в Выборгскую губ., но в церковно-адм. отношении оставался в Новгородской епархии; в последней до 1763 существовало *Кексгольмское и Ладожское викариатство*), из Псковской — Ревель и Нарва. Указом от 24 сент. 1764 г. из Псковской епархии был также переведен Ивангород. Территория епархии охватывала 3 губернии: С.-Петербургскую, Выборгскую и Ревельскую; ее архиерей именовался С.-Петербургским и Ревельским. В том же году стала самостоятельной *санкт-петербургская Троице-Сергиева пустынь*, основанная в 1732 г. как по-дворье *Троице-Сергиевой лавры*.

Учреждение штатов в 1764 г. упростило положение С.-Петербургских архиереев. С.-Петербургская епархия наравне с Московской и Новгородской была отнесена к 1-му классу, что сказалось в т. ч. и на ее материальном положении. Синодальное «рассуждение о первенстве архиереев» от 17 апр. 1767 г. определяло ранство 3 отнесенных к 1-му классу кафедр.

В дек. 1767 г., после смерти первенствующего члена Синода митр. Новгородского *Димитрия (Сеченова)*, на заседаниях Синода его место занял С.-Петербургский архиепископ. С 1 янв. 1775 г. под управлением архиеп. С.-Петербургского *Гавриила (Петрова; с 1783 митрополит)* происходит объединение С.-Петербургской и Новгородской епархий; правящий архиерей стал титуловаться Новгородским и С.-Петербургским. В 80-х гг. XVIII в. С.-Петербургская губ. и епархия были расширены на юг за счет включения в них Гдовского и Лужского уездов. Ко времени издания указа о соответствии епархиальных границ губернским (12 дек. 1796) границы С.-Петербургской епархии уже точно соответствовали территории 3 составлявших ее губерний — С.-Петербургской, Эстляндской и Выборгской.

Указом имп. *Павла I Петровича* от 16 окт. 1799 г. на С.-Петербургскую кафедру был назначен архиеп. *Амвросий (Подобедов)*, т. о. епархия оказалась отделенной от Новгородской. Амвросию был усвоен титул архиепископа С.-Петербургского, Эстляндского и Выборгского. В 1800 г. кафедры снова были объединены и управлялись одним архиереем вплоть до 1892 г. с незначительными перерывами в марте—июне 1818 г. и 4–20 нояб. 1848 г. После вхождения в 1809 г. в состав России Вел. княжества Финляндского оно стало частью С.-Петербургской епархии, ее правящий архиерей именовался С.-Петербургским, Эстляндским и Финляндским. В 1865 г. территория Эстляндии вошла в состав Рижской епархии (см. *Рижская и Латвийская епархия*); столичный архиерей стал титуловаться С.-Петербургским и Финляндским.

В 1892 г., после кончины митр. Новгородского, С.-Петербургского и Финляндского *Исидора (Никольского)*, столичную кафедру возглавил *Палладий (Раев)*, получивший титул

«митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский», а Новгородскую — архиеп. *Феогност (Лебедев)* с присвоением титула «архиепископ Новгородский и Старорусский». 24 окт. 1892 г. была создана Финляндская и Выборгская епархия РПЦ, включившая всю территорию Вел. княжества Финляндского. В ее подчинении находились в т. ч. и церкви совр. Выборгского и Приозёрского районов Л. о. и части Курортного р-на С.-Петербурга. Т. о., с 1892 г. грани-

*Свято-Троицкая Сергиева
Приморская пустынь.
Фотография.
Нач. XX в.*

но большое внимание он уделял благотворительности, в частности создал в Кронштадте первый в России Дом трудолюбия.

цы С.-Петербургской епархии совпадали с границами С.-Петербургской губ. и до 1917 г. не менялись.

В епархии (на территории губернии и за ее пределами) в XIX — нач. XX в. существовали викариаты: *Выборгское* (1859–1892), *Гдовское* (1892–1928), *Кронштадтское* (1907–1910, 1915–1917, 1920–1933), *Ладужское* (1865–1892, 1917–1928), *Нарвское* (1887–1926), *Ревельское* (1817–1865), *Ямбургское* (1897–1928, с 1922 *Кингисептское*).

В 1788 г. Александро-Невская семинария была преобразована в Главную семинарию, а в 1797 г. — в Александро-Невскую академию. В февр. 1809 г. она была разделена на 3 учебных заведения: высшее — С.-Петербургскую ДА, среднее — С.-Петербургскую ДС и низшее — Александро-Невское ДУ.

В кон. XIX — нач. XX в. в среде финно-угорских народов, прежде всего карел, финнов и эстонцев, проявилось стремление к переходу в Православие. С сер. XIX в. эст. крестьяне приезжали на заработки в С.-Петербургскую губ. Для них стали устраивать правосл. богослужения на родном языке, позднее началось формирование их приходов. Среди устроителей правосл. эст. храмов в епархии были св. прав. *Иоанн Кронштадтский* и 6 священномучеников — 3 русских и 3 эстонских.

В 90-х гг. XIX в. свящ. Павел Кульбуш (в дальнейшем еп. Платон) устроил 1-ю церковноприходскую школу для эстонцев. К 1917 г. в существовавшее в Петроградской епархии русско-эстонское благочиние входили 7 приходов, в т. ч. финский и латышский (последний из них был ликвидирован в 1938 в г. Красногвардейск (ныне Гатчина)).

Важным центром религ. жизни губернии был Кронштадт, в котором к 1917 г. было свыше 30 храмов. Во 2-й пол. XIX — нач. XX в. в городе 53 года жил и служил св. прав. *Иоанн Кронштадтский*. Особен-

Широкую известность приобрело «Алексеевское общество дел милосердия на Успенском острове» (на р. Волхов, ныне Волховского р-на), основанное прот. Алексием Колоколовым (1836–1902).

В XIX — нач. XX в. на совр. территории Л. о. был основан ряд жен. мон-рей, среди них — Вохоновский Мариинский (вблизи дер. Вохоново Гатчинского р-на), Пятогорский Богородицкий (вблизи дер. Курковицы; ныне Волосовского р-на), Паданский Введенский (ныне Подпорожского р-на), Покровский Поречский (совр. дер. Козья Гора Сланцевского р-на), Свято-Троицкий в дер. Линтула (ныне пос. Огоньки Выборгского р-на). В 1894 г. в качестве Воскресенского миссионерского мон-ря была возобновлена муж. Макариевская пуст. (ныне Тосненского р-на; см. *Воскресения Господня мужской монастырь*).

С 1895 г. издавался ж. «*Санкт-Петербургский духовный вестник*» под одной обложкой с ж. «*Известия по Санкт-Петербургской епархии*»; с 1902 г., после прекращения издания «Санкт-Петербургского духовного вестника», «*Известия по Санкт-Петербургской епархии*» (с № 17/18 за 1914 «*Известия по Петроградской епархии*») печатались при ж. «*Отдых христианина*». В нач. XX в. епархию возглавляли митрополиты *Антоний*

(*Вадковский*) и сщмч. *Владимир (Богоявленский)*; последним перед Февральской революцией 1917 г. митрополитом Петроградским и Ладужским был *Питириим (Окнов)*. В мае 1917 г. епархию возглавил избранный на чрезвычайном епархиальном Соборе архиепископ (возведен в сан митрополита постановлением Синода от 15 авг. 1917, утвержденным Временным правительством на следующий день) сщмч. *Вениамин (Казанский)*.

К осени 1917 г. на совр. территории С.-Петербурга и Л. о. действовали 1280 соборов и церквей (в т. ч. в Петрограде с ближайшими пригородами имелось 498 храмов), насчитывалось 16 мон-рей (из них 4 — в Петрограде), служили 1,7 тыс. клириков.

После Октябрьской революции 1917 г. в Петрограде и на территории губернии начались гонения на правосл. Церковь, сопровождавшиеся закрытием церквей (первоначально домовых и военного ведомства), монастырей, учебных заведений, репрессиями против духовенства. Уже в кон. окт. 1917 г. был убит прот. *Екатерининского собора Царского Села сщмч. Иоанн Кочуров*. В янв. 1918 г. в Петрограде была закрыта Синодальная типография. 11 янв. собрание духовенства Петроградской епархии под председательством митр. Петроградского и Гдовского сщмч. *Вениамина (Казанского)* заявило о своем протесте против действий властей. 19 янв. произошло столкновение между народом и красноармейцами, прибывшими в Александро-Невскую лавру для реквизиции ее жилых помещений. Верующие отстояли лавру, но при этом был смертельно ранен прот. сщмч. *Петр Скипетров*. Жертвами красного террора на рубеже 1918 и 1919 гг. стали в т. ч. настоятель Александро-Свирского мон-ря архим. *Евгений (Трофимов)*, прославленные в лике святых ивангородские мученики прот. *Димитрий Чистосердов* и иерей *Александр Волков*.

В 1918 г. в Петрограде перестали существовать ДА и ДС, однако с осени 1918 г. открылось богословско-пастырское училище, в корпусе которого вошли мн. преподаватели ДС; в 1920–1923 гг. работал Петроградский богословский ин-т. При митр. *Вениамине* в епархии были учреждены *Лужское викариатство* (1917), *Петергофское викариатство* (1922) и возобновлено Ладужское.

Постепенно отношение гос-ва к Церкви ужесточалось. 5 окт. 1920 г. была прекращена деятельность Петроградского епархиального совета. Во время подавления Кронштадтского восстания (28 февр.— 17 марта 1921) были расстреляны несколько священников, в т. ч. прот. сщмч. *Григорий Поспелов*.

23 февр. 1922 г. был издан декрет ВЦИК об *изъятии церковных ценностей*. 6 марта митр. Вениамин обратился с заявлением о готовности Церкви пожертвовать своим достоянием при условии добровольной передачи ценностей гос-ву под контролем духовенства. Власти воспользовались ситуацией для раскола Церкви, и в сер. мая 1922 г. в Москве было организовано обновленческое *Высшее церковное управление* (ВЦУ), в к-рое вошли 3 петроградских клирика. 28 мая митр. Вениамин выпустил послание к пастве, в к-ром эти клирики объявлялись отпавшими от Церкви. 1 июня 1922 г. митрополит был арестован. Его арест стал катализатором начавшегося 10 июня *Петроградского процесса 1922 г.*, по которому было привлечено 86 чел. В ночь на 13 авг. были расстреляны митр. Вениамин, архим. *Сергий (Шейн)*, проф. *Юрий Новицкий* и бывш. юрисконсулт лавры *Иоанн Ковшаров*. На Архиерейском Соборе 1922 г. они были причислены к лику святых. Остальные осужденные в кон. 1923 г. были досрочно освобождены.

На территории совр. Л. о. особенно много ценностей экспроприаторы захватили в тихвинском Большом мон-ре — более пуда золота и до 25 пудов (400 кг) серебра. Изъятие было проведено в марте 1922 г., как писал настоятель архим. *Антоний (Демянский)* митр. Новгородскому *Арсению (Стадницкому)*, «при вводе войска»: монахи «десять дней прожили в осадном положении... в братской трапезе — пулеметная рота».

В 1922–1944 гг. одновременно с православной в регионе действовала Ленинградская обновленческая епархия (см. *Обновленчество*). К сент. 1923 г. в Петрограде только 8 храмов из 123 оставались «тихоновскими». Ситуацию значительно исправил прибывший 29 сент. 1923 г. в Петроград в качестве управляющего епархией Лужский еп. *Мануил (Лемешевский)*. До ареста в февр. 1924 г. ему удалось вернуть в ведение патриарха 83 прихода.

Помощниками еп. Мануила стали епископы сщмч. *Григорий (Лебедев)*, возглавивший новоучрежденное Шлиссельбургское викариатство, и *Серафим (Протопопов)*, глава *Колпинского викариатства*. Дело еп. Мануила продолжил временно управлявший епархией еп. *Венедикт (Плотников)*.

Во 2-й четв. XX в. происходили существенные изменения в административно-территориальном делении страны. После образования 7 мая 1926 г. Северо-Западной обл., переименованной 1 авг. 1927 г. в Л. о., в нее вошли несколько епархий: Ленинградская, Новгородская (до 1944), Псковская (до 1944), Череповецкая (пресеклась в 1937). В соответствии с административно-территориальными преобразованиями регионов страны менялась и территория епархий. В 1927 г. в нее вошли: часть территории Новгородского (часть современных Тосненского и Лужского районов), Тихвинского (весь Тихвинский и часть современных Киришского, Волховского, Лодейнопольского, Подпорожского и Бокситогорского районов) и Устюженского (часть совр. Бокситогорского р-на) уездов Новгородской губ., а также Лодейнопольского (совр. Лодейнопольский р-н) и части Олонецкого и Петрозаводского уездов Олонецкой губ. В 1944 г. Псковской и Новгородской епархиям отошли юж. части бывш. Гдовского и Лужского уездов С.-Петербургской губ. соответственно.

Издание *«Декларации» 1927 г.* привело к возникновению внутри Церкви движения несогласных с этим документом. Это движение получило название *иосифлянства*, по имени Ленинградского митр. *Иосифа (Петровых)*; главным центром движения в 1927–1933 гг. являлась Л. о.

Ленинградским обл. архиереем, управлявшим кроме Ленинградской Новгородской, Псковской, Череповецкой епархиями, с 1928 г. был митр. сщмч. *Серафим (Чичагов)*. Помощь ему оказывали 3 викария — Петергофский, Лужский и Лодейнопольский (*Лодейнопольское викариатство* учреждено в 1929). В 1933 г. митрополиту было отказано в выдаче паспорта с ленинградской пропиской, а отсутствие документа стало поводом к фактической высылке его из города. Он был уволен на покой, а в 1937 г. расстрелян.

В 1928–1929 гг. в Л. о., как и по всей стране, начался процесс массо-

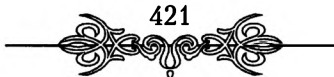
вой ликвидации приходских церквей и часовен, заверченный в течение 10 лет. В 1928 г. в Ленинграде были закрыты последние легальные учебные заведения РПЦ — Высшие богословские курсы и богословско-пастырское уч-ще. После принятия 8 апр. 1929 г. постановления ВЦИК и СНК СССР *«О религиозных объединениях»* в ходе кампаний против монастырских сельскохозяйственных коммун и артелей на территории Л. о. были закрыты многие обители, в т. ч. в 1929 г. — Покровский Поречский женский и Пятогорский Богородицкий женский, в 1930 г. — Вохоновский Мариинский женский, Черемнецкий во имя ап. Иоанна Богослова мужской и др. мон-ри.

С 1 марта 1931 по 1 июня 1932 г. в Л. о. (включая Новгородскую, Псковскую и Череповецкую епархии) число «тихоновских» религиозных организаций уменьшилось с 1414 до 1356. На 18 февр. 1932 г. пришелся пик арестов среди монашества Ленинграда и Л. о. (единовременно арестовано 318 чел.). В мае 1932 г. был закрыт Воскресенский мон-рь (Макариевская пуст.) под Любанью — последний действовавший на тот момент мон-рь на совр. территории Л. о.

По самому крупному церковному следственному делу сер. 30-х гг. XX в. в Ленинграде и Л. о., т. н. делу «евлогиевцев», в дек. 1933 — янв. 1934 г. арестовали 157 чел., в т. ч. в г. Тихвин — еп. сщмч. *Валериана (Рудича)*. В марте—апр. 1935 г. из Ленинграда выселяли «чуждое население» (т. н. Кировский поток, затронувший и духовенство). Из 429 священнослужителей Ленинграда и пригородов 198 чел. выслали в адм. порядке «на периферию» (в основном в Поволжье, Ср. Азию и Л. о.). В их число вошел и викарный еп. Лужский *Амвросий (Либин)*.

К нач. 1937 г. под управлением Ленинградского митрополита оставался 851 храм, что составляло 60% от количества церквей в нач. 1931 г. В Ленинграде и Л. о. служба совершалась в 247 храмах, из них в совр. черте С.-Петербурга — в 53, в районах области — в 194. В последних служило 198 иереев и 18 диаконов.

Пик террора пришелся на период с лета 1937 по весну 1938 г. За эти месяцы в Л. о. из состоявших в штате на 1 мая 1937 г. было расстреляно не менее 135 иереев и 11 диаконов.

По датам арестов можно реконструировать ход операции. Так, в Волховском р-не, где действовала 21 церковь, она была проведена в 2 этапа: в авг.—нач. сент. и в нояб.—дек. 1937 г. В промежутке «изъяли» духовенство Киришского р-на (9 церквей): там все аресты прошли с 11 сент. по 9 окт.; казнь 5 священников из 6, о расстреле которых известно, последовала в один день — 21 окт. 1937 г. В этот период не фабриковались такие массовые церковные следственные дела, как в прежние годы; обвиняемым в основном выносили приговоры в составе небольших групп. Во Всеволожском, в Оятском, Пашском районах, в городах Красногвардейск (Гатчина), Лодейное Поле, Тихвин патриаршее духовенство было уничтожено полностью. Из клира Воскресенского собора в Луге расстреляли 3 протоиерея, протодиакона, псаломщика, старосту, председателя ревизионной комиссии и сторожа; диакон, приговоренный тройкой НКВД к 10 годам лагерей, умер в тюрьме через 4 месяца после ареста. Расстреляны и обе числившиеся в штате епархии псаломщицы. Один из священников Тихвина в мае 1937 г. через местную газету заявил о сложении сана, в февр. 1938 г. он был арестован и в марте расстрелян. Спешный выход за штат также не уберегал от репрессий: аресты распространялись как на заштатное духовенство, так и на «активных церковников», включая певчих и даже уборщиц храмов. О тщательности «чистки» Л. о. от монашествующих в 1932 г. говорит тот факт, что в 1937–1938 гг. в ней остались в живых после расстрелов 78-летняя игуменья (прмц. *Иоанникия (Кожевникова)*), 80-летний монах и 2 монахини. Лагерные сроки из духовенства всей области Ленинградского митрополита получили ок. 45 чел., ок. 25 чел. продолжили совершать богослужения.

К июню 1941 г. у МП в Ленинграде осталось 5 действовавших храмов, в ближайших окрестностях — 7 (Пушкин, Колпино, Петергоф — городские поселения в черте территории Ленинграда того времени, Урицк, Ст. Паново, Усть-Ижора, Парголово — на территории Л. о. того времени, ныне в черте С.-Петербурга) и в совр. пределах Л. о. — 5 (по 2 в Красногвардейском, ныне Гатчинском, и Волосовском районах и 1 в Тосненском). Из них 3 приго-

родных храма и областной не имели священников, на очереди стояла ликвидация их двадцаток. К Л. о. также относились 11 храмов, перешедших в июле 1944 г. в состав новообразованных областей: 1 — в Новгороде, 2 — в Лычковском р-не (ныне в Новгородской обл.), 1 — в Пскове, 3 — в Псковском р-не, по 2 — в Порховском и в Гдовском районах (ныне в Псковской обл.). Постановления о закрытии остальных 229 храмов в Л. о., по крайней мере на районном уровне, уже были приняты.

Репрессиям подвергались представители всех исповеданий, не исключая обновленцев. К кон. 1940 г. у них осталось 2 храма в городе и 1 в области (ст. Лисий Нос, с 1950 в черте Ленинграда).

М. В. Шкаровский, А. К. Г.

1941–1944 гг. После начала Великой Отечественной войны закрытие храмов продолжилось. 30 июня 1941 г. были упразднены храмы в деревнях Новинка, Околок, Коростелёво Пашского р-на «в целях занятия под воинские части» (ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 1). 24 июля 1941 г. утверждено закрытие храма св. Иоасафа Белгородского в пос. Парголово. В авг. 1941 г. был арестован клирик Георгиевского храма на Большеохтинском кладбище свящ. Николай Ильяшенко, через полгода освобожден. В осажденном нацистами Ленинграде с пригородами, подчиненными горсовету, действовали 13 храмов: 8 патриаршей юрисдикции (соборы Никольский, Князь-Владимирский; церкви Иовлевская на Волковом кладбище, Георгиевская на Большеохтинском кладбище, Нерукотворного Спаса на Парголовском (Шуваловском) кладбище, Дмитриевская в Коломягах; пригородные храмы: Троицкий в Петергофе и Знаменский в Пушкине), 4 обновленческих (Преображенский собор, церкви Серафимовская на Серафимовском кладбище, Николаевская на Колпинском кладбище, Князь-Владимирская на ст. Лисий Нос) и иосифлянских (Троицкий в Лесном). Один из действовавших храмов — Преображенский в г. Урицк был полностью уничтожен в ходе боев в 1941 г. Обновленческий Серафимовский храм 29 янв. 1942 г. был «изъят под склад-распределитель для приема покойников», в мае того же года возвращен верующим.

26 июня 1941 г. Ленинградский митр. Алексей (Симанский; см. *Алексий I*, патриарх Московский и всея Руси) обратился с посланием к правосл. верующим, в к-ром призывал встать на защиту Родины («Церковь зовет к защите Родины»). 23 июня он дал распоряжение о сборе в храмах епархии средств на оборону Ленинграда. За время войны Ленинградская епархия передала в Фонд обороны 17 423 тыс. р. Весь период Ленинградской блокады митр. Алексей находился в городе. Во время 1-й блокадной зимы почти во всех действовавших храмах продолжались богослужения. Клирики принимали участие в защите города в составе групп самозащиты местной противовоздушной обороны. Митр. Алексей и 11 священнослужителей (включая 2 обновленцев) 11 окт. 1943 г. впервые за годы советской власти вручили правительственные награды — медали «За оборону Ленинграда».

В окт. 1943 г. с МП воссоединилась единственная иосифлянская община города — Троицкий храм в Лесном, а также обновленческие приходы: Князь-Владимирский на ст. Лисий Нос (1943) и Преображенский собор в Ленинграде (янв. 1944); последний глава Ленинградской обновленческой епархии — «епископ» Сергей Румянцев принят в РПЦ через покаяние и стал приходским священником. На Пасху 1943 г. и на Рождество 1944 г. митр. Алексей обращался с посланиями «к пастырям и пастве в городах и селах Ленинградской области, пока еще занятых вражескими войсками». Эти послания были отпечатаны и через штаб партизанского движения доставлялись за линию фронта.

На оккупированной немцами территории Л. о. экзархом Латвии и Эстонии митр. Виленским и Литовским *Сергием (Воскресенским)* при согласии герм. администрации была создана *Псковская миссия*. В ее ведение входили юго-зап. районы Л. о., где за весь период оккупации удалось открыть для богослужений ок. 100 церквей и часовен (не все стали реально действующими приходами), а также бо́льшая часть совр. Псковской обл. (кроме территории бывш. Великолуцкого и Торопецкого уездов), значительная часть Новгородской обл. и сев.-зап. территория Калининской обл. Были образованы Новгородский и Солецкий

благочиннические округа. Ряд сельских приходов на оккупированной части Л. о. принадлежал иосифлянам. В Кингисеппском р-не было 4 иосифлянских прихода, в том же районе к обновленческому благочинию относились 4 храма. Настоятель иосифлянского храма в Козьей Горе (ныне Сланцевского р-на) священник Алексей Кибардин в сент. 1943 г. вел переговоры с руководством Псковской миссии о воссоединении с ней оставшихся иосифлянских приходов, но из-за эскалации военных действий процесс объединения был сорван.

Отдельную адм. единицу составляло Принаровье (бывш. Нарвский у.), куда помимо Нарвы и окрестностей вошли Кингисеппский и Волосовский районы Л. о. Нарвскую русскую епархию окормлял Нарвский архиеп. Павел (Дмитровский), подчиненный непосредственно экарху Латвии и Эстонии. Здесь в период оккупации действовали 17 храмов, из них заново были открыты церкви и часовни в деревнях Ополье, Кёрстово, Краколье, Кейкино, Удосолово, Сойкино, Ратчино, Низах и др. общины, которые окормлялись в основном клириками латыш. и эст. национальностей. В 1942–1944 гг. они (без Нарвы) составляли Кингисеппско-Волосовский благочиннический окр. в непосредственном подчинении архиеп. Павлу Печорскому еп. Петру (Пяхкелю, *Эстонская Апостольская Православная Церковь*) в церковном отношении был подчинен бывший Печорский у. Эстонии, вошедший в 1944 г. в состав Л. о.

В пос. Вырица (Гатчинского р-на) с 1942 г. действовали Успенский женский и Богоявленский муж. мон-ри, при них по проекту архит. Ф. М. Ларченко были построены вместительные храмы. В Вырице весь период оккупации жил прп. *Серафим* Вырицкий. В с. Нежадове Плюсского р-на (ныне Псковской обл.) началось возрождение Воскресенско-Покровского жен. мон-ря.

Сев. и сев.-вост. районы Л. о. (совр. Подпорожский, Вознесенский, Лоддейнопольский, Выборгский и Приозёрский) были заняты фин. войсками. В этих районах и на Карельском перешейке было возобновлено богослужение не менее чем в 11 храмах. Служили в них в основном фин. военные правосл. священники. При освобождении Карелии и сев. части Л. о. в июне–июле 1944 г. они покинули территорию СССР, все при-

ходы в 1944 г. были закрыты: 7 храмов — в Вознесенском р-не, 3 — в Подпорожском р-не, 1 — в г. Териоки (ныне Зеленогорск, в черте Курортного р-на С.-Петербурга).

Расчет оккупантов использовать в своих целях религиозный фактор на северо-западе России в целом не оправдался; известные многочисленные примеры патриотической деятельности клириков. В Л. о. 10 священнослужителей были казнены нацистами за связь с подпольщиками и антигерманскую агитацию. Так, в Гатчине расстреляли настоятеля Павловского собора прот. Александра Петрова, в с. Ящера Гатчинского р-на — священников Владимира Романского и Алексия, в с. Орлине того же района — священник Иоанна Суслина, в с. Югостицы Лужского р-на — священник Николай Воробьева, в с. Видони Уторгошского р-на — священник Мефодия Белова, в Благовещенской Никандровой пуст. близ Порхова — игум. Андрея (Тишко) и др. Служивший в Гатчине прот. Феодор Забелин прятал советского разведчика в алтаре храма. В ходатайстве жителей Красного Села об открытии в их городе церкви (от 31 янв. 1945) отмечалось, что во время оккупации, в 1941–1944 гг., в этом храме священник Иоанн Пиркин ежедневно молился «за страну родную, за наших бойцов в Красной Армии и, вполне понятно, за свою советскую власть трудящихся».

1944–2015 гг. После освобождения оккупированных территорий некоторые клирики ушли с нем. войсками, часто эвакуация была принудительной, большинство духовенства осталось на местах и продолжало совершать богослужения. В нач. 1944 г. в границах Л. о. того времени (включала также Псковскую обл. и большую часть совр. Новгородской обл.) действовали 207 храмов (из них 108 в совр. границах С.-Петербурга и Л. о.), служили 128 священников (55 священников ушли с отступавшими немцами). 41 храм был уничтожен полностью или поврежден в ходе боев, приходские активы делали попытки открыть временные молитвенные помещения, однако это пресекалось местными властями (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 10. Л. 7–8).

21 февр. 1944 г. в должности уполномоченного по делам РПЦ по Ленинграду и Л. о. был утвержден А. И. Кушнарев, приступивший к за-

крытию тех церквей, где не было настоятелей и где служба не совершалась больше года. В его поле зрения попали также храмы, открытые без санкции властей. В итоге число храмов и приспособленных молитвенных помещений в 1944–1946 гг. уменьшалось, что обуславливалось также арестами священнослужителей. Кроме того, власти ограничивали въезд в Л. о., являвшуюся режимной пограничной территорией, священнослужителей из др. регионов СССР.

Были арестованы многие клирики, служившие в оккупированных районах Л. о., в основном те, кто во время оккупации занимали должности благочинных и имели контакты с руководством Псковской миссии. Поводами для ареста могли быть принятие сана в период оккупации (таких было большинство среди клириков Л. о.), «антисоветское поведение» (по просьбе прихожан священник служил панихиды по жертвам безбожной власти), недостаточная лояльность к советской власти (напр., клирик не платил взносы в советские фонды, не подписывался на госзаймы), «религиозный фанатизм», критика антирелигиозных действий властей и др. В 1944 г. были арестованы настоятель храма в пос. им. Рошалья (Мариенбург, ныне в черте Гатчины) священник Василий Апраксин, благочинный Лужского р-на прот. Николай Заблотский, благочинный Гатчинского и Павловского районов прот. Николай Быстрыков, благочинный Гдовского окр. иером. Лин (Никифоров), бывший благочинный Ушаковского (Прифронтового) окр. священник Иоанн Амозов, благочинный Псковского окр. прот. Петр Жарков, священники Иоанн Молчанов (с. Рождествено Гатчинского р-на), Василий Митрофанов (Вырица), Николай Багрянский (с. Лисино Павловского р-на). В 1945 г. были репрессированы благочинный Волосовского и Кингисеппского районов прот. Димитрий Горемыкин, благочинный Псковского р-на прот. Феодор Михайлов, настоятель Петропавловского храма на ст. Сиверская Октябрьской железной дороги прот. Иоанн Чудович, благочинный Островского р-на прот. Николай Миронович, благочинный Пушкиногорского р-на прот. Георгий Тайлов, священник Николай Востоков (с. Ославье Волосовского р-на).

В янв. 1945 г. в Ленинграде были осуждены руководители Псковской миссии: глава миссии прот. Кирилл *Зайц*, протоиереи Николай Шенрок, Николай Жунда, Ливерий *Воронов*, диак. Георгий Радецкий, а также несколько мирян. Были закрыты все возрожденные при участии миссии мон-ри: Благовещенская Никандрова пуст. (ныне д. Любовец Порховского р-на Псковской обл.), Вознесенский женский скит (в урочище Крючи близ дер. Миритиницы Локнянского р-на Псковской обл.), Успенский женский и Богоявленский мужской мон-ри в Вырице. Основатели 2 последних обителей — архим. Серафим (Проценко) и иером. Антоний (Стальмаков) — подверглись репрессиям.

28 апр. 1944 г. распоряжением уполномоченного по делам РПЦ по Ленинграду и Л. о. была зарегистрирована епархиальная канцелярия митрополита Ленинградского и Новгородского, руководителем которой стал прот. Павел Тарасов, личный секретарь митр. Алексия. Указом МП от 26 мая 1944 г. в связи с невозможностью для митр. Алексия (Симанского) бывать в Ленинграде из-за назначения его местоблюстителем Патриаршего престола быв. архиеп. Саратовский и Сталинградский *Григорий (Чуков)* был назначен временно управляющим приходами Ленинградской, Новгородской, Боровичской и Псковской епархий и получил титул архиепископа Псковского и Порховского. Прот. Павел Тарасов стал «управляющим делами епархий Ленинградской области», а Ленинградским обл. благочинным был утвержден прот. Николай Ломакин. Указом митр. Алексия от 1 июня 1944 г. полномочия указанных лиц по управлению приходами региона делегировались архиеп. Григорию, которому они должны были передать дела. Последний 6 июня 1944 г. вместо ранее существовавшего обл. благочиния создал 7 благочиннических округов: Ленинградский городской, Ленинградский пригородный, Лужский, Кингисеппский, Новгородский, Псковский, Дновский. 9 июня 1944 г. архиеп. Григорий издал указ о том, что «все награды, полученные от митр. Сергия (Воскресенского) во время оккупации местности немцами, в настоящее время не имеют силы, и указы об этих наградах должны быть препровождены в канцелярию епархиального архие-

Церковь в честь
Тихвинской иконы Божией Матери
в Тихвинском Успенском мон-ре.
1791 г.
Фотография. 2007 г.

рея». Данный указ был обусловлен тем, что священники, служившие на оккупированной территории, прошли проверку на предмет их деятельности в период оккупации. Священнослужители, сотрудничавшие с партизанским движением и отмеченные правительственными наградами, были назначены благочинными новообразованных округов: свящ. Феодор Пузанов поставлен во главе Дновского благочиния, свящ. Илия Богданов — во главе Псковского благочиния.

В июле 1944 г. из Л. о. были выделены Новгородская обл., к которой отошло 42 прихода (в них служили 17 священников), и Псковская обл. с 76 приходами и 37 священниками. В пределах Л. о. в сент. 1944 г. числилось 57 храмов, в Ленинграде — 8. К 1 нояб. 1944 г. число зарегистрированных приходов в регионе уменьшилось с 65 до 64. 29 июля 1945 г. в письме патриарху архиеп. Григорий признал нецелесообраз-

Церковь
Св. Троицы Живоначальной
(«Кулич и Пасха»)
в С.-Петербурге.
1785–1787 гг.
Фотография. Нач. XX в.

ным возобновление Новгородской епархии. 7 сент. 1944 г. он был утвержден митрополитом Ленинградским и Новгородским. С 1947 г. митр. Григорий являлся управляющим Ле-

нинградской, Новгородской, Псковской и Олонецкой епархиями, он ежегодно присылал в МП отчеты по каждой кафедре. 21 сент. 1944 г. указом митр. Григория были образованы благочиннические округа: Боровичский и Старорусский — в Новгородской обл., Гдовский — в Псковской обл., к ним в 1946–1947 гг. прибавились Тихвинский окр. — в Л. о., Печерский, Островский и Новоржевский округа — в Псковской обл., Солецкое благочиние — в Новгородской обл.

19 окт. 1944 г. верующим был возвращен храм в честь Тихвинской иконы Божией Матери в Тихвине, в авг. возвращены храмы в Валдае и Боровичах, перешедших из Л. о. в состав Новгородской обл. В отчете МП от 22 нояб. 1944 г. митр. Григорий писал, что в 119 из 208 формально существовавших на территории Ленинградской митрополии церквей нет священников, и просил о том, чтобы «как возможно скорее разрешить въезд духовенства в зоны, ранее оккупированные немцами» (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 117). В 1945 г. возвращены еще 5 храмов (Троицкий за Невской заставой («Кулич и Пасха») в Ленинграде, храмы в пос. Всеволожском (ныне г. Всеволожск), с. Рогожа Волховского р-на, пос. Саблино Тосненского р-на, с. Чёрном (ныне дер. Чёрное Кировского р-на)). Многие храмы, возобновленные в период оккупации, были закрыты как «незаконно используемые». К 1946 г. в Ленинграде и Л. о. действовали 50 приходов.

В 1944 г. 42 храма региона переведены в список недействующих по причине разрушений, в т. ч. 3 церкви в пригородах Ленинграда (Пуш-

кин, Петродворец и Петрокрепость (ныне Шлиссельбург)) и 39 церквей в Л. о. (полностью разрушена была половина храмов, остальные имели повреждения и могли быть восстановлены). В 1945–1946 гг. не менее 23 церквей (почти все сельские), по формулировке уполномо-

ченного, «переведены в список недействующих», из-за того что в них редко совершались богослужения. Уполномоченный пресекал попытки архиереев назначать священника для окормления неск. храмов, поэтому мн. приходы с 1944 г. оставались без настоятелей. Были закрыты даже некоторые храмы, действовавшие перед началом войны: Владимирский в Усть-Ижоре, Вознесенский в Колпине. В Л. о. 4 церкви были возвращены «под культурно-хозяйственные цели», т. е. так, как они использовались властями до войны: Ольгинская в Луге, Троицкая в Красном Селе, церкви в Ивангороде и в Териоках. Всего в 1944–1946 гг. в совр. пределах Ленинграда и Л. о. перестали существовать 69 приходов.

В 1946 г. закрытие церквей прекратилось, возросло число храмов, возвращаемых верующим. Это стало возможным благодаря оперативным действиям митр. Григория, к-рый, по словам Кушнарера, «желая сохранить количество церквей в районах области, очень часто переводит духовенство по несколько раз в течение небольшого времени; в результате этого в Ленинградской обл. совершенно отсутствуют церкви, которые не функционировали больше года и могут подлежать закрытию по этой причине» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 190. Л. 79). В 1946 г. открыты решениями Совета по делам РПЦ, но из-за необходимости ремонта освящены для богослужений только в 1947 г. Смоленская кладбищенская ц. в Ленинграде, храмы в с. (ныне поселок) Важины Подпорожского р-на, в Сомино Ефимовского (ныне Бокситогорского) р-на. В 1947 г. возвращены Преображенский собор в Выборге, Никольский собор в Нов. Ладоге, Александро-Невский храм в Красном Селе, Казанский храм в пос. Тосно, Михайловский в с. Сижно Сланцевского р-на (в Выборге и в Сижно богослужения возобновились в 1948). Митр. Григорий рукополагал священников, чтобы восполнить кадровый состав духовенства. 26 февр. 1946 г. уполномоченный писал патриарху о посвящении этим архиереем в сан лиц, «не имеющих достаточной подготовки и даже полного низшего образования».

Постановлением Совета по делам РПЦ от 25 июня 1948 г. было разрешено открыть храм в с. Лаврове (ныне деревня Кировского р-на), что не было исполнено из-за начала но-

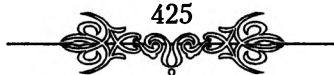
вой антирелиг. кампании. Не получил регистрации настоятель общины прот. Адриан Рождественский. Прот. Адриан вскоре скончался, и уполномоченный Совета использовал его смерть как повод для снятия с регистрации общины в авг. 1949 г. В нач. 1948 г. сгорела церковь в с. Ославье Волосовского р-на, но восстановить храм или открыть временное молитвенное помещение прихожанам не разрешили, община сразу была снята с регистрации. К нач. 1949 г. в регионе насчитывалось 57 храмов: 10 — в Ленинграде и 47 — в Л. о.

Начиная с 1948 г. Кушнарер требовал от митр. Григория и подчиненного ему духовенства «прекратить всякие посещения и хлопоты по поводу открытия церквей». Однако и далее каждый год из разных районов области поступали заявления об открытии храмов. В 1948–1949 гг. были пресечены попытки правосл. приходов проводить службы в действующих часовнях на Богословском кладбище в Ленинграде, в дер. Куровицы Гатчинского р-на, в др. местах. Кушнарер в 1952 г. критиковал митр. Григория, как архиерея, в своей деятельности «опирающегося на репрессированную часть духовенства» и не доверяющего «молодым церковным кадрам». В 1948–1952 гг. ограничивалось проведение крестных ходов. 12 февр. 1949 г. настоятель ц. в честь Тихвинской иконы Божией Матери в Тихвине прот. Иоанн Дьяконов и прихожане отправили патриарху Алексию прошение о розыске и возвращении похищенной во время войны чудотворной Тихвинской иконы, к-рая находилась у бывш. клириков Псковской миссии в Германии, в амер. зоне оккупации. Просьбу поддержал митр. Григорий, однако в ответ был получен отказ.

Ужесточение антирелиг. политики проявилось в арестах священнослужителей. Как правило, им ставили в вину как «антисоветские выпады» последних лет, так и «преступления» в период оккупации; частым было обвинение в нарушении режима прописки на пограничной территории. Арестам подверглись: в 1948 г. — священ. Алексей Лаптев из Гатчины, в 1949 г. — священ. Павел Михайловский из пос. Парголово, в 1950 г. — священ. Алексей Кибардин из Вырицы, в 1951 г. — священ. Николай Аннинский из дер. Рогожа Волховского р-на и мон. Варвара (Коржавина)

из Вырицы, в 1953 г. — заштатный священ. Ленинградской епархии Иоанн Преображенский. Несколько священников в указанный период подверглись высылке из Ленинграда и области. В связи с поступившей в авг. 1948 г. директивой МГБ и указаниями председателя Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР Г. Г. Карпова об ограничении прописки в режимных местностях для ранее репрессированных священников и диаконов управление МГБ по Ленинграду и Л. о. поставило вопрос о лишении прописки почти всех ранее репрессированных клириков, включая митр. Григория (Чукова) и хиротонисанного в 1947 г. Лужского еп. Симеона (Бычкова). 5 и 24 окт. 1948 г. Кушнарер ходатайствовал перед начальником паспортного стола Ленинградского отделения милиции, прося «в порядке исключения возобновить прописку» для епископов (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 3. Д. 16. Л. 76). В Ленинграде и Л. о. высылка «нежелательных элементов» осуществлялась в основном в 1949–1950 гг. Кампания коснулась гл. обр. клириков Ленинграда, но затронула также духовенство сельских районов Л. о. В 1949–1950 гг. лишлись приходов и были выдворены из региона священники Александр Дубровский из дер. Сижно Сланцевского р-на (храм вскоре закрыли), Николай Петровский из пос. Всеволожка, священ. Михаил Райковский из Тихвина, Константин Титов из Луги, Алексей Маслов из дер. Зажупанье (ныне Сланцевского р-на). Репрессии коснулись и ЛДАиС. В 1948 г. был арестован семинарист Сергей Закгейм, в марте 1953 г. арестовали преподавателя Александра Макаровского (освобожден в нояб. того же года вслед. ходатайства митр. Григория перед Карповым).

22 окт. 1950 г. Совет по делам РПЦ обязал Кушнарера изучить обстановку в приходах Кингисеппского, Волосовского, Осьминского и Сланцевского районов, где имело место наибольшее количество нарушений советского законодательства со стороны духовенства, напр. нелегальные службы в недействующих часовнях. В кон. 1950 г. был закрыт Михайловский храм в дер. Сижно Сланцевского р-на, в 1953 г. закрыта кладбищенская часовня при Петропавловском соборе в Гатчине. 15 февр. 1951 г. получено разрешение на снос здания недействующей церкви в с. Стоянцы

Новоладожского р-на. В связи с активным противодействием со стороны митр. Григория уполномоченный организовал ряд анонимных жалоб на митрополита в МП. Однако по результатам проверки Патриархией архиерей был оставлен на Ленинградской кафедре.

После смерти И. В. Сталина (5 марта 1953) политика в отношении Церкви немного смягчилась. В 1954 г., несмотря на противодействие местных властей, правосл. общине удалось перенести предполагаемый к закрытию Казанско-Богородицкий храм из подготавливаемой к затоплению дер. Низы Сланцевского р-на в соседнюю дер. Б. Поля. 18 апр. 1956 г. был освобожден от занимаемой должности уполномоченный Совета по Ленинграду и области Кушнарев. Новый уполномоченный Ф. В. Федосеев проводил более гибкую политику. В 1957 г. Церкви был окончательно передан Троицкий собор Александроневской лавры, вопрос о возвращении к-рого рассматривался с 1953 г. 12 сент. 1957 г. собор был освящен, его настоятелем стал Лужский еп. *Алексий (Коноплев)*. 11 нояб. 1954 г. была возрождена Псковская и Порховская епархия. 22 нояб. 1956 г. от Ленинградской митрополии отделена Новгородская епархия, был восстановлен титул правящего архиерея — «Ленинградский и Ладожский».

Ленинградский и Ладожский митр. *Елевферий (Воронцов)* не препятствовал духовенству служить в приписных часовнях и проводить крестные ходы, что нередко пресекалось властями. Уполномоченный Совета по делам РПЦ Федосеев сообщил, что нелегальные крестные ходы проводил настоятель гатчинского собора прот. Петр Белавский, снятый в 1957 г. с регистрации. Новый настоятель собора свящ. Иоанн Кондрашов в нач. 1958 г. «самовольно» преобразовал городскую кладбищенскую часовню в церковь и пригласил Лужского еп. Алексия (Коноплева) освятить в ней престол, но тот по требованию уполномоченного не поехал. Аналогичный случай преобразования часовни в церковь имел место в пос. Саблино, где настоятель свящ. Симеон Кружков вскоре был снят с регистрации.

В 1958–1959 гг. в регионе действовали 58 храмов, из них 15 — в Ленинграде (из Л. о. в состав обл. центра перешли церкви в Красном Селе, Парголово, Покровском (ныне Дина-

мо) и на ст. Лисий Нос). В это число не вошли кладбищенская Ксениевская часовня и храм св. Иоанна Богослова при ЛДАиС в Ленинграде, не имевшие статуса приходов, и приписные кладбищенские храмы в Л. о. Были зарегистрированы 205 священнослужителей: 2 архиерея, 138 священников, 36 диаконов и 29 псаломщиков; из них в Л. о. — 59 священников, 9 диаконов и 15 псаломщиков.

Начало антирелиг. кампании в кон. 50-х гг. XX в. (см. в ст. *Хрущёв Н. С.*) в Л. о. было положено закрытием часовен и сносом нек-рых из них. В числе первых была разрушена часовня вмч. Георгия, устроенная на месте явления святого в дер. Ложголово (ныне Сланцевского р-на). В авг. 1958 г. священники Сидоров и Н. И. Недремский пытались возобновить часовню, чтобы, по мнению уполномоченного, превратить ее в место паломничества; в ответ местные власти снесли здание. В 1958 г. были закрыты часовни в дер. Скворицы Гатчинского р-на, в дер. Петровская Горка Лужского р-на, в деревнях Сойкино и Стремление, а также в дер. Ручьи Кингисеппского р-на. В 1958–1959 гг. были сняты с регистрации все заштатные клирики, имевшие право служить, — более 20 чел. В 1960 г. общины в Нов. Ладоге и в Парголово, использовавшие по 2 храма — летний и зимний, лишились по одному храму. Власти поощряли отречение от Церкви клириков. В 1958 г. о снятии сана заявил свящ. Павел Дарманский из Иовлевской ц. на Волковском кладбище, в 1960 г. — священники Павел Кузин и Александр Осипов, в 1961 г. — иером. Давид (Попоков).

В 1958–1959 гг. уполномоченный Совета по делам РПЦ по Ленинграду и области И. В. Чернов вел борьбу с паломничеством как к действующим, так и к уже закрытым храмам. В рамках этой кампании были взорваны в 1961 г. Успенская ц. на Сенной пл. в Ленинграде и собор Троице-Сергиевой пуст. в Стрельне. Уполномоченный рекомендовал снести другие почитаемые недействующие святыни города: Иоанновский (Иоанна Рильского) мон-рь на Карповке (место погребения св. прав. Иоанна Кронштадтского) и Воскресенский храм (храм Спаса на Крови). В 1959 г. уполномоченный писал, что необходимо уничтожить на Смоленском кладбище могилу блж.

Анны, к-рую начинают почитать равне с блж. Ксенией; решено было убрать со склепа семьи Слепухиных-Волковых на том же кладбище мозаическую икону Христа Спасителя, привлекавшую молящихся. В 1958 г. уполномоченный принял меры к прекращению паломничества к заштатному архим. Серафиму (Проценко; † 28 дек. 1960), жившему в Вырице; из села была выдворена его келейница схим. Таисия (Коржавина) (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1670. Л. 39).

Усилился контроль за проповеднической деятельностью духовенства Ленинграда и области. В отчете в сент. 1960 г. Чернов отмечал, что особым «фанатизмом» и влиятельностью на верующих выделяется клирик Преображенского собора Ленинграда прот. Михаил Гундяев, к-рый единственный из священников Ленинграда послал своего старшего сына Николая учиться в ЛДС и др. своих детей воспитывает в духе «религиозного фанатизма». Негативно охарактеризовав проповеди прот. Михаила, Чернов писал: «Летом 1960 г. мною приняты меры по переводу Гундяева из Ленинграда в пригородный район» (ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 3. Д. 53. Л. 16). С тех пор прот. Михаил до 1970 г. служил настоятелем Александроневского храма в Красном Селе. Уполномоченный часто отмечал в отчетах пастырскую деятельность прот. Михаила: «Чтением проповедей привлекает большое количество верующих; в 1958 г. ему удалось обработать и приобщить к церковной службе кандидата наук Горного института Мудьюгина [впосл. архиеп. *Михаил*. — В. П.], который посвящен в сан священника и сейчас служит в Вологде» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1867. Л. 15). Недовольство уполномоченного содержанием проповедей вызывали свящ. Игорь Ранне из с. Ополье Кингисеппского р-на, проводивший активную работу с молодежью, архим. Феодосий (Григоревич-Борисов) из Нов. Ладоги, иеромонахи Герман (Гроздов), Пантелеимон (Селиванов), Сергей (Сватеев) (двое последних были сняты с регистрации). Отдельно уполномоченный упоминал о молодых священниках, которые «выделяются проповеднической деятельностью и артистичностью службы, особым отношением к прихожанам»: свящ. Преображенского собора Михаиле Нероде, свящ. Троицкого собора Василии Лесняке, свящ. Олеге

Бекаревиче со ст. Лисий Нос, свящ. Павле Талисайнене из с. Городец Лужского р-на и др.

Полномасштабная кампания закрытия приходских церквей началась в Ленинграде и области в дек. 1960 г., когда сняли с регистрации приход в с. Котлы Кингисеппского р-на; закрытие церкви сопровождалось протестами населения. В том же году подготовлены к закрытию (настоятели лишены регистрации) храмы в тех районах Л. о., в к-рых, по мнению уполномоченного, имелся «переизбыток» церквей: в Гатчинском и Лужском районах насчитывалось по 7 храмов, в Кингисеппском и Волосовском районах — по 5, что превышало средний показатель по Л. о. В 1961 г. закрыты храмы в пос. Вруда и дер. Ястребино Волосовского р-на, в 1962 г. — в Елизаветино Гатчинского р-на, деревнях Чёрное Волховского р-на, Романщина Лужского р-на, Зажупанье Сланцевского р-на, в 1963–1964 гг. — в деревнях Торашковичи и Поддубье Лужского р-на, Ложголово, Ратчино и Удосолово Кингисеппского р-на, пос. Суйда Гатчинского р-на. Не увенчались успехом попытки властей закрыть Успенский храм в с. Городец Лужского р-на, при котором была часовня-усыпальница с гробницей прп. Трифона Городецкого, а также Покровский храм в дер. Козья Гора (ныне Сланцевского р-на), где ранее находился Поречский Покровский жен. мон-рь со св. источником. Местные жители встали на защиту храма в Козьей Горе, в нач. 60-х гг. удалось только «ликвидировать» источник Параскевы Пятницы в соседней дер. Пенино. В Ленинграде в 1961 г. был закрыт кладбищенский Александро-Невский храм в пригороде Шувалово, приписанный к Спасо-Парголовскому приходу, в нояб. 1962 г. упразднена часовня блж. Ксении, приписанная к Смоленской ц. на Васильевском о-ве. Принимались меры к закрытию Дмитриевского храма в Коломяги. Имели место аресты церковных деятелей. Так, в 1958 г. за антисоветскую агитацию был осужден архивариус Ленинградской митрополии свящ. Б. Н. Кирьянов, в 1959 г. за антисоветские высказывания был снят с регистрации и судим клирик Смоленской ц. свящ. Петр Жарков. Под давлением властей уволен преподаватель ЛДА прот. Андрей Сергиенко.

Назначенный в окт. 1963 г. на Ленинградскую кафедру митр. *Никодим (Ротов)* добился прекращения закрытия храмов, ему удалось предотвратить ликвидацию ЛДАиС, которые уполномоченный Чернов с 1961 г. готовил к закрытию, заставляя ограничивать набор студентов,

*Успенская ц.
в с. Городец. 1844 г.
Фотография. 2008 г.*

отказывая им в прописке и создавая экономические сложности для функционирования духовных школ. В Ленинграде и в Л. о. в 1960–1964 гг. закрыто 13 приходских храмов, не считая приписных часовен. К 1964 г. в Ленинграде и области имелось 45 приходов, были зарегистрированы 122 священнослужителя (2 архиепископа, 93 иерея и 27 диаконов). К янв.

*Свято-Троицкая ц.
в Лесном.
Фотография.
50-е гг. XX в.*

1965 г. число клириков увеличилось до 118 (71 в Ленинграде, 47 в Л. о.), до кон. 80-х гг. XX в. их число составляло 130–140 чел. Также неизменным оставалось число приходов — 44, из них 15 — в Ленинграде и 29 — в Л. о. В 1963 г. был «сокращен» викарий Ленинградской епархии, но в 1965 г. митр. Никодим в связи с частымиграничными командировками добился возможности иметь викария, возродив *Тихвинское викариатство*. Особой любовью к совершению богослужений на приходах Л. о. отли-

чался архиеп. *Мелитон (Соловьёв)*. При митр. Никодиме начал церковное служение в Ленинграде буд. Патриарх Московский и всея Руси *Кирилл*.

В 1966 г. в связи с расширением проспекта Непокорённых было решено снести действующий Троицкий храм в Лесном (бывш. подворье Троицкого Лютикова мужского монастыря). В качестве компенсации общине передали

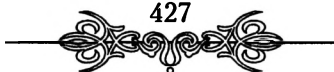
Александро-Невскую ц. на Шуваловском кладбище, которую освятили 3 дек. 1966 г. В нее перенесли всю утварь и антиминс из определенного под снос Троицкого храма, разрушенного в 1967 г. 7 окт. 1967 г. из-за малочисленности приходов Новгородская епархия была вновь присоединена к Ленинградской, кафедра стала называться Ленинградская и Новгородская.

Определением Синода от 25 июля 1979 г. был образован филиал ОВЦС при Ленинградской митрополии, т. о. удалось укрепить связи с религиозными конфессиями др. государств; стали более

частыми поездки в регион иностранных церковных делегаций. Благодаря этому положение Церкви укрепилось, давление

местных властей заметно снизилось, а угроза закрытия храмов в Ленинграде и Л. о. уменьшилась.

Предвестником перемен в церковно-гос. отношениях стало возвращение Церкви в 1985 г. часовни блж. Ксении на Васильевском о-ве (освящена в авг. 1987). Полномасштабное возрождение церковной жизни на территории Л. о. началось в кон. 80-х гг. XX в. и связано с деятельностью Ленинградского и Новгородского митр. Алексия (Ридигера; вполн. патриарх Московский и всея

Руси; см. *Алексий II*). При нем была прославлена блж. Ксения Петербургская, состоялось возвращение мощей св. кн. Александра Невского в Троицкий собор Александро-Невской лавры. В окт. 1986 г. впервые за много лет были проведены международные мероприятия в ЛДАиС, посвященные 40-летию Ленинградских духовных школ.

В 1986–1987 гг. уполномоченный Г. С. Жаринов неск. раз отказывался передать Церкви один из 2 сохранившихся храмов в г. Ломоносове. Новый уполномоченный по Ленинграду и Л. о. И. М. Выщепан в нач. 1988 г. дал положительное заключение на ходатайство общины РПЦ г. Ломоносова и добился от местных властей освобождения для верующих здания Михайловского собора. 31 марта 1988 г. было принято решение о регистрации общины и о передаче ей Михайловского собора, который стал первым в регионе приходским храмом, открытым за 40 лет. 8 июня 1988 г. была зарегистрирована община при Ильинском храме в Красногвардейском р-не Ленинграда. 30 июня было принято решение о регистрации общины и возвращении ей Екатерининской ц. в пос. Мурино Всеволожского р-на Л. о. 30 авг. того же года Казанский храм в г. Зеленогорске был передан РПЦ, 16 нояб. зарегистрирована община в Приозёрске Л. о., получившая Всехсвятский (Андреевский) храм. К нач. 1989 г. число действующих церквей в регионе увеличилось до 49 (18 в Ленинграде, 31 в области). Были зарегистрированы 150 клириков: 92 иерея, 28 диаконов и 30 псалом-

*Покровский собор в Гатчине.
1895–1914 гг.
Фотография. 2012 г.*

крепости. В том же году уполномоченный Выщепан выражал беспокойство по поводу активизации фин. движения, участники которого выступали с требованиями создания фин. автономного района во Всеволожском Волосовском и Кингисеппском районах как среди финнов-лютеран, так и среди правосл. финнов (ЦГА СПб. Ф. 2017. Оп. 1. Д. 119. Л. 153). К 1990 г. в регионе насчитывалось 59 приходов (22 в Ленинграде и 37 в области). В 1989 г. впервые с послевоенных времен власти разрешили начать строительство храмов в городах Кириши и Лодейное Поле.

В 1990 г. были возвращены историческая резиденция митрополитов С.-Петербургских на Каменном о-ве, а также Покровский собор в Гатчине. В 1996 г. в регионе были зарегистрированы 229 приходов (82 в С.-Петербурге и 147 в Л. о.), в клире состояли 293 священника

*Свято-Троицкий собор
Александро-Невской лавры
в С.-Петербурге.
1778–1790 гг.*

щиков. 14–15 июня 1988 г. в Ленинграде прошло празднование 1000-летия Крещения Руси. В 1989 г. Церкви вернули крупнейшие храмы в регионе — Софийский собор в Пушкине и Петропавловский собор в Петро-

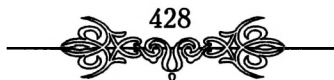
и 96 диаконов. В Л. о. выпускались церковные газеты «Воскресение» (Тихвин), «Мир Божий» (Мариенбург), журналы «Архангельский глас» (Ораниенбаум) и «Православный Выборг».

В 90-х XX в.— 2000-х гг. были возобновлены мон-ри: мужские — Коновский Рождество-Богородицкий, Зеленецкий во имя Св. Троицы, Трои-

це-Сергиева пуст., тихвинский Большой в честь Успения Пресв. Богородицы, Александро-Невская лавра, Черемнецкий во имя ап. Иоанна Богослова, Александров Свирский в честь Св. Троицы, старолadoжский Никольский, Антониев Дымский; женские — *санкт-петербургский во имя прп. Иоанна Рыльского*, Введено-Оятский, Воскресенский Новодевичий, старолadoжский Успенский и тихвинский Введенский. Основаны *Тервенический Покрова Пресв. Богородицы* жен. мон-рь в дер. Тервеничи Лодейнопольского р-на (1997) и Константина и Елены, равноапостольных, жен. мон-рь в пос. Ленинское Выборгского р-на (2006), а также 2 скита Александро-Невской лавры — св. ап. Андрея Первозванного вблизи дер. Коркино Всеволожского р-на (1998) и свт. Николая Чудотворца вблизи дер. Ручьи Кингисеппского р-на (2015).

Состоялось прославление небесных покровителей С.-Петербурга св. прав. Иоанна Кронштадтского и сщмч. митр. Вениамина (Казанского). В 1998 г. из музея при кафедре нормальной анатомии Военно-медицинской академии Церкви были переданы мощи прп. Александра Свирского. В 2004 г. в тихвинский Успенский Богородицкий мон-рь была возвращена из США главная святыня Л. о.— чудотворная Тихвинская икона Божией Матери.

Ленинградскую (с 25 сент. 1991 С.-Петербургская) и Лadoжскую епархию в 1990–1995 гг. возглавлял митр. *Иоанн (Снычёв)*, в 1995–2013 гг.— митр. *Владимир (Котляров)*, с 2014 г.— митр. *Варсонофий (Судаков)*. В 2004 г. в С.-Петербургской епархии действовали 333 зарегистрированные организации РПЦ (165 в С.-Петербурге и 168 в Л. о.), в т. ч. 300 приходов (143 в С.-Петербурге и 157 в Л. о.), 11 мон-рей и 14 монастырских подворий, 2 скита. Кроме церквей, зарегистрированных как самостоятельные религ. общины, действовали также храмы, не имевшие зарегистрированных уставов: 124 приписных и домовых храма в С.-Петербурге (55 церквей и 69 часовен) и 120 приписных и домовых храмов в Л. о. (54 церкви и 66 часовен). В нач. 2009 г. в епархии действовали 524 приходских и приписных храма и 198 часовен (в т. ч. в С.-Петербурге 247 храмов и 99 часовен), 14 мон-рей, 5 скитов и 19 монастырских подворий.

Решением Синода от 12 марта 2013 г. от С.-Петербургской епархии были отделены 3 новые кафедры: Выборгская и Приозёрская (Всеволожский, Выборгский и Приозёрский районы Л. о.), Гатчинская и Лужская (Волосовский, Гатчинский, Кингисеппский, Ломоносовский, Лужский, Сланцевский и Тосненский районы Л. о.), *Тихвинская и Лодейнопольская* (Бокситогорский, Волховский, Киришский, Кировский, Лодейнопольский, Подпорожский, Тихвинский районы Л. о.). В С.-Петербургской и Ладужской епархии осталась территория С.-Петербурга (границы епархии не полностью совпадают с границами города). Одновременно в пределах С.-Петербурга и Л. о. была образована С.-Петербургская митрополия.

В апр. 2015 г. на территории Л. о. действовали 272 прихода, 11 мон-рей (7 мужских и 4 женских) (офиц. регистрацию имеют 238 религиозных орг-ций), служили 320 священников, 68 диаконов.

В. Г. Пидгайко

Старообрядцы на территории Л. о. появились в 1-й четв. XVIII в. Наиболее распространенным было согласие *федосеевцев*, зародившееся в 90-х гг. XVII в. на северо-западе России. В первоначальный период

*Старообрядческая
ц. Знамения
Пресв. Богородицы
в С.-Петербурге.
1906–1907 гг.
Фотография. 1909 г.*

становления основные его центры находились в Новгороде, Пскове и Яме. К кон. XVIII — нач. XIX в. федосеевцы стали одним из самых многочисленных и влиятельных согласий среди *беспоповцев*. При имп. Екатерине II, в 60-х гг. XVIII в., старообрядцам было разрешено создавать общины и в С.-Петербурге, тогда же в Копорском у. (впосл. Царскосельский) возникли поселения староверов, переселившихся из Речи Посполитой. Царскосельский у. (г. Гатчина, деревни Ротково и Лампово)

и Лужский у. (дер. Лаговищи и села Лубино и Луговое) лидировали по числу старообрядческих моленных. В «Историческом словаре» Павла Любопытного среди известных старообрядческих деятелей и писателей указаны «новгородич» Никита Марков, тихвинцы Михей Алексеев (1710–1794) и Иван Тихонов (1757–1825). В старообрядческих синодиках С.-Петербургской губ. есть указания о происхождении старообрядцев «из Корелы», Тихвина, Русы (Ст. Руссы), т. е. большое значение для региона имели новгородские традиции. Уже в сер. XVIII в. среди федосеевцев были не только русские, но и значительное число переселенцев из Карелии, они преобладали на территории Тихвинского у. Также влияние имели череповецкие скиты, преимущественно *филипповцев*. По свидетельству П. И. Челищева (1791), жительствовавшие в г. Тихвине «все раскольники и в церковь не ходят... весь почти уезд ослеплен расколом».

Как пишет О. М. Фишман, к кон. XIX в. на территории Л. о. объединились «две различные старообрядческие зоны Северо-Запада: поморцев-брачников (бывший Новоладужский у. С.-Петербургской губ., бывший Лодейнопольский у. Олоонецкой губ.), тяготевших на рубеже XIX и XX вв. к беспоповцам С.-Петербурга, и федосеевцев и филипповцев (бывших Тихвинско-

го и Новгородского уездов), конфессионально связанных с московским Преображенским кладбищем» (Фишман. 2003. С. 59). В кон. XIX в. в Новоладужском у. проживало ок. 6 тыс. старообрядцев. К нач. 1917 г. в Петрограде и губернии жили ок. 15 тыс. староверов всех согласий. До кон. 20-х гг. XX в. их деятельность была активной, затем начались гонения. По наблюдениям современных исследователей, в 20–30-х гг. XX в. в Л. о. было много выходцев из подмосковной *Гуслицы*, населенной преимущественно последователями *Белокриницкой иерархии* (Русской православной старообрядческой церк-

ви). В 30-х — нач. 40-х гг. XX в. в Л. о. были закрыты все храмы и молельные дома, последними — церкви в Гатчине (1 нояб. 1940) и в дер. Ротково (7 июня 1941). В послевоенный период возродились общины поморского (Древлеправославная поморская церковь; см. в ст. *Поморцы*) и белокриницкого согласий. 8 дек. 1946 г. был открыт храм федосеевцев в дер. Лампово (ранее деревня относилась к Царскосельскому у., достаточно густо населенному старообрядцами — выходцами с Новгородчины). В 1918–1919 гг. Лампово поддерживало контакты с Ригой, отсюда прибывали духовные отцы, старообрядцы обучались богослужебному пению, писали по-славянски. Эту старинную деревню, известную деревянной резьбой, ныне посещают старообрядцы из разных мест, что в целом нехарактерно для совр. старообрядческой жизни в Л. о. (наблюдения показали разбросанность, малочисленность и изолированность последователей «старой веры» в регионе).

В 60-х гг. XX в. в Ленинграде и области имелись 2 зарегистрированные и 3 незарегистрированные общины поморцев (ок. 4 тыс. чел.), а также 2,5 тыс. поповцев белокриницкого согласия, вынужденных существовать нелегально (регистрация общины в Ленинграде состоялась только в 1983). В настоящее время в С.-Петербурге и Л. о. зарегистрировано 8 общин старообрядцев (ок. 2 тыс. членов). Беспоповцы относительно многочисленны в Волховском и Киришском районах (центром старообрядческого книго- и иконописания была дер. Лавния в Волховском р-не). Федосеевцы населяют ряд деревень в Бокситогорском р-не — это тихвинские карелы и т. н. озеряне (по названию оз. Озерского (Озерёво)). Немало карел-староверов живет в г. Пикалёво. В этих местах моленных уже нет, но много часовен, которые посещают как старообрядцы, так и православные. На территории области проводятся этнографические и археографические исследования. Выявлены рукописные памятники 1-й четв. XVIII — сер. XX в. и старопечатные издания.

Е. А. Агеева

Бывшие общины РПЦЗ и истинно православных христиан. В 90-х гг. XX в. в регионе появились общины РПЦЗ, активно использовавшие традиции движения

истинно православных христиан. В изданиях РПЦЗ к Истинно православной церкви (ИПЦ) и катакомбным церквям ошибочно причисляли иосифлянское движение, получившее на рубеже 20-х и 30-х гг. XX в. большое распространение в регионе. Иосифлянские общины не находились на катакомбном положении: хотя они не подчинялись МП, в Ленинграде и Л. о. имели до 1943 г. офиц. регистрацию в качестве общин РПЦ. Последний иосифлянский приход в Ленинграде — Троицкий храм в Лесном — в окт. 1943 г. воссоединился с РПЦ (о настоятеле храма иером. Павле (Лигоре) — иосифлянине см.: ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 3. Д. 17. Л. 24).

Помимо легальных были также и «непримиримые» иосифляне, которые в официально действовавшие до 1943 г. иосифлянские церкви не ходили, собирались на молитву в тайных домовых храмах. Одним из лидеров этой части иосифлян был настоятель тайного храма в Коломягах архим. Клавдий (Савинский) (расстрелян вместе с мон. Евдокией (Дешкиной) 12 авг. 1942). Кроме иосифлян в бывш. границах Л. о. были известны истинно православные общины в Новгороде, которыми управлял в период оккупации свящ. Алексей Вознесенский; он не вступал в общение ни с Псковской миссией, ни с МП; арестован 21 февр. 1945 г. К иосифлянам относился иером. Тихон (Зорин), служивший в домовом храме в пос. Ушаки Тосненского р-на и окормлявший др. тайные общины. Он был арестован в янв. 1951 г. в Ленинграде, выслан в Иркутскую обл. В 70-х гг. XX в. в Л. о. наиболее крупную катакомбную общину иосифлян, объединявшую группы верующих в Луге и в пос. Стрельна, возглавлял прот. Михаил Рождественский († 1988), находившийся в общении с Синодом РПЦЗ. Как правило, в послевоенный период катакомбными и истинно православными называли себя те уцелевшие группы иосифлян, к-рые действовали до нач. 90-х гг. XX в. тайно и вошли в состав РПЦЗ после легализации ее в России. Отдельно учитывалось такое течение катакомбников, как *иоанниты*, небольшие группы которых после войны отмечались в районе Кронштадта и Ломоносова.

В 1992 г. первой в Л. о. была зарегистрирована Александро-Невская

община РПЦЗ в Гатчине, к-рую возглавил архим. Алексей (Макринов), в 2000 г. перешедший в раскол митр. *Виталия (Устинова)* (РПЦЗ(В)). В 1999 г. в пос. Кобралово Гатчинского р-на был зарегистрирован «Фонд помощи церкви Державной иконы Пресвятой Богородицы юрисдикции Архиепископского синода РПЦЗ»; учредителем стал иером. Варсонофий (Капралов), в 2000 г. примкнувший к РПЦЗ(В). Ему удалось построить в Кобралове храм. С 2007 г. действует также зарегистрированная Покровская община РПЦЗ(В) в дер. Дудачкино Волховского р-на.

Под видом общественных орг-ций в Л. о. действуют общины «Истинно православной церкви Рафаила» («Гатчинское кавалерское собрание Российской кавалерского ордена благоверного императора Павла I» (Гатчина), «Орден тамплиеров» (пос. Мыза-Ивановка Гатчинского р-на), «Орден госпитальеров» (пос. Дивенский Гатчинского р-на)). Ими руководят «епископы» В. В. Волконский (Гатчина) и Е. Е. Корбат (С.-Петербург). Последний в 2003 г. открыл «госпитальерский монастырь» в пос. Дивенском Гатчинского р-на и тогда же был «хиротонисан» как «Антоний, епископ Санкт-Петербургский и Дивенский». Он учредил и зарегистрировал в февр. 2007 г. в С.-Петербурге общину ИПЦ «Орден апостола Андрея Первозванного»; в 2005 г. открыт Кирилло-Мефодиевский приход ИПЦ в Петергофе.

Чуриковцы. На территории Л. о. зарегистрировано 3 общины трезвенников (чуриковцев). Основатель движения И. А. Чуриков в 1905 г. организовал колонию трезвенников в пос. Вырице, открыл там мольню. За еретические высказывания Чуриков в апр. 1914 г. был отлучен от причастия. В 1929 г. Чуриков был арестован, позже расстрелян, его группа была разогнана, после чего это общество выродилось в псевдоправосл. секту, где главным «святым» стал основатель движения. В период оккупации движение чуриковцев в Вырице возобновилось. Настоятель местного храма свящ. Николай Ноздрин пытался организовать общину почитателей Чурикова с целью последующего ее воссоединения с Православием, за что был обвинен благочинным Гатчинского р-на в симпатиях к секте и снят с должности настоятеля.

До 1989 г. деятельность секты была запрещена, хотя местные власти

отмечали факт существования на территории Л. о. нелегальных об-в чуриковцев (в основном в районе Вырицы), которые находились под пристальным контролем со стороны КГБ. В июле 1989 г. в Вырице получило регистрацию «Общество духовных христиан-трезвенников брата Иоанна Чурикова», обл. власти передали об-ву здание бывш. мольни Чурикова на окраине Вырицы; это совпало с пиком антиалкогольной кампании. Сторонники секты объявили о том, что почитают Чурикова как своего «бога». Также особым почитанием пользовался руководитель общины А. И. Синников (ум. в 2007), называвший себя «духовным старцем». В февр. 1991 г. в Вырице зарегистрировалось «Религиозное общество последователей брата Иоанна Чурикова», к-рое выступило против «обожествления» Чурикова, считая его одним из «православных праведников»; община начала окормляться у священников РПЦ, но выступала с идеей канонизации Чурикова как святого и вскоре отошла от Церкви. В 2003 г. в пос. Форносово Тосненского р-на зарегистрировалась новая община чуриковцев, члены к-рой не считают себя христианами, община признаётся одним из направлений хлыстовства (см. ст. *Хлысты*). В июне 1992 г. в Вырице получила регистрацию коммуна трезвости «Бич», активно занимающаяся пропагандой сектантских идей.

В. Г. Лидгайко

Римско-католическая Церковь.

Первые сведения о существовании католич. общин на территории Л. о. относятся к концу раннего средневековья. В XI–XIII вв. в Ладоге действовала католич. церковь. По др. версии, речь шла о 2 католич. храмах — св. Николая и св. Петра.

В 1255 г. рыцарями Отто фон Лютенбергом и Дитрихом фон Кивелем были обращены в христианство корелы (карелы) в зап. части Карельского перешейка, которую занимает ныне Выборгский р-н Л. о.

19 марта 1255 г. папа Александр IV поручил Рижскому еп. Альберту II попечение о новообращенных корелах и рекомендовал назначить для них собственного епископа. Вскоре епископом для Корелии (Карелии), Ингрии (Ижорской земли) и Ватланда (Водской земли) стал пресв. Фридрих Газельдорф из Гамбурга, к-рый, однако, так и не смог выехать

к своей пастве. Активная христианизация корел и ижорцев происходила в 1293–1348 гг. В 1293 г. в Выборгском замке еп. Вестеросским Петром Элавием была построена часовня св. Олава. Католическая церковь существовала в крепости Ландскрона, основанной Торгильсом Кнутссоном (1300) при впаде-

Католическая церковь св. Гиацинта в Выборге. XVI в. Фотография. Нач. XXI в.

нии р. Охты в Неву, в черте совр. С.-Петербурга. Год спустя новгородцы уничтожили Ландскрону вместе с церковью. К 1351 г. относятся первые упоминания о приходе в Выборге. Первоначально церковь была деревянной, а затем отстроена в камне и носила имя Девы Марии и св. Олава. В 1392 г. в Выборгском замке был основан доминиканский монастырь Девы Марии и св. Ангелов, а в 1490 г. при нем была возведена каменная церковь. Под 1403 г. впервые упоминается о францисканском монастыре в Выборге. В окрестностях Выборга действовали сельские приходы: в Эурапяа (совр. пос. Барышево Выборгского р-на; упом. с 1348) и в Йяаски (совр. пос. Лесогорский Выборгского р-на; упом. в 1415). Известны 2 церкви в Кивеннапа (совр. пос. Первомайское Выборгского р-на), церковь в Уусикиркко (совр. пос. Поляны Выборгского р-на).

В 1530–1550 гг. в связи с Реформацией в Швеции деятельность католич. структур в Выборгском окр. прервалась. Новая история католичества на территории Л. о. началась с царствования Петра I, к-рый активно приглашал на службу иностранцев. Немалую часть приезжавших специалистов составляли католики, селившиеся не только в С.-Петербурге, но и в окрестных населенных пунктах. Значительную часть католич. общины составляли военные, для окормления к-рых в 1715 г. была открыта католич. часовня в Кронштадте. В 60-х гг. XVIII в. появился

католич. приход в Ямбурге (ныне Кингисепп), состоящий из этнических немцев. Позднее была образована община в Изваре.

На увеличении численности католиков и рост католических приходов на территории Л. о. существенным образом сказалось присоединение к России польских территорий (1772, 1793, 1795). 12 февр. 1769 г. Екатерина II подписала Регламент об управлении ка-

толической церковью в С.-Петербурге. В границы с.-петербургского прихода вошли, в частности,

Кронштадт и Ямбург. В 1799 г. указом Павла I был основан католич. приход в Выборге, которому была передана ц. св. Гиацинта. В Гатчине 1-я часовня была устроена в 1800 г. В 1798–1800 гг. там же по повелению Павла I, незадолго до этого принявшего титул Великого магистра Мальтийского ордена, в парке строился Приоратский дворец, наместником к-рого стал гр. Ю. П. Литта.

В XX в. католич. храмы и часовни на территории С.-Петербургской (с авг. 1914 Петроградской) губ. действовали в следующих населенных пунктах: Шлиссельбург, Гатчина, Ямбург, Вырица, Луга, Сиверский и Дружноселье. Также на территории губернии существовало неск. часовен, в основном в местах, где летом отдыхали воспитанники с.-петербургских католич. приютов.

Судьба католического духовенства в 20-х — 1-й пол. 30-х гг. XX в. по сравнению с участием православных сложилась благополучнее. Мн. его представители оказались в Польше: их судили в СССР, а затем обменивали на арестованных польских коммунистов. После Большого террора 1937–1938 гг. практически все католич. церкви на территории совр. Л. о. были закрыты: исключение составили храмы, находившиеся на фин. территории (Выборг и Териоки, ныне Зеленогорск).

Католическая церковь св. Гиацинта в Выборге была закрыта в 1940 г., но возобновляла деятельность в 1942–1944 гг. Приход в Териоках

возник в 1921 г. как филиал выборгского прихода, получил самостоятельность в 1927 г. В нем служил Густав Адольф Карлинг (Калпа) — 1-й после Реформации фин. католич. священник. После поражения Финляндии в советско-финской войне (1939–1940) церковь в Териоках была закрыта. Возрождена в 1941–1944 гг., вновь закрыта в 1945 г., передана Дворцу пионеров и сгорела в кон. 70-х гг. XX в.

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории с 1941 по 1943 г. действовал храм св. Николая в Луге. В послевоенное время в нем был устроен спортзал.

В нач. 90-х гг. XX в. активизация религ. жизни в Луге связана с именем свящ. Кшиштофа Пожарского, настоятеля прихода в Пскове: после многочисленных ходатайств верующих 12 дек. 1995 г. храм св. Николая был возвращен католической Церкви. В кон. 1992 г. был возрожден католич. приход в Гатчине. Первоначально богослужения проводились в актовом зале ПТУ. В 1995 г. здание полуразрушенного храма Пресв. Девы с горы Кармель было передано верующим. В 1997 г. в отреставрированной алтарной части церкви возобновились богослужения.

В 2015 г. на территории Л. о. действовали 2 прихода — в Гатчине и Луге.

А. А. Паламарчук, М. М. Фатеев
Протестантские церкви, деноминации и секты. Евангелическо-лютеранская церковь в зап. части совр. территории Л. о. восходит ко времени Реформации в Швеции, в состав к-рой в XVI в. входила Финляндия. Первый лютеран. епископ Финляндии (1550–1556) и переводчик Библии на фин. язык Микаэль Агрикола в 20-х гг. XVI в. начинал учиться в Выборге (там же он похоронен).

Первый лютеран. приход на захваченной шведами Ижорской земле (в Ингерманландии) был основан в 1585 г. в Копорье. Распространение вероучения началось после заключения в 1617 г. Столбовского мирного договора. В 1623 г. кор. Густав II Адольф приказал разделить территорию Ингерманландии на приходы, направить туда священников и построить церкви. В 1630 г. в Ингерманландии было 8 церквей (в к-рых служили 6 пасторов), а к 1655 г. насчитывалось уже 58 приходов, 36 церквей, служили 42 пастора. Когда

заклученный в 1721 г. Ништадтский мирный договор закрепил права России на эти земли, на них осталось проживать многотысячное фин. население, причем местная лютеран. церковь практически не пострадала. Сохранение ее прав было подтверждено в мирном договоре.

Уже с 1640 г. на буд. территории С.-Петербурга существовал лютеран. приход в швед. крепости Ниеншанц. После ее взятия и разрушения приход не прекратил существования. Согласно др. данным, 1-й лютеран. шведско-фин. приход появился в С.-Петербурге через неск. месяцев после основания города. Первая деревянная лютеран. церковь была построена в Петропавловской крепости в 1703 г., а на следующий год была образована община св. Петра. К 1725 г. в С.-Петербурге существовало 5 евангелических общин.

В управлении лютеран. церковь в Ингерманландии (см. *Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии*) произошли существенные изменения. Нарвская консистория, в ведении к-рой при шведах находились лютеран. приходы, в 1704 г. прекратила существование. После этого церковь нек-рое время подчинялась российскому Сенату, а с 1718 г. — Юридической коллегии. В 1721 г. все дела лютеранской церкви Ингерманландии перешли в ведение Синода. В 1727 г. при нем был образован консисториальный отдел Юридической коллегии по делам иноверцев. При имп. Елизавете Петровне было основано С.-Петербургское консисториальное заседание, а в 1758 г. лютеранам официально разрешили иметь при кирхах кладбища.

Новый импульс для развития лютеранская церковь получила при имп. Екатерине II, с 1763 г. поощрявшей переселение немецких колонистов. В 1766 г. императрица учредила Новосаратовский приход под С.-Петербургом. К нач. XX в. в столичной губернии насчитывалась уже 31 нем. колония. Они были объединены в 6 лютеран. приходов, имевших 10 церквей, 9 молитвенных домов и помещений, а также 18 церковных школ. Вхождение в 1809 г. Финляндии в состав России упростило контакты лютеранской церкви Ингерманландии и *Финской Евангелическо-Лютеранской Церкви*. В 1819 г. имп. Александр I Павлович утвердил Евангелическую генераль-

ную консисторию для управления всеми евангелическими приходами Российской империи. Главой этого учреждения был назначен епископ из Борго (фин. Порвоо) З. Сигнеус. Под его руководством прошла реорганизация работы лютеран. церкви, были установлены новые границы приходов, к-рые позднее были объединены в 3 пробства — Сев., Вост. и Зап. Ингрию.

28 дек. 1832 г. имп. Николай I Павлович утвердил Устав Евангелическо-лютеранской церкви России. Юридическая коллегия была заменена Генеральной консисторией, а Управление церковных дел иностранных исповеданий перешло от Мин-ва народного просвещения в ведение Мин-ва внутренних дел, при к-ром был учрежден Департамент духовных дел иностранных исповеданий. С введением Устава во главе Евангелическо-лютеранской церкви России находилась Генеральная консистория в С.-Петербурге под руководством духовного суперинтендента — епископа и светского президента. В 1856 г. в С.-Петербургском консисториальном окр., включавшем неск. губерний, проживало 224 тыс. прихожан, имелось 80 духовных лиц и было 164 церкви, ок. трети из которых находились в Северо-Западном регионе.

Уже в XVIII в. лютеранская церковь Ингерманландии начала выполнять в С.-Петербургской губ. образовательную и культурную функции. В тот период преподавание в фин. приходских школах велось преимущественно на латыни, реже на шведском языке. Особенно большое внимание культурно-просветительной деятельности Церковь Ингерманландии стала уделять в XIX в., стремясь к тому, чтобы все местное фин. население получило начальные знания. С 1836 г. благодаря давлению лютеран Финляндии фин. приходы получили право служить литургию по-фински. В 70-х гг. XIX в. открылось много фин. воскресных школ. Помимо организации сельских школ пасторы создавали б-ки, занимались распространением духовной лит-ры, календарей, газет. В 1863 г. вблизи Гатчины, в М. Колпине (М. Колпанах), была открыта семинария для подготовки учителей, канторов и органистов в фин. приходах.

Колонии немцев под С.-Петербургом были объединены в округа, в ос-

нову организации к-рых был положен вероисповедный принцип. Духовным лицам был полностью передан контроль над церквями и школами. Вплоть до 1891 г. преподавание велось только на нем. языке. Выпускники, окончившие среднее учебное заведение при лютеранской церкви, получали такие же права, как и выпускники всех российских гимназий. Многие пасторы учреждали также просветительские кружки и осуществляли издание специальной литературы.

В XIX в. в С.-Петербургскую губ. переселилось значительное число эстонцев и столица стала центром их национального движения. В 1787 г. в С.-Петербурге была образована эстонская община, а в 1844 г. при ней открыта 4-классная школа. В 1860 г. в столице состоялось освящение ц. св. Иоанна. В дальнейшем этот храм стал средоточием всей эстонской культурной и общественной жизни в городе. В свою очередь центром культурной жизни латыш. населения города стала построенная в С.-Петербурге в 1849 г. ц. Иисуса. Наименьшей по численности была швед. лютеран. община. При с.-петербургской швед. ц. св. Екатерины действовали 3 школы: для мальчиков, девочек и воскресная. Мн. приходы в губернии являлись смешанными. В Кронштадте имелось 2 церкви — эстонско-финско-шведская св. Николая и немецко-латышская св. Елисаветы, в Гатчине и Шлиссельбурге кирхи являлись немецко-финско-эстонскими.

Во 2-й пол. XIX — нач. XX в. в губернию переселилось неск. десятков тысяч эст. и латыш. крестьян, образовавших большое количество колоний. В 1897 г. в С.-Петербургской губ. насчитывалось 264 тыс. лютеран, из к-рых 69% составляли финны, 21% — немцы, 3% — латыши. В 1917 г. в Петроградской губ. действовали 97 лютеран. храмов, проживало ок. 120 тыс. финнов-ингерманландцев, 60 тыс. эст. и 30 тыс. латыш. колонистов; лютеране составляли 17% населения губернии. В столице находились центральные органы Евангелическо-лютеранской церкви России: Генеральная и Петроградская консистории. Евангелие в городе проповедовалось на 9 языках: немецком, шведском, финском, эстонском, латышском, голландском, французском, английском и русском. Офиц. языком структур управления

Евангелическо-лютеранской церковью до кон. XIX в. был почти исключительно немецкий.

Положение лютеран. церкви изменилось в 1914 г. Сразу после начала первой мировой войны на волне антинем. настроений начались преследования пасторов, пострадали 2 представителя Петроградской губ. В нояб. 1914 г. вышло постановление министра внутренних дел о закрытии евангелических об-в молодых людей и союза этих об-в. Перестали выходить немецкоязычные периодические издания общин.

Вскоре после Февральской революции 1917 г., 11 марта, было приостановлено действие законов, направленных на ограничение прав лиц нем. национальности. Возобновились издание немецкоязычной церковной лит-ры. В июле 1917 г. в Петрограде состоялась лютеран. конференция, к-рая разработала проект церковной конституции и решила провести в нач. 1918 г. Генеральный синод. Но после Октябрьской революции начался длительный период гонений и преследований. При этом в 1925–1934 гг. в Ленинграде существовала лютеран. семинария. Власти постепенно закрывали лютеран. церкви. В окт. 1939 г. была закрыта последняя действовавшая в Л. о. кирха в приходе Хаапакангас в дер. Юкки. Десятки тысяч финнов, немцев и эстонцев в 30-х — нач. 40-х гг. XX в. были депортированы в отдаленные вост. районы страны, пасторы расстреляны (из них 4 чел. — 15 нояб. 1937). В 1941–1944 гг. на оккупированной территории были возобновлены богослужения в нек-рых финских кирхах. С приходом советских войск все кирхи были вновь закрыты, а немцам и финнам запретили проживать в Л. о.

Лишь в 1977 г. открылась фин. кирха в Пушкине, а с кон. 80-х гг. XX в. началось активное возрождение Евангелическо-лютеранской церкви, Л. о. стала главным районом ее деятельности в России. 26–29 сент. 1994 г. в С.-Петербурге состоялся I Генеральный синод *Евангелическо-лютеранской церкви в России, Украине, Казахстане и Средней Азии* (ЕЛЦ), к-рый утвердил переработанный Устав Церкви и выбрал епископа. Канцелярия главы Церкви, которая в наст. время называется Союз Евангелическо-лютеранских церквей, размещается в петербургской Петрикирхе. С 1992 г. в С.-Пе-

тербурге выходит печатный орган ЕЛЦ «Der Vote/Вестник», а в апр. 1997 г. в дер. Новосаратовка Всеволожского р-на начала работу Теологическая семинария.

В 2015 г. в Л. о. существует 21 лютеран. община (19 приходов принадлежат к Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии). Они входят в Западно-Ингерманландское и С.-Петербургское пробства (последнее включает и приходы С.-Петербурга). Приходы Западно-Ингерманландского пробства находятся в пределах исторической области Ингерманландия, и только приход в г. Луга — за ее пределами. Из обл. приходов С.-Петербургского пробства в Ингерманландии находятся только Колтушский в дер. Колбино, Хаапакангас в дер. Юкки и Токсовский (все 3 — Всеволожского р-на); другие — в вошедшей в 1940 г. в состав Л. о. части Карельского перешейка: в Рошине, Приморске, Каннельярви, Выборге, существуют также приходы Каукола в пос. Севастьяново Приозёрского р-на и Йоханнес в пос. Советский Выборгского р-на. Крупнейшие и старейшие приходы — Колтушский (основан не позднее 1628), при котором работает Теологический ин-т Церкви Ингрии, и Скворицкий в дер. Петрово Гатчинского р-на (1624), менее крупные — Токсовский (основан ок. 1625–1628), Хиетамяки в дер. Иннолово Ломоносовского р-на (1640) и Губаницкий в дер. Губаницы Волосовского р-на (1656) — действуют в местах компактного проживания ингерманландских финнов. Выходят ж. «Церковь Ингрии» (с 1991) и газ. «Инкери»; существуют дома престарелых в Колбине, поселках Тайцы и Терволово Гатчинского р-на, в пос. Кикерино Волосовского р-на и благотворительный фонд «Дикони» в Выборге.

Баптисты появились в С.-Петербургской губ. в 60-х гг. XIX в., их деятельность была легализована в 1905 г. К 1917 г. их общины имелись в Выборге, Кронштадте, Стрельне, Гатчине, Луге (пресвитером лужской общины в 1915 был бывш. правосл. священник), а также в Выборге. Наряду со всеми верующими в СССР баптисты подвергались репрессиям во 2-й пол. 30-х гг. и преследованиям на рубеже 50-х и 60-х гг. XX в. В сер. 70-х гг. наметился рост числа зарегистрированных общин. Старшим пресвитером объединенных церквей евангельских христиан-бапти-

тов (ЕХБ) Ленинграда (С.-Петербурга) и Л. о. в 1979–1993 гг. был П. Б. Коновальчик (в 1993–2003 председатель Российского Союза ЕХБ). В 2015 г. 17 баптистских общин, входящих как в Российский Союз ЕХБ, так и во Всероссийское содружество евангельских христиан, равномерно распределены по территории Л. о., причем в нек-рых городах (Выборг, Сосновый Бор, Гатчина, Волосово, Кингисепп, Сланцы, Луга) действуют по 2 общины.

На территории Л. о. активны и быстро растут общины, входящие в Ассоциацию христианских церквей «Союз христиан», зарегистрированную в 1995 г. в С.-Петербурге: они близки к баптизму, но с чертами пятидесятничества (отстаивают «право каждого на крещение Св. Духом» и на «жизнь во Св. Духе») и с претензиями на межконфессиональный характер. К 2015 г. имелось 10 таких общин, в т. ч. в Васкелове (с 2000) и пос. Дружная Горка (с 2003). Неск. общин — в Тихвине, Кировске, пос. Сиверском — находятся в процессе регистрации (2015).

Общины пятидесятников, как правило входящие в *Российский союз христиан веры евангельской*, сосредоточены в окрестности С.-Петербурга (Отрадное, Фёдоровское, Павлов, Красный Бор, Всеволожск и др.) и на части Карельского перешейка, примыкающей к границе с Финляндией (Выборг, Приозёрск, Светогорск, Лесогорский и др.); кроме того, общины имеются в Кингисеппе, Луге, Гатчине, Тихвине, Соснове, Тосно, дер. Пельгора. В 90-х гг. XX в. в среде пятидесятников было распространено течение единственников, отрицавшее Св. Троицу. На июль 2015 г. на территории Л. о. зарегистрирована 31 община пятидесятников.

Общины *адвентистов* седьмого дня входят в Западнороссийский уния конференций и имеются в городах близ границы с Финляндией (Выборг (2003), Каменногорск (2000), Светогорск (2003)) и Эстонией (Сланцы (2004), Кингисепп (1999)), в вост. части области — только в Пикалёве (1999).

Методисты (Российская Объединенная Методистская Церковь) представлены в Л. о. общиной «Милосердие» в Гатчине (2002), к-рая одновременно входит и в «Союз христиан». Кроме того, в Выборге действует отд-ние *Армии спасения* (2003).

Пресвитерианско-реформатская традиция представлена общиной в Выборге (2000).

Общины *Иеговы свидетелей* зарегистрированы в городах Сланцы (1994), Выборг (1997), Кириши (1997), Сосновый Бор (2003).

В Выборге в 2002 г. получила регистрацию община мормонов (Церковь Иисуса Христа святых последних дней).

В целом протестант. объединения более распространены в сев. и зап. районах Л. о. Исключение составляют баптисты, чьи общины распределены в области равномерно.

С. А. Исеев, М. В. Шкаровский

Армянская Апостольская Церковь (ААЦ). Община ААЦ появилась в С.-Петербурге в 10-х гг. XVIII в. и первоначально собиралась в частных домах. В кон. 20-х гг. XVIII в. был открыт молитвенный дом на 3-й линии Васильевского о-ва. В 1771–1776 гг. на средства И. Л. Лазарева (О. А. Лазаряна) на Невском проспекте была построена арм. ц. св. Екатерины, освященная в 1780 г.; в 1808 г. — ц. Воскресения Христова на Смоленском арм. кладбище, основанном в 1791 г. К 1917 г. община объединяла ок. 2,5 тыс. чел. и входила в Нахичевано-Бессарабскую епархию с центром в Кишинёве.

Арм. община Ленинграда и Л. о. была ликвидирована в 1931 г., после закрытия в 1930–1931 гг. обоих храмов. Свящ. Николай Курдян поселился в Слуцке (Павловске) и до ареста в авг. 1937 г. продолжал катакомбное служение (расстрелян 14 дек. 1937).

Община возрождена в 1988 г. В сент. того же года ей возвратили ц. Воскресения Христова, а в 1993 г. — ц. св. Екатерины. В 1993 г. начала выходить газета арм. общины С.-Петербурга и Л. о. «Аватамк» («Веруем»).

В 2000 г. общине из Эрмитажа была возвращена изъятая в 1930 г. часть мощей свт. Григория Просветителя. В здании бывш. богадельни на Смоленском арм. кладбище находится резиденция епископа Новопахичеванской и Российской епархии ААЦ.

В настоящее время епархия имеет в С.-Петербурге 3 и в Л. о. еще 2 общины — во Всеволожске и в Выборге, входящие в Северо-Западный викариат. Во Всеволожске в 1998 г. была заложена и в сент. 2003 г. освящена ц. Пресв. Матери Богородицы (Сурб-Мариам-Аствацацин).

Ислам. Приверженцы ислама, в основном татары, появились в С.-Петербургской губ. в нач. XVIII в. по указу Петра I. В 1710 г. на строительство столицы было переселено более 4 тыс. работников — касимовских татар с семьями, оставивших ядро «татарской слободы». Часть их поселилась в Тосне и Любани (где возникло мусульманское кладбище). В 1716 г. в столице вышло 1-е печатное издание Корана на русском языке. В кон. XVIII в., при Екатерине II, в С.-Петербурге была открыта 1-я мусульманская моельня, татарская колония появилась и в Гатчине. В кон. XIX в. в С.-Петербурге были организованы 2 мусульм. прихода со своими моельнями, в нач. 10-х гг. XX в. открылась еще одна моельня. В 1910–1920 гг. в С.-Петербурге на Кронверкском проспекте была построена крупнейшая в Европе соборная мечеть с использованием композиционных приемов мавзолея Гур-Эмир в Самарканде. В нач. XX в. в губернии проживало более 6 тыс. мусульман, имелось 5 молелен и мечетей — 4 в С.-Петербурге и 1 в Кронштадте (дейст-

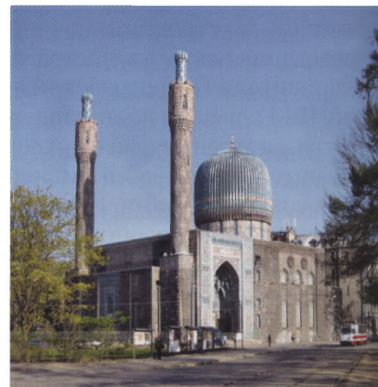
Армянская ц. вмц. Екатерины в С.-Петербурге. 1771–1776 гг. Фотография. 2010 г.

вовала в 1870–1928). Все они были закрыты к 1941 г. (соборная мечеть — в сент. 1940). В 1956 г. была зарегистрирована мусульм.

община в Ленинграде, к-рой передали соборную мечеть. В это время в Л. о. имелось ок. 8 тыс. мусульман. С 1956 г. местом проведения Сабантуя является дер. Кузьмолово Всеволожского р-на. В кон. 80-х гг. XX в.

начался рост числа общин и количества членов в них.

К 2015 г. зарегистрированы 2 общины в С.-Петербурге и 2 общины в Л. о.: в Выборге (мусульм. общи-

С.-Петербургская соборная мечеть. 1910–1920 гг. Фотография. 2010 г.

на Выборгского р-на Л. о. «Ихлас») и в пос. Сосново Приозёрского р-на, входящие в состав Духовного управления мусульман С.-Петербурга и Северо-Западного региона России. Они представляют суннитское течение ислама. В наст. время в Л. о. происходит заметный рост числа мусульман, в связи с чем создаются мечети и моельни. Разрабатываются проекты постройки мечетей на частной территории в Приозёрском р-не и в Тосне.

Иудаизм. Евр. колония возникла в С.-Петербурге в 70-х гг. XVIII в., с этого же времени проводились неофиц. молитвенные собрания иудеев. В 1830 г. в городе открылась 1-я моельня в р-не Пески, но в 1839 г. ее закрыли. Широкое распространение иудаизм получил в С.-Петербургской губ. с сер. XIX в. В 1860 г. была вновь открыта моельня в Песках, в 1863 г. разрешена деятельность раввина в С.-Петербурге и создана Обуховская моельня, в 1869 г. получено разрешение на устройство синагоги. В 1870 г. было организовано правление евр. общины, в 1874 г. создано евр. Преображенское кладбище. В 1880–1893 гг. была построена Хоральная синагога в арабо-мавританском стиле на Б. Мастерской ул. (ныне Лермонтовский проспект) на 1,2 тыс. мест; к этому времени община выросла до 16,5 тыс. чел. К нач. XX в. в губернии появилось 6 синагог: в Шлиссельбурге (1870), Нов. Ладого (1881), Колпине (1897), Ораниенбауме (1898), Кронштадте (1899), Царском Селе (1901), в С.-Петербур-

ге – 5. Имелось евр. уч-ще (Талмуд-Тора) и 2 иудейских кладбища – Преображенское и Караимское.

В 1917 – 20-х гг. XX в. количество синагог и молелен значительно выросло. Все они, кроме Хоральной синагоги в Ленинграде, были закрыты к 1941 г. (должность раввина Хоральной синагоги оставалась вакантной с нояб. 1936 по 1943). Весь период Ленинградской блокады Хоральная синагога действовала и была важным центром жизни иудеев города. В послевоенное время в Ленинграде и Л. о. иудеи проводили молитвенные собрания в 8 нелегальных домашних синагогах, за что подвергались репрессиям; в 60-х гг. XX в. существовали 1 зарегистрированная (при Хоральной синагоге) и 3 незарегистрированные религ. группы иудеев, объединявшие 6 тыс. чел. В кон. 80-х гг. XX в. начался значительный рост числа общин и их членов.

В наст. время зарегистрированы 11 общин в С.-Петербурге и 3 общины в Л. о. (Выборгский и Приозёрский районы). Все 3 общины в Л. о. (Выборг, Приозёрск и пос. Советский) относятся к Федерации еврейских общин России, централизованной орг-ции ортодоксального иудаизма.

М. В. Шкаровский

Новые религиозные движения.

С 1991 г. в пос. Усть-Ижора Колпинского р-на С.-Петербурга существует кришнаитская община.

В нач. 90-х гг. XX в. активную деятельность в регионе развернул *Богородичный центр*. Под названием «Православная церковь Божией Матери Державная» в 1999 г. были зарегистрированы первые общины данной секты в Выборге и в дер. Кисельня Волховского р-на, где был создан «богородичный монастырь», к-рый возглавил «епископ Санкт-Петербургский» данной секты Мартин Калистратов. В 1998 г. в дер. Мендсары Всеволожского р-на сектанты зарегистрировали «скит» «Обитель Соловецкой Голгофы». В 1999 г. зарегистрирована община богородичников в Гатчине, учредившая в 2000 г. ж. «Вестник Вечнодевы». В Выборге в 2000 г. местные власти передали секте здание бывш. ратуши для устройства там храма и церковного музея. Для этой цели лидер общины Выборга Д. Е. Головань («архимандрит» Лавр) зарегистрировал в мае 2003 г. благотворительный фонд

«Музей «Всероссийский мемориал в память безвинно погибших жертв ГУЛАГа». Ни музей, ни мемориал не были созданы. В 2003 г. богородичники зарегистрировали в Выборге «Центр русской духовности». Все орг-ции богородичников в наст. время возглавляет проживающий в пос. Стрельна «епископ» Кирилл Дешевцев, под рук. к-рого одна из общин в 2005 г. зарегистрировалась в С.-Петербурге как «Независимая ассоциация российских религиозных писателей и философов», хотя ни тех ни других среди ее учредителей нет.

В регионе действует тоталитарная секта «Церковь вселенская и торжествующая» («Хранители пламени»), община которой в Тихвине была зарегистрирована в 2008 г. как «Международный образовательный центр Монтеessori». Активность проявляет Международное об-во Рериха, регулярно проводящее свои мероприятия в музее-усадьбе Н. К. Рериха в дер. Извара Волосовского р-на.

В. Г. Пидгайко

Арх.: ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 1–345.
Лит.: Ист.-стат. сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1869–1885. 10 вып.; *Культбуш П. П., свящ.* О правосл. эстонцах в Прибалтийском крае и в столице. СПб., 1897; Памятная книжка С.-Петербургской губ., на 1914–1915 гг. СПб., 1914; *Лебедев Г. С.* Археол. памятники Ленинградской обл. Л., 1977; *Юголицын Ю. М., Юголицына Т. М.* Памятники архитектуры Ленинградской обл. Л., 1987; *Цыткин Д. О.* Археогр. работа в Ленинградской обл. в 1990 г. // ТОДРЛ. 1993. Т. 47. С. 430–436; Очерки истории С.-Петербургской епархии / Ред.-сост.: митр. Иоанн (Снычев). СПб., 1994; Памятная книжка С.-Петербургской епархии. СПб., 1995; *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат, 1917–1945. СПб., 1995; *он же.* Русская Правосл. Церковь при Сталине и Хрущёве. М., 1999; *он же.* Нацистская Германия и Правосл. Церковь: Нацистская политика в отношении к Правосл. Церкви и религ. возрождение на оккупированной территории СССР. М., 2002; *он же.* Церковь зовет к защите Родины: Религ. жизнь Сев.-Запада в годы Великой Отеч. войны. СПб., 2005; *Курило О. В.* Очерки по истории лютеран в России (XVI–XX вв.). М., 1996; *Галкин А. К., Бовкало А. А.* Псковская духовная миссия и мон-ри на сев.-западе России // ЕЖБК. 1997. С. 107–110; *они же.* Церк. возрождение в Гатчине (Ленинградская епархия) во время Второй мировой войны // Там же. 2002. С. 250–257; *Дзвонковский Р.* Римско-католич. Церковь в СССР, 1917–1939. Люблин, 1997; Ленинградская обл.: История и современность. СПб., 1997; *Исаченко Г. А.* «Окно в Европу»: История и ландшафты. СПб., 1998; *Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю., Шикер А. К.* Римско-католич. Церковь на сев.-западе России в 1917–1945 гг. СПб., 1998; *Лиценбергер О. А.* Евангелическо-лютеран. Церковь и Советское гос-во (1917–1938). М., 1999; *Рябинин Е. А.* Водская земля Вел. Новгорода. СПб., 2001; *Фишман О. М.* Жизнь по вере: Тихвинские карелы-старооб-

рядцы. М., 2003; *Гадло А. В. и др.* Этнография сев.-запада России: (Юж. окрестности Петербурга, Приладожье, центр. р-ны Псковщины). СПб., 2004; *Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю.* История Евангелическо-лютеран. Церкви на сев.-западе России (1917–1945). СПб., 2004; *Веселов А. П.* Патриотическая деятельность Ленинградской епархии в блокадном городе (1941–1944 гг.) // ОИ. 2005. № 2. С. 98–101; *Шаров В. Г.* Религ. объединения С.-Петербурга и Ленинградской обл. СПб., 2005; Земля Невская православная: Правосл. храмы пригородных р-нов С.-Петербурга и Ленинградской обл.: Кр. церк.-ист. справ. СПб., 2006; Церк. история Выборга и его окрестностей / Авт.-сост.: И. В. Трохова. СПб., 2007; *Башкиров К. С., Штейнбах С. Ю.* История и геральдика земли Ленинградской. СПб., 2008; *Королькова Л. В.* Этноконфессиональная карта Новоладского у. (посл. четв. XIX – 1-я треть XX в.) // 2-е Шёгреневские чт.: Этноконфессиональная карта Ленинградской обл. и сопредельных территорий: Сб. ст. СПб., 2008. С. 88–99; С.-Петербургская епархия – 2009: Справ. СПб., 2008; *Александрова Е. Л.* Водская пятина – Ингерманландия – С.-Петербургская губ. – Ленинградская обл.: Ист. прошлое. СПб., 2011; *Кулагина Е. и др.* Страницы истории Ленинградской обл. СПб., 2011–2012. 2 т.; *Галкин А. К.* Через 10 лет после «легализации»: Сеть приходов МП в Ленинградской обл. и Карелии к весне 1937 г. // ЕЖБК. 2013. С. 22–28; *Шкаровский М. В., Берташ А., свящ., Рункевич С. Г.* Св.-Троицкая Александро-Невская лавра: 1713–2013: В 3 т. СПб., 2013; *Алексий (Симанский), митр.* Алфавитный список клира Ленинградской обл. на 1 мая 1937 г. / Публ.: А. А. Бовкало, А. К. Галкин. СПб., 2014; *Козлов-Струтинский С., Парфентьев П.* История католич. Церкви в России. СПб., 2014; Очерки истории народов Ленинградской обл. СПб., 2014; Религ. организации Ленинградской обл.: Межконфессиональный диалог и соц. деятельность: Справ. СПб., 2014.

ЛЕОБИН [лат. Leobinus, Leubinus; франц. Lubin] († 14.03.557), св. (пам. зап. 14 марта), еп. г. Карнута (ныне Шартр, Франция). Основным источником сведений о Л. является Житие (ВНЛ, N 4847), авторство к-рого ранее приписывалось либо его преемнику еп. Калетрику († 573), либо *Венанцию Фортунату*, еп. Пиктавийскому († ок. 600). В наст. время общепринятой является концепция А. Понсле, согласно которой жизнеописание Л., датируемое IX в., является частью агиографического цикла бенедиктинского аббатства Миси близ Орлеана (*Poncelet.* 1905); доказательствами этого служат содержащиеся в произведении многочисленные заимствования из др. житий данного цикла; кроме того, составитель Жития хорошо был знаком с местной географией. При написании Жития Л., целью к-рого было создание образа епископа-монаха, автор ориентировался на Житие св. Мартина, еп. г. Туроны (ныне Тур,

Франция) (*Helvétius*. 2004. P. 113–114); основное внимание автор уделял пребыванию Л. в мон-ре до начала епископского служения. В XIV в. для капитула кафедрального собора в Шартре было написано краткое Житие Л. на среднефранц. языке, повествующее в т. ч. о прижизненных чудесах святого (*Legendaires et sermonaires du XIVe siècle*. 1867).

Л. род. близ Пиктавия (ныне Пуатье) в крестьянской семье, в детстве был пастухом. Получив образование в мон-ре Локотигиак (ныне

Реликварий св. Леобина
в ц. Нотр-Дам в Луэве

Лигюже), где он выполнял обязанности препозита, Л. познакомился с отшельником прп. Авитом. Вскоре Л. выразил желание поступить в Леринский мон-рь (см. *Лерен*), однако, встретив по дороге монаха, жаловавшегося на образ жизни братии, отправился вместе с ним к св. Лупу (в 538 занимал кафедру Лугдуна (ныне Лион)) и стал насельником возглавляемого последним мон-ря Инсула-Барбара (ныне Иль-Барб в черте г. Лион). Как сообщается в Житии, во время похода франк. кор. Хильдеберта I (511–558) в Бургундию (534) обитель была захвачена; Л. пытали, требуя выдать местонахождение монастырских сокровищ, однако святой, отказавшись сообщить о нем и оставленный умирать, выжил. Нек-рое время Л. провел при прп. Авите, а после его смерти удалился в лес близ совр. Монмирая, где вел уединенную жизнь с 2 учениками. Через 5 лет Этерий, еп. Карнута († 544), рукоположил Л. во диакона и поставил его во главе монастыря в Брайаке (ныне Бру). Впосл. Л. встретился со свт. *Кесарием*, еп. Арелата (ныне Арль) († 542 или 543), жившим нек-рое время в Леринском мон-ре и с почтением отзывавшимся о его насельниках. Свт. Кесарий

не одобрил желание Л. перейти в Леринский мон-рь, заметив, что ему следует оставаться в той должности, на к-рую он был назначен епископом.

После смерти еп. Этерия кор. Хильдеберт I назначил Л. на Карнутскую кафедру. В Житии сообщается о том, что святой исцелил клирика Калетрика (впосл. епископ Карнута), помазав его елеем, от к-рого начал исходить свет (по словам агиографа, он символизировал буд. епископское служение Калетрика). Л. присутствовал на V Соборе в Аврелиане (ныне Орлеан) (549), а также на Соборе в Паризиях (ныне Париж) (552).

Л. был погребен в ц. св. Мартина в Карнутах. С XIII в. рака с мощами святого находилась рядом со статуей Пресв. Девы Марии. В эпоху Реформации его мощи были уничтожены, однако главу Л. удалось сохранить; в наст. время она находится в ц. св. Николая в Блуа.

Почитание Л. прослеживается с VII в.; он упоминается в мартирологах диоцеза Августодун (ныне Отён) (VIII–IX вв.) и аббатства *Санкт-Галлен*, в рифмованном *Мартирологе*, составленном в 848 г. Вандальбертом Прюмским (MGH. Poet. T. 2. P. 594), а также в *Мартирологе Узуарда* (2-я пол. IX в.) (Mart Usuard. 1965. P. 303), где его память указана под 15 сент. Святой изображен на 2 витражах собора в Шартре (1-я пол. XIII в.), на одном из них представлены сцены из Жития Л. (*Deremble-Mannes*. 1991). Используя данные местных картуляриев, Ж. Ф. Оне пришел к выводу о существовании в XIII в. 28 церквей, которые были посвящены Л. (*Honet*. 1996). В честь святого были названы 4 населенных пункта на территории совр. деп. Эр и Луар, а также деп. Луар и Шер. Ист.: BHL, N 4847; ActaSS. Mart. T. 2. P. 350–354; MGH. AA. T. 4. Pars 2. P. 73–82; Legendaires et sermonaires du XIVe siècle / Éd. A. Lecoq // Mémoire de la Soc. archéol. d'Eure-et-Loir. 1867. Vol. 4. P. 205–207; Les Miracles de Notre-Dame de Chartres: Texte latin inédit // Biblioth. de l'École des chartes. P., 1881. Vol. 42. P. 505–550.

Лит.: *Doublet de Boisthibault F.-J.* Le tombeau de Saint-Lubin, évêque de Chartres (544–556) // RA. 1858. Vol. 15. N 1. P. 35–39; *Poncelet A.* Les saints de Micy // AnBoll. 1905. Vol. 24. P. 25–31; *Delaporte Y.* Les deux fêtes chartraines de saint Lubin // La Voix de Notre-Dame de Chartres. 1925. Vol. 69. P. 123–127; *Robreau B.* Saint Lubin: Un personnage entre l'histoire et la légende // Bull. de la Soc. archéol. d'Eure-et-Loire. 1985. Vol. 129. P. 11–18; *Deremble C.* Le vitrail de saint Lubin: Histoire et légende // Notre-Dame de Chartres. 1989. Vol. 80. P. 14–17; *eadem (Deremble-Mannes)*. Saint Lubin: Mutation d'un

thème du temps carolingien au vitrail de Chartres // Les Fonctions des saints dans le monde occidental, IIIe–XIIIe siècle. R., 1991. P. 295–316; *Kaiser R.* Royauté et pouvoir épiscopal au nord de la Gaule, VIIe–IXe siècles // La Neustrie: Les pays au nord de la Loire de 650 à 850: Colloque hist. intern. Sigmaringen, 1989. Vol. 1. P. 143–160; *Honet J.-F.* Les saints du pays de Chartres: Légendes et culte liturgique du VIIIe au XVe siècle. Louvain, 1996. Vol. 1. P. 63–72; *Helvétius A.-M.* L'abbé, l'évêque et le roi: L'ordre carolingien // Les saints et l'histoire: Sources hagiographiques du haut Moyen Âge / Éd. A. Wagner. Rosny-sous-Bois, 2004. P. 111–116.

К. С. Никитин

ЛЕОДЕГАРИЙ [лат. Leodegarius; франц. Léger] (ок. 616 – 2.10.677/9), мч. (пам. зап. 2 окт.), еп. г. Августодун (ныне Отён, Франция) (ок. 663 – не ранее 675).

Источники. Самое раннее Мученичество Л. было составлено до 692 г. неизвестным монахом аббатства св. Симфориана по указанию Герменария, преемника Л. на епископской

Св. Леодегарий.
Витраж ц. Сен-Леже
в Ле-Мениль-Терибу
(Пикардия, Франция).
60–80-е гг. XIX в.
Худож. Ш. Левек

кафедре. Фрагмент, в к-ром повествуется о гибели святого, сохранился в легендарии из аббатства Муасак (Paris. lat. 17002. Fol. 102r–104v, XI в.). Полный текст древнейшего Мученичества (версия А) был реконструирован Б. Крушем на основе более поздних Мученичеств, авторы к-рых использовали это произведение (BHL, N 4849b; изд.: MGH. Scr. Mer. T. 5. P. 282–322; англ. пер.: *Fouracre, Gerberding*. 1996. P. 215–253;

см.: *Krusch*. 1891; *AnBoll*. 1892. Т. 11. P. 104–110; *Poulin*. 1977).

Др. Мученичество Л. (версия В) было составлено мон. Урсином из Локотигиака (ныне Лигюже) по просьбе Аудульфа, аббата мон-ря св. Максенция (ныне Сен-Мексан-л'Эколь), и посвящено еп. Ансоальду, занимавшему кафедру Пиктавия (ныне Пуатье) в 70-х – 90-х гг. VII в. При составлении этого Мученичества была использована версия А. По мнению Круша, версия В была создана в VIII–IX вв., но др. исследователи датировали ее кон. VII в.; вопрос о времени написания Мученичества остается открытым (см.: *Fouracre, Gerberding*. 1996. P. 206–208). В отличие от версии А, в к-рой повествование ведется с позиции августодунских клириков, в сочинении Урсина представлена т. зр. аквитанцев. Урсин существенно сократил повествование о жизни Л., уделив особое внимание его деятельности во главе мон-ря св. Максенция и перенесению его мощей (спор между епископами Августодуна, Атребата (ныне Аррас) и Пиктавия о праве на хранение останков Л.). Рассказ о гибели святого, основанный на версии А, значительно расширен. Текст версии В сохранился в многочисленных рукописях (самая ранняя – *St. Gallen. Stiftsbibl.* 548. P. 67–116, рубеж VIII и IX вв.) (BHL, N 4851; изд.: *MGH. Scr. Mer.* Т. 5. P. 323–356).

Пространное Мученичество Л. (версия С), составленное неизвестным монахом из аббатства св. Симфориана в Августодуне, представляет собой компиляцию обеих ранних версий (из соч. Урсина заимствованы прежде всего сведения о посмертных чудесах святого). Самые ранние рукописи версии С относятся к IX в. (BHL, N 4853; изд.: *ActaSS. Oct.* Т. 1. P. 463–481; см.: *MGH. Scr. Mer.* Т. 5. P. 267–270). Краткие сведения о гибели Л., вписанные в контекст политической борьбы в гос-ве Меровингов, приведены в «Книге об истории франков» (1-й пол. VIII в.) (*Liber Historiae Francorum*. 45 // *MGH. Scr. Mer.* Т. 2. P. 317–319). Вероятно, в IX в. на основе сочинения Урсина было составлено метрическое Житие Л. (BHL, N 4854; изд.: *Vita beati Leudegarii martyris* // *MGH. Poet.* Т. 3. P. 5–37). Др. стихотворное Житие Л., к-рое датируется кон. X в., является самым ранним примером 8-сложного силлабического стиха на старофр. языке (*Saint*

Léger. 1937). В сер. XI в. мон. Фруланд из бенедиктинского аббатства Мурбах (ныне Мюрбак, Эльзас) составил прозаическое Житие Л., к которому приложены описания чудес святого (BHL, N 4855; изд.: *Pitra*. 1846. P. 525–568).

Житие. Согласно Мученичеству (версия А), Л. род. в знатной франк. семье. Он был воспитан дядей, Пиктавийским еп. Дидоном (до 629 — после 669). В Мученичестве упоминаются также комит Гаэрин, брат Л., и его родственник Ансоальд, впол. ставший епископом Пиктавия. Дополнительные сведения о родственниках святого приведены в др. источниках, достоверность к-рых не доказана. Известно письмо Л., адресованное его матери Сиграде, жившей в мон-ре Пресв. Девы Марии в Новиомаге (ныне Нуайон) (*MGH. Epp.* Т. 3. P. 464–467). В завещании Л., составленном в пользу Августодунской кафедры, говорится о земельных владениях, к-рые он унаследовал от Бодилона и «посвященной Богу» Сиграды (*Testamentum Leodegarii* // *Diplomata, chartae, epistolae, leges, aliaque instrumenta ad res Gallo-Francicas spectantia* / *Ed. J. Pardessus.* P., 1849. Т. 2. P. 173–174. N 382). В Житии св. *Одилы*, составленном в IX в., упоминается Берсвинда, мать св. Одилы, к-рая была теткой Л. по материнской линии (*Vita Odiliae abbatisae Hohenburgensis*. 2 / *Ed. W. Levison* // *MGH. Scr. Mer.* Т. 6. P. 38). На основании сведений о родственниках Л. высказывалось мнение, что святой по происхождению был связан с бургундской знатью, но эти данные вряд ли достоверны (см.: *Fouracre, Gerberding*. 1996. P. 197, 216).

В Мученичестве Л., составленном Урсином (версия В), сообщается, что святой воспитывался при дворе короля Нейстрии Хлотаря II (584–629), а затем получил образование в Пиктавии под рук. еп. Дидона. Примерно в 20-летнем возрасте он был поставлен во диакона и вскоре назначен архидиаконом Пиктавийской кафедры. Впоследствии по указанию Дидона он возглавил мон-рь св. Максенция близ Пиктавия и управлял обителью ок. 6 лет (в версии А упом. только о том, что Л. был архидиаконом).

После смерти короля Австразии Сигиберта III († 656) новым правителем стал его сын Дагоберт II. Он оставался на престоле до авг. 659 г., когда власть в Австразии захватил

майордом Гримоальд, сын Пипина Старшего. В 660/1 г. Дагоберт II был вынужден принять монашество; его передали под надзор еп. Дидону, который увез Дагоберта в Ирландию, где тот получил религ. образование и стал клириком (*Liber Historiae Francorum*. 43 // *MGH. Scr. Mer.* Т. 2. P. 315–316; см.: *Picard*. 1991. P. 38–41). Королем был провозглашен Хильдеберт, сын Гримоальда, незадолго до рождения Дагоберта усыновленный кор. Сигибертом, но не связанный кровным родством с династией Меровингов. Воцарение Хильдеберта вызвало недовольство в Нейстрии, т. к. местная знать рассчитывала на подчинение Австразии. В это время королем Нейстрии и Бургундии являлся Хлотарь III (657–673), обязанности регента при к-ром выполняла его мать св. Бальтхильда (см. *Бальтхильда*; † 680), вдова кор. Хлодвига II (638–657); после убийства Гримоальда и Хильдеберта она также правила в Австразии от имени своего сына Хильдерика II (662–675, с 673 возглавлял объединенное Франкское гос-во).

В кон. 50-х — нач. 60-х гг. VII в. Л. был вызван ко двору кор. Бальтхильды. Стремясь усилить влияние на церковные дела, королева способствовала назначению своих сторонников на ряд важнейших кафедр (*Nelson*. 1978); в этих городах после смерти кор. Хлодвига II начались беспорядки. Так, после гибели св. Аунемунда, еп. Лугдуна (ныне Лион), его преемником стал св. *Тенесий* (658–678), помогавший Бальтхильде в ее попечении о мон-рях. Назначению Л. епископом Августодуна (ок. 663) предшествовал спор между претендентами на епископскую кафедру, завершившийся гибелью одного из них и изгнанием другого. Часть августодунских клириков отрицательно отнеслась к назначению Л., который был ставленником Бальтхильды и не пользовался поддержкой местной знати.

В Мученичестве упоминается о любви Л. к бедным, к-рых по указанию святого стали кормить при кафедральном соборе; есть сведения об активной строительной деятельности Л., в т. ч. о реконструкции городских ворот и восстановлении мн. зданий Августодуна. Забота о кафедральном городе рассматривалась как обязанность епископа и осуществлялась в согласии с центральной властью (*Prinz F. Die bischöfliche*

Stadtherrschaft im Frankenreich vom 5. bis zum 7. Jh. // Hist. Zschr. 1974. Bd. 217. S. 1–35). По указанию Л. состоялось открытие и перенесение мощей мч. *Симфориана*, почитавшегося как покровитель Августодуна.

Возможно, Л. созвал Собор, постановления к-рого частично сохранились в неск. рукописях канонического сб. «Старое галльское собрание» (Collectio Vetus Gallica; изд.: Concilia Galliae, A. 511 — A. 695 / Ed. C. de Clercq. Turnhout, 1963. P. 319–320. (CCSL; 148A)). Статус Собора и имена его участников неизвестны. Основная тема постановлений — поддержание монашеской дисциплины. Насельники мон-рей должны были соблюдать бенедиктинский устав (canonum ordo vel regula sancti Benedicti), подчиняться указаниям аббата и препозита; им запрещалось владеть собственностью, а также покидать мон-ри и посещать города без письменного разрешения настоятеля, адресованного архидиакону. Усилия Л., направленные на распространение бенедиктинского устава, следует рассматривать в контексте политики кор. Бальгхильды, которая покровительствовала монашеству. В VII в. на территории Франкского гос-ва бенедиктинский устав сосуществовал с др. монашескими правилами. Также на Августодунском Соборе в качестве обязательного был принят *Афанасиев Символ веры* (см.: Mordek, Reynolds. 1992; Vogüé A., de Histoire littéraire du mouvement monastique dans l'Antiquité. P., 2008. Pt. 1. Vol. 12. P. 23–26).

В 659 г. при поддержке кор. Бальгхильды майордомом Нейстрии стал Эброин, позднее участвовавший в заговоре против королевы, в результате к-рого она была удалена на покой в мон-рь Кала (ныне Шель близ Парижа) (ок. 665). Хотя формальным поводом для этого стало достижение Хлотарем совершеннолетия, причиной отстранения Бальгхильды от власти было недовольство ее политикой, в т. ч. церковной. В некоторых источниках говорится об ответственности королевы за гибель 9 епископов (см.: Wood. 1994. P. 224–225). После смерти кор. Хлотаря III (673) Эброин, ставший одной из важнейших политических фигур Франкского гос-ва, возвел на престол Теодориха III, однако Л., его брат комит Гаэрин и др. представители знатных родов Нейстрии и Бургундии свергли Теодориха и провозгласили коро-

лем Хильдерика II, правившего в Австразии. Эброин был сослан в монастырь Луксовий (см. Люксей), а Теодорих III — в аббатство св. Дионисия (см. Сен-Дени). По-видимому, Л. и майордом Вульфоальд возглавили группировку знати, управлявшую в посл. королевством.

Вскоре Л. вступил в конфликт с австразийскими советниками Хильдерика II, к-рые пытались лишить автономии Нейстрию и Бургундию. Поводом для столкновения, которое произошло на Пасху 675 г. в Августодуне, был спор между Гектором, патрищем Массилии (ныне Марсель), и св. Прейектом, еп. Арверна (ныне Клермон-Ферран) (об этом сообщается также в Мученичестве Прейекта — MGH. Scr. Mer. T. 5. P. 212–248). Л. выступил на стороне Гектора, а король (и, вероятно, Вульфоальд) поддержал Прейекта. Во время празднования Пасхи противники Л. и Гектора убедили короля в существовании заговора. Осознав опасное положение, в к-ром они оказались, епископ и патриций перед рассветом бежали из города. Настигнувшие их воины убили Гектора на месте, а Л. привели к королю, к-рый по совету прелатов и знати сослал его в Луксовий. На Августодунскую кафедру был возведен Герменарий, аббат монастыря св. Симфориана (в древнейшем Мученичестве (версия А) говорится, что Герменарий убедил короля пощадить Л., хотя его ложно причисляли к врагам святого). В том же году Хильдерик был убит, а майордом Вульфоальд бежал в Австразию. По-видимому, тогда же в Луксовии Л. и Эброин заключили соглашение, благодаря которому епископу удалось вернуться в Августодун, а Эброину — собрать отряд сторонников. Согласно Мученичеству, Эброин намеревался расправиться с Л., но ему помешал еп. Генесий Лугдунский со своими воинами.

Теодорих III, вновь ставший королем Нейстрии и Бургундии (675), назначил майордомом Леудезия, которого поддержали Л. и Гаэрин. Однако вернувшийся из ссылки Эброин провозгласил королем малолетнего Хлодвига III. Захватив Теодориха в плен, Эброин убил Леудезия и занял должность майордома при поддержке св. Авдуина, еп. Ротоманского (Руанского). Чтобы укрепить свое положение, он объявил законным правителем Теодориха III, а не Хлодвига. Эброин стал преследовать полити-

Мученичество св. Леодегария.
Миниатюра из Библии.
Ок. 1200–1230 г.
(Brit. Lib. Add 15452)

ческих противников, многие из них бежали в Юж. Галлию (среди подвергшихся репрессиям был св. *Филиберт*). Сторонники Эброина — Дезидерат (Дидон), еп. Кабиллона (ныне Шалон-сюр-Сон), Бобон, бывш. еп. Валенции (ныне Валанс), и дукс Ваимер, осадили Августодун, где укрылся Л., главный противник майордома. Согласно Мученичеству, клирики и горожане попросили епископа забрать церковные ценности и покинуть город, но тот отказался. Посланный горожанами аббат Мероальд предложил осаждавшим город выкуп, но те заявили, что их единственная задача — схватить епископа. Тогда Л. сдался сторонникам Эброина, к-рые ослепили его, а затем забрали хранившиеся в городе сокровища (их стоимость составляла 5 тыс. солидов). Охрану пленного епископа поручили комиту Ваимеру, к-рый отвез его к майордому Эброину. Тем временем Дезидерат, Бобон и австразийский дукс Адальрик Этихон направились в Лугдун, чтобы захватить св. Генесия. Однако лугдунцы, в отличие от жителей Августодуна, отказались сдать его и не выдали своего епископа врагам.

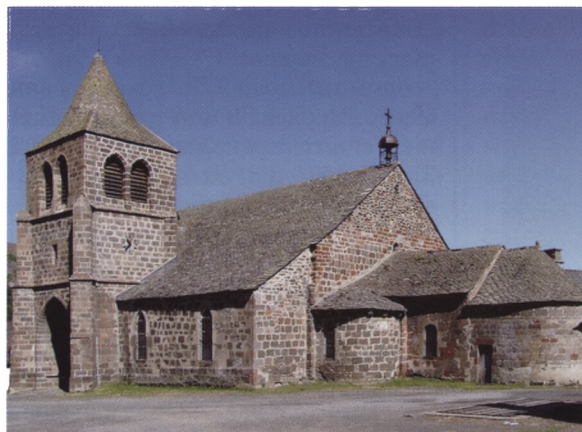
По указанию Эброина комит Ваимер спрятал Л. и объявил о его смерти. Позднее майордом организовал суд над епископом и его братом Гаэрином, обвинив их в убийстве кор. Хильдерика II. Гаэрин был казнен, а епископу отрезали губы и язык и проволокли по улицам города. Согласно Мученичеству, когда Л. стра-

дал от увечий в темнице, за ним ухаживал Герменарий, к-рого епископ простил, хотя прежде они враждовали. По приказу майордома дворцовый комит Ванинг отвез Л. в свои владения, находившиеся в Сев. Галлии, и поместил в основанный им мон-рь Фисканн (ныне Фекан), где святой провел почти 2 года. Согласно древнейшему Мученичеству (версия А), автор которого посетил Л. в ссылке, через нек-рое время епископ чудесным образом вновь мог свободно говорить и совершать мессу. Тем временем Эброин решил окончательно избавиться от влиятельного противника и велел доставить Л. к себе, чтобы лишить его священного сана. После низложения, проведенного собравшимися епископами (на Л. «разорвали облачение, чтобы он не мог служить и не решался более совершать таинство»), майордом велел дворцовому комиту Хродберту отвести святого в уединенное место и отрубить ему голову. Палачи спрятали тело Л. в лесу, но некая благочестивая женщина похоронила его и построила над могилой небольшой оракторий (согласно Урсину, могила Л. находилась в мест. Сарцинг, вероятно, близ совр. сел. Сен-Леже в деп. Па-де-Кале). В версии А кончина святого датирована 3 окт., но в версии В говорится, что его погребение состоялось 2 окт. Урсин сообщает, что Л. был казнен примерно через 2 года после возвращения к власти Эброина, а через 3 года после смерти епископа Эброин погиб. Т. о., казнь Л. следует датировать 677, 678 или 679 г. (см.: *Fouracre, Gerberding*. 1996. P. 250).

Почитание. На месте погребения Л. совершались чудеса. Эброин и его сторонники препятствовали почитанию святого, но после убийства майордома (680 или 681) епископа стали открыто почитать как мученика. По свидетельству Урсина, епископы Ансоальд Пиктавийский, Герменарий Августодунский и Виндициан Атребатский оспаривали право на хранение мощей Л. Спор был решен в пользу Ансоальда при помощи жребия. Мощи святого доставили в Пиктавий (в версии В подробно описывается перенесение мощей, которое сопровождалось чудесами), а затем — в мон-рь св. Максенция, где еп. Ансоальд и аббат Аудульф построили базилику в честь Л. Вероятно, память освящения этого храма праздновалась 30 окт., как сообща-

ется в концовке древнейшего Мученичества (версия А).

Поминование святого внесено в некоторые рукописи Иеронимова мартиролага под 2 и 3 окт. (*MartHieron. Comment. P. 537*). В мартирологе *Флора* Лионского память Л., к-рый «подвергся многообразным притеснениям и мучениям за правду и был убит королевским майордомом Эброином», указана 2 окт. Под этой датой

Церковь св. Леодегария в Шеладе (Овернь, Франция). XII в.

поминование святого значится в большинстве раннесредневековых календарей и мартирологов (*Der karolingische Reichskalender und seine Überlieferung bis ins 12. Jh. / Hrsg. A. Borst. Hannover, 2001. Tl. 3. S. 1359–1362*). В Римском мартирологе указана также память св. Гаэрина, брата Л.

Галликанские молитвы мессы в день памяти Л. сохранились в Готском саκραментарии, созданном на рубеже VII и VIII вв. в Августодунском еп-стве. В молитвах упоминаются ссылка святого и страдания, к-рые он претерпел; о Л. говорится как о добром пастыре и мученике, следовавшем за Христом до самой смерти (*Missal. Goth. P. 312–316, 512–515*). Молитвы, чтения и песнопения в день памяти святого содержатся в средневек. богослужебных книгах еп-ства Отён. С 1458 г. по указанию кард. Жана Ролена поминование Л. стало обязательным для всех церквей диоцеза. В память о спасении города от гугенотов (1591) был установлен также праздник явления святого 21 июня (изд.: *Pellechet*. 1883. P. 285–309; см. также: *ActaSS. Oct. T. 1. P. 452–455; Pitra*. 1846. P. 436–437, 443–444).

В VIII–IX вв. центром почитания Л. был мон-рь св. Максенция, где покоились мощи Л. Об этой святыне упоминается в нескольких королевских и имп. грамотах IX в., изданных

в пользу монастыря (*Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Saint-Maixent / Éd. A. Richard. Poitiers, 1886. T. 1. P. 5–7, 9, 14*). В Сен-Мексан-л'Эколь сохранились саркофаги, в к-рых покоились мощи святых Л. и Максенция (в крипте бывш. монастырской церкви), а также руины приходской ц. во имя Л. В годы правления кор. Карла Простоватого (893–923) из-за нападения норманнов, разорявших обл. Пуату, насельники покинули мон-рь и укрылись в Оверни, где король предоставил им

усадьбу Эбрёй. Впоследствии одни монахи вернулись в Пуату, забрав мощи св. Максенция, другие остались в Эбрёе, где

была построена церковь во имя Л. (15 марта совершалась память положения мощей святого в этом храме). Об этом повествуется в сказании о перенесении мощей Л. (*VHL, N 4856; изд.: Catalogus. 1890*). В сказании упоминаются и другие известные автору частицы мощей святого, напр., его голова, хранившаяся в Мурбахе, и глаз Л. (*unus... oculus*), от которого совершались исцеления, находившийся в королевской капелле. В средние века Эбрёй был одним из крупнейших бенедиктинских аббатств Оверни (в 1115 ему подчинились 56 церквей и мон-рей — *Jaffé. RPR. N 6376*). На рубеже X и XI вв. началось строительство новой монастырской церкви во имя Пресв. Девы Марии, апостолов Петра и Павла и Л.; в 1-й пол. XII в. был возведен романский портик с массивной башней, на рубеже XII и XIII вв. — готическая алтарная часть с деамбулаторием (см.: *Courtillé A. Auvergne et Bourbonnais gothiques. Nonette, 1990. T. 1. P. 75–102; Larouzière-Montlosier D., de. L'invention romane en Auvergne: De la poutre à la voûte (fin X^e–XIe siècle). Nonette, 2003. P. 168–175*). Мощи Л. и Гаэрина хранились в главном алтаре церкви. В годы Французской революции (1789–1799) святыни были утрачены, как сообщалось в письме приходского священника епископу Отёнскому с просьбой прислать частицу мощей Л. (1833 — *Pitra*. 1846.

Р. 439–440). В наст. время в Эбрёе хранится реликварий XVI в., в к-ром некогда находились мощи святого.

Особое почитание Л. сложилось в мон-ре Мурбах, основанном ок. 730 г. св. Пирмином и гр. Эберхардом. Первоначально мон-рь был посвящен Пресв. Деве Марии, ап. Петру и Л. (*Levillain L. et al. Charte du*

Церковь св. Леодегария в бенедиктинском аббатстве Мурбах (Эльзас, Франция). XII–XIII вв.

comte Eberhard pour l'abbaye de Murbach (1er février, 731/732) // *Bibl. de l'École des chartes*. 1938. Т. 99. N 1. P. 38); в грамоте кор. Теодориха IV, сфабрикованной в кон. VIII в., названо др. посвящение – Деве Марии, арх. Михаилу, апостолам Петру и Павлу и Л. (*Die Urkunden der Merowinger / Hrsg. T. Kölzer. Hannover, 2001. Тl. 1. S. 468–471. N 188*). Впосл. в мон-ре хранилась голова Л.; чудеса, которые совершались по молитвам перед святыней, описаны мон. Фруландом в Житии Л. (*BHL, N 4855*). 25 авг. в обители совершали память ослепления Л. (*Pellechet*. 1883. P. 295–296; см. также: *ActaSS. Oct. T. 1. P. 434–440; Pitra*. 1846. P. 506–524). Под влиянием традиции мон-ря почитание святого получило распространение в Эльзасе и в соседних регионах. Так, между 1182 и 1230 гг. по инициативе насельников Мурбаха была возведена романская ц. во имя Л. в Гебвиллере. В 1759 г. монахи переселились из Мурбаха в Гебвиллер, забрав с собой святыни и ценности. В наст. время частицы мощей Л. хранятся в приходских храмах в Гебвиллере (напр., в ц. Нотр-Дам – реликварий с нижней челюстью святого).

С XIII в. Л. почитается как покровитель Люцерна (до 1178 город принадлежал аббатству Мурбах). В честь святого освящен главный католический храм города (коллегиальная ц. Санкт-Леодегар-им-Хоф; существующее здание возведено в 1633–1639). После закрытия в 1798 г. жен. аббатства Масмюнстер (ныне Мазво, Эльзас) в Люцерн была доставлена хранившаяся в обители голова Л.; в наст. время серебряный бюст-реликварий со святыней находится в ризнице церкви.

Частицы мощей Л. хранились во многих церквях и мон-рях Франции и соседних стран (см.: *ActaSS. Oct. T. 1. P. 457–463; Pitra*. 1846. P. 409–411, 435–443; *Camerlinck*. 1910. P. 170–171). Большая часть реликвий была утрачена во время религиозных войн во Франции и Французской революции. В аббатстве святых Андрея и Л. в Мемаке (совр. деп. Коррез) хранился серебряный реликварий с мощами святого; в наст. время в бывшей монастырской церкви находится деревянный бюст-реликварий с фрагментом его черепа. Неск. фрагментов черепа Л. хранятся в кафедральном соборе в Аррасе, в раке св. Виндициана (см.: *Van Drival E. Le trésor sacré de la cathédrale d'Arras. Arras, 1860. P. 136–139*).

В средние века почитание Л. получило широкое распространение на территории Франции, Бельгии, Германии и Швейцарии. Так, во Франции ему были посвящены 7 бенедиктинских аббатств (Мемак, Мазво, Мурбах, Сен-Леже в Суасоне, Сен-Леже-де-Прео, Сен-Лигуэр в Ньоре, Эбрёй), более 30 приоратов, ок. 220 церквей. В честь святого названо не менее 70 населенных пунктов.

Ист.: *BHL, N 4850–4856; ActaSS. Oct. T. 1. P. 355–491; Passiones Leudegarii episcopi et martyris Augustodunensis / Ed. B. Krusch // MGH. Scr. Mer. T. 5. P. 249–362; Vita Leudegarii / Hrsg. B. Krusch // NA. 1891. Bd. 16. S. 593–596; Vita beati Leudegarii martyris // MGH. Poet. T. 3. P. 5–37; Saint Léger / Éd. J. Linskill. P., 1937; Catalogus codicum hagiographicorum latinorum antiquiorum saec. XVI qui asservantur in Bibliotheca Nationali Parisiensis. Brux., 1890. T. 2. P. 350–352.*

Лит.: *Pitra J.-B. Histoire de Saint Léger, évêque d'Autun et martyr, et de l'Église des Francs au VIIe siècle. P., 1846; Pellechet M. Notes sur les livres liturgiques des diocèses d'Autun, Chalon et Mâcon. P., Autun, 1883. P. 282–313; Krusch B. Die älteste Vita Leudegarii // NA. 1891. Bd. 16. S. 563–593; Duchesne. Fastes. T. 2. P. 180; Camerlinck J. Saint Léger, évêque d'Autun. P., 1910; Leclercq H. Léger d'Autun (saint) // DACL. T. 8. Pt. 2. Col. 2459–2493; Combell J. Leodegar // LTK. 1961. Bd. 6. Sp. 958–959; *idem*. Leodegar of Autun // NCE. 2002². Vol. 8. P. 496–*

497; *Boillon C. Leodegario // BiblSS. 1966. Vol. 7. Col. 1190–1193; Bianchi G. La fonte latina del «Saint Lethgier» // Studi Medievali. Ser. 3. 1972. Vol. 13. P. 701–790; Poulin J.-C. Saint Léger d'Autun et ses premiers biographes (fin VIIe – milieu IXe siècle) // Bull. de la Soc. des antiquaires de l'Ouest. Sér. 4. 1977. T. 14. P. 167–200; Nelson J. Queens as Jezebels: The Careers of Brunhild and Balthild in Merovingian History // *Medieval Women: Dedicated and Presented to R. Hill / Ed. D. Baker. Oxf., 1978. P. 31–77; Leodegar // LexMA. 1991. Bd. 5. Sp. 1883; Picard J.-M. Church and Politics in the 7th Cent.: The Irish Exile of King Dagobert II // Ireland and Northern France, A. D. 600–850 / Ed. J.-M. Picard. Dublin, 1991. P. 27–52; Breukelaar A. Leodegar // BBKL. 1992. Bd. 4. Sp. 1466–1468; Mordek H., Reynolds R. Bischof Leodegar und das Konzil von Autun // *Aus Archiven und Bibliotheken: FS f. R. Kottje zum 65. Geburtstag. Fr./M., 1992. S. 71–92; Wood I. The Merovingian Kingdoms, 450–751. L.; N. Y., 1994; De Jong M. In Samuel's Image: Child Oblation in the Early Medieval West. Leiden; N. Y.; Köln, 1996. P. 199–200; Fouracre P., Gerberding R. Late Merovingian France: History and Hagiography, 640–720. Manchester; N. Y., 1996. P. 193–253; Ewig E. Die Merowinger und das Frankenreich. Stuttgart, 2006³. S. 160–161.***

Е. А. Заболотный, А. А. Королёв

ЛЕОЛУКА [греч. Λεολούκας; лат. Leo Lucas; итал. Leoluca] (кон. IX в. – ок. 990), прп. (пам. зап. 1-марта). Лат. Житие (BHL, N 4842) написано на основании несохранившегося греческого. Святой род. в г. Корлеоне на Сицилии, в зажиточной семье. Его родители Лев и Феоктиста назвали сына Львом и воспитали в христ. благочестии. Рано осиротев, Лев пас стада своего отца, но вскоре решил посвятить жизнь Богу. Продав владения, он раздал деньги нищим и ушел в греч. мон-рь св. Филиппа Агирского близ Этны. В то время мн. сицилийские монахи были вынуждены уйти в Юж. Италию из-за притеснений правивших на острове арабов. По совету игумена Лев совершил паломничество в Рим к мощам апостолов Петра и Павла, а затем отправился в Калабрию и в поисках уединения переходил с места на место. Одна благочестивая женщина посоветовала ему начать подвижническую жизнь не отшельником, а в общежительном мон-ре. Лев послушал ее и поступил в киновиальный мон-рь св. Созонта на горе Ла-Мула (горный массив Орсомарсо) близ совр. Кассано-алло-Йонио. В монашестве он получил имя Лука, и братия стала называть его Леолоукой. Спустя 6 лет он последовал за игум. Христофором, к-рый основал новый мон-рь в гористой местности Меркурион. Через 7 лет они построили еще одну обитель близ Вены (ныне

Авена; ее отождествляют с мон-рем святых Христофора и Феодора), где прожили 10 лет. За это время в обители собралось более 100 монахов.

После смерти игум. Христофора Л. стал его преемником. За строгую подвижническую жизнь он сподобился от Господа дара чудотворения. Многих приходящих в мон-рь он исцелил и наставил на путь спасения. Л. отличался смирением, щедростью и милосердием (он даже отдал беднякам последние монастырские припасы), творил непрестанную молитву и жил в суровой аскезе (однажды он пребывал нагим на холоде в горах близ Морманно 20 дней). Когда Л. достиг 100-летнего возраста, ему было открыто время его кончины. Святой созвал монахов и назначил игуменом мон. Феодора, а его помощником — свящ. Евфимия. Л. был погребен в ц. Пресв. Богородицы в Монтелеоне-ди-Калабрия (ныне Вибо-Валентия).

Ранее исследователи считали, что Л. скончался ок. 910 или ок. 915 г., но эта датировка была пересмотрена в связи с отождествлением исцеленного святым парализованного саксонца с одним из воинов имп. Оттона I (или Оттона II), находившихся в Калабрии соответственно в 968 и 982 гг.

В XIII в. в Корлеоне существовала ц. во имя Л. После того как заступничеством святого в 1575 г. жители этого города спаслись от эпидемии чумы, Л. стал почитаться небесным покровителем Корлеоне. А в 1624 г. он стал патроном г. Монтелеоне-ди-Калабрия (Вибо-Валентия), городской собор к-рого был посвящен Богородице и Л. (Санта-Мария-Маджоре-э-Сан-Леолука). В 2006 г. мощи Л. были обреты в крипте ц. Санта-Руба, в коммуне Сан-Грегорио-д'Иппона (в 2 км от Вибо-Валентии).

Ист.: BHL, N 4842; ActaSS. 1735. Mart. T. 1. P. 97–102; *Stelladoro M.* La Vita di San Leone Luka di Corleone. Grottaferrata, 1995.

Лит.: *Da Costa-Louillet G.* Saints de Sicile et d'Italie Méridionale aux VIIIe, IXe et Xe siècles // *Byz.* 1959/1960. T. 29/30. P. 110–113; *Capelli B.* Leone Luca // *BiblSS.* 1966. T. 7. Col. 1304–1305; *Hester D. P.* Monasticism and Spirituality of the Italo-Greeks. Thessal., 1992. P. 173–175; *Ἀγαθόγγελος, ἑρ. Φαναρίου.* Συναξαριστής τῆς Ὁρθοδόξου Ἐκκλησίας. Ἀθήνα, 2005. T. 3: Μάρτιος. Σ. 13–14; *Μαρτίνης Π. Σ.* Ἕλληνας Ἅγιοι τῆς Κάτω Ἰταλίας (Καλαβρίας-Σικελίας). Πάτρα, 2006. Σ. 152–154.

ЛЕОН (Леонт, Леонтий), по церковной традиции (начиная с XIV–XV вв.), митр. Киевский в кон. X — нач. XI в. (?). В древнейших рус. источниках о *Крещении Руси* («Повес-

ти временных лет», Новгородской первой летописи младшего извода, «Памяти и похвале» св. равноап. кн. *Владимиру (Василию) Святославичу Иакова Мниха*) имени 1-го Киевского митрополита (митрополитов?) времен кн. Владимира нет. Самые ранние упоминания о Л. относятся к XIV–XV вв. В нек-рых редакциях *Церковного устава князя Владимира* в преамбуле значится, что Владимир «от Фотия патриарха царегородьского взяхъ първаго митрополита Леона Киеву» (Древнерус. княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот.: Я.Н. Шапов. М., 1976. С. 18, 22, 30, 72, 76); древнейший список с такой формулой относится к XIV в. (приложения к Новгородской (Климентовской) Кормчей 1280-х гг.: ГИМ. Син. 132. Л. 628). Затем текстуально близкий оборот фиксируется в поновленной редакции рассказа о крещении новгородцев, к-рая появляется в т. н. Новгородско-Софийском своде 1-й пол. XV в. (по А. А. *Шахматову*), т. е. в Новгородской Карамзинской, Новгородской Четвертой, Софийской 1-й летописях, а также в Русском хронографе (1516–1522), где Л. также выступает как «первый митрополит Киеву», взятый Владимиром «у Фотия патриарха» (ПСРЛ. Т. 42. С. 55; Т. 4. Вып. 1. С. 90; Т. 6. Вып. 1. Стб. 105; Т. 22. С. 367). В перечне рус. митрополитов из приложения к Комиссионному списку сер. XV в. Новгородской первой летописи младшего извода Л. значится в самом начале, перед *Михаилом, Иоанном I и Феопемтом*, хотя аналогичный перечень в самой летописи открывается именем Феопемпта (НПЛ. С. 163, 473). Налицо коллизия с традицией о св. Михаиле как 1-м рус. митрополите, к-рая разрешается по-разному. Если, напр., в Печерской редакции Устава Владимира (включенной в *Киево-Печерский патерик* редакции архим. *Иосифа Тризны* в сер. XVII в.) Михаил, как и в перечне митрополитов из Комиссионного списка, отодвинут на 2-е место, то в Троицкой редакции, связанной с Московской митрополией (древнейший список — РГБ. Троиц. 783. Л. 599 об.— 603 об., 2-я четв. XVI в.), напротив, на 2-м месте оказывается Л. Этот вариант закрепляется в Никоновской летописи, созданной при дворе митр. Московского *Даниила* в 1-й пол. XVI в.; здесь указаны даже хронологические пределы деятельности Л.: 992 — между 1004/08 гг., а также усвоены

ему конкретные мероприятия, вроде поставления первых епископов или суда над неким «иноком Андреем», который «укаряше церковные законы» (ПСРЛ. Т. 9. С. 64–69). Несмотря на источниковедческую неосновательность этих дат, хронология Никоновской летописи была воспринята научной историографией XIX в. с тем большей легкостью, что с Л. отождествлялось вполне реальное лицо — «Леонт, митрополит Переяславля в России», автор антилат. трактата об опресноках, что породило даже гипотезу о Переяславле как первоначальной резиденции русских митрополитов (митр. *Макарий (Булгаков)*, Е. Е. *Голубинский* и мн. др.). Однако с установлением факта существования митрополии в Переяславле Русском во 2-й пол. XI в. это отождествление необходимо оставить (см. *Леон*, митр. Переяславский).

Т. о., предание о Л. как 1-м рус. митрополите следует признать поздним и не имеющим видимых исторических оснований. Если сложение архетипа существующих редакций Устава Владимира, в к-ром имени митрополита еще не было, относить к сер.—2-й пол. XII в. (*Шапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Др. Руси. М., 1972. С. 115–134), то рождение этого предания придется датировать XIII–XIV вв. Причины его возникновения остаются неизвестны, возможно, Л. отождествляли с митр. *Леоном Переяславским*.

Лит.: *Макарий.* История РЦ. Кн. 1 (по указ.); *Голубинский.* История РЦ. Т. 1. Вып. 1. С. 265–282, 328–329, 621. Примеч. 5.

А. В. Назаренко

ЛЕОН (Леонт, Лев), митр. Переяславский (Переяславля Русского) (ок. 1069/70 (?) — до 1076). Л. известен по единственному упоминанию — в заголовке полемического антилат. трактата «Λέοντος μητροπολίτου τῆς ἐν Ῥωσίᾳ Πρεσθλάβας» («Леон(т)а, митрополита Преславы в России», т. е. Переяславля Русского).

Временная титулярная митрополия в Переяславле, стольном городе переяславского и ростовского кн. *Всеволода (Андрея) Ярославича*, была открыта ок. 1069/70 г. (А. В. Назаренко; по мнению А. *Потте* — ок. 1060, по Я. Н. *Шапову* — после 1072), и Л. стал, вероятно, ее 1-м главой (см. *Переяславская митрополия*). На 1076 г. приходится наиболее поздняя из возможных дат поставления

следующего после Л. Переяславско-го митр. *Ефрема*.

Небольшой трактат Л. известен в 11 полных списках; русского перевода, как и в случае с полемиическим сочинением Киевского митр. *Ефрема*, не обнаруживается. Авторство Л. предполагал М. Д. *Приселков* (идея которого о перенесении в 70-х гг. XI в. митрополии из Киева в Переяславль, однако, неудачна) и надежно обосновано Поппе; мнения о принадлежности сочинения *Леону (Леонту)*, мнимому Киевскому митр. нач. XI в. (Е. Е. *Голубинский*, А. Н. *Попов*, А. С. *Павлов*, Н. К. *Никольский*, В. А. *Мошин* и др.), или архиеп. Охридскому *Льву* (Б. Леб, Х. Г. *Бек* и др.) следует признать устаревшими.

Трактат Л. составлен в популярном жанре вопросов-ответов (ἑρωτολόγιος), для антилатинской полемики, однако, нетипичном. В формулировках вопросов, которые именуются возражениями, а ответы на них – опровержениями, усматривается влияние ответного послания папы *Льва IX* к К-польскому патриарху *Михаилу I Кируларию*, написанного в 1053 г. кард. *Гумбертом*, еп. Сильва-Кандидским (PL. 143. Col. 744C – 769D). Т. о., трактат Л., возможно, написан в качестве опровержения аргументов папы *Льва*, т. е. до поставления Л. на Переяславскую митрополию. Действительно, никаких специфически рус. реалий в тексте нет в отличие, напр., от сочинения митр. *Ефрема*, с которым трактат Л. сближается хронологически. Неоднократные обращения Л. к «римлянам, сиречь латинянам» позволяют предполагать, что текст был зачитан на каком-то диспуте с представителями Западной Церкви, что также говорит против его написания на Руси.

Трактат состоит из 20 глав (по рубрикации в издании В. Н. *Бенешевича*), большинство из которых (13) направлены против совершения богослужения на *опресноках*, упоминание о которых вынесено и в заглавие («περὶ ὀψρῶν»). Из других спорных тем затронуты: пост латинян по субботам помимо Страстной (гл. 14); полная литургия («τελεία ἀναφορά») во время Великого поста (главы 15–17); расторжение законных браков священнослужителей (гл. 18); употребление в пищу удавленины, объясняемое Л. как результат «смешения» (ἐπιμίξις) с «ван-

далами», т. е., видимо, влиянием франков или лонгобардов, во власти которых над Римом Л. видит и причину возможного отсутствия у латинян «неповрежденных книг» (гл. 19), и, наконец, исхождение Св. Духа не только от Бога Отца, но и от Сына (Filioque) (гл. 20). Такое тематическое распределение может служить еще одним доводом в пользу датировки трактата ближе к сер. XI в., когда вопрос об опресноках действительно находился в центре полемики. Вместе с тем в отличие от своих источников – сочинений *Никиты Стифата* и архиеп. Льва Охридского – автор трактата выводит вопрос об опресночной евхаристии за пределы собственно ритуальных расхождений, ибо, по мысли Л., служащий на опресноках «не исповедует Христа Богом и человеком и не признает плоть Его обоженной» (гл. 13); т. о., Л. бросает тень несторианства на христологию «латинян».

Изд.: *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 115–132; ПДРКП. Ч. 2. Вып. 1. С. 73–101. (РИБ. Т. 36) [с рус. пер.].

Лит.: *Попов А. Н.* Историко-лит. обзор древнерус. полемики. сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 27–45; *Чельцов М. В.* Polemika между греками и латинянами по вопросу об опресноках в XI–XII вв. СПб., 1879. С. 9–12, 50–56, 128–131; *Голубинский*. История РЦ. Т. 1. Ч. 1. С. 853–854; *Никольский Н. К.* Мат-лы для повременного списка рус. писателей и их сочинений: (X–XI вв.). СПб., 1906. С. 43–47, 506; *Приселков М. Д.* Очерки по церк.-полит. истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 132–133; *Leib V.* Deux inédits traités Byzantins sur les azymes au début du XIIe siècle // OrChr. 1924. Т. 2. P. 133–263; *Beck*. Kirche und theol. Literatur. S. 608–609; *Мошин В.* Послание рус. митр. Леона об опресноках в Охридской рукописи // Bsl. 1963. Т. 24. N 1. P. 81–105; *Poppe A.* Uwagi o najstarszych dziejach kościoła na Rusi // Przegląd Historyczny. Warsz., 1964. R. 55. N 4. S. 557–572; *idem.* Le traité des azymes Λεωντος митр. της εν Ρωσία Προσβλάφας: quand, ou et par qui a-t-il été écrit? // Byz. 1965. Т. 35. P. 504–527 (= *Poppe A.* The Rise of Christian Russia. L., 1982. P. 504–527 (Pag. 7)); *он же (Поппе А.)*. Рус. митрополии К-польской патриархии в XI ст.: 3. Послание об опресноках // ВВ. 1969. Т. 29. С. 95–104; *Шапов Я. Н.* Гос-во и Церковь Др. Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 56–58; *Макарий*. История РЦ. Кн. 2. С. 80, 161, 427, 428, 444; *Подскальски Г.* Христианство и богосл. лит-ра в Киевской Руси, 988–1237. М., 1996². С. 280–282; *Бибииков М. В.* Byzantinorossica: Свод визант. свидетельств о Руси. М., 2004. Т. 1. С. 327–331; *он же*. Лев // Древняя Русь в средневеков. мире: Энцикл. М., 2014. С. 447; *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне. М., 2009 (по указ.).

А. В. *Назаренко*

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ [Leonardo da Vinci] (15.04.1452, Анкиано близ Винчи, Тоскана – 2.05.1519, замок Клу, ныне Кло-Люсе, Амбуаз, Франция), итал. живописец, рисовальщик, естествоиспытатель, инженер и фортификатор, теоретик искусства и литератор, выдающийся представитель европ. Ренессанса и один из основоположников искусства Возрождения. Л. да В. был внебрачным сыном юриста Пье-

Мадонна с звездой.

Ок. 1474–1478 г.

(Старая пинакотекка, Мюнхен)

ро да Винчи и простолудинки по имени Катерина; запись о его рождении сделал в своем дневнике дед Л. да В., Антонио да Винчи. Мальчик воспитывался в доме отца, был особенно близок со своим дядей Франческо да Винчи; с детства проявлял склонность к музыке и геометрии.

Ок. 1469 г. отец Л. да В. переселился с семьей во Флоренцию. Между 1464 и 1469 гг. Л. да В. поступил в мастерскую Андреа Верроккьо; с 1472 г. член флорентийской гильдии художников (Compagnia di San Luca). Обучение у Верроккьо во многом определило широту интересов юного Л. да В., поскольку деятельность мастерской отличалась разнообразием: включала изготовление скульптуры из бронзы, терракоты и мрамора, декоративных предметов, ювелирных украшений, живописи. Особое внимание уделялось искусству рисунка, мастерству в передаче пластики и объема, к-рое оттачивалось натурными штудиями (см. рисунок Л. да В. с изображением драпировок, Британский музей, Лондон), анатомически правильному изображению человеческого тела, математическому обоснованию живописи, пробле-

мам оптики и перспективы. Первая датированная работа Л. да В. — рисунок пером с видом долины р. Арно (авг. 1473; Кабинет рисунков и эстампов Галереи Уффици, Флоренция) демонстрирует структурное мышление молодого мастера, его уверенное владение правилами перспективы и композиционное мастерство.

К первым годам профессиональной деятельности Л. да В. относится участие в создании картины «Крещение» Верроккьо для мон-ря Сан-Сальви во Флоренции (ок. 1470–1472 и 1475, Галерея Уффици, Флоренция). Л. да В. приписывают пейзажный дальний план и голову левого ангела, которые разительно отличаются по манере исполнения от стиля учителя. В пору пребывания Л. да В. в мастерской Верроккьо было написано «Благовещение» для мон-ря Монте-Оливето-Маджоре (ок. 1473, Галерея Уффици, Флоренция). Влияние стилистики мастерской сказалось прежде всего в появлении несколько нарочитой детали all'antica (напоминающий резной рим. жертвенник мраморный пюпитр, стоящий перед Мадонной), в типе жен. фигуры, а также в общем тяготении к жестковатой трактовке драпировок и пластики. Характерные для мастерской Верроккьо детали (прическа Богоматери, Ее одеяние с драгоценной фибулой, ваза с цветами) и устоявшийся иконографический тип воспроизведены Л. да В. в «Мадонне с гвоздикой» (ок. 1474–1478, Старая пинакотекка, Мюнхен), одной из его первых живописных работ. В картине Л. да В. на смену рельефной проработке формы и твердому линейному контуру, свойственным флорентийской

Мадонна Бенуа.
Ок. 1479–1481 г. (ГЭ)

в манере, типичной для зрелого стиля Л. да В., — с использованием законов математической, воздушной и цветовой перспективы. В случае с близкой этой картине по композиции «Мадонной с гранатом», или «Мадонной Дрейфуса» (ок. 1470–1472, Национальная галерея, Вашингтон), авторство Л. да В. является дискуссионным. Более поздним временем датируется «Мадонна Бенуа» (ок. 1479–1481, ГЭ), в к-рой живое, непосредственное общение юной Богоматери с маленьким Спасителем, взирающим на цветок крестоцвета (аллюзия на крестную Жерту Христа), а также внимание к проработке пластики фигур напоминают камерные рельефы Антонио Росселлино, Мино да Фьезоле и Дезидерио да Сеттиньяно на тот же сюжет. «Мадонна Литта» (ок. 1480–1485, ГЭ), хотя пейзаж в ней принадлежит, очевидно, кисти Л. да В., дописана другим художником. Портрет Джинев-

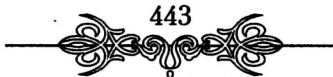
Благовещение.
Ок. 1473 г.
(Галерея Уффици,
Флоренция)

живописи Кватроченто, приходит смягченная светотеневая моделировка объема со слегка размытыми, будто тающими очертаниями, создающими иллюзию световоздушной среды, в к-рую помещена фигура Девы. Сквозь окна за спиной Мадонны открывается вид на далекую горную грядку, исполненный

ры де Бенчи (ок. 1476, Национальная галерея, Вашингтон), единственная ранняя работа Л. да В. в этом жанре, свидетельствует о его знакомстве с нидерландскими образцами, прежде всего с портретами работы худож. Ганса Мемлинга.

Документальные сведения о Л. да В. вплоть до его переезда в Милан в 1482 г. довольно скудны. В янв.

1478 г. он получил офиц. заказ на исполнение алтаря в капелле св. Бернарда в Палаццо-делла-Синьория во Флоренции (работа не выполнена, в 1483 заказ перешел к Филиппино Липпи). В дек. 1479 г. Л. да В. сделал рисунок повешенного Бернардо ди Бандино Барончелли (Музей Бонна-Эллэ), одного из участников заговора Пацци (1478) и убийцы Джулиано Медичи. В марте 1481 г. Л. да В. получил свой наиболее значительный флорентийский заказ на алтарную картину для августинского мон-ря Сан-Дonato в Скопето, близ Флоренции. Для этого мон-ря, видимо, предназначалось «Поклонение волхвов» (Галерея Уффици, Флоренция), к-рое было оставлено Л. да В. в состоянии подмалевка (заказ был перепоручен Липпи, исполнен к 1496). Сюжет, приобретающий особую популярность во флорентийском искусстве благодаря деятельности Братства волхвов (Compagnia dei Magi), избавлен у Л. да В. от избыточных повествовательных деталей и трактован как масштабное, вселенское событие, пробуждающее в то же время бурный эмоциональный отклик в его участниках. На одном из эскизов к этому алтарю (Кабинет рисунков и эстампов Галереи Уффици, Флоренция) Л. да В. выстраивает замысловатую архитектурную конструкцию на дальнем плане буд. картины и рассчитывает ее перспективное построение. От первого флорентийского периода дошло немало др. рисунков Л. да В., к-рые говорят о широте увлечений молодого мастера. Помимо штудий и композиционных набросков среди них есть эскизы технических приспособлений и военных машин, а также анатомические рисунки, отчасти апеллирующие к средневек. традиции, но в большей степени основанные на совр. Л. да В. знаниях об анатомии человека и животных, полученных путем иссечения трупов (Л. да В. посещал флорентийский госпиталь Санта-Мария-Нуова, о чем оставил воспоминания — Королевская б-ка, Виндзор. Inv. 19027 v). Они представляют собой не просто грамотные и точные в научном плане зарисовки, сочетающие неск. точек зрения на объект и потому позволяющие понять принцип его функционирования, но и блестящие образцы графического искусства, создающие иллюзию рельефного, 3-мерного изображения. Познания Л. да В.

в этой области нашли отражение в неоконченной картине «Св. Иероним» (ок. 1481–1482, Пинакотека, Ватикан), в к-рой мучительное напряжение мышц шеи и лица персонажа в равной степени выражает и физическое страдание кающегося святого, и его духовное иступление (Anatomical drawings. 1977. P. 13).

В 1482 г. Л. да В. покинул Флоренцию и направился в Милан, чтобы

Поклонение волхвов.
1481–1482 гг.

(Галерея Уффици, Флоренция)

поступить на службу к герц. Лодовико Сфорце (по прозвищу Моро). Непосредственно перед отъездом или сразу по прибытии в Милан Л. да В. составил опись своих законченных работ (Ambros. Codice Atlantico. Fol. 324r), в к-рой упомянуты фигурные штудии и анатомические рисунки, а также 2 образа Мадонны. В письме к новому патрону (Ambros. Codice Atlantico. Fol. 1082) Л. да В. отрекомендовался в первую очередь как военный инженер, подробно описав военные машины и фортификационные сооружения, к-рые он мог бы проектировать, и лишь в 10-м пункте упомянул о своих дарованиях в области искусств. Л. да В. также заявил о способности изготовить бронзовую конную статую и с 1482 по 1493 г. работал над проектом памятника Франческо Сфорцы. Многочисленные рисунки лошадей и виртуозные графические эскизы монумента свидетельствуют об интересе Л. да В. к передаче внутренних душевных движений через стремительный, стихийный порыв взмывшего на дыбы коня и данной в резком развороте фигуры всадника (Королевская б-ка, Виндзор). В 1493 г. была изготовлена гигантская глиняная модель монумента (утрачена в 1499).

Первый миланский период стал временем наиболее интенсивных занятий Л. да В. в области архитекту-

Эскиз к картине
«Поклонение волхвов». 1481 г.
(Кабинет рисунков, Лувр, Париж)

ры. В 90-х гг. XV в. благодаря деятельности архит. Донато Браманте, с к-рым Л. да В. был дружен, и периодическому присутствию ведущих архитекторов Центр. Италии Милан стал подлинной лабораторией языка ренессансного зодчества. Л. да В. участвовал в дискуссии вокруг строительства трибуны (башни над средокрестием) Миланского собора и представил к конкурсу 1486 г. ее деревянную модель, предполагавшую купольное перекрытие с опорой на паруса. Интерес Л. да В. к пробле-

Дама с горностаем.
1489–1490 гг.
(Национальный музей, Краков)

мам центральных построек выдают рисунки с изображением купольных и многокупольных церквей с центрическим лепестковым планом или планом в форме греч. креста (Ин-т Франции, Париж. Cod. Ashb. I (манускрипт В). Fol. 17v, 18v, 21r). В них мастера интересовали не столько тематические и геометрические за-

кономерности, сколько объемно-планиметрическое решение здания и органическое развитие архитектурного тела в пространстве. Как консультант Л. да В. участвовал в строительстве замка в Виджевано (резиденции Сфорцы) и собора в Павии (1490; совместно с Франческо ди Джорджо Мартини). Кроме того, он изучал вопросы градостроительства, гидротехники и ирригации, в 1494–1498 гг. руководил постройкой канала Мартезана, предназначавшегося для орошения зоны Ломеллина близ Милана. В Милане у Л. да В. была возможность общаться с гуманистами и учеными, занимавшимися математикой, медициной и естественными науками: Джорджо Валлой, Пьетро Монти, изучать рукописи медика, математика и философа Джованни Марлиани (Зубов. 1962. С. 24). Ок. 1496 г. Л. да В. познакомился с выдающимся математиком Лукой Пачоли, помогал ему иллюстрировать трактат «О божественной пропорции» (Pacioli L. De Divina Proportione. Venetiis, 1509); этим фактом обусловлены новый виток увлечения Л. да В. проблемами оптики и перспективы и применение им законов геометрии при изображении природы. Здесь же Л. да В. начал вести «записные книжки» — заметки, написанные зеркальным письмом и сопровождаемые многочисленными иллюстративными зарисовками. Скорее всего в Милане Л. да В. впервые увлекся идеей воздухоплавания и стал размышлять о конструировании летательных аппаратов (Ambros. Codice Atlantico. Fol. 362v, 302v, 276v и др.). Как архитектор и инженер герцога Л. да В. занимался оформлением придворных празднеств, в частности «Праздника рая» (Festa del Paradiso; Lond. Brit. Lib. Arundel. 263. Fol. 231v), сочиненного Бернардо Беллинчони и устроенного в честь Изабеллы Арагонской, супруги герц. Джан Галеаццо Марии Сфорцы (1490), и рыцарских турниров (джостр, или каруселей), приуроченных к свадьбе Лодовико Моро и Беатриче д'Эсте (1491).

Главными достижениями Л. да В. этого периода являются его живописные произведения. Среди них «Портрет музыканта» (ок. 1485, не окончен; Амброзианская пинакотека, Милан), в котором острота психологической характеристики оттеняется мягкими колористическими эффектами. По разным версиям, на нем изображены известный композитор

*Мадонна в скалах.
1483–1484/85 гг.
(Лувр, Париж)*

франко-фламандской школы Жоскен Дебре или молодой музыкант — друг Л. да В. Аталанте Мильоротти. Два др. портрета Л. да В., выполненные в тот же период, оказали прямое влияние на последователей художника. В них простота композиции способна вызвать в памяти портретные бюсты работы Верроккьо, а гармоничность линейного ритма сочетается с вниманием к деталям и разнообразию фактур («Дама с горностаем» (1489–1490, Краков, собра-

*Мадонна с Младенцем и св. Анной.
1503–1507 гг.
(Лувр, Париж)*

ние князей Чарторыйских); «Прекрасная Ферроньера» (1490–1495, Лувр, Париж; принадлежала королю Франции Франциску I). В 1483 г. совместно с братьями Эванджели-

стой и Джованни Амброджо де Предис Л. да В. заключил договор на исполнение центральной и 2 боковых створок полиптиха для капеллы Непорочного Зачатия ц. Сан-Франческо-Гранде в Милане. Итогом этой работы стали 2 версии картины «Мадонна в скалах» (Лувр, Париж; Национальная галерея, Лондон). Более ранней принято считать парижскую версию, которая в нач. XVI в. была вывезена во Францию. В сложной иконографической программе картины отчетливо проведена тема Непорочного Зачатия (грот является аллюзией на девство Марии, см.: Песн 2. 14) и подчеркнута пророческая роль св. Иоанна Крестителя: именно на него указывает сидящий слева от Мадонны арх. Уриил и его благословляет Младенец Христос. Благодаря суровому, могучему скальному пейзажу, внутри к-рого помещена сцена, она приобретает вселенский, внеисторический масштаб. Здесь, как и в ватиканском «Св. Иерониме», нашел отражение новаторский подход Л. да В. к проблеме соотношения человеческой фигуры и пейзажного окружения. Природные формы перестают служить нейтральным фоном, но, будучи неразрывно связаны с фигурой человека, уравновешивают ее и становятся полноценным элементом иконографической программы. Образ человека воспринимается как центр и смысловое ядро мирового ландшафта. С формальной т. зр. Л. да В. демонстрирует в этой работе стремление к тональному колориту, на фоне которого выделяется лишь сияющий желтый отворот покрывала Богоматери. Лондонская версия «Мадонны в скалах» была выполнена к 1508 г. при участии учеников Л. да В. (вероятно, взамен оригинала); она обнаруживает стилистические признаки, характерные для живописи Л. да В. 90-х гг. XV в., и несколько проще с т. зр. иконографии, а также менее выразительна в художественном отношении. К теме генеалогии Христа Л. да В. еще раз обратился по возвращении во Флоренцию, в процессе создания алтаря «Мадонна с Младенцем и св. Анной» (1503–1507, Лувр, Париж) для ц. Сантиссима-Аннунциата. В нем он предложил оригинальное иконографическое решение, соединив 2 жен. фигуры в компактную, будто спящую группу и поместив эту монументальную и устойчивую пирами-

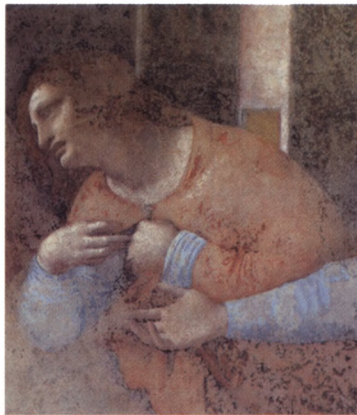
дальнюю композицию на фоне далекого пейзажа. Пристальный интерес к природе, о котором свидетельствуют ботанические штудии Л. да В. и детально проработанные растительные мотивы в «Мадонне в скалах», отчетливо проявился во фресках Л. да В. в Зале гербов (Sala delle Asse) в Кастелло-Сфорцеско. Росписи, начатые в 1498 г. (значительно переписаны в 1901), имитируют зеленую беседку; на ветвях деревьев помещены гербы Лодовико Сфорцы и его супруги Беатриче д'Эсте.

Между 1495 и 1497 гг. Л. да В. исполнил свое главное произведение 1-го миланского периода — «Тайную вечерю» на стене трапезной доминиканского монастыря Санта-Мария-делле-Грацие. Из-за применения экспериментальной техники, более подходящей для живописи на доске (роспись выполнена «жирной» темперой поверх сухого грунта и тонкого слоя свинцовых белил, к-рые были призваны усилить световые эффекты), она начала тускнеть уже через неск. десятилетий после создания и к сер. XVI в. совершенно потеряла первоначальный вид (свидетельства Дж. Вазари и Дж. П. Ломатцо). Эта роспись является высшим достижением Л. да В. в области оптики и воздушной перспективы. Благодаря высокой точке схода он зрительно расширил пространство трапезной, с помощью бесконечного пейзажа, расстилающегося за спиной Христа и апостолов, «уничтожил» тем самым границу стены. Обособленная фигура Христа является геометрическим, композиционным, сюжетным и символическим центром сцены. К Христу обращены взоры взволнованных и растерянных учеников. Предметом особого внимания Л. да В. стало выражение душевных движений через мимическую характеристику и жест: в образах апостолов он попытался отразить весь спектр человеческих эмоций, вызванных вестью о скором предательстве Христа одним из учеников. Л. да В. выбрал для изображения момент максимальной напряженности: мгновение между тем, как прозвучали слова о предателе, и определением его имени. Трактовка темы Тайной вечери у Л. да В. отличается от традиции ее изображения во флорентийских монастырских трапезных, где фигура Иуды помещена за столом напротив остальных участников сцены и т. о.

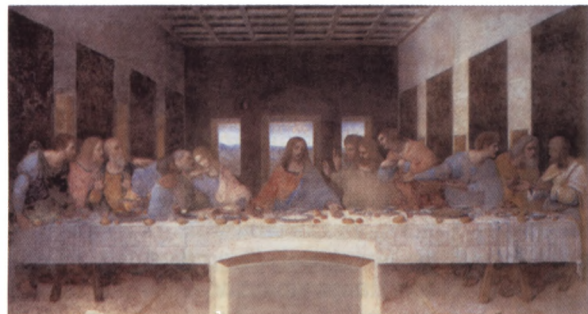

противопоставлена им (напр., у Андреа дель Кастаньо или Доменико Гирландайо), и от ломбардского варианта ее интерпретации (Христос протягивает Иуде хлеб). Рисунок Л. да В. (Королевская б-ка, Виндзор; Галерея Академии, Венеция) свидетельствуют о том, что он внимательно изучил обе традиции. Центральной темой росписи у Л. да В. остается установление таинства Евхаристии. По мнению М. Росси, необычное иконографическое решение могло быть подсказано Л. да В. приором мон-ря Санта-Мария-делле-Грацие, ученым доминиканцем Винченцо Банделло, и основываться на томистском истолковании сюжета Тайной вечери. В композиции подчеркивается евхаристическое и священническое значение фигуры Христа, потому общая схема Его изображения у Л. да В. перекликается с иконографией *Imago Pietatis* и

*Лп. Иоанн Богослов.
Фрагмент сцены «Тайная вечеря»
в росписи трапезной
ц. Санта-Мария-делле-Грацие,
Милан. Между 1495 и 1497 гг.*

6 лет маркиза вела с ним переписку, упрашивая мастера «написать юною Христа, в возрасте около 12 лет, когда он беседовал с учителями в Иерусалимском храме, и выполнить эту работу

*Тайная вечеря.
Роспись трапезной
ц. Санта-Мария-делле-Грацие, Милан.
Между 1495 и 1497 гг.*

Traditio Legis (Rossi. 2005. P. 79). В то же время фреска не лишена деталей, вносящих в нее элемент живой повествовательности; к их числу относятся натуралистически написанный натюрморт на столе.

После захвата Милана войсками франц. кор. Людовика XII Л. да В. в 1499 г. покинул город. По пути во Флоренцию, куда он прибыл в апр. 1500 г., ненадолго останавливался в Мантуе, где рисовал Изабеллу д'Эсте: этот лист (Лувр, Париж), вероятно, должен был служить подготовительным рисунком к живописному портрету маркизы. В 2013 г. в Швейцарии (частное собр. Эмидии Чеккини) был обнаружен созданный на его основе портрет маслом, представляющий маркизу Мантуи в образе св. Екатерины. На основании технико-технологической экспертизы он может быть приписан Л. да В. или, во всяком случае, датирован нач. XVI в. Помимо собственного портрета кисти Л. да В. Изабелла д'Эсте очень хотела получить в коллекцию др. работы художника. Следующие

с той сладостью и нежным и изысканным очарованием, к-рым отличается особое совершенство <его> искусства» (*Cartwright J. M. Isabella d'Este, Marchioness of Mantua, 1474–1539: A Study of the Renaissance. L., 1903. 2 vol. P. 324–325*). В 1501 г. агент Изабеллы фра Пьетро да Новеллара писал ей из Флоренции (*Ibid. P. 319–320*) о том, что Л. да В. более занят «математическими экспериментами», нежели живописью. В письмах он упомянул о 2 работах Л. да В. — «Мадонне с веретеном» для секретаря кор. Франциска I Флоримона Роберте (оригинал неизвестен, но сохранились его реплики, выполненные художниками школы Л. да В., напр., в частном собрании в Нью-Йорке, 1501–1507; в собрании герц. Куинсберри, Драмланриг, Шотландия) и картоне с изображением Мадонны с Младенцем, св. Анной и ягнчком (ок. 1501). Картон, к-рый был создан в ходе работы над алтарем для ц. Сантиссима-Аннунциата, утрачен. Его влияние прослеживается в ренессансной живописи, в частности у Рафаэля («Св. Семейство с ягнчком», 1507, Пра-

до, Мадрид). Другая сохранившаяся версия картона из Берлингтон-Хауса (Национальная галерея, Лондон), а также повторяющий ее подмалевок Бернардино Луини (ок. 1530, Амброзианская пинакотека, Милан) значительно отличаются от описания фра Пьетро и окончательной живописной версии картины, хранящейся в Лувре (головы Девы Марии и св. Анны расположены на одном уровне, присутствует фигура св. Иоанна Крестителя в младенчестве). Известен также ряд подготовительных рисунков к этой композиции, которые датируются 1500–1507 гг. (Королевская б-ка, Виндзор).

Летом 1502 г. Л. да В. был приглашен на службу к Чезаре Бордже в качестве военного инженера и архитектора, для которого он работал меньше года. За это время Л. да В. проехал значительную часть адриатического побережья — от Пезаро до Равенны — и мн. области Центр. Италии, был в Урбино, Чезене, Пьомбино, Сиене. Для Борджи, в частности, была выполнена карта Имолы (Королевская б-ка, Виндзор), сделанная предположительно в период ее осады (*Зубов. 1962. С. 35*). В марте 1503 г. Л. да В. вернулся во Флоренцию, где консультировал работы по отводу р. Арно от Пизы, параллельно разрабатывая проект строительства канала между Пизой и Флоренцией, к-рый позволил бы урегулировать бурное течение реки (*Ambros. Codice Atlantico. Fol. 46b*). От гонфалоньера Республики Пьеро Содерини Л. да В. получил почетный заказ на исполнение фрески «Битва при Ангиари» в зале Большого совета Палаццо-делла-Синьория, к-рая должна была увековечить победу, одержанную в 1440 г. над Миланом (над парной композицией — сценой битвы при Кашине — с 1504 работал молодой Микеланджело; не была осуществлена). Работа Л. да В. дважды прерывалась: осенью 1504 г. он был направлен в Пьомбино для инспекции фортификационных сооружений, в мае 1506 г. на неск. месяцев отлучался в Милан. В 1505 г. картон был завершен, и Л. да В. начал работать над фреской. Однако экспериментальная техника, выбранная для создания росписи, не способствовала ее долговечности. Остатки завершенной части погибли в 60-х гг. XVI в., когда оформление зала было полностью видоизменено Вазари. Общая композиция цент-

ральной группы, изображающей жестокую схватку всадников, известна благодаря гравюре Лоренцо Дзакки и т. н. Tavola Dogia (ок. 1505–1506, частное собрание; до 1939 принадлежала рим. семейству Дория) — анонимной копии с картона Л. да В. Существуют также графические эскизы, относящиеся к «Битве при Ангиари» (Галерея Академии, Венеция), в т. ч. экспрессивные мимические штудии (Музей изящных искусств, Будапешт). К нач. XVI в. относится множество рисунков, в к-рых Л. да В. разрабатывал иконографию благоговящего ангела (Королевская б-ка, Виндзор), вполсл. положенную в основу картины «Св. Иоанн Креститель» (1513–1516, Лувр, Париж). Параллельно он был занят поисками композиции для картины «Леда и лебедь». Л. да В. выбирал между 2 основными версиями — коленапреклоненной по образцу античной статуи Афродиты (Королевская б-ка, Виндзор; Музей Бойманса — ван Бейнингена, Роттердам) или стоящей женской фигурой. Среди живописной продукции мастерской, созданной на основе этих рисунков, преобладает 2-й вариант (Галерея Уффици, Флоренция; Галерея Боргезе, Рим и др.). Центральным произведением Л. да В. этого периода является портрет Лизы Герардини («Джоконда», или «Мона Лиза»), супруги Франческо дель Джокондо (ок. 1500–1507, Лувр, Париж), — одно из самых знаменитых произведений мировой живописи, породившее множество спорных толкований в искусствovedческой лит-ре и художественных реинтерпретаций. Причиной этого интереса явилась беспрецедентная новизна формально-стилистического решения, предложенного Л. да В. Истоки иконографии этого портрета обнаруживаются во флорентийской живописи позднего Кватроченто (напр., в жен. портрете работы Лоренцо ди Креди, ок. 1490, Городская пинакотека, Форли), опирающейся на нидерландские образцы (Zöllner. 2011. P. 160). Л. да В. удалось преобразовать эту схему так, что, несмотря на небольшой формат портрета, фигура молодой женщины, сидящей в открытой лоджии на фоне широкой показанной с высокой т. зр. панорамы, кажется очень значительной. Мотивы, использованные в пейзаже, выдают интерес Л. да В. к горным ландшафтам, к изображению каменных поверхностей, к-рый присут-

ствовал уже в «Мадонне в скалах». Гармоническое единение величественного образа природы и умиротворенной человеческой фигуры заставляет вспомнить об идее взаимодействия между макро- и микрокосмом, чрезвычайно важной для философии Ренессанса в целом и вытекающей из нек-рых естественнонаучных суждений самого художника. Мягкая светотеневая моделировка, едва уловимые, будто блуждающие тени и вспышки света на платье и особенно на лице и спокойно сложенных руках модели создают эффект дымки (сфумато). При этом Л. да В. уделит внимание деталям: мелким завиткам волос, прозрачной вуали, покрывающей голову, ее слегка припухлым векам. Композиционное решение, сформулированное в «Джоконде», было воспринято и развито художниками Высокого Возрождения, в т. ч. Рафаэлем («Дама с единорогом», ок. 1504, Галерея Боргезе, Рим).

С 1508 по 1513 г. Л. да В. провел в Милане, где работал под покровительством нового франц. прави-

Св. Иоанн Креститель.
1513–1516 гг.
(Лувр, Париж)

теля герц. Шарля д'Амбуаза и ген. Джан Джакомо Тривульцио. В эти годы Л. да В. посвятил себя анатомическим штудиям, завершил при участии помощников 2-й вариант «Мадонны в скалах» (1508), написал образ св. Иоанна Крестителя (1513–1516, Лувр, Париж), в к-ром довел до логического завершения свои поиски в области применения светотеневой моделировки и атмосферных эффектов с целью передачи трехмерного объема. Фигура святого выделяется на темном фоне, отдельные ее фрагменты освещены ярким светом, благодаря чему создается впечатле-

ние почти скульптурной лепки формы. Другой вариант изображения св. Иоанна Крестителя, где тот представлен сидящим на фоне пейзажа (ок. 1515–1519, Лувр, Париж), из-за добавленного позднее тирса был ошибочно истолкован как образ Вакха. Длительное присутствие Л. да В. в Ломбардии оказало огромное воздействие на его современников и на дальнейшее развитие местной школы. Нек-рые особенности его манеры (использование сфумато, стремление к тональному колориту) были восприняты уже мастерами старшего поколения (напр., Винченцо Фоппой). Л. да В. стал одним из самых копируемых художников; под его непосредственным влиянием работал широкий круг мастеров — т. н. леонардесков (leonardeschi), к-рые в основном были уроженцами Ломбардии. К их числу принадлежали Салаи (Джан Джакомо Капротти да Орено), Андреа Соларио, Марко д'Оджоно, Джованни Антонио Болтраффио, Франческо Мельци, Чезаре да Сесто, Джампетрино (Джованни Педрини). Нек-рые из этих мастеров вполсл. были хорошо изучены в лит-ре как самостоятельные творческие величины, художественная деятельность других (напр., Мельци и Салаи) не документирована и потому исследована хуже. К числу наиболее популярных в кругу леонардесков тем принадлежат «Христос Спаситель», «Христос и учителя», «Христос, несущий крест», «Играющие младенец Христос и младенец Иоанн Креститель». Работы этих художников способствовали распространению разработанных Л. да В. иконографических схем и элементов, живописных приемов, исполненные по образцам, картонам или рисункам Л. да В., они могут дать представление о его неосуществленных или утраченных произведениях. Наряду с второстепенными мастерами влияние Л. да В. испытали и ключевые фигуры ломбардской художественной школы XVI в.: Брамантино, Бернардино Луини и Гауденцио Феррари. 24 сент. 1513 г. Л. да В. уехал из Милана в Рим. До 1515 г. он жил при папском дворе, проводя разнообразнейшие технические и естественнонаучные опыты «в Бельведере, в комнате для занятий, устроенной... Великолепным» Джулиано Медичи, герц. Немурским (Ambros. Codice Atlantico. Fol. 182v). Однако пребывание в Риме разочаровывало Л. да В.: папа

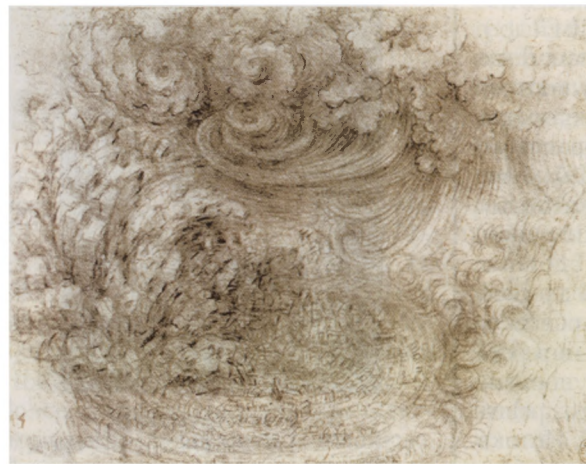
Лев Х (Джованни Медичи) не оказывал ему должных почестей и не питал к нему доверия, анатомические занятия Л. да В. стали предметом осуждения и поводом для доносов. После отъезда из Рима и смерти Джулиано Медичи в марте 1516 г. 63-летний Л. да В. остался без покровителя. Вскоре он принял приглашение франц. кор. Франциска I переехать во Францию. В 1516 г. Л. да В. поселился в небольшом замке Клу недалеко от Амбуаза. По свидетельству Антонио де Беатиса, секретаря кардинала Арагонского, Л. да В. привез с собой во Францию ряд картин: «Мона Лиза», «Св. Иоанн Креститель», «Мадонна с младенцем и св. Анной» (*Beltrami. 1919. P. 149*), над которыми продолжал работу, несмотря на ухудшающееся здоровье. Л. да В. пользовался неизменным расположением короля, к-рый восторгался им не только как художником, но и как мудрецом, покровительствовал изданию анатомического атласа на основе его рисунков. Последние годы жизни Л. да В. продолжал работать над своими записями; как придворный мастер он занимался устройством театрализованных празднеств, а также создал для короля проект большого дворцового комплекса Роморантен (*Ambros. Codice Atlantico. Fol. 76; Lond. Brit. Lib. Arundel. 263. Fol. 270r*), включавшего сложную систему каналов между Луарой и Соной (не осуществлен). Рисунки Л. да В. оказали нек-рое влияние на архитектуру ренессансных франц. замков. С именем Л. да В. связывали также начало строительства замка Шамбор.

Атрибуция нек-рых живописных работ Л. да В. периодически оспаривается: их сохранилось не более десятка и зачастую нельзя с уверенностью судить, были ли они завершены мастером собственноручно. Более того, с известными оригиналами Л. да В. идентифицируются далеко не все картины, упомянутые как его произведения в ранних источниках, напр., у Вазари и Ломатцо. Часть его замыслов реконструируется по живописи леонардовских, к-рые, по-видимому, имели доступ к рисункам мастера. Напротив, графический корпус Л. да В. — один из самых обширных среди художников эпохи Возрождения; он демонстрирует виртуозное владение широким спектром различных графических техник. С юности Л. да В. много и уверенно рисо-

Голова св. Анны.
Эскиз. Ок. 1501–1510 (?) гг.
(Королевская б-ка
Виндзорского замка, Англия)

вал пером, в т. ч. в штриховой манере (ранее эта техника применялась в основном только для быстрых, суммарных контурных набросков). В дальнейшем он использовал ее в эскизах и для иллюстрации своих записей. Равное мастерство Л. да В. демонстрировал и в работе с др. материалами: металлическим штифтом, углем, сангиной; опыт его обращения к мягким рисовальным техникам

Ливень затопливает город.
Ок. 1508–1511 гг.
(Королевская б-ка
Виндзорского замка,
Англия)

оказался чрезвычайно плодотворным для развития итальянского рисунка в XVI в., а затем был унаследован французскими рисовальщиками. Графика Л. да В. отличается большим жанровым разнообразием. Помимо набросков, к-рые можно связать с определенными живописными и скульптурными работами, и разнообразных вариаций на тему Мадонны с Младенцем Л. да В. делал множество отдельных штудий драпировок, рук, голов, человеческих фигур в движении, а также животных и монстров, ботанические рисунки. К анатомическим рисункам примыкают листы, посвященные изучению и расче-

ту пропорций как человеческого тела, так и тел животных, в особенности лошадей (большая их часть также хранится в Виндзоре). Особую группу составляют острохарактерные, подчас гротескные, почти карикатурные изображения человеческих голов, выдающие увлечение Л. да В. физиогномикой («Юноша и старец», Кабинет рисунков и эстампов Галереи Уффици, Флоренция; «Старик в лавровом венке», Королевская б-ка, Турин; «Пять гротескных голов», Королевская б-ка, Виндзор; «Гротескная голова», Кунстхалле, Гамбург). Единственный автопортрет Л. да В., исполненный уже в старости (ок. 1515, Королевская б-ка, Турин), служит далеким отголоском описания внешности молодого мастера, оставленного анонимным автором: «...он был прекрасен собою, пропорционально сложен, изящен, с привлекательным лицом; <...> до середины груди ниспадала прекрасная борода, вьющаяся и хорошо расчесанная» (*Beltrami. 1919. P. 163*). Среди рисунков Л. да В. совсем немного примеров обращения к античным прототипам или образам, напр. Дюмеда (Королевская б-ка, Виндзор) или Геркулеса (Королевская б-ка, Турин). Маленькие аллегорические композиции

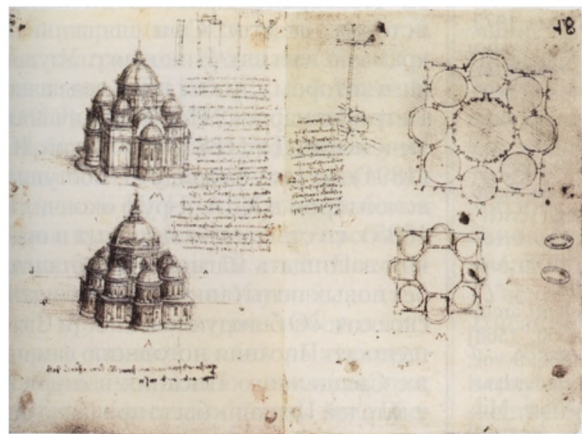
(«Аристотель и Филлида», ок. 1480, Кунстхалле, Гамбург; «Аллегория государственности», «Слава изгоняет Зависть», ок. 1483–1485, Крайст-Черч-колледж, Оксфорд и др.) отличаются не только стремительной легкостью воплощения, но и большой ироничностью в трактовке сюжета. Особое место в графике Л. да В. занимают пейзажные рисунки. Разрабатываемый в них мотив — долина реки с крутыми скалистыми берегами, возвышающимися горами — тот же, что занимает дальний план многих его картин (Королевская б-ка, Виндзор). В период пребывания в Риме тема трансформируется в мотив природной катастрофы: Л. да В. делает множество рисунков с изображением потопа и апокалиптических

пейзажей, захлестнутых водным вихрем (Королевская б-ка, Виндзор).

Рукописное наследие Л. да В. составляет 19 записных книжек и более 300 отдельных листов, которые дают представление не только о его изысканиях в различных областях знания, от анатомии до оптики, механики и гидравлики, о его техниче-

ских изобретениях, но и о его воззрениях — эстетических, философских, натурфилософских. Самое раннее собрание его заметок осталось в Милане и принадлежало Дж. Тривульцио, благодаря чему получило название «Кодекс Тривульцио» (Codice Trivulziano; хранится в Кастелло-Сфорцеско, Милан). Др. рукописи, согласно завещанию Л. да В., перешли к его ученику Мельци; именно ему принадлежит заслуга составления «Трактата о живописи», основанного на записях Л. да В. 1490–1512 гг. (впервые опублик. в 1651 Рафаэлем Трише дю Фресне во Франции, Trattato della pittura. P., 1651). После смерти Мельци (ок. 1570) собрание было продано скульптору Помпео Леони, к-рый увез его в Испанию, а после смерти Леони (1609) коллекция рукописей была рассеяна. Два тома с заметками и трактатами по фортификации, механике и геометрии остались в Испании (хранятся в Национальной б-ке г. Мадрида; Codex Madrid I. 8937, Codex Madrid II. 8936). Еще один до 1630 г. был приобретен Т. Говардом, графом Арунделом (Lond. Brit. Lib. Arundel. 263.). Несколько рукописей Л. да В. в 1637 г. были подарены кн. Галеаццо Арконати Амброзианской б-ке. В 1796 г. 13 хранившихся в Милане записных книжек Л. да В. 80–90-х гг. XV в., нач. XVI в. и 10-х гг. XVI в., включая «Трактат о свете и тени» (1490), были вывезены имп. Наполеоном в Париж и хранятся в б-ке

Ин-та Франции (обозначены литерами от А до К). Их тематика охватывает военное дело, оптику, геометрию, гидравлику. Из листов, вырванных из тома G лордом Б. Ашбернхемом, были составлены т. н. манускрипты А и В (хранились в Национальной б-ке в Париже под шифрами 2038 и 2037, в настоящее время возвраще-

ны в б-ку Ин-та Франции с обозначениями Ashb. I и Ashb. II). Большая часть манускрипта А посвяще-

Здание
центрической планировки.

Эскиз.

Ок. 1487–1490 г.

(б-ка Института Франции,
Париж)

на живописи; частью манускрипта В, содержащего архитектурные рисунки, первоначально был

18-страничный трактат «О полете птиц» (Королевская б-ка, Турин). Из записных книжек в Амброзианскую б-ку вернулся (в 1815) только «Атлантический кодекс» (Ambros. Codice Atlantico), который охватывает весь творческий путь мастера и содержит письма, личные заметки, многочисленные рисунки и суждения о живописи, а также лит. отрывки, басни, предсказания. Три рукописи, включая трактат по стереометрии, принадлежавшие Дж. Форстеру, хранятся в Национальной б-ке по искусству (Музей Виктории и Альберта) в Лондоне. Анатомические штудии Л. да В. разных лет — 2 рукописи (А и В) и 6 подборок рисунков (quaderni d'anatomia I–VI) — в Королевской б-ке Виндзора. Исследования Л. да В. «о движении и измерении вод» составляют «Кодекс Лестер» (в XVI в. принадлежал скульптору Гульельмо делла Порте (ум. 1577), в 1717 был продан худож. Дж. Гецци Томасу Коуку, буд. графу Лестеру; в 1980–1994 именовался «Кодекс Хаммер» по фамилии нового владельца).

Образ Л. да В. — ученого, предвосхитившего научные открытия и технические изобретения последующих веков, начал формироваться в кон. XIX в.; благодаря исследованиям И. Ф. Blumenбаха и Дж. Б. Вентури утвердилось романтическое представление о нем как об универсальном гении, которое нашло наиболее полное отражение в «Этюдах о Ле-

онардо да Винчи» П. Дюэма (1906–1909). Л. да В. был знаком со мн. классическими и средневеков. текстами научного характера, а также с учеными трактатами своих современников, на что указывают цитаты в его записях, но при этом сознательно противопоставлял себя совр. флорентийским гуманистам, полагая, что с т. зр. филологов он выглядел необразованным (omo senza lettere). Хотя суждения Л. да В. о естествознании не являются научными в строгом смысле слова, в них очевидны отголоски нек-рых устойчивых средневеков. концепций и воззрений, они отрывочны по своей структуре и не оперируют устойчивой терминологией (Зубов. 1962. С. 56–115), свидетельствуют о невероятной широте его интересов, наблюдательности и пытливости ума. Такие же отрывочность и пестрота присущи эстетическим фрагментам Л. да В., из к-рых составлен «Трактат о живописи», чей лучший рукописный вариант, происходящий из Урбино (Vat. Urb. lat. 1270), насчитывает 935 глав. Трактат дает представление об общих взглядах Л. да В. на искусство, о его научном подходе к живописи, технических приемах, которыми он пользовался и к-рые озвучил в форме советов молодому живописцу, а также о его личных пристрастиях. К. Кларк замечал, что интересовавшие Л. да В. сюжеты: великие битвы, бури, природные стихии, ночные пейзажи с искусственным освещением — были бесконечно далеки от репертуара и выразительных возможностей искусства Кватроченто (Кларк. 2009. С. 97–113). Л. да В. осуждал отношение к живописи как к одному из механических искусств, т. е. как к обыкновенному ремеслу, настаивая на ее научной сущности как «законной дочери природы, ибо порождена природой» (Cod. Ashb. I (манускрипт В). Fol. 20), и на представлении о роли художника как самостоятельного мыслителя и творца. Более того, с его т. зр., живопись возглавляет иерархию искусств и является в отличие от скульптуры занятием изысканным. Л. да В. настаивает на необходимости для художника знать геометрию, анатомию и изучать любые др. дисциплины, к-рые могут понадобиться ему для точной, естественной, детальной и выразительной трактовки сюжета. Он подчеркивает важность правильного освещения в процессе работы,

понимания целого при изображении фигуры, а не мастерства в передаче отдельных ее частей и предостерегает художников от ошибок: повторения одних и тех же фигур, в особенности — своей собственной и автопортрета, несоответствия их поз сюжету композиции и др.

Творчество Л. да В., равно как и масштаб его личности и дарования, его независимый образ жизни, свое нравное поведение с заказчиками, представление о себе и своем искусстве радикально отличались от того образа художника, к-рый был характерен для Раннего Возрождения, невзирая на то, что по возрасту он принадлежал эпохе Кватроченто. Мысль о Л. да В. как об одном из основателей Высокого Возрождения утвердилась благодаря Вазари, поместившему его в начало 3-й части (*terza eta*) «Жизнеописаний наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих». Хотя сведения об искусстве Л. да В. и его критическая оценка долгое время, особенно в XVII—XVIII вв., основывались преимущественно на знании живописи его последователей, он всегда пользовался признанием, а его работы служили школой для мн. художников. Наиболее влиятельными произведениями Л. да В. стали флорентийское «Поклонение волхвов», давшее мастерам Высокого Возрождения блестящий пример организации сложной многофигурной группы, миланская «Тайная вечеря» и картон к «Битве при Ангиари» (наиболее известная копия — работа П. П. Рубенса). Новшества Л. да В. в области графики оказались востребованы уже его младшими современниками, Микеланджело и Рафаэлем, а затем были развиты итал. и франц. рисовальщиками. Следы влияния живописной техники Л. да В. с мягкими светотеневыми переходами, которая стала ключевым шагом на пути к использованию тонального колорита, прослеживаются у мн. мастеров XVI — нач. XVII в., в т. ч. у Корреджо и Караваджо.

Избр. изд. рукописей: Il codice di Leonardo da Vinci della Biblioteca del Principe Trivulzio in Milano / A cura di L. Beltrami. Mil., 1891; I manoscritti di Leonardo da Vinci: Codice sul volo degli uccelli e varie altre materie / A cura di T. Sabachnikoff, G. Piumati, C. Ravaisson-Mollien. P., 1893; Il Codice Atlantico di Leonardo da Vinci nella Biblioteca Ambrosiana di Milano / A cura di G. Piumati. Mil., 1894–1904. 35 fasc.; I manoscritti di Leonardo da Vinci della Biblioteca Reale di Windsor / A cura di T. Sabachnikoff, G. Piumati. P., 1898; Il codice di Leonardo da Vinci della Biblioteca di Lord

Leicester in Holkham Hall / A cura di G. Calvi. Mil., 1909; Quaderni d'anatomia: In 6 vol. / Ed. A. Fonahn, H. Hopstock. Christiania, 1911–1916. 6 vol.; Il Codice Arundel 263 / Reale Commissione Vinciana. Roma, 1923–1930. 4 vol.; Il Codice Forster I / Reale Commissione Vinciana. R., 1930–1936. 5 vol.; II Codice A / Reale Commissione Vinciana. R., 1938; The Notebooks of Leonardo da Vinci / Ed. E. MacCurdy. N. Y., 1938. 2 vol.; Il Codice B / Reale Commissione Vinciana. R., 1941; The Manuscripts in the Bibliothèque de l'Institut de France, Paris / Sous la dir. de A. Courbeau, N. De Toni. Firenze, 1972; The Madrid Codices. N. Y., 1974. 5 vol.; Il Codice Hammer di Leonardo da Vinci: Le acque, la terra, l'universo / A cura di J. Roberts. Firenze, 1982; Codice sul volo degli uccelli e Codice Trivulziano / A cura di F. M. Caleca. R., 1989. Соч.: The Literary Works / Ed. J. P. Richter. L., 1883. 2 vol.; Книга о живописи. М., 1934; Избр. произведения: В 2 т. Л., 1935; Tutti gli scritti / A cura di A. Marinoni. Mil., 1952; Избр. естественнонаучные произведения. М., 1955; Анатомия: Замыслы и рисунки. М., 1965. Ист.: Vasari G. Le Vite de più eccellenti architetti, pittori e scrittori italiani [1550; 1568] / Ed. G. Milanese. Firenze, 1878–1885. 9 vol.; Beltrami L. Documenti e memorie riguardanti la vita e le opere di Leonardo da Vinci. Mil., 1919; Lomazzo G. P. Scritti sulle arti / A cura di R. P. Ciardi. Firenze, 1973–1974. 2 vol. Лит.: Solmi E. Scritti Vinciani. Firenze, 1924; Calvi G. I manoscritti di Leonardo da Vinci dal punto di vista cronologico, storico e biografico. Bologna, 1925; Clark K. A Catalogue of the Drawings of Leonardo da Vinci in the Collection of His Majesty the King. Camb., 1935; idem. Leonardo da Vinci: An Account of His Development as an Artist. Camb., 1939 (рус. пер.: Кларк К. Леонардо да Винчи: творческая биография. СПб., 2009); Heydenreich L. H. Leonardo da Vinci. Basel, 1954. 2 Bde; idem. Leonardo: The Last Supper. L., 1974; Pedretti C. Studi Vinciani. Gen., 1957; idem. Note sulla cronologia del «Trattato della pittura» di Leonardo. Mil., 1960; idem. Leonardo da Vinci inedito: 3 saggi. Firenze, 1968; idem. Leonardo da Vinci: A Study in Chronology and Style. L., 1973; idem. Leonardo architetto. Mil., 1978; Зубов В. П. Леонардо да Винчи: 1452–1519. Л.; М., 1962; Gould C. H. M. Leonardo: The Artist and Non-artist. L., 1975; Leonardo da Vinci: Anatomical drawings from the Royal collection, Windsor Castle: Exhibition cat. / Introd. by C. Pedretti. L., 1977; Angiolillo M. Leonardo: Feste e teatri. Napoli, 1979; Kemp M. Leonardo da Vinci: The Marvelous Works of Nature and Man. L., 1981; idem. Leonardo. Oxf., 2004; idem. Leonardo da Vinci: Experience, Experiment and Design. L., 2006; Ettinger L. D., Ottino della Chiesa A., ed. The Complete Paintings of Leonardo da Vinci. Harmondsworth; N. Y., 1985; Rossi M., Rovetta A. Il Cenacolo di Leonardo: Cultura domenicana, iconografia eucaristica e tradizione lombarda. Mil., 1988; I leonardeschi: L'eredità di Leonardo in Lombardia. Mil., 1998; Marani P. C. Leonardo: Una carriera di pittore. Mil., 1999; idem. Leonardo da Vinci. N. Y., 2003; Sassoon D. Becoming Mona Lisa: The Making of a Global Icon. N. Y., 2001; Il Genio e le Passioni — Leonardo e il Cenacolo: Precedenti, innovazioni, riflessi di un capolavoro: Cat. / A cura di P. C. Marani. Mil., 2001; Rossi M. Disegno storico dell'arte Lombarda. Mil., 2005; Zöllner F. Leonardo da Vinci, 1452–1519: The Complete Paintings and Drawings. Köln, 2007, 2011; idem. Leonardo da Vinci and France: Cat. Poggio a Caiano, 2009; Leonardo da Vinci: L'uomo uni-

versale: Cat. della mostra / A cura di A. Perrisa Torriani. Mil., 2013; Leonardo da Vinci: Il disegno del mondo: Cat. della mostra / A cura di P. C. Marani, M. T. Fiorio. Mil., 2015.

М. А. Лопухова

ЛЕОНАРДОВ Дмитрий Сергеевич (21.10.1871, с. Узунво Венёвского у. Тульской губ.— 29.12.1915, Н. Новгород), правосл. библист, историк, педагог. Сын священника храма во имя свт. Николая с. Узунво, в котором служил и его дед свящ. Петр Леонардов. После окончания Венёвского ДУ (1885) и Тульской ДС (1891) по 1-му разряду Л. поступил волонтером в КДА, к-рую окончил в 1895 г. со степенью кандидата и правом защищать магист. диссертацию без новых испытаний. Его кандидатское соч. «О богодухновенности Священного Писания по учению самого же Священного Писания и отцов и учителей Церкви» было признано одним из лучших. Рецензенты — ординарный проф. С. М. Сольский и доц. Ф. С. Орнатский — одобрили смелость молодого богослова, решившегося взять для исследования «такой трудный и требующий большой осторожности предмет», и отмечали, что «понятие о богодухновенности Свящ. Писания, установленное автором во введении» последовательно проведено «им чрез все сочинение» (Извлечение из Протоколов. С. 237). Однако в вину автору был поставлен традиционный недостаток выпускных работ студентов Духовных Академий: язык «изобилует иностранными словами, совсем неуместными в серьезных богословских трудах» (Там же. С. 237, 238).

По окончании академии, 14 февр. 1896 г., Л. был определен учителем рус. и церковнослав. языков в Полоцкое ДУ, с сент. 1896 по 1900 г. одновременно преподавал словесность, дидактику и русскую гражданскую историю в Полоцком Спасо-Евфросиниевском епархиальном жен. училище, с 25 сент. 1907 г. еще рус. язык и лит-ру в Полоцком реальном училище, с 15 сент. 1909 г. историю в Полоцкой женской гимназии. Занимался изучением истории Полоцка, его древностей и святынь, был одним из активнейших членов Витебского епархиального Свято-Владимирского братства, входил в Историко-статистический комитет для составления описания церквей и приходов Полоцкой епархии. С открытием 21 нояб. 1910 г. Витебского учи-

тельского ин-та Л. перешел туда на должность преподавателя. Одновременно работал в частной гимназии А. А. Варвариной. В 1913 г. был назначен инспектором народных уч-щ 2-го участка Витебского у. Был действительным членом Витебской ученой архивной комиссии, входил в ее совет, участвовал в издании ж. «Полоцко-Витебская старина».

За усердную и полезную службу Л. был награжден орденами Св. Станислава 3-й (1905) и 2-й степени (1909). 26 окт. 1915 г. Л. назначили директором Нижегородского учительского ин-та, но по прибытии 19 дек. в Н. Новгород он заболел брюшным тифом и умер, пробыв в должности всего 10 дней. Похоронен на родине, в с. Узунове.

Л. принадлежит ряд работ по истории, главной из которых является фундаментальное исследование, посвященное полоцкому кн. Все-славу Брячиславичу — единственному представителю полоцкой родовой ветви Рюриковичей на великокняжеском киевском престоле (1068–1069), деду прп. Евфросинии Полоцкой.

Основным научным вкладом Л. в богословие является его канд. диссертация, переработанная и опубликованная в ж. «Вера и разум» в 1897–1912 гг. Текст печатался по мере обработки, а не в хронологической последовательности содержания; в совокупности он представлял собой полную историю учения о богодухновенности Свящ. Писания от мужей апостольских до кон. XIX в. Еще в отзывах на канд. диссертацию Л. рецензенты, профессора КДА, отметили 3 главных достоинства представленного исследования. Во-первых, раскрытие понятия о богодухновенности Свящ. Писания «чуждо всякого рационализма»; во-вторых, автор основывается не только на глубоком изучении Свящ. Писания и святоотеческих трудов, но и на широком знании зап. историографии, с которой он смело полемизирует; в-третьих, Л. не пытается умалить всех «касающихся этого учения недоумений, возражений и неправых толкований» (Там же. С. 237, 238).

Труд Л. построен по историческому принципу. Автор разделяет историю учения о богодухновенности Свящ. Писания на 3 периода: формирование учения св. отцами и учителями Церкви, средневековье (IX–XVI вв.) и появление новых теорий

о «вдохновении» Писания от эпохи Реформации до кон. XIX в.

В 1-м периоде Л. уделяет внимание идеям о богодухновенности мужей апостольских, апологетов II в., представителей Александрийской школы — Оригена и Климента Александрийского, а также свт. Иоанна Златоуста, принадлежавшего к Антиохийской школе. Л. обращает внимание на то, что мужи апостольские не касаются специально вопроса о богодухновенности, хотя их писания предполагают этот догмат: они смотрят на библейские книги, прежде всего на ВЗ, не как на письменный памятник, а как на часть Свящ. Писания, которое обладает «высшим сверхчеловеческим авторитетом» (Учение о богодухновенности Свящ. Писания мужей апостольских. 1898. С. 289). Л. выделяет характерную черту: мужи апостольские учат о Божественном влиянии, сверхъестественном воздействии на авторов священных книг (Там же. С. 302). Но и личностный аспект, с т. зр. Л., является очень важным: богодухновенность — особый дар священных авторов; Божественного Откровения могут быть удостоены только праведники (Там же. С. 298).

Эта традиция, считает Л., была продолжена апологетами II в.: они тоже пишут о том, что пророки знали и возвещали людям истину «под непрерывным действием Святого Духа», подобно «арфе, лире или цитре в руках музыканта»; это определяет единство и внутреннее согласие Писания (Учение... апологетов II в. 1901. № 9. С. 564; № 13. С. 53). Однако Л. обращает внимание на то, что богодухновенность библейских писателей, по учению апологетов, должна отличаться от «механической страдательности духа», при этом индивидуальные свойства священных писателей сохранялись в целостности (Там же. № 13. С. 53–54). Тесную органическую связь смысла Божественного Откровения и его выражения в слове священных писателей-апологетов Л. объясняет необходимостью отстаивать божественное происхождение священных текстов в борьбе против язычников и гностиков (Там же. № 9. С. 563).

У представителей Александрийской школы Л. видит новый этап развития учения о богодухновенности, характеризуемый научным устремлением (Теория богодухновенности в Александрийской шко-

ле. 1906. № 1. С. 17). Л. прослеживает продолжение и развитие александрийскими учителями основных идей их предшественников: божественное происхождение Свящ. Писания определяет его высшие свойства; слово Божие — это достоверный критерий истины, «свидетельство Самого Бога, цель к-рого — пригласить людей к спасению и сообщить им его необходимое разумение» (Там же. № 4. С. 401–402; 1907. № 18. С. 735). С этим Л. связывает и экзегезу александрийцев, причем теория богодухновенности предполагает неразрывную связь с аллегорическим истолкованием Библии у Оригена (Там же. 1907. № 18. С. 736).

Наиболее взвешенные и удачные формулировки, связанные с пониманием богодухновенности, Л. находит у свт. Иоанна Златоуста. Для Иоанна Златоуста Библия — это источник, изливаемый Духом Святым, непогрешимый кладезь истины, божественных мыслей и слов, передаваемых людям через священных писателей, которые есть «живые одушевленные орудия Божии», их изречения — «произведения не человеческого ума, а божественной благодати». С др. стороны, Свящ. Писание создано для людей, приспособлено к человеческой немощи, человеческим возможностям понять Откровение в конкретных исторических условиях (Учение свт. Иоанна Златоуста. 1912. № 3. С. 354; № 12. С. 752–754). Однако это не исключает «неудобовразумительность» некоторых мест Писания, которую святитель Иоанн объясняет разрывом между просвещенным благодатью умом священного писателя, усвоившим возвышенные истины, и общественной невысокой культурой, грубостью и неопытностью слушателей (Там же. № 4. С. 436). Еще одним важным моментом в учении свт. Иоанна Л. считает объяснение таинственного воздействия Духа Божия на священных писателей: как и его предшественники, он обращает внимание на высокую нравственность и святость пророков ВЗ и св. апостолов; богодухновенность не подавляла в них индивидуальные особенности и личную душевную жизнь.

Обращаясь к средневековью, Л. показал, что в целом взгляд на богодухновенность Свящ. Писания оставался неизменным и соответствовал положениям святоотеческого периода. Л. отмечает, что в зап. традиции IX–XVI вв. учение о богодухновенности

часто излагалось в богословских трудах и проповедях и крайне редко в догматических церковных определениях. Но все же Л. схематично выделил характерные черты таких определений: неподвижность, бездеятельность религ. мысли простых мирян в постижении Богооткровенного учения, к-рые были далеки от непосредственного чтения Писания (Догматические определения. 1900. № 8. С. 439–440). Более подробно Л. останавливается на имеющих отношение к богодухновенности декретах Тридентского Собора, ставшего завершением «здания средневекового католицизма». Формулу Собора: «Scripturas esse a Spiritu Sancto dictatas» (Писания были продиктованы Духом Святым) — Л. признает близкой к крайнему учению о вербальном вдохновении священных книг и далекой от сути Божественного вдохновения (Там же. С. 448, 451, 457). По поводу признания Собором текста Вульгаты и деления священных книг на протоканонические и девтероканонические Л. высказывается не вполне определенно, основываясь на том, что и среди католич. богословов не было единства в понимании богодухновенности Свящ. Писания, хотя он и не признаёт эти определения справедливыми (Там же. № 9. С. 521–535).

С появлением новых теорий о богодухновенности Писания в протестант. богословии Л. выделяет следующие основные моменты: учения ранних протестантов XVI в., протестант. «вербалистов» XVII в., теории о вдохновении и происхождении Библии среди протестант. богословов XVIII–XIX вв. Л. отметил многообразие в понимании богодухновенности Писания представителями позднего протестантизма (XVIII–XIX вв.) и их полное несоответствие во взглядах с учеными периода Реформации. Он сравнивал точки зрения отцов Реформации и их ближайших последователей (М. Лютера, М. Хемница, И. Герхарда, И. А. Квенштедта, А. Калова и др.) и сторонников рационалистических теорий (Г. Г. А. Эвальда, З. Я. Баумгартена, Ф. Шлейермахера, Д. Ф. Штрауса, Р. Роте, А. Толука, А. Гарнака, Д. Шенкеля и др.) (Теория вдохновения. 1904. № 24. С. 673–680). Если ранние протестанты считали автором Свящ. Писания Единого Бога или Св. Духа, «простыми служителями» Которого были священные писатели, то рационали-

сты, напротив, отстаивали человеческую составляющую, хотя и в разной степени. Л. сделал вывод, что важнейшие представители протестантизма «отвергли древне-церковное учение о вдохновении и признали возможность ошибок в Библии», к-рую сочли «только хорошей человеческой книгой» (Там же. С. 674). Арх.: *Леонардов Д.* О богодухновенности Свящ. Писания по учению самого же Свящ. Писания и отцов и учителей Церкви. 1895 г. // ИР НБУВ. Ф. 304. Дис. 1392; Леонардов Д. С., учитель Полоцкого ДУ (послужной список 1909 г.) // РГИА. Ф. 796. Оп. 437. Д. 2353; О службе кандидата Киевской академии 1895 г. Д. Леонардова // Там же. Ф. 802. Оп. 10. 1911 г. Д. 961.

Соч.: Учение о боговдохновенности Свящ. Писания в средние века // ВиР. 1897. № 19. С. 387–401; № 20. С. 461–487; № 23. С. 623–635; № 24. 675–692; 1898. № 17. С. 254–272; № 18. С. 307–329; № 19. С. 374–389; 1899. № 5. С. 337–348; Учение о богодухновенности Свящ. Писания мужей апостольских // Там же. 1898. № 5. С. 286–302; Учение о богодухновенности Свящ. Писания со времени реформации (XVI в.) // Там же. 1899. № 16. С. 227–248; № 17. С. 329–350; Догматические определения о богодухновенности и употреблении Свящ. Писания в Римокатолич. Церкви (IX–XVI вв.) // Там же. 1900. № 8. С. 439–458; № 9. С. 521–535; Вербальные теории боговдохновенности Свящ. Писания среди зап. богословов в XVII в. // Там же. 1900. № 15. С. 135–157; № 16. С. 219–242; Полурационалистические учения среди протестантов о богодухновенности Свящ. Писания (XVI–XVII вв.) // Там же. 1900. № 19. С. 421–442; № 20. С. 501–528; Учение о боговдохновенности Свящ. Писания апологетов II в. // Там же. 1901. № 9. С. 559–580; № 11. 722–750; Ч. 2. № 13. С. 25–54; Теории вдохновения и происхождения Свящ. Писания на Западе в XVIII и XIX вв. // Там же. 1903. № 3. С. 173–194; № 5. 301–323; № 7. С. 451–466; № 8. С. 508–540; № 12. С. 799–822; № 14. С. 108–118; № 16. С. 190–206; № 17. С. 248–267; № 18. С. 328–368; № 22. С. 615–650; № 23. С. 689–712; Теория вдохновения и происхождения Свящ. Писания на Западе в прошлом [XIX] столетии: (Ист.-крит. очерк) // Там же. 1904. № 18. С. 285–308; № 20. С. 416–431; № 22. С. 529–570; № 23. С. 591–612; № 24. С. 651–680; Теория боговдохновенности в Александрийской школе: Теория Климента Александрийского // Там же. 1906. № 1. С. 17–30; № 2. С. 70–94; № 3/4. С. 132–150; № 8. С. 375–404; То же: Теория Оригена // Там же. 1907. № 4. С. 443–465; № 5. С. 583–600; № 6. С. 764–774; № 9. С. 330–348; № 11/12. С. 765–788; № 18. С. 711–736; Учение свт. Иоанна Златоуста о богодухновенности Библии // Там же. 1912. № 3. С. 344–376; № 4. С. 429–448; № 5. С. 606–627; № 7. С. 69–93; № 8. С. 185–205; № 9. С. 319–342; № 10. С. 464–480; № 11. С. 604–626; № 12. С. 737–758; Памяти настоятельницы Полоцкого Спасо-Евфросиниевского мон-ря игум. Евгении (Говорович). Витебск, 1900; Памяти действ. члена Витебской УАК И. И. Долгова // Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1911. Вып. 1. Ч. 2. С. 1–11 (отд. отт.: Витебск, 1911); Полоцкий князь Всецлав и его время // Там же. 1912. Вып. 2. С. 121–216; 1916. Вып. 3. С. 85–180.

Ист.: Извлечение из Протоколов Совета КДА за 1891/92 уч. г. К., 1893. С. 18–19, 28–33; То же за 1894/95 уч. г. К., 1895. С. 236–237, 237–238 [отзывы доцента Ф. С. Орнатского и ординарного проф. С. М. Сольского о канд. дис. Л.]; Памятная книжка Витебской губ. на 1898 г. Витебск, 1898. С. 118; То же на 1904 г. 1904. С. 22, 195; То же на 1910 г. 1910. С. 40, 345, 348, 351; То же на 1912 г. 1912. С. 18, 22, 41; То же на 1914 г. 1914. С. 36, 75. Лит.: Леонардов Д. С.: Некр. // Тульские ЕВ. 1916. № 9/10. С. 136–138; Белорусская ССР: Кр. энцикл.: В 5 т. Минск, 1981. Т. 5: Биограф. справ.; *Юревич Д., свящ.* Учение о богодухновенности Свящ. Писания и его актуальность в совр. библейских исслед. // ЕЖБК. 2005. Т. 1. С. 29–36.

Н. Ю. Сухова

ЛЕОНИД (1551 (?), Пошехонский у.— 17.07.1654, Усть-Недумская пуст. Устюжского у. (ныне дер. Озерская (Усть-Недума) Лузского р-на Кировской обл.), прп. (пам. 17 июля,

Прп. Леонид Устьнедумский.
Икона. 70-е гг. XX в.
Иконописец Н. Г. Емельянова

8 окт.— в Соборе Вятских святых; в 3-ю Неделю по Пятидесятнице — в Соборе Вологодских святых), основатель *Леонидовой Усть-Недумской в честь Введения во храм Пресв. Богородицы мужской пустыни*. Основным источником сведений о жизни Л. является «Сказание о явлении Пресвятыя преблагословенныя Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии старцу Леониду, и о пошествии его с образом ея в Устюжския пределы в Усольской уезд, и како прииде со образом на Лузу реку, на Турину гору, и о преславных ея чудесеяхъ списано вкратце». До недавнего времени оно было известно только в пересказе И. Верюжского по рукописи из усть-недумской церкви (*Верюжский*. Вологодские святые. С. 668–679). В наст. время выявлено 3 списка: РНБ. Q.I.

№ 836. Л. 1–34 об., 1699 г. (самый ранний, написан в Лальском погосте (ныне пос. Лальск Лузского р-на Кировской обл.)); БАН. Арх. ком. № 228. Л. 1–38, 1-я четв. XVIII в. (принадлежал лальским крестьянам); Великоустюжский фил. ГАВО. Науч. б-ка. Инв. № 3644. Л. 1–17, XVIII в. (опубл.: *Зенкова*. 2000. С. 206–228; *Власов*. 2011. С. 372–395). В 1798 г. по указу Вологодской духовной консистории канцеляристом Устюжского духовного правления А. Поповым была сделана копия с устюжской рукописи для еп. Вологодского и Белозерского Арсения (Тодорского), названная «летописец» (*Власов*. 2011. С. 758); местонахождение списка неизвестно. Время создания «Сказания...» относят к 50-м гг. XVII в., поскольку его основная часть завершается сообщением о кончине основателя пустыни 17 июля 1654 г. (*Власов*. 1995. С. 56; *Он же*. 2011. С. 368; *Буланин, Романова*. С. 528). Автором «Сказания...» был местный книжник, на что указывают сохранившиеся в тексте следы севернорус. говоров («цоканье» — «Порная речка») (*Буланин, Романова*. С. 528) и осведомленность в местных реалиях и преданиях.

Согласно «Сказанию...», Л. род. в крестьянской семье. В трудах дореволюционных историков названы имена родителей святого — Филипп и Екатерина, а также год рождения — 1551-й (*Верюжский*. Вологодские святые. С. 668), однако эти сведения не подтверждаются другими источниками. Духовный путь Л. был определен явлениями Пресв. Богородицы. Впервые Пречистая Дева явилась подвижнику в 1603 г. (в позднем списке — в 1592) в Благовещенском приходе Шекинской вол. Пошехонского у., повелев ему перенести икону Божией Матери «Одигитрия» из Моржегорской Николы Великорецкого пуст. Холмогорского у. на Туринскую гору в Устюжский у., там построить храм для иконы и жить при нем до самой кончины. Л. не сразу последовал Ее велению, посчитав откровение случайным сновидением («никому видение не поведает себе недостойна именована»), но прежде принял постриг в Кожеезерском монастыре на Лопском п-ове, где прожил год (в «Сказании...» нет упоминаний об основателе мон-ря прп. Серапионе Кожеезерском († 27 июня 1611) и о прп. Никодиме Кожеезерском,

Прп. Леонид Устьнедумский.
Икона. Кон. 80-х гг. XX в.
(Благовещенская ц.
в пос. Лальск Кировской обл.)

находившемся в обители в 1601/02 (БАН. Арханг. Д. 405. Л. 8, 20-е гг. XVIII в.; см.: *Полетаева*. 2011. С. 146), но сообщается о ц. в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина», к-рая была построена в 1608 (*Верюжский*. Вологодские святые. С. 669)). В недатированных статьях Вкладной книги Кожеезерского мон-ря вместе с игум. Авраамием (1607/08–1632/33) упоминается келарь Леонид, возможно Л. (Вкладная книга Кожеезерского мон-ря / Подгот.: А. С. Косцова. СПб., 2008. Кн. 1. С. 93, 126). В Кожеезерском

Прп. Леонид Устьнедумский.
Икона. 80-е гг. XX в.
(Введенская ц.
в дер. Озерской Кировской обл.)

мон-ре Пресв. Богородица вторично явилась Л., после чего он направился в Соловецкий мон-рь и прожил там 3 года, трудясь в пекарне. Здесь Божия Матерь явилась по-

движнику в 3-й раз, и он пошел в Моржегорскую пуст., где провел год. Явившись старцу, Пресв. Богородица вновь напомнила ему о Своем повелении. Тогда Л. поведал строителю и братии о видении и, наконец, получил от них икону.

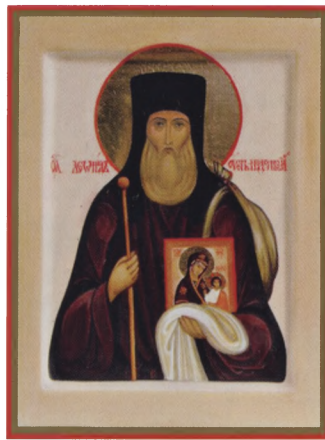
Отправившись с иконой в Устюжский у., Л. остановился близ устья р. Якушицы, в 80 верстах от Устюга, около Туринской горы (считается, что уже с XVI в. там находилась Воскресенская ц. (*Суворов*. 1916. С. 125–128)). Подвижник соорудил хижину из хвороста, однако крестьяне прогнали старца, и он прошел по р. Лузе еще 2 поприща. Согласно «Сказанию...», 8 сент. 1606 г. Л. встретил некоего Никиту Назарова, к-рый выделил старцу землю для строительства кельи и в посл. посылал ему пропитание (в тексте «Сказания...» много анахронизмов и неточностей, скорее всего святой обосновался на р. Лузе в 1607–1608). Позднее местные жители помогли Л. построить часовню. Решив воздвигнуть храм, Л. отправился в Ростов за антимином. Митр. Ростовский и Ярославский *Варлаам I* (*Рогов*; † 1603; вероятно, речь должна идти о митр. Ростовском Филарете (Романове)) рукоположил Л. во иерея и поставил настоятелем новой обители. Вернувшись на Лузу, подвижник построил ц. в честь Введения во храм Пресв. Богородицы, в который, согласно «Сказанию...», 17 февр. 1608 г. была перенесена икона Божией Матери «Одигитрия». В обители существовала традиция совершать в 9-ю пятницу по Пасхе службу чудотворному образу «Одигитрии» (Великоустюжский фил. ГАВО. Науч. б-ка. Инв. № 3644. Л. 29 об.—30). Чудеса от иконы, описанные в «Сказании...», датируются периодом с 11 июля 1609 по 17 сент. 1661, 1663 или 1669 г. (датировка чудес в разных списках разная).

Л. приложил много усилий к обустройству местности для обители. Сушая болота, он выкопал 3 канала («борозды») длиной ок. 2 км: от р. Лузы до оз. Чёрного (900 саж.), до оз. Святого (40 саж.) и далее — до Чёрной речки (800 саж.). На реке святой поставил мельницу, существовавшую мн. годы. С этими работами связано топонимическое предание, до сих пор бытующее на Лузе и зафиксированное «Сказанием...». Однажды во время работы Л. укусила в левую ногу змея. Он помолился и услышал чудесный глас: «Старче!

Не скорби и не думай на бегание от трудов и не помышляй ничтоже! Помогает тебе Пресвятая Богородица на дело сие, но паки возвращайся, уповай на милость Божию, а от змия тебе не будет повреждения!» (Великоустюжский фил. ГАВО. Науч. б-ка. Инв. № 3644. Л. 11). Подвижник решил больше не думать о происшествии и, не обращая внимания на рану, продолжил свой труд; выкопанный канал он назвал «Недума-река». С тех пор на этом месте никогда не видели змей. Настоящее название реки — Едомка упоминается в «Книге сбора церковной дани, десятины и пошлин с монастырей и церковей Устюга и Устюжского уезда» за 1625 г.: «На Лузе реке усть речки Едомки зачата пустыня ново, а в ней поставлен храм деревяной, теплый, во имя Пречистыя Богородицы Введения. А в пустыне черной поп Леванид, брати у него 3 чернца. И с того храму оброком за все пошлыны по 5 алтын на год; в 120 (1612) по митрополиче грамоте пожалованы...» (РИБ. Т. 14. Ч. 2. Стб. 902).

Поскольку место затоплялось, обитель впоследствии перенесли на мысу оз. Чёрного, ко кресту, куда Л. уходил для уединенной молитвы, здесь он истязал свою плоть укусами комаров (традиц. сюжетный мотив для подвижников — основателей мон-рей Русского Севера, см. Жития Александра Свирского, Александра Ошевенского, Антония Сийского и др.). 23 мая 1652 г. в обители была освящена новая теплая ц. Введения с приделом во имя Параскевы Пятницы. Антиминс для нового храма дал митр. Ростовский и Ярославский Иона (Сысоевич; хиротонисан 22 авг. 1652), на освящении присутствовал архим. устюжского Архангельского монастыря Арсений (1658–1681; см.: Строев. Списки иерархов. С. 740).

В церковной лит-ре сохранилось предание о том, что Л. прожил более 100 лет. Мощи святого были положены под спудом во Введенской ц., там же хранились его власяница и местный церковный летописец (Вертожский. 1880. С. 679). В 1678 г. настоятель пустыни Дионисий призвал окрестных жителей на строительство ц. в честь иконы «Одигитрия». В мон-ре собралось 96 чел., однако съестных припасов было недостаточно (всего 18 хлебов, как говорит «Сказание...»). Но все насытились, а 4 хлеба остались нетро-

Прп. Леонид Устьнедумский.
Икона. 2011 г.
Иконописец А. Г. Смирнова

нутыми. 31 мая 1678 г. новый храм освятили.

В 1763 г. вместо обветшавшей ц. Введения тщианием лальского купца К. Е. Захарова построили каменный одноэтажный теплый храм. Первоначально в нем было 2 престола. В 1833 г. по указанию Вологодской духовной консистории началось строительство каменного придела вместо древней ц. в честь иконы «Одигитрия», в к-рой после упразднения монастыря в 1764 г. служили только на престольный праздник. Новый престол освятили в 1835 г. Канонизация Л. подтверждена включением его имени в Собор Вологодских святых и в Собор Вятских святых, установленные в 1841 и 2007 гг.

В наст. время мощи святого почитают под спудом во Введенской ц. в дер. Озерской. На р. Лузе оборудована «купальня», где совершаются водосвятные молебны. Л. почитается как защитник от змеиных укусов. В Лузском р-не Кировской обл. сохранилась традиция переписывать в «тетрадочках» Житие Леонида Устьнедумского. В устных преданиях свидетельством святости подвижника являются не застывающая в самые сильные морозы р. Недума (местные жители называют ее Дума, Копань, Канава), вечнозеленая береза, стоящая на горячем ключе, камень, заложенный Л. в основание храма, к-рый при советской власти не смогли выкорчевать неск. бульдозеров (Шевченко. 1996). В совр. акафисте святому прославляются его подвижничество и миссионерская деятельность по просвещению «диких пермцев».

Ист.: Акты Холмогорской и Устюжской епархий // РИБ. Т. 14. 1894. Ч. 2. С. 902 («Книга

сбора церковной дани, десятины и пошлин с монастырей и церковей Устюга и Устюжского уезда» за 1625); *Зенкова О. Б.* Устьнедумская Богородичная пуст. // Макарьевские чт. Можайск, 2000. Вып. 7: Мон-ри России. С. 206–228; *Власов А. Н.* Сказания и повести о местночтимых и чудотв. иконах Вычегодско-Северодвинского края XVI–XVIII вв.: Тексты и исслед. СПб., 2011. С. 372–395. Лит.: ИРИ. Ч. 6. С. 580–584; *Вертожский.* Вологодские святые. 1880. С. 668–679; *он же.* Прп. Леонид Устьнедумский, Вологодский чудотворец. СПб., 1898²; *Филарет (Гумилевский).* РСв. 1882³. Кн. 2. С. 397–398; *Зверинский.* 1892. Т. 2. С. 393–394; *Снегирева.* Земная жизнь Пресв. Богородицы. 1892². С. 371; *Голубинский.* Канонизация святых. 1903⁴. С. 333; *Поселянин Е.* Богоматерь. 1909. С. 488–489; *Суворов* И. К истории церковей Вологодской епархии: Воскресенская Туринская (или на Турине горе) церковь Устюжского у. // Вологодские Ев. 1916. № 5. С. 125–128; *Власов А. Н.* Устюжская лит-ра XVI–XVII вв.: Ист.-лит. аспект. Сыктывкар, 1995. С. 52–64; *он же.* Сказания и повести о местночтимых и чудотв. иконах Вычегодско-Северодвинского края XVI–XVIII вв.: Тексты и исслед. СПб., 2011. С. 363–371, 372–395, 758; *Шевченко Е. А.* Устные предания о святом в Лузской фольклорной традиции // Христианизация Коми Края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. С. 321–326; Русские святые: 1000 лет рус. святости / Сост.: мон. Таисия (Карцева). СПб., 2000⁵. С. 457–458; *Гунн Г. П.* Житие вологодского св. Леонида Устьнедумского: К вопросу о фактографии древнерус. житий // Ферапонтовский сб. М., 2002. Вып. 6. С. 100–112; *Буланин Д. М., Романова А. А.* Повесть о основании Устьнедумской пустыни и чудесах о иконе Богоматери Одигитрии Устьнедумской // СККДР. Вып. 3. Ч. 4. С. 528–530; *Рыжова Е. А.* Сюжетный мотив «поставление креста на месте основания монастыря» в агиогр. традиции Рус. Севера // От Средневековья к Новому времени: Сб. ст. в честь О. А. Белобровой. М., 2006. С. 37–58; *Полетаева Е. А.* Житие Никодима Кожеозерского (или отеч. опыт составления отшельнического жития) // Русская агиография: Исслед., мат-лы, публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 40–160.

Е. А. Рыжова

Иконография. Есть вероятность существования икон Л., созданных, как минимум, в связи с включением его в Собор Вологодских святых в 1841 г. В 70-х гг. XX в. клирик Благовещенской ц. в пос. Лальск Лузского р-на Кировской обл. игум. Трифон (Парамонов; вполн. архимандрит) предоставил материалы к всеобщему прославлению святого, среди к-рых была фотография иконы Л. из этого храма, во многом послужившая образцом для последующих изображений святого. Тогда же по этой фотографии ученица мон. Иулиании (Соколовой) Н. Г. Емельянова (ныне монахиня Пхотичского мон-ря Митрофания) написала икону в традиции древнерус. живописи (опубл.: ЖМП. 1981. № 7. Вклейка). В основе иконографии — Житие святого Л. представлен на пути «на Лузу реку, на Турину гору». Он изображен в $\frac{3}{4}$ -ном повороте влево, опирающимся на высокий посох в правой руке, в левой — держит на белом платке изнесенный им из

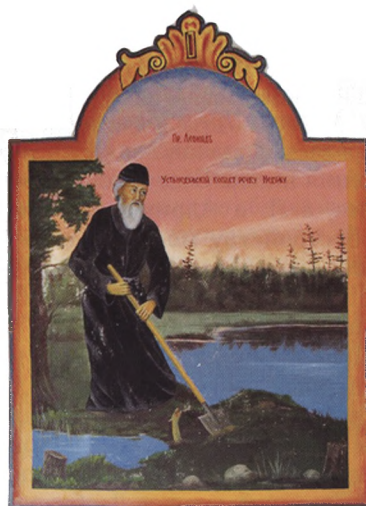
Моржегорской пуст. образ Божией Матери «Одигитрия» (по типу напоминает Казанскую икону Божией Матери), за плечами котомка. Л. представлен старцем крепкого телосложения, с короткой окладистой седой бородой, облачен в коричнево-красную рясу, на голове черный клобук. На условном пейзажном фоне иконы показаны деревья и образующий 2 берега водоем — собственноручно вырытый Л. канал «Недума-река». В первоначальной иконографии отсутствовало изображение Введенского храма пустыни. Мон. Митрофания, руководствуясь известной со 2-й пол. XVI в. традицией помещать на иконах основателей мон-рей изображения сотворенных ими обителей, представила слева от Л. возведенную им ц. в честь Введения во храм Пресв. Богородицы (архитектура воспроизведена по фотографии полуразрушенного храма из материалов архим. Трифона; в нише на юж. фасаде прорисовано изображение престольного праздника). Вверху в центре был написан образ Христа Вседержителя в облачном сегменте. По сведениям вятского искусствоведа О. В. Крупиной, в 1984 г. в Благовещенском храме пос. Лальск находились 2 иконы с образом Л. Изображение на одной из них было выполнено до 70-х гг. XX в. маслом на холсте, наклеенном на старую иконную доску (60×46,5 см), на к-рой отмечены остатки темперной живописи. Это единоличный образ святого, в рост (в легком развороте вправо), фигура представлена на пейзажном фоне с голубым небом,

Прп. Леонид Устьнедумский.
Икона. 70-е гг. XX в.
(Введенская ц.
в дер. Озерской Кировской обл.)

выдвинута близко на 1-й план, благодаря чему кажется крупной. У Л. седая округлая борода, за плечами котомка, в левой руке держит на плече икону, в правой — посох; на полях — растительный орнамент (можно предположить, что фотография именно этой иконы послужила образцом для мон. Митрофании; фотографию см.: Трифон [Парамонов]. 1981. С. 23). Вторая икона (70×50 см), очевид-

но, является списком с 1-й иконы, она сходна с ней по стилистике и основным чертами иконографии, но здесь извод дополнен изображением слева Введенской ц. (вид на строение с зап. стороны)

Прп. Леонид Устьнедумский.
Роспись притвора Введенской ц.
в дер. Озерской Кировской обл.
Между 1989 и 1997 гг.

и реки; на поле иконы красками выполнена имитация киота с растительным орнаментом. Икона является даром архим. Трифона (Парамонова) Благовещенской ц., в 1990 г. она была передана во Введенскую ц. дер. Озерской. Также во Введенской ц. находятся еще 3 иконы святого совр. работы. Две из них повторяют икону мон. Митрофании (одна — копия, отличия касаются лишь цветового решения нек-рых деталей; с этой иконой в день празднования святого 30 июля совершается крестный ход на р. Недуму, где служат водосвятный молебен). Еще одна икона представляет самостоятельный извод иконографии Л. — основателя пустыни. Святой показан фронтально в рост в монашеских одеждах, типичных для изображений преподобных: в рясе, мантии, схиме, с куколем на голове. В левой руке на уровне груди на плече он держит икону Божией Матери «Одигитрия»; правой благословляет, поскольку рука отведена в сторону, то этот жест прочитывается и как преподавание Л. благословения основанной им обители. Святой стоит на пологом берегу реки, на другом, холмистом берегу лесная чаща и деревянный храм. В наст. время в Благовещенской ц. в пос. Лальск находится образ (65×45 см) святого на пейзажном фоне, с храмом, выполненный кировским художником в кон. 80-х гг. XX в. в манере, близкой к академической.

Иконы с единоличным изображением Л., как ростовые, так и поясные, получили распространение в 80-х гг. XX в. — 2000-х гг. в связи с активизацией почитания святого. Они в основном восходят

к трактовке образа Л. на иконе мон. Митрофании: на голове клобук, в руке на плече — икона Божией Матери «Одигитрия» (поясная или типа Казанской иконы), за плечами котомка (или видны ее ремни), иногда даже на прямолинейных поясных изображениях встречается посох (см., напр., икону работы иконописца А. Г. Смирновой, 2011).

В 2014 г. лузским худож. И. М. Дружининым была написана ростовая икона святого на деревянную резную раку (2014) над мощами Л. во Введенской ц. в дер. Озерской. Этот нагробный образ выполнен в традиции посмертного портрета: руки крестообразно сложены на груди, глаза закрыты. Л. облачен в монашеские одежды, в епитрахили, на голове клобук.

В притворе Введенской ц. дер. Озерской между 1989 и 1997 гг. были выполнены 2 настенные живописные композиции, заключенные в картуши; достаточно безыскусные по исполнению, они тем не менее бережно иллюстрируют Житие святого. В 1-й «Прп. Леонид изыскивает место для построения монастыря» святой изображен идущим с посохом, за плечами котомка, в руках икона Божией Матери «Одигитрия», на нем черная тяжелая верхняя одежда в виде подпоясанной рясы, на голове клобук. Во 2-й композиции «Прп. Леонид копает речку Недуму» святой в подрыснике, на голове скуфья, среди лесной болотистой местности он копает канал, из-под лопаты видна голова змеи (отражение эпизода Жития о змее, ужалившей Л.).

Образ Л. включен в иконографию «Собор Вятских святых». Так, на иконе 2007 г. из Успенского собора Трифонова мон-ря в Кирове Вятские святые изображены 2 группами в молении образу Божией Матери «Знамение». Л. представлен 3-м в левой группе. На нем мантия, ряса, епитрахиль, на голове куколь, в правой руке образ Божией Матери «Одигитрия», левая рука на уровне груди в жесте моления.

Лит.: Трифон [Парамонов], игумен. Празднование памяти прп. Леонида Устьнедумского в Пальске // ЖМП. 1981. № 7. С. 22–25; Платонов О. А. Русские святые и подвижники православия: Ист. энцикл. М., 2010. С. 896.

Э. В. Шевченко, Е. В. Орлова

ЛЕОНИД, прп., Островский — см. *Игнатий, Леонид, Дионисий, Феодор, Ферапонт, Корнилий*, преподобные Островские.

ЛЕОНИД († 1549, Адрианов Пошехонский мон-рь (ныне в дер. Андрианова Слобода Пошехонского р-на Ярославской обл.)), прп. (пам. 23 мая — в Соборе Ростово-Ярославских святых), Пошехонский, Ярославский, основатель пустыни

в честь Успения Пресв. Богородицы (см. *Адрианов Пошехонский в честь Успения Пресв. Богородицы женский монастырь*). Основным источником сведений о святом является Житие («Житие и подвизи преподобных отец наших игумена Андреяна и старца Леванида, начальников честных обители Успения Пресвятыя Богородицы в Пошехонии, зовомая Андреянова. Списано бысть житие святых тое же обители многогрешным игуменом Алексеем»), известное в 2 редакциях в большом числе списков XVI–XIX вв. Первая редакция (нач.: «Бысть некий черноризец рекомый Бестуж...») составлена игум. Успенского мон-ря Алексием (1570–1573); ее автору было неизвестно местонахождение мощей прмч. Адриана, обретение к-рых состоялось в 1626 г. Самый ранний список датируется кон. XVI в. (РНБ. Погод. № 861. Л. 969–981 об., сборник-конволют XVI–XVII вв.). Вторая редакция (нач.: «Сие благословенное дре-

Прмч. Адриан и прп. Леонид,
Пошехонские чудотворцы.
Икона. 1-я треть XIX в.
(Успенская ц. в Пошехонье)

во, преподобномученик Адриан, про-израсте в богоспасаемом граде Ростове...»), созданная после обретения мощей прмч. Адриана, представляет собой переработку и сокращение 1-й; редактор исключил остросюжетные эпизоды и яркие бытовые подробности, язык повествования приобрел более книжный характер.

Согласно Житию, послушник Л. подвизался в *Корнилиевом Комельском в честь Введения во храм Пресв. Богородицы монастыре*. 13 сент. 1540 г. он по благословению игумена мон-ря, прп. *Лаврентия*, удалился из обители вместе с иеродиак. Адрианом (см. *Адриан Пошехонский, прмч.*), чтобы «создать новый дом

Богородицы». Место для обители на берегу р. Вотха (Ветха) в Пошехонье было указано неким «черноризцем Бестужем», вызвавшимся проводить иноков в «пустыню непроходимую». Монахи обрели на дереве икону Успения Пресв. Богородицы (по др. версии, они принесли образ с собой и укрепили его на большом дубе; см. в ст. *Успения Пресв. Богородицы икона*, разд. «Адриановская»). После обретения иконы Бестуж таинственно исчез, а Л. и Адриан приступили к обустройству мон-ря. Когда они удалились, чтобы найти место, удобное для строительства кельи, к берегу пристали местные рыбаки, увидевшие икону на дубе. Один из них попытался взять образ, но был отброшен неведомой силой. Пораженные чудом жители оставили под деревом хлеб и рыбу и удалились. По возвращении монахов Л. обнаружил под иконой неведомые дары и показал их старцу Адриану (этот эпизод Жития в посл. стал самостоятельным 18-м Чудом в 1-й редакции). Спустя 3 года монахи отправились в Москву, где свт. *Макарий* выдал благословенную и безданную грамоты на устройство обители, рукоположил прп. Адриана во иерея и поставил игуменом обители. 17 (31?) мая 1543 г. была заложена деревянная Успенская ц. с трапезной. Иноки устроили 3 кельи, в 4-й находилась поварня и пекарня. Женщин в обитель не допускали. Преподобные установили правило толкования Евангелия за богослужением: «единь чтеть, а второй разсуждает» (Житие и страдание. 1873. № 4. С. 31). После сообщения о преставлении Л. в Житии следует рассказ о нападении на мон-рь жителей с. Белого и о мученической кончине игум. Адриана 5 марта 1550 г. («И в год по преставлении преподобнаго старца Леонида, лета 7058, марта в 5 день»).

Как основателя мон-ря Л. стали почитать не сразу. В Месяцеслов Симона (Азарьина) сер. 50-х гг. XVII в. внесена память только «преподобнаго Андреяна начальника Андреяновы пустыни» (РГБ. МДА. № 201. Л. 335 об.) без указания имени Л. На одной из икон Л. представлен вместе с прмч. Адрианом в молении перед образом Успения Пресв. Богородицы, расположенным между ветвями дерева (ГТГ, XVII в.). В «Перечне святых Вологды» XVIII в. упомянуты уже оба основателя мон-ря: «Преподобныи отцы Андрейан и Леонид

Собор Пошехонских святых.
Икона. До 2006 г.
(Богоявленская ц. Успенского
Адрианова Пошехонского мон-ря)

строители Успенскаго монастыря Пошехонскаго...» (РНБ. Мих. Q 532. Л. 212). Имя святого отмечено в некоторых списках «Книги глаголемой Описание о российских святых»: под 27 авг. — в «Перечне всех российских чудотворцов» (РНБ. ОЛДП. Q 862. Л. 112, XVIII в. — ЭК ИРЛИ. ПД) и др. Память прмч. Адриана «и сподника его преподобнаго Леонида» под 17 марта включена в Иконописные подлинники XVIII–XIX вв.: РНБ. Тит. № 4765. Л. 156, XVIII в.; РНБ. Тихан. № 402. Л. 105–105 об., XVIII в.; № 413. Л. 94 об., XIX в. и др. В иконописном подлиннике Г. Д. Филимонова память святого указана также под 17 марта. Запись об основателях Пошехонского монастыря под 5 марта содержится в Четвх-Минях еп. *Ермогена (Добронравина)*: «Адриан, ученик преп. Корнилия Комельского, и старец Леонид в 1540 г. с благословения игумена Лаврентия удалились в пустыню...» (РНБ. Собр. СПбДС. № 25/3. Л. 109–109 об., XIX в. — ЭК ИРЛИ. ПД). Месяцесловная запись под названием «Житие преподобнаго Леонида Пошехонского» (нач.: «Достоблаженный сей муж родися 155-го года Новгородской области Пошехонского уезда») под 20 мая включена в «Патерик новгородских чудотворцев» иером. Паисия (Кривоборского) (РНБ. АНЛ. А–9. Л. 93–93 об., 1831 г. — ЭК ИРЛИ. ПД).

В 1699 г. мон-рь полностью сгорел. В 1718 г. освящен новый каменный Успенский собор. В 1918 г. обитель закрыли, на ее территории размещился совхоз. В 20–30-х гг. XX в. был разрушен Успенский собор и почти полностью — Богоявленский храм.

7 марта 2000 г. мон-рь возобновлен как женский, осенью 2006 г. решением Синода преобразован в мужской. Канонизация святого подтверждена включением его имени в состав Собора Ростово-Ярославских святых, установленный в 1964 г.

Ист.: Житие и страдание св. прмч. Адриана игумена, Пошехонского чудотворца // Ярославские Ев. 1873. Ч. неофиц. № 4. С. 25–31; № 5. С. 33–42; № 7. С. 55–61; № 8. С. 63–70; № 9. С. 71–78.

Лит.: Барсуков. Источники агиографии. С. 323–325; Морев Ф., прот. Адрианов монастырь: Обзорение епархии преосв. Ионафаном, еп. Ярославским и Ростовским // Ярославские Ев. 1881. Ч. неофиц. № 6. С. 41–42; Сергей (Спаский). Месяцеслов. Т. 3. С. 565; Голубинский. Канонизация святых. С. 333; Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966. С. 301–302; Дмитриев Л. А. Житие Адриана Пошехонского // Он же. Житийные повести Рус. Севера как памятники лит-ры XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 199–213; он же. Житие Адриана Пошехонского // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 239–241; Жития святых: 1000 лет рус. святости / Собр.: мон. Таисия (Карцева). 1991. Т. 1. С. 148–150; Маркелов. Святые Др. Руси. Т. 2. С. 40.

Е. В. Романенко

Иконография. Сохранилось несколько икон с изображением основателей пошехонского Успенского мон-ря игум. Адриана и Л., представленных на берегу р. Вотхи, месте основания обители. Л. — старец с длинной до середины груди бородой с проседью, с распущенными седыми волосами до плеч, в монашеских одеждах (хитоне и мантии, без схимы

Прмч. Адриан и прп. Леонид Пошехонские.

Икона. 2-я пол. XIX в.
(Богоявленская ц.
Успенского Адрианова
Пошехонского мон-ря)

и епитрахили), с непокрытой головой. Он стоит позади прп. Адриана. Эта своеобразная «второстепенность» отражена в коротком упоминании Л. в описании облика прп. Адриана в иконописном под-

линнике кон. XVIII в.: «Надсед, брада доле Козмины, в схиме, ризы преподобническия. И спостника его преподобного Леонид, старца Успенского монастыря» (БАН. Строг. № 66. Л. 89 об., под 17 марта).

На иконе 1-й трети XIX в. (53,5×44,3 см), происходящей из кладбищенской Успенской ц. на окраине г. Пошехонья (построена на средства прихожан в 1822 на месте деревянной церкви (1773)), прп. Адриан и Л. изображены справа на берегу реки, рядом с ними безбородый юноша, милостью облика напоминающий ангела, — упомянутый в Житии «черноризец Бестуж», который привел монахов на место будущей обители (нимб в виде тонкой белильной линии есть только у прп. Адриана; в надписях над головами указаны имена обоих преподобных). Слева — высокий дуб, в кроне которого стоит икона — отражение текста Жития прп. Адриана о том, что св. отцы на дерево «поставивше образ Успения пресвятыя Богородицы, его же из монастыря с собою принесли» (Житие и страдание св. прмч. Адриана игумена, Пошехонского чудотворца // Ярославские Ев. 1873. Ч. неофиц. № 4. С. 27–29) (по др. версии, икона была обрета на дереве). На 2-м плане, возле дуба, расположены строения мон-ря: крепостные стены и башни с надвратной колокольней, а также церкви — Успенская слева (не сохр.) и Богоявленская справа. Изображение мон-ря на этой иконе, видимо, появилось позднее; его отличают суховатая графичность и скупая цветовая гамма. Показанные в мелком масштабе 2 человека с неводом в реке и один возле дуба — упомянутые в Житии рыбаки, к-рые положили перед иконой «хлеб и рыбу великую из ятых тогда рыб» (Там же), изображенные на ветке дерева.

Та же иконография известна еще по 2 иконам преподобных Адриана и Л. — из собрания Ф. Р. Комарова (Ярославль, 1-я пол. XIX в.) и в Богоявленском храме пошехонского Успенского монастыря (2-я пол. XIX в.; 59,5×45,5 см; вмонтирован мощевик). Композиции икон близки: отсутствует изображение «черноризца Бестужа», река показана не на переднем плане, а позади дерева, постройки мон-ря заключены в ограду, развернутую в перспективном плане; с нимбом также только прп. Адриан, а на иконе из собрания Комарова образ Л. не имеет даже подписи.

Икона из Успенской ц. представляет наиболее оригинальной переработкой текста Жития в иконографию (несмотря на первоначальное отсутствие на ней изображения мон-ря). Иконописец стремился не только дословно, но и живо передать рассказ. Напр., эпизод с рыбаком, оставившим на дереве рыбу и хлеб, он превратил в маленькую сценку: рыбак слезает с дерева, держась за его вет-

ку обеими руками, причем одна из веток уже им сломана и лежит на земле. На иконе из собрания Ф. Р. Комарова образ того же рыбака был модифицирован в изображении колнопреклоненного отрока с молитвенно сложенными на груди руками, умильно взирающего на икону.

В Богоявленской ц. Успенского мон-ря находится созданная до 2006 г. икона (50×40 см, помещена в раму и киот), на к-рой соборно представлены Пошехонские святые: Севастиан, Леонид, Адриан, Анна и Петр. В написании ликов прослеживается авторская манера письма. Жесты рук разнообразны, фигуры удлиненные, поставлены плотно друг к другу, нимбы яркие, золоченые. На 2-м плане — ансамбль мон-ря кон. XIX в.

Иконы с единоличным образом Л. в наст. время не обнаружены.

Лит.: Маркелов. Святые Др. Руси. Т. 2. С. 40.

Л. Л. Полушкина

ЛЕОНИД [греч. Λεωνίδης], сцмч. (пам. греч. 15 апр.), еп. Афинский. Время и обстоятельства жизни неизвестны. Память Л. и посвященное ему двустийшие («Тьма объять Афины внезапно, в них зашедшу солнцу Леониду») содержатся в визант. стихных Прологах, где из биографических сведений указывается только то, что он «миром скончался» (Петков, Спасава. Стиш. Пролог. 2013. Т. 8. С. 37).

В посвященном Л. Слове Афинского митр. Михаила Хониата (Акомината) (кон. XII в.) сообщается, что прах от мощей Л. находился в базилике св. Леонида (IV–V вв.) в Афинах, на р. Илис. Однако из упоминаний пострадавших вместе с ним жен, утопленных в море, становится ясно, что автор путает этого святого с мч. Леонидом Коринфским, память которого отмечается 16 апр., на следующий день после памяти Л.

В Синаксарях Л. назван святым, в Слове Афинского митр. Михаила Хониата (Акомината) — священномучеником, в «Синаксаристе» прп. Никодима Святогорца — мучеником, в совр. календаре Греческих Церквей — мучеником (Διπλῶχα. 2014. Σ. 166).

Хотя большинство исследователей связывают появление имени Л. в агиографических источниках с трансформацией культа мч. Леонида Коринфского (Halkin. 1953. S. 220; Janin. 1966. Col. 1310 и др.), тем не менее почитание Л. нашло широкое отражение в новогреч. иконографии и гимнографии (в т. ч. службы, составленные в 1955 мон. Герасимом Микраяннитом и в 1956 архим.

Никодимом (Валлиндрасом; вполс. митрополит Патрский)), а также в почитании его мощей (напр., во 2-й пол. XX в. часть их хранилась в ц. Благовещения Пресв. Богородицы в Перистерии (в 4 км к северо-западу от центра Афин) — *Meinardus O. F. A. A Study of the Relics of Saints of the Greek Orthodox Church // Oriens Chr. 1970. Bd. 54. S. 207*).

Память Л. была включена в ВМЧ, но не указана в современном календаре РПЦ (ВМЧ. Апр. Дни 8–21. Стб. 460).

В греч. Ерминии афонского иером. Дионисия Фурноаграфиота (ок. 1730–1733) в разд. «Святые иерархи: внешний вид их и надписания» имеется описание облика Л.: «старец с короткой бородой» (Ерминия ДФ. С. 162. № 66).

Ист.: ВHG, N 984; *Μιχαήλ ὁ Ἀκοιμίντος ὁ Χαλκιάτης: Τὰ σωζόμενα*. Ἀθήνα, 1879. Т. 1. С. 150–156; *СупСР. Col. 604–605; Νικόδημος: Συναξαριστής*. 1998. Т. 4. С. 224.

Лит.: *Сергий (Спасский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 109; *Halkin F. Saint Léonide et ses sept compagnes à Corinthe // ЕВБЭ. 1953. Т. 23. С. 217–223; Janin R. Leonida e VII donne, santi, martiri a Corinto // BiblSS. 1966. Vol. 7. Col. 1309–1310; Χρισόστομος (Δεληγιαννόπουλος), μητρ. Λεωνίδης // ОНЕ. 1966. Т. 8. С. 278–281; Μακάριος Σπιωνοπετρίτης, ιερομόν. Νέος Συναξαριστής τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας. Ἀθήνα, 2007. Т. 7: Ἀπρίλιος. С. 138.*

О. В. Л.

ЛЕОНИД (Антощенко Лаврентий Евтихиевич; 6.08.1872, дер. Мало-Николаевка Бахмутского у. Екатеринославской губ. — 7.01.1938, Йошкар-Ола), сщмч. (пам. 26 дек. и в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской), еп. Марийский. Из крестьянской семьи. 30 мая 1896 г. поступил в *Троице-Сергиеву лавру*, где 26 мая 1898 г. был определен послушником. 30 июля 1904 г. переведен в кафедральный *Чудов в честь Чуда арх. Михаила в Хонех монастырь* в Москве. 8 авг. 1905 г. пострижен в монашество с именем Леонид, 16 окт. того же года рукоположен во диакона. В монастыре Л. нес клиросное послушание, занимал должность смотрителя архиерейских покоев, позднее был назначен казначеем обители.

С 26 марта 1910 г. заведующий С.-Петербургским подворьем *Пекинской духовной миссии*, 10 апр. того же года рукоположен во иерея. Наместник Чудова монастыря архим. *Арсений (Жадановский)*; вполс. епископ) в связи с этим отозвался, что Л. «назначен настоятелем Пе-

кинского миссионерского подворья в Петербург не по собственной просьбе, а по предложению, так что в данном случае он исполняет монашеское послушание, а в Чудовом мон-ре он всегда может быть желательным насельником». В 1911 г. ему было поручено руководство строительством храма и прилегающих к нему зданий Пекинской миссии в С.-Петербурге, к-рое к 1914 г. было полностью завершено.

Одной из основных задач С.-Петербургского подворья был сбор средств в пользу Пекинской миссии, не имевшей собственных доходов и нуждавшейся в пожертвованиях. С дек. 1912 г. при С.-Петербургском подворье действовала церковноприходская школа, где Л. преподавал Закон Божий, проводил пастырские беседы, занимался с верующими церковным пением. Здесь же был устроен приют для кит. детей, обучавшихся в Петербурге, справочное бюро для отправлявшихся на Дальн. Восток, школа певчих, книжный склад с кит. книгами и б-ка. При подворье располагалось и Об-во трезвости, занимавшееся религиозно-просветительской деятельностью среди рабочего населения. В 1913 г. Л. был награжден наперсным крестом, в 1919 г. возведен в сан архимандрита.

После революционных событий в окт. 1917 г. и последовавшей за ними гражданской войны связи Пекинской духовной миссии с ее Петроградским подворьем были прерваны. В 1919 г. подворье было закрыто, его храм стал приходским, а Л. — его настоятелем. В 1922 г. Л. был арестован ГПУ, провел в заключении 1 месяц. 26 июня 1927 г. хиротонисан во епископа Переславль-Залеского, викария Владимирской епархии. Под его началом в Переславле действовало 18 церквей. Л. совершал службы во Владимирском соборе. В 1929 г. собор был закрыт вопреки протестам прихожан.

1 февр. 1930 г. Л. был арестован по обвинению в антисоветской деятельности, противодействии мероприятиям властей, хранении контрреволюционной лит-ры, провоцировании массовых беспорядков на почве распространения слухов о закрытии церквей. На допросе своей вины не признал, заявил, что «контрреволюционной деятельности в своей епархии не замечал, был связан с духовенством по служебным вопросам». 2 марта того же года реше-

нием Особой тройки при Постоянном представительстве ОГПУ по Ивановской обл. был осужден на 5 лет лишения свободы и отправлен в Пинюгский лагерь. Работая на строительстве железной дороги Пинюг—Сыктывкар, Л. духовно окормлял христиан, находившихся в лагере: исповедовал, причащал Св. Дарами, присылаемыми из Москвы, известно о совершении им в лагере монашеского пострига.

По освобождении из заключения, в сент. 1932 г., назначен епископом Александровским, викарием Владимирской епархии. Вскоре был сослан в г. Балахну Горьковского края. В 1933 г. последовала новая ссылка — в г. Сенгилей близ Ульяновска. Отсюда Л. посылал письма-утешения своим духовным чадам. Срок ссылки закончился 10 дек. 1934 г. 29 дек. Л. был на приеме у заместителя патриаршего местоблюстителя митр. *Сергия (Страгородского)*; вполс. патриарх Московский и всея Руси) и получил назначение на Кунгурское викариатство Пермской епархии, куда прибыл 30 янв. 1935 г. В должности епископа Кунгурского Л. пребывал до марта 1935 г., а затем некоторое время находился на покое, поселившись 29 июня того же года в с. Теряева Слобода Волоколамского р-на Московской обл., в церкви которого совершал богослужения.

После новой встречи с митр. Сергием в июле 1936 г. был направлен в г. Свердловск, но местные власти не позволили ему там служить. Последним местом архиерейских трудов Л. стала Марийская АССР. В марте 1937 г. Л. был назначен епископом Марийским. Первоначально Л. поселился в Йошкар-Оле, а с 1 окт. 1937 г. прожил в с. Семёновка близ Йошкар-Олы, где служил в храме Рождества Пресв. Богородицы. Управляя приходами на территории Марийской АССР, Л. боролся с обновленцами, к к-рым в июне 1935 г. перешла последняя остававшаяся в Йошкар-Оле Вознесенская ц. Храм Рождества Пресв. Богородицы с. Семёновка, т. о., стал оплотом Православия, сюда стекались верующие со всей округи. Согласно документам гос. и партийных органов, с приездом Л. в Марийской АССР активизировалась религ. жизнь населения. Это вызвало беспокойство органов гос. безопасности. 21 дек. 1937 г. Л. был арестован по обвинению в создании «церковно-фашистской ор-

ганизации» и помещен в йошкар-олинскую тюрьму. На допросах виновным в контрреволюционной деятельности себя не признал. Был казнен по приговору Особой тройки НКВД по Марийской АССР от 29 дек. 1937 г.

Определением Свящ. Синода РПЦ от 17 июля 2002 г. имя Л. было включено в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Арх.: РГАДА. Ф. 1207. Оп. 1. Д. 1006; ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 870; ГАЯО. Ф. 3698. Оп. 2. Д. С-11640; ГА Респ. Марий Эл. Ф. 652. Оп. 1. Д. 159; ГА РМЭ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 222; Архив УФСБ по Респ. Марий Эл. Д. П-2251.

Лит.: Леонид (Антощенко), иером. Корреспонденция из Петроградского подворья // Кит. благовестник. 1914. № 11/12. С. 30-31; Не предать забвению: Кн. памяти жертв полит. репрессий, связанных судьбами с Ярославской обл. Ярославль, 1994. Т. 2. С. 77; Августин (Никитин), архим. Подворье Пекинской духовной миссии в С.-Петербурге // МисОб. 1998. № 5. С. 19-23; № 6. С. 20-22; Иванов П., свящ. История возникновения Моск. подворья Пекинской Духовной миссии // Кит. благовестник. 1999. № 2. С. 14-23; За Христа пострадавшие в земле Владимирской: Синодик и биограф. справ. Александров, 2000. С. 48; Микита Г. И. Имена. Орел, 2000. С. 30-36; Святители земли Нижегородской. Н. Новг., 2003; Сухих А., прот. Вспомним поименно. Киров, 2004. Кн. 3. С. 46-47; Серафима (Савельева), мон. Воспоминания. Архангельск, 2010. С. 18-19, 86-87, 149-151; Ерошкин Ю. В. Новомученики земли Марийской. Йошкар-Ола, 2013. С. 7-19, 52, 71, 74-78.

Ю. В. Ерошкин

ЛЕОНИД Платонович Бирюкович (1864, с. Ухвала Борисовского у. Минской губ. — 25.08.1937, Минск), сщмч. (пам. 12 авг., в Соборе Белорусских святых и в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской), прот. Из семьи потомственного священнослужителя. По окончании Минской ДС служил псаломщиком. В 1894 г. рукоположен во иерея. С 1899 г. настоятель Успенской ц. в с. Бродец Игуменского у. Минской губ. Арестован в 1934 г. за хранение нескольких золотых монет царской чеканки. Пробыл в заключении полтора месяца.

Вторично арестован в апр. 1935 г. за сбор подписей прихожан против закрытия храма. При закрытии церкви возле нее собралось ок. 500 чел., и, когда активисты-колхозники двинулись печатывать храм, со стороны женщин в них полетели камни и палки. После этого инцидента местные жители еще трое суток попеременно дежурили возле церкви, не давая ее закрыть. Наряду с Л. в происшедшем обвинили псаломщицу

Сщмч. Леонид Бирюкович.
Фотография. Нач. XX в.

храма А. В. Соболев. Л. был приговорен к 6 годам ИТЛ.

Весной 1937 г. его досрочно освободили, а 18 июля того же года вновь арестовали, т. к. он занялся сбором подписей среди населения, ходатайствуя об открытии Успенской ц. 22 авг. 1937 г. постановлением Особой тройки НКВД БССР Л. был приговорен к расстрелу. Казнен в Минске, похоронен в неизвестной могиле.

Прославлен как местночтимый святой 28 окт. 1999 г. Белорусским Синодом. К общецерковному почитанию прославлен Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г. Арх.: НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 41153; ЦА КГБ РБ. А. 21659-с, 29321-с.

Лит.: За Христа пострадавшие. Кн. 1. С. 161; Кривонос Ф., свящ. Жития священномучеников Минской епархии: 1-я пол. XX в. Мн., 2002. С. 111-113.

Прот. Феодор Кривонос

ЛЕОНИД Александрович Виноградов (3.08.1897, г. Кострома — 12.11.1941, близ г. Чердынь Пермской обл.), сщмч. (пам. 30 окт., в Соборе Ивановских святых и в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской), свящ. В возрасте 8-10 лет часто ездил с матерью к св. прав. Иоанну Кронштадтскому (Сергиеву). Когда Л. исполнилось 12 лет, он лишился родителей и был отправлен на воспитание к бабушке. Отказавшись идти согласно ее воле в обучение к купцу, Л. вскоре ушел в *Ипатьевский во имя Св. Троицы мужской монастырь*. Жил на попечении монахов до совершеннолетия, затем служил в мон-ре пономарем. В 1918 г. Л. женился и был назначен псаломщиком в с. Пушкино Костромского у. и губ. В 1920 г. рукоположен Костромским еп. *Севастианом (Вести)* во диакона и назначен в с. Вознесение Буйского у. Костромской губ. 27 марта 1924 г. в Кост-

роме Л. был рукоположен патриархом Московским и всея России свт. *Тихоном* во иерея. Был направлен еп. Севастианом служить священником в с. Никола-Эз Кинешемского у. Иваново-Вознесенской губ. (ныне дер. Совки Кинешемского р-на Ивановской обл.). В том же году Л. был арестован, но через год отпущен по ходатайству прихожан. После освобождения в 1925 г. назначен священником в с. Панино Буйского у. Костромской губ., где вскоре был арестован повторно. После освобождения из-под ареста он был переведен священником в с. Плоскинино Красносельского р-на Ивановской Промышленной обл. Затем служил священником в с. Сокольское Костромского окр. Ивановской Промышленной обл. В нач. янв. 1935 г. арестован в с. Сокольское вместе со старостой церкви А. А. Косулиной и с членом церковного совета Х. А. Сафоновой за протест против разрушения храма и разорения кладбища. 7 янв. 1935 г. Л. был приговорен к 7 годам ИТЛ, но после пересмотра дела был освобожден в нояб. того же года. Назначен священником в с. Воронцово Пучежского р-на Ивановской Промышленной обл. 17 сент. 1938 г. вновь арестован, приговорен к 4 годам ИТЛ и отправлен в с. Никола-Елнать Юрьево-Еремского р-на Ивановской обл. В кон. окт. 1941 г. переведен в ИТЛ близ г. Чердынь Пермской обл. Умер в заключении.

Прославлен Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.

Лит.: Дамаскин. Кн. 2. С. 259-261; Федотов А. А. Ивановская епархия РПЦ в 1918-1998 гг.: Внутрицерк. жизнь и взаимоотношения с гос-вом. Иваново, 1999². С. 115-116.

ЛЕОНИД Лебедев († 1921, пос. Санниковский Акмолинского у. и губ. (ныне Ботакара Карагандинской обл., Казахстан)), сщмч. (пам. в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской), свящ. 27 нояб. 1910 г. назначен священником Троицкой ц. пос. Санниковский. В 1910-1917 гг. преподавал Закон Божий в 3-классной школе. В 1919 г. через Санниковский проходило отступление армии ген. А. И. Дутова. Л. с клиром и волостной старшина Д. И. Москвиченко встречали войско колокольным звоном. Через неск. дней поселок заняла Красная Армия. В 1921 г. произошло антибольшевистское восстание казаков и крестьян, названное по месту действия Ишимским. Восставшие были разбиты. В момент

отступления казаков Л., как благочинный, объезжал свой округ. В пути он встретился с казачьим отрядом, который следовал в Санниковский. Войдя в поселок, казаки попросили Л. отслужить молебен, что было им исполнено. Затем казаки убили несколько человек из числа местных коммунистов и покинули поселок. Вскоре в него вошел отряд красноармейцев. Родственники погибших коммунистов указали на Л. как на причастного к гибели последних, т. к. видели его въехавшим в поселок с казаками. По одной из версий, красноармейцы зарубили шашками Л. и псаломщика Исидора Решеткина. Только через 10 дней родственникам разрешили забрать и похоронить тела убитых. Согласно др. версии, Л. и Исидор Решеткин были расстреляны коммунистом Т. Магдалиным, командовавшим отрядом красноармейцев.

Прославлен Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.
Лит.: ЖНИР. Янв. С. 473–474; ККНмч. (Янв.—сент.). С. 7; Святые новомученики и исповедники, в земле Казахстанской просиявшие. М., 2008. С. 248–250.

ЛЕОНИД Владимирович Муравьев (18.04.1868, с. Алёшино Бронницкого у. Московской губ.— 11.11.1941, Мариинское отд-ние Сибирского ИТЛ), сщмч. (пам. 29 окт. и в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской), свящ. Из семьи священника. В 1888 г. окончил Московскую ДС и стал работать учителем. В 1896 г. был рукоположен во иерея и назначен к Крестовоздвиженской ц. с. Марьянка Бронницкого у. (ныне Ступинского р-на Московской обл.), где в посл. служил на приходе священником более 40 лет. 8 янв. 1917 г. утвержден благочинным 2-го округа Бронницкого у.

В 1931 г. привлекался к суду за «нанесение вреда колхозной собственности» (падеж скота, к-рый разместили на дворе у священника), но был оправдан, т. к. выяснилось, что в падеже виноваты сами колхозники и ветеринар. Был обложен, как священнослужитель, повышенным продовольственным налогом («твердым заданием»), выполнение к-рого было ему не по силам. За неисполнение норм сдачи сельхозпродукции в 1932 г. приговорен к конфискации всего имущества, но в посл. приговор был отменен.

31 марта 1938 г. Л. был арестован и заключен в тюрьму в г. Кашире по

обвинению в «проведении среди колхозников антисоветских разговоров» и совершении крещений на дому у местных жителей. Виновным в антисоветской агитации себя не признал. 16 июля того же года приговорен Особой тройкой НКВД по Московской обл. к 10 годам исправительных лагерей. Отбывал срок в Сибирском ИТЛ близ г. Мариинска (ныне на территории Кемеровской обл.). Скончался в заключении. Погребен в безвестной могиле.

18 авг. 2004 г. определением Свящ. Синода имя Л. было включено в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Арх.: ГАРФ. Ф. 10035. Д. П–19474.

Лит.: ЖНИР. Моск. Доп. Т. 3. С. 152–154.

Игумен Дамаскин (Орловский)

ЛЕОНИД Константинович Никольский (1876, с. Данилово Сарапульского у. Вятской губ.— 2.11.1937, Карагандинский ИТЛ), сщмч. (пам. 20 окт. и в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской), прот. Из семьи священника. В 1898 г. окончил Вятскую ДС. В 1901 г. был рукоположен во иерея и назначен священником в с. Б. Пурга Сарапульского у. В 1917 г. переведен священником в с. Чумой Сарапульского у. Впосл. переводился в с. Неумонино Воткинского р-на Вятской губ., затем в с. Якшур Вотской автономной обл. (ныне в Завьяловском р-не Удмуртии) и в 1930 г.— в с. Нечкино Сарапульского р-на Уральской обл. (ныне в Удмуртии). 27 марта 1931 г. Л. вместе с мирянином Василием Вахриным был арестован по обвинению в антисоветской агитации. 20 авг. 1931 г. приговорен Особой тройкой при Постоянном представительстве ОГПУ по Уральской обл. к 5 годам ИТЛ. Был отправлен в Вишерский ИТЛ в Уральской обл. (ныне Пермский край). В 1932 г. срок был заменен ссылкой до 1934 г. После освобождения служил священником в с. Швариха Нолинского р-на Кировского края. Был повторно арестован 22 июля 1935 г. Во время следствия содержался в тюрьме Нолинска. Выездной сессией спецколлегии Кировского краевого суда в Нолинске 17 окт. 1935 г. был приговорен к 5 годам лагерей за антисоветскую агитацию. Отправлен в Карагандинский ИТЛ. 19 сент. 1937 г. был арестован в лагере, обвинен в антисоветской агитации. Виновным себя не признал. 31 окт. того же года приго-

ворен к расстрелу Особой тройкой при УНКВД по Карагандинской обл. Казнен, похоронен в безвестной могиле.

Прославлен Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.

Арх.: Архив ДКНБ по Карагандинской обл. Д. 02167; Архив УФСБ по Кировской обл. Д. СУ–10393; ЦА ФСБ РФ. Д. 1986.

ЛЕОНИД Александрович Прендкович (22.03.1874, Москва — 13.10.1938), сщмч. (пам. 30 сент. и в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской), прот. Из семьи

Сщмч. Леонид Прендкович. Фотография. 1921 г.

священника. Родители Л. умерли рано, и он с братом жил и воспитывался в семье своей старшей сестры Варвары и ее мужа свящ. Александра Дмитриевича Харитонов. В 1899 г. Л. окончил Московскую ДС, а в 1900 г.— Московское епархиальное училище иконописания. С 26 окт. 1899 г. работал учителем в церковноприходской школе с. Троицкого (Ратманова) Богородского у. Московской губ. (ныне дер. Ивашево Ногинского р-на Московской обл.). 2 июня 1900 г. перешел в церковноприходскую школу дер. Юркино того же уезда; с 4 янв. 1902 по 2 июня 1903 г. преподавал в церковноприходской школе в г. Верея Московской губ. Л. женился на дочери настоятеля ц. Богоявления в Верее. 2 июля 1903 г. был рукоположен во иерея, назначен священником ц. Богоявления и после смерти тестя стал ее настоятелем. Продолжал также педагогическую работу. С 1907 по 1913 г. был законоучителем в верейском 2-классном уч-ще Мин-ва просвещения, а с 1913 по 1918 г.— в верейском 2-классном приходском жен. уч-ще. С 1904 по 1911 г. был членом Кирилло-Мефодиевского московского братства, с 1911 г.— членом

верейского отдела братства Воскресения Христова, а в марте 1911 г. стал его председателем. Был возведен в сан протоиерея и в 1910 г. стал членом благочиннического совета 1-го округа Верейского у. В янв. 1913 г. назначен заведующим и лектором народных катехизаторских курсов. Награжден набедренником (1907) и фиолетовой скуфьей (1913).

В окт. 1918 г. Л. арестовывался Верейским исполкомом как заложник во время восстания в Верейском у. После того как в нач. 1937 г. Л. отказался стать осведомителем НКВД, 8 сент. того же года он был арестован и заключен в тюрьму в Можайске. Его обвинили в участии в контрреволюционной группе вместе со свящ. П. В. Пушкинским и с псаломщиком А. Н. Серебренниковым, в клевете на советскую власть и выступлениях против деятельности партии. Л. виновным себя не признал. 7 окт. 1937 г. приговорен Особой тройкой при УНКВД по Московской обл. к 10 годам ИТЛ. Умер в заключении. Прославлен Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.

Арх.: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 20692; ЦИАМ. Ф. 2090. Оп. 1. Д. 1; РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 280.

Лит.: *Дамаскин*. Кн. 6. С. 225–229.

ЛЕОНИД, мч. (пам. 8 авг.) — см. в ст. *Елевферий и Леонид*, мученики.

ЛЕОНИД [греч. Λεωνίδης], мч. (пам. греч. 2 сент.). Время и место кончины неизвестны. Память Л. и посвященное ему двустиишие содержатся в византийских стишных Синаксарях (семья М по классификации И. Делеэ), где говорится, что он был брошен мучителями в огонь (ГИМ. Син. греч. № 354, 1295 г.; Paris. gr. 1582, XIV в.). Из стишных Синаксарей эти сведения попали в греч. печатную Минею (Венеция, 1592) и в «Синаксарист» прп. *Никодима Святогорца*, а также в слав. стишные Прологи (*Петков, Спасова*. Стиш. Пролог. 2008. Т. 1. С. 28). Митр. Макарий при составлении ВМЧ использовал стишные Прологи в качестве одного из источников, поэтому память Л. и двустиишие ему вошли в этот агиографический свод (ВМЧ. Сент. Дни 1–13. Стб. 145). Однако в совр. календаре РПЦ имя Л. не указано.

Р. ван Дорен и Р. Обер считали, что Л. пострадал вместе с другими упоминаемыми в этот день в стишных

Синаксарях святыми — пронзенным клинком *Диомидом*, *Иулианом*, череп к-рого был пробит дубиной, усеченным мечом *Филиппом*, скончавшимся на раскаленной решетке *Евтихианом*, распятым *Евтихием*, повешенным *Исихием*, сожженным *Меланитом*, утопленной в море *Парфагатицей* и *Филадельфом*, к шее которого был привязан камень. В Римском Мартирологе (XVI в.) местом их мученической кончины назван г. Памия в Галлии (ныне Памье, Франция). Однако каждому из этих святых в греч. Синаксарях предназначено особое двустиишие, что не позволяет отнести их к одной группе мучеников.

Ист.: ActaSS. Sept. T. 1. P. 358–359; SynCP. Col. 8; *Владимир (Филантропов)*. Описание. С. 515; MartRom. Comment. P. 375–376; *Νικόδημος. Συναξαριστής*. T. 1. Σ. 63–64.

Лит.: *Сергий (Спасский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 268; *Van Doren R. Diomède (2)* // DHGE. T. 14. Col. 504; *Sauget J.-M. Diomede, Giuliano, Filippo, Eutichiano, Esichio, Leonide, Eutichio, Filadelfo, Menalippo e Pantagape* // BiblSS. Vol. 4. Col. 630; *Eutychianus* // DHGE. T. 16. Col. 91; *Aubert R. Hesychius (2)* // Ibid. T. 24. Col. 293; *idem. Julien (19)* // Ibid. T. 28. Col. 502; *Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης)*. Ἀγιολόγιον. Σ. 275.

ЛЕОНИД, мч. Египетский (пам. 5 июня) — см. в ст. *Маркиан, Никандр* и др. мученики Египетские.

ЛЕОНИД [греч. Λεωνίδης] (III в.), мч. Коринфский (пам. 10 марта, 16, 17, 19 апр.), пострадал в гонения имп. Деция вместе с 7 праведными девами — Хариессой, Нунехией, Василиссой, Никой, Каллией (Каллидой), Галиной и Феодорой. Древнейшие упоминания о Л. относятся к рубежу III и IV вв. В кратком Сирийском Мартирологе 411 г. (восходит к греч. оригиналу ок. 360 г.) под 16 апр. указано, что он пострадал «в Коринфе, в Ахайе с 8 другими мучениками» без уточнения их пола и имен (ActaSS. Nov. T. 2. Pars 1. P. LV–LVI). В Мартирологе блж. Иеронима память Л. содержится также под 16 апр., но заметка более пространна — названы имена всех 7 праведных дев и способ казни (утопление) (MartHieron. Comment. P. 193–194; *Duchesne*. 1885. P. 124). Вероятно, культ Л. сформировался очень рано. Грандиозная базилика во имя Л. в Лехее (Коринф) была первоначально заложена в 50-х гг. V в. Однако письменные источники позволяют уверенно говорить о почитании Л. в Византии только на-

чиная с IX–X вв. Основной источник этого времени — краткое Мученичество ВHG, N 983z (*Halkin*. 1953. P. 220–223), дошедшее в составе апфельской дометафрастовской Минеи рубежа X и XI вв.: Patm. 254. Fol. 144–

Мч. Леонид Коринфский. Фрагмент иконы Минея годовая. 1-я пол. XVI в. (Музей икон, Реклингхаузен)

147. В ней память Л. помещена под 19 апр. Пространное Мученичество, лежащее в основе эпитомы, не сохранилось.

Согласно редакции патмосского списка, в период гонений Л. с 7 праведными женами не скрывались от властей, а открыто приходили в церковь и молились. Первым был допрошен Л. Когда он отказался принести жертвы языческим богам, его отвели в сторону, а вперед вывели его спутниц. Рим. чиновник попробовал обмануть их, сказав, что Л. уже пообещал принести жертвы «12 богам, сохраняющим всю вселенную», но те не поверили. Тогда они были заключены в темницу, а Л. после повторного отказа поклониться идолам подвергнут пыткам. Сначала его, а затем и его сподвижниц подвесили

и стали раздирать тело и прижигать огнем бока. Но мученики не отступили от своей веры, тогда их решили утопить: каждому привязали к шее и на спину камни и бросили святых в море. Волны сорвали оковы, и тела мучеников были вынесены на берег. Их подобрали благочестивые христиане, похоронили и построили на месте погребения храм, в к-ром, по словам автора Мученичества, совершались чудесные исцеления и происходило ежегодное празднование в честь святых. Кончина святых припала на 19 апр. Автора краткого Мученичества не интересовали фактические детали: он не назвал имена праведных дев (за исключением Хариессы), имя рим. чиновника, место рождения Л. и место казни мучеников.

Эти сведения помогают восстановить др. близкие по времени к эпитоме источники. Различные списки Синаксаря К-польской ц. (архетип кон. X в.) помещают память Л. под 16 и 17 апр. (SynCP. Col. 605–610). В синаксарных заметках уточняется, что Л. был схвачен в церкви в Трезене (Арголида), а только потом приведен в Коринф на суд; что Василисса была матерью Нунехии; что рим. офицера, казнившего святых, звали Венуст; что кончина мучеников последовала за день до Пасхи. Служба прп. Иосифа Песнописца (*Σαφρόνιος (Εὐστρατιάδης)*). 1935. S. 172–179) подтверждает почти все детали за исключением того, что Василисса была матерью Нунехии; все спутницы Л. названы «девами».

В поздневизантийский период культ Л. оказался контаминирован с культом сщмч. *Леонида*, еп. Афинского (пам. греч. 15 апр.), что оказало влияние и на последующую научную традицию (так, напр., в ВHG Л. назван «ер. Athenagum»). Яркий пример смешения 2 святых – речь митр. Афинского Михаила Хониата (1138–1222) «В честь священномученика Леонида и его дружины» (ВHG, N 984; *Μιχαὴλ Ἀκομινάτου*. 1879). Речь лишена конкретики (из имен праведных жен вновь звучит лишь имя Хариессы) и изобилует риторическими топосами, однако из нее можно заключить, что во времена Хониата мощи мучеников покоились в церкви за пределами Афин, на р. Илосс. Завершается речь пространством сравнением подвига Л. с подвигом легендарного спартанского царя Леонида в битве при Фермопилах.

Ни один др. источник о священническом сане Л. не сообщает.

Мученичество *Кодрата*, мч. Коринфского, созданное в 1328–1341 гг. историком и богословом Никифором Григорой (ВHG, N 358; *Leone*. 1987/1989. P. 291–293), также повествует о Л. Формально посвятив свое сочинение лишь одной дружине мучеников, Григора написал полноценную историю христ. проповеди в Коринфе в III в., выделив 2 поколения мучеников. К 1-му относились Кодрат и его дружина, которые стали образцом для подражания для 2-го поколения – Л. и его спутниц, а также мучеников *Викторина*, *Виктора*, *Никифора*, *Клавдия*, *Диодора*, *Серапиона*, *Папия*.

Почитание Л. получило особое распространение в Арголиде. Л. считался покровителем с. Неа-Эпидаврос. Согласно местному преданию, в 1917 г. благодаря чудесному видению жители города обрели мощи мучеников (саркофаги с 7 женскими и муж. скелетом со следами пыток), вполн. они перенесли их в специально построенный и освященный во имя мучеников храм (*Χρισόστομος*. 1966. Σ. 279).

Ист.: ВHG, N 983z, 984; *Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα* / Εκδ. Σ. Π. Λάμπρος. Ἐν Ἀθήναις, 1879. Т. 1. Σ. 150–156; *Δουκάκης*. ΜΣ. Т. 4. Σ. 160–161; ВМЧ. Апр. Дни 8–21. Стб. 461–462, 471–473; *Σαφρόνιος (Εὐστρατιάδης)*, *μητρ. Λεωνίδης ὁσως ἀρχιεπίσκοπος Ἀθηνῶν καὶ Λεωνίδης ἄμρτυς ὁ ἐν Τροίῳνι* // *Θεολογία*. 1935. Т. 13. Σ. 170–179; *Halkin F. Saint Léonide et ses sept compagnes martyrs a Corinthe* // *ΕΕΒΕ*. 1953. Т. 23. Σ. 217–223; *idem. Un ménologe de Patmos (Ms. 254) et ses légendes inédites* // *AnBoll*. 1954. Vol. 72. P. 15–34; *idem. Recherches et documents d'hagiographie byzantine*. Brux., 1971. P. 60–67; *Leone P. L. M. La «Passio sancti Codrati» di Niceforo Gregora* // *ΕΕΒΕ*. 1987/1989. Т. 47. Σ. 275–294; *Νικόδημος. Συναξαριστής*. 1998⁴. Т. 4. Σ. 227–229.

Лит.: *Duchesne M. L. Les sources du Martyrologe hiéronymien* // *MarHist*. 1885. Vol. 5. P. 120–160; *Χρισόστομος, μητρ. Λεωνίδης* // *ΘНЕ*. 1966. Т. 8. Σ. 278–280; *Janin R. Leonida e VII donne, santi, martiri a Corinto* // *BiblSS*. 1966. Vol. 7. Col. 1309–1310; *idem. Églises et monastères*. 1969². P. 322–323.

Л. В. Луговицкий

ЛЕОНИД Васильевич Сальков (1886, дер. Тоганаш Перекопского у. Таврической губ. – 7.03.1938, Карагандинский ИТЛ), мч. (пам. 19 нояб. и в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской). Из купеческой семьи. В 1904 г. окончил гимназию в Симферополе. С 1905 по 1911 г. учился на физико-математическом фак-те Московского ун-та.

По окончании ун-та был призван в армию. В 1912 г. демобилизовался в запас в чине прапорщика. В 1914 г. призван в действующую армию. Вскоре был произведен в подпоручики, а в нач. 1917 г. – в поручики. В июле 1917 г. Л. подал в отставку и перевелся в г. Одессу в резерв. По благословению прот. св. *Ионы Одесского (Атаманского)* Л. ушел в один из монастырей. В апр. 1918 г. вернулся в Одессу. Раздав свое имущество, Л. стал путешествовать по монастырям Крыма, Кавказа, Ставропольской губ. В марте 1919 г. прп. Алексей (Шушания) из Теклаукского монастыря благословил его на странничество. Осенью 1919 г. Л. отправился в Иерусалим, однако попасть туда не смог и, прожив 2 месяца в К-поле на Афонском подворье, вернулся в Россию, в *Херсонесский во имя св. равноап. кн. Владимира мужской монастырь*, где проживал до 1923 г. Периодически посещал *Балаклавский во имя вмч. Георгия Победоносца мужской монастырь* близ Севастополя. В мае 1923 г. он отправился путешествовать на Кавказ, жил в монастырях или у благочестивых крестьян, принимавших странников. В соответствии со своими убеждениями Л. отказался от работы на советских предприятиях или от службы в советских учреждениях, жил за счет того, что выполнял работу по частным заказам, и на пожертвования от верующих. В дек. 1927 г. был арестован Абхазским ГПУ по подозрению в «шпионаже в пользу контрреволюционного духовенства». Приговорен к 3 годам ИТЛ, отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. После освобождения в сент. 1930 г. проживал в с. Воинском Шуйского р-на Вологодского окр. В 1933–1934 гг. путешествовал в Одессу, Сухуми, Симферополь, Тирасполь. В нач. 1935 г. был арестован в Вологде и 15 янв. отправлен в Одессу. Там Л. был обвинен в организации контрреволюционной группы в г. Одессе и приговорен к 5 годам ИТЛ. Отбывал заключение в Карагандинском ИТЛ. 18 нояб. 1937 г. арестован в лагере, обвинен в контрреволюционной деятельности, «распространении текстов молитв», участии в панихиде по расстрелянной царской семье. Виновным себя не признал и отказался свидетельствовать против др. подозреваемых. Приговорен к расстрелу. Казнен, похоронен в безвестной могиле.

Прославлен Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.

Арх.: Архив ДКНБ по Карагандинской обл. Д. 02571; Архив Управления СБУ в Одесской обл. Ф. «П». Д. 21541-п; ГА Одесской обл. Ф. «П». Д. 11066.

Лит.: *Михайлуца Н. И.* Одесская группа «ИПЦ» 1935 г.: Трагисценарий советских спецслужб // *Былые годы.* Сочи, 2012. № 4(26). С. 48–55.

ЛЕОНИД [груз. ლეონიდი] (Окропиридзе Лонгин Соломонович) (15.02.1861, с. Дисеви Горийского у. Тифлисской губ. — 11.06.1921, Тифлис), католикос-патриарх всей Грузии

Архим. Леонид (Окропиридзе), преподаватель Тифлисской ДС. Фотография. 1895 г.

зии (14 окт. 1918 — 11 июня 1921). Л. род. в христ. семье; его дед, Давид, был священником в с. Дисеви, крупном христ. центре Шида-Картли. В селе сохранилось более 35 церквей, самые известные Дзелицховели (в честь Животворящего Древа Господня) (IX в.) и во имя Пресв. Богородицы (XI в.). Благотворное влияние на формирование христ. мировоззрения Л. оказал его дядя, еп. Абхазский (позже Гурийско-Мингрельский) свт. Александр (Окропиридзе), занимавший образованием племянника. В 1867 г. Лонгин был зачислен в Горийское ДУ и находился под непосредственным присмотром свт. Александра. Мальчик часто прислуживал дяде во время архиерейских богослужений. Согласно воспоминаниям Л., однажды он услышал внутренний голос, зовущий его на служение Церкви в сане священника. По словам Л., с этого момента «голос в нем не умолкал, а все более и более побуждал к решительному шагу». Лонгин решил сначала получить высшее богословское образование, затем принять священный сан. В 1879 г. юноша поступил в Ставропольскую ДС, затем учился в Киевской ДА (1884–1888), к-рую

окончил со степенью кандидата богословия. Значительное влияние на него во время учебы оказывал ректор академии еп. Каневский *Сильвестр (Малеванский)*. 29 июня 1887 г. в пещерах Киево-Печерской лавры Лонгин принял постриг, имя Леонид выбрал себе сам. Из письма Лонгина свт. Александру, написанного за неск. недель до пострига, известно, что юношу в этот период по протекции наместника лавры архим. *Иувеналия (Половцева)* (впосл. архиепископ Литовский и Виленский) окормлял «один монах-отшельник» из Киево-Печерской лавры. 2 мая 1888 г. Л. был рукоположен во иерея.

Л. вернулся в Тифлис и 20 окт. 1888 г. был назначен инспектором школ *Общества восстановления правосл. христианства на Кавказе* (до 1896). В его ведении находились школы в регионах Вост. Грузии: Мтианети, Пшав-Хевсурети, Мтиулет-Гудамакари, Ардон-Алагирском ущелье и Саингило. 1 нояб. 1892 г. Л. был возведен в сан игумена и назначен настоятелем мон-ря *Зедазени*, 24 нояб. 1893 г. — мон-ря *Хирса* с возведением в сан архимандрита. 24 сент. 1896 г. утвержден членом *Грузино-Имеретинской синодальной конторы* (до 1897) и председателем Комитета по правке духовных книг. В 1897 г. назначен настоятелем мон-ря Натлисмцемели (во имя св. Иоанна Предтечи) в пуст. *Гареджи*.

19 апр. 1898 г. хиротонисан во епископа Горийского, 1-го викария экзарха Грузии. Чин хиротонии совершили в тифлисском кафедральном соборе Сиони (в честь Успения Пресв. Богородицы) экзарх Грузии архиеп. *Флавиан (Городецкий)*, еп. Гурийско-Мингрельский свт. Александр (Окропиридзе), еп. Алавердский *Виссарион (Дадзиани)* и др. С 12 авг. 1900 г. епископ Имеретинский. В первый же год архипастырского служения Л. проехал по всей епархии, занимаясь восстановлением храмов и содействуя открытию церковных школ.

Л. был активным сторонником восстановления автокефалии Грузинской Православной Церкви (ГПЦ). В периодике того времени он размещал исследования, касающиеся истории и устройства ГПЦ до ее вхождения в состав РПЦ, печатал полемические письма, обличал антигруз. направленность политики некоторых экзархов Грузии («Отче, редактор!» 1906. С. 15–16; Ошибка

в вопросе об автокефалии Груз. Церкв. 1906. С. 6–8 и др.). Его т. зр. оказала значительное влияние на груз. общественность. В 1906 г. участвовал в проходивших в С.-Петербурге заседаниях 2-го отдела *Предсоборного присутствия РПЦ*, на которых в т. ч. решался вопрос об автокефалии ГПЦ (2 июня — 13 дек.). Выступая 2 июня, он аргументированно доказал правомочность восстановления автокефалии (Журналы и заседания. С. 1–2). Также Л. был сторонником идей движения «Тергдалеулеби», возникшего в 60-х гг. XIX в. среди части груз. интеллигенции, получившей образование в России. Оно ставило такие задачи как служение Родине, защита интересов груз. народа и др. (подробнее см. в статьях *Грузия, Илия Чавчавадзе*).

С 1 февр. 1908 г. епископ Гурийско-Мингрельский. Л. не одобрял русификацию образования в Грузии. Большое внимание уделял вопросу изучения груз. языка и груз. церковного пения в духовных школах. Под его председательством была учреждена комиссия, которая разработала новую программу обучения груз. языку; также Л. создал хор под упр. А. Кавсадзе, к-рый исполнял грузинские церковные песнопения на богослужениях в тифлиссских церквах. Л. имел попечение о груз. монахах, изгнанных из некогда принадлежавшего грузинам *Иверского монастыря* на Афоне, он предоставил им место в мон-рях в пуст. Гареджи.

На Соборе ГПЦ, прошедшем 12 марта 1917 г. в патриаршем кафедральном соборе Светицховели в Мцхете под председательством Л., он зачитал решение о восстановлении автокефалии ГПЦ. Л. был назначен председателем Временного управления ГПЦ, в состав к-рого вошли еп. Горийский *Антоний (Гиоргадзе)*, протоиереи Н. Талаквадзе, К. Кекелидзе, св. Полиевкт Карбелашвили, свящ. Василий Карбелашвили (см. в ст. *Карбелашвили*) и др. На следующий день Л. оповестил о принятом восстановлении представителя Особого Закавказского комитета (высший орган Временного управления в Закавказье) Б. Хатисова и экзарха Грузии архиеп. *Платона (Рождественского)* (Тбилисский гос. музей литературы Грузии им. Г. Леонидзе. Ф. прот. Н. Талаквадзе. Ед. хр. 25995. Л. 7–8). Церковная власть в Закавказье была разделена: грузинские приходы отошли в юрисдикцию

ГПЦ, признанной Временным правительством, негрузинские, в т. ч. и русские — в ведение новообразованного Кавказского Экзархата РПЦ (подробнее см. в ст. *Грузинский Экзархат Русской Православной Церкви*).

15 авг. 1917 г. Л. был избран митрополитом Тифлиским ГПЦ и местоблюстителем престола католикоса-патриарха всей Грузии. 23 авг. 1917 г. митр. Платон покинул Тифлис, его дворец заняли члены Временного управления ГПЦ во главе с Л. 8–17 сент. в Тифлисе прошел Собор ГПЦ и была утверждена автокефалия Церкви, избраны католикос-патриарх всей Грузии свт. Кирион III (II) (*Садзаглишвили*) и архиереи, учреждены новые епархии. С 17 сент. 1917 до 23 февр. 1919 г. Л. занимал должность временно исполняющего обязанности главы Церкви в период ее вдовства. 8 июня 1918 г. была образована Грузинская демократическая республика, социал-демократическое правительство отделило Церковь от гос-ва, в школах были отменены уроки Закона Божьего.

После убийства свт. Кириона III (II) 27 июня 1918 г. Л. исполнял обязанности местоблюстителя Патриаршего престола. 28 нояб. 1918 г. Католикосский совет ГПЦ принял решение утвердить Л. католикосом-патриархом всей Грузии без выборов, на основе голосования, прошедшего на 1-м церковном Соборе (сент. 1917), когда Л. получил 280 голосов и занял 2-е место после свт. Кириона III (II). Интронизация Л. состоялась 23 февр. 1919 г. в Светицховели. Правительство назначило специальный поезд из Тифлиса до Мцхеты для желающих присутствовать на интронизации. В первосвятительском слове Л. как духовный наставник народа, только что обретшего независимость, отметил, что: «свобода значит все и для каждой личности, и для всего народа, но мы должны знать, что свобода весьма хрупка по своей природе — она обитает только там, где есть Дух Господень» (Арх. Груз. Патриархии. Ф. католикоса-патриарха Леонида (Окропиридзе). Ед. хр. 6443).

В период своего председательства Л., как и свт. Кирион III (II), стремился вернуть ГПЦ то положение, которое у нее было до утраты автокефалии в нач. XIX в., восстановить исторические связи с др. Поместными Православными Церквями

Леонид (Окропиридзе),
еп. Имеретинский.
Фотография. 1906 г.

и с инославными конфессиями. 5 авг. 1919 г. Л. в открытом послании (№ 3949) ответил на письмо патриарха всея России свт. Тихона, направленное 29 дек. 1917 г. свт. Кириону III (II), Л. и др. груз. архиереям, в к-ром свт. Тихон признавал правомерность постановки вопроса о восстановлении автокефалии ГПЦ, но осудил самочинный характер этого деяния (на основе 9-го, 13-го и 16-го правил Антиохийского Собора). Л. указал на незаконное и насильственное упразднение автокефалии ГПЦ в 1811 г. светской властью (Послание Святейшего Леонида, католикоса-патриарха всей Грузии. 1920). Католикосы-патриархи сщмч. Кирион III (II) и Л. обращались к К-польскому патриарху Василию II, Римскому папе Бенедикту XV, католикосу всех армян Геворгу V, однако поддержки не получили. В 1920 г. в Тифлис прибыл представитель Римско-католической Церкви, к-рый предложил Л. признать главенство Римского папы. Несмотря на отказ, в том же году Ватикан назначил еп. Г. Н. Мориондо (в 1921 еп. А. Сметса) своим представителем на Кавказе и в Крыму и прислал в Грузию под видом археологов и палеографов группу иезуитов для пропаганды католицизма. Действия Ватикана не увенчались успехом, и в 1924 г. еп. А. Сметс покинул Грузию (*Скурат*. ИППЦ. 1994. Т. 1. С. 46–47).

Л. стремился к единству Церкви и груз. общества. В окт. 1919 г. он с пастырским визитом посетил Сухумо-Абхазскую епархию ГПЦ, встретился с паствой, груз. военными, призывая к объединению во имя гос. интересов.

25 февр. 1921 г. Тифлис был занят войсками Красной армии, в городе была установлена власть большевиков. Л. временно перенес резиденцию в Кутаис, взяв с собой наиболее значимые святыни ГПЦ. 13 апр. вернулся в столицу. 15 апр. Ревком Грузии объявил ГПЦ незаконной организацией. Началась конфискация имущества ГПЦ, храмы и мон-ри закрывали в адм. порядке, духовенство преследовали (Хронологический сб. законов. 1959).

Л. вместе с паствой переживал тяготы времени. Когда в Тифлисе была эпидемия холеры и было трудно найти чистую воду, келейники предложили Л. принести воду из источника, на что он ответил: «Я буду пить ту же воду, что и мои духовные чада» (*Талаквадзе Н. Мемуары* // Гос. музей лит-ры им. Г. Леонидзе. Ед. хр. № 025995. Тетр. № 3). Л. заразился холерой и скончался 11 июня 1921 г. Он был похоронен в кафедральном соборе Сиони в Тифлисе, на похоронах присутствовали неск. сотен чел.

В Грузии и ГПЦ существует особое отношение к Л.: в условиях разрыва молитвенного общения с РПЦ и др. Церквями, несмотря на влияние Запада, смену курса гражданской власти и гонения на Церковь, он сумел сохранить автокефалию ГПЦ. В кон. XX — нач. XXI в. в груз. периодике и в виде отдельных изданий были опубликованы мн. проповеди Л., его полемические и исторические сочинения.

Арх.: ЦГИАГ. Ф. католикоса-патриарха Леонида (Окропиридзе). № 1461; Арх. Груз. Патриархии. Ф. католикоса-патриарха Леонида (Окропиридзе).

Соч.: Из записок миссионера // ДВГЭ. 1892. № 1. С. 20–24; Из записок миссионера: Гудамарское уездное и религ.-нравственное состояние его обитателей // Там же. № 2. С. 24–30; Из записок миссионера: Состояние христианства в Хевсуретии // Там же. № 10. С. 18–22; № 11. С. 6–13; Две речи к столетию смерти славного груз. царя Ираклия II. Тифлис, 1898 (на груз. яз.); Речь при наречении во епископа // ПрибЦВед. 1898. № 20. С. 724; Отче, редактор! [Ответ на письмо комиссии уполномоченных имеретинского духовенства об автокефалии Груз. Церкви] // Слово. Пг, 1906. № 3. С. 15–16; Ощутимая ошибка в вопросе автокефалии Груз. Церкви // Мцкемси (Пастырь). Тифлис, 1906. № 10. С. 3–5 (на груз. яз.); Ошибка в вопросе об автокефалии Груз. Церкви: [Письмо еп. Леонида по вопросу автокефалии Груз. Церкви] // Джвари вазиса (Крест из виноградной лозы). Тифлис, 1906. № 11. С. 6–8; Слова и поучения. Пот, 1914. Т. 1: Дни груз. святых (на груз. яз.); Обращение митрополита к грузинам // Грузия. Тифлис, 1918. 8 авг. (на груз. яз.) (То же // Народное просвещение. Тб., 1989. 24 мая (на груз. яз.)); Послание Святейшего Леонида,

католикос-патриарха всея Грузии, к Святейшему Тихону, патриарху Московскому и всея России, 5 авг. 1919 г. Тифлис, 1920; То же [Письмо к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Тихону] // Джвари вазиса (Крест из виноградной лозы). 1990. № 3. С. 64–76 (на груз. яз.); *Кочламазишвили Е.* Католикос-патриарх Леонид и его проповеди // Календарь Груз. Патриархии на 1990 г. Тб., 1990. С. 117–440 (на груз. яз.); Письмо об отделении Церкви от гос-ва. Тб., 2005; Письма католикосов-патриархов всея Грузии Кириона II (Садзаглишвили), Леонида (Окропиридзе), Амвросия (Хелаи), 1917–1927 гг. Тб., 2010 (на груз. яз.); Католикос-патриарх всея Грузии Леонид (Окропиридзе) на страницах газ. «Иверия», 1889–1905 гг.: Сб. / Сост.: К. Алибегашвили. Тб., 2014 (на груз. яз.).

Ист.: Наречение и хиротония члена Грузино-имеретинской синод. конторы архим. Леонида во еп. Горийского, 1-го vicария Груз. епархии // ДВГЭ. 1898. № 9. С. 18–23; Журналы и заседания 2-го отдела Высочайше учрежденного Присутствия при Свят. Синоде для разработки подлежащих рассмотрению на Поместном Церк. Соборе вопросов: Об устройении церк. дел на Кавказе. СПб., 1907; Хронологический сб. законов Груз. ССР, постановлений Президиума Верховного Совета Груз. ССР и постановлений правительства, 1921–1940 гг. Тб., 1959 (на груз. яз.); Католикос-патриарх Леонид (Окропиридзе), 1861–1921: Фотогелогия // Сапатриаркос уцкебани (Вестник Патриархии). Тб., 2009. № 5(491). 12–18 февр. С. 18–20 (на груз. яз.).

Лит.: *Небодзирели И.* Еп. Имеретинский Леонид. Тифлис, 1902 (на груз. яз.); *Квеселая И.* Антирелигиозные мероприятия в Грузии в 1921–1925 гг. // Моамбе (Вестник). Тб., 1979. № 1. С. 78–84 (на груз. яз.); *Цховребадзе Г.* Грузинская полит. эмиграция и вопросы независимости Грузии в 1921–1925 гг. Тб., 1996 (на груз. яз.); *Гелашвили Г.* Английский журналист Г. Невинсон о Грузии 1906 г.: Источники // Новая и новейшая история. Тб., 2008. Вып. 2(4). С. 421–443 (на груз. яз.); *Арабидзе И.* Миссионер Игнатъев об автокефалии Груз. Церкви // Там же. 2009. Вып. 1(5). С. 322–340 (на груз. яз.); *Хурцидзе Б.* Имеретинский еп. Леонид (Окропиридзе) (1900–1908) // Шромеби (Труды) / Кутаисский ист.-этнограф. музей. Кутаиси, 2009. Вып. 19. С. 141–150 (на груз. яз.); Святейший и блаженнейший католикос-патриарх всея Грузии Леонид (1918–1921): Пастырь // Сааркиво моамбе (Архивный бюллетень) / Архив МИД Грузии. Тб., 2010. Вып. 8. С. 10–15 (на груз., англ. яз.); *Бубулашвили Э.* Интересный документ времен Экзархата о монастырской жизни: Еп. Леонид (Окропиридзе) рассказывает об афонских старцах // Журнал Гелатской АН. Кутаиси, 2014. Вып. 1/2 (Янв.–февр.). С. 24–31 (на груз. яз.); *Вардосанидзе С.* Католикос-патриарх всея Грузии, Святейший и Блаженнейший Леонид (1918–1921). Тб., 2014 (на груз. яз.); *Мацаберидзе М.* Война на фев.-марта 1921 г. и Груз. Правосл. Церковь // Шромеби (Труды) / Горийский гос. образовательный центр при ун-те истории и архитектуры. Гори, 2014. Вып. 5. С. 228–239 (на груз. яз.).

Прот. Л. Матешвили

ЛЕОНИД († 20.10.1575), архиеп. Новгородский (1571–1575). В кон. 1568 или в 1569 г. он стал архимандритом *Чудова в честь Чуда арх. Ми-*

хаила в Хонех муж. мон-ря в Москве (впервые упом. в данной грамоте 1569/70 г.). Исследователи полагают, что Л. принадлежал к числу сподвижников близкого к *Иоанну IV Васильевичу* Грозному Левкия (который еще в авг. 1568 был настоятелем Чудова мон-ря) и поэтому пользовался доверием царя. Однако среди соборных старцев, управлявших мон-рем при Левкии, имени Л. нет, а с его приходом к власти состав соборных старцев сильно изменился.

За время пребывания Л. на посту не сохранилось ни новых царских грамот, ни подтверждений старых, выданных при Левкии и ранее. Вместе с тем в годы его настоятельства владения мон-ря в разных уездах увеличились за счет земельных вкладов (всего зафиксировано 10 вкладов за 1569–1571).

4 дек. 1571 г. по свидетельству т. н. Новгородской II летописи митр. *Кирилл III* поставил Л. Новгородским архиепископом; это назначение говорит о доверии к нему царя. 23 дек. Л. прибыл в Новгород. Связи, установившиеся во время его пребывания в Чудовом мон-ре, он использовал при формировании своего аппарата власти. Его введенный дьяк Ф. Фатьянов неоднократно упоминается как послух в чудовских актах 60-х гг. XVI в. В тех же актах упоминается Иван Кузьмин сын Нефнев, — близкий родственник др. введенного дьяка — Меньшого Кузьмина сына Нефнева (или одно и то же лицо).

Первоначально архиепископ пробыл в Новгороде сравнительно недолго: в марте 1572 г. он выехал в Москву, получив известия о смерти митр. Кирилла. 29 апр. в Москве церковный Собор под председательством Л. дал царю разрешение в нарушение канонических правил вступить в 4-й брак. После избрания в мае 1572 г. новым митрополитом Полоцкого еп. *Антония* Л. получил от него настольную грамоту и вернулся в Новгород, но и на этот раз пробыл там недолго. Уже 23 авг. 1572 г. Л. снова направился в Москву вместе с настоятелями др. новгородских мон-рей. Вероятно, с этими поездками было связано получение Софийским домом двора казенного казначая Хозяина Тютинна на Ильинке, где было начато строительство архиепископской резиденции.

Л. получил епархию, переживавшую тяжелые времена. От его епархии было отделено и присоединено

к Вологодской епархии Поморье. Во время опричного разгрома Новгорода в янв.—февр. 1570 г. была конфискована казна Софийского дома, вывезены иконы и утварь из собора Св. Софии. Тяжелое положение усугублялось тем, что новый архиепископ не получил от царя освобождения от налогов и повинностей, к-рые были предоставлены принятым в опричнину мон-рям. Лишь 16 авг. 1572 г. царь дал Л. жалованную грамоту на владения кафедры в Новгородском и Псковском уездах. Однако по этой грамоте подданные Л. освобождались лишь от нек-рых второстепенных повинностей и платежей, но должны были вносить основные налоги, размер к-рых постоянно увеличивался, не были они освобождены и от таких повинностей, как «посоха» и «городовое дело», тяжесть к-рых возрастала с активизацией военных действий в Ливонии (см. *Ливонская война*).

Неудивительно, что новый архиерей стал прибегать к разным мерам, чтобы пополнить софийскую казну. Так, сбор пошлин с подчиненного духовенства стал взиматься «по новому окладу». От священников архиерей требовал представления на подпись ставленных грамот, что также должно было сопровождаться уплатой пошлины; устанавливались высокие штрафы за различные проступки.

Новгородское духовенство было разорено огромной контрибуцией, наложенной на церкви и мон-ри в 1570 г., к-рую вымогали особые посланники, держа братию и попов месяцами на «правеже». Поэтому такие действия архиерея вызывали враждебную реакцию. В июне 1572 г. произошло столкновение из-за распределения выделенных царем «милостинных денег». Священники жаловались находившемуся в Новгороде царю, и это вызвало гнев архиепископа, к-рый им велел «ризы с себя снимать». Тогда «священницы по всем церквам не хотели служить обедни» (ПСРЛ. Т. 30. С. 161). Не все было благополучно и среди прямых подчиненных архиепископа. Так, 24 июня 1572 г. архиепископ приказал «дьяком своих певчих поставить на правежи» за то, что «не ходят к началу к церкви» (Там же. С. 193).

Деятельность архиепископа не ограничивалась сбором доходов и дисциплинарными мерами. Он устраивал крестные ходы, связанные

с важными событиями церковной жизни, напр. с возвращением в Софийский собор привезенных из Москвы икон Спаса и Петра и Павла. Летописец отмечает, что были отлиты новые колокола для Софийского собора. 2 июля 1572 г. он выступил с поучением перед верующими и духовенством в соборе Св. Софии.

Ряд летописных известий говорит о почитании в нач. 70-х гг. XVI в. местных Новгородских святых. Так, еще до поставления Л. была изготовлена новая рака на гробницу прп. *Саввы* Вишерского вместо старой, разбитой опричниками. В июле 1572 г. Л посетил обитель, «игумена и братию поил, кормил» (Там же. С. 162). Одним из первых действий нового архиерея была отправка в февр. 1572 г. 2 священников в Боровичи, чтобы провести запись чудес, происходивших у гроба св. *Иакова* Боровичского. Исцеление слепой женщины у гробницы свт. *Никиты*, еп. Новгородского, в Софийском соборе способствовало тому, что его останкам были оказаны почести и царем и архиепископом. Свт. Никите был посвящен храм, к-рый начали строить на Софийском дворе в Москве.

9 окт. 1572 г. «весь освященный собор» и Боярская дума приняли приговор: «...в болшие монастыри, где вотчины много, вперед вотчин не давати» (Законодательные акты Русского гос-ва 2-й пол. XVI — 1-й пол. XVII в.: Тексты / Подгот. текстов: Р. Б. Мюллер. Л., 1986. С. 56. № 37). Основные сведения о деятельности архиерея и событиях церковной жизни в Новгородской епархии в первые годы правления Л. содержатся в тексте т. н. Новгородской II летописи, к-рая велась в Софийском доме во 2-й пол. XVI в. По наблюдениям Р. Г. *Скрынникова*, записи за 1571–1572 гг. сделаны каким-то приближенным архиепископа, сопровождавшим иерарха в его поездке в Москву весной 1572 г. Текст летописи обрывается описанием событий кон. 1572 г., и о деятельности Л. в последние годы его правления можно судить лишь по выходявшим из его канцелярии грамотам подчиненному духовенству и служилым людям Софийского дома.

Большая часть сохранившихся документов связана с раздачей поместий в софийской вотчине в Обонежской пятине дьякам и софийским детям боярским. Следует выделить грамоту от 13 мая 1574 г. боярину

В. Г. Фомину с указанием, что ему дано поместье временно, до государева пожалованья. Очевидно, Фомин принадлежал к известной семье митрополичьих бояр и прислан был Иоанном IV в Новгород наблюдать за действиями иерарха.

Ряд документов характеризует отношения архиепископа с подчиненным ему духовенством. Обвиненное вместе со всем Новгородом в «измене», оно вызвало подозрение царя, поэтому он предоставил присланному им иерарху большую власть. Лишь по тяжелым уголовным делам духовные лица подлежали юрисдикции светских властей, но и в этом случае в суде должны были участвовать владычные наместники.

В грамотах Л. мон-рям и церквам неоднократно говорится об уплате пошлин в пользу кафедры «по книгам», т. е. к этому времени стали проводиться переписи церковных учреждений с их обязанностями по отношению к кафедре.

Уже предшественники Л. ввели практику замены выплат кафедре и кормов десятинникам ежегодным фиксированным денежным оброком. Этой практике следовал и Л., подтверждая старые пожалования и выдавая новые, хотя размер такого оброка был повышен. Отмечалась и обязанность давать «подъезд и десятияну» в случае поездки архиепископа в Москву. Но были и обители, как, напр., *старорусский Косинский во имя свт. Николая Чудотворца монастырь*, к-рые Л. освободил от всех выплат в пользу кафедры.

После решений Стоглава духовенство стали освобождать от суда светских лиц (*десятильников*), подчиняя их церковному суду. Та же тенденция, отмеченная у предшественников Л., присутствует и в некоторых грамотах, выданных им. Обязанность десятильников теперь состояла только в доставлении обвиняемых на суд архиепископа, наиболее поздняя грамота Л. датируется 14 авг. 1575 г.

В ряде источников сохранились известия об опале и даже о казни Л. В «Истории о великом князе Московском» кн. А. М. *Курбского* говорится, что после смерти архиеп. Новгородского *Пимена* поставили «друга архиепископа в того место, мужа, яко слышахом, нарочита и кротка; но аки по дву летех, и того повелел (Иоанн IV.— Б. Ф.) убити со двема опаты сиречь игумены велики, або архимандриты» (*Курбский А. М., кн.*

История о великом князе Московском. СПб., 1913. Стб. 160; ср.: *Он же*. История о делах великого князя Московского. М., 2015. С. 182). Поскольку Л. был возведен на кафедру в кон. 1571 г., то получается, что Курбский сообщает о казни Л. в 1573 г. Т. к. 1573–1575 гг. датируются грамоты Л. мон-рям и детям боярским Софийского дома, то появилась т. зр., что в 1573 г. он подвергся опале и был осужден на смерть, но затем помилован и возвращен на кафедру. Однако из свидетельства Курбского следует, что он точно не знал, сколько лет преемник Пимена управлял Новгородской кафедрой. Важно и его указание на гибель вместе с Л. 2 настоятелей мон-рей. Речь идет об архимандритах Чудовской обители и *Симонова Нового московского в честь Успения Пресв. Богородицы мон-ря*, пострадавших вместе с Л. в 1575 г. Т. о., ясно, что Курбский имел в виду события 1575 г. и говорить об опале Л. в 1573 г. нет оснований.

Архиепископ, по-видимому, выехал в Москву в авг. 1575 г. В столицу к этому времени были вызваны воеводы из войска, стоявшего на юге, и мн. духовные лица. Очевидно, тогда Иоанн IV объявил о своем решении передать верховную власть в стране крещеному татар. царевичу *Симеону Бекбулатовичу*. В связи с этим в одном из летописцев, написанном в среде соборного кремлевского духовенства, говорится об обращении к государю с просьбой не ставить во главе гос-ва «иноплеменника». Возможно, установившиеся контакты между Л. и старшим сыном Иоанна IV царевичем *Иоанном Иоанновичем*, отправленным отцом в 1574 г. в Новгород, могли побудить его инициировать подачу царю челобитной с просьбой отказаться от своих решений.

Рассказ о том, что произошло затем с архиепископом, содержится в «Путешествиях» англ. купца и дипломата Дж. Горсея. По его сообщению, архиепископ был обвинен «в измене»: сношениях с королями Польши и Швеции, в чеканке денег, к-рые он якобы посылал этим правителям, а также в гомосексуализме и содержании ведьм. Л. признал обвинения под пыткой. Согласно Горсею, Л. был заключен в тюрьму и закован в кандалы, а его имущество конфисковано. 11 его доверенных слуг были повешены на «воротах Софийского двора в Москве, а «его ведьмы были

позорно четвертованы и сожжены» (*Горсей Д.* Записки о России, XVI — нач. XVII в. М., 1990. С. 74–75). Это сообщение Горсея Скрынников сопоставил с записью в конце «Синодика опальных» Иоанна IV о казни в Новгороде 15 женщин, обвиненных в колдовстве. Очевидно, в Новгороде действительно имели место казни каких-то женщин, пользовавшихся покровительством архиепископа. Согласно английскому дипломату, приговоренный к пожизненному заключению архиепископ писал иконы, изготовлял гребни и седла, однако эти сведения вызывают сомнения. Известна дата смерти архиепископа — 20 окт. 1575 г., т. о., в заключении он пробыл совсем недолго.

Ряд рус. источников говорит о казни Л. Как сообщает Псковская летопись, царь «сан на нем оборвал», очевидно, по решению собравшегося в Москве духовенства; после этого царь его «в медведно ошив, собаками затравил» (Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 262). В кратком «Новгородском летописце» отмечено, что Л. «удавлен бысть кзенью у Пречистой на площади» (НовгорЛет. С. 345). В «Пискаревском летописце» также указывается, что Л. был казнен на площади перед Успенским собором в Кремле вместе с др. духовными лицами, вызвавшими недовольство царя: архимандритом Чудова монастыря и протопопом Архангельского собора. Говорится об этом и в т. н. «Московском летописце», где казнь прямо связана с возражениями царю. Л. похоронен в *Новоспасском московском в честь Преображения Господня муж. мон-ре.*

Ист.: АИ. Т. 1. № 181, 183, 185–187, 189, 190; *Макарий (Миролюбов), архим.* Описание Новгородского архиерейского дома. СПб., 1857. Прил. № 9, 13; НовгорЛет. С. 148, 345; Мат-лы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. № 59, 83, 113, 120–125, 127–131, 140, 143, 147, 148, 150, 153, 154, 159–161, 163, 166; ПСРЛ. Т. 30. С. 159–162, 192–196; Т. 34. С. 192, 226; *Кистерев С. Н.* Акты Московского Чудова монастыря 1507–1606 гг. // РД. 2003. Вып. 9. С. 182–193, 195–196. № 73–80, 82. Лит.: *Строев.* Списки иерархов. Стб. 36, 163; *Греков Б. Д.* Избр. тр. М., 1960. Т. 4. С. 125; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 304, 313, 407; *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // ВИ. 1967. № 5. С. 35–36; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 28–29, 32–34; *Капитанов С. М.* Финансы средневеков. Руси. М., 1988. С. 176; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992 (по указ.); *Антонов А. В.* Вотчинные архивы моск. мон-рей и соборов

XIV — нач. XVII в. // РД. 1997. Вып. 2. С. 113–115; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI в. и его духовная жизнь. СПб., 2001 (по указ.); *Шапошник В. В.* Церковно-гос. отношения в России в 30–80-е гг. XVI в. СПб., 2006. С. 360–381; *Варенцов В. А.* Леонид // Великий Новгород: История и культура IX–XVII вв.: Энцикл. словарь. СПб., 2009. С. 264 [Библиогр.].

Б. Н. Флоря

ЛЕОНИД (Кавелин Лев Александрович; 20.02.1822, с. Спас Волженский Вяземского у. Смоленской губ.— 22.10.1891, Троице-Сергиева лавра), архим., историк, археограф, библио-

*Архим. Леонид (Кавелин).
Фотография.
Кон. XIX в. (ГИМ)*

граф, переводчик, почетный член ИППО. Род. в семье козельского дворянина, участника Отечественной войны 1812 г., штабс-ротмистра, затем ассессора Тульского губернского правления Александра Александровича Кавелина († 7 марта 1874), принадлежавшего к старинному дворянскому роду; в Крымскую войну он возглавил Козельское ополчение (Летопись скита. 2008. С. 136); мать — Мария Михайловна (урожд. Нахимова; 1802–1860), двоюродная сестра адмирала П. С. Нахимова. Племянник владимирского губернатора (1820–1821), директора Главного педагогического ин-та (1816–1819) Д. А. Кавелина (1778–1851), двоюродный брат историка и философа К. Д. Кавелина (1818–1885). В 1835 г., по окончании 4-го класса Калужской гимназии, определен в 1-й московский кадетский корпус (1835–1840). В корпусе проявились его «религиозность и склонность к учено-литературным занятиям» (*Никольский.* 1914. С. 196). В 1839 г. в числе лучших воспитанников корпуса Л. Кавелин принимал участие

в юбилейных маневрах на Бородинском поле, затем по предложению начальства составил их описание (Письмо из Бородина. 1839); стихотворение «Бородинское поле», датированное 1839 г., напечатали позже (Маяк. СПб., 1845. Т. 19. Кн. 38. Отд. 1. С. 48). Воспоминаниям об учебе и о преподавателях посвящены отдельный очерк (В. Ф. Святловский и А. П. Хрущов // РА. 1878. № 11. С. 405–409) и статья (Празднование столетия 1-го Московского кадетского корпуса // ДНР. 1879. № 2. С. 167–172). По окончании курса в 1840 г. Кавелин «за отличные успехи» определен прапорщиком в лейб-гвардии Волынский полк.

Состоявшееся практически одновременно с окончанием корпуса знакомство с издателем ж. «Маяк» С. О. Бурачком и редактором «Иллюстрации» А. П. Башуцким, «литераторами, отличающимися, как и он, православно-религиозным направлением», задало новую тему лит. и научной деятельности Кавелина, в к-рой проявился интерес «к историко-археологическим исследованиям памятников русской старины и церковных преданий» (*Никольский.* 1914. С. 197). Л. стал сотрудником ж. «Маяк», с 1843 по 1846 г. публиковал множество стихов, повестей, переводов, статей и очерков историко-лит., археологического и этнографического содержания. В это время Кавелин сблизился с архим. Сергиевской пуст. св. *Игнатием (Брянчаниновым)*, и молодой офицер «едва было не избрал Сергиевскую пустынь местом первых своих иноческих подвигов» (*Дмитриевский.* 2009. С. 174–176).

Л. часто посещал *Оптину в честь Введения во храм Пресв. Богородицы пуст.*, находившуюся в неск. верстах от имени отца. Под влиянием преподобных *Макария (Иванова)*, *Льва (Леонида) (Наголкина)*, И. В. *Киреевского* молодой офицер изучал Свящ. Писание и творения отцов Церкви. Опубликовал очерк «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни» (1847). В рецензии М. П. Погодин отмечал, что описание составлено очень подробно, «все источники... употреблены в дело рукою искусною» (Москвитянин. 1848. № 4. С. 131). Возможно, в процессе работы Кавелин, «как лучший знаток истории Оптины, привел в надлежащий порядок записи, относящиеся к начальному периоду существования

Оптинского скита» (Летопись скита. 2008. С. 10). На этом лит. деятельность Л. приостановилась. Приняв решение избрать монашеский путь, Лев Александрович «вышел в отставку с чином капитана». 21 марта 1852 г. вступил в число послушников Оптиной пуст. (Там же. С. 212).

В оптинском Иоанно-Предтеченском скиту Кавелин стал одним из ближайших учеников и помощников прп. Макария, под духовным руководством которого участвовал в трудах по переводу и изданию святоотеческих трудов. В записке старца Макария «о переводе книги святого Исаака Сирина» упоминалось, что по завершении работы над пояснениями к сложным для понимания местам текста слав. перевода прп. Паисия (Величковского) в подготовке к изданию участвовал и послушник Кавелин: «...прошедши всю книгу, паки поверили с отцом Иоанном Половцевым и Львом Александровичем Кавелиным» (Там же. С. 340). Сам Л. в рукописном библиографическом «Перечне» своих трудов свидетельствовал, что под рук. иеросхим. Макария занимался вместе с 3 «сотоварищами приготовлением к изданию в свет славянских переводов» прп. Паисия (Величковского), вместе с мон. *Иувеналием* (Половцевым) перевел на рус. язык кн. «Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошение учеников, на славянском наречии, гражданской печати» (М., 1852) и «Душеполезные поучения и послания» прп. аввы Дорофея Газского (М., 1856). Нек-рые исследователи (в т. ч. и И. Н. Корсунский в «Перечне», составленном для ж. «Библиографические записки») ошибочно включали в каталог трудов Л. все переводы, изданные до 1856 г. при Оптиной пуст. (*Иннокентий Провсирнин*). 1972. С. 229). Пребывание в Оптиной пуст. (1852–1857 и 1859–1863) сопровождалось изучением церковно-археологических древностей Калужской епархии. Л. составил каталог старопечатных и редких книг, хранящихся в церквах и б-ке Оптиной пуст. (1857). Одним из послушаний Л. было ведение скитской летописи, к-рое он выполнял в 1852–1857 и 1859–1860 гг.

7 сент. 1857 г. Кавелин был пострижен в монашество с наречением имени Леонид «в благодарность» оптинскому старцу прп. Леониду (Нагол-

кину), 20 окт. того же года рукоположен во диакона, 22 окт. — во иерея. Указом Синода от 22 окт. 1857 г. Л. и иером. Иувеналий (Половцев) были назначены членами возобновленной после Крымской войны Русской духовной миссии (РДМ) в Иерусалиме во главе с еп. Мелитопольским Кириллом (Наумовым). Членом миссии отбирал еп. Одесский Поликарп (Радкевич), первоначально избранный на пост начальника РДМ. 5 июля 1857 г. преосв. Поликарп прибыл в Оптину «со словесным поручением» от архиеп. Московского свт. *Филарета* (Дроздова) и письмом от А. Н. *Муравьева*, чтобы избрать неск. человек для Иерусалимской миссии. По мнению свт. Филарета, «взятые из одной обители, они сохранили бы единство духа и цели в предстоящем деле» (*Дмитриевский*. 2009. С. 182–183). Оптинские старцы Макарий (Иванов) и архим. *Моисей* (Путилов) сразу согласились отпустить своих учеников. Еп. Игнатий (Брянчанинов), напротив, считал, «что их лучше бы удержать под опытным руководством старца Макария, чтобы употребить их для поддержания и распространения доброго монашества в России» (*Филарет Московский, свт.* 2007. С. 42).

В Иерусалиме Л. находился с 1 февр. 1858 до 20 мая 1859 г. Причиной краткого пребывания в составе РДМ считают конфликты между Л. и еп. Кириллом, вызванные противоположностью характеров и разным пониманием монашества. «Столкновение ученика Оптиной пустыни с учеником Духовной академии было неизбежно, — писал В. Н. Хитрово, — и действительно выразилось, едва члены Миссии высадились на берег Святой Земли» (*Хитрово*. 2011. С. 164). Митр. Филарет утверждал, что «неудовольствие» еп. Кирилла устремлениями Л. «началось еще по дороге из России, за то, что преосвященный хотел быть духовником своих иеромонахов, а они на сие не соглашались» (*Филарет Московский, свт.* 2007. С. 120). Осенью 1858 г. Л. решил оставить Иерусалим. 6 окт. 1858 г. Б. П. Мансуров в письме кн. Д. А. Оболенскому упоминал о сложных отношениях отцов Леонида и Иувеналия с еп. Кириллом, к-рый «их не употребляет ни на что, ничего им не доверяет и держит прямо как послушников». В том же письме Мансуров характеризует иеромонахов: «...они просто дети в вопросах

житейских и дипломатических; гнет преосвященного Кирилла смущает спокойствие их духа, а нервная лихорадочная особенность иерусалимской жизни выводит их из своего характера» (*Дмитриевский*. 2009. С. 187, 189–190).

При назначении оптинских иеромонахов в Иерусалим предполагалось, что они станут духовниками рус. паломников. Но, по свидетельству Мансурова, еп. Кирилл «от этого дела оттер их совершенно, посылает их только изредка к поклонникам для следствия и для передачи срочных приказаний... Леонид и Ювеналий всегда являются только полицейскими чиновниками, а не пастырями и увещателями». Свободное время Л. посвящал изучению совр. вост. монашества. Одно время Л. работал над очерками о Православии на Св. земле, об истории Иерусалима и св. мест. Некоторые статьи были напечатаны (Место моления о Чаше // ДБ. 1860. № 38. С. 70–80; Взгляд на ист. судьбы Св. Града // Домашняя беседа. 1860. № 30. С. 373–380). В 1873 г. иерусалимские очерки были изданы отдельной книгой «Старый Иерусалим и его окрестности». Во время 1-го пребывания в Иерусалиме Л. избрал своим духовником старца Иосифа, насельника *Саввы Освященного лавры* (Старый Иерусалим и его окрестности. М., 1873. С. 454–466; *Дмитриевский*. 2009. С. 195).

Указом Синода от 19 марта 1859 г. Л. был награжден набедренником «за отличную службу». Из Иерусалима он выехал 20 мая 1859 г., после того как завершилось паломничество на Св. землю вел. кн. *Константина Николаевича* и его семьи. На обратном пути Л. совершил путешествие на Афон; по свидетельству современника, стремился удалиться в один из афонских мон-рей (*Никольский*. 1914. С. 198; *Дмитриевский*. 2009. С. 185).

В Москве Л. встречался с митр. Филаретом, долго беседовал о жизни на Востоке, о положении РДМ, и визите вел. князя. В кон. 1859 г. Л. возвратился в Иоанно-Предтеченский скит Оптиной пуст., где продолжил лит. и историко-археологические занятия. По приглашению адмирала гр. Е. В. Путятина принял участие в работе над проектом преобразования морских учебных заведений, представив записку, вошедшую в сб. «Замечания разных лиц на

проекты преобразования морских учебных заведений» (СПб., 1860). В том же году кн. Д. А. Оболенский передал Л., хорошо знакомому с положением паломников на Св. земле, предложение вел. кн. Константина Николаевича написать «Отчет о мерах, принятых к улучшению быта русских православных паломников в Палестине». Этот труд без указания авторов был опубликован в 1860 г. и переиздан в 1862 г. в приложении к Месяцеслову на 1863 г. под названием «Отчет о русских сооружениях, воздвигаемых в Иерусалиме для улучшения быта поклонников». 20 нояб. 1888 г. в письме к Хитрову Л. сообщил: «В этом «Отчете» мне принадлежит лишь одна историческая часть, все остальное, т. е. современное оному положение дел Палестинского Комитета, заимствовано мною буквально из доставленного мне чрез того же Д. А. Оболенского материала, который, по всем вероятностям, есть дело рук Бориса Павловича [Мансурова], он и в ответе. Поэтому-то я не пожелал, чтобы имя мое красовалось на сем «Отчете»» (*Дмитриевский*. 2009. С. 196–197).

В 1860 г. Л. потерял неск. близких людей — 23 авг. умерла его мать, М. М. Кавелина, а 7 сент. скончался духовный наставник, прп. Макарий. Л. описал предсмертные дни старца (Последние дни Оптинского старца. 1860), составил «Сказание о жизни и подвигах... иеросхим. Макария» (М., 1861). Ознакомившись с рукописью жизнеописания, Московский митрополит назвал Л. «любящим учеником незабвенного старца» (*Филарет Московский, свт.* Собр. мнений. 1887. Т. 5. Ч. 1. С. 33). Спустя год Л. подготовил к изданию «Собрание писем блаженныя памяти Оптинского старца иеросхим. Макария» (М., 1862. Т. 1–2; 1863. Т. 3).

По поручению вел. кн. Константина Николаевича Л. планировал в 1860 г. отправиться в очередную поездку в Иерусалим в сопровождении паломника и исследователя христ. Востока А. С. Норова с целью написания «Путеводителя для русских паломников Св. Гроба». Однако поездка не состоялась. Др. поручением Палестинского комитета было «составление славянских надписей на иконостасы и другие церковные принадлежности русских церквей в Иерусалиме», а также «составление рисунков для внутренних украшений сих церквей». За этот труд Л.

получил из комитета 150 р. (*Дмитриевский*. 2009. С. 197).

Вернувшись в Оптину пуст., Л. посвятил себя ученым трудам — продолжил историческое описание церквей и обителей Калужской и соседних с ней епархий, составил жизнеописания известных ему подвижников благочестия. Его труды печатались в «Калужских епархиальных ведомостях», «Калужских губернских ведомостях», «Чтениях Московского Общества истории и древностей», «Церковной летописи Калуги», «Летописи градокалужских церквей», «Материалах для исторического описания монастырей Калужской епархии» и др. В Калуге в архиерейском доме, где Л. работал над описанием калужских мон-рей, собрал б-ку духовной лит-ры — одну из крупнейших в губернии. В 1862 г. были изданы «Исторические описания» *Лаврентиева калужского*, *Люткова Троицкого* (близ Перемышля) мон-рей, *Тихоновой Калужской в честь Успения Пресв. Богородицы пуст.*; в 1863 г. — описания упраздненных обителей — Калужской епархии *малоярославецкого Черноостровского во имя свт. Николая Чудотворца* и белёвского Крестовоздвиженского девичьего мон-рей.

29 нояб. 1863 г. Л. был назначен начальником РДМ в Иерусалиме с возведением 6 дек. 1863 г. в сан архимандрита. По мнению Хитрово, кн. Оболенский, «стоявший близко ко всем деятелям Палестинского Комитета», считал Л. «подходящим кандидатом, как некогда разошедшегося с преосвященным Кириллом» (*Хитрово*. 2011. С. 165). За труды по участию в делах РДМ в Иерусалиме и др. заслуги в 1863 г. Л. был награжден наперсным крестом с драгоценными камнями из Кабинета Его Императорского Величества.

29 апр. 1864 г. Л. на пароходе Российского об-ва пароходства и торговли выехал из К-поля в Яффу. Дела РДМ в Иерусалиме требовали, по словам Хитрово, «энергичных мер», т. к. «даже малейшие связи духовной дисциплины были расшатаны вконец» (Там же. С. 168). Российский консул А. Н. Карцов стремился низвести статус начальника РДМ до рядового священника, разделяя мнение тех, кто рассчитывали иметь в Иерусалиме «не более как настоятеля консульской церкви» (*Смирнова*. 2014. С. 348). Позже, 20 авг. 1866 г., Л. писал митр. Филарету: «В Иеру-

салиме, называясь представителем высшей духовной власти нашей, на деле я был почти подчинен совершенно не такому лицу, каков, например, г-н посланник и министр в Константинополе, а чиновнику-нигилисту, без всякой веры и нравственности» (Письма духовных и светских лиц к митр. Филарету. 1900. С. 644). В сер. июня 1864 г., воспользовавшись отсутствием консула, Л. принялся за установление нового порядка пребывания рус. богомольцев, однако строгость его требований вызвала негативную ответную реакцию со стороны часто приезжавших в Иерусалим или постоянно проживавших паломников.

Спровоцированные и поощрявшиеся консулом доносы и интриги, обращения членов РДМ, недовольных архимандритом, к патриаршему наместнику митр. Мелетию, а затем и к патриарху Иерусалимскому *Кириллу II* привели к тому, что патриарх объявил Л. персоной «нон грата». В результате в нач. 1865 г. возникло дело «о переустройстве» РДМ в Иерусалиме: между Мин-вом иностранных дел и Синодом началась продолжительная переписка, направленная на разрешение конфликтной ситуации. Центральная роль в расследовании «дела Леонида» принадлежала митр. Московскому Филарету, которого Л. называл «благодетелем обще всех учеников достоуважаемого старца иеросхим. Макария» (Там же. С. 640).

Действия членов РДМ, недовольных Л., митр. Филарет назвал «соумышлением, которое, быв ослеплено недоброжелательством, видит преступление там, где его вовсе нет», «мятежным расположением против начальника Миссии» (*Филарет Московский, свт.* 1886. С. 428). Не одобрял святитель и поведения Л., не считая, однако, что оно оправдывает поступки подчиненных: «В лице и действиях архимандрита видны тяжелое обхождение с окружающими, суровое настояние на права и преимущества начальника, слова и поступки неосмотрительные, но не дела незаконные» (Там же. С. 425–426). Принимая во внимание, что Л. не сумел расположить иерусалимское общество к «доверительным отношениям», без которых невозможна успешная работа миссии, митрополит пришел к необходимости удаления его из Иерусалима: Л., «тяжело начальствовавший, подвергшийся

неблагорасположению подчиненных и, при открывшемся их неповиновении, не оказавший великодушной рассудительности, а позволивший себе поступки, которые представляют его самого в странном виде, не может с пользою оставаться начальником миссии» (Там же. С. 429). Позже, усмотрев за поступками членов миссии (похищение тайных донесений Л., доведение их до сведения Блаженнейшего патриарха) направляющую руку консула Карцова, митр. Филарет потребовал тщательного расследования иерусалимского дела. Он предложил пересмотреть меры, которые считал необходимыми прежде: «Не нужно ли, удалив из Миссии мятежников, на некоторое время оставить архимандрита, чтобы поддержать его достоинство и в лице его достоинство русской иерархии, иначе мятежное соумышление может почитать его убитым, хотя и не может приписать себе победу» (Там же. С. 432). Расценивая действия консула Карцова направленными против РДМ в Иерусалиме, митр. Филарет писал: «Если такой образ действия со стороны г. консула продолжится, то никакая Духовная Миссия в Иерусалиме в порядке существовать не может. Стоит только представить незаконный и несправедливый донос г. консулу, и законный начальник будет низринут, и незаконные доносители сделаются властителями». По мнению Московского архипастыря, «долг справедливости и охранения порядка не позволят Святейшему Синоду взирать на сие бездейственно» (Там же. С. 433).

После продолжительной переписки было принято решение временно назначить начальником РДМ в Иерусалиме настоятеля церкви русского посольства в К-поле архим. *Антонина (Капустина)*, а на его место перевести Л. Синод в соответствии с определением от 23 июня 1865 г. известил МИД, что члены Синода «находят полезным на время пребывания архимандрита Антонина в Иерусалиме вызвать в Константинополь начальника Иерусалимской Духовной Миссии архимандрита Леонида» (РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 132). 15 июля 1865 г. был подписан синодальный указ о «временном» перемещении Л. и о. Антонина.

После того как архим. Антонин прибыл в Иерусалим (11 сент. 1865), Л. приступил к сдаче дел миссии.

При этом «отчетность ее была найдена в образцовом порядке». 19 сент. Л. провел ночь в храме Гроба Господня, 20 сент. передал в дар миссии свою б-ку, 21 сент. выехал из Иерусалима. «Оставляя Святой Град Иерусалим,— писал он Норову 2 нояб. 1865 г.,— я, конечно, по долгу христианскому, простился со всеми, начиная с Блаженнейшего, и был весьма утешен тем искренним приветом и откровенным выражением сочувствия ко мне от всех благонамеренных лиц греческого духовенства, в особенности преосвященного Никифора и фаворского отца Иоасафа и всего Святогробского братства. Все русские поклонники с моим братством и с о. архим. Антонином провожали меня до Поклонной горы с благожеланиями и благословением» (*Дмитриевский*. 2009. С. 322–323).

Оценивая роль Московского архипастыря в иерусалимских событиях, архим. *Киприан (Керн)* отмечал, что «митрополит Филарет в деле о. Леонида всецело принял его сторону и временным назначением о. Антонина как бы подчеркивал и перед Святогробским Синодом, и перед нашим правительством свое отношение к делу и не желал окончательным решением делать уступок Патриарху Иерусалимскому и уронить престиж России и начальника ее церковного представительства» (*Киприан (Керн)*. 2005. С. 155).

Оказавшись на месте настоятеля церкви при российском посольстве в К-поле, Л. писал митр. Филарету 20 авг. 1866 г.: «Я назначен не настоятелем константинопольской посольской церкви, как Вы изволите полагать, но «состоять при посольской церкви, впредь до особого обо мне распоряжения Святейшего Синода», вследствие чего церковь доселе остается в заведывании иеромонаха, а я лишь совершаю в ней очередное служение. Такое неопределенное положение тяготит не одного меня, но и всех, начиная с клира (которому по многим причинам и вредно), не остается без худого влияния на общий ход дел, которые лежат на настоятеле церкви» (Письма духовных и светских лиц к митр. Филарету. 1900. С. 643–644).

На месте нового служения Л. ездил на Балканы, на слав. земли, где работал в южнослав. монастырских б-ках (*Никольский*. 1914. С. 200). Итогом архивных трудов Л. стали статьи об истории монашества на Балканах,

исторические описания ряда афонских слав. мон-рей (*Зографа, Хиландара*), исследования, посвященные слав. переводам церковного богослужебного устава (*Иннокентий (Провсвирнин)*. 1972. С. 231–232). В июне 1867 г. Л. сопровождал вел. кн. Алексея Александровича на Афон. В том же году были изданы его «Речи при встрече вел. князей Алексея Александровича и Сергея Александровича с вел. княжной Марией Александровной» (Херсонские ЕВ. 1867. № 19. С. 53–54, 55–56) и очерк «Двухдневное пребывание на св. горе Афонской вел. князя Алексея Александровича» (Там же. № 20. С. 57–80).

Поездки на Афон, общение с духовником Русского Пантелеимонова мон-ря иеросхим. *Иеронимом (Соломенцовым)*, возможность пользоваться рукописными и книжными фондами обители привели Л. к мысли удалиться на Св. Гору. Он обратился к Московскому митрополиту с просьбой ходатайствовать перед Синодом о разрешении ему вступить в число братии Пантелеимоновой обители. Однако Л. оставался исполняющим должность настоятеля рус. посольской церкви в К-поле до 1869 г. Во время пребывания в столице Османской империи Л. живо интересовался ходом борьбы за самостоятельность Болгарской Церкви, занимая при этом откровенно проболг. позицию (*Дилевски, Иванова*. 1995. С. 521–522).

Определениями Синода от 19 апр. и 27 мая 1869 г. было решено назначить Л. настоятелем ставропигиального *Новоиерусалимского в честь Воскресения Христова мон-ря (Дмитриевский)*. 5 июля 1869 г. Л. приступил к управлению обителью, уделяя большое внимание устройству быта и внутренней жизни братии. В окт. 1869 г. он принимал митр. Сербского *Михаила (Йовановича)*. Пребывание выдающегося архипастыря Л. описал в заметке «Посещение Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря Михаилом, митр. Сербским» (Московские ЕВ. 1869. № 44. С. 8–12).

При участии благотворителя фабриканта П. Г. Цурикова реставрировался Воскресенский собор и весь архитектурный ансамбль Новоиерусалимского мон-ря. За деятельность, связанную с восстановлением памятников церковной архитектуры, Л. был избран членом Московского архитектурного об-ва.

Продолжал труды Л. и по исследованиям в области истории и археологии, и прежде всего по изучению древних памятников, б-ки и архивов Новоиерусалимского мон-ря и его основателя патриарха Московского и всея Руси *Никона*. В 1871 г., помимо многочисленных статей исторического содержания, Л. издал обзорное рукописное фонда монастырской б-ки «Описание славяно-русских рукописей книгохранилища ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря и заметки о старопечатных книгах того же книгохранилища» (1871). Благодаря фундаментальному труду Л. сохранены многие утраченные документы XVII в. из архивов обители. С 1871 г. Л. неоднократно издавал *Житие патриарха Никона (Шушерин И. К. Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, патр. Московского и всея России. М., 1871)*.

С нач. 70-х гг. XIX в. Л. вел работу по созданию музея патриарха Никона — одного из первых церковных музеев России, открывшегося в 1874 г. в сев. трапезной палате мон-ря. Здесь были выставлены предметы церковной утвари и келейные вещи, принадлежавшие патриарху, картины, иконы, книги, ткани из монастырского собрания. Одна из статей Л., написанная в 1876 г. (Ценное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом, монастыре с 1656 по 1759 г. // ВОДИ. 1876. № 11/12. Отд. 4. С. 81–87), посвящена истории изготовления изразцов в монастырской керамической мастерской. Большой интерес проявлял Л. и к истории монастырского книгопечатания. Изучая старопечатные книги из архивов и б-ки Новоиерусалимского мон-ря, он обратился к истории типографии, которая была переведена патриархом Никоном из *Валдайского Святоезерского в честь Иверской иконы Божией Матери монастыря*. В 1876 г. Л. издал «Материалы для истории книгопечатания в России».

3 июня 1877 г., после кончины прп. архим. *Антония (Медведева)*, Л. был назначен наместником *Троице-Сергиевой лавры*. По воспоминаниям гр. С. Д. Шереметева, Л. «высоко держал знамя монашества... С виду несколько согбенный и уже далеко не крепкий телом, он производил впечатление уже тем, что непохож был на других. Он мало обращал внима-

ния на себя, не принадлежал к числу выхоленных архимандритов... Он был горяч и вспыльчив, непреклонен и непримирим с житейской пошлостью» (*Шереметев*. 1901. С. 4–5). При этом Е. Е. *Голубинский* иронически называл Л. «человеком до последней степени bestолковым по характеру» (*Голубинский Е. Е. Воспоминания // Полунов А. Ю., Соловьев И. В. Жизнь и труды акад. Е. Е. Голубинского. М., 1998. С. 214*).

Одним из первых деяний Л. было основание лаврского издания «Троицкие листки», ответственным за которое был назначен послушник Николай Рождественский (впосл. архиеп. Вологодский и Тотемский *Никон*), последовавший за Л. из Новоиерусалимского мон-ря. Первый номер «Троицких листков» вышел 1 февр. 1879 г. В течение 1-го года вышло 10 номеров (тираж 64 тыс. экз.), из них 11 тыс. листов продано по низким ценам и ок. 40 тыс. роздано бесплатно богомольцам из простого звания в качестве духовной милости от обители в странноприимной палате лавры «во время трапезования богомольцев» (РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 15. Ед. хр. 24761. Л. 1 об.). В докладе митр. Московскому *Макарию (Невскому)* о финансовой стороне дела Л. сообщал, что «на издание их получает ежемесячно пособие от монастыря лишь по 5 рублей (что составит в год только 60 рублей)... листки пущены были и в продажу с тем, чтобы вся выручаемая от сей продажи сумма всецело была употребляема на то же доброе дело издания листов» (Там же. Л. 10 об.). «Троицкие листки» были ориентированы на простых богомольцев, тех, кто не имели возможности читать объемные святоотеческие и назидательные книги. Благодаря всеобъемлющей полноте содержания их называли «Добротолубием для простого народа».

Летом 1886 г., ввиду усиления деятельности антицерковных сил в российском обществе, возникла необходимость в увеличении тиража листов и в издании книг правосл. содержания, был поднят вопрос об устройстве при лавре собственной типографии. Но, несмотря на согласие учрежденного Собора лавры, решение вопроса было отложено на несколько лет. Типография при лавре была открыта лишь в 1894 г. (РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ед. хр. 13869. Л. 1–2).

За время управления Л. в лавре были проведены обширные реставрационные работы, приведена в порядок ризница, поновлен Успенский собор, позолочены иконостасы в нескольких церквах. «Будучи сам строгим монахом, о. Леонид требовал и от других строгого отношения к исполнению своих обязанностей. Он ввел строгий порядок в жизнь обители. В то же время он много заботился и о внешнем благоустройстве ее; как хороший археолог, он, по поручению Московского Археологического Общества, восстановил главнейшие здания обители» (*Никольский*. 1914. С. 203). Несмотря на многочисленные обязанности по должности наместника, Л. занимался изучением и публикацией памятников книгохранилища лавры — старопечатных книг, летописей, древних актов. Среди многочисленных трудов последнего периода его жизни особое значение имеют исследования, посвященные истории обители: «Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам А. В. *Горским* в 1841 г.» с приложениями, составленными Л. (ЧОИДР. 1878. Кн. 4. Отд. 1. С. 1–204; 1879. Кн. 2. С. 1–117); «Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры», составленное библиотекарями лавры иеромонахами Иларием и Арсением и изданное при содействии Л. (ЧОИДР. 1878. Кн. 2. Отд. 2. С. 1–352; Кн. 4. С. 1–240; 1879. Кн. 2. С. 1–267); «Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры» (ЧОИДР. 1880. Кн. 4. С. 1–49 (отд. паг.)) и др.

Летом 1884 г. Л. провел 2 месяца в *Новоафонском во имя св. ап. Симона Кананита мон-ре*, где по материалам, «разбросанным в разных повременных кавказских (тифлиских) изданиях», и в монастырских записях, составил описание обители (Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский мон-рь. М., 1885). В 1885 г. Л. издал «Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и похвальное ему слово, написанные в XV в. его учеником Епифанием Премудрым» (СПб., 1885. (ПДПИ; 58)). В том же году он приступил к фундаментальному труду «Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова». Отдельным

изданием книга вышла уже после смерти Л., в 1893–1894 гг. (*Никольский*. 1914. С. 204). Однако из-за огромного объема коллекции Л. описывал ее не целиком, включив в свой каталог без изменений (вплоть до системы внутренних отсылок) описания приобретенных Уваровым собраний Норова, И. Н. Царского и частично И. П. Сахарова. Это составило $\frac{1}{3}$ собрания, вошедшего в описание Л. (ок. 800 рукописей и 194 документа из 2243). Описание не было завершено, в него не вошли свыше 200 рукописей.

В 1891 г. Л. издал кн. «Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси обще и местно чтимых до XVIII в.: Справочная книга по русской агиографии» (СПб., 1891). В статьях Л. 1888–1889 гг. нашла отражение полемика с историком И. И. *Мальшевским*, к-рую он вел во время работы над книгой по вопросу о происхождении кнг. Ольги. Последний труд Л., как отмечал архим. Иннокентий (Просвирнин), «представляется прямым завещанием подвижника науки будущим исследователям, которым многое еще предстоит сделать в научной разработке русской агиографии» (*Иннокентий (Просвирнин)*. 1972. С. 227).

Л. владел классическими, а также новогреч., польск., франц., нем., англ., тур., араб. языками, был автором ок. 300 научных работ, состоял членом различных академий и об-в (почетный член МДА, член Сербского ученого об-ва в Белграде (1862), член-корр. Императорской археографической комиссии (1863); действительный член Императорского Московского об-ва истории и древностей российских (1867), действительный член Московского об-ва любителей духовного просвещения (1869), действительный член археологических об-в в С.-Петербурге и Москве (70-е гг. XIX в.), Православного Палестинского об-ва (1882), член-корр. Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности (4 дек. 1882). За заслуги перед Отечеством в 1873 г. Л. награжден орденом св. Анны 2-й степени с имп. короной, в 1877 г. — орденом св. Владимира 4-й степени, в 1880 г. — орденом св. Владимира 3-й степени.

Научная деятельность Л. пришлась на эпоху, когда многочисленные рукописные источники по рус. и пра-

восл. слав. истории (и прежде всего средневековой) только вводились в исследовательский оборот. Поэтому в научном наследии Л. преобладают публикации неизвестных и малоизвестных текстов (в сопровождении исследований и без них) и описания рукописных собраний (в т. ч. труднодоступных в его время, в частности афонских). Они выполнены, как правило, на уровне российской церковной науки XIX в., но большинство из них сохранило свое значение до наст. времени, хотя бы уже в силу отсутствия более совершенных публикаций. Круг исследовательских интересов Л. отличался большой широтой, характерной, впрочем, и для мн. его современников. Л. внес значительный вклад в изучение афонских древностей, слав. мон-рей Св. Горы. Его исследование роли Охридской архиепископии в церковной жизни и развитии культуры юж. славян явилось безусловно новаторским для своего времени и было особо отмечено И. В. Ягичем (*Ягич*. 2003. С. 639), вообще достаточно скупым на похвалы российской церковной науке. Напротив, работы Л., посвященные происхождению и истории глаголицы, возникновение которой он связывал с хорват. землями ввиду существования многовековой устойчивой глаголической письменной традиции в регионе, трудно признать удачными даже для того времени. Интерес, проявленный Л. к изучению древностей Калужской земли, по праву сделал его одним из основателей местного краеведения. Л. проявлял заботу и о неизданном наследии своих предшественников, в особенности в области археографии. Его трудами были опубликованы описания рукописей 6-ки Троице-Сергиевой лавры иеромонахов Иларию и Арсения (1878–1880) и собраний Иосифова Волоколамского, Новоиерусалимского Воскресенского, Саввина Сторожевского и Пафнутиева Боровского мон-рей.

Л. погребен со стороны алтаря лаврской Духовской ц., к 2015 г. надгробие восстановлено. Б-ка (ее описание см.: РГБ. Ф. 304.П, № 361) и архив Л. после его смерти поступили в Троице-Сергиеву лавру, вместе с фондами к-рой поступили в Румянцевский музей (РГБ). Архив Л. хранится под № 148, небольшое рукописное собрание выделено в отдельный фонд (№ 557). Наиболее полная (но неисчерпывающая) би-

блиография сочинений Л. была опубликована в 1972 г.

Соч.: Письмо из Бородина: Письмо к родителям // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб., 1839. Т. 21. № 81. С. 92–103; Ист. описание Козельской Введенской Оптиной пуст. и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи. СПб., 1847. Ч. 1: Описание обители; Ч. 2: Описание скита, с прил. вида его; Мат-лы для ист. описания мон-рей Калужской епархии: Калужская Тихонова пуст. // Калужские ГВ. 1857. № 42. Ч. неофиц. С. 124–127; Обзорение Козельского Оптиной мон-ря и бывших в нем до нач. XVIII ст. храмов. Калуга, 1857; Опись старопечатных и редких книг, состоящих в церквах и 6-ке Козельской Введенской Оптиной пуст. // Калужские ГВ. 1857. Ч. неофиц. № 31. С. 86–91; № 32. С. 94–98; № 33. С. 100–102 (отд. отд.: Калуга, 1857); Ист. описание Боровского Пафнутиева мон-ря. М., 1859; Последние дни Оптиного старца иеросхим. Макария // ДБ. 1860. № 47. С. 587–594; № 48. С. 599–604 (отд. изд.: М., 1860); Ист. описание Тихоновой Калужской пуст. СПб., 1862; Ист. описание Белевского девичьего Крестовоздвиженского третьекл. мон-ря. СПб., 1863; Ист. описание Малоарсланецкого Черноостровского Николаевского общежит. мон-ря. СПб., 1863; Летопись градо-калужских церквей // Калужские ГВ. Ч. неофиц. 1863. № 5. С. 76–91; О упраздненных мон-рях в пределах нынешней Калужской епархии // Там же. 1863. № 8. С. 127–131; № 9. С. 145–153; № 10. С. 167–171; Церковно-ист. описание упраздненных мон-рей, находящихся в пределах Калужской епархии // ЧОИДР. 1863. Кн. 1. Отд. 1. С. 1–VIII, 1–170; Ист.-стат. описание Белевской Жабынской Введенской муж. общежит. пуст. Тула, 1865; Ист. описание Коренной Рождества Богородицы пуст. СПб., 1865; Обзорение рукописей и старопечатных книг в книгохранилищах мон-рей, городских и сельских церквей Калужской епархии // ЧОИДР. 1865. Кн. 4. Отд. 4. С. 1–115; Волоколамская Левкиевская пуст. и ее основатель прип. Левкий. М., 1870; Иерусалим, Палестина и Афон по рус. паломникам XIV–XVII вв.: Сводные тексты оных, с объяснительными примеч., основанными на местных исслед. // ЧОИДР. 1871. Кн. 1. Отд. 2. С. 1–122 (отд. изд.: М., 1871); Описание славяно-рус. рукописей книгохранилища ставропиг. Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, мон-ря и заметки о старопечатных церковнослав. книгах того же книгохранилища. М., 1871; Ист. описание Борисовской Тихвинской девичьей пуст., сост. по монастырским док-там и записям. М., 1872; Ист. описание ставропиг. Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, мон-ря, сост. по монастырским актам. М., 1876; История Церкви в пределах нынешней Калужской губ. и Калужские иерархи. Калуга, 1876; Клинская Изосименская пуст. и ее акты // ЧОИДР. 1876. Кн. 2. Смес. С. 68–116; Мат-лы для истории книгопечатания в России: Типография Оршинского Кутейнского и Иверского Валдайского мон-рей (с 1630 по 1665 гг.) // ВОДИ. 1876. № 11/12. С. 92–95; Ист. заметки о московских мон-рях: Спаса Старого (ныне Заиконоспасского) и Николы Чудотворца Старого (ныне Никольского Греческого), в связи с летописью моск. пожаров с XIV по XVIII ст. // ЧОИДР. 1877. Кн. 1. Смес. С. 98–109; Ист. очерк г. Дмитрова в связи с историей его соборного храма и мон-рей его области до XVIII ст. // ЧОИДР.

1878. Кн. 4. Отд. 2. Паг. 2. С. 17–29; Ист. и археол. описание первокл. Успенского жен. мон-ря в г. Александро-Владимирской губ. СПб., 1884; Два памятника древнерус. киевской письменности XI–XIII вв. // ЧОИДР. 1890. Кн. 2. Отд. 2. С. 1–26; Филологическая заметка // РФВ. 1890. Т. 24. № 4. С. 327–334; Заметка о слове «ис коуриловице» // Там же. 1891. Т. 25. № 1. С. 135–137; О родине и происхождении глаголицы и об ее отношении к кириллице. СПб., 1891.

Арх.: РГБ. Ф. 148; Послужной список Св.-Троицкой Сергиевой лавры архим. Леонида // РГИА. Ф. 797. Оп. 95. Д. 203. Л. 14–16; Ф. 1343. Оп. 23. Д. 24–142 об., 164; Дело о заведении при лавре типографии в 1887 г. // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ед. хр. 13869; РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ед. хр. 24761. Л. 1 об.

Ист.: *Филарет Московский, свт.* Собр. мнений и отзывов по делам Правосл. Церкви на Востоке. СПб., 1886; *он же.* Собр. мнений. 1887. Т. 5. Ч. 1; *он же.* Письма к прп. Антонию, наместнику Св.-Троицкой Сергиевой лавры: 1831–1867. Серг. П., 2007. Т. 3; Письма духовных и светских лиц к митр. Московскому Филарету (с 1812 по 1867 г.) / Изд.: А. Н. Львов. СПб., 1900; Летопись скита во имя св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни / Сост.: мон. Марк (Хомич). М., 2008. Т. 1.

Лит.: *Извеклов М.* Памяти бывш. наместника Троице-Сергиевской лавры архим. Леонида (Кавелина) // Калужские Ев. 1891. № 24. С. 7; *Корсаков Д. А.* Архим. Леонид (Кавелин) // ЖМНП. 1891. Ч. 278. № 12. Отд. 4. С. 126–146; *Корсунский И. Н.* Отношение в Бозе почившаго о. архим. Леонида (Кавелина) к Святогробскому братству. М., 1891; *он же.* Наместник Сергиевой лавры архим. Леонид // Памяти о. наместника Леонида, А. А. Гатцука, Н. А. Попова и А. А. Котляревского. М., 1893. С. 315–348; *Воскресенский Г. А.* Памяти отца архим. Леонида, наместника Св. Троице-Сергиевой лавры. М., 1892; *Субботин Н. И.* Восп. об о. архим. Леониде // Памяти о. наместника Леонида, А. А. Гатцука, Н. А. Попова и А. А. Котляревского. М., 1893. С. 307–314; *Шереметев С. Д.* Архим. Леонид (Кавелин). М., 1901; *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов рус. писателей и писательниц. СПб., 1909. Вып. 11. С. 91–116; *Ягич И. В.* История слав. филологии. СПб., 1910. М., 2003^а. С. 638–640; *Никольский А.* Леонид (Кавелин) // РБС. 1914. Т. 10. С. 196–206; *Немировский Е. Л.* Труды по истории рус. первопечатания во 2-й пол. XIX–XX вв. // Книга: Исслед. и мат.-лы. М., 1964. Сб. 9. С. 402–408; *Иннокентий (Провирич), свящ.* Труды архим. Леонида (Кавелина) (1822–1891) // БТ. 1972. Сб. 9. С. 226–240; *Минкова Л. О. М.* Боянски и българското възраждане. София, 1978; СвДР. С. 169–170; *Кувев К. М.* Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. София, 1986²; Рукописные собрания ГБЛ: Указ. М., 1986. Т. 1. Вып. 2. С. 246–251; *Пруцко В. Г.* Леонид Кавелин — калужский краевед // 5-я краевед. конф. Калужской обл. Обнинск, 1990. С. 371–375; *Дилевски Н., Иванова К.* Леонид // КМЕ. 1995. Т. 2. С. 521–524; *Марченко Н. В. Л. А.* Кавелин и Оптина пуст. // Мон-ри в жизни России: Мат.-лы науч. конф. Калуга; Боровск, 1997. С. 236–247; *Киприан (Керн), архим.* Отец Антонин Капустин, архим. и начальник РДМ в Иерусалиме: (1817–1894). М., 2005. (МИЦ; 21); *Дмитриевский А. А.* Рус. духовная миссия в Иерусалиме. М.; СПб., 2009. С. 172–392; *Хитрово В. Н.* Статьи о Св. Зем-

ле: Из истории РДМ в Иерусалиме. М.; СПб., 2011. С. 83–202; *Смирнова И. Ю.* Митр. Филарет и Правосл. Восток: Из истории межцерк. связей. М., 2014.

И. Ю. Смирнова

ЛЕОНИД (Краснопевков Лев Васильевич; 16.02.1817, С.-Петербург — 15.12.1876, Бабаевский во имя свт. Николая Чудотворца мон-рь), архиеп. Ярославский и Ростовский.

Леонид (Краснопевков), архиеп. Ярославский и Ростовский. Фотография. 70-е гг. XIX в. (ГИМ ИЗО)

Род. в дворянской семье. Отец, Василий Васильевич Краснопевков, был товарищем герольдмейстера, мать, Анна Ивановна, из рода дворян Ломовых (по отцу) и Алфёровых (по матери). Первоначальное образование получил в английском, затем во франц. пансионе, изучил франц., нем. и англ. языки. В авг. 1829 г. был определен в горный кадетский корпус, но в 1832 г. оставил учебу в нем. В февр. 1834 г. после домашней подготовки поступил конкером на Балтийский флот и зачислен в 14-й флотский экипаж. В 1836 г., выдержав экзамен в Морском кадетском корпусе, произведен в мичманы.

Знакомство с архим. св. *Игнатием (Брянчаниновым)*, настоятелем с.-петербургской Троице-Сергиевой пуст., состоявшееся в 1836 г., а затем с архим. прп. *Макарием (Глухарёвым)* пробудило в молодом мичмане влечение к монашеству и миссионерству. Однако прп. Макарий посоветовал сначала прослушать курс в ДА. Вняв совету, Краснопевков, не снимая военного мундира, посещал лекции в СПбДА (*Гуличкина*. 2012. С. 6). В марте 1837 г. познакомился с митр.

Московским и Коломенским свт. *Филаретом (Дроздовым)* и в 1838 г. по его благословию поступил в СПбДА. В 1839 г., после кончины отца, по предложению митр. Филарета был переведен в МДА. В июле 1840 г. Краснопевков переехал в Троице-Сергиеву лавру, дойдя в СПбДА, по его словам, до высшего отд-ния, «в Московской начал по высшему отделению сызнова» (РГБ. Ф. 149. К. 19. Ед. хр. 1. Л. 13 об.). Духовное образование и служение Л. проходили под непосредственным руководством Московского святителя. Гр. С. Д. Шереметев писал: «Слово Филарета проникло все его существо. Он подчинил себя его духовному руководству, смотрел на него как на отца и переселился в Москву... Филарету стало ясно, что Леонид человек убеждения, человек призвания — и кроме того, человек ему безусловно верный» (*Шереметев*. 1898. С. 4).

В янв. 1841 г., во время пребывания в лавре еп. Алеутского *Иннокентия (Вениаминова)*, уполномоченного отбирать нужных ему людей, желавших служить при нем, Краснопевков обратился к епископу с просьбой принять его в число миссионеров, но получил отказ. По словам еп. *Саввы (Тихомирова)*, опытный еп. Иннокентий «сообразил, что молодой светский юноша, едва начавший знакомиться с богословскими науками, не может принести много пользы в деле евангельской проповеди...» (*Савва (Тихомиров)*. 1877. С. 7).

В 1842 г. Краснопевков окончил академический курс по 1-му разряду со званием магистра и был определен преподавателем гражданской истории, катехизиса и греч. языка в Вифанскую ДС. Дис. «Жизнь св. Филиппа, митр. Московского и всея России» была напечатана с некоторыми изменениями в 1861 г.

23 сент. 1845 г. в Троице-Сергиевой лавре Краснопевков был пострижен в монашество с именем Леонид, 30 сент. того же года рукоположен во диакона, а 1 окт. в московском Покровском соборе митр. Филаретом — во иерея. 23 апр. 1848 г. Л. был определен бакалавром патристики в МДА, а 9 мая получил должность помощника библиотекаря академии проф. А. В. Горского. 19 дек. 1849 г. назначен ректором и профессором догматического богословия Вифанской ДС, членом Московской духовной консистории и утвержден

членом конференции внутреннего правления МДА; 1 янв. 1850 г. возведен в сан архимандрита и стал настоятелем *московского во имя свт. Иоанна Златоуста мон-ря*.

Первоначально у Л. возникли трудности при преподавании догматического богословия, недостаточно им изученного. Желание ректора поднять уровень преподавания встретило непонимание членов корпорации; кроме того, он впервые столкнулся с незнакомой ему прежде неблагоприятностью учеников. Отдых от семинарских забот Л. находил в совершении богослужений и беседах с духовными людьми. «Я почитаю свое священническое и монашеское служение выше всякого другого, — признавался он, — и несмотря на то, что меня называют с усмешкою пустынножителем, ежедневно хожу к обедне, несколько раз в неделю служу сам; стараюсь поддерживать общение с отцом наместником [Антонием (Медведевым)]» (цит. по: *Гуличкина*. 2012. С. 10). За время ректорства Л. здание Вифанской ДС было перестроено.

Л. заботился и о благоустройстве Златоустова мон-ря, который очень любил и называл пустыней среди города. Получив согласие митр. Филарета, Л. собирался заняться восстановлением запущенного Златоустовского собора и перестройкой келий и даже начал переговоры с архит. М. Д. Быковским, но 31 дек. 1850 г. был определен настоятелем *московского в честь иконы Божией Матери «Знамение» мон-ря*. Не исключено, что на решение митрополита повлияли архитектурные проекты нового настоятеля. В 1851 г. Л. был определен членом Московского комитета для цензуры духовных книг. В Знаменской обители при Л. была обновлена и освящена митр. Филаретом теплая Сергиевская ц.

31 авг. 1853 г. Л. был назначен ректором МДС, располагавшейся в Москве на Самотечной ул. Здесь он познакомился со мн. видными московскими учеными, а также с членами аристократических фамилий. У прихожан семинарской церкви вошло в обычай после богослужения посещать ректора для бесед. Особенно сблизился Л. с игум. Саввой (Тихомировым), дружба с к-рым продолжалась до конца жизни владыки.

22 апр. 1854 г. Л. был назначен настоятелем *Заиконоспасского в честь Нерукотворного образа Спасителя*

московского мон-ря, известного как «учительский»; в нем находилась Славяно-греко-латинская академия. Настоятельство Л. в Заиконоспасском мон-ре и ректорство в Московской семинарии совпали с важнейшими для России событиями — Крымской войной и кончиной в 1855 г. имп. Николая I. 16 июня 1856 г., незадолго до коронации имп. Александра II, Л. получил распоряжение митр. Филарета о приведении в приличный вид настоятельских келий Заиконоспасского мон-ря в связи с размещением в них на время коронационных торжеств митр. Литовского *Иосифа (Семашко)*. 20 июня Л. доложил митр. Филарету о результатах предварительного осмотра келий: «Полы рассохлись, искривились, по местам ослабли, краска на них облезла... окна и двери также искривились и худо затворяются... потолок и стены потемнели и по местам истерты и попорчены. Все сие требует немедленного исправления». Несмотря на большой объем работ, все было окончено в срок, и, по свидетельству очевидцев, митр. Иосиф остался доволен (Там же. С. 20–21).

В нач. дек. 1858 г. в Синоде был поставлен вопрос о возведении Л. в сан епископа. По предположению митр. Филарета, Л. собирались назначить на место викария преосв. Иннокентия. Получив неофиц. известие из С.-Петербурга, Л. отвечал, что доволен своим настоящим положением и во всем предает себя воле Божией. 11 апр. 1859 г. Л. узнал о возможном назначении его викарием Московской епархии вместо еп. *Порфирия (Соколовского)*, переведенного 21 марта 1859 г. на Уфимскую кафедру. Ранее, рекомендуя Л. в викарии, митрополит писал обер-прокурору гр. А. П. Толстому: «Он имеет довольно старшинства, и благорассуждения, и усердия к пользам Святой Церкви и к благоустройству звания...» (цит. по: *Корсунский*. 1894. С. 986).

24 апр. 1859 г. при наречении Л. во епископа Дмитровского митр. Филарет произнес знаменательные слова: «Великий отец наш Сергий, как бы в некоторое вознаграждение Православной Церкви за то, что не отдал ей в епископство самого себя, в обилии возвращает под сению своею сынов послушания и разума духовного, которых потом избрание церковное призывает к епископству». 26 апр.

в московском Успенском соборе состоялась хиротония, к-рую совершили митр. Московский Филарет, архиеп. *Евгений (Казанцев)*; с 1853 на покое), еп. Уфимский Порфирий (Соколовский) и представитель Александрийского Патриархата еп. Фиваидский Никанор (см.: *Филарет (Дроздов)*. 2009. Т. 4. С. 316, 318).

Л. был назначен настоятелем *Саввина Сторожевского в честь Рождества Пресв. Богородицы мон-ря* и одновременно Высочайше утвержден директором Московского тюремного комитета. С именем Л. связан один из лучших периодов в истории обители. Летом 1859 г. была установлена традиция ежегодного совершения крестного хода из мон-ря к пещерке прп. Саввы, шествие совершалось 17 июля с большой торжественностью. Этот день считался одним из любимых праздников обители. Важным деянием Л. стало устройство пустынного скита с храмом над пещерой прп. Саввы по образцу Гефсиманского скита при Троице-Сергиевой лавре и скита с ц. апостолов Петра и Павла при *Угрешском во имя свт. Николая Чудотворца монастыре*.

По благословию митр. Филарета при участии звенигородского фабриканта П. Г. Цурикова и наместника Саввиной обители архим. Галактиона летом 1859 г. началось возведение храма над пещерой. К осени 1862 г. строительство первоначального скитского ансамбля было закончено, и 2 сент. митр. Филарет освятил храм во имя прп. Саввы при сослужении Л. и архим. прп. *Пимена (Мясникова)*. В день освящения храма митр. Филарет благословил устройство скита и введение в мон-ре и в скиту общежительного порядка. Скит и церковь стали излюбленным местом пребывания Л. Однажды, прощаясь со скитом перед очередным отъездом в Москву, Л. произнес: «О, священная пещера! Да воссияет из нее свет монашеству и миру, да не отпустит меня предподобный от обители своей!» Услышав, что в высших церковных кругах недовольны тем, что он сам читал в монастырском соборе каноны и акафисты, Л., отличавшийся большой скромностью, ответил: «Я не более как последний послушник в братстве пр. Саввы, и более ничего» (*Леонид (Краснопевков)*, архиеп. Из записок // Моск. ЦВед. 1909. № 19/20. С. 354; 1911. № 29. С. 598). В июне 1861 г. Сторожевскую обитель по-

сетили имп. Александр II, к-рый пожаловал мон-рю 1000 р., и имп. Мария Александровна. В том же году мон-рю были переданы 115 дес. казенной земли в Рузском у.

Помимо текущих епархиальных дел в обязанности Л. входило присутствие на экзаменах в духовных и светских учебных заведениях. Кроме того, в Москве был создан класс для подготовки к священству лиц, окончивших семинарию; по прохождении ими годового курса Л. проводил испытание кандидатов на рукоположение. В 1860 г. Л. возглавил Комитет о пособии церквам Могилёвской епархии, деятельность к-рого удостоилась Высочайшего благоволения. Ходатайствуя перед Синодом о «Всемилоостивейшем внимании Его Императорского величества» к Л., митр. Филарет писал обер-прокурору гр. А. П. Толстому 7 апр. 1861 г.: «Преосвященный Леонид удовлетворяет потребности к делам епархиальным с таким усердием, благорассудительностью и деятельностью, каких можно было желать. Обзорение епархии производится большею частью чрез него; исполняется сие с особенною внимательностью». Информирова обер-прокурора, что в 1856 г. Л. был представлен к ордену св. Анны 2-й степени, митрополит ходатайствовал: «По прежнему обычаю, он может быть представлен к первой степени того же ордена. Если же не можно будет иметь дерзновение просить сего, то может он быть представлен к 3-й степени ордена св. Владимира» (Филарет (Дроздов). 1883. С. 38–39). В апр. 1861 г. за труды на посту vicария Л. был награжден орденом св. кн. Владимира 3-й степени.

В нояб. 1862 г., после хиротонии во епископа Можайского архим. Саввы (Тихомирова), назначенного 2-м vicарием Московской епархии, Л. стал именоваться старшим vicарием. Теперь обзор епархии совершал 2-й vicарий, а Л. составлял годовые епархиальные отчеты о состоянии Московской епархии, используя краткие отчеты преосв. Саввы по обозрению церквей, представляемые им митрополиту. В 1863 г. Л. был назначен председателем Московского губернского присутствия по вопросам улучшения быта духовенства. 31 марта 1863 г. он был удостоен ордена св. Анны 1-й степени. Л. исполнял также особые поручения митр. Филарета. Так, в апр. 1864 г. при участии Л.

было составлено «Мнение о допущении театральных представлений» в Светлую седмицу, следствием которого было запрещение проведения зрелищ в этот период. В 1865 г. в Чудовом монастыре Л. произнес речь в связи с избранием московских дворян на общественные должности.

По заведенному порядку в обязанности vicариев входило принимать у себя приезжавших в Москву иерархов (Савва (Тихомиров). 1877. С. 126). Неоднократно Л. приходилось встречать иностранных гостей духовного звания, посещавших Московского архиепископа. В марте 1864 г. Л. участвовал в переговорах с делегатом Нью-Йоркской конвокации пастором Дж. Ф. Янгом, приезжавшим в С.-Петербург и Москву для обсуждения вопроса о возможности объединения Православной и Англиканской Церквей (см.: Там же. С. 129–133). В 1866 г., когда митр. Филарета посетил примас Шотландской епископальной церкви еп. Морея Роберт Иден, Л. также участвовал в переговорах, цель к-рых состояла в укреплении связей и во взаимном изучении Церквей. В 1873 г. состоялся повторный визит примаса в Москву, во время к-рого Л. неоднократно встречался с шотл. епископом, называвшим себя в письмах к Л. «признательным и любящим братом» (grateful and affectionate brother) (РГБ НИОР. Ф. 149. К. 16. Ед. хр. 1–4 об.). В авг. 1867 г. Л. принимал представителей Высокой Церкви Англии Г. Лиддона (1829–1890) и Ч. Л. Доджсона (1832–1898; известен под псевд. Льюис Кэрролл), приурочивших поездку в Россию к юбилею Московского святителя. В связи с 50-летием служения митр. Филарета в иерархическом сане (5 авг. 1867) Л. осуществлял подготовку к юбилейному торжеству, а 20 нояб. 1867 г., после кончины святителя, вступил во временное управление Московской епархией.

После назначения на Московскую кафедру 5 янв. 1868 г. митр. Иннокентия (Вениаминова) Л. по-прежнему оставался старшим vicарием. 31 марта 1868 г., в день Пасхи, он был награжден орденом св. кн. Владимира 2-й степени.

Зимой 1868/69 г. в связи с открывшейся вакансией в Нижегородской епархии Л. было предложено занять эту кафедру. Обер-прокурор Синода гр. Д. А. Толстой писал Л. 22 янв. 1869 г.: «Император, желая, чтобы

означенная кафедра была замещена особенно достойным епископом, изволил вспомнить о Вашем преосвященстве, полагая тем самым доставить Вам самостоятельную деятельность и открыть возможность к еще большей впоследствии». Но Л. просил оставить его настоятелем Саввино-Сторожевского мон-ря. «Многими бывшими болезнями и изнурительными трудами отягощенный организм мой и дух мой давно требует отдохновения в тишине монастырской, — отвечал он 25 янв. обер-прокурору, отказываясь от предложенной кафедры. — На такое дело я не могу решиться прежде, нежели обновлю силы отдохновением одного или нескольких лет». Благодаря ходатайству митр. Московского Иннокентия Л. был оставлен на Дмитровской кафедре.

Летом 1869 г. Сторожевский монастырь посетили имп. Мария Александровна и вел. кнж. Мария Александровна. Но ни внимание членов имп. фамилии, ни благоволение Московского святителя, ни постоянная занятость епархиальными делами не могли уменьшить скорби Л., вызванной кончиной свт. Филарета. 13 авг. 1869 г. он писал преосв. Савве: «Что я? Ненужное надгробие митрополита Филарета... Мое земное, внешнее и духовное, все погребено в лаврской Филаретовской церкви. Впрочем, если эта сокровищница сохранит мне что-нибудь для неба, то я вознагражден с лихвою за понесенные мною труды» (Савва (Тихомиров). 1877. С. 209).

Оставаясь на посту vicария, Л. принимал участие во всех начинаниях митр. Иннокентия. Как отмечал Л., в мон-рях Московской епархии наблюдался нек-рый успех в развитии общежительства; иноки, перешедшие в РПЦ из старообрядчества и расколов, «неутомимо действуют на своем поприще»; больничное служение взяли на себя не только монахини, но и монахи. Истинным благодеянием для сельского духовенства называл Л. открытие дома призрения в с. Остров Подольского у. Здесь подвизались монахи Угрешского мон-ря во главе с архим. Пименом (Мясниковым). В московском во имя прп. Алексия, человека Божия, монастыре при содействии Л. было устроено жен. уч-ще для воспитания и образования серб. девиц.

За щедрое пожертвование церковной утвари и облачений для храмов

Черногории, проведенное по просьбе Славянского комитета, черногорский кн. Николай I в дек. 1873 г. представил Л. к ордену кн. Даниила I 2-й степени, учрежденному в ознаменование побед над турками. 31 марта 1874 г., в преддверии 15-летия архипастырского служения, Л. была Высочайше пожалована золотая панагия, украшенная бриллиантами. Московское купечество, также отметившее юбилей старшего викария преподнесением ценной панагии, приняло решение ежегодно передавать ему в течение полного академического курса по 300 р. в качестве пособия 3 студентам МДА (Там же. С. 257).

Л. состоял членом мн. ученых об-в и учреждений: председателем Московского губернского училищного совета (1865–1874), помощником председателя совета Православного миссионерского об-ва (1870), почетным членом Московского об-ва любителей духовного просвещения (1869), Об-ва попечения о детях лиц, сосланных в Сибирь по судебным приговорам (1874), Об-ва древнерусского искусства при Московском публичном музее (1875), почетным членом Московского ун-та (1874). По указанию имп. Александра II Л. было поручено наблюдать за иконописными работами в *Христа Спасителя храме*.

Горячим желанием Л. было установление между архиереями постоянного общения для обсуждения церковных вопросов. 10 апр. 1875 г. он писал еп. Савве: «Радуюсь, что беседовали с епископами. Если бы архиереи пользовались даже малым простором для взаимных свиданий на пользу Церкви, недостаток соборности был бы значительно восполняем...» (Там же. С. 292).

15 мая 1876 г. Л. был переведен на Ярославскую кафедру с возведением в сан архиепископа. В Ярославль Л. прибыл 12 июля 1876 г., но вскоре заболел. Сестра преосвященного Татьяна Васильевна утверждала, что «каждое его перемещение вызывало сильную, часто смертельную болезнь. Последнее прощанье с Москвой глубоко потрясло его и оставило тяжелые следы, тем более что он старался казаться спокойным, затаив грусть внутри себя» (Там же. С. 327–328). За летние месяцы Л. посетил *Толгский ярославский в честь Введения во храм Пресв. Богородицы мон-рь*, приходы и обители в Рыбинске и

Романове-Борисоглебске. Ознакомившись с епархиальными делами, Л. писал прп. Пимену (Мясникову) 25 авг. 1876 г.: «Много только здесь тяжелого, как я и ожидал, и много очень приятного, сверх ожидания» (Письма к архим. Пимену. 1877. С. 92–93). Более всего Л. «возмущали запущенность храмов при архиерейском доме и небрежность клира. Впрочем, спустя месяц он писал близким: «Друзья, не желайте, чтобы мне была перемена к высшему. Только один раз можно любить, как я люблю паству Ярославскую»» (Письма. 1879. С. 47, 62–63).

В беседах с духовенством Л. обращал внимание на необходимость введения «народной проповеди», отучения народа от непристойных выражений. В 1876 г. предпринял шаги к усовершенствованию духовного образования в Ярославле: 24 авг. из местного духовенства были избраны протоиерей и иерей, к-рым поручалось наладить «органическую связь между академией, семинарией и училищем» (Там же. С. 27, 37). В воскресные и праздничные дни Л. произносил проповедь; в будни осматривал учебные учреждения, принимал посетителей. 22 сент. 1876 г. по его благословию в Ростове был открыт съезд иереев Ярославской и Ростовской епархий.

Как и в Москве, большое внимание Л. уделял слав. вопросу, полагая, что Сербии и Болгарии необходима в первую очередь помощь в воспитании и образовании девочек. «Общество составляет из семейств, — делился он своими мыслями с преосв. Саввой, — основа семейства — мать, следовательно, надобно готовить для славянства женщину, способную быть матерью и учительницей» (Там же. С. 321). Учитывая положительный опыт уч-ща в Алексиевском мон-ре, Л. поощрял создание подобных учреждений в Ярославле и в др. городах. В связи с начавшимся 20 июня 1876 г. сербско-тур. военным конфликтом Л. писал архим. Пимену о намерении на деньги, собранные, но еще не отосланные (более 1 тыс. р.), устроить походную церковь для серб. войск (см.: Письма к архим. Пимену. 1877. С. 93); получив же известие, что церковь уже не нужна, а нужно больше теплой одежды в Сербию, распорядился из собранных денег послать тысячу рублей, а остальное оставить для славянок (см.: Письма. 1879. С. 59).

17 окт. Л. в сопровождении архим. Пимена, посетившего его в Ярославле, выехал в Ростов, где провел 3 дня, посещая мон-ри и приходы, совершая богослужения и произнося проповеди, в т. ч. в тюремной церкви. Проповедь, по отзывам очевидцев, «растрогала молодых арестантов» (Там же. С. 91). С 23 нояб. по 2 дек. 1876 г. Л. находился в Москве, куда был вызван Комиссией по построению храма Христа Спасителя для осмотра законченных работ. Можайский еп. *Игнатий (Рождественский)* вспоминал, что 30 нояб. он провел с Л. все утро после ранней литургии в Чудове у архим. Иосифа, синодального ризничего. Здесь Л. «смотрел принесенные из ризницы древние саккосы, возлагал на себя, а художник списывал для иконописания в храме Христа Спасителя». (*Савва (Тихомиров)*). 1877. С. 324).

Вернувшись в Ярославль, Л. вскоре предпринял поездку по епархии для инспектирования сельских церквей, рассчитывая включить собранные сведения в годовой отчет для Синода. Затем он отправился в *Бабаевский во имя свт. Николая Чудотворца мон-рь*, чтобы посетить место упокоения своего 1-го наставника свт. Игнатия (Брянчанинова). На следующий день после прибытия в обитель Л. продолжил поездку по епархии, возвратившись к обеду в Бабаевский мон-рь. Он был «очень оживлен, весел», долго беседовал с ген. П. А. Брянчаниновым, братом свт. Игнатия, а на следующее утро, 15 дек. 1876 г., сразу после ранней литургии и принятия Св. Даров, скончался.

По свидетельству очевидцев, кончина Л. была «мирная и, можно сказать, блаженная» (Там же). Ген. Брянчанинов отмечал особую связь почившего со свт. Игнатием, принявшим его, отошедшего в вечность, в свое единение, в свою обитель. Архим. Пимен просил разрешения предать земле тело Ярославского архипастыря в своей обители, но в ответ получил извещение об определении Синода: «Где паства, да будет там и пастьрь». 21 дек. 1876 г. Л. был погребен в Успенском соборе Ярославля вблизи гробницы блгв. князей Ярославских Василия и Константина Всеволодовичей. По словам преосв. Саввы, имя Л. «пользовалось громкою известностью и славою во всех сферах общества, как низших, так и в самых высоких, и притом не только в Москве и Яро-

славле, но и гораздо далее этих пределов» (Гуличкина. 2012. С. 6, 8; Савва (Тихомиров). 1877. С. 327–328).

Л. являлся одним из ярких представителей духовной школы Московского свт. Филарета. «Был я при митрополите Филарете, как при великом, крепком корабле привязанная к нему малая, утлая ладья», — признавался он (Савва (Тихомиров). 1877. С. 255–256). Занятость не позволила Л. завершить дело по увековечению памяти митр. Филарета, которое он считал главной обязанностью, — подготовить к изданию письма святителя и свои воспоминания о нем. Этот труд был частично осуществлен архиеп. Харьковским Саввой (Тихомировым).

Захоронение Л. не сохранилось — в 1937 г. собор был взорван, на его месте разбили городской парк. В 2004 г. там был заложен новый Успенский собор, освящение которого 12 сент. 2010 г. возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Арх.: Дневники за 1848–1868 гг. // РГБ НИОР. Ф. 149 (архиеп. Леонид Краснопевков).
Соч.: Жизнь св. Филиппа, митр. Московского и всея России. М., 1861; Прп. Савва Сторожевский. М., 1869 (То же // Житие и чудеса прп. Саввы Сторожевского, Звенигородского чудотворца: К 5-летию возвращения в обитель св. мощей прп. Саввы. М., 2003, 2010); Восп. о кадетской жизни ген. Н. П. Слепцова. СПб., 1874; Письма к архим. Пимену, настоятелю Николаевского мон-ря, что на Утреше. М., 1877; Письма из Ярославля к родным с 14 июля по 13 дек. 1876 г. М., 1879; Из записок. М., 1907; Записки московского викария. М., 2012.

Ист.: Пимен (Мясников), архим. Восп. М., 1877; Савва (Тихомиров), еп. Восп. о высокопр. Леониде, архиеп. Ярославском и Ростовском. Х., 1877; он же. Хроника моей жизни: Автобиограф. зап. Серг. П., 1898–1911. 9 т.; Филарет (Дроздов), свт. Письма к Леониду (Краснопевкову), еп. Дмитровскому, вполн. архиеп. Ярославскому / С примеч. архиеп. Саввы (Тихомирова). М., 1883; он же. Письма к прп. Антонию, наместнику Св.-Троицкой Сергиевой лавры, 1831–1867. Серг. П., 2007. Т. 1–3; он же. Слова и речи. 2009. Т. 4. С. 316–318; Письма духовных и светских лиц к митр. Московскому Филарету (1812–1867). СПб., 1900. С. 568–574; Антоний (Медведев), архим. Письма наместника Троице-Сергиевой лавры еп. Дмитровскому Леониду (Краснопевкову), 1859–1869 гг. // Филаретовский альм. М., 2009. Вып. 5. С. 33–60.

Лит.: Сушков Н. В. Записки о жизни и времени свт. Филарета, митр. Московского. М., 1868; Григорий (Воинов-Борзецовский), архим. Ист. описание московского Златоустовского мон-ря. М., 1871; Празднование 15-летия епископского служения преосв. Леонида, еп. Дмитровского, ст. вик. Московского митрополита // Странник. 1874. Т. 2. С. 178–190; Высокопресв. Леонид, архиеп. Ростовский и Ярославский // Московские ЕВ. 1876. № 62. С. 460–462; Корсунский И. Н. Свт. Филарет,

митр. Московский: Его жизнь и деятельность на Моск. кафедре по его проповедям. Х., 1894; Лебедев А. Н. Успенский кафедр. собор в Ярославле. Ярославль, 1896²; Шереметев С. Д. Леонид, архиеп. Ярославский и Ростовский. СПб., 1898; Петров А. А. Из переписки викария Московской епархии еп. Дмитровского Леонида (Краснопевкова): Письма наместника Троице-Сергиевой Лавры архим. Антония (Медведева), 1859–1869 гг. // Филаретовский альм. 2009. Вып. 5. С. 23–32; Гуличкина Г. Г. «Истинная ангельская душа» // Леонид (Краснопевков), архиеп. Записки моск. викария. М., 2012. С. 5–36.

И. Ю. Смирнова

ЛЕОНИД (Лобачёв Илья Христофорович; 28.07.1896, дер. Чёрная Грязь Московского у. и губ. — 28.07.1967, Москва), архиеп. Харьковский и Богодуховский. Из крестьянской семьи. Окончил церковно-приходскую школу. В 1909 г. переехал в Москву. Был учеником скорняка в Сокольниках, затем учился в Московском Алексеевском коммерческом уч-ще. В 1916 г., по окончании уч-ща, поступил послушником в Чудов в честь Чуда арх. Михаила в Хонех муж. мон-рь в Московском Кремле. В том же году был призван на военную службу. В 1918 г. демобилизовался. Поступил послушником в Новоспасский московский в честь Преображения Господня муж. мон-рь, где исполнял обязанности канонарха. В 1921 г. был келейником архим. Евгения (Кобранова; вполн. епископ). В 1925 г. Рыбинским еп. Серафимом (Силичевым) пострижен в монашество с именем Леонид, рукоположен во диакона. 14 июля того же года рукоположен патриаршим местоблюстителем Крутицким митр. сщмч. Петром (Полянским) во иерея. Служил священником в г. Рыбинске и в др. городах и селах Ярославской епархии. Был возведен в сан архимандрита. В нач. 1930 г. арестован в с. Резанине Ярославского р-на Ивановской промышленной области. 16 марта 1930 г. приговорен за «антисоветскую агитацию» к 5 годам лагерей. Освобожден в 1934 г. Работал в Центральном морском управлении Наркомата водного транспорта. В 1936 г. осужден за «злоупотребление служебным положением», освобожден в 1937 г., работал в пароходстве. Во время Великой Отечественной войны служил рядовым, потом сержантом в артиллерии, в 1943 г. был ранен. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталингра-

да», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

С 1946 г. был священником в неск. московских церквях. С июля 1948 г. служил в храме подворья Антиохийского Патриархата в Москве. 17 сент. того же года назначен 1-м после Октябрьской революции 1917 г. начальником Русской духовной миссии в Палестине. Руководил деятельностью миссии в тяжелых условиях арабо-израильской войны, занимался вопросами возвращения церковного имущества, ремонтом храмов и помещений миссии, установлением контактов с гос. властями Израиля, со священноначалием Иерусалимского Патриархата, с инославными конфессиями на Св. земле. 30 дек. 1949 г. освобожден от должности начальника миссии, до апр. 1950 г. был заместителем нового руководителя миссии Порховского еп. Владимира (Кобца). 25 мая 1950 г. назначен настоятелем храма во имя святых Адриана и Наталии в г. Бабушкине (ныне в черте Москвы). 4 янв. 1951 г. переведен в московский храм во имя прп. Пимена Великого.

7 июня 1953 г. хиротонисан во епископа Астраханского и Сталинградского. Хиротонию в патриаршем Богоявленском соборе в Елохове возглавил патриарх Московский и всея Руси Алексий I. В Астрахани Л. вступил в конфликт с местными властями, перенес инфаркт; вернулся в Москву. 9 февр. 1954 г. назначен управляющим Пензенской епархией. В 1954–1955 гг. под его руководством были капитально отремонтированы и благоустроены кафедральный Успенский собор и Митрофановский храм Пензы, необходимый ремонт провели и в других храмах епархии. В 1958 г., когда началась инициативная Н. С. Хрущёвым антицерковная кампания, ситуация в Пензенской епархии стала ухудшаться. Л. был вынужден прекратить рукоположения в духовный сан, властями принимались меры к пресечению паломничества к почитаемым святыням. В 1959 г. из 33 ранее действовавших в Пензенской епархии храмов было закрыто 5, в нач. 1960 г. — еще 3 церкви. 22 марта 1960 г. Л. был назначен епископом Калужским и Боровским. 9 мая того же года возведен в сан архиепископа. Из-за болезни мало участвовал в жизни епархии, церковная жизнь которой

была расстроена гонениями со стороны местных властей; количество действующих храмов сократилось с 37 до 28. С кон. 1961 г. Л. жил в Москве. 19 июля 1962 г. освобожден от управления Калужской епархией и уволен на покой «в связи с болезненным состоянием». 11 мая 1963 г. награжден правом ношения креста на клобуке. 14 мая того же года, после выздоровления, Л. вновь приступил к управлению Калужской епархией. 29 мая 1963 г. последовало определение о назначении Л. епископом Ивановским и Кинешемским. В это время гонения властей на Церковь шли уже на убыль. В 1963–1964 гг. в Ивановской и Кинешемской епархии было закрыто 3 храма (в т. ч. Троицкий собор в Кинешме). 30 марта 1964 г. Л. был назначен архиепископом Харьковским и Богодуховским. Последние годы тяжело болел. Скончался в Москве. Отпевание Л. в храме Адриана и Наталии в Бабушкине возглавил Таллинский и Эстонский архиеп. Алексей (Ридигер; вполн. патриарх Московский и всея Руси *Алексий II*). Похоронен на московском Бабушкинском кладбище.

Соч.: Славная годовщина [к 20-летию Победы в Великой Отеч. войне] // ЖМП. 1965. № 5. С. 22–27.

Арх.: ГАРФ. Ф. Р–6991. Оп. 7. Д. 70; ГАПО. Ф. Р–2391. Оп. 1. Д. 10, 11, 14, 15, 16.

Лит.: Наречение и хиротония во епископа // ЖМП. 1953. № 6. С. 28; *Овсянников В.* Архиеп. Харьковский и Богодуховский Леонид (Некр.) // Там же. 1967. № 9. С. 28–29; *Мануил.* Русские иерархи, 1893–1965. Т. 4. С. 155–157; *Никодим (Ротов), митр.* История Русской духовной миссии в Иерусалиме. Серпухов, 1997. С. 387–397; *Дворжанский А. И.* История Пензенской епархии. Пенза, 1999. Кн. 1: Ист. очерк. С. 377–416; Письма *патр. Алексия I* в Совет по делам РПЦ. М., 2009. Т. 1. С. 404, 405, 424, 426, 427, 481–483, 495, 724, 769, 770; 2010. Т. 2. С. 32, 34, 297, 396, 397.

ЛЕОНИД (Поляков Лев Львович; 19.02.1913, С.-Петербург — 8.09.1990, Рига), митр. Рижский и Латвийский. Род. в семье военного врача. Отец участвовал в Белом движении и после окончания гражданской войны эмигрировал. Воспитанием Л. Полякова занималась сестра его покойной матери. Он окончил среднюю школу в Ленинграде, затем работал учетчиком на макаронной фабрике. В нач. 30-х гг. был членом нелегального Александро-Невского братства, которое возглавлял архим. прмч. *Лев (Егоров)*, настоятель ленинградского собора в честь Феодоровской иконы Божией Матери. Прислужи-

*Леонид (Поляков),
митр. Рижский и Латвийский.
Фотография. 80-е гг. XX в.*

вал в Феодоровском соборе архиеп. *Гавриилу (Воеводину)*, брал частные уроки иностранных языков и Закона Божия у служившего в этом соборе иером. Афанасия (Карасевича). С 1931 г. был духовным сыном иером. Вениамина (Эссена), помог ему по хозяйству. 17 февр. 1932 г. был арестован вместе с иером. Вениамином по делу Александро-Невского братства, в марте того же года освобожден без предъявления обвинения. В 1934 г. окончил курс химического учебного комбината об-ва «За овладение техникой» (ЗОТ), в 1939 г.— Ленинградский педиатрический медицинский ин-т. В нояб. того же года призван на военную службу. Служил военным врачом во время советско-финской и Великой Отечественной войн.

13 нояб. 1949 г. рукоположен Ленинградским митр. *Григорием (Чуковым)* во диакона и 20 нояб.— во иерея. Служил в Ленинграде в Спасо-Преображенском соборе и в храме во имя прав. Иова на Волковском кладбище. В 1952 г. экстерном окончил Ленинградскую ДА со степенью кандидата богословия, был оставлен в академии профессорским стипендиатом. 1 сент. того же года пострижен в *Псково-Печерском в честь Успения Пресв. Богородицы мужском монастыре* архим. *Пименом (Извековым)*; вполн. патриарх Московский и всея Руси) в монашество с именем Леонид. С 1 сент. 1953 г. доцент Ленинградской ДА, преподавал курс истории Русской Церкви. 18 июля 1957 г. возведен патриархом Московским и всея Руси *Алексием I* в сан архимандрита и назначен инспектором МДА и Московской ДС, а также вел

курс гомиластики. В янв. 1958 г. защитил диссертацию на звание магистра богословия по теме «Схиархимандрит Паисий Величковский и его литературное наследие»; Л. было присвоено звание профессора. Как инспектор МДАиС он проявил себя справедливым и мудрым наставником, заботился о студентах и был нетерпим к людям случайным и чуждым в академической среде. Получил признание как церковный историк и богослов, с 1954 г. его работы и проповеди регулярно печатались в «Журнале Московской Патриархии».

11 июня 1959 г. хиротонисан во епископа Курского и Белгородского. Хиротонию в московском Преображенском храме на Преображенской пл. возглавил Крутицкий и Коломенский митр. *Николай (Ярушевич)*. Архиерейское служение Л. на Курской кафедре совпало со временем новых гонений на Церковь, развязанных по инициативе Н. С. *Хрущёва*. Значительно сократилось количество приходов, уменьшилась штатная численность священнослужителей. Однако в трудных условиях Л. удалось обеспечить нормальную епархиальную жизнь. Он служил в кафедральном соборе в воскресные и праздничные дни, присутствовал на всех церковных службах и в будни. 9 апр. 1962 г. Л. был назначен епископом Можайским, викарием Московской епархии и одновременно председателем Хозяйственного управления Московской Патриархии, а также настоятелем патриаршего Богоявленского собора в Елохове. 29 апр. 1962 г. возведен в сан архиепископа. 11 мая 1963 г. был награжден правом ношения креста на клобуке. Помимо архипастырского служения продолжал заниматься научной деятельностью. В 1963 г. избран почетным членом МДА. В 1964 г. ему была присуждена ученая степень доктора церковной истории за соч. «Афон в истории русского монашества. Духовно-нравственные связи XI–XVIII вв.».

Занимая важную должность в Московской Патриархии, Л. оказывал сопротивление действиям гос. властей по разрушению Церкви. Как писал о том времени церковный деятель А. Э. Левитин-Краснов: «Единственным нежелательным для властей лицом в высшей иерархии в Москве оставался архиепископ Леонид Поляков, человек высокообразованный,

безупречно порядочный и глубоко религиозный» (*Левитин-Краснов*. 1980. С. 150). Принципиальный, инициативный и деятельный архиерей, известный благодаря своим ученым трудам и блестящим проповедям, активно привлекавший к Церкви молодежь, Л. вызывал беспокойство властей. Совет по делам РПЦ оказывал давление на Патриархию, требуя удаления Л. из Москвы. 4 авг. 1963 г. Л. был назначен архиепископом Ярославским и Ростовским с освобождением от должности председателя Хозяйственного управления и настоятеля Богоявленского собора. Управлял Ярославской кафедрой менее года, после чего под давлением Совета по делам РПЦ было принято решение о его переводе на более удаленную кафедру.

20 мая 1964 г. назначен архиепископом Пермским и Соликамским. После устранения в окт. того же года от власти Хрущёва в церковных кругах возникли определенные надежды на возможность отмены принятой под давлением властей *Архиерейским Собором РПЦ 18 июля 1961 г.* реформы приходского управления, к-рая отстраняла духовенство от управления приходами. В нояб. 1964 г. состоялась встреча Л. с прибывшими в Пермь архиепископами Калужским *Ермогеном (Голубевым)* и Казанским *Михаилом (Воскресенским)*. Архиереи обсудили совместные действия по исправлению ситуации в управлении приходами. В 1965 г. Л. подписал составленное архиеп. Ермогеном т. н. Обращение десяти архиереев на имя патриарха Алексия I с предложением восстановить законные права духовенства в приходских собраниях. Выступление группы авторитетных архиереев вызвало резко негативную реакцию со стороны Совета по делам РПЦ. Инициатор обращения архиеп. Ермоген был вынужден уйти на покой, в отношении др. архиереев власти ограничились строгим предупреждением, хотя Л. и отказался снять свою подпись под документом.

В период архиерейства Л. укрепил финансово-хозяйственную жизнь Пермской епархии, принимал меры к реставрации кафедрального Свято-Троицкого собора Перми, где стал настоятелем. Сделал регулярными архиерейские службы в соборе по субботам, воскресеньям и праздничным дням. Часто совершал поездки по приходам, многократно служил

в Соликамске, Кунгуре, Чусовом. Был заботлив, но требователен к духовенству. Приглашал в епархию образованных людей из др. областей для возможного рукоположения во священники и дальнейшего служения. Был любим паствой за простоту и доступность в общении с прихожанами. С июля по окт. 1966 г. временно управлял Свердловской и Челябинской епархией. 8 окт. 1966 г. назначен архиепископом Рижским и Латвийским. В период долгого архиерейского служения Л. в Латвии количество приходов оставалось неизменным, тем не менее во мн. храмах в это время был сделан капитальный ремонт, проведено отопление. Особо Л. заботился о монашеских обителях — *рижском Сергиевом во имя Св. Троицы жен. мон-ре* и приписанной к нему *Преображенской Господня пуст.*, ставших известными как духовные центры далеко за пределами епархии. По инициативе Л. духовником Преображенской пуст. стал почитаемый верующими по всей стране архим. *Таврион (Батозский)*. В пустыни были отремонтированы храмы, построены трапезная и гостевой дом; обитель привлекала паломников со всего СССР. 7 сент. 1979 г. Л. был возведен в сан митрополита. 20 авг. 1988 г. награжден правом ношения 2-й панации.

За военно-медицинскую службу во время Великой Отечественной войны награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Удостоен церковных наград: орденов кн. Владимира 2-й степени (1984), св. Сергия Радонежского 2-й (1983) и 1-й (1988, 1989) степени.

Отпевание Л. в рижском кафедральном Свято-Троицком соборе 10 сент. 1990 г. возглавил Курский и Белгородский архиеп. *Ювеналий (Тарасов)*; впол. митрополит). Похоронен в Преображенской пуст. близ Елгавы.

Соч.: Вознесение Господне // ЖМП. 1954. № 6. С. 29–30; Преображение Господне // Там же. № 8. С. 21–22; Схиархим. Паисий Величковский (к 160-летию со дня смерти) // Там же. № 10. С. 53–59; Старец Паисий Величковский как учитель аскетики // Там же. 1956. № 10. С. 44–56; Впечатления паломника [о Троице-Сергиевой Лавре] // Там же. 1957. № 2. С. 12–14; Литературное наследство Паисия Величковского // Там же. № 4. С. 57–61; К 250-летию юбилею Ленинграда // Там же. № 7. С. 13–14; Афон и русское монаше-

ство // Там же. 1958. № 8. С. 60–65; Слово в Неделю сыропустную // Там же. 1961. № 2. С. 34–35; Слово на Богоявление Господне // Там же. 1963. № 1. С. 35–36; Поучение в неделю мытаря и фарисея // Там же. 1964. № 3. С. 25–26; Святитель Леонтий, еп. Ростовский // Там же. № 6. С. 66–68; Слово в Неделю Ваий // Там же. 1965. № 4. С. 49–50; Слово в Неделю 2-ю по Пятидесятнице // Там же. 1967. № 7. С. 28, 29; Слово в Неделю всех святых // Там же. 1970. № 7. С. 44–45; В Неделю 27-ю по Пятидесятнице // Там же. № 12. С. 35–36; Слово в первую Неделю Великого Поста // Там же. 1971. № 3. С. 26–27; Слово в Неделю Жен-мироносиц // Там же. № 5. С. 30–31; Слово в Неделю 13-ю // Там же. № 9. С. 40–41; Слово в день празднования памяти митр. Алексия, святителя Московского и всея Руси, чудотворца // Там же. 1978. № 2. С. 31; Афон в истории русского монашества // БТ. 1970. № 5. С. 5–24.

Арх.: Архив Управления ФСБ РФ по С.-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-68567; ГА Пермского края. Ф. Р-1204. Оп. 4. Д. 164. Лит.: Наречение и хиротония архим. Леонида (Полякова) // ЖМП. 1959. С. 25–28; *Нелюбов Б.* Архиеп. Пермский и Соликамский Леонид — доктор церковной истории // Там же. 1965. № 4. С. 24–25; *Левитин-Краснов А. Э.* В поисках Нового Града: Восп. Тель-Авив, 1980. Ч. 3. С. 150–152; Из жизни епархий: Рижская епархия: (юбилей архипастыря) // ЖМП. 1983. № 10. С. 17–18; *Мануил.* Русские иерархи, 1893–1965. Т. 4. С. 161–165; *Абашев Л., прот.* Митр. Рижский и Латвийский Леонид (Некр.) // ЖМП. 1991. № 4. С. 37–38; *Поспеловский Д. В.* РПЦ в XX веке. М., 1995. С. 300; *Шкаровский М. В.* РПЦ и советское государство в 1943–1964 гг. СПб., 1995. С. 149, 203; *он же.* Александро-Невское братство, 1918–1932. СПб., 2003; *Данилушкин М. Б. и др.* История РПЦ. От восстановления Патриаршества до наших дней. СПб., 1997. Т. 1. С. 563, 919, 929–930; *Цытин.* История РПЦ. С. 403, 410, 412, 413, 415, 441, 534, 631; *Голиков А., свящ., Фокин С.* Кровью убежденные. М., 1999. С. 68, 69; *Антонов В. В.* Александро-Невское братство и тайные монашеские общины в Петрограде // С.-Петербургские Ев. 2000. Вып. 23. С. 111; *Марченко А., прот.* Архиеп. Пермский и Соликамский Леонид (Поляков) — участник движения за отмену «приходской реформы» // Вестн. ПСТГУ. Сер. 2: История, История РПЦ. 2011. № 2(39). С. 48–62.

М. В. Шкаровский

ЛЕОНИД (Протасьев), еп. Рязанский и Муромский (1573–1586). Монашеский постриг принял в *Иосифовом Волоколамском в честь Успения Пресв. Богородицы муж. мон-ре*. В волоколамских синодиках, в к-рых сохранились записи рода бывш. волоцкого игумена митр. *Даниила*, указано и имя Л., что дает основание называть Л. сродником Даниила (*Титов*. 1891. С. 25; *Геронтий (Курановский)*, архим. Волоколамский Иосифов второклассный муж. мон-рь и его совр. состояние. СПб., 1903. С. 103).

В хозяйственной документации Волоколамского мон-ря за 1554–1556 гг. встречается имя «козначья

Левонида» (Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского мон-ря XVI в. / Ред.: М. Н. Тихомиров, А. А. Зимин. М.; Л., 1948. С. 51, 55, 56, 57, 59, 60, 61); это позволяет предполагать, что Л. некоторое время исполнял обязанности казначея в обители.

В 1563 г. Л. стал игуменом Иосифова Волоколамского мон-ря. Вскоре после этого в составе группы церковных иерархов сопровождал царя *Иоанна IV Васильевича* Грозного в походе на Полоцк (см. *Ливонская война*). Во время похода духовные лица постоянно совершали молебны и окропляли воинство св. водой. После возвращения из взятого русскими войсками Полоцка Иоанн IV встречался со старшим сыном в Иосифовом мон-ре.

20 дек. 1563 г. Л. получил от Иоанна IV жалованную тарханную грамоту на все монастырские владения, которые освобождались от главных налогов — дани, ямских денег, от посешной службы, от мыта и тамги для купленных на нужды мон-ря товаров. Монастырским рыболовам разрешалось ловить рыбу на Селигере, «где похотех», кроме царских тоней (АФЗХ. Т. 2. № 302. С. 315–323). Актом милости была и передача мон-рю в февр. 1565 г. завещанного обители кн. Дмитрием Ивановичем Оболенским-Немым с. Локныш с деревнями в Рузском у., несмотря на «опалу» боярина (Там же. № 316. С. 334–335).

Л. заботился о том, чтобы освободить приходские церкви во владениях мон-ря от дани и др. пошлин в пользу архиерея или об их замене оброком определенного размера. С этой целью он обратился к митр. *Кириллу III*, представив ему и прежние грамоты митрополитов и Новгородских архиепископов на храмы в разных десятинах. Документы сгорели во время пожара Москвы в 1571 г. (Там же. № 359. С. 399).

Как показал А. А. Зимин, Иосифов Волоколамский мон-рь пользовался большим авторитетом в среде местных вотчинников, прежде всего Волоцкого и Рузского уездов, охотно пополнявших мон-рь своими земельными вкладами. По подсчетам исследователя, значительный рост таких вкладов произошел в 60-х гг. XVI в., что отражало надежды представителей этого слоя найти в сложных ситуациях поддержку в знаменитой обители и свидетельствовало

о признании высокого авторитета игумена. Уменьшение количества вкладов с нач. 70-х гг. следует связывать, как отметил Зимин, с указом 1572 г. о запрете земельных вкладов в богатые мон-ри.

При обменах земель царь старался, чтобы благосостояние мон-ря не пострадало. 13 июня 1570 г. взамен взятых ранее в государев обиход монастырских угодий по царскому указанию мон-рю были выделены др. недвижимые владения (АЮ. С. 176. № 158).

В 1566–1568 гг. Волоколамской обителью управлял игум. *Лаврентий* (впосл. архиепископ Казанский и Свяжский), однако затем Л. вновь стал настоятелем мон-ря. Очевидно, Л. нек-рое время находился в Москве при царе и затем вернулся к своим обязанностям. В 1566 г. он прислал в Иосифов мон-рь 2 Евангелия, Апостол, Псалтирь следованную и Служебник (КЦДР: Иосифо-Волоколамский мон-рь. 1991. С. 39–40, 146). По благословию Л. в 1567 г. для мон-ря был переписан Торжественник, содержащий поучения на весь год (*Иосиф [Левицкий]*. 1882. С. 91). В 1571 г. Л. дал вкладом в обитель печатное Евангелие, Псалтирь следованную, Служебник, Стихиарь и Ирмологий «в четверть десяти и с уставом» (КЦДР. 1991. С. 40; см. также: Там же. С. 60, 87, 283). Позднее волоколамский игум. *Евфимий (Турков)* сделал во владычном Служебнике запись: «Служебник святого боголюбиваго владыки великого господина нашего Рязанскаго и Муромскаго епископа Леонида. Служити по нем единому игумену в соборе, а святого владыку помянати, доколе и церкви свята стоит, понеже велию веру стяжа к Богу и к Пречистей Его Матери, и многими святыми образы златом и серебром украси, и книги божественныя написав...» (*Клосс Б. М.* Избр. труды. М., 2001. Т. 2. С. 419; *Иосиф [Левицкий]*. 1882. С. 13–14). В 1571 г. в Иосифов мон-рь «инок Захареи Безстужов сын боярской новоторжец» дал вкладом сборник учительного содержания, к-рый Л. «приговорил отдать в село в кое ни буди» (КЦДР. 1991. С. 368).

Архиерейскую хиротонию Л. во епископа Рязанского и Муромского в 1573 г. возглавил митр. Московский *Антоний* (1572–1581), ранее он находился под духовным руководством волоколамского постриженника

архим. Галактиона в *Новоспаском московском в честь Преображения Господня мужском монастыре*.

За время архиерейства Л. неоднократно бывал в Москве. 20 дек. 1578 г. было совершено местное прославление прп. *Иосифа (Санина)* Волоцкого († 1515), в работе Собора принял участие Л. (*Горский, Невоструев*. Описание. Отд. 3. Ч. 1. С. 394).

В 1580 г. в Москве на Соборе обсуждалось экономическое положение в стране, которая вела военные действия и испытывала большие финансовые трудности. В принятом 15 янв. документе Собор зафиксировал принадлежность Церкви всех недвижимых имуществ, но на будущее запретил вклады в мон-ри, а также покупку митрополитами, архиерейскими кафедрами и мон-рями недвижимых владений. Разрешалось приобретать имущество только бедным мон-рям, но с ведома государя. На документе имеется и подпись Л. (Законодательные акты Рус. гос-ва 2-й пол. XVI — 1-й пол. XVII в. Л., 1986. С. 57–59; СГД. Т. 1. С. 583–585. № 200; ААЭ. Т. 1. С. 372–373. № 308).

В 1581 г. Л. по своему статусу должен был присутствовать на интронизации нового митр. Московского *Дионисия*. После кончины Иоанна IV в 1584 г. Рязанский владыка участвовал в царском венчании *Феодора Иоанновича* (1584–1598): он поднес и подал царский скипетр митр. Дионисию, к-рый вручил его государю (ПСРЛ. Т. 34. С. 231).

Новый церковный Собор 20 июля 1584 г. подтвердил решение предыдущего и отменил «тарханы» — налоговые льготы Церкви (Законодательные акты Рус. гос-ва. Л., 1986. С. 61–63). На подлинной грамоте сохранилась печать Л. с надписью: «Божиею милостию смиренный епископ Леонид Рязаньский и Муромский», на обороте — изображение благословляющей руки (Там же. С. 61).

В Синодике Архангельского собора в Рязани имелась запись рода Л., сделанная в 1574 г. Там же было отмечено, что «дал вкладу владыка Леонид Рязанский и Муромский в дом Пречистыя Богородицы и Архистратигу Михаилу колокол благовестный, повседневный» (*Макарий (Миролюбов)*, архим. Сборник церковно-ист. и стат. сведений о Рязанской епархии. Отд. 3: Соборные церкви в г. Рязани // ЧОИДР. 1863. Кн. 3. Отд. 1. С. 110). В 1579 г. по бла-

гословению Л. для храма святых Бориса и Глеба в Рязани был отлит «колокол в 100 пудов меди» (Там же. С. 120). В 1583 г. он благословил основание Никольского мон-ря возле с. Ст. Чернево на правом берегу р. Цны (*Зверинский*. Т. 1. С. 285).

В Муроме, 2-м по значимости городе епархии, находился двор Л., упомянутый в сотной грамоте 1573/74 г.: «На посаде... в Успенской улице двор владыки Резансково, а живут на нем десятильники» (*Кучкин В. А.* Мат-лы для истории русского города XVI в.: Выпись из писцовых книг г. Мурома 1566 г. и муромская сотная 1573/74 г. // *АЕ* за 1967 г. М., 1969. С. 308). В Рязке приказчики по царскому указу выделили место для построения дома для приезжающих владычных десятильников (*Филарет (Тумилевский)*, архиеп. Рязанские иерархи // *ХЧ*. 1859. № 5. С. 369; Мат-лы для истории Рязанской епархии // *Рязанские Ев.* 1879. Приб. № 11. С. 281).

Л. сохранял связи с обителью, где был пострижен. Во вкладной книге Иосифова мон-ря говорится о его вкладе в обитель в размере 1240 р. (*Титов А. А.* Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI в. и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. М., 1906. С. 65). Это был самый значительный из денежных вкладов, когда-либо сделанных волоколамскими постриженниками. Имя Л. было внесено в Кормовую книгу мон-ря (*Горский, Невоструев*. Описание. Отд. 3. Ч. 1. С. 399). По благословению Рязанского владыки был переписан комплект богослужебных Миней, содержащих в т. ч. службы «новым чудотворцам»; Минеи иерарх пожаловал затем Иосифову мон-рю (*Иосиф [Левицкий]*. 1882. С. 14–15; *Клосс Б. М.* Избр. труды. М., 2001. Т. 2. С. 417–419). Ему же скорее всего принадлежит еще один книжный вклад в монастырскую б-ку: «Канунник в осминку... прислал владыка Резанской» (КЦДР. 1991. С. 93). Б. М. *Клосс* атрибутирует Л. сборник РГБ. Вол. № 523, в который помещено произведение рязанской литературы XVI в. – «Повесть о Николе Зарайском». Сборник можно датировать 1573 г., временем архиерейской хиротонии Л. В рукописном сборнике РГБ. Вол. № 566 1-й пол. XVI в. с материалами к Стоглавому Собору 1551 г. имеется запись старца Евфимия (Туркова): «Сий соборник владыки Леонида

Рязанского и Муромского, переделан лета 7084-го месяца июня 2 дня» (*Иосиф [Левицкий]*. 1882. С. 217); очевидно, рукопись с текстами, в к-рых обсуждался вопрос о монастырском землевладении (в т. ч. «Собрание некоего старца» *Вассиана (Патрикеева)*), была отреставрирована по распоряжению Л. в 1576 г.

В 1585 г. Л. дал вкладом в *Солотчинский в честь Рождества Пресв. Богородицы мон-рь* («в дом Пречистыя Богородицы честнаго Ея Рождества на Солотшу»), самую большую и авторитетную обитель Рязанской земли, «Книгу правило святых отец... по своей души на память и по своих родителей» (Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Кат. Л., 1988. Вып. 1. С. 171).

В кон. 1585 г. на царском приеме по случаю праздника Рождества Христова Ростовский архиеп. Евфимий не позволил «с собою ести» Л. и «позоровал» его, называя «осифовских постриженников... не осифовляны, но жидовляны». В связи с этим Рязанский владыка послал челобитную царю Феодору Иоанновичу, в которой, в частности, назвал имена волоколамских постриженников, бывших иерархами Русской Церкви (АИ. Т. 1. С. 410–411. № 216; *Иосиф [Левицкий]*. 1882. С. 207–208). Очевидно, данный скандал привел к снятию с кафедр и Евфимия, и Л. в 1585–1586 гг. К тому времени гос. власть прекратила практику выдвигания волоколамских постриженников на высшие архиерейские должности в церковной иерархии (см.: *Усачев*. 2014).

В лит-ре XIX–XX вв. высказывалось ошибочное предположение, что в связи с последовавшей в 1588 г. канонизацией *Василия Блаженного* Московского († 1557?) Л. составил его Житие и Похвальное слово ему (см.: *Дробленкова*. 1989. С. 8–9). Ист.: ПСРЛ. Т. 13. С. 347; Т. 29. С. 303, 313; РИБ. Т. 32. Т. 1. Стб. 446; *Иосиф [Левицкий]*, иером. Опись рукописей, перенесенных из б-ки Иосифова мон-ря в б-ку МДА. М., 1882. С. 20. № 64.

Лит.: *Тихонравов Н. С.* Заметка для истории Стоглава // *Летописи Тихонравова*. 1863. Т. 5. Отд. 3. Смесь. С. 137–144; *Строев*. Списки иерархов. Стб. 182, 415; *Иероним (Алякринский)*, архим. Рязанские достопамятности. Рязань, 1889. С. 44–45; *Титов А. А.* Рязанские епископы. М., 1891. С. 25–26; *Никольский А. Леонид (Протасьев)*, Рязанский епископ // *РБС*. Т.: Лабзина–Ляшенко. С. 209; *Зимин А. А.* Крупная феод. вотчина и соц.-полит. борьба в России (кон. XV–XVI в.). М., 1977. С. 146, 307, 315; *Дробленкова Н. Ф.* Леонид // *СККДР*. 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 7–9 [Библиогр.]; *Мака-*

рий. История РЦ. 1996. Кн. 4. Ч. 1. С. 208, 212, 506; *Немировский Е. Л.* Иван Федоров и его эпоха: Энцикл. М., 2007. С. 466–467; *Усачев А. С.* Когда закончилась «волоколамская гегемония» в Рус. Церкви XVI в. // *ИЗ*. 2014. Вып. 15(133). С. 159, 162.

Архим. Макарий (Веретенников)

ЛЕОНИД (Сенцов Михаил Иванович; 1858, Рязань — 18.11.1918, Москва), архим., начальник Русской духовной миссии (РДМ) в Иерусалиме. Род. в купеческой семье, по

Архим. Леонид (Сенцов). Фотография. Нач. XX в.

окончании Высшего Московского технического уч-ща служил инженером-механиком на фабрике. В 1898 г. поступил в МДА. Летом 1900 г. совершил паломническую поездку на Афон и в Палестину в составе группы профессоров и студентов во главе с ректором еп. Волоколамским *Арсением (Стадницким)*. Был соавтором кн. «В стране священных воспоминаний», изданной по итогам путешествия под общей редакцией преосв. Арсения (Серг. П., 1902). По возвращении в академику Сенцов был пострижен в монашество с именем Леонид еп. Арсением (Стадницким), с к-рым до кончины сохранил хорошие отношения, о чем свидетельствует их переписка (Арх. РДМ. П. № 64. Д. 1401–1405). Вскоре Л. был рукоположен во диакона и во иерея.

В 1902 г., по окончании МДА со степенью магистранта, Л. был определен смотрителем Заиконопазского духовного уч-ща в Москве. Указом Синода от 16 апр. 1903 г. назначен начальником РДМ в Иерусалиме с возведением в сан архимандрита. Чин возведения совершил митр. Московский и Коломенский сщмч. *Владимир (Богоявленский)* в храме Христа Спасителя. 4 июня того же

года Л. прибыл в Иерусалим. Задачи и круг деятельности миссии и ее начальника определяла инструкция Синода от 20 мая 1902 г., рекомендовавшая «удовлетворять духовные потребности» русских подданных и паломников (АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 734. Л. 1 об.).

На посту начальника миссии Л. продолжил дело архим. Антонина (*Капустина*) по расширению рус. церковного присутствия на Св. земле. Л. приобрел 16 земельных участков, на нек-рых из них были возведены храмы и подворья (или начато строительство). Так, были построены церкви св. прор. Илии (1913) в Хайфе, св. Праотцев с приделом Св. Троицы (1914) у Мамврийского дуба в Хевроне; началось возведение соборного храма в *Горненском мон-ре*, устроены часовни в честь Обретения главы св. Иоанна Предтечи (на средства И. Г. Силаевой) в *Елеонском Вознесенском русском мон-ре* и во имя св. Иоанна Предтечи на Иерихонском участке РДМ.

К 1914 г. при миссии состояли 2 жен. общины — Горненская, основанная архим. Антонином, в к-рой проживали ок. 200 сестер, и Елеонская, учрежденная при Л. в 1906 г.; 11 странноприимных домов или подворий, 19 земельных участков близ Иерусалима, в Галилее, Иудее и др. местах Палестины. В Иерусалиме были устроены приют для 20 правосл. детей-сирот и богадельня для престарелых рус. женщин. В управление миссии были переданы 2 вакуфа. Участок с 2 домами на ул. Пророков в Иерусалиме был передан в 1899 г. в пользу Елеонской общины Марией Васильевной Миловидовой (впосл. мон. Евпраксия, 1-я начальница Елеонского мон-ря). На другом участке на той же улице, приобретенном в 1905 г. Силаевой, в 1911 г. был учрежден вакуф в пользу рус. богомольцев. В Горненской общине ввиду увеличения количества монашествующих построены 24 домика-келлии для сестер, гостиница, трапезная, маслобойня, пчельник, рукодельная, устроено и расширено 8 цистерн для воды; в Яффском саду — 2 монашеских дома, расширена гостиница, отремонтирована церковь; в Хевроне была сделана пристройка к приюту для паломников, возведено новое помещение для начальника миссии. В Бейт-Захарии устроено большое подворье для паломников; нек-рые из старых пещер

переделаны в большие цистерны для воды и поставлены новые цистерны. Выкопаны новые пещеры и в одной из них устроен молитвенный дом. В Вифании был построен большой 2-этажный дом для паломников (ныне здание Вифанской школы), в Хайфе — Романовское подворье для паломников, при храме прор. Илии на горе Кармил (Кармель) — домик для начальника миссии и небольшая гостиница, в Тиверии, на участке, приобретенном архим. Антонином, — большой дом для паломников (т. н. «Дом над сводами»). Плодотворная работа РДМ под рук. Л. обратила на себя внимание синодального начальства. В кон. 1912 г. архимандрит был вызван в С.-Петербург и 10 дек. в Царском Селе представлен имп. св. *Николаю II Александровичу* (Архив РДМ. П. 12. Д. 220).

В то же время не в меру ревностная деятельность по расширению владений РДМ, во многом подстегиваемая конкуренцией не только с Иерусалимской Патриархией и инославными миссиями, но и с ИППО, к-рое к этому времени практически полностью взяло на себя обслуживание рус. паломников и работу по просвещению правосл. араб. паствы, привела к конфликтным ситуациям как с представителями греч. духовенства, так и с руководством Палестинского об-ва. Если архим. Антонин основывал странноприимные дома там, где их ранее не было (в портовой Яффе, в Хевроне — у Мамврийского дуба, в Иерихоне — на пути паломников к Иордану), то Л. строил свои подворья там, где уже существовали подворья Палестинского об-ва. Так, в Хайфе, напротив подворья ИППО им. В. А. Сперанского, Л. построил т. н. Романовское подворье (1911–1912), причем М. А. Дьяконов называл в отчете поведение сотрудников миссии РДМ «в высшей степени некорректным». Они встречали паломников и вели их на свое подворье, нарочито «неодобрительно» отзываясь при этом о Палестинском об-ве (АВП РИ. Ф. ИППО. Оп. 873/1. Д. 734. Л. 1–82).

В особой записке Л. выдвинул ряд требований, отчасти восходивших еще к коллизиям 60–70-х гг. XIX в., отчасти предвосхищавших деяния Поместного Собора 1917–1918 гг. Так, автор утверждал, что «ввиду светскости деятелей Палестинского общества» «чувствуется отчужденность его от Духовной Миссии»,

к тому же «Общество даже иногда противодействует Миссии» (Там же. Д. 592а. Л. 13–17а). Более того, ИППО обвинялось в «узком взгляде на свою задачу по отношению к паломникам», поскольку в его услуги не входила, напр., организация жен. богадельни или детских приютов в Иерусалиме. Не устраивало Л. и положение с учебными заведениями ИППО. «Во главе управления школами Палестинского общества должно стоять духовное лицо, иначе сказать, школы Палестинского общества должны быть непременно церковноприходскими». ИППО «необходимо подчиняться Духовной Миссии и в деле духовного руководства паломниками». Палестинское об-во, по мнению Л., «должно делать только то, что желает Духовная Миссия». Автор записки ссылается на авторитет архим. Антонина, который будто бы, «устраивая Палестинское общество, думал в нем видеть себе преданного пособника в делах Миссии» (Там же. Д. 592^а. Л. 18–19).

Одновременно в МИД поступила несколько отличавшаяся по содержанию записка, восходившая, без сомнения, к Л. либо к его единомышленнику архим. *Арсению (Жадановскому)*. В ней автор утверждал, что начальником РДМ в Иерусалиме должен быть епископ, «ему быть представителем Автокефальной Российской Церкви в Палестине и Сирии. Сношения с Патриархом [Иерусалимским] и Святогробским братством передаются непосредственно ему»; генеральному консулу оставались лишь политические (сношения с местной светской властью) и полицейские обязанности, а Палестинскому об-ву — «дело защиты Православия в Святой Земле» (Записка о разграничении функций. 2000. С. 109–110).

Вел. кнг. *Елисавета Феодоровна*, председатель ИППО, попыталась вернуть начальника РДМ к мирному сотрудничеству. В рескрипте на его имя от 4 сент. 1913 г. она писала: «Я очень жалею, что именно там Вы купили землю и строите подворье рядом с нашим. Я опасюсь, что через это обострятся отношения». На предложение повысить статусный уровень начальника РДМ вел. княгиня отвечала: «Если теперь начальник Миссии старается действовать против интересов Палестинского общества, то что будет тогда, когда он будет возведен в сан епископа и на-

значен представителем Св. Синода при Патриархе?» В заключении письма говорилось: «Я понимаю Ваше стремление созидать как можно больше церквей в Святой Земле; но, мне кажется, давая молитвеннодуховное утешение паломникам, Вы могли бы предоставить Палестинскому обществу устройство подворий и заботу о физическом благосостоянии паломников» (АВП РИ. Ф. ИППО. Оп. 873/1. Д. 592^а. Л. 25–26).

Финансово-хозяйственные дела миссии оказались крайне запущены, все деньги, в т. ч. неприкосновенный запас, хранившийся в с.-петербургских банках, были растрочены. Сестры Елеонского и Горненского мон-рей практически голодали, начальнику РДМ никто не давал денег в долг ни под какие проценты.

В результате Синод принял решение о возвращении Л. в Россию с возведением в сан епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии (Архив РДМ. П. 64. Д. 1407). Однако новое назначение Л. проигнорировал. С одной стороны, он не хотел уезжать из Иерусалима, с другой — крайне расстроенное материальное положение Миссии затрудняло передачу РДМ его преемнику. Управляющий Русскими подворьями ИППО в Иерусалиме П. И. Рязский в конфиденциальном донесении вице-председателю общества кн. А. А. Ширинскому-Шихматову от 4 мая 1914 г. сообщал, что Л. «затратил в миссийские дела и все личные свои средства, полученные по наследству или накопленные сбережениями, тратит и все свое жалованье». Среди др. причин, сказавшихся на тяжелом положении миссии, назывались «недостаток» у Л. «честных и преданных помощников, интеллигентных и понимающих дело; своекорыстие его низших служащих, плохая организация контроля и отчетности». Л. «отказался от назначения в епископы, потому что в настоящем виде не может сдать дел Миссии, а новый начальник не сможет их принять» (АВП РИ. Ф. ИППО. Оп. 873/1. Д. 259. Л. 81–82 об.).

В С.-Петербурге сочли необходимым провести ревизию финансового состояния РДМ, и летом 1914 г. в Иерусалим был командирован помощник управляющего Синодальным контролем Дьяконов, отчет которого подвел итоги деятельности РДМ при Л. Ревизия обнаружила,

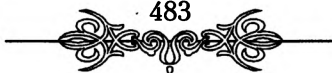
с одной стороны, огромную денежную задолженность миссии, а с другой — приобретение «на очень значительную по своей стоимости сумму» большого количества земель и проведение множества работ по их обустройству. Все это в 1911–1913 гг. привело «денежные дела Миссии в критическое положение» при общей сумме долгов свыше 124 тыс. р. (Там же. Д. 734. Л. 1–82; Россия в Святой Земле. 2000. С. 117–169). Но главная причина полного расстройств дел Миссии, по заключению контролера, была в «несоответствующем миссии, как учреждению духовному, направлении ее деятельности». Л. вменялось в вину то, что вопреки инструкции 1902 г., к-рая «не давала оснований к приобретению новых земельных участков» без разрешения Синода, он, отложив на 2-й план главные цели и задачи РДМ, направил «свои силы и энергию на то, чтобы расширить и увеличить деятельность Миссии по организации и обслуживанию русского паломничества в Палестине с его материальной стороны». Отмечалось, что «даже настоящее стесненное положение денежных дел Духовной Миссии не останавливает архимандрита Леонида от дальнейших попыток к приобретению новых земельных участков» (Там же). Продолжалась и постройка нового храма в Горнем, несмотря на то что «община страдает от безденежья, не имеет даже средств для продовольствия, так что сестрам приходится голодать», о чем начальник миссии писал Хозяйственному управлению в донесении от 20 апр. 1913 г.

В отчете отмечалась активная строительная деятельность Л. на участках миссии. Но «при производстве строительных работ предварительного разрешения Св. Синода не испрашивалось, планы, фасады, эскизы и сметы не были представлены на утверждение ни в Св. Синоде, ни местным турецким властям; наконец, составление смет и планов, а равно и сами работы производились без участия архитектора». Но Л., окончивший техническое уч-ще и имевший опыт строительных работ, не видел в этом необходимости. Неудовлетворительным оказалось и ведение отчетных книг по деятельности миссии. В отчете отмечалось, что, приобретая места, связанные со «священными воспоминаниями», по соседству с греч. подворьями, Л. допускал «тактичес-

кие ошибки по отношению к Иерусалимской Патриархии и греческому духовенству... и некоторыми своими приобретениями он внес нежелательные осложнения в отношения с представителями местной церкви». Так, предпринятые им шаги к приобретению участка на горе Фавор «вызвали бурю негодования и сильнейшее противодействие со стороны греческого духовенства» (Там же).

Были нарекания в адрес Л. и со стороны рус. генерального консула в Иерусалиме. Он жаловался, что «начальник Миссии никаких предварительных сношений с ним не делает», вопреки положению инструкции 1902 г. и определению Синода от 19 дек. 1911 г., к-рым ему предписывалось «во избежание возможных недоразумений с турецкой администрацией, строго сообразоваться с местными законами, привлекая к участию в делах Миссии, требующих сношений с означенной администрацией, консульскую власть» (Там же). По словам консула, поступки начальника РДМ были признаны тур. властью «самовольными». Те же недостатки были указаны в докладной записке заведующего Русскими подворьями в Иерусалиме Рязского от 11 мая 1916 г. (Там же. Д. 592^а. Л. 40–51).

Начало первой мировой войны привело к тому, что деятельность РДМ была надолго прервана и решение о перемещении ее начальника отложено. РДМ в полном составе была эвакуирована в Александрию. В 1917 г. Л. отправился в Москву для участия в Поместном Соборе Российской Православной Церкви. К этому времени вопрос о том, что Л. не вернется в Иерусалим, уже был решен священноначалием. Лишь отсутствие прямой связи с Палестинной из-за мировой и гражданской войн в России не позволило патриарху Московскому и всея России *Тихону* назначить нового начальника РДМ в Иерусалиме. Патриарх решил назначить Л. викарным епископом Тамбовской епархии. Но Л. от назначения отказался. «Если бы сан епископа мог быть соединен с должностью начальника Иерусалимской Миссии, я бы с радостью и без всякого колебания принял это предложение,— писал Л. патриарху 7 июня 1918 г.— В Палестине много неоконченных мною дел, и чтобы ликвидировать иерусалимские дела,

связанные с Миссией и, в частности со мной, я лично должен присутствовать в это время в Палестине, оставаясь непременно фактически начальником вышеупомянутой Миссии до окончания дел». Он просил также о «каком-либо временном занятии до отъезда в Иерусалим» и о разрешении поселиться в одном из московских мон-рей, т. к. не имел в Москве «ни помещения, никаких средств для своего существования» (Из послания Патр. Иерусалимского Дамиана. 2003. С. 467–468).

На предпоследнем заседании Поместного Собора, состоявшемся 19 сент. 1918 г., был зачитан доклад Л. о проблемах РДМ, представленный 9-му отделу, — «О внутренней и внешней миссии [Церкви]». В частности, Л. предложил повысить статус начальника РДМ до сана епископа. Собор утвердил постановление Соборного Совета о передаче доклада на утверждение ВЦУ. Но до обсуждения доклада дело не дошло; заседания Собора были насильственно прерваны по настоянию светской власти в сент. 1918 г. (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 337. Л. 1–3; Деяние 169; см.: Свящ. Собор Правосл. Рос. Церкви 1917–1918 гг.: Обзор деяний: 3-я сессия. М., 2000. С. 357).

Л. был похоронен в Москве, могила не сохранилась.

В целом Л. приложил много усилий к упрочению положения РДМ в Иерусалиме и развитию инфраструктуры приютов, подворий, храмов. Приобретенные им недвижимость и постройки входят в неотъемлемое наследие Русской Палестины. Нек-рые из его замыслов были реализованы лишь в последующие десятилетия (ц. у Мамврийского дуба освящена в 1925, церковь равноап. Марии Магдалины в Магдальском саду построена в 1962, храм Всех святых, в земле Российской просиявших, завершен и освящен по благословению патриарха *Алексия II* в окт. 2007).

Арх.: Палестинское Правосл. об-во и РДМ в Иерусалиме: Записка начальника РДМ в Иерусалиме архим. Леонида (1913) // АВР РИ. Ф. ИППО. Оп. 873/1. Д. 592*. Л. 18–19; О взаимоотношениях ИППО и РДМ в Иерусалиме: (Докладная зап. заведующего Рус. подворьями в Иерусалиме П. И. Рязского в Совет ИППО, 11 мая 1916 г.) // Там же. Л. 40–51; Указ Св. Синода архим. Леониду (Сенцову) о командировке в Палестину помощника управляющего Синадальным Контролем М. А. Дьяконова, 14 июня 1914 г. // Архив РДМ. П. 12. Д. 228.

Ист.: Записка о разграничении функций РДМ в Иерусалиме, генконсульства и ИППО // Россия в Св. земле. 2000. Т. 2. С. 109–110; Положение об Иерусалимской миссии: Доклад Отд. Поместного Собора РПЦ «О внутренней и внешней миссии». 1918 г. // Там же. С. 169–170; Из послания Патриарха Иерусалимского Дамиана Патриарху Тихону по поводу восшествия на Патриарший престол / Публ. и примеч.: О. Ефремова // БСб. 2003. № 11. С. 467–468; *Леонид (Сенцов), архим.* Доклад о Рус. Духовной Иерусалимской Миссии // Св. Земля. М., 2012. № 1: Юбил. вып. «Русская Палестина: люди и судьбы». Ч. 1. С. 299–304.

Н. Н. Лисовой, И. Ю. Смирнова

ЛЕОНИД (Скобеев Евгений Дмитриевич; 19.02.1851, с. Спасское Рузского у. Московской обл.— 19.01.1932, Москва), еп. бывш. Верненский, один из руководителей *обновленчества*, обновленческий «митрополит» Орловский. Сын священника. После 4-го класса Московской ДС поступил в Александровское военное училище в Москве, откуда был выпущен в 1874 г. прапорщиком. Участвовал в русско-тур. войне 1877–1878 гг., отличился при осаде Плевны, переходе через Балканы и в сражении под Филиппополем. Награжден орденами св. Анны 4-й и 3-й степени, св. Станислава 3-й степени. В 1887 г. вышел в отставку в чине штабс-капитана. В 1892 г. поступил вольнослушателем в СПбДА. Во время учебы в академии, 29 июня 1893 г., принял монашеский постриг с именем Леонид. 4 июля того же года рукоположен во диакона, 11 дек. 1894 г.— во иерея. В 1896 г. окончил академию со званием кандидата богословия. 25 сент. того же года назначен смотрителем Тульчинского ДУ (Подольской епархии), с 8 апр. 1901 г. ректор Литовской ДС и настоятель *виленского во имя Св. Троицы муж. мон-ря*, 23 апр. того же года возведен в сан архимандрита. С 5 сент. 1903 г. настоятель *пензенского в честь Преображения Господня муж. мон-ря*, с 9 июня 1906 г.— *новгород-северского в честь Преображения Господня муж. мон-ря*, с 24 февр. 1909 г.— Пустынского в честь Успения Пресв. Богородицы муж. мон-ря (Могилёвской епархии), с 28 мая 1910 г.— *Авраамиева смоленского в честь Положения ризы Пресв. Богородицы во Влахерне муж. мон-ря*, с 30 сент. 1914 г.— кашинского димитриевского мон-ря, с 22 сент. 1916 г.— астраханского в честь Покрова Пресв. Богородицы муж. мон-ря. С марта 1918 г. был настоятелем *коломенского Старо-Голутвина в честь Богоявления муж. мон-ря*. 8 февр. 1919 г.

назначен управляющим *московским в честь Сретения Владимирской иконы Божией Матери мужским монастырем* (до июля того же года). По замечанию современников, будучи настоятелем мн. обителей, Л. «нигде не мог установить спокойного течения монастырской жизни».

12 июля 1920 г. хиротонисан во епископа Ковровского. Хиротонию возглавил патриарх Московский и всея России свт. *Тихон*. Л. стал викарием Владимирской епархии. По нек-рым сведениям, в том же году был назначен епископом Каширским, викарием Тульской епархии, но, видимо, в должность не вступил. В 1921 г. назначен епископом Верненским, викарием Ташкентской епархии, но к месту нового назначения не выехал, проживал в Москве. В мае 1922 г. Л. привлек к себе внимание организаторов обновленческого раскола, которые нуждались в фигуре архиерея как формального главы своей организации. При этом пожилой, не имевший организаторских способностей Л. не мог претендовать на действительную руководящую роль, чего опасались лидеры обновленцев. Кроме того, личность Л., не замеченного прежде в симпатиях к обновленческому движению, могла ввести в заблуждение свт. Тихона, перед к-рым в это время стоял вопрос, кому передать полномочия по управлению Церковью в связи с тем, что патриарх был привлечен к суду. 18 мая 1922 г. обновленческие иереи А. И. *Введенский*, Е. Х. *Белков* и С. В. *Калиновский* вручили патриарху Тихону прошение о временной (до прибытия в Москву назначенного патриархом местоблюстителем Ярославского митр. священноисп. *Агафангела (Преображенского)*) передаче им ведения дел в патриаршей канцелярии. Патриарх наложил резолюцию, поручавшую подавшим прошение лицам принять и передать синодские дела митр. Агафангелу по приезде его в Москву, а московские епархиальные дела — Клинскому еп. *Иннокентию (Летяеву)*, а до его прибытия — Л. Обновленцам было известно, что ГПУ не допустит приезда в Москву митр. Агафангела, ни еп. Иннокентия. Обновленцы представили патриаршу резолюцию о синодских делах канцелярии как акт передачи им высшей церковной власти, а поручение патриарха Л. временно заведовать московскими епархиальны-

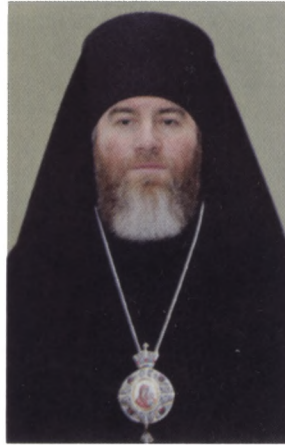
ми делами — как назначение его управляющим Московской епархией. Вечером 18 мая Л. был избран председателем обновленческого *Высшего церковного управления* (ВЦУ), но фактически не имел никаких полномочий. На следующий день признанным главой ВЦУ стал примкнувший к обновленцам еп. *Антонин (Грановский)*, в июне Л. упоминался уже как рядовой член ВЦУ. Вместе с еп. Антонином провел первые обновленческие «хиротонии» без предварительного пострижения в монашество. 18 июня был возведен в «архиепископа Крутицкого», но вскоре лидеры обновленцев приняли решение об удалении его из Москвы. 6 июля Л. был назначен «архиепископом Пензенским и Саратовским». В Пензе заключил соглашение с «епископом» Иоанником Смирновым, «хиротонисанным» В. *Путятой*; сумел захватить несколько городских храмов, в т. ч. Покровскую ц. Согласно отчету ГПУ, не пользовался в епархии авторитетом: «Пензенцам он известен по настоятельству в одном из монастырей, где зарекомендовал себя пьянством, распутством и т. д.» (Политбюро и Церковь. Кн. 2. С. 327). 4 окт. 1922 г. ВЦУ было вынуждено перевести Л. на Орловскую кафедру, а 26 марта 1923 г. он был уволен на покой. Был участником обновленческого «Поместного собора» в мае 1923 г., подписал постановление о лишении патриарха свт. Тихона духовного сана и монашества. 4 мая Л. был в числе обновленческой делегации, допущенной властями к арестованному патриарху для вручения грамоты о лишении его сана, при этом лично требовал от свт. Тихона снять священнические одежды. В дальнейшем проживал в Москве. В янв. 1925 г. участвовал в организованном обновленческим синодом совещании по выработке программ духовных учебных заведений. В окт. того же года участвовал во 2-м обновленческом «Поместном соборе» в Москве. 25 сент. 1928 г. был возведен обновленческим синодом в сан «митрополита». В марте 1931 г. в связи с 80-летием назначен почетным членом обновленческого синода. Скончался вне общения с канонической Церковью. Похоронен на московском Ваганьковском кладбище.

Лит.: *Левитин, Шауров*. Очерки смуты. С. 72–75, 91, 96, 109, 110, 280, 350; *Мануил*. Русские

иерархи, 1893–1965. Т. 4. С. 166–168; Акты свт. Тихона. С. 217, 979; *Цытин*. История РП. С. 79–81, 84, 98; «Обновленческий» раскол. С. 35, 37, 69–70, 79, 103, 215, 218–220, 223, 226–229, 248, 252, 253, 309, 334, 336, 363, 419, 809–810; *Сорокин В., прот.* Исповедник: Церк.-просветительская деятельность митр. Григория (Чукова). СПб., 2005. С. 678.

А. А. Бовкало

ЛЕОНИД (Филь Феодосий Митрофанович; род. 2.09.1960, с. Нестеровцы Дунаевецкого р-на Хмельницкой обл.), еп. Туровский и Мозырский. Из крестьянской семьи.

Леонид (Филь),
еп. Туровский и Мозырский.
Фотография. 2015 г.

В 1977 г. окончил среднюю школу в Нестеровцах. В 1978–1980 гг. проходил воинскую службу. В 1981 г. поступил в Московскую ДС, по ее окончании в 1985 г. — в МДА. 8 марта 1987 г., во время учебы, пострижен с именем *Леонид*, 12 июля рукоположен во иерея. В 1989 г. окончил МДА, утвержден в должности помощника инспектора академии и преподавателя регентской школы при МДА. В 1990 г. назначен старшим помощником инспектора и преподавателем вновь открывшейся Минской ДС. 1 сент. 1992 г. возведен Минским и Слуцким митр. *Филаретом (Вахромеевым)* в сан игумена, назначен на должность инспектора Минской ДС.

14 июня 1996 г. возведен митр. *Филаретом* в сан архимандрита. 3 авг. того же года назначен ректором Минской ДС. В 1997 г. постановлением Совета МДАиС Л. была присуждена ученая степень кандидата богословия за соч. «Пастырство в Русской Православной Церкви в XIV–XV вв.». Решением Синода Белорусской Православной Церкви от 14 дек. 1997 г. и Синода РПЦ от 26 дек. того же

года назначен 1-м ректором новоучрежденной Минской ДА (был во главе академии до 4 февр. 2008). С 2001 г. входит в состав редколлегии сб. *«Богословские труды»* МП. Участвовал в работе *Богословской комиссии* при Синоде РПЦ. Регулярно принимал участие в международных Рождественских образовательных чтениях в Москве и Кирилло-Мефодиевских чтениях в Минске; участвовал в международных конференциях «Православная экклезиология» в Белостоке (Польша, 2003) и «Православное учение о церковных таинствах» в Москве (2007), в V (Белград, 2001) и VI (София, 2004) Мировых конгрессах высших правосл. школ.

12 февр. 2008 г. хиротонисан во епископа Речицкого. Хиротонию в Свято-Успенском соборе *Жировицкого в честь Успения Пресв. Богородицы монастыря* возглавил Минский и Слуцкий митр. *Филарет*. Л. стал викарием Гомельской епархии. 7 июня 2012 г. назначен правящим архиереем Туровской и Мозырской епархии. 11 нояб. 2013 г. утвержден в должности настоятеля Юровичского Рождество-Богородицкого мужского монастыря Туровской епархии.

Награжден медалями прп. Сергия Радонежского 2-й (1987) и 1-й (1989) степени, медалью свт. Кирилла Туровского (2006), орденом св. кн. Даниила Московского 3-й степени (1999), орденами прп. Сергия Радонежского 3-й (2000) и 2-й (2010) степени. Лит.: Наречение и хиротония архим. Леонид (Филь) во еп. Речицкого, викария Гомельской епархии // ЖМП. 2008. № 6. С. 30–35.

ЛЕОНИДА И ЛИВИЯ [греч. Λεωνίδας καὶ Λιβία] († незадолго до 304), преподобномученицы (пам. греч. 25 июня; пам. зап. 15 июня). Сведения о них содержатся в Житии прмц. Февронии (VII в.; ВНГ, N 659). Игум. *Вриена* приводит в пример *Февронии* дев, мужественно пострадавших за Христа, — брошенную в огонь Леониду и усеченную мечом Ливию, а также упоминает 12-летнюю отроковицу Евтропию, пронзенную стрелами. Леонида и Ливия названы сестрами, но неясно, идет ли речь о кровном родстве или о том, что они подвизались в одном мон-ре. Место и время их казни не уточняются. Из контекста повествования следует, что они пострадали незадолго до прмц. Февронии

в том же регионе, где и она. Евтропия вместе со своей матерью приняла мученическую кончину отдельно от Леониды и Ливии.

В визант. стишных Синаксарях эти 3 святые упоминаются вместе (хотя каждой предназначено особое двустиие) и все названы преподобномученицами, тогда как Евтропия из-за детского возраста не могла быть монахиней (SynCP. Col. 771–772). В стишных Синаксарях также ошибочно указывается, что Евтропия была усечена мечом.

Позднее южноитал. Житие этих святых (ВНГ, N 2322) существенно искажило сведения из Жития прмц. Февронии (Mess. 29, 1307 г.). Согласно этому источнику, Леонида, Ливия (в заглавии названа Оливией) и Евтропия — родные сестры, о матери Евтропии ничего не упоминается. Девы приняли постриг в одном из мон-рей близ Нисибина, недалеко от обители, где подвизалась прмц. Феврония. Они приняли мученическую кончину 1 или 2 мая от ипата Селина, к-рый перед этим казнил прмц. Февронию (в Житии прмц. Февронии, наоборот, смерть Леониды и Ливии предшествовала мученичеству Февронии). Ливия была обезглавлена, а Леонида и Евтропия брошены в печь. В средние века св. Оливия особо почиталась в Палермо (Сицилия).

Сведения о Леониде и Ливии были включены в слав. стишной Пролог (Петков, Спасова. Стиш. Пролог. 2013. Т. 10. С. 59–60) и из него — в ВМЧ (Иосиф, архим. Оглавление ВМЧ. Стб. 243 (2-я паг.)). Но в совр. календаре РПЦ их память не указана. Ист.: ВНГ, N 659, 2322; ActaSS. Iun. 1709. Т. 5. P. 23; Halkin F. La Passion grecque des saintes Libyè, Eutropie e Léonis martyres á Nisibe // AnBoll. 1958. Vol. 76. P. 302–315; Νικόδημος Συναξαριστής. 1998. Т. 5. Σ. 278. Лит.: Сергий (Спасский). Месяцеслов. Т. 2. С. 191; Lucchesi G. Olibia, Eutropia e Leonide // BiblSS. Т. 9. Col. 1152–1154; Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης). Ἀγιολόγιον. Σ. 154, 275, 276; Μακάριος Σμυρνολογίτης, ἱερομόν. Νέος Συναξαριστής τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας. Ἀθήναι, 2008. Т. 10: Ἰούνιος. Σ. 292–293.

О. В. Л.

ЛЕОНИДОВА УСТЬ-НЕДУМСКАЯ В ЧЕСТЬ ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ ПУСТЫНЬ, находилась в Устюжском у. Вологодской губ. (совр. дер. Озерская Лузского р-на Кировской обл.). Основана в 1607–1608 гг. прп. Леонидом Устьнедумским. Главным источником сведений по исто-

рии устройства Л. п. является «Сказание о явлении Пречистыя Преподобноу Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии старцу Леониду, и о пошествии его со образом Ея в Устюжеския пределы в Усольской уезд, и како прииде со образом на Лузу реку на Турину гору, и о преславных и предивных Ея

Прп. Леонид Устьнедумский.
Роспись притвора Введенской ц.
в дер. Озерской Кировской обл.
Между 1989 и 1997 гг.

чюдесехъ списано вкратце» (РНБ. Q.I. № 836. Л. 1–34 об. (1699 г.); БАН. Арх. ком., 228. Л. 1–38; Великоустюжский филиал ГАВО. Науч. б-ка. Инв. № 3644. Л. 1–17 (XVIII в.); Зенкова. 2000; Власов. 2011. С. 372–395). Создание «Сказания» относят к 50-м гг. XVII в., главная часть текста завершается сообщением о кончине основателя пустыни 17 июля 1654 г. (Власов. 1995. С. 56; Он же. 2011. С. 368; Буланин, Романова. 2004. С. 528).

Изначально мон-рь должен был обустраиваться на Туриной горе, на р. Лузе, в Устюжском крае (совр. Кировская обл.), согласно откровению, полученному прп. Леонидом во сне от Богородицы, повелевшей прежде взять с собой из Моржегорской Николаевской пуст. икону Божией Матери «Одигитрия». Отправившись с образом на р. Лузу в Устюжском у., преподобный остановился близ устья р. Якушицы, в 80 верстах от Бел. Устюга, близ Туриной горы (считается, что уже с XVI в. там находилась Воскресенская ц. (Суворов. 1916. С. 125–128)). Здесь подвижник поставил хижину, но крестьяне прогнали его, и преподобный прошел по р. Лузе еще 2 по-

прища. 8 сент. 1606 г. он встретился с местным крестьянином Никитой Назаровым, который выделил старцу участок земли для строительства кельи. Позднее местные жители помогли прп. Леониду построить часовню.

Согласно «Сказанию», во иерея и настоятеля пустыни прп. Леонида рукоположил Ростовский митр. Варлаам (Рогов; † 1603) (но, вероятно, речь идет о Филарете (Романове), в 1619–1633 патриархе Московском и всея Руси). Вернувшись на Лузу, подвижник построил ц. в честь Введения во храм Пресв. Богородицы, в к-рую 17 февр. 1608 г. перенесли икону «Одигитрия». Впосл. в обители существовала традиция совершать в 9-ю пятницу по Пасхе службу чудотворному образу «Одигитрия» (Великоустюжский филиал ГАВО. Науч. б-ка. Инв. № 3644. Л. 29 об.—30).

Права пустыни как самостоятельного мон-ря были узаконены Ростовским митрополитом уже в 1612 г.: «...на Лузе реке усть речки Едомки зачата пустыня ново, а в ней поставлен храм древяной, теплой, во имя Пречистыя Богородицы Введения. А в пустыне черной поп Леванид, братья у него 3 чернца. И с того храму оброком за все пошлыни по 5 алтын на год; в 120 [1612] по митрополической грамоте пожалованы; имать не велено и десятильником въезжать и судить не велено же» (Акты. 1894. Ч. 2. Стб. 902). Впосл. подвижник приложил много усилий к обустройству места для буд. мон-ря: в целях осушения лесных болот выкопал 3 канала («борозды»): от р. Лузы до Черного оз. (900 саж.), до Святого оз. (40 саж.) и далее — до Черной речки (800 саж.), на к-рой поставил мельницу, существовавшую мн. годы. Однажды во время работы прп. Леонида в левую ногу укусила змея, но тот, помолившись Богу и Богородице и услышав чудесный глас «не скорби и не думай на бежание от трудов», преподобный положил на сердце не думать об этом несчастье и, не обращая внимания на рану, продолжил свой труд (Великоустюжский филиал ГАВО. Науч. б-ка. Инв. № 3644. Л. 11). В память об этом чуде подвижник назвал выкопанный им канал «Недума-река» (Акты. 1894. Ч. 2. Стб. 902). Позже здесь была образована Л. п. Она была чернотяглой: «...тех монастырей деревни в вытном и сошном писме с черными тяглыми волостьми написаны, и великаго го-

сударя всякие подати платят и службы служат с уездными крестьяны вместе» (Там же. 1890. Ч. 1. Стб. 511–512). Считается, что самый первый мон-рь, начало к-рому положила построенная в 1608 г. Введенская ц., находился в дер. Старово (Старомонастырская).

Впосл. обитель, так как место оставалось затопляемым, перенесли на мыс у Чёрного оз., к установленному прп. Леонидом кресту, куда он часто удалялся для уединенной молитвы. В «Сказании» зафиксировано прочество подвижника об основании на этом месте монастыря и о своем там упокоении: «В сем месте у креста сего будет монастырь на собрание иноком и будут церкви, и звон, и людей, и пашни много. И мне умерти на сем месте» (РНБ. Q.I. № 836. Л. 12 об.— 13). На новом месте была построена теплая ц. в честь Введения во храм Пресв. Богородицы с приделом во имя вмц. Параскевы Пятницы. В ее строительстве вместе с братьями принимали участие жители окрестных Онтропьевой (Антропьевой) слободы и Туриной горы, в т. ч. и сын Никиты Назарова Григорий. Храм освятили 23 мая 1652 г. при участии архимандрита *великоустюжского во имя арх. Михаила монастыря* Арсения; антиминс для новой церкви был получен у Ростовского митр. *Ионы (Сысоевича)* (Там же. Л. 14 об.— 15 об.). 17 сент. 1670 г. в трапезной Л. п. произошел пожар, однако, выломав дверь, иноки увидели, что в алтаре обгорел престол, церковная одежда и утварь сгорели «без остатку», а Евангелие и антиминс остались совершенно неповрежденными, около них даже виднелся иней. 3 июня новый престол в храме был освящен прилуцким игум. Дионисием по благословению митрополита Ростовского (Там же. Л. 33 об.— 34).

Прп. Леонид, бывший до 1648 г. строителем монастыря, скончался в 1654 г. (БАН. Арх. ком. № 228. Л. 11). Храмосзательство в монастыре продолжил строитель Дионисий (1660, 1667–1680). В 1677 г. началось возведение отдельного холодного храма для чудотворной иконы «Одигитрия». При создании церкви в 1678 г. произошло чудо: строитель Дионисий, призвав местных крестьян, не имел для них достаточно съестных припасов: всего 18 хлебов на 96 чел., однако всем хватило еды и еще осталось 4 хлеба. 31 мая 1678 г. состоя-

лось освящение нового храма, в к-рый перенесли из теплой церкви икону «Одигитрия» (Там же. Л. 11 об.— 13).

По переписным книгам 1648 и 1678 гг., за Л. п. числилось 45 половничьих дворов (Акты. 1890. Ч. 1. Стб. 511–512). Крестьян при пустыни было 126 чел. (Вологодские Ев. 1864. Приб. № 5. С. 141). В переписных книгах 1710 г. сообщается о 2 церквах: «В том же Ратмеровском стану пустыня Пречистыя Богородицы Одигитрие на реке на Лузе на Усть Недумы речки, а около тое пустыни ограда деревянная ветхая, а в пустыне церковь Пречистые Богородицы Одигитрия, холодная, другая церковь Введения Пресвятыя Богородицы теплая с трапезою и с келарскою, да в пределе святых великомученицы Парасковии»; среди населяющих Л. п. названы строитель иером. Филарет и еще 6 монахов с вкладчиками. В это время Л. п. принадлежали 8 деревень. Консistorские сведения за 1725 г. называют 18 дворов со 137 крестьянами. В 1-й четв. XVIII в. в Л. п. проживали 5 монашествующих и отставной солдат; при обители состояли 76 служителей (вкладчиков). Л. п. принадлежали 64 четв. пашни сенокосов на 2030 копен. Братия получала «в пропитание» хлебное жалованье и деньги — 8 р. 80 к. на 5 чел., включая строителя (Великоустюжский филиал ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 53. Л. 20 об.). В сер. 50-х гг. XVIII в. в Л. п. проживал только иером. Афанасий, количество бельцов неизвестно (Зенкова. 2000. С. 207).

29 марта 1760 г. дьячок усть-недумского храма Андрей Павлович Вячеславов за неосторожность, приведшую к возгоранию теплой деревянной церкви, был наказан плетью (Выписки из ревизских сказок, предоставленные А. Булатовым). В 1763 г. вместо обветшавшей деревянной Введенской ц. на средства лальского купца Ксенофонта Емельяновича Захарова был построен каменный теплый храм с 2 престолами. В 1764 г. Л. п. была упразднена и обращена в приходскую церковь, имени изъяты в пользу гос-ва. В 1833 г. по указанию Вологодской духовной консистории началось строительство придела вместо др. деревянной церкви — в честь иконы Божией Матери «Одигитрия», в которой после секуляризации служили только на престольный праздник. Новый престол был освящен в 1835 г., старая церковь, как и Введенская, разоб-

рана. В 1788 г. в приходе числилось 774 чел., в 1868 г.— 910. С 1874 г. некоторое время усть-недумская Богородицкая ц. была приписана к коротаевской церкви.

28 июня 1884 г. после грозы причтом усть-недумской церкви было обнаружено, что церковный сторож погиб от разряда молнии, а иконостасы в теплом храме и колонны, поддерживающие сень над гробницей прп. Леонида, опалены. В холодных храмах, верхнем и нижнем, в восьмерикмах были разбиты 30 стекол, вырвана и сброшена оконная рама. На ремонт потратили 6 р. В 1896 г. в дер. Липово Усть-Недумского прихода была открыта приходская школа (в 10 верстах от храма), которой заведовал свщ. М. Черняев. В ней учились 37 мальчиков и 6 девочек.

В мон-рь с самого начала его основания приходили богомольцы на 9-ю пятницу по Пасхе для поклонения чудотворному образу «Одигитрия» (Великоустюжский филиал ГАВО. Науч. б-ка. Инв. № 3644. Л. 29 об.— 30). В «Сказании...» повествуется о чудесах от иконы Богородицы, нек-рые из них совершились почти сразу после основания мон-ря: в 1609 и 1610 гг. с жителями окрестных Онтропьевой слободы и Туриной горы (исцеления от беснования, зубной боли, болезни глаз, «икоты»); чудеса 20–60-х гг. XVII в. свидетельствуют о распространении почитания иконы и мон-ря на Лальском погосте, в Вел. Устюге, Лузской Пермце (РНБ. Q.I. № 836. Л. 17 об.— 34 об.). Чудотворная икона, принесенная прп. Леонидом, не сохранилась. В XX в. в церкви размещалась мастерская, стены были покрыты копотью, утварь разграблена. Мощи прп. Леонида пребывали под спудом во Введенском храме, там же хранилась его власяница и местный церковный летописец (Верюжский. Вологодские святые. С. 679). Введенская ц. располагается на высоком берегу Святого оз., над р. Недумой, у дер. Озерской (ранее с. Усть-Недума); над мощами святого установлена гробница. В Лузе проходят Усть-Недумские чтения.

Арх.: Перепись 1710 г.: Архангелогородская губ.: Переписная книга г. Соливычегодска с уездом переписи стольника И. Р. Цымерманова // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1083. Л. 364 об., 398 об.

Ист.: Акты Холмогорской и Устюжской епархии. СПб., 1890. Ч. 1. Стб. 511–512; 1894. Ч. 2. Стб. 902. (РИБ; 12, 14); Зенкова О. Б. Усть-недумская Богородицкая пуст. // Макариевские чт. Можайск, 2000. Вып. 7. С. 206–228;

Власов А. Н. Сказания и повести о местночтимых и чудотв. иконах Вычегодско-Северодвинского края XVI–XVIII вв.: Тексты и исслед. СПб., 2011. С. 372–395.
Лит.: ИРИ. Ч. 6. С. 580–584; Вологодские Ев. Приб. 1864. № 5. С. 141; *Строев*. Списки иерархов. Стб. 782–783; *Верюжский*. Вологодские святые. С. 668–679; он же. Прп. Леонид Устьнедумский, Вологодский чудотворец. СПб., 1898²; Разные известия по епархии // Вологодские Ев. 1884. № 15. С. 232–233; *Филарет (Гумилевский)*. РСв. Ч. 2. С. 397–398; *Зверинский*. Т. 2. С. 393–394; Вологодские Ев. 1896. № 22. С. 384; *Снесорова*. Земная жизнь Пресв. Богородицы. 1898². С. 371; *Голубинский*. Канонизация святых. С. 333, 488–489; *Суворова* И. Н. К истории церкви Вологодской епархии: Воскресенская Туринская (или на Турине горе) церковь Устюжского у. // Вологодские Ев. 1916. № 5. С. 125–128; Власов А. Н. Устюжская лит-ра XVI–XVII вв.: Ист.-лит. аспект. Сыктывкар, 1995. С. 52–64; *Тайсия (Карцева)*, мон. Рус. святые. СПб., 2000. С. 457–458; *Гунн Г. П.* Житие вологодского св. Леониды Устьнедумского: К вопросу о фактографии древнерус. житий // Ферапонтовский сб. М., 2002. Вып. 6. С. 100–112; *Поселянин Е.* Богоматерь. 2002. Кн. 2. С. 155; *Буланин Д. М., Романова А. А.* Повесть о основании Устьнедумской пуст. // СККДР. 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 528–530; *Рыжова Е. А.* Сюжетный мотив «поставление креста на месте основания монастыря» в агиографической традиции Рус. Севера // Сб. статей в честь О. А. Белобровой. М., 2006. С. 44.

Е. А. Рыжова

ЛЕОНИЛЛА (Неонилла), мц. (пам. 16 янв.) — см. в ст. *Спевсипт, Елевсипт, Мелевсипт и Леонилла*, мученики.

ЛЕОНТИЙ [греч. Λεόντιος] (IV в. (?)), свт. (пам. зап. 13 февр.), митр. Кесарии Каппадокийской. В первые века христианства на кафедре *Кесарии Каппадокийской* были 2 епископа по имени Леонтий: в 285 г. и ок. 319–325 гг. О 1-м ничего не известно, 2-й упомянут в неск. исторических источниках. Вероятно, является одним лицом с Леонтием, к-рый рукоположил во епископа свт. *Григория Провсвителя* (ок. 314), совершил таинство Крещения над свт. *Григорием*, еп. Назианза (старшим), принял участие в I Вселенском Соборе. Есть свидетельство IX в. о нетленных мощах Л. (PG. 111. Col. 437–440).

Памяти Л. нет в вост. календарях, в календаре Элладской Православной Церкви и календаре РПЦ. Он назван святым в Римском Мартирологе кард. Цезаря Барония.
Ист.: *Greg. Nazianz.* Or. 18 // PG. 18. Col. 1000; *MartRom.* P. 26–27.

Лит.: *Ananian P.* La data e le circostanze della consacrazione di S. Gregorio Illuminatore // *Le Muséeon.* 1961. T. 74. P. 43–73; *Sauget J. M.* Leonzio // *BibISS.* Vol. 7. Col. 1314–1315.

Иконография. Изображения Л. встречаются в живописи храмов в Каппадо-

кий, что обусловлено прежде всего местным почитанием этого святого. В соответствии со служением епископа, Л. представлен в фелони, с омофором, держащим Евангелие. Его образ размещается, как правило, в виме и встречается с X в., однако в ряде случаев атрибуция требует дополнительной аргументации. Так, К. Жоливе-Леви приводит неск. косвенных доказательств в пользу изображения Л. в апсиде церкви Гёреме 4а (1-я пол. X в.; по атрибуции Г. Жерфаньон — Лев Катанский или Лев, папа Римский, см.: *Jolivet-Levy.* 1991. P. 89, 105). Образ Л. также представлен в росписи апсид храмов: Кылычлар-килисеси (ок. 900); церкви близ Ыспыдына, иль Кайсери (XI в.); Барбара-килисеси (нач. XI в.) и др.

Лит.: *Jolivet-Levy C.* Les églises Byzantines de Cappadoce: Le programme iconographique de l'abside et de ses abords. P., 1991. P. 89, 105, 138, 261, 330.

Э. В. Ш.

ЛЕОНТИЙ, свт. (пам. 23 мая — в Соборе Ростово-Ярославских святых), еп. Ростовский (с 1073/75 по 1076/77?). Данные источников о Л. противоречивы. Согласно древнейшей, проложной редакции Жития Л. (см. ниже), он стал 3-м епископом Ростова после *Феодора* и *Илариона*. Как и оба его предшественника, Л. был по происхождению греком, род. и воспитывался в К-поле, после чего «за многую добродетель» был поставлен на Ростовскую кафедру. В другом изводе этой редакции мотив поставления развернут: «...русский же и мирский (мерский, мерянский: первоначальным населением Ростовской земли было поволжско-фин. племя мери.— А. Н.) языкъ добре умеяше, книгам русским и гречьским велми хитрьслоvesен сказатель; от уности оставль мира и бысть черноризецъ чуден». Перед Л. стояла непростая задача, ибо и *Феодор* и *Иларион* «избегоша, не терпяще досаженья людей»; действительно, о диких полуязыческих нравах обитателей Ростовского края в XI в. свидетельствуют и ранние летописные данные.

Подробностей деятельности Л. в Ростове Житие не сообщает, кроме чуда, сопровождавшего проповедь святителя детям. Епископ сознательно «оставль старца младенца учаше», «яко сама истина Христова рече, яко вино ново в новы мехи вливати». Разгневанные язычники ополчились на проповедника, но тот, ободря бывших с ним пресвитеров и диаконов, облачился с ними в священ-

Свт. Леонтий, еп. Ростовский.
Икона. Сер. XVI в.
(ризица мон-ря Хиландар, Афон)

ные ризы и с крестами вышел навстречу толпе. При виде Л. язычники пали словно мертвы, но «святый молитвою вся сдравы створи и научи веровати Христови и крести я в Святую Троицю». Л. скончался в мире и был погребен в Успенском соборе Ростова, который построил «преже бывший епископ».

Иную информацию приводит в 1-й четв. XIII в. Владимир-Суздальский еп. св. *Симон* в послании к киево-печерскому мон. *Поликарпу*, к-рое вошло в состав *Киево-Печерского патерики*. Перечисляя епископов, поставленных из печерской братии, Симон начинает именно с Л.: «Первый — ростовский Леонтий, священномученик, его же Бог прослави нетлением, и се бысть первопрестолник, его же невернии много мучивше убиша, и се третий гражданинъ небесный бысть Рускаго мира, со онема варягома венчався от Христа, его же ради убьен бысть». Следующим после Л. печерянином-архиереем Симон называет митр. *Илариона* (Древнерус. патерики. 1999. С. 21). Это сообщение следует, по всей видимости, печерской традиции, принципиально отличной от житийной, поскольку, по Симону, Л. был избран на епископство из печерских монахов и принял мученическую смерть. Определение «первопрестольник» в древнерус. текстах обычно соответствовало греч. *πρῶτος* — термину весьма неопределенного содержания, обозначающему светского начальника или архиерея. В науке его часто понимают как «первый престольник», т. е. 1-й епископ из числа Ростовских; в таком случае налицо было бы еще одно

противоречие с житийной версией. Симон считает Л. 3-м рус. мучеником после мучеников-варягов св. *Феодора и Иоанна*, пострадавших еще в 80-х гг. X в., в языческий период правления св. равноап. кн. *Владимира (Василия) Святославича*. Согласно букв. смыслу этих слов, гибель Л. следовало бы отнести ко времени до гибели в 1015 г. св. мучеников *Бориса и Глеба*. Однако такая датировка находится в резком противоречии со временем возникновения Киево-Печерского Успенского мон-ря (сер. XI в.; см. *Киево-Печерская лабра*).

Вполне примирить оба предания невозможно. Одни исследователи шли путем контаминации: Л. был печерянином (по Симону), святительствовал после *Феодора* и *Илариона* (по *Житию*) и «хотя скончался в мире... тем не менее заслужил венец мученический» (*Макарий*. История РЦ. Кн. 2. С. 138). Другие склонялись в основном к *Житию*, допуская разве что печерское происхождение Л. (*Голубинский*. История РЦ. Т. 1. 1-я пол. С. 200–202). Третьи, напротив, отдавали предпочтение данным *Симона* (*Ключевский*. Древнерусские жития. С. 16, 20), несмотря на их явную хронологическую несообразность. В дальнейшем в науке благодаря трудам *М. Д. Присёлкова* и *Н. Н. Воронина* получила развитие последняя т. зр., объяснявшая альтернативные сведения *Жития* тенденциозным вымыслом 2-й пол. XII в. с целью облегчить церковное прославление Л. (митрополит и патриарх будто бы противились канонизации святых, русских по происхождению) и придать Ростовской епископии более древний статус, приписав ей изначальные особые связи с К-полем (это было важно ввиду планов св. блгв. кн. *Андрея Юревича Боголюбского* учредить во Владимире отдельную от Киева митрополию). Однако для канонизации Л. не было нужды в санкции митрополии или тем более Патриархии, т. к. она находилась в компетенции епархиального архиерея. В кон. XII — нач. XIII в. Л. был причислен к лику святых распоряжением Ростовского еп. *Иоанна*, о чем и сообщается в распространенной, Троицкой редакции древнейшего *Жития* (*Семенченко*. 1989. С. 253). Представление о том, что Л. поставил на кафедру непосредственно К-польский патриарх, появляется только в поздних редакциях *Жития*; предположение, будто оно присут-

ствовало и в древнейшей редакции, но в посл. было опущено, основано на необоснованном доверии к совершенно неправдоподобному рассказу поздней (1-й пол. XVI в.) Никоновской летописи, согласно которому так, прямо от патриарха, был поставлен на Ростовскую кафедру *Феодор (Феодорец)*, кандидат кн. *Андрея* во Владимирского митрополита (ПСРЛ. Т. 9. С. 239).

Ключевой для вопроса о времени деятельности Л. является дата учреждения Ростовской епископии.

Крещение свт. Леонтием народа ростовского. Клеймо иконы «Свт. Леонтий, с житием». Ок. 1677 г. (МИХМ)

В явном виде — 6500 (992/3) г. — она фиксируется в летописных сводах XVI в. (в Никоновской летописи, Тверском сборнике и др.) и объясняется желанием летописцев Сев.-Вост. Руси ввести Ростов в число древнейших кафедр, основанных в первые годы после Крещения Руси. Эту т. зр. усвоила историография XIX в., что приводило к хронологическим сложностям ввиду известной даты поставления преемника Л., еп. *Исаии*, сообщаемой в *Житии* последнего, — 1077/78 г. (хотя происхождение ее неизв., она обладает признаками достоверности). Т. о., либо Л. занимал кафедру невероятно долго, либо между кратким периодом деятельности *Феодора* и *Илариона*, с одной стороны, и святительством Л. — с другой (а может быть, также между Л. и *Исаией*), имелся большой перерыв. Митр. *Макарий (Булгаков)* и *Е. Е. Голубинский* считали, что деятельность Л. в Ростове продолжалась неск. десятилетий до 1077 г. *Присёлков* попытался избежать хронологических трудностей, сузив святительство Л. до 1067/68–1072/73 гг. и признав его 1-м Ростовским епископом. *Ворнин* связал мученичество Л. с теми

языческими волнениями на Ростово-Суздальской земле, о к-рых сообщает ПВЛ под 1071 г.; т. о., основание епископии в Ростове и проповедь Л. как ее 1-го предстоятеля исследователь отнес к 60-м гг. XI в., не учтя, однако, что статья 1071 г. носит хронологически сводный характер.

Между тем во 2-й пол. XI в. на Руси наряду с Киевской временно существовали Черниговская и Переяславская митрополии, бывшие титулярными, т. е. они не могли иметь подчиненных епархий. Это позволило *А. Понпе* связать открытие Ростовской епископии, сопровождавшееся поставлением Л., с твердо установленным переходом Ростовской волости из-под власти переяславского кн. *Всеволода (Андрея) Ярославича* под власть Киевского кн. *Святослава (Николая) Ярославича* (и соответственно в юрисдикцию Киевского митрополита) между 1073 и 1076 гг. Возможно, это церковно-адм. преобразование имело место одновременно с назначением новых митрополитов — Киевского *Иоанна II* и Переяславского *Ефрема*; если Л. принадлежал к кругу митр. *Ефрема*, это могло бы разъяснить противоречивость сведений о происхождении Л.: как и *Ефрем*, Л., с одной стороны, был бы выходцем из Печерского мон-ря, а с другой — долгое время прожил в К-поле (*А. В. Назаренко*). Особняком стоит т. зр. *Я. Н. Шапова*, считавшего возможным продление святительства Л. до 80-х гг. XI в. Вопрос о том, был ли Л. 1-м епископом в Ростове, остается открытым. Новая датировка учреждения Ростовской епископии временем правления св. блгв. кн. *Ярослава (Георгия) Владимировича Мудрого* (вероятнее всего, 2-й пол. 40-х гг. XI в.), согласно списку рус. епархий в К-польском перечне митрополий кон. 70-х гг. XII в. (*Darrouzès*. Notitiae. P. 367) (*Назаренко*), позволяет верифицировать данные *Жития* Л. о его предшественниках *Феодоре* и *Иларионе*, но хронологический разрыв между периодом деятельности первых Ростовских епископов и поставлением Л. остается по-прежнему необъяснимым. Не исключено, что святительство Л. имело место уже в 50–60-х гг. XI в.

Почитание. Начало церковного почитания Л. прослеживается сразу же после обретения его мощей. Согласно *Житию*, «многим летом минувшим» после кончины Л. во время большого пожара Успенский собор,

где был погребен Л., сгорел и Владимир-Суздальский св. блгв. кн. Андрей Юрьевич Боголюбский повелел заложить новую, каменную церковь. Во время подготовки рвов для фундамента были обретыены мощи сначала Ростовского свт. *Исаии*, преемника Л., а затем (23 мая) и самого Л., причем чудесным образом «не изменился божественное тело его и ризы его не истылаша, паче же и гроб». Кн. Андрей, возблагодарив Бога, послал в Ростов «гроб камен», в к-ром и были положены мощи в новом соборе (*Лосева*. 2009. С. 405–411), «в раце и на стене» (*Семенченко*. 1989. С. 253). Последнее указание Жития Троицкой редакции подтверждено археологически после вскрытия аркосолия в юж. стене собора, где находилась белокаменная рака Л. Неясно, можно ли вполне полагаться на датировки этих событий в Тверском сборнике 1161 и 1162 гг. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 233–235); они могут отталкиваться от известной даты пожара деревянного ростовского собора (1160). В то же время нечем подтвердить и датировки в поздних (3-й и 4-й, по В. О. *Ключевскому*) редакциях Жития — 1164 и 1170 гг. (*Титов*. 1892. С. 7, 9).

Весьма вероятно, что в 60-х гг. XII в. была создана в своей основе и древнейшая (Ростовская, по Г. Ю. Филипповскому; Синодальная, по Г. В. Семенченко) редакция Жития Л., вошедшая в Пролог (наиболее ранние списки: ГИМ. Син. № 245. Л. 57а — 58б; № 246. Л. 102–103, оба — 2-й пол. XIV в.). При Ростовском еп. Иоанне (1190–1214), но прежде 1204 г. (когда собор времен кн. Андрея разрушился) произошло формальное прославление Л. во святых с назначением дня памяти 23 мая; в 3-й и 4-й редакциях оно приурочено к 1194 г. В связи с этим к древнейшему Житию были добавлены соответствующее сообщение и рассказ о случившемся позже чуде: о видении пономарю восставшего из гроба Л., служившего ночью в храме, и о расслаблении некоего клирика, хотевшего поутру загасить свечи, возгоревшиеся во время чудесного богослужения. Заключительная похвала Л. выдает ее текстually зависимость от «Слова о законе и благодати» свт. Илариона, митр. Киевского. Самые ранние списки распространенной Троицкой редакции древнейшего Жития относятся к 20-м гг. XV в. (РГБ. Троиц.

№ 715. Л. 280–283 об.; № 745. Л. 94–98 об.). Время ее создания спорно: до 1204 г. (Ключевский) или после 1231 г. (Семенченко), когда 25 февр. мощи Л. были возвращены в восстановленный кафедральный собор (начиная с 1204 они почивали в ц. св. Иоанна Предтечи). На еп. Иоанна рукописная традиция праздничных и служебных Миней начиная с XV в. указывает как на создателя канона Л., помещенного в Минею, но встречающегося и отдельно (напр., в сб. РНБ. Тит. № 241 (1962). Л. 90): «творение Иоанна епископа». Однако в старших, пергаменных списках служебных Миней, связанных с Ростовской епархией (РГАДА. Ф. 381. № 115), ок. 1415 г. (ЯМЗ. Инв. № 15462, нач. XV в.) помещен канон гласа 6 без надписания имени (каковое в большинстве случаев является приметой датировки не ранее XV ст.). В Лаврентьевской летописи в связи с рассказом об интронизации Ростовского еп. *Кирилла II* Л. дважды поименован в отличие от Ростовских епископов свт. *Исаии* и *Нестора* «святым и священным епископом» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457–458).

Следующий этап литературной работы над Житием Л. (3-я редакция, по Ключевскому) относится предположительно уже ко 2-й пол. XV в., судя по добавленным описаниям чудес, к-рые относятся к периоду от архиепископства свт. *Феодора* (1389–1394) до правления кафедрой архиеп. *Трифона* (1462–1467). В начальной части составитель 3-й редакции в соответствии с анахроническим обыкновением своего времени приписывать просвещение Руси К-польскому патриарху свт. *Фотию I* сделал Л. современником и посланником знаменитого патриарха. Добавлены нек-рые, в т. ч. топографические, подробности об обстоятельствах, в которых проповедовал Л.: он живет в скиту, у ручья Брутовщина, близ города, питаясь кутьей собственного приготовления. Именно эта редакция помещена в ВМЧ св. митр. Московского Макария (см. *Минеи-Четы*), хотя несколько избыточно предваряется еще и древнейшей редакцией. Еще более поздняя, 4-я редакция характеризуется обильными вставками из летописания и включением в текст эксплицитных дат, часто условных. Пятая редакция отличается только литературной обработкой материала, 6-я представляет собой

проложное сокращение предшествующих.

Весьма обширная рукописная традиция Жития Л. (более 200 списков) в целом и особенно в своей позднейшей части остается изученной недостаточно, так что в отношении количества редакций налицо существенные расхождения: от 4 (митр. Макарий (Булгаков)) или 6 (Ключевский) до 12 (Филипповский).

А. В. Назаренко

В Житии Троицкой редакции Л. приравнивается к равноапостольным святым: «Хвалит бо Римская земля Петра и Павла, Греческая земля — Костянтина царя, Киевская земля — Володимера князя, Ростовская земля тебе, великий святителю Леонтие, ублажает, сътворшаго дело равно апостолюм» (*Семенченко*. 1989. С. 253).

Память Л. включена в древнейший ростовский месяцеслов — 1-й четв. XIII в. (*Лосева* О. В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 106; НБ МГУ. 2. Аг 80. Л. 227). Мощи Л. торжественно были перенесены при Ростовском еп. Кирилле II, 25 февр. 1231 г., из ц. св. Иоанна Предтечи в новый каменный Успенский собор (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 512).

Со времени обретения мощей Л. ростовский Успенский собор становится местом паломничества. Кн. Андрей Боголюбский, «приехав в Ростов, поклонися блаженному и святому телу великаго Леонтия... И целова святое тело великаго Леонтия и вси мужи его... И устрои свечи велики у гроба его» (*Семенченко*. 1989. С. 252–253). В 1259 г. св. блгв. кн. Владимирский *Александр Ярославич Невский* «бежа из Новгорода приеха в Ростов на средохрестье, крест честныи целова в святее Богородици и гробу Леонтьеву челом удари» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 524).

Чудотворения, согласно древнейшему Житию, начались сразу же после обретения мощей Л. («и донныне лежит в церкви святыя Богородица, сдеявая преславная чудеса и подавая исцеления с верою приходящим к Пречистей Богородици и к святе(и) раце его» — *Лосева*. 2009. С. 407–408), что послужило установлению празднования святому в отличие от свт. *Исаии*, чьи мощи были обретыены тогда же, но не отмечены чудотворением.

Чудеса у гроба Л., зафиксированные со времени правления Ростовской кафедрой свт. *Феодора*, были

описаны в особой статье, присоединенной к 3-й редакции Жития (Титов. 1893). Три чуда связаны с юным ростовским кн. Иваном Александровичем. Хронологические указания памятника позволяют 1-е чудо «О князе Иоанне» отнести к 1389 — ноябрю 1394 г. Второе из них, согласно тексту Жития, произошло при Ростовском свт. Григории (1396–1416); к мощам Л. кн. Ивана привел отец, кн. Александр Константинович († 1404); 2-е чудо и 3-е чудо, т. о., датируются 1396–1404 гг.

1 окт. 1410 г., на праздник Покрова Пресв. Богородицы, свт. Ростовский Григорий освятил пострадавший в 1408 г. от пожара и заново восстановленный Успенский собор, после чего был зафиксирован ряд чудес у гроба Л. В 1-й месяц после освящения собора 40 «чудоносных исцеления быша слепым, хромым, немым, сухоруким, недужным и расслабленным и кто кацем недугом одержим вси верни здравие получаху Материю Божию и Пречистыя его Матере и угодника их чудотворца Леонтия молением и чудодейством». Исцелялись у гроба Л. и князья, и вельможи, «мали и велици, мужеск пол и женский вси течаху в церковь святыя Богородицы к гробу чудотворца» (Там же. С. 23). К мощам Л. шли жители Ростова и его окрестностей, а также «изо иных из дальних градов и стран людие слышаху таковое исцеление от гроба святого Леонтия якоже источник непрестанно текущий и прихожаху с верою и здравие приимаху» (Там же. С. 24). Автор описания чудес сообщает, что к мощам Л. «...толику же народу шедшуся с болящими яко и в церковь не можааху вместитися но вне церкви приношаху болящих и противу святого гроба полагааху и тако вси равно исцеление приимаху» (Там же). Последние чудеса, представленные в Житии, агиограф описывает как очевидец; они произошли, вероятно, не позднее времени правления Ростовской кафедрой архиеп. *Вассиана I* (Рыло; 1467–1481).

Почитание Л. наравне с Московскими святителями отражено в летописях и др. источниках XV в. Так, в договорной грамоте 1448 г. между вел. кн. Московским *Василем II Васильевичем* и кн. Иваном Андреевичем Можайским в свидетели призваны святитель Петр, Л., Сергей Радонежский и Кирилл Белозерский (ДДГ. № 51. С. 151, 153, 155). В том

Свт. Леонтий, еп. Ростовский.
Икона. Сер. XVI в.
(ГМЗРК)

же году, во время похода вел. кн. Василия II Васильевича на Галич, кн. *Дмитрий Георгиевич* Шемяка целовал ему крест о соблюдении мира, призывая в свидетели святителей Петра и Алексия, прп. Сергия Радонежского и «Леонтия епископа чудотворца Ростовьского» (ПСРЛ. Т. 25. С. 269).

Между 1474 и 1480 гг., при архиеп. *Вассиане*, в Ростовской епархии, а затем в Москве и по всей Руси устанавливается церковное празднование 23 мая 3 Ростовским святителям — Л., *Исаии* († после 1089) и *Игнатию* (1262–1288), тогда же, очевидно, был составлен им канон (читается на память Л. 23 мая — Миней (МП). Май. Ч. 3. С. 38–44). В завершение «Послания на Угру» архиеп. *Вассиана* к *Иоанну III Васильевичу* 1480 г. говорится: «...с сими же всеми да будет милость великаго Бога Господа нашего Иисус Христа, молитвами Пречистыя Его Матери и всех святых и великих чудотворец земли нашеа, пресвященных митрополит русских Петра, Алексея и Ионы, и Леонтия, епископа Ростовскаго, чудотворца Исаиа и Игнатиа...» (БЛДР. Т. 7. С. 398).

Со 2-й пол. XV в. в чине проскомидии наряду с первосвятителями Московскими стал упоминаться и Л. Эта традиция сохранилась до наст. времени: в святительском чине при внимании частицы из 9-чинной просфоры в память св. иерархов наряду с Вселенскими и Московскими святителями упоминаются Никита Новгородский и Л. (см.: Служебник. М., 1984. С. 83–84).

Вел. князья не раз приезжали на богомолье в Ростов к Л., о чем свидетельствуют летописи и вклады князей на молитвенную память. Вел. кн. *Василий III Иоаннович* в 1514 г. пожертвовал к мощам Л. надгробный покров (ГМЗРК), выполненный в мастерской его жены вел. кнг. Соломонии. В 1563 г. царь *Иоанн IV Васильевич* писал митр. св. *Макарию*, что Полоцк был взят рус. войсками по молитвам в т. ч. 7 Ростовских святых, первым среди к-рых назван Л. (АИ. Т. 1. № 168. С. 320). В соборной грамоте 1564 г. о ношении рус. иерархами белого клобука утверждается, что Л. наряду с Ростовскими святителями-чудотворцами *Исаией* и *Игнатием* имел привилегию носить белый клобук (ПСРЛ. Т. 13. С. 379).

К сер. XVII в. почитание Л. сохранялось в Киево-Печерском мон-ре. В 9-й песни канона Киево-Печерским святым *Мелетия Сирига* (ок. 1643) среди «божественных иерархов» — выходцев из Киево-Печерской обители назван Леонтий, очевидно еп. Ростовский (Дива печерлаврских. К., 1997. С. 148).

Архидиак *Павел Алеппский*, описывая путешествие Антиохийского патриарха *Макария III* в Россию в сер. XVII в., упомянул традицию русских архиереев дарить иконы в честь своей кафедральной церкви: Ростовский митрополит «также дал нам иконы в честь своей кафедры, что во имя св. Леонтия, митрополита Ростовского, который был родом грек» (*Павел Алеппский*. Путешествие // ЧОИДР. 1898. Кн. 3. С. 125).

В Описи Ростовского архиерейского дома 1763 г. говорилось: «А что тот дом архиерейской имеется издавна, о том значит нижеследующее показание в Псалтири печатной толковой о имевшемся в Ростове Пресвященном архиерее угоднике Божии святителе Леонтии Ростовском Чудотворце, прежде котораго и еще в Ростове были преосвященные архиереи, напечатано: Леонтий бе родом цареградец, послан в Россию от патриарха Фотия по прошению великаго князя Владимира в лето 6499-е (991), чему поныне учинит 772 года...» (*Виденеева А. Е.* Ростовский архиерейский дом и система епархиального управления в России XVIII в. М., 2004. Прил. С. 156).

В XIX в. в Успенском соборе Ростова хранились реликвии, по преданию принадлежавшие Л.: фелонь

святителя (находилась в раме под стеклом в Леонтиевском приделе); белый клобук, крест, икона Нерукотворного образа Спасителя (Титов. 1911. С. 25; Кайдалов Н. А. Ростовский Успенский собор и его святыня. Ростов, 1877. С. 27, 51; Талицкий В. А. Ростовский Успенский собор. М., 1913. С. 40, 51).

«Леонтиева» фелонь (ГМЗРК) после реставрации датируется XV–XVII вв. (Черторижская А. Итоги реставрации фелони-полиставрия из собр. музея «Ростовский кремль» // Убрус. СПб., 2009. № 11. С. 51–52). Белый клобук Л. назван в самой ранней описи Успенского собора (1691): «...три клобука шелковых белых вязаных Леонтия, Исаии, Игнатия» (ГМЗРК. Р–1083. Л. 17 об.). В нач. XX в. клобуки находились в Успенском соборе (Титов. 1911. С. 46), в 1922 г. они поступили в Ростовский музей (ГМЗРК. А–930. Л. 8). По традиции мощи Л. неоднократно переоблачались в новые одежды; т. о., одна из фелоней прошлых веков стала называться «Леонтиевой». В 1412 г. из ростовского Успенского собора в Москву, в новопостроенную каменную Благовещенскую ц. при доме Ростовских владык в Дорогомилове, были перенесены ризы Л. (ПСРЛ. Т. 21. С. 602).

В гл. «О земли» из Жития 3-й редакции рассказывается о древней ростовской традиции, когда спор о земле решался не судами, не тяжбами, не пролитием крови, а «Леонтиевым» крестом: «...с кем будет спорно слово о земли, то священника с Леонтиевым крестом на развод посылает» архиерей (Титов. 1893. С. 26). Межевой крест «Леонтиев» назван среди реликвий Л. в описании ростовского Успенского собора в XIX в.

Икона Нерукотворного образа Спасителя с греческими надписями, серебряная риза к-рой была украшена жемчугом, камнями и бриллиантами (Кайдалов. Ростовский Успенский собор. 1877. С. 27), в XIX в. находилась в соборе за правым клиросом (Титов. 1911. С. 25). В настоящее время судьба всех этих реликвий неизвестна.

В мастерской кнг. Елены Верейской в 1470–1480 гг. был изготовлен надгробный покров Л. (ГМЗРК) (Силкин. 2009. С. 6–20).

В юж. части алтаря Успенского собора (диаконнике) находится Леонтиевский придел, основанный еще

в 60-х гг. XII в., при строительстве 2-го здания храма. Пол придела находится на уровне пола храма XIII в.; в придельный храм во имя Л. спускаются каменная лестница из собора и такая же лестница — из алтаря.

Для гробницы с мощами Л. в юж. стене был сделан аркосолий глубиной 75 см, что связано с шириной белокаменной раки Л. (66 см) (Воронин. 1958. С. 8). С 60-х гг. XII в. у юж. стены в аркосолии стоял белокаменный гроб, присланный Андреем Боголюбским, где почивали мощи Л. До кон. XX в. рака Л. находилась в Успенском соборе в Леонтиевском приделе, она сохранилась фрагментарно (ГМЗРК). В нише напротив первоначально находились мощи свт. Исаии (позднее, очевидно после преставления свт. Игнатия, там была поставлена рака с его мощами, рака Исаии была размещена на солее собора).

В Смутное время, после взятия Ростова 14 окт. 1608 г. войсками Л. Сапеги, был разграблен Успенский собор, «золотая» (позолоченная?) рака Л. подверглась осквернению (Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 127–128). Она была разделена на части: «Раку чудотворцову Леонтьеву златую сняша и раскоша по жребью» (Толстой. 1847. С. 30. Примеч. 28, 29). На крышке раки было золотое рельефное изображение Л., доставшееся Сапеге и подаренное им Марине Мнишек. Вероятно, рака была сооружена вместе с др. раками наиболее почитаемым рус. святым при царе Феодоре Иоанновиче.

При восстановлении Успенского собора мощи Л. были сокрыты под спудом на месте, где прежде стояла рака святителя. Опись Успенского собора 1691 г. сообщает об оформлении захоронения Л.: «На правой стороне у стены рака Леонтия ростовского чудотворца обложена медью, на ней круги лощатые медные ж золочены. На гробе покров образ Леонтия чудотворца шит по отласу золотом и серебром, ветх. Круг ево шита подпис золотом же. Другой покров отлас золотной травчатой по червчатой земле. Покров лутчей на нем шит образ Леонтия чудотворца о таусиной камке золотом и серебром с шолками, венец обнизан жемчугом крупным, в венце два яхонта да лал. В гнездах около их низаны репы. Кругом кайма шита словами золотом. Четвертый покров

бархатной травной, червчатой по серебряной земле. На нем крест круживо золотное кованое. У раки ж ломпада болшая медная» (ГМЗРК. Р–1083. Опись Ростовского архиерейского дома 1691 г. Л. 20, 21). Новая серебряная рака была установлена в 1800 г.

В XIX в. пол Леонтиевского придела был на уровне с полом главного алтаря. В 1884 г. во время ремонта старого чугунного пола в приделе были обнаружены на стене следы фресок. Начались археологические раскопки, в результате к-рых был обнаружен и восстановлен древний Леонтиевский придел. Придел мог быть засыпан при митр. Ростовском и Ярославском Иоасафе (Лазаревиче), в 1691–1701 гг., или во время ремонта собора в 1735 г., после пожара (1730), при архиеп. Иоакиме (Воронин. 1958. С. 8. Примеч. 2). В процессе раскопок 1885 г. была обнаружена разбитая белокаменная рака Л. Крышка гробницы плоская с 2 пологими скатами, что характерно для гробниц XII в. (Там же. С. 9).

Леонтиевский придел был восстановлен по проекту председателя Московского архитектурного общества Н. В. Никитина. Иконостас и аркосолий из подольского камня изготовил мастер мраморного дела В. А. Москвин. Иконы в иконостасе, царские врата и настенные росписи на сюжет Жития Л. были выполнены Н. М. Сафроновым в 90-х гг. XIX в. Царские врата написаны с древних царских врат Введенской ц. Переславля-Залесского. Утварь для храма изготовлена по рисункам со старинных предметов, выставленных в Музее церковных древностей в Ростовском кремле (Шляков. 1897). Каменная гробница Л. была обложена дубовым деревом, поверх которого стояла серебряная рака с живописным изображением Л. «В возглавии сей раки находится надпись: «Построися гробница сия над святыми мощами Святителя Леонтия, при державе Благочестивейшаго, Самодержавнейшаго Великаго Государя нашего Императора Павла Петровича всея России, по благословению Святейшаго Правительствующаго Синода Члена Пресвященнаго Архиепископа Ярославскаго и Ростовскаго и разных орденов кавалера, лета Господня 1800-го». В ногах гробницы вычеканены стихи о Леонтии, сочиненные архиепископом Арсением Вер-

шагиным» (Титов. 1911. С. 18–19). Освящен восстановленный придел Л. 29 сент. 1885 г. Ярославским и Ростовским архиеп. *Ионафаном*. Захоронение Л. в аркосолии выделено надгробной иконой Л.

Большим почитателем Л. в XIX в. был митр. Московский *Леонтий (Лебединский)*, основавший ряд церквей и братств во имя Л. Как общецерковно чтимый святой Л. назван в составленном архиеп. Сергием (Спасским) «Верном месяцеслове всех русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно» (М., 1903. С. 17).

В XIX — нач. XX в. по многовековой традиции прибывавшие к святыням Ростова паломники всегда начинали богомолье с посещения Успенского собора, с молитвенного обращения к Л. В это время только в Ярославской епархии насчитывалось 18 престолов во имя Л. (Краткие сведения. 1908). Празднование Собору Ростово-Ярославских святых было установлено в 1964 г. именно на день памяти обретения мощей Л. — 23 мая. 13 мая 1993 г. и 23 авг. 1997 г. у мощей Л. молился патриарх Московский и всея Руси *Алексий II*, 4 окт. 2009 г. — Патриарх Московский и всея Руси *Кирилл*.

Имя Л. включено в Собор преподобных и преподобномучеников Зверинецких (УПЦ), празднование к-рому было установлено решением Синода УПЦ 14 апр. 2009 г.; местно почитается как 1-й игумен *Киевского Зверинецкого во имя арх. Михаила мужского монастыря* (по местному церковному преданию).

В. И. Вахрина

Распространение почитания Л. напрямую связано с превращением Великого княжества Московского в общерусское гос-во. В 1478–1479 гг. Житие Л. было включено в древнейший новгородский список Стишного Пролога, переписанный в Спасо-Хутыньском мон-ре (РГИА. Ф. 838. Оп. 3. № 3935 — *Никольский А. И.* Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. 2. Ч. 2. С. 750). В 1493 г. канон Л. пели в Новгороде. В 1494 г. служба Л., Житие святителя, сказание о перенесении его мощей в новую церковь и приписанное в данном случае ему поучение попам, «как подобает детей духовных учить» (обычно атрибутируемое Ростовскому еп. Ки-

риллу), были включены в Минею новым чудотворцам (РНБ. Солов. 518/537), переписанную в Новгороде для Соловецкого мон-ря по заказу игум. *Досифея* ([*Порфирьев И. Я., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф.*] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в б-ке Казанской духовной академии. Каз., 1885. Ч. 2. С. 361–363). В Стишном Прологе особой редакции (Рим. Б-ка Папского восточного ин-та. Слав. 5 л.), вероятно, псковского происхождения (см.: *Турилов А. А.* Кранней истории общерусского почитания прп. Евфимия Суздальского (неизв. краткое Житие в Прологе нач. XVI в. из б-ки Папского Восточного ин-та в Риме) // Суздальский Спасо-Евфимиев мон-рь в истории и культуре России: К 650-летию основания монастыря): Мат-лы научно-практической конференции. Владимир; Суздаль, 2003. С. 21–25) 1-й четв. XVI в. под 23 мая помещено нечто среднее между памятью и кратким Житием Л. с фантастическими сведениями о его кончине 10 мая 1401 г. и об обретении мощей 23 мая 1392 г.

Из мон-рей, посвященных Л., известен жен. Леонтиев Глушицкий в Кадниковском у. Вологодской губ., основанный в 1-й пол. XV в. прп. *Дионисием* Глушицким и существовавший сравнительно недолгое время (*Зверинский*. Т. 3. № 1560). Храмы во имя Л. существуют либо существовали в ряде крупных рус. городов, в т. ч. за пределами Ростовской епархии. В Москве не позднее 1514 г. была известна ц. во имя Л. на Успенском вражке, «за Неглинною», построенная или перестроенная Алевизом Фрязином (ПСРЛ. Т. 13. С. 18), снесена в кон. XVIII в. В Новгороде, согласно описи 1617 г., церкви во имя Л. имелись в пригородных Кирилловом и Арсениевом (придел ц. Рождества Богородицы) мон-рях.

История почитания Л. в западно-русской Киевской митрополии остается практически неизученной. Память Л. содержится в месяцесловах пергаменных Лаврского (Киев. Ин-т рукописей ЦНБ Украины. 4П/1) и Мстижского (Вильнюс. БАН Литвы. Ф. 19. № 2) Евангелий-апракос кон. XIV в. (*Лосева О. В.* Рус. месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 346; СКСРК XIV. Вып. 1. С. 314. № 177), издавна бытовавших на западнорусских землях, однако графико-орфографические особенно-

сти обоих кодексов не позволяют считать их написанными на той же территории. В Минеях служебных по Иерусалимскому уставу, получивших распространение на восточно-славянских землях Речи Посполитой, служба Л. неизвестна. В редакции Стишного Пролога, бытовавшей на украинско-белорусских землях в кон. XV–XVII в. (старший список переписан в 1496 для Супрасльского монастыря — Вильнюс. БАН Литвы. Ф. 19. № 100), под 23 мая помещены Житие Л. со стихом в начале текста (особенность не зафиксирована др. редакциями) и Повесть о перенесении мощей Л. в новую церковь. В кон. XV в. был известен западнорусский (восходящий ко времени митр. Феодосия) сборник Житий святых и служб им типа «Минеи новым чудотворцам», содержащий Житие Л. и службу ему. Учитывая обилие Житий великорусских святых в составе Стишного Пролога 1496 г., нельзя исключить, что появление на западнорусских землях и Пролога и «Минеи новым чудотворцам» могли быть связаны с браком в 1494 г. дочери вел. кн. Московского Иоанна III Елены и вел. кн. Литовского Александра (хотя великорус. списки подобной версии Стишного Пролога не засвидетельствованы). В 1530 г. в Луцке по инициативе еп. Макария была переписана компилятивная редакция пролога, в которой вышеупомянутая версия Стишного Пролога была соединена с древнейшей нестишной (Вильнюс. БАН Литвы. Ф. 19. № 98). В 1604 г. кн. К. К. Острожский прислал в подарок патриарху Московскому свт. *Иову* драгоценный выносной или воздвизальный хрустальный крест, украшенный, в частности, серебряными позолоченными изображениями 3 Московских святителей и Л. (РИБ. СПб., 1876. Т. 3. Стб. 701).

До 2-й четв. XVII в. применительно к региону уместно говорить не о почитании Л. у южных славян и на Афоне, а о знакомстве с его культом. В б-ке мон-ря Крушедол, вероятно, с нач. XVI в. хранился рус. сборник Житий и служб (типа «Минеи новым чудотворцам») кон. XV в. (Белград. МСПЦ. № 63), содержащий среди прочего Житие Л., Слово на внесение мощей в новую церковь и службу ему (*Петковић С.* Опис рукописа манастира Крушедола. Сремски Карловци, 1914. С. 27.

№ 24). В ризнице серб. Хиландарско-го мон-ря на Афоне хранится икона-пядница раннего XVI в. с изображением Л., привезенная, вероятно, из Москвы одним из монастырских посольств. Появление памяти Л. в мес-сяцесловах южнославянских (в первую очередь сербских) рукописей XVI–XVII вв. (напр., в серб. Псалтири с воследованием, переписанной в 1609 — Братислава. В-ка ун-та. MS 1286) связано, очевидно, с копированием рус. оригиналов, но вопрос почти не разработан в литературе. Широкою известность в регионе святой получает только с распространением печатного Пролога (1-е полное издание — М., 1642–1643).

А. А. Турилов

Ист.: ААЭ. Т. 4. С. 156; ПСРЛ. Т. 15. С. 233–235, 357; *Титов А. А.* Житие св. Леонтия, еп. Ростовского. Ярославль, 1892 [3-я ред. Жития Л.] (отд. отт.: Ярославские ГВ. 1892. № 23); *он же.* Житие св. Леонтия, еп. Ростовского // ЧОИДР. 1893. Кн. 4. Отд. 2. С. 1–36 [4-я ред. Жития; с. 33–35 — служба без канона]; *Семенченко Г. В.* Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского // ТОДРЛ. 1989. Т. 42. С. 250–254 [Синодальная и Троицкая редакции]; Древнерус. патерики: Киево-печерский патерик, Волоколамский патерик / Изд. подгот.: Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999. С. 21–22; *Лосева О. В.* Жития рус. святых в составе древнерус. Прологов XII — 1-й трети XV в. М., 2009. С. 403–413 [древнейшее Житие Л.].

Лит.: *Толстой М. В.* Древние святыни Ростова Великого. М., 1847; *Ключевский.* Древнерусские жития. С. 2–22; Иерархи Ростовско-Ярославской паствы в преемственном порядке: с 992 г. до наст. времени. Ярославль, 1864; *Строев.* Списки иерархов. Стб. 329; Описание о российских святых. С. 90–92; *Леонид (Кавелин).* Св. Русь. С. 158–161; *Барсуков.* Источники агиографии. С. 323–329; *Титов А. А.* Ростовская епархия: Мат-лы для истории Рус. Церкви. СПб., 1890. С. 8–12; *он же.* Ростов Великий в его церковно-археол. памятниках. М., 1911; *Васильев В. П.* История канонизации рус. святых. М., 1893. С. 70–73; *Димитрий (Самбикин).* Месяцеслов. Вып. 9. Ч. 2. С. 123–129; *Шляков И. А.* Очерк по становлению Ростовского кремля и пещерного Леонтьевского придела, 1882–1896. Ярославль, 1897. С. 11–15; *Голубинский.* История РЦ. Т. 1. 1-я пол. С. 199–202, 757–758; *он же.* Канонизация святых. С. 60–61; Краткие сведения о монастырях и церквах Ярославской епархии. Ярославль, 1908. С. 37–38, 99, 115, 116–117, 122, 123, 132, 143, 167, 179, 195, 197, 208, 213, 347–348, 443, 469; *Спаский Ф. Г.* Рус. литургическое творчество: По совр. мнениям. П., 1951. С. 85–86; М., 2008² (по указ.); *Воронин Н. Н.* Археол. исследования архит. памятников Ростова // Мат-лы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской обл. Ярославль, 1958. [Вып. 1:] Древний Ростов. С. 4–17; *он же.* Зодчество Сев.-Вост. Руси XII–XV вв. М., 1961. Т. 1. С. 188–192; *он же.* «Житие Леонтия Ростовского» и визант.-рус. отношения 2-й пол. XII в. // ВВ. 1963. Т. 23(48). С. 23–46; *Porre A.*

Państwo i Kościół na Rusi w XI w. Warsz., 1968. S. 179–183; *idem.* L'organisation diocésaine de la Russie aux XIe–XIIe siècles // Byz. 1971. T. 40. P. 193–197 (*Idem* // *Idem.* The Rise of Christian Russia. L., 1982. N 8); *Филипповский Г. Ю.* Художественно-документальные жанры владимирской лит-ры 60-х гг. XII в. // ВМУ: Филол. 1979. № 4. С. 37–41; *он же.* Житие Леонтия Ростовского // СККДР. 1987. Вып. 1. С. 159–161; *он же.* Столетие дерзаний: Владимирская Русь в лит-ре XII в. М., 1991. С. 69–82; *Щапов Я. Н.* Гос-во и Церковь Др. Руси, X–XIII вв. М., 1989. С. 46–47; *Леонтьев А. Е.* Археол. наблюдения в ростовском Успенском соборе // СРМ. 1993. Вып. 5. С. 162–163; *Серегина Н. С.* Песнопения рус. святым. СПб., 1994. С. 135–139; *Ленхофф Г.* Канонизация и княжеская власть в Северо-Восточной Руси: Культ Леонтия Ростовского // Ярославская старина. 1996. Вып. 3. С. 13–22; *Макарий.* История РЦ. Кн. 2. С. 137–138, 546–547; *Подскальский Г.* Христианство и богосл. лит-ра Киевской Руси. СПб., 1996. С. 225–230, 384–385 [Библиогр.]; *Мельник А. Г.* Гробница святого в пространстве рус. храма XVI — нач. XVII в. // Восточнохрист. реликвии / Ред.-сост.: А. М. Лидов. М., 2003. С. 533–552; *он же.* Святой Леонтий Ростовский: Равноапостольный или мученик? // СРМ. 2003. Вып. 14. С. 86–90; *он же.* История почитания ростовских святых в XII–XVII вв.: АКД. Ярославль, 2004; *Приселков М. Д.* Очерки по церк.-полит. истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003². С. 79–82; *Семенченко Г. В.* Житие Леонтия, еп. Ростовского // *Щапов.* Памятники. 2003. С. 205–207; *Филарет (Гумилевский).* РСв. 2008. С. 294–297; *Назаренко А. В.* Др. Русь и славяне: Ист.-филол. исслед. М., 2009. С. 172–206; *Силкин А. В.* Древнейший покров на раку свт. Леонтия Ростовского // ИКРЗ, 2008. Ростов, 2009. С. 6–20.

А. В. Назаренко, В. И. Вахрина

Иконография. Изображения Л. широко распространены во мн. иконографических вариантах не только в Ростовской епархии, но и за ее пределами. Образы Л. встречаются в иконописи, в монументальных росписях храмов, в лицевом шитье, в произведениях резьбы по дереву и камню, в ростовской финифти (живописи по эмали).

В иконописных подлинниках XVII–XIX вв. под 23 мая описана сцена обретения мощей Л. и указаны особенности его облика: «Рус, брада невелика ретка, на главе клобук бел...» (ИРЛИ (ПД). Бобк. № 4. Л. 114); «брада Златоустава, клобук бел, риза празелень, испод лазорь...» (ИРЛИ (ПД). Оп. 23. № 294. Л. 165 об.); в сводной редакции XVIII в. — «...на нем клобук бел, рус, риза празелень с белилом, испод лазорь» (*Большаков.* Подлинник иконописный. С. 101; рис. на с. 154); «подобием рус, брада аки Козмина, на главе клобук белый, ризы святительския, с омофором...» (*Филимонов.* Иконописный подлинник. С. 352). В рукописном подлиннике 1850 г., составленном диак. Василием Поникаровским с образца 1658 г., написано: «Сей же рус, власы до плеч, брада коротка, на главе клобук бел, в омофоре и фелони, в руках Евангелие» (ГМЗРК. Арх. Р–58. Л. 46).

В нач. XX в. акад. В. Д. Фартусов в пособии для иконописцев рекомендовал изображать Л. «типа русского, со средней величины бородой, волосы прости; в фелони и омофоре»; в руке — хартия с изречением: «Чада, не бойтесь нахождения их, не могут бо нам что без Божия поущения сотворити» (*Фартусов.* Руководство к писанию икон. С. 292).

Наиболее ранние сохранившиеся изображения Л. датируются кон. XIV в. В графической манере выполнен поясной образ Л. на резной каменной иконе кон. XIV — нач. XV в. (собр. Т. А. Марфиной и Н. В. Кузьмина; *Николаева.* 1983. С. 128. Табл. 54–1; *Пуцко.* 1996. С. 55). Святой представлен в фелони, клобуке, с крещатым омофором на плечах, правая рука простерта перед грудью, левой он поддерживает Евангелие; на лице выделены широко раскрытые глаза; надпись с именем расположена вертикально по сторонам нимба. Изображение Л. шито на пелене «Покров Божией Матери с избранными святыми» кон. XIV — нач. XV в. (ГИМ; *Стерлигова.* 2005) — на полях каймы представлены святители, среди к-рых — Московские митрополиты Петр и Алексий; образ Л., поясной, прямолычный, размещен на правой кайме внизу; он в белом клобуке, перед грудью обеими покровенными руками держит Евангелие. На кресте XIV в. (серебро, чернь; СИХМ) Л. изображен вместе со святителями Николаем, Василием Великим, Иоанном Златоустом, Григорием Богословом и с архидиак. Стефаном.

Образ Л. на иконах, в росписях и в произведениях лицевого шитья XV–XVI вв. имеет редкую иконографическую деталь: пряди волос, выбившиеся из-под белого клобука. Возможно, такая детальная разработка лика Л. связана с почитанием его мощей, к-рые со времени их обретения в 60-х гг. XII в. и до 1609 г. открыто почитали в Успенском соборе Ростова в белокаменной раке, присланной вел. кн. Андреем Боголюбским. В большинстве произведений волосы рыжие, что, очевидно, является портретной особенностью Л. На фронтальных образах святого выходящие волосы показаны по обе стороны лика. Пряди могут быть в виде тонких волнистых линий красно-коричневого и серого цветов (икона «Прп. Сергей Радонежский и Ростовские чудотворцы» сер. XVI в., ГМЗРК; *Вахрина В. И.* 2006. Кат. 55. Ил. на с. 199) или выполнены кинноварью (икона «Свт. Леонтий Ростовский»; Там же. С. 175. Кат. 51). На иконе из деисусного чина 1-й трети XVI в. Покровской ц. с. Гуменец прядь волос святого изображена красновато-коричневыми линиями, заходящими на белый клобук и шею святого (ГМЗРК; Там же. С. 119. Кат. 28). Так же волосы Л. написаны на иконах из деисусного чина Преображенского собора ярославского Спа-

Свт. Леонтий, еп. Ростовский.
Роспись Рождественского собора
Ферапонтова мон-ря. 1502 г.
Мастер Дионисий

со-Преображенского мон-ря 1-й пол.—сер. XVI в. (ЯИАМЗ; Иконы Ярославля. 2009. Т. 1. С. 194) и Успенского собора Кириллова Белозерского мон-ря (1495), на иконе-таблетке «Святители Леонтий Ростовский, Петр и Алексий Московские» (сер. XV в., СПГИАХМЗ; Евсеева. 2013. Ил. 71). Л. с волнистыми волосами на фоне светлого клобука представлен на фресках Дионисия в Рождественском соборе Ферапонтова мон-ря (1502), на иконе сер. XVI в. из Хиландарского монастыря на Афоне. Эта иконографическая черта облика Л. исчезла в XVII в.: она отсутствует в настенной живописи (см. росписи храмов Ростовского архиерейского дома), на покрове 2-й пол. XVII в. (ГМЗРК); редко воспроизводится в иконописи. Очевидно, изменения в иконографии связаны с тем, что мощи святого с 1609 г. находились в ростовском Успенском соборе под спудом (Вахрина В. И. Об одной редкой иконогр. особенности. 2016).

Особую иконографическую ценность представляют надгробные покровы Л., связанные с местом почитания мощей святого и т. о., возможно, передававшие нек-рые портретные черты его внешности. В ГМЗРК хранятся 4 покрыва на раку Л., древнейший из них шит в кон. 70-х — нач. 80 гг. XV в. в мастерской кнг. Елены Верейской (Силкин. 2009). Изображение Л. выполнено по тафте фиолетово-сизого цвета в основном шелковыми нитями. Образ Л., с короткой бородой и «кудельками» на висках, легко узнаваем; правой рукой он благословляет, на левой, покрытой фелонью, держит на омофоре закрытое Евангелие. Фелонь расшита крестами темно-вишневого цвета. Выделяется высоким мастерством покров, созданный в мастер-

ской вел. кнг. Соломонии Сабуровой, — вклад вел. кн. Василия III в Успенский собор Ростова в 1514 г. (Вахрина В. И. 2012. Ил. на с. 37). В надгробных покрывах Л., созданных в XV—XVI вв., как и на иконах этого периода, на фоне светлого клобука по сторонам лика изображены волнистые пряди волос.

На формирование иконографии Л. повлияло особое почитание, к-рым святой пользовался у вел. князей и царей. Ростовская кафедра, называемая иногда «кафедрой Леонтия чудотворца» (Васильев В. П. История канонизации русских святых. М., 1893. С. 70–73), всегда поддерживала Москву, а Ростовские архиепископы не раз были духовниками вел. князей (Саликова Э. П. Настенные росписи ц. Ризоположения // ГММК: Мат-лы и исслед. М., 1980. Вып. 3: Искусство Москвы периода формирования Рус. централизованного гос-ва. С. 147). В художественном убранстве соборов Московского Кремля большое внимание уделялось изображению Ростовских святых, в частности Л. Важная черта его иконографии — белый клобук. Обычай носить белый клобук отмечал царь Иоанн IV: «...прежние Русские первопрестольницы, митрополиты и чудотворцы Петр и Алексий, и Иван, архиепископ Новгородский, и Леонтий, и Игнатий, Исаия, Ростовские чудотворцы, носили белые клобуки...» («Летопись о временах Ивана Васильевича Грозного», цит. по: Клев-

Свт. Леонтий, еп. Ростовский.
Покров. Сер. XVI в.
(ГМЗРК)

цова. 2003. С. 51). В ризнице Успенского собора в Ростове хранились реликвии святителей: «...три клобука шелковых белых вязаных Леонтия, Исаии, Игнатия ростовских чудотворцев» (Опись рос-

товского архиерейского дома 1691 г. // ГМЗРК. Арх. Р–1083. Л. 17 об.; в музейной описи Успенского собора 1922 г. клобуки были датированы XVI–XVII вв.; см.: ГМЗРК. Арх. А–930. Л. 8).

Образ Л. был в настенных росписях 1-го Успенского собора Московского Кремля (1327) и в росписях 1513–1514 гг. следующего здания собора (Клевцова. 2003. С. 48). Ростовское изображение Л. в алтаре относится к 1642–1643 гг., когда роспись была возобновлена с сохранением прежних сюжетов. На сев. стене Успенского собора в надпортальном фризе представлены в центре Ростовские святители Л., Исаия и Игнатий, по сторонам — преподобные Сергей Радонежский, Димитрий Прилуцкий и Пафнутий Боровский. Также образ Л. помещен на юж. фасаде (в аркатурно-колончатом поясе) наряду с Московскими святителями Ионой, Петром, Алексием, Филиппом и Никитой Новгородскими. В молитвенном предстоянии Л. был изображен наряду с Московскими святителями в деисусном чине иконостаса Успенского собора, написанного Дионисием на средства Ростовского архиеп. Вассиана в 1481 г. (Полов Г. В. Иконостас Дионисия 1481 г.: Опыт исслед. комплекса по письменным источникам // Успенский собор Моск. Кремля. М., 1985. С. 137–138).

В росписи 1547–1551 гг. Благовещенского собора Московского Кремля, домового храма вел. князей и царей, в центральной апсиде в медальонах представлены поясные изображения Ростовских святителей; фигура Л. написана в центре. На сев. «золотых вратах» этого же храма (нач. XVI — кон. XVII в.), рисунок которых выполнен в технике золотой наводки, Л. находится в левом вертикальном ряду умбон. Изображение святого поясное, он показан вполоборота вправо, левой покровенной рукой поддерживает Евангелие, правая — в молении (Чернецов. 1992. С. 6, 70. Рис. 84).

Икона Л. входила в ростовской Деисус владимирского Успенского собора 1408 г., написанный прп. Андреем Рублёвым (Плугин В. А. Мирозвращение Андрея Рублева. М., 1974. С. 106). В XVI в. обычным становится включение в деисусные чины святителей Петра, Алексия, митрополитов Московских, и Л. Их изображения имеются в деисусных чинах ярославского Спасо-Преображенского собора 1-й пол.—сер. XVI в.; Успенского собора Кириллова Белозерского мон-ря 1495 г.; Преображенского собора Гуслицкого Спасо-Преображенского мон-ря кон. XV — нач. XVI в. (ГРМ; 1000-летие русской худож. культуры: Кат. выст. М., 1988. С. 336–337. Ил. 75); последний, возможно, происходит из кремлевской ц. во имя свт. Алексия, митр. Московского (см.: Малкин М. Г. Два живописных ансамбля круга Дионисия и его

преемников // ДРИ. 1989. [Вып.:] Худож. Памятники рус. Севера. С. 123–131). Образы Л. со 2-й пол. XV в. встречаются в многочисленных деисусных чинах храмов Ростовской епархии: посл. четв. XV в. из Борисоглебского мон-ря, 1-й трети XVI в. из Покровской ц. с. Гуменец (*Вахрина В. И.* 2006. С. 64–71. Кат. 6; С. 100–119. Кат. 28), XVI в. из церкви с. Закедь, а также на иконах XVII в. из ростовских церквей Рождества Пресв. Богородицы, Усекновения главы св. Иоанна Предтечи (Там же. С. 334–335. Кат. 100), Толгской иконы Божией Матери и Успенского собора (все в ГМЗРК). Л. изображен в деисусном ростовом чине иконы «Походная церковь» вместе со святителями Алексием Московским и Никитой Новгородским (сер. XVI в., ГТГ; *Антонова, Мнева.* Каталог. Т. 2. С. 83. № 450).

Образ Л. помещен на иконе «Святители Николай Чудотворец, Исаия и Леонтий Ростовские, с 20 клеймами жития свт. Николая» (XV в., ГТГ; *Антонова, Мнева.* Каталог. Т. 1. С. 214–215. № 172). Н. В. Розанова датировала икону кон. XV – нач. XVI в. (Русские сокровища: Иконы и прикладное искусство XI – нач. XX в. из собр. ГТГ и музеев «Московского Кремля». Пуанхарью, 1996. Кат. 47).

Л. изображался среди праведников на иконах «Страшный Суд». К таким ранним памятникам относится икона кон. XIV – нач. XV в. из московского Успенского собора (ГММК; Иконы Успенского собора. 2007. С. 166–175. Кат. 17) – 2 архиерея в белых клобуках, митр. Петр и Л. (?), замыкают группу праведников. На иконе «Страшный Суд», вложенной в Благовещенский собор Сольвычегодска Н. Г. Строгановым (1580–1590, СИХМ), Л. возглавляет шествие праведников в рай (Искусство строгановских мастеров: Кат. выст. М., 1991. С. 32).

Были широко распространены единичные изображения Л. в полный рост с разведенными в стороны руками; правой он благословляет, а на левой держит Евангелие. Подобная иконография характерна для святителей Николая Чудотворца, Иоанна Златоуста, Климента Римского, митрополитов Московских Петра и Алексия. На иконе сер. XVI в. (ГМЗРК; *Вахрина В. И.* 2006. Кат. 51. С. 174–175) Л. представлен в полном архиерейском облачении: на нем зеленый полиставрий (крещатая фелонь), белый омофор, розовый подризник с коричневыми источниками, епитрахиль и палица, украшенные разноцветными камнями и жемчугом, на голове белый клобук. В сер. XVII в. в том же иконографическом изводе образ Л. был написан в арко-солии юж. стены ростовского Успенского собора, над захоронением святителя. Слева от святого изображено преставление Л., справа – обретение его мощей (фреска снята со стены в 1966 и нахо-

Свт. Леонтий, еп. Ростовский.
Икона из деисусного чина.
1-я треть XVI в. (ГМЗРК)

дится в ГМЗРК). Как покровитель одной из древнейших и самых значительных епископских кафедр на Руси Л. изображался на подносных иконах XV–XVI вв. (СГИАПМЗ; *Николаева.* 1977. С. 84. Кат. № 112; ГИМ, КБМЗ, монастырь Хиландар на Афоне). Также образ Л. сохранился на прориси с икон XV и XVII вв. (ГРМ; *Маркелов.* Святые Др. Руси. Т. 2. С. 302–305). Иконы Л. XVII–XVIII вв. такого извода хранятся в ГМЗРК. Подносная икона Л. XVII в. экспонируется в московском Успен-

Свт. Леонтий, еп. Ростовский,
с житием. Икона. Ок. 1677 г.
(МИХМ)

ском соборе на юж. стене. Именно в такой иконографии Л. представлен в среднике его житийных икон.

Известны 4 житийные иконы Л., созданные в XVI–XIX вв.; они хранятся в музеях Ярославля, Муроме и Углича, в частном собрании в Германии (*Луцко.* 1995. С. 58; *Трубачева.* 1999; *Мельник.* 2006. С. 392–399; *Вахрина В. И.* 2009). На иконе «Свт. Леонтий, с житием», создан-

ной ок. 1677 г. (МИХМ; Иконы Муром. М., 2004. С. 256–261. Кат. 44), имеются 24 клейма, сопровождаемых надписями. Сюжеты клейм можно условно разделить на неск. тематических групп. Верхний ряд клейм (слева направо, с 1-го по 6-е) повествует о жизни Л. до встречи с патриархом Фотием: рождение Л.; крещение; научение грамоте; Л. идет в монастырь; пострижение; видение Л. во время молитвы с повелением идти к патриарху Фотию. В клеймах 7–12 расположены события до отъезда святого в Ростов: видение патриарху Фотию во время молитвы; патриарх Фотий приходит в мон-рь за Л.; встреча патриарха Фотия и Л.; беседа патриарха Фотия с Л.; поставление Л. во епископа; Л. на корабле отправляется в Ростов. В клеймах с 13-го по 18-е представлена просветительская деятельность Л. в Ростове вплоть до смерти святого: встреча Л. с язычниками; Л. совершает службу в ц. арх. Михаила; Л. просвещает детей; Л. совершает крещение детей; язычники идут убивать Л.; крещение ростовцев Л. С 19-е по 24-е клеймо (нижний ряд клейм, слева направо) – погребение Л. в Ростове и посмертные чудеса: исцеление кн. Ивана от глазной болезни у раки Л.; исцеление кн. Ивана от великой скорби; исцеление у раки Л.; исцеление бесноватого; исцеление жены, повредившейся умом. В клеймах 11–24 Л. одет в крещатую ризу и белый клобук – атрибуты епископского сана. Средник выделен вишневой полосой с текстом вязью тропаря Л. В левой покровенной руке Л. держит Евангелие, правой благословляет.

С XVII по нач. XX в. были распространены прямоличные ростовые изображения Л., благословляющего и держащего перед грудью Евангелие (XVII в., МИХМ; из ростовского Белогостицкого мон-ря, XVIII в., ГМЗРК; 1738, худож. Петр Воржский, ГМЗРК; нач. XX в., Иаковлевский храм ростовского Спасо-Иаковлевского Димитриева мон-ря). На прориси с иконы XVII в. строгановского письма Л. представлен в молении Божией Матери с Младенцем на облаках, у ног Л. – холмы с деревьями и кустами и город с многочисленными храмами (*Маркелов.* Святые Др. Руси. Т. 1. С. 306–307).

Во 2-й пол. XV в. при Ростовской кафедре с участием архиеп. Вассиана (Рыло) сложился особый извод с изображением Л. вместе с Ростовскими святителями Исаией и Игнатием (*Вахрина В. И.* 2006. С. 82–85. Кат. 10; *Она же.* 2001). В данном изводе святые изображены прямолично, Л. – в центре. Празднование 3 Ростовским святителям уподобляется празднованию 3 святителям Вселенским – Василию Великому, Иоанну Златоусту, Григорию Богослову и их иконографии: «Яко во вселенной трие велиции святители, бысте вы благочестием и добродетелию наставницы Ростову...» (Канон мо-

лебный трем святителям Ростовским Л., Исаии и Игнатию. Кондак, гл. 8). Иконы Л., Исаии и Игнатия были подносными, о чем сообщает Павел Алеппский в 1655 г. (*Павел Алеппский*. Путешествие. 1898. С. 125). Впосл. иконы с изображением 3 Ростовских святителей были широко распространены. Святые представлены на обороте иконы-таблетки 2-й пол. XVI в. (на лицевой стороне — «Уверение Фомы»; ГТГ; *Антонова, Мнева*. Каталог. Т. 2. С. 57. № 405), на прориси нач. XIX в. с иконы XVI в. (ГРМ; *Маркелов*. Святые Др. Руси. Т. 1. С. 438–439, 633). Согласно описи 1669 г., в Образной палате Московского Кремля хранилась 161 икона с изображением Л., 211 икон «Леонтий, Исаия и Игнатий» — (*Клевцова*. 2003. С. 50). В кон. XVII в. в ризнице Успенского собора в Ростове было 3 иконы святителей Л., Исаии и Игнатия (Опись ростовского архиерейского дома 1691 г. // ГМЗРК. Арх. Р–1083. Л. 18). В XVIII — нач. XX в. такой извод иконографии часто встречался на иконах (одна из них, ок. 1791?, ГИМ, дана в благословение Н. А. Хлебникову от архиеп. Ростовского Арсения (Верещагина), находилась в собр. Н. М. Постникова) и на многочисленных образках, выполненных в технике ростовской финифти.

Образ 3 Ростовских святителей повлиял на создание др. иконографий. Так, в XVII — нач. XX в. были широко распространены иконы Божией Матери с Младенцем в предстоянии Ростовских чудотворцев. Здесь проявилось творческое осмысление иконографии Ростовских святых, созданной во 2-й пол. XV в., где Л., Исаия и Игнатий изображены как

ца и Его благословляющая десница также обращены к предстоящим (переводы с икон XVII в. см.: *Маркелов*. Святые Др. Руси. Т. 1. С. 440–443; Переводы с древних икон, созданные и исполненные иконописцем и реставратором В. П. Гурьяновым. М., 1902. С. 116. Ил. 90). Во 2-й пол. XVII в. в Ростовском архиерейском доме такие иконы находились в Казенных палатах, 2 иконы — в ц. свт. Григория Богослова (Опись ростовского архиерей-

Богоматерь с Младенцем
в предстоянии Ростовских чудотворцев.
Палица. Сер. XVII в.
(ЯИАМЗ)

ского дома 1691 г. // ГМЗРК. Арх. Р–1083. Л. 48 об., 84). Согласно описям ростовских церквей 1919 г., такие иконы были почти в каждом храме. Большинство известных икон-пядниц и прорисей этого типа датируются в пределах XVII–XVIII вв. — в собраниях ЦМиАР, ГИМ, ГММК (икона экспонируется в Успенском соборе Московского Кремля), ГМЗРК, ГРМ (1628, икона принадлежала И. М. Строганову), АОКМ (из ризницы Соловецкого мон-ря), частного музея «Дом Иконы на Спиридоновке», а также в греч. мон-ре Дусику в Фессалии. В кон. XIX — нач. XX в. подобные иконы экспонировались в музеях С.-Петербурга и Твери (*Покровский Н. В.* Церковно-археол. музей СПбДА, 1879–1909. СПб., 1909. Табл. 29; *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея: Археол. отд. М., 1888. С. 42–43). Опись Кириллова Белозерского мон-ря 1601 г. сообщает о наличии в мон-ре иконы «Пречистыя Богородицы с Ростовскими чудотворцами» — вклада Ростовского митр. Варлаама (Рогова), что указывает на существование похожей иконографии в XVI в. (Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. СПб., 1998. С. 64). Очевидно, иконография была создана в иконописной мастерской при Ростовском архиерейском доме в кон. XVI в. и в течение последующих веков использовалась для письма подносных икон в Ростове. В XVII в. в кладовых Ростовского

архиерейского дома хранилось 25 образов (Опись ростовского архиерейского дома 1691 г. // ГМЗРК. Арх. Р–1083. Л. 124). Известно, что с подобной иконой жители Ростова встречали в 1613 г. избранного на царство Михаила Феодоровича Романова, к-рый возвращался из Костромы в Москву. Аналогичный образ получил в благословение из рук свт. Тихона (Беллавина; впосл. патриарх Московский и всея России) мч. имп. Николай II, посетивший Ростов во время поездки по городам и вотчинным землям бояр Романовых 15–27 мая 1913 г. (*Вахрина В. И.* 2012).

Существовали варианты этой иконографии с расширенной группой святых (стоящих или припадающих), по-разному изображалась Пресв. Богородица: Молебная («Моление о народе») икона Божией Матери с Ростовскими святыми (кон. XVI — нач. XVII в., из собрания С. Г. Строганова, ГРМ); Молебная икона Божией Матери в молении Ростовских чудотворцев (XVII в., ГМИР; *Коробко*. 2006. С. 216, 409. Ил. 7); Молебная икона Божией Матери, с Ростовскими и избранными чудотворцами, Л. — припадающий на колени (кон. XVII в., ГМЗРК; *Вахрина В. И.* 2006. С. 356–357. Кат. 108; С. 352–353. Кат. 106); икона Божией Матери с Младенцем в предстоянии Ростовскими святыми и со свт. Афанасием Александрийским (2-я пол. XVIII в., ГМЗРК; в надписи именована Ростовской; *Вахрина В. И.* 2006. С. 400–401. Кат. 118) и др. Редкий иконографический вариант извода представлен на обороте выносной Владимирской иконы Божией Матери (XIX в., ГМЗРК; Л., Исаия, Игнатий изображены в повороте вправо, в молитвенном обращении к Спасителю в облаках.

Образы Ростовских святителей Л., Исаии и Игнатия, к-рые традиционно написаны в фелонях, омофорах и белых клобуках, стали центральными в композиции избранных Ростовских святых. К числу ранних памятников относятся иконы: «Прп. Сергей Радонежский и Ростовские чудотворцы» (сер. XVI в., ГМЗРК; *Вахрина В. И.* 2006. С. 196–201. Кат. 55); «Воздвижение Креста. Покров Богородицы. Избранные святые» работы Д. И. Усова (1565, ГТГ; *Антонова, Мнева*. Каталог. Т. 2. С. 52–53. № 399. Ил. 14). На иконе «Ростовские чудотворцы» 1686 г. из ц. Толгской иконы Божией Матери в Ростове святые расположены в 2 ряда, Л. — в 1-м ряду в центре. На Боголюбской иконе Божией Матери с избранными святыми, приписываемой кисти Семена Бороздина (кон. XVI — нач. XVII в., ГРМ; «Пречистому образу Твоему поклоняемся...» 1995. С. 177. Кат. 103), в молении предстоит Ростовские чудотворцы — свт. Иаков, прп. Петр, царевич Ордынский, блж. Исидор Твердислов, прп. Авраамий. Святители Л., Исаия

Святители Исаия, Леонтий
и Игнатий Ростовские.
Икона. Кон. XV — нач. XVI в.
(ГМЗРК)

«наставники и просветители граду нашему и учителя преславнии», молитвенники и заступники. На подобных иконах Божия Матерь стоит слева, близко к святым, склонив к ним голову, лик Младен-

и Игнатий изображены коленопреклоненными, в светлых крещатых фелонях и белых клобуках. На прориси с иконы XVII в. «Ростовские чудотворцы», где представлены в молении 10 Ростовских святых, на первом плане — коленопреклоненные Л. (впереди), Исаия и Игна-

*Свт. Леонтий, еп. Ростовский.
Фрагмент
Боголюбской иконы
Божией Матери в молении
Ростовских чудотворцев.
Кон. XVII в. (ГМЗРК)*

тий (ГРМ; *Маркелов*. Святые Др. Руси. Т. 1. С. 446–447). В XVII в. появились иконы «Избранные святые в молении перед ростовской чудотворной Владимирской иконой Божией Матери» (чудотворный образ со 2-й пол. XV в. находился в Успенском соборе Ростова), как, напр., образ 2-й пол. XVII в. из собр. А. А. Титова (ГМЗРК; *Вахрина В. И.* 2006. С. 354–355. Кат. 107).

На иконе «Ростовские чудотворцы со свт. Николаем» 2-й пол. XVIII в. (ГРМ; «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». 1995. С. 230. Кат. 145) Л. — в 1-м ряду, слева от центрального образа свт. Николая Чудотворца, вполоборота вправо, с небольшой русой бородой, левая рука протянута к свт. Николаю, правая раскрыта ладонью. Подобные изводы иконографии известны и в гравюре: напр., на листе 1809 г. из собрания Д. А. Ровинского (*Ровинский*. Народные картинки. Кн. 4. С. 769. № 1616А) фигуры Л. и свт. Исаии занимают центральное место в композиции. На иконе избранных святых перед Владимирской иконой Божией Матери (1-я четв. XIX в., ГМЗРК; *Вахрина В. И.* 2006. С. 416–417. Кат. 124) у Л. короткая русая борода, руки перед грудью: правая в благословляющем жесте, левая поддерживает Евангелие.

Большая икона (105×100 см) «Собор Ростовских святых» из часовни в честь Обретения главы св. Иоанна Предтечи в рус. Вознесенском мон-ре на Елеоне в Иерусалиме, согласно надписи на обороте, пожертвована 24 июня 1909 г. «потомственной почетной гражданкой» А. Ф. Мальгиной из г. Ростова. Среди Ростовских чудотворцев представлены блгв. кн. Всеволод и мц. Александра — небесные покровители заказчицы Александры Федоровны и ее мужа Всеволода Александровича. Л. — 3-й справа в 1-м ряду, у него средней длины седая боро-

да, белый клобук, обеими руками держит крест (*Вахрина В. И.* Икона «Собор Ростовских святых». 2016).

Многочисленны изображения Л. среди избранных святых. На 3-створчатом складне 1491 г. (ГТГ; *Антонова, Мнева*. Каталог. Т. 1. С. 328–329. № 273) в центре — Ярославская икона Божией Матери, на боковых створках в молении представлены святые, среди ко-

торых на правой створке за святителями Николаем Чудотворцем, Иоанном Милостивым, Алексием, митр.

Московским, помещен Л. В центральной части складня 2-й пол. XVI в. образу Софии Премудрости Божией предстоят в молении святые, изображенные в 3 ряда на створках (ГТГ; *Антонова, Мнева*. Каталог. Т. 2. С. 100–101. № 482; София Премудрость Божия: Кат. выст. М., 2000. С. 274–277. № 98. Ил. на с. 276).

Среди них представлены ростовские молитвенники Л., Исаия, Игнатий. Л. изображен на левой створке в небольшом повороте вправо, левой покровенной рукой поддерживает Евангелие с красным обрезом, правая рука в молении; фелонь светло-зеленая, клобук и омофор белые, борода небольшая, русая. Икона «Избранные святые» 2-й пол. XVI в. (ЦАК МДА; «Угодно в очах Божиих дело сие...». 2004. С. 86–89) включает ростовские образы равноап. кн. Владимира, блгв. князей-страстотерпцев Бориса и Глеба (в центре), святителей Петра и Алексия Московских (слева), блгв. князей Феодора, Давида и Константина Ярославских, Л. (2-й справа) и свт. Исаии Ростовского. В 30-х гг. XIX в. романо-борисоглебским иконописцем М. Ф. Архиповским была выполнена икона «Арх. Михаил, Леонтий и прп. Иоанн Кушник» (Иконы «романовских писем»: Тайны и открытия забытой традиции Ярославской земли. М.; Рыбинск, 2011. С. 220. Кат. 4). На иконе «Избранные святые» 2-й пол. XVII в. из церкви с. Демьяны Ростовского р-на Ярославской обл. (СПГИАХМЗ; Иконы Сергиево-Посадского музея-заповедника: Новые поступления и открытия реставрации: Альбом-кат. / Авт.-сост.: Л. М. Воронцова. Серг. П., 1996. Кат. 21) в 1-м ряду слева от свт. Николая Чудотворца изображены Ростовские святители Л., Исаия, Игнатий, справа — Московские святители, во 2-м ряду — др. Ростовские и Московские чудотворцы. Известна прорись с иконы XVII в. «Богоматерь

с предстоящими Леонтием, Андреем Боголюбским (?) и неизвестной преподобной» (ГРМ; *Маркелов*. Святые Др. Руси. Т. 1. С. 308). Л. представлен на иконе «Святители Петр, Алексей, Иона, Филипп, митрополиты Московские, Леонтий и Стефан Суражский в молении иконе Божией Матери «Знамение»» 2-й пол. XVII в. из ц. прор. Илии в Ярославле (ЯИАМЗ; *Бусева-Давыдова, Рутман*. 2002. С. 84. Ил. 70). Икона «Спас Нерукотворный с предстоящими святыми» (1645, с дополнениями XVIII и XIX вв., ГМЗРК; *Вахрина В. И.* 2006. С. 250–253. Кат. 70), согласно подписи на нижнем поле, была создана при Ростовском митр. Варлааме и по его благословию поставлена «над воротами града» (очевидно, в башне над воротами Петровского въезда земляной крепости), а в 1743 г. по благословию митр. сщмч. Арсения (Мацеевича) перенесена в ростовскую ц. Всех святых; вероятно, тогда на иконе были дописаны во 2-м ряду Ростовские чудотворцы. Образ Л. расположен во 2-м ряду слева, правой рукой святитель поддерживает Евангелие, левая, с раскрытой ладонью, обращена к иконе Спасителя. В верхней части иконы «Воскресение Христово — Сошествие во ад» (1729, ГМЗРК; *Вахрина В. И.* 1998. С. 100) в молитвенном обращении к Св. Троице (новозаветной) написаны избранные святые; среди Ростовских чудотворцев (в центре верхнего левого ряда) представлен Л.

Образ Л. широко распространен на аналойных иконах-таблетках. Сер. XV в. датируется образ святого, находящийся рядом со святителями Петром и Алексием на обороте тверской иконы «Святители Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов». Написание рус. святых на обороте таблички с изображением Вселенских святителей соответствует иконографической программе, характерной для времени правления митр. Ионы Московского (СПГИАХМЗ; *Евсеева*. 2013. С. 135–138. Кат. 116. С. 475–477. Табл. 71). На обороте иконы «Вход Господень в Иерусалим» 1495 г. представлены свт. Петр, Л. и прп. Феодосий Печерский (ГТГ; *Антонова, Мнева*. Каталог. Т. 1. С. 164. № 115; *Евсеева*. 2013. С. 487. Кат. 236. Табл. 103), на обороте иконы «Усекновение главы Иоанна Предтечи» 1520–1530 гг. — прп. Кирилл Белозерский, Л., преподобные Онуфрий Великий и Петр Афонский (ИрОХМ; *Евсеева*. 2013. С. 386–388. Табл. 145), а на обороте иконы «Вход Господень в Иерусалим» 2-й пол. XVI в. из собора Рождества Богородицы в Суздале (?) — свт. Петр, Л., прп. Феодосий Печерский (ГВСМЗ; Иконы Владимира и Суздаля. 2006. С. 275. Кат. 61).

Ростовских святителей, в т. ч. Л., нередко писали в качестве избранных святых на полях икон. Прямоличное поясное изображение благословляющего Л.

в белом клобуке, с Евангелием перед грудью расположено на правом поле иконы Божией Матери «Одигитрия», с избранными святыми, кон. XV в. (ЯИАМЗ; Иконы Ярославля. 2009. Т. 1. С. 142–147). Вместе со свт. Николаем Чудотворцем Л. также изображен на полях средника 3-створчатого складня «О Тебе радуется. Суббота всех святых. Шестоднев. Избранные святые» нач. XVII в. (Там же. С. 352. № 836); на Ярославской иконе Божией Матери, с избранными святыми (Там же. С. 328. № 273). Поясное изображение Л. написано в круглом клейме на поле иконы «Св. Иоанн Предтеча Ангел пустыни, с житием и избранными святыми» 1-й пол. XVII в. (ГТГ; Антонова, Мнева. Каталог. Т. 2. С. 273. № 717). Икона Божией Матери, с избранными святыми на полях (1855, ГМЗРК; Вахрина В. И. 1998. С. 105–106), была выполнена ростовским иконописцем А. Ф. Крыловым по заказу Ростовского градского об-ва для 128-й Ростовской дружины Ярославского ополчения, участвовавшей в Крымской войне; в посл. образ был поставлен в Успенском соборе Ростова. На полях иконы в овальных медальонах представлены поясные изображения рус. святых, преимущественно Ростовских; Л. — 2-й сверху на левом поле. На прориси с иконы XVII в., с образами Московских чудотворцев Петра, Алексия, Ионы на полях, расположены изображения митр. Филиппа и Л. (ГРМ; Маркелов. Святые Др. Руси. Т. 1. С. 358–359). Л. изображали на полях в палехском изводе «Шестоднев» («Неделя всех святых»), как на иконах 1-й пол. XIX в. (ГРМ, ЦМиАР). Образ Л. находится в одном из клейм на большом кресте-мощевике кон. XVIII в. из Богородицко-Игрицкого мон-ря (Богоявленский собор Анастасиина мон-ря в Костроме).

Образ Л. входит в программу росписи уникальных царских врат из Богоявленского собора ростовского Авраамиева мон-ря, созданных иноком Исаией в 1562 г. (Вахрина В. И. 2006. С. 184–195). Святитель представлен сверху на внутренней стороне левого столбика, в рост, прямолично, благословляющим, с Евангелием. По обе стороны лика — вьющиеся волосы. Л. изображен также в верхней части правого столбика царских врат сер. XVII в. из придела прп. Варлаама Хутынского ц. прор. Илии в Ярославле (Иконы Ярославля. 2009. Т. 2. С. 202–213. Кат. 144. Ил.).

На Владимирской иконе Божией Матери с клеймами сказания (сер. XVII в.; Там же. С. 320–335. Кат. 179) образ Л. расположен в 2 клеймах с изображением чудес. В 15-м клейме («Видение Богоматери во сне Темир-Аксаку») святитель помещен над шатром хана стоящим впереди Ростовских святителей Исаии, Игнатия и 3 преподобных. В 18-м клейме («Видение Василия Блаженного во время

нашествия хана Мехмет-Гирея в 1521 г.») Л. представлен с Московскими святителями, несущими Владимирскую икону Божией Матери; в его руках чаша.

В Димитриевском храме ростовского Спасо-Иаковлевского мон-ря важное место занимают 4 большие иконы рубежа XVIII и XIX вв. с образами Ростовских святителей Димитрия, Иакова, Л. и свт. Николая Чудотворца, написанные маслом на холсте и помещенные на сколах пилонов (Буцких. 1991). Л. представлен на сев.-зап. пилоне стоящим на амвоне на орлеце, с архиерейским жезлом в правой руке, левой он указывает на избоб-

Ростовские святители.
Икона. 1902 г.
Иконописец В. П. Гурьянов
(ГМЗРК)

раженную у его ног сцену: на фоне узнаваемой архитектуры Ростовского архиерейского дома (Успенский собор, звонница, Часобитная башня, церкви Воскресения Господня и ап. Иоанна Богослова, стены и башни) неск. человек с палками набрасываются на вышедшего из ворот Л. (показан благословляющим, с раскрытым Евангелием в левой руке, в архиерейских одеждах и белом клобуке).

Л. изображают во всех иконных композициях Собора Ростовских чудотворцев, напр. на иконах XIX в. (ГМИР; Коробко. 2006. С. 217, 409. Ил. 8), нач. XX в. (Миней (МП). Янв. Прил.). Чаще всего образ расположен в центре, как на иконе «Ростовские чудотворцы» иконописца В. П. Гурьянова (1902, ГМЗРК; Вахрина В. И. 1998. С. 110), — в белом клобуке, правой рукой держит перед грудью 8-конечный крест. В XVIII — нач. XX в. существовал интерес к созданию икон «Собор Ростовских святых», где кроме общецерковно прославленных святых были представлены и местночтимые; 2 таких образа хранятся в ростовской ц. Толгской иконы Божией Матери. На иконе 1838 г. Л. изображен крайним слева в 1-м ряду поддерживающим обеими руками Евангелие (Вахрина В. И. 2014. Ил. на с. 7); на иконе кон. XIX — нач. XX в. —

2-м слева в 1-м ряду, правой рукой благословляет, в левой держит Евангелие (Она же. 2003).

В композиции «Собор русских святых», разработанной мастерами Выговской пуст., Л. входит в состав группы святителей на иконе кон. XVIII — нач. XIX в. (МИИРК), на иконе 1814 г. письма П. Тимофеева из собрания ЦАМ СПбДА (ГРМ; см.: Образы и символы старой веры. 2008. С. 82–85. Кат. 70; прорись см.: Маркелов. Святые Др. Руси. Т. 1. С. 460–461), на образе 1-й пол. XIX в. из дер. Чаженьга Каргопольского р-на Архангельской обл. (ГТГ — Icones russes: Les saints / Fondation P. Gianadda. Martigny (Suisse); Lausanne, 2000. P. 142–143. Cat. 52). Он написан также на иконах российских чудотворцев нач. XIX в. из Черновицкой обл. (НКПИКЗ) и сер.— 2-й пол. XIX в. (ГТГ; Ibid. P. 144–147. Cat. 53).

На иконах Собора Ростово-Ярославских святых, празднование к-рому установлено решением патриарха Алексия I и Синода РПЦ в 1964 г., святые представлены в неск. рядах. В центре, где в ранних памятниках подобной иконографии изображался Л., здесь помещен свт. Димитрий, митр. Ростовский, по правую руку от него — святители Л. и Исаия, по левую — святители Игнатий и Иаков. Изображение свт. Димитрия в центре композиции в соответствии с его широким почитанием как новоявленного святого характерно для нек-рых икон XIX в., Л. в таких случаях стоит по правую руку от него.

К изображениям Л. в монументальной живописи относится его образ в росписи 1563–1564 гг. Преображенского собора Спасского мон-ря в Ярославле, к-рую выполнили «мастера московские Ларион Леонтьев сын, да Третьяк, да Федор Никитины дети, ярославцы Афонасий и Дементей Сидоровы дети» (Анкудинова, Мельник. 2002). Л. представлен вверху на вост. грани юго-вост. столба в рост, с разведенными руками (правой рукой благословляет, в левой — держит Евангелие), у него короткая борода, на голове — белый клобук. В росписи 1641 г. Успенского собора Кириллова Белозерского мон-ря образ Л. помещен в алтаре. В главной апсиде алтаря ярославской ц. прор. Илии, расписанной в 1680 г. артелью костромских и ярославских мастеров во главе с Гурием Никитиным, Л. изображен в ряду с Московскими и Ростовскими святителями (Бусева-Давыдова, Рутман. 2002).

Образ Л. включали в программу росписей храмов Ростовского архиерейского дома (Ростовского кремля). Так, в ц. Спаса на Сенях Л. представлен в рост в синей фелони с растительным орнаментом на вост. стороне аркады солей (1675; Никитина. 2002). В стенописи ц. Воскресения поясное изображение Л. имеется на откосе оконного проема северной стены

и ростовое — в оконном проеме нижнего яруса в пространстве солеи (ок. 1670; *Она же*. Церковь Воскресения в Ростове Великом. М., 2002. С. 71, 74. Табл. 8). В ц. ап. Иоанна Богослова Л. написан

Свт. Леонтий, еп. Ростовский.
Роспись ц. Спаса на Сенях
в Ростове. 1675 г.

на откосе окна верхнего яруса (1683; *Она же*. Церковь Иоанна Богослова в Ростове Великом. М., 2002. С. 67, 70. Табл. 8). В соборе ростовского Борисоглебского мон-ря Л. изображен на сев. стене в аркосолии, над захоронениями основателей обители преподобных Феодора и Павла (сер. XVI в.). В Успенском соборе Ростова от росписи 2-й пол. XVII в. сохранилась сцена «Преставление и обретение мощей свт. Леонтия» над захоронением Л. в аркосолии Леонтиева придела (ГМЗРК, фреска снята в 1966).

В росписях церквей XVIII — нач. XX в. Ростова и Ростовского у. часто встречаются образы Л., исполненные, как правило, в живописной манере. В 1777–1779 гг. московский худож. И. Д. Лигоцкий расписал масляными красками стены Успенского собора. В 90-х гг. XIX в. в пещерном Леонтиева приделе Успенского собора худож. Н. Д. Сафонов поновил стенопись, посвященную житийному циклу Л.: рождение; крещение; научение грамоте; монашеский постриг; пришествие в Ростов; изгнание из города; учение детей; крещение народа (*Алитова, Никитина*. 2008. С. 22). В ц. свт. Григория Богослова Ростовского кремля в центральной апсиде написана «Тайная вечеря», по сторонам композиции — Л. и свт. Исаия (клеевая живопись датируется 1884). В росписи Богоявленского собора Авраамиева мон-ря (после 1730) образ Л. помещен в святительском ряду главной апсиды вместе с изображениями

святителей Исаии и Игнатия. В соборе ростовского мон-ря Рождества Богородицы образ Л. представлен в алтаре (1715). Л. изображен в рост на сев. грани юж. столба в ц. Спаса на Песках Спасо-Иаковлевского мон-ря (1890; мастер К. Я. Леонов по заказу еп. Угличского Амфилохия (Сергиевского-Казанцева)). В ростовской ц. Вознесения Господня образы Ростовских чудотворцев — в сев. апсиде на откосах дверного проема (живопись 20-х гг. XVIII в., неоднократно поновлялась). В ц. Толгской иконы Божией Матери Л. написан на юж. стене вместе со святителями Николаем Чудотворцем и Иаковом Ростовским (1776; худож. Харьков). Л. представлен в стенописи ц. свт. Николая на Всполье в Ростове (1816; архиерейский худож. И. М. Гладков); на откосе окна юж. стены Троицкой ц. с. Вошажникова Борисоглебского р-на (кон. XVIII в.; Л. — в рост, одна рука с открытой ладонью перед грудью, в другой держит Евангелие); на северной стене ц. св. Георгия с. Георгиевского на р. Лехте (1859; мастер Алексей Глебов). В ц. свт. Иоанна Златоуста в с. Годенове Л. написан с архиерейским посохом в левой руке на откосе проема царских врат вместе со святителями Игнатием и Исаией

Свт. Леонтий, еп. Ростовский.
Роспись ц. Боголюбской
иконы Божией Матери
в с. Филимонове. Нач. XX в.

(роспись — 1859, Глебов, поновление — 1900–1903, В. Кузнецов и Н. Морокуев; Там же. С. 184). Святитель изображен в ц. прп. Сергия Радонежского с Деболовского (сер. XIX в.; на сев. стене); в ц. ап. Иоанна Богослова дер. Подлесново (1-я пол. XIX в.; в алтаре придела

ц. Казанской иконы Божией Матери); в ц. апостолов Петра и Павла пос. Поречье-Рыбное (1782–1785); в ц. Рождества Богородицы с. Савинского (1-я пол. XIX в.; на юж. стене); в Преображенской ц. с. Спас-Смердина (1885; на сев. стене среди Ростовских святителей). В ц. Богоявления с. Уславцева Л. написан в откосе окна зап. стены (нач. XIX в.). Ростовый образ Л., исполненный в духе живописи В. М. Васнецова, помещен в росписи нач. XX в. ц. Боголюбской иконы Божией Матери в с. Филимонове Ростовского р-на.

Образ Л. широко распространен в произведениях лицевого шитья. На воздухе 1466 г. Елены Верейской святитель представлен в молении перед образом Пресв. Богородицы, на нем белые фелонь и клобук (*Маясова*. 2002). В среднике пелены (сударя) «Богоматерь Неопалимая Купина и избранные святые» из Кириллова Белозерского мон-ря кон. XV — нач.

Свт. Леонтий, еп. Ростовский.
Фрагмент плащаницы. 1600 г.
Мастерская Д. И. Годунова
(ГМЗРК)

XVI в. Л. — среди преподобных, особо почитаемых в XV–XVI вв.: Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского и Варлаама Хутынского (ГРМ; «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». 1995. С. 251. Кат. 155). Л. изображен в среднике пелены «Успение Божией Матери» кон. XV в. (ГЭ; *Косцова А. С., Моисеенко Е. Ю.* Две шитые иконы XV в. // Сообщ. ГЭ. Л., 1977. Вып. 42. С. 18–21), на кайме пелены «Явление Богоматери прп. Сергию, праздники и избранные святые» 1525 г. (СПГИАХМЗ; *Маясова*. 1971). На епитрахили «Святители», выполненной в мастерской Ирины Феодоровны (?) в сер. — 2-й пол. XVI в. (ГММК; *Маясова*. 2004), изображены святители Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов и Николай Чудотворец, рус. святители митр. Петр, митр. Алексей, Новгородский архиеп. Никита и Л. (фронтально в рост, с разведенными в стороны руками: правая в дуперстном благословении, в левой — Евангелие). На подольнике передника саккоса «Союзом любви связуемы апостоли» 1655 г. мастерской царицы М. И. Милославской, по-

жалованного царем Алексеем Михайловичем патриарху Никону (Минову), Л. изображен среди Вселенских и русских святителей, поколенно и прямолично (ГММК; *Маясова*. 2004. С. 318–321. Кат. 108). Плащаница «Положение во гроб», выполненная в Византии в 1-й трети XV в., была украшена в России широкой каймой во 2-й пол. XV — нач. XVI в., где шты 18 поясных изображений греч. и рус. святых, среди них — Л. (ГИМ; Средневеков. лицевое шитье: Византия, Балканы, Русь: Кат. выст. М., 1991. С. 34–35). Поясной образ Л. в медальоне помещен на кайме плащаницы 1600 г., созданной в мастерской Д. И. Годунова (ГМЗРК); святой — 1-й в верхнем ряду с правой стороны, у Л. небольшая темная борода, правая рука перед грудью в двуперстном благословении, Евангелие — на покровенной левой руке.

Изображения Л. встречаются в произведениях лицевого шитья, исполненных в строгановских мастерских во 2-й пол. XVII в.: на саккосе митр. Ростовского Ионы (Сысоевича) (ЯИАМЗ); на правом вскрылье его клобука (1665, ГМЗРК; Л. с короткой бородой, в молении, перед свт. Исаией). На палице сер. XVII в. размещен сюжет «Богородица с Младенцем в молении святителей Леонтия, Исаии, Игнатия Ростовских» (ЯИАМЗ). В сер. XVII в. архидиак. Павел Алеппский видел образ Л. со святителями Исаией и Игнатием на саккосе, омофоре, палице и епитрахили Ростовского митр. Ионы (*Павел Алеппский*. Путешествие. С. 125). В Преображенский собор Н. Новгорода Г. Д. Строганов вложил пелену «Ростовские святители Леонтий, Исаия, Игнатий, Иаков и свт. Стефан Великопермский», на к-рой святители представлены фронтально в рост в архиерейском облачении, каждый с Евангелием в руке (кон. 50-х — 60-е гг. XVII в., НИАМЗ). На саккосе митр. Казанского и Свяжского Лаврентия, выполненном в 60-х гг. XVII в. в мастерской А. И. Строгановой (ГОМРТ), Л. помещен среди избранных святых на вставной полосе, пришитой к подольнику в XVIII в. Конец подвеса с изображением Л. (XVIII в., ГМЗРК) был сделан в ростовском Рождественском мон-ре.

Ростов был центром резьбы по дереву, о чем свидетельствуют сохранившиеся произведения XV–XVI вв., близкие по иконографии, стилю и приемам резьбы. На резной иконе «Ростовские святые со свт. Николаем Чудотворцем и Спасом Еммануилом» кон. XVI в. (ГММК; *Соколова И. М.* Рус. деревянная скульптура XV–XVIII вв.: Кат. М., 2003. С. 101–103. Ил. 11) помещена прямоличная фигура Л. с двуперстно благословляющей правой рукой, в левой покровенной руке — Евангелие. На 2 деревянных крестах (сер. XVI в., ГМЗРК) ростовские изображения Л. и свт. Николая Чудотворца

представлены на оборотах, на средней перекладине в круглых медальонах — полуфигуры Ростовских святителей (*Бобринский А. А.* Народные русские деревянные изделия. М., 1914. Вып. 12. Табл. 195. № 1–3; Табл. 196. № 2, 3, 5). На иконе «Ростовские святители и свт. Петр Московский» (сер. XVI в., СГИАХМЗ; *Николаева Т. В.* Мелкая пластика, скульптура, декоративная резьба // *Очерки рус. культуры XVI в. М., 1977. Ч. 2. С. 364*) вырезаны образы святителей Иакова, Л., Исаии и Игнатия, на раме — полуфигура свт. Петра, митр. Московского. Деревянный резной наперсный 2-сторонний крест XV–XVI вв., выполненный в Москве, имеет сложную иконографическую программу: на лицевой стороне под центральным образом Богородицы «Знаменное» изображены святители Петр, Николай и Л. (ГРМ; Древлехранилище памятников иконописи и церк. старины в ГРМ. СПб., 2014. С. 90. Кат. 106. (Альманах; Вып. 433)). Л. изображен среди избранных святых: свт. Николая, свт. Климен-

Свт. Леонтий, еп. Ростовский.
Фрагмент оклада Евангелия.
1776 г. (ГМЗРК)

та, прор. Илии, прп. Ефрема, еп. Никиты Новгородского (дерево, резьба, скань; ВУИАХМЗ).

Изображения Л. встречаются в художественном металле. Икона Божией Матери «Одигитрия» (кон. XIV — нач. XV в., Византия (?), ГРМ; «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». 1995. С. 151. Кат. 84) украшена серебряным окладом XVI в., на полях — парные изображения с полуфигурами святых; Л. представлен на левом поле. В ростовский Успенский собор в 1623 г. царь Михаил Феодорович и патриарх Филарет вложили на престольный крест, в центре его нижней перекладины помещено чеканное поясное изображение Л. (ГМЗРК, Царская Серебряная палата, мастер Архип Тимофеев; *Игошев В. В.* Серебряные и золотые на престольные кресты «московского» типа XVI–XVII вв. // ИХМ. 2009.

Вып. 11. С. 491). На серебряном с позолотой окладе нижней крышки Евангелия 1776 г. (мастер Я. Г. Фролов, ГМЗРК, происходит из ц. Толгской иконы Божией Матери в Ростове) в центре верхнего ряда помещена дробница с поясным образом Л. (Рус. серебро XVIII в. в собр. ГМЗРК / Авт.-сост.: В. М. Уткина. М., 2009. С. 104–106. Кат. 74). В дробнице на сборном окладе Евангелия (кон. XVII в., ГМЗРК) — поясное изображение Л. в крещатой фелони, с Евангелием; фон, нимб богато декорированы растительным орнаментом. Святители Л., Исаия, Игнатий и Иаков были изображены на пангии митр. Ионы 2-й пол. XVII в. (ГМЗРК. Арх. Инв. № Р-1083. Л. 51, 51 об.). Образ Л. встречается в произведениях выгоского литья XVIII в. (ГРМ; Образы и символы старой веры. 2008. С. 44–45. Кат. 30; С. 46. Кат. 32; С. 146. Кат. 128).

В XIX в. широкое распространение имели гравюры с изображениями святых древнего Ростова. На гравюре А. Г. Афанасьева «Вид с юго-восточной стороны города Ростова» 1856 г. (ГМЗРК) Ростовские чудотворцы представлены над храмами и мон-рями Ростова в молитвенном обращении к Владимирской иконе Божией Матери, поддерживаемой ангелами. 12 Ростовских чудотворцев изображены коленапрклоненными по 3 святых на облаке, Л. — вместе со святителями Исаией и Игнатием, у него белый клобук, короткая борода. На гравюре А. А. Осипова по рис. В. Г. Юрова «Вид с северо-западной стороны Ростовского Успенского собора» 1825 г. (ГМЗРК) над Успенским собором и Ростовским архиерейским домом (кремлем) в облаках ангелы поддерживают Владимирскую икону Божией Матери. Святые Л., Исаия, Игнатий изображены стоящими каждый на отдельном облаке в молитвенном обращении к иконе. Л. представлен слева, ближе к куполу Успенского храма, над своим захоронением в Леонтиевском приделе собора (надпись с именем святого располагается по окружности нимба).

В многочисленных произведениях ростовской финифти XVIII — нач. XX в. образ Л. писали в традиц. иконографии. К самым ранним изображениям Л. в этой технике относится дробница митры кон. XVII в. из утличского Покровского монастыря, выполненная московскими мастерами (УИХМ; *Федорова*. 2004). В ростовской финифти были распространены иконы с изображением святителей Л., Исаии, Игнатия, а также поясные и ростовые единоличные изображения Л. Образ святого всегда был центральным в композициях «Собор Ростовских чудотворцев», «Моление Ростовских святителей Владимирской иконе Божией Матери», «Вид Ростовского кремля», «Вид Спасо-Иаковлевского Димитриева монастыря» и др. (в собраниях ГМЗРК, ГИМ, ЦМиАР; см., напр.: Рус. эмаль XVII —

нач. XX в.: Из собр. ЦМиАР. М., 1994. С. 147, 150–151. Кат. 190, 193). Такие образки паломники развозили по всей России. В Минее на май (1864, ГМЗРК) под 23 мая (день памяти обретения мощей Л.) святой изображен лежащим во гробе, за к-рым находятся присутствующие при обретении мощей. В 1896 г. мечане г. Ростова преподнесли в подарок

Свт. Леонтий, еп. Ростовский.
Эмалевая икона. 2-я пол. XIX в.
(ГМЗРК)

имп. Николаю II и Александру Феодоровне в память коронации 14 мая 1896 г. икону с финифтными дробницами, где были изображены виды Ростовского кремля и ростовских мон-рей. В центре иконы — дробница с образами свт. Николая Чудотворца, мц. Татианы и Ростовских святых. Л. представлен справа от свт. Николая.

В XX в. образ Л. встречается в группе Ростовских чудотворцев на иконах мон. *Иулиании (Соколовой)*: «Собор святителей, в земле Российской просиявших» сер. XX в. (митрополичьи палаты ТСЛ) и «Все святые, в земле Русской просиявшие» 1934 г. (келейный образ свт. Афанасия (Сахарова), ТСЛ), нач. 50-х гг., кон. 50-х гг. XX в. (ТСЛ, СДМ). Рисунок Л. выполнен для Миней МП иконописцами прот. Вячеславом Савиных и Н. Д. Шелягиной (Изображения Божией Матери и святых Правосл. Церкви. М., 2001. С. 237).

В совр. иконописи Л. представлен в ростовском деисусном чине иконостаса ц. свт. Иакова Ростовского Спасо-Иаковлевского Димитриева мон-ря (2008, худож. А. В. Федотов). В той же церкви находится икона «Собор Ростовских святых», где на фоне Димитриевского храма изображены прямолично в рост Ростовские и Борисоглебские святые, в 1-м ряду помещены святители Исаия, Л., Иаков, Димитрий, Феодор, Игнатий (90-е гг. XX в., худож. З. И. Боровских). С ориентацией на икону сер. XVI в. из ГМЗРК «Ростовские святые и прп. Сергей Радонежский» написана аналойная икона, где представлены избранные свя-

тые: Игнатий, Л., Исаия, Иаков (2005, худож. Т. Дуда). Л. в белом клобуке, из-под к-рого выбились характерные волнистые пряди волос. В 2009 г. написана надгробная икона Л. (иконописец Гурьянов), расположенная на его захоронении в Леонтиевском приделе ростовского Успенского собора. Л. изображен на совр. иконах «Собор Зверинецких святых», т. к. святитель иногда отождествляется с 1-м игуменом киевского Зверинецкого мон-ря. В совр. иконописи и финифти воспроизводятся традиц. изводы иконографии Л.

Лит.: *Титов А. А.* Ростов Великий в его церк.-археол. памятниках. М., 1911. С. 42, 67–68; *Маясова Н. А.* Древнерус. шитье. М., 1971. Табл. 38; *она же.* Одна из последних древнерус. светлиц // ПКНО, 1994. М., 1996. С. 393; *она же.* Произведения лицевого шитья из Архангельского собора // Архангельский собор Моск. Кремля. М., 2002. С. 335–338; *она же.* Древнерус. лицевое шитье: Кат. М., 2004. С. 224–227. Кат. 66; *Николаева Т. В.* Древнерус. живопись Загорского музея. М., 1977. С. 34, 84–85. № 112; *она же.* Древнерус. мелкая пластика из камня, XI–XV вв. М., 1983. С. 128. Табл. 54–1; *Буцких Е. В.* Об интерьере Димитриевского храма Ростовского Спасо-Яковлевского мон-ря // СРМ. 1991. Вып. 2. С. 33; *Чернецов А. В.* Золоченые двери XVI в.: Соборы Моск. Кремля и Троицкий собор Ипатьевского мон-ря в Костроме. М., 1992. С. 6, 70; «Пречистому образу Твоему поклоняемся...»: Образ Богоматери в произв. из собр. ГРМ. СПб., 1995. С. 177; *Вахрина А. Л.* Об иконе «Сергий Радонежский и ростовские чудотворцы» из собр. Ростовского музея-заповедника // ИКРЗ, 1995. Ростов, 1996. С. 63–71; *Луцко В. Г.* Иконописные изображения св. Леонтия Ростовского: Становление традиции // Там же. С. 53–62; *Вахрина В. И.* Иконы с датами, подписями, надписями из собр. Ростовского музея // СРМ. 1998. Вып. 9. С. 89–110; *она же.* Икона ростовских святителей Леонтия, Исаии, Игнатия: К истории иконографии ростовских святых // ИХМ. 2001. Вып. 5. С. 111–126; *она же.* Изображение местночтимых ростовских святых в иконописи // ИКРЗ, 2002. Ростов, 2003. С. 214–223; *она же.* Иконы Ростова Великого. М., 2006². С. 250–253, 352–357, 358–359; 416–417; *она же.* Иконографические особенности иконы «Святитель Леонтий Ростовский в житии» XVI в. из собр. ЯХМ // ИХМ. 2009. Вып. 11. С. 377–391; *она же.* Успенский собор Ростова Великого. Ростов Вел., 2012. С. 64–65; *она же.* Троице-Сергиев Варницкий муж. мон-рь в Ростове Великом. Рыбинск, 2014. Ил. на с. 7; *она же.* Об одной редкой иконографической особенности свт. Леонтия Ростовского // XX науч. чт. памяти И. П. Болотцевой: Сб. ст. Ярославль, 2016 (в печати); *она же.* Икона «Собор Ростовских святых» из Спасо-Вознесенского мон-ря Иерусалима // Там же (в печати); Иконография ростовских святых: Кат. вист. / Сост.: А. Г. Мельник. Ростов, 1998; *Маркелов.* Святые Др. Руси. Т. 1. С. 438–447, 460–461; Т. 2. С. 136–137, 308–309; Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского мон-ря 1601 г. СПб., 1998. С. 64; *Третьякова А. Л.* Среднерусская агиогр. традиция в искусстве XVI–XVIII вв.: Иконография Авраама Ростовского: АКД. М., 1998; *Трубачева М. С.* Житийный образ Леонтия Ростовского из собр. Муромского музея и его лит. источник // IV Грабаревские чт.

М., 1999. С. 61–71; *Алдошина Н. Е.* Благословенный труд. М., 2001. С. 230–239; *Анкудинова Е. А., Мельник А. Г.* Спасо-Преображенский собор в Ярославле. М., 2002. С. 38, 96, 100. Табл. 10; *Бусева-Давыдова И. Л., Рутман Т. А.* Церковь Ильи Пророка в Ярославле. М., 2002. С. 89, 95. Табл. 3; *Никитина Т. Л.* Церковь Спаса на Сенях в Ростове Великом. М., 2002. С. 36, 76. Табл. 8. Ил. 28; *Силкин А. В.* Строгановское лицевое шитье. М., 2002. С. 285–289, 294–297, 324, 326–327. Кат. 89, 95, 128; *она же.* Древнейший покров на раку свт. Леонтия Ростовского // ИКРЗ, 2008. Ростов, 2009. С. 6–20; *Клевцова Р. И.* Традиция почитания ростовских святых при Московском великокняжеском и царском дворах в XIV–XVII вв. // ГММК: Мат.-лы и исслед. М., 2003. Вып. 16: Худож. памятники Моск. Кремля. С. 48–52; «Угодно в очах Божиих дело сие...»: Сокровища ЦАК МДА. Серг. П., 2004. С. 86–87; *Федорова М. М.* Ростовская финифть из собр. музеев Ярославской обл. // ИКРЗ, 2003. Ростов, 2004. С. 405; *Стерлигова И. А.* Древнейшая рус. лицевая пелена к иконе // Византийский мир: искусство К-поля и нац. традиции. М., 2005. С. 553–564; Иконы Владимира и Суздаля / ГВСМЗ. М., 2006. С. 276–279, 474–479. Кат. 65, 107; *Коробко О. А.* Иконопись XVII – 1-й пол. XVIII в. из собр. ГМИР // Ростовский Архиерейский дом и рус. худож. культура 2-й пол. XVII в.: (Мат.-лы конф. 21–23 сент. 2005). Ростов, 2006. С. 216–217, 409. Ил. 7, 8; *Мельник А. Г.* Житийная икона Леонтия Ростовского из собр. Угличского музея // ПИ. 2006. Вып. 1 (12). С. 392–399; *Наследие Соловецкого мон-ря в музеях Архангельской обл.: Кат. / Сост.: Т. М. Кольцова. М., 2006. С. 40–41. Кат. 45; Иконы Успенского собора Моск. Кремля, XI – нач. XV в.: Кат. М., 2007. С. 166–175; *Алтова Р. Ф., Никитина Т. Л.* Церковные стеновые росписи Ростова Великого и Ростовского у. XVIII – нач. XX в.: Кат. М., 2008; *она же.* Формирование и развитие иконографии Ростова Великого в XVIII–XIX вв. // Архит. наследство. М., 2013. Вып. 58. С. 101, 104; *Образы и символы старой веры: Памятники старороб. культуры из собр. Рус. музея. СПб., 2008; Иконы Ярославля XIII – сер. XVII в.: Кат. М., 2009. Т. 2. С. 202–213, 320–335; Рус. икона XV–XX вв. = Russian Icons of the 15th–20th cent.: Из колл. И. В. Возякова. М.; СПб., 2009. С. 114, 144, 329, 332. Кат. 84, 109; *Евсеева Л. М.* Аналойные иконы в Византии и Др. Руси: Образ и литургия. М., 2013.**

В. И. Вахрина

ЛЕОНТИЙ [греч. Λεόντιος] († не позднее X в.), прп. (пам. греч. 18 июня). Житие святого не сохранилось. Память Л. содержится в визант. нестишных и стишных Синаксарях. Нестишные Синаксари называют Л. пастырем и отмечают, что его мощи находились «за пределами города», т. е. К-поля (SynCP. Col. 756). Стишные Синаксари добавляют, что он скончался в мире, и приводят двустипшие, посвященное Л. В слав. переводах стишного Синаксаря двустипшие Л. отсутствует (*Петков, Спасова.* Стиш. Пролог. 2013. Т. 10. С. 44–45). Память Л. дважды упоминается в ВМЧ, куда

она была внесена из нестишного и стишного Прологов (*Иосиф, архим.* Оглавление ВМЧ. Стб. 230 (2-я паг.)), но ее нет в совр. календаре РПЦ.

Архиеп. Сергей (Спасский) предположил, что Л. именуется пастырем (ὁ ποιῆν) не в прямом смысле (пастух), а в переносном, как духовный наставник, и что к нему могут относиться сведения из описания к-польских святых Антония Новгорода (1200): «А оттоле на уболе святого Георгия святый Леонтеи, поп русин, лежит в теле: велик человек; той бо Леонтеи 3-ж во Иеросалим пешь ходил» (Книга Паломник. С. 29–30), т. к. ц. св. Георгия находилась на краю города. Однако указанный в Синаксарях святой вряд ли мог быть «русин», т. к. жил не позднее X в., что следует из упоминания его имени в Синаксаре К-польской ц., архетип к-рого датируется X в.

Лит.: *Сергий (Спасский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 285; Т. 3. С. 226; *Σαφρόνιος (Ἐὐστρατιάδης)*. Ἀγιολόγιον. Σ. 273; *Νικόδημος. Συναξαριστής*, 1998⁴. Т. 5. Σ. 247; *Μακάριος Σιμωνοπερίτης, ἱερομόν. Νέος Συναξαριστής τῆς Ὁρθοδόξου Ἐκκλησίας*. Т. 10: Ἰούλιος. Ἀθήνα, 2008. Σ. 222.

О. В. Л.

ЛЕОНТИЙ († 1492 (?)), прп. (пам. 18 июля, в 3-ю Неделю по Пятидесятнице — в Соборе Новгородских святых), основатель Карихова мон-ря (в кон. XIX в. погост Карихов Новгородского у.). Святой упоминается в «Книге, глаголемой Описание о российских святых»: «Преподобный Леонтий начальник Карихова монастыря преставися в лето 6000 память иуния в 18 день» (РНБ. Собр. РАО. № 31. Л. 24, XVIII в.— ЭК ИРЛИ. ПД). Похожие записи находятся в списках РНБ. Вяз. Q. 80. Л. 108, XVIII в.; РНБ. ОЛДП. Q. 862. Л. 106, XVIII в.— ЭК ИРЛИ. ПД и в «Перечне святых Новгорода» (РНБ. СПбДА. А II / 63, XIX в.— ЭК ИРЛИ. ПД). В некоторых списках память святого указана под 18 июля (РНБ. Q. I. 603. Л. 22 об., XVIII в.; РНБ. Тит. № 2727. Л. 41 об., XIX в.— ЭК ИРЛИ. ПД). Редкие списки «Книги глаголемой...» и «Перечня святых Новгорода» сообщают, что святой был основателем новгородского Кириллова мон-ря: «Преподобный отец Леонтий начальник Кириллова монастыря...»: (РНБ. Мих. Q. 532. Л. 191, XVIII в.; РНБ. ОЛДП. Q. 862. Л. 106, XVIII в.— ЭК ИРЛИ. ПД). Карихов мон-рь упразднили до реформы о штатах, храм был обращен в приходскую церковь, в к-рой мощи свя-

того почивали под спудом. В Четьих-Минеях еп. *Ермогена (Добро-нравина)* под 18 июля содержится запись: «Преподобный Леонтий основал в Новгородском уезде Карихов ныне упраздненный монастырь...» (РНБ. СПбДС. Ед. № 25/7. Л. 139–139 об., XIX в.— ЭК ИРЛИ. ПД).

Канонизация святого подтверждена включением его имени в Собор Новгородских святых, установленный ок. 1831 г. (возобновлен в 1981). Ист.: Описание о российских святых. С. 44. Лит.: ИРИ. Т. 4. С. 355; *Ратшин*. Монастыри. С. 400; СИСРЦ. С. 168; *Леонид (Кавелич)*. Св. Русь. С. 50–51; *Голубинский*. Канонизация святых. С. 333; *Сергий (Спасский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 185, 217; *Зверинский*. Т. 3. № 1665. С. 77.

Е. В. Романенко

ЛЕОНТИЙ [греч. Λεόντιος; Леонтий Ахейский] (ок. 1377, Монемавсия, Пелопоннес — 1452, мон-рь св. Таксиархов, там же), прп. (пам. греч. 11 дек.). Сведения о Л. содержатся в синаксарном Житии в составе службы этому святому (*Petit. Bibliogr. d. acolouthies grecques*. P. 129) и в энкомии, сохранившемся в рукописи из б-ки Марциана (Marc. SI II Cod. 186, XV в.). Служба, как предполагают исследователи, написана Георгием Схоларием (впосл. патриарх *Геннадий II Схоларий*), а энкомий — одним из его учеников, по имени Иоанн, с о-ва Хиос. Кроме того, изложение Жития Л. на новогреч. языке, предпринятое прп. Никифором Хиосским, включено в сб. «Неон Лимонарион» (Венеция, 1819).

Святой род. в знатной семье и получил в крещении имя Лев. Его отца Андрея Мамону император назначил наместником Пелопоннеса; мать преподобного Феодора была родственницей Палеологов. Юношей Лев отправился в К-поль для получения образования. Он делал большие успехи в обучении, отличался благочестием и добродетельной жизнью. Имп. Мануил II покровительствовал Льву. После смерти отца юноша вернулся на Пелопоннес. Несмотря на стремление Льва к монашеству, мать настояла на его вступлении в брак, в к-ром родилось трое детей. Феодора удалась в основанный ею мон-рь Пепеленица, где окончила свои дни.

Ок. 1410 г. Лев принял постриг с именем Леонтий и стал подвизаться под рук. старца Меннидия, а затем неск. лет прожил на Афоне. Ок. 1415–1420 гг. Л. вернулся на Пелопоннес и основал мон-рь св. Таксиархов (Чинопочальников, т. е. архан-

гелов Михаила и Гавриила) на горе Клокос, в 15 км к югу от Востицы (ныне Эйо; сейчас эта обитель носит название Старый мон-рь (Палеомонастиро)). Он поселился в пещере на обрывистом утесе на высоте 550 м над уровнем моря. Победив плотские страсти, Л. получил от Господа дар чудотворения. К нему стали приходить ученики, к-рые соорудили себе жилища на склоне горы. Слава о подвигах Л. дошла до морейских деспотов Фомы и Димитрия Палеологов, к-рые послали святому средства для строительства большого мон-ря. Они также наделили обитель земельными владениями, построили водопровод и передали в дар святых — частицы Страстей Христовых, власы св. Иоанна Предтечи, руку мч. Арефы и главу прмч. Стефана Нового.

Л. скончался в возрасте 75 лет, ангелы предвозвестили ему близившуюся кончину. От мощей Л. происходило множество исцелений. Когда ученик преподобного митрополит г. Ст. Патры Иоаким решил перенести мощи Л. из пещеры, в которой тот подвизался, произошло сильное землетрясение. В 1500 г. мон-рь был разграблен и сожжен албанцами, а насельники убиты. Уцелевшим на подворьях монахам удалось возродить обитель благодаря покровительству советника султана Селима I Иоанна Черноты. Мон-рь снова пострадал от пожара в годы Патриаршества Кирилла I Лукариса (1620–1638, с перерывами). После этого братия оставила Старый мон-рь и поселилась на новом месте, у подножия горы. Новый мон-рь также был освящен во имя св. Таксиархов. В 1772 г. в ходе антитур. восстания на Пелопоннесе в обители укрылись жители Востицы. Монастырь был взят штурмом, а его защитники убиты. Восстановление обители началось только в 1782 г. В 1820 г. мощи Л. были торжественно перенесены из Старого мон-ря в новый и хранятся в нем до наст. времени.

Ист.: ВHG, N 2234, 2235; Ὑμνολόγιον ἐν ᾧ ἡ ἀκολουθία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Λεοντίου. Λειψία, 1764; ΝΑ. 1873². Σ. 457–460; *Πανίτσας Π., Παπαθεοδῶρου Π.* Ὁ ὁσιος Λεόντιος καὶ ἡ Μονὴ Ταξιαρχῶν Αἰγιαλείας. Αἴγιον, 2003.

Лит.: *Παπαδόπουλος Α.* Ὁ Ἅγιος Λεόντιος Παλαιολόγος Μοναχῶς (1377–1452). Θεσσαλονίκη, 1940; *Σαφρόνιος (Ἐὐστρατιάδης)*. Ἀγιολόγιον. Σ. 272; *Μακάριος Σιμωνοπερίτης, ἱερομόν. Νέος Συναξαριστής τῆς Ὁρθοδόξου Ἐκκλησίας*. Т. 4: Δεκέμβριος. Ἀθήνα, 2005. Σ. 121–122.

О. В. Л.

ЛЕОНТИЙ [греч. Λεόντιος; Лев], прп. (пам. греч. 29 и 30 дек.). Место и время жизни неизвестны. Сведения о Л. в визант. календарных памятниках предельно лаконичны: он называется архимандритом, говорится также, что он почил в мире. Память Л. отмечалась либо под 29 дек. (напр., в Синаксаре К-польской ц. — SynCP. Col. 356), либо под 30 дек. (напр., в Типиконе Великой ц. — *Дмитриевский*. Описание. Т. 1. С. 38; *Mateos*. Турисон. Т. 1. Р. 168). В стилизованных Синаксарях этот святой назван Львом, что связано с содержанием двустилия, где он сравнивается со львенком: 30 дек. — ГИМ. Син. греч. 390 (354), 1295 г. (*Владимир (Филантропов)*). Описание. С. 532), Paris. gr. 1582, XIV в. (SynCP. Col. 357–358). Поскольку печатная Минея (Венеция, 1595) и «Синаксарист» прп. Никодима Святогорца использовались в качестве источника стилизованной Синаксарь, то в эти тексты святой вошел с именем Лев.

В слав. нестишных Прологах он назван Леонтием (Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. М., 2010. Т. 1. С. 556), в стилизованных — Львом (*Петков, Спасова*. Стиш. Пролог. 2010. Т. 4. С. 188), а в ВМЧ упоминается дважды: как Леонтий и как Леон (ВМЧ. Дек. Дни 25–31. Стб. 2453, 2463–2464).

Лит.: *Сергий (Спасский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 397; *Σαφρόνιος (Εὐστρατιάδης)*. Ἀγιολόγιον. Σ. 272; *Νικόδημος*. Συναξαριστής. 2003. Т. 2. Σ. 444; *Μακάριος Σιμωνοπερίτης, ἱερομόν. Νέος Συναξαριστής τῆς Ὁρθόδοξου Ἐκκλησίας*. Т. 4: Δεκέμβριος. Ἀθήνα, 2005. Σ. 345.

О. В. Л.

ЛЕОНТИЙ (XIV–XV вв.?), прп., Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (пам. 18 июня, 28 авг. — в Соборе Киево-Печерских преподобных отцов, в Дальних пещерах (прп. Феодосия) почивающих; в Неделю 2-ю Великого поста — в Соборе всех Киево-Печерских преподобных отцов), канонарх. Не упоминается в комплексе ранних источников, повествующих о Киево-Печерском мон-ре (см. *Киево-Печерская лавра*) и его насельниках до 30-х гг. XIII в., — *Киево-Печерском патерике*, «Повести временных лет» (см. *Летописание*) и Житий прп. Феодосия Печерского). Временем жизни Л. определяется предположительно XIV–XV вв. О нем, как и о большинстве святых, почивающих в Дальних пещерах, сохранились только краткие поздние сведения. Л. был канонар-

Прп. Леонтий,
Киево-Печерский, канонарх.
Фрагмент иконы
«Собор Киево-Печерских святых».
XVIII в. (КБМЗ)

хом в Успенском соборе мон-ря. Иночество принял в отроческом возрасте, но уподоблялся св. отцам в подвигах молитвы и послушания. По преданию, Л. скончался, будучи еще отроком. Мощи Л. почивают в маленькой раке в Дальних (Феодосиевых) пещерах (общая гробница с прп. *Геронтием*, канонархом; Геронтий впервые упом. в «Тератургиме» (1638), в перечне святых, чьи мощи находятся в Дальних пещерах, однако Л. там не назван или назван ошибочно др. именем: «Преподобные двое, Сисой и Геронтий» — цит. по: Описание Киево-Печерской лавры. С. 287). Л. не упоминается в составленном в 1643 г. «Каноне преподобным отцам Печерским», автором которого считается Мелетий Сириг. Архидиак. *Павел Алеппский*, секретарь Антиохийского патриарха *Маркария III*, посетивший Киево-Печерскую лавру в 1653 г. по пути в Москву, оставил сведения о святых Дальних пещер: «Тут есть тела двух отроков: их головы желты и до сих пор источают миро» (*Павел Алеппский*. Путешествие. 2005. С. 163).

В рукописном сборнике из 6-ки Дальних пещер, к-рый послужил источником архиеп. Модесту при написании его Кратких сказаний о святых отцах Дальних пещер, имелся тропарь и кондак 2 преподобным канонархам без упоминания их имен (опубл. в кн.: *Модест (Стрельбицкий)*. 1885. С. 54–55). Имя Л. применительно к святому, лежащему в одной гробнице с прп. Геронтием, впервые упоминается только в синодальный период (на планах Дальних пещер XVIII в., начиная с издания 1744 г. — Дива. 1997. С. 135). Местная канонизация Л. совершена при

архим. *Варлааме (Ясинском*; впол. митрополит Киевский), настоятеле Киево-Печерской лавры в 1684–1690 гг., когда был установлен Собор преподобных отцов Дальних пещер. Тогда же, вероятно, была составлена «Служба преподобным отцам Печерским, ихже нетленные мощи в Дальней пещере почивают», в к-рой 3-й тропарь 5-й песни канона прославляет 2 преподобных канонархов (не названных по имени). Общецерковное почитание Л. установлено указами Синода 1762, 1775 и 1784 гг., к-рыми было разрешено печатать службы Печерским преподобным и вносить их имена (в т. ч. Л.) в общецерковные месяцесловы. В 1843 г. установлено празднование Собору всех Киево-Печерских святых и Собору всех святых, в Малой России просиявших. Отдельный день памяти Л. был установлен во 2-й пол. XIX в.

Ист.: Службы прп. отцам Печерским, ихже мощи в Ближней и Дальней пещере нетленно почивают. К., 1763; Канон собору прп. отцов Киево-Печерских, в Дальних пещерах почивающих // Минея (МП). Авг. Ч. 3. С. 134. Лит.: Описание Киево-Печерской лавры. С. 113, 294; СИСПРЦ. 1836. С. 168; *Барсуков*. Источники агиографии. Стб. 323; *Модест (Стрельбицкий)*, архиеп. Краткие сказания о жизни и подвигах св. отцев Дальних пещер Киево-Печерской Лавры. К., 1885. С. 15, 32; *Леонид (Кавелин)*. Св. Русь. С. 26; Дива пещер лаврских. К., 1997. С. 45, 66; *Филарет (Гумилевский)*. РСв. 2008. С. 476.

Е. В. Лопухина

Иконография. Описание облика Л. содержится в иконописном подлиннике кон. XVIII в.: «Млад, власы с ушей кратки, на плечах клабук черн, ризы преподобническия, испод киноварь разбелной, правая рука молебна, длань вверх, левою поднял ризу правой стороны» (БАН. Строг. № 66. Л. 319 об., с «левая страны» 63-й).

Единоличное изображение Л. на иконе 40-х гг. XIX в. работы мастеров Киево-Печерской лавры (иером. *Иринарх* с учениками), находится на стене у раки святого в Дальних пещерах. Л. — отрок со слегка вьющимися темными длинными волосами, лежащими на плечах, представлен в $\frac{3}{4}$ -ном повороте вправо, по пояс, облачен в стихарь, под к-рым виден подрясник, в руках держит раскрытую книгу с богослужебным текстом. Это изображение было тиражировано и легло в основу совр. икон Л., воспроизводящих образец с разной степенью приближения к нему, но с соблюдением иконографии (см., напр., совр. иконы Л. в московском храме Всех преподобных отцов Киево-Печерских в Ст. Черемушках).

Еще одна икона с единоличным образом Л. была выполнена мон. Иулианией (Соколовой) между 1962 и 1973 гг.

в Троице-Сергиевой лавре (известна по фотографии в альбоме игум. Марка (Лозинского)). Она написана в традиционной для рус. средневек. иконописи манере. Св. отрок изображен фронтально по пояс, у него короткие темные волосы, облачен в ризу с оплечьем и широкими рукавами. Положение рук (ладонь правой развернута вовне, чуть выше ладони левой руки, обращенной к себе) отражает служение Л.-канонарха, он словно призывает хор к вниманию перед возгласом.

Упоминание об изображении Л. в монументальной живописи есть в описании за 1877 г. ц. Благовещения Пресв. Богородицы в Киево-Печерской лавре: в наосе на стенах масляными красками были нарисованы «в рост по правую сторону Леонтий и Геронтий, канонархи Печерские, с дополнением написанных между ними на столе скрижалей завета, Антоний Печерский». Единоличный образ Л. представлен в росписи Всехсвятской ц. Киево-Печерской лавры (1906), выполненной учениками лаврской иконописной школы под рук. И. С. Ижакевича. Святой изображен на откосе окна над входом в надвратную церковь (напротив образ прп. Геронтия): юноша в стихаре, с орарем, в руке держит книгу.

В композициях Собора Киево-Печерских святых (разного состава) образ Л. близок к варианту изображения на иконе у раки, различаются лишь длина и цвет волос (голова не покрыта) и, в зависимости от времени создания, одежды: на ранних памятниках это монашеское облачение (препоясанный подрясник или мантия) на поздних — стихарь. Так же, но с рыжеватыми волосами он представлен на иконе «Собор преподобных отцов, нетленно почивающих в пещере прп. Феодосия» (1890), созданной в мастерской Киево-Печерской лавры (находится у нижнего входа в Дальние пещеры). На иконах «Собор Киево-Печерских святых» полуфигура Л. изображена в правой группе чудотворцев Дальних пещер, в верхнем ряду, за прп. Анатолием Затворником, рядом с прп. Геронтием Канонархом. Наиболее ранней является икона 2-й пол. XVIII в. из Киево-Печерской лавры (НКПИКЗ; см.: Правосл. икона России, Украины, Беларуси: Кат. выст. М., 2008. С. 116–117). На иконе посл. трети XVIII в. (1771? ИркОХМ — Иркутские иконы: Кат. / ИркОХМ; сост.: Т. А. Крючкова. М., 1991. С. 62. Кат. 28) Л. изображен в коричневой мантии, голова не покрыта, наметка клобука лежит на плечах, образуя подобие длинного воротника. Такой же вид имеют одежды Л. на палехской иконе 1-й пол. XIX в. из частного собрания (Святые образы: Рус. иконы XV–XX вв. из частных собр. / Авт.-сост.: И. В. Тарноградский; авт. ст.: И. Л. Бусева-Давыдова. М., 2006. С. 142–143, 387. Кат. 87). С большей достоверностью изображены одежды на иконах

1-й трети XIX в. (КБМЗ) и сер. XIX в. предположительно из мастерской Киево-Печерской лавры (Троицкий собор Успенского жен. мон-ря в Александрове). Так, на иконе из Успенского мон-ря наметка клобука скреплена пуговицей по центру, а сам клобук лежит на левом плече, а не за спиной. На миниатюрных эмалевых иконах, к-рые изготавливались по заказу Киево-Печерской лавры в Ростове в качестве паломнических образов, Л. изображался в хитоне малинового цвета (напр., на иконе 2-й пол. XIX в., ЦМиАР); в таком же хитоне с отложным воротничком Л. (руки крестообразно сложены на груди) представлен на эмалевом образке 3-й четв. XIX в. (Нововалаамский мон-рь, Финляндия). Подобный воротничок, но на монашеской ризе и с сохранением наметки на плечах встречается, напр., на иконе посл. четв. XIX в. (ц. Воздвижения Креста в Женеве, Швейцария).

Местоположение Л. в композиции «Собор Киево-Печерских святых» остается неизменным в большинстве случаев, вне зависимости от того, сколько фигур представлено в верхнем ряду, — 3 (икона 1-й пол. XIX в., частное собрание, см.: Там же) или 4 (с встречающимся на мн. иконах добавлением в ряд святых младенца, «за Христа от Ирода убиенного», или прп. Силуана Киево-Печерского, как на иконе 1-й пол. XIX в., предположительно из мастерской Киево-Печерской лавры (ЦМиАР)). Исключением является икона из ризницы Данилова мон-ря (посл. четв. XIX в.), где привычный порядок нарушен изображением перед Л. 2 преподобных — Анатолия и Силуана (? надписи на нимбе не читается) Киево-Печерских. Существенные изменения в композицию внесены на иконе 2-й пол. XIX в. (Москва, частное собрание В. А. Бондаренко (см.: «И по плодам узнается древо»: Рус. иконопись XV–XX вв. из собр. В. А. Бондаренко: Альбом-кат. М., 2003. С. 497–504. Кат. [57]), в частности, Л. в стихаре представлен в левой группе святых во 2-м ряду сверху, вторым по счету, между преподобными Захарией Постником и Пименом Постником; следующие 2 фигуры, обычно изображаемые рядом с Л., — преподобные Анатолий и Геронтий.

Известно большое количество гравюр и литографий с изображением Собора Киево-Печерских чудотворцев, на к-рых сохраняются общие принципы этой композиции, принятые в иконах. В частности, Д. А. Ровинский поместил в своем многотомном издании 15 гравюр этого извода (2 из них датирует кон. XVII и 1-й пол. XVIII в.), в т. ч. лист почаевского мастера 2-й пол. XVIII в. Иосифа Гочемского, гравюру 1771/74 г. работы Иоанна Кончаковского и ее копию 1821 г. работы Герасима Проценко (Ровинский. Народные картинки. Т. 3. С. 621–633. № 1505–

1520; Т. 4. С. 761–763. № 1505а, 1517). Л. представлен также на киевской гравюре В. Белецкого (1751; 1756 — РГБ), на раскрашенной гравюре 1-й трети XIX в. (ГЛМ), на тонолитографии 1893 г. и хромофотографии 1894 г. из мастерской Киево-Печерской лавры (ГЛМ, РГБ). Иконографически близка к указанным произведениям раскрашенная гравюра 1-й четв. XIX в. (РГБ), но гравер изобразил преподобных в разных монашеских головных уборах — в куколях, клобуках и скуфьях; на Л., принадлежащем к числу младшей братии, — округлой формы скуфья. В ряде случаев, особенно когда привычный порядок расположения святых нарушен, образ Л. в композицию не включен, как, напр., на раскрашенной литографии 1883 г., отпечатанной в мастерской А. А. Абрамова (ГРМ) (см.: Русские мон-ри: Искусство и традиции / ГРМ. СПб., 1997. С. 169) или на хромофотографии 1903 г. московской мастерской И. Д. Сытина (ц. вмц. Варвары в Казани). Лит.: Маркелов. Святые Др. Руси. Т. 2. С. 153–154; Киево-Печерский патерик: У истоков рус. монашества: Кат. / Сост.: Л. И. Алехина и др. М., 2006. С. 33, 48, 53, 63–64.

Э. В. Шевченко

ЛЕОНТИЙ (Карпович Лонгин; ок. 1580 — 24.09.1620, Вильно), прп. (пам. 24 сент.), 1-й настоятель виленского Свято-Духова мон-ря (см. *вильнюсский в честь Сошествия Св. Духа на апостолов мужской монастырь*), проповедник и полемист, типограф. Биографические сведения о Л. содержатся в «Казанье на погреб Леонтия Карповича» архиеп. *Мелетия (Смотрицкого)*, анонимном соч. «Лямент у света убогих на преставление отца нашего Леонтия Карповича», также они приведены митр. *Петром (Могилой)* со слов игум. *Исаии (Трофимовича-Козловского)*, к-рый поступил в Свято-Духов мон-рь при Л. (Записки Петра (Могила). 1887. С. 57–59). Преподобный род. в семье священника, был, по-видимому, младшим сыном Михаила Федоровича Карповича, протопопа пинской замковой ц. св. Дмитрия. Шляхетский священнический род Карповичей жил в Пинском повете и на Киевщине. Карповичи получили во владение о-в Асов в Пинском повете (им владел прадед Л.). Вероятно, Лонгин учился сначала в школе при *пинском Лещинском в честь Рождества Пресв. Богородицы монастыре*, затем в школе православного Виленского братства при Свято-Троицкой ц., куда поступил благодаря родственнику — И. Карповичу, члену Виленского братства

(необоснованным является встречающееся в лит-ре указание на обучение Карповича в *Острожской академии*). Л. Карпович также вступил в Виленское братство. Достигнув совершеннолетия (ок. 1598), стал «слугой и писцом» братским, являлся послом братства на сеймах. Участвовал в строительстве братского Свято-Духовского храма, был пономарем, «шпитальным дозорной», «строителем церковным, албо выт-рикушом». Ок. 1600 г. возглавил братскую типографию (стал корректором и главным типографом, отвечал за отбор материалов для печати), сменив на этом посту погибшего Стефана Зизания (см. в ст. *Зизаниш (Куколи)*). С ок. 1605 г. преподавал в братской школе.

В янв. 1609 г. Л. Карпович в качестве одного из послов представлял Виленское братство на Варшавском сейме, задачей посольства был протест против действий униат. митрополита. По пути на сейм Карпович посетил в Заблудове экзарха К-польского патриарха в Киевской митрополии протопопа Нестора Козменича. Возможно, вскоре после этой поездки, во 2-й пол. 1609 — нач. 1610 г., Карпович принял монашеский постриг с именем Леонтий, после был рукоположен во иерея к Свято-Духовской ц. в Вильно, через некое время возведен в сан архимандрита и стал настоятелем Свято-Духова мон-ря. Впрочем, есть основания считать, что Карпович принял монашеский постриг позднее — во 2-й пол. 1614 — нач. 1615 г. В мандате короля Виленскому братству в июле 1614 г. он упоминается как Лонгин Карпович — один из «трех попов» братства; в 1615 г. в изданиях его проповедей уже назван архимандритом. По мнению Ф. К. Смирнова, Л. был рукоположен во иерея, затем возведен в сан архимандрита Львовским еп. *Иеремией (Тиссаровским)*, к-рый в 1610–1620 гг. был единственным в Речи Посполитой правосл. архиереем.

6 мая 1610 г. вышел указ кор. Сигизмунда III Вазы об аресте «корректора Логвина Карповича» за издание в Виленской типографии антикатолического и антиуниат. соч. М. Г. Смотрицкого «*Єрґвоґ, to jest Lament, iedyney ś. powszechney apostołskiey Wschodniey Cerkwie*» (Плач единой святой соборной апостольской Церкви). Однако Л. был арестован раньше. В Великую субботу,

7 апр. 1610 г., в типографии прошел обыск, при котором схватили «главного типографа братского, слугу и писаря Лонгина Карповича». Несмотря на протест шляхты Пинского повета (как человек шляхетского происхождения Л. не мог быть арестован), архимандрит не был отпущен. Он находился в тюрьме 2 года. Как свидетельствует архиеп. Мелетий (Смотрицкий), Л. «был насьмеван вере православної, лжен, безчещен, шарпан от суда до суда, из тюрьмы до тюрьмы», так что ему, «мордованому на каждый день... в муках умирать приходилось». Повидимому, подвижника заставляли перейти в унию. Архиеп. Мелетий (Смотрицкий) свидетельствовал, что узник «правды евангельской никак не предал» и был «жестче за алмаз». Л. освободили не ранее Пасхи 1612 г. После выхода из тюрьмы, не позднее 1615 г., Л. стал ректором братской школы. Вскоре после смерти униат. митр. Ипатия *Потеля*, сохранившего за собой Владимиро-Брестскую кафедру, Л. был избран православыми Литвы в 1613 или 1616 г. епископом Владимирским и Брестским (хиротония не могла состояться из-за запрета властей). Вероятно, в ответ на выдвижение Л. Иосафат *Кунцевич*, только что ставший архимандритом униатского виленского во имя *Св. Троицы монастыря*, и живший там униат. Пинский еп. Паисий Суховский сделали попытку убить Л.

При Л. Свято-Духов мон-рь встал во главе всех правосл. обителей *Литовского великого княжества* и сделался центром антиуниат. сопротивления. Под его управление перешли существующие правосл. мон-ри (Цеперский, минский Петра и Павла и др.), устраивались новые обители (*могилёвский Братский в честь Богоявления, Буйничский в честь Сошествия Св. Духа на апостолов, Купятицкий Введенский* и др.). Л. установил в Виленском мон-ре общежительный устав свт. Василия Великого, для чего составил и издал «Киновион» (Вильно, 1618). В грамоте кор. Владислава IV 1633 г. отмечено, что общежительный мон-рь при ц. Св. Духа «заложон» Л. и должен управляться «водлуж порядков от першого архимандрита на письме оставленных». Постриженниками Л. были Мелетий (Смотрицкий), *Иосиф (Бобрикович)*, Исаия (Трофимович-Козловский).

Виленское братство имело членов и приверженцев во всех частях Литвы. В братской типографии были напечатаны: Часослов (Евье, 1612), Анфологион (Евье, 1613), Молитвы повседневные (Евье, 1615), Евангелие учительное (Евье, 1616), Молитвенник (Вильно, 1617), Служебник (Вильно, 1617), Требник (Вильно, 1618), Требник со статьями для иноков (Вильно, 1618), Букварь славянский (Евье, 1618), «Грамматика словенская» Мелетия (Смотрицкого) (Евье, 1619), «Вертоград душевный...» Фикария Святогорца (Вильно, 1620). Осенью 1615 г. Л. подготовил к печати свои проповеди на Преображение Господне и на Успение Пресв. Богородицы. Под рук. Л. в 1613–1617 гг. возвели каменное здание для братской школы, уч-ще было реформировано и стало 5-классным.

В 1620 г. Речь Посполиту посетил Иерусалимский патриарх *Феофан IV*, к-рый должен был рукоположить для правосл. Церкви епископов. Л. не смог поехать в Киев, поскольку был, по выражению Мелетия (Смотрицкого), «надломлен во всех телесных силах». 24 сент. преподобный скончался. Л. был погребен в Свято-Духовской ц. 2 нояб. 1620 г. (через 6 недель после кончины). Отпевание совершил Полоцкий архиеп. Мелетий (Смотрицкий), вернувшийся из Киева после епископской хиротонии и ставший настоятелем Виленского монастыря. На погребении архиеп. Мелетий произнес проповедь, вскоре опубликованную. Архиерей отметил нетленность честных останков Л. О нетленности мощей преподобного говорится в «Мнемозине славы, дел и трудов преосвященнаго в Бозе отца Петра Могилы» (К., 1633). После постройки в Свято-Духовом монастыре в 1634 г. каменного храма останки Л. были перенесены туда.

Современники высоко оценивали заслуги Л. По словам Мелетия (Смотрицкого), он «церковь Виленскую, охладевшую в благочестии, сотворил благодатию Христовой способной на прежнюю, привычную для благочестивых христиан плодovitость, соделал урожайной и многоплодной... возродив в ней святые обычаи первозажженной Церкви... Падшую из-за проклятого отступления святиню Церкви нашей Русской счастливо вознести сподобился». В соч. «Лямент у света убогих на жалосное преставление отца на-

шего Леонтия Карповича» говорится, что преподобный научил правосл. «литвинов постити, дни святые, праздники честно обходити, на всеночных молитвах тръвати нетескливе, хутне ходити до церкви, жити святобливе. Грехов споведатися, Таемниц Христовых заживати начастей справил был готовых, што у наших пред леты было неподобно, на то душу и сердце отдал всех способно». Петр (Могила) привел в «Записках» рассказы о подвижнической жизни Л. О почитании первого настоятеля Свято-Духова монастыря говорится также в «Палинодии» *Захарии (Котыстенского)* (1621), в «Мнемозине славы, дел и трудов... Петра Могилы», в «Диариуше» прмч. Афанасия Брестского (1648). По-видимому, существовало изображение Л., описанное в Эпитафоне, к-рым заканчивается «Лямент у света убогих на жалосное представление... Леонтия Карповича»: «Рукою держит цветов, другою книгу, там же кадило». Приведено также толкование образа: «Живот нетръвалый значит тот квет опалый. Книга — чистость сумненья кажет мети. Збавенья в добрых делех чекати. За ним в небо ступати».

4 апр. 2011 г. Синод Белорусской Церкви принял решение о канонизации Л., прославление было совершено 15 мая 2011 г. в кафедральном Петропавловском соборе Минска.

Л. В. Левшун, В. Г. Пидгайко

Сочинения. В 1615 г. в типографии кн. Богдана Огинского в Евье (ныне Вевис, Литва) были опубликованы проповеди Л.: «Казанье двое»: одно на Преображение, другое на Успение, «которое мел отец Леонтий Карпович, архимандрит монастыря обшечительного братского Виленского в церкви Сошествия Святаго и Животворящаго Духа, в року 1615, месяца августа 6 и 15 дня». Издание содержит посвящение кнг. Анне Ходкевич Корецкой, к-рой автор выражает благодарность за щедрую помощь как ему лично, так и правосл. Церкви.

В проповеди на Преображение автор рассматривает не столько событие Преображения Господа, сколько преобразование человеческой души, ее переход от погруженности в мирские дела к богообщению. Внимание Л. сосредоточено на фигуре ап. Петра, который выступает как собирательный образ христианина, символ человека, стремящегося

в Небесный Иерусалим. Л. представляет 3 скинии, к-рые хотел воздвигнуть ап. Петр на Фаворской горе, как символы 3 степеней духовного совершенствования: «стан закона», «стан ласки» (благодати), «стан хвалы оное вечное» (блаженства) — и соответствующих им добродетелей: веры, надежды, любви. Третья скиния символизирует «небесная ластовица, возлетевшая до третьяго небеси». Первый этап, сопоставляемый с восхождением Христа и апостолов на гору, предполагает нравственное воспитание человека, точное соблюдение им нравственных законов человеческого общества. Затем наступает «мысленное преобразование», к-рое можно сопоставить с просветлением ап. Петра на Фаворе. «Мысленное преобразование» может происходить «на высокой богомысленности горе, а или под час чистое и набожное молитвы и приобщения Пречистых и Животворящих Таин». Первый путь — размышление о Боге — не требует посредников; 2-й путь — «приобщение Пречистых Таин» — возможен только в «Церкви святое Восточное». Третий этап преобразования человека наступает после всеобщего воскресения и Страшного Суда, к-рый представлен не как всемирная катастрофа, но как должожданное празднество возвращения «пельгримов» и изгнанников на родину. Уподобля христианина «жолнеру», а земную жизнь битве, автор рассуждает о 3 категориях «жолнеров», награды к-рым различаются в соответствии с уровнем подготовленности человека к обладанию духовными дарами. Л. также приводит 3 «почета» (категории) людей, не способных достичь вечно блаженства: те, кто ведут безнравственную жизнь; те, кто думают, что для спасения достаточно внешнего благочестия, «и Богу, и свету заровно догодити хотячи»; гордецы, считающие себя равными Богу в «богатстве и можности светской».

Размышления о духовном восхождении содержатся также в проповеди на Успение Пресв. Богородицы. Близость во времени праздников Преображения и Успения представляется проповеднику отражением их сотериологической взаимообусловленности. На Фаворской горе Богочеловек явил избранным апостолам Свою Божественную природу. Задолго до этого в утробе Пречистой Девы также произошло преображе-

ние: Бога в Богочеловека. На Фаворской горе явлено освящение Славы Божества человеческого тела. Освящение человеческого тела произошло также тогда, когда Бог вместился в девическую утробу и стал плотью. На Фаворской горе Богочеловек, преображаясь, показал свойственную Ему славу Царя Небесного. Богородица в Своем Успении преобразилась в Царицу Небесную и прославилась как «после Бога бог». На горе Фаворской Христос показал ученикам путь духовного преобразования христианина. Богородица являет воплощение такого преобразования. Преобразование Христа и Успение Пресв. Богородицы созерцаются Л. как прообразы всеобщего преобразования христиан. Богородица ассоциируется с Небесным Градом, Л. перечисляет 5 «перократив», к-рые символизируют в образе Богородицы Небесный Град и отличают Ее от др. творения.

В 1619 г. по приказу Сигизмунда III в Свято-Духов мон-рь было привезено для погребения тело кн. В. В. Голицына, к-рый был одним из руководителей рус. посольства к кор. Сигизмунду III, был арестован и умер в плену. При отпевании 27 янв. Л. произнес проповедь, вскоре опубликованную (*Kazanie na pogrzebie kniazia W. W. Galiczyna, z ruskiego na polski język przelożone. Wilno, 1619*). Издание посвящено А. Х. Нарушевичу, земскому подскарбию, писарю и ловчему Великого княжества Литовского. Не имея сведений о жизни Голицына, проповедник отказался говорить о покойном князе и предложил присутствующим поблагодарить Бога за доброту короля.

При жизни Л. не было опубликовано его послание к афонскому монаху «Честному священноинокови господину отцю Кирилу (Пафнутию, Елисею)» (янв. 1619) (изд. в 1894). Видимо, адресат письма — бывш. иеромонах львовской обители св. Онуфрия, активный деятель правосл. возрождения в Великом княжестве Литовском; в 1614 г. во Львове он участвовал в издании «Книги о священстве» свт. Иоанна Златоуста и, возможно, вскоре отправился на Афон, где принял схиму с именем Кирилл. Л. упоминает Кирилла в понимании «молчальничества» как устранения от отстаивания правды. Л. пишет, что праведный человек должен возвышать свой голос для обличения грехов:

«безвременное... молчание добровольное есть мужебойство, которое молчачаго на души забияет и непестереженным вечную згубу еднает». Л. пишет о необходимости сплотить силы в защите «своей бедноупалой Церкви», «потщиться и поспешить» в Вильно на помощь Церкви — «бедной Матки своей, на ратунок тебе, сына своего и рукоданного война, взывающей а плачливе просячей», позже можно будет вернуться к скитскому житию. Известно также послание Л. к Львовскому братству от 21 янв. 1619 г. с сообщением о постройке каменного здания для виленской братской школы. При жизни Л. не была опубликована его проповедь «В неделю перед Рождеством Христовым наука» (изд. в 1908).

Л. принадлежит перевод на простую толкования свт. Иоанна Златоуста на молитву «Отче наш» (не сохр.). В переводе Л. с его 2 предисловиями в 1620 г. в Вильно был издан сб. «Вертоград душевный, сиречь Собрание и сочинение молитв исповедательных и благодарственных, блаженной памяти иноком Фикарею Святогорцем». В одном из предисловий Л. говорит о своей близкой кончине: «Продолжит ли ми Господь непотребного живота, вещи во уме изображенные благодатию Его в дело привести, или инодо кого на сей душеполезный труд подвигнуть... возможет... по исходе окаянных моя душа из... многотрадального... грешного моего тела».

Соч.: Казанье двое, одно на Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, другое на Успение Пречистое и Преблагословенное Владычицы наше Богородицы и Приснодевы Марии. Евье, 1615; Два слова, которые сказывал о. Леонтий Карпович / Парал. пер. на рус. яз.: архим. Леонид (Кавелин) // ЧОИДР. 1878. Кн. 1. С. 1–118; Честному священноинокови господину отцу Кирилу (Пафнутию, Елисею) о Господе нашем Иисусе Христе радоватися // Литовские Ев. 1894. № 26. С. 229–231; Послание Виленского православного братства Львовскому ставропигиальному братству... от 21 янв. 1619 г. // АЗР. Т. 4. № 217. С. 504–506; Наука Леонтия Карповича в неделю перед Різдом / Опубл.: С. И. Маслов // Зап. наукового товариства в Києві. К., 1908. Кн. 2. С. 127–141.

Ист.: Записки Петра Могилы // АЮЗР. 1887. Т. 7. Ч. 1. С. 49–189; Казанье Мелетия Смотрицкого на честный погреб Леонтия Карповича // ЧИОНЛ. 1908. Кн. 20. Вып. 2. С. 101–119; Вып. 3. С. 121–155; Ялемент у света убогих на жалосное преставление... отца Леонтия Карповича // Українська поезія: Кін. XVI — поч. XVII ст. К., 1978. С. 166–179.

Лит.: Голубев С. Библиографическая заметка по поводу статьи архим. Леонид (Кавелин) «Леонтий Карпович...» // Холмско-Варшавский епарх. вестн. 1880. № 3. С. 49–51; Мол-

чанов Н. Леонтий Карпович, церк. вития православ. Юго-Зап. Руси в XVII ст. и два его слова: (Крит.-биогр. заметка) // ПО. 1880. Т. 3. № 11. С. 495–517; *Смирнов Ф.* Виленский Свято-Духов мон-рь. Вильна, 1888; *Харламович К.* Западнорусские правосл. школы XVI — нач. XVII в. Каз., 1898. С. 397–399; *Материали до вивчення історії укр. літ-ри.* К., 1959. Т. 1: Давня укр. літ-ра: доба феодалізму — до XVIII ст. / Упоряд.: О. І. Білецький, Ф. Я. Шолом; Українські письменники: Біо-бібліогр. слов. К., 1960. Т. 1: Давня укр. літ-ра (XI–XVIII ст.); *Грицай М., Микитась К., Шолом Ф.* Давня укр. літ-ра. К., 1989; *Левшун Л. В.* Некоторые принципы использования текстов Свящ. Писания в «Казанье на Преображение» Леонтия Карповича // Начало: Сб. работ молодых ученых / ИМЛИ. М., 1990. С. 79–91; *она же.* Архімандрит Лявонці Карповіч: Старое і нове у гісторії ўсходнеславянскага прапаведніцтва // Праваслаўе. 1998. № 7. С. 65–77; *она же.* Леонтий Карпович: Жизнь и творчество. Мн., 2001; *Саверчанка І. В.* Старажытная паэзія Беларусі: XVI — 1-я палова XVII ст. Мн., 1992. С. 150–164; *Мельников А. А.* Путь непечален: Ист. свидетельства о святости Белой Руси. Мн., 1992; *Wagilewicz J. D.* Pisarze polscy rusini: Wraz z dodatkami pisarzy łacińscy rusini. Przemysł, 1996; *Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў.* Мн., 2006. Т. 1: Даўняя літаратура XI — 1-й паловы XVIII стагоддзя. С. 565–571; *Славяноўзнаўная паэзія Вялікага княства Літоўскага XVI–XVIII ст.* / Уклад., прадм. і камент.: А. У. Бразгунова. Мн., 2011. С. 548–587.

Л. В. Левшун

ЛЕОНТИЙ Степанович Гримальский (10.07.1869, с. Ладыжинка Уманского у. Киевской губ.— 26.02.1938, полигон Бутово Московской обл.), сщмч. (пам. 13 февр., в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской и в Соборе новомучеников, в Бутове пострадавших), прот. Из семьи псаломщика. В 1892 г. окончил КДА, поступил учителем в церковноприходскую школу в с. Русаловка Уманского у. 31 июля 1894 г. Л. был рукоположен во иерея и назначен священником к храму в с. Песчаная Звенигородского у. Киевской губ. В 1914 г. он был переведен в храм в с. Роги Уманского у. В 1922 г. Л. был возведен в сан протоиерея. В 1931 г. Л. переехал в с. Жегалово Щёлковского р-на Московской обл., где его зять, свящ. Николай Харьюзов, служил в Никольском храме. Здесь Л. исполнял должность псаломщика с правом священнослужения. 4 апр. 1932 г. он был назначен на должность священника в храм во имя св. апостолов Петра и Павла в с. Лыткарино Ухтомского р-на Московской обл. Награжден палицей (1928) и наперсным крестом с украшениями (1935). В июле 1937 г. он был переведен в храм Ильинского погоста Солнечногорского р-на Московской обл.

31 окт. того же года назначен в Успенский храм в с. Гжель Раменского р-на, где незадолго до этого был арестован переведенный сюда свящ. Николай Харьюзов. 26 янв. 1938 г. Л. был арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации» и заключен в тюрьму в Коломне. Виночным себя не признал. 21 февр. приговорен к расстрелу Особой тройкой при УНКВД по Московской обл. Казнен и погребен в известной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

26 дек. 2001 г. определением Свящ. Синода РПЦ имя Л. было включено в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Арх.: ГАРФ. Ф. 10035. Д. П–78609. Лит.: Бутовский полигон. Вып. 3. С. 75; *Дамаскин.* Кн. 7. С. 45–49; ЖНИР: Моск. Янв.–май. С. 109–113; ЖНИР. Февр. С. 216–220.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ЛЕОНТИЙ Клименко (1887 — 11.02.1920, ст-ца Талгар, ныне город, Казахстан), сщмч. (пам. 29 янв. и в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской), свящ. Служил в с. Евгеньевка Верненского у. Семиреченской обл. В 1920 г. был обвинен в контрреволюционных выступлениях, в хранении боевых припасов и в отказе молотить хлеб для коммунистов. Был расстрелян выездной экспедицией Семиреченского ЧК в ночь на 12 февр. 1920 г. вместе со прот. сщмч. *Иоанном Гранитовым* и еще с 5 мучениками. Тела их были погребены в известной могиле близ ст-цы Талгар.

Прославлен Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.

Лит.: ЖНИР. Янв. С. 437–438; Святые новомученики и исповедники, в земле Казахстана просиявшие. М., 2008. С. 141.

ЛЕОНТИЙ Иосифович Строчюк (янв. 1878, с. Сагринь Грубешовского у. Люблинской губ.— 3.01.1941, Амурский железнодорожный ИТЛ), сщмч. (пам. 21 дек. и в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской), диак. Род. в семье псаломщика. В 1904 г. был определен псаломщиком в Троицкую ц. в родном селе, а в 1907 г. рукоположен в сан диакона и назначен к тому же храму. В 1918 г. переведен на служение диаконом в Казанскую ц. с. Коломенского Московского у. (ныне в черте Москвы). В 1921 г. был награжден двойным орарем. 1 дек. 1937 г. Л. был арестован, заключен в Таганскую тюрьму в Москве. Проходил по одному след-

ственному делу с прот. Валентином Костровым и со свящ. *Петром Успенским*. Им предъявили обвинение в «активной контрреволюционной деятельности». Л. виновным себя не признал. 7 дек. 1937 г. он был приговорен Особой тройкой при УНКВД по Московской обл. к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Был отправлен в Байкало-Амурский ИТЛ (с мая 1938 Амурский железнодорожный ИТЛ) близ г. Свободный Амурской обл. 8 апр. и 27 окт. 1939 г. Л. подавал прошения о пересмотре его дела, к-рые не были удовлетворены, поскольку выяснилось, что в лагере он высказывался в защиту Церкви, был недоволен закрытием храмов и поруганием святынь. В это время тяжелобольной Л. уже пребывал в лагерном лазарете М. Ньюжа 1-го отд-ния Амурлага. Скончался от тягот заключения. Погребен в безвестной могиле.

17 авг. 2004 г. определением Свящ. Синода РПЦ имя Л. было включено в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Арх.: ГАРФ. Ф. 10035 Д. П-18845.

Лит.: ЖНИР: Моск. Доп. Т. 3. С. 282–284.

Игу. Дамаскин (Орловский)

ЛЕОНТИЙ, прмч., Валаамский — см. в ст. *Тит, Тихон и 32 инока и послушника*, преподобномученики, Валаамские.

ЛЕОНТИЙ, прмч., Угличский — см. в ст. *Иов*, прмч., и др. мученики Угличские.

ЛЕОНТИЙ (Карягин Лаврентий; 1870, Казанская губ.— 10.09.1918, г. Казань), прмч. (пам. 28 авг. и в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской), мон. Из крестьян. В 1901 г. поступил послушником в *Раифский в честь Грузинской иконы Божией Матери мужской монастырь*. В февр. 1907 г. перешел в *Макариев свияжский в честь Вознесения Господня мужской монастырь*, а в июне 1909 г.— в *казанский Зилантов в честь Успения Пресв. Богородицы монастырь*. Пострижен в монашество с именем Леонтий 20 дек. 1909 г. настоятелем Зилантова монастыря архим. прмч. *Сергием (Зайцевым)*. В авг. 1918 г. возле мон-ря развернулись боевые действия между красноармейцами и войсками чехословац. корпуса. Л. вместе с братией вынужден был временно покинуть Зилантов мон-рь, но вернулся

после отступления чехословацких войск 10 сент. В тот же день в Зилантов мон-рь вошел отряд красноармейцев. Они выгнали насельников обители к монастырским стенам и расстреляли их без суда. Чин отпевания и погребения убитых совершил настоятель *казанского в честь Преображения Господня мужского монастыря* архим. сщмч. *Иоасаф (Удалов)*; вполс. епископ). Тела были похоронены на монастырском кладбище.

Л. прославлен в числе братии казанского Зилантова мон-ря Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.

Лит.: *Польский*. Ч. 2. С. 181; *Журавский А. В.* Жизнеописания новых мучеников Казанских: Год 1918-й. Каз., 1995. С. 59.

ЛЕОНТИЙ, мч. (пам. греч. 4 мая) — см. в ст. *Афродисий, Милд, Макровий, Валериан, Леонтий, Антоний (Антонин)*, мученики.

ЛЕОНТИЙ, мч. Александрийский (пам. 13 сент.) — см. в ст. *Кронид, Леонтий и Серапион*, мученики Александрийские.

ЛЕОНТИЙ, мч. Киликийский (пам. 17 окт.) — см. в ст. *Косма и Дамиан*, св. бессребреники.

ЛЕОНТИЙ, мч. К-польский (пам. 9 авг.) — см. *Иулиан, Маркиан, Иоанн, Григорий, Иаков, Алексий, Димитрий, Леонтий, Фотий, Петр и Мария*, мученики К-польские († 726 или 730).

ЛЕОНТИЙ, мч. Никомидийский (пам. 24 апр.) — см. в ст. *Евсевий, Неон, Леонтий и Лонгин* и др. мученики Никомидийские.

ЛЕОНТИЙ, мч. Никопольский (пам. 10 июля) — см. в ст. *Никопольские мученики*.

ЛЕОНТИЙ, мч. Пергийский (Памфилийский) (пам. 1 авг.) — см. в ст. *Пергийские мученики*.

ЛЕОНТИЙ, мч. Севастийский (пам. 9 марта) — см. в ст. *Севастийские мученики*, 40.

ЛЕОНТИЙ (Стасевич Лев Фомич; 20.03.1884, посад Тарноград Белгородского у. Люблинской губ. (ныне г. Тарногруд, Польша) — 9.02.1972, с. Михайловское Фурмановского р-на Ивановской обл.), преподобноисп. (пам. 28 янв., в Соборе Ива-

новских святых и в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской), архим. Из крестьянской семьи. Окончив 2-классное уч-ще и 4-классную прогимназию, поступил работать писарем в Тарноградский суд. В 1910 г. поступил послушником в *Яблочинский во имя прп. Онуфрия Великого муж. монастырь*. В 1912 г. (по др. данным, в 1911) настоятелем мон-ря архим. *Серафимом (Остроумовым)*; вполс. архиепископ) пострижен в монашество с именем Леонтий, 29 окт. 1912 г. Холмский еп. *Евлогий (Георгиевский)*; вполс. митрополит) возвел его в сан диакона. 20 мая 1913 г. рукоположен во иерея, был в обители казначеем (до 1915). В 1914 г., после начала первой мировой войны, Яблочинский монастырь эвакуировали вглубь России. В 1916 г. Л. был определен в *московский в честь Богоявления Господня мужской монастырь*. В том же году награжден наперсным крестом. В 1917 г. (по др. данным, в 1916) Л. поступил в МДА, но не успел окончить обучение ввиду закрытия академии в 1919 г. В 1920 г. был возведен в сан игумена. 26 нояб. 1922 г. по ходатайству Суздальского еп. *Василия (Зуммера)* Л. был назначен в *Евфимиев суздальский в честь Преображения Господня мужской монастырь* и в том же году утвержден настоятелем мон-ря. В это время жизнь мон-ря от внутренних и внешних причин пришла в расстройство. Богослужение должным образом и по уставу не совершалось, все хозяйственные дела были запущены, часть братии сочувствовала обновленцам. Л. попытался исправить жизнь монастыря, но столкнулся с упорно враждебным отношением к этим попыткам со стороны братии. В 1923 г. власти закрыли обитель, приспособив ее помещения под лагерь особого назначения. Л. был переведен в храм Смоленской иконы Божией Матери, а затем в храм свт. Иоанна Златоуста в Суздале. Л. восстановил ежедневное уставное богослужение и ежедневную проповедь в храме, чем привлек мн. верующих, к-рые стали приезжать сюда из самых отдаленных мест Владимирской епархии. 20 мая 1924 г. патриарх Московский и всея России свт. *Тихон* возвел Л. в сан архимандрита.

3 февр. 1930 г. Л. был арестован и заключен в тюрьму во Владимире. Он обвинялся в участии в «антисоветской церковной группировке»,

виновным себя не признал. 2 марта 1930 г. Особая тройка при Постоянном представительстве ОГПУ по Ивановской промышленной обл. приговорила его к 3 годам лагерей. Заключение отбывал в Коми (Зырян) автономной обл. В лагере работал фельдшером. По возвращении из заключения был направлен служить в храм в с. Бородино (ныне Гаврилово-Посадского р-на Ивановской обл.). 5 (по др. сведениям, 11) нояб. 1935 г. Л. вновь был арестован и заключен в тюрьму в Иваново. Обвинялся в том, что «входил в состав группы активных церковников ИПЦ и являлся ее вдохновителем, поддерживал связи с юродствующим элементом, втягивал в религиозную деятельность детей школьного и дошкольного возраста путем раздачи последним разного рода подарков, распространял провокационные слухи о кончине мира, пришествии антихриста и падении советской власти». Не признал себя виновным ни по одному пункту обвинения. 15 февр. 1936 г. приговорен особым совещанием при НКВД к 3 годам лагерей. Отбывал срок в Карагандинском ИТЛ.

В 1938 г. Л. вернулся в Суздаль. Жил то в Суздале, то в селах и небольших городках у своих духовных чад, совершая в их домах богослужения. В июне 1947 г. был назначен настоятелем храма Живоначальной Троицы в с. Воронцове Пучежского р-на Ивановской обл. Спустя нек-рое время стал благочинным храмов Пучежского р-на. Несмотря на давление властей, в Воронцове был отремонтирован храм, вокруг которого сложился приход, собравший многих ревнителей благочестия, т. к. это был единственный в области храм, где ежедневно совершались богослужения. Л. исполнял в Троицком храме службы по монастырскому уставу. 2 мая 1950 г., после литургии, он вновь был арестован. Заключен во внутреннюю тюрьму МГБ в Иваново. Виновным в антисоветской агитации себя не признал. 25 окт. 1950 г. приговорен особым совещанием при МГБ к 10 годам заключения. Отбывал срок в Ангарском ИТЛ близ Братска Иркутской обл. (по др. данным, в Озёрном ИТЛ близ г. Тайшет Иркутской обл.). 28 марта 1955 г. комиссия по пересмотру дел осужденных по политическим статьям снизила Л. меру наказания до 5 лет и освободила его как уже отбывше-

го этот срок. 20 июля 1955 г. Ивановский и Кинешемский архиеп. *Венедикт (Поляков)* назначил Л. настоятелем храма во имя арх. Михаила в с. Михайловском. В Михайловском Л. стойко нес все трудности пастырского служения; приход был большой: в него входило 24 села и г. Фурманов. Населенные пункты располагались на расстоянии до 10 км друг от друга, и настоятель должен был их обходить пешком. В храме он служил ежедневно, а в промежутках между службами посещал с требами многочисленных прихожан. В 1960 г. Л. был награжден правом служения Божественной литургии с открытыми царскими вратами до Херувимской песни. Летом 1962 г. 2 священника, служившие с Л., в корыстных целях оклеветали его, обвинив в небрежном отношении к святыне. Ивановский и Кинешемский архиеп. Иларион (Прохоров) запретил Л. на месяц в священнослужении. По истечении месяца Л. был назначен в Свято-Введенский храм в с. Елховке Тейковского р-на Ивановской обл. Однако прихожане из с. Михайловского написали прошение архиеп. Илариону о возвращении Л. на прежнее место служения. Архиеп. Иларион не внял просьбам верующих, но в 1963 г. сам был переведен на др. кафедру. На его место был назначен еп. *Леонид (Лобачёв)*. Ознакомившись с существом дела, он вернул Л. в с. Михайловское. Несмотря на физическую немощь, Л. принимал приходивших к нему верующих, исповедовал, беседовал, молился за них. На Пасху 1969 г. патриарх *Алексий I* наградил его 2-м наперсным крестом с украшениями. Прихожане обратились к Ивановскому и Кинешемскому архиеп. *Феodosию (Погорскому)* с просьбой оставить Л. до его смерти в Михайловском. Архиеп. Феодосий оставил его при храме, но благословил, чтобы службу он совершал со 2-м священником.

Почитался как праведник при жизни и после смерти. Прославлен в числе исповедников Церкви Русской Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г. Мощи его пребывают в храме арх. Михаила в с. Михайловском.

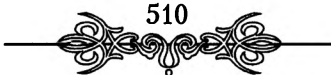
Арх.: УФСБ России по Владимирской обл. Д. П-8248; УФСБ России по Ивановской обл. Д. 8433-П, Д. 8597-П.

Лит.: Жизнь и чудеса старца архим. Леонтия (Стасевича): Мат-лы для прославления. Иваново, 1997; *Федотов А. А.* Ивановская епархия РПЦ в 1918–1998 гг.: Внутрицерк. жизнь

и взаимоотношения с гос-вом. Иваново, 1999. С. 13–14; Жизнеописание прп. Леонтия, архим. Михайловского, чудотворца. Иваново, 2000; ЖНИР: Янв. С. 405–436.

Игу. Дамаскин (Орловский)

ЛЕОНТИЙ († после 1492), блж. (пам. в 3-ю Неделю по Пятидесятнице — в Соборе Вологодских святых), Христа ради юродивый, Устюжский. Святой упоминается в разных редакциях «Книги глаголемой Описание о Российских святых»: «Святый блаженный Леонтий иже Христа ради юродивый преставился в лето 7000»; в нек-рых списках память святого указана под 18 июня, в других — под 18 июля (*Сергий (Спасский)*). Месяцеслов. С. 565). В списке Савваитова имя Л. значится среди святых «града Устюга»: сказано, что «святой положень у Троицы на посаде. Преставися во лето 7000 июня во 8 день» (*Барсуков*. Источники агиографии. Стб. 330). «Леонтий, юродивый Устюжский» указан в «Перечне Вологодских святых», составленном в 1811 г. митр. *Евгением (Болховитиновым)* на основании списка «Книги глаголемой...», происходящего из вологодского Софийского собора. Е. Е. *Голубинский* в 1-м издании своего труда посчитал канонизацию святого состоявшейся, однако во 2-м заметил: «...на месте, в Устюге, он вовсе не известен (и нет его у о. Верюжского), а лишь записан он между святыми града Устюга в Книге о святых» (*Голубинский*. Канонизация святых. 1903². С. 360). Имя Л. упомянуто в Иконописном подлиннике 30-х гг. XIX в.: ИРЛИ. Переп. № 524. Л. 124 об. В Сводном подлиннике Г. Д. Филимонова Л. упомянут с примечанием, что «положен у церкви святых апостол Петра и Павла» (*Маркелов*. Святые Др. Руси. 1998. Т. 2. С. 155). Память святого указана в «Алфавите» старообрядческого мон. Ионы Керженского: «Еще в древлеписменных месяцесловах июля в 18 день положена память святому блаженному Леонтию, Христа ради юродивому, устюжскому новому чудотворцу, иже погребен у церкви святых апостол Петра и Павла, а в других повествует, яко положен он у Троицы на посаде» (ЯМЗ. Инв. № 15544. Л. 357; 1813–1819 гг.). Канонизация святого подтверждена включением его имени в Собор Вологодских святых, установленный в 1841 г.

Ист.: Описание о российских святых. С. 151; Евгений (Болховитинов), митр. Краткое сведение о вологодских святых // Вологодские Ев. 1864. № 1. С. 18.

Лит.: Барсуков. Источники агиографии. Прил. Стб. V; Леонид (Кавелин). Св. Русь. С. 88–89; Голубинский. Канонизация святых; Сергий (Спасский). Месяцеслов. Т. 3; Маркелов. Святые Др. Руси. Т. 2: Свод описаний.

Е. В. Романенко

ЛЕОНТИЙ [греч. Λεόντιος], патриарх Александрийский (1052–1059 (?)). О Л., как и о большинстве предстоятелей Александрийской Православной Церкви XI–XII вв., известно лишь по единичным упоминаниям. Так, в каталоге, изданном еп. Порфирием (Успенским), вступление Л. на престол датируется 1052 г., срок его правления составляет 10 лет. В списках, на которые опирался М. Лекъен, также присутствует имя Л., однако он же указывает на существование др. рукописи, согласно которой в 1059 г. правосл. Александрийскую кафедру занимал Александр. Соотнесением этих сведений объясняется датировка, с которой большинство исследователей включают Л. в список Александрийских патриархов.

Ист.: Порфирий (Успенский). Александрийская Патриархия. Т. 1. С. 7.

Лит.: Le Quien. OC. Vol. 2. Col. 481–482; Gutschmid A., von. Verzeichniss der Patriarchen von Alexandrien // Idem. Kleine Schriften. Lpz., 1890. Bd. 2. S. 488; Grumel. Chronologie. P. 444; Fedalto. Hierarchia. Vol. 2. P. 584.

ЛЕОНТИЙ, еп. Антиохийский (344–357/8), представитель арианской партии. Основные сведения о нем содержатся в сочинениях церковных историков *Феодорита*, еп. Кирского, *Филосторгия*, а также в творениях свт. *Афанасия I Великого*, еп. Александрийского. По происхождению Л. был фригийцем из М. Азии (*Theodoret. Hist. eccl. II 10*) и, как и мн. представители раннего арианства, являлся учеником сщмч. *Лукиана* Антиохийского (*Philost. Hist. eccl. III 15*). Будучи пресвитером в Антиохии, Л. имел в услужении некую деву Евстолию и, чтобы пресечь пересуды, оскопил себя (*Athanas. Alex. Apol. de fuga sua. 26; Idem. Hist. arian. 28*). За это он был отлучен от Церкви свт. *Евстафием*, еп. Антиохийским. По всей видимости, был восстановлен в сане после низложения Евстафия (между 327 и 330). Дальнейших сведений о нем нет до возведения его на Антиохийскую кафедру в 344 г. благодаря покровительству имп. *Констанция II*.

Л. стал преемником низложенного *Стефана I*. Он принадлежал к типу иерархов, искавших компромисс между православными и арианами, в результате чего строгие защитники православия, напр. свт. Афанасий I Великий, относились к нему критически. Критиковали его и арианствующие, напр. Евдоксий, еп. Германкийский (впосл. его преемник на Антиохийской кафедре). Арианский историк Филосторгий, приводя приписываемую Л. амбивалентную доксологическую формулу: «Слава Отцу через Сына в Духе Святом» (*Philost. Hist. eccl. III 13*), а также Феодорит, еп. Кирский (*Theodoret. Hist. eccl. II 19*), упрекали Л. в двусмысленности вероучительных взглядов. Феодорит подчеркивал, что Л. заботился о сохранении церковного мира в ущерб ясному изложению веры. В самой Антиохии противниками Л. среди православных стали 2 аскета: *Флавиан* (впосл. еп. Антиохийский свт. *Флавиан I*) и *Диодор* (впосл. епископ Тарсийский). Они организовали церковные собрания сторонников никейского правосл. вероисповедания; эти собрания были столь популярны, что Л. не пытался их запрещать, а стремился поставить их под контроль, попросив проводить их в церквах, а не на могилах мучеников за городом. Л. поставил во диаконы Азия, лидера крайних ариан — аномеев, и, чтобы не обострять отношения с правосл. партией, запретил Азию служить в городе, хотя продолжал ему покровительствовать. Филосторгий сообщает, что Л. спас Азию от политических обвинений цезаря Галла (351–354) (*Philost. Hist. eccl. III 27*). Л. не запрещал деятельность в городе ревностных никейцев — евстафиан, к-рые не признавали никакого епископа после низложения свт. Евстафия. Тем не менее еще в начале своего епископского правления Л. довольно жестко обошелся со свт. Афанасием Великим. Возвращаясь из изгнания в Александрию, святитель в Антиохии встречался с евстафианами, проигнорировав Л. Последний обратился за помощью к светской власти, чтобы выдворить свт. Афанасия из города (*Athanas. Alex. Apol. de fuga sua. 26*). Свт. Афанасий в своих произведениях открыто обвиняет Л. в связи с Евстолией и считает его более опасным врагом православия, чем последовательные ариане. По мнению святителя, Л., не выказывая

явной приверженности ереси, многих располагал к себе своей мягкостью, т. о. соблазняя к переходу в арианство. «Пасхальная хроника» под 350 г. упоминает об открытии Л. в Антиохии странноприимного дома, а также о его заботах по обращению в христианство иудеев (*Chron. Pasch. Vol. 1. P. 535*). Этот же источник ссылается на авторитет Л. в рассказе о сщмч. *Вавиле*, еп. Антиохийском (*Ibid. P. 305*). Перу Л., вероятно, принадлежало Похвальное слово этому святому, текст к-рого не сохранился.

Л. скончался в 357 или 358 г. Свт. Афанасий Великий, писавший именно в это время «Историю ариан», упоминает его как живого, однако сведения о кончине Л. могли дойти до Афанасия, находившегося в изгнании, с нек-рым опозданием.

Ист.: *Socr. Schol. Hist. eccl. II 26, 35, 37.*

Лит.: Salmon G. Leontius (2) // DCB. 1882. Т. 3. P. 688; Снасский А. А. История догматических движений в эпоху Вселенских соборов. Серг. П., 1914; Simonetti M. La crisi ariana nel IV sec. R., 1975; Hanson R. P. C. Search for the Christian Doctrine of the God. Edinb., 1988. P. 598–599.

Д. В. Зайцев

ЛЕОНТИЙ [лат. Leontius] († после 475), еп. г. Арелат (ныне Арль, Юж. Франция). Вероятно, в сане диакона присутствовал на Вазийском (Везонском) Соборе (нояб. 442) вместе со св. *Иларием*, еп. Арелатским. Избран на кафедру после кончины еп. Равенния, преемника Илария. Последние упоминания о Равеннии содержатся в его послании папе *Льву I Великому* и в канонах Арелатского Собора (451 или 452). Л. упоминается в письмах папы *Илария* (Илара), преемника Льва I Великого. В послании от 25 янв. 462 г. понтифик сообщил Л. о своем восшествии на Папский престол и попросил передать это известие др. епископам Галлии (*Hilar. Ep. 4*). Папа Иларий обращался к Л. как к первенствующему епископу Юж. Галлии; т. о., привилегии, к-рые еп. Равенний получил от Льва Великого, перешли к его преемнику, несмотря на оговорку папы Льва, что эти полномочия были даны лично Равеннию. В др. послании, к-рое папа Иларий отправил Л. в ответ на его поздравление, понтифик призвал советоваться с ним по важным вопросам (*Ibid. 6*). Из последующих посланий папы Илария следует, что статус Л. был выше, чем статус обычного

митрополита провинции, т. к. митрополиты Юж. Галлии подчинялись власти Арелатского епископа, к-рую папа именовал «единовластием» (*ad monarchia tua pertinentes*). По-видимому, понтифик относился к Л. как к своему представителю в Галлии, хотя епископ не всегда выполнял его распоряжения (см.: *Mathisen*. 1989. P. 228–234).

Переписка Л. с папой Иларию была посвящена разрешению конфликтов между церковными иерархами Юж. Галлии. От диак. Иоанна, доставившего в Рим послание Фридриха, брата вестгот. кор. Теодориха II (захватил Нарбону в 462), понтифик узнал о неканонических действиях Нарбонского еп. Гермеса (Эрмета). Неясно, в чем состояла вина Гермеса, но папа считал, что он занял кафедру незаконно. Возможно, Гермес был архидиаконом Нарбонского еп. Рустика (*Leo Magn.* Ep. 167) и впоследствии стал епископом г. Бетерры (ныне Безье). Т. о., пользуясь благосклонностью вестготов, он мог перейти на более престижную Нарбонскую кафедру. В письме от 3 нояб. 462 г. папа Иларий упрекнул Л. в невнимании к делу Гермеса и поручил ему изучить обстоятельства дела (*Hilar.* Ep. 7). Однако уже 19 нояб. в Риме находились представители Л. — епископы Фавст Рейский (Ръезский) и Авксаний (возможно, Аптский), к-рые сообщили Иларию о положении в Галлии. Об этом говорится в послании папы Илария всем епископам, подчиненным Арелатскому митрополиту (3 дек. 462 — *Ibid.* 8). Понтифик согласился сохранить Нарбонскую кафедру за еп. Гермесом, учитывая его личные заслуги, ученость и благочестие. Однако он лишил Гермеса полномочий митрополита Первой Нарбонской пров., отдав их старейшему по рукоположению еп. Констанцию из Уцении (ныне Юзес) (см.: *Mathisen*. 1989. P. 206–211). Иларий подтвердил право Л. созывать представителей всех 5 митрополий Юж. Галлии на Собор и выдавать справки о легитимности епископам, не получившим их от собственных митрополитов. Вопрос о т. н. приходах (*paroecias*) Арелатского диоцеза, отчужденных при еп. Иларию (возможно, в связи с его опалой; др. мнение см.: *Ibid.* P. 115), понтифик оставил на усмотрение Собора галльских епископов. Он также подчеркнул, что епископ мог отчуждать собственность Церкви

только с согласия провинциального Собора.

В 463 г. возникли разногласия между Л. и св. Мамертом, еп. Вьенны, связанные прежде всего с перераспределением сфер влияния в Галлии между герм. племенами. В состав королевства бургундов вошли земли в среднем течении р. Родан (Рона), в т. ч. г. Дея (ныне Ди), кафедра которого подчинялась Арелатской митрополии. В 461 или 462 г. Мамерт, опираясь на бургундов, к-рые поддерживали Вьеннского епископа, самостоятельно назначил в Дею еп. Марцелла. Узнав о неканонических действиях Мамерта от бургундского кор. Гундиока, папа Иларий велел Л. созвать епископов на Собор, чтобы обсудить этот вопрос (10 окт. 463 — *Hilar.* Ep. 9). Собор состоялся, вероятно, в нояб. 463 г.; на нем присутствовал 21 епископ из провинций Вьеннской, Второй Нарбонской и Приморских Альп, но среди них не было ни Мамерта, ни Л. Участники Собора призвали Мамерта воздержаться от незаконных действий и подтвердили право Л. назначать епископа в Дею. В послании от 25 февр. 464 г. папа Иларий утвердил постановления Собора и высказал мнение, что еп. Марцелл должен быть смещен (*Ibid.* 10). По-видимому, понтифик не смог этого добиться. Впоследствии, возвращаясь к этой теме, Иларий выступал за нерушимость границ церковных провинций и призывал галльских епископов ежегодно проводить межпровинциальный Собор под председательством Л. (*Ibid.* 11; см.: *Mathisen*. 1989. P. 211–217).

В нояб. 465 г. Ингенуй, еп. Эбредуна (ныне Амбрён) и митр. пров. Приморские Альпы, посетил Рим, чтобы пожаловаться папе Иларию на притеснения со стороны еп. Авксания. Посредником в споре между Ингенуем и Авксанием был св. Веран, еп. Винция (ныне Ванс), сын св. Евхерия Лугдунского (Лионского). Понтифик отстаивал привилегии Ингенуя, несмотря на малые размеры его провинции и на то обстоятельство, что Эбрэдунский епископ некогда уступил свои права Иларию Арелатскому. Рассматривая вопрос о наличии кафедр в гордке Цемелий (ныне Симьез, в черте г. Ницца), находившемся в непосредственной близости от г. Ницея (ныне Ницца), папа Иларий подтвердил решение Льва Великого об

объединении 2 диоцезов. Решение спора между Ингенуем и Авксанием, а также слияние кафедр были поручены Л. и епископам Верану и Виктуру (*Hilar.* Ep. 11; см.: *Mathisen*. 1989. P. 219–228).

Между 470 и 475 гг. в Арелате состоялся Собор, участники к-рого рассматривали вопрос о ереси пресв. Луцида из г. Рейи (ныне Ръез), отстаивавшего крайнюю позицию по отношению к учению блж. Августина о предопределении. Еп. Фавст, сторонник умеренной позиции св. Иоанна Кассиана, не смог переубедить Луцида и обратился к Л. (*Faust.* Reg. Ep. 11). На Соборе присутствовали более 30 епископов, в т. ч. Пациент, митр. Лугдуна, со своими суффраганами Евфронием Августодунским (Отёнским) и Иоанном Кабиллонским (Шалонским). Учение Луцида было осуждено, и пресвитер отрекся от своих взглядов (подробнее см.: *Mathisen*. 1989. P. 256–264).

Осенью 474 г. Л. вместе с Греком, еп. Массилии (ныне Марсель), Фавстом Рейским и Василием, еп. Акв Секстиевых (ныне Экс-ан-Прованс), участвовал в переговорах квестора Лициниана, представителя имп. Юлия Непота, с вестгот. кор. Эврихом. Вопреки протестам Сидоний Аполлинарий епископы согласились уступить готам Арвернию (Овернь) (см.: *Ibid.* P. 268–272). До этого времени Сидоний Аполлинарий поддерживал дружеские отношения с Л. (*Sidon. Apol.* Ep. VI 3).

Известно послание Л. папе Иларию, автор к-рого выражает скорбь о кончине Льва Великого, борца с ересью, и запрашивает привилегии для Арелатской Церкви, безоговорочно признавая власть Папского престола (*Hilar.* Ep. 5). Это послание является подделкой, выполненной ораторианцем Жеромом Винье (1606–1661) в целях полемики с протестантами.

Ист.: *Jaffé*. RPR. N 552–554, 556, 562; PL. 58. Col. 20–24, 27; *Epistulae Romanorum Pontificum genuinae* / Ed. A. Thiel. Brunsbergae, 1868. T. 1. P. 137–155.

Лит.: *Duchesne*. *Fastes*. T. 1. P. 128–133, 257; *Griffe É.* *La Gaule chrétienne à l'époque romaine*. P., 1966. T. 2. P. 92, 97, 163–164; *Cazanove J. G.* *Leonce of Arles* // DCB. Vol. 3. P. 689–690; *Mathisen R.* *Ecclesiastical Factionalism and Religious Controversy in 5th-Cent. Gaul*. Wash., 1989. P. 115, 206–232, 252, 256–265, 269, 283; *Maritano M.* *Leontius of Arles* // *Encyclopedia of Ancient Christianity* / Ed. A. Di Berardino. Downers Grove (Il.), 2014. Vol. 2. P. 546.

Е. В. Арелатский

ЛЕОНТИЙ († после 1707, Суздаль), еп. Корельский (1685–1690). Происхождение Л. неизвестно. В нач. 80-х гг. XVII в. игумен *Авраамиева Горodeцкого в честь Покрова Пресв. Богородицы мужского монастыря* (Строев. Списки иерархов. Стб. 867) под Чухломой. Вероятно, Л. находился в Москве во время церковного Собора 1681–1682 г. 24 марта (Соловьев. История. Кн. 3. С. 947) или 26 марта 1682 г. (Строев. Списки иерархов. С. 891) патриарх *Иоаким* хиротонисал Л. во епископа вновь созданной Тамбовской и Козловской епархии. 2 апр. 1682 г. он был на поставлении 1-го еп. Воронежского *Митрофана*.

28 апр. 1682 г. Л. участвовал в погребении царя *Феодора Алексеевича*, 16 мая служил обедню и панихиду у его гроба в Архангельском соборе Московского Кремля. 25 июня, во время церемонии венчания на царство *Петра I* и *Иоанна V* Алексеевичей, Л. принимал державу (ДАИ. Т. 10. № 15. С. 39).

О периоде управления Л. Тамбовской епархией сохранилось очень мало сведений. Известно, что он посвятил во диаконы и определил на служение в свою епархию *Палладия (Роговского)* (челобитная патриарху *Адриану*, Житие, описание и учения и исповедание веры игумена *Законопасского училищного монарха Палладия (Роговского)*: ДРВ. Т. 18. С. 148). 24 июня 1683 г. в Тамбове разразился скандал в связи с оскорблением образа Пресв. Богородицы, а также самого епископа полковым казаком *Сафоном Фетисовым*. Он объяснил случившееся тем, что сделал это «с пьяну и со сну». Л. ужесточил наказание для *Фетисова*: «...вместо кнута, сняв рубашку, бить батоги нещадно» (ОДБМЮ. Кн. 16. С. 108).

В янв. 1685 г. Л. был отрешен от епархии за «некоторые вины» (*Здравомыслов*. 1897. С. 45). Возможной причиной исследователи называют причастность Л. к расколу (*Кученкова*. 1993. С. 11). После того как в том же году Корельская епархия в статусе викариата была возобновлена по соглашению рус. и швед. правительств, Л. «ради послушания и ставленников» был направлен к Новгородскому митр. *Корнилию* викарным епископом Корельским. А. П. Дмитриев предположил, что викариат было создано из необходимости найти место опальному

Л. (*Дмитриев*. 2001. С. 182). В 1687 г. по указу патриарха *Иоакима* он свидетельствовал чудеса от мощей прп. *Никандра* Псковского († 1581).

В 1690 г. Л. был переведен викарием Суздальского митр. *Илариона*. Вскоре последний подал жалобу государю на Л., по результатам рассмотрения к-рой церковным Собором Л. был осужден на «неисходное жительство» в *Евфимиевом суздальском мужском монастыре (Хитров*. 1861. С. 67). 1 июля 1697 г. вместе с митр. *Иларионом* Л. перекладывал мощи блгв. кн. *Александра Ярославича Невского*, а 18 сент. 1698 г. — мощи прп. *Евфросинии* Суздальской, при освидетельствовании к-рых также присутствовал в 1690 г.

Арх.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола). Оп. 13. Д. 845. Л. 40–50.

Ист.: *Соловьев*. История. [1895/1896]². Кн. 3. Т. 13. Доп. С. 905, 947, 948, 959, 973; ОДБМЮ. Кн. 16. С. 108.

Лит.: ИРИ. 1807. Т. 1. Ч. 1. С. 195; *Федоров* А. Ист. собрание о Богоспасаемом граде Суздаль // ВОИДР. 1855. Кн. 22. Мат.-лы. С. 1–212; *Хитров* Г. Ист.-стат. описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 67; *Строев*. Списки иерархов. Стб. 867, 891; *Здравомыслов* К. Я. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени: Кр. биограф. очерки. Новг., 1897. С. 45; РБС. 1914. Т. 10. С. 224; *Кученкова* В. А. Святые Тамбовской епархии. М., 1993. С. 11; *Мизис* Ю. А. Первые тамбовские «архиереи» // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж, 1993. С. 63–71; *Макарий*. История РПЦ. Кн. 7. С. 615; *Дмитриев* А. П. История Корельской (Кексгольмской) епархии // Вуокса: Приозерский краевед. альманах / Ред.-сост.: А. П. Дмитриев. СПб., 2001. Вып. 2. Т. 1. С. 160–209; *Мануил*. Рус. иерархи, 992–1892. Т. 2. С. 254.

И. А. Устинова

ЛЕОНТИЙ (Бондарь Леонид Фаддеевич; 24.04.1913, мест. Меречь (ныне г. Мяркине, Литва) — 24.01.1999, Оренбург), митр. Оренбургский и Бузулукский. Род. в семье псаломщика (впосл. протоиерея). В мае 1935 г. окончил Виленскую ДС, в 1939 г. — правосл. богословский фак-т Варшавского ун-та. Получил степень магистра богословия. В 1940 г. поступил послушником в *вильнюсский в честь Сошествия Св. Духа на апостолов муж. мон-рь*, где прислуживал на клиросе до 1942 г. 25 дек. 1943 г. в Минске Могилевским и Мстиславским архиеп. *Филофеем (Нерко)* пострижен в монашество с именем в честь свт. Леонтия Ростовского. На следующий день рукоположен архиеп. *Филофеем* во диакона, 2 янв. 1944 г. — во

иерея. Служил священником в Минске и в дер. Холхло Вилейской, позднее Молодечненской обл., где проживала семья его родителей. В 1946 г. назначен ректором богословско-пастырских курсов, открытых при *Жировицком в честь Успения Пресв. Богородицы монастыре*, был возведен в сан игумена. В 1947 г., после преобразования курсов в Минскую ДС, временно исполнял обязанности ректора семинарии. В июле того же года назначен священником храма в дер. Холхло, затем — в дер. Ястрембель Брестской обл., где настоятелем был его отец. С нояб. 1949 г. инспектор Минской ДС. Одновременно с инспекторской деятельностью преподавал в семинарии Свящ. Писание ВЗ, составил по этому предмету пособия для всех классов. В июле 1953 г. назначен заместителем *Жировицкого* монар-ря, возведен в сан архимандрита.

10 авг. 1956 г. хиротонисан во епископа Бобруйского. Хиротонию в минском кафедральном Свято-Духовом соборе возглавил Минский и Белорусский митр. *Питирим (Свиридов)*. Стал викарием Минской епархии. 19 сент. 1960 г. в связи с переходом митр. *Питирима* на Ленинградскую кафедру назначен временно управляющим Минской епархии (до 16 марта 1961). 5 мая 1961 г. назначен епископом Новосибирским и Барнаульским. Во время архиерейского служения в Сибири пытался противостоять антицерковной кампании, развязанной в годы правления Н. С. Хрущева, не допустить массового закрытия храмов. Обращения Л. по поводу незаконных действий местных властей вызвали недовольство *Совета по делам РПЦ*, потребовавшего от Московской Патриархии перевода архиерея на др. кафедру. С 14 мая 1963 г. епископ Оренбургский и Бузулукский. Оставался на этой кафедре в течение 35 лет, до конца жизни. 9 сент. 1971 г. возведен в сан архиепископа, 25 февр. 1992 г. стал митрополитом. К моменту назначения Л. на Оренбургскую кафедру в епархии осталось всего 13 храмов и молитвенных домов. Их число практически не менялось до кон. 80-х гг. XX в. С 1988 г. под рук. Л. в Оренбуржье стремительно возрождалась церковная жизнь: верующим возвращали закрытые при советской власти храмы, открывали молитвенные дома, строили новые церкви. В 1991 г. в пос. Саракташ

была основана Свято-Троицкая община милосердия, к-рая стала важным благотворительным и духовным центром епархии. В 1993 г. в Оренбуржье насчитывалось 74 храма и молитвенных здания, в 1999 г. — 111. Т. о., за время архиерейского служения Л. количество приходов выросло более чем в 8 раз.

Л. был награжден орденами прп. Сергия Радонежского 2-й (1981) и 1-й (1988) степени, св. кн. Владимира 2-й степени (1983), св. кн. Даниила Московского 1-й степени (1996); гос. орденом Дружбы (1996).

Отпевание Л. 27 янв. 1999 г. возглавил Самарский и Сызранский архиеп. *Сергий (Полёткин)*; ныне митрополит). Похоронен в Пантелеимоновском приделе кафедрального Никольского собора Оренбурга.

Лит.: Наречение и хиротония архим. Леонтия (Бондаря) // ЖМП. 1956. № 9. С. 9–12; *Мануил*. Русские иерархи, 1893–1965. Т. 4. С. 169–170; *Лищенко В., прот.* Кончина митр. Оренбургского и Бузулукского Леонтия // ЖМП. 1999. № 3. С. 66–69; *Письма патр. Алексия I* в Совет по делам РПЦ. М., 2010. Т. 2. С. 343–345, 348, 516, 517, 592; Митрополит Леонтий: Преклоняя колена сердца моего / Сост.: прот. Г. Горлов. Оренбург, 2013; *Свеча Господу!* [К 100-летию со дня рождения митр. Оренбургского и Бузулукского Леонтия (Бондаря)] / Сост.: В. И. Одноралов. Оренбург, 2013.

Прот. Георгий Горлов

ЛЕОНТИЙ (Вимпфен Владимир Федорович фон; 1873(1872), Москва — 6.07.1919, Астрахань), еп. Енотаевский. Род. в дворянской семье герм. подданного. По желанию отца был крещен в лютеранстве с именем Леопольд, но уже в сознательном возрасте под влиянием матери перешел в Православие. При миропомазании наречен Владимиром.

В 1896 г. окончил Пензенскую классическую гимназию и поступил в КазДА. В 1897 г. принял монашеский постриг с именем Леонтий. В 1898 г. рукоположен во диакона и в том же году — во иерея. В 1898 г. принял российское подданство. Окончил КазДА в 1900 г. со степенью кандидата богословия (за соч.: Об общественной и пастырской деятельности, усвояемой монашескому званию в творениях древних учителей-подвижников и иноческих уставах). По окончании академии служил помощником смотрителя Уфимского ДУ. В 1902 г. был назначен настоятелем храма во имя св. мц. Аллы Готской в с. Ст. Потловка Сердобского у. Саратовской губ.

В 1903 г. Л. стал членом *Пекинской духовной миссии*, был отправлен в Китай, где работал под рук. Переславского еп. *Иннокентия (Фигуровского)*; в посл. митрополит). С 1904 г. помощник смотрителя Вольского ДУ Саратовской епархии, инспектор Курской ДС. С 1906 г. архимандрит, настоятель посольской церкви в Афинах.

С 28 сент. 1914 г. епископ Чебоксарский, викарий Казанской епархии. С 12 февр. 1915 г. епископ Ереванский, викарий Грузинского Экзархата, штатный член *Грузино-Имеретинской синодальной конторы*. С 24 марта 1916 г. епископ Кустанайский, викарий Оренбургской епархии. С 16 дек. 1916 г. епископ Петровский, викарий Саратовской епархии. В нач. 1917 г. Л. обращался к обер-прокурору Синода с жалобами на бедственное положение *саратовского в честь Преображения Господня монастыря*, бывшего местом его пребывания, и с просьбой о переводе его обратно в Оренбургскую епархию. Разногласия Л. с правящим архиереем периодически приводили к конфликтам. После Февральской революции 1917 г. Л. опубликовал не согласованные с правящим Саратовским еп. *Палладием (Доброправовым)* воззвания, в газ. «Саратовский листок» напечатал письмо, в к-ром объявлял о несогласии с еп. Палладием и обвинял его в принадлежности к сторонникам «распутинского строя». В апр. того же года епархиальным съездом духовенства еп. Палладий и Л. были смещены со своих кафедр. 5 мая 1917 г. указом Синода Л. был официально уволен с определением ему местопребывания в астраханском Покрово-Болдинском мон-ре. После этого он обращался в Синод с просьбой о возвращении «на активную деятельность»: Астраханский и Царёвский еп. сщмч. *Митрофан (Краснопольский)*; в посл. архиепископ) ходатайствовал о назначении Л. викарием Астраханской епархии.

Назначение на Енотаевскую викариальную кафедру Астраханской епархии состоялось 5 сент. 1917 г. В период пребывания правящего архиерея на *Поместном Соборе Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.* Л. временно управлял епархией. В 1918 г. между архиеп. Митрофаном и Л. возникли разногласия по вопросу об организации Союза церковноприходских общин Астраханской епархии. Л. поддержал планы создания сою-

за, целями к-рого были расширение полномочий приходских общин, ограничение власти архиереев, всемерное развитие духовного просвещения и благотворительности. В создании такого объединения приходов Л. видел единственную возможность для Церкви юридически оформить свои отношения с Советским гос-вом и сохранить духовно-учебные заведения. В устав орг-ции были включены предложения Л. о восстановлении церковного образования для детей и взрослых, об организации пастырских курсов, церковнопевч. школы, духовных б-к и читален, богадельни и мн. др. Союз был зарегистрирован советскими властями в марте 1919 г.

Причиной разногласий между архиереями являлось и то, что Л. был настроен на сотрудничество с новой властью. 4 сент. 1918 г. он выпустил послание «К православному населению», в к-ром объявил о своей поддержке большевистского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Архиеп. Митрофан, указывая на превышение Л. своих полномочий, пожаловался на него патриарху свт. *Тихону*, после чего Л. был вызван в Москву. Местные власти не выдали ему разрешение на выезд. Соборное совещание епископов 26 сент. приняло решение об устранении Л. от вик-ства с запрещением в священнослужении. По просьбе архиеп. Митрофана отставка Л. была отсрочена на 2 недели. 20 окт. 1918 г. в астраханском Иоанно-Предтеченском монастыре сторонники Л. провели общее собрание «для обсуждения вопроса об отрешении епископа Леонтия от должности». Собрание отправило патриарху Тихону телеграмму, в которой просило проведения на месте дознания по жалобе архиеп. Митрофана. В Москву были отправлены делегаты для личного ходатайства перед патриархом о разборе дела на месте. Делегации удалось смягчить указ от 26 сент., и Л. не был лишен сана, ему не запрещалось священнослужение, хотя он и был смещен с должности викария с оставлением управляющим Иоанно-Предтеченским мон-рем. В местной прессе началась кампания, поддерживавшая Л. и дискредитировавшая архиеп. Митрофана. В ответ на это 29 окт. 1918 г. Л. в «Известиях Астраханского совета рабочих, крестьянских и ловецких депутатов» опубликовал обращение,

в котором призывал сохранять мир и заявлял о своем беспрекословном подчинении высшей церковной власти.

19 янв. 1919 г. Л. организовал в Астрахани крестный ход, не поставив об этом в известность правящего архиерея, и архиеп. Митрофан вынужден был жаловаться на него патриарху. 21 мая того же года архиеп. Митрофан представил патриарху и Синоду рапорт с объяснениями Л., касавшимися прошедшего крестного хода.

В нач. 1919 г. Л. председательствовал на совещании Союза религиозных общин, где было решено обратиться к правосл. населению с призывом оказать помощь раненым и больным воинам как бывш. рус. армии, так и Красной Армии. Воззвание заканчивалось ссылкой на Евангелие: «Помните слова Христа: «Я был наг, и вы не одели Меня, был болен, и вы не посетили Меня»». Председатель губчека Г. А. Атарбеков решил, что ссылка на Евангелие сделана для подрыва авторитета советской власти. 7 июня 1919 г. по приказу председателя Астраханского временного революционного комитета С. М. Кирова Л. был арестован и обвинен вместе с архиеп. Митрофаном в организации белогвардейского заговора с целью отравить высший командный состав частей Красной Армии цианистым калием. В следственном деле сохранилось 2 протокола допроса Л. В первом он полностью отрицал свое участие в выступлениях против советской власти, во втором (возможно, сфальсифицированном или подписанном под пыткой) признавался в существовании «контрреволюционной» организации во главе с архиеп. Митрофаном.

Расстрелян в один день с архиеп. Митрофаном, 6 июля 1919 г. По сохранившемуся в Астрахани преданию, предположительно известному от келейника Л. Михаила, Л. и архиеп. Митрофан примирились перед расстрелом. Тела казненных были выкуплены верующими. В связи с тем, что в Москве не было сведений о расстреле Л., Синод под председательством патриарха 23 июля в ответ на апрельский рапорт архиеп. Митрофана вынес постановление о запрещении Л. в служении.

На месте захоронения Л., у стен Покрово-Болдинского мон-ря, был поставлен памятник из кирпичей,

к-рый разрушили в 1930 г. В 1981 г. канонизирован Собором РПЦЗ. Л. почитается верующими Астраханской епархии как подвижник и нестяжатель. В Астраханской епархиальной комиссии по канонизации осуществлялся сбор материалов о Л.

Соч.: Речь при наречении его во еп. Чебоксарского, вик. Казанской епархии // ПрибЦВед. 1914. № 41. С. 1744.

Арх.: ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 197; РГИА. Ф. 796. Оп. 202. Д. 268 б; Оп. 204. 1 отд., V ст. Д. 348; Оп. 439. Д. 544; Ф. 831. Оп. 1. Д. 7; Д. 12; УФСБ по Астраханской обл. Д. 7991-с. Лит.: Новый vicарий Саратовской епархии — преосв. Леонтий, еп. Петровский // Саратовские ЕВ. 1917. № 2. С. 65–66; Мануил. Русские иерархи, 1893–1965. Т. 4. С. 171–172; Польский. Ч. 1. С. 71, 178; Цытин. История РПЦ. Т. 9. С. 65, 74б; Иосиф (Марьян), иером. Святыне земли Астраханской. Астрахань, 2001; он же. Святыне и подвижники благочестия земли Астраханской. Астрахань, 2010.

А. И. Мраморнов

ЛЕО́НТИЙ (Гудимов Иван Афанасьевич; 10.09.1928, с. Нов. Слобода (ныне Путивльского р-на Сумской обл., Украина) — 16.03.1992, г. Славянск Донецкой обл., там же), митр. Донецкий и Славянский. Из крестьянской семьи. В 1942 г. поступил послушником в *Глинскую в честь Рождества Пресв. Богородицы мужскую пустынь*. 28 июля 1948 г. пострижен Измаильским и Болградским еп. Анатолием (Буселом) в монашество с именем Леонтий. 1 авг. того же года рукоположен еп. Анатолием во диакона к измаильскому кафедральному Свято-Покровскому собору. В 1949 г. поступил в Одесскую ДС. 19 авг. 1951 г. рукоположен еп. Анатолием во иерея, назначен настоятелем Николаевского храма в г. Белгород-Днестровский Измаильской (ныне Одесской) обл. В 1953 г. заочно окончил Одесскую ДС, назначен ключарем Свято-Покровского собора Измаила. В том же году поступил в МДА, во время учебы в академии служил в храмах Московской епархии. В 1957 г. окончил МДА со степенью кандидата богословия, назначен помощником инспектора и преподавателем Одесской ДС. 10 июля 1959 г. возведен в сан игумена. 9 сент. 1960 г. назначен наместником одесского в честь Успения Пресв. Богородицы мужского монастыря, 16 марта 1961 г.— ректором Одесской ДС, 24 марта того же года возведен в сан архимандрита. В этот период из-за развернувшейся в правление Н. С. Хрущёва антицерковной кампании семинария была выселена из центра Одессы в ава-

рийное здание бывш. гостиницы Успенского мон-ря.

28 дек. 1961 г. определен быть епископом Подольским, vicарием Московской епархии, с поручением состоять представителем патриарха Московского и всея Руси при патриархе Антиохийском и всего Востока в Дамаске. 14 янв. 1962 г. хиротонию Л. в трапезном Сергиевом храме Троице-Сергиевой лавры возглавил патриарх Московский и всея Руси *Алексий I*. 22 дек. 1964 г. освобожден от служения в Дамаске и назначен епископом Волынским и Ровенским. С 8 окт. 1965 г. епископ Симферопольский и Крымский, временно управлявший Днепропетровской и Запорожской епархией. 7 окт. 1967 г. назначен епископом Харьковским и Богодуховским. 25 февр. 1968 г. возведен в сан архиепископа. Был председателем Хозяйственного управления Московской Патриархии с 25 июня по 25 авг. 1970 г. 1 дек. 1970 г. назначен архиепископом Берлинским, патриаршим экзархом Ср. Европы. 18 апр. 1973 г. освобожден от управления Берлинской епархией и Среднеевропейским Экзархатом. 31 мая того же года назначен архиепископом Симферопольским и Крымским, временно управляющим Днепропетровской и Запорожской епархией. Возглавлял делегации РПЦ во время визитов на Афон (1969), в Чехословакию (1979) и Сирию (1983). 10 марта 1989 г. возведен в сан митрополита. Был награжден орденом прп. Сергия Радонежского 2-й (1982) и 1-й (1986) степени, именной панагией (1988).

Долгий период в управляемых Л. епархиях оставалось неизменным количество храмов, уцелевших после хрущёвских гонений. В Симферопольской и Крымской епархии к сер. 80-х гг. XX в. насчитывалось 13 храмов, в Днепропетровской и Запорожской — 25. В кон. 80-х гг. в связи с изменением государственно-религ. политики в стране началось стремительное возрождение церковной жизни. В 1988–1989 гг. в Симферопольской и Крымской епархии было открыто 10 новых приходов, в Днепропетровской и Запорожской епархии — 19.

19 февр. 1990 г. Л. был назначен митрополитом Одесским и Херсонским. С 20 февр. 1991 г., после разделения Одесской и Херсонской епархии, управляющий Херсонской и Таврической епархией. В период

его архиерейства в новоучрежденной епархии стало действовать уже 86 приходов. С 23 янв. 1992 г. митрополит Донецкий и Славянский. В это время на Украине происходили церковные нестроения, вызванные раскольнической позицией Киевского митр. Филарета (ныне отлучен от Церкви, см. *Денисенко М. А.*). Назначению Л. на Донецкую кафедру предшествовало отстранение от управления епархией Донецкого и Славянского еп. *Алитуя (Погребняка)* за выступление в защиту целостности Церкви. Л. не был принят духовенством Донецка, к-рое протестовало т. о. против смещения своего архиепископа. Л. нашел поддержку в г. Горловка, где его резиденцией стал Свято-Никольский собор. Сложная ситуация в епархии повлияла на течение тяжелой болезни Л. и ускорила его кончину. Был похоронен в ограде кафедрального Свято-Духова собора Херсона.

Лит.: Наречение и хиротония архим. Леонтия (Гудимова) // ЖМП. 1962. № 2. С. 15–17; Из жизни епархий: Симферопольская епархия: (юбилей архиеп. Леонтия) // Там же. 1979. № 7. С. 21–22; Из жизни епархий: Симферопольская епархия // Там же. 1982. № 10. С. 33–34; *Петлюченко В., прот.* Одесская епархия // Там же. 1991. № 2. С. 34; Митр. Донецкий и Славянский Леонтий: [Некр.] // ЖМП. Офиц. хроника. 1993 [пробн. номер]. С. 46, 48.

ЛЕОНТИЙ (Ламбрович (в миру Лазарь Ламброс); ок. 1780, Эдирне — 1822, Кишинёв), митр. Белградский в 1801–1813 гг. По происхождению грек. В 90-х гг. XVIII в. пришел в Белград. Благодаря митр. Белградскому Мефодию обучился грамоте. Принял монашество, был рукоположен во иерея и назначен протосинкеллом. После убийства турками владыки Мефодия (26 янв./1 февр. 1801) в апр. 1801 г. Л. стал митрополитом Белградским (предположения о возможном его заговоре против митр. Мефодия свидетельствами не подтверждаются). В силу сложного политического положения в Белградском пашалыке в 1801–1804 гг. Л. фактически не мог управлять митрополией. После начала в 1804 г. 1-го Сербского восстания во главе с Карагеоргием (см. ст. *Карагеоргиевичи*) Л. участвовал с османской стороны в переговорах с восставшими, тайно поддерживая с ними контакты. Когда это стало известно тур. властям, бежал в Австрийскую империю, но вскоре вернулся и примкнул к восставшим, от имени к-рых отправлял

послания в Стамбул и С.-Петербург. В 1806 г. Л. также участвовал в переговорах, связанных с военными действиями, во время русско-тур. войны подчеркивал лояльность к К-польской Патриархии. Это вызвало подозрения серб. властей, и Л. пришлось в авг. 1809 г. вновь покинуть Сербию. В 1810 г. Карагеоргий разрешил ему вернуться, но из-за опасений за жизнь он приехал в 1811 г. Во время его отсутствия участники восстания пытались поставить своего кандидата митрополитом всей Сербии, но безуспешно.

После подавления восстания (1813) Л. вместе с его лидерами уехал в Австрийскую империю (мнение, что именно Л. уговорил Карагеоргия уйти без борьбы, не имеет оснований). Белградскую кафедру возглавил митр. *Дионисий (Попович)*. Стамбул требовал выдачи Л. в числе лидеров восстания, поэтому австр. власти его арестовали, чтобы уберечь от похищения турками. В сент. 1814 г. Л. уехал в Кишинёв, где жил на пособие от российского правительства. Переписывался с серб. кн. Милошем Обреновичем, оказывал ему дипломатическую помощь.

Лит.: *Вукићевич М.* Леонтије Ламбровић, митр. белградски // ГлСПЦ. 1901. Бр. 1. С. 26–39; Бр. 2. С. 129–146; Бр. 3. С. 256–276; Бр. 5. С. 534–542; Бр. 6. С. 640–649; Бр. 7. С. 708–726; Српски јерарси. С. 285; *Радосављевић Н.* Православна црква у Београдском пашалуку, 1766–1831: Управа Васельенске патријаршије. Београд, 2007. С. 98–398; *он же.* Шест портрета православних митрополита, 1766–1891. Београд, 2009. С. 47–64.

Н. В. Радосавлевич

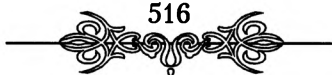
ЛЕОНТИЙ (Лебединский Иван Алексеевич; 22.01.1822, слобода Нов. Калитва Острогожского у. Воронежской губ. — 1.08.1893, с. Черкизово близ Москвы), митр. Московский и Коломенский. Род. в бедной потомственной священнической семье, имел 6 братьев и сестер. Дед митрополита прот. Даниил Иванович Лебединский († 1831) построил 3-престольный каменный Троицкий храм в слободе (1818; разрушен в 1936). Отец митрополита свящ. Алексей Данилович Лебединский (1780–1838) по окончании Воронежской ДС женился на Марии Васильевне, в 1827 г. сменил своего отца на должности настоятеля. Младший брат архиерея Василий (1829–1912), став священником и благочинным, выстроил Троицкий храм (1862–1869; не сохр.) в с. Козловке Бобровского у. В эту церковь Л. передал древний

образ Божией Матери «Знамение». Сестра Анна (1821–1888) стала женой прот. Иоанна Федоровича Поповского (1820–1897), клирика Троицкого храма Нов. Калитвы, племянника А. Д. Граникова, проф. КДА. Позже на средства Л. и прот. Иоанна в Нов. Калитве был построен кладбищенский храм во имя свт. Леонтия Ростовского (освящен в 1881; разрушен в 30-х гг. XX в.).

Лебединский с детства отличался трудолюбием и рассудительностью, в 8 лет выучился читать и писать. Впосл. вспоминал, что для деда прот. Даниила «часто читал... богослужебные книги, которые он выслушивал, лежа... на одре по болезни и исправляя мои ошибки по памяти» (Мои заметки и воспоминания. Серг. П., 1914. С. 1). После непродолжительного домашнего воспитания в окт. 1832 г. Лебединский был отдан во 2-й класс Павловского приходского 2-классного ДУ, в 1833 г. переведен в Воронежское ДУ, окончил начальное образование в 1836–1837 гг. в обновленном Павловском уездном ДУ, где служил учителем, а затем смотрителем его старший брат Даниил (1815–1871). Он оказывал Лебединскому финансовую и др. помощь. Позже при непосредственном участии Л. в Павловском уч-ще устроили домовую ц. во имя святителя Иоанна Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова (1882–1884), в к-рую архиерей пожертвовал иконостас.

В 1837 г. Лебединский поступил в Воронежскую ДС, во всех классах зарекомендовал себя как лучший ученик. Впосл. с особенной благодарностью отзывался о преподавателе словесности иером. Митрофане (Снежинском) и о ректоре Острогожском еп. *Елпидифоре (Бенедиктове)*, при котором, по словам Л., семинария находилась в «цветущем состоянии». В 1860 г., перед кончиной архиеп. Елпидифора, Л. подписал его завещание, соборовал, участвовал в погребении бывш. ректора в Александро-Невской лавре.

С 1838 г., после кончины отца, Лебединский жил на казенном содержании как сирота, имел особую комнату на правах старшего над певчими. В 1841 г., испулавшись в р. Дон, простудился, заболел «сильнейшей горячкой», в течение 2 недель «плакал и молился» и дал обет принять монашество в случае выздоровления. Летом 1843 г. на публичном выпуск-

Леонтий (Лебединский),
митр. Московский и Коломенский.
Фотография. Кон. XIX в.

ном экзамене Лебединскому было доверено произнести приветственную речь в присутствии архиеп. Воронежского и Задонского свт. *Антония (Смирницкого)*, по окончании к-рой растроганный архиерей благословил и «положил руки» на его голову (Там же. С. 15–16). Впосл. Л. заботился о Воронежской ДС и пожертвовал в ее домовый храм икону свт. Димитрия Ростовского. 10 февр. 2006 г. на историческом здании Воронежской ДС была открыта мемориальная доска с именами выдающихся выпускников, в т. ч. и Л.

Осенью 1843 г. Лебединский единственный из всего семинарского курса был направлен за казенный счет на учебу в СПбДА. На вступительных экзаменах он отвечал так, что правление академии решило выразить благодарность его семинарским наставникам. В СПбДА Лебединский был учеником профессора догматического богословия, преподавателя истории Русской Церкви архим. *Макария (Булгакова)* и прот. Иоанна Соколова; с особой благодарностью отзывался о профессоре философии В. Н. Карпове и преподавателе словесности К. И. Лучицком. Лебединский проживал в одной комнате с И. Л. *Яньшевым* и буд. издателем журналов «Русский паломник» и «Церковно-исторический вестник» А. И. Поповицким. Однокурсниками Лебединского были будущие Могилевский и Мстиславский еп. *Виталий (Гречулевич)* и Мелитопольский еп. *Кирилл (Наумов)*, проф. М. А. *Голубев*. Под его «старшинством» находился буд. еп. Иммертинский свт. *Гавриил (Кикодзе)*. По

собственному признанию, в академии Лебединский «мечтал о семейной жизни», но, вспомнив об обете принять монашество, «смутился и задумался», изложил свои сомнения в письме ректору еп. Елпидифору (Бенедиктову), к-рый посоветовал исполнить обет. 17 мая 1847 г. в академическом храме ректором СПбДА Винницким еп. *Евсевием (Орлинским)* Лебединский был пострижен в монашество с именем в честь свт. Ростовского Леонтия, 8 июня — рукоположен во диакона, а 18 июля — во иерея. До самой кончины архиеп. Евсевия в 1883 г. Л. поддерживал с ним переписку.

23 мая 1847 г. Л. окончил академический курс (5-м по списку) со степенью магистра богословия (тема работы — «О подлинности книги пророка Даниила») и 9 нояб. того же года был назначен помощником ректора СПбДС «по профессорской должности», преподавателем нравственного и сравнительного богословия, гомилетики, с 1849 г. работал помощником инспектора. По результатам ревизии 1849 г. удостоился сана соборного иеромонаха.

По рекомендации ректора КДС архим. *Антония (Амфитеатрова)* Л. был переведен в Киев, 20 марта 1851 г. назначен инспектором КДС, преподавателем богословия, в сер. 1851 г. покинул С.-Петербург, встретился в Москве со свт. *Филаретом (Дроздовым)*, 5 мая прибыл в Киев. С 28 янв. 1852 г. инспектор КДА, экстраординарный профессор (до 1 июля 1856). 15 февр. 1853 г. митр. Киевским *Филаретом (Амфитеатовым)* возведен в сан архимандрита. Проживал в семинарском ученическом корпусе вместе с профессорами иером. *Платоном (Тропольским)* и свящ. П. А. Троицким (впосл. Аккерманский еп. Петр). Среди помощников Л. были иером. *Филарет (Филаретов)* и архим. *Иоанникий (Руднев)*. В воспоминаниях Л. пишет о дружбе с иером. Филаретом, о конфликтах с ректором архим. Антонием (Амфитеатовым), сочетавшим, по его мнению, аскетизм с чрезмерным «ученым самолюбием», и особенно с архим. Иоанникием, «ехидным и хитрым». Митр. Филарета, напротив, он называл «великим старцем».

В 1854 г. Л. осуществлял ревизию Воронежских ДС и ДУ, Полтавского и Курского духовных уч-щ, посетил родную слободу. Он считался

одним из самых снисходительных семинарских ревизоров.

30 мая 1856 г. по инициативе митр. Новгородского и С.-Петербургского *Никанора (Клементьевского)* Л. был назначен ректором Владимирской ДС, настоятелем *переславль-залеского Данилова во имя Св. Троицы мужского монастыря*. В июле того же года Л. выехал из Киева, в Москве на Троицком подворье общался со свт. Филаретом (Дроздовым), к-рый предрек ему «много хлопот» во Владимирской семинарии. Однако впосл. Л. благожелательно отзывался о недолгом периоде ректорства во Владимире, студентов называл способными и восприимчивыми; лишь «либеральные убеждения» Владимирского еп. *Иустина (Михайлова)*, к-рый иногда посещал экзамены, по мнению Л., оказывали негативное влияние на учеников.

9 июня 1857 г. по инициативе С.-Петербургского митр. *Григория (Постникова)* Л. был назначен ректором Новгородской ДС и настоятелем новгородского *Антония Римлянина мон-ря*. По инициативе Л. инспектором семинарии стал вызванный из С.-Петербурга иером. *Феоно́ст (Лебедев)*. Л. не допустил предполагавшегося перевода семинарии в город, считая, что пребывание учебного заведения в стенах Антониева мон-ря способствует дисциплине и благочестию студентов. В 1859–1860 гг. по инициативе Л. на средства столичных благотворителей в мастерской Ф. А. Верховцева была изготовлена новая рака для мощей прп. Антония Римлянина.

17 мая 1859 г. Л. стал ректором СПбДС, 4 июня прибыл в столицу. Новым инспектором и преподавателем богословия он назначил архим. Иосифа (Баженова), который, впрочем, не оправдал его надежд по причине «либеральных взглядов». Л. являлся также членом конференции СПбДА и внешнего академического правления, редактором ж. «Духовная беседа». 19 нояб. 1859 г. журнал указом Синода приобрел офиц. статус.

5 марта 1860 г. по утвержденному императором решению Синода Л. был определен викарием С.-Петербургской епархии, 13 марта в столичном Исаакиевском соборе митр. Григорием (Постниковым) в сослужении Киевского и Галицкого митр. *Исидора (Никольского)*, Херсонского и Одесского еп. *Димитрия (Муретова)* и др.

архиереев хиротонисан во епископа Ревельского. При хиротонии присутствовали наследник цесаревич Николай Александрович († 1865) и вел. князь Александр Александрович (буд. имп. Александр III), Владимир и Алексей Александровичи. Но почти до Пасхи 1860 г. Л. еще жил в семинарии, исполнял обязанности ее ректора и читал ученикам лекции по богословию. После кончины митр. Григория, отношение к которому Л. называл «сыновним», с 18 июня по 13 авг. того же года он управлял С.-Петербургской епархией. Способствовал устройению на Невском проспекте столицы часовни (1860) *Гуслицкого в честь Преображения Господня мужского монастыря*, за что получил благодарность митр. Московского свт. Филарета (Дроздова).

Летом 1861 г. по поручению Новгородского и С.-Петербургского митр. Исидора (Никольского) Л. участвовал в торжествах по случаю открытия мощей свт. *Тихона Задонского*. 21 авг. 1861 г. Синод направил Л. вместе с архим. Аввакумом и прот. В. П. Полисадовым в Париж для освящения храма во имя блгв. кн. Александра Ярославича Невского. 30 авг., в день празднования перенесения мощей свт. *Александра Ярославича Невского*, он совершил освящение церкви в сослужении 10 пресвитеров и 3 диаконов. Речь Л., произнесенная на торжестве, была переведена на франц. язык и напечатана. На церемонии освящения присутствовали российский посол во Франции П. Д. Киселёв, франц. имп. Евгения, ревностная католичка. Л. считается 1-м российским архиереем, посетившим Европу. Его обаяние и образованность произвели впечатление на франц. общество и ускорили переход в Православие известного богослова аббата Рене Франсуа *Гетте* (впосл. свящ. Владимир). Гетте подал Л. прошение о присоединении к правосл. Церкви, и в 1862 г. ходатайство было удовлетворено Синодом. Свящ. Владимир стал служить в Александро-Невском храме на франц. языке. В нач. сент. на обратном пути из Парижа Л. по приглашению вел. кнг. Ольги Николаевны посетил Штутгарт, где служил в домово́й церкви, в Ротенбурге совершил панихиду на могиле вел. кнг. Екатерины Павловны, посетил Висбаден, Берлин, Потсдам. 8–9 сент. того же года Л. принимал участие

в праздновании 1000-летия России в Новгороде, в присутствии имп. Александра II состоялось открытие юбилейного памятника.

В 1861–1863 гг. по поручению митр. Исидора Л. состоял членом губ. Присутствия по обеспечению духовенства С.-Петербургской епархии и председателем епархиального Комитета по обсуждению вопросов программы по делам правосл. духовенства, был также председателем историко-статистического Комитета для описания С.-Петербургской епархии и Комитета для рассмотрения положения о преобразовании духовных уч-щ. Как епископ Ревельский, Л. посетил в 1861 г. эстляндские приходы: Ревель, Нарву, Вайсенштейн (ныне Пайде, Эстония) и Везенберг (ныне Раквере, Эстония). С 4 мая по 24 июня 1863 г. он осуществил ревизию СПбДА. В целом за 2 года викарный епископ 4 раза обзирал епархию, посетил множество приходов и обителей. 28 июня 1862 г. Л. прибыл с ревизией в *Спасо-Преображенский Валаамский мужской монастырь*. После общения с игум. *Дамаскином (Кононовым)* он убедился в праведности игумена и ложности наветов и обвинений его в сектантстве. Вскоре по ходатайству Л. игум. Дамаскин был награжден орденом св. Анны 2-й степени. Л. добился также изъятия Валаамского мон-ря из «постороннего благочиния» и назначения прп. Дамаскина благочинным над Валаамским и Коневским в честь *Рождества Пресв. Богородицы монастырями*, последний архиерей нашел «в расстроенном состоянии». По просьбе игумена, с к-рым Л. переписывался до его смерти, в Валаамскую обитель перестали ссылать «эпитимных». Л. почитал духовника Александра-Невской лавры архим. Мелхиседека, 2 авг. 1862 г. он возглавил чин его отпевания и произнес прощальное слово.

20 дек. 1863 г. указом имп. *Александра II Николаевича Л.* был назначен на самостоятельную Подольскую и Брацлавскую кафедру, 13 февр. 1864 г. прибыл в Каменец-Подольск. В первую очередь обратил внимание на благоустройство учебных заведений, на эти цели местное духовенство собрало 57 850 р. Принял меры к скорейшему окончанию постройки новых семинарских зданий (1864), уже 26 сент. 1865 г. освятил во имя ап. Иоанна Богослова обширную домовую семинарскую церковь. На епар-

хиальные средства в 1870 г. при семинарии было построено 2-этажное здание общежития своекоштных воспитанников. Потребовал, чтобы студенты на экзаменах отвечали по каждому предмету, чем окончательно упразднил разделение предметов на главные, по которым отвечали все, и второстепенные. По инициативе Л. при семинарии были открыты класс иконописи, кафедр лат. языка, введено преподавание гимнастики (1869), учреждена ученическая б-ка, в к-рую епископ пожертвовал свои книги. В 1871 г. Учебный комитет при Синоде признал учебно-воспитательную работу в семинарии «усовершенствованной во всех отношениях». Одобрения заслужила ее работа и от обер-прокурора Синода Д. А. Толстого, в 1873 г. посетившего семинарию. 22 июня 1864 г. в Каменец-Подольске на пожертвования различных лиц, в т. ч. и Л., было открыто уч-ще для «девиц духовного звания» — дочерей священнослужителей. Впосл. Л. пожертвовал на стипендии ученицам 1 тыс. р. В 1866 г. епископ указал на необходимость благоустройства частного жен. училища, основанного в 1862 г. в Тульчине на средства прот. В. В. Гречулевича (впосл. еп. Могилёвский Виталий). В 1869 г. оно было преобразовано в епархиальное жен. уч-ще. При Л. были открыты муж. школы грамотности при *Шаргородском во имя свт. Николая Чудотворца*, *Бершадском* и *Головчинском мон-рях* и женские — при *винницком Браиловском во имя Св. Троицы* и *немировском во имя Св. Троицы монастырях*; несмотря на противодействие сельских властей католич. вероисповедания, было организовано много церковноприходских русских правосл. школ. В 1873 г. в этих школах обучалось 19 818 чел. обоого пола. Л. учредил должность наблюдателей при таких школах, для которых 20 июля 1864 г. была составлена инструкция.

При Л. священнослужители перестали зависеть от землевладельцев-католиков. В 1865 г. духовенству было назначено содержание за счет 65 тыс. р., отпущенных в качестве пособия из процентного сбора с помещичьих имений. К кон. 60-х гг. XIX в. причтам Юго-Западного края увеличено содержание: сельским священникам назначено до 300 р., городским — по 400 р., псаломщикам — по 100 р., дьячкам — по 50 р.

При помощи светских властей Л. активно боролся с «духом прозелитизма и полонизма», т. е. с влиянием католич. Церкви. Ему удалось добиться закрытия мон-рей — кармелитского, собор к-рого был передан в 1867 г. для устройства правосл. церкви, и визитантского, на территории к-рого разместилось жен. уч-ще (1864), а также 3 костелов, 8 каплиц, 2 общин сестер милосердия. 5 июня 1866 г. прекратила существование 400-летняя римско-католич. Каменецкая епископия.

В 1870 г. Л. учредил благотворительные советы. Допуская, что духовенству лучше известны кандидаты на должности благочинных, он разрешил выборы благочинных священнослужителями. Для престарелых, вышедших за штат клириков, вдов и сирот священнослужителей Л. открывал окружные попечительства, учредил в 1871 г. эмеритальную кассу; к 1881 г. ее капитал составил 218 тыс. р. Мн. сотни неимущих сирот духовного звания содержались на средства окружных попечительств и на проценты от капитала эмеритальной кассы.

По инициативе Л. в Каменец-Подольске был учрежден епархиальный Историко-статистический комитет (1865), на приходах возобновлены б-ки, а по округам заведены окружные благотворительные книгохранилища. К кон. 1867 г. они были открыты почти во всех благочиниях, достаточно активно формировались и приходские б-ки. Кроме того, Л. издал распоряжение о ведении при храмах летописей. После ежегодных обзоров епархии Л., заметив остатки униат. обрядов и традиций, распорядился, чтобы «хоругви в храмах были православныя, а не латинския»; «богослужебныя книги были православной печати»; крещение совершалось через погружение, а не через обливание; «в церквях были крестики как для возложения на крещаемых, так и для продажи желающим; свечи стеариновые не употреблялись вместо восковых» (*Сташкевич*. 1883. Вып. 1. С. 5–51). По инициативе Л. в Подольской епархии были открыты 12 церковных братств, имевших миссионерское значение, поддерживавших храмостроительство, благотворительность, народное образование (Иоанно-Предтеченское в Каменец-Подольске (в 1863) с муж. и жен. приютами; в городах Могилёве, Балте, Литине, Летичеве, Ямполье, в местечках Гусятино Каменецкого у., Немирово Брацлавского у., в селах Пlosка Забужская и Чернече Балтского у.), созданы приходские попечительства при каждой церкви (в 1872 их насчитывалось 1089), восстановлены религиозно-благотворительные об-ва.

Однако, несмотря на успехи в управлении Подольской епархией и возведение в сан архиепископа (8 апр. 1873), Л. хлопотал о своем переводе на др. кафедру. Так, 3 окт. 1872 г. еп. Полоцкий и Витебский *Савва (Тихомиров)* писал еп. Муромскому *Иакову (Кроткову; † 1885)*, что Л. «неспокоен и помышляет о бегстве», поскольку «западная окраина с ее иезуитским, доселе еще не исчезнувшим духом не может служить приятным убежищем для нас, пришедших с востока» (*Петровский*. 1908. С. 236). «Я... сделал кое-что довольно прочно, не сидел без пользы, полонизм поборол изрядно,— 10 нояб. того же года писал Л. в письме еп. Тульскому и Белевскому *Никандру (Покровскому)*,— но дух шляхетский и жидовскую меркантильность в духовенстве нашем не скоро еще выкурить можно. Надеюсь на семинарию и училища, которые идут у меня добрым путем». В письме архиеп. Никандру от 8 апр. 1874 г. Л. признавался, что «измучился и здоровье испортил» (*Корсунский*. 1893. С. 398–399).

25 окт. 1874 г. Л. был переведен в Херсонскую и Одесскую епархию. С 6 по 14 нояб. длилось его прощание с подольской паствой и учащимися как светских, так и духовных учебных заведений. 21 нояб. Л. совершил 1-ю литургию в одесском кафедральном Преображенском соборе. К весне 1875 г. были освящены теплая церковь при одесском Успенском храме, сев. придел во имя вмч. Димитрия Солунского (3 февр. 1875) в греч. Троицком храме. В апр.—мае 1875 г. Л. совершил путешествие по епархии, посетил более 116 приходов, *Бизюков Пропасной во имя свмч. Григория, просветителя Армении, мужской монастырь*, имел собеседования с 280 причтами. Вернувшись из поездки, он отдал духовной консистории неск. предписаний: о перераспределении благотворительных округов, об учреждении благотворительных советов, а также окружных и благотворительных б-к и класса иконописания при семинарии, об избрании окружных депутатов, о ведении церковноприходских летописей, о

проведении воскресных собеседований в приходах, в т. ч. с целью преодоления распространения в народной среде штундизма.

В 1876 г. началось инициированное Л. издание «Одесского Воскресного листка». Архиепископ ежемесячно посещал семинарию, стремился бороться с уклонением ее воспитанников от церковного служения. В новоустроенную семинарскую церковь он пожертвовал образа Вознесения и святителей Ростовских Исаии, Леонтия и Игнатия. По инициативе Л. в Одессе были открыты женское епархиальное и мужское духовное училища в отдельных зданиях, а также устроено помещение консисторского архива, отремонтированы архиерейские покои. Л. осуществлял благотворительную деятельность через епархиальное попечительство: всего в 1875 г. на пособие заштатным священно- и церковнослужителям, вдовам и сиротам, пострадавшим от пожара, было выделено 13 тыс. р., не считая одновременных выдач Херсонскому Перепелицинскому приюту 2 тыс. р., Одесскому девичьему духовному училищу — 1160 р.

16 нояб. 1875 г. по инициативе обер-прокурора Толстого Л. возглавил Холмскую и Варшавскую епархию. Неожиданное назначение Л. было вызвано недовольством императора деятельностью «нерешительного и слабого» Холмского архиеп. Иоанникия (Горского), к-рый, по мнению архиерея, стал «жертвою интриги» галицийского духовенства. С 5 по 12 дек. состоялись мероприятия по прощанию Л. с одесской паствой, в т. ч. 7 дек.— в кафедральном соборе и семинарии, в ходе которых были собраны более 900 р. для обустройства жен. уч-ща. 12 дек. того же года Л. выехал из Одессы, покидая епархию «не без сожаления». Вечером 15 янв. прибыл в Варшаву, 18 янв. 1876 г. приветствовал новую паству в кафедральном соборе (Слова, поучения и речи. 1888. Т. 1. С. 237; Мои заметки и воспоминания. Серг. П., 1914. С. 115).

Л. писал, что Холмская епархия «особенно в первые годы (1875–1881) представляла такие трудности, что преодолеть их не под силу человеку без помощи Божией... С одной стороны, гражданская администрация, захватившая в свои руки преобладающее влияние в делах проуниатских, с другой — сильная

партия священников, вызванных из Галиции с епископом Маркеллом во главе, желавших подчинить архиепископа своему влиянию» (Мои заметки и воспоминания. Серг. П., 1914. С. 116–117). Ген.-губернаторы гр. П. Е. Коцебу и П. П. Альбединский, по мнению Л., не поддерживали «русское направление», к тому же разрешалось учреждение в генерал-губернаторстве значительного числа римско-католич. епархий. В кон. 1878 г. Л. добился перевода викарного еп. Маркелла (Попеля), стремившегося занять его место, в др. епархию.

В 1875 г. с Православием воссоединились 187 священников и 241 тыс. мирян в 241 приходе. За первые 2 года пребывания на кафедре Л. обозрел все старые («древлеправославные») приходы 8 губерний Царства Польского и 10 благочиний воссоединенной части епархии. Одной из важнейших задач Л. являлось воссоединение «упорствующих» униатов на Холмщине — тех, кто изначально сопротивлялись даже «очищению» обряда, т. е. приближению униат. богослужения к православному. Одним из самых масштабных стало воссоединение 434 униатов в 1-м Грубешовском окр. в 1890 г. В 1875–1890 гг. из др. исповеданий в Православие переходили по 300–400 чел. ежегодно. При содействии власти Л. организовывал паломнические поездки новообращенных униатов к святыням, в т. ч. в Киево-Печерскую и Почаевскую лавры. Архиерей вскоре после занятия кафедры распорядился о чтении священниками всех приходов проповедей во все воскресные и в праздничные дни и о пастырских собеседованиях с народом. В каждую церковь были высланы по меньшей мере по 2 экз. Библии — на церковнослав. и рус. языках. 20 нояб. 1877 г. Л. распорядился о подробном описании «воссоединенных к православию церквей»: «Следы исторического права давности Православия в пределах Холмско-Варшавской епархии находятся в письменных документах и вещественных памятниках древности. Необходимо, по возможности скорее, привести их в известность, собрать, упорядочить и предохранить от утраты» (25-летие святительского служения. 1885. С. 101–102). При этом прилагалось обстоятельное руководство — программа историко-статистического исследо-

вания, согласно к-рой к 1878 г. местное духовенство подготовило описание приходов.

Одной из важнейших сторон деятельности Л. было храмостроительство и восстановление древних православных храмов. В 1877 г. имп. Александр II утвердил «Правила для устройства церковных зданий в Привислинском крае», руководство строительством осуществляло Мин-во внутренних дел. В том же году попечением Л. были открыты 2 самостоятельных прихода: в посаде Ново-Александрия Люблинской губ. и приграничном мест. Граево Щучинского у. Ломжинской губ. (22 окт. 1878 архиерей освятил церковь). 14 авг. 1879 г. Л. издал распоряжение о новом распределении церквей по благочинническому округам и об открытии новых благочиний — всего 19. В епархии начались выборы благочинных, 14 янв. 1880 г. Л. утвердил составленную Холмским духовным правлением инструкцию по их проведению.

При Л. (преимущественно им лично) были освящены в 1876 г. Крестовоздвиженский собор в Люблине и церковь в Грубешове Холмской губ., в 1877 г. Петропавловский собор в Калише, Троицкий собор в Варшаве после ремонта, храмы в Ломже, мест. Александрово Нешавского у. Варшавской губ. (ныне г. Александрув-Куяяски, Польша), в Янове Люблинской губ. (ныне Янув-Любельски, Польша), в 1878 г. собор в Холме Люблинской губ., храм в мест. Кодно Житомирского у. Волынской губ., церкви при Варшавских муж. и жен. гимназиях, в 1879 г. храм Казанской иконы Божией Матери в Августове Сувалкской губ., церковь в Млаве Плоцкой губ., в 1880 г. храмы в Слупцах Калишской губ., посаде Кибартах Сувалкской губ. (ныне г. Кибартай, Литва), в 1881 г. церкви в Годышеве и Граеве, а также после ремонта Успенский собор в Сувалках и в с. Лесна Константиновского у. Седлецкой губ. (ныне Лесьна-Подляска, Польша), в 1886 г. в Плонске Полоцкой губ., в 1889 г. колокольня в Лукове Люблинской губ., в 1890 г. собор Рождества Пресв. Богородицы в Беле Седлецкой губ. (ныне Бяла-Подляска, Польша), церковь в Коло Калишской губ., храмы в городах Грубешове Холмской губ., Беле Седлецкой губ. (ныне Бяла-Подляска, Польша) и др.

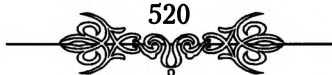
Архиепископ поддержал инициативу командующего Варшавским во-

енным окр. И. В. Гурко (с 1883 генерал-губернатор Привислинского края) по созданию войсковых церквей, на средства военного ведомства были оборудованы неск. гарнизонных храмов, в частности в Щучине (1890) и Гонсиорове Ломжинской губ., а также близ г. Остроленки (1891). Подавляющее большинство этих церквей на территории Польши были разрушены или капитально перестроены в 20–70-х гг. XX в.

В 1877 г. были открыты церковно-приходские попечительства в Люблине, Грубешове и Пултуске Ломжинской губ., в 1878 г. — при церкви в Янове, всего 17 приходских попечительств, или братств. В Седльце были устроены Леонтиевская церковная школа и при ней Братство свт. Леонтия Ростовского. Архиепископ занимался вопросами правильного использования финансовых средств приходов, созданием эмеритальной кассы для епархиального духовенства (1878).

В 1882 г. *Яблочинский во имя прп. Онуфрия Великого монастырь* был возведен в 1-й класс. В с. Лесна, где 31 мая 1881 г. Л. освятил Крестовоздвиженский храм — бывш. собор паулинского мон-ря, в 1885 г. была основана жен. община (см. *Леснинский Богородицкий женский монастырь*). В Яблочне Бельского у. Холмской губ. и Лесне были открыты приюты. В 1894 г. в молитвенную память о Л. архиеп. Флавианом (Городецким) был основан *Вировский во имя Всемилостивого Спаса женский монастырь*, в к-рый переселилась часть сестер из Лесны.

В сфере духовного образования Л. начал с координации деятельности 3 духовных учебных заведений епархии: Холмских ДС и школы причетников и Варшавского ДУ. Он построил здание Холмской ДС с домовой ц. во имя свт. Леонтия Ростовского (освящена 9 сент. 1890; см.: Слово по случаю освящения церкви в новом здании Холмской ДС 9 сент. 1890 г. // ПрибЦВед. 1890. № 39. С. 1295–1297), преобразовал школу причетников в духовное уч-ще. Планировал перевести семинарию в Варшаву. В 1885 г. по случаю 25-летия служения Л. в архиерейском сане на средства служащих Холмской семинарии для домовой церкви в московской мастерской Кондратьева была написана икона свт. Леонтия Ростовского — список с иконы П. Ф. Плешанова для московского храма Христа

Спасителя. В 1889 г. Л. организовал Леонтиевское попечительство о бедных воспитанниках Холмской ДС, к-рое помогало пособиями беднейшим ученикам и подъемными деньгами наименее обеспеченным выпускникам. Поддерживать попечительство Л. продолжал, находясь и на Московской кафедре: в 1892–1893 гг. он наряду со св. прав. *Иоанном Кронштадтским* (Сергиевым) внес 200 р., самое большое пожертвование.

При Л. увеличилось число церковноприходских школ и начальных училищ. Были восстановлены древние правосл. братства: Замостьское с приютом (учреждено в 1606; возобновлено 9 мая 1877) и Холмское Богородицкое (восстановлено в 1879; в 1884 организовало выпуск «Холмского народного календаря» и ряда популярных изданий). 1 сент. 1877 г. началось издание «*Холмско-Варшавского епархиального вестника*» (первоначально выходил 2 раза, с 1899 — 4 раза в месяц). В целом служение на Холмской кафедре Л. называл «испытанием, и притом тяжелым» (Мои заметки и воспоминания. Серг. П., 1914. С. 134).

26 сент. 1881 г. имп. указом Л. введен в число присутствующих на заседаниях Синода. В таком качестве он участвовал в коронационных торжествах 15 мая 1883 г. и в тот же день был возведен в звание члена Синода. В 1882 г. под председательством Л. была учреждена особая Синодальная комиссия, к-рая разработала положение о церковноприходских школах, утвержденное в 1884 г. Планировалось изучать Закон Божий, церковнослав. и рус. языки, арифметику, церковное пение. Преподавать в школах могли причетники, выпускники семинарий, выпускники епархиальных жен. училищ. Открывались также годичные школы грамотности и образцовые начальные школы при семинариях. 24 янв. 1883 г. Л. стал членом Комиссии для пересмотра проекта «Устава Православных Духовных Академий», вместе с архиеп. Тверским Саввой (Тихомировым) составлял проект нового устава (утвержден императором 20 апр. 1884) и обновленной редакции «Устава Православных Духовных Семинарий» (вступил в силу 22 авг. 1884).

Л. никогда не прерывал связей с СПбДС. 4 марта 1884 г. возглавил литургию свт. Василия Великого в семинарском храме по случаю 75-летнего юбилея духовной школы. 18 дек.

1888 г. в С.-Петербурге Л. возглавил чин освящения новой церкви во имя ап. Иоанна Богослова при семинарии в сослужении протоиереев Алексея Парвова (председатель Учебного комитета) и Николая Розанова (ректор). На освящении присутствовали обер-прокурор К. П. *Победоносцев*, министр народного просвещения гр. И. Д. Делянов, управляющий канцелярией Синода В. К. *Саблер*. Л. особо почитал евангелиста Иоанна, который, по его словам, «явил нам высокий образец деятельной любви... можно сказать, дышал любовью», а его послания «преисполнены силы и чувства», поскольку «оправданы собственной деятельностью» (Слова, поучения и речи. 1888. Т. 2. С. 72–73). В сборнике проповедей и речей Л. опубликованы 8 Слов на этот праздник, произнесенных преимущественно в семинарской церкви Каменец-Подольска, — более, чем на к.-л. торжество. 11 сент. 1892 г., незадолго до кончины, Л. вместе с митр. Иоанникием (Рудневым) возглавил в Троицком соборе Александро-Невской лавры чин отпевания митр. Исидора (Никольского).

17 нояб. 1891 г. именным указом имп. Александра III Л. был назначен на Московскую кафедру с возведением в сан митрополита. «С одной стороны, рад я, что еду в православную Москву. Вся жизнь моя прошла на чужбине, среди иноверцев, — признавался Л., — с другой — чувствую, что я еду сюда уже умирать» (*Корсунский*. 1893. С. 407). 1 дек. 1892 г. в варшавском соборе в присутствии главного начальника Привислинского края ген.-адъютанта Гурко прошло прощание Л. с холмско-варшавской паствой. 17 дек. того же года, в день памяти митр. Московского свт. Петра, Л. совершил торжественное «вшествие» в Успенский собор Московского Кремля, а 9 янв. 1892 г. — 1-е богослужение в Троице-Сергиевой лавре, где он пребывал с 8 по 12 янв. и произнес Слова о значении монашества и прп. Сергия Радонежского.

По инициативе митрополита в МДА был расширен и 20 сент. 1892 г. освящен академический храм (см.: Слово. 1892. С. I–IV). 25 сент. того же года Л. принимал участие в праздновании 500-летия со дня кончины прп. Сергия Радонежского, составил программу торжеств, организовал крестный ход из Москвы в Троице-Сергиеву лавру. На средства Л. были

опубликованы том Трудов МДА, посвященный прп. Сергию, и фототипическое издание рукописи НЗ (XIV в.), приписываемой свт. *Алексию*, митр. Московскому (см.: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа: Труд свт. Алексея, митр. Московского и всея Руси: Фототип. изд. Леонтия, митр. Московского. М., 1892). Также Л. пожертвовал значительную сумму Братству прп. Сергия при МДА.

За непродолжительный период управления Московской епархией Л. восстановил издание в Москве «Миссионерского журнала», в 1892 г. распорядился о том, чтобы диаконы без священников не совершали церковных служб. О служении Л. на Московской кафедре нелицеприятно высказывался митр. *Евлогий (Георгиевский)*. Считалось, что Л. был назначен на Московскую кафедру по инициативе обер-прокурора Победоносцева.

25 дек. 1892 г. Л. заболел, иногда продолжал совершать богослужения. Проживал в архиерейском доме (1866–1870) в Черкизове (подворье московского Чудова мон-ря), 31 июля 1893 г. исповедовался, соборовался, причастился Св. Таин. Завещал похоронить себя в облачении, подаренном имп. Марией Александровной в 1860 г. к архиерейской хиротонии. 2 авг. на митрополичьей даче в Черкизове еп. Дмитровский Александр (Светлаков), еп. Можайский сщмч. Тихон (Никаноров) и др. совершили 1-ю заупокойную литургию с панихидой, на к-рой молился и московский ген.-губернатор вел. кн. Сергей Александрович. В тот же день в академической Покровской ц. Троице-Сергиевой лавры панихида отслужил прав. Иоанн Кронштадтский.

3 авг. тело Л. было перенесено в Алексиевскую ц. Чудова мон-ря, где 4 авг. архиеп. Новгородский Феогност (Лебедев) в сослужении неск. епископов, архимандритов и белого духовенства совершил заупокойную литургию и отпевание. 5 авг. Л. был погребен в Успенском соборе Троице-Сергиевой лавры, рядом с могилой архиеп. Рязанского *Моисея* (надгробие в виде мраморной плиты воссоздано). На отпевании и погребении присутствовали вел. кн. Сергей Александрович с вел. кнг. св. *Елисаветой Феодоровной*, обер-прокурор Саблер.

Л. являлся почетным членом СПбДА, МДА, КДА, Об-ва истории и древностей российских, Об-ва

любителей духовного просвещения и др. учреждений. 2 дек. 1882 г. избран почетным членом ИППО. Был награжден орденами св. Анны 1-й степени (1866), св. Владимира 2-й степени большого креста (1869) и св. Александра Невского (1877), бриллиантовым крестом на клобуке (1882).

Биографы отмечали у Л. яркий дар проповедника. Уже на одной из его семинарских проповедей наставник сделал помету: «Сочинитель подает лестные о себе надежды... он со временем будет прекрасным проповедником, и первый опыт сей довольно зрел». Архипастырские назидания Л. считались простыми и душевными, «свободными от диалектических тонкостей и извитий мысли» (*Корсунский*. 1893. С. 406). По силе воздействия на слушателей их сравнивали с проповедническими трудами архиеп. Херсонского и Таврического свт. *Иннокентия (Борисова)*. Важнейшим источником сведений о жизни и служении Л. являются его автобиографические заметки, написанные в 1887 г. (Мои заметки и воспоминания. 1913–1914).

Соч.: Слова, поучения и речи. СПб., 1867, 1876². 2 т.; 1888³. 2 т.; Послание пастырям Херсоно-Одесской епархии. Од., 1875; Последнее слово к одесской пастве и прощание с ним паствы. Од., 1875; Слова и речи к Холмско-Варшавской пастве. Варшава, 1881; Письменное приветствие // *Спаский П. Н., сост.* 150-летие Новгородской ДС: Юбил. сб. Новг., 1891. С. 81–82; Слово, произнесенное в Варшавском кафедральном соборе... 1 дек. 1891 г. при прощании с Холмско-Варшавской паствой. Варшава, 1891; Слово при вступлении на Московскую кафедру. М., 1891; Из лекций по нравственному богословию. Серг. П., 1892; Слово, сказанное по случаю освящения храма в здании МДА, 20 сент. 1892 г. // БВ. 1892. Т. 4. № 10. С. I–IV; Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа: Труд свт. Алексия, митр. Московского // ДЧ. 1893. Т. 1. № 3. С. 133–139; Мои заметки и воспоминания // БВ. 1913. Т. 3. № 9. С. 142–170; № 10. С. 310–331; № 11. С. 610–623; № 12. С. 803–820; 1914. Т. 1. № 1. С. 137–153; № 2. С. 279–295; № 3. С. 538–560 (отд. отт.: Серг. П., 1914).

Ист.: *Филарет (Дроздов), митр.* Письма к высочайшим особам и разным др. лицам. Тверь, 1888. Ч. 2. С. 185, 207, 210.

Лит.: Присоединение к Православию аббата Гетте // Странник. 1862. № 9. С. 381–382; Прощание высокопреосв. Леонтия, архиеп. Херсонского и Одесского, с подольской паствой. Каменец-Подольск, 1874; *Гурьев В. В., прот.* Архиеп. Леонтий на родине // Странник. 1880. Т. 3. № 9/10. С. 117–126; *Корженевский И., прот.* История Холмско-Варшавской епархии со времени учреждения архиерейской кафедры в Варшаве до 1876 г. Варшава, 1881; *Николаев А. И.* Списки воспитанников, окончивших полный курс семинарских наук в Воронежской ДС за истекшие 100-летие. Воронеж, 1882. С. 290, 295–305; Список церквей, часовен, приходов и священнослужите-

лей Холмско-Варшавской епархии с указанием местностей, составляющих приходы, числа прихожан и количества церк.-приходских земель. Варшава, 1882; *Страшевич Н. И., прот.* Высокопреосв. Леонтий, архиеп. Холмский и Варшавский. Люблин, 1883. Вып. 1: Управление высокопреосв. Леонтия Подольской епархий. К., 1885. Вып. 2: Управление высокопреосв. Леонтия Херсонской епархий; он же. 25-летие служения высокопреосв. Леонтия, архиеп. Холмского и Варшавского. Варшава, 1887; он же. Посещение г. Холма высокопреосв. Леонтием, архиеп. Холмско-Варшавским, 1–9 сент. 1887 г. Варшава, 1887; *Димитрий (Самбикин), архиеп.* Указатель храмовых праздеств в Воронежской епархии. Воронеж, 1884. Вып. 2. С. 176; 25-летие святительского служения высокопреосв. Леонтия. Варшава, 1885; *Надеждин А. Н.* История С.-Петербургской правосл. ДС с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства. СПб., 1885. С. 314–315, 370, 425–426, 429, 436; *Юргевич В. Н.* Ист. очерк 50-летия ООИД. Од., 1889. С. 72; *Лебедев И. Н., свящ.* Восп. о высокопреосв. Леонтии, архиеп. Холмско-Варшавском, в Подольском жен. уч-ще духовного ведомства. Каменец-Подольск, 1890; Прощание высокопреосв. Леонтия, митр. Московского и Коломенского, с холмско-варшавской паствой. М., 1892; *Соколов В. А.* Первое посещение Троицкой лавры и Академии высокопреосв. Леонтием, митр. Московским и Коломенским. Серг. П., 1892; *Четыркин Ф. В.* Высокопреосв. Леонтий, митр. Московский и Коломенский. СПб., 1892; *Корсунский И. Н.* Высокопреосв. Леонтий, митр. Московский и Коломенский // БВ. 1893. Т. 3. № 9. С. 390–419; *Любарский И.* Мемуары почившего митр. Леонтия // Рус. обзор. М., 1893. Т. 23. № 10. С. 860–863; *П. В., свящ.* Высокопреосв. Леонтий, митр. Московский. Каменец-Подольск, 1893; *Петровский С. В., свящ.* Семь Херсонских архиепископов: Биографии с прил. портретов. Од., 1894. С. 110–118; он же. Одесский Преображенский, ныне кафедральный, собор. Од., 1908. С. 233–237; *Викул П. Ф., свящ.* Подольские архипастыри. Каменец-Подольск, 1895; *Федоров И.* Главные моменты развития православно-русского дела в 100-летний период существования Подольской епархии // Празднование 100-летия Подольской епархии. Каменец-Подольск, 1895. С. 222–232; *Родосский.* Словарь студентов СПбДА. С. 239–241; *Круковский А. В.* Одна из теней прошлого // ИВ. 1915. № 11. С. 519–521; *Львов А. Н.* Князь Церкви: Из дневника // Красн. архив. 1930. Т. 2(39). С. 112, 113, 123–126, 135, 136; Т. 3(40). С. 99–101; *Лысыньевич И.* История Холмско-Варшавской епархии (1875–1905): Курс соч. / МДА. Загорск, 1960. Ркп.; *Малютина Т.* Митр. Леонтий (Лебединский): Начало жизненного пути // Образ жизни. Воронеж, 2010. № 1(7). С. 36–40; *Берташ А., свящ., Талкин А. К.* Семинарский храм СПбДА. СПб., 2012. С. 26, 36–37.

*Прот. Александр Берташ,
Д. Б. Кочетов*

ЛЕОНИЙ (Матусевич Леонид Прокопьевич; 16.04.1884, с. Озеряны Владимир-Волынского у. Волынской губ. — 24.07.1942 (по др. данным, 23.12.1942)), еп. Коростенский. Из семьи священника. В 1905 г. по-

ступил в КДА. В 1908 г., во время учебы в академии, принял монашеский постриг с именем Леонтий, был рукоположен во иерея. Окончил КДА со степенью кандидата богословия, назначен 21 июля 1909 г. на должность преподавателя в Житомирское училище пастырства им. о. Иоанна Кронштадтского. 1 нояб. 1914 г. Острожский еп. *Гавриил (Воеводин;* вполн. архиепископ) назначил Л. наместником *Тригорского в честь Преображения Господня мужского монастыря*. 9 мая 1915 г. Л. был возведен им в сан игумена.

3 сент. 1922 г. хиротонисан во епископа Коростенского, викария Волынской и Житомирской епархий. Л. возглавил Коростенское уездное церковное правление. Его кандидатура была утверждена Коростенским и Овручским уездными церковными съездами. Он стал заместителем и ближайшим помощником Волынского еп. *Аверкия (Кедрова;* с 1926 архиепископ), к-рый неоднократно арестовывался и высылался из Житомира. В его отсутствие Л. управлял Волынской епархией. После ликвидации Волынского-Житомирского епархиального совета 17 нояб. 1922 г. Л. возглавил созданную 26 нояб. того же года Волынскую епархиальную канцелярию. Жил в Житомире в Богоявленском мон-ре, служил в кафедральном Преображенском соборе. Не позднее 30 апр. 1923 г. Л. уклонился в *обновленчество*. В мае того же года был участником обновленческого «поместного собора», но акта о низложении патриарха Московского и всея России свт. *Тихона* не подписал. (Прот. Стефан Недельский сообщал еп. *Василию (Богдашевскому)* о том, что Л., бывш. ученик прот. Стефана в Холмской ДС, случайно поддался общему течению среди значительной части волынского духовенства, примкнувшей к расколу; это произошло из-за «святой простоты» архиерея, приверженного аскетизму и мистицизму.) 6 февр. того же года вместе с еп. Аверкием подписал постановление пленума Волынского епархиального управления о признании обновленческого Всеукраинского синода в качестве высшей церковной власти до проведения поместного Собора. С нояб. 1924 по апр. 1925 г. еп. Аверкий находился под домашним арестом в Москве, и 25 марта 1925 г. Л. в очередной раз стал временным управляющим Волынской епархией; он

обратился к духовенству с циркулярным письмом, где сообщил, что полномочия по управлению епархией ему передал Полонский еп. *Максим (Руберовский)*. 30 апр. 1925 г. в Житомир вернулся еп. Аверкий, который временно прекратил свои контакты с обновленцами. Л. как викарий Волынской епархии в мае того же года присутствовал на обновленческом 2-м «Всеукраинском соборе» в Киеве, где выступил против женатого епископата, за что был лишен слова «сибирским митрополитом» Петром *Блиновым*. В окт. 1925 г. еп. Аверкий официально отказался подчиняться обновленческому синоду в Харькове, после чего обновленческий «Волынский и Житомирский епископ» Павел Циприанович обвинил Аверкия и Л. в «уклонении в тихоновщину». С дек. 1926 по окт. 1928 г., во время ареста архиеп. Аверкия, Л. вновь управлял Волынской епархией.

15 февр. 1930 г. Л. вместе с архиеп. Аверкием был арестован ОГПУ и этапирован в Бутырскую тюрьму в Москве. Он обвинялся в том, что одобрил решение бывш. секретаря Иерусалимского патриаршего дворянства в Москве А. И. Дросси отправить К-польскому патриарху Фотию II (Маниатису) Послание о гонениях на Церковь в СССР. 4 апр. 1930 г. Коллегия ОГПУ приговорила Л. к высылке в Северный край сроком на 3 года. 23 апр. 1933 г. Л. был арестован в Архангельске по обвинению в участии в «контрреволюционной группировке духовенства» и проведении тайных богослужений. 1 июля 1933 г. приговорен Особой тройкой Постоянного представительства ОГПУ в Северном крае к 3 годам исправительно-трудовых лагерей. 8 авг. в связи с тяжелой болезнью Л. и его непригодностью для физических работ наказание было заменено заключением в колонию для инвалидов. 3 апр. 1935 г. он был досрочно освобожден в связи с туберкулезом легких в крайней стадии. После освобождения жил в Вологде. 8 дек. 1940 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности. Не признал себя виновным. 26 авг. 1941 г. Судебная коллегия по уголовным делам Вологодского обл. суда приговорила Л. к расстрелу. 29 авг. того же года он подал кассационную жалобу, в к-рой опровергал предъявленные ему обвинения. 26 сент. Судебная коллегия по

уголовным делам Верховного суда РСФСР рассмотрела дело и оставила приговор в силе. 25 нояб. Президиум Верховного Совета СССР, рассмотрев ходатайство, заменил расстрел 10 годами ИТЛ. Л. скончался в заключении 24 июля (по данным, 23 дек.) 1942 г. Место кончины и захоронения неизвестны.

Арх.: ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263; ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33647; РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1909. Д. 301; Арх. УФСБ РФ по Вологодской обл. Д. П-14826.

Лит.: Еп. Леонтий (Матусевич): (По восп. К. и Н.) // Вестн. РХД. 1985. № 145. С. 240–243; *Маниул*. Русские иерархи, 1893–1965. Т. 4. С. 184; «Их страданиями очистится Русь»; Сб. М., 1996. С. 247–250; *Цыпин*. История РЦ. Т. 9. С. 747; За веру Христову: Духовенство, монашествующие и миряне РПЦ, репрессированные в Северном крае (1918–1951): Биограф. справ. / Сост.: С. В. Суворова. Архангельск, 2006. С. 7–9, 289–290; *Косик О. В.* История сбора и распространения церк. док-тов (1920–1930-е гг.): (К постановке проблемы) // Вестн. ПСТГУ. Сер. 2: История. История РПЦ. 2010. Вып. 3(36). С. 48–66; она же. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР: (1920-е – нач. 1930-х гг.). М., 2011.

ЛЕОНТИЙ (Радулович; 1835, с. Тули близ г. Требине, совр. Босния и Герцеговина – 12.10.1888, г. Мостар, там же), митр. Захумско-Герцеговинский. Племянник архим. *Иоанникия (Памучины)*. Начальное образование получил в Мостаре, учился в семинарии в Белграде. В 1856 г. принял монашество, рукоположен во иерея. После подавления антитур. восстания в Герцеговине (1852–1862) учился в семинарии в Задаре. В 1862 г. вернулся в мон-рь *Дужи*. Служил на приходе Св. Троицы в Мостаре, при нем было возведено новое здание храма. Вместе с архим. *Серафимом (Перовичем)* Л. был осужден за подготовку восстания в Герцеговине и заключен в тюрьму. После помилования (1876) жил в Дубровнике и Черногории. В 1879 г. вернулся в Мостар, возведен в сан архимандрита и назначен секретарем митр. Герцеговинского *Игнатия*. После оккупации Боснии и Герцеговины (1878) Л. выступал против заключения Конвенции (1880) между Австро-Венгерской монархией и К-польской Патриархией, согласно к-рой православные оказались под гос. управлением, поэтому в 1882 г. был вновь арестован. За смену взглядов власти предлагали ему стать Захумско-Герцеговинским митрополитом. Несмотря на отказ, он занял эту кафедру 1 мая 1888 г.,

после отставки митр. Игнатия, но вскоре умер от туберкулеза. Был похоронен в соборном храме в Мостаре. Почти нетленные останки Л. были обнаружены в 2009 г., во время разбора завалов разрушенного в 1992 г. собора, и помещены в ц. Рождества Пресв. Богородицы (планируется их перезахоронение в соборе после окончания восстановления). Лит.: *Горовий В.* Мостар и његова српска православ. општина. Београд, 1933. С. 71–73, 92–95; *Мауар Б.* Покрет Срба Босне и Херцеговине за вјерско-просвјетну самоуправу. Сарајево, 1982. С. 49–53, 108, 125–132; Српски јерарси. С. 286.

Н. В. Радосавлевич

ЛЕОНТИЙ (Туркевич Леонид Иеронимович; 8.08.1876, г. Кременец Волынской губ. – 14.05.1965, Сайоссет, шт. Нью-Йорк, США), Митрополит всея Америки и Ка-

Леонтий (Туркевич), архиеп. Нью-Йоркский, митр. всея Америки и Канады. Фотография. 1965 г.

нады в 1950–1965 гг. (первоиерарх Североамериканской митрополии). Род. в семье прот. Иеронима Иосифовича Туркевича и А. А. Иваницкой, дочери священника. В 1885–1889 гг. учился в Кременецком ДУ, в 1889–1895 гг. – в Волынской ДС, а в 1896–1900 гг. – в КДА, которую окончил со степенью кандидата богословия за соч. «Книга пророка Аввакума. Введение и экзегезис».

5 окт. 1900 г. назначен помощником инспектора Екатеринославского ДУ, а 4 июля 1902 г. – преподавателем Обоянского ДУ, где также выполнял обязанности смотрителя. В 1905 г. был произведен в чин титулярного советника и женился на дочери священника А. О. Червинской.

26 сент. 1905 г. еп. Волынским Антонием (Храповицким) рукоположен

во диакона, а 28 сент. в Свято-Успенской Почаевской лавре — во иерея. Назначен 2-м священником Никольского собора в Кременце. Также был учителем Закона Божия в Кременецком городском уч-ще и преподавал в кременецком Волинском Виталиевском жен. епархиальном ДУ.

7 авг. 1906 г. Синод по благословению Алеутского и Североамериканского архиеп. Тихона (Беллавина; вполн. патриарх Московский и всея России свт. Тихон) назначил свящ. Леонида ректором недавно созданной ДС в Миннеаполисе (шт. Миннесота). 27 окт. 1906 г. он прибыл с женой Анной в США и вступил в должность, одновременно став настоятелем православного прихода.

Прот. Леонтий (Туркевич) с семьей. Фотография. 10–20-е гг. XX в.

В нояб. принят в состав Североамериканской епархии. В 1907 г. выбран председателем I Всеамериканского церковного Собора, проведенного в Мейфилде (шт. Пенсильвания). В 1906–1912 гг. инспектор ДС в Миннеаполисе, в 1912–1915 гг. — в г. Бергенфилд (шт. Нью-Джерси). С 1914 г. издатель церковной газ. «Свет». В 1914–1932 гг. редактор офиц. печатного органа Церкви — «Американского православного вестника». С 1915 г. член епархиального совета, с авг. 1915 до июня 1933 г. протоиерей Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке. В 1917–1918 гг. представлял Североамериканскую епархию на Поместном Соборе Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Возвратился в США через Сибирь и Японию.

Один из организаторов IV Всеамериканского Собора в 1924 г. в Детройте, принявшего неканоническое решение о временной автоно-

мии Православной Церкви в Америке. В 1925 г. овдовел. В 1933 г. принял монашеский постриг с именем Леонтий. 10 июля того же года был рукоположен митр. Платоном (Рождественским), еп. Феофилом (Пашковским; вполн. митрополит) и еп. Алексием (Пантелеевым) во епископа Чикагского.

В 1938 г. попечением Л. были основаны духовные семинарии, ставшие центрами православного образования в Америке, — Свято-Владимирская в Нью-Йорке (Л. занимал в ней пост декана (ректора) в 1955–1962) и Свято-Тихоновская в Саут-Кейнани (шт. Пенсильвания). Л. пригласил в США для научной работы и преподавания в семинариях протпр. А. Д. Шемана, проф. С. С. Верховского, проф. А. А. Боголепова, протпр. И. Ф. Мейендорфа и др.

В 1944 г. Л. возглавлял юбилейный комитет по празднованию 150-летия Православия в Америке. В нояб. 1945 г. был возведен в сан архиепископа.

Постановлением Синода РПЦ от 12 дек. 1947 г. оказался под запрещением «за противление к воссоединению с Матерью-Церковью» и «незаконное анафематствование» архиеп. Макария (Ильинского), принятого в общение с МП в янв. 1946 г. в сане епископа Бруклинского. В 1950 г., после смерти митр. Феофила (Пашковского), Л. был выбран предстоятелем Североамериканской митрополии на VIII Всеамериканском Соборе, проходившем с 5 по 8 дек. 1950 г. в Нью-Йорке, с титулом «Митрополит всея Америки и Канады».

В 1954 г. удостоен степени доктора богословия.

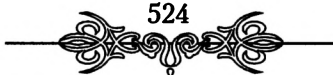
Похоронен в мон-ре свт. Тихона Задонского в Саут-Кейнани.

Соч.: Книга пророка Аввакума: Введение и экзегезис: Канд. дис. К., 1900; Brief an M. Evlogij (Georgievskij) // ЦВЗЕЕ. 1934. № 8. С. 8–10; Жизнь и труды митрополита Леонтия. Н.-Й., 1969; Лик Пушкина: Речи, чит. на торжеств. заседании Богословского ин-та в Париже. П., 1977; The Seven Gifts: Address on the Occasion of the Elevation to the Rank of Archpriest of Fr. Alexander Schmemmann (1953) // SVTQ. 1984. Vol. 28. N 1. P. 25–31; Религиозные мотивы в творчестве А. С. Пушкина // Сб. ст. иерархов РПЦ об А. С. Пушкине. Minneapolis, 1986. С. 61–84.

Лит.: Послание Патр. Московского и всея Руси Алексия к архипастырям, пастырям и пастве Православной Русской Церкви в Америке // ЖМП. 1948. № 1. С. 9–12; Потапов И., свящ. Обзор церк. жизни за 1953 г. // Там же. 1954. № 1. С. 10–20; Иванов А. Православие в Америке // Там же. 1955. № 3. С. 69–76; Шишкин А. К пребыванию в США архиеп. Алеутского и Северо-Американского Бориса

// Там же. № 4. С. 15–20; Казем-Бек А. К 10-летию одного судебного процесса // Там же. 1957. № 6. С. 66–74; Ястребов М. [Старокадомский М. А.]. Возвращение в ограду Матри-Церкви // Там же. № 3. С. 26–27; К 15-летию Патриаршества Свят. Патриарха Алексия // Там же. 1960. № 2. С. 28–35; Признание прав РПЦ [на Николаевский собор в Нью-Йорке] // Там же. № 11. С. 17–19; Хроника зарубежной церк. жизни // Там же. № 12. С. 68; Кончина митр. Леонтия (Туркевича) // Правосл. Русь. Джорд., 1965. № 10. С. 13; Orthodox Christians in North America, 1794–1994 / Ed. M. Stokoe, L. Kishkovsky. [Syosset], 1995. P. 82–84; Леонтий, митр. Северо-Американский // Широков С., свящ. Бюгр. словарь миссионеров РПЦ М., 2004. С. 8; Незабываемые могилы: Рос. зарубежье: Некрологи, 1917–1997. М., 2004. Т. 4. С. 128.

ЛЕОНТИЙ (Филиппович Василий Константинович; 6.08.1904, Киев — 2.07.1971, Буэнос-Айрес), архиеп. Чилийский и Перуанский РПЦЗ. Из семьи служащего Киевской губернской контрольной палаты. В 1911–1913 гг. учился в Киевском городском уч-ще. В 1913 г. переехал с семьей в Екатеринослав. Был певчим («исполтатчиком») в архиерейском хоре, организованном Екатеринославским еп. Агапитом (Вишневским). В 1915 г. поступил во 2-й класс Екатеринославского ДУ. В 1917 г. вернулся с семьей в Киев. Посещал занятия в Киево-Софийском ДУ. 7 февр. 1923 г. поступил на испытание, а в апр. был принят послушником в Киево-Печерскую лавру. Между июнем и нояб. того же года ездил в Марийскую автономную обл. для передачи помощи ссыльному духовенству. 5 нояб. 1923 г. посвящен во чтеца своим духовным отцом архиеп. Димитрием (вполн. схиархиеп. Антоний (Абашидзе)). В 1923–1924 гг. посещал занятия в Киевской православной богословской академии, частном высшем учебном заведении, организованном профессурой закрытой КДА. С 15 дек. 1924 г. нес послушание келейника архим. Ермогена (Голубева; вполн. архиепископ). 21 авг. 1927 г. им пострижен в монашество с именем Леонтий в Китаевском киевском во имя Святой Троицы мужском монастыре, где жила часть изгнанной в 1924 г. братии Киево-Печерской лавры. Восприемником в постриге был схиархиеп. Антоний. 23 сент. 1927 г. Л. был откомандирован в Ленинград на лаврское подворье, где нес клиросное послушание. Учился на Высших богословских курсах, участвовал в деятельности Александрово-Невского братства. 19 авг. 1928 г. рукоположен в Киеве во диа-

кона Каневским архиеп. *Василием (Богдашевским)*. В 1930 г. Л. был выслан ОГПУ из Ленинграда и возвратился в Киев, где 18 мая того же года рукоположен архиеп. Василием во иерея и с июня того же года служил в Китаевском мон-ре. Л. был одним из келейников схиархиеп. Антония, по его поручению осенью 1930 г. ездил в Грузию для встречи с иерархами Грузинской Православной Церкви. Весной 1931 г. Л. был назначен 2-м священником киевской Покровской ц. на Приорке. 5 мая 1932 г. арестован киевским ОГПУ по обвинению в антисоветской агитации, освобожден после 4-месячного заключения. С 13 марта 1933 г. вновь находился под арестом по делу схиархиеп. Антония. Обвинялся в «причастности к Киевскому контрреволюционному образованию, имевшему связь с церковными группами на Кавказе». 23 июля особым следственным совещанием при Коллегии ГПУ УССР осужден на 3 года ссылки в Северный край, но затем отправлен на работу в каменоломни в Коростене. 6 окт. того же года освобожден медкомиссией по инвалидности.

18 мая 1934 г. возведен Киевским архиеп. *Сергием (Гришиным)* в сан игумена с возложением палицы. Под рук. прот. П. Я. *Светлова* Л. написал работу «Жития святых, как материал для христианской апологетики», за к-рую указом Московской Патриархии от 29 нояб. 1934 г. ему была присуждена степень кандидата богословия. 9 июля 1935 г. экзархом Украины Киевским митр. сщмч. *Константином (Дьяковым)* по указу заместителя патриаршего местоблестителя митр. *Сергия (Страгородского)*; вполн. патриарх Московский и всея Руси) Л. был возведен в сан архимандрита. 12 июля того же года выслан НКВД из Киева. С 1937 г. скрывался от властей, жил в Переяславе, Киеве и Житомире.

Во время Великой Отечественной войны после занятия Украины нем. войсками вошел в состав Украинской Православной Автономной Церкви, сохранявшей каноническую связь с Московским Патриархатом. 26 нояб. 1941 г. Л. был хиротонисан во епископа Бердичевского. Хиротонию в *Почаевской в честь Успения Пресвятой Богородицы мужской лавре* возглавлял экзарх Украины Волынский архиеп. *Алексий (Громадский)*; вполн. митрополит). Л. стал

1-м викарием архиеп. Алексия. 7 мая 1942 г. был назначен управляющим Винницкой епархией. После смерти в 1943 г. митр. Алексия к Л. перешло управление Житомирской епархией. За время служения там Л. рукоположил свыше 100 священников, к лету 1943 г. епархия насчитывала ок. 300 приходов. Был открыт муж. мон-рь, 2 жен. мон-ря и 2 жен. скита. В нояб. 1943 г., перед тем как нем. армия оставила Житомир, Л. вместе с иеродиаком Вениамином (Вознюком) выехал в Варшаву. С июля 1944 г. жил в Вене, затем в Мюнхене.

16 мая 1944 г. Архиерейский Синод РПЦЗ принял Л. в свою юрисдикцию и 7 авг. того же года назначил епископом Потсдамским, викарием Берлинского и Германского митр. *Серафима (Ляде)*. Л. не приступил к служению в силу непризнания им архиерейской хиротонии митр. Серафима. 4 сент. Архиерейский Синод РПЦЗ постановил отменить назначение Л. викарным еп. Германской епархии ввиду того, в частности, «что Преосвященный Леонтий не получил канонического отпуска от епископов Украинской Автономной Церкви». 6 сент. 1945 г. Архиерейский Синод РПЦЗ принял Л. в состав епископата РПЦЗ вместе с другими архиереями Украинской Автономной Церкви.

7 сент. 1945 г. Архиерейский Синод РПЦЗ учредил в Бразильской и Сан-Паульской епархии Парагвайское викариатство, возглавлять к-рое был назначен Л. в помощь правящему архиеп. Феодосию (Самойловичу). В нач. 1947 г. Л. прибыл в Парагвай. В сел. Капитан-Миранда, примерно в 12 км от г. Энкарнасьон, им было создано иноческое братство во имя прп. Феодора Студита, в к-рое входили 5 чел., в их числе буд. Эдмонтонский еп. РПЦЗ Савва (Сарашевич). Здесь братией был воздвигнут храм во имя архистратига Михаила. 29 апр. 1947 г. в ответ на прошения от 41 прихожанина из Буэнос-Айреса Архиерейский Синод поручил Л. создание мон-ря в Аргентине. Однако на заседании 15 июля того же года это послушание было снято с Л. ввиду невозможности длительных отлучек из вверенного ему викариата. Из-за конфликтов с архиеп. Феодосием 23 июля 1949 г. Л. написал в Архиерейский Синод заявление о своем выходе из его подчинения. 24 июля того же года Л. сослужил в Буэнос-

Айресе протопр. Константину *Изразцову* и был принят в состав Североамериканской православной митрополии (см. ст. *Православная Церковь в Америке*) с титулом «епископ Аргентино-Парагвайский». 10 авг. 1949 г. Л. был запрещен в священнослужении Архиерейским Синодом РПЦЗ и 16 авг. отдан под церковный суд. 7 сент. в письме первоиерарху РПЦЗ митр. *Анастасию (Грибановскому)* Л. выразил свое раскаяние и желание вернуться в РПЦЗ. 14 сент. Архиерейским Синодом запрещение было снято, а 22 дек. судебное дело против Л. прекращено. Парагвайское викариатство было выделено в самостоятельную епархию под упр. Л. Условия жизни в Парагвае были тяжелые, местные жители не были расположены к Л. На заседании 2 марта 1950 г. Архиерейский Синод удовлетворил ходатайство Л. об освобождении его от управления Парагвайской епархией с переводом на новое место служения и назначил его епископом Эдмонтонским и Западноканадским, викарием Канадской епархии, а занимавший Эдмонтонскую епархию архиеп. *Иоасаф (Скородумов)* был назначен в Аргентину. Из-за сложности оформления необходимых для переезда документов и нестабильного политического положения прибыть к назначенному месту служения Л. не смог. 8 мая 1950 г. Архиерейский Синод отклонил прошение Л. о выходе за штат. В 1951 г. Л. переехал из Парагвая в Аргентину.

21 окт. 1953 г. Архиерейский Собор РПЦЗ назначил Л. епископом учрежденной Чилийской и Перуанской епархии. В нач. 1954 г. Л. прибыл в Чили. 16 окт. 1955 г. в Лиме был освящен Свято-Троицкий храм. Однако в результате происшедшего в приходе конфликта храм в 1958 (по др. данным, в 1963) г. перешел в ведение Североамериканской митрополии. В 1957 г. Л. освятил участок для русского православного кладбища в пригороде Сантьяго Пуэнтельто. 23 авг. 1957 г. Архиерейский Синод РПЦЗ возвел Л. в сан архиепископа. В 1958 г. по приглашению Л. в Чили из Иерусалима переехали 5 монахи *Горненского монастыря*, и в Сантьяго был создан мон-рь в честь Успения Пресв. Богородицы. Монахини окормляли детский приют. К 1959 г. в епархии имелись 2 приходские церкви, приписная и домовая, школа при Русском Доме,

в к-рой было 25 учеников. Существовали общины в Кинтеро, Консепсьоне, Винья-дель-Мар, Вальпараисо. К 1967 г. в епархии насчитывалось ок. 400 прихожан.

Л. активно поддерживал старо-стильническое движение в Греции — оппозицию офиц. руководству Элладской Православной Церкви, несогласную с переходом на новый календарный стиль. В мае 1962 г. вопреки постановлению Архиерейского Собора РПЦЗ от 5 нояб. 1959 г. о невмешательстве во внутренние дела Греческой Церкви Л. совершил в Греции вместе со старостильным еп. Акакием (Паппасом) архиерейские хиротонии архимандритов Парфения (Скурлиса), Авксентия (Патраса) и Хризостома (Наслимиса). 30 нояб. 1962 г. на Архиерейском Соборе Л. для оправдания своих действий сослался на пример катакомбной Церкви в СССР и нашел поддержку Западноамериканского и Сан-Францисского архиеп. свт. *Иоанна (Максимовича)*. Руководство РПЦЗ первоначально отказалось признавать эти хиротонии, но в 1969 г. признало их действительными. В 1963 г. Л. прибыл в Сан-Франциско, чтобы помочь глубокопочитаемому им архиеп. Иоанну и выступить на судебном процессе в его защиту. В 1966 г. участвовал в оптевании архиеп. Иоанна.

30 мая 1967 г. Архиерейский Собор РПЦЗ принял решение о соединении Бразильской и Чилийско-Перуанской епархий и назначении Л. заместителем архиеп. Феодосия. 5 сент. 1969 г. решением Архиерейского Синода приходы в Аргентине, Парагвае, Уругвае, Чили и Перу были объединены в одну епархию. В 1969 г. Л. переехал в Буэнос-Айрес.

Л. сочувствовал катакомбной Церкви в СССР. С 1968 г. вел переписку с Ф. И. Журбенко (впосл. архиеп. *Лазарь*, глава неканонической Русской Истинно православной Церкви). Л. вместе с рядом архиереев РПЦЗ стоял на позиции акривии в отношении применения церковных правил, в частности отказывался принимать пожертвования от Всемирного Совета Церквей. Занимался миссионерской деятельностью, познакомил с Православием Хосе Муньоса, ставшего впосл. хранителем монреальской Иверской мироточивой иконы, способствовал переводу на испанский язык правосл. богослужебных текстов.

Л. похоронен на рус. кладбище близ Сантьяго в Чили.

Соч.: Письмо епископа N // *Летопись Церкви*. Владимирова, 1943. № 1. С. 26–27; *Церковная жизнь в Венесуэле* // *Епархиальный вестн. Венесуэльской епархии*. 1959. № 5. С. 23–24; Владыка архиеп. Леонтий благодарит // *Рус. жизнь*. Газ. Сан-Франциско, 1963. № 5410. С. 2; Пусть святые будут нашими друзьями: Слово в Неделю всех святых в земле Российской просиявших // *Правосл. Русь*. Джорд., 2000. № 9. С. 1–3; *Автобиография* // *Рус. паломник*. 2005. № 34. С. 110–117; № 35. С. 166–177; № 36. С. 212–223; 2006. № 37. С. 46–56; № 38. С. 106–117; № 39. С. 168–177; 2007. № 41. С. 34–43; 2008. № 42. С. 94–116; № 43. С. 164–177; 2009. № 44/45. С. 60–67; 2010. № 46. С. 102–123; № 47. С. 46–61; 2011. № 48. С. 128–138; № 49. С. 196–213; 2012. № 50. С. 64–71.

Арх.: РНБ. Ф. 253. Д. 411; ЦДАГОУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 62199; ЦГИАК. Ф. 1276. Оп. 1080. Д. 118; Vasilii I. Alekseev Papers. Box 1. Fol. 1 // Holy Trinity Orthodox Seminary Archive (Jord.); Archbishop Averkii Taushev Correspondence // Hoover Inst. Archive. Aleksandr V. Samoilovich Papers, 1940–1968. Box 2. Fol. 1; Личное дело архиеп. Леонтия (Филипповича) Чилийского. Протоколы заседаний Архиерейских Соборов и Синодов. Д. 49/44 Н. Автономов // Archive of the Synod of Bishops of the ROCOR (Платина, Калиф. США); Записка Л. 1933 г. Справка секретаря Духовного Собора КПЛ иером. Феодосия. Записки Л. 1942–1943 гг. // Fr. Herman Podmoshenskii Archive; Записки бесед с архим. Вениамином (Вознюк). Письмо И. В. Александрова автору от 24 сент. 2003 г. // Архив автора (Jord.).

Лит.: *Распоряжение Моск. Патриархии* // *Голос Литовской правосл. епархии*. Каунас, 1937. № 9/10. С. 2–3; Справка о принятии в общение еп. Серафима (Ляде) // *Церк. жизнь*. Сремски Карловци, 1937. № 12. С. 187–192; *Neuer F. Die Orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1945*. Köln, 1953. S. 127, 204, 207, 213, 216–217; *Правосл. жизнь в Чили* // *Владимирский вестн.* Сан-Пауло, 1954. № 31. С. 23; Освящение храма в Лиме // *Правосл. Русь*. 1955. № 20. С. 13; *Наша церк. жизнь* // *Рус. жизнь*. 1958. 25 дек.; *Даров А. Юбилей служения и подвига* // *Новое рус. слово*. Н.-Й., 1966. 2 дек.; *Рус. Правосл. Церковь Заграницей, 1918–1968* / Сост.: А. А. Соллогуб. Н.-Й., 1968. Т. 2. С. 1211–1213, 1237–1245; К 40-му дню кончины в Бозе почившего архиеп. Чилийско-Аргентинского высокопреосв. Леонтия // *Правосл. Русь*. 1971. № 16. С. 10; *Катакомбы* // *Рус. возрождение*. Н.-Й., П., 1983. № 21. С. 186; *Мануил. Русские иерархи, 1893–1965*. Т. 4. С. 190–191; *Польский*. Ч. 2. С. 89; *Костенко Н. и др.* Трудное житие архиеп. Ергомена // *Рус. мысль*. Газ. П., 1995. № 4101. С. 16; *Тимофиевич А. П.* Божии люди. М., 1995. С. 184; *Псарев А. В.* Архиеп. Леонтий Чилийский (1904–1971): Мат-лы к жизнеописанию архипастыря гонимой Церкви Российской // *Правосл. жизнь*. Джорд., 1996. № 3. С. 1–25; № 4. С. 1–24; № 5. С. 1–26; *Цытин*. История РЦ. С. 273, 277, 282, 309, 597, 747; *The Struggle Against Ecumenism: The History of the True Orthodox Church of Greece from 1924 to 1994*. Boston, 1998. С. 80; *Соколовский О. К.* Церква Христова, 1920–1940: Переслідування християн в СРСР. К., 1999. С. 213; *Шкаровский М. В.* Александро-Невское братство: 1918–1932 гг. СПб., 2003. С. 117; *Марущак В., протодиак.* Архиеп. Димитрий в схиме Ан-

тоний (Абашидзе). Серг. П., 2006. С. 174, 177, 181; *Нивьер*. Деятели рус. эмиграции. 2007. С. 291; *Биограф. сведения о братии Киево-Печерской лавры, пострадавшей за правосл. веру в 20 ст.* / Сост.: Л. П. Рылкова. К., 2008. С. 70–75.

Диак. Андрей Псарев

ЛЕОНТИЙ [Лев; греч. Λεβντιος, Λέων] (ум. 15.02(?).706, К-поль), визант. имп. (695 — лето 698). Пришел к власти, свергнув имп. *Юстиниана II* (685–695, 705–711), однако сам был свергнут имп. *Тиверием II* (698–705). Официально носил имя Лев; имя Леонтий закрепилось за ним в визант. хрониках. Происходил из Исаврии; служил в визант. армии и сделал карьеру, получив должность стратига крупнейшей визант. фемы Анатолик в период правления имп. *Константина IV* (668–685). В 686 г. Л. возглавил военную кампанию византийцев в Закавказье, успешно провел наступление на территорию Кавказской Албании и вынудил араб. халифа Абд аль-Малика начать мирные переговоры и заключить выгодное для Византии перемирие. Однако, когда в 692 г. война возобновилась, войска Л. были разбиты арабами в битве при Севастополе (вероятно, совр. Сулусарай, Турция). За это поражение имп. Юстиниан II отправил Л. в заключение на 3 года. В 695 г. Л. был освобожден и назначен стратигом фемы Эллада, но К-поль не покинул, с группой своих сторонников поднял мятеж и в течение дня взшел на престол. Л. поддержала городская партия венецов; восставшим удалось освободить узников из тюрьмы претория и вооружить их. На стороне Л. выступили Григорий, архим. мон-ря Флора, а также мон. Павел, сведущий в астрологии. Вскоре на сторону Л. перешел и патриарх К-польский *Каллиник*. Имп. Юстиниана схватили во дворце, отрезали ему нос и отправили в ссылку в Херсон Таврический (см. *Херсонес*). Нескольких приближенных Юстиниана толпа растерзала.

Правление Л. пришлось на один из периодов тяжелейшего упадка Византии, когда империя повсюду терпела поражения от мусульман и гос. власть была крайне непрочной. В течение 3 лет правления Л. от Византии отпала закавказская провинция Лазика, захваченная арабами. Владения империи в М. Азии подвергались регулярным нападениям арабов, к-рые мн. жителей уводили в плен. В 695 г. араб. полководец Ха-

сан ибн Нуман предпринял сухопутную экспедицию из Ливии на запад и захватил Карфаген. Узнав об этом, Л. снарядил большой флот во главе с патрикием Иоанном, к-рый вошел в гавань Карфагена и вернул город и его округу под контроль византийцев. Однако в 698 г. прибывшие свежие сухопутные и морские силы арабов, присланные халифом Абд аль-Маликом, нанесли византийцам поражение, заставив Иоанна окончательно оставить Карфаген и эвакуировать свое войско на Крит. Там визант. командующие подняли новый мятеж и передали верховную власть друнгарию фемы Кивирреоты Апсимару, который вскоре принял тронное имя Тиверий. Вскоре

Имп. Леонтий.
Солд. Аверс. Реверс.
695–698 гг. (коллекция
Дамбартон-Окс, Вашингтон)

своей кончины, после чего 8 февр. 929 г. его преемником стал Афанасий I.

силы Тиверия (Апсимара) подошли к К-полю и блокировали город с моря и суши. Договорившись с некоторыми командирами городского гарнизона, мятежники вступили в К-поль через Влахернские ворота и разграбили богатые кварталы города. Л. был свергнут, ему также отрезали нос и заточили в *Далмата монастырь*. Там Л. провел более 7 лет, пока в нач. 706 г. вернувшийся к власти имп. Юстиниан II вновь не вывел Л. на поругание толпы. Л., как главного виновника свержения Юстиниана в 695 г., водили по городским улицам вместе с Тиверием. Во время игр на ипподроме Юстиниан, восседая на троне в имп. ложе-кафисме, на глазах у народа попирал свергнутых соперников ногами. После этого Л. и Тиверий были казнены в тюрьме Кинигий.

Ист.: *Theoph. Chron.* P. 365–366, 368–371, 375; *Niceph. Const. Brev. hist.* 37–39.
Лит.: *Stratos A. N. Byzantium in the VIIth Cent.* Amst., 1980. Vol. 5. P. 24–26, 69–87; ODB. Vol. 2. P. 1212–1213; *Кулаковский. История.* Т. 2. С. 260–265, 272.

И. Н. Попов

ЛЕОНТИЙ I [Лев; араб. لاون; греч. Λέων, Λεόντιος], патриарх Иерусалимский (вероятно, 911–928). Точное имя этого патриарха неизвестно. В араб. хронике *Евтихия* Алек-

сандрийского (X в.), к которой восходят все сохранившиеся о нем сведения и на к-рую опирались позднейшие церковные историки Иерусалимский патриарх *Досифей II Нотара* († 1707) и архим. *Максим Симский* († 1810), он назван Львом, а в стихотворных диптихах Иерусалимских патриархов, составленных на греч. языке в кон. XIII в. и изданных А. И. Пападопуло-Керамевсом, — Леонтием. В научной литературе патриарх чаще фигурирует под 2-м именем (см., напр.: *Grumel. Chronologie.* P. 452; *Nasrallah. Histoire.* Vol. 2. T. 2. P. 17).

Согласно хронике Евтихия, Л. стал патриархом в 3-й год правления халифа аль-Муктадира (908–932) и занимал Иерусалимский престол в течение 17 лет до

Поскольку указанный Евтихием срок правления не полностью охватывает промежуток между названными им же датами избрания иерархов, следует, вероятно, предположить небольшой перерыв между кончиной Л. и поставлением Афанасия. В то же время в научной лит-ре получила распространение датировка, основанная, очевидно, на указании на 929 г. и 17-летний срок Патриаршества Л. (912–929). Досифей II Нотара относил смерть Л. к 921 г., что противоречит всем остальным датировкам.

По сообщению Евтихия, при Л., в 923–924 гг., на Ближ. Востоке прошла череда погромов христ. церквей мусульманами. Так, осенью 923 г. были разрушены правосл. церкви св. Космы и св. Кириака в Рамле, храмы в Аскалоне и Кесарии. В ответ на жалобу христиан халиф разрешил им отстроить эти церкви.

Ист.: *Eutych. Annales.* Pt. 2. P. 79, 82 (рус. пер.: *Медников Н. А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам.* СПб., 1897. Т. 2/1. С. 291. (ППС; Т. 17. Вып. 2/2)); *Максим Симский. История Иерусалимских патриархов со времен 6-го вселенского собора до 1810 г.* // Мат-лы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX вв. СПб., 1904. Т. 2. С. 11–12. (ППС; Т. 19. Вып. 1(55)); *Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἀνάλεκτα.* Т. 1. С. 125, 132, 138, 142, 242, 243.

С. А. Мусеева

ЛЕОНТИЙ II (1110/15–1185), свт. (пам. 14 мая), патриарх Иерусалимский (1174/75/76–1185). Патриаршество Л. пришлось на время господства крестоносцев в Иерусалиме. Правосл. патриархи и епископы были вытеснены со Св. земли, их место заняла лат. церковная иерархия. Архиереи Иерусалимской Церкви нашли убежище в Византии, где более века сохранялось преемство Иерусалимских патриархов в изгнании. Л. был единственным патриархом в изгнании, посетившим Св. землю.

Источники. Известны 2 рукописи с Житием Л.: Patm. 187 (A) (XIII в.) и Patm. 896 (B) (кон. XII — нач. XIII в.), последняя обнаружена на о-ве Патмос в 1964 г. (описание рукописей и сведения о первых изданиях см.: *The Life of Leontios.* 1993. P. 25–27). Оба манускрипта находятся в б-ке мон-ря во имя св. Иоанна Богослова на Патмосе (см. ст. *Иоанна Богослова апостола монастырь на Патмосе*). Между рукописями есть небольшие различия, заключающиеся в расположении нек-рых частей текста, а также в содержании рассказа об ученике Л. Антонии (Арсении). Несмотря на это, рукописи во многом совпадают и даже содержат одинаковые грамматические и орфографические ошибки. Можно предположить, что либо оба манускрипта переписаны с одного оригинала (неизвестен), либо рукопись А переписана с рукописи В.

На 1-м листе рукописи Patm. 187 (A) в оглавлении указано, что Житие составлено мон. Феодосием из К-поля. Более точные сведения представлены на 1-м листе рукописи, где в оглавлении сообщается, что автор — мон. Феодосий Гудел. Очевидно, это тот же самый человек (Феодосий Византиец), который написал «Похвалу прп. Христодулу» (Patm. 179. Fol. 100). О нем ничего не известно, за исключением того, что он сам сообщает в тексте Жития. Он был младшим современником Л. и знал его лично. Также он был знаком с некоторыми близкими Л. людьми: с Антонием, учеником святителя и буд. игуменом на Патмосе, к-рый и предоставил Феодосию большую часть сведений о жизни Л.; с мон. Иларионом и, вероятно, со свящ. Евлогием, прислуживавшим Л. в К-поле до конца его дней, и др. Житие было составлено по прошествии ок. 20 лет после смерти Л. В «Похвале прп.

Святители Аверкий Иерапольский
и Леонтий Иерусалимский.
Икона. XIX в. (ЦАК МДА)

Христодулу» (см. ст. *Христодул Латрин*, основатель мон-ря Иоанна Богослова) Феодосий сообщает о себе, что он был учеником Л. Семья Гуделов была довольно известной, некоторые ее члены занимали высокие посты. Цикандил Гудел был родственником имп. *Мануила I Комнина*. Неизвестно, в каких отношениях состоял с ними автор Жития. Текст может служить источником сведений о политике Византии в отношении крестоносцев на Св. земле, о положении дел на островах Крите и Кипре.

Биография. Согласно Житию, Л. (в крещении Лев) род. в г. Тивериополь (ныне Струмица, Македония). Его родители, чьи имена не названы, были богатыми известными людьми. Когда Л. было 15–17 лет (между 1127 и 1130/31), скончался его отец и юноша решил покинуть родину. Он отправился к другу отца, некоему священнику, к-рому он поведаль, что желал бы достигь К-поля. Ночью Л. тайно вышел из дома священника, взяв с собой икону Спасителя, и, поднявшись на гору, просил Господа направить его по нужному пути. Там он пребывал без пищи почти 3 дня, спал обнаженным на терновнике. Л. вернулся в дом священника и наутро отправился в К-поль, не имея ни денег, ни хлеба, уповая лишь на Господа. Дойдя до столицы, Л. зашел в мон-рь Птелидион во имя Божией Матери (эта обитель (Πτελίδιον) в др. источниках не упом.; Р. Жанен (*Janin. Eglises et monastères. P. 445*) отождествляет его с монастырем Птеригион (Πτερύγιον))

и там переделся в монашеские одежды, но пострига не принимал. В конце Жития автор при перечислении всех церковных должностей, к-рые занимал Л., первой называет должность чтеца. Видимо, как раз в этом мон-ре Л. и стал чтецом, из чего можно сделать вывод, что он получил начальное образование в Тивериополе, хотя специально об этом не говорится. Вначале Л. принял подвиг юродства и терпел насмешки и побои. За свой кроткий нрав и стойкость характера (автор часто подчеркивает эти добродетели, видимо, в назидание молодым монахам) Л. стяжал от Господа дар носить голыми руками горящие угли и ладан (таким же даром обладал Симеон Юродивый (PG. 93. Col. 1709)). Он ходил по городу и кадил встречных людей и иконы, расположенные на перекрестках. В то время Л. не был единственным юродивым в К-поле (после X в. нет данных о святых, которые бы несли подвиг юродства всю жизнь, обычно они становились юродивыми на короткое время для определенных целей).

Вскоре Л. познакомился с епископом Тивериадским (вероятно, его звали Иоанн), жившим в месте под названием Авхинолакк (Αὐχηνόλακκος). Этот топоним из др. источников неизвестен. Издатель Жития полагает, исходя из приводимых в тексте обстоятельств, что это место находилось на азиат. берегу Босфора и там существовал некий мон-рь; однако на Принцевых о-вах известен мон-рь Хинолакк (Χηινόλακκος), что дает повод для дальнейших исследований локализации места жительства наставника Л. Считается, что еп. Тивериадский Иоанн был одним из правосл. архиереев, изгнанных крестоносцами из Палестины (*Планк. 2000. С. 186*). Став учеником епископа, Л. поменял свой образ жизни, став воплощением 2 добродетелей: дисциплины и полного послушания. Однажды старец поручил Л. какое-то дело в К-поле и велел ему вернуться обратно в тот же день. Л. отправился на послушание, но когда он исполнил его, было уже поздно и никто не соглашался переправить Л. через Босфор. Некий священник пригласил его к себе переночевать, но святой, не желая ослушаться своего духовного отца и впасть в искушение при виде красивых дочерей священника, бросился в море и чудесным образом

смог добраться по воде до другого берега.

Примерно после года жизни в К-поле Л. вместе со своим учителем отправился в Палестину, т. к. тот захотел посетить свою епархию. Возможно, эта поездка состоялась между 1128 и 1131 гг. и была связана с успехами *Иерусалимского королевства* в противостоянии с мусульманами и с относительным миром в последние годы правления кор. *Балдуна II Бурского* (1118–1131) и в первые годы Фулька Анжуйского (1131–1143). Из-за начавшегося шторма им пришлось остановиться на Патмосе в мон-ре во имя св. Иоанна Богослова. Пробыв там нек-рое время, они поплыли дальше на Кипр, где перезимовали (довольно странно, что поездка состоялась в середине зимы, если только она не была вынужденной из-за неких неизвестных обстоятельств, вынудивших путешественников покинуть К-поль). Весной, перед отправлением на Св. землю, Л. попросил духовного отца отпустить его на Патмос, т. к. ему очень понравился образ жизни подвизавшихся там монахов. Епископ согласился, однако Л. провел на Кипре еще 2 года (1130–1132). Возможно, автору были известны причины этого, но он не хотел сообщать о них в Житии. Поводом для задержки могли послужить проблемы со светскими или церковными властями.

На Патмосе духовником Л. стал игум. Феоктист (в актах мон-ря ап. Иоанна Богослова настоятели именуются кафигуменами), повелевший Л. проводить время в молитвах в своей келье и не общаться с др. братьями. Помимо служб послушник должен был изучить свод правил, составленный прп. Христодулом. Л. горячо молился, проливал обильные слезы и избивал себя ремнем с гвоздями. Он тайно ходил на братское кладбище и, раздевшись, ложился в чью-нибудь могилу, чтобы всегда иметь смертную память (подобные практики характерны для вост. пустынного монашества раннего периода, но не для XII в.; стоит отметить, что как раз в это время в некоторых зап. мон-рях начинается практика самобичевания, впосл. отразившаяся в движении флагеллантов). Л. был еще безбородым юношей 17–18 лет. Принятие в мон-рь столь молодого человека противоречило правилам прп. Христодула, согласно к-рым в мон-рь запрещался вход женщинам,

юношам и неженатым мужчинам с женщинами и детьми, внухам и даже животным жен. пола.

Феоктист назначил Л. помощником епископа. Поскольку Л. проводил все ночи без сна и жестоко истязал свое тело, во время служб он дремал, облокотившись на стену. Игумен, замечая это, бил его в грудь, так что тот ударялся головой о стену и просыпался. Когда Феоктист узнал об истязаниях, к-рым Л. подвергал себя, то перестал его будить. Решив испытать смирение нового послушника, он то назначал Л. епископом, то низводил до низших чинов. Однако Л. смиренно принимал волю игумена.

Видимо, Л. часто посещал монастырскую б-ку, стремясь расширить свои познания в богословии, нет информации о том, что кто-то его обучал. По словам автора, дар богословских рассуждений Л. получил чудесным образом: однажды во время ночного бдения святой увидел руку, протягивающую ему хлеб, и услышал повеление съесть этот хлеб, после чего он получил способность свободно рассуждать на богословские темы.

Также Л. решил насколько возможно отказаться от пищи. Во время общих трапез он набирал пищу в рот, не глотая, выплевывал в рукав и отдавал птицам и домашним животным. Заметив усердие Л., игумен решил постричь его в монахи и рукоположить во священники. Через неск. лет после пострига и рукоположения Феоктист назначил его икономом. Несмотря на большое количество обязанностей, Л. продолжал ночные бдения и истязания тела. Спал он лишь один час на рассвете. Л. прославился мн. чудесами. Однажды по его молитве от смертельной болезни исцелился игумен, после чего Феоктист, видя, какую милость Л. приобрел у Бога, просил его стать во главе обители, но получил отказ. Будучи икономом, Л. много ездил для устройства монастырских дел, бывая в К-поле и на Крите, откуда мон-рю поставлялся хлеб.

Незадолго до смерти игум. Феоктиста Л. был в К-поле, посетил монастырь прп. Даниила Столпника и захотел там остаться навсегда. Однако перед смертью игум. Феоктист оставил письменное уведомление, что он назначает своим преемником Л. Тот долго сокрушался и не хотел принимать новые обязанно-

сти, но согласился встать во главе обители (в 1157–1158). Основной задачей Л. как игумена было поддержание строгой дисциплины. Большая часть Жития посвящена дисциплинарным вопросам, характерным для того периода.

Во время игуменства Л. прекратились набеги пиратов на остров. Однажды в мон-рь явились морские разбойники и им не понравилась предложенная еда, они стали выражать свое недовольство. Л. призвал на помощь ап. Иоанна Богослова, и вскоре корабль пиратов попал в шторм и пошел ко дну. Известно о прозорливости Л. и его даре принимать искушения др. человека на себя. Его ближайший ученик Антоний ежедневно исповедовал Л. помыслы. Как-то раз он был откровенен не до конца, сочтя свои мысли незначительными, но Л. чудесным образом узнал то, что хотел утаить Антоний. Однажды на Антония напало искушение осуждения Пресв. Богородицы, Л. положил руку ученика себе на шею и помолился, после чего искушение оставило Антония. По его молитве у бездетной четы родилась дочь, названная в честь святого, — Леонто.

В нояб. 1171 г. на Патмосе Л. тяжело заболел и готовился к кончине, но Господь открыл ему, что дарует еще 13 с половиной лет жизни по числу дней его болезни. Осенью 1172 г. Л. отправился к императору с прошением о восстановлении содержания мон-ря, к-рый перестал получать довольствие с Крита. Он познакомился с великим друнгарием и обрел его покровительство при дворе. Вероятно, их сблизили антилат. взгляды. Друнгарий представил Л. имп. Мануилу I Комнину (1143–1180). Несмотря на свою пролат. позицию, император оценил характер и образованность Л. и предложил ему занять на выбор одну из вдовствовавших епископских кафедр: Киевскую митрополию или Кипрскую архиепископию (между 1172 и апр. 1176). Однако Л. отказался, несмотря на увещания Антония и др. учеников, к-рые надеялись, что это будет выгодно мон-рю. Л. было откровение, что он станет патриархом, и действительно ему была предложена Иерусалимская кафедра (1176). Иерусалим находился под властью крестоносцев, там располагалась резиденция лат. прелата, поэтому речь об исполне-

нии архипастырского служения на Св. земле не шла. Дав согласие на Патриаршество, Л. назначил Антония икономом на Патмосе и предсказал ему, что он станет игуменом.

Летом 1177 г. Л. отправился в Палестину по личной инициативе, вероятно намереваясь завершить паломничество, начатое ок. 45 лет назад. Он остановился в прибрежном г. Акко, где совершил множество чудес и исцелений. Пройдя Назарет, Л. со спутниками пришел в Иерусалим и посетил храм Гроба Господня, стараясь не привлекать к себе внимание во избежание конфликтов с латинянами. Однако о его пребывании в Иерусалиме стало известно благодаря совершённому им чуду: по его молитвам пошел долгожданный дождь. К святому стал приходить народ. О его присутствии узнал лат. Иерусалимский патриарх и подослал к нему убийц. Но Господь ослепил их, и они не смогли найти вход в жилище Л.

Патриарх Иерусалимский Л. был единственным предстоятелем Иерусалимской Православной Церкви, к-рый в то время попытался осуществить пастырское служение на Св. земле. Он не был допущен лат. властями к служению в храме Гроба Господня и мог посещать его лишь как простой паломник. Эмир Дамаска (в Житии не назван по имени, но это, несомненно, Салах-ад-Дин) предлагал Л. поселиться в его владениях, обещая передать ему кафедральный собор Дамаска и назначить денежное содержание, но патриарх отклонил это приглашение. Только уступив призывам имп. Мануила I Комнина к возвращению и не желая провоцировать межконфессиональные столкновения в Палестине, Л. вернулся в К-поль (летом 1178) (Из жизни патриарха Леонтия. 1889. С. XXV–XXXVII; Планк. 2000. С. 187–188). По пути Л. из Палестины на Родос случился шторм, во время которого шлюпку с людьми унесло в море. Л. помолился и предсказал, что с пропавшими не случится ничего плохого. Не все ему поверили, однако его предсказание в точности сбылось. Известие об этом дошло до имп. Мануила, и по прибытии Л. в столицу он встретил святого очень тепло.

Оставшиеся 7 лет жизни Л. провел в К-поле, поддерживая связь с мон-рем на Патмосе. Антоний просил Л. обратиться к императору с ходатайством о выдаче Патмосскому

мон-рю хрисовула для облегчения налогов. Но Л. отказал ему, предсказав, что он получит хрисовул после смерти самого Л. и императора. Так и случилось при имп. *Исааке II Ангеле*. У Антония на языке появился нарост, мешавший ему говорить и есть. Врачи советовали ему сделать операцию, но Л. приказал ученику стать на время его канонархом, и после исполнения послушания болезнь отступила. Еще он рассказал Антонию о 2 монахах, к-рые вели на Патмосе пагубный образ жизни. Также Л. стяжал от Бога дар повелевать ангелами. Когда патриарх Антиохийский *Кирилл I (II)* был при смерти, у его одра собралось множество архиереев, в т. ч. К-польский патриарх *Феодосий I Ворадиот* и Л. Агония умирающего длилась 6 дней, но душа не могла покинуть тело. Л. повелел ангелу Господню поскорее забрать душу патриарха, чтобы прекратить страдания, и ангел его послушался.

Л. сохранил принципиальность до конца своих дней. Он был одним из немногих архиереев, кто после смерти Мануила I выступал против организованного имп. *Андроником I Комнином* брака между его дочерью Ириной и незаконнорожденным сыном Мануила Алексеем (авг./сент. 1183).

По прошествии дарованных Богом 13 с половиной лет свт. Л. заболел и 14 мая 1185 г. отошел ко Господу. Те, кто были с ним в его смертный час, положили его тело в деревянную гробницу и оставили ее в храме Архангелов в мон-ре Стиру. Этот мон-рь служил резиденцией Иерусалимских патриархов и, по мнению Жанена (*Jannin. Eglises et monasteres. P. 395*), располагался недалеко от Аркадиан. Ученики Л., в особенности Евлогий, захотели запечатлеть образ учителя и пригласили художника, но тому не удавалось передать черты лица святого, т. к. оно постоянно менялось, будто бы Л. смиренно избегал создания своего изображения для почитания.

Гробницу святого поставили на черепки, чтобы они поглощали неприятный запах, исходивший от тела. Однако на 4-й день, несмотря на то что гробница представляла собой 2 вложенных один в другой деревянных саркофага, из нее, будто бы из свежей раны, вытекла кровь, источающая аромат. Когда об этом узнал император Андроник, он велел соорудить новую подобающую гробницу.

История написания Жития. Феодосий Гудел был насельником мон-ря ап. Иоанна Богослова на Патмосе, однако Житие написано в др. месте. В тексте есть указание на то, что Феодосий отсутствовал в мон-ре во время тяжелой болезни Л. (нояб. 1171). Антоний, ближайший ученик святого, информировал Феодосия. Житие явно было написано для чтения вслух перед аудиторией, незнакомой с патмосскими реалиями, т. к. в тексте содержатся подробности (описание окрестностей мон-ря и т. п.), к-рые были хорошо известны местным жителям. Можно предположить, что Феодосий написал Житие, находясь либо на одном из подворий мон-ря, напр. на Крите, либо в К-поле. Возможно, автор сам происходил из К-поля, т. к. он хорошо знает город и разбирается в политической ситуации, подробно рассказывает о великом друнгарии. Автор явно хорошо осведомлен о жизни Л. в К-поле после его возвращения из Палестины. Создается впечатление, что он присутствовал при некоторых ситуациях, напр. при разговоре Антония и Л. о 2 заблудших монахах (Феодосий довольно подробно описывает собственную реакцию и реакцию Антония на это). Можно предположить, что Феодосий был вместе с Л. в К-поле в течение последних лет жизни святого (между 1178 и 1185).

В рассказе о великом друнгарии Феодосий сообщает, что одна из его дочерей была женой бывш. императора (*Алексея III Ангела* (1195–1203)); значит, текст был составлен после июля 1203 г., когда император был свергнут участниками 4-го крестового похода. В тексте нет указаний на падение К-поля в 1204 г. Но также автор, повествуя о пребывании Л. на Кипре, не сообщает о том, что остров находился под властью Лузиньянов, или о поездке Л. на Св. землю, не упоминает и о захвате Иерусалима Саллах-ад-Дином в 1187 г. Возможно, текст Жития был составлен позже, в 1205 или 1206 г., т. к. Феодосий говорит об игуменстве Антония в прошедшем времени (с 1206 новый игумен).

Текст Жития составлен по агиографическим канонам того времени (можно отметить ряд общих мест). Несмотря на ряд грамматических и синтаксических ошибок, Феодосий стремится к высокому стилю изложения, цитирует Свящ. Писание и

творения св. отцов. Повествование содержит прямую речь с использованием разговорных выражений, шуток и т. п. Эти элементы делают текст естественным и живым, интересным для чтения. Феодосий был человеком образованным, но его эрудиция ограничена произведениями классических авторов.

В тексте нет точной датировки событий жизни Л. Автор сообщает, что Л., прибыв в мон-рь на Патмосе, был еще безбородым, следов., ему было 17–18 лет. Скончался он, по сообщению Жития, будучи глубоким старцем. Зная, что это произошло в 1185 г., и предполагая, что указанный в Житии возраст ок. 70–75 лет, можно считать, что Л. род. между 1110 и 1115 гг. Монахом он стал вскоре после назначения Феоктиста игуменом в 1127/28 г., скорее всего ок. 1132 г. Столь молодой возраст Л. при поступлении в мон-рь говорит о том, что в К-поле он оставался недолго, около года, между 1127 и 1130/31 гг.

Сочинения. Известно, что Л. несомненно был автором соч. «Главы о Святой Троице» (*Κεφάλαια περὶ τῆς Ἁγίας Τριάδος*). Также ему приписывают соч. «О разных видах любви» (*Περὶ διαφορῶν ἔρωτος*). Оба произведения сохранились в Patm. 187. Fol. 54a — 58b, 58b — 59b и были опубликованы вместе с его Житием.

В «Главах о Святой Троице» речь идет о словах из Евангелия «Отец Мой более Меня» (Ин 14. 28), к-рые в XII в. широко обсуждались и были рассмотрены на К-польском Соборе 1166 г. Л., отвергая еретические толкования, цитирует св. отцов: прп. Иоанна Дамаскина, свт. Григория Богослова, свт. Иоанна Златоуста и свт. Кирилла Александрийского, но не выдвигает оригинальных доводов. Из-за этого сочинения Л. принято считать представителем антилат. взглядов.

Произведение «О разных видах любви» в рукописи идет сразу же за первым без к.-л. разделительных знаков, как его продолжение. Но его содержание касается другого вопроса: в тексте идет речь о 2 видах любви — земной и небесной, из чего следует, что это отдельное сочинение. Нет явных указаний, что оно принадлежит Л. Возможно, это вступление к какому-то более объемному произведению, но подтверждения подобной т. зр. не найдены.

Леонтий, митр. Пафосский.
Фотография. 30-е гг. XX в.

Почитание и иконография. В кафеликоне мон-ря на Патмосе есть придел, посвященный Пресв. Деве Марии, к-рый изначально мог быть посвящен Л., т. к. его росписи имеют нек-рые особенности. На сев. и юж. стенах изображены 9 патриархов Иерусалимской Церкви в полный рост, из к-рых 1 или 2 можно идентифицировать как Л. Но поскольку фрески сильно повреждены, об этом нельзя говорить с полной уверенностью. На одной фреске на зап. стене патриарх (возможно, Л.) представлен как источник мудрости: святитель сидит за столом и касается рукой пюпитра, на котором лежит книга. Из верхней части пюпитра изливаются 3 потока воды, и неск. изображенных людей пьют эту воду, что символизирует мудрость и ораторское искусство Л. О красноречии святого свидетельствует и эпизод в Житии, когда на Крите некий юродивый назвал Л. златоустом.

На южной стене есть анонимное (из-за поврежденной надписи) изображение патриарха сразу за алтарной преградой. На этом месте, как правило, изображался святой, которому посвящен придел. Если посвящение Л. действительно имело место, то образ святителя должен быть еще и в арке над южным входом, где сейчас обнаруживается слой росписи XVIII в. с изображением неизвестной святой.

Единственным человеком, кто мог бы посвятить часовню Л., является его ученик Антоний (игумен в сер. 80-х гг. XII в. — 1203/1206), начавший т. о. традицию почитания Л. как святого.

Археологи говорят о 2 этапах строительства в мон-ре: 1-й в посл. четв. XI в. связан с именем основателя мон-ря, прп. Христудула; 2-й относится к XII в.

Ист.: Из жизни патриарха Леонтия // *Иоанна Фоки* сказание вкратце... СПб., 1889. С. XXV–XXXVII. (ППС; Т. 8. Вып. 2(23)); *The Life of Leontios Patriarch of Jerusalem / Text, transl., comment.* D. Tsougarakis. Leiden; N. Y.; Köln, 1993.

Лит.: *Планк П., свящ.* Правосл. христиане Св. Земли во времена крестовых походов (1099–1187) // *АнО.* 2000. № 4(26). С. 180–191.

Е. М. Беленькая

ЛЕОНТИЙ I (в миру Антониос Леонтиу; 9.03.1896, Лимасол, Кипр — 26.07.1947, Никосия), архиеп. Кипрский (20 июня — 26 июля 1947). Отец Антониоса, кузнец Саввас Ле-

онтиу, происходил из с. Айос-Димитрианос (совр. округ Пафос), но после женитьбы на жительнице Лимасола переселился в этот город. В Лимасоле Антониос закончил начальную школу и затем поступил в Греческую гимназию. В 1910 г. он познакомился с приехавшими на Кипр с Афона иконописцами мон. Кириллом и его братом иером. Нифонтом, к-рые жили в мон-ре вмч. Георгия Победоносца в местности Хавуза (ныне в черте Лимасола). Мать Антониоса пыталась воспрепятствовать сыну посещать мон-рь. В 1913 г. юноша оставил обучение в гимназии и стал послушником в св. *Георгия Аламана монастыре* близ Лимасола, куда переселились его духовные наставники. В эти годы он научился у них иконописанию. В 1918 г. мон-рь был закрыт, Антониос вернулся в Лимасол и окончил последний класс гимназии. 16 июня 1919 г. он принял монашеский постриг с именем Леонтий и был рукоположен во диакона. В нояб. 1919 г. Кипрский митр. Никодим (Милонас) отправил Л. на обучение в Грецию. По окончании богословского фак-та Афинского ун-та в 1923 г. Л. вернулся на Кипр и был назначен преподавателем Всекипрского церковного уч-ща в Ларнаке, а в 1926 г. — иерокириксом (проповедником) Пафосской митрополии и одновременно учителем гимназии в Пафосе. В 1928 г. по ходатайству Г. С. *Али-визатоса* Греческое гос-во предоставило Л. стипендию на обучение в Богословской семинарии Нью-Йорка, где он получил степень бакалавра, а затем магистра богословия. Кроме того, Л. посещал занятия в Колумбийском ун-те. После смерти Пафосского митр. Иакова (Андзула-

тоса) Л. был единогласно избран на Пафосскую кафедру 22 апр. 1930 г. 31 июля он вернулся на Кипр, 3 авг. был рукоположен во иерея, а 6 авг. состоялась его архиерейская хиротония. Л. занимался улучшением системы образования в своей епархии, по его инициативе был открыт детский сад в Ктимае. По политическим взглядам Л. относился к числу непримиримых по отношению к брит. властям сторонников энозиса (присоединения Кипра к Греции).

В 1930 г. он вступил в конфликт с посетившим Кипр зам. министра по делам колоний Т. Драммондом Шилзом, к-рый был встречен в Пафосе протестующими против брит. колониального режима. Драммонд Шилз заявил, что эти выступления сторонников энозиса были инициированы церковными властями. Л. ответил, что стремление Кипра к объединению с Грецией является естественным, а его пастырский долг — вести свой народ по пути свободы. Он также пожелал Драммонду Шилзу последовать примеру англ. филлинов, боровшихся за освобождение Греции во время революции 1821–1829 гг. В авг. 1930 г. Л. устроил в Пафосе торжественный прием консулу Греции на Кипре А. Киру, к-рый являлся сторонником энозиса.

В 1930 г. Л. представлял Кипрскую Православную Церковь на Ламбетской конференции, в 1931 г. — на заседаниях Лондонской догматической комиссии и на конференции старокатоликов в Бонне. В связи с участием в этих мероприятиях Л. оказался за пределами Кипра во время антибрит. восстания, произошедшего в окт. 1931 г. Поэтому он не был отправлен в ссылку вместе с митрополитами Никодимом Кипрским и Макарием Киринийским (в посл. архиеп. Кипрский *Макарий II*). Тем не менее разрешение вернуться на остров Л. удалось получить только 8 июня 1932 г., после настоятельных просьб к брит. властям архиеп. *Кирилла III*. Когда временный губернатор пожелал встретиться с прибывшим на Кипр Л., тот отказался под предлогом болезни и отправился из Никосии в Пафос, проигнорировав приглашение. Поскольку Л. продолжил политическую деятельность, призывая паству к энозису, в нояб. 1932 г. брит. власти устроили суд над непокорным иерархом.

После смерти 16 нояб. 1933 г. Кирилла III Л. остался единственным

архиереем на Кипре и стал местоблюстителем архиепископской кафедры. Попытки Л. организовать выборы предстоятеля Кипрской Православной Церкви встретили противодействие как со стороны губернатора Г. Р. Палмера, установившего на острове диктаторский режим, так и со стороны сосланных митрополитов, к-рые являлись основными претендентами на архиепископский престол (см. подробнее в ст. *Кипрская Православная Церковь*).

В 1938 г. Л. снова был вызван в суд «за возмущение общественного спокойствия» и приговорен к ограничению передвижения в пределах района Ктима в Пафосе сроком на год. Из Пафоса Л. управлял Церковью, назначив своих представителей в Никосии, Пафосе, Ларнаке и Киринии. Поскольку Л. произносил патриотические речи, то новый суд, состоявшийся в мае 1939 г., приговорил его к еще одному году ограничения передвижения.

В 1939 г. Л. преобразовал в киновию мон-рь Пресв. Богородицы *Троодитиссы* и переселил туда часть братии из мон-ря *Ставроуни*, к-рый местоблюститель часто любил посещать. У Л. была тесная духовная связь с подвизавшимся в Ставроуни иером. Киприаном (Хадзигеоргалисом; † 1955).

В условиях второй мировой войны чрезвычайный режим на Кипре был отменен, англичане и киприоты вместе сражались «ради общей победы», у киприотов появились надежды на послевоенное изменение политического строя. В те годы соответствующим образом изменилась и позиция Л. по отношению к брит. властям.

В 1941 г. Л. учредил Народный Совет Кипрской Церкви из представителей 6 округов — совещательный орган при местоблюстителе. В период местоблюстительства Л. большую роль в церковной жизни играли епархиальные комиссии, в к-рых участвовали миряне. Л. считал, что Церковь должна оставаться вне партийной борьбы. В речи от 15 нояб. 1944 г. он заявил, что Церковь не имеет права предать анафеме кипрскую коммунистическую партию АΚΕΛ, потому что коммунизм является социально-политической системой, а не ересью, и он не был осужден ни одним из Вселенских Соборов. Л. упомянул, что греч. король поддерживает отношения с прави-

тельством СССР, а правосл. Патриархаты — с РПЦ, к-рая сотрудничает с советской властью (*Κοκκινώφτας*, 2015. Σ. 145). Однако после вооруженных столкновений в Греции в дек. 1944 г. правых и левых сил Л. вынужден был оставить свое намерение сотрудничать с АΚΕΛ в рамках созданного им в янв. 1945 г. Бюро этнархии Кипра, целью к-рого было освобождение острова. Местоблюститель испытывал все более сильное давление со стороны правых сил, требовавших анафематствования коммунистов. 11 нояб. 1945 г. он обратился с письмами к Синоду Элладской Православной Церкви, чтобы узнать, осуждалась ли им официально коммунистическая идеология (отрицательный ответ был получен 29 нояб. 1945), и к профессору канонического права Аливизатосу относительно того, можно ли ее осудить с канонической т. зр. В подробной записке Аливизатос изложил, что церковное осуждение политической теории антиканонично, но если через нее распространяются антирелиг. идеи, то пастырям необходимо вести просветительскую работу в данном направлении. 12 февр. 1946 г. Л. обратился к киприотам с посланием, в к-ром заявил, что «некоторые крайние проявления коммунистической теории достигли пределов антихристианской пропаганды», и призвал их быть бдительными (*Ibid.* Σ. 149).

По окончании второй мировой войны стало ясно, что англичане не собираются предоставить Кипру независимость. Для переговоров о статусе Кипра была сформирована делегация киприотов во главе с Л., к-рая в дек. 1946 — марте 1947 г. посетила Лондон и Афины. Но ее усилия оказались безрезультатными.

В кон. 1946 г. митр. Макарий Киринийский получил разрешение вернуться на Кипр, а К-польский Патриархат делегировал митр. Иоакима Деркского для формирования временного Синода, и т. о. стало возможно провести канонические выборы архиепископа Кипра. Митрополиты Л. и Макарий договорились в них не участвовать. Однако значительная часть киприотов настаивала на избрании Л., к-рый к тому времени приобрел большой авторитет у жителей Кипра. Вопреки воле Л. его кандидатура была выдвинута народными представителями, и 20 июня 1947 г. он был избран на архиепископскую кафедру. Во избежание конф-

ликта с митр. Макарием Киринийским, обвинившим местоблюстителя в нарушении данного им слова, Л. отказался занять эту должность. Отказ Л. грозил новым церковным кризисом, но в результате переговоров и посредничества митр. Иоакима Деркского стороны пришли к соглашению и Л. стал архиепископом Кипра. 26 июня Л. отказался участвовать в Советании глав и представителей правосл. Церкви в Москве, сославшись на то, что созывать подобные собрания имеет право только К-польский патриарх.

Требую «энозиса и только энозиса», Л. выступал за бойкот тех незначительных преобразований на острове, к-рыми собирались ограничиться брит. власти. Поэтому 12 июля 1947 г. он издал обращение, призывая греко-киприотов воздержаться от участия в Советательном собрании, организованном колониальными властями. 26 июля Л., страдавший от хронической болезни, скончался.

Л. является автором многочисленных статей на греч. языке (опубл. гл. обр. в ж. «Апостол Варнава», к-рый он возглавлял) и исследования на англ. языке: *Church and State in the Byzantine Empire // American Church Monthly*. N. Y., 1930. Vol. 28. N 1. P. 14–24.

Лит.: *Tillyrides A. Cyprus 1931–1947: The Outcome of the Uprising and the Long Vacancy of the Archiepiscopal Throne // Εκκλησία και Θεολογία*. Л., 1982. Т. 3. Σ. 441–880; *Παυλίδης Α. Λεόντιος αρχιεπίσκοπος // ΜΚΕ*. 1988. Т. 9. Σ. 21–28; *Rappas A. Leondios and the Archiepiscopal Question, 1933–47: The Demise of an Apolitical Ethnarchy? // The Archbishops of Cyprus in the Modern Age: The Changing Role of the Archbishop-Ethnarch, their Identities and Politics / Ed. V. Andrekos, M. N. Michael. Camb., 2013. P. 211–239; Κοκκινώφτας Κ. Αρχιεπίσκοπος Κύπρου Λεόντιος. Λευκωσία, 2015.*

О. В. Л.

ЛЕОНТИЙ I, свт., еп. Ростова — см. *Леонтий*, свт., еп. Ростовский.

ЛЕОНТИЙ II (Леон, Леонт) († до 1184), еп. (с 1158), архиеп. (с 1164 (?)) Ростовский (с перерывами). Л. был хиротонисан во епископа Ростова митр. Киевским *Константином I* летом или осенью 1158 г., после полутора лет вакантности Ростовской кафедры, т. к. его предшественник *Нестор* лишился епископии еще зимой 1156/57 г., сразу по прибытии Константина на Русь. Поскольку поиск замены для Нестора занял столько времени, Л.

не был одним из тех кандидатов на рус. кафедры, которые прибыли из К-поля вместе с новым митрополитом для замены епископов — сторонников митр. *Климента (Клима Смоленячича)*. Нестор и в самом деле отнюдь не принадлежал к приверженцам Климента. Это дает основание догадываться, что удаление Нестора и поставление Л. были связаны с конфликтом между Киевским кн. *Юрием (Георгием) Владимировичем* Долгоруким и его старшим сыном св. блгв. кн. *Андреем Юрьевичем Боголюбским*, к-рого, очевидно, и поддержал Нестор. Но Л. не успел почувствовать сложность своего положения, поскольку уже в мае 1157 г. Юрий скончался и Андрей вопреки завещанию отца стал князем Владимиро-Суздальским.

В первый же год своего святительства и правления Андрея Л. успел вызвать резкое недовольство подчиненного ему духовенства и вообще «ростовцев и суждальцев» тем, что «умножил бяше церковь грабьяй попы» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349; Т. 2. Стб. 493). Это кажущееся противоречивым выражение вызвало дискуссию. Согласно одной т. зр., Л. увеличивал число приходов и соответственно священников с целью получать с последних побольше платы за поставление (Е. Е. *Голубинский*); согласно другой, стал взимать церковную подать не по числу храмов, а по числу престолов, увеличив ее, т. о., за счет приделов (Н. Н. *Воронин*), или же попросту лихоимствовал (Ю. А. *Лимонов*). Между тем при прямой и наиболее естественной трактовке — Л. обложил духовенство тяжелыми поборами на постройку церквей (П. П. *Соколов*) — летописное свидетельство хорошо вписывается в церковную политику Андрея Боголюбского, основной идеей к-рой до 1167 г. было создание во Владимире отдельной от Киева митрополии. Ее главным оправданием как раз и служило активное церковное строительство и массовое открытие приходов («умножение церквей»), на чем и делал упор Андрей в послании К-польскому патриарху *Луке Хрисовергу* в 1163 г. (А. В. *Назаренко*). Т. о., свою деятельность Л. начал как активный проводник церковно-политических замыслов владимиросуздальского князя, и перспектива стать митрополитом должна была только усилить его рвение. В результате Л. был изгнан «ростовцами и

Спор Леонтия, еп. Ростовского, о посте с блгв. кн. Андреем Боголюбским и Феодором. Миниатюра из Лицевого летописного свода. 70-е гг. XVI в. (РНБ. F.IV.233. Л. 188 об.)

суждальцами» (показательно, что о князе речи нет) уже в 1159 г. — видимо, не ранее мая, когда стало известно о кончине митр. *Константина*. Т. к. паства Л. считала, что «Леон епископ не по правде поставися Суждалю, Нестеру пискупу суждальскому живущю, перехватив Нестеров стол» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 351–352), то с переменами на митрополичьем престоле могли связываться надежды на восстановление Нестора. Понятно, почему в такой ситуации Андрей Юрьевич не стал защищать Л.

Ни владимиросуздальское, ни киевское летописание не сообщают, когда и почему Л. вернулся на кафедру. Это случилось не позднее 1161 г., как естественно думать, в связи с решением нового митрополита *Феодора*, прибывшего в Киев в авг. 1160 г. Неизвестно, где оставался Л. в месяцы изгнания: в Киеве или, быть может, в Чернигове у еп. *Антония*, др. ставленника митр. *Константина*? Однако и на этот раз пребывание Л. рядом с кн. Андреем было недолгим. Хронология последующих событий в летописях сбивчива, но поддается восстановлению. В 1161 г. Л. оказался снова изгнан, уже по воле самого Андрея. Изгнанию подверглись также младшие братья Андрея, его старшие племянники, а также приближенные отца, и это заставляет догадываться, что Л. либо связался с оппонентами князя в его семействе (традиционалистами-противниками новаторства Андрея),

либо, что вероятнее, просто встал на защиту изгоняемых по праву печалования. Вскоре, зимой 1161/62 г., князь вернул епископа, но подверг опале, не дав ему жить в суздальской резиденции, поблизости от княжеского Владимира, а удалив в Ростов, на старую кафедру, где у епископа не было тогда даже собственного храма — кафедральный Успенский собор сгорел в 1160 г. Относительное примирение длилось всего 4 месяца. Продолжение конфликта связано с церковно-дисциплинарным спором, к-рый на Руси получил по имени Л. громкое название «леонтианская ересь».

Незадолго до Пасхи 1162 г. Андрей «нача просити» у Л. «от въскресения Христова (Пасхи.— А. Н.) до всех святых (1-го воскресенья по Троице.— А. Н.) ести мяса и в среду и в пяток. Епископ же повеле ему одну неделю порозную (Пасхальную, Светлую седмицу.— А. Н.) ести мяса в среду и в пяток, а прочею добре хранити» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 520). Из этого сообщения, равно как и из последующих событий, можно заключить, что восстановление канонического порядка в Русской Церкви, нарушенного незаконным с т. зр. К-поля святительством митр. *Климента Смоленячича*, сопровождалось также и мерами по ликвидации частных расхождений рус. церковного обихода с византийским. На Руси привыкли к тому, что по великим, Господским и Богородичным, праздникам, если они приходились на среду или пятницу, обычный для этих дней пост «разрешался», т. е. отменялся. О восстановлении такой практики и ходатайствовал князь, трактуя всю Пятидесятницу как сплошной праздник. Епископ настаивал на практике, принятой в к-польской Великой ц. Обычай самой Византийской Церкви не был единым, различаясь в столице и, напр., в афонских монахах. В публичных («предо всеми людьми») прениях, к-рые князь устроил по вопросу о постах, Л. был побежден неким *Феодором (Феодорцем)*, княжеским любимцем и, очевидно, духовником. Л. продолжал стоять на своем, и последовало очередное, 3-е изгнание. Изгнанник искал правды в Киеве, у митрополита, но в живых его не застал: митр. *Феодор* скончался примерно в мае 1162 г. Прибывший в 1163 г. митр. *Иоанн IV* принял сторону Л. Однако тем временем

вопрос был вынесен уже на суд патриарха: летом или осенью 1163 г. Андрей Юрьевич направил посольство в К-поль с просьбой открыть во Владимире митрополию во главе с Феодорцем. Л. присоединился к посольству и в ставке имп. Мануила I Великого Комнина в Белграде на Дунае участвовал еще в одном диспуте о постах – с Охридским архиеп. Иоанном (Адрианом), родным дядей императора, но столь же неудачно.

В ходе полемики Л. возвысил голос даже против императора, за что «ударил слугу цесаревы Леона за шью и хотеша и в реце утопити» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352). Однако патриарх Лука подтвердил вердикт Киевского митрополита и оправдал Л. В ответном патриаршем послании кн. Андрею Юрьевичу в просьбе о митрополии было отказано и предписывалось принять назад изгнанного епископа. В полном виде послание дошло в составе Никоновской летописи 1-й пол. XVI в., в которой, однако, интерполировано имя еп. Нестора, что долго вводило в заблуждение исследователей; в первоначальном тексте, как показал Соколов, упоминание о епископе было анонимным и имел в виду Л.

С этим посланием Л. вернулся в 1164 г. на Русь, но столкнулся с прямым нежеланием князя признать решение священноначалия. Чтобы поддержать гонимого и в то же время, возможно, отчасти компенсировать отказ Андрею в митрополии, митрополит (очевидно, по согласованию с патриархом) в 1164/65 г. присвоил Л. звание архиепископа, которое на Руси было чисто титулярным, не сопровождаясь выведением из юрисдикции митрополита, как в Византийской Церкви. Этот титул читается в надписи на найденной в 1985/86 г. в Новгороде свинцовой печати: «Θ[ΕΟΤΟΚ]Ε Β[ΟΝ]Θ[ΕΙ] ΛΕΟΝΤΙΩ Α[Ρ]Χ[Ι]ΕΠ[Ι]ΣΚΟΠΩ ΡΩΣΤ[ΟΒΟΥ] ΔΟΥΛΩ [CΟΥ]» – «Богородице, помози Леонтию, архиепископу Ростова, рабу [Твоему]» (публикаторы ошибочно прочли начало надписи: «Κ[ΥΡΙ]Ε» – «Господи» вместо правильного «Θ[ΕΟΤΟΚ]Ε» – «Богородице»). Но Андрей Юрьевич не принимал Л., оставляя управление епархией в руках Феодорца. Дело приобрело общерус. размах. С обличениями Феодорца выступил еп. Туровский св. Кирилл II, но против

практики постов, к-рая навязывалась митрополией и Л., выступил настоятель Киево-Печерского мон-ря Поликарп, за что был запрещен в служении митр. Константином II. Митрополита и Л. поддержал Черниговский еп. Антоний, досаждавший своими запретами черниговскому кн. Святославу (Николаю) Ольговичу, за что разделил судьбу Л., будучи изгнан из Чернигова.

В нач. 1169 г., овладев Киевом, Андрей Боголюбский потерял интерес к планам Владимирской митрополии и выдал Феодорца на суд митрополиту. Но это не означало торжества Л. Примирение владимиро-суздальского князя с митрополией оказалось облечено в форму компромисса: в ответ на уступку кн. Андрея в вопросе о Владимирской митрополии митр. Константин отказался от поддержки Л., восстановив на кафедре Нестора. Со смертью патриарха Луки в 1169/70 г., при патриархе Михаиле III Анхиаде (1170–1178) и Киевском митр. Михаиле II (III), решился и вопрос о постах в пользу традиционного для Руси обычая. Последнее упоминание о Л. как о покойном Ростовском архиерее относится к 1184 г., откуда можно заключить, что по смерти Нестора Л. снова возглавил епархию.

Ист.: ПСРЛ. Т. 9. С. 223–229; ПДРКП. Стб. 63–76. № 3; Макарий. История РЦ. Кн. 2. С. 581–582 [послание патр. Луки]. Лит.: Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до нач. XV в. К., 1913. С. 96–97; Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризверг: Из истории рус.-визант. отношений XII в. // ВВ. 1962. Т. 21. С. 34–35; Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки соц.-полит. истории. Л., 1987. С. 51; Янин В. Л. Моливдовул Ростовского еп. Леонтия // ВИД. 1994. Сб. 25. С. 5–18; Янин В. Л., Гайдюков П. Г. Актовые печати Др. Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3. С. 29–36; Назаренко А. В. Несостоявшаяся митрополия: Об одном из церк.-полит. проектов Андрея Боголюбского // «Хвалам достойный...»: Андрей Боголюбский в рус. истории и культуре. Владимир, 2013. С. 12–35; Печников М. В. Леонтий II, Леон // Древняя Русь в средневек. мире: Энциклопедия. М., 2014. С. 449.

А. В. Назаренко

ЛЕОНТИЙ ВИЗАНТИЙСКИЙ [греч. Λεόντιος Βυζάντιος] (кон. V – 1-я пол. VI в.), богослов-полемист, один из авторов «Леонтиевского корпуса».

Сведения о жизни. Сочинения Л. В. содержат мало сведений о его жизни. В манускриптах он именуется «блаженным монахом», «аскетом», «блаженным отшельником» или просто «аввой» (Daley. 1978.

Р. I). По мнению Б. Э. Дейли, эти эпитеты могли относиться к монаху-пустыннику, особенно к тому, к-рый жил в полуотшельнической общине лавры (Ibidem). Из сочинений Л. В. следует, что он (видимо, в молодые годы) был представителем группы «мнимых халкидонитов», увлекавшихся взглядами Диодора, еп. Тарсийского, и Феодора, еп. Мопсуестийского (Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyech. III // PG. 86a. Col. 1357, 1360–1361, 1364, 1377), однако порвал с ними благодаря неким «божественным мужам», «которые не только очистили его душевные очи от всей той грязи, но и наполнили их священным светом из книг богомудрых учителей» (Ibid. Col. 1360). Впосл., повинувшись настояниям друзей, он сформулировал свою богословскую позицию в 3 трактатах, хотя, по его собственному выражению, и не имел для этого достаточного образования (Ibid. I // PG. 86a. Col. 1268–1269; Ibid. III // PG. 86a. Col. 1360). Этот образ согласуется с упоминаниями Л. В. в более поздних источниках. В частности, свт. Фотий, патриарх К-польский, свидетельствует, что свт. Софроний I, патриарх Иерусалимский, цитировал Л. В., «принявшего отшельническое жительство и уединенную жизнь» (Phot. Bibl. Cod. 231, 287a. 27–28); свт. Герман I, патриарх К-польский, ссылается на «Леонтия монаха-пустынника» как на защитника халкидонитской христологии (German. CP. De haer // PG. 98. Col. 72); Никифор Каллист Ксанфопул упоминает «монаха Леонтия», автора «книги [против монофизитов] в 30 частях» и последовательного оппонента Севира, патриарха Антиохийского (Niceph. Callist. Hist. eccl. 18 // PG. 147. Col. 428). Из сочинений Л. В. следует, что они были составлены в период, когда сформировалась севирианская ересь, получило распространение учение Юлиана, еп. Галикарнассского, о нетленности тела Иисуса Христа, дискутируемым было наследие Антиохийской школы (см. ст. Богословские школы древней Церкви). Ссылки Л. В. на ареопагитский трактат «О Божественных именах» как на авторитетный источник (Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyech. I // PG. 86a. Col. 1288, 1305; Daley. 1978. P. 134) вряд ли можно датировать существенно раньше 532 г., когда «Ареопагитики» были впервые процитированы в халкидонитских

источниках («Письмо фессалонийскому пресвитеру Фоме» Иннокентия Маронийского — АСО. Т. 4(2). Р. 173). Антиохия именуется Л. В. «градом Божиим» (θεοῦ πόλις — *Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyech. III // PG. 86a. Col. 1364*) — это название ей было присвоено после землетрясения 29 нояб. 528 г. и восстановления города в 529 г. *Вселенский IV Собор* (Халкидонский) Л. В. называет «последним из всех Соборов» (Ibid. Col. 1381); из текста также следует, что Диодор Тарсийский и Феодор Мопсуестийский еще не были осуждены официально. Однако трактат Л. В. «Против несториан и евтихиан» был составлен, по-видимому, не только до *Вселенского V Собора* 553 г., но и до 1-го эдикта имп. св. Юстиниана I против «Трех Глав» от 544 г., поскольку в текстах Л. В. не упоминаются ни Ива, еп. Эдесский, ни Феодорит, еп. Кирский. Т. о., на основании сочинений Л. В. можно заключить, что его лит. деятельность приходится на промежуток между 529 и 544 гг.

Дальнейшей детализации биографии Л. В. мешает наличие множества Леонтиев, действовавших в ту эпоху (см., напр., указатель: АСО. Т. 4. Vol. 3. Pt. 2. Р. 286–289 (перечисляются 28 Леонтиев)). Ф. Лоофс приводит список из 20 исторических личностей, упоминаемых в документах Юстиниановой эпохи под этим именем (Loofs. 1887. S. 226–227). Однако и Лоофс, и позднейшие исследователи определили круг лиц, которые могут быть тождественны Л. В.: 1) Леонтий-оригенист, к-рый неск. раз упоминается в «Житии Саввы Освященного» Кирилла Скифопольского (*Cyr. Scyth. Vita Sabae*), важнейшем и самом подробном источнике сведений о жизни Л. В.; 2) апокрисиарий Леонтий, участник собеседования с монофизитами, к-рое состоялось в 532 г., когда имп. Юстиниан ослабил гонения против сторонников концепции «единой природы» и собрал в К-поле для консультаций монофизитских и правосл. епископов; как передает Иннокентий Маронийский в «Письме фессалонийскому пресвитеру Фоме», в свите правосл. делегатов был «Леонтий, муж почтенный, монах и апокрисиарий отцов святого града [Иерусалима]» (АСО. Т. 4(2). Р. 170); 3) Леонтий, участник *Константинопольского Собора* 536 г., созванного для осуждения монофизитов; он упо-

минается как наблюдатель на первых 4 сессиях Собора и как подписавший 3 соборных послания: папе Римскому *Агапиту I*, имп. Юстиниану и патриарху К-польскому *Мине*; в 4 случаях он именуется «Леонтий монах, игумен и представитель (τοπότηρής) всей пустыни» (Ibid. Т. 3. Р. 130, 145, 158, 165; в одном из них в титуле выпадает слово «игумен» — Ibid. Р. 174); в нек-рых случаях используется титул «Леонтий монах, получивший слово от святых отцов, что в пустыне» (Ibid. Р. 37) или «Леонтий монах и игумен своего монастыря и [представитель] святых отцов, что в пустыне и на Иордане» (Ibid. Р. 50); 4) мон. Леонтий Скиф, член делегации Иоанна Максенция, отправившейся в 519 г. в Рим, чтобы подтвердить православность изобретенной ими формулы «Один из Святой Троицы, пострадавший плотью»; он упоминается в письме имп. Юстиниана папе *Гормизду* (Scritti teologici ed ecclesiastici di Giustiniano / Ed. M. Amelotti, L. Migliardi Zingale. Mil., 1977. Р. 8), также его подпись стоит под письмом скифских монахов африк. епископам (PL. 65. Col. 443).

Леонтия Скифа перестали отождествлять с Л. В. после того, как Э. Шварц обратил внимание на то, что скифский монах не знал греч. языка (или знал его плохо). Это видно из его просьбы к *Дионисию Малому* перевести на латынь письма свт. *Кирилла Александрийского* (АСО. Т. 4(2). Р. XII; *Schwartz E. Kyrillos von Skythopolis. Lpz., 1939. S. 338–339. Not. 2. (TU; 49/2)*). Многочисленные аргументы против этого отождествления приводились уже смчч. Василием Соколовым (1916; см.: *Соколов. 2006. С. 77–79*), к-рый, в частности, указывал, что Леонтий Скиф не мог называться Византийским, поскольку лишь кратковременно пребывал в К-поле. Кроме того, в письме имп. Юстиниана папе Гормизду Леонтий Скиф называется «не имеющим никакого навыка к диспутам» (Scritti teologici ed ecclesiastici di Giustiniano. Mil., 1977. Р. 8). Нек-рые исследователи ставят под сомнение отождествление Л. В. с тремя др. Леонтиями. П. Грей считает возможным отождествлять апокрисиария Леонтия не с Л. В., а с *Леонтием Иерусалимским*, автором трактатов «Против монофизитов» и «Против несториан» (*Gray. 2006. Р. 37*). В. М. Лурье склоняется к то-

му, что Л. В. был современником Собора 553 г., а тождество с первыми тремя Леонтиями считает «ничуть не менее гипотетическим» (*Лурье. 2006. С. 159–160, 522*). Однако свидетельства об этих Леонтиях хорошо сочетаются со сведениями из подлинных сочинений Л. В., и потому данные отождествления принимаются большинством исследователей (*Evans. 1970. Р. 147–185; Daley. 1978. Р. I–XXV; Grillmeier, Hainthaler. 1995. Р. 182–184*).

Л. В., как о том свидетельствует *Кирилл Скифопольский*, род. в К-поле (*Cyr. Scyth. Vita Sabae. S. 176*). Его активная деятельность приходится на 30-е гг. VI в., следов., он род. не позже 500 г. Находясь нек-рое время под влиянием Антиохийской богословской школы, он впосл. присоединился к тем, кого сам называл «божественными мужами» и к-рых, вероятно, можно отождествить с палестинскими оригенистами. Л. В. сделался учеником одного из их лидеров — Нонна (сохр. схолия, которая указывает на то, что Л. В. учился у Нонна — *Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyech. I // PG. 86a. Col. 1273–1276*; др. схолия указывает на Л. В. как на почитателя *Евагрия Понтийского* — Ibid. Col. 1285). Вместе с ним в 514 г., при игум. Павле, он был принят в Новую лавру, но уже через полгода, когда Павла сменил Агапит, Нонн и Л. В., а также, по-видимому, Домициан и Феодор Аскида были изгнаны из мон-ря за исповедание «баснословия Оригена, Дидима и Евагрия о предсуществовании [душ]» (*Cyr. Scyth. Vita Sabae. S. 124, 128*). Нек-рое время спустя оригенисты обратились к патриарху Иерусалимскому *Иоанну III* за разрешением вернуться в Новую лавру, но тот по настоянию прп. *Саввы Освященного* и Агапита отклонил их прошение. После смерти Агапита в 520 г. новый игум. Мамант тайно вернул оригенистов в мон-рь (*Cyr. Scyth. Vita Sabae. S. 124–125*). В 531 г. Л. В. отправился в К-поль в составе делегации палестинских монахов, возглавляемой прп. Саввой. Последний намеревался упросить имп. Юстиниана прекратить уничтожение самаритян, восставших против дискриминационной политики императора (Ibid. S. 171). Юстиниан в это время проводил политику примирения с монофизитами, и в К-поль в 531 г. прибыло множество епископов и монахов, возвращенных

императором из ссылки. Л. В., вовлеченный в полемику с ними, участвуя в диспутах в Царском Портике, открыл свои оригенистские воззрения и навлек на себя гнев прп. Саввы, к-рый не только прекратил с ним общение, но и посоветовал имп. Юстиниану осудить Л. В. как еретика, обвиняя его в оригенизме, *арианстве* и *несторианстве* (Ibid. S. 176–179; *Evans*. 1970. P. 150–153). Однако Л. В. не был осужден и позднее даже имел влияние при дворе имп. Юстиниана, сблизившись с казначеем Св. Софии Евсевием. Вместе они участвовали в собеседовании с монофизитами в 532 г. Благодаря рекомендациям Евсевия в 536 г. (*Evans*. 1970. P. 154) соратники Л. В. Домициан и Феодор Аскида заняли епископские кафедры Анкиры и Кесарии Каппадокийской (*Cyr. Scyth. Vita Sabae*. S. 188–189). В этом же году Л. В. участвовал в К-польском Соборе. В сент. 537 г. Л. В. вновь подвизался в Палестине: Кирилл Скифопольский упоминает его в связи с принятием в Новую лавру 40 оригенистов, изгнанных из Великой лавры игум. Геласием. Этот случай стал поводом для начала «монашеской войны», в которой Л. В. выступил как один из предводителей оригенистской партии. Л. В. собрал монахов всех окрестных мон-рей (за исключением обители прп. *Феодосия Великого*, где был игуменом Софроний Армянский, не позволивший своим монахам участвовать в беспорядках) и устроил поход на Великую лавру, чтобы «сровнять ее с землей». Наступавших остановил опустившийся на землю густой туман, в к-ром они заблудились и долго не могли найти дорогу, пока не оказались близ вифлеемского мон-ря прп. Маркиана, за неск. километров от Великой лавры (Ibid. S. 190). Ок. 540 г. в Палестину прибыл друг Л. В. Евсевий, возвращавшийся с Собора в Газе. Ничего не зная о «ереси», но поддавшись уговорам друга, он поставил Геласия перед выбором: либо вернуть оригенистов в Великую лавру, либо изгнать из нее наиболее активных антиоригенистов. Геласий выбрал второе и выдворил из обители «Стефана, Тимофея и иных четырех братьев», отправившихся в Антиохию, чтобы рассказать свт. *Ефрему*, патриарху Антиохийскому, о ереси *Оригена* и тех беспорядках, к-рые творят оригенисты в окрестностях Иерусалима. Патриарх

под впечатлением от рассказа анафематствовал оригенистов. В ответ сторонники Нонна исключили патриарха Ефрема из диптихов. В это время Л. В. вновь был в К-поле (Ibid. S. 191). В 543 г., когда был издан эдикт имп. Юстиниана против оригенистов, Л. В., по свидетельству Кирилла Скифопольского, уже не было в живых (Ibid. S. 192).

«**Леонтиевский корпус**» (*Corpus Leontianum*). *Атрибуция*. В XVII–XIX вв. издателями сочинений Л. В. (*Bigne*. 1644; *Canisius*. 1725; *Gallandius*. 1778; *Mai*. SVNC. 1832. Т. 6. P. 299–312; 1833. Т. 7. P. 40–45; *Idem*. 1844) было сформировано собрание текстов, единство к-рому придавало имя автора (Леонтий) и время создания текстов (не ранее 2-й четв. VI в., т. е. периода оформления 2 ветвей монофизитства — севирианства и юлианизма). Большинство произведений, включавшихся издателями в «Леонтиевский корпус», вошли в «Патрологию» Ж. П. Миня (воспроизведение издания кард. Анджело *Mau*): «Толкования на книгу Феодора, боголюбивого аввы и мудрейшего философа, постигавшего Божественные и внешние писания», или «О ересях» (*De sectis* // PG. 86a. Col. 1193–1268; CPG, N 6823); 3 трактата «Против несториан и евтихиан» (*Contra Nestorianos et Eutythianos* // PG. 86a. Col. 1267–1396; CPG, N 6813); «Против тех, которые говорят о двух ипостасях Христа, но не исповедуют в Нем никакого сложения», или «Против несториан» (*Contra Nestorianos* // PG. 86a. Col. 1399–1768; CPG, N 6918); «Апории к тем, которые утверждают, что Господь наш Иисус Христос есть единая сложная природа, а также свидетельства святых и разбор их веры», или «Против монофизитов» (*Contra Monophysitas* // PG. 86b. Col. 1769–1902; CPG, N 6917); «Тридцать глав против Севира» (*Capita triginta contra Severum* // PG. 86b. Col. 1901–1916; CPG, N 6814); «Опровержение силлогизмов Севира» (*Solutio argumentorum a Severo objectorum* // PG. 86b. Col. 1915–1946; CPG, N 6815); «Против тех, которые предлагают нам некие сочинения Аполлинария, ложно подписанные именами святых отцов», или «Против аполлинаристских подлогов» (*Adversus fraudes Apollinaristarum* // PG. 86b. Col. 1947–1976; CPG, N 6817); «Проповедь на преполовление Пятидесятницы, на слепорожденного и на слова: «Не судите

по наружности» (Ин 7. 24)» (PG. 86b. Col. 1975–1994; CPG, N 7888); «Проповедь на Святую пятницу Великой седмицы, на страдание Господа и на Иова» (PG. 86b. Col. 1993–2004; CPG, N 7889); 5 фрагментов (PG. 86b. Col. 2003–2016; CPG, N 6819); «Сборник о священных предметах» (*Collectanea de rebus sacris* // PG. 86b. Col. 2017–2100).

Рукописная традиция приписывает Л. В. также авторство 3 флорилегиев, следующих в нек-рых рукописях за 3 книгами «Против несториан и евтихиан» (*Daley*. 1978. P. 30–74, 134–144, 163–200), и «Флорилегия о тленном и нетленном» (*Florilegium de corruptibili et incorruptibili*) (*Richard*. 1973).

Уже первые исследователи трудов Л. В. пришли к выводу, что корпус включает сочинения неск. Леонтиев. В рукописной традиции сочинения каждого из них имеют самостоятельную историю: никогда рукописи одного не подписываются именем другого. Безусловно подлинными сочинениями Л. В. считаются «Против несториан и евтихиан», «Тридцать глав против Севира», «Опровержение силлогизмов Севира». Флорилегий «Против аполлинаристских подлогов» в некоторых рукописях соседствует с первыми 3 трактатами, однако среди исследователей нет единого мнения по поводу его атрибуции Л. В. К категории *dubia* (сомнительные) относил трактат А. Тюилье (*Tuilier*. 1987. S. 581–590), однако Дейли склонялся к признанию подлинности трактата (*Daley*. 1978. P. 3–4). Эти сочинения дошли в 16 рукописях X–XVIII вв., лишь одна из них (Vat. gr. 2195, 2-я четв. X в.) содержит полный текст всех 4 сочинений, 3 — значительную часть, 2 — фрагменты, 7 — небольшие извлечения (эксцерпты); цитаты из творений Л. В. имеются в 3 рукописях флорилегия VI в. «Учение отцов» (*Doctrina Patrum*) (*Daley*. 1978. P. LXXIX–XCXV). Критическое издание было подготовлено Дейли (*Idem*. 1978).

Трактаты «Против несториан» и «Против монофизитов» рукописная традиция приписывает др. автору — Леонтию Иерусалимскому. Вопрос о тождестве/различии Л. В. и Леонтия Иерусалимского является предметом научных дискуссий. Лоофс предполагал, что сочинения «Против несториан» и «Против монофизитов», а также «О ересях» восходят

к какому-то единому произведению Л. В., к-рое было разбито на неск. текстов, а затем отчасти переработано, отчасти дополнено позднейшими редакторами (*Loofs*. 1887. S. 183–194). Т. зр. Лоофса была общепринятой вплоть до сер. XX в. (безусловно принимали ее В. Рюгамер и сщмч. Василий Соколов: *Rügamer*. 1894. S. 33–43; *Соколов*. 2006; с осторожностью — Й. П. Юнглас и Грумель: *Junglas*. 1908. S. 1–2; *Grumel*. 1926. Col. 400–426). М. Ришар (*Richard*. 1944) привел аргументы в пользу того, что трактаты «Против несториан» и «Против монофизитов» написаны др. автором, к-рого он, следуя рукописям, именует Леонтием Иерусалимским. Ришар называл Л. В. палестинским оригенистом VI в., а Леонтия Иерусалимского связывал с к-польской богословской традицией. Тезис Ришара о двух Леонтиях приняли Дейли (*Daley*. 1976. P. 333), Д. Б. Эванс (*Evans*. 1970. P. 1 sqq.) и А. Грильмайер (*Grillmeier, Hainthaler*. 1995. P. 186). Есть сторонники и противоположной, «старой», т. зр. (*Watt*. 1966; *Rees*. 1968; *Φρατσέας*. 1984; *Говорун*. 2001), но они в явном меньшинстве. Помимо исторических и палеографических аргументов исследователи сформулировали ряд историко-философских тезисов против отождествления Леонтия Иерусалимского нехарактерна часто используемая Л. В. христологическая аналогия души и тела (*Richard*. 1944. P. 70). Грильмайер считал, что Леонтию Иерусалимскому принадлежат 4 новации, к-рые позиционируют его как уникального, отличного от Л. В. богослова: новый концептуальный аппарат для описания соединения человечества с Ипостасью Логоса, различие между ипостасным и природным единством, использование термина *σύνθεσις* вместо *ἕνωσις* (единение), особенное внимание к чудесам в противовес «рационализму» Л. В. (*Grillmeier, Hainthaler*. 1995. P. 276 sqq.). Ришар датировал трактаты «Против несториан» и «Против монофизитов» ближайшим временем после смерти Севира в 538 г. Новую датировку предложил Д. Краусмюллер, отнеся написание трактатов к нач. VII в. (*Krausmüller*. 2001. P. 637–657; возражения: *Gray*. 2006. P. 38–40).

Дискутируемой остается принадлежность Л. В. соч. «О ересях» (см. ст. *Леонтий Схоластик*). Л. В., безус-

ловно, не является автором изданных Минем под его именем проповедей. Последние принадлежат Леонтию, пресв. К-польскому, сохранились и др. его гомилетические произведения (CPGS, N 7899–7900). К. Датема и П. Аллен, подготовившие наиболее современное (неполное — нек-рые проповеди остаются в рукописях) их издание, считают, что Леонтий К-польский жил в сер. VI в. (*Datema, Allen*. 1987. P. 37). Не принадлежат Л. В. «Сборник о священных предметах» (текст, вероятно, является компиляцией VII в.; см.: *Соколов*. 2006. С. 164 и далее) и «Флорилегий о тленном и нетленном» (сохр. в афонском кодексе XI в. — *Roberge*. 2008. P. 73).

Фрагменты являются более или менее точными цитатами из сочинений «Против несториан и евтихиан», «Тридцать глав против Севира» и «О ересях». Один из них сохранился в 2 ватиканских кодексах, остальные дошли в составе флорилегия «Учение отцов» (*Diekamp*. 1907; *Соколов*. 2006. С. 138 и далее).

В 3 флорилегиях, относящихся к книгам «Против несториан и евтихиан», Дейли видит не только ценный, а в некоторых случаях и единственный источник святоотеческих цитат, но и свидетельство того, какие именно церковные писатели пользовались авторитетом в век имп. св. Юстиниана (*Daley*. 1978. P. 6).

Сочинения Л. В. Все произведения Л. В. (кроме соч. «Против аполлинаристских подлогов», к-рое не поддается точной датировке), по всей видимости, были созданы в К-поле в 540–543 гг. (*Evans*. 1970. P. 2–3; *Daley*. 1978. P. XXV) по просьбе друзей, настоявших на том, чтобы он письменно зафиксировал возражения и положительные вероисповедные формулы, которые он до этого излагал в полемике с к-польскими несторианами, севирианами и афтартодокетами (см. *Афтартодокетизм*). Вначале Л. В., вероятно, составил 3 самостоятельных трактата: «Обличение и опровержение противоположных учений Нестория и Евтихия» (*Contra Nestorianos et Eutythianos*) (*Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyth. I*) в жанре вопросов и ответов; «К тем из наших, что присоединились к растлевающему учению поклонников нетления» (*Contra Aphthartodocetas*) (*Ibid. II*) в жанре диалога; «Победа и триумф над

сокрытым и существеннейшим учением несториан и их предшественников» (*Deprehensio et Triumphus super Nestorianos*) (*Ibid. III*) в жанре проповеди. Затем он объединил их, написав для этого издания предисловие. Издатели лат. перевода в XVII в. дали этому богословскому сборнику общее название «Против несториан и евтихиан» (*Contra Nestorianos et Eutythianos*) (*Evans*. 1970. P. 7–8).

Первый трактат сборника посвящен защите ключевого тезиса Халкидонского ороса о двух природах и об одной Ипостаси во Христе. В трактате последовательно отвергается и учение о том, что Христос — из двух Ипостасей, соединенных только славой или хотением, и учение о единой сложной природе Христа. Л. В. разделил трактат на 7 вопросов. Три вопроса заданы несторианам, 2 — евтихианам, 2 (первый и последний) — представителям обеих партий, которых Л. В. называет «противоположно мянущими» (*ἐναντιοδοκῆτας* — *Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyth. I* // PG. 86a. Col. 1276). По мнению богослова, они исходят из противоположных предпосылок, но в итоге совершают одну и ту же ошибку, не проводя или проводя неверно различия между ипостасью и природой или сущностью. В итоге, по мысли Л. В., несториане лишают Иисуса Христа Его божественности, а евтихиане, напротив, — человечества. В заключение Л. В. приводит 88 святоотеческих цитат (*Daley*. 1978. P. 2), которые должны подтвердить истинность Халкидонского догмата и правильность используемого богословом терминологического инструментария.

О том, против кого направлен 2-й трактат сборника, среди исследователей нет единого мнения. Р. Драге считал, что он направлен против юлианитов, о концепции к-рых Л. В. узнал из сочинений Севира Антиохийского (*Draguet*. 1924. P. 202). Ришар также предполагал, что Л. В. зависит от Севира и что его текст направлен против антиоригениста свт. Ефрема, патриарха Антиохийского, причем, по мнению исследователя, Л. В. в полемических целях искажил учение патриарха, так же как Сефир искажил учение Юлиана Галикарнасского (*Richard*. 1947. P. 36). Дейли считал, что помимо свт. Ефрема в трактате критикуется имп. Юстиниан, к-рый воспринял

учение Юлиана о том, что тело Христа было нетленным с момента соединения его с божественным Словом (Daley. 1978. P. 2). Л. Перроне полагал, что т. зр. оппонентов Л. В. — аутентичный юлианизм или учение, максимально к нему приближенное (Perrone. 1980. P. 443). Грильмайер считал, что оппонентами Л. В. были представители некой халкидонитской партии в К-поле, к-рая «приписывала земному Иисусу свободу от страдания и тления вообще, возможно даже как постоянное физическое свойство» (Grillmeier, Haintaler. 1995. P. 215). В диалоге с афтартодокетом Л. В. доказывает, что лишать воплощенное Слово естественного тления и свойственного человеческой природе страдания и смерти означает, что человечество Христа получает божественные свойства, а наша природа лишается возможности быть вполне причастной Слову и, следов., достичь исцеления. Трактат завершается подборкой 27 святоотеческих цитат (Daley. 1978. P. 2).

Третий трактат сборника — диатриба, страстный и лично окрашенный памфлет, направленный против заблуждений Антиохийской школы богословия и библейской экзегезы. По мнению Л. В., именно концепции этой школы лежат в основе превратного толкования Халкидонского ороса, к-рое предлагали современные Л. В. «несториане». Трактат состоит из 44 глав, в к-рых перечисляются личные и богословские ошибки Феодора Мопсуестийского и его последователей. Согласно Л. В., Феодор Мопсуестийский, Диодор Тарсийский и Несторий являются продолжателями нечестивой богословской традиции, к-рая восходит к еретику Павлу Самосатскому. Термин «несториане» применяется Л. В. по отношению к классикам антиохийского богословия и их адептам в халкидонитской среде, видимо, по той причине, что, кроме Нестория, ни один носитель этой традиции еретиком ко времени составления трактата признан не был. Главы 1–6 описывают миссионерскую и педагогическую тактику современных Л. В. «несториан», которую, возможно, автор испытал на себе (Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyh. III // PG. 86a. Col. 1357–1360). Л. В. упоминает о том, что «несториане» на словах осуждают Павла Самосатского (гл. 1), притво-

ряются сторонниками Халкидонского Собора (гл. 2), активно пользуются своим влиянием при дворе (гл. 3), совращают монахов, уводя их на мирской путь (гл. 4). Одни открыто восхищаются Несторием, другие анафематствуют его, но все они сохраняют общение с православными (главы 5–6). Главы 7–12 описывают неприглядные факты из биографии Феодора Мопсуестийского. В главах 13–17 Л. В. вспоминает заблуждения Феодора в области экзегетики, в частности утверждая, что тот отрицал богодухновенность многих исторических и поэтических книг ВЗ и соборных Посланий ап. Павла. Главы 18–38 посвящены богословским заблуждениям Феодора и его учеников. Этот перечень ересей очень важен и для понимания богословской позиции самого Л. В. В частности, обвиняя Феодора в отрицании посмертного суда и ада (гл. 20), а также приписывая ему «манихейское» учение о творении из предсуществующего субстрата (гл. 26), он себя выводит из-под подозрения в оригенизме. В главах 30–38 Л. В. останавливается на христологии Феодора Мопсуестийского. Последний, по его словам, представляет Христа как простого человека (главы 30–31), в которого от утробы матери вселилось Божественное Слово (гл. 32), насколько не изменив Его естественных свойств. В частности, Иисус Христос пребывал в обычном для человека неведении, за исключением особых случаев внушения со стороны Слова (гл. 33), возрастал в добродетели (гл. 35) и пришел к совершенству только при крещении на Иордане (гл. 36), испытывал страдание (гл. 34) и естественный страх, в наивысшей степени проявившийся в Гефсиманском молении (главы 37–38). Гл. 39 — краткая характеристика богословия Нестория, который, по мнению Л. В., повторяет т. зр. Феодора. Главы 40–41 характеризуют Диодора Тарсийского. По словам Л. В., тот факт, что Диодор пользовался уважением свт. *Василия Великого* и др. отцов Церкви, сам по себе не делает его православным. В 42-й гл. Л. В. замечает, что с несторианами он спорит не о словах, а о том, каким способом совершилось таинство во Христе. В главах 43–44 ведется полемика с точкой зрения, согласно к-рой Феодора и Диодора нельзя считать еретика-

ми, поскольку они не осуждены ни на одном Соборе: Л. В. считает, что их взгляды были осуждены в лице Нестория. Приложение к трактату — подборка из 62 цитат Феодора Мопсуестийского (основной источник греческих фрагментов его сочинений), Диодора Тарсийского, Нестория и Павла Самосатского (Daley. 1978. P. LII).

Богословская линия, проводимая в 1-м трактате «Против несториан и евтихиан», встретила серьезный отпор со стороны монофизитских богословов, которые выступили с новыми возражениями (Leont. Byz. Sol. argument. Severi // PG. 86b. Col. 1916, 1936) против разработанной Л. В. концепции Боговоплощения. Это заставило его подготовить новый антимонофизитский диалог — «Опровержение силлогизмов Севира». В нем alter ego Л. В., Православный, состязается с анонимным Акефалом. Р. Кросс считает, что оппонентом Л. В. является «человек, выступающий от имени Севира», защитник учения о «частных природах» (Cross. 2002. P. 254). По мнению Лурье, Акефал из «Опровержения...» — это *Иоанн Филопон*, последовательно применявший в богословии концепции александрийского неоплатонизма, и прежде всего учение о «частных сущностях» (Лурье. 2006. С. 334; Idem. 2015). Именно эта концепция подверглась критике и принципиальному переосмыслению в «Опровержении...». Диалог состоит из 8 частей и представляет собой одну из самых искусных попыток изложить Халкидонский догмат.

Соч. «Тридцать глав против Севира» содержит краткий набор аргументов, имеющих в трактатах «Против несториан и евтихиан» и «Опровержение силлогизмов Севира». Благодаря краткости и чеканности формулировок оно стало самым известным трактатом Л. В. в визант. традиции (Daley. 1978. P. XXXIX).

Произведение «Против аполлинаристских подлогов» включает цитаты из сочинений Аполлинария Лаодикийского и двух его учеников. Авторский текст Л. В. — введение, небольшой комментарий в середине флорилегия и краткие замечания в конце текста. Цель составления флорилегия — доказать, что цитаты из сочинений свт. *Григория Чудотворца*, свт. *Афанасия I Великого*, *Юлия I*, еп. Римского, и др. авторов,

к-рые используются монофизитами, в действительности являются цитатами еретиков IV в. По мнению Дейли, трактат производит впечатление компендиума, к-рый предназначался не для публикации, а для личного пользования (Ibid. P. LV).

Богословие. Общая характеристика. Учение Л. В. формировалось в контексте защиты Халкидонского Собора от критики со стороны монофизитов и несториан. Л. В. вступил в полемику с богословскими концепциями, согласно к-рым воплощенное Слово восприняло не общую человеческую природу, а некую человеческую индивидуальность: в понимании несториан — человека Иисуса как *индивида*, в понимании монофизитов (прежде всего севириан, основных оппонентов Л. В.) — «частную природу» (см.: *Давыденков*. 2007. С. 67–68). С вопросом о соотношении общего и частного в Ипостаси Иисуса Христа был связан и вопрос о том, как функционировали «природные особенности и энергии» (*Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyech. Proem.* // PG. 86a. Col. 1269) человечества в соединении со Словом. Наконец, Л. В. рассматривал вопрос о том, как человеческая природа присутствует в конкретной Ипостаси Иисуса Христа, каким образом происходит ее *индивидуация*, притом что природа остается общей. Основной задачей Л. В., т. о., было обосновать правильное соотношение общего и единичного в Иисусе Христе. Для этого он проводит строгое различие между ипостасью (или лицом) как индивидуальным бытием и сущностью (или природой) как общей видовой природой мн. ипостасей. Особый акцент Л. В. ставит на единстве Ипостаси Иисуса Христа, состоящей из двух общих сущностей или природ — божества и человечества.

Терминологическая система. Л. В. стремится использовать терминологический аппарат каппадокийского триадологического богословия применительно к христологии и отвергает выдвигаемый монофизитами тезис о том, что новая предметная реальность требует новой терминологии; настаивает на универсальности терминологического аппарата (*Sol. argument. Severi* // PG. 86b. Col. 1921–1924). Основная терминологическая оппозиция Л. В. — оппозиция «природы» (φύσις) / «сущности» (οὐσία) и «ипо-

стаси» (ὑπόστασις) / «лица» (πρόσωπον) («Я позволил себе изложить и объяснить понятие ипостаси и сущности, или лица и природы (ведь это одно и то же, и в обоих случаях [сказывается] об одном и том же)» — *Contr. Nestor. et Eutyech. I* // PG. 86a. Col. 1273; ср.: *Ibid. Col. 1277, 1280, 1305*).

Однако в нек-рых случаях Л. В. использует термины «природа» и «сущность» несинонимично (прежде всего в выражениях «соединение по сущности» и «соединение по природе»). Различие между «лицом» и «ипостасью» имеет второстепенное значение, однако и оно у Л. В. присутствует (*Ibid. Col. 1277*).

Сущность — то, что должна иметь плоть (и вообще все существующее), чтобы быть (*Ibidem*). Она нетождественна как ипостаси, так и акциденции (συμβεβηκός), т. е. «качествам (λόβητες), которые называются сущностными и присущностными, из которых ни одно не является сущностью, то есть самостоятельно существующей вещью, но всегда созерцается подле сущности, как цвет в теле или знание в душе» (*Ibidem*). Индивид, к-рый имеет ту же сущность, что и в др. индивиде, называется «единосущным» (ἰσοοὐσιος) («вещи единой природы по преимуществу называются единосущными и логос их бытия является общим» — *Ibid. Col. 1280*; Л. В. также называет «единосущной и отдельной от сосуществующих и соположенных [ипостасей] частную природу, к-рая, впрочем, в данном случае отождествляется с ипостасью — *Sol. argument. Severi* // PG. 86b. Col. 1917). Сущность имеет и сугубо логическое измерение, т. е. мыслится как вид, составляемый индивидами («...ничто из того, что причисляется к одному и тому же виду, не является иносущным» — *Contr. Nestor. et Eutyech. I* // PG. 86a. Col. 1292). Однако в нек-рых случаях под сущностью Л. В. понимает то, что вообще существует, «существующую вещь» (πρόγμα ὑφ' ἑαυτῶς — *Ibid. Col. 1277*; такое определение сущности дает Памфил Кесарийский, к-рый, как полагал Ришар, оказал на Л. В. влияние — *Richard*. 1938. P. 35). По мнению Л. В., «разумные сущности могут возрастать и умаляться в добродетели» (*Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyech. I* // PG. 86a. Col. 1284; в данном контексте речь идет о душе), хотя становление и пространствен-

но-временные характеристики не определяют вещь, т. е. не относятся к ее сущности (*Ibid. Col. 1281*). Сущностью может называться и сама душа (*Ibid. Col. 1281*), и ее разумная составляющая (οὐσία λογική) в противовес тому или иному качеству, напр. качеству бестелесности (*Ibid. Col. 1296*). Т. о., сущность может означать как онтологическую основу индивидуального бытия, так и само бытие в широком смысле.

Природа — то, чему причастует единичная вещь, чтобы получить бытие. Природа обладает теми же особенностями (τὰ τὴν φύσιν χαρακτηρίζοντα), что и сущность, эти особенности составляют сущность (*Sol. argument. Severi* // PG. 86b. Col. 1945). Природа, так же как и сущность, не существует без ипостаси, т. е. вне индивида (*Contr. Nestor. et Eutyech. I* // PG. 86a. Col. 1276, 1277). Однако ипостась и природа нетождественны: некорректно сводить небезипостасное бытие к бытию ипостасью (*Ibid. Col. 1277*). Ипостась включает в себя природу, т. е. «логос бытия» (λόγος τοῦ εἶναι) природы, в то время как природа не включает в себя то, что делает ипостась ипостасью и отличает ее от природы, — т. е. «логос самостоятельного бытия» (λόγος τοῦ καθ' ἑαυτὸ εἶναι) (*Ibid. Col. 1280*; *Sol. argument. Severi* // PG. 86b. Col. 1945). Природа так же соотносится с ипостасью, как вид, или общее, — с единичным (*Contr. Nestor. et Eutyech. I* // PG. 86a. Col. 1280). Л. В. противопоставляет причастие «по природе», к-рым обладают индивиды по отношению к виду, причастию «по именованию», к-рым обладают общие вещи по отношению к частным вещам (*Ibid. Col. 1289–1292*), т. е. «общение по природе» имеет также значение реального общения в отличие от общения номинального. Соединение «по принципу природы» (ἐν τῷ ὄρῳ τῆς φύσεως) противостоит соединению в соответствии с божественной волей (*Sol. argument. Severi* // PG. 86b. Col. 1940), т. е. природа трактуется Л. В. также как совокупность свойств, изначально присущих той или иной группе вещей.

Ипостась в богословской системе Л. В. «означает кого-то определенно» (*Contr. Nestor. et Eutyech. I* // PG. 86a. Col. 1277), соотносится с сущностью так же, как особенное соотносится с общим (*Contr. Sever. // PG. 86b. Col. 1909*). Ипостась — это

«то, что существует само по себе», или «то, что обладает самостоятельным существованием» (Contr. Nestor. et Eutyech. I // PG. 86a. Col. 1280; наряду с термином καθ' ἑαυτὸ εἶναι Л. В. использует термин καθ' ἑκάστων εἶναι; по мнению ряда исследователей, они для него фактически являются синонимами — см.: *Bausenhardt*. 1992. S. 100), «отличает от общего особенное» (*Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyech. I // PG. 86a. Col. 1280*), обособляя особенное от общего с помощью определительных признаков и идиом (τοῖς ἀφοριστικοῖς σημεῖοις τε καὶ ἰδιώμασιν — Sol. argument. Severi // PG. 86b. Col. 1928), или отделимых и неотделимых (χωριστὰ ἢ ἀχωριστὰ) акциденций, — формы, цвета, величины, времени, места, родителей, воспитания, образа жизни и т. д. — которые присущи только одному индивиду (*Ibid. Col. 1945*).

Кроме термина «ипостась» Л. В. использует для обозначения единичной вещи также термин «лицо» («ипостась определяет лицо отличительными признаками» — *Contr. Nestor. et Eutyech. I // PG. 86a. Col. 1277*).

«**Воипостасное**» (ἐνυπόστατον). Начиная с Лоофса, термину «воипостасное» в интерпретации Л. В. придается особенное значение. Лоофс считал, что этот термин указывает на динамическую устремленность самостоятельных сущностей к соединению друг с другом, причем устремленность симметричную: невозможно определить, какая из сущностей является воспринимающим субъектом, а какая — воспринимаемым (*Loofs*. 1887. S. 65–68). Юнглас указал, что Лоофс слишком модернизировал это понятие, придав ему психологическую окраску, в то время как у Л. В. оно имеет исключительно физическое значение. Сам Юнглас интерпретировал термин как «то, что существует в ином» (*Junglas*. 1908. S. 149). В дальнейшем различные интерпретации термина базировались на том или ином прочтении следующего отрывка: «Воипостасное указывает на то, что оно не есть привходящее свойство, которое имеет бытие в ином и не созерцается само по себе» (*Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyech. I // PG. 86a. Col. 1277*), где фраза «имеет бытие в ином и т. д.» может быть отнесена как к «привходящему свойству» (акциденции), так и к «воипостасному». Дейли, к-рый выправил

данное место в критическом издании (*Daley*. 1978. P. 8), считал, что термин «воипостасное» означает то, что обладает реальным (ипостасным) бытием (*Idem*. 1983). Подобная интерпретация была принята Грильмайером (см., напр.: *Grillmeier, Hainthaler*. 1995. P. 193–197). Противоположной т. зр. придерживаются Ш. Отто (*Otto*. 1968. S. 25) и Б. Глид (*Gleede*. 2005. P. 32). Они интерпретируют данное место в том смысле, что воипостасное, которое имеет бытие в ином и не созерцается само по себе, не является акциденцией. Т. о., воипостасное оказывается синонимом сущности, или природы. Г. Баузенхарт отмечает, что сущность в модусе воипостасного приобретает у Л. В. значение первой сущности Аристотеля и фактически отождествляется с ипостасью (*Bausenhardt*. 1992. S. 99–100). Компромисс между этими т. зр. предлагает архим. Кирилл (Говорун). С одной стороны, он соглашается с тем, что «воипостасное» у Л. В. фактически тождественно «сущности» (*Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyech. I // PG. 86a. Col. 1277*). С др. стороны, рассматривая одно из мест «Опровержения силлогизмов Севира» («Некоторые, однако, говорят, что человечество Христа не было сформировано перед [Боговоплощением] и не предсуществовало, как совершенное, но что оно существует в Логосе (ἐν τῷ Λόγῳ ὑποστήναι), и поэтому одна ипостась сформирована из обоих» — Sol. argument. Severi // PG. 86b. Col. 1944), он считает его интерпретацией термина «воипостасное» и приходит к выводу, что «Леонтий параллельно с употреблением слова «воипостасное» в значении реально существующего понимает его так же, как существующее в чем-либо» (*Говорун*. 2006. С. 662). Т. о. Л. В. отличает воипостасное как от ипостаси, так и от акциденции. Тем самым любая интерпретация этого термина предполагает, что обозначаемая им реальность нуждается в ипостаси, т. е. не обладает самостоятельным бытием.

Частная природа (сущность). Речь идет о такой природе (сущности), к-рая одновременно отличается и от природы (сущности) в смысле общего, и от ипостаси, являющейся для Л. В. индивидуальностью. Этой проблеме по преимуществу посвящено «Опровержение силлогизмов Севира». Большинство исследовате-

лей считают, что в этом трактате Л. В. предлагает принципиально новое учение по сравнению с содержащимся в 1-м трактате «Против несториан и евтихиан»: в последнем частные природы отрицаются, в «Опровержении...» — признаются. Такой т. зр. придерживались Ришар (*Richard*. 1944. P. 60–61) и Грильмайер (*Grillmeier, Hainthaler*. 1995. P. 193). Дейли (*Daley*. 1993) пытался увидеть учение о частных природах еще в 1-м трактате «Против несториан и евтихиан». Так, он приводит в свою поддержку слова Л. В. о том, что «отношения, касающиеся различия и единства — и те, которые... существуют внутри Его, по причине Его составленности из частей, и те, которыми Он связан с Отцом и нами, — отличаются друг от друга по причине соотношения частей и крайних пределов (τὴν τῶν μερῶν πρὸς τὰ ἄκρα οἰκελότητά)» (*Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyech. I // PG. 86a. Col. 1289*), интерпретируя «части» (τὰ μέρη) Ипостаси Христа и «крайние пределы» (τὰ ἄκρα), т. е. общие природы, божественную и человеческую, как частное и общее (*Daley*. 1993. P. 252). Дейли, однако, не указывает, за счет чего различаются частные и общие природы в рамках логики 1-го трактата «Против несториан и евтихиан», поскольку сам Л. В. этого не разъясняет. Дейли и вслед за ним М. Гоккель считают, что в «Опровержении...» речь идет об индивидуации общей сущности посредством акциденций (*Ibid.* P. 250; *Gockel*. 2000. P. 522–523), однако не проясняют различия между возникающей в этом случае частной природой и ипостасью. Кросс (*Cross*. 2002) полагает, что в «Опровержении...», действительно, имеется учение, отличное от содержащегося в 1-м трактате «Против несториан и евтихиан», однако совершенно не похожее на севирианскую концепцию частной природы. Кросс называет то, что Л. В. противопоставляет частным природам монофизитов, «индивидуальными природами». По мнению исследователя, «индивидуальная природа — это общая природа, рассматриваемая вместе с [уникальной] совокупностью универсальных акциденций», а «противоположный случай представляют собой частные природы, являющиеся конкретными проявлениями общего в абстракции от своих акциденций» (*Ibid.* P. 252). Радикальной т. зр. придерживается

Лурье (*Лурье*. 2006. С. 334–348; *Idem*. 2015): исследователь полагает, что Л. В. в «Опровержении...» предлагает учение не просто новое, но прямо противоречащее базовым тезисам 1-го трактата «Против несториан и евтихиан» и вообще всему богословию халкидонитов. Он ссылается на место (*Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutychn. I // PG. 86a. Col. 1292*), где Л. В. прямо отрицает учение о частной природе (*Лурье*. 2006. С. 335), и обращает внимание на то, что в «Опровержении...» Л. В. был вынужден признать существование частной природы в начале трактата (Там же. С. 337; *Idem*. 2015). По мнению Лурье, позиция Л. В., хотя и не тождественна учению Иоанна Филопона, но является компромиссной по отношению к нему (*Он же*. 2006. С. 337).

В 1-м трактате «Против несториан и евтихиан» Л. В. недостаточно четко отграничивает индивидуальное бытие от общего на терминологическом уровне. Так, он вполне допускает использование термина «сущность» в значении первой сущности Аристотеля, в т. ч. по отношению к душе и телу. Вместе с тем в «Опровержении...» утверждается, что собственным значением природы является «совершенство» (*κυριώως τὸ τέλειον*) (*Leont. Byz. Sol. argument. Severi // PG. 86b. Col. 1945*), т. е. отрицается трактовка природы как частной. Необходимость решить проблему частной природы вытекала из рецепции каппадокийского терминологического аппарата (*Bausenhart*. 1992. S. 92; *Grillmeier, Hainthaler*. 1995. P. 192–193). Л. В. должен был ответить на апорию, поставленную Севиром Антиохийским перед *Иоанном Кесарийским*: если во Христе пришли в соединение общие сущности, божество и человечество, то в Нем соединилась вся Троица (т. е. все три Ипостаси) со всеми ипостасями человеческого рода (*Iohannis Caesariensis Presbyteri et Grammatici Opera quae supersunt / Ed. M. Richard, M. Aubineau. Turnhout; Leuven, 1977. P. 72–75*).

В «Опровержении...» Л. В., разрешая эту апорию, полемизирует с довольно упрощенным пониманием «частной природы», к-рая ничем не отличается от ипостаси, так что в устах Акефала (оппонента Л. В.) реплика «говоря «две природы после соединения», [следует] говорить и «две ипостаси [после соединения]»»

(*Leont. Byz. Sol. argument. Severi // PG. 86b. Col. 1936*) звучит тавтологией. Л. В. противопоставляет пониманию Акефала учение о 2 модусах бытия природы (сущности), к-рая существует как вид (или общее) и как нечто, индивидуализированное прежде возникновения ипостаси посредством акциденций, т. е. как «определенная», или частная, природа (*τῆς φύσεως*). Л. В. настаивает на единстве природы в множестве и в чем-то одном, или вида и индивидуальной природы («Акефал: Принимаешь ли ты частную природу? (*τὴν τίνα... φύσιν*). Православный: Да, но тождественную виду» (*τὴν αὐτὴν οὐσαν τῷ εἶδει* — *Ibid. Col. 1917*). Логический переход природы из одного модуса в другой осуществляется за счет соединения ее с акциденциями или «определяющими особенностями» (*τοῖς ἀφοριστικοῖς ἰδιώμασιν* — *Ibidem*), к-рые также являются чем-то общим («...в случае с белым и выбеленным те вещи, в которых созерцается белизна, суть и одно и многое» — *Ibidem*). Ипостась получает бытие благодаря причастию комбинации вида и акциденции («Акефал: Чем же от нее отличается ипостась? Православный: Тем, что, причастуя ей, производит иное, но не отличное. Акефал: А природа не является ли иной по отношению к другой? Православный: Ничуть, пока она не станет единосущной и отдельной от сосуществующих и соположенных. Ибо так возникают ипостаси» — *Ibidem*). В итоге индивидуация природы фактически тождественна возникновению ипостаси. Ипостась, однако, имеет существенные отличия от индивидуализированной природы: она отделена от того, что существует наряду с ней, и от того, что составляет одну с ней природу, и, как следствие, она единосущна, т. е. причастна общему, а не сама является общим (*Ibidem*).

Соединение природ во Христе.

То, как соединяются в Иисусе Христе божество и человечество, а также результат этого соединения являются основным предметом богословской рефлексии Л. В. По мнению ряда исследователей (*Мейендорф*. 2000. С. 70–71; *Evans*. 1970; *Daley*. 1983. P. 360; *Лурье*. 2006. С. 160), Л. В. придерживался двухсубъектной христологии, т. е. не отождествлял Слово и Иисуса Христа, Который понимается как *tertium quid* (нечто третье) по сравнению со Словом и

с плотью. Дейли полагает, что «двухсубъектность» является следствием желания Л. В. избежать теопасхизма. Грильмайер (со ссылкой на Перронне — *Perrone*. 1980. P. 430) утверждает, что речь идет только о незавершенности дискурса и что Л. В., хотя формально не принимает отождествление Слова и Христа, по существу в качестве единственного субъекта Боговоплощения признаёт именно Слово, что видно из того, как Л. В. интерпретирует вопрос о тленности плоти Христа (*Grillmeier, Hainthaler*. 1995. P. 187–188).

Л. В. делит все вещи на те, что соединяются видами и разделяются ипостасями, и на те, что разделяются видами и соединяются ипостасями. Из тех, что соединены по видам и разделены по ипостасям, одни имеют простое соединение и разделенные, а другие — составное. Составные, т. е. разноприродные, могут сохранять свойства природ, из к-рых они составлены, а могут быть результатом их смешения. К первым вещам относятся нек-рые природные явления, но прежде всего человек (*Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutychn. I // PG. 86a. Col. 1301–1304*).

Соединение души и тела в единое человеческое существо выступает у Л. В. аналогией для соединения божества и человечества и играет важную роль в его христологии. В терминологическом оформлении этой модели Л. В. следует неоплатонику Порфирию, хотя, вероятно, не напрямую, а через *Немесия*, еп. Эмесского (*Grillmeier*. 1990). В частности, у античного мыслителя он заимствует базовые определения души как «сущности» (*οὐσία*), обладающей бытием бестелесным (*ἀσώματον*), самодвижным (*αὐτοκίνητον*), бессмертным (*ἀθάνατον*) и негибнущим (*ἀνώλεθρον*) (*Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutychn. I // PG. 86a. Col. 1281*), причем обладающей и после соединения с телом, «поскольку ни в той, ни в другой [сущностях] (т. е. в сущностях души и тела. — *Авт.*) особенности (*ἰδιώματα*) не смешиваются» (*Ibidem*). Такое понимание души необходимо Л. В., чтобы продемонстрировать неизменяемость Слова и человеческой природы после соединения: «Слово... сохраняет после соединения отличие (*τὸ διάφορον*)... общая человеческая природа (*κοινὸς ἀνθρώπος*) не изменяется» (*Ibidem*). У божества и человечества в Иисусе Христе, так же как у души и тела,

«ипостась общая, а природа особенная, и смысл различный» (κοινή μὲν ἡ ὑπόστασις, ἰδίᾳ δὲ ἡ φύσις, καὶ ὁ λόγος διάφορος) (Ibid. Col. 1280). Л. В. настаивает на том, что как человек без души и тела не является совершенным человеком, так и Иисус Христос не совершенен без божественного Слова или без плоти: совершенство Иисуса Христа — результат соединения Слова и плоти (Ibid. Col. 1280–1284). При этом богослов оговаривается, что у аналогии есть пределы применения: соглашаясь с оппонентами, он замечает, что и Слово и душа обладают самостоятельным бытием, однако душа ни онтологически, ни хронологически не предшествует телу в отличие от Слова, которое пребывает на др. бытийном уровне по сравнению с плотью (Ibid. 1280; Краусмюллер считает, что хотя Л. В. и не принимает временного предсуществования души, однако настаивает на том, что временные характеристики не касаются сущности вещи (в данном случае души), а значит, душа способна предсуществовать в вечности (Krausmüller. 2014. P. 66–67); но Л. В. указывает, что именно в этом отношении душа отличается от Слова).

Соединение божества и человечества в Иисусе Христе Л. В. называет «по сущности, существенным и воипостасным соединением» (ἡ κατ' οὐσίαν τε καὶ οὐσιώδης καὶ ἐνυπόστατος ἕνωσις) (Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyech. I // PG. 86a. Col. 1300). В этом же смысле он, по-видимому, говорит о том, что Слово соединилось с телом «по самой сущности» (αὐτῇ τῇ οὐσίᾳ) (Ibid. Col. 1281). Подобное соединение отличается от соединения «по действию» (κατ' ἐνεργεῖαν), соединения «по мнению» (κατὰ γνώμην) (Ibid. Col. 1297) тем, что «связывает вещи и приводит их к тождеству» (Ibid. Col. 1300). Особенно подробно Л. В. критикует концепцию соединения «по достоинству» (τῆς ἀξίας ἕνωσις). С его т. зр., такое соединение ничем не отличается от соединения с Богом любого святого, и если во Христе божество и человечество соединяются именно так, то каждого святого нужно исповедовать тождественным божественной сущности и имеющим 2 природы (Ibidem). Л. В. полагает, что соединение достоинств предполагает и соединение природ, причем после соединения и природы и достоинства смешиваются, степень смеше-

ния обратно пропорциональна различию в достоинстве (Ibidem). По мнению Л. В., обмен свойствами между природами возможен лишь в том случае, если человеческая природа по сущности соединяется во Христе с природным Сыном. Если же сыновство Христа мыслится как сыновство по благодати, то Он ничем не отличим от прочей твари (Ibid. Col. 1301). Как формулирует Грилльмайер, «соединение по сущности» — это соединение «от сущности к сущности, без помощи духовных или материальных сил, принадлежащих божеству и человечеству, то есть не посредством знания, воли или чувств, но посредством общения (κοινωνία) сущностей» (Grillmeier, Hainthaler. 1995. P. 209).

В «Опровержении...» Л. В. уточняет свою концепцию. С его т. зр., в Ипостаси Слова пришли в соединение общие природы, божественная и человеческая, индивидуализированные посредством отличительных характеристик. Л. В. говорит о том, что ипостасными особенностями, к-рые, по его мнению, есть нечто общее и принадлежат природе ровно так же, как они принадлежат Ипостаси, Христос отличается как от Отца, так и от Матери и проч. людей (Leont. Byz. Sol. argument. Severi // PG. 86b. Col. 1917). По соединении каждая из природ сохраняет эти отличительные свойства, благодаря чему становится возможным единство, в к-ром человеческая природа, во-первых, получает бытие в Ипостаси Иисуса Христа и, во-вторых, становится единосущной с др. индивидами этой же общности (Ibidem).

Л. В. называет соединение божества и человечества «неизреченным и непознаваемым» (Contr. Nestor. et Eutyech. I // PG. 86a. Col. 1300). Он объясняет его, равно как и любое соединение сложных вещей (души и тела, материальных элементов, состоящих из формы и материи), божественной волей в противовес «естественному соединению» (Sol. argument. Severi // PG. 86b. Col. 1940). Эванс полагает, что данный тезис служит доказательством оригенизма Л. В.: соединение духовного начала с телесным (материальные элементы так же состоят из формы и материи) происходит по икономии, а значит, нетождественно соединению по сущности, к-рое относится только к соединению духовного с духовным (Evans. 1970. P. 54–55), хотя

нетрудно заметить, что «соединение формы и материи» — это то, что происходит с любой вещью в акте творения.

Учение о нетлении плоти Христа. Афтартодокеты, с к-рыми Л. В. полемизирует во 2-м трактате «Против несториан и евтихиан», полагали, что Христос воспринял нетление от самого Своего рождения, мгновенно (εὐθέως) преобразив воспринятое от Матери глненное тело в нетленное (Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyech. II // PG. 86a. Col. 1329). В результате не нетление и бесстрашие, а напротив — страдание Христа должно было стать результатом чудесного вмешательства Слова («...не по необходимости природы (ἀνάγκη φύσεως), а по определению домостроительства (λόγῳ οἰκονομίας) Слово соизволило пострадать» — Ibidem). Л. В. возражает на это, что, если бы Христос был бесстрастен с самого начала, Он бы не мог отказаться от этого свойства Своей природы (Ibidem). Л. В. полагает, что естественным для плоти Христа было именно страдание (Ibid. Col. 1332); а вмешательством Слова, к-рое, впрочем, являлось следствием неразрушимого единства Слова и плоти, обеспечивалось как безгрешное прохождение страдания, так и в собственном смысле бесстрашие (Ibidem), что вытекает из идеи неслиянности природ и их свойств при соединении. С т. зр. Л. В., сверхъестественная (ὑπὲρ φύσιν) способность преодолевать страдания не устраняет естественных особенностей (τὰ φυσικά) плоти, но, напротив, их сосуществование позволяет сверхъестественному чуду оставаться чудом, а естественному свойству — нормально функционировать, развиваться и при необходимости получать сверхъестественную помощь (Ibid. Col. 1333). Л. В. считает, что описанные в Евангелии чудеса Христос совершал «для обнаружения сокровища божества, а не для упразднения или изменения воспринятого [человечества]» (Ibid. Col. 1336). Как божество после соединения сохраняется, так и человечество сохраняет «естественные способности и энергии» (φυσικὰς δυνάμεις τε καὶ ἐνεργείας), а также «общие и неукоризненные страсти» (τὰ πάθη τὰ κοινὰ καὶ ἀδιάβλητα), однако, будучи совершенным человечеством, получает в распоряжение все богатство Слова (Ibid. Col. 1336–1337). Л. В., полемизируя с учением

афтартодокетов о том, что плоть Христа, будучи нетленной, все же свободно выбрала страдание, указывает, что, напротив, она свободно подчиняется законам природы и что предуготованное для нее причастие сверхъестественному неглинию предполагает естественное тление здесь и сейчас (Ibid. Col. 1332–1333). В контексте полемики Л. В. поднимает вопрос о состоянии первозданного Адама, и в итоге если не отрицает, то по крайней мере ставит под сомнение нетленность тела первого человека. В частности, Л. В. указывает, что Адаму, для того чтобы жить, необходимо было вкушать от древа жизни, а значит, по природе он не обладал ни нетлением, ни бессмертием (Ibid. Col. 1348). В любом случае, с т. зр. Л. В., этот вопрос для христологии значения не имеет, поскольку Господь «не безгрешного Адама пришел спасать... а согрешившего и павшего» (Ibidem). Л. В. различает творческое действие Духа, к-рым производится «осуществление (т. е. творение.— Авт.) тела» (οὐσίωσις τοῦ σώματος), наделяющее Богородицу даром плодоношения, способностью предоставить Духу «материю сущности» (ἡ ὕλη τῆς οὐσίας), и полное и существенное соединение Слова с сотворенным телом,— оно происходит в момент образования этого тела в чреве Богородицы (Ibid. Col. 1352). Следствием соединения, согласно Л. В., является не тление, а «свобода от греха, совершенная святость, всецелое соединение и срастворение с всецелым Воспринявшим, а также единство бытия и именованія Сына и проявление яснейших признаков полной сыновней особенности, от чего неотделимо и блаженство, поскольку и единство нераздельно» (Ibid. Col. 1353).

Проблема оригенизма Л. В. Отождествление Л. В. с Леонтием-оригенистом из «Жития Саввы Освященного» принималось мн. исследователями. Однако вопрос о том, является ли Л. В. оригенистом не только в «партийном», но и в мировоззренческом смысле, долгое время игнорировался. Ситуацию изменила монография Эванса (Evans. 1970), которая вызвала полемику, не утихшую до наст. времени. Исследователь поставил задачу доказать тождество Л. В. с Леонтием-оригенистом, исходя из текста сочинений Л. В., и устранить тем самым двойственность

его образа, который в Житии предстает еретиком, а в своих трудах — мнимым халкидонитом, умело скрывающим истинные взгляды. Эванс пришел к 3 выводам. Во-первых, он полагал, что в богословии Л. В. сущность и ипостась не элементы бытийной структуры и тем более не вещи сами по себе, а скорее сосуществующие определения сущностных отношений в вещах (Ibid. P. 81–82, 143), т. е. определения того, как вещь соединяется с др. вещами и отличается от них. Слово и плоть принадлежат по сущности к некоему классу вещей и отличаются как ипостаси от др. вещей данного класса. Слово принадлежит к тем вещам, чье существование тождественно сущности, плоть — к тем составным вещам, чье существование сущности нетождественно, однако и Слово и плоть сохраняют определение своего бытия, даже придя в соединение друг с другом. Тем самым Слово и плоть в Иисусе Христе соединены как ипостаси, т. е. находятся в Нем в ипостасном (καθ' ἰπόστασιν) единстве, а Иисус Христос выступает для них как сущность, оказываясь единым по сущности (καθ' οὐσίαν), как с Отцом и Св. Духом, так и с плотью (Ibid. P. 82–83). Во-вторых, Эванс полагал, что аналог того tertium quid, к-рым в данном случае в понимании Л. В. выступает Иисус Христос,— это Νοῦς (Ум) оригениста Евагрия Понтийского, что понятие «соединение по сущности» описывает модель, по к-рой Христос-Ум может быть одновременно единосущен и божественным Ипостасям, и человеческим телам (Ibid. P. 131). Этот тезис Эванс подкрепил ссылкой на то, что, с т. зр. Л. В., соединение божества и человечества является «противоестественным» и происходит лишь по божественной воле (Ibid. P. 54–55). В-третьих,— этот вывод следует из второго,— Л. В. и Леонтий-оригенист с большой долей вероятности один и тот же человек (Ibid. P. 143). Резюме монографии Эванса дал А. де Аллэ: «...будучи далекими от специфически евагриевских, большинство отмеченных точек соприкосновения нам представляются скорее общими местами философии отцов» (Halleux. 1977. P. 979; цит. по: Даулинг. 2006. С. 621). М. Даулинг так же заключает, что «книга... Эванса оставляет впечатление слишком солидного построения, опирающегося на весьма незначительные фак-

тические свидетельства» (Даулинг. 2006. С. 624).

Т. зр. Эванса, однако, вполне разделял прот. И. Мейендорф, который сформулировал положения «оригенистского» богословия Л. В.: Ипостась Слова нетождественна Ипостаси Иисуса Христа, что проявляется как в терминологии Л. В.— субъект воплощения именуется «Иисусом Христом» или «Господом»,— так и в учении о том, что страдает не Слово, а плоть Христа «по изволению Слова». Этот тезис подтверждается трактовкой Л. В. аналогии души и тела (богослов понимает их как самостоятельные существующие реальности) и концепцией возможного предсуществования человеческой природы. Термин «соединение по сущности» следует трактовать в смысле реально существующего соединения различных природ, к-рое обеспечивает «различие между божеством и человечеством, между Логосом и Христом-Умом». «Соединение по сущности» описывает соединение Христа-Ума со Словом и одновременно с падшей плотью (Мейендорф. 2000. С. 69–76).

С критикой позиции Эванса и прот. И. Мейендорфа выступил Дейли, выдвинув 3 контраргумента историко-филологического характера. Во-первых, он указал, что в 3-м трактате «Против несториан и евтихиан» присутствует прямое отрицание учения Оригена (Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyech. III // PG. 86a. Col. 1377). Во-вторых, отметил, что в сочинениях Л. В. отсутствуют свойственная Оригену таинственность и богатая образность. В-третьих, напомнил, что у поздних авторов Л. В. пользовался репутацией строго правосл. богослова (Daley. 1976. P. 335). Дейли также перечислил неск. догматических расхождений между Л. В. и Евагрием (Ibid. P. 355–358): 1) Л. В. пишет о неизменности Слова при единичном акте творения мира (Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyech. I // PG. 86a. Col. 1284), в то время как Ориген учил о вечном творении, а Евагрий считал субъектом творения не Слово, а Иисуса Христа; 2) Л. В. отрицает предсуществование души (Ibid. Col. 1280–1281), учение, характерное для Евагрия и для палестинских оригенистов; 3) Л. В. понимает первородный грех не как падение души в материальный мир, а как акт исторический, совершившийся уже в теле (Ibid. II // PG. 86a. Col. 1348,

1348); 4) с т. зр. Л. В., после воскресения человеческие тела не будут уничтожены, а наказание грешников будет вечным (Ibid. Col. 1337); 5) соединение Бога и Христа принципиально отличается от того, как соединяются с Богом остальные люди (Ibid. I // PG. 86a. Col. 1301), в то время как для оригениста этого различия не существует; 6) согласно Л. В., Слово соединяется не с предсуществующим человеком, но начало соединения Слова и человека совпадает с началом существования этого человека (Ibid. III // PG. 86a. Col. 1352–1353). Дейли приходится объяснять, почему он все же считает Л. В. тождественным Леонтию-оригенисту. Исследователь полагает, что Кирилл Скифопольский в изложении богословских аргументов своих персонажей следует скорее политической целесообразности: так, излагая концепции авторов V в. (напр., прп. *Евфимия Великого*), он влагает в их уста терминологию V Вселенского Собора (Daley. 1976. P. 362–363). Также необъективен Кирилл и в пересказе взглядов своих оппонентов (Ibid. P. 363–366). По мнению Дейли, «оригенизм» применительно к ситуации Палестины VI в. — это не обязательно принятие конкретных оригенистских концепций, но скорее стиль мышления, базирующийся на особенном внимании к трудам Оригена, Евагрия и *Дидима Слепца* (Ibid. P. 366–369). Тезисы Дейли получили развитие в монографии Д. Хомбергера, к-рый на основании анализа «Жития Саввы Освященного» заключил, что представленный в нем образ Л. В. напоминает карикатуру (Homborgen. 2001. P. 253). Хомбергер, однако, полагает, что следует различать доктринальный и духовный оригенизм: Л. В. не был оригенистом в первом смысле, но был им во втором. С т. зр. исследователя, «второй оригенизм» был не только богословским и политическим спором, но и спором о том, как должна выглядеть духовная жизнь, на каких принципах строится аскетика. «Оригенисты» предлагали более индивидуалистический, спиритуалистический и, следов., менее зависимый от церковно-гос. адм. аппарата способ строить духовную жизнь. «Несториане» (сторонники «Трех Глав») выступали за духовную жизнь на основе имперского православия и сильной монастырской общины (Ibid. P. 253–254).

Эванса, однако, аргументация Дейли не удовлетворила. Он предложил новую объяснительную модель. В 1-м трактате «Против несториан и еutihан», в месте, содержащем критику концепции соединения «по достоинству» (Leont. Byz. Contr. Nestor. et Eutyeh. I // PG. 86a. Col. 1300–1301), Л. В., как считает исследователь, в т. ч. полемизирует с христологией «Ареопагитик» (изложенной в: Агеор. DN. II 6; Ер. 3, 4). Эти тексты, полагал Эванс, были важны для оригенистов, поскольку концепция предсуществующего Христа сближала автора «Ареопагитик» с Евагрием Понтийским. Однако палестинские оригенисты не были едины: более радикальные — *исохристы* — считали, что после воскресения умы праведников будут равны Христу, в то время как протоктисты полагали, будто Христос онтологически первенствует над др. душами и всеми сотворенными вещами, являясь результатом первого творения, и поскольку тем самым Он фактически становится четвертой ипостасью, протоктистов называли также «тетрадитами» (ср.: Grillmeier, Hainthaler. 2013. P. 80). Л. В., по мнению Эванса, принадлежал к протоктистам, а его оппонентами были оригенисты-исохристы, которые опирались на «Ареопагитики» (Evans. 1980. P. 33–34). И. Перцель также считает, что 1-й и 3-й трактаты «Против несториан и еutihан» являются отражением полемики внутри оригенизма, он согласен и с тем, что оппоненты Л. В. опирались на «Ареопагитики», однако самого Л. В. исследователь причисляет к исохристам, а его оппонентов — к протоктистам (Perczel. 2000. P. 84–85). Лурье так же настаивает на оригенизме Л. В. и при этом сомневается в правильности отождествления его с Леонтием из «Жития Саввы Освященного». С т. зр. исследователя, подтверждением гипотезы Перцеля о принадлежности Л. В. к одной из оригенистских партий является его концепция умозрительной частной природы, к-рая позволяет частной природе Христа предсуществовать вне времени в единстве с оригенистской Энадой (Лурье. 2006. С. 344–345; Idem. 2015). Лурье осторожно причисляет Л. В. к протоктистам (Idem. 2015) — к той партии оригенистов, к-рая, как он полагает, накануне V Вселенского Собора отказалась от идеи предсуществования Христа по человечеству, т. е. от двух-

субъектности в христологии, избрав в отличие от исохристов соборной анафемы (Он же. 2006. С. 156–157).

В сочинениях Л. В. нет ни одной из тех концепций, которые осуждаются в 10 анафематизмах 543 г. и в 15 анафематизмах 553 г. Концепции, которые в наст. время принято считать «исохристскими» или «протоктистскими» (Esbroeck. L'homélie. 1985. P. 52–57; Лурье. 2006. С. 155–158; Grillmeier, Hainthaler. 2013. P. 79–82), отвергаются Л. В.: он отрицает и не уникальность Христа, к к-рой ведет идея соединения природ «по достоинству», и предсуществование Христа (равно как и человеческих душ). Тем самым вполне вероятно, что Л. В. принадлежал к той или иной оригенистской партии, напр. к исохристам, в числе к-рых был его друг Феодор Аскида (Grillmeier, Hainthaler. 2013. P. 81), однако не солидаризировался с богословием той или др. партии, будучи вполне самостоятельным мыслителем. Некоторые элементы его учения (двухсубъектность, выраженная по крайней мере на уровне терминологии; акцент на самостоятельности души; скептицизм в вопросе о нетлении тела Адама до грехопадения) могут быть интерпретированы как оригенистские. Однако во всех случаях речь идет не о ясном учении, а об интеллектуальной тенденции, что может быть объяснено принадлежностью к определенной богословской среде.

Рецепция учения Л. В. в византийском богословии. Даже если принять гипотезу Перцеля о том, что Л. В. принадлежал к партии радикальных оригенистов (исохристов), осужденных V Вселенским Собором, нет никаких сведений о том, что он сам или его сочинения в дальнейшем пользовались дурной репутацией. Напротив, концептуальные и терминологические наработки Л. В. были во многом восприняты строгой халкидонитской традицией. В первую очередь это касается терминологии, используемой для описания соединения двух природ, в частности разграничения терминов «природа» и «ипостась» (Bausenhart. 1992. S. 86–87). О Л. В. как об авторитетном авторе говорят свт. Софроний Иерусалимский, свт. Герман I К-польский, Никифор Каллист Ксанфопул. Его трактат «Тридцать глав против Севира» целиком воспроизводится в

сб. «Учение отцов» (*Diekamp*. 1907. P. 155–164) и частично — в «Догматической паноплии» Евфимия Зигабена (PG. 130. Col. 1068–1073). Большое влияние как отдельные положения христологии Л. В., так и разработанная им терминология оказали на прп. Максима Исповедника. Особенно это влияние прослеживается в богословско-полемических сочинениях прп. Максима (см.: *Максим Исповедник, прп.* Богословско-полемические сочинения (Opuscula Theologica et Polemica) / Пер. с древнегреч.: Д. А. Черноглазов, А. М. Шуфрин; науч. ред., предисл. и коммент.: Г. И. Беневич. Афон; СПб., 2014. С. 232, 527, 529, 578, 594, 595, 616, 618, 658, 659, 703, 767, 769) и в письмах (см.: *Maximus Conf.* Ep. 12, 15, 16). Прп. Максим воспринял от Л. В. понятие воипостасного в тех смыслах, в к-рых оно используется у Л. В. (см., напр.: *Idem*. *Variae definitiones* // PG. 91. Col. 149). На Л. В. как на предшественника в трактовке термина «одна природа Бога Слова воплощенная» ссылается прп. Иоанн Дамаскин (*Ioan. Damasc.* De fide orth. III 11(55)), хотя имеет в виду созданный не без влияния Л. В. трактат «О ересьях» (впрочем, Б. Коттер указывает, что в тексте «Точного изложения православной веры» и особенно в полемических трактатах против несториан и монофизитов содержится множество аллюзий на сочинения «Против несториан и евтихиан», «Опровержение силлогизмов Севира» и «Тридцать глав против Севира»; см. индексы ссылок: *Die Schriften des Johannes von Damaskos* / Hrsg. B. Kotter. B., 1973. Bd. 2. S. 255–256. 1981. Bd. 4. S. 449. (PTS; 12, 22)). В «Путеводителе» прп. Анастасия Синаита также есть места, в которых прослеживается влияние Л. В. (напр.: «Ипостасью мы называем отдельное лицо. Ее (плоть Христа.— *Авт.*) мы, конечно, называем воипостасной, а не ипостасью. Ибо воипостасное есть то, что существует, в качестве безипостасного; в свою очередь оно не имеет бытия и сущности, подобно сновидению безсущественному, безипостасному и выдуманному» (*Anast. Sin.* Hodegos. II 3 // *Uthemann*. 1981. P. 38; ср.: *Leont. Byz.* Contr. Nestor. et Eutyech. I // PG. 86a. Col. 1277–1280; в критическом аппарате, подготовленном К. Х. Утемманом, приводится множество ссылок на Л. В., среди к-рых есть почти дословные цитаты из его подлинных

сочинений: *Uthemann*. 1981. P. 427–429). Влияние Л. В. прослеживается в текстах Леонтия Иерусалимского, в трактате «О ересьях» Леонтия Схоластика, в антимонофизитском послании «О двух природах во Христе» *Евстафия Монаха* (сер. или 2-я пол. VI в.; CPG, N 6810; *Eust. Mon.* De duab. nat.).

Соч.: *Bigne M., de la*. Magna Bibliotheca veterum patrum et antiquorum scriptorum ecclesiasticorum. P., 1644. T. 9; *Canisius H.* Thesaurus monumentum ecclesiasticum et historicum sive Lectiones antiquae. Amstelodami, 1725. Vol. 1; *Gallandius A.* Bibliotheca veterum patrum antiquorumque scriptorum. Venetiis, 1778. T. 12. P. 625–718; *Mai*. SVNC. T. 6. P. 299–312 [фрагменты Феодора Монустианского из 3-го трактата «Против Несториан и Евтихиан»]; T. 7. P. 40–45 [«Тридцать глав против Севира»]; *idem*. Spicilegium Romanum. R., 1844. Vol. 10. Pt. 2. P. 1–151 [остальные сочинения Л. В.]; PG. 86a. Col. 1186–1768; 86b. Col. 1769–2016; *Diekamp F., ed.* Doctrina patrum de incarnatione Verbi. Münster, 1907; *Daley B. E.* Leontius of Byzantium: A Crit. Ed. of his Works, with Prolegomena: Diss. Oxf., 1978; *Datema C., Allen P.* Leontii presbyteri Constantinopolitani homiliae. Turnhout, 1987. (CCSG; 17).

Лит.: *Loofs F.* Leontius von Byzanz und die gleichnamigen Schriftsteller der griechischen Kirche. Lpz., 1887. Bd. 1; *Rügamer W.* Leontius von Byzanz: Ein Polemiker aus dem Zeitalter Justinians: Diss. Würzburg, 1894; *Junglas J. P.* Leontius von Byzanz: Studien zu seinen Schriften, Quellen und Anschauungen. Paderborn, 1908; *Соколов В. А., свящ.* Леонтий Византийский: Его жизнь и лит. труды. Сепр. П., 1916 (перизд.: Леонтий Византийский: Сб. исслед. М., 2006. С. 10–458); *Draguet R.* Julien d'Halicarnasse et sa controverse avec Sévère d'Antioche sur l'incorruptibilité du corps du Christ. Louvain, 1924; *Grumel V.* Léonce de Byzance // DTC. 1926. T. 9. Col. 400–426; *Richard M.* Léonce et Pamphile // RSPPhTh. 1938. T. 27. P. 27–52; *idem*. Le traité «De sectis» et Léonce de Byzance // RHE. 1939. Vol. 35. P. 695–723; *idem*. Léonce de Jérusalem et Léonce de Byzance // MSR. 1944. T. 1. P. 35–88; *idem*. Léonce de Byzance était-il origéniste? // REB. 1947. T. 5. P. 31–66; *idem*. Le florilège du Cod. Vatopedi 236 sur le corruptible et l'incorruptible // Le Muséon. 1973. T. 86. P. 249–273; *Watt J. H. I.* The Authenticity of the Writings Ascribed to Leontius of Byzantium // StPatr. 1966. Vol. 7. P. 321–336; *Otto S.* Person and Subsistenz: Die philosophische Anthropologie des Leontios von Byzanz. Münch., 1968; *Rees S.* The Literary Activity of Leontius of Byzantium // JThSt. N. S. 1968. Vol. 19. N 1. P. 229–242; *Evans D.* Leontius of Byzantium: An Origenist Christology. Wash., 1970; *idem*. Leontius of Byzantium and Dionysius the Areopagite // ByzSt. 1980. Vol. 7. P. 1–34; *Daley B.* The Origenism of Leontius of Byzantium // JThSt. N. S. 1976. Vol. 27. N 2. P. 334–369; *idem*. The Christology of Leontius of Byzantium: Personalism or Dialectics // Papers from the 9th Conf. on Patristic Studies. Oxf., 1983. P. 2–13; *idem*. A Richer Union: Leontius of Byzantium and the Relationship of Human and Divine in Christ // StPatr. 1993. Vol. 24. P. 239–265; *idem*. Maximus Confessor, Leontius of Byzantium, and the Late Aristotelian Metaphysics of the Person // Knowing the Purpose of Creation through the Resurrection: Proc. of

the Symp. on St. Maximus the Confessor, Belgrade, Oct. 18–21, 2012 / Ed. Bishop Maxim (Vasiljevic). Alhambra (Calif.), 2013. P. 55–70; *Halleux A., de*. [Rev.]: D. Evans, Leontius of Byzantium: An Origenist Christology // RHE. 1977. Vol. 66. P. 977–985; *Perrone L.* Il «Dialogo contro gli astartoceti» di Leonzio di Bisanzio e Severo di Antiochia // Cristianesimo nella storia. Bologna, 1980. Vol. 1. P. 411–443; *Uthemann K.-H., ed.* Anastasii Sinaitae Opera: Viae dux. Turnhout, 1981. (CCSG; 8); *Φρασεάς Η.* Ο Λεόντιος Βυζάντιος: Βίος καὶ Συγγραμματα: Κριτικὴ θεώρησις. Αθήνα, 1984. Σ. 217–246; *Esbroeck M., van*. La date et l'auteur du «De sectis» attribué à Léonce de Byzance // After Chalcedon: Studies in Theology and Church History. Leuven, 1985. P. 415–424; *idem*. L'homélie de Pierre de Jérusalem et la fin de l'origénisme palestinien en 551 // OCP. 1985. Vol. 51. P. 34–590; *Tuilier A.* Remarques sur les fraudes des Apollinaristes et des Monophysites // Texte und Textkritik. B., 1987. S. 581–590; *Grillmeier A.* Die anthropologisch-christologische Sprache des Leontius von Byzanz und ihre Beziehung zu den Summika Zetemata des Neuplatonikers Porphyrius // Ερμενεύματα: FS für H. Hörner zum 60. Geburtstag / Hrsg. H. Eisenberger. Hdlb., 1990. S. 61–72; *Bausenhardt G.* «In allem ungleich außer der Sunde»: Stud. z. Beitrag Maximus' des Bekenners zur altkirchlichen Christologie: Mit einer kommentierten Übers. der «Disputatio cum Pyrrho». Mainz, 1992; *Grillmeier A., Hainthaler T.* Christ in Christian Tradition. L., 1995. Vol. 2/2; Oxf., 2013. Vol. 2/3; *Μεϊενδορφ. Η., прот.* Исус Христос в вост. православ. богословии. М., 2000; *Gockel M.* A Dubious Christological Formula?: Leontius of Byzantium and the «Anhypostasis-Enhypostasis Theory» // JThSt. N. S. 2000. Vol. 51. N 2. P. 515–532; *Percezel I.* Once Again on Dionysius the Areopagite and Leontius of Byzantium // Die Dionysius-Rezeption im Mittelalter / Ed. T. Boiadjev, G. Kapriev, A. Speer. Turnhout, 2000. P. 41–85; *Говорун С. Н.* Леонтий Византийский и его трактат против Нестория и Евтихия // ЦиВр. 2001. № 2. С. 204–230; *он же (Говорун С., диак.)*. К истории термина ἐνυπόστατος «воипостасное» // Леонтий Византийский: Сб. исслед. / Ред.: А. П. Фокин. М., 2006. С. 655–665; *Hombegen D.* The Second Origenist Controversy: A New Perspective on Cyril of Scythopolis' Monastic Biographies as Hist. Sources for VIth-Cent. Origenism. R., 2001; *Krausmüller D.* Leontius of Jerusalem, a Theologian of the 7th Cent. // JThSt. N. S. 2001. Vol. 52. N 2. P. 637–657; *idem*. Origenism in the VIth Cent.: Leontius of Byzantium on the Pre-Existence of the Soul // JLARC. 2014. Vol. 8. P. 46–67; *Cross R.* Individual Natures in the Christology of Leontius of Byzantium // JESCS. 2002. Vol. 10. N 2. P. 245–265; *Gleede B. J.* Εὐνυπόστατος. Durham, 2005; *Даулинг М. Д.* Христология Леонтия Византийского // Леонтий Византийский: Сб. исслед. 2006. С. 554–631; *Лурье В. М.* История визант. философии: Формативный период. СПб., 2006; *idem (Lourié B.)*. Leontius of Byzantium and His «Theory of Graphs» against John Philoponus // The Ways of Byzantine Philosophy / Ed. M. Knežević. Alhambra, 2015. P. 91–119; *Gray P. T. R.* Leontius of Jerusalem: Against the Monophysites: Testimonies of the Saints and Aporiae. Oxf., 2006; *Давыденков О., прот.* Христология система Севира Антиохийского: Догмат. анализ. М., 2007; *Roberge R.-M.* Index des manuscrits patristiques étudiés. La-val, 2008. T. 1.

Т. А. Щукин, Г. И. Беневич

ЛЕОНТИЙ, ДОМЕТИЙ, ТЕРЕНТИЙ И ДОМНИН [греч. Λεόντιος, Δομέτιος, Τερέντιος καὶ Δομνίνος], мученики (пам. греч. 16 и 17 окт.). Сведения об этих мучениках дошли до нас в короткой заметке из Синаксаря К-польской ц. (архетип кон. X в.). Время и место их мученичества неизвестны. Сообщается, что они казнены через сожжение. В квартале Девтерон (К-поль) был построен посвященный им храм. Но поскольку этот квартал довольно обширный, данное указание не дает четкого представления о месте расположения этой церкви. В различных визант. Синаксарях, приводимых И. Делез, помимо Л., Д. и Т. упоминается мч. Д. В некоторых Синаксарях под этими числами указан только он один.

Ист.: ActaSS. Oct. T. 7. Col. 2; SynCP. Col. 144. Лит.: Σαφρόνιος (Εὐσεβίου ἀδελφός). Ἀγιολόγιον. Σ. 272; Νικόδημος. Συνοξαριστής. Т. 1. Σ. 363; Sauget J.-M. Leonzio, Domizio, Terenzio, Donino // BiblSS. Vol. 7. Col. 1324.

Е. М. Бельская

ЛЕОНТИЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ

[греч. Λεόντιος Ἱεροσολύμων] (1-я пол. VI в. или 2-я пол. VI – 1-я треть VII в.), богослов, один из авторов «Леонтиевского корпуса» (см. в ст. *Леонтий Византийский*). О жизни и деятельности Л. И. нет практически никаких данных. Его существование как самостоятельного автора, отличного от Леонтия Византийского, отрицалось Ф. Лоофсом (*Loofs*. 1887) и др. исследователями (из отечественных, напр., сщмч. Василием Соколовым – *Соколов*. 1916) вплоть до появления работы М. Ришара (*Richard*. 1944), к-рый показал, что тексты, приписывавшиеся в рукописной традиции «всемудрому монаху, господину Леонтию Иерусалимскому», принадлежат автору, отличному от авторов др. сочинений, входящих в «Леонтиевский корпус». Несмотря на то что попытки отождествления этих 2 авторов предпринимались и позднее (*Watt*. 1966; *Rees*. 1968; *Φρατσεάς*. 1984. Σ. 217–246), большинство исследователей придерживаются мнения Ришара.

Сочинения. Сохранившиеся творения Л. И. являются сводом его полемики с монофизитами и несторианами. Согласно рукописной традиции, Л. И. принадлежат 3 сочинения – «Апоории» (Ἀπορίαι, 63 Capitula), «Свидетельства святых» (Testimonia sanctorum) (в изданиях они были объединены в соч. «Про-

тив монофизитов» – *Contra Monophysitas* // PG. 86b. Col. 1769–1901; CPG, N 6917) и «Против несториан» (*Contra Nestorianos* // PG. 86a. Col. 1399–1768; CPG, N 6918).

Произведения, составившие трактат «Против монофизитов», различаются в методе полемики: в «Апоориях» приводятся диалектические доказательства без привлечения святоотеческого авторитета; «Свидетельства святых» содержат святоотеческие цитаты; впрочем, это сочинение включает и анализ приводимых цитат, и полемику с их монофизитским пониманием. В начале «Апоорий» (*Leont. Hieros. Contr. Monophys.* // PG. 86b. Col. 1769) Л. И. говорит о том, что они являются ответом на соответствующие апоории монофизитов. По мнению Ришара, до написания монофизитских апоорий Л. И. уже выдвигал свои апоории, получил на них ответ, после чего написал дошедшее до наст. времени сочинение, к-рое вместе со «Свидетельствами святых» должно, т. о., рассматриваться как часть более обширного произведения (*Richard*. 1944. P. 38–39). П. Грей допускает такую возможность, но справедливо считает, что доказать или опровергнуть эту гипотезу невозможно (*Gray*. 2006. P. 42). «Свидетельства святых» подразделяются на теоретическую часть (*Leont. Hieros. Contr. Monophys.* // PG. 86b. Col. 1804–1817), патристическую, содержащую дифизитский флорилегий (*Ibid.* Col. 1817–1849), критическую (*Ibid.* Col. 1849–1876), где рассматривается в т. ч. вопрос о подделках аполинариан, и историческую (*Ibid.* Col. 1876–1900), содержащую полемику против нападок монофизитов на Халкидонский Собор.

Соч. «Против монофизитов» важно для изучения церковной истории и догматических споров. В частности, Л. И. приводит аргументы по следующим вопросам: защита им Халкидонского Собора, несмотря на участие в нем противников свт. Кирилла Александрийского (*Ibid.* Col. 1880–1884), обвинение Церкви в симонии как причина отказа от общения с ней (*Ibid.* Col. 1889–1892); Л. И. не считает такое обвинение достаточным основанием для разрыва общения, к которому может приводить лишь расхождение в догматах), меньшая важность заблуждений христиан-монофизитов по сравнению с заблуждениями иудеев и эл-

линов (*Ibid.* Col. 1893), аргумент о сохранении монофизитами правой веры на основании наличия у них чудес (*Ibid.* Col. 1896–1900; Л. И. отвергает этот довод, но признаёт возможность чудес у еретиков).

Соч. «Против несториан» (название по «Патрологии» Ж. П. Миня: «Против говорящих о двух ипостасях Христа и не исповедующих в Нем никакого сложения») является ответом на апоории несториан (соответствующие им 8 тем перечислены кратко в начале сочинения). В отличие от апоорий монофизитов, к-рые Л. И. не приводит, апоории несториан цитируются (они являются скорее всего реальными апоориями оппонентов, а не придуманы Л. И. – *Gray*. 2006. P. 41). Ответу на каждую из 8 тем посвящена отдельная книга, однако всего книг 7 (сочинение либо не сохр. целиком, либо не было написано). Сочинение разделено на 218 глав. Трактат «Против несториан» является важным источником сведений об учении несториан после *Нестория*, в частности в VI в. (*Abramowski*. 1983. P. 43–45). В отличие от соч. «Против монофизитов» этот трактат менее изучен, не существует ни его издания на основе древнейшей рукописи, ни переводов на совр. европ. языки.

В 1-й кн. трактата «Против несториан», состоящей из 51 главы, Л. И. опровергает тех, кто неправильно учат о соединении божества и человечества во Христе, кто признают во Христе две особые ипостаси и отрицают соединение их в одну. Во 2-й кн., состоящей из 49 глав, Л. И. выступает против тех, кто не признают одной Ипостаси в воплотившемся Христе и двух природ, соединенных в Нем ипостасно. В 3-й кн., состоящей из 14 глав, Л. И. обличает несториан в признании ими двух особых сынов во Христе. Путем аналогий, примеров и свидетельств Свящ. Писания он доказывает нелепость такого учения и говорит о необходимости признавать Христа одним Лицом и одним Единородным Сыном Божиим. В 4-й кн., состоящей из 49 глав, опровергаются (на основании рациональных и библейских аргументов) возражения несториан против признания Девы Марии Богородицей. Здесь же Л. И. защищает свт. Кирилла Александрийского от несправедливых нападок несториан и представляет его как поборника истины и выразителя истин-

ного церковного учения об Иисусе Христе и о Его Пречистой Матери. В 5-й кн., состоящей из 33 глав, Л. И. обличает заблуждение тех, кто считают, что Христос не был по природе Богом, а был только богоносным человеком. В 6-й кн., включающей 10 глав, Л. И. направляет полемику против основного заблуждения несториан, согласно к-рому Христос есть человек-Богоносец, а не Бог-плотоносец. Автор настаивает на признании общецерковной истины, что Слово истинно стало плотью, а не только обитало во плоти, как в Своем храме, что воплощение было не только внешним актом, но и действительным и истинным соединением Бога и человека в едином Лице, именуемом Христом. В 7-й кн., состоящей из 11 глав, обличаются те, кто осуждают принимающих выражение: «Один из Троицы пострадал плотью». По Л. И., этот тезис несколько не еретичен, если он православно истолковывается, т. е. если под словами «Один из Троицы» разумеют Иисуса Христа, Сына Божия, Вторую Ипостась Св. Троицы, во плоти ставшую Сыном Пресвятой Девы Марии (см.: Соколов. 2006. С. 122–123). По мнению сщмч. Василия Соколова (Там же. С. 126), 8-й, недостающей книгой трактата «Против несториан» является трактат «Против монофизитов». В качестве аргумента в пользу этой гипотезы сщмч. Василий ссылается на собственную характеристику Л. И. темы этой книги (*Leont. Hieros. Contr. Nestor. Prooem.* // PG. 86a. Col. 1401). Однако в этом случае все сочинения Л. И. представляли бы собой единый труд, большую часть которого составляла полемика с несторианами, меньшую — полемика с монофизитами. Согласно Л. Абрамовски, «отсутствие восьмой книги сочинения Леонтия является подлинной утратой... потому что именно в восьмой книге Леонтий собирался опровергнуть несторианские формулировки, касающиеся единства Лица Христа, которые, по его мнению, были неверными» (*Abramowski.* 1983. P. 45). Вероятно, 8-я кн., как и предыдущие, была направлена против несториан и их неверного, с т. зр. Л. И., учения о способе соединения двух лиц-ипостасей Христа в одну ипостась. В наст. время большинство ученых полагают, что трактат «Против монофизитов» — отдельное сочинение Л. И. (ср.: *Wesche.* 1986.

P. 50; К. Уэш считал его и более ранним). Соч. «Против несториан» является наиболее важным источником для анализа богословской терминологии Л. И., основных понятий его христологии и антропологии.

Рукописная традиция и издания.

Сочинения Л. И. сохранились в единственной визант. рукописи XIII в. (*Magc. gr.* 69), в к-рую вошли также сочинения свт. Григория, еп. Нисского. Она была вывезена в Италию *Виссариионом*, митр. Никейским, в XV в. и подарена б-ке собора св. Марка в Венеции, где хранится до наст. времени (*Gray.* 2006. P. 34). В XVI в. с нее были сняты 2 независимые копии, одна из которых (*Vat. Palat. gr.* 342), сделанная в 1552 г. Корнелием Мурмурийским, оказалась в Ватиканской б-ке. В сер. XVIII в. Антонио Бонджованни, ученый из Вероны, собирался издать и перевести части венецианской рукописи, но в результате он подготовил к изданию и перевел на латынь лишь фрагмент соч. «Свидетельства святых», который был включен в качестве приложения в издание документов Соборов И. Д. Манси (*Sacrorum conciliorum et decretorum collectio nova* / Ed. J.-D. Mansi. Luca, 1752. Vol. 6. P. 467–546). Бонджованни в подготовленном им издании подчеркнул, что не следует смешивать Л. И. с Леонтием Византийским, однако Манси с ним не согласился (*Gray.* 2006. P. 35). В XIX в. кард. Анджело Мау подготовил издание ватиканской рукописи (без учета венецианского первоисточника). При этом он правильно атрибуировал сочинения Л. И., а не Леонтию Византийскому. Это издание было вполн. воспроизведено в «Патрологии» Миня (при сохранении атрибуции этих сочинений Л. И. они были помещены среди др. сочинений «Леонтиевского корпуса»).

Новое издание трактата «Против монофизитов» с учетом всех имеющихся рукописей, гл. обр. на основе венецианской, было осуществлено Греем (2006). По вопросу о соотношении между текстами, объединенными в этот трактат («Апориями» и «Свидетельствами святых»), высказывались разные мнения. В сохранившейся рукописной традиции «Апории» идут прежде «Свидетельств святых» и представлены вместе с ними как единое сочинение. Тем не менее, по убеждению Грея, изначально эти сочинения не были связаны в одно, и он при публика-

ции расположил их в обратном порядке, предлагая прежде более легкие для восприятия и обсуждающие более широкий круг вопросов (не только догматических, но и церковно-исторических) «Свидетельства святых», а затем поместив более сложные с т. зр. богословской аргументации «Апории»; последние, как следует из их начала, относятся к спору, в к-ром, возможно, участвовал Л. И. Такой порядок в расположении сочинений вызвал критические замечания в рецензиях Л. Р. Уикема (*Wickham.* 2007) и Д. Краусмюллера (*Krausmüller.* 2007), считающих, что «Апории» должны идти прежде «Свидетельств святых», и полагающих, что они составляли одно сочинение. Аргументом в пользу правоты Уикема и Краусмюллера может служить предпоследняя, 62-я апория, где Л. И. ссылается на то, что отцы «напрямую» не говорили об одной природе, «в то время как нам известно, что избранные из учителей говорят и о природах, и даже о двух [природах]» (*Leont. Hieros. Contr. Monophys.* // PG. 86b. Col. 1804). Это место можно рассматривать как своего рода прелюдию к «Свидетельствам святых», где приводится множество таких высказываний. По поводу соотношения друг с другом «Апорий» и «Свидетельств святых» ни относительно времени их создания, ни относительно того, составляют ли они одно целое или являются отдельными сочинениями, в совр. патрологии нет единого мнения.

Датировка. По мнению Лоофса, сочинения, надписанные именем Л. И., были созданы Леонтием Византийским в 1-й пол. VI в. и дошли до наст. времени в отредактированной и расширенной форме, получив окончательный вид между 580 и 620 или 640 г. (*Loofs.* 1887). Именно в этом расширенном варианте в соч. «Против монофизитов» был вставлен рассказ о чуде, бывшем у сарацин-монофизитов, с упоминанием «ереси яковитов» и «веры Иакова» (см.: *Leont. Hieros. Contr. Monophys.* // PG. 86b. Col. 1900–1901), в то время как монофизитская иерархия, носящая имя *Иакова Барадея*, не могла появиться прежде его кончины в 578 г. Ришар отверг принадлежность трактатов «Против монофизитов» и «Против несториан» Леонтию Византийскому, показав, что богословие, словарь и стиль сочинений последнего заметно отличаются

от богословия, словаря и стиля произведений Л. И. (*Richard*. 1944). Однако Ришар придерживался версии о том, что эти трактаты были созданы в 1-й пол. VI в., отрывок же с упоминанием яковитов считал добавленным позднее и принадлежавшим другому автору. До недавнего времени мнение Ришара было господствующим в патрологии, так что, напр., А. *Грильмайер* датировал сочинения Л. И. между 536 (538) и 543/4 гг. (*Grillmeier, Hainthaler*. 1995. P. 274). Краусмюллер предложил вернуться к датировке сочинений Л. И. (в первоначальном, по его мнению, дошедшем до наст. времени варианте) 1-й третью VII в. (*Krausmüller*. 2001); тогда отрывок с упоминанием яковитов должен принадлежать самому Л. И., и его наличие является одним из главных аргументов в пользу того, что Л. И. — автор нач. VII в. От датировки сочинений Л. И. зависит время его жизни и деятельности, а также представление о его участии (или неучастии) в христологических спорах 1-й пол. VI в. Гипотеза Краусмюллера, однако, была отвергнута Греем (*Gray*. 2006. P. 38–40), к-рый датирует «Свидетельства святых» 536–538 гг., а «Апории» — ок. 527 г. (*Ibid*. P. 42) и считает, что расцвет творческой деятельности Л. И. приходится на времена имп. св. Юстиниана I. По его мнению, Л. И. мог быть одним из участников диспута с монофизитами, проходившего в 532 г. в К-поле под покровительством имп. Юстиниана, хотя он допускает, что таким участником мог быть и Леонтий Византийский (*Ibid*. P. 37; на основании свидетельства об участии в диспуте с севирианами «досточтимого Леонтия, монаха и апокрисиария отцов, находившихся в Святом граде [Иерусалиме]» — *Manzì*. T. 8. P. 833). Согласно Грею, сочинения Л. И. против монофизитов, по крайней мере «Свидетельства святых», были написаны еще при жизни *Севира* Антиохийского. Он считает, что задача этого сочинения состояла в том, чтобы «оторвать» последователей Севира от учителя, показав несостоятельность его аргументов против Халкидонского Собора и богословия халкидонитов. Рассказ о чуде, случившемся у сарацин-яковитов, стилистически отличный от остальных текстов Л. И., по мнению Грея, был дописан более поздним автором, вероятно его 1-м переписчиком. Уикем, не разделяя

позицию Краусмюллера, тем не менее считает отсылку к «яковитам» в конце «Свидетельств святых» единственным указанием в пользу датировки сочинений Л. И. VII в.; версия о добавлении этого отрывка поздним переписчиком ему не кажется очевидной: рукописная традиция не дает оснований считать отрывок чужеродным (*Wickham*. 2007. P. 329–330). Однако при наличии единственной сохранившейся визант. рукописи сочинений Л. И. аргументы в этом споре, основывающиеся на «рукописной традиции», не могут быть окончательными.

Краусмюллер отклонил контраргументацию Грея в рецензии на его книгу (*Krausmüller*. 2007. P. 524–526), отметив, в частности, что Грей, опираясь на датировку Ришара, не учитывает, что та основана на неубедительном утверждении о современности сочинений Л. И. и *Иоанна Скифопольского* (епископ ок. 536–548) по причине упоминания последнего (см.: *Leont. Hieros. Contr. Monophys.* // PG. 86b. Col. 1865; из этого упоминания не следует, что Иоанн Скифопольский — современник Л. И.), а также на отсутствии упоминания эдикта «О Трех Главах» (эдикт не был популярен тогда в т. ч. и среди халкидонитов). Это не позволяет надежно датировать сочинения Л. И. временем до издания эдикта (ок. 544). Т. о., вопрос датировки жизни и деятельности Л. И. остается открытым (см. подробнее обсуждение полемики по поводу гипотезы Краусмюллера: *Беневиц*. 2011).

Ставшая традиционной после исследования Ришара версия жизни и деятельности Л. И. в 1-й пол. VI в. лучше вписывается в общепринятое представление о формировании богословия имп. Юстиниана под влиянием сочинений Л. И. Сходство догматических формул и способа аргументации имп. Юстиниана с формулами и аргументами Л. И. весьма велико, а обратное влияние имп. Юстиниана на Л. И. менее вероятно, поскольку Л. И. является оригинальным богословом и мыслителем (см., напр.: *Krausmüller*. 2005; *Idem*. 2006). Т. о., вероятнее всего, Л. И. был, как считают большинство совр. патрологов, одним из крупнейших православных богословов 1-й пол. VI в., существенно повлиявшим на формирование правосл. богословия, сформулированного *Вселенским V Собором* и позднее развитого в трудах

прп. *Максима Исповедника* и прп. *Иоанна Дамаскина*. В случае если Л. И. был палестинским богословом 1-й трети VII в., то он мог повлиять на богословие свт. *Софрония I* Иерусалимского и прп. *Максима* (ввиду тесной связи последних с палестинской богословской традицией). Принадлежность Л. И. к палестинской богословской традиции (на эту принадлежность указывают наименования «Иерусалимский» и ссылки на географические реалии в сочинениях Л. И.— *Wesche*. 1986. P. 30) является важным фактором как в формировании его богословия, так и во влиянии, к-рое он оказал, с учетом того, что в Палестине V–VI вв. разворачивалась полемика между халкидонитами (их форпостом был монастырь прп. *Саввы Освященного*, Иерусалим и мон-ри Иудейской пустыни) и севирианами, к-рые (в т. ч. *Петр Ивер* и *Сефир*) были представителями Газской школы. Если же Л. И. сложился как богослов в 1-й трети VI в., то палестинский контекст был решающим в его борьбе за исповедание Халкидонского Собора. Согласно этой версии, сторонниками к-рой являются большинство патрологов после Ришара, Л. И. был представителем прохалкидонитского палестинского монашества в К-поле, где успешно противостоял влиянию монофизитов.

Учение. Несмотря на разные мнения о датировке сочинений Л. И., все исследователи сходятся в том, что он является одним из наиболее видных защитников Халкидонского Собора от критики его со стороны как монофизитов, так и несториан. Наибольший вклад в правосл. богословие Л. И. внес в сфере христологии: он дал ответы на вопросы, стоявшие в богословии его времени, соединив в единой, во многом самостоятельно разработанной им понятийной системе главные положения богословия свт. Кирилла Александрийского (прежде всего учение об одной природе Бога Слова воплощенной) с учением Халкидонского Собора, утвердившего в одной Ипостаси Христа две нераздельные и неслиянные природы — божество и человечество (*Wesche*. 1986. P. 46). Вначале Л. И. в трактатах против монофизитов сформулировал учение о человеческой природе во Христе, отличное от монофизитского и позволяющее говорить о двух природах без сведения их к одной сложной природе.

Затем в полемике с несторианами он доказал, что человеческая природа во Христе не является ипостасью в том смысле, в каком о ней учат несториане, и что способ ее соединения с божественной природой отличается от способа соединения этих природ, каким его мыслят как несториане, так и монофизиты. Учение о способе соединения двух природ в единой Ипостаси Логоса и о человеческой природе Христа составляет наиболее важную часть наследия Л. И.

Полемика с монофизитами, прежде всего с Севиром Антиохийским, послужила, вероятно, отправным моментом в становлении учения Л. И. В 58-й апории Л. И. предлагает учение об «особой» природе человечества во Христе, фактически противопоставляя свое учение учению о «частной» человеческой природе Христа монофизитов, хотя о последнем он прямо не говорит: «Если же они спросят: «Если вы учите, что Господь из двух [природ] и в двух природах, то каких именно, по вашему мнению?», то мы охотно ответим: «Мы говорим, что Он из двух [природ], божественной и общей человеческой, которые обе существовали прежде единения во Христе, и в двух — общего божества, которое выше понятия общего и особенного, и особенного (ἰδικής), [относящегося] только к Нему человечества»» (*Leont. Hieros. Contr. Monophys. // PG. 86b. Col. 1801*). В отличие от монофизитов, в полемике с халкидонитами противопоставлявших «общее» и «частное» применительно к природам во Христе, Л. И. не противопоставляет общее особенному. Божество во Христе общее, т. е. Логос воплощенный — всецело Бог, Тот же, что и Отец и Дух, притом что противопоставление «общего» и «особенного» к божественной природе неприменимо, т. к. она выше этого разделения. Но и человеческая природа во Христе, с одной стороны, общая (Он «из» общей человеческой природы, а не из частной, как у монофизитов), с другой — особенная (Он «в» особенной человеческой природе). О наличии во Христе особенной природы Л. И. пишет и в трактате «Против несториан»: «Мы говорим, что Слово некую особенную природу (φύσιν ἰδικήν τινά) из нашей (т. е. общей.— Г. Б.) природы восприняло в Свою Ипостась» (*Contr. Nestor. I 20 // PG. 86a. Col. 1485*).

Христос — «в» особенном человечестве, поскольку общая человеческая природа в Нем имеет определенные, характерные для Него особенности, но это общая человеческая природа в Ипостаси Логоса получает свои особенности, а Он существует в ней и через нее (в то время как у монофизитов частная человеческая природа образует вместе с частной божественной одну природу-ипостась; о различии частной и особенной природы гл. обр. на основе анализа сочинений Леонтия Византийского см.: *Cross. 2002*; сокращенный рус. пер.: Леонтий Византийский. 2006. С. 632–654). Т. о., уже в плане того, «из чего» Христос, между учениями Л. И. и Севира Антиохийского обнаруживается существенная разница, следствием к-рой является и отличие между тем, как мыслится то, «в чем» Христос. Общая человеческая природа не перестает оставаться общей в Ипостаси Логоса, хотя и обретает в ней особенные черты: «Христос из двух природ — общего (κοινής) божества и [общего] человечества... После домостроительства Слова сохраняются эти две общие природы [из которых Христос] — божества и человечества» (*Leont. Hieros. Contr. Monophys. // PG. 86b. Col. 1788*). Отстаивание общего характера человеческой природы во Христе чрезвычайно важно для сотериологии Л. И., в центре к-рой, как и в правосл. богословии в целом, — учение о спасении, понимаемом как обожение. По словам Грилльмайера, «среди отцов Леонтий Иерусалимский является одним из наиболее настойчивых защитников обожения человечества во Христе» (*Grillmeier, Hainthaler. 1995. P. 299*). Во Христе, согласно Л. И., совершилось обожение не какой-то одной «частной природы», или ипостаси человеческой природы, не какого-то одного представителя этой природы, а человеческой природы как таковой во всей ее полноте (см.: *Leont. Hieros. Contr. Nestor. I 18 // PG. 86a. Col. 1468*). Однако это обожение всей человеческой природы во Христе не означает обожения всех человеческих ипостасей (как восприятие человеческой природы, по Л. И., не есть восприятие всех ипостасей этой природы) (*Wesche. 1986. P. 225*). Вместе с тем обожение человеческой природы во всей ее полноте, т. е. общей природы, является основанием для обожения всех, кто станут причастны

этой обоженной природе в едином Теле Христовом (см.: *Leont. Hieros. Contr. Nestor. I 18 // PG. 86a. Col. 1468; Gray. 1986; Grillmeier, Hainthaler. 1995. P. 310*). Именно благодаря тому, что в каждом человеке та же самая, а не только «подобная» человеческая природа, что и во Христе, что Он единосущен нам по человечеству, а мы — Ему, возможно причастие Телу Христову и обожение в Нем (*Wesche. 1986. P. 220*).

Обозначив понятие об особенной человеческой природе, «в которой» Христос, и отстояв наличие двух общих природ, «из которых» Христос, в трактатах против монофизитов, Л. И. обратился к следующей задаче — полемике с несторианами, исповедовавшими две (божественную и человеческую) ипостаси у Христа, являющегося лицом их единения. Почему особенная человеческая природа, «в которой» Христос, не является ипостасью? Прежде всего Л. И. воспринимает от каппадокийских отцов, как и от отцов Халкидонского Собора, и от *Иоанна Кесарийского* фундаментальное различие, которое нарушали как монофизиты, так и несториане, между понятием ипостаси и лица, с одной стороны, и сущности и природы — с другой. Это различие лежит в основе его богословия и неоднократно им отстаивается (*Wesche. 1986. P. 166–167*). Далее Л. И. утверждает единственность «Я» Христа, к-рое едино для Его божественной природы и для Его человеческой природы — души и тела (*Grillmeier, Hainthaler. 1995. P. 277. Not. 22*). Так, в толковании на Ин 2. 19 («Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его») Л. И. говорит: «Одно и то же Лицо (πρόσωπον), Которое обозначается местоимением Я, заключает в Себе и разрушаемое тело, и душу, которая говорит через тело, и Бога, воскрешающего разрушенное» (*Leont. Hieros. Contr. Nestor. II 48 // PG. 86a. Col. 1601*). Этим единым Лицом Христа является Ипостась Логоса: «Одно есть Лицо Христа», т. е. «единое Лицо Слова» (*Ibid. II 34 // PG. 86a. Col. 1592*). Согласно Л. И., человечество во Христе «не обладает, как у нас, собственной человеческой ипостасью, отличающей Его от любой подобной или неподобной природы, но общей и неделимой Ипостасью Слова как для собственной Его [человеческой], так и для превосходящей ее [божественной] природы» (*Ibid. V 29 // PG. 86a*).

Col. 1749). «Мы говорим,— разъяняет Л. И.,— что человечество Спасителя не существовало в собственной ипостаси, но с самого начала существует в Ипостаси Логоса» (Ibid. II 14 // PG. 86a. Col. 1568) (см.: *Давыденков*. 2012. С. 28). Наша природа во Христе не имеет особого от Бога Слова лица, но именно Бог Слово наделил ее лицом (ἐπιπροσωποποίησεν) (см.: *Leont. Hieros. Contr. Nestor. V 25 // PG. 86a. Col. 1748*). Под понятием «особенной природы», к-рое Л. И. прилагает к человечеству Христа, он понимает «особенное» не в смысле отдельной ипостаси, не потому, что она отделена или отсечена от др. людей, но потому, что она «собственная» (ιδική может иметь значение как «особенная», так и «собственная») для Ипостаси Логоса (*Wesche*. 1986. P. 177; *Лурье*. 2006. С. 141).

Наибольшей проблемой в споре с несторианами, по мнению Гриллямайера, было определение свт. *Василием Великим* и последующими богословами ипостаси как сущности с присущими ей особенностями, или как общего вместе с особенным (*Grillmeier, Hainthaler*. 1995. P. 278). Особенности (ιδιόμορτα) человеческая общая сущность (или природа) в Ипостаси Логоса, по Л. И., безусловно, имела (Иисус Христос обладал не только природными особенностями человека, но и личными человеческими чертами, к-рыми отличался от др. людей). Л. И. подчеркивал это в полемике с монофизитами, в частности вводя специальное понятие об «особенной природе», «в которой», наряду с божественной, Христос, и употребляя выражение «Господень человек» (κυριακὸς ἄνθρωπος), обозначающее эту природу с ее особенностями (*Leont. Hieros. Contr. Mopophys. // PG. 86b. Col. 1872; Contr. Nestor. I 18 // PG. 86a. Col. 1465–1472*). В VI–VII вв. такое выражение не использовалось богословами-халкидонитами, как звучащее слишком по-несториански, будто бы во Христе помимо Логоса есть еще какая-то ипостась человеческой природы. Л. И. не боится таких подозрений, поскольку именно ему принадлежит наиболее ясное среди авторов этого периода учение, объясняющее, каким образом человеческая «природа с особенностями» не становится во Христе отдельной ипостасью.

Для описания соединения двух природ в Ипостаси Логоса Л. И. раз-

работал новую богословскую терминологию, создав множество неологизмов: συνυπόστασις («существовать вместе», «сосуществовать»; человеческая природа была воспринята как природа, сосуществующая вместе с природой Слова в Его собственной Ипостаси — *Contr. Nestor. VII 2 // PG. 86a. Col. 1761*); ἐνυπόστασις («существовать в...», «воипостазировать»; плоть Христа имеет свое существование в Слове (ἐνυπόστασις — *Ibid. VII 6 // PG. 86a. Col. 1768*), Слово воипостазирировало человеческую природу в Свою собственную Ипостась, а не в ипостась простого человека — *Ibid. V 28 // PG. 86a. Col. 1748*) (см.: *Grillmeier, Hainthaler*. 1995. P. 282; *Леонтий Византийский*. 2006. С. 521); προσωποποιεῖν («делать лицом или даровать личное бытие»; Слово наделило лицом человеческую природу — *Leont. Hieros. Contr. Nestor. V 25 // PG. 86a. Col. 1748*); Л. И. также говорит о единении (ἕνωσις) и сложении (σύνθεσις) природ во Христе (*Ibid. Prooem. // PG. 86a. Col. 1401*); употребляет такие выражения, как «перенесение одной природы в другую ипостась» (*Ibid. I 1 // PG. 86a. Col. 1409*); использует отглагольные прилагательные с корнем (ῥ)ίστησι и окончанием -στας, напр. ἐνυπόστατος (воипостасный), ἀνυπόστατος (безипостасный), συνυπόστατος (соипостасный), или сложные слова: ἰδιουπόστατος (самоипостасный), ἑτερουπόστατος (иноипостасный) (*Grillmeier, Hainthaler*. 1995. P. 282; *Леонтий Византийский*. 2006. С. 521). Столь тщательно разработанная терминология была призвана подтвердить, что человеческая природа во Христе не имела собственного существования вне Ипостаси Логоса (не была самоипостасна или иноипостасна — *Leont. Hieros. Contr. Nestor. II 5 // PG. 86a. Col. 1540*), вместе с тем она была не безипостасна (т. к. природа существует лишь в ипостаси, и таковой ипостасью для нее был Логос) (*Ibid. II 10 // PG. 86a. Col. 1556*). Термин ἐνυπόστατον (воипостасное) у Л. И. «помимо значения реально и конкретно существующего указывает... также на то, какое именно конкретное существование имеет человеческая природа Христа, то есть что она приобретает свое конкретное существование, «актуализируется» в ипостаси Слова» (*Говорун*. 2006. С. 663). Уэш полагал, что, хотя этот термин начал вновь вводить в христологию

Леонтий Византийский, именно Л. И. правосл. традиция обязана закреплением его 2-го смысла (*Wesche*. 1986. P. 154).

Вопреки несторианам Л. И. учил, что, если нечто ипостасно (т. е. существует), это не значит, что оно существует самостоятельно, т. е. является ипостасью. Подобно тому как о каждой Ипостаси Троицы можно сказать, что она сосущественна (т. е. имеет сущность), но не представляет отдельную сущность, нельзя говорить о трех сущностях, так следует говорить и о двух ипостасных природах во Христе в одной Ипостаси. Т. о., соглашаясь с несторианами в том, что нет природы без ипостаси, Л. И. не считал необходимым признавать во Христе две ипостаси (см.: *Leont. Hieros. Contr. Nestor. II 13 // PG. 86a. Col. 1560*).

С т. зр. несториан, единосущие возможно только между ипостасями одной природы, так что человеческая природа Христа, чтобы быть единосущной нам, должна иметь ипостась. Л. И. на это отвечал, что такой ипостасью для нее и является Ипостась Логоса, две природы Которого пребывают в одной и той же Ипостаси (*Ibid. II 13 // PG. 86a. Col. 1561*). Предсуществовавшая от вечности Ипостась Логоса стала, по Л. И., общей Ипостасью Его божества и «Господнего человека» (т. е. человеческой природы, собственной для Логоса и образованной Им для Себя). Т. о. она стала общей для них и сложной (не потому, что стала составной как состоящая из двух ипостасей, но по составу воспринятых ею природ). В свою очередь человеческая природа во Христе имеет особенную ипостась по отношению ко всем остальным людям, и это Ипостась Логоса, а не какая-то др. ипостась. Такое исповедание Л. И. называет «мерилом православия» (καὶ τὸν ὀρθοδοξίας — *Ibid. II 14 // PG. 86a. Col. 1568*).

Л. И. неоднократно подчеркивает, что плоть, т. е. человеческая природа Христа, «никогда не существовала без Бога сама по себе только в собственной природе» (*Ibid. II 21 // PG. 86a. Col. 1581*). Т. е. не было такого времени, когда эта плоть имела бы свои особенности сама по себе помимо Ипостаси Логоса, ее появление и воипостазирирование этой Ипостасью одновременны (*Ibid. I 7 // PG. 86a. Col. 1552*). В Воплощении эта Ипостась не соединяется с др.

ипостасью, но в дополнение к особенностям божественной природы приобретает особенные свойства человеческой природы (*Grillmeier, Hainthaler*. 1995. P. 290). Отвечая на вопрос о том, что же происходит при этом с Ипостасью Логоса, ипостасной особенностью к-рой изначально является особенность сыновства (т. е. рождения от Отца), Л. И. подчеркивает, что при Воплощении не только не возникло сложной природы, ибо божество и человечество не соединились через слияние, но и не возникло сложной ипостаси в том смысле, что не произошло соединения двух ипостасей — Бога и человека, «скорее же особое свойство Ипостаси Слова стало более сложным, поскольку после Воплощения в ней соединилось множество простых свойств... ни природа, ни ипостась Его несложна и неизменяема» (*Leont. Hieros. Contr. Nestor. I 20 // PG. 86a. Col. 1485*). Т. о., в Воплощении произошло соединение особенностей (идиом), а не соединение двух ипостасей в одну (по несторианскому типу) или сложение природ в одну (по монофизитскому). Более того, характер их проявления у Христа иной, как подчеркивает Л. И., напоминая, что каждая из таких идиом во Христе «боголепна» (θεοληπῆ). Все человеческие идиомы должны особым образом принадлежать всей Ипостаси Логоса воплощенного (*Ibid. II 21 // PG. 86a. Col. 1581*). Уже в трактате «Против монофизитов» Л. И. говорит, что «единение можно усмотреть [лишь] по причине обмена особенностями (ἀντιδόσεως τῶν ἰδιῶν)» (*Contr. Monophys. // PG. 86b. Col. 1776*). В полемике же с несторианами это представление уточняется применительно к соединению двух природ в одной Ипостаси Логоса. Сами по себе природы сохраняются, «обмен» происходит на уровне особенностей природ; при этом нет сложения ипостаси с ипостасью (второй ипостаси не возникает), но особенности человеческой природы, индивидуализируемой в Ипостаси Логоса, боголепно усваиваются этой Ипостасью.

Из всех возможных формул, описывающих соединение природ в Ипостаси Логоса, Л. И. предпочитает следующую: «Сложение (σύνθεσις) природ происходит по ипостаси (κατὰ τὴν ὑπόστασιν)» (*Contr. Nestor. I 20 // PG. 86a. Col. 1485*). Смысл этого выражения для него состоит

в том, что изначально простая особенность Ипостаси Логоса вслед за восприятием человеческой природы становится «более сложной особенностью Ипостаси Логоса» (συνθετώτερον ἰδίωμα τῆς τοῦ Λόγου ὑποστάσεως) (*Ibidem*). Как подчеркивает Грильмайер, сложение здесь переносится в сферу «особенностей» (ἰδίωματα), а божественная природа и Ипостась Логоса не подвергаются сложению или изменению (*Grillmeier, Hainthaler*. 1995. P. 295; *Wesche*. 1986. P. 178–179).

Рассматривая отношение воплощенного Логоса к Отцу и Св. Духу, Л. И. утверждает, что если Ипостась Логоса прежде Воплощения отличалась от других Ипостасей Троицы своей особенностью рожденности от Отца, то по Воплощении она отличается еще и множеством человеческих особенностей, как природных, так и личных (προσωπικῶν) (см.: *Leont. Hieros. Contr. Nestor. II 14 // PG. 86a. Col. 1568*). Под последними, очевидно, следует понимать те особенности человеческой природы во Христе, которые характеризуют не природу в целом (разумность, телесность и т. д.), но то, что относится к Иисусу Христу как к человеку (напр., рождение от Девы Марии, наличие братьев, обрезание и т. д.). Эти индивидуальные человеческие особенности, отличая Иисуса Христа от др. людей, вместе с тем имеют во Христе боголепный характер: рождение непорочное, братья не как у др. людей, ибо Иосиф не был Его настоящим отцом, обрезание вольное и т. д. Все человеческие идиомы, в т. ч. и личные, преобразены во Христе в свете идиомы богосыновства. Так можно истолковать учение Л. И. об усвоении Ипостасью Логоса человеческих идиом. Соответственно и «особенная» человеческая природа Христа обрела свое лицо (ср.: *Wesche*. 1986. P. 180–181). «Плоть Христа не получила существования до того, как была образована, но с начала своего бытия обрела свое лицо (προσωποποιήθησα) в Ипостаси Логоса во Христе» (*Leont. Hieros. Contr. Nestor. I 29 // PG. 86a. Col. 1496*).

Возвращаясь к вопросу, к-рый обсуждался в трактате «Против монофизитов», являются ли природы Христа общими или особенными, в трактате «Против несториан» Л. И. отвечает, что с т. зр. определения свойств природ или логосов природ они универсальные (или общие), но

в др. перспективе они особенные, иначе бы вся Троица воплотилась или же Логос воплотился во всех индивидов человеческой природы. Однако он подчеркивает, что человеческая природа с особенностями не означает ипостась, как учат несториане (*Ibid. II 6 // PG. 86a. Col. 1548; Wesche*. 1986. P. 186). Пользуясь образом меча, к-рый опускается в горящее пламя и становится сам раскаленным и огненным, Л. И. говорит, что Воплощение как восприятие «особенной природы» может быть понято по аналогии: субстанция огня у раскаленного меча и в пламени одна и та же, но огонь меча стал собственным для него и обрел в нем свою ипостась (т. е. основу своего существования) (*Wesche*. 1986. P. 190).

Важно и проведенное Л. И. различие между ипостасью и ее образом бытия. Так, подчеркивая, что Богородица не привела в бытие Ипостась Логоса, но и не родила простого человека Иисуса, Л. И. говорит, что «когда Он был рожден от Жены во времени, Он был приведен не в бытие, но лишь в определенный образ бытия (οὐκ εἰς τὸ εἶναι, ἀλλ' εἰς τὸ τοῖσδε εἶναι)» (*Leont. Hieros. Contr. Nestor. IV 18 // PG. 86a. Col. 1684*). Воплощение здесь толкуется как приобретение Ипостасью Логоса иного образа бытия. Л. И. говорит не об утрате богосыновства (к-рое характеризует этот образ изначально), но о включении в первоначальный образ бытия всего того, что связано с восприятием человеческой природы. Однако новая ипостась в Воплощении не появляется (*Wesche*. 1986. P. 192).

Значительное место в полемике Л. И. с несторианами занимает учение об обожении, тесно связанное с учением о творении Богом человека. Л. И. называет Бога отцом Адама. Соответственно Воплощение как образование человечества в Ипостаси Логоса мыслится Л. И. как восстановление этого образа в первоначальной красоте. Именно так — в Ипостаси Бога Слова — человек, павший по наущению диавола и давший в себе место диаволу, не только освобождается от греха, но и утверждается в неколебимой святости обожения. Наша обоженная природа во Христе является залогом спасения и обожения всех, кто станут ее участниками (см.: *Leont. Hieros. Contr. Nestor. I 47 // PG. 86a.*

Col. 1505). В контексте полемики с несторианами Л. И. было важно подчеркнуть, что истинное спасение и обожение человечеству не может доставить никакой человек, к-рый своим подвигом исполнит волю Божию. Только восприятие общей природы в Ипостась Логоса и ее непреложное обожение в ней являются залогом спасения людей. Победителем диавола, смерти и тления, дарующим плоды этой победы всему человечеству, может быть только Бог, а не к.-л. св. человек (Ibidem; *Wesche*. 1986. P. 219).

Важно различие, проведенное Л. И. между Христом, Которого он считает правильнее называть человеконосным Богом, и обоженными святыми, к-рых можно называть богоносными человеками (последнее именование вопреки мнению несториан неприложимо к Иисусу Христу — см.: *Leont. Hieros. Contr. Nestor. VI 1 // PG. 86a. Col. 1753*). Т. о., Л. И. проводит различие между характером обожения человеческой природы в Ипостаси Логоса и обожением ее в святых, совершаемым во Св. Духе через участие в христ. таинствах (прежде всего в Крещении и Евхаристии) (*Wesche*. 1986. P. 237–241). Но в конечном счете святые обретают то же духовное тело воскресения, что и человеческая плоть во Христе в Его воскресении (Ibid. P. 242).

Учение Л. И. об обожении плоти во Христе отличается как от учения афтартодокетов (их можно было найти и среди халкидонитов, и среди монофизитов), так и от учения несториан. У последних надление благодатью человека Иисуса происходило шаг за шагом в ходе Его жизни и согласования Его воли с волей Божией в едином Лице единения. У афтартодокетов тело Христа было изначально нетленно с момента Воплощения, т. е. именно таким оно и было образовано в Ипостаси Логоса — нетленным по природе. Л. И. считал, что обожение плоти Христовой завершилось лишь после Его воскресения (*Leont. Hieros. Contr. Nestor. IV 37 // PG. 86a. Col. 1712; Ibid. I 19 // PG. 86a. Col. 1476*), однако уже в воплощении, хотя плоть была воспринята Логосом и не нетленная, но уже имело место ее непреложное единение с божественной природой в Ипостаси Логоса, так что в силу «обмена свойствами» человеческая природа наделялась божественными свойствами и действиями. Вместе

с тем умаление божественной славы (кеносис), осенявшей плоть Христову в силу ее ипостасного единства с божеством, совершалось по благоволению самого Логоса, так что Христос по человечеству мог испытать наши страдания и смерть (Ibid. V 1 // PG. 86a. Col. 1724). В воскресении же раскрытие божества Христа в Его человечестве завершилось всецелым и неотъемлемым обожением Его тела, но началось обожение нашей природы во Христе уже в воплощении в силу ипостасного единства человечества с божеством (см.: *Wesche*. 1986. P. 227–232). Воплощение у Л. И. включало не только восприятие нашей плоти Логосом, но и страдания и воскресение и прославление нашей природы во Христе (Ibid. P. 233). По мнению Грильмайера, Л. И. в отличие от Леонтия Византийского, для к-рого чудеса в жизни Христа были чем-то исключительным, постоянно подчеркивает чудесное в жизни Иисуса Христа, давая тем самым понять, что плоть Его была наделена в силу ипостасного единства с божеством способностью чудотворения (*Grillmeier, Hainthaler*. 1995. P. 305–308), но это не значит, что он считал ее нетленной по природе с момента воплощения, как учили афтартодокеты. Грильмайер полагает, что Л. И. внес более весомый вклад в правосл. учение как о кеносисе (самоумалении) Божества, так и об обожении человеческой плоти во Христе, чем Леонтий Византийский (Ibid. P. 309).

Значение. Оценка места наследия Л. И. в истории правосл. богословия зависит от датировки его жизни и деятельности, относительно к-рой мнения расходятся. Согласно наиболее распространенной версии, по к-рой Л. И. — богослов 1-й пол. VI в., он внес важнейший вклад в формирование правосл. богословия, сформулированного V Вселенским Собором, был (наряду со свт. *Ефремом* Антиохийским и Леонтием Византийским) одним из нескольких богословов-неохалкидонитов, оказавших решающее влияние на имп. Юстиниана (о понятии «неохалкидонизм» см.: *Moeller*. 1951. P. 678–680; *Meyendorff*. 1975. P. 30–31). Если же, как утверждает Краусмюллер (*Krausmüller*. 2001), Л. И. был богословом кон. VI — 1-й трети VII в., то он не мог оказать влияние на имп. Юстиниана, но был старшим современником свт. Софония Иерусалим-

ского и прп. Максима Исповедника. Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

По мнению Грея, влияние Л. И. на имп. Юстиниана проявилось не сразу, но явно сказалось на эдикте «О правой вере» (*Gray*. 1979. P. 154–163). Дж. Макдоналд, подробно разобравший возможное влияние Л. И. на имп. Юстиниана, отчасти ополчил мнение Грея, отчасти дополнил его. Он обнаружил многочисленные сходства между сочинениями имп. Юстиниана и Л. И., в частности между «Посланием александрийским монахам» (539–542) имп. Юстиниана и сочинением Л. И. «Против монофизитов». Макдоналд утверждает, что последнее было главным источником для имп. Юстиниана, в особенности по части дифизитского флорилегия (*Macdonald*. 1995. P. 37). Автор считает, что наблюдавшееся др. исследователями сходство между сочинениями имп. Юстиниана и Леонтия Византийского и свт. Ефрема Антиохийского легче всего объяснить не прямой зависимостью от них, а восприятием имп. Юстинианом богословия Л. И. (Ibid. P. 38). Кроме того, этот исследователь отметил сходство между сочинением Л. И. «Против несториан» и изложением как несторианской, так и правосл. позиций в сочинении имп. Юстиниана «Беседа с Павлом Нисибинским». Сходство с трактатом Л. И., по его мнению, может быть объяснено 2 способами в зависимости от датировки беседы имп. Юстиниана с Павлом, несторианским епископом из Нисибина. Если сочинение имп. Юстиниана основано на беседе, имевшей место в 561 г., то сходство может происходить от влияния Л. И. на имп. Юстиниана. Но если беседа имела место в 532 г., то сходство между трактатом Л. И. «Против несториан» и «Беседой с Павлом Нисибинским» может происходить от того, что Л. И. использовал материалы реальной беседы для написания отдельных мест соч. «Против несториан» (Ibid. P. 293). С этим сочинением имп. Юстиниана содержательно пересекается и эдикт «О правой вере».

В рамках гипотезы о том, что Л. И. — виднейший богослов 1-й трети VII в., принадлежавший к палестинской традиции правосл. богословия, В. М. Лурье высказал мнение о прямом (и, возможно, прижизненном) влиянии Л. И. на прп.

Максима Исповедника, которого он тоже считает принадлежавшим к палестинской правосл. традиции. По его мнению, диэнергизм прп. Максима сформировался под влиянием диэнергизма Л. И. (*Лурье*. 2006. С. 168), хотя в целом в Византийской империи это учение было маргинальным (см. обсуждение последнего тезиса: *Беневич*. 2014. С. 17). Однако отрывок трактата «Против монофизитов», к-рый приводится в качестве свидетельства о диэнергизме Л. И. (*Leont. Hieros. Contr. Monophys. // PG. 86b. Col. 1773*), хотя и не позволяет исключить влияние Л. И. на формирование учения прп. Максима о двух действиях во Христе, свидетельствует не столько о прямом заимствовании, сколько о развитии и переработке учения предшественников (ср.: *Беневич*. 2014. С. 187). В полемике с моноэнергистами свт. Софроний Иерусалимский и прп. Максим ни разу не ссылаются на Л. И., а цитаты из его сочинений не встречаются ни в одном из известных диэнергистских флорилигев.

В др. аспектах христологии влияние Л. И. на прп. Максима было весьма существенным. Так, в полемике с монофизитами у Л. И. встречается следующее утверждение: «Вам придется допустить, что этих природ, которые во Христе, которые — Христос и в которых Христос существует (ἐνοῦσας Χριστῷ, καὶ οὐσας Χριστὸν, καὶ ἐν αὐτῷ ἐστὶ Χριστός)... по меньшей мере — две!» (*Leont. Hieros. Contr. Monophys. // PG. 86b. Col. 1817*). От встречающегося в этом утверждении выражения Л. И. по сути не отличается дифизитское исповедание прп. Максима, хотя и в неск. др. словах: «Из которых, в которых и которые Он есть (ἐξ ὧν ἐν οἷς τε καὶ ἅπερ ἐστὶ)» (об использовании этого выражения прп. Максимом см.: *Беневич*. 2014. С. 527). Впрочем, именно прп. Максим, а не Л. И. употребляет эту формулу, выражающую во всей полноте халкидонитское исповедание, систематически в полемике как с монофизитами и несторианами, так и с моноэнергистами и монофелитами. Сходное выражение встречается и у Леонтия Византийского (*Leont. Byz. Contr. Sever. // PG. 86b. Col. 1904*). Широко использует прп. Максим различение, систематически проводимое Л. И. (см., напр.: *Leont. Hieros. Contr. Monophys. // PG. 86b. Col. 1780*) между

различием (διαφορά) природ во Христе, к-рое имело место, и разделением (διαίρεσις) природ, к-рого в Нем не было (*Maximus Conf. Opusc. // PG. 91. Col. 153, 221*). Оказало влияние на прп. Максима, вероятно, и учение Л. И. о числе, которое не разделяет природы во Христе, но свидетельствует об их различии (ср.: *Leont. Hieros. Contr. Monophys. // PG. 86b. Col. 1800; Maximus Conf. Ep. 12 // PG. 91. Col. 473–476*). В целом влияние сочинений Леонтия Византийского на христологическую полемику прп. Максима и его учеников было большим, чем сочинений Л. И., однако и влияние Л. И. заметно. Само понятие «воипостасного», употребляемое обоими Леонтиями (причем более последовательно Л. И.) в 2 смыслах — реально существующего и воспринятого в ипостась (*Говорун*. 2006. С. 662–665), именно в этих смыслах встречается у прп. Максима в его полемике с монофизитами, где был актуален 1-й смысл, и с несторианами, где был особенно актуален 2-й (см.: *Беневич*. 2014. С. 594–596, 616, 659).

Вместе с тем не все особенности богословия Л. И. были восприняты последующей правосл. богословской традицией. В частности, для нее не было характерно выражение «собственная» или «особенная» в приложении к воспринятой в Ипостась Логоса человеческой природе. Впрочем, в последнее время исследователи находят определенный параллелизм между формулой Л. И., точнее, смыслом, выраженным ею, — общая человеческая природа с особенностями, к-рые она получает в Ипостаси Логоса, — и соответствующими выражениями у ряда последующих богословов, в частности у прп. Иоанна Дамаскина (см.: *Cross*. 2002; *Давыденков*. 2012. С. 9–11), однако в данном вопросе влияние Леонтия Византийского могло быть большим, чем Л. И. Вместе с тем и влияние христологии Л. И. на христологию прп. Иоанна Дамаскина, по-видимому, было значительным. Вопрос этот требует дальнейшего изучения (в частности, необходимо различить влияние двух Леонтиев), но отдельные наблюдения (см.: *Wesche*. 1986. P. 154, 160, 161; Уэш высказывает мнение, что прп. Иоанн Дамаскин воспринял концепцию воипостазирования именно у Л. И.) дают достаточно оснований признавать влияние (прямое или опосредованное)

Л. И. на нек-рые наиболее существенные аспекты христологии прп. Иоанна Дамаскина, а через него — всей правосл. традиции. Опубликованный М. Рашедом (*Rashed*. 2007) анонимный трактат VI в. «Об общей природе и Троице» является ярким свидетельством полемики в VI в. вокруг монофизитского понятия «частная природа», к-рому анонимный автор-халкидонит противопоставляет понятие общей природы, индивидуализированной в ипостаси (что перекликается с учением об особенной человеческой природе во Христе Л. И., хотя самого этого выражения в анонимном трактате нет). Важно и то, что этот трактат VI в. встречается в рукописи X–XI вв., др. сочинения в к-рой имеют явно учебный характер, что свидетельствует о том же характере и данного трактата. Т. о., различие между монофизитским понятием «частная природа» и халкидонитским — «общая природа, индивидуализированная в ипостаси» было общеизвестно в визант. богословии X–XI вв., а Л. И., очевидно, был одним из тех богословов, к-рому восходит наиболее тщательная разработка если и не этого различия, то самого правосл. учения о воипостазировании во Христе общей человеческой природы. Учение Л. И. о наделении лицом человеческой природы в Ипостаси Логоса лежит в основе правосл. учения об иконопочитании, даже если сами защитники иконопочитания непосредственно и не ссылались на него. Несмотря на несомненную принадлежность Л. И. к правосл. традиции и важный вклад в нее, Краусмюллер пытается в последнее время показать, что по некоторым вопросам, в частности в трактовке учения о Троице, Л. И. отходит от каппадокийской традиции (*Krausmüller*. 2006), но гипотеза Краусмюллера требует дальнейшей проверки на основе изучения всего корпуса текстов Л. И., как и главная гипотеза того же исследователя относительно времени жизни Л. И. Соч.: CPG, N 6917–6918; PG. 86a. Col. 1399–1681; 86b. Col. 1769–1901; *Leontius of Jerusalem. Against the Monophysites: Testimonies of the Saints and Aporiae / Ed., transl. P. Gray. Oxf., 2006*; рус. пер.: Против монофизитов / Пер.: Д. А. Черноглазов, Г. И. Беневич // *Леонтий Иерусалимский, Феодор Абу-Курра, Леонтий Византийский. Polemические сочинения / Сост., вступ. ст.: Г. И. Беневич. Краснодар, 2011. С. 25–164*. Лит.: *Loofs F. Leontius von Byzanz und die gleichnamigen Schriftsteller der griechischen*

Kirche. Lpz., 1887. Bd. 1; *Соколов В., свящ.* Леонтий Византийский: Его жизнь и лит. труды. Серг. П., 1916 (перизд.: Леонтий Византийский: Сб. исслед. / Ред.: А. Р. Фокин. М., 2006. С. 10–458); *Richard M. Léonce de Jérusalem et Léonce de Byzance* // MSR. 1944. Vol. 1. P. 35–88; *Lebon J.* La christologie du monophysisme syrien // Das Konzil von Chalcedon: Geschichte und Gegenwart / Hrsg. A. Grillmeier, H. Bacht. Würzburg, 1951. Bd. 1. S. 425–580; *Moeller Ch.* Le Chalcedonisme et le néo-Chalcedonisme en orient de 451 à la fin de VIe siècle // Ibid. P. 637–720; *Watt J. H. I.* The Authenticity of the Writings Ascribed to Leontius of Byzantium: A New Approach by Means of Statistics // StPatr. 1966. Vol. 7. P. 321–336; *Rees S.* The Literary Activity of Leontius of Byzantium // JThSt. N. S. 1968. Vol. 19. N 1. P. 229–242; *Basdekis A.* Die Christologie des Leontius von Jerusalem: Seine Logoslehre. Münster, 1974; *Meyendorff J.* Christ in Eastern Christian Thought. Crestwood (N. Y.), 1975; *Grillmeier A.* Ο Κυριακός άνθρωπος: Eine Studie zu einer christologischen Bezeichnung der Väterzeit // Traditio. 1977. Vol. 33. P. 1–63; *Gray P.* The Defence of Chalcedon in the East (451–553). Leiden, 1979; *idem.* Leontius of Jerusalem's Case of a «Synthetic» Union in Christ // StPatr. 1986. Vol. 18/1. P. 151–154; *idem.* Through the Tunnel with Leontius of Jerusalem: The Sixth Century Transformation of Theology // The Sixth Century: End or Beginning? / Ed. P. Allen, E. Jeffreys. Brisbane, 1996. P. 187–196; *idem.* The Sabaitic Monasteries and the Christological Controversies (478–533) // The Sabaitic Heritage in the Orthodox Church from the 7th Cent. to the Present / Ed. J. Patrich. Leuven, 2001. P. 237–244; *idem.* Introd. // *Leontius of Jerusalem.* Against the Monophysites: Testimonies of the Saints and Aporiae. Oxf., 2006. P. 1–45; *Abramowski L.* Ein nestorianischer Traktat bei Leontius von Jerusalem // III Symp. Syriacus, 1980. R., 1983. P. 43–55; *Φρατζεάς Η.* Ο Λεόντιος Βυζάντιος: Βίος και Συγγράμματα: Κριτική Θεώρηση. Ἀθήνα, 1984; *Wesche K.* The Defence of Chalcedon in the 6th Cent.: The Doctrine of «Hypostasis» and Deification in the Christology of Leontius of Jerusalem: Diss. N. Y., 1986; *idem.* The Christology of Leontius of Byzantium: Monophysite or Chalcedonian? // SVTQ. 1987. Vol. 31. P. 65–95; *idem.* On the Person of Christ: The Christology of the Emperor Justinian. Crestwood, 1991; *Grillmeier A., Haint-haler T.* Christ in Christian Tradition. L., 1995. Vol. 2: From the Council of Chalcedon (451) to Gregory the Great (590–604). Pt. 2; *Macdonald J. L.* The Christological Works of Justinian: Diss. Wash., 1995; *Krausmüller D.* Leontius of Jerusalem, a Theologian of the VIIth Cent. // JThSt. N. S. 2001. Vol. 52. N 2. P. 637–657; *idem.* Conflicting Anthropologies in the Christological Discourse at the End of Late Antiquity: The Case of Leontius of Jerusalem's Nestorian Adversary // Ibid. 2005. Vol. 56. N 2. P. 415–449; *idem.* Divine Self-invention: Leontius of Jerusalem's Reinterpretation of the Patristic model of the Christian God // Ibid. 2006. Vol. 57. N 2. P. 526–545; *idem.* Review of P. T. R. Gray, Leontius of Jerusalem, Against the Monophysites: Testimonies of the Saints and Aporiae (Oxf., 2006) // JEclH. 2007. Vol. 58. P. 524–526; *Cross R.* Individual Natures in the Christology of Leontius of Byzantium // JECS. 2002. Vol. 10. N 2. P. 245–265; *Гворун С., диак.* К истории термина ἐνυπόστατος «воипостасное» // Леонтий Византийский: Сб. исслед. М., 2006. С. 655–665; *Лурье В. М.* История визант. философии: Формативный период. СПб., 2006; *Rashed M.* Un texte proto-

byzantin sur les universaux et la trinité // L'héritage aristotélicien: textes inédits de l'Antiquité. P., 2007. P. 345–377; *Wickham L. R.* [Rev.] Leontius of Jerusalem: Against the Monophysites: Testimonies of the Saints and Aporiae / Ed., transl. P. T. R. Gray // JThSt. N. S. 2007. Vol. 58. N 1. P. 329–330; *Беневич Г. И.* Предисл. // *Леонтий Иерусалимский, Феодор Абу-Курра, Леонтий Византийский.* Poleмические сочинения. Краснодар, 2011. С. 6–24; *он же.* Богословско-poleмические сочинения прп. Максима Исповедника и его полемика против моноэнергизма и монофелитства // *Максим Исповедник, прп.* Богословско-poleмические сочинения (Opuscula Theologica et Polemica) / Пер. с древнегреч.: Д. А. Черноглазов, А. М. Шуфрин; науч. ред., предисл. и коммент.: Г. И. Беневич. Афон; СПб., 2014. С. 11–298; *Давыденков О., прот.* Вопрос о тождестве Ипостаси Христа Ипостаси предвечного Логоса в правосл. христологии VI–IX вв. // Вестн. ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2012. Вып. 4(42). С. 22–35; *он же.* Концепция «индивидуальная природа» в диофизитской традиции после Леонтия Византийского // Там же. 2014. Вып. 3(53). С. 9–24.

Г. И. Беневич

ЛЕОНТИЙ ИЗ РЭДЭУЦИ [румын. Leontie de la Rădăuți] (2-я пол. XIV – 1-я пол. XV в.), св. Румынской Православной Церкви (пам. 1 июля), еп. Род. в Молдавском княжестве в Рэдэуци (совр. жудец Сучава, Румыния). Поступил в рэдэуцкий мон-рь Богдана с соборным храмом во имя свт. Николая Чудотворца, основанный после 1359 г. молдав. господарем Богданом I, и принял в нем постриг с именем Лаврентий. Вскоре инок удалился в пустынную гористую местность в долине р. Путны, где близ с. Лаура основал скит с небольшим деревянным храмом, впоследствии названный его именем (в наст. время село в черте г. Викову-де-Сус, жудец Сучава). Стяжал дар прозорливости и целительства. Согласно церковной традиции, среди учеников старца в скиту был инок св. Даниил Пустынный, ставший впоследствии духовником господаря св. Стефана Великого. В нач. XV в. молдав. господарь Александру Добрый (1400–1432) поставил Лаврентия во епископы новообразованной Рэдэуцкой епархии. В конце жизни принял схиму с именем Леонтий. В 1621 г. иерей Захария (Копыстенский) писал: «В Рэдэуци, в епископии, почивает нетленное тело св. Леонтия, чудотворца...»

В 1992 г. Синод Румынской Православной Церкви прославил Л. из Р. в лике святых. Мощи святителя покоятся в мон-ре Богдана в Рэдэуци (архиепископия Сучавская и Рэдэуцкая).

Лит.: *Stan L.* Sfinții români. Sibiu, 1945. P. 14–20.

ЛЕОНТИЙ, ИПАТИЙ И ФЕОДУЛ [греч. Λεόντιος, Ἰπάτιος καὶ Φεβδουλος] († 70–79 или нач. IV в.), мученики Триполийские (пам. 18 июня).

Греческая традиция. Древнейшее греч. Мученичество Л. утрачено, о его существовании известно благодаря сир. и груз. переводам. Сохранившиеся греч. агиографические сочинения, посвященные Л., И. и Ф., близки между собой по содержанию, но значительно отличаются от вост. агиографической традиции. В Мученичестве ВHG, N 986, IX в. (ActaSS. Iun. T. 3. P. 555–562; сокращенная версия ВHG, N 986b –

Мч. Леонтий Триполийский.
Ростись кафоликона
ст. Николая Чудотворца
мон-ря Ставроникита, Афон. 1546 г.
Мастер Феофан Критский и Симеон

в ркп. Vat. gr. 821, XI в.), содержит указание, что оно написано Киром, занимавшим должность комментарисия (чиновника, ведущего протоколы допросов). Он был свидетелем казни Л. и изложил увиденное на оловянных дощечках, к-рые поместил рядом с гробом мученика. Болландисты предположили, что в основу этого Мученичества легли составленные Киrom несохранившиеся акты. В др. Мученичестве – ВHG, N 986a (*Halkin.* 1964. P. 322–339), включенном в состав дометафрастовских Четых-Миней, упоминание о комментарисии Кире отсутствует, но добавлено чудо об освобождении из темницы Мавра. Кроме того, Л., И. и Ф. посвящены Похвала Константина Акрополита (ВHG, N 987; ActaSS. Iun. T. 3. P. 562–568), Мученичество в составе Императорского Минология (ВHG, N 987a; *Latyšev.* Menol. T. 2. P. 73–77) и неизданный вариант этого текста (ВHG,

№ 987b), эпитама в составе дометафрастовских Четых-Миней (ВНГ, № 987d; *Halkin*. 1964. P. 339–340), а также краткие синаксарные жития (SynCP. Col. 755–756 и др.).

Сохранился южнославянский перевод Мученичества ВНГ, № 986а (*Иванова К. Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica*. София, 2008. С. 548–549). В 2 груз. рукописях (НЦРГ. S 417. Л. 128–141, XII в.; Кут. 3. Л. 190 об.— 207 об., XVI в.) под 29 июня содержится метафрастическая версия Мученичества Л., И. и Ф., которая является переводом утраченного греч. сочинения Иоанна Ксифилина.

Согласно тексту сохранившихся греч. Мученичеств, в царствование Веспасиана в Риме жил сенатор Адриан, отличавшийся жестокостью и ненавистью к христианам. Он обратился к императору с просьбой дать ему власть принуждать христиан к идолопоклонству и казнить упорствовавших. Веспасиан назначил Адриана наместником Финикии, и тот отправился в путь. Приближаясь к Триполи (совр. Ливан), он узнал, что в этом городе живет воин Л. из Эллады, к-рый пользуется большим уважением за победы в сражениях, а также известен как рассудительный и умный человек. Л. учил жителей города христ. вере и прославился мн. добрыми делами. Адриан послал в Триполи трибуна И. (или Ипата) с отрядом воинов, поручив ему схватить Л. Когда те приблизились к Триполи, И. тяжело заболел. Во сне ему явился ангел и велел призвать на помощь Бога, в Которого верует Л. Находившийся при смерти И. призвал воинов, и они трижды воскликнули: «Боже Леонтия, помоги!» После этого, к удивлению присутствующих, И. тотчас же выздоровел. Встретив в Триполи Л., И. и его друг Ф. попросили его поведать им о Христе и затем крестились. Когда в город прибыл Адриан, он велел бросить Л., И. и Ф. в темницу. Там Л. укреплял новокрещеных в Христовой вере и готовил к мученическому подвигу. На допросе Адриан убедился в непоколебимости И. и Ф. и после пыток велел их обезглавить. Наместник пытался переспорить Л., но не достиг своей цели. Палачи били его, пока не изнемогли от усталости, затем повесили мученика на дереве и строгаали его тело острыми железными орудиями, но Л. продолжал

хулить языческих богов. Тогда Адриан приказал повесить его вниз головой, привязав к шее Л. тяжелый камень, а вечером — бросить мученика в темницу. Ночью Л. явился ангел и возвестил, что Господь послал его неотступно быть рядом с ним. Утром Л. привели на суд к Адриану, к-рый не смог склонить му-

Мученичество Леонтия, Ипатия и Феодула Трипольских.

Роспись ц. Вознесения мон-ря Дечаны, Косово и Метохия. 1348–1350 гг.

ченика к жертвоприношению и приказал привязать его к 4 колам и бить до тех пор, пока не испустит дух. Тело Л. было погребено близ трипольской гавани. Позднее на этом месте был построен храм во имя мч. Леонтия. Благочестивая жительница Триполи по имени Иоанния молила святого помочь ее мужу Мавру, который разгневал императора и был брошен в темницу. Она натерла благовониями мощи Л., облекла их в драгоценные одежды и воскуряла фимиами у его гробницы. Л. явился заключенному в темницу Мавру в одеждах Иоаннии и пообещал ему скорое освобождение. Той же ночью Л. предстал перед императором и велел освободить и восстановить Мавра в прежней должности, что тот и исполнил.

Восточная традиция, согласно которой Л. был учеником Публия и вместе с ним пострадал при имп. Диоклетиане и/или Максимиане (нач. IV в.), включает памятники на сир., копт. и груз. языках, в основе к-рых, по мнению исследователей, лежит несохранившееся греч. Мученичество. Древнейшими текстами, отражающими эту традицию, являются гомилии в честь Л., произнесенные в день его памяти, 18 июня, монофизитским Антиохийским патриархом *Севиrom* в 513 и 514 гг. (№ 27 и 50 в общем списке его го-

милей). Их греч. оригинал утрачен, сохранился только сир. перевод. На сир. языке также сохранилось Мученичество Л., очевидно переведенное с утраченного греч. оригинала. Оно известно в 3 рукописях и было впервые издано П. Беджаном по одной из них (ВНО, № 563), а затем с учетом всех рукописей — Ж. Гариттом (*Garitte*. 1968; с лат. переводом). Ближкое по содержанию Мученичество на груз. языке сохранилось в рукописях X в. (Sinait. iber. 11. Fol. 213v — 218v; 62. Fol. 48–49v; Ath. Iver. georg. 8. Fol. 334–335), XI в. (НЦРГ. А 95. Л. 454–455; Bodl. 1. Fol. 180–181) и XV вв. (НЦРГ. А 382. Л. 14–14 об.); оно было издано К. *Кекелидзе* (Груз. агиогр. памятники. 1946. Т. 2. С. 62–63). Копт. Мученичество (на саидском диалекте), известное только в рукописи NY Morgan. 585 (IX в.; изд. и лат. перевод: *Garitte*. 1965), представляет собой яркий образец т. н. эпического мученичества и практически не содержит биографических деталей, кроме указаний на Публия, упоминаний Триполи и воинского звания Л. За текстом Мученичества в этой же рукописи следует копт. текст гомилии Севира Антиохийского, имеющей нек-рые параллели с гомилией № 27, в частности рассказ о 3 посмертных чудесах (изд. и лат. перевод: *Garitte*. 1966; по мнению Гаритта, копт. перевод был сделан с более пространныго греч. текста, чем тот, к-рый отражен в сир. пер.). Единственным известным отголоском вост. традиции в греч. источниках является упоминание вместе с Л. наряду с И. и Ф. мч. Публия (Πούβλιος; а также Дометиана (?)) в Патмосском списке Типикона Великой ц. (кон. IX — нач. X в.; *Дмитриевский*. Описание. Т. 1. С. 82). Эти же имена встречаются в груз. переводе Синаксаря К-польской ц.— Великом Синаксаре, выполненном в XI в. прп. *Георгием Святогорцем* (Мтацмидели) (НЦРГ. А 97, А 193, Н 2211; Hieros. Patr. georg. 24–25; Sinait. iber. 4; Ath. Iver. georg. 30, все XI в.).

Согласно сир. Мученичеству, юноша Л., уроженец Эллады, служил солдатом в Триполи Сирийском при императорах Диоклетиане и Максимиане. Обращенный в христианство мон. Публием, он сокрушил идолов в языческом храме. Жрецы донесли на Л. и Публия архонту, их схватили и привели к трибуну Филокринию (в изложении Севира Л. добровольно вызвался разделить участь

Публия). Публий после бичевания был сослан в Эмесу, Л. же освободили из заключения, запретив поклоняться Христу. Затем Публий вернулся в свой мон-рь, где к нему присоединился Л. Они были вторично схвачены и отданы судье Фирмилиану (может быть тождествен одноименному правителю Палестины в 308, упоминаемому Евсевием Кесарийским — см.: *Nau*. 1900. P. 10. Not. 3), к-рый заключил их в темницу и морил голодом. Жрецы дали ему взятку, чтобы склонить к вынесению смертного приговора. Публия после очередных пыток отправили к архонту Тира Евмению; в дороге он умер от ран, Л. похоронил его в мон-ре. После нового допроса, заключения и пытки голодом Л. послали в порт Триполи, где его бичевали прутьями с шипами и погрузили в море, чтобы усилить жжение в ранах, вслед чего Л. скончался. Далее, как и в греч. версии, описано чудо с Мавром с той разницей, что Иоанния погребла Л. в своем саду за городом, а храм на этом месте супруги воздвигли уже в благодарность за чудо. Иоанния также велела написать икону мученика, по к-рой Мавр и узнал своего избавителя.

По мнению Ф. Но, традицию, отраженную в сочинениях Севира Антиохийского и связывающую Л. с мч. Публием, следует считать аутентичной (хотя, как отмечает Гаритт, в сир. Мученичестве она подверглась значительной амплификации), а греч. Мученичество с упоминанием И. и Ф. могло быть написано, чтобы лишить Л. связей с монофизитской средой, в к-рой его почитание получило широкое распространение. У. Крам (JThSt. 1909. Vol. 10. P. 461) высказал предположение, поддержанное П. Петерсом (AnBoll. 1910. Vol. 29. P. 159–160), о том, что дальнейшей «метаморфозой» Л. мог стать мч. Леонтий Араб, известный по копт. Мученичеству Феодора, Леонтия и Панегириса (ВНО, N 1174) и принявший мученическую кончину, согласно этому источнику, в Триполи.

В копто-араб. Синаксаре (XIII–XIV вв.) и его эфиоп. версии память Л. отмечена дважды. В сказании, помещенном под 22 абиба/хамле (16 июля), Л. предстает как воин-христианин из Триполи, проповедавший веру сослуживцам, преданный за это на суд начальству и после пыток умерший в темнице. Ска-

зание под 1 тубаха/тэрра (27 дек.) отражает традицию, восходящую к Севиру Антиохийскому, но подвергшуюся дальнейшей переработке (суд над Л. ведет сам имп. Максимиан; описаны разнообразные пытки, после к-рых Л., как и в копт. Мученичестве, был приговорен к усекновению главы). В конце сказания отмечено широкое почитание Л. в Сирии, выразившееся в посвящении ему мн. храмов и мон-рей.

Почитание Л. Уже Феодорит Кирский (1-я пол. V в.) относит к числу наиболее значимых церковных праздников день памяти Л. (*Theodoret. Curatio*. VIII 69. Vol. 2. P. 335). Самые ранние свидетельства о храме Л. в Триполи также относятся к V в.: его посещали *Мелания Младшая* и *Петр Ивер*, в их Житиях сообщается о совершавшихся там чудесах (*Delehaye H. S. Melaniae iunioris Acta graeca* // AnBoll. 1903. Vol. 22. P. 35–36; *Petrus der Iberer: Ein Charakterbild zur Kirchen- und Sittengeschichte des 5. Jh.: Syrische Übers. einer um das J. 500 verfassten griechischen Biographie* / Hrsg., Übers. R. Raabe. Lpz., 1895. S. 111). Севир Антиохийский, учившийся в молодости в Бейруте, в 488 г. решил принять крещение именно в храме Л. (*Sévère, Patriarche d'Antioche*, 512–518 / Éd., trad. M.-A. Kugener. P., 1907. Pt. 1: *Vie de Sévère* / Par Zacharie le Scholastique. P. 79–81. (PO; T. 2. Fasc. 1); *Evagr. Schol. Hist. eccl.* III 33). По свидетельству Севира, мн. юноши, изучавшие, как и он, в Бейруте юриспруденцию, по молитвам Л. избирали впосл. монашеский путь. Севир посвятил Л. церковный гимн (*James of Edessa. The Hymns of Severus of Antioch and Others* / Ed., transl. E. W. Brooks. P., 1911. Pt. 2. P. 595–596. (PO; T. 7. Fasc. 5)).

Во имя Л. были созданы церкви в Дафне близ Антиохии в 507 г. (*Ioan. Malal. Chron.* P. 396) и в Дамаске при имп. Юстиниане I (527–565) (*Procop. De aedif.* V 9 26). Известны надписи с указаниями на постройку ц. святых Сергия, Ваха и Л. в *Боспе* в 512/3 г. (храм частично сохр.) и ц. во имя Л. в Дуреа (Дуре) в 565 г. (*Waddington W. H. Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. P., 1870. P. 462–463. N 1915; P. 551. N 2412p). В надписи из Сур-эль-Ладжа содержится упоминание Л. (по др. версии — его церкви) с датой, интерпретируемой исследователями как 458 либо 564 г. (*Greek and Latin Inscriptions in Syria*.

Sect. A: Southern Syria. Pt. 7: The Ledjä / Ed. E. Littmann, D. Magie Jr. Leyden, 1921. P. 426. N 797³). Церковь св. Леонтия в Иосафатовой долине упоминается в IX в. («*Commemoratorium de casis Dei*», ок. 808; «Итинерарий» мон. Бернарда, 867). В К-поле память Л. праздновали в посвященном ему храме рядом с воротами Пиги и близ Камаридия (*SynCP. Col.* 756).

Видимо, часть мощей Л. попала из Триполи в К-поль. Стефан Новгородец (1348–1349) видел в ц. святых Николая и Приска во Влахернах главу Л. (*Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople in the 14th and 15th Cent.* Wash., 1984. P. 45, 338). Неясно, какого святого по имени Леонтий имел в виду «Аноним Меркати», указывая, что в ц. вмц. Евфимии рядом с ипподромом хранится «тело святого Леонтия исповедника» (Описание святынь Константинополя в лат. рукописи XII в. // *Чудотворная икона в Византии и Древней Руси*. М., 1996. С. 449).

В XI в. частица мощей Л. была привезена на Русь. По сообщению Киево-Печерского патерика, Богоматерь явилась во Влахернском храме зодчим и велела им отправиться на Русь для строительства Киево-Печерского мон-ря. Она дала им мощи святых, в т. ч. Л., чтобы они были положены в основание монастырского собора. В Описи Образной палаты 1669 г. числятся 2 частицы мощей Л. (Христ. реликвии в Моск. Кремле. М., 2000. С. 115).

В наст. время частицы мощей Л. хранятся в храме Воскресения Христова в Иерусалиме, в ц. вмч. Димитрия Солунского в Пирее, в мон-ре Св. Троицы и в ц. сщмч. Харалампия в Акрате (ном Ахея, Греция), в мон-рях Честного Креста и в честь иконы Божией Матери «Животный Источник» на Самосе (*Meinardus O. F. A. A Study of the Relics of Saints of the Greek Orthodox Church* // *Oriens Chr.* 1970. Bd. 54. S. 207).

Ист.: ВHG, N 986–987d; *Bedjan. Acta*. Т. 6. P. 210–217; Грузинские агиогр. памятники: Кимени = (Monumenta Hagiographica Georgica: Keimena) / Предисл., исслед.: К. С. Кекелидзе. Тб., 1946. Т. 2 (на груз. яз.); *Halkin F. Passion et miracle posthume de St. Léonce martyr à Tripoli en Phénicie* // AnBoll. 1964. Vol. 82. P. 319–340; *Garitte G. Textes hagiographiques orientaux relatifs à saint Léonce de Tripoli* // Le Muséon. Louvain, 1965. Vol. 78. P. 313–348; 1966. Vol. 79. P. 335–386; 1968. Vol. 81. P. 415–440; *Sever. Antioch. Les Homiliae cathedrales* / Éd., trad. M. Brière, F. Graffin. Turnhout, 1969. P. 358–367. (PO; T. 35. Fasc. 3);

1974. P. 558–573. (PO; T. 36. Fasc. 4); SynAlex. Vol. 3. P. 508–509; Vol. 5. P. 672–673; Le synaxaire éthiopien: Mois de hamlê / Éd., trad. I. Guidi. P., 1911. P. 383–386. (PO; T. 7. Fasc. 3); Idem: Mois de terr / Éd., trad. G. Colin. Turnhout, 1990. P. 10–11. (PO; T. 45. Fasc. 1); ЖСв. Июнь. С. 402–412.

Лит.: ActaSS. Iun. T. 3. P. 553–555; *Nau F.* Les martyres de S. Léonce de Tripoli et de S. Pierre d'Alexandrie d'après les sources syriaques // *AnBoll.* 1900. Vol. 19. P. 9–13; *Lucchesi G.* Leonzio di Tripoli, Publio, Iprazio (Iprato) e Teodulo // *BiblSS.* 1966. Vol. 7. Col. 1325–1328; *Janin.* Églises et monastères. 1969. P. 305–306; *Saxer V.* Leontios of Tripoli // *ЕЕС.* 1992. P. 481–482; *Сергий (Спасский).* Месяцеслов. 1997. Т. 2. С. 184; Т. 3. С. 226; *Габидзашвили.* Переводные памятники. 2004. Т. 1. С. 263–264; 2011. Т. 5. С. 402–403; *Μακάριος Σμωναπερίτης, ιερομόν. Νέος Συναξαριστής τῆς Ὀρθόδοξου Ἐκκλησίας.* Т. 10: Ἰούνιος. Ἀθήνα, 2008. Σ. 219–221.

С. А. Моисеева,

О. В. Л., Э. Габидзашвили

Иконография. О наиболее раннем изображении Л. на мозаике в Ротонде вмч. Георгия в Фессалонике можно говорить благодаря сохранившейся надписи. Фронтальный, ростовой образ святого в позе оранта представлен в 3-м поясе купольной мозаики; над его головой и справа от фигуры выложена надпись: «ΛΕΟΝΤΟΣ / ΣΤΡΑΤ[ΙΩΤΟΥ] / ΜΗΝΙ / ΙΟΥΝ[ΙΟΥ]» (Леонтия война, месяц июнь) (*Bakirdzis.* 2012. P. 88). Указания на месяц, в к-рый совершается празднование его памяти и на воинский чин святого, делают атрибуцию этого изображения как Л. единственно возможной. Вопросы о причине создания и прочтения иконографической программы изображений в мозаичном поясе в куполе Ротонды (в частности, чем было обусловлено появление там образа Л.) остаются дискуссионными. Наиболее вероятным представляется мнение о связи изображений в зоне купола с реликвиями святых, находившихся в криптах храма (открыты раскопками). Это в свою очередь может указывать на существование частицы мощей Л. в Ротонде, в период между обращением постройки рим. имп. Галерия в христ. храм (очевидно, при имп. Феодосии I Великом, 379–395) и созданием его мозаичного декора в куполе (3-я четв. V в.). Л. представлен без нимба, облачен в хитон с шитыми поручами и оплечьем, плащ с тавлиолном, скрепленный драгоценной фибулой на правом плече. Здесь дана его наиболее привычная впосл. характеристика как молодого безбородого человека с короткими вьющимися волосами каштанового цвета.

Образ Л. представлен в лицевом Евангелии с синаксарем, созданном в к-польском скриптории (Vat. gr. 1156. Fol. 313r, 3-я четв. XI в.). Святой изображен рядом с 3 персид. мучениками — Мануилом, Савелом и Исмаилом (пам. 17 июня). Его маленькая фигурка не имеет обрамления и составляет единое целое с золотом вы-

Мученичество Леонтия, Ипатия и Феодула Триполитских. Миниатюра из *Минология деспота Димитрия Палеолога. Между 1322 и 1340 гг. (Bodl. gr. th. f. 1. Fol. 44r)*

веденным днем памяти. На Л. одежды, подобающие знатному сословию: нижнее платье красного цвета, лазоревый плащ; он юн, без бороды, в руке перед грудью держит крест. В надписи упомянуто, что «иже с ним» пострадали др. христиане. Ростовой образ Л. есть среди миниатюр в греко-груз. рукописи кон. XV в. (РНБ. О. I.58. Л. 117 об.): он юный, в светлых платье и плаще. Юным предписывает изображать его в чине мучеников Ерминия иером. Дионисия Фурноаграфиота (ок. 1730–1733; Ч. 3. § 10. № 42). В этом тексте описание всех 3 мучеников дано под 18 июня в след. порядке: «Ипатий, с проседью, Леонтий, с бородою едва показавшеюся, и Феодул, — юный»; святые претерпели разные мучения.

В визант. искусстве была известна сцена мучения святых, к-рая также могла располагаться в минейном цикле под 18 июня. В иллюминированном *Минологии*, написанном для Димитрия Палеолога, деспота Морей (Bodl. gr. th. f. 1. Fol. 44 r, между 1322 и 1340 гг.), в правом верхнем клейме 4-частной листовой миниатюры на золотом фоне помещена сцена мученичества 3 Триполитских святых. В верхней части композиции, очевидно, И. и Ф.; над головой мученика средних лет, с темными волосами и короткой бородой, палач заносит меч, другой, юный, ожидает своей участи (его фигура обрезана линией разграники), у обоих пленников связаны руки. На переднем плане — распростертый на земле Л., его глаза закрыты, лицо измождено. Над ним навис палач, к-рый одной рукой наносит удары сучковатой палкой, а в другой держит меч. На поле миниатюры — киноварная скорпись имени Л.

Группу разновозрастных святых (Л. и «иже с ним» пострадавших) представи-

сей в северо-зап. куполе на зап. стороне в Успенской ц. мон-ря Грачаница (ок. 1320): над 3 молодыми коленопреклоненными святыми палач заносит дубину; надпись: «Леонтий и иже с ним из Триполи». Сцена мучения одного Л. изображена в притворе собора Св. Троицы мон-ря Козия, Румыния (между 1390 и 1391) — молодой с вьющимися волосами святой припал на колено, палач заносит над его головой меч; на Л. плащ, скрепленный фибулой. Ростовые образы 3 святых представлены в росписи Вознесенской ц. мон-ря Дечаны (1348–1350), в сев. части, между средней и зап. травеями; фигура в рост Л. — в притворе ц. свт. Николая Чудотворца в Пелинове (1717–1718).

Согласно Строгановскому иконописному подлиннику (1-я четв. XVII в.), Л. (под 18 июня) следует изображать как средовека в ризах мученика, с короткими волосами и бородой, риза — лазоревого цвета. В иконописном подлиннике сводной редакции (XVIII в.) содержится упоминание о «киевском» варианте изображения Л.: «...в правой руке крест, а левая молебна» (*Большаков.* Подлинник иконописный. С. 108). Это может свидетельствовать о существовании ранних (по крайней мере, до нач. XVII в.) изображений святого, связанных, очевидно, с традицией Киево-Печерского мон-ря, где в основание Великой ц. была положена частица мощей Л. В Руководстве В. Д. Фаргусова (1910) сообщается, что Л. был «типа греческого, средних лет, очень учен, добр, кроток, роста высокого, телом сильно развит и крепок, силен, храбр; у него средней величины густая и круглая борода; одежды воинские, как у военачальника, и лента через плечо». В воинских одеждах изображались также трибун (начальник отряда) И. и Ф. (*Фартусов.* Руководство к писанию икон. С. 320–321). На хартии, к-рую держит Л., могут быть разные тексты: «Слава Тебе, Боже мой, яко молитву любящих Тя не презираеши, и волю боящихся Тя исполняеши»; «Аз воин есмь Христа моего, аз есмь того истинного Света, Иже просвещает всякого человека, грядущаго в мир, и всяк приходяи к Тому Свету не поткнется».

Редким примером изображения Л. в древнерус. искусстве является сохранившаяся икона (кон. XVI в., КБИАХМЗ), которая находится в иконостасе, слева от дверей в жертвенник надвратной ц. в честь Преображения Господня Кириллова Белозерского мон-ря (1595). Л., с короткими волосами и бородой, изображен в воинском облачении: на нем туника лазоревого цвета, золотые пластинчатые доспехи, за спиной развеваются красный плащ. В правой руке — крест, левой придерживает опущенный щит и хоругвь-знамя с зеленым полотнищем, на котором нашит белый Голгофский

крест (эта деталь напоминает элемент в иконографии св. воинов, принятый за образец в европ. или визант. изображениях эпохи Латинской империи). По мнению М. Н. Шаромазова, икона была исполнена 2-м по значимости художником из писавших иконы для иконостаса надвратной церкви; возможно, Л. изображен как небесный покровитель кого-то из братии, принимавшей активное участие в строительных и художественных работах на территории Кириллово-Белозерского мон-ря в кон. XVI – нач. XVII в. Украшение для иконы из Преображенского храма было сделано на средства из монастырской казны. В описи Кириллова Белозерского мон-ря 1601 г. упоминаются 2 иконы «Христов мученика Леонтия»: пядница в главном иконостасе Успенского собора, у к-рой был серебряный позолоченный уклад со сканым венчиком, украшенным камнем, и местная икона в иконостасе Преображенской ц. над Водяными воротами мон-ря, которая тогда была в серебряном позолоченном басменном окладе, с гривной, с бархатной пеленой (Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. / Сост.: З. И. Дмитриева, М. Н. Шаромазов. СПб., 1998. С. 59, 106, 252–253).

Лит.: Ерминия ДФ. С. 164, 212; *Mijović*. Менолог. С. 172, 195, 286, 301, 339, 359, 388; *Евсеева*. Афонская книга образцов. С. 310. Кат. № 161; *Bakirdzis Ch. Mosaics of Thessaloniki*: 4th – 14th c. Athens, 2012. Fig. 50, 52–53.

М. А. Маханько, Э. В. Шевченко

ЛЕОНТИЙ ИПАТИК [греч. Λεόντιος ὁ Ὑπατικός], св. (пам. греч. 7 окт.). Прозвание Ипатик означает должность консула, к-рую занимал святой. Уверовал во Христа, будучи свидетелем чудес во время мученического подвига диак. Кесария. Принял св. Крещение от сщмч. Иулиана и, причастившись Св. Христовых Таин, мирно скончался. Подробнее о нем см. в ст. *Кесарий и Иулиан*, священномученики Таррацинские. В визант. стишных Синаксах есть отдельный стих, посвященный Л. И. Это двустихие попало и в «Синаксарист» прп. Никодима Святогорца (*Νικόδημος Συναξαριστής*. 1998. Т. 1. С. 307).

ЛЕОНТИЙ МИРОТОЧИВЫЙ [Леонтий Прозорливый; греч. Λεόντιος ὁ Μυροβλύτης] († 16.03.1576 или ок. 1580 или 1605), прп. (пам. греч. 18 июня и в Неделю 3-ю по Пятидесятнице в Соборе святых отцов монастыря прп. Дионисия). Житие Л. М., составленное неизвестным автором, содержится в рукописи Ath. Dionys. 677 (XVIII в.). Видимо, оно представляет собой переработку не-

сохранившегося первоначального Жития, созданного вскоре после смерти святого.

Л. М. род. в Аргеосе (по др. сведениям, в Нафплионе), в юном возрасте оставил отеческий дом и принял монашеский постриг в *Дионисия преподобного мон-ре* на Афоне. В этой обители он подвизался 68 (по др. версии, 60) лет и ни разу не вышел за ее пределы. Л. М. быстро преуспевал в монашеских добродетелях и, «еще будучи юношей, приобрел знания старцев» (Διονυσιατικὸν Ἀγιολόγιον. 2004. Σ. 50). Его келья находилась в небольшой, высеченной в скале пещере рядом с монастырской цистерной. Господь наделил Л. М. даром прозорливости и пророчества. Мн. люди, тайные помыслы к-рых он обличил, возвратились после этого на путь истинный; преподобный предвидел и свою кончину. При перенесении мощей Л. М. братия увидела, что из них истекает миро.

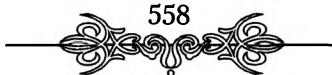
Лит.: *Zachariáδου* Ε. Ἁ. Ὁ Ὅσιος Λεόντιος ὁ Νέος Διονυσιάτης // *Χάρις Κωνσταντίνῳ Βουρβέρῃ*. Ἀθήνα, 1964. Σ. 360–372; *Χρισόστομος* (Δεληγιαννῆσπουλος), μητρ. Αἰσιατικαὶ Ἀκολουθίαι τοῦ Ἁγίου Ἀγγελῆ Νεομάρτυρος καὶ τοῦ Ὁσίου Λεοντίου τῶν Ἀργείων. Ναύπλιον, 1982; *Σαφρόνιος* (Εὐστρατιάδης). Ἀγιολόγιον. Σ. 273; Афонский патерик. Ч. 1. С. 531; *Διονυσιατικὸν Ἀγιολόγιον*. Ἁγιον Ὅρος, 2004. Σ. 50–74; *Μακάριος Σιμωνοπετρίτης, ἱερομόν. Νέος Συναξαριστής τῆς Ὁρθόδοξου Ἐκκλησίας*, 2008. Τ. 10: Τοῦνιος. Ἀθήνα, Σ. 222; *Μαῦσῆς Ἀγορείτης, μον. Οἱ Ἁγιοὶ τοῦ Ἁγίου Ὁρους*. Καρύες, 2008. Σ. 421.

О. В. Л.

ЛЕОНТИЙ МРОВЕЛИ [груз. ლეონტი მროველი], еп. Руисский Грузинской Православной Церкви. Ему приписываются неск. сочинений, содержащихся в сборнике груз. средневек. хроник *«Картлис Цховреба»* (КЦ). Имя Л. М. упоминается в 2 списках КЦ: царицы Анны XV в. (НЦРГ. Q 795, 1479–1495 гг. Л. 156) и царицы Мариам 1633–1646 гг. (НЦРГ. S. 30. Л. 211, рубеж XVII и XVIII вв.). После соч. «Житие Вахтанга Горгасали» Джуаншера Джуаншеряни сохранилась запись: «Сие Мученичество Арчила и Жизнь царей и Обращение Картли Ниной описал Леонтий Мровели» (КЦ. 1955. Т. 1. С. 224; *Леонти Мровели*. 1979. С. 8; *Джуаншер Джуаншеряни*. 1986. С. 22). Об аутентичности данной приписки говорить не приходится: она принадлежит переписчику (переписчикам); однако, по мнению большинства ученых, содержит исторически достоверное сведение, на основании к-рого Л. М. считается ав-

тором хроник КЦ: «Жизнь грузинских царей» («Жизнь картлийских царей»), с которой начинаются все известные списки КЦ; «Обращение Грузии св. Ниной» («Мокцеваи Картлисай»), «Мученичество Арчила». Вместе с тем эти произведения на основании др. приписки из КЦ и лингвистического, стилистического и исторического анализа не считаются принадлежащими автору XI в. «Жизнь грузинских царей» писали «время от времени», т. е. сочинение принадлежит неск. историкам; анонимный автор более поздней, метафрастической редакции Мученичества царя св. Арчила считает автора содержащегося в КЦ сочинения современником царя, т. е. деятелем VIII в., другим Леонтием Мровели. Согласно последним исследованиям, все 3 приписываемые Л. М. произведения созданы автором VIII в. (*Rapp*. 2003. P. 49–79).

В груз. историографии Л. М. считается деятелем XI в. «Леонти архиепископ» упомянут в рукописи Ath. Iver. georg. 26 (XI в.), обнаруженной Н. Я. Марром во время работы в *Иверском монастыре* на Афоне. Ученый отождествил его с Л. М., поскольку др. архиереи с именем Леонтий в XI в. неизвестны (*Марр*. 1900. С. 84). В лит-ре неоднократно ссылались на данный факт, но доказать, что этот архиерей и автор хроники — одно и то же лицо, не удалось. Имя Мровели упоминается также в одной из грузинских рукописей (XVI в.), хранящихся в Национальной б-ке в Париже (*Он же*. 1902. С. 18; *Жизнь картлийских царей*. 1979. С. 10). В 1957 г. в пещере близ с. Трехви (Карельский р-н) в груз. исторической пров. Шида-Картли была найдена прямоугольной формы каменная стена зеленоватого цвета, на к-рой высечен крест и между его перекладинами помещена 19-строчная надпись 1066 г., выполненная письмом нусхохуцური: «Я, Леонтий Мровели, выстроил сей грот для прибежища образов богов (хранения храмовой утвари.— *Авт.*) и детей Руисского храма в пору разорения (Грузии.— *Авт.*) султаном Алп-Арсланом» (*Гамсахурдиа*. 1961. С. 171). Хотя время строительства грота совпадает с периодом нашествия на Грузию сельджуцкого султана Алп-Арслана (1065–1072), идентичность обоих Мровели недоказуема. С. Н. *Какабадзе*, ссылаясь на наличие в хронике «Жизнь грузинских

царей» ряда анахронизмов, а также сведений, почерпнутых, по его мнению, из «Шах-наме» Фирдоуси (нач. XI в.), считал, что Л. М. жил на рубеже XI и XII вв. (*Какабадзе*. 1912. С. 26). Примерно той же датировки придерживался И. А. *Джавахишвили* (*Джавахишвили*. 1945. С. 171–184).

Наиболее серьезную попытку представить Л. М. историком VIII в. предпринял П. И. *Ингорюка*. Он обратил внимание на армянофильскую тенденцию приписываемых Л. М. сочинений, что было возможно лишь в условиях близких межконфессиональных связей грузин и армян в VII–VIII вв. и исключалось в обстановке окончательного церковного разрыва в X–XI вв. Ингорюка также апеллировал к др. историческим, этнографическим и географическим сведениям сочинений Л. М., в которых представлены события VII–VIII вв. (*Ингорюка*. 1941. С. 120–121). Это мнение вызвало критические замечания К. С. *Кекелидзе*, проанализировавшего стилистические и лексические особенности соч. «Жизнь грузинских царей» и пришедшего к выводу о позднем происхождении текста (*Кекелидзе К. С.* Автор летописного извода «Жития святой Нины» // *Он же*. Этюды. 1945. Т. 2. С. 270–275; *Он же*. Др.-груз. лит. 1960. Т. 1. С. 236–243).

Анализ приписываемых Л. М. сочинений дает основание считать, что автор был знатоком истории, церковной и апокрифической письменности, владел греческим и персидским языками. «Житие св. Нины», включенное в «Обращение Картли св. Ниной» Л. М., является переработанным вариантом более раннего Жития святой, составленного неизвестным автором. В соч. «Жизнь грузинских царей» автор описывает историю грузин в общем контексте, ссылаясь на иностранные исторические и художественные произведения, сказания и апокрифы, демонстрирует высокую технику письма, благодаря чему историческая повесть приобретает черты художественного произведения.

Л. М. принадлежат также неск. переводов на древнегруз. язык, наиболее известный из к-рых — апокриф «Сказание святого отца нашего Ефрема, перевод творения неба, земли и Адама», к-рый был использован в соч. «Жизнь грузинских царей».

Соч.: Жизнь груз. царей // КЦ. 1955. Т. 1. С. 1–71; То же [Жизнь картлийских царей] / Сост., пер. с древнегруз., предисл., коммент.: Г. В. Цулая. М., 1979; То же [Жизнь груз. царей] / Пер. с древнегруз., коммент.: В. Г. Ахведиани // Картлис цховреба: История Грузии. Тб., 2008. С. 13–43, 69–72; Мокшеви Картлисai [Обращение Картли св. Ниной] // КЦ. 1955. Т. 1. С. 72–138; То же [Обращение Грузии] / Пер. с древнегруз.: Е. Такашвили; ред., исслед., коммент.: М. Чхартушвили. Тб., 1989; То же [Обращение Картли св. Нино] / Пер. с древнегруз., коммент.: В. Г. Ахведиани // Картлис цховреба: История Грузии. Тб., 2008. С. 44–69, 72–73; Мученичество царя Картли Арчила // КЦ. 1955. Т. 1. С. 245–248; То же [Мученичество св. вмч. царя Грузии Арчила] / Пер. с древнегруз., коммент.: М. Д. Абашидзе // Картлис цховреба: История Грузии. Тб., 2008. С. 13–43, 69–72, 135–142; Картлис цховреба: Леонти Мровели, Джуаншер / Пер. с древнегруз., коммент.: Н. Николозишвили. Тб., 2011 (на груз. яз.).

Ист.: *Март Н. Я.* Агиографические памятники по груз. рукописям Ивера // ЗВОРАО. 1900. Т. 13. Прил. С. 1–144; *он же*. Об единстве задач армяно-груз. филологии // Кавк. вестник. Тифлис, 1902. № 3. С. 15–29; *Джуаншер Джуаншеряни*. Жизнь Вахтанга Горгасала / Сост., пер. с древнегруз., введ., примеч.: Г. В. Цулая. М., 1986.

Лит.: *Какабадзе С. Н.* О древнегруз. летописцах XI столетия. Тифлис, 1912; *Ингорюка П.* Леонти Мровели, груз. историк, «летописец» VIII в. // Энцикл. моамбе (Бюллетень) / Ин-т материальной культуры. Тб., 1941. Вып. 10. С. 93–152 (на груз. яз.); *Джавахишвили И. А.* Цель, источники и методы истории в прошлом и настоящем. Тб., 1945. Т. 1: Древнегруз. ист. лит-ра (V–XVIII вв.). С. 171–184 (на груз. яз.); *Григолиа К.* Леонти Мровели — груз. историк XI в. // Шромеби (Труды) / ТГУ. Тб., 1960. Вып. 93. С. 223–238 (на груз. яз.); *Гамсахурдиа С.* Развитие обществ.-ист. взглядов в Грузии XI в. // Моамбе (Вестник) / АН Груз. ССР. Тб., 1961. Вып. 1. С. 166–184 (на груз. яз.); *Гаприндашвили Г.* Строительная надпись 1066 г. Леонти Мровели из пещер Трехви // Там же. С. 239–257 (на груз. яз.); *Цулая Г. В.* Историческая концепция грузинского историка XI в. Леонти Мровели: Этнокультурный аспект // История СССР. 1987. № 4. С. 175–186; *Хоштария-Броссе Э.* Леонти Мровели и «Картлис Цховреба». Тб., 1996 (на груз. яз.); *Rapp S. H. Jr.* Studies in Medieval Georgian Historiography. Louvain, 2003. (CSCO; 601. Subs.; 113).

Прот. *Леван Матешвили*

ЛЕОНТИЙ СТРОМЫНСКИЙ († кон. XIV в.), прп. (пам. 6 июля — в Соборе Радонежских святых), ученик прп. *Сергия* Радонежского. Л. С. был 1-м игуменом *Стромынского в честь Успения Пресвятой Богородицы мужского монастыря*. Эта обитель, как свидетельствуют летописи т. н. троицкой группы, была основана прп. *Сергием* Радонежским по поручению *Владимирского* и *Московского* блгв. вел. кн. *Димитрия Иоанновича* Донского к юго-востоку от *Троице-Сергиева мон-ря* (см.

Троице-Сергиева лавра). Мон-рь был обетным (*Приселков*. 1950. С. 418). В кон. 1379 г. (после 11 сент.) он был устроен к северу от с. *Коровицина* (ныне *Стромынь* *Ногинского р-на* *Московской обл.*), в пределах великокняжеской вол. *Шерна*, в память о победе рус. рати над войсками улусного кн. *Бегича* из *Мамаевой Орды*, состоявшейся 11 авг. 1378 г. на берегах р. *Вожи* (*Кучкин В. А.* *Сергий Радонежский* // *ВИ*. 1992. № 10. 1992. С. 85–87). *Стромынская обитель* позднее характеризовалась как «монастырь присныи великого князя» (*ПСРЛ*. Т. 25. С. 200), а в писцовых актах — как «государево богомолье» (*ПКМГ*. Ч. 1. С. 264, 275). Его главный храм был освящен во имя прор. *Наума* в воскресенье, 1 дек. 1379 г.; «игумен *Сергии*, преподобный старец, постави церковь въ имя святых *Богородица*, честнаго ея *Успения*, и украси ю иконами и книгами, и монастырь устрои, и келии возгради на реце на *Дубенке*, на *Стромыне*, и мнихы совокупи» (*ПСРЛ*. Т. 15. Вып. 1. Стб. 137). По мнению *Б. М. Клосса*, такие важные события происходили именно в воскресные дни, в то время как летописная дата приходится на четверг; поэтому реальное освящение храма было не в 1379 г., а в воскресенье, 1 дек. 1381 г. (*Клосс*. 1998. С. 58–59). Однако поездка московских князей в *Троице-Сергиев монастырь*, вероятнее всего, состоялась летом 1378 г. Основание *Стромынской обители* в 1379 г., после битвы на *Воже*, было символично, тем более что 9 дек. 1379 г. рус. князья начали военный поход на земли *Литовского великого княжества* под предводительством главного ктитора *Троице-Сергиева мон-ря* и участника победы на р. *Воже* — блгв. кн. *Боровско-Серпуховского Владимира Андреевича Храброго*.

Стромынский мон-рь находился в 50 верстах на северо-восток от *Москвы*, к югу от *Шернского леса*, на высоком левом берегу р. *Дубенки*, впадающей в р. *Шерну* (левый приток р. *Клязьмы*). К западу от новопостроенной обители находилась одна из 3 *Переяславских дорог*, по которой через *Киржач* и городок *Шерна* шел путь в *Москву*. В летописях Л. С. упоминается как пресвитер «от большого монастыря от великия лавры, которого прп. *Сергий Радонежский* «изведе... и нарече и поставити, и быти игуменом в том монастыри» (*ПСРЛ*. Т. 15. Вып. 1.

Стб. 137–138). Судя по поздним актам, Л. С. или его ближайшим преемникам удалось добиться передачи в пользование обители территории вплоть до устья р. Дубенки. Косвенно это подтверждают данные Никоновской летописи 20-х гг. XVI в., в к-рой отмечено, что Л. С. происходил из «монастыря от святых Троицы», блгв. вел. кн. Димитрий Иоаннович «обогасти же» новый мон-рь «и удоволи» его «всеми потребами в славу Христу Богу и пречистой Его матерее Богородице, на спасение души своея и на сохранение дръжавы своея» (Там же. Т. 11. С. 44–45).

Подробных сведений о Л. С. в ранних источниках не сохранилось, т. к. из-за пожара 1603 г. сильно пострадали монастырский архив и б-ка. По-видимому, Л. С. недолго был настоятелем обители (Абрамов. 2001. С. 24). Не исключено, что он погиб в кон. авг. 1382 г., когда одна из ордских ратей хана Тохтамыша после взятия Москвы атаковала Переяславль (ныне Переяславль-Залесский). Об учреждении мон-ря Л. С. быстро забыли из-за более активной деятельности прп. Саввы Стромынского, 1-го настоятеля Стромынского, или Дубенского, Успенского Шавыкина мон-ря (см. Шавыкина Дубенская в честь Успения Пресвятой Богородицы мужская пустынь), основанного к северо-западу от Троице-Сергиева монастыря. Историческая и археологическая реальность последнего бесспорна (Чернов С. З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных // Култура средневеков. Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 123–182). В XVII в. при поминании святых нередко путали Стромынские монастыри, объединяя их в один и полагая, что их «начальницы быша» прп. Савва Стромынский и Л. С. (РГБ. Ф. 173. № 201. Л. 306; Леонид (Кавелин). Св. Русь. № 562. С. 144–145; ср.: Абрамов. 2001).

По наблюдениям архим. Леониды (Кавелина) и архиеп. Сергия (Спаского), в кон. XIX в. Л. С. еще не был канонизирован и почитался местно (Леонид (Кавелин). Св. Русь. С. 144–145; Сергий (Спаский). Месяцеслов. Т. 3. Прил. № 3. С. 65). Канонизация Л. С. подтверждена включением его имени в *Собор Радонежских святых*, празднование к-рому установлено 10 июля 1981 г. по благословию патриарха Московского и всея Руси Пимена.

Ист.: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 418; ПСРЛ. Т. 8. С. 33–34; Т. 11. С. 44–45; Т. 15. Вып. 1. Стб. 137–138; Т. 18. С. 129; Т. 25. С. 200.

Лит.: *Смирнов С. К.* Нечто о древнем Стромынском мон-ре // Архив ист. и практ. сведений. СПб., 1862. Кн. 3. С. 1–14 (отд. паг.); *Строев*. Списки иерархов. Стб. 238; *Толстой М. В.* Ученики прп. Сергия Радонежского и основанные ими мон-ри: Память об Успенском Дубенском мон-ре // ДЧ. 1877. № 6. С. 245–249; *Барсуков*. Источники агиографии. Стб. 329–330; *Зверинский*. Т. 2. С. 348; *Никон (Рождественский)*, еп. Житие и подвиги прп. и богоносного отца нашего Сергия, игум. Радонежского и всея России чудотворца. Серг. П., 1904⁵. С. 232; *Голубинский Е. Е.* Прп. Сергий и созданная им Лавра // Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1991. С. 185–186; *Клосс Б. М.* Избр. труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 58–59, 164, 244; *Абрамов А. В.* Прп. Савва Сторожевский и Успенский Дубенский Шавыкин мон-рь // Правосл. искусство и Саввино-Сторожевский мон-рь: Мат-лы науч. конф., посвящ. 600-летию Саввино-Сторожевского мон-ря / Сост.: В. А. Кондрашина. Звенигород, 2001². С. 23–26.

А. В. Кузьмин

ЛЕОНТИЙ СХОЛАСТИК [греч. Λεόντιος ὁ Σχολαστικός] (2-я пол. VI в.), правосл. богослов, предполагаемый автор соч. «О ересях» (*De sectis*), входящего в «Леонтиевский корпус» (см. ст. *Леонтий Византийский*). О личности автора трактата «О ересях» (PG. 86a. Col. 1193–1268; CPG, N 6823) практически ничего не известно. Полное греческое название сочинения — «Леонтия, византийского схоластика, изъяснения со слов Феодора, боголюбивейшего аввы и мудрейшего философа, любомудрствовавшего о Божественном и внешнем писании» (Λεοντίου σχολαστικοῦ Βυζαντίου, σχόλια ἀπὸ φωνῆς Θεοδώρου τοῦ θεοφιλεστάτου ἁββά καὶ σοφωτάτου φιλοσόφου, τήν τε θείαν καὶ ἐξωτερὴν φιλοσοφίαν αὐτοῦ γραφεῖν — PG. 86a. Col. 1193) — допускает различные толкования. В разных смыслах в этом названии можно понять выражение ἀπὸ φωνῆς («со слов»). В зависимости от понимания истории создания сочинения это название можно понять либо как указывающее на то, что автором его является «авва Феодор, мудрейший философ», а некий Л. С. записывал то, чему он учил, либо что настоящим автором трактата является некий Л. С., а авва Феодор выступил в качестве его соавтора или последнего редактора (обзор мнений по поводу выражения ἀπὸ φωνῆς см.: Леонтий Византийский. 2006. С. 54–55).

Высказывались разные предположения о личностях Л. С. и аввы Феодора. Ф. Лоофс полагал, что соч. «О ересях» — это переработанная неким Феодором версия части несохранившегося большого сочинения Леонтия Византийского (*Loofs*. 1887. S. 144). Сходное мнение высказывал сщмч. *Василий Соколов* († 1922) в диссертации 1916 г., хотя он признавал, что этим Феодором мог быть и Феодор, еп. Скифопольский (см. его обзор мнений об авторстве соч. «О ересях»: Леонтий Византийский. 2006. С. 53–69, 131–138). С. Рис и М. Ришар отвергли принадлежность соч. «О ересях» Леонтию Византийскому (*Rees*. 1939. P. 346–360; *Richard*. 1939. P. 695–723). Рис, допуская влияние Леонтия Византийского, считал автором авву Феодора, жившего во 2-й пол. VI в., лекции к-рого записал некий Л. С. Таковым аввой Феодором, по мнению Риса и Ришара, был Феодор Раифский. Авторство авве Феодору приписывают и нек-рые другие исследователи, в т. ч. ссылаясь на рукописную традицию (гл. обр. греческую), где имя Феодора как автора встречается чаще, чем имя Леонтия (*Waegeman*. 1946. P. 192). М. ван Эсбрук (*Esbroeck*. 1985), напротив, не считал авву Феодора главным автором соч. «О ересях»; путем анализа груз. перевода трактата, который соответствовал более ранней версии, лучше, по его мнению, укладывающейся в хронологические рамки жизни Леонтия Византийского, он попытался показать, что это сочинение вполне могло изначально принадлежать автору соч. «Против несториан и евтихиан» (Леонтию Византийскому), версией которого оно и является, и было всего лишь переработано неким Феодором. Согласно Эсбруку, трактат мог быть создан не во 2-й пол. VI в., как считали Рис и Ришар на основании упоминания в нем свт. *Евлогия I* Александрийского (580–607/8) и тритеизма (ереси *Иоанна Филопона*), но между 543 и 551 г. Датировку Эсбрука опроверг исследователь Филопона У. М. Ланг (*Lang*. 1998), который вновь привел в трактате свт. Евлогия Александрийского (он не согласен с Эсбруком, что отрывок о свт. Евлогии — поздняя вставка) и полемику против тритеизма Иоанна Филопона (*Leont. Schol. De sect.* // PG. 86a. Col. 1233),

споры о котором возникли значительно позднее, чем считает Эсбрук. Ф. Карчионе проигнорировал тезисы Ланга и присоединился к Эсбруку (*Carcione. 2002*), последовал ему и В. М. Лурье (*Лурье. 2006. С. 159–160*), однако в посл. он признал, что доводы Ланга кажутся ему более убедительными и следует вернуться к научному консенсусу, согласно которому трактат «О ересях» написан во 2-й пол. VI в. и не принадлежит Леонтию Византийскому (*Idem. 2015*). Ланг дает более точную датировку (580–608), привязывая ее ко времени правления свт. Евлогия Александрийского (*Lang. 1998. P. 97*).

Трактат был написан не раньше эдикта имп. св. Юстиниана I о «Трех Главах» (544), который обсуждается в нем, как и богословие Феодора Мопсуестийского, Феодорита Кирского и Ивы Эдесского (*Leont. Schol. De sect. // PG. 86. Col. 1237*). Кроме того, трактат был написан и отредактирован до начала споров относительно моноэнергизма, которые в нем никак не отражены среди перечисляемых предметов полемики. По замечанию сщмч. Василия Соколова, указание в трактате на имп. Юстиниана I (*Ibid. Col. 1229*) свидетельствует, что текст написан во времена имп. Юстиниана II (565–578) или позже (Леонтий Византийский. 2006. С. 133). Тот же исследователь отмечает ряд ошибок в изложении истории у автора соч. «О ересях» (имп. Юстин I правил один не полтора года, а 10 лет, бегство патриарха Севира Антиохийского приходится на царство имп. Юстина, а не имп. Юстиниана); эти ошибки могут как принадлежать переписчикам, так и свидетельствовать о том, что автор трактата в его последней версии не был современником описанных событий. Т. о., наиболее вероятным временем создания сочинения является последняя треть VI в., окончательный вид оно получило не позднее нач. VII в.

Трактат представляет собой компендиум догматико-полемического и церковно-исторического содержания, направленный в первую очередь против тех, кто не принимали Вселенский IV Собор (Халкидонский), а также против оригенистов и ряда ересей, зародившихся в монофизитской среде (акефалы, гайаниты-афтартодокеты, севириане-феодосиане, тритеиты и агноиты), поле-

мика с к-рыми наряду с антимонафизитской полемикой в целом (см. *Монофизитство*) была актуальна для православия в VI в. и оставалась актуальной в VII в. Трактат является важным источником сведений о ересях этого периода, хотя их описание носит полемический характер и нередко упрощает соответствующие учения. Кроме того, в нем приводится логико-философская разработка богословской проблематики, характерной для христологической полемики VI в.

Богословскую позицию автора (или соавторов) трактата можно охарактеризовать как строгое дифизитство, отличающееся от «неохалкидонизма», доминировавшего в правосл. богословии после Вселенского V Собора. Такая позиция подразумевает скрытый дизнергизм (ср.: *Leont. Schol. De sect. // PG. 86a. Col. 1197*) и специфическое отношение к проблеме «неведения Христа», на первый взгляд сближающее автора в этом отношении с агноитами, от к-рых он отличался в христологическом учении в целом.

Место написания трактата, возможно, Палестина или Египет; скорее всего он был особенно востребован в местах соприкосновения халкидонитов с монофизитами, где возникала необходимость полемики с последними. Популярность трактата сохранялась долго и после его создания, о чем свидетельствует включение отрывков из него в правосл. флорилегий VII в. «Учение отцов» (*Doctrina partum*), а также многочисленные списки трактата (см.: *Waegeman. 1946*) и его перевод на груз. язык (см.: *Esbroeck. 1985*; для грузин, соседствующих с армянами-монофизитами, он был, очевидно, особенно актуален). Перевод был сделан Арсением Икалтоели в Манганском мон-ре (К-поль) в XI в. Издатели груз. текста приняли его за сочинение сирийско-араб. мелкитского богослова-халкидонита Феодора Абу Курры (*Феодор Абукура. 1980. С. 78–115*).

Трактат был впервые отредактирован и издан в 1578 г. нем. ученым И. Леунклавием на основе венской рукописи (*Vindob. Theol. gr. 190, XV или XVI в.*), содержащей текст, в большой степени испорченный по сравнению с оригиналом. Это издание было воспроизведено в «Патрологии» Ж. П. Минья (*Waegeman. 1946. P. 190*; см. в той же статье об-

зор выявленных испорченных мест издания Леунклавия; автор подчеркивает необходимость осуществления критического издания).

Трактат «О ересях» состоит из 10 деяний. Первое деяние открывается определением философско-богословских терминов, проводится различие между употреблением их у «философов» (очевидно, языческих) и у церковных авторов. Здесь затрагивается вопрос об индивидуальных сущностях (понятие, широко употребляемое в неоплатонизме и у комментаторов Аристотеля (см.: *Леонтий, схоластик Византийский. 2011. С. 201. Примеч. 343*)) и проводится различие между понятиями индивидуальных акциденций и ипостаси (или лица): «...церковные [авторы] не именовали индивидуальные акциденции (τὰ ἄτομα τῶν σὺμβεβηκότων) ни ипостасью, ни лицом» (*Leont. Schol. De sect. // PG. 86a. Col. 1193*). Это свидетельство того, что у правосл. богослова VI в. индивидуальные акциденции, которые, вероятно, соответствуют ипостасным особенностям, не отождествляются с ипостасью (задолго до полемики с иконоборчеством, где это положение будет принципиально важным для прп. Феодора Студита в защите иконопочитания). Возможно, в данном месте соч. «О ересях» автор, отказываясь от отождествления ипостаси (лица) с ипостасными особенностями, вместе с тем отказывается отождествлять ее и с «индивидуальной сущностью», понятие которой он оставляет внешним философам. Далее (*Ibid. Col. 1233*), полемизируя с тритеизмом Филопона, он отвергает как отождествление ипостаси с сущностью, так и само понятие «частной сущности», равнозначное ипостаси, считая мышление в этих понятиях непреодоленным аристотелизмом.

В целом автор последовательно проводит различие между сущностью и природой как общим, с одной стороны, и ипостасью и лицом как единичным — с другой. Сущность в совокупности с акциденциями не тождественна ипостаси (все эти положения принципиальны в полемике как с несторианами, так и с тритеитами). Скрытая полемика с тритеизмом начинается уже с 1-го деяния при изложении троического догмата, в котором подчеркивается, что три Ипостаси Троицы не следует мыслить по аналогии с тремя

людьми (Ibid. Col. 1196). В 5-м деянии Л. С. обращается непосредственно к полемике с Иоанном Филопоном (Ibid. Col. 1233), что говорит в пользу единства авторства этих частей трактата. В описании ересей прошлого Л. С. следует отчасти Леонтию Византийскому, отчасти свт. Епифанию Кипрскому, на которого он ссылается во 2-м деянии (Ibid. Col. 1200).

В позиции автора трактата «О ересях» наблюдаются особенности по сравнению со взглядами др. авторов-халкидонитов VI в. В изложении церковной истории он называет Феодора Мопсуестийского «великим мужем» (Ibid. Col. 1221) и считает его заслугой борьбу с ересями Ария, Македония I, еп. К-польского и Аполлинария Лаодикийского (младшего). В полемике с монофизитами, ставившими в вину Халкидонскому Собору участие в нем антиохийцев, некогда споривших со свт. Кириллом Александрийским, он неоднократно защищает антиохийцев, особенно еп. Феодорита Кирского (Ibid. Col. 1224). В изложении христологического учения Л. С., по всей вероятности, ближе к Антиохийской школе с ее акцентом на двух природах во Христе, чем к Александрийской с акцентом на единстве Ипостаси Логоса воплощенного (см. ст. *Богословские школы древней Церкви*). Лучше всего эта близость к антиохийской традиции видна в изложении ереси агноитов. Кратко описав ее историю и зарождение в среде монофизитов, Л. С. высказал мнение, что, во-первых, не следует тщательно вдаваться в этот вопрос, поскольку и Собор (видимо, речь идет о Халкидонском Соборе) не усердствовал в этом, а во-вторых, «следует знать, что многие отцы, почти все, кажется, заявляли, что Он (Христос.— Г. Б.) не знает [всего]. Ведь если говорится, что Он во всем единосущен нам, а мы не знаем,— значит, и Он не знает. И Писание говорит о Нем: «преуспевал в премудрости и возрасте» (Лк 2. 52), то есть познавая то, чего не знал» (Leont. Schol. De sect. // PG. 86a. Col. 1264). Такое изложение учения о неведении Христа по плоти и о постепенности в Его познании явно «антиохийское», оно существенно отличается от учения по тому же вопросу, напр., писавшего после автора соч. «О ересях» прп. Максима Исповедника (ср.: *Maximus Conf. Quaest.*

et dub. 1. 67 // *Maximi Confessoris Quaestiones et dubia* / Ed. J. H. Declerck. Turnhout, 1982. (CCSG; 10); *Idem. Opusc.* 19 // PG. 91. Col. 217–220) и мн. др. св. отцов, которые исповедовали, как правило, что неведение Христа по плоти проявлялось лишь по относительному усвоению, по причине же обожения человеческой природы Христос по человечеству обладал и ведением Божественным, но не потому, что оно присуще человеческой природе по естеству, а из-за принадлежности Его человеческой природы Ипостаси Логоса (см.: *Сидоров. 2005/2006. С. 255–258; Беневиц. 2014. С. 85, 99, 100, 112*).

В полемике с Иоанном Филопоном (Leont. Schol. De sect. // PG. 86a. Col. 1233) Л. С. связывает происхождение его заблуждения с влиянием последователей Аристотеля и учением о частных природах (замечание, которое говорит о хорошем знании аргументов Филопона). Он формулирует главное положение тритеизма Филопона: «...нам и следует говорить о трех природах применительно к Святой Троице!» — и комментирует его: «...а взял он это, опираясь на аристотеликов, ибо Аристотель говорил, что у индивидов есть частные (μερικά) сущности и одна общая. Так вот Филопон и заявил, что в Святой Троице суть три частные сущности и одна общая» (Ibidem). Т. е. во Св. Троице, согласно Л. С., исповедуются Три Лица с тремя индивидуальными особенностями, но не три частные сущности (о полемике с тритеизмом на рубеже VI и VII вв. ср.: *Беневиц. 2009*). Параллель такому подходу к тритеизму имеется в анонимном трактате VI в. (*Rashed. 2007*).

В защите Халкидонского Собора Л. С. в аргументации ближе всего к Леонтию Византийскому и Леонтию Иерусалимскому, однако в использовании знакового для этой полемики понятия *воипостасного* (ἐνυπόστατος) (Leont. Schol. De sect. // PG. 86a. Col. 1240) он не прибегает к тому смыслу этого понятия (природы, воспринятой в ипостась др. природы), который наряду с привычным — имеющий реальное существование — был использован в христологии Леонтием Иерусалимским (см.: *Говорун. 2006*). Два смысла, в которых Л. С. понимает термин ἐνυπόστατος, видны из следующего отрывка: «Само по себе воипостас-

ное зовется воипостасным двояко: в связи с тем, что оно сущее, и в связи с тем, что существует само по себе, как Петр и Павел» (Leont. Schol. De sect. // PG. 86a. Col. 1240; строго говоря, здесь вместо «воипостасное» следует переводить «ипостасное»). Эти 2 смысла не включают существование в ипостаси другой природы. Т. о., в этом отношении понятийный аппарат Л. С. более консервативен, и он, по-видимому, не до конца воспринял достижения «неохалкидонитского» богословия, являющегося синтезом учений свт. Кирилла Александрийского и Халкидонского Собора.

В обсуждении эдикта имп. Юстиниана «О Трех Главах» (Ibid. Col. 1237) Л. С. признаёт ошибки Ивы Эдесского и Феодора Мопсуестийского (хотя и не упом. в данном контексте Феодорита Кирского), однако эдикт считает скорее не достигшим цели привлечь колеблющихся монофизитов на сторону Халкидонского Собора. По мнению Л. С., эдикт был принят по икономии (т. е. воспринимает его не как вероучительный), но, вместо того чтобы привлечь монофизитов, эдикт оказывался для них аргументом в споре против халкидонитов, т. к. монофизиты получили еще один повод, чтобы отрицать Халкидонский Собор, ссылаясь на то, что в нем участвовали еретики, осужденные самими же халкидонитами в эдикте. Автор соч. «О ересях» утверждает, что анафема сочинений Феодора и Ивы была вовсе не обязательна: «Юстиниан посчитал нужным анафематствовать этих двух (хоть и не обязательно было их анафематствовать), дабы всех объединить. И поэтому анафематствовал их; однако «колеблющиеся» и тогда не принимали Собора» (Ibid. Col. 1237). Впрочем, Л. С. не считает аргумент монофизитов, отвергающих Халкидонский Собор на основании участия в нем богословов, чьи сочинения были осуждены, верным и вину за их упорство в ереси возлагает на них. Как бы он ни защищал некоторых антиохийцев, святым из участников христологических споров V в. Л. С. именует именно свт. Кирилла Александрийского, а также Прокла и Флавиана К-польских. В этом отношении его мнение совпадает с мнениями и оценками, господствовавшими в православной Церкви в VI в.

К философским вопросам, поднимаемым в соч. «О ересях», относится рассуждение о приложении числа к учению о двух природах во Христе и в этой связи о природе числа как такового (Ibid. Col. 1241–1244). Монофизиты утверждали, что приложение числа к природам, т. е. их счисление, приводит к их разделению, т. е. к представлению об их раздельном существовании (см., напр., обсуждение этой проблематики и смежных вопросов у Иоанна Филопона в отрывке, цитируемом в сб. «Учение отцов» (*Diekamp. Doctr. patr. P. 272–273*)). Л. С. дает ответ на этот аргумент монофизитов, при этом обсуждается понятие о числе как о «раздельном количестве» (ср.: *Arist. Categ. 4b20*). Аргументация Л. С. по данному вопросу является развитием учения о числе в его приложении к христологии, встречающегося у др. халкидонитов VI в. — Ираклиана Халкидонского (см.: *Diekamp. Doctr. patr. P. 216–217*) и Леонтия Византийского (*Leont. Byz. Sol. argument. Severi // PG. 86b. Col. 1920*) (ср.: *Сидоров. 1989. С. 182; Lourié. 2015*). Смысл ответа Л. С. состоит в том, что число как «нечто разграниченное» в приложении к природам Христа не разделяет природы: «Ведь [нечто] разграниченное — это отнюдь не только раздельное (διηρημένον), но и соединенное (ἡνωμένον), хотя и сохраняет свое четко определенное значение» (*Leont. Schol. De sect. // PG. 86a. Col. 1244*). Впрочем, далее Л. С. прибегает к более традиц. аргументации, говоря, что двойство во Христе прилагается только к видовым природам, в отношении же ипостаси исповедуется единица: «Когда мы скажем «два» по отношению ко Христу, мы не назовем Его двумя по числу, но единым по числу и двумя по виду» (Ibidem).

В полемике с Оригеном и оригенизмом в 10-м деянии трактата Л. С. повторяет обычные обвинения, включая скорее всего легендарное обвинение Оригена в отступлении от мученичества. Л. С. не углубляется в философское рассмотрение вопроса, что характерно для полемики с оригенизмом в VI в. в целом, — это будет превзойдено лишь в подходе прп. Максима Исповедника в VII в.

Соч.: CPG, N 6823; PG. 86a. Col. 1193–1268; рус. пер.: *Леонтий, схоластик Византийский. О сектах / Пер.: Ф. Г. Беневиц; коммент.:*

Г. И. Беневиц // *Леонтий Иерусалимский, Феодор Абу-Курра, Леонтий Византийский. Polemические сочинения / Сост., предисл., науч. ред.: Г. И. Беневиц. Краснодар, 2011. С. 201–266.*

Лит.: *Loofs F. Leontius von Byzanz und die gleichnamigen Schriftsteller der griechischen Kirche. Lpz., 1887. Bd. 1; Соколов В. А., свящ. Леонтий Византийский: Его жизнь и лит. труды. Серг. П., 1916 (переизд.: Леонтий Византийский: Сб. исслед. М., 2006. С. 10–458); Rees S. The «De Sectis»: A Treatise Attributed to Leontius of Byzantium // *JThSt. 1939. Vol. 40. N 4. P. 346–360; idem. The Literary Activity of Leontius of Byzantium // Ibid. N. S. 1968. Vol. 19. N 1. P. 229–242; Richard M. Le traité «De Sectis» et Léonce de Byzance // *RHE. 1939. Vol. 35. P. 695–723; Waegeman M. The Text Tradition of the Treatise «De Sectis» (Ps. Leontius Byzantinus) // L'Antiquité Classique. 1946. T. 45. Fasc. 1. P. 190–196; Феодор Абукура. Трактаты и диалоги / Ред.: Л. Датиашвили. Тб., 1980. С. 78–115 (на груз. яз.); *Esbroeck M., van. La date et l'auteur du «De sectis» attribué à Léonce de Byzance // After Chalcedon: Studies in Theology and Church History. Leuven, 1985. P. 415–424; Сидоров А. И. Логика и диалектика Иоанна Филопона: О характере переходной эпохи в развитии философской мысли от античности к средневековой // Историко-филос. ежем. М., 1989. С. 179–194; он же. Вопрос о пределах ведения Господа нашего Иисуса Христа и его решение в контексте святоотеческого предания // *БВ. 2005/2006. № 5/6. С. 229–272; Hainthaler T. The Chalcedonian Writing «De sectis» // *Grillmeier A., Hainthaler T. Christ in Christian Tradition. L., 1995. Vol. 2/2. P. 493–502; Lang U. M. The Date of the Treatise De Sectis Revisited // *OLP. 1998. Vol. 29. P. 89–98; Carcione F. Il «De Sectis» di Leonzio Scolastico: Un testimone della scuola calcedonese in Egitto al tempo del Patriarca Zoilo // *Studi sull'Oriente Cristiano. R., 2002. Vol. 6. N 1. P. 101–120; Cross R. Individual Natures in the Christology of Leontius of Byzantium // *J ECS. 2002. Vol. 10. N 2. P. 245–265; Говорун С., диак. К истории термина ἐνωβόστατον («воипостасное») // *Леонтий Византийский. 2006. С. 655–665; Леонтий Византийский: Сб. исслед. / Ред.: А. П. Фокин. М., 2006; Лурье В. М. История Визант. философии: Формативный период. СПб., 2006; idem. (Lourié V.) Leontius of Byzantium and His «Theory of Graphs» against John Philoponus // *The Ways of Byzantine Philosophy / Ed. M. Knežević. Alhambra, 2015. P. 91–119; Rashed M. Un texte proto-byzantin sur les universaux et la Trinité // *L'héritage aristotélicien: Textes inédits de l'Antiquité. P., 2007. P. 345–377; Беневиц Г. И. Св. Евлогий Александрийский, прп. Максим Исповедник, свт. Софроний Иерусалимский: Poleмика с тритеизмом // *Антология вост.-христ. богосл. мысли: Ортодоксия и гетеродоксия / Ред.: Г. И. Беневиц, Д. С. Бирюков. М.; СПб., 2009. Т. 2. С. 71–88; он же. Предисловие // *Леонтий Иерусалимский, Феодор Абу-Курра, Леонтий Византийский. Poleмические сочинения. Краснодар, 2011. С. 6–24; он же. Богословско-poleмические сочинения прп. Максима Исповедника и его полемика против моноэнергизма и монофелитства // *Максим Исповедник, прп. Богословско-poleмические сочинения (Opuscula Theologica et Polemica) / Пер. с древнегреч.: Д. А. Черноглазов, А. М. Шуфрин; науч. ред., предисл. и коммент.: Г. И. Беневиц. Афон; СПб., 2014. С. 11–298.***************

Г. И. Беневиц

ЛЕОНТИЙ ФЕОТОКИТ [греч. Λεόντιος ὁ Θεοτοκίτης], патриарх К-польский (февр./март — сент./окт. 1189). До возведения на престол был игуменом мон-ря св. Апостолов на горе прп. *Авксентия Вифинского* (Скопа; ныне Кайиш в черте Стамбула). Подробности жизни и Патриаршества неизвестны. Л. Ф. был возведен на престол после того, как значительная часть клира К-польской Православной Церкви выступила против поставленного на Патриаршество *Досифея* Иерусалимита. По-видимому, кандидатуру Л. Ф. Синод поддержал в качестве компромисса между Церковью и визант. имп. *Исааком II Ангелом*, к-рый стремился сделать патриархом Досифея. Имп. пропаганда объяснила смену патриарха явлением Богородицы, Которая указала императору на Л. Ф. В краткий период Патриаршества Л. Ф. владениям Византии на Балканах угрожало крестоносное войско герм. имп. Фридриха I Барбароссы. Спустя полгода после интронизации Л. Ф. имп. Исаак II добился его отречения и вновь поставил патриархом Досифея. Эта перемена на Патриаршем престоле вновь была объяснена указанием Богородицы.

Ист.: *Ephraem Chronographus. Caesares // PG. 143. Col. 372–373; Niceph. Callist. Catalog // PG. 147. Col. 464; Nicet. Chon. Hist.*

Лит.: *Le Quien. OC. Vol. 1. P. 273; Grumel. Chronologia. P. 436; Janin. Grands centres. P. 47.*

ЛЕОНТИЙ ФИЛОСОФ [греч. Λεόντιος ὁ Φιλόσοφος], прп. (пам. греч. 19, 20, 30, 31 окт.). Время и место жизни неизвестны. Память Л. Ф. без к.-л. биографических сведений встречается в различных видах византийских и новогреческих календарей: под 19 окт. — в «Синаксаристе» прп. Никодима Святогорца, в служебной Минее (Венеция, 1870), в «Великом Синаксаристе» К. Дукакиса; под 20 окт. — в стихсных Синаксарях (Синаксарь ГИМ. Син. греч. 390 (354), 1295 г.; Лундский Синаксарь XIV в.); под 30 окт. — в Синаксаре К-польской ц. (архетип кон. X в.), где Л. Ф. назван «благочестивый Лев Философ» (*SynCP Col. 178*); под 31 окт. — в Типиконе Великой ц. IX–XI вв. (*Дмитриевский. Описание. Т. 1. С. 29; Mateos. Turicop. T. 1. P. 84*). В палестинско-груз. календаре *Sinait. iber. 34* (X в.) под 12 июня указана память «Леонтия, философа Римского» (*Garitte. Calendrier Palestino-Georgien. P. 72*),

к-рого Ж. Гаритт предположительно отождествил с Л. Ф. Исследователь также отметил, что в этот день Западная Церковь празднует память папы Римского *Льва III* (795–816) (Ibid. P. 249).

Память Л. Ф. не вошла ни в стихшную, ни в нестишную Прологи (Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам: Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сент.—февр. М., 2010. Т. 1. С. 224–235, 276–283; *Петков, Спасова*. Стиш. Пролог. 2009. Т. 2. С. 135–136, 142–144), она отсутствует в ВМЧ (ВМЧ. Окт. Дни 19–31. Стб. 1533–1679, 2039–2062) и совр. календаре РПЦ. Ист.: *Δουκάκης*. ΜΕ. 1895. Т. 10. Σ. 267; *Владимир (Филантропов)*. Описание. С. 522; SynCP. Col. 178–179; *Νικόδημος. Συναξαριστής*. 1993. Т. 1. Σ. 383.

Лит.: *Сергий (Спасский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 324–325, 338, 340; *Rudberg S. Y.* Le Synaxaire grec de Lund // AnBoll. 1963. Vol. 81. P. 125; *Sauget J.-M.* Leonzio, il Filosofo, santo // BiblSS. 1966. Vol. 7. Col. 1315; *Σαφρόνιος (Εὐστρατιάδης)*. Ἀγιολόγιον. Σ. 272; *Μακάριος Σιμωνοπερίτης, ἱερομόν.* Νέος Συναξαριστής τῆς Ὁρθοδόξου Ἐκκλησίας. Ἀθήνα, 2009. Τ. 2: Ὀκτώβριος. Σ. 215.

О. В. Л.

ЛЕОНТЬЕВ Димитрий († между 1616/17 и 1624/25), протопоп Никольского собора в Зарайске (совр. Московская обл.). Не принадлежал к роду священников, наследственно состоявших при чудотворной иконе свт. *Николая* Мирликийского, которая хранилась в соборе. Возможно, Л. имел связи с правящими кругами в Москве, о чем говорит рост внимания к чудотворному образу в протопопство Л. Во «второе лето государства» *Василия Иоанновича Шуйского* «прозбою и молением протопопа» для зарайского образа свт. *Николая* был изготовлен серебряный оклад, украшенный драгоценными камнями и жемчугом. Вероятно, с заступничеством *Николая Чудотворца* связывали победу над участниками восстания И. И. Болотникова (осень 1607): среди изображений святых на окладе было помещено изображение царевича *Дмитрия Иоанновича*, с чудесным вмешательством к-рого также связывали эту победу. В янв. 1610 г. царь Василий Шуйский приложил к образу золотую дщицу в память об освобождении Зарайска от «воровских людей». В соборе хранилось Евангелие (М., 1606), к-рое по традиции считалось вкладом царя *Василия*.

Летом 1608 г., во время взятия Зарайска войсками А. Ю. Лисовского,

Л. был захвачен в плен, где находился до тех пор, пока Лисовский не был разбит в сражении на р. Москве «на Медвеьем броду». Вместе с др. освобожденными Л. был отвезен в Москву, где «царь *Василей* их пожаловал» (ПСРЛ. Т. 14. С. 81).

Протопопство Л. совпало со временем пребывания на воеводстве в Зарайске кн. Д. М. *Пожарского*. После перехода весной — летом 1610 г. Коломны и Каширы под власть *Лжедмитрия II* жители Зарайска предложили и своему воеводе «целовать крест» Тушинскому вору. Он отказался это сделать, а «никольской же протопоп *Дмитрей* крепляше ево и благословляше умерети за истинную православную веру» (ПСРЛ. Т. 14. С. 99). В результате переход Зарайска под власть *Лжедмитрия II* не состоялся. Тревожная ситуация в районе Зарайска сложилась в дек. 1610 г., когда город подвергся нападению войск И. Н. *Сунбулова*, посланного боярским правительством Москвы против П. П. *Ляпунова*. «Помощию же и чудесы великого чудотворца *Николы*» противник потерпел поражение (Там же. С. 107). После этого события кн. *Пожарский* дал вкладом в собор «Устав, сиреч Око церковное» (М., 1610) и учредил в нем поминание своих предков. В храмовой описи 1822 г. упоминается также Евангелие — вклад *Пожарского* в Никольский собор.

Л. был участником Земского собора 1613 г., избравшего на царство *Михаила Феодоровича* Романова. Л. подписал грамоту об избрании от жителей Зарайска и Рязанского у. Протопоп вошел в состав делегации, выехавшей к *Михаилу Феодоровичу* в Кострому. Ему было доверено доставить в Москву грамоту, в к-рой *Михаил Феодорович* извещал о своем согласии вступить на престол. В 1613/14 г. Л. получил от нового царя грамоту на владения Никольского собора. В 1616/17 г. по указанию протопопа был «починен» на престольный серебряный крест собора. В описании Рязанского у. 1624/25 г. упоминается протопоп Никольского собора *Михаил*: очевидно, Л. к этому времени уже скончался.

Лит.: *Аверин К.* Историческое известие о жизни и деяниях *Дмитрия*, протоиерея зарайского Никольского собора, современника и сотрудника кн. *Дмитрия Михайловича Пожарского*. М., 1837²; Зарайский *Николаевский собор*. Рязань, 1878; Зарайск: [Сб. ст.] / ИРИ РАН. М., 2002. Т. 1: Ист. реалии и легенды.

Б. Н. Флора

ЛЕОНТЬЕВ Константин Николаевич (13.01.1831, с. Кудиново Мещовского у. Калужской губ. (ныне деревня Юхновского р-на Калужской обл.) — 12.11.1891, Сергиевский посад (ныне г. Сергиев Посад)), религ. философ, писатель, публицист, лит. критик, представитель консервативного направления рус. общественно-политической мысли 2-й пол. XIX в.

Биография. Л. род. в многодетной семье, был младшим из 7 детей. Крещен в ц. в честь Рождества Христова в с. Щелканове Мещовского у. (сохр. до наст. времени). Отец, *Николай Борисович Леонтьев*, служил некоторое время в звании унтер-офицера в лейб-гвардии Измайловском полку; был уволен за предосудительные поступки; в Отечественной войне 1812 г. принимал участие в качестве ополченца, а после войны исполнял малозначительную должность исправника Мещовского у. Мать, *Феодосия Петровна* (урожд. *Карабанова*), получила хорошее образование, окончив Екатеринбургский ин-т.

Детство Л. прошло в небольшом родовом имении в с. Кудиново. Семья, по его воспоминаниям, не была набожной в строгом смысле слова: отец был равнодушен к вере, несмотря на то что ходил в церковь и имел духовника; у матери вера имела «несколько протестантский характер» (Мое обращение и жизнь на св. Афонской горе // ПССиП. Т. 6. Кн. 1. С. 794).

В 1841 г. Л. поступил в Смоленскую гимназию. Проучившись в ней год, вернулся в Кудиново. В 1843 г. в Петербурге зачислен в качестве кадета в «Дворянский полк», однако в связи с резким ухудшением здоровья и подозрением на чахотку был вынужден в 1844 г. возвратиться домой. Осенью того же года поступил в 3-й класс Калужской гимназии. По окончании гимназии (1849) Л. получил право поступления в ун-т без экзаменов. Был зачислен в Демидовский (камеральный) лицей в Ярославле, в к-ром преподавали математику, физику и ряд гуманитарных предметов, но основными были правовые науки и уголовное судопроизводство. Через 2 месяца он перешел на 1-й курс медицинского фак-та Императорского Московского ун-та. Выбор фак-та был обусловлен тем обстоятельством, что прием студентов на др. фак-ты в этот год был ограничен. За переводом из одного учебно-

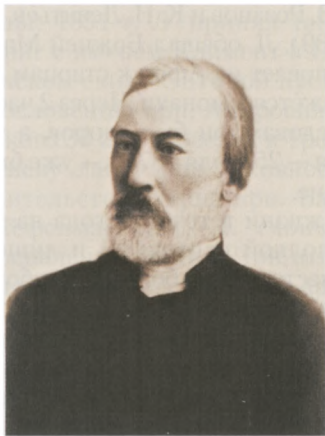

го заведения в другое скрывалось желание нуждающейся в средствах матери дать сыну такое образование, к-рое могло бы стать основой его буд. благополучия.

На университетские годы приходятся первые лит. опыты Л. К 1851 г. относится значительное событие в его жизни, весьма подробно им описанное, — знакомство с И. С. Тургеневым, молодым, но уже известным писателем; последующая передача ему стихотворения, написанного гекзаметром, комедии «Женитьба по любви» и начальных глав романа «Булавинский Завод» (см.: Тургенев в Москве, 1851–1861 г. // ПССИП. Т. 6. Кн. 1. С. 696–747). В письме от 12 июня 1851 г. Тургенев подверг стихотворение Л. подробному разбору и критике; комедия «Женитьба по любви», одобренная Тургеневым, несмотря на попытки опубликовать ее, по цензурным соображениям была отвергнута. К этому же времени относится знакомство Л. с М. Н. Катковым, Т. Н. Грановским, А. А. Фетом, Н. Н. Страховым, М. П. Погодиным и др. Благодаря Тургеневу Л. стал посещать лит. салон графини Е. В. Салиас-де-Турнемир.

Высокая оценка, данная Тургеневым таланту Л., позволила ему спокойно отнестись к первым неудачам на лит. поприще. В 1853 г. Л. предоставил в распоряжение Тургенева рукопись повести «Немцы», к-рую тот благожелательно принял. Возникшие проблемы с цензурой с большим трудом были преодолены, и повесть опубликовали под названием «Благодарность» в «Московских ведомостях» (1854); здесь же вышел очерк Л. «Ночь на чельнике» (1857). В ж. «Отечественные записки» были напечатаны повести Л. «Лето на хуторе» (1855) и «Сутки в ауле Бюк-Дортэ» (1858), пьеса «Трудные дни» (1858), роман «Подлипки» (1861), писавшийся на протяжении мн. лет; в ж. «Библиотека для чтения» была опубликована повесть «Второй брак» (1860).

Исследователи творчества Л. отмечали, что его проза имеет автобиографический характер и наряду с ее литературно-художественным значением позволяет глубже понять его биографию и учение. В частности, С. Н. Булгаков писал: «Кто хочет узнать подлинного Леонтьева, должен пережить чары и отраву его беллетристики и через нее увидеть автора» (Булгаков. 1918. С. 117).

К. Н. Леонтьев.
Фотография. 80-е гг. XIX в.

Лучшее произведение из созданных Л. в этот период, роман «Подлипки», представлял собой историю жизни молодого человека В. Ладнева, alter ego Л. в плане душевных переживаний и биографии. Написанные до «Подлипок» повести Л. оценивал невысоко и считал, что их не следует издавать; некоторые неизданные сочинения были им уничтожены.

Не окончив полного курса обучения на медицинском фак-те, но сдав выпускной экзамен на лекаря и получив диплом, летом 1854 г. Л. отправился добровольцем на Крымскую войну. Служил младшим ординатором в Керчь-Еникальском военном госпитале. В письме к матери от 24 янв. 1855 г. Л. объяснял отъезд на войну необходимостью совершить «крутой поворот», чтобы преодолеть душевную тоску. Вплоть до осени 1857 г. оставался в Крыму, продолжая службу в военных госпиталях. Несмотря на нелюбовь к медицине, Л. справлялся с возложенными на него обязанностями, в сложных военных условиях самостоятельно провел ряд успешных ампутаций, спасая раненых от гибели. Согласно «Формулярному списку о... службе Леонтьева» (см.: Долгов. 2008. С. 706), в мае 1855 г. по распоряжению начальства Л. был откомандирован в Донской казачий полк, в октябре направлен в Келечь-Мечетское госпитальное отделение, а в нояб. того же года прикомандирован к Феодосийскому военно-временному госпиталю. В янв. 1856 г. Л. был направлен в Карасу-Базарский военно-временный госпиталь, в марте — в Симферопольский военный госпиталь, а в дек. 1856 г. — вновь в Феодосийский госпиталь. Здесь Л. прослужил

до 10 авг. 1857 г., когда он был уволен со службы по прошению.

Л. возвратился в Москву. Весной 1858 г. он уехал в Арзамасский у. Нижегородской губ., где в течение 2 лет служил в имении баронессы М. Ф. фон Розен в качестве домашнего врача. Здесь им был продолжен роман «Подлипки» и начат роман «В своем краю», написано соч. «Несколько слов о трех Евангельских характерах (Петр, Иоанн, Павел)». Оставив профессию врача, Л. продолжал лечить близких ему людей, друзей и крестьян в Кудинове. В 1861 г. обвенчался в Феодосии с Е. П. Политовой.

В 1863 г. началась дипломатическая служба Л., продолжавшаяся почти 10 лет. Она была успешной и вполне соответствовала как эстетическим наклонностям Л., так и его стремлению представлять и защищать интересы России. Начал Л. дипломатическую службу в С.-Петербурге в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, в окт. того же года был назначен секретарем и драгоманом рус. консульства в Кандии (о-в Крит). В 1864 г. в этой же должности он служил в Адрианополе, в 1865 г. — в Белграде, в 1866 г. вновь вернулся в Адрианополь. В 1867 г. Л. был назначен вице-консулом в Тулче, в 1869 г. — консулом в Янине, а спустя 2 года стал консулом в Салониках. В этой должности он состоял вплоть до офиц. увольнения со службы «по болезни».

Л. был одаренным дипломатом, легко и быстро изучал необходимые для общения языки, хорошо разбирался в тонкостях национальной психологии проживавших на Балканах народов. За время пребывания на дипломатической службе он прошел путь от «титularного советника со старшинством» до «надворного советника со старшинством» и был награжден орденами св. Анны 3-й и 2-й степени, св. Станислава 2-й степени. Служба на дипломатическом поприще позволила Л. познакомиться с жизнью и бытом разных по вероисповеданию народов, населявших Балканы, с рус. и европ. дипломатами, с представителями тур. администрации. В особенности Л. любил К-поль, куда он был отозван в 1864 г. после скандала с франц. консулом, к-рого ударил хлыстом по лицу во франц. консульстве за неуважительные слова о России. В К-поль Л. приезжал в длительный отпуск

во время службы, сюда же он неоднократно пытался вернуться на службу после увольнения и возвращения в Россию.

В этот период в «Отечественных записках» были напечатаны роман Л. «В своем краю» (1864), подвергшийся резкой критике со стороны М. Е. Салтыкова-Щедрина, и написанная в К-поле повесть «Исповедь мужа» (1867). Переоценив художественные достоинства повести, Л. перевел ее на франц. язык и отослал П. Мериме в надежде на публикацию во Франции. В ответном письме Мериме очень критично отозвался о повести. Этот неприятный для Л. отзыв Мериме повторил и в письме Тургеневу. Значительно большим вниманием как читателей, так и критиков пользовались написанные Л. в период его дипломатической службы на Балканах вост. повести и рассказы: «Хризо» (1868), «Пембе» (1869), «Хамид и Маноли» (1869), «Паликар Костаки» (1870), «Аспазия Ламприди» (1871), «Капитан Илия» (1875), «Дитя души» (1876), «Сфакиот» (1877), «Ядес» (1885), а также роман «Одиссей Полихрониадес: Воспоминания загорского грека» (1875–1882). В 1876 г. большая часть этих произведений была издана Катковом в 3-томнике под общим названием «Из жизни христиан в Турции». В письме Вс. С. Соловьёву от 18 июня 1879 г. Л. сравнивал манеру письма в повести «Хризо» с манерой старинных франц. повестей, в к-рых «характеры нарочно намечены чуть-чуть, слегка» (Избр. письма. 1993. С. 237). В том же письме Л. сообщал, что в течение 8 лет он писал обширное произведение «Река времен», эпопею из рус. жизни, сожженную им в 1871 г. Из состава эпопеи сохранился лишь небольшой роман «От осени до осени».

В июле 1871 г. в Салониках Л. заболел холерой. В письме В. В. Розанову от 13–14 авг. 1891 г. из Оптиной пуст. Л. описывал, как летом 1871 г. в Салониках после тяжелого холерного приступа смотрел на привезенный с Афона образ Божией Матери, с ужасом думая о телесной смерти, как «поверил в существование и могущество этой Божией Матери» и воскликнул: Матерь Божия! Рано! Рано мне умирать! Я еще ничего не сделал достойного моих способностей и вел в высшей степени развратную, утонченно-грешную жизнь! Подыми меня с этого оврага смерти»

(В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев. 2014. С. 139). Л. обещал Божией Матери, что поедет на Афон к старцам и пострижется в монахи. Через 2 часа, по его словам, он был здоров, а через 3 дня — 25 июля 1871 г. — уже был на Афоне.

О жизни в течение года на Афоне, полной испытаний и лишений, а вместе с тем богатой глубокими религ. впечатлениями, и о причинах, почему он не был пострижен в монашество, Л. писал в воспоминаниях и в предназначенном для прп. Амвросия Оптинского соч. «Моя исповедь» (1878). Л. полагал, что для него основным препятствием к монашеству стала не женитьба, а служебное положение консула. Но есть основания полагать, что афонские монахи не считали его достаточно подготовленным для строгой иноческой жизни. Об этом свидетельствует не только его пребывание на Афоне, откуда он уехал обессиленным от постной пищи и с расстроившимся здоровьем, но и последующая история его жизни в рус. мон-рях.

Духовником Л. на Афоне был иеросхим. *Иероним (Соломенцов)*, старец *Русского вмч. Пантелеимона монастыря*, строгий относительно соблюдения монашеских предписаний, но одновременно сердечный человек, с к-рым, как и с другим афонским старцем, архим. *Макарием (Сушкиным)*, у Л. сложились добрые отношения. Описанию жизни монахов на Афоне, быта рус. и греч. монастырей, отношений между греками, русскими и болгарскими были посвящены труды Л.: «Записка об Афонской Горе и об отношении ее к России» к гр. Н. П. Игнатьеву (1872), статьи «Четыре письма с Афона» (1872), «Панславизм и греки» (1873), «Панславизм на Афоне» (1873), а также его поздние работы — «Пасха на Афонской горе» (1882), «Воспоминание об архим. Макарии, игумене русского монастыря Св. Пантелеймона на горе Афонской» (1889), «Мое обращение и жизнь на Святой Афонской горе» (1889) и другие. «Четыре письма с Афона», предназначенные М. В. Леонтьевой, племяннице Л., несмотря на желание автора напечатать их, при его жизни не были изданы, а после смерти Л. рукопись пропала. Текст этой работы, переписанной Леонтьевой, сохранился в б-ке МДА, возможно, благодаря митр. *Антонию (Храповицкому)*; вполсл. митрополит), читавшему ее, и был издан

в 1912 г. свящ. Павлом Флоренским в редактируемом им «Богословском вестнике». Письма были адресованы человеку, к-рый хорошо знал Л., любил его и доверял ему. Леонтьева отмечала, что письмами Л. «старался повлиять на меня своим внезапным обращением на православный путь» (Леонтьева М. В. Письмо от 4 февр. 1913; цит. по: Леонтьев К. Н. ПССиП. Т. 7. Кн. 2. С. 584). Разнообразные по содержанию и тональности, эти письма наряду с личными переживаниями новой жизни в Церкви или, как их характеризовал сам Л., возвращением к утраченной детской вере включали описания греч. и рус. мон-рей, греч. пения, типов монашеской жизни на Афоне, правил аскетики и, в качестве приложения, критику философии эвдемонизма — учения о счастье как главной цели земного человеческого бытия.

Следующие 2 года Л. жил в К-поле и на о-ве Халки, где продолжил начатую на Афоне работу «Византизм и Славянство». «Афон, — писал Л., — показал мне примеры высокого и даже страшного аскетизма; — старцы Руссика выучили меня послушанию, посту и молитве; заставили понимать жития Святых; раскрыли мне истинный дух Церкви. — Халкинские богословы познакомили меня с Канонами Церкви, с ее администрацией и с современным состоянием Церквей на Востоке» (Моя исповедь // ПССиП. Т. 6. Кн. 1. С. 232). В 1874 г. Л. вернулся в Россию.

После непродолжительного времени, проведенного в Кудинове, в авг. 1874 г. Л. отправился в Оптину пуст., где познакомился со старцем Амвросием Оптинским и с иером. Климентом (Зедергольмом). В конце того же года был принят послушником в Николо-Угрешский монастырь. Монастырские пища и обязанности подорвали здоровье Л. (см.: Избр. письма. 1993. С. 115); в мае 1875 г. по благословению настоятеля мон-ря архим. Пимена (Мясникова; 1810–1880) Л. оставил мон-рь. Существует и др. версия причины его отъезда из мон-ря — сложные отношения с архим. Пименом (Там же. С. 232–233). 16 июля 1875 г. Л. писал Страхову: «Долго без церкви и молитвы — я быть не могу, и на меня слишком часто в мирской обстановке находит нестерпимый ужас смерти и тоска» (Там же. С. 116). В авг. того же года Л. был в Оптиной пуст., в окт. — в Мещовском мон-ре вмч. Георгия.

В 1879 г. Л. опубликовал в ж. «Русский вестник» ст. «Отец Климент Зедергольм». Воспоминания Л. об иером. Клименте переплетаются с размышлениями о первостепенной важности монашества и старчества для правосл. Церкви и с описаниями Оптиной пуст. В ст. «О всемирной любви: Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике» (1880) Л. подверг критике основные положения речи Достоевского 8(20) июня в Москве. Среди многочисленных упреков, сделанных в адрес Достоевского, — «космополитическое понимание любви», «вера в человека», «вера в мировую гармонию». Л. писал: «В христианстве между многими другими сторонами есть и гуманность или любовь к человечеству «о Христе», то есть не из нас прямо истекающая, а Христом даруемая и Христа за ближним провидящая, от Христа и для Христа. Гуманность же простая, «автономическая»... может вести к... самоуверенному утилитаризму» (ПССиП. Т. 9. С. 213). В 1882 г. Л. опубликовал ст. «Страх Божий и любовь к человечеству: По поводу статьи гр. Л. Н. Толстого: «Чем люди живы?»». Обе статьи, о Достоевском и Толстом, были изданы в 1882 г. в брошюре «Наши новые христиане».

В кон. 1879 г. Л. принял предложение кн. Н. Н. Голицына и переехал в Варшаву, где стал помощником редактора газ. «Варшавский дневник». В обязанности Л. входило написание передовых статей и рецензий для газеты. В нояб. 1880 г. он поступил на службу в Московский цензурный комитет, где прослужил в должности цензора 6 лет. В 1881–1882 гг. Л. опубликовал большую повесть «Египетский голубь», продолжение к-рой он собирался дописать; в 1885 г. в еженедельнике «Россия» вышел его роман «Две избранницы», тесно связанный с обстоятельствами жизни автора.

В февр. 1887 г. в чине статского советника Л. вышел в отставку с гос. службы в цензурном комитете, после чего периодически жил в «консульском» доме вблизи монастырской ограды в Оптиной пуст. Здесь написал ряд сочинений, в т. ч. «Записки отшельника», «Национальная политика как орудие всемирной революции», а также свою лучшую литературоведческую работу «Анализ, стиль и веяния: О романах гр. Л. Н. Толстого: (Критический этюд)».

В авг. 1891 г. Л. принял тайный постриг с именем Климент в Предтеченском скиту Оптиной пуст. По благословению прп. Амвросия Оптинского 30 авг. переехал в Троице-Сергиеву лавру под духовное покровительство старца прп. Варнавы Гефсиманского. Л. скончался от воспаления легких. Чин отпевания возглавил ректор МДА архим. Антоний (Храповицкий). Л. похоронен в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры. В февр. 1919 г. рядом с его могилой был похоронен Розанов; в 1927 г. могила Л. вместе с др. могилами при храме Черниговской Божией Матери Гефсиманского скита была разрушена; найдена в 1991 г.

Философские и общественно-политические взгляды. Л. не получил систематического философского образования, самостоятельно не изучал важнейших философских учений. Неудивительно, что он не понимал метафизические труды И. Канта, Г. Ф. Гегеля и даже своего любимого современника — Вл. С. Соловьёва. Из европейских философов Л. чаще всего упоминал второстепенных философов П. Ж. Прудона и Дж. С. Милля (неполный перевод 3-й и 4-й глав книги Милля «О свободе» был опубликован Л. в газ. «Русский инвалид» в 1862), из русских — в первую очередь Н. Я. Данилевского, затем Вл. Соловьёва, А. С. Хомякова и И. С. Аксакова. Используя такие важнейшие философские понятия, как «идея», «материя», «явление», «начала», «целостность» («всечелость»), новый и не освоенный в полной мере философскими школами термин «культура» и др., Л. игнорировал значение этих терминов, укоренившиеся в многовековой традиции их бытования, и наполнял их собственным содержанием. Так, напр., в поздней работе «Письма о восточных делах» (1882–1883) он писал: «Под словом «культура» я понимаю не какую попало цивилизацию, грамотность, индустриальную зрелость и т. п., а лишь цивилизацию свою по источнику, мировую по преемственности и влиянию. Под словом своеобразная мировая культура я разумею: целую свою собственную систему отвлеченных идей религиозных, политических, юридических, философских, бытовых, художественных и экономических» (ПССиП. Т. 8. Кн. 1. С. 50).

Л. был знаком с большинством представителей консервативного («охранительного») направления русской общественно-политической мысли — Катковым, Страховым, Аксаковым, Т. И. Филипповым, К. П. Победоносцевым и др. Однако их влияние на формирование его мировоззрения было минимальным. В ранний период Л. симпатизировал славянофилам; но исторические воззрения славянофилов очень быстро стали для него чуждыми, как и европеизм. Лишь два человека в области философии имели для Л. существенное значение — Данилевский и Вл. Соловьёв; однако и их влияние на воззрения Л. не было решающим. В книге Данилевского «Россия и Европа» Л. нашел близкое ему учение о культурно-исторических типах и законах их развития, о самостоятельности и развитии рус. культурно-исторического типа, о принципиальных религ. и культурно-исторических отличиях Европы от России и о враждебности Европы к России, о гибели Европы согласно славянофильской формуле «Запад гниет» (С. П. Шевырёв, Хомяков, И. В. Киреевский), о «европейничаньи» как болезни России и ее последствиях для всех форм рус. жизни, в т. ч. для искусства. Но Л. не разделял представлений Данилевского о славянстве как основе буд. культуры, полагая, что она будет строиться на религ., а не на этническом принципе. Вл. Соловьёв поражаЛ Л. глубиной и тонкостью размышлений, в поздние годы — эсхатологической направленностью воззрений.

Основной темой для Л. стала философия истории и культуры. Путь Л. к разработке философии истории и культуры был параллельным его пути к монашеству. Свою важнейшую «теорию триединого процесса» Л. продумывал в 1871 г. по дороге из Салоник на Афон, куда, как ему представлялось, он ехал умирать, а важнейшие главы работы «Византизм и Славянство» были написаны на Афоне. Эта работа была издана Л. в 1875 г. (первоначально автор предполагал издать ее с названием «Прогресс и развитие» под псевдонимом Н. Константинов, но изменил решение; подробную предысторию издания см.: Там же. Т. 7. Кн. 2. С. 663–672) и представляла собой воплощение его многолетних размышлений в сфере философии истории и культуры. Первостепенное значение в этой философии уделялось

гос., религ. и историческому предназначению России.

Создаваемая Л. философия истории и культуры предполагала в качестве обоснования специальное учение о жизни и должна была стать философией жизни, а в идеале — соответствовать православно-христ. учению о жизни. Однако эта сторона учения Л. в его книге была лишь намечена и не получила дальнейшей разработки. Теоретической основой построений Л. стало его учение о триедином процессе развития, близкое к исходным принципам философии Данилевского (главы VI и VII). Л. писал: «Триединый процесс: 1) первоначальной простоты, 2) цветущего объединения и сложности и 3) вторичного смесительного упрощения, свойственен точно так же как и всему существующему, и жизни человеческих обществ, государствам и целым культурным мирам» (Византизм и Славянство. 1876. С. 75), при этом «вторичное упрощение и вторичное смешение суть признаки, а не причина государственного разложения» (Там же. С. 110). Это учение, имеющее у Л. характер абсолютного закона всего сущего и созданное на основе биологического факта рождения, становления и телесной смерти любого организма, как в общем заключении, так и в частных выводах оказалось ошибочным. Присущее Л. натуралистическое объяснение истории вопреки намерениям ставило его в один ряд с позитивистами и материалистами, безверие к-рых он критиковал. Тем более что сформулированный в рамках этой теории закон развития противоречил христ. убеждениям самого Л., поскольку предполагал полное отсутствие Промысла Божия. Теория триединого процесса развития оказалась уязвимой с философской и исторической точек зрения. Доказательство истинности своей теории Л. строил на опыте прошедшей истории человечества, но у него не было достаточных оснований полагать, что и в буд. истории все будет происходить подобным образом. Исторический опыт, к к-рому обращался Л. для оправдания своей теории, рассматривался им очень узко; он оставлял без внимания факты гибели или разрушения более развитых в культурном отношении цивилизаций вслед за завоевания их варварами или менее культурными гос-вами или народами, а также то, что нередко гос. об-

разования разрушались, не достигнув «цветущей сложности».

Тем не менее Л. был убежден, что только с позиций этого учения можно понять жизнь отдельного человека, сословий, общественные и политические события, историю отдельных гос-в, цивилизации и культуры. По его мнению, этот процесс характерен для развития искусств, архитектуры, живописи, музыки и литературы. Рассуждая о всемирной истории, Л. подводил историю отдельных гос-в и цивилизаций под схему триединого процесса и установил, как ему представлялось, почти с математической достоверностью срок существования цивилизации в 1000–1200 лет (этим сроком завершилось существование визант. государственности, крушение к-рой Л. объяснял процессами упрощения, одряхления и распада гос. аппарата). Он полагал, что в 1-м периоде развития гос-ва всегда доминирует «аристократическое начало», в середине «является склонность к единоличной власти» в ее разновидностях, «к старости и смерти воцаряется демократическое, эгалитарное и либеральное начало» (Там же. С. 18).

Но если этот закон мировой истории действовал с такой фатальной неотвратимостью, то какой смысл имело гос. и культурное творчество, к-рые своим развитием приближали гибель всех гос-в, создаваемых человеком, и вступали в неразрешимое противоречие с представлениями Л. о необходимости, крепости и долговечности рекомендуемых им охранительных начал? Это противоречие между творчеством (государственным или культурным) и концом всего сущего стало одним из самых глубоких в мировоззрении Л. В 1880 г. в работе «О всемирной любви» Л. писал: «Если же человечество есть явление живое и органическое, то тем более ему должен настать когда-нибудь конец. А если будет конец, то какая нужда нам так заботиться о благе будущих, далеких, вовсе даже нам непонятных поколений?» (ПССиП. Т. 9. С. 199–200).

Исследуя исторические типы культуры, Л. вслед за Данилевским, рассматривавшим понятия «культура» и «цивилизация» в качестве синонимов (Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1895⁵. С. 174), определял эти термины следующим образом: «Цивилизация, культура, есть именно та сложная система отвлеченных

идей (религиозных, государственных, лично-нравственных, философских и художественных), которая вырабатывается всей жизнью наций. Она, как продукт, принадлежит государству; как пища, как достояние, она принадлежит всему миру» (Леонтьев. Византизм и Славянство. 1876. С. 122). Он начинает работу «Византизм и Славянство» с противопоставления византизма, как оформленного, получившего чрезвычайно разнообразное и богатое религиозно-историческое и художественное выражение типа культуры, — славизму, как типу культуры неформальной, хаотичной, ищущей форму для своего еще не определившегося исторического призвания. Л. полагал, что византизм и славизм представляют собой наиболее удачный выбор для сопоставления исторических типов культуры из-за их противоположности.

Л. понимал византизм как особую форму культуры, с одной стороны, унаследовавшей традиции греко-рим. мира, с другой, со времен имп. равноап. *Константина*, связавшей свою историю с христианством. Определяя общую идею византизма через его частные идеи, Л. писал: «Византизм в государстве значит самодержавие; в религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от Западных Церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом; знаем склонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу» (Там же. С. 1–2). Толкование византизма как культуры было дано и в «Четырех письмах с Афона». В них Л. определял византизм как «высокую культуру» и особый «род просвещения», к-рый «был лишь развитием, объяснением основного Евангельского учения, а никак не искажением его» (ПССиП. Т. 7. Кн. 1. С. 145).

Славизм же Л. понимал «только как племенное, этнографическое отвлечение, как идею общей крови (хотя и не совсем чистой) и сходности языков. Идея славизма не пред-

ставляет отвлечения исторического, то есть такого, под которым бы разумелись, как в квинтэссенции, все отличительные признаки религиозные, юридические, бытовые, художественные, составляющие по совокупности своей полную и живую картину известной культуры» (Византизм и Славянство. 1876. С. 31). Данное Л. определение современного ему славизма, за исключением 2 признаков — «крови и сходства языков», имело отрицательный характер и констатировало отсутствие у славян (по умолчанию, без России) к.-л. общей положительной идеи, объединяющей эти народы.

Описанию состояния умов и настроений славянства посвящены главы III–V кн. «Византизм и Славянство», а также ст. «Русские, греки и юго-славяне: Опыт национальной психологии» (1873–1877) и некоторые др. работы. Согласно Л., главное, что характеризует слав. мир, — это отсутствие единства интересов; славянство раздроблено, живет только частной жизнью своего народа. Славяне, не считая русских и поляков, малосамостоятельны, не жили своей политической жизнью; древнеболг. и древнесерб. царства растворились в визант. культуре; «болгары воспитаны греками», чехи — немцами. Совр. славяне подвержены влияниям со стороны европ. гос-в и некритично заимствуют их порядки, идеи, одежду, болеют теми же болезнями, которыми болеет совр. Европа: верой во всеобщее равенство людей, во всеобщее благо, космополитизмом, утилитаризмом и национализмом. Отношение Л. к судьбам слав. мира перед фактом проникновения в ее среду совр. демократической культуры Европы оставалось скептическим. «Славянство есть, — писал Л., — оно численностью очень сильно; славизма нет, или он еще очень слаб и неясен» (Там же. С. 50); «Что такое племенное славянство без отвлеченного славизма? Неорганическая масса, легко расторгаемая вдребезги, легко сливающаяся с республиканской Всеевропой» (Там же. С. 46). Славянству, если оно будет руководствоваться византийскими началами, еще только предстоит выявить своеобразие собственной культуры. При этом Л., для к-рого проблема славянства была тесно связана и с реальными проблемами политики Российской империи на Балканах, с «восточным вопросом» (о нем

он писал на протяжении неск. десятилетий), весьма осторожно относился к идее панславизма: он усматривал в ней не только интересы, связанные с борьбой за самостоятельность отдельных слав. народов (в т. ч. и попытки использовать Россию для своих узконациональных интересов), но и желание европ. держав дискредитировать политику России на Балканах. В ст. «Панславизм и греки» Л. писал, что в сложившихся условиях «образование одного сплошного и всеславянского государства было бы началом падения Царства русского» (ПССиП. Т. 7. Кн. 1. С. 184); он утверждал, что «Россия не была и не будет чисто славянскою Державой. Чисто славянское содержание слишком бедно для ее всемирного духа» (Там же. С. 185). Продолжая тему славянства в «Письмах отшельника» (1879), Л. рассказывал об эволюции своих воззрений от наивной веры в панславизм, с к-рой он приехал на Балканы, до понимания того, что в болгаро-греч. споре «племенные» интересы славянства вступили в противоречие с «православными уставами и преданиями» (Там же. С. 547). Полагая, что само по себе национальное начало без Православия разрушительно как для России, так и для славян, Л. корректирует свою т. зр.: «Панславизм православный есть спасение, а Панславизм либеральный есть гибель прежде всего для России!» (Там же. С. 548). В особенности Л. беспокоила «греко-болгарская распря», в к-рой борьба болгар за национальное освобождение и гос. самостоятельность сопровождалась использованием Церкви в политических целях и самочинным объявлением Болгарской Церковью автокефалии. Л. считал, что действия болг. духовенства нарушают каноны правосл. Церкви и ведут к церковному расколу, грозящему тяжелыми последствиями и для России, если она примет сторону болгар. Л. разделял позицию свт. *Филарета (Дроздова)*, митр. Московского, который осуждал объявление автокефалии Болгарской Церковью без согласия на то Матери-Церкви и выступал за предоставление Болгарской Церкви автономии (см. в ст. *Автономная Церковь*).

Совр. Европа, по убеждениям Л. отступившая от христианства, сделала своей религией религию прогресса, веру в светлое будущее человечества и вполне сознательно в от-

личие от др. цивилизаций пошла путем демократического прогресса и конституционализма. Отношение Л. к Европе, кажущееся на первый взгляд резко отрицательным, было гораздо сложнее. Л. был достаточно хорошо знаком с европ. культурой и горячо любил старую Европу. Он отмечал необычайное богатство и разнообразие культурного наследия Европы и ее превосходство в сравнении с др. «погибшими историческими мирами» (Византизм и Славянство. 1876. С. 112). Неслучайно некоторые исследователи учения Л. (напр., Н. А. Бердяев), отмечая его любовь к старой Европе, считали его не славянофилом, а европейцем. Величайшей эпохой в истории Европы стала, по мнению Л., эпоха Возрождения, с к-рой он связывал расцвет европ. культуры, ее высшую точку развития. Л. отмечал значительное влияние Византии на процесс формирования эпохи европ. Возрождения. В новой же Европе Л. усматривал в качестве основной тенденции развития упрощение и уравнивание всех форм человеческого существования, уничтожение различий, разрушение сословий, обезличивание человека, распад всех форм — государственных, религиозных, эстетических, бытовых и, как следствие, крушение европ. монархий, а в перспективе разрушение крупнейших европ. гос-в — Франции, Германии, Англии и др. При этом, полагая, что факт гибели гос-в не отрицает возможности долговечности цивилизации и культуры, имеющих универсальное значение, Л. считал, что разрушение в ходе демократического прогресса и создания безрелиг. общества «частных европейских государств» не приведет к гибели Европы в качестве цивилизации и культуры, т. к. достояние всего мира погибнуть не может (см.: Там же). Будущее Европы Л. связывал с альтернативой: Запад или устоит в «новой республиканской форме, которая будет все-таки не что иное, как падение всех частных европейских государств», или «будет изнывать в общей анархии» (Там же. С. 125). Эту новую форму общего гос-ва европ. народов он называл «федерацией». Л. предупреждал: «Если новый федеративный Запад будет крепок», то России нужны будут сила и дисциплина, «чтобы защитить от натиска его последние храмы нашей независимости, нашей отдельности» (Там же), и подчеркивал:

«Принимая европейское, надо употребить все усилия, чтобы переработать его в себе так, как переработывает пчела сок цветов в несуществующий вне тела ее воск» (Грамотность и народность // ПССиП. Т. 7. Кн. 1. С. 130). Однако вопреки своей же теории триединого процесса Л. не исключал, что Запад, «поглумившись, опомнится» и вернется к «старой Иерархии» (Византизм и Славянство. 1876. С. 125). В статьях, написанных для газ. «Варшавский дневник» (значительная часть не имела названий), Л. высмеивал «по-европейски воспитанных» людей за то, что они верят «в нечто невозможное, в конечное царство правды и блага на земле, в мещанский и рабочий, серый и безличный земной рай» (ПССиП. Т. 7. Кн. 2. С. 9). Работа «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (1888) представляет собой незавершенную и не вполне удачную попытку Л. изобразить духовную, гос. и культурную жизнь европ. народов, клонящуюся к упадку. Этому идеалу либералов с верой в неизменный прогресс и бесконечные возможности научного познания Л. противопоставлял христ. веру — «смесь страха и любви» в человеческом сердце, позволяющую бояться и любить Бога, почитать Церковь и власти.

В отношении истории России теория триединого процесса не получила у Л. вполне ясного и определенного выражения. Он полагал, что после падения Византии Россия стала не только наследницей духовных и культурных богатств Византии, но и защитником всего Православия. «Византийский дух, Византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь Великорусский общественный организм» (Византизм и Славянство. 1876. С. 24). К признакам восприятия визант. начал в России Л. относил обширность страны, простоту и прямоту населения ее народа и существование в рус. народе родового монархического чувства, к-рое получило выражение во власти «князя Московского, патриархально и наследственно управляющего Русью» (Там же. С. 13). Л. отмечал, что родовое монархическое чувство в России в отличие от его аналога на Западе, проявившего себя в аристократическом сословии, «приняло государственное направ-

ление». По мнению Л., гос-во в России всегда превосходило сословные и семейные начала рус. жизни. Визант. церковно-гос. дух, считал Л., позволил создать в России особое христ. гос-во, сбросить татаро-монг. иго, стать могучей державой, развить самобытную культуру.

В истории России Л. выделял 2 большие эпохи, соответствующие его учению о триедином процессе: одну, связанную с домом Рюриковичей, — Русь удельно-вечевую с незначительной дифференциацией сословных отношений и отсутствием аристократии; другую, связанную с домом Романовых, — Россию как самодержавную монархию, централизованное гос-во с сословными отношениями, с аристократией, не получившей должного развития, и богатой культурой. Проявления визант. начал Л. видел не только в положительных сторонах рус. истории, но и в отрицательных — в расколе, когда правду искали в греч. книгах, в бунтах с использованием сакральной фигуры царя, отстраненного от царства. Остановившись на особенностях рус. гос-ва, Л. писал: «Все живое у нас сопряжено органически с родовой Монархией нашей, освященной Православием» (Там же. С. 29). В письме Страхову Л., высоко оценивая вышедшую в 1869 г. книгу Данилевского «Россия и Европа», задавал волнующий его вопрос: «Отчего никто у нас не возьмется возвести принцип самодержавия в систему, оправдать его не только исторически, но и философски со всеми пособиями экономическими, политическими и т. д.?» (Избр. письма. 1993. С. 72–73). Л. связывал Возрождение в России с деятельностью *Петра I Алексеевича*. Дифференциация гос., общественно-политических и сословных отношений, развитие самобытной культуры, по его мнению, способствовали расцвету России. Вместе с тем именно в период петровских преобразований Россия стала заимствовать европ. порядки, традиции, идеи, одежду. Сохраняя верность односторонней оценке, согласно которой влияние совр. Европы на Россию имело только отрицательные последствия для ее исторического будущего, Л. нигде в кн. «Византизм и Славянство» с определенностью не указывал, на какой стадии исторического развития находится сама Россия. Вопрос, достигла ли Россия

при наличии у нее своей эпохи Возрождения «цветущей сложности» или вслед. ее европеизации она уже вступила в период 2-го «смесительного упрощения», остался открытым. Л. с тревогой наблюдал, как существование России все более и более приобретает подражательный характер; это в полной мере он относил и к рус. мысли, к-рая находится в плену у убогой, «задавленной машинами» мысли Запада (ПССиП. Т. 7. Кн. 2. С. 53).

Отношение Л. к вопросу об освобождении крестьян претерпело эволюцию от признания необходимости и полезности реформы 1861 г. до разочарования в ее результатах. В «Варшавском дневнике» Л. оправдывал как закрепощение крестьян, так и их освобождение, «потому что Верховной Властью было так угодно» (Там же. С. 26). Л. не идеализировал жизнь в России, но оправдывал ее с высшей, метафизической т. зр. Он считал, что «зло так же присуще нравственной природе человека, как боль и страдание его телу» (Там же. С. 12), что несовершенство человеческой жизни и зло неустранимы в смысле их полного уничтожения, поскольку они всегда будут существовать, изменяя лишь формы. Л. склонен был думать, что существование человеческого зла для существования добра — антитезы злу, так и для многообразной и богатой культуры, и придерживался воззрения, что правильное отношение к добру и злу предполагает не упразднение зла вообще, а понимание связи между злом и добром. Л. писал: «Нет ничего ужасного в мысли, что миллионы русских людей должны были прожить целые века под давлением трех атмосфер — чиновничьей, помещичьей и церковной, хотя бы для того, чтобы Пушкин мог написать Онегина и Годунова, чтобы построился Кремль и его соборы, чтобы Суворов и Кутузов могли одержать свои национальные победы» (Там же. С. 25). Это «эстетическое понимание истории» (по словам Розанова), за исключением принципиально важного и несводимого к одной церковной эстетике значения веры во Христа и жизни в Церкви для самого Л., роднит его учение с философией культуры его современника Ф. Ницше.

Вл. Соловьёв в ст. «О народности и народных делах России» (1884),

отмечая, что «религиозная и церковная идея должна первенствовать над племенными и народными стремлениями», указывал: «Наиболее резкое выражение этой истины можно найти в сочинениях талантливого и оригинального автора книги «Византизм и Славянство» К. Н. Леонтьева» (Соловьев В. С. Национальный вопрос в России // *Он же. Собр. соч.*: В 10 т. СПб., [1911–1914²]. Т. 5. С. 29). Сам Л. писал о кн. «Византизм и Славянство», к-рую считал важнейшей из всех своих работ: «Жаль, что очень многие не поняли, что тут дело вовсе не в Греко-болгарском вопросе; — а в сущности в последовательном развитии идеи, что Запад гниет, и что, кто ему будет подражать, тот сам погибнет» (*Леонтьев К. Н. Для биографии К. Н. Леонтьева // ПССиП. Т. 6. Кн. 2. С. 10*). В письме свящ. Иосифу Фуделю от 10 июля 1891 г. из Оптиной пуст. Л. объяснял: «Это слово «Византизм» употреблено мною изо всех статей моих только в одной («Виз[антизм] и Сл[авянст]во»); опасаясь (тогда, в 72–73 г.) каких-то туманных и обманчивых либерально-славянских новшеств на старой Греко-Российской Церковной почве, — я захотел пояснее указать на то, что даже и помимо сферы личной веры того или другого из нас, — Православие (Греками-Виз[антийца]ми развитое) имеет для России и культурно-государственное основное значение (просветительно-обособляющее и утверждающее). И только!.. После этого я нигде ни разу не говорил «Византизм» (поищите-ка!), а всегда уже говорил «Православие», «Самодержавие» и т. д., просто и как все» (ПССиП. Прил. Т. 1. С. 318). Тем не менее формула византизма у Л. заключала немало неясностей. Она создавала впечатление, что в учении Л. о византизме гос-ву принадлежит 1-е место, а религии — 2-е, что вполне соответствовало представлениям Л. о визант. государственности и тому обстоятельству, что Л. был государственным. Гос-во могло быть и стало опорой Православия в Византии, однако визант. гос-во погибло, а правосл. христианство продолжило исторический путь уже в границах др. гос-в. Об этом писал сам Л., а в гл. «Византизм и Россия» он, словно исправляя свою ошибку, пользовался др. определением: «византизм, то есть Церковь и Царь» (*Византизм и Славянство. 1876. С. 29*). Именно «власть Церкви», по мнению

Л., к-рой «не имел древний Рим» (Там же. С. 6), укрепила визант. государственность и вместе с древним «государственным правом» стала главной причиной, обеспечившей длительное существование Византии. Для Л. становится очевидным, что при всей важности визант. гос-ва и его особом монархическом устройстве, не предполагавшем принцип наследования имп. власти, духовная и нравственная жизнь многочисленных народов Византии определялась не только гос. законами, но в первую очередь Православием, объединившим народы в одно целое, в один народ, в одну Восточную Церковь. Оставаясь сторонником сильной и строгой гос. власти в лице монарха, Л. считал симфонию гос. и церковной власти фундаментом византизма. О чем бы ни писал Л. в последние годы, его имя оказалось тесно связанным с византизмом. Работа Вл. Соловьёва «Византизм и Россия», изданная в 1896 г., т. е. после смерти Л., была ответом на чрезмерное восхваление Л. Византии как государственно-исторического образца для будущей России.

Л. был плодовитым публицистом, отзывавшимся на мн. темы российской и международной жизни. Все время возвращаясь в статьях к «восточному вопросу», он разделял общую радость от победоносного завершения русско-тур. войны, подписания Турцией Сан-Стефанского мира (19 февр. 1878), когда, казалось бы, стали реально осуществимыми идеи Ф. И. Тютчева, Данилевского, Достоевского и Л. об освобождении К-поля и славян. В ст. «Храм и Церковь» (Гражданин. 1878. Март) к важнейшим задачам России Л. относил обязательное восстановление и освящение храма Св. Софии в К-поле, возобновление в нем церковного служения, даже в случае если город будет подчиняться тур. султану, возвращение христианам храмов, к-рые стали мечетями. Обсуждая различные мнения о судьбе К-поля, будет ли он по-прежнему принадлежать туркам или станет вольным городом, Л. писал: «Царьград есть тот естественный центр, к которому должны тяготеть все христианские нации, рано или поздно (а может быть и теперь уже) предназначенные составить с Россией во главе Великий Восточно-Православный Союз» (Храм и Церковь // ПССиП. Т. 7. Кн. 1. С. 516). Определяя современную ему Россию

как «особый государственный мир», Л. вместе с тем отмечал, что этот мир не нашел «еще себе своеобразного стиля культурной государственности (...такой, которая на других не похожа)» (Письма о восточных делах // Там же. Т. 8. Кн. 1. С. 44). По мнению Л., именно решение «восточного вопроса» и должно было стать необходимым условием возникновения этого «своеобразного стиля культурной государственности». Л. предупреждал, что 1000-летие России, согласно его вычислениям среднего возраста цивилизаций, проводит опасную черту по истории России и требует незамедлительных действий, связанных со «спасительным» для России решением «восточного вопроса» (Там же. С. 89). По глубокому убеждению Л., России предназначено создать особую культуру. Обоснование этих надежд он усматривал в происхождении России из «азиатской — туранской нации» (Там же. С. 51). С присоединением славянства к России, полагал Л., и возникнет новый культурно-исторический тип. Эти его утверждения дали нек-рым исследователям право говорить, что Л. стоял у истоков евразийства (см.: *Зеньковский. 1955*). Результатом многолетних рассуждений Л. относительно «восточного вопроса» стала работа «Письма о восточных делах» (1882–1883), в к-рой рассматриваются мн. религ., гос., политические и национальные проблемы, затрагивающие интересы Турции, России и большинства ведущих европ. гос-в. Хотя понимание Л. «восточного вопроса» было связано с переменами, происходившими в этих странах, руководящим принципом «Писем...» стал поиск некой идеальной точки, позволяющей рассмотреть всю совокупность проблем и найти их решение. Для Л. такой идеальной точкой была Россия как особый европейско-азиат. гос. мир, к-рый не ограничен славянством и способен объединить разные народы.

Перемены в российской жизни также вызвали реакцию Л.: в ст. «Чем и как либерализм наш вреден?» (1880) он различал либерализм 30–40-х гг. XIX в. как мыслящий, требующий принципиальности и мужества, и поздние версии либерализма. К числу главных выводов Л. относится утверждение, что «эгалитарный и эмансипационный прогресс» XIX в. ведет либо к катастрофе, либо

к возникновению такого общества, которое будет основываться не на либеральных, а на «крайне стеснительных и принудительных началах». Л. писал: «Будет новый феодализм — феодализм общин, в разнообразных и неравноправных отношениях между собою и ко власти общегосударственной поставленных» (Там же. Т. 7. Кн. 2. С. 133).

В ст. «А. И. Кошелев и община» (1880) Л., в целом высоко оценивая статью А. И. Кошелева о рус. крестьянской общине, вместе с тем обращал внимание на отличие европ. буржуазии, связанной по происхождению в значительной степени с дворянством и обученной труду, от дворян в России, составлявших интеллигенцию и «выросших на хлебе дарового труда» (Там же. С. 152). Л. характеризует состояние рус. интеллигенции как тревожное и растерянное, проникнутое духом индивидуализма и опасается, что в условиях распространения европ. идей в этой среде возникнет неминуемый конфликт между дворянством и общиной.

Продолжая эту тему в ст. «Как надо понимать сближение с народом?» (1880), Л. рассматривал важнейший вопрос об отношении интеллигенции к народу. В этой первоочередной проблеме рус. жизни он видел не только расхождение интересов между народом-«византийцем» (по словам Л.) и интеллигенцией, проникнутой идеями «культурной солидарности с Западом» (Там же. С. 156), но и столкновение 2 противоположных типов мировоззрения: православно-церковного, основанного на традициях, и малорелигиозного, опирающегося на заимствованные из Европы идеи, культуру, одежду. Интеллигенция, по мнению Л., не могла служить примером для народа, и соответственно не у нее должен был учиться народ; напротив, интеллигенция должна была учиться у народа. Л. писал, что, кому дорого культурное и национальное своеобразие, «тот должен желать не дальнейшего влияния «интеллигенции» нашей на простолюдина русского, а наоборот, — он должен искать наилучших способов и наилегчайших путей подражания мужику»; причем это подражание, очевидно для сохранения сословности, означало «не смешение с народом, а сходство» (Там же. С. 162).

«Прогрессивно-охранительная» тенденция во взглядах Л. в отноше-

нии быстро меняющейся России имела целью критику буд. устройства гос-ва на закрепленных в конституции демократических принципах, обеспечивающих равенство всех граждан перед законом, к-рое, как ему представлялось, разрушало все без исключения сословные перегородки и сам сословно-иерархический строй общественной и гос. жизни. Он выступал и против расширения социально-экономических устоев страны, традиц. хозяйства, дворянско-помещичьего уклада жизни, предполагавшего крестьянскую поземельную общину. Наконец, он был противником научного и технического прогресса.

Вместе с тем Л. не мог не понимать, что невозможно представлять будущую Россию как возвращение в Россию XVIII в. Вынужденный считаться с социализмом — фактом совр. европ. общественно-политической истории, Л. пытался этому «революционному социализму» противопоставить в качестве альтернативы проект рус. социализма, основу к-рого должны были составить начала или устои самой рус. жизни. Полагая, что к ним в первую очередь необходимо отнести Церковь и гос-во в форме монархии, Л. добавлял поземельную крестьянскую общину в качестве некой разновидности опекаемого гос-вом социализма. Л. еще в 70-х гг. XIX в. видел в рус. общине особую форму коммунизма. Оставаясь верным представлению, что существование монархии находится в значительной зависимости от поддерживающих ее сословий, он ошибочно считал, что буд. Россия останется крестьянской страной, в к-рой дворянство и крестьянство будут процветать, поскольку их собственность и права будут защищены государством.

В 1885–1886 гг. были опубликованы 2 тома кн. «Восток, Россия и Славянство: Сборник статей К. Леонтьева». Этот труд, включавший большое число ранее написанных статей и отдельных работ Л., стал его главной книгой как по важности излагаемых здесь религиозно-философских, политических и церковных проблем, так и по причине недоступности мн. др. его текстов, писем и архивных материалов.

Л. в русской философской и богословской литературе. При жизни Л. был известен лишь узкому кругу современников, среди к-рых

были Тургенев, Катков, Аксаков, Толстой, Страхов, Вл. Соловьёв, Розанов. В последний период жизни у Л. появились ученики, способствовавшие распространению его идей и сочинений, но не было последователей, к-рые могли бы создать традицию и продолжить его дело. В особенности Л. огорчало, что его мысли о нынешнем и буд. состоянии России не имели никакого влияния на внутреннюю и внешнюю политику высшей власти.

Только после смерти Л. получил признание. Его учение своим радикализмом привлекало либо отталкивало крупнейших рус. философов эпохи Серебряного века. Для рус. философии, увлеченной в нач. XX в. ницшеанством, Л. одновременно стал предшественником Ницше и О. Шпенглера. Подобно Ницше, он констатировал кризис либерально-эгалитарного человечества, но связывал истоки этого кризиса с подменой христианства верой в человека, в его земное и историческое благополучие. Как и Ницше, Л. призывал к переоценке ценностей жизни, выступал за иерархический строй общества и противопоставлял свой эстетизм морали, но в отличие от Ницше требовал возврата к вечным истинам христианства, часто смешивая их с тем, что было обретено опытом исторической, гос. и национальной жизни народов. Вл. Соловьёв писал: «В своем презрении к чистой этике и в своем культе самоутверждающейся силы и красоты Леонтьев предвосхитил многие мысли Ницше, вдвойне парадоксальные под пером афонского послушника и оптинского монаха» (Соловьёв. 1896. С. 563). Со Шпенглером Л. связывают критику европ. цивилизации и представление о грядущей гибели западноевроп. культуры. Л. верил, что на смену европ. типу жизни и культуры придет рус. тип. Впрочем, нередко он склонялся к мысли, что та же трагическая участь разложения и гибели, и по тем же самым причинам, постигнет и рус. культурный тип, возможно даже раньше, чем это произойдет на Западе. Проблема соотношения между эстетическим, этическим и религ. типами жизни и мировоззрений сближала Л. с С. Кьеркегором. Вместе с учением о Боге и человеке как двух абсолютах в философии дат. мыслителя важное место принадлежало теме страха и «одинокого» индивида. Л. называл

себя «уединенным (одиноким) мыслителем», имея в виду в первую очередь судьбу своих книг и развиваемых идей. Но его одиночество имело глубокие психологические корни и метафизический характер. Если в молодые годы оно в основном определялось эстетическим отношением к жизни и внутренним чувством собственной исключительности, то после тяжелой болезни, «чудесного исцеления» и «обращения на Афоне» ведущим мотивом одиночества Л. становится, вопреки духу и смыслу христ. жизни, страх смерти. Окруженный любящими его людьми и друзьями, ценимый Вл. Соловьёвым и Толстым, поздний Л. принадлежал к тому типу людей, к-рые, размышляя о смерти, вспоминают о своей любви к миру и не хотят расстаться с ним. В страхе смерти и любви к земному миру Л. был схож с Толстым.

Глубокая интуиция и историческая правота Л. в понимании надвигающихся мировых катастроф, еще до начала первой мировой войны и крушения монархии в России, снижали ему имя «пророка»; ряд его «пророчеств», в к-рые невозможно было поверить образованному человеку кон. XIX в., сбылись уже в нач. XX в. Д. С. Мережковский утверждал, что Л.— «Кассандра православно-самодержавной России» (*Мережковский*. 1910). В окт. 1918 г. Розанов писал: «Все что так предрекал Леонтьев — сбылось. Сбылось еще ужаснее, чем он говорил» (В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев. 2014. С. 58–59).

Кн. С. Н. Трубецкой в ст. «Разочарованный славянофил» (1892) ставил под сомнение вопрос о принадлежности Л. к славянофильству, в особенности если речь шла о раннем славянофильстве. Во-первых, согласно Трубецкому, Л. не разделял присущего ранним славянофилам идеализма, поскольку относился весьма критично к славянству и не верил «в самобытность русского духа» (К. Н. Леонтьев: Pro et contra. 1995. Кн. 1. С. 124), и в отличие от славянофилов связывал консервативный характер гос. институтов России с их «византийскими началами». Во-вторых, Л., выражая отношение к Европе общей для него со славянофилами формулой «Запад гниет», имел в виду не вообще Европу, как думали славянофилы, а Европу на определенном историческом этапе, «с ее эгалитарным прогрессом, буржуаз-

ным конституционализмом, с ее мечтанским идеалом и безбожными анархическими тенденциями» (Там же. С. 125). В отношении к христианству, по мнению Трубецкого, различия между ранними славянофилами и Л. имели не менее существенный характер. Л. не разделял веры ранних славянофилов «в торжество вселенского православного христианства, в соединении всех христиан»; вместе с тем христианство Л. было свободно от «протестантских элементов», свойственных ранним славянофилам. Анализируя внутренние противоречия славянофильства, способствовавшие его разложению, Трубецкой рассматривал учение Л. как реакцию на утопический характер славянофильских теорий.

Трубецкой видел заслугу Л. в постановке важнейшей проблемы исторического предназначения России. Он обращал особое внимание на сходство Л. с П. Я. Чаадаевым в вопросе об определяющем значении Византии в формировании гос. устоев России; однако если для Чаадаева визант. начала в рус. государственности играли отрицательную роль, то у Л. именно они составляли необходимые охранительные начала самобытности рус. гос-ва и жизни.

Философия истории Л. оценивается Трубецким крайне низко: для него неприемлемы не только натуралистическое толкование истории Данилевским и его продолжателем Л., но и их полное непонимание единства культуры, ее преемственности, единства всего человечества в христианстве. Мысли Л. о значении византизма для рус. истории Трубецкой считал интересными, но вместе с тем полагал, что концепция византизма Л. проникнута глубокими и неразрешимыми противоречиями и представляет «чудовищную утопию», непонимание того факта, что, несмотря на глубокую связь с Византией, Россия является европ. гос-вом и «не случайной прихотью Петра, но провиденциальной исторической необходимостью приняла она западную культуру» (Там же. С. 153).

Др. большой вопрос, обсуждаемый Трубецким,— это проблема национализма и универсализма в учении Л. Трубецкому импонируют критика Л. национализма, опирающаяся на учение о вселенском характере христианства, и указание в качестве решающего аргумента на многонациональный состав рус. гос-ва. Тем не менее

Трубецкой писал, что Л. «несмотря на критику национализма и славянофильства... до конца дней своих оставался славянофилом, хотя и разочарованным,— напуганным националистом»; «он то полемизирует с национализмом, ясно и убежденно доказывает его внутреннюю ложь,— то решительно отказывается понять, почему, собственно, национализм есть принцип разрушительный» (Там же. С. 145).

Обсуждение Л. богословских проблем Трубецкой связывал со справедливой критикой им «розового христианства» Толстого и Достоевского и с темой страха Божия и любви. По мнению Трубецкого, в учении о страхе Божиим Л., отождествляя его со страхом смерти или наказания, извратил суть христ. представлений о страхе Божиим. Самые большие ошибки Л. Трубецкой относил к непониманию смысла и первостепенного значения любви в христианстве. Критикуя богословские воззрения Л., Трубецкой в заключение работы писал: «Но должно думать, что личная религия Леонтьева отлична от его богословских рассуждений. Он искренно чтит и любит Церковь и умер монахом, доказав на деле свое благоговение перед идеалом монашества» (Там же. С. 159).

Историк либерального направления, автор очерков по истории русской культуры П. Н. Милюков 22 янв. 1893 г. прочитал в Историческом музее лекцию «Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьёв», расширенный вариант к-рой был опубликован в ж. «Вопросы философии и психологии» (ВФиП. 1893. Кн. 18(3). С. 46–96). Основная идея лекции сводилась к тому, что славянофильство, исторически завершившее путь, находит продолжение в «эпигонах», к к-рым Милюков относил Данилевского, Леонтьева и Соловьёва. Полагая, что в основу учений ранних славянофилов были положены «философские схемы» Ф. Шеллинга и Гегеля, Милюков усматривал суть философского мировоззрения раннего славянофильства в 2 важнейших и тесно связанных между собой идеях — всемирного призвания и народного (в частности, русского) духа. «Вопрос о выборе между национальным и общечеловеческим,— писал Милюков,— не мог возникнуть для славянофила, так как ни представить себе русскую национальность без

православия и общинности, ни усомниться в общечеловеческом значении этих начал — было для него одинаково невозможно» (Там же. С. 50). По мнению Милюкова, разделение и противопоставление этих идейных начал стало источником кризиса и разложения позднего славянофильства и образования в нем 2 враждебных направлений: национального, в лице «государственников» — Данилевского, Л. и нек-рых консервативных публицистов, и всемирного, отождествляемого с деятельностью Соловьёва, «исповедующего идею всемирной теократии». Отмечая зависимость учения Л. «от противоречивых построений Данилевского», Милюков следующим образом характеризует Л.: «Пессимист по содержанию своих воззрений и беззащитный циник в их выражении, Леонтьев всегда говорит прямо то, что другие подразумевают... Такой человек был нужен, чтобы вывести из националистической теории все практические последствия и довести ее до абсурда» (Там же. С. 64). Милюков был убежден, что подобное сведение к абсурду полностью дискредитирует славянофильские идеи и свидетельствует о разложении и крушении славянофильства.

В этом же номере журнала появилась статья Соловьёва «Замечания на лекцию П. Н. Милюкова» (Там же. С. 149–154), остроумно высмеивающая рассуждения Милюкова о принадлежности Соловьёва к славянофильству и толкование учения Л. Считаая предлагаемое Милюковым разделение позднего славянофильства на 2 «партии» надуманным, Соловьёв упрекал Милюкова в позитивистском подходе, к-рый не позволил историку посмотреть «в корень вещей» и разглядеть «метафизику» в отношениях Л. к Хомякову и Аксаковым. Одновременно возражая и кн. Трубецкому, Соловьёв писал, что «фактически Леонтьев не был и не мог быть разочарованным славянофилом уже по тому одному, что никогда не был очарован славянофильством». Соловьёв отмечал, что Л. относился к славянофилам с «почти-тальным пренебрежением».

Воззрения Л., по утверждению Соловьёва, сложились под 4 главными влияниями: византийско-монашеского благочестия, русско-гос. правоверия Каткова, церковно-политического грекофильства Филиппова и теории культурно-исторических ти-

пов Данилевского (Там же. С. 152). Соловьёв неслучайно оставил без внимания основной тезис статьи Милюкова о противопоставлении в славянофильстве национального начала всемирному. Об этом он намного раньше Милюкова писал в ст. «Россия и Европа» (1888).

Бердяев в ранней ст. «Константин Леонтьев — философ реакционной романтики» (опубл. в 1905 в ж. «Вопросы жизни», в 1907 воспроизведена в кн. «Sub specie aeternitatis») рассматривал учение Л. с позиции философии «нового религиозного сознания», сторонники к-рого, несмотря на внутренние разногласия по философским вопросам, в области политики были противниками монархии, выступали за конституционный строй и сочувствовали «освободительному движению». Уже в силу этих политических расхождений очевидно, что Бердяев не мог разделять приверженность Л. к сословно-монархическому устройству гос-ва и общества и его критику теории прогресса.

Считаая Л. «единственно крупным мыслителем из консервативного лагеря», «самым блестящим и своеобразным умом в русской литературе» (Бердяев. 1907. С. 305), Бердяев отмечал трагическую раздвоенность его души и мировоззрения. Он писал: ««Цветущую сложность», разнообразие культуры, красоту, силу и индивидуальность Леонтьев любил, как язычник, как эллин, а темные стихии его природы тянули к мрачному византийству, к монашескому аскетизму, к самодержавию и православия. Зачем Леонтьеву нужна цветущая культура, к чему красивая сложность и разнообразие, во имя чего этот культ сильных индивидуальностей?.. Религия Леонтьева всего этого не оправдывает, она проповедует личное спасение и путем к нему считает идеал монашества, по существу своему враждебный культуре и этой языческой любви к красоте жизни» (Там же. С. 316–317).

В концепции Л. Бердяева интересовало также его понимание отношения учения Христа и христианства к гос-ву. По мнению Бердяева, в решении этой проблемы у Л. обнаруживаются все те же неразрешимые противоречия, к-рые разрушают его философию изнутри, поскольку в его учении противостоят друг другу 2 начала: с одной стороны, «Бог — абсолютно сущая любовь и свобода», с другой — «власть» и «страх от лукавого» (Там же. С. 329). Бердяев был убежден, что попытки соединить Бога с «насильственной государственностью» ведут Л. к теократическому соблазну и «сатанизму». По мнению Бердяева, эта особенность составляла характерную черту всех консерваторов. Полагая, что в будущем возможно создание иного, ненасильственного, а вместе с тем аристократического гос-ва, Бердяев в консерваторах и государственных видел только реакционеров.

В изданной в 1926 г. кн. «Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли» Бердяев делает попытку всестороннего анализа воззрений Л. на основе имевшихся на то время источников. Он характеризует Л. как исключительное явление рус. жизни: по существу своих воззрений Л. не принадлежал ни к какому из направлений рус. общественной мысли, не был понят, не имел учеников, отрицательно относился к гуманистическим воззрениям рус. интеллигенции, любил крайности и интуитивно угадывал страшные грядущие события. К числу важнейших особенностей жизни и учения Л. Бердяев относил дуализм эстетики и морали, гос-ва и свободы отдельного человека, язычества и христианства. Бердяев критиковал натуралистическое понимание Л. истории, хотя и высоко ценил его концепцию византизма. Опираясь на ранние произведения Л., Бердяев ставил ему в упрек недооценку рус. народа, отмечал существенные изменения в мысли Л., происшедшие под влиянием Соловьёва, — позднее учение о сугубо правосл. назначении России. Бердяев считал, что Л. не был богословом, и в понимании богословских вопросов уступал Хомякову и Соловьёву. По мнению Бердяева, христ. мировоззрение Л. вопреки духу христианства было мрачным, имело скорее ветхозаветный, нежели евангельский характер, — любовь и милосердие Сына Божия занимали в его учении меньше места, чем страх перед Богом Отцом. К несомненным заслугам Л. Бердяев относил постановку проблемы отношений религии и культуры.

Книга свящ. Константина Агеева «Христианство и его отношение к благоустроенной земной жизни» (1909) является одной из немногих попыток подвергнуть учение Л. бо-

да», с другой — «власть» и «страх от лукавого» (Там же. С. 329). Бердяев был убежден, что попытки соединить Бога с «насильственной государственностью» ведут Л. к теократическому соблазну и «сатанизму». По мнению Бердяева, эта особенность составляла характерную черту всех консерваторов. Полагая, что в будущем возможно создание иного, ненасильственного, а вместе с тем аристократического гос-ва, Бердяев в консерваторах и государственных видел только реакционеров.

гословскому анализу. Она состоит из введения и 3 глав (1-я гл. — «К. Н. Леонтьев как религиозная личность»; 2-я гл. — «Религиозное мировоззрение К. Н. Леонтьева»; 3-я гл. — «Богословская оценка раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства»). Автор располагал значительными источниками для написания работы: в его распоряжении находились «две объемистые тетради с вырезанными из газет заметками о Леонтьеве» (Агеев. 1909. С. 28), к-рые он собрал и снабдил комментариями (опубл. в 2014 в кн. «В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев»). Книга свящ. К. Агеева в главных выводах обнаруживает зависимость от воззрений Розанова на жизнь и учение Л. Автор не только постоянно ссылается на Розанова, но и видит в нем верного последователя Л. Происшедшая после смерти Л. эволюция религ. воззрений Розанова от христианства к его критике становится для автора важным аргументом в интерпретации учения Л. Введение к книге, в к-ром автор называл Л. «великим религиозным мыслителем» (Там же. С. 5), резко контрастирует с выводами книги. Свящ. К. Агеев был прав в критике учения Л. об отношении человека к Богу. Умалая значение любви человека к Богу и миру, Л. выдвигал на первый план страх Божий и правду-справедливость, близкую к юридическому толкованию отношений между Богом и человеком, т. н. концепцию «трансцендентального эгоизма», личного спасения души. Однако упреки автора в том, что Л. сузил богословское понимание Церкви, недооценил Евангелие, неправильно понимал аскетику и др., исходят из его ошибочной предпосылки, согласно к-рой Л. был автором богословского учения.

С. Л. Франк считал миросозерцание Л. христианским, но вместе с тем односторонним и соответствующим его своеобразной «духовной личности». Рассматривая учение Л. как составленное из трудносовместимых и противоположных принципов — богатства и нищеты, пессимизма и романтической веры, свободы и насилия, Франк «общий корень» этих противоречий характеризует как «эстетическое изуверство» или «эстетический аморализм». Франк писал, что «демоническое ощущение красоты зла и насилия в конечном счете определило все миросозер-

цание Леонтьева» (Франк. 1910. С. 388). Не исключено, что под влиянием книги Бердяева Франк в ст. «Константин Леонтьев, русский Ницше» (1928–1929), не разделяя мнения предшествующих критиков «эстетизма» и отрицая собственные ранние оценки, увидел оригинальные и современные Л. именно в «эстетической метафизике жизни» и в следующих из нее выводах относительно общих и частных сторон гос. и социальной жизни. Считая ошибочным ставшее обычным противопоставление эстетического рассмотрения жизни ее моральной оценке, Франк полагал, что т. н. эстетический аморализм, объединяющий Ницше и Л., не обязательно предполагает отрицание моральных ценностей. Для Л., равно как и для Ницше, по мнению Франка, самое существенное состоит в том, что в основании системы ценностей совр. господствующей морали лежит идея почитания человека, «гуманистическая вера», ведущая с необходимостью к самообожествлению человека. С этой т. зр. эстетическая критика этики имеет полное право на существование. Франк отмечал, что у Л. нет враждебного отношения к Западу вообще, старая европ. культура ему близка, но он не может примириться с тем, к чему привел Европу совр. «эгалитарно-либеральный» прогресс с его постоянной заботой о мнимом равноправии и буд. материальном благополучии. Считая, что Л. был одинаково чужд и славнофилам и западникам и «обладал глубоким пониманием исторически-организующего и культурного знания русской государственной жизни» (Он же. 1996. С. 417), Франк писал о Л.: «При всей его односторонности изумляет исключительная, можно сказать, классическая реалистическая объективность его взглядов... его почти пророческое ясновидение» (Там же. С. 422).

Свящ. Павел Флоренский в «Разъяснениях...» к кн. «Столп и утверждение Истины», в параграфе 27 — «Эстетизм и религия», отмечал полную противоположность между собственным учением о красоте и учением о ней Л. По утверждению свящ. П. Флоренского, у Л. «красота далее всего от религии», а само жизнепонимание атеистическое и безблагодатное; в «Столпе...», напротив, красота «более всего выражается в религии», а «Бог и есть Высшая

Красота, через причастие к Которой все делается прекрасным» (Флоренский. 1914. С. 586). По мнению свящ. П. Флоренского, поскольку у Л. Бог и красота противопоставлены друг другу, а порой воспринимаются и как исключающие друг друга, сама красота «почти отождествляется с гееной, с небытием, со смертью». Ставя прекрасное и красоту в прямую зависимость от Бога, свящ. П. Флоренский писал: «Все прекрасно в личности, когда она обращена к Богу, и все безобразно, когда она отвержена от Бога» (Там же).

Одной из заметных статей, посвященных Л., стала работа С. Н. Булгакова «Победитель-Побежденный: (Судьба К. Н. Леонтьева)», написанная в связи с 25-летием со дня его кончины (1916) и опубликованная в кн. «Тихие думы». Характеризуя отношение Л. к миру и Церкви, его «жизненное исповедание», Булгаков писал: «Два лика: светлый, радостный — природный, и темный, испуганный — церковный. Таков был этот своеобразный оптинец, в своем роде единственный» (Булгаков. 1918. С. 116). Эта оценка, объясняющая в главных чертах характер религ. веры Л., стала определяющей для Булгакова в его понимании душевной жизни Л. как непрестанной борьбы между миром и Богом. В этой борьбе за личную религиозность и православие, по мнению Булгакова, Л. ломал свою личность, и «православие стало для него личным подвигом, тяжелыми веригами, наложенными на порывистый ум и страстную волю, власяницею для усмирения похоти» (Там же. С. 126). Рассматривая эту же проблематику природного и церковного в противопоставлении эстетического эстетическому в жизни и учении Л., Булгаков отмечал, что «эстетизм в Леонтьеве роковым образом остается чуждым и инородным его православию» (Там же. С. 124) и непреодоленным в его мироощущении. Следуя собственным построениям о Софии Премудрости Божией, Булгаков писал о закрытости софийности мира для Л. и о его прельщении «красотой при религиозном неверии в нее», отравляющем его дух (Там же. С. 131). Главной заслугой Л. Булгаков считал постановку проблемы культуры, одной из важнейших для религ. и философского сознания современности.

В. В. Зеньковский в кн. «Русские мыслители и Европа» (1926) писал,

что значение Л. становится понятным только «в свете трагических судеб России» и оно будет только возрастать (*Зеньковский*. 1955. С. 145). Зеньковский с большим сочувствием относится к критике Л. эгалитарного прогресса, его уравнилельных последствий, «усредняющих» и обезличивающих человека, отмечает внутреннюю связь этой критики с религ. мировоззрением автора кн. «Восток, Россия и Славянство». По мнению Зеньковского, ошибочно считать Л. врагом Европы: он питает вражду лишь к совр. Европе, утрачивающей не только богатую культуру, но и связь с религией.

В труде Зеньковского «История русской философии» (1948–1950) раздел, посвященный Л., написан как краткое подведение итогов изучения его философии, а вместе с тем и как поиск новых путей к «загадке» Л. Зеньковский считал ошибочными рассуждения о принадлежности Л. к славянофилам, подчеркивая одновременно, что Л. был чужд и консерваторам, полагал преувеличенной критиками увлеченность Л. «эстетизмом».

Руководствуясь представлениями о преобладающем значении для рус. философии антропологической проблематики, Зеньковский традиц. историософскому толкованию учения Л. противопоставлял «антропологический подход», к-рый предполагал анализ присущего Л. типа религ. сознания и его «диалектику»; постановку проблемы человека в учении Л. и его борьбу с антропоцентризмом; понимание антропологии Л. не только как предваряющей, но и обуславливающей его историософию.

Опираясь на собственный анализ развития религ. сознания Л., Зеньковский выделял 2 периода в его жизни. Первый период характеризуется религ. чувством, воспринятым эстетически на основе впечатлений от церковной службы, но окрашенным «чертами деизма». Ему, считал Зеньковский, присуще не получившее глубокого осмысления религиозно-философское противоречие между «эстетизмом», моральными оценками и верой. Продолжая мысль Бердяева, Зеньковский утверждал, что эстетическое и религиозное в сознании Л. взаимосвязаны и было бы ошибкой считать, что эстетическое предшествует религиозному. Вместе с тем, писал Зеньков-

ский, «через этот-то эстетический склад души, незаметно для религиозного сознания, то есть не разрывая с ним, вливалась в душу Леонтьева незаметно культура секуляризма» (*Зеньковский*. 1948. Т. 1. С. 445). Второй период, обозначивший преодоление деизма и переход к «личному Православию», считал Зеньковский, был не менее драматичным и представлял собой внутреннюю борьбу не только «с поэзией изящной безнравственности», но и с гуманистическими идеями о всеобщем благополучии человечества, скрывающимися под собой замысел «быть добрым, без помощи Божией». Зеньковский находил обвинения Л. в аморальности и в отрицании этики ошибочными: «Леонтьев гораздо более моралист, чем эстетизирующий мыслитель (как его изображают), но его мораль суровая, окрашенная сознанием трагичности жизни...» (Там же. С. 452). Отрицая секулярный идеал любви к человеку и человечеству и современную ему буржуазную рационалистическую мораль, Л. оставался верным христ. пониманию любви, в основе к-рой был страх Божий. Зеньковский полагал, что этику Л. необходимо искать в христ. учении о спасении, к-рому в силу своего понимания и возможностей Л. следовал в жизни.

В оценке историософии Л. Зеньковский придерживался устоявшегося взгляда о его натуралистическом подходе к истории, к-рый вел к отождествлению истории с природой и историческому фатализму, а тем самым и к единственно возможному при данных предпосылках эстетическому пониманию истории. Не рассматривая специально основные темы философии истории Л., за исключением теории триединого процесса, Зеньковский видел его заслугу в постановке проблемы отношения религии к культуре, которая стала одной из главных в рус. философии XX в. «Неполнота христианского сознания,— писал Зеньковский о Л.,— не дала ему возможности из религиозных принципов развить положительную программу исторического делания» (Там же. С. 457).

Прот. Георгий Флоровский в кн. «Пути русского богословия» (1937) рассматривал Л. как одного из представителей рус. интеллигенции, переживающей на протяжении всего XIX в. глубокий религ. кризис в по-

исках ответа на вопрос, тревожащий совесть: «Как мне свято жить?» По мнению прот. Г. Флоровского, на этот вопрос Л. «с надрывом и раздражением отвечал: помни о смерти... Для жизни он оставлял хищную мудрость здешнего мира» (*Флоровский*. Пути русского богословия. С. 308). Подчеркивая отмеченное уже Розановым, Бердяевым и другими противоречие в учении Л. между личной верой в спасение души и возлагаемыми надеждами на историю и «цветущую» культуру, иначе говоря, между христианскими и эллинскими началами жизни, прот. Г. Флоровский делает предметом краткого анализа толкование христианства Л. По его мнению, у Л. «была религиозная тема жизни, но вовсе не было религиозного мировоззрения»; «неверно считать Конст. Леонтьева представителем и выразителем подлинного и основного предания Православной Церкви, даже хотя бы только одной восточной аскетике»; «Леонтьев не верил в преображение мира и верить не хотел. Он именно любовался этим не-преображенным миром, этим разгулом первородных страстей и стихий, и не хотел расставаться с этой двусмысленной языческой и нечистой красотой» (Там же. С. 302). Прот. Г. Флоровский отмечал, что Л. в жизни мало интересовали догматические проблемы христ. учения, равно как и противоречия между эстетическим отношением к жизни и религиозно-нравственным. Повторяя ранее уже высказанные мысли о том, что индивидуализм Л. несовместим с жизнью в Церкви, что он понимал христианство как религию конца и его волновала только тема личного спасения, и потому он «весь был в страхе», а вера его была с «надрывом» и «оставалась только средством самобичевания и самопринуждения» (Там же. С. 304–305), прот. Г. Флоровский при всей справедливости отдельных замечаний давал одностороннюю оценку личности и воззрениям Л., упрощая его сложную судьбу и не менее сложное учение.

Книга рус. поэта Ю. П. Иваска «Константин Леонтьев (1831–1891): Жизнь и творчество», опубликованная целиком в 1974 г.,— наиболее полная и обстоятельная биография Л., созданная на основе большого числа первоисточников. Иваск придавал большое значение анализу

художественных произведений Л., им было много сделано для установления соответствий между жизнью Л. и жизнями его лит. персонажей. Возможно, одним из первых Иваск обратил внимание на импрессионистический характер прозы Л., намеренное смещение времен и на ряд др. лит. приемов, к-рые стали использоваться в лит-ре только в кон. XIX — нач. XX в. К недостаткам лит. манеры Л. Иваск справедливо относил перегруженность его повествований многочисленными персонажами, неразработанность их характеров. Философская и религ. сторона мировоззрения Л. в этой работе представлена схематично и бледно. Религ. искания Л. и его путь к монашеству хотя и излагались Иваском с достаточной исторической достоверностью, но искренность и глубина христ. веры Л. подвергались постоянному сомнению. Для Иваска Л. так и остался со своими привычками, любовью к удобствам, со всем своим богатым и многообразным «жизненным миром» всего лишь очень интересной, вызывающей порой восхищение, а порой и сочувствие, глубокой и загадочной культурной личностью. По мнению Иваска, Л. искажал дух Евангелия, проповедуя, что «христианство — религия страха, а не религия любви» (Там же. С. 257); «его византийски-церковное христианство так никогда и не затмило в его душе языческих богов и героев древней Эллады» (Там же. С. 245). Подводя итоги своему исследованию, Иваск писал: «Леонтьевская радужно-ослепительная, но иногда и такая печальная, пепельная поэма жизни не завершается в эпилоге примирением, преобразованием или же полным отчаянием... он не свел концы с концами — концы эстетические и концы аскетические, но ярко изобразил, запечатлел всю жизнь в парадоксе — свое упоение красотой и самим собой, а также борьбу за вечное спасение» (Там же. С. 588).

В советской лит-ре интерес к Л. нашел выражение в публикации в 1935 г. неизданного текста Л. «Моя литературная судьба: Автобиография» в 22–24-м томах «Литературного наследства» с подробными комментариями С. Н. Дурьлина. В 70-х гг. XX в. о Л. вышли статьи П. П. Гайденко и С. Г. Бочарова. В 1995 г. в серии «Русский путь» (изд. РХГИ) был издан 2-томный труд «К. Н. Леонть-

ев: Pro et contra», подготовленный к печати и снабженный обширными комментариями А. П. Козыревым и А. А. Корольковым. Издание включало наряду с известными работами о Л. редкие и впервые опубликованные в совр. России.

Важнейшим этапом в изучении жизни и творчества Л. стало издание «Пушкинским домом» Полного собрания сочинений и писем Л. в 12 томах, включающего большое число вновь обнаруженных текстов и снабженного подробными комментариями и статьями.

Начиная с 1990 г. были переизданы отдельные книги и письма Л., его дипломатическая переписка и донесения. О жизни и учении Л. написано огромное число работ. Особого внимания заслуживают исследования биографии и учения Л., написанные О. Л. Фетисенко. Большой научный интерес представляет труд «В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев» (2014; составитель — Е. В. Иванова), включающий материалы неизданной книги Розанова «Литературные изгнанники», посвященной Л., переписку Л. с Розановым и др.

Соч.: Собр. соч. В 12 т. / Ред., вступления, примеч.: свящ. И. Фудель. М., 1913. Т. 1–6, 8; СПб., 6. г. Т. 7, 9. [Т. 10–12 не изданы]; Полное собр. соч. и писем (ПССиП): В 12 т. СПб., 2000–[2014]. Т. 1–[9]. Прилож.: Кн. 1: «Премство от отцов»: К. Леонтьев и И. Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания; Византизм и Славянство. М., 1876; Моя лит. судьба: Автобиография // Лит. наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 427–496 (отд. изд.: Н. У.; Л., 1965); Записки отшельника. М., 1992; Избранное. М., 1993; Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой // К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993. С. 120–133; Восток, Россия и Славянство / Общ. ред., сост. и коммент.: Г. Б. Кремнев; вступ. ст. и коммент.: В. И. Косик. М., 1996; Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты: 1865–1872 / Вступ. ст.: А. В. Торкунов, К. М. Долгов. М., 2003; Из неизданных писем К. Леонтьева / Сост.: архим. Киприан (Керн). П., 1959; Избр. письма: 1854–1891 / Публ., предисл., коммент.: Д. Соловьев. СПб., 1993; Переписка К. Н. Леонтьева и С. Ф. Шарাপова: (1888–1890) / Сост. коммент.: О. Л. Фетисенко // Рус. лит-ра. 2004. № 1. С. 109–144; Письма К. Н. Леонтьева к А. А. Фету: (1883–1891) / Сост. коммент.: О. Л. Фетисенко // А. А. Фет: Мат-лы и исслед. СПб., 2010. Вып. 1. С. 236–290; Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова / Сост.: О. Л. Фетисенко. СПб., 2012.

Лит.: *Трубецкой С. Н.* Разочарованный славянофил // ВЕ. 1892. Окт. С. 772–810; *Миллюков П. Н.* Из истории рус. интеллигенции: Сб. ст. и этюдов. СПб., 1902; *он же.* Воспоминания: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 173; *Бердяев Н. А.* К. Леонтьев — философ реакционной романтики // *Он же.* Sub specie aeternitatis. СПб., 1907. С. 305–333; *он же.* Константин Леонтьев // *Он же.* Собр. соч. П., 1997. Т. 5.

С. 383–576; *Агеев К., свящ.* Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни: Опыт крит. изучения и богосл. оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства. К., 1909; *Мережковский Д. С.* Страшное дитя // Речь: Газ. СПб., 1910. 31 янв. № 30. С. 2 (переизд.: К. Н. Леонтьев: Pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 241–249); *Франк С. Л.* Миросозерцание К. Леонтьева // *Он же.* Философия и жизнь. СПб., 1910. С. 382–389; *он же.* К. Леонтьев, рус. Ницше / Пер. с нем.: В. Курапина // *Он же.* Рус. мировоззрение. СПб., 1996. С. 404–421; Памяти К. Н. Леонтьева: Лит. сб. СПб., 1911; *Соловьев В. С.* Письма. СПб., 1911. Т. 3; *он же.* Леонтьев К. // ЭС. 1896. Т. 34 (17А). С. 562–564; *Бурнакин А. А.* Царьград и всеславянство: (Пророчества К. Леонтьева) // Новое время: Газ. СПб., 1912. 2 нояб.; *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913; *Коновалов А. М.* К. Н. Леонтьев // РБС. 1914. Т. 10. С. 229–249; *Флоренский П., свящ.* Столп и утверждение Истины. М., 1914; *Александров А. А.* Памяти К. Н. Леонтьева. Серг. П., 1915; *Козловский Л. С.* Мечты о Царьграде: К. Леонтьев // Голос минувшего. 1915. № 11. С. 44–74; *Закржевский А.* Одинокий мыслитель: (К. Леонтьев): К 25-летию со дня смерти. К., 1916; *Булгаков С. Н.* Победитель — побежденный: (Судьба К. Н. Леонтьева) // *Он же.* Тихие думы: Из статей 1911–1915 гг. М., 1918. С. 115–134; *Зеньковский В. В.* История рус. философии. П., 1948–1950. 2 т.; *он же.* Рус. мыслители и Европа. П., 1955²; *Гайденко П. П.* Наперекор историческому процессу: (К. Леонтьев — лит. критик) // Вопросы лит-ры. 1974. № 5. С. 159–205; *она же.* Утрата середины: Эстетический аморализм и аскетическое православие К. Леонтьева // *Она же.* В. Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001. С. 162–208; *Иваск Ю. П.* К. Леонтьев (1831–1891): Жизнь и творчество. Берн; Фр./М., 1974; *Бочаров С. Г.* «Эстетическое охранение» в лит. критике: (Леонтьев о рус. лит-ре) // Контекст, 1977. М., 1978. С. 142–193; *он же.* Леонтьев К. Н. // Рус. писатели: 1800–1917. М., 1994. Т. 3. С. 323–327; *он же.* Сюжеты рус. лит-ры. М., 1999; *Буданова Н. Ф.* Достоевский и К. Леонтьев // Достоевский: Мат-лы и исслед. Л., 1991. Вып. 9. С. 199–222; *Дурьлин С. Н.* В своем углу. М., 1991; *Корольков А. А.* Пророчества К. Леонтьева. СПб., 1991; *Козырев А. П.* Вл. Соловьев и К. Леонтьев: Диалог в поисках «русской звезды» // Начала. М., 1992. № 2. С. 63–73; *Лосский Н. О.* История рус. философии. М., 1994; К. Н. Леонтьев: Pro et contra: Личность и учение К. Леонтьева в оценке рус. мыслителей и исследователей, 1891–1917 гг.: Антология. СПб., 1995. 2 кн.; *Косик В. И.* К. Леонтьев: Размышления на слав. тему. М., 1997; *Володихин Д. М.* «Высокомерный странник»: Философия и жизнь К. Леонтьева. М., 2000; *Котельников В. А.* Правосл. подвижники и рус. лит-ра. М., 2002; *Прасолов М. А.* Два консерватизма: П. Е. Астафьев и К. Н. Леонтьев // Консерватизм в России и в мире. Воронеж, 2004. Ч. 2. С. 29–67; *Жуков К. А.* Вост. вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева. СПб., 2006; *Гоголев Р. А.* «Ангельский доктор» рус. истории: Философия истории К. Н. Леонтьева: Опыт реконструкции. М., 2007; *Хатуниев С. В.* К. Леонтьев: Интеллектуальная биография, 1850–1874 гг. СПб., 2007; *Долгов К. М.* Восхождение на Афон: Жизнь и миросозерцание К. Леонтьева. М., 2008²; *Фетисенко О. Л.* К. Леонтьев и И. Аксаков о двух типах христианства // Рус. лит-ра. 2008. № 3. С. 129–140; *она же*

«Гептастилисты»: К. Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи рус. консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках 2-й пол. XIX – 1-й четв. XX в.). СПб., 2012; *Розанов В. В.* Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев. М., 2010; Н. Н. Страхов в диалогах с современниками: Философия как культура понимания. СПб., 2010; *Волгонова О. Д.* Константин Леонтьев. М., 2013; В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев: Материалы неизд. книги / Сост.: Е. В. Иванова. СПб., 2014.

А. Т. К.

ЛЕОРДОВСКИЙ (Леорда) **ВО ИМЯ СВЯТЫХ ЖЕН-МИРОНОСИЦ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ** (Черновицкой и Буковинской епархии УПЦ), находится на хуторе Леорда с. В. Петровцы Сторожинецкого р-на Черновицкой обл. (Украина). Открыт 12 сент. 1996 г. В мон-ре построены ц. арх. Михаила (1994–1998), 2-этажный сестринский корпус с домовою ц. св. Жен-мироносиц, надкладная часовня (2000), ограда (2000–2001) с надвратной колокольней (высота 50 м), в к-рой освящена ц. вмч. Пантелеимона. Устроено монастырское кладбище.

Среди святынь Л. м. — списки икон Божией Матери Почаевской и «Всецарица», частицы мощей преподобных Силуана Афонского, Лаврентия Черниговского, великомучеников Димитрия Солунского и Пантелеимона, вмч. Варвары, свт. Григория I Двоеслова, 40 мучеников Севастийских и др.

Обитель имеет 10 га земли и подсобное хозяйство.

Богослужение совершается на румын. языке (большинство насельниц — румынки по национальности). В Л. м. проживает ок. 10 сестер. Настоятельница с 2013 г. — игум. Сузанна (Кермач).

Лит.: *Дятлов В. А.* Мон-ри УПЦ: Справ.-путев. К., 1997. С. 90.

ЛЕПАВИНА, муж. мон-рь в честь Введения во храм Пресв. Богородицы Загребско-Любянской епархии Сербской Православной Церкви. Расположен в с. Соколовац близ г. Крижевци (Хорватия). Основан между 1550 и 1555 гг. или в 1580 г. Разрушен в 1590 г., восстановлен в 1598 г. В 1632 г. хиландарские монахи Григорий и Виссарион поставили деревянную ц. Введения во храм Пресв. Богородицы; строительство конаков, звонника и др. зданий закончилось к 1636 г. В XVII–XVIII вв. Л. часто упоминается в источниках. В кон. 1692–1693 г. обитель посетил пат-

риарх Печский *Арсений III (Черноевич)*. Построенная между 1734 и 1745 гг. каменная церковь была освящена в 1750 г. (иконостас работы Йована Грабована; из древнего иконостаса сохр. иконы святых Симеона и Саввы Сербских и Введения во храм Пресв. Богородицы). Новый звонник возведен в 1770 г., часовня свт. Николая Чудотворца на кладбище — в 1810 г. В Л. переселилась братия мон-ря *Марча*, после того как та обитель насильно была присоединена к унии (1753). Во 2-й пол. XVIII в. в Л. находилась кафедра Лепавинско-Северинской и Костайницко-Зринопольской епархий (см. ст. *Горно-Карловацкая епархия*). Представители Л. несколько раз посещали Россию для сбора милостыни. В нач. XX в. монастырь имел большое хозяйство. В период второй мировой войны был убит иером. Иоаким (Бабич), других монахов насильно выселили в Сербию. Во время нем. обстрела 27 окт. 1943 г. храм и конак сильно пострадали, другие здания были уничтожены. После войны в Л. жил монах. С 70-х гг. XX в. ведется восстановление обители при помощи ВСЦ и Евангелического молодежного об-ва из Вюртемберга и Евангелистической Церкви из Штутгарта, работы прерывались из-за гражданской войны (1991–1995). В Л. хранится чудотворная икона Пресв. Богородицы Лепавинская (XVI в.).

Лит.: *Грујић Р.* Пакрачка епархија: Ист.-стат. преглед. Нови Сад, 1931; *Петковић В.* Преглед црквених споменика кроз повесницу српског народа. Београд, 1950. С. 167–168; *Зуројевић О.* Цркве и манастири на подручју Пећке патријаршије до 1683 г. Београд, 1984. С. 125–126; *Пејовић К.* Лепавина // *Энциклопедија православља*. Београд, 2002. Т. 2. С. 1101–1102; *Косовац М.* Српска правосл. митрополија Карловацка по подацима од 1905 г. Загреб, 2012. С. 194–195, 790–791.

Н. В. Радосавлевић

ЛЕПОРСКИЙ Петр Иванович (22.08.1871, г. Арзамас Нижегородской губ. — 27.07.1923, Петроград), прот., проф. догматического богословия СПбДА. Сын священника. В 1885 г. окончил Нижегородское ДУ, в 1891 г. — Нижегородскую ДС и поступил на казенный счет в СПбДА. Под рук. проф. В. В. Болотова написал канд. соч. «История викариатства Фессалоникского до присоединения его к Константинопольскому патриархату». После окончания СПбДА в 1895 г. как один из лучших выпускников Л. был ос-

Прот. П. И. Лепорский.
Фотография. 10-е гг. XX в.

тавлен при академии на год профессорским стипендиатом по кафедре догматического богословия. Л. проделал большую работу по подготовке к занятию профессорской кафедры и составлению курса лекций (Отчет о занятиях по предмету догматического богословия. 1900. С. 368–433). После прочтения пробных лекций 2 окт. 1896 г. Советом СПбДА Л. был избран исполняющим должность доцента на кафедре догматического богословия вместо ушедшего в отставку проф. А. Л. *Катанского*. В 1-й год преподавания Л. работал совместно с Болотовым, к-рый был назначен в помощь начинающему преподавателю и читал курс по истории догматов. Методические консультации Болотова оказали влияние на составление собственного курса лекций Л. О своем учителе Л. сохранил самые теплые воспоминания (см.: Речь, сказанная пред панихидою по профессоре В. В. Болотове. 1913).

Помимо лекций по догматическому богословию Л. принадлежит немало научных и публицистических работ в области богословия, апологетики, церковной истории, а также проповеди, справочные библиографические статьи и рецензии (*Бохонский*. 2003. С. 20–21).

В структуре изложения догматического богословия Л. следовал еп. *Сильвестру (Малеванскому)*, к-рый делил содержание догматики на учение о Боге в Самом Себе и о Боге в отношении к тварному миру. Свой материал Л. распределил следующим образом: введение в науку (цель и предмет науки, учение о триедином Боге); учение о Боге Отце (учение о творении и Промысле),

о Боге Сыне (учение о спасении), о Боге Духе Святом (учение о благодати). Рукописи лекций Л. сохранились практически за каждый учебный год и находятся в б-ках С.-Петербурга (СПбДА, РНБ ОР, БАН, ГМИР).

Говоря об ипостасном единении двух природ во Христе, Л. касается вопроса о двойстве сознаний Богочеловека. То, что данный вопрос не рассматривался в отечественной догматике, Л. объясняет «боязливым старанием держаться буквы святоотеческого учения, не выступать за границы определенно формулированных там положений». По мнению Л., учение о двойстве воли и действий находит объяснение только в признании двойства сознания во Христе, и если древняя Церковь не вынесла по этому поводу суждения, то только потому, что у святых отцов на 1-е место выдвигалось понятие воли. С развитием психологической науки, когда на определенном этапе главным предметом ее изучения становится сознание (2-я пол. XIX — нач. XX в.; В. Вундт, У. Джеймс), богословы обращаются к проблеме двойственности сознания во Христе (Ф. Г. Р. Франк, прот. Николай Малиновский, Т. Моррис и др.). Л. считает, что эта проблема должна получить развитие (Лекции по догматическому богословию. 1911. С. 114–129). Однако церковное вероучение не восприняло концепцию «двойственности», утверждая единственность сознания и личности Христа.

В разделе, посвященном первосвященническому служению Иисуса Христа, Л. отвечает на вопрос о том, кому была принесена крестная Жертва. По словам Л., Жертва «была принесена тому закону, который от вечности дал право на жизнь и блаженство только одному добру, а зло и грех обрек на небытие и страдание» (Там же. С. 295). Спаси людей без страдания значило бы для Бога примириться с грехом, отречься от Самого Себя. Все попытки отыскать иной объект принесения Жертвы Л. называет «напрасной тратой остроумия». Таких попыток он насчитывает 2: 1-е объяснение гласит, что выкуп был принесен дьяволу, а точнее путем обмана дьявола; 2-е — что Жертва Христа есть удовлетворение, принесенное Богу (Там же. С. 295–302; см. ст. *Искушение*). В качестве примечания Л.

рассматривает вопрос о виновности всего человечества в смерти Христа. На крест Сына Божия возвели «те силы тьмы, которые господствовали в мире — фарисеизм в иудействе и безверие в язычестве». По мысли Л., даже без *Каиафы* и *Пилата* эти силы все равно привели бы земную жизнь Христа к одному и тому же концу. Однако смерть Спасителя стала благословением человечеству, Он умер не от людей, а за людей (Там же. С. 302–303).

На лекциях Л. периодически делал краткие обзоры главных направлений догматики на Западе. Так, в 1904 г. им был сделан обзор новейших зап. учений в области христологии (Из лекций по догматическому богословию. 1904). На практических занятиях, которые были введены академическим уставом 1910–1911 гг., Л. в 1911 г. дал критический разбор книги Джеймса «Многообразии религиозного опыта» (1902), а также представил предварительные сведения об «Исповедании» патриарха Александрийского *Митрофана (Критопулоса)* и «Исповедании» патриарха К-польского *Геннадия II Схолария*. В 1912 г. на практических занятиях Л. разбирал со студентами «Исповедание» патриарха Иерусалимского *Досифея II Нотары* и «Православное Исповедание» митр. Киевского и всея Руси *Петра (Могилы)*.

В 1897 г. Л. представил в Совет СПбДА на соискание степени магистра богословия соч. «История Фессалоникского экзархата до времени присоединения его к Константинопольскому патриархату». Диссертация представляла собой переработанное и дополненное кандидатское сочинение Л. Об актуальности темы диссертации писал Болотов: «С 1892 г. история Фессалоникской Церкви получила интерес особого свойства. В декабре 1891 г. в *Sitzungsberichte* мюнхенской академии наук появилась статья профессора Фридриха, в которой этот знаменитый старокатолический ученый доказывает, что так называемый «Сборник Фессалоникской Церкви» (26 документов) есть колоссальный подлог в интересах папства. Из этого следовало, что все, писавшие по истории Фессалоникской Церкви и неизбежно пользовавшиеся названным сборником, шли по ложному следу. Правда, уже в 1892 г. французский академик профессор авве Дюшен выска-

зался решительно против такого открытия мюнхенского профессора и его воззрению противопоставил свое собственное освещение спорных событий, но обстоятельного опровержения статьи Фридриха Дюшен не дал» (РНБ ОР. Ф. 88. Д. 141. Л. 1–1 об.). Обширная монография Л. состояла из 25 глав и приложения. Среди большого перечня тезисов, вынесенных на защиту, был и тезис о подлинности «Сборника Фессалоникской Церкви». Официальные оппоненты, проф. И. С. *Пальмов* и проф. А. И. *Бриллиантов*, высоко оценили диссертацию. Пальмов отмечал: «Трудолюбие и дарования автора, методическое изучение предмета исследования — притом под руководством такого несравненного ученого, каким был незабвенный наш профессор В. В. Болотов, помогли ему вести свою трудную научную работу с успехом и прийти к выводам, в научном отношении обоснованным» (Журналы заседаний Совета СПбДА за 1900–1901 уч. год. СПб., 1901. С. 252). Защита состоялась 7 июня 1901 г. (Два коллоквиума в нашей академии и завершение учебного года // ЦВ. 1901. № 24. Ст. 764). 26 июня того же года Л. был утвержден в степени магистра богословия. В 1902 г. за диссертационное сочинение Л. была присуждена академическая премия им. митр. *Григория (Постникова)* (Журналы заседаний Совета СПбДА за 1901–1902 уч. г. СПб., 1902. С. 113–118).

С 1895 по 1906 г. редакция академических журналов «Христианское чтение» и «Церковный вестник» издавала полное собрание Слов и поучений свт. *Иоанна Златоуста*, поэтому обращение к наследию святителя среди профессоров и студентов столичной академии особенно в этот период времени было закономерным. Л. посвятил статью учению свт. Иоанна о совести (Учение святого Иоанна Златоуста о совести. 1898).

В 1903 г. Л. опубликовал рецензию на книгу А. *Гарнака* «Сущность христианства» (*Das Wesen des Christentums*). Книга этого нем. теолога и историографа, представителя т. н. *либеральной теологии*, вызвала широкий резонанс и стала одним из самых читаемых богословских сочинений на рубеже веков. Напечатанная в 1900 г., она практически сразу была переведена на англ., дат., голл. языки; русский перевод вышел в 1907 г. В рецензии Л. отмечает, что

сочинение Гарнака имеет положительное значение, будучи своеобразной апологией христианства, указывает, что в рассуждениях Гарнака о Евангелии и аскетизме, Евангелии и социальном вопросе, Евангелии и праве «можно найти интересные и полезные мысли». Вместе с тем, по мнению Л., Гарнак, «бросив укор в духовной слепоте» 19 векам существования христианства, с самоуверенностью заявляет, что «мы в Берлине постигли, наконец, истину». Для этого, пишет Л., нужно «обладать поистине титанической смелостью и... поистине сатанинской научной гордостью» (Христианство и современное мировоззрение. 1903. С. 28–31). Отвечая на критику Гарнака в адрес христологии, к-рая, по его мнению, не дает умиротворения христ. миру, Л. замечает, что главный смысл догмата Боговоплощения заключается в том, что «христианство без Божества Христа — красивая форма без идеи, тело без духа жизни» (Там же. С. 44).

Работа Л. «Тридцать девять членов церкви английской» (1904), вероятно, явилась ответом на книгу англиканского еп. Солсбери Дж. Вордсворта «Учение англиканской церкви о некоторых предметах веры, изложенное для осведомления православных христиан Востока в форме вопросов и ответов» (*Florovsky G. The Orthodox Church and the Ecumenical Movement // A History of the Ecumenical Movement, 1517–1948. L., 1954. P. 123*). В статье Л. критически рассматривает в соотношении с правосл. вероучением 3 пункта англикан. учения, вызывавшие наибольшие споры: учение о предопределении, о Церкви и об иерархии, о таинствах.

16 янв. 1905 г. Л. был избран экстраординарным профессором СПбДА. Л. руководил написанием канд. диссертаций студентами академии, чаще всего предлагал темы, связанные с развитием отечественной богословской мысли в XIX в. Так, напр., отдельные работы были посвящены богословскому наследию свт. *Феофана Затворника (Говорова)* (*Острогорский И. Е. Данные для науки Догматического богословия в сочинениях епископа Феофана, бывшего Владимирского. СПб., 1897*) и св. прав. *Иоанна Кронштадтского* (*Спасский И. О. Иоанн Кронштадтский как богослов. СПб., 1913*). Цикл студенческих исследований был посвящен обзором догматичес-

ких сочинений отечественных богословов 2-й пол. XIX в. (*Протосердов А. Обзор богословско-догматической литературы с 1860 по 1875 год. СПб., 1910*; *Ахматов А. Обзор русской богословско-догматической литературы с 1876 по 1890 год. СПб., 1910*; *Розов Н., свящ. Обзор русской богословско-догматической литературы с 1891 по 1905 год. СПб., 1910*) (см.: *Карпук. 2008. Прил. С. 104–106*). Под рук. Л. в 1913 г. М. К. Сперанский (впосл. протоиерей и ректор ЛДАиС) написал канд. диссертацию на тему «Богословские воззрения В. С. Соловьева».

В дек. 1906 г. Л. был назначен председателем учрежденного при СПбДА студенческого богословского кружка. Предполагалось, что члены кружка будут еженедельно выступать с рефератами на богословские темы (В Петербургской духовной академии // Колокол. 1906. № 259. 2 дек. С. 3). На закрытые заседания кружка, где обсуждались вопросы адм. характера, посторонние лица не допускались. На открытых заседаниях зачитывались доклады с последующим обсуждением. Среди тем выступлений были: «Учение Льва Толстого о браке и критика его с христианской точки зрения», «6-я заповедь и война», «О современных задачах духовенства», «Гоголь как христианин». Часто заседания кружка, начинавшиеся в 6 часов вечера, продолжались до 12 часов ночи. В 1909 г. было принято решение приступить к подробному и детальному изучению творений свт. *Григория Нисского* (Богословский кружок студентов С.-Петербургской духовной академии // ЦВ. 1909. № 45. Стб. 1420–1421). Деятельность кружка продолжалась вплоть до начала первой мировой войны.

В 1901–1903 гг. Л. принимал участие в *Религиозно-философских собраниях*. На 17-м заседании выступил с программным докладом, в к-ром отрицал возможность догматического развития в правосл. вероучении (Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903). М., 2005. С. 354–357) (см. ст. *Догматического развития теории*). Вплоть до 1917 г. Л. принимал участие в деятельности организованного в 1907 г. Петербургского религиозно-философского об-ва.

25 нояб. 1903 г. указом Синода Л. был назначен членом учрежденной в 1892 г. Комиссии по сношению со

старокатоликами и англиканами под председательством архиеп. Финляндского и Выборгского *Антония (Вадковского)*.

6 сент. 1907 г. резолюцией митр. Антония (Вадковского) Л. был определен настоятелем *Воскресения Христова собора* (Спас на Крови) в С.-Петербурге с оставлением в должности профессора академии. 14 сент. того же года рукоположен во диакона, 16 сент. — во иерея с награждением набедренником; 3 окт. награжден камилавкой и наперсным крестом; 14 окт. возведен в сан протоиерея. 15 мая 1914 г. последовало «высочайшее пожалование» Л. золотым наперсным крестом из Кабинета Его Величества. 6 мая 1916 г. награжден палицей.

24 авг. 1909 г. Л. вошел в Исполнительную комиссию Строительного комитета по сооружению в С.-Петербурге храма-памятника в честь 300-летия Дома Романовых. В 1916–1917 гг. был действительным членом Петроградского епархиального комитета Православного миссионерского об-ва. 29 окт. 1911 г. Мин-вом народного просвещения Л. был утвержден законоучителем С.-Петербургского историко-филологического ин-та. В обязанности Л. входило преподавание богословия на 1–3-м курсах, а также истории Церкви на историко-географическом отд-нии ин-та.

В 1912 г., когда началась 1-я Балканская война, Л. выступил с проповедью, в которой приветствовал борьбу «христоролюбивых народов» за свободу. По мнению Л., рус. народ не должен был оставаться безучастным зрителем «начавшейся, может быть, последней борьбы Креста с Полумесяцем» (Три речи по случаю войны балканских союзников с Турцией. 1913. С. 7–10).

В 1914 г., после начала первой мировой войны, Л. призывал рус. народ выступить на защиту балканских народов «против новых варваров — немцев и австрийцев». «Все наши великие войны были войнами за священную свободу народов» (Слово перед молебном о даровании победы. 1914. Стб. 948). С 1 авг. 1914 по 1 сент. 1915 г. и с 1 мая по 1 окт. 1916 г. Л. был определен имп. мц. *Александрой Феодоровной* в Северный Ее Величества военно-санитарный поезд и был вынужден прервать преподавательскую деятельность.

23 дек. 1916 г. по ходатайству протопр. Георгия Шавельского Л. был назначен указом Синода Главным священником армий Румынского фронта с оставлением в занимаемых должностях. Однако неудачи рус. армии и события февр. 1917 г. вынудили Временное правительство рассматривать вопрос о расформировании фронта. 26 марта в Кишинёве собрался съезд духовенства Румынского фронта, на котором обсуждались проблемы, возникшие в связи с происшедшими событиями. С 15 дек. 1917 по 2 февр. 1918 г. Л. занимался демобилизацией священников армий фронта. 11 февр. 1918 г. в связи с упразднением должности Главного священника армий Румынского фронта Л. был уволен, а 30 июня фронт был полностью расформирован (РГВИА. Ф. 15566. Оп. 1. Д. 3. Л. 86 об.—120 об.).

Весной 1917 г. в связи с революционными событиями протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский подал на имя обер-прокурора Синода В. Н. Львова (10 марта) и в Синод (1 апр.) прошение об отставке. Вместо себя Шавельский рекомендовал Л. Часть военного и морского духовенства выступала против Шавельского и Л. Так, в мае 1917 г. в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов поступило заявление «группы военного духовенства, искренне близкого к народу и солдатам». В заявлении критиковались деятельность протопр. Георгия, а также кандидатура нового предполагаемого протопресвитера, Л.: «Возможно ли оставлять в войсках на службе человека (Шавельского.— *Авт.*)... который говорит, что политика последних двух лет ему была открыта, и он, зная все, оставался другом творцов этой политики, который, пользуясь самым близким доступом к царю и расположением последнего, зная все предательства царицы, не сумел воздействовать на царя, видя, что ставка — гнездо всех зол и опасностей для родины, он развозил по фронту царские благословения с обращением: царь-батюшка послал меня благодарить вас и т. д. ...который, при подаче прошения министру Гучкову, рекомендует на место Протопресвитера протоиерея, 2 года прослужившего в поезде царицы Александры, помимо выбора военным духовенством... На все вышесказанное просим обратить внимание и принять меры к устранению от работы в вой-

сках о. Шавельского» (РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 3 отд. 4 ст. 1917 г. Д. 22. Л. 6). Протопресвитер Успенского собора Московского Кремля Николай Любимов в посл. писал о причинах недовольства части военного духовенства кандидатурой Л.: «У отца Лепорского есть один минус, который может быть поставлен ему в вину, это — именно то, что он был священником в санитарном поезде Александры Федоровны, чем и не преминет воспользоваться недовольное его назначением военное духовенство» (Любимов Н., протопр. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля — 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917–1918): Сб. М., 1995. С. 20).

Указом от 26 апр. 1917 г. Синод принял отставку Шавельского и тем же указом назначил новым протопресвитером Л. с оставлением его экстраординарным профессором ПгДА. Однако Л. в новую должность так и не вступил. Уже 7 мая 1917 г. Шавельский написал письмо обер-прокурору Львову, в котором, отметив, что военный министр А. Ф. Керенский направил его в ставку в качестве протопресвитера, попросил считать его прошения об отставке недействительными (РГИА. Ф. 796. Оп. 204. 5 ст. 1 отд. 1917 г. Д. 110. Л. 7).

На II Всероссийском съезде военного и морского духовенства, проходившем 1–11 июля 1917 г. в Могилёве, посредством закрытой баллотировки (45 положительных голосов из 48) 9 июля Георгий Шавельский был избран протопресвитером военного и морского духовенства. Председателем съезда являлся Л. (РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 3 отд. 4 ст. 1917 г. Д. 22. Л. 7).

На том же съезде Л. был избран делегатом на Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. от военного и морского духовенства. Будучи членом Собора, Л. с 24 авг. 1917 г. состоял заместителем председателя Отдела по личному составу. Участвовал во всех 3 сессиях Собора. 19 авг. 1917 г. был выдвинут кандидатом в Помощники секретаря Собора, 21 авг. — в члены Совета Поместного Собора. 22 авг. был приглашен Соборным Советом для составления соборного послания к чадам православной Церкви, 23 сент. 1917 г. — для передачи послания Собора Румынскому фронту.

3 июня 1918 г. в рамках визита в Петроград патриарх Тихон посетил ПгДА, где его встречали преподаватели и студенты. От лица профессорско-преподавательского состава патриарха приветствовал Л. (Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. № 9. С. 3).

С 1 мая 1920 по 1 окт. 1921 г. Л. являлся сотрудником 2-го отделения 4-й секции Единого гос. архивного фонда. С 4 дек. 1921 г. Л. профессор Петроградского Богословского ин-та на кафедре иностранных исповеданий, преподавал сравнительное богословие и «введение в науку о религии» (РНБ ОР. Ф. 574. Оп. 1. Д. 907. Л. 89).

В 1917 г. полностью прекратилось поступление гос. средств на содержание храма, настоятелем которого был Л. В связи с этим Петроградское епархиальное управление в нач. 1918 г. поручило Л. выяснить у наркома просвещения А. В. Луначарского судьбу «памятников, храмов, как-то: Исаакиевского собора, Казанского собора, церкви Воскресения на крови, Спаса на водах и т. д.». В ответ последовало заявление о том, что храмы, которые являются памятниками народного искусства, будут поддерживаться на средства гос-ва или Петроградской коммуны; «что же касается освещения храма и содержания причта, то расходы на это всецело должны падать на средства прихожан» (Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. № 3. С. 3). 22 марта 1918 г. собор Воскресения Христова перешел под управление и охрану наркомата имуществ. 27 мая 1918 г. наркомат установил штат служащих храма с покрытием всех расходов по содержанию собора из казны (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 244. Л. 8–8 об.).

В кон. 1919 г. от отдела юстиции Петросовета поступило распоряжение о формировании при соборе Воскресения Христова двадцатки. В ответ 2 дек. 1919 г. Л. написал заявление, в котором возражал против этого решения городского правительства, «так как храм никогда не был приходским» и, кроме того, «состоит в ведении Наркомата имуществ». Однако 13 дек. 1919 г. Коллегия по регистрации и охране памятников искусства и старины и отдела имуществ дала разрешение на передачу храма двадцатке, что и было совершено 11 янв. 1920 г. (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 244).

Л. 5–15). С июля 1922 г. собор Воскресения Христова принадлежал Петроградской автокефалии под управлением *Николая (Ярушевича)*, еп. Петергофского. В июне 1923 г. храм перешел к обновленческому Петроградскому епархиальному управлению, к-рое возглавлял еп. *Артемий (Ильинский)*. С должности священника собора за «нежелание быть в единении с Петроградским Епархиальным управлением» был уволен прот. В. М. *Верюжский*. 19 июня 1923 г. на должность 2-го священника был назначен свящ. Лука Смоктунович. На него была возложена обязанность исправления должности настоятеля из-за болезни Л. при условии предоставления содержания последнему. Л. был награжден орденами св. Станислава 3-й степени (1902), св. Анны 3-й степени (1905), св. Станислава 2-й степени (1907), св. Анны 2-й степени (1910), св. Владимира 4-й степени (1913). 15 июня 1902 г. произведен в чин надворного советника, 26 июня 1905 г. — в чин коллежского советника.

Был женат на Надежде Александровне Владимирской (1882 г. р.). В браке родилась дочь Людмила (1904), которая стала художником; скончалась во время блокады Ленинграда. Проживал Л. в доме, принадлежавшем *Александро-Невской в честь Святой Троицы лавре*, по адресу Невский проспект, 163.

Скончался Л. 27 июля 1923 г. от чахотки. Отпевание было совершено в соборе Воскресения Христова. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Арх.: РГИА. Ф. 796. Оп. 204. 5 ст. 1 отд. 1917 г. Д. 110; Оп. 441. Д. 166; Ф. 797. Оп. 86. 3 отд. 4 ст. 1917 г. Д. 22; РНБ ОР. Ф. 88. Д. 141; Ф. 102. Д. 146; Ф. 194. Д. 1321; Ф. 558. Д. 276; Ф. 585. Д. 3393; Ф. 1191. Д. 19; Ф. 574. Оп. 1. Д. 907; ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 244; ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 3898; Ф. 678. Оп. 2. Д. 16. Соч.: Вновь открытый памятник христианской древности — Евангелие Петра (А. Lods. Ev. S. Petrum. Parisii, 1892) // Странник. 1893. Т. 2. С. 522–538; Учение св. Иоанна Златоуста о совести // ХЧ. 1898. Ч. 1. С. 89–102; Отчет о занятиях по предмету догматики богословия // Журналы заседаний Совета СПбДА за 1895–1896 уч. г. СПб., 1900. С. 368–433; Восточный Иллирик и его церковно-историческое значение: Речь перед защитой дис. «История Фессалоницкого епископата до времени присоединения его к Константинопольскому патриархату» // ХЧ. 1901. № 7. С. 131–144 (отд. отт.: СПб., 1901); Благодать // ПБЭ. 1901. Т. 2. Стб. 637–652; Боговдохновенность // Там же. Т. 2. Стб. 729–748; Богочеловек // Там же. Т. 2. Стб. 863–878; Троица // ЭС. 1901. Т. 66. С. 866–872; Возрождение // ПБЭ. 1902. Т. 3. Стб. 683–694; Воплощение // Там же. Стб. 820–833; Христианство и совр. миро-

воззрение: По поводу кн. проф. А. Гарнака «Сущность христианства» (Das Wesen des Christentums) // ХЧ. 1903. Ч. 1. С. 12–31, 211–236, 408–422 (отд. изд.: СПб., 1903); Из лекций по догматич. богословию, чит. студентам СПбДА LXI курса 1903/4 акад. г. СПб., 1904. [С. 252–298]; Тридцать девять членов Церкви Английской // ХЧ. 1904. № 10. С. 447–468; № 11. С. 613–638 (отд. изд.: СПб., 1912); Памяти первого ректора СПбДА архим. Евграф [Музалевского-Платонова] // ЦВ. 1909. № 46. Стб. 1427–1429; № 47. Стб. 1460–1462 (отд. изд.: СПб., 1909); Лекции по догматич. богословию, чит. студентам III курса СПбДА профессором прот. П. И. Лепорским в 1910/11 уч. г. СПб., 1911; Речь, сказанная при отпевании протопресвитера военного и морского духовенства о. Е. П. Аквилонова 4 апр. 1911 г. // ЦВ. 1911. № 14–15. Стб. 425–427; Речь... перед панихидой по проф. В. В. Болотове, по случаю открытия и освящения его бюста в духовной академии 29 янв. 1912 г. // Там же. 1912. № 6. Стб. 186–187; Речь... перед панихидой по проф. В. В. Болотове // Там же. 1913. № 7. Стб. 187; Три речи по случаю войны балканских союзников с Турцией: Произнесены в храме Воскресения Христова на Екатерининском канале (на Крови). СПб., 1913; Пятидесятилетний юбилей ученой деятельности проф. А. Л. Катанского // ЦВ. 1913. № 46. Стб. 1430–1436; № 47. Стб. 1466–1470 (отд. изд.: СПб., 1913); Слово перед молебном о даровании победы после прочтения Высочайших манифестов об объявлении Германией и Австрией войны России (27 июля, в Храме Воскресения) // Там же. 1914. № 32/33. Стб. 946–948; За свободу, за родину, за правду Божию. Пг., 1917.

Лит.: Два коллоквиума в нашей академии и завершение уч. года // ЦВ. 1901. № 24. Стб. 763–765; Магистерский коллоквиум в СПбДА 7 июня 1901 г. // Там же. № 29. Стб. 927–932; № 30. Стб. 957–965; № 31. Стб. 993–995 (отд. изд.: СПб., 1901); Лепорский П. И. // НЭС. 1917. Т. 24. Ст. 381; *Горчаков Б. К., свящ.* Александр Львович Катанский как догматист-богослов: Курс. соч. / ЛДА. Л., 1964. С. 216–217. Маш.; *Belewzew J.* Patriarch Sergius und sein Beitrag zum interkonfessionellen Gespräch mit Altkatholiken und Anglikanern // StdO. 1974. N 4. S. 53–64; *Маркидонов А. В.* Кафоличность Церкви по изъяснению рус. православных богословов: Курс. соч. / ЛДА. Л., 1989. Маш.; *Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В.* Справочник по истории православ. монастырей и соборов г. С.-Петербурга 1917–1945 г. СПб., 1996. С. 74; *Лисовой Н. Н.* Обзор основных направлений рус. богосл. акад. науки в XIX — нач. XX ст. // БТ. 2002. Сб. 37. С. 60–61, 63–64; *Бохонский Д. О.* Жизнь и труды профессора-протоиерея Петра Ивановича Лепорского: Дипл. раб. / СПбДС. СПб., 2003. Маш.; *он же.* Жизнь и труды профессора прот. П. И. Лепорского // ХЧ. 2003. № 22. С. 57–80; *Шапошников Л. Е.* Консерватизм, модернизм и новаторство в рус. правосл. мысли XIX–XXI вв. СПб., 2006; *Карпук Д. А.* История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918): Канд. дис. / СПбДА. СПб., 2008. Маш.

Д. О. Бохонский, Д. А. Карпук

ЛЕПТИНА [греч. Λεπτινα], мц. (пам. греч. 26 окт.). Время и место жизни неизвестны. Память Л. и посвященное ей двустиишие содержатся в визант. стишных Синаксарях, где

говорится, что она скончалась, «влекомая по камням» (напр., ГИМ. Син. греч. 390 (354), 1295 г. — *Владимир (Филантропов)*). Описание. С. 523). Из стишных Синаксарей эти сведения были включены в печатную Минею (Венеция, 1592) и в «Синаксарист» прп. Никодима Святогорца, однако не вошли в слав. нестишные Прологи (*Петков, Спасова*. Стиш. Пролог. 2009. Т. 2. С. 77–83), в ВМЧ и соответственно в совр. календарь РПЦ.

А. Грасси предположил, что Л. пострадала вместе с Артемидором, Гликоном и Василием, память к-рых отмечается в тот же день. Однако они упоминаются в Типиконе Великой ц., Синаксаре К-польской ц. и др. календарях без Л. Кроме того, о ней не говорится в канонах, посвященных этим святым (см. подробнее в ст. *Артемидор*, мч.).

Ист.: SynCP. Col. 165; *Νικόδημος. Συναξαριστής*, 2003. Т. 2. Σ. 429.

Лит.: ActaSS. Oct. 1864. T. 11. P. 826–827; *Cepgiy (Cnacckiy)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 332; *Grassi A.* Artemidoro, Basilio, Glicone e Leptina // BiblSS. T. 2. Col. 487; *Σαφρόνιος (Εὐστρατιάδης). Ἀγιολόγιον*. Σ. 273; *Μακάριος Σιμωνοπεριτής, ἱερομόν. Νέος Συναξαριστής τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας*. Т. 2: Ὀκτώβριος. Ἀθήνα, 2009. Σ. 283.

О. В. Л.

ЛЭПТИС-МАГНА [лат. Leptis Magnis], древний город на территории совр. *Ливии*; известен архитектурными памятниками рим. и ранневизант. времени — см. в ст. *Североафриканская Церковь*.

ЛЕРЕН [Лерин (Леринский монастырь); франц. Lérins], католич. мон-рь Пресв. Девы Марии на о-ве Сент-Онора в архипелаге Лерен близ г. Канны (деп. Приморские Альпы, Франция); в середине века — бенедиктинское аббатство, в наст. время принадлежит ордену *цистерцианцев*.

V–VI вв. В эпоху Поздней Римской империи о-ва Леро (Лерона; ныне Сент-Маргерит), Лерин (Лерина; ныне Сент-Онора) и соседние небольшие островки относились ко Второй Нарбонской пров. На Леро находилась гавань со складами и с др. сооружениями, остатки к-рых были обнаружены при раскопках. Однако к нач. V в. на островах, по-видимому, не было жителей. Описывая основание мон-ря, св. *Иларий* Арелатский в «Слове о жизни св. Гонората» упоминал о «страшной пустынности» и «чрезмерной

неприветливости» острова, на котором обитали только «ядовитые животные» (*Hilarius. Sermo de vita S. Honorati. 15. 2*).

По свидетельству Илария Арелатского, брата Венанций и Гонорат,

принадлежавшие к галльской аристократии, и их наставник *Капразий* отправились на Восток. Возможно, они намеревались посетить егип. и сир. подвижников, но в «Слове...» об этом не говорится. В пути Венанций заболел и скончался. Гонорат и Капразий вернулись в Галлию и поселились на о-ве Лерин. По словам Илария, после прибытия Гонората исчезли ядовитые змеи, жившие на острове. При помощи св. Леонтия († 432/3), епископа г. Форум Юлия (ныне Фрежюс), известного как покровитель монахов, Гонорат и Капразий основали Леринский мон-рь

Св. Гонорат изгоняет чудовищ с о-ва Лерин.

Миниатюра из *Жития св. Гонората*. XV в.

(*Stresa. Bibl. Rosminiana. 4. Fol. 3r*)

(это событие обычно датируется ок. 400 или ок. 410). На острове были построены церковь, жилища для монахов, дом для гостей, кладовые и др. здания. Гонорат был рукоположен во пресвитера и возглавил монаше-

скую общину. Он радушно принимал всех приходивших к нему и щедро помогал нуждавшимся (*Ibid. 16. 2; 17. 1; 20–21*).

Монахи, собравшиеся на Лерине, происходили из разных мест: «Все страны наперебой отправляли туда ищущих Бога... И ныне какая страна, какой народ не имеют в его монастыре своих согражд-

Аббатство Лерен

дан?» (*Ibid. 17. 2–3*). Согласно традиц. т. зр., основание Леринского монастыря было связано с разрушительным вторжением варварских пле-

мен в Галлию (31 дек. 406). В условиях политической нестабильности, военных действий и расселения варваров галльские аристократы, утратившие надежду на будущее, обращались к аскезе. В Леринский мон-рь приходили «отпрыски знатных семей, которые не хотели или не могли реализовать свои амбиции в миру» (напр.: *Prinz. 1965. S. 47–58; Weiss. 1988; Mathisen. 1989. P. 76–85; Heijmans M., Pietri L. Le «lobby» lérinien: Le rayonnement du monastère insulaire du Ve siècle au début du VIIe siècle // Lérins. 2009. P. 36–37*). Высказывалось мнение, что многие леринские монахи, как и Гонорат, происходили из Сев. Галлии, в наибольшей степени затронутой варварским нашествием. Однако о происхождении Гонората точных сведений нет: по одной из версий, он был уроженцем Юж. Галлии (*Vogüé. 2000. P. 187–189*), по другой – внуком Децима Магна Авзония (*Woods. 1993*). Известные насельники Лерина принадлежали к знатным галльским родам, многие из них были связаны родственными отношениями. Так, под влиянием Гонората его родственник св. Иларий стал монахом и поселился на Лерине. К высшей провинциальной аристократии принадлежал и св. *Евхерий* († ок. 450), живший на соседнем с Лерином острове (вероятно, на Леро) вместе с женой Галлой. Их сын Салоний учился в мон-ре сначала у св. Илария, затем у *Сальвиана Массилийского* и *Винцентия* (см. *Викентий Леринский*). Сальвиан, уроженец Бельгийской Галлии или Германии, принадлежал к состоятельной семье; он прибыл на Лерин с женой и дочерью. На

Лерине подвизался также св. *Луп* († 478), брат Винцентия, женатый на сестре Илария. Др. ученик Гонората, св. Максим, происходил из Юж. Галлии; св. *Фавст*, в посл. ставший преемником Максима на Рейской епископской кафедре, прибыл из Британии или Арморики (Бретани). Гонорат и Евхерий состояли в переписке со св. Павлином, еп. Ноланским, к-рый пользовался большим влиянием как аскет и духовный наставник (*Paul. Nol. Ep. 51*). Леринские монахи поддерживали дружественные отношения с прп. *Иоанном Кассианом Римлянином*, к-рый посвятил Гонорату и Евхерию 2-ю часть «Собеседований» (книги 11–17), составленных в 20-х гг. V в. Труды Иоанна Кассиана оказали существенное влияние на аскетическое учение Евхерия (см.: *Dulaey M. Les relations entre Lérins et Marseille: Eucher et Cassien // Lérins. 2009. P. 63–82*).

Мн. аскеты, подвизавшиеся в Леринском мон-ре, были возведены на епископские кафедры. В Арелате (ныне Арль) нестроения, последовавшие за убийством еп. Патрокла (426), завершились избранием на кафедру св. Гонората. Незадолго до кончины (между 428 и 430) Гонорат призвал в Арелат своего ученика Илария и указал на него как на достойного преемника. В 427 г. св. Луп, временно покинувший Леринский мон-рь, чтобы распорядиться имуществом, был избран епископом в Трикассах (ныне Труа) (*Sidon. Apol. Ep. VI 1; MGH. Scr. Mer. T. 7. P. 296*). Св. Максим, управлявший Леринским мон-рем после св. Гонората, занял епископскую кафедру в г. Рей (Регий, ныне Рьез). Его преемником во главе мон-ря был св. Фавст, который после кончины Максима также был избран на Рейскую кафедру. В 30-х гг. V в. Евхерий стал епископом Лугдуна (ныне Лион). В посл. его сын св. Салоний был епископом Генавы (ныне Женева), др. сын, св. *Веран*, – епископом Винция (ныне Ванс). Возможно, выходцами из Леринского мон-ря были Феодор, преемник еп. Леонтия на кафедре г. Форум Юлия, св. *Валериан Цемельский* и др. епископы. *Сидоний Аполлинарий* упоминал о еп. Антиоле, друге Эмилия, отца св. *Ремигия*, еп. Ремского (Реймского), и Принципия, еп. Свессионского (Суассонского). По его словам, до возведения на кафедру Антиол занимал видное место в монашеской общине Лерина,

где он жил вместе со святыми Лупом и Максимом (*Sidon. Apol. Ep. VIII 14. 2*). Сальвиан стал пресвитером в Массилии (ныне Марсель), а в кон. V в. Массилийскую кафедру занимал Гонорат, ученик св. Илария Арелатского, составивший его Житие (CPL, N 506).

Епископы, ранее жившие в Леринском мон-ре, поддерживали между собой тесные отношения и в ходе церковно-политических конфликтов выступали совместно. Мн. исследователи говорят о «леринской партии» или «леринском лобби», во главе к-рого после кончины св. Гонората встал Иларий Арелатский (*Mathisen. 1989; Heijmans M., Pietri L. Le «lobby» lérinien: Le rayonnement du monastère insulaire du Ve siècle au début du VIIe siècle // Lérins. 2009. P. 35–61*). Епископская кафедра, которую занимал Иларий, обладала особым значением. Арелат был центром префектуры Галлия, в которую входили также Испания и Британия. Еп. Патрокл, оказывавший большое влияние на церковную и политическую жизнь Галлии, получил от папы Римского *Зосимы* особые привилегии и фактически объединил под своей властью неск. церковных провинций. Опираясь на эти привилегии, св. Иларий стремился расширить свои полномочия, используя для этого авторитет и связи леринских монахов.

Выходцы из Леринского мон-ря, занимавшие епископские кафедры, окружали себя монахами и основывали обители. По-видимому, монахи составляли ближайшее окружение св. Гонората (*Hilarius. Sermo de vita S. Honorati. 33. 3–4*). Его преемник св. Иларий «в центре города заставил бурлить жизнь по установлениям пустыни» (*eremita instituta fervere – Honor. Massil. Vita Hilar. 7*). Восхваляя пастырскую деятельность Илария, его биограф утверждал, что «он поддерживал сирот, укреплял монахов, обращал мирян, своим решением назначал епископов», оказывая при этом особое внимание «членам святой общины и совершенным мужам», т. е. леринским монахам (*Ibid. 11–12*). Фавст Рейский после возведения на кафедру не только продолжал вести монашеский образ жизни, но и склонял к этому городское духовенство (*Sidon. Apol. Ep. IX 3*). Монахам покровительствовали и др. епископы, принадлежавшие к «леринской партии».

Папа Римский *Келестин I* увидел в этом нарушение канонов. В июле 428 г. он напомнил епископам Юж. Галлии о необходимости соблюдать канонический порядок избрания епископа «клиром и народом». По мнению понтифика, монахи были неподходящими кандидатурами на епископские кафедры (предпочтение следовало отдавать местным клирикам). Келестин I также отметил, что епископам не подобало носить монашескую одежду (*Jaffé. RPR. N 369*). В «Слове о жизни св. Гонората», отвечая на упреки папы Римского, св. Иларий описывал своего наставника как аскета, к-рый ревностно трудился на благо Церкви, сочетая монашеский образ жизни с усердной пастырской деятельностью (*Hilarius. Sermo de vita S. Honorati. 28. 1–4*).

Опираясь на «леринскую партию», Иларий Арелатский проводил авторитарную церковную политику. Он вмешивался в дела др. церковных провинций, пытался ослабить позиции митрополитов и самостоятельно назначал епископов, отдавая предпочтение своим сторонникам, в первую очередь выходцам из Леринского мон-ря. Согласно более позднему преданию, Гонорат основал кафедру в Тарантезии (Тарантезе) и назначил на нее своего ученика св. Иакова (см.: *Duchesne. Fastes. T. 1. P. 243–244*). Возможно, Иларий основал епископскую кафедру в Телоне (ныне Тулон). Полномочия Илария были подтверждены участниками созванных им межпровинциальных Соборов, на к-рых ведущую роль играли епископы, связанные с Леринским мон-рем (*Mathisen. 1989. P. 96–116*). Как указывали противники Илария, «необоснованные притязания» Арелатского епископа на «единовластное» управление галльской Церковью получили поддержку главнокомандующего рим. армией Флавия Аэция и префекта претория Галлии (*Vita patrum Iurensium. 18 // Vie des Pères du Jura / Éd. F. Martine. P., 1968. P. 258–260. (SC; 142)*). Иларий путешествовал по стране в сопровождении воинов, к-рые выполняли его распоряжения (*Leo Magn. Ep. 10 // PL. 54. Col. 633–634*).

Позиции «леринской партии» были особенно прочны в Юж. Галлии, но влияние Илария распространялось и на сев. часть региона. Его интересы отстаивал св. Луп, чьи последователи занимали епископские

кафедры в Треверах (ныне Трир), Веродуне (ныне Верден) и Каталауне (ныне Шалон-ан-Шампань) (*MGH. Scr. Mer. T. 7. P. 301–302*). Святые Иларий, Луп и, вероятно, Евхерий поддерживали дружественные отношения со св. *Германом*, еп. Автиссиодурским (Осерским) (*Const. Lugd. Vit. Germ. 12, 23; см.: Mathisen. 1989. P. 80, 86*). Скорее всего при его поддержке в 443 или 444 г. Иларий низложил Хелидония, еп. Везонциона (ныне Безансон) и митрополита Секванской Галлии (*Honor. Massil. Vita Hilar. 21*). Тогда же он совершил пресвитерское рукоположение св. *Романа*, основателя мон-ря Кондат (ныне Сен-Клод), и, согласно Житию Юрских отцов, похвалил его аскетические подвиги (см.: *Mathisen. 1989. P. 142–153*). Иларий неоднократно смещал негодных ему епископов (напр., Арментария Эбрэдунского (Амбрёнского)), назначая вместо них своих ставленников, однако Хелидоний воспротивился его действиям и апеллировал к Папскому престолу. Так же поступил еп. Проект, возмущенный самоуправством Илария: когда Проект был тяжело болен, Иларий рукоположил на его кафедру своего ставленника, не дождавшись кончины законного епископа. Подобные действия Илария способствовали возникновению оппозиции, по-видимому, во главе с митрополитами Акв Секстиевых (ныне Экс-ан-Прованс) и Нарбоны, а также епископом Массилии, которые не желали уступать Арелатскому епископу свои полномочия (*Ibid. P. 117–122*). Свт. *Лев I Великий*, папа Римский, к которому обратились противники Илария, обвинил его во властолюбии, нарушении канонов и непослушании Папскому престолу (*Jaffé. RPR. N 407*). Понтифик лишил Илария прав митрополита и запретил ему созывать Соборы; это решение было подтверждено эдиктом имп. Валентиниана III на имя полководца Аэция (*Novell. Theod. P. 101–103; см.: Mathisen. 1989. P. 141–172; Wessel S. Leo the Great and the Spiritual Rebuilding of a Universal Rome. Leiden; Boston, 2008. P. 53–96*).

Обострению отношений «леринской партии» с Папским престолом способствовали разногласия, вызванные учением блж. Августина о грехе первородном, благодати и предопределении. Самое раннее свидетельство об этих спорах содержится

в письмах *Проспера Аквитанского* и Илария из Массилии блж. Августина (ок. 426 — *Aug. Ep.* 225–226). В 431 г. папа Келестин I упрекнул галльское духовенство за нападки на учение Августина (*Jaffé. RPR.* N 381). Против этого учения выступал не только Иоанн Кассиан, но и богословы, связанные с Леринским мон-рем, — Винцентий и Сальвиан, а также Фавст Рейский и Валериан Цемельский. Проспер Аквитанский, ревностный последователь блж. Августина, обвинял их в ереси *пелагианства* и называл «полупелагианами». Однако ересь не фигурировала среди обвинений, к-рые папа Лев I Великий выдвинул против Илария Арелатского. Впосл. Фавст Рейский не только полемизировал со сторонниками Августина, но и способствовал осуждению пресв. Луцида, к-рый придерживался радикального мнения, отрицающего значение человеческой воли для спасения.

В V в. выходцы из Леринского мон-ря получили известность как богословы, экзегеты и авторы аскетических произведений. По свидетельству Илария Арелатского, среди сочинений св. Гонората были письма и проповеди (*Hilarius. Sermo de vita S. Honorati.* 22, 38; ср.: *Honor. Massil. Vita Hilar.* 9), но эти труды не сохранились. Самое значительное сочинение св. Илария — «Слово о жизни св. Гонората» (CPL, N 501; ср.: *Honor. Massil. Vita Hilar.* 14–15). Среди трудов Евхерия выделяются аскетические трактаты «Похвала пустыне» (CPL, N 492) и «О презрении к миру и земной премудрости» (CPL, N 489). Сальвиан Массилийский в соч. «Об управлении Божиим» (CPL, N 485) доказывал, что причиной кризиса Римской империи было нечестивое поведение ее жителей. Основные труды Винцентия Леринского и Фавста Рейского посвящены богословским проблемам (см.: *Chadwick.* 1955; о других писателях, связанных с Леринским мон-рем: *Mathisen.* 1989. P. 93–96). Гипотеза А. Дюфурка, согласно к-рой в V в. мон-рь был важным центром агиографического творчества (*Dufourcq A. Etude sur les Gesta martirum Gamains.* P., 1907. T. 2), не получила признания исследователей.

Осуждение св. Илария Арелатского папой Львом Великим положило конец попыткам леринских монахов установить контроль над галльской

Церковью. Признаком распада «леринской партии» после кончины Илария (449) и перехода значительной части Галлии под контроль варварских правителей стали участвовавшие разногласия между церковными иерархами. В 50-х гг. V в. спор между леринским аббатом Фавстом и Феодором, еп. г. Форум Юлия, о юрисдикции над мон-рем привел к серьезному конфликту. Фавст публично оскорбил епископа, к-рый в ответ отлучил его от Церкви. На стороне аббата выступили епископы Максим Рейский и Валериан Цемельский. Конфликт был улажен на Соборе в Арелате, участники к-рого заставили еп. Феодора помириться с Фавстом. Они подтвердили, что епископ имел исключительное право совершать рукоположение монахов, разрешать служение клирикам из др. областей и т. д., но полнота власти над монашеской общиной была передана аббату; «все множество монастырских мирян» (т. е. монахи, не имевшие священного сана) не подлежало юрисдикции епископа (*Concilia Galliae A. 314–A. 506 / Ed. C. Munier. Turnhout, 1963. P. 131–134. (CCSL; 148); см.: Mathisen.* 1989. P. 193–198; *Vogüé.* 2003. P. 315–324).

В 50-х гг. V в. Фавст был избран на Рейскую епископскую кафедру и покинул Лерин. После этого сведения об истории мон-ря становятся отрывочными. При аббате Поркарии (488/9) в обитель был принят св. *Кесарий*, молодой клирик из Кабиллона (ныне Шалон-сюр-Сон), впосл. назначенный келарем. Через неск. лет он отправился на лечение в Арелат, был принят в городской клир и в 502 или 503 г. избран на епископскую кафедру (*Vita Caesarii. I 5–11 // Vie de Césaire d'Arles / Éd. M.-J. Delage. P., 2010. P. 154–163. (SC; 536); см.: Klingshirn W. E. Caesarius of Arles: The Making of a Christian Community in Late Antique Gaul. Camb., 1994. P. 23–32*). В проповедях Кесарий неоднократно вспоминал о времени, проведенном на Лерине. В «Уставе для дев», который он составил для основанного им жен. монастыря в Арелате, Кесарий воспроизвел леринский чин псалмопения (*Caes. Arl. Reg. ad virg.* 66–69). В годы епископства Кесария (502/3–542/3) в Арелат пришли странствующие монахи *Леобин* и *Альбин*, которые намеревались отправиться на Лерин. Однако Кесарий, узнав, что Леобин покинул основанный им

мон-рь, велел ему вернуться к своим монахам (MGH. AA. T. 4. Pars 2. P. 74, 77). Св. Теодарий также хотел поселиться на Лерине, но, познакомившись с Кесарием, остался в Арелате и впосл. основал мон-рь близ Вьенны (MGH. Scr. Mer. T. 3. P. 526). Примерно тогда же в Леринский монастырь прибыл мон. Антоний, уроженец Норика, который долгое время был отшельником в Сев. Италии; через 2 года он скончался. По просьбе аббата Леонтия, вероятно настоятеля Леринского мон-ря, *Эннодий* составил Житие Антония (MGH. AA. T. 7. P. 185–190; см.: *Vogüé.* 2003. Pt. 1. T. 8. P. 188–201).

О связи, существовавшей между Лерином и мон-рями Бургундии, свидетельствует Житие Юрских отцов (CPL, N 2119), составленное в 10-х гг. VI в. по просьбе леринского аббата Марина. В Житии перечислены авторитетные монашеские наставники — свт. Василий Великий, прп. Пахомий Великий, Иоанн Кассиан и «святые Леринские отцы». Св. *Иоанн* Реомский, основавший мон-рь в еп-стве Лингоны (ныне Лангр), отправился на Лерин для изучения основ аскезы и монашеского общежития в соответствии с учением св. Гонората. Через полтора года по указанию св. *Григория*, еп. Лингонского, он вернулся в свою обитель и ввел в ней леринские обычаи (MGH. Scr. Mer. T. 3. P. 508) (см.: *Dubreucq A. Lérins et la Burgonde dans le haut Moyen Âge // Lérins.* 2009. P. 197–212). Т. о., в VI в. Леринский мон-рь был признанным центром монашества, принятые в нем обычаи считались образцовыми.

Вероятно, автономия Леринского монастыря была ликвидирована по решению Арелатского Собора (554), участники к-рого восстановили епископскую юрисдикцию над монастырями и запретили настоятелям отлучаться из обителей без разрешения епископа. На Соборе присутствовал Спектат, еп. г. Форум Юлия, в диоцезе к-рого находился Лерин (*Concilia Galliae A. 511–A. 695 / Ed. C. de Clercq. Turnhout, 1963. P. 170–173. (CCSL; 148A)*). В 556 г. по поручению папы *Пелагия I* леринские монахи передали франк. кор. Хильдеберту I реликвии апостолов и мучеников (*Pelagius I, papa. Ep.* 3. 10 // *Idem. Epistulae qui supersunt* (556–561) / Ed. P. M. Gassó, C. M. Batlle. Montserrat, 1956. P. 9–10). Возможно, патриций Динамий († ок. 596),

наместник Прованса, автор Жития св. Максима Рейского, составил стихотворную «Похвалу Леринскому острову» (ICUR. 1888. Vol. 2. Pars 1. P. 70–71). Григорий Турский упоминал о паломнике, посетившем Лерин (Greg. Turon. Glor. conf. 95). В 596 г. аббат Стефан принял в монастыре св. Августина, направленного папой Григорием I Великим в Британию, и послал понтифику посуду для римских бедняков (Greg. Magn. Reg. epist. VI 57).

Аскетическое учение последователей св. Гонората получило отражение прежде всего в трактате Евхерия «Похвала пустыне», который считается программным текстом леринского монашества. Поводом для написания трактата послужило возвращение св. Илария из Арелата в Леринский мон-рь после избрания св. Гонората на епископскую кафедру. Евхерий описывал «пустыню», под к-рой подразумевался в первую очередь Лерин, как идеальное место для аскетических подвигов. Эту «пустыню» Бог указал Гонорату, к-рый желал «отделиться от мира преградой моря» (Hilarius. Sermo de vita S. Honorati. 15. 3). По словам Евхерия, Иларий удалился «из дома своего и от своей родни в великое море» и обрел там «великую пустыню» (Eucher. Lugd. De laud. herem. 1; ср.: Honor. Massil. Vita Hilar. 8). «Пустыня» создана Богом для избранных, желающих спастись и стать святыми. Леринские авторы уподобляли ее тихой гавани, приюту для странников, спокойному убежищу для мятущихся и растерянных людей (Honor. Massil. Vita Hilar. 2; ср.: Vincent. Lirin. Common. I 1 // The Comptonorium of Vincentius of Lerins / Ed. R. S. Moxon. Camb., 1915. P. 3–5; Euseb. Gall. Hom. 25. 4; 35. 4; 42. 10). В посл. Кесарий Арелатский уподоблял леринскую «пустыню» матери и кормилице (Caes. Arel. Serm. 236. 2), а Фавст Рейский называл ее «школой Христа» (Euseb. Gall. Hom. 35. 7, 39. 2; Faust. Reg. Ep. 8). Используя аналогии из Свящ. Писания, леринцы сравнивали аскетов с народом Израиля, покинувшим Египет и странствующим по пустыне. Иларий и Фавст описывали Гонората как «нового Моисея», указавшего путь «новому Израилю». Евхерий напоминал Иларию: «Странствуя в пустыне с Израилем, ты достигнешь обетованной земли с Иисусом» (Eucher. Lugd. De laud. herem. 44).

Он называл леринскую «пустыню» «временным отечеством» людей, покинувших земную родину, чтобы стать святыми (Ibid. 30). Однако «пустыня» — место не только духовного странствия, но и духовной борьбы: там Христос преодолел искушения и победил сатану (Мф 4. 1–11; Лк 4. 1–13). Поэтому леринские авторы называли монахов Божиим воинством, сопоставляли их жизнь с воинской службой, а мон-рь — с военным лагерем. Эннодий в Житии св. Антония Леринского именовал монахов «легионом Господней паствы» (MGH. AA. T. 7. P. 40). В то же время леринцы считали «пустыню» местом, исполненным благодати, расположенным между небом и землей. Они представляли Лерин как «святой остров», «земной рай» (paradisus saeculi — Honor. Massil. Vita Hilar. 7), где живут люди, подобные ангелам. Эннодий называл Лерин «кормилицей святых» (nutrix sanctorum) (см.: Vogüé. 2003. P. 79–104; Heijmans M., Pietri L. Le «lobby» lérinien: Le rayonnement du monastère insulaire du Ve siècle au début du VIIe siècle // Lérins. 2009. P. 53–60).

Леринские монахи считали своими предшественниками егип. подвижников. Иоанн Кассиан утверждал, что Гонорат и Евхерий вдохновлялись примером первых монахов, жизнь и учение которых он описал в «Собеседованиях», а Евхерий высказывал намерение посетить Египет (Ioan. Cassian. Collat. 11. Praef.). По словам Евхерия, уединенные кельи леринцев напоминали Египет, перенесенный в Галлию (Eucher. Lugd. De laud. herem. 42). Обращаясь к Фавсту Рейскому, Сидоний Аполлинарий представлял леринских монахов наследниками древней аскетической традиции, восходившей не только к егип. подвижникам, но и к прор. Или и Иоанну Крестителю (Sidon. Apol. Carmina. XVI 91–128). Он утверждал, что леринский мон. Антиол воздержанием превзошел «архимандритов Мемфиса и Палестины» (Idem. Ep. VIII 14).

А. А. Королёв

Внутреннее устройство и устав монастыря. Ранние источники не позволяют однозначно определить, как был устроен Леринский мон-рь, был ли он общежительным (киновией), представлял собой поселение «отшельников» или относился к смешанному типу. Авторы V–VI вв. упоминают о существовании правил

мон-ря (Regula, Statuta, Instituta и т. п.), поэтому исследователи пытаются связать с Лерином те или иные монашеские уставы, не содержащие в заглавиях точной локализации. Наибольшим признанием пользуется теория А. де Вогюэ, выдвигавшего 3 устава из собрания Бенедикта Анианского, которые с наибольшей вероятностью могли происходить из Леринского монастыря («Правило 4 отцов — Серапиона, Макария, Пафнутия и другого Макария», «Второе правило отцов» и «Правило Макария, который начальствовал над 5 тысячами монахов»), а также еще неск. текстов, к-рые зависят от этих уставов или созданы под их влиянием.

«Правило 4 отцов» (изд.: Regula sanctorum patrum // Les Règles. 1982. T. 1. P. 180–205), по мнению Вогюэ, относится ко времени основания мон-ря (нач. V в.). Текст состоит из пролога и 4 речей, которые делятся на 16 глав, и напоминает соборные акты. Хотя в заглавии перечислены имена егип. отцов, устав не является переводом с копт. или греч. языка; единственная известная версия — латинская. Вогюэ считал, что имена егип. подвижников были псевдонимами леринских отцов-основателей: Серапион — это еп. Леонтий, Макарий — св. Капразий, Пафнутий — св. Гонорат (опираясь на одну из ркп., исследователь счел упоминание «другого Макария» ошибкой). По его мнению, Леонтий, Капразий и Гонорат непосредственно участвовали в составлении устава. В проповеди из собрания Евсевия Галликана упоминается «Правило Гонората», к-рое характеризуется как «святое» и «апостольское», основанное на ВЗ и НЗ и заповедях егип. отцов (Euseb. Gall. Hom. 72. 4, 13). По мнению Вогюэ, имеется в виду «Правило 4 отцов», т. к. в нем также говорится о таких качествах настоятеля, как «pietas» (благочестие) и «severitas» (строгость) (Ibid. 72. 10; ср.: Les Règles. 1982. T. 1. P. 186). «Правила святых леринских отцов» наряду с уставами свт. Василия Великого и преподобных Пахомия Великого и Иоанна Кассиана упоминаются в Житиях Юрских отцов в числе «восточных» уставов (в противоположность «галльским» правилам). Такая характеристика соответствует содержанию «Правил 4 отцов», но Вогюэ сделал также вывод о времени составления па-

мятника на основании порядка перечисления уставов: Леринский устав появился после перевода «Правила Василия Великого», выполненного *Руфином Аквилейским*, но до перевода «Правила Пахомия», сделанного блж. Иеронимом.

Влияние «Правила Василия Великого» в переводе Руфина на «Правило 4 отцов» проявилось в использовании выражения «is qui praeeest» (тот, кто во главе) для наименования главы монашеской общины (Руфин ввел его для передачи греч. *πρωτοῦς*). Заметно также влияние уставов блж. Августина («*Ordo monasterii*» и «*Praeceptum*»); принимая во внимание участие леринских монахов в спорах о предопределении, это ставит под вопрос гипотезу Вогюэ. По мнению А. Мундо, «Правило 4 отцов» было составлено лишь во 2-й пол. V в. Ж. Нёвиль, датировавший устав 2-й четв. или сер. V в., полагал, что он был создан не в Леринском мон-ре, а в Италии, т. к. в тексте приведены цитаты из псалмов по т. н. Римской Псалтири. Наиболее критическую позицию по отношению к теории Вогюэ занял Ж. П. Весс (*Weiss J.-P. Lérins et la «Règle des Quatre Pères» // Lérins. 2009. P. 121–140*). Он отметил, что леринские деятели иногда пользовались псевдонимами (напр., Сальвиан Массилийский называл себя Тимофеем, а Винцентий Леринский — Перегрином), но в «Правило 4 отцов» псевдонимы не соответствуют реальным личностям авторов-составителей. Подобный прием использовался, напр., в нек-рых *литургико-канонических памятниках*, где для придания авторитета наставлениям использовалось фиктивное апостольское авторство. В данном случае авторитетом для составителя правил выступали именно егип. отцы. О двух Макариях на Западе узнали из «Истории египетских монахов» Руфина Аквилейского, однако, по мнению Весса, перечисление имен Серапиона, Пафнутия и двух Макариев связано с публикацией в 20-х гг. V в. 3-й кн. «Собеседований» прп. Иоанна Кассиана. Следов., «Правило 4 отцов» не может считаться первоначальным леринским уставом. Иоанн Кассиан посвятил 3-ю кн. «Собеседований» аскетам Иовиниану, Минервию, Леонтию и Феодору (впсл. епископ г. Форум Юлия). По его словам, Феодор основал общежительный мон-рь, а проч. аскеты име-

ли опыт как общежития, так и отшельничества, в т. ч. на островах (*Ioan. Cassian. Collat. 18. Praef.*). Т. о., в V в. Леринский монастырь был не единственной в Юж. Галлии кинувией, с к-рой были связаны жившие на островах отшельники. Для одной из таких обителей могло быть предназначено «Правило 4 отцов».

Согласно «Правило 4 отцов», братия должна жить под руководством единого главы в доме, к-рый находится в «пустыне». Основа общежития — послушание (*Regula sanctorum patrum. I 1–18*). Глава общины не должен быть лицепрятен, ему следует одинаково относиться ко всем (*Ibid. II 1–9*). Он возглавляет псалмопение (*Ibid. 10–15*). От него зависят принятие и испытание новичков, к-рые могут быть как бедными, так и богатыми (*Ibid. 16–35*). Акцент делается на гостеприимстве в обители (*Ibid. 36–42*), в т. ч. внимании к монахам-странникам (*Ibid. IV 1–13*) и клирикам (*Ibid. 14–19*). Пост совершается ежедневно до 9-го часа (*Ibid. III 1–5*). Монахи занимаются ручным трудом (*Ibid. 6–20*). Если община многочисленна, то на каждую неделю избирается брат-эбдомадарий (*Ibid. 21–22*). Из монастырских должностей упоминается келарь (*Ibid. 23–30*). В уставе содержатся предписания относительно наказаний за различные прегрешения (*Ibid. V 1–18*). Устав полагается читать ежедневно (*Ibid. III 31*). По ряду признаков (в частности, акцент на принятии гостей) правила соответствуют тому, что известно о Леринском мон-ре по др. источникам. Но на Лерине жили в основном аристократы и члены их семей, которые придавали большое значение молитве, посту и духовному созерцанию, тогда как в уставе подчеркивается важность физического труда.

Вогюэ связывал с Леринским монастырем также «Второе правило отцов» (*Statuta patrum // Les Règles. 1982. T. 1. P. 274–283*). Текст состоит из 7 глав (всего 46 стихов). По мнению Вогюэ, он является дополнением и развитием «Правила 4 отцов», поэтому во всех рукописях тексты помещены вместе. Исследователь датировал составление устава 427 г. и связывал его с избранием нового настоятеля Максима. В заглавии памятник называется «*Regula*», а в заключении — «*Statuta patrum*». Поэтому Вогюэ полагал, что именно этот устав упоминается

в 477 г. Сидонием Аполлинарием как «*statuta Lirinensium patrum vel Grinnicensium*» (*Sidon. Apol. Ep. VII 17. 3*). Т. о., устав мог происходить из мон-ря Грененк (Гриниак; ныне Гриньи близ Лиона), связанного с аббатством св. Маврикия в Агауне (ныне Сен-Морис, Швейцария). В начале устава говорится, что он составлен «по преданию отцов, святых мужей», поэтому считается, что его автором был некий диак. Вигилий, о к-ром упоминал Геннадий Массилийский (см. *Геннадий Марсельский*): правило Вигилия для монахов было написано лаконично и простым языком; в нем говорилось обо всех монастырских должностях и служениях, его полагалось регулярно читать в соборнии монахов (*Gennad. Mas-sil. De vir. illustr. 51*). По сравнению с «Правилом 4 отцов» во «Втором правиле отцов» заметно еще большее влияние блж. Августина. В частности, глава монастыря называется препозитом (*praepositus*), он имеет священный сан и поставлен епископом. Подчеркивается также значение единодушия братии в соблюдении правила (*Statuta patrum. 1–4*). Говорится о христ. любви и послушании (*Ibid. 5–10*), о хранении молчания (*Ibid. 11–16*), об уважении к старшим (*Ibid. 17–21*), о работе (*Ibid. 22–26*), о провинностях (*Ibid. 27–46*), в т. ч. связанных с отправлением служб суточного круга (*Ibid. 31–39*). Устав, несомненно, адресован общежительным монахам, но в нем отмечается, что вокруг кинувии живут старцы в особых келиях (*Ibid. 30*). Такой порядок совпадает с тем, который, по описанию Евхерия, существовал в Леринском монастыре (*Eucher. Ludg. De laud herem. 42*). Однако, возможно, в раннюю эпоху кинувией считался весь о-в Лерин, на к-ром монахи жили по отдельности или небольшими группами, собираясь вместе только на трапезу и богослужение.

Согласно Вогюэ, 3-м леринским уставом было «Правило Макария» (изд.: *Regula sancti Macharii // Les Règles. 1982. T. 1. P. 372–389*). Этот устав, состоящий из 30 глав, в значительной мере основан на «Втором правиле отцов» (ср.: *Regula sancti Macharii. 10–18; Statuta patrum. 23–24, 26–31, 37–43*) и содержит цитаты из 125-го послания блж. Иеронима и соч. «О молитве» сщмч. Киприана Карфагенского. Доказательством леринского происхождения

устава Вогюэ считал упоминание о нем в Житии св. Иоанна Реомского (CPL, N 2113; вместе с уставами свт. Василия Великого и святых Бенедикта и Колумбана он упом. также в Житии св. Филиберта (CPL, N 2132)). По мнению исследователя, за именем Макария скрывается леринский аббат Поркарий. На основании цитаты из лат. апокрифического Жития Пахомия (BHL, N 6411–6412; греч. Житие было переведено *Дионисием Малым* лишь в 525) Вогюэ датировал памятник рубежом V и VI вв. Согласно уставу, во главе мон-ря стоит препозит (praepositus) или аббат, к-рому подчиняется препозит; монахи именуются «воины Христа» (milites Christi).

Аббату Поркарию в рукописной традиции приписывается краткое наставление в 11 главах — «Monita» (Заповеди) (изд.: *Wilmart*. 1909). Текст не имеет определенного адресата. В нем не упоминаются монахи и мон-рь, поэтому существует гипотеза, что наставления обращены к еремитам или к какому-то клирику (возможно даже, к свт. Кесарию Арелатскому, наставником которого был Поркарий). В тексте не упоминается о послушании, но даются советы, как бороться со страстью гнева, как хранить сердце; говорится о происхождении помыслов, памяти смертной, уподоблении ангелам. Вогюэ также приписывал Поркарию «Увещание св. Василия к духовному сыну» (компендиум из «Правил Василия», переведенных Руфином, Жития Антония и посланий свт. Павлина Ноланского), которое по структуре и некоторым выражениям совпадает с «Monita» (изд.: *Lehmann P.* Die «Admonitio S. Basilii ad filium spiritualem». Münch., 1955; *Idem.* Erforschung des Mittelalters: Ausgewählte Abhandlungen und Aufsätze. Stuttgart, 1962. Bd. 5. S. 201–245).

К числу уставов, составленных под влиянием леринской традиции, Вогюэ относил «Восточное правило» (Regula Orientalis), в к-ром использовано «Второе правило отцов», а также «Третье правило отцов», опирающееся на «Правило Макария», и т. н. южноитал. редакцию «Правил 4 отцов» (первый и последний памятники сохр. в единственной рукописи).

В составе «Правил для дев» свт. Кесария Арелатского есть описание богослужения по чину Леринского

мон-ря (Ordo Lirinensis — *Caes. Arelat. Reg. ad virg.* 66. 2–17). В «Правиле 4 отцов» и во «Втором правиле отцов» службы суточного круга (ordo psallendi) упоминаются, но их содержание практически не раскрывается (Regula sanctorum patrum. II 11; Statuta patrum. 17). В изложении Кесария представлен устав довольно развитых служб суточного круга — 3-й, 6-й, 9-й, часы, lucernarium (вечерня), 12-й час, ноктурны (без утрени), к-рые содержат псалмы, антифоны, чтения из НЗ (Деяния св. апостолов, Откровение Иоанна Богослова, Евангелие) и гимны. Используется специальная литургическая терминология: capitellum (псалмический стих), directaneus (псалом без антифона), antiphonae minores (сокращенные антифоны), missae (чтения). Подробно описываются службы на Светлой седмице начиная с 1-го дня Пасхи, а также указываются бдения в течение всего года. Хотя в уставе трудно отделить элементы, привнесенные свт. Кесарием, от собственно леринских, очевидна его связь с вост. монашеской традицией и трудами прп. Иоанна Кассиана.

Вопросы, связанные с устройством и уставом Леринского мон-ря в V–VI вв., остаются открытыми. Нет твердых доказательств принадлежности тех или иных текстов к леринской традиции. В аутентичных сочинениях церковных деятелей и наставников монашества, связанных с мон-рем, жизнь на Лерине, как правило, описана в общих словах. Обычно считается, что на острове существовал общежительный мон-рь (киновия), а вокруг него и на соседних островах находились жилища «отшельников», причем нек-рые занимали их вместе с членами своих семей. Возможно, формы жизни леринских монахов со временем менялись в сторону консолидации общежития (см.: *Gioanni S.* «Être véritablement moine»: Les représentations de l'identité ascétique dans la pastorale lérinienne (V^e–VIe siècles) // *Lérins*. 2009. P. 141–165). Высказывалось мнение, что в ранних зап. мон-рях отсутствовали письменные уставы, а сохранившиеся тексты имели не столько нормативное, сколько поучительное значение (см., напр.: *Diet A.* Inventing the Holy Rule: Some Observations on the History of Monastic Normative Observance in the Early Medieval

West // *Western Monasticism «ante litteram»: The Spaces of Monastic Observance in Late Antiquity and the Early Middle Ages* / Ed. H. Dey, E. Fentress. Turnhout, 2011. P. 53–84).

А. А. Ткаченко

VII–X вв. К кон. VI в. относятся данные, позволяющие предположить, что монашеская дисциплина на Лерине ослабла. Св. *Аттала*, долго живший в мон-ре, покинул обитель из-за распушенности монахов и отправился к св. *Колумбану* в Луксовий (см. *Люксёй*) (Vita Columbani. II 1 // *Ionae Vitae sanctorum Columbani, Vedastis, Iohannis* / Ed. B. Krusch. Hannover; Lpz., 1905. P. 230–231. (MGH. Script. Rer. Germ.; 37)). В 600 г. папа Григорий Великий велел аббату Конону восстановить дисциплину, подорванную неразумными действиями его предшественника (понтифик также рекомендовал Конону «нашего сына пресвитера Колумба», к-рого можно отождествить со св. Колумбаном) (*Greg. Magn. Reg. epist.* XI 9). Однако в VII в. Леринский монастырь по-прежнему обладал определенным авторитетом и привлекал людей, стремившихся к аскетическим подвигам. Так, св. *Ромарик*, приближенный кор. Австразии Теодориха II, пожелал стать монахом и решил отправиться на Лерин (MGH. Scr. Mer. T. 2. P. 433–434). В сер. VII в. на острове провел 2 года св. *Бенедикт Бископ*, к-рый в посл. вернулся в Британию и основал мон-рь *Ярроу-Вермут* (*Beda. Vita beatorum abbatum.* 2 // *Venerabilis Baedae Opera historica* / Ed. C. Plummer. Oxf., 1896. T. 1. P. 365).

Считается, что в VII в. в Леринском мон-ре был введен Устав св. Бенедикта (см. *Бенедикт Нурсийский*) или смешанный устав святых Бенедикта и Колумбана. Мн. исследователи связывали это с деятельностью аббата Айгульфа (напр.: *Prinz*. 1965. S. 276–277; *Dunn*. 2000. P. 173). Однако в Житии Айгульфа, составленном во 2-й пол. IX в. агиографом Адревальдом из аббатства *Флэри* (BHL, N 194), о введении тем бенедиктинского устава не говорится. Адревальд утверждал, что Айгульф был монахом во Флориаке (Флэри; ныне Сен-Бенуа-сюр-Луар) и доставил туда из Италии мощи св. Бенедикта (ср. сказание о перенесении мощей Бенедикта, также составленное Адревальдом (BHL, N 1117); в более раннем сказании (BHL, N 1116)

нет упоминаний об Айгульфе). По просьбе насельников Леринского мон-ря франк. король назначил его аббатом, чтобы восстановить порядок в обители. Однако часть монахов во главе с Аркадием и Колумбом подняли мятеж. При поддержке Муммола, «принцепса» г. Ницерия, эти монахи взяли Лерин под контроль. Айгульф и его сторонники были заключены в темницу; их ослепили и вырезали им языки. Перед праздником Пасхи их отвезли на о-в Капразия, а затем убили на о-ве Аматуне, «расположенном между Корсикой и Сардинией». Узнав о гибели Айгульфа, его преемник Ригомир велел перенести мощи мучеников на Лерин. В перенесении мощей участвовала некая аббатиса Ангарисма, названная в Житии ученицей Айгульфа (ActaSS. Sept. T. 1. P. 747–755; сокращенное изложение см. в анонимном Житии Айгульфа (BHL, N 193), составленном, возможно, в XI в.). Предание о гибели Айгульфа могло быть вымышлено Адревальдом (в пользу этой версии говорят топонимы, которые трудно отождествить с реальными местами, — Ницерия (в рукописях также Узеза и т. д.), Капразия (Капрассия), Эфес, Аматауна (Амаритина)). Однако в основе сказания, вероятно, лежат воспоминания о политическом конфликте, последовавшем за убийством Хильдерика II (кор. Нейстрии и Австризии в 673–675). На основании данных, приведенных в Житии, можно сделать вывод, что Айгульф пользовался покровительством франк. майордома Эброина († 680/1), его союзника св. Авдуина, еп. Ротомагского (Руанского), и его ставленника кор. Хлодвига III (675–676). Т. о., назначение Айгульфа могло быть связано с попытками нейстрийской аристократической группировки во главе с Эброином установить контроль над Леринским мон-рем. Вероятно, Айгульф был убит противниками майордома (к их числу принадлежал патриций Гектор, франк. наместник Прованса, убитый в 675 по инициативе Эброина, — см. в ст. *Леодегарий*). «Принцепса» Муммола, оказавшего поддержку мятежным монахам, отождествляют с Муммоллом, еп. Уцении (ныне Юзес), о к-ром упоминается в Житии св. Аманды в связи с его враждебным отношением к нейстрийским клирикам (епископ, недовольный тем, что Аманд получил от

кор. Хильдерика II землю для основания монастыря в Провансе, велел своим воинам убить святого) (MGH. Scr. Mer. T. 5. P. 445–446; см.: ActaSS. Sept. T. 1. P. 738; Moreau É., de. Saint Amand, apôtre de la Belgique et du Nord de la France. Louvain, 1927. P. 230–233). Внимание Эброина и его союзников к Леринскому мон-рю может свидетельствовать о церковно-политическом значении обители. В сборнике формул Маркульфа, составленном, вероятно, на рубеже VII и VIII вв. в аббатстве св. Дионисия (см. *Сен-Дени*), Лерин назван среди важнейших франк. монастырей, обладавших иммунитетом на основании папских и королевских привилегий (MGH. Leg. Sect. 5: Formulae Merovingici et Karolini aevi. P. 39).

Вероятно, в VIII в. Леринский монастырь был разорен арабами, захватившими Испанию, но сведения об этом сохранились лишь в поздних источниках. Предание о гибели леринских монахов изложено в Житии св. Майоля, аббата *Клюни*, составленном ок. 1000 г. мон. Сиром. Во время вторжения сарацин в Прованс ангел открыл леринскому аббату Поркарию, что враги вскоре

Капелла Св. Троицы
в аббатстве Лерен

нападут на обитель. Монахи решили остаться на острове, чтобы принять мученическую смерть. Однако с приближением вражеских судов их объял страх, поэтому внезапно налетевший ветер не позволил кораблям подойти к острову. Тогда монахи, преодолев страх, вышли навстречу сарацинам и были убиты (в Житии утверждается, что погибло не менее 500 чел.) (BHL, N 5179; *Iogna-Prat D.* «Agni immaculati»: Recherches sur les sources hagiographiques relatives à saint Maieul de Cluny (954–994). P., 1988. P. 108–121, 178–182). Согласно записи в монастыр-

ском *картулярии*, обитель была разорена вандалами в 455 и восстановлена в 752 г. Елевферием, «Божием человеком». Тогда же папа Римский *Стефан II (III)* якобы передал монахам $\frac{1}{5}$ герцогства Прованс (Cartulaire. 1883. T. 1. P. 293. N 290). Согласно Мученичеству св. Поркария, составленному, вероятно, в XII в., эти события произошли при франк. правителе *Карле Мартелле*. Перед нападением сарацин молодые насельники и ученики были отосланы в Италию. Спрятавшиеся среди скал монахи Колумб и Елевферий увидели души погибших, подобно звездам, поднимавшиеся в небо. Вдохновленный видением, Колумб вышел из укрытия и был убит. На остров прилетело множество морских птиц, к-рые печальными криками оплакивали гибель мучеников. Когда франки изгнали сарацин из Прованса, Елевферий и другие уцелевшие монахи восстановили обитель (BHL, N 6899; ActaSS. Aug. T. 2. P. 737–739; см.: *Labrousse et al.* 2005. P. 141–144).

Упоминания о Л. содержатся в письмах *Алкуина*. В связи с назначением Лионского архиеп. Лейдрада (797/8–816) Алкуин обратился к неким монахам с призывом избегать ереси *адоцианства*, попросив передать его письмо насельникам Л. (MGH. Epp. T. 4. P. 216). После назначения Лейд-

рада Хильдуин, племянник его предшественника архиеп. Адона, рассчитывавший занять Лионскую кафедру, удалился на Л. и стал монахом (PL. 123.

Col. 129). Ок. 801 г. в письме «общине святейшего отца Гонората» Алкуин восхвалял образ жизни леринских монахов и в то же время убеждал их хранить мир и согласие. По-видимому, тогда же насельники Л. сообщили ему, что аббат и мон. Бернарий были вызваны ко двору имп. *Карла Великого*. Алкуин попросил св. Адалхарда I, аббата *Корби* и родственника Бернария, позаботиться о благополучном решении дела (MGH. Epp. T. 4. P. 363–364; см.: *Dubreucq A.* Lérins et la Bourgondie dans le haut Moyen Âge // Lérins. 2009. P. 221–226).

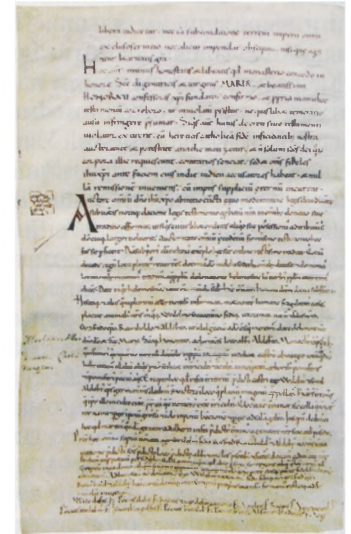
Распад гос-ва *Каролингов* сопровождался борьбой за власть в Провансе. Это позволило испан. мусульманам занять крепость Фраксинет (ныне Ла-Гард-Френе, деп. Вар), находившуюся поблизости от Л., и совершать оттуда набеги на окрестные земли (80-е гг. IX в.). Возможно, в этот период монашеская жизнь на Лерене прервалась. Только после того как мусульмане взяли в плен св. *Майоля* (июль 972), графы Гийом I и Ротбальд II при поддержке туринского маркгр. Ардуина Лысого захватили Фраксинет и изгнали сарацин из Прованса. Благодаря ликвидации военной угрозы и стабилизации политической обстановки заметно укрепилось положение монастырей, как древних (Сен-Виктор в Марселе, Сен-Понс в Ницце), так и новых (Монмажур близ Арля, основан в 949). По-видимому, Л. был восстановлен позднее. Укрепление Арлюк (в черте совр. г. Канны), ранее принадлежавшее мон-рю и после его упадка отошедшее в королевский фиск, было передано аббатству Монмажур (об этом известно из грамот папы *Льва VIII (Jaffé. RPR. N 3702)* и кор. *Конрада I* от 8 дек. 963/4, но папская грамота, возможно, подложная, а в тексте королевской грамоты есть поздние интерполяции).

XI–XIV вв. Возрождение Л. было связано с деятельностью монахов *Клюнийской конгрегации*. В 978 г. папа Римский *Бенедикт VII* передал св. Майолю «остров Лерен с монастырем Арлюк и всеми землями, которые к нему относятся» (*Jaffé. RPR. N 3796*). Высказывались сомнения в подлинности этой грамоты (*Labrousse et al. 2005. P. 137*), однако, по мнению Ж. Бюто, ее не следует считать подделкой. Тем не менее до нач. XI в. нет сведений о монашеской общине Л. Самый ранний документ в монастырском картулярии датирован 29 февр. 1008 г. (*Cartulaire. 1883. Pt. 1. P. 48. N 50*). Согласно дарственным грамотам Константина и Изенгарды и Трюана и Амальсинды, в нач. 20-х гг. XI в. мон-рь возглавлял клюнийский аббат св. *Одилон*. Вероятно, именно по его инициативе на Лерене возродилась монашеская жизнь. В грамотах впервые упоминается средневековое посвящение обители Пресв. Деве Марии и св. Гонорату (*Ibid. P. 53–55. N 55; 1905. Pt. 2. P. 50–52. N 28*). Л. не был включен в конгрегацию Клюни, хотя Оди-

лон, по-видимому, поставил во главе обители клюнийского мон. Гарнерия, носившего титул аббата. Премником Гарнерия был Амальрик, насельник Л. (1028–1043/44) (см.: *Butaud G. Listes abbatiales, chartes et cartulaire de Lérins: Problèmes de chronologie et de datation (XIe–XIIe siècles) // Lérins. 2009. P. 368–387*).

Положение восстановленного монастыря заметно укрепилось при аббатах Альдеберте I (1043/44–1088) и Альдеберте II (1088–1103; в 1103–1124 епископ Альбенги) (о датировке их правления см.: *Ibid. P. 387–398*). Они установили тесные отношения с местной знатью, прежде всего с сеньорами Граса и Антиба, а позднее — с графами Прованса, Барселоны и Вентимильи. Аристократы и церковные иерархи жертвовали мон-рю земельные владения (ко 2-й пол. XI в. относятся 103 дарственные грамоты), предоставляли налоговый и судебный иммунитет. Графы Прованса передали монахам право рыбной ловли в прибрежных водах, позволили им вести беспошлинную морскую торговлю и т. д.; сеньоры Граса гарантировали неприкосновенность прав и владений мон-ря (напр.: *Cartulaire. 1883. Pt. 1. P. 72. N 74*). Во 2-й пол. XII в. количество дарений и привилегий заметно сократилось, но к этому времени Л. обладал крупными земельными владениями, гл. обр. в Вост. Провансе. Их основу составляла т. н. антибская сеньория, располагавшаяся в окрестностях мон-ря. В нее входили Арлюк, Валлорис, Канны и Мужен. Некоторые владения, прежде всего Арлюк, могли принадлежать обители еще в раннее средневековье. Кроме того, мон-рь обладал земельной собственностью в других регионах, в т. ч. в Каталонии, Лигурии и Оверни (см.: *Moris. 1909. P. 108–177*). В булле папы Римского *Александра IV* (1259) перечислены 64 монастырских владения, которые были сосредоточены вокруг замков и «церквей» (*ecclesiae*). «Церкви» фактически являлись приоратами: при них жили монахи, направленные из аббатства Л., к-рые служили в храмах и управляли монастырскими землями. Количество принадлежавших Л. «церквей» не было постоянным (в документах разного времени упом. 20–30 приоратов). Среди них выделялись общины клириков и монашеские обители, признавшие зависимость от аббатства.

Так, в 1050 г. монастырь Сен-Верав близ г. Кань-сюр-Мер стал приоратом Л., чтобы избежать зависимости от епископа и местных сеньоров. В 1068 г. Рамон Беренгер I, гр. Барселоны, и его супруга Альмодис де ла Марш подарили аббатству монастырь Сан-Пол-де-Мар (пров. Барселона, Каталония). В подчинении Л. находились также небенедиктин-

Панегирик аббатству Лерен в картулярии. 1-я пол. XII в. (Архив деп. Приморские Альпы. Н. 10. Fol. 156)

ские обители (напр., мон-рь регулярных каноников в Сен-Маме близ Гапа) и жен. мон-ри, напр. приорат в Валлорисе близ Антиба (основан в 1227, впосл. преобразован в мужской) и аббатство Пресв. Девы Марии и св. Гонората в Тарасконе (основано в 1358 Жаном Гантельмом, сенешалем Прованса). С 1303 г. насельники Л. претендовали на аббатство Вальбон близ Ниццы, оказавшееся в трудном положении после распада бенедиктинской конгрегации Шале; в 1346 г. права Л. на этот мон-рь были признаны Папским престолом (см.: *Weiss. 2001*). Некоторые крупные приораты выполняли функции госпиталей (больниц, приютов для стариков и детей), напр. госпитали св. Гонората в Каннах и св. Антония в Генуе.

Аббат Альдеберт II добился от папы Римского *Урбана II* привилегии, в соответствии с которой Л. был принят под защиту Папского престола (1094) (*Cartulaire. 1883. Pt. 1. P. 294–295. N 291*). В 1102 г. папа *Пасхалий II* подтвердил права аббатства на владения в еп-стве Антиб (*Ibid. P. 295–297. N 292*). Впосл.

папы Римские неоднократно подтверждали права и привилегии монастыря, издавали грамоты об *индальгенции* для паломников и благодетелей (см.: *Méhu D. Les privilèges pontificaux de Lérins, de l'élaboration du cartulaire à la nouvelle Vita Honorati (milieu XIIe – début XVIe siècle) // Lérins. 2009. P. 457–543*). В 10-х гг. XII в. были собраны воедино документы из монастырского архива; между 1155 и 1158 гг. на основе этого сборника был составлен картулярий, в который вошли ок. 300 документов. В приложениях сохранились также копии 33 актов из более раннего сборника и др. тексты (рпк.: Archives départementales des Alpes-Maritimes. N 10; изд.: *Cartulaire. 1883. Pt. 1; 1905. Pt. 2*; см.: *Butaud G. Listes abbatiales... // Lérins. 2009. P. 399–412, 420–444*). *Картулярий* – важнейший источник сведений об истории мон-ря в XI–XII вв., хотя некоторые включенные в него акты являются подложными или содержат интерполяции (напр.: *Février. 1956*).

После изгнания сарацин из Прованса Л. неоднократно подвергался нападениям мусульм. пиратов из Испании. Так, в 1046 или 1047 г. часть монахов была захвачена в плен. Оставшиеся насельники собрали средства и попросили св. *Изарна*, аббата мон-ря Сен-Виктор, помочь с выкупом пленных. О др. нападении на Л. сообщается в письме *Хильдеберта Лаварденского* (ок. 1101). Вскоре после того, как Хильдеберт посетил мон-рь по дороге из Рима во Францию, на остров напали сарацины и убили многих монахов (PL. 171. Col. 287–288). Вероятно, аббатство пострадало также во время нападения сарацин на Антиб (ок. 1124). Для защиты от разбойников аббат Альдеберт II начал строительство укреплений на Лерене и в Каннах (замок Ле-Сюке; права монахов на это укрепление были подтверждены гр. Беренгером Раймондом в 1131). На острове была возведена башня, где при необходимости могли укрыться монахи. В то же время велось строительство церквей и др. монастырских зданий. О том, что монахи занимались интеллектуальной деятельностью, свидетельствует комментарий на Псалтирь, к-рый мон. Даниил посвятил Альдеберту II (*Morard. 2011*).

Наличие у Л. крупных земельных владений приводило к конфликтам

нахов, управления аббатством и его владениями, сбора и распределения доходов и т. д. (известны 7 статуты Л., принятых

Крепость аббатства Лерен. XII–XV вв.

между 1310 и 1453; см.: *Moris. 1909. P. 93–107*). В частности, было определено количество монахов, к-рые могли жить

с местной знатью, представители к-рой иногда пытались отобрать у монахов собственность, подаренную их предками. Права монахов на приходские церкви и на сбор десятины нередко становились предметом споров с епископами (в этот период Л. находился в диоцезе Антиб (с 1244 – Грас); лишь в 1377 папа *Григорий XI* освободил аббатство и приораты от епископской юрисдикции; см.: *Cartulaire. 1905. Pt. 2. P. 8–12. N 5*). К кон. XII в. относятся сведения о конфликтах среди насельников Л., скорее всего связанных с управлением сеньорией. Этим воспользовались цистерцианцы: на генеральном капитуле ордена (сент. 1197) они постановили ходатайствовать перед Папским престолом о передаче аббатства под их контроль. Однако папа *Иннокентий III* велел архиепископу Арльскому восстановить дисциплину в мон-ре; передача обители цистерцианцам разрешалась только как крайняя мера (13 июня 1198; см.: *Caby C. Les Cisterciens et les îles: Variations sur deux affaires provençales de la fin du XIIe siècle // Lérins. 2009. P. 335–350*).

В XIII в. система управления Л. изменилась. Ранее полная власть над мон-рем и его владениями принадлежала аббату, хотя в действительности приораты обладали широкой автономией. Ограничению власти аббата способствовало проведение генерального капитула, в котором участвовали все монахи Л., жившие на острове и в приоратах (первоначально собирался каждые 2 года, с 1441 – каждые 6 лет). В полномочия генерального капитула входили такие вопросы, как отчуждение монастырских владений. В XIV–XV вв. генеральный капитул принимал статуты – уставные документы, в к-рых содержались подробные указания относительно повседневной жизни мо-

на острове (по статутам 1441 г., в монастыре было 30 монахов во главе с аббатом, в приоратах и других владениях – 76 насельников). Обычной практикой было частое перемещение монахов между аббатством и приоратами. Почти все монахи участвовали в управлении аббатством, т. к. должностные лица избирались или назначались на короткие сроки (лишь с 1453 важнейшие должности (клаустральный приор, сакристан и др.) стали пожизненными).

В XIV в. положение Л. ухудшилось из-за эпидемии, голода и военных действий в Провансе. В условиях сокращения доходов монахи стали укрупнять сеньорию, сосредоточив внимание на владениях, находившихся поблизости от Л. (напр., еще в 1264 они продали обитель Сан-Пол-де-Мар в Каталонии). Автономия мон-ря была ограничена в эпоху «*Авиньонского пленения пап*», когда осуществлялись прямые назначения епископов и аббатов. Впервые аббат Л. был назначен Папским престолом в 1256 г., но только в XIV в. эта практика стала регулярной (лишь в редких случаях папская курия утверждала аббатов, избранных братией). Как правило, ставленники Папского престола совмещали настоятельство в мон-ре с др. бенефициями и редко посещали обитель. Вместо них аббатством руководил заместитель (клаустральный приор или викарий). В 1368 г. папа *Урбан V* подчинил Л. аббатству Сен-Виктор в Марселе, но вскоре по настоянию монахов это решение было отменено.

Пытаясь упрочить престиж Л. в условиях материальных трудностей и соперничества с новыми религ. орденами (францисканцами, доминиканцами, августинцами-эремитами), монахи стремились сделать обитель местом паломничества. Они добивались издания папских грамот

об индульгенции для паломников. В 1246 г. папа Иннокентий IV даровал 40-дневное отпущение грехов паломникам, посетившим остров в день памяти св. Гонората (Cartulaire. 1905. Pt. 2. P. 3–4. N 3). Впосл. индульгенция была распространена на паломничество в Пальмовое воскресенье и день Рогадий, а в XV в. — на период между праздниками Вознесения и Пятидесятницы. Целью паломничества было не столько поклонение монастырским реликвиям (в обители хранились частицы мощей мн. святых), сколько посещение «святого острова», обгащенного кровью мучеников. Согласно панегирику Л. (нач. XII в.), святые Айгульф, Поркарий и 500 монахов своей кровью освятили «остров мучеников» и монастырь, ставший «невестой Христовой» (*Lauwers M. Porcaire, Aygulf et une île consacrée par le sang des martyrs (début du XIIe siècle) // Lérins. 2009. P. 445–455; о паломничестве на Л. см.: Butaud G. Le culte de saint Honorat en Provence et les pratiques dévotionnelles sur l'«île sacrée» de Lérins (XIIIe–début XVIe siècle) // Ibid. P. 601–668).*

Насельники Л. способствовали распространению почитания св. Гонората, которому был посвящен мон-рь. В леренских агиографических сказаниях Гонорат был представлен в первую очередь как основатель монастыря, наставник монахов и чудотворец. Пространное «эпическое» Житие св. Гонората, составленное во 2-й пол. XIII в. (BNL, N 3976; изд.: Die Vita. 1911), отличается обилием фантастических эпизодов, рассказов о чудесах, путешествиях и приключениях героев, образцом для к-рых послужили франц. эпос и Хроника Псевдо-Турпина. Сведения о Гонорате, заимствованные из «Слова...» Илария Арелатского, искажены до неузнаваемости. Особое внимание уделено борьбе с манихеями (катарами), междуособицам знати и престижу Л.—древнейшего мон-ря, прославленного подвигами и чудесами святых (см.: *Labrousse et al. 2005. P. 231–235*). В Житии Гонорату приписывается вост. происхождение (он якобы был сыном царя Никомидии); мать, фанатичная язычница, пыталась ограбить его от христ. проповеди, но благодаря знакомству с подвижниками Капразием, Магонцием и Леонтием Гонорат обратился в христианство

и стал отшельником в горах Прованса. По указанию ап. Иакова он освободил Карла Великого, томившегося в плену у испан. сарацинов, и помог ему одержать победу над врагами. После кончины Капразия и Венанция, с к-рыми святой подвизался в пещере, манихеи схватили его и отвезли на о-в Лерен, где обитали ядовитые змеи. Однако Гонорат изгнал змей и основал мон-рь, для к-рого из *Монте-Кассино* привезли текст Устава св. Бенедикта. Карл Великий щедро одарил обитель, а папа Римский Евгений, услышав о праведной жизни монахов, благословил остров и принял мон-рь под свою защиту. Причиной избрания Гонората на епископскую кафедру названа борьба православных с еретиками. Далее в Житии описываются многочисленные чудеса Гонората и мученичество Поркария. В XIV в. «эпическое» Житие было переведено на каталон. язык (изд. в 1485 в Валенсии). По просьбе аббата Госельма де Меирьера (1295–1309) мон. Раймон Феро составил стихотворное Житие св. Гонората на провансальском языке. Аббат намеревался преподнести это сочинение Марии Венгерской, супруге кор. Карла II Анжуйского. Поэма о Гонорате, написанная неск. стихотворными размерами, состоит более чем из 10 тыс. стихов. Повествование в целом соответствует лат. «эпическому» Житию, за исключением нек-рых деталей (напр., отец Гонората назван королем Венгрии). В XIV–XVI вв. поэма пользовалась популярностью в Юж. Франции (см.: *Ibid. P. 235–239*).

В период политической нестабильности в Провансе, связанной с мятежом виконта Раймона де Тюрена, насельники Л. получили мощи св. Гонората, которые ранее хранились в Арле. Приор мон-ря Ганагоби тайно вывез святыню в свою обитель под предлогом ее спасения от врагов. Навестив родственника, ризничего Л., он предложил отдать мощи в аббатство с условием, что его примут в число братии. Торжественная встреча святыни состоялась 20 янв. 1392 г. (BNL, N 3978; *Barralis. 1613. P. 79–81*). В аббатстве был установлен праздник в честь перенесения мощей св. Гонората (20 янв.; по решению генерального капитула 1453 г. были введены также праздники перенесения мощей св. Айгульфа (17 мая) и всех леренских святых (15 мая)). Вскоре после этого было составлено новое лат. Житие св. Гонората, авто-

Житие св. Гонората.
XV в.

(Stresa. Bibl. Rosminiana. 4. Fol. 65r)

ром или заказчиком к-рого считается Жоффрау де Моншуази (аббат Л. в 1420–1436). Его содержание в целом соответствует «эпическому» Житию. Текст сохранился в богато оформленной рукописи, скорее всего подаренной настоятелем Л. аббату Лудовико Барбо из мон-ря Санта-Джустина в Падуе. Житие не получило распространения в рукописях, но текст был напечатан в 1501 г. в Венеции и в 1511 г. в Париже; известны переводы на каталон. и франц. языки, выполненные по печатным изданиям (см.: *Caby C. Écrire la Vie d'Honorat a Lérins au début du XVe siècle: Autour de la «Vita Honorati» du manuscrit Stresa, Biblioteca Rosminiana, 4 // Lérins. 2009. P. 669–728*).

XV–XVIII вв. В 1400 г. Л. был захвачен и разграблен генуэзскими корсарями, к-рые попытались закрепиться на острове, но были изгнаны ополчением провансальской знати. Об ослаблении монашеской дисциплины говорилось в статутах, принятых на генеральном капитуле 1441 г.; насельникам было запрещено самовольно покидать остров, носить оружие и т. д., им следовало регулярно исповедоваться и причащаться. В 1464 г. папа Римский *Пий II* ввел на Л. режим *комменды* и назначил аббатом своего референдаря Инара де Грасса дю Бара, еп. Граса. После этого мон-рем номинально управляли Грасские епископы Жан Андре Гримальди (аббат Л. в 1482–1500) и Огюстен Гримальди (аббат Л. в 1501–1532), к-рый разрешил монахам вступить в итал. бенедиктинскую конгрегацию Санта-Джустина (Монте-Кассинская конгрегация;

присоединение к ней Л. утверждено папой Римским *Львом X* 29 янв. 1515). В 1513 г. еп. О. Гримальди отказался от комменды, сохранив тем не менее пожизненное право на доход от должности аббата и контроль над значительной частью монастырских владений. В 1516 г. на Лерен были приор Иероним из Монферрата, избранный генеральным капитулом в Монте-Кассино, и 10 итал. монахов. Присоединение к конгрегации Санта-Джустина обеспечило монашеской общине определенную самостоятельность. Аббат, к-рый занимал должность на условиях комменды, как правило, не вмешивался во внутренние дела мон-ря (повседневное руководство осуществлял «регулярный» аббат или клаустральный приор). Во время Итальянских войн семейство Гримальди выступило на стороне имп. *Карла V*; в 1524 и 1536 гг. на острове высаживались испан. войска.

После кончины еп. О. Гримальди монахи Л. самостоятельно избрали настоятеля и отказались принять аббата, назначенного кор. *Франциском I* (Жана дю Белле, еп. Байонны). В ответ король отозвал ратификацию присоединения Л. к конгрегации Санта-Джустина и запретил принимать в обитель монахов-иностранцев (1542). Впосл. кард. Ж. дю Белле уступил должность аббата Гийому Пелисье, еп. Монпелье (аббат Л. в 1548–1567), к-рый судился с монахами из-за доходов обители и пытался изгнать итальянцев, чтобы ликвидировать автономию монашеской общины (в 1564 Королевский совет вынес решение в пользу монахов). Монахи Л. под рук. Дени Фоше неоднократно ходатайствовали перед королем об отмене комменды, судились с аббатами из-за доходов и имущества. В 1592 г. избранный монахами аббат Анж де Фрежюс получил утверждение Папского престола, но кор. *Генрих IV* отказался его признать и в 1594 г. назначил своего кандидата. После переговоров с Римской курией король одобрил присоединение Л. к конгрегации Санта-Джустина при условии, что мон-рем будет руководить аббат-француз (1597). В 1611 г. монахи откупились от назначенного королем аббата, передав ему о-в Сент-МARGERIT, но в 1638 г. комменда была восстановлена. Причиной этого была оккупация Л. испанцами, к-рые изгнали с острова монахов и франц. гарни-

зон (в 1635–1637 монахи жили в замке Валлорис). После освобождения острова кард. Луи де ла Валетт обвинил монахов-итальянцев в сговоре с неприятелем и, получив должность аббата, велел им покинуть Л. В 1639 г. кор. *Людовик XIII* включил аббатство во франц. бенедиктинскую конгрегацию св. Мавра (см. *Мавриты*), но папа Римский не утвердил это решение. Положение мон-ря оставалось неопределенным. Кард. Джулио *Мазарини* (аббат Л. в 1654–1661) признал союз аббатства с конгрегацией Санта-Джустина в обмен на ежегодную выплату пенсии, но отказал монахам, просившим вывести с острова франц. гарнизон. В 1732 г. должность аббата Л. была объединена с епископской кафедрой Граса; протестовавшие против этого монахи проиграли тяжбу, и в 1756 г. Королевский совет постановил включить аббатство в конгрегацию Ключи как общину «старой обсервации».

Борьба монахов с аббатами, назначенными франц. королем, привела к ослаблению дисциплины, сокращению доходов и падению авторитета Л. В XVII в. мон-рь утратил значение духовного центра и места паломничества, а почитание св. Гонората в Провансе заметно ослабло. Однако нек-рые насельники Л. внесли вклад в изучение истории мон-ря, особенно раннего периода. Гуманист Джованни Андреа (Грегорио) Кортезе (регулярный аббат Л. в 1524–1527; кардинал с 1542) составил неск. поэм о св. Гонорате и о мон-ре (*Gregorii Cortesii Omnia, quae huc usque colligi potuerunt, sive ab eo scripta, sive ad illum spectantia. Patavii, 1774. Pars 1. P. 154–164*). Мон. Дени Фоше (регулярный аббат в 1544–1547; † 1562) участвовал в подготовке издания «Слова о жизни св. Гонората» Илария Арелатского и «Похвалы пустыне» Евхерия Лугдунского, осуществленного бенедиктинцем Жильбером Женебраром (Париж, 1578). До XX в. самым значительным трудом по истории мон-ря была «Хронология святых и прочих прославленных мужей и аббатов священного острова Лерен» мон. Венсана Барралиса (*Barralis*. 1613). В этом сочинении приведены подробное описание мон-ря, исторические источники (прежде всего Жития святых), сведения из архивных документов, ныне утраченных.

В XVIII в. монашеская жизнь в аббатстве пришла в упадок. По ходатайству епископов Граса и Сенеза

кор. Людовик XVI подписал указ об упразднении мон-ря (24 сент. 1786; утвержден Папским престолом 10 авг. 1787). Согласно описи имущества, составленной в июне 1788 г., доход аббатства составлял ок. 20 тыс. ливров; в мон-ре было всего 7 монахов, из них лишь 4 жили на острове. Имущество обители отошло епископской кафедре Граса, ценности монастырской ризницы были распределены между приходскими церквями, а часть сокровищ сдана в казну.

XIX — нач. XXI в. В 1791 г. о-в Сент-Онора был продан с аукциона и до 1859 г. оставался в руках частных лиц. Жозеф Антуан Жордани, еп. Фрежюса, приобрел остров с намерением восстановить мон-рь. Некоторое время на Сент-Онора жили францисканцы, затем — клирики из марсельской конгрегации св. Петра в узах (Сен-Пьер-эс-Льен). В 1869 г. цистерцианцы из аббатства Сенанк основали мон-рь Нотр-Дам-де-Лерен, который возглавил аббат Мари Бернар Барнуэн († 1888). При роспуске религ. конгрегаций во Франции (1903) было сделано исключение для цистерцианской конгрегации Непорочного зачатия с центром в аббатстве Л., т. к. монахи не занимались общественной или коммерческой деятельностью. С XIX в. основной отраслью монастырского хозяйства является виноделие. В наст. время в состав конгрегации Непорочного зачатия входят Л. и 5 др. монашеских обителей во Вьетнаме, Италии, Канаде и Франции. С 1992 г. мон-рь возглавляет аббат Владимир Годра.

Архитектура. В XI–XIII вв. сложился архитектурный ансамбль, в который входили основной комплекс мон-ря и расположенная поблизости от него на берегу моря укрепленная башня. Согласно описанию Барралиса, основной комплекс состоял из 2 церквей, клуатра, зала капитула, рефектория и dormitorios. Главный монастырский храм св. Гонората (не сохр.), по-видимому, был возведен после нападения сарацин в 1046/47 г. и освящен 4 окт. 1088 г. Это была 3-нефная одноапсидная романская церковь; боковые нефы были сужены, а стены, прорезанные небольшими окнами, почти лишены декора; к сев. стене примыкали капеллы. К северу находилась ц. Пресв. Девы Марии — скромный однефный храм с апсидой (вероятно, освящена в 1159; в XIX в.

перестроена в жилой корпус). Храмы соединялись т. н. галереей мертвых, перекрытой цилиндрическим сводом, которая скорее всего служила усыпальницей. С юга к ц. св. Гонората примыкал прямоугольный клуатр, сооруженный в XI в. и полностью перестроенный на рубеже XII и XIII вв. Галереи клуатра оформлены как замкнутые помещения, перекрытые простыми цилиндрическими сводами и отделенные от двора глухими стенами с широкими оконными и дверными проемами. С вост. стороны клуатра находится зал капитула, с южной — рефекторий; оба помещения перекрыты массивными сводами на нервюрах.

Башня-донжон, которая в позднее средневековье стала основной резиденцией монахов, имеет сложную историю строительства. По сведениям Барралиса, укрепление было заложено при аббате Альдеберте II (1088–1103). В грамоте папы *Гонория II* (1124–1130) упоминается о возведении крепости для защиты от сарацин; понтифик призвал христиан помогать монахам, находившимся в опасности. Высказывалось мнение о подложности грамоты (*Labande*. 1922/1923. P. 196–197), но, по-видимому, текст лишь подвергся интерполяции (*Méhu D. Les privilèges... // Lérins*. 2009. P. 482–487). Кон. XI–XII в. можно датировать строительство донжона высотой не менее 15 м, к-рый составил основу укрепления. Вероятно, в кон. XII в. к башне была сделана пристройка (об этом упом. в грамоте папы *Луция III* 1184 г.), на 2-м этаже к-рой с 1392 г. находилась капелла Св. Креста. После взятия башни генуэзскими пиратами (1400) укрепление подверглось существенной перестройке: здание было расширено, в нем устроили 2-ярусный клуатр со стрельчатыми арками, в нижнем ярусе — цистерны. Работы были завершены в 1468 г. По свидетельству Барралиса, в крепости было 36 монашеских келий, 5 помещений для слуг, 4 капеллы, трапезная с кухней, ризница, архив, б-ка, 2 цистерны и т. д. Особое значение приобрела капелла Св. Креста, к-рая именовалась «Святая святых», т. к. в ней хранились главные святини мон-ря (см.: *Bay, Fixot*. 1990; *Poteur, Salch*. 1996).

В XVIII в. основной комплекс монастырских зданий почти не использовался; монахи жили и совершали богослужения в крепости. После за-

крытия аббатства постройки были заброшены и разрушались. Поселившиеся на острове цистерцианцы возвели новые здания, превосходившие по масштабу средневеков. постройки, среди к-рых доминирует неороманская ц. Пресв. Девы Марии (1874–1878). Клуатр, рефекторий, зал капитула и нек-рые др. помещения были отреставрированы.

В средние века в окрестностях аббатства находилось 7 капелл, из которых сохранились 3 (известная по упоминаниям в источниках капелла

Капелла Спасителя в аббатстве Лерен. IX–XI вв. (?)

св. Михаила разрушена, капеллы св. Петра, св. Капразия и святых Киприана и Иустины реконструированы в XX в.). Расположенная поблизости от мон-ря капелла св. Поркария — простое однефное сооружение с апсидой и округлым оконным проемом на зап. фасаде. Средневеков. капелла Св. Троицы состоит из прямоугольной основной части и примерно равной ей по площади алтарной части в форме триконха. Капелла Спасителя — октагон (диаметр ок. 8 м), из его вост. грани выступает небольшая апсида. В интерьере 7 граней октагона отмечены полуциркульными нишами; в стене над зап. входом прорезано округлое окно. По одной из версий, капелла относится к эпохе Каролингов, по другой — к XI в. При археологических раскопках под капеллой были обнаружены остатки построек, восходящих к начальному этапу истории мон-ря. В V в. на этом месте был возведен наибольшей ораторий (молельня) со зданием из неск. комнат, одна из к-рых служила кухней. Вероятно, это была келья отшельника. В VI–VII вв. на месте жилых помещений возвели пристройку с гробницей (скорее всего, там был похоронен чтимый подвижник, жив-

ший в келье); внутри и снаружи оратория найдены захоронения. Исследователи интерпретировали эти данные как свидетельство укрепления монашеского общежития: кельи, где ранее жили аскеты, становились местами их почитания, а монахи собирались в монастыре. По-видимому, в VIII в. в оратории и пристройке поселились люди; это могло быть связано с временной оккупацией острова сарацинами. В эпоху Каролингов, когда монашеская жизнь возобновилась, здесь была построена новая небольшая церковь (*Codou*. 2013).

Главной святыней Л. считались мощи св. Гонората, вскоре после перенесения в мон-рь (1392) разделенные на неск. частей; их поместили в реликвиарии, изготовленные на средства мон. Жана Ложье, приора Валлориса. Череп святого хранился в серебряном бюсте-реликвиарии, основная часть мощей — в деревянной раке, украшенной резными сценами жизни и чудес святого. В 1485 г. руку св. Гонората поместили в серебряный реликвиарий в форме руки, а в 1491 г. аббат Ж. А. Гримальди подарил Л. серебряную раку для мощей, в к-рой они хранились до XVIII в. В 1788 г., после закрытия Л., еп. Франсуа д'Этьен де Сен-Жан де Прюньер распределил монастырские реликвиарии между церквями диоцеза Грас. Бюст-реликвиарий св. Гонората и резную раку с его мощами поместили в соборе Нотр-Дам-дю-Пюи в Грасе; там же хранился серебряный бюст-реликвиарий св. Айгульфа (реликвиарии, выполненные из драгоценных металлов, были утрачены в 1792). Серебряная рака, подаренная Гри-

Реликвиарий со сценами жизни св. Гонората. Кон. XIV в. (ризница собора Нотр-Дам-де-Пюи в Грасе)

мальди, была передана в приходскую церковь в Каннах (сохр. деревянный ковчег, находившийся внутри раки; в 2006 в нем были обнаружены частицы мощей святого и сред-

неvek. ярлыки с указаниями на принадлежность). В Мужене находится реликварий 1485 г. с рукой Гонората, в Орибо-сюр-Сьянь — серебряный реликварий кон. XV в. с челюстью святого (Moris. 1909. P. 415–429; *Butaud, Coudou*. 2007). В XX в. из Граса в аббатство Л. была возвращена часть мощей св. Гонората.

А. А. Королёв

Ист.: *Hilarius*. Sermo de vita S. Honorati // *Hilaire d'Arles*. Vie de St. Honorat / Éd. M.-D. Valentin. P., 1977. (SC; 235); *Honoratus*. Vita Hilarii // *Honorat de Marseille*. La Vie d'Hilaire d'Arles / Éd. P.-A. Jacob. P., 1995. (SC; 404); *Eucher*. Lugd. De laud herem. // *Eucherius Lugdunensis*. Opera omnia / Ed. C. Wotke. W., 1894. Pars 1. P. 175–194. (CSEL; 31); Арелатские проповедники V–VI вв.: Сб. иссл. и пер. М., 2004; *Les Règles des saints Pères* / Éd. A. de Vogüé. P., 1982. T. 1: Trois règles de Lérins au Ve siècle; T. 2: Trois règles du VIe siècle incorporant des textes lériniens. (SC; 297, 298); *Wilmart A.* Les «Monita» de l'abbé Porcaire // *RBen*. 1909. T. 26. P. 475–480; Cartulaire de l'abbaye de Lérins / Éd. H. Moris. E. Blanc. P., 1883. Pt. 1; 1905. Pt. 2; *Die Vita sancti Honorati* / Hrsg. B. Munke. Halle, 1911; *Raymond Féraud*. La Vida de sant Honorat, légende en vers provençaux du XIIIe s. / Éd. A.-L. Sardou. P., 1858; *idem*. La vida de sant Honorat / Éd. P. T. Ricketts, C. P. Hershon. Turnhout, 2007.

Лит.: *Barralis V.* Chronologia sanctorum et aliorum virorum illustrium ac abbatum sacrae insulae Lirinensis. Lugduni, 1613; *Alliez L.* Histoire du monastère de Lérins. P., 1862. 2 vol.; *Moris H.* L'abbaye de Lérins: Histoire et monuments. P., 1909; *Cooper-Marsdin A. C.* The History of the Islands of the Lerins: The Monastery, Saints and Theologians of S. Honorat. Camb., 1913; *Labande L.-H.* Bullaire de l'abbaye de Lérins: Essai de reconstitution (VIe–XIIIe siècle) // *Annales de la Société des lettres, sciences et arts des Alpes-Maritimes*. Nice, 1922/1923. T. 24. P. 115–198; *Leclercq H.* Lérins // *DACL*. T. 8. Pt. 2. Col. 2596–2627; *Chadwick N. K.* Poetry and Letters in Early Christian Gaul. L., 1955; *Février P.-A.* La donation faite à Lérins par le comte Leulbulfe // *Provence historique*. Marseille, 1956. T. 16. Fasc. 23. P. 23–33; *Prinz F.* Frühes Mönchtum im Frankenreich: Kultur und Gesellschaft in Gallien, den Rheinlanden und Bayern am Beispiel der monastischen Entwicklung. W., 1965; *Antier J.-J.* Lérins: L'île sainte de la Côte d'Azur. P., 1973; *Pricoco S.* L'isola dei santi: Il cenobio di Lerino e le origini del monachesimo gallico. R., 1978; *Oury G.-M.* Un homme de foi: Dom Marie-Bernard Barnouin, restaurateur des abbayes de Sénanque et Lérins. Chambray, 1983; *Carrias M.* Vie monastique et règle à Lérins au temps d'Honorat // *RHEF*. 1988. T. 74. N 193. P. 191–211; *Nouailhat R.* Saints et patrons: Les premiers moines de Lérins. P., 1988; *Weiss J.-P.* La fondation de la communauté des moines de Lérins // *Bull. de l'Assoc. G. Budé: Lettres d'humanité*. 1988. N 47. P. 338–351; *idem*. Lérins et Valbonne // *Provence historique*. 2001. T. 51. Fasc. 205. P. 295–318; *Mathisen R. W.* Ecclesiastical Factionalism and Religious Controversy in 5th-Cent. Gaul. Wash., 1989; *Vogüé A., de.* Aux origines de Lérins: La règle de Saint Basile? // *StMon*. 1989. Vol. 31. P. 259–266; *idem*. Les débuts de la vie monastique à Lérins: Remarques sur un ouvrage récent // *RHE*. 1993. T. 88. P. 5–53; *idem*. Regards sur le monachisme des premiers siècles. R.,

2000. P. 187–257; *idem*. Histoire littéraire du mouvement monastique dans l'Antiquité. P., 2003. Pt. 1. T. 7; *Bay L., Fixot M.* La tour de Saint-Honorat à Lérins // *Provence historique*. 1990. T. 40. Fasc. 159. P. 7–36; *Kasper C. M.* Theologie und Askese: Die Spiritualität des Inselmönchtums von Lerins im 5. Jh. Münster, 1991; *Woods D.* The Origin of Honoratus of Lérins // *Mnemosyne*. Ser. 4. Leiden, 1993. Vol. 46. P. 78–86; *Labrousse M.* Saint Honorat, fondateur de Lérins et évêque d'Arles. Bégrolles-en-Mauges, 1995; *Poteur J.-C., Salch Ch.-L.* Le château de Lérins. Strasbourg; Nice, 1996; *Dunn M.* The Emergence of Monasticism: From the Desert Fathers to the Early Middle Ages. Oxf.; Malden (Mass.), 2000; *DelCogliano M.* Porcarius of Lérins and His «Counsels»: A Monastic Study // *American Benedictine Review*. Atchison, 2002. Vol. 53. N 4. P. 400–424; 2003. Vol. 54. N 1. P. 30–58; *Dulaey M.* Jérôme, maître d'exégèse au monastère de Lérins: Le témoignage des «Formules» d'Eucher de Lyon // *Augustinianum*. 2004. Vol. 44. N 2. P. 371–400; *Labrousse M. et al.* Histoire de l'abbaye de Lérins, Bégrolles-en-Mauges, 2005; *Butaud G., Codou Y.* Honorat moine et évêque: Ses reliques d'Arles à Lérins // *Bull. de l'Assoc. pour l'Antiquité tardive*. Turnhout, 2007. N 16. P. 42–50; Lérins, une île sainte de l'Antiquité au Moyen Âge / Éd. Y. Codou, M. Lauwers. Turnhout, 2009; *Morard M.* Daniel de Lérins et le Psautier glosé: Un regard inédit sur la Glose à la fin du XIe siècle // *RBen*. 2011. T. 121. N 2. P. 393–445; *Codou Y.* Aux origines du monachisme en Gaule (V^e–XIe s.): Les fouilles de l'église du Saint-Sauveur, Lérins, Île Saint-Honorat, Alpes-Maritimes // *Hortus Artium Medievalium*. Zagreb, 2013. Vol. 19. P. 63–71.

А. А. Королёв, А. А. Ткаченко

ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич (3.10.1814, Москва — 15.07.1841, гора Машук близ Пятигорска), поэт, прозаик, драматург. Из дворянского рода, происходившего от шотландца на рус. службе Георга (Джорджа) Лермонта († 1634), чей сын Петр († 1679) перешел в Православие в 1653 г.; герб рода Л. (1799) имел девиз: «SORS MEA IESVS» — «Судьба моя Иисус». Отец Л. — армейский капитан Юрий Петрович Лермонтов (1787–1831), мать — Мария Михайловна (урожд. Арсеньева; 1795–1817). Воспитанием Л. занималась его бабушка и крестная мать Елизавета Алексеевна Арсеньева (урожд. Столыпина; 1773–1845), владелица имения в Тарханах Пензенской губ. В 1819–1820 гг. она выстроила здесь (в память дочери) храм во имя прп. Марии Египетской (освящен в 1820), в 1826–1840 гг. — храм во имя арх. Михаила (освящен в 1840). В 1817 и 1818 гг. выезжала с внуком на богомолье в *Киево-Печерскую лавру*; в 1820, 1821 и 1825 гг. возила его на Кавказские Минеральные Воды. Приобщила Л. к церковному благочестию: уже в 1821 г. и позднее он неоднократно выступал восприем-

ником при крещении крестьянских детей; 1-й сохранившийся автограф Л. — владельческая запись на экземпляре рус. перевода Псалтири (М., 1822), сделанная в 1824 г. Переехав

М. Ю. Лермонтов.
Автопортрет. 1837 г. Акварель.
Государственный
литературный музей

в Москву в 1827 г., бабушка с Л. регулярно ходила на исповедь в храм в честь Ржевской иконы Божией Матери (на Поварской ул.). В авг. 1830 г. вместе с бабушкой и 2 родственницами Л. пешком ходил в *Троице-Сергиеву лавру* (здесь было написано стихотворение «Нищий»); в том же году (и, вероятно, в 1829) Л. посетил *Новоиерусалимский в честь Воскресения Христова мон-рь*, где написал стихотворение «Оставленная пустынь предо мной...». Впосл. впечатления от нередких, видимо, паломничеств в различные обители отразились в его поэмах, романе «Вадим» и др. Бабушка имела влияние на Л. до конца его дней: в 1841 г., проезжая через Воронеж, он по ее просьбе заказал молебен свт. Митрофану Воронежскому.

В 1828–1830 гг. Л. учился в Благородном пансионе при Московском ун-те, где находился под рук. А. З. Зиновьева (1801–1884; впосл. переводчик Дж. Мильтона), и занимался в лит. кружке С. Е. Раича (1792–1855), брата митр. Киевского свт. *Филарета (Амфитеатрова)*, домашнего учителя Ф. И. Тютчева и А. Н. Муравьева. В 1830–1832 гг. Л. — студент нравственно-политического отделения ун-та. Начало литературного творчества Л. относится к 1828 г. В московский период оно отличалось необыкновенной интенсивностью: в 1828–1832 гг. Л. написал более 300 стихотворений, 16 поэм, драму в стихах и 2 в прозе

(при жизни Л. были опубл. только стихотворения «Весна» в 1830 в ж. «Атеней» за подписью «L.» и «Ангел» (1831) в 1840 в «Одесском альманахе»). Вопреки влиянию Рагча, приверженца классической эстетики, почти сразу Л. определяется как романтический поэт, добивающийся в стихах не красоты и гармонии, а полноты и искренности самовыражения. Юношеская лирика Л. имеет вид дневника, в к-ром осмысляются принципиальные мировоззренческие вопросы. Поэзия для Л. не самоцель, а средство самопознания и выяснения отношений с самим собой, с ближними, с обществом, со всем мироустройством, прежде всего со своим Творцом. Не сомневаясь в бытии и во всемогуществе Божиим, Л. на Него возлагает вину за свои страдания и существование в мире зла и несправедливости (на этом основании Д. С. Мережковский и другие сравнивали Л. с Иовом). Л. неизменно исповедует Бога как своего личного Промыслителя и Судью, но оспаривает необходимость безропотно покоряться Его воле, обвиняет и требует, выражая готовность утвердить свободу своей личности даже ценой собственной жизни. Вдохновляющим Л. образом оказывается «демон», чьих «неземных очей» страшится «муза кротких вдохновений» («Мой демон», 1829), соответственно «жажда песнопенья» осмысляется как «страшная», как препятствие на «пути спасенья» («Молитва» [«Не обвиняй меня, Весильный...»], 1829). Констатируя, что «вере теплой опыт хладный противуречит каждый миг», поэт питается «огнем язвительным», «что было б яд другим» («Исповедь», 1831). Себя юный Л. мыслит «избранником», неподсудным никому, кроме Бога, давшего ему в удел «угрюмое уединенье»; поэт уверен, что судьба его полна таинственного значения: «...ум мой не по пустякам / К чему-то тайному стремился... / К тому, что обещал нам Бог...» («Любил с начала жизни я...», 1830). При этом свои стремления и муки Л. считает не уникальными, а вообще присущими человеку: Сам Бог внушает ему недовольство земной жизнью и как будто «неисполнимые желанья», к-рые на самом деле, по Л., являются залогом его буд. блаженства, поскольку Создатель «...не позволил бы стремиться / К тому, что не должно свершиться, / Он не по-

зволил бы искать / В себе и в мире совершенства, / Когда б нам вечного блаженства / Не должно вечно было знать» («Когда б в покорности незнания...», 1831). В этой связи Л. пытается осмыслить — хоть и в полемическом ключе — учение о воскресении мертвых и Страшном Суде (цикл стихотворений «Ночь I–III», [1830], отчасти навеянный «Ночными размышлениями» Э. Юнга, и др.) и вообще нередко прибегает к апокалиптическим образам («Смерть» [«Ласкаемый цветущими мечтами...»], 1830–1831; «Бой», 1832), в т. ч. откликаясь на политические события — холерные бунты в России («Предсказание», 1830) и революцию во Франции («30 июля.— (Париж). 1830 года», 1830). Посмертную участь человека Л. мыслит обычно в категориях ада и рая: его ждет «мир, где казнь или спасенье» («Когда последнее мгновенье...», 1832). Наиболее полно религиозно-философские взгляды юного Л. выражены в программном стихотворении «1831-го июня 11 дня» (1831), где человек назван единственным существом, в к-ром «...встретиться могло / Священное с порочным» (в отличие от ангелов и демонов) и к-рое само несет на себе большую часть вины за свои страдания: «Душа сама собою стеснена, / Жизнь ненавистна, но и смерть страшна, / Находишь корень мук в себе самом, / И небо обвинить нельзя ни в чем».

Характерная особенность поэзии Л. — наличие в ней образа «лирического героя», в основных чертах заимствованного у Дж. Байрона, но вскоре получившего оригинальное развитие («Нет, я не Байрон, я другой...», 1832). У Л. это личность героического склада с трагическим мироощущением, бурными страстями и обостренным интеллектом, чуждый всему миру «избранник», стремящийся к некоей высшей цели и предчувствующий свою раннюю гибель; он не приемлет компромиссов и при этом склонен к самоанализу и самоосуждению. Его чертами наделены герои ранних поэм Л., продолживших традицию рус. «байронических» поэм (из них для Л. наиболее актуальны поэмы А. С. Пушкина, И. И. Козлова и А. И. Подолинского). Это преступники, свободолюбивые бунтари, мстители («Преступник», 1829, опубл. в 1859; «Последний сын вольности», 1830–1831, опубл. в 1910; «Каллы», 1830–1831, опубл. в 1882)

или просто изгой общества («Джюлио», 1830, опубл. в 1891; «Литвинка», 1832, опубл. в 1882), но во всех случаях персонажи, несогласные с существующим порядком вещей и внутренне близкие автору. В одних преобладает страсть, в других — интеллект (как в герое 1-й поэмы Л. о молодом монахе, для которого мон-рь стал тюрьмой, — «Исповедь», 1831, опубл. в 1887). И тем и другим сполна наделен герой самой большой поэмы Л. «Измаил-бей» (1832, опубл. в 1843), горский князь, выросший в России и получивший европ. образование, а более всего — герой поэмы «Демон» (в первых редакциях поэмы, созданных в 1829–1831, это «демон молодой», к-рый по сути еще является alter ego автора).

Поэмы Л. не сводятся, однако, к лирическому самовыражению, их сюжеты притчеобразны (в первую очередь это касается «Демона» и тематически связанных с ним поэм «Азраил» (1831, опубл. в 1876) и «Ангел смерти» (1831, опубл. в 1857)), они являются иносказанием и затрагивают вопросы философии, религии, свободы воли, природы зла; автора интересуют источники и последствия греха, законы Божеские и человеческие, моральное существование любви, войны, месть и т. п. В частности, Л. размышлял о превращении Божественных установлений, направленных ко благу, в человеческие обычаи, часто (но не всегда) направленные ко злу, и о роковых заблуждениях при их различении и оценке. Поэтому герой-индивидуалист, встающий против господства насилия и несправедливости, у Л. часто сам разоблачается как насильник и угнетатель или как невольный злодей, не лишаясь, впрочем, авторского сочувствия. Таков герой стихотворной драмы «Испанцы» (1830, опубл. в 1880), борющийся с очевидным злом в лице одержимого низкими страстями инквизитора и убивающий свою возлюбленную. На современном автору социально-бытовом (и отчасти автобиографическом) материале построены прозаические драмы Л. «Menschen und Leidenchaften» («Люди и страсти») (1830, опубл. в 1880) и «Странный человек» (1831, опубл. в 1860). Объектом критики в них являются неправда и лицемерие семейной жизни провинциальных помещиков, в т. ч. черствое бездушие и лицемерие этих мнимых христиан (см. сцену чтения

Евангелия в «Menschen und Leidenschaften»; действие II, явление I).

Весной 1832 г., занятый собственными сочинениями, Л. пропустил почти все лекции в ун-те и в июне, не явившись на экзамены, подал прошение об увольнении. В кон. июля вместе с бабушкой он выехал в С.-Петербург, намереваясь оформить перевод в С.-Петербургский ун-т. Сделать это без потери курса оказалось невозможно, и в нояб. 1832 г. Л. поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. В новой для себя казарменной атмосфере Л. скоро осваивается, почти не пишет лирических стихотворений, а создает неск. непристойных поэм для юнкерского рукописного журнала, к-рые потом, сделавшись известными, повредят его репутации в свете. Он впервые обращается к повествовательной прозе и пишет исторический роман из времени Пугачёвского бунта «Вадим» (1832–1834, не окончен; опубл. в 1873), задуманный и, возможно, начатый еще в Москве в 1831 г. под впечатлением от эпидемии холеры и мятежей 1830–1831 гг. (см.: *Москвин Г. В.* Начало прозы Лермонтова: (К вопросу о датировке «Вадима») // *Тарханский вестн.* Пенза, 2004. Вып. 17. С. 82–92). В нем Л. попытался соединить 2 сюжетные линии — любовную и историческую — и, видимо, хотел показать рождение любви из ненависти, но этот замысел (перекликающийся с «Демоном») он оставил нереализованным. В 1833–1834 гг. Л. написал поэмы «Аул Бастунджи» (опубл. в 1883) и «Хаджи Абрек», опубликованную в 1835 г. в ж. «Библиотека для чтения» без ведома Л. (1-е выступление в печати за полной подписью).

В произведениях юнкерского периода обозначилось возрастание объективных тенденций в творчестве Л., преобладание эпического начала над лирическим. В датируемой тем же временем (1833–1834) 5-й редакции «Демона» герой перестал быть просто маской автора, а получил черты и свойства настоящего злого духа, каким он должен обладать по христ. представлению. Рукопись поэмы в 1834 г. попала к Муравьеву, который заинтересовался ей и пригласил автора к себе. Т. о. состоялось 1-е серьезное лит. знакомство поэта. Муравьев, совмещавший амплу светского и церковного писателя, вполн. поддерживал

Л. и оказал на него нек-рое творческое влияние. Так, привезя со Св. земли пальмовую ветвь (вполн. подарена поэту), он подал повод к сочинению стихотворения «Ветка Палестины» (1836, 1837?; опубл. в 1839). С произведениями Муравьева связано стихотворение Л. «Это случилось в последние годы могучего Рима...» (между 1835 и 1841) — написанное гекзаметрами начало поэмы о раннехрист. мучениках.

Осенью 1834 г. Л. был выпущен корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк, расквартированный в Царском Селе, и вскоре оживилось его литературное творчество. После публикации «Хаджи Абрека» (1835), имевшей нек-рый успех, Л. решается самостоятельно выступить перед публикой. В 1835–1836 гг. Л. пишет и трижды безуспешно подает в драматическую цензуру стихотворную драму «Маскарад», дважды ее переделывая (3-я редакция под заглавием «Арбенин» в 5 действиях; 2-я, основная редакция «Маскарада» в 4 действиях, опубл. с искажениями в 1842, полностью — в 1873). Это единственная пьеса, к-рую сам Л. считал достойной сцены. Сатирическая картина нравов совр. общества, напоминающая о «Горе от ума» А. С. Грибоедова, здесь лишь обстановка для разыгрывающейся романтической «драмы страстей», в к-рой каждый образ и сюжетная коллизия имеют обобщенно-символическое значение. При этом жесткая нравственная оценка выносится самой личностью, восстающей против миропорядка, что свидетельствует о кризисе романтического индивидуализма на пороге зрелого творчества Л. Впервые полностью поставленный на сцене в Малом театре в 1862 г., «Маскарад» остается единственной рус. романтической драмой в репертуаре отечественных театров, подвергаясь разным сценическим интерпретациям (так, В. Э. Мейерхольд в 1917 на сцене Александринского театра дал ей «мистико-символистскую» трактовку).

В 1835–1836 гг. Л. сочиняет поэму «Боярин Орша» (опубл. в 1842), в к-рой действие отнесено ко временам царя *Иоанна IV Васильевича Грозного* и, в частности, изображается монастырский суд (правда, далекий от исторической реальности и напоминающий суд инквизиции в драме «Испанцы», с которой сюжетно поэма имеет некоторое сход-

ство), и пишет сатирическую повесть в стихах «Сашка» (не окончена, опубл. в 1882), иронически названную «нравственной поэмой». Саркастическая и порой нарочито циничная манера повествования, подобная принятой Байроном в «Дон Жуане», у Л. в «Сашке» мотивируется не желанием поколебать какие-то устои, а неприятием совр. общества, к-рое видится ему абсолютно безнравственным. В 1836 г. (возможно, и в 1837) он работает над романом из светской жизни «Княгиня Лиговская» (не завершен, опубл. в 1882), главный герой к-рого уже носит фамилию Печорин. Все это, однако, при жизни Л. осталось в рукописях.

Переломным в судьбе Л. стал 1837 год. В написанном сразу после гибели Пушкина стихотворении «Смерть поэта» (опубл. в 1858) обвинению подвергнуты представители власти, «жадною толпой стоящие у трона», чуждые России и равнодушные к ее славе, олицетворенной в убитом поэте. Стихотворение быстро разошлось в списках, сделало Л. широко известным и навлекло на него политические преследования. По делу о «непозволительных стихах» в февр. 1837 г. Л. был арестован и переведен из гвардии прапорщиком в Нижегородский драгунский полк на Кавказ, куда отправился уже в марте. Стихотворение «Бородино», написанное к 25-й годовщине сражения и появившееся в майском номере ж. «Современник» (1837), вновь продемонстрировало патриотизм Л., однако его апология рус. воинской славы и самоотверженности простых солдат не исключала, а скорее подразумевала развенчание современности и жизни верхов российского общества, «света». С этих 2 стихотворений — «Смерть поэта» и «Бородино» — ведут отсчет зрелого творчества Л., в к-ром все чаще выражаются приверженность христ. нравственным идеалам и симпатия к «простому человеку», лишенному черт исключительной личности. Так, в нач. 1837 г. (под арестом или по дороге на Кавказ) были написаны характерные именно для зрелого Л. стихотворения «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...») и «Когда волнуется желтеющая нива...» (оба опубл. в 1840). Предчувствие скорой смерти, запечатленное и в юношеской лирике Л., в стихах 1837 г. уже предстает как религ. переживание на пороге «другой жизни», как заявление о готовности

«мир увидеть новый» («Гляжу на будущность с боязнью...», опубликовано в 1845; «Не смейся над моей пророческой тоскою...», опубликовано в 1846).

Во время 1-й ссылки Л. «изъездил [Кавказскую] линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани» (из письма С. А. Раевскому), побывал в Ставрополе, Тифлисе и др., общался со ссыльными декабристами (А. И. Одоевский), с груз. культурными деятелями (А. Г. Чавчавадзе) и между прочим проявлял особый интерес к народному творчеству. Осенью 1837 г. записал (скорее всего со слов азерб. рассказчика) распространенную в Закавказье сказку «Ашик-Кериб», назвав ее «турецкой сказкой» (опубликовано в 1846). На «горской легенде», по словам Л., основана поэма «Беглец» (1837–1838; опубликовано в 1846), в которой суд над трусом вершится с позиций эпического народного сознания. На Кавказе же в 1837 г., имитируя стиль и стих уже рус. народных исторических песен, он написал «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (опубликовано в 1838), в которой впервые симпатии Л. были отданы не возмущающему общественный порядок герою-индивидуалисту, а защитнику семьи и традиц. устоев народной жизни.

В окт. 1837 г. благодаря хлопотам бабушки и В. А. Жуковского вышел Высочайший указ о переводе Л. в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк (в Новгородской губ.). В янв. 1838 г. он возвращается в С.-Петербург, в февр. прибывает в расположение полка, а уже в апр. вновь определен к 1-му месту службы — в лейб-гвардии Гусарский полк (в Царском Селе). Возвращается Л. уже как лит. знаменитость и входит в аристократические и лит. круги столицы, постоянно бывает у Карамзиных, посещает салоны В. Ф. Одоевского, А. О. Смирновой-Россет и др., пользуется вниманием пушкинского круга писателей. П. А. Вяземский, Жуковский и П. А. Плетнёв в 1838 г. печатают в «Современнике» бытописательную сатирическую поэму Л. «Тамбовская казначейша» (с искаженным цензурой текстом и измененным заглавием — «Казначейша», что сильно раздосадовало автора).

В 1838 — нач. 1839 г. Л. создал 3 последние редакции «Демона», называемые «кавказскими» (по месту действия). Исходный сюжет о несосто-

явшемся возвращении злого духа на небеса обрастает здесь важными подробностями: действие локализовано в Грузии, а безымянная монахиня превращается в грузинку Тамару, невесту на выданье. Демон сначала подстраивает гибель ее жениха, а уже потом приступает к искушению. В таком виде поэма имеет параллель в Книге Товита (3. 8). Подобно библейскому Асмодею, ненавистнику брака, Демон в последних редакциях поэмы выступает как убийца жениха и мучитель невесты, ведущий борьбу за ее душу не с ангелом (как в ранних редакциях, где это выглядело как любовное соперничество), а с Богом. Он получает узнаваемые канонические черты главного злого духа христ. демонологии («первенец творенья», «толпы духов служебных» и др.), спасение для него в принципе невозможно, так же как любовь его к Тамаре есть демоническая любовь, т. е. только высшая степень ненависти, к-рую он уже не отличает от любви и перемениться в к-рой он не может и не хочет («В любви, как в злобе, верь, Тамара, / Я неизменен и велик...»). При этом Демон утрачивает положение единственного главного героя: внимание и сочувствие автора переносится на Тамару, в центре поэмы оказывается чистая любящая душа, подвергшаяся нападению злого духа. Происходящие с ней изменения, попытки сопротивляться, падение и гибель являются главными сюжетными событиями в «кавказских редакциях», поскольку в отличие от судьбы Демона судьба Тамары (как и ее посмертная участь) в них не предрешена.

В февр. 1839 г. при дворе состоялось чтение последней, 8-й редакции «Демона» по специально подготовленному списку (ее текст впервые по копии А. И. Философова был опубликован в 1856 в Карлсруэ при участии прот. И. И. Базарова; до этого в 1842 поэма была опубликована частично и с искажениями; все 8 редакций были реконструированы только к сер. XX в.). Эта редакция отличается от 2 предыдущих тем, что в конце поэмы душа Тамары, к-рая «страдала и любила», не погибает, а уносится ангелом на небеса; Демон же, явившийся в своем истинном облике — как «адский дух», требующий своей законной добычи («Но, Боже! — кто б его узнал? / Каким смотрел он злобным взглядом, / Как полон был смер-

тельным ядом / Вражды, не знаящей конца, / И веяло смертельным хладом / От неподвижного лица»), унижен и посрамлен. В последней версии «Демона» Л. имеет черты мистерии о прении небесных и адских сил за душу человека, а также оказывается в ряду религ. поэм вроде «Потерянного рая» Мильтона. Весной 1840 г., в пародийном ключе переосмысляя мотивы своего «Демона», Л. сочиняет поэму «Сказка для детей» (не завершена, опубликовано в 1842), в к-рой злой дух уже полностью отделен от автора, а свойства духов перечислены с богословской точностью (в строфе 5).

С нач. 1839 г. Л., сблизившись с издателем А. А. Краевским, постоянно

М. Ю. Лермонтов.
Литография П. Ф. Бореля
с акварельного портрета
К. А. Горбунова. 1841 г.

печатается в его ж. «Отечественные записки». В апр. 1840 г. отдельным изданием вышел роман «Герой нашего времени» (входящие в него повести «Тамань», «Бэла» и «Фаталист» впервые появились в «Отечественных записках» как самостоятельные произведения). Это первый в рус. лит-ре опыт философского и психологического романа, в к-ром на конкретном совр. материале, на примере судьбы «героя времени», человека лермонтовского поколения, совершается ревизия основных романтических ценностей (любовь, дружба, свобода), поставлены кардинальные религиозно-философские вопросы (предопределение и свобода воли, вера и неверие, отношение человека к Творцу и др. людям), не получающие, разумеется, однозначного решения. Проблемы социальные, национальные и исторические в романе оказываются лишь внешним выражением глубинных проб-

лем личности и бытия человека в мире. Этим обусловлено своеобразное построение романа, ставшего новаторским и в жанровом отношении. Он составлен из 5 сюжетно самостоятельных повестей («Бэла», «Максим Максимыч», «Тамань», «Княжна Мери», «Фаталист»), объединенных вокруг фигуры главного героя, Печорина, причем расположены они не в хронологической последовательности (т. е. не фиксируется внимание на происходящих с ним внутренних изменениях, не дана «история» его души), а так, что образ «героя нашего времени» последовательно «приближается» к читателю благодаря смене повествователей с разными т. зр. (Максим Максимыч — странствующий офицер — сам Печорин) и в итоге все-таки остается неразгаданным. Современные Л. критики, противоположно оценивавшие образ Печорина (такие, как С. А. Бурачок и В. Г. Белинский), сходились на том, что это портрет автора. Между тем Печорин, «нравственный калека» по его собственному выражению, отказавшийся от веры, любви и дружбы, с автором, к-рый ни от чего этого не отказывается, конечно, отождествлен быть не может. Образ Печорина родственен героям поэм и драм Л. (существует понятие «лермонтовский человек»), но, как и др. герои романа, персонаж социально и исторически определенный, хотя его характер не обусловлен ни общественными, ни историческими обстоятельствами (это был бы лишь частный случай решения вопроса о свободе воли в пользу «предопределения», от чего сам автор принципиально уклонился).

В окт. 1840 г. вышел из печати единственный прижизненный сборник стихов Л., включающий 26 стихотворений и 2 поэмы — «Песню про... купца Калашникова» (с которой начинался сборник) и «Мцыри», впервые здесь опубликованную. В рукописи поэма называлась «Бэри» (груз. — «монах»); переименовав ее в «Мцыри» (груз. — «послушник»), Л. исключил возможность видеть в ее герое нарушителя монашеских обетов. Его Мцыри — обладатель могучего и свободолюбивого духа, но это не демонический образ, не сознательный богоборец, не преступник и не злодей («людям я не делал зла»). Он только слабый подросток, «душой дитя», и знает «одной лишь думы власть» — вернуться на отня-

тую у него родину, с к-рой он связал представления о полноте и божественной красоте бытия (вообще «родина» у Л. почти всегда символический образ, напоминающий о потерянном рае). Бежав из монастыря, Мцыри обнаружил враждебность «чуждого мира» за его стенами, вступил в поединок с ним, потерпел поражение, но не утратил ни восхищения им, ни своей единственной «пламенной страсти». Причина его поражения в том, что он по неведению нарушил в чем-то Божию волю, подобно *Ионафану*, чьи слова вынесены в эпиграф к поэме: «Вкушая, вкусих мало меда... и се аз умираю» (1 Цар 14. 43). Поэму можно понять как притчу о стремлении человека к высшим, непосильным и, может быть, губительным для него вещам, к-рое, однако, поэт оправдывает, видя в нем залог богоподобия человека. Вообще, романтический мотив вечной неудовлетворенности существованием всегда был характерен для Л., автора стихотворения «Парус» (1832, опубл. в 1841), но в сборнике 1840 г. он становится предметом философского и отчасти критического осмысления (не только в поэмах, но и, напр., в стихотворении «Три пальмы» (1839)). В этот сборник Л. включил в основном стихотворения, мало напоминающие об эгоцентризме его юношеской лирики: он высказывается от имени целого поколения («Дума», 1838), от лица простой женщины («Казачья колыбельная песня», 1840), неожиданно встает на защиту глухой к поэту «толпы» («Не верь себе», 1839), даже в интимные, казалось бы, жалобы и признания вносит отнюдь не узколичное содержание («Как часто, пестрою толпою окружен...», «И скучно и грустно», оба 1840); кроме того, в сборнике значительна доля стихотворений символического или аллегорического характера («Русалка», 1832; «Дары Терека», 1839; «Тучи», 1840; и др.) и вольных переводов (из Байрона, И. В. Гёте). Эта тенденция к объективации и обобщению лирических переживаний в дальнейшем у Л. только укреплялась: «Завещание», «Любовь мертвеца», «Есть речи — значенье...» (все 1840), «Родина» (1841) и др.

18 февр. 1840 г. состоялась дуэль Л. с сыном франц. посланника Э. де Барантом, формальной причиной которой стал обмен колкостями на

балу (по одной версии, причиной было любовное соперничество, по другой — антирус. реплики Баранта, в свою очередь вызванные антифранцузскими пассажами в «Смерти поэта»). Дуэль была сначала на шпагах, потом на пистолетах. Л. после выстрела противника стрелять отказался. Тем не менее Л. был арестован, предан военному суду и, несмотря на заступничество имп. Александры Феодоровны пред имп. *Николаем I Павловичем*, в апр. 1840 г. переведен в действующую армию на Кавказ, в Тенгинский пехотный полк. Летом и осенью 1840 г. в составе Чеченского отряда левого фланга Кавказской линии Л. принимал участие в экспедициях в Б. и М. Чечню, в походе в Темир-Хан-Шуру, в сражении на р. Валерик (описано в стихотворении «Я к вам пишу случайно, право...»). За проявленную храбрость Л. дважды представлялся к награде и дважды был вычеркнут из наградных списков лично имп. Николаем I, считавшим, что он еще не искупил своей вины.

В февр. 1841 г., получив 2-месячный отпуск, Л. прибыл в столицу, участвовал в подготовке 2-го издания «Героя нашего времени» (дополненного предисловием автора), начал писать новое поэтическое сочинение — мистическую повесть, получившую в исследовательской традиции название «Штосс» (не завершена; опубл. в 1845). В кон. марта, намереваясь полностью посвятить себя лит. деятельности и издавать собственный журнал, попытался выйти в отставку, но получил отказ. В нач. апр. ему было предписано в 48 ч. покинуть столицу и отбыть на Кавказ. В. Ф. Одоевский в дорогу подарил ему записную книжку с чистыми листами, в начале которой поместил несколько выписок из Евангелия и Посланий ап. Павла, каким-то образом касавшихся их «религиозных споров». В этой книжке, которую Одоевский просил вернуть ему «всю исписанную», Л. написал последние свои стихотворения: «Спор», «Сон», «Утес», «Они любили друг друга...», «Тамара», «Свиданье», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...», «Нет, не тебя так пылко я люблю...», «Выхожу один я на дорогу...», «Морская царевна» и «Пророк». По предположению мон. Лазаря (Афанасьева), стихотворение «Пророк» было вызвано размышлениями об ап. Павле —

«апостоле любви» («Провозглашать я стал любви / И правды чистые ученья...»).

По дороге к месту службы Л. для поправки здоровья задержался в Пятигорске, где на дуэли с однокашником по юнкерской школе Н. С. Мартыновым, случившейся по неясным личным причинам, был убит (на этой дуэли Л. тоже отказался стрелять в противника).

17 июля 1841 г. Л. был отпет в Скорбященской ц. Пятигорска прот. Павлом Александровским (по жалобе настоятеля прот. Василия Эрасова потом было возбуждено дело о незаконности этого отпевания, но вскоре прекращено) и похоронен на Пятигорском кладбище. 21 апр. 1842 г., после продолжительных хлопот бабушки, прах Л. был доставлен в Тарханы и 23 апр. погребен в семейном склепе, рядом с могилой матери. По распоряжению Е. А. Арсеньевой вскоре над этими могилами была поставлена часовня.

Соч.: ПСС: В 5 т. / Под ред. и с примеч. Д. И. Абрамовича. СПб., 1910–1913 (Т. 5: Мат-лы для биографии и лит. характеристики); То же: В 5 т. / Под ред. Б. М. Эйхенбаума. М.; Л., 1935–1937; Соч.: В 6 т. М.; Л., 1954–1957; Собр. соч.: В 4 т. Л., 1979–1981. М., 1975–1976. СПб., 2014; То же: В 10 т. М., 1999–2002; Полн. собр. стихотворений: В 2 т. / Сост., подгот. текста и примеч.: Э. Э. Найдич. Л., 1989. (Б-ка поэта. Б. сер.); ПСС: В 10 т. М., 1999–2002; Собр. соч.: В 4 т. СПб., 2014. Т. 1–4.

Справ. лит. (энциклопедии, летописи, библиографии): Библиография текстов Лермонтова: Публикации, отд. изд. и собр. соч. М.; Л., 1936; Мануйлов В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.; Л., 1964; Миллер О. В. Библиография лит-ры о М. Ю. Лермонтове: (1917–1977). Л., 1980; она же. Лит-ра о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: Библиогр. указ.: 1825–1916. Л., 1990; она же. Лит-ра о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: Библиогр. указ.: 1978–1991. СПб., 2003; она же. Лит-ра о М. Ю. Лермонтове: Библиогр. указ. 1992–2001. СПб., 2007; Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, 1999; Лермонтов в музыке: Справ. М., 1983; М. Ю. Лермонтов // Христианство и новая рус. лит-ра XVIII–XX вв.: Библиогр. указ. СПб., 2002. С. 267–275; Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М., 2003; М. Ю. Лермонтов: Энцикл. слов. М., 2014.

Лит.: Висковатов П. А. М. Ю. Лермонтов: Жизнь и творчество. М., 1891, 1989; Дашкевич Н. П. Мотивы мировой поэзии в творчестве Лермонтова // ЧИОНЛ. 1892. Кн. 6. С. 231–252; 1893. Кн. 7. С. 182–253; Ктитарев Я. Н., свящ. Вопросы религии и морали в рус. худож. лит-ре: Лермонтов // Педагогический сб. 1910. № 9. С. 175–212; Венюк М. Ю. Лермонтову: Юбил. сб. М.; Пг., 1914; Дурьин С. Н. Судьба Лермонтова // РМ. 1914. Отд. 2. № 10. С. 1–30; он же. Россия и Лермонтов: (К изуч. религ. истоков рус. поэзии) // Христ. мысль. К., 1916. № 2. С. 137–151; он же. Как работал Лермонтов. Л.; М., 1934; он

же. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова: Комментар. М., 1940, 2006; он же. М. Ю. Лермонтов. М., 1944; он же. Врубель и Лермонтов // Лит. наследство. М., 1948. Т. 45/46. С. 541–622; Замотин И. И. М. Ю. Лермонтов: Мотивы идеального строительства жизни. Варшава, 1914; Семёнов Л. П. Лермонтов и Л. Толстой. М., 1914; он же. М. Ю. Лермонтов: Ст. и заметки. М., 1915; Соколов Л. П. Победенный Демон: К 100-летию юбилею со дня рожд. Лермонтова // ТКДА. 1914. Т. 3. № 9/10. С. 105–167 (отд. отт.: К., 1914); Котляревский Н. А. М. Ю. Лермонтов: Личность поэта и его произведения. Пг., 1915; Никитин М. Идеи о Боге и судьбе в поэзии Лермонтова. Н. Новгород, 1915; Степанов М., свящ. Религия М. Ю. Лермонтова // Филол. зап. Воронеж, 1915. Вып. 2. С. 153–186; М. Ю. Лермонтов: Его жизнь и соч.: Сб. ист.-лит. ст. / Сост.: И. В. Покровский. М., 1916; Эйхенбаум Б. М. Лермонтов: Опыт ист.-лит. оценки. Л., 1924; он же. Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961; Шувалов С. В. М. Ю. Лермонтов: Жизнь и творчество. М.; Л., 1925; Гинзбург Л. Я. Творческий путь Лермонтова. Л., 1940; Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исслед. и мат-лы. М., 1941; М. Ю. Лермонтов. М., 1941. Кн. 1. 1948. Кн. 2. (Лит. наследство; Т. 43/44, 45/46); Михайлова А. Н. Рукописи М. Ю. Лермонтова: Описание. Л., 1941; Бродский Н. Л. М. Ю. Лермонтов: Биография. М., 1945. Т. 1: 1814–1832; Соколов А. Н. М. Ю. Лермонтов. М., 1957; Ковалевская Е. А., Мануйлов В. А. М. Ю. Лермонтов в портретах, иллюстрациях, док-тах. Л., 1959; Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова. Л., 1959. М.; Л., 1964; Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова. М., 1964, 1986; Творчество М. Ю. Лермонтова: Сб. ст. М., 1964; Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Комментар. М.; Л., 1966. Л., 1975; Фёдоров А. В. Лермонтов и лит-ра его времени. Л., 1967; Вырыпаев П. А. Лермонтов: Новые мат-лы к биографии. [Воронеж], 1972. Саратов, 1976; Удоводов Б. Т. М. Ю. Лермонтов: Худож. индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973; Андроников И. Л. Лермонтов: Исслед. и находки. М., 1977; М. Ю. Лермонтов: Исслед. и мат-лы. Л., 1979; Лермонтов: Картины. Акварели. Рисунки. М., 1980; Ломинадзе С. В. Поэтический мир Лермонтова. М., 1985; М. Ю. Лермонтов в восп. современников. М., 1989; Олейник В. Т. Лермонтов и Милтон: «Демон» и «Потерянный рай» // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1989. Т. 48. № 4. С. 299–315; Афанасьев В. В. Лермонтов. М., 1991. (ЖЗЛ); Тарханский вестн. Пенза, 1993–2015. Вып. 1–27; Найдич Э. Э. Этюды о Лермонтове. СПб., 1994; Уразаева Т. Т. Лермонтов: История души человеческой. Томск, 1995; Ходанен Л. А. Поэтика Лермонтова: Аспекты мифопоэтики. Кемерово, 1995; Маркович В. М. Пушкин и Лермонтов в истории рус. лит-ры: Ст. разных лет. СПб., 1997; Миллер О. В. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Это случилось в последние годы могучего Рима»: Лит. источники и датировка // Рус. лит-ра. 1998. № 1. С. 58–61; Рогоженков И. К. «За все тебя благодарю...» (Религ. психология М. Ю. Лермонтова) // Север. 1998. № 1. С. 127–137; Моторин А. В. Жребий Лермонтова // Христианство и рус. лит-ра. СПб., 1999. Сб. 3. С. 151–163; Зотов С. Н. Худож. пространство – мир Лермонтова. Таганрог, 2001; Журавлева А. И. Лермонтов в рус. лит-ре: Проблемы поэтики. М., 2002; М. Ю. Лермонтов: Pro et contra: Личность и творчество в оценках рус. мыслителей и исследователей. СПб., 2002; Серман

И. З. Михаил Лермонтов: Жизнь в лит-ре, 1836–1841. М., 2003; Щерблякин И. П. Страницы лермонтоведения: интерпретации, анализы, полемика. Пенза, 2003; Лермонтовские чт. СПб., 2007–2015. [Вып. 1–9]; Москвин Г. В. Смысл романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М., 2007; он же. Первый период творчества Лермонтова (ранняя лирика) // ВМУ: Филол. 2014. № 3. С. 107–115; Нестор (Кумыш), игум. Поэма М. Ю. Лермонтова «Демон» в контексте христ. миропонимания. СПб., 2007; он же. Поэмы Лермонтова как основные вехи его духовного пути. М., 2008; он же. Тайна Лермонтова. СПб., 2011; Вацуро В. Э. О Лермонтове: Работы разных лет. М., 2008; М. Ю. Лермонтов: Худож. картина мира: Сб. ст. Томск, 2008; Горланов Г. Е. Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте рус. духовного самосознания. М.; Пенза, 2009; М. Ю. Лермонтов и Православие: Сб. ст. о творчестве М. Ю. Лермонтова. М., 2010; Киселева И. А. Творчество М. Ю. Лермонтова как религ.-филос. система. М., 2011; Юхнова И. С. Проблема общения и поэтика диалога в прозе М. Ю. Лермонтова. Н. Новгород, 2011; Евчук О. П. Религ.-филос. контексты поэзии М. Ю. Лермонтова. Омск, 2012; Телегина С. М. «Он был любим Небом»: М. Ю. Лермонтов в оценке рус. мыслителей. М., 2013; Каталог рукописных источников о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова / Сост.: Е. В. Бронникова, Н. А. Зубкова, И. А. Киселева, М. С. Крутова // М. Ю. Лермонтов: Энцикл. слов. М., 2014. С. 896–924; Коровин В. Л. О библейских мотивах в лермонтовском «Демоне» в связи с его творческой историей: (От Байрона – к Мильтону) // Литературоведческий журн. М., 2014. № 35. С. 18–33; Лермонтов и история: Сб. науч. ст. Вел. Новгород, Тверь, 2014; Мир Лермонтова / Ред.: М. Н. Виролойнен, А. А. Карпов. СПб., 2015.

В. Л. Коровин

ЛÉРОССКАЯ, КАЛÍМНОС-СКАЯ И АСТИПАЛÉЙСКАЯ МИТРОПÓЛИЯ [греч. Ἱερά Μητρόπολις Λέρου, Καλὴμου καὶ Ἀστυπαλαίας], епархия К-польского Патриархата, одна из Додеканесских митрополий; помимо Лероса, Калимнос и Астипалеи охватывает Телендос, Псеримос и др. близлежащие небольшие острова. Митрополичьи резиденции находятся на Леросе, Калимносе и Астипалее, кафедральные соборы освящены в честь Благовещения Пресв. Богородицы (на Леросе), в честь Преображения Господня (на Калимносе) и во имя Пресв. Богородицы Портаитиссы (на Астипалее).

Исторический очерк. О распространении христианства на этих островах не сохранилось сведений. Несомненно этому процессу способствовали тесные контакты с Родосом и городами малоазийского побережья. О расцвете христ. строительства в V–VI вв. можно судить по значительному числу сохранившихся на этих сравнительно небольших

островах базилик. На Леросе их обнаружено 11: 3 базилики — в Алинде (рядом с ц. 40 мучеников, у муниципальной гостиницы и в местности Панайес), 2 — в Лаки (ап. Иоанна Богослова и Пресв. Богородицы Лимниотиссы), Пресв. Богородицы — в Палеокастро, Пресв. Богородицы — в Партени, вмч. Варвары — в Айия-Марина, свт. Николая Чудотворца — в Ксирокамбо, ап. Петра — в Дримонасе, св. Иоанна — в Факудье; на Калимносе насчитывается

лия Великого, Успения Пресв. Богородицы, Св. Троицы, без названия в местности Пота, равноап. Константина.

Леросская епископия подчинялась Родосской митрополии. Впервые Леросский епископ упоминается в 553 г. как участник V Вселенского Собора. По всей видимости, в состав Леросской епископии входил и Калимнос.

В X в. была образована Астипалейская епископия. После XI в. в источниках часто встречается такое наименование Леросской епископии, как Лернская, и иногда Лефрская. Средневицант. па-

Церковь
Пресв. Богородицы
Портаитиссы на Астипалее.
1760 г.

мятники Лероса сосредоточены гл. обр. в Кастро-Панделиу, построенном после того, как в 1087 г. имп. Алексей I Комнин

предоставил прп. *Христудулу Латрину* часть Лероса: ц. Пресв. Богородицы «ту Кастру» (перестроена в 1669 и 1719), ц. Св. Троицы (с фрагментами фресок IX в.), храм неизвестного христ. мученика (IX в., со сполыями раннехрист. церкви), ц. мц. Фотинии и свт. Иоанна Златоуста. В Лаки на месте раннехрист. базилики в XI в. была построена ц. ап. Иоанна Богослова (сохр. фрагменты фресок XIII в.), здесь располагалось подворье

одноименного монашеского монастыря на Патмосе. Ряд средневицантских храмов сохранился и на Калимносе (напр., церкви Пресв. Богородицы Хостис в Ватисе (XI в.) и великомучеников Феодоров в местности Вуколья).

В 1207–1537 гг. Астипалея принадлежала представителям венецианских родов Квирини и Гримани, а Лерос и Калимнос в 1314–1521 гг. находились под властью рыцарей-иоаннитов. Правосл. епископы были изгнаны с Лероса. Только в 1479 г. встречается известие, что на Леросе

с разрешения магистра ордена иоаннитов проживал Филадельфийский митр. Иоаким, управлявший находившимся там подворьем монастыря ап. Иоанна Богослова на Патмосе. В 1522 г. Астипалея была включена в состав Лернской епископии.

Поздневицант. архитектурные памятники на Леросе (ц. Пресв. Богородицы Гурломаты (1327), церкви XIV в. — св. Апостолов в Камаре, ап. Петра, прор. Захарии в Мерикья, вмч. Георгия в Партени и др.) и на Калимносе (церкви XIII в. — вмч. Георгия, арх. Михаила и прав. Анны (Калиотиссы), мч. Кирика, прп. Антония Великого, ап. Иоанна Богослова (Феологаки) в Ватисе, ц. равноап. Константина в Парадиси (XIII в.), ц. свт. Николая Чудотворца в Скаля (XIII–XIV вв.), церкви XIV в. — вмч. Димитрия и св. Иоанна «Куцокефалоса») остаются малоизученными. Ярким примером позневицант. живописи являются фрески 10 церковью Калимноса в Кастро-тис-Хорас, выполненные в нач. XVI в. одной мастерской художников.

Острова Лерос и Калимнос были захвачены турками в 1522 г., во время похода на Родос султана Сулеймана Великолепного. В 1537 г. тур. флотоводец Хайреддин Барбаросса захватил Астипалею, в 1540 г. она официально вошла в состав Османской империи по турецко-венецианскому договору.

В 80-х гг. XVI в. К-польский патриарх Иеремия II Транос учредил на Астипалее экзархию, а в 1595 г. патриарх Матфей образовал экзархию из островов Калимнос, Аморгос и Серифос. Родосский митрополит обратился с жалобой на эти адм. изменения к патриарху Неофиту II, и в 1610 г. острова были возвращены Родосской митрополии и создана Лернская, Калимноская и Астипалейская епископия. Но в 1621 г. Астипалея и Аморгос снова составили патриаршую экзархию, а в 1646 г. она стала частью новосозданной Сифносской архиепископии.

При ученом еп. Игнатии (1756–1800 или 1801) наступил расцвет церковной жизни в епархии; в его правление в Леросской школе преподавали Никита Петру, философ Даниил с Патмоса, дидакал Гавриил Карнитис, а уроженцы Лероса занимали престижные церковные кафедры: Герасим — Александрийскую, Мефодий и Мелетий — Ираклийскую, Игнатий — Имбросскую.

ок. 20: базилики «Христос Иерусалимский» и Св. Софии — в Пигадии, Евангелистрии — в Потии, св. Иоанна Предтечи — в Мелицахе, Живоносного Источника — в местности Кандуни, без названия — в Скаля, в Эмборьо и др., 10 базилик — в Ватисе и его окрестностях (Воскресения Христова, на участке Халки-

Базилика
«Христос Иерусалимский»
на о-ве Калимнос. V в.

тиса, вмч. Георгия, вмч. Ирины, без названия, Честного Креста с парекклисионом мч. Кирика, прав. Анны, арх. Михаила, Палеопанагия); на Астипалее — 7 базилик (напр., вмч. Варвары в Аналипси (Малтезана)); на Псеримосе — 6: арх. Михаила, Успения Пресв. Богородицы, равноап. Константина, вмч. Георгия, свт. Николая и Пресв. Богородицы Графиотиссы и др.; на Телендосе — 5: свт. Васи-

В 1760 г. прп. *Анфим* Кефалинийский создал на Астипалее жен. мон-рь в честь иконы Божией Матери «Портаитисса». В 1838 г. Астипалея окончательно была включена в состав Лернской епископии. В 1888 г. Лернская епископия была возведена в ранг митрополии с названием Леросская и Калимноская.

До 1912 г. Астипалея, Лерос и Калимнос оставались во владении Османской империи, а затем перешли к итальянцам и только в 1948 г. были присоединены к Греции. В 1937 г., при итал. администрации, о-в Калимнос был передан Косской митрополии, но в 1947 г. был снова возвращен в состав Леросской.

На Калимносе провел последние годы жизни прп. *Савва Новый* († 1948), а на Леросе — старица *Гавриилия* (Папаянни; † 1992).

В 2014 г. в епархии действовали 40 приходских храмов, 150 парекклисионов, 552 экзокклисиона, 18 кладбищенских храмов, мон-ри Ангелов и Пресв. Богородицы «ту Кастру» на Леросе, вмч. Пантелеимона, Пресв. Богородицы Евангелистрии, вмч. Екатерины, Всех святых, Вознесения Господня, Пресв. Богородицы Елеусы на Калимносе, исихастирий прп. Матроны Хиосской на Леросе, исихастирии Воздвижения Честного Креста, смчч. Киприана, Св. Троицы, ап. Павла, прп. Макрины на Калимносе, исихастирии Пресв. Богородицы Флевариотиссы на Астипалее, Воздвижения Честного Креста на о-ве Нера, свт. Николая Чудотворца на о-ве Плати, свт. Николая Чудотворца на о-ве Калоломнос, вмч. Георгия Победоносца на о-ве Фармакониси.

При приходах организованы катехизаторские школы и молодежные центры, на Леросе открыта иконописная школа, на Калимносе — школа визант. музыки с отд-нием на Леросе. В Л., К. и А. м. ведется активная благотворительная деятельность. Организованы Общая благотворительная касса при митрополии и приходские кассы, на Астипалее с 1829 г. существует Церковная благотворительная касса. На Леросе действуют дом престарелых, благотворительная орг-ция, оказывающая помощь нуждающимся, в т. ч. нелегальным мигрантам, орг-ция, занимающаяся сбором гуманитарной помощи, на Калимносе — приюты для мальчиков и девочек, дом престарелых, летние лагерь, 2 бесплатные столовые, пункт

раздачи гуманитарной помощи при ц. Пресв. Богородицы Евангелистрии, группа женщин-добровольцев, осуществляющая помощь на дому.

Особо почитаемые святые и иконы: на Леросе — иконы Божией Матери «ту Кастру» и прп. Матроны Хиосской, святые вмч. Марина (покровительница острова) и прмч. *Иона* († 1561), на Калимносе — иконы Божией Матери «Кира-Псили» и «Галатиани», икона вмч. Пантелеимона, покровитель острова — прп. Савва Калимносский, на Астипалее — икона Божией Матери «Портаитисса», покровитель острова — прп. Анфим Кефалинийский.

Леросские (Лернские) епископы: Иоанн (упом. в 553); Сергей (упом. в 787); Иосиф (упом. в 869/70); Константин (упом. в 1158); Константин (упом. в 1187); Нил (50-е гг. XIII в.); Каллист (не позднее 1577–1584); Симеон (?–1603); Филофей Синкеллопул (?–1635); Пахомий (1635–1643; бывш. митрополит Родосский); Симеон (упом. в 1717, 1720–1730); Игнатий (1756–1800 или 1801); Игнатий (1800 или 1801–1809 или 1818); Иеремия (1818–1844); Дионисий с Калимноса (1844–1863); Игнатий (1863–1870); Макарий (1870–1875); Даниил (Кефалианос; 1875–1888).

Митрополиты Леросские и Калимносские: Хрисанф (1888–1894; бывш. митрополит Неврокопийский); Анфим (Цацос; 1894–1895; бывш. митрополит Корицкий; вполн. патриарх К-польский Анфим VII); Софроний (Христидис; 1895–1897; бывш. митрополит Фессалоникский; вполн. митрополит Никейский); Иоанн (Хадзиапостоу; 1897–1903; вполн. митрополит Кассандрийский); Герман (Феотокас; 1903–1918; ранее митрополит Эносский и Траянопольский); Апостол (Кавакопулос; 1918; ранее епископ Олимпийский).

Митрополиты Леросские, Калимносские и Астипалейские: Исидор (Айдонупулос; 1950–1983); Нектарий (Хадзимихалис; 1983–2005); Паисий (Аравантинос; с 2005 по наст. время).

Лит.: *Γρηγόριος Τ. Α. Λέρου, Καλόμνου και Ἀστυπалаίας, Μητρόπολις* // ΟΗΕ. 1966. Т. 8. Σ. 241–245; *Darrouzès. Notitiae*. P. 213, 227, 241, 259–260, 285, 304, 329, 364, 421. N 1–4, 7, 9–10, 13, 21; *Fedalto. Hierarchia*. P. 213; *Μιχαηλίδου Μ. Παλαιοχριστιανική βασιλική στο Παρθένι της Λέρου // Ἰωνίας Ἄκρον: Τόμος αφιερωμένος στη μνήμη του Δ. Οικονομόπουλου (1830–1890)*. Αθήνα, 1993; *Χαραμαντάς Γ., πρεσβ. Ιστορικά σημειώματα της Εκκλησίας της Νήσου Λέρου*. [S. l., s. a.]; *Δίπτυχα*. 2014. Σ. 951–956; www.im-leka.gr [офици. сайт Л. К. и А. м.].

О. В. Л.

ЛЭСБОС [греч. Λέσβος], остров в сев.-вост. части Эгейского м., на нем расположены Митилинская и Мифимнская митрополии Эллад-

ской Православной Церкви (митрополии «новых земель»).

Исторический очерк. В 56 г. по Р. Х. ап. *Павел* по пути из Трояды в Иерусалим остановился на одну ночь (Деян 20. 14–15) в главном городе Л. Митилене (визант. Митилина; новогреч. Митилини). В визант. период это название часто употребляли по отношению ко всему острову. Исследователи считают, что распространению христианства на Л. препятствовал мощный культ императора. Первоначально Л. входил в пров. Асия, а после реформы имп. Диоклетиана — в Островную пров. Вполн. Л. стал важным стратегическим пунктом на морском пути в К-поль. Остров славился плодородием, в античности и ранневизант. период экспортировались лесбосские вино и мрамор.

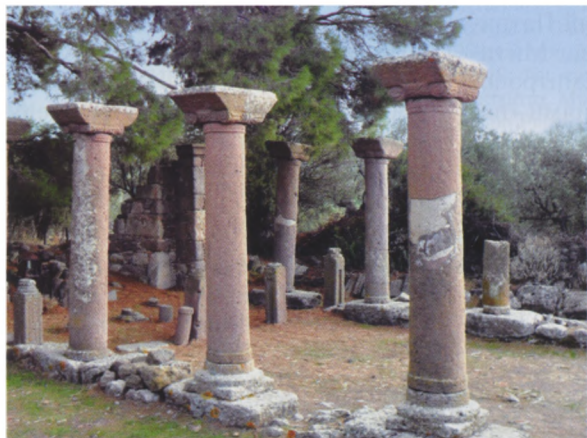
На Л. остановившись вместе с учениками прмч. *Никон* (пам. 23 марта), пострадавший в правление имп. Деция (249–251). Катакомбный мученик кон. III в. обнаружен археологами на холме Вуналаки на побережье Макрис-Ялос. Другой раннехрист. мученик находится рядом с базиликой в Аргале, в 6 км к югу от Митилини.

Первый известный епископ Л., Евagriй, присутствовал в 359 г. на Селевкийском Соборе (сведения об участии в 325 в I Вселенском Соборе епископов Григория Митиленского и Андрея Метимнского неверны). В IV в. на Л. получили распространение различные течения арианства. Некоторое время на острове жил *Азтий*, основатель ереси *аномеев*.

До кон. V в. на острове существовала одна епископия, к-рая именовалась Митиленской или Лесбосской. В ее состав входили острова Тенедос (ныне Бозджада), Мосхонисия (ныне о-ва Айвалык) и малоазийское побережье напротив Л., что нашло отражение в титулах епископов Иоанна (431) — «Лесбосский и Селениякийских побережий» (Σεληνιακῶν αἰγιαλῶν) (АСО I. 1. 7. P. 113) и Флорентия (451) — «Лесбосский, Тенедосский, Пороселенский и побережий» (Πоросελενα — один из островов Мосхонисия, ныне Маден) (АСО II. 1. 3. P. 91(450); II. 1. 2. P. 40 (236)). В 451 г. упоминаются хорепископы Лесбосского митрополита Евлогий (АСО II. 1. 2. P. 40 (236)) и Евелпист (АСО II. 1. 1. P. 63; 1. 2. P. 77 (273), 91 (287), 137 (333), 150 (346); 1. 3. P. 91 (450)).

В нач. VI в. в источниках появляются упоминания о епископии Метимны (визант. Мифимна; новогреч. Митимна). Во 2-й четв. VI в. Митилинскую кафедру занимал церковный писатель *Захария Ритор*. В VII в. Митилинская и Мифимнская епископии получили статус автокефальных архиепископий (т. е. они напрямую подчинялись К-польскому патриарху, а не митрополиту Родосскому).

Раннехристианская базилика в местности Халинадос. 2-я пол. VI в.

Появление в VII в. в Эгейском м. араб. флота положило конец процветанию Л. Угроза арабских нападений продолжала существовать до X в. и нашла отражение в географии. Одно из наиболее известных чудес вмч. Георгия — избавление отрока из плена — связано с Л., откуда происходил похищенный арабами юноша (см. в ст. *Георгий*, вмч.). Жительницей Л. была и увезенная арабами на Парос прп. *Феоктиста* († незадолго до 910).

Противниками ереси иконоборчества были 2 архиепископа, занимавшие Митилинскую кафедру, — святители *Георгий I* (804–813) и *Георгий II* (843–845 или 846). Прп. Симеон, брат Георгия II, подвизался на столпе, подражая древним святым (см. в ст. *Давид*, *Симеон* и *Георгий*). Рядом с его столпом близ юж. гавани Митилины возник мон-рь Пресв. Богородицы. Во время иконоборческих гонений Симеон основал на маленьком островке в заливе Ера ц. мч. Исидора. Местное предание связывает с Л. деятельность одного из главных защитников иконопочитания — прп. *Феофана* Сигрианского.

В IX–XI вв. Л. был местом ссылки гос. и церковных деятелей (имп. *Ирина* Афинянка, свт. *Игнатий*, патриарх К-польский, прп. *Николай Студит*, буд. имп. Константин IX Мономах и др.). Местные легенды связали с именем имп. Ирины, к-рая

умерла на Л. в 803 г., основание ряда мон-рей: Рождества Пресв. Богородицы на Карийском холме близ Терми (Лутрополи-Термис), Пресв. Богородицы Труллоти в сел. Пирьи-Термис, ап. Иоанна Богослова (Ипсилу), к-рый, по др. версии, основан сир. монахом в VII в.

В нач. X в. (согласно Дж. Федальто, между 850 и 900) Митилинская архиепископия была возведена в

ранг митрополии, а в ее пределах были образованы подчиненные ей епископии (Эресская или Эрисская, Строн-

гильская, Тенедосская, Вервинская, Перперинская; в 1261 впервые упом. Иерская епископия). Мифимнская архиепископия стала митрополией

в XII в. (по Федальто, ок. 1080, по Й. Кодеру, в 1084 или между 1072 и 1082).

В средневизант. период Л. являлся частью фемы Эгейского м. Здесь род визант. поэт XI в. *Христофор Митилинский* (ок. 1000 — после 1054). Ок. 1088–1091 гг. эмир Чаха захватил Митилину, но не смог взять Мифимну (Моливос). В 1092 г. Иоанн Дука освободил Л. В XII в. остров неск. раз был разграблен венецианцами. Свт. *Григорий*, еп. Асса Эфесского (XI или XII в.), основал мон-рь Пресв. Богородицы на горе Приант близ залива Ера и провел в нем последние годы жизни.

После захвата К-поля крестоносцами (1204) Л. перешел во владение имп. Балдуина I Фландрского. В 1224 г. остров был отвоеван никейским имп. Иоанном III Дукой Ватацем. В 1235 г., во время пиратского набега на мон-рь Рождества Пресв. Богородицы на Карийском холме, приняли мученическую смерть преподобномученицы *Олимпия* и *Евфросиния* (пам. греч. 11 мая).

В 1355–1462 гг. на Л. правил генуэзский род Гаттилузи, т. к. визант. имп. Иоанн V Палеолог отдал этот остров Франческо Гаттилузио в качестве приданого своей сестры Марии. В тот период были основаны 2 латинские епископские кафедры — в Митилине и в Мифимне, монахи-доминиканцы вели прозелитичес-

кую деятельность. В 1438–1439 гг. Митилинский митр. Дороеф приносил участие в Ферраро-Флорентийском Соборе. В 1462 г. Л. захватили турки. Местные жители оказывали сопротивление, что вызвало репрессии со стороны завоевателей. В 1463 г., во время карательной операции, были убиты *Рафаил*, *Николай*, преподобномученики, и *Ирина*, мц. Первое время после османского завоевания остров пришел в запустение, в т. ч. мон-ри, на нем расположенные. Когда в 20-х гг. XVI в. прп. *Игнатий Агаллиан*, митр. Мифимнский, начал восстановление *Лимоноса* и *Мирсиниотиссы* Пресв. Богородицы монастыря, по свидетельству его сына игум. Мефодия (Завещание, 1576), на Л. не было ни одной обители и ни одного монаха. После 1462 и до 1526 г. кафедра Мифимнской митрополии была перенесена в Калони.

После поражения тур. флота в битве при Лепанто (1571) на ряде островов Эгейского м. прошли антитур. выступления, в наказание за это на Л. турками были убиты неизвестный по имени Митилинский митрополит и 4 священника.

В раннеосманский период в подчинении Митилинской митрополии осталась только Эресская епископия, а затем и она вошла в ее состав. Во время архиерейства Паисия (1590–1603) митрополичий титул изменился на «Митилинский, Эресский и Тенедосский». В 1626 г. Митилинская митрополия возвратила в свою юрисдикцию села Эресос, Агра и Месотопос, к-рые незадолго до этого были присоединены к Мифимнской митрополии.

Л. дал Церкви целую плеяду новомучеников. В К-поле пострадали уроженцы Лесбоса *Лука Митилинец* († 1564), сщмч. *Парфений III*, патриарх К-польский († 1657), *Георгий* Пайзанос († 1693) и, возможно, *Николай* († 1771); в Касабе (М. Азия) — *Анастасий* и *Димитрий* († 1816 или 1819); в Кидонии (ныне Айвалык) — *Константин из агарян* († 1819). В Митилине мученическую кончину претерпели *Георгий* (Зорзис; † 1770), *Феодор Митилинец* или *Хадзис* († 1784), *Феодор Новый* (Византийский) († 1795) и *Лука* Адрианопольский († 1802).

В 1692 г. К-польский патриарх Каллиник II поручил управление богадельней и другими благотворительными учреждениями на Л.

Митилинскому митр. Даниилу Макариу, который известен как мелург. Митр. Никодим Айназис (1708–1721) построил митрополичий дом в Митилине (здание сохр.). С нач. XVIII в. митрополичьим собором являлась ц. свт. Афанасия Великого, архиеп. Александрийского. Митр. Констанций (1727–1736) первый попытался открыть на Л. школу и обратился к прп. *Макарию Патмосскому* с просьбой прислать учителя. Митр. Анфим (1737–1767 с перерывами?) пожертвовал значительные суммы для богадельни и отменил местный обычай наделять старших дочерей большим приданым в ущерб младшим.

В 1750 г. острова Мосхонисия, входившие в состав Митилинской митрополии, были переданы Эфесской митрополии, в 1760 г. возвращены Митилинской, а в 1763 г. включены в состав Смирнской.

Репрессии в отношении греч. населения, последовавшие за действиями рус. флота в Эгейском м. в ходе русско-тур. войны (1768–1774), затронули и Л., в т. ч. в тюрьму были заключены Митилинский митр. Герасим (1767–1773 или 1783), сосланный К-польский патриарх Мелетий II и знатные греки.

Митр. Иеремиа (1783–1809; вполс. К-польский патриарх *Иеремиа IV*) построил в Митилине церкви вмч. Георгия (1794) и святых Феодоров (1795), а в Айясосе — Пресв. Богородицы (1806). В послании 1798 г. он призвал зажиточных христиан для спасения души завещать средства Греческой школе. Племянник Иеремиа IV митр. Каллиник (1809–1829) открывал школы в своей епархии. В 1817 г. он стал членом «Дружеского общества» (Филики Этерия), но во время Греческой национально-освободительной революции испугался правительственных репрессий и призывал паству проявить лояльность к османским властям.

В 1832 г., во время эпидемии чумы, протосинкеллу *Каллинику* (вполс. патриарх Александрийский) явился нмч. Феодор Византийский, указал место, где находились его мощи, и велел совершить с ними крестный ход. После этого эпидемия прекратилась. В 1842–1853 гг. Каллиник возглавил Митилинскую митрополию. После краткого архиерейства на Фессалоникийской и Александрийской кафедрах он удалился на покой и проживал на Л. Каллиник материально

поддерживал школы и больницу «Востанион», участвовал в строительстве ц. сщмч. Ферапонта, отреставрировал ц. Пресв. Богородицы в Айясосе, помогал пострадавшим от землетрясений 1867 и 1881 гг.

В 1912 г. Л. был освобожден от турок. В 1923 г. Митилинская митрополия утратила о-в Тенедос, который остался в составе Турции. В том же году была создана Пломарийская епископия, просуществовавшая до 1934 г. В 1928 г. К-польский Патриархат передал управление Митилинской и Мифимнской митрополиями, как и др. митрополиями «новых земель», Элладской Православной Церкви.

Совр. система благотворительных учреждений была заложена митр. Иаковом (Николау; 1925–1958). Он оказал огромную помощь жителям Л. в годы второй мировой войны. Митр. Иаков (Клеомвротос; 1958–

Церковь
первомч. Стефана
близ Мандамадоса. XIII в.

1987), автор многочисленных работ по церковной истории Л., продолжил деятельность своего предшественника в социальной сфере. Он основал Молодежный центр (1972) и Византийский музей (1978). В 1960 г. построил митрополичий дворец, в 1963–1969 гг. — мон-рь сщмч. Рафаила, прмч. Николая и мц. Ирины.

На Л. действуют 109 приходских храмов (72 — в Митилинской митрополии, 37 — в Мифимнской), 411 пареккисионов (351 — в Митилинской митрополии, 60 — в Мифимнской), 1087 экзоккисионов (872 — в Митилинской митрополии, 215 — в Мифимнской), 7 мон-рей (4 — в Митилинской митрополии: ап. Иоанна Богослова (Ипсилу), св. Таксиархов (Чиноначальников, т. е. архангелов Михаила и Гавриила), Успения Пресв. Богородицы, или Дамандри, и сщмч. Рафаила, прмч. Николая и мц. Ирины; 3 — в Мифимнской: Лимонос,

Пресв. Богородицы Мирсиниотиссы и Периволи).

Святые: мощи сщмч. Рафаила, прмч. Николая и мц. Ирины в одноименном мон-ре, рельефная икона арх. Михаила в мон-ре св. Таксиархов в Мандамадосе, сделанная из земли, смешанной с кровью убитых пиратами монахов, икона Божией Матери «Святой Сион» в Айясосе (по преданию, привезена мон. Агафоном Эфесским из Иерусалима в эпоху иконоборчества, храм построен в 1170).

Памятники архитектуры. Археологи обнаружили на Л. более 50 базилик V–VI вв. Самые большие по размеру: 3-нефные базилики: в Скала-Эресу (св. Анастасии (1-я пол. V в.), в ней похоронен прп. Андрей Критский), в местности Халинадос, к юго-востоку от Айя-Параскеви (2-я пол. VI в.), в Аргале, в 6 км к югу от Митилины (нач. V в.), близ с. Ипсилометопо (Псилометопо) (2-я пол. VI в.),

в 2 км к югу от Лутра (V в.), в Клио (2-я пол. VI в.) и рядом с мостом через р. Цикния близ Айя-Параскеви. Некоторые раннехрист. церк-

ви возведены на месте известных античных памятников: напр., базилика в местности Меса близ Калони — на фундаменте

храма IV в. до Р. Х., а базилика в местности Афендели близ Эресоса (V–VI вв.) — там, где находилась школа философа Феофраста. Храмов визант. периода на Л. сохранилось немного: ц. первомч. Стефана близ Мандамадоса (XIII в.), ц. Пресв. Богородицы Труллоты (противоречивые датировки X или XIV/XV в.), собор мон-ря св. Таксиархов близ Като-Тритоса (XV в.).

Митилинские (Митилинские) епископы: Евагрий (упом. в 359), Фалл (между 361 и 366), Иоанн (упом. в 431), Флорентий (упом. в 451), Евной (упом. в 459), Захария (упом. в 527–536), Палладий (упом. в 554), Григорий (упом. в 681), Сисиний (упом. в 691/2).

Митилинские архиепископы: Христодул (VII–VIII вв.), Дамиан (упом. в 787), свт. Георгий I (804–813), Лев (иконоборец) (813–?), свт. Георгий II (843–845 или 846), Михаил (858? — 867, иногда указывается неверная дата — 889), Василий (упом. в 879/80), Николай (упом. в 886).

Митилинские митрополиты: Фома (X в.); Илия (1-я пол. XI в.); Константин (упом. в 1054); Иоанн (2-я пол. XI в.); неизв. по имени (упом. в 1066); Никита (упом. в 1086–1094); Поф (упом. в 1166–1173); Стефан (XI–XII вв.); Константин (кон. XII в.); Иоанн (упом. в 1205); Поф Аплисарий (? — 1225); Иосиф (1225? — 1256); Григорий (1256–1268); Гидон (между 1268 и 1314); неизв. по имени (упом. в 1310); Дионисий (1314–1327); Григорий (упом. в 1329–1331); Феофан (между 1331 и 1341); Маркиан (упом. в 1347–1354); Иосиф (упом. в 1355); Лев или Леонтий Магентиан (2-я пол. XIV в., 1381?); Малахия (упом. в 1370 и 1371); Иеремия (упом. в 1389); Иосиф (упом. в 1394); Иеремия (упом. в 1395–1397); Дорофей (упом. в 1438/39); Леонандр (упом. в 1444); Мина (упом. в 1450); Леонтий (упом. в 1453); Мефодий (упом. в 1482–1484); Анфим (до 1546–1548); Макарий (упом. в 1564 и 1565); Игнатий (упом. в 1565); Григорий (упом. в 1576–1580); Пахомий Паетт (1580–1584; ранее митрополит Кесарийский; вполн. патриарх К-польский Пахомий II); Григорий (упом. в 1590); Паисий Палеолог (1590–1603); Даниил (1603–1605); Софроний (1605 — после 1608); Парфений (упом. в 1610, иногда ошибочно указывается дата 1608); Григорий (упом. в 1618); Констанций (ранее 1621–1629, с перерывом; ранее митрополит Лемносский); Парфений (упом. в 1626); Парфений (1629–1654); Григорий (1654 — после 1670); Зосим (упом. в 1672); Даниил Макрис (упом. в 1676); Григорий (1676–1692); Даниил Макрис (1692 — после 1696); Макарий (до 1708); Никодим Айназис (1708–1721); Каллиник (1721–1727); Констанций (1727–1736); Анфим Вертумис (1737–1767, с перерывами?); Паисий (упом. в 1759); Герасим (1767–1773 или 1783); Панарет (1780–1783); Иеремия (1783–1809; ранее митрополит Христианополя и Триполицы; вполн. патриарх К-польский Иеремия IV); Каллиник (1809–1829); Порфирий (Фотиадис; 1829–1839); Мелетий (Фотиу; 1839–1842; ранее митрополит Серрский; вполн. митрополит Ксанфийский); Каллиник (1842–1853; вполн. митрополит Фессалоникийский и патриарх Александрийский); Григорий (Катрис или Кабурис; 1853–1858; ранее епископ Кампанийский и митрополит Тырновский); Мелетий (Фотиу; 1858–1867); Мефодий (Аронис; 1867–1876; вполн. митрополит Кесарийский и Дидимотихский); Константин (Валиадис; 1876–1893; вполн. митрополит Эфесский и К-польский патриарх *Константин V*); Мефодий (Аронис; 1893–1897); Кирилл (Мумдзис; 1897–1925; вполн. митрополит Филадельфийский); Иаков (Николау; 1925–1958; ранее митрополит Диррахийский); Иаков (Клеомвротос; 1958–1987; ранее митрополит Сисаний-

ский и Святотистский); Иаков (Франдзис; с 1988 по наст. время).

Лит.: *Σωτηρίου Γ. Π. Λεσβιακή Ἀγιολογία ἢ Λεσβιακῶν Λειμωνᾶριον. Μυτιλήνη, 1958; Πριτσόπουλος Γ. Α. Μηθόμιος, Μητρόπολις // ΟΗΕ. 1966. Τ. 8. Σ. 1108–1109; Κωνσταντινίδης Ε. Ι. Μυτιλήνης, Ἐρεσοῦ καὶ Πλωμαρίου, Μητρόπολις // Ibid. 1966. Τ. 9. Σ. 270–272; Darrouzès. Notitiae. P. 205–206, 217–218, 232, 250, 265–266, 287, 292–293, 306, 332, 365, 368, 376, 381, 421. N 1–5, 7–10, 13–15, 21; Ἰάκωβος (Κλεόμβροτος), μῆτρ. Mytilena Sacra. Θεσσαλονίκη, 1970–1981. 4 τ.; *idem*. Συνοπτικὴ ἱστορία τῆς Ἐκκλησίας τῆς Λέσβου. Μυτιλήνη, 1984; Fedalto. Hierarchia. P. 202, 212–218, 220, 222; Μοντζούρης Ι. Κ. Ο μοναχισμὸς τῆς Λέσβου. Μυτιλήνη, 1989; *Gregory J. T. E. Lesbos // ODB. 1991. Vol. 2. P. 1219; Φουντούλης Ι. Μ. Λεσβιακὰ ἀγιολογικὰ μελετήματα. Μυτιλήνη, 1997–2002. 2 τ.; Koder J. Aigaion Pelagos: Die Nördliche Ägäis. W., 1998. S. 209–213, 228–234. (ТГБ; 10); Καλέλλης Α. Ε. Λέσβος καὶ Ἀνατολικὴ Μεσόγειος κατὰ τὴ Ρωμαϊκὴ καὶ πρόμῃ Βυζαντινῇ περιόδῳ. Θεσσαλονίκη, 2002; Σπανός Α. Χριστιανικὰ μνημεῖα τῆς Μητροπόλεως Μυτιλήνης. Ἀθήνα, 2003; Δίπτυχα, 2014. Σ. 678–679, 687–690.**

О. В. Л.

ЛЭСБОССКИЕ ДЭВЫ [греч. Ἅγιοι πέντε κόραι ἐκ Λέσβου], 5 мучениц (пам. греч. 5 апр.). Время и место мученической кончины неизвестны. Память Л. д. и двустиише, посвященное этим святым, содержатся в визант. стишных Синаксарях (Paris. Coisl. 223, 1301 г.— SynCP. Col. 587–588), где сообщается только то, что они были усечены мечом. Видимо, это произошло в период гонений на христиан, до утверждения христианства в качестве гос. религии. В 1331 г. на Лесбосе существовал мон-рь, посвященный Л. д. Согласно позднему местному преданию, они подвизались на побережье в районе совр. сел. Гаватас и стали жертвами пиратов.

Из стишных Синаксарей данные о Л. д. попали в печатную Минею (Венеция, 1603) и в «Синаксарист» прп. Никодима Святогорца, а также в слав. стишные Прологи (*Петков, Спасова*. Стиш. Пролог. 2013. Т. 8. С. 19) и оттуда — в ВМЧ (ВМЧ. Апр. Дни 1–8. Стб. 166). В совр. календарь РПЦ память Л. д. не включена. Лит.: *Σωτηρίου Γ. Π. Λεσβιακή Ἀγιολογία ἢ Λεσβιακῶν Λειμωνᾶριον. Μυτιλήνη, 1958. Σ. 198–199; Σεργίη (Σπασσική). Μεсяцеслов. Τ. 2. С. 99; Σωφρόνιος (Ἐδοστρατιάδης). Ἀγιολόγιον. Σ. 312; Νικόδημος. Συναξαριστής. 1998. Τ. 4. Σ. 193; Μακάριος Σιμωνοπερίτης, ἱερομόν. Νέος Συναξαριστής τῆς Ὁρθόδοξης Ἐκκλησίας. Ἀθήνα, 2007. Τ. 8: Ἀπρίλιος. Σ. 56.*

О. В. Л.

ЛЕСКОВ Николай Семенович (4.02.1831, сельцо Горохово Орловского у. и губ.— 21.02.1895, С.-Петербург), писатель, публицист. Род Лесковых по отцовской линии проис-

ходил из духовенства — все были священниками с. Лески Орловской губ. Родовая фамилия Лесковых образована от названия села. Но отец Л., Семен Дмитриевич (1789–1848), нарушив семейную традицию, служил дворянским заседателем Орловской палаты уголовного суда, где и получил дворянство. По словам Л., он отличался «прекрасным умом», честностью и «твердостью убеждений, из-за чего наживал себе очень много врагов». Мать, Мария Петровна (урожд. Алферьева; 1813–1886), из потомственных московских дворян.

Детские годы Л. прошли в Орле и в отцовском имении Панино Кромского у. Орловской губ., где произошло его близкое знакомство с крепостными крестьянами, с их самобытным миропониманием и религиозностью. «С этого времени, — отмечал писатель в 1863 г., — началось мое сближение с людьми древлего благочестия, не прерывавшееся во все последующие годы» (*Лесков Н. С. С людьми древлего благочестия // ПСС. М., 1996. Т. 3. С. 568*). Детские впечатления и рассказы бабушки А. В. Колобовой о жизни Орла отразились во мн. произведениях Л. Неск. лет Л. провел в доме Страховых, богатых родственников со стороны матери, куда был отдан из-за нехватки у родителей средств на домашнее обучение сына. У Страховых для воспитания детей были наняты рус. и нем. учителя, французская. Л. учился вместе с двоюродными братьями и сестрами; обладая незаурядными способностями, опережал родственников в учении, что и стало причиной отправки его к родителям. В 1841 г. поступил в орловскую гимназию, но в 1846 г., не выдержав переводных экзаменов, оставил занятия. Причины коренились в юношеской несобранности, увлечении чтением (*Лесков Н. С. Жизнь // Собр. соч. Т. 1. С. 122*).

В 1847–1849 гг. Л. служил в Орловской палате уголовного суда. Внезапная смерть отца и «бедственное разорение» семьи изменили дальнейшую судьбу писателя. В кон. 1849 г. он переехал в Киев, где его опекал дядя, брат матери, профессор медицины С. П. Алферьев; с 1849 по 1856 г. служил в Киевской казенной палате. Он близко познакомился с профессорами И. М. Вигурой, И. Ф. Якубовским, со статистиком Д. П. Журавским, последовательным

сторонником отмены крепостного права (изображен писателем в романе-хронике «Захудалый род» (1874)). Для Л. Киев стал не только «житейской школой», но и «университетом». В это время он читал философские и политэкономические сочинения, труды А. И. Герцена и Л. Фейербаха, знакомился с творчеством и деятельностью Т. Г. Шевченко, осматривал древние памятники и подружился с иконописцами *Киево-Печерской лавры*. Впечатления от Киева отразились позднее в таких произведениях, как «Некрещеный поп», «Печерские антики», «Старинные психопаты», «Импровизаторы», «Заячий ремиз».

В мае 1857 г. Л. поступил в хозяйственно-коммерческую компанию англичанина А. Я. Шкотта, мужа его тетки по матери. Служба, как отмечал писатель в автобиографической «Заметке о себе самом» 1890 г., требовала беспрестанных разъездов, пребывания «в самых глухих захолустьях», что давало «обилие впечатлений и запас бытовых сведений» (Там же. С. 49), нашедших отражение в ряде статей, фельетонов, заметок, с которыми писатель выступал по предложению А. П. Вальтера в киевском ж. «Современная медицина», в с.-петербургских журналах «Отечественные записки» и «Указатель экономический». 18 июня 1860 г. в последнем появилась 1-я публикация Л.

В дек. 1860 г. Л. приехал в Москву для сотрудничества в «Русской речи», в 1861 г. — в С.-Петербург, где его ждали издатель «Экономического указателя» И. В. Вернадский — оппонент «Современника» времен Н. Г. Чернышевского, и С. С. Дудышкин, издатель «Отечественных записок». Общественная и журналистская деятельность Л. развивалась стремительно: выходили публикации в «Русской речи» и «Отечественных записках», он выступал на заседаниях по земельным и крестьянским вопросам, посещал больного Шевченко, обучал взрослых в воскресной школе. В 1862 г. Л. напечатал первые рассказы «Погасшее дело» (позднее переработанный и названный «Засуха»), «Разбойник» и «В тарантасе», отличавшиеся глубоким знанием народного быта. Писатель близко познакомился с литераторами демократического направления А. И. Левитовым и В. А. Слепцовым, посетил Знаменскую коммуны — дом,

Н. С. Лесков.
Фотография. Кон. 80-х гг. XIX в.

в к-ром совместно жили неск. молодых интеллигентов, объединивших свое имущество и доходы. При этом Л. выступал против имущественного равенства, полемизировал с народниками, к-рые, по его убеждению, «не знают народ».

В 1862 г. Л. стал постоянным сотрудником либеральной газ. «Северная пчела». Выступал приверженцем эволюционных перемен, критиковал революционные идеи, считая вредными для общества антиправительственные настроения. 28 мая 1862 г. в С.-Петербурге произошел сильный пожар; в поджогах обвинили антиправительственно настроенных студентов. Были случаи нападения толпы на юношей, заподозренных в «поджигательстве». 30 мая Л. выступил в «Северной пчеле» с заметкой, в которой потребовал от правительства открыто подтвердить или опровергнуть эти слухи, опасные для студентов. Атмосфера в обществе была накалена, и либеральная интеллигенция восприняла статью как утверждение о причастности студентов к поджогам. На репутацию Л. легло клеймо борца против свободы мысли, от него отвернулись знакомые, в обществе ему публично выказывали презрение, а представители власти воспринимали писателя как «крайнего социалиста», носителя «нигилизма во всех формах» (Там же. С. 217). Его считали чужаком и провинциалом, ворвавшимся в столичную жизнь. Общественную реакцию на статью о пожарах Л. переживал крайне болезненно.

Стремление преодолеть тяжелое огорчение и в то же время увлеченность деятельностью Географического об-ва заставили Л. как корреспондента «Северной пчелы» подать за-

явку на поездку по юго-востоку России. Он готов был присоединиться к экспедиции, снаряжаемой для исследования глубины Азовского м. Но газета предложила ему длительную командировку в Париж через западную землю, австр. Польшу и Чехию, начавшуюся 6 сент. 1862 г. Свои впечатления от посещения франц. столицы 1862–1863 гг. Л. запечатлел в очерках «Русское общество в Париже», представив быт и настроения русских аристократов и эмигрантов-социалистов, поселившихся в городе.

В рассказе «Овцебык», написанном в Париже, он показал неготовность рус. общества к радикальным преобразованиям и непонимание революционных идей в разных его слоях. Весьма ярко это проявилось в оценке старообрядческого движения, на которое возлагали надежды как на потенциальную революционную силу: «Слышишь «раскол», сила, протест, и всё думаешь открыть в них невесть что. Всё думаешь, что там слово такое, как нужно, знают и только не верят тебе, оттого и не доберёшься до живца»; «а на самом деле буквоеды, вот что» (Он же. Овцебык // Собр. соч. 1956. Т. 1. С. 75–76). Но рассказ не имел успеха, и призыв писателя глубже всматриваться в народную жизнь не был услышан. Изучение старообрядчества стало возможным в связи с намерением министра народного просвещения А. В. Головина учредить особые школы для старообрядцев. Исследование огромных территорий, населенных староверами, было поручено Л., представившему план поездки вплоть до Тюмени с посещением Урала, Иргиза и Поволжья. В процессе обсуждения выяснилась необходимость крайней экономии, и решено было ограничиться посещением Риги. Видимо, известную роль сыграли слова Л., обращенные к министру, о том, что «старика» не могут удержаться от юношеского нетерпения, «возбужденного в них мыслью дожить при Вас до радостного дня признания открытой школы «в духе древняго благочестия»» (РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 339. Л. 2). Рижские староверы были известны тем, что «так устроили свою учебную часть, как им (старообрядцам. — Е. А.) хотелось бы устроить и по всей России» (Там же. Л. 2 об.). Но поездка к рижским поморцам тоже осуществилась не сразу, ее отме-

ну Л. объяснял «нездоровьем и недугом». В нач. июля 1863 г. писатель, получив необходимые средства и рекомендательные письма, стал готовиться к посещению *Рижской Гребеницковской старообрядческой общины*, в связи с чем не раз бывал у беспоповцев С.-Петербурга, приезжал во Псков, где встречался с известным купцом, попечителем поморской молельной В. Н. Хмелинским. По итогам встреч и рижским наблюдениям Л. написал очерки «О раскольниках г. Риги, преимущественно в отношении к школам» (напечатан тиражом лишь 60 экз.) и «С людьми древнего благочестия» (в архиве писателя остались документы, в посл. составившие папку «Неизданные материалы для биографии Н. С. Лескова: (Командировка его в Ригу в 1863 г. для исследования быта старообрядцев)» — РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 339, а также, судя по пометам, внимательно прочитанная писателем «Безымянная записка старообрядца поморского согласия» с разд. «Мысль против революционеров», объясняющая вероучительные и социальные представления староверов).

В 1864 г. под псевдонимом М. Стебницкий был опубликован роман Л. «Некуда», пронизанный мыслью о бесперспективности революционного движения и малочисленности честных революционеров. Л. беспощадно и точно описал популярный тогда нигилизм, что окончательно испортило его лит. репутацию в демократических кругах, к-рым он был некогда близок. Основные персонажи романа имели легко узнаваемых прототипов — лидеров нигилистских кружков и участников революционной орг-ции «Земля и воля». Странник постепенных преобразований доктор Розанов напоминал самого писателя. Об авторстве Л. вскоре стало известно, и его немедленно причислили к реакционерам, исполняющим заказ Третьего отделения. Произведения Л. перестали печатать большинство журналов. Отношение к писателю изменилось только к концу его жизни. В 1870–1871 гг. Л. написал и издал еще один антинигилистический роман — «На ножах», где нигилизм, прошедший эволюцию, предстает как крайняя беспринципность, ставшая жизненной философией, присущей всем, кто преследует корыстные цели.

В ряде произведений, вошедших в собрание сочинений писателя 1867–1869 гг., — «Овцебык», «Воительница» и «Леди Макбет Мценского уезда» с яркими жен. характерами, «Котин Доилец и Платонида», «Старые годы в селе Плодомасове», а также в пьесе «Расточитель» (1867), поставленной в Александринском театре и лучше воспринятой публикой, чем критикой, Л. сформулировал свое отношение к характеру и укладу жизни народа, к понятию «нравственность». Сложность «народной души», сочетание в характере рус. человека противоречивых устремлений: доброты и жестокости, праведности и греховности, непостижимости ряда поступков с т. зр. разума были основными темами творчества писателя. Л. интересовали разные проявления человеческой природы, что позволило С. Н. *Дурьлину* утверждать, что «Лесков — многоликий, многоликий, как Россия, но все лики и личины не от скудости, а от полноты, многообразия, от неутомимой жажды всего...» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 8). Тема нигилизма появляется в очерке о революционере Артуре Бенни «Загадочный человек» (1871) и еще достаточно сильно звучит в «Соборьях» (1867–1872) — романе-хронике из жизни духовенства провинциального Старгорода, наминающего Орёл. Это единственный роман в рус. лит-ре, где главными героями являются священники, точнее 3 типа клириков. Основная часть текста «Соборьян» — повествование о старгородских событиях в 60-х гг. XIX в. и о жизни и смерти ревностного протопопа Савелия Туберозова, тихого, кроткого свящ. Захарии Бенефактова и добросердечного богатыря, диак. Ахиллы Десницына. В центре хроники — судьба смелого проповедника, не идущего ни на какие компромиссы в ущерб вере, ревнителя благочестия свящ. С. Туберозова, наминающего по истовости протопопа Аввакума. Его судьба трагически связана с возвращением в Старгород бывш. нигилиста, ставшего модным литератором-атеистом, к-рый обвиняет независимого в воззрениях протопопа в распространении антигос. идей. Но протопопа волнуют униженное положение духовенства, невежество и равнодушие прихожан. Определяя своих героев, Л. писал, что изображенные им типы «суть типы консер-

вативные, а что дает нынешняя прогрессирующая церковь», он не знает и боится ошибиться. В «Соборьях» сочетаются трагическое, драматическое и комическое. Хроника построена на противопоставлении старого героического времени, рождавшего такие крупные и сильные характеры, как у свящ. С. Туберозова, не признавшего свою вину и запряченного в священнослужении, и нарождавшейся новой эпохи, представленной людьми, безразличными к судьбам России. Прихожане пишут доносы на Туберозова губернатору, по приказу к-рого разрушают старообрядческую часовню. В этой критической ситуации старообрядцы и православные объединяются для спасения часовни. Мысль об объединении усилий для сохранения подлинной веры и нравственной жизни будет звучать у Л. и в дальнейшем. Кончина прот. Савелия обозначает символическое умирание старой Руси. «Соборьяне» принесли автору литературную славу и подлинный успех.

В нач. июня 1872 г. писатель на пароходе «Валаам» отправляется в путешествие к островам «Северного Афона». Впечатления от поездки Л. описал в путевом очерке «Монашеские острова на Ладожском озере», напечатанном в 1873 г. в газ. «Русский мир». Л. назвал Валаам «местом серьезным», где «живут... люди, про которых надо говорить не спеша и подумавши» (*Лесков Н. С. Очерки и рассказы. 1988. С. 167*). Мир «монашеских островов» Л. отчасти противопоставлял описаниям «критиканов» того времени. Pamфлетные образы паломников, далеких от искренней веры, не помешали Л. создать проникнутое поэзией описание сев. мон-ря («Павлин», «Таинственные предвестия»), получившее продолжение в «Запечатленном ангеле» и «Очарованном страннике». В содержании путевых очерков есть и беседы об искусстве, к-рым глубоко интересовался Л.; немало рассуждений, переключаящихся с текстом «Запечатленного ангела» (где раскрывается жизнь артели каменщиков-старообрядцев), посвящено и иконописи.

Л. писал об отношении к сторонникам старой веры: «Я полюбил раскольников, что называется, всем сердцем и сочувствовал им безгранично» (*Он же. С людьми древнего благочестия // ПСС. 1996. Т. 3. С. 568*).

Источниками его знаний стали детские воспоминания, киевские впечатления, поездка 1863 г. к поморцам в Ригу, собрание старообрядческих сочинений и автографов, изучение рукописного «Иконописного подлинника» проф. С. К. Заряно, встречи с поморскими наставниками. Важную роль в понимании старообрядчества сыграла тщательная подготовка к несостоявшейся поездке в знаменитую жен. поморскую обитель на р. Лексе. В неопубликованной заметке «Лексинские доживалки» писатель отмечал, что только Выг и поморское согласие позволяют ему постичь «старозаветный русский склад»; в это время в знаменитой некогда обители лишь доживали свой век остальные древлего благочестия, «не удаляясь от благословенного места». Особое значение имела дружба с «художным мужем» Никитой Севастьяновичем Рачейсковым (ум. в 1886). Л. писал: «По выходе в свет моего рождественского рассказа «Запечатленный ангел» (который был весь сочинен в жаркой и душевной мастерской у Никиты) он имел много заказов Ангела» (О художном муже Никите и совопитанных ему // *Лесков Н. С. О литературе и искусстве*. Л., 1984. С. 206). Но источники повести многочисленны, как и многообразны связи с народным творчеством и литературой об иконописи. Д. Н. Корин свидетельствовал, что во время создания «Запечатленного ангела» Л. «часто приходил в мастерские предпринимателя М. С. Пешехонова расспрашивать о древних иконах палехских мастеров» (*Туниманов В. А. Валаам в творчестве Н. С. Лескова* // *Лесков Н. С. Очерки и рассказы*. 1988. С. 13). В повести переосмыслен мотив чуда, характерный для древнерус. сказаний об иконах. Старообрядцы выкрали незаконно отобранную у них чиновником и запечатанную («запечатленную») печатью икону ангела. Отношения в повести перевернуты: чиновник, рус. человек, преследует старообрядцев, англичанин пытается им помочь; чтобы вернуть икону, старообрядцы должны ее украсть. Они создают ее точную копию, но перед подменой с копии исчезла нанесенная на нее печать. Исчезновение печати с копии иконы получает совершенно реальное объяснение: иконописец Севастьян, автор копии, не осмелился нанести на икону печать и заменил

ее листком бумаги с рисунком печати, к-рый и отклеился. После неудачной попытки вернуть икону настоящим чудом оказывается воссоединение старообрядцев с правосл. Церковью. Все события в повести имеют глубоко таинственный смысл: Бог и икона ангела через ее утрату приводят старообрядцев в правосл. Церковь. Этот финал показался мн. литераторам надуманным, а старообрядцы увидели в нем, что «устранение розни между господствующей церковью и старообрядчеством может быть плодом не насилия и богословской казуистики, а взаимной любви» (*Сорский*. 1908). Сам писатель относил эту повесть к «баснословию» (*Собр. соч.* 1958. Т. 11. С. 291). Церковнослав. лексика повести напоминает старорус. сказы — «словесную иконопись» (*Эйхенбаум*. 1931. С. LVI). Стремление писателя к документализму обусловило восприятие повести как исторического источника, отражающего старообрядческую культуру. Это верно лишь отчасти. Так, особая любовь к иконе объясняется в т. ч. и тем, что образ «освящен древним иереем по полному Требнику Петра Могилы», старообрядцами решительно отвергаемому. Л. был прежде всего художником, он не ставил себе задачу детально и достоверно передать церковно-бытовую жизнь старообрядчества.

Л. изучал церковную историю и археологию и особенно, как он сам отмечал, иконографию. Писатель был знаком с рядом ценных иконописных собраний, обладал и собственной, очевидно небольшой, коллекцией. Теме иконописи посвящена серия публицистических статей писателя, занимавшегося и «адописными» иконами (*Лесков Н. С. Об адописных иконах* // *Рус. мир*. 1873. № 192. 24 июля), и иконами, изображающими Благоразумного разбойника (*Лесков Н. С. Благоразумный разбойник: (Иконописная фантазия)* // *О лит-ре и искусстве*. 1984. С. 187–196), его беспокоил художественный уровень новейших икон (*Лесков Н. С. О русской иконописи* // *Рус. мир*. 1873. № 254. 26 сент.). Повесть «Запечатленный ангел» послужила толчком к росту интереса к древнерус. искусству и «открытию» иконописи в частности.

В повести «Очарованный странник» (1872–1873) Л. использует мотивы Житий святых, народного эпо-

са — былин, авантюрных романов. Ее герой, Иван Северьяныч Флягин, подобно покаявшемуся и преобразенному грешнику, стремится к искуплению вины. Лесковский странник, как и святой, герой Жития, уходит в монастырь. Это решение, по его мнению, предопределено Богом. В повести представлены пророческие сны и видения, открывающие герою его будущее. Но жизнь Ивана Северьяныча не завершена. Монастырь, возможно, не последнее его пристанище. Агиографическая традиция творчески переосмысливается Л. в 60–80-х гг. XIX в. в цикле повестей и рассказов «Праведники». В ранних произведениях писателя преобладает тип страдальца, мученика, но не за веру, а за свои добрые качества. Позднее его сменяет иной тип праведника — странника, искателя истины, подобного Ивану Флягину, Марку и Левонтию в «Запечатленном ангеле», архиепископу и Кириаку в повести «На краю света» (1876). Праведниками у Л. могут быть самые разные персонажи: и бескорыстные труженики, и «простецы», обладающие правдой, как герои произведений «Однодум», «Кадетский монастырь», «Пигмей», «Несмертельный Голован». Сказочные мотивы, сочетание комического и трагического, положительного и отрицательного в характере героя свойственны одному из самых известных произведений писателя — сказу «Левша» (1881; первоначально опублик. под названием «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе»). Сказ, т. е. рассказ, передает особенности речи иногда весьма причудливо — в лубочной форме, наполненной «народной этимологией».

В 1874–1883 гг. Л. был членом учебного отдела Ученого комитета Мин-ва народного просвещения; основной функцией отдела было «рассмотрение книг, издаваемых для народа». В 1877 г. благодаря положительному отзыву имп. Марии Александровны о романе «Соборяне» Л. был назначен членом учебного отдела Мин-ва государственных имуществ и работал там до 1880 г.

В 80-х гг. XIX в., опираясь на сюжеты древнерус. Пролога, Л. пишет 45 произведений — цикл «Легендарные характеры», повести «Гора», «Скоморох Памфалон», «Аскалонский злодей», «Прекрасная Аза», «Совестный Данила», «Зенон-златокузнец» и др., существующих в неск.

вариантах и редакциях. В процессе изучения разных изданий Пролога Л. по-разному оценивал этот текст — от способствующего «уразумению Слова Божия», «назначаемого церковью для благочестивого и назидательного чтения», до «книги отреченной и неканонической» (Минеева. 2014. С. 316–317). Писателю всегда было свойственно переосмысливать собственные выводы, но, возможно, последние определения применялись им только к первым, до раскольным изданиям Московского Печатного двора и их старообрядческим перепечаткам, которые бытовали только у старообрядцев, не применялись в богослужении, а использовались для назидательного чтения. Внимание Л. привлекали книги поучительного характера и с увлекательным содержанием, такие особенно любимые и много раз переписываемые старообрядцами, как повести из «Великого Зеркала». Публикация ряда произведений писателя на подобные сюжеты осложнялась цензурными претензиями. Автора упрекали в том, что появление «небольших народных легенд, представляющих новый путь к спасению, весьма отличный от учения православной Церкви» происходит «под влиянием громких успехов своеобразного мистицизма гр. Толстого» (Ранчин. 1997. Т. 1. С. 376). В сер. 80-х гг. XIX в. Л., сблизившись с Л. Н. Толстым, не только стал вегетарианцем, но и принял на веру основы его учения: идею нравственного самоусовершенствования личности, противопоставление «истинной веры» Православию, отвержение существующих социальных порядков. Л. создал первый в русской литературе образ вегетарианца в рассказе «Фигура» (1889), написал неск. заметок о вегетарианстве. В рассказе «Зимний день» (1894) последовательница Толстого противопоставляется светскому обществу, представленному ее родственниками и знакомыми.

В 1880–1890 гг. Л. с тревогой наблюдал «голод ума, голод сердца и голод души». Ему было «страшно за человека» (ПСС. Т. 9. С. 295, 335). В этом русле и развивались творческие искания писателя. Поздние сочинения Л., в которых он резко критиковал духовную обстановку, с трудом миновали цензурные запреты, вызывая резкое осуждение обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. При этом мировоззрение

Л. оставалось глубоко религиозным. В 1875 г. Л. писал: «Более, чем когда-либо, верую в великое значение церкви, но не вижу нигде того духа, который приличествует обществу, носящему Христово имя» (Там же. Т. 10. С. 411). Это обусловило интерес писателя к феномену рус. разноверия. На протяжении всего творческого пути он изучал старообрядчество, различные направления духовных христиан, иные народные поиски «истинной» веры. Исследуя старообрядчество, он не раз уточнял свою т. зр. и на склоне лет пришел к выводу, что «идеал староверия иной, чем говорили Мельников и Щапов. И он стоит даже в стороне от помеченных или главных направлений: этот идеал — забота о том, чтобы обособиться от мира, стать выше всех» (РГАЛИ. Ф. 275. Д. 339. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 1 об.). Л. изучал и традицию рус. католиков и буддистов, не обошел вниманием и разномыслие внутри Православия.

Творчество Л. воспринималось двойственно и всегда вызывало бурную полемику. К 90-м гг. XIX в. суждения критиков стали более спокойными. В 1891 г. М. А. Протопопов в «Русской мысли» опубликовал статью о Л. под названием «Большой талант». Эта статья была одной из первых попыток объективного анализа творчества писателя. Л. статья понравилась, он назвал ее «очень хорошей, обстоятельной, ясной и справедливой». «Лет 15–20 назад многие его замечания помогли бы мне избежать множества ошибок, о которых я, конечно, сожалею, — писал Л. — И название «Большой талант» не метко. У меня был «тугой рост». Я долго ходил на помочах — боялся и со страху говорил по-детски. А зла у меня не было, и я всегда был независим и искренен» (ПСС. Т. 11. С. 767). Наиболее продуктивно творчество Л. было осмыслено в 1890–1910 гг.

Понимание того, что Л. — выдающийся и оригинальный писатель, стало доминирующим в первые десятилетия XX в. В 1931 г. Б. М. Эйхенбаум определил своеобразие лесковского прозы как «художественный филологизм», а писателя назвал «художным мастеровым». В 80-х гг. XX в. исследователи обращали внимание на «пропитанность сознания художника огромным культурным материалом фольклора» и определяли особенность творчества писателя

как «рефлекторный фольклоризм» (Горелов. 1988. С. 117). Сложилась значительная лесковиана: автор представлен и как духовный писатель, знаток церковного быта и искусства, и как глубокий исследователь народных традиций.

Л. похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища в С.-Петербурге, рядом со мн. известными писателями.

Арх.: РГАЛИ. Ф. 275. Д. 339. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 1–1 об.

Соч.: Соч. СПб., 1902–1903. 36 т.; Избр. соч. / Ред.: Б. М. Эйхенбаум. М.; Л., 1931; Собр. соч.: В 11 т. М., 1956–1958; О лит-ре и искусстве. Л., 1984; Очерки и рассказы. Петрозаводск, 1988; С людьми древнего благочестия // ПСС: В 30 т. М., 1996. Т. 3. С. 568.

Библиогр.: Библиографический указатель лит-ры о Н. С. Лескове, 1917–1996 / Сост.: Л. К. Андреева и др. СПб., 2003; Н. С. Лесков: Библиогр. указ., 1996–2006 гг. / Сост.: И. Н. Минеева и др. Петрозаводск, 2006.

Лит.: Протопопов М. А. Большой талант // РМ. 1891. № 12. С. 258–297; Фаресов А. И. Против течений: Н. С. Лесков, его жизнь, соч., полемика и восп. о нем. СПб., 1904; Сорский. Старообрядчество в произведениях Н. С. Лескова // Церковь. 1908. № 1. С. 20–21; Эйхенбаум Б. М. К 100-летию со дня рожд. Н. С. Лескова // Лесков Н. С. Избр. соч. М.; Л., 1931. С. LVI; Гроссман Л. Н. С. Лесков: Жизнь, творчество, поэтика. М., 1945; Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на рус. почве. М., 1965. С. 151–153; Аннинский Л. А. Лесковское ожерелье. М., 1982, 1986; В мире Лескова: Сб. ст. М., 1983; Лесков А. Н. Жизнь Н. Лескова по его личным, семейным и несемейным запискам и памяткам. М., 1984. Т. 1–2; Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л., 1988; Ранчин А. М. «Очарованный странник» Н. С. Лескова // От Крылова до Чехова: Ст. о рус. классической лит-ре. М., 1995; он же. К творческой истории легенд Лескова «Повесть о богоугодном дровоколе» и «Скоморох Памфалон»: (По мат-лам цензурных дел) // Незданный Лесков. М., 1997. С. 375–381. (Лит. наследство; Т. 101. Кн. 1); он же. К поэтике имен и фамилий персонажей Н. С. Лескова // Юбилейная междунар. конф. по гуманист. наукам, посвящ. 70-летию Орловского гос. ун-та: Мат-лы. Орёл, 2001. Вып. 1. С. 91–97; он же. Старец Герасим в сказании Пролога и в легенде Н. С. Лескова «Лев старца Герасима»: Нек-рые наблюдения // Макариевские чт. Можайск, 2006. Вып. 13. С. 294–298; он же. Лесков Н. С. // БРЭ. 2010. Т. 17. С. 314–316; Столярова И. В. Лесков и Россия // Лесков Н. С. ПСС: В 30 т. М., 1996. Т. 1. С. 7–100; Алексеев П. П. Правосл. духовность романа Н. Лескова «Соборяне» // Лит-ра и культура в контексте христианства: Тр. 2-й междунар. науч. конф. Ульяновск, 1999. С. 62–63; Видуэльская И. П. «Самобытнейший писатель русский» // Лесков Н. С. Повести. Рассказы. Очерки. М., 2000. С. 5–14; Евдокимова О. Е. Мнемонические элементы поэтики Н. С. Лескова. СПб., 2001. С. 5–169; Лепашин В. В. Иконописная святыня: Икона в творческом пути Н. Лескова // Лепашин В. В. Икона в рус. художественной лит-ре. М., 2002. С. 272–294; Барковская Ю. В. О составе ономастикона Н. С. Лескова: Имя Господа Иисуса Христа // Рус. язык и славистика в наши

дни. М., 2004. С. 511–514; *Маркадэ Ж. К.* Творчество Н. С. Лескова: Романы и хроники. СПб., 2006; *Ильинская Т. Б.* Русское разноевие в творчестве Н. С. Лескова. СПб., 2010; Н. С. Лесков: Классик в неклассическом освещении: Лесков и его время: Сб. / Ред.: О. Л. Фетисенко. СПб., 2011; *Минева И. Н.* Старопечатный Пролог XVII в. в творчестве Н. С. Лескова: К реконструкции одного лит. казуса // Проблемы ист. поэтики. Петрозаводск, 2014. Вып. 12: Евангельский текст в рус. лит-ре XII–XXI вв.: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. С. 316–317; *Агеева Е. А.* Н. С. Лесков и старообрядчество: в поисках тайны Старой Веры // Старообрядчество в России. М., 2014. Вып. 5. С. 448–458.

Е. А. Агеева

ЛЕСНИНСКАЯ (Леснянская) ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

(празд. 8, 14 сент. и в день Св. Троицы), чудотворный образ, обретенный в Холмской Руси, почитается православными и католиками. Существуют 2 версии сказания об иконе — русская и польская. В них одинаково изложены обстоятельства обретения Л. и.: 14 сент. 1683 г. пастухи из с. Лесны (ныне Лесьна-Подляска Люблинского воеводства, Польша) пригнали скот на привычное для полуденной стоянки место близ села — «окопы» (холм с остатками земляных укреплений, к-рые связывают со временем похода крестоносцев на Ливонию в XIII в.). В лесу в ветвях грушевого дерева они увидели окруженную сиянием икону Божией Матери (тема обретения иконы на грушевом дереве на территории совр. Белоруссии встречается неоднократно: в частности, впервые — в истории Жировицкой иконы (кон. XV в.), в сер. XVIII в. — Васьковской иконы). О находке пастухи рассказали односельчанам и священнику. Икону сняли с дерева и перенесли в Лесну. В обеих версиях приведены имена пастухов: Александр Стельмащук и Мирон Макарук (польск. — Макарчук), в польском варианте указан их возраст — 9 и 10 лет соответственно.

Далее версии расходятся. Согласно русской, икона была поставлена в доме Макаруков. Оттуда ее перенесли в с. Буковичи (ныне Буковице, Польша) в правосл. Свято-Троицкую ц. (построена в кон. 70-х гг. XVI в., приход упразднен в 1859, к этому времени церковь пришла в запустение; вид церкви см. в кн.: *Петров. 1887. Ил. на с. 69*). Е. Поселянин дополняет местное предание: из дома Макаруков икону взял и присвоил «один соседский польский помещик... но под влиянием различных несчастий... он решил передать ее

Леснинская икона Божией Матери

в ближайшую православную церковь села Букович, в двух верстах от Лесны» (*Поселянин Е.* Богоматерь. С. 592). Одним из первых чудес считается событие, когда на месте обретения иконы забил источник. К иконе началось паломничество, и она стала основным источником доходов церкви в Буковичах. Однако обладание иконой в условиях гонения на Православие и насаждения католицизма на Холмщине находилось в плоскости не столько приносимых иконой доходов, сколько усиления влияния Церкви.

Согласно польск. версии сказания, Л. и. пребывала в Буковичах (без упоминания о том, что она находилась в правосл. церкви) до тех пор, пока владелец имения римо-католик Михаловский не построил в принадлежавшей ему же Лесне на месте явления образа деревянный костел «на окопах», где в 1686 г. оказалась Л. и.

В рус. версии сообщается, что «передача» иконы не отличалась мирным характером: ксендзы «возбудили спор об иконе», затем Михаловский, «ворвавшись в церковь с гайдуками... захватил икону и перенес ее в леснинский костел» (*Петров. 1887. Прил. С. 11*). В изданной Холмским правосл. церковным Богородицким братством брошюре о Л. и. указано, что инициатором изъятия у православных иконы был леснинский ксендз Яницкий (см.: *Фратеркулос. 1883. С. 295*). Он стал сразу фиксировать чудеса от иконы и сделал за время своего настоятельства в костеле ок. 500 записей. Спустя 14 лет он добился назначения комиссии по обследованию чудес от иконы. 24 нояб. 1700 г. католич. еп. Луцкий и Брестский Францишек

Миколай Пражмовский объявил икону чудотворной. В 1716 г. польский кн. Кароль Станислав Радзивилл украсил образ золотыми венцами (исчезли в 1812, во время французского нашествия). С 1752 г. Лесна стала центром парафии монахов католического ордена паулинов с чудотворной иконой в новом костеле (1731–1758) и образованном при нем мон-ре.

Представители Холмского православного братства в исследовании об иконе подчеркивали, что дата объявления иконы чудотворной не стала официальным днем ее празднования, католики и униаты продолжали приходить на поклонение к иконе в дни православных праздников: 8 сент., в Рождество Пресв. Богородицы и 14 сент., когда отмечается Воздвижение Креста Господня (Там же. С. 296). Кроме того, в сборник ксендза Яницкого чудо о перенесении иконы ангелами из Буковичей в Лесну было включено спустя 30 лет, что можно рассматривать как попытку т. о. обосновать появление иконы у католиков (Там же. С. 295).

В 1863 г. мон-рь монахов-паулинов стал местом собраний мятежников во время Польского восстания и распоряжением российского правительства был упразднен (богослужения в костеле продолжали совершать); за агитацию перехода в католичество в период очищения униат. обряда (1865–1875) костел был передан православным. Была возвращена также Л. и., явленная «для ободрения и утешения тамошним православным» (*Петров. 1887. С. 118*). 25 апр. 1884 г. при леснинском храме была учреждена Свято-Богородицкая жен. община, преобразованная в авг. 1889 г. в *Леснинский Богородицкий женский мон-рь*. Бывший костел перестроили и освятили в честь Воздвижения Креста Господня, поставили низкий 2-ярусный иконостас, к-рый не скрывал чудотворную икону, находившуюся в алтаре на Горнем месте (очевидно, местоположение Л. и., а также ее убранство, сложившиеся при паулинах, были сохранены). Она помещалась «в высокой, двухсаженной нише, имеющей вид католического алтаря, с колоннами по бокам», ниша была украшена «двумя большими золочеными херувимами и множеством различных золотых и серебряных привесок» (*Поселянин. Е.*

Богоматерь. С. 593). Икона представляет собой каменную пластину овальной формы темно-пурпурного (гематитового) цвета, на которой в невысоком рельефе вырезан образ Божией Матери с Младенцем на правой руке (тип «Одигитрия»). Фон средника неровный, края овального поля гладкие. По типологии Л. и. восходит к произведениям белорусской мелкой пластики XV в., одним из самых известных примеров является *Жировицкая икона Божией Матери*. Однако в отличие от других таких икон, подобных камням или нагрудным образкам, Л. и. имеет значительно большие размеры (ок. 40 см в высоту). Лики хорошо сохранились, они проработаны четкими уверенными линиями и не утратили пластичность при попытке передать в плоском рельефе объем с помощью легкой асимметрии. Характерными чертами (гл. обр. в лике Богоматери) являются укороченный нос, припухшие веки, рисунок губ — Л. и. близка к произведениям белорус. иконописи сер. XVI в., которая еще сохраняла узнаваемость византийских образцов, но осваивала и средства западноевроп. живописи.

На иконе сохранился убор кон. XIX в. Серебряный с позолотой и украшенный камнями чеканный оклад закрывает фигуры Богородицы и Христа по контуру, оставляя открытыми лики; из того же материала выполнены венцы на головах и рама, обрамляющая икону по краю. Икона вложена в раму-киот с широкими исходящими лучами и венцом в верхней части.

События первой мировой войны прервали историю Леснинского монастыря на Холмщине: в 1915 г. проживавшие в мон-ре (более 600 учащихся и учителей и ок. 500 монашествующих) были эвакуированы. Л. и., подготовленную к эвакуации еще в кон. 1914 г., отправили в Петроград на Леснинское подворье; часть сестер нашла приют в Новодевичьем в честь Воскресения Христова и в прп. Иоанна Рильского мон-рях в Петрограде. После Октябрьской революции 1917 г., взяв с собой главную святыню мон-ря, они были вынуждены бежать в Кишинёвскую епархию в Жабский женский мон-рь (в совр. с. Жапка Флорештского р-на, Республика Молдова), в 1920 г. нашли ненадолго пристанище в мон-ре Кувейдин, затем —

в мон-ре Хопово на Фрушка-Горе (Королевство сербов, хорватов и словенцев; совр. Сербия), с 1943 г. — в Белграде. К 1949 г. положение обители в Белграде осложнилось настолько, что было принято решение искать новое убежище. На вывоз иконы за пределы Югославии требовалось разрешение правительства. Во время осмотра Л. и. представителями специальной художественной комиссии в домовом храме обители игум. Феодора призвала сестер к молитве: задержание святыни делало невозможным перемещение мон-ря. Разрешение было получено, и летом 1950 г. сестры отбыли во Францию, сначала в Фуркё под Парижем, а в окт. 1967 г. в Шовенкур-Провмон (деп. Эр). Икону поместили в часовню при доме монастыря, в 1968 г., в день празднования Л. и., приходящийся на Воздвижение Креста Господня, был освящен монастырский храм, куда и была перенесена икона. В наст. время Л. и. пребывает в специально устроенном деревянном резном киоте справа от клироса.

Сведения о Л. и. вошли в общецерковный оборот только в кон. XIX в. В 1665 г., т. е. до явления иконы, был опубликован 1-й свод правосл. икон (архиеп. Иоанникий (Галатовский), «Небо Новое»), к-рый стал основой для последующих подобных работ 1-й четв. XVIII — сер. XIX в. В этот период икона находилась у католиков в условиях, когда большая часть населения Холмщины была склонена в униатство; т. о., вплоть до 80-х гг. XIX в. практика почитания православными иконы была пресечена и возобновилась только после возврата чудотворной святыни в 1875 г. и учреждения в Лесне правосл. мон-ря. С этого времени информация о Л. и. появилась в отдельных изданиях, посвященных монастырю, и в сводах икон (см., напр.: *Снессорева*. Земная жизнь Пресв. Богородицы. С. 322–323; *Сергий (Спаский)*. Месяцеслов. Т. 3. С. 661).

Акафист Л. и. составила в годы после Октябрьской революции в Петрограде насельница монастыря мон. Анастасия. Описание чудес, происшедших от Л. и. (многочисленные исцеления и даже воскрешение младенца), были опубликованы в 1900 г. прот. Николаем Страшевичем, наиболее ранние из них, очевидно, относятся к кон. XVII в.; запись чудес была возобновлена насельницами

Леснинского монастыря (см.: Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. Мадрид, 1973), продолжается и в наст. время.

В правосл. ц. арх. Михаила (св. Анны) в дер. Ст. Корнин (совр. с. Стары-Корнин Подляского воеводства, Польша) находилась чудотворная Корнинская икона Божией Матери (1709), которая, по сведениям историков XIX в., была копией Л. и. Эта икона также славилась чудесами исцелений: «...до воссоединения униатов, при церкви (тогда униатской) хранилась... масса костылей, оставляемых больными, после получения пред иконой исцеления» (*Покровский Ф. В.* Археологическая карта Гродненской губ. Вильна, 1895. № 71); в кон. XIX в. в церкви находились кандалы, упавшие с ног невинно осужденного после молитвы пред иконой (Там же).

В наст. время в Лесьна-Подляска в костеле находится еще одна копия Л. и., к-рую католич. паства считает той самой, явленной в 1683 г. иконой. Однако с художественной т. зр. «вторичный» характер исполнения иконы, не несущей определенных стилистических черт эпохи в отличие от иконы из Шовенкур-Провмона, свидетельствует против этого предположения.

Лит.: *Фратеркулос* (псевд., *Лебединцев Ф. Г.*) Явление чудотв. иконы Богоматери в Лесне, в связи с др. совр. событиями на Руси // Киев. старина. 1883. Т. 7. № 9/10. С. 294–297; *Петров Н. И.* Холмская Русь: Ист. судьбы рус. Забужья. СПб., 1887. С. 118, ил. на с. 173. Прил. С. 11–12, 45; Рус. паломник. 1887. № 3. С. 15; *Поселянин Е.* Богоматерь. С. 591–593; Православные рус. обители. С. 633–635; *Маевский В.* Лесна, Хопово — Фуркё: Подвижницы любви. Сан-Паулу, 1962.

Э. В. Шевченко

ЛЕСНИНСКИЙ БОГОРОДИЦКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ, первоклассный мон-рь РПЦ, находился в с. Лесна Константиновского у. Седлецкой губ. (ныне Лесьна-Подляска Люблинского воеводства, Польша). Л. м. первоначально относился к Холмско-Варшавской епархии РПЦ, с 1905 г. — к Холмской епархии. После 1917 г. — в юрисдикции РПЦЗ. В 2007 г. Л. м. перешел в юрисдикцию неканонической т. н. Русской истинно православной Церкви.

История Л. м. в России. 25 апр. 1884 г. состоялось определение Синода РПЦ об учреждении женской общины в с. Лесна. Община получила леснинский костел закрытого мон-ря паулинов, к-рый в 1875 г.,

после воссоединения униатов Холмской Руси, был передан православным, перестроен и освящен в 1881 г. По приглашению архиеп. Холмского и Варшавского *Леонтия (Лебединского)* 19 окт. 1885 г. из Москвы в Лесну прибыли первые насельницы

цы — Е. Б. Ефимовская с 5 сестрами. Прежде чем принять предложение архиеп. Леонтия, она посетила оптинского старца прп. Амвросия (Гренкова), чтобы получить его благословение.

Леснинская обитель начала свою миссию в Юж. Подляшье, в местности, населенной униатами и католиками. Первоначально община не имела ни земельных угодий, ни достаточных денежных средств, а насельницы жили в хлебном амбаре. Большую помощь в деле устройства обители оказывали Синод и российское правительство. Община стала быстро возрастать, и 26 авг. 1889 г. она была преобразована в первоклассный монастырь; граф. Ефимовскую, принявшую монастырский постриг с именем Екатерина, возвели в сан игумении Л. м. В 1899 г. обитель посетил св. прав. Иоанн Кронштадтский (Сергиев) и преподал благословение инокиням.

При Л. м. были созданы различные школы: 2-летняя церковная (с 4 классами), жен. педагогическая, муж. сельскохозяйственная. Общее количество учащихся доходило до 1000. Насельницами был организован приют на 300 сирот, основана больница с амбулаторией и аптекой. Был заложен ботанический фармакологический сад, построена паровая мельница, осушены болота и на их месте создана система прудов для занятий рыбоводством. При обители было основано скотоводческое хозяйство, начато разведение шелковичных червей, построены кирпичный завод, пекарня, свечной завод. В Лесну провели ветку железной дороги.

В 1909 г. в Л. м. действовали 6 церквей: в честь Воздвижения Креста Господня (14 сент. 1683 была обретена *Леснинская икона Божией Матери*), Св. Троицы (построена над целебным источником, который забил рядом с деревом, где нашли икону), св. мучеников Виленских Антония, Иоанна и Евстафия, св. мучениц Софии, Веры, Надежды и Любо-

*Леснинский
Богородицкий мон-рь.
Фотография. 1909 г.*

ви, Введения во храм Пресв. Богородицы и Воскресения Христова. На праздники Воздвижения Креста Господня и Св. Троицы в обители собирались до 25 тыс. паломников. К 1915 г. в Л. м. было ок. 500 насельниц.

Игум. Екатерина также направляла группы сестер во главе с опытными монахинями в окрестные села для учреждения обителей. Так, в 1893 г. образовалась монашеская община в Теолине, в 1894 г. — мон-рь в Вирове близ Дрогичина и др. обители.

Л. м. пользовался особым вниманием имп. семьи, дважды посетившей обитель. Имп. Николай II жертвовал на развитие монастыря крупные суммы. Поддерживал Л. м. материально и духовно св. прав. Иоанн Кронштадтский.

История Л. м. в эмиграции. Во время первой мировой войны, в 1915 г., когда военные действия приблизились к Лесне, часть инокинь эвакуировали в Петроград и разместили на подворье Л. м., в Новодевичьем жен. мон-ре в честь Воскресения Христова и в жен. мон-ре во имя прп. Иоанна Рильского, часть поселили в Серафимо-Понетаевском мон-ре Нижегородской губ.

17 авг. 1917 г. петроградская община по благословию еп. Холмского и Люблинского *Анастасия (Трибановского)* переехала в Вознесенский мон-рь в Жабке на р. Днестр (Бессарабия). Пребывание ее там было недолгим, и осенью 1920 г. по приглашению принца-регента Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 Югославия) Александра I Карагеоргиевича и серб. священноначалия 62 леснинские монахини прибыли в Белград. Местом их поселения стала Фрушка-Гора: сначала инокини

расположились в мон-ре Кувеждин, затем — в древнем мон-ре Хопово, в последнем они пребывали более 20 лет.

Несмотря на трудности существования в эмиграции, насельницам Л. м. удалось в 1920 г. в Хопове открыть сиротский приют, в котором обучалось более 500 детей. По словам митр. *Амфилохия (Радовича)*, усилиями леснинских монахинь «на югославской земле появились 32 женских монастыря и много маленьких, скромных, невидных обителей». После кончины 28 окт. 1925 г. игум. Екатерины общину возглавила игум. Нина.

В начале второй мировой войны обитель заняли хорват. солдаты, притеснявшие сестер. Осенью 1942 г. была предпринята попытка изгнать насельниц из Хопова. Весной 1943 г. сербские партизаны сожгли обитель, и немецкие оккупационные власти эвакуировали сестер в Белград.

После кончины игум. Нины в 1949 г. в Белграде во главе Л. м. стала мон. Феодора (в миру кнг. Львова Нина Николаевна). В кон. 40-х гг. XX в. возникла реальная опасность высылки насельниц Л. м. в СССР, и в авг. 1950 г. сестры выехали во Францию. С дек. 1950 г. насельницы разместились в арендованном здании бывшей католич. семинарии в Фурке, под Парижем. В доме была устроена церковь, походный иконостас для к-рой прислал из Швейцарии еп. Женевский РПЦЗ Леонтий (Бартошевич).

В 1965 г. дом был продан его владельцами, и насельницы Л. м. начали поиски нового пристанища. В 1967 г. с целью приобретения имения Шовенкур-Провмон в Нормандии с домом, большой церковью и обширным парком было создано «Общество друзей монастыря» (Association des Amis du Couvent de la Sainte Vierge de Lesna). Архиеп. Сан-Францисский свт. *Иоанн (Максимович)* благословил покупку имения. Старинное поместье для Л. м. было приобретено на пожертвования, поступившие из всех приходов РПЦЗ. В сент. 1968 г. архиеп. Женевский и Западно-Европейский *Антоний (Бартошевич)* освятил монастырский храм. Главной святыней мон-ря стала чудотворная Леснинская икона Божией Матери. Монахини устроили фруктовый сад, огород и паству.

В 1976 г. умерла игум. Феодора и 4-й настоятельницей Л. м. стала

мон. Магдалина (Граббе Нина Павловна), знаток святоотеческой литературы и аскетики. После кончины игум. Магдалины архиеп. Жевневский Антоний назначил в 1987 г. игуменией казначею Афанасию (Гуттенберг Елену Павловну; 1910–1999). В 90-х гг., после распада СССР, в Л. м. стали приезжать паломники и послушницы из России.

За неск. недель до своей смерти в 1993 г. архиеп. Антоний отпустил тяжело заболевшую игум. Афанасию на покой, назначив 6-й игуменией регентшу и уставщицу Макрину (Холмова Мавра Карповна; род. в 1937).

Лит.: Шиль С. Н. Леснинская школа-приют // Образование. СПб., 1896. № 4; Богданов М. Ф. Памятка о Леснинском первокл. жен. Св.-Богородицком мон-ре. М., 1913²; Отчет о состоянии церк. школ в Холмской и Варшавской епархиях за 1907/08 г. Холм, 1909. С. 57–59; Отчет о состоянии церк. школ в Холмской епархии за 1909/10 г. Холм, 1911. С. 85–89; Клетинин Н. А. Памяти игум. Екатерины (Ефимовской). П., 1926; Маевский В. А. Лесна, Хопово — Фуркё. Сан-Паулу, 1962; Св.-Богородицкий Леснинский мон-рь. Мадрид, 1973; Косик В. И. Рус. Церковь в Югославии: 20–40-е гг. XX в. М., 2000. С. 84–85, 235; Prawosławie w Polsce / Red. A. Radziukiewicz. Białystok, 2000; Дмитрук С. Православные жен. мон-ри Холмско-Варшавской и Холмской епархий в 1875–1915 гг. // Вестн. Екатеринбургской ДС. 2012. Вып. 2(4). С. 118–120.

ЛЕСНОВО, мон-рь во имя архангелов Михаила и Гавриила. Расположен в одноименном селе близ г. Кратово (Македония). Согласно проложному Житию прп. *Гавриила Лесновского*, святой основал эту обитель на рубеже XI и XII вв., а его пространное Житие сообщает, что он в этом мон-ре принял постриг. В 1341 г. новый храм на месте древнего в Л. возвел деспот Йован Оливер Грчинич, и в следующем году он передал монастырь Хиландару в качестве подворья. В 1347–1381 гг. в Л. находилась кафедра Злетовской (Лесновской) епархии, входившей в состав Скопской митрополии. Права монастыря на обширные владения, полученные от Йована Оливера, в 1347 г. подтвердил сербский царь Стефан Душан. К Л. относились несколько храмов, перечисленных в т. н. Лесновской повеле (сохр. в «Лесновском помяннике» XVI в.: *Томовић Г.* Повеља манастира Леснова // ИЧ. 1977. Књ. 24. С. 91–95). В 1381 г. Л. был возвращен во владение Хиландару.

В XV в. обитель получала доходы от рудников в Кратове и Злетове,

в XVI в. имела мельницу в Злетове, по тур. реестрам 1570–1573 гг. ее ежегодный доход достигал 50 османских акче. Известен еп. Лесновский Неофит, к-рый в 1532 г. был предан

Церковь
архангелов Михаила
и Гавриила.
1341 г.

Во 2-й пол. XVIII в. запустевшее Л. обновил мон. Феодосий, перешедший в него из монастыря Высокие Дечаны. Из-за

анафеме вместе с митр. Смедеревским *Павлом*. В XVII в. после пожара обитель обеднела; ее представители несколько раз посещали Россию для сбора пожертвований: напр., в 1651 г. приезжал митр. Коласийский (Кратовский) Михаил (Боичич). В 1672 г. обновлены трапезная и кельи, в 1728 г. отремонтированы купола храма. Дважды мон-рь посетил патриарх Печский *Арсений IV (Йованович-Шакабента)*.

В течение многих веков Л. был просветительским центром. Первыми свидетельствами деятельности монастырского скриптория счита-

распространения печатных книг в XVIII–XIX вв. в скриптории в основном переписывали тексты, посвященные местным святым — *Гавриилу Лесновскому, Иоакиму Осоговскому и Прохору Пшинскому*. К кон. XIX в. относится разорение монастырской б-ки, когда слависты и археографы забрали из нее рукописи и передали их в книжные собрания Софии и Белграда. В XX в. в Л. не было монахов, храм действовал как приход. Монашеская жизнь возродилась в 1974 г.

При обители периодически действовали испосницы Пресв. Богородицы, св. прор. Илии (XV–XVI вв.), 4 испосницы св. Гавриила Лесновского (в одной из них, испоснице Облов-Врв, были обретенны его мощи), арх. Михаила (XIV в.) и скиты — Вознесенский, св. бессребренников Космы и Дамиана и вмч. Димитрия.

Лит.: *Петковић В.* Преглед црквених споменика кроз повесницу српског народа. Београд, 1950. С. 169–173; *Зиројевић О.* Цркве и манастири на подручју Пећке патријаршије до 1683. г. Београд, 1984. С. 123–127; *Јанковић М.* Епископије и митрополије Српске цркве у средњем веку. Београд, 1985. С. 123–127; Српски јерарси. С. 20, 224, 240, 497; *Поп-Атанасов Ѓ., Велев И., Јакимовска-Тошић М.* Скрипторски центри во средновековна Македонија. Скопје, 1997. С. 145–170.

Н. В. Радосавлевић

Архитектура и росписи. Ц. архангелов Михаила и Гавриила относится к крестово-купольному типу, сложена из тесаного камня (1341). Трехчастный алтарь оканчивается полуциркульной внутрицентральной апсидой, которая снаружи имеет 6-гранную форму; 2 боковые апсиды полукруглые, соответствуют диаконнику и жертвеннику. Купол опирается на 4 столба. В 1349 г. к наосу

Прп. Гавриил Лесновский.
Роспись ц. архангелов
Михаила и Гавриила.
1341–1346/48 гг.

ются составленные здесь проложное и пространное Жития прп. Гавриила. В XIV в. в мон-ре работали книжники Станислав (Пролог 1330 г. (Белград, САНУ. Бр. 53), Оливерова Ми-

был пристроен притвор с куполом, в 1558 г. еще один притвор с 2-скатной крышей.

Росписи наоса ц. архангелов Михаила и Гавриила, вероятно, были начаты в 1341 и закончены в 1346/48 гг. (годы, когда Йован Оливер носил титул севастократора); росписи притвора датируются 1349 г.

В скуфье купола храма помещен образ Христа Пантократора. Медальон, внутри к-рого находится оплечное изображение Христа, окружен лучистым сиянием, напоминая об образе Христа «Солнца Правды», который используется в песнопениях (тропарях) праздников Рождества Христова и Сретения. Медальон с изображением Христа несут, поднимая вверх, 8 ангелов. Ниже расположена композиция «Небесная литургия»: 10 ангелов в диаконских одеждах с богослужебными сосудами, тканями и свечами в руках образуют процессию, в которой также участвуют другие небесные силы: серафимы, тетраморфы и престолы. Здесь же изображен престол под киворием, символизирующим Небес-

*Христос Пантократор.
Роспись ц. архангелов
Михаила и Гавриила.
1341–1346/48 гг.*

ный престол, на котором совершается Божественная литургия. В барабане, в простенках между окнами, представлены 8 фигур пророков со свитками, а также прор. Даниил со львами и св. Иоанн Креститель, который держит крест на длинном древе. Фигура св. Иоанна Крестителя изображена в простенке, ориентированном на восток, т. о. указано, откуда придет Спаситель. В основании барабана — медальоны с бюстами 40 Севастийских мучеников (так же в росписях ц. Введения во храм Пресв. Богородицы в Кучевиште, Македония, ок. 1330, и ц. Рожде-

*Иисус Христос Великий Архиерей.
Роспись ц. архангелов
Михаила и Гавриила.
1341–1346/48 гг.*

ства Пресв. Богородицы монастыря Матейче, Македония, 1356–1360). В парусах — евангелисты, между ними Мандилион и Керамион (на вост. и зап. сторонах), архангелы Михаил и Гавриил (на сев. и юж. сторонах). В верхних частях на столбах — образы прародителей Спасителя, своеобразное «родословие Иисуса Христа» (Аарон, Мелхиседек, Захария, Иона и др.).

В конхе алтарной апсиды — образ Богородицы «Воплощение» с Младенцем в медальоне на груди и с высоко поднятыми в молитве руками (оранта). Ей предстоят 2 архангела в лоратных одеждах. Под образом

*Успение Пресв. Богородицы.
Роспись зап. стены наоса
ц. архангелов Михаила
и Гавриила.
1341–1346/48 гг.*

Богородицы — сцена «Причащение апостолов», в к-рой Христос изображен дважды по сторонам от престола: слева — подающим хлеб ап. Павлу, справа — подающим потир с вином ап. Петру. С 2 сторон от Христа представлены апостолы в группах по 12 фигур. Ярусом ниже, непосредственно под изображением престола

с Евангелием, — образ Христа Священника в мандорле, стоящего за престолом и благословляющего поставленные на нем Св. Дары. По сторонам от Христа — сослужащие Ему херувимы с рипидами и ангелы с покровенными руками. Это 1-е известное изображение такого иконографического извода. Позднее оно будет воспроизведено в росписи ц. Богородицы Перивлепты в Охриде, Македония (1294/95), ц. Св. Софии в Мистре, Греция (ок. 1350), ц. вмч. Димитрия Маркова монастыря, Македония (ок. 1376–1381). Др. изображение служащего Христа Архиерея в богато украшенном, расшитом жемчугом саккосе, благословляющего правой рукой и держащего в левой закрытое Евангелие, находится в нише диаконника. На боковых стенах алтаря изображены св. архидиаконы Стефан и Лаврентий. В зоне алтаря и на прилегающих к нему поверхностях стен и столбах представлены св. отцы Церкви, архиепископы К-польской и местной Церкви.

Росписи наоса составляют несколько циклов: двенадцатые праздники (от Благовещения до Успения Богородицы), Страсти Христовы (18 сцен в верхнем регистре, от Омовения ног до Погребения; это самый обширный из всех циклов в росписи Л.), Явление Христа по Воскресении, притчи и чудеса (в среднем регистре), Деяния и чудеса арх. Михаила (12 сцен в нижнем регистре; начинается со сцены «Собор архангелов», которая в византийском искусстве включается в цикл деяний только с сер. XIII в.), Житие прп. Гавриила Лес-

новского, основателя общины и монастыря, погребенного в храме (на юж. стене алтаря 2 иконных образа этого святого; на сев. стене — в плоской нише сцена «Представление прп. Гавриила»). В нижнем ярусе стен и на столбах — единичные образы избранных святых и портрет донатора (на сев. стене центрального нефа Йован Оливер в роскошных одеждах севастократора, предстоит с моделью храма

перед небесным патроном церкви арх. Михаилом).

Роспись основного пространства храма выполнена 4 греч. мастерами; частично сохранилась подпись одного из них (Георгий?). По мнению В. Джурича и С. Габелич, 1-й мастер выполнил изображение Христа Пантократора, Небесной литургии и пророков в куполе, 2-й — фигуры 40 Севастийских мучеников, евангелистов и цикл Великих праздников (за исключением сцены «Успе-

*Ктитор Йован Оливер.
Роспись ц. архангелов
Михаила и Гавриила.
1341–1346/48 гг.*

ние Богоматери»), часть сцен в цикле Страстей Христовых. Возможно, этот мастер также участвовал в создании росписи в ц. свт. Николая в Чelopeке близ г. Тетово (Македония, кон. XIV в.) и ц. вмч. Димитрия Маркова мон-ря. Третий художник в среднем регистре создал большую часть композиций цикла Страсти Христовы, притчи и чудеса; возможно совместно с главным мастером написал композицию «Евхаристия», неск. поясных изображений святых на столбах и началь-

*Арх. Михаил
поражает сарацинов.
Роспись наоса ц. архангелов
Михаила и Гавриила.
1341–1346/48 гг.*

ные сцены Архангельского цикла. Четвертый, очевидно руководивший работой артели, расписывал конху апсиды, где исполнил образ Богоматери и 2 архангелов, а также вы-

фия до палеологовского времени не существовала. В восточном рукаве притвора, посвященно-го Пресв. Богородице, на

*Роспись купола
в притворе ц. архангелов
Михаила и Гавриила.
1349 г.*

узком своде представлен образ Богоматери «Живоносный Источник», который основан на текстах Богородичных гимнов. В это изображение

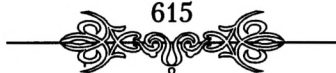
полнил росписи нижнего яруса: цикл «Деяния и чудеса арх. Михаила», сцена «Успение Пресв. Богородицы», ростовые фигуры святых на стенах и полуфигуры на столбах. Возможно, именно его звали Георгием. Это имя оставлено на изображении щита вмч. Георгия.

В росписях наоса Л. использованы новые иконографические сюжеты («Христос Архиерей, служащий с ангелом литургию» — в апсиде; «Христос Архиерей благословляющий» — в диаконнике, в цикле «Деяния и чудеса арх. Михаила» много необычных деталей и подробностей).

В куполе притвора — Христос Пантократор и поклоняющиеся Ему ангелы, в барабане — пророки с атрибутами пророчеств, в парусах написаны уникальные для монументальной живописи того времени композиции, получившие название «Рекви Премудрости». Это изображения св. отцов Церкви — святителей Василия Великого (сев.-вост. парус), Иоанна Златоуста (юго-вост.), Григория Назианзина (сев.-зап.) и Афанасия Великого (юго-зап.), которые создают свои сочинения, вдохновляемые Божественной Премудростью.

Монахи, священники, цари, народ пьют воду из рек, вытекающих из-под столов, за которыми сидят св. отцы. Отдельные элементы таких композиций были известны в византийском искусстве в послеиконоборческое время, в таком виде иконогра-

включены фигуры родителей Богородицы праведных Иоакима и Анны (вост. стена). Кроме того, в росписи восточного рукава помещены ветхозаветные прообразовательные сцены, символы Богоматери («Лестница Иакова», «Неопалимая Купина», «Руно Гедонеа», «Скиния Моисея» и т. д.). Это один из самых обширных циклов такого рода в византийском искусстве. Изображения в люнете над входом — «Спас Недреманное Око» и святых Феодора Студита и Иоанна Дамаскина по сторонам от входа в наос — по смыслу являются частью Богородичного цикла. В сев. рукаве притвора, посвященно-го св. Иоанну Крестителю, совершалось таинство Крещения; в соответствии с посвящением, на его стенах написаны сцены Жития св. Иоанна Крестителя. На своде — сцена «Видение Иезекииля». Южный рукав использовался для совершения чина заупокойной литургии. В его росписи представлены иллюстрации к «Последним псалмам». На своде — Пс 148 «Хвалите Господа с небес». Христос изображен сидящим на херувимах, в сиянии Славы, в окружении ангельского воинства, среди персонификаций солнца и луны, земли и воды, зодиакальных знаков и планет. На стенах проиллюстрированы Пс 149 «Пойте Господу песнь новую» и Пс 150 «Хвалите Бога во святые Его» (сохр. фрагментарно). Среди известных в византийском палеологовском искусстве монументальных циклов «Последних псалмов» (в ц. Введения во храм Пресв. Богородицы (Спаса) в Кучевиште, Македония, ок. 1330,— 12 сцен, в Хрелёвой башне Рильского мон-ря, Болгария, 1335–1342,— 8 сцен) в росписи Л. представлено самое большое число композиций (16). На северной

стене притвора в верхнем ярусе помещены портреты сербского кор. Стефана Уроша IV Душана и его супруги Елены. Они принадлежат к числу наиболее монументальных изображений (их высота ок. 2,95 м). Супруги представлены в традиционных одеждах визант. императоров: Стефан Душан – в пурпуровых, Елена – в красных. Они стоят на красных подушках с двуглавыми орлами; за ними – наследник серб. престола Стефан Урош V (изображение разрушено); Христос возлагает им на головы венцы. Здесь же, на северной стене, под изображением царской семьи представлена семья ктитора: Йован Оливер, его супруга Мария, дети Дамиан, Крайко и, вероятно, Даница. Главная тема росписи зап. рукава – Второе пришествие и Страшный Суд. В своде – поясной образ Христа Еммануила, на стенах – сцена страстей 40 Севастийских мучеников, Притча о разумных и неразумных девах, как напоминание о том, что час Господень никому не известен. В нише, над входом в основное пространство, –

фигура конного арх. Михаила, с обнаженным мечом в поднятой правой руке. В этой иконографии есть 2 детали, встречающиеся крайне редко: архангел восседает на белом коне в огненно-красных одеждах, у него огнезрачный лик. Среди фигур святых, изображенных в нижнем ярусе притвора, много редких, напр. Христовфор, Варвар, Моисей Эфиопский, прародители Адам и Ева.

Очевидно, росписи притвора выполнил мастер по имени Михаил (один или с помощником). Его манера вписывается в основную линию развития искусства XIV в., развивая традиции палеологовского ренессанса. Составитель росписи

в притворе был человеком богословски образованным, хорошо знакомым с главными темами искусства византийской столицы. Живопись Л. оказала влияние на произведения монументальной живописи Сербии 2-й пол. XIV в. (напр., росписи в церквах св. Афанасия в с. Лешок, ок. 1350, и вчм. Димитрия в Марковом мон-ре).

Последняя реставрация росписи проводилась в 1957–1983 гг.

С. П. Заиграйкина

Лит.: *Радојичић С.* Лесново. Београд. 1971; *Габелић С.* Манастир Лесново: Историја и сликарство. Београд. 1998; *Джурић В.* Византијске фреске: Средњевек. Сербия, Далмација, слав. Македонија. М., 2000. С. 189–194; *Радовановић Ј.* Фрески празника Цвети из манастира Леснова и Дечана // *АрхПр.* 2003. Бр. 25. С. 197–208.

ЛЕСОТО [Королевство Лесото; англ. Kingdom of Lesotho, сесото Muso oa Lesotho], гос-во в Юж. Африке, со всех сторон окружено территорией *Южно-Африканской Республики* (ЮАР). Площадь 30,35 тыс. кв. км. Столица – Масеру (227 880 чел., 2011). Наиболее крупные города (по сведениям на 2011): Теятеяненг (ок. 61 тыс. чел.), Мапуцоэ (ок. 48 тыс. чел.), Мафетенг (ок. 30 тыс. чел.). Офиц. язы-

Арх. Михаил, преподобные Иоанн Дамаскин и Косма Маюмский. Роспись притвора ц. архангелов Михаила и Гавриила. 1349 г.

ки – английский и сесото (язык коренного народа Л. – басуто). Административно-территориальное деление: 10 округов. Л. – член ООН (1966), Африканского союза (1966), Содружества (1966), Сообщества развития Юга Африки (1992), Общего рынка Вост. и Юж. Африки (КОМЕСА; 1994), ВТО (1995). Имеет дипломатические отношения с РФ (установлены с СССР в 1980). **География.** Л. – внутриконтинентальная горная страна, расположенная выше 1400 м над уровнем моря. Плато, расположенные в зап. регионе, являются вост. окраиной Высокого Велда и имеют высоту от 1400 до 1800 м над уровнем моря. Сев. и центральная части данного региона довольно плодородные, юж. районы не имеют пригодной для земледелия почвы ввиду

редких осадков. Предгорья высотой 2000–2300 м отделяют равнинную часть от горной части страны и, достигая крутых уступов высокогорья, достаточно резко обрываются. Горный регион, в который входят плато Басуто и горы Малути, является частью пояса Драконовых гор. Здесь расположена наивысшая точка Л. – г. Тхабана-Нтленьяна (3482 м). Большинство горных районов разделены р. Оранжевой на глубокие долины и ущелья. Ввиду отсутствия связи с внешними водами р. Оранжевая играет огромную роль в экономике Л. Ее долина имеет как плодородную почву, так и землю, непригодную для сельскохозяйственной обработки.

Климат Л. характеризуется резкими амплитудами. В зимние периоды (июнь–авг.) температура составляет от –7°C в низинах до –18°C в высокогорьях. В горной местности выпадает снег. Количество осадков зимой (особенно в горных районах) незначительно (минимум в июне: менее 15 мм). Лето, как правило, более влажное и жаркое. В самые жаркие летние месяцы (дек.–февр.) в Масеру и долинах западного региона температура достигает 30–32°C. В это время выпадает наибольшее количество осадков: ежегодно до 100 мм.

Население. Согласно официальным данным Правительства Л., население страны в 2011 г. насчитывало 1 894 194 чел. По оценкам ООН, на нач. 2015 г. этот показатель составлял 2 072 тыс. чел. Большинство населения Л. говорит на языках

семьи банту (97,6%): гл. обр. на языках группы сото-тсвана — сесото, пхути, коса, свази, а также на языке зулу группы нгунни. Африканеры составляют 0,1%. Количество иностранцев незначительно (0,2%), в основном это выходцы из Юго-Вост. Азии, а также работающие в Л. европейцы или американцы.

По оценочным данным на 2015 г., средняя ожидаемая продолжительность жизни — 52,86 года (мужчины — 52,76, женщины — 52,97); естественный прирост населения — 0,32%, коэффициент естественного прироста — 10,58 на 1 тыс. чел. (рождаемость — 25,47; смертность — 14,89); показатель фертильности — 2,72 ребенка на 1 женщину; средний возраст — 23,8 года, в возрастной структуре: дети до 14 лет — 32,67%, лица в возрасте от 15 до 64 лет — 61,9, лица 65 лет и старше — 5,43%; средняя плотность населения — 68,3 чел. на кв. км; степень урбанизации — 27,3%. Ввиду оттока населения (гл. обр. в ЮАР) высок процент миграции (7,36 на 1 тыс. чел.).

Государственное устройство. Согласно действующей Конституции, принятой 2 апр. 1993 г., Л. — унитарное гос-во, по форме правления — конституционная парламентская монархия. Глава гос-ва — король, однако его роль церемониальная. Законодательная власть осуществляется 2-палатным парламентом, состоящим из Национального собрания и сената. Национальное собрание состоит из 120 депутатов, избираемых всеобщим голосованием сроком на 5 лет, из к-рых 40 избираются по партийным спискам на основе пропорционального представительства, 80 — в округах. Сенат, действующий также 5 лет, не избирается: он состоит из 22 традиц. вождей и 11 членов, назначаемых королем в согласии с руководством правящей партии. Исполнительная власть осуществляется правительством, возглавляемым премьер-министром, по назначению короля им становится лидер партии большинства в парламенте. Остальных министров утверждает король по представлению премьер-министра из числа членов парламента. Национальное собрание может выразить недоверие правительству, к-рое в этом случае распускается; при несогласии премьер-министр может требовать от короля роспуска парламента. Судебная система Л. состоит из неск. инстанций: решения

магистратских судов пересматриваются Высоким судом, наивысшей инстанцией является Апелляционный суд; помимо этого на местах действуют традиц. суды обычного права. Отдельно функционирует система военных судов, решения к-рых пересматриваются апелляционным военным судом. Правовая система Л. имеет смешанный характер и восходит к римско-голл. праву (преобладает в сфере гражданского права), а также к англ. общему праву (действует в области уголовного и совр. торгового права); в брачно-семейных, наследственных и земельных отношениях продолжает преобладать местное обычное право.

Религия. Большинство верующих в Л. — христиане (ок. 90% населения), из них одна половина исповедует католицизм, другая — принадлежит к различным протестант. деноминациям, включая т. н. Независимые африканские церкви (НАЦ). Христианский совет Лесото объединяет основные христ. деноминации. Традиц. африкан. верования имеют значительное распространение: их исповедуют до 10% населения. Проч. религии и деноминации (ислам, индуизм, буддизм, иудаизм и др.) охватывают ок. 0,7% населения; адепты бахаизма — ок. 0,9%. Не принадлежат ни к одной религии или являются атеистами ок. 0,2% населения.

Римско-католическая Церковь является самой крупной христ. конфессией в Л. и представлена архиепископством-митрополией Масеру, в состав которого входят 3 епископства-суффрагана: Лерибе, Мохалес-Хук и Цгачас-Нек. Действует

*Католический собор
Девы Марии Победоносной
в Масеру. XX в.
Фотография. Нач. XXI в.*

подвизаются 142 монаха и 680 монахинь. Общее количество католиков — ок. 1 млн чел.

Протестантские церкви, деноминации и секты. Англиканский диоцез Лесото состоит из 4 архидиаконств (Кафедрального (Масеру), Центрального (Тхаба-Цека), Северного (Халджоане), Южного (Мохалес-Хук)) и входит в состав Англиканской церкви Юж. Африки, являющейся членом *Англиканского содружества*. По данным на 2005 г., в Л. было более 430 англикан. общин, насчитывающих 64 тыс. верующих.

Кальвинизм представлен в Л. несколькими организациями. Наиболее многочисленная и влиятельная — Евангелическая церковь Лесото в Юж. Африке (ЕЦЛ; Lesotho Evangelical Church in Southern Africa), являющаяся 1-й протестантской организацией в стране (ведет начало от основания представителями Парижского евангелического миссионерского об-ва 1-й миссии в 1833). Помимо Л. ЕЦЛ на протяжении долгого

*Богослужение
в католич. церкви в Мафетенге.
Фотография. 2013 г.*

Конференция католических епископов Лесото. По данным на 2014 г., в стране 94 католич. прихода, в которых служит 151 священник (из них 71 монашествующий), также

времени присутствует в провинции ЮАР Гаутенг. Она насчитывает ок. 112 общин и ок. 340 тыс. верующих. По типу управления имеет пресвитерианский характер: все 20 территориальных пресвитерий управляются Генеральной ассамблеей, регулярно проводящей сессии. В 1957 г. возникли 2 орг-ции,

представляющие реформатское крыло кальвинизма: малочисленная Голландская реформатская Церковь (Dutch Reformed Church; 4 общины, 150 чел.) ориентирована исключительно на прихожан с белым цветом кожи; была основана южноафриканскими бурами, приехавшими в Л. из Южно-Африканского Союза (ЮАС), из пров. Оранжевое Свободное гос-во; Голландская реформатская церковь в Африке (Dutch Reformed Church in Africa; 12 общин, более 4 тыс. чел.) основана темнокожими миссионерами из ЮАС и нацелена на работу с представителями народностей басуто, зулу, шона и коса.

Баптисты представлены в Л. 3 организациями: наиболее значительная Махоунская миссия (Mahon Mission; 22 прихода, ок. 3 тыс. верующих) возникла в результате отделения от амер. Миссионерской церкви благодати (Grace Missionary Church) в 1966 г., сохраняет тесные связи с США, а также с Баптистским союзом Юж. Африки; орг-ция Баптистские церкви Лесото (Baptist Churches of Lesotho; по данным 1995 г., 2 общины, 50 верующих) возникла в 1987 г. в результате миссионерской работы *Южной баптистской конвенции* США, ведущей активную проповедь в странах Юж. Африки; независимая Баптистская церковь банту (Bantu Baptist Church; в нач. XXI в. 9 общин, 270 прихожан) возникла в 1961 г. и тесно связана с Национальной баптистской церковью африканского единства (African Union National Baptist Church), базирующейся в ЮАР.

Методисты появились в Л. в кон. XIX в. В 1896 г. темнокожими миссионерами из США была основана Африканская методистская епископальная церковь (African Methodist Episcopal Church), к-рая в 2005 г. имела 67 общин и более 12 тыс. прихожан. Методистская церковь Юж. Африки (Methodist Church of Southern Africa) была основана в 1900 г. миссионерами из брит. колоний в Юж. Африке. Приходы в Л. входят в состав еп-ства Сев. Свободное гос-во (Сев. Фри-Стейт) и Лесото; все прихожане принадлежат к народности басуто. В нач. XXI в. насчитывалось 8 общин, 10 тыс. верующих.

Армия спасения, миссионеры которой появились в стране в 1969 г., имеет в Л. 2 центра, насчитывающие 95 прихожан.

Адвентисты седьмого дня (АСД), начавшие свою работу в Л. в 1899 г., выделены в автономную Конференцию Лесото в составе Южно-Африканской единой конференции (Southern Africa Union Conference), находящейся в подчинении Дивизиона Юж. Африки и Индийского океана (Southern Africa – Indian Ocean Division) Генеральной конференции АСД. На 2005 г. было 20 общин, 3,5 тыс. прихожан.

Пятидесятники классического типа (2 и 3 кризисов) представлены рядом групп. Наиболее многочисленной организацией являются *Ассамблеи Бога*, сформированные прибывшими в 1924 г. миссионерами из США и ЮАС; по данным на 2015 г., было 88 общин, ок. 8,7 тыс. членов. Божия церковь полного Евангелия (Full Gospel Church of God) связана с Церковью Бога в Кливленде (шт. Теннесси, США), амер. миссионеры начали работу в Л. в 1951 г.; в 2005 г. насчитывалось 44 церкви, 4 тыс. верующих. Миссия апостольской веры Юж. Африки (Apostolic Faith Mission of South Africa) возникла в результате работы южноафриканских миссионеров в 1904 г.; в 2005 г. было 25 общин, 3 тыс. прихожан. Пятидесятническая церковь святости (Pentecostal Holiness Church) основана миссионерами из ЮАР, имеет тесную связь с Международной пятидесятнической церковью святости; насчитывает 2 общины, 600 верующих.

В Л. действует неск. независимых пятидесятнических орг-ций, происхождение к-рых не связано с амер., европ. или международными пятидесятническими движениями. Наиболее значительные из них: Пятидесятническое товарищество (Pentecostal Fellowship; 3 общины, 2,5 тыс. чел.); Объединенная апостольская церковь (Union Apostolic Church; 5 общин, 2 тыс. чел.); Церковь галилейской миссии (Galilean Mission Church), иногда называемая Объединенной церковью басуто, работающая в основном среди представителей коренного народа Л. (5 приходов, 1,5 тыс. чел.); Эфиопская католическая церковь Юж. Африки (Ethiopian Catholic Church of South Africa), базирующаяся в ЮАР и имеющая в Л. 2 филиала (1,5 тыс. чел.); Церковь заполнения пробела (Fill the Gap Ministries), организующая миссии в недоступных горных районах (14 общин, 1 тыс. чел.); Вестни-

ки Христа (Heralds of Christ; 1 община, 150 верующих) и др.

Новоапостольская церковь с центром в Цюрихе (Швейцария) насчитывает в Л. 5 общин и 200 прихожан.

Иеговы Свидетели, действующие с 1945 г., имеют 87 общин и ок. 10 тыс. adeptов (по данным на 2014).

Распространены НАЦ, в основном харизматического характера, часто испытывающие влияние местных традиц. культов и имеющие синкретический характер. Наиболее значительные из них: Церковь сионского основания Лесото (Zion Foundation Church of Lesotho; с 1965; 60 общин, 12 тыс. верующих); Береанская церковь библейского чтения Мшвешве (Moshoeshe Berean Bible Reader's Church), отделившаяся от Парижского евангелического миссионерского об-ва в 1909 г. (25 общин, 10 тыс. верующих); Сионская христианская церковь (Zion Christian Church), основанная в 1920 г. (20 общин, 10 тыс. верующих); Церковь св. Павла в Африке (St. Paul's Church of Africa; 2 общины, 1 тыс. верующих); Библейская церковь «Зое» (от греч. «жизнь»; Zoe Bible Church; 7 общин, 500 верующих), а также ряд других малых групп. Нек-рые пятидесятнические орг-ции и Независимые африканские церкви входят в состав Федерации независимых африканских церквей (Federation of African Independent Churches).

Ислам представлен в Л. незначительным количеством приверженцев, в основном мигрантов из Юж. или Центр. Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Афганистан), занимающихся в Африке торговлей. Первые мусульмане приехали в Л. в 1972 г. из Дурбана (ЮАР) и основали мечеть в Бутха-Бутхе; значительное увеличение притока мусульман началось с 90-х гг. XX в. В наст. время ислам распространен гл. обр. в столице Масеру, а также в округах Бутха-Бутхе, Лерибе, Береа на севере страны. По данным на 2013 г., в Л. насчитывалось ок. 3 тыс. мусульман, преимущественно суннитов. В Л. присутствуют представители псевдоисламской секты Ахмадия (350 чел.).

Традиционные африканские верования характерны для населения гл. обр. периферийных районов, мало затронутых процессами урбанизации. Большинство данных культов сочетают веру в Бога-Творца с анимизмом, фетишизмом, тотемизмом

или культом предков. В значительной степени распространены знахарство, колдовство, использование заговоров, амулетов и т. д. Во многих племенах приверженность местным традиционным верованиям сочетается с введением в их религ. учения норм христианства и с исполнением некоторых христ. обрядов. Данные верования оказывают значительное влияние и на христ. организации, в первую очередь на НАЦ. Ввиду двоеверия точный статистический подсчет количества приверженцев местных племенных культов затруднен (по различным данным, от 160 до 200 тыс. чел.).

Новые религиозные движения представлены последователями *Бахаи религии*, численность которых за последние десятилетия быстро растет. Верховной организацией бахаистов в стране является Национальная духовная ассамблея Бахаи в Лесото (National Spiritual Assembly of the Bahá'ís of Lesotho), основанная в 1953 г. Общее количество адептов бахаизма достигает 20 тыс. чел.

Религиозное законодательство. Основным документом, регламентирующим положение религии в Л., является Конституция 1993 г., которая декларирует равенство и основные права и свободы человека независимо от религ. убеждений, национальной или культурной принадлежности, политических или иных взглядов (статья 4, 26). Основной закон запрещает дискриминацию по религ. мотивам (ст. 18) и гарантирует право на свободу совести, мысли и вероисповедания, включая возможность менять свои религиозные убеждения; гражданин Л. вправе как в частной, так и в общественной сфере проявлять свою веру и пропагандировать религ. убеждения, взгляды и практику (ст. 13, п. 1). Закрепляется право религ. общин предоставлять религ. образование своим членам и пользоваться недвижимостью для образовательной деятельности (ст. 13, п. 2). При этом запрещается насильно привлекать граждан к получению религиозного образования или участию в религ. церемониях или обрядах (ст. 13, п. 3). Конституция гарантирует гражданам право свободно объединяться для создания любых сообществ и групп, в т. ч. исходя из религ. и культурных целей; привлечение граждан к подобным объединениям без их согласия запрещается (ст. 16).

История. Предки народа басуто жили на юге Африки приблизительно с XV в. К нач. XIX в. бантуязычные племена басуто, населявшие регион к северу от р. Оранжевой, принадлежали к 3 основным группам — фокенг, коена и тлокоа. С 1820 г. племенной вождь по имени Мшвешве, правивший под именем Мошеш I, собрал под своей властью все племена басуто, а также народы, на-

лонию (с 1814 в «вечном пользовании» Великобритании). Немногочисленное их сообщество образовало ядро новой миссии. Деятельность ПЕМО на территории совр. Л. можно разделить на 3 периода: первоначального воздействия (1833–1848), языческой реакции (1848–1854) и долгосрочного устойчивого роста (1854–1900). На протяжении 1-го периода прозелитическая деятельность была тесно связана с правящей семьей и с людьми высокого ранга. На Рождество 1839 г.

Евангелическая церковь в Лерибе (ЕЦЛ). XIX в. Фотография. 1-я треть XX в.

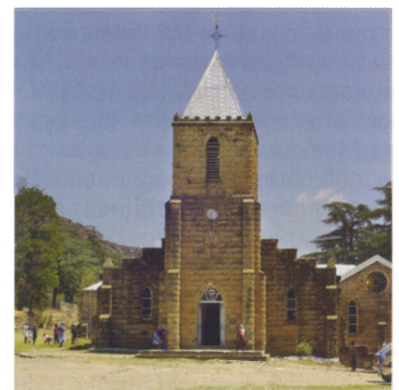
впервые были крещены четверо из сыновей Мошеша с женами, а также его дядя Либе, неск. ве-

шедшие в Драконовых горах убежище от военной экспансии зулу и ндебеле. В течение 20 лет он создал прочное гос. образование (в историографии закрепился топоним Басутоленд), являвшееся союзом различных этнических групп, усвоив себе титул «великий правитель басуто» (в позднейшей историографии все наследники Мошеша стали называться королями, а созданное им гос-во — королевством). Власть Мошеша I не была абсолютной: при нем в качестве консультативного и совещательного органа созывалось «питсо» — общее собрание с участием всех вождей и их представителей. В нач. 30-х гг. XIX в. европ. поселенцы (гл. обр. буры-африканеры) начали осваивать центр Юж. Африки, что усугубляло противостояние между европейцами и коренными жителями. Пытаясь предотвратить подобный конфликт в стране, Мошеш I пригласил в Басутоленд христ. миссионеров с целью избавить свой народ от вторжения как европейцев, так и др. африкан. групп. Кроме того, деятельность христ. миссионеров вполне отвечала идеям Мошеша по укреплению своей власти.

В 1833 г. в столицу Басутоленда Тхаба-Босиу прибыли первые протестант. миссионеры из Парижского евангелического миссионерского общества (ПЕМО) — Т. Арбусе, Э. Казали и К. Гослен. К этому времени некоторые представители народа басуто уже приняли христианство, находясь на заработках в Капской ко-

лонии (с 1814 в «вечном пользовании» Великобритании). Немногочисленное их сообщество образовало ядро новой миссии. Деятельность ПЕМО на территории совр. Л. можно разделить на 3 периода: первоначального воздействия (1833–1848), языческой реакции (1848–1854) и долгосрочного устойчивого роста (1854–1900). На протяжении 1-го периода прозелитическая деятельность была тесно связана с правящей семьей и с людьми высокого ранга. На Рождество 1839 г. впервые были крещены четверо из сыновей Мошеша с женами, а также его дядя Либе, неск. ве-

дущих советников и 3 старшие жены вождя. Христ. миссии были установлены: в Мории (1833), на юго-западе страны — по течению р. Каледон — в Бетули (ныне ЮАР; 1833) и Биршебе (Беэршеве; ныне ЮАР; 1835), а также на северо-западе — в Мекотатлинге (ныне ЮАР; 1838). К 1847 г. было построено в общей сложности 9 миссий. Новые миссии, оснащенные

Католическая ц. Матери Иисуса в Роме. XIX–XX вв.

ные плугами, транспортом и имевшие каменные дома, должны были стать примером воздействия цивилизации и моделью дальнейшего развития общества басуто. Миссиям отводилась также роль центров образования и культуры, они служили убежищами для гонимых групп населения.

Первые успехи миссий ПЕМО никак не повлияли на образ жизни большинства коренных жителей: даже в высших слоях общества басуто

наблюдалось устойчивое сохранение местных традиций. Так, среди вождей племен сохранялось многоженство, их дети, ставшие вождями и начальниками, не посещали миссионерских школ и были безграмотными. Даже сыновья Мошеша I, ходившие в миссионерские школы, в дальнейшем отвергли христианское учение; лишь Летсие, один из младших сыновей Мошеша (впосл. верховный вождь), пожелал креститься на смертном одре, но умер прежде, чем был крещен. Проблема усугублялась тем, что миссионеры требовали от крещеных местных жителей одеваться по-европейски, и это вызывало у коренного населения крайнее отторжение. Долгое время христ. миссии не могли серьезно воздействовать как на верхние, так и на нижние слои общества басуто.

Третий этап деятельности ПЕМО связан с именем Д. Ф. Элленбергера (1835–1920), миссионера франко-швейцар. происхождения, прибывшего в Басутоленд в 1861 г. Он приложил значительные усилия, чтобы приблизить деятельность к нуждам простых людей. В 1864 г. Элленбергер создал 1-й в стране стационарный госпиталь в Мории. Кроме того, более 45 лет он записывал по-французски устные предания басуто: его труды содержат описание истории народа с древнейших времен до прибытия миссионеров, включая родословия вождей от 1450 г. и рассказ о восхождении на престол кор. Мошеша I, а также главы о нравах и об обычаях, о социальном устройстве, религ. традициях народа басуто.

В этот же период в стране появились католич. миссионеры: в 1862 г. в Басутоленд прибыли представители ордена Миссионеров-облатов Непорочной Девы Марии во главе с французом Ж. Жераром, к-рый находился в подчинении еп. Франсуа Аллара, возглавлявшего апостолический викариат Натал. С разрешения кор. Мошеша I Жерар основал миссионерское поселение Моце-оа-Ма-Есу (Деревня Матери Иисуса) в 32 км к югу от Тхаба-Босиу. В 1863 г. близ Масеру возникла 2-я католич. миссия под названием Ха-Ба-Рома (Дом народа Рима; совр. название населенного пункта — Рома), там же построена 1-я стационарная католич. церковь. В 1867 г. была создана 3-я миссия в честь св. Михаила близ совр. Ромы. В течение последую-

щего десятилетия в стране были организованы еще неск. католич. миссий. Значительную помощь в их работе оказали монахини Конгрегации сестер-миссионерок Св. Семейства, к-рые прибыли из Бордо (Франция) и взяли на себя огромную часть работы по катехизации женщин народа басуто и привлечению их к различным формам социального служения. Жерар постоянно пребывал в Басутоленде до своей кончины в 1914 г.; благодаря его активной миссионерской деятельности быстро увеличилось количество христиан-католиков.

В 1856–1868 гг. кор. Мошеш I вел войны против буров Оранжевого Свободного гос-ва, потеряв большую часть своей территории. Значительное число миссий ПЕМО оказалось в пределах Оранжевого Свободного государства. В 1862 г. он установил связь с недавно назначенным губернатором Капской колонии Ф. Э. Вудхаусом, надеясь на выгодное сотрудничество между 2 территориями. 12 марта 1868 г., действуя в условиях продолжающейся агрессии буров, Вудхаус подготовил документ о брит. протекторате над Басутолендом, подписанный 15 апр. 1868 г. В 1871 г. страна была включена в качестве резервата в состав брит. Капской колонии, под властью которой находилась 13 лет. Первоначально ее территория была разделена на 4 района; управление ими осуществлялось преимущественно из Кейптауна. В это время начинается деятельность англикан. миссионеров в Басутоленде. Первый постоянно действующий англикан. приход был основан в Тхаба-Босиу в 1875 г. (1-й пастор — Э. Стенсон). В последующие годы были открыты миссионерские станы в Мохалес-Хуке и Хлоце (Лерибе). Все англикан. общины и миссии находились в юрисдикции Церкви провинции Юж. Африки. В последующие 20 лет были основаны 7 приходов и миссий (Секубу, Мациенг, Мафетенг, Цикоане, Мокхотлонг, Масите и Теятеяненг). В 1886 г. была построена церковная школа, а в 1890 г. начало работу 1-е англиканское среднее учебное заведение.

Существование под протекторатом Великобритании, окончательно утвердившимся в 1884 г., характеризовалось относительной свободой. Брит. власти мало вмешивались в управление страной, сохранив при

этом институт вождей и укрепив власть верховного правителя. Деятельность христ. миссий в данный период также велась практически беспрепятственно.

Католич. общины Басутоленда в 60–90-х гг. XIX в. были частью апостолического викариата Натал, затем апостолического викариата Кимберли. 8 мая 1894 г. была создана независимая апостолическая префектура Басутоленд, включившая всю территорию совр. Л. Первым апостолическим префектом стал представитель ордена Миссионеров-облатов Непорочной Девы Марии Одилон Монжину. 18 фев. 1909 г. префектура получила статус апостолического викариата Басутоленд, епископом к-рого стал Жюль Жозеф Сене (1909–1930). В эти годы викариат располагал 19 церквями, часовнями и миссионерскими пунктами, 5 мон-рями и 9 школами. Общее количество католиков в Басутоленде составляло ок. 9 тыс. чел., посещавших церковные школы детей — ок. 1,2 тыс. чел.

В 1904 г. в Басутоленде брит. властями проведена 1-я перепись населения, согласно к-рой в это время в стране насчитывалось 19,5 тыс. христиан всех конфессий (общины ПЕМО, англикан. общины, Римско-католическая Церковь, Африканская методистская епископальная Церковь, АСД), что составляло 5,6%.

В нач. XX в. активизируется деятельность новых миссий: в стране появляются проповедники методистских и пятидесятнических организаций. После создания в 1910 г. ЮАС Басутоленд стал протекторатом под управлением верховного комиссара Великобритании в Юж. Африке, которого в Л. представлял комиссар-резидент. Внешняя политика как вождей Басутоленда, так и брит. колониальных органов в последующие десятилетия сводилась к предотвращению попыток ЮАС аннексировать Басутоленд. Такая линия находила поддержку и в религ. кругах.

В период между мировыми войнами протестант. и католич. миссии занимали ведущие позиции в образовании и здравоохранении, играли главную роль в осуществлении ряда социальных реформ в стране. В 20-х гг. XX в. Римско-католич. Церковь стала крупнейшей христианской конфессией на территории Басутоленда. К 1930 г. в ее распоря-

жении было 80 школ, а к 1934 г.— 370. В 1930 г. архиеп. Ж. Сене ушел на покой, его место занял в 1933 г. Жозеф Бономм (1933–1947). В 1931 г. впервые был рукоположен священник из местного населения — Рафаэль Мохаси. В 1933 г. стала издаваться церковная газета (Moeletsi oa Basotho) на языке сесото. С 1938 по 1948 г. в Басутоленде трудился известный миссионер из ордена Миссионеров-облатов Непорочной Девы Марии Бернхард Хусс, к-рый приложил огромные усилия к развитию образования среди народов басуто и зулу. К 40-м гг. XX в. католич. Церковь насчитывала более 300 стационарных и передвижных миссий, окормляемых 120 священниками. Им оказывали помощь 60 монахов и 430 монахинь, многие из которых принадлежали к коренному населению. С 1934 г. велись работы по созданию Богословского колледжа им. папы Пия XII в Риме (открыт в 1945).

Деятельность ПЕМО в 20–30-х гг. XX в. также была сосредоточена на каритативных целях: в этот период открывались школы, медицинские центры, начался перевод Свящ. Писания на местные языки. Предоставление доступных услуг здравоохранения и образования было жизненно важным для миссии фактором, способствующим уменьшению влияния знахарей и шаманов в обществе. В англикан. Церкви к 1930 г. в Басутоленде имелись 11 приходов и 66 миссионерских точек, в т. ч. в высокогорных районах страны. Первый англикан. темнокожий священнослужитель (Джон Велохе) был поставлен в 1913 г.; в 20-х гг. XX в. начался процесс выдвигания представителей коренного населения в церковные органы самоуправления и в епархиальные советы.

Политические изменения 20-х и 30-х гг. XX в. способствовали развитию национального самосознания коренных жителей страны, что выразилось в создании ряда националистических общественных движений. Однако данные тенденции встречали сопротивление не только колониальных властей, но и местных вождей, а также представителей христианских миссий (в первую очередь католич. монашеских орденов). 40-е и 50-е годы XX в. характеризовались ростом антиколониальных настроений, которые привели к возникновению НАЦ, противополо-

ставляющих свою веру проповеди европ. миссий и стремившихся адаптировать христианские традиции к африкан. этнокультурным условиям. Нарастание активности местного населения в стремлении обрести независимость вылилось в образование политических партий, выступавших за предоставление протекторату независимости: Африканского конгресса Басутоленда (основан в 1952, с 1959 Партия конгресса Басуто (ПКБ)) и Национальной партии Басуто (НПБ; основана в 1959). В 1959 г. вступила в силу Конституция Басутоленда, а в 1965 г. страна получила внутреннее самоуправление. На состоявшихся в апр. 1965 г. парламентских выборах большинство мест получила НПБ, ее лидер Дж. Л. Джонатан возглавил правительство. 4 окт. 1966 г. образовалось независимое Королевство Лесото в составе Содружества (до 1947 Британское Содружество наций). В том же году была принята 1-я Конституция независимой страны, которая провозгласила конституционный характер монархии, ограничив власть короля. В 1966 г. Л. как самостоятельное гос-во стало членом ООН и ОАЕ (с 2002 АС).

Обретение независимости создало условия для построения стабильной и развитой церковной структуры. В янв. 1951 г. католический апостольский викариат Басутоленд получил статус еп-ства Масеру; в дек. 1952 г. из него было выделено епископство Лерибе; в янв. 1961 г. епископство Масеру получило статус архиепископства, которое возглавил 1-й епископ из коренного населения Эмануэль Мабатоама, представитель королевской династии, потомок Мошеша I. Одновременно с образованием архиепископства из него было выделено еп-ство Цгачас-Нек.

В 1950 г. был создан самостоятельный англиканский диоцез Басутоленд (с 1966 — Лесото); его 1-й еп. Джон Монд (1951–1976) приложил огромные усилия к сохранению церковного мира в условиях конфронтации последующих десятилетий.

В 1964 г. общины ПЕМО объединились в самостоятельную орг-цию под названием Евангелическая церковь Лесото (ЕЦЛ). Признавая Апостольский Символ веры и Гейдельбергский катехизис, ЕЦЛ стала проводить экуменическую политику. В 1965 г. ЕЦЛ вступила в состав *Всемирного Совета Церквей*, а затем во-

шла во *Всемирный альянс реформатских церквей* (с 2010 Всемирное сообщество реформатских церквей) и во Всеафриканский совет церквей. В том же году был создан Христианский совет Лесото, в состав которого вошли Римско-католическая Церковь, ЕЦЛ, англикан. диоцез Басутоленд, Ассамблеи Бога, Африканская методистская церковь, Методистская церковь Юж. Африки; с 1970 г. ассоциированным членом орг-ции стал Студенческий христианский союз Лесото.

Внутренняя жизнь Л. в 60-х и 70-х гг. XX в. характеризовалась противоборством общественных сил, которые по-разному видели перспективу сотрудничества Л. и ЮАР: ПКБ ставила своей целью максимальное обособление от ЮАР, а НПБ пыталась сохранить с ЮАР тесные связи. В 70-х гг. XX в. конфронтация сопровождалась вооруженной борьбой, мятежами и политическим давлением, что в известной степени сказалось и на религ. жизни. Римско-католическая Церковь активно поддерживала НПБ, считая линию ПКБ «прокоммунистической». В то же время ЕЦЛ, методисты, пятидесятники и все НАЦ склонялись к поддержке ПКБ, видя в ней силу, способную противостоять агрессивной политике ЮАР. Англикан. Церкви в большей степени удавалось оставаться в стороне от политической борьбы; в 1976–1978 гг. ее возглавлял 1-й чернокожий англикан. епископ и известный правозащитник Десмонд Туму.

В кон. 70-х — нач. 80-х гг. XX в. христ. Церкви продолжали реформы своих образовательных структур. Наибольшего успеха в этом достигла Римско-католическая Церковь, к-рой удалось создать наиболее развитую систему доступного образования: были открыты 18 средних школ, 3 профессионально-технические школы, 4 педагогических колледжа и 8 вузов. В нояб. 1977 г. от католического архиеп-ства Масеру было отделено еп-ство Мохалес-Хук. В 1988 г., во время своего окружного турне по югу Африки, папа *Иоанн Павел II* нанес пастырский визит в Л., став 1-м Римским понтификом, посетившим страну. В ходе его визита состоялась беатификация миссионера-облата Ж. Жерара.

В янв. 1986 г. в условиях осложнения внутривнутриполитической обстановки в Л. ЮАР пригласила к экономической

блокаде страны. В результате гос. переворота 20 янв. 1986 г. в стране к власти пришел Военный совет, запретивший деятельность всех политических партий и общественных орг-ций. На протяжении 7 лет в Л. господствовал недемократический режим, находившийся под постоянным давлением международного сообщества. В 1993 г. демократические институты власти были восстановлены, состоялись парламентские выборы (победу одержала ПКБ; было сформировано правительство во главе с Н. Мохеле). В апр. 1993 г. принята новая Конституция Л. Данные изменения создали благоприятные условия для развития страны. Привлечение иностранных инвестиций привело к экономическому росту; началась реализация проекта по подаче воды на территорию ЮАР. По-

*Встреча
папы Римского Франциска
с кор. Летсие III.
Фотография. 2013 г.*

сле раскола в рядах ПКБ в стране начался затяжной политический кризис, сопровождавшийся острой межпартийной борьбой. На парламентских выборах 1998 г. подавляющее большинство голосов получила партия «Конгресс Лесото за Демократию» (КЛД; вышла из состава ПКБ в 1997). Однако НПБ и проч. политические силы, проигравшие на выборах, начали вооруженную борьбу против правительства. К кон. 1998 г. организованный оппозицией и военными мятеж был подавлен при помощи регулярных частей ЮАР. В дек. 1998 г. для восстановления конституционного порядка в стране был создан Временный политический орган из представителей 12 партий во главе с лидером КЛД Б. П. Мосисили. Основные христ. орг-ции прилагали значительные усилия к снижению общественной напряженности и усовершенствованию демократических институтов в стране. При активном содействии представителей христ. конфессий были разработаны поправки к конституции, касавшиеся избиратель-

ной системы. В мае 2002 г. состоялись очередные парламентские выборы, завершившиеся победой КЛД. В 2007 г. также победил КЛД. Перед выборами в Национальное собрание, прошедшими в мае 2012 г., англикан. еп. Филип Мокуку — председатель Христианского совета Лесото — возглавил переговорный процесс по реорганизации избирательной системы. На выборах 2012 и 2015 гг. победу одержала отколовшаяся от КЛД партия «Демократический конгресс», возглавляемая Мосисили. С марта 2015 г. он занимает пост премьер-министра.

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось усилением сотрудничества религ. орг-ций страны с гос-вом по вопросам развития социальной сферы. Церкви активно участвуют в программах экономического развития сельских горных районов, что приобрело особую значимость после

сильной засухи и голода 2002–2003 гг.; оказывается поддержка действиям правительства в деле

преодоления безработицы. Правящий кор. Летсие III (род. 17 июля 1963; король в 1990–1995 и с 1996) и его жена — католики. 7 окт. 2013 г. королевская чета совершила официальный визит в Ватикан, где на приеме у папы Франциска обсуждались вопросы отношений гос-ва и Церкви и свободы вероисповедания.

Лит.: *Lagden G. Y., sir. The Basutos: The Mountaineers and Their Country; Being a Narrative of Events Relating to the Tribe from its Formation Early in the 19th Cent. to the Present Day.* N. Y., 1910. 2 vol.; *Шаревская Б. И.* Старые и новые религии Тропической и Юж. Африки. М., 1964; *Dove R. Anglican Pioneers in Lesotho: Some Account of the Diocese of Lesotho, 1876–1930.* S. I., 1975; *Сванидзе И. А.* Лесото. Свазиленд. М., 1978; *Лесото // Африка: Энцикл. справ. М., 1987. Т. 2. С. 44–50; Wina-Strom G. Migration and Development: Dependence on South Africa: Study of Lesotho.* Uppsala, 1987; *Штажников Г. А.* Религии стран Африки: Справ. М., 1981; *Богомолов В. А.* Лесото — прошлое и настоящее. М., 1990; *Machobane L. B. J. Government and Change in Lesotho, 1800–1966: A Study of Political Institutions.* Basingstoke, 1990; *Documentary History of the Basotho (Lesotho): Ethnographic Archives of the Missionary David Frederic Ellenberger, 1822–1854.* Leiden, 1993; *Elderredge E. A South African Kingdom: The Pursuit of Security in 19th-Cent. Lesotho.* Camb.,

1993; *idem. Power in Colonial Africa: Conflict and Discourse in Lesotho, 1870–1960.* Madison, 2007; *Gill S. J. A Short History of Lesotho: From the Late Stone Age Until the 1993 Elections.* Lesotho, 1993; *The Land the Basotho Lost: The Dispossession of the Basotho Kingdom in the 19th Cent.* / B. Johannesson et al. S. I., 1994; *Lesotho's Long Journey: Hard Choices at the Crossroads: A Comprehensive Overview of Lesotho's Historical, Social, Economic, and Political Development With a View to the Future* / J. Gay et al. Maseru, 1995; *Isichei E. A History of Christianity in Africa: From Antiquity to the Present.* Grand Rapids; Lawrenceville, 1995; *History of the Basuto: Ancient and Modern* / Ed. D. F. Ellenberger; written in English J. C. Macgregor. Morija, 1998; *Kimble J. M. Migrant Labour and Colonial Rule in Basutoland, 1890–1930.* Grahamstown, 1999; *Sundkler B., Steed Ch. A History of the Church in Africa.* Camb., 2000; *Fitzgerald E., Lefebvre J. «Go Forth» (Mark 16:15): A History Covering more than Half a Century of the Ministries, Missions and Missionaries of the Sisters of the Holy Names of Jesus and Mary in Lesotho.* Longueuil, 2002; *Mohapeloa J. M. Tentative British Imperialism in Lesotho, 1884–1910: A Study in Basotho-Colonial Office Interaction and South Africa's Influence on It.* Morija, 2002; *Coplan D. B. Land from the Ancestors: Popular Religious Pilgrimage along the South Africa–Lesotho Border* // J. of Southern African Studies. L., 2003. Vol. 29. N 4. P. 977–994; *Hincks C. W. Quest for Peace: An Ecumenical History of the Church in Lesotho.* Morija, 2009; *Lesotho: Webster's Timeline History, 1275–2007.* San Diego, 2010; *Maudeni Z. Political Culture as a Source of Political Instability: The Case of Lesotho* // African J. of Political Science and International Relations. Lagos, 2010. Vol. 4. N 1. P. 128–139; *Sanders P. Throwing Down White Man: Cape Rule and Misrule in Colonial Lesotho, 1871–1884.* Pontypool, 2011; *Molapo J. T. Survival in Apartheid South Africa's Shadow: Foreign Policy Analysis of Lesotho, 1966–1993: What Prospects for Small and Landlocked States? Saarbrücken, 2012; Rosenberg S., Weisfelder R. F. Historical Dictionary of Lesotho.* Lanham (Maryland), 2013².

Э. Небольсин

ЛЁССИНГ [нем. Lessing] Готхольд Эфраим (22.01.1729, Каменц, Саксония — 15.02.1781, Брауншвейг), нем. писатель, поэт, драматург, философ и теоретик искусства, один из ведущих представителей нем. *Просвещения*.

Жизнь. Род. в многодетной семье протестант. пастора Иоганна Готфрида Лессинга и его жены Юстины Саломеи (урожд. Феллер). После посещения городской школы Каменца обучался в 1741–1746 гг. в элитной школе-интернате Санкт-Афра в Майсене. В 1746 г. поступил в Лейпцигский ун-т, где изучал теологию, а с 1748 г. — также и медицину. Наиболее сильное влияние в период студенчества на Л. оказали филолог И. А. Эрнести, историк И. Ф. Крист и математик А. Г. Кестнер. Благодаря знакомству с К. Ми-

Г. Э. Лессинг.
Портрет. 1771 г.
Худож. Антон Графф
(6-ка Лейпцигского ун-та)

лиусом и К. Ф. Вайсе Л. сблизился с членами труппы лейпцигского театра Ф. К. Нойбер. В 1747–1748 гг. он опубликовал при поддержке Милиуса свои первые поэтические опыты и комедию «Дамон, или Истинная дружба» (*Damon oder die wahre Freundschaft*), а в 1748 г. получил известность как драматург благодаря успешной премьере поставленной театром Нойбер комедии «Юный ученый» (*Der junge Gelehrte*). Увлечшись искусством, Л. предпочел академической или пастырской деятельности образ жизни свободного литератора и в 1748 г. переехал в Берлин, где жил до 1755 г. с перерывом на краткое пребывание в Виттенберге с целью защиты написанной в 1751–1752 гг. диссертации об испанском писателе и враче XVII в. Х. Уарте. Вращаясь в берлинских околотеатральных и богемных кругах, Л. зарабатывал на жизнь литературным трудом в периодических изданиях — «Берлинской привилегированной газете» под ред. Милиуса (сначала как рецензент и переводчик, а с 1751 как редактор ежемесячного беллетристического приложения «Новейшее из царства остроумия») и «Критических сообщений из царства учености» под ред. И. Г. Зульцера. В этот период вокруг Л. сформировалась группа единомышленников, куда вошли будущие идейные лидеры нем. Просвещения К. Ф. Николаи и М. Мендельсон, а также К. В. Рамлер и Э. фон Клейст. Virtuозное владение аргументацией и широкая образованность в сочетании с полемическим даром и живостью стиля выдвинули Л. в число ведущих публицистов и критиков. Особую известность приобрел созданный Л. жанр «спасений» (*Rettungen*) — историко-филологических эссе, направленных на развенчание предрассудков в отношении неверно понятых или превратно истолкованных писателей прошлого, напр. Горация, Симона Лемниуса, Джероламо Кардано (см.: *Multhammer M. Lessings «Rettungen»: Geschichte und Genese eines Denkstils*. В.; Boston, 2013). Широкий резонанс имела также полемика с пастором С. Г. Ланге о переводах од Горация. Одновременно Л. включился в идейно-художественную борьбу вокруг нем. театра. В 1749 г. он совместно с Милиусом основал первый нем. театральный ж. «*Beiträge zur Historie und Aufnahme des Thea-*

ters» (Труды по истории и восприятию театра), продолженный им уже самостоятельно в 1754 г. под названием «*Theatralische Bibliothek*» (Театральная библиотека). В этих изданиях Л. резко критиковал театральную эстетику франц. классицизма и ратовал за создание национального нем. театра. Творческая продуктивность и растущая известность позволили Л. уже в 1753–1755 гг. выпустить первое собрание сочинений.

Покинув Берлин, Л. в 1755–1756 гг. посетил Потсдам, Франкфурт-на-Одере, Гамбург и Дрезден, а затем переехал в Лейпциг, где надеялся наладить сотрудничество с театральной труппой. Весной 1756 г. Л. представилась возможность совершить путешествие в Англию в качестве сопровождающего сына лейпцигского купца И. Г. Винклера. Однако из-за начавшейся Семилетней войны поездку пришлось прервать в Амстердаме. В ходе поездки Л. встречался в Хальберштадте с поэтом И. В. Глеймом, в Гамбурге — с поэтом Ф. Г. Клопштоком и актером К. Экхоффом. Большое значение для развития философско-эстетических воззрений Л. имела завязавшаяся в этот период переписка с Николаи и Мендельсоном о сущности и характере воздействия трагедии.

В 1758 г. Л. возвратился в Берлин, где в авг. 1759 г. начал совместно с Николаи издавать литературно-критический еженедельник «Письма о новейшей литературе» (*Briefe, die neueste Litteratur betreffend*), в котором выступал с резкой критикой нормативной поэтики И. К. Готшета, ориентированной на идеи франц. классицистов. Параллельно он работал над циклом басен в 3 книгах (*Fabeln: Drei Bücher*. 1759), переводами пьес,

историко-филологическими исследованиями о басне и об эпиграмме; масштабные проекты словаря нем. языка и драмы на сюжет о д-ре Фаусте остались неосуществленными. В 1760 г. Л. был избран членом Берлинской академии наук, однако, несмотря на признание ученых заслуг, поиски Л. постоянной должности не увенчались успехом (одной из причин послужила неодобрительная оценка прусским кор. Фридрихом II резко критических выпадов Л. в адрес *Вольтера*, пользовавшегося расположением монарха).

Финансовые затруднения и ухудшение отношений с берлинскими друзьями побудили Л. в 1760 г. вновь покинуть Берлин и поступить на службу в должности секретаря к губернатору Силезии прусскому ген. Ф. фон Таунцину в Бреслау (ныне Вроцлав, Польша). Относительно стабильное материальное положение дало Л. возможность сочетать исполнение рутинных служебных обязанностей с учеными занятиями, прежде всего с изучением истории античного искусства, и богемным образом жизни, в т. ч. азартными играми в офицерской компании. В 1765 г. Л. подал в отставку и вернулся в Берлин. Творческие итоги пребывания в Бреслау воплотились в трактате «*Лаокоон, или О границах живописи и поэзии: Первая часть*» (*Laokoön oder über die Grenzen der Mahlerey und Poesie: Erster Theil*. 1766), принесшем Л. славу выдающегося теоретика искусства, и комедии «*Минна фон Барнхельм, или Солдатское счастье*» (*Minna von Barnhelm oder das Soldatenglück*. 1767), заложившей основы нем. бюргерской комедии.

Получив в 1767 г. приглашение на должность драматурга (т. е. театрального критика и редактора программы) в Национальный театр в Гамбурге, Л. выступил с масштабной программой преобразования нем. театра, нашедшей воплощение в цикле критических эссе, объединенных под названием «*Гамбургская драматургия*» (*Hamburgische Dramaturgie*. 1767–1769); одновременно со своим другом И. Бодде попытался организовать издательство и книготорговую фирму. Оба начинания потерпели крах: как драматург Л. не смог найти общего языка с труппой и руководством театра, как предприниматель обанкротился.

Вернувшись к научной полемике, Л. в сочинениях «Письма антикварного содержания» (*Briefe antiquarischen Inhalts. 1768–1769*) и «Как древние изображали смерть» (*Wie die Alten den Tod gebildet. 1769*) ответил на критику в адрес «Лаокоона...» со стороны филолога К. А. Клоца. Важными событиями гамбургского периода стали знакомства Л. с композитором К. Ф. Э. Бахом, пастором И. М. Гёце, а также интенсивное общение с семьями востоковеда Г. С. Реймаруса и купца Э. Кёнига.

Вновь оказавшись в трудном материальном положении, Л. в 1770 г. благодаря посредничеству брауншвейгского проф. И. А. Эберта получил должность библиотекаря в Вольфенбюттеле, на которой оставался вплоть до своей кончины (начаты в 1776 переговоры о приглашении Л. в Мангейм или в Вену не увенчались успехом). Поселившись в маленьком провинциальном городе, Л. стремился преодолеть ограниченность своего окружения, предприняв в 1775–1776 гг. поездки в Лейпциг, Берлин, Дрезден, Вену; в 1775 г. в качестве спутника брауншвейгского принца Карла Вильгельма Фердинанда совершил путешествие в Италию, в ходе к-рого посетил Милан, Венецию, Флоренцию, Корсику, Геную, Турин, Рим и Неаполь.

Вольфенбюттельский период ознаменовался наиболее значительными творческими достижениями Л. как драматурга, мыслителя и публициста. Заведуя одним из крупнейших европейских собраний книг и рукописей, Л. успешно пользовался новыми возможностями для научной, литературной и публицистической деятельности. В 1770 г. он опубликовал рукопись *Беренгария Турского*, а в 1771 г. издал исследование об античной эпиграмме и сборник стихотворений барочного поэта А. Скультетуса. Из-под пера Л. выходят многочисленные литературно-поэтические произведения: рассказы, стихотворения, басни, оды, эпиграммы (напр., «Басни и рассказы» (*Fabeln und Erzählungen. 1771*)).

В 1772 г. была опубликована и с огромным успехом поставлена в брауншвейгском театре насыщенная социально-критическими мотивами трагедия «Эмилия Галотти», в которой Л. реализовал на практике сформулированные им ранее теоретические принципы понимания трагического. Однако главным интере-

сом Л. в поздний период стали богословские и религиозно-философские вопросы. В практическом отношении этот интерес выразился во вступлении Л. в 1771 г. в масонскую ложу «Три золотые розы».

Во 2-й пол. 70-х гг. XVIII в. Л. в редактируемом им альманахе «К истории и литературе: Из сокровищ герцогской библиотеки в Вольфенбюттеле» опубликовал под заглавием «Фрагменты неизвестного» материалы к сочинению по библейской критике «Апология, или Охранная грамота разумных богопочитателей», взятые из рукописного наследия Реймаруса, рассчитывая на публичную дискуссию. Публикация стала поводом к жестокой полемике о соотношении разума и *откровения* между Л. и гамбургским пастором Гёце, на чьи отчасти оскорбительные выпады Л. ответил в период с дек. 1777 по июль 1778 г. серией полемических памфлетов под общим названием «Анти-Гёце» (*Anti-Goeze*). Спор приобрел такую остроту и имел столь широкий резонанс, что после выхода 11-го памфлета «Анти-Гёце» брауншвейгский герцог, уступив давлению духовенства, отозвал у Л. освобождение от цензуры. Продолжением этой полемики в художественной форме стало одно из вершинных достижений Л.-драматурга — драматическая поэма «Натан Мудрый» (*Nathan der Weise. 1779*), поднявшая проблему веротерпимости на примере взаимоотношений иудаизма, христианства и ислама в средневековом Иерусалиме и имевшая общеевроп. успех (в течение года была трижды переиздана и переведена на англ., франц. и голл. языки). Параллельно Л. работал над циклом диалогов «Эрнст и Фальк: Диалоги для масонов» (*Ernst und Falk: Gespräche für die Freimaurer*; 1-я ч. вышла в 1778, 2-я — в 1780), где изложил свой взгляд на истинный смысл и цели деятельности масонских лож. Свои философско-исторические воззрения Л. подытожил в трактате «Воспитание человеческого рода» (*Erziehung des Menschengeschlechts*), законченным в 1780 г.

Полемическое размежевание Л. с христ. богословием протекало на фоне глубокого личного кризиса, связанного с крахом попытки создания семьи. В июне 1770 г. Л. завязал переписку с Евой Кёниг, вдовой Э. Кёнига, препоручившего ему перед смертью заботы о благополу-

чии жены и 4 детей. В 1771 г. состоялась их помолвка, бракосочетание же стало возможным только в окт. 1776 г., после того как брауншвейгский герцог откликнулся на многократные прошения Л. о повышении жалованья. Однако брак продлился всего 14 месяцев: в дек. 1777 г. Ева Лессинг родила сына, к-рый через сутки умер, а 10 янв. 1778 г. скончалась и она сама. Последние годы жизни Л. отмечены погруженностью в лит. и философское творчество, но вместе с тем и ощущением изоляции и одиночества, усилившимся вслед прогрессирующей потери зрения. В этом контексте своеобразное символическое значение приобрела состоявшаяся в 1780 г. беседа с Ф. Г. Якоби, в ходе к-рой Л. признался в приверженности философии *Спинозы* (это высказывание Л. послужило после его смерти поводом к «спору о пантеизме»). Л. скончался от сердечной недостаточности во время посещения друзей в Брауншвейге.

Религиозно-философское учение. Подобно типичным представителям позднего нем. Просвещения И. Канту и И. Г. Гердеру, Л., разделяя базовые принципы просветительской программы, последовательно критиковал узкий рационализм ранних просветителей и тем самым подготовил почву для формирования романтизма и нем. спекулятивного идеализма.

Специфика религ. воззрений Л. определяется сознательно взятой им на себя ролью посредника в диалоге между разумом, трактуемым в духе Просвещения, и традицией (историческим документом, авторитетным преданием, религ. откровением). Острые полемики Л. всегда направлено одновременно против рациональной теологии вольфианского образца (см. ст. *Вольф Христиан*), игнорирующей букву исторического свидетельства, и против некритического догматизма позитивных религий («Христианство разума» (*Christenthum der Vernunft. 1751–1753*), «О действительности вещей вне Бога» (*Über die Wirklichkeit der Dinge außer Gott. 1763*), «Религия Христа» (*Die Religion Christi. 1780*)). В соответствии с этой установкой религиозно-философские размышления Л. чаще всего развертываются в 2 регистрах — как текстологическая и историческая критика и как рационально-логическое построение.

Через все творчество Л. проходит лейтмотив противопоставления естественной религии, ориентированной прежде всего на правила и нормы действия, и позитивной религии, основанной на содержательных вероучительных догматах. Уже в раннем соч. «Мысли о гернгутерах» (*GEDanken über die Herrnhuter*. 1750) Л. рассматривал историю христ. религии как процесс постепенного углубления разрыва между действием и умозрением: если в период утверждения *католицизма* «деятельное христианство день ото дня становилось все слабее, тогда как созерцательное между тем благодаря фантастическим наитиям и человеческим расширениям достигло таких высот, каких не достигало еще ни одно суеверие» (*Werke*. 1972. Bd. 3. S. 667), то в посл. разум, ставший орудием борьбы с суеверием, увлек человечество «на иной, ложный путь, который хотя и в меньшей степени уводит от истины, но зато в тем большей мере препятствует исполнению обязанностей христианина» (*Ibid.* S. 687).

В посмертно опубликованном фрагменте 50–60-х гг. XVIII в. «О возникновении богооткровенной религии» (*Über die Entstehung der geoffenbarten Religion*) это противопоставление выдвигается в качестве основного принципа истолкования догматических положений различных мировых религий: «Как скоро почли за благо сделать религию общей, то вынуждены были прийти к согласию в отношении известных вещей и понятий и придать этим вещам и понятиям, ставшим предметом соглашения, важность и необходимость, которую естественно познанные религиозные истины имели сами по себе», вслед чего «из религии природы, которую людям невозможно было практиковать единообразно, пришлось создать позитивную религию, подобно тому как на основе естественного права по той же причине пришлось создать позитивное право» (*Werke*. 1979. Bd. 8. S. 282). Отсюда, согласно Л., следует, что «все позитивные или богооткровенные религии равно истинны и равно ложны. Равно истинны: поскольку повсюду было равно необходимо условиться о различных вещах, дабы произвести согласие и единение в публичной религии. Равно ложны: ибо то, относительно чего условились, не столько пребывает наряду с существенным, сколько ослабляет и вытесняет это суще-

ственное» (*Ibid.* S. 283). Художественной иллюстрацией этого тезиса стала притча о кольцах, вложенная Л. в уста главного героя драматической поэмы «Натан Мудрый».

Общая установка на разграничение содержаний, принадлежащих к естественной религии, и исторически возникших догматических положений отдельных религий лежит в основе полемической стратегии Л. в споре вокруг «Фрагментов неизвестного». В отличие от Реймаруса, к-рый, указывая на противоречия библейского повествования, целиком отказывал ему в к.-л. богооткровенном содержании, и от Гёце, который, последовательно защищая принцип *sola scriptura*, настаивал на богооткровенном значении каждого слова библейского текста, Л. в ходе полемики, ссылаясь на противопоставление буквы и духа у ап. Павла (2 Кор 3. 6), подчеркивал, что Библия «хотя и содержит откровение, но не есть оно само» (*Werke*. 1979. Bd. 8. S. 164), так что, «даже если бы мы оказались не в состоянии отринуть те возражения против Библии, о коих столь печется разум, религия осталась бы непоколебленной и неомраченной в сердцах тех христиан, которые обрели ее существенные истины во внутреннем чувстве» (*Ibid.* S. 122).

Применительно к НЗ разделение естественной и исторической религии приобретает у позднего Л. вид прямого противопоставления «религии Христа» «христианской религии»: «Религия Христа есть та, которую Он Сам как человек исповедовал и практиковал; которую всякий человек может с Ним разделить», тогда как «христианская религия есть та религия, которая принимает за истину, что Он был более чем человек, и в качестве такового делает Его Самым предметом почитания» (*Ibid.* 1976. Bd. 7. S. 711). Отсюда Л. заключает, что «учения и основоположения обеих едва ли можно отыскать в одной книге» или во всяком случае что «религия Христа содержится у евангелистов совершенно иным образом, нежели христианская» (*Ibid.* S. 712). Вслед за И. З. *Землером* Л. полагал, что христианство как естественная религия значительно древнее Библии; что писания НЗ и весь канон постепенно возникли на основе устной традиции, а источником вероучения в древней Церкви было не Писание, а практические правила

веры. В ст. «Новая гипотеза о евангелистах, рассматриваемых лишь в качестве человеческих историкописателей» (*Neue Hypothese über die Evangelisten als bloß menschliche Geschichtsschreiber betrachtet*. 1778) Л. допускал возможность существования арам. протоевангелия как источника для синоптических Евангелий, к-рое, по его предположениям, приближалось по содержанию к якобы имевшемуся еще во времена блж. *Иеронима Стридонского* «Евангелию евреев».

Во взаимодействии естественной и позитивной религии Л. видел ключ к пониманию истории, которую рассматривал как процесс воспитания человечества Божественным Провидением. В трактате «Воспитание человеческого рода» Л., исходя из положения, что «откровение не дает человеческому роду ничего сверх того, к чему человеческий разум, предоставленный самому себе, не пришел бы и сам, но оно дало и дает ему важнейшие моменты такого постижения раньше», рассматривал развитие религ. представлений от первоначального монотеизма через языческое многобожие, иудаизм и различные формы христианства (включая Реформацию) как последовательные ступени исторического раскрытия истин естественной религии в ходе осуществления божественного плана постепенного воспитания в человеке разумности и терпимости: сначала эти истины были постепенно открыты через пророков избранному народу Израиля, а затем через Христа всему человечеству. В понимании миссии Христа Л. исходил из убеждения, что «был ли Христос более чем человеком — это проблема», тогда как то, «что Он, если вообще был, был истинным человеком и никогда не переставал быть человеком — это вопрос решенный» (*Werke*. 1976. Bd. 7. S. 711). Главным содержанием новозаветного откровения Л. считал учение о бессмертии души (полностью отсутствовавшее, по его мнению, в ВЗ), а Христа — «первым практическим учителем бессмертия души, который внушал доверие» (*Ibid.* 1979. Bd. 8. S. 502).

Воздерживаясь от определенного суждения о действительности совершенных Спасителем чудес или Его воскресения из мертвых, Л. подчеркивал, что признание истинности Его учения совершенно не зависит

от решения этих вопросов (Ibid. S. 503). Совр. человечество, по мысли Л., все еще не достигло меры разумности и нравственности, указанной в НЗ: религ. таинства не постигнуты разумом, а евангельская заповедь любви остается неисполненной. Когда это произойдет, НЗ, подобно ВЗ, устареет, и будет явлено новое, возможно, вечное евангелие. Рассматривая процесс морально-религ. совершенствования отдельных людей как повторение истории человечества, Л. склоняется к признанию предсуществования душ (см. в ст. *Душа*) и *метемпсихоза*: «Тот путь, которым человеческий род движется к своему совершенству, должен сначала пройти каждый отдельный человек... Пройти в течение одной жизни? ...Но почему бы каждому человеку не пребывать в этом мире больше одного раза?» (Ibid. S. 510; см. также: *Cyranka*. 2005).

Эстетика. Сосредоточение прежде всего на моральном содержании христ. учения оказало влияние и на эстетику Л. Вклад Л. в эстетическую теорию связан с 3 основными тематическими комплексами — вопросами поэтики лит. жанров, прежде всего теории басни и теории драмы, проблемами театральной эстетики и исследованием специфики повествовательных и изобразительных искусств («Исследования о сентиментальной или трогательной комедии» (Abhandlungen von dem weinerlichen oder rührenden Lustspiele. 1754), «Переписка о трагедии» (Briefwechsel über das Trauerspiel. 1756–1757), «Исследования [о басне]» (Abhandlungen [über die Fabel]. 1759) и др.). Свообразие эстетических воззрений Л. определено установкой на обоснование морально-воспитательного значения искусства с учетом особенностей воздействия художественного произведения на читателя или зрителя. В противоположность теоретикам франц. классицизма Л. подчеркивал аффективный характер художественного восприятия и усматривал задачу художественного творчества не в создании идеальных образов, а в культивировании аффектов, способствующих развитию добродетелей. Так, басню Л. в противоположность Лафонтену рассматривал не столько как иронический, сколько как морально-дидактический жанр: в басне «мы сводим общее моральное положение к одному особенному случаю, сообщаем этому

особенному случаю действительность и сочиняем на его основе историю, в которой это общее положение познаётся созерцательно» (Werke. 1973. Bd. 5. S. 384). В толковании аристотелевской теории катарсиса, развитом им в переписке с Николаи и Мендельсоном и в «Гамбургской драматургии», Л., полемизируя с П. Корнелем и другими франц. классицистами, усматривал секрет воздействия трагедии и ее нравственно-воспитательное значение не столько в страхе, сколько в сострадании, понимая его как основную добродетель: «Человек наиболее страдающий есть человек наилучший, наиболее расположенный ко всем общественным добродетелям, ко всем видам великодушия. Кто побуждает нас сострадать, тот делает нас лучше и добродетельнее, и трагедия, делающая первое, делает и второе, или — она делает первое, чтобы быть способной сделать второе» (Ibid. Bd. 4. S. 163; см. также: *Martinec*. 2003).

Соответственно катарсис Л. предлагал рассматривать не как очищение от аффектов в духе этики стоицизма, но как очищение самих аффектов, вызываемых драматическим действием. Аналогичным образом обосновывал Л. воспитательное значение т. н. трогательной комедии, к-рую отличал от фарса и от «слезливой комедии»: «...фарс хочет только растрогать, слезливая комедия — только растрогать; истинная комедия хочет и того и другого» (Werke. 1973. Bd. 4. S. 56).

Отстаиваемое в «Гамбургской драматургии» убеждение, что «театр должен быть школой нравственности» (Ibid. S. 239), является основой театральной эстетики Л. Поскольку задача театрального представления — одновременно изображать аффекты и вызывать их, то основание актерского мастерства лежит, согласно Л., не в искусной декламации, а в достижении естественности в интонациях речи, мимике и жестикуляции: «Всякая мораль должна идти от избытка сердца, от которого говорят уста, и не нужно, чтобы казалось, будто над нею долго думают или ею похваляются. Отсюда само собою ясно, что поучительные сентенции... следует произносить без задержки, в непрерывном потоке слов, с такой легкостью, чтобы казалось, что они не плод усилий памяти, а прямо вну-

шены говорящему наличным положением вещей» (Ibid. S. 244).

В «Лаокооне...», наиболее систематически разработанном сочинении по эстетике, Л. подверг резкой критике восходящее к Горацию и нормативное для поэтики классицизма представление о живописи как о немой поэзии («ut pictura poesis») и теоретически обосновал различие изобразительных и повествовательных искусств, опираясь на различие их композиционных принципов. В соответствии со структурными законами речевого акта и акта зрения поэзия имеет своей целью изображение последовательности действий во времени, а живопись и пластика — мгновенную фиксацию взаимного положения тел в пространстве. Отсюда Л. выводит не только запрет на повествование в живописи (несоблюдение его приводит к преобладанию аллегории) и на описание в поэзии, но и различные правила определения границ эстетически допустимого в этих видах искусств: если художник или скульптор, создающий прекрасную форму, должен избегать изображения безобразного, чтобы не вызвать отвращения, то поэту последовательный характер повествования позволяет в равной мере использовать в художественных целях как прекрасное, так и безобразное.

Влияние Л. на европ. культуру огромно. Уже в нач. XIX в. он наряду с Клопштоком, К. М. Виландом, Гердером, Ф. Шиллером и И. В. фон Гёте был возведен в ранг национального классика нем. лит-ры, а его образ как непримиримого полемиста и беспристрастного искателя истины вошел в число архетипических образов культуры Просвещения. Драматические произведения Л. поныне остаются в репертуаре мн. ведущих театров мира. Его эстетические идеи оказали мощное воздействие на формирование идеологии «Бури и натиска», на философию и эстетику раннего нем. романтизма, а теологические — на философско-религ. построения нем. спекулятивного идеализма. Работы Л. по античной пластике наряду с трудами И. И. Винкельмана сыграли решающую роль в становлении искусствознания как самостоятельной научной дисциплины. В XX в. Л., подобно другим канонизированным классикам нем. лит-ры и философии, стал предметом многообраз-

ных идеологических присвоений: в марксистской и социалистической публицистике культивировался созданный еще Ф. Мерингом образ Л. как революционера, в традиции либеральной мысли он трактовался как предшественник совр. идеалов религ. плюрализма и толерантности, а в идеологии национал-социализма — как одна из ключевых фигур в процессе осознания нем. народом своей особой исторической миссии.

В России творчество Л. стало предметом интенсивного осмысления уже в кон. XVIII в.: переложения на рус. язык басен Л. и его теория басни оказали существенное влияние на развитие этого жанра в рус. литературе, а адаптации его драм — на формирование репертуара отечественного театра. Одним из первых рус. переводчиков и интерпретаторов «Эмилии Галотти» стал Н. М. Карамзин. В XIX в. художественное и теоретическое наследие Л. высоко оценивали ведущие представители русской литературной критики и публицистики — В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, Ап. А. Григорьев, П. Д. Боборыкин. Во 2-й пол. XIX в. Е. Н. Эдельсоном и И. П. Рассадным были переведены на русский язык основные эстетические сочинения Л. — «Гамбургская драматургия» и «Лаокоон...». Значительным событием в истории русского театра 2-й пол. XIX в. стала постановка в 1870 г. «Эмилии Галотти» с М. Н. Ермоловой в главной роли.

Соч.: *Sämtliche Schriften* / Hrsg. K. Lachmann. Stuttgart, 1886–1924. 23 Bde in 24; *Werke* / Hrsg. H. G. Göpfert. Münch., 1970–1979. 8 Bde; *Werke und Briefe*: In 12 Bänden / Hrsg. W. Barner. Fr./M., 1985–2003. 12 Bde; *рус. пер.*: Собр. соч. СПб., 1904. 10 т.; Гамбургская драматургия. М.; Л., 1936; Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М., 1957; Драммы. Басни в прозе. М., 1972; Воспитание человеческого рода // Лики культуры: Альм. М., 1995. Т. 1. С. 479–500.

Лит.: *Schmidt E.* Lessing: Geschichte seines Lebens und seiner Schriften. В., 1884–1892. 2 Bde in 3; *Филитов М. М.* Лессинг: Его жизнь и лит. деятельность. СПб., 1891; *Фридендер Г.* Лессинг. М., 1957; *Rilla P.* Lessing und sein Zeitalter. В., 1959; *Wessell L. P. G. E.* Lessing's Theology. Hague, 1977; *Das Bild Lessings in der Geschichte* / Hrsg. H. G. Göpfert. Hdb., 1981; *Стадишков Г. В.* Лессинг. Л., 1987; *Lessing: Epoche-Werk-Wirkung* / Hrsg. W. Barner. Münch., 1998; *Fick M.* Lessing-Handbuch: Leben-Werk-Wirkung. Stuttg., 2000; *Martinez Th.* Lessings Theorie der Tragödienwirkung: Humanistische Tradition und aufklärerische Erkenntniskritik. Tüb., 2003; *Horsch S.* Rationalität und Toleranz: Lessings Auseinandersetzung mit dem Islam. Würzburg, 2004; *Cyrancka D.* Lessing im Reinkarnationsdiskurs: Eine Untersuch. zu Kontext und Wirkung von

G. E. Lessings Texten zur Seelenwanderung. Gött., 2005; *Coulombeau Ch.* Le philosophique chez Gotthold Ephraim Lessing: Individu et vérité. Wiesbaden, 2005; *Lessings Skandale* / Hrsg. J. Stenzel, R. Lach. Tüb., 2005; *Данилевский Р. Ю.* Г. Э. Лессинг и Россия: Из истории рус.-европ. культурной общности. СПб., 2006; *Stockhorst S.* Einführung in das Werk Gotthold Ephraim Lessings. Darmstadt, 2011; *Lessing and the German Enlightenment* / Ed. R. Robertson. Oxf., 2013; *Nisbet H. B.* Gotthold Ephraim Lessing: His Life, Works, and Thought. Oxf., 2013.

П. В. Резвых

ЛЕСТАДИАНСТВО, религиозное течение внутри *Шведской Церкви*; получило название по имени пастора Ларса Леви Лестадиуса (1800–1861). Лестадиус род. на севере Швеции, в Норрботтене. По окончании Уппсальского ун-та был ординирован в пасторы и с 1825 г. стал церковным настоятелем в Каресуандо, в швед. Заполярье, населенном преимущественно саамами и финнами. В проповедях Лестадиус критиковал пристрастие к алкоголю и др. пороки. Сначала он проповедовал на родном швед. языке, но уже через год — на южносаамском диалекте и фин. языке. Его проповеди о трезвости, призывы к покаянию и исправлению оказывали положительное влияние на местное саамское население, которое находилось под угрозой вымирания: многие прихожане Лестадиуса меняли образ жизни. Он стремился пробудить у паствы интерес к грамоте, культуре, призывал помогать бедным. Со временем проповеди Лестадиуса, отражавшие влияние пиегизма, приобрели аскетические черты, а богослужения с коллективным покаянием в грехах содержали экстатические моменты. Постепенно его сторонники обособились от остальных прихожан Шведской Церкви. С 1849 г. Лестадиус стал пробстом в Паяле (Норрботтен), где с 1853 г. по распоряжению епископа он проводил по воскресеньям одну службу для своих последователей, а вторую — для остальных прихожан. Т. о. Л. было признано Шведской Церковью в качестве внутрицерковного течения, которое с 40-х гг. XIX в. распространялось в Сев. Швеции, Финляндии, а вскоре и в США. После смерти Лестадиуса, который имел также международную известность как ботаник, составивший карту лапландской флоры, лидером движения Л. стал Юхан Рааттамаа (1811–1899).

В XIX в. появились тенденции к отделению общины лестадиан от Церкви, но лидеры движения были против, мотивируя это тем, что в Церкви сохраняется благодать. Общины лестадиан остались в лоне Шведской Церкви, хотя они значительно отличаются от остальных приходов. Шведская Церковь не препятствует деятельности лестадиан, полагая, что т. о. можно контролировать их работу в общинах. Ни одно др. внутрицерковное движение в Сев. Европе не имело таких строгих требований к своим приверженцам: осуждались нарядная одежда, украшения, женщинам запрещалось носить шляпы вместо головного платка, мужчинам — носить галстук и рубашку с воротником; не разрешалось держать цветы в доме или приносить их на похороны, хранить картины и изображения близких людей. Все новшества, которые появлялись в обиходе после смерти Лестадиуса, осуждались (в т. ч. велосипеды, кино, телевидение, совр. музыка), не признавалось регулирование деторождения, греховным считалось членство в профсоюзах, политических партиях, а также выступление против властей, данных Богом. В ранний период были известны факты жестокости пасторов по отношению к членам общины в случае нарушения ими к.-л. из многочисленных запретов.

Лестадиане не имеют общего руководства, группы от 20 до 60 чел. с проповедниками-мирянами собираются на молитвы в частных домах или в молельных домах. Вся их деятельность финансируется за счет добровольных пожертвований. На ежегодных собраниях с богослужениями (съездах) присутствуют ок. 6 тыс. участников из разных стран мира. Внутри Швеции различаются вост. лестадиане (центр в Паяле), к-рые более склонны к частичному реформированию, и консервативные, зап. лестадиане (центр в Елливаре). Свои богослужения зап. лестадиане начинают с чтения проповедей Лестадиуса, они более склонны к обособлению от Шведской Церкви, считают ее слишком светской, «обмирщенной». Социологические исследования, проводившиеся в нач. 50-х и в нач. 70-х гг. XX в., показали, что более 70% лестадиан против модернизации их религиозной практики, одновременно ими высказывались пожелания о богослужениях по заранее избранной теме, об отдельных

моленных собраниях молодежи, об участии в выборах проповедников и о желании иметь среди них больше богословов, а также об увеличении роли музыки в богослужении. Лестадияне сохранили обычай коллективного отпущения грехов, хотя традиция личной исповеди также сохранена.

Л. распространено в Финляндии (ок. 100 тыс. последователей), в США (ок. 26 тыс.) и в Норвегии (ок. 50 тыс.). Лит.: Boreman P. Laestadianismen. Stockh., 1954; Brännström O. Den laestadianska själavårdstraditionen i Sverige under 1800-talet. Uppsala, 1962; Bäckström A. Den laestadianska själavårdstraditionen: En explorative studie. Uppsala, 1971. (Religionssociologiska inst. Forskningsrapport; 84).

О. В. Чернышёва

«ЛЕСТВИЦА» — см. в ст. *Иоанн Лествичник*.

ЛЕСТВИЦА [древнерус. *лѣствица* — лестница], термин в древнерус. и старообрядческой певч. традициях.

Мог использоваться для обозначения восходящего мелодического движения. В старообрядческой редакции руководства «Указ о гласех и о строках», по-видимому основанной на невыявленном в наст. время древнерус. источнике, говорится: «Во втором гласе, и в восьмом, те же стрелы светлыя инако итьги гласом вверх, якоже на лествицу» (изд.: Певчая азбука, печатанная при Преображенском богаделенном доме. М., 1915. Л. 127–127 об.; Шабалин. 2003. С. 123). В аналогичных древнерусских руководствах сер. XVII в. типа «Первый глас и пятыи едину попевку имут» это слово не встречается (напр.: РГБ. Ф. 210. № 1. Л. 34; изд.: Шабалин. 2003. С. 115).

С сер. XVII в. известно использование термина для символического обозначения *обиходного звукоряда*. В руководстве «Сказание божественного пения» с его помощью описывается восходящее движение в раннем, 7-ступенном варианте пометного звукоряда, включающем 2 центральных тетрахорда, в к-рых совпадают самая низкая и самая высокая *пометы* — г (н) и г (в), имеющие одинаковую модальную функцию в звукоряде: «По сим убо словам (степенным пометам.— В. Г.) якоже по некоей высоковосходной лествице по степенем от нижния первыя на вторую возступаем, тако же и по прочим до высоты достигаем» (РНБ. О. XVII. 19. Л. 76–76 об., опубл.: Шабалин. 2003. С. 163).

Позднее этот термин закрепился в качестве одного из названий схематичного изображения звукоряда. В руководстве кон. XVII в. «Посем ряд всех согласий» помещен следую-

Лествица в певч. руководстве. Сер. XIX в. (РГБ. Ф. 379. № 6. Л. 6 об.)

щий комментарий к схеме в виде горки: «[С]ия литеры десять помет, имеют в себе обдержажку силу и согласие в рядовой поступке лествица» (РГБ. Ф. 379. № 19. Л. 32 (схема), 33 об. (комментарий)); опубл.: Шабалин. 2003. С. 237, 246); здесь дается уже более поздний вариант звукоряда, отражающий западноевроп. гексахордную структуру «ут — ре — ми — фа — соль — ля» с измененным набором помет. В руководстве РГБ. Ф. 379. № 6 аналогичная схема сопровождается словами: «Сия лествица утвердися, шестуый пением по ней не ленися...» (Л. 6 об., сер. XIX в.; опубл.: Шабалин. 2003. С. 247). В качестве синонимов для обозначения таких схем могут использоваться термины «горка», «холм» («В сем горовосходном холме литерная помета во всем пении ключь... Истинная известница горовозводная лествица» — РГБ. Ф. 210. № 3, сер. XIX в., надпись к крюковой строке с пометами в восходящем и нисходящем движении; опубл.: Шабалин. 2003. С. 245) или «скала» («Скала, или лествица» — РГБ. Ф. 379. № 11. Л. 11, 1835 г.— «Грамматика певчая старознаменного песнопения»; ср. аналогичный итал. термин *scala musicale*).

Н. П. Дилецкий в «Идее грамматики мусикийской» (посл. четв. XVII в.) обозначил этим термином

5-линейную нотную строку: «Посем уже покажи сия на лествице, иже есть пять линий» (цит. по изд.: Словарь рус. языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 214).

Лит.: Шабалин Д. С. Певческие азбуки Древней Руси: Тексты. Краснодар, 2003. (Мат-лы и исслед. по древнерус. музыке; 1); он же. Древнерусская муз. энциклопедия. Краснодар, 2007. (Мат-лы и исслед. по древнерус. музыке; 3–4).

В. Ю. Григорьева

ЛЕТОПИСАНИЕ, важнейшая форма древнерусской историографии. Летописями называют тексты, содержащие описание исторических событий, организованное по годам. Как правило, большая часть летописи состоит из погодных статей, начинающихся обозначением года («В лето...») и продолжающихся сообщениями о событиях, нередко отделенных друг от друга оборотами типа «в то же лето» или «той же зимы». Эти сообщения могут быть как краткими, только называющими то или иное событие, так и пространными, детализированными повествованиями. Иногда в текст погодных статей помещались документы, чуждые Л. в жанровом отношении (договоры Руси с Византией X в., «Русская Правда», «Поучение» блгв. кн. Киевского Владимира (Василия) Всеволодовича Мономаха, жизнеописания св. блгв. кн. Владимирского Александра Ярославича Невского, св. блгв. кн. Псковского Довмонта (Тимофея), блгв. кн. Московского и Владимирского Димитрия Иоанновича Донского, перечни князей и церковных иерархов и др. Для многих летописей характерны «пустые годы», т. е. обозначения годов без последующего текста. В начале летописных памятников обычно помещали вводный текст, не имеющий погодной разбивки. Погодная структура нехарактерна только для т. н. Галицко-Волынской летописи XIII в., а также для предполагаемых древнейших памятников рус. историографии кон. X или, скорее, XI в.

Все сохранившиеся до наст. времени памятники Л. так или иначе взаимосвязаны и имеют сложную картину сходств и различий. Тексты могут дословно совпадать на мн. страницах повествования, однако затем могут совершенно расходиться. В совпадающей части они могут различаться в отдельных деталях, наличием или отсутствием к-л. известий, степенью подробности, да-

тировками и т. д. Это обусловлено самой природой Л. Летописцы могли продолжать тексты, созданные их предшественниками, записями за новые годы, могли редактировать их, соединять разные тексты в один (создавать т. н. своды), исправлять отдельные детали (в т. ч. посредством выскабливания и т. п.).

Имена большинства книжников, участвовавших в этой работе, неизвестны. Так, в источниках XI–XIV вв. поименно названы только 4 летописца (монахи прп. *Нестор* Киево-Печерский и Лаврентий, игум. *Сильвестр*, пономарь Тимофей). Др. имена летописцев (прп. *Никон* Киево-Печерский, свящ. *Герман Воята*, иером. *Кирик*, игумены *Поликарп* и *Моисей*, боярин Петр Бориславич

городе), поставлении церковных иерархов, строительстве, поновлении и росписи церквей, об основании мон-рей, о необычных природных явлениях, знамениях и бедствиях (пожарах, голодных годах, эпидемиях и т. п. событиях), и мн. др.

Не вполне ясно, как древнерусские книжники и их патроны представляли себе цели Л. Прямые свидетельства на этот счет отсутствуют (кроме, пожалуй, известия ряда летописей о том, что в 1432 кн. Юрий Дмитриевич доказывал в Орде свои права на великое княжение «летописцы старыми списки и духовною отца своего»). В качестве гипотез предполагались задачи политико-идеологические (обоснование прав на власть, прославление династии и т. п.), политико-юридические (фиксация прецедентов), церковные (запись дней смер-

Прп. *Нестор* Летописец.
Миниатюра
из Радзивилловской летописи.
Ок. 1487 г.
(БАН. 34.5.30. Л. 93)

и др.) были предложены исследователями в результате разработок гипотез с разной степенью уверенности, выдвинутых учеными. Известен ряд имен летописцев более позднего времени, как названных в источниках, так и предполагаемых. Наряду с непосредственными авторами летописных записей большое значение имел патрон (заказчик) летописной работы. Это могли быть митрополиты, (архи)епископы, князья и, вероятно, настоятели мон-рей. Начиная с XV в. есть основания говорить и о частной инициативе, напр. отдельных монахов, в составлении летописей. Местом ведения летописей, как правило, были кафедральные соборы (как в Новгороде и, вероятно, в Ростове) или мон-ри (напр., Киево-Печерский, см. *Киево-Печерская лавра*).

Летописи включают сообщения о событиях самого разного рода: о сменах князей, смертях, рождениях и браках членов княжеского рода, междоусобицах, городских волнениях, княжеских преступлениях и т. п., о войнах с иноплемениками, сменах посадников и тысяцких (в Нов-

ти или основания церквей для последующих служб и т. п.), эсхатологические (запись деяний людей для Страшного Суда [И. Н. Данилевский]) и др. Говоря о функциях раннего Л., важно иметь в виду, что нет сведений о тиражировании этих текстов (и, следов., о сколько-нибудь широком круге их читателей), скорее всего они имелись в одном экземпляре в соборных церквях или крупных мон-рях. Вероятно, переработка летописного текста не всегда подразумевала его переписку: книжники могли заменять отдельные тетради, вставлять листы и т. п. С XV в., когда переработка и копирование летописей приобрели большие масштабы, есть основания говорить о росте политического значения и тенденциозности летописей.

Все ранние летописи написаны на церковнослав. языке со значительным элементом живой восточнослав. речи (по В. М. Живову, гибридный церковнослав. язык). При этом язык конкретных летописцев может довольно существенно различаться (в т. ч. и по признаку использования восточнославянизмов, диалектизмов и др.), что дает основания для лингвистической стратификации летописей.

В Л. использовалось летосчисление от Сотворения мира (С. М.), как правило, к-польская эра, для к-рой дистанция от С. М. до Р. Х. составляет 5508 лет (см. в ст. *Хронология*). Летописцы XI–XIV вв. чаще всего считали, что год начинается весной (1 марта или в начале Великого поста), однако иногда — на полгода позже, а иногда — на полгода раньше визант. сентябрьского года (т. н. мартовский и ултрамартовский стили). Из-за несовпадения в определении, когда наступает новолетие, между летописями имеется немало расхождений в датировке событий, которые в летописях часто указывались не только по году от С. М., но и по месяцам и числам юлианского календаря по церковным праздникам, дням недели и даже иногда по времени суток. Нередким было указание на *индикт*.

Хотя Л. началось на Руси в XI в., сохранившиеся рукописи датируются временем не ранее XIII в. Известны всего 2 кодекса с летописями на пергамене (Синодальный список Новгородской I летописи XIII–XIV вв. и Лаврентьевская летопись 1377 г.; еще один пергаменный кодекс, Троицкая летопись нач. XV в., сгорел в московском пожаре 1812 г.), множество других являются бумажными. Из бумажных рукописей свыше 20 датированы XV или рубежом XV и XVI вв., остальные — более поздним временем. Иллюстрированные кодексы представлены Радзивилловской летописью (ок. 1487), *Лицевым летописным сводом* (60–70-е гг. XVI в.) и нек-рыми памятниками XVII в.

Как правило, «летописями» (Ипатьевская летопись, Новгородская I летопись и т. д.) называют группы близкородственных кодексов, содержащих приблизительно один и тот же текст, иногда с разным окончанием. «Списками» (напр., Ипатьевский список Ипатьевской летописи) называют конкретные кодексы, принадлежащие к этим группам, «изводами» — подгруппы этих списков (напр., Новгородская I летопись старшего и младшего изводов). В случае, если какая-то летопись представлена всего одним списком, она может называться и «летопись» и «список» (напр., Лаврентьевская летопись = Лаврентьевский список). Названия летописей и списков, принятые в науке, равно как и группировка списков в летописи, сложились исторически

и не всегда отражают реальное содержание и соотношение текстов (напр., Ипатьевская летопись названа так потому, что ее древнейший список обнаружен в костромском *Ипатьевском во имя Св. Троицы мужском монастыре*, но ее текст не имеет никакого отношения к Костроме; Новгородская IV летопись древнее, чем Новгородские II и III летописи; различия между старшим и младшим изводами Новгородской I летописи, скорее заставляют считать их разными памятниками; и т. д.). Кроме названий реально сохранившихся текстов в лит-ре фигурируют наименования не существующих в оригинале, а реконструируемых памятников Л. (напр., «Повесть временных лет», Начальный свод, Свод 1212 г., Новгородская владычная летопись и др.). Слово «свод», подчеркивающее компилятивный характер большинства памятников Л., может использоваться по отношению как к реконструируемым текстам (напр., Начальный свод), так и к реально сохранившимся (напр., Ипатьевский свод = Ипатьевская летопись).

Л. XI–XIV вв. представлено следующими памятниками.

Лаврентьевская летопись известна в единственном списке (РНБ. Ф.п.IV.2), написанном в 1377 г. мон. Лаврентием и еще 2 писцами, вероятно, в Н. Новгороде. Отражает Л. Киева (в части до сер. XII в.), Пере-

Бликий к ним текст с описанием событий только до нач. XIII в. содержат еще 3 памятника. Радзивилловская летопись (БАН. 34.5.30, создана ок. 1487 на территории *Литовского великого княжества*) доводит изложение до 1206 г. Это древнейший сохранившийся иллюстрированный летописный кодекс: рукопись содержит 618 миниатюр, частично, как предполагается, воспроизводящих миниатюры утраченного протографа нач. XIII в. Московско-Академическая летопись (РГБ. Ф. 173.I.236) — рукопись кон. XV в., представляющая собой почти механическое соединение 3 памятников: до статьи 1206 г. она совпадает с Радзивилловской (и даже может быть названа ее Академическим списком); статьи 1205–1238 гг. совпадают с Софийской I летописью; текст за 1239–1419 гг. содержит краткую ростовскую летопись, в части за XIII в. родственную Лаврентьевской. Летописец Переяславля-Суздальского сохранился в 2 списках до 60-х гг. XV в. (РГАДА. Ф. 181. № 279/685; БАН. 45.11.16), из к-рых только 1-й содержит полный текст памятника до 1214 г. Статьи 1138–1206 гг. близки к Радзивилловской летописи; текст за 1206–1214 гг. оригинальный.

Под именем Ипатьевской летописи известна группа близкородственных списков, древнейший из к-рых (Ипатьевский, БАН. 16.4.4) написан ок. 1418 г., а 2-й по древности (Хлебниковский, РНБ. F.IV.230) — в 50–60-х гг. XVI в. (другие,

*Лаврентьевская летопись.
Начальный разворот. 1377 г.
(РНБ. F.IV.2. Л. 1 об. — 2)*

еще более поздние списки близки к Хлебниковскому). Текст Ипатьевской летописи до кон.

XII в. отражает киевское Л., а текст за 1201–1292 гг. — Л. Галицко-Волынской Руси.

Понятие «Новгородская I летопись» включает как старший извод — пергаменный Синодальный список (ГИМ. Син. 786; его 1-я ч. написана ок. 1234, 2-я — ок. 1330, также имеются приписки разными почерками о событиях 1330–1352 гг.; тетради с текстом до 1016 г. утрачены), так и младший извод: группу списков, древнейшие из которых — Комиссионный (СПбФИИ. Ф. 11. № 240)

и Академический (БАН. 17.8.36) — датируются сер. XV в. (кроме того, есть неск. списков XVIII–XIX вв., восходящих к Академическому, а также Троицкий список 60-х гг. XVI в., РГБ. Ф. 173. IV. № 54, содержащий только текст до 1015 г.). Оба извода содержат почти идентичный текст новгородской летописи, отражающий события кон. XI — нач. XIV в., однако изводы различаются в части за XI в. Младший извод имеет продолжение о событиях XIV — 1-й пол. XV в. Ряд уникальных известий за XI и XIV вв. содержат также новгородско-софийские летописи, в целом представляющие сводческую работу уже XV в.

Три памятника содержат тверское Л. с кон. XIII в. и на протяжении всего XIV в.: Рогожский летописец — свод, сохранившийся в единственной рукописи 2-й четв. XV в. (РГБ. Ф. 247. № 253); Тверской сборник (Тв.), известный в 3 списках XVII в. (к Твери имеет отношение только текст с 1284 г.; более ранние статьи восходят к ростовскому своду 1534 г., который в свою очередь имел источники, близкие к новгородским и новгородско-софийским летописям), а также тверской летописный фрагмент за 1314–1344 гг., обнаруженный А. Н. *Насоновым* в рукописи XVII в. (ГИМ. Муз. № 1473).

История Л. XI–XV вв. во многих моментах может быть уверенно реконструирована на основе сравнительно-текстологического метода, анализа вставок, дублировок и внутренних т. н. швов, выявления языковой гетерогенности и др. методов. В то же время остается немало дискуссионных или не вполне проясненных вопросов.

Важнейшие из наиболее ранних сохранившихся летописных кодексов (Лаврентьевский, Радзивилловский, Московско-Академический, Ипатьевский, Хлебниковский) в части до 10-х гг. XII в. содержат почти идентичный текст, начинающийся словами: «Се повести времянных лет...» и получивший поэтому в науке название «Повесть временных лет» (ПВЛ). Этот свод состоит из обширной недатированной части (рассказывающей о расселении народов после потопа, географии Вост. Европы, происхождении Киева, визите св. ап. *Андрея Первозванного* на Русь и др.) и погодных статей с 852 (6360) г. по 10-е гг. XII в. (конкретный момент, когда заканчивается ПВЛ и начи-

яславля-Южного (частично в тексте за XII в.) и Владимиро-Суздальской Руси (с сер. XII в.). К ней текстуально близка Троицкая летопись, доведившая изложение до 1408 г. и отражавшая в части за XIV — нач. XV в. Л. Москвы, Твери и других городов. Она сгорела в московском пожаре 1812 г., однако ее текст может быть с высокой степенью уверенности реконструирован на основе выписок Н. М. *Карамзина* из готовившегося в нач. XIX в. издания и др. источников.

наются ее продолжения, является предметом дискуссии). Статьи ПВЛ за IX–X вв., очевидно, написаны ретроспективно, на основании устной традиции и визант. источников — прежде всего слав. перевода хроники *Георгия Амартола* с продолжением, а также подлинных договоров Руси с Византией, текст к-рых помещен в ПВЛ под 907, 911 (весьма вероятно, в этих 2 статьях помещены фрагменты одного и того же договора), 943 и 972 гг. С 1-й пол. XI в., наоборот, в ПВЛ появляются сообщения о событиях (часто лаконичные), точность датировки к-рых подтверждается зарубежными источниками. Следов., в это время в Киеве уже велись летописные записи, возможно в форме кратких анналов. С 60-х гг. XI в. в ПВЛ начинают регулярно встречаться т. н. дневные даты, а под одним годом содержатся сообщения о событиях, друг с другом никак не связанных, — то и другое характерно для летописей, пополняющихся из года в год, т. е. во 2-й пол. XI в. в Киеве уже велось полноценное Л.

Существует т. зр., согласно к-рой ПВЛ 10-х гг. XII в. является 1-м пространственным памятником древнерус. историографии, ей предшествовали только краткие записи (Т. Л. Вилкул, А. П. Толочко, В. Ю. Аристов). Однако значительная часть ученых (начиная с А. А. Шахматова, в совр. историографии — А. А. Гиппиус, С. М. Михеев и др.) полагают, что при анализе ПВЛ могут быть гипотетически выявлены более ранние этапы летописной работы.

Так, большинство ученых считают, что у истоков рус. историографии стоял какой-то пространственный, не разделенный на годы текст о древнейшей истории Руси (Древнейший свод, Древнейшее сказание, «нарративное ядро»). Ученые по-разному датируют этот памятник — 90-ми гг. X в., 10-ми, 30-ми или 60-ми гг. XI в. и определяют его содержание. Во 2-й пол. XI в. в Киево-Печерском мон-ре этот памятник был, по-видимому, соединен с ведшимися на протяжении XI в. краткими анналами, в результате чего сформировался летописный жанр в известной в наст. время форме.

Конкретная история Л. 2-й пол. XI — нач. XII в. тоже составляет предмет дискуссий. Шахматов в работах кон. XIX — нач. XX в. предложил реконструкцию древнейших этапов Л., ключевым моментом которой стал т. н. Начальный свод —

киево-печерский памятник 90-х гг. XI в. Согласно Шахматову, в составе Новгородской I летописи младшего извода (списки сер. XV в. и позже) сохранился текст за IX — нач. XI в., более ранний, чем «классическая» ПВЛ. В этом тексте отсутствует ряд фрагментов ПВЛ, заведомо известных как вставные (напр., рассказ о 4-й мести св. равноап. кнг. *Ольги (Елены)*), нет договоров Руси с Византией, части цитат из хроники *Георгия Амартола* и др. Эту гипотезу Шахматова поддерживает значительная часть ученых (О. В. Творогов, А. А. Гиппиус, А. Тимберлейк, П. С. Стефанович и др.), другие же настаивают на вторичности текста Новгородской I летописи в сравнении с ПВЛ (В. М. Истрин, С. А. Бугославский, Д. Островский, Вилкул и др.).

Кроме Начального свода 90-х гг. XI в. восстанавливается еще один, более ранний этап киево-печерского Л. — свод 70-х гг. XI в., часто атрибутируемый прп. Никону Печерскому. Не исключено, что именно Никон соединил Древнейшее сказание с краткими анналами, впервые создав развернутую погодную летопись. Иногда исследователями реконструируется еще один, более ранний этап Л.: по Шахматову, новгородский свод ок. 1050 г.; по Гиппиусу, киевский свод ок. 1060 г.

Нет ясности и с процессом составления ПВЛ в 10-х гг. XI в. В части списков ПВЛ содержится запись игумена *киевского Выдубицкого во имя арх. Михаила мужского монастыря* свт. *Сильвестра* (впосл. епископ Переяславский) о написании им летописи в 1116 г. В то же время, судя по содержанию, ПВЛ в своей основе сложилась в Киево-Печерском мон-ре. Киево-печерская традиция, отразившаяся в *Киево-Печерском патерике*, а также в *Хлебниковском списке* (XVI в.), приписывает создание ПВЛ монаху Печерского мон-ря прп. Нестору. Большинство ученых полагают, что Нестор был составителем ПВЛ, а Сильвестр — переписчиком или создателем 2-й редакции (соответственно, ПВЛ была создана в 1113 или 1115 г., а рукопись/редакция Сильвестра — в 1116 г.). Есть, однако, т. зр., согласно к-рой единственным автором ПВЛ был Сильвестр. Текст ПВЛ по Ипатьевскому и Хлебниковскому спискам имеет ряд особенностей в сравнении с др. кодексами (дополнительные

известия, др. редакция нек-рых сообщений, напр. рассказа о призвании варягов). По мнению мн. ученых, в Ипатьевском и Хлебниковском списках отразилась еще одна, 3-я, редакция ПВЛ (ок. 1118); др. исследователи отрицают наличие особой 3-й редакции.

Л. Юж. Руси XII в. (после окончания ПВЛ) отразила т. н. Киевская летопись — текст Ипатьевской летописи за 10–90-е гг. XII в. В окончательном виде Киевская летопись представляет собой обширный свод кон. XII или нач. XIII в., содержащий наиболее объемные в раннем Л. повествования о военно-политических событиях и дающий представление о значительном круге чтения его составителя, к-рый цитирует многочисленных переводные памятники — сочинения *Иосифа Флавия*, *Иоанна Малалы* и др. В составлении этого свода, вероятно, принимал участие выдубицкий игум. Моисей. Среди источников Киевской летописи были летописные записи не только Киева, но и др. городов — Переяславля-Южного, Чернигова, Галича, а также городов Владимиро-Суздальской Руси. Сравнение текста за XII в. в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях обнаруживает значительные совпадения, к-рые обусловлены использованием как южнорус. (переяславской) летописи во Владимиро-Суздальской Руси, так и, наоборот, владимирского материала в Киевской летописи. При этом в ряде случаев Лаврентьевская летопись передает более ранние чтения, нежели Ипатьевская. По-видимому, напрямую к Киевскому своду кон. XII — нач. XIII в. восходит Московский свод кон. XV в., в к-ром сохранился ряд известий, выброшенных в Ипатьевской летописи. Киевская летопись доводит изложение до 1200 г., однако нек-рые ученые в др. летописях усматривают остатки киевского Л. за 1-ю треть XIII в.

Галицко-Волынская летопись (текст Ипатьевской летописи за 1201–1292 гг.; в действительности 1-е события, описанные в этой части, относятся к 1205) состоит из 2 частей: галицкой (до 1258) и волынской (1259–1292). Этот текст в отличие от других летописей в оригинале не был разбит на погодные статьи (в таком виде он дошел до настоящего времени в Хлебниковском списке, в Ипатьевском — явно вторичная, искусственно сделанная

годовая сетка). Повествование Галицко-Волынской летописи отличается связностью, сюжетностью, вниманием к фигурам конкретных князей, что дало повод рассматривать этот памятник как серию княжеских биографий. Как и в Киевской летописи, в Галицко-Волынской имеется целый ряд заимствований из переводных исторических сочинений. При этом, в отличие от большинства других летописей, здесь нет систематических сведений по церковной истории. Не исключено, что оригинал памятника имел миниатюры. Фрагменты более раннего галицкого Л. (XII в.) вошли в состав Киевской летописи.

В Новгороде летописные записи делались уже с сер. XI в., но скорее всего это были лишь краткие заметки, сохранившиеся в Синодальном списке Новгородской I летописи (ср., однако, гипотезу Шахматова о новгородском своде сер. XI в., отразившемся в целом ряде памятников, включая ПВЛ). Первый новгородский свод, соединивший киевский материал с местным, может быть датирован 90-ми гг. XI в. или 10-ми гг. XII в. (Т. В. Гимон). С сер. 10-х гг. XII в. в Новгороде начали систематически, из года в год вести летопись, пополнявшуюся до XV в. (ее оригинал до нас не дошел, но к ней восходят оба извода Новгородской I летописи, а также летописи новгородско-софийской группы). Лингвистический анализ памятников новгородского Л. выявил моменты смены пополнявших эту летопись авторов (Гиппиус). Эти моменты в большинстве случаев совпадают со сменами новгородских (архи)епископов, что позволяет говорить о данном памятнике как о новгородской владычной летописи (впрочем, не исключено, что первое время, в 1115–1132, патроном летописца был князь). Весьма вероятно, что летописцем архиеп. Нифонта (статьи 1132–1156 гг.) был иером. Кирик, а летописцем свт. Новгородского *Иоанна (Илши)* (статьи 1164–1186 гг.), отредактировавшим начальную часть летописи, — свящ. Герман Воята. Пример пономаря Тимофея (XIII в.) показывает, что один человек, будучи клириком приходской церкви Новгорода, мог заниматься перепиской богослужебных книг на заказ и одновременно исполнять обязанности архиепископского секретаря, пополняя летопись и составляя официальные

документы. Новгородское Л. XII–XIV вв. отличается лаконичностью, вниманием к местным, городским делам (внутренние конфликты, смены посадников и тысяцких, пожары, строительство церквей и др.), а также к природным явлениям. Л. XIII в. более пространное и лит. обработанное, чем Л. XII и XIV вв. Со 2-й четв. XIV в. (Л. свт. Василия Калики) новгородская владычная летопись начинает чаще интересоваться событиями за пределами Новгородской земли. Высказывались гипотезы о том, что Л. велось в Новгороде не только в соборном храме Св. Софии, но и в др. церквях и монастырях Новгорода и его окрестностей. Однако имеется только 2 примера. Во-первых, это Синодальный список Новгородской I летописи, представляющий собой копию владычной летописи, сделанную для *Юрьева новгородского мужского монастыря* ок. 1234 г., пополненную по той же владычной летописи ок. 1330 г., а в 1330–1352 гг. получившую ряд приписок разными почерками о текущих событиях. Во-вторых, записи в рукописи Студийского устава кон. XII в. (ГИМ. Син. 330), которые представляют собой выписки из владычной летописи, касающиеся Благовещенского на Мячине монастыря. Т. о., в обоих случаях перед нами не самостоятельные летописи, а копия владычной летописи и выписки из нее, сделанные для нужд конкретных монастырей.

С XIII в. летописные записи стали делать в Пскове. В XIV в. псковское Л. приобрело более регулярный характер. По содержанию псковские летописи сходны с новгородскими: их отличают деловой стиль, интерес к городским событиям, строительству, природным явлениям, а также к взаимоотношениям Пскова с Ливонским орденом, Новгородом и Литвой. Центром Л. был Троицкий собор. Материалы псковского Л. XIII–XIV вв. сохранились в переработанном виде: в составе псковских сводов с сер. XV в., а также в т. н. новгородско-софийских летописях.

Л. Сев.-Вост. Руси началось в сер. XII в. и отразилось в Лаврентьевской, Радзивиловской, Московско-Академической летописях, Летописце Переяславля-Суздальского, Московском своде кон. XV в. и др. Местом ведения летописи в XII–XIII вв. были Владимир и/или Ростов. Традиционно патронами Л. считаются

вел. князья Владимирские, однако в последние годы получен ряд данных о связи Л. с Ростовской епископской кафедрой. Тем не менее северо-вост. Л. отличается от новгородского особым вниманием к деятельности князей, а не к жизни одного из городов. К нач. XIII в. относится составление Владимирского великокняжеского свода, иллюстрации которого предположительно были использованы художниками Радзивиловской летописи. С кон. XIII в. Л. начинается в Твери (отразилось также в заключительных статьях Лаврентьевской летописи), а с XIV в. — в Москве (дошло гл. обр. в Троицкой летописи).

Л. XV в. Для этого времени характерны объединительные тенденции в рус. княжествах и соответственно обострившаяся политическая и идеологическая борьба, которая провоцировала более частый пересмотр летописных текстов, особенно в Москве и Новгороде, что также способствовало составлению общерус. сводов (т. е. таких, к-рые не ограничивали внимание историей какой-то одной земли, подобно большинству памятников XII–XIV вв.). Кроме того, это время становления книжной культуры в новых монастырях-землевладельцах (Троице-Сергиевом (см. *Троице-Сергиева лавра*), *Кирилловом Белозерском в честь Успения Пресв. Богородицы мужском монастыре* и др.), что также сказало на развитии Л. Наконец, в XV в. в широкое употребление вошел более дешевый, нежели пергамен, материал для письма — бумага, что облегчило составление новых летописных текстов.

Общерусский митрополичий свод нач. XV в., составленный в Москве и доведенный до 1408 г., отразился в Троицкой летописи. В этом своде были использованы летописные материалы из Москвы, Твери, Новгорода, Суздаля, Ростова и др. Особое внимание в своде уделялось митр. Киевскому свт. *Киприану*, вскоре после смерти которого (1406) свод был составлен. Тверская обработка этого свода (или, может быть, его протографа), охватывающая события до 1412 г., отразилась в Симеоновской и Никоновской летописях и в Рогожском летописце.

Особую группу памятников Л. составляют новгородско-софийские летописи: Новгородская Карамзинская (единственный список рубежа

XV и XVI вв., РНБ. F.IV.603, имеющий необычную структуру: летописный текст в нем разделен на 2 подборки), Софийская I (представлена старшим и младшим изводами; списки с 60–70-х гг. XV в.) и Новгородская IV (также имеющая старший и младший изводы; списки с 70-х гг. XV в.). Эти летописи отражают сводческую активность в Новгороде, Москве и, возможно, в Троице-Сергиевом мон-ре в 1-й пол. XV в. и по-разному сочетают известия, взятые из новгородского Л., из летописи типа Троицкой, а также из др. источников. В новгородско-софийских летописях впервые появляются обширные повести о *Куликовской битве*, нашествии хана *Тохтамыша*, «Слово о житии и преставлении» св. блгв. кн. Московского и Владимирского Дмитрия Донского и др. Если в Софийской I летописи доля новгородских известий сравнительно невелика, то в Новгородской Карамзинской она существенно больше, в Новгородской IV — еще значительнее. Существует 2 основные гипотезы относительно того, как соотносятся между собой новгородско-софийские летописи. Согласно первой, в их основе лежит т. н. Новгородско-Софийский свод (ученые датируют его временем от 10-х гг. XV в. до 1448 г.), к-рый вполс. по-разному редактировали в Новгороде и Москве (Шахматов, Я. С. *Лурье*, М. А. Шибяев). Согласно др. гипотезе, соотношение новгородско-софийских летописей объясняется сложнее, и, в частности, постепенное сложение этих текстов отражают 2 подборки Новгородской Карамзинской летописи, причем в 1-й представлен наиболее ранний этап сводческой работы (Г. М. Прохоров, А. Г. Бобров; при этом Прохоров считает, что новгородско-софийские летописи складывались с кон. XII в., а по более реалистичному взгляду Боброва, история их составления укладывается в 1-ю пол. XV в.). Часть ученых называют одним из этапов сложения новгородско-софийских летописей Московский свод (Полихрон) митр. Киевского свт. *Фотия* или даже отождествляют его с Новгородско-Софийским сводом (Б. М. *Клосс*). В любом случае Софийская I летопись представляет московскую ветвь новгородско-софийских летописей (и на ней основано московское Л. 2-й пол. XV в.), а Новгородская IV — новгородскую ветвь, использованную

позднее в новгородских и псковских компиляциях.

Ряд памятников отражает московское великокняжеское Л. 2-й пол. XV в., для к-рого реконструируется неск. последовательных этапов переработки. Свод нач. 70-х гг. XV в. (основанный в свою очередь на Софийской I летописи) отразился в Никаноровской, Вологодско-Пермской летописях, Летописи Лавровского и Музейском летописце (по *Лурье*); свод 1477 г. — в «Летописце русском от 72-х язык» (в Лихачёвском, Прилуцком и Уваровском списках). Свод 1479 г. сохранился в почти неизменном виде в Архивском списке кон. XVII–XVIII в. и Эрмитажном списке XVIII в., в несколько переработанном виде — в Уваровском списке XVI в.; в лит-ре называется также «Московский свод кон. XV в.». Свод 1479 г. отличается от предшествующего Л. более светским характером содержания, значительным объемом дополнительно привлеченных источников (владими́ро-суздальских, южнорусского). Составитель этого свода в изложении событий прошлого целенаправленно изменял текст источников в промосковском духе. В 80–90-х гг. XV в. московское великокняжеское Л. продолжалось. Его материалы за эти годы отразились в ряде памятников: в тексте Уваровского списка за 1479–1493 гг., в неопубликованном Лихачёвском списке «Летописца русского от 72-х язык» (Арх. СПбИИ РАН. Кол. 238 (Н. П. Лихачёва). № 365), в Погодинском и Мазуринском видах Сокращенных сводов, в Симеоновской летописи (последняя представляет собой свод рубежа XV и XVI вв.), а также в Воскресенской летописи и др. сводах XVI в.

Московское Л. 2-й пол. XV в. не сводится, по-видимому, к официальным памятникам. Так, «частной» летописью (по С. Н. Кистерёву) являлся один из источников свода 1518 г., — общего протографа Софийской II и Львовской летописей, — к-рый ученые связывают с клиром одной из кремлевских церквей.

Л. в XV в. развивалось и в др. центрах, причем некоторые летописи характеризуются независимая политическая позиция, отличавшаяся, скажем, от взгляда великокняжеских летописцев. Примером может служить Л. Ростова, по-прежнему связанное с Ростовской кафедрой. До 1419 г. ростовское Л. отразилось

в Московско-Академической летописи. Согласно О. Л. Новиковой, текст этой летописи за 1413–1419 гг. составлен уже в Москве, в резиденции ростовского владыки в Дорогомилове. К этому же памятнику восходит «Летописец русский» кон. XV в., опубликованный Насоновым по спискам ГИМ. Син. 941 и РГБ. Муз. 3841. Ростовский свод 1489 г. составил основу Типографской летописи. В этом своде обнаруживается независимая от великокняжеской власти позиция по ряду вопросов (напр., летописец осуждает репрессии в присоединенных к Москве Новгороде и Твери).

В Ермолинской летописи (доходящей до 1481 г. с приписками за 1485–1488 гг.), а также в Устюжской и Сокращенных сводах отразился (по гипотезе *Лурье*) летописный свод 70-х гг. XV в., составленный в Кирилловом Белозерском мон-ре и тоже отличавшийся независимым взглядом на ряд событий. В статьях 1462–1472 гг. Ермолинской летописи присутствуют известия о деятельности архитектора и строителя В. Д. *Ермолина*. С Кирилловым Белозерским мон-рем связывается и младший извод Софийской I летописи (60-е гг. XV в.). В составе одного из сборников известного кирилло-белозерского книжника 2-й пол. XV в. мон. Евфросина (ныне в 2 кодексах: РНБ. Кир.-Бел. 22/1099; РНБ. Погод. 1554) известен краткий «Русский летописец», к-рый нек-рые исследователи атрибутируют самому Евфросину.

В Твери Л. продолжалось до утраты независимости в 1485 г. (последовательный ряд тверских известий до этого времени сохранился в составе Тверского сборника). Л. Вологды с 70-х гг. XV в. отразилось в Вологодско-Пермской летописи. Летописные записи, делавшиеся в кон. XIV–XV в. в Вел. Устюге отразились в Устюжской (Архангелогородской) летописи. Из состава Коми-Вымской летописи (80-е гг. XVI в.) вычленяется серия известий, восходящих к пермской владычной летописи, ведшейся в Усть-Выми в кон. XIV–XV в. (вероятно, также послужила источником Вологодско-Пермской летописи).

В Новгороде в 1-й пол. XV в. Л. представлено, с одной стороны, продолжением новгородской владычной летописи (отразилось в Новгородской I летописи младшего извода),

а с другой — новгородской версией Новгородско-Софийского свода (Новгородская IV летопись), тоже созданной по инициативе архиеп. свт. *Евфимия II Вязицкого*. В сер. XV в. по его же инициативе создается Новгородская V летопись — сокращенная переработка Новгородской IV с исправлениями по Новгородской I. В 1450 г., судя по упоминанию в Новгородской II летописи (XVI в.), какой-то памятник Л. был создан в Лисицком мон-ре. К XV в. относится и несохранившийся краткий новгородский летописец, послуживший источником таких памятников, как Летопись Авраамки, Летописец еп. Павла, Рогожский летописец, Новгородская Большаковская летопись и др. Новгородское Л. кон. 40-х — 70-х гг. XV в. отразилось в Строевском и Синодальном списках Новгородской IV летописи, в Летописи Авраамки, а также в Устюжском летописце. По гипотезе Боброва, в 70-х гг. XV в. Л. перешло из ведения архиепископов в ведение коллегии посадников. После утраты Новгородом независимости (1478) Л. здесь возобновляется лишь в XVI в.

В Пскове на протяжении XV в. также вели Л., разные его слои отразились в Псковских I, II и III летописях (из них только II дошла в рукописи 80-х гг. XV в., остальные — в более поздних). В основе всех 3 памятников лежит псковский свод сер. XV в., которому было предпослано жизнеописание св. кн. Псковского Довмонта (Тимофея). В этом своде были использованы источники из Новгорода, Смоленска и др.; т. о., псковское Л. тоже приобрело общерус. характер. Уже в 1-й пол. XV в., на одном из этапов работы над новгородско-софийскими летописями, в распоряжении сводчика имелся какой-то псковский летописный текст за XIV — нач. XV в. Для 2-й пол. XV в. предположительно реконструируется ряд этапов летописной работы в Пскове.

Наряду с пространными памятниками Л. с древнейших времен известны разнообразные краткие летописчики и подобные им тексты. Так, в составе «Памяти и похвалы князю Владимиру» Иакова Мниха (XI в.) читается роспись событий времен Владимира Святого, датированных по годам его правления. Часть «Поучения» Владимира Мономаха составляет перечисление в хро-

нологическом порядке его военных и охотничьих достижений. В рукописи Студийского устава кон. XII в. (ГИМ. Син. 330) на последней, чистой странице сделано неск. выписок из новгородской владычной летописи, касающихся строительства Благовещенского мон-ря под Новгородом и смертей 2 архиепископов — его основателей. Рус. известиями, доходившими до 1278 г., в XIII в. в Ростове был продолжен славянский перевод «Летописца вскоре» патриарха Никифора (древнейшие списки в составе Кормчих книг). Известны 2 серии летописных записей на пасхалиях: 1) ок. 40 кратких записей, вписанных в клетки пасхальной таблицы в новгородской рукописи сер. XIV в. (ГИМ. Син. 325), вероятно, имевшей тверской протограф; 2) ок. 50 сообщений о событиях 2-й пол. XV в. на полях пасхалии в сборнике РГБ. 304.1.762, принадлежавшей Симеону (Сергию), протопопу московского Успенского собора, Новгородскому архиепископу, а затем монаху Троице-Сергиева мон-ря († 1495). Родственным летописям формой историописания были перечни князей, церковных иерархов, новгородских посадников и тысяцких, а также епископий и городов, читающиеся в целом ряде рукописей XV в. — чаще всего внутри летописного текста или в составе его «конвоя». Весьма вероятно, что нек-рые из этих перечней имели протографы кон. XI и/или 60-х гг. XII в. Во многих рукописях нелетописного содержания имеются приписки об отдельных исторических событиях (иногда в составе выходных записей писцов, но нередко и в виде самостоятельных «летописных» записей или серий таковых). Наконец, нек-рое количество «летописных» надписей известно среди граффити древнерус. церквей (с XI в.).

Т. В. Пимон

Л. XVI–XVIII вв. В отличие от Л. XV в. традиция XVI в. почти не знает памятников, оппозиционных по отношению к гос. власти; местное Л. продолжалось лишь в Новгороде, Пскове и Устюге, но не носило антимосковской направленности. По мнению Лурье, в XVI в. происходил относительный спад в развитии рус. Л. Д. С. *Лихачёв*, напротив, считал XVI в. расцветом Л. — в это время были созданы крупнейшие исторические компиляции (Никоновская, Воскресенская летописи, Лицевой

летописный свод). Летописи претерпели изменения: годовые статьи стали более пространными, некоторые памятники по форме сблизились с историческими повестями и трактатами, сохраняя при этом все особенности летописного жанра. По мнению Я. Г. Солодкина, в это время существовали также неофициальные (как правило, боярские) частные летописцы, к-рые не сохранились, но дошли до настоящего времени в летописях XVII в.

Софийская 1-я летопись (С1) по списку Царского (С1Ц) была создана вскоре после 1508 г. (текст доведен до этого года). С1Ц существенно отличается от др. списков С1. В ее основу была положена С1 младшей редакции. Кроме того, был привлечен Сокращенный свод кон. XV в. (близкий к Погодинскому списку), а также записи московского великокняжеского Л., доведенные до 1508 г. (Клосс). Поднимался вопрос о влиянии С1Ц на последующее рус. Л. Памятник был использован при создании Воскресенской летописи (Шахматов, В. А. Кучкин, Клосс).

Два важнейших памятника рус. исторической книжности — Львовская летопись (Львов.) и Софийская 2-я летопись (С2) — восходят к Летописному своду 1518 г. (Св.1518). Львов. представляет собой компиляцию 2 памятников: сначала следует тексту Св.1518 вплоть до его завершения, а после этого — Своду 1560 г. (Клосс). С2 совпадает с Львов. с кон. XIV в. и до 1518 г. (Шахматов). Позже было выяснено, что источником С2 и Львов. послужила одна и та же рукопись (Клосс, Лурье). Выделяют 2 редакции Св.1518: первая возникла в результате соединения Ростовского свода 1489 г. и великокняжеской летописи, доведенной до 1518 г. (сохр. в составе Уваровской летописи); вторая сложилась в результате дополнения 1-й по различным источникам, среди которых — великокняжеский Московский свод кон. XV в., Сокращенный свод 1491 г., материалы митрополичьего архива, компиляция, включавшая Ермолинскую летопись, летопись, сходную с Типографской, и С1 (Клосс). Одним из основных источников Св.1518 считается летописный свод 80-х гг. XV в., оппозиционный по отношению к Иоанну III; к этому своду восходит цепь уникальных известий в С2 и в Львов., завершающаяся на 80-х гг. XV в. Составите-

лями были книжники Успенского собора (по мнению Клосса, В. Д. Назарова), или это был летописец священника московской ц. во имя св. Иоанна Лествичника Петра-Кифы, составителя «Слова на второе перенесение мощей митрополита Петра» и «Сказания от чудес некоего лубомудреца» (как считает Кистев).
 Иоасафовская летопись (Иоасаф.) сохранилась в единственной рукописи. Она охватывает события с 1437 по 1520 г., название дано по имени владельца рукописи митр. Московского *Иоасафа (Скритицьна)*. В основе Иоасаф. лежит Московский свод кон. XV в., продолженный записями до 1520 г., к-рый был дополнен материалами церковного происхождения, в частности известиями Св.1518, рассказами о чудесах при гробницах святителей Московских *Петра* и *Алексия* и др.

Крупнейший памятник русского Л. XVI в. — Никоновская летопись (Ник.), названная по одному из списков, который принадлежал патриарху Московскому *Никону*. Этот летописный свод митр. Даниила (Клосс) охватывает события до 1520 г. Оригинал Ник. сохранился в составе рукописи М. А. Оболенского (Обол.) РГАДА. Ф. 201. № 163 (конволют). Часть этой рукописи, содержащая Ник., датируется 20–30-ми гг. XVI в. Основные источники Ник. — Симеоновская, Иоасаф. и Новгородская хронографическая летописи, протограф Владимирского летописца, тверской источник (по Клоссу — летописный свод, сходный с Рогожским летописцем и Тверским сб.); вероятно, был привлечен Св.1518, что согласуется с предположением об использовании Св.1518 при создании Иоасаф. (Насонов), Московский свод кон. XV в., Хронограф 1512 г. (С. П. Розанов), 2-й хронографический памятник, сходный с Западнорусским хронографом (Клосс). Особенность Ник. — наличие родословных росписей рядом с именами князей, близких к генеалогическим материалам, читающихся на листах 389–477 сборника БАН. Арханг. Д. 193. Некоторые известия Ник. уникальны. Источники были творчески обработаны составителями этой летописи в интересах митрополичьей кафедры, последовательно проведены идеи защиты церковного имущества и прав Церкви на собственность, а также союза

гос-ва и Церкви, дано историческое обоснование ряда вопросов, которые были предметом обсуждения на церковном Соборе 1531 г. В 50-х гг. XVI в. со списка Обол. была снята копия, дополненная по Воскресенской летописи и «Летописцу начала царства» (см. ниже), доведенному до 1556 г., рукопись (БАН. 32.14.8) получила наименование Патриаршего списка (Патр.), бытовала в церковных кругах. Обол. использована при создании Лицевого свода и Летописного свода 1560 г., а в посл. рукопись оказалась в Троице-Сергиевом монастыре, где в 30-х гг. XVII в. была использована для создания особой, Троицкой, редакции Ник. (Клосс).

Вторым по масштабам летописным памятником XVI в. считается Воскресенская летопись (Воскр.), сохранившаяся в нескольких списках: одни содержат 1-ю половину, другие — 2-ю половину текста. Полный текст Воскр. отразился в Библиотечном списке (РНБ. F.IV.239; F.IV.585) и копиях с него. Списки, содержащие половину текста произведения, восходят к несохранившемуся списку-двухтомнику (А. В. Сиринов). Основные источники Воскр. — Свод 1479 г. и С1Ц. Текст доведен до 1541 г., древнейшие списки относятся к 50-м гг. XVI в. При определении времени создания Воскр. учитывалось, что в последних статьях ее составитель симпатизирует Шуйским, к-рые имели наибольшее влияние в 1542 г., последним в перечне митрополитов назван Макарий (митрополит с 1542), а польск. кор. Сигизмунд (ум. в 1548) упоминается живым (С. А. Левина). Но в Библиотечном списке имя Макария приписано др. почерком, следов., работа велась до 19 марта 1542 г. Тексту Воскр. предшествуют 2 оглавления: в первом повествование доведено до 1533 г., во втором — до 1537 г. На этом основании выделяют 2 редакции памятника — 1533 и 1537 г. (Шахматов). Два кратких летописца (ГИМ. Син. 939 и БАН. Арханг. Д. 193), вышедшие из-под пера известного книжника 1-й трети XVI в. Михаила *Медоварцева*, отразили текст Воскр. (Сиринов). Один из них (БАН. Арханг. Д. 193) составлен в 20-х гг. XVI в., когда, следов., появилась первоначальная редакция Воскр.

В нач. 50-х гг. XVI в. был создан «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» (ЛНЦ) — произведение, оригинальное по форме и содержанию, по жанровой принадлежности сближающееся с историческими повестями. В ЛНЦ соединены документальное и хронографическое начала, для него характерно совмещение «деловой приказной речи с литературно-украшенной» (Лихачёв). Еще до обнаружения древнейших списков ЛНЦ Шахматов предположил, что повествование о событиях за 1534–1556 гг. в Патр., за 1542–1558 гг. в Обол. и за 1534–1560 гг. во Львов. заимствованы из официальной летописи. В посл. Н. Ф. Лавров обнаружил списки (происходящие из Кириллова Белозерского монастыря), содержащие ЛНЦ вне состава более крупных компиляций. А. А. Зимин установил, что это наиболее ранняя редакция ЛНЦ. Первоначально ЛНЦ описывал события до взятия Казани и возвращения царя в Москву в форме панегирика по случаю победы (С. О. Шмидт). Повествование начинается с вокняжения *Иоанна IV Васильевича* (1533). Особое внимание уделено внешнеполитическим контактам, дипломатическим отношениям, военным походам. Со временем текст был отредактирован, 2-я редакция положена в основу офици. летописца эпохи Иоанна IV (А. Е. Жуков). Вопрос о круге создателей ЛНЦ спорный: составление памятника связывали с деятельностью свт. Макария (Лавров, Насонов) или же приписывали авторство А. Ф. Адашеву (Зимин). Светский характер ЛНЦ не следует преувеличивать: значительная часть известий в его составе посвящена вопросам истории Церкви. Возможно, в его создании участвовали как светские, так и духовные лица (А. С. Усачёв). Текст ЛНЦ вошел в состав ряда летописных сборников XVI–XVII вв. и послужил источником Летописного свода 1560 г. и Лицевого летописного свода.

Летописный свод 1560 г. (Св.1560) — компиляция текстов на основе Воскр. и Ник. (Обол. и один из списков двухтомника Воскр.); другими его источниками были Св.1518 в списке, более исправном, чем тот, что использовали составители С2 и Львов., Новгородский свод 1539 г., Житие прп. Михаила Клопского и разрядные материалы семейства Колычевых (Жуков). Клосс и Жуков предположили, что Св.1560 появился при митр. сщмч. *Филиппе II (Колычеве)*,

Летописный свод 1560 г. (Св.1560) — компиляция текстов на основе Воскр. и Ник. (Обол. и один из списков двухтомника Воскр.); другими его источниками были Св.1518 в списке, более исправном, чем тот, что использовали составители С2 и Львов., Новгородский свод 1539 г., Житие прп. Михаила Клопского и разрядные материалы семейства Колычевых (Жуков). Клосс и Жуков предположили, что Св.1560 появился при митр. сщмч. *Филиппе II (Колычеве)*,

возможно в его окружении. А. Е. Пресняков обнаружил список РГАДА. МГАМИД № 11, к-рый назвал Архивским летописцем, а Насонов — список РГБ. Рум. Ф. 256. № 255 (Румянцевский летописец). Позже Клосс установил, что это один и тот же текст, совпадающий также с текстом Львов. после 1518 г.

Крупнейший памятник официального русского Л. XVI в. — Лицевой летописный свод (ЛЛС), компиляция, состоящая из 10 томов, украшенных 16 тыс. миниатюр. Первые 3 тома посвящены всемирной истории, последующие — рус. истории. Последние 2 тома (т. н. Синодальный том и Царственная книга) охватывают правление Иоанна IV. Завершается текст 1567 г. Первую публикацию во 2-й пол. XVIII в. осуществил М. М. Щербатов, обнаруживший Царственную книгу (ГИМ. Син. 149). Долгое время создание ЛЛС относили к XVII в. Но водяные знаки бумаги свидетельствуют о том, что памятник был создан в 70-х гг. XVI в., т. е. в годы правления Иоанна IV (Н. П. Лихачёв). Высказывалось мнение, что ЛЛС составляли с 1568 и до сер. 1576 г. в царской книгописной мастерской в Александровой слободе (Клосс) или же что в дек. 1576 г. была завершена только хронографическая часть памятника и активно шла работа над летописной (А. А. Амосов); существует гипотеза, что в его создании принимали участие книжники из митрополичьего или чудовского скриптория, ранее составившие Степенную книгу (Усачёв). Выявлены неск. рукописей, к-рые были непосредственными источниками памятника: «История Иудейской войны» Иосифа Флавия (В. Ф. Покровская), Обол., список Еллинского летописца 2-го вида (Клосс), Томский список Степенной книги царского родословия (Сиренов). Переписчики ЛЛС соединяли фрагменты, заимствованные из источников, практически не изменяя их текст (в этом ЛЛС сходен со Св. 1560). По поводу авторства приписок к тексту ЛЛС за период царствования Иоанна IV возникла дискуссия. Согласно одной т. зр., они были сделаны непосредственно царем (Д. Н. Альшиц). По другому мнению, приписки были сделаны лицом из окружения Иоанна IV (Шмидт). Существует также гипотеза, согласно которой приписки к Царственной книге сделал дьяк И. М. Висковатый между

1568 и 1570 гг. (Н. Е. Андреев). Одни исследователи считали содержание приписок тенденциозным (Альшиц, Шмидт), другие — достоверным (Андреев).

В 3-й четв. XVI в. составлена общерусская Холмогорская летопись (Холм.), доведенная до 1558 г. («Книга Летописец Киевский и Володимирский и Московский и всех русских князей»), впервые исследованная (в одном списке) Лурье. Более ранний список, кон. XVI в., обнаружен А. В. Лаврентьевым. В начальной части Холм. сходна с Типографской летописью; с сер. XII до кон. XIV в. — со Львов.; с кон. XIV по кон. XV в. текст сближается с Вологодско-Пермской летописью (в особой редакции, к к-рой восходит ряд уникальных известий Холм.); источниками были Сказание о князьях Владимирских, Повесть о Флорентийском Соборе Симеона Суздальского, «Просветитель» Иосифа Волоцкого, Послание Филофея Мисюрю Мунехину «на звездочетцев». Соединение источников не было механическим: компилятор выстраивал известия в хронологическом порядке, в нек-рых случаях вставлял в текст собственные комментарии, проводил своеобразный анализ фактов и пытался согласовать противоречивые сведения своих источников (Лурье). Важное место в Холм. занимают сведения по истории Русского Севера (Холмогор и Двинской земли), особенно с кон. XV в.

В XVI в. создается Тверская летопись, или Тверской сборник (Тв.), дошедший в 3 списках XVII в. Предполагают, что составитель был ростовцем. Первая часть Тв. заимствована из Ростовского свода, близкого к Ермолинской и ко Львов., в распоряжении составителя была Н1, на протяжении 6793–6883 (1285–1375) гг. текст совпадает с Рогожским летописцем. Источником Тв. и Рогожского летописца был тверской летописный свод 1375 г. в редакции 1455 г., составленной в Твери под влиянием Свода 1448 г. (Насонов), однако есть мнение (Лурье), что никакого влияния Свода 1448 г. в Тв. не обнаруживается, а сходный текст Тв. и Рогожского летописца возник под влиянием др. памятника — Свода 1408 г., отразившегося в Троицкой летописи.

В XVI в. Л. развивается и на севере России. Одним из наиболее ярких памятников местного Л. XVI в.

является Устюжская летопись (Устюж.) 1-й четв. XVI в. Она содержит местные и общерус. известия, состоит из 3 частей: с 852 по 1114 г., с 1124 по 1473 г., с 1474 по 1516 г. Устюж. сохранилась в 2 редакциях. Первая представлена списком Матеевича, обнаруженным К. Н. Сербиной (ИРЛИ (ПД). Дрелл. Оп. 23. № 134), 2-я была известна Шахматову под названием Архангелогородского летописца. В 3-й части списки Устюж. содержат большее количество расхождений, на это время приходятся наиболее важные события для устюжан, когда они активно участвовали в жизни Московского гос-ва. По мнению Сербиной, эта летопись ближе всего стоит к Сокращенному своду по Погодинскому списку; составитель Устюж. во 2-й части привлек протограф, общий с Сокращенным сводом, дополнив его общерусскими, ростовскими, новгородскими и устюжскими известиями, извлеченными из великокняжеского Московского свода XV в. и др. письменных и устных источников. Согласно Лурье, Устюж. восходит к независимому Кирилло-Белозерскому своду. В рукописи содержится ряд уникальных общерус. и новгородских известий, присутствуют особые изложения тех событий, к-рые читаются и в др. летописях. Сербина отмечала противоречивый характер Устюж.: с одной стороны, преданность устюжан вел. князьям Московским, с другой — критические замечания в адрес как великокняжеских воевод, так и самого вел. князя. Составитель во мн. случаях отмечает участие устюжан в походах вел. князей Московских против удельных князей, подчеркивает особую роль «добрых людей» Устюга, т. е., вероятно, верхушки городского посада.

Лурье считал, что новгородское Л. не продолжалось после присоединения Новгорода к Московскому гос-ву, однако позднее выяснилось, что это не так. Как показала Новикова, в 1-й пол. XVI в. оно базировалось на новгородском Л. 30–40-х гг. XV в. В основу большинства новгородских летописей XVI в. легла Новгородская 4-я летопись (Н4), 2 списка к-рой содержат текст до 1515 г. и до 1516 г., а также общий текст до 1513 г. Вероятно, в это же время был составлен еще один летописный свод новгородского происхождения. Среди источников Свода 1513 г. был и Сокращенный свод

Мазуринского вида, 2-м источником была краткая новгородская летопись, завершавшаяся примерно на 1500/01 г. (может быть приблизительно реконструирована на основании сопоставления нек-рых новгородских летописей).

В Новгородской летописи по списку Дубровского (НЛД) и в Архивской (Ростовской) летописи (Шахматов) отразился новгородский летописный Свод 1539 г. В основе 1-й части НЛД лежит Н4 Старшей редакции, близкая к Голицынскому списку, привлекались также Н4 Младшей редакции, близкая к Академическому списку, а также новгородская редакция Сокрытого свода (Новикова). По мнению Шахматова, к Своду 1539 г. восходит также Отрывок Летописи по Воскресенскому Новоисалимскому списку (ГИМ. Воскр. № 1546 (далее: Отрывок)), в к-ром с 7022(1414) по 7046(1538) г. содержится текст, первичный по отношению к НЛД. С. Н. Азбелев полагает, что Отрывок отражает 1-ю редакцию Свода 1539 г.; по мнению Новиковой, Отрывок — это подготовительный этап работы над этим Сводом.

Др. традицию в новгородском Л., не связанную со Сводом 1539 г., представляет Новгородская Большаяская летопись, содержащая ряд уникальных известий 1-й пол. XVI в. Характер статей за 20–30-е гг. XVI в. позволяет предположить, что ее создание связано с деятельностью новгородского наместника М. С. Воронцова (Е. Л. Конявская).

В единственной рукописи сохранился Постниковский летописец (обнаружен М. Н. Тихомировым), 1-я часть к-рого близка к С2, 2-я содержит текст, изобилующий уникальными известиями — своеобразными мемуарами в форме летописных записей; текст обрывается на 1547 г. Более ранние памятники подобного рода неизвестны. Составитель был хорошо осведомлен о внешнеполитических и внутренних вопросах жизни Московского гос-ва, зафиксировал подробности политических расправ 30–40-х гг. XVI в. — возможно, это был Постник Губин, дьяк Разрядного приказа с 1542 по 1558 г. (Тихомиров).

Псковское Л. сместилось в это время в псковские мон-ри (Насонов). В сер. XVI в. создан псковский свод 1547 г., оригинал к-рого представлен Варшавским списком. Памятник связан с псковским *Елизаровым во имя*

святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста монастырем и старцем *Филофеем*. Псковская 3-я летопись (ПЗ) создана ок. 1567 г. Псковская 1-я летопись и ПЗ до 1481 г. восходят к общему протографу, после этого сближаются только в отдельных известиях. Насонов предпологал, что Свод 1567 г. был создан в *Псково-Печерском в честь Успения Пресв. Богородицы мужском монастыре* в окружении игум. *Корнилия*; ученый считал, что этот текст антимосковской направленности. Другого взгляда придерживался Андреев, полагавший, что Корнилий был иосифлянином и в летописи не выражено никакой специфически местной т. зр.

Вопрос о Л. на рубеже XVI и XVII вв. несколько раз поднимался в литературе. В. И. Корецкий полагал, что в это время существовала летопись Иосифа, келейника св. патриарха *Иова*, к-рая была положена в основу мн. последующих летописных сочинений, но эта гипотеза не нашла поддержки. Е. И. Дергачёва-Скоп высказывала предположение о том, что существовал Сибирский летописец кон. XVI в., который лег в основу Румянцевского летописца. Но твердых данных о существовании Л. этого периода, как и самих летописей, к-рые можно было бы датировать этим временем, нет. По мнению Лурье, офиц. Л. прекратилось в годы опричнины. Корецким и Б. Н. Морозовым обнаружен т. н. Поволжский летописец нач. XVII в. (датировка по Солодкину), использовавший воспоминания какого-то участника начала Смуты.

В период правления царя Михаила Феодоровича появилось неск. исторических сочинений, традиционно названных летописцами, хотя, возможно, некоторые из них нельзя уже считать летописями в прямом смысле слова. Новый летописец (НЛ) был составлен ок. 1630 г., сохранился в многочисленных списках разного времени, к-рые можно разбить на 2 редакции: Академическую (или редакцию Овчинникова) и Ундольского (по В. Г. Воиной-Лебедевой). В НЛ излагаются события, начиная с покорения Сибири Ермаком и заканчивая 1630 г. Большинство исследователей памятника (С. Ф. Платонов, Л. В. Черепнин, Вовина-Лебедева) считают, что НЛ вышел из офиц. кругов, предположительно связанных с патриархом

Филаретом. Черепнин считал, что в работе участвовал Посольский приказ, хотя это мнение оспаривала Вовина-Лебедева. Андреев писал, что начальные статьи, повествующие о завоевании Сибири, попали в Москву при помощи Тобольского архиеп. *Киприана (Старорусенкова)*; вполн. Новгородский митрополит (Андреев); возможно, архиепископ был причастен к составлению их источника (Вовина-Лебедева). Л. Е. Морозова считает Киприана автором НЛ. На основе НЛ в результате дополнения его текста во 2-й пол. XVII в. составили многочисленные поздние редакции, напр. НЛ по списку Оболенского, «Летопись о многих мятежах» и др.

Нек-рые компилятивные летописцы сохранились в единичных списках. Так, список Пискаревского летописца (ПЛ) 40-х гг. XVII в. был обнаружен О. А. Яковлевой. ПЛ содержит краткое изложение библейской и русской истории, наиболее ценными считаются его части, посвященные событиям XVI в., в т. ч. опричнине. Связный текст оканчивается известием о воцарении Михаила Романова, в заключительной части имеются сообщения о его смерти и воцарении *Алексея Михайловича*. Делались предположения, что памятник возник в 20–30-х гг. XVII в. в посадской среде и что к составлению причастны печатник Никита Фофанов (Тихомиров) или дьяк Нечай Перфильев (С. И. Хазанова), что ПЛ использовал воспоминания какого-то москвича, причастного к каменному строительству (Яковлева), что источником для ПЛ была НЛ (Морозова, оспорено Солодкиным), что оба памятника имели общие источники (Вовина-Лебедева). Хазанова предположила использование в ПЛ разрядных записей. Усачёв писал о связи ПЛ с нек-рыми памятниками XV–XVI вв.

Бельский летописец (БЛ) сохранился в единственном дефектном списке сер. XVII в. (ГИМ. Увар. Д. 569; начало утрачено). Составители, возможно, были близки к роду князей Прозоровских. Начинается БЛ с сообщения о смерти царя Феодора Иоанновича. БЛ доведен до 1632 г., примерно тогда же, вероятно, и составлен (Корецкий). Статья (возможно, добавленная др. составителем) о войне с Речью Посполитой в 1664 г. обрывается на фразе, наверное относящейся к 1667/68 г.

Морозовский летописец (не опубликован) сохранился в единственном списке сер. XVIII в. (РНБ ОР. F.IV.228), содержит известия за 1380–1612 гг., основанные на Хронографе Кубасова с дополнениями, в т. ч. с уникальными известиями об опричнине. Московский летописец сохранился в одном списке, имеет сбитую хронологию: излагает основные события Смуты нач. XVII в., затем возвращается ко времени Иоанна III и последующим событиям до 1599 г. Содержит некоторые уникальные сведения о периоде царствования Иоанна IV и Феодора Иоанновича. Очевидно, был составлен после 1635 г., но до 1645 г. в среде московского духовенства (Солодкин) или служилых людей (Зимин). Среди источников выделяют многочисленные записи типа разрядных.

Во 2-й пол. XVII в., особенно в кон. XVII — нач. XVIII в., в разных городах России составлялись многочисленные компилятивные летописцы. Этим временем датируются списки НЛ в соединении со Степенной книгой, с Хронографом, «Повестью о Словене и Русе». Эти и др. неизданные рукописи можно расценивать как попытки создать связную «летопись» от начала Руси до современного составителя периода. Наиболее известный результат таких попыток — летописный Свод 1652 г. (не опубликован, самые ранние списки: РНБ ОР. Вяз. Q.206; РНБ. Погод. 1406; РНБ. Q.IV.139; РГБ. Больш. № 423; ГИМ. Увар. № 543). Он был открыт Насоновым и подробно исследован Лаврентьевым, датировавшим его 1652–1658 гг. Свод 1652 г. основывался на Никоновской и Воскресенской летописях, житиях, исторических повестях, НЛ, дополненном некоторыми оригинальными известиями о Смуте. Лаврентьев полагал, что Свод 1652 г. отразил какую-то более раннюю, чем сохранившиеся, редакцию НЛ, но это не подтвердилось при последующем изучении памятника Вовиной-Лебедевой. Позднее был составлен Летописец 1686 г. (не опубликован, наиболее ранние списки: РГАДА. Ф. 181. № 20/25; ГИМ ОР. Син. № 153; РГБ ОР. Ф. 256. № 413). Выделяют Пространную и Сокращенную редакции памятника, к-рый обосновывал идею исконной принадлежности малороссийских земель московским государям как наследникам рода Рюриковичей. В основе Летописца 1686 г.

лежит НЛ с продолжением. По Черепнину, источником продолжения были документы Посольского приказа. С этим не согласился А. П. Богданов, который отнес создание Летописца 1686 г. к деятельности патриаршего скриптория. С патриаршим двором связаны и компилятивный Летописный свод 70–80-х гг. XVII в., составленный Варлаамом (Палицыным) (по Клоссу и Корецкому), и следующий за ним по содержанию Летописный свод 80-х гг. XVII в. В патриаршем скриптории возник Летописец 1619–1691 гг., сохранившийся в Пространной и Краткой редакциях; его значение — в содержащихся в тексте записях очевидца о событиях 2-й пол. XVII в.

Три фрагмента в тексте Летописца 1686 г. относятся к отдельному Летописцу Ф. Ф. Волконского (согласно Богданову). Существуют и другие частные (фамильные) летописцы служилых людей. Летописец Черкасских (ЛЧ) кон. XVII в. (не изд., единственный список 2-й пол. XVIII в. — РГАДА. Ф. 357. № 274) — историческое сочинение, соединившее части Синописа, НЛ, Хронографа 1617 г. (Богданов), или один из исторических сборников XVIII в. (А. Ю. Самарин). Внимание исследователей привлекает его известия о городских восстаниях сер. и 2-й пол. XVII в. Летописец Дашкова 80-х гг. XVII в. (единственный список 2-й пол. XVIII в. изготовлен для Эрмитажной б-ки — РНБ ОР. Эрм. № 567) связывают с патриаршим и государевым стольником А. Я. Дашковым, составившим его на основе Хронографа и Разрядной книги частной редакции. В Витебске в сер. XVIII в. на польск. языке с примесью белорусского витебскими мещанами была составлена т. н. Летопись Панцырного и Аверки с 974 по 1767 г. Мазуринский летописец (Маз.) сохранился в одном списке 80-х гг. XVII в. Он начинается с легендарных известий «Повести о Словене и Русе», изложение доходит до 1682 г. Очевидно, Маз. был связан с окружением патриарха Московского *Иоакима (Савёлова)*. Основан на НЛ (или Своде 1652 г.), Хронографе 1617 г., разрядах, Хронике М. Стрыйковского и др. Содержит несколько оригинальных известий по XVII в. В тексте Маз. есть ссылка на один из его источников («...писано в другом летописце моем же Сидора Сназина»). Исходя из этого, исследователи памятника (Богда-

нов и др.) считают служилого человека Сназина составителем Маз., хотя эта фраза, как считает Вовина-Лебедева, может указывать просто на принадлежность ему обоих летописцев. Беляевский летописец 1696 г. (единственный список — РГБ ОР. Ф. 29 (собр. Беляева). № 65/1754), по мнению Богданова, также вышел из патриаршего скриптория, текст начинается записью о смерти матери царя Михаила Феодоровича в 1631 г. и заканчивается статьей 1696 г., после чего помещена приписка о смерти *Петра I Алексеевича*; содержит некоторые оригинальные известия о событиях сер.— 2-й пол. XVII в. Из многочисленных кратких летописцев исследователи выделяют также «Летописец выбором» (не опубликован, ранние списки — ОПИ ГИМ. Ф. 440 (колл. Забелина). № 20; РГБ ОР. Ф. 330. Карг. II. 57; РНБ ОР. Q.XVII.22) — сохранившийся в 20 списках текст, представляющий собой краткий перечень известий о событиях рус. истории с 1154 г. (перенесение Владимирской иконы Божией Матери во Владимир) до 2-й четв. XVII в. Текст представляет собой совокупность разного рода компиляций, имеющих некоторые общие признаки и восходящих к одному протографу, написанному посадским человеком или стрельцом (Богданов).

Местные (или городовые) летописи XVII — нач. XVIII в. составлялись в кругах, близких к канцеляриям воевод, или в крупных мон-рях. Встречаются и частные летописцы, в основном составленные посадскими людьми. Местные летописи являют собой смесь общерусских и местных известий. Набор последних стандартен: назначения и смены воевод (позднее губернаторов), а также игуменов мон-рей, приезд других должностных лиц, описания необычных природных явлений (бури, наводнения, сильные ледоходы, землетрясения и проч.) и бедствий (пожары, эпидемии), поступления царских грамот (иногда приводятся цитаты из них), проведение гос. ревизий и переписей населения. Отдельный ряд известий — это описания чудес местных святых; строительству церквей и монастырей часто посвящали сказания. Со временем общерус. события отражались в летописцах в виде кратких записей о новых царствованиях, рождениях и смертях особ царского рода, начале и конце

войн и заключении мирных договоров. В качестве источников таких сообщений использовали в основном не более древние рукописи, а офиц. сообщения, а в летописях XVIII в. — иногда даже печатные издания по рус. истории.

Сибирские летописи — большая группа связанных между собой летописных текстов, рассказывающих о завоевании Сибири казаками Ермака и последующем освоении рус. людьми этих территорий; в них описаны народы, проживавшие в Сибири, реки и дороги, рыбы и звери. Во всех известных сибир. летописях содержатся различные варианты таких рассказов. С. В. Бахрушин полагал, что все сибир. летописи восходят к единой основе, а именно к записям показаний ветеранов похода Ермака, собранных в Тобольске по приказу архиеп. Тобольского Киприана (Старорусенкова) для составления синодика казаков Ермака (казачье «Написание»). Вопрос о первичности одних сибир. летописей по отношению к другим неоднократно ставился в литературе, но единой т. зр. у исследователей нет. Предлагалось считать в качестве основы Румянцевский летописец (Дергачёва-Скоп, Лаврентьев), Погодинский летописец (Е. К. Ромодановская) и др. Есиповская летопись (Есип.) — единственный точно датированный текст, составленный в 1636 г. в Тобольске архиепископским дьяком Саввой Есиповым. Сохранилась в большом количестве списков и в неск. редакциях, из к-рых выделяют Основную и Распространенную. Строгановская летопись сохранилась в единственном списке, созданном (судя по филиграммам) в 20-х гг. XVII в. в вотчине Строгановых. Она содержит особую версию о начале похода Ермака, отличающуюся от Есип. и др. Есипов стремился показать Ермака христ. просветителем Сибири, по собственному почину отправившимся покорять языческие народы. Составитель Строгановской летописи, наоборот, выставил главными инициаторами и организаторами похода торговых людей Строгановых. Румянцевский летописец (РЛ) существует в 2 видах: А и Б, дополненным выдержками из НЛ. По мнению Дергачёвой-Скоп, в основе РЛ лежит повесть «О Сибири» (ее источник — Есип.). Погодинский летописец сохранился в единственном списке кон. XVII в. и считался пере-

работкой Есип., но Ромодановская привела аргументы в пользу того, что он восходит к протографу, более раннему, чем Есип., т. е. к «Написанию» (поддержаны А. Т. Шашковым). Автором этого раннего текста (по Ромодановской), вероятно, был казак Черкас Александров. Абрамовский летописец («Летописец Тобольский о Сибирской стране») известен в 2 списках, имеющих большое сходство с Есип., но вопрос о первичности этой летописи в отношении протографа Абрамовского летописца не решен. Кроме того, в Абрамовском летописце читаются известия, имеющие народную основу. К более поздним летописным памятникам Сибири относится Сибирский летописный свод (СЛсв.) — офиц. летопись (основанная на Пространной редакции Есип.), которая велась в Тобольске в кругах, близких к воеводской канцелярии и митрополичьему двору. СЛсв. дошел в неск. редакциях (по Н. А. Дворецкой), некоторые носят особые названия («Книга записная», «Записки, к сибирской истории служащие», «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири» и др.). Наиболее ранняя редакция СЛсв. составлена в 1687 г. Др. редакции продолжают изложение до сер. XVIII в. Одна из них уделяет особое внимание томским воеводам. Ремезовская летопись (Ремез.), или «История Сибирская», была написана тобольским сыном боярским Семеном Ульяновичем

репанов. Черепановская летопись охватывает события с 1578 по 1760 г., основана на СЛсв., Есип., Ремез. и др. источниках, офиц. бумагах из Сибирской губ. канцелярии, устных известиях, а также использует выдержки из трудов Г. Ф. Миллера. Иркутская «Летопись П. И. Пежемского» начинается с 1652 г. (основание Иркутска) и оканчивается 1807 г., отличается подробностью изложения событий. Автор использовал печатные источники, офиц. сообщения, публикации в «Сибирском вестнике», воспоминания старожилов Иркутска. Некоторые документы приводятся в тексте целиком. Об отдельных известиях сказано, что они взяты «из летописи». Составленная также в Иркутске «Летопись В. А. Кротова» начинается с 1807 г. и заканчивается 1856 г. Очевидно, автор пользовался теми же источниками, что и Пежемский или сходными.

Др. большая группа местных летописей — новгородские. Неопубликованная Новгородская Корнильевская летопись (Корнил.) составлена в 60-х гг. XVII в. Основной текст доведен до 1646 г., но имеется ряд позднейших дополнений. В ее основе лежат Н1, Н2, Н4, С1 и др. источники (единственный список — БАН. 34.4.1). На Корнил. опиралось все последующее новгородское Л. Особенно интенсивно летописная работа велась в Новгороде с 70-х гг. XVII в. до 1689 г. Вариант Корнил. — неопубликованная Новгородская Уваровская летопись (сохр. 2 списка). Новгородская

*Ермак отпускает Кутугая.
Миниатюра
из Ремезовской летописи.
1744 г. Худож. С. У. Ремезов
(БАН. 16.16.5. Л. 11)*

Ремезовым ок. 1703 г., сохранилась в оригинале и копии XVIII в., снабжена 154 черно-белыми миниатюрами. В основу ее положена Есип., устные легенды, а также более древняя Кунгурская летопись (названная им так по месту обнаружения, вставлена в текст Ремез.). Частные сибирские летописи составлялись и позднее. Так, в Тобольске ок. 1760 г. окончил свой труд ямщик Илья Че-

3-я летопись (Н3) основана на Корнил., связана с деятельностью Новгородского митрополичьего двора (по Азбелеву; В. В. Яковлев оспорил эту т. зр.), известна во мн. списках и 2 редакциях: в Пространной 70–80-х гг. XVII в. (по Азбелеву) или после 1692 г. (по Яковлеву), в Краткой (1682–1690, по Азбелеву; кон. XVII в., по Яковлеву). Новгородские события в памятнике превалируют над общерусскими (некоторые списки продолжают текст до нач. XVIII в.). Неопубликованная

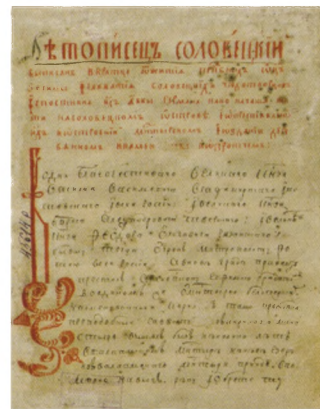
полностью Новгородская Забелинская летопись (НЗЛ) названа по основному списку (ГИМ. Забелин. № 261). Это обширная компиляция, охватывающая период с начала становления Руси до 1679 г., составлена в Новгороде на основе НЗ (Азбелев) или Корнил. (Яковлев) с дополнениями не позднее 1681 г. (Черепнин, Азбелев) или в период с сер. 80-х до нач. 90-х гг. XVII в. (Яковлев). В нач. XVIII в. летописная работа продолжалась при дворе митр. *Иова*, известного просветительской деятельностью. Новгородская Погодинская летопись (Погод.) сохранилась в 30 списках (архетипный список РНБ ОР. Погод. № 1411), в некоторых текст доведен до 1716 г., в других — до нач. XIX в., в основу положены НЗЛ, др. новгородские источники, «*Казанская история*».

Еще одна группа — летописи Русского Севера. Устюжский летописец, составленный на основе Устюжской летописи 1-й четв. XV в., существует в 2 редакциях: 1-я оканчивается на 1677 г., 2-я охватывает события 1192–1745 гг. Последнее сообщение — о пожаре в Устюге, во время которого распотился медный колокол Воскресенской ц. Летописец был составлен в *устюжском во имя арх. Михаила монастыре*. Использован в качестве основного источника летописец 1679–1680 гг. Летописец Льва Вологодина (ЛЛВ) был составлен в 1765 г. священником устюжского Успенского кафедрального собора (сохр. автограф и много списков XVIII–XIX вв.). Начинается с 1192 г., общерус. известия заимствованы из «Краткого Российского летописца с родословием» М. В. Ломоносова; основным источником был Устюжский летописец 1746 г., дополненный известиями др. летописцев. Существует 2-я редакция, доходящая до 1779 г. ЛЛВ был использован штаб-лекарем Я. Я. Фризом для составления в 1793 г. «Исторического и физического описания областного города Устюга Великого». Летописец Ивана Слободского составлен в 1716 г. певчим Вологодского архиерейского дома, содержит исключительно местные известия, сохранился в 2 редакциях (нач. 1147 г., окончание соответственно — 1676 г. и 1654 г.). Редакция 1654 г. составлена не ранее 1782 г. Вологодский летописец известен в одной рукописи, охватывает события с 862 по 1770 г. Очевидно, составлен в Спасо-Прилуцком мон-ре. До кон. XV в. текст

близок к Погодинской летописи, далее — к нек-рым общерус. летописцам XVII в. Двинской летописец, составленный в Холмогорах в 70–80-х гг. XVII в., известен в неск. редакциях. Охватывает события с 1397 по 1682 г. Ряд списков Краткой редакции, связанной с воеводской канцелярией, продолжает текст, описывающий в основном местные события 1682–1705 гг. Пространная редакция, исходящая из окружения архиепископа, оканчивается на 1750 г. Среди событий XVIII в. подробно рассказано о приезде царя Петра I в 1702 г. в Холмогоры и об освящении в его присутствии новой церкви в Архангельске. Подробно перечислены выборы бурмистров в городскую ратушу и выборы в городской магистрат. Пинежский летописец (открыт А. И. Копаневым) составлен в 1661–1667 гг. в семье крестьян-староверов Поповых, известен в 2 списках. Использует разнообразные источники о Смуте, в т. ч. «Сказание» *Авраамия (Палицына)*, включает также оригинальные местные известия.

К кратким монастырским летописцам XVII в. относятся, напр., Летописец Кириллова Белозерского мон-ря 1604–1617 гг., наиболее известный Соловецкий летописец (Летописец Соловецкого мон-ря), повествующий о событиях с начала построения обители, о Зосиме, Савватии и Германе Соловецких, и далее в тексте, расположенном по годам смены игуменов, описываются монастырское строительство, царские пожалования монастырю, Соловецкое восстание 1667–1676 гг., посещение мон-ря Петром I. Последнее известие за 1759 г. — о смерти архиеп. Архангелогородского и Холмогорского *Варсонофия*. Одна из редакций продолжает текст до 1814 г. Последнее известие — о выведении из мон-ря артиллерии и орудий в Новодвинскую крепость.

Соликамская летопись появилась в *соликамском во имя Св. Троицы мужском монастыре* в XVII в. и велась мн. лицами до кон. XVIII в.; начинается с описания местоположения Чердыни и Соли-Камской, затем идет ряд кратких общерус. известий с 990 г., более подробно даны местные известия начиная с 1579 г. С кон. XVII — нач. XVIII в. записи велись по годам. Последнее сообщение — об упразднении в Соли-Камской мон-ря и о переносе его в Пермь. Одновременно при Богоявленской ц.

Соловецкий летописец.
2-я пол. 90-х гг. XVIII в.
(НБРК. Инв. № 45614р. Л. 1)

в Соли-Камской велась др. летопись, повествующая о событиях с нач. XVIII в. Она была опубликована А. А. Дмитриевым. Первое известие этой более поздней Соликамской летописи — 1158 г., затем упомянуты краткие общерус. известия об истории возникновения Пыскорского мон-ря, о набегах татар и вогулов на пермские городки, а также местные известия за XVII–XVIII вв., в т. ч. о Пугачёвском бунте и движении в его поддержку, о сражении под Кунгуром; последние известия — под 1781 г. Далее снова следуют местные записи с 1741 по 1824 г. Очевидно, после 1781 г. летопись была дополнена и переделана др. лицом. Кроме этого, в Соли-Камской составляли летописные сочинения Савватий и Никита Арефины, а также Василий Лучников, известные по выборке из этих текстов, напечатанной В. Н. Берхом. Эти частные летописи соликамских граждан начинались с Сотворения мира и продолжались до времени жизни их создателей. О Лучникове известно, что он умер в 1803 г. Отец и сын Арефины жили в 1-й пол. XVIII в.

В мон-рях составляли и др. поздние летописцы; напр., Летопись Боголюбова мон-ря, опубликованная П. А. Гильдебрандом (1879), содержит краткие известия за 1158–1770 гг. По мнению издателя, она была составлена на основании монастырских актов и записей игум. Аристархом. Черниговская летопись известна в 3 списках, доведенных до 1725 и 1750 гг. Она начинается сообщением об избрании в 1587 г. *Сигизмунда III Вазы* польск. королем и состоит из неск. частей, которые, как полагают, писал один человек (очевидно, на Правобережье Украины) до

1703 г., затем продолжали другие, и последняя часть была составлена еще кем-то в Чернигове. Межигорская летопись содержит ряд кратких сообщений о *Межигорском в честь Преображения Господня мужском монастыре*; она была составлена в этой обители, возможно настоятелем Илийей (Кошарковским). Летопись Подгорецкого мона-ря представляет вариант синопсиса, содержит выписки из документов, известия о местных монастырских событиях (текст до 1715 г., затем имеются записи 1726 и 1729 гг.). Запись 1729 г. — о смерти игум. Парфения (Ломиковского), при к-ром эта летопись и могла быть составлена. Известна еще Краткая летопись о событиях в Новороссии с 1765 по 1806 г., неизвестно кем составленная, она касается как местных, так и общерус. известий.

Нижегородский летописец по неск. спискам был издан в XIX в. А. С. Гациским. Как выяснила позднее М. Я. Шайдакова, существуют 2 летописных памятника, к-рые следует различать: «Летописец о Нижнем Новгороде» (ЛНН, 3 списка) и собственно «Нижегородский летописец» (НижЛ, 29 списков, неск. редакций). ЛНН был создан в 50-х гг. XVII в. и представляет собой выписки из общерус. летописи с добавлением местных известий (со статьи об основании Н. Новгорода до статьи о моровом поветрии 1654 г.). НижЛ составлен не ранее 1655 г. в кругу нижегородского духовенства на основе ЛНН, Хронографа 1617 г., Воскресенской летописи и Степенной книги (в 2 частях: с основания города до 1422; в 1509–1540 с добавлением различных текстов в разных списках в основном местного содержания за XVII в., в поздних редакциях текст доходит до сер. XVIII в.).

Л. на Вятке известно по нескольким редакциям «Повести о стране Вятской» (ПСВ), созданной в нач. XVIII в. в Хлынове и являвшейся компиляцией разного рода книжных и устных местных легенд; возможно, памятник составлен на основе какой-то местной летописи. ПСВ состоит из 4 частей. Собственно вятские известия начинаются со 2-й части, 1-я редакция к-рой — «Сказание о вятчанех» (по Д. К. Уо) связана с именем местного книжника С. Ф. Попова. Третья часть повествует о начале почитания иконы свт. Николая Великорецкого. Четвертая часть представляет собой отдельные летописные

записи о Вятке (с 1389 по 1553). Еще одним вариантом краткого местного летописца является Слободская летопись (РНБ. F.IV.844, список сер. XVIII в.), доведенная до 1698 г.

Т. о., Л. продолжалось и в XVIII в., и частично в нач. XIX в. Постепенно характер поздних летописей менялся. Они теряли прежнее гос., политическое значение, что отражалось и на точности воспроизводимых известий. Мн. летописцы XVII в., а тем более XVIII в. изобилуют ошибками и искажениями из-за небрежности в соединении источников. Все больше проявляется компилятивная природа Л. Поздние летописцы уже не являются летописными сводами, в к-рых каждый последующий автор продолжал труд своего предшественника. Они часто составлялись единовременно одним человеком, были посвящены отдельным сюжетам и в этом смысле перенимали мн. особенности исторической повести, получившей особенное развитие после Смуты нач. XVII в. В эпоху Петра I предпринимались новые попытки составить общерус. летопись: напр., появилась «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии», которая охватывает события до смерти Петра I. Это компиляция отрывков разных текстов: извлечений из «Повести о Словене и Русе», кратких известий о первых Рюриковичах и происхождении царского венца, известий до времен Иоанна Грозного, фрагментов «Казанской истории», смеси известий русских и иностранных источников о событиях XVII в. Особое внимание уделено Чигиринским, Крымским, Азовским походам, стрельцким бунтам. В текст включены краткий «реестр» основных событий царствования Петра I, записанных по годам, а также таблица потерь рус. армии в сражениях при Лесной (1708) и под Полтавой (1709). Предполагается, что эта летопись была составлена Г. Г. Скорняковым-Писаревым (Насонов), очевидно, по указанию царя и является одной из попыток создать офиц. летописную историю его царствования. Др. такой попыткой было создание летописной «истории» Федора Поликарпова. Но крупнейшие сочинения о прошлом («Скифская история» А. И. Лызлова 1692 г., «Синопсис» архим. Иннокентия (Гизеля) и др.) с кон. XVII в. написаны уже в иной, нелетописной манере.

В. Г. Вовина-Лебедева, А. Е. Жуков

Л. в Великом княжестве Литовском (ВКЛ). Первые памятники Л. на восточнорус. землях ВКЛ были составлены в XV в. на основе памятников Л., создававшихся в Сев.-Вост. Руси. В составе этих первых компиляций сохранился летописец, созданный в окружении митр. Киевского *Фотия*, содержащий сведения о его поездках на земли ВКЛ в 1412–1427 гг. В этих же компиляциях есть краткие известия о митр. Киевском *Герасиме*. Создававшиеся в XVI в. на основе этих компиляций (с продолжением описания XVI в.) официальной летописи ВКЛ к.л. известий, касавшихся жизни православного населения на землях княжества, не содержат. Только составленная, видимо, в нач. XVI в. «Волынская краткая летопись» содержит ряд известий о церковной жизни на Волыни и в ВКЛ на рубеже XV и XVI вв., гл. обр. связанных с возведением на Киевский митрополичий стол *Макария (Чёрта)*, а затем *Иосифа (Болгариновича)*.

Положение стало меняться к кон. XVI в., когда появился ряд местных летописей, составители к-рых уделяли внимание церковной жизни. Один из таких источников — «Баркулабовская летопись», написанная приходским священником городка Баркулабова в районе Могилёва. В ней есть известия о событиях местной церковной жизни и даже о реакции местных жителей на попытки введения нового календаря, на переход епископов в унию. Летопись содержит подробное описание работы правосл. Собора в Бресте 1596 г.

Главный памятник украинского Л. — «Густынская летопись», созданная в 20-х гг. XVII в. в окружении архим. Киево-Печерской лавры *Захарии (Копыстенского)*. В этом летописном своде рассказывается о событиях, происходивших в Вост. Европе с древнейших времен до нач. XVI в. Заканчивается летопись на известиях 1597 г.; по одной из гипотез, 1-я версия завершалась 1515 г. Ее источниками были текст Ипатьевской летописи, а также какая-то великорус. летопись (не ранее XVI в.), известия различных европ. и польск. хроник. Летопись содержала подробный рассказ о *Ферраро-Флорентийском Соборе* (с правосл. т. зр.), а в конце к своду был присоединен обширный рассказ «О унию, како почася в Руской земле», к-рый заканчивался сообщением об аресте протосинкелла Никифора.

Памятник местного происхождения, описывающий монастырскую жизнь на Левобережье в 1-й пол. XVII в., — «Летописец Густынского монастыря», который включает уникальный рассказ о восстановлении правосл. иерархии в 1620–1621 гг. в Киевской митрополии. Фрагменты таких памятников местного происхождения входили в состав разного рода летописных компиляций. В одной из них сохранился летописный фрагмент с сообщениями о событиях церковной жизни Киева, в т. ч. о попытках принудить население принять унию после смерти кн. К. К. Острожского в 1608 г. В «Острожском летописце» сохранились записи об основании правосл. обителей на Волыни в нач. XVII в., о репрессиях, сопровождавших принуждение населения Острога к унии. Некоторые известия о событиях церковной жизни встречаются во «Львовской летописи» — наиболее крупном местном повествовании о событиях, происходивших на Украине в 20–40-х гг. XVII в. Здесь рассказывается о разорении польским войском киевских мон-рей во время восстания 1630 г., о посвящении свт. *Петра (Могилы)* во Львове.

Среди укр. летописей 2-й пол. XVII — нач. XVIII в. наиболее ранний памятник — «Летопись Самовидца», написанная духовным лицом, протопопом, служившим сначала в Брацлаве, а затем в Стародубе. Однако события церковной жизни получили в этом тексте слабое отражение. Автор даже не всегда отмечает смены на Киевском митрополичьем столе. Те или иные высокопоставленные представители духовенства гл. обр. упоминаются, когда они принимают участие в политической борьбе.

Лишь с 70-х гг. XVII в. в источнике появляются сообщения о нек-рых событиях церковной жизни, связанных в основном со Стародубом. Особый интерес представляет рассказ о поездке автора как посла митр. Иосифа (Тукальского) к К-польскому патриарху (1670). «Летопись Самовидца» послужила одним из главных источников важнейшего памятника укр. Л. 1-й пол. XVIII в. — «Летописи» Грябьанки. Как показано в работах А. М. Бовгири, краткая редакция памятника была составлена духовным лицом, уделявшим внимание событиям церковной жизни. Эта редакция, однако, остается неизданной, а в Пространной редакции памят-

ника, к-рую теперь связывают с именем Грябьанки, этот материал подвергся сильному сокращению.

Особое место среди этих памятников занимает «Летопись» С. Величко, к-рый отвел заметное место описанию событий церковной жизни на Украине (гл. обр. на Левобережье) во 2-й пол. XVII в. Часть сведений он заимствовал из сочинений церковных писателей того времени (прежде всего *Иоанникия (Галытовского)*), но часть восходит к неизвестным источникам, как, напр., известия о Мгарском мон-ре. В 1690 г. Величко стал служащим гетманской канцелярии, и это дало ему возможность включить в свою летопись большое количество грамот 90-х гг. XVII в., отражающих борьбу против распространения унии, отношения патриарха Московского со светской и с церковной властью на Левобережной Украине, местных иерархов с гетманской властью и представителями Вост. Церквей.

Для более позднего времени должна быть отмечена составленная в XVIII в. в Могилёве «Хроника» Т. Р. Сурты и Ю. Трубницкого. В ней помещены известия о возвращении в 1633 г. православным в Могилёве храмов, к-рые были закрыты в течение 20 лет, и о восстановлении их при помощи Огинских, о митр. Иосифе (Тукальском) и о его заключении в Мальборке, о приезде в Могилёв в 1699 г. еп. Серапиона (Полховского), о его смерти и похоронах в 1704 г., о приезде еп. Сильвестра (Святополк-Четвертинского) в 1707 г., о репрессиях против униатов царя Петра I Алексеевича в Полочке, об ограблении шведами в 1708 г. храмов в Могилёве; далее содержатся известия, связанные с деятельностью еп. Иеронима (Волчанского) в 40-х гг. XVIII в.

Б. Н. Флора

Изд. (избранные): Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 6390/852 до 7106/1598 г., т. е. по кончину царя и вел. кн. Феодора Иоанновича. М., 1781; Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. СПб., 1789. Ч. 1–2; 1799. Ч. 3–4; Летописец Соловецкого мон-ря. М., 1790; Летописец Соловецкий, или Краткое летописание. М., 1815; Полное собрание русских летописей. СПб., 1846–1921. Т. 1–24; М.; Л.; СПб., 1949–1994. Т. 25–39; М., 1994–2008. Т. 40–43. См. также: ПВЛ. Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846; Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. Л., 1928². Вып. 1; Л., 1927. Вып. 2; М., 1962, 1997³. Вып. [1–2]; Т. 2: Ипатьевская и Густынская летописи. СПб., 1843; Ипатьевская летопись. СПб.,

1908². М., 1962, 1997–1998⁴; Т. 3: Новгородские летописи. СПб., 1841. Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов. М., 2000⁵; Т. 4: Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848. Вып. 1–3: Новгородская четвертая летопись. Пг.; Л., 1915–1929²; Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000⁶; Т. 5. Вып. 1: Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851; Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи. М., 2003⁷; Т. 5. Вып. 2: Псковские летописи. М., 2000⁸; Т. 6: Софийские летописи. СПб., 1853; Т. 6. Вып. 1: Софийская 1-я летопись старшего извода. М., 2000⁹; Софийская 2-я летопись. М., 2001¹⁰; Т. 7–8: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856–1859; Т. 8: Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001¹¹; Т. 9–12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою, летописью. СПб., 1862–1901, 2000¹²; Патриаршая, или Никоновская, летопись. М., 1965; Т. 13: То же. Доп. к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб., 1906. М., 1965, 2000¹³; Т. 14. [Ч.] 1: «Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси». [Ч.] 2: «Новый летописец». СПб., 1910. М., 1965; Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863. М., 1965; Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. Пг., 1922². М., 1965. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000¹⁴; Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889. М., 2000¹⁵; Т. 17: Западнорусские летописи. СПб., 1907. М., 2008¹⁶; Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1913. М., 2007¹⁷; Т. 20: Львовская летопись. СПб., 1910–1912. 2 ч.; Т. 22: Русский хронограф. Ч. 1: Хронограф ред. 1512 г. СПб., 1911; Ч. 2: Хронограф западнорусской редакции. Пг., 1914; Т. 23: Ермолинская летопись. СПб., 1910. М., 2004¹⁸; Т. 24: Типографская летопись. Пг., 1921. М., 2000¹⁹; Т. 25: Московский летописный свод кон. XV в. М.; Л., 1949. М., 2004²⁰; Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959, 2006²¹; Т. 27: Никаноровская летопись. М.; Л., 1962; Т. 27: Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М., 2007²²; Т. 28: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л., 1963; Т. 29: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. М., 1965; Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская 2-я (Архивная) летопись. М.; Л., 1965; Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. М.; Л., 1968; Т. 32: Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцирного. М.; Л., 1975; Т. 33: Холмогорская летопись. Двинский летописец. М., 1977; Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978; Т. 35: Летописи белоруско-литовские. М., 1980; Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987; Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. М., 1982; Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989; Т. 39: Софийская 1-я летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994; Т. 40: Густынская летопись. СПб., 2003; Т. 41: Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995; Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002; Т. 43: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004; *Величко С. В.* Летопись событий в Юго-Зап. России. К., 1848–1864. 4 т.; Летопись *Григория Грябьанки*. К., 1854; Южнорусские летописи / Изд.: Н. М. Белозерский. К., 1856. Т. 1; Летопись Боголюбова мон-ря / Изд.: П. А. Гиль-

тебрандт // ДНР. 1879. Т. 2. № 7. С. 257–264; Соликамские летописи // Изд.: А. А. Дмитриев. Пермь, 1884; Нижегородский летописец / Изд.: А. С. Гациский. Н. Новгород, 1886; Сб. летописей, относящихся к истории Юж. и Зап. Руси. К., 1888; *Вѣрещазин А. [С.]*. Повесть о стране Вятской // Тр. Вятской УАК. 1905. Вып. 3. С. 1–97; Сибирские летописи. СПб., 1907; Иркутская летопись: Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова. Иркутск, 1911. Вып. 1: 1652–1856; 1914. Вып. 2: 1857–1880. (Тр. Вост.-Сиб. отд. РГО; № 5, 8); Псковские летописи / Подгот. к печ.: А. Н. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1; 1947. Вып. 2; *Зимин А. А.* Краткие летописи XV–XVI вв. // ИА. 1950. Т. 5. С. 9–39; *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. СПб., 2002; Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Ред.: К. Н. Сербина. М.; Л., 1950; *Насонов А. Н.* Летописный свод XV в. (по 2 спискам) // Мат-лы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 273–321 («Летописец русский»); Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филол. сб. / АН СССР. Коми филиал. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257–271; Иоасафовская летопись / Ред.: А. А. Зимин, С. А. Левина. М., 1957; Новгородская харейная летопись / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1964; *Бевзо О. А.* Львовский летописец и Острозский летописец. К., 1971; Литопис самовидця. К., 1971; *Копанев А. И.* Пинежский летописец // Рукописное наследие Др. Руси: По мат-лам Пушкинского дома. Л., 1972. С. 57–91; *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: The Ostroz'kij (Xlebnikov) and Četvertyn'skij (Pogodin) Codices* / Introd.: O. Pritsak. Camb. (Mass.), 1990. Факс.; Радзивилловская летопись / Отв. ред.: М. В. Кукушкина. СПб.; М., 1994. 2 т. Факс.; *Столярова Л. В.* Записи ист. содержания XI–XIV вв. на древнерус. пергаменных кодексах // ДГВЕ, 1995 г. М., 1997. С. 3–79; *Уб Д. К.* К истории вятского летописания // In memoria: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 303–320; Галицько-Волинський літопис: Дослідження. Текст. Комент. / Ред.: М. Ф. Котляр. К., 2002; *Бобров А. Г.* Летописание Вел. Новгорода 2-й пол. XV в. // ТОДРЛ. 2003. Т. 53. С. 109–121; *Конявская Е. Л.* Новгородская летопись XVI в. из собр. Т. Ф. Большакова // НИС. 2005. Вып. 10(20). С. 322–383; *Шайдакова М. Я.* Нижегородские летописные памятники XVII в. Н. Новгород, 2006. С. 127–266; *Кистерёв С. Н.* Ефросин и «Русский летописец» // Летописи и хроники: Новые исслед., 2008. М.; СПб., 2008. С. 94–123; Новгородская первая летопись: Берлинский список / Предисл.: А. В. Майоров. СПб., 2011. Факс.; *Гимон Т. В., Орлова-Гимон Л. М.* Летописный источник ист. записей на псалхалии в ркп. РГБ. 304.1.762 (XV в.) // Источниковедческие исслед. М., 2014. Вып. 6. С. 54–79.

Лит. (избр.): *Шлёцер А.-Л.* Нестор: Рус. летописи на древнеславянском яз. СПб., 1809–1819. 3 ч.; *Погодин М. П.* Нестор: Ист.-крит. рассуждение о начале рус. летописей. М., 1839; *Сухомлинов М. И.* О древней рус. летописи как памятнике литературном. СПб., 1856; *Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе рус. летописей до кон. XIV в.: Повесть временных лет. Летописи южнорусские. СПб., 1868; *Маркевич А. И.* О летописях: Из лекций по историографии. Од., 1883. Вып. 1; *Шахматов А. А.* Разбор соч. И. А. Тихомирова «Обзор летописных сводов Руси северо-восточной». СПб., 1899; он же. Общерус. летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. Ч. 331. № 9. Отд. 2.

С. 90–176; Ч. 332. № 11. С. 135–200; 1901. Ч. 338. № 11. С. 52–80; он же. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904; он же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; он же. Обзор рус. летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938; он же. История рус. летописания. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1; 2003. Кн. 2; 2011. Т. 2; *Пресняков А. Е.* Архивский летописец // Памяти Л. В. Майкова. СПб., 1902. С. 1–14; *Розанов С. П.* Хронограф редакции 1512 г. // ЛЗАК. 1907. Вып. 18. С. 1–16 (отд. паг.); *Стетанов Н. В.* Единичиы счета времени (до XIII в.) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // ЧОИДР. 1909. Кн. 4. С. 1–74; *Святский Д. О.* Астрономические явления в рус. летописях с научнокрит. точки зрения. Пг., 1915 (переизд.: Он же. Астрономия Др. Руси: С кат. астрономических известий в рус. летописях, сост. М. Л. Гордещкин. М., 2007); *Истрин Н. В.* Замечания о начале рус. летописания: По поводу исслед. А. А. Шахматова // ИОРЯС. 1921. Т. 26. С. 45–102; 1924. Т. 27. С. 207–251; *Иферфейц Е. Ю.* Рус. летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922; *Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи // ЛЗАК. 1927. Вып. 1(34). С. 55–90; *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества // ИАН. Сер. 7. 1930. № 9. С. 709–772; он же. Из истории псковской летописи // ИЗ. 1946. Т. 18. С. 255–294 (То же // ПСРЛ. М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 9–44); он же. О тверском летописном мат-ле в рукописях XVII в. // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 26–40; он же. Новые источники по истории Казанского «взятия» // Там же за 1960 г. М., 1962. С. 3–26; он же. История рус. летописания: XI – нач. XVIII в.: Очерки и исслед. М., 1969; *Присёлков М. Д.* История рус. летописания XI–XV вв. Л., 1940. СПб., 1996; *Лихачёв Д. С.* Рус. летописи и их культурно-ист. значение. М.; Л., 1947; *Черепнин Л. В.* «Смута» и историография XVII в. // ИЗ. 1945. Т. 14. С. 81–128; *Сербина К. Н.* Устюжский летописный свод // ИЗ. 1946. Т. 20. С. 239–270; она же. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л., 1985; *Ерёмин И. П.* Киевская летопись как памятник лит-ры // ТОДРЛ. 1949. Вып. 7. С. 67–97; *Бахрушин С. В.* Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 1; *Левина С. А.* О времени составления и составитель Воскресенской летописи // ТОДРЛ. 1955. Т. 11. С. 375–379; она же. К изучению Воскресенской летописи // Там же. 1957. Т. 13. С. 689–705; она же. Списки Воскресенской летописи // ЛиХ, 1984 г. М., 1984. С. 38–58; *Азбелев С. Н.* Две редакции Новгородской летописи Дубровского // НИС. 1959. Вып. 9. С. 219–228; он же. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1968; *Марченко М. И.* Украинская историография. К., 1959; *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1960. Вып. 1; *Бережков Н. Г.* Хронология рус. летописания. М., 1963; *Рыбаков Б. А.* Др. Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963; он же. Рус. летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; *Покровская В. Ф.* Из истории создания Лицевого летописного свода 2-й пол. XVI в. // Мат-лы и сообщ. по фондам Отд. рукописной и редкой книги БАН. М., Л., 1966. С. 5–19; *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967; *Флоря Б. Н.* Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 218–231; *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы, як помнікі літ-ры: Узнікненне і літ. гісторыя першых зводаў. Мінск, 1969; *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет: Судьба лит. произведения в Др. Руси. М., 1971; он же. К типологии

текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отеч. истории, 1975. М., 1976. С. 133–162; *Дзира Я. І.* Самійло Величко та його літопис // Історіографічні дослідження в Укр. РСР. К., 1971. Вып. 4. С. 198–223; *Прохоров Г. М.* Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // ВИД. 1972. Вып. 4. С. 77–104; он же. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерус. летописания // ТОДРЛ. 1977. Т. 32. С. 165–198; он же. Радзивилловский список Владимирской летописи по 1206 г. и этапы владимирского летописания // Там же. 1989. Т. 42. С. 53–76; он же. Мат-лы постатейного анализа общерус. летописных сводов: (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // Там же. 1999. Т. 51. С. 137–205; *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974; *Андреев Н. Е.* О характере 3-й Псковской летописи // Russia and Orthodoxy: Essays in honor of Georges Florovsky. The Hague, 1975. Vol. 2. P. 117–158; *Буганов В. И.* Отечественная историография рус. летописания. М., 1975; *Grabmüller H.-J.* Die Pskover Chroniken: Untersuch. zur russischen Regionalchronistik im 13.–15. Jh. Wiesbaden, 1975; *Клосс Б. М., Лурье Я. С.* Рус. летописи XI–XV вв. // Метод. рекомендации по описанию слав.-рус. рукописей для сводного кат. рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 1. С. 78–139; *Лурье Я. С.* Общерус. летописи XIV–XV вв. Л., 1976; он же. Холмогорская летопись // ТОДРЛ. 1970. Т. 25. С. 135–149; он же. Две истории Руси XV в.: Ранние и поздние, независимые и офич. летописи об образовании Моск. гос-ва. СПб., 1994; он же. История России в летописании и в восприятии Нового времени // Он же. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 11–172; *Творозов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод: Текстол. комент. // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 3–26; *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерус. летописания. М., 1977; *Мыцько Ю. А.* Украинские летописи XVII в. Днепропетровск, 1978; *Тихомиров М. Н.* Рус. летописание. М., 1979; *Клосс Б. М.* Никоновский свод и рус. летописи XVI–XVII вв. М., 1980; он же. Список Царского Софийской I летописи и его отношение к Воскресенской летописи // ЛиХ, 1984. М., 1984. С. 25–37; *Ромодановская Е. К.* Погодинский летописец: (К вопросу о начале сибирского летописания) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибир., 1980. С. 18–59; она же. Летописные источники о походе Ермака // Изв. СО. АН СССР. Сер. обществ. наук. 1981. № 11. Вып. 3. С. 21–26; *Лаврентьев А. В.* Списки и редакции летописного свода 1652 г. // Источниковедческие исслед. по истории феод. России. М., 1981. С. 62–82; он же. Ранний список Холмогорской летописи из собр. А. И. Мусина-Пушкина // ТОДРЛ. 1985. Т. 39. С. 323–334; *Муравёва Л. Л.* Летописание Сев.-Вост. Руси кон. XIII – нач. XV в. М., 1983; она же. Московское летописание 2-й пол. XIV – нач. XV в. М., 1991; она же. Рогожский летописец XV в. М., 1998; *Дворецкая Н. А.* Сибирский летописный свод: (2-я пол. XVII в.). Новосибир., 1984; *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации орденов и игра на Руси в летописании кон. XV в. // ДРИ. М., 1984. [Вып.:] XIV–XV вв. С. 283–313; *Шмидт С. О.* Российское гос-во в сер. XVI ст.: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984; *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорус.-литов. летописания. М., 1985; *Корецкий В. И.* История русского летописания

2-й пол. XVI – нач. XVII в. М., 1986; Франчук В. Ю. Киевская летопись: Состав и источники в лингвист. освещении. К., 1986; СККДР. 1987. Вып. 1. С. 234–251, 337–343 [Библиогр.]; 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 17–69 [Библиогр.]; Боданов А. П., Чистякова Е. В. «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о рус. историках 2-й пол. XVII в. и их трудах М., 1988; Боданов А. П. Летописец 1686 г. и патриарший скрипторий // КИДР: XVII в. 1994. С. 64–89; Ульяновский В. И. Летописец Кирилло-Белозерского монастыря 1604–1617 гг. // Там же. С. 113–139; Зиборова В. К. О летописи Нестора: Основной летописный свод в рус. летописании XI в. СПб., 1995; Самарин А. Ю. «Летописец князей Черкасских» как рукописный ист. сб. XVIII в.: (Состав, датировка, атрибуция) // ГДРЛ. 1995. Сб. 8. С. 246–255; Цыб С. В. Древнерус. времяисчисление в «Повести временных лет». Барнаул, 1995. СПб., 2011; Шашков А. Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России. Екат., 1996. Вып. 1. С. 116–161; Гитиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. 1997. Вып. 6(16). С. 3–72; он же. «Рекоша дружина Игоревы...»: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. Dordrecht. etc., 2001. Vol. 25. N 2. P. 147–181; он же. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // Ibid. 2002. Vol. 26. N 1. P. 63–126; он же. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы: (История и структура текста в лингвист. освещении) // Лингвист. источниковедение и история рус. языка, 2004–2005. М., 2006. С. 114–251; он же. К проблеме редакций Повести временных лет // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44; 2008. № 2. С. 3–24; он же. До и после Начального свода: Ранняя летописная история Руси как объект текстол. реконструкции // Русь в IX–X вв.: Археол. панорама. М.; Вологда, 2012. С. 37–63; Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись: Источники, структура, жанровые и идейные особенности // ДГВЕ, 1995. М., 1997. С. 80–165; Солодкин Я. Г. История позднего рус. летописания. М., 1997; он же. Очерки по истории общерус. летописания кон. XVI – 1-й трети XVII вв. Нижневартовск, 2008; он же. Об источниках и авторстве Поволжского летописца нач. XVII в. // ЛиХ, 2013–2014. СПб., 2015. С. 411–422; Яковлев В. В. Новгородское летописание XVII в.: АКД. СПб., 1997; он же. Новгородская Корнилевская летопись в рус. историографии XVIII–XX вв. и в науч. наследии А. А. Шахматова // Акад. А. А. Шахматов: Жизнь, творчество и науч. наследие (в печати); Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. М., 1998; Дергачева-Скоп Е. И. Сибирское летописание в общерус. лит. контексте кон. XVI – сер. XVIII вв.: АДД. Екат., 2000; Шибанов М. А. Редакторские приемы составителя Софийской I летописи // Опыт источниковедения: Древнерус. книжность. СПб., 2000. Вып. 3. С. 368–394; он же. Младшая редакция Софийской I летописи и проблема реконструкции истории летописного текста XV в. // Там же. 2001. Вып. 4. С. 340–385; Timberlake A. Who Wrote the Laurentian Chronicle (1177–1203)? // ZSP. 2000. Bd. 59. N 2. S. 237–266; idem. Redactions of the Primary Chronicle // Рус. язык в науч. освещении. М., 2001. № 1. С. 196–218; Бровов А. Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001; Пауткин А. А. Беседы с летописцем: Поэтика раннего рус. летописания. М., 2002; Щанов. Па-

мятники. С. 21–49; Новикова О. Л. Новгородские летописи нач. XVI в.: Текстология. Исслед. // НИС. 2003. Вып. 9(19). С. 221–244; она же. Из истории новгородского летописания XVI в.: Новгородская летопись П. П. Дубровского и родственные ей памятники // ОФР. 2005. Вып. 9. С. 3–40; она же. Мат-лы для изучения рус. летописания кон. XV – 1-й пол. XVI в. // Там же. 2007. Вып. 11. С. 132–258; 2009. Вып. 13. С. 105–197; она же. Лихачевский «Летописец от 72-х язык»: К истории создания и бытования // ЛиХ, 2009–2010. М.; СПб., 2010. С. 237–272; она же. «Летописец русский» в рукописях и в истории рус. летописания XV в. // Там же, 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 156–205; она же. О происхождении Синодальной редакции Типографской летописи // Вестн. Альянс-Археол. М.; СПб., 2014. Вып. 7. С. 3–22; Толочко П. П. Рус. летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003; Уо Д. К. История одной книги. СПб., 2003; Волина-Лебедева В. Г. Новый летописец: История текста. СПб., 2004; она же. Школы исследования рус. летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011; Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004; Гимон Т. В. Как велась новгородская погодная летопись в XII в.? // ДГВЕ, 2003 г. М., 2005. С. 316–352; он же. В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII–XIII вв.)? // Там же, 2004 г. М., 2006. С. 291–333; он же. Историописание раннесредневеков. Англии и Др. Руси: Сравн. исслед. М., 2012; он же. События XI – нач. XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГВЕ, 2010 г. М., 2012. С. 584–703; он же. Для чего писались рус. летописи?: Вторая версия // История: Электр. науч.-образоват. ж. 2012. Вып. 5(13). С. 237–262; он же. Новгородское историописание в правление Василия Калики (1330–1352) // Ист. повествование в Средневеков. России: К 450-летию Степенной книги: Мат-лы всерос. конф. М.; СПб., 2014. С. 36–70; idem. (Guimon T. V.). What Events Were Reported by the Old Rus' Chroniclers? // Collegium. Helsinki, 2015. Vol. 17. P. 92–117; Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отеч. летописания XVI в. М., 2005; Толочко А. П. Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи // Palaeoslavica. Camb., 2005. Vol. 13. N 1. P. 81–108; он же. Очерки начальной Руси. К.; СПб., 2015; Ставиский В. Київ і київське літописання в XIII ст. К., 2005; Накадава А. Исследования новгородских и московских летописей XV в. Тояма, 2006; Шайдакова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Н. Новг., 2006; Hristova D. S. Major Textual Boundary of Linguistic Usage in the Galician-Volhynian Chronicle // Russian History. Pittsburgh, 2006. Vol. 33. N 2. P. 313–331; Бовтиря А. М. Козацьке історіописання // Історія українського козацтва. К., 2007. Т. 2. С. 250–302; Щаєвлєв А. С. Слав. легенди о первых князьях: Сравнит.-ист. исслед. моделей власти у славян. М., 2007; Ostrowski D. The Načal'nyj Svod and the Povest' vremennux let // Russian Linguistics. Dordrecht, 2007. Vol. 31. N 3. P. 269–308; Анисимова Т. В. Сб. хронографические с Рогожским летописцем: (Археогр. описание) // ЛиХ, 2008. М.; СПб., 2008. С. 52–93; Кустерев С. Н. Эпизод истории частного московского летописания XV в. // Там же. С. 152–171; Мат-лы междунар. конф. «Повесть временных лет и начальное летописание» (Москва, 22–25 окт. 2008 г.) // ДРВМ. 2008. № 3(33). С. 5–75; Введенский А. М. Текстологический анализ летописного сказания

о крещении Новгорода // ТОДРЛ. 2009. Т. 60. С. 267–280; Вишкул Т. Л. Люди и князь в древнерус. летописях сер. XI–XIII вв. М., 2009; она же (Вишкул Т. Л.). Літопис і хронограф: Студії з домонгольського київського літописання. К., 2015; Усачев А. С. Степенная книга и древнерус. книжность времени митр. Макария. М.; СПб., 2009; он же. Летописец начала царства и митрополичья кафедра в сер. XVI в. // Проблемы отечественной истории и историографии XVII–XX вв.: Сб. ст., посвящ. 60-летию Я. Г. Солодкина. Нижневартовск, 2011. С. 5–21; он же. Митр. Афанасий и памятники рус. летописания сер.– 3-й четв. XVI в. // ЛиХ, 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 253–274; Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-Глебский сб. = Collectanea Borisoglebica. Р., 2009. Вып. 1. С. 183–305; Конявская Е. Л. Краткий новгородский летописец и его место в новгородском летописании // ДРВМ. 2010. № 1(39). С. 40–52; Милотенко Н. И. Новгородская I летопись младшего извода и общерус. летописный свод нач. XV в. // ЛиХ, 2009–2010. М.; СПб., 2010. С. 162–222; Аристов В. Ю. Проблемы происхождения сообщений Киевской летописи // Ruthenica. K., 2011. Т. 10. С. 117–136; Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011; Сиренов А. В. «Двухтомник» Воскресенской летописи // ЛиХ, 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 236–252; он же. О времени создания Воскресенской летописи // Ист. повествование в средневеков. России: Мат-лы всерос. науч. конф. М.; СПб., 2014. С. 113–125. (Историография и источниковедение отеч. истории; Вып. 7); он же. Пометы Томского списка Степенной книги и составление Лицевого летописного свода // Там же. С. 202–220; он же. Летописцы в рукописях Михаила Медоварцева // ЛиХ, 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 235–247; Стефанович П. С. «Сказание о призвании варягов», или Origo gentis russorum? // ДГВЕ, 2010 г. М., 2012. С. 514–583; Иванова Н. П. Месяцеслов Новгородской первой летописи. Барнаул, 2013; Назаренко А. В. Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерус. историографии // ДГВЕ, 2013 г. (в печати); Жуков А. Е. Летописец начала царства в составе свода 1560 г. // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 2014. Вып. 4. С. 162–173; он же. К вопросу об источниках Летописного свода 1560 г. // Ист. повествование в средневеков. России. 2014. С. 126–187; он же. К вопросу об истории текста «Летописца начала царства» // ЛиХ, 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 348–382.

В. Г. Волина-Лебедева, Т. В. Гимон,
А. Е. Жуков, Б. Н. Флорья

ЛЕТОСЧИСЛЕНИЕ — см. Хронология, Хронология библейская.

ЛЕУНКЛАВИЙ [Лёвенклау, Левенклав; лат. Leunclavius; нем. Löwenklau, Lewenklaw; наст. имя Иоганн (Ханс) Амельсбурн (фамилия по месту происхождения семьи из Амельсбурна)] (июль 1541(?), Косфельд, Вестфалия — июнь 1594(?), Вена), нем. ученый, историк, грецист, правовед. С 1555 г. учился в Виттенбергском ун-те у Ф. Меланхтона; в 1562 г. перешел в Гейдельбергский ун-т, где

приступил к изучению права, а также греч. языка у проф. В. Ксиландера; в 1566 г. перешел в Базельский ун-т. Основные научные интересы Л. были связаны с изучением и публикацией произведений древнегреч. лит-ры, трудов отцов Церкви, памятников рим. и визант. права. Среди изданных и переведенных им на латынь авторов Ксенофонт (IV в. до Р. X.; *Xenophontis et imperatoris & philosophi clarissimi omnia, quae extant, opera. Basileae, 1569*), Дион Кассий (III в. по Р. X.) с эпитомой несохранившихся книг его истории, созданной *Иоанном Ксифилином* (XI в.; *Dionis Cassii Cocceiani Historiae Romanae libri XLVI, partim integri, partim mutili, partim excerpti. Francofurti, 1592*); *Михаил Глика* (XII в.; *Annales Michaeli Glycae Siculi. Basileae, 1572*). В 1575 г. в Базеле Л. издал визант. законодательный сборник «*Эклога*» (VIII в.; *XL Librorum Basilicōn, id est universi iuris Romani, auctoritate principum Rom. Graecam in linguam traducti, Ecloga sive Synopsis: hastenus desiderata. Basileae, 1575*). Л. также составил большой сборник визант. правовых светских и канонических документов, который полностью был опубликован М. Фреером после смерти Л. (*Iuris Graeco-Romani tam canonici quam civilis tomī duo. Francofurti, 1596*). В числе проч. памятников в это издание вошли юридический сборник визант. канониста Константина *Арменула* (XIV в.), канонические ответы патриарха *Феодора IV Вальсамона* (XII в.) и иером. *Матфея Властаря* (XIV в.), подборки визант. имп. новелл, касающихся церковных вопросов, а также соборных постановлений К-польской Православной Церкви. Работы Л. стали основой для исследования традиции византийского светского и канонического права в Новое время. Значительным вкладом в изучение греческой патрологии было издание Л. трудов святителей *Григория Нисского* (*Opera D. Gregorii, Nyssemi episcopi, fratris Basilii Magni. Basileae, 1571*) и *Григория Богослова* (*Opera Gregorii Nazianzeni tomī tres. Basileae, 1571*). Для изучения наследия свт. Григория Богослова Л. использовал толкования на него *Михаила Пселла* (XI в.), а также до того времени неизвестные науке комментарии митр. *Илии Критского* (XII в.).

В течение жизни Л. предпринял неск. путешествий на Восток и сре-

ди современников приобрел славу лучшего знатока Османской империи и Вост. Средиземноморья, был принят при дворах герцогств Турина и Феррары. В 1584 г. Л. был приглашен сопровождать герм. дипломата Г. фон Лихтенштейна с посольством в К-поль (Стамбул), где провёл более полугода (окт. 1584 – апр. 1585). Знакомство с османскими столицей, а также с османскими подданными греками вдохновило Л. на изучение тур. истории и культуры. Работая в соавторстве с переводчиком с тур. языка Х. Годье (Шпигелем), в 1588 г. во Франкфурте Л. опубликовал «*Анналы Османских султанов, написанные турками на своем языке*» (*Annales Sultanorum Othmanidarum a Turcis sua lingua scripti. Francofurti, 1588*), представляющие собой беллетризованный перевод турецкой хроники Мухджи ад-Дина Гемали. В 1590 г. им был издан дополненный вариант того же труда под названием «*Новая хроника турецкого народа*» (*Neuwe Chronica türkischer nation. Basileae, 1590*). Эти работы получили широкое распространение в Зап. Европе, повлияли на формирование у европейцев представлений о Ближ. Востоке, Византии и «восточном вопросе».

Лит.: *Horowitz A. H. Leunclavius Johannes // Allgemeine deutsche Biographie. Lpz., 1883. Bd. 18. S. 488–493; ЭС. Т. 17а. С. 614; Trunz E. Der deutsche Späthumanismus um 1600 als Standeskultur // Deutsche Barockforschung / Hrsg. R. Alewyn. Köln; B., 1968³. S. 147–181; Troje H. E. Graeca Leguntur: Die Aneignung des byzant. Rechts und die Entstehung eines humanistischen Corpus iuris civilis in der Jurisprudenz des 16. Jh. Köln; W., 1971. S. 110–114, 264–269; *Курбатов Г. Л. История Византии: Историография. Л., 1975. С. 23; Metzler D. Lowenklaus, Johannes // NDBiogr. 1987. Bd. 15. S. 95–96; Stolte B. Observations on Joannes Leunclavius (1541–1594) at work // Rechtshistorisches Journal. Fr./M., 1994. Bd. 13. S. 219–233; *Berman N. German Literature on the Middle East: Discourses and Practices, 1000–1989. Ann Arbor, 2011. P. 87–88; Acs P. Pro Turcis and Contra Turcos: Curiosity, Scholarship and Spiritualism in Turkish Histories by J. Lowenklaus (1541–1594) // Acta Comeniana. Praha, 2011. Vol. 25. P. 25–46.***

ЛЕУШИНСКИЙ ВО ИМЯ СЯГО ИОАННА ПРЕДЕЧИ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ, находился при дер. Леушино Череповецкого у. Новгородской губ. (в 30 км к юго-западу от совр. г. Череповца Вологодской обл.), затоплен Рыбинским водохранилищем.

История. Сер. XIX в. – 1917 г. Основанию Л. м. предшествовало возведение в 1,5 км к югу от дер. Леу-

шино по указу Новгородской духовной консистории от 31 дек. 1859 г. небольшого деревянного храма в честь Рождества св. Иоанна Предтечи на средства помещиков Николая Николаевича и Глафиры Васильевны Каргопольцевых. 17 июня 1862 г. настоятель Воскресенского собора г. Череповца прот. Георгий Вознесенский освятил храм. Гатчинский купец Г. М. Медведев пожертвовал запрестольную икону «*Похвала Пресв. Богородицы*», к-рая прославилась как чудотворная. Известие об иконе привлекло в Леушино насельницу рыбинского Софийского мон-ря мон. Сергию (Нефедьеву), она решила организовать здесь обитель. В 1869 г. с.-петербургский купец И. М. Максимов купил Леушинское поместье на имя своей жены и разрешил поселиться в нем будущим инокиням. Общину возглавила крестьянка Агафья Викторова (в монашестве Агния).

11 янв. 1875 г. последовало «высочайшее соизволение», и 3 февр. был издан указ Синода об учреждении общины «в имении Санкт-Петербургской купеческой жены Пелагеи Максимовой с укреплением за общиной жертвуемого Максимовой имения» (Новгородские Ев. 1875. № 4. С. 11). 1 июня 1875 г. резолюцией митр. Новгородского и С.-Петербургского *Исидора (Никольского)* начальницей общины была назначена мон. Сергия, которая активно взялась за благоустройство обители: при ней были возведены 2 келейных корпуса. Но внутренние нестроения и интриги купцов Максимовых вынудили ее в 1877 г. попроситься на покой в Рыбинский мон-рь.

Следующей начальницей стала насельница *Горицкого в честь Воскресения Господня монастыря* мон. Леонтия (Коврова Мария Александровна). Под ее руководством была отремонтирована Иоанно-Предтеченская ц., построены 3 обширных 2-этажных келейных корпуса на каменных фундаментах, а также домовая ц. в честь Нерукотворного образа Спасителя (освящен 15 сент. 1880), вполс. 1-й монастырский храм (Предтеченская ц. из-за наличия при ней приходского кладбища была оставлена за оградой обители). В 1881 г. мон. Леонтия, не выдержав внутренних неурядиц, попросилась на покой в Горицкий монастырь, после чего встал вопрос об упразднении общины.

В февр. 1881 г. Новгородский и С.-Петербургский митр. Исидор направил в Леушино казначею Званского в честь иконы Божией Матери «Знамение» мон-ря мон. Таисию (Солопову). В личной беседе митрополит сказал ей: «Эта община требует умного распоряжения, деятельного надзора; она мне надоела... я тебя четвертую назначаю, а если и ты не сделаешь ничего полезного, то я ее закрою...» (Таисия (Солопова). 2006. С. 102). Согласно утверждению игум. Таисии, к этому времени купцы Максимовы изменили свои планы и стремились, «чтобы общину закрыли, и земля, таким образом, осталась бы снова их собственностью, на которой и устроили бы они сыроварню, так как они торговали в Петербурге сыром и маслами, почему и от общины, и от меня требовали доставлять им масло; очевидно, и я, как и мои предместницы, на это не сдавались» (Там же. С. 106). Мон. Таисия, несмотря на конфликты с Максимовыми, благоустроила обитель. В 1881–1884 гг. были выстроены несколько келейных и хозяйственных

Св. прав. Иоанн Кронштадтский и игум. Таисия (Солопова). Фотография. Нач. XX в.

городской духовной консистории был подписан 3 сент. 1885 г., а 1 окт. того же года мон. Таисия возведена в сан игумении; 8 нояб. в обители состоялся 1-й монашеский постриг. 19 окт. 1885 г. игум. Таисия получила разрешение на строительство каменного собора в честь иконы «Похвала Пресв. Богородицы» (1891) «на средства благотворителей и остаточную неокладную сумму» (Там же. № 20. С. 280). Для нового храма духовенство Со-

Леушинский во имя св. Иоанна Предтечи мон-рь. Фотография. Нач. XX в.

фийского собора Новгорода пожертвовало частицы мощей святителей Новгородских Иоанна и Евфимия и прп. Антония Римлянина. Эти св. частицы были положены в раку, и над ними устроена резная сень. В собор была перенесена также чтимая икона Божией Матери. В 90-х гг. XIX в. игум. Таисией были основаны Успенский и Иоанно-Богословский скиты с домовыми храмами, подворья в С.-Петербурге и Рыбинске, пароходная пристань близ дер. Борки на р. Шексне, велось строительство корпусов, надвратной колокольни и домовой ц. в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» с приделом прп. Иоанна Рыльского.

21 янв. 1903 г. указом Синода Л. м. был причислен к 1-му классу наряду с новгородским в честь Сошествия Св. Духа на апостолов женским монастырем. В том же году прав.

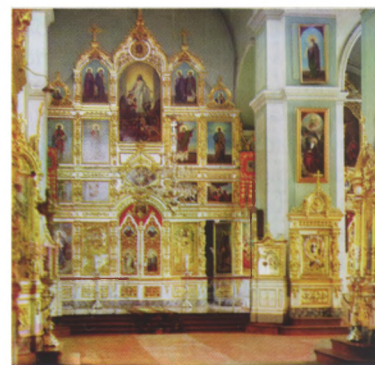
Иоанн Кронштадтский (Сергиев) заложил каменный Троицкий собор (1906) с приделом прп. Серафима Саровского — последнюю крупную храмовую постройку на территории мон-ря. В 1905–1906 гг. из неиспользованных стройматериалов была возведена и 10 июля 1906 г. освящена прав. Иоанном Кронштадтским каменная часовня в честь Благовещения Пресв. Богородицы, в к-рой перед иконой Божией Матери «Запечная» велось неусыпаемое чтение канонов и акафистов. 2 янв. 1915 г. игум. Таисия скончалась, передав своей преемнице игум. Агнии (Благовещенской Анне Никитичне; 1868–1938) благоустроенную обитель.

В исторической литературе распространено ошибочное утверждение, что в Л. м. накануне революции 1917 г. подвизалось свыше 700 насельниц. Но, согласно монастырской ведомости (ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4017а. Л. 426–538), в 1916 г. в нем проживало 460 насельниц, в т. ч. настоятельница-игумения, 2 игумении на покое, схимонахиня, 82 монахини, 75 послушниц, в 1918 г. — 443 насельницы. Кроме того, на территории Л. м. проживали и обучались воспитанницы леушинских церковно-учительской и 2-классной образцовой школ. При обители имелись иконописная, золоташвейная, чеканная и золотильная, рукодельная, ткацкая, башмачная, швейная мастерские. Насельницы занимались также прядением льна, шерсти, летом участвовали в полевых и огородных работах. Большинство икон для хра-

корпусов, каменная ограда, подворье в Череповце с каменной часовней в честь иконы Божией Матери «Достойно есть». В июне 1884 г. Л. м. впервые посетил архиерей — еп. Старорусский Анастасий (Добрадин). 24 июня он освятил монастырскую ограду и возглавил крестный ход вокруг Л. м., в посл. ставший традиционным. Благоприятный отзыв епископа позволил мон. Таисии ходатайствовать о преобразовании общины в общежительный мон-рь.

В июле 1885 г. определением Синода община была переименована в монастырь «с наименованием его Иоанно-Предтеченским Леушинским женским общежительным» (Новгородские ЕВ. 1885. № 18. С. 243). Соответствующий указ Нов-

Иконостас собора Похвалы Божией Матери. Фотография С. М. Прокудина-Горского. 1909 г.

мов Л. м., скитов и подворий были написаны своими иконописцами. 3 авг. 1913 г. 11 насельниц во главе с игум. Таисией были лично представлены имп. Николаю II Александр-

ровичу, имп. *Александр Феодоровне* и наследнику царевичу *Алексию* и вручили им вышитый стяг. Сама настоятельница представлялась членам имп. семьи 7 раз — случай редкий для игумении удаленного монастыря. Иногда сестры делали вышивки по просьбе прав. *Иоанна Кронштадтского*.

В 1898 г. Л. м. была устроена богадельня, в к-рой на полном монастырском иждивении содержались 12 престарелых монахинь и немощных сестер. Имелась больница на 10 коек для монашествующих, медицинские работники вели прием местных жителей и выдавали им лекарства. Зав. больницей мон. *Вероника (Астафьева)* с разрешения епархиального начальства обучалась фельдшерству в Свято-Троицкой общине сестер милосердия С.-Петербурга. При Л. м. также существовала б-ка, состоявшая из 219 богослужебных книг и 929 книг для чтения.

В 1916 г. Л. м. принадлежало 1707 дес. 867 кв. саж. земли, преимущественно пожертвованной купцами *Максимовыми*; последний их вклад (848 дес. 537 кв. саж.) датируется 1899 г. В 1912 г. на средства обители был куплен покос на берегу Шексны площадью 6 дес. 189 кв. саж. Согласно отчету за 1916 г., дохода земля не приносила, т. к. не сдавалась в аренду, а обрабатывалась своими силами. Казенных средств Л. м. не получал, главным источником его содержания служило Петроградское подворье (ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4306).

В храмах обители, скитов и подворий совершали богослужения 6 священников. Зав. церковно-учительской школой и 2 штатных монастырских священника служили в самом Л. м. Имелись штатные иереи при С.-Петербургском и Череповецком подворьях. Служба заштатного иерея в скитах оплачивалась из средств Л. м.

1917–2015 гг. После 1917 г. власти предлагали выселить сестер из монастырских корпусов. Об этом 16 нояб. митр. *Тифлисский* и *Бакинский Платон (Рождественский)* от имени Синода телеграфировал новгородскому комиссару Временного правительства *А. А. Булатову*, который обещал принять срочные меры к защите насельниц. С той же просьбой обратились инокини Череповецкого подворья к Военно-революционному комитету (ВРК), к-рый

направил 3 безоружных солдат, сумевших успокоить зачинщиков беспорядков. К 23 нояб. 1917 г. угроза погрома была снята, но череповецкий уездный комиссар Временного правительства, также предпринявший попытку защитить Л. м., подвергся репрессиям со стороны ВРК. В 1918 г. в состав Гос. фонда были изъяты все лесные дачи обители. Учительская жен. школа отошла в ведение органов народного образования Союза коммун Северной обл., 2-классная образцовая и одноклассная церковноприходская стали подчиняться управлению местных земских органов. 23 июня 1918 г. было получено предписание от Череповецкого губернского комиссариата о предоставлении помещений под контрою на 100 чел. и под квартиры служащих и семейств эвакуированного Онежского завода серной кислоты. Вскоре все монастырские здания за оградой, включая гостиницы, пришлось передать под квартиры служащих.

В 1919 г. под давлением властей насельницы Л. м. были вынуждены «самореорганизоваться» в сельскохозяйственную трудовую артель, получив в распоряжение весь сельхозинвентарь и 560 дес. земли. Председательницей артели стала игум. *Агния (Благовещенская)*, членами — насельницы. Председатель Петроградского церковного совета прот. *Михаил Чельцов* не только санкционировал данную «самореорганизацию», но и написал на представленном к утверждению экземпляре устава: «Иметь как образец в женских монастырях» (РиЦ. 1920. № 9/12. С. 59). *Леушинская сельхозартель* вскоре стала одной из лучших на территории Череповецкой губ. К 1920 г. сестры построили 1-ю в округе паровую электростанцию-мельницу, обеспечили существование при обители детской школы-коммуны «Новая жизнь», активно включились в кампанию по ликвидации безграмотности. Многочисленные проверяющие высоко оценивали деятельность артели и ее председательницы. Так, инспектор, посетивший *Леушино* 17 апр. 1921 г., отчитывался: руководитель артели (т. е. игум. *Агния*) «стоит звания Творца Нового Светлого Будущего Нашего Социалистического Отечества. Честь и слава членам *Леушинской* трудовой артели, достойным труженикам в нашей Молодой С[оветской] Респуб-

лике». Чиновник *Богданов* отметил: несмотря на то что работницы «в черных клобуках ходят, а своей работой доказали, что они Красные Герои Труда» (ЧерМО. Ф. 8. Оп. 5. Л. 6–6 об.). В 1920 г. завгубземом *Тимохин* предпринял попытку добиться переименования *Леушинской сельхозартели* в коммуны; правда, «по несознательности членов (слово Коммуна для них отрицательное)» эта попытка не удалась (Там же. Л. 3 об.— 4). Несмотря на смену офиц. наименования, Л. м. в 1919–1923 гг. продолжал оставаться полноценной обителью. Не прекращались богослужения во всех монастырских и скитских храмах, сестры неуклонно соблюдали келейное правило. Регулярно проводились иноческие постриги. Только с 1919 по 1928 г., по неполным данным, было совершено 105 постригов, из них 10 в схиму. Последний постриг, зафиксированный в архивных документах, состоялся 20 марта 1928 г. При этом число насельниц постепенно сокращалось, достигнув к 1923 г. 350 чел. (настоятельница-игумения, схиигумения на покое, игумения на покое, 5 схимонахинь, 138 монахинь, 67 послушниц, 137 «проживающих по паспортам»).

В 1922 г., во время кампании по изъятию церковных ценностей, были арестованы игум. *Агния* и казначая *Серафима (Щурова)*. В донесении прот. *Александра Светловского* в Череповецкое епархиальное управление (ЧЕУ) от 1 апр. 1923 г. сообщалось, что «игумения и казначая выбыли... Ключи от казенки находятся у настоятельницы, содержащейся в Череповце под арестом. В ее покоях, где хранились приход-расходные книги, был обыск, часть бумаг увезена в Череповец, другие покои опечатаны» (ГАВО. Ф. 1010. Оп. 3. Л. 14). В 1923 г. игум. *Агния* была приговорена к высылке за пределы губернии и фактическое управление общиной Л. м. перешло казначее *Серафиме*. 2 марта 1923 г. территория Череповецкой губ., на которой располагался Л. м., решением обновленческого ВЦУ была отнесена к утвержденной им самостоятельной Череповецкой обновленческой епархии. Но в ведении обновленцев Л. м. оставался, по-видимому, недолго, т. к. в списке обновленческих монастырей, составленном ЧЕУ в 1928 г., он уже не упоминается.

В 1923 г. Леушинская сельхозартель была переименована в совхоз «Леушино», к-рый возглавил светский человек, притеснявший инокинь. Власти неоднократно предпринимали попытки найти замену монахиням. С этой целью в мае 1924 г. было произведено объединение совхоза «Леушино» и детской школы-коммуны (колонии) «Новая жизнь». Но эта реорганизация поставленных целей не достигла и впоследствии была отменена. Постепенно в распоряжение светских властей перешли постройки Л. м. В 20-х гг. XX в. в домовой Спасской ц. устроили клуб, в сев. корпусе с надвратной колокольней и домовой Скорбященской ц. — профтехшколу, в сев.-вост. корпусе — детскую колонию «Новая жизнь». В 1928 г. под давлением властей сестры отказались от Иоанно-Предтеченской ц. В окт. того же года было принято решение об их выселении с территории обители. В распоряжении инокинь были оставлены только Троицкий и Похвальский соборы, оба скита с домовыми храмами, небольшой корпус в вост. ограде, отведенный под богадельню, и неск. домиков за пределами мон-ря.

13 окт. 1929 и 5 янв. 1930 г. в окрестной газ. «Коммунист» последовательно вышли статьи «Леушинская мразь» и «О том, как расследуют и опровергают газетные заметки», где действия заведующего, разрешившего монахиням работать в совхозе «Леушино», квалифицируются как «уголовное преступление» и предлагается срочно выселить инокинь с территории хозяйства. В нач. 1930 г. в с. Мяска из Череповецкого окрадного отделения было отправлено письмо с пометкой «Срочно. Секретно» с требованием принять меры к выселению монахинь с территории совхоза «Леушино». 4 февр. всем сестрам, в т. ч. проживавшим в Успенском и Иоанно-Богословском скитах, было объявлено требование в 10-дневный срок выселиться из келий и покинуть Леушинский край (всего оставалось 154 насельницы). Судя по информации из офиц. письма в окрисполком, датируемого 23 апр. 1930 г., выселение инокинь затянулось: «Президиум Мясковского РИКа сообщает, что схимницы, монахины находятся в Леушине, выселения последних не было вследствие того, что РИК не имеет до сего времени распоряжения, куда выселять». Изгнанные мо-

нахини проживали в ближайшем к Леушино селении или возвращались на родину. Их отъезд позволил властям закрыть в 1931 г. Троицкий собор и обе скитские церкви. В февр. 1932 г. были репрессированы бывшие насельницы, не пожелавшие покинуть Леушино, в т. ч. юродивая мон. Нектария. Проживавших на территории Ленинградского подворья сес-

Леушинский
во имя св. Иоанна Предтечи мон-рь
после затопления.
Фотография. 50-е гг. XX в.

тер во главе с игум. Агнией арестовали. Совхоз «Леушино» был закрыт, монастырские корпуса переданы в распоряжение школы для трудновоспитуемых (ЛОШТВ № 3), общее число воспитанников к-рой к 1938 г. составило 370 чел. В 1935 г. постановлением президиума Леноблсполкома собор Похвалы Пресв. Богородицы был закрыт и передан школе трудновоспитуемых детей; 14 сент. на совместном заседании ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение о строительстве гидроузлов у Рыбинска и Углича. В 1937 г. подпорный уровень Рыбинского водохранилища было решено увеличить с 98 до 102 м, в результате чего территория Л. м. попала в зону затопления. Постановлением оргкомитета ВЦИК по Вологодской обл. от 29 окт. 1938 г. Леушинскую школу с особым режимом (бывш. ЛОШТВ № 3) решено эвакуировать из зоны затопления. Часть ее воспитанников предлагалось разместить в корпусах упраздненных *Глушицкого Сосновецкого во имя св. Иоанна Предтечи и Григориевого Собора Пресв. Богородицы мужских монастырей* Вологодской обл., а еще 100 чел. направить за пределы области. В 1941 г. началось затопление лова Рыбинского водохранилища, завершившееся к 1947 г. Остовы По-

хвальского собора и колокольни Л. м. еще нек-рое время возвышались над поверхностью воды.

В память о Л. м. по благословию архиеп. Вологодского и Великоустюжского *Максимилиана (Лазаренко)* 6–7 июля в с. Мяска Череповецкого р-на, расположенном на берегу Рыбинского водохранилища, ежегодно отмечается престольный праздник Л. м., получивший название «Леушинские стояния», а в субботу, ближайшую к 17 сент., проводится ежегодный крестный ход в дер. Парфеново Череповецкого р-на, где сохранился старинный собор Парфеновского монастыря (дочерней обители Л. м.). 11 сент. 2014 г., в день праздника в честь Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, благочинный Череповецкого окр. иером. Флавиан (Митрофанов; впол. епископ Череповецкий и Белозерский) принял решение о возрождении мон-ря в с. Мяска и назначил начальницей буд. обители мон. Кириллу (Червову). 14 июня состоялось освящение нового деревянного храма в честь Рождества св. Иоанна Предтечи в с. Мяска. 16 сент. 2015 г. возрождающаяся обитель, в которой проживало неск. сестер, получила статус Архиерейского подворья.

Храмы и другие постройки. К нач. XX в. на территории Л. м. находилось 5 храмов. Каменный собор Похвалы Пресв. Богородицы с приделами арх. Михаила и свт. Николая Чудотворца строился по проекту известного архит. М. А. Щурупова (1815–1901). Центральный придел освящен 8 сент. 1891 г., боковые — 9 сент. в сослужении архиеп. Ярославского и Ростовского *Ионафана (Руднева)*, Орловского и Севского еп. Мисаила (Крылова) и Старорусского еп. Антония (Соколова). В склепе, к-рый устроили еще при жизни матушки, с разрешения высокопреосвященного Исидора была похоронена игум. Таисия (Новгородские ЕВ. 1915. № 6. С. 222). Изначально собор не был оштукатурен. Таковым он зафиксирован на фотографии (1909), сделанной С. М. Прокудиным-Горским. Но в 1910 г. из-за начавшегося разрушения наружных кирпичей его пришлось оштукатурить.

Троицкий собор освящен 18 мая 1906 г. архиеп. Новгородским и Старорусским *Гурием (Охотиным)*, придел прп. Серафима Саровского — 10 июля прав. Иоанном Кронштадтским. 6 марта 1931 г. закрыт, поста-

*Собор Похвалы Божией Матери.
1815–1901 гг.
Фотография
С. М. Прокудина-Горского. 1909 г.*

новлением президиума Ленинградского облисполкома передан мастерской профшколы. В 20-х гг. XX в. была закрыта и переоборудована под клуб домовая Спасская ц. (1880), в здании домовой Скорбященской ц. с приделом прп. Иоанна Рыльского при богадельне разместилась профтехшкола. Деревянный храм в честь Рождества св. Иоанна Предтечи (1862), располагавшийся за оградой Л. м., в 1876 г. был передан в распоряжение Леушинской общины, в 1877 г. отремонтирован (обшит тесом, выкрашен, в нем устроено печное отопление), в 1899 г. вновь

*Надвратная колокольня.
1898 г.
Фотография
С. М. Прокудина-Горского. 1909 г.*

отремонтирован, оштукатурен, выкрашен на средства с.-петербургской купчихи У. Сорокиной. В нач. XX в. из-за тесноты в церкви богослужения совершались всего 2 раза в год. В храме покоился прах его строительницы помещицы Г. В. Каргопольцевой. 12 янв. 1929 г. постановлением президиума Ленинградского облисполкома Предтеченский храм был закрыт, в 1930 г. разобран.

В Л. м. имелось 7 корпусов внутри ограды и 10 в одной связи с оградой, в основном 2-этажных, на каменных либо кирпичных фундаментах. Недалеко от настоятельского корпуса находилась каменная Благовещенская часовня (1906), за оградой — 2-этажная гостиница для паломников, церковноприходская школа, дома для причта и т. д. Обитель украшала высокая надвратная колокольня (1898), построенная в сев. ограде.

Скиты и подворья. Близ Л. м. располагались 2 скита. Успенский скит (называемый еще Савинский) был в 1,5 км к юго-западу от монастыря. Основание его связано с необходимостью переноса кладбища на новое место. 18 сент. 1887 г. указом Новгородской духовной консистории игум. Таисии разрешалось «открытие монастырского кладбища и устройство на этом кладбище часовни с 6 небольшими кельями для помещения стариц для наблюдения за порядком и чтения Псалтири по усопшим»

*Успенский скит.
Фотография
С. М. Прокудина-Горского. 1909 г.*

(Новгородские Ев. 1887. № 6. С. 92). Указом от 19 окт. 1890 г. дозволено пристроить алтарь к скитской часовне на средства старицы Екатерины Федоровны Харюковой (схимонахини, проживавшей в скиту). 1 окт. 1891 г. состоялось освящение Успенского скитского храма. Все постройки скита были деревянные, за исключением каменной надвратной колокольни, устроенной на средства подполковничьей вдовы Киселёвой в 1914 г. Рядом с колокольней с зап. стороны в 1916 г. находилась часовня св. кн. Александра Невского, а с восточной — сторожка. В Успенский скит на престольный праздник (15 авг.) ежегодно совершался крестный ход из Л. м. Среди посе-

тителей скита — сщмч. *Владимир (Богоявленский)*, еп. Старорусский. Иоанно-Богословский скит (называемый «Крестик») располагался в 1 км к юго-востоку от монастыря. В 1893 г. игум. Таисия выстроила там небольшую часовню с кельей. В 1899 г. в часовне устроили алтарь. В июле 1899 г. освящение Иоанно-Богословского храма совершил прав. Иоанн Кронштадтский. Один из паломников указал, что со временем скит превратится в большой мон-рь (Там же. 1911. № 29. С. 958). Все постройки скита были деревянные, за исключением отдельно стоящей каменной колокольни (1910). Ежегодно 8 мая (на престольный праздник) совершался крестный ход вокруг скитской ограды. После выселения монахинь из Л. м. большинство инокинь жили в скитах. Постановлением президиума Ленинградского облисполкома от 6 марта 1931 г. скиты были закрыты.

Значительные комплексы построек Л. м. находились в С.-Петербурге, Череповце и Рыбинске.

В столице, на Бассейной ул. (ныне ул. Некрасова, 31), располагалось самое крупное подворье, к-рое, согласно отчету за 1916 г., являлось главным источником содержания мон-ря. В дек. 1893 г. игум. Таисия приобрела у И. Бобкова за 7700 р. участок земли с небольшим ветхим домом. Каменное здание возводилось по проекту archit. Н. Н. Никонова (1849–1918), автора проекта комплекса по-

*Подворье в С.-Петербурге.
1894 г.
Фотография. 2013 г.*

строек с.-петербургского во имя прп. Иоанна Рыльского монастыря. На 1-м этаже подворья у входа находилась часовня, в нижней и средней части — жилые и хозяйственные

помещения, наверху — храм ап. Иоанна Богослова с приделом вмц. Варвары. 21 нояб. 1894 г. главный престол был освящен еп. Никандром (Молчановым) в сослужении прав. Иоанна Кронштадтского, ризничего Александро-Невской лавры архим. Гедеона, протоиерея Казанского собора Николая Головина и др. священнослужителей. 11 дек. 1894 г. архиеп. Новгородский и Старорусский *Феогност (Лебедев)* освятил придел вмц. Варвары. На подворье многократно совершал богослужения прав. Иоанн Кронштадтский. После революции подворье получило статус приходского храма, 8 мая 1930 г. постановлением президиума Ленинградского облисполкома его закрыли; но монахини продолжали проживать на территории подворья. 18 февр. 1932 г. последние 16 сестер во главе с игум. Агнией были арестованы. В 1995 г. митр. С.-Петербургский *Иоанн (Снычёв)* обратился к городским властям с просьбой вернуть комплекс бывш. подворья. В 1999 г. была зарегистрирована община, в июле 2000 г. в храме возобновились регулярные богослужения. 9 окт. того же года, на престольный праздник, была совершена 1-я литургия в историческом алтаре храма, где сохранилось основание престола. В 2007 г. РПЦ были возвращены нижние 2 этажа здания, до этого принадлежавшие диспансеру. 9 сент. 2007 г. на 1-м этаже вновь открылась часовня.

В С.-Петербурге, на Московском шоссе, 32, на участке, пожертвованном рыбинской купеческой вдовой М. И. Боровковой, имелось 2-е монастырское подворье. Самое раннее упоминание о нем содержится в письме прав. Иоанна Кронштадтского игум. Таисии от 28 июля 1902 г.: «Постройка твоя за Московскими воротами идет успешно» (Письма. С. 56). Из отчета за 1916 г. известно, что «в дополнение к Петроградскому подворью по недостаточности помещения для хозяйственных служб приобретено место за Московской заставой, мерою 625 кв. саж., на котором возведена постройка каменного двухэтажного дома со службами на нижнем этаже» (ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4306). Здание подворья сдавалось в аренду за 1000 р. в год. К 2015 г. на его месте стоял дом сер. XX в. (Московский проспект, 174).

Второе по величине подворье располагалось на ул. Крестовской (ныне угол улиц Ленина и Луначарского)

Череповца. Участок земли для него игум. Таисия приобрела за 600 р. вскоре после переезда в Леушино и выстроила каменную часовню. 18 марта 1883 г. Новгородская духовная консистория разрешила устройство «на принадлежащем общине месте в Череповце вместо настоящего примыкающего к часовне общины маленького ветхого домика нового деревянного дома с мезонином на средства благотворителей» (Новгородские ЕВ. 1883. № 7. С. 86). В 1883 г. в Череповец с Афона была доставлена заказанная игум. Таисией икона Божией Матери «Достойно есть». Протоиерей Воскресенского собора г. Череповца Косма Соловьёв освятил часовню в честь этого образа. Вскоре на месте часовни была устроена деревянная ц. в честь Сретения Господня (1894) с колокольней (нач. XX в.). После 1917 г. Сретенская ц. получила статус приходской, монахини проживали при ней до закрытия храма. В 1925–1930 гг. Сретенская ц. являлась главным тихоновским храмом в Череповце, с 1928 г. — кафедральным собором Череповецкого викариата Новгородской епархии юрисдикции Патриаршей Церкви и единственным храмом Череповца, не уклонившимся в раскол. Сретенский храм был закрыт постановлением президиума Ленинградского облисполкома от 7 февр. 1930 г. и переоборудован под пионерский клуб; снесен в 60-х гг. XX в.

В Череповце Л. м. принадлежал также участок земли, располагавшийся недалеко от р. Ягорбы, к-рый в 10-х гг. XX в. был пожертвован устраиваемой силами игум. Таисии Антониевой Черноозерской пуст. На городском вокзале была построена часовня свт. Николая Чудотворца, освященная 28 мая 1905 г. прав. Иоанном Кронштадтским. В 90-х гг. XX в. здание было отреставрировано, в нем устроен алтарь и стали проводиться богослужения. В июне 2014 г. по указу еп. Вологодского и Великоустюжского Игнатия (Депутатова) открыли самостоятельный церковный приход и часовня получила статус храма. В 1914 г. игум. Таисия выстроила деревянную на каменном фундаменте ц. свт. Николая Чудотворца для железнодорожников, располагавшуюся в 100 м от вокзала (ныне угол улиц Комсомольской и Максима Горького). Храм был освящен 5 окт. 1914 г. архиеп. Новгородским и Старорусским *Арсением (Стад-*

ницким), в 1918 г. закрыт, в 1922 г. переоборудован под клуб железнодорожников, в 60-х гг. XX в. снесен. В отчете за 1916 г. Николаевская ц. названа «подворской» наряду с Иоанно-Богословской в С.-Петербурге и со Сретенской в Череповце.

В кон. XIX в. Рыбинск являлся ближайшим к Л. м. крупным транспортным узлом и центром хлебной торговли. Поэтому Таисия решила приобрести здесь место, где бы могли останавливаться монахини, занимавшиеся закупкой провианта. В 1890 г. рыбинский помещик С. В. Михалков уступил участок для подворья на территории усадьбы Петровское. Вскоре здесь были выстроены каменная часовня прп. Сергия Радонежского (небесного покровителя жертвователя) и небольшой деревянный дом для сестер, состоявший из 3 келий и кухни. Но это место было не очень удобно, т. к. располагалось за Волгой. Игум. Таисия стала искать участок в центре города. В кон. 90-х гг. XIX в. купеческая вдова Боровкова предложила ей принять в дар угловое место с большим 2-этажным полукаменным домом, с каменным флигелем, с отдельными погребками, с сараями и общей прачечной в 18-м квартале, на углу Крестовой и Конюшенной улиц. В 1900 г. был инициирован процесс передачи строений. В 1902 г. сделка была заключена, имущество оценено в 2727 р. Согласно договоренности, после передачи строений Боровкова продолжала по меньшей мере до 1914 г. пользоваться всеми доходами от сдачи в наем жилья и оплачивала расходы на его содержание. В непосредственное распоряжение сестер поступил каменный флигель. В собственности Л. м. указанный участок значится в 1902–1918 гг. На основании предписания Рыбинского РИК от 13 нояб. 1923 г. дом № 98 (по новой нумерации № 86) по ул. Крестовой был муниципализирован. К 2015 г. он находился в частной собственности и использовался под арт-кафе.

Монастырская парходная пристань с часовней располагалась в 10 км от Л. м., на берегу р. Шексны, близ дер. Борки. В отчете за 1916 г. названа в числе монастырских подворий. Устроена в 1890 г. для удобства высадки пассажиров, прибывавших в Л. м. на водном транспорте. Игум. Таисия заручилась обещанием местных судовладельцев Милютиных приставать к пристани всем

пароходам, проплывавшим мимо нее, и стоять тут «для слушания молебного пения о плавающих и путешествующих». Молебны совершали нанятый мон-рем священник и монастырские певчие. Для проживания клириков и богомольцев на берегу Шексны, на земле, принадлежавшей крестьянам дер. Борки, были построены 2 дома, 1-этажный и 2-этажный. Для пения молебнов на правой стороне пристани в доме, над крышей к-рого красовалась небольшая главка с крестом, была оборудована просторная, увешанная иконами комната. Над пристанью помещалась большая доска с врезанной иконой Казанской Божией Матери и надписью: «Пристань Леушинского женского монастыря».

Трудами игум. Таисии Л. м. стал крупным образовательным центром. В 1916 г. при нем имелись 3 школы: церковно-учительская, 2-классная образцовая со 163 воспитанницами и церковноприходская для 52 мальчиков и девочек. Школы содержались вначале на собственные средства Л. м., затем на субсидии Училищного совета при Синоде. Церковноприходская школа была основана в 1881 г., вскоре после переезда мон. Таисии (Солоповой) в Леушино. Начало церковно-учительской и 2-классной образцовой (ставшей подготовительным отд-нием для первой) школам было положено в 1885 г., когда мон. Таисия по благословению митр. Исидора (Никольского) на территории Л. м. устроила приют для девочек из духовного сословия отдаленных уездов Новгородской епархии с училищем при нем. В 1891 г. для школы была составлена программа 5-летнего теоретического курса и 6-го года обучения в виде практической подготовки к учительству в церковноприходской школе. В 1892 г. Синод утвердил устав с правом преподавания выпускниц в церковноприходских школах. В 1896 г. училище зачислено в разряд второклассных. В 1897 г. получило статус церковно-учительской школы. С 1902 г. преподавательский состав церковно-учительской школы включал: заведующего (протоиерея с академическим образованием) и 6 учительниц; в 2-классной образцовой школе преподавали законоучитель (местный священник) и 4 учительницы. Учащиеся делились на неск. категорий. В 1916 г. в церковно-учительской школе было 27 своекоштных

воспитанниц, 36 казенных стипендиатов, стипендиатка архиеп. Гурья, монастырская стипендиатка. В 2-классной образцовой школе обучалось 69 своекоштных воспитанниц, 17 казенных стипендиатов, 4 монастырских и 8 т. н. приходских учениц.

Участие Л. м. в учреждении и возобновлении женских обителей. Игум. Таисия и леушинские сестры принимали активное участие в основании, возобновлении и благоустройстве по меньшей мере 8 женских монастырей. Во-первых, это монастыри, возобновленные игум. Таисией по просьбе Новгородских архиереев: *Ферапонтов Белозерский в честь Рождества Пресв. Богородицы монастырь* Кирилловского у. (возобновлен в 1903), *Антониева Черноезерская в честь Рождества Пресв. Богородицы пустынь* Череповецкого у. (возобновлена в 1911). Обители восстанавливались почти исключительно трудами леушинских насельниц. Во-вторых, это монастыри, устроенные игум. Таисией по инициативе и благословению прав. Иоанна Кронштадтского: *Воронцовский Благовещенский мон-рь* Псковской губ. (основан в 1898, получил статус мон-ря в 1899) и *Сурский во имя ап. Иоанна Богослова монастырь* (основан в 1899, получил статус мон-ря в 1900). Первые их настоятельницы и мн. насельницы также начинали свой путь в Л. м. Наиболее тесную связь с Л. м. имел Парфеновский мон-рь Череповецкого у. Первой его настоятельницей и устроительницей стала постриженница Л. м. игум. Руфина (Соснина Параскева Филипповна), прибывшая в Парфеново в июне 1902 г. с 5 леушинскими сестрами. 30 июня 1902 г. 1-й храм обители в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» освятил прав. Иоанн Кронштадтский по просьбе игум. Таисии. Парфеновская обитель заимствовала устав и порядки Л. м., и поэтому дореволюционные авторы священники А. Светловский и Иоанн Орнатский назвали ее в числе мон-рей, устроенных тщанием игум. Таисии. Настоятельницей Полновского Успенского монастыря Валдайского у. Новгородской губ. являлась постриженница Л. м. игум. Илария, при которой Полновская община была преобразована в монастырь. Первой начальницей и устроительницей Филаретовой пуст. Устюженского у. Новгородской губ.

являлась игум. Филарета (Соловьёва Ольга Герасимовна), которая в течение нескольких лет подвизалась в Л. м. После ее назначения начальницей Филаретовой общины многие из леушинских насельниц перешли в названную обитель. Наконец, в-четвертых, это с.-петербургский Иоанновский монастырь (основан в 1900 первоначально как подворье Сурского монастыря). Игум. Таисия принимала активное участие в его судьбе. В частности, она помогла прав. Иоанну Кронштадтскому найти участок земли для новой обители. Первая настоятельница и устроительница Иоанновского монастыря игум. Ангелина (Сергеева Анна Семеновна) приняла монашеский постриг на Леушинском подворье в С.-Петербурге.

В ряде источников указывается на участие игум. Таисии в устройстве Вауловского Успенского скита Ярославской губ., но документов, подтверждающих это, не обнаружено. Вауловский скит обустроивался исключительно трудами игум. Ангелины и прав. Иоанна Кронштадтского.

Святые и подвижники благочестия. С Л. м. связаны имена 2 канонизированных святых и нескольких подвижников благочестия. Игум. прмц. *Серафима (Сулимова)* в Л. м. начала иноческий путь, была пострижена в монашество, с 1902 г. служила казначеей, в общей сложности подвизалась в Леушино ок. 30 лет, после чего была назначена настоятельницей Ферапонтова монастыря; в 1918 г. расстреляна. *Димитрий Павский* в 1903 г. был рукоположен во священника (впосл. прот. сщмч. Димитрий) и назначен заведующим Леушинской церковно-учительской школой. О подвижнической деятельности и молитве игум. Таисии (Солоповой) неоднократно свидетельствовал прав. Иоанн Кронштадтский (*Таисия (Солопова)*. 2006. С. 143).

Евдокия Родионова (Родимая; 4 авг. 1803, дер. Б. Новинка Череповецкого у.— 1886) с 17 лет вела странническую жизнь, юродствовала, затем переселилась в Леушино. Отличалась даром прозорливости: считается, что предвидела убийство имп. *Александра II Николаевича*, приезд в общину новой настоятельницы игум. Таисии. Еще за год до ее назначения расхаживала по мон-рю, размахивая палками, покрикивая и припевая:

«Таисья больше всех,— кланяйтесь ей. Ха-ха-ха. Таисья больше всех». Когда стало известно об увольнении мон. Леонтии, сестры спрашивали у блаженной, кто будет их новой начальницей. И как-то, юродствуя, она сказала им: «А вот коли приедет к нам начальница с колоколом, то будет нам мама, а коли без колокола будет,— обратно отошлем; нам, мол, с колоколом надо, к Благовещенью звонить надо». Игум. Таисия действительно прибыла в Леушино с колоколом, пожертвованным мологской купчихой Гамулиной, и зазвонили в этот колокол в первый раз на праздник Благовещения. Игум. Таисией составлено подробное жизнеописание старицы Евдокии.

Подвижница Дарья Гавриловна Погодина (мон. Исидора; ок. 1833, с. Досифеева Пустынь Череповецкого у.— ?) в 1856 г. поступила в каргопольский Успенский монастырь Олонецкой губ., в 1895 г.— в Л. м. Во время болезни приняла тайный постриг в монашество. Отличалась даром прозорливости.

Мон. Нектария (Анучина Ольга Николаевна; 1869, г. Симбирск — ?) род. в семье дворянина, окончила Мариинскую гимназию. 14 авг. 1902 г. поступила в Л. м., где преподавала географию и историю в церковно-учительской школе. 25 нояб. 1909 г. приняла монашеский постриг, стала юродствовать. Отличалась даром прозорливости. В воспоминаниях кирилловского старца Александра Федоровича Грошева, записанных в 1976 г. историком-краеведом А. Трофимовым, сказано, что «ездили к ней архиереи, беседовали, спрашивали совета, особенно когда настало трудное время для Церкви... Когда зашел в ее келлию, кровати не увидел — спала на досках, на полу, сидя. Подремлет, прислонившись к стене, и снова молится. К ней много народа ездило, особенно в 20-х годах. Мне она многие забытые грехи сказала. Помнится, говорит: «Думаешь, это не грех, а это большо-о-ой грех». И говорит, как все было. Потом сказала, как буду жить, где, какие большие скорби ожидают. Рассказала, как была восхищена во сне на небо. Там увидела усопших младенцев. Они играют в веночках, кругом цветы, птицы летают, такое чудесное пение, красота неопишная. Видела прекрасные храмы, в которых служили священники в митрах» (*Маль-*

цев. Леушинский монастырь в годы гонений. 2010. С. 17–18). По словам старожилов, мон. Нектария предсказала закрытие леушинских храмов и разорение обители. 29 февр. 1932 г. арестована сотрудниками Мяксинского райотдела ОГПУ, 17 марта коллегией ОГПУ по Ленинградской обл. осуждена по статьям 58–10, 58–11 за «антисоветскую агитацию» и приговорена к 3 годам ИТЛ. Содержалась в Темниковском лагере (пос. Явас Мордовской АССР). 22 марта 1933 г. коллегией ОГПУ по Ленинградской обл. была досрочно освобождена без права проживания в Москве, Ленинграде, 10 крупнейших городах страны. Дальнейшая судьба неизвестна.

Многие из священнослужителей и насельниц Л. м. были репрессированы в советские годы, в т. ч. игум. Агния (Благовещенская; † 25 янв. 1938), мон. Анфия (Жукова Анна Федоровна; † 21 сент. 1937), предпоследний священник собора Похвалы Пресв. Богородицы игум. Серафим (Жизнин; † 9 окт. 1937), скончавшиеся в тюрьмах бывш. клирики с.-петербургского Леушинского подворья Иоанн Орнатский и Феодор Окунев и др.

Прав. Иоанн Кронштадтский впервые посетил Л. м. 16 июля 1891 г. по приглашению игум. Таисии и после этого почти ежегодно по пути с родины (с. Сура Пинежского у.) навещал обитель, задерживаясь в ней, по утверждению игум. Таисии, «на несколько дней, а иногда и недель» (*Таисия (Солопова)*. 2006. С. 145). В Л. м. он совершил закладку Троицкого собора, Иоанно-Богословского скита, Благовещенской часовни, освятил Иоанно-Богословский скитский храм, придел прп. Серафима Саровского Троицкого собора, Благовещенскую часовню. В одной из бесед с игум. Таисией он сказал: «Легко служить в твоём соборе... Вообще у тебя хорошие сестры, хорошая обитель, и не оскудеет она милосердием Божиим» (Там же. С. 151). Игум. Таисия и сестры регулярно обращались к святому с просьбой помолиться об их выздоровлении или помочь разрешить жизненные неурядицы. Телеграммы с подобными просьбами хранятся в Фонде Иоанна Кронштадтского (ЦГИА. Ф. 2219). Игум. Таисией описан случай, как в июне 1903 г. по молитвам святого в окрестностях Леушино прекратилась эпидемия сибирской язвы (*Таисия (Солопова)*. 2006. С. 160–162). В Л. м. воспитыва-

лась племянница святого. В последний раз прав. Иоанн Кронштадтский посетил Л. м. в 1908 г., незадолго до смерти, пробыв там 9 дней. Как пишет игум. Таисия, уезжая, он «стал все оборачиваться назад и глядел на обитель. Предполагая, что он забыл что-нибудь или хочет сказать едущим позади нас, я спросила его об этом, но он отвечал: «Любуюсь еще раз на твою обитель: тихая, святая обитель! Да хранит ее Господь; поистине с вами Бог!»» (Там же. С. 167).

К XXI в. во мн. популярных изданиях сообщалось о существовании в Л. м. местной святыни — Леушинской иконы Божией Матери, связанной с *Даневской иконой Божией Матери* «Аз есмь с вами и никтоже на вы» (см., напр.: *Беловолов Г., прот.* Леушинская икона Божией Матери «Аз есмь с вами и никтоже на вы». СПб., 2009; *Ильинская А. В.* Опираясь на Леушинский посох: Паломничество в Леуш. Град-Китеж. СПб., 2003). Согласно недовостановленной легенде, в кон. XIX в. по благословению игум. Таисии была написана икона Божией Матери с надписью: «Аз есмь с вами и никтоже на вы» — и якобы подарена прав. Иоанну Кронштадтскому, к-рый назвал икону «Спасительницей России». Святой передал образ в благословение иеросхим. *Серафиму (Вырицкому)* со словами: «Молись о спасении России пред этой иконой». Источником этой легенды является некая т. н. записка бывш. хранителя иконы «схиархимандрита» (?) Херувима (Дегтяря), основанная, по его словам, в значительной степени на рассказе предыдущих хранителей образа. Но записка, в тексте к-рой имеются многочисленные фактические ошибки, не является надежным источником. Упоминания об иконе отсутствуют в документах по истории Л. м., его скитов и подворий, а также во мн. дореволюционных публикациях (см. подробнее: *Филимонов*. 2009; *Он же*. 2012). Отсутствие документальных подтверждений и многочисленные неточности в сведениях об иконе послужили основанием для отклонения представления о включении в общецерковный месяцеслов дня празднования иконе «Аз есмь с вами и никтоже на вы» в ее т. н. Леушинском изводе на 68-м заседании Синодальной комиссии по канонизации святых РПЦ 5 июля 2004 г.

Арх.: ГАВО. Ф. 986. Оп. 1. Д. 147, 148, 186; Ф. 1010. Оп. 3. Д. 27, 30; Д. 98. Л. 10, 14; Д. 152; Ф. 1067. Оп. 1. Д. 409; Ф. 1129. Оп. 1. Д. 1–5; ГАЮ. Рыбинский фил. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1461. Л. 55; Д. 1511, 1572, 1581; Д. 1608. Л. 43, 46; Д. 1683; Д. 1740. Л. 55; Д. 1811. Л. 54; Д. 1878. Л. 55; Д. 1951; Д. 1959. Л. 55; Д. 2035. Л. 55; Д. 2121. Л. 5; Д. 2208. Л. 5; Д. 2310. Л. 54; Д. 2494. Л. 41–42; Д. 3464. Л. 42–43; ГИАНО. Ф–480. Оп. 1. Д. 3236. Л. 330–332 об.; Д. 3316. Л. 116–118 об.; Д. 3324. Л. 115–117 об.; Д. 3427; Д. 3787. Л. 22–23, 26–27; Д. 3796. Л. 69 об.; Д. 3797. Л. 82, 85–85 об., 86 об.; Д. 3799; Д. 3935. Л. 289–403; Д. 3934. Л. 212–224; Д. 3973. Л. 223–235; Д. 3976. Л. 287–397; Д. 4017а. Л. 426–538; Д. 4280. Л. 73–73 об.; Д. 4300. Л. 216–224; Д. 4306; Д. 4546–4549; Д. 4570. Л. 20; Д. 4568. Л. 1–1 об., 3–7 об.; Д. 4683; Д. 4750. Л. 4; Д. 4943. Л. 898–1022; Д. 4858. Л. 10; Оп. 3. Д. 19. Л. 1–5 об.; Ф. 481. Оп. 1. Д. 31. Л. 2–2 об.; Д. 45. Л. 2–10, 22–34; Д. 48. Л. 1; Д. 55. Л. 1–6; Д. 72. Л. 30–67 об.; Д. 198; Д. 207. Л. 18–18 об.; Д. 299; Д. 424. Л. 10–14; Д. 515. Л. 24; Д. 520. Л. 26–32 об.; Д. 533. Л. 2, 71 об.; Д. 713. Л. 9–14 об.; Д. 983. Л. 3; Оп. 3. Д. 19; Ф–835. Оп. 1. Д. 112; Ф. Р–131. Оп. 1. Д. 84. Л. 64; Ф. Р–139. Оп. 1. Д. 74. Л. 77 об.; Ф. Р–2136. Оп. 3. Д. 4. Л. 443; РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 2484; Д. 2569; ЧерМО. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1–4; Череповецкий центр хранения документации. Ф. 5. Оп. 3. Д. 14. Л. 108; Ф. 11. Оп. 2. Д. 3. Л. 35–35 об.; Д. 18. Л. 9–9 об.; Ф. 20. Оп. 1. Д. 10; Ф. 830. Оп. 1. Д. 1; ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 12. Д. 610. Л. 164 об.; Оп. 13. Д. 22. Л. 249; Оп. 48. Д. 48. Л. 99; Оп. 51. Д. 35; Ф. 7179. Оп. 10. Д. 237. Л. 40; Д. 281. Л. 9; Д. 283. Л. 125–183; Д. 791. Л. 153–154; Д. 902. Л. 47–48; Д. 1159. Л. 315–358; Ф. 7383. Оп. 1. Д. 64. Л. 24; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 311; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 1289; Ф. 2219. Оп. 1. Д. 7 а–г, 8, 9 а–б, 10, 14 а–б, 15, 21, 27, 28; УФСБ по Вологодской обл. Д. № П–13139. Ист.: Новгородские Ев. 1875. № 12. С. 6; 1877. № 3. С. 48; 1880. № 9. С. 134; 1881. № 6/7. С. 99; № 10. С. 271; 1882. № 14/15. С. 246; 1883. № 8/9. С. 120; № 13/14. С. 195; № 15. С. 214; № 17/18. С. 266; № 20. С. 301; 1884. № 14. С. 229; № 16. С. 245; 1885. № 8. С. 92; № 11. С. 130; № 20. С. 280–281; № 21. С. 292–293; 1886. № 12. С. 187; № 14. С. 226, 230; № 21. С. 400; 1887. № 4. С. 61; № 9. С. 166; № 11. С. 177; № 17/18. С. 266; 1888. № 23. С. 393; № 24. С. 429; 1889. № 5. С. 72; № 7. С. 97; № 9. С. 149; № 14. С. 222; № 16. С. 300; № 21. С. 368; 1890. № 9. С. 322; № 23. С. 642; 1891. № 18. С. 447, 448; 1892. № 4. С. 70; № 10/11. С. 245; 1893. № 19. С. 313; № 24. С. 402; 1894. № 8. С. 287; № 29. С. 987–991; 1897. № 10. С. 588; 1901. № 13. С. 845–862; 1903. № 4. С. 200; № 21. С. 1238; 1904. № 2. С. 51; № 10. С. 614; № 17. С. 1117; 1905. № 9. С. 488; № 11. С. 610; 1907. № 50. С. 1573; 1908. № 22. С. 657–658; № 23. С. 711; № 46. С. 1442; 1909. № 16; С. 438; № 22. С. 632; № 27. С. 800; 1910. № 15. С. 401–402; № 34. С. 1039; 1911. № 19. С. 623; № 26. С. 861–863; № 32. С. 1055; № 33. С. 1064; 1915. № 1. С. 49; № 5. С. 186–187; № 6. С. 221–224; № 7. С. 258–260; № 8. С. 286–288; № 10. С. 352–358; 1916. № 28. С. 860; № 50. С. 1576; 1917. № 1. С. 39; № 3. С. 157; 1918. № 10. С. 169; № 12. С. 11; № 21. С. 16; ПрибЦВ. 1891. № 40. С. 1378; ЦВ. 1903. № 51/52. С. 400. Лит.: Стефан (Куртеев), иером. Сказание об основании новой Пустынно-Предтеченской жен. общины. Вятка, 1880; Каргопольцов И. Н. Г. В. Каргопольцова. СПб., 1888; Краткие све-

дения о сооружении каменного 3-престольного соборного храма в Иоанно-Предтеченском Леушинском мон-ре Череповецкого у. Новгородской епархии. СПб., 1891; Таисия (Солопова), игум. Начало Сурской жен. обители. СПб., 1900; она же. Сурская жен. обитель во имя св. ап. и евангелиста Иоанна Богослова на родине о. прот. Иоанна Сергиева. СПб., 1901²; она же. Жизнеописание юродивой старицы Евдокии Родионовой, жившей при начале основания Иоанно-Предтеченского Леушинского первокл. жен. мон-ря. СПб., 1911; она же. Записки. Пг., 1916; она же. Леушинское подворье в Рыбинске: Ист. описание. СПб., 2002; она же. Соч. М., 2006; Событие в церкви Леушинского подворья 14 марта 1902 г. в СПб., с прил. Очерка жизни о. Иоанна Ильича Сергиева, прот. Андреевского собора в Кронштадте. СПб., 1902; Ист. описание Иоанно-Предтеченского Леушинского жен. мон-ря. СПб., 1907³; Иоанн Кронштадтский, св. Беседы с настоятельницей Иоанно-Предтеченского Леушинского первокл. мон-ря игум. Таисией: С присовокуплением описания нек-рых особ. событий из жизни игум. Таисии. СПб., 1909; он же. Письма к настоятельнице Иоанно-Предтеченского Леушинского первокл. мон-ря игум. Таисии. СПб., 1909; Орнатский И., прот. У свежей могилы // Кронштадтский пастырь. СПб., 1915. № 4; Светловский А., прот. Поминальная проповедь памяти игум. Таисии // Новгородские Ев. 1915. № 8. С. 286–288; Коммунист. Череповец, 1929. 13 окт.; 1930. 5 янв.; Вперед. Мая, 1932. 18 янв.; Стрельникова Е. Р. Кронштадтский пастырь на Кирилловской земле // К свету: Альм. М., 1997. Вып. 15. С. 112–120; она же. Агния (Благовещенская), игум. // ПЭ. 2000. Т. 1. С. 260–261; Успенский скит С.-Петербургского Иоанновского мон-ря. М., 2003. Снытко О. В. История Леушинского Иоанно-Предтеченского мон-ря в док-тах Новгородского ист. архива // Вестн. ПСТГУ. 2004. № 3. С. 177–205; Филимонов В. П. О прп. Серафиме Выричком и иконе «Аз есмь с вами, и никтоже на вы». Кириллов, 2009; он же. Икона Божией Матери «Аз есмь с вами, и никтоже на вы»: Правда и вымыслы. Вологда, 2010; он же. Под маской православия. Вологда, 2010; он же. Как создаются легенды. Вологда, 2012; Мальцев М. Г. Подарок из прошлого: о Мяксе, Леушинском мон-ре и обретении неизв. автографа Иоанна Кронштадтского и фотографии игум. Таисии // Благовестник. 2009. № 7/9. С. 14–25; он же. Антониева Черноозерская пустынь. СПб., 2010. Ч. 1–3; он же. Дочерние обители Леушинского мон-ря. СПб., 2010; он же. Игуменни, священнослужители и церковнослужители Леушинского мон-ря. СПб., 2010; он же. Игум. Таисия (Солопова). СПб., 2010; он же. Леушинский мон-рь от основания обители до кончины игум. Таисии. СПб., 2010; он же. Леушинский мон-рь в годы гонений на веру. СПб., 2010; он же. Леушинский мон-рь после выселения монахинь. СПб., 2010; он же. Летопись Леушинского мон-ря. СПб., 2010; он же. Насельники Леушинского мон-ря. СПб., 2010; он же. От автора статьи «Подарок из прошлого» // Благовестник. 2010. № 1/3. С. 48–51; он же. Св. прав. Иоанн Кронштадтский на Череповецкой земле. СПб., 2010; он же. Храмы, часовни и подворья Леушинского мон-ря. СПб., 2010; он же. Летопись Парфеновского мон-ря. СПб., 2011; он же. Парфеновский мон-рь. СПб., 2011. Ч. 1–2.

М. Г. Мальцев

ЛЕФЕВР [франц. Lefebvre] Марсель Франсуа (29.11.1905, Туркуэн, Франция — 25.03.1991, Маргинь-Виль, Швейцария), архиеп. Тюльский, основатель наиболее массово-

М. Ф. Лефевр, архиеп. Тюльский. Фотография. 1980 г.

го движения в совр. католич. традиционализме, критик реформ в Римско-католической Церкви после Ватиканского II Собора. В 1988 г. за совершение т. н. незаконных епископских рукоположений Л. был отлучен от Церкви.

Род. в семье владельца текстильной фабрики. Родители Л. были глубоко религ. людьми, семья ежедневно посещала мессы; вполс. 5 из 8 детей выбрали церковное служение: помимо Л. священником конгрегации Св. Духа стал его старший брат Рене, сестра Жанна — монахиней об-ва св. Марии Исправительницы, Бернадетта (Мария Габриела) — монахиней конгрегации Св. Духа, Кристиана (Мария Кристиана) — монахиней ордена босых кармелиток. В 1913–1923 гг. Л. воспитывался в коллеже Святейшего Сердца в Туркуэне; окончив его, поступил в папскую Французскую семинарию в Риме, посещал занятия в папском Григорианском университете, где в мае 1925 г. получил степень д-ра философии. Во время обучения в Григорианском ун-те, в 1926 и 1927 гг., Л. призывался на военные сборы во Францию. 25 мая 1929 г. в Латеранской базилике генеральный викарий Рима кард. Базилио Помпили рукоположил Л. во диакона, после чего он был направлен в еп-ство Лилль. 21 сент. того же года Лилльский еп. Ашиль Льянар рукоположил его во пресвитера. Вернувшись в Рим, Л. завершил учебу в Григорианском ун-те; 2 июля 1930 г. он получил степень

д-ра теологии. По примеру старшего брата пресв. Рене Лефевра, вступившего в монашескую конгрегацию Св. Духа, к-рая занималась миссионерством во франц. колониях в Африке, Л. выразил желание стать миссионером, но по окончании учебы был обязан отслужить год в Лилльском еп-стве. Еп. А. Лъенар назначил его 2-м вариарием на приход Пресв. Девы Марии Лурдской в Ломе, промышленном пригороде Лилля; там Л. занимался катехизацией молодежи.

В сент. 1931 г. Л. вступил в новициат конгрегации Св. Духа в Орли (близ Парижа). 8 сент. 1932 г. он принес временные монашеские обеты. В нояб. того же года был направлен в католич. миссию в Габон и назначен преподавателем семинарии св. Иоанна в Либревиле; в 1934 г. стал ректором этой семинарии. 28 сент. 1935 г. принес вечные монашеские обеты. Помимо руководства семинарией совершал миссионерские поездки по Габону, являлся настоятелем миссий св. Михаила в Нджоле (1938–1939), св. Марии в Либревиле (1939–1940), св. Павла в Донгиле (1940–1943), св. Франциска Ксаверия в Ламбарене (1943–1945). В 1945 г. генеральный настоятель конгрегации Св. Духа архиеп. Луи Ле Энсек отозвал Л. во Францию; 16 окт. Л. был назначен ректором схоластиката в Мортене (Франция).

12 июня 1947 г. папа Римский Пий XII утвердил декрет Конгрегации пропаганды веры о назначении Л. титулярным епископом Антедонским и апостольским вариарием Дакара (Сенегал). Епископское рукоположение Л., состоявшееся 18 сент. того же года в приходской церкви в Туркуэне, возглавил Лилльский еп. кард. А. Лъенар. Помимо управления апостольским вик-ством Дакара папа Пий XII вскоре поручил Л. дипломатическое представительство Папского престола в африкан. странах, являвшихся франц. колониями; 22 сент. 1948 г. Л. был назначен апостольским делегатом Франц. Африки и в связи с этим возведен в сан архиепископа с присвоением ему титулярной кафедры Аркадиополя Еврейского.

В нояб. 1947 г. Л. прибыл в Сенегал, где значительную часть католич. духовенства составляли члены конгрегации Св. Духа. В отличие от Габона Сенегал был территорией развивающейся католич. миссии, где из

2,5 млн жителей страны свыше 90% были мусульмане, католиков насчитывалось ок. 55 тыс. чел. Перед Л. стояла задача развить миссионерскую территорию до уровня архиепископства, создать в ней различные церковные структуры. В 1949 г. он создал коллеж св. Марии для детей и подростков, ставший крупным образовательным центром Дакара, и положил начало формированию сети католич. школ в стране. Для миссионерской работы в Сенегале он приглашал представителей различных муж. и жен. монашеских орденов и конгрегаций, был открыт мон-рь кармелиток в Себикотане, увеличилось число принимаемых в ДС местных жителей, возросло число клириков (с 42 до 110), монашествующих (с 14 до 33) и монахинь (с 120 до 250), в Дакаре были построены 10 церквей, стали выходить периодические католич. издания «*Afrique Nouvelle*» (Новая Африка) и «*Horizons Africains*» (Африканские горизонты), развивалась работа социальных и молодежных орг-ций «*Католического действия*». 14 сент. 1955 г. буллой папы Пия XII «*Dum tantis Ecclesiae*» апостольский вариариат Дакара был преобразован в архиеп-ство, а Л. стал 1-м архиепископом Дакара.

В качестве апостольского делегата Франц. Африки Л. представлял Папский престол от лица 26 апостольских вик-ств и 17 апостольских префектур в странах Франц. Зап. Африки, Франц. Экваториальной Африки, а также в Марокко, в странах Сахары и на Мадагаскаре. Согласно данным папой Пием XII директивам, Л. поручалось развивать структуры католич. Церкви в Африке путем реорганизации католич. миссий в самостоятельные диоцезы, на кафедры в к-рых он должен был подбирать кандидатуры из числа клириков, принадлежавших к коренному населению стран, поощрять развитие миссионерства и деятельность светских католич. орг-ций. Стараниями Л. были созданы апостольские вик-ства и префектуры (всего — 21), а также учреждены 11 архиеп-ств и 30 еп-ств, рекомендованы к назначению в качестве правящих епископов 37 кандидатур, в основном из числа местного населения. Л. способствовал учреждению 3 епископских ассамблей (Мадагаскара, Франц. Зап. Африки и Франц. Экваториальной Африки), однако настаивал на вспомогательном и координационном характере

их деятельности, подчеркивая, что правящий епископ диоцеза обладает властью и независим по отношению к структурам епископских ассамблей. Успешная деятельность Л. была отмечена папой Пием XII, который привлек его в качестве советника при подготовке энциклики «*Fidei donum*» от 21 апр. 1957 г., посвященной католич. миссиям в Африке.

В нач. 1959 г. Л. выразил желание оставить один из своих постов, и 22 июля 1959 г. папа Римский Иоанн XXIII освободил его от должности апостольского делегата Франц. Африки, оставив правящим архиепископом Дакара. 15 нояб. 1960 г. Иоанн XXIII сделал его ассистентом папского трона. Как представитель франкоязычных стран Зап. Африки, Л. был назначен в Центральную подготовительную комиссию II Ватиканского Собора, созданную в соответствии с *motu proprio* «*Superno Dei nutu*» от 5 июня 1960 г. Во время сессий комиссии Л. выступал с критикой отдельных проектов документов (схем), в т. ч. о реформе литургии (с т. зр. Л., введение в богослужение народных языков вместо латыни разрушило бы символ единства в католич. вере разных народов), об *апостольстве мирян* (архиепископ высказался против предоставления светским католич. орг-циям большей автономии от церковных властей), а также о религ. свободе (в этом проекте документа Л. видел противоречие с социальным учением Римских пап со времен Пия IX, осуждавших принципы религ. либерализма, свободы совести и светского гос-ва). Уже на 1-й сессии комиссии 15 июня 1961 г. Л. указал на недопустимость включения в состав подготовительных комиссий Собора в качестве консультантов тех теологов, чьи работы были подвергнуты церковной цензуре за несоответствие католич. вероучению, прежде всего подразумеваемая доминиканца пресв. Ива Конгара и иезуитов Анри де Любака и Карла Ранера.

Л. одобрял начавшийся в тот период процесс деколонизации африкан. стран и получение в 1960 г. Сенегалом независимости от Франции, однако выступил с критикой курса «африканского социализма», провозглашенного 1-м президентом Сенегала Л. С. Сенгором. Поскольку Сенгор был католиком, Л. указывал ему на противоречие между идеологией социализма и социальным учением ка-

толич. Церкви, а также на опасность выбора социалистического пути развития страны, к-рая может оказать в сфере влияния СССР, что приведет к распространению марксизма и атеизма. По неофиц. просьбе Сенгора папа Иоанн XXIII принял решение об отзыве Л. из Сенегала. 23 янв. 1962 г. Л. был назначен на кафедру еп-ства Тюль (Франция) с сохранением личного титула архиепископа. 12 февр. он отслужил прощальную мессу в Дакаре, 10 марта прибыл в Тюль. 26 июля на генеральном капитуле конгрегации Св. Духа Л. был избран ее новым генеральным настоятелем; 7 авг. это решение было утверждено папой Иоанном XXIII, к-рый в связи с избранием освободил Л. от управления еп-ством Тюль и назначил его титулярным архиепископом Синнады Фригийской.

В качестве генерального настоятеля конгрегации Св. Духа Л. принял участие во II Ватиканском Соборе, возглавив консервативную группу соборных «интегрисов» «Coetus Internationalis Patrum» (Международное об-во отцов), объединившую ок. 250 участников Собора. «Coetus» выступало против курса на обновление (см. «*Aggiornamento*») Римско-католической Церкви и изменения социального учения, в т. ч. против принятия соборных документов о религ. свободе, об экуменизме и о межрелиг. диалоге. Уже в ходе 1-й сессии Собора Л. участвовал в организации и работе исследовательской группы из неск. епископов и теологов, к-рая собиралась в рим. представительстве конгрегации Св. Духа для изучения проектов соборных документов. В начале 2-й сессии Собора в окт. 1963 г. по инициативе браз. иерархов архиеп. Диамантинского Жералду ди Пруэнсы Сигауда и еп. Кампусского Антонио де Кастро Майера была создана постоянная группа, к-рую возглавил Л.; в нее входили епископы и консультанты-теологи из числа соборных традиционалистов. Деятельность группы получила поддержку со стороны влиятельных кардиналов Альфредо Оттавиани, Джузепе Сири, Эрнесто Руффини, Майкла Брауна, Аркадио Марии Ларраоны и др. Во время 2-й сессии группа проводила еженедельные конференции; ею были подготовлены и распространены среди участников Собора критические замечания по проектам документов «О Церкви», «О епископах» и «Об экуменизме». 6 дек. 1963 г.

Л. был принят папой Римским Павлом VI, к-рый одобрил деятельность группы, подчеркнув важность консолидированного выражения мнения соборного «меньшинства». В перерывах между сессиями Л. и ряд др. членов группы собирались в бенедиктинском аббатстве св. Петра в Солеме (Франция), откуда в авг. 1964 г. отправили участникам Собора письмо, извещавшее об официальном создании соборной группы отцов, «связанных с Традицией Церкви». После начала 3-й сессии 2 окт. 1964 г. группа продолжила деятельность в новом формате, а в нояб. того же года получила окончательное наименование «Coetus Internationalis Patrum».

Среди проектов соборных документов наиболее сильную критику Л. и его группы вызвали проекты догматической конституции о Церкви «*Lumen gentium*», декрета об экуменизме «*Unitatis redintegratio*», декрета о епископах «*Christus Dominus*», декларации о религ. свободе «*Dignitatis humanae*» и пастырской конституции о Церкви в совр. мире «*Gaudium et spes*». При этом конституция о священной литургии «*Sacrosanctum Concilium*» не была раскритикована Л., т. к. изложенные в ней общие принципы литургической реформы рассматривались им как в целом соответствующие католич. вероучению: напр., он одобрил сохранение в богослужении лат. языка как обязательного (CVatII. SC. 36). Помимо участия в обсуждении проектов документов группа выступала с инициативой посвящения мира Непорочному Сердцу Пресв. Девы Марии, а также предложила составить отдельный соборный документ, в котором католич. социальное учение должно было противопоставляться идеологиям марксизма, социализма и коммунизма, однако эти инициативы не получили поддержки со стороны большинства участников Собора.

Изложенная в проекте догматической конституции «О Церкви» и в проекте «О епископах» идея коллегиальности епископата предполагала, что наряду с папой Римским носителем верховной и полной власти в католич. Церкви является коллегия епископов, к-рая вместе с Римским епископом участвует в деле учительства и управления всей Церковью (ср.: CVatII. LG. 22; CVatII. CD. 3). С т. зр. Л. и группы, это противоречило принятому на *Ватиканском I Соборе* учению о примате Рим-

ского епископа, его личной верховной и абсолютной власти в католич. Церкви. В течение 3-й сессии Собора группа использовала различные способы противодействия принятию схемы «О Церкви», в т. ч. направив в соборную комиссию по разработке схемы свыше 500 замечаний по тексту. Л. вошел в состав группы из 35 кардиналов и 5 епископов, к-рая под рук. А. М. Ларраоны составила и 18 окт. 1964 г. отправила папе Павлу VI письмо, где указала на опасность учения о коллегиальности епископата, поскольку оно изменяет структуру католич. Церкви, к-рая «из монархической становится епископальной и коллегиальной» и позволяет «говорить о Римском епископе как о первом среди равных (*primus inter pares*) по отношению к другим епископам» (*Lefebvre. J'accuse le Concile! 1976². P. 60*). Тем не менее 12 нояб. схема «О Церкви» без существенных изменений была принята соборным большинством, однако папа Павел VI был вынужден согласиться с необходимостью разъяснения спорных мест догматической конституции, поручив кард. А. Оттавиани оформить их в виде оглашенного на соборном заседании 16 нояб. приложения к конституции «*Lumen gentium*» — «Предварительного пояснительного примечания» (*Nota explicativa praevia*). В получившем поддержку Л. и группы «Примечании» указывалось, что коллегиальность следует понимать не в юридическом смысле, но в смысле сотрудничества и помощи, оказываемой коллегией епископов Римскому понтифику, чья верховная власть в католич. Церкви безусловно сохранялась.

Говоря о развитии католич. экуменизма, Л. указал на расхождение положения схемы «Об экуменизме», где было отмечено, что Св. Дух не отказывается использовать не католич. Церкви и общины как спасительные средства (ср.: CVatII. UR. 3), с традиц. католич. учением о том, что только католич. Церковь, как единственная истинная, является средством спасения. Отстаивая рим. централизм, т. е. систему централизованного управления католич. Церковью посредством Римской курии, Л. критиковал положение схемы «О епископах», расширявшие автономию и полномочия епископских конференций и закреплявшие за их решениями обязательную каноническую, а не только пастырскую силу (ср.:

CVatII. CD. 38), что, с т. зр. Л., приводило к ослаблению власти правящего епископа в его диоцезе.

Основными объектами критики Л. в соборных выступлениях и в рамках деятельности «Coetus» были проекты декларации «О религиозной свободе» и пастырской конституции «О Церкви в современном мире». Данные документы рассматривались Л. как противоречившие традиц. социальному учению Римских пап XIX и XX вв. Они содержали новое социальное учение, которое основано на принципах христ. гуманизма и примиряет католич. Церковь с либеральной системой ценностей совр. западноевроп. цивилизации. В замечаниях по схеме «О религиозной свободе», направленных Л. 30 дек. 1964 г. в секретариат Собора, он указывал на осуждение принципа свободы совести папой Пием IX в энциклике «Quanta cura» с приложением «*Syllabus errorum*» (1864), а также на традиц. католич. позицию о государственно-церковных отношениях, изложенную папой Римским Львом XIII в энциклике «*Immortale Dei*» (1885), где осуждался принцип светского гос-ва. Л. выражал опасение, что принятие этой схемы в качестве соборного документа приведет к исчезновению гос-в, признающих католицизм гос. религией, католич. школы будут вынуждены принимать на обучение детей, исповедующих иные религии, католикам будет сложно осуществлять миссию из-за догматического и практического релятивизма (Lefebvre. *J'accuse le Concile!* 1976². P. 47). В ходе 3-й сессии Собора «Coetus» удалось организовать среди участников устойчивую оппозицию, выступавшую против проекта декларации, в связи с чем 9 окт. 1964 г. папа Павел VI принял решение создать специальную комиссию для переработки текста проекта; в состав комиссии был включен Л., что вызвало протест со стороны 17 кардиналов-«прогрессистов», к-рые добились от папы исключения Л. из числа членов комиссии. Во время 4-й сессии Собора Л. и др. члены группы продолжали выступать с критикой проекта декларации, побудив папу Павла VI распорядиться внести в преамбулу декларации фразу о сохранении «в неприкосновенности традиционного католического учения о нравственных обязанностях людей и сообществ по отно-

шению к истинной религии и единой Церкви Христовой» (CVatII. DH. 38). Тем не менее при заключительном голосовании 19 нояб. 1965 г. значительное число участников Собора выступило против принятия декларации «*Dignitatis humanae*» (1954 голоса за, против — 249).

Еще в начале 4-й сессии 9 сент. 1965 г. Л. направил в секретариат Собора письменные возражения по проекту пастырской конституции «О Церкви в современном мире» (рабочее название — «Схема XIII»), обвинив авторов этого проекта в том, что они не следуют католич. вероучению в вопросах свободы и достоинства человеческой личности, но провозглашают новое учение, основанное на позициях антропоцентризма и ложного гуманизма, «смеси номинализма, модернизма, либерализма и теярдизма» (Lefebvre. *J'accuse le Concile!* 1976². P. 92). Критика схемы со стороны членов «Coetus» и др. участников Собора привела к изменениям отдельных мест проекта, однако не удалось добиться внесения в схему положений, осуждающих коммунизм как идеологию, к-рая противоречит социальному учению католич. Церкви. Противодействие принятию «Схемы XIII» продолжалось до последнего дня работы Собора, когда проект был принят большинством голосов (2111 голосов за, против — 251). 7 дек. 1965 г., во время финального голосования по декларации «*Dignitatis humanae*» (2308 голосов за, против — 70) и пастырской конституции о Церкви в совр. мире «*Gaudium et spes*» (2307 голосов за, против — 75), Л. голосовал против этих документов, однако на итоговых листах актов Собора поставил свою подпись, что вполн. объяснялось им «моральным давлением папы»: «...я не мог отделиться от папы: если папа подписал, я был морально обязан подписаться» (см.: *Tissier de Mallerai*. 2002. P. 333).

Совмещая работу на Соборе с управлением конгрегацией Св. Духа, Л. столкнулся с негативной оценкой своей соборной деятельности со стороны определенного числа членов конгрегации, особенно из франц. провинций. Они были недовольны тем, что его личная «интегральная» позиция ассоциируется с конгрегацией, возглавляемой им в качестве генерального настоятеля. Особое недовольство вызывали предписания

Л. по введению строгих правил внутреннего распорядка в монашеских и духовных школах конгрегации, а также требование обязательного ношения *сутаны*, а не т. н. клержимана — обычной муж. рубашки с особым «воротничком священника», к-рую в 1962 г. ассамблея франц. епископов позволила носить вместо сутаны франц. клирикам. Жалобы на Л. направлялись в Римскую курию, где Конгрегация по делам монашествующих рассмотрела их и представила папе Павлу VI доклад, однако папа одобрил действия Л., подчеркнув, что члены конгрегации обязаны подчиняться во внутренних вопросах генеральному настоятелю. С 1966 г. Л. стремился проводить реформы конгрегации Св. Духа в соответствии с принятым на Соборе декретом «*Perfectae caritatis*» об обновлении жизни монашествующих в совр. условиях, для чего организовал комиссию по подготовке чрезвычайного капитула и рассмотрению предложений по поправкам в устав конгрегации. В то же время он рекомендовал воздерживаться от экспериментов при проведении литургической реформы, предписал сохранять в храмах конгрегации дарохранительницы со Св. Дарами на главных алтарях, не перемещая их в др. части храма, запретил практику сослужения священников во время мессы, появившуюся в лат. обряде в ходе литургических преобразований, и указал на необходимость использовать совр. языки вместо латыни только на будничных мессах. На открытии чрезвычайного капитула конгрегации Св. Духа в Риме 8 сент. 1968 г. большинство его участников высказалось за принятие не отдельных поправок, а новой редакции устава конгрегации, против чего категорически выступил Л. Генеральный настоятель был отстранен от руководства капитулом, его заменил избранный участниками секретариат. Противостояние Л. с «прогрессистами» на капитуле завершилось его отставкой с поста генерального настоятеля (28 окт. 1968). После выхода на пенсию в сане титулярного архиепископа Синнады Фригийской, а после 10 дек. 1970 г. в сане архиепископа-епископа Тюльского на покое Л. поселился в папской Литовской коллегии в Риме, сохранив за собой лишь должность консультанта Конгрегации пропаганды веры.

С кон. 60-х гг. XX в. под рук. Л. стали объединяться католические об-ва, а также священники, семинаристы и миряне, несогласные с реформами Римско-католической Церкви. Поддерживая связь с бывшими членами «Coetus», особенно с архиеп. Ж. ди Пруэнсой Сигаудом и еп. А. де Кастро Майером, Л. выступил с инициативой создания периодического издания для апологии традиц. католич. вероучения и критики соборных реформ. В авг. 1967 г. в Риме он основал ж. «Fortes in fide» (Сильные в вере). Одной из первых тем в журнале стала литургическая реформа; анализируя ее, Л. и др. критики указали, что в основе реформы заложено протестант. понимание роли мирян при совершении Евхаристии. В окт. того же года журнал с богословской критикой предложенного к рассмотрению нового чина мессы (т. н. нормативная месса 1967 г.) раздавался участникам Синода католич. епископов и оказал т. о. влияние на последовавшее отклонение Синодом нового чина. Не осуждая еще документы II Ватиканского Собора, к-рые «были подписаны папой и епископами, а значит, не могут вызывать сомнений», Л. проводил их анализ и отмечал «внутренние противоречия» в декларации «Dignitatis humanae» и пастырской конституции о Церкви в совр. мире «Gaudium et spes» (Lefebvre. Un évêque parle. 1974. [Pt. 1]. P. 107). Архиепископ указывал на начавшийся после Собора кризис веры в католич. Церкви, знаковым проявлением к-рого стал выпуск в 1966 г. скандального «Голландского катехизиса», где ставились под сомнение основные положения христ. вероучения.

Выпуск 3 апр. 1969 г. папой Павлом VI апостольской конституции «Missale Romanum», утвердившей новый чин мессы (см. *Novus ordo*), способствовал консолидации католиков-традиционалистов. В мае 1969 г. под рук. Л. в Риме была создана группа из 12 католич. теологов, подготовившая «Краткое критическое рассмотрение нового чина мессы». 3 сент. этот документ был представлен кардиналам А. Оттавиани и Антонио Баччи и от их имени 28 сент. направлен папе Павлу VI. 12 нояб. префект Конгрегации вероучения кард. Франьо Шенер сообщил папе, что «Краткое критическое рассмотрение» ошибочно трактует отдельные моменты литургической

реформы, а критика нового чина мессы содержит неточности и ошибки. Тем не менее текст «Краткого критического рассмотрения» был переведен на мн. языки и получил широкое распространение в католич. Церкви.

В 1968 г. к Л. обратились несколько рим. семинаристов (в основном из папской Французской семинарии) с просьбой содействовать им в получении традиц. католич. образования, к-рое они уже не могли получить в рим. папских семинариях, в т. ч. из-за предписания Папского престола о постепенном переходе на служение нового чина мессы при запрете совершения старого. Первоначально Л. направил этих семинаристов в ун-т Фрибура (Швейцария), т. к. он поддерживал дружеские отношения с Лозаннским, Женевским и Фрибургским еп. Франсуа Шаррьером и ему было известно, что на фак-те католич. теологии ун-та Фрибура преподавание велось доминиканцами в духе традиц. *томизма*. Затем Л. решил открыть международную семинарию для подготовки священников в традиц. духе, для чего во Фрибуре на средства благодетелей был приобретен дом. 6 июня 1969 г. еп. Ф. Шаррьер разрешил архиепископу открыть семинарию. Для получения учебного заведения юридическое статуса 2 июля была учреждена Ассоциация по подготовке священников, названная в честь папы Римского Пия X, к-рый в 1907 г. энцикликой «Pascendi Dominici gregis» осудил теологический модернизм. 13 окт. 1969 г. семинария св. Пия X начала свою работу. Семинаристы из разных стран посещали лекции в ун-те, в общежитии был установлен строгий монастырский распорядок дня, общинные богослужения совершались по дореформенным чинам, а месса — по реформированному чинопоследованию 1965 г. даже после того, как в кон. 1969 г. во Фрибургском еп-стве был введен *Novus ordo*. Не запрещая семинаристам посещать мессы, совершаемые по новому чину в др. католич. храмах, Л. подчеркивал, что *Novus ordo* не является еретическим чином, хотя и наполнен протестант. и модернистскими идеями.

Весной 1968 г. неск. мирян-традиционалистов выкупили у каноников св. Бернарда Аостийского участок земли с остатками древнего мон-ря в Эконе (кантон Вале, Швейцария),

к-рый в нач. 1969 г. был подарен семинарии св. Пия X. В апр. 1969 г. Л. представил Съонскому еп. Франсуа Нестору Адану, в еп-стве к-рого находился Экон, проект устройства новициата при семинарии, и 19 мая 1970 г. после длительных переговоров еп. Ф. Н. Адан дал разрешение на размещение в Эконе подготовительной предсеминарии при семинарии св. Пия X, открытой 1 окт. К этому времени Л. разработал проект объединения священников-традиционалистов в международное братство, устроенное в виде секулярного института, т. е. по образцу монашеских конгрегаций, но без вечных монашеских обетов (см. ст. *Институты посвященной жизни*). Это позволило бы вошедшим в братство священникам-традиционалистам действовать в разных диоцезах без получения от их правящих епископов *инкардинации* (включения в состав клира диоцеза). Эта идея получила одобрение со стороны префекта Конгрегации по делам монашествующих кард. Ильдебрандо Антоньютти и секретаря Конгрегации по делам клира архиеп. Пьетро Палаццини. В июне 1970 г. Л. подготовил проект статута братства, к-рый был представлен на утверждение еп. Ф. Шаррьеру. 1 нояб. того же года еп. Ф. Шаррьер издал декрет об учреждении в его еп-стве Международного священнического братства св. Пия X с испытательным сроком на 6 лет. В кон. 1970 г. Л. удалось добиться от еп. Ф. Н. Адана устного согласия на открытие в Эконе международной семинарии св. Пия X, независимой от Фрибургского ун-та. Однако в нач. 1971 г. преемник ушедшего на покой в кон. 1970 г. еп. Ф. Шаррьера еп. Пьер Мами отказался инкардинировать в состав клира своего еп-ства священников — членов братства; проблемы с инкардинацией возникли и в др. диоцезах. Стремясь преобразовать Священническое братство св. Пия X из института диоцезального права в институт понтификального права, что сделало бы его независимым от местных епископов, Л. обратился в Конгрегацию по делам монашествующих, Конгрегацию пропаганды веры и Конгрегацию по делам клира с просьбой одобрить его деятельность. 18 февр. 1971 г. Л. получил одобрение от префекта Конгрегации по делам клира кард. Джона Райта, однако это не помогло разрешить проблем с инкардинацией священников братства.

После участия в конференции католиков-традиционалистов в Париже, на к-рой обсуждались аспекты литургической реформы, 10 июня 1971 г. Л. объявил в Эконе об отказе от нового чина мессы 1969 г. и в целом от всяких изменений в богослужении в рамках послесоборных реформ, а также о возврате к Миссалу 1962 г. и к др. богослужебным книгам, изданным до II Ватиканского Собора. При этом Л. вновь воздержался от осуждения новых чинов как еретических и недействительных, ограничившись признанием того, что они затрудняют или искажают истинное католич. понимание данных обрядов. 28 июня 1971 г. Л. совершил по традиц. чину рукоположение во пресвитера 1-го семинариста, члена братства св. Пия X. Известие об этом побудило 18 швейцар. священников написать префекту Конгрегации по делам семинарий и католич. ун-тов кард. Габриэлю Мари Гаррону письмо, в к-ром семинария в Эконе называлась «рассадником интегрисма» и обвинялась в «разделении клириков и соблазне мирян» (см.: *Tissier de Mallerais*. 2002. P. 498). 22 нояб. кард. Г. М. Гаррон принял в Риме Л. и потребовал от него соблюдения правил, установленных для католич. семинарий, но получил ответ, что Экон остается одной из немногих совр. семинарий, где эти правила соблюдаются неукоснительно. В февр. 1972 г. кард. Г. М. Гаррон запросил у еп. Ф. Н. Адана отчет о состоянии дел в семинарии; правящий епископ дал положительную характеристику деятельности семинарии.

18 марта 1972 г. ок. 700 мирян совершили паломничество во Фрибур, во время к-рого они открыто молились за разрешение Папским престолом служения дореформенной мессы и за свободу деятельности Священнического братства св. Пия X. Участие в этой акции франц. католиков, а также рост числа семинаристов в Эконе (с 24 до 56) привели к тому, что епископская конференция Франции обеспокоилась деятельностью Л. 24 марта в Экон был направлен визитатор конференции еп. Жак Деларю, ряд франц. епископов предложили обсудить ситуацию с Эконом на собрании франц. епископата в Лурде, где 30 окт. 1972 г. Экон был назван «дикой семинарией» (*séminaire sauvage*), якобы готовящей клириков в духе неподчи-

нения епископам; выпускники семинарии св. Пия X были предупреждены, что они не получают инкардинации во франц. диоцезах. В свою очередь Л. в ответ на критику заявил, что семинария создана с дозволения правящего епископа и не нуждается в одобрении епископской конференции Франции, т. к. не находится в ее ведении, но принадлежит секулярному институту — Священническому братству св. Пия X. Однако 17 марта 1973 г. еп. Ф. Н. Адан в адресованном Л. письме указал на обязательное совершение «мессы Павла VI» и выразил обеспокоенность тем, что в его диоцезе создается «секта», не подчиняющаяся церковным властям.

Несмотря на сложности со статусом братства и семинарии, Л. удалось открыть в кон. 1973 г. новициат семинарии в Армейде (шт. Мичиган, США) и 22 февр. 1974 г. — отделение братства в Альбано-Лациале (близ Рима); к нач. 1974 г. число семинаристов в Эконе увеличилось до 95. В развитие конфликта между Л. и епископской конференцией Франции вмешался госсекретарь Папского престола кард. Жан Вуйо. Он поручил префектам Конгрегаций по делам клириков и по делам семинарий созвать в Риме совещание с участием еп. П. Мамаи и еп. Ф. Н. Адана. Прибывшим 26 апр. в Рим епископам в Конгрегации по делам семинарий вручили 2 требования к Л.: четко и ясно выразить позицию относительно реформ II Ватиканского Собора, неукоснительно соблюдать правила открытия отделений братства в других диоцезах. 23 июня комиссия кардиналов приняла одобренное папой Павлом VI решение направить в Экон 2 апостольских визитаторов от Конгрегаций по делам семинарий и по делам клириков. 11–13 нояб. 1974 г. в Эконе находились апостольские визитаторы — секретарь папской Библейской комиссии еп. Альбер Декан и помощник секретаря комиссии по пересмотру Кодекса канонического права пресв. Гийом Онклен. Они не посещали богослужения по дореформенным чинам, но общались с профессорами и семинаристами на темы реформ в католич. Церкви, в т. ч. о возможности введения женатого духовенства, о новых богословских концепциях, напр. внетелесного понимания Воскресения Христа (*Lefebvre. Un évêque parle*. 1976. [Pt. 3]. P. 292).

Хотя у визитаторов сложилось благоприятное впечатление о семинарии, их беседы вызвали глубокое возмущение у Л. и семинаристов. 21 нояб. Л. выпустил декларацию, в к-рой провозгласил верность «католическому Риму, стражу католической веры и преданий, необходимых для сохранения этой веры, вечному Риму, наставнику в мудрости и истине» и отказ «следовать за Римом в его неомодернистских и неопротестантских устремлениях, которые ясно обнаружили на II Ватиканском Соборе и после Собора во всех реформах, которые были его следствием» (*Ibid.* P. 270). В декларации Л. резко осудил литургическую реформу, подчеркнув ее внутреннюю связь с «протестантизацией» учения католич. Церкви: «Нельзя глубоко изменить *lex orandi* [закон молитвы], не изменяя *lex credendi* [закон веры]. Новая месса соотносится теперь с новым катехизисом, новым священством, новыми семинариями, новыми католическими университетами... Будучи исчадием либерализма и модернизма, эта реформа нашпигована ядом, она изошла из ереси и приводит к ереси, даже если не все ее проявления — формальная ересь» (*Ibid.* P. 271).

Вскоре текст декларации Л. был опубликован в неск. журналах и вызвал возмущение в Риме. 24 янв. 1975 г. еп. П. Мамаи направил официальный запрос префекту Конгрегации по делам монашествующих кард. Артуро Таберу Араосу о возможности упразднить Священническое братство св. Пия X до истечения 6-летнего испытательного срока. 13 февр. Л. был вызван в Рим на встречу с кардиналами Г. М. Гарроном, Дж. Райтом и А. Таберой Араосом. Архиепископу было сообщено, что апостольские визитаторы дали благоприятный отзыв о семинарии в Эконе, но после выпущенной им декларации от 21 нояб. 1974 г. встал вопрос о его подчинении папе Римскому и решениям II Ватиканского Собора. Л. заявил, что не может следовать решениям Собора, реформы к-рого привели к появлению противоречащих католич. вере катехизисов, «протестантской» мессы, религ. свободе, уравнивающей в правах истинную религию наряду с ложными, и сближению с коммунистами и франкмасонами (см.: *Tissier de Mallerais*. 2002. P. 507). 15 февр. во Флоренции Л. выступил с лекцией, по-

священной сравнению нового чина мессы 1969 г. с чином евангелической вечери М. Лютера, выявив их взаимосвязь, выразившуюся в упразднении в мессе тех мест, к-рые прямо свидетельствовали о реальном присутствии Христа в Св. Дарах (транссубстанции) и о понимании Евхаристии как Жертвоприношения: «Можно только изумиться, констатируя, что новая реформа ввела те же изменения, [что и Лютер]. Воистину, современные тексты, данные в руки верующим, больше не говорят о Жертве, но говорят о Литургии Слова, о Вечере, о преломлении хлеба или Евхаристии... Упразднение алтарного камня, введение стола, покрытого одной скатертью, священник, обращенный к народу, гостия, всегда оставляемая на патене, а не на корпорале, допущение обычного хлеба и ваз, сделанных из разных, порой совершенно неблагородных, веществ, и многие другие детали способствуют тому, чтобы внушать прихожанам протестантские понятия, полностью противоположные по своей сути католическому учению» (Lefebvre. Un évêque parle. 1976. [Pt. 3]. P. 280–281).

3 марта на новой встрече Л. с кардиналами Г. М. Гарроном, Дж. Райтом и А. Таберой Араосом, а также с еп. П. Маами звучали обвинения в неподчинении папе Римскому, отрицании живого характера Свящ. Предания, ошибочном понимании реформ и решений Собора, распространении худшего из «либерализмов» — неподчинения церковным властям. В ответ Л. заверил присутствовавших в своем послушании Папскому престолу, но отказался отречься от декларации, т. к., с его т. зр., соборные реформы привели к кризису в Римско-католической Церкви, наличие к-рого не отрицал и сам папа Павел VI. Чтобы подчеркнуть свою верность папе Римскому, 19 марта Л. отправил открытое письмо одному из лидеров «крайних» католиков-традиционалистов, пресв. Ж. де Нанту, который также осуждал соборные реформы, но при этом призывал к разрыву с «впавшим в ересь Римом». В письме, принося аналогично со спорами апостолов Павла и Петра, во время которых ап. Павел тем не менее сохранял подчинение «князю апостолов», Л. заявил, что никогда не пойдет на разрыв с католич. Церковью. 25 апр. кард. А. Табера Араос дал положи-

тельный ответ на запрос еп. П. Маами о роспуске братства св. Пия X, и 6 мая епископ уведомил Л. об отзыве у братства разрешения на деятельность, выданного его предшественником еп. Ф. Шаррьером. В тот же день решение о прекращении деятельности как братства, так и семинарии в Эконе и других учреждений, связанных с братством, было согласовано кардиналами с папой Павлом VI.

В ответ на эти меры 25 мая Л. и связанная с братством ассоциация мирян-традиционалистов «Credo» организовали масштабное паломничество в Рим, приуроченное к празднованию Юбилейного года (см. «Annus sanctus»). Л. посчитал решение еп. П. Маами об упразднении братства незаконным, т. к. оно было вынесено в отношении секулярного института, чей запрос на получение статуса понтификального права находился в стадии рассмотрения в конгрегациях Римской курии. Данный аргумент, а также несогласие Л. с обвинениями в отступлении от католич. веры, высказанными на встрече с кардиналами без должного заключения от Конгрегации вероучения, были изложены архиепископом в апелляции, которую он направил 5 июня в Верховный суд Апостольской сигнатуры (см. ст. *Трибуналы Римско-католической Церкви*). 10 июня префект Апостольской сигнатуры кард. Дино Стаффа сообщил Л., что его апелляция отклонена, т. к. решение об упразднении братства и семинарии в Эконе было согласовано кардиналами и еп. П. Маами с папой Павлом VI, который выразил с ним согласие «в особой форме» (*forma specifica*). Новая просьба Л. к кард. Д. Стаффе представить письменное решение папы осталась без ответа, и 29 июня 1975 г. Л. совершил рукоположение во пресвитеры братства 3 семинаристов. В тот же день папа Павел VI отправил Л. письмо, в к-ром призвал его подчиниться постановлению об упразднении братства и принять решения II Ватиканского Собора.

Отказываясь признавать роспуск братства как «канонически незаконный и морально несправедливый», Л. продолжил свою деятельность. 8 сент. 1975 г. папа Павел VI вновь призвал его к послушанию; в ответ 24 сент. архиепископ отправил папе письмо, где подтвердил свое подчинение «преемнику Петра, наставнику истины для всей Церкви», но объяснил свою позицию тем, что за-

крытие семинарии в Эконе будет означать «соучастие в разрушении Церкви», т. к. «эта семинария не согласна с постсоборными тенденциями, которые разрушают Церковь» (см.: *Tissier de Mallerai*. 2002. P. 511). 27 окт. госсекретарь Папского престола кард. Ж. Вийо в письме епископским конференциям всех стран уведомил о недопустимости инкардинации священников братства в диоцезы. 24 мая 1976 г., во время консистории кардиналов, папа Павел VI указал на право Папского престола вводить новый чин мессы для обязательного служения во всей католич. Церкви, поэтому неподчинение Л. и его последователей воле папы Римского есть противление католич. Церкви, к-рое не может быть оправдано идеей защиты веры.

25 июня 1976 г. помощник госсекретаря Папского престола архиеп. Джованни Бенелли уведомил Л. о наложенном на него специальным папским мандатом запрете совершать рукоположение пресвитеров (*a collatione ordinum*). Несмотря на это, 29 июня Л. совершил в Эконе рукоположение 13 пресвитеров в присутствии неск. тысяч паломников. Во время церемонии он заявил о праве всякого католич. священнослужителя совершать дореформенную мессу, основанную на булле папы Римского Пия V «*Quo primum*», к-рой т. н. тридентский чин мессы вводился «на вечное употребление». Л. особо подчеркнул, что старый чин мессы — подлинно католический, а «новая месса есть символ, выражение новой, модернистской веры» (см.: *Tissier de Mallerai*. 2002. P. 513). 1 июля пресс-бюро Папского престола опубликовало коммюнике, в к-ром признавался факт нарушения Л. канонической дисциплины — совершения «запрещенных» рукоположений. 6 июля префект Конгрегации по делам епископов кард. Себастьяно Баджо уведомил Л. о позиции папы Павла VI: он квалифицировал совершённые Л. рукоположения как акт непослушания Папскому престолу, призвав покаяться перед папой в 10-дневный срок. Л. отправил папе несколько писем, в которых продолжал настаивать на правильности своих действий для блага католич. Церкви. 22 июля секретариат Конгрегации по делам епископов уведомил Л., что ввиду отсутствия с его стороны покаяния он по решению папы Павла VI подвергнут

запрещению в священнослужении (*suspensio a divinis*). 29 июля Л. в ответ опубликовал «Несколько размышлений о запрещении в священнослужении», где заявил, что «это запрещение лишь запрет мне служить новую мессу, совершать новые таинства. От меня требуют подчинения «послесоборной Церкви», как выразился архиепископ Бенелли, но эта «послесоборная Церковь» есть схизматическая Церковь, потому что она разрывает с вечной католической Церковью» (см.: *Ibid.* P. 514).

29 авг. 1976 г. Л. в присутствии 7 тыс. верующих отслужил в Лилле традиц. мессу, что вызвало большой резонанс в европ. СМИ. 11 сент. архиепископу удалось добиться аудиенции у папы Павла VI в загородной папской резиденции *Кастель-Гандольфо*; на аудиенции Л. вновь подчеркнул свою верность Папскому престолу, но призвал папу с пониманием отнестись к католикам, чувствующими связь с традиц. католич. богослужением. После совместной молитвы папа призвал Л. ожидать его решения. В письме от 11 окт. папа указал Л. на его «ложную экклезиологию», отрицающую совпадение позиции Папского престола и решений II Ватиканского Собора, а также на «ложное понимание Традиции». Дальнейшие переговоры с Л. папа поручил Конгрегации вероучения, однако выдвинутые в мае 1977 г. тезисы Л. о необходимости разрешить всем католич. священникам свободно совершать дореформенную мессу были отвергнуты понтификом. Несмотря на предупреждения со стороны Папского престола, Л. совершил рукоположение пресвитеров 29 июня 1977 г. и 29 июня 1978 г. В июле 1978 г. папа Павел VI доверил еп. П. Мама каноническое расследование по поводу очередных рукоположений, целью к-рого было отлучение Л. от Церкви. В то же время вокруг Л. и братства св. Пия X происходила консолидация большинства католиков-традиционалистов, росло число студентов семинарии в Эконе и др. семинариях братства, открылись региональные отделения братства (дистрикты) во мн. странах мира.

После смерти папы Павла VI (6 авг. 1978) переговоры с Л. продолжил папа Римский *Иоанн Павел II*, принявший архиепископа на частной аудиенции 18 нояб. 1978 г., во время к-рой была достигнута договорен-

ность о дальнейших переговорах по вопросу служения дореформенной мессы. После длительных переговоров с Конгрегацией вероучения Л. и его друг браз. еп. А. де Кастро Майер, возглавивший традиционалистское Священническое братство св. Жана Мари Вианнея (см. ст. *Вианнея св. Жана Мари апостольская ад-*

Архиеп. М. Ф. Лефевр на мессе.
Фотография. 1981 г.

министратура), 21 нояб. 1983 г. направили папе Иоанну Павлу II открытое послание, призвав отказаться от «заблуждений II Ватиканского Собора»: ереси экуменизма, протестант. принципа коллегиальности управления Церковью, ущемляющего папскую власть, признания ложной концепции прав человека на религ. свободу и «протестантской концепции Священного Жертвоприношения» (Открытое послание папе Иоанну Павлу II архиеп. М. Лефевра и еп. А. де Кастро Майера. 2000. С. 95–97).

Под влиянием этого обращения и после письменных консультаций с епископами о проблемах реализации литургической реформы папа Иоанн Павел II разрешил предоставлять *индульт* на служение мессы «по тридентскому обряду» группам традиционалистов при условии признания ими правильности нового чина мессы (циркуляр Конгрегации богослужения «*Quattuor abhinc annos*» от 3 окт. 1984). Однако правила получения индульты на совершение старой мессы делали это практически невыполнимым, индультом смогли воспользоваться лишь небольшие группы традиционных католиков.

Ввиду того что условия свободного совершения дореформенной мессы не исполнялись, а также продолжалась деятельность папы Римского Иоанна Павла II по развитию экуменического и межрелиг. диалога, Л. выразил сомнения в возможности достичь успеха в диалоге с Папским престолом. Особое осуждение Л. вызвали посещение папой Иоанном Павлом II рим. синагоги 13 апр. 1986 г. и совместная молитва за мир представителей всех религий, организованная папой 27 окт. 1986 г. в Ассизи. Указывая на свой преклонный возраст и не желая оставлять традиц. католиков без священства, 29 июня 1987 г. Л. объявил о своем намерении совершить рукоположение епископов-преемников без папского разрешения. 14 июля в Риме состоялась встреча Л. и префекта Конгрегации вероучения кард. Йозефа *Ратцингера* (папа Римский Бенедикт XVI в 2005–2013), во время которой была выражена готовность Папского престола продолжить переговоры с Л. и братством св. Пия X, чтобы избежать «схизматического акта». В случае согласия Л. на условия Папского престола кардинал гарантировал признание братства св. Пия X, к-рое будет преобразовано в общество апостольской жизни, подчиненное непосредственно Папскому престолу, предоставление прав служить мессу по чину 1962 г., обучать и рукополагать семинаристов. 11 нояб. Экон посетил апостольский визитатор кард. Эдуар Ганьон, составивший хвалебный отзыв о семинарии. По итогам переговоров 5 мая 1988 г. в Риме кард. Й. Ратцингер и Л. подписали совместный протокол о достигнутых соглашениях: Л. разрешалось совершить рукоположение епископа для братства св. Пия X, но только после канонического признания братства Папским престолом. Вечером того же дня Л. попросил назначить точную дату, когда ему разрешат рукоположить епископа, и, не получив однозначного ответа, он сообщил кард. Й. Ратцингеру о своей обязанности «по совети» совершить епископское рукоположение 30 июня.

После очередных переговоров 24 мая Л. в ультимативной форме потребовал назначить точную дату епископского рукоположения, высказав подозрение, что подлинной целью этих переговоров является затягивание процесса офиц. при-

знания братства св. Пия X. 30 мая кард. Й. Ратцингер ответил Л., что необходимо согласовать с Папским престолом кандидатуру буд. епископа. 2 июня Л. отправил письмо папе Иоанну Павлу II, в к-ром выразил сожаление, что время искреннего и эффективного сотрудничества братства с Папским престолом еще не пришло, и сообщил, что он готов совершить епископское рукоположение, не дожидаясь офиц. признания братства. 9 июня папа Иоанн Павел II призвал Л. отказаться от этого намерения, к-рое будет считаться актом церковного раскола.

30 июня 1988 г. Л. и еп. А. де Кастро Майер в присутствии более 10 тыс. мирян и 300 священников совершили в Эконе рукоположение 4 епископов. Церемония еще не завершилась, когда в Ватикане в зале для прессы было объявлено об отлучении *latae sententiae* (в силу совершения незаконного деяния) 6 епископов. 1 июля префект Конгрегации по делам епископов кард. Бернарден Гантен издал декрет «*Dominus Marcellus Lefebvre*» об отлучении от Церкви Л., еп. А. де Кастро Майера и 4 рукоположенных ими епископов. 2 июля папа Иоанн Павел II опубликовал *motu proprio* «*Ecclesia Dei adflicta*», в этом документе действия Л. были расценены как «схизматический акт», а сторонники Л. обвинялись в «неполном и внутренне противоречивом понимании Предания», в отрицании его живого характера и преемственности, существующей в учении II Ватиканского Собора. Тем же документом папа организовал специальную папскую комиссию «*Ecclesia Dei*», под руководством к-рой были созданы сообщества клириков и монашествующих, «привязанных к некоторым старым литургическим и дисциплинарным формам латинской традиции». Сам Л. и его последователи отказались признать церковное отлучение и продолжали считать себя в единстве с католич. Церковью. Впосл. по распоряжению папы Римского Бенедикта XVI декретом Конгрегации епископов от 21 янв. 2009 г. с 4 рукоположенных Л. епископов-традиционалистов церковное отлучение было снято.

Л. погребен в крипте семинарской часовни в Эконе.

Соч.: *Un évêque parle: Écrits et allocutions*. P., 1974–1976. [3 pt.]; *J'accuse le Concile! Martigny*, 1976²; *Lettre ouverte aux catholiques perplexes*. P., 1985; *Ils L'ont découronné: Du li-*

béralisme à l'apostasie: La tragédie conciliaire. Escuroles, 1987² (рус. пер.: *Они предали Его: От либерализма к отступничеству*. СПб., 2007; *Они Его развенчали: От либерализма к отступничеству: Трагедия Собора*. М., 2011); *Mes quarante ans d'épiscopat // Fideliter*. 1987. N 59. Sept.–oct.; *Mes doutes sur la liberté religieuse*. P., 1987, 2000; *Itinéraire spirituel*. P., 1991; *L'Église infiltrée par le modernisme*. Eguelshardt, 1993; *О святой Мессе и католич. священнослужении // Покров: Альм. рос. католиков*. М., 2000. Вып. 6. С. 3–8; *Открытое послание папе Иоанну Павлу II архиеп. М. Лефевра и еп. А. де Кастро Майера / Пер.: В. Пономарев // Там же*. 2000. Вып. 8. С. 95–97; *Интервью архиеп. М. Лефевра газете «30 jours», июль 1988 / Пер.: В. Пономарев // Там же*. 2001. Вып. 9. С. 73–77. Лит.: *Congar Y. La crise dans l'Église et Mgr Lefebvre*. P., 1976; *Anzevui J. Le drame d'Ecône*. Sion, 1976; *Davies M. Apologia Pro Marcel Lefebvre*. Dickinson, 1979–1985. 3 vol.; *Marchal D. Mgr Lefebvre: Vingt ans de combat pour le sacerdoce et la foi, 1967–1987*. P., 1988; *Pennaster A., de. Un papiste contre les papes*. P., 1988; *Lafage F. Du refus au schisme: Le traditionalisme catholique*. P., 1989; *Perrin L. L'affaire Lefebvre*. P., 1989; *idem. Le Coetus Internationalis Patrum et la minorité à Vatican II // Catholica*. 1999. N 63. P. 71–84; *Экон: Крестовый поход*. М., 1992; *Асмус В., прот. Архиеп. Марсель Лефевр и католицизм XX в. // Regnum Aeternum*. П., 1996. Т. 1; *Cuneo M. The Smoke of Satan: Conservative and Traditionalist Dissent in Contemporary American Catholicism*. N. Y., 1997; *Каньон А. Сражение за честь Церкви // Покров*. М., 2000. Вып. 5. С. 59–76; *Tissier de Mallerai B. Marcel Lefebvre: Une vie*. Étampes, 2002; *Senèze N. La crise intégriste: 20 ans après le schisme de Mgr Lefebvre*. P., 2008; *Roy F. J. Le Coetus Internationalis Patrum au concile Vatican II: Genèse d'une dissidence? Minorités et dissidences du catholicisme: L'orthodoxie à l'épreuve de la modernité // Histoire@Politique*. 2012/2013. N 18. P. 42–61.

В. В. Тюшагин

ЛЕФЕВР Д'ЭТАПЛЬ [франц. Lefèvre d'Étapes; лат. Faber Stapulensis, Фабер Стапулийский (Этапльский)] Жан († 1536, Нерак, Франция), католич. философ, богослов, экзегет, переводчик, церковный деятель; ведущий представитель франц. позднеренессансного гуманизма.

Происхождение и образование. Точная дата рождения Л. д'Э. неизвестна; опираясь на неск. косвенных свидетельств, исследователи полагают, что он род. между 1450 и 1460 гг. (см.: *Carrière*. 1947. P. 110; *Bedouelle*. 1976. P. 7; *Idem*. 1982. S. 781; *Idem*. 2002. P. 19; более вероятной является поздняя датировка). Л. д'Э. происходил из г. Этапль в Пикардии, в адм. отношении входившего в состав герц-ства Бургундия, а в церковном отношении принадлежавшего к диоцезу Теруан; наименование родного города стало прозвищем Лефевра, отличавшим его от др. современников с таким же ро-

Ж. Лефевр д'Этапль.
Гравюра. 1664 г.
Мастер М. ван Зоммер

довым именем. Сведения о ранних годах жизни Л. д'Э. и о полученном им первоначальном образовании не сохранились. Первое упоминание о Л. д'Э. в документальных источниках связано с присвоением ему в 1479 г. степени бакалавра свободных искусств (см. *Artes liberales*) в Парижском ун-те (см.: *Carrière*. 1947. P. 111; сохр. соответствующая запись в актах ун-та). Поскольку в этот период начальная степень обычно присваивалась после 4 лет обучения в ун-те, исследователи заключают, что Л. д'Э. прибыл в Париж ок. 1475 г. Вероятно, сначала он обучался грамматике и др. наукам тривиума в коллеже Бонкур (лат. Collegium Bone Curie), к к-рому приписывались студенты из диоцеза Теруан; дальнейший курс свободных наук он слушал вместе с др. представителями пикардийской «нации» в коллеже Кардинала Лемуана (лат. Collegium Cardinalis Monachi; назван в честь основавшего его в нач. XIV в. кард. Ж. Лемуана (1250–1313)).

От философского гуманизма к евангелизму (1480–1521). Ок. 1480 г. Л. д'Э. стал магистром свободных искусств (документальное подтверждение этого в актах ун-та не сохр., однако впосл. Л. д'Э. неоднократно упоминается как магистр; см. по указателю: *Farge*. 2006); возможно, в это же время он был рукоположен в сан пресвитера (точная дата не известна). Писатели кон. XV–XVI в. упоминают, что Л. д'Э. имел возможность получить церковную должность и *бенефиций*, однако предпочел занятия науками (см.: *Bedouelle*. 1976. P. 7–8). После завершения философского образования он не стал продолжать обучение на теологическом фак-те, а начал преподавать на фак-те искусств;

впосл. во время богословских дискуссий оппоненты нередко упрекали его в том, что он толкует Свящ. Писание и рассуждает о теологических проблемах, не имея богословского образования и степени д-ра теологии. Вероятно, нежелание Л. д'Э. изучать схоластическую теологию связано с его негативным отношением к ней, сформировавшимся вследствие влияния на него идей спиритуализма и гуманизма. Впоследствии он выделял как своих учителей и единомышленников нескольких гуманистов, живших и преподававших в Париже в 80–90-х гг. XV в.: греков Георгия Эрмонима († между 1508 и 1516) и Ианоса Ласкариса († 1534), у к-рых брал уроки древнегреч. языка, лит-ры и философии; итальянцев Джованни Джокондо († 1515), Фаусто Андрелини († 1518) и Паоло Эмилио († 1529).

С нач. 80-х гг. XV в. до 1508 г. основным занятием Л. д'Э. было преподавание философии и др. свободных искусств в Парижском ун-те, преимущественно в коллеже Кардинала Лемуана. О его преподавательской деятельности известно не много, однако отзывы современников свидетельствуют, что Л. д'Э. пользовался значительным авторитетом и всеобщим уважением на факультете. Состоявший в переписке с Л. д'Э. лионский медик, гуманист и теософ Симфорьен Шампье (ок. 1471–1538), приводя в 1507 г. список произведений и изданий Л. д'Э. в соч. «О галльских писателях» (*De gallogrum scriptoribus*), отзывался о нем так: «Это человек всесторонне образованный, диалектик, философ, математик... по всеобщему мнению наиболее выдающийся, поистине превосходящий других ученых, причем не только нашего времени, но и древности... он неустанно преподает, пишет и издает ради всеобщей пользы» (см.: [*Symphorien Ch.*] *Liber de quadruplici vita...* Lugduni, 1507. P. [247–248]; также опубл.: *Rice, ed.* 1972. P. 174–176. N 58). Современники Л. д'Э. из числа гуманистов считали, что его философские лекции и публикации способствовали восстановлению во Франции «истинной философии Аристотеля» и освобождению аристотелизма от средневек. схоластических искажений; подобную оценку деятельности Л. д'Э. давали Томас Мор (1478–1535), Иоганн Рейхлин (1455–1522), Марио Эквиола (ок. 1470–1525), Ульрих фон Гут-

мен (1488–1523) и др. (см.: *Rice.* 1970. P. 132–133; *Bedouelle.* 1976. P. 28–29).

Желая встретиться с выдающимися итал. гуманистами, Л. д'Э. в кон. 1491 — нач. 1492 г. совершил поездку в Италию, посетив Падую, Флоренцию и Рим. В Риме Л. д'Э. познакомился с философом и дипломатом Эрмолао Барбаро (1453/54–1493), к-рый перевел на латынь и издавал сочинения *Аристотеля*, а также его греч. комментатора *Фемистия* (IV в.). У Барбаро Л. д'Э., и ранее предпочитавший изучать вместо неточных средневек. переводов и пространных схоластических комментариев подлинные труды Аристотеля, заимствовал основной метод работы с сочинениями Аристотеля и его древних комментаторов. Во Флоренции Л. д'Э. встречался с Джованни *Лико делья Мирандолой* (1463–1494) и Марсилио *Фичино* (1433–1499); под влиянием их идей у него сформировался интерес к платоническому направлению в философии, теологии и теософии, в т. ч. к сочинениям платоников и неоплатоников, к христ. платонизму «*Ареопагитик*», к платоническим системам Раймунда *Луллия* и *Николая Кузанского*, а также к *герметизму*, к каббалистике (см. *Каббала*) и к естественной магии, т. е. к учению о таинственных свойствах природного мира и его элементов (см.: *Bedouelle.* 1976. P. 11–16). Л. д'Э. еще дважды посещал Италию. В 1500 г. он совершил паломничество в Рим, а также посетил Венецию. Впосл. Л. д'Э. критически оценивал жизнь и нравы венецианцев; по его мнению, любовь к языческой древности оказалась в Венеции столь сильной, что затмила для жителей религ. и нравственное учение христианства (см.: *Lefèvre d'Étaples. S. Pauli Epistolae XIV.* 1512. Fol. 193r). Хотя эта оценка относится к сер. 10-х гг. XVI в., в более ранний период от мн. итал. гуманистов Л. д'Э. также отличало неприятие античного языческого мировоззрения и языческих ценностей; работая с древними текстами, он стремился переосмыслить их в духе христианства и приспособить для задач прояснения и защиты христ. истины. В Венеции Л. д'Э. познакомился с Альдо Мануцием (1449/50–1515), знаменитым издателем, в сотрудничестве с итал. гуманистами публиковавшим тексты греч. и лат. классиков и философов. Он также встречался с гуманистом Джироламо Дона (Донат; ок. 1457–1511), ко-

торый перевел на латынь мн. тексты комментаторов Аристотеля, а также извлечения из «*Ареопагитик*» и трактата «*Точное изложение православной веры*» прп. *Иоанна Дамаскина*. Возможно, под влиянием бесед с ним Л. д'Э. решил подготовить собственный полный перевод «*Точного изложения...*». Последний раз Л. д'Э. посетил Италию осенью 1507 г. в составе посольства, отправленного франц. кор. Людовиком XII (1498–1515) к папе Римскому *Юлию II* (1503–1513). Во время этой поездки он познакомился с генеральным приором ордена августинцев-еремитов *Эджилио да Витербо* (ок. 1469–1532), который долгие годы занимался исследованием евр. каббалистики и перевел на лат. язык мн. сочинения евр. теологов и теософов. Л. д'Э. также удалось изучить в б-ке Ватикана рукопись с сочинениями *Николая Кузанского*; вскоре после этого у Л. д'Э. возник замысел издать собрание его философских и богословских произведений (см.: *Carrière.* 1947. P. 115–117).

С нач. 90-х гг. XV в. Л. д'Э. совмещал преподавание в ун-те с интенсивной издательской деятельностью; многие опубликованные им сочинения были по тематике тесно связаны с традиц. университетскими курсами, а также с достижениями гуманистической науки, сведения о к-рых Л. д'Э. получал во время поездок в Италию. Постоянным сотрудником Л. д'Э. при публикации переводов философских и богословских сочинений с 1500 до 1518 г. был его ученик и единомышленник *Йоссе ван Клихтове* (ок. 1472–1543), с 1506 г. преподававший на теологическом фак-те Парижского ун-та (подробнее о нем см.: *Farge.* 1980. P. 90–104. N 101). В подготовке нек-рых изданий принимали участие *Шарль де Бовель* (1479–1567), *Жерар Руссель* (ок. 1480–1546), *Франсуа Ватабль* († 1547) и др. студенты Л. д'Э., впосл. преподававшие на фак-те искусств и входившие в его ближайшее окружение.

Л. д'Э. как философ и издатель философских текстов. Исключительное место среди опубликованных Л. д'Э. книг занимали труды Аристотеля и комментарии к ним; многие из этих изданий неоднократно перепечатывались до кон. XVI в., нередко в сопровождении новых комментариев и примечаний разных авторов (сводную библиографию из-

даний см.: *Rice*. 1972. P. 535–556; ср. также: *Graf*. 1852. S. 222–237; *Bedouelle*. 1976. P. 30–32). Совр. исследователи выделяют неск. характерных для Л. д'Э. и его учеников направлений работы с философским наследием Аристотеля и представителей аристотелевской традиции. Первым направлением была популяризация переводов на латынь сочинений Аристотеля, сделанных в соответствии с принципами гуманизма, т. е. очищенных от варваризмов, искажений, двусмысленностей и стилистически приближенных к классическому лат. языку. При публикации большинства сочинений Л. д'Э. использовал ранее уже издававшиеся в Италии, но малоизвестные во Франции переводы итал. гуманистов; так, он переиздал сделанные Иоанном Аргиропулумом († 1487) переводы аристотелевских сочинений «Никомахова этика» (*Liber ethicorum Aristotelis Johanne Argyropilo Byzantio traductore, adiecto familiari Jacobi Fabri Stapulensis Commentario. Parisiis, 1504*), «Физика», «О небе», «О душе» (*Ex Physiologia Aristotelis, Libri Duodeviginti. Parisiis, 1518*), «Метафизика» (*Contenta Continentur hic Aristotelis castigatissime recognitum opus Metaphysicum... Parisiis, 1515*); выполненные Леонардо Бруни († 1444) переводы сочинений «Никомахова этика» (*Decem librorum Moraliu Aristotelis, tres conuersiones: Prima Argyropili Byzantii, secunda Leonardi Aretini, tertia vero Antiqua. Parisiis, 1497*), «Политика» и псевдоаристотелевского трактата «Экономика» (*Contenta: Politicorum libri Octo. Commentarii. Economicorum Duo. Commentarii. Hecatonomiaum Septem. Economiarum publ. unus. Explanationis Leonardi in oeconomica Duo. Parisiis, 1506*); впервые опубликовал подготовленный кард. *Виссарионом* († 1472) лат. перевод «Метафизики», рукопись которого Л. д'Э. получил от Пико делла Мирандолы (*Contenta: Continentur hic Aristotelis castigatissime recognitum opus Metaphysicum. Parisiis, 1515*). При издании логических сочинений Аристотеля Л. д'Э. использовал традиц. средневек. тексты, сохраняя основную терминологию, ставшую к этому времени общеупотребительной, однако вносил многочисленные стилистические и смысловые правки. Наиболее сильным исправлениям подверглись тексты сочинений «Топика» и «О софистических опро-

вержениях», которые, по мнению Л. д'Э., были плохо поняты переводчиками и в силу этого часто ошибочно и противоречиво интерпретировались средневек. схоластами (см.: *Libri logicorum ad archetypos recogniti. Parisiis, 1503*). По рекомендации Л. д'Э. в 10–20-х гг. XVI в. его ученики подготовили и издали новые переводы трактатов Аристотеля: Руссель перевел «Большую этику» (*In hoc libro Contenta: Opus Magnorum Moraliu Aristotelis. Parisiis, 1522*), а Ватабль — «О возникновении и уничтожении», «Метеорологику» и «Малые сочинения о природе» (*Ex Physiologia Aristotelis, Libri Duodeviginti. Parisiis, 1518*). Вторым направлением работы Л. д'Э. и его сподвижников было комментирование трактатов аристотелевского корпуса. Заимствованный Л. д'Э. у итал. гуманистов метод учебного комментирования предполагал составление сжатых и упрощенных парафразов и кратких комментариев учебного характера, целью к-рых было ясное, строгое и последовательное представление студентам всей совокупности философского учения Аристотеля. Первой книгой, опубликованной Л. д'Э., стало соч. «Парафразы всей естественной философии» (*Totius philosophiae naturalis paraphrases. 1492*), в состав к-рого вошли сжатые пересказы трактатов «Физика», «О небе», «О мире», «О душе» и др., а также общие введения к этим сочинениям и диалоги, в к-рых раскрывались философские понятия из «Физики» и «Метафизики». Впосл. Клихтове составил к этому сводному парафразу комментарий; именно в такой форме сочинение получило известность во мн. европ. ун-тах и стало популярным учебником. Л. д'Э. составлял и др. парафразы, используя общий методологический подход к изложению материала: пересказу каждого из трактатов предпосылалось введение, в котором объяснялось общее значение трактата, а также в систематизированном виде вводились используемые Аристотелем фундаментальные понятия; перед пересказом каждой главы помещались заметки, т. е. тезисные указания на ее наиболее важные содержание. К классической форме последовательного комментирования авторского текста Л. д'Э. при работе с трудами Аристотеля прибегал редко; он составил лишь 3 комментария к трактатам Аристотеля

по нравственной философии: к «Никомаховой этике» (см.: *Liber ethicorum Aristotelis Johanne Argyropilo Byzantio traductore, adiecto familiari Jacobi Fabri Stapulensis Commentario. Parisiis, 1504*), к «Политике» и «Экономике» (см.: *Contenta: Politicorum libri octo. Commentarii. Hecatonomiaum septem. Economiarum publ. unus. Explanationis Leonardi in oeconomica duo. Parisiis, 1506*).

Помимо сочинений Аристотеля Л. д'Э. издавал и др. лит-ру для использования в учебном процессе на фак-те искусств, преимущественно связанную с науками, входившими в квадривиум. Так, в 1494 г. был опубликован «Трактат о сфере» (*Tractatus de sphaera*) средневек. астронома Иоанна Сакробоско (XIII в.) с комментарием Л. д'Э.; в 1500 г. вышло переложение с введением и комментарием «Арифметики» *Боэция* (V–VI вв.); в 1508 г. было подготовлено издание соч. «Диалектика» гуманиста Георгия Трапезундского (1395–1472/73), к-рое являлось для своего времени одним из лучших введений в аристотелевскую логику. Число опубликованных Л. д'Э. собственных научных и философских сочинений было невелико; все они не были оригинальными и имели учебно-прикладной характер. Среди них выделяется составленный Л. д'Э. начальный курс логики, получивший известность под названием «Логические введения» (*Introductiones logicales*; 1-е изд.— 1496; с 1500 выходили также издания с комментарием Клихтове, имевшие большую популярность), в котором Л. д'Э. преимущественно опирался на традиц. справочник — «Краткий свод логики» (*Summulae logicales*) Петра Испанского. В логических сочинениях Л. д'Э. подчеркивал важность т. н. старой логики (*logica vetus*), т. е. учения о категориях и понятиях, задачей к-рого было исследовать субстанции и их свойства посредством анализа структуры простых высказываний. Он неодобрительно относился к свойственной «новой логике» (*logica nova*) и «современной логике» (*logica modernorum*) тенденции скрупулезно исследовать сложные и запутанные логические проблемы, поскольку полагал, что такие исследования превращают логику из удобного инструмента для достижения точного знания в самодостаточное и бесполезное для

др. наук искусство софистического и риторического убеждения. Л. д'Э. публиковал также учебные курсы по арифметике, музыке, астрономии и др. По мере распространения сделанных Л. д'Э. переработок сочинений Аристотеля и его собственных философских трактатов в европ. ун-тах, воспринимавших и защищавших его идеи преподавателей и студентов стали иногда называть «фабристами» по аналогии с представителями др. школ схоластики — томизма, скотизма, оккамизма и т. п. (ср.: *Vasoli*. 1959). Однако выделение фабризма как отдельной школы с особым комплексом идей не вполне правомерно: последователей Л. д'Э. объединяло желание вернуться к подлинному учению Аристотеля, поэтому они стремились работать с оригинальными текстами аристотелевских сочинений, используя переводы и учебные пособия Л. д'Э. лишь в качестве первоначального инструментария (подробнее см.: *Oosterhoff*. 2014; *Idem*. 2015).

Общее отношение Л. д'Э. к наукам, научному знанию и философии, сформировавшееся в контексте поздней схоластики, в основных чертах является вполне традиционным, однако содержит нек-рые особенности, во многом связанные с его личным путем духовно-интеллектуального развития. Как и большинство средневеков. ученых и теологов, Л. д'Э. считал, что научное и философское знание выполняет служебную функцию, лишено собственной ценности и полезно лишь настолько, насколько оно приводит человека к богопознанию. Именно с этих позиций он определял сравнительную важность и ценность отдельных разделов философии и мировоззренческих систем философских школ, сложившихся в античности. Понимая под философией всю совокупность теоретического знания, Л. д'Э. разделял ее на математическую, физическую и метафизическую. В математической философии исследуются акциденции, т. е. свойства вещей; в физической философии разум переходит к рассмотрению самих вещей, или «субстанций», однако рассматривает их лишь «опосредованно», в аспекте движения. Высшей философией является метафизика, к-рая рассматривает субстанции в их природе и восходит к знанию о высшей неподвижной божественной субстанции, т. е. становится философской

теологией (ср.: *Rice*. 1970. P. 140–141). По убеждению Л. д'Э., лишь Аристотелю в его философском учении удалось предложить верный путь, возводящий разум от исследования творения к знанию о Творце, поэтому только метафизика Аристотеля может быть непротиворечиво согласована с христ. теологией: «Теология последователей Аристотеля согласована и соединена с христианской мудростью с великой гармонией и удивительным сродством» (см.: *Rice, ed.* 1972. P. 21. N 6). Эту согласованность Л. д'Э. объяснял наличием даже в языческом мире не только общего естественного откровения, но и особого откровения, к-рого удостоивались искавшие истину мудрецы: «Благочестивых философов в их времена Бог соделал Своими священниками и пророками, Своими светильниками, светящими вплоть до нашего времени... И хотя просвещающий всякого человека Господь тогда еще видимым образом не явился в мире, Тот, Кто есть неизмеримый и беспредельный Свет, сияющий во все века, светил для них с небес» (*Ibidem*). Отличные от аристотелизма философские системы античности Л. д'Э. оценивал с позиций аристотелевской философии и христ. теологии. В отличие от итал. гуманистов он не принимал мн. положений философского учения Платона и его последователей и не присоединялся к платонической традиции. Л. д'Э. настороженно относился к платоновскому учению об идеях, уклоняясь от использования его в метафизических рассуждениях (ср.: *Rice*. 1970. P. 138). Ссылаясь на мнения отцов Церкви, он критиковал пифагорейскую и платоническую философские традиции, отмечая их историческую и идейную враждебность христианству: «Прочти Иринея [Лионского], и ты узнаешь, что пифагорейцы были наиболее яростными противниками христианской веры; прочти Оригена, Епифания [Кипрского] и Августина, и ты узнаешь, что на втором месте из врагов истинной веры стоят платоники, хулители Слова Божия» (*Contenta: Politicorum libri octo*. 1506. Fol. 98r). Показательным примером двойственного отношения Л. д'Э. к платонизму является соч. «Гекатомии» (*Hecatonomia*), т. е. «Сотницы законов», в состав к-рого входят извлеченные Л. д'Э. из диалогов Платона «Государство» и «Законы» 700 положений,

связанных с учением об обществе и о гос-ве (текст см.: *Ibid.* Fol. 136r — 168r; ср. комментированное научное переизд.: *Boisset, Combes, ed.* 1979). Представляя обобщенное изложение платоновской политики и признавая ценность мн. мнений Платона в этой сфере, Л. д'Э. вместе с тем подвергал платонизм цензуре: к отдельным положениям на полях им были добавлены пометки «глупость» (*stultitia*), «полуглупость» (*semi-stultitia*) и «язычество» (*gentilitas*), а наиболее сомнительные с т. зр. христ. теологии положения (напр., учение Платона об общности жен и имущества в идеальном гос-ве) Л. д'Э. вынес в особый раздел в конце сочинения, иронично сравнив их при этом с испражнениями.

Считая метафизику Аристотеля безусловно истинной, Л. д'Э. в своих интерпретациях стремился христианизировать ее, нередко при этом неосознанно привнося в нее платонические и неоплатонические идеи, почерпнутые им из «Ареопагитик» и сочинений отцов Церкви. Л. д'Э. был убежден, что каждый из разделов аристотелевской философии подводит к знанию о Творце, «бытие (*esse*) Которого [созерцается] во всех вещах, могущество (*posse*) Которого — это всемогущество, знание (*nosse*) Которого — это высшая премудрость, воля (*velle*) Которого — это высшее благо» (см.: *Rice, ed.* 1972. P. 356. N 113). Поэтому трактаты Аристотеля он называл «ихнографией», т. е. сложной схемой пути, идя по к-рому, разум метафизика сможет построить «величайшее здание, вершина которого уходит превыше небес» (*Ibidem*). Целью метафизики является приобретение знания о Боге как о «Сущем сущего» (*ens entium*), т. е. о высшем и истинном Сущем. Замечая, что уже сам Аристотель почитал это высшее Сущее как Бога и обращался к нему с молитвами, прося о милости и поддержке, Л. д'Э. предлагал и собственную краткую философскую молитву: «О Сущее сущего, единое наилучшее, истиннейшее, полнейшее, могущественнейшее, необходимое, мудрейшее, бессмертное и вечное, открой нам путь и доступ к Тебе, поддержи то естественное стремление, которое Ты вложило в нас» (см.: *Lefèvre d'Étaples. Totius philosophiae naturalis paraphrases*. 1521. Fol. 336). В аристотелевской метафизике, по убеждению Л. д'Э., в скрытой

форме было предвосхищено даже христ. учение о Св. Троице, для которого Л. д'Э., следуя августиновской триадологии и католич. учению о *Filioque*, предлагал изложение в метафизических категориях: «Высшее единство (*unitas*) всего есть начало (*principium*), и высшее равенство (*aequalitas*) всего есть начало, так же как и высшая связь (*connexio*) всего; при этом единство, равенство и связь — это одно высшее Сущее (*summum ens*), высшее единое, высшее благое, истинное, всецелое и всемогущее» (Ibid. Fol. 346v — 347r).

Отношение Л. д'Э. к магии и герметизму. После знакомства во время 1-й поездки в Италию с трактатом Фичино «О тройственной жизни» (*De triplici vita*), с идеями Пико делла Мирандолы и итал. каббалистов, Л. д'Э. занялся изучением различных аспектов естественной магии, астрологии, нумерологии и т. п. Обобщенным результатом его исследований стало соч. «О естественной магии» (*De magia naturali*) в 6 книгах; оно не было издано при жизни Л. д'Э. и сохранилось лишь в единственной рукописи (еще неск. рукописей содержат отдельные книги и отрывки). До наст. времени трактат не опубликован целиком, однако его содержание стало предметом нескольких обстоятельных исследований (см.: *Rice*. 1976; *Copenhagen*. 1977; *Pierozzi, Mandosio*. 1992/1996; *Evans*. 2006; *Kieckhefer*. 2007; *Mandosio*. 2013). Сочинение было создано между 1492 и 1495 гг., вероятнее всего в нач. 1493 г. (см.: *Rice*. 1976. P. 20–21. Not. 7); оно посвящено Ж. де Гане († 1520), к-рый был покровителем Л. д'Э. в 90-х гг. XV в. и проявлял значительный интерес к эзотерическим знаниям. Отличая естественную магию от демонической магии, Л. д'Э. понимал первую как практическую физику, т. е. способность выделять скрытые причины природных явлений и воздействовать на природный мир; к сфере естественной магии он относил астрологию, нумерологию, алхимию, искусство врачевания и т. п. В основе естественной магии, согласно Л. д'Э., лежит основывающееся на эзотерических знаниях о свойствах вещей умение управлять отношениями «притяжения» или «отталкивания» между вещами, а также процессом метаморфозы одних элементов в другие. Как и мн. мыслители средневековья и Ренессанса, Л. д'Э. был уверен в на-

личии строгих соответствий между небесным миром (звездами, созвездиями и планетами) и земным миром. Все книги сочинения, за исключением 2-й, посвящены раскрытию законов и принципов этого соответствия. В 1-й кн., после общих рассуждений об истории и о природе естественной магии, рассматривается соотношение между знаками зодиака, 4 элементами и 4 телесными жидкостями; в 3-й кн. излагается учение о созвездиях и связанных с ними мифических персонажах; в 4-й кн. знаки зодиака соотносятся с 12 богами рим. пантеона и с алхимической символикой; в 5-й и 6-й книгах в виде сводных таблиц представлены многообразные примеры влияния планет и созвездий на жизнь универсума (ср.: *Evans*. 2006. P. 47–52; *Kieckhefer*. 2007. P. 66–68). Основным источником Л. д'Э. в астрологических построениях помимо работ итал. гуманистов была «Астрономика» (*Astronomicum*) рим. поэта и астролога Марка Манилия (I в. по Р. X.). Подчеркивая практическое значение естественной магии, Л. д'Э. отмечает, что она может быть использована в благих целях, преимущественно в области медицины. Напр., олень соотносится с Сатурном и обладает свойством долголетия, поэтому в рецепт лекарства, служащего для увеличения продолжительности жизни пациента, должна входить часть сердца оленя (см.: *Rice*. 1976. P. 24–25). Особое место в сочинении занимает 2-я кн., которая посвящена изложению «тайного каббалистического учения» (*arcana Cabala*) о числовом и буквенном символизме, а также об именах Бога; считая это учение восходящим к древнейшей пифагорейской традиции (см. ст. *Пифагор*), Л. д'Э. стремился соотнести представления об эзотерических свойствах чисел с нек-рыми фундаментальными положениями христ. вероучения (см.: *Copenhagen*. 1977; *Evans*. 2006. P. 61–75). Свидетельством внимательного отношения Л. д'Э. к эзотерической лит-ре является также выпущенное им в 1494 г. издание лат. перевода трактатов Герметического корпуса, который был подготовлен Фичино и опубликован под общим названием «Примандр» (*Primander*; в совр. изданиях корпуса используется транскрипция с древнегреч.— «Поймандр» и название относится лишь к 1-му трактату корпуса; в изданиях Фичино и Л. д'Э. под ним

объединены трактаты I–XIV; общий обзор переводов, изданий и комментариев см.: *CatTC*. Vol. 1. P. 137–144); к тексту корпуса Л. д'Э. добавил собственный краткий комментарий-снопсис, к-рый в посл. долгое время ошибочно считали принадлежащим Фичино. В 1505 г. Л. д'Э. опубликовал расширенное переиздание; в него помимо «Примандра» были включены сохранившийся лишь в лат. переводе трактат «Асклепий» (*Asclepius*; перечень изданий см.: Ibid. P. 144–148), а также сочинение итал. гуманиста и герметиста Лодовико Ладзарелли (1447–1500) «Чаша Гермеса» (*Contenta in hoc volumine: Primander: Mercurii Trismegisti liber de sapientia et potestate Dei. Asclepius eiusdem Mercurii liber de voluntate divina. Item Crater Hermetis a Lazarello Septempedano*. Parisiis, 1505). Ко времени выхода 2-го издания отношение Л. д'Э. к естественной магии изменилось; так, в 1504 г. в предисловии к изданному им апокрифическому соч. «Рекогниции» (*Recognitiones*; о Псевдоклиментинах см. ст. *Климент*, сщмч., еп. Римский) он утверждал: «Существование какой-то естественной или благой магии — это чистый вымысел; вся она — дело тех, кто честным именем пытаются прикрыть свое нечестие на погибель многим» (см.: *Rice*, ed. 1972. P. 118. N 38). Л. д'Э. считал, что Герметический корпус не является магическим сочинением, но представляет собой одно из письменных выражений истинного откровения о Боге, данного древним мудрецам. Поэтому Л. д'Э. рассматривал герметизм не столько как учение о теоретической и практической магии, сколько как философско-теологическую систему, представляющую интерес вслед. ее древности и присущего ей мистического характера, однако не являющуюся безусловно истинной. Он признавал, что некоторые рассуждения в трактатах Герметического корпуса содержат идеи, связанные с язычеством, магией и оккультизмом; с целью предостеречь читателей он в ряде случаев вводил на полях пометки «осторожно», «читать с рассуждением» и т. п. Некоторые следы влияния на Л. д'Э. эзотерического и герметического символизма и нумерологии обнаруживаются в его комментариях к Псалтири, входящем в состав соч. «Пятичастная Псалтирь»; в последующих произведениях Л. д'Э. это влияние исчезло

Ж. Лефевр д'Этапль.
Гравюра из кн.:
*Bèze Th. Icones, id est verae
imagines virorum. Gen., 1580*

и полностью уступило место влиянию христ. мистики, однако определенный интерес к символизму чисел и имен у Л. д'Э. сохранялся (см.: *Man-dosio. 2013. P. 79*).

Издание богословской и религиозно-мистической литературы. Значительное влияние на издательскую деятельность, церковную карьеру и духовно-интеллектуальное развитие Л. д'Э. оказала его дружба с Гийомом Брисоне (ок. 1470–1534), имевшим влияние на кор. Людовика XII. В 80-х гг. XVII в. Брисоне обучался в Наваррском коллеже Парижского ун-та; возможно, уже в эти годы он встречался с Л. д'Э., однако их близкое знакомство произошло позже, ок. 1504 г., когда Брисоне уже занимал епископскую кафедру Лодева (1489–1516), однако продолжал значительную часть времени проводить в Париже и при королевском дворе. Брисоне видел в Л. д'Э. духовного руководителя, высоко оценивал его познания в науках, разделял его интерес к духовно-мистической католич. лит-ре и желание исправить недостатки религ. жизни во Франции (подробнее о Брисоне см.: *Veissière. 1986*). В кон. 1507 г. Брисоне получил в качестве бенефиция аббатство Сен-Жермен-де-Пре (ныне в черте Парижа); осенью 1508 г. по его настоянию Л. д'Э. поселился в аббатстве и начал работать в б-ке, содержащей значительное число уникальных рукописей, к-рые Л. д'Э. использовал при подготовке к публикации сочинений католических мистиков, а также при работе над изданием, переводом и комментированием книг Свящ. Писания. Примерно в это же время Л. д'Э. прекратил регулярное чтение лекций в Парижском ун-те, однако до нач. 20-х гг. XVI в. его имя встречается в актах ун-та, т. к. он был научным руководителем мн. студентов, посещавших его в аббатстве.

После 1508 г. Л. д'Э. постепенно отошел от работы по подготовке философских изданий, хотя и поддерживал соответствующие инициативы своих сподвижников. Крупные издательские проекты, осуществленные им в этот период, были связаны с богословской и духовно-мистической лит-рой. Интерес к древним богословским памятникам и сочинениям христ. мистиков сформировался у Л. д'Э. задолго до переселения в аббатство Сен-Жермен-де-Пре, еще в 80–90-х гг. XV в. Перечень относя-

щихся к сфере христ. теологии и мистики изданий, подготовленных Л. д'Э., точно очерчивает круг его богословских источников и приоритетов, а также отражает этапы освоения им религ. наследия христианства. В 1498 г. Л. д'Э. издал под общим заглавием «Оживотворяющая теология» (*Theologia vivificans*) выполненный гуманистом Амброджо Траверсари (1386–1439) лат. перевод всех трактатов «Ареопагитик», присоединив к ним также Послания *Игнатия Богоносца* (11 Посланий) и *Поликарпа*, еп. Смирнского (1 Послание). Хотя к этому времени некоторыми гуманистами уже было выдвинуто предположение о том, что автором «Ареопагитик» не может быть ученик ап. Павла сщмч. *Дионисий Ареопагит* (I в.), Л. д'Э. был убежденным сторонником авторства Дионисия Ареопагита и для обоснования своего мнения пытался найти следы влияния «Ареопагитик» в сочинениях древних отцов Церкви (приводимые Л. д'Э. цитаты в большинстве случаев заимствованы из произведений, признанных в совр. науке неподлинными). Отношение Л. д'Э. к «Ареопагитикам» свидетельствует, что он был прежде всего верующим теологом и лишь потом гуманистом, т. к. критическому подходу к богословскому тексту он предпочел апологетический. Считая «Ареопагитики» наиболее высоким и совершенным выражением христ. мистической теологии, Л. д'Э. с негодованием отвергал мнение *Фомы Аквинского*, Николая Кузанского, кард. Виссариона и нек-рых др. католич. теологов о том, что автор «Ареопагитик» был платоником (см.: *Rice. 1970.*

P. 138; Idem, ed. 1972. P. 60–71. N 20; Hughes. 1984. P. 6–11). В 1499 г. вышло издание 4 духовно-мистических сочинений Раймунда Луллия, к-рого Л. д'Э. высоко оценивал и как теолога-систематизатора, и как ученого, и как мистика (см.: *Hic continentur libri Remundi pii eremite. Parisiis, 1499*); вполн. Л. д'Э. подготовил еще 2 издания сочинений Луллия. Об интересе Л. д'Э. к систематическому богословию, свободному от влияния католич. схоластики, свидетельствует изданный им собственный перевод на латынь соч. «Точное изложение православной веры» прп. Иоанна Дамаскина (*Theologia Damasceni. Parisiis, 1507*). Во время пребывания в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре Л. д'Э. подготовил издание трактата «О Троице» *Рихарда Сен-Викторского* (*Egregii patri et clari theologi Ricardi... De superdiuina Trinitate theologicum opus. Parisiis, 1510*) и соч. «Одеяние духовного брака» фламанд. мистика Яна ван *Рейсбрука* (*Deuoti et venerabilis patris Ioannis Rusberi... De ornatu spiritualium nuptiarum libri tres. Parisiis, 1512*). Он опубликовал также собрание кратких духовно-мистических трактатов под заглавием «Книга трех мужей и трех духовных дев» (*Liber trium virorum et trium spiritualium virginum. Parisiis, 1513*), в к-рое вошли «Пастырь» *Ермы* (сер. II в.), ранне-средневек. памятник «Видение Веттина» (*Visio Wettini, IX в.*), а также сочинения Роберта Юэссского (XIII в.), Хильдегарды Бингенской (XII в.), *Елизаветы из Шёнау* (1129–1164) и *Мехтильды Магдебургской* (XIII в.). Вершиной трудов Л. д'Э. как издателя стало 3-томное собрание сочинений Николая Кузанского (*Haec accurata recognitio trium voluminum, Operum clariss. P. Nicolai Cusae Card. Parisiis, 1514*), при подготовке к-рого Л. д'Э. пришлось совершить поездку в Германию для поиска неопубликованных рукописей; в работе над собранием Л. д'Э. помогали нем. гуманисты Беат Ренан (1485–1547), Михаэль Хуммельберг (1487–1527) и др.

Внимание Л. д'Э. к религиозно-мистической и богословской лит-ре на идейном уровне было связано с его уверенностью в том, что для стремящегося к богопознанию христианина философия и метафизика являются лишь промежуточным этапом движения. Этот этап необходим, поскольку разум не может достичь

высшего знания без предварительного упражнения в низших науках, однако довольствоваться лишь рациональным философским знанием для Л. д'Э. означает добровольно лишать себя света истины и оставаться во мраке. Для перехода от теологической метафизики к подлинной теологии требуется чтение Свящ. Писания с толкованиями отцов Церкви. От первоначального морально-практического понимания Свящ. Писания человек по мере очищения его ума, обуздания чувственных влечений, искоренения пороков и исправления всего строя жизни переходит к «вершинам созерцания», т. е. к теологии в наиболее узком и строгом смысле (см.: *Lefèvre d'Étaples. Totius philosophiae naturalis paraphrases. 1521. Fol. 123v — 124r*). На этом уровне поддержку разуму оказывают сочинения мистиков, среди которых Л. д'Э. особо выделял «Ареопагитики» и труды Николая Кузанского. Движение от философии и моральной теологии к высшей созерцательной теологии Л. д'Э. связывал с изменением самого способа познания: рациональное знание сменяется интеллектуальным созерцанием, интуитивным восприятием истины в ее полноте. Т. о., во многом повторяя идеи Николая Кузанского (об идейной связи между ними см.: *Matusевич. 2002*), Л. д'Э. полагал, что долгий путь интеллектуального богопознания с помощью философских и богословских средств завершается мистическим неведением, т. е. сознательным подчинением разума слову Божию, звучащему в Свящ. Писании, и внутренним соединением с Богом, к-рое позволяет перейти от рассуждений о Боге к жизни с Ним и в Нем (см.: *Rice, ed. 1972. P. 94–96. N 29; ср.: Idem. 1970. P. 143–144*).

Библейская текстология и экзегеза: «Пятичастная Псалтирь» (1509) и Послания ап. Павла (1512). Первым результатом чтения и исследования Л. д'Э. текстов Свящ. Писания в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре стало издание неск. лат. переводов Псалтири с комментариями, вышедшее под заглавием «Пятичастная Псалтирь» (*Quinquelx Psalterium. 1509*; факсимильная перепечатка 2-го изд.: *Gen., 1979*; подробный анализ структуры и содержания см.: *Bedouelle. 1979*). Сочинение разделяется на 2 части. В 1-й части в виде 3 параллельных колонок помещены тексты 3 лат. перево-

дов Псалтири, автором к-рых, согласно зап. церковной традиции, являлся блж. *Иероним Стридонский* (IV–V вв.). Ко времени Л. д'Э. эти 3 перевода уже имели устойчивые названия: 1) «Римская Псалтирь» (*Psalterium Romanum*), наиболее ранний из приписываемых блж. Иерониму переводов, представляющий собой исправленную версию древнейших лат. переводов греч. текста LXX (см. ст. *Сентуагинта*), известных под условным названием «*Vetus Latina*» или «*Itala*»; использовался как основной текст Псалтири в *римском обряде* (принадлежность этого перевода блж. Иерониму в совр. науке оспаривалась; см. введение и критическое изд. текста: *Weber R., ed. Le Psautier Romain et les autres anciens psautiers latins. R.; Vat., 1953*); 2) «Галликанская Псалтирь» (*Psalterium Gallicanum*), ревизия текста «*Vetus Latina*», сделанная блж. Иеронимом на основе греч. текста LXX, представленного в Гексаплах *Оригена*, и вполн. вошедшая в состав *Вульгаты*; ее название связано с широким использованием этой версии в *галликанском обряде* (критическое изд.: *Biblia Sacra iuxta Latinam Vulgatam versionem. R., 1953. [Vol. 10:] Liber psalmorum*); 3) «Еврейская Псалтирь» (*Psalterium Hebraicum*; полное традиц. название: *Psalterium Hieronymi iuxta hebraicam veritatem*), новый перевод, сделанный блж. Иеронимом с евр. языка (критическое изд.: *Sancti Hieronymi Psalterium iuxta Hebraeos / Ed. H. de Sainte-Marie. R., 1954*). «Пятичастная Псалтирь» является 1-й публикацией к.-л. части лат. Библии, в к-рой было введено деление текста на нумерованные стихи, соответствовавшее делению евр. массоретского текста (*Hughes. 1984. P. 57*). После каждого псалма помещены краткие комментарии Л. д'Э., распределенные по неск. разделам: 1) «титул» (*titulus*), т. е. объяснение написания псалма, истории его создания и общего содержания; 2) «последовательное объяснение» (*expositio continua*), т. е. объясняющий парафраз всего псалма; 3) «согласование» (*concordia*), т. е. приведение параллельных мест из др. книг Свящ. Писания (раздел присутствует только в комментариях к Пс 1–25); 4) «замечания» (*advertite*), т. е. объяснения отдельных мест псалма, представляющих сложность с филологической, семантической или богословской то-

чек зрения. Во 2-й части сочинения помещены еще 2 лат. перевода Псалтири в 2 параллельных колонках, названные Л. д'Э. «Древняя Псалтирь» (*Psalterium Vetus*) и «Согласованная Псалтирь» (*Psalterium Conciliatum*). Под «Древней Псалтирью» Л. д'Э. понимал текст Псалтири в версии «*Vetus Latina*» до всех правок блж. Иеронима; поскольку Л. д'Э. не сообщает, откуда им был взят опубликованный текст, наиболее вероятными ученые считают 2 варианта: 1) ему была доступна неизвестная ныне рукопись Псалтири «*Vetus Latina*»; 2) он пользовался некой реконструкцией Псалтири «*Vetus Latina*», сделанной по сочинениям блж. Августина, к-рый цитировал Псалтирь в соч. «Толкования на псалмы» (*Enarrationes in Psalmos*) и в др. прозведениях по этой версии. «Согласованная Псалтирь» — это предлагаемый Л. д'Э. исправленный текст Псалтири; в его основе лежит текст «Галликанской Псалтири», при внесении правки в который Л. д'Э. использовал преимущественно текст «Еврейской Псалтири». Познания Л. д'Э. в евр. языке были поверхностными и недостаточными; к греч. тексту LXX он обращался крайне редко, поэтому большинство внесенных им исправлений либо были связаны с предпочтением восходящих к евр. тексту лат. чтений блж. Иеронима как наиболее близких к первоисточнику, либо имели стилистический характер и служили для приближения лат. текста Псалтири к нормам церковной и гуманистической латыни нач. XVI в., либо были внесены по доктринальным соображениям. Следуя восходящей к блж. Августину и другим отцам Церкви традиции, Л. д'Э. в комментариях рассматривал Псалтирь прежде всего в христологическом контексте, как пророчество о воплотившемся Сыне Божию и о совершенном Им деле спасения, однако в ряде случаев предлагал также исторические объяснения; нравоучительные рассуждения в комментариях почти не встречаются (подробнее см.: *Bedouelle. 1979*).

Во время работы над «Пятичастной Псалтирью» Л. д'Э. выработал собственное представление о корректном экзегетическом методе, которому следовал и в позднейших сочинениях. Полагая, что в основании христ. богословия лежит открытое в Свящ. Писании истинное знание

о Боге, Л. д'Э. настаивал, что верное понимание Свящ. Писания возможно лишь при его христоцентричном истолковании. По словам Л. д'Э., «Христос есть Дух всего Писания, поэтому Писание без Христа это лишь письма и буквы, которые убивают» (*Rice, ed.* 1972. P. 476. N 140). При работе над комментариями к текстам ВЗ, Л. д'Э. отказался от средневекового представления о 4 смыслах Свящ. Писания и предложил в качестве альтернативы концепцию одного буквального смысла. Однако этот буквальный смысл он понимал не как семантический и исторический смысл, а особым образом — как «согласование» непосредственного значения текста с его скрытым духовным смыслом: «Мы называем буквальным тот смысл, который согласен с Духом и который Дух Святой открывает нам» (см.: *Ibid.* P. 194. N 66). Т. о., Л. д'Э. считал, что существуют 2 буквальных смысла Свящ. Писания: «...первый неподлинный, являющийся уделом пребывающих в слепоте и не видящих, тех, кто понимают божественные вещи лишь плотским и страстным образом, а второй подлинный, которым обладают видящие и просвещенные; первый изобретен человеческим умом, а второй преподан божественным Духом» (*Ibidem*; ср.: *Hughes.* 1984. P. 55–56; *Bedouelle.* 2002. P. 23–24).

Вследствие удачного совмещения у Л. д'Э. гуманистического текстологического метода представления текста с новым методологическим подходом, предполагавшим отказ от вычурных аллегорических и символических интерпретаций, «Пятичастная Псалтирь» в целом была положительно встречена европ. гуманистами; некоторые отрицательные оценки, напр. пренебрежительный отзыв ведущего представителя нем. гуманизма Конрада Муциана Руфа (1470–1526), были связаны с тем, что Л. д'Э. не стал обращаться к оригинальному евр. тексту Псалтири. Ок. 1513 г. с 1-м изд. «Пятичастной Псалтири» познакомился Мартин Лютер (1483–1546), к-рый в это время читал в Виттенбергском ун-те курс лекций по Псалтири; сохранился экземпляр со сделанными его рукой многочисленными заметками на полях (текст заметок опубл.: *Adnotationes Quincuplici Fabri Stapulensis Psalterio manu adscriptae // Luther M. WA.* 1886. Bd. 4. S. 463–526).

Предложенный Л. д'Э. метод истолкования псалмов как пророчеств о Христе был созвучен представлениям Лютера о необходимости толковать Свящ. Писание буквально и «пророчески»; как общие экзегетические подходы Л. д'Э., так и мн. предложенные им толкования конкретных мест Псалтири нашли отражение в лекциях Лютера и повлияли на его становление как экзегета. При этом нередкими являются и случаи несогласия Лютера с интерпретациями Л. д'Э. Вслед. популярности сочинения Л. д'Э. оно было известно и др. видным деятелям Реформации, в т. ч. У. Цвингли (1484–1531), У. Тиндалу († 1536), Ж. Кальвину (1509–1564), к-рые использовали как предложенные Л. д'Э. варианты лат. текста Псалтири, так и его комментарии при работе с библейским текстом (см.: *Hughes.* 1984. P. 60–64; *Bedouelle.* 1976. P. 88; *Idem.* 2002. P. 31. Not. 2).

Свидетельством дальнейшего развития Л. д'Э. как экзегета и богослова в нач. 10-х гг. XVI в. является подготовленное им издание Посланий ап. Павла (*S. Pauli Epistolae XIV.* 1512; помимо подлинных Посланий Л. д'Э. включил в издание также неск. новозаветных апокрифов: *Лаодикийцам послание*, письма философа *Сенеки* к ап. Павлу, приписанные ап. *Лину* повествования о мученической кончине апостолов Петра и Павла). Л. д'Э. не отказался полностью от текстологической работы. Текст Посланий в издании разделен на 2 колонки; в правой, набранной более крупным шрифтом, представлен традиц. лат. текст Посланий; в левой Л. д'Э. поместил собственный лат. перевод с греч. оригинала, обозначенный им как «смысл по греческому тексту» (*intellegentia ex graeco*). В отличие от «Пятичастной Псалтири» комментарии Л. д'Э. не были инкорпорированы в текст Посланий; они помещены отдельно, фактически образуя сравнительно крупное по объему самостоятельное сочинение, занимающее ок. $\frac{3}{4}$ издания. Важной особенностью комментариев является почти полное отсутствие в них ссылок на мнения отцов Церкви и цитат из их сочинений; верный гуманистическим принципам Л. д'Э. предпочитал самостоятельно разбирать тексты Посланий, объясняя с опорой на контекст их церковно-исторический, богословский и нравоучительный смыслы. В доктринальном отношении мн.

высказываемые Л. д'Э. в комментариях мнения, касавшиеся соотношения веры и дел, роли божественной благодати в спасении, греха и оправдания и др. характерных тем богословия ап. Павла предвосхитили последующие интерпретации этих спорных вопросов в протестант. богословии. Поскольку комментарии были созданы Л. д'Э. еще до формулирования основных идей протестантизма в сочинениях Лютера и других основоположников Реформации и до знакомства Л. д'Э. со взглядами сторонников церковных реформ, к-рое состоялось лишь в 20-х гг. XVI в., это произведение отражает сформировавшиеся у Л. д'Э. в результате самостоятельного изучения НЗ представления о нормативном евангельском христианстве и является наиболее независимым выражением его богословской позиции (см.: *Hughes.* 1984. P. 69–99; общий анализ богословских взглядов Л. д'Э. см.: *Amann.* 1926. Col. 139–144; *Bedouelle.* 1976. P. 141–235; *Idem.* 2002. P. 23–31).

Теологическое содержание комментариев к Посланиям ап. Павла определяется учением о необходимости следования за Христом не только в вере и исповедании, но и во всем содержании жизни; такое духовно-практическое наполнение отличает рассуждения Л. д'Э. от мн. протестант. интерпретаций Посланий ап. Павла, в особенности от их прочтения у Лютера. Для обозначения христ. идеала Л. д'Э., основываясь на отрывке из Послания к Колоссянам (см.: Кол 3. 1–11) ввел заимствованное у Николая Кузанского понятие «христообразность» (*Christiformitas*). Призывая христиан следовать не мнениям и установлениям людей, но «небесному образцу», Л. д'Э. обращал внимание на важность полного и всеобъемлющего уподобления Христу: «Все наше благо заключается в подражании Христу; Его жизнь — это образец для нас, Его любовь — это первообраз и источник нашей любви...» (*S. Pauli Epistolae XIV.* 1512. Fol. 170r; см.: *Hughes.* 1984. P. 192–197). Рассуждая о первоуродном грехе и его следствиях, Л. д'Э. делал основной акцент не на тотальности греха, но на личном, добровольном характере отпадения человека от Бога. Он подчеркивал, что следствиями греха стали смерть и враждебность (*inimicitia*) между Богом и человеком, преодо-

ление к-рых возможно лишь через сопричастность Христу по благодати: «Когда человек... взирает на благодать Христову, он видит, что не сам он, но благодать Христова в нем изгоняет преступление и смерть, подобно тому как сияние солнца прогоняет тьму» (S. Pauli Epistolae XIV. 1512. Fol. 79v; ср.: *Backus*. 2009. P. 81–85). Л. д'Э. не был сторонником развитого в посл. Лютером учения о противостоянии веры и дел; совмещая формулировки из Посланий ап. Павла и ап. Иакова, он рассуждал о «делах веры», о «живой и действующей вере» (см.: *Amann*. 1926. Col. 140–141; *Bedouelle*. 2002. P. 25–26).

Полемика 10–20-х гг. XVI в. Публикация библейских текстов и комментариев способствовала знакомству и сближению Л. д'Э. с *Эразмом Роттердамским* († 1536), который также активно занимался текстологией и экзегезой НЗ. Эразм и Л. д'Э. встречались в Париже в 1511 г.; они не поддерживали личную переписку, однако у них было много общих знакомых из числа гуманистов; в сочинениях и письмах они отзывались друг о друге с уважением. Однако после того как в 1516 г. Эразм опубликовал 1-е изд. «Нового Завета» (*Novum Instrumentum omne*), в котором были представлены лат. и греч. тексты НЗ (т. н. *Textus Respectus*) с текстологическими комментариями, между ним и Л. д'Э. завязалась продолжительная дискуссия, предметом к-рой стало несогласие относительно перевода и интерпретации стиха из Псалтири: «Не много Ты умалил его пред Ангелами» (Пс 8. 6), к-рый цитируется в *Евреям послании* (Евр 2. 7; греч. тексты LXX и Евр идентичны; в рус. синодальном переводе Евр вместо «умалил» используется глагол «унизил»). Источником разногласий является возможность различного понимания евр. слова *'ēlōhîm*, к-рое буквально переводится как «боги» и в контексте ВЗ может обозначать и единого Бога, и языческих богов, и сонм служащих Богу небесных сил, т. е. ангелов (см. ст. *Элохим*). Еще в 1509 г. в «Пятичастной Псалтири» Л. д'Э., ссылаясь на мнение блж. Иеронима и христологический смысл псалма, утверждал, что отрывок должен переводиться: «Не много (*paulominus*) Ты умалил его по сравнению с Богом (а Deo)» и считал греч. перевод LXX «по сравнению с ангелами» (παρ' ἀγγέλους) ошибочным. Признавая По-

слание к Евреям подлинным, Л. д'Э. заявлял, что оно было первоначально написано ап. Павлом на евр. языке, а затем переведено на греч. язык, поэтому использование в греч. тексте Послания выражения «по сравнению с ангелами» не восходит к ап. Павлу, а является виной переводчика, заимствовавшего отрывок из LXX. Это же мнение Л. д'Э. повторил в 1512 г., комментируя Послание к Евреям в выпущенном им издании Посланий ап. Павла (соответствующие отрывки см.: *Desiderius Erasmus*. Opera omnia. 1996. P. 197–202. Append. 1–2). Инициатором дискуссии стал Эразм, к-рый при обсуждении соответствующего отрывка из Послания к Евреям в «Новом Завете» прямо сослался на мнение Л. д'Э. и отверг его, заявив со ссылкой на суждение Фомы Аквинского, что в отрывке речь идет о человеческой природе Иисуса Христа, которая была умалена по сравнению с ангельской природой. Признавая, что стих псалма должен пониматься христологически, Эразм отмечал, что в нем вообще говорится не о степени умаления: т. к. по человеческой природе Иисус Христос был умален не только по сравнению с Богом или ангелами, но и по сравнению со многими людьми, выражение «не много» оказывается лишенным смысла. Вместо этого Эразм предлагал понимать греческое выражение βραχύ τι как «на непродолжительное время» (*ad breve tempus*) и, ссылаясь на мнение свт. Иоанна Златоуста, считал отрывок из псалма относящимся к жизни Иисуса Христа как человека на земле до Его воскресения и прославления. Добровольные страдания Христа «умалют» Его по сравнению с бесстрастными ангелами (см.: *Ibid.* P. 203–205. Append. 3). После ознакомления с суждением Эразма Л. д'Э. составил «Возражение» (*Disputatio*; текст см.: *Ibid.* P. 206–224. Append. 4), к-рое было напечатано в качестве приложения к новому изданию Посланий ап. Павла с комментариями; издание датировано 1515 г., однако в действительности вышло между нояб. 1516 и июлем 1517 г. Переходя в «Возражении» от текстологических доводов к богословским, Л. д'Э. отказывался считать отрывок относящимся лишь к человеческой природе Иисуса Христа и соотносил его с др. местами из НЗ, в к-рых содержится учение о божественном *kenosis*. Со-

гласно Л. д'Э., в отрывке речь идет не о воспринятой человеческой природе, но о единой ипостаси, обозначаемой именем Иисус Христос. Сын Божий был «не много умален» по сравнению с Богом в результате Его добровольного уничтожения, принятия «образа раба» (ср.: Флп 2. 6–7). Вслед такой интерпретации Л. д'Э. отвергал и гипотезу Эразма о временном значении выражения βραχύ τι, подкрепляя свое мнение анализом его употребления в греч. языке. В заключительной части «Возражения» Л. д'Э. подвергал жесткой критике не признающих принадлежность Послания к Евреям ап. Павлу, отмечая, что отвержение его подлинности — это дело еретиков и нечестивцев, к-рые не соглашаются с ясно выраженным в этом Послании учением об истинности и о единстве божественной и человеческой природ Иисуса Христа. Подробный ответ на аргументы Л. д'Э. Эразм Роттердамский дал в соч. «Апология к Иакову Фабру Стапулийскому» (*Apologia ad Jacobum Fabrum Stapulensem*; 1-е изд. — 1517; критическое изд.: *Desiderius Erasmus*. Opera omnia. 1996. P. 79–196). После введения общего характера, в к-ром он упрекал Л. д'Э. в недружественном отношении, Эразм предлагал расширенное обоснование своей позиции, не отказываясь ни от одного из ранее озвученных положений. Последовательно разбирая доводы Л. д'Э., он обосновывал богословскую корректность перевода «по сравнению с ангелами», связывая его прежде всего с учением о страданиях Иисуса Христа; рассматривал найденные им случаи употребления слова βραχύ во временном значении; отмечал, что сомнению в подлинности Послания к Евреям встречаются уже у отцов Церкви и никак не связаны с ересями и нечестием. В заключительной части сочинения Эразм приводил ряд примеров некорректного перевода Л. д'Э. греч. текста НЗ на лат. язык в издании Посланий ап. Павла, тем самым прозрачно намекая на слабость познаний Л. д'Э. в греч. языке. В 1517–1522 гг. Эразм выпустил 5 изданий «Апологии», всякий раз дополняя и исправляя текст. Хотя из его писем друзьям известно, что он в личной переписке обращался к Л. д'Э. с просьбой либо признать собственную неправоту и завершить дискуссию, либо составить ответное сочинение, Л. д'Э.

уклонился от к.-л. ответа. В 1519 г. Эразм составил обзор полемики с Л. д'Э. (текст см.: Ibid. P. 225–239. Append. 5), который вполн. неоднократно публиковался в составе его «Примечаний к Новому Завету». Поскольку никакой реакции со стороны Л. д'Э. на «Апологию» Эразма не последовало, невозможно достоверно определить, насколько убедительными он считал аргументы Эразма. Во всех публикациях Посланий ап. Павла с комментариями Л. д'Э. после 1517 г. «Возражение» перепечатывалось, а текст комментария к Евр 2. 7 не подвергался изменениям; однако в подготовленных Л. д'Э. новых изданиях Псалтири (см., напр.: *Psalterium David, Argumentis fronti cuiuslibet psalmi adjectis. Parisiis, 1524*), а также во франц. переводах Псалтири (1523/24) и Послания к Евреям (1523, 1529) используется традиц. вариант «по сравнению с ангелами» (подробнее об истории и о доктринальном содержании полемики см.: *Steenbeek. 1996*). Несмотря на богословские разногласия, Эразм продолжал считать Л. д'Э. одним из наиболее выдающихся франц. гуманистов и причислял его к лагерю своих идейных союзников. Вполн. он неоднократно высказывался в поддержку Л. д'Э., защищая его от нападок парижских теологов; в письмах друзьям и высокопоставленным покровителям просил оказывать ему необходимую помощь Л. д'Э.

В кон. 10-х — нач. 20-х гг. XVI в. Л. д'Э. оказался вовлечен в острую полемику с представителями теологического фак-та Парижского ун-та, в результате которой для него стало невозможно продолжать деятельность в качестве университетского преподавателя. Негативное отношение к Л. д'Э. у мн. католич. теологов сформировалось еще во время споров, связанных с обвинениями в ереси и тайном иудаизме, выдвинутыми против Рейхлина. Л. д'Э., друживший и переписывавшийся с Рейхлином (сохранившиеся 2 письма см.: *Hermijard. 1866. Т. 1. P. 9–18*), был одним из наиболее активных и непреклонных защитников его интересов в Париже; после осуждения Рейхлина парижскими докторами теологии он сам оказался под подозрением в неправомыслии (см.: *Hughes. 1984. P. 101–103*; ср. также: *Clerval. 1917. P. 178*). Дискуссия с Эразмом Роттердамским способствовала усилению этих подозрений. Ортодоксальные католич.

теологи и раньше упрекали Л. д'Э. в желании исправить по собственному вкусу освященный церковной традицией текст лат. Библии и критиковали отдельные исправления; в процессе дискуссии для многих стали очевидными как текстологическая спорность, так и богословская сомнительность по меньшей мере нек-рых из исправлений. В 1519 г. авторитетный гуманист и библеист испан. происхождения Диего Лопес де Суныга († 1531), один из редакторов многоязычного издания Библии, известного как «Комплутенская Полиглотта» (*Biblia Polyglotta Complutense*), опубликовал соч. «Замечания против Иакова Фабра Ступулийского» (*Annotationes Jacobi Lapidis Stunicae contra Jacobum Fabrum Stapulensem*). [Compluti.] 1519). В нем Лопес де Суныга оспаривал осторожно высказанное Л. д'Э. мнение, что используемый в католич. Церкви лат. перевод Библии не является оригинальным переводом блж. Иеронима и потому может и должен подвергаться исправлениям, а также приводил и разбирает ряд ошибочных и неточных изменений Л. д'Э., внесенных в библейский текст. Поводом для открытой дискуссии с католическими теологами послужило высказанное Л. д'Э. в 1517 г. в небольшом сочинении мнение, что евангельские отрывки, к-рые в средневек. католич. традиции считались относящимися к одному лицу — *Марии Магдалине*, в действительности относятся к 3 разным женщинам, лишь одна из к-рых может правомерно считаться исторической Марией Магдалиной (подробный анализ дискуссии и публикацию 2 связанных с ней сочинений Л. д'Э. см.: *Porret. 2009*; ср. также: *Cameron. 1969*; *Hughes. 1984. P. 118–128*). Обосновывая свое мнение, Л. д'Э. разбирает соответствующие отрывки из Евангелий, а также приводит толкования отцов Церкви. Согласно выводам Л. д'Э., разными женщинами являются: 1) Мария Магдалина, из которой Христос изгнал семь бесов (см.: Мф 27. 55–56; Мк 15. 40, 47; 16. 1; Лк 8. 2; Ин 20. 1–18; здесь и далее приводятся предположенное Л. д'Э. распределение евангельских отрывков); 2) Мария, сестра Марфы и Лазаря (см.: Мф 26. 6–13; 27. 61; 28. 1–8; Мк 14. 3–9; 16. 1; Лк 10. 38–42; 24. 10; Ин 11. 1–45; 12. 1–8; 19. 25; первоначально Л. д'Э. считал, что эта Мария также именовалась Магдалиной,

однако вполн. отказался от этого мнения и стал утверждать, что упоминания о ней как о Марии Магдалине являются результатом позднейших ошибочных интерполяций); 3) женщина-грешница, умывшая Иисусу Христу ноги в доме фарисея Симона, имя к-рой в Евангелии не названо (см.: Лк 7. 36–50). Первым в защиту традиционного мнения выступил теолог из аббатства Сен-Виктор М. де Гранваль († 1520), опубликовавший в 1518 и 1519 г. 2 трактата против Л. д'Э. и Клихтове. Обеспокоенный спорами Парижский еп. Этьен Понше (1446–1524) обратился к Джону Фишеру, еп. Рочестерскому († 1535), к-рый был широко известен и как гуманист, и как консервативный католич. теолог, с просьбой представить критический разбор взглядов Л. д'Э. Первоначально Фишер благосклонно отнесся к экзегетическим идеям Л. д'Э., однако затем изменил мнение, увидев в рассуждениях Л. д'Э. опасную для католич. Церкви тенденцию к пересмотру традиций, закрепившихся не только в церковной литературе, но и в церковно-литургической жизни. Фишер написал 3 трактата в защиту учения об одной Марии Магдалине (основное соч.: *Joannes Roffensis. De unica Magdalena libri tres. Parisiis, 1519*; ответ Клихтове: *Eversio Munitiois quam Jod[ocus] Clichtoveus erigere moliebatur. Lovanii, 1519*; критика 2-го трактата Л. д'Э.: *Confutatio secundae disceptationis. Parisiis, 1519*), однако Л. д'Э. не ответил ни на один из них; полемику вели его единомышленники. Значительную поддержку Л. д'Э. в печатной и устной полемике первоначально оказывал его ученик Клихтове, однако в 1519 г. под давлением коллег по теологическому факультету он изменил позицию и впоследствии выступал с критикой взглядов Л. д'Э. Из сферы библейской текстологии и экзегетики дискуссия постепенно перешла в сферу богословских рассуждений о нормативных принципах толкования Свящ. Писания, о значении патристической традиции и церковного авторитета для его верного понимания, о ценности мира и порядка в Церкви (ср.: *Cameron. 1969. P. 18–20*). Попытку пересмотреть сложившуюся традицию церковной экзегезы противники Л. д'Э. видели и в изданных вместе с трактатом о Марии Магдалине еще 2 небольших сочинениях Л. д'Э.; в 1-м, «О триднев-

ном воскресении Христа» (*De tri-duo Christi*; критическое изд.: *Porrer*. 2009. P. 255–314), он предлагал согласование евангельских повествований о времени, прошедшем между смертью Иисуса Христа и Его воскресением из мертвых; во 2-м, «Из трех одна Мария» (*De una ex tribus Maria*; критическое изд.: *Ibid*. P. 315–394), он оспаривал закрепившееся в католической традиции предание о том, что помимо Пресв. Богородицы у прав. Анны были еще 2 дочери с именем Мария (Мария Клеопова и Мария Зеведеева) от 2 последующих браков. В 1519–1520 гг. в полемике с Л. д'Э. включились 2 доктора теологии Парижского ун-та — П. Кустюрье († 1537), известный также под лат. фамильным именем Сутор, и Н. Бедье (Беда; † 1537), издавшие трактаты, в к-рых защищалось традиц. представление о Марии Магдалине и прав. Анне (см.: *Cameron*. 1969. P. 20–21). Именно Кустюрье и Бедье в посл. стали основными оппонентами Л. д'Э. на теологическом фак-те Парижского ун-та, вели с ним печатную полемику и инициировали осуждение его богословских мнений. Вынесение теологами офиц. суждения по вопросу о Марии Магдалине было связано с 2 случаями публичного выражения мнения Л. д'Э. в проповедях, произнесенных его единомышленниками в день Марии Магдалины в 1521 и 1522 гг. После проповеди М. Мазюрье в Мо в 1521 г. теологи составили определение, осуждающее экзегетические и богословские положения Мазюрье и Л. д'Э. Благодаря вмешательству Клихтове определение было составлено в мягких выражениях; основной акцент делался на недопустимости публичного обсуждения спорных вопросов и нарушения церковного мира (текст см.: *Collectio judiciorum de novis erroribus*. 1728. P. VII; *Clerval*. 1917. P. 299–301). Поскольку Л. д'Э. в это время уже покинул Париж, формально он никак не выразил своего отношения к этому определению. Бедье предпринял попытку инициировать светское следствие против Л. д'Э. по обвинению в ереси в Парижском парламенте (в то время высшая судебная инстанция), однако эта попытка была пресечена франц. кор. Франциском I (1515–1547), к-рый в целом благосклонно относился к гуманистам и оказывал покровительство Л. д'Э. Полагаясь на отзыв своего духовника Г. Пети, король сооб-

щил парламенту, что Л. д'Э. лишь выказывал частное мнение по спорному богословскому вопросу, и распорядился оставить дело без рассмотрения. Относящиеся к дискуссии сочинения Л. д'Э. не были осуждены парижскими теологами; впервые они оказались внесены в *Индекс запрещенных книг* в Испании в 1551 г., откуда упоминание о них было заимствовано составителями Римского индекса 1559 г. (см.: *Porrer*. 2009. P. 139–140).

Реформаторская деятельность в Мо (1521–1525). По приглашению Брисоне, в 1516 г. ставшего епископом Мо и с 1517 г. значительное время проводившего в своем диоцезе, Л. д'Э. неск. раз посещал Мо в 1518 и 1519 гг. Весной 1521 г., утомленный постоянными нападками на него парижских теологов и воодушевленный призывами Брисоне возглавить церковные реформы в Мо, Л. д'Э. принял решение окончательно покинуть Париж. Сложившаяся к этому времени в Париже религ. обстановка была весьма напряженной и неблагоприятной для Л. д'Э. В авг. 1520 г. парижские теологи начали рассматривать учение Лютера и готовить осуждающий его документ. После отлучения Лютера от католич. Церкви (3 янв. 1521) любое подозрение в единомыслии с ним автоматически превращалось в обвинение в ереси. В апр. 1521 г. теологи приняли «Определение о лютеранском учении», основным составителем к-рого был Клихтове, к этому времени ставший одним из главных франц. противников лютеранства (см.: *Cameron*. 1970. P. 120–121). Хотя Л. д'Э. не поддерживал публично учения Лютера, не имел прямых контактов с ним и, вероятно, не был знаком ни с одним из его сочинений, парижские теологи и популярные в народе католич. проповедники-монахи упорно относили его к числу тайных сторонников лютеран. учения. Показательное свидетельство того, что противники лютеранства рассматривали Л. д'Э. наряду с др. гуманистами как предшественника и единомышленника Лютера, содержится в одном из писем Эразма Роттердамского, датированном 1521 г.: Эразм общается о некоем парижском проповеднике, рассуждавшем о явлении антихриста, т. е. Лютера, и утверждавшем, что его главным «предтечей» во Франции является Л. д'Э. (см.: *Desiderius Erasmus*. *Opus Epistola-*

rum Oxonii, 1922. Vol. 4. P. 453–454. N 1192). По настоянию теологов Парижский парламент в 1521 г. издал неск. распоряжений, в к-рых запрещалось публиковать любые книги религ. содержания, не получившие предварительно одобрения теологического фак-та Парижского ун-та (см.: *Farge*. 2015. P. 28–35. N 28; *Ibid*. P. 40–45. N 38–39); т. о., Л. д'Э., не имевший влиятельных сторонников среди теологов, потерял возможность открыто издавать в Париже библейские переводы и исследования, а также собственные религ. сочинения.

Совершенно иная ситуация сложилась в Мо, к-рый при Брисоне стал центром притяжения для сторонников церковных реформ. Пользуясь покровительством сестры кор. Франциска I Маргариты Наваррской (1492–1549) и имея возможность через нее влиять на позицию короля, Брисоне начал реализацию масштабного плана церковных преобразований (см.: *Bedouelle*. 1976. P. 91–93; *Hughes*. 1984. P. 133–134). Одним из элементов этого плана было улучшение церковной проповеди; Брисоне заменил монахов, традиционно проповедовавших с наиболее значимых кафедр диоцеза, специально приглашенными теологами, в число к-рых помимо Л. д'Э. входили его бывш. студенты Руссель, Ватабль, Мазюрье, Г. Фарель (1489–1565), П. Кароли († ок. 1545), М. д'Аранд († 1539) и др. (см.: *Bedouelle*. 1976. P. 94–98). Брисоне и его помощники находились под защитой короля, однако благожелательность монарха и его готовность поддерживать умеренные реформы ограничивали, с одной стороны, представители католич. церковной иерархии и теологи, требовавшие от него борьбы с еретиками и предрекавшие неминуемое нарушение общественного порядка из-за проповеди ложных религ. учений, а, с др. стороны, члены Парижского парламента, занимавшие, как правило, консервативную позицию. Т. о., сформировавшаяся вокруг Брисоне группа теологов и проповедников была объектом постоянных враждебных нападков противников церковных реформ, использовавших любой удобный случай для того, чтобы обвинить ее членов в ереси и подвергнуть их церковному и светскому суду. Под давлением теологов в 1523 г. Брисоне выпустил распоряжение, запрещающее чтение и распространение в диоцезе книг Лютера; примерно

в это же время он выслал из диоцеза Фареля, придерживавшегося крайне радикальных протестант. взглядов и открыто нападавшего на католич. Церковь. Однако эти меры имели скорее предохранительный характер; хотя Брисоне и Л. д'Э. не разделяли мн. мнений Лютера, они поддерживали контакты с нем. и швейц. сторонниками Реформации и сообщали им о своих достижениях в деле евангелизации народа. С 1523 г. Л. д'Э. занимал в диоцезе офиц. должность «викария по духовным делам» и, следуя общим указаниям Брисоне, проводил политику реформирования церковной жизни в духе евангелизма, т. е. умеренного протестантизма, приверженцы к-рого рассчитывали на постепенное изменение католич. Церкви изнутри, отказываясь от внешнего разрыва с ней.

В качестве 2 первоочередных задач, вставших перед ним после переселения в Мо, Л. д'Э. рассматривал подготовку проповедников, способных доносить до народа подлинный духовный смысл текстов НЗ, а также создание переводов библейских книг на франц. язык, распространение к-рых позволило бы любому христианину самостоятельно читать и изучать Свящ. Писание. Наиболее важным собственным вкладом в решение 1-й задачи Л. д'Э. считал издание текста НЗ с поясняющими толкованиями. В 1522 г. он опубликовал соч. «Вводные комментарии к четырем Евангелиям» (*Commentarii initiorum in quatuor Evangelia*). Т. к. Л. д'Э. рассматривал это сочинение не только как традиц. комментарий, но и как руководство для проповедников, он использовал в нем общеупотребительный лат. перевод Евангелий, однако после каждой главы поместил список неточно переданных в традиц. лат. переводе слов и выражений с добавлением греч. оригинала и исправленного перевода. Комментарии в этом издании даются по главам; в них совмещены лит. формы поясняющего парафраза и гомилии. Предлагая обобщение основного содержания каждой главы, Л. д'Э. особо останавливался на важных в доктринальном отношении отрывках; при рассмотрении нек-рых тем он переходил к непосредственному риторическому обращению к читателю, вдохновенно излагая свое понимание религ. и нравственного учения Евангелий. Схожую структуру имело и соч. «Комментарии к Соборным

Посланиям» (*Commentarii in Epistolas Catholicas*), над которым Л. д'Э. работал в Мо и которое завершил к 1525 г., но смог опубликовать лишь в 1527 г. в Базеле. Т. о., во время пребывания в Мо Л. д'Э. закончил начатый в 1512 г. публикацией Посланий ап. Павла проект создания комментариев к всему тексту НЗ (кроме Деяний св. апостолов и Откровения Иоанна Богослова). Выражая в предисловии к «Вводным комментариям...» собственное представление о значении чтения и изучения Свящ. Писания, Л. д'Э., как и мн. представители европ. протестантизма, призывал вернуться к евангельской чистоте веры. По его словам, «образец веры» (*forma fidei*) следует искать в первоначальной Церкви (*primaeva ecclesia*), «которая не знала никаких правил, кроме Евангелия, у которой не было никакой цели, кроме Христа, которая не воздавала почитания никому, кроме триединого Бога» (см.: *Rice, ed. 1972. P. 437. N 134*). Прямая критика католической Церкви, ее обрядов и учения в комментариях Л. д'Э. отсутствовала. О его критическом отношении к католицизму можно было судить лишь по показательным умолчаниям: толкуя места Свящ. Писания, которые теологи использовали для обоснования специфических пунктов католич. вероучения (напр., учения о папском *примате*, о *чистилище*, о почитании святых и т. п.), Л. д'Э. не приводил традиционных толкований, а заменял их собственными рассуждениями на общие религиозные темы, тем самым косвенно оспаривая правомерность католич. экзегезы и основанной на ней догматики (ср.: *Stauffer. 1980*).

С нач. 20-х гг. XVI в. Л. д'Э. работал над переводом Библии на франц. язык, начав с перевода НЗ и Псалтири. В 1523 г. парижский издатель С. де Колин, невзирая на действовавший цензурный запрет, опубликовал перевод НЗ в 2-х т.; в 1-й т. вошли 4 Евангелия, а во 2-й т. — остальные книги НЗ. В 1524 г. он же издал франц. перевод Псалтири. Вероятно, не желая привлекать дополнительное внимание цензоров и теологов, Л. д'Э. предпочел использовать в качестве источников для переводов общеупотребительный латинский текст Библии без всяких изменений и исправлений; этого принципа он придерживался и во всех последующих переводах библейских книг на

франц. язык. Каждый из 3 томов открывался «Побудительным посланием» (*Epistre exhortatoire*; текст см.: *Rice, ed. 1972. P. 449–470. N 137–139*); все они начинались с весьма показательных своим подчеркнuto евангелическим характером обращений: «Всем христианам и христианкам благодать, просвещение и спасение в Иисусе Христе» (*Ibid. P. 339*); «истинное познание Его слова и любовь к Нему» (*Ibid. P. 457*). В этих посланиях Л. д'Э. подчеркивал абсолютное значение Свящ. Писания как слова Божия и насущную необходимость сделать его свет, очищающий душу, доступным каждому человеку. Отмечая, что духовный смысл Свящ. Писания открывается человеку Богом, а не приобретается путем мыслительных усилий, Л. д'Э. во франц. переводах отказался от практики давать комментарии к тексту или к-л. образом пояснять его. В духе радикального евангелизма он призывал читателей оставить «всякое упование на любое творение и всевозможные человеческие предания, которые не могут даровать спасения, и следовать слову Божию, которое есть дух жизни» (см.: *Cameron. 1970. P. 125*). В «Побудительном послании», открывавшем 2-й т. НЗ, Л. д'Э. давал читателю указания, как следует читать Свящ. Писание дома, призывая размышлять о сложных местах, посещать проповеди и после приобретения познания наставлять др. людей (см.: *Hughes. 1984. P. 156–160*). Издание французских переводов Л. д'Э. и др. трудившиеся в Мо проповедники считали своим главным достижением. В письме Фарелю от 6 июля 1524 г. Л. д'Э. сообщал о благотворном влиянии переводов на церковную и религиозную жизнь в еп-стве: «После публикации французского Нового Завета Бог во многих местах склонил умы простых людей к принятию Его слова...» (см.: *Herminjard. 1866. T. 1. P. 220*). Переводы Л. д'Э. использовались в Мо при богослужении, а также для проведения занятий с народом, в ходе которых проповедники читали и толковали Свящ. Писание (см.: *Ibid. P. 222; Hughes. 1984. P. 136–137*).

Наиболее ярким памятником деятельности проповедников-евангелизаторов в Мо и своеобразным синтезом трудов Л. д'Э. как экзегета и как переводчика стало соч. «Послания и Евангелия для пятидесяти двух недель года» (*Épistres et Évangiles*

pour les cinquante et deux semaines de l'an; факсимильное переизд. 1-го изд. 1525 г.: *Screech*. 1964; критическое переизд. на основе изд. 1534 г.: *Bedouelle, Giaccone*. 1976). Хотя это произведение было опубликовано без имени автора и, вероятно, является результатом совместной работы Л. д'Э. и его учеников, оно содержит несомненные следы стиля и идей Л. д'Э. По-видимому, в сочинении была зафиксирована вошедшая в употребление в еп-стве Мо не позднее 1524 г. практика читать в праздничные и воскресные дни полагающиеся по церковному уставу апостольское и евангельское чтения на франц. языке, а также произносить после них краткую проповедь, в к-рой объяснялся смысл прочитанных отрывков (об этой практике Л. д'Э. сообщал в письме Фарелю от 6 июля 1524 г.; см.: *Herminjard*. 1866. Т. 1. Р. 222). Тексты НЗ в издании даются на франц. языке по переводу Л. д'Э.; сопровождающие их проповеди имеют преимущественно вероучительный характер. Наряду с чтениями для воскресных дней приводятся чтения для господских и богородичных праздников, а также для дней памяти нек-рых святых. Вместе с тем по сравнению с обычными католич. собраниями гомилий этого периода число святых было радикально сокращено; традиц. рассуждения о заслугах Пресв. Богородицы и святых, а также призывы обращаться к ним за помощью в сборнике Л. д'Э. отсутствуют и заменены евангельскими призывами читать Свящ. Писание, быть твердыми в вере, искать помощи у Бога, стремиться к христ. любви и т. п. (ср.: *Hughes*. 1984. Р. 163–164).

Все издания Л. д'Э. вскоре после их выхода становились предметом внимания франц. теологов, осуждавших их и пытавшихся воспрепятствовать их распространению. В марте 1523 г. фак-т теологии Парижского ун-та принял постановление, запрещавшее публикацию новых библейских переводов и использование ранее сделанных лат. переводов и парафразов Л. д'Э. и Эразма Роттердамского (текст см.: *Cleval*. 1917. Р. 379–380, N 22). В июне того же года теологи подали в Парижский парламент жалобу на Колина, издавшего без дозволения теологического фак-та «Вводные комментарии к четырем Евангелиям». Парламент поддержал жалобу и вызвал Колина

для объяснений, однако кор. Франциск I распорядился прекратить процесс против него (см.: *Farge*. 2015. Р. 51–60. N 49–50). Поскольку запретить книгу не удалось, теологи начали рассматривать ее содержание с целью найти в ней еретические утверждения; одновременно они пытались убедить парламент начать следствие против Л. д'Э. В апр. 1524 г., вероятно, по ходатайству покровителей Л. д'Э., кор. Франциск I в обращении к парламенту отметил, что нападки теологов на Л. д'Э. связаны с их завистью к его заслуженной славе; король запретил парламенту подвергать цензуре переводы Л. д'Э., пообещав, что при необходимости он сам созовет комиссию для их изучения или предложит их для оценки Собору франц. епископов (текст письма см.: *Ibid*. Р. 82–83. N 67; о заступничестве короля Л. д'Э. упоминал в письме Фарелю: *Herminjard*. 1866. Т. 1. Р. 222). К активным действиям против Брисоне, Л. д'Э. и др. трудившихся в Мо проповедников парижские теологи перешли в кон. 1524 — нач. 1525 г., когда Франциск I вел военные действия в Италии и после битвы при Павии был захвачен в плен испан. войсками. Вскоре после этого с одобрения регентши Луизы Савойской (1476–1531), матери короля, была образована комиссия из 4 теологов и членов парламента, получившая от Папского престола и франц. властей широкие полномочия по расследованию деятельности «еретиков» во Франции (см.: *Hughes*. 1984. Р. 169–171). 3 окт. 1525 г. парламент предписал Брисоне, Л. д'Э. и др. проповедникам из Мо предстать перед комиссией; при этом Кароли, Русселя и Ж. Преве следовало задержать даже против их воли, а от остальных ожидали добровольной явки (см.: *Farge*. 2015. Р. 217–219. N 137; ср.: *Cameron*. 1970. Р. 130–131). Опасаясь ареста, Л. д'Э. не поехал в Париж; в сер. окт. 1525 г. он и Руссель покинули Мо и вскоре поселились в Страсбурге. Вероятно, через Маргариту Наваррскую проповедникам удалось сообщить о процессе кор. Франциску I, находившемуся в заключении в Мадриде. 12 нояб. 1525 г. король направил парламенту письмо, в к-ром запрещал проводить к.-л. процессуальные действия против Л. д'Э., Кароли и Русселя до его возвращения во Францию; в этом письме король особо выделял Л. д'Э. как известного по всей Европе гума-

ниста, прославляющего Францию (текст см.: *Farge*. 2015. Р. 227–229. N 148). Хотя Луиза Савойская поддержала требование короля, парламент не подчинился королевскому распоряжению и продолжил следствие (см.: *Ibid*. Р. 230. N 150; *Ibid*. Р. 231–234. N 153; *Ibid*. Р. 253. N 178); так, 25 дек. 1525 г. Брисоне было предписано дать объяснения относительно публикации в его еп-стве франц. переводов НЗ, автором к-рых был Л. д'Э. (см.: *Ibid*. Р. 237. N 158). В 1525 г. нек-рые радикальные проповедники, действовавшие в Мо, были арестованы и после расследования приговорены к казни. Косвенным следствием процесса стало принятое парламентом 5 февр. 1526 г. распоряжение, запрещавшее издание, продажу и чтение любых переводов Библии на народные языки (см.: *Ibid*. Р. 249–251. N 174); т. о., все переводы Л. д'Э. на долгое время оказались во Франции вне закона и могли распространяться лишь нелегально. Возвращение кор. Франциска I во Францию положило конец процессу; в письме парламенту от 15 авг. 1525 г., составленном после обращения к королю Эразма Роттердамского, к-рый выступил в защиту франц. гуманистов, монарх возложил всю вину за преследование гуманистов на теологов Парижского ун-та (см.: *Ibid*. Р. 271–272. N 199; Р. 273–276. N 201).

Одновременно с судебным следствием проходило богословское рассмотрение парижскими теологами взглядов и сочинений Л. д'Э. и др. проповедников. К нач. нояб. 1525 г. был подготовлен список 48 ошибочных и еретических положений, извлеченных из соч. «Послания и Евангелия для пятидесяти двух недель года», с опровергающими их «цензурами»; 6 нояб. список и завершающее его общее осуждение были официально утверждены на заседании теологического фак-та (см.: *Farge*. 1990. Р. 116–117; текст положений и их осуждения опубл.: *Collectio judiciorum de novis erroribus*. 1728. Р. 35–40; *Bedouelle, Giaccone*. 1979. Р. 41–51). Теологи предписывали сжигать книгу Л. д'Э. в присутствии тех, кто читали ее или кому проповедовались изложенные в ней взгляды. По заявлению теологов, в учении Л. д'Э. были найдены осужденные католич. Церковью еретические мнения манихеев и вальденсов, а также последователей Дж. Уиклифа († 1384) и Лютера. Однако анализ извлеченных

теологами положений свидетельствует о том, что они столкнулись со значительными сложностями при попытках связать тезисы Л. д'Э. с учением Лютера и вынуждены были истолковывать их определенным образом, делая из богословски корректных высказываний еретические (сопоставление взглядов Л. д'Э. и Лютера см.: *Hahn*. 1938; *Bedouelle*. 1983). Напр., из утверждения, что возвешение любого учения, не укорененного в слове Божием, является обманом и соблазном, теологи делали вывод, что Л. д'Э. отвергает Свящ. Предание и учительство Церкви (см.: *Bedouelle, Giaccone*. 1979. P. 41–42. N 2); из высказывания, что диавол мешает проповеди слова Божия, затмевая его человеческими преданиями, заключали, что Л. д'Э. вместе с Лютером отвергает церковные установления как человеческие предания (*Ibid.* P. 44. N 13); слова: «...все, что человек имеет, он имеет по благодати Бога и Иисуса Христа, а не по своим заслугам» теологи понимали как отрицание «всякой заслуги человека перед Богом» и спасительного значения добрых дел (*Ibid.* P. 43. N 11). Подозрительными и еретическими объявлялись высказывания, содержавшие слово «только», причем даже в том случае, когда оно не имело у Л. д'Э. исключаящего смысла и служило лишь для подчеркивания и усиления мысли, напр.: «...нам все дано и все прощено в одном только Иисусе Христе, если мы веруем в Него» (*Ibid.* P. 41. N 1), «мы должны верить только в слово Божие» (*Ibid.* P. 43. N 8), «наше спасение происходит только от воли Бога» (*Ibid.* P. 44. N 17). Еретическими были сочтены не только двусмысленные, но и вполне безукоризненные положения, фактически являющиеся точными парфразами Свящ. Писания, напр.: «Вера, если мы ее имеем без любви, не есть вера» (*Ibid.* P. 45. N 20; ср.: *Cameron*. 1970. P. 132–133; общую оценку см.: *Hughes*. 1984. P. 164–167).

Бедье, один из инициаторов и авторов осудившего взгляды Л. д'Э. решения, продолжил их критику в состоявшем из 3 книг соч. «Замечания» (*Annotations*); в 2 начальных книгах он разбирал содержание комментариев Л. д'Э. к Посланиям ап. Павла и к Евангелиям, а в 3-й кн. рассматривал «Примечания к Новому Завету» Эразма Роттердамского (анализ содержания см.: *Cameron*. 1970. P. 135–147; *Crane*. 2010). Публи-

кация «Замечаний» совпала по времени с возвращением кор. Франциска I в Париж; недовольный нападками Бедье на гуманистов, король потребовал от парламента запретить распространение книги (см.: *Farge*. 2015. P. 273–276. N 201). В 1529 г. Бедье опубликовал соч. «Апология против тайных лютеран» (*Apologia adversus clandestinos Lutheranos*); основным объектом его нападков и обвинений в ереси был Эразм Роттердамский, однако к числу франц. сторонников лютеранства Бедье относил и Л. д'Э., рассматривая и осуждая некие положения, извлеченные из его сочинений. При подготовке парижскими теологами Индекса запрещенных книг, впервые изданного в 1544 г., в него было включено ранее осужденное соч. «Послания и Евангелия для пятидесяти двух недель года», а также 3 комментария Л. д'Э. к НЗ; в посл. эти сочинения были перенесены и в др. Индексы, в т. ч. в офиц. Римский Индекс, где оставались с пометкой «пока не будут исправлены» (*donec corrigantur*) до реформы Индекса в XX в. (см.: *Index des livres interdits / Ed. J. M. de Bujanda, Sherbrooke*, 1996. T. 10: *Thesaurus de la littérature interdite au XVIe siècle*. P. 251).

Последние годы жизни (1525–1536). После бегства из Франции Л. д'Э. жил в Страсбурге в доме В. Ф. *Kanuto* (ок. 1480–1541), который вместе с М. *Буцером* (1491–1551) возглавлял реформационное движение в этом городе и руководил местной протестант. общиной. С целью избежать возможного преследования со стороны франц. властей Л. д'Э. и Руссель скрывались под вымышленными именами; известно, что Л. д'Э. выбрал себе псевдоним Антоний Пилигрим (*Peregrinus*, т. е. Странник). В Страсбурге Л. д'Э. продолжил переводить Библию на франц. язык, приступив к работе над книгами ВЗ. Он встречался и вел беседы с представителями франц., нем. и швейц. реформационного движения: Ф. Ламбером (1487–1530), Б. Вольфхартом († 1543) и др.; в этот период в городе также жили и проповедовали его ученики и бывшие сотрудники Фарель и д'Аранд. Активного участия в религ. жизни Страсбурга Л. д'Э. не принимал; Руссель в письмах с восхищением отзывался о проводимых Капито и Буцером церковных и литургических реформах, однако об отношении к ним Л. д'Э.

ничего не известно (см.: *Bedouelle*. 1976. P. 107–109). Весной 1526 г. Л. д'Э. получил от кор. Франциска I приглашение вернуться во Францию и сразу же принял его. То, что Л. д'Э. предпочел вернуться к жизни ученого-гуманиста во Франции, а не заниматься евангельской проповедью и проведением церковных реформ там, где для этого существовали благоприятные условия, свидетельствует о том, что радикальные реформационные устремления нем. и швейц. проповедников не были ему близки.

Покинув Страсбург в сер. апр. 1526 г., Л. д'Э. на пути во Францию посетил Базель, где встретился с И. *Эколампанием* (1482–1531), возглавлявшим местную протестант. общину, а также с жившим в этот период в Базеле Эразмом Роттердамским. 29 июня 1526 г. Л. д'Э. прибыл в Блуа ко двору кор. Франциска I. Вскоре он занял место библиотекаря в королевском замке; с этого времени офиц. должность и близость к королю служили для Л. д'Э. надежной защитой от нападков противников. Эразм Роттердамский в одном из писем с удовлетворением замечал: «Иаков Фабер с почетом призван обратно во Францию, откуда прежде бежал из-за страха, и король высоко ценит его» (*Desiderius Erasmus. Opus Epistolarum. Oxonii*, 1928. Vol. 6. P. 66. N 1821). Вскоре Л. д'Э. было поручено воспитание детей короля, Карла Орлеанского (1522–1545) и Мадлен де Валуа (1520–1537); сохранились составленные для них Л. д'Э. краткое введение в грамматику и учебный словарь к Псалтири (см.: *Bedouelle*. 1976. P. 110, 118–119).

После возвращения во Францию контакты Л. д'Э. с франц. и швейц. сторонниками церковных реформ были минимальными. В письмах неких из них встречаются осторожные замечания, что Л. д'Э. поддался «малодушию» и прекратил активную религ. деятельность, т. к. полагал, что для радикальных религ. перемен во Франции «еще не наступило время» (см.: *Herminjard*. 1866. T. 1. P. 447. N 181; ср.: *Hughes*. 1984. P. 173–179). Сохраняя уверенность в том, что необходимым условием для исправления и реформирования религ. жизни во Франции являются широкое распространение и общедоступность Свящ. Писания, Л. д'Э. продолжал работать над

франц. переводом Библии, к-рый по мере готовности он публиковал в Антверпене, поскольку во Франции продолжал действовать запрет на издание и распространение новых переводов Библии. Так, в 1528 г. были изданы 2 тома, содержавшие Пятикнижие и пророческие книги, в авг. 1530 г. вышел том с учительными книгами (за исключением ранее уже переведенной Псалтири). Первое издание полной франц. Библии в переводе Л. д'Э. было опубликовано в дек. 1530 г. (*La Sainte Bible: Ep Francoys. Ep Anuers [Antw.], 1530*; библиографию всех изданий библейских переводов Л. д'Э. с полным описанием содержания см.: *Chambers. 1983*). Все переводы были выполнены Л. д'Э. с традиц. лат. Библии или заново сверены с ней, что отражено в полном заглавии издания: «Святая Библия на французском языке, переведенная с точного (pure) и полного перевода святого Иеронима, целиком исправленного и пересмотренного согласно наиболее древним и наиболее верным рукописям». В 1534 г. Л. д'Э. подготовил новое издание франц. Библии, содержащее последнюю подготовленную им версию библейского текста и в силу этого считающееся наиболее точным и авторитетным. В нем Л. д'Э. использовал для внесения исправлений опубликованную в 1532 г. Р. Этьенном († 1559) в Париже новую версию Вульгаты, при подготовке к-рой были учтены лучшие из известных в то время рукописей (см.: *Ibid. P. 83–85. N 62*). Впосл. перевод Л. д'Э., получивший название «Антверпенская Библия» (*Bible d'Anvers*), был использован П. Р. Оливетаном (ок. 1506–1538), родственником Кальвина, при подготовке собственного франц. перевода Библии, известного как «Нёвшательская Библия» (*Bible de Neuchâtel*). Для НЗ и греческих книг ВЗ Оливетан лишь незначительно стилистически исправил перевод Л. д'Э., однако евр. книги ВЗ он перевел заново, опираясь помимо Вульгаты и на оригинальный евр. текст, вслед чего его перевод был признан более точным. Дальнейшую доработку перевода Оливетана осуществляли Кальвин и его сподвижники, к-рые создали на основе этого перевода «Женевскую Библию» (*Bible de Genève*). Т. о., осуществленный Л. д'Э. 1-й в истории полный перевод Библии на французский язык не получил статуса офиц. библейского текста, при-

нятого франкоязычными протестант. общинами, однако внес значительный вклад в подготовку и формирование этого текста, а также подготовил почву для распространения др. переводов Свящ. Писания во Франции (подробнее об истории создания, содержании и стилистических особенностях франц. Библии Л. д'Э. см.: *Laune. 1895; Idem. 1901; Kunze. 1935*).

В 1530 г. Л. д'Э. оставил придворную службу и переселился в Нерак, где находился двор кор. Маргариты Наваррской, покровительствовавшей гуманистам и проявлявшей живой интерес как к религ. и мистической лит-ре, так и к разного рода проектам исправления и улучшения состояния церковной жизни во Франции. К этому времени в Нераке уже находились нек-рые из друзей Л. д'Э., в т. ч. Руссель и д'Аранд. Проведенные в Нераке последние годы жизни Л. д'Э. в лит-ре нередко характеризуются как «период молчания» (см.: *Bedouelle. 1976. P. 120–135*). Он никак не реагировал на деятельность во Франции радикальных протестант. проповедников, следствием к-рой стало усиление гонений на *гугенотов* со стороны католич. Церкви и королевской власти. Уклоняясь от участия в любых религ. дискуссиях и спорах, Л. д'Э. вел в Нераке жизнь погруженного в молитву и созерцание отшельника. Согласно сообщению Т. Безы (1519–1605), в 1534 г. Л. д'Э. посетил в Нераке Кальвин, в это время еще находившийся в поисках религ. призвания (см.: *CR. Vol. 49. Col. 57*); о содержании их бесед ничего не известно (о возможном влиянии идей Л. д'Э. на Кальвина см.: *Dörries. 1925*). Многие современники из числа протестантов, озадаченные молчанием Л. д'Э., видели в его поведении малодушие, трусость и лицемерие. Постепенно сложилась легенда, что в конце жизни Л. д'Э. говорил о себе как о величайшем грешнике, упрекая себя в том, что многие из его учеников стали мучениками за веру, а он, учивший их верности Евангелию, не нашел в себе сил открыто исповедовать истинную веру. Однако эта легенда едва ли является достоверной. Точная дата кончины Л. д'Э. неизвестна, однако на основании нескольких косвенных источников исследователи относят ее к 1-й пол. 1536 г. (см.: *Bedouelle. 1976. P. 133; Idem. 2002. P. 23*).

Хотя Л. д'Э. до конца жизни оставался членом католич. Церкви, ведущие протестант. проповедники XVI в. признавали его одним из предшественников и зачинателей франц. реформационного движения. Подтверждение этого содержится в изданном Безой собрании портретов выдающихся гуманистов и деятелей Реформации, сопровождаемых краткими сведениями о них (см.: *Bèze Th., de. Icones, id est verae imagines viro-rum doctrina simul et pietate illustrium. Gen., 1580*). Замечая, что Л. д'Э. достоин «наивысшей похвалы», Беза относит к числу его заслуг то, что он восстановил в Парижском ун-те преподавание вместо схоластики истинной аристотелевской философии, перевел на народный язык Свящ. Писание, защищая в сочинениях «чистейшую религию», обучил и воспитал мн. «выдающихся мужей», воспринявших и развивших его гуманистические и религ. идеалы.

Соч.: [Totius philosophiae naturalis paraphrases]. Parisiis, 1492; Idem. Parisiis, 1521; Quincuplex Psalterium: Gallicum, romanum, hebraicum, vetus, conciliatum. Parisiis, 1509, 1513². Gen., 1979; [S. Pauli Epistolae XIV ex Vulgata, adiecta intelligentia ex graeco, cum commentariis]. Parisiis, 1512. Stuttg., 1978^r; *Screech M. A., ed. Jacques Lefèvre d'Étaples et ses disciples: Épîtres et Évangiles pour les cinquante et deux semaines de l'an. Gen., 1964; Rice E. F., ed. The Prefatory Epistles of Jacques Lefèvre d'Étaples and Related Texts. N. Y., 1972; Bedouelle G., Giaccone F., ed. Jacques Lefèvre d'Étaples et ses disciples: Épîtres et Évangiles pour les cinquante et deux semaines de l'an. Leiden, 1976; Boisset J., Combes R., ed. Jacques Lefèvre d'Étaples: Hecatonomiarum libri. P., 1979.*

Истр.: *Collectio iudiciorum de novis erroribus / Ed. C. du Plessis d'Argentré. P., 1728. T. 2; Herminjard A. L., ed. Correspondance des réformateurs dans les pays de langue française. Gen. etc., 1866. T. 1; 1868. T. 2; 1870. T. 3; Cleroal J. A., ed. Registre des procès-verbaux de la faculté de théologie de Paris. P., 1917. T. 1: De 1505 à 1523; Farge J. K., ed. Registre des procès-verbaux de la faculté de théologie de l'Université de Paris: De jan. 1524 à nov. 1533. P., 1990; idem., ed. Students and Teachers at the University of Paris: the Generation of 1500: A Critical Edition of Bibliothèque de l'Université de Paris (Sorbonne), Archives, Registres 89 and 90. Leiden; Boston, 2006; idem., ed. Religion, Reformation, and Repression in the Reign of Francis I: Documents from the Parlement of Paris, 1515–1547. Toronto, 2015. 2 vol.; *Desiderius Erasmus. Opera omnia. Ser. 9: Apologies. Amst. etc., 1996. Vol. 3: Apologia ad Iacobum Fabrum Stapulensem. Лит.: Graf K. H. Jacobus Faber Stapulensis: Ein Beitrag zur Geschichte der Reformation in Frankreich // ZHTh. 1852. Bd. 22. H. 1. S. 3–86; H. 2. S. 165–237; *Laune A. Lefèvre d'Étaples et la traduction française de la Bible // RHR. 1895. T. 32. P. 56–72; idem. Des secours dont Lefèvre d'Étaples s'est servi pour sa traduction française de l'Ancien Testament // Bull. historique et littéraire de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français. P., 1901. T. 50. N 11. P. 595–607;***

Renaudet A. Préréforme et humanisme à Paris pendant les premières guerres d'Italie, 1494–1517. P., 1916, 1953; *Dörries H.* Calvin und Lefèvre // ZKG. 1925. Bd. 44. H. 4. S. 544–581; *Amann E.* Lefèvre d'Étaples Jacques // DTC. 1926. T. 9. Col. 132–159; *Kunze H.* Die Bibelübersetzungen von Lefèvre d'Étaples und von P. R. Olivetan: Verglichen in ihrem Wortschatz. Lpz., 1935; *Barnaud J.* Jacques Lefèvre d'Étaples // ETR. 1936. T. 11. N 1. P. 3–29; N 2. P. 98–129; N 3. P. 135–159; N 4. P. 203–237; *Hahn F.* Faber Stapulensis und Luther // ZKG. 1938. Bd. 57. S. 356–432; *Carrière V.* Lefèvre d'Étaples à l'Université de Paris (1475–1520) // Mémoires de la Commission Départementale des Monuments Historiques du Pas-de-Calais. Arras, 1947. T. 5. Fasc. 2. P. 108–120; *Vasoli C.* Jacques Lefèvre d'Étaples e le origini del «fabrismo» // Rinascimento. Firenze, 1959. Vol. 10. P. 221–254; *Rice E. F.* The Humanist Idea of Christian Antiquity: Lefèvre d'Étaples and His Circle // Stud. in the Renaissance. N. Y., 1962. Vol. 9. P. 126–160; *idem.* Humanist Aristotelianism in France: Jacques Lefèvre d'Étaples and His Circle // Humanism in France at the End of the Middle Ages and in the Early Renaissance / Ed. A. H. T. Levi. Manchester, 1970. P. 132–149; *idem.* Jacques Lefèvre d'Étaples and Medieval Christian Mystics // Florilegium Historiale: Essays Presented to W. K. Ferguson. Toronto, 1971. P. 89–124; *idem.* The «De magia naturali» of Jacques Lefèvre d'Étaples // Philosophy and Humanism: Renaissance Essays in Honor of P. O. Kristeller. Leiden, 1976. P. 19–29; *Salley L.* Jacques Lefèvre d'Étaples: Heir of the Dutch Reformers of the 15th Cent. // The Dawn of Modern Civilization: Studies in Renaissance, Reformation and Other Topics Presented to Honor A. Hyma. Ann Arbor, 1962. P. 75–124; *Cameron R. M.* The Attack on the Biblical Work of Lefèvre d'Étaples, 1514–1521 // Church History. 1969. Vol. 38. N 1. P. 9–24; *idem.* The Charges of Lutheranism Brought against Jacques Lefèvre d'Étaples (1520–1529) // HarvTR. 1970. Vol. 63. N 1. P. 119–149; *Bedouelle G.* Lefèvre d'Étaples et l'intelligence des écritures. Gen., 1976; *idem.* Le «Quincuplex Psalterium» de Lefèvre d'Étaples: Un guide de lecture. Gen., 1979; *idem.* Faber Stapulensis // TRE. 1982. Bd. 10. S. 781–783; *idem.* Lefèvre d'Étaples et Luther: Une recherche de frontières, 1517–1527 // RHPH. 1983. T. 63. P. 17–31; *idem.* Jacques Lefèvre d'Étaples // The Reformation Theologians: An Intro. to Theology in the Early Modern Period / Ed. C. Lindberg. Oxf., 2002. P. 19–33; *idem.* Attacks on the Biblical Humanism of Jacques Lefèvre d'Étaples // Biblical Humanism and Scholasticism in the Age of Erasmus. Leiden; Boston, 2008. P. 117–142; *Heller H.* The Evangelicism of Lefèvre d'Étaples: 1525 // Studies in the Renaissance. 1972. Vol. 19. P. 42–77; *Payne J. B.* Erasmus and Lefèvre d'Étaples as Interpreters of Paul // ARG. 1974. Bd. 65. S. 54–83; *Copenhaver B. P.* Lefèvre d'Étaples, Symphorien Champier and the Secret Names of God // J. of the Warburg and Courtauld Institutes. L., 1977. Vol. 40. P. 189–211; *Farge J. K.* Biographical Register of Paris Doctors of Theology, 1500–1536. Toronto, 1980; *idem.* Orthodoxy and Reform in Early Reformation France: The Faculty of Theology of Paris, 1500–1543. Leiden, 1985; *Stauffer R.* Lefèvre d'Étaples: Artisan ou spectateur de la Réforme? // *Idem.* Interprètes de la Bible: Études sur les réformateurs du XVIe siècle. P., 1980. P. 11–29; *Boulding M. C.* The Ecclesiology of Faber Stapulensis, Discernible in His Scripture Commentaries and Other Related Works: Diss. Durham, 1982; *Chambers B. Th.* Bibliography of French Bibles.

Gen., 1983. T. 1: Fifteenth- and Sixteenth-Century French-Language Editions of the Scriptures; *Hughes Ph. E.* Lefèvre: Pioneer of Ecclesiastical Renewal in France. Grand Rapids, 1984; *Veissière M.* L'évêque Guillaume Briçonnet (1470–1534): Contribution à la connaissance de la réforme catholique à la veille du Concile de Trente. Provsins, 1986; *Pierozzi L., Mandosio J.-M.* L'interprétation alchimique de deux travaux d'Hercule dans le «De magia naturali» de Lefèvre d'Étaples // Chrysopreia. Mil., 1992/1996. Vol. 5. P. 191–264; Jacques Lefèvre d'Étaples (1450?–1536): Actes du colloque d'Étaples, les 7 et 8 nov. 1992 / Ed. J.-F. Pernot. P., 1995; *Steenbeek A. W.* Introd. // *Desiderius Erasmus.* Opera omnia. Ser. 9: Apologies. Amst. etc., 1996. Vol. 3. P. 1–75; *Matusevich Y.* Jean Gerson (1363–1429), Nicholas of Cusa (1401–1464), Jacques Lefèvre d'Étaples (1450–1537): The Continuity of Ideas // Nicholas of Cusa and His Age: Intellect and Spirituality / Ed. Th. M. Izbicki, Chr. M. Bellitto. Leiden, 2002. P. 237–263; *Balley N. L.* «sana intelligentia» chez Jacques Lefèvre d'Étaples // La méthode critique au Moyen Âge / Ed. M. Chazan, G. Dahan. Turnhout, 2006. P. 129–147; *Evans K.* De Magia naturali: On Natural Magic, by Jacques Lefèvre d'Étaples: Coincidence of Opposites, the Trinity, and Prisca Theologia: Diss. San Marcos (Calif.), 2006; *Kieckhefer R.* Jacques Lefèvre d'Étaples and the Conception of Natural Magic // La magia nell'Europa moderna tra antica sapienza e filosofia naturale: Atti del conv., Firenze, 2–4 ottobre 2003. Firenze, 2007. P. 63–77; *Bachus I.* Jacques Lefèvre d'Étaples: A Humanist or a Reformist View of Paul and His Theology? // A Companion to Paul in the Reformation / Ed. R. W. Holder. Leiden; Boston, 2009. P. 61–90; *Porrer Sh. M.* Jacques Lefèvre d'Étaples and the Three Maries Debates. Gen., 2009; *Crane M.* A Scholastic Response to Biblical Humanism: Noël Beda against Lefèvre d'Étaples and Erasmus (1526) // Humanistica Lovaniensia: J. of Neo-Latin Studies. 2010. Vol. 59. P. 55–81; *Карпенко Е. К.* Лефевр д'Этапль Жак // Культура Возрождения: Энцикл. М., 2011. Т. 2. Кн. 1. С. 78–80; *Mandosio J.-M.* Le De magia naturali de Jacques Lefèvre d'Étaples: Magie, alchimie et cabale // Les muses secrètes: Kabbale, alchimie et littérature à la Renaissance: Actes de la journée en hommage à F. Secret, Vérone, 18 oct. 2005. Gen., 2013. P. 37–79; *Oosterhoff R. J.* «Idiotæ», Mathematics, and Artisans: The Untutored Mind and the Discovery of Nature in the Fabrist Circle // Intellectual History Review. 2014. Vol. 24. N 3. P. 301–319; *idem.* Jacques Lefèvre d'Étaples // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2015. [Электр. ресурс: plato.stanford.edu/entries/lefevre-etaples/].

Д. В. Смирнов

ЛЕ-ЦЗЫ (Ле Юйкоу) (V в. до Р. Х.), китайский даосский философ, отшельник, предполагаемый автор трактата «Ле-цзы». Согласно «Чжуан цзы» (IV–III вв. до Р. Х.), Л. достиг сверхъестественной мудрости и придерживался «чистоты и покоя», «недеяния» (у вэй). В «Люй ши чунь цю» (сер. III в. до Р. Х.) сообщалось, что основная доктрина Л. — «ценить пустотность» (гуй сюй). В эпоху Тан (VII — нач. X в.) Л. был титулован как «прорвав-

шийся в пустоту истинный человек» (чунь суйчжэнь жэнь). Некоторые исследователи считают Л. легендарным персонажем, поскольку о нем нет информации в хронике Сыма Цяня (Шици). Трактат «Ле-цзы» впервые упоминает Лю Синь (I в. до Р. Х. — I в. по Р. Х.). Во время завоевания севера Китая племенами сюнну в нач. IV в. он был утерян, в том же столетии восстановлен по памяти и частично дорисован мыслителем школы сюань-сюэ Чжан Чжанем — первым и наиболее авторитетным комментатором «Ле-цзы». Трактат состоит из 8 глав, философские идеи выражаются в форме притчи или диалога. В трактате излагаются положения даосской натурфилософии и космологии, учение о постепенном разрывании единого первоначала — «великих перемен» (тай и) в мире «тмы вещей» (вань у). Также «Ле-цзы» развивает и дополняет положения даосского трактата «Дао дэ цзин»: в нем разрабатывается и конкретизируется завершающая стадия антропологии — происхождение человека из космической пустоты и энергии; дается определение сущности человека через «человеческое сердце»; выстраивается типология человеческого субъекта — «совершенномудрый субъект», «духовный человек», «совершенный человек», «человек совершенной веры», «человек, владеющий изменениями» и т. д. С VIII в. «Ле-цзы» именуется также «Чун суй чжэнь цзин» («Истинная каноническая книга прорыва в пустоту», «Трактат об абсолютной пустоте и совершенной добродетели»).

Ист.: Lia Dsi: Das wahre Buch vom quellenden Urgrund / Übers. R. Wilhelm. Jena, 1911; Ле-цзы чжу [= Ле-цзы с коммент.]. Пекин, 1956. Т. 3 (на кит. яз.); The Book of the Lieh-tzu: A Classic of the Tao / Transl. A. C. Graham. L., 1990; Мудрецы Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы / Пер.: Л. Д. Позднеева. СПб., 1994; Древнекит. философия. М., 1972. Т. 1. С. 212–224; Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер., вступ. ст. и примеч.: В. В. Малявин. М., 1995. Лит.: Шуцуй Ю. К. Основные проблемы в истории текста Ле-цзы // Зап. коллеги востоковедов. Л., 1928. Т. 3. Вып. 1. С. 279–288; Graham A. C. The Date and Composition of Liehtzu // Asia Major. Ser. 2: Princeton, 1961. Vol. 8. N 2. P. 140–141.

ЛЕЩИНСКИЙ В ЧЕСТЬ РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ МОНАСТЫРЬ — см. *Пинский Лещинский в честь Рождества Пресв. Богородицы монастырь*.

ЛЖЕДМИТРИЙ I (Юрий Богданович Отрепьев, в монашестве Григорий; рубеж 70-х и 80-х гг. XVI в. (?) — 17.05.1606, Москва), претендент на рус. трон, выдававший себя за царевича *Димитрия Иоанновича*, младшего сына царя *Иоанна IV Васильевича* (см. также ст. *Смутное время*). Сын боярский из Галицкого у. Ю. Б. Отрепьев в молодости служил при дворах Михаила Никитича Романова и его родственника кн. Бориса Камбулатовича Черкасского, после опалы Романовых и Черкасских осенью 1600 г. и роспуска их дворов постригся в монашество, приняв имя Григорий. Эти особенности его биографии давали основание предполагать, что он объявил себя царевичем Димитрием, действуя по поручению бояр, враждебных царю *Борису Феодоровичу Годунову*, но данные, к-рые позволили бы подкрепить эту т. зр., отсутствуют. Спустя некое время благодаря помощи своего деда Елеазара (Замятни-Отрепьева), мон. московского *Чудова в честь Чуда архангела Михаила в Хонех монастыря*, Григорий (Отрепьев) смог поселиться в этой обители. Отрепьев стал известен патриарху св. *Иову*, к-рый брал его к себе для переписки книг, от патриарха он получил рукоположение во диакона. В разных повестях о жизни Л., появившихся после его смерти, говорится, что уже в Чудовом мон-ре он заявлял старцам, «яко царь буду на Москве» (ПСРЛ. Т. 14. С. 59). Сохранились упоминания, что царь Борис Годунов предложил отправить его «под начал» в *Соловецкий в честь Преображения Господня монастырь*. Возможно, это заставило Отрепьева оставить Чудов мон-рь и бежать из Москвы.

Главным источником о позднейших событиях является «Извест» спутника Л. в последовавшем путешествии старца Варлаама (Яцкого), который был записан во время расследования при *Василии Иоанновиче Шуйском*. Во время царившего в то время в России голода монахи часто отправлялись за сбором милостыни в более благополучные юж. края. Отрепьев и 2 его спутника — Мисаил (Повадин) и Варлаам (Яцкий) — в нач. 1602 г. отправились в Новгород-Северский; откуда они перебрались в Речь Посполиту. По словам Варлаама, они жили 3 недели в Киево-Печерском мон-ре (см. *Киево-Печерская лавра*), затем переехали во владения кн. *Константина Кон-*

Лжедмитрий I.
Гравюра Луки Килиана.
1607 г.

стантиновича Острожского на Волыни, некоторое время находились в Дерманском монастыре (см. *Св. Троицы монастырь*). Сохранился экземпляр «Книги о постничестве» свт. Василия Великого, изданный в острожской типографии в 1594 г., с надписью о том, что 10 авг. 1602 г. эту книгу кн. Константин Острожский дал «Григорию с братею с Варлаамом да с Мисаилом» (находится в б-ке РГАДА).

Известия источников о характере поведения Отрепьева в это время расходятся. По свидетельству «Известа», он не пытался выдавать себя за царевича, по др. сведениям, отразившимся в записях разрядных книг, уже в Печерском мон-ре беглый монах говорил о себе как о скрывающемся царском сыне. Учитывая, что кн. Константин Острожский с самого начала отнесся отрицательно к появлению Л. и его действиям, запись о его дарении говорит в пользу свидетельства Варлаама. Известно также, что позднее Отрепьев просил кн. Константина Острожского о помощи, но тот велел выгнать его из замка. С этого момента жизнь Отрепьева резко изменилась. Он сбросил иноческое платье, «учинился» мирянином и направился в Гощу — центр социнанства (арианства), радикального направления Реформации, где присоединился к *социнанам*, участвовал в их обрядах, учился «по-латынски и по-польски» в арианской школе. По свидетельству Варлаама, после Пасхи 1603 г. Отрепьев бежал из Гощи и, по-видимому, провел какое-то время среди запорожских казаков.

Из Сечи летом 1603 г. беглый монах направился к правосл. магнату Адаму Вишневецкому в его белорус.

имение Брагин. Этот выбор был неслучайным. Вишневецкий находился в остром конфликте с русскими властями из-за пограничных городков Прилуки и Снетино. В Брагине Отрепьев объявил, что он царевич, и Вишневецкий оказал ему почетный прием. 7 окт. 1603 г. Вишневецкий известил коронного канцлера Яна Замойского о появлении царевича, вскоре об этом сообщили и кор. *Сигизмунду III*, предложившему привезти Л. в Краков. По-видимому, еще до отъезда самозванец обратился к донским казакам, они признали его законным государем и выслали к нему послов, к-рых при въезде в Речь Посполиту приказал задержать сын Константина Острожского Януш. Король повелел освободить послов и доставить к Л. в Краков.

В окружении Сигизмунда III с Л. стали связывать важные планы. Появился замысел помочь Л. свергнуть Бориса Годунова и захватить власть в России. Русское гос-во подчинилось бы политическому влиянию Речи Посполитой, уступило бы ей спорные области, открылись бы возможности (при неограниченной власти московских государей) для обращения населения страны в католичество. Сигизмунд III также привлекла возможность использовать рус. ресурсы для своего возвращения на трон в Швеции, откуда его изгнали швед. протестанты. 5(15) марта 1604 г. Сигизмунд III дал Л. аудиенцию в краковском замке на Вавеле. Тогда же были составлены «кондиции», предъявленные Л. от имени короля. Во-первых, Л. обязался передать Речи Посполитой часть Смоленщины и Северной земли, во-вторых, он должен был соединить Россию и Речь Посполиту «вечной унией». Речь шла о проведении в жизнь предлагавшегося в 1600 г. Борису Годунову проекта соглашения, по к-рому Россия превратилась бы в неполноправный придаток Польско-Литовского гос-ва. Уже проект 1600 г. предусматривал разрешение строить в России католич. храмы, при к-рых могли организовываться учебные заведения. В «кондициях» на Л. налагалось более конкретное обязательство: допустить в Москву *иезуитов* для пропаганды католич. вероучения. Т. о., с самого момента выступления Л. с претензиями на рус. трон рассматривалась возможность использовать самозванца в интересах католич. Церкви.

В этом плане стремился воздействовать на Л. и влиятельный вельможа, сандомирский воевода Ю. Мнишек, к к-рому кн. Адам Вишневецкий привез Л. еще до его прибытия в Краков. Здесь была достигнута договоренность о браке Л. с дочерью воеводы Мариной; для осуществления брака Л. должен был принять католичество. Папский нунций К. Рангони участвовал в банкете, устроенном Мнишеком после приезда Л. в Краков. 19 марта состоялась встреча Л. с нунцием. Самозванец просил помощи от папы, обещая после своего воцарения соединить рус. военные силы с войсками др. противников османов. Однако этого важного результата для польск. католиков было недостаточно. С Л. встретился двоюродный брат Мнишека кард. Б. Мацеёвский, один из организаторов *Брестской унии 1596 г.*, и вручил ему книгу о необходимости соединения Церквей.

31 марта начались беседы Л. с польскими иезуитами — Станиславом Гродзицким и Каспером Савицким, которые в сер. апр. при участии Петра *Скарги* завершили заявлением Л. о готовности перейти в католич. Церковь. 17 апр. Л. отрекся от «схизмы», признал папу викарием Христа и обещал в случае воцарения действовать унии Церквей. На следующий день самозванец собственноручно написал письмо папе (на польск. языке), в к-ром сообщил о своем присоединении к католич. Церкви. Затем он принял причастие от нунция. Анализ послания привел исследователей к заключению, что писавший его был рус. человек, плохо владевший польск. языком.

Сигизмунд III первоначально хотел вмешаться в рус. дела, направив на помощь Л. коронную армию, но такой план встретил возражения и командующего этой армией Яна Замойского, и ряда др. политиков, опасавшихся, что это приведет к войне между Россией и Речью Посполитой. В итоге было принято решение, что король позволит группе малопольск. и укр. панов оказать поддержку Л. якобы по собственной инициативе. Главным лицом среди них стал сандомирский воевода Мнишек. Отношения с семьей Мнишек были урегулированы в 2 документах. Первый из них — от 25 мая 1604 г. — содержал обязательство Л. жениться на Марине, к-рая должна была получить в удел Новгородскую и Псковскую земли,

на этих землях она получала право «попы свои держати, сколько ей надобе, также набоженство своея римския веры держати без забороны». Документ содержал также обещание «все государство Московское в одну римскую веру привести». Если самозванцу не удастся это сделать в течение года, Марина получала право с ним развестись. Во 2-м документе, от 12 июня, адресованном Мнишеку, говорилось, что ранее Л. обещал воеводе Смоленщину и Северскую землю, но, т. к. теперь часть этих земель он должен передать королю, он обязуется возместить возможные потери воеводы за счет др. земель.

Собравшееся в районе Львова войско, значительную часть к-рого составляли укр. казаки, направилось к Киеву, чтобы в этом месте перейти Днепр и вступить затем на рус. территорию. Выступившие против Л. князья Острожские угнали стоявшие на Днепре суда, чтобы помешать переправе, но войску удалось попасть на др. берег Днепра с помощью киевских мещан.

В окт. 1604 г. войско Л. вступило на рус. территорию и здесь началось восстание служилых людей юга, недовольных политикой Бориса Годунова; к восставшим присоединились отряды донских и запорожских казаков. Войско Л. скоро смогло занять такой крупный центр, как Чернигов, а затем и Путивль. Борис Годунов направил в Северскую землю крупные военные силы, но их первые действия оказались неудачными. Лишь 21 янв. 1605 г. в битве у с. Добрыничи под Севском царские воеводы сумели нанести серьезное поражение армии самозванца, но не использовали плоды победы. Армия задержалась, долго и безуспешно осаждая крепость Кромы, а тем временем восстание разрасталось, охватив всю Северскую землю. Значительная часть польск. войск, недовольная задержкой жалованья, покинула Л. в нач. янв. 1605 г. Тогда же уехал в Польшу искать подкрепления и Мнишек. Оставшиеся польск. войска понесли серьезные потери в битве при Добрыничах. В этих условиях главной опорой Л. стали его рус. сторонники.

Хотя в походе Л. сопровождали иезуиты М. Чижовский и А. Лавицкий, самозванец постоянно демонстрировал свою приверженность Православию. По его настоянию в Путивль из Курска привезли чудотворную *Курскую-Коренную икону*

Божией Матери «Знамение», к-рую он поместил в своих покоях.

В разгоревшейся борьбе церковная иерархия во главе с патриархом Иовом поддерживала царя Бориса. Когда после проведенного расследования личность Л. была установлена, он, как расстрига, вероотступник и агент польск. короля-католика, был предан анафеме, о чем и духовенство, и население узнали из грамот, рассылавшихся по стране. (В офиц. историографии Смуты, напр. в «Новом летописце», Л. именуется исключительно «Ростригой»; по-видимому, статус беглого монаха, по мысли властей, был таким же преступлением, как самозванчество.) Этим дело не ограничилось. Еще когда Л. находился в Речи Посполитой, патриарх Иов отправил к кн. Константину Острожскому А. Пальчикова, предлагая князю задержать самозванца и выдать его рус. властям. Позднее церковный Собор во главе со свт. Иовом направил посланника А. Бунакова к «высшему духовному чину» Речи Посполитой с призывом отказать в поддержке самозванцу. Когда посланник приехал в Смоленск, там стало известно о смерти Бориса Годунова. Царь скоропостижно скончался 13 апр. 1605 г., и после этого положение в стране стало резко меняться в пользу Л. Хотя царевич *Феодор Борисович* при участии патриарха и епископов был провозглашен преемником Бориса Годунова, положение его было непрочным.

В мае 1605 г. в военном лагере под Кромами произошел мятеж, в к-ром соединились недовольные политикой Бориса аристократы во главе с князьями Голицыными и находившиеся в войске дети боярские северских и рязанских городов. Армия распалась, ее значительная часть перешла на сторону Л. Власть самозванца начали признавать в Поволжье. Когда 1 июня 1605 г. посланцы Л. Г. Г. Пушкин и Н. М. Плещеев сумели проникнуть в Москву и обратиться на Красной пл. к населению столицы, вспыхнуло восстание, к-рое привело к свержению власти Годуновых. Феодор Годунов и его мать были арестованы, затем убиты по приказу Л.

В ходе восстания был схвачен во время богослужения в Успенском соборе и подвергся побоям патриарх Иов. В. В. Голицын, посол Л., привез в Москву грамоту самозванца, к-рая была ответом на грамоты с осуждением Л., рассылавшиеся духовенств-

вом. В грамоте патриарх назывался «первым всея Руси изменником», а Собор, во главе к-рого стоял патриарх, назывался «ложным» и «богоненавистным». Послы Л. во главе с Голицыным заставили привести свт. Иова в Успенский собор, где он был низложен, на него надели «черное платье» и отправили в ссылку в *старицкий в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь*, где он в молодости был настоятелем.

В Тулу, куда Л. прибыл 5 июня 1605 г., к нему приехал Рязанский архиеп. *Игнатий*, по происхождению грек-киприот. Он приводил к присяге на верность приехавших к самозванцу бояр. 20 июня церковные иерархи участвовали в торжественной встрече Л. в Москве. 23 июня освященный Собор избрал патриархом Рязанского архиеп. Игнатия, интронизация состоялась 30 июня. 21 июля патриарх и др. иерархи участвовали в коронации Л., которая прошла по особому обряду. Сначала Л. был коронован в Успенском соборе патриархом Игнатием, возложившим на него имп. корону, к-рую прислал Борису Годунову имп. Рудольф II, затем у гроба Иоанна IV в Архангельском соборе архиеп. *Арсений Элассонский* возложил на самозванца шапку Мономаха.

После воцарения Л. были задержаны и отправлены в ссылку не только все члены рода Годуновых, но и родственные им семьи Сабуровых и Вельяминовых. Одновременно были возвращены из ссылки представители знати, подвергшейся опале при Годунове. Среди вернувшихся был *Филарет* (в миру Федор Никитич) Романов. Состав Боярской думы пополнили люди, начавшие служить Л. во время его пребывания в Северной земле. Примерами могут быть «боярин» кн. Василий Михайлович Мосальский-Рубец и печатник, думный дьяк Богдан Иванович Сутупов. Л. приложил большие усилия, чтобы привлечь на свою сторону рус. дворянство. Еще летом 1605 г. началось верстание — проверка боеспособности дворянского ополчения, сопровождавшееся назначением детям боярским новых поместных и денежных окладов. В кон. 1605 — нач. 1606 г. верстание охватило всю страну. Оно сопровождалось повышением окладов в среднем на 100–200 четвертей. Проведение верстания было связано не только с поисками опоры внутри страны, но и с внешнеполи-

тическими планами Л. С правлением самозванца ряд исследователей связывает создание «Сводного Судебника», где установления Судебника 1550 г. и тексты законов 2-й пол. XVI — нач. XVII в. были расположены по тематическим разделам — «граням».

Сразу после венчания на царство Л. принял новый титул, в к-ром именовался «наисветлейшим и непобедимейшим... цесарем» как России, так и «всех Татарских царств». В латиноязычных грамотах, выходивших из канцелярии Л., с кон. 1605 г. вместо «цесаря» употреблялся термин «imperator». Использование этого титула в сфере внешних контактов (во внутренней переписке употреблялся традиц. титул) привело к осложнениям в отношениях с Речью Посполитой, к-рая отказалась этот титул признать. Споры об этом шли до самой смерти Л.

Отношения нового монарха с духовенством носили в основном традиц. характер. Единственным пострадавшим во время войны архиереем был Астраханский еп. Феодосий, к-рый был взят в плен жителями восставшей против Бориса Годунова Астрахани и отослан в Москву. Феодосий, однако, сохранил за собой кафедру, в апр. 1606 г. ему в обмен за 1700 р., внесенных в царскую казну, был передан учуг Коклуй, принадлежавший ранее *астраханскому во имя Святой Троицы монастырю*. 8 мая 1606 г. Феодосий участвовал в коронации Марины Мнишек. Все др. архиереи сохранили за собой кафедры, лишь Ростовский митр. *Кирилл IV (Завидов)* ушел на покой, но произошло это в апр. 1606 г. и никак не было связано с событиями времени борьбы за трон. Его место занял возвращенный из ссылки Филарет (Романов). При Л. предполагалось даже укрепление роли церковной иерархии в управлении страной. По образцу порядков, существовавших в Польско-Литовском гос-ве, верховным органом управления должен был стать сенат, в состав к-рого вошли бы члены Боярской думы и архиереи. Уже при царе Борисе созывались совместные заседания Боярской думы и освященного Собора для решения тех или иных вопросов. Теперь такая практика должна была стать постоянной. Как члены сената патриарх и епископы участвовали в приеме польск. послов в мае 1606 г., располагаясь по правую сторону от царского трона.

Изучение отношений Л. с правосл. духовенством затрудняется тем, что у церковных властей в последующее время не было стимулов, для того чтобы сохранять жалованные грамоты самозванца и воспроизводить записи о сделанных им вкладах. Все же сохранились записи о вкладах Л. в *Кириллов Белозерский в честь Успения Пресвятой Богородицы, в Краснохолмский Антониев во имя святителя Николая Чудотворца* (драгоценные сосуды, Евангелие «литовской печати» в дорогом окладе), во *владимирский в честь Рождества Пресвятой Богородицы* мон-ри. Архимандрит владимирского Рождественского мон-ря Исаия (Лукошко) стал духовником Л. В связи со сменой монарха духовные учреждения нуждались в получении новых жалованных грамот, к-рые подтверждали бы за ними их владения и различные права; при этом (насколько можно судить по сохранившимся материалам) удостоверялись прежние пожалования. Так, без к.-л. серьезных изменений были подтверждены 15 сент. 1605 г. на имя патриарха Игнатия жалованные грамоты Иоанна IV митр. *Афанасию*. В грамотах признавались не только права на владения, но и право на получение руги, предоставлялось освобождение от разных пошлин в пользу гос-ва. Некоторые пожалования были значительными. Так, *Корельский во имя святителя Николая Чудотворца монастырь* получил право на беспошлинный провоз 4 тыс. пудов соли, *Антониев Сийский во имя Святой Троицы монастырь* — право на провоз 8 тыс. пудов соли. 13 сент. 1605 г. Л. подтвердил тарханную грамоту Иоанна IV, освобождавшую владения *Иосифова Волоколамского (Волоцкого) в честь Успения Пресвятой Богородицы монастыря* от уплаты основных гос. налогов и повинностей, а в новой грамоте, выданной 4 окт., это право было распространено на новые приобретения мон-ря.

Оказывалось покровительство и православным за границами России. Так, в нач. 1606 г. в Москве побывали послы *Львовского братства*, получившие от Л. богатый вклад — соборей на 300 р. для строительства братской церкви. В нояб. 1605 г. в Москве находились послы Иерусалимского патриарха *Софрония V*, поздравлявшие Л. с воцарением. Фигура самозванца привлекала к себе не только православных. В нояб.

1605 г. в Москву направилась группа сочининан во главе с М. Твердохлебом, знавшим Отрепьева еще в Гоще. Л. оказал им любезный прием, что вызвало недовольство приехавшего с Л. в Москву иезуита Чижевского.

Внешнеполитические планы Л. были тесно связаны с решением внутриполитических задач. Проведя длительное время на юге в разгар восстания служилых людей и др. групп населения против традиц. власти, Л. отдавал себе отчет в том, какие опасные для сложившегося порядка силы скопились в этом регионе. Их недовольство Л. стремился смягчить освобождением на длительный срок от уплаты податей. Этого, однако, было недостаточно, следовало направить энергию служилых людей и казаков за пределы страны. С этим связаны планы начала войны с Османской империей и Крымским ханством. Османская империя после долгой неудачной войны с Габсбургами находилась в тяжелом положении, ядро гос-ва — М. Азию — потрясли восстания джалалиев. В таких условиях война могла оказаться удачной, а достигнутые успехи укрепили бы положение Л. на рус. троне. Судя по предпринятым шагам, план военных действий предусматривал поход войск по Дону к лежащей в его устье османской крепости Азов. Решения о походе были приняты, по-видимому, в окт. 1605 г., когда в России были задержаны крымские гонцы, а у крупных мон-рей стали изымать большие суммы денег «на плату воинским людям» (у Иосифова Волоколамского мон-ря было взято 3 тыс. р., у Кириллова Белозерского — 5 тыс. р.). Зимой 1605/06 г. в Елец, к-рый должен был стать базой для похода, свозились запасы снаряжения и продовольствия, здесь строились суда для плавания по Дону, сюда же отправляли пушки, отлитые на Пушечном дворе. В марте 1606 г. началась рассылка указов о сборе на войну поместного войска. В апр.—мае 1606 г. с мон-рей собирали деньги «в полской поход на ратные люди» и «посошных людей... в Елец и на государеву службу». Мнишеку Л. сообщил о своем намерении отправиться к войску после Пасхи (20 апр.) 1606 г.

Сопровождавшие Л. иезуиты прибыли вместе с ним в Москву и поздравили нового царя после коронации. Они получили разрешение со-

вершать богослужения и выступать с проповедями перед приехавшими в Москву поляками. Самозванец выражал желание построить в Москве костел для служивших ему поляков. В ответ на возражения членов думы он сказал, что католики ничем не хуже живущих в Москве протестантов, к-рые имеют свои храм и школу. Вместе с тем прозелитической деятельностью иезуиты в Москве не занимались. Более того, принимались меры, чтобы по внешнему виду они не отличались от правосл. духовенства: носили такие же рясы, как правосл. священники, имели бороды и длинные волосы. На переговорах с А. Гусевским осенью 1605 г., когда речь зашла об обязательствах, данных Отрепьевым в Кракове, Л. не дал согласия ни на постоянное поселение в Москве иезуитов, ни на строительство в Москве католич. храмов. По-видимому, он понимал, что это может вызвать недовольство подданных.

Существовали 3 причины, по которым Л. удерживал иезуитов в Москве. Одна из них заключалась в том, что в иезуитах он видел возможных воспитателей молодежи. О своих намерениях основать в Москве учебное заведение — коллегия — самозванец говорил с иезуитами и во время похода, и в Москве. Как отметили иезуиты, Л. говорил о необходимости изучения риторики и логики, избегая упоминания о теологии. Др. причина состояла в том, что с помощью иезуитов Л. рассчитывал обеспечить поддержку Папским престолом своих планов войны с Османской империей. С этой целью в кон. дек. 1605 г. Л. отправил в Рим иезуита Лавицкого. Самозванец просил папу, чтобы тот побудил имп. Рудольфа II продолжать войну с османами, а польск. короля — вступить в войну. В инструкции Лавицкому говорилось о намерении Л. направить послов на польско-литов. сейм, чтобы они вместе с послами папы добивались там решения о войне. 19 марта 1606 г. Лавицкий был принят папой, предложения рус. правителя встретили благоприятный отклик.

Вместе с тем Папский престол прилагал усилия, чтобы добиться от Л. выполнения взятых обязательств. Начиная с июля 1605 г. папа Павел V направил самозванцу ряд посланий с такими призывами. Одновременно он просил Мнишека и Мацеёвского

воздействовать на Л. В окт. 1605 г. Москву посетил А. Пратиссоли — капеллан К. Рангони, передавший Л. поздравления с воцарением и подарки (в т. ч. лат. Библию). Офиц. посланец папы — племянник нунция Алессандро Рангони прибыл в Москву в февр. 1606 г., 9 февр. Л. торжественно принял его в Кремле. После приема А. Рангони сообщили, что правитель не может принять его неофициально, чтобы не вызвать недовольство подданных. Л. просил папу прислать к нему людей, к-рые могли быть его советниками и вести переговоры от его имени, а также артиллеристов и мастеров, умеющих изготовлять осадные машины. Самозванец хотел, чтобы папа содействовал установлению его отношений с правителями Франции и Испании, и убедил испан. короля начать военные действия против османов. Т. о., Л. добивался поддержки Римом своих внешнеполитических планов.

В февр. 1606 г. имели место неоднократные встречи Л. с Чижевским, к-рому был отведен двор в Кремле и даны подарки (в т. ч. иконы Св. Троицы и Божией Матери). Во встречах участвовали ехавшие в Персию кармелиты и сопровождавший их Иосиф Вельямин Рутский, советник униат. Киевского митр. Ипатия Потея. На встречах Рутский предлагал прислать в Россию большую группу монахов-василиан, собиравших греч. обряды, один из к-рых был бы епископом, чтобы совершать законные с католической т. зр. рукоположения. Л. с этим не согласился. По его мнению, посланцы должны были приехать как светские люди и принять постриг в одном из правосл. мон-рей, чтобы избежать подозрений со стороны русских. Для обсуждения этих предложений Рутский выехал в Рим вместе с А. Рангони. С А. Рангони Л. отправил предложение польск. провинциалу ордена иезуитов посетить Москву. В мае, незадолго до смерти, Л. встречался с приехавшим в Москву иезуитом К. Савицким. Речь шла об организации в Москве коллегии, и Л. предлагал для успешного начала ее работы привезти в Москву неск. уже подготовленных для занятий учеников. Все эти факты показывают, что Л. размышлял над возможной перспективой соединения Церквей и обсуждал пути достижения этой цели, но он отнюдь не собирався форсировать перемены. Первоочередной задачей для него

было получить поддержку Папского престола своих внешнеполитических планов.

Внешнеполитические проекты Л. налагали отпечаток и на развитие отношений с различными государствами, прежде всего с Речью Посполитой. С приходом Л. к власти в России характер отношений между ним и правящими кругами Речи Посполитой существенно изменился. Правда, самозванец получил в Речи Посполитой помощь, но никакой существенной роли в борьбе за власть она не сыграла: Л. пришел к власти благодаря своим сторонникам в России. Небольшие польск. отряды, которые дошли с самозванцем до Москвы, получили жалованье и отправились домой. Правда, Л. приблизил к себе ряд поляков, сопровождавших его в походе, и дал им разные должности, в частности в своей канцелярии, но эти люди не были связаны с правящими кругами Речи Посполитой, а некоторые, как, напр., социниане братья Бучинские, относились враждебно к религиозной политике Сигизмунда III. В таких условиях у Л. не было стимулов для исполнения данных им обещаний, а король не располагал рычагами воздействия на него.

Еще из Путивля, находясь в тяжелом положении, Л. направил в Речь Посполиту посольство во главе с кн. И. А. Татевым. Посол вез с собой коллективное обращение жителей Северной земли с просьбой к Сигизмунду III взять их под свою защиту. Посольство было в Речи Посполитой задержано, и Татев смог приехать с Мнишеком в Краков лишь в сер. июля 1605 г., когда исход борьбы за рус. трон вполне определился. В грамоте, отправленной Л., Сигизмунд III уверял его в своей дружбе и выражал желание заключить с ним союз.

В кон. авг. 1605 г. в Москву было отправлено посольство во главе с Гусевским. Посол должен был добиваться выполнения обязательств, которые взял на себя Л. в Кракове. К этому добавлялась просьба Сигизмунда III арестовать и выдать ему швед. послов, если они придут в Москву. Результаты переговоров не оправдали ожиданий польск. стороны. Л. отказался пойти на территориальные уступки Речи Посполитой, обещая лишь выплатить денежную компенсацию. Не оправдались и надежды на участие Л. в

Лжедмитрий I.
Портрет. Ок. 1606 г.
Худож. Шимон Богушович
(ГИМ)

войне Сигизмунда III со Швецией. Самозванец, правда, обещал «сурово упрекнуть» Карла IX в его несправедливом поведении по отношению к племяннику — польск. королю. Карлу было даже отправлено письмо с угрозами, но этим все и ограничилось, вступить в войну со Швецией Л. не обещал. Единственным позитивным итогом переговоров было обещание вести переговоры о заключении унии с Речью Посполитой, но оставалось неясным, какие условия этой унии были бы желательны для Л.

Следующий важный этап контактов был связан с поездкой в Краков главы Посольского приказа думного дьяка А. Власьева, к-рый прибыл в польск. столицу в нояб. 1605 г. На приеме у короля 4(14) нояб. он говорил, что все христ. монархи должны объединить силы для борьбы с османами, и предлагал от имени Л. обсудить условия такого союза. Сигизмунду III были поднесены богатые подарки, но о выполнении обязательств, взятых на себя Л. в Речи Посполитой, речи не было, и это вызвало недовольство собравшихся в Кракове политиков. Добиться выполнения обязательств должны были послы Речи Посполитой М. Олесницкий и Гусевский, приехавшие в Москву в мае 1606 г. Они заявили, что, прежде чем заключать союз против османов, следует урегулировать ряд др. вопросов. Предлагалось уступить Речи Посполитой не только Смоленщину и Северскую землю, но и часть Новгородской и Псковской земель. Л. должен был также оказать помощь Сигизмунду III в борьбе со швед. кор. Карлом IX и согласиться на соединение России и Речи Посполитой «вечной унией». Одно

из условий унии предусматривало, что в случае смерти Л. его преемником должен стать польск. король. Переговоры прервала смерть Л.

Л. прилагал усилия для установления дружественных отношений с протестант. Англией. В нач. лета 1605 г. в России находилось англ. посольство, готовившееся к отъезду в Архангельске. Л. еще до приезда в Москву известил посла Т. Смита о своем намерении поддерживать дружественные отношения с Англией. В дек. 1605 г. агенту Московской компании Дж. Меррику была выдана грамота, подтверждавшая ее привилегии. Меррик сообщал в Лондон, что, возможно, англичане получают право торговли с Ираном и что Л. намерен с открытием навигации направить посольство в Англию; предполагалось, что послом будет один из братьев Бучинских. Меррик писал, что царь рассчитывает нанять в Англии разного рода мастеров. Кроме того, следует учитывать, что Англия была тем гос-вом, к-рое поставляло в Россию цветные металлы, необходимые для производства вооружения. Готовился посольский наказ для дипломатической миссии в Иран, к-рый мог стать союзником самозванца в борьбе с османами.

Важным событием в истории правления Л. стал его брак с Мариной Мнишек. Эту часть своих обязательств самозванец был намерен выполнить. Одной из целей отправленного осенью 1605 г. посольства Власьева было добиться согласия короля на этот брак. Посол привез Мнишеку богатые подарки и 500 тыс. р. Сигизмунд III дал свое разрешение. Тогда и перед Мнишеками, и перед Л. встали проблемы. 12(22) нояб. 1605 г. в Кракове Б. Мацеёвский совершил брачный обряд, в к-ром в роли жениха выступил Власьев. Далее предстояло повторение такого обряда в Москве с участием и Л., и правосл. духовенства. Мнишеки пытались получить у папского нунция в Польше разрешение для Марины соблюдать обычаи правосл. Церкви и принять от Московского патриарха причастие под обоими видами, но таких полномочий нунций не имел. Др. рода трудности возникли в Москве. Для брака правосл. царя с католичкой нужен был ее переход в Православие. К этому времени на рус. почве постепенно утверждалось представление, что

Венчание

Марины Мнишек и Лжедмитрия I
в Успенском соборе Московского Кремля.

Фрагмент картины. Нач. XVII в.

Худож. Шимон Богушович

(ГИМ)

при переходе католика в правосл. веру необходимо его повторное крещение (это было зеркальным отражением практики католич. Церкви на «русских» землях Речи Посполитой при обращении православных в католицизм). По свидетельству Арсения Элассонского, вопрос о браке Л. Собор епископов обсуждал через 2 месяца после его коронации и дал согласие, если Марина «будет перекрещена в нашей восточной Церкви». Вопрос о способе перехода Марины в Православие снова обсуждался перед ее приездом в Москву. По инициативе патриарха Игнатия было принято решение о принятии Марины в Православие через миропомазание. Возражавший против этого Казанский митр. сщмч. Ермоген был отправлен в свою епархию. Миропомазание совершилось как часть обряда коронации, за к-рым последовало венчание. По свидетельству Арсения Элассонского, после венчания Л. и Марина отказались причаститься «и это сильно опечалило всех, не только патриарха и архиереев, но и всех видевших и слышавших».

Отношение рус. общества к Л. резко ухудшилось весной 1606 г. К этому времени широко развернулась подготовка к войне и тяготы легли не только на мон-ри, относительно которых сведения сохранились в монастырских архивах; значительные трудности испытывало и облагодетельствованное Л. дворянство. Ко времени начала полевых работ в районе Москвы стало собираться дворянское ополчение уездов северо-запада, к-рое совсем не хотело участвовать в далекой и опасной войне на юж. границе. Тяготы упали и на городское население Москвы, ранее приветствовавшее Л. в ожидании лучших времен. Это недовольство стремилась использовать аристократия во главе с кн. В. И. Шуйским, рассчитывавшая устранить Л. и захватить власть. Среди недовольных распространялись слухи, что Л. хочет утвердить в стране чужую веру, под предлогом свадьбы он собрал в Москве поляков, чтобы перебить членов Боярской думы и передать католикам власть над страной. Поведение Л., часто нарушавшего принятые для правосл. государя нормы поведения и окружившего себя польск. приближенными, торжественный прием в Кремле посла папы создавали благоприятную почву для распространения таких слухов. Их

оживлению способствовал приезд на свадьбу Л. большого числа польских шляхтичей, демонстрировавших пренебрежительное отношение и к рус. людям, и к правосл. храмам и святыням. В этих условиях 17 мая 1606 г. в Москве вспыхнуло восстание, в к-ром вокруг аристократов-заговорщиков объединились посадские люди, и стрельцы Москвы, и собравшиеся в районе столицы дворянские отряды. Л. был убит, позднее уже похороненный труп был сожжен и прах развеян по ветру.

Ист.: СГД. Ч. 2; ААЭ. Т. 2; Акты исторические, относящиеся к России, извлеч. из иностр. архивов и 6-к А. И. Тургеневым = *Historica Russiae Monumenta*. СПб., 1842. Т. 2; Дополнения к Актам историческим, относящимся к России: Собранным в иностр. архивах и 6-ках = *Suppl. ad Historica Russiae Monumenta*. СПб., 1848; Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1859. Ч. 1–2; *Wielewicki J. Dziennik spraw domu zakonnego oo. jezuitow u sw. Barbary w Krakowie*. Kraków, 1886. [Т. 2:] *Od r. 1600 do r. 1608. (Scriptores rerum Polonicarum; 10)*; Сборник мат-лов по рус. истории нач. XVII в. СПб., 1896; *Дмитриевский А. А.* Архиеп. Елассонский Арсений и мемуары его из рус. истории по рукописи Трапезундского Сумелийского мон-ря. К., 1899; *Pamiętnik Stanisława Niemcewskiego / Wyd. A. Hirschberg*. Lwów, 1899; *Polska a Moskwa w 1-j poł. XVII w. / Wyd. A. Hirschberg*. Lwów, 1901; *Белокуров С. А.* Разрядные записки за Смутное время. М., 1907; РИБ. Т. 1, 13; Мат-лы по Смутному времени на Руси XVII в. / Собр.: В. Н. Александренко // *Старина и новизна*. М., 1911. Кн. 14. С. 227–238, 341–420; СБРИО. 1912. Т. 137; *Масса И.* Краткое известие о Московии нач. XVII в. М., 1937; *Буссов К.* Московская хроника, 1584–1613. М.; Л., 1961; *Тебекин Д. А.* Перечень имунитетных грамот 1584–1610. Ч. 2: № 463–532 // *АЕ за 1979 г.* М., 1981. С. 227–235; *Budziło J.* *Wojna moskiewska: Wzniesiona i prowadzona z okazji fałszywych Dymitrów od 1603 do 1612 g.* Wrocław, 1995; *Дневник Марины Мнишек / Пер. и вступ. ст.: В. Н. Козляков*. СПб., 1995; ПСРЛ. Т. 34; *Poselstwo od Zygmunta III, króla Polskiego, do Dymitra Iwanowicza, cara*

moskiewskiego (Samozwańca), z okazji jego zaślubin z Maryną Mniszchowną / Opr. J. Byliński. Wrocław, 2002; *Маржерет Ж.* Состояние Рос. империи [в 1606 г.]. М., 2007.

Лит.: *Pierling P.* *Rome et Demetrius: d'après des documents nouveaux*. P., 1878; *он же (Пурлинг П. О.)* Из Смутного времени: Ст. и заметки. СПб., 1902; *он же.* Названный Димитрий и польские ариане // *РС*. 1908. Т. 134. № 4; *он же.* Димитрий Самозванец. М., 1912; *Левитский Н. М.* Лжедмитрий I как пропагандист католичества в Москве. СПб., 1886; *Иконников В. С.* Димитрий Самозванец и Сигизмунд III. К., 1890; *Hirschberg A.* *Dymitr Samozwaniec*. Lwów, 1898; *Ščepkin E. V.* *Wer war Pseudodemetrius* // *ASPh*. 1898. Bd. 20. S. 224–325; 1899. Bd. 21. S. 99–169, 558–606; 1900. Bd. 22. S. 321–432; *Платонов С. Ф.* *Очерки по истории Смуты в Московском гос-ве XVI–XVII вв.* СПб., 1899; *Голубцов И. А.* «Измена» смольнян при Борисе Годунове и «Извет» Варлаама // *УЗ Ин-та истории РАНИОН*. М., 1929. Т. 5; *Barbour P. L.* *Dimitry, called the Pretender, Tsar and Great Prince of all Russia, 1605–1606*. L.; Melbourne, 1967; *Назаров В. Д.* Из истории внутренней политики России нач. XVII в. // *История СССР*. 1967. № 4. С. 90–103; *Кулакова И. П.* Восстание 1606 г. в Москве и воцарение Василия Шуйского // *Социально-экон. и полит. проблемы истории народов СССР*. М., 1985. С. 35–50; *Andrusiewicz A.* *Dzieje Dymitriad*. Warsz., 1990. Т. 1; *Скряничков Р. Г.* Самозванцы в России в нач. XVII в.: Григорий Отрепьев. Новосиб., 1990; *Ульяновский В. И.* *Правосл. Церковь и Лжедмитрий I* // *Архив РИ*. 1993. Т. 3. С. 29–62; *он же.* Смутное время. М., 2006; *Czerska D.* *Dymitr Samozwaniec*. Wrocław, 1995; *Успенский Б. А.* Свадьба Лжедмитрия // *ТОДРЛ*. 1996. Т. 50. С. 404–425; *Лаурентьев А. В.* Царевич — царь — царь. СПб., 2001.

Б. Н. Флоря

ЛЖЕДМИТРИЙ II († 11.12.1610, близ Калуги), самозванец, после смерти *Лжедмитрия I* (17.05.1606) выдавший себя за царевича св. *Димитрия Иоанновича*, сына царя *Иоанна IV Васильевича* (см. также ст. *Смутное время*). По свидетельству Баркулабовской летописи и ряда др. источников, он был учителем в школе на территории Вост. Белоруссии (в Шклове или в окрестностях Могилёва). Был объявлен «царем Дмитрием» в июле 1607 г. В движении Л. объединились 2 силы — служилые люди окраин России (первоначально южных) и отряды вооруженной польско-литовской шляхты, оказавшиеся не у дел по окончании гражданской войны в Польско-Литовском гос-ве. Главными фигурами лагеря Л. на 1-м этапе его движения стали атаман И. М. Заруцкий и ротмистр Н. Меховецкий. Власть Л. распространилась на Северскую землю, осенью 1607 г. его войска захватили Брянск. Армия Л. постепенно пополнялась отрядами казаков, остатками сражавшейся в Туле армии И. И. Бо-

лотникова, новыми отрядами наемных войск из Речи Посполитой. Весной 1608 г. эти отряды возглавил видный представитель укр. знати кн. Р. К. Ружинский, который стал гетманом Л. В сражении под Болховом 30 апр. — 1 мая 1608 г. войска Л. разбили армию царя *Василия Иоанновича Шуйского*, потерявшего все

*Лжедмитрий II.
Гравюра. XIX в.*

запасы и артиллерию. После этого вооруженные силы Л. двинулись на Москву, к к-рой подошли в нач. лета 1608 г. Резиденцией Л. стало подмосковное с. Тушино. На р. Ходынке вблизи от Тушина 25 июня 1608 г. произошло сражение, в к-ром армия Василия Шуйского снова потерпела поражение. Теперь войска Л. прочно обосновались под Москвой и пытались блокировать столицу. Начались отъезды детей боярских из Москвы в Тушино. В июле—авг. 1608 г. на сторону Л. перешел ряд городов на северо-западе — Вел. Луки, Торопец, Белая, в сент. за ними последовал один из главных центров региона — Псков. Осенью 1608 г. в результате похода к Троице-Сергиеву мон-рю (см. *Троице-Сергиева лавра*) одного из гетманов самозванца Я. П. Сапеги на сторону Л. перешли Переславский, Юрьевский, Суздальский уезды. Затем, после взятия отрядами Л. Ростова, приняло присягу население Владимира, Ярославля, Романова, Углича, Костромы, Вологды. Наконец, тогда же, осенью 1608 г., власть Л. признали Муром, Арзамас, Балахна, Гороховец, затем власть Л. распространилась на Ср. Поволжье; Н. Новгород оказался в блокаде. Достигнутые успехи лишь отчасти объясняются хорошей боевой подготовкой наемного войска Л. Для мн. детей боярских не только окраин, но отчасти и центра России переход на сторону самозванца обещал приобретение как зе-

мельных владений, так и чинов, должностей, на к-рые они не могли рассчитывать при сохранении традиц. порядка. Отсюда массовый переход дворянства мн. регионов на сторону Л.

Положение на землях, оказавшихся под властью Л., было существенно различным, что определялось присутствием (или отсутствием) на них наемного польско-литов. войска, размеры к-рого росли по мере притока все новых военных отрядов. К нач. 1610 г. в этой армии насчитывалось 10 тыс. чел., в подавляющей части конных воинов. По размерам наемному войску лишь немного уступали отряды казаков, численность к-рых также росла. Если в Северской земле или на северо-западе таких войск не было, то в Подмоскovie, вокруг Тушина, стояли крупные военные силы, еще одна армия во главе с гетманом Сапегой осаждала не желавший подчиниться Л. Троице-Сергиев мон-рь. Наемное войско, заинтересованное прежде всего в собственном обогащении и готовое всеми доступными способами добывать средства на свое содержание, скоро стало настоящим бедствием для всех территорий, на которые распространялось его воздействие. Так, довольно скоро стали возникать основания для конфликта между этим войском и населением центра России.

В грамотах, рассылавшихся по стране, правительство Василия Шуйского обвиняло сторонников Л. в том, что они хотят «злую проклятую латынскую веру утвердить», рус. людей «в латынскую веру превратить» (Русский архив. 2012. № 116, 125 и др.), но эти обвинения не имели под собой оснований. Наемные войска Л., среди к-рых было немало правосл. «русских» жителей Речи Посполитой, волновала прежде всего возможность обогащения, а что касается самозванца и его рус. окружения, они явно стремились привлечь правосл. духовенство на свою сторону. Так, известно, что, когда Л. еще находился на юге, он пожаловал Никольскому жен. мон-рю в Путивле с. Холопково в Новгород-Северском у. и озеро (Там же. № 100). К сожалению, этим исчерпываются сведения об отношениях Л. с духовенством Северской земли, являвшейся его опорой на протяжении всего правления.

Имеющиеся свидетельства, гл. обр. из архива гетмана Сапеги, характеризуют отношения Л. с духовенст-

вом ряда территорий Замосковского края, к-рые перешли под власть Л. после осады его войсками Москвы. Октябрем 1608 г. датируется ряд коллективных заявлений населения Суздаля, Ярославля, Вологды о признании Л. В составлении заявлений участвовало и духовенство во главе с местными архиереями — Суздальским и Вологодским архиепископами (Там же. № 289, 332, 347). В отличие от названных городов Ростов оказал сторонникам Л. сильное сопротивление и был взят штурмом, при этом были разграблены храмы, разломана на части золотая рака свт. Леонтия, а митр. *Филарет (Романов)* был силой увезен в Тушино (Там же. № 265). В Москве Филарета считали «пленником». Очевидно, он им был какое-то время, однако не позднее янв. 1609 г. между ним и Л. было заключено соглашение, по к-рому Филарет стал «нареченным патриархом» — главой правосл. духовенства во владениях Л. (Там же. № 12, 80). Соглашение не было формальностью. Сохранился документ, содержащий сведения о распоряжениях Филарета как «нареченного патриарха» протопопу Моисею в Юрьеве-Польском освятить храм Благовещения в *киржачском в честь Благовещенья Пресвятой Богородицы монастыре*. Грамоту скрепил дьяк Филарета Г. И. Терпигорев (Там же. № 80). Т. о., Филарет как «нареченный патриарх» распоряжался на землях Патриаршей области, оказавшихся под властью Л.

Как и Филарет, был взят в плен войсками Л. Коломенский еп. Иосиф, но воеводам Шуйского удалось его освободить. По-видимому, в качестве пленника находился в Тушине Тверской архиеп. Феоктист, он был убит при попытке к бегству. В этих чрезвычайных обстоятельствах оставшиеся епископские кафедры оставались незанятыми. Однако не всегда. 24 авг. 1608 г. умер Псковский архиеп. Геннадий. В грамоте Л. псковичам от окт. 1610 г. упоминается Псковский архиеп. Иосиф, к-рый должен был огласить его грамоту (АИ. Т. 2. № 305). Т. к. вскоре после смерти Геннадия Псков перестал подчиняться Василию Шуйскому и держался Л. до самой его смерти, то очевидно, Иосиф был поставлен на кафедру «нареченным» патриархом Филаретом.

Часть правосл. духовенства (достаточно многочисленная), к-рая на землях исторического центра гос-ва

подчинилась власти Л., стремилась получить от монарха гарантии сохранения своего имущества и владений. Чтобы добиться этих целей, власти обитателей направляли в Тушино посольства с подарками. Так поступили в окт. 1608 г. власти костромского *Ипатиевского во имя Святой Троицы и ярославского в честь Преображения Господня* монастырей (Русский архив. 2012. № 206, 342). В нек-рых случаях, по-видимому, удавалось добиться получения гарантий. Так, в челобитной властей ярославского Спасского мон-ря от янв. 1609 г. упоминается о наличии в мон-ре жалованной грамоты, «что в монастырскую в спасскую вотчину литовским и русским всяким людем не въезжати и кормов некоторых не имати» (Там же. № 355).

В грамотах, оформлявших подчинение населения отдельных территорий власти Л., содержались обещания различных благ. Духовенству, в частности, самозванец обещал выдать «тарханские грамоты, что с вас наших царских податей некоторых имати не велим» (Там же. № 290, грамота в Суздаль). Действительность оказалась существенно иной. Церковные земли, как и др. владения, должны были не только выплачивать высокие налоги, но и отдавать большое количество «столовых и конских кормов» на содержание войска. Уже это создавало для них немалые затруднения, особенно когда кормы сопровождался постоем в обители крупных военных отрядов, как это было в ростовском *Борисоглебском на Устье монастыре*, когда служившие Л. романовские татары поселились в кельях, выгнав оттуда монахов (Там же. № 279).

Бедствия усугублялись грабежами, к-рые чинили отряды «загонных людей» — присоединившихся к армии Л. ради наживы казаков, «пахолки» — слуги польск. наемников. Их посылали для сбора продовольствия, и они стремились обогатиться на свой страх и риск. Эти люди не останавливались перед ограблением храмов. В кон. 1609 г. духовенство Юрьева-Польского писало в челобитной: «Церкви Божии разорены, Божие милосердие, образы, ободраны и переколоты» (Там же. № 324), ср. в др. документе: «Образы колупают и оклады и кузнь снимают» (ААЭ. Т. 2. № 102). Мон-ри искали защиты у Л., и тот готов был такую защиту оказать. Так, 29 нояб. 1608 г.

в ответ на жалобы обитателей в Переславле-Залесском Л. предписывал, чтобы гетман Сапега с монастырских владений «кормов своих и конских имати не велел... в загон в их вотчины... въезжати не велел» (Рус. архив. 2012. № 8). Аналогичная грамота касалась владений *Евфимиева суздальского в честь Преображения Господня монастыря* (Там же. № 20). Однако и сами наемники, и их предводители не хотели считаться с такими распоряжениями. Характерно, что когда Л. выделил Марине Мнишек Александрову слободу и др. земли, то «рыцарство» не проявило никакого желания отказаться от доходов с этих земель (Там же. № 28). Сборами и грабежами дело не ограничилось. Так, «слуги» переславль-залесских обитателей должны были участвовать в осаде Троице-Сергиева мон-ря (Там же. № 235).

С самого начала на землях, занятых войсками Л., мн. крупные обители отказались подчиняться его власти. В их числе был Троице-Сергиев мон-рь, к-рый гетманам Л. не удалось взять, несмотря на все усилия. Осада *Иосифова Волоколамского (Волоцкого) в честь Успения Пресвятой Богородицы монастыря* продолжалась с авг. 1608 по окт. 1609 г. В грамоте Василия Шуйского, отправленной в *Кириллов Белозерский в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь* 18 авг. 1609 г., отмечалось, что из мон-ря «по городом о крепление писали и многие места укрепляли» (ААЭ. Т. 2. № 138).

Тяготы, которые под властью Л. испытывало правосл. духовенство центра России, не в меньшей, а, вероятно, и в большей степени несли и др. слои общества, в т. ч. и хотевшие сделать карьеру при Л. дети боярские: они теряли возможность пользоваться доходами от своих владений; не могли они располагать и пожалованиями самозванца, т. к. в соответствующих владениях распоряжались офицеры наемного войска. Неудивительно, что уже в кон. 1608 г. в сев. части Замосковского края началось стихийное восстание против Л. и его войска. До выступления против тушинцев войск правительства Василия Шуйского восстали Галич, Тотьма, Кострома, Вологда, затем к ним присоединились Муром, Романов, Ярославль, Углич и др. города. В движении приняли участие представители разных слоев населения. В кон. 1608 — нач. 1609 г.

начались карательные походы тушинцев против восставших. Однако прочно утвердить свою власть на этих землях Л. не удалось. В первые месяцы 1609 г. здесь постоянно вспыхивали мятежи. Одним из главных центров сопротивления весной 1609 г. стал Ярославль; важным узлом обороны был Спасский мон-рь: тушинцы, разорившие ярославский посад, так и не смогли захватить обитель.

Значительными особенностями отличалось положение во Пскове. Здесь не было наемного войска Л., и следов., не действовали те факторы, которые побуждали население центра России выступать против самозванца. Власть в городе находилась в руках посадской общины, к-рая упорно держалась Л., опираясь на местных стрельцов. Псковское духовенство, как следует из псковских повестей о событиях Смуты, постоянно добивалось возвращения Пскова под власть Василия Шуйского. Опасавшиеся репрессий дети боярские — сторонники царя Василия — находили убежище в *Псково-Печерском в честь Успения Пресвятой Богородицы монастыре*.

В лагере Л. находились и католич. духовные лица из Речи Посполитой, один из них заключил тайный брак между самозванцем и Мариной Мнишек. В ставке Л. на юге нек-рое время находился католич. миссионер — д-р богословия Викентий из Львова. Благодаря его хлопотам перешел в католичество гетман кн. Ружинский. В нач. 1609 г. была предпринята попытка установить контакты между тушинским лагерем и Римом. Марина Мнишек отправила письмо папе с просьбой о благословении, одновременно она попыталась установить связь с папским нунцием в Польше. Тогда же к папе обратился и Ружинский с сообщением о своем переходе в католичество и с просьбой о благословении. Сам Л. к папе не обращался. Ответа на письма не последовало. К этому времени Римская курия уже поддерживала планы подчинения России власти польск. кор. Сигизмунда III.

Положение тушинского лагеря ухудшилось весной 1609 г., когда из Новгорода против тушинцев выступила армия во главе с родственником царя М. В. Скопиным-Шуйским, в составе армии было союзное швед. войско. Тогда же на соединение с этой армией направились отряды из Смоленска. В результате значительная

часть территорий на северо-западе оказалась очищена от тушинских войск. Начались бои войск самозванца с армией Скопина-Шуйского, двигавшейся к Москве с запада, и армией Ф. И. Шереметева, сражавшейся с тушинцами на землях Ср. Поволжья.

В сер. июля 1609 г. произошло 1-е крупное сражение армии Скопина-Шуйского с тушинцами, к-рое закончилось освобождением Твери. Т. к. в тушинской армии решительно преобладали наемники, не останавливавшиеся перед разграблением обитателей и храмов, военные действия стали приобретать характер войны за веру. Вологжанам, выступившим на помощь Скопину-Шуйскому, чудесно явился небесный покровитель города — прп. *Димитрий* Прилуцкий. Большие бои развернулись осенью 1609 г., когда из тушинского лагеря бросили новые силы, чтобы остановить армию Скопина-Шуйского. Оставшись без поддержки, тушинцы в Ср. Поволжье потерпели поражение в борьбе с армией Шереметева, к-рая стала двигаться к Владимиру и Суздалью. В сент.—окт. 1609 г., двигаясь к Москве, армия Скопина-Шуйского заняла Переславль-Залесский, затем Александрову слободу; была оказана помощь осажденному Троице-Сергиеву мон-рю.

Положение тушинского лагеря осложнилось после начала польско-литов. интервенции и прихода кор. Сигизмунда III с войском под Смоленск. Л. неоднократно предпринимал попытки установить связь с королем, но они были безрезультатными. В Речи Посполитой его последовательно квалифицировали как самозванца, не имеющего прав на рус. трон. Вступая в войну, одной из целей к-рой было подчинить Россию своей власти, правящие круги Польско-Литовского гос-ва считали важным делом переход на королевскую службу наемных войск Л. Этой цели должно было достичь посольство, отправленное из лагеря под Смоленском в Тушино 2(12) нояб. 1609 г. Др. задачей посольства было добиться, чтобы «московские люди» в Тушине стали искать соглашения с польск. королем. Прибыв в Тушино, королевские послы, игнорируя Л., вступили в переговоры с наемным войском о его переходе на королевскую службу. Не ожидая окончания переговоров, 27 дек. 1609 г. Л. бежал в Калугу. Вскоре после этого тушин-

ский лагерь распался и Москва была освобождена от осады. Началась война между королевской армией и населением тех владений, к-рые продолжали признавать власть самозванца. Посланные из-под Смоленска войска заняли Стародуб, Чернигов, Новгород-Северский.

В Калуге Л. заявил, что поляки хотели схватить его и отвезти к королю под Смоленск, он клялся, что будет защищать Русскую землю и правосл. веру, и был хорошо принят калужанами. Значительная часть территории, ранее подчинявшейся Л., продолжала признавать его власть — не только Северская земля, но и Псков и ряд новгородских пригородов, некоторые земли в Поволжье. Часть людей, находившихся в Тушине (дети боярские, донские казаки, татары), во главе с кн. Д. Т. Трубецким в кон. янв.—нач. февр. 1610 г. ушли в Калугу. На службу к Л. пошла часть наемного войска во главе с Сапегой, в июне 1610 г. поселившаяся на Угре.

Войска самозванца предпринимали крупные военные операции, в частности на территории Северской земли. Служилые люди из Новгорода-Северского снова перешли на сторону Л., состоялся их поход из «верховских» городов и городов Северской земли на Стародуб, где был уничтожен польск. гарнизон. Летом 1610 г. армия Василия Шуйского потерпела поражение в битве с польск. армией. Тогда же Л. получил из Москвы грамоты от «патриарха», очевидно от находившегося здесь Филарета, и бояр, что жители Москвы хотят перейти под его власть. По получении этих известий армия во главе с Л. (и рус. люди, и наемники) 30 июня 1610 г. выступила в поход на Москву. На пути войска Л. был Боровск, жители к-рого пытались укрыться в *Пафнутиево* Боровском в честь Рождества Пресвятой Богородицы монастыре, где настоятелем был бывш. архим. Троице-Сергиева мон-ря сщмч. *Иоасаф*. Мон-рь был взят во время ночного штурма 5 июля 1610 г. В дверях монастырского собора погиб, защищая его, командовавший рус. войском кн. М. К. Волконский. Настоятель и большая часть монахов были убиты, мон-рь был разграблен, рака прп. *Пафнутия* разломана.

У р. Нары 10 июля 1610 г. войско Л. подверглось нападению крымских татар, пришедших на помощь Василию Шуйскому, но затем татары,

очевидно поняв, что им нечего ждать от правительства Василия Шуйского, ушли, и армия Л. двинулась к Москве и подошла к ней почти одновременно с польск. армией во главе с гетманом С. Жолкевским. Самозванец попытался договориться с гетманом. В письме, отправленном Сапеге, вероятно, для передачи гетману в обмен на помощь в борьбе за рус. трон, Л. обещал в течение 10 лет выплачивать Речи Посполитой по 300 тыс. золотых в год, вернуть Речи Посполитой ее земли в Ливонии, предоставить Сигизмунду III 15-тысячное войско для завоевания Швеции (Русский архив. 2012. № 47). Жолкевский на эти предложения не реагировал. Сохранились сведения, что «простые» люди из Москвы стали перебегать в лагерь Л., но знать, дети боярские, духовенство, купечество не хотели подчиняться его власти. Попытки войск самозванца овладеть Москвой оказались безуспешными. 28 авг. 1610 г. между представителями рус. сословий в Москве и гетманом Жолкевским был заключен договор об избрании на рус. трон сына кор. Сигизмунда III Владислава (см. *Владислав IV Ваза*). Согласно этому договору, гетман был обязан вместе с боярами «думати и промышляти», как бы Л. «изымати или убити», «против того вора стояти и биться», «отвести» от самозванца польско-литов. войско Сапеге. В соответствии с этой договоренностью гетман Жолкевский вел переговоры с войском Сапеге, к-рое начало склоняться к тому, чтобы пойти на королевскую службу, выхлопав для Л. какое-либо владение, но самозванец на этот план не согласился.

Гетман и бояре хотели захватить Л. в его резиденции — *Угрешском во имя святителя Николая Чудотворца монастыре*. Предупрежденный об этом, самозванец бежал на юг с неск. сотнями казаков. Находившиеся в его московском лагере служилые люди принесли присягу Владиславу. Однако и позднее власть Л. распространялась на достаточно обширную территорию. Ему подчинялись не только Северская земля и города по Оке, но и ряд земель в Поволжье и на северо-западе. Один из главных опорных пунктов Л. на северо-западе — Вел. Луки — русским сторонникам Владислава удалось взять штурмом после длительной осады лишь в дек. 1610 г. Часть польско-литов. войска Л. ушла к нему в Калугу.

Не уверенный в своем положении, Л. принимал меры, чтобы подготовить себе новую столицу на юге — в Воронеже или в Астрахани.

Попытки польск. властей в Москве взять в свои руки руководство страной вели к тому, что симпатии населения стали обращаться к Л. В янв. 1611 г., узнав о том, что происходит в Москве, жители Казанской земли без всякой инициативы со стороны Л. принесли ему присягу. Однако к этому времени самозванец был убит служилым татар. кн. П. А. Урусовым, к-рого он оскорбил. Л. был похоронен в Калуге в соборе Св. Троицы.

Вскоре после убийства Л. (в дек. 1610 или в янв. 1611) Марина Мнишек родила сына Ивана, к-рый был объявлен сыном Л., крещен в правосл. церкви. В 1612–1613 гг. Марина и атаман донских казаков Заруцкий заявляли о правах младенца на рус. престол. В июне 1614 г. Заруцкий, Марина и ее сын были схвачены, Ивана вскоре казнили в Москве. Ист.: ААЭ. Т. 2. № 99, 102, 123.2, 138; АИ. Т. 2; Донесение о. Викентия Львовского о Лжедмитрии II // РИБ. Т. 8; ПСРЛ. Т. 14. С. 80–81, 83, 96, 98–99, 105; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 285; Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 гг. Волгоград, 2012.

Лит.: Hirschberg A. Marina Mniszówna. Lwów, 1906; Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и рус. общество. М., 2005; Тюменцев И. О. Смутное время в России нач. XVII ст.: Движение Лжедмитрия II. М., 2008.

Б. Н. Флоря

ЛЖЕДМИТРИЙ III († 1613, Москва), самозванец, выдававший себя за царевича св. *Димитрия Иоанновича*, сына царя *Иоанна IV Васильевича* (см. также ст. *Смутное время*). По утверждению ряда рус. источников, самозванцем был Матюшка, диакон «с Москвы из-за Язузы» (возможно, из старейшей в Заяузье ц. вмч. Никиты, отстроенной в камне в XVI в.). 23 марта 1611 г. Л. в окружении казаков объявился в Новгороде, откуда его прогнали. Самозванец бежал в Ивангород и был принят там и в др. зап. новгородских пригородах. Служилые люди этих пригородов в отличие от Новгорода и др. частей Новгородской земли признавали своим правителем *Лжедмитрия II* и не хотели покориться ни шведам, ни полякам, ни правительству 1-го ополчения. К июню 1611 г. Л. подчинились Ям, Ивангород, Копорье и псковский пригород Гдов. Важной задачей для нового самозванца и его сторонников было занять такой крупный центр, как Псков. Псков, к-рый

ранее подчинялся Лжедмитрию II, весной 1611 г. вел переговоры о присоединении к 1-му ополчению, но в городе были и сторонники Л. Так, 15 апр. 1611 г. псковские казаки отравились «на Иваньгород к вору». Присоединились к Л. и псковские стрельцы. Самозванец отправлял грамоты в Псков, добиваясь признания, но его посланца отослали «безчестна». 24 июня 1611 г. Л. выступил из Ивангорода в поход на Псков. 16 июня началась осада, 8 июля к городу пришел Л. Осада продолжалась до кон. авг. 1611 г., Псков, признавший 1-е ополчение, не сдавался.

В ночь на 17 июля шведы овладели Новгородом. По договору, заключенному новгородскими сословиями с швед. наместником Я. Делагарди, швед. сторона брала на себя обязательства «очищати» зап. новгородские пригороды «и стояти в уездах, которые прямят к вору». Вместе с тем люди, не желавшие подчиниться швед. власти, уходили к Л. В июле самозванец обратился с воззванием к жителям городов Новгородской земли, призывая их подчиниться его власти и выступить против польск. и швед. захватчиков для защиты своей страны и своей веры. Против Л. ко Пскову были направлены швед. войска на главе с Э. Горном. Л. стал отступать от Пскова к Ивангороду, на р. Плюссе шведы нагнали его войско и нанесли ему урон. Горн осадил Псков, добиваясь его подчинения швед. власти, но в нач. окт. был вынужден снять осаду. Псков оказался в тяжелом положении. Как отметил современник-летописец, город не мог ниоткуда ожидать помощи, «понеже Москва бе за Литвою, а в Новгороде немцы». Правда, в окт. 1611 г. в Псков приехали воеводы из лагеря 1-го ополчения, но, по-видимому, и они не привели с собой войска. В этих условиях было принято решение покориться Л. Об утверждении власти самозванца в Пскове известно только, что 4 дек. 1611 г. Л. прибыл в Псков. Единственный источник, сообщавший о его правлении в Пскове, приводит противоречивые утверждения. В одной части текста говорится, что к нему собирались люди, «иже радовахуся кровю чужаго имения, и бысть гражском многое насилие и правез в кормех и во всякой дани» (Псковские летописи. Вып. 1. 1941. С. 140). Однако в др. месте своего рассказа, сообщая о репрессиях, постигших в февр.

1610 г. сторонников Василия Шуйского, летописец отметил, что в тюрьме оказалось «муж и жен боле 2 сот, дондеже пришел ложной царь и вор Матюшка, свободи их всех страдавших» (Там же. С. 137). В единственном документе, относящемся к правлению Л. в Пскове, псковским воеводой назван кн. И. Ф. Хованский, к-рый ранее был воеводой в Ивангороде и, вероятно, содействовал возвышению Л. Подчинение Пскова власти Л. сделало его крупной политической фигурой.

Из Пскова самозванец обратился к руководителям 1-го ополчения с сообщением, что он «жив и ныне во Пскове» (ПСРЛ. Т. 14. С. 115). 2 марта 1612 г. руководители 1-го ополчения привели войско к присяге Л., принесли присягу и в ряде юж. городов. Однако в подмосковном лагере дети боярские не хотели присягать, решительно отказались признать Л. власти Троице-Сергиева мон-ря (см. *Троице-Сергиева лавра*), не подчинились самозванцу и мн. города. В этой сложной ситуации было принято решение отправить в Псков миссию во главе с близким к Лжедмитрию II И. В. Глазуном-Плещеевым, чтобы «дознавати» Л. 11 апр. посланцы прибыли в Псков. По сообщению летописи по списку Оболенского, «дозиратели» не стали разоблачать Л., боясь смерти, но, вероятно, как-то довели свое мнение до псковичей. Апрельем 1612 г. датируются донесения Делагарди швед. королю, что дети боярские и горожане в Пскове недовольны правлением Л. и готовы его оставить. Когда 10 мая 1612 г. Л. отправил своих сторонников-казаков к Порхову, в Пскове произошел переворот. Л. бежал, но был задержан и 20 мая доставлен в город. 1 июля его повезли в Москву. Здесь он длительное время сидел на цепи, подвергаясь издевательствам, затем был повешен по приказу царя *Михаила Феодоровича*. Ист.: Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 137, 139–140; М., 1955. Вып. 2. С. 275–277; Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 219; ПСРЛ. Т. 14. С. 115. Лит.: Аракчеев В. А. Средневековый Псков: Власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII вв. Псков, 2004. С. 183–188; Замятин Г. А. Россия и Швеция в нач. XVII в.: Очерки полит. и военной истории. СПб., 2008. С. 266–267, 269–271, 274–281.

Б. Н. Флоря

ЛЖЕЙСИДОРОВЫ ДЕКРЕТАЛИИ [лат. Decretales Pseudo-Isidorianae; англ. Pseudo-Isidorian Decretals, False Decretals; нем. pseudoisi-

dorische Dekretalen; франц. Fausses décrétales], памятники *канонического права*, созданные в IX в. в империи Каролингов группой авторов, условно именуемой Лжеисидор. В узком смысле Л. д. — это ок. 100 посланий Римских пап (см. *Декреталия*), включенных в сборник «Лжеисидорово собрание».

Подложные канонические своды. Основные сборники, связанные с деятельностью Лжеисидора, созданы по образцу более ранних сводов и включают разнообразные источники канонического права — постановления Соборов, папские декреталии, *кантиллары* и т. д.

1. «Испано-галло-отёнское собрание» (*Collectio Hispana Gallica Augustodunensis*) — переработанная версия «Испано-галльского собрания» (*Collectio Hispana Gallica*), которое в свою очередь представляет собой франк. редакцию «Испанского собрания» (*Collectio Hispana*), составленного в VII в. в вестгот. Испании. Все 3 версии канонического свода включают постановления вост., африкан., галльских и испан. Соборов IV–VII вв., а также декреталии Римских пап от *Дамаса I* (366–384) до *Григория I Великого* (590–604). Особенности франк. версии — большое число ошибочных чтений и нарушенный порядок текстов, вызванный перестановкой тетрадей в протографе (были перемещены листы с текстами декреталий Иннокентия I и Льва I Великого, при этом некоторые послания были разделены на части, что привело к дальнейшей порче текстов при копировании).

Вопреки мнению более ранних исследователей, считавших, что Лжеисидор, Ф. Маассен составил «Испанское собрание», Ф. Маассен пришел к выводу, что в распоряжении составителей Л. д. была особая редакция франк. версии этого сборника, подготовленная Лжеисидором, т. е. «Испано-галло-отёнское собрание» (*Maassen*. 1885). Полный текст сборника сохранился в единственной рукописи (Vat. lat. 1341, IX в.; создана в аббатстве Корби, в посл. хранилась в Отёне; транскрипция текста: <http://www.benedictus.mgh.de/quellen/chga>). Из мон-ря Корби происходит также рукопись «Собрания Дионисия—Адриана» (*Collectio Dionysio-Hadriana*) с редакторской правкой сер. IX в., выполненной на основе «Испано-галло-отёнского собрания» (Berolin. SB. 132; см.: *Hinschius*. 1884; *Maas-*

sen. 1885. S. 824–831). Др. редакция испано-галло-отёнского свода представлена в рукописи Eton. College Lib. B.1.1.6, XII в. (только 1-я часть сборника), в к-рой содержатся также 1-я и 3-я части «Лжеисидорова собрания» (редакция A1). По свидетельству мавриста Пьера Кустана († 1721), рукописи «Испано-галло-отёнского собрания» хранились в Бове, Лане и Нуайоне (см.: *Kéry*. 1999. P. 69–70).

При составлении «Испано-галло-отёнского собрания» были исправлены неверные чтения из «Испано-галльского собрания»: искаженный текст декреталий восстановлен на основе «Собрания Дионисия—Адриана», сделаны вставки, которые должны были прояснить смысл текстов. Сборник содержит интерполяции, характерные для Лжеисидора, а также 3 подложные папские декреталии (см.: *Fuhrmann*. 1972–1974. Bd. 1. S. 151–161). По-видимому, существовало не менее 7 версий «Испано-галло-отёнского собрания» (*Knibbs*. 2013. S. 16–19, 25–27).

2. «Лжеисидорово собрание» (*Collectio Pseudo-Isidoriana*) фактически является расширенной редакцией «Испано-галло-отёнского собрания». В него включены постановления Соборов (почти все тексты содержат интерполяции) и ок. 100 папских декреталий от сщмч. *Климента I* до *Григория I Великого* и *Григория II* (715–731) (большая часть текстов подложные, остальные содержат интерполяции). В предисловии составитель сборника называет себя Исидор Меркатор (это имя образовано из имен *Исидора Севильского* и *Мария Меркатора*). В средние века «Лжеисидорово собрание» нередко приписывали Исидору Севильскому; термин «Лжеисидор» впервые использовал протестант. историк и полемист Д. Блондель в трактате о подложности Л. д. (*Blondellus D. Pseudo-Isidorus et Turrianus vapulantes*. Gen., 1628).

Исследователи выделяют неск. редакций «Лжеисидорова собрания» (известно не менее 115 рукописей; см.: *Williams*. 1971; *Mordek*. 1978; *Kéry*. 1999. P. 100–114). В полных редакциях A1 и A/B сборник состоит из 3 частей: в 1-й собраны папские декреталии от Климента I до *Мильтиада* (311–314), во 2-й — постановления Соборов от *Никейского* (325) (см. *Вселенский I Собор*) до XIII Толетского (683) (см. *Толедские Соборы*),

в 3-й — папские декреталии от *Сильвестра I* (314–335) до Григория II. Самая ранняя рукопись редакции A1 (Vat. Ottob. lat. 93) была создана во 2-й пол. IX в. в Сев. Франции. Рукопись Paris. lat. 9629, в к-рой сохранилась лишь 3-я часть сборника в этой редакции, находилась в распоряжении Гинкмара, еп. Ланского (858–875), к-рый использовал Л. д. в полемике со своим дядей архиеп. *Гинкмаром* Реймским (845–882) (*Contreni*. 1982). Редакция A/B ближе всего соответствует «Испано-галло-отёнскому собранию» (рпк. Vat. lat. 1341); ее важнейшая рукопись — Vat. lat. 630, создана во 2-й пол. IX в. в аббатстве Корби (см.: *Williams*. 1971. P. 63–65). Возможно, из Корби происходит также фрагмент Lips. II.7, IX в. (*Williams*. 1971. P. 27–28). Вполн. на основе редакции A/B были составлены редакции В и С. Краткая редакция A2 содержит только декреталии Римских пап от Климента I до Дамаса I, снабженные нумерацией и рубриками. В клюнийскую редакцию «Лжеисидорова собрания» включены только 1-я и 3-я части сборника; самая ранняя рукопись относится к 3-й четв. IX в. (New Haven. Beinecke Rare Book and Manuscript Lib. 442). По мнению К. Г. Шоно, клюнийская редакция восходит к тому же образцу, что и редакция A/B (*Schon*. 1978), но Э. Ниббс считает ее ранней версией редакции A1 (*Knibbs*. 2013. S. 64–71).

Полные версии «Лжеисидорова собрания» открываются предисловием Исидора Меркатора, в к-ром говорится о происхождении источников канонического права и о необходимости собрать их тексты воедино. В начале 1-й части помещено послание *Аврелия*, еп. Карфагенского, папе Дамасу I и ответ понтифика, в к-ром общается, что Дамас отправил Аврелию канонические тексты (оба послания подложны). Далее помещен чин проведения Собора (*Ordo de celebrando concilio*; заимствован из «Испано-галльского собрания»), оглавление 1-й и 2-й частей сборника, *Апостольские правила* (из «Испано-галло-отёнского собрания») и «Собрания Дионисия—Адриана») и 60 папских декреталий, в основном составленных Лжеисидором (среди них есть более ранние псевдоэпиграфы, напр. 1-е и 2-е послания Климента). Содержание 2-й части «Лжеисидорова собрания», где помещены постановления Соборов, в целом соответствует

«Испано-галло-отёнскому собранию» (эти тексты восходят к 1-й части «Испанского собрания», в которую также включены соборные каноны). В начале помещены краткий трактат «О первоначальной Церкви и Никейском Соборе» и «Постановление Константина» (см. *Константинов дар*). В 3-ю часть сборника, имеющую особое оглавление, вошли папские декреталии и постановления Римских Соборов. Этот раздел соответствует 2-й, «декретальной», части «Испано-галло-отёнского собрания», но большая часть включенных в него текстов является подложной, а подлинные тексты содержат многочисленные интерполяции; есть и псевдоэпиграфы, составленные до Лжеисидора (напр., «Постановление Сильвестра», одна из т. н. фальшивок папы *Симмаха*). Часть подлинных текстов, напр. декреталии Иннокентия I, Льва Великого и Геласия I, заимствована из «Собрания Кенеля» (*Collectio Quesneliana*); некоторые послания, в т. ч. интерполированные декреталии Льва Великого, отсутствуют в редакции А/В. Последний текст, включенный в «Лжеисидорово собрание», — постановления Римского Собора, состоявшегося в 721 г., при папе Григории II (эти постановления завершают также «Собрание Дионисия—Адриана»).

3. «Главы Ангильрамна» (*Capitula Angilramni*) — трактат о порядке рассмотрения обвинений, выдвинутых против епископов. Согласно заголовку, «Главы...» составлены на основе «греческих и латинских канон, римских синодов и декреталий Римских предстоятелей и повелителей», посланных папой *Адрианом I* (772–795) Мецскому еп. Ангильрамну (768–791) (изд.: *Schon*. 2006; см.: *Kéry*. 1999. P. 114–117). В «Главах...» использованы памятники рим. права (Кодекс Феодосия и «Сентенции» Павла, сохранившиеся в Бревиарии Алариха); сборники канон, прежде всего «Собрание Дионисия—Адриана» и «Испано-галло-отёнское собрание»; сочинения Кассиодора, Исидора Севильского и др. авторов. Основная тема трактата — судебный иммунитет клириков и особенно епископов, их неподсудность светской власти.

4. Сборник капитуляриев Бенедикта Левиты, задуманный как приложение к своду капитуляриев Ансегиза, посвящен обоснованию свободы

Церкви от светской власти и от господства мирян. Вопреки заглавию (*Capitula*), сборник состоит в основном не из капитуляриев франк. правителей, а из отдельных канон, большая часть которых составлена на основе Свящ. Писания, трудов отцов Церкви и подлинных канонических памятников. Составитель называет себя диаконом из Майнца, но в действительности свод был создан Лжеисидором (имя Бенедикта Левиты, как и Исидора Меркатора, является псевдонимом) (изд.: *Baluzius S. Capitularia regum Francorum / Ed. P. de Chinias. P., 1780. T. 1. Col. 801–910*; предварительную версию текста, подготовленную Г. Шмицем, см.: <http://www.benedictus.mgh.de>; см. также: *Kéry*. 1999. P. 117–122).

Кроме 4 основных памятников, Лжеисидору принадлежит компиляция из отредактированных фрагментов деяний Халкидонского Собора, составленных рим. диак. Рустиком (*Zechiel-Eckes. Verecundus*. 2000), и др. тексты, в т. ч. отражающие промежуточные стадии работы над Л. д. Так, высказывалось мнение, что Лжеисидор составил отредактированные версии не только «Испано-галльского собрания», но и др. канонических сводов, прежде всего «Собрания Дионисия—Адриана» и «Собрания Кенеля» (см.: *Jasper, Fuhrmann*. 2001. P. 138–139).

Методы Лжеисидора и история текстов. Составители Л. д. использовали прежде всего материалы, сохранившиеся в «Испано-галльском собрании», редактировали и дополнили их на основании др. канонических сводов. Лжеисидор не только подделывал канонические тексты, но также интерполировал их, снабжал ложными атрибуциями и тенденциозными толкованиями (*Erdö*. 2002. S. 76). Как правило, подложные декреталии приписывались тем понтификам, чьих посланий не было в более ранних сводах. Для маскировки подлога канонисты включили в составленные ими сборники большое количество подлинных текстов, прежде всего соборных постановлений, которые они подвергли тщательной редактуре. Они применяли «мозаичную» технику создания текстов, не сочиняя их самостоятельно, но компилируя из фрагментов др. произведений, как правило имевших определенное каноническое значение. По мнению Х. Фурманна, в Л. д. использовано ок. 10 тыс. фрагмен-

тов, в основном подвергшихся значительной редактуре (см. демонстрацию техники Лжеисидора на примере подложной декреталии папы Юлия I (*Jaffé. RPR. N. 196*): *Zechiel-Eckes*. 2001. S. 62–90). Источниками Лжеисидора были Свящ. Писание (как Вульгата, так и *Vetus Latina*), подлинные соборные постановления и папские декреталии, памятники рим. и герм. законодательства, капитулярии, пенитенциалы, труды отцов Церкви и т. д. (*Jasper, Fuhrmann*. 2001. P. 159–160). Важнейшие церковно-правовые тексты заимствовались из «Собрания Дионисия—Адриана» (наиболее авторитетный свод канонического права в эпоху Каролингов) и «Собрания Кенеля».

Составление Л. д. и др. текстов было длительным процессом, реконструкция которого вызывает дискуссии среди исследователей. Маассен и Э. Зеккель доказали, что «Лжеисидорово собрание» и капитулярии Бенедикта Левиты были основаны на обработанной версии «Испано-галльского собрания». По мнению Фурманна, франк. канонисты прежде всего отредактировали «Испано-галльское собрание». Получившийся текст («Испано-галло-отёнское собрание») использовался при создании Л. д. и подложных капитуляриев. В распоряжении составителей Л. д. были также «Главы Ангильрамна» и скорее всего незавершенный свод Бенедикта Левиты (*Jasper, Fuhrmann*. 2001. P. 143–144). В ранних рукописях представлены неск. редакций «Лжеисидорова собрания». Исходя из этого Фурманн предположил, что сборник с самого начала распространялся в неск. версиях, в т. ч. отражавших разные стадии его составления (*Fuhrmann. Reflections*. 1981; *Jasper, Fuhrmann*. 2001. P. 139, 169, 184).

Согласно гипотезе, предложенной Ниббсом, «Лжеисидорово собрание» создавалось в неск. этапов. Сначала была подготовлена основная часть интерполированных соборных постановлений и Л. д. «Испано-галло-отёнское собрание» (ркп. *Vat. lat.* 1341) и др. отредактированная версия «Испано-галльского собрания», положенная в основу редакции A1, восходит к общему архетипу, но были созданы разными авторами, работавшими независимо друг от друга (качество работы составителя A1 заметно ниже, в тексте осталось намного больше ошибок, чем в «Испа-

но-галло-отёнском собрании»). Редакция А/В была составлена на основе версии «Испано-галльского собрания», представленной в рукописи Vat. lat. 1341 (Knibbs. 2013. S. 27–40).

Одновременно с обработкой «Испано-галльского собрания» был составлен сборник подложных декреталий Псевдо-Дамаса, в к-рый вошли декреталии Римских понтификов начиная с Климента I, якобы посланные Дамасом I Аврелию Карфагенскому. Этот сборник сохранился в составе краткой редакции А2 (рукописи IX–X вв.), к-рую К. Цехиль-Эккес считал одним из самых ранних продуктов творчества Лжеисидора (Zechiel-Eckes. 2004. S. 189–190), а Шон — более поздней, сокращенной версией. Однако Ниббс пришел к выводу, что в редакции А2 сохранилась др. версия сборника Псевдо-Дамаса, чем та, к-рая была положена в основу полных редакций А1 и А/В (Knibbs. 2013. S. 19–21, 53–54). К сборнику Псевдо-Дамаса, к-рый состоял из самых ранних Л. д., были добавлены декреталии Иннокентия I и Геласия I, заимствованные из «Собрания Кенеля», и подложные документы, связанные с папой Симмахом. В состав др. сборника (возможно, приложения к сборнику Псевдо-Дамаса), к-рый реконструируют исследователи, входили декреталии Римских пап от Иоанна I до Пелагия II, из к-рых подлинным является только интерполированное послание папы Вигилия (Jaffé. RPR. N 907) и 4 послания Григория Великого.

На основе этих материалов 2 группы канонистов, работавшие независимо друг от друга, создали полные редакции «Лжеисидорова собрания» — А/В и А1 (П. Хиншиус, Зеккель и Цехиль-Эккес датировали составление редакции А/В более поздним временем, чем А1). По мнению Ниббса, составители А1 хуже ориентировались в материалах и методах редакторской работы, чем создатели «Испано-галло-отёнского собрания» и А/В. Они также сделали ряд собственных дополнений, напр., включили 16 посланий Льва Великого, заимствованных из «Собрания Кенеля». «Испано-галло-отёнское собрание» и редакция А/В были выполнены опытными компиляторами в аббатстве Корби; возможно, при составлении редакции А/В использовалась также первоначальная версия «Испанского собрания».

Изучение Л. д. затрудняется тем, что печатные издания текстов дают неполное, а иногда и искаженное представление о рукописной традиции. Единственное полное издание рукописи «Лжеисидорова собрания» было подготовлено в 1524 г. Ж. Мерленом, к-рый использовал позднюю редакцию С (рпк.: Paris. Bibl. de l'Assemblée Nationale. 27, XII в.; переизд.: PL. 130). В 1861 г. нем. юрист П. Хиншиус осуществил научное издание Л. д., в к-ром использовал неск. десятков рукописей. Однако издание Хиншиуса содержит существенные недостатки. Из-за отсутствия времени и финансирования исследователь сделал ряд поспешных заключений, не приняв во внимание тот факт, что «Лжеисидорова собрание» фактически является переработанной и дополненной версией «Испано-галло-отёнского собрания». Поэтому Хиншиус не уделил достаточного внимания соборным постановлениям, опубликовав их тексты по оригинальной версии «Испанского собрания» в издании Ф. А. Гонсалеса (PL. 84. Col. 93–848); т. о., он не учел правку, внесенную в «Испано-галло-отёнское собрание». Мн. рукописи получили неверную датировку. Так, Хиншиус полагал, что рукопись Vat. lat. 630 была создана на рубеже XI и XII вв., поэтому он считал редакцию А/В, текст к-рой содержится в этой рукописи, результатом работы более позднего редактора. Исследователь пришел к выводу, что древнейший текст «Лжеисидорова собрания» представлен редакцией А1. В основу издания он положил рукопись Modena. Bibl. Capit. O.I.4 (ок. 880), список с испорченными чтениями, включив в текст рубрики и др. дополнения из краткой редакции А2. Издание Хиншиуса не отражает рукописную традицию памятника и не может дать представление об отдельных редакциях текста (см.: Jasper, Fuhrmann. 2001. P. 155–159). В настоящее время Шон готовит новое издание «Лжеисидорова собрания» (<http://www.pseudoisidor.mgh.de>).

Происхождение декреталий. Большинство Л. д. посвящены вопросам, актуальным для франк. Церкви в IX в. В более ранних канонических сборниках почти не рассматривались вопросы, связанные с иммунитетом и юрисдикцией епископов, неприкосновенностью церковного имущества и *частной церкви правом.*

Недостаточность церковно-правовых норм усугублялась отсутствием признанных механизмов законодательного процесса и ограниченными навыками франкских ученых в области интерпретации канонического права. Т. о., франк. канонисты «были фактически вынуждены прибегать к фальсификациям» (Erdö. 2002. S. 75). Лжеисидор осознавал, что среди его источников были псевдо-эпиграфы; в предисловии он указывал на неподлинность Апостольских правил, авторитет которых, однако, признавали отцы Церкви и участники Соборов. Составители Л. д. действовали исходя из убеждения в пользе их трудов для Церкви, нуждавшейся в новых канонических нормах. О бескорыстии Лжеисидора может свидетельствовать тот факт, что внимание фальсификаторов было сосредоточено на защите прав епископов и на укреплении позиций церковной иерархии. Несмотря на то что Л. д. скорее всего создавались в мон-ре, их составители не пытались подчеркнуть привилегии монашеских обителей.

Каноны, составленные Лжеисидором, были призваны обосновать свободу Церкви от влияния светской власти, предотвратить вмешательство мирян в жизнь Церкви и защитить церковное имущество от их посягательств, укрепить дисциплину и нравственность клириков, консолидировать церковную иерархию. Лжеисидор был заинтересован прежде всего в защите прерогатив епископов, к-рые, по его мнению, нарушали митрополиты и хорепископы, а также в ограничении влияния Соборов, на которых принимались решения, угодные светской власти. С помощью сложных и противоречивых указаний Лжеисидор попытался затруднить процедуру низложения епископа и сделать фактически невозможным судебное преследование церковных иерархов. Канонисты подчеркивали, что любой клирик имел право апеллировать к Папскому престолу; они делали акцент на прерогативах папы Римского, к-рого они представляли как единственного главу Церкви, имевшего право судить и низлагать епископов. Т. о., Лжеисидор выступал за укрепление власти Папского престола. Пытаясь ограничить власть митрополитов над епископами-суффраганами, канонисты ввели понятие «примас», под которым они

подразумевали старшего митрополита области, аналогичного вост. патриархам (термин «примас» был заимствован из канонов африкан. Соборов, в к-рых этим словом именовались митрополиты; см.: *Fuhrmann*. 1953, 1954, 1955).

О времени, месте и обстоятельствах создания Л. д. ведутся дискуссии. Указывая на «большой объем работы и тщательную подготовку» текстов, Фурманн утверждал, что Лжеисидор должен был располагать обширной б-кой (*Jasper, Fuhrmann*. 2001. P. 140, 143). Высказывалось мнение, что Л. д. были составлены в Ле-Мане наряду с такими апокрифическими текстами, как «Деяния Ле-Манских епископов» и «Деяния госпожи Альдрика»; их целью была защита епископа от притязаний правителей Бретани (*Simson*. 1914; *Goffart W. The Le Mans Forgeries: A Chapter from the History of Church Property in the 9th Century. Camb. (Mass.)*, 1966). По др. версии, Лжеисидор принадлежал к клирикам придворной капеллы кор. Карла Лысого (*Buchner*. 1937). Однако эти гипотезы не получили признания. Происхождение самых ранних рукописей дает основания полагать, что Л. д. были составлены в Сев. Франции, скорее всего в Реймской церковной провинции. Зеккель и Фурманн обосновали связь между созданием Л. д. и конфликтом между архиеп. Гинкмаром Реймским (845–882) и его суффраганами, в первую очередь епископами Ротадом Суассонским и Гинкмаром Ланским, к-рый активно использовал подложные декреталии, полученные им скорее всего непосредственно от составителей (см.: *Jasper, Fuhrmann*. 2001. P. 170–172). В то же время Фурманн указывал на факты, которые могли свидетельствовать о создании Л. д. в аббатстве Корби. Из этого монастыря происходят рукописи Lips. II.7 (фрагмент «Испано-галло-отёнского собрания») и Vat. lat. 630 («Лжеисидорово собрание», редакция А/В; обе — ок. 860). Старолат. версия кн. *Екклесиаст*, использованная Лжеисидором, идентична тексту, сохранившемуся в рукописях из Корби (*Fuhrmann*. 1999). Скорее всего именно в этом мон-ре в сер. IX в. была выполнена редакция «Собрания Дионисия—Адриана» по «Испано-галло-отёнскому собранию» (ркп. *Ve-golin. SB. Hamilton*. 132).

Новые аргументы в пользу гипотезы о том, что Лжеисидор работал

в Корби, были сформулированы Цехиль-Эккесом. При изучении выполненных в Корби рукописей «Трехчастной истории» Кассиодора (РНБ. F. v. I. 11, ранее 820), деяний Халкидонского Собора (Paris. lat. 11611, 1-я четв. IX в.) и сборника Vat. Palat. lat. 1719 (нач. IX в.) исследователь обнаружил пометы на фрагментах текстов, использованных при составлении Л. д., а также указания для интерполяций. Т. о., эти рукописи находились в распоряжении канонистов, создавших Л. д. (*Zechiel-Eckes*. 2001; *Idem*. 2002). Фурманн с осторожностью отнесся к выводам Цехиль-Эккеса (*Fuhrmann*. 2002. S. 254–256), но др. исследователи, в т. ч. Й. Фрид и Шон, признали его правоту. Фурманн и Шон отметили, что авторы Л. д. стремились упрочить позиции епископов и не поднимали вопросы, связанные с защитой монастырских свобод и привилегий. Поэтому в создании подложных декреталий могли участвовать епископы, напр. Ротад Суассонский (Ibid. S. 257–258; *Schon*. 2010. P. 147–148; ср.: *Knibbs*. 2013. S. 50–51).

Цехиль-Эккес считал, что создание Л. д. было связано с конфликтом аббата Валы и его ученика св. Пасхазия Радберта с имп. Людовиком Благочестивым в 30-х гг. IX в. Монахи Корби выступили против намерения императора выделить особое королевство для его младшего сына Карла Лысого, т. к. это означало раздел империи Каролингов. Когда папа Римский Григорий IV прибыл в империю Каролингов по приглашению Лотаря I, чтобы способствовать примирению Людовика Благочестивого с сыновьями, император и мн. франк. епископы оценили действия понтифика как враждебные. Однако Вала и Пасхазий Радберт приветствовали Григория IV и помогли ему преодолеть сопротивление франк. прелатов. Они находились в лагере Лотаря I и его братьев, к-рые в 833 г. одержали победу над императором в битве при Ротфельде (Эльзас). Император попал в плен и был низложен прелатами под рук. Эббона, архиеп. Реймского. Однако в 834 г. Людовик Благочестивый вернулся к власти и начал проводить репрессии против тех прелатов, которые выступали против него. На имп. собрании в Тьонвиле (835) были лишены кафедр архиепископы Эббон Реймский, Агобард Лионский и Варфоломей Нарбонский;

аббат Вала отправился в изгнание в Италию, где он возглавил мон-рь Боббио. По мнению Ниббса, на раннем этапе конфликта монахи Корби под рук. Валы и Пасхазия Радберта подготовили материалы — «Испано-галло-отёнское собрание» и первоначальную версию Л. д. Работа началась не позднее 833 г. Об этом свидетельствует эпизод, включенный Пасхазием в жизнеописание Валы: во время встречи с папой Григорием IV монахи вручили ему канонические труды отцов Церкви и древних понтификов, в к-рых говорилось, что с папой Римским «пребывает полнота возвышенного могущества (auctoritas) блаженного Петра и подлинная власть (viva potestas); ему подобает судить всех, но его самого никто судить не вправе» (*Paschasius Radbertus. Epitaphium Arsenii. II 16 // Dümmler E. Radbert's Epitaphium Arsenii // АРАУ: PhNK. 1900. Bd. 2. S. 84*). Необходимость в фальсификации канонов была связана с позицией большинства франк. епископов, выступивших в поддержку императора против папы Римского и его союзников. В послании папы Григория IV, автором к-рого скорее всего был Пасхазий Радберт, среди аргументов в пользу права любого епископа апеллировать к Папскому престолу приведены цитаты из «Испано-галльского собрания» (*Jaffé. RPR. N 2579; MGH. Ep. T. 5. P. 72–81*; о подлинности послания см.: *Knibbs*. 2013. S. 18–19).

После изгнания Валы (834) работу над Л. д., по-видимому, возглавил Пасхазий Радберт, стремившийся защитить епископов, к-рые оказались в опасности. Часть предполагаемых создателей Л. д. последовала за Валой в Италию; возможно, после кончины аббата (836) они составили сборник Псевдо-Дамаса, на основе которого позднее возникла краткая редакция А2 (в этом сборнике были использованы постановления Ахенского Собора 836 г.). Однако после смерти Людовика Благочестивого (840) и войны между его наследниками (840–843) работа над Л. д. прекратилась. Возможно, Пасхазий Радберт, который возглавлял монашескую общину Корби в 843–851 гг., препятствовал завершению работы и публикации текстов. Только после его отречения «Испано-галло-отёнское собрание» и Л. д. были переработаны в «Лжеисидорово собрание». Это было сделано 2 группами

ми редакторов: монахи Корби, скорее всего ученики и помощники Пасхазия Радберта, составили редакцию А/В; одновременно в др. месте, вероятно при епископской кафедре, была создана редакция А1. По-видимому, инициатива принадлежала оппонентам архиеп. Гинкмара Реймского, к-рые пытались ограничить его полномочия (заказчиком редакции А1 мог быть еп. Гинкмар Ланский).

Самые ранние свидетельства о Л. д. относятся к сер. IX в. В споре о юрисдикции с Гинкмаром Реймским архиеп. Титгауд Трирский (846/7–863), требовавший признать его примасом Бельгийской Галлии (церковных провинций Реймс и Трир), опирался на предложенную Лжеисидором идею примаса-патриарха. На соборном прелатов и знати в Кьерзи (14 февр. 857) был опубликован капитулярный кор. Карла Лысого против расхитителей церковного имущества; в его состав вошло «Соборное увещание» (*Admonitio synodalis*), написанное Гинкмаром Реймским, к-рый цитировал Л. д. и капитулярный Бенедикта Левиты (MGH. Sopp. T. 3. P. 392–394). Цитаты из Л. д. содержатся также в соч. «О церквах и капеллах», составленном Гинкмаром в 857 или 858 г. (*Hinkmar von Reims. Collectio de ecclesiis et capellis* / Hrsg. M. Stratmann. Hannover, 1990. S. 67, 98, 120. (MGH. FontIur.; 14)). В 858 г. *Луп из Ферьера* обратился к папе *Николаю I* с вопросом о низложении епископа, потерявшего рассудок, ссылаясь на подложную декреталию папы Мильтиада (*Servati Lupi Epistulae* / Rec. P. K. Marshall. Lpz., 1984. P. 128–129). Однако в ответном послании понтифик обошел вопрос о декреталии молчанием (*Jaffé. RPR. N 2674*; см.: *Fuhrmann. 1972–1974. Bd. 1. S. 247–272*; *Jasper, Fuhrmann. 2001. P. 173–174*). В февр.–марте 863 г. Гинкмар Реймский упоминал, что его противники, объединившиеся вокруг еп. Ротада Суасонского, доказывали, что право смещать епископов принадлежит только папе Римскому, обосновывая это цитатами из декреталий Римских пап Юлия I, Виктора I и др. древних понтификов, т. е. из Л. д. (MGH. Err. T. 8. P. 122–140).

Рецепция декреталий. Смещение еп. Гинкмара Ланского (871) и осторожная позиция папы *Николая I* показывают, что Л. д. первоначально не получили признания, хотя интерес к ним неуклонно возрастал (см.

Fuhrmann. 1972–1974. Bd. 1. S. 173–184; *Schon. 2006. S. 45–49*). Известно не менее 30 полных списков и фрагментов «Лжеисидорова собрания», созданных до 900 г. (см.: *Kéry. 1999. P. 100–108*; *Jasper, Fuhrmann. 2001. P. 184–185*). О Л. д. упоминается в нек-рых папских посланиях IX–X вв., но инициатива скорее всего принадлежала тем, кто обращался за разъяснениями к Папскому престолу. В приложении к речи об аннулировании брака кор. Лотаря II (855–869) и об отлучении низложенных епископов Гунтара Кельнского (850–863) и Захарии из Ананьи (860–863), произнесенной неизвестным лицом в июле 869 г. в Риме или *Монте-Кассино*, приведены 38 выдержек из Л. д. (*Maassen. 1870*). В послании папы Иоанна VIII архиеп. Виллиберту Кельнскому (873) со ссылкой на подложную декреталию папы Анаклета говорится о примасах-патриархах (*Jaffé. RPR. N 2986*; MGH. Err. T. 7. P. 290–291). Во 2-й пол. IX в. Л. д. получили распространение в Сев. Италии. Так, ок. 880 г. Леодоин, еп. Модены, указывал Теодориху, аббату Нонантолы, на пределы монастырского иммунитета, ссылаясь на Л. д. В 80-х или 90-х гг. IX в. обширные выдержки из Л. д. были включены в канонический свод «Собрание, посвященное Ансельму» (*Collectio Anselmo dedicata*), созданный в Милане. В Англии широкое распространение Л. д. было связано с деятельностью Кентерберийского архиеп. *Ланфранка*, хотя декреталии были известны и до сер. XI в.

Широкая рецепция Л. д. в каноническом праве относится к эпохе *григорианской реформы*. В посланиях папы *Льва IX* содержатся ссылки как на подложные декреталии, так и на предание о Константиновом даре. Фрагменты декреталий были включены в канонические своды, составленные сторонниками реформы, — «Собрание в 64 титулах», «Капитулярный» кард. Аттона Миланского, в сборник кард. Деуседита, «Трехчастный свод» еп. *Иво Шартрского*. Мн. нормы, происходившие из Л. д., были внесены в Декрет Грациана. В Декрете приведено также постановление папы *Николая II* об обязательном исполнении распоряжений понтификов даже в том случае, если декреталии с этими распоряжениями не были в составе авторитетных канонических сборников (*decretales epistolae Romanorum Pon-*

tificum sunt recipiendae, etiamsi non sint codici canonum compaginatae — Decret. Gratian. D. 19. C. 1). Т. о., было устранено препятствие для рецепции Л. д. В XII в. сомнения в подлинности отдельных текстов высказывали канонисты *Петр Коместор*, Готфрид из Витербо и Стефан из Турне, а подложность всего корпуса декреталий была доказана в XVI в. авторами «*Магдебургских цензур*» и *Блонделем*. Однако к этому времени нормы, заимствованные из Л. д., составляли часть канонического права Римско-католической Церкви. Они оказали влияние на правила, связанные с назначением епископов, управлением диоцезами, полномочиями митрополитов, а также на процедурное право Церкви и т. п. Под влиянием Л. д. возник институт примасов, к-рый получил широкое распространение в эпоху григорианской реформы. Этот институт имел особое значение в странах, где ранее не существовало развитой церковной организации, напр. в Польше и Венгрии (в наст. время титулы примаса и патриарха не предполагают наличия особых полномочий — СИС. 438). Нормы, восходящие к Л. д., есть и в действующем Кодексе канонического права (см. *Codex iuris canonici*), напр. необходимость получить разрешение Папского престола для созыва пленарного и провинциального Собора (СИС. 439–440).

Ист.: *Decretales Pseudo-Isidorianae et capitula Angilramni* / Ed. P. Hinschius. Lpz., 1863.

Лит.: *Maassen F. Geschichte der Quellen und der Literatur des canonischen Rechts im Abendlande bis zum Ausgange des Mittelalters*. Gratz, 1870; *idem. Pseudoisidor-Studien* // SAWW. 1885. Bd. 108. S. 1061–1104; Bd. 109. S. 801–860; *Hinschius P. Die kanonistischen Handschriften den Hamiltonschen Sammlung* // ZKG. 1884. Bd. 6. S. 193–246; *Seckel E. Pseudoisidor* // PRE. 1905³. Bd. 16. S. 265–307; *Simson B. E., von. Pseudo-Isidor und die Le Mans-Hypothese* // ZSRG.K. 1914. Bd. 4. S. 1–74; *Davenport E. H. The False Decretals*. Oxf., 1916; *Fournier P., Le Bras G. Histoire des collections canoniques en Occident, depuis les fausses décrétales jusqu'au décret de Gratien*. P., 1931. T. 1. P. 127–233; *Buchner M. Pseudoisidor und die Hofkapelle Karls des Kahlen* // Hist. Jb. Münch., 1937. Bd. 57. S. 180–208; *Van Hove A. Prolegomena. Mechliniae, R., 1945. P. 300–311. (Comment. Lovaniense in Codicem Iuris Canonici; Vol. 1. T. 1); Stieckler A. M. Historia iuris canonici latini: Institutiones academicae. Augustae Taurinorum, 1950. T. 1. P. 117–142; Fuhrmann H. Studien zur Geschichte mittelalterlicher Patriarchate* // ZSRG.K. 1953. Bd. 39. S. 112–176; 1954. Bd. 40. S. 1–84; 1955. Bd. 41. S. 95–183; *idem. Pseudoisidor in Rom vom Ende der Karolingerzeit bis zum Reformpapsttum* // ZKG. 1967. Bd. 78. S. 15–66; *idem. Einfluss und Verbreitung der pseudoisidorischen Fälschungen: Von ihrem Auftauchen bis in die neuere Zeit*.

Stuttg., 1972–1974. 3 Bde; *idem*. Fälscher unter sich: Zum Streit zwischen Hinkmar von Reims und Hinkmar von Laon // Charles the Bald: Court and Kingdom / Ed. M. Gibson, J. Nelson. Oxf., 1981. P. 237–254; *idem*. Reflections on the Principle of Editing Texts: The Pseudo-Isidorian Decretals as an Example // Bull. of Medieval Canon Law. N. S. R., 1981. Vol. 11. P. 1–7; *idem*. Pseudoisidor, Otto von Ostia (Urban II) und der Zitatenkampf von Gerstungen (1085) // ZSRG.K. 1982. Bd. 68. S. 52–69; *idem*. Pseudoisidor und die Bibel // DA. 1999. Bd. 55. S. 183–191; *idem*. Stand, Aufgaben und Perspektiven der Pseudoisidorforschung // Fortschritt durch Fälschungen?: Ursprung, Gestalt und Wirkungen der pseudoisidorischen Fälschungen / Hrsg. W. Hartmann, G. Schmitz. Hannover, 2002. S. 227–262; *Marchetto A.* Episcopato e primato pontificio nelle decretali pseudo isidoriane: Ricerca storico-giuridica. R., 1971; *idem*. Diritto di appello a Roma nelle Decretali Pseudo-Isidoriane // Scientia veritatis: FS f. H. Mordek zum 65. Geburtstag / Hrsg. O. Münsch, Th. Zotz. Ostfildern, 2004. S. 191–206; *Williams S.* Codices Pseudo-Isidoriani. N. Y., 1971; *Mordek H.* Codices Pseudo-Isidoriani: Addenda zu dem gleichnamigen Buch von Schafer Williams // Archiv für katholisches Kirchenrecht. Mainz, 1978. Bd. 147. S. 471–478; *Schon K.-G.* Eine Redaktion der pseudoisidorischen Dekretalen aus der Zeit der Fälschung // DA. 1978. Bd. 34. S. 500–511; *idem*. Die Capitula Angilramni: Eine prozessrechtliche Fälschung Pseudoisidors. Hannover, 2006; *idem*. Zur Frühgeschichte der falschen Dekretalen Pseudoisidors // Proc. of the 13th Intern. Congress of Medieval Canon Law / Ed. P. Erdö, A. Szuromi. Vat., 2010. P. 139–148; *Contreni J. J.* Codices Pseudo-Isidoriani: The Provenance and Date of Paris, B. N. Ms. lat. 9629 // Viator. Turnhout, 1982. Vol. 13. P. 1–14; *Kéry L.* Canonical Collections of the Early Middle Ages: (ca. 400–1140): A Bibliographical Guide to the Manuscripts and Literature. Wash., 1999; *Zechiel-Eckes K.* Verecundus oder Pseudoisidor? // DA. 2000. Bd. 56. S. 413–446; *idem*. Zwei Arbeitshandschriften Pseudoisidors (Codd. St. Petersburg: F v. I. 11 und Paris lat. 11611) // Francia. Münch., 2000. Bd. 27. S. 205–210; *idem*. Ein Blick in Pseudoisidors Werkstatt: Studien zum Entstehungsprozess der falschen Dekretalen // Ibid. 2001. Bd. 28. S. 37–90; *idem*. Auf Pseudoisidors Spur, oder: Versuch einen dichten Schleier zu lüften // Fortschritt durch Fälschungen?: Ursprung, Gestalt und Wirkungen der pseudoisidorischen Fälschungen / Hrsg. W. Hartmann, G. Schmitz. Hannover, 2002. S. 1–28; *idem*. Der «unbeugsame» Exterminator? Isidorus Mercator und der Kampf gegen den Chorepiskopat // Scientia veritatis: FS f. H. Mordek zum 65. Geburtstag / Hrsg. O. Münsch, Th. Zotz. Ostfildern, 2004. S. 173–190; *idem*. Frühe Pseudoisidor-Rezeption bei Hinkmar von Laon: Ein Fragment des verloren geglaubten «Unterschriftenwerks» vom Juli 869 // DA. 2010. Bd. 66. S. 19–54; *idem*. Fälschung als Mittel politischer Auseinandersetzung: Ludwig der Fromme (814–840) und die Genese der pseudoisidorischen Dekretalen. Paderborn, 2011; *Jasper D., Fuhrmann H.* Papal Letters in the Early Middle Ages. Wash., 2001; *Erdö P.* Die Quellen des Kirchenrechts: Eine geschichtliche Einführung. Fr./M. etc., 2002. S. 74–81; *Firey A.* Lawyers and Wisdom: The Use of the Bible in the Pseudo-Isidorian Forged Decretals // The Study of the Bible in the Carolingian Era / Ed. C. Chazelle, B. Van Name Edwards. Turnhout, 2003. P. 189–214; *eadem*. Codices and

Contexts: The Many Destinies of the Capitula Angilramni and the Challenges of Editing Small Canon Law Collections // ZSRG.K. 2008. Bd. 94. S. 288–312; *Lukas V.* Eine Sammlung von Kapitularien Karls des Grossen bei Benedictus Levita // Ibid. 2004. Bd. 90. S. 1–26; *Tate J. C.* Roman and Visigothic Procedural Law in the False Decretals of Pseudo-Isidore // Ibid. S. 510–519; *Álvarez de las Asturias N.* On the So-Called Second Version of the Hispana Gallica Augustodunensis // Ibid. 2007. Bd. 93. S. 34–44; *Knibbs E.* Pseudo-Isidore in the Field of Lies: «Divinis Praeceptis» (JE †2579) as an Authentic Decretal // Bull. of Medieval Canon Law. N. S. 2011. Vol. 29. P. 1–34; *idem*. The Interpolated Hispana and the Origins of Pseudo-Isidore // ZSRG.K. 2013. Bd. 99. S. 1–71; *Harder C.* Pseudoisidor und das Papsttum: Funktion und Bedeutung des apostolischen Stuhls in den pseudoisidorischen Fälschungen. Köln etc., 2014.

A. A. Королёв

ЛЖИЦА [греч. λαβίς, букв. — «клещи» или, шире, «то, чем что-то держат»; также κολλήριον — «ложка»], в правосл. богослужении один из *судов священных*, ложка особой формы с длинной ручкой (как правило, серебряная, посеребренная или позолоченная); используется при *причащении* мирян и *потреблении* Св. Даров. Помимо византийской Л. из-

Лжица на престоле (слева).
Фрагмент мозаики
«Причащение апостолов»
в соборе Св. Софии в Киеве.
40-е гг. XI в.

вестна и в других восточнохрист. литургических традициях: сирийской, коптской, эфиопской, за исключением армянской (см.: *Drower*. 1956. P. 147–195, с учетом уточнений в работе: *Taft*. 2008. P. 266–269). Имеются свидетельства использования специальных ложек и в богослужении христ. Запада, но не в ка-

честве евхаристической Л. (*Braun*. 1932. S. 266–268).

Наименование и символика Л. в визант. богослужбном обиходе — λαβίς — основаны на образе из видения прор. Исаии в иерусалимском храме: «В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И зывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его! И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился курениями. И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами (LXX: τῆ λαβίδι) с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен» (Ис 6. 1–7).

Сопоставление частицы Тела Христа с горящим углем из видения прор. Исаии встречается, напр., в толковании литургии Феодора Мопсуестийского († 428) (Commentary of *Theodore of Mopsuestia* on the Lord's Prayer and on the Sacraments of Baptism and the Eucharist / Ed. A. Mingana. Camb., 1933. P. 118–120, 260–261. (Woodbrooke Studies; 6)) и затем повторяется в наиболее популярном из визант. литургических комментариев, созданном в VIII в. и приписываемом свт. Василию Великому либо свт. Герману I К-польскому (изд.: *Brightman F. E.* The «Historia Mystagogica» and Other Greek Commentaries on the Byzantine Liturgy // JThSt. 1908. Vol. 9. P. 248–267, 387–397). С XV в. правосл. богослужбные книги предписывают священнику и диакону, причастившись, произнести стих Ис 6. 7 (*Taft*. 2008. P. 198–199).

Однако ни Феодор, ни Псевдо-Герман не отождествляют «клещи» (λαβίς) с Л. В частности, в комментарии Псевдо-Германа «клещами» назван не этот литургический предмет, который автору комментария, очевидно, еще не был известен, а рука священника, которая держит Св. Дары

(Ibid. P. 261, 394). Поэтому и в древнем слав. переводе комментария Псевдо-Германа греч. слово *λαβίς* совершенно корректно передано как *кльѣци* (текст: *Афанасьева Т. И.*

ние Л. с Богородицею содержится и еще в одном компилятивном комментарии, сохранившемся в слав. рукописи РГБ. Троиц. 11, XIV в., и вошедшем в качестве составной части в популярную на Руси «Толковую службу»

Лжица
с гравированными надписью
и крестом. Ок. 565 г.
(Художественный музей
Уолтерса, Балтимор)

Древнеслав. толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: Исслед. и тексты. М., 2012. С. 238, 272 — вопреки мнению исследовательницы, к-рая ошибочно предлагает понимать *кльѣци* как Л.: Там же. С. 57); в последующей слав. литургической письменности для передачи *λαβίς* в смысле предмета богослужебного обихода, т. е. Л., выступает либо заимствованное из вседневной лексики слово *льжица/лжица* (Словарь рус. языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 229), либо гречизм *лавида/лавита* (Там же. С. 157; см. также: *Панова С. И.* Диатаксистр. Филофея Коккина в слав. книжной традиции XIV–XV вв.: Лингвотекстол. исслед.: Канд. дис. М., 2009. С. 172–173).

Первый литургический комментарий, к-рый понимает слово *λαβίς* в смысле специального предмета богослужебной утвари, т. е. Л., — это компилятивный текст, составленный из фрагментов комментария Псевдо-Германа, «Протеории» Николая и Феодора Андидских и неизвестных источников, сохранившийся в неск. греч. рукописях XIII–XVI вв. и надписанный именем Софрония Иерусалимского (*Bornert R.* Les commentaires byzantins de la Divine liturgie du VIIe au XVe s. P., 1966. P. 210–211. (ArchOC; 9)). Л. здесь предлагается понимать как «то, о чем сказал пророк Исаия: «Прилетел ко мне один из Серафимов...»» (PG. 87. Col. 3985), т. е. как образ ангельских клещей, при этом комментатор одновременно дает и совершенно иное толкование: «Обозначает же [Л.] и Деву [Марию], ибо, как и Она, имеет в Себе небесный Хлеб» (Ibidem; компилятор не заметил противоречия с повторяемой им ниже мыслью Псевдо-Германа, что клещам из видения прор. Исаии соответствует рука священника: Ibid. Col. 3988). Соотнесе-

(текст: *Афанасьева Т. И.* Древнеслав. толкования на литургию. М., 2012. С. 332; исследовательница делает вывод о зависимости этого комментария от толкования Псевдо-Софрония: Там же. С. 83, однако это маловероятно; скорее обе компиляции зависят от несохранившегося 3-го текста).

Но еще задолго до XIII–XIV вв., к к-рым относятся рукописи, содержащие упомянутые комментарии, термин *λαβίς* в смысле Л. — одного из священных сосудов, к-рые запрещается изымать из церковного употребления для иных целей, — встречается среди постановлений К-польского Собора 861 г. (Двукр. 10). В кон. 1053 — нач. 1054 г. представители Римской Церкви отправили в К-поль полемический трактат «Диалог», написанный вероятно всего кард. Гумбертом (*Бармин А. В.* Полемика и схизма: История греко-лат. споров IX–XII вв. М., 2006. С. 137–140), где, в частности, порицалась византийская практика вкушения Тела Христова с помощью ложки (cum cochleae; см.: Там же. С. 141; *Taft.* 2008. P. 288–290). Примерно тогда же изображение Л. начинает появляться в визант. иконографии (*Taft.* 2008. P. 301–302).

Тем не менее в греч. богослужебных рукописях Л. (*λαβίς*) стала регулярно упоминаться наряду с др. литургической утварью только с XII в.

(Ibid. P. 297–298). Тогда же Л. как богослужебный предмет впервые зафиксирована и в рус. источнике — «Вопрошании Кирика» (РИБ. Т. 6. Кол. 28).

Происхождение Л. как обязательного элемента визант. литургической утвари связано с широким использованием различных ложек в церковной практике древности. До наших дней дошло большое количество ранневизант. серебряных ложек; начиная уже с V в. на нек-рых из них изображен крест, есть христ. надписи (см.: *Hauser S. R.* Spätantike und frühbyzantinische Silberlöffel: Bemerkungen zur Produktion Luxusgütern im 5. bis 7. Jh. Münster, 1992. (JAC. Erg.-Bd.; 19)). Они были обнаружены в составе кладов, связанных с деятельностью церковных структур (каков, напр., клад из Капер Кораона, содержащий помимо прочего 14 серебряных ложек VI–VII вв.: *Mundell Mango M.* Silver from Early Byzantium: The Kaper Koraon and Related Treasures. Baltimore (MD), 1986), или хранятся или хранились в церковных сокровищницах, в т. ч. на Западе (*Leclercq.* 1914; *Braun.* 1932; *Taft.* 2008. P. 303–306). Нек-рые исследователи, обнаружив христ. символику на подобных артефактах или включение их в состав церковного имущества без достаточных на то оснований, интерпретировали эти предметы в качестве евхаристических Л. (только по надписи «на счастье» в сочетании с хризмой одна из ложек VI (?) в. из визант. коллекции Государственного Эрмитажа была совершенно произвольно идентифицирована как Л. «для причащения венчающихся» молодоженов: *Залеская В. Н.* О нек-рых новых приобретениях визант. тореветики VI в. в собр. Эрмитажа // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 81–90).

В действительности все эти ложки совершенно не обязательно использовались именно для причащения (см. подробное обсуждение этого вопроса в ст.: *Taft R. F.* Byzantine Communion Spoons: A Review of the Evidence // DOP.

Лжица
с гравированным крестом.
VI–VIII вв.
(Византийский
и христианский музей,
Афины)

1996. Vol. 50. P. 209–238, вошедшей в состав монографии: *Taft.* 2008). Они вполне могут являться просто пожертвованиями (т. е. иметь сугубо материальную ценность, вне связи с богослужением); представлять собой

евлогии; использоваться в к.-л. паралитургических действиях либо в сугубо технических целях: напр., для изъятия из вина, приготовленного к литургии, частиц осадка и проч. (см.: *Taft.* 2008. 273–278). В списке инвентаря церковной утвари храма Св. Софии, составленном в 1396 г., упоминается «одна лжица для мира» ([λαβίς] μία ἡ τοῦ μύρου: *Miklosich, Müller.* 1862. Т. 2. Р. 566), т. е. для размешивания св. мира в чине мирования либо для зачерпывания св. мира для таинства Миропомазания (*Taft.* 2008. Р. 306). На Западе, где употребление Л. для причащения не засвидетельствовано (хотя возможно, что ее роль в определенный момент играла фистула — трубочка для принятия Св. Крови: *Braun.* 1932. S. 250–251), ложки могли использоваться для вложения фимиама в кадило либо для доливания воды в евхаристическое вино (*Ibid.* S. 265), что также встречалось и на Востоке.

В популярной правосл. лит-ре распространено мнение, что практика причащать мирян с помощью Л. была установлена свт. Иоанном Златоустом после случая с женщиной, исповедовавшей ересь Македония и обманом пытавшейся воздержаться от причащения в правосл. храме, в результате чего частица Тела Христова превратилась в камень (напр.: *Вениамин.* Новая скрижаль. 1899¹⁶. С. 222). Это событие описано в источниках (*Sozom.* Hist. eccl. VIII 5; *Niseph.* *Callist.* Hist. eccl. XIII 7), однако в древности с появлением Л. его никто не связывал. По всей видимости, появление Л. и этот случай впервые увязал униат. свящ. Петр Аркудий († 1633) (см.: *Taft.* 2008. Р. 271), к-рый в соч. «Семь книг о согласии Восточной и Западной Церквей в совершении семи таинств» пересказывает текст Никифора Каллиста Ксанфопула и предполагает следующее: «Возможно, из этого факта (с причащением женщины-македонянки. — *Авт.*) и возник обычай греков... причащать весь народ под двумя видами, каковые смешиваются и раздаются с помощью лжицы» (*Petri Arcudii... Libri VII de concordia Ecclesiae Occidentalis et Orientalis in septem sacramentorum administratione.* Р., 1672. Р. 386). Это сочинение получило большую известность, а в еще более знаменитом тексте «Евхология» Жака Ёвара († 1653) уже прямо говорится об «изобретении» Л. свт. Иоанном Златоустом со ссылкой на

предположение Аркудия и «подтверждение» близкого к униатам правосл. церковного деятеля Паусия Лигариды († 1678) (*Goar.* Euchologion. Р. 130). Сочинения Аркудия

и Гоара оказали большое влияние на киевских и московских богословов 2-й пол. XVII в.; можно предположить, что именно на них опирался свт. Димитрий Ростовский († 1709) в комментариях к Житию прп. Феоктисты от 9 нояб., где он также увязал появление Л. с именем свт. Иоанна Златоуста и привел ту же ссылку на Никифора Каллиста Ксанфопула, что и Аркудий (*Димитрий (Туптало), свт.* Книга житий святых. К., 1689. Т. 1. Л. 294 об.). Популярность Четых-Миней свт. Димитрия обеспечила широкое распространение мнения о том, что Л. была изобретена свт. Иоанном Златоустом, это мнение еще более ут-

вердилось в связи с тем, что его имя носит самая известная правосл. литургия.

Обычай причащения с помощью Л. до VII в. в источниках не засвидетельствован, а первые упоминания VII–IX вв. сохранились об использовании «ложек» (κοιλιόριον) при причащении священников, а не мирян (*Taft.* 2008. Р. 283–287). Только к XII в., как было отмечено, Л. начинает регулярно упоминаться в визант. богослужебных книгах, и даже тогда в некоторых местах причащение мирян еще совершали без ее использования (*Ibid.* Р. 293–294). Т. о., практика причащать мирян с помощью Л. входила в визант. богослужебный обиход постепенно и окончательно утвердилась только к XIII в.

Богослужебное употребление.

Согласно совр. правосл. традиции, по завершении причащения служащего духовенства части Тела Христова помещают в св. потир и оттуда, уже напоенные Кровью Христовой, подают причастникам-мирянам с по-

Лжица.
2-я пол. XVII в. (ГММК)

мощью Л. (*Георгиевский.* 1951. С. 79–80). В случае причащения младенцев

или больных, к-рые не в состоянии проглотить частицу Тела Христова, им Л. вливают в уста неск. капель Св. Крови. В старообрядческой практике причастники-миряне сначала получают в Л. часть Тела Христова, а затем вновь в Л. им подают неск. капель Крови Христовой. Для причащения духовенства в совр. правосл. практике Л. обычно не используется, хотя, напр., на Афоне встречается обычай причащать неслуживших священников и диаконов вместе с мирянами с помощью Л.

Первоначально Л., однако, вполне могла использоваться при причащении не мирян, а именно духовенства — как для принятия Тела и Крови Христовых вместе, так и для принятия только

Лжица.
Нач. XXI в.
Мастерская
церковной утвари, Москва

Крови Христовой. В частности, Ульрих фон Рихенталь, автор хроники Константинопольского Собора (1414–1418), описывая правосл. литургию, совершаемую в присутствии митр. Киевского Григория Цамблака, удивленно сообщает, что правосл. священнослужители, причащаясь, не подносили к устам св. потир, имевший большие размеры, но отпивали из него с помощью Л. (*Taft.* 2008. Р. 299–300).

В богослужении нехалкидонитов Л. также не всегда связана с причащением мирян: у коптов и эфиопов и духовенство и миряне причащаются Тела и Крови Христовых раздельно, но при этом и священнослужители и миряне принимают Св. Кровь с помощью Л. У сиро-яковитов Л. применяется только для причащения Св. Крови священнослужителями, тогда как мирянам омоченные

в Св. Крови частицы Тела Христова подаются без Л. В восточносир. традиции Л. обычно не употребляется, но может применяться для причащения детей (*Drower*. 1956. P. 147–195; *Hanssens*. 1960; *Taft*. 2008. P. 266–269).

В правосл. традиции Л. помимо причащения используется при пощении Св. Даров диаконом или священником в конце литургии с учетом того, что правосл. чин литургии после причащения мирян предписывает помещать в чашу абсолютно все частицы, включая поминальные; поглотить (проглотить без остатка) Св. Дары без использования Л. невозможно, после этого Л. омывается водой.

Л. также необходима, когда Св. Дары заготавливают впрок. Согласно Служебнику, при приготовлении преждеосвященного Агнца священник должен после его освящения изобразить на нем крест с помощью Л., омоченной в Св. Крови (Служебник. М., 2006. С. 227–228; на практике Агнец, как правило, вместо этого обильно напоят Св. Кровью, часто также с помощью Л.). В рус. практике совершения литургии Преждеосвященных Даров Л. вместе с копием используется и при поставлении преждеосвященного Агнца на дискос в начале службы — чтобы не касаться Его руками. Еще с помощью Л. напоят Св. Кровью частицы запасных Св. Даров, заготавливаемые для причащения больных и умирающих.

В правосл. традиции Л. считается неотъемлемой частью т. н. евхаристического набора — комплекта священных сосудов для совершения Евхаристии. В частности, прежде чем начать проскомидию, священник должен подготовить все эти сосуды и прочесть тропарь Великой пятницы *Искѣпѣлъ ны ѿси:*. Согласно рус. традиции, во время чтения этого тропаря священник поочередно целует каждый из священных сосудов, так что на Л. приходится заключительные слова: *безсмѣртѣ источникъ ѿси чѣ. ловѣкъмъ, спѣсе насъ, слава тебѣ*. Затем в ходе литургии Л. вместе с копием перекладывается на св. престол. При сорбном совершении литургии в ходе торжественной процессии великого входа Л. и копия один из священников может перенести с жертвенника на св. престол, где они могут быть положены с 2 сторон креста, символизируя тем самым копье

сотника Лонгина и губку с уксусом, к-рую воины поднесли к устам распятого Христа (Ин 19. 30, 34).

Лит.: *Leclercq H. Cuiller* // DACL. 1914. T. 3. Col. 3172–3183; *Braun J.* Das christliche Altargerät in seinem Sein und in seiner Entwicklung. Münch., 1932. S. 265–279; *Георгиевский А. И.* Чинопоследование Божественной литургии. М., 1951; *Drower E. S.* Water into Wine: A Study of Ritual Idiom in the Middle East. L., 1956; *Hanssens J.-M.* La cérémonie de la communion eucharistique dans les rites orientaux // Gregorianum. R., 1960. Vol. 41. P. 30–62; *Taft R. F.* A History of the Liturgy of the Liturgy of St. John Chrysostom. R., 2008. Vol. 6: The Communion, Thanksgiving and Concluding Rites. (OCA; 281).

Свящ. Михаил Желтов

ЛИ [кит.— благопристойность, этикет, этика, ритуал, церемонии, установления], одна из центральных категорий кит. философии, гл. обр. конфуцианства, сочетающая 2 основных смысла — «этику» и «ритуал». Этимологическое значение — «культовое действие с сосудом». Начертание иероглифа «ли» сходно с начертанием иероглифа «ти» (тело, строй, сущность, субстанция) — графическую основу обоих иероглифов составляет изображение ритуального сосуда. Вероятно, это родство во многом предопределило онтологизацию понятия «ли», к-рое стало выражением фактора не только созидания культуры, но и упорядочения космоса.

В древнейших идеологических письменных памятниках («Шу цзин» и «Ши цзин») иероглиф Л. обозначал обряды, к-рые дают возможность преодолеть политические конфликты и отражают единство мира, а также храмовые и дворцовые ритуалы, нормы поведения сановников. *Конфуций* (VI–V вв. до Р. Х.) рассматривал понятие «ли» как самую общую характеристику правильного общественного устройства и поведения человека по отношению к другим и к себе: «Правитель [должен] руководить подданными посредством ли»; «Преодоление себя и обращение к ли составляют гуманность (жэнь)... Не следует смотреть на несоответствующее ли, не следует слушать несоответствующее ли, не следует говорить несоответствующее ли» («Лунь юй». III 19; XII 1). Распространение подобного контроля на чувственную сферу стало у Конфуция основой для придания Л. статуса гносеопраксиологического норматива: «Расширяя [свои] познания в знаках/письменности/культуре (вэнь) и стягивая их с по-

мощью ли, можно избежать нарушений» (Там же. VI 25, 27; XII 15).

В кит. духовной традиции за Конфуцием закрепился образ 1-го идеолога и проповедника Л., нек-рые его последователи (напр., Ли Гоу, Янь Юань, Лин Тинкань) считали концепцию Л. главной идеей мыслителя. В V–III вв. до Р. Х. концепция Л. превратилась в центральный объект критики со стороны конкурировавших с конфуцианством философских школ. Даосы (см. *Даосизм*) подчеркивали искусственность и безрезультатный ригоризм конфуцианской «благопристойности» с позиций гедонистического следования природному естеству (напр., «Чжуан-цзы»). В раннем даосизме Л. — результат последовательной деградации *дао*, затем «благодаты/добродетели» (*дэ*), «гуманности», «должной справедливости» (*и*), источник утраты «верности» (*чжун*) и «благонадежности» (*синь*) (*Дао дэ цзин*). Моисты (см. *Моизм*) с позиций социально-экономического утилитаризма и понимания Л. как «почтительной осторожности» (*цзин*) подвергли критике чрезмерное увлечение конфуцианцев обрядово-церемониальной стороной Л., ее усложнение до трудновыполнимых форм («Мо-цзы»). Вместе с тем переключаясь на моистским определение «Благопристойность — это почтительная осторожность» закреплено в конфуцианском «Сяо цзине» («Канон сыновней почтительности» 12). Легисты (см. *Легизм*), также отвергая Л. как высший принцип социальной регуляции, в качестве альтернативы выдвинули адм. принципы и юридические законы (*фа*) (напр., «Шан цзюнь шу»).

Многозначность понятия «ли» позволила 2 главным последователям Конфуция и основателям противоположных течений в конфуцианстве — Мэн Кэ (IV — нач. III в. до Р. Х.; см. *Мэн-цзы*) и Сюнь-цзы (кон. IV — III в. до Р. Х.) по-разному истолковать эту категорию: соответственно как внутреннее моральное качество человека и как налагаемую на него извне социальную форму. Исходя из признания врожденной «доброты» (*шань*) человеческой «природы» (*син*) и полагая определяющим фактором специфики человека «отказывающее [себе] и уступающее [другому] сердце (*синь*)», Мэн Кэ назвал этот фактор «началом ли», а само Л. определил как «благоговеющее и почтительно-осторожное

сердце», «исконно присущее» человеку. Сюнь-цзы же ссылаясь на то, что человеку от рождения присущи любовь к выгоде и плотские страсти, губящие Л., поэтому соблюдение правил и ритуалов, установленных в обществе древними «совершенно-мудрыми» (шэн), служит для обуздания «злой» (э) человеческой «природы»; эти правила являются источником «культуры» (вэнь).

В собрание основополагающих текстов конфуцианства — «Ши сань цзин» («Тринадцатиканоние») входят 3 специально посвященных Л. произведения: «Чжоу ли» («Благопристойность [эпохи] Чжоу»), «И ли» («Церемониальность и благопристойность»), «Ли цзи» («Записки об этико-ритуальных нормах»). В последнем из них категории «ли» придан универсальный регулятивный смысл посредством определения с помощью омонимичного термина «ли» («принцип»): «Благопристойность — это принципы». Особую значимость «Ли цзи» подчеркнули создатели неоконфуцианства, выделив из этого трактата 2 главы — «Да сюэ» и «Чжун юн» — в качестве самостоятельных произведений, открывающих новый, неоконфуцианский канон «Сы шу» («Четверокнижие»). В то же время предпринимались попытки выдвинуть и «Ли цзи» на 1-е место среди основных канонов конфуцианства, что сделал, напр., Су Сюнь (XI в.) в «Лю цзин лунь» («Суждения о Шестиканонии» / Рус. пер.: В. М. Алексеев. Б. м., 1945. Ркп.).

Л. наряду с такими основополагающими общекультурными и философскими понятиями, как «гуманность», «должная справедливость», «разумность» (чжи) и «благонадежность», стала выражать идею универсального (социального, этического, религиозного и культурно-цивилизационного) норматива. Универсальность понятия «ли» давала возможность множества толкований. Напр., Ли Гоу (XI в.) определял Л. как «фокус человеческого дао», «основу научения [молодого] поколения», а названные выше 4 категории — как «другие имена ли» («Ли лунь» — «Суждения о благопристойности»). Базовую для неоконфуцианства дефиницию, представляющую инверсию определения из «Ли цзи», сформулировал Чжоу Дуньши (XI в.): «Принципы называются благопристойностью» («Тун шу» — «Книга проникновения» 3).

Ведущий создатель «учения о принципе» (ли-сюэ) Чжу Си (XII в.) развернул эту дефиницию в тезисе, демонстрирующем сущностную связь природы и культуры (вэнь): «Благопристойность — это распорядок и знаки (вэнь) небесных принципов (тянь ли). Ведь у всего в Поднебесной есть соответствующий принцип, однако он не имеет ни фигуры, ни тени. Поэтому, творя определенный знак (вэнь) благопристойности, тем самым очерчивают один небесный принцип, который становится виден людям. Так в учении опираются на циркуль и угольник» («Чжу-цзы юй лэй» — «Классифицированные речи Учителя Чжу». Цзюань 42). Представитель альтернативного «учению о принципе» «учения о сердце» (синь-сюэ) Ван Янмин (кон. XV — нач. XVI в.) еще более определенно заявил о тождестве «благопристойности» (Л.) и «принципа» в «единой вещи» (и у) — «знаках/письменности/культуре» (вэнь): «Слово «благопристойность» тождественно слову «принцип». Доступные наблюдению проявления принципов называются «знаками», недоступное наблюдению сокровенное (вэй) в знаках называется «принципом». Но только все это единая вещь» («Чуань си лу» — «Записи преподанного и воспринятого». Цзюань 1).

До нач. XX в. культура Поднебесной самоопределялась как основанная на Л. — «государство ритуала и музыки», и таковой же ее видели на Западе со времени появления сообщений первых христ. миссионеров в XVII в.

Ист.: Древнекит. философия. М., 1972. Т. 1. С. 142–147; 1973. Т. 2. С. 100–110, 174–181; *Сыма Цянь. Исторические записки*. М., 1986. Т. 4. С. 60–69; Древнекит. философия. Эпоха Хань. М., 1990 (по указ.); *Ван Аньши. Рассуждения о ритуале и музыке* / Пер.: А. Б. Калкаева // *Человек и духовная культура Востока*. М., 2003. Вып. 1. С. 143–154. Лит.: *Tu Wei-ming. The Creative Tension between Jen and Li* // *Philosophy East and West*. Honolulu, 1968. Vol. 18. N 1/2. P. 21–39; *Алексеев В. М. Китайская лит-ра*. М., 1978. С. 391–394, 400–403; *Cua A. S. Dimensions of Li* (Propriety): Reflections on an Aspect of Hsiin Tzu's Ethics // *Philosophy East and West*. Honolulu, 1979. Vol. 29. N 4. P. 373–394; *idem. Li and Moral Justification: A Study in the Li Chi* // *Ibid.* 1993. Vol. 33. N 1. P. 1–16; *Кобзев А. И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия*. М., 1983; *он же. Философия кит. неоконфуцианства*. М., 2002 (по указ.); *Этика и ритуал в традиционном Китае*: Сб. ст. М., 1988; *Ткаченко Г. А. Космос, музыка, ритуал: Миф и эстетика в «Люйши чуньцю»*. М., 1990; *Китайская философия: Энцикл. слов.* М., 1994. С. 168–169; *Фэн Ю-Лань. Краткая история кит. философии*. СПб., 1998; *Невилл Р. К.*

Осознанное и неосознанное место ритуала (ли) в гуманности (жэнь) // *Китай в диалоге цивилизаций*. М., 2004. С. 652–660.

А. И. Кобзев

«ЛИ ЦЗИ» («Записки о благопристойности»/«Книга ритуалов»), один из главных трактатов китайской канонической лит-ры, приписываемый *Конфуцию* и его ближайшим ученикам (Цзы Сы, Цзэн-цзы, Янь Юаню и др.); включает также более поздние тексты эпохи Хань. Трактат входит в состав конфуцианского «У цзин» («Пятиканония»), «Лю цзин» («Шестиканония»), «Цзю цзин» («Девятиканония»). В неоконфуцианском «Ши сань цзин» («Тринадцатиканонии») вместе с «Чжоу ли» («Чжоуская/Всеохватная благопристойность») и «И ли» («Церемониальность и благопристойность») составляет «триптих о благопристойности» — «Сань ли» (термин Чжэн Сюаня, 137–200). Со 136 г. до Р. Х., при династии Хань, по инициативе Дун Чжуншу «Л. ц.» в составе «У цзин» был признан одним из столпов офиц. идеологии, системы образования; использовался для проведения экзаменов при отборе чиновников (кэ цзюй). В XI–XII вв. неоконфуцианцы (Чэн Хао, Чэн И, Чжу Си) включили 2 его главы — «Да сюэ» («Великое учение») и «Чжун юн» («Срединное и неизменное») как самостоятельные произведения в «Сы шу» («Четверокнижие»). «Л. ц.» приобрело еще большее значение. Прототип триптиха о благопристойности с исходным общим названием «Ли» («Благопристойность») упоминается с IV в. до Р. Х. в числе 5 канонов (наряду с «Шу (цзином)», «Ши (цзином)», «Чжоу и», «Чунь цю») или 6 канонов с добавлением утраченного в посл. «Юэ (цзина)» («(Канона) музыки»). Во II в. до Р. Х. конфуцианец Гаотан-шэн из царства Лу (родина Конфуция) восстановил передачу «Ли» в виде «Ши ли» («Благопристойность ученых мужей») — трактата из 17 глав, т. е. «И ли», дополнения и пояснения к которому в историко-энциклопедическом жанре «цзи» (записки) образовали самостоятельный трактат «[Ли] цзи» (131 глава), «записанный учениками после 70 [ближайших] учеников [Конфуция]», что отметили хранитель придворной б-ки Лю Сян (79/77–8/6 гг. до Р. Х.), его сын Лю Синь (? — 23 г. Р. Х.) и Бань Гу в библиографической главе «И вэнь чжи» («Трактат об искусных и искусств-

венных текстах») «Хань шу». Согласно Чжэн Сюаню, а также как следует из «Суй шу» («Книга [об эпохе] Суй», гл. «Цзин цзи чжи» («Трактат о канонах и книгах», VII в.), трактат «[Ли] цзи» (131 глава) был найден хэцзяньским (совр. пров. Хэбэй) кн. Сянь-ваном (правил со 155 г. до Р. Х.) и увеличен до 214 глав Лю Сяном. В I в. до Р. Х. последователь Гаотаншэна Дай Дэ, возможно использовав материалы Лю Сяна, сформировал «Да Дай ли цзи» («Записки о благопристойности Большого/Старшего Дая») из 85 глав (ныне — 39; неполный перевод: *Grynpas*. 1972), а его племянник Дай Шэн составил «Сяо Дай ли цзи» («Записки о благопристойности Малого/Младшего Дая») из 49 глав. Последнее произведение не сохранилось, но считается, что оно стало основой «Л. ц.», 46 глав к-рого также разделены на 49 структурных единиц (подглав). В эпоху Тан «Л. ц.» был официально включен в «Цзю цзин». Важнейшие комментарии к нему составили Чжэн Сюань, Лу Дэмин (ок. 550–630), Кун Инда (574–648), Вэй Ши (? — после 1240), Чэнь Хао (XIII–XIV вв.), Чжэн Юаньцин (XVII–XVIII вв.), Чжу Бинь (1753–1834) в 1832 г., Сунь Сидань (XIX в.) в 1860 г. и Цянь Сюань (1910–1999). «Л. ц.» переведен на английский (*Legge*. 1885), французский и латынь (*Couvreur*. 1899), немецкий (*Wilhelm*. 1930) и совр. китайский (Ван Мэню. 1988; Цянь Сюань и др., 2001).

В «Л. ц.» отражены ценностно-нормативные аспекты традиц. кит. культуры, гос. устройства и общественной жизни. Наиболее общие философские идеи представлены в главах «Юэ лин» («Полунные приказы»), «Ли юнь» («Циркуляция благопристойности»), «Юэ цзин», «Чжун юн» и «Да сюэ». В них сформулированы социально-космологические и этико-гносеологические концепции, а также содержатся наставления по поводу гармонизации об-ва и природы через их взаимокоординацию, к-рую с помощью ритуала осуществляет посредник между людьми и Небом — император, «сын Неба» (тянь цзы). Т. о., главное правило правления — «недеяние» (у вэй), т. е. невмешательство в единственно возможный естественный ход событий при безусловной регулирующей роли личности государя. В главах «Вэнь-ван ши-цзы» («Наследник Вэнь-ван»), «Сюэ цзи»

(«Записки об учении») и «Жу син» («Поведение ученого/конфуцианца») описаны процессы обучения, образования, воспитания и наука как высшие формы человеческой деятельности, реализуемые «благородным мужем» (цзюнь цзы), конфуцианским ученым и подлинным правителем, для к-рых «великая благодать/добродетель неслужебна, великий Путь (дао) не орудие (ци), великая благонадежность (синь) не связывающая, великое время не выравнивающее». Основоположник реформаторского движения XIX–XX вв. Кан Ювэй составил комментарии к главам «Чжун юн» и «Ли юнь» и перенес из «золотого века» прошлого в будущее утопические принципы «великого единения» и «малого благоденствия», описанные в этих главах. Эти понятия вновь актуализировались в КНР, в т. ч. в правительственных документах, на рубеже XX и XXI вв.

Ист.: *Wilhelm R., Hrsg.* Li Gi: das Buch der Sitte des älteren und jüngeren Dai. Jena, 1930; *Couvreur S., trad.* Li Ki, ou Mémoires sur les bien-séances et les cérémonies. Ho Kien Fou, 1899. P., 1950. 2 vol.; *Legge J., trad.* The Li Ki // The Sacred Books of China: The Texts of Confucianism. Oxf., 1885. Delhi, 1966. Pt. 3–4; *Grynpas B., trad.* Les écrits de Tai l'ancien et le petit calendrier des Hia. P., 1972; «Ли цзи» / Пер.: И. С. Лисевич, Р. В. Вяткин, В. Г. Буров // Древнекит. философия. М., 1973. Т. 2. С. 99–140; *Чжэн Юань-цин.* Ли цзи цзи шо (=Записки о благопристойности, с собр. изъяснений). Пекин, 1986 (на кит. яз.); *Пань Цзун-чжоу.* Ли цзи чжэн и цзюа кань цзи (=Правильный смысл «Записок о благопристойности» с записками о сверке текстов). Нанкин, 1986 (на кит. яз.); Ли цзи (= Записки о благопристойности) / Комментар.: Чэнь Хао. Шанхай, 1987 (на кит. яз.); *Ван Мэн-ю.* Ли цзи цзинь чжу цзинь и (=Записки о благопристойности, с совр. коммент. и пер. на совр. яз.). Тянь-цзинь, 1988 (на кит. яз.); *Сунь И-жан.* Да Дай Ли цзи цзюа (=Записки о благопристойности Большого/Старшего Дая, со сверкой и исправлениями) / Ред.: Сюэ Кэ. Цзинань, 1988 (на кит. яз.); *Чэнь Хао.* Ли цзи цзи шо (=Записки о благопристойности, с собр. изъяснений): Кн. 1, 2. Чэнду, 1989 (на кит. яз.); *Сунь Си-дань.* Ли цзи цзи цзе (=Записки о благопристойности, с собр. разъяснений) / Ред.: Шэнь Сяо-хуань, Ван Син-сянь. Пекин, 1989 (на кит. яз.); *Чжэн Сюань, Кун Ин-да и др.* Ли цзи чжэн и (=Правильный смысл «Записок о благопристойности»). Шанхай, 1990 (на кит. яз.); «Записки о музыке» [из «Ли цзи»] // *Рубин В. А.* Личность и власть в Др. Китае. М., 1999. С. 294–307; Ли цзи (=Записки о благопристойности): *Цянь Сюань и др., пер.* Кн. 1, 2. Чанша, 2001. (на кит. яз.); «Да сюэ» («Великое учение») / Пер.: А. И. Кобзев // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М., 2004. С. 73–122. Лит.: *Кан Ю-вэй.* Мэн-цзы вэй. Ли юнь чжу. Чжун юн чжу (=Тонкости «Мэн-цзы»: Комментар. к «Циркуляции благопристойности»; Комментар. к «Срединному и неизменному») / Ред.: Лоу Юй-ле. Пекин, 1987 (на кит. яз.);

Васильев Л. С. Этика и ритуал в трактате «Ли цзи» // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. С. 173–201; *Цянь Сюань, Цянь Син-ци.* Сань ли цзидянь (=Словарь триптиха о благопристойности). Нанкин, 1998 (на кит. яз.); *Су Сюнь.* Трактат о Книге Ритуала / Пер.: В. М. Алексеев // *Алексеев В. М.* Труды по китайской литературе. М., 2002. Кн. 1. С. 554–557.

А. И. Кобзев

ЛИБАНИЙ, греч. ритор из Антиохии, IV в. — см. ст. *Ливаний*.

LIBER DIURNUS [Liber diurnus Romanorum pontificum — Ежедневник Римских понтификов], сборник шаблонов и формуляров офиц. документов, использовавшихся папской канцелярией в раннее средневековье. Как правило, L. d. открывается типовыми формулами, к-рые использовались в папских посланиях визант. императору и должностным лицам, королю, патриарху и т. д. Далее помещены образцы документов, связанных с рукоположением епископов в Риме (акты избрания клиром и народом, ходатайства о рукоположении, различные справки, исповедание веры, обязательства перед понтификом); формуляры прошений о разрешении на строительство, восстановление и освящение церквей и баптистериев, перенесение мощей святых (с текстами папских ответов); образцы папских привилегий и распоряжений, связанных с управлением Патримонием св. Петра, в т. ч. о назначении на должности и о передаче в управление мон-рей и благотворительных учреждений. Особый блок документов связан с избранием папы Римского (среди этих текстов — извещения для императора, экзарха, архиепископа и должностных лиц Равеннского экзархата; исповедание веры; окружные послания всем христианам и т. д.).

Состав L. d. в рукописях различается (в среднем ок. 100 документов). Вероятно, сборник подвергался правке: менялась последовательность текстов, исключались устаревшие и вносились новые формуляры. Ни одна из сохранившихся редакций не является «сборником формуляров папской канцелярии», но все они состоят из аутентичных рим. документов (*Santifaller*. 1976). Трудно установить, когда были созданы отдельные формуляры, включенные в L. d. По мнению В. М. Пайца, первоначальная редакция сборника была составлена в VI в. (это предположение разделял Л. К. Мольберг), а нек-рые

формуляры восходят к V в. Т. фон Зиккель пришел к выводу, что самые ранние тексты относятся к понтификату *Ионория I* (625–638), самые поздние были включены в сборник при *Льве III* (795–816). Согласно Л. Дюшену, основная часть L. d. была создана после *Вселенского VI Собора* (680–681), дополнения внесены при папе *Адриане I* (772–795). Образцом для сборника мог послужить регистр папы *Григория I Великого* (590–604). Выдержки из L. d. приведены в «Собрании канонов» кард. Деусдедита (завершено в 1087) (*Die Kanonesammlung des Kardinals Deusdedit* / Hrsg. V. W. von Glanvell. Paderborn, 1905. S. 233, 331, 602).

Текст сохранился в 3 основных рукописях. Важнейшим считается ватиканский манускрипт, созданный в 1-й четв. IX в. в Сев. Италии, возможно в Вероне, и в посл. хранившийся в рим. мон-ре Санта-Кроче-ин-Джерузалемме (ASVat. Arm. XI. 19). Амвросианская рукопись, по мнению Б. Бишоффа, была выполнена примерно во 2-й четв. IX в. в Юго-Зап. Германии (Ambros. I. 2 sup.). Манускрипт 2-й пол. IX в., находившийся ранее в коллеже Клермон в Париже, в наст. время хранится в аббатстве Эгмонд (Нидерланды). К этой рукописи близки фрагменты L. d., приведенные кард. Деусдедитом. Др. манускрипты относятся к более позднему времени и не имеют большого значения для исследования текста (см.: DACL. T. 9. Pt. 1. Col. 327–329). Публикация сборника по ватиканской рукописи была подготовлена нем. эрудитом Л. Хольсте (*Holstenius L. Liber diurnus Romanorum pontificum*. R., 1658). Однако в Римской курии возобладало мнение, что рукопись L. d. могла быть использована в полемических целях протестантами и сторонниками *галлицизма*; манускрипт поместили в Ватиканский архив, где лишь немногие ученые могли с ним ознакомиться. Издание текста L. d. по рукописи из коллежа Клермон осуществил иезуит Жан Гарнье; эта книга неоднократно переиздавалась, в т. ч. с дополнениями Ж. Мабильона (*Garnierus J. Liber diurnus Romanorum pontificum*. P., 1680 = PL. 105. Col. 9–187). Повторную публикацию по ватиканской рукописи подготовил Э. де Розьер; др. издание, в к-ром текст рукописи был сверен со старыми публикациями, осуществил Зиккель. Все сохранившиеся манускрипты и фрагменты

в сборнике кард. Деусдедита были учтены в издании Х. Фёрстера; он отказался от попыток восстановить первоначальный текст L. d. и опубликовал версии, представленные в рукописях.

Ист.: Liber Diurnus, ou Recueil des formules usitées par la chancellerie pontificale du Ve au XIe siècle / Éd. E. de Rozière. P., 1869; Liber diurnus Romanorum pontificum ex unico codice Vaticano / Ed. Th. E. ab Sichel. Vindobonae, 1889. Aalen, 1966; Il Codice Ambrosiano del Liber Diurnus Romanorum Pontificum / Ed. L. Gramatica, G. Galbiati. Mil.; R., 1921; Liber Diurnus Romanorum Pontificum / Hrsg. H. Foerster. Bern, 1958.

Лит.: Duchesne L. Le «Liber diurnus» et les élections pontificales au VIIe siècle // Biblioth. de l'École des chartes. P., 1891. T. 52. P. 5–30; Hartmann L. M. Die Entstehungszeit des Liber Diurnus // MIOG. 1892. Bd. 13. S. 239–254; Peitz W. M. Neue Aufschlüsse über den Liber Diurnus, das Vorlagenbuch der mittelalterlichen Papstkanzlei // Stimmen der Zeit. Freiburg i. Br., 1918. Bd. 94. S. 486–496; idem. Liber Diurnus: Methodisches zur Diurnusforschung. R., 1940; Tangl M. Gregor-Register und Liber Diurnus // NA. 1919. Bd. 41. S. 741–752; Leclercq H. Liber Diurnus Romanorum Pontificum // DACL. T. 9. Pt. 1. Col. 243–344; Santifaller L. Die Verwendung des Liber Diurnus in den Privilegien der Päpste von den Anfängen bis zum Ende des 11. Jh. // MIOG. 1935. Bd. 49. S. 225–366; idem. Liber Diurnus: Studien und Forschungen / Hrsg. H. Zimmermann. Stuttg., 1976; Hove A., van. Prolegomena. Mechliniae; R., 1945. P. 190–192. (Comment. Lovaniense in Codicem Iuris Canonici; Vol. 1. T. 1); Huijben J. Een verloren gewaand handschrift van den «Liber diurnus Romanorum Pontificum» // Miscellanea historica in honorem A. de Meyer. Louvain, 1946. P. 255–265; Foerster H. Die Liber Diurnus-Fragmente in der Kanonesammlung des Kardinals Deusdedit // Lebendiges Mittelalter: FS f. W. Stammer. Freiburg, 1958. S. 44–55; idem. Liber Diurnus Romanorum Pontificum // NCE. Vol. 8. P. 534–535; Bock F. Bemerkungen zu den ältesten Papstregistern und zum «Liber Diurnus Romanorum Pontificum» // Archivische Zschr. Köln, 1961. Bd. 57. S. 11–51; Sansterre J.-M. La date des formules 60–63 du «Liber Diurnus» // Byz. 1978. T. 48. P. 226–243; Palma M. L'origine del codice vaticano del Liber Diurnus // Scrittura e Civiltà. Firenze, 1980. N 4. P. 295–310; Anton H. H. Der «Liber Diurnus» in angeblichen und verfälschten Papstprivilegien des früheren Mittelalters // Fälschungen im Mittelalter. Hannover, 1988. Bd. 3. S. 115–142; Noble Th. F. X. Literacy and the Papal Government in Late Antiquity and the Early Middle Ages // The Uses of Literacy in Early Mediaeval Europe / Ed. R. McKitterick. Camb., 1990. P. 82–108.

А. А. Королёв

LIBER PONTIFICALIS [лат.— Книга понтификов, Папская книга], сборник жизнеописаний Римских пап. Основная часть Л. Р. включает биографии понтификов, живших в I–VI вв.; она регулярно дополнялась до кон. IX в. В XII–XV вв. создавались новые редакции и продолжения Л. Р., к-рые обычно рассматриваются как особые произведения.

Ранняя папская историография. Древнейшие перечни Римских епископов, известные по упоминаниям в источниках, были составлены в 80-х гг. II в. С целью продемонстрировать непрерывность апостольского преемства в Риме сщмч. *Ириней* Лионский перечислил Римских епископов от апостолов Петра и Павла до *Елевферия* (171/7–185/93) (*Iren. Adv. haer.* III 3. 2–3). Примерно тогда же список епископов Рима составил *Егесунн* (*Euseb. Hist. eccl.* IV 22. 2–3; ср.: *Tertull. De praescript. haer.* 32). Аннотированный перечень предстоятелей Римской Церкви был использован в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (завершена ок. 325), где указаны даты и продолжительность каждого понтификата. Офиц. список понтификов, составленный в Риме, сохранился в редакции сер. IV в. Этот список, Каталог Либерия, содержится в Хронографии 354 г. (Календаре Филокала). В нем перечислены епископы Рима от ап. Петра до *Либерия* (352–366); указаны длительность каждого понтификата, консульские датировки, имена правящих императоров, иногда также краткие дополнительные сведения (изд.: LP. T. 1. P. 1–9; MGH. AA. T. 9. Vol. 1. P. 73–76; см.: LP. T. 1. P. I–XII; *Caspar.* 1926; *Salzman.* 1990. P. 47–49). Вероятно, к V в. относятся перечни Римских епископов, в к-рых обозначена только продолжительность каждого понтификата (LP. T. 1. P. XII–XXV, 13–41). На основании таких списков была создана серия фресковых папских портретов в рим. базилике св. Павла (Сан-Паоло-фуори-ле-Мура), к-рую обычно датируют V–нач. VI в. (большая часть портретов погибла в пожаре 1823 г.; см.: *Duchesne.* 1877. P. 34–36; LP. T. 1. P. XXV–XXX; *Ladner G. B. I ritratti dei papi nell'antichità e nel medioevo.* Vat., 1941. P. 39–51).

Первоначальная версия Л. Р. фактически представляет собой расширенный перечень Римских понтификов, снабженный подробными аннотациями. В основу этого произведения положен Каталог Либерия, а биографические дополнения составлены по образцу соч. «О знаменитых мужах» блж. Иеронима (CPL, N 616). Л. Р. открывается подложными письмами блж. Иеронима и папы *Дамаса I*. Блж. Иероним просит понтифика прислать ему «деяния» (*actus gestorum*) всех Римских пап начиная с ап. Петра, из к-рых можно было бы узнать, какие папы приня-

ли мученическую смерть, а какие — нарушили «апостольские каноны». В ответ папа Дамас посылает Иерониму сведения, «которые удалось найти». Подразумевается, что последующий текст Л. Р. является сочинением об истории Римской кафедры, полученным Иеронимом от папы Дамаса. Каждая биографическая заметка в Л. Р. следует общему формуляру (см.: LP. Т. 1. Р. LXIX). В начале указаны имя папы, его происхождение и имя его отца, продолжительность понтификата с точностью до дня, имена правивших в этот период императоров и консульские датировки понтификата (если папа принял мученическую смерть, об этом также говорится в начале записи). Далее приведены основные сведения о деятельности пап: нередко сообщается о распоряжениях адм. и литургического характера, о строительстве и об украшении церквей, о благотворительности. Понтификам, жившим в I–III вв., часто приписывается введение богослужбных и дисциплинарных норм: напр., *Лину* — установление обычая, по к-рому женщины покрывали головы в церкви; *Телесфору* — введение в мессу песнопения «Слава в вышних Богу»; *Сотеру* — запрет монахам прикасаться к священным сосудам; *Фабяну* — разделение Рима на 7 церковных регионов и назначение в них диаконов, субдиаконов и нотариев; *Феликсу I* — распоряжение совершать мессу над могилами мучеников и т. д. В биографиях понтификов IV–V вв. особое внимание уделено основанию и восстановлению церквей, нередко перечисляются ценные предметы, подаренные папами различным храмам. В заключение обязательно указываются количество епископов, пресвитеров и диаконов, рукоположенных папой, день и место его погребения, длительность последовавшей вакансии Папского престола.

По мнению большинства исследователей, сохранившийся текст Л. Р. является одной из неск. версий произведения, созданных почти одновременно; др. версии сохранились в виде эпитом (сокращенных редакций) и фрагментов. В эпитоме Феликса включены биографии Римских пап от ап. Петра до *Феликса IV (III)* (526–530) и добавлен список понтификов до *Пелагия II* (579–590); в кон. VI в. этот текст использовал *Григорий Турский (Greg. Turon. Glor. mart. 39–40)*. В др. эпитоме содержатся

краткие биографии Римских пап до *Конона* (686–687) и список понтификов до *Адриана I* (772–795). Остаток др. версии Л. Р. — Лаврентиевский фрагмент, к-рый состоит из заключительной фразы жизнеописания папы *Анастасия II* (496–498) и биографии папы *Симмаха* (498–514). Текст этого фрагмента сохранился в единственной рукописи — Verona. Bibl. capit. XXII (20), созданной вскоре после 555 г. в неаполитанском мон-ре, к-рый возглавлял *Евгиптий*. Автор был сторонником антипапы *Лаврентия*, резко осуждал Симмаха и одобрял сдержанную позицию Анастасия II в *акакианской схизме*. По-видимому, версия Л. Р., в состав к-рой входил Лаврентиевский фрагмент, была составлена в годы понтификата *Гормизда* (514–523) (LP. Т. 1. Р. XXX–XXXII, 43–46). Сохранившаяся версия Л. Р. была написана или отредактирована сторонниками папы Симмаха, возможно, в качестве «ответа» на версию, представленную Лаврентиевским фрагментом.

Вопросы, связанные с датировкой и обстоятельствами создания Л. Р., остаются предметом дискуссии. Большинство исследователей XX в. придерживались гипотезы Л. Дюшена, к-рый выделял 2 редакции произведения. Составление 1-й редакции началось при папе Гормизде (514–523) и продолжалось до понтификата Феликса IV (III) (526–530) или *Бонифация II* (530–532). Текст 1-й редакции не сохранился, но Дюшен попытался реконструировать его на основе эпитом Феликса и Конона, которые исследователь считал сокращенными версиями 1-й редакции (LP. Т. 1. Р. 47–113; см.: Vogel. 1975. Р. 106–107). Сохранившийся текст Л. Р., по мнению Дюшена, является 2-й редакцией памятника, выполненной не позднее 40-х гг. VI в., скорее всего в начале понтификата *Вигилия* (537–555). Текст 1-й редакции был существенно переработан, к нему добавили жизнеописания пап *Бонифация II*, *Иоанна II* и *Агапита I*, а также 1-ю половину биографии *Сильверия* (536–537). Жизнеописание Сильверия было составлено 2 авторами, к-рые по-разному оценивали деятельность папы: в 1-й части биографии Сильверий осуждается как недостойный понтифик, возведенный на престол королем готов «тираном» Теодохадом вопреки воле рим. духовенства; во 2-й части папе дана

положительная характеристика. По-видимому, жизнеописания *Бонифация II*, *Иоанна II*, *Агапита I* и 1-я часть биографии *Сильверия* были созданы после неудачной осады Рима готами (537–538); их автор был противником готов и поддерживал антипапу *Диоскора*. Т. о., по мнению Дюшена, обе редакции Л. Р. были составлены в 1-й пол. VI в. Среди исследователей, поддерживавших гипотезу Дюшена, были А. *Леклерк* (DACL. Т. 9. Pt. 1. Col. 388–403, 457), О. Бертолини (*Bertolini*. 1970. Р. 444–450), С. Фогель (*Vogel*. 1975. Р. 101–108), Р. Дейвис (*The Book of Pontiffs*. 2000). Высказывались и др. предположения о датировке и соотношении разных версий Л. Р. Так, Г. Гертман выделял первоначальную редакцию (P1) и ее переработку (P2), на основе к-рой были созданы редакции fk (не сохр.; на ней основаны эпитомы Феликса и Конона) и P3, существующий текст Л. Р. Составление памятника было завершено при папе Иоанне II (532/3–535) или вскоре после его кончины (*Geertman H. Documenti, redattori e la formazione del testo del «Liber Pontificalis» // Il Liber Pontificalis*. 2003. Р. 267–272; *Idem*. La genesi del Liber pontificalis: Un processo di organizzazione della memoria // *Liber*. 2009. Р. 37–107). Согласно Л. Капо, эпитома Феликса является первоначальной версией Л. Р.; в 30-х гг. VI в. на ее основе были созданы сокращенная редакция (эпитома Конона) и расширенный текст, сохранившийся до наст. времени (*Capo*. 2009. Р. 21–29; о критике этой гипотезы см.: *Deliyannis*. 2014. Р. 11–12). Эти исследователи согласны с мнением Дюшена о том, что первые версии Л. Р. были написаны не ранее понтификата Симмаха (498–514), а существующий текст сложился не позже 40-х гг. VI в. Однако Г. Вайц и Т. Моммзен пришли к выводу, что Дюшен ошибочно определил состав ранних версий Л. Р. и неверно их датировал. По мнению нем. исследователей, 1-я редакция была составлена в нач. VII в., вскоре после кончины папы *Григория I Великого* (590–604); на ней основаны эпитомы Феликса и Конона. Сохранившийся текст Л. Р. (2-ю редакцию) Моммзен датировал 2-й пол. VII в., до избрания папы *Сергия I* (687–701) (*Gesta*. 1898. Р. VII–XVIII; см. также: *Vogel*. 1975. Р. 111–114; *Capo*. 2009. Р. 17–18). В настоящее время гипотезу Моммзена поддерживают

немногие исследователи (напр.: *Curpo Csaki*. 2007).

Создание *L. P.* было связано с церковно-политическими конфликтами, в к-рые был вовлечен Папский престол на рубеже V и VI вв. По мнению Дюшена, авторы первоначальной версии сборника папских биографий, от к-рого сохранился Лаврентиевский фрагмент, были сторонниками антипапы Лаврентия. Ответом сторонников Симмаха было создание 1-й редакции *L. P.* (*Duchesne*. 1877. P. 199–200; см. также: *Wirbelauer E.* *Zwei Päpste in Rom: Der Konflikt zwischen Laurentius und Symmachus* (498–514). Münch., 1993. S. 142–147). Приверженцы Симмаха составили ряд апокрифических сочинений, целью к-рых было укрепить авторитет Папского престола, т. н. Симмаховых фальшивок (CPL, N 1679–1682). Противостояние Симмаха и Лаврентия нередко рассматривается в более широком контексте акакианской схизмы между Римом и К-полем, вызванной изданием «*Энотикона*» (482) и продолжавшейся до вступления на престол визант. имп. *Юстина I* (518–527). Приверженцы Лаврентия, которых часто отождествляют с провизант. партией в Риме, выступали за примирение с К-полем, тогда как сторонники Симмаха стремились продолжать жесткую политику пап *Феликса III (II)* и *Геласия I*. В рамках этого противостояния создавались полемические трактаты, сборники папских посланий и др. сочинения; среди них были жизнеописания Римских понтификов (см., напр.: *Blair-Dixon*. 2007). Разные версии этих биографий отражали противоположные т. зр. их авторов на акакианскую схизму и конфликт между Симмахом и Лаврентием (*Verardi*. 2013). Среди задач, стоявших перед составителями *L. P.*, была демонстрация преемственности епископов Рима от ап. Петра; понтифики хранили правосл. веру и искореняли еретические учения, тогда как мн. патриархи К-поля, где отсутствовало апостольское преемство, пропагандировали ереси. Создатели *L. P.* осуждали тех Римских епископов, к-рые делали уступки императорам и безответственно относились к своим обязанностям, прежде всего Либерия и Анастасия II (*Deliyannis*. 2014). Автор 2-й редакции *L. P.*, напротив, был сторонником провизант. партии и поддерживал антипапу Диоскора в его противостоянии с Бонифацием II (530–532).

Значение *L. P.* как источника сведений об истории Папского престола в I–VI вв. трудно определить. Пытаясь следовать единой схеме в жизнеописании каждого понтифика, авторы биографий додумывали недостающие сведения, поэтому в тексте содержится большое количество ошибок и вымышленных подробностей. Начиная с жизнеописания *Льва I Великого* (440–461) авторы не прибегали к явным вымыслам, но по-прежнему допускали неточности, напр. в рассказе о Халкидонском Соборе. Повествование в *L. P.* становится достоверным только начиная с биографии Анастасия II (496–498), поэтому к сведениям, изложенным в более ранних жизнеописаниях, следует относиться с осторожностью: они достоверны лишь в той мере, в какой авторы опирались на доступные им источники (LP. T. 1. P. XXXV–XXXVI; *Vogel*. 1975. P. 103–104). Составители *L. P.* использовали документы из папского архива, из к-рых они почерпнули сведения о папском эвергетизме: финансировании строительства церквей, дарениях недвижимости и предметов убранства, благотворительной деятельности. Значительную часть биографии папы *Сильвестра I* (314–335) занимает информация о благодеяниях имп. *Константина I Великого*, по указанию к-рого были построены Латеранская базилика и баптистерий (в *L. P.* подробно говорится об убранстве и о земельных владениях храма), придворная Сессорианская базилика (Санта-Кроччин-Джерузалементе), базилики на пригородных кладбищах Рима, а также в Остии, Альбане (ныне Альбано-Лациале), Капуе (ныне Санта-Мария-Капуа-Ветере) и Неаполе. Эти сведения являются уникальными и существенно повышают значение *L. P.* как исторического источника, хотя, по-видимому, они неполны (так, в *L. P.* не упом. о строительстве крупной базилики св. Павла на рубеже IV и V вв.).

Продолжения *L. P.* регулярно составлялись в VII–IX вв. Согласно Дюшену, основной текст завершался биографией Сильверия (536–537) и долгое время не дополнялся новыми жизнеописаниями. В биографиях более поздних понтификов (начиная с Вигилия (537–555)) есть ошибки и неточности; жизнеописания Пелагия II (579–590) и его преемников достоверны, но содержат мало подробностей. По-видимому, составление *L. P.* было продолжено при

папе *Гонории I* (625–638) или немного позже. С этого времени папские биографии создавались регулярно, нередко еще при жизни понтификов; их авторы были современниками, а иногда и очевидцами описываемых событий. В биографиях VIII–IX вв. можно выделить 2 составные части: документальную (сведения о благодеяниях, оказанных понтификами жителям Рима, строительных работах и т. п.) и нарративную. Как правило, эти сведения комбинировались, но в нек-рых текстах, оставшихся недоработанными, они представлены по отдельности. Так, пространная биография Адриана I (772–795) состоит из подробного повествования о деятельности понтифика до 774 г. (захват *Карлом Великим* Павии и падение королевства лангобардов), за к-рым следует перечисление строительных работ, предпринятых по указанию Адриана I, храмов, к-рые понтифик восстановил и украсил, и т. д. Основное содержание биографии *Льва III* (795–816) также относится к документальной части, тогда как др. аспекты деятельности понтифика представлены неполно. Т. о., создание нарративной части требовало больших усилий, чем сбор архивных сведений о папском эвергетизме, поэтому нарративная часть иногда оставалась незавершенной.

Авторы папских биографий VII–IX вв. стремились следовать формуляру более ранних жизнеописаний, но, как правило, включали в текст больше подробностей. Они описывали церковную карьеру (*cursus*) буд. понтифика и его избрание на Папский престол; документальная часть обязательно включала сведения о строительстве и об украшении церквей, о заботе папы о римлянах (снижение налогов, раздача денег и продуктов и т. п.), иногда также об укреплении дисциплины духовенства. В жизнеописаниях тех понтификов, к-рые боролись с еретическими учениями, подчеркиваются их мудрость и ученость. Описываются также отношения понтификов с византийцами, лангобардами и франками. Биографии Адриана I и Льва III, самые пространные в *L. P.*, скорее всего основаны на погодных записях. Нек-рые жизнеописания подвергались правке, гл. обр. политического характера (напр., «лангобардская» версия биографии *Стефана II (III)*; см.: *Bougard F.* *Composition, diffusion et réception des parties tardives du «Liber*

pontificalis» romain (VIIIe–IXe siècles) // *Liber*. 2009. P. 139–143).

Несмотря на то что папские биографии VII–IX вв. составлялись разными людьми и при разных обстоятельствах, в них присутствуют общие черты, к-рые свидетельствуют об идеологической преемственности их авторов. Все биографы уделяли основное внимание событиям, происходившим в Риме, а деятельность Римских понтификов по реализации церковного примата их почти не интересовала. В большинстве папских жизнеописаний выражено негативное отношение авторов к византийцам и особенно к лангобардам (*Bertolini*. 1970. P. 417–423; *Noble*. 1985. P. 351–352). По мнению Т. Ноубла, в представлении авторов Л. Р. папы Римские всегда были окружены врагами и предателями, но их защищали Бог и ап. Петр. Биографы неизменно оправдывали деятельность понтификов и очерняли их врагов. Бертолини определил папские жизнеописания как «официозные» пропагандистские сочинения, призванные оправдать политику Папского престола (*Bertolini*. 1970. P. 455). В связи с этим исследователи задавались вопросом об авторстве биографий, составители к-рых никогда не называли свои имена. По мнению большинства ученых, авторами Л. Р. были младшие сотрудники папской администрации — секретари и хранители архивных документов. Тексты написаны простым и ясным языком, почти без риторических приемов, но с использованием шаблонных формул. Повествование о *Вселенском VI Соборе* (680–681) в биографии папы *Агафона* отличается неполнотой и содержит ошибки; по-видимому, оно было составлено на основе устных свидетельств членов папской делегации автором, не имевшим доступа к офиц. протоколам заседаний Собора. Т. о., в Л. Р. получила отражение т. зр. младших чиновников Латеранского дворца. По мнению Дюшена, авторы биографий работали в папском вестиирии (вестарарии); его сотрудники, отвечавшие за состояние рим. церквей, хранили данные о строительстве, о ремонтах и об убранстве храмов (LP. T. 1. P. CLXII; о папской администрации в этот период см.: *Noble T. F. X. The Republic of St. Peter: The Birth of the Papal State, 680–825. Phil.*, 1984. P. 212–230). Э. Каспар предположил, что папские биографы сначала трудились в вес-

тиарии, а начиная с понтификата *Захарии* (741–752) — в канцелярии, т. к. более поздние жизнеописания имеют стилистическое сходство с папскими посланиями, включенными в «Codex Carolinus» (*Caspar E. Geschichte des Papsttums. Tüb.*, 1933. Bd. 2. S. 731–732). Предположение Каспара поддержал Ноубл, к-рый указал на то, что биографы часто использовали архивные документы и уделяли много внимания функционированию папской администрации. Примицерий нотариев управлял не только латеранской канцелярией (scrinium), но, как правило, и б-кой и архивом, находившимися в Латеранском дворце. С тем обстоятельством, что папские биографии составлялись церковными «бюрократами», исследователь связывал отсутствие в них интереса к личности каждого понтифика: «Папы изображены не как личности, а как винтики огромной машины, бесстрастно выполняющие свои пастырские обязанности, управляющие своей Церковью и соблюдающие требования католической веры» (*Noble*. 1985. P. 352–356). Дейвис поддержал т. зр. Дюшена, назвав аргументы Ноубла несостоятельными (Lives of the 9th-cent. Popes. 1995. P. X). Однако Ф. Бугар пришел к выводу, что папские биографии VIII–IX вв. создавались сотрудниками 2 ведомств — канцелярии и вестиирии, к-рые отвечали за составление нарративных и документальных разделов. Работники канцелярии писали вводную часть биографии и передавали в вестиирий, где к ней на основе адм. и финансовых документов добавляли сведения о строительстве храмов, благотворительности и т. д., расположенные в хронологическом порядке. После этого текст возвращали нотариам, задачей к-рых было описать др. аспекты деятельности понтифика. Эта работа вызывала наибольшие трудности, поэтому нарративная часть нек-рых биографий осталась незавершенной (*Bougard F. Composition...* // *Liber*. 2009. P. 129–131).

Во 2-й пол. IX в. характер папских биографий изменился. По мнению большинства исследователей, в создании жизнеописаний *Николая I* (858–867) и *Адриана II* (867–872) принимали участие опытные авторы, способные составить подробное и последовательное повествование, напоминающее агиографические сочинения. Возможно, автором био-

графии *Николая I* или по крайней мере ее части был *Анастасий Библиотекарь* (*Vogel*. 1975. P. 110). Др. исследователи приписывали биографии *Николая I* и *Адриана II* рим. агиографу *Иоанну Иммониду* (*Иоанну Диакону*) (*Bougard F. Composition...* // *Liber*. 2009. P. 132–133). По мнению К. Херберса, в создании биографии *Адриана II* принимали участие оба автора (*Herbers K. Agir et écrire: Les actes des papes du IXe siècle et le Liber pontificalis* // *Ibid.* P. 117). В биографии *Адриана II* описаны только первые 3 года понтификата (изложение прерывается на 870 г.). При *Иоанне VIII* (872–882) составление папских жизнеописаний прекратилось. Это могло быть вызвано ухудшением обстановки как в Италии (политическая нестабильность, междоусобицы правителей), так и в самом Риме, где обострилась борьба за власть между группировками, состоявшими из чиновников папской курии и представителей знати (см. *Формоз*, папа Римский). В 3 рукописях сохранилась неполная биография папы *Стефана V (VI)* (885–891), в к-рой описываются события 885–886 гг. Текст содержит лакуны и обрывается на середине фразы.

Рукописи и издания. В изданиях Дюшена и Моммзена учтено не менее 70 рукописей Л. Р. (описание см.: LP. T. 1. P. CLXIV–CCIII; *Gesta*. 1898. P. LXIX–CI), к-рые исследователи распределили по 3 «классам» (подробнее см.: LP. T. 1. P. CCVII–CCXXX; *Gesta*. 1898. P. CX–CXXXV). Несмотря на то что Дюшен и Моммзен работали независимо друг от друга, их наблюдения относительно рукописной традиции Л. Р. в основном совпадают. Древнейшая известная рукопись Л. Р. была создана в 90-х гг. VII в. в аббатстве Боббио; от нее сохранились 8 сильно поврежденных листов, текст обрывается на биографии *Анастасия II* (Near. IV A 8. Fol. 40r – 47v). Лучшей рукописью Л. Р. Дюшен и Моммзен считали манускрипт, созданный на рубеже VIII и IX вв. в Лукке (*Lucsa. Bibl. capit.* 490); он включает биографию Римских пап до *Константина* (708–715), на вставных листах почерком IX в. добавлены жизнеописания более поздних понтификов до *Адриана I* (772–795). В рукописи из Лукки представлен текст Л. Р. «класса А», к-рый, как полагали исследователи, точнее всего воспроизводит авторскую версию. Поэтому Дюшен

и Моммзен положили этот текст в основу подготовленных ими изданий памятника. Состав рукописей Л. Р. неодинаков, т. к. сборник регулярно дополнялся новыми биографиями. Поэтому основная часть Л. Р. (жизнеописания понтификов I–VI вв.) содержится во всех манускриптах, а рукописей, в к-рые включены папские биографии IX в., намного меньше. Согласно Бугару, самая распространенная версия Л. Р. завершалась жизнеописанием папы Стефана II (III) (752–757); она содержится в половине рукописей сборника, созданных в VIII–IX вв. Биографии Николая I и Адриана II сохранились всего лишь в 4 манускриптах (см.: *Lives of the 8th-cent. Popes*. 1992. P. XVI–XXI; *Lives of the 9th-cent. Popes*. 1995. P. XIII–XIV; *Bougard F. Composition...* // *Liber*. 2009. P. 143–144).

Первоначально Л. Р. не имела названия. В ранних рукописях сборник именовался «Книга епископов» или «Епископская книга» (*Liber episcopalis*; *Episcopale* в ркп. Lucca. Bibl. capit. 490), иногда — «Епископская книга, в которой содержатся деяния блаженных понтификов города Рима». Начиная с эпохи Каролингов сборник чаще всего называли «Деяния (Римских) понтификов» (*Gesta pontificum* (*Romanorum*), *Gesta pontificalia*), а также «Хроника понтификов» (*Chronica pontificum*). В сочинениях Гинкмара Реймского встречаются наименования «*Gesta pontificum*» и «*Liber episcopalis*». Название «*Liber Pontificalis*» появляется в рукописях с XII в. и получает широкое распространение в XV в. благодаря гуманисту Платине (1421–1481) (*Arnaldi*. 1963). Это название было использовано в издании Дж. Виньоли и утвердилось в лит-ре после издания Дюшена (см.: *Vogel*. 1975. P. 99–100). Во мн. средневек. рукописях Л. Р. приписывалась папе Дамасу I; эта атрибуция содержится в «Хронике пап и императоров» Мартина из Троппау († 1278) и в трудах более поздних авторов. Л. Р. была впервые издана иезуитом Яном Бейсом (Иоанном Бузеусом) как сочинение Анастасия Библиотекаря («Жизнеописание Римских понтификов от блаженного апостола Петра до Николая I». Майнц, 1602). Эта атрибуция сохранена в издании Ф. Бьянкини (*Anastasio Bibliothecarii De vitis Romanorum pontificum*. R., 1718–1735. 4 t.; переизд.: PL. 127–128), но отсутствует в издании Виньоли (*Vignolius J.*

Liber Pontificalis seu de Gestis Romanorum pontificum. R., 1724–1755. 3 t.) (об изданиях XVII–XIX вв. см.: LP. T. 2. P. LV–LXIV; DACL. T. 9. Pt. 1. Col. 449–453). Полное критическое издание Л. Р., снабженное подробным историческим и текстологическим комментарием, впервые осуществил Дюшен в 1886–1892 гг. (в 1957 под ред. Фогеля был издан 3-й том, в который вошли ранее не опубликованные заметки Дюшена, дополнения и указатели). В 1898 г. в сер. *Monumenta Germaniae Historica* была опубликована 1-я часть издания Моммзена, включавшая биографии Римских пап до Константина (708–715). В ней отсутствует комментарий, но описание рукописей и критический аппарат отличаются большей подробностью, чем в издании Дюшена.

Влияние на средневековую литературу. Л. Р. получила широкое распространение в империи Каролингов начиная с рубежа VIII и IX вв. (*Buchner*. 1926). Большинство рукописей сборника происходит из Франции, Италии и Зап. Германии (*Bougard F. Composition...* // *Liber*. 2009. P. 144). Для франков Л. Р. была важнейшим источником сведений об истории Римской Церкви; в рукописях она содержится среди исторических, агиографических и канонических текстов. Особое значение придавалось сведениям, относившимся к установлению дружественных отношений между Папским престолом и Франкским гос-вом в VIII в. (*McKitterick R. History and Memory in the Carolingian World*. Camb.; N. Y., 2004. P. 32–33, 142–150). Некоторые франкские клирики стремились получить новейшие версии Л. Р. Так, в 866 г. Гинкмар Реймский попросил Санского архиеп. Эгилона привезти из Рима дополненную версию Л. Р. (MGH. Epist. T. 8. Pars 1. P. 194, 212). Каноник Флодоард Реймский, посетивший Рим в 936–937 гг., получил там текст сборника, к-рый завершался жизнеописанием Николая I. В рукописях сохранилось большое количество сокращенных версий Л. Р. (LP. T. 1. P. CCIII–CCVI; *Gesta*. 1898. P. CI–CV). Мон. *Аббон из Флёрри* составил эпитому сборника, в которую вошли биографии Римских пап до Григория II включительно (*Gantier L.-M. L'abrégé comme mode de transmission du «Liber pontificalis»: L'«Excerptum de gestis Romanorum pontificum» d'Abbon de Fleury*

(vers 996) // *Liber*. 2009. P. 153–177). Редакция Л. Р., созданная Адемаром Шабаннским (ок. 1030), завершается жизнеописанием Льва IV (см.: LP. T. 1. P. CLXXX–CLXXXV). В годы понтификата Григория VII (1073–1085) было составлено «Сочинение о жизни Римских понтификов» («Псевдо-Лиутпранд»), в к-ром повествование доведено до кончины папы Формоза (891–896); его автором мог быть Беннон II, еп. Оснабрюка. Эпитомы Л. Р. были составлены Ламбертом, каноником из Сент-Омера (ок. 1120; см.: LP. T. 1. P. CLXXXV–CLXXXVII), и мон. *Ордериком Виталием* (включена в «Церковную историю», заверш. ок. 1140). Между 1119 и 1125 гг. особая редакция Л. Р. была создана в Англии, вероятно, *Уильямом из Малмсбери* (*Thomson*. 1978).

В эпоху Каролингов Л. Р. послужила образцом для многочисленных лит. произведений в жанре «деяний» — сочинений об истории епископских кафедр и мон-рей в виде последовательных жизнеописаний епископов и аббатов (*Sot*. 1981; *Kaiser*. 1994). В них подчеркивается непрерывная преемственность прелатов, приводится обоснование прав и привилегий кафедр и монашеских обителей, поэтому в тексты нередко включали грамоты и другие архивные документы. Самым ранним из этих произведений считается «Книга о Мецских епископах» (*Liber de episcopis Mettensibus*), составленная Павлом Диаконом предположительно между 783 и 785 гг. В XII в. она была положена в основу «Деяний Мецских епископов», к-рые дополнялись до XVI в. (см.: *Hari A. Ecrire l'histoire des évêques de Metz au Moyen Âge: Les «gesta episcoporum» messins de la fin du VIIIe à la fin du XIVe siècle*: Diss. Metz, 2010. 2 vol.). «Деяния Осерских епископов» (*Gesta pontificum Autissiodorensium*), созданные в 70-х гг. IX в., дополнялись до кон. XVII в. В сер. X в. под влиянием Л. Р. каноник Флодоард написал «Историю Реймской Церкви». На герм. землях самым известным сочинением в этом жанре стали «Деяния епископов Гамбургской Церкви», составленные в 70-х гг. XI в. каноником *Адамом Бременским*. Среди монастырских исторических произведений выделяются «Деяния Фонтенельских аббатов», или «Деяния святых отцов из Фонтенеля» (1-я пол. IX в.), и «История монастыря св. Галла» (*Casus Sancti Galli*),

написанная в *Санкт-Галлене* мон. Ратбертом после 884 г. и в посл. дополнявшаяся разными авторами до нач. XIII в. Начиная с IX в. подобные сочинения были созданы при мн. епископских кафедрах и в крупных мон-рях Франции и Германии. Среди итал. «деяний» наиболее известна «Книга понтификов Равеннской Церкви», составленная пресв. и аббатом Агнеллом, вероятно, в 30–40-х гг. IX в. (о влиянии Л. Р. на сочинение Агнелла см.: *Agnellus of Ravenna. The Book of Pontiffs of the Church of Ravenna / Transl. D. M. Deliyannis. Wash., 2004. P. 20–29; Agnelli Ravennatis Liber pontificalis ecclesiae Ravennatis / Ed. D. M. Deliyannis. Turnhout, 2006. P. 34–39. (CCCM; 199)*). Между сер. IX и нач. X в. неск. авторами были созданы «Деяния Неаполитанских епископов» (*Granier Th. La difficile genèse de l'«Histoire des évêques de Naples» (milieu du IXe – début du Xe siècle): Le scriptorium et la famille des évêques // Liber. 2009. P. 265–282*). «Хроника Аквилейских патриархов», составленная в IX в., дополнялась до нач. XV в.

Поздние редакции и дополнения. В кон. IX в. создание папских биографий для Л. Р. прекратилось. Сохранились перечни Римских епископов, составленные в X–XI вв., в которых указывалась продолжительность понтификата, иногда — происхождение папы и др. сведения. По мнению И. Джорджи и П. Феделе, эти перечни восходят к списку понтификов из аббатства *Фарфа*. Однако Дюшен пришел к выводу, что большинство перечней происходит из Рима и лишь некоторые могли быть составлены в *Фарфе* (LP. T. 2. P. IX–XX; *Duchesne. 1913; Idem. 1920*).

Л. Р. вновь стала объектом внимания итал. церковных деятелей лишь после *григорианской реформы*. Так, св. *Петр Дамиани* использовал ее в полемике с антипапой *Гонорием II* (*Petri Damiani Disceptatio Synodalis // MGH. Lib. T. 1. P. 79*). В 30-х гг. XII в. была завершена новая редакция Л. Р., созданная, вероятно, сотрудниками папской курии, среди которых мог быть кард. Пандульф († после 1138), написавший продолжение (*Franklin. 2013. P. 11–12*). В этой редакции биографии Римских епископов от ап. Петра до Стефана II (III) (752–757) воспроизведены без изменений; от *Павла I* (757–767) до *Адриана II* (867–872) значительно сокращены; к ним добавлены анноти-

рованный перечень понтификов от Иоанна VIII до *Дамаса II* (1048), а также краткие биографии Римских пап от *Льва IX* до *Урбана II* (1088–1099). Редакция завершается подробными жизнеописаниями *Пасхалия II* (1099–1118), *Геласия II* (1118–1119), *Каллиста II* (1119–1124) и *Гонория II* (1124–1130). Дюшен считал автором этих биографий кард. Пандульфа, сторонника антипапы *Анаклета II*; по мнению Ж. Марка, Пандульф составил только последние 3 текста, а биография Пасхалия II принадлежит др. автору, работавшему вскоре после кончины понтифика (см.: *Vogel. 1975. P. 121–127*). У. Пршевовский поддержал т. зр. Дюшена, но др. исследователи отстаивают правоту Марка (*Franklin. 2013. P. 11*). По-видимому, позиция Пандульфа в конфликте между папой *Иннокентием II* и Анаклетом II стала причиной того, что его редакция Л. Р. не использовалась в Римской курии. Текст этой редакции был обнаружен Марком лишь в 1910 г. в рукописи, предположительно созданной в кон. XII в. в аббатстве Псалмоди (*Tortosa. Catedr. 246; изд.: Liber Pontificalis. 1925. P. 131–217*). Редакция Пандульфа была переработана мон. Пьером Гийома, библиотекарем аббатства Сен-Жиль; этот текст содержится в рукописи, созданной в 1142 г. в приорате Сен-Жиль-д'Аси (*Vat. lat. 3762*). В манускрипте сохранились глоссы историка и юриста Ландольфо Колонны († 1331), сотрудника папской канцелярии Джованни Каваллини деи Черрони († 1349) и канониста Пьера Бойе (Буае), еп. Орвието († 1388). Глоссы Бойе содержатся также в рукописи *Vat. Barber. lat. 584* (копия манускрипта Пьера Гийома, выполненная Бойе); в них Л. Р. рассматривается как источник канонического права: Бойе использовал прецеденты, заимствованные из папских биографий, чтобы доказать необходимость реформы Церкви.

«Деяния Римских понтификов» — др. редакция Л. Р., составленная кард. Бозоном, племянником папы *Адриана IV*. В нее включены краткие биографии понтификов X–XI вв., основанные гл. обр. на сочинениях «Кругу» и «Книга о христианской жизни» Бонизона, еп. Сутри, а также оригинальные жизнеописания Римских пап от Геласия II (1118–1119) до *Александра III* (1159–1181) (изд.: LP. T. 2. P. 351–446; см.: *Ibid. P. XXXVII–XLIII*). Редакция кард. Бозона со-

держится в нек-рых рукописях «*Liber Censuum*», составление к-рой было завершено в 1192 г. кард. Ченчо (в посл. папа *Гонорий III*).

После XII в. в распоряжении сотрудников папской курии не было текста первоначальной версии Л. Р. Жизнеописания *Иннокентия III* и нек-рых его преемников, составленные в XIII в., представляют собой самостоятельные произведения, не связанные с Л. Р. (см.: LP. T. 2. P. XLIV). Источниками сведений об истории папства служили энциклопедический свод Винцентия из Бове († ок. 1264), «Хроника пап и императоров» Мартина из Троппау, основанные на Л. Р., и др. произведения, в т. ч. «Перлы хроник» (*Flores chronicorum*) доминиканца Бернара Ги, «Церковная история» доминиканца Толмео из Лукки, «Деяния Римских понтификов» папского капеллана августинца Амальрика Оже и сборник папских биографий, составленный премонстрантом Петром из Херенталса. Новые жизнеописания, продолжавшие Л. Р., стали появляться только после того, как Л. Колонна привез в Рим рукопись *Vat. lat. 3762*, в к-рой сохранился текст памятника в редакции Пьера Гийома. На основе этой рукописи и ее копии *Vallisc. C 79* сотрудники папской курии составили ряд дополнений, сохранившихся в манускриптах XV–XVI вв. Эти биографии различаются объемом текста и степенью детализации, но, как правило, в них не дается полного обзора деятельности понтифика; их важнейшие источники — сочинения Мартина из Троппау и Бернара Ги. Наиболее подробно описана история «великой схизмы» и обстоятельства ее преодоления. Большинство дополнений завершаются жизнеописанием *Мартина V* (1417–1431); самая поздняя версия, составленная при папе *Пии II* (1458–1464), включает его краткую биографию (изд.: LP. T. 2. P. 447–560; см.: *Ibid. P. XLV–LI*). По поручению папы *Сикста IV* Платина составил «Книгу о жизни Христа и всех понтификов» (между 1471 и 1474; изд. в 1479) — последний из сборников биографий Римских пап, созданных по образцу Л. Р. Кроме Л. Р. Платина использовал «Церковную историю» Толмео Луккского и «Исторические декады от падения Римской империи» Ф. Бьондо в редакции кард. Энеа Сильвио Пикколomini (папы Пия II) (см.: *Merisalo. 1982*).

Истр.: LP. 3 t.; Gesta Pontificum Romanorum. Vol. 1: Liber Pontificalis. Pars 1 / Ed. Th. Mommsen. B., 1898. (MGH); The Book of Pontiffs (Liber Pontificalis): The Ancient Biographies of the First Ninety Roman Bishops to AD 715 / Transl. R. Davis. Liverpool, 2000²; The Lives of the 8th-Century Popes (Liber Pontificalis): The Ancient Biographies of Nine Popes from AD 715 to AD 817 / Transl. R. Davis. Liverpool, 1992; The Lives of the 9th-Century Popes (Liber Pontificalis): The Ancient Biographies of Ten Popes from AD 817–891 / Transl. R. Davis. Liverpool, 1995; Le Livre des papes: Liber pontificalis (492–891) / Trad. M. Aubrun. Turnhout, 2007; Liber Pontificalis prout exstat in codice manuscripto Dertusensi textum genuinum complectens hactenus ex parte ineditum Pandulphi scriptoris pontificii / Ed. I. M. March. Barcinone, 1925; Liber Pontificalis nella recensione di Pietro Guglielmo OSB e del card. Pandolfo glossato da Pietro Bohier, vescovo di Orvieto / Ed. U. Přerovský. R., 1978. 3 vol.

Лит.: Duchesne L. Étude sur le Liber Pontificalis. P., 1877; *idem*. La date et les révisions du Liber Pontificalis // RQH. 1879. T. 26. P. 493–530; *idem*. L'historiographie pontificale au VIIIe siècle // MAH. 1884. T. 4. P. 232–273; *idem*. La nouvelle édition du «Liber Pontificalis» // Ibid. 1898. T. 18. P. 381–417; *idem*. Serge III et Jean XII // Ibid. 1913. T. 33. P. 25–55; *idem*. Le «Liber Pontificalis» aux mains des Guibertistes et des Pierléonistes // Ibid. 1920. T. 38. P. 165–193; *Giorgi I.* Appunti intorno ad alcuni manoscritti del «Liber Pontificalis» // ARSRSP. 1897. Vol. 20. N 3/4. P. 247–312; *idem*. Biografie farfensi di papi del X e del XI secolo // Ibid. 1916. Vol. 39. N 3/4. P. 513–536; *Levison W.* Englische Handschriften des Liber Pontificalis // NA. 1910. Bd. 35. S. 333–431; *idem*. Die Papstgeschichte des Pseudoliudprand und der Codex Farnesianus des Liber Pontificalis // Ibid. 1911. Bd. 36. S. 415–438; *Poole R. L.* Lectures on the History of the Papal Chancery down to the Time of Innocent III. Camb.; N. Y., 1915. P. 166–170; *Buchner M.* Zur Überlieferungsgeschichte des «Liber Pontificalis» und zu seiner Verbreitung im Frankenreiche im 9. Jh. // RQS. 1926. Bd. 34. S. 141–165; *Caspar E.* Die älteste Römische Bischofsliste. B., 1926. (Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft. Geisteswissenschaftliche Kl.; Bd. 2. H. 4); *Leclercq H.* Liber Pontificalis // DACL. T. 9. Pt. 1. P. 354–460; *Billanovich G.* Gli umanisti e le cronache medioevali: Il «Liber Pontificalis», le «decadi» di Tito Livio e il primo umanesimo a Roma // Italia medioevale e umanistica. Padova, 1958. Vol. 1. P. 103–137; *Arnaldi G.* Come nacque la attribuzione ad Anastasio del «Liber Pontificalis» // BISI. 1963. Vol. 75. P. 321–343; *Croquisson J.* L'iconographie chrétienne à Rome d'après le «Liber Pontificalis» // Byz. 1964. T. 34. P. 535–606; *Bertolini O.* Il Liber Pontificalis // La storiografia altomedievale. Spoleto, 1970. P. 387–455; *Llewellyn P.* Le indicazioni numeriche del «Liber Pontificalis» relativamente alle ordinazioni del V secolo // RSChIt. 1975. Vol. 29. P. 439–452; *Vogel C.* Le Liber Pontificalis dans l'édition de Louis Duchesne: État de la question // Mgr Duchesne et son temps. R., 1975. P. 99–127; *Arnaldi G. et al.* Intorno al Liber Pontificalis // Mgr Duchesne et son temps. R., 1975. P. 129–140; *Thomson R. M.* William of Malmesbury's Edition of the «Liber Pontificalis» // AHPont. 1978. Vol. 16. P. 93–112; *Sot M.* Gesta episcoporum, gesta abbatum. Turnhout, 1981. (TSMAO; 37); *Merisalo O.* Platina et le «Liber Pontificalis»: Un humaniste devant un texte médiéval // Arctos. N. S. Helsinki, 1982. Vol. 16. P. 73–97;

Noble T. F. X. A New Look at the Liber Pontificalis // AHPont. 1985. T. 23. P. 347–358; *idem*. Literacy and the Papal Government in Late Antiquity and the Early Middle Ages // The Use of Literacy in Early Mediaeval Europe / Ed. R. McKitterick. Camb., 1990. P. 82–108; *Geertman H.* Nota sul Liber Pontificalis come fonte archeologica // Quaeher inventus colitur: Miscellanea in onore di padre U. M. Fasola. Vat., 1989. T. 1. P. 347–361; *idem*. «Hic fecit basilicam»: Studi sul Liber Pontificalis e gli edifici ecclesiastici di Roma da Silvestro a Silverio. Leuven, 2004; *Salzman M. R.* On Roman Time: The Codex-Calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity. Berkeley, 1990; *Piazzoni A. M.* Biografie dei papi del sec. X nelle continuazioni del «Liber pontificalis» // Lateinische Kultur im X. Jh.: Akten des I. Intern. Mittellateinerkongr., Heidelberg. 12–15. IX. 1988 / Hrsg. W. Berschin. Stuttgart, 1991. S. 369–382; *Daileader P.* One Will, One Voice, and Equal Love: Papal Elections and the «Liber Pontificalis» in the Early Middle Ages // AHPont. 1993. Vol. 31. P. 11–31; *Kaiser R.* Die Gesta episcoporum als Genus der Geschichtsschreibung // Historiographie im frühen Mittelalter / Hrsg. A. Scharer, G. Scheibelreiter. W.; Münch., 1994. S. 459–480; *Deliyannis D. M.* A Biblical Model for Serial Biography: The Books of Kings and the Roman Liber Pontificalis // RBen. 1997. T. 107. P. 15–23; *eadem*. The Roman Liber Pontificalis, Papal Primacy, and the Acacian Schism // Viator. Turnhout, 2014. Vol. 45. N 2. P. 1–16; *Schreiner P.* Der Liber Pontificalis und Byzanz: Mentalitätsgeschichte im Spiegel einer Quelle // Forschungen zur Reichs-, Papst- und Landesgeschichte: Peter Herde zum 65. Geburtstag / Hrsg. K. Borchardt, E. Bünz. Stuttg., 1998. Bd. 1. S. 33–48; *Ballardini A.* Dai «Gesta» di Pasquale I secondo il «Liber Pontificalis» ai «monumenta» iconografici delle basiliche romane di Santa Prassede, Santa Maria in Domnica e Santa Cecilia in Trastevere // ARSRSP. 1999. Vol. 122. P. 5–67; *Herbers K.* Zu Mirakeln im Liber Pontificalis des 9. Jh. // Mirakel im Mittelalter: Konzeptionen, Erscheinungsformen, Deutungen / Hrsg. M. Heinzelmann et al. Ostfildern, 2002. S. 114–134; *idem*. Le Liber Pontificalis comme source de réécritures hagiographiques (IXe–Xe siècles) // La réécriture hagiographique dans l'Occident médiéval: Transformations formelles et idéologiques / Ed. M. Goulet, M. Heinzelmann. Ostfildern, 2003. P. 87–107; *idem*. Das Bild Papst Leos III. in der Perspektive des Liber pontificalis // Erzbischof Arn von Salzburg / Hrsg. M. Niederkorn-Bruck, A. Scharer. W.; Münch., 2004. S. 137–154; *idem*. Das Ende des alten Liber pontificalis (886): Beobachtungen zur Vita Stephans V. // MIOG. 2011. Bd. 119. S. 141–145; *idem*. Zu frühmittelalterlichen Personenbeschreibungen im «Liber pontificalis» und in römischen hagiographischen Texten // *Idem*. Pilger, Päpste, Heilige: Ausgewählte Aufsätze zur europäischen Geschichte des Mittelalters. Tüb., 2011. S. 149–169; *Orth P.* Papstgeschichte im 11. Jh.: Fortsetzung, Bearbeitung und Gebrauch des Liber Pontificalis // Latin Culture in the 11th Century: Proc. of the 3^d Intern. Conf. on Medieval Latin Studies / Ed. M. W. Herren et al. Turnhout, 2002. Vol. 2. P. 258–280; Il Liber Pontificalis e la storia materiale: Atti del colloquio intern., Roma, 21–22 Febbraio 2002 / Ed. H. Geertmann. R., 2003; *Bauer F. A.* Das Bild der Stadt Rom im Frühmittelalter: Papststiftungen im Spiegel des Liber Pontificalis von Gregor III. bis zu Leo III. Wiesbaden, 2004; *Blair-Dixon K.* Memory and Authority in 6th-cent. Rome: The «Liber Pontificalis» and the «Collectio Avellana» // Religion, Dy-

nasty and Patronage in Early Christian Rome, 300–900 / Ed. K. Cooper, J. Hillner. Camb.; N. Y., 2007. P. 59–76; *Cuppo Csaki L.* I pontifices di Costantinopoli nel «Liber pontificalis» del 7. sec.: Note sul cod. BAV, Vat. lat. 3764 // RSLR. 2007. Vol. 43. P. 359–372; *Sotinel C.* Mémoire perdue ou mémoire manipulée: Le Liber pontificalis et la controverse des Trois Chapitres // L'usage du passé entre Antiquité tardive et haut Moyen Âge: Hommage à B. Beaujard / Éd. C. Sotinel, M. Sartre. Rennes, 2008. P. 59–76; *Capo L.* Il Liber Pontificalis, i longobardi e la nascita del dominio territoriale della Chiesa romana. Spoleto, 2009; *Liber, Gesta, histoire: Écrire l'histoire des évêques et des papes de l'Antiquité au XXIe siècle* / Éd. F. Bougard, M. Sot. Turnhout, 2009; *McKitterick R.* Roman Texts and Roman History in the Early Middle Ages // Rome across Time and Space: Cultural Transmission and the Exchange of Ideas, c. 500–1400 / Ed. C. Bolgia, R. McKitterick, J. Osborne. Camb., 2011. P. 19–34; *Verardi A. A.* La genesi del Liber Pontificalis alla luce delle vicende della città di Roma tra la fine del V e gli inizi del VI secolo: Una proposta // Riv. di storia del cristianesimo. Brescia, 2013. Vol. 10. N 1. P. 7–28; *Franklin C. V.* History and Rhetoric in the Liber Pontificalis of the 12th Century // J. of Medieval Latin. Turnhout, 2013. Vol. 23. P. 1–33; *Blau-deau Ph.* Narrating Papal Authority (440–530): The Adaptation of «Liber Pontificalis» to the Apostolic See's Developing Claims // The Bishop of Rome in Late Antiquity / Ed. G. D. Dunn. Farnham; Burlington, 2015. P. 127–140.

A. A. Королёв

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ТЕОЛОГИЯ

[от лат. liber, liberalis – свободный, ничем не связанный, достойный свободного человека], направление в протестант. богословии кон. XIX–XX в., в основе к-рого лежат антропоцентризм, главенство непосредственного религ. опыта, отказ от необходимой связи богословия с догматическими определениями и жизнью Церкви. Широкое распространение Л. т. получила в Германии и США, ее идеи были также восприняты представителями движения социального евангелизма в Европе (Л. Рагаз, Г. Куттер) и в Америке (У. Раушенбуш, Ш. Мэтьюс). Менее существенное влияние Л. т. имела во Франции (Л. О. Сабатье) и в Швейцарии (А. Э. Бидерман).

Некоторые совр. исследователи вписывают Л. т. в более широкую «либерально-богословскую традицию», имевшую место на протяжении всей истории христианства (мч. *Иустин Философ*, *Ориген*, *Иоанн Скот Эриугена*, *Петр Абеляр*, *Б. Спиноза*, *Дж. Локк*, *Кембриджские платоники*, деясты (см. ст. *Дейзм*). Понимая Л. т. в узком смысле, в ее историческом развитии можно выделить следующие этапы: 1) формирование (с 90-х гг. XVIII в. по 40-е гг. XIX в.); 2) распространение (с 50-х по 80-е гг. XIX в.); 3) расцвет (с 90-х гг. XIX в.

до начала первой мировой войны); 4) упадок и растворение в др. богословских направлениях (после первой мировой войны до нач. XXI в.). Несмотря на то что к 20-м гг. XX в. доверие к Л. т. было подорвано, ее интуиции и подходы были восприняты в XX в. представителями некоторых других богословско-философских направлений: неолиберализма (Р. Нибур, П. Тиллих) и постлиберализма (Дж. Линдбек), «совершеннолетия мира» (Д. Бонхёффер, У. Гамильтон, Т. Альтицер), радикальной ортодоксии (Дж. Милбанк), феминистской теологии (Э. Шюслер Фьоренца, Р. Радфорд Рютер), теологии процесса и освобождения. Начавшиеся издания полных критических собраний сочинений Ф. Э. Д. Шлейермахера (с 1984) и Э. Трёльча (с 1998) способствовали возрождению интереса к Л. т. Ее идеи особо востребованы в процессах межрелиг. и межкультурного диалога, выводящих на первый план социально-культурный аспект христианства.

Л. т. была «ребенком двух родителей»: от Просвещения она унаследовала доверие к разуму, находящемуся в континуальной связи с откровением, гуманистический индивидуализм, этицизм, демократизм, оптимизм и недоверие к метафизическим системам; от христианства — признание необходимости божественного посредничества Иисуса Христа в деле спасения, важности христ. опыта и христ. миссии (Dorrien. 2003. Vol. 2. P. 10–11). Представители Л. т. были обеспокоены растущим безразличием к христианству в обществе, они предприняли попытку проложить срединный путь между антирелиг. догматизмом новоевроп. рационализма и буквалистским догматизмом протестант. ортодоксии, неизбежно ведущих друг к другу. Чтобы быть услышанными в эпоху господства науки, представители Л. т. стремились опереться на столь же эмпирически очевидное и проверяемое, как научный факт. Таким стало для них религ. априори, означающее, что человек не может не быть религиозным. Они с оптимизмом взялись за демонстрацию присутствующего в совр. культуре глубинного религ. измерения, находящего свое высшее осуществление в христианстве. Т. о., Л. т. представляет собой внутренне ограниченную попытку выхода из религ. кризиса, имевшего место в ситуации смены культурно-историчес-

ких парадигм — конца Нового времени и начала Новейшей эпохи. Ограниченность заключалась в том, что ее представители стремились преодолеть кризис, опираясь на те же идеи Нового времени, к-рые к нему привели. После основательной критики К. Барта и др. представителей *диалектической теологии* и протестант. неоортодоксии в 20-х гг. XX в. отношение к Л. т. в Европе стало негативным. Однако при ее оценке необходимо учитывать переломную историческую ситуацию, серьезность и необычность обсуждаемых вопросов, имеющих важное значение для понимания последующих процессов в зап. богословии.

Основные черты. Л. т. не была школой со строго определенным набором положений. Ее представитель обьединял широкий комплекс богословских, социально-культурных, исторических идей, вслед. чего по нек-рым вопросам их взгляды могли принципиально не совпадать. Однако можно выделить основной каркас интуиций и положений, вокруг к-рых вращалась мысль либеральных богословов.

1. Христианство понималось как высшая религия, в к-рой Боговоплощение в Иисусе Христе представляет предельное и недоступное в опыте др. религий божественное откровение о мире и человеке. Обеспокоенные возможностью выживания христианства в будущем, представители Л. т. хотели его конструктивно реформировать, представить в соответствующем духу эпохи виде. Черпая вдохновение в радикальном опыте Реформации с ее недоверием к церковной традиции, переносом внимания на Божественное всемогущество и отдельного человека, либеральные богословы полагали, что решают актуальные вопросы в соответствии с истинным христ. учением.

2. Принималось положение о том, что человек «по природе религиозен», т. е. обладает религ. априори, в силу к-рого может обнаружить непосредственное касание божественного. Внутренний опыт, чувство, интуиция стали определяющими моментами, вовлекающими в свою орбиту богословские построения. Л. т. была антропоцентрична, т. к. стремилась выстраивать богословие «от человека», в идеале — «от каждого человека». Высшим нормативным критерием становился человек в единстве его социокультурных взаимосвязей.

3. На первый план выдвигалось положение о богосыновстве человечества и о Боге Отце, милостиво взвращающем на Свое творение. Богосыновство подразумевало континуальность отношения между человеком и Богом и имманентность Бога миру. Следствием становилось представление об освящении природного миропорядка и человеческой деятельности, о том, что Царство Божие уже осуществляется на земле. Совр. эпоха признавалась в качестве высшей, в к-рой человек осознаёт стоящие перед ним духовные задачи и обладает всеми средствами для достижения Царства Божия.

4. Открытость новому опыту и новым исследовательским подходам; признание высшей компетенции разума в деле построения богословской доктрины — разума автономного, критичного, опирающегося на внутренний опыт человека, а не на внешний авторитет Церкви, Свящ. Писания, традиции и призванного к открытию новых аспектов христ. истин и существования. Представители Л. т. были рационалистичны: признавая первичным интуитивный опыт, они полагали, что в опоре на этот опыт у разума нет пределов в понимании отношения между человеком и Богом.

5. Рационалистическая критика христ. догматов, традиции и церковной практики, к-рые принимались за истинные только в том случае, если находили подтверждение в человеческом разуме. Гносеологический антропоцентризм и стремление к рационализации вели к редуционистскому подходу в понимании основных вероучительных определений, отсекающему все «непонятное», случайное и затеняющее «простую и ясную сущность христианства» (А. фон Гарнак). Осознание прогрессивной изменчивости в качестве глубинного фактора существования человека и мира вело к утверждению изменчивости догматических формулировок и к работе по их уточнению. Это приводило к тому, что: а) *аллегорическое толкование* становилось единственным способом прочтения Свящ. Писания; б) Боговоплощение понималось исключительно «духовно»: человек Иисус являл пример полного подчинения Божественному Духу, в силу чего и был назван Христом; в) в понимании спасения господствовал оптимистический этицизм: свободное нравственное действие

человека признавалось имеющим первостепенное значение в обретенном спасении, нравственность представляла в качестве непосредственного действия Бога в человеке и прямого пути к спасению, а Боговоплощение отождествлялось с проповедью Иисуса Христа и заключалось в этическом просветлении человечества; г) был утрачен апокалиптический горизонт: мысль об осуществлении Царства Божия в истории единения человека с Богом вытеснила на задний план учение о грехопадении и греховности человека; д) отрицалось особое божественное действие в откровении, к-рое отождествлялось с природным порядком; отрицались чудеса, церковные таинства, особый статус священства, Церкви как мистического организма, существующего по Божественному произволению; е) преобладал практический интерес к осуществлению Царства Божия, приравняемого к земному царству нравственности.

Ввиду высокой оценки творчества человека и культуры как средств божественного самооткровения Л. т. нередко именуют «культур-протестантизмом» (нем. Kulturprotestantismus; англ. cultural-protestantism). Однако большинством исследователей это признается «анахроничной интерпретацией» (см.: Chapman. 2001. P. 1; Rupp G. Culture-Protestantism: German Liberal Theology at the Turn of the XXth Century. Missoula, 1977), уводящей от глубинного смысла либерально-богословского движения. Более точным будет признать Л. т. вариантом «посредничающей теологии» (Vermittlungstheologie; mediating theology) (Г. Дорриен, П. Ходжсон, М. Гоккель) как поиска среднего пути между вечным и временным, верой и разумом, религией и культурой, традицией и новаторством. Представители Л. т. разделяли господствующие тенденции Нового времени: в богословии — имманентизм, в эпистемологии — эмпиризм, в антропологии — оптимизм, в философии истории — эволюционизм, выявляя закономерное наступление Царства Божия.

Предшественники. Нем. Л. т. XIX в. явилась наследницей мн. духовных движений. В Германии XVIII в. помимо традиц. богословия было заметно влияние *неологии*, представители которой, оставаясь в рамках христианства, стремились придать ему новый импульс. Опираясь на

идеи позднего Просвещения, И. Ф. В. Иерузалем, А. Ф. Зак, И. Шпальдинг, И. З. Землер сводили христ. учение к неск. положениям: к вере в Бога и Его провиденциальное попечение, бессмертие души и буд. блаженство, обретаемое в результате нравственной жизни. Целью их библейского критицизма было нахождение «истинного учения» Христа. Изучение Библии привело неологов к выводу, что она является результатом естественного исторического процесса, не подразумевающего особого божественного вмешательства.

Если неологи сосредоточили внимание на вопросе доктринальном, то представители *пиетизма* Н. Л. фон Цинцендорф, И. К. Лафатер, И. Г. Юнг-Штиллинг, И. Оберлин интересовались в первую очередь вопросом практическим — внутренним религ. возрождением человека, имеющим следствием высоконравственную и благочестивую деятельность. Личное благочестие, не всегда реализуемое в традиц. церковных формах, признавалось пиетистами определяющим для христианства, в свете чего все доктринальные формулировки и различия считались мало-существенными.

Трансцендентальная философия И. Канта предстает, с одной стороны, задавшей проблематику Л. т., а с другой — системой, проблемы и тупики к-рой она пыталась преодолеть, оставаясь внутри кантовской парадигмы. «Коперниканский переворот» Канта имел следствием упразднение традиц. метафизики и утверждение научного (в т. ч. богословского) знания, рождающегося «от человека». В работах Канта «Религия в пределах только разума» (1793) и «Спор факультетов» (1798) последовательно развивается положение о том, что автономная позиция разума должна предшествовать любым богословским утверждениям. Нравственность, будучи продуктом разума, становилась ключом к пониманию религии и признавалась «неизбежно ведущей к религии». Философское учение о вере считалось высшим, так что библейское свидетельство должно сложить перед ним полномочия. Богочеловек Иисус Христос превращался в учении Канта в «идею Бога», богопознание и благочестие — в интеллектуальную процедуру, а религия божественного дара — в религию человеческого интеллектуально-го усилия.

Признавая высшую компетенцию разума во всех проявлениях духа, Г. В. Ф. Гегель идет дальше Канта, утверждая, что «религия и философия совпадают» (Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии религии // Он же. Философия религии: В 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 220). Церковные догматы объяснялись в философском учении Гегеля в соответствии с его диалектической схемой; богочеловечество Иисуса Христа понималось как высшее действие Духа в человеке Иисусе; прогрессивное развитие осмыслялось в качестве уже реализуемого в истории Царства Божия, т. е. царства нравственности, к к-рому неминуемо идет человечество.

Разделяя идеи нем. романтиков, Шлейермахер переориентировал богословие на внутреннее чувство, сделал точкой отсчета человека. Он считал религию областью, предшествующей кантианскому разделению на теоретический и практический разум. Поэтому религия — это сфера, в которой научные суждения и рационалистическая критика не являются определяющими. В «Речах о религии к людям образованным, ее презирающим» (1799) Шлейермахер называет религию «чувством всеобщей зависимости», «чувством и вкусом к бесконечному» (Шлейермахер Ф. Речи о религии; Монологи. СПб., 1994. С. 273, 83). Следов., богословские построения лишь тогда заслуживают доверия, когда опираются на внутренний интуитивный опыт. На этом основании Шлейермахер переосмысливает мн. положения традиц. христ. учения: об Иисусе Христе, о божественном откровении, Свящ. Писании, чудесах. Поскольку «идея Божества вступает в наше сознание не иначе как в связи с идеей мира» (Там же. С. 283), то изменчивость мира подразумевает историческую изменчивость формулировок веры и требует от человека постоянного внутреннего усилия: «каждый должен смотреть собственными глазами и сам вносить лепту в сокровища религии, иначе он не заслуживает места в царстве религии и не получает его» (Там же. С. 139).

Историческое развитие и главные идеи. В Германии. Находившийся под влиянием немецкого идеализма Ф. К. Баур в работах «Христианский гнозис, или Христианская философия религии в ее историческом развитии» (Baur F. Ch. Die christliche Gnosis oder die christliche Religions-

Philosophie in ihrer geschichtlicher Entwicklung. Tüb., 1835) и «Введение в новозаветное богословие» (*Idem. Vorlesungen über neutestamentliche Theologie. Lpz., 1864*) представлял церковную историю как постоянно меняющуюся по форме, но по сути — как непрерывную борьбу между противоположными духовными установками и внутри христ. общины, и с внешними влияниями (петринизм и паулинизм, монархиане и ариане, гностицизм и монтанизм). Результатом этой борьбы становилось осуществление «синтетического», компромиссного решения с его последующими очередными раздвоениями и приведением к очередным синтезам. Свящ. Писание представляло текстом, несущим в себе следы борьбы и смешений, следов, требующим не прямого прочтения, а научной интерпретации, отделяющей истинное от ложного в нем.

Идеи Баура наследовал его ученик Д. Ф. Штраус, утверждавший, что правильно понятая гегелевская философия для христ. веры представляет собой даже большее основание, чем евангельская история. Штраус не придавал значимости историческому Иисусу, поскольку видел в Нем лишь проявление абстрактной «идеи человечности», «идеи Христа». Все мистическое и не подчинявшееся рационализации изгонялось из откровения. Штраус утверждал, что евангельские истории суть не действительные исторические события, а наивные, но одновременно глубокие представления истины с помощью поэтической способности и религ. чувства людей того далекого времени. Сущность христианства не в евангельских историях, в к-рых велика доля «мифологического и легендарного», а в вечных идеях, выражением к-рых являются эти евангельские истории. Основной задачей богословия становилась совр. интерпретация Писания. Этот подход был осуществлен Штраусом в «Жизни Иисуса» (*Strauß D. F. Das Leben Jesu, kritisch bearbeitet. Tüb., 1835–1836. 2 Bde*), в к-рой рождение христианства описывалось с историко-критической т. зр. без соотнесения с церковной догматикой.

Широкое распространение в Германии XIX в. получило движение опосредования, искавшее согласия между христ. верой и культурой, верой и разумом, Церковью и обществом. К 60-м гг. XIX в. его предста-

вители издавали несколько журналов. В состав этого движения входили К. И. Ницш, Р. Роте, К. Ульман, К. Либнер, Ю. Мюллер, одним из наиболее заметных среди них был И. А. Дорнер. Он принимал идею Шлейермахера о первостепенной важности религ. чувства и одновременно следовал за Гегелем в понимании богословского познания как диалектического процесса, направленного к знанию этическому, в котором исторически конкретное, соединяясь с универсальным, находит свое выражение в новой христ. личности, когда «живая вера имеет внутреннюю необходимость и стремление знать саму себя и свое собственное основание, и когда это происходит, к религиозной определенности добавляется научная определенность» (*Dorner I. A. System der christlichen Glaubenslehre. B., 1886². Bd. 1: Grundlegung oder Apologetik. S. 129–130*). Дорнер утверждал, что этические законы являются высшим способом присутствия Бога в мире: «Бог соучаствует в жизни творения на основании и посредством божественной этической неизменности» (*Ibid. S. 500*). При этом Дорнер выходил за рамки установок Гегеля, признавая первичность веры для богословия, и утверждал, что сознание греховности является более важным основанием для веры, нежели философское рассуждение.

Мыслителем, обладавшим в XIX в. наибольшим влиянием в протестантизме, был А. Ричль. Основной задачей богословия он считал создание всеохватной, тесно сплетенной системы «Бог—мир», в к-рой подобающее ей высокое место занимала бы человеческая личность. Ричль стремился преодолеть кантовский дуализм: непознаваемая вещь-в-себе превращалась у него в причину ее качественного воздействия, что подразумевало и определенное знание человеком самих вещей. И Бог, воздействовавший на людей в откровении Иисуса Христа, уже не является совершенно иным, но становится в Своих качествах открытым для нас. Ключевым стало различие Ричлем в кн. «Христианское учение об оправдании и примирении» теоретических суждений науки и ценностных суждений веры; в последних «определяющими являются нравственные ценности» (цит. по: *Reardon B. M. G. Religious Thought in XIXth Century. Camb., 1966. P. 147*). Метафизичес-

кая сущность Бога не может быть познана теоретически, наука выходит за свои пределы, когда пытается доказать «ценности Христа». Однако воздействие Его личности на историю может быть зафиксировано и подтверждено исторически в качестве «ценностных суждений» в жизни христ. общины. Важнейшей задачей становилось историческое исследование личности Иисуса Христа и ее воздействия на самосознание верующих, на первохристианскую общину. Это исследование, по Ричлю, вело бы к пониманию того, что Бог есть любовь, а христианство способствовало бы осознанию богосыновства и братства людей. В основе подхода Ричля лежало неразрывное единство 2 принципов — религиозного и этического, к-рые позитивно согласовывались с движением мировой истории. Царство Божие становилось идеей «объединения человечества, насколько возможно широкого и тесного, совершающегося через взаимное нравственное действие его членов, как действия, превышающего все исключительно природные и частные соображения» (*Нибур. 1996. С. 86*). По сути представленные Ричля «практически совпадали с кантовским царством необходимости» (Там же).

Одним из выдающихся представителей Л. т. был ученик Ричля Гарнак. Развивая идеи своего учителя, он полагал, что основой христианства является исторически реконструируемая личность Иисуса, и возлагал надежды на историко-критический метод, призванный открыть «первоначальное Евангелие Иисуса». Гарнак стремился представить «истинную сущность христианства», т. е. нечто «простое и ясное», доступное и находящее отклик в душе каждого человека. Вслед за Шлейермахером он отказывает разуму в качестве последнего судьи в богословии, не подрывая его значимости в др. областях. Свидетельством человеческого богосыновства для Гарнака было осуществляющееся в социальной практике единение Бога и мира. Гарнак полагал, что христ. религия дана «единственно в Слове Божиим и в переживании, согласном с ним» (*Гарнак А. Сущность христианства: 16 лекций / Пер. с нем.: Л. М. СПб., 1907. С. 197*) и что объединение христиан может осуществиться единственно на основе протестантизма — самой древней, по его

мнению, и адекватной форме христианства, укорененной исключительно в Слове Божиим, его критическом исследовании, и институционально не подавляющей индивидуальности и свободы верующего.

В Гёттингене сформировалась т. н. школа истории религии (Religionsgeschichtliche Schule), с деятельностью к-рой были связаны И. Вейс, А. Ральфс, Г. Хакманн, В. Вреде, Г. Гункель, В. Буссе. Представители школы также стремились приблизиться к смыслу Библии на основе историко-критического исследования, но вписывали христианство в более широкий исторический контекст. Их главным интересом было осуществленное в истории действие Духа и христианство, «поставленное в связь и сравнение со всеми аспектами и сторонами действительности и с иными религиями» (Troeltsch E. Geschichte und Metaphysik // ZTK. 1898. Jg. 8. N 1. S. 53–54). Они анализировали не догматические утверждения, а «выражения и духовные настроения», их интересовала «не история догмы, а история благочестия» (Wrede W. Vorträge und Studien. Tüb., 1907. S. 65–66). Внимание переносилось с Библии на «широкий поток религиозной жизни»: народное благочестие, служение, культ. Они стремились найти общее в глубине всех религий: «Мы признавали историю религии не историей религий, но историей религии... мы были убеждены, что высшей нашей целью изучения Библии было взглянуть в сердца людей религии и выразить их мысли внутренне достоверно и адекватно» (Gunkel H. Reden und Aufsätze. Gött., 1913. S. V–VI). Несмотря на то что в христианстве присутствовали внешние влияния, представители «школы истории религии» были убеждены, что «христианская религия абсолютно превосходит все иные религии, представляя собой кульминационную точку, которой религиозное развитие когда-либо достигало» (Bousset W. What Is Religion? L., 1907. P. 263). Разрабатываемое «школой истории религии» направление вело к заключению, что у религии и богословия нет собственного предмета и методов, а церковный богослов должен освободить место профессору ун-та.

Ведущим представителем «школы истории религии» в области систематического богословия был Трёлч. Не принимая разделения религии и науки в учении Ричля, он настаивал

на том, что только в исторически носителем мы находим присутствие абсолютного, к-рое в силу этого всегда предстает в виде компромисса и смешения. «Для всякого цикла жизни... вечная божественная истина имеет свою особую историческую форму» (Трёлч Э. О возможностях христианства в будущем // Лики культуры: Альм. М., 1995. Т. 1. С. 418). Поэтому Трёлч полагал, что методологически неприемлемо прорываться к внутреннему опыту верующего, изолируя его от конкретной истории, за к-рой всегда скрывается действие Провидения и Божественной любви, ищущей, воспитывающей и через исторические события ведущей людей к внутреннему самоопределению себя как христиан. Суть предлагаемого Трёлчем метода была изложена в ст. «Об историческом и догматическом методе в богословии» (1900). Он различал метод догматический («католический») и исторический («протестантский»). Первый метод — неисторичный, некритичный и принимающий дуалистическое представление об отношении Бога и человека, о божественной и земной действительности. Все объясняется с помощью сверхъестественного чуда для насильственного поддержания единства верующих, оформляемого в жестких догматических положениях; на первый план выходило внешнее подчинение, при к-ром верующий терял свое высшее достоинство — разум и свободу. Исторический метод лишен подобных недостатков: критичный, основывающийся на принципах «всеобщей связности», «аналогии» и «корреляции», удовлетворяющий всем критериям исторической науки (Он же. Об историческом и догматическом методе в богословии // Сравнительное богословие. 2009. С. 32). Трёлч утверждал, что исторический метод не приведет к упразднению представления о предельности христианства.

Гегелевский подход вел Трёлча к мысли, что совершенство не утеряно в грехопадении, а обретается в финальной гармонии духовного и естественного порядка человеческой личности. Исторический подход Трёлча был направлен на демонстрацию позитивных возможностей христианства в будущем. Христианство сможет выжить, если на смену традиц. его форме придет «свободное христианство», заменяющее

«церковно-авторитарную связь внутренней связью, свободно и индивидуально развивающейся на почве общего традиционного духа, и превратит старую христианскую основную идею чудесного исцеления смертельно пораженного грехом человечества в идею спасительного возвышения и освобождения личности через достижение у Бога высшей личной жизни» (Он же. О возможностях христианства в будущем // Лики культуры. 1995. С. 410). Для Трёлча это не означало растворения христианства в культуре: истинное христианство как «пророчески-христианский персонализм», «имманентный теизм», «радикальный иррационализм» и «принципиальный дуализм» всегда остается в оппозиции к господствующему духу времени с его «утилитаризмом», «родовым сознанием», «натурализмом», «релятивизмом» и «пессимизмом» (Там же. С. 412–413); христ. этика, «допускающая обретение личности только в Боге и потому обращающая индивидуальную мораль в этику самоосвящения для Бога... противоречит с земной гуманностью» (Там же. С. 419). Христ. этика, понятая диалектически, есть «самопроявление Бога, действующее в человеческих сущих» (Idem. (Troeltsch E.). Praktische christliche Ethik: Vorlesungen, Winter Semester 1911–1912) // Mitt. d. Ernst-Troeltsch-Gesellschaft. Augsburg, 1991. Bd. 6. S. 152). В историческом Иисусе человечество опознало свое высшее осуществление, действующее в единении с Богом. Не чуда и утверждение Его трансценденности, а сила любви и Его личность позволяли в те далекие века и позволяют сейчас связывать Его имя с высшим выражением спасения и одновременно «с определенностью убеждают нас в знании Бога» (Idem. Erlösung II: Dogmatisch // RGG. Bd. 2. Sp. 487). Утверждение М. Лютера о внутренней самодостоверности веры находит у Трёлча яркое выражение.

Несмотря на то что «вера в Бога... во всех формах является по своей сути тождественной» (Он же (Трёлч Э.). Об историческом и догматическом методе в богословии // Сравнительное богословие. 2009. С. 39), т. е. христианский религ. опыт сущностно не уникален, само христианство, утверждал Трёлч, непревосходимо, поскольку только «в нем господствует идея личности одновременно с иде-

ей абсолютных истин и ценностей» (Он же. О возможностях христианства в будущем // Лики культуры. 1995. С. 427). При этом община верующих и культ представляются Трёльчу необходимыми, ибо без них религия обречена на превращение в «умирающую» (Там же. С. 419). Трёльч настаивал на историчности действия Духа, на необходимости использования научных методов, одновременно подчеркивая, что само христианство не сводимо ни к науке, ни к этике и что «христианство погубило бы, если бы действительно совпадало с философской системой» (Там же. С. 427).

Заметной фигурой в Л. т. был др. ученик Ричля — В. Херрманн. Он полагал, что недостаточное разделение Ричлем религии и науки имело следствием забвение первоначальных идей Реформации. В работах «Метафизика в теологии» (1876), «Религия в ее отношении к познанию мира и к нравственности» (1879) и в главном труде «Общение христианина с Богом, представленное на основании утверждений Лютера» (1886), не выступая против науки в целом, Херрманн подчеркивал, что наука превышает свои полномочия, когда начинает руководить религией. Принятие Иисуса Спасителем не есть реальность, открываемая канонами историко-критического или иного научного метода, не является результатом деятельности априорных структур разума (подход, развитый Л. Фейербахом в кн. «Сущность христианства» (1841)), наука и религия — сферы с принципиально различными основаниями. «Когда мы удаляем метафизику из богословского представления веры, мы тем самым признаем, что можем прийти к Богу единственно потому, что Он Сам пришел к нам в истории» (Herrmann W. Zur theologischen Darstellung der christlichen Erfahrung // Idem. Gesammelte Aufsätze. Tüb., 1923. S. 245). В отличие от Ричля, Гарнака и Трёльча Херрманн утверждал, что никакой историк как историк не имеет прямого доступа к объекту богословия. Тем не менее открытие исторично, а исторический факт, на к-ром вера основана, есть «внутренняя жизнь Иисуса». Откровение приходит не от Библии и не от Церкви, но от непосредственного переживания «внутренней жизни Иисуса», даруемого Богом, обретаемого человеком в глубине собст-

венной души и не фиксируемого никакими объективными научными методами. Самодостоверность «внутренней жизни Иисуса» превосходит любую этическую убедительность. «...Религия может возгореться только от начала нравственности. Религия не возникает из этого начала, она имеет совсем другой источник» (Он же (Герман В.). Религия и нравственность // Сравнительное богословие. 2009. С. 83). Вера стоит на собственных ногах, когда опирается единственно на откровение, к-рое сверхъестественно, чудесно, дар Божий. Херрманн не отрицал важности собственно исторического исследования Евангелия, но лишь в ограниченном смысле как свидетельства духовного единения человека с Богом Отцом. Религия является историческим феноменом, смысл к-рого может быть найден только в партикулярном, в исторических индивидуальностях. Вслед. этого внимание переносилось Херрманном с фактов на воздействие, к-рое Иисус оказал на учеников и верующих в Него: по этому воздействию, а не по словам и учению мы приближаемся к пониманию Христа. Херрманн критиковал шлейермахеровское определение религии как универсального «чувства всеобщей зависимости», полагая, что под него подпадает судьба, рок или мир с его жизненными силами, от к-рого зависит биологическое существование, но не Бог христианства. Высшее достоинство человека, обретаемое во «внутренней жизни Иисуса», есть всецелое подчинение той силе, господство к-рой делает его свободным (Там же. С. 86). Иисус Христос есть Тот, в Котором напрямую явлена эта спасающая сила и опытно переживается преобразующее человеческую жизнь действие Бога, вызывающее в человеке действие любви, изменяющее мир, реализуемое в практической деятельности. Поэтому «любовь к Богу следует рассматривать только в ее связи с любовью к ближнему» (Там же. С. 82).

В построениях Херрманна Л. т. являет собственную ограниченность и стремится выйти за свои пределы. Его можно рассматривать в качестве непосредственного предшественника Лютер-Ренессанса в Германии нач. XX в. Показательно, что ученики Херрманна Барт и Р. Бульман в посл. стали принципиальными противниками Л. т.

В США Л. т. образует самостоятельную традицию. На этапе ее становления в XVIII в. определяющим было влияние англ. и шотл. мыслителей, Локка, С. Кларка, Ф. Хатчесона, Т. Рида. Л. т. была представлена по большей части вовлеченными в насущные проблемы общества проповедниками, социальными реформаторами, была менее академичной, риторически более богатой, чем в Германии. У ее истоков стоял У. Э. Чаннинг, к-рый называл себя «либералом, модернистом, арминянцем, эмпириком и рационалистом, а также «унитарием»» (Dorrien. 2001. Vol. 1. P. XIV). Он не принимал кальвинист. идею всеобщей порочности и спасения только избранных. Чаннинг считал Иисуса Христа духовным и нравственным примером, в котором находит свое выражение полное подчинение человека Божественному Духу.

Новый толчок развитию амер. либерально-богословской мысли дал представитель конгрегационализма Х. Бушнелл, выразивший концептуальные основания ее последующего развития: признание имманентности Бога миру и неприятие супранатурализма, главенство нравственной интерпретации грехопадения и миссии Христа, утверждение происхождения религии из чувства и метафоричной природы религиозного языка.

В сер. XIX в. идеи Л. т. широко распространяются благодаря деятельности проповедника Г. У. Бичера и его последователя Т. Мангера, развивавшего идеи Бичера в эволюционистско-пантеистическом ключе, а также У. С. Гладдена, делавшего акцент на моральном учении и стоявшего у истоков амер. социального евангелизма; Ч. О. Бриггса, пользовавшегося методом библейского критицизма; Б. П. Боуна, опиравшегося на идеи персонализма. В XIX в. все больше американцев начинают получать образование в нем. ун-тах, где знакомятся со взглядами Шлейермахера, Гегеля, Дорнера, Ричля и Гарнака. Двигаясь в направлении, прокладываемом немецкими профессорами, они не были их эпигонами, но приспосабливали подходы своих учителей к решению собственных задач. Показательно, что «почти для всего XIX в. наиболее значительное интеллектуальное воздействие на американское либеральное мышление оказывал не Шлейермахер,

а английский поэт и религиозный философ С. Кольридж» (Ibid. P. XVII).

Смерть Бушнелла в кон. 70-х гг. XIX в. ознаменовала наступление следующего этапа в развитии амер. Л. т., выдвинувшей новые вопросы. 1) Отношение христианства к дарвиновской теории эволюции. Понимание жизни как эволюционного процесса было воспринято мн. амер. мыслителями в качестве важного богословского концепта, имевшего своим предметом осуществление Царства Божия. Однако теория естественного отбора в отношении человеческого общества признавалась неприемлемой. 2) Влияние на амер. богословие нем. библейской критики. 3) Место Церкви в период социальных реформ. Мн. амер. богословы выступали в качестве социальных реформаторов, т. к. считали одной из причин роста неверия в обществе превратные социально-экономические отношения. В кон. XIX в. происходит соединение Л. т. с растущим движением социального евангелизма, классическим выражением которого является труд Раушенбуша «Теология социального Евангелия» (1917). В нем была представлена оптимистично-прогрессивистская модель социального спасения, обретаемого путем христианизации экономики на началах братства и сотрудничества. Автор выступал за то, чтобы Церковь стала духовным руководителем этих изменений.

В русле Л. т. работали представители чикагской богословской школы, в деятельности к-рой можно выделить 2 периода: 1-й характеризуется влиянием Ричля (Дж. Б. Фостер, Мэтьюс, Ш. Дж. Кейс), 2-й — влиянием натурализма, эмпирицизма и прагматизма, которое привело к утверждению научного подхода в богословии (Э. Эймс, Д. Макинтош, Дж. Б. Смит). Макинтош утверждал, что «богословию, чтобы не потерять престиж в современном мире, надо стать формой эмпирической науки» (Dorrien. 2003. Vol. 2. P. 7). Преподававший в Чикаго с 1927 по 1947 г. Г. Н. Виман привнес определенные коррективы, «превратив чикагское богословие в более религиозное, менее историческое и одновременно более убедительное» (Ibidem).

Образовавшаяся вокруг Бостонского ун-та школа персоналистического идеализма являла собой др. центр Л. т. Мн. ее ведущие представители были учениками персо-

налиста Боуна, развивавшими его идеи. Рассуждения Э. Брайтмана о личности как о первичной метафизической реальности, о божественной темпоральности и ограниченности, Ф. Макконнелла о социальной справедливости и А. К. Кнудсона о религ. априорности оказали заметное влияние на богословскую мысль Америки.

Либерально-теологические идеи в США реализовывались во множестве форм. Борьба Мартина Лютера Кинга за равные социальные права вернула амер. обществу идею персоналистического и социально ориентированного теизма. В русле либеральной традиции и с опорой на философию Уайтхеда и Ч. Хартсхорна в сер. XX в. сформировалась процесс-теология (Н. Питтенджер, Дж. Кобб — младший, Д. Р. Гриффин).

С серьезной критикой Л. т. в США выступили Нибур, Тиллих, Дж. Беннетт. Однако их нельзя считать ее принципиальными противниками, поскольку в их построениях присутствовали либерально-богословские подходы. Это позволяет утверждать, что эти ученые «больше принадлежали к либеральной, чем к неортодоксальной, теологии и что по сути их критичное и конструктивное теоретизирование утверждало новую форму либеральной теологии» (Ibid. P. 8).

Ведущими либерально-теологическими журналами США являются «Christian Century» (ранее «Christian Oracle», основан в 1884), «Journal of Religion» (ранее «The American Journal of Theology»; «The Hebrew Student», основан в 1882), «The Journal of the American Academy of Religion» (ранее «Journal of Bible and Religion» (с 1933)). В целом американская культура с ее индивидуализмом, прагматизмом и социальным оптимизмом была предрасположена к восприятию идей Л. т. Социально ориентированное христианство, опирающееся на религ. априори, представляет собой заметную часть современного североамер. богословского ландшафта.

Оценка Л. т. Кризис Л. т., ставший очевидным в годы первой мировой войны, заставил молодое поколение богословов критично взглянуть на ее основные интуиции. Представители неортодоксии («теологии Суда Божия»), Барт, Бульман, Ф. Юргартен, Г. Э. Бруннер, А. Швейцер, в разной степени наследуя взгляды представителей Л. т., стремились преодолеть

тупики их мысли. Их характеристика Л. т. нередко была уничтожающей: «Бог без гнева привел людей без греха в Царство Божие без Суда посредством служения Христа без Креста» (Niebuhr H. R. The Kingdom of God in America. Chicago; N. Y., 1937. P. 173). Однако следует учитывать, что определенные вопросы, с к-рыми приходилось сталкиваться представителям Л. т., были новыми для богословия. Требовалось в условиях возрастающего релятивизма, плюрализма и признания автономной свободы личности высшим достоинством человека быть убедительными в утверждении абсолютной ценности христианства. Также необходимо было определиться со статусом историчности в богословии, игнорирование к-рой привело к губительному отрыву культуры от христианства. В столь непростой ситуации представители Л. т. шли по пути радикального переосмысления основ протестантизма. Лютеровские положения о Боге как начале богословия, о Кресте, о божественном гневе и Страшном Суде, о свободном и непостижимом божественном даре спасения, о греховности человека, о спасающей вере, об истинном свидетельстве Писания, открытом каждому читающему его с верой, о чрезвычайной важности христ. эсхатологии отодвигались на задний план или подвергались интерпретации, в к-рой с трудом угадывался дух Реформации.

Главной слабостью Л. т. был ее религ. антропоцентризм: за точку отсчета она брала человека, его непосредственное религ. чувство. Однако в итоге при забвении того, что «сам человек и при очень хорошо развитом априори не приближится к Богу ни на шаг ближе» (Громадка. 1993. С. 122), человек превращался в источник и главный критерий богословия. В первую очередь на это критически указывали богословы неортодоксии: «Субъектом теологии является Бог, и главное обвинение, которое может быть предъявлено либеральной теологии, есть то, что она имела дело не с Богом, но лишь с человеком» (Bultmann R. Liberal Theology and the Latest Theological Movement // Idem. Faith and Understanding. L., 1969. Vol. 1. P. 29). Когда после первой мировой войны Барт с пророческой мощью возвестил, что не существует пути от человека к Богу, а есть лишь путь от

Бога к человеку, который всегда есть суд, стало очевидным, что время Л. т. прошло.

С антропоцентристских позиций представителями Л. т. было переосмыслено Боговоплощение, понимание к-рого является определяющим для системы, претендующей именоваться христианской. Иисус Христос предстал у мн. авторов обычным человеком. Идея трансцендентного Бога была потеряна. Единство «двух природ» в Боговоплощении низводилось до уровня абстрактной идеи и понималось «духовно», этически; от онтологического понимания Иисуса Христа представители Л. т., будучи наследниками нем. трансцендентализма, в большинстве своем отказались. Бог превратился в великого учителя и увещателя человечества. Каждый человек становился «потенциальным Христом», что вело к релятивизации учения об уникальности Иисуса Христа и христ. вести. Представители Л. т. отказались от идеи первородного греха и Божественного Суда, поставив на место спасающего Бога обладающее средствами для достижения Царства Божия человечество.

Представители Л. т. мало интересовались Церковью, ее традицией, мистической жизнью, таинствами и литургической деятельностью. В их лице богословие перестало быть богословием Церкви (*Громадка*. 1993. С. 43). Они были философами, историками и филологами, библейскими критиками и часто искренне верующими людьми, но не богословами. Был потерян собственный предмет богословия, богословский метод, функционирующий внутри Церкви и для ее нужд. Работая каждый в своей области, они забывали о полноте, и то, что должно было оставаться частными воззрениями, проясняющимися христ. откровением, представителями Л. т. расширялось до размеров всеохватной и единственной сущности христианства. То, что не укладывалось в рамки либерального подхода, либо отбрасывалось, либо подвергалось редуционистской или расширительной интерпретации. Представители Л. т. призывали к свободной критике всех догматов, однако забывали о догматизме самого разума. Потеря церковности, попытка строительства богословской системы «от человека» и представление об имманентности Бога миру вели к необходимости внеш-

ней верификации духовного опыта и имели следствием признание более высокого статуса культуры по отношению к богословию. Именование Л. т. «культур-протестантизмом» лишь частично передает суть этого движения, поскольку определяющим в нем было не подчинение богословия культуре, а стремление продемонстрировать жизнеспособность христианства в новых культурных условиях. «Однако ошибкой этой теологии было не то, что она снисходила к современному человеку, а то, что она на этом уровне и осталась» (Там же. С. 40). Своей деятельностью представители Л. т. продемонстрировали губительность и опасность построения богословия в отрыве от Церкви и церковной практики, а также невозможность построения христ. богословия исходя из человека.

В России идеи Л. т. были подвергнуты резкой критике прот. С. Н. Булгаковым, считавшим религ. имманентизм, пантеизм и человекобожие главными столпами новоявленной «профессорской религии», категорически неприемлемыми для православного богословия (*Булгаков С. Н.* Современное арианство // *Он же.* Тихие думы. М., 1918. С. 146–202).

Обсуждаемым вопросом в совр. науке является соотношение взглядов представителей Л. т. со взглядами основателей Реформации. Фундаментальные протестант. положения — только вера, только благодать, только Иисус Христос и человек как неискоренимый грешник — были переосмыслены т. о., что в них становились трудноразличимыми изначальные идеи протестантизма.

При всей ограниченности Л. т. в ней присутствовали и позитивные моменты: критическо-филологическое исследование и историческая contextualization Библии; открытость новому духовному опыту, внимание к историческим аспектам христологии и к меняющемуся контексту существования христиан; утверждение тесной связи божественного и земного; высокая оценка роли разума в христианстве и стремление проложить срединный путь между религ. вдохновением и интеллектуализмом; призыв к переустройству мира на христ. началах братства и любви.

Лит.: *Barth K.* Die protestantische Theologie im 19. Jh. Zollikon, 1947; *Neuenschwander U.* Die neue liberale Theologie: Eine Standortbestimmung. Bern, 1953; *Avirill L. J.* American Theology in the Liberal Tradition. Phil., 1967; Profile des neuzeitlichen Protestantismus / Hrsg.

F. W. Graf. Gütersloh, 1990–1993. Bd. 1–2(1–2); *Исаев С. А.* Теология смерти: Очерки протестантского модернизма. М., 1991. С. 12–44; *Hutchison W. R.* The Modernist Impulse in American Protestantism. Durham, 1992; *Громадка Й.* Перелом в протестантской теологии. М., 1993; *Liberale Theologie: Eine Ortsbestimmung* / Hrsg. F. W. Graf. Gütersloh, 1993; *Hübinger G.* Kulturprotestantismus und Politik: Zum Verhältnis von Liberalismus und Protestantismus im wilhelminischen Deutschland. Tüb., 1994; *Ruddies H.* Karl Barth und die liberale Theologie: Fallstudien zu einem theol. Epochenwechsel: Diss. Gött., 1994; *Нубур Х. Р.* Христос и культура // *Нубур Х. Р., Нубур П.* Христос и культура: Избр. тр. М., 1996. С. 74–99; *Wolfes M.* Protestantische Theologie und moderne Welt: Stud. z. Geschichte der liberalen Theologie nach 1918. B., 1999; *Lepp C.* Protestantisch-liberaler Aufbruch in die Moderne. Gütersloh, 2000; *Chapman M.* Ernst Troeltsch and Liberal Theology: Religion and Cultural Synthesis in Wilhelmine Germany. Oxf., 2001; *idem.* History of Religion School // The Blackwell Companion to XIXth-Century Theology / Ed. D. Fergusson. Oxf. etc., 2010. P. 434–454; *Dorrien G. J.* The Making of American Liberal Theology. Louisville; L., 2001. Vol. 1: Imagining Progressive Religion, 1805–1900; 2003. Vol. 2: Idealism, Realism, and Modernity, 1900–1950; 2006. Vol. 3: Crisis, Irony, and Postmodernity, 1950–2005; *Hodgson P.* Liberal Theology: A Radical Vision. Minneapolis, 2007; Сравнительное богословие: Нем. протестантизм XX в.: Тексты с коммент. / Сост.: К. Гестрих; пер., вступ. ст.: К. И. Уколов. М., 2009; *Axt-Piscalar C.* Liberal Theology in Germany // The Blackwell Companion to XIXth-Century Theology. 2010. P. 468–485; *Gockel M.* Mediating Theology in Germany // *Ibid.* P. 301–318; *Грениц С., Олсон Р.* Богословие и богословы XX в. Черкассы, 2011. С. 27–84, 163–216; *Langford M. J.* The Tradition of Liberal Theology. Grand Rapids (Mich.); Camb., 2014.

С. С. Пименов

ЛИБЕРАТ КАРФАГЕНСКИЙ [лат. Liberatus Carthaginensis] († после 566), диак. Карфагенской Церкви, лат. церковный писатель, автор «Краткой истории несториан и еutihian» (*Breviarium causae Nestorianorum et Eutyhianorum*). О жизни Л. К. известно крайне мало, в основном лишь то, что он сообщил о себе в конце своего сочинения. Нек-рую дополнительную информацию дает африкан. хронист еп. *Виктор Туннунский* (сер. VI в.). В 534 или нач. 535 г. Л. К. вместе с епископами Гаием и Петром был отправлен архиеп. *Ренаратом* Карфагенским в составе делегации в Рим для консультаций о решениях *Карфагенского Собора* по вопросу о порядке принятия в Церковь бывш. арианских епископов. Вопрос был весьма актуален для *Североафриканской Церкви*, т. к. незадолго до этого в карфагенской Африке было уничтожено королевство вандалов, где арианство было офиц. религией, и регион

перешел под власть правосл. Византийской империи. Поддержка халкидонского православия новыми властями вскоре привела к переходу мн. представителей арианского духовенства в православие. Посольство Гаия, Петра и Л. К. было отправлено к папе Римскому *Иоанну II*, однако не застало его в живых: понтифик умер 8 мая 535 г. Переговоры с африкан. делегацией епископов вел новый папа Римский *Аганит* (избран на престол 13 мая 535). Папа упомянул Л. К. в своем послании к архиеп. Репарату Карфагенскому и др. епископам Африки (*Mansi*. Т. 8. Col. 849; PL. 66. Col. 45). Новые сведения о Л. К. появляются спустя почти 10 лет в связи со спором вокруг эдикта визант. имп. *Юстиниана I* о «Трех Главах» (544). Л. К., как и архиеп. Репарат, был ревностным противником этого эдикта. В 551 г. Л. К. сопровождал архиепископа в К-поль, куда Репарат был вызван для выяснения позиции Североафриканской Церкви по вопросу о «Трех Главах». Несмотря на оказываемое на Репарата давление со стороны имп. власти и К-польской Церкви, архиепископ остался тверд в своей позиции и отказался подписать эдикт, за что в 552 г. он был послан в Евхаиты (диоцез Понт; ныне Бейозю, Турция). Известно, что и Л. К. нек-рое время жил в Евхаитах, присоединившись добровольно к своему епископу в изгнании. В 553 г., во время V Вселенского Собора, Л. К. находился в визант. столице и мог следить за событиями: он стал свидетелем давления на папу Римского *Вигилия*, к-рый в конечном счете согласился с соборным осуждением «Трех Глав», и твердой положительной позиции по этому вопросу африкан. епископов. По сообщению Виктора Туннунского, Репарат умер в Понте в 563 г. (*Vict. Tunun. Chron.* // PL. 68. Col. 959–962). Неизвестно, вернулся Л. К. в Африку после смерти Репарата или же ранее, после завершения V Вселенского Собора. Сочинение Л. К. написано уже в Африке после Собора, но еще при жизни имп. Юстиниана (ум. в 565).

«Краткая история несториан и евтихиан» была написана Л. К. между 560 и 566 гг. Она охватывает период с 428 (возведение Нестория на К-польскую кафедру) до 555 г. (окончание V Вселенского Собора в 553 и нек-рые последующие события). История Л. К. всецело посвящена

догматическим спорам между сторонниками *несторианства* и *монофизитства* и не касается др. аспектов жизни христиан в этот период. Рассказ Л. К. начинается со времени возникновения ересей Нестория и Евтихия в сер. V в. Эти ереси Л. К. считает первопричиной всего последующего зла, проникнувшего в Церковь. Для раннего периода своей истории, до событий IV Вселенского (Халкидонского) Собора 451 г., Л. К. использовал «Трехчастную церковную историю», составленную незадолго до него *Епифанием Схоластиком*. Также ему известны лат. версии Деяний III и IV Вселенских Соборов. Среди своих источников Л. К. указывает некую книгу, недавно написанную в Александрии по-гречески (*Liberat. Breviar.* 13); нек-рые исследователи определяют ее как церковную историю *Захарии Ритора*. Одно из важных достоинств произведения Л. К. состоит в том, что в тексте он привел полные латинские переводы мн. документов сер. V — сер. VI в. Среди них — послание архиеп. *Прокла* К-польского к архиеп. *Иоанну I* Антиохийскому (441), «*Энотикон*» имп. *Зинона* (482), постановление имп. Юстиниана против оригенистов (543), эдикт о «Трех Главах» (544), теопасхитские указы (см. ст. *Теопасхизм*). События сер. VI в., связанные с теопасхитскими спорами и V Вселенским Собором, Л. К. описывает как очевидец, однако ввиду этого его сведения о последних десятилетиях субъективны и неполны.

Л. К. является последовательным противником осуждения еп. *Феодора* Мопсуестийского, сочинений *Феодорита* Кирского и еп. *Ивы* Эдесского. Осуждение «Трех Глав» Л. К. считает последним проявлением евтихианской монофизитской ереси; как и др. противники этого эдикта (епископы *Факунд* Гермианский, *Виктор* Туннунский), Л. К. рассматривал этот спор как провокацию, устроенную монофизитами (евтихианами) против халкидонитов (православных), с целью подорвать авторитет IV Вселенского (Халкидонского) Собора. Свою позицию Л. К. считал единственно верной, поскольку она базировалась на постановлениях Халкидонского Собора, на к-ром не был осужден *Феодор* Мопсуестийский и были открыто оправданы *Феодорит* и *Ива*. В оправдание *Феодора*, а также еп. *Диодора* Тарсийского, в чьих сочи-

нениях противники усматривали несторианство, Л. К. заявлял, что эти отцы писали труды против взглядов *Аполлинария Лаодикийского*, не различавшего во Христе Дух и душу, и потому настаивали на двух различных природах, но в отличие от Нестория они никогда не разделяли Спасителя на два лица. Кроме того, по мнению Л. К., тексты, принадлежавшие этим церковным историкам, были ложно перетолкованы несторианами в свою пользу. Такое довольно поверхностное понимание несторианства Л. К. вполне соответствует контексту зап. патристической традиции его времени. Вместе с тем, защищая *Феодора*, *Феодорита* и *Иву*, Л. К. мягко критиковал свт. *Кирилла* Александрийского, отмечая, что тот добился успеха на III Вселенском Соборе в Эфесе (431) недопустимыми методами. Однако догматический авторитет свт. Кирилла для Л. К. бесспорен, тем не менее право монофизитов прикрываться авторитетом свт. Кирилла он полностью отрицает. Наибольшую неприязнь у Л. К. вызывает архиеп. *Феодор Аскида*: он считает, что архиепископа можно было бы приговорить к сожжению живо за то, что он являлся виновником спора о «Трех Главах» (*Ibid.* 20). Также жестко Л. К. отзывается о смерти папы *Вигилия*, к-рого считает отступником (*Ibid.* 22). В конце своего произведения Л. К. заявил, что не желает повествовать о Божьих карах, постигших неправедных, согласившихся подписать «Три Главы», и о притеснениях тех, кто отказались это сделать. Сочинение Л. К. не содержит к.-л. оригинальных богословских мнений и скорее представляет собой полемический памфлет, написанный на историческом материале и направленный против тех, кто инициировали принятие эдикта «Три Главы», и тех, кто согласились с ними.

Соч.: *Mansi*. Т. 9. Col. 659–700; PL. 68. Col. 969–1052; *Schwartz E.* Concilium Universale Chalcedonense // ACO. Т. 2. Vol. 5. P. 90–141; *Либерат*. Бrevиарий [фрагменты] // *Евагрий Схоластик*. Церковная история: Кн. 1–2. СПб., 2001². С. 362–366; Das «Breviarium» des Liberatus von Karthago // ZACHr. 2010. Bd. 14. H. 1. S. 3–269.

Лит.: *Hole C.* Liberatus (7) diaconus // DCB. Vol. 3. P. 716–717; *Bardenhewer O.* Patrologie. Freiburg i. Br., 1894. S. 596; *Diehl Ch.* L'Afrique byzantine. P., 1896. P. 432; *Leclercq H.* L'Afrique chrétienne. P., 1904. Т. 2. P. 256–273; *Grillmeier A.* Jesus der Christus im Glauben der Kirche. Freiburg i. Br., 1986. Bd. 2. H. 1. S. 327–328; 1989. H. 2. S. 407; 1990. H. 4. S. 361.

Д. В. Зайцев

Либерий, папа Римский.
Гравюра из кн.:
Platina В. *Historia*. 1600. P. 49
(РГБ)

ЛИБЕРИЙ [лат. Liberius; греч. Λιβέριος] († 24.09.366), св. (пам. 27 авг.; пам. греч. 27 авг.), еп. (папа) Римский (с 17 мая 352). Достоверных сведений о жизни Л. до избрания на Папский престол почти не сохранилось. Согласно *Liber Pontificalis*, он был сыном некоего римлянина Августа (LP. T. 1. P. 207). В пространной папской эпитафии из катакомб Присциллы на Соляной дороге в Риме, возможно посвященной Л., говорится, что вначале он был поставлен чтецом, затем диаконом и через неск. лет избран на епископскую кафедру (ICUR. 1888. Vol. 2. P. 83–84). Согласно Каталогу Либерия (сер. IV в.), Л. был возведен на Папский престол 22 мая 352 г. (LP. T. 1. P. 8), но, вероятно, его интронизация состоялась 17 мая, в воскресенье.

Понтификат Л. совпал с правлением имп. *Констанция II* (337–361), проводившего проарианскую политику. Став в 353 г. единоличным правителем Римской империи, Константин II стремился отменить *Никейский Символ веры* и окончательно осудить свт. *Афанасия I Великого*, еп. Александрийского. В ответ на письмо вост. епископов его предшественнику *Юлию I* (337–352) Л. созвал Собор в Риме (весна 353). На Соборе были зачитаны обвинительное послание против Афанасия, составленное вост. епископами, и соборное послание 24 епископов Египта, к-рые выступили в защиту Александрийского епископа. Осенью 353 г. по инициативе Л. состоялся Собор в Арелате (ныне Арль, Франция), на к-ром под давлением епископов-ариан *Валента и Урсакия* папские легаты Винцентий Капуанский и Марцелл, а также большинство присутствовавших епископов подписали осуждение свт. Афанасия. Св. *Павлин*, еп. Треверский (Трирский), отказавшийся последовать примеру остальных, был немедленно сослан во Фригию (*Sulp. Sev. Chron.* II 39. 1–2; *Hilar. Pict. Fragm. hist.* I 6). Согласно *Аммиану Марцеллину*, «несмотря на приказ императора и вопреки уговорам, [Либерий] упорно отказывался [осудить Афанасия] и не раз громко заявлял, что считает величайшей несправедливостью осудить человека, не увидев и не выслушав его. Таким образом, он открыто сопротивлялся императорской воле» (*Amm. Marc. Res gest.* XV 7. 9). В поисках поддержки Л. обратился к епископам *Осию Кордубскому* (Кордовскому) и *Цецилиану*

Сполетийскому (Сполетскому), призвав их не следовать примеру Винцентия Капуанского (PL. 8. Col. 1349). В 354 г. понтифик направил к императору св. *Луцифера*, еп. Каралиса (ныне Кальяри), пресв. Панкратия и диак. Илария с просьбой созвать новый Собор, чтобы решить вопрос об исповедании веры (*Liberius*. 1916. P. 89–93). Тогда же Л. обратился к св. *Евсевию*, еп. Верцелльскому, с просьбой поддержать Луцифера (PL. 8. Col. 1349–1351). Из других писем Л., адресованных Евсевию, следует, что епископ исполнил поручение папы, хотя и выразил сомнения в успехе ходатайства перед императором (*Ibid.* Col. 1355–1356). С просьбой оказать влияние на императора папа обратился также к *Фортунату*, еп. Аквилейскому.

Летом 355 г. имп. Константин созвал Собор в Медиолане (ныне Милан). По сведениям церковных историков *Сократа Схоластика* и *Созомена*, на Соборе присутствовали более 300 зап. епископов и неск. вост. иерархов. Луцифер Каралисский, *Дионисий* Медиоланский и Евсевий Верцелльский отказались поддержать приговор, вынесенный свт. Афанасию, и немедленно были отправлены в ссылку на Восток (*Socr. Schol. Hist. eccl.* II 36–37; *Sozom. Hist. eccl.* IV 9). Л. отправил письмо сосланным епископам, чтобы выразить им поддержку и попросить их молиться о нем в условиях приближавшейся опасности (*Liberius*. 1916. P. 164–166). О последующих событиях известно из сообщения свт. Афанасия Александрийского. По его словам, имп. Константин послал в Рим евнуха Евсевия, поручив ему добиться от папы осуждения Александрийского епископа и примирения с арианами (*Athanas. Alex.*

Hist. arian. 35–37). По свидетельству Аммиана Марцеллина, император «настойчиво желал, чтобы низложение [Афанасия] было подтверждено высшим авторитетом епископа Вечного города». Когда Л. отказался подчиниться приказу, префект Рима Леонтий арестовал его «как оказавшего неповиновение повелениям императора и решению большинства епископов». Понтифика тайно вывезли из города «из-за страха пред народом, который был к нему очень расположен» и отправили к императору в Медиолан (*Amm. Marc. Res gest.* XV 7. 6, 10).

Афанасий приводит смелую речь Л. перед Константином и его отказ выполнить повеление императора (*Athanas. Alex. Hist. arian.* 39). Эту же речь, но в форме диалога и с некоторыми дополнениями передает блж. *Феодорит* Кирский (*Theodoret. Hist. eccl.* II 16). По свидетельству Созомена, имп. Константин убеждал папу присоединиться к арианствующим епископам. Однако Л. не только отказался сделать это, но и потребовал, чтобы император принял никейское вероисповедание и вернул сосланных епископов. За это Константин в кон. 355 или нач. 356 г. выслал Л. в г. Бероя во Фракии (ныне Стара-Загора, Болгария) (*Sozom. Hist. eccl.* IV 11). По сведениям *Сократа Схоластика*, Л. был сослан после Арминского Собора 359 г. (*Socr. Schol. Hist. eccl.* II 37), но Созомен утверждает, что в это время папа уже находился в изгнании (*Sozom. Hist. eccl.* IV 19). Согласно полемическому трактату, составленному в 368–369 гг. противником папы Дамаса I (*Quae gesta sunt inter Liberium et Felicem*), после изгнания Л. рим. клирики в присутствии мирян постановили, что не примут др. епископа, пока законный понтифик жив. Однако вполн. клирики, уступив давлению императора, избрали на Римскую кафедру архидиак. Феликса (см. *Феликс II*, антипапа), тогда как миряне сохранили верность Л. Через 2 года, когда Константин посетил Рим, горожане попросили его вернуть понтифика. Император ответил, что римляне увидят его в лучшем состоянии, чем он был до отъезда, вероятно подразумеваемая под этим присоединение Л. к антиникейской партии. Вскоре Л. вернулся в Рим и был радостно встречен сенатом и народом, которые изгнали Феликса. Немного времени спустя Феликс при поддержке

клириков занял базилику Юлия (ц. Санта-Мария-ин-Трастевере), но был изгнан оттуда сенаторами и горожанами. Через 8 лет он скончался, а Л. простил предавших его клириков (Coll. Avel. N 1). В Liber Pontificalis сообщается, что папа провел в ссылке 3 года (LP. T. 1. P. 207). Находясь вдалеке от союзников, испытывая давление со стороны еп. *Димофила*, Л., вероятно, согласился пойти на уступки императору, после чего ему было позволено вернуться в Рим.

Вопрос о том, какую вероисповедную формулу подписал Л., остается открытым. Согласно свт. Афанасию, через 2 года понтифик, изнуренный ссылкой, под угрозой смерти подписал некий документ (*Athanas. Alex. Hist. arian. 41*). Возможно, речь идет об исповедании веры, а не о приговоре Афанасию, который впоследствии утверждал, что Л. всегда поддерживал его, несмотря на изгнание (*Athanas. Alex. Apol. contr. ar. 89 // PG. 25b. Col. 409*). Блж. Иероним сообщал, что Л., «побежденный тяготами ссылки», подписал «еретическое лжеучение» и вернулся в Рим как победитель, а Феликс, назначенный на его место арианами, был изгнан (*Hieron. Chron. 2365*). По мнению Иеронима, еп. Фортунат Аквилейский якобы уговаривал папу примкнуть к еретикам (*Idem. De vir. illust. 97*). Свт. *Иларий*, еп. Пиктавийский, в «Книге против императора Констанция» также упоминал, что император позволил Л. вернуться в Рим только после того, как папа совершил отступничество от веры (*Hilar. Pict. Contr. Const. 11*). Согласно Созомену, Л. встретился с императором в Сирмии (ныне Сремска-Митровица, Сербия), отверг термин «единосущный» и признал Сына «неподобным» Отцу. После этого ему разрешили вернуться в Рим и управлять Церковью вместе с Феликсом, который вскоре скончался (*Sozom. Hist. eccl. IV 15*). *Филосторгий* сообщает, что Л. отказался от термина «единосущный» и подписал приговор Афанасию; после возвращения в Рим понтифик принял управление Церковью, а Феликс вернулся на родину, «сохранив звание епископа» (*Philost. Hist. eccl. IV 3*). Феодорит Кирский и Сократ Схоластик не упоминали о том, что Л. сделал к.-л. уступки арианам и подписал неправосл. исповедание веры.

По сообщению историков, понтифик был возвращен из ссылки через 2 года по просьбе знатных римских матрон и управлял Церковью совместно с Феликсом, который, однако, вскоре был отстранен от власти по требованию народа (*Socr. Schol. Hist. eccl. II 37; Theodoret. Hist. eccl. II 17*). По-видимому, Л. был вынужден одобрить либо 2-ю сирмийскую формулу (авг. 357), одновременно осуждавшую понятия «единосущный» (ὁμοούσιος) и «подобосущный» (ὁμοιούσιος), а также провозглашавшую *субординационизм*, либо 3-ю сирмийскую формулу (апр. 358), согласно к-рой Сын подобен Отцу по сущности (ὁμοῦς κατ' οὐσίαν); последняя формула была близка к понятию «единосущие» (*Athanas. Alex. De synod. 14*) (см. статьи *Ан-кирские Соборы, Арианство, Сирмийские формулы*).

В составе т. н. исторических фрагментов (Fragmenta historica, или Collectio Antiariana Parisina), собранных свт. Иларием, сохранились 4 письма Л. 357 г., на основе к-рых можно проследить, как менялась позиция папы в отношении свт. Афанасия и Никейского Символа веры. Первое письмо (*Studens paci // Liberius. 1916. P. 155*), долгое время считавшееся неподлинным, адресовано всем вост. епископам. В нем Л. объясняет, что, получив послания, направленные его прещественнику Юлию I и касавшиеся вопроса о свт. Афанасии, он отправил в Александрию послов, чтобы пригласить Афанасия в Рим. Желая сохранить мир и единство Церкви, папа намеревался выяснить причины обвинения святителя и заявил, что если он получит отказ, то будет вынужден прекратить общение с Александрийской Церковью. Афанасий не приехал, после чего Л. объявил его вне общения с Римской Церковью, а также выразил желание оставаться в единении со всеми епископами Вселенской Церкви. Вероятно, письмо было написано в нач. 357 г., когда Л., изнуренный ссылкой, пытался заручиться поддержкой вост. епископов. В письме отразилось неоднозначное отношение Л. к Афанасию; в конце концов понтифик решил примкнуть к общему мнению по этому вопросу. Второе письмо (*Pro deifico // Ibid. P. 168–170*) также адресовано вост. епископам и тесно связано с предыдущим. Л. объясняет свое запоздалое решение отказаться от защиты Афанасия: он медлил с при-

нятием решения из уважения к мнению своего прещественника, но потом, просвещенный Богом, понял правомерность приговора Афанасию. Л. сообщает, что через Фортуната Аквилейского передал императору письмо, в котором осудил епископа Александрии. Л. повторяет, что отказался от общения с Афанасием и намерен наладить отношения с вост. епископами. Для доказательств истинности своих слов Л. добавляет, что подписал Символ веры, провозглашенный в Сирмии. Письмо заканчивается выражением надежды на скорое возвращение из ссылки. Третье письмо (*Quia scio vos // Ibid. P. 170–172*) обращено к епископам-арианам Урсакию Сингидунскому, Валенту Мурсийскому и Гермению Сирмийскому, имевшим большое влияние при имп. дворе. Л. требует, чтобы они ходатайствовали о его возвращении из ссылки перед имп. Константином. В 4-м письме (*Non doceo // Ibid. P. 172–173*), адресованном еп. Винцентию Капуанскому, Л. также просит поспособствовать его возвращению в Рим.

В апокрифической биографии Л., включенной в Liber Pontificalis, папа представлен как еретик и гонитель православных. Отправляясь в ссылку, он назначил вместо себя пресв. Феликса, к-рый обнаружил среди рим. клириков пресвитеров-ариан Валента и Урсакия и осудил их в присутствии 48 епископов. Валент и Урсакий отправились к имп. Констанцию и попросили его вернуть Л. в Рим при условии, что тот вступит в общение с арианами, но не будет перекрещен, что и было исполнено. Сначала Л. жил у сестры императора, Константины (см. *Констанция*), на пригородном кладбище св. Агнесы (in sumiterio sanctae Agnae), надеясь, что благодаря ее заступничеству император позволит ему вернуться в Рим. Однако Константина, осознав, что Л. был еретиком, отказалась помогать ему. Вскоре имп. Констанций вместе с Валентом и Урсакием созвал в Риме ариан, которые низложили Феликса и провозгласили Л. законным папой. Феликс удалился в свое пригородное имение и скончался там 29 июля (в жизнеописании Феликса утверждается, что он был казнен). Вступив в Рим 2 авг., Л. стал преследовать православное духовенство; многие клирики погибли, оставшимся было запрещено вхо-

дить в церкви и термы (LP. Т. 1. Р. 207–208).

В «Деяниях папы Либерия» (CPL, N 1681), составленных в нач. VI в. в Риме и относящихся к т. н. Симмаховым фальшивкам, представлена другая версия легенды о Л.: о его ссылке не упоминается, но говорится, что он был изгнан Констанцием в предместье Рима, на кладбище Новеллы на Соляной дороге, за то, что обличал еретиков. Накануне Пасхи Л. призвал к себе римских пресвитеров и диаконов и назначил наместником пресв. Дамаса. Не имея возможности вернуться в город, в день Пасхи Л. крестил 4012 чел. на Острианском кладбище (сумiterio Ostriano), где некогда совершал крещения ап. Петр. Между тем имп. Констанций, отправляясь в военный поход за р. Дунай, публично заявил, что после победы убьет Л., а его тело отдаст на съедение птицам и диким зверям. Накануне дня Пятидесятницы и в сам праздник Л. крестил в базилике св. Петра 7810 чел., к-рые опасались гонений после возвращения императора. После победы над врагами Констанций отправился в Никомидию, где, приняв крещение от епископа-арианина Евсевия, вскоре скончался (PL. 8. Col. 1387–1410).

После возвращения в Рим Л. воздерживался от участия в богословских спорах. Папские легаты не присутствовали на Ариминском Соборе (лето 359) и на Соборе в К-поле (январь 360), участники к-рого подписали отредактированную греч. версию ариминской формулы. Со временем Л. удалось восстановить свой авторитет, о чем свидетельствует визит свт. Илария в Рим после его возвращения из ссылки. В годы правления имп. Юлиана Отступника (361–363) Л. осудил решения, принятые на Ариминском Соборе, и обратился к епископам Италии с призывом простить обманутых «по незнанию» участников этого Собора (*Liberius*. 1916. Р. 156–157). После Александрийского Собора, созданного свт. Афанасием в 362 г., отношения между Л. и вост. епископами стали налаживаться. После прихода к власти имп. Валента (364–378), к-рый покровительствовал арианам, вост. епископы стали искать поддержки у Папского престола; правивший на Западе имп. Валентиниан I (364–375) поддерживал никейскую партию. В 366 г. вост. епископы, участ-

*Либерий, папа Римский.
Роспись створки
Ашаффенбургского алтаря.
1517–1519 гг.
Худож. М. Грюневальд
(Государственный музей,
Фрайбург-им-Брайсгау)*

вовавшие в Соборе в Ламтсаке (364), отправили к Л. посольство во главе с Евстафием Севастийским, выразив желание вступить в общение с Римской Церковью. Л. принял послов только после того, как они письменно заверили папу в том, что исповедуют Никейский Символ веры и осуждают еретиков. В свою очередь Л. вручил им послание о восстановлении общения с Церквями Востока при условии, что вост. епископы будут сохранять никейское вероисповедание (*Socr. Schol. Hist. eccl. IV 12*). Это послание было зачитано на Соборе в Тиане (367), и т. о. мир был восстановлен.

Свт. Амвросий Медиоланский в соч. «О девах» передает содержание речи, к-рую произнес «блаженной памяти Либерий» в Ватиканской базилике св. Петра во время посвящения девы Марцеллины, сестры Амвросия (*Ambros. Mediol. De virgin. III 1–15*). Согласно *Liber Pontificalis*, Л. облицевал усыпальницу св. Агнесы мраморными плитами и построил базилику, вполсл. названную его именем, недалеко от рынка Ливии (iuxta macellum Libiae) (LP. Т. 1. Р. 208). Папа Римский Сикст III (432–440) построил на этом месте базилику Пресв. Девы Марии (Санта-Мария-Маджоре). Л. был похоронен в катакомбах Присциллы на

Соляной дороге, возможно в базилике св. Сильвестра, где находились гробницы его предшественников.

Несмотря на то что Л., согласно источникам, умер 24 сент., в Иеронимовом мартирологе (V–VI вв.) его погребение указано под 17 мая (день его возведения на Папский престол; см.: *MartHieron. Comment. P. 259*) и под 23 сент.; под 9 сент. указана память св. Либерата, которую И. Делез предложил отнести к Л. (*Ibid. P. 498*). По мнению болландиста, эта запись возникла на основе *Liber Pontificalis*, где ошибочно говорится, что в этот день (5-е иды сент.) состоялось погребение понтифика (LP. Т. 1. Р. 208). Из-за неоднозначной оценки деятельности Л., в т. ч. из-за ложных обвинений, которые содержатся в *Liber Pontificalis*, его память не была включена в средневек. «исторические» мартирологи и в Римский мартиролог (XVI в.). В совр. редакции Римского мартиролога память Л. не указана. Однако в визант. традиции Л. почитали как святого. Его память отмечена в визант. синаксарях под 27 авг., в визант. минее XIV в. (*Vindob. Theol. gr. 300*) — под 31 марта. В слав. традиции поминаение Л. совершается 27 авг.

Ист.: *Liberius. Epistolae // S. Hilarii episcopi Pictaviensis Opera / Ed. A. Feder. W.; Lpz., 1916. P. 89–93, 155–173. (CSEL; 65); Gesta Liberii papae // PL. 8. Col. 1387–1410; Liberius. Epistolae // Ibid. Col. 1349–1358; Carmina latina epigraphica / Ed. F. Buecheler. Lpz., 1895. P. 373–375; MartHieron. P. 258, 497, 523; LP. Т. 1. P. CXX–CXXIII, 8, 207–210; ActaSS. Sept. Т. 6. P. 572–632; SynCP. Col. 576, 928–929; Иосиф, архим. Оглавление ВМЧ. Стб. 437–438 (2-я пар.); Νικόδημος. Συναξαριστής. Т. 6. Σ. 283.*

Лит.: *Болотов В. В.* Либерий, еп. Римский, и Сирмийские соборы // ХЧ. 1891. Ч. 1. С. 304–315, 434–459; Ч. 2. С. 61–79, 266–282, 386–394; *Сергий (Стаский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 259; Т. 3. С. 341–342; *Saltet L.* La formation de la légende des papes Libère et Félix // BLE. Sér. 3. 1905. Т. 7. P. 222–236; *Duchesne L.* Libère et Fortunatien // MArHist. 1908. Т. 28. P. 31–78; *Amann É.* Libère // DTC. Т. 9. Col. 631–659; *Caspar E.* Geschichte des Papsttums. Tüb., 1930. Bd. 1. S. 166–195; *Leclercq H.* Libère // DACL. Т. 9. Pt. 1. Col. 497–530; *MartHieron. Comment. P. 259, 498, 524, 256; Amore A., Carpano C. M.* Liberio // BibISS. 1966. Vol. 8. Col. 17–23; *Hamman A.* Saint Hilaire est-il témoin à charge ou à décharge pour le pape Libère? // Hilaire et son temps: Actes du colloque de Poitiers, 29 sept.– 3 oct. 1968. P. 1969. P. 43–50; *Simonetti M.* La crisi ariana nel IV secolo. R., 1975. P. 214–243, 395–397; *idem.* Eusebio nella controversia ariana // Eusebio di Vercelli e il suo tempo / Ed. E. dal Covolo, R. Ugliano, G. M. Vian. R., 1997. P. 155–179; *idem.* Liberio // Enciclopedia dei papi. R., 2000. Vol. 1. P. 341–348; *Pietri Ch.* Roma Christiana:

Rech. sur l'Église de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). R., 1976. Т. 1. P. 237–268; Brennecke H.-Ch. Hilarius von Poitiers und die Bischofssopposition gegen Konstantius II.: Untersuch. z. 3. Phase des arianischen Streitens (337–361). B., 1984. S. 108–177, 265–297; Cantarella G. M. Gregorio VII e papa Liberio // Aevum. 1985. Vol. 59. Fasc. 2. P. 196–207; Fernández Hernández G. Athanasius of Alexandria and Liberius of Rome: Analysis of the Letter «Pro deifico timore» of Liberius in the Light of the Edict of Arles of 353 // Arianism: Hist. and Theol. Reassessments: Papers from The 9th Intern. Conf. on Patristic Stud., Sept. 5–10, 1983 / Ed. R. C. Gregg. Camb. (Mass.), 1985. P. 303–311; idem. Liberio de Roma y el homoiousianismo // Antigüedad y Cristianismo. 2006. N 23. P. 499–502; Barnes T. D. The Capitulation of Liberius and Hilary of Poitiers // Phoenix. 1992. Vol. 46. N 3. P. 256–265; idem. Athanasius and Constantius: Theology and Politics in the Constantinian Empire. Camb. (Mass.), 1993; Paoli E. Libère // Dictionnaire hist. de la papauté / Éd. Ph. Levillain. P., 1994. P. 1046–1048; Ulrich J. Die Anfänge der abendländischen Rezeption des Nizänums. B.; N. Y., 1994. S. 231–243; Hanson R. P. C. Search for the Christian Doctrine of God: The Arian Controversy, 318–381. Edinb., 1997; Σαυρηόσιος (Εὐσταθίου). Ἀγιολόγιον. Σ. 276; Петков Г. Стихията пролог в старата българска, сръбска и руска лит-ра: XIV–XV вв. Пловдив, 2000. С. 464; Синаксарь: Жития святых Православной Церкви / Авт.-сост.: иером. Макарий Симонопетрский. М., 2011. Т. 6: Июль—Авг. С. 781–782; Castelli E. La chiesa di Roma prima e dopo Costantino: Da Vittore (189–199) a Liberio (352–366) // Enciclopedia Constantiniana. R., 2013. Vol. 1. P. 795–814.

А. Н. Крюкова

ЛИБЕРИЯ [Республика Либерия; англ. The Republic of Liberia], гос-во в Зап. Африке. На северо-западе граничит со *Сьерра-Леоне*, на севере — с *Гвинеей*, на востоке — с *Кот-д'Ивуаром*, на юге и юго-западе омывается водами Атлантического океана. Площадь 111,369 тыс. кв. км. Столица — Монровия (1 010 970 чел., по офиц. переписи 2008 г.). Крупные города (по данным на 2008): Ганта (41,11 тыс. чел.), Бьюкенен (34,27 тыс. чел.), Гбарнга (34,05 тыс. чел.), Каката (33,95 тыс. чел.), Воинджама (26,59 тыс. чел.). Административно-территориальное деление: 15 графств. Офиц. язык — английский. Л. — член ООН (1945), Африканского союза (1963; до 2002 Орг-ция африканского единства), Движения неприсоединения, Союза гос-в р. Мано (1973), Экономического сообщества гос-в Зап. Африки (ЭКОВАС; 1975). **География.** Прибрежная низменность шириной 30–65 км простирается с северо-запада на юго-восток. Береговая линия довольно ровная, местами нарушается устьями рек, параллельно друг другу стекающих в Атлантический океан. Берег преимущественно

но песчаный, с характерными береговыми барами и косами; над прибрежной низменностью местами возвышаются скалистые останцы. На побережье распространены мангровые леса, за пределами досягаемости приливов растут пальмы. Прибрежная низменность постепенно переходит в холмистую равнину, к-рая занимает бóльшую часть страны. Средняя высота холмов — 120–370 м; рельеф плато, ограничивающих равнину, местами пересекают гряды крутых уступов высотой 760 м над уровнем моря. Плато покрыто густыми зарослями вечнозеленых тропических лесов. Сев. районы Л. затронуты юж. отрогами Гвинейской возвышенности, откуда берут начало крупнейшие реки страны: Мано, Лофа (Лоффа), Сент-Пол, Сент-Джон и Кавалли. В этом регионе расположена наивысшая точка Л. — гора Вутеве (1440 м). Растительный мир сев.-вост. районов изобилует листопадными лесами и редколесьями, в северных районах распространены высокотравные саванны. Для Л. характерен субэкваториальный климат. Прибрежная низменность под влиянием океана более влажная, чем внутренние районы страны: среднее годовое коли-

чество осадков составляет 5 тыс. мм в прибрежной полосе и 1,5–2 тыс. мм во внутренних районах. Дождливый сезон продолжается на побережье с апр. по нояб., когда дует юго-зап. муссон, а в менее влажных внутренних районах — с июня по сент. В зимние месяцы погода более сухая благодаря дующим из Сахары ветрам. Среднемесячная температура на протяжении всего года не опускается ниже +24°C.

Население Л., согласно офиц. переписи 2008 г., составляло 3 476 608 чел. По оценкам ООН, на сер. 2015 г. этот показатель — 4503,4 тыс. чел.

Подавляющее большинство жителей Л. (96,3%) говорит на нигеро-конголезских языках. Основные этнические группы: кпелле — 20,3% населения, басса — 13,4, гребо — 10, гио — 8,

мано — 7,9, кру — 6, лома — 5,1, кисси — 4,8, гола — 4,4% и др. В районе Монровии живут американо-либерийцы (2,5%) и американцы (1,1%) (офиц. данные переписи 2008 г.). В Л. проживают также арабы-ливанцы и йоруба.

Средняя ожидаемая продолжительность жизни составляет 62,12 года (мужчины — 61,05, женщины — 63,19); коэффициент естественного прироста населения — 3,18%, естественный прирост — 28,5 на 1 тыс. жителей (рождаемость — 40,5, смертность — 12,0); средний возраст — 18,63 года; в возрастной структуре: доля детей до 14 лет — 41,94%, лиц от 15 до 64 лет — 54,66, лиц 65 лет и старше — 3,4%; средняя плотность населения — 41,3 чел. на 1 кв. км; степень урбанизации — 49%. Уровень грамотности — 47,6% (мужчины — 62,4%, женщины — 32,8%; одно из последних мест среди стран Зап. Африки) (данные представлены на 2015).

Государственное устройство. Л. — унитарное гос-во, по форме правления — президентская республика. Согласно Конституции, принятой 6 янв. 1986 г., президент, глава гос-ва и правительства (кабинета министров), является и верховным главнокомандующим. Президент и вице-

президент, председательствующий в верхней палате парламента (сенате), избираются сроком на 6 лет всеобщим прямым тайным голосованием. Члены кабинета министров, к-рому принадлежит исполнительная власть, назначаются президентом и утверждаются сенатом.

Законодательная власть осуществляется 2-палатным парламентом — Национальным собранием, состоящим из палаты представителей и сената. В палату представителей входят 64 депутата, избираемые путем всеобщих прямых и тайных выборов сроком на 6 лет. Сенат состоит из 30 сенаторов (15 старших сенаторов избираются путем всеобщего прямого тайного голосования сроком на 9 лет, 15 младших — на 7 лет). В стране существует 20 политических партий.

Судебная власть включает Верховный суд, окружные суды, суды гражданских исков и др. Правовая система Л. носит смешанный характер, основываясь на амер. варианте англ. общего права, а также частично на африкан. обычном праве, к-рое преобладает в регулировании брачно-семейных, наследственных и иных отношений между гражданами страны.

Религия. Согласно переписи населения 2008 г., большинство верующих в Л. — христиане (85,5% населения): из них 6% — католики, ок. 79,5% — протестанты, принадлежащие к различным деноминациям, включая Независимые африканские церкви (НАЦ). Мусульмане составляют 12,2% населения. Традиц. племенные культы практикует 0,5% населения; новые религиозные движения представлены *Бахаи религией* (ок. 0,3% населения); 0,2% жителей Л. являются приверженцами проч. религий (индуизм, буддизм, сикхизм и др.). Не принадлежат ни к одной религии или являются атеистами ок. 1,3% населения.

Офиц. статистика может сильно отличаться от данных различных религ. орг-ций и независимых статистических источников, в т. ч. ввиду двоеверия (приверженности традиц. племенным культам одновременно с принадлежностью к различным христ. орг-циям). Согласно нек-рым источникам, значительное распространение имеют традиц. африкан. верования, количество их приверженцев составляет более 40% населения (см., напр.: World Christian Encyclopedia: A Comparative Survey

of Churches and Religions in The Modern World / Ed. D. A. Barrett. Oxf., 2001. Vol. 1. P. 451–455).

Орг-цией, объединяющей основные христ. деноминации традиц. типа в Л., является Либерийский Совет Церквей, основанный в 1982 г. В него вошли такие организации, как Римско-католическая Церковь, Лютеранская церковь, Епископальная церковь Либерии (ЕЦЛ), Пресвитерия Либерии в Зап. Африке, Ассамблеи мира, Африканская методистская епископальная церковь, Африканская методистская епископальная сионская церковь, Объединенная методистская церковь Либерии, Либерийская баптистская конвенция и ряд др. Нек-рые крайние пятидесятнические орг-ции и НАЦ входят в состав Федерации независимых африканских церквей.

Римско-католическая Церковь в Л. представлена архиеп-ством Монровия (30 приходов, ок. 140 тыс. чел.), в подчинении к-рого находятся 2 епископства-суффрагана: Мыс Пальмас (10 приходов, ок. 154 тыс. чел.) и

Католический собор Св. Сердца в Монровии. XX в.

Гбарнга (16 приходов, ок. 19,7 тыс. чел.). В стране служит 61 священник (в т. ч. 19 монашествующих), также подвизаются 31 монах и 70 монахинь. Действует Конференция католических епископов Либерии (статистические данные на 2013).

Протестантские церкви, деноминации и секты (статистика отражает состояние на нач. XXI в., если не оговорено отдельно). *Англиканская Церковь* представлена ЕЦЛ, ведущей свою историю с 1836 г., когда в стране появились первые англикан. миссионеры из США. С 1982 г. входит в состав Церкви провинции Зап. Африка, являющейся членом *Англиканского содружества*. Сохра-

няются тесные связи с *Протестантской епископальной церковью в США*. По данным на 2005 г., в Л. существовало более 129 англикан. общин (26 тыс. верующих). Помимо этого действует независимая англикан.

Интерьер протестантской церкви в Монровии. XX в.

орг-ция — Церковь Вифлеемской звезды (Star of Bethlehem Church), созданная в 1960 г. и действующая в основном среди этносов сапо и кру (20 общин, 4 тыс. верующих).

Лютеранство представлено 2 организациями. Лютеранская церковь в Либерии (Lutheran Church in Liberia; 350 общин, ок. 70 тыс. чел.) была создана в 1860 г. миссионерами бывш. Лютеранской церкви в Америке (с 1988 *Евангелическо-лютеранская церковь в Америке*), в 1965 г. стала полностью автономной. Евангелическо-лютеранская церковь в Либерии (Evangelical Lutheran Church in Liberia; 350 общин, 11 тыс. чел.) была основана в 2009 г. в результате объединения 4 различных лютеран. групп при активном содействии *Лютеранской церкви — Миссурийский синод*, осуществляющей прозелитическую и каритативную деятельность в Л. с 1978 г.

Кальвинизм в Л. распространен меньше остальных протестант. направлений: единственной орг-цией данного толка является Пресвитерия Либерии в Зап. Африке (Presbytery of Liberia in West Africa; основана амер. миссионерами в 1833; с 1928 — независимая; 15 общин; более 4 тыс. верующих).

Баптисты, впервые прибывшие в Л. в 1822 г., представлены 3 организациями, наиболее значительной из к-рых является Либерийская баптистская конвенция (Liberian Baptist Convention; 290 приходов; ок. 90 тыс. чел.), возникшая в 1880 г.

благодаря усилиям темнокожих репатриантов из юж. штатов США и сохраняющая тесные связи с *Южной баптистской конвенцией*. В 1931 г. в Л. прибыли первые проповедники из орг-ции Баптистские срединные

Баптистские старая (90-е гг. XIX в.) и новая (70-е гг. XX в.) церкви в Монровии

миссии (Baptist Mid-Missions; основана в 1920 в Элирии (близ Кливленда, шт. Огайо, США) как Генеральный совет по координации баптистских миссий Сев. Америки). С 1952 г. действует независимая баптист. Церковь Вафу-Бей (Wafu Bay Church; 50 общин, 7 тыс. прихожан).

Методисты насчитывают неск. орг-ций, наиболее значительная из к-рых — Объединенная методистская церковь Либерии (United Methodist Church of Liberia; основана в 1822 темнокожими миссионерами из США; 420 общин, 43 тыс. чел.). В кон. XIX в. в страну также стали проникать независимые методистские орг-ции: *Африканская методистская епископальная церковь* (African Methodist Episcopal Church; в Л. с 1873; на 2005 имела 75 общин, более 13 тыс. чел.), *Африканская методистская епископальная сионская церковь* (с 1876; 121 община, 5 тыс. чел.), Мемориальная церковь Мэри Шарп (Mary Sharp Memorial Church; с 1876; 3 общины, 1 тыс. чел.).

Армия спасения представлена в Л. отдельным командованием (23 корпуса, более 2,5 тыс. солдат и офицеров). С 60-х гг. XX в. в стране действовала независимая Церковь Армии спасения Либерии (Salvation Army Church of Liberia), к-рая в 1988 г. была включена в структуру международной орг-ции Армии спасения как территория Ганы и Либерии. В 1997 г. Л. получила статус самостоятельного командования, к ко-

торому в 2010 г. была присоединена соседняя страна — Сьерра-Леоне.

Движение святости представлено 4 орг-циями: Церковью огненного столпа (Pillar of Fire Church; в Л. с 1961 (по др. данным — с 50-х гг. XX в.); 50 общин, 3 тыс. чел.), Евангелической конгрегационной церковью Христа (Evangelical Congregation Church of Christ; с 1971; 30 общин, 3 тыс. чел.), *Уэслианской церковью* (Wesleyan Church; с 1978; ок. 40 общин, ок. 3,5 тыс. чел.), *Церковью Назарянина* (Church of the Nazarene; с 1990; 80 общин, 6,5 тыс. чел.).

Адвентисты седьмого дня (АСД), начавшие свою деятельность в Л. в 1927 г., имеют в стране 3 подразделения, входящие в состав Объединенной Западно-Африканской миссии дивизиона Западно-Центральная Африка Генеральной конференции АСД: Конференцию Юго-Зап. Либерии (South-West Liberia Conference; 16 общин, 9,9 тыс. чел.), Миссию Центр. Либерии (Central Liberia Mission; 35 общин, 4,6 тыс. чел.), Миссию Юго-Вост. Либерии (South-East Liberia Mission; 18 общин, 1,4 тыс. чел.). По данным на 2014 г., общее количество адвентистов в Л. составляло ок. 16 тыс. чел. в 69 общинах.

Пятидесятники из США открыли свою 1-ю миссию в Л. в 1908 г. В наст. время они представлены рядом групп классического типа (двух и трех кризисов): *Ассамблеями Бога* (зарегистрированы в Л. в 1923; 400 общин, ок. 100 тыс. чел., по данным на 2005), Свободной пятидесятнической церковью (Free Pentecostal Church; в 1980 отделилась от миссии швед. пятидесятнического движения, действовавшей в Л. с 1946; 30 общин, 5 тыс.

Священник и прихожане Церкви Бога (Аладура). Фотография. 2013 г.

чел., гл. обр. принадлежащих к народностям кисси, гбанде и лома), Церковью Бога (Кливленд, шт. Теннесси, США) (Church of God, Cleveland; с 1974; 35 общин, 4 тыс. чел.) и др.

В Л. также действуют др. пятидесятнические орг-ции: Пятидесятнические Ассамблеи Мира (Pentecostal Assemblies of the World; с 1919; 75 общин, 70 тыс. верующих), Бетельская церковь всемирного охвата (Bethel World Outreach Church; с 1986; 35 общин, 10 тыс. верующих), Африканская перфекционистская церковь Бога огненного крещения (Fire Baptized Holiness Church of God of Africa; 150 общин, 10 тыс. членов), Объединенная пятидесятническая церковь Либерии (United Pentecostal Church of Liberia; основана амер. миссионерами в 1936; 70 общин, 6,5 тыс. чел.), Церкви Христа (Churches of Christ; с 1966; 45 приходов, 5 тыс. чел.), Либерийские христианские Ассамблеи Бога (Liberian Christian Assemblies of God; с 1920; 80 общин, 5 тыс. чел.), Всемирные миссии Либерии (World Wide Missions of Liberia; с 1961; 50 общин, 5 тыс. чел.), Либерийская церковь евангельского крестового похода (Liberian Gospel Crusade Church; с 1952; 20 общин, 4 тыс. чел.) и мн. др.

Новоапостольская церковь с центром в Цюрихе (Швейцария) насчитывает в Л. 20 общин, 3,5 тыс. прихожан.

Иеговы свидетели, действующие с 1887 г., имеют 125 общин, ок. 6 тыс. верующих.

Распространены НАЦ в основном харизматического характера. Многие из них возникли благодаря деятельности миссионеров из др. африкан. стран, гл. обр. из Нигерии и Ганы. Эти орг-ции разного типа, носят синкретический характер, испытывая влияние классического пятидесятничества или неохаризматии, а также заимствуя элементы местных традиц. культов. Наиболее значительные из них — Церковь Бога (*Аладура*)

(Church of the Lord (Aladura); в Л. с 1947; 100 общин, 30 тыс. чел.), Объединенная либерийская внутренняя церковь (United Liberia Inland Church; 71 община, 20 тыс. чел.), Церковь межконтинентальной евангелической ассоциации (Transcontinental Evangelical Association Church; 25 общин, 10 тыс. чел.),

Африканское христианское содружество (African Christian Fellowship; 43 общины, 7 тыс. чел.), Гефсиманская церковь Либерии (Gethsemane Church of Liberia; 40 общин, 3,5 тыс. чел.), Церковь 12 апостолов (Church of the Twelve Apostles; 20 общин, 3 тыс. чел.), Африканские ученики Христа (African Disciples of Christ; 20 общин, 2 тыс. чел.), Апостольская церковь Бога Милосердия (Apostolic God of Mercy Church; 15 общин, 2 тыс. чел.), Церковь армии Креста Христа (Army of the Cross Christ Church; 20 общин, 1,5 тыс. чел.) и др.

Ислам представлен в Л. гл. обр. мусульманами-суннитами маликитского мазхаба, действуют суфийские ордена Кадирия и Тиджания. В основном ислам исповедуют представители народностей ваи и гола, в меньшей степени — кпелле, кисси и др. Ислам начал распространяться на территории совр. Л. в XVI в., с распадом гос-в Сонгай и Мали, испытывая, как и в др. странах Зап. Африки, значительное влияние коренных религий. Основные мусульм. праздники свободно отмечаются верующими, функционируют мусульм. начальные и средние школы в городах и сельских населенных пунктах, действует Исламский ун-т в Монровии. Коран и др. мусульм. лит-ра издаются параллельно на англ. и араб. языках. В последние десятилетия отмечались быстрые темпы роста числа мусульман. В 1960 г. создан Национальный мусульманский совет Либерии (законодательно утвержден в 1966), к-рый с 80-х гг. XX в. объединяет основные мусульм. орг-ции в стране. В наст. время более 500 тыс. чел. исповедуют ислам. В незначительном количестве присутствуют адепты псевдоислам. движения Ахмадия.

Традиционные африканские верования распространены гл. обр. в периферийных районах, мало затронутых процессами урбанизации. Большинство данных культов сочетают элементы анимизма, тотемизма, тесно связанного с зоолатрией, фетишизма, а также культа предков. В значительной степени распространено знахарство, колдовство, использование заговоров, амулетов и т. д. Особенностью традиц. культов в Л. (как и в др. странах Зап. Африки) является такая форма религ. практики, как тайные об-ва. В стране действуют 2 основных тайных об-ва — Поро (мужское) и Санде (женское).

В определенной степени они представляют социальные и политические интересы входящих в них мужчин и женщин. Каждое имеет свои особые ритуалы, язык и символы. С момента посвящения дается клятва секретности, члены об-в обычно собираются в уединенных местах в лесу. Во мн. племенах приверженность местным традиционным верованиям сочетается с введением в свои религ. учения норм христианства и исполнением нек-рых христ. обрядов. При этом племенные культы оказывают значительное влияние и на христ. орг-ции, в первую очередь на НАЦ. Ввиду двоеверия точный статистический подсчет приверженцев местных племенных культов затруднен: если официальная статистика снижает их количество до 17–20 тыс. чел., то нек-рые независимые источники считают, что их не менее 1,8 млн чел.

Новые религиозные движения представлены последователями бахаизма, к-рые впервые появились в Л. в 50-х гг. XX в. Ведущей орг-цией бахаистов в стране является Национальная духовная ассамблея Бахаи в Либерии (National Spiritual Assembly of the Bahá'ís of Liberia), основанная в 1975 г. Общее количество адептов — до 12 тыс. чел. Их численность в последние десятилетия быстро растет.

Религиозное законодательство. При большом значении христианства в жизни общества Л. считается светским гос-вом. Основным документом, регламентирующим положение религии в Л., является Конституция 1986 г., к-рая гарантирует всем гражданам право на свободу мысли, совести и религии при соблюдении общественной безопасности и порядка, основ нравственности и прав и свобод др. лиц; все религии рассматриваются как равные (ст. 14). Закрепляется равенство всех либерийских граждан при реализации права на труд независимо от вероисповедания, пола, этнической принадлежности, места происхождения или политических взглядов (ст. 18). Также оговаривается, что никакие религ. и мировоззренческие факторы не могут служить препятствием для объединения людей в к.-л. группы или для создания сообществ и организаций, основанных на к.-л. об-щих взглядах (статьи 78–79).

Все религ. орг-ции проходят положенную по закону проверку и реги-

страцию в Мин-ве культов. Органом, регулирующим взаимодействие основных религ. учений с целью предотвращения и разрешения конфликтов в стране, является Межрелигиозный совет Либерии, в к-рый входят Либерийский Совет Церквей и Национальный мусульманский совет Либерии.

Э. Небольсин

История. Коренное население, которым считаются народы, говорящие на языках кру, проникло на территорию совр. Л. с севера, северо-востока и востока в X–XII вв. Европейцы появились здесь во 2-й пол. XV в. В 1461 г. побережья страны впервые достигли португ. мореплаватели и нарекли этот регион «побережьем зерна» (португ. Malagueta; англ. Grain Coast) из-за обилия семян красного перца, которые они называли «райскими зёрнами». В течение следующих 2 веков европ. купцы торговали с проживавшими вдоль побережья местными племенами. В XV–XVI вв. главными предметами торговли были слоновая кость и перец, но в XVII в. на 1-е место вышла работоторговля. До сер. XIX в. жители прибрежных районов являлись посредниками в трансатлантической торговле невольниками.

В 1816 г. группа белых американцев основала в США Американское колонизационное об-во (АКО), поставившее перед собой цель решить «негритянскую проблему» путем расселения освобожденных черных рабов в Африке. Его возглавил Р. Финли, высокопоставленный представитель Пресвитерианской Церкви в США из Нью-Джерси, к-рый считал, что афроамериканцы никогда не смогут полностью интегрироваться в амер. общество, а их репатриация в Африку способствует постепенному распространению христианства и уничтожению работоторговли на этом континенте. В 1818 г. 2 представителя АКО были направлены в Африку на поиск мест для поселения, и в 1820 г. 88 темнокожих колонистов из Юж. Каролины, Джорджии и Виргинии во главе с 3 белыми американцами направились к берегам Сьерра-Леоне. Перед отъездом они подписали документ о том, что управлять буд. поселением будет представитель АКО. В течение неск. недель поселенцы пытались обосноваться на о-ве Шербро (территория совр. Сьерра-Леоне), где свирепствовала малярия; от нее умерли 25 чел., включая всех белых.

Руководство оставшейся частью группы принял на себя Э. Джонсон, один из черных поселенцев. Направившись с оставшимися в живых на материк, он соединился с др. группой колонистов из США. В 1821 г. вождь небольшого племени деи согласился продать им участок земли у мыса Месурадо, где колонисты приступили к строительству поселения под названием Кристополис («город Христа»). Однако серьезными проблемами для них были малярия, от к-рой умерла значительная часть поселенцев, и постоянные набеги воинственных местных племен. В 1822 г. для руководства поселением прибыл методистский свящ. Дж. Ашмун, который при помощи Джонсона построил укрепления, организовал отряды самообороны, расчистил участки земли под сельскохозяйственные угодья и установил торговые отношения с населением внутренних районов. В 1824 г. вся территория колонии получила название Либерия («страна свободы»; от лат. *liber* — свободный), ее столица была переименована из Кристополиса в Монровию (в честь Президента США Дж. Монро); была принята 1-я конституция; губернатором стал темнокожий ассистент и друг Ашмуна Лотт Кэри, бывш. раб из Виргинии, незадолго до прибытия в Л. ставший баптист. проповедником. Колония находилась в подчинении АКО.

Успехи, достигнутые командой Ашмуна, способствовали дальнейшей колонизации побережья совр. Л. В 1838 г., когда возникли трудности с финансированием и привлечением новых переселенцев, 7 колоний из США, кроме колонии Мэриленд, основанной Колонизационным обществом шт. Мэриленд в 1834 г. на мысе Пальмас, объединились в Содружество Либерии (*Commonwealth of Liberia*). Была принята новая конституция; губернатором стал Т. Бьюкенен.

Миссионерские об-ва из США начали полномасштабную работу с 30-х гг. XIX в., однако в первое время подобные миссии имели успех лишь на побережье страны. Выжить и утвердиться на этой территории вопреки неблагоприятному климату и тяжелым материальным условиям смогли представители Епископальной церкви, баптисты, методисты и пресвитериане из США. Проповедники совершали богослужения среди переселенцев и пытались рас-

ширить паству за счет местного населения и конголезских африканцев с захваченных невольничьих кораблей, к-рых расселяли в Л.

В это время значительный интерес к проповеди в Зап. Африке проявляли и католики из США. Амер. миссионер ирл. происхождения Э. Баррон был направлен в данный регион католич. Об-вом Св. Сердца Марии с целью создать прочную церковную структуру на берегах Гвинейского зал. В 1842 г. Баррон был поставлен апостолическим префектом Двух Гвиней, в состав новой префектуры входила также территория совр. Л. Баррон решил отправиться в Л. к мысу Пальмас с экспедицией из 6 чел. Неск. месяцев спустя, поняв, что сил для плодотворной работы в тяжелых условиях недостаточно, он направился в Габон. В 1843–1844 гг. новая экспедиция Об-ва Св. Сердца Марии, возглавляемая Ж. Р. Бессёе, пыталась утвердиться на мысе Пальмас. Однако в течение 8 месяцев миссионеры умерли от болезней. Оставшиеся в живых вместе с Бессёе были вынуждены отплыть вслед за Барроном в Габон. В 1848 г. монахами Конгрегации отцов Св. Духа была открыта католич. церковь в Монровии, однако ввиду недовольства племенных вождей в 1887 г. ее пришлось закрыть.

В 1841 г. губернатором Л. стал темнокожий американец Дж. Дж. Робертс, выросший и получивший образование в Виргинии. Он сумел расширить прибрежные владения Л. до р. Гранд-Сесс на границе с поселением Мэриленд. Поскольку расходы АКО росли, а сами колонисты поддерживали идею независимости и хотели получить законные права на свою землю, об-во помогло поселенцам создать суверенное гос-во. В 1847 г. была обнародована Декларация независимости и принята 1-я Конституция независимой Л. 26 июля того же года Робертс стал 1-м Президентом Л. Новое гос-во признала Великобритания, а позднее др. страны, включая США. В 1857 г. колония Мэриленд вошла в состав Л. в качестве графства.

Независимая Л. с самого начала своего существования столкнулась с многочисленными проблемами. С 60-х гг. XIX в. Великобритания и Франция начали выдвигать претензии на территорию, ранее признанную либерийской. Во время Гражданской войны в США (1861–1865)

сократилась эмиграция в Л. темнокожих американцев, страна вступила в полосу затяжного экономического кризиса, вызванного вытеснением Л. с международного рынка экспортеров сахара, кофе, пиассавы (пальмовых волокон для изготовления веревок) и натурального красителя из древесины бафии. Л. была вынуждена брать на невыгодных условиях иностранные займы, которые не могла выплачивать. В 80-х гг. XIX в.— 1900-х гг. значительная часть территории Л. (ок. 44%) была аннексирована Великобританией и Францией. Однако страна продолжала сохранять суверенитет, т. к. Великобритания, Франция и Германия, преследовавшие собственные финансовые интересы, не смогли договориться о полном разделе Л. Кроме того, самостоятельность Л. поддерживали США.

Образование независимого гос-ва стало важным событием и для Церквей, к-рые теперь могли действовать более свободно. Однако отсутствие взаимопонимания между миссионерами и местным населением оказалось значительной преградой. Афроамер. поселенцы и их потомки, именовавшие себя американолиберийцами и проживавшие гл. обр. в Монровии и прибрежных поселениях, сохранили убеждение в своей особой роли как представителей высокой цивилизации в единственной свободной стране Африки, что затрудняло деятельность миссии. Отчуждение миссионеров от коренного населения усиливалось также из-за того, что нек-рые прибрежные племена, в частности гребо и кру, в 50-х гг. XIX в. воевали с переселенцами из-за вмешательства правительства Л. в работорговлю. Миссионерская деятельность вызывала отторжение у коренного населения, поскольку она ассоциировалась с чуждой культурой. Тем не менее определенных успехов достигла ЕЦЛ: в 1844 г. Генеральной конвенцией Епископальной церкви США была учреждена миссионерская область Мыс Пальмас и окрестности, первые епископы которой — Дж. Пейн (1851–1871) и Дж. Г. Ауэр (1873–1874) — начали перевод Библии и англиканских гимнов на язык гребо.

В 60–70-х гг. XIX в. на территории Л. возникли миссии амер. лютеран среди племен кпелле и лома. Позднее прозелитическую деятельность

начали методисты из Африканской методистской епископальной и Африканской методистской епископальной сионской церквей. В 1887 г. в страну прибыли свидетели Иеговы. К этому времени успехи ЕЦЛ были очевидны: благодаря деятельности 1-го темнокожего еп. Сэмюэля Д. Фергюсона (1885–1916) количество миссионерских центров в Л.

мая, что миссия будет более успешной на побережье Кру, он перенес ее центральный штаб в Састаун. Прозелитизм здесь имел значительный успех благодаря интеграции идей христианства в повседневную жизнь племен. Посещение мессы и др. церковных служб смогло стать частью жизни людей за счет того, что Оже и его помощники пытались понять местную культуру и традиции и приобщиться к ним. К 1930 г. в графствах Л. было уже 12 миссий среди разных племен.

Американские миссионеры-методисты перед отъездом в Либерию. Фотография. Ок. 1898 г. (Б-ка конгресса США)

В 1932 г., после смерти Оже, руководство было возложено на Дж. Коллинза (1932–1960). Через год Коллинз перевел руководство миссии в

увеличилось до 100, школ — с 9 до 25, а число священников — с 10 до 26 чел. С 1913 г. юрисдикция ЕЦЛ стала называться миссионерская область Либерия. К 1914 г. англикане имели 11 тыс. последователей.

В нач. XX в. после ряда неудачных попыток была создана католич. миссия: 18 апр. 1903 г. Ватикан создал апостолическую префектуру Либерия, выделив ее территорию из апостолического викариата Сьерра-Леоне. Распространение католичества в Л. было поручено Об-ву африканских миссий (Society of African Missions), представитель к-рого — ирландец С. Кайн — 6 февр. 1906 г. был назначен апостолическим префектом Л. Он прибыл в Монровию со своими сподвижниками в окт. 1906 г. и в течение года в поселении Кекру среди племени гола основал миссию, которая получила название Миссия Св. Сердца. В дальнейшем католики распространили деятельность на народности басса, кпелле, гребо в глубине Л. В 1909 г. была открыта миссия в Монровии, к-рая выполняла задачу по координации работы всех миссионерских центров с целью распространения христианства в отдаленных горных и лесных районах страны. В янв. 1911 г. новым префектом был поставлен очередной представитель Об-ва африканских миссий — Жан Оже (1911–1931). Пони-

новый адм. центр Гбарнга, что способствовало открытию миссионерских станов во внутренних районах страны, которые были до этого недосыгаемы. При каждой миссии создавались школы и медицинские пункты. В апр. 1934 г. статус апостолической префектуры Л. был повышен до викариата, Коллинз стал викарием. Для активизации прозелитической деятельности он привлек в 1936 г. монахинь из ордена Францисканских миссионеров Марии. Их работа способствовала улучшению общедоступного образования и бесплатных медицинских услуг. Коллинз поощрял местных юношей к принятию священнического сана, посылая на обучение в католич. семинарии на Золотой Берег (ЗБ, ныне Гана) кандидатов на рукоположение. Первый католич. священник из коренного населения Патрик Джувле был хиротонисан в дек. 1946 г.

В 1-й трети XX в. значительную миссионерскую активность в Л. проявляли также и протестанты, в числе к-рых были представители Ассамблей Бога, Пятидесятнических Ассамблей Мира, Либерийских христианских Ассамблей Бога, АСД. Христ. миссии и светская власть обща противодействовали влиянию анимизма и фетишизма в стране. Католич. миссионеры колебались, не желая быть причисленными к раз-

рушителям африкан. культуры; протестантские миссии заняли более жесткую позицию, но не могли ничего противопоставить традиционному отношению местного населения к элементам племенных культур. В нач. XX в. президенты страны А. Баркли и Д. Э. Говард отказались от жестких мер и гонений на туземные культы, наподобие предпринятых губернатором Берега Слоновой Кости (БСК, ныне Кот-д'Ивуар) Г. Ангульваном, посчитав это тупиковым путем: любое насилие заставляло туземцев укореняться в двоеверии, скрывая свои ритуалы, и создавать хорошо организованные тайные об-ва. Ответная реакция коренных африканцев на христ. проповедь была направлена на поиск собственного «африканского христианства». В 1913 г. в Зап. Африке появился новый харизматический проповедник У. У. Харрис, молодой африканец из племени гребо, крещенный англикан. еп. С. Фергюсоном, но недовольный как религ. жизнью «европейских миссий», так и социальным положением коренного населения. Получив (по собственному свидетельству) откровение свыше, Харрис пытался поднять восстание гребо против властей Л. и был арестован. В тюрьме, по словам Харриса, его «посетил архангел Гавриил и призвал на проповедь». Выйдя на свободу, он объявил себя «великим Божиим пророком» и в белом одеянии с огромным бамбуковым крестом в руках прошел весь берег Гвинейского зал.— от Л. до БСК и ЗБ. Его проповедь была столь успешна, что общее количество его сторонников на БСК и ЗБ достигло ок. 100 тыс. В нач. 1915 г. франц. колониальная администрация, обеспокоенная неконтролируемым ростом популярности движения Харриса, выслала его с БСК. Он вынужден был вернуться в Л., где оставался до смерти в 1929 г. Важным результатом этого движения стало возникновение условий, которые позднее привели к распространению т. н. НАЦ. Религ. политика властей Л. в межвоенные десятилетия состояла в отказе от покровительства к.-л. религии, что давало определенные возможности разным группам развернуть свою религиозную деятельность. Протестантский прозелитизм на протяжении 30-х и 40-х гг. XX в. развивался благодаря как приезду новых миссий из США (реже из Европы), так

и созданию африканцами собственных автономных организаций, которые в это время искали новые формы выражения своей христианской веры, адаптированные к африканской культуре.

В 1926 г. при активном участии Гос. департамента США Л. получила от амер. компании «Файрстоун» кредит в 5 млн долл., к-рый необходимо было выплатить в течение 40 лет. Взамен правительство Л. сдало в аренду этой компании сроком на 99 лет территорию площадью примерно 400 тыс. га для выращивания каучуконосов. Был назначен финансовый советник из США, которому ежегодно направлялся для одобрения гос. бюджет Л. Более того, с этого времени Л. могла брать новые займы только с согласия компании «Файрстоун». В 30-х гг. XX в. Лига наций расследовала обвинения правительства Л. в использовании труда рабов и вскрыла причастность вице-президента А. Янси к насильственной вербовке коренных либерийцев для работы на о-ве Фернандо-По (ныне Биоко). Президент Ч. Кинг был вынужден уйти в отставку. Используя эту ситуацию, Великобритания поставила вопрос о введении над Л. опеки Лиги наций. Новый Президент страны Э. Баркли предотвратил установление международного контроля, запретив использование за рубежом рабочих из Л. и практику передачи родственников должника кредиторам в качестве залога до выплаты долга. Кроме того, ему удалось договориться о более выгодных для Л. условиях по контракту с «Файрстоун». Когда началась вторая мировая война, Л. объявила о своем нейтралитете. Однако соглашение с «Файрстоун» значительно укрепило экономические связи с США, и в 1942 г., получив от них гарантии суверенитета и обещание технической помощи либерийским Вооруженным силам, правительство Л. дало согласие на строительство на своей территории американской военно-воздушной базы Робертсфилд. В 1943 г. между Л. и США было заключено соглашение о сооружении совр. порта в Монровии. Тогда же была достигнута договоренность о помощи США в реализации плана экономического и социального развития Л., в основу к-рого была заложена идея объединения американо-либерийцев с коренным населением и осуществления поли-

тики открытых дверей для частного иностранного капитала. В янв. 1944 г. Л. присоединилась к антигитлеровской коалиции и объявила войну Германии. Благодаря увеличению доходов от экспорта каучука и периодическим займам и субсидиям США в послевоенный период, Л. сумела выплатить все долги компании «Файрстоун» к 1951 г.

В 50-х гг. XX в. все основные протестант. церкви завершили «деколониализацию», т. е. передачу полномочий представителям коренного населения. Первыми это сделали пресвитериане и методисты, затем англикане, сформировавшие провинцию Зап. Африка (приходы в Л., Гамбии, Сьерра-Леоне и Нигерии), а также католики, к-рые уже имели священников из числа местного населения. В февр. 1950 г. состоялось разделение католических епархий Л.: была образована апостолическая префектура Мыс Пальмас. Коллинз получил титул апостолического викария Монровии, а апостолическим префектом Мыса Пальмас был назначен Ф. Кэрролл. Миссионеры ирландской провинции Об-ва африканских миссий отвечали за викариат Монровия, а окормление префектуры Мыс Пальмас было поручено амер. провинции об-ва. В 50–60-х гг. XX в. викариат смог привлечь ряд монашеских конгрегаций (в т. ч. Св. Франциска Сальского и Отцов Св. Духа) для помощи в социальном служении. В этот период возводились новые и модернизировались старые школы и клиники. В авг. 1963 г. по согласованию президента У. Табмана с папой Римским *Пием XII* был создан соответствующий требованиям того времени католический госпиталь св. Иосифа. Монашеские ордены пополнялись верующими из числа местного населения. Все больше кандидатов в священники отправлялись в семинарии Ганы и Нигерии. После кончины в 1961 г. Коллинза викариат Монровия возглавил Кэрролл, а незадолго до этого поставленный епископом Н. Гримли был назначен на кафедру Мыс Пальмас, возвышенную до статуса апостолического викариата. В 60-х гг. XX в. структуры католич. Церкви продолжили свое развитие: в 8 городах были созданы новые миссии; основаны 2 семинарии; модернизировались образовательные и медицинские учреждения; Церковью была организована система финансо-

вой помощи малоимущим; внедрялись проекты освоения сельскохозяйственных угодий.

В кон. 60-х гг. XX в. шел процесс создания межконфессиональных христианских организаций. В 1967 г. было образовано Христианское сельское содружество (Christian Rural Fellowship). В 1968 г. консервативные протестанты объединились в Либерийское евангелическое фундаменталистское сообщество (Liberian Evangelical Fundamental Fellowship), которое 6 лет спустя, изменив название на Либерийское евангелическое сообщество (Liberian Evangelical Fellowship), вступило в Ассоциацию евангеликов Африки и Мадагаскара (Association of Evangelicals of Africa and Madagascar). В 1970 г. для объединения усилий мирян, работавших в социальной сфере, была создана Объединенная экуменическая орг-ция (United Ecumenical Organization), в которую вошли представители методистов, англикан и в меньшем количестве католиков. В эти же годы была создана Национальная межденоминационная епископская конференция (National Interdominational Conference of Bishops), к-рая дала возможность руководителям католической, англиканской, лютеранской и методистской Церквей Л. обсуждать проблемы служения и проповеди в трудных районах и координации своей деятельности.

В 1973 г. П. Джувле стал 1-м католич. епископом из коренного населения, возглавив после ухода на покой еп. Н. Гримли апостолический викариат Мыс Пальмас. При нем переводили и печатали богослужебную литературу на языках местного населения, что способствовало укреплению католич. Церкви в Л. После его смерти в 1974 г. все поставляемые епископы были коренными жителями Л. В 1976 г. викариат Монровия возглавил также автохтонный либериец М. К. Фрэнсис. В 1981 г. викариат Мыс Пальмас получил статус епископства, а викариат Монровия — архиепископства. В нояб. 1986 г. из архиепископства Монровия были выделены 3 округа (Бонг, Лола и Нимба) и включены в состав нового епископства Гбарнга, во главе которого был поставлен Б. Д. Секей. Тем самым было сформировано совр. административно-иерархическое устройство католич. Церкви в Л.

В 1970 г. миссионерская область ЕЦЛ была преобразована в еп-ство Либерия. В 1979 г. ЕЦЛ подписала с Епископальной церковью США Соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи. Данный документ, подготавливая переход ЕЦЛ в юрисдикцию Церкви провинции Зап. Африка, подчеркивает значимость ис-

*М. К. Фрэнсис,
архиеп. Римско-католической Церкви
в Монровии. 1981–2011 гг.
Фотография. 1992 г.*

торической связи американских и либерийских англикан и важность регулярных консульстаций и активного сотрудничества по всем вопросам. В 1982 г. общины ЕЦЛ официально перешли в юрисдикцию Церкви провинции Зап. Африка, перестав быть частью Епископальной церкви США, но сохранив с ней прочную связь. Тесное взаимоотношение с религ. орг-циями США является характерной чертой не только либерийских англикан, но и методистов и в определенной степени баптистов.

Значительные иностранные инвестиции в горнодобывающую промышленность позволили Л. к сер. 60-х гг. XX в. стать крупным экспортером железной руды. При президентах Табмане (1944–1971) и У. Толберте (1971–1980) Л. поддерживала тесные связи с США, стремясь одновременно повысить свою роль в Африке и улучшить отношения с коммунистическими странами. Монополия на власть по-прежнему сохранялась в руках американско-либерийской элиты. В 70-х гг. XX в. в Л. появилась сильная и хорошо организованная политическая оппозиция. В апр. 1979 г. по стране прокатились мощные волнения, вызванные недовольством населения ростом цен на продовольствие.

12 апр. 1980 г. в результате переворота во главе со старшим сержантом С. Доу было свергнуто правительство Толберта. Власть в стране перешла к Совету народного спасения, председателем которого стал Доу, присвоивший себе звание генерала. Внешний мир осудил убийство президента Толберта и 13 членов его кабинета, но вскоре отношения с США были восстановлены, а объем амер. финансовой помощи увеличился. Тем не менее в нач. 80-х гг. XX в. в экономике Л. произошел глубокий спад. Популярность режима Доу упала, в т. ч. из-за расправ над бывшими соратниками лидера страны, которых сажали в тюрьмы или казнили. В окт. 1985 г. Л. формально вернулась к гражданскому правлению, но на состоявшихся в том же году президентских выборах победу одержал Доу.

В дек. 1989 г. в графстве Нимба вспыхнуло вооруженное восстание небольшой партизанской группы Национальный патриотический фронт Либерии (НПФЛ), во главе которого стоял Ч. Тейлор — бывш. сотрудник гос. аппарата, в 1984 г. обвиненный Доу в казнокрадстве. К кон. 1990 г. НПФЛ контролировал более 90% территории страны, а численность его бойцов увеличилась до неск. тысяч. От него откололась группа во главе с Й. Джонсоном, воевавшая и против сил Тейлора, и против Доу. В результате совместных усилий Либерийского совета Церквей и Национального мусульманского совета Либерии в 1990 г. был основан Межрелигиозный совет Либерии для предотвращения и разрешения конфликтов в стране. Новообразованная организация, которую возглавил мусульманин шейх Кафумба Конне, сыграла важную роль в разработке ЭКОВАС мирного плана, который включал прекращение огня, подготовку мирных переговоров, ввод миротворческих сил и разоружение конфликтующих сторон. В авг. 1990 г. в Л. были направлены 3 тыс. миротворцев из Группы контроля за прекращением огня ЭКОВАС, получившей название ЭКОМОГ (ECOWAS Monitoring Group).

В сент. 1990 г. президент Доу во время переговоров с Джонсоном был захвачен и позднее убит. К 1991 г. численность ЭКОМОГ достигла 10 тыс. чел. Тейлор, Джонсон и капитан У. Дигтз, возглавлявший либерий-

ские Вооруженные силы, достигли договоренности о прекращении боевых действий, к-рая соблюдалась до весны 1992 г. Летом произошло неск. столкновений сил Тейлора с новым участником гражданской войны — Объединенным освободительным движением Либерии за демократию (УЛИМО), где главной силой были сторонники свергнутого режима Доу; их базы находились на территории Сьерра-Леоне. Усиливались бои за Монровию, в ходе к-рых части ЭКОМОГ атаковали укрепления НПФЛ с суши, моря и воздуха. Боевые действия продолжались до сер. 1995 г. 26 авг. 1995 г. в Абудже (Нигерия) было достигнуто соглашение о прекращении огня и разоружении 60 тыс. партизан. Управление Л. передавалось созданному еще в дек. 1994 г. Государственному совету, в состав к-рого вошли основные враждующие стороны. Государственный совет с переменным успехом пытался наладить управление страной, но часто его распоряжения выполнялись только в Монровии. Силы ЭКОМОГ и группа военных наблюдателей ООН стремились добиться выполнения договоренностей 1995 г. После того как в апр. 1996 г. Государственный совет обвинил в военных преступлениях руководителя одной из вооруженных группировок, Р. Джонсона, и отдал приказ о его аресте, в Монровии произошли самые крупные за годы гражданской войны вооруженные столкновения, сопровождавшиеся массовым мародерством. Через 2 недели было достигнуто хрупкое перемирие, а затем возобновились военные действия. В июле—авг. 1996 г. по инициативе ЭКОВАС было достигнуто соглашение, к-рое предусматривало полное прекращение огня к янв. 1997 г. и уход из Государственного совета лидеров основных противоборствующих сил накануне всеобщих выборов, намеченных на май 1997 г. Согласно одному из положений мирного соглашения, в сент. 1996 г. главой Государственного совета стала бывш. сенатор Рут Перри. В нач. 1997 г. Тейлор разоружил и распустил НПФЛ, создав на его основе Национально-патриотическую партию (НПП). Вскоре его примеру последовали лидеры других группировок, которые распустили свои военные формирования и создали политические партии. В марте 1997 г. Тейлор и др. руководители группировок,

выполняя условия соглашения о мире, вышли из состава Государственного совета. 19 июля 1997 г. были проведены президентские и парламентские выборы, в результате которых Президентом Л. стал набравший 75,3% голосов Тейлор, а созданная им НПП завоевала подавляющее большинство мест в обеих палатах парламента. Тейлор сформировал кабинет министров из 19 чел., в его состав вошли несколько бывш. членов Государственного совета. В авг. 1997 г. страны — члены ЭКОВАС призвали силы ЭКОМОГ оставаться в Л. для поддержания порядка в период национального примирения. В сент. 1998 г. в Монровии вновь вспыхнули вооруженные столкновения между правительственными войсками и военными формированиями мятежников, поддерживавшими Р. Джонсона.

В 2000–2001 гг. зона военного конфликта расширилась до пограничных с Гвинеей и со Сьерра-Леоне районов. В февр. 2002 г. в Л. было объявлено чрезвычайное положение. 17 июня того же года в г. Аккра (Гана) между правительством и повстанцами было подписано соглашение о прекращении огня. Однако повстанцы нарушили соглашение и потребовали немедленной отставки президента Тейлора. 11 авг. 2003 г. он добровольно передал власть вице-президенту М. Бла и выехал в Нигерию, предоставившую ему убежище. 18 авг. между противоборствующими сторонами было подписано мирное соглашение, согласно к-рому в окт. были сформированы временные правительство и однопалатный парламнт. С 2004 г. начался экономический рост. Осенью 2005 г. при поддержке ООН состоялись первые за 20 лет всеобщие демократические выборы: во 2-м туре (8 нояб. 2005) победу одержала бывш. высокопоставленный чиновник Всемирного банка Э. Джонсон-Серлиф, став 1-й в истории Африки женщиной-президентом. В марте 2006 г. новое правительство отменило некоторые заключенные прежним правительством контракты (на добычу железной руды, разведку месторождений нефти на прибрежном шельфе и др.), как не отвечающие национальным интересам. 17 марта 2006 г. правительство Л. официально обратилось к Нигерии с просьбой выдать бывш. президента Тейлора, который обвинялся в развязывании граждан-

ской войны в Л. и в провоцировании конфликта в Сьерра-Леоне. В июне 2006 г. Тейлор был доставлен в Гаагу (Нидерланды), чтобы предстать перед Международным уголовным судом. В апр. 2012 г. он был признан виновным в военных преступлениях и приговорен к 50-летнему тюремному заключению, которое он по наст. время отбывает в Великобритании. Тейлор стал 1-м африкан. лидером, осужденным международным трибуналом.

Затяжная гражданская война в Л., в ходе к-рой погибли ок. 250 тыс. чел., сопровождалась массовыми репрессиями в отношении мирного населения, обострением межэтнических противоречий, хаосом в экономике, голодом и обнищанием огромного числа жителей страны. Сотни тысяч людей были вынуждены эмигрировать (по разным оценкам, в соседних с Л. странах насчитывается от 700 тыс. до 1 млн беженцев). В этих условиях представители христ. конфессий принимали участие в урегулировании конфликта и оказывали помощь пострадавшим от последствий гражданской войны. В 90-х гг. XX в. в миротворческих целях была создана Комиссия католической Церкви Либерии за справедливость и мир. Прибывшая в Л. еще в нач. 90-х гг. XX в. католич. благотворительная орг-ция «Каритас» в 1999–2003 гг. оказывала помощь вынужденным переселенцам, организуя поставки продовольствия и медикаментов. С 2003 г. она реализует программы долгосрочного развития сельского хозяйства, образования, здравоохранения и социальных программ.

На президентских выборах 2011 г. победу вновь одержала Джонсон-Серлиф, получившая 90,7% голосов избирателей. Ее деятельность была признана международным сообществом; в 2011 г. ее наградили Нобелевской премией мира за ненасильственную борьбу за безопасность женщин и их право на участие в миротворческой деятельности.

В марте 2014 г. в Л. началась эпидемия лихорадки Эбола. В авг. в стране было объявлено чрезвычайное положение и закрыты государственные границы. К осени 2015 г. от лихорадки умерло ок. 4 тыс. чел. Президент Джонсон-Серлиф в борьбе с эпидемией сумела мобилизовать внутренние силы страны и заручиться международной поддерж-

кой. В февр. 2015 г. были открыты гос. границы и отменен комендантский час, введенный из-за распространения вируса Эбола. 3 сент. 2015 г. Всемирная орг-ция здравоохранения объявила Л. свободной от лихорадки Эбола.

Эпидемия значительно повлияла на социально-экономическую ситуацию в Л. Темпы роста ВВП страны резко сократились с 8,7% в 2013 г. до 0,5% в 2014 г.; инфляция в 2014 г. составила 9,8%; уровень безработицы — ок. 80%. В настоящее время ок. 70% населения живет за чертой бедности.

В то же время правительство проводит реформы по укреплению органов гос. власти и механизмов, позволяющих самостоятельно поддерживать стабильную ситуацию, т. к. Миссия ООН в Л., учрежденная СБ ООН в 2003 г., должна передать руководству страны все полномочия по обеспечению безопасности в Л. в 2016 г.

Характерной чертой религиозной жизни начиная с 80-х гг. XX в. является повышение активности пятидесятнических и неохаризматических орг-ций. В основном эти группы имеют африкан. происхождение и не связаны с к.-л. орг-циями из США и Европы. Причина их бурного роста заключается в близости к культуре местных племен, способности адаптироваться к специфическим условиям африкан. жизни, быстро откликаться на нужды верующих в меняющихся условиях. Результаты офиц. переписи населения 2008 г., согласно к-рой 85,5% жителей страны являются христианами, у мн. независимых статистических агентств (как христианских, так и светских) вызывают сомнения. По состоянию на кон. XX — нач. XXI в. они причисляют к приверженцам традиц. африкан. верований до 45% населения Л., при этом количество христиан оценивают не более чем в 40%. В то же время количество мусульман в офиц. и независимой статистике приблизительно совпадает: 12,2% — по переписи, 16–18% — согласно независимым источникам. При этом мусульмане, живущие гл. обр. на севере страны, имеют самый высокий рейтинг роста: 11,3% в год. Ежегодный темп роста количества христиан составляет 8,6%, традиц. племенных культов — 7,8% в год. Данная статистика предполагает, что значительная часть населения Л.,

проживающая в труднодоступных горных лесных районах, по-прежнему не охвачена христ. проповедью. В этой связи в последние годы в либерийском обществе ведется широкая дискуссия о том, может ли Л. считаться христ. страной. В обсуждениях принимают активное участие все религ. лидеры Л., представляющие все христ. орг-ции, а также ислам, бахаизм и традиц. племенные верования.

Лит.: *Campbell R. F.* Within the Green Wall: The Story of Holy Cross Liberian Mission, 1922–1957. West Park, 1957; *Шаревская Б. И.* Старые и новые религии Тропической и Юж. Африки. М., 1964; *Holden E.* Blyden of Liberia: An Account of the Life and Labors of Edward Wilmot Blyden. N. Y., 1967; *Wold J. C.* God's Impatience in Liberia. Grand Rapids (Mich.), 1968; *Shick T. W.* Behold the Promised Land: A History of Afro-American Settler Society in 19th Cent. Liberia. Baltimore, 1980; *Hogan E. M.* Catholic Missionaries and Liberia: A Study of Christian Enterprise in West Africa, 1842–1950. Cork, 1981; *Либерия // Африка: Энцикл. справ. М., 1987. Т. 2. С. 50–59; Шпажников Г. А.* Религии стран Африки: Справ. М., 1981; *Gifford P.* Christianity and Politics in Doe's Liberia. Camb., 1993; *Кочакова Н. Б.* Эволюция тайных обществ: Их меняющиеся роли в соц.-полит. жизни гос-в Зап. Африки // Африка: Культура и общество: Традиции и современность. М., 1994. С. 116–123; *Blyden E. W.* Christianity, Islam and the Negro Race. Baltimore, 1994; *Kulah A. F.* Theological Education in Liberia: Problems and Opportunities. Lithonia (GA), 1994; *Somah S. I.* Historical Settlement of Liberia and Its Environmental Impact. Lanham (Maryland), 1995; *Brouwer S. et al.* Exporting the American Gospel: Global Christian Fundamentalism. N. Y., 1996; *Konneh A.* Religion, Commerce, and the Integration of the Mandingo in Liberia. Lanham, 1996; *Ellis S.* The Mask of Anarchy: The Destruction of Liberia and the Religious Dimension of an African Civil War. N. Y., 1999; *Sundkler B., Steed Ch.* A History of the Church in Africa. Camb., 2000; *Dunn E. D., Beyan A. J., Burrowes C. P.* Historical Dictionary of Liberia. Lanham, 2001; *Yoder J. Ch.* Popular Political Culture, Civil Society, and State Crisis in Liberia. Lewiston, 2003; *Pham J.-P.* Liberia: Portrait of a Failed State. N. Y., 2004; *Olukoju A.* Culture and Customs of Liberia. Westport, 2006; *Christianity in Liberia: Christian Missionaries in Liberia, Liberian Christians, Roman Catholic Dioceses in Liberia, George Weah. S. I., 2010; Sherman F.* Liberia: The Land, Its People, History and Culture. Dar es Salaam (Tanzania), 2011; *Конфликты в Африке: Причины, генезис и проблемы урегулирования: (Этнополит. и соц. аспекты): [Сб. ст.]. М., 2013; Bronwen E.* Abolition and Empire in Sierra Leone and Liberia. Houdmills (Basingstoke), 2013; *Денисова Т. С.* ЭКОВАС и проблемы регионального миротворчества: (К 40-летию ЭКОВАС) // Азия и Африка сегодня. М., 2015. № 9. С. 37–43 *Прокопенко Л. Я.* Либерия // www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/LIBERIYA.html [Электр. ресурс].

Э. Небольсин, Л. Я. Прокопенко

ЛИБЕРОВСКИЙ Евграф Алексеевич (1754, Холмогоры — после 1803, Архангельск), иконописец, архитектор, имел чин коллежского асессора. Сын протоиерея Преображенского собора в Холмогорах Алексия Либеровского († 1778; см.: ГААО. Ф. 831. Оп. 2. Д. 60. Л. 12). Отец иконописца, будучи студентом МДА, в 1747 г. стал преподавателем риторики, логики и физики в Славяно-латинской школе (семинарии) в Холмогорах (ГААО. Ф. 1025. Оп. 5. Д. 1272. Л. 32). Л. упомянут «в подьяках» холмогорского Преображенского собора в 1767 г. в возрасте 13 лет (ГААО. Ф. 361. Оп. 1. Д. 48. Л. 8). Получил художественное образование в С.-Петербурге. Иконописью занимался с 1764 г. в составе артелей. 17 дек. 1764 г. холмогорские иконописцы Л., Алексей Мехряков и Иван Ключарев по контракту от Холмогорской духовной канторы поновляли иконы в церквях Зальевского прихода Холмогорского у. (ГААО. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 1428).

В 1767–1771 гг. Л. поновлял иконы «оперханные и почернелые» в церквях Ровдогорской, Куростровской, Нижнекойдокурской, Паниловской и Ступинской волостей, а также в Костогорском Георгиевском приходе Холмогорской округи. В 1767 г. в Чухчеремском Николаевском приходе «в декабре месяце ездил по приходу иконописец Евграф Либеровский с товарищи, по данной ему инструкции, для осмотра в церквях святых образов, которые подлежат возобновить и вновь переписать, и по тому осмотру он, Либеровский, с товарищи, отобрав в выше реченном Чухчеремском Николаевском приходе в церквях в верхнем иконостасе образов пять для возобновления, да взялся вновь написать образ пятнишной Рождества Христова...» (ГААО. Ф. 361. Оп. 1. Д. 137. Л. 9, 11, 14, 18, 40, 42, 45, 46, 50, 51, 54–57). В 1772 г. иконописцы Л. и Мехряков были отпущены из Холмогор в Емецкую и Подвинскую четверть для иконописных работ (Там же. Д. 294).

В 20-х гг. XX в. в ц. Воскресения Христова с. В. Матигоры хранилась железная хоругвь с подписью, что исполнил сей образ Л. в 1791 г. (ГААО. Ф. р-273. Оп. 8. Д. 9. Л. 20). Мастер составил проект иконостаса крестовой ц. во имя блгв. кн. Александра Невского Архангельского архиерейского дома, к-рый строился в 1779–

1784 гг. (Архангельские ГВ. 1845. № 44. Ч. неофиц.). В 1793–1794 гг., после пожара кафедрального Троицкого собора в Архангельске, Л. было поручено спроектировать новый иконостас (был закончен после смерти автора; не сохр.) (Архангельские ЕВ. 1896. № 3. С. 79–80). В 1794 г. в соборе «был поставлен резной иконостас с 4-створчатыми царскими вратами (очень редкими в России), прекрасной работы Верховажского мещанина Лобанова, по проекту известного архитектора Либеровского» (ГААО. Ф. р-2838. Оп. 2. Д. 5. Л. 59). Л. упоминается в Ведомости церковнослужителей 1795 г. (ГААО. Ф. 39. Оп. 3. Т. 1. Д. 143. Л. 1 об.) и в списке архангельских живописцев, «знающих искусство в письме живописных портретов», за 1799 г. (ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 142. Л. 12). В 1803 г. возобновил крестовую ц. во имя ап. Иакова, брата Господня, в Успенском жен. мон-ре в Холмогорах: поставил новый иконостас и построил винтовую лестницу на хоры, которые поддерживались 2 столбами, увенчанными «изваяниями ангелов» (ГААО. Ф. 1025. Оп. 5. Д. 1272. Л. 84).

Лит.: *Кольцова Т. М.* Северные иконописцы: Опыт библиограф. словаря. Архангельск, 1998. С. 73–76; *она же.* Искусство Холмогор XVI–XVIII вв. М., 2009. С. 95.

Т. М. Кольцова

ЛИБИЙ СЕВЕР [лат. Libius Sevegus; греч. Σεβήρος; Флавий Ливий Север], император Зап. Римской империи (19 нояб. 461 — 15 авг. или

Имп. Либий Север.
Солид. Аверс. 461–465 гг.
(Национальный
археологический музей,
Флоренция)

14 нояб. 465). На время его правления пришелся все углублявшийся процесс распада империи. По сведениям визант. хрониста Феофана Исповедника (нач. IX в.), Л. С. имел

прозвище Серпентий (Σερπέντιος; Змеиный; *Theoph. Chron.* P. 112). Происхождение прозвища неясно. Оно не зафиксировано в современных Л. С. лат. источниках и, возможно, является уничижительной кличкой, к-рую он получил в К-поле, ввиду того что в Византии никогда не был признан законным императором. Однако в визант. «Пасхальной хронике» (нач. VII в.; *Chron. Pasch.* P. 593) под 462 г. указано консульство визант. имп. Льва I и Серпентия, что дает возможность утверждать, что прозвище могло быть частью офиц. имени Л. С. Однако неясно, откуда эти сведения появились в Пасхальной хронике, т. к. консулаты Л. С. в V в. в К-поле не признавались.

О жизни Л. С. до его правления сведений нет. Вероятно, он принадлежал к сенаторскому сословию. «Галльская хроника» 511 г. и *Кассиодор* сообщают, что он был родом из Лукании (*Cassiod. Chron.* AD. 461; *Chron. min.* 511 // *MGH. AA.* T. 9. P. 664). Вскоре после гибели имп. *Майориана* Л. С. был провозглашен

Имп. Либий Север.
Солид. Аверс. Реверс.
461–465 гг.

императором в Равенне (19 нояб. 461) и одновременно консулом на 462 г. Л. С. был ставленником магистра армии Запада империи Рицимера (Рекимера), гота по происхождению, к-рый был фактическим правителем Италии и неск. др. регионов в центре Европы. Ничего не известно о к.-л. действиях или решениях Л. С. во внешней политике и взаимоотношениях с варварами. В 463–465 гг. все дипломатические связи с К-полем поддерживались самим Рицимером. Кроме визант. имп. Льва I Л. С. не признал комит Далмации Марцеллин. Уже в 461 г. комит получил поддержку имп. Льва I и начал военные действия против Рицимера. Однако в 462 г. дипломатические усилия Рицимера привели к тому, что Лев убедил Марцеллина прекратить на время боевые действия, хотя напряжение между ним и Рицимером сохранялось. С 462 г. вандалы во-

зобновили морские набеги из Карфагена на побережье Италии, а в 463 г. захватили Сардинию и Корсику. Король вандалов Гейзерих поддерживал в качестве претендента на римский престол имп. Олибрия, женатого на Пладиции, дочери имп. Валентиниана III (425–455), и жившего в К-поле. В Галлии власть Л. С. не признал магистр армии Эгидий. Рицимер назначил вместо него лояльного к Л. С. Агриппина, однако Эгидий не смирился с тем, что его сместили с должности, и закрепился с войском на севере страны. Кроме того, могущественный комит и магистр Непоциан, имевший в империи ранг, равный с Рицимером, также не признал Л. С. и вступил в союз с вестготами в Испании. Галлия оказалась разделена между 3 лагерями враждующих полководцев, каждого из к-рых поддерживали группировки германцев.

В течение последних 2 лет правления Л. С. происходило некоторое потепление в отношениях Италии и К-поля. С 464 г. консулы на Западе не провозглашались; это право было полностью передано имп. Льву. Вторая новелла Л. С. (от 25 сент. 465)

была издана от имени его и имп. Льва. Остается неизвестным, давал ли Лев

на это разрешение, или же Л. С. этим жестом пытался продемонстрировать свое согласие со Львом. Новелла касается вопросов о браке представителей куриалов с колонатами и ужесточает положение последних, т. к. отныне дети от этих браков переходили в состояние колонатов. Более ранняя новелла, от 20 февр. 463 г., подтверждала законодательство имп. Майориана о вдовах, которым запрещалось отчуждать имущество своих покойных мужей, но разрешалось свободно пользоваться правом узурфрукта.

Л. С. умер в Риме; согласно указанию в «Старших Венских фазах» — 15 авг. (*Chron. min.* I // *MGH. AA.* T. 9. P. 305). Однако, поскольку 2-я новелла Л. С. датируется 25 сент., то эта дата может быть ошибкой переписчика, указавшего XVIII день до сентябрьских календ вместо XVIII дня до декабрьских календ,

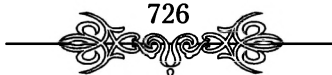
т. е. 14 нояб. Согласно утверждению Кассиодора, Л. С. был отравлен по приказу Рицимера, к-рого стал тяготить своими действиями никем не признанный император (*Cassiod. Chron.* AD. 464). Однако это мнение опровергает *Сидоний Аполлинарий*, в панегирике имп. Прокопию Анфимию он указал, что Л. С. умер своей смертью (*Sidon. Apol. Carmina.* II 317–318).

Лит.: *Pauly, Wissowa.* Bd. 2. Sp. 2006; PLRE. Vol. 2. P. 1004–1005; *Mathisen R. W.* Libius Severus (461–465 AD) // *De Imperatoribus Romanis: An Online Encyclopedia of Roman Emperors.* 1997 (www.roman-emperors.org/libius.htm [Электр. ресурс]); *Циркин Ю. Б.* «Генеральные государства» на территории Зап. Римской империи // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2013. Вып. 12. С. 462–472.

Д. В. Зайцев

ЛИБОРИЙ [лат. Liborius; франц. Liboire] (IV–V вв.?), св. (пам. зап. 9 апр., 23 июля), еп. г. Ценоманы (ныне Ле-Ман, деп. Сарта, Франция); почитается как покровитель города и архиеп-ства Падерборн (Германия). Достоверных сведений о жизни Л. нет. Самые ранние упоминания о нем относятся к 836 г., когда в Ле-Мане, в базилике Апостолов (впосл. приорат Сен-Виктёр), были обнаружены гробницы епископов Иулиана, Турибия, Павация, Хадоинда и Л. Еп. Турибий занимал кафедру в V в., Хадоинд — в VII в.; время жизни других епископов неизвестно.

Противоречивые сведения о Л. изложены в «Деяниях Ле-Манских епископов», составленных по указанию еп. Альдрика (832–857). Согласно «Деяниям...», Л., галл по происхождению, был преемником еп. Павация и занимал кафедру во время правления императоров Константина и Валентиниана. В общих словах описываются его благочестие и усердная пастырская деятельность; епископ построил 17 церквей, рукоположил 217 пресвитеров, 186 диаконов и 93 субдиакона. Когда Л. умирал (9 июня), рядом с ним находился св. *Мартин*, еп. г. Туроны (ныне Тур, Франция) († 397). Л. был похоронен в базилике Апостолов в пригороде Ценоман, где находились могилы св. *Иулиана*, 1-го еп. Ценоманского, а также епископов Турибия и Павация. Св. Мартин назначил преемником Л. еп. Виктурия (*Actus.* 1901. P. 44–48). На «Деяниях...» основано Житие Л., составленное в XII–XIII вв. и обнаруженное *боллан-*

дистами в легендарии епископства Ле-Ман (BHL, N 4911, 4915; изд.: ActaSS. Iul. T. 5. P. 407). В средне-век. перечнях Ле-Манских епископов Л. назван 4-м предстоятелем кафедры (он занимал кафедру 49 лет), но эти перечни были сфабрикованы в IX в. и содержат недостоверную информацию (*Duchesne. Fastes. T. 2. P. 309–334*).

При еп. Альдрике из-за угрозы нападения норманнов мощи святых Иулиана и Л. были перенесены в новый кафедральный собор Ле-Мана. В 836 г. имп. *Людовик Благочестивый* распорядился отправить мощи Л. в еп-ство Падерборн, основанное в 799 г. на саксон. землях, где не было никаких святых. Альдрик согласился отдать падерборнским клирикам мощи Л., кроме руки, к-рую поместил в мон-ре Спасителя в Ле-Мане. Послы из Падерборна во главе с архидиак. Мейнольфом прибыли в Ле-Ман 29 апр.; 28 мая они вернулись в Саксонию; их путешествие сопровождалось многочисленными чудесами. Перенесение мощей Л. описывается в нескольких сказаниях (в «Деяниях...» оно не упом.; см.: *Goffart. 1966. P. 69–71, 327–334*). Сказание, сохранившееся в рукописи Avranches. Bibl. municip. 157 (XIII в.) и приписываемое пресв. Идону, было составлено после кончины еп. Альдрика на основе «Деяний...» (BHL, N 4911b; изд.: *Poncelet. 1903; MGH. SS. T. 30. Pars 2. P. 806–813*). Др. версия является приложением к Житию Л., составленному в Падерборне на рубеже IX и X вв. и посвященному еп. Бизону (ок. 886–909) (BHL, N 4912–4913; изд.: ActaSS. Iul. T. 5. P. 409–424; MGH. SS. T. 4. P. 149–157; *Vry. 1997. S. 177–221*). В 1958 г. в единственной рукописи XV в. среди дополнений к «Золотой легенде» Иакова из Варацце было обнаружено 3-е сказание о перенесении мощей Л., автором к-рого назван участник этого события ле-манский диак. Эрконрад (BHL, N 4911a; ркп.: Bielefeld. Ratsbibl. 2. Fol. 146r–149r). Некоторые исследователи полагали, что сказание Эрконрада — самое раннее свидетельство о перенесении мощей Л. (*Straeten. 1967. P. 501–508*); по мнению др. ученых, оно является компиляцией кон. IX или X в. (*Vry. 1997*); при его составлении могло быть использовано утраченное ныне сказание, написанное в Падерборне вскоре после 836 г. (*Goffart. 1969*). Высказывалось так-

же мнение о том, что сказание является псевдоэпиграфом XV в. (*Schoppe. 1967*). В средне-век. герм. легендариях и пассионалах сохранились краткие Жития Л., основанные на Падерборнском Житии (BHL, N 4912–4913); с XIV в. их включали в местные дополнения к «Золотой легенде» (о рукописях агиографических и литургических текстов, посвященных Л., см.: *Vry. 1997. S. 225–338*).

После перенесения мощей Л. кафедральный собор в Падерборне был перестроен; под зап. трансептом устроили крипту для хранения святыни. При еп. Ретхаре (983–1009) вместо зап. хора был возведен вестверк, а мощи перенесли в вост. крипту. Существующее здание собора в основном относится к XIII в.; храм посвящен Пресв. Деве Марии и святым Килиану и Л. В 1622 г. город был захвачен протестантами во главе с принцем Христианом Брауншвейгским, к-рые разграбили собор и захватили мощи Л. Еп. Фердинанд Баварский и соборные каноники выкупили святыню; в честь ее возвращения в Падерборн было установлено празднование 25 окт. В 1627 г. ювелир Х. Крако изготовил новую серебряную раку для мощей вместо средне-век. реликвария, похищенного протестантами. Болландисты приписывали заступничеству Л. заключение *Вестфальского мира* (1648).

В средние века Л. почитался как покровитель города, еп-ства и церковного княжества Падерборн. Культ святого способствовал укреплению дружественных отношений между Падерборном и Ле-Маном. По соглашению, заключенному в 1204 г., каноники собора в Ле-Мане обязались праздновать память Л., а каноники падерборнского собора — совершать поминовение Юлиана, покровителя Ле-Манской кафедры (27 янв.). В средние века соборные капитулы Ле-Мана и Падерборна обменивались реликвиями и богослужебными текстами. В 1655 г. франц. кор. *Людовик XIV* по ходатайству Ле-Манского епископа принял Падерборн под защиту, а в годы Французской революции (1789–1799) в Падерборнском еп-стве укрывалось католическое духовенство, бежавшее из Франции, в т. ч. Ле-Манский еп. Франсуа Гаспар де Жюфруа де Гонсан. В 1936 г. делегация еп-ства Ле-Ман присутствовала на праздновании 1100-летия перенесения мощей Л. в Падерборне (*Waché. 2010*).

Вскоре после перенесения мощей святого почитание Л. получило распространение в Саксонии и Гессене (оно засвидетельствовано в аббатствах *Корвей*, Херфорд, Эссен и *Фюльда*), в XI в. — в Баварии и на слав. землях, в XIII в. — в Испании, Нидерландах и Австрии. В XVII в., после исцеления папы Римского *Aлександра VII* (1655–1667), Л. стали почитать в Италии. Память Л. внесена в Римский мартиролог под 9 апр. В архиеп-стве Падерборн поминовение святого совершается 23 июля; после этого в городе устраивается 9-дневное празднование, к-рое сопровождается процессией с мощами Л. и светскими торжествами. Др. праздник, установленный в память о возвращении мощей Л., захваченных протестантами («Осенний Либорий»), отмечают после 25 окт.

Ист.: BHL, 4910–4915; ActaSS. Iul. T. 5. P. 394–457; Actus pontificum Cenomannis in urbe degentium / Éd. G. Bussion, A. Ledru. Le Mans, 1901; Gesta domni Aldrici, Cenomannicae urbis episcopi, a discipulis suis / Éd. R. Charles, L. Froger. Mamers, 1889. P. XXI, 17, 124, 127; MGH. SS. T. 4. P. 149–157; PL. 115. Col. 37, 74–75; *Poncelet A. Relation originale du prêtre Idon sur la translation de S. Liboire à Paderborn // AnBoll. 1903. T. 22. P. 146–172; MartRom. Comment. P. 301–302; Erconrads Translatio S. Liborii: Eine wiederentdeckte Geschichtsquelle der Karolingerzeit und die schon bekannten Übertragungberichte / Hrsg. A. Cohausz. Paderborn, 1966; Vry V., de. Liborius, Brückenbauer Europas: Die mittelalterlichen Viten und Translationsberichte. Paderborn, 1997.*

Лит.: *Voisin A. Vie de St. Julien et des autres confesseurs pontifes, ses successeurs. Le Mans; P., 1844. P. 220–256; Mertens C. Der hl. Liborius: Sein Leben, seine Verehrung und seine Reliquien. Paderborn, 1873; Ledru A. Les premiers temps de l'église du Mans. Le Mans, 1913. P. 245–252; St. Liborius, sein Dom und sein Bistum / Hrsg. P. Simon. Paderborn, 1936; Viard P., Celletti M. C. Liborio, vescovo di Le Mans // BiblSS. Vol. 8. Col. 32–33; Goffart W. A. The Le Mans Forgeries: A Chapter from the History of Church Property in the 9th Cent. Camb. (Mass.), 1966; idem. The Literary Adventures of St. Liborius: A Postscript to the Le Mans Forgeries // AnBoll. 1969. T. 87. P. 5–62; Honselmann K. Zur Translatio S. Liborii: Gobeliner Person und die Teilnehmerberichte // Westfälische Zschr. Paderborn, 1966. Bd. 116. S. 171–189; idem. Der Bericht des Klerikers Ido von der Übertragung der Gebeine des hl. Liborius // Ibid. 1969. Bd. 119. S. 189–265; Schoppe K. Erconrads Translatio S. Liborii — Eine neue Geschichtsquelle oder eine Fälschung? // Die Warte. Paderborn, 1967. Bd. 28. Tl. 6. S. 3–51; Straeten J., van der. Hagiographie du Mans // AnBoll. 1967. T. 85. P. 473–516; Felix Paderae civitas: Der Heilige Liborius, 836–1986 / Hrsg. H. J. Brandt, K. Hengst. Paderborn, 1986; Stambolis B. Libori: Das Kirchen- und Volksfest in Paderborn. Münster; N. Y., 1996; Vry V., de. Die Gründung des Bistums Paderborn im Spiegel der Berichte über die Translatio des Bischofs Liborius von Le Mans // Quellen, Kritik, Interpretation: FS zum 60.*

Geburtstag v. H. Mordek / Hrsg. T. M. Buck. Fr./M., 1999. S. 117–126; *Röckelein H.* Reliquientranslationen nach Sachsen im 9. Jh.: Über Kommunikation, Mobilität und Öffentlichkeit im Frühmittelalter. Stuttg., 2002. S. 96–100, 155–167, 280–304; *Waché B.* Les origines religieuses de jumelage Le Mans–Paderborn // *Vivre et construire l'Europe à l'échelle territoriale de 1945 à nos jours* / Éd. Y. Denéchère, M.-B. Vincent. Brux., 2010. P. 23–36.

К. С. Никитин

LIBRI CAROLINI [лат.— Карловы книги], полемический трактат с подробной критикой богословских позиций, к-рые, по мнению франков, были приняты на *Вселенском VII Соборе (787)*; содержит офиц. т. зр. кор. *Карла Великого* и его окружения на утверждение иконопочитания в Византии. Трактат является единственным сочинением, свидетельствующим о позиции Карла Великого и придворных богословов по отношению к религ. изображениям. Общепринятое название «*Libri Carolini*» было дано Х. Бастгеном в его издании трактата в сер. *Monumenta Germaniae Historica (Libri Carolini. 1924)*. В наст. время более корректным считается название «Труд короля Карла против Собора» (*Opus Caroli regis contra synodum*).

Авторство, рукописная традиция и ранние издания. Хотя «Труд...» представлен как соч. Карла Великого, уже в XVI в. было понятно, что франк. король не мог самостоятельно написать это произведение. Настоящим автором был хорошо образованный богослов, связанный с королевским двором, живший в кон. VIII в. В 1560 г. фламанд. ученый Георг Кассандер приписывал трактат Алкуину. Впосл. такого же мнения придерживались Кристоф Август Хойманн (1731) и Иоганн Альберт Фабрициус (1734). В 1777 г. аббат Фробениус Форстер, готовивший издание трудов Алкуина, усомнился в правильности этой атрибуции. Кардинал-библиотекарь Доменико Сильвио Пассионеи (см. ст. *Ватиканская библиотека*), к к-рому обратился Форстер, поддержал т. зр. аббата. Однако большинство исследователей XIX в. и Бастген не сомневались в авторстве Алкуина. В 1926 г. А. Альгайер указал на сходство между цитатами из Псалмов в трактате и испан. версиями Псалтири. В связи с этим В. фон ден Штайнен выдвинул предположение об авторстве испанца *Теодульфа*, занимавшего Орлеанскую епископскую кафедру между 798 и 818 гг. (*Freeman. 1985*.

Р. 13–16). В наст. время нет сомнений, что трактат был написан в 790–793 гг. при активном участии Теодульфа. О VII Вселенском Соборе (787) в предисловии упоминается как о состоявшемся за 3 года до написания трактата. В ходе полемики с Л. Валлаком, к-рый в серии публикаций настаивал на авторстве Алкуина (*Wallach. 1977*), Э. Фриман, подготовившая критическое издание «Труда...», убедительно обосновала гипотезу об авторстве Теодульфа. Влияние испан. орфографии заметно в рабочей рукописи трактата (*Vat. lat. 7207*); тексты Свящ. Писания, к-рые автор, по всей вероятности, цитировал по памяти, совпадают с версией, использовавшейся в богослужении *испано-мосарабского обряда*. Фриман выявила параллели между «Трудом...» и сочинениями Теодульфа, а также непосредственную связь одной из глав трактата (*Opus Caroli regis. I 20 // Opus. 1998. P. 195–203*) с иконографией мозаики в апсиде оратория, построенного Теодульфом в своей загородной резиденции Жерминьи-де-Пре близ Орлеана (см.: *Freeman. 1957; eadem. 1965; Meyvaert. 1979*).

Первоначально «Труд...» был рассчитан на широкое распространение по всему лат. христ. миру, однако количество рукописей трактата невелико. Сохранился рабочий экземпляр трактата без предисловия и 4-й книги (*Vat. lat. 7207*) с 3400 редакторскими исправлениями, среди которых — вычеркивание, перефразирование и замена фрагментов текста, добавление ссылок. Фриман выделила по меньшей мере 4 почерка редакторов, но идентифицировать их не представляется возможным. В рукописи сохранились также 81 или 83 замечания на полях, выполненные тиронской скорописью (часть маргиналий могла быть утрачена из-за небрежного переплетения рукописи в XIX в., когда были обрезаны поля листов). По мнению Фриман, эти замечания могли отражать непосредственную реакцию Карла Великого на содержание трактата, прочитанного в его присутствии (*Freeman. 1971; Opus. 1998. P. 3–4, 48–50, 583*). Первые и последние листы рукописи заменены новыми, текст на которых переписан в XIV в. в цистерцианском мон-ре Мариенфельд. В XVI в. рукопись была перевезена в Рим; в 1783 г. ее владелец, кардинал-библиотекарь Франческо Саве-

рио де Селада, передал манускрипт в Ватиканскую б-ку (к этому времени ркп. была уже в поврежденном состоянии; подробнее см.: *Opus. 1998. P. 38–50*).

В переплете рукописи *Paris. lat. 12125* сохранился лист из манускрипта IX в. (л. 157) с фрагментом «Труда...» (*Opus Caroli regis. I 12–13*). Рукопись *Paris. Bibl. de l'Arsenal. 663* — копия рукописи *Vat. lat. 7207*, выполненная в 60-х гг. IX в. для *Гинкмара*, архиеп. Реймского; в 1428 г. этот манускрипт использовал Николай Кузанский. В XV в. рукопись хранилась в б-ке кафедрального собора в Лане, в XVIII в. — в собрании библиофила Жозефа Луи, барона д'Эса, и вместе с собранием в 1781 г. перешла к основателю б-ки парижского Арсенала А. Р. де Вуайе, маркизу д'Аржансону. Для восстановления текста, отсутствующего в ватиканской рукописи, и для сопоставления вариантов текста трактата эта рукопись была использована Фриман при подготовке критического издания (*Opus. 1998*). До XVI в. в Ватиканской б-ке хранилась еще одна рукопись трактата, о к-рой упоминается в каталогах кон. XV — нач. XVI в. По всей вероятности, эта рукопись была уничтожена вместе с др. т. н. запрещенными книгами в 1550 г. Сохранились упоминания о рукописи трактата, изготовленной для гуманиста и богослова Иоганна Фабри (1478–1541), к-рый, неоднократно цитировал «Труд...» в полемике с лютеранами; по свидетельству Фабри, копия была сделана с некоей рукописи, находившейся в Ватиканской б-ке. Среди книг, принадлежавших ватиканскому библиотечару Джироламо Алеандро (1480–1542), были рукописи греч. Деяний VII Вселенского Собора и «Труда...» (судьба этой рукописи также неизв.).

Интерес к «Труду...» возобновляется в XVI в. в связи с вопросом о роли религ. изображений, остро вставшим в ходе Реформации. В это же время появляются публикации трактата. Первое издание было подготовлено и опубликовано Жаном дю Тийе в 1549 г. на основе рукописи из ланского собора (*Paris. Bibl. de l'Arsenal. 663*). Ж. Кальвин познакомился с «Трудом...», вероятно в 1536 г., и использовал трактат во всех изданиях «Институтов христианской религии». Использование трактата протестантами привело к обвинениям

со стороны католиков, что текст является протестант. подделкой. По этому «Труд...» был внесен в *Индекс запрещенных книг* и оставался там до нач. XX в. В 1608 г. Мельхиор Гольдаст перепечатал издание дю Тийе; эта же версия была издана в новой редакции в 1713 г.; издание Гольдаста было перепечатано Ж. П. Минем в 98-м т. «Латинской патрологии» (1862). Новое издание подготовил Бастген в 1924 г. (см.: *Noble*. 1999. P. 142–144).

Обстоятельства создания. Поводом для составления «Труда...» явилось конкретное событие в истории визант. Церкви, но трактат следует рассматривать в более широком политическом, идеологическом и культурном контексте. «Труд...» был концентрированным отображением важнейших идеологических вопросов, стоявших перед франками в период правления Карла Великого, и точкой пересечения интересов и позиций неск. политических и идеологических центров — Франкского гос-ва, Византии и Рима, отношения между к-рыми были сложными и быстро менялись. Во 2-й пол. 80-х гг. VIII в. Карл Великий одержал верх над наиболее опасными противниками — герцогами Баварии Тассилоном III и герцогами Беневенто; его сыновья, Пипин и *Людвиг Благочестивый*, были назначены королями Италии и Аквитании; Карл Великий пришел к согласию с Папским престолом по поводу земельных владений в Центр. Италии, т. о. завершив военные кампании своего отца *Пипина Короткого* против лангобардов. Король франков издал ряд важных *капитуляриев* и инициировал проведение церковных Соборов, наиболее значимым из которых был Франкфуртский Собор (794). В 789 г. и повторно в 793 г. Карл Великий потребовал от всех мужчин своего королевства принести присягу на верность. После 785 г. началось строительство дворцового комплекса в Ахене, где все чаще останавливался король. Представление о короле франков как о христ. правителе «избранного» народа получило окончательное выражение в имп. коронации Карла Великого папой Римским *Львом III* на Рождество 800 г.

В этот период политика визант. имп. *Ирины* по отношению к Франкскому гос-ву была связана не столько со спорами о религ. изображениях и с подготовкой к VII Вселенско-

му Собору, сколько с предполагавшимся брачным союзом между ее сыном Константином и дочерью Карла Ротрудой. Этот брак должен был способствовать политическому союзу между 2 гос-вами, что предполагало активные дипломатические контакты в 786–788 гг. В 80-х гг. VIII в. имп. Ирина попыталась также наладить нарушенные в период *иконоборчества* отношения с церковной иерархией и монашеством Церковью Востока и Запада. В 785 г. Ирина и ее сын Константин пригласили папу *Адриана I* (772–795) направить легатов на VII Вселенский Собор. Папа охотно принял приглашение, т. к. его предшественники начиная с *Григория II* (715–731) активно противостояли иконоборцам. Понтифик надеялся, что участники Собора признают папский примат и вернут Римской кафедре юрисдикцию над Иллириком, Калабрией и Сицилией, отнятую у Римских пап императорами-иконоборцами (*Anastos*. 1957; *Brubaker*, *Haldon*. 2011. P. 87).

После завершения VII Вселенского Собора папские легаты привезли текст соборных Деяний в Рим. В наскоро сделанном лат. переводе плохого качества греч. слова «почитание» (*προσκύνησις*) и «поклонение» (*λατρεία*) передавались с помощью лат. термина «adoratio» (поклонение). Неизвестно, каким образом лат. перевод Деяний оказался в распоряжении Карла Великого. При дворе франк. короля этот перевод сочли официальным текстом Деяний. Исползованные в нем термины вызвали негодование Карла и приближенных к нему богословов; это стало причиной составления «Труда...». Вскоре после создания трактата участники Франкфуртского Собора (794) в присутствии папских легатов осудили решения VII Вселенского Собора. Т. о., богословская позиция, получившая отражение в трактате, была принята в качестве офиц. идеологии франк. Церкви и гос-ва Каролингов.

По всей видимости, окончательному варианту «Труда...» предшествовали неск. промежуточных этапов. Так, в Йоркских анналах под 792 г. сообщается, что Карл Великий отправил в Англию текст «соборной книги, присланной ему из Константинополя», и Алкуин составил опровержение «ошибочного мнения Собора о поклонении образам» (не

сохр.). В Деяниях Франкфуртского Собора (794) говорится, что участники Собора в К-поле анафематствовали тех, кто «отказываются поклоняться образам святых, как Святой Троице». В «Книжице» Парижского Собора (825) упоминаются некие «главы» (*capitula*) Карла Великого, к-рые были доставлены папе Адриану I посольством Ангильберта в 792 г. Однако ни в одном из этих источников не упоминается «Труд...» (см.: *Freeman*. 1987. P. 66–68).

После публикации К. Хампе пространного письма папы Адриана I Карлу Великому с оправданием постановлений VII Вселенского Собора и подборкой цитат из сочинений отцов Церкви (MGN. Ерр. Т. 5. P. 3–57; см.: *Hampe*. 1896) к «главам», к-рые соответствуют заглавиям разделов «Труда...», стало ясно, что документ, упоминаемый участниками Парижского Собора и названный в папском послании «капитулярием против Собора» (*Capitulare adversus synodum*), представлял собой подборку цитат из Деяний VII Вселенского Собора, которые франк. богословы считали ошибочными. Т. о., «капитулярий» был одной из промежуточных версий «Труда...». Его текст не сохранился, однако структура ответа папской курии на «капитулярий» отражает самое раннее ядро «Труда...» в том виде, как оно сформировалось к 792 г.: главы перечисляются в порядке от 1-й до 60-й (основная часть «капитулярия»), затем начинается новая нумерация — от 1-й до 25-й (дополнения).

В итоговой версии «Труда...» были фактически проигнорированы ответ папы Римского и подобранные им цитаты. Франк. богословы не могли не знать, что Папский престол одобрил решения VII Вселенского Собора (об этом говорилось не только в ответе папы Адриана I на «капитулярий», но и в Деяниях Собора, на 2-м заседании к-рого было зачитано папское послание имп. Ирине и имп. Константину VI (785) с оправданием иконопочитания). Высказывалось мнение, что тон трактата был смягчен с учетом позиции Папского престола (*Von den Steinen*. 1929/1930. S. 60–65), но Фриман пришла к выводу, что, если такая редакция и имела место, она не касалась принципиальной позиции авторов «Труда...», резко отрицавших решения Собора, которые поддерживал

понтифик (*Freeman*. 1985. P. 90–92). По-видимому, Карл Великий стремился решить вопрос об отношении к религ. изображениям исключительно силами франк. богословов, без участия Папского престола. Однако, избегая прямой конфронтации с папой Римским, авторы «капитулярия», опровергавшие приведенные им цитаты в защиту иконопочитания (заимствованные из его письма имп. Ирине и имп. Константину), ссылались на др. места из текста Деяний VII Вселенского Собора (иногда намеренно ошибочно или неточно), где использовались те же или подобные цитаты.

Тем не менее возвращение из Рима Ангильберта, к-рый известил Карла Великого и его окружение о безусловном положительном отношении папы Адриана I к иконопочитанию, отразилось на качестве рабочей рукописи «Труда...». До 13-й гл. 3-й книги текст написан на пергамене прекрасного качества отличным почерком с тщательно выписанными инициалами; после этого качество рукописи резко ухудшается: в пергамене появляются дыры, почерк становится неряшливым, инициалы — более мелкими и небрежными; текст при редактировании вычеркивается, а не тщательно стирается, как это было ранее. Это может свидетельствовать о снижении интереса авторов и редакторов к дальнейшей судьбе трактата (*Freeman*. 1985. P. 86).

Следующий этап работы над «Трудом...» — редактирование нек-рых мест текста с целью подчеркнуть единосущие и рождение Христа от Отца, что можно связать с осуждением *адопцианства* — проблемы, абсолютно чуждой участникам VII Вселенского Собора, но ставшей актуальной в гос-ве франков в 793–794 гг., во время подготовки к Франкфуртскому Собору, главной темой которого было *адопцианское* учение. На этом этапе редактирования трактата могло проявиться влияние Алкуина, вернувшегося из Англии во 2-й пол. 793 г. (*Freeman*. 1988).

«Труд...» никогда официально не публиковался. Не сохранилось и сопроводительного письма к трактату, а ответ папы на «капитулярий» не вошел в собрание папских посланий франк. правителям, известное как «Codex Carolinus». Хотя под 794 г. в каролингских хрониках упоминается осуждение решений VII Вселенского Собора, за весь период со-

здания «Труда...» ни в одном из франк. источников до сочинений Гинкмара Реймского не говорится о таком масштабном проекте, как составление трактата. Все это может свидетельствовать о найденном компромиссе между позициями папы Римского и Карла Великого; при этом «Труд...» не был уничтожен, но его поместили в королевский архив, возможно, в ожидании перемены политики Папского престола (*Freeman*. 1985. P. 99).

Содержание. Теодульф и другие франк. богословы не могли адекватно проследить аргументацию участников VII Вселенского Собора из-за плохого перевода Деяний и существенных различий в богословских традициях Запада и Византии. Теодульф также мог работать не с полным текстом перевода Деяний, а с их конспектом (по-видимому, в 792 г. полный текст перевода был отправлен Алкуину в Англию). Тем не менее франки, к-рые поддерживали активные дипломатические отношения с Византией в 50–60-х гг. VIII в. и участвовали в Соборах в Жантий (767) и в Риме (769), могли достаточно адекватно понимать суть проблемы перевода греч. слов «почитание» и «поклонение», использованных в актах VII Вселенского Собора, а также вопроса об обстоятельствах, при которых материя может считаться святой (*Auzépy*. 1997. S. 292; *Thümmel*. 1997. S. 978–980; *Noble*. 2009. P. 182–183). Несмотря на то что в своей полемике авторы «Труда...» опирались на неверные представления о визант. богословии, трактат выражает идеи, актуальные в период становления каролингского богословия, и является основным источником для понимания идеологии Карла Великого, от имени которого был написан трактат.

Составители трактата критиковали позиции как визант. иконоборцев, так и визант. иконопочитателей. Более того, они отвергали базовую идею византийского богословия об онтологической связи образа и первообраза, к-рой следовали иконопочитатели и иконоборцы, кардинально расходившиеся лишь в понимании этой связи (подробнее о сравнительном контексте визант. богословских сочинений и «Труда...» см.: *Mitalaïté*. 2007). Отвергая обе богословские позиции, авторы трактата следовали традиц. для Запада пониманию роли религ. образа как укра-

шения храмового пространства или дидактического средства. В трактате скупое освещается важнейшая тема иконоборческих споров — богословский статус религ. изображений, хотя авторы и отвергали равный статус изображений с такими священными объектами, как св. мощи, крест, книги Свящ. Писания или литургические сосуды. Гораздо большее внимание в трактате уделено критике визант. правителей и церковных иерархов, а также визант. принципов толкования Свящ. Писания. Аргументы, приведенные в «Труде...», сосредоточены на вопросах адекватности языка и правильной интерпретации Свящ. Писания. Помимо соответствия учения Писанию, решениям шести Вселенских Соборов и мнениям отцов Церкви, для утверждения соответствия текста церковной традиции вводится новый принцип исследования (*scrutinium*) и довода (*ratio*). О важности «аналитического» подхода к тексту свидетельствует неоднократное цитирование Теодульфом 1 Фес 5. 21 («Все испытывайте, хорошего держитесь» — *Opus Caroli regis*. IV 8, 10–11) и 1 Ин 4. 1 («Испытывайте духов, от Бога ли они» — *Ibid*. II 17, III 26, IV 11), а также фразы Теодульфа, в к-рых он настаивает на проверке и анализе истинности любого утверждения вместо его безусловного приятия на основе кажущейся древности (*Noble*. 2009. P. 179). Трактат преследовал и более широкие идеологические цели — показать превосходство над византийцами франк. богословов, способных выстроить четкую структуру и логику текста.

В первоначальный замысел авторов «Труда...» входило создание трактата из 4 книг, каждая из которых состояла из 30 глав и краткого предисловия. Сохранились общее предисловие к трактату, 1-я книга (30 глав без предисловия), 2-я книга (31 глава с кратким предисловием), 3-я книга (31 глава без предисловия; начинается исповеданием веры) и 4-я книга (предисловие и 28 глав). Т. о., в целом сохранились 120 глав, общее предисловие и 2 предисловия к отдельным книгам. В критическом издании трактата, подготовленном Фриман, использовано предположение Хампе (*Hampe*. 1896) о едином замысле «Труда...» по логической организации полемики вокруг Деяний VII Вселенского Собора и попытке создания целостного

текста. Пониманию структуры трактата, задуманной Теодульфом, мешают неполная сохранность рабочей рукописи, вероятное охлаждение интереса к тщательному редактированию трактата после 13-й гл. 3-й книги (ухудшение качества рабочей рукописи), получение в 793 г. ответа Алкуина, возможно, повлиявшего на последующие части трактата, а также существенное редактирование и переработка текста неизвестными лицами (она заметна в предшествующих частях трактата, особенно во 2-й книге, подвергшейся сокращению; в 3-й гл. 3-й книги были стерты 39 строк, в 20-й гл. — еще 10 строк).

В предисловии к 1-й книге кратко излагаются основные темы всего трактата: значимость церковной традиции и «превозношение» греков, к-рые на Соборе в Вифинии (см. ст. *Иерийский Собор*) упразднили изображения, поставленные для украшения церквей и напоминания о Боге, а «три года назад» создали др. Собор и совершили еще более серьезную ошибку, призвав к «поклонению» изображениям (Opus. 1998. P. 99–100). Предисловие завершается подчеркиванием традиц. позиции франков; упоминаются признаваемые ими шесть Вселенских Соборов; от лица Карла Великого говорится о соборности епископов, к-рое король созвал для обсуждения ошибочного учения, пришедшего с Востока, на основе Свящ. Писания и трудов отцов Церкви.

Первая книга начинается с резкой критики имп. Ирины и имп. Константина, основанной на тексте письма, к-рое визант. правители послали папе Адриану в 785 г. (Opus Caroli regis. I 1–4). Затем авторы трактата переходят к общей критике методов исследования Свящ. Писания греками (Ibid. I 5) и утверждению авторитета Римской Церкви. Шестая гл., посвященная верховной власти папы по догматическим вопросам, скорее всего является позднейшим дополнением. Теодульф начинает раздел о Свящ. Писании с ключевой цитаты иконоборческих споров о сотворении человека по образу Божию (Быт 1. 26). Он упрекает авторов Деяний в буквальном, а не духовном понимании Свящ. Писания. Цитируя трактат Амвросия Медиоланского «О вере к Грациану» (CPL, N 150), Теодульф предлагает понимать душу, обладаю-

щую разумом, волей и памятью, как носительницу образа Св. Троицы, по образу Которой был сотворен человек: как Сын рождается от Отца и Св. Дух исходит от Отца и Сына (filioque), так воля рождается из разума, а память происходит из разума и воли (Opus. 1998. P. 139; более подробный анализ антропологического аргумента см.: *Mitalaité*. 2004. P. 68–75). Поскольку и Бог, и добродетельная душа, отвергнувшая образ ветхого Адама, невещественны, греки не вправе сравнивать их с рукотворными изображениями. В следующих главах Теодульф приступает к критике использования иконопочитателями примеров из ВЗ и НЗ (Opus Caroli regis. I 7–II 12), которые приводились на VII Вселенском Соборе в защиту священных изображений. Теодульф настаивает на их духовной, аллегорической или типологической интерпретации либо на том, что эти примеры относились к единичным событиям, которые произошли по прямому указанию Бога (напр., создание ковчега Завета — Ibid. I 15, 19–20). Т. о., эти примеры неправомерно распространять на все материальные изображения. В 30-й гл., опираясь на цитату из псалма, Теодульф обсуждает роль слуха и зрения, а также преимущество Свящ. Писания над изображениями. Следующие главы (Ibid. II 13–20) посвящены святоотеческим свидетельствам, приведенным в Деяниях VII Вселенского Собора. Теодульф обвиняет греков в непонимании текстов и неточном цитировании. Один из полемических приемов, которые постоянно использует Теодульф, — сомнение в принадлежности тех или иных цитат отцам Церкви, к-рым они приписываются в Деяниях Собора.

Далее Теодульф излагает общие возражения против почитания («поклонения») образов, подчеркивая необходимость «духовного» поклонения Богу (Ibid. II 21–25). Он ссылается на послание свт. Григория I Великого, папы Римского, еп. Серену Массилийскому (Марсельскому), в котором понтифик запрещал как уничтожение изображений, так и поклонение им (*Greg. Magn. Reg. epist. XI 10*). Вторая книга завершается критикой учения VII Вселенского Собора о равной чести священных изображений с Евхаристией, Крестом, священными сосудами и Свящ. Писанием (Opus Caroli

regis. II 26–30). В последней главе 2-й книги автор упрекает византийцев за непочитание своих родителей и предков, к-рых они объявили еретиками (Ibid. II 31).

После этого четкая структура аргумента нарушается: 3-я книга начинается исповеданием веры, автором которого назван блж. Иероним (этим текстом заменено исповедание, написанное Теодульфом). По всей видимости, для редакторской версии был выбран текст, более подходящий для полемики с адопцианцами, чем оригинальное исповедание веры Теодульфа. Далее следуют обвинения в адрес К-польского патриарха свт. *Тарасия* (Ibid. III 2; ср.: I 20, II 29), полемика с «Исповеданием веры» VII Вселенского Собора (Ibid. III 3–10) и с авторитетом Собора в осуждении того или иного мнения (Ibid. 11–12); в гл. 13 вновь осуждается имп. Ирина, т. к. женщине, по мнению Теодульфа, не подобало заниматься вопросами вероучения. В 14-й гл. Теодульф обличает «высокомерие» греков и их понимание Собора и своей роли на Соборе как инструмента божественной воли. Главы 15–21 посвящены полемике с отдельными аспектами визант. учения об образе (в аргументации участников Собора образ императора служил метафорой для установления связи между священными изображениями и их прототипами), а также критике аутентичности агиографических свидетельств в поддержку иконопочитания. В главах 22–31 Теодульф обращается к вопросам о роли художника и подлинности свидетельств об изображениях, противопоставляя изображения св. мощам и подвергая сомнению чудеса и знамения, происходящие от религ. образов. В этих главах содержится подробное изложение эстетических взглядов Теодульфа.

В предисловии к 4-й книге Теодульф объясняет 4-частную структуру трактата на основе метафор, связанных с этим числом, приводя примеры 4 Евангелий, 4 рек рая, 4 добродетелей и 4 сортов дерева, использованных при изготовлении ковчега Завета. Темы 4-й книги не связаны единой логикой повествования и во многом повторяют темы предшествующих книг (поклонение, подобающее одному лишь Богу; критика визант. практики приношения зажженных свечей и лобзания образов (Opus Caroli regis. IV 1–3, 23);

критика визант. властителей (Ibid. 7–8, 21); неприятие предания о Нерукотворном образе Христа (Ibid. 10); сомнение в подлинности некоторых агиографических свидетельств в пользу иконопочитания (Ibid. 12, 15)). В главах 16–18 Теодульф вновь обращается к роли живописцев и объектов искусства, а также к вопросам эстетики.

Ко времени созыва Франкфуртского Собора 13-я гл. 4-й книги (в ней говорилось о невозможности сравнивать 2-й Никейский (VII Вселенский) Собор с Вселенским I Собором в Никее), вероятно, задумывалась как заключительная глава трактата. В «капитулярии», а следов., и в первоначальной версии трактата отсутствовала 28-я гл.: в ней говорится, что Собор, проведенный в 787 г. в Никее, не может считаться вселенским (catholicus, universale), т. к. его постановления не согласуются с учением Вселенской Церкви. По мнению авторов, вселенским (catholicum est... et fortasse dici potest universale) может быть признан любой межпровинциальный Собор, решения которого не противоречат догматам и канонам, принятым Вселенской Церковью.

При составлении «Труда...» Теодульф использовал большое количество источников. В его распоряжении находилась обширная б-ка, в которой были тексты Свящ. Писания, сочинения классических авторов и отцов Церкви. Теодульф четко разделял приведенные им примеры на «свидетельства» и «источники». «Свидетельства» предваряются именем авторитетного писателя и выделяются контекстом; иногда они сопровождаются риторическим обращением к автору, к-рого цитирует Теодульф. Среди авторитетных для франк. богословов отцов Церкви были блж. Августин, свт. Амвросий Медиоланский, блж. Иероним и свт. Григорий Великий; среди классических писателей — Аристотель, Боэций и Апулей. Авторы более низкого статуса, такие как Кассиодор, Исидор Севильский, Беда Достопочтенный, Вигилий из Тапса, никогда не называются по имени, даже если Теодульф приводит пространные выдержки из их сочинений. Многие библейские цитаты заимствованы из африканского флорилегия «Книга о божественном Писании» (CPL, N 384); в то же время Теодульф использовал и Вульгату (об источни-

ках трактата подробнее см.: Opus. 1998. P. 50–67).

Изд.: Opus Caroli regis contra synodum (Libri Carolini) / Hrsg. A. Freeman, P. Meyvaert. Hannover, 1998. (MGH. Conc.; T. 2. Suppl. 1); Libri Carolini sive Caroli Magni capitulare de imaginibus / Rec. H. Bastgen. Hannover; Lpz., 1924. (MGH. Conc.; T. 2. Suppl.).

Лит.: *Преображенский В.* Вопрос об иконопочитании во времена Карла Великого // ХЧ. 1883. № 1/2. С. 115–154; *Hampe K.* Hadrians I. Vertheidigung der zweiten nicänischen Synode gegen die Angriffe Karls des Grossen // NA. 1896. Bd. 21. S. 85–113; *Bastgen H.* Das Capitulare Karls des Grossen über die Bilder oder die sogenannten «Libri Carolini» // NA. 1912. Bd. 37. S. 15–51, 455–553; *Von den Steinen W.* Entstehungsgeschichte der «Libri Carolini» // QFIAB. 1929/1930. Bd. 21. S. 1–93; *idem.* Karl der Grosse und die «Libri Carolini»: Die Tironischen Randnoten zum Codex Authenticus // NA. 1932. Bd. 49. S. 207–280; *De Bruyne D.* La composition des «Libri Carolini» // RBen. 1932. T. 44. P. 227–234; *Anastos M.* The Transfer of Illyricum, Calabria and Sicily to the Jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople in 732–33 // SBN. 1957. Vol. 9. P. 14–31; *Freeman A.* Theodulf of Orleans and the «Libri Carolini» // Speculum. Camb. (Mass.), 1957. Vol. 32. N 4. P. 663–705; *eadem.* Further Studies in the «Libri Carolini» // Speculum. 1965. Vol. 40. N 2. P. 203–289; 1971. Vol. 46. N 4. P. 597–612; *eadem.* Carolingian Orthodoxy and the Fate of the «Libri Carolini» // Viator. Turnhout, 1985. Vol. 16. P. 65–108; *eadem.* Theodulf of Orleans and the Psalm Citations of the «Libri Carolini» // RBen. 1987. T. 97. P. 195–224; *eadem.* Additions and Corrections to the «Libri Carolini»: Links with Alcuin and the Adoptionist Controversy // Scire Litteras: Forschungen zum mittelalterlichen Geistesleben / Hrsg. S. Krämer, M. Bernhard. Münch., 1988. S. 159–169; *eadem.* Scripture and Images in the «Libri Carolini» // Testo e immagine nell'alto medioevo. Spoleto, 1994. Vol. 1. P. 163–195; *eadem.* Theodulf of Orléans: Charlemagne's Spokesman against the Second Council of Nicaea. Aldershot, 2003; *Schade H.* Die «Libri Carolini» und ihre Stellung zum Bild // ZKTh. 1957. Bd. 79. S. 69–78; *Wallach L.* Alcuin and Charlemagne: Studies in Carolingian History and Literature. Ithaca (N. Y.), 1959; *idem.* The «Libri Carolini» and Patristics — Latin and Greek: Prolegomena to a Critical Edition // The Classical Tradition / Ed. L. Wallach. Ithaca (N. Y.), 1966. P. 451–498; *idem.* Diplomatic Studies in Latin and Greek Documents from the Carolingian Age. Ithaca (N. Y.), 1977; *Gero S.* «Libri Carolini» and the Image Controversy // GOTR. 1973. Vol. 18. P. 7–34; *Arnaldi G.* La questione dei «Libri Carolini» // Culto cristiano, politica imperiale carolingia: Atti del conv. Todi, 9–12 Ottobre 1977 / Ed. O. Capitani. Todi, 1979. P. 61–86; *Meyvaert P.* The Authorship of the «Libri Carolini»: Observations Prompted by a Recent Book // RBen. 1979. T. 89. P. 29–57; *Mütherich F. I.* «Libri Carolini» e la miniatura carolingia // Culto cristiano, politica imperiale carolingia. Todi, 1979. P. 281–301; *Chazelle C.* Matter, Spirit, and Image in the «Libri Carolini» // RechAug. 1986. T. 21. P. 163–184; *eadem.* Images, Scripture, the Church and the «Libri Carolini» // Proc. of the Patristic, Medieval, and Renaissance Studies Conference. Villanova (Penn.), 1992/1993. T. 16/17. P. 53–76; *eadem.* «Not in Painting but in Writing»: Augustine and the Supremacy of the Word in the «Libri

Carolini» // Reading and Wisdom: The «De Doctrina Christiana» of Augustine in the Middle Ages / Ed. E. D. English. Notre Dame (Ind.), 1995. P. 1–22; *Elbern V. H.* Die «Libri Carolini» und die liturgische Kunst um 800. // Aachener Kunstblätter. 1986/1987. Bd. 54/55. S. 15–32; *Alberigo G., Melloni A.* La questione politico-religiosa dei «Libri Carolini» // La legittimità del culto delle icone: Oriente e Occidente riaffermano insieme la fede cristiana: Atti del III Conv. Storico Interecclesiale (Bari, 11–13 maggio 1987). Bari, 1988. P. 243–264; *Ugolnik A.* The «Libri Carolini»: Antecedents of Reformation Iconoclasm // Iconoclasm vs. Art and Drama / Ed. A. E. Nichols, C. Davidson. Kalamazoo, 1989. P. 1–32; *Anton H. H.* Beobachtungen zum fränkisch-byzantinischen Verhältnis in karolinger Zeit // Beitr. zur Geschichte des Regnum Francorum: Referate beim wissenschaftlichen Colloquium z. 75. Geburtstag v. E. Ewig am 28. Mai 1988 / Hrsg. R. Schieffer. Sigmaringen, 1990. S. 97–119; *Appleby D. F.* Holy Relic and Holy Image: Saints' Relics in the Western Controversy over Images in the VIIIth and IXth Cent. // Word and Image. L., 1992. Vol. 8. N 4. P. 333–343; *Froehlich K.* The Libri Carolini and the Lessons of the Iconoclastic Controversy // The One Mediator, the Saints, and Mary / Ed. H. G. Anderson, J. F. Stafford, J. A. Burgess. Minneapolis, 1992. P. 193–208; *Noble T. F. X.* From Brigandage to Justice: Charlemagne, 785–794 // Literacy, Politics and Artistic Innovation in the Early Medieval West / Ed. C. M. Chazelle. Lanham (Maryland), 1992. P. 49–75; *idem.* Tradition and Learning in Search of Ideology: The «Libri Carolini» // «The Gentle Voices of Teachers»: Aspects of Learning in the Carolingian Age / Ed. R. E. Sullivan. Columbus (Ohio), 1995. P. 227–260; *idem.* From the «Libri Carolini» to the «Opus Caroli Regis» // J. of Medieval Latin. Turnhout, 1999. Vol. 9. P. 131–147; *idem.* Images, Iconoclasm, and the Carolingians. Phil., 2009; *McCormick M.* Diplomacy and the Carolingian Encounter with Byzantium down to the Accession of Charles the Bald // Eriugena East and West: Papers of the VIIIth Intern. Symp. of the Society for the Promotion of Eriugenan Studies / Ed. B. McGinn. Notre Dame, 1994. P. 15–48; *Auzépy M.-F.* Francfort et Nicée II // Das Frankfurter Konzil von 794: Kristallisationspunkt karolingischer Kultur / Hrsg. R. Berndt. Mainz, 1997. Bd. 1. S. 279–300; *Jeck U. R.* Die frühmittelalterliche Rezeption der Zeittheorie Augustins in den «Libri Carolini» und die Temporalität des Kultbildes // Ibid. Bd. 2. S. 861–884; *Thümmel H.-G.* Die fränkische Reaktion auf das 2. Nicaenum 787 in den «Libri Carolini» // Ibid. S. 965–980; *Ommundsen A.* The Liberal Arts and the Polemic Strategy of the «Opus Caroli Regis contra synodum» (Libri Carolini) // Symbolae Osloenses. 2002. Vol. 77. P. 175–200; *Mitalaité K.* Les Latins faces aux icônes: Autour des «Libri Carolini» // Chôra: Revue d'études anciennes et médiévales. Ia i, 2004. Vol. 2. P. 59–80; *eadem.* La double controverse des «Libri Carolini» avec Rome et les Grecs // L'image dans la pensée et l'art au Moyen Âge / Ed. M. Lemoine. Turnhout, 2006. P. 9–26; *eadem.* Philosophie et théologie de l'image dans les «Libri Carolini». P., 2007; *James L.* «Seeing Is Believing but Words Tell No Lies»: Captions Versus Images in the «Libri Carolini» and Byzantine Iconoclasm // Negating the Image: Case Studies in Iconoclasm / Ed. A. McClanan, J. Johnson. Aldershot; Burlington, 2005. P. 97–112; *Brubaker L., Haldon J.* Byzantium in the Iconoclast Era, c. 680–850: A History. Camb. etc., 2011; *Brunet E.* Le icone

acheropite a Nicea II e nei «Libri Carolini» // *Sacre impronte e oggetti «non fatti di mano d'uomo» nelle religioni: Atti di Conv. intern.*, Torino, 18–20 maggio 2010 / Ed. A. M. Castagno. Torino, 2011. P. 201–230.

В. А. Баранов

ЛИВАДИН Андрей — см. ст. *Андрей Ливадин*, визант. ритор XIV в.

ЛИВАН [Ливанская Республика; араб. الجمهورية اللبنانية], гос-во на вост. побережье Средиземного м. Площадь — 10 452 кв. км. Граничит на севере и востоке с *Сирией* (протяженность границы 375 км), на юге — с *Израилем* (79 км), с запада омывается Средиземным м. (береговая линия 225 км). Столица — *Бейрут* (ок. 1,9 млн чел., по оценочным данным на 2015). Крупнейшие города (2015): Триполи (ок. 400 тыс. чел.), Захла (ок. 150 тыс. чел.), Сайда (*Сидон*; ок. 100 тыс. чел.). Офиц. язык — арабский. Административно-территориальное деление: 6 провинций (мухафаз) — Бейрут, Горный Ливан, Сев. Ливан, Бекаа, Набатия и Юж. Ливан, к-рые делятся на 25 районов (када). Л. — член ООН (1945), ЛАГ (1945), МВФ (1947), МБРР (1947), Орг-ции исламского сотрудничества (1969; до 2011 — Исламская конференция) и др. **География.** В средние века и Новое время Л. воспринимался не как особая культурно-политическая общность, а как часть Б. Сирии (араб. Билад-эш-Шам), области, охватывавшей всю зап. половину Благодатного Полумесяца. Наименование Ливан относилось только к горному хребту, протянувшемуся параллельно побережью Средиземного м. Лишь после того, как в 1920 г. при франц. мандате, было создано гос-во Л. в современных границах, одноименный топоним стал обозначать всю его территорию. Л. простирается с севера на юг на 210 км, протяженность его с запада на восток колеблется от 40 до 75 км. Страна делится на 4 природные зоны, вытянутые узкими лентами в меридиональном направлении. Прибрежная равнина шириной от 2 до 10 км сменяется хребтом Ливан с высотами до 3 тыс. м (гора Саннин). На побережье находятся мн. крупные города Л.: Триполи, Джубайль (Библ; см. *Гевал*), Бейрут (Берит), Сайда, Сур (*Тир*). К северу от Бейрута, у р. Эль-Кальб, горы вплотную подступают к берегу моря. Ширина горного массива составляет 30–40 км, с севера на юг он тянется на 160 км. На севе-

ре горный хребет обрывается в долину р. Эль-Кабир, по к-рой проходит совр. граница Л. Горы рассечены узкими долинами, спускающимися к Средиземному м. Расчлененный рельеф Сев. Ливана породил многообразие природно-исторических областей, в значительной степени изолированных друг от друга. Плато Аккар, занимающее самый север Л., сменяется долиной Кадиша. Ее верхняя часть образует р-н Бшарри, приморская зона — плато Эль-Кура. Далее на юг сменяют друг друга районы Джубайль, Эль-Батрун и Кесруан, доходящий до р. Бейрут. Горный район непосредственно к востоку от Бейрута носит название Матн, далее на юг расположены районы Эль-Гарб и Эш-Шуф. Расходящиеся вечером долины притоков р. Эд-Дамур делят Эш-Шуф на неск. частей, однако они не столь изолированы друг от друга, как долины Сев. Ливана. Юж. границей хребта Ливан является долина р. Эль-Литани, далее на юг тянется хребет Амиль, относящийся к Сев. Галилее. К востоку от хребта Ливан лежит впадина долины Бекаа шириной от 6 до 14 км, где берет начало р. Эль-Аси (Оронт), текущая на север, в сторону континентальной Сирии, и р. Эль-Литани, огибающая Ливанский хребет с юга. Основные города долины — *Баальбек* на севере, Захла на юге. С востока долина Бекаа ограничена хребтами Антиливан и Эш-Шейх (Хермон; высоты до 2500 м), по к-рым идет граница между Л. и Сирией. Юж. часть горного массива Эш-Шейх рассечена впадиной Вади-эт-Тайм; протекающая там р. Эль-Хасбани является одним из притоков, образующих Иордан.

Климат Л. резко меняется с запада на восток, переходя от морского к континентальному. В зимний сезон (нояб.—март) господствуют ветра с моря, несущие проливные дожди. На смену им приходит жаркое, засушливое лето. Побережье и зап. склон Ливанского хребта получают значительный объем осадков (900 мм в Бейруте, 1500 мм в горах). В древности горы были покрыты хвойными лесами, в т. ч. знаменитыми ливанскими кедрами (сохр. только несколько рощ). Климат прибрежной зоны смягчается морем и горами, ограждающими ее от континентальных ветров. Температура колеблется от +12/14°С градусов зимой до +24/26°С летом. В высокогорье гораздо прохладнее, вершины гор полгода

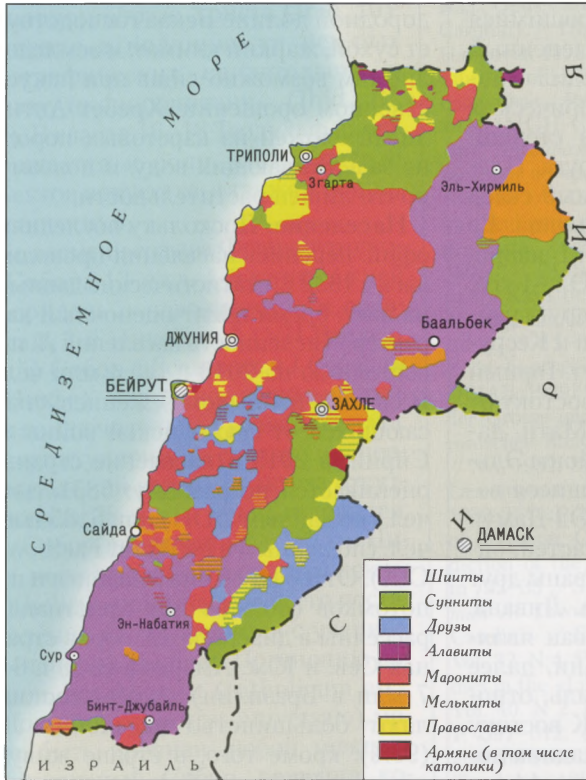
покрыты снегом. Вост. склон Ливанского хребта получает значительно меньше осадков и безлесен. В плодородной долине Бекаа господствует сухой, жаркий климат, и земледелие там возможно лишь при искусственном орошении. Хребет Антиливан сложен из карстовых пород, не задерживающих воду, и поэтому почти лишен растительности.

Население. Поскольку последняя офиц. перепись населения проводилась в 1932 г., статистические данные на наст. время носят оценочный характер. Численность населения Л. по состоянию на 2010 г. ок. 4 млн чел. В связи с наплывом беженцев, спасающихся от гражданской войны в Сирии, в 2015 г. население страны оценивается по-разному: 5851 тыс. чел. (по данным ООН) или 6185 тыс. чел. (по данным The World Factbook CIA). От 8,6 до 14 млн ливанцев и их потомков (80% из них христиане) рассеяны в диаспоре, гл. обр. в странах Сев. и Юж. Америки (в т. ч. 6–7 млн в Бразилии). Арабы составляют большинство населения Л. (90%); кроме того, в стране живут армяне (6%; гл. обр. потомки бежавших сюда от массовых репрессий в 1915–1920), греки, турки, курды и др. В последние годы растет число трудовых мигрантов из стран Юж. и Юго-Вост. Азии.

Согласно данным на 2015 г., среднегодовой прирост населения составил 0,86%, рождаемость — 14,59 чел. на 1 тыс. жителей, смертность — 4,88 чел. на 1 тыс. жителей; показатель фертильности — 1,73 ребенка на 1 женщину; средняя ожидаемая продолжительность жизни — 77,4 года (мужчины — 76,18; женщины — 78,69); средний возраст — 29,4 года (мужчины — 28,8; женщины — 30); в возрастной структуре: 25,08% — дети до 14 лет; 68,34% — лица от 15 до 64 лет; 6,58% — лица 65 лет и старше; степень урбанизации — 87,8% от общего населения.

Государственное устройство. Согласно Конституции Л. от 23 мая 1926 г., действующей в настоящее время с многочисленными поправками, Л. — унитарное гос-во, по форме правления — парламентская республика. Сложная этноконфессиональная структура населения страны предопределила формирование уникальной политической системы, опирающейся на конфессионально-пропорциональное представительство во власти (т. н. конфессионализм),

ОСНОВНЫЕ КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В ЛИВАНЕ В НАЧАЛЕ XXI В.

закрепленное 95-й ст. Конституции Л., т. н. Национальным пактом 1943 г. и Тайфскими соглашениями 1989 г. По принципу конфессионализма гос. посты разделены между христианами и мусульманами в пропорции 50:50, за каждой общиной закреплены определенные политические позиции и квота мест в парламенте.

Парламент насчитывает 128 депутатов, избираемых прямым голосованием на 5-летний срок. 64 депутата — мусульмане (27 суннитов, 27 шиитов, 8 друзов, 2 алавита), 64 — христиане (32 маронита, 20 представителей Армянской Апостольской Церкви, 7 православных, 2 армяно-католика, мелькит-католик, протестант, 1 по усмотрению). Президент — христианин-маронит — избирается парламентом на 6 лет. По представлению парламента президент назначает премьер-министра (суннита), к-рый формирует правительство по конфессионально-пропорциональному принципу. Спикером парламента является шиит. Остальные высшие гос. посты также замещаются в соответствии с принципом конфессионализма.

Религия. Из всех араб. стран Л. имеет наиболее пеструю этноконфессиональную структуру населения, что предопределило исключи-

тельный драматизм его новой и новейшей истории. Каждая община имеет свою ярко выраженную идентичность. Несмотря на вековые усилия политиков и идеологов консолидировать ливан. общество, говорить о единой ливан. нации не представляется возможным. Во избежание потрясений политической системы в стране с 1932 г. не проводилась перепись населения, и все оценки численности ливанских общин носят неофициальный и приблизительный характер.

По последним офиц. данным на 1932 г., 53,7% населения были христианами (29% — марониты, 10 — православные, 6,3 — мелькиты, 6,2 — армяне, 2,2% — представители др. христ. конфессий), 45,3% — мусульманами (20,8% — сунниты, 18,2% — шииты, 6,3% — друзы), 1% — адептами др. религий, включая иудаизм.

По оценочным данным на 2015 г., мусульмане составляют ок. 59,5% населения (27% — сунниты, 27 — шииты, 5,5% — друзы), христиане — ок. 40,5% (21% — марониты, 8 — православные, 5 — мелькиты, 6,5% — представители др. христ. конфессий), незначительно число адептов иудаизма, Бахаи религии, буддизма, индуизма.

Православие. Антиохийскую Православную Церковь представляют 6 епархий (архидиоцезов): Трипольская и Эль-Кура, Илиопольская и Селевкийская (Захлейская и Баальбекская), Гор Ливанских (Библская и Ботрисская, Джубайльская и Эль-Батрунская; центр — Бруммана), Бейрутская, Аркадийская (Аккарская; центр — Шайх-Таба), Тиро-Сидонская (Сурско-Сайдская; центр — Марджьюн). Члены Антиохийской Православной Церкви проживают в основном в городских центрах. Единственный район с преобладанием сельского православного населения — плато Эль-Кура к югу от Триполи (центр — г. Амьон). Большинство верующих — арабы, литургию служат на араб. языке.

В Бсалиме (пригороде Бейрута) действует подворье Русской Православной Церкви. Богослужения со-

вершаются в храме св. Иоанна Предтечи (в юрисдикции Антиохийской Православной Церкви), расположенном в центре столицы близ Посольства России в Л. Приход состоит гл. обр. из сотрудников дипломатических служб и их семей, жен ливанцев, живших и учившихся в СССР и постсоветских странах, их детей, а также потомков эмигрантов 1-й волны, приехавших сюда в период пребывания Л. под франц. мандатом. На воскресной службе в Бейруте собирается от 30 до 50 чел. В связи с боевыми действиями в Сирии представитель Патриарха Московского и всея Руси при Патриархе Антиохийском и всего Востока в наст. время находится в Бсалиме, являясь одновременно настоятелем подворья РПЦ.

Нехалкидонские Церкви (данные на нач. XXI в.). В Антильясе близ Бейрута расположен престол Киликийского католикосата Армянской Апостольской Церкви (ок. 175 тыс. чел.); в юрисдикции этой Церкви в пределах страны находится Ливанская епархия (центр — Бейрут).

На территории Л. учреждены 3 епархии Сирийской яковитской Церкви: Бейрута, Гор Ливанских (центр — Баушария), Захле и Бекаа (всего ок. 8 тыс. чел.) — и епархия Ассирийской Церкви Востока с центром в Бейруте (ок. 4 тыс. чел.). В Бейруте также есть немногочисленная община Коптской Церкви (ок. 500 чел.).

Католицизм (статистика за 2013) в Л. представлен гл. обр. Восточными католическими Церквами. Традиционно в стране доминировала

Мелькитский собор ап. Павла на Хариссе. 1962 г.

христ. община маронитов, в наст. время составляющая Маронитскую католическую Церковь. Резиденция ее архиерея — Антиохийского маронитского патриарха — находится

ЛИВАН В НАЧАЛЕ XXI В.

в Бкерке. В Л. действуют 4 патриарших еп-ства (подчиняются непосредственно патриарху): Джубба (Хадат-эль-Джубба), Згарта—Ихдун, Сарба и Джуния (всего ок. 150 приходов, ок. 410 тыс. чел.); 4 архиеп-ства: Антильяс (93 прихода, 250 тыс. чел.), Бейрут (127 приходов, 232 тыс. чел.), Триполи (125 приходов, 144 тыс. чел.), Сур (22 прихода, 42 тыс. чел.); 5 епископств: Эль-Батрун (66 приходов, 70 тыс. чел.), Баальбек—Дайр-эль-Ахмар (34 прихода, 45 тыс. чел.), Джубайль (86 приходов, 185 тыс. чел.), Сайда (104 прихода, 155 тыс. чел.), Захле (33 прихода, 49 тыс. чел.). Марониты сосредоточены в Вост. Бейруте, а также в секторе от Бейрута до Триполи (районы Кесруан, Джубайль, Эль-Батрун, Бшарри).

Мелькитская католическая Церковь представлена митрополией Бейрут и Джубайль (121 приход, 200 тыс.

чел.), митрополией Сур (11 приходов, 3 тыс. чел.), в подчинении к-рой находятся архиепископства-суффраганы: Банияс (др. названия — Панеада, Кесария Филиппова; 11 приходов, 2,5 тыс. чел.; центр — Марджжун), Сайда (53 прихода, 32 тыс. чел.), Триполи (15 приходов, 10 тыс. чел.), а также 2 архиеп-ствами: Баальбек (7 приходов, 20 тыс. чел.), Захле и Эль-Фурзуль (39 приходов, 150 тыс. чел.; в подчинении патриаршей епархии-митрополии в г. Дамаск (Сирия)).

В Бейруте находятся престолы патриарха армян в Киликии (см. *Армянская католическая Церковь*; 7 приходов, ок. 12 тыс. чел.) и Сирийского патриарха Антиохии и всего Востока (см. *Сирийская католическая Церковь*; 5 приходов, в 2010 — ок. 14,5 тыс. чел., в 2013 — ок. 100 тыс. чел.).

Халдейская католическая Церковь представлена Бейрутским еп-ством в юрисдикции Вавилонского патриархата (3 прихода, ок. 20 тыс. чел.).

Католики латинского обряда образуют апостолический викариат в Бейруте (8 приходов, ок. 10 тыс. чел.).

Протестантские церкви, деноминации и секты. Протестант. миссионеры из Европы и гл. обр. из США начали активную прозелитическую деятельность на территории совр. Л. в 20-х гг. XIX в. Первая евангелическая церковь была открыта в Бейруте в 1848 г., после офиц. признания протестантизма («евангелической веры») властями Османской империи.

В наст. время одной из наиболее многочисленных протестант. организаций в Л. является Национальный евангелический синод Сирии и Ливана (по разным оценкам, от 1,8 до 10 тыс. чел.), ведущий начало от миссий Американского совета уполномоченных зарубежных миссий в 1-й пол. XIX в. Синод был образован в 1920 г. в результате объ-

единения неск. пресвитерианских орг-ций под эгидой Пресвитерианской церкви США, к-рая в 1959 г. передала Синоду автономию в делах духовных, административных, образовательных, медицинских и социальных.

Национальный евангелический союз Ливана, объединяя протестант. церкви в 9 городах страны, организует их управление по пресвитерианскому типу: его адм. центром яв-

Собор прор. Или и св. Григория Провозвестителя Армянской католич. Церкви в Бейруте. 1940 г.

ляется Национальная евангелическая церковь Бейрута, церкви в др. городах выполняют функции пресвитерий столицы и ее окрестностей. Союз объединяет арабо- и англоговорящих верующих.

В 1918 г. на территорию совр. Л. от массовых репрессий бежали евангелизированные амер. миссионерами армяне, к-рые в наст. время принадлежат 2 арм. протестант. церквям: наиболее многочисленному Союзу армянских евангелических церквей на Ближ. Востоке (до 2,4 тыс. чел.) и небольшой общине Армянского евангелического духовного братства (до 1 тыс. чел.), основанного в 1920 г. в Халебе (Алеппо, Сирия).

Первая церковь *баптистов* была основана в Бейруте в 1895 г. Ныне действует связанная с *Южной баптистской конвенцией* США Ливийская баптистская конвенция, к-рая в 1995 г. насчитывала 3,6 тыс. верующих в 28 общинах (из них 13 арабоговорящих). В 1960 г. баптистами учреждена в Л. Арабская баптистская семинария (ныне в пригороде Бейрута).

Другие протестант. деноминации представлены *Иеговы свидетелями* (ок. 6 тыс. чел.; с 1930), Церковью Бога (Андерсон, шт. Индиана, США;

ок. 2 тыс. чел.; см. ст. *Движение святости*), *адвентистами* седьмого дня (ок. 1 тыс. чел.), пятидесятнической орг-цией *Ассамблеи Бога* (ок. 300 чел.) и др. По некоторым данным, общее число протестантов в стране составляет менее 1% населения.

Ислам. Мусульмане-сунниты преобладают в приморских городах (Зап. Бейрут, Триполи, Сайда) и на севере (плато Аккар). Особую группу составляют палестинские беженцы (270 тыс., по данным на 2007), осевшие преимущественно в юж. районах гл. обр. после Шестидневной войны 1967 г. Наибольшими темпами растет абсолютная и относительная численность шиитов, доминирующих на юге страны, в юж. пригородах Бейрута и в долине Бекаа. Друзы (5–7%) компактно заселяют горный р-н Эш-Шуф к юго-востоку от Бейрута. Алавиты и *исмаилиты* составляют ок. 1% населения.

Религиозное законодательство. Конституция Л. гласит, что свобода совести является абсолютной: «В отношении почитания Всевышнего Бога государство уважает все религии и вероисповедания и гарантирует свободное отправление религ. культов под своей защитой при условии соблюдения общественного порядка. Государство гарантирует также всем религиозным общинам уважение к их установлениям о личном статусе и к религиозным интересам» (ст. 9). Религ. общины считаются гос-вом юридическими лицами с особыми прерогативами: в частности, религ. суды вводят в действие законы относительно брака, развода и наследования. Религ. принадлежность каждого гражданина регистрируется гос-вом и отражается в офиц. документах, удостоверяющих личность. Ст. 10 Конституции Л. провозглашает свободу преподавания, «если оно не нарушает общественный порядок и добрые нравы и не затрагивает достоинства существующих в государстве религий и вероисповеданий. Не допускается нарушение права религиозных общин иметь свои школы при условии соблюдения ими общих положений, установленных государством в отношении народного образования». Все религиозные общины активно участвуют в образовательном процессе: в нач. XXI в. конфессиональных и частных школ в Л. было больше, чем государственных. Все общины получают государственные

Фрагмент коллонады храма Юпитера
и руины центрального дворца в Баальбеке. I–III вв.

субсидии на социальную работу, поддержание судов и школ.

История (до VII в. по Р. Х. см. в статьях *Финикия*, *Византийская империя*).

Раннеисламская эпоха (635–1099). В ходе араб. завоеваний армии мусульман довольно легко покорили внутреннюю Сирию, но столкнулись с серьезными трудностями при овладении приморской зоной. После падения Дамаска арабы двинулись дальше на север через долину Бекаа. Баальбек сдался им после непродолжительной осады осенью 635 г. Отступив под натиском визант. армии, арабы разбили ее в битве при Ярмуке в авг. 636 г. и вторично овладели внутренней Сирией, в т. ч. Баальбеком (захвачен весной 637). Однако прибрежные крепости, получавшие помощь с моря и защищенные горными хребтами, долго держались в тылу у арабов. Акка и Тир были завоеваны наместником Сирии Муавией после упорной борьбы только ок. 640 г., Сидон, Берит и Библ — ок. 641 г. В 645–646 гг. ромеи отвоевали финик. города, но мусульмане отбили их и в 647 г. овладели Триполи, последним оплотом византийцев в Сирии.

Утвердившись на морском берегу, Муавия организовал в портовых городах строительство военного флота, и уже в 649 г. арабы атаковали Кипр. Матросами на кораблях служили жители сиро-егип. побережья. В 654/5 г. в Триполи двое братьев-греков, бывших на службе у мусульман, освободили из тюрьмы военнопленных, убили губернатора, сожгли араб. флот и отплыли в Византию. Тем не менее эскадры арабов успешно соперничали с византийцами за контроль над Вост. Средиземноморьем. Только массированное применение «греческого огня» в кон.

70-х гг. VII в. нанесло серьезный урон мусульм. флоту и позволило византийцам перейти в контрнаступление, отвоевать часть островов и высадить десант на ливан. побережье. В 685 г. были захвачены и разрушены Тир и Акка, главные базы араб. флота (*Большаков О. Г.* История халифата. М., 1993. Т. 2. С. 37–39, 161–166; 1998. Т. 3. С. 164, 235–236; *O'Sullivan S.* After the Yarmuk: The Last Stage in the Arab-Muslim Conquest of Syria // *Byzantium in Early Islamic Syria*. Beirut, 2011. P. 31–41).

Одновременно с борьбой за приморские города Византия попыталась вернуть под свой контроль горные хребты в глубине страны. Ромеи опирались на союз с народом мардаитов (в араб. источниках именуются джараджима), населявшим горный массив Аман (Эль-Луккам) к северу от Антиохии. При поддержке византийских войск мардаиты ок. 60-х гг. VII в. распространили свою власть на все прибрежные хребты от Оронта до Галилеи, в т. ч. на хребет Ливан. К ним примкнули местные крестьяне, беглые рабы и военнопленные из долин. Все вместе они представляли военную силу, с которой арабы, непривычные к высокогорным ландшафтам, не могли справиться. Сообщения о мардаитах у христианских (Феофан Исповедник, Михаил Сириец) и арабо-мусульм. (аль-Балазури) авторов почти не имеют точек соприкосновения, что осложняет определение времени и реконструкцию обстоятельств мардаитского присутствия в Ливанских горах. Арабский халифат, расколотый внутренними конфликтами, не имел возможности противостоять визант. натиску и заключил мир ценой уплаты большой дани (689). Одним из условий мирного договора был отвод с хребта Ливан мардаитов. В визант. обществе рас-

ценили согласие на это имп. Юстиниана II как серьезную военно-политическую ошибку. Часть мардаитов ушла на визант. территорию, остальные вернулись в горы Аман и долгое время сохраняли статус привилегированных союзников арабов. Маронитские историографы раннего Нового времени считали, что их народ происходит от мардаитов, однако эта концепция не выдерживает серьезной критики (Canard M. *Djarādīma* // EI. 1991. Vol. 2. P. 456–458).

Уход мардаитов позволил арабам стабилизировать свою власть в регионе. Одним из символов этого стало строительство г. Анджар в юж. части долины Бекаа при халифе аль-Валиде I (705–715). Типологически схожий с омейядскими «дворцами пустыни», Анджар, однако, отличался большей территорией (15 га) и количеством населения (ок. 2 тыс. чел.). Наряду с дворцом правителя и мечетью в городе была построена церковь, размеры которой позволяют оценить численность христ. населения Анджара в неск. сот чел. После падения власти Омейядов (750) город постепенно пришел в упадок и со временем был заброшен; открытый археологами только в XX в., он стал одним из самых значимых памятников раннеараб. урбанизма.

При поздних Омейядах и Аббасидах Л. не привлекал внимания хро-

сохраняли свою идентичность до кон. IX в. В целом население прибрежных городов было полиэтничным и многоконфессиональным.

В ходе т. н. визант. реконквисты X в. сев. часть ливан. побережья неоднократно оказывалась в зоне военных действий. Триполи был осажден войсками имп. Никифора II Фоки в 968 г. Масштабный поход Иоанна I Цимисхия в Сирию и Палестину (975) сопровождался разрушением Баальбека, взятием Бейрута, Сайды, Триполи, др. прибрежных городов и разорением их окрестностей (Кучук-Иоаннесов Х. Письмо имп. Иоанна Цимисхия к армянскому царю Ашоту III // ВВ. 1903. Т. 10. С. 93–101). Однако визант. власть в регионе продержалась недолго: Л. перешел под контроль североафрикан. халифата Фатимидов. Сев. часть Ливанского хребта, вплоть до Триполи, подвергалась нападениям византийцев в 80–90-х гг. X в., пока имп. Василий II Болгаробойца в 1001 г. не установил прочный мир между империями.

Внутренние, особенно высокогорные, районы Л. слабо контролировались властями. Север Ливанского хребта компактно заселяли сирочьи христиане. Значительная их часть принадлежала к маронитской общине, придерживавшейся монофелитства. Изначальным духовным центром общины был мон-рь св. Марона на Оронте недалеко от Апамеи. Источники свидетельствуют о широком

Дворцовый комплекс
в Анджаре. VIII в.

распространении монофелитов в Сирии в VII–VIII вв. и о конфликтах их с мелькитами (православными) после VI Вселенского Собора (681).

нистов. Политическая история региона известна мало, но общий ход этнокультурных процессов поддается реконструкции. Прибрежная зона с большими городами (Сур, Сайда, Триполи) была прочно интегрирована в состав арабо-мусульм. цивилизации. Сур был главным городом региона, основным портом Вост. Средиземноморья. Значительная часть греч. населения бежала из городов в ходе араб. завоевания. На их место Муавия переселял персов, к-рые

Общепринятые в маронитской историографии утверждения о создании самостоятельной Маронитской Церкви легендарным «отцом нации» Иоанном Мароном в кон. VII в. являются поздним мифом. Собственная иерархия возникла у маронитов после восстановления православного Антиохийского Патриаршего престола в сер. VIII в. и попыток патриарха Феофилакта бар Канбары вернуть в Православие сторонников монофелитства. Предположительно

в нач. IX в. во время смут в халифате, нанесших тяжелый удар по монашескому движению всех восточнохрист. исповеданий, мон-рь св. Марона был разрушен. Под давлением внешнего окружения марониты постепенно покинули большие города, плодородные равнины внутренней Сирии и сконцентрировались в труднодоступных Ливанских горах. За отсутствием источников датировки миграционных процессов размыты; нек-рые историки относят их к X–XI вв. Так или иначе, по состоянию на кон. XI в. маронитская община занимала достаточно ограниченный ареал Сев. Ливана и прилегающих районов долины Оронта с центром в Кафртабе около Апамеи (Suermann H. *Contacts between Byzantium and Christians in the Arab State during the Monothelite Dispute* // *Byzantium in Early Islamic Syria*. Beirut, 2011. P. 89–99; Naufal A. *Les Maronites et le Monothélisme* // *Ibid*. P. 59–87).

Ряд араб. родоплеменных групп (в частности, танухиды) был расселен властями халифата в горах Юж. Ливана для охраны дорог и обороны региона от угрозы с моря. Со временем арабы смешались с автохтонным араб. населением, к-рое восприняло ислам и оформилось в венизированное сообщество, подобное тому, что было создано ранее мардаитами. Этнокультурный синкретизм и преобладание высокогорных ландшафтов, затруднявших связи с городской цивилизацией равнин, способствовали распространению в регионе гетеродоксальных религ. течений. Долина Бекаа, хребет Амиль, многие районы Центр. и Сев. Ливана, включая Триполи, были заселены мусульманами-шиитами. При Омейядах и Аббасидах они подвергались преследованиям как еретики, в халифате же Фатимидов шиизм исмаилитского толка стал господствующим исповеданием. В 1017 г. фатимидский халиф аль-Хаким был объявлен воплощением Аллаха, однако это учение не нашло поддержки в Египте, и после таинственного исчезновения халифа в 1021 г. сторонники обожествления аль-Хакима подверглись гонениям со стороны властей. Они подняли ряд крестьянских восстаний в Сирии, которые были подавлены, и в итоге нашли убежище среди горцев Юж. Ливана, принявших их вероучение. К сер. XI в. приверженцы

новой доктрины оформились в строго обособленную общину друзов.

В 70-х гг. XI в. власть Фатимидов во внутренних районах Сирии пала под натиском турок-сельджуков. В Суре и Триполи возникли самостоятельные гос-ва во главе с шиитскими кади. Правитель Сура Ибн Аби Акиль продержался до 1089 г., когда Фатимиды вернули под свой контроль побережье от Газы до Бейрута. Клан Бану Аммар удерживал Триполи и прилегающие города до прихода крестоносцев.

Крестовые походы (1099–1291). Участники 1-го крестового похода двигались на Палестину, оставляя в стороне ливан. города; только Арку (близ Триполи) с февр. по май 1099 г. осаждали войска Раймунда Тулузского. После взятия Св. града (июль 1099) главными задачами *Иерусалимского королевства* стали создание коридора к морю и овладение максимально протяженным

*Руины укреплений Сайды.
1-я треть XIII в.*

участком побережья. Это позволило бы обеспечить прочные связи с Европой и постоянный приток паломников, колонистов и военных контингентов. Борьба за прибрежные крепости, остававшиеся под контролем Фатимидов, долгие годы шла с переменным успехом. При поддержке флотов итал. городов кор. *Балдуин I* в 1110 г. овладел Бейрутом и Сайдой.

В 1102 г. в Сев. Ливане Раймунд Тулузский во главе небольшой армии провансальских рыцарей начал борьбу за создание собственного гос-ва. Он овладел Тортозой, Джубайлем и неск. лет осаждал Триполи. В кон. 1103 г. Раймунд основал свою резиденцию, замок Мон-Пелерен (Сен-Жиль), в неск. километрах к востоку от Триполи. Это позволило ему блокировать город с суши. Бану Аммар владели большим флотом, к-рый снабжал Триполи припасами, однако по мере того как генуэзские корабли усиливали блокаду

с моря, в городе начался голод. Триполи не спасла даже добровольная сдача его Фатимидам (1108). Егип. флот не успел оказать должной помощи осажденным, и в июле 1109 г. город капитулировал. В Сев. Ливане было образовано графство Триполи, управлявшееся провансальскими наследниками Раймунда в союзе с генуэзцами и состоявшее в вассальной зависимости от Иерусалимского королевства. Совместными усилиями иерусалимских баронов, графа Триполи и венецианского флота был взят Сур (июль 1124), который полгода обороняло объединенное войско Фатимидов и атабека Дамаска (*Runciman S. A History of the Crusades. Camb., 1968. Vol. 2. P. 57–70; Ришар Ж. Латинско-Иерусалимское королевство. СПб., 2002. С. 43, 54–56*).

Власть крестоносцев распространялась на северную часть Ливанского хребта, заселенную христианами. Крестьянское население попало в феодальную зависимость от франкских баронов; наряду с этим деревенская

верхушка образовала привилегированное сословие раисов, подобное европейскому дворянству, но стоявшее на более

низкой ступени социальной иерархии. С самого начала крестовых походов мн. марониты выступили на стороне европ. рыцарей и участво-

*Иисус Христос
и св. Иоанн Креститель.
Фрагмент
композиции «Деисус»
в конхе апсиды церкви
правосл. мон-ря Кафтун.
XIII в.*

вали в военных операциях крестоносцев в составе вспомогательных отрядов. Позднейшие маронитские сказания сохранили память о христианских вождях-мукаддимах, пра-

*Православная ц. св. Фоки
в Амьоне. XII в.*

вивших в горах Джубайля и Кесруана в качестве вассалов или союзников триполийских графов и крестоносных владетелей Джубайля. Католическая Церковь настойчиво стремилась обратить маронитов в свою веру. По свидетельству Вильгельма Тирского, в 1182 г. ок. 50 тыс. маронитов во главе с патриархом и неск. епископами отреклись от монофелитской ереси и изъявили готовность принять рим. вероучение. Но фактически марониты еще несколько веков продолжали сохранять традиционную догматику и обрядность, подчинение общины Римскому престолу оставалось чисто внешним. Мозаичность маронитского общества, представлявшего собой фактически конфедерацию племен, населявших изолированные долины и плато, предопределила разное отношение местных христиан к крестоносцам. Известны случаи мятежей ливан. горцев против владетелей Джубайля и Триполи (в Лехфедде в 30-х гг. XIII в., в сел. Хадат (ныне Хадат-эль-Джубба) в верховьях долины Кади-

ша в 1282). Нередко это сопровождалось отпадением местных иерархов от унии с католич. Церковью.

Наиболее известен раскол 1282 г., когда патриарх Лука аль-Бнахрани и ряд монашеских лидеров вернулись к традиц. исповеданию и увлекли за собой население Бшарри.

Правители мусульманской Сирии — атабеки Дамаска, а после них Зенгиды — переселяли в горы Юж. Ливана новые арабские племенные группы в качестве заслона от крестоносной угрозы. Вскоре после падения Бейрута в горном р-не Эль-Гарб, охватывающем Бейрут полукольцом с юга, утвердился клан Бухтуридов; южнее, в р-не Эш-Шуф, — род Маан (1120); в р-не Вади-эт-Тайм — род Шихаб (1174). Правители Дамаска предоставили главам племенных групп переселенцев титулы эмиров, они получили право сбора налогов с подвластных территорий и должны были защищать эти земли от крестоносцев. Ключевую роль в ливан. политике XII–XIV вв. играли Бухтуриды благодаря непосредственной близости к Бейруту. Правящие кланы восприняли друз-

дующих крестоносных контингентов изменило баланс сил на побережье. В 1197 г. крестоносцы вернули Бейрут (*Ришар Ж. Латинско-Иерусалимское королевство. СПб., 2002. С. 172, 176–179, 197*). Долина Бекаа оставалась во владении мусульман: в частности, в 1-й пол. XIII в. Баальбек был уделом одной из ветвей клана Айюбидов.

Графство Триполи играло заметную роль в политике крестоносных гос-в. В XIII в. триполийские графы претендовали на трон *Антиохийского княжества* и периодически распространяли на него свою власть. Угасание правящей династии в кон. 80-х гг. XIII в. привело к усилению в Триполи геновского влияния. Мамлюки наносили удар за ударом по крепостям графства. В 1266 и 1268 гг. армии султана Бейбарса опустошили р-н Бшарри. В 1283 г. войско туркмен, посланное султаном Калауном, сожгло Ихдин, Хадат и другие селения

Маронитский собор апостолов Иоанна и Марка в Джубайле. XIII в.

в верховьях долины Кадиша. Мн. жители были убиты, а маронитский патриарх Лука аль-Бнахрани, пытавшийся органи-

зовать сопротивление, попал в плен. В 1289 г. султан Калаун лично возглавил поход на Триполи, и в апр. город был взят и разграблен мамлюками. После падения столицы Иерусалимского королевства Акры (Акки) в мае 1291 г. оставшиеся крепости крестоносцев, в т. ч. Сур, Бейрут, Джубайль, сдались мамлюкам без сопротивления.

Эпоха мамлюков (1291–1516). После захвата Акры в мусульманском мире ожидали новой высадки крестоносцев на сиропалестинском побережье. Не имея достаточных военных сил для удержания этой территории, мамлюкские султаны предпочли тактику выжженной земли, целенаправленно уничтожая портовые сооружения и прибрежные города. Почти полному разрушению подвергся Тир, пострадали укрепления Бейрута, Триполи был обращен в развалины, а жители его переселены на несколько километров вглубь суши, на берег р. Кадиша, где был отстроен новый город,

снабженный водой и защищенный от нападения с моря.

Особую угрозу мамлюки видели в племенах, населявших Ливанский хребет. Эти народы в большинстве своем принадлежали к еретическим толкам ислама, не признавали власть мамлюкских султанов, их подозревали в сотрудничестве с крестоносцами и в разбоях. Военная экспедиция мамлюков в Кесруан в 1292 г. закончилась неудачей. Вторжение монголов в Сирию в 1299–1300 гг. сопровождалось нападениями ливанских друзов на отступающие отряды мамлюков. Отразив монг. угрозу, власти перешли к целенаправленному замирению Кесруана. Поход наместника Дамаска в 1300 г. принудил горцев к изъятию покорности и выплате дани. Восстание 1305 г. в Кесруане вызвало новый военный поход, сопровождавшийся резней и этническими чистками. На покоренных территориях были расселены верные мамлюкам туркменские племена, в частности клан Бану Ассаф. На них были возложены контроль над местным населением и охрана стратегических коммуникаций, в т. ч. горного прохода у р. Эль-Кальб (*Irwin R. The Middle East in the Middle Ages: The Early Mamluk Sultanate, 1250–1382. L., 1986. P. 74–75, 78–79, 101–102*). Этноконфессиональная принадлежность гетеродоксальных общин, оказавшихся под ударом карательных экспедиций, остается спорной. Маронитская историография склонна считать жителей Кесруана христианами. Оборона от мамлюков р-на Джубайль в 1292 г. была воспета в квазиисторическом маронитском эпосе. Однако наиболее обосновано представление, что жертвами мамлюкских военных кампаний были прежде всего шииты-имамиты, а также, возможно, некоторые группы друзов и ансариив (алавитов). В научной литературе встречаются утверждения, что после этнической чистки Кесруан обезлюдел и позднее был заселен маронитами, но источники свидетельствуют о сохранении там компактного шиитского населения до XVII в.

Друзские эмиры Юж. Ливана покорились власти мамлюков и участвовали в их военных походах, в т. ч. в Кесруан; они сохранили свои владения и были инкорпорированы в мамлюкскую военно-феодалную

скую религию местного населения, но, следуя шиитской практике сокрытия своих убеждений (такийя), не демонстрировали свою религ. принадлежность перед суннитскими сюзеренами. Пограничное положение друзских эмиров и отсутствие у них больших военных ресурсов вынудили Бухтуридов вести сложную политическую игру, балансируя между крестоносцами, *Айюбидами* Каира и Дамаска, позже — монголами и мамлюками. В 1170 г. главы клана Бухтуридов были вероломно убиты во время визита в Бейрут, р-н Эль-Гарб опустошили крестоносцы.

После разгрома армии крестоносцев в битве при Хаттине (июль 1187) айюбидский султан Салах-ад-Дин появился на побережье и быстро овладел Бейрутом и Сайдой. Однако Сур, где собрались гарнизоны крестоносцев, отступившие из оставленных крепостей, оказал упорное сопротивление и отразил осаду мусульман. Прибытие на Восток воинов 3-го крестового похода и после-

систему в ранге командиров вспомогательных войск. Султаны понимали, что только местная традиция элита способна возглавлять ополчения горцев, поэтому фактически признали ее власть в регионе. В ходе реформы 1313 г. по перераспределению условных земельных держаний мамлюкская администрация попыталась раздробить домен Бухтуридов на небольшие имения в разных местностях Л., однако эмиры сумели отстоять свою наследственную власть в р-не Эль-Гарб. Впервые Горный Ливан обрел особый политический статус.

Бейрутом, как правило, управляли наместники-мамлюки, хотя иногда функции правителя города осуществляли представители клана Бухтуридов. Главным соперником друзских эмиров в регионе выступали туркмен. владетели Кесруана. Таким же образом мамлюки интегрировали в свою политическую систему др. ливан. общины, в частности шиитские племена Горного Ливана и Бекаа, где выделился род Харфуш, правивший Баальбеком.

На христ. севере, в высокогорном р-не Бшарри, ок. 1382 г. сложилось полуавтономное политическое образование во главе с маронитскими администраторами, получившими титул мукаддима или кашифа. Одновременно со светскими мусульм. титулами правители Бшарри носили церковный сан (ипо)диакона и выступали покровителями Церкви. В 1390 г. султан Баркук в благодарность за помощь в гражданской войне предоставил право поддержания порядка и сбора налогов в Бшарри Якубу ибн Айюбу († 1444), родоначальнику династии мукаддимов, просуществовавшей до 1613 г., а также даровал ряд привилегий мон-рю Каннубин в долине Кадиша, наиболее авторитетному среди маронитских обитателей. Экономика зап. склона Ливанского хребта — земледелие и отгонное скотоводство с сезонными перекочевками — была ориентирована на Триполи. Несмотря на ежегодные столкновения из-за горных пастбищ с шиитскими скотоводами из долины Бекаа и периодические набеги на Бшарри шиитских владетелей из рода Харфуш, уровень безопасности и религ. свободы в горах был относительно высок, что стимулировало миграцию в регион христиан из Палестины, Антиливана и др. местностей. Маронитские

патриархи, подвергавшиеся репрессиям мамлюкских властей в годы обострения отношений с лат. Западом (как в 1367, когда патриарх Джибраил Хжула был казнен после нападения кипрского короля на Александрию), перенесли свою резиденцию из мон-рей прибрежных районов Джубайль и Эль-Батрун в труднодоступный Каннубин, под защиту мукаддимов Бшарри (1440). Значительная часть христиан, мигрировавших в Горный Ливан, принадлежала к мелькитской и сирьяковитской общинам. Около Ихдина даже возник эфиопский мон-рь Дайр-Мар-Якуб (Дайр-эль-Хбаш). Яковитские переселенцы обладали достаточными материальными средствами и имели относительно высокий образовательный уровень; они постепенно сблизились с мукаддимами Бшарри и вовлекли в орбиту своего культурно-религ. влияния часть маронитского населения. Это вызвало резкое противодействие Маронитской Церкви, и в 1488 г. в верховьях долины Кадиша началась междоусобная война. В ходе конфликта эфиоп. мон-рь был разрушен, а монофизитское духовенство изгнано из Бшарри. К рубежу XV и XVI вв. Маронитская Церковь окончательно утвердилась в своей ориентации на лат. Запад.

Раннеосманская эпоха (1516–1841). Во время османского вторжения в Сирию (1516) одни друзские

Церковь
святых Сергия и Вакха
в р-не Эль-Кура. VI в. (?)

эмиры сражались за мамлюков, другие перешли на сторону завоевателей. После вступления османского султана Селима в Дамаск ливан. владетели (шиитские семейства Харфуш из Бекаа и Хамада из Сев. Ливана, христ. мукаддимы Бшарри, друзские вожди) изъявили покорность османам и сохранили власть над своими соплеменниками.

В первое время османы опирались на туркмен. кланы — Ассафов (правителей Кесруана) и их младших партнеров Сайфов из Аккара, относительно недавно появившихся в Л., не имевших серьезной опоры среди местного населения и, следов., менее склонных к сепаратизму. Владения Мансура Ассафа (1523–1580), самого влиятельного представителя этой династии, простирались от Бейрута до Хомса и Хамы; в 70-х гг. XVI в. Высокая Порта передала под его управление христ. районы Сев. Ливана (Джубайль, Эль-Батрун, Бшарри, Эль-Кура). Мукаддимы Бшарри некоторое время сохраняли власть как вассалы туркмен. эмиров, хотя ее ослабляли кровавые междоусобицы представителей различных ветвей правящего рода (т. н. Дом Бшарри и Дом Айн-Хилья) и возникновение автономных образований во главе с христ. старейшинами — шейхами или диаконами (в маронитской общине влиятельных мирян традиционно возводили в сан диакона и они управляли хозяйственными делами Церкви).

Со временем Высокая Порта стала опасаться могущества Мансура Ассафа. Он создал сильную армию, оснащенную огнестрельным оружием, закупленным у венецианцев, и предположительно поддерживал политические контакты с католической Европой через посредство маронитского семейства Хубайш, состоявшего на его службе. Стремясь поставить Сев. Ливан под более жесткий контроль, османы в 1579 г. учредили новую

административную единицу — эялет Триполи, во главе которого поставили не Мансура Ассафа, а его младшего союзника Юсуфа Сайфу. Это

вызвало затяжное противостояние между 2 кланами, закончившееся гибелью последнего представителя рода Ассаф Мухаммада в 1591 г. Юсуф Сайфа стал новым гегемоном Сев. и Центр. Ливана.

Местные православные играли видную роль в администрации семейства Сайфа, что, возможно, стало одним из факторов культурного

подъема правосл. арабов Триполийско-Аккарского региона в кон. XVI — нач. XVII в. Лит. оживление, ставшее 1-й фазой т. н. *Мелькитского ренессанса*, совпало с периодом доми-

нирования выходцев из Сев. Ливана в высшей иерархии Антиохийской Православной Церкви. На средства христ. церковной и светской знати был основан или обновлен ряд мон-рей вокруг Триполи (*Хаматура*, *Кафтун*, *Баламанд* и др.).

В эпоху Контрреформации активизировалось католич. проникновение на Ближ. Восток и происходила дальнейшая интеграция Маронитской Церкви в лат. культурное пространство. В 1584 г. в Риме была открыта Маронитская коллегия для подготовки ближневост. духовенства. Л. посетил ряд папских миссий во главе с иезуитами Джованни Баттистой Элиано (1578–1579, 1580–1582) и Джироламо Дандини (1596). Под председательством папских легатов прошло неск. церковных Соборов, принявших решения об унификации догматики и обрядовой практики согласно римским образцам. Из монастырских б-к были изъяты и сожжены сомнительные с богословской т. зр. книги. Т. о. погибла большая часть маронитского культурного наследия. В 1598 г. Маронитская Церковь по настоянию Рима приняла григорианский календарь (в богослужебную практику внедрен в нач. XVII в.).

Контроль имперского центра над Горным Ливаном оставался весьма условным. Друзские племена не платили налогов, занимались разбоем, отряды дамасских пашей регулярно совершали походы вглубь Ливанских гор, добываясь разоружения племен и выплаты недоимок. Так, в 1585 г. на плато Аккар горцы разгромили караван, везший в Стамбул дань из Египта. В ответ османы разорили множество деревень, захватили в плен и увезли в Стамбул мн.

ливан. эмиров, к-рые, впрочем, получили прощение и были отпущены.

Завладев землями рода Ассаф, Юсуф Сайфа столкнулся с набиравшим силу друзским эмиром Фахр ад-Дином Мааном (1590–1635), владельцем Эш-Шуфа. Начиная с 1598 г. Сайфы и Мааны вели не-

*Православный
мон-рь Хаматура.
X в., XVII в.*

прерывную борьбу, Кесруан и Бейрут неоднократно переходили из рук в руки. В 1606 г. Фахр ад-Дин заключил союз

с мятежным курдским вождем Али Джанбуладом, захватившим Халеб (Алеппо). Совместными усилиями мятежники нанесли поражение Юсуфу Сайфе, овладели Триполи, Дамаском и большей частью Л. Приблизительно в это время одна из ветвей рода Джанбулад (Джумблат) осела в Л. и влилась в ряды друзской аристократии. На следующий год османы сумели разбить мятежников, однако Мааны сохранили свои позиции благодаря заступничеству влиятельных покровителей в столице.

Фахр ад-Дин Маан, с 1592/93 г. занимавший пост санджакбея Сайды, покровительствовал международной торговле, что превратило этот город в главный порт Вост. Средиземноморья, тогда как экономика Триполи пришла в упадок. Фахр ад-Дин поощрял развитие шелководства; шелк и хлопок стали главными экспортными товарами Л. Друзский эмир поддерживал тесные связи с маронитами, его ближайшими сподвижниками были члены маронитского рода Хазин, значительную долю в армии составляли христиане. При Фахр ад-Дине ускорилась маронитская колонизация Кесруана, за неск. поколений эта область стала почти полностью христианской. Управление Кесруаном было передано семействам Хазин и Хубейш, к-рые образовали маронитскую феодальную аристократию, подобную друзским правящим домам. Фахр ад-Дин вел самостоятельную внешнюю политику, покровительствовал европ. миссионерам, заключил союзный договор с герц-ством Тоскана. Османские власти, обеспокоенные растущим могуществом Маанов, вмешались в распри сир. владельцев и в 1613 г. организовали поход про-

тив Фахр ад-Дина силами армий 14 пашей. Эмир сумел бежать в Тоскану, его крепости сдались османам, давние враги Маанов Сайфы получили обратно многие из своих владений.

Однако возобновление войны с Ираном вынудило Высокую Порту вывести войска из Л. Это облегчило Маанам восстановление утраченных позиций. Фахр ад-Дин получил прощение и в 1618 г. вернулся в столицу Дайр-эль-Камар в Эш-Шуфе. Возобновилась война Маанов и Сайфов, военные действия вокруг Триполи и на плато Аккар шли с перерывами в 1618–1624 гг. Высокая Порта поддерживала то одного, то др. эмира в зависимости от размеров их подношений. Фахр ад-Дин установил контроль над Джубайлем, Эль-Батруном и Бшарри, часть эмиров из рода Сайфа перешла на его сторону. К 1621 г. власть мукаддимов Бшарри была упразднена; этим районом первоначально управляли приближенные Фахр ад-Дина из клана Хазинов, а после 1634 г. — шиитские вожди из рода Хамада. После смерти Юсуфа Сайфы (1625) его сыновья разделили владения отца без санкции Стамбула, и Фахр ад-Дин легко сумел разгромить их. В 1627 г. он получил пост бейлербейя Триполи, увеличив т. о. свои владения, простиравшиеся до Галилеи и Заиорданья. Одновременно Фахр ад-Дин боролся с шиитскими вождями Сафедом и Баальбеком, в 1623 г. разбил в долине Бекаа войска дамасского паши и клана Харфушей.

Добившись перелома в войне с Ираном в нач. 30-х гг. XVII в., османы вступили в борьбу с непокорными сир. и анатолийскими владельцами. Мааны вызывали наибольшие опасения, и в 1633 г. в Л. была осуществлена масштабная карательная экспедиция, в ходе к-рой Фахр ад-Дин и его сыновья были захвачены в плен и увезены в Стамбул в качестве заложников. В 1635 г. их казнили в ответ на мятеж в Эш-Шуфе Мульхима, племянника Фахр ад-Дина. В маронитской историографии, легкой в основу ливан. исторического мифа, Фахр ад-Дин Маан предстает эпическим героем, покровителем христиан, деятельность к-рого во многом способствовала зарождению ливан. государственности.

Хотя преемникам Фахр ад-Дина Мульхиму (1635–1659) и его сыну Ахмаду (1659–1697) периодически удавалось объединить под своим

управлением значительную часть ливан. территорий, могущество Маанов никогда не достигало прежних размеров. Их позиции ослабляло соперничество группировок друзской аристократии «кайси» и «йемени», восходящее к легендарным генеалогическим разделениям араб. племен и приводившее к бесконечным междоусобным войнам. Османские паша умело натравливали друзских эмиров и шейхов друг на друга и на соседние шиитские племена. Для усиления контроля над районами Юж. Ливана Высокая Порта учредила в 1660 г. пашалык с центром в Сайде.

После пресечения в 1697 г. династии Маанов власть над Эш-Шуфом перешла к ее союзникам Шихабам, суннитским эмирам р-на Вади-эт-Тайм в Антиливане. В их правление продолжались кровопролитные войны между друзскими феодалами (наиболее крупным столкновением была битва при Айн-Даре в 1711 г., перекроившая всю политическую карту Горного Ливана), увеличивалось число локальных шейхов и пользовались традиционным покровительством христиане — марониты и мелькиты-католики.

Эмиры поощряли переселение маронитских крестьян, опытных шелководов, в друзские районы Матн и Эш-Шуф. Тираническое правление шейхов семейства Хамада на маронитском севере стимулировало массовую миграцию христиан на юг. Франция, поддерживавшая тесные экономические связи с Л., позиционировала себя как защитницу местных католиков. Шейхи Хазины, правители Кесруана, в XVII–XVIII вв. на протяжении неск. поколений занимали пост франц. консулов в Бейруте. В XVII в. католич. ордены *кармелитов, иезуитов* и *капуцинов* при поддержке Хазинов основали свои миссии в прибрежных городах и в горах Л. Важнейшим событием в процессе сближения Маронитской Церкви с Римом стал Собор 1736 г. в Лувайзе, принявший множество догматических, обрядовых и канонических установлений, направленных на унификацию церковной практики по рим. образцам. Мелькитская католическая Церковь, отделившаяся от правосл. Антиохийского Патриархата в 1724 г., оформилась во 2-й четв. XVIII в. именно в Горном Ливане, не подчинявшемся напрямую османской администрации, к-рая традиционно преследовала католи-

Маронитский собор св. Стефана в Эль-Батруне. XVII в.

ков. Мон-ри Мар-Юханна в Эш-Шувайре и Дайр-эль-Мухаллис под Сайдой стали резиденциями униат. архиереев и центрами католич. пропаганды. С сер. XVIII в. отдельные представители рода Шихаб стали принимать католичество маронитского толка, впрочем не афишируя это перед османскими властями.

В 1759 г. христиане Сев. Ливана восстали против власти дома Хамада и изгнали его со своих земель. При содействии маронитского шейха Саада аль-Хури (1722–1786), который был воспитателем Юсуфа Шихаба, племянника эмира Мансура (правил в 1753–1770), районы Джубайль, Эль-Батрун и Бшарри в 1764 г. были включены в состав Ливанского эмирата и перешли под

Православный мон-рь св. Иоанна Крестителя в г. Дума. XVI в., XVIII в.

управление Юсуфа. В 1773 г. род Хамада потерпел окончательное поражение в борьбе за Сев. Ливан. Новым политическим и экономическим центром маронитской общины стал Кесруан, куда в 1766 г. был перенесен Патриарший престол маронитов. Покровительство Маронитской Церкви со стороны Хазинов не раз приводило к внутрицерковным конфликтам и расколам, когда соперничавшие ветви этого феодаль-

ного рода продвигали на Патриаршество своих ставленников. После долгой борьбы Юсуфу удалось свергнуть эмира Мансура и встать во главе всех ливан. друзов и маронитов (1770–1790).

Со 2-й пол. XVIII в. Высокая Порта все более утрачивала контроль над удаленными провинциями, где возвысился ряд фактически независимых правителей. Одним из них стал шейх Дахир аль-Умар, установивший власть над Галилеей и шиитскими племенами Юж. Ливана. В годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Дахир в союзе с мятежным егип. правителем Али-беем отделился от Стамбула и на короткое время овладел всей Палестиной и Юж. Сирией. В 1771 г. Сайда была занята гарнизоном Дахира, в 1772 г. Бейрут подвергся совместной атаке мятежников и рус. флота. Ливан. эмир Юсуф Шихаб первоначально участвовал в этом противоборстве на стороне османов. Однако, после того как отряд дамасского паша занял Бейрут и отторг его от владений эмира, Юсуф присоединился к мятежникам и обратился к имп. Екатерине II с просьбой о принятии Л. в российское подданство. В 1773 г. отряды Дахира и Юсуфа при поддержке эскадры рус. флота 4 месяца осаждали Бейрут, к-рый обороняло османское войско во главе с мамлюком боснийского происхождения Ахмадом аль-Джаззаром. В итоге осажденные были вынуждены капитулировать и Бейрут занял

русский гарнизон, оставшийся там до конца войны (*Кобищанов Т. Ю.* Крест над Бейрутом: Российская экспедиция в

Вост. Средиземноморье 1769–1774 гг. в восприятии сирийских современников // ВМУ: Вост. 2009. № 1. С. 3–32; № 2. С. 3–20).

После заключения мира между Стамбулом и Россией османский капудан-паша во главе сильного флота сломил сопротивление Дахира и завоевал его удел. В 1775 г. галилейский шейх был убит. Шииты и эмир Юсуф покорились османам. Сайдский и Триполийский эялеты

были переданы под управление Ахмада аль-Джаззара (1776–1804), который быстро превратился в могущественного и фактически самостоятельного правителя, демонстрировавшего, впрочем, абсолютную лояльность к Высокой Порте. Аль-Джаззар отличался крайней жесткостью при наведении порядка и сборе податей в своих владениях. В 1785 г. он разгромил ополчения шиитов Юж. Ливана и Галилеи и опустошил их земли. В 1786 г. дамасский паша одержал верх над шиитским родом Харфуш и завоевал долину Бекаа, к-рая перешла под прямое османское управление. Т. о., к кон. XVIII в. влияние ливанских шиитов как самостоятельной политической силы было сведено на нет. В Горном Ливане аль-Джаззар успешно использовал раздоры внутри рода Шихаб и трения между эмирами и друзской аристократией, чтобы провоцировать междоусобные конфликты (противоборство группировок «йезбеки» и «джумблати») и менять у власти соперничавших эмиров, добиваясь от каждого повышения выплат в казну сайдского паши. В 1788–1807 гг. север и юг Ливанских гор были разделены на 2 эмирата, управлявшихся различными ветвями династии Шихабов. Эмир Юсуф неоднократно терял власть из-за происков соперников — своих братьев или сыновей прежнего эмира Мансура. В 1790 г. Юсуф был казнен вместе с ближайшим советником Гандуром аль-Хури по настоянию своего племянника Бешира II (1767–1850, эмир в 1789–1840), которому паша незадолго до того передал власть над Горным Ливаном. Начальный период правления Бешира был столь же бурным: он несколько раз был низложен в результате восстаний горцев или политических комбинаций аль-Джаззара, продвигавшего к власти других представителей рода Шихаб. В ходе вторжения в Сирию войск Наполеона Бонапарта в 1799 г. и осады им Акки, где укрепился Ахмад аль-Джаззар, ливан. эмир сохранял нейтралитет, выжидая, кто окажется победителем.

Лидирующую роль в маронитской общине помимо церковных институтов и феодальной аристократии (семейства Хазин, Хубейш, Дахдах) играли христ. управляющие хозяйством эмиров (мудаббиры). Наиболее влиятельными из них были со-

ветники эмира Юсуфа Саад и Гандур аль-Хури, а в посл. племянник Саада Джирджис Без, выступавший фактически в роли регента при сыновьях Юсуфа. В 1800–1802 гг. Джирджис при поддержке шейхов Сев. Ливана и отрядов аль-Джаззара воевал с эмиром Беширом и друзскими феодалами; противостояние закончилось соглашением об очередном разделе Л. между Беширом и сыновьями Юсуфа. Джирджис стал мудаббиром Бешира в его столице Байт-эд-Дин в Эш-Шуфе, а брат Джирджиса управлял Джубайлем от имени сыновей Юсуфа. В 1807 г. в результате заговора друзской знати, поддержанного Беширом, братья Без были умерщвлены, а сыновья Юсуфа свергнуты и ослеплены. Институт мудаббиров после этих событий потерял прежнее значение.

После смерти аль-Джаззара в 1804 г. Высокая Порта передала Сайдский пашалык одному из его мамлюков, Сулейману (1804–1819). Политическая ситуация в Горном Ливане стабилизировалась, эмир Бешир сумел расширить владения Шихабов и укрепить свою власть, подавив оппозицию друзских феодальных родов во главе с кланом Джумблатов (1825). Эмир опирался на поддержку маронитов, к-рые с этого времени начали играть все более весомую политическую роль в Л. Сближение с маронитами было закреплено негласным обращением в христианство Бешира и большей части рода Шихаб, а также клана Абу Лама, правителей Матна. При этом маронитская Патриархия была подчинена интересам правящего дома и отчасти утратила роль политического лидера своего народа. Во время крестьянского восстания, вспыхнувшего в маронитских округах Л. в 1820 г. из-за насилий эмирской администрации, патриарх не поддержал восставших и не пытался выступить в их защиту при подавлении движения.

В 1831 г. сир. провинции Высокой Порты были завоеваны войсками егип. паши Мухаммада Али, вступившего в конфликт с султаном. Население Сири, в т. ч. прибрежных городов Л., недовольное управлением османских пашей, не оказало сопротивления. Бешир Шихаб после нек-рых колебаний тоже принял сторону египтян. Сын Мухаммада Али Ибрагим-паша, наместник Сирии, установил на подвластных

территориях режим жесткого централизованного управления, упорядочил налогообложение, подавлял местные феодальные элиты, проводил веротерпимую политику в отношении христиан. Так, на территории Л. наряду с католич. структурами свободно действовала амер. протестант. миссия, утвердившаяся в Бейруте еще в 1821 г. Непрочность егип. власти в Сирии ввиду неурегулированных отношений с Высокой Портой вынуждала Ибрагим-пашу сохранить Горный Ливан как автономный анклав, управляемый эмиром Беширом. Эмир укрепил свою власть, уничтожив или изгнав непокорных ему друзских феодалов. Адм. аппарат и войско Бешира состояли в значительной степени из маронитов, к-рые начали воспринимать эмират как христ. гос-во. Тем не менее налоговый гнет егип. власти и слухи о распространении на христиан рекрутских наборов подтолкнули ливан. горцев в мае–июне 1840 г. к восстанию, быстро подавленному егип. войсками. Конфликт Мухаммада Али со Стамбулом закончился вмешательством ряда европ. держав во главе с Великобританией, выступивших на стороне Османской империи. Осенью 1840 г. у берегов Л. появился англо-тур. флот. У египтян не хватало войск прикрыть все побережье, и в результате серии брит. бомбардировок и десантов в сент.—окт. портовые города пали один за другим. Ибрагим-паша со своим войском занял ущелья Ливанских гор над Бейрутом. Горные племена тяготились жесткой егип. властью и, получив от союзников десятки тысяч ружей, выступили на стороне султана. Армия Ибрагим-паши оказалась под угрозой окружения и спешно отступила во внутреннюю Сирию. Бешир Шихаб, до последнего момента сохранявший верность егип. паше, в окт. 1840 г. сдался англичанам, был низложен и отправлен в ссылку на Мальту.

Эпоха Танзимата и автономный Л. (1841–1914). С кон. 30-х гг. XIX в. Османское государство вступило в полосу реформ, начальный этап которых получил наименование Танзимат (упорядочение). Вводилось централизованное управление, подрывавшее феодальные привилегии региональных элит. Принимались меры по уравниванию в правах христиан с мусульманами. В 1841 г. Стамбул предоставил маронитскому

патриарху статус главы самостоятельной этноконфессиональной группы — *миллета*.

После восстановления османской власти в Сирии Ливанский эмират был передан двоюродному брату Бешира Беширю III аль-Касему. В страну возвратились опальные друзские шейхи, добивавшиеся получения своих имений и феодальных привилегий. Маронитское крестьянство, составлявшее большинство населения даже в традиционно друзских округах, выступило против возрождения старых порядков. Франц. агенты и представители Маронитской Церкви подталкивали христиан к вооруженной борьбе; друзья, к-рым негласно покровительствовали Великобритания и Высокая Порта, стремились восстановить свое доминирование в Л. В течение 6 недель в окт.—нояб. 1841 г. в юж. округах со смешанным населением происходили друзско-маронитские столкновения. Христ. ополчение было разбито, с обеих сторон погибло 1,5 тыс. чел., разрушено более 70 деревень. Эмир Бешир III, осажденный друзьями в своей резиденции в Дайр-эль-Камаре, с трудом бежал в Бейрут под защиту османских войск. В янв. 1842 г. эмир был низложен, а в Горном Ливане введено прямое тур. правление. К кон. 1842 г. османские власти сумели привести к покорности друзов Эш-Шуфа, арестовав их шейхов и разгромив начавшееся после этого восстание.

Высокая Порта и дипломаты великих держав в 1842 г. разработали новый проект адм. устройства региона. Горный Ливан в составе Сайдского вилайета (столицей которого стал Бейрут) был разделен на 2 территориальные единицы, каймаками: сев. области управлялись христ. каймакомом, южные — друзским. Главный недостаток новой системы заключался в том, что население юж. округов оставалось смешанным и местные марониты не желали подчиняться друзским шейхам. Маронитские крестьяне юга создали тайную орг-цию для подготовки нового восстания. Христ. знать не поддерживала это выступление, понимая, что друзско-маронитская борьба носит в значительной степени социальный характер и христ. феодалы станут следующей целью повстанцев. Церковь, со своей стороны, стремилась использовать крестьянское движение для того, чтобы оттеснить фео-

дальную знать и занять лидирующее положение в маронитской общине. С нач. 1845 г. в Юж. Ливане и Антиливане возобновились друзско-маронитские столкновения, к маю переросшие в массовые убийства и этнические чистки. После первоначальных успехов христиан друзья стали одерживать верх и теснить противников. Османские власти не торопились останавливать войну, сочувствуя друзьям и рассчитывая на взаимное ослабление ливан. племен. Только к кон. мая лидерам противостоящих общин при посредничестве османского паши удалось достичь перемирия. Адм. система Л. была усовершенствована созданием при каждом каймаке совета из представителей различных общин, выполнявших функции судей и податных инспекторов. Однако межконфессиональное напряжение сохранялось.

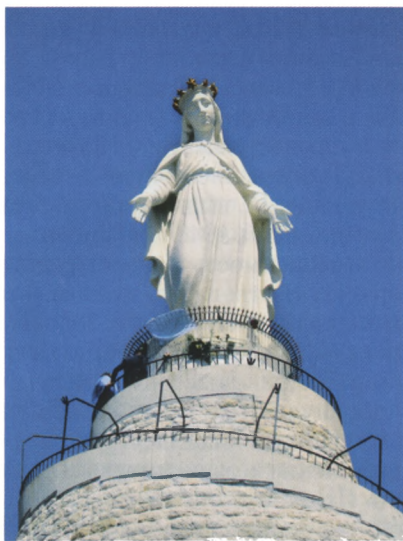
Наряду с этим в Сев. Ливане нарастал протест маронитских крестьян против феодальных порядков и привилегий христ. знати. В дек. 1858 г. началось восстание в Кесруане, в ходе к-рого шейхи Хазины были изгнаны, а их собственность разделена между повстанцами. Ок. 2 лет в Кесруане существовала крестьянская «республика» во главе с Таннусом Шахином. Спад антифеодального движения был вызван новым витком друзско-маронитских столкновений в Центр. и Юж. Ливане в мае 1860 г. Подпольную маронитскую орг-цию с центрами в Дайр-эль-Камаре и Захле возглавляли видные церковные иерархи, к-рые придали борьбе с друзьями характер религ. войны. Друзы значительно уступали христианам в численности (в Л. насчитывалось ок. 44 тыс. друзов и свыше 200 тыс. маронитов), однако благодаря своей сплоченности вокруг традиц. элиты, хорошим боевым качествам и мотивации они при негласной поддержке османских властей и войск сумели нанести поражение маронитам. Ливан. христиане были географически разобщены, не имели общего руководства, христ. элита отнюдь не сочувствовала борьбе своих единовверцев с друзскими феодалами. Военные действия сопровождались резней христ. населения Дайр-эль-Камара, Захле, Хасбайи и Рашайи (в последних 2 городах большинство населения составляли православные). Погибло, по разным оценкам, от 5 до

20 тыс. христиан, десятки тысяч бежали в Бейрут и др. города побережья, было сожжено свыше 200 деревень, 560 церквей, 42 мон-ря (см. также *Друзско-маронитский конфликт*).

Друзско-маронитская война и последовавший за ней погром христиан в Дамаске (см. *Дамасская резня*) стали предлогом для направления в Л. франц. военно-морской экспедиции и высадки десанта, призванного помочь османским властям в наведении порядка (авг. 1860 — июнь 1861). Международная комиссия в Бейруте в составе представителей Великобритании, Франции, России, Австрии, Пруссии и османского правительства выработала «Органический статут Ливана» — план учреждения в Горном Ливане автономной провинции (мутасаррифии) в составе Османской империи с конфессионально-пропорциональным представительством во властных структурах (июнь 1861). Губернатором (мутасаррифом) должен был быть католик неливан. происхождения. При нем действовал адм. совет с совещательными функциями, в к-рый должны были войти представители верующих различных конфессий, имевшихся в Л. В районах Эль-Батрун, Кесруан, Матн и Джаззин администрацию возглавляли марониты, в Эль-Куре — православные, в Захле — мелькиты-католики, в Эш-Шуфе — друзья. Создавались полицейские формирования смешанного состава. Все политические, юридические и фискальные привилегии феодальной знати отменялись. Тем не менее аристократические семейства Джумблат, Арслан, Хазин, Хубейш, Дахдах, Шихаб, Абу Лама и др. успешно инкорпорировались в администрацию мутасаррифии. По состоянию на 1862 г. в автономном Л. насчитывалось 115 тыс. маронитов, 28 тыс. православных, 24,5 тыс. друзов, 17,5 тыс. мелькитов-католиков, свыше 8 тыс. шиитов, 6 тыс. суннитов, неск. сотен протестантов и армян.

Автономия находилась под коллективным протекторатом великих держав, к-рые, впрочем, мало вмешивались в ее дела. Собираемые налоги оставались в ведении местного правительства, в случае нехватки средств ливан. бюджет дотировался из имперской казны. В эпоху мутасаррифии Горный Ливан окончательно превратился в страну моно-

культуры шелка, ориентированную на текстильную промышленность Франции. До половины населения и такая же доля сельскохозяйственных земель были вовлечены в шелководство. При этом экономика Ливанской автономии во многом зависела как от функционирования бейрутского порта, так и от импорта

*Дева Мария Ливанская.
Скульптура сантуария
на горе Харисса.
Кон. XIX в.— 1906 г.*

продовольствия из долины Бекаа и внутренней Сирии. Распространение монокультуры шелка, а также сохранение крупного землевладения (до $\frac{1}{3}$ обрабатываемых земель являлись церковными вакфами) в сочетании с всплеском рождаемости, происшедшим в послевоенные годы, привели к аграрному перенаселению и массовой эмиграции. За 1860–1914 гг. ок. $\frac{1}{3}$ населения автономии, гл. обр. марониты, уехали из страны.

Прибрежные районы, остававшиеся под прямым османским правлением, динамично развивались благодаря инфраструктурным проектам правительства и вовлечению Сирии в мировую капиталистическую систему. Бейрут стал главным портом Вост. Средиземноморья, центром торгового обмена и культурного взаимодействия араб. мира и Европы. Население города выросло с 10 тыс. в 1830 г. до 40 тыс. в 1860 г. и 120 тыс. в 1914 г. Христиане составляли свыше 60% жителей. Телеграфная линия связала Бейрут с Европой (1858), шоссе (1863) и железная (1895) дороги — с Дамаском. В 1887 г. была образована османская провинция

с центром в Бейруте, охватывавшая почти все сиро-палестинское побережье. Наряду с этим Бейрут стал экономической и культурной столицей Горного Ливана. Администрация мутасаррифии переместилась из Байт-эд-Дина в предместье Бейрута Баабду. В Бейруте открывались иностранные консульства, религиозные миссии, судоходные и страховые компании, банки. Быстро росло благосостояние христ. буржуазии, вовлеченной в шелководство и международную торговлю.

Еще с кон. XVIII в. в Горном Ливане стали возникать арабо-христ. учебные заведения, к которым в 1-й пол. XIX в. добавилась сеть протестант. и иезуитских школ. С 60-х гг. XIX в. центром образовательной инфраструктуры региона стал Бейрут. В 1866 г. там был открыт Протестантский колледж (ныне Американский ун-т в Бейруте), в 1875 г. — католич. ун-т св. Иосифа. Традиции книгопечатания ливан. христиан восходят к XVII–XVIII вв. В сер. XIX в. в Л. стали открывать новые типографии, появилась пресса. На 1914 г. только в Бейруте печатались 168 периодических изданий. Выходцы из Л. играли лидирующую роль в араб. журналистике Османской империи. На 2-ю пол. XIX — нач. XX в. приходится общеараб. культурный подъем (т. н. Нахда — возрождение), инициаторами и наиболее яркими деятелями к-рого были христиане — уроженцы Горного Ливана, переселившиеся в Бейрут: Насиф аль-Язиджи (1800–1871), Ибрахим аль-Язиджи (1847–1906), Фарис аш-Шидьяк (1805–1887), Бутрус аль-Бустани (1819–1883). В среде маронитов начало складываться представление об особой ливанской идентичности (впосл. оформившееся в идеологию т. н. финикизма) и разрабатывались политические проекты создания собственной христ. государственности.

Первая мировая война и французский мандат (1914–1943). Через неск. месяцев после вступления Османской империи в первую мировую войну осенью 1914 г. автономия Горного Ливана была упразднена. Население подвергалось мобилизации в армию, реквизировалось продовольствие. Экономика рухнула, не выдержав военных перегрузок. Ливанское шелководство потеряло рынки сбыта, прекратился подвоз хлеба из долины Бекаа. Го-

лод и эпидемии погубили 100 тыс. из 450 тыс. жителей Л.

В годы войны страны Антанты стремились использовать араб. национальное движение для борьбы с Османской империей. Однако подпольная сеть араб. националистов в Сирии и Л. была раскрыта младотур. властями, последовали военнo-полевые суды и массовые казни. Всего в 1915–1916 гг. в Бейруте и Дамаске были повешены свыше 800 чел., мн. тысячи были отправлены в концлагеря. Великобритания тем не менее смогла подтолкнуть к выступлению против османов шерифа (впосл. короля) Мекки Хусейна из династии Хашимитов (Хиджазское восстание 1916 г.), пообещав хиджазским союзникам создание после войны независимого гос-ва на всей территории араб. провинций Османской империи. В то же время по итогам соглашения Сайкса—Пико 1916 г. страны Антанты договорились о послевоенном разделе Ближ. Востока: сиро-ливан. побережье передавалось под прямое управление Франции, а внутренняя Сирия попадала во франц. сферу влияния.

В ходе наступления в окт. 1918 г. войска Антанты заняли прибрежные районы Л. и Сирии, которые были переданы под франц. управление. Внутренняя часть Сирии оказалась под властью эмира Фейсала, сына кор. Хусейна. В 1919 г. на Версальской конференции Франция настаивала на передаче ей под мандатное управление Л. и Сирии, с самого начала подразумеваемая разную идентичность этих территорий. Париж рассчитывал сделать Л. с его преимущественно христ. населением своей главной опорой в регионе. С подачи Франции маронитские националисты во главе с патриархом Ильясом аль-Хувайком выступали в Лиге Наций с заявлениями о том, что ливанцы представляют собой особую нацию, связанную не с араб. миром, а с европ. Средиземноморьем, и имеют право на создание собственной государственности. Для того, чтобы сделать новое гос-во геополитически и экономически самодостаточным, предполагалось присоединить к прежней ливан. мутасаррифии прибрежные районы с городами Триполи, Бейрут и Сайда, а также плодородную долину Бекаа внутри страны. Этот политический проект носил название Великий Ливан (Лубнан

эль-Кабир). В 1919 г. франц. генеральным комиссаром в Бейруте стал амбициозный генерал А. Гуро, сторонник создания христ. государственности в регионе. В нояб. 1919 г. франц. войска оккупировали долину Бекаа, по к-рой проходила стратегическая железная дорога Дамаск — Халеб. На конференции высшего совета Антанты в Сан-Ремо в апр. 1920 г. Франция получила мандаты на управление Л. и Сирией, а в июле армия Гуро сломала сопротивление сторонников Фейсала и овладела Дамаском.

Одним из первых шагов франц. администрации было выделение 1 сент. 1920 г. из состава подмандатных территорий гос-ва Л. в его совр. границах (до 1926 оно называлось Великий Ливан). Территория прежней Ливанской автономии увеличилась вдвое, в состав гос-ва вошли новые значительные группы населения: сунниты (плато Аккар, прибрежные города) и шииты (долина Бекаа и юж. районы страны). Если политический статус шиитов повысился (под османской властью они подвергались дискриминации как еретики), то сунниты, напротив, долгие годы не воспринимали саму идею ливан. государственности и выступали за воссоединение с остальной Сирией.

На подмандатных территориях французы установили систему прямого управления с громоздким бюрократическим аппаратом, во главе к-рого стоял генеральный консул, имевший штаб-квартиру в Бейруте. Восстание в Сирии под лозунгами национального освобождения в 1925–1927 гг. подтолкнуло франц. администрацию к поиску более гибких механизмов управления. Уже в 1926 г. Л. получил конституцию, согласно которой властные полномочия были разделены между всеми конфессиями. Чтобы отвести от Франции обвинения в чрезмерном покровительстве маронитам и др. католикам, на должность 1-го Президента Л. был выдвинут православный Шарль Даббас (1926–1934). Пост премьер-министра был оставлен в руках маронитов, спикером парламента стал Мухаммад аль-Джиср, один из немногих суннитских политиков, согласных принять ливан. политические реалии. Аль-Джиср претендовал на пост президента и в 1932 г. организовал перепись населения, рассчитывая доказать преобладание мусульман в стране и со-

ответственно обосновать свои претензии на высшую гос. должность. Однако перепись зафиксировала незначительное превышение численности христиан над мусульманами: 51,2% (в т. ч. 28,8% маронитов и 9,8% православных) против 48,8% (22,4% суннитов, 19,6% шиитов, 6,8% друзов). Общая численность населения достигала 786 тыс. чел.

В 30-х гг. XX в. президентский пост оспаривали 2 ведущих маронитских политика: профранц. христ. националист Эмиль Эдде и Бишара аль-Хури, выступавший за христианско-мусульм. сотрудничество. С 1937 г. установилась традиция, по которой президентом страны должен быть маронит, а премьер-министром — суннит. Одной из ведущих политических сил маронитской общины стала военизированная партия «Ливанские фаланги» (аль-Катаиб аль-лубнанийя), основанная в 1936 г. Пьером Жмайелем (1905–1984). Она отстаивала идею особой ливанской идентичности (т. н. финикиизм) в противовес конфессиональной разобщенности и набиравшему силы на Ближ. Востоке панарабизму. Др. вариант националистической идеологии — концепцию общесир. единства — продвигала Сирийская национал-социальная партия (СНСП), основанная в нач. 30-х гг. православным Антуном Сааде и популярная прежде всего в правосл. кругах. В 1949 г., после неудачного мятежа под лозунгом воссоединения с Сирией, Сааде был казнен.

В 1936 г. правительство Народно-го фронта во Франции согласилось предоставить Л. и Сирии независимость при условии сохранения франц. позиций в политике и экономике страны. Был подписан соответствующий франко-ливан. союзный договор. Однако он так и не был ратифицирован Францией, где к власти опять пришли консервативные силы, а с началом второй мировой войны действие ливан. конституции было приостановлено.

После поражения Франции в 1940 г. сиро-ливан. территории остались под контролем правительства Виши. Чтобы предотвратить превращение их в базу для фашистских операций в Вост. Средиземноморье, брит. войска при поддержке сторонников Ш. де Голля в июне 1941 г. вторглись в Сирию и Л. с территории Палестины и Ирака. Вишистские войска оказали упорное со-

противление, но к июлю были вынуждены капитулировать и эвакуироваться из региона. В ходе военных действий союзники обещали предоставить подмандатным странам независимость. Великобритания, не желавшая выступлений арабов у себя в тылу, настояла, чтобы франц. администрация восстановила деятельность конституций Сирии и Л. и летом 1943 г. провела парламентские выборы в обеих странах. Новый Президент Л. Бишара аль-Хури начал переговоры с франц. властями о предоставлении независимости. Столкнувшись с неприемлемыми условиями, выдвинутыми французами, 9 нояб. 1943 г. он провозгласил независимость в одностороннем порядке. В ответ французы арестовали ливан. президента и большинство членов правительства, но начавшиеся в стране массовые выступления вынудили де Голля освободить арестованных и согласиться на предоставление независимости Л. и Сирии. По окончании второй мировой войны с территории этих стран были выведены англ. и франц. войска, и независимость стала реальной.

Годы процветания (1943–1975). Политическое устройство Л. определялось Национальным пактом, неформальным соглашением этноконфессиональных элит, по к-рому Л. позиционировался как полностью независимое гос-во; христиане не должны были искать иностранного покровительства, а мусульмане — пытаться объединиться с Сирией. Гос-во представляло собой федерацию религ. общин. Закреплялась система конфессионально-пропорционального представительства во власти: президентом страны должен был быть маронит, премьер-министром — суннит, спикером парламента — шиит. Проч. высшие посты тоже были зарезервированы за теми или иными общинами. Пропорция христиан и мусульман на руководящих постах и в парламенте составляла 6:5. В политической системе доминировал маронитско-суннитский тандем при явном преимуществе маронитов, контролировавших основные рычаги исполнительной власти и силовые структуры. Политическая жизнь Л., внешне копирующая самые либеральные европ. модели, на деле определялась традиц. родоплеменными связями и возглавлялась группой влиятельных кланов, многие из к-рых до-

минировали в своих общинах со времен средневековья.

Первая четверть века в истории независимого Л. была временем динамичного развития и процветания. При том что собственное производство в стране, в частности шелководство, находилось в упадке, Бейрут в нач. 50-х гг. XX в. был торгово-финансовой столицей всего Ближ. Востока, крупнейшим портом и аэропортом Вост. Средиземноморья. Л. выступал посредником между зап. монополиями и арабским рынком. 70% национального дохода давали транзитная торговля, посредничество, банковские операции. Политическая свобода способствовала бурному культурному и идеологическому брожению.

Однако слабо развитая патриархальная глубинка — горные районы, шиитский юг, долина Бекаа — немного получала от процветания столицы. Нарастали противоречия между маронитским руководством в лице Президента Камиля Шамуна (1952–1958), к-рый ориентировался на Запад, и панарабскими и левыми силами, вдохновлявшимися политикой Г. А. Насера. В мае 1958 г. политическое противоборство привело к скоротечной гражданской войне. Осенью 1958 г. президент Фуад Шихаб (1958–1964) сумел примирить воюющие стороны и консолидировать вокруг себя политические элиты. Шихаб стремился нормализовать отношения с араб. соседями, сгладить диспропорции развития Бейрута и глубинных районов, заменить конфессиональную идентификацию ливанцев общеливан. патриотизмом. Политику президента поддерживали мощные и во многом антагонистичные партии — маронитские «Ливанские фаланги» П. Жмайеля и Прогрессивная социалистическая партия (ПСП) друзского лидера Камала Джумבלата (1917–1977), стоявшая на левых и панараб. позициях. При всех достижениях Шихаба и его преемников им не удалось решить главные проблемы, связанные с социальными антагонизмами внутри страны и отсутствием общеливан. идентичности.

Политические изменения, происшедшие на Ближ. Востоке после Шестидневной войны 1967 г., повергли Л. в глубокий кризис. Наплыв в страну палестинских беженцев, составивших четверть миллиона человек (10% населения), и ак-

тивность в юж. районах Л. палестинских вооруженных формирований, к-рые вели борьбу с Израилем с ливан. территории, вызвали диаметрально противоположное отношение ливан. политических сил: марониты выступали за нейтралитет Л. в арабо-израильском конфликте; друзья, православные и ряд др. общин поддерживали палестинцев; суннитская элита затруднялась определить свою позицию. Джумблат, выходец из старинного рода друзской аристократии и глава ПСП, стал главным союзником палестинцев и был поддержан молодыми радикальными пропалестинскими суннитскими и шиитскими лидерами. В 1969 г. Джумблат объединил эти группировки вокруг себя в Ливанское национальное движение (ЛНД). Он стремился к секуляризации ливан. политической системы, т. к. при действующем Национальном пакте не мог стать президентом. После того как рядом соглашений ливан. руководства и Орг-ции освобождения Палестины (ООП) было легализовано палестинское военное присутствие в Л. (1969, 1973), от шихабистского правительства отошла партия «Ливанские фаланги», обвинившая власти в пропалестинской позиции. Началась консолидация христ. лидеров (Жмайель, Шамун, Раймон Эдде). Маронитские партии приступили к формированию боевых отрядов.

Гражданская война (1975–1990). Нараставшее политическое напряжение в апр. 1975 г. переросло в открытые вооруженные столкновения маронитских боевиков с леворадикальными палестинскими силами и их ливанскими союзниками. В шиитских и маронитских пригородах Бейрута и по всей стране развернулись бои с применением тяжелой артиллерии. На контролируемых теми или иными силами территориях проводились этнические чистки. Ливан. левые силы и отряды палестинских радикалов вытеснили маронитов из приморских фешенебельных районов столицы в Вост. Бейрут. Город разделила надвое «Зеленая линия» — полоса брошенных и сожженных домов, ставших позициями снайперов. Зимой 1975/76 г. начались кровавые осады маронитскими боевиками палестинских лагерей под Бейрутом. Самым драматичным было сражение за лагерь Телль-эз-Заатар; борьба продолжалась 7 месяцев, тысячи жителей погибли в боях,

умерли от жажды или были казнены победителями. Под воздействием этих событий отряды ФАТХ Я. Арафата, до того воздерживавшиеся от участия в столкновениях, были втянуты в войну. Армия Л. раскололась по конфессиональному признаку. Семь непримиримых маронитских лидеров основали военно-политический союз «Ливанский фронт». Главнокомандующим объединенной маронитской армией «Ливанские силы» стал харизматичный полевой командир младший сын П. Жмайеля Бешир (1947–1982).

В военное противостояние была вовлечена соседняя Сирия. Сир. лидер Х. Асад готов был пожертвовать Джумблатом, чтобы привязать к себе слабого ливан. президента и маронитов, к-рые в противном случае могли пойти на сближение с Израилем. 1 июня 1976 г. Сирия ввела свои войска в Л. и вступила в войну на стороне ливан. властей. В последующих боях отряды ЛНД и ФАТХ были окружены сирийцами и маронитами и зажаты в неск. анклавах. В сер. окт. араб. лидеры смогли договориться о прекращении огня. В Л. были введены межараб. силы по поддержанию мира. Ядро их составил 30-тысячный сир. контингент, оккупировавший вост. и сев. районы страны. Одновременно юж. приграничные районы оказались в сфере влияния Израиля, поддерживавшего марионеточную «Армию Южного Ливана», состоявшую гл. обр. из маронитов.

В 1-й фазе гражданской войны погибло 30 тыс. ливанцев, еще 600 тыс. было изгнано из мест проживания. Однако политическая система продолжала функционировать, и экономика еще держалась на плаву благодаря сфере услуг и денежным поступлениям от ливанцев, работающих за границей.

Маронитские и др. полевые командиры создали на контролируемых ими территориях мини-государства с незаконными портами, центрами контрабандной торговли, собственными радиостанциями, телестудиями и транспортной инфраструктурой. Бизнес был обложен тяжелой данью. Квазигосударства, не имевшие выхода к морю, компенсировали нехватку средств от контрабанды доходами от выращивания анаши.

Одним из итогов войны стало усиление радикального крыла маронитов в лице Б. Жмайеля, возглавлявшего

«Ливанские силы». Отвергая попытки политиков старшего поколения найти межконфессиональный компромисс, Жмайель выступал за «Маронистан» — христ. Л., управляемый маронитами, и был готов даже на отделение мусульм. районов, присоединенных в 1920 г.

Левый лагерь ливан. политического спектра был дезорганизован убийством в марте 1977 г. К. Джумבלата (считалось, что за этим стояли сир. спецслужбы). Авторитет нового лидера друзов Валида Джумבלата, сына убитого, не выходил за рамки его общины.

В среде шиитов ливанского юга также началось политическое возрождение, пробуждение конфессиональной идентичности. В центре этих процессов стоял харизматичный духовный лидер Муса ас-Садр (1928–1978), иранец, близкий к Рухолле Хомейни. Ас-Садр заложил основу движения «Амаль» — 1-й шиитской политической партии Л.

Юж. Ливан фактически контролировали палестинские боевики. В ответ на военные операции палестинцев в приграничной зоне Израиля израильская армия предприняла массированное вторжение в Л. в марте 1978 г. Израильцы дошли до р. Эль-Литани, в ходе операции погибло 24 израильских солдата, неск. сот палестинских и ливан. боевиков и ок. 2 тыс. мирных жителей. Сотни тысяч бежали на север. В Л. были введены войска ООН, занявшие часть территории, оставленной израильцами. После заключения сепаратного мира с Египтом в 1979 г. Израиль считал себя победителем в противостоянии с арабами. Израильское руководство полагало, что для окончательного решения палестинского вопроса оставалось разгромить военные структуры ООП в Юж. Ливане.

6 июня 1982 г. израильская армия силами 78 тыс. солдат и 1250 танков начала вторжение в Л. Им противостояло ок. 15 тыс. палестинских и ливан. боевиков, способных вести только партизанские боевые действия. Сирия, не готовая к крупномасштабной войне, предпочла закрепиться в своей зоне контроля в долине Бекаа и не вмешиваться в борьбу за Бейрут. К 13 июня израильские войска вышли на подступы к столице и заблокировали ее зап. часть, куда отступили формирования палестинцев и их ливан. союзников. Ок. 2 месяцев

продолжалась осада Зап. Бейрута, где оставалось до 600 тыс. жителей. Город был отрезан от водо- и электроснабжения, подвергался постоянным обстрелам и бомбардировкам. «Ливанские силы» маронитов сохраняли нейтралитет, Б. Жмайель не хотел выглядеть израильской маррионеткой.

18 авг. было достигнуто соглашение об эвакуации палестинских отрядов из Бейрута под прикрытием контингента межнациональных сил (гл. обр. американских). 1 сент. эвакуация была закончена. 23 авг. на заседании ливанского парламента прошли выборы нового президента, которым стал Б. Жмайель. Однако 14 сент. он погиб в результате покушения. Вслед за этим израильцы ввели свои войска в Зап. Бейрут. Они пропустили отряды «Ливанских сил» в лагеря палестинских беженцев Сабра и Шатила в юж. пригородах столицы, где маронитские боевики устроили резню, получившую широкий международный резонанс. Президентом Л. был избран Амин Жмайель, старший брат Бешира, более умеренный политик. В страну вошли войска зап. гос-в, к-рые должны были составить опору президенту в условиях слабости ливан. армии.

17 мая 1983 г. было подписано мирное соглашение между Л. и Израилем, предполагавшее отвод израильских войск из страны, за исключением специальной «зоны безопасности» в юж. приграничных районах. В сент. израильцы ушли из р-на Эш-Шуф. Началась борьба за контроль над ним между отрядами друзов, объединившихся вокруг В. Джумבלата, и маронитскими формированиями, поддерживаемыми армией. Христ. силы в Эш-Шуфе были разгромлены, маронитское население изгнано из мн. деревень. Вскоре друзы вели бои с ливан. армией уже на подступах к столице. Синхронно отряды шиитского движения «Амаль» вытеснили ливанскую армию из юж. пригородов Бейрута. Атака шиитских боевиков-смертников на амер. и франц. казармы в Бейруте в окт. 1983 г., повлекшая гибель сотен военнослужащих, заставила США отказать от активной военной поддержки А. Жмайеля и отвести войска на корабли.

В сложившейся ситуации А. Жмайель стал искать покровительства Сирии. По требованию Дамаска ливан.

президент аннулировал договор с Израилем. Израильцы продолжали отход до «зоны безопасности». В течение долгого времени юг Л. оставался ареной партизанской войны, которую вела против израильцев и их союзников из «Армии Южного Ливана» шиитская партия «Хизбалла», сформировавшаяся в кон. 1982 г. в Баальбеке при поддержке Ирана. В отличие от более умеренной партии «Амаль» она стояла на консервативных фундаменталистских позициях и постепенно начала доминировать в шиитской среде Л.

2-я пол. 80-х гг. стала пиком гражданской войны. Новые расколы прошли внутри каждой из этноконфессиональных групп. Отряды радикального палестинского лидера Абу Мусы при поддержке сирийцев к кон. 1983 г. выбили из Бекаа и Триполи сторонников Арафата. Партия «Амаль» сражалась за контроль над юж. пригородами Бейрута сначала с палестинцами (1985–1986), потом с «Хизбаллой» (1988–1989). В христианском лагере после смерти П. Жмайеля (1984) центр силы переместился от политического руководства «Ливанских фаланг» к полевым командирам «Ливанских сил». Эта группировка в свою очередь раскололась на умеренных (А. Жмайель, Элиас Хубейка), готовых поступиться доминированием христиан в системе власти и согласиться на сир. протекторат, и непримиримых (Самир Джаджа), считавших подобные компромиссы предательством. Клановая разобщенность маронитов и их неспособность к консолидации стали главными причинами поражения христиан в войне.

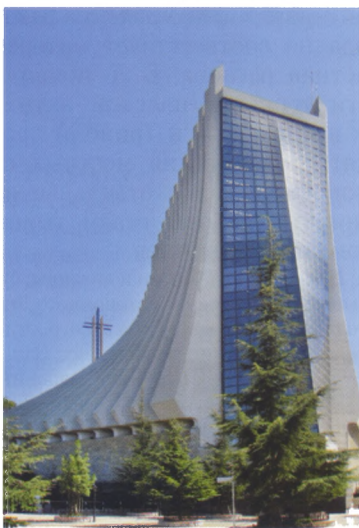
Летом 1988 г., накануне президентских выборов, в стране началось обострение политической обстановки. В маронитском лагере возвысился главнокомандующий армией ген. Мишель Аун. Он стремился отстранить от власти традиц. лидеров и полевых командиров, присвоивших гос. функции, и вывести страну из кризиса, опираясь на армию. Президентские выборы сорвались из-за отсутствия кворума. В ночь на 23 сент. 1988 г., накануне окончания своего президентского срока, А. Жмайель назначил Ауна премьером переходного правительства. Это означало нарушение традиции, согласно к-рой премьером должен быть суннит. Действующий премьер Салим аль-Хосс не признал полномочий Ауна. В Л.

появилось 2 соперничавших правительства; аль-Хосса поддерживала Сирия, а Ауна — Ирак, ее главный геополитический конкурент в регионе.

Аун контролировал только Вост. Бейрут и окрестности, но имел сравнительно большие воинские формирования и запасы оружия. Пытаясь поставить под свое командование «Ливанские силы», генерал вошел с ними в конфликт, и партия перешла в оппозицию. В марте 1989 г. Аун объявил «освободительную войну» против Сирии. До осени шли кровопролитные бои маронитских частей армии и сирийцев. Постепенно военные успехи стали сопутствовать мусульм. правительству, на его сторону склонялось и международное признание. Араб. страны, Франция, ООН прилагали посреднические усилия к прекращению войны. В сент. 1989 г. Сирия приняла план прекращения огня и национального примирения, не требовавший вывода ее войск.

С 30 сент. по 22 окт. в саудовском г. Эт-Таиф прошла сессия ливан. парламента, который принял «Документ национального взаимопонимания», определявший новые параметры устройства гос-ва. Л. провозглашался «исконной родиной всех его сынов», страной, имеющей араб. идентичность. Взаимное соглашение ливан. общин о совместном проживании объявлялось источником легитимности власти. Перестраивалась политическая система страны. Исполнительная власть передавалась от президента к премьеру и в меньшей степени — к спикеру парламента. Т. о. марониты утрачивали мн. рычаги политического влияния. Устанавливалась равная пропорция христиан и мусульман во власти. На средних и низших постах пропорции упразднялись. Армия и органы госбезопасности были подчинены парламента, к-рый мог объявлять чрезвычайное положение, войну и заключать мир. Все партийные вооруженные формирования, ливанские и палестинские, распускались. Декларировались особые отношения с Сирией: Л. не разрешалось быть «источником угрозы сирийской безопасности», плацдармом для любой силы, враждебной Сирии.

Аун объявил Таифские соглашения предательством национального суверенитета. Однако нек-рые маронитские лидеры, в т. ч. руководство

*Маронитский собор
Девы Марии Ливанской
на Хариссе. 1970 г.*

«Ливанских фаланг», признали новую политическую систему. Правительство аль-Хосса объявило о смещении Ауна с поста главкома. Центральный банк перестал финансировать его структуры. В обмен на вступление Сирии в антиирак. коалицию осенью 1990 г. Х. Асад получил от США свободу действий в Л. 13 окт. сир. войска и мусульм. части ливан. армии взяли штурмом христ. анклав и разбили войска Ауна, оказавшие незначительное сопротивление. Аун укрылся во франц. посольстве, а потом уехал во Францию, где стал лидером антисир. оппозиции ливан. эмигрантов.

Послевоенный Л. Следующие 15 лет Л. существовал фактически как протекторат Сирии, в стране оставался значительный контингент сир. войск. В дек. 1990 г. было сформировано правительство национального примирения, включавшее лидеров большинства группировок. С сир. помощью ливан. армия стала самой мощной силой в стране и поставила под свой контроль все зоны влияния милиций, включая кантон друзов и палестинские лагеря. В 1994 г. было сломлено сопротивление «Ливанских сил» и арестован их лидер Джаджа. Единственной партией, сохранившей военные структуры, осталась «Хизбалла», которой покровительствовала Сирия. Боевики «Хизбаллы» (с 1992 лидер — Хасан Насралла) продолжали партизанскую борьбу против израильских войск в «зоне безопасности» вплоть до окончательного ухода израильтян в мае 2000 г.

После 1990 г. началась постепенная нормализация политической жизни. При этом избирательный закон был невыгоден для христиан. Мн. маронитские орг-ции бойкотировали парламентские выборы. Р. Эдде, А. Жмайель и Аун оставались в эмиграции. На выборах победили просир. кандидаты. Президентом Л. в 1998–2007 гг. был Эмиль Лахуд, прежний главнокомандующий армией, тесно связанный с Сирией и «Хизбаллой». В 90-х гг. XX в. в политике доминировал тандем Набиха Берри (лидер «Амаль», спикер парламента с 1992) и Рафика аль-Харири, занимавшего пост премьера в 1992–1998 и 2000–2004 гг. Аль-Харири, выходец из бедной крестьянской семьи, составил огромное состояние на строительном бизнесе в Саудовской Аравии и инвестировал свои деньги в политику. В бытность премьером он добился получения международной экономической помощи, значительных кредитов, развернул масштабную программу восстановления страны.

14 февр. 2005 г. аль-Харири, пребывавший в умеренной оппозиции по отношению к Сирии и сир. военному присутствию, был убит. Лидеры оппозиции обвинили в убийстве Сирию. В Л. начались массовые выступления против сир. оккупации (т. н. Революция кедров). При содействии США оформилась коалиция антисир. сил во главе с сыном покойного премьера Саадом Харири, к-рого поддерживали маронитские партии и друзья В. Джумבלата. На стороне Сирии выступили шиитские партии «Хизбалла» и «Амаль». Под жестким давлением США Сирия в марте 2005 г. согласилась на вывод своих войск из Л.

Уход Сирии привел к реформированию ливанской политической системы. Возродился маронитский политический лагерь. Возвратились в политику вышедший из заключения Джаджа («Ливанские силы») и вернувшийся из эмиграции Аун («Свободное патриотическое движение»). После гражданской войны, в к-рой маронитская идеология ливан. национализма потерпела поражение, христианский лагерь стал источником реваншистских настроений, сдерживавшихся ранее сир. присутствием. Однако на совр. этапе ливанские христиане из-за своей малочисленности неспособны занять лидирующее положение

в политической системе Л. и вообще стать самостоятельной силой. Судьбы страны определяются отношениями между суннитскими и шиитскими политическими группировками. Так, партия «Хизбалла» остается «государством в государстве», фактически неподконтрольным правительству. Летом 2006 г. Израиль предпринял масштабную военную операцию в Л., имевшую целью разрушить именно военные структуры «Хизбаллы».

Гражданская война в соседней Сирии, начавшаяся в 2011 г., осложнила социально-политическую ситуацию в Л. В страну хлынул поток сир. беженцев (по нек-рым данным, 37% населения Л.), ставших непосильным бременем для экономики. «Хизбалла» открыто участвует в сир. противостоянии на стороне Б. Асада. Даже маронитская церковная иерархия, традиционно антисирийски настроенная, стала опасаться роста радикального исламизма и выступила

с заявлениями, что падение режима Асада не соответствует интересам христиан региона. В Л. появились очаги террористической активности: в частности, в Триполи происходят столкновения местных суннитов и алавитов, а отдельные приграничные районы стали тыловой базой сир. повстанцев.

Лит.: *Петкович К. Д.* Ливан и ливанцы: Очерки нынешнего состояния автономного Ливанского генерал-губернаторства в геогр., этногр., экон., полит. и религ. отношениях: Зап. ген. консула в Бейруте. СПб., 1885; *Марониты* // СИППО. 1893. Т. 4. Авр. С. 462–523; *Hitti Ph.* Lebanon in History. L., 1957; *Salibi K.* The Maronites of Lebanon under Frankish and Mamluk Rule (1099–1516) // Arabica. Leiden, 1957. Vol. 4. P. 288–303; *idem.* The Buhturids of the Garb: Medieval Lords of Beirut and of Southern Lebanon // Ibid. 1961. Vol. 8. P. 74–97; *idem.* The «Muqaddams» of Bšarrī: Maronite Chieftains of the Northern Lebanon, 1382–1621 // Ibid. 1968. Vol. 15. P. 63–86; *он же (Салиби К.)*. Очерки по истории Ливана: Пер. с англ. М., 1969; *idem.* The Lebanese Identity // Religion and Politics in the Middle East. Boulder (Colorado), 1981. P. 217–225; *idem.* A House of Many Mansions: The History of Lebanon Reconside-

red. L., 1988; *Le Strange G.* Palestine under Moslems: A Description of Syria and the Holy Land from A.D. 650 to 1500. Beirut, 1965; *Крымский А. Е.* История новой арабской литературы, XIX — нач. XX в. М., 1971; *он же.* Письма из Ливана, 1896–1898. М., 1975; *Longrigg S.* Syria and Lebanon under the French Mandate. N. Y., 1972; *Abdul-Rahim Abu-Husayn.* Provincial Leaderships in Syria, 1575–1650. Beirut, 1985; *Cobban H.* The Making of Modern Lebanon. L., 1985; *Moosa M.* The Maronites in History. Syracuse (N. Y.), 1986; *Mackey S.* Lebanon: Death of a Nation. N. Y., 1989; *Hodgson M. G. S. et al.* Durūz // EI. 1991. Vol. 2. P. 631–637; *Yapp M. E.* The Near East since the First World War: A History to 1995. L.; N. Y., 1996. P. 104–115, 265–279, 464–467; Lebanon // Political Encyclopedia of the Middle East. N. Y., 1999; *Кобищанов Т. Ю.* Христианские общины в арабо-османском мире (XVII — 1-я треть XIX в.). М., 2003; *Базили К. М.* Сирия и Палестина под турецким правительством в ист. и полит. отношениях. М.; Иерус., 2007; *Traboulsi F.* A History of Modern Lebanon. L., 2007; *Verdeil E., Faour Gh., Velut S.* Atlas du Liban: Territoires et société. Beyrouth; P., 2007; *Winter S.* The Shiites of Lebanon under Ottoman Rule (1516–1788). Camb., 2010; *Harris W.* Lebanon: A History, 600–2011. Oxf., 2012; *Родионов М. А., Карабьев А. В.* Марониты: традиции, история, политика. М., 2013.

К. А. Панченко

Список опечаток, замеченных в предыдущих томах

Том	Полоса	Колонка	Строка	Напечатано	Следует читать
2	330	1	1-я сверху	прививаются	прививаются
32	401	2	17-я сверху	Сидни-Суссекс-колледж	Сидни-Сассекс-колледж
32	402	1	9-я сверху	Суссекс-колледж	Сассекс-колледж
32	547	2	14-я сверху	Цезария	Кесария
37	575	3	25-я сверху	(Zanetti. 2006)	(Zanetti. 1986, 2006)
37	585	2	12-я сверху	Katalū	Katalūg
35	457	в конце статьи пропущена фамилия автора: А. А. Турилов			
37	585	в библиографическом списке в разделе «Рукописная традиция» пропущено издание: Zanetti U. Les manuscrits de Dair Abū Maqār: Inventaire. Gen., 1986. (Cah. d'Orientalisme; 11)			

Сокращения названий городов

Джорд.	Джорданвилль (США)	СПб. С.-Петербург	Санкт-Петербург	Jord.	Jordanville (USA)
Екат.	Екатеринбург	Тб.	Тбилиси	Kbh.	København
Ер.	Ереван	Х.	Харьков	Lpz.	Leipzig
Иерус.	Иерусалим	Θεσ.	Θεσσαλονίκη	L.	London
К.	Киев	Amst.	Amsterdam	Los Ang.	Los Angeles
Каз.	Казань	Antw.	Antwerpen	Lugd. Batav.	Lugduni Batavorum
Киш.	Кишинёв	В.	Berlin	Mil.	Milano
К-поль	Константинополь	B. Aires	Buenos Aires	Münch.	München
Л.	Ленинград	Bdpst	Budapest	N. Y.	New York
Лпц.	Лейпциг	Brat.	Bratislava	Oxf.	Oxford
М.	Москва	Bruh.	Bruxelles	P.	Paris
Н. Новг.	Нижний Новгород	Bucur.	București	Phil.	Philadelphia
Новг.	Новгород; Вел. Новгород	Camb.	Cambridge	R.	Roma
Новосиб.	Новосибирск	Cph.	Copenhagen, Copenhague	St.-Pb.	Sankt-Petersburg
Н.-Й.	Нью-Йорк	Düss.	Düsseldorf	Stuttg.	Stuttgart
Од.	Одесса	Edinb.	Edinburgh	Tb.	Tbilissi
П.	Париж	Freiburg i. Br.	Freiburg im Breisgau	Thessal.	Thessaloniki
Пг.	Петроград	Fr./M.	Frankfurt am Main	Tüb.	Tübingen
Р.-н/Д.	Ростов-на-Дону	Gen.	Genève	Vat.	Città del Vaticano
Севаст.	Севастополь	Gött.	Göttingen	W.	Wien
Серг. П.	Сергиев Посад	Hdlb.	Heidelberg	Warsz.	Warszawa
Симф.	Симферополь	Jerus.	Jerusalem	Wash.	Washington

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

(общие для карт)

	Границы митрополий	<u>РИГА</u>	Столицы государств
	Границы епархий	<u>Ерґава</u>	Центры административных единиц
	Центры епархий		НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ
	Государственные границы	⊗	более 1 000 000 жителей
	Границы административных единиц	⊙	от 500 000 до 1 000 000 жителей
	Границы полярных владений Российской Федерации	⊚	от 100 000 до 500 000 жителей
	Пути сообщения	○	от 50 000 до 100 000 жителей
	железные дороги магистральные	◦	от 10 000 до 50 000 жителей
	автомобильные дороги главные	◌	менее 10 000 жителей
		Красная	Города и поселки городского типа
		Валле	Населенные пункты сельского типа

Примечание.
В данную таблицу не включены условные обозначения, помещенные в легендах карт издания

ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Том XL

ЛАНГТОН – ЛИВАН

Художественный редактор

И. А. Захарова

Художественное оформление:

Г. М. Драговая, А. М. Драговой,

Н. В. Оглоблина, С. К. Подъяблонский (ЗАО Фирма «ЭПО»)

Художественная обработка оригиналов

Ю. М. Бычкова

ЛР № 030725 от 19.02.1997

Православная религиозная организация Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»
107120, Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10 А, стр. 1. Тел.: +7(495)980-03-65

Для расчетов Православная религиозная организация Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» сообщает свои реквизиты:

- 107120, Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10А, стр. 1
- ИНН 7704153888, КПП 770901001
- р/с № 40703810038120027902 в ОАО «Сбербанк России»
- корр. счет № 3010181040000000225; БИК 044525225; ОКПО 45115798; ОКОНХ 98700

Подписано в печать 8.12.2015. Формат 60×90¹/₈. Бумага мелованная. Гарнитура «Petersburg».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 94,0. Тираж 33 000 экз. Заказ № 1033

Полиграфические работы – ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93. Тел.: +7(495)745-84-28, +7(49638)20-685
www.оаомпк.ru, www.оаомпк.рф

ББК 86.372я2

ISBN 978-5-89572-033-2

© Православная религиозная организация Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2015